

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ ХС.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ Х С

1902

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1902

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ОКТЯБРЬ, 1902

СОДЕРЖАНИЕ.

ОКТАВРЬ, 1902 г.

	СТРАН.
I. Въ народѣ. Изъ эпохи 1870-хъ годовъ. XII — XXI. (Окончаніе). С. П. Васюкова	5
II. Уголокъ возстанія 1863 года. (Изъ воспоминаній участника). I—XI. С. С. Орлицкаго	42
III. Мірская печальница. (Изъ воспоминаній о голодномъ годѣ). В. Л. Якимова	75
IV. Воспоминанія о Вѣрѣ Ивановнѣ Анненковой. Н. И. Мердеръ	87
V. Изъ семейной хроники Толстыхъ. (Посвящается графинѣ Вѣрѣ Львовнѣ Толстой). М. Н. Назимовой	104
VI. Цензура въ эпоху великихъ реформъ (1855—1875 гг.). Очеркъ второй. Н. А. Энгельгардта	133
VII. Боярыня Морозова. В. Н. Строева	159
Иллюстрація: Боярыня Морозова (съ картины Сурикова).	
VIII. На рѣкѣ Ветлугѣ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ). Н. Н. Оглоблина	175
IX. Паломничество въ Палестину. XXVII — XXIII. (Продолженіе). И. П. Ювачева	209
Иллюстраціи: 1) Входъ въ погребальную пещеру Божіей Матери въ Геесима- лин. — 2) Русская церковь на Елеонской горѣ, построенная архимандритомъ Анто- ниномъ. — 3) Входъ въ гробницу Лазаря, близъ Виваніи. — 4) Разрѣзительная гра- мота отъ іерусалимскаго патріарха. — 5) Общій видъ русскихъ подворій и Троиц- каго собора въ Іерусалимѣ. — 6) Столовая на русскихъ постройкахъ въ Іеруса- лимѣ. — 7) Русскіе паломники въ общей палатѣ въ Іерусалимѣ. — 8) Масличное дерево въ Геесимаинскомъ саду. — 9) Стѣна плача іудеевъ въ Іерусалимѣ.	
X. Изъ записной книжки бывшаго судебнаго дѣятеля. Петровская церковь въ Новодвинскѣ. М. Ч.	251
XI. Дьячокъ-партизанъ 1812-го года. И. П. Орловскаго	259
XII. Иностранцы о Россіи. В. Т.	262
XIII. Критика и библиографія	302

1) В. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Томъ первый. Территорія и населеніе. Изданіе второе, съ перемѣнами и дополненіями. Спб. 1902. **В. Грибовскаго.** — 2) В. З. Завитневичъ. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Томъ I, кн. 1 и 2. Спб. 1902. **А. Сиротинина.** — 3) Руководство къ библиографическому описанію книгъ. Ю. Виговтѣ. Москва, 1902. **А. Фаресова.** — 4) Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга десятая. Москва, 1902. **А. Б.** — 5) А. И. Загоровскій, ординарный проф. Новороссійскаго университета. Курсы семейнаго права. Одесса, 1902. **В. Гр—скаго.** — 6) Афганистанъ и его политическое значеніе (сообщеніе съ пла-
номъ). Составилъ П. фонъ-Герихъ, подъ редакціей В. Паруцкаго. Изданіе «Нев-
скаго книжнаго магазина». Спб. 1902. **Бориса Тагѣева.** — 7) Августѣйшіе кадеты и ихъ участіе въ лагерныхъ сборахъ военно-учебныхъ заведеній. Изданіе П. Ф. Лу-
занова. Спб. 1902. Ц. 1 р. Чистая прибыль съ изданія поступаетъ въ пользу пріюта «Ясли». **В. Грибовскаго.** — 8) А. Г. Лященко. «Ревизоръ» Гоголя и комедія Квитки «Прѣзжай изъ столицы». Спб. 1902. **А. Б.** — 9) Л. М. Савеловъ. Донскіе дворянскіе роды. Выпускъ первый. М. 1902. **Бор. Городечнаго.** — 10) В. Л. Тагѣевъ. (Рустамъ Бекъ). «На Востока». Очерки и рассказы изъ жизни на далекихъ окраинахъ Азіи. Варшава, 1902. П. Л. — 11) Д. К. Треневъ. Иконы царскаго изографа Симона Ушакова въ Московскомъ Новодевичьемъ монастырѣ. Съ приложеніемъ 5 фототипій. М. 1901. **В. Р—ва.** — 12) П. Ф. Николаевъ. Вопросы жизни въ современной литературѣ. Москва, 1902. П. щ. — 13) Памятная книжка Гродненской губернии на 1902 годъ. Изданіе гродненскаго статистическаго комитета. Гродно, 1902. **Бор. Городечнаго.** — 14) Д-ръ мед. В. В. Корсаковъ. Пять лѣтъ въ Пекинѣ. Изъ наблюденій надъ боготъ и жизнью китайцевъ. Положеніе медицины въ Китаѣ. Болѣзни среди китайскаго населенія. Проституція въ Китаѣ. Дѣтство въ Китаѣ. Путь чрезъ Монголію. Европейская колонія въ Пекинѣ. Спб. 1902. **Бориса Тагѣева.** — 15) Сочиненія В. Н. Майкова въ двухъ томахъ. Томъ первый. I. Критическія статьи. Томъ второй. II. Научныя статьи. III. Библиографія. Изданіе 1 и 2. Кіевъ, 1901—1902. **Бор. Городечнаго.** — 16) Труды Ярославскаго областного съѣзда. Москва, 1902. **А. Б—ва.** — 17) Кавказскіе эпюды. Изслѣдованія и замѣтки С. Р. Вейденбаума. Изданіе центральной книжной торговли въ Тифлисѣ. Тифлисъ, 1901. **В. Логгинова.** —

См. слѣд. стр.

18) М. М.—мъ. Дуэль, ея происхождение и современный характеръ. Слб. 1902. Бориса Тагъева. —19) А. П. Успенскій. Придворный дневникъ за январь—августъ 1657 г. Слб. 1901. Н. Н. —20) Адольфъ Меркель. Юридическая энциклопедія. Переводъ Ф. К. Зейделя, подъ редакціей приватъ-доцента В. М. Грибовскаго со второго посмертнаго изданія. Слб. 1902. Б—снаго. —21) Фр. Ад. Шубертъ. <i>Z uplnulych dob. D. I. Moje vzpominky. D. II. Moje divadelni toulky. V Praze.</i> 1902. А. Сиротинина. —22) М. Дацдевилъ. Въ степяхъ Закавказскихъ. Повѣсти и рассказы изъ жизни туркменъ. Москва. 1902. Бориса Тагъева.	
XIV. Заграничныя историческія новости и мелочи	343
1) Французская амазонка въ XVII вѣкѣ.—2) Остроуміе при дворѣ Карла II.—3) Письма Ренана изъ семинари.—4) Прошедшее Монте-Карло.—5) Мистическій салонъ въ Парижѣ.—6) Смерть шейха Сенусси, Вирхова и бельгійской королевы.	
XV. Смѣсь	365
1) Памятникъ въ Кобулетахъ. — 2) XII-й археологическій съѣздъ въ Харьковѣ.—3) Раскопки въ Ставропольской губерши.—4) Екатерининская старина въ Херсонѣ.—5) Ярославскій музей.—6) Юрьева божица.	
XVI. Некрологи	387
1) Акакій, епископъ.—2) Бронниковъ, Ѳ. А.—3) Вильдъ, Г. И.—4) Даниловъ, В. П.—5) Дьяконова, Е. А.—6) Кокушкинъ, В. А.—7) Москальскій, П. П.—8) Чемерзинъ, А. Я.—9) Эрнштедтъ, В. К.	
XVII. Замѣтки и поправки	393
1) По поводу библиографической замѣтки о Памятной книжкѣ Вятской губ. на 1902 годъ. А. В.—на. —2) О царичѣ Атааѣ Грушецкой. И. Орловскаго. —3) По поводу рецензи г. Мальмгрена. Д-ра мед. И. Бренсона. —4) Отвѣтъ П. С. Бѣляву. Протоіеря А. Свирѣлина.	
XVIII. Объявленія.	
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Вѣры Ивановны Анненковой. — 2) Измѣна. (In the house of his friends). Американскій романъ изъ эпохи войны Сѣвера съ Югомъ. Ричарда Савѣджа. (Переводъ съ англійскаго). Часть вторая Гл. IX. Часть третья. Гл. X.	

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Древнее достояніе отечества — Западная Русь, въ силу неблагоприятныхъ историческихъ событій, находилась подъ иноземнымъ игомъ въ теченіе трехъ-вѣкового періода времени. Только въ славное царствованіе **Императрицы Екатерины II** помощь Россіи этой родной окраинѣ могла вполнѣ осуществиться и привела, наконецъ, къ давно желанному воссоединенію Западной Руси съ Русью Московскою.

Съ этого момента, подъ скипетромъ Русскихъ Царей, Западная Русь уже спокойно и твердо ступила на путь свободнаго культурнаго развитія и объединенія съ остальною Россією.

Въ память этого знаменательнаго дѣянія Великой Монархини, **Его Императорскому Величеству** благоудбно было 9 февраля 1899 года **Высочайше** соизволить на открытіе повсемѣстной въ Имперіи подписки для сбора пожертвованій на сооруженіе въ г. Вильнѣ, какъ центрѣ края, памятника **Императрицѣ Екатеринѣ II**, «какъ главной виновницѣ возвращенія Россіи отторгнутаго отъ нея Бѣлорускаго края».

Такое Монаршее соизволеніе открыло вѣдъмъ русскимъ людямъ возможность внести свою лепту на это общерусское дѣло, въ которомъ дорогъ не одинъ рубль, а дорога и каждая копейка, присланная со вѣхъ концовъ нашего обширнаго отечества, какъ дань священной памяти Великой Радѣтельницы Русской земли.

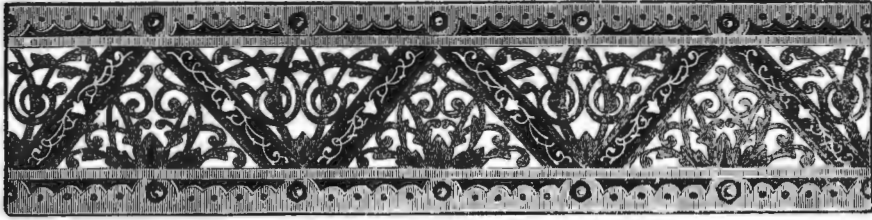
Стоимость памятника опредѣляется въ 165—170 тысячъ рублей, изъ коихъ недостаетъ еще тысячь пятьдесятъ. Поэтому Комитетъ настоящимъ объявленіемъ доводитъ объ этомъ до всеобщаго свѣдѣнія и проситъ, особенно редакціи періодическихъ изданій, принять живое участіе въ дѣлѣ сбора пожертвованій на сооружаемый въ г. Вильнѣ памятникъ **Императрицѣ Екатеринѣ II**. Пожертвованія, въ какомъ бы размѣрѣ они ни были, могутъ быть сдаваемы въ любое казначейство, или, по желанію жертвователей, высылаемы непосредственно въ Комитетъ по постройкѣ памятника, въ г. Вильну.

Предсѣдатель **ВЫСОЧАЙШЕ** учрежденнаго Комитета,
вильненскій губернаторъ, почетный опекунъ, **В. фонъ-Валь.**
Дѣлопроизводитель Комитета **А. Виноградовъ.**

ВѢРА ІВАНОВНА АННЕНКОВА.

дозв. ценз. 25 сентѣбря 1902 г. спб.

ВЪ НАРОДЪ¹⁾.

Изъ эпохи 1870-хъ годовъ.

(Посвящается моей матери М. И. Васюковой).

ХII.

ВСЕМЕЙНЫЯ обстоятельства поставили меня снова въ неопредѣленное положеніе. Я не зналъ, что буду дѣлать: за мной оставалась русская деревня, впереди былъ чудный берегъ Крыма, гдѣ такъ хорошо «забыться и отдохнуть». Но отдыхать мнѣ не хотѣлось, и молодой организмъ требовалъ работы и смѣны впечатлѣній.

Ближе и ближе къ знойному югу. Я помню, мнѣ было хорошо и боязно, когда я приближался къ знакомымъ мѣстамъ. Все такъ же прекрасно и грандіозно, какъ годъ тому назадъ. Тѣ же величавыя горы и таинственныя ущелья, синее небо и темная зелень, бурныя рѣчки и скалы — все, какъ было, неизмѣнно и поэтично! Но почему мое сердце не бьется радостно навстрѣчу дивной природѣ? Почему горный воздухъ не бодритъ моего усталого тѣла?.. Почему здѣсь среди живописной декоративной обстановки не забываются, не стираются въ памяти будничныя сѣрыя впечатлѣнія только что пережитаго мной времени? Почему?.. Почему наконецъ я чувствовалъ себя одинокимъ, и грядущее казалось мнѣ неопредѣленнымъ? Я ѣхалъ въ свою семью, которая меня ждала, я ѣхалъ къ счастливой молодой матери и ѣхалъ не на трудъ подневольный, а

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. I, XXXIX, стр. 665.

въ почти богатую обстановку крымскихъ землевладѣльцевъ, людей хорошихъ, которыхъ я уважалъ?!..

Но меня тянуло назадъ... Меня словно звалъ кто-то въ сѣрую даль сѣвера. Строгія лица матери и «той дѣвушки», строгія и печальныя, качали съ упрекомъ головой, и мнѣ казалось, что онѣ не думаютъ обо мнѣ, какъ прежде... Нѣтъ, я имъ не чужой!.. мое сердце бьется для нихъ тихой любовью... вотъ и теперь... Я ѣду и думаю о нихъ и не смотрю, не люблюсь на великолѣпный, багровый закатъ солнца въ горахъ... Для меня чужды эти пестрые, величавые переливы, эти краски заката... Я ѣду и прислушиваюсь къ самому себѣ, къ тому, что у меня копошится внутри, словно беспокойный червякъ. Я ѣду терпѣливо, и думаю и не думаю.

Но скоро и конецъ. За поворотомъ вправо показался знакомый Ортосыртъ. На немъ надѣта причудливая шапка фіолетовыхъ облаковъ, темная балка сурово спускается въ долину къ тому саду и бѣлому дому, гдѣ впервые мы встрѣтились съ Еленой... Скорбы!.. Все болѣе знакомыя мѣста... Вотъ показался всадникъ, одинъ и другой...

Я сталъ всматриваться.

— Панычи!..—проговорилъ дальнорокій горецъ.

— Пошелъ скорѣй! догоняй ихъ!—вскричалъ я, и мнѣ вдругъ страстно захотѣлось видѣть и Масловыхъ, и жену, и сына.

Мы нагнали всадниковъ у калитки въ садъ, когда они слѣзали съ лошадей. На террасѣ былъ приготовленъ чай. Когда я здоровался съ братьями, Елена вышла изъ комнатъ на террасу съ ребенкомъ на рукахъ.

Я быстро вбѣжалъ на террасу, обнялъ Елену и поцѣловалъ сына. Мы молча смотрѣли другъ на друга.

Елена положительно расцвѣла, взгляды ея блестѣли покойнымъ счастьемъ; она пополнила, загорѣла и выглядѣла такой серьезной и важной.

— Какъ ты похудѣлъ и... подурнѣлъ!..—проговорила она улыбаясь и крѣпко пожала мою руку.

Я еще находился въ волненіи и не зналъ, что мнѣ дѣлать.

— Поди, умойся!—вывела меня Елена изъ смущенія.

За чаемъ было совсѣмъ по-семейному, такъ какъ присутствовало новое и близкое мнѣ существо. Странно!.. этотъ двухмѣсячный ребенокъ занималъ всѣхъ. Онъ былъ предметомъ вниманія всего общества. Одна только нянька, стоявшая здѣсь же на террасѣ, очевидно интересовалась больше мною. Она съ нескрываемой насмѣшкой поглядѣла на меня, когда я протянулъ руки къ ребенку, и онъ неожиданно, но громко заплакалъ, вѣрнѣе закричалъ, отвернувъ свое лицо куда-то въ сторону.

— Возьми его, няня,—проговорила Елена,—идите въ садъ!..

Водарилось на нѣкоторое время молчаніе. Мнѣ стало неловко, и я почувствовалъ, что ребенокъ какъ будто меня стѣсняетъ. Мнѣ казалось, что я не сдѣлалъ того, что надо, что обыкновенно дѣлаютъ любящіе родители. Я почти съ ужасомъ подумалъ, что не люблю это маленькое тѣльце.

Можетъ быть, это думаютъ и другіе.

— Еще привыкнетъ!.. — сказала Елена, точно угадавъ мою мысль.—Ну, рассказывай, странникъ, гдѣ путешествовалъ?.. отчего ты такъ похудѣлъ?.. былъ боленъ? а? ничего не писалъ!

— Нѣтъ, я былъ здоровъ, но... началъ было я, но Елена снова меня перебила:

— У насъ превесело было, гостили Апостолы, только третьяго дня уѣхали! Какіе милые люди и какъ хотѣли съ тобой познакомиться!..

— Надолго къ намъ?..—перебилъ ее Сергѣй, усмѣхнувшись по своему обыкновенію.

— Что за вопросъ? — встревожилась Елена, глядя на меня:—я думаю, теперь пора бросить выдумки... Ему въ Петербургѣ дѣлать нечего!.. да и хотѣлъ бы ѣхать—я не могу съ такимъ маленькимъ... какъ разъ простудишь...

«Вотъ оно», мелькнуло въ моей головѣ, и я невольно взглянулъ туда, гдѣ «онъ» былъ. Почти враждебное чувство поднялось во мнѣ, и я почувствовалъ теперь себя связаннымъ неопредѣленными обязанностями. Какими? я не зналъ, но ясно то, что я долженъ быть здѣсь или тамъ, гдѣ будетъ Елена съ ребенкомъ.

Нянька вошла на террасу и, какъ мнѣ опять показалось, насмѣшливо и шепелявя пропѣла: «папашенька пріѣхалъ!.. смотри, какой папашенька!.. папа!.. папа!»...

«Чтобы чортъ тебя побралъ», подумалъ я по адресу няньки и сконфузился.

Первое время по пріѣздѣ я находился въ неопредѣленномъ состояніи. Я сознавалъ, что мнѣ предстоитъ жить въ Крыму, жить среди татаръ, которые даже не говорили по-русски. Русская, родная деревня была далеко. Живая связь съ друзьями словно порвалась, и я, несмотря на близкихъ, чувствовалъ себя одинокимъ. Я пересталъ восторгаться красотами природы, среди которой воспоминанія еще рѣзче выдвигались въ моей памяти.

Дни проходили въ бездѣйствіи. Чтеніе не спорилось, и понемногу я привыкалъ къ охотѣ. Однимъ изъ любимыхъ занятій во время охоты были долгія, долгія размышленія... о чемъ?.. право, не знаю.

Устроишься бывало на какойнибудь скалѣ, положишь около ружья и задумаешься: бѣгутъ одна за другой мысли. То шумная аудиторія, то деревня, поля и плугъ... «Странно!.. какъ равномерно махаетъ головой лошадь!» и эта лошадь, мелкая, мохнатая, съ ре-

пейниками въ гривѣ, какъ живая передо мной... И подолгу въ непонятномъ волненіи сидѣлъ я въ горахъ, не замѣчая ни вѣтра, ни мелкаго дождя, который обдавалъ сыростью, и туманъ гуще и гуще толпился надо мною. Вдругъ мнѣ становилось жутко, я вскакивалъ со своего мѣста, хваталъ ружье и быстро, быстро бѣжалъ внизъ въ долину, къ жилищу, къ людямъ.

Уныло и жалобно звучалъ охотничій рогъ моего товарища въ горахъ и еще больше наводилъ на меня тоску ноющую, гнѣздящуюся гдѣ-то далеко прѣдъ самымъ сердцемъ, которое то замирало, то билось словно отъ испуга.

Послѣ я понялъ, что во мнѣ совершался процессъ смиренія, я покорно предавался сложившимся обстоятельствамъ и ждалъ, что будетъ дальше, что случится, ждалъ этого пассивно и лѣнливо. Къ намъ часто прѣбзжали гости, и попережнему устраивались веселыя поѣздки и пикники, но для меня не было въ нихъ интереса, какъ и въ людяхъ, съ которыми я не имѣлъ ничего общаго. Мнѣ было просто досадно и больно за ихъ чисто животное существованіе.

Быть можетъ, такое же существованіе предстояло и мнѣ въ недалекомъ будущемъ?!

Однажды вечеромъ Елена попросила меня въ свою комнату и, усадивъ рядомъ съ собою, проговорила: «Ну, что, ты привыкъ къ нашему житью?!.. Не скучно тебѣ въ глуши?»...

Я смутился и не находилъ, что отвѣтить.

— Я понимаю,—продолжала она:—тебѣ нѣтъ дѣла, ты, можетъ быть, стѣсняешься жить у братьевъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, неловко какъ-то...

— Я тебѣ сочувствую въ этомъ... Положимъ, они прекрасные люди, но все-таки намъ нужно устроиться самостоятельно.

— Да, да, непременно самостоятельно,—горячо подтвердилъ я и, помню, подумалъ: «уѣдемъ, значитъ!»

— Ну, вотъ я угадала и на этихъ дняхъ переговорила съ Сергѣемъ и сестрой... Сергѣй тебѣ ничего не говорилъ?..

— Нѣтъ. А что?..

— Мы рѣшили подѣлиться. Мнѣ предлагаютъ хуторъ Бѣлый... Ты радъ?!.. тебѣ такъ нравилось это мѣсто... да, кромѣ того, тамъ и постройки готовы... Обстановку купить пустяки... Я поѣду скоро въ городъ... Не правда ли, отлично устроимся, а съ весны ты займешься хозяйствомъ. Будешь совѣтоваться съ Сергѣемъ... Онъ прекрасный хозяинъ!

Признаюсь, у меня екнуло сердце! Кончено! Теперь я землевладелецъ и хозяинъ. О мечты!.. О возвышенныя идеи о служеніи народу, о самопожертвованіи!.. И такъ крымскій помѣщикъ и эксплуататоръ!.. Мнѣ было горько и больно. Хотѣлось плакать, проклинать... Я сидѣлъ подавленный, угнетенный...

— Что же ты молчишь?.. — взглянула на меня Елена. Въ ея голосѣ слышались рѣзкія ноты.

Я не говорилъ ни слова.

— Нельзя же вѣчно вести цыганскую жизнь. У насъ сынъ. Надо и о немъ теперь позаботиться,—произнесла она холодно.

— Конечно, вѣдь я не спору,—проговорилъ я съ трудомъ. Мой голосъ звучалъ странно, словно чужой.

Мы помолчали и разошлись. Помню, я не спалъ цѣлую ночь и написалъ груду писемъ. Въ этихъ письмахъ я просилъ друзей не забывать меня, писать и пріѣзжать ко мнѣ отдохнуть и провести время... Я преувеличенно хвалилъ уголокъ, гдѣ поселился, писалъ о хозяйствѣ, о работахъ предполагаемыхъ и совершенно новой организациі хозяйства. Но все это былъ смутно, неопредѣленно, а мнѣ грустно, грустно до боли, почти до отчаянія.

XIII.

Наконецъ съѣхались «свѣдущіе люди». Раздѣлъ долженъ совершиться при условіяхъ полной справедливости. Всѣ были почему-то веселы, но мнѣ было просто неловко. Въ самомъ дѣлѣ, моя роль была въ нѣкоторомъ родѣ двусмысленна, такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось. Я былъ интеллигентный пролетарій, а моя жена собственница весьма внушительнаго «клочка» доходной земли.

Кто знаетъ, что думали обо мнѣ эти «свѣдущіе люди»?

По цѣлымъ днямъ шли толки и нѣкоторые споры. Закуска и выпивка не сходили со стола.

Меня то и дѣло приглашали на совѣщанія, и какъ я ни отказывался, не могъ уклониться отъ совѣтовъ, разъясненій, въ которыхъ я очень мало понималъ.

Приходилось ѣздить на мѣста, межевать лѣсъ, осматривать садъ и баштаны. Въ теченіе этого времени мои нервы пришли въ полный беспорядокъ. Я плохо спалъ, ѣлъ неаккуратно, будущее мое мѣстожителство представлялось мнѣ скучнымъ и пустыннымъ мѣстомъ. Кругомъ ни жилищъ, ни деревни, только одноэтажный въ пять комнатъ флигель да наскоро построенныя службы; плетень и тотъ былъ не въ порядкѣ.

Непрерывно лилъ дождь. Сѣверо-восточный вѣтеръ не замолкалъ и гудѣлъ, гудѣлъ по ущельямъ и по террасѣ стараго дома, который я скоро долженъ буду оставить. Странно, но мнѣ было жаль даже этого дома: такъ не манила и не влекла меня самостоятельная жизнь на хуторѣ.

«Точно старика на покой отправляютъ»,—думалъ я, присматриваясь и прислушиваясь къ совѣтамъ и хлопотамъ «свѣдущихъ людей», которые наконецъ порѣшили все по совѣсти и справедливости.

Теперь оставалось обзавестись домашнимъ хозяйствомъ, нанять прислугу и работниковъ и переѣхать на хуторъ.

Елена уѣхала въ городъ съ однимъ изъ опытныхъ людей, а я съ новой страстью предался охотѣ съ однимъ татаринѣмъ, говорящимъ по-русски, у котораго первобытнымъ способомъ учился по-татарски. Языкъ мѣстный знать было необходимо: большинство татаръ ни слова не говорили по-русски, а съ ними приходилось имѣть всякія дѣла по хозяйству.

Наступила осень, которая въ тотъ годъ была особенно дождливая. Рѣчки разлились, по чернозему проѣхать стало затруднительно, да и на охоту ходить было невыносимо.

По цѣлымъ днямъ не расставаясь съ книгой, я читалъ до одурѣнія. Читалъ и вспоминалъ, думалъ о сѣверѣ и съ нетерпѣніемъ ждалъ писемъ. Но приходили извѣстія, которыя я перечитывалъ по нѣсколько разъ, и безпокойство не оставляло меня попрежнему. Мнѣ писали мало и коротко, несмотря на мои длинныя посланія и многочисленные запросы.

«Чужой я сталъ имъ», думалъ я съ горечью. Они тамъ работаютъ, живутъ, а я благодушествую и паразитствую, и я приходилъ въ волненіе, бралъ ружье, звалъ собаку и бродилъ, бродилъ по сырости и дождю, пока не промокалъ насквозь и вновь не возвращался на насиженное уже мною мѣсто на диванѣ въ угловой комнатѣ.

Приходилъ Сергѣй, садился около меня, заводилъ разговоръ, но скоро уходилъ, непремѣнно что-то вспомнивъ по хозяйству. Мнѣ казалось, что Сергѣю надоѣло смотрѣть на вѣчно хмурюю недовольную фізіономію своего гостя-родственника.

«Скорѣй бы переѣхать къ себѣ,—бормоталъ я,—тамъ никто не станетъ безпокоить, да и я никому мѣшать не буду».

Я прекрасно сознавалъ, что противорѣчу, веду себя странно, когда ко мнѣ относятся ровно и предупредительно, сознавалъ и отъ этого сознанія еще болѣе мучился и негодовалъ. За что и на кого? Больше всего на самого себя. «Надо быть мужчиной, нужно имѣть характеръ!»—твердилъ я каждое утро и къ вечеру впадалъ въ самую отчаянную меланхолію...

Приѣхала жена, и скоро послѣ ея приѣзда привезли вещи, мебель, посуду и пеструю матерію для турецкихъ дивановъ. Мнѣ приходилось каждый день быть на хуторѣ, устанавливать мебель и вообще устраивать свое гнѣздо.

Понемногу маленькій и заброшенный домъ принималъ жилой видъ. Переѣхала прислуга, которая занялась чисткой, мытьемъ, въ наскоро исправленную конюшню привели лошадей, пришелъ съ женой новый работникъ, молчаливый и грустный татаринъ, который сталъ копаться во дворѣ, колоть дрова, задавать кормъ скоту.

За отсутствіемъ вообще работъ я задумалъ свою усадьбу обнести плетнемъ. Изъ хозяйственной книжки я выбралъ образецъ красивой загородки и вмѣстѣ съ новымъ работникомъ приступилъ

къ устройству плетня. Въ экономіи лѣса было много, и черезъ день мы съ Мустафой работали, непокладая рукъ, вколачивая дубовые крѣпкіе кольца въ твердую каменистую землю.

Работа кипѣла и увлекала меня. Дожди перестали, глянуло солнце, и чудная теплая осень смѣнила долгіе дни ненастья. Еще разнообразіе, причудливѣе становились горы. Желтѣлъ и краснѣлъ, смотря по породѣ, лѣсъ, рѣзче выдѣляясь въ прозрачномъ осеннемъ воздухѣ. Горизонтъ расширялся, сизая дымка зноя не покрывала вершинъ, которыя ярко очерчивались на темносинемъ сводѣ небесъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на ясное солнце, на живописную панораму окрестныхъ вершинъ и утесовъ, на всей этой природѣ лежала печать тихаго унынія. Казалось, все замирало въ грустной дремѣ, все ожидало неизбежнаго умиранія; робко трепеталъ отъ легкаго вѣтра листь и, кружась въ воздухѣ, падалъ на землю, за нимъ другой, еще и еще! Сколько ихъ и по дорогѣ, и въ лѣсу, и въ саду!.. Съ сѣвера тянули перелетныя птицы. Въ тихомъ воздухѣ по вечерамъ слышались рѣзкіе крики гусей и утокъ, спускавшихся въ глухія мѣста рѣчки.

Все было готово къ переѣзду Елены съ ребенкомъ. Въ домѣ тепло и удобно, въ кухнѣ завелся порядокъ, и всѣ, повидимому, были довольны.

Подъ вечеръ пріѣхала Елена и живая и радостная съ удовольствіемъ осматривала каждый уголь, каждый предметъ, передвигая и устанавливая по своему вкусу.

Назавтра должны быть гости, чтобы справить новоселье, и затѣмъ... затѣмъ потечетъ мирное, сонное существованіе молодыхъ помѣщиковъ.

— Не правда ли, какъ хорошо у насъ?!.. главное уютно, и я не боюсь, что ребенокъ простудится... у него такая теплая и свѣтлая комната!.. Ты доволенъ?.. Сергѣй сказалъ, что завтра тебѣ сюрпризъ какой-то привезетъ,—говорила жена, почти не обращая на меня вниманія, присматриваясь и соображаясь съ обстановкой. — Знаешь, я думаю, столъ сюда переставить!.. въ комнатѣ будетъ больше мѣста.

— Какъ хочешь,—отвѣчалъ я,—но будетъ темно, неудобно писать.

— Ахъ, да!.. Я не сообразила этого,—и она бросалась въ другую комнату, звала дѣвушку, съ которой вмѣстѣ передвигала мебель. Я продолжалъ помогать Мустафѣ въ устройствѣ загороди. Меня позвала Елена и, смотря на мои расцарапанныя руки, проговорила: «ты что дѣлаешь? посиди со мной!»

— Мнѣ хотѣлось бы довести загородъ до угла,—отвѣчалъ я.

— Работникъ сдѣлаетъ... оставь!.. охота тебѣ... Смотри, какъ поранилъ руки...

Все это было сказано серіозно въ повелительномъ тонѣ.

— Елена!.. я прошу тебя разъ навсегда оставить меня въ моихъ работахъ... Я говорилъ тебѣ, что буду работать вмѣстѣ съ рабочими...

— Сдѣлай одолженіе!.. но тебя не стануть уважать... у насъ не Россія и не русская деревня...

— А, а!..—произнесъ я, не найдя, что отвѣтить, и, оставивъ жену, продолжалъ работать съ особенной энергіей.

На этотъ разъ Мустафа посматривалъ на меня съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. «Пускай не уважають!—думалъ я:—какое мнѣ до нихъ дѣло!»

На другой день справили новоселье. Сергѣи мнѣ сдѣлалъ дѣйствительно сюрпризъ. Онъ нанялъ и привезъ мнѣ работника, полурусскаго, полугрека, знакомаго съ мѣстными условіями и говорящаго прекрасно по-татарски и плохо по-русски. Все-таки онъ могъ служить мнѣ переводчикомъ и посредникомъ.

Въ моей головѣ уже рождались кое-какіе планы. Въ теченіе зимы я надѣялся теоретически ознакомиться съ приѣмами южнаго хозяйства, и весной приступить къ работамъ по опредѣленной и заранѣе выработанной системѣ.

Въ Крыму зима недолгая, и я ждалъ весны, какъ желанной дорогой гостью.

Зимой было скучно и жутко. Елена становилась разсудительной и порой бросала на меня недобрые взгляды. Впрочемъ почти все время она проводила съ сыномъ.

XIV.

Зима прошла безъ событій въ нашей домашней жизни. Все было ровно, ordinarily. Каждый былъ занятъ своими дѣлами. Съ Еленой я видѣлся за чаемъ, обѣдомъ и вечерами, когда сынъ уже спалъ. Несмотря на свою относительную короткость, эта зима показалась мнѣ продолжительной. И какая зима!.. по цѣлымъ днямъ лилъ дождь, переставая не надолго, чтобы съ новою силою, соединившись съ мокрымъ снѣгомъ, итти по цѣлой недѣлѣ. По горамъ до самой долины ползли сѣрыя тучи, а въ рѣдкіе морозы густой туманъ окутывалъ окрестности. Тянулись долгіе дни. Не только люди, но лошади и собаки выглядели скучными и вялыми.

На дворѣ стояла непролазная грязь. Поѣздки въ городъ сдѣлались чуть не подвигомъ. По растопившемся отъ дождей чернозему тройка лошадей едва тащила легкій дилижансъ.

Я вспоминалъ о снѣгахъ и морозахъ, вспоминалъ о русской деревнѣ. Письма получались рѣдко, и я почти не зналъ, что дѣлалось на сѣверѣ. Полученіе почты, газетъ и журналовъ составляло для меня родостное событіе, и этотъ день проходилъ скоро и легко.

Но такіе дни, благодаря бездорожью, были рѣдки.

Между мной и Еленой во время зимы установились странныя отношенія. Такія отношенія могли быть между людьми, прожившими долгіе годы совмѣстною жизнью, людьми, между которыми все переговорено, передумано, и которые тянули ляжку по сложившейся рутинѣ. Но мы были молоды и воспримчивы. Между нами точно росла какая-то стѣна, которая становилась плотнѣе, непроницаемѣе. Сынъ связывалъ насъ чисто внѣшними узами. Елена любила его страстно и берегла и не позволяла никому, даже мнѣ, входить въ сферу ея отношеній къ ребенку. Это былъ ея ребенокъ, и она могла дѣлать съ нимъ, что хотѣла.

Въ первое время, когда я попробовалъ было вмѣшаться и замѣтилъ, что нельзя же держать ребенка все въ теплой комнатѣ или выносить его на короткую прогулку закутаннымъ, какъ египетскую мумію (я помню, что сказалъ это слово), что воздухъ нуженъ, необходимъ для мальчика, Елена дала мнѣ такой отпоръ, что я уже впослѣдствіи избѣгалъ подобныхъ замѣчаній.

— Я попрошу тебя не давать такихъ глупыхъ названій ребенку!.. Я знаю, что дѣлаю... тебѣ бы хотѣлось его помужички воспитывать... въ грязи!.. почти кричала Елена.

— Помилуй,—оправдывался я,—для его же пользы...

— По-твоему польза—простудить мальчика, на котораго и такъ никакого вниманія не обращаешь... Скажите, пожалуйста, одѣли не по его вкусу!.. Въ дерюгѣ что ли ему ходить?..

Я молчалъ. Да и что я могъ говорить молодой, черезчуръ увлекающейся матери? Мнѣ было больно, что Елена думала о моемъ нерасположеніи къ сыну, но я не могъ съ нимъ такъ змниматься и любоваться имъ, какъ она и нянька. Ребенокъ мнѣ казался не особенно здоровымъ и черезчуръ серіознымъ. На меня онъ глядѣлъ постоянно съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ.

— Онъ боится тебя... говорила жена:—возьми, приласкай его!

Я бралъ маленькаго человѣчка, который, поглядѣвъ на меня одну секунду, начиналъ орать самымъ ужаснымъ образомъ.

Елена сердилась, брала отъ меня сына и, съ упрекомъ смотря на меня, говорила: «ну, какой ты отецъ!.. не умѣешь забавить, поиграть съ ребенкомъ!».

Я дѣйствительно не умѣлъ, и мнѣ было это непріятно. Однажды я зашелъ въ дѣтскую, когда мальчикъ былъ одинъ и лежалъ въ кроваткѣ. Я началъ его занимать: дѣлалъ ему всевозможныя гримасы, щелкалъ языкомъ, кивалъ головой. Онъ глядѣлъ на меня серіозно съ огромнымъ любопытствомъ, но не улыбался и не двигался съ мѣста. Въ это время вошла нянька, и... ребенокъ, протянувъ къ ней ручки, заоралъ, что было у него силы.

— Испугалъ, испугалъ папашенька! ля! ля! ля!.. тпр!.. ту! ту!—успокоивала его нянька.

Вбѣжала испуганная Елена.

— Что случилось?—вскричала она, взявши мальчика.
 — Ничего, барынька!.. папашенька!.. папашеньки испугался!..
 ля! ля! ля!
 — Зачѣмъ вы сюда ходите?! Дразнить мальчика!.. и не стыдно
 тебѣ?!

— Послушай, Елена!.. началъ я.
 — Убирайтесь... видишь, онъ тебя боится!
 Я ушелъ, ребенокъ дѣйствительно пересталъ плакать. Мнѣ
 было необыкновенно грустно. Неужели это маленькое существо боя-
 лось меня?.. Почему?.. Отчего онъ на меня такъ странно всегда
 смотреть?..

Съ тѣхъ поръ я не ходилъ въ дѣтскую «играть» съ сыномъ.
 Однимъ словомъ въ семьѣ создавалось для меня странное по-
 ложеніе.

О пережитомъ, передуманномъ мнѣ не съ кѣмъ было погово-
 рить по душѣ. Приходилось жить какой-то замкнутой жизнью, а
 между тѣмъ хотѣлось жить иначе, хотѣлось дать волю и чувствамъ
 и думамъ.

Наступила весна. Южный вѣтеръ подулъ съ моря. Ярче и ра-
 достнѣе заблестѣло на небѣ солнце, и глянули ласково горныя
 вершины. Снова оживился и тихо зашумѣлъ лѣсъ, и воскресла въ
 немъ жизнь; поля и луга высыхали и, словно налетомъ, покрыва-
 лись свѣтло-зеленой травой. Въ лѣсу щебетали птицы, и показа-
 лись на склонахъ первыя фіалки. По окнамъ нашего домика за-
 трепетали и зажужжали проснувшіяся отъ зимней спячки мухи.
 Южный вѣтеръ и солнце творили чудеса. Собаки, лошади и ро-
 гатый скотъ по-своему привѣтствовали весну. Все тянулось къ
 солнцу и теплу!.. Радостные, мягкіе звуки наполняли воздухъ.
 Куры, утки выползли изъ клѣтѣй и рылись въ землѣ и плеска-
 лись въ ставкѣ.

На меня нахлынула жажда дѣятельности. Я не могъ усидѣть
 на мѣстѣ, книги были оставлены, и я по цѣлымъ днямъ шагаль
 по полямъ, соображая, гдѣ начать пашню подъ яровое, и какую
 землю оставить подъ озимь.

Работники ладили плуги, бороны. Вмѣстѣ съ ними я сообра-
 жалъ, когда начать поднимать землю. И вотъ порѣшили, что если
 не пойдутъ дожди, черезъ два дня выѣзжать съ плугомъ въ поле.
 Дѣйствительно, почва приготовлялась быстро: отъ нея вѣяло та-
 кимъ тепломъ, точно дышала она, матерая. Весна въ тотъ годъ
 была замѣчательно дружная, теплая, ясная.

Помню, я поѣхалъ въ городъ, и мнѣ было такъ хорошо въ до-
 рогѣ, когда я проѣзжалъ мимо татарскихъ деревень, въ которыхъ
 кипѣли весеннія работы. Былъ чудный ясный день. Воздухъ жи-
 вительной волной врывался въ грудь, и кровь быстро прилиwała
 къ сердцу. Я снова любовался Крымомъ и его чудной природой.

Справа тянется горная цѣпь... Какая красота!.. какія причудливыя очертанія вершинъ! Вотъ грядка облаковъ остановилась и словно задумалась надъ острымъ пикомъ Коктаца, по которому спустилась узкая длинная тѣнь... Дальше еще и еще вершины, то толпою выглядываютъ изъ-за ближнихъ горъ, то одиноко и рѣзко выдѣляются на горизонтѣ.

Особенно хорошо чувствовалось, когда на другой день я подъ вечеръ возвращался на хуторъ. Я думалъ и мечталъ о чемъ-то неопредѣленномъ, но вотъ мелькнули огоньки, и скоро я буду дома. Образъ Елены гордой, характерной вывелъ меня изъ пріятной задумчивости. «Чего она хочетъ? Что ей надо?»—мелькало въ моей головѣ, но я оправдывалъ ее въ сердцѣ. «Она мать!»—шепталь мнѣ внутренній голосъ. «Но зачѣмъ?.. зачѣмъ? — не унималась воспаленная мысль: — зачѣмъ я съ ней? и буду съ ней всегда, всегда!» А тамъ далеко за горами живетъ иной образъ, грустный, любящій, тамъ... но что для меня тамъ, когда я здѣсь?

Здѣсь долженъ я работать... Я отогналъ тревожныя мысли, мнѣ хотѣлось поговорить съ Еленой, рассказать ей о моихъ хозяйственныхъ планахъ и вообще поговорить по душѣ. Пили чай, но разговоръ не клеился. Елена была холодна и, повидимому, не интересовалась моею темой. Она только спросила меня, не видалъ ли я одной ея знакомой въ городѣ, и на мой отрицательный отвѣтъ проговорила: «слѣдовало бы побывать у нихъ, отдать визитъ».

— Я по дѣлу ѣздилъ въ городъ!.. замѣтилъ я.—Если бы визиты, то не успѣлъ бы сегодня вернуться...

— Что же за важность?

— Завтра пахать начинаемъ...

— И безъ тебя бы начали...

Мы оба замолчали. Самоваръ звенѣлъ пронзительною трелью.

XV.

Начались работы, я увлекся ими совершенно. Когда настали теплыя ночи, я перешелъ спать въ бесѣдку. Это было удобнѣе, потому что я вставалъ съ зарею, наравнѣ съ рабочими.

Мало-помалу весь обиходъ моего дня уклонился отъ общаго въ домѣ порядка. Обѣдалъ я раньше Елены и вмѣсто вечерняго чая ужиналъ.

За такіе порядки Сергѣй меня хвалилъ, говоря, что выйдетъ изъ меня хорошій хозяинъ. Елена смотрѣла иначе и была далеко не довольна, какъ она выражалась, беспорядками. Женскій инстинктъ подсказывалъ ей, что не хозяйственныя соображенія, а другія заставляли меня работать и цѣлый день находиться въ полѣ. Я просто любилъ вольный земледѣльческій трудъ, и мнѣ было

пріятно въ обществѣ простыхъ людей. Я постепенно входилъ во вкусъ организаціи хозяйства и правильной, ровной работы.

Среди лѣта я сталъ немного популяренъ въ мѣстности, какъ у простыхъ людей, такъ и у помѣщиковъ.

Послѣдніе относились ко мнѣ недружелюбно, хотя по-моему совершенно неосновательно.

Причиной служили харчи рабочихъ. Я держался того мнѣнія, что хорошо приготовленныя и сытныя блюда, желательныя для каждого, человѣку, долгій лѣтній день проводящему за тяжелой работой, просто необходимы. Мясо у меня было ежедневно. Странные люди говорили поэтому, что я деморализую рабочихъ будто бы роскошнымъ столомъ, что они недовольны простой пищей у другихъ хозяевъ. Я не обращалъ на это вниманія, пока въ дѣло не вмѣшалась Елена.

— Конечно, не мое дѣло,—произнесла она однажды,—но говорятъ, что ты балуешь рабочихъ...

— «Помѣщица!»—мелькнуло въ моей головѣ, но я молчалъ.

— Я не противъ того, чтобы народъ хорошо кормить, мнѣ наконецъ не жаль, но... Елена замялась.

— Но принципъ,—не выдержалъ я,—говори откровенно, что у васъ принято держать рабочаго въ черномъ тѣлѣ, я знаю... горячился я.

— Что за тонъ?!—перебила меня жена.—Сдѣлай одолженіе, дѣлай, какъ знаешь... Мнѣ непріятно только, что надъ тобой всѣ смѣются.

— Если смѣются, то они мерзавцы!.. закричалъ я.

Елена широко раскрыла глаза и оставила меня одного.

Во мнѣ кипѣла злорада, которая прямо относилась къ Еленѣ... «За что? что же такое?.. вѣдь, она знала меня раньше, знала мои взгляды, я не скрывалъ ихъ... такъ зачѣмъ же?.. О, если бы бросить все это и бѣжать, бѣжать!»..

Но бѣжать было нельзя. Я только съ ужасомъ сталъ замѣчать, что во мнѣ развивалось и росло враждебное къ женѣ чувство. Мнѣ кавалось, что всѣ мои дѣла и хлопоты по хозяйству ей непріятны, что наконецъ я ее компрометирую, что я стою не на высотѣ положенія ея супруга. Но я же такой, какимъ былъ, и такимъ остался она сама отошла отъ меня... Или, можетъ быть, оба виноваты?! Въ чемъ наконецъ?! Я мучился ужасно, и будущее представлялось мнѣ въ мрачныхъ краскахъ.

А надо мною сіяло золотое солнце, причудливыя вершины зеленыхъ горъ переливались съ темносинимъ сводомъ неба, кругомъ все цвѣло, благоухало и манило къ себѣ радостью жизни, звуковъ и простора. Темнозеленымъ пологомъ тянулись къ лѣсу яровые, прекрасно удался посѣянный мною табакъ, хорошо и богато родились фрукты, и весело смѣется и играетъ въ садочкѣ мой сынъ.

Но въ домѣ нѣтъ радости, нѣтъ счастья. И я сталъ уходить, избѣгать жены.

Я помню это трудное лѣто, помню, когда послѣ работъ я сѣлся на лошадь и ѣхалъ за три версты въ селеніе, гдѣ въ духанѣ, или, вѣрнѣе, около него, пилъ легкое кислое вино и закусывалъ копченой кефалью. Тогда у меня просто была потребность хотя на время побыть въ другомъ мѣстѣ, среди чужихъ людей.

Возвращался домой я тихою ночью. Какъ хороши, божественны эти темныя южныя ночи! Сколько нѣги въ ароматномъ густомъ и неподвижномъ воздухѣ! А если луна, то какія таинственныя тѣни спускаются и ложатся по дорогѣ и по полямъ! Ни звука!.. Все спитъ или дремлетъ... Звѣзды глубокиа, яркія глядятъ съ темнаго неба, глядятъ такъ любовно, словно шлютъ свой привѣтъ тихой уснувшей землѣ. Ни звука!.. только топотъ копытъ моей лошади нарушаетъ тишину ночи. Тихо бьется сердце, несутся думы далеко, далеко, и не хочется ѣхать туда, гдѣ нѣтъ ни поэзій, гдѣ не хотятъ знать этихъ чудныхъ, кроткихъ ночей!..

И не было во мнѣ тогда ни злобы, ни раздраженія. Здоровый, крѣпкій сонъ на вольномъ воздухѣ укрѣплялъ и успокоивалъ меня.

Все было хорошо и удачно въ хозяйствѣ. Лѣто подходило къ концу, урожай былъ прекрасный, только табаку не родилось много, хотя онъ удался по качеству.

Я почти не бывалъ дома и Елену видѣлъ мелькомъ, то на дворѣ, то въ саду. Мой сынъ начиналъ понемногу ходить и, повидимому, капризничалъ мало. Однако меня удивлялъ слишкомъ блѣдный цвѣтъ его лица, которое, несмотря на жгучее солнце, не имѣло даже слѣдовъ загара. Впрочемъ, мать, вѣроятно, слишкомъ предохраняла мальчика отъ лучей солнца.

Я совершенно не вмѣшивался въ воспитаніе ребенка, хотя нянька продолжала мнѣ очень не нравиться. Жена же относилась къ ней съ полнымъ довѣріемъ.

Но я былъ правъ, хотя въ этомъ убѣдился послѣ. Нянька попросту закармливала мальчика, у котораго вообще желудокъ былъ далеко неисправный. Я помню, въ тотъ годъ былъ большой урожай на фрукты и ягоды, и у ребенка ихъ были полныя руки.

Онъ игралъ ими!..

Игра оказалась опасной, и ребенокъ заболѣлъ серіозно. Когда я былъ на своей табачной плантаціи и слѣдилъ за поливкой, я вдругъ увидѣлъ Елену, запутавшуюся въ грядкахъ и немилосердно ломающую полусухіе стебли. Я поспѣшилъ къ ней навстрѣчу. Елена была блѣдна и взволнована страшно. Прижавъ къ груди руки и съ трудомъ переводя дыханіе, она почти шепотомъ проговорила: «скорѣй пошли верхового въ городъ за докторомъ... Онъ очень боленъ... и я не знаю, что дѣлать!»

Елена посмотрѣла на меня: въ ея глазахъ былъ испугъ и слезы.

— Елена, я самъ съѣзжу за докторомъ!..

— Нѣтъ, нѣтъ, пошли кого надежнѣй, напиши письмо, а самъ останься со мной... Я потеряла голову... я не знаю... мнѣ такъ страшно!..

Бѣдная женщина зарыдала на моемъ плечѣ.

— Успокойся, Елена,—проговорилъ я, и теплое, хорошее чувство тронуло мое сердце, и слезы подступили къ моему горлу. — Пойдемъ, дорогая, нельзя такъ беспокоиться... Смотри, какъ ты замочила ноги!..

Елена машинально посмотрѣла на грязныя ботинки и, взявъ меня за руку, быстро пошла къ дому.

Когда я отправилъ челоуѣка въ городъ и вошелъ въ дѣтскую, я прежде всего встрѣтился съ лисьиимъ взглядомъ няньки, грѣвшей на кипящемъ самоварѣ салфетку. Ребенокъ лежалъ на кровати съ открытыми глазами и тихо стоналъ.

— Что съ нимъ?.. спросилъ я Елену.

— Слабитъ... всю ночь... теперь кровь показалась...

Я думалъ и не зналъ, чѣмъ помочь малюткѣ, который смотрѣлъ на меня растеряннымъ, потухающимъ взоромъ.

— Бѣдный мой!—проговорилъ я, тронувъ его головку.

Голова была горячая и нѣсколько влажная. Мальчикъ затихъ и протянулъ ко мнѣ руку. Елена удивилась и проговорила сквозь слезы: «онъ хочетъ къ тебѣ... возьми его!»

Я взялъ ребенка. Онъ положилъ голову къ моему плечу и не стоналъ, а дышалъ часто и трудно. Мнѣ показалось, что онъ очень тяжелъ. Я сталъ ходить съ сыномъ по комнатѣ и попросилъ отворить окно.

— Не надуло бы!..—слабо возразила Елена.

— Здѣсь душно. Какъ можно безъ воздуха!..

Окно было отворено, и ребенокъ смотрѣлъ на зеленыя горы и пожелтѣвшія нивы.

Елена нѣсколько успокоилась.

Немного спустя, больному положили теплыя припарки, и онъ заснулъ. Мы съ Еленой тихо вышли изъ комнаты. Странно!.. но теперь мы стали снова близки другъ къ другу, точно между нами не было той отчужденности, которая такъ мучила меня еще недавно, вчера... Передо мной, склонивъ голову, сидѣла не прежняя гордая Елена, а слабая женщина, вся трепещущая, взволнованная при одной мысли о потерѣ ребенка.

Я тихо разспрашивалъ, когда началась болѣзнь, какъ ребенокъ провелъ ночь, и почему не разбудили меня, чтобы послать за врачомъ.

— Няня успокоила меня, говорила, что пройдетъ и такъ,—объяснила жена.

«Опять эта няня!»—подумалъ я и едва удержался, чтобы не упрекнуть ненавистную для меня женщину въ болѣзни сына. Но къ чему? къ чему винить, когда было поздно?..

Мы молча сидѣли на крыльцѣ нашего дома, и каждый прислушивался, что дѣлается въ комнатахъ. Я соображалъ, когда можетъ пріѣхать докторъ, и приходилъ къ печальному результату, что раньше вечера онъ быть не можетъ. Я забылъ про свои работы, про поливку, и мнѣ не приходило въ голову уйти, покинуть Елену.

— Тебѣ нужно идти въ поле?.. иди!.. Я пошлю за тобой, когда онъ проснется,—произнесла жена и пожала мою руку.

Кровь хлынула у меня къ сердцу, и я обнялъ и крѣпко прижалъ къ себѣ Елену. Она тихо плакала, держась за меня обѣими руками.

— Да успокойся же, все кончится благополучно... Вотъ пріѣдетъ докторъ!..

Елена смолкла, быстро отшатнувшись отъ меня. На мгновеніе она замерла и, быстро вставъ со своего мѣста, прошептала: «онъ проснулся».

Я ничего не слышалъ и пошелъ вслѣдъ за женою. Мальчикъ дѣйствительно проснулся и стоналъ, какъ прежде. На его маленькомъ лбу крупными каплями выступилъ потъ. Мы бесполезно стояли у его кровати. Нянька металась по комнатѣ съ какими-то тряпками.

Въ тревогѣ проходили часы. Мальчикъ, утомленный страданіями, протягивалъ ко мнѣ руки, и я носилъ его по комнатѣ и говорилъ ему, не знаю что, хотя онъ прислушивался къ моему голосу и переставалъ стонать. Удивительно, что онъ больше не шелъ на руки къ нянькѣ, и когда она подходила, чтобы взять его отъ меня, онъ тихо поворачивался къ моему плечу и начиналъ плакать.

Елена съ удивленіемъ и съ какимъ-то страхомъ смотрѣла на такую перемѣну своего сына въ симпатіяхъ.

Пріѣхалъ Сергѣй, случайно узнавшій о нашемъ горѣ отъ работника, бывшаго у насъ на хуторѣ.

Онъ очень удивился, когда увидѣлъ меня съ сыномъ на рукахъ.

— А ты, Елена, говорила, что онъ не нѣжный отецъ!.. а!.. посмотри!..—говорилъ онъ, трогая мальчика.—Желудокъ!.. вѣрно ягодъ давали и незрѣлыхъ... У насъ въ деревнѣ много дѣтей болѣютъ,—и Сергѣй задумался, посмотрѣвъ на Елену.

Я почти понялъ этотъ взглядъ. «Не болѣютъ только у тебя въ деревнѣ,—думалъ я съ горечью,—но умираютъ!»

Мнѣ вдругъ стало тяжело, стало безконечно жаль это маленькое существо, такъ довѣрчиво склонившее ко мнѣ свою ослабѣвшую головку, и Елену, и Сергѣя, и я, чтобы не показать своего волненія, передалъ Еленѣ сына и вышелъ изъ дома.

Ко мнѣ подошелъ работникъ и что-то говорилъ о канавкахъ, о табакѣ и еще о чемъ-то. Я слушалъ и не понималъ, смотря на темнозеленую балку Тапшана, словно я видѣлъ ее въ первый разъ.

XVI.

Поздно вечеромъ пріѣхалъ докторъ. Наконецъ-то! Мы вздохнули свободнѣе, и насъ оживила надежда. Пріѣхалъ докторъ такимъ спокойнымъ, увѣреннымъ. Онъ такъ мило шутилъ и такъ просто попросилъ закусить съ дороги.

Стало быть, ничего особеннаго!

— Вѣроятно, пустякомъ кончится,—говорилъ я Еленѣ: — ты бы отдохнула немного. Теперь докторъ... онъ останется у насъ до утра. Осмотритъ, сообразитъ и поможетъ... Говорятъ, что онъ очень искусный, опытный врачъ.

— Скорѣй бы шелъ къ мальчику,—нервно возразила Елена:— можно бы послѣ закусывать...

Я не буду останавливаться на подробностяхъ этой ужасной ночи. Да и какія подробности?! Мы присутствовали при борьбѣ жизни со смертью. Мы чувствовали страданія ребенка, чувствовали тупо, тяжело, словно въ кошмарѣ. Помню, ночь была тихая, темная и душная. Докторъ спалъ крѣпко въ моемъ кабинетѣ. Онъ сдѣлалъ свое дѣло и былъ правъ. Елена не покидала ни на минуту своего мѣста около кровати.

Медленно тянулася мучительная ночь. Забрезжило утро. Какое ужасное лицо у мальчика!.. онъ лежалъ въ забытьѣ, по временамъ вздрагивая всѣмъ тѣломъ и открывая глаза.

Я разбудилъ доктора, хотя совсѣмъ уже сомнѣвался въ счастливомъ исходѣ. Докторъ шепнулъ мнѣ: «уведите вашу жену».

Но это было невозможно. Елена точно застыла на своемъ мѣстѣ— это было скорѣе изваяніе человѣческой фигуры, но не живой женщины.

— Елена!.. Елена!.. встань и выйди, хотя на минуту!

Ни слова. Нервно вздрагиваютъ ея вѣки и только. Прошло нѣсколько часовъ, и ребенокъ скончался. Елена продолжала сидѣть попрежнему безмолвная, неподвижная.

Я не могъ болѣе оставаться въ домѣ и ушелъ бродить безъ цѣли и почти безъ сознанія. Въ головѣ безсвязно проносились мысли, не имѣвшія ничего общаго съ бывшимъ тогда печальнымъ положеніемъ.

Въ это утро солнце не показывалось изъ-за тучъ; было сѣро и туманно. Съ вершинъ горъ ползли тучи, то густыя, темныя, то рѣдкія въ родѣ грязной кисеи.

По дорогѣ, немилосердно скрипя, тянулись арбы съ лѣсомъ.

Два дня до похоронъ ребенка Елена пролежала въ своей комнатѣ безвыходно. Она ничего не ѣла и не произнесла ни слова. Нянька въ теченіе этого времени аккуратно исполняла роль плакальщицы. Я слышалъ, какъ она, очевидно раздраженная нашимъ

поведеніемъ, проговорила: «истуканы какіе! слезинки не проронятъ!.. нечего сказать!»

Похоронили. Елена уѣхала къ матери, и я остался одинъ. Въ этотъ разъ одиночество показалось мнѣ особенно тяжело. Пропалъ, точно и не бывало, весь интересъ къ хозяйству, я себя чувствовалъ чужимъ среди мной же созданной обстановки. Я видѣлъ, что работы шли вяло, не было ни того оживленія, ни энергіи, съ которыми мы обыкновенно выѣзжали въ поле.

Я ни въ чемъ не принималъ участія. Все шло заведеннымъ порядкомъ. Старшій рабочій меня не спрашивалъ по утрамъ, что дѣлать, только вечеромъ приводилъ поденныхъ работниковъ и говорилъ, сколько кому слѣдуетъ платить.

Заглохшія было во мнѣ стремленія къ общественной жизни, со смертью ребенка, проснулись снова, и я бродилъ, бродилъ и думалъ, думалъ все о прошломъ.

Прошлое манило меня, и нерѣшенные вопросы выдвигались яснѣе и яснѣе и настоятельно просили отвѣта. Проходили дни, недѣли, неопредѣленные и безпокойныя ночи.

Одинъ я, одинъ!..

А «тамъ» идетъ дружная работа, тамъ жизнь, а здѣсь сытое прозябаніе. А что впереди?.. все то же... и такъ изъ года въ годъ, а потомъ смерть! И такъ безъ слѣда, безъ борьбы и волненія пройдетъ цѣлая жизнь. И все, что было, останется промелькнувшей мечтой, какимъ-то сномъ и только!..

Нѣтъ, такъ нельзя, жить такъ невозможно. Да и зачѣмъ?.. Мы остались съ Еленой одни, вѣроятно, и ей тяжело такъ... И я думалъ, думалъ, что предпринять! Зимой уѣхать, а лѣтомъ снова сюда, зимой въ столицѣ, а лѣтомъ въ своемъ крымскомъ помѣстьѣ?! Прекрасно!.. но что же это?! а мечты, а идеи, а «та» жизнь? Нѣтъ, это самообманъ и даже не компромиссъ.

И я думалъ, думалъ... Въмѣстѣ съ тѣмъ я все сильнѣе и сильнѣе чувствовалъ свое одиночество, свою оторванность отъ той жизни и неприспособленность къ этой.

Что же дѣлать?..

Въ это время въ нашу мѣстность пріѣхалъ дальній родственникъ моей жены съ братомъ.

Это былъ молодой человѣкъ, только что окончившій курсъ университета. Верстахъ въ пяти отъ хутора у него былъ клочекъ десятинъ въ тридцать земли, на которой они поселились съ братомъ. Владимиръ былъ женатъ, а братъ его былъ еще совѣмъ юноша.

Это были прекрасные, симпатичные люди, живые и энергичные. Пока они заняли небольшую старую хату, порѣшивъ выстроить на будущій годъ болѣе удобное помѣщеніе. Поселились и сейчасъ же принялись за работу. Они занялись производствомъ угля въ принадлежащихъ имъ десятинахъ пятнадцати дубоваго лѣса.

Угольное дѣло было очень выгодно въ особенности при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ они это дѣло начали: лѣсъ свой, трудъ свой и пара лошадей, обеспечивающихъ доставку на мѣсто продажи. Въ Феодосіи, а особенно въ Керчи, мѣстахъ степныхъ, уголь и дрова всегда въ цѣнѣ, всегда смѣло могутъ рассчитывать на сбытъ.

Все это сообразили молодые хуторяне.

И вотъ кандидатъ университета двинулся первый съ углемъ въ городъ, да еще на двухъ подводахъ, нанявъ таковую на три дня у меня.

Читатель пойметъ, что я страшно заинтересовался маленькой общиной и посѣщалъ молодыхъ людей каждый день.

Преимуществомъ ихъ было то, что они родились въ Крыму, знали татарскій языкъ и мѣстные условія жизни.

Все-таки въ концѣ концовъ они думали переѣхать жить въ Россію, но пока они устроятъ, организуютъ хозяйство и затѣмъ, когда оно будетъ въ полномъ ходу, продадутъ и купятъ землю въ Россіи.

Такъ все это просто, и у нихъ не было ни тѣни сомнѣній и внутренняго безпокойства, которое грызло меня почти постоянно.

— Панами довольно жить!.. надо и поработать!..—говорилъ Владимиръ, весело улыбаясь и показывая рядъ блестящихъ бѣлыхъ зубовъ.—Да и вамъ поменьше пановать!.. впрочемъ, вы все-таки работаете!..

— Ну, моя работа между прочимъ,—говорилъ я печально:—не то, что у васъ... не настоящая...

— Устраивайтесь!.. у васъ земли много... чего же вамъ?..

Я задумался. И въ самомъ дѣлѣ, отчего мнѣ не устроить своей интеллигентной колоніи или общины? Столько желающихъ теперь трудиться, работать. Со временемъ у меня организуется цѣлая школа интеллигентныхъ сельскихъ рабочихъ: будутъ и садоводы, и огородники, и просто хозяева.

Для перваго опыта можно отдѣлить небольшое количество земли по близости рѣчки, построить дешевый, комнатъ въ десять домъ, меблировка самая простая.

— Да, и затрачивать, пожалуй, вамъ своихъ денегъ не надо...—убѣждалъ меня Владимиръ:—найдутся и такіе люди, которые имѣютъ средства все устроить... Вы дайте только землю, и баста!.. Смотрите, сколько здѣсь лѣса, да еще какого... и букъ, и кизиль... можно мастерскую завести—будетъ очень выгодно!.. Великолѣпно все можно устроить, а то вы совсѣмъ закиснете въ вашемъ панствѣ!.. Я увѣренъ, что отъ желающихъ, въ особенности лѣтомъ, вамъ отбоя не будетъ... Нужно только построже выбирать колонистовъ, чтобы баловства не было...

— Все это такъ,—радовался я,—но какъ Елена къ этому отнесется?..

— Какъ отнесется!—посмотрѣлъ на меня Владимиръ,—уговорите, убѣдите ее, на то вы ея мужъ!

Я все больше и больше увлекался идеей общей жизни и труда. Дѣйствительно, живой, яркій примѣръ былъ передъ моими глазами. Хозяйство Владимира упрочивалось, упорядочивалось, а ихъ простая, трудовая жизнь возбуждала во мнѣ положительную зависть. Дѣло дошло наконецъ до того, что мнѣ положительно не сидѣлось у себя дома. Меня томила тоска, и только я тогда успокоивался, когда садился на лошадь и направлялся по знакомой мнѣ лѣсной тропинкѣ туда, гдѣ было такъ хорошо и оживленно.

Добровольцы-работники встрѣчали меня привѣтливо и иной разъ, шутя, просили помочь имъ, и я не отказывался.

Прошло недѣли двѣ. Елена не пріѣзжала. Работы у меня на хуторѣ подходили къ концу. Начался сборъ табаку и его просушки. Августъ былъ жаркій и знойный.

Гвоздемъ засѣвшая мысль объ устройствѣ интеллигентной общины не оставляла меня ни на минуту. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ пріѣзда Елены.

XVII.

Поздно вечеромъ, возвратившись отъ моихъ друзей, я нашелъ дома Елену. Она очень похудѣла, поблѣднѣла и казалась серьезной и озабоченной.

Вообще наша семейная катастрофа оставила на ней замѣтные слѣды: нервы ея были не совсѣмъ въ порядкѣ.

— Однако, ты совсѣмъ не живешь дома... нашелъ себя друзей... Поздравляю!..—все это было сказано насмѣшливо.

— Я тебя не понимаю...—удивился я.—Они твои родственники и превосходные люди...

— Очень рада. Для тебя подходящіе. Я слышала, что сами на базаръ уголь возятъ продавать... Чего-жъ еще лучше!?..

— Да что же здѣсь такого въ самомъ дѣлѣ?..

Меня постепенно охватывало волненіе и чувство отчужденія отъ этой красивой женщины, то чувство, которое я испытывалъ и отъ котораго такъ страдалъ еще до смерти нашего сына.

Искреннее желаніе поговорить по душѣ осталось только желаніемъ. Тяжело было мнѣ тогда въ тотъ вечеръ, когда мы молча сидѣли за позднимъ ужиномъ. Елена не сказала ни слова, какъ она провела все это время.

— Здорова ли ты, по крайней мѣрѣ?..

— Да, здорова,—отвѣчала она.—Устала немного, пойду, лягу. Покойной ночи!

Я долго не спалъ и думалъ. На этотъ разъ я думалъ о Еленѣ. Что съ ней? и какъ объяснить ея холодный тонъ?.. Она словно недовольна и сердится. Но почему и за что?.. Нѣтъ, не можетъ быть! Вѣроятно, опять обстановка и яркое воспоминаніе о смерти произвели на нее болѣзненное впечатлѣніе.

Она еще не свыклась съ тяжелой утратой. Я рѣшилъ подождать говорить съ ней о дѣлахъ и о своемъ предпріятіи. Еще успѣю, спѣшить нечего. Такое серьезное дѣло нужно оформить, обсудить подробно.

Все-таки Елена казалась мнѣ странной! Она почти со злобой отнеслась къ Владимиру и брату. Можетъ быть, это такъ, женскій капризь... не думаю, чтобы было серьезное...

Тѣмъ не менѣе, какъ ни успокоивалъ я себя, тревожное чувство не покидало меня и въ слѣдующіе дни.

На слѣдующее утро Елена сказала мнѣ, что она ждетъ гостей: свою сестру, подругу по гимназіи и еще кого-то.

Мнѣ была такая новость не по душѣ. Я не любилъ, когда въ домъ бывала суматоха, а дамы «хорошаго тона» меня положительно стѣсняли въ привычкахъ.

Нужно было слѣдить и за своимъ костюмомъ и за тѣмъ, чтобы быть любезнымъ хозяиномъ. Все это хорошо, когда покойно на душѣ, а когда этого нѣтъ, то приходится ломать себя и играть роль.

Кромѣ того, о серьезномъ разговорѣ съ Еленой во время пребыванія гостей нечего и думать, а также придется сократить свои поѣздки къ братьямъ на новый хуторъ.

Впрочемъ, они, вѣроятно, пріѣдутъ къ намъ, познакомятся и будутъ бывать.

— Елена, ты не знакома съ женой Владимира?—спросилъ я.

— Нѣтъ. А что?..

— Такъ. Какая прекрасная женщина! Какъ они хорошо живутъ другъ съ другомъ!

— Какое мнѣ дѣло!.. пусть ихъ живутъ!..—произнесла она холодно.—Торгуютъ углемъ!.. я только одного не понимаю, зачѣмъ надо было учиться, кончать университетъ, чтобы на базарѣ вмѣстѣ съ мужиками...

— Ты прежде такъ не говорила, Елена,—перебилъ я.

— Можетъ быть, и не говорила,—отвѣчала она рѣзко,—но думала такъ всегда!

— Очень жаль, что я не зналъ этого!.. Тогда бы...

— Что тогда?—посмотрѣла на меня съ любопытствомъ жена.

— Поговоримъ послѣ, это такой вопросъ, для меня такой важный вопросъ, что надо рѣшить... но все это потомъ...

— Хорошо бы, если бы ты вообще избавилъ меня отъ всякихъ вопросовъ, тѣмъ болѣе теперь имѣются господа, съ которыми можешь обсуждать и рѣшать все, что угодно... Только по-вашему ничего не будетъ,—прибавила она, оставляя комнату.

Я осѣдлалъ лошадь и поѣхалъ на новый хуторъ. Тамъ я засталъ пріѣзжаго изъ Россіи. Все, что я услышалъ, было для меня такъ ново и неожиданно. Сколько перемѣнъ и какое печальное положеніе той части молодежи, которая такъ глубоко вѣрила въ грядущее счастье народа и въ обновленіе общества!

Не можетъ быть, чтобы такъ можно было платиться за эту вѣру. Нѣтъ, надо думать, въ этомъ недоразумѣніе.

Пріѣзжій продолжалъ рассказывать, называлъ имена, между которыми были и знакомыя. Я слушалъ съ замираніемъ сердца и думалъ: «а я здѣсь состою чѣмъ-то въ родѣ управляющаго богатымъ имѣніемъ... нѣтъ, надо ѣхать, непремѣнно и скорѣй!»

— Ну, что, супруга пріѣхала?—спросилъ меня Владимиръ.— Говорили съ ней?.. что она?

— Нѣтъ, еще не говорилъ. Мы ждемъ гостей. Впрочемъ, я, право, не знаю... не надѣюсь, чтобы она согласилась...

— Не надѣетесь,—задумался мой собесѣдникъ,—жалъ, очень жаль!..

— Скажите, пожалуйста,—въ свою очередь спросилъ я Владимира:—въ какихъ вы отношеніяхъ съ Еленой?.. мнѣ кажется, не въ особенно хорошихъ? а? почему такъ?..

Владимиръ засмѣялся.

— Въ какихъ отношеніяхъ?—отвѣчалъ онъ серьезно:—да, пожалуй, ни въ какихъ... Елена очень самолюбива, самостоятельна по-своему, но, сама того не замѣчая, находится подъ сильнымъ вліяніемъ своихъ близкихъ... ну, а эти прямо ненавидятъ меня... Да, съ ней трудно ладить... я думалъ, вы имѣете большое вліяніе, а если нѣтъ, то дѣло плохо!..

— То-есть?—спросилъ я.

— Придется вамъ пановать, большимъ баринномъ жить...

— Нѣтъ, этого не будетъ!—вскричалъ я горячо.

— Дай Богъ, дай Богъ!.. но только моя жена не вѣрится...

— Онѣ знакомы развѣ?..

— Разъ встрѣтились какъ-то, и кажется, ни та, ни другая больше видѣться не желаютъ. Народъ, дѣйствительно, разный!..

— Я просилъ бы васъ съ братомъ побывать у насъ на-дняхъ,—говорилъ я прощаясь.—Мнѣ, пожалуй, скоро не придется пріѣхать.

— Что-жъ, отчего не побывать!..—согласился Владимиръ,—только работы много... Впрочемъ, пріѣдемъ въ воскресенье!

Неохотно оставилъ я маленькое общество, въ которомъ мнѣ было такъ хорошо, и которое меня понимало. Особенно тепло и мягко относилась ко мнѣ жена Владимира. Вѣроятно, она женскимъ чутьемъ понимала ненормальность моего положенія.

Не слѣшилъ я къ себѣ домой и поѣхалъ дальней дорогой, чтобы побыть одному съ моими безпокойными мыслями. На-встрѣчу мнѣ попадались татары, верхомъ и съ арбами. Какія спокойныя лица!.. спокойныя и въ осанкѣ и фигурѣ!.. дремлетъ мысль!.. скользятъ ихъ взоры по привычнымъ знакомымъ вершинамъ, и ровно, ровно бьются сердца!..

Дѣти горъ, вы счастливы подъ роднымъ небомъ, среди утесовъ и близкаго моря! Но я покину скоро чудныя мѣста! Перемѣни-

лась, не узнаю я Елены... «А что,—думалъ ея,—если она всегда была такая, если нѣтъ переменъ?.. Она увлеклась мною и только! Тогда зачѣмъ все это?.. и ребенокъ, и смерть, и, наконецъ, настоящая неопредѣленность... зачѣмъ?.. надо кончить, покончить все разомъ... Она молода, богата... и пусть живетъ, какъ хочетъ!.. Если такъ, то нечего думать и мучиться.. но если она любитъ?.. и ей потерять вслѣдъ за ребенкомъ мужа!».

Я рѣшилъ, что все должно быть ясно.

Дома я уже засталъ гостей. Изъ сада несся веселый женскій смѣхъ, среди зелени блисталъ самоваръ, звенѣла посуда, черезъ дворъ перебѣгала прислуга.

Я пошелъ переодѣваться.

Черезъ десять минутъ я сидѣлъ среди общества женщинъ и дѣвушекъ, красивыхъ и милыхъ, желавшихъ говорить, «болтать» безъ умолка, безъ передышки... Елена развеселилась и видимо была довольна гостями. Очевидно, ей понравилось, что я умылся и приодѣлся. Она очень любезно предложила мнѣ чаю.

— Ну, что, какъ поживаютъ господа угольщики?—засмѣялась жена,—я имъ уже рассказала... хотятъ познакомиться съ оригиналами!..

— Они хотѣли у насъ быть въ воскресенье,—отвѣчалъ я сухо.

— Ну, вотъ и отлично. Послушаемъ умныхъ рѣчей!

Всѣ засмѣялись. Сестра Елены объяснила, что вездѣ говорятъ объ угольныхъ операціяхъ. Кандидаты университета конкурируютъ и отбиваютъ хлѣбъ у татаръ. Но, замѣтивъ, что такія шутки мнѣ не нравятся, дамы перемѣнили разговоръ. Кто за кого вышелъ замужъ, кто на комъ намѣревается жениться, въ кого кто влюбленъ,—все это сообщалось наперерывъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Елена слушала, спрашивала, интересовалась.

— А въ монастырь насъ свезете?..—спросила меня вдругъ кокетливая блондинка.

— Когда?—машинально отвѣчалъ я и прибавилъ:—мнѣ надо отчетъ провѣрить, работы много...

— Мы и безъ него поѣдемъ!—вскричала Елена. — Лучше въ своей компаніи... женской,—поправилась жена.

Дамы посмотрѣли на меня кисло, съ нѣкоторой жалостью. Можетъ быть, подумалъ: «бѣдная Елена, какой у нея мужъ, совсѣмъ неинтересный!»

Такимъ образомъ у насъ на хуторѣ зажили весело. Начались поѣздки, навѣщали гости, обѣдали, закусывали, устраивали чай въ горахъ, на водопадѣ.

Были Владимиръ съ братомъ. Провели почти цѣлый день, но Еленой были приняты довольно холодно.

— Ну, что, какъ дѣла?—спросилъ Владимиръ.

— Плохо, еще не говорилъ...

— А весело у васъ!.. мѣсто больно хорошее!..—задумался онъ, глядя на чудную панораму горъ изъ оконъ моего кабинета.

Послѣднее время я употребилъ на расчеты. Нужно было все привести въ порядокъ, все, что было записано на клочкахъ и въ записной книжкѣ, нужно было ввести въ общую книгу и подсчитать приходъ съ расходомъ; также собрать съ покупателей деньги за лѣсъ и вообще сдать хозяйство и деньги полностью, какъ это всегда дѣлается въ экономіяхъ.

Я совершенно освоивался съ мыслью покинуть Крымъ. Мнѣ даже казалось страннымъ мое здѣсь пребываніе, точно сонъ какой-то, а все то, что наяву было, все свершалось не здѣсь, а тамъ на сѣверѣ, гдѣ я тѣсно былъ связанъ и съ людьми и съ жизнью, и гдѣ я начиналъ жить.

Проходили дни, и я все ждалъ объясненія, ждалъ, чтобы переговорить съ Еленой. Уѣхать я рѣшилъ на зиму и уѣхать одному безъ жены.

Однажды въ компаніи гостей, возвращаясь съ прогулки, мы съ Еленой очутились вмѣстѣ.

— Елена, мнѣ нужно въ Петербургъ съѣздить и къ матери,—заговорилъ я съ женой. Она замедлила шаги.

— Ну, что жъ, поѣзжай!..—проговорила тихо Елена.

— А ты какъ же?.. здѣсь останешься?

— Тебѣ-то не все ли равно?.. Вѣдь ты ѣдешь по своимъ дѣламъ.

На словѣ «своимъ» она сдѣлала удареніе.

— Да, но все-таки нужно обсудить, какъ мы проведемъ зиму, и что будетъ дальше,—началъ я.

— Дѣйствительно интересно, что будетъ дальше,—повторила она.

— Я думаю, что такъ, какъ мы живемъ, жить невозможно.

— Ты думаешь?..—вспыхнула Елена, но помолчавъ добавила:—потомъ поговоримъ, я тебя нисколько не стѣсняю...

«Вотъ и отлично,—подумалъ я,—все ближе къ цѣли»,—и началъ понемногу собираться въ путь. Скоро домашніе уже знали, что я уѣзжаю въ Россію.

Гости наши наконецъ собрались уѣзжать. Очень звали съ собой Елену, которая обѣщалась пріѣхать къ нимъ на берегъ моря черезъ недѣлю.

— Прогоните свою жену, — говорили мнѣ дамы:—что ей здѣсь скучать одной?.. Она такая стала нервная, нужно непременно поправиться.

Я пожималъ плечами и говорилъ, что это зависитъ отъ нея самой: хочетъ ѣхать или оставаться—ея дѣло.

Елена осталась.

Опять нервная, озабоченная, она избѣгала со мной объясненія. Мнѣ это было и странно и досадно. Зачѣмъ такъ?.. Ужъ не думала ли

такимъ образомъ она удержать меня? Нѣтъ, напрасно! Мое терпѣніе переполнялось, тѣмъ болѣе, что я получилъ письмо, въ которомъ мнѣ сообщили о печальныхъ событіяхъ. Что тамъ наконецъ?.. Надо ѣхать.

Несмотря на нѣкоторые промахи, хозяйство было въ порядкѣ. Никто не имѣлъ права сказать, что я баловался и вель дѣло «на авось». Сергѣй нѣсколько разъ повторялъ: «если поменьше увлеченія, то изъ меня долженъ выйти путный хозяинъ».

Все-таки наступилъ день объясненія. Я возвратился отъ Владимира и нашелъ свою жену въ саду въ бесѣдкѣ. Въ домѣ было тихо, на дворѣ ни души. Особенно скучно показалось мнѣ въ этотъ день на нашемъ хуторѣ.

Елена сидѣла, задумавшись. Я приступилъ прямо къ дѣлу.

— Завтра, Елена, я думаю ѣхать,—началъ я. Она вздрогнула и сказала:

— Тебѣ нравится тамъ у нихъ, у этихъ... угольщикова.

— Да, нравится, и я твердо увѣренъ, что «угольщики» живутъ вполне по-человѣчески.

— Не такъ, какъ мы съ тобою,—горько улыбулась она.

— Вѣрно. Но, Елена, и мы можемъ устроиться, если бы ты захотѣла,—заговорилъ я съ ней мягко.—Нельзя же жить только для себя, да еще когда представляется возможность... Ты послушай хорошенько...

Елена сдѣлала нервное движеніе.

— Я тебя прошу...

— Хорошо. Говори, только, пожалуйста, не объ этихъ «угольщикахъ»...

— Представляется возможность,—продолжалъ я:—устроиться разумнѣе и принести пользу другимъ. Половины доходовъ съ хутора для насъ болѣе чѣмъ довольно... Ты во всякомъ случаѣ ни въ чемъ не будешь нуждаться... Положимъ, потребуются небольшія затраты, но и это пустяки: цѣнность хутора лишь увеличится. Я думаю, Елена, отдѣлать десятины пятьдесятъ, построить большой домъ и устроить интеллигентную общину, пригласивъ желающихъ молодыхъ людей, конечно, хорошихъ и съ извѣстнымъ направленіемъ...

Елена слушала и все съ большимъ и большимъ любопытствомъ посматривала на меня. Я же началъ увлекаться.

— Подумай, что тогда будетъ, — говорилъ я,—какъ оживится наша безлюдная мѣстность... Вѣдь народъ будетъ жить общественной жизнью, интересовъ масса, и сельскохозяйственныхъ и всякихъ другихъ... Заведемъ мастерскія, садоводство и огородничество усовершенствуемъ... Я одинъ, конечно, не могу этого сдѣлать, но, повторяю, насъ будетъ много, и мы...

— Сколько же?—спросила Елена.

— Право, не знаю. Я поѣду и приглашу, ну, человѣкъ пять-рыхъ... Выработаемъ совмѣстно съ ними планъ, условія, и къ веснѣ приѣдемъ на работы...

— Приѣдете къ веснѣ!..—машинально повторила Елена, смотря куда-то въ даль.

— Можно и нѣсколько раньше... Постройку дома можно начать теперь, и безъ меня присмотрять, я попросилъ бы Сергѣя и Владимира...

— И ты думаешь, что Сергѣй вмѣшался бы въ это... дѣло?

— Думаю... почему же?..

— И все это ты говоришь серьезно и думаешь, что я буду согласна?..—посмотрѣла на меня жена.

— Я о тебѣ былъ хорошаго мнѣнія... Ты не эгоистка!

Елена засмѣялась и повела плечами.

— Благодарю. Но я не мечтатель, надъ которымъ бы можно смѣяться!.. понимаешь?!..

— Нѣтъ. Понимаешь, что всѣ... да, всѣ смѣются надъ вашими затѣями и думаютъ, что онѣ къ добру не приведутъ...

— Вотъ какъ!..—началъ я соображать.

— Да, такъ!.. И я говорить о твоихъ планахъ... не намѣрена. Можешь ихъ исполнять гдѣ угодно, только не здѣсь... Земля и хуторъ мой, и вотъ мое послѣднее слово: «быть или помѣщикомъ или социалистомъ!».

Я не произнесъ ни слова. Машинально пошелъ въ конюшню, осѣдлалъ лошадь и поѣхалъ на «новый» хуторъ. Въ моей головѣ носилась только одна эта ужасная фраза: «помѣщикомъ или социалистомъ!».

Все кончено. Компромисса не существовало. «Такъ жестоко и такъ рѣзко!—думалъ я:—откуда у нея?». И опять эта фраза звучитъ холодно и насмѣшливо!.. «Помѣщикомъ или социалистомъ!»—загудѣлъ въ уцельѣ вѣтеръ; «помѣщикомъ или социалистомъ!»—отчетливо выбивала копытами лошадь. Что это?! Скорѣй!.. И я бѣшено поскакалъ по дорогѣ на хуторъ.

«Хуторяне», вѣроятно, по моему разстроенному виду поняли, что случилось бѣда. Я не могъ говорить и попросилъ воды. Когда нѣсколько успокоился, я рассказалъ все подробно.

Меня слушали мочла и печально. Помню, особенно хорошо и мягко смотрѣла на меня жена Владимира.

— Очень жаль!—произнесъ послѣдній.—Вѣроятно, хуторъ пойдетъ въ аренду къ какому нибудь греку. Жаль!.. ужь очень хорошее мѣсто, прямо «золотое», какъ говорятъ болгары. Какихъ только дѣловъ можно надѣлать на такой землѣ!.. Ну, что же!.. Скоро ѣдете?..

— Завтра,—отвѣчалъ я.

Почти цѣлый день провелъ я на хуторѣ. Владимиръ не сталъ работать, и мы сидѣли съ нимъ, соображая, что меня ждетъ на сѣверѣ, и какъ я устроюсь.

Простились сердечно, и я уѣхалъ.

Вечеромъ я сдалъ Еленѣ деньги, счета и сказалъ, что ѣду завтра утромъ. Она была почти безмолвна, приняла отъ меня все молча и заперла снова въ столъ.

Я приказалъ рано утромъ приготовить лошадей, чтобы отвезти меня въ городъ. Рабочимъ и прислугѣ сказалъ, что ѣду на нѣсколько мѣсяцевъ въ Россію.

Я не спалъ и ждалъ разсвѣта. Вещи мои были приготовлены. Собака не отходила отъ меня ни на шагъ, не спуская съ меня своего печальнаго взора. Мнѣ было жаль ее.

Утро выдалось сѣренькое, и когда мы тронулись въ дорогу, началъ моросить мелкій дождь. Горы были покрыты туманомъ. Было тихо совершенно. Но когда колеса перестали стучать по камню и покатались по мягкому лугу, до меня донесся жалобный вой моей собаки. Я плотнѣе закутался въ бурку, и рѣзкая боль защемила мое сердце.

XVIII.

Опять на родинѣ. Та же «тишь да гладь» въ глухомъ переулкѣ. Серьезнѣе, суровѣе выглядитъ матушка. Покачнулся въ саду ветхій заборъ и засохла большая старая липа, та липа, подъ вѣтвями которой «тогда» мы сидѣли съ блѣдной дѣвушкой. Гдѣ она? и что съ ней?.. и я ходилъ по дорожкамъ сада и думалъ о «ней». Сухіе, желтые листья тихо шумѣли подъ ногами, блѣдно свѣтило солнце, и умирающая зелень сада производила грустное впечатлѣніе. Немного прошло времени съ тѣхъ поръ, когда здѣсь въ этомъ саду мое сердце билось свѣтлыми надеждами, и я вѣрилъ такъ безотчетно. А теперь? Смутная тревога, неизвѣстность впереди, разладъ въ самомъ себѣ, всѣ характерные признаки человѣка, выбитаго изъ колеи, охватили меня въ старомъ саду.

Долго я ходилъ по дорожкамъ и наконецъ присѣлъ на почти сгнившую скамейку. Живо мнѣ вспомнился послѣдній вечеръ, и луна, и сирень, и ласково шумѣвшая старая липа.

Я вздрогнулъ. Что это? Сухая вѣтвь упала къ моимъ ногамъ, словно еще разъ хотѣла напомнить о прошломъ старая липа.

Да, я помнилъ и страдалъ. Страдалъ потому, что сознавалъ, что не надо было «тогда» покидать родного гнѣзда и мѣнять его на чуждое, декоративное. Здѣсь было такъ просто, такъ тихо и блѣдно, но надъ всѣмъ вѣяло искренностью и любовью. Въ старомъ заброшенномъ саду, можетъ быть, и грустно, но и нѣтъ здѣсь гордости и злобы.

И мнѣ хотѣлось видѣться съ «ней» именно здѣсь, въ саду, теперь, въ этотъ тихій осенній день. Мнѣ хотѣлось бы повѣдать печаль моего сердца, хотѣлось рассказать такъ, чтобы меня поняли и пожалѣли. Но имѣю ли я на это право? И кто можетъ меня понять? И чѣмъ больше я думалъ о «ней», тѣмъ чувствовалъ себя болѣе виновнымъ, грубымъ, и не надѣялся на теплое участие, на возвратъ былого. Придетъ снова весна, но не распустится старая липа и не станетъ больше давать широкой таинственной тѣни, при блѣдномъ сіяніи луны. И я сидѣлъ и вспоминалъ. Вонъ тотъ кустъ сирени, около котораго въ послѣдній разъ мелькнуло ея бѣлое платье. О, какъ бы я былъ счастливъ, если бы теперь она вернулась снова! Но, нѣтъ, тогда цвѣла душистая сирень, а теперь въ грязи пожелтѣвшіе ея листья.

И все дороже и дороже становилась для меня дѣвушка, съ которой я такъ чисто и благородно вѣрилъ и надѣялся, и самъ я былъ тогда тоже чистый, свободный. Я ждалъ и томился, чтобы «ее» увидѣть. Я спрашивалъ о ней матушку.

— Что тебѣ?.. говорила она.—Придетъ вѣрно... всегда о тебѣ спрашивала,—и потомъ, подумавъ, прибавила:—уѣхалъ тогда,—что слезъ и горя было!.. Но прошло не воротись!..

Опять это безвозвратное прошлое!.. Матушка вздыхала и качала головой.

Я рассказалъ ей свою грустную повѣсть. Матушка и страдала и радовалась вмѣстѣ: вѣдь, теперь я снова съ ней, по крайней мѣрѣ, буду недалеко. Она впрочемъ знала, что я скоро уѣду, но не надолго.

Наконецъ, мы встрѣтились съ ней, не въ саду, а въ домѣ. Помню, осенній дождь, не переставая, лилъ съ самаго утра, вѣтеръ срывалъ десятками желтые листья, которые падали на мокрую землю. Сѣрые тучи низко неслись съ сѣвера. Было холодно и сыро. Дѣвушка куталась въ платокъ и по временамъ вздрагивала.

Мнѣ было и неловко и хорошо. Мнѣ не хотѣлось говорить, но только быть въ ея присутствіи. Деликатность и женственность окружали ея стройную фигуру. Она почти не перемѣнилась, но стала еще замкнутѣе, еще сосредоточеннѣе, словно она хранила драгоценность въ самой глубинѣ своего сердца.

— И вы живете, какъ прежде, одинокой и?.. спрашивалъ я.

— Нѣтъ, у меня есть занятіе, которому я отдалась совершенно,—отвѣчала скромная дѣвушка.

— Знаю,—говорилъ я,—но...

Разговоръ у насъ не вязался, словно кто-то намъ мѣшалъ рассказать другъ другу тѣ сокровенныя мысли, полныя горячаго чувства, которыми мы такъ дорожили. Мы чего-то боялись. Не знаю, но, можетъ быть, она не довѣрила мнѣ, какъ прежде. Но мы были вмѣстѣ, и намъ было хорошо.

— Вы опять скоро уѣдете?—спрашивала она спокойно.
 — Да, приходится начинать сначала, и думать и работать.
 — А туда, въ Крымъ, больше не поѣдете?..
 — Нѣтъ,—отвѣчалъ я, и мнѣ хотѣлось сказать, почему не поѣду, и что со мною тамъ было, но я не говорилъ и смотрѣлъ въ окно, какъ вѣтеръ качалъ вѣтки старой липы.

Дѣвушка вздыхала и нервно вздрагивала.

Недолгія были наши свиданья и мимолетны бесѣды, но помнятся и такъ свѣжи прошедшіе дни. Дождь, однако, не переставалъ, и мы не посѣтили ни разу стараго сада.

Скоро я покинулъ родной городъ, въ которомъ осталось и недоговоренное и дорогое. Тихая печаль не покидала меня дорогой; впрочемъ это была хорошая печаль, точно баюкавшая мое ноющее сердце.

Спокойствіе было нужно мнѣ и даже очень. Я долженъ былъ дѣйствительно снова входить въ новую колею и найти тѣ связи, которыя, если не порвались, то значительно ослабѣли. Въ тѣ годы жизнь шла необыкновенно быстро среди молодого поколѣнія. Одни уходили, другіе выступали. Жизнь давала людей, но она же ихъ и брала. Разночинецъ все больше выдвигался, какъ дѣятельный и энергичный элементъ. Изъ глубины Россіи появлялись люди и ставили живые вопросы,—вопросы, рѣшеніе которыхъ назрѣло или назрѣвало. Раскачалась проснувшаяся, но неустроенная Россія и потребовала къ себѣ должнаго вниманія.

Но было ли оно ей оказано? и кѣмъ?

Только чуткими людьми, не обладавшими никакими другими средствами, кромѣ пылкаго сердца и горячей головы.

Они отвѣчали на жгучіе вопросы, и они жертвовали собой безъ страха и сожалѣнія. «Такъ было надо». Таковъ былъ и есть историческій законъ.

Могущіе не понимали или не хотѣли понимать—неопытные или гибли или бились, какъ рыба объ ледъ, желая внести свою скудную лепту въ народное обновленіе. На почвѣ любви и самопожертвованія возникала борьба, принимавшая порой слѣпой характеръ.

Желающіе положить душу за народъ не умѣли сказать съ нимъ, этимъ народомъ, нѣсколькихъ словъ, и народъ не понималъ ихъ и не довѣрялъ и охотно въ то же время имѣлъ дѣло съ кулаками, которые прекрасно знали мужика и превосходно его эксплуатировали. Получалось трагико-комическое положеніе.

Такимъ образомъ теоретически разрѣшаемые вопросы приводили не только къ безконечнымъ спорамъ, но къ выводамъ разнообразнымъ и прямо противоположнымъ.

— Надо учить и учить народъ!—говорили одни.

— Прежде чѣмъ учить, надо накормить народъ!—горячо возражали другіе.

— Разбудить его надо!.. предлагали третьи.

А этотъ народъ, словно загадочный сфинксъ, молчалъ и продолжалъ жить и работать, продолжалъ недоувѣрчиво относиться къ всему скоропреходящему, не своему, ненародному, непочвенному. Народъ боролся и хлопоталъ за свои мѣстные интересы, совершенно для него понятные, которые требовали и вниманія и защиты, потому что и деревенская жизнь съ каждымъ годомъ усложнялась и становилась труднѣе и въ нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ.

Вотъ въ какое время я пріѣхалъ въ столицу и на первыхъ порахъ былъ ошеломленъ всей этой путаницей и суматохой. Я сталъ искать людей или кружка, поставившаго себѣ задачей постепенное сближеніе съ народомъ. Скоро я нашелъ почти такихъ людей.

XIX.

Кружокъ, съ которымъ я вскорѣ по пріѣздѣ познакомился, состоялъ изъ нѣсколькихъ дѣвушекъ и молодыхъ людей, пылкихъ, искреннихъ и очень симпатичныхъ. Дѣвушки были вдумчивыя, серьезныя: онѣ принадлежали къ хорошимъ русскимъ семьямъ, были прекрасно воспитаны и получили солидное образованіе, однѣ въ Россіи, другія за границей.

Эти красивыя, талантливыя дѣвушки отказались отъ личнаго счастья, которое имъ было совершенно доступно, охваченныя идеей личнаго совершенствованія, рѣшили сдѣлаться простыми работницами и раздѣлять съ народомъ горе и нужду въ его положеніи. Ихъ не смущала обстановка, грубость нравовъ и тяжелый трудъ, нѣтъ, онѣ, какъ дѣти, несли туда свое нѣжное сердце и полное довѣріе. Въ своей благородной простотѣ онѣ никому не казались особенными, героинями, нѣтъ и нѣтъ—это были простыя русскія дѣвушки, только очень чуткія и очень энергичныя.

Кромѣ того, онѣ были увѣрены, что будутъ дѣлать хорошее дѣло, внося свѣтъ и надежду въ темные углы Россіи, и кто же имъ помѣшаетъ въ этомъ?! кто броситъ въ нихъ камень и скажетъ имъ: «прочь съ дороги»?

Онѣ не думали этого, онѣ были спокойны и безпокоились только о томъ, хватить ли силъ и энергіи, чтобы не отступить и «не бѣжать съ поля сраженія». Отучая себя отъ удобствъ и комфорта, онѣ жили въ сравнительно бѣдной обстановкѣ, носили грубую обувь и почти не думали объ ѣдѣ, объ отдыхѣ. Постоянно живыя, привѣтливыя, онѣ влекли къ себѣ неудержимо. Въ ихъ обществѣ царила непринужденность вмѣстѣ съ тонкой деликатностью. Несмотря на возрастъ, изящество и женственность фигуръ, непринужденный смѣхъ и говоръ въ ихъ маленькихъ комнаткахъ и постоянное присутствіе молодыхъ людей, кромѣ чистыхъ помысловъ

и высокихъ темъ разговора, ничего, повторяю, въ жилищѣ идеалистовъ не было и быть не могло. Слишкомъ высокое и при томъ искреннее уваженіе ихъ окружало, чтобы помыслы могли быть не благородные.

Въ своемъ увлеченіи дѣвушки увѣряли, что любовь—роскошь и не необходимость: пусть любятъ, выходятъ замужъ тѣ, которыя не могутъ идти за ними.

Въ то время въ извѣстныхъ кружкахъ въ такомъ возрѣніи не находили ничего парадоксальнаго.

Были братья и сестры, или, вѣрнѣе, были друзья, тѣсно связанные между собою широкой общечеловѣческой любовью. Эта любовь ставилась выше личности...

Въ такой атмосферѣ и при постоянномъ подъемѣ духа я проводилъ время. Я былъ у нихъ своимъ человѣкомъ и желаннымъ товарищемъ. Онѣ вѣрили мнѣ, но не соглашались со мной. Въ чемъ? Въ томъ, что я сомнѣвался въ широкой постановкѣ сближенія и вліянія на народъ.

— Вы народа не знаете,—говорилъ я.—Не знаете его особенностей.

— Какіе пустяки! всѣ люди одинаковы, но условія разныя—вотъ и все!.. русскій ли народъ, французскій—не все ли равно!..

— Разница есть,—возражалъ я,—въ Россіи общинное хозяйство.

— И въ Европѣ было то же!—перебивали меня.

— Россія страна исключительно земледѣльческая, поэтому необходимо вниманіе обратить на деревню и хорошенько изучить послѣднюю. Вѣдь, мы въ самомъ дѣлѣ очень мало знаемъ, а говоримъ...

Я продолжалъ настаивать на изученіи народной жизни и на приспособленіи къ народу и къ условіямъ его жизни. Я указывалъ на деревню и на постоянное мѣстожителство, при которомъ только и можно быть полезнымъ. Я лепѣлъ въ душѣ своей мысль осуществить интеллигентную общину, какъ школу свободнаго земледѣльческаго труда и какъ исходную точку для народившейся массы разночинцевъ этого элемента интеллигентнаго пролетаріата. Я и теперь думаю и увѣренъ, что «открыть такой клапанъ» было и необходимо и положительно полезно во всѣхъ отношеніяхъ. Нужно было помочь сліянію интеллигенціи съ народомъ, каждый бы научился другъ у друга многому.

Но въ этихъ дѣвушкахъ идея первенствовала.

Когда теперь я о нихъ вспоминаю, я думаю, что влекло къ нимъ, и чѣмъ онѣ притягивали къ себѣ. Тѣмъ, что слова воплощались въ дѣло, и тѣмъ, что у нихъ было хорошее сердце.

Живо встаютъ передо мной ихъ фигуры. Молодая, свѣжія и изящная въ своей простотѣ, которая шла къ нимъ гораздо больше, нежели всѣ модные, изящные костюмы города Парижа. Свѣтлый,

ясный взглядъ, мягкая улыбка и дѣтская, упрямая вѣра въ себя. Онѣ были спокойны въ своихъ мечтахъ и надеждѣ—онѣ думали, что иначе быть не можетъ.

Атмосфера этого кружка носила въ себѣ нѣчто увлекающее, зовущее, манящее къ свѣту и простору.

Итакъ мирная пропаганда идеи братства и любви связала молодежь въ тѣсно-сплоченный кружокъ.

Въ самомъ дѣлѣ, у нихъ было такъ уютно, тепло и спокойно. Чистая, дѣтская вѣра и ни ненависти, ни негодованія.

Не то было въ другихъ кружкахъ, гдѣ уже появилась «политика», которая, по моему мнѣнію, еще тогда указывала на вскорѣ случившійся поворотъ отъ вѣры къ полному недовѣрію, а затѣмъ и къ отчаянію.

Я не посѣщалъ тѣхъ кружковъ, которые очень шумѣли, и о которыхъ много говорили.

Я продолжалъ искать возможности устроиться въ деревнѣ, но теперь это было не легко, было мало желающихъ, а тѣ, которые и не прочь были сѣсть на землю, имѣли слишкомъ широкіе планы, для меня не совѣмъ подходящіе.

Я желалъ продолжать начатое, хотѣлъ вполне реально выяснитъ нужды деревни и на мѣстѣ изучить условія и строй народной жизни.

XX.

Кто виноватъ во всемъ случившемся послѣ,—это дѣло исторіи. Я уѣхалъ въ деревню не съ такими радужными надеждами и свѣтлыми чувствами, какъ въ первый разъ. Сомнѣніе, закравшееся въ мою душу во время моего пребыванія въ столицѣ, не покидало меня дорогой.

Безпочвенность, борьба маленькими силами противъ крупной организаціи и исторически сложившихся условій русской жизни, все это было для меня непонятно и даже странно.

Народъ былъ забытъ. Хлынувшая было въ его среду волна интеллигенціи также и отхлынула. Совершенно, какъ на морѣ, былъ приливъ, за которымъ послѣдовалъ отливъ.

Если бы эти приливы не были рѣдкостью, а частыми правильными приboями,—тогда, да, тогда, по моему горячему убѣжденію, не было бы того, что случилось.

Я ѣхалъ въ глухую деревню, куда не проникла еще промышленность, и гдѣ край находился въ естественныхъ исключительно земледѣльческихъ условіяхъ. Мужикъ былъ нетронутый, земляной и крайне наивный.

Отъ всей этой мѣстности вѣяло тихой, печальной поэзіей желтыхъ, песчаныхъ полей, перелѣсковъ, съ ельничкомъ да березнич-

комъ, грустныхъ, будто боязливо текущихъ по опушкамъ лѣсовъ небольшихъ рѣчекъ.

Все здѣсь было свое, все гармонировало съ окружающимъ, и пѣсни, и сказки, и привычки... Все было бѣдно и сѣро. Бѣденъ и сѣръ былъ крестьянинъ, на которомъ лежала печать покорности вмѣстѣ съ вѣрой въ природу, въ ея силы и покровительство. «Вѣдь вонъ зеленѣетъ елочка, и кудрявится береза на почти сухой, бесплодной почвѣ, и насъ прокормить Господь, потрудимся, и хлѣбъ будетъ и картошка!»

Живутъ и живутъ, живутъ обществами, гдѣ дружно, а гдѣ въ разладѣ и то въ малыхъ дѣлахъ, а когда дѣло большое, касающееся всякаго, то друженъ крестьянскій миръ и вѣренъ и основателенъ его приговоръ.

Здѣсь я еще больше полюбилъ мужика за его сердечную простоту, за тихую вдумчивость и безпредметную мечтательность.

Сумраченъ крестьянинъ въ концѣ зимы, когда подъѣдаетъ семья послѣдній хлѣбъ, и у скотины отъ безкормицы подвело бока. Грустно, жутко тогда въ деревнѣ.

Но вотъ проглянуло солнце, побѣжали съ горъ потоки, вскрылись рѣки, и ожилъ лѣсъ. Показалась свѣтло-зеленая травка, и худой, едва передвигающій ноги скотъ вышелъ на волю, на солныце, на едва пробивающуюся зелень.

«Хорошо! больно хорошо!—говорить, грѣясь на солнцѣ, старикъ и прибавляетъ:—дружная весна, урожай, должно, хорошій будетъ. Ишь солнышко грѣетъ!»—и довольно улыбается и щуритъ глаза отъ весенняго яркаго солнца.

Я жилъ среди этого народа, по временамъ вспоминая о родинѣ, о Крымѣ, объ Еленѣ и «той дѣвушкѣ», и тихая грусть томила мое сердце и влекла порой туда, гдѣ прошла моя молодость съ ея грезами и мечтами. То были свѣтлыя мечты надеждъ и упованій, не такія, которыя я теперь носилъ въ моемъ сердцѣ, эти мечты робкія, тихія, то пробуждающіяся, то засыпающія. Вокругъ такъ сѣро и прозаично.

День не даетъ новыхъ впечатлѣній и проходитъ въ работѣ незамѣтно.

Пережитому и привыкшему къ впечатлѣніямъ уму и сердцу было не совсѣмъ хорошо въ сѣрой обстановкѣ.

Тянуло въ другія мѣста, къ другой жизни, къ другимъ людямъ. И я уходилъ и возвращался снова въ тѣ же тихія мѣста.

Шли годы. Событія слѣдовали, но не отражались почти ничѣмъ въ глухой деревнѣ: та же жизнь, безъ перемѣнъ, безъ тревоженій, кромѣ однѣхъ естественныхъ заботъ земледѣльца.

Но было въ этой тишинѣ что-то такое, что привязывало и успокоивало тоскующее сердце. Я понималъ, что слишкомъ проста, правдива сама жизнь, идущая медленно, но тѣсно, совсѣмъ близко

связанная съ природой. И не я одинъ чувствовалъ, жаждалъ этого покоя и этой простоты.

Въ нашихъ мѣстахъ жилъ богатый землевладѣлецъ, но жилъ наѣздами, больше лѣтомъ и осенью, а прочее время проводилъ въ Парижѣ. Это былъ культурный человѣкъ и на всякія народническія тенденціи смотрѣлъ, какъ на нѣчно наивное и даже нелѣпое. Онъ добродушно смѣялся надъ русскими порядками и не вѣрилъ въ обновленіе Россіи, а говорилъ, что она останется въ невѣжествѣ и дикомъ состояніи, и народы Европы вытѣснятъ русскихъ за Уралъ въ Азію.

И что-жь?! Этотъ культурный человѣкъ, никогда не служившій, ни подъ какимъ видомъ не принимавшій на себя даже почетныхъ обязанностей, вдругъ сталъ подолгу оставаться въ Россіи и дожидаться очередной сессіи суда въ уѣздномъ городѣ.

Однажды онъ случайно попалъ (не успѣлъ во время отстраниться) въ присяжные засѣдатели, попалъ и былъ очень доволенъ. Большинство судей были крестьяне, сѣрые лапотники. Судили они по-своему, взвѣшивая и соображаясь съ обстоятельствами, да еще какъ!

Парижанинъ былъ пораженъ и увлекся.

Судили сына священника. Очень хорошій и душевный батюшка, любимый крестьянами. Сынъ поворовывать началъ, совсѣмъ пропащій молодой человѣкъ... Чего тутъ разговаривать, когда попался, съ личнымъ... уличенъ? Виновень, и кончено!. По крайней мѣрѣ, я такъ думалъ и ни минуты не сомнѣвался въ обвинительномъ приговорѣ.

Вышло, однако, другое и, признаюсь, для меня неожиданное.

— Оправитъ надо!.. отпустить!.. началъ одинъ.

— Что вы? какъ?—говорю. Вѣдь укралъ, доказано!..

— Укралъ, какъ не укралъ, да дѣло-то тутъ... особенное... родителя надо пожалѣть... какой ни на есть, а сынъ, свое дитя, кровное!.. Батюшка у насъ хорошій человѣкъ, да незадачливый!.. Одного сына «изъ ученыхъ» услали, вишь, тотъ не воръ былъ, худого не знаемъ, а нѣтъ его, значитъ!.. Каково отцу-то!.. а если мы теперь и этого осудимъ,—старикъ совсѣмъ сиротой останется. Вотъ дѣла-то!.. Мы должны обсудить, каково горько старику-то!.. и то ему недолго жить осталось... Вотъ мы для отца-то, заслужилъ, вѣдь, онъ это, для отца, значитъ, оправимъ и отпустимъ малаго. Такъ-то!.. Не исправится, не броситъ баловать, все равно нашихъ рукъ не минуетъ. Т.-е. опять подъ судъ попадетъ,—пояснилъ мнѣ помѣщикъ.—Какъ это вамъ нравится?! а! и все такъ судили! Во всѣхъ подробностяхъ разберуть, по ниточкѣ... Очень интересно, я и не думалъ!.. Каждый годъ буду засѣдать съ ними!.. Нѣтъ, отказываться и не подумаю.

Повторяю, вдумчивость крестьянъ-земледѣльцевъ привлекала къ себѣ не одного парижанина, а многихъ. Вообще отношенія въ

краѣ были спокойныя. Мѣстность и занятія обыкновенно характеризуютъ нравы жителей. Торговое село далеко не представляетъ той простоты и простодушія, какъ земледѣльческое, хитрость и лукавство замѣняетъ во второмъ вдумчивость, а фабричное население рѣзко выдѣляется нервною и неустойчивою.

Тѣмъ не менѣе надъ всѣмъ этимъ преобладаютъ мѣстные интересы, которые одни только и понятны деревнѣ, въ мѣстныхъ интересахъ все: и политика, и социальное и экономическое устройство.

Община и міръ играютъ огромную роль.

Каждый интеллигентъ, желающій быть полезнымъ деревнѣ, долженъ изучить ее во всей совокупности ея сложной организаціи, понять назначеніе каждой, повидимому, съ перваго взгляда пустой функціи и нелѣпаго обычая. Я остановился на послѣднихъ соображеніяхъ потому, что по мірѣ изученія народной жизни на мѣстѣ задачи народныхъ дѣятелей становились труднѣе и были будничными, а не тѣми блестящими и героическими, которыя рисовались въ воображеніи проповѣдниковъ въ городѣ. Чтобы управлять народомъ, нужно знать народъ, знать его такъ же, какъ знаетъ мужикъ, а если такихъ знаній не имѣется, то не мѣшать самому народу устраивать свою жизнь.

Въ городахъ жизнь билась усиленнымъ пульсомъ, но деревня жила тихо, своими интересами, и все, что доходило изъ городовъ въ деревню, то долго, долго искало себѣ почвы и только тогда принималось, когда находило связь съ мѣстными интересами.

Я все больше и больше втягивался въ изученіе народной жизни и удивлялся, какъ сохранились обычаи, и какую огромную роль играли далекія традиціи общинно-мірской жизни, стремившіяся развернуться въ глубь и ширь, но сдерживаемыя въ тѣсныхъ рамкахъ новыми теченіями, далеко не согласными съ общимъ сельско-хозяйственнымъ строемъ земледѣльца.

Въ городахъ я терялъ связи, зато пріобрѣталъ ихъ въ деревнѣ. Но городъ продолжалъ меня порой тянуть неудержимо. Нападала необъяснимая тоска, и я бросалъ все и ѣхалъ туда, гдѣ скоро начиналъ скучать.

Елена просила развода, я не зналъ и не могъ на это рѣшиться: меня пугали формы и обстановка процесса. Я хотѣлъ и не могъ, не могъ просто физически.

Мелькомъ видѣлся съ «той блѣдной дѣвушкой», которая стала еще печальнѣе и сосредоточеннѣе. Мнѣ говорили о какихъ-то семейныхъ у нея неприятностяхъ.

Мое душевное одиночество сказывалось особенно сильно, когда я былъ на родинѣ. Я постоянно съ болѣзненнымъ вниманіемъ вспоминалъ время передъ отъѣздомъ въ Крымъ. Вспоминалъ и страдалъ и думалъ: «прошлое не воротить... но что же такое было въ этомъ прошломъ? почему оно мучило меня такъ неотвязно, такъ постоянно?»...

Шли годы. Погасаль внутренній огонь, холодный рассудокъ велъ меня по тѣсной дорогѣ, а тоска, не разставаясь со мной ни на минуту, шла, какъ вѣрная подруга... Усталъ я...

.

XXI.

«Печальная дѣвушка» вышла замужъ, Елена тоже хотѣла вступить въ новый бракъ и настойчивѣ просила развода. Я не могъ ей отказать и рѣшился исполнить ея просьбу, да и долженъ былъ такъ сдѣлать, потому что я ушелъ отъ нея, а не она.

Елена указала на адвоката.

Я былъ покоенъ и совершенно равнодушенъ къ предстоящему процессу. Во мнѣ появилось какое-то смутное любопытство.

Что это такое?!

Я былъ радъ, что неопредѣленное прошлое, всѣ мои старыя связи стануть не только опредѣленными, но и поконченными. Я буду совершенно свободенъ, и тревожная тоска покинетъ и оставить меня навсегда. Я буду самимъ собою, и мнѣ такъ нужна твердость духа.

До сихъ поръ я жилъ не одинъ. Женскіе образы, какъ призраки, мучили меня властно, жестоко. Я бывалъ постоянно во власти то одного, то другого призрака... Яркая фигура въ бѣломъ протягивала ко мнѣ руки и показывала дорогу... Куда? я не понималъ...

Въ то же время вдалекѣ среди зелени горъ меня манила къ себѣ другая фигура, блѣдная, едва видимая... только черные глаза ея сверкали и искрились...

Знакомые призраки. Елена и «та дѣвушка»! Разныя формы и положенія принимали ихъ образы, то одна, то другая, но постоянно со мной вмѣстѣ и тихою ночью и яснымъ и туманнымъ днемъ, и въ домѣ, и въ лѣсу, и надъ рѣкой, повсюду со мною.

Плачетъ, горько плачетъ та дѣвушка, закрывъ лицо прозрачными руками, и изъ-за этихъ рукъ я вижу, какъ катятся горькія слезы, и вижу, какъ вздрагиваетъ ея почти прозрачное тѣло, и мучусь и страдаю я съ ней вмѣстѣ... А Елена весело смѣется и съ жаднымъ любопытствомъ глядитъ, глядитъ на меня, точно хочетъ что сдѣлать со мною...

Но вотъ еще фигура, которая, заслонивъ собой эти образы, смотритъ на меня грустно страдальческимъ взоромъ.

И вотъ я жилъ, жилъ годами съ этими призраками, и не было у меня живого друга, который бы замѣнилъ, выгналъ ихъ изъ моего воображенія. Я жилъ съ ними, когда вокругъ меня кипѣла или застывала жизнь, я жилъ съ ними, когда весна все звала къ жизни, къ свѣту, я жилъ съ ними зимой, въ глухіе морозы и въ лѣтній жаркій день—они были со мною!

Но вотъ пришла пора, и я свободенъ.

Я ѣхалъ въ столицу, какъ дѣловой человѣкъ, по своимъ личнымъ дѣламъ, съ которыми мнѣ хотѣлось скорѣе развязаться и покончить ихъ всѣ разомъ. Тогда полная свобода.

Развѣ я не былъ свободенъ?.. да, въ самомъ дѣлѣ?.. Нѣтъ и нѣтъ!.. Они всегда были со мною, они владѣли мной и моею душой...

По приѣздѣ въ городъ, я не искалъ старыхъ друзей, изъ которыхъ нѣкоторые жили, устроившись, какъ пришлось, другіе—постаравшись для личнаго комфорта, а третьи погибли или, какъ я, затерялись въ глубинѣ Россіи.

Мнѣ не нужны были они теперь, я былъ занятъ только однимъ, лишь бы скорѣе!..

Мной овладѣло спокойствіе обыкновеннаго человѣкъ, я читалъ, писалъ и довольно терпѣливо ждалъ адвоката, который уѣхалъ на практику въ другой городъ.

Наконецъ сегодня начнется!..

Я иду на первое совѣщаніе по моему дѣлу. Неприятно, но любопытно. Я сосредоточенъ, углубленъ въ себя.

Роскошный домъ, элегантный подъездъ, ярко блеститъ на солнцѣ вычищенная мѣдная ручка двери, а чугунная дощечка съ фамиліей выглядитъ такъ серьезно, внушительно. Когда я дернулъ звонокъ, у меня забилося и замерло сердце...

«Отъ непривычки къ такимъ дѣламъ?!»... подумалъ я и спросилъ лакея, дома ли адвокатъ.

Человѣкъ шире растворилъ дверь, оглядѣлъ меня внимательно и впустилъ въ просторную переднюю, изъ которой я вошелъ въ пріемную. Надо было ждать очереди.

Какая роскошь!.. какой комфортъ!.. я совершенно отвыкъ и давно не былъ въ такой обстановкѣ... непривычно и неловко.

Сидятъ дама и кавалеръ. Она такая блѣдная, болѣзненная, въ черномъ платьѣ, онъ плотный, жирный, съ веснушками и въ пунцовомъ галстухѣ. Это—клиенты. Я тоже клиентъ. Раздаются звонки, входятъ другіе, нѣсколько враждебно посматривая на присутствующихъ и уже ожидающихъ очереди. Я сижу скромно въ уголкѣ. Передо мной открытая въ переднюю дверь, виднѣется дальше коридоръ.

Скучно. Скоро ли?..

По коридору пробѣжала дѣвушка и, взявъ съ вѣшалки какую-то одежду, быстро пошла обратно, бросивъ на ходу два слова лакею, который подошелъ къ двери, и, когда хотѣлъ ее затворить, въ коридорѣ показалась стройная фигура женщины въ элегантномъ костюмѣ. Я вздрогнулъ и поднялся ей навстрѣчу, почти машинально, безсознательно я протянулъ къ ней руки. Лакей отстранился съ недоумѣніемъ, горничная, съ пледомъ шедшая сзади, улыбалась.

Мы молча стояли другъ передъ другомъ.

— Вы здѣсь?.. не проговорила, а вздохнула этой фразой «она», та печальная дѣвушка.

— Я здѣсь по дѣлу, — отвѣчалъ я, и хотѣлъ ее спросить, но что спросить, не зналъ и припоминалъ, припоминалъ, но, кромѣ заглохшаго сада и старыхъ липъ, ничего не могъ припомнить.

— У моего мужа? — проговорила она тихо.

— Мужа! — вытаращила ея глаза. — Да, да, я слышалъ, — бормоталъ я, отступая въ приемную, а она пошла къ двери, которую человѣкъ держалъ уже давно открытой...

Я сидѣлъ въ креслѣ, какъ истуканъ, взволнованныя мысль и чувство перестали работать. Меня скоро попросили въ кабинетъ, и адвокатъ заговорилъ со мною любезно, предупредительно.

Я мало понималъ его рѣчь и машинально смотрѣлъ на него, его лицо, бѣлыя, мягкія руки, на жилетъ и цѣпочку отъ часовъ.

— Охотно, съ удовольствіемъ буду вести ваше дѣло... Слышалъ, слышалъ о васъ... жена говорила... Вы задумали отлично!.. Такой человѣкъ, какъ вы, долженъ дать свободу женщинѣ... даже въ ущербъ своимъ интересамъ.

«Какимъ интересамъ? — думалъ я. — Что онъ говорить?»

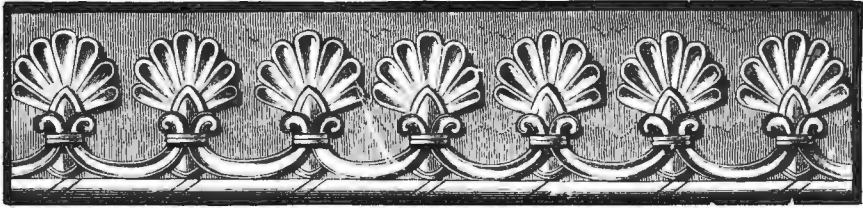
— Много слышалъ и о вашихъ увлеченіяхъ, какъ же!.. кто изъ насъ въ молодости, — говорилъ онъ вздыхая, — кто не увлекался... да!.. Но во-время остановиться надо, — вотъ въ чемъ секретъ!.. Да-съ, во-время...

Но довольно!

Черезъ десять минутъ я, какъ сумасшедшій, бѣжалъ отъ адвоката, бѣжалъ, чувствуя, что за мной кто-то будто гонится и кричитъ: «во-время остановиться надо!.. надо!»...

С. Васюковъ.

УГОЛОКЪ ВОЗСТАНІЯ 1863 ГОДА.

(Изъ воспоминаній участника).

I.

ОСЛѢ долгихъ колебаній, сомнѣній и нерѣшительности, подъ давленіемъ требованія любимой женщины, моей въ то время невѣсты, Адели Яснопольской, я очутился въ рядахъ инсurreкціи. Въ какомъ званіи я фигурировалъ въ организаціи, право не умѣю объяснить, вѣроятнѣе всего, былъ только агентомъ, довѣреннымъ. Особенныхъ обязанностей никакихъ на меня не возлагали. Въ первые мѣсяцы я, пожалуй, и вовсе не былъ чѣмъ либо занятъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ казалось, что я участвую въ чемъ-то нехорошемъ, совершаю непоправимую ошибку. Все идетъ хорошо, не разъ думалъ я. Крестьяне освобождены съ землею; поговариваютъ о гласныхъ судахъ, о земскомъ самоуправленіи. Въ деревняхъ народъ, правда, еще только временно обязанный, или, вѣрнѣе, крѣпко связанный отбываніемъ барщины, впредь до выкупа. Но все-же вчерашніе крѣпостные рабы, хамы, какъ у насъ ихъ звали, сегодня уже стали *de jure* свободными; *de facto* свободными они не замедлятъ сдѣлаться. Въ прессѣ другой тонъ, и печатное слово сдѣлалось какъ будто свободнѣе.

— То ли еще будетъ! — восклицаютъ оптимисты и ждутъ возрожденія феникса гражданственности изъ пепла крѣпостныхъ обычаевъ.

— Возродится ли?!—рискованное предположеніе. Но во всякомъ случаѣ предрѣшать не слѣдуетъ. Изъ-за чего же, въ такомъ случаѣ,

мы собираемся дѣлать революцію, а въ Варшавѣ уже начали драться?! Есть убитые, раненые, сосланные, повѣщенные... Изъ-за чего?! Припомнились мнѣ слова моего учителя, ультра-либерала Коновалова, бравшаго всѣ реформы серьезно и глубоко и говорившаго, что, добившись возстановленія независимой Польши и создавъ въ Варшавѣ новый административный центръ, мы ничѣмъ не улучшимъ положенія народа. Конституціонныя гарантіи точно ли будутъ гарантіями для народа, или же новыми гарантіями для правящихъ классовъ, которые у насъ—благодареніе Господу!—и безъ того достаточно гарантированы отъ всякой отвѣтственности и обязанности блюсти правду? Вспоминались слова стараго товарища, студента Доморжецкаго, всегда возражавшаго въ отвѣтъ на всѣ мои радужныя мечты по поводу ожидаемыхъ реформъ.

— Все это пустое, миражъ... Попомнишь: чиновничество слопаеть вашъ тощій либерализмъ.

А что, какъ слопаеть?! — рождалась мысль. Временнообязанные могутъ неопредѣленное время оставаться временнообязанными, полукрѣпостными. Барщина не упразднена; посредники—тѣ же помѣщики. Не переродились же они, надѣвъ цѣпь? Прежде сѣкъ мужика каждый; теперь положено сѣчь въ волостяхъ, но все же положено сѣчь. Администраторы, правда, мѣняють цвѣтъ своей кожи, какъ истые хамелеоны, но кто приглядѣлся къ нимъ поближе, видитъ: нутро у нихъ осталось прежнее. Взять хотя бы нашего помпадуръ Беклеванова: онъ очень либераленъ, даже становымъ иногда руку подаетъ; совѣтника питейнаго отдѣленія за его нескрываемую интимность съ откупщикомъ одного не приглашаетъ на обѣды. Твердитъ кстати и не кстати: я у себя взяточничества не допущу.. Но дальше этого платоническаго вопля не идетъ. Достаточно ли одного отсутствія взяточничества для перерожденія администраціи? И мыслимо ли даже оно безъ иного прочаго облагораживающаго общества?!

Однажды, на вечерѣ, при мнѣ Беклевановъ по поводу слуховъ о новыхъ реформахъ иронически замѣтилъ:

— Восхищаются самоуправленіемъ! а изъ какихъ элементовъ въ нашихъ городахъ, напримѣръ, вы его создадите? Горожане у насъ: купцы, домовладѣльцы изъ чиновниковъ, мѣщане, къ парламентаризму какъ будто и не готовы. Обсуждать мѣры... Какъ они ихъ будутъ обсуждать, когда доселѣ знали одно: слушаюсь! А? какъ вы объ этомъ думаете, полковникъ?

Жандармъ Сенюкинъ, къ которому относился вопросъ, послѣшилъ отвѣтить:

— Рановато для насъ, ваше превосходительство, самоуправленіе. Я такъ полагаю... Вотъ въ Сонинѣ городничій Перець никакъ не могъ заставить домовладѣльцевъ къ приѣзду вашему исправить тротуары

и подровнять улицы. Ну-съ, бился онъ, бился, и вдругъ осѣнила его мысль: взялъ одного самага упрямаго и продерзностнаго мѣщанишку и высѣкъ. Всѣмъ, говоритъ, такъ будетъ, кто мостовой не исправитъ... И что же?! На другой же день все было исправлено, и вы, ваше превосходительство, еще изволили благодарить Переца. Такъ-то короче и проще распорядиться.

За чайнымъ столомъ сидѣло человѣкъ двадцать, въ томъ числѣ два посредника и одинъ предводитель дворянства, и никто не нашелъ, что городничій Перець поступилъ не цѣлесообразно, а Сеюкинъ разсуждалъ неправильно.

Суда присяжныхъ Беклевановъ, при всемъ своемъ умѣ, просто не понималъ. Его любимый аргументъ въ этомъ случаѣ былъ: какъ могутъ разбирать и судить сложныя дѣла люди съ улицы? На замѣчаніе, что вѣдь судили же въ палатахъ и уѣздныхъ судахъ не юристы—помѣщики-дворяне, едва ли отягощенные какимъ либо научнымъ цензомъ, онъ съ апломбомъ возражалъ:

— Да они же и не судили. Въ палатахъ разбирались и рѣшались дѣла секретарями, по закону, а присяжные стануть рѣшать по совѣсти. Какая у улицы совѣсть—дѣло темное.

Много можно бы привести здѣсь примѣровъ подобныхъ сужденій, доказывающихъ, что у новыхъ либеральныхъ администраторовъ, какъ и прежнихъ, нутро не измѣнилось, а посему и полагаться на нихъ было нѣсколько рискованно. Посредники въ волостяхъ деруть; предводители и коноводы поумиѣ твердятъ: о выкупѣ и рѣчи быть не должно. Въ надѣлъ отводятся «неудобія», какъ выражаются мужики; дворовые, какъ птицы божьи, не вѣдаютъ, гдѣ завтра сядутъ и что будутъ ѣсть... И опять я начинаю склоняться къ мнѣнію, что тощій нашъ либерализмъ чиновничество непремѣнно слопаеть; что современемъ все снова пойдетъ по-старому, а посему и тѣ, легкомысленные, которые въ Польшѣ играютъ въ революцію, чего добраго, имѣють до нѣкоторой степени основаніе.

II.

Я не знаю, чего тамъ въ Петербургѣ желаютъ; на что мѣтятъ вожди либеральнаго движенія, но у насъ, по варшавской диспозиціи, желаютъ воскресенія мертваго. Древній Лазарь польско-дворянскаго режима давно уже лежитъ погребенный въ своей пещерѣ. Его оплакивають, жалѣють, можетъ быть, искренно, сердечно. Что онъ умеръ преждевременно, я даже съ этимъ согласенъ. Порядки и особливо нравы эпохи матушки Екатерины II, пожалуй, ничѣмъ не были лучше режима старой Рѣчи Посполитой. Но кто же нынѣ разрѣшитъ гробовыя пелены нашего Лазаря, который у же

тухнетъ?! Какой богъ скажетъ этому тухнущему Лазарю: изыди на свѣтъ и живи?! И что будетъ дѣлать въ нашемъ измѣнившемся мѣрѣ умершій и снова воскресшій старопольскій Лазарь?!

Что дѣлалъ воскресенный Спасителемъ Лазарь, мы не знаемъ. Вѣроятно, умеръ вторично и немедленно. Ему, извѣдавшему тайну смерти, нечего было дѣлать среди живого міра. Онъ и воскресень былъ не для жизни, а чтобы свидѣтельствовать. А нашего старопольскаго Лазаря воскрешаютъ для новой жизни. Онъ тухнетъ, крѣпки его гробовыя пелены, а ему говорятъ легкомысленно: воскресни и живи...

Революція началась уже и быстро къ намъ подвигается. Въ числѣ сотенъ и тысячъ, примкнувшихъ къ ней, меня тоже несетъ волна; я тоже собираюсь разрѣзать пелены умершаго и тухнущаго Лазаря. Не родня онъ мнѣ по крови, не близкій. Хорошо ли дѣлаю, или творю то, чего не долженъ дѣлать честный человѣкъ?! Не знаю. И никто этого у насъ не знаетъ!

На-дняхъ ко мнѣ заѣхалъ мой товарищъ по школѣ, помѣщикъ Сырничекъ-Стахевичъ; на немъ бѣлая свита, на головѣ шапка «магерка», подъ свитой, впрочемъ, тонкая рубашка, бархатный жилетъ и брюки, запряганныя въ высокіе лакированные сапоги. Такой онъ радостный, довольный; жметъ руки и улыбается.

— Чему ты обрадовался?!—спрашиваю.

— Все идетъ отлично!—отвѣчаетъ. Его назначили посредникомъ, и въ волостяхъ понемногу, намеками, онъ выспрашиваетъ стоящій передъ нимъ безъ шапокъ мѣръ: какъ бы мужики отнеслись, если бы къ нимъ пришли польскія войска?! Мужики, по его словамъ, ничего не имѣютъ противъ появленія польскихъ войскъ, только бы тѣ ихъ не забивали... Вонъ я ханцуза помню,—заявилъ ему на одномъ сходѣ старичекъ.—Какъ шелъ онъ туда, на Москву, обиды отъ него не было, а какъ погнали его назадъ, ну, тогда казакъ шибко грабилъ...

Это-то и есть «отлично», по мнѣнію Сырничка-Стахевича. Выводъ у него такой: народъ, если бы началось усмиреніе, будетъ противъ усмиренія: казакъ при усмиреніяхъ непремѣнно станетъ грабить...

Просидѣлъ онъ у меня долго, говорилъ много, но я никакъ не могъ добиться, изъ-за чего онъ такъ усердствуетъ. Нельзя же предположить, чтобы и этотъ вчерашній хамодавъ одушевленъ былъ исключительно желаніемъ общаго блага и торопился приносить безкорыстную жертву на алтарь отечества. Плотный, откормленный, жизнерадостный, онъ все уговаривалъ меня ѣхать съ нимъ куда-то на сѣздъ помѣщиковъ.

— Право же, поѣзжай,—твердилъ.—Тебя никто не видитъ, и ты не имѣешь популярности.

— А на что она мнѣ?! Сенюкинъ подхватываетъ тѣхъ, которые очень уже популярны.

Въ большихъ, сѣрыхъ, пустыхъ глазахъ Сырничка-Стахевича при этомъ блеснулъ разумный огонекъ; онъ какъ будто что-то понялъ и просидѣлъ нѣсколько минутъ молча.

— О чемъ ты задумался?!

— Я?! нѣтъ, я не думаю... Я, знаешь, никогда не думаю... Но твои слова меня задѣли за живое: очень популярныхъ точно высылаютъ. Сафандульскаго выслали; обоихъ Бржехоцкихъ тоже выслали. Я былъ у Беклеванова; продержалъ полъ-часа въ приѣмной, принялъ холодно и на обѣдъ не пригласилъ.

— Боишься?! Ты, очевидно, становишься очень популярень.

— Тутъ шутить нечего,—разсердился Сырничекъ.—Что будетъ, если меня арестуютъ?!

— Ничего особеннаго. Поѣдешь въ Курскъ, Казань или Пермь.

— Но вѣдь я же, не забудь, повѣтовый (уѣздный) комиссаръ. На мнѣ лежитъ вся организація, все разстроится, не говорю уже про то, что, какъ посредникъ, котораго мужикъ и уважаетъ и боится, одинъ я могу удержать отъ враждебности къ намъ крестьянскую массу. Избави Богъ, если меня выплюютъ... Послушай, Александръ, разузнай у Сенюкина, что противъ меня имѣютъ?

— Вѣроятно, ничего особеннаго. Ты гдѣ нибудь проболтался.

— Я проболтался?!—и Сырничекъ-Стахевичъ поднялся съ кресла крайне взволнованный.—Да я никогда ничего не говорю на собранияхъ. Этого дѣлать я не умѣю. Съ крестьянами точно говорю, но эти хамы не могли меня предать. Побоятся!

Я пожалъ плечами въ знакъ сомнѣнія, но, чтобы его успокоить, обѣщалъ разузнать, и онъ пересталъ волноваться и трусить. Прощаясь, опять звалъ ѣхать на съѣздъ, заохочивая тѣмъ, что тамъ будетъ самъ Чудиновскій, комиссаръ всего нашего воеводства. Я, однако, не поѣхалъ, главнымъ образомъ, чтобы не встрѣчаться лишній разъ съ неприятнымъ для меня Чудиновскимъ. Въ Кричевѣ, на освященіи костела, гдѣ меня чуть не убили, я уже съ нимъ познакомился. Это тотъ же пустопорожній болтунъ Сафандульскій, но безъ его добродушія; бахваль, декламаторъ, промотавшійся баринъ, гордый своимъ родомъ и женившійся денегъ ради на глуповатой, болѣзненной шляхтянкѣ, дочери нѣкоего Свадскаго, темной личности, нажившейся ростовщицествомъ и содержаніемъ почтовыхъ станцій. Чудиновскій никогда не былъ особенно ярымъ патриотомъ; онъ только моталъ и игралъ въ карты, одно время даже думалъ поступать на службу. Женитьба его не очень устроила: тесть не далъ денегъ въ руки. Соскучившись постоянной войною съ жидами, обладателями его безчисленныхъ векселей, онъ осенью по-

ѣхалъ по собственной иниціативѣ въ Варшаву и воротился съ номинаціею на званіе комиссара Днѣпровскаго воеводства. Это разомъ подняло его во мнѣніи помѣщиковъ, даже жида сдѣлались снисходительнѣе.

— Комиссаръ воеводства,—декламировалъ онъ:— званіе равное губернаторскому. Когда польскія войска займутъ Днѣпровскъ, я Беклеванова непременно повѣшу и архіерея съ дюжиной его поповъ-доносчиковъ тоже повѣшу.

Любимый афоризмъ этого болтуна была фраза: каждый дворянинъ въ Польшѣ могъ попасть въ короли, а при московскихъ порядкахъ не каждый и въ становые попадетъ. Какъ кто, а я думаю, съ этой, по крайней мѣрѣ, точки зрѣнія, московскіе порядки лучше.

III.

Въ Крижевѣ, на сѣздѣ я непріязненно столкнулся съ Чудиновскимъ. Чтобы не нарушать дальнѣйшаго хронологическаго повѣствованія, передамъ здѣсь подробности столкновенія и особенности этого сѣзда, какъ очень характерныя для описываемаго времени. 1862-й годъ подходилъ къ концу. Меня послали съ нѣсколькими важными распоряженіями варшавскаго жонда, которыя я долженъ былъ передать крижевскому пробоцу (настоятелю), ксендзу Гордзяловскому. Ёхать не хотѣлось: точно предчувствовалось ждавшее меня нехорошее. На дворѣ стояла поздняя осень. Подъѣзжая къ Крижеву, по старому чаусовскому тракту, съ досадою и печалью глядѣлъ я на мокрѣя, почернѣвшія пустыя поля. Было что-то безнадежное, томящее въ этой картинѣ, гармонизовавшее съ тѣмъ, что было у меня на душѣ. Въ придорожныхъ лѣсахъ, обнаженныхъ отъ листьевъ, гудѣлъ вѣтеръ свои невеселыя пѣсни. Кучеръ мой ежился на облучкѣ въ промоченной дождемъ свиткѣ и нетерпѣливо понукалъ пару усталыхъ клячъ, нанятыхъ въ Чаусахъ и едва тащившихъ легкую нетычанку по глубокой грязи. Отправляя, меня предупреждали быть насторожѣ: въ лѣсахъ, по Остру и Вихрѣ, могли встрѣтиться «наши», то-есть инсургенты. Никакой встрѣчи, конечно, ожидать было нельзя. Кто могъ держаться въ лѣсу въ такую погоду?! И зачѣмъ было инсургентамъ мокнуть и мерзнуть, когда еще ничего не начиналось? Я встрѣтилъ только на послѣдней станціи къ Крижеву, гдѣ кормилъ лошадей, мѣстнаго становаго. Чинъ полиціи очень скучалъ, но не могъ уѣхать: онъ дежурилъ тутъ по дѣламъ службы. На моей фуражкѣ была чиновничья кокарда; становой зналъ меня, какъ близкаго родственника генерала Глушенкова, и откровенно разсказалъ, что ему конфиденціально предписали зорко слѣдить за подозрительными людьми въ лѣсахъ.

— И что же вы?! Нашли подозрительныхъ?!

Онъ засмѣялся.

— Въ лѣсу никого нѣтъ. Наши подозрительные сидятъ по домамъ. Ну, да тѣхъ трогать не велѣно.

— Можетъ быть, и не стоитъ трогать?

— Какъ не стоитъ: припугнуть не мѣшало бы для ихъ же пользы.—Подумавъ становой продолжалъ:

— Дворяне дурачатся: ружей накупили, одѣлись въ чамарки; у каждого длинные походные сапоги, пистолеты, даже въ цѣль учатся стрѣлять. Приказано присматривать. А чего присматривать? Никто и не скрывается: пойдемъ, говорятъ, воевать съ мо-скалями. Мой сосѣдъ, становой перваго стана, попробовалъ до-нести, и причислили раба божія къ губернскому правленію, на сухояденіе, значитъ, а у него семья. Тамъ, въ Днѣпровскѣ, дво-ряне еще въ силѣ. И молчишь. Вы это куда направляетесь?!

— Въ Крижевѣ.

— На освященіе костела?!

— Да, именно на освященіе.

— Любопытное будетъ дѣло. Расскажите потомъ, что тамъ увидите.

— А вы развѣ не поѣдете?!

Онъ присвистнулъ и хитро улыбнулся:

— Боже меня сохрани носъ туда сунуть: затравятъ. Шпіонить пріѣхалъ, скажутъ. А тамъ вѣдь какіе тузы собираются; съ губер-наторомъ всѣ они за панибрата. Напишутъ — и очутишься безъ мѣста, или, для пользы службы, переведутъ тебя на другой ко-нецъ губерніи. Оно нельзя сказать, чтобы нашъ губернаторъ Бе-клевановъ былъ съ ними заодно, но только Богъ его знаетъ, не разберешь: и видитъ онъ и въ то же время ничего не видитъ. Вы эту политику понимаете?!

— Нѣтъ, не понимаю,—отвѣтилъ я.

— Вотъ и я не понимаю, а потому сижу тихо.

Разставшись со словоохотливымъ становымъ, я долго думалъ надъ тѣмъ, что бы въ самомъ дѣлѣ означала эта политика побла-жекъ, давно уже практикующаяся въ администраціи: вижу и не вижу. Подзадоривая нерѣшительныхъ, заставляя обнаруживать себя скрытныхъ и осторожныхъ, политика Беклеванова и К^о ни-чего хорошаго не обѣщаетъ въ будущемъ для фрондирующихъ дворянъ.

Но въ описываемое время, въ возбужденной дворянской средѣ, о подобныхъ опасеніяхъ и пессимистическихъ толкованіяхъ и заик-нуться было опасно. Говорили: мирволятъ потому, что не смѣютъ употребить крутыхъ мѣръ: боятся Европы! Что Наполеонъ ска-жетъ?—воскликали съ апломбомъ. И знаете ли, имѣли для этого извѣстное основаніе.

IV.

Въ Крижевѣ, несмотря на поздній часъ моего приѣзда, еще никто не спалъ. Еврейскіе домишки, выстроенные длинною улицею, вдоль Чериковскаго шоссе, оказались переполненными экипажами и людьми съѣхавшихся помѣщиковъ. Малолюдное и унылое обыкновенно мѣстечко превратилось въ шумную ярмарку, на радость жидамъ, бѣгавшимъ, торговавшимъ и факторившимъ со свойственною имъ неутомимостью. Мою нетычанку они сейчасъ же окружили толпою и сообщили, что у Степана Лынскаго, крижевскаго помѣщика, въ его палаццо, остановились всѣ важные господа: Собанскій, Сакевичъ, Сяножецкіе и еще Лынскій Александръ, женатый на графинѣ Плятеръ. Ксендзы тоже всѣ тамъ. На сто персонъ обѣдъ былъ.

Я уже хотѣлъ ѣхать дальше, не интересуясь этими свѣдѣніями, какъ вдругъ изъ толпы вынырнулъ рыжій Шлемъ, факторившій мнѣ, когда я служилъ въ Ошѣ, и узнавшій меня. Онъ тихонько на ухо шепнулъ:

— Ну, господинъ, вы хорошо сдѣлали, что приѣхали: онъ уже здѣсь.

— Кто такой онъ?!

— Вы не знаете?! Ну, онъ, воевода, изъ самой Варшавы.

— Что ты врешь!

— Я не вру. Самъ видѣлъ. Собанскій привезъ: усатый такой, высокій. Онъ нашихъ пановъ поведетъ.

— Куда же онъ ихъ поведетъ?!

Жидъ замылся и неохотно продолжалъ:

— Куда?! Вы сами знаете, куда онъ поведетъ. Гдѣ вы, господинъ, остановитесь?! У меня тутъ домъ; я въ Крижевѣ женился. Отправьте лошадей вашихъ ко мнѣ. По знакомству уважу васъ, господинъ; переночуемъ съ семьей въ сараѣ, а комнату для васъ очистимъ.

Развязавшись съ лошадьми и кучеромъ, отправленными къ Шлему, я скоро очутился въ квартирѣ ксендзовъ и сдалъ Гордзяловскому свои опасныя бумаги. Онъ познакомилъ меня кое съ кѣмъ и оставилъ въ столовой, переполненной народомъ. Мужчины, женщины въ черныхъ траурныхъ платьяхъ, старики съ саблями и безъ сабель, веселые юноши, нѣсколько студентовъ и даже два-три военныхъ мундира наполняли комнату, толпясь вокругъ стола съ самоваромъ и закусками. Всѣ говорили, волновались, чему-то радовались, кого-то ждали.

— А, и вы приѣхали?! Какъ это хорошо!—обратилась ко мнѣ моя хорошая знакомая, одна изъ сестеръ Ильиничъ, очень бойкая и милостивая барышня. Она дружила съ Аделью Яснопольской и могла

мнѣ сообщить, гдѣ теперь та, о которой я постоянно думалъ и ради любви къ которой шелъ очень далеко, самъ не зная даже хорошо, куда и во имя чего. Я придвинулъ къ Ильиничъ кресло и сказалъ:

— Чего это они всѣ тамъ рады?! Кого они ждутъ?!

— А вы ничего не знаете?! Но вѣдь вы же присланы изъ Днѣпровска съ депешами?!

Я промолчалъ.

— Странно, что васъ не предупредили, кто здѣсь будетъ. Впрочемъ, это тайна была для всѣхъ, и только теперь все стало извѣстно. Собанскій привезъ изъ Варшавы нашего воеводу.

— Жидки мнѣ сообщили объ этомъ, едва я вѣхалъ въ мѣстечко.

— Не можетъ быть! — всплеснувъ руками, удивилась наивная дѣвушка.

— Честное слово! Рыжій Шлемъ, факторъ, сказывалъ. Все мѣстечко объ этомъ знаетъ и толкуетъ. Не вышло бы бѣды.

Чудиновскій проходилъ мимо. Барышня сообщила ему, что о таинственномъ прїѣздѣ воеводы всѣ жиды знаютъ уже и толкуютъ.

— Кто вамъ про это насказалъ?! — былъ его высокомерный вопросъ.

Ильиничъ указала на меня; я подтвердилъ. Чудиновскій съ минутой постоялъ, подумалъ, окинулъ меня пристальнымъ взглядомъ сверху внизъ, точно не узнавая, хотя мы не разъ встрѣчались у Хойнацкой, и небрежно замѣтилъ:

— Что же, что жиды знаютъ! Они все знаютъ... Но это не важно.

— А полиція?—не утерпѣлъ я.

— Полиція не посмѣетъ арестовать здѣсь никого.

— Почему не посмѣетъ?!

— Почему?! Вы это спрашиваете?! Чудиновскій опять пристально оглядѣлъ меня и добавилъ:

— А потому исправникъ не посмѣетъ даже заглянуть сюда, что здѣсь теперь Лынскіе, Собанскій, Сяножецкіе, Саковичъ, наконецъ я. Понятно вамъ теперь?!

— Нѣтъ, не понятно.

— А! не понимаете?! Странно! Я васъ совершенно могу успокоить насчетъ полиціи. У исправника Златопольскаго десятокъ мужиковъ-десятскихъ въ распоряженіи, а я къ утру могу вызвать изъ лѣсовъ сотню нашихъ хорошо вооруженныхъ людей.

— Изъ лѣсовъ?!—удивился я.

— Да, изъ лѣсовъ около Крижева. Тамъ теперь наши соколы собрались и ожидаютъ только сигнала.

Меня взорвало. Я позабылъ осторожность, обѣщаніе не горячиться и, глядя въ глаза бахвалу, спросилъ:

— Вашего сигнала они, эти соколы, ждутъ?!

— Разумѣется, моего.

— Не трудитесь подавать сигналъ—никто не услышитъ: лѣсъ пусть.

Въ эту минуту изъ внутренней комнаты—спальни ксендза Гордзяловскаго, вышло нѣсколько важныхъ помѣщичьихъ персонъ и въ ихъ числѣ высокій, усатый господинъ, съ сѣрыми пронизательными глазами и выправкою напоминавшій военнаго. Чудиновскій бросился навстрѣчу вошедшимъ.

Итакъ воевода, присланный Варшавой, былъ воистину среди насъ въ Крижевѣ. И хотя объ этомъ всѣ знали, толковали даже жиды на улицахъ, хотя исправникъ былъ въ нѣсколькихъ верстахъ, а становой еще ближе, но никого не тревожили опасенія полиціи и арестовъ! Этого не могло случиться, какъ увѣрялъ Чудиновскій, потому что на съѣздѣ присутствовали Собанскіе, Сяножецкіе, Лынскіе, Саковичъ и онъ, Чудиновскій.

Настоящая фантазмагорія. Я отодвинулся въ уголъ и ожидалъ, что будетъ дальше.

V.

Какой-то господинъ, очень толстый, съ лицомъ, заплывшимъ жиромъ, и глазами, не хотѣвшими глядѣть на Божій свѣтъ, обмакиваясь отъ жары платкомъ, выдвинулся впередъ и заявилъ:

— У насъ все готово. Мы можемъ здѣсь, въ южныхъ уѣздахъ, рассчитывать на тысячу человѣкъ храбрыхъ и хорошо вооруженныхъ. По первому сигналу они могутъ выступить...

Говорившій на минуту умолкъ. Онъ прямо ни къ кому не обращался, но было очевидно, по чьему адресу направлялся этотъ рапортъ. Въ группѣ, гдѣ былъ воевода, переговаривались. Соб—скій, извѣстный своею глупостію и покорностію передъ женою, приободрился и что-то шепнулъ воеводѣ. Я пристально наблюдалъ лицо этого человѣка, покойное, красивое, женское лицо, точно освѣщенное твердыми, зоркими глазами; изъ-подъ усовъ, тщательно расправленныхъ—гвардейскихъ, пробила улыбка удовольствія, но онъ сейчасъ сдержался и слегка нахмурился. Воевода нѣсколько небрежно слушалъ, что ему шептали длинный Соб—скій и квадратный теленокъ Сяножецкій. У него была какая-то своя идея. Онъ даже легонько зѣвнулъ. И тѣхъ, которые говорили, и то, что они говорили, воевода ставилъ видимо очень невысоко. Зачѣмъ же онъ былъ среди насъ, подвергаясь серіозной опасности?—подумалъ я.

— Просимъ продолжать!—послышались голоса изъ толпы.

Ораторъ опять заговорилъ о томъ, что давно уже во всѣхъ хуторахъ учатся стрѣлять въ цѣль; упражняются въ военныхъ построеніяхъ; чтобы привыкнуть къ походу, проходятъ пѣшкомъ по десяти и болѣе верстъ подъ предлогомъ охоты или посѣщенія знакомыхъ. Еще много было говорено всякой всячины, по обыкновенію, на половину правды, на половину вымысловъ. Раскланивавшася

съ публикою и провожаемаго аплодисментами толстяка смѣнилъ горекій студентъ. Этого кратко и отрывисто заявили:

— Весь институтъ пойдетъ по первому сигналу; будетъ даже эскадронъ кавалеріи на прекрасныхъ казенныхъ племенныхъ лошадахъ.

Чудиновскаго давно подмывало поболтать. Воспользовавшись тѣмъ, что студентъ не обладалъ даромъ слова и умолкъ, онъ отбросилъ за спину длинные рукава своего контуша, велеты, и крикнулъ:

— Народъ пристанетъ тысячами къ этой достойной молодежи. Надо только объявить, что крестьянамъ, принявшимъ участіе въ инсурректіи, надѣльная земля уступается безъ выкупа, даромъ.

— Ого! Это что-то новое!—зароптали въ толпѣ.

— На это мы не согласны... Чудиновскій это отъ себя. У него нѣтъ своей земли, и ему легко дарить.

— Это декретъ жонда!—крикнулъ еще громче въ отвѣтъ роптавшимъ Чудиновскій.

Но ропчущіе не уgomонились. Чтобы предупредить скандалъ, пошептавшись съ воеводою, отъ вліятельной кучки магнатовъ отдѣлился Александръ Лынский. Добродушный, смиренный человѣкъ. Жена у него была энергичная и смѣлая женщина-патріотка. Дворянство любило Лынскаго за хлѣбосольство, за почти дѣтскую наивность сужденій и отсутствіе всякой хитрости.

— Господа помѣщики,—началъ онъ:—что намъ спорить?! Какъ жондъ прикажетъ, такъ и будетъ. Я больше васъ могу потерять, уступая надѣльную землю мужикамъ безъ выкупа, даромъ, однако молчу. Всѣ мы, собравшіеся здѣсь, въ присутствіи того, который передастъ обо всемъ въ Варшавѣ, рѣшились заявить, что не пожалѣемъ нашей крови для отечества; рискнемъ жизнью, — такъ прилично ли жалѣть надѣльной земли?! А? какъ вы думаете?!

— Bravo, Лынский! bravo! bravo! Вотъ настоящій полякъ и патріотъ!—загремѣли голоса, совершенно заглушившіе расчетливыхъ, жалѣвшихъ надѣльную землю. Громче и больше всѣхъ кричали женщины.

Чудиновскій расцвѣлъ. Онъ махнулъ рукою, прося умолкнуть кричавшихъ.

— Теперь я сообщу объ опорномъ пунктѣ для нашихъ отрядовъ: въ Ошскомъ уѣздѣ, въ Бабичевскихъ болотахъ, въ имѣніи князя Мирскаго, устроены засѣки. Тамъ сложено продовольствіе, оружіе и теперь уже сосредоточено до пятисотъ вооруженныхъ шляхтичей. Мѣстность—неприступная, укрѣпленія—солидные, я видѣлъ самъ. Это — крѣпкій орѣхъ на московскіе зубы; сломаешь москаль ихъ, прежде чѣмъ орѣхъ нашъ разгрызетъ. Въ окрестныхъ крижевскихъ лѣсахъ у меня болѣе ста вооруженныхъ нашихъ соколовъ; посты разставлены до самаго опорнаго пункта, до бабичевскихъ засѣкъ. Я самъ все осмотрѣлъ...

Не умѣю до сихъ поръ разъяснить себѣ того внутренняго душевнаго процесса, который заставилъ меня заговорить и опровергнуть все это зданіе лжи и хвастовства. Вѣроятно, послѣднія слова Чудиновскаго: я самъ все осмотрѣлъ!—взорвали меня.

— Это неправда!—сказалъ я громко, почти неожиданно даже для самого себя.

— Что неправда?! Кто говорить, что я здѣсь, предъ лицомъ уполномоченнаго, сказалъ неправду?!

Лицо Чудиновскаго при этомъ залилъ румянецъ гнѣва или стыда, не умѣю объяснить. Всѣ глядѣли въ мою сторону, а безучастный и равнодушный ко всему до этой поры воевода даже сдѣлалъ шагъ впередъ. Нельзя было не продолжать. Сердце мое сильно забилося; кровь молотками застучала въ виски; я выдвинулся изъ толпы, гдѣ меня довольно таки непріязненно жали, вскочилъ на стулъ и крикнулъ:

— Мы идемъ на опасную борьбу. Обманывать и лгать теперь значитъ брать на душу отвѣтственность за будущія казни, ссылки, за несчастія честной молодежи, которую увлекають и обнадеживаютъ шансами, едва ли существующими.

— Къ дѣлу! говорите короче!—крикнулъ кто-то.—Чего нѣтъ? Кто и въ чемъ насъ обманываетъ?!

— Шпіонъ! русскій шпіонъ?!—зашипѣлъ Чудиновскій, а за нимъ и еще нѣсколько человѣкъ.

— Дайте ему говорить... Не надо! пусть замолчить и убирается!... Это—губернаторскій фискалъ! Откуда онъ взялся?! Кто онъ?!—кричали со всѣхъ сторонъ, перебивая другъ друга. Шумъ усиливался. Но я не далъ себя перекричать.

— Никакихъ застѣкъ въ Бабицкомъ лѣсу нѣтъ. Это выдумка!—бросилъ я рѣзкое обличеніе въ разгоряченную толпу.—Ни запасовъ, ни оружія нѣтъ! не найдется и пяти человѣкъ вооруженныхъ шляхтичей, приготовленныхъ княземъ Мирскимъ. Чудиновскій сказалъ: у него въ крижевскихъ лѣсахъ сотня вооруженныхъ,—пусть онъ ихъ вызоветъ и покажетъ. Лѣса пусты. Тамъ никого нѣтъ. Если онъ сказалъ правду, пусть вызоветъ ихъ...

— Вызвать нашихъ изъ лѣсовъ!—перебилъ кто-то.—Да вѣдь это значитъ отдать ихъ прямо въ руки полиціи. Такъ говорить можетъ только шпіонъ, только предатель братьевъ.

— Шпіонъ! предатель! іуда!—снова закричали въ толпѣ.

Скандалъ разыгрывался. Группа, гдѣ былъ воевода и вліятельнѣйшіе тузы помѣщичьяго міра, незамѣнно исчезла. Цѣлое море озлобленныхъ лицъ, глазъ, метавшихъ пламя, окружало меня; шумъ заглушалъ мои слова. Женщины кричали: шпіонъ! убить его! судить!... Просто убить, убить! Десятки рукъ сорвали, столкнули меня съ импровизированной каѳедры. Кто-то выстрѣлилъ. Былъ ли это Чудиновскій, или кто другой,—не знаю. Пуля только косну-

лась моего плеча и разбила зеркало на противоположной стѣнѣ. Въ толпѣ вопили:

— Не надо стрѣлять! Можно ранить когонибудь... здѣсь женщины. Покончимъ и такъ со шпиономъ! Покончимъ!...

Сверкнуло нѣсколько охотничьихъ кинжаловъ. Я видѣлъ смерть, но не пытался бѣжать. И некуда было бѣжать. Толпа напирала. Вѣроятно, меня бы убили. Женщины вопили яростию другихъ. Даже моя знакомая Ильиничъ рвалась впередъ и кричала: смерть шпиону!... Но въ эту минуту, растолкавъ шумѣвшихъ, сталъ впереди и прикрылъ меня собою ксендзъ Гордзяловскій. Онъ былъ взволнованъ и блѣденъ.

— Сумасшедшіе! убійство въ моей квартирѣ!—кричалъ патеръ.— Убійство, когда здѣсь гость изъ Варшавы! Да гдѣ же вашъ умъ? Или вы хотите все пегубить?! Онъ не шпионъ, — это я знаю. Довольно съ васъ этого?! Я, я ручаюсь... Не допущу пролитія крови. Прочь!...

Меня оставили. Другой ксендзъ, викарный при Гордзяловскомъ, взялъ меня подъ руку, увелъ въ спальню настоятеля и заперъ дверь, за которой еще долго бушевали помѣщики и горигорецкіе студенты.

Нельзя сказать, чтобы я былъ покоенъ. Но озлобленія было больше, чѣмъ испуга.

— Выпей воды!—говорилъ ксендзъ.—Э! да у тебя, сынъ мой, рукавъ весь въ крови. Сними чамарку; и перевяжу рану.

— Не надо. Это пустяки; не болитъ даже.

— Ну, ну! нечего храбриться. Потомъ заболитъ... Я перевяжу. Тебѣ необходимо сегодня же уѣхать изъ Крижева.

И ксендзъ началъ перевязывать руку, бормоча:

— Какая муха тебя укусила?! Развѣ можно такъ прямо говорить: ничего нѣтъ! все обманъ!

— Да обманъ и есть. Ничего не подготовлено,—отгрызался я.

Онъ, затягивая бинтъ, только качалъ головою укоризненно.

— Пусть ты и правъ. Я тамъ не знаю, есть ли засѣки въ Бабичевскихъ болотахъ и лѣсахъ; въ пятьсотъ вооруженныхъ шляхтичей, собранныхъ княземъ Мирскимъ, тоже не вѣрю: и скупъ князь и остороженъ. Но все же кое-что у насъ уже есть: Горки готовы; на сѣздѣ видѣлъ, сколько молодежи честной, храброй, хорошей.

— Ее-то мнѣ и жаль! она первая заплатитъ кровью за лганье такихъ шалопаевъ, какъ Чудиновскій. Ее и вѣшать будутъ и ссылать. То, что я сказалъ, я долженъ былъ сказать, тѣмъ болѣе, что здѣсь былъ тотъ, котораго у насъ считаютъ предводителемъ грядущей инсurreкціи. Если движеніе окажется не подготовленною вспышкой, его перваго захватятъ и разстрѣляютъ. Онъ—военный; это видно. Значитъ, дезертиръ, значитъ, попадись, непремѣнно будетъ разстрѣлянъ.

Ксендзъ все это выслушалъ и вдругъ озадачилъ меня фразою:
 — Мало насъ! слабы мы, но Богъ силенъ. Онъ за правду, за угнетенныхъ — и мы побѣдимъ, если Богъ захочетъ. Дитя мое! въ тебѣ вѣры нѣтъ. Вѣрь, и будетъ тебѣ по вѣрѣ твоей. Что сомнѣваешься, разсчитываешь! А ты во имя Господне смѣло дерзай. Всѣ идутъ, и ты иди. Что одинъ споришь?! Теперь уѣзжай. Неравно опять что нибудь выйдетъ. Гдѣ твои лошади?! Я тебя провожу самъ...

И я уѣхалъ въ ту же ночь.

VI.

Послѣ крижевскаго инцидента я возвратился въ Днѣпровскъ въ крайнемъ раздраженіи. За что меня хотѣли убить и убили бы съ легкимъ сердцемъ?! На какомъ основаніи порѣшили, что я — шпионъ?! Это толпа сумасшедшихъ! — думалъ я и злился. Вѣдь я былъ правъ; другіе обманывали, и однако же, въ глазахъ толпы, я былъ предатель, достойный казни, а лгуны, копавшіе яму для наивныхъ, — популярнѣйшіе люди. Толпу зарвавшихся ведутъ къ разоренію и гибели, но горе тому, кто, подобно мнѣ, вздумалъ бы открыть ей глаза. Репутація моя оказалась въ конецъ потрясенной. Въ Днѣпровскѣ на меня многіе смотрѣли двусмысленно. На Вѣтряной улицы, когда я проходилъ мимо, изъ трактира вылѣзала глава нашихъ либераловъ — докторъ Шишкинъ, по обыкновенію, пьяный. Увидѣвъ меня, онъ заоралъ:

— А тебя, братъ, скоро повѣсятъ.

— Ври больше. Кто меня повѣситъ?!

— Твои новые пріятели, поляки. Ты и у нихъ набѣдокурилъ со своими сомнѣніями, критикой и обличеніями. Умъ твой изъѣденъ молью сомнѣній, какъ старая шуба.

— А твой отуманенъ водкою.

— Что жъ?! Это и лучше. Я ни въ чемъ не сомнѣваюсь.

И онъ ушелъ, весело посвистывая. До свѣдѣнія Беклеванова и Сенюкина дошло, что въ Крижевѣ едва не убили какого-то господина, что тамъ былъ таинственный нѣкто. Кого хотѣли убить, и кто былъ нѣкто изъ Варшавы, администраторы досконально такъ и не узнали. Но нашъ революціонный комитетъ былъ лучше освѣдомленъ. Мнѣ неожиданно прислали приказъ ѣхать съ депешами въ Вильну. Кто именно въ комитетѣ участвовалъ, — не знаю. Но навѣрное въ немъ засѣдали близкіе мнѣ Доморжецкій и Сырничекъ-Стаховичъ. Имъ не хотѣлось, чтобы я былъ потерянъ для организациі. По возвращеніи изъ Вильны, пребывая въ которой я наложилъ запретъ на языкъ и не обнаруживалъ своихъ чувствъ, нашелъ я запоздалое письмо отъ Адели. Оно было полно упрековъ: «Насъ очень отдалило другъ отъ друга то, что съ тобою

случилось въ Крижевѣ,—писала бѣдная дѣвушка.—Зачѣмъ ты тамъ такъ говорилъ?! зачѣмъ разрушалъ то, что мы создаемъ песчинка за песчинкою, камень за камнемъ?! Ты работаешь въ руку врагамъ родины—москалямъ, охлаждая патріотизмъ нашихъ. Мой Боже! мое сердце разрывалось, когда мнѣ рассказывали, какъ тебя хотѣли убить... Ты любишь родину, свободу, честь. Искренній, честный ты человѣкъ и жизнь отдашь, я знаю, не колеблясь за торжество праваго дѣла. А со стороны, кто тебя не знаетъ, подумаютъ о тебѣ все нехорошее. Я плакала, много плакала. Не потому одному, что тебя могли убить. Можетъ случиться, что ты и останешься живъ, но все же для меня будешь, какъ мертвый, безвозвратно потерявъ. Я оплачу тебя живого, какъ оплакиваютъ мертвыхъ, похороню въ сердцѣ нашу любовь, и ничего общаго, Саша, между тобою и мною уже не будетъ. О, да сохранить Богъ отъ этого меня! А ты?! Но я еще не утратила вѣры въ тебя. О мой дорогой! свѣтъ души моей! думай же въ минуты сомнѣнія и слабости прежде всего о томъ, какъ легко создать между нами отчужденіе, и отчужденіе навсегда»...

И я по-ребячьи, горько плакалъ, читая эти строки. На сердцѣ было тяжело; голова отказывалась работать. По цѣлымъ часамъ, сидя неподвижно, я думалъ... О чемъ думалъ?! О томъ, что я ее много люблю; о томъ, что нѣчто зловѣщее, какъ осенняя ночь, холодное и мрачное, становится между нами; о томъ, что свѣтлое прошлое невозвратно. Умереть не трудно. Отставной офицеръ, инсургентъ, взятый съ оружіемъ въ рукахъ послѣ разбитія шайки, рассказывалъ мнѣ, что когда его осудили на смерть, повели и привязали къ столбу, онъ неособенно страдалъ и боялся, гораздо менѣе даже страдалъ, чѣмъ проводя свою послѣднюю ночь въ тюрьмѣ, послѣ объявленія приговора. Мгновеніе смерти такъ было близко и казалось такимъ краткимъ, а то, что должно было наступить послѣ, казалось такимъ неизвѣстнымъ, что не было мѣста для страха и тѣмъ болѣе для страданій. Когда его помиловали и отвязали, онъ, по его словамъ, былъ больше удивленъ, чѣмъ обрадованъ. Умереть не трудно, и это не фраза, по крайней мѣрѣ, для человѣка, не особенно глубоко погрязшаго въ житейской тинѣ, не особенно много утрачивающаго съ жизнію. Но остаться жить, потерявъ все, что привязывало къ жизни; убѣдиться, что солнце твоего счастья закатилось навсегда, ахъ, это горчѣе самой смерти. И я рѣшился бороться за мое счастье, за то, что я тогда считалъ счастьемъ. Совсѣмъ созрѣвшее намѣреніе выйти изъ организаціи было оставлено. Я порѣшилъ: не думать больше о томъ, правъ или не правъ присоединяющійся къ революціонному движенію и не раздѣляющій вѣры въ правоту и въ успѣхъ этого движенія. Не все ли равно?! И какое мнѣ, въ сущности, до этого дѣло?! Не могу же я рѣшать о томъ, что для меня почти закрыто. Народъ польскій же-

лаеть независимости. Добро или зло принесеть ему въ будущемъ это стремленіе, — кто угадаетъ?! Пойду за другими. Если не буду убить, — меня сошлютъ. Она пойдетъ за мною. И нѣтъ на земномъ шарѣ такой тюрьмы, такой страшной ссылки, гдѣ бы невозможно было счастье съ тою, которую любишь... Любовь въ жизни все. Но не та грязная, чувственная страсть, развлеченіе скучающихъ, а настоящая любовь. По крайней мѣрѣ, такъ кажется намъ въ молодости...

Рѣшеніе, о которомъ пишу, далось мнѣ, однако, не вдругъ, не даромъ. Я потерялъ и аппетитъ и сонъ и привелъ въ ужасъ своего родственника Глушенкова своимъ болѣзненнымъ видомъ.

— Неужели на тебя такъ подѣйствовало, что ты остался за штатомъ, безъ мѣста, послѣ упраздненія округовъ государственныхъ имуществъ?! — спрашивалъ наивный Матвѣй Матвѣевичъ и добавилъ: — я скоро перейду въ вѣдѣніе министерства финансовъ, въ новое акцизное управленіе. Гротъ обѣщаль назначить меня управляющимъ въ Днѣпровскѣ. Ну, тогда, конечно, и ты поступишь на службу. Только остерегайся: очень не скомпрометируй себя; время опасное. Они, поляки эти, можетъ быть, и правы, добиваясь свободы, только знаешь: тутъ, въ наступающемъ переполохѣ, выиграютъ не тѣ, которые полѣзутъ впередъ, а тѣ, которые благоразумно останутся позади. Выждидай...

Лукавый хохоль сказывался въ Глушенковѣ, въ этомъ лукавомъ предостереженіи. Наташа, дочь его, была проникательнѣе и не вѣрила, чтобы потеря мѣста помощника окружного начальника такъ меня огорчала.

— Ты, дядя, влюбленъ, и тебя затягиваютъ, впутываютъ въ мятежъ, — говорила она. — А знаешь, что бы я посовѣтовала: не присоединяйся къ полякамъ, въ особенности къ нашимъ, днѣпровскимъ: въ нихъ очень мало польскаго.

Замѣчаніе было мѣткое. Но я возразилъ:

— Почему не присоединиться къ полякамъ?! Развѣ ихъ дѣло не правое?! Они желаютъ независимости своей родины.

— И пусть ихъ желаютъ. Но ты-то развѣ полякъ?! Будемъ говорить искренно: по убѣжденіямъ, по симпатіямъ, по всему духовному складу души твоей ты имъ чужой. Къ нимъ не прирастешь и отъ теперешнихъ близкихъ оторвешься. Своимъ измѣнишь, чужіе не примутъ. Изгоемъ будешь, и это тебя станетъ всегда всю жизнь мучить. Не надѣюсь тебя убѣдить; тутъ замѣшалась женщина, но все же предупреждаю: остерегайся. На-дняхъ у Беклеванова былъ разговоръ: ты давно нигдѣ не бываешь, ни въ одномъ русскомъ домѣ. Жандармъ Сенюкинъ, сидѣвшій за картами, открылъ было уже ротъ, вѣроятно, намѣреваясь сообщить чтонибудь

скверное и посовѣтовать выслать тебя, какъ подозрительнаго, подалше. Но я такъ на него посмотрѣла, что онъ промолчалъ и снова углубился въ игру. Беклевановъ вскользь замѣтилъ, что онъ что-то слышалъ: ты былъ въ Крижевѣ на стѣздѣ, и съ тобою что-то тамъ непріятное случилось. Не могла я только допытаться, что онъ слышалъ, и что случилось. Онъ въ послѣднее время напустилъ на себя таинственность: отщучивается и талейранить. Когда мы уѣзжали, въ передней я взяла голубого полковника за рукавъ и твердо сказала ему: если бы противъ дяди что нибудь оказалось, подозрѣнія какія нибудь, вы поручитесь за него.

— То-есть, какъ же это, на какомъ основаніи, я поручусь?!— испугался Сенюкинъ.

— А такъ же: поручитесь—и все тутъ. И я увѣрена, что вы для меня это сдѣлаете. Онъ закашлялся, но, зная мое вліяніе на Беклеванова,—мы съ нимъ друзья, а онъ его боится,—послѣшилъ заявить: сдѣлаю, что могу. Благодарите же меня, дядя Саша!

Но я ея не поблагодарилъ.

Въ душѣ моей мелькнула мысль: и какъ бы хорошо было, какъ бы все прекрасно устроилось, если бы Наташа за меня не заступилась, и меня бы выслали административнымъ порядкомъ въ Россію. Но въ книгѣ судебъ, очевидно, написано было другое.

VII.

Было бы съ моей стороны несправедливо утверждать, что къ готовившемуся въ Бѣлоруссіи движенію примкнули только люди, подобные Чудиновскому, Сырничку-Стаховичу и легіону Сафандульскихъ; что фонъ картины составляли одни старые крѣпостники, озлобленные эмансипаціею хамитянъ. О, нѣтъ! въ рядахъ нашей нестройной и даже нѣсколько нелѣпой инсurreкціи толпилось много честныхъ энтузіастовъ, искреннихъ патріотовъ, людей беззаветнаго мужества и безкорыстія. Имѣя все, что даетъ счастье въ этомъ мірѣ, включительно до радужной молодости и вѣчной спутницы ея—любви, они, не задумываясь и даже не обольщая себя надеждами, шли на страшное дѣло.

Другъ мой, докторъ Жукъ, былъ одною изъ такихъ личностей.

Я, какъ теперь, помню его осанистую, тяжелую фигуру и задумчивое, умное лицо. Это былъ высокій, плечистый брюнетъ съ копною жесткихъ, черныхъ волосъ на головѣ. Хорошій врачъ, усердный труженикъ, лѣчившій преимущественно бѣдняковъ и, разумѣется, бесплатно, сдержанный, молчаливый, изъ бѣдной, едва ли даже дворянской семьи, онъ любилъ и былъ любимъ дѣвушкой красавицею, богатою невѣстою, и примкнулъ къ революціонной организаціи однимъ изъ первыхъ. Когда онъ проживалъ въ Днѣпровскѣ, мы сошлись довольно близко. Жукъ часто заходилъ ко

мнѣ въ мои маленькія комнатки въ домѣ столяра Цапинскаго, на Дубровенкѣ, рѣченкѣ, гдѣ было больше грязи и песку, чѣмъ воды.

— Однако же, и здѣсь, погляди, живая струя еще бѣжитъ, считается,—говорилъ мнѣ Жукъ въ отвѣтъ на мои пессимистическія жалобы, указывая на струю чистой воды, пробивавшейся по отбросамъ на днѣ Дубровенки. — Стоитъ пойти благодатному ливню, и ты не узнаешь этой едва живой, замусоренной рѣченки. Такъ и въ людскомъ обществѣ: нечего бояться бурь и потрясеній! Потрясенія и бури родятъ энергичныхъ людей и даже героевъ.

— Допускаю, что твой афоризмъ правиленъ, но все же насъ побьютъ,—возражалъ я ему.

— Да, все можетъ случиться.

— Перевѣшаютъ, разстрѣляютъ предводителей и организаторовъ, а остальныхъ сошлютъ въ Сибирь.

Докторъ въ знакъ согласія и на это кивалъ головою.

— Тогда скажи, ради Бога, кому будутъ полезны эти жертвы?! Какой смыслъ въ движеніи, безнадежность котораго сами мы сознаемъ?! Согласись, что я правъ?

Но Жукъ сердито и упрямо спорилъ, увѣряя, что я не правъ.

— Сапа, ты не понимаешь дѣла, вѣрнѣе, не желаешь понять. Что же изъ этого, если насъ побьютъ,—тебя, меня и еще полдюжины разстрѣляютъ? Это печальныя случайности, пороги, чрезъ которые всякому народу, добивающемуся независимости, необходимо переступить. Но дѣло, самое дѣло независимости, самобытности родного народа въ силу этого и ради этихъ казней подвинется впередъ. Греки цѣлыя столѣтія отбивались отъ турокъ; ихъ вырѣзывали, душили,—и теперь они независимы. Итальянцы прогнали доброавстрійцевъ.

— Имъ помогъ Наполеонъ и французы.

— И намъ помогутъ англичане, французы, помогутъ и доброавстрійцы. За независимость Италіи давались битвы. Теперь дѣла складываются лучше. Не надо и войны. Я не вѣрю, чтобы Наполеонъ прислалъ войска въ лѣса Польши и Литвы. Эта басня годится для Сафандульскихъ и Чудиновскихъ. Но дипломатическое давленіе налицо. Англія, Франція, Австрія уже шлютъ энергическія ноты.

— И ты вѣришь, что западныя державы искренно поддерживаютъ польское дѣло, по убѣжденію стоять за польскій народъ?!

Жукъ досадливо хлопнулъ ладонью по столу, откидываясь на спину дивана.

— Ты безнадежно упряма! — крикнулъ онъ. — Какая дѣтская аргументація! Народъ!.. Но въ Польшѣ его надо еще разбудить, привлечь, въ Бѣлоруссіи—онъ противъ насъ. За такими скотами, какъ Сырничекъ-Стахевичъ, которые вчера его истязали на ко-

нюшнѣ, а сегодня усаживаютъ на «неудобія», народъ не пойдетъ. Мы, всѣ наши, здѣсь — горсточка, да и та на половину — малодушные людишки или скоро воспламеняющіеся и еще скорѣе остывающіе энтузіасты. Не устоятъ намъ и противъ одной роты регулярныхъ войскъ, а одну ли роту, одинъ ли батальонъ вышлетъ сюда Петербургъ?

— По-твоему выходить: здѣсь въ Днѣпровскѣ, по крайней мѣрѣ, идемъ на вѣрную гибель. Зачѣмъ?

— А ты забылъ слова Наполеона, что возстаніе должно обезпечить границы будущей Польши. Пусть наша кровь и окраситъ пограничную черту новаго польскаго государства.

Я отрицательно трясъ головою. Не вѣрилось въ искренность и стойкость идей Наполеона III—маленькаго, какъ его назвалъ Викторъ Гюго; не вѣрилось въ безкорыстную помощь англичанъ и въ отсутствіе расчетовъ доброавстрійцевъ.

Но и на эти аргументы докторъ возражалъ не менѣе основательно.

— Чувство страха передъ Россіей заставляетъ въ настоящую минуту великія державы говорить въ пользу Польши. Я былъ въ Севастополѣ и скажу тебѣ: тамъ побѣдителями въ концѣ концовъ оказались русскіе. Чего добились грозная коалиція, рискнувъ сотнею тысячъ людей и сотнями милліоновъ?! Разрушили одну крѣпость и перебили немало русскихъ солдатъ. Но Россіи не ослабили. Николай I проигралъ игру, парижскій трактатъ унизилъ Россію. Отъ обезсилія, однако же, она далека. Перевѣсь въ оружіи, плохіе русскіе генералы—вотъ что дало союзникамъ шансы успѣха въ Крыму. Но всегда ли Западъ можетъ разсчитывать на эти шансы? Франція и Англія понимаютъ, что они только озлобили московскаго медвѣдя, что нанесенныя ему раны не глубоки, ничтожны, и не желаютъ ири случаѣ попасть въ его лапы. Вотъ гдѣ источникъ симпатій къ Польшѣ, заступничество за нее и тайная поддержка нашей инсurreкціи. Европа хочетъ между собою и Россіей создать буферъ, и буферомъ этимъ будетъ Польша.

— Наша Бѣлорусь будетъ во всемъ этомъ дѣлѣ не причемъ. Здѣсь народъ русскій и православный.

Жукъ улынулся торжествующей улыбкою и продолжалъ:

— Наша земля, которую я люблю не менѣе тебя, будетъ какъ разъ на срединѣ между Московіей, съ ея тяжелыми, несимпатичными порядками, чиновничьимъ режимомъ, который, какъ удавъ, захватываетъ и душитъ все хорошее, и молодымъ, энергичнымъ Польскимъ государствомъ, съ правовыми порядками. Тутъ ужъ начнется культурная борьба съ большимъ перевѣсомъ на нашу сторону.

— А польская магнатерія?! а мрачный фанатизмъ ксендзовъ?!— возразалъ я.

— Вотъ единственный пунктъ, на который не могу отвѣтить,— потерявъ недавнее одушевленіе, сказалъ Жукъ. — Да, въ этомъ таится для насъ великая опасность. Однажды эти темныя силы въ старой Польшѣ вызвали уже губительную тѣнь Богдана Хмельницкаго.

Таковы были наши разговоры съ энергичнымъ докторомъ. Это были, впрочемъ, чисто академическія словопренія: каждый оставался при своемъ мнѣніи. Краснорѣчивыя слова—вѣтеръ, порывы его только наклоняютъ травы и колосья. Но затихнуть порывы, и наклоненное снова выпрямляется. Время одно можетъ измѣнить тѣ или иныя воззрѣнія, желанія. Кто нынче думаетъ такъ, какъ думали въ началѣ 60-хъ годовъ? Мало, или никто. Время прошло, а съ нимъ прошли и разсѣялись идеи, которыя мы считали истинною. Дальнѣйшая участь доктора Жука, какъ и многихъ хорошихъ людей той эпохи, была трагична. Онъ водилъ въ Польшѣ банду, былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ, уличенъ, какъ предводитель, и осужденъ на разстрѣляніе. Его, переодѣтаго, узналъ и уличилъ сельскій попъ. Ранѣе попъ былъ захваченъ шайкой, обвиненъ въ доносахъ и приговоренъ къ повѣшенію. Жукъ настоялъ его отпустить. Когда по уничтоженіи банды въ числѣ другихъ былъ захваченъ и Жукъ, батюшка указалъ на него, какъ на начальника... Потомъ батюшка увѣрялъ, что совѣсть заставила его такъ поступать. Со своей точки зрѣнія онъ, разумѣется, былъ правъ. Но, сдѣлавъ страшное дѣло, попъ заскучалъ. Разстрѣянный докторъ началъ ему снится и, по его словамъ, все допрашивалъ: за добро ты воздалъ мнѣ зломъ. По закону ли Христа поступилъ?... Попъ въ одинъ скверный осенній вечеръ—погода вліяетъ на ипохондриковъ—пошелъ въ сарай, взялъ новыя вожжи и повисъ на нихъ, оставивъ нищую семью.

Я присутствовалъ, когда разстрѣливали Жука. Случилось это, кажется, въ августѣ ужаснаго 1863 года. Раннимъ, пасмурнымъ утромъ вывели энтузіаста врача за городъ, на пустынное поле, на которомъ былъ уже врытъ столбъ, и у столба зіяла могила—яма. Взводъ солдатъ ожидалъ приговореннаго.

— Зачѣмъ эта яма, заранѣе вырытая?—пришло мнѣ на умъ.— Все равно рѣшено его казнить. И вдругъ эта зіяющая яма предъ его глазами! Ненужная жестокость... Послѣднія минуты приговореннаго не слѣдоваго бы омрачать.

Докторъ шелъ твердыми шагами къ столбу, почти обгоняя провожатыхъ. Рядомъ съ нимъ шелъ патеръ, болѣе блѣдный, чѣмъ онъ. Кусокъ потухшей сигары былъ нервно зажатъ стиснутыми губами доктора. Но черныя, большіе глаза глядѣли спокойно, всмат-

риваясь въ лица зрителей, толпой сбѣжавшихся на страшное зрѣлище. Онъ тонко, чуть-чуть улыбнулся, замѣтивъ мое испуганное, встревоженное лицо. На одно только мгновение Жукъ утратилъ самообладаніе, и энергическое лицо его поблѣло. На него готовились надѣть роковой мѣшокъ. Въ толпѣ послышались раздирающіе крики и рыданія. Это плакала его молодая красавица невѣста. Но онъ сейчасъ же оправился, овладѣлъ собою, и дѣло прошло своимъ чередомъ, безъ всякихъ инцидентовъ.

VIII.

Возвратимся, однако, въ Днѣпровскъ и попытаемся продолжать нашъ разсказъ по порядку.

Во второй половинѣ апрѣля 1863 года, жондъ—народное правительство, кажется, по отдѣлу Литвы, далъ мнѣ знать, что на шоссеиную станцію—верстахъ въ трехъ отъ Днѣпровска—долженъ пріѣхать начальникъ сѣвернаго отряда. Мнѣ предписывалось, возможно секретнѣе, проводить его на главный сборный пунктъ. Если бы въ городѣ узнали о прибытіи неизвѣстнаго, подозрительнаго лица, жандармъ Сенюкинъ навѣрное полюбопытствовалъ бы: кто такой? откуда взялся? зачѣмъ?

Въ царствѣ Польскомъ уже дрались; въ Литвѣ дрались; со дня на день можно было ожидать вспышки и у насъ въ Днѣпровской губерніи. Помпадуръ Беклевановъ, правда, не предпринималъ особенно энергическихъ мѣръ; полиціи приказано было только слѣдить, но кто поручится за степень усердія нашихъ алгвазиловъ: арестовать могли съ оника и его, и меня. За себя я былъ покоенъ: никакихъ компрометирующихъ бумагъ у меня не было. Относительно того, который долженъ былъ пріѣхать, сказать то же было бы рискованно. Приходилось соображать, хитрить, какъ бы въ маленькомъ городкѣ—Днѣпровскѣ и теперь маленькій городишко—скрыть пріѣзжаго, когда тутъ всякое новое лицо неизмѣнно интересуется всѣхъ и cadaго.

Я въ то время уже не служилъ; все мое время принадлежало мнѣ. И вотъ каждый день, по утру, переправившись за Днѣпръ на поромѣ, шелъ я безконечною длинною Лупуловскою дамбою къ повороту на Кіевское шоссе, гдѣ посреди пыльнаго садика стояла маленькая желтая станція. Съ ружьемъ на плечѣ я игралъ роль охотника и наблюдалъ, кто пріѣзжаетъ.

Подъ вечеръ второго дня подкатилъ къ станціи молодой офицеръ. Онъ торопливо выскочилъ изъ перекладной и на вопросъ старосты: прикажете запрягать? отвѣтилъ: нѣтъ, я переночую...

— Это онъ и есть,—порѣшилъ я.

Согласно инструкціи, мною полученной, онъ долженъ былъ спросить у меня: какова погода? Я обязанъ былъ отвѣтить: такая же, какъ въ Варшавѣ и въ Вильнѣ, — благоприятная... На крылечкѣ, гдѣ я сидѣлъ, офицеръ остановился и сдѣлалъ условный вопросъ, нѣсколько недовѣрчиво косясь на мою широкополую шляпу. Тогда въ модѣ была конфедератка. Я далъ отзывъ. Онъ взялъ меня подъ руку, и мы вошли въ маленькую комнатку для прїѣзжихъ.

Передо мною стоялъ офицеръ лѣтъ двадцати пяти, загорѣлый, кажется, поручикъ. Черты лица были мелкія, незначительныя; глаза голубые, ласковые, добрые; лобъ низкій, не говорящій объ особенномъ умственномъ развитіи. Изъ-подъ рыжеватыхъ усовъ выплядывали крѣпкіе, бѣлые зубы; подбородокъ выдавался впередъ—признакъ упрямства и рѣшительности. Крѣпкій, коренастый, онъ имѣлъ видъ покойнаго, серьезнаго человѣка.

— Ну, какъ? Вы думаете, мнѣ необходимо заѣхать въ Днѣпровскъ?—началъ онъ.

— Необходимо. Если мы отсюда вмѣстѣ поѣдемъ дальше, это возбудитъ подозрѣнія.

— Вы не опасаетесь, однако, что въ гостиницѣ, въ Днѣпровскѣ, меня могутъ замѣтить?

— Зачѣмъ въ гостиницу? Переночуете у меня. Завтра утромъ, по старому коммерческому тракту на Шк—овъ, уѣдемъ на наемныхъ лошадяхъ.

— Пусть будетъ по-вашему. Но въ городъ-то намъ все же нужно взять лошадей?

— Не нужно. Дойдемъ пѣшкомъ—тутъ и трехъ верстъ не будетъ. Завтра другой офицеръ изъ нашихъ ночью, чтобы смотритель не замѣтилъ, поѣдетъ дальше съ вашею подорожною, а вещи ваши доставятъ ко мнѣ.

— Это предусмотрительно, — согласился онъ и, захвативъ свой сакъ, зашагалъ рядомъ со мною по Лупуловской дамбѣ. Я не хотѣлъ первый начинать разговора. Онъ, навѣрное, сейчасъ бы спросилъ: о степени нашей готовности начать возстаніе, о настроеніи населенія, запасахъ оружія и тому подобномъ. Что я могъ отвѣтить?! Пришлось бы лгать или прямо посовѣтовать этому господину вернуться туда, откуда онъ прибылъ, такъ какъ въ случаѣ неудачи его, несомнѣнно, дезертира и военнаго, ожидалъ полевой судъ и разстрѣліаніе. Лично я не вѣрилъ ни на одну минуту въ нашу готовность, въ наши силы, въ возможность даже относительнаго успѣха на первыхъ порахъ. Правда, въ губерніи почти не было войска; стояла одна артиллерія, но и мѣстныхъ командъ съ мужиками, враждебно настроенными, вполне было достаточно, чтобы положить конецъ всѣмъ нашимъ дѣтскимъ затѣямъ.

— Вы ничего не имѣете мнѣ сообщить?—спросилъ онъ, когда мы подошли уже къ порому у Днѣпровска.

Я посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Ничего не сообщите, никакихъ свѣдѣній объ отрядахъ, о расположеніи группъ, оружій, запасахъ и вообще о вашихъ личныхъ видахъ и соображеніяхъ?!

— Для удобства въ разговорѣ сначала скажите мнѣ какую нибудь фамилію, которою васъ придется называть.

— Я скажу вамъ настоящую: поручикъ Пѣховичъ,—отвѣтилъ офицеръ, слегка приподнимая фуражку.

— Слушайте же, Пѣховичъ! Дѣйствуйте, какъ знаете, но не обольщайтесь надеждами: если вы выведете людей въ лѣса,—не продержитесь и недѣли.

Онъ задумался.

— Значить, вы совѣтуете не выводить отрядовъ?.. Значить, у васъ тутъ трусы? А мнѣ сообщали совсѣмъ иное.

— Вы требовали моего личнаго мнѣнія, и я совѣтую: вернуться на станцію, взять лошадей и уѣзжать обратно. Если вы завтра начнете инсurreкціонное движеніе, черезъ недѣлю разгонятъ вашу негодную для битвы толпу помѣщиковъ и экономовъ; черезъ двѣ недѣли, самое большее, васъ разстрѣляютъ. Въ Вильну назначенъ Муравьевъ.

— Вѣшатель Муравьевъ—знаю. Но вы сами принадлежите къ организаціи?

— Какъ видите, принадлежу.

— И такъ говорите?

— И такъ говорю.

— Однако же это нѣсколько странно!

— Думаете ли, Пѣховичъ,—продолжалъ я,—что мнѣ лучше солгать вамъ? Но я не желаю, чтобы потомъ ваша кровь тяготила мою совѣсть. Надежды на успѣхъ нѣтъ ни малѣйшей не потому, что у нихъ много войска, средствъ, оружія, а потому, что у насъ ничего нѣтъ, и главное: и людей нѣтъ. Отрядъ вашъ даже не разобьютъ, а просто распугаютъ. Моя обязанность — доставить васъ на сборный пунктъ, свести съ нашими главарями. Остальное—ваше дѣло.

Поромъ подошелъ къ высокому, съ крутымъ взъѣдомъ, берегу Днѣпра. Толпилось много разнаго сѣраго люда, жидковъ, вѣчно повсюду шмыгающихъ; стояло два-три солдата, сдѣлавшихъ подъ козырекъ при видѣ офицера. Высоко надъ нашими головами, влѣво, висѣло зданіе губернаторскаго жилья, съ молоденькимъ бульваромъ, засаженнымъ по береговому гребню горы; слышался гулъ далекой городской ѣзды, и пожарный торопливо бѣгалъ съ лѣстницею, зажигая фонари. Словомъ, картина была самая мирная, и никому бы въ голову прійти не могло, что два запыленныхъ человѣка, взбравшихся на бульварную гору, внесутъ сюда междоусобную войну, пожары и убійства.

— Однако же у васъ тутъ совсѣмъ мирная идиллія,—замѣтилъ Пѣховичъ, все время молчавшій и очевидно раздумывавшій о моихъ сообщеніяхъ.

— Мирная — по наружности. Въ дѣйствительности въ краѣ много раздоровъ, неудовольствій, иллюзій, словомъ—горючаго матеріала. Вспышка будетъ.

— А, можетъ быть, и посерьезнѣе что случится.

Я пожалъ плечами и въ свою очередь не возражалъ.

IX.

У меня въ квартирѣ мы не возобновляли щекотливаго разговора. Въ четыре часа утра должны были явиться нанятые лошади. Послѣ чая Пѣховичъ улегся спать на моемъ диванѣ, но прежде долго и усердно молился на колѣняхъ, цѣловаль образки святыхъ и набожно вздыхалъ.

— Станный человѣкъ,—подумалъ я.—Собирается вести людей на бойню, и молится милосердному Богу. За правое дѣло... такъ онъ думаетъ. Но кто же его увѣрилъ, что его дѣло—правое дѣло? И зачѣмъ божеству вмѣшиваться и содѣйствовать, на примѣръ, успѣхамъ польскаго или русскаго дѣла? Вѣдь не израиль же мы, за котораго Богъ, по писанію, поборалъ... Можетъ быть, изъ этого офицера современемъ и выйдетъ порядочный полководецъ; онъ достаточно ограниченъ и самоувѣренъ.

Улегшись, Пѣховичъ нѣсколько разъ вызывающе глядѣлъ въ мою сторону, но я притворился, будто не замѣчаю ничего, и уклонился отъ его желанія еще поговорить. Мнѣ не спалось. Каждый стукъ на дворѣ, всякій шопотъ и шорохъ за стѣною, въ квартирѣ моего хозяина столяра, тревожили меня и заставляли усиленно биться сердце.

— А что если Сенюкинъ какъ нибудь дознался и накроетъ насъ?—думалось мнѣ.—Меня могли видѣть на улицѣ идущимъ съ незнакомымъ офицеромъ. Не глупо, не обидно ли такъ вдругъ попасться?!

Пѣховичъ, напротивъ, очень скоро заснулъ и спалъ, какъ убитый.

Въ десять часовъ я тихонько, безъ огня, одѣлся и вышелъ на улицу. Въ головѣ моей родилась оригинальная идея. Въ этотъ день былъ обычный журъ-фиксъ у помпадуря Беклеванова. Явиться туда, поиграть въ карты, побалагурить съ дѣвицами и дамами и завтра повезти въ банды начальника для открытія возстанія—фокусъ показался мнѣ очень заманчивымъ. Не значило ли это: одурачить всю честную компанію предусмотрительныхъ чиновниковъ и голубого Сенюкина въ ихъ числѣ?

Первый попавшійся извозчикъ довезъ меня до городского сада, среди котораго стоялъ желтобурый казенный домъ — обителище помпадур.

У Беклеванова, въ его гостиныхъ, все было по обычному порядку: въ одной — играли въ карты чиновники-генералы и очень кричали другъ на друга за ошибки въ игрѣ; въ другой — дамы и чиновники помоложе, вели тоже по обычному порядку прѣсныя разговоры. Племянница Наташа встрѣтила меня вопросомъ:

— Что, дядя, такъ поздно? Безъ васъ скучно. Вотъ и Катенька про васъ спрашивала.

Катенька была дочь жандарма Сенюкина, милая и простосердечная дѣвушка. Я за нею слегка ухаживалъ, она слегка была ко мнѣ благосклонна. Это была взаимная симпатія. Дружба — не дружба, а такъ нѣчто среднее, хорошее. Усаживаясь около нея, я беззаботно заявилъ:

— Лучше поздно, чѣмъ никогда.

— А вы и совсѣмъ намѣревались не прѣхать?

— Намѣревался. Даже спать было уже легъ, и вдругъ мнѣ приснился странный сонъ.

— Какой, расскажите.

— Мнѣ приснилось, что вашъ папаша, Катерина Ивановна, меня арестовалъ и собирается повѣсить, какъ мятежника.

— Однако же не повѣсилъ?

— Какъ видите. Вы меня спасли, выпустили изъ тюрьмы.

— Мятежника?!

— Нѣтъ, хорошаго вашего знакомаго.

— Это—другое дѣло.

Глазки ея загорѣлись любопытствомъ. Она наклонилась ко мнѣ и спросила шепотомъ:

— Признайтесь: вы немного замѣшаны?!

Я пожалъ плечами, украдкой стиснулъ ея пальчики и пере-мѣнилъ разговоръ.

— У васъ тутъ скучно. Всѣ насупились и молчатъ.

Тынскій, братъ правителя канцеляріи, курившій меланхолически папиросу въ углу, отозвался:

— Это Иванъ Павловичъ (Сенюкинъ) напугалъ. Говорить, не сегодня—завтра поляки непременно возьмутъ и сожгутъ Днѣпровскъ, а насъ всѣхъ перевѣшаютъ.

— И женщинъ перевѣшаютъ!—усомнился кто-то.

— И женщинъ!—подтвердилъ Тынскій и принялся рассказывать ужасы о жестокости инсургентовъ въ Польшѣ и Литвѣ, сообщаемые газетами. Двухъ старовѣровъ сожгли живыми на кострѣ въ лѣсу; дьячка-доносчика привязали за ноги къ двумъ нагнутымъ березамъ; выпрямившись онѣ разорвали несчастнаго.

— Фи, какой ужасъ!—кричали дамы. Съ женой инженера путей сообщенія, Манечкою Кудельщентко, едва не сдѣлалась истерика. Мужъ ея былъ извѣстный взяточникъ, а она, разыгрывая роль наивной и нервной дѣвочки, рожала дѣтей, какъ двѣ капли воды, похожихъ на помпадура.

Начался споръ. Большинство вѣрило въ возможность взятія Днѣпровска, хотя въ немъ стояла батарея артиллеріи и имѣлась команда. Насчетъ того, чтобы поляки, то-есть мѣстные помѣщики, всѣхъ перевѣшали, голоса раздѣлились. Подошелъ помпадуръ Беклевановъ—красивый, высокій мужчина, съ открытымъ, умнымъ лицомъ. Ему было лѣтъ сорокъ, и онъ не думалъ ограничивать свою карьеру днѣпровскимъ помпадурствомъ. Полагаю, этимъ честолюбіемъ объясняется вся его политика: допустить въ губерніи броженіе, даже вспышку,—безсиліе и слабодушіе нашихъ революціонеровъ онъ отлично знаетъ,—и все мгновенно, какъ ударомъ волшебнаго жезла, потомъ усмирить. Конечно, за этимъ должны были слѣдовать чины, звѣзды и доступъ туда, гдѣ, перефразируя Пушкина, предокъ его, конечно, не бывалъ. Въ будущее заглядывать не будемъ, но кратко отмѣтимъ: расчетъ не удался. Онъ умеръ скромнымъ отставнымъ помпадуромъ. Подойдя къ нашей группѣ, Беклевановъ довольно долго и пристально глядѣлъ на меня и, садясь возлѣ Наташи, замѣтилъ:

— Что васъ нигдѣ не было видно? Вы, Александръ Ивановичъ, уѣзжали?

— Никуда не уѣзжалъ, спросите хоть ее,—отвѣтилъ я, указывая на Наташу.

— А мнѣ донесли, что вы уѣзжали.

— Это мнѣ льститъ. Значитъ, я принадлежу къ категоріи такихъ, о которыхъ доносятъ.

— А то какъ же иначе? Или вы серьезно желаете выдать себя за овечку?

Тынскій изъ угла пробасилъ:

— Александръ Ивановичъ—овца, но только пропавшая. Ваше превосходительство посоветуйте нашему пастырю, доброму Сенюкину, вернуть пропавшую овцу въ стадо теперь же, а то, пожалуй, и поздно будетъ.

Помпадуръ очевидно не довѣрялъ мнѣ. Но разговора не продолжалъ, замѣтивъ серьезное и недовольное лицо Наташи; усѣвшись около нея, онъ затѣялъ безконечный разговоръ намековъ, недосказовъ и игры въ слова. Теперь это бы назвали флиртомъ; тогда называли интересною болтовнею съ интересною особою. Беклевановъ ухаживалъ за умною дочерью Глушенкова.

Скоро подали ужинъ. О грядущей инсurreкціонной вспышкѣ никто больше не заговаривалъ. Всѣ трунили надъ моимъ beau frèremъ Глушенковымъ, оставшимся со шлемомъ въ сибирскій винтъ безъ

пяти. Старикъ проглядѣлъ и снесъ двухъ тузовъ. Глушенковъ злился; Сенюкинъ, оставшійся въ выигрышѣ, былъ въ самомъ розовомъ расположеніи духа.

Дочка его, Катерина Ивановна, прощаясь, шепнула мнѣ:

— Черезъ недѣлю—именины мамины. Не позабудьте пріѣхать, а то ссора будетъ, и дружбѣ нашей конецъ.

Я наклонился и шепнулъ ей на ухо:

— А если я черезъ недѣлю буду уже въ шайкѣ, и оттуда прикажете пріѣхать къ вамъ?

— Непремѣнно и оттуда пріѣзжайте. Отпроситесь на денекъ у доводцы и пріѣзжайте.

Мы оба расхохотались. Я пожалъ бѣленькую Катенькину ручку и потрясъ мясистую лапу жандарма-папаши, обѣщая непремѣнно пріѣхать на именины.

Было три часа ночи, когда я вернулся въ квартиру. Пѣховичъ еще спалъ.

— Вы откуда это пришли?—спросилъ онъ, когда я его разбудилъ.

Вслушавъ мой рассказъ, онъ улыбнулся.

— Ловко устроили и отличное alibi. Итакъ у васъ всѣ покойны и ничего не боятся?

— Этотъ шансъ, пожалуй, въ вашу пользу.

— Да, это хорошо,—согласился онъ.

— Лошади часа черезъ два явятся. Вы все еще не отказались отъ поѣздки?—спросилъ я.

— Разумѣется, не отказался.

— Какъ знаете. Но еще есть время отдумать.

Пѣховичъ пристально поглядѣлъ на меня и, съ неудовольствиемъ нахмурившись, сказалъ:

— Мнѣ привидѣлся скверный сонъ: будто меня ведутъ разстрѣливать; и столбъ, и яма у столба, и взводъ солдатъ съ заряженными ружьями—все было во снѣ, какъ слѣдуетъ. Была даже моя жена—я всего годъ, какъ женатъ, и горько плакала...

Онъ повелъ плечами, дрогнувъ точно отъ холода, и продолжалъ:

— Знаете ли: не начинать дѣла и уѣхать обратно сегодня не кажется уже мнѣ такимъ безумствомъ.

— За чѣмъ же дѣло стало?.. Послушайтесь: уѣзжайте обратно.

Но онъ отрицательно мотнулъ головою и продолжалъ, слѣдя болѣе за ходомъ своихъ мыслей, чѣмъ разговаривая со мной.

— Одинъ разъ я уже измѣнилъ: забылъ присягу, бросилъ полкъ... Отечество требовало этой жертвы. Бросивъ дѣло теперь, измѣню во второй разъ и измѣню своимъ, страха ради іудейска. Меня осудятъ и убьютъ. Жондъ не шутитъ съ трусами и измѣнниками. Вы говорите: въ Днѣпровской губерніи ничего не готово;

руководители—дрянные людишки; народъ—противъ насъ. Все же я обязанъ начать. Въ Гор—хъ тоже начнутъ. Туда уже уѣхалъ другой. Мой долгъ—сдѣлать демонстративное движеніе, развлечь не-пріятеля. А тамъ дальше будь, что будетъ, что предназначено. Страшенъ мой сонъ, но милостивъ Богъ. Ёдемъ!

И мы поѣхали на Шк—овъ на еврейскихъ одрахъ, бѣжавшихъ впрочемъ довольно бодро по старому шляху, обсаженному вѣковыми березами еще Зоричевской посадки, такъ какъ Шк—овъ былъ пожалованъ Екатериною II этому любимцу счастья, фавориту ея всего на нѣсколько мѣсяцевъ. Весна едва начиналась, теплая съ яркимъ солнцемъ, хорошая весна нехорошаго 1863 года.

Х.

Въ Шк—вѣ съ нами приключился курьезный инцидентъ. Не уснѣли мы пріѣхать и расположиться въ заѣзжемъ домѣ Шулема Чернаго, чтобы выкормить лошадей—до Оши оставалось еще ѣхать верстъ тридцать пять—какъ явился факторъ съ докладомъ: кагалъ пришелъ.

— Зачѣмъ кагалъ?! Какой кагалъ?!—удивились мы.

— Ну, извѣстно, нашъ шк—ій кагалъ. По дѣлу къ вашему превосходительству пришелъ.

— Гдѣ ты тутъ, дуракъ, превосходительство видишь?!

— А то какъ же?!—отступая къ двери, объяснялся факторъ и, указывая на Пѣховича, добавилъ:

— Они и есть превосходительство, господинъ начальникъ. Намъ уже все извѣстно.

Мы переглянулись. Видя нашу нерѣшимость, лукавый факторъ, ступая бережно, какъ по льду, отъ великаго уваженія, приблизился къ Пѣховичу и, снявши ермолку, коснулся ея краемъ пола со словами:

— Ми, жидки,—народъ шмырный, только ми все напередъ знаемъ. Примите, ваше превосходительство, кагалъ... Худа не будетъ.

Дѣлать нечего, пришлось разрѣшить впустить уполномоченныхъ кагала. Вошли три еврея: одинъ старый, съ большою, бѣлою библейскою бородою, два помоложе, и начали кланяться отъ самыхъ дверей. Послѣ долгихъ экивоковъ и пустыхъ рѣчей выяснилось, что шк—вскіе евреи, отлично зная о готовящейся инсurreкціи, положили просить начальника пощадить ихъ: не жечь мѣстечка и не грабить.

Мы опять переглянулись. Напротивъ жилъ становой. Правда, онъ былъ мой знакомый и полякъ; жена его усердно упражнялась въ пѣніи гимновъ, но все же... Если ужъ жидки заранѣе узнали, кто Пѣховичъ, и куда мы ѣдемъ, очевидно скрывать дальше было бесполезно.

Будущій начальникъ сѣвернаго отряда всталъ, потеръ лобъ рукою и спросилъ кагалныхъ:

— Что же вамъ надо?! Польскія войска, если и займутъ Шк—ова, грабить не будутъ.

— О, ми знаемъ, что все это хорошіе господа—это польское войско!—заговорилъ черный еврей съ бѣльмомъ на глазу.—Ну, мы ничего не имѣемъ противу польскаго войска. Кагалъ за поляковъ... Пятъсотъ рублей мы собрали съ общества и принесли. А чтобы господа поляки насъ пограбили,—нѣтъ, мы этого въ мысляхъ не держимъ.

Старый, бѣлобородый еврей махнулъ рукой говорившему и, униженно кланаясь, высказалъ самую суть странной просьбы: евреи мѣстечка Шк—ова желали, чтобы, когда польское войско пойдетъ брать Днѣпровскъ, прошло мимо, совсѣмъ не замѣтивъ ихъ гнѣзда, за то и пятъсотъ рублей жертвовали.

Уѣхавъ поскорѣе изъ Шк—ова, гдѣ, какъ намъ казалось, долѣе оставаться было небезопасно, мы съ Пѣховичемъ (деньги 500 рублей онъ въ народную казну принялъ) смѣялись хитрости и умѣнію евреевъ охранять свои интересы.

— Только зачѣмъ вы эти деньги взяли?—спросилъ я его.

— Зачѣмъ?! Деньги въ нашемъ дѣлѣ нужны. Деньги—нервъ войны.

— Но это же взятка.

— Нѣтъ, это — контрибуція. Если мой отрядъ дойдетъ до Шк—ова, я не пятъсотъ, а десять тысячъ потребую сначала, а не дадутъ добровольно,—сожгу мѣстечко.

— Богъ дастъ, вы до Шк—ова не дойдете.

Пѣховичъ пожалъ плечами и отвернулся отъ меня. Въ военно-судной комиссіи, когда его приговорили къ разстрѣлянью, и эти пятъсотъ рублей контрибуціи поставлены были въ вину. Сами же евреи донесли, что съ нихъ вымогали деньги какіе-то господа, ѣхавшіе наканунѣ возстанія на Ошу. Предъявленнаго имъ Пѣховича они сейчасъ же узнали. Онъ даже и не спорилъ...

Въ Ошу мы прибыли вечеромъ.

— У акцизнаго надзирателя Осминовскаго помѣщики и чиновники третій день въ карты играютъ,—доложилъ станціонный смотритель.—И вы, господа, можетъ быть, туда сходите, пока лошадей выкормятъ?! Только курьерская тройка и осталась...

Но мы отказались. Пѣховичъ только спросилъ:

— Много проѣзжихъ на В—нѣ?

— Много. Все господа туда ѣдутъ съ ружьями и запасами. На охоту, говорятъ.

На шоссе, на выѣздѣ, попался рыжеватый, лѣтъ сорока еврей—Янкель Пруссаковъ. Онъ пристально, зорко оглядѣлъ меня и, узнавъ, снялъ картузъ. Арендовалъ онъ нѣсколько винокуренныхъ

заводовъ въ уѣздѣ и былъ до нѣкоторой степени подчиненъ моему родственнику Глушенкову.

— О чортъ!—выругался Пѣховичъ.— Намъ не везеть: то и дѣло узнаютъ васъ и замѣчаютъ, съ кѣмъ ѣдете. Вотъ и этотъ еврей того и гляди донесетъ.

— Пруссаковъ не донесетъ.

— Развѣ онъ нашъ?! сочувствуетъ?!

Мнѣ стало смѣшно надъ наивностью доводцы.

— Нѣтъ,—пояснилъ я,—Янкель Пруссаковъ—впослѣдствіи онъ сталъ миллионеромъ и даже особою—какъ и всѣ евреи, ни полякамъ, ни русскимъ не сочувствуетъ. При распрѣ христіанъ евреи относятся къ спорящимъ, какъ турки: свинья ли укуситъ собаку, или собака свинью—какое имъ дѣло. Пруссаковъ не донесетъ: онъ слишкомъ уменъ. Какая ему выгода ссориться съ помѣщиками или фигурировать на допросѣ въ слѣдственной комиссіи?! Вѣрьте впрочемъ одному: онъ отлично знаетъ, кто мы, куда ѣдемъ и кто насъ ждетъ...

XI.

Сборный пунктъ, на который прежде всего надлежало доставить Пѣховича, была усадьба помѣщика Онуфріевича. Она лежала у самаго шоссе изъ Оши въ Литскъ. Хозяинъ—отставной гусаръ, добрякъ, любилъ больше всего играть въ карты и менѣе всего—политику. Зато жена и семья—три дочки, были ярые патріотки. Онѣ искренно вѣрили, что москаль ихъ жестоко угнетаетъ; еще крѣпче было въ нихъ убѣжденіе о наступленіи счастливаго, золотого вѣка съ воскресеніемъ Польши и, главное, старопольскихъ порядковъ, о которыхъ онѣ, впрочемъ, имѣли очень смутное понятіе и наивно смѣшивали идеи французской революціи съ попольновеніями революціонировавшихъ у насъ крупныхъ магнатовъ. Къ чести семьи Онуфріевичей слѣдуетъ отнести, что ксендзолубіе и католическая нетерпимость были ей почти чужды. Самъ Онуфріевичъ былъ только шляхтичъ, но жена его—пани Маріанна, какъ родовитая дворянка, имѣла на протяженіи территории цѣлыхъ трехъ уѣздовъ безчисленное число братцевъ, племянниковъ, кузеновъ и тому подобной родни. Къ нимъ часто и многіе пріѣзжали. Въ силу этого удобіе всего казалось назначить у Онуфріевичей предварительный сборный пунктъ. Подѣзжая къ усадьбѣ, я передавалъ подробности Пѣховичу; онъ слушалъ внимательно, прерывая отъ времени до времени вопросами:

— Много ли соберется народу? Каково вооруженіе?! Годенъ ли самъ Онуфріевичъ, какъ старый кавалеристъ, въ начальники штаба?!

— О послѣднемъ и думать нечего,—объяснилъ я.—Старому майору не меньше семидесяти лѣтъ, да онъ и не изъ тѣхъ, которые распо-

ряжаются, а изъ тѣхъ, которыми распоряжаются. Что касается народа, то если считать всѣхъ: женщинъ, подростковъ, старцевъ, съ необъятными чемоданами—животами, едва ли къ походу пригодныхъ, наберется человѣкъ двѣсти.

— А годныхъ къ походу и бою?

— Такихъ и пятидесяти не наберешь.

— Какъ вооружены дворяне? Какіе имѣются запасы?

— Объ этомъ вамъ надо будетъ спросить казначея—помѣщика Наполеона Бржеза. Онъ навѣрное уже ждетъ насъ у Онуфріевичей.

Когда мы пріѣхали, и когда хозяева узнали, какого я имъ гостя привезъ, весь домъ всполошился: забѣгали экономки изъ кладовой въ кладовую, на кухнѣ рѣзали разную птицу, два повара заступали ножами, и изъ погреба стараго майора, любившаго хорошо выпить, потащили съ дюжину бутылокъ. Пѣховичъ перезнакомился съ хозяевами, но былъ очень холоденъ и не привѣтливъ; его озабочивало положеніе дѣлъ. Попросивъ отвести отдѣльное помѣщеніе, онъ заперся. Я вышелъ въ залъ и заявилъ пани Маріаннѣ, что довудца просить, какъ можно меньше дѣлать шуму; до выступленія въ походъ хотя и остается всего день—два, но становой легко можетъ получить свѣдѣнія и арестовать насъ.

— О, не беспокойтесь: здѣшній становой ровесникъ моему мужу, трусливъ и взяточникъ. Онъ никого не арестуетъ.

— А исправникъ? И этотъ такой же?

— Бранбокъ?! этотъ не такой... Недавно онъ перекрестился, т.-е. принялъ православіе со всей семьей, чтобы не лишиться мѣста, и очень теперь разнюхиваетъ. Вотъ его,—передайте начальнику,—перваго слѣдуетъ повѣсить...

Странное время было. Всѣ тогда, даже дамы—добрыя и хорошо воспитанныя, скоро и съ легкимъ сердцемъ рѣшали, кого слѣдуетъ повѣсить первымъ, а кого сбережъ на вторую очередь.

Улыбаясь рѣшимости пани Маріанны вѣшать, хотя бы и исправника перекреста, я передалъ отъ имени Пѣховича, что главное не объѣдъ, не выпивка и даже не патріотическія заявленія, а чтобы къ вечеру всѣ были въ сборѣ, и главное явился бы казначей Наполеонъ Бржезо.

— Онъ боленъ. Лежитъ въ постели.

— Кто его помощникъ?

— Мой мужъ считается.

— Можетъ онъ сдать кассу, сообщить свѣдѣнія, гдѣ оружіе и запасы?

— Боже, сохрани! и не спрашивайте!—махая руками, заявила пани Маріанна.—Онъ ни во что не вмѣшивался, никакихъ жертвованій не принималъ, Бржезо все одинъ дѣйствовалъ.

— Тогда пошлите къ казначею нарочнаго уже не съ приглашеніемъ, а съ приказомъ быть здѣсь вечеромъ. Командирь—суровый солдатъ и съ ослушниками не шутить.

Къ вечеру начали собираться помѣщики все больше въ коляскахъ, нетычанкахъ, на дрожкахъ; очень немногіе пріѣхали верхами. Дамъ было больше, чѣмъ мужчинъ. Я заглянулъ къ Пѣховичу, который не показывался собиравшимся и даже обѣдъ велѣлъ подать себѣ въ комнату, и нашелъ его за изученіемъ карты.

— Мнѣ предписано,—заговорилъ онъ въ сильномъ волненіи, тыкая пальцемъ по картѣ,—занять мѣстечко Бабичи и въ случаѣ нападенія отступить въ бабичевскія болота, въ которыхъ княземъ Мирскимъ якобы устроены засѣки и сложено оружіе. Правда это?! есть тамъ что нибудь?!

— Ничего нѣтъ. Могу поручиться.

— А далеко до Бабичей? Что это такое? Кто тамъ живетъ?

— До Бабичей верстъ пятнадцать сквернѣйшей дороги. Это полуеврейское мѣстечко. Живутъ тамъ два ксендза—они охотно примутъ и накормятъ отрядъ. Что касается жителей, то за исключеніемъ жидовъ—все православные мѣщане. Одни они не бросятся на отрядъ, но если подоспѣетъ исправникъ съ командою—дѣло вполне возможное—возмутятся за колья, охотничьи ружья; разроютъ и завалятъ дороги. Однимъ словомъ сдѣлаютъ все возможное, чтобы намъ нескоро выбраться изъ Бабичей.

— Значитъ, народъ рѣшительно противъ насъ?—подымаясь отъ стола съ ландкартами, спросилъ Пѣховичъ.

— Рѣшительно весь противъ насъ и злобно настроенъ.

— Въ Варшаву писали иное. Какая же причина озлобленія народа?

— Не у всѣхъ еще зажили рубцы отъ розогъ, щедро отпускаемыхъ на барскихъ конюшняхъ до 1861 года. Потомъ посредники помѣщики не очень-то съ народомъ и теперь церемонятся.

Волнуясь и расхаживая по комнатѣ, Пѣховичъ началъ мнѣ излагать будущее стратегическое положеніе своей банды. Бабичевскія болота, на которыя столько возлагалось надеждъ, какъ на опорный пунктъ въ партизанской борьбѣ,—просто погибельный мѣшокъ, ловушка. Это—треугольникъ, ограниченный двумя линиями шоссе и упирающійся острымъ угломъ въ губернский городъ Литскъ, гдѣ сходятся и оба шоссе. Тамъ стоятъ войска. Оттуда легко выдвинуть отряды и не дозволить шайкѣ прорваться за линію открытых шоссе. Сѣверная сторона треугольника ограничена Днѣпромъ. Если банду отбросятъ изъ Бабичей къ болотамъ, а туда и предписано отступить—выхода не будетъ; придется сдаться, разбѣжаться по лѣсамъ и дать себя переловить мужикамъ.

— Поняли вы теперь наше положеніе?—спросилъ Пѣховичъ.

— Понялъ настолько, что не вижу надежды на успѣхъ.

Онъ горько улыбнулся.

— Какой тутъ успѣхъ! надо итти не въ болота, а къ Днѣпру на Горецкое, въ которомъ изъ молодежи, одновременно со мною, формируется отрядъ въ триста—четыреста человѣкъ студентовъ. Надо соединиться, а не расходиться въ разныя стороны, какъ намъ предписано. Это все слѣдствіе лживыхъ сообщеній, что гдѣ только появятся наши отряды, вездѣ и всѣ возстанутъ противъ Москвы и чиновниковъ.

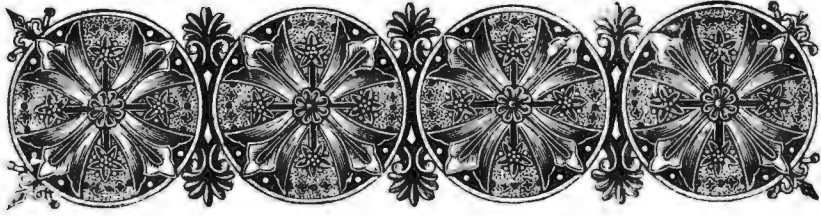
Онъ сѣлъ у окна и закрылъ лицо руками.

— «Начальникъ заранѣе, до похода, потерялъ голову,—подумалъ я.—Что же будетъ? Чего можно ожидать изъ такъ неудачно начатаго?! Признаться: въ эту минуту мнѣ пришло въ голову, что самое лучшее лично мнѣ поскорѣе уѣхать въ Днѣпровскъ. Я свое дѣло сдѣлалъ: доставилъ начальника на сборный пунктъ. Но честно ли такъ его бросить?!»

С. С. Орлицкій

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

МІРСКАЯ ПЕЧАЛЬНИЦА.

(Изъ воспоминаній о голодномъ годѣ).

I.

МІРСКОЙ печальницей и «безпокойнымъ сердцемъ» мы всѣ, работавшіе въ тотъ годъ на голодѣ, прозвали одну изъ насъ, завѣдывавшую красно-крестной столовой—Софью Ивановну Накрохину, одну изъ тѣхъ «хорошихъ людей», которыхъ немало насчитывала въ то время злополучная година.

Это была маленькая, хрупкая женщина, чѣмъ нибудь волнуемая, вѣчно противъ чего нибудь будирующая.

— Нѣтъ, вы только посмотрите, что дѣлаютъ съ голодающими и больными!.. Вѣдь отъ этого можно въ ужасъ прійти!..—кипятилась она, вся красная отъ волненія, съ багровыми пятнами, выступившими на ея блѣдномъ лицѣ.—Что они только дѣлаютъ!.. Что дѣлаютъ!..

— Ну, чего вы волнуетесь-то?—говорили мы ей, въ то же время любуясь этимъ честнымъ, хорошимъ порывомъ въ этомъ маленькомъ созданіи и отъ души раздѣляя ея мнѣнія относительно заботъ «сильныхъ голоднаго міра» о голодающемъ мужикѣ.—Экая бѣда, что вамъ клюквеннаго экстракта не прислали... Не прислали сейчасъ—пришлютъ послѣ. Подождите немного-то...

— Что же, тифозные, по-вашему, тоже могутъ ждать?—выкрикивала она.

— Ну, само собою, мужики-то могутъ подождать,—стараясь сохранить серьезность на лицахъ, отвѣчали мы.

Софья Ивановна вскидывала на насъ удивленный взглядъ, и количество пятенъ на ея лицѣ возрастало.

— Это вы, что же,—тоже изъ лика признающихъ, что мужицкій организмъ желѣзный и способенъ перенести и голодъ, и тифъ, и цыngu, и что угодно?

Намъ ужасно нравилось, когда Софья Ивановна начинала такъ волноваться. Тогда ея маленькая фигурка какъ будто вырастала, и лицо одухотворялось той чудной красотой, которая бываетъ только у людей, всѣми силами своей души отдавшихъся какому нибудь хорошему дѣлу.

Безпокойная натура была эта Софья Ивановна, и пригласившіе ее завѣдывать столовою, кажется, и не рады были этому.

Она вѣчно находила какія нибудь прорѣхи въ дѣлѣ кормленія голодающихъ и ухода за больными. Помню, какъ ей не прислали разъ лимоновъ для цынготныхъ.

— Но послушайте, Софья Ивановна,—говорилъ ей одинъ изъ уполномоченныхъ того учрежденія, которое вѣдало эту столовую.— Вѣдь это еще вопросъ, представляютъ ли лимоны специфическое средство при цынгѣ! Вонъ новая теорія лѣченія этой болѣзни говоритъ, что...

— Да какое мнѣ дѣло до вашихъ новыхъ теорій?.. — раздражалась Софья Ивановна. — Когда вы приглашали меня сюда, вы же мнѣ сказали: «кормите голодающихъ, лѣчите цынготныхъ лимонами и овощами, при уходѣ за тифозными поступайте согласно указаніямъ доктора». Вы говорили мнѣ это?

— Ну, положимъ, что я говорилъ это, — смущаясь отвѣчалъ уполномоченный.

— Такъ давайте же мнѣ все это. Я обѣщалась работать вамъ за совѣсть, такъ не отговаривайтесь различными новыми тамъ теоріями, когда у васъ нѣтъ средствъ. Этакъ вы, пожалуй, выдумаете еще новую теорію, что для того, чтобы прекратить голодъ, не нужно вовсе кормить: пусть всѣ перемрутъ—вотъ и голода не будетъ.

— Ну, ну, Софья Ивановна, поѣхали,—махалъ, смѣясь, рукой уполномоченный.—Ну, разорвусь, да достану лимоновъ. Не ругайтесь да не ворчите только.

— Съ васъ только тогда и возьмешь, когда вдосталь поругаешься,—отвѣчала на это Софья Ивановна, все еще продолжая сердито громыхать чайной посудой.

Софья Ивановна сразу, лишь только появилась въ нашихъ мѣстахъ, стала въ положеніе «безпокойнаго элемента».

Едва она вступила въ завѣдываніе столовой, какъ была поражена той массой нужды, которая царила въ этой голодающей округѣ.

— Но, послушайте, вѣдь это что же такое? — съ недоумѣніемъ и чуть не со слезами на глазахъ спрашивала она насъ.—Вѣдь это же просто ужасно... Вѣдь наша помощь не что иное, какъ капля въ морѣ нужды, которая царить здѣсь...

— Что жъ,—пожимали мы плечами, — будемъ дѣлать, что можемъ...

— И только?

— Что же мы можемъ больше сдѣлать?

— А языкъ на что же намъ данъ?

— Языкъ?! — недоумѣвали мы, не понимая, что можетъ тутъ сдѣлать этотъ органъ болтливости.

— Ну, да, языкъ... Вѣдь мало того, что надо работать руками, надо и языкъ приобщить къ этому.

— То-есть, это какъ же такъ?.. Научите,—насмѣшливо спросилъ кто-то изъ насъ.

— А такъ: кричать надо о нуждѣ, кричать, насколько голосу хватить, кричать такъ, чтобы всѣ сытые и довольные проснулись и увидали, что здѣсь дѣлается...

— Что жъ, попробуйте,—сказалъ тотъ же насмѣшникъ.—Кричите на здоровье, пока въ концѣ концовъ вамъ не заткнутъ глотку...

— Ну, это мы еще посмотримъ,—тряхнувъ головой, заявила Софья Ивановна.—А кричать я все-таки буду...

И, дѣйствительно, она стала кричать, да такъ, что всѣхъ сильныхъ нашего уѣзднаго міра испугала.

Прежде всего она написала въ какую-то столичную газету письмо, гдѣ самыми яркими красками описывала отчаянное положеніе своего района... А красокъ она не жалѣла, такъ что даже у насъ, обстрѣлявшихся на нуждѣ, которую мы видѣли каждый день бокъ-о-бокъ около себя, при чтеніи этого письма пробѣгали мурашки по спинѣ.

— Однако, вы, Софья Ивановна, того... хватили, кажется, немного черезъ край... Какъ бы за это не нагорѣло намъ...

— Ну, нагорить или нѣтъ,—это еще вопросъ... А вотъ расшевелить общество надо... А то вѣдь оно тамъ, навѣрное, думаетъ, что у насъ здѣсь, такъ себѣ, легонькое «недоѣданіе»...

И, дѣйствительно, такъ расшевелила, что къ ней со всѣхъ сторонъ посыпались пожертвованія, помогшія ей устроить не одну столовую въ нѣсколькихъ деревняхъ.

Такъ же расшевелила она и нашу уѣздную администрацію, и въ одинъ прекрасный день къ ея избѣ подкатила тройка ямскихъ лошадей, и изъ кибитки вылѣзли уѣздный исправникъ и уѣздный предводитель дворянства.

— Это вы что же, сударыня? — вмѣсто привѣтствія обратился къ ней предводитель, входя въ комнату и снимая съ себя шубу.—Нашъ уѣздъ на всѣ Европы осрамили?

— Вы, кажется, ваше благородіе, прежде въ кавалеріи служили? — съ отгѣнкомъ насмѣшки въ голосѣ спросила его Софья Ивановна.

— Да, въ кавалеріи,—отвѣчалъ опѣшавшій отъ этого вопроса предводитель.

— То-то вы и думаете, что около лошадей, въ конюшнѣ, находитесь...

Сконфуженный предводитель попытался поздороваться съ нею.

— Ну, а теперь скажите, чѣмъ я осрамила вашъ уѣздъ? — спросила она.

— Да, какъ же, помилуйте!..—разразился успѣвшій уже оправиться предводитель.—Вѣдь если по вашему письму судить, такъ нашъ уѣздъ съ голоду помираетъ...

— А развѣ не такъ? Развѣ у васъ не вопіющая нужда? — вспыхнула Софья Ивановна.

— Но послушайте, барынька,—вѣдь согласитесь сами, что это для насъ не очень-то пріятно...

— Почему же «не очень-то пріятно»? — искренно изумилась Софья Ивановна.

— Да какъ же помилуйте... Какъ еще взглянетъ на это начальство, что мой уѣздъ чуть не съ голоду помираетъ?.. Неблагополучно вообще? — сказалъ исправникъ.

— Да вы-то чѣмъ же виноваты, что у васъ въ уѣздѣ не уродилось хлѣба? Развѣ дожди отъ администраціи зависятъ? — обернулась къ нему она.

— Конечно, это не отъ насъ зависитъ, но все-таки...

— Что «все-таки»?

— Какъ хотите, а все-таки неприятно, что мой уѣздъ въ такой нуждѣ...

— Какъ хотите, а я не понимаю, что вы говорите.... — пожимая плечами, сказала Софья Ивановна.—Почему же вамъ неприятно?.. Ахъ, да,—наконецъ догадалась она:—вы желали бы замолчать голодъ?

— Нѣтъ, не то, конечно,—замыслились они оба.—А все-таки надобно было не въ такихъ яркихъ краскахъ представить, какъ это вы сдѣлали въ вашемъ письмѣ въ газетѣ...

— Ну, право, ужъ не знаю, какъ нужно было иначе это сдѣлать?.. А у меня уже второе письмо послано въ ту же газету.

— Что вы? — испуганно спросили они оба.—Да вѣдь это вы цѣлый бунтъ устроите у насъ... На нашъ уѣздъ вся Россія обратитъ вниманіе...

— И пусть обращаетъ.

— А знаете ли, сударыня, что мы съ вами сдѣлаемъ? — вдругъ закипятился исправникъ.

— Нѣтъ, не знаю,—хладнокровно отвѣчала Софья Ивановна.

— Да мы васъ отсюда того... понимаете... выкуримъ отсюда... Да-съ...

— Что жъ, выкуривайте...—такъ же хладнокровно отвѣчала она.—Только, знаете, не было бы отъ этого еще большаго скандала...

— А скажите, пожалуйста,—вдругъ спросилъ, о чемъ-то вспомнивъ, предводитель:—Накрохинъ изъ «Столичныхъ Извѣстій» вамъ не родственникомъ приходится?

— Это мой братъ,—съ еле замѣтной улыбкой отвѣчала Софья Ивановна.

Предводителя всего передернуло, и онъ, отведя въ сторону исправника, сталъ о чемъ-то шептаться съ нимъ, энергично что-то ему доказывая.

Кончилось все это тѣмъ, что гости поспѣшили раскланяться съ Софьей Ивановной и уѣхали, провожаемые насмѣшливой улыбкой «безпокойнаго сердца».

II.

— Вотъ шмель-то попался!..—ругались разные уполномоченные и завѣдующіе столовыми, бомбардируемые со стороны Софьи Ивановны чуть не каждый день различными письмами, требованіями, каталогами медикаментовъ и т. д.

— Такъ и жужжить надъ ухомъ... И откуда такую безпокойную выкопали?..

За голодающихъ и больныхъ Софья Ивановна готова была положить душу. Для нея не было раздѣленія голодающихъ на болѣе нуждающихся и менѣе нуждающихся.

— Всѣ они нуждаются,—говорила она и, не думая долго, заносила всѣхъ въ списки.

— Да къ чему же вы занесли въ списки Андрея Дятлова?—спрашивалъ ее завѣдующій участкомъ.—Вѣдь у него есть лошадь и корова.

— По-вашему, какъ же: тогда только можно занести въ списки человѣка, когда онъ въ конецъ разорится?

— Но все-таки корова указываетъ на нѣкоторое благосостояніе мужа...

— А вы забыли, что у Дятлова пять человѣкъ дѣтей, малъ-мала меньше... Одного только на-дняхъ отъ груди отняли... Продастъ онъ корову,—гдѣ онъ молока добудетъ для ребятъ? А если онъ лошадь продастъ, то на чемъ будетъ пахать весной?

— Да чего же вы за весь міръ общей печальницей дѣлаетесь?

На этотъ вопросъ Софья Ивановна обдавала спрашивающаго, вмѣсто отвѣта, такимъ взглядомъ, который лучше всякихъ словъ говорилъ, почему она сдѣлалась общей за всѣхъ печальницей.

Когда составлялись списки нуждающихся въ лошадяхъ, она просто надоѣла составляющему эти списки земскому начальнику своими ходатайствами то за того, то за другого изъ безлошадныхъ крестьянъ.

— Да чего же вы за Семена Дунина хлопчете?—спрашивалъ ее тотъ.—Вѣдь онъ же продалъ свою лошадь по осени...

— Ну, такъ что же изъ этого? Продалъ оттого, что надо же было что нибудь ѣсть ему. Не съ голоду же ему было помирать.

— Ну, насчетъ этого ладно. А за Степана Остаѣева зачѣмъ просите? Вѣдь у него и лошади-то никогда не бывало... Онъ и недоуздка-то никогда въ рукахъ не держалъ...

— Ну, такъ что же? Оттого не было лошади, что купить не на что было... А теперь, если предвидится приобрѣтеніе лошади въ разсрочку, такъ отчего же и ему не приобрѣсти ее? Будетъ у него лошадь—поднимется и онъ.

Наконецъ и земскій начальникъ отказался заполнять списки нуждавшихся въ лошадяхъ.

— Вѣдь, мы, наконецъ, раскусили, что намъ не повѣрятъ. Шутка ли: въ одной Репьевкѣ нуждаются въ лошадяхъ почти полтораста человѣкъ... Надо же и совѣсть знать.

— Совѣсть?—возражала на это Софья Ивановна.—По-моему, будетъ гораздо безсовѣстнѣе, если мы нуждающихся въ лошадяхъ оставимъ безъ нихъ... Да потомъ и вамъ-то не все ли равно? Ну, урѣжутъ тамъ. И пусть урѣзываютъ... Если урѣжутъ отъ большого числа, такъ это не бѣда... Хуже будетъ, если станутъ урѣзывать отъ малаго числа...Тогда помощь совѣмъ сведется на нуль...

И въ результатѣ Репьевка получила лошадей гораздо больше, чѣмъ другія селенія.

Это, конечно, вызывало зависть со стороны крестьянъ другихъ селеній, также нуждавшихся въ лошадяхъ.

— Репьевцамъ-то что,—говорили они,—у нихъ заступница есть... Объ нихъ есть кому позаботиться... Они съ Софьей-то Ивановной, какъ у Христа за пазухой, живутъ...

Сильно разсердилась Софья Ивановна, когда снабжать ея столовыя мясомъ было поручено одному сельскому кулаку Тулупову, съ перваго же раза поставившему недоброкачественное мясо. Къ этой поставкѣ Тулуповъ былъ приглашенъ, благодаря своему знакомству съ однимъ мѣстнымъ, власть имущимъ человѣкомъ.

— Чуть глаза мнѣ не выцарапала она,—жаловался послѣ Тулуповъ.—«Зачѣмъ,—говорить,—мясо съ душкомъ?». Да мужикъ-то долженъ Богу молиться, что у него теперь голодъ: когда онъ въ обыкновенное-то время мясо видалъ?.. А что если и съ душкомъ—такъ экая бѣда: у него, у сиволапаго, желудокъ-то луженый...

Софья Ивановна, дѣйствительно, устроила такой скандалъ по поводу этого мяса съ душкомъ, что послѣднее поспѣшили убрать такъ же, какъ его поставщика.

— Откуда вы, Софья Ивановна, берете такую бодрость и энергію?—спрашивали ее.—У насъ руки опускаются, а вы все попрежнему бодры?..

— А что же, по-вашему, спокойно сидѣть да смотрѣть, какъ люди голодаютъ и въ цынгѣ валяются? Да тутъ, кажется, и желѣзное сердце дрогнетъ...

— Смотрите, не надорвитесь только...

— Ну, вотъ еще,—отвѣчала она, встряхивая своими короткими волосами.—Меня еще на пять голододовокъ хватить...

И она работала съ самага ранняго утра вплоть до поздней ночи. Мы даже не знали, когда она находила время обѣдать и отдыхать. Ее круглый день можно было видѣть то выдающей провизію для обѣда, то кормящей своихъ «питомцевъ», какъ она называла кормимыхъ ею голодающихъ, то растирающей какому нибудь цынготному его контрактуры, то перемѣняющей у тифознаго на головѣ пузырь со льдомъ.

Она со всею страстностью своей души отдавалась дѣлу, любила его, вѣрила въ него и страшно негодовала, когда кто нибудь при ней говорилъ о томъ, что есть люди, которые не вѣрятъ въ существованіе голода.

— То-есть, какъ это не вѣрятъ? Вѣдь голодъ же на самомъ дѣлѣ существуетъ.

— То-есть, они допускаютъ его существованіе, но говорятъ, что вообще размѣры его преувеличены, что нужда на самомъ дѣлѣ не такъ велика, какъ говорятъ про это, и что у насъ здѣсь только недородъ и недоѣданіе...

Этихъ словъ бывало достаточно, чтобы вызвать со стороны Софьи Ивановны знакомый намъ взрывъ.

— Да я бы всѣхъ этихъ вашихъ господъ посадила сюда, въ Репьевку, въ шкуру здѣшняго мужика,—посмотрѣла бы, что они тогда запоютъ?.. «Преувеличиваютъ»... И вѣдь выдумали же словечки какія: «недородъ», «недоѣданіе»... И кого они этимъ только хотятъ обмануть?

И пошла, и пошла...

— Безпокойное вы сердце...—говорили ей.

И въ то же время всѣ любовались этой энтузіасткой, не щадившей себя для своего бѣжняго...

Послѣднимъ подвигомъ Софьи Ивановны въ нашемъ уѣздѣ было то, что она сумѣла расшевелить мѣстнаго богача, купца Ознобина.

Ознобинъ отличался феноменальной скупостью. На хлѣбныхъ операціяхъ во время голоднаго года онъ нажилъ десятки тысячъ

и, несмотря на это, не пожертвовалъ въ пользу голодающихъ ни одной копейки.

— Какъ вы Бога не боитесь, Антипъ Семеновичъ?—говорили ему.—Вѣдь вы сами изъ мужиковъ. Грѣхъ вамъ чтонибудь не пожертвовать въ пользу своей же братіи.

— Бога мы всегда боимся, господинъ честной... Это ужъ вы напрасно такъ-то... Вонъ недавно я въ Антоновкѣ на иконостасъ тысячу цѣлковыхъ, какъ одну копеечку, прожертвовалъ... А по веснѣ, коли Богъ дѣламъ удачи пошлетъ, колоколь на соборную церковь поставить думаю.

— Да что вашъ иконостасъ и колоколь!.. То дѣло мертвое... Вы вотъ накормите голодающихъ. «Не строй семи церквей, пристрой семерыхъ дѣтей», знаете?

— А я не такъ думаю, сударь. Все это отъ Бога—и голодъ, и неурожай. А лежебоковъ да лѣнтяевъ кормить—это еще большій грѣхъ будетъ. Потому и голодъ имъ за грѣхи да за лѣность посланъ.

Такъ и отступились отъ него, не получивъ ни одной копейки.

— Да что, господа!—сказалъ разъ кто-то изъ насъ,—Софью Ивановну на этого толстокожаго надо напустить...

— Эврика!.. И въ самомъ дѣлѣ!—воскликнули мы.—Она-то ужъ навѣрное чтонибудь сдѣлаетъ.

Мы отправились къ Софѣ Ивановнѣ и посвятили ее въ нашъ заговоръ.

— Что-жъ, попытаюсь,—сказала она и поѣхала въ городъ.

Вечеромъ того же дня она приходитъ къ намъ на квартиру и съ торжествомъ показываетъ пачку старыхъ, засаленныхъ, должно быть, побывавшихъ не въ одной сотнѣ рукъ, кредитокъ.

— Неужели далъ?—удивились мы.

— Еще бы не дать: я его въ седьмой потъ вогнала.

— Ну, Софья Ивановна! Да только какъ же вы его толстокожіе и крѣпколюбіе-то пробили?

— Ну, ужъ это мое дѣло,—глядя куда-то въ сторону, отвѣчала она.

III.

Но, наконецъ, и она надломилась въ этой работѣ.

Однажды кто-то изъ пріѣхавшихъ въ городъ уѣздныхъ знакомыхъ зашелъ къ намъ и сказалъ:

— А слышали вы про Софью Ивановну? Вѣдь лежитъ.

Мы не повѣрили ему. Софья Ивановна казалась намъ застрахованной отъ всякой бѣды.

— Полноте!—сказалъ одинъ изъ насъ.—Кто же этому повѣритъ?

— Ну, вотъ еще!—подхватили и мы.—Развѣ этому можно повѣрить?

И какъ ни увѣрялъ насъ уѣздный знакомый, мы плохо вѣрили ему: до того въ насъ была сильна вѣра въ несокрушимыя силы и энергію Софьи Ивановны.

Но вотъ кто-то изъ насъ ѣздилъ въ уѣздъ по дѣлу. Возвратившись оттуда, онъ сказалъ:

— А вѣдь дѣло-то, господа, дрянъ...

— Что такое?

— Да Софья-то Ивановна...

— Ну?—спросили мы съ замирающимъ отъ предчувствія чего-то недобраго сердцемъ.

— Вѣрно, что лежитъ.

Мы всѣ были этимъ ошеломлены, и нѣкоторое время не могли произнести ни слова.

— Да что съ нею?

— Тифъ.

— Господи!.. Только этого не доставало!..—вырвалось у насъ.

— Да... пятнистый...—продолжалъ добивать насъ вѣстникъ этого тяжелаго факта.

— Да съ чего это она?

— Съ чего... Развѣ вы ея не знаете? Вездѣ она сама... Такъ и тутъ.. Захворалъ тамъ какой-то крестьянинъ, стали переносить его въ больницу,—ну, и она тоже помогать! въ ваннѣ мыла сама и такъ далѣе... И въ результатѣ—петехіальный.

Мы всѣ повѣсили головы.

— И сильно?—спросилъ кто-то.

— А кто его знаетъ... Пока менингита нѣтъ...

— Можетъ быть, отстоятъ?—послышалось чье-то робкое предположеніе.

Привезшій намъ эту печальную вѣсть пожалъ на это только плечами.

— Надо, господа, съѣздить кому нибудь туда... Узнать, какъ слѣдуетъ... попросить тамошняго врача, чтобы принялъ всѣ мѣры... Право, будетъ печально, если такой хорошій человѣкъ погибнетъ...—заговорили мы всѣ разомъ.

Желающіе съѣздить нашлись, и на другой день я и еще одинъ изъ насъ ѣхали въ Репьевку.

Въ послѣднюю мы пріѣхали какъ разъ во время обѣда.

Въ столовой наблюдалъ за раздачей обѣда волостной писарь, замѣнившій обычно при этомъ присутствовавшую Софью Ивановну.

— Ну, что, какъ Софья Ивановна?—былъ нантъ первый вопросъ ему.

— Да теперь слава Богу,—отвѣчалъ онъ:—вчера въ себя пришла, понимать стала.

Мы отправились къ той избѣ, гдѣ квартировала Софья Ивановна.

Ее мы нашли лежавшей въ постели, которую ей замѣнялъ тоненькій подматрасникъ, лежавшій прямо на скамьѣ. Она похудѣла, поблѣднѣла, тонкія губы ея совсѣмъ вытянулись, и только одни глаза попрежнему блестѣли знакомымъ намъ огнемъ.

Когда мы входили въ полутемную, съ завѣшанными окнами, комнату, то сквозь сумракъ рассмотрѣли, что она держитъ въ рукахъ какой-то предметъ и внимательно разглядываетъ его.

— Какъ ваше здоровье теперь?—спросили мы, поздоровавшись съ нею.

— Здравствуйте, здравствуйте, пріятели,—отвѣчала она, подавая намъ свою похудѣвшую, тоненькую съ блѣдною кожей руку, на которой синими жилками проступали венозные сосуды.

— Нѣтъ, а вы посмотрите-ка, что это такое!...—вдругъ возбужденно заговорила она, протягивая намъ предметъ, бывший у нея въ рукахъ.

И у насъ очутился въ рукахъ какой-то черный, жесткій кусокъ чего-то.

— Это что же такое?... Земля, что ли?

— То-то, что не земля,—блестя своими большими глазами, отвѣчала она...—Это хлѣбъ... Какъ есть хлѣбъ, который мнѣ сегодня привезли, и которымъ питаются чуваша въ Аксубаевѣ.

— Хлѣбъ?—недовѣрчиво спросили мы.

— Да, хлѣбъ... А попробуйте-ка его.

Мы откусили по кусочку и тотчасъ же выплюнули: во рту вязало, языкъ тотчасъ же дѣлался дубовымъ, и въ зубахъ такъ навязло, что пришлось прибѣгнуть къ зубочисткамъ.

— Это не хлѣбъ, а какая-то гадость,—возмутились мы.

— Ну, вотъ этой-то гадостью и кормятся аксубаевскіе чуваша.

— Но изъ чего же онъ состоитъ?

— Изъ «свиного корма»—изъ желудей... И вотъ находятся же люди, которые рѣшаются говорить, что голодъ преувеличенъ!

И у нея въ глазахъ опять забѣгали знакомые намъ огоньки.

— Да вы не волнуйтесь, ради Бога, Софья Ивановна... Пожалуйста, не волнуйтесь...—поспѣшили мы успокоить ее:—вѣдь это вамъ вредно...

— Но какъ же спокойно относиться къ этому, скажите вы мнѣ?.. Люди ѣдятъ всякую гадость, а мы будемъ спокойно относиться къ этому?.. Да развѣ я желѣзная или съ проволочными нервами?

И глаза ея еще больше заблестѣли, на щекахъ выступилъ лихорадочный румянецъ, и она даже приподнялась на постели.

— Эхъ, вы, безпокойное сердце!..—дрогнувшимъ голосомъ и отвергываясь въ сторону, чтобы смахнуть выступившія у него отъ волненія слезы, сказалъ нашъ статистикъ.—Сама на ладанъ дышитъ, а сердцемъ о другихъ скорбитъ...

Черезъ мѣсяцъ Софья Ивановна оправилась совершенно, но земскій врачъ, лѣчившій ее и въ участкѣ котораго она работала, рѣшительно запретилъ ей дальнѣйшую работу на голодѣ и окончательно гналъ ее изъ нашего уѣзда отдыхать.

— Ну, а если умирать хотите, то оставайтесь,— въ этомъ я воспрепятствовать вамъ не могу.

И, представьте себѣ, вѣдь она чуть было не осталась. Но спасибо, нашелся одинъ добрый человѣкъ, въ лицѣ одной барышни изъ сосѣдней экономіи, которая уговорила ее пощадить себя и уѣхать.

IV.

Была ранняя весна. Ледъ только что прошелъ, и въ воздухѣ было еще холодно. Небо окутывали темныя свинцовыя облака, но все-же чувствовалось въ природѣ что-то бодрящее, будящее въ душѣ лучшія надежды на грядущее.

Мы всѣ стояли на конторкѣ, въ ожиданіи парохода, и разговаривали, вспоминая недавнее прошлое, въ которомъ такъ много проявилось хорошихъ сердецъ и честной работы. И—сказать ли— намъ, право, было жаль этого недавняго голода, когда сердце лучшей части нашего общества билось въ одинъ тактъ съ сердцемъ голоднаго мужика... Это были лучшіе дни въ нашей жизни, которые никогда не повторятся. Пусть насъ многіе не понимали, эксплоатировали насъ, обвиняли Богъ знаетъ въ чемъ, но совѣсть насъ не упрекала, и мы съ восторгомъ и благодарностью смотрѣли на это недавнее прошлое.

Софья Ивановна стояла среди насъ такая же маленькая, еще больше похудѣвшая, одѣтая въ теплую кофточку, неуклюжія валенки и кутавшая свои зябкія руки въ потертую муфточку.

— Смотрите-ка, Софья Ивановна,—сказалъ одинъ изъ насъ, указывая на заходящее вдаль солнце:—ишь, вѣдь какой безпокойный... такъ и прыгаетъ!

Мы всѣ взглянули по указанному направленію.

Тамъ, надъ заходящимъ солнцемъ стояли кучевыя облака. Сильный вѣтеръ гналъ ихъ въ сторону, и они то закутывали солнце, то пропускали сквозь себя его лучи, которые то вырывались наружу, то опять прятались за облака.

— Этотъ лучъ—вы, Софья Ивановна,—съ убѣжденіемъ сказалъ статистикъ.

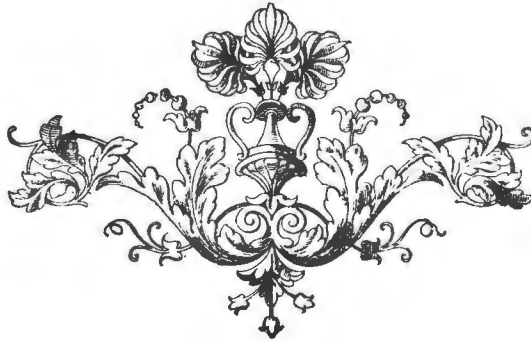
— Я? — удивленно спросила она, переводя свой взоръ то на солнце, то на насъ.

— Ну, конечно, вы: такой же безпокойный, какъ и ваше сердце...—заговорили мы.—Смотрите: какъ ни закрываютъ его облака, а онъ все-таки прорвется сквозь нихъ опять... Такъ и вашего сердца никакія облака не закроютъ...

— Ну, ужъ вы скажете...— сконфуженно сказала Софья Ивановна, поспѣшно пряча свое лице въ муфту.

И мы всѣ согласились въ томъ, что и этотъ безпокойный лучъ, и безпокойное сердце этой хорошей женщины имѣютъ много между собою общаго, и что этого сердца, какъ и этого солнца, не закроютъ никакія тучи...

Василій Якимовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ВѢРѢ ИВАНОВНѢ АННЕНКОВОЙ.

ТО БЫЛО десять лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ смерти моего друга Екатерины Алексѣевны Сысоевой, когда, не успѣвъ еще оправиться отъ тяжелой утраты, я относилась съ особенною нѣжностью ко всему и ко всѣмъ, кто ей былъ близокъ. Она была женщина весьма общительная, знакомыхъ и друзей у нея было много, и между ними мнѣ была особенно симпатична одна личность, знакомствомъ съ которой я особенно дорожила. Однажды она пріѣхала ко мнѣ съ такимъ заявленіемъ:

— Я къ вамъ отъ Вѣры Ивановны Анненковой. Она очень желаетъ съ вами познакомиться.

— Кто это такая Вѣра Ивановна Анненкова?—спросила я.

— Вы не знаете Вѣры Ивановны Анненковой?—удивилась моя гостыя.—Всѣ ее знаютъ. Ей попался въ руки «Русскій Вѣстникъ» съ вашимъ романомъ; она имъ заинтересовалась и, когда я ей сказала, что васъ знаю, выразила желаніе съ вами познакомиться. Я начала было ей объяснять, что вы ведете замкнутую жизнь и новыхъ знакомствъ избѣгаете, но она и слушать меня не захотѣла, твердить все свое: «Привези ее. Скажи ей, что мнѣ восемьдесятъ лѣтъ, она пойметъ, что такой старухѣ нельзя отказать, и пріѣдетъ».

— Вы бы съ этого начали, что ей восемьдесятъ лѣтъ,—замѣтила я, окончательно побѣжденная логичностью аргумента.

— Поѣдете?

— Непремѣнно.

— Вы не пожалѣете, что познакомились съ нею.

Она не ошиблась. Знакомство съ Вѣрой Ивановной доставило мнѣ много отрадныхъ минутъ. Я нашла въ ней женщину съ замѣчательно свѣтлымъ умомъ, золотымъ сердцемъ и съ нѣжнѣйшей юной душой, одаренною необычайною памятью и наблюдательностью, и яркимъ талантомъ передавать испытанныя впечатлѣнія. Ко всему прекрасному относилась она страстно, и когда приходилось слушать ее, забывались и старость ея, и немощи. Какъ живая, вставала передо мною ея молодость, съ чарующей прелестью веселаго, жизнерадостнаго темперамента.

А вмѣстѣ съ тѣмъ и, можно сказать, превыше всего этого я нашла въ ней русскую женщину въ самомъ благородномъ и возвышенномъ смыслѣ этого слова. Способностью любить и понимать Россію она обладала въ такомъ совершенствѣ, что всѣ остальные ея свойства, умъ, безконечная доброта, блестящее воспитаніе, остроуміе, все это блѣднѣло передъ величіемъ и искренностью ея чисто русскаго міросозерцанія. Для нея русскій духъ былъ превыше всего. Вѣра въ развитіе и въ безсмертіе этого родного ей духа и въ конечное его торжество надъ всѣми вражескими кознями мнимаго прогресса, надъ всѣми усиліями затмить его и извратить тупымъ подраженіямъ Западу, равнялась ея вѣрѣ въ Бога и въ безсмертіе души. Глубоко понимала она значеніе этого духа и съ восхищеніемъ слѣдила за его проявленіемъ въ русскомъ народѣ, который она такъ хорошо знала!

Какъ та русская женщина ¹⁾, завѣщавшая вырѣзать на могильной своей плитѣ мысль, руководившую всею ея жизнью: «Прошу православныхъ русскихъ, проходящихъ здѣсь, помолиться за рабу Божию, дабы услышалъ Господь ея молитву у престола Всевышняго о сохраненіи духа русскаго», такъ и Вѣра Ивановна всю свою жизнь болѣла душою объ этомъ духѣ, о временномъ затмеваніи его и объ отсутствіи любви къ родинѣ тѣхъ, которые, сознательно или бессознательно способствуютъ распространенію этого печальнаго явленія.

Чѣмъ ближе я съ нею сходилась, тѣмъ яснѣе понимала милостивое расположеніе, оказываемое ей нашими царями, въ особенности государемъ Николаемъ Павловичемъ, котораго она такъ беззавѣтно любила и уважала.

Какъ человекъ и какъ царь, онъ былъ для нея идеаломъ русскаго монарха, и ей страстно хотѣлось, чтобъ всѣ знали и понимали его такъ, какъ она его понимала. Когда я ей сказала, что Николай Карловичъ Шильдеръ пишетъ исторію Николая I, ее это очень взволновало, и она при каждомъ нашемъ свиданіи спрашивала меня про него, просила узнать, подвигается ли его трудъ, и

¹⁾ Княгиня Евдокія Голицына, рожденная Измайлова (1780—1850); похоронена въ Невской лаврѣ, въ церкви Сочествія Св. Духа.

всячески старалась догадаться, какого онъ мнѣнія о ея любимомъ царѣ. Она мучилась мыслью, что Николай Карловичъ не довольно про него знаетъ и будетъ судить о немъ поверхностно, какъ другіе о немъ судятъ. Сколько разъ слышала я отъ нея такія слова: «Какъ бы мнѣ хотѣлось его видѣть! Я бы ему объяснила, я многое бы ему открыла, чего онъ нигдѣ не прочтетъ и ни отъ кого не услышитъ!... Этого царя такъ мало знаютъ и всегда были къ нему несправедливы. Но время докажетъ, какой это былъ великій человѣкъ. Россія прозрѣетъ. И если для этого нужно, чтобъ Господь горемъ и слезами открылъ ей глаза, надо благословлять это горе, эти слезы. Я до этого не доживу, но, когда меня не станетъ, вспомните мои слова»...

Съ Н. К. Шильдеромъ ей удалось познакомиться въ прошломъ году, и знакомство это привело ее въ восхищеніе. Когда я къ ней пріѣхала въ декабрѣ 1901 года, первыя ея слова были объ этомъ свиданіи и объ отрадномъ впечатлѣніи, произведенномъ на нее Шильдеромъ. «Я именно о такомъ благородномъ и изящномъ историкѣ мечтала для моего любимаго царя!»—повторяла она съ восхищеніемъ. «Какое счастье, что мнѣ передъ смертью удалось его видѣть!»

Неожиданная его смерть очень горестно ее поразила. «Пишу вамъ въ слезахъ, поражена внезапной кончиной дорогаго Н. К. Шильдера! Это потеря для Россіи, это особенная потеря для меня! Утѣшиться не могу!»—писала она мнѣ 8-го апрѣля 1902 года.

На цѣлыхъ четырехъ страницахъ изливаетъ свое горе девяностолѣтняя женщина о томъ, что скончался историкъ, не успѣвъ окончить полезный для отечества трудъ!

А черезъ двѣ недѣли, въ письмѣ отъ 27 апрѣля, она опять возвращается къ Шильдеру: «Не осушаю глазъ по смерти генерала Шильдера, незабвеннаго. Эта утрата незамѣнима для меня!»

Это было ея послѣднее письмо: черезъ десять дней, 7-го мая, я получила депешу объ ея кончинѣ.

Параллельно съ благоговѣйною любовью къ государю Николаю Павловичу и къ родинѣ и какъ бы сливаясь съ нею, горѣла въ ея сердцѣ, ни на минуту не ослабѣвая, любовь къ ея покойному мужу, выдвигаясь съ лѣтами все ярче и ярче, передъ всѣми прочими чувствами, наполнявшими ея душу. Безъ сомнѣнія, она безконечно любила его въ продолженіе всей ихъ долгой совмѣстной жизни, и никогда не было для нея человѣка милѣе и дороже его на свѣтѣ, но чѣмъ ближе подходила къ ней смерть, тѣмъ ярче разгорался передъ ея духовными очами его нравственной обликъ во всей своей красотѣ. Любовь ея къ нему возростала по мѣрѣ приближенія свиданія съ нимъ тамъ, гдѣ нѣтъ разлуки. Послѣдніе два года она почти исключительно жила воспоминаніями о немъ и, если переставала сокрушаться, что до сихъ поръ не оцѣненъ по достоинству ея любимый царь Николай I, то для того только, чтобъ съ тревогою себя спраши-

вать, успѣть ли она увѣковѣчить память мужа въ запискахъ, которыя начала писать исключительно съ этою цѣлью.

Самая мысль писать записки явилась у нея одновременно со смертью этого лучшаго ея друга, при сознаниі тяжкаго одиночества, угнетавшаго все ея существо среди шумнаго свѣтскаго общества и многочисленной семьи.

— «Когда меня привезли съ кладбища, я была въ такомъ оцѣпенѣннѣи, что не могла ни плакать, ни молиться, — рассказывала она мнѣ лѣтомъ 1900 года. Дѣти, растревоженныя моимъ нравственнымъ состояніемъ, боялись оставить меня одну. А именно этого и жаждала моя душа, истерзанная необходимостью себя насиловать передъ друзьями и знакомыми на мучительной церемоніи похоронъ. Я была такъ измучена, что, казалось, только наединѣ съ самой собою мнѣ можно будетъ облегчить сердце слезами и мыслями о немъ. Когда я вошла въ спальню и увидѣла невдалекѣ отъ моей одинокой кровати маленькую дѣтскую кроватку, робко прижимавшуюся къ уголку, мнѣ стало досадно, и, должно быть, неудовольствіе очень краснорѣчиво отразилось на моемъ лицѣ, потому что меньшая моя дочка бросилась передо мною на колѣни и со слезами стала меня умолять позволить спать въ одной комнатѣ со мною. Мнѣ стало совѣстно за эгоистическое желаніе одиночества, на которое я не имѣла права, какъ мать семьи, не имѣвшей теперь другой опоры, кромѣ меня, на свѣтѣ, и я, скрѣпя сердце, согласилась на ея мольбу. Но заснуть я не могла. Саша моя уже давно покоилась крѣпкимъ сномъ, успокоился и забылся во снѣ весь домъ, а я все продолжала мучиться раздражительными впечатлѣніями минувшаго дня и рваться сердцемъ къ могилѣ, гдѣ лежало все, что составляло мое счастье на землѣ. Однако, мало-по-малу, къ безотрадному настоящему начали примѣшиваться воспоминанія изъ прошлаго, припоминались отдѣльныя сцены изъ этого незабвеннаго прошлаго, которое онъ, какъ свѣтлымъ лучемъ, оживлялъ и украшалъ, такъ что самыя горести и непріятности, пережитыя съ нимъ тогда, казались мнѣ теперь отрадными, въ сравненіи съ мрачною пустотою настоящаго. Невольно перебирая въ умѣ знавшихъ его людей, при случайныхъ столкновеніяхъ на жизненномъ пути, мнѣ стало жутко при мысли, что бѣльшая часть изъ нихъ уже отошла въ вѣчность, и что когда уйду и я, некому будетъ рассказать нашимъ дѣтямъ, что за чловѣкъ былъ ихъ отецъ, и какъ онъ любилъ и служилъ Россіи.

«Мысль эта казалась мнѣ убійственнѣе самой смерти. Со смертью нельзя не примириться, какъ съ неизбѣжнымъ, роптать на которое для христіанки грѣшно, но не могла я примириться съ забвеніемъ, съ несправедливостью, съ равнодушіемъ и съ клеветой, грозившими памяти моего мужа, если никто не озаботится объяснить его чудную, свѣтлую душу потомству. Я чувствовала, что съ этою мыслью жизнь будетъ для

меня нестерпимой душевной пыткой, и что я должна, насколько хватит силъ и умѣнія, оградить его память отъ злыхъ, отъ заблуждающихся, отъ верхоглядовъ, ото всѣхъ, кому понадобится, для какихъ бы то ни было цѣлей посягнуть на чистоту этой души, хотя бы отдаленнѣйшимъ намекомъ на слабость, на заблужденіе или на несправедливость. Не было у него ни слабостей, ни колебаній, ни заблужденій тамъ, гдѣ дѣло шло о долгѣ, о любви къ родинѣ и преданности царю. Никто лучше меня не можетъ это доказать, и отклоняться отъ этого долга было бы преступленіемъ. Для чего же училъ онъ меня всю жизнь, словами, и примѣромъ ставить долгъ выше всего, если я не исполню его завѣта, пока время еще не ушло, пока въ памяти все свѣжо, и пока живы нѣкоторые изъ тѣхъ, которые могутъ мнѣ помочь собрать необходимыя доказательства истины моихъ словъ? Нельзя забывать, что безъ доказательства добра не повѣряютъ, что надо навязывать силою неопровержимыхъ фактовъ вѣру въ хорошее, тогда какъ злу всѣ расположены вѣрить безъ доказательствъ, по свойственному челоуѣчеству стремленію видѣть его всюду и искать въ немъ оправданіе тому злу, которымъ полны сердца большинства людей.

«Начинало свѣтать. Осторожно, чтобы не разбудить Саши, сошла я съ постели и подошла къ столу у окна, въ которое, сквозь драпировку, уже вливался свѣтъ туманнаго петербургскаго утра, иначала набрасывать карандашомъ исторію моей жизни, такъ тѣсно связанную съ жизнью дорогаго моего покойника, что отдѣлить ихъ одну отъ другой нѣтъ никакой возможности»...

Вотъ происхожденіе записокъ Вѣры Ивановны Анненковой, начатыхъ послѣ смерти мужа въ 1867 году и прерванныхъ ея смертью 7-го мая 1902 года.

Она мнѣ ихъ сама читала, когда я гостила у нея два года тому назадъ въ ея имѣніи Харьковской губерніи, гдѣ она жила молодой дѣвушкой, гдѣ вѣнчалась съ страстно любимымъ челоуѣкомъ, въ маленькой деревянной церкви въ саду, до сихъ поръ существующей, и гдѣ провела много лѣтъ, занимаясь воспитаніемъ своихъ дѣтей и внучекъ и благосостояніемъ крестьянъ, вмѣстѣ съ мужемъ и одна, когда онъ покидалъ ее для службы, на которую цари призывали его въ затруднительныя минуты.

Позволю себѣ повторить ея словами одинъ такой случай.

«Крымская война была уже объявлена, но въ Петербургѣ всѣ были заняты не войной, а Рашелью. О ней говорили несравненно больше, чѣмъ о коалиціи противъ насъ западныхъ державъ. Упованіе на прозорливость нашего государя и на не побѣдимую мощъ нашего войска, а также свойственная намъ безпечность, были такъ велики, что никому не приходило въ голову предвидѣть неудачу. Отъ людей, позволявшихъ себѣ предсказывать худое, отворачивались съ негодованіемъ, какъ отъ плохихъ патріотовъ. Всѣмъ

хотѣлось видѣть Рашель, и намъ съ большимъ трудомъ удалось достать ложу. Разумѣется, мужъ долженъ былъ намъ сопутствовать, безъ него и радость намъ была не въ радость. Дочери наши были въ восторгѣ. Вдругъ, передъ тѣмъ, какъ ѣхать, мы были уже одѣты, и карета была подана, является посланецъ изъ дворца. Когда онъ ушелъ, я пришла въ кабинетъ, чтобъ узнать, въ чемъ дѣло. «Ничего еще не знаю, но государь меня требуетъ къ себѣ. Поѣзжайте въ театръ безъ меня»,—объявилъ мнѣ мужъ. Можно себѣ представить, въ какомъ волненіи я провела весь спектакль, отъ котораго не отказалась только ради дѣтей, самой же мнѣ было уже не до театра. Не въ первый разъ государь посылалъ за моимъ мужемъ, чтобъ давать ему порученія, и каждый разъ послѣ этого онъ уѣзжалъ надолго и далеко. Никогда, конечно, ему даже и въ голову не приходило отказываться отъ этихъ порученій, какъ бы трудны и щекотливы они ни были; довѣріе обожаемаго монарха онъ такъ цѣнилъ, что если бы, кажется, государь потребовалъ отъ него, какъ Господь отъ Авраама, чтобъ онъ принесъ ему въ жертву собственнаго ребенка, то онъ и это повелѣніе безпрекословно бы исполнилъ, не взирая на свою нѣжность къ дѣтямъ. Впослѣдствіи онъ доказалъ и преемнику государя Николаю Павловича, Александру II-му, свою беззавѣтную преданность, провожая тѣло наслѣдника престола изъ Ниццы въ Кронштадтъ, не взирая на увѣщанія докторовъ, находившихъ такое путешествіе моремъ для него крайне опаснымъ послѣ тяжелой болѣзни, отъ которой онъ еще не оправился. Опасенія докторовъ оправдались: организмъ его, истощенный болѣзью, не вынесъ новаго потрясенія, и вскорѣ послѣ исполненія этого послѣдняго царскаго порученія онъ скончался.

«Но вернемся къ 1854 году. Насилу дождалась я конца спектакля, чтобъ вернуться домой и узнать, для чего государь посылалъ за моимъ мужемъ. Когда мы остались вдвоемъ въ спальнѣ, вотъ что онъ мнѣ разсказалъ: «Государя я нашелъ одного въ кабинетѣ. Онъ сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ, облокотившись надъ какой-то бумагой, опутивъ голову на руки, и до такой степени былъ погруженъ въ думы, что онъ не слышалъ, какъ отворилась дверь, и какъ я вошелъ. Доложивъ обо мнѣ, камерлакей вышелъ, а я остановился противъ государя въ ожиданіи. Ждалъ я долго, такъ мнѣ показалось, по крайней мѣрѣ. Лицо царя было очень блѣдно и такъ скорбно, что сердце сжималось тяжелымъ предчувствіемъ. Наконецъ онъ поднялъ голову, и я увидѣлъ, что по лицу его текли слезы.

«— Вотъ, прочти это,—сказалъ царь, подавая мнѣ бумагу, надъ которой онъ, русскій самодержавный царь, плакалъ горькими слезами, какъ заплакалъ бы послѣдній изъ его подданныхъ отъ людской низости и коварства.— Я приказалъ запереть портъ и не

выпускать изъ него ни зерна русскаго хлѣба: это было нужно для спасенія нашей арміи, нашей чести, а они осмѣлились меня слушаться, пропустили два корабля, нагруженныхъ хлѣбомъ, дали себя подкупить врагамъ... продали родину... Поѣзжай туда, надо все изслѣдовать... Когда мнѣ нуженъ человѣкъ съ сердцемъ и съ умомъ, я всегда вспоминаю про тебя...

«Передавая мнѣ эти слова государя, мужъ мой былъ такъ взволнованъ, такъ восхищенъ довѣріемъ царя, что признательностью своею, любовью и преданностью заразилъ и меня. Въ эту ночь я даже не посмѣла у него спросить, когда именно надо ему ѣхать, и долго ли будетъ продолжаться наша разлука».

Я позволила себѣ привести здѣсь этотъ эпизодъ изъ записокъ Вѣры Ивановны, много разъ мнѣ ею повторенный и всегда въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, чтобъ дать понять о человѣкѣ, котораго она оплакивала до конца жизни и ради котораго писала свои воспоминанія. Когда воспоминанія эти появятся въ свѣтъ, читатели въ нихъ найдутъ множество подробностей, характеризующихъ этого настоящаго русскаго человѣка, по силѣ и цѣльности характера, по искренности, скромности и добродушію. Но у него были враги, завистники, были также люди, не способные понимать величіе его души, а отзывы такихъ недоброжелателей, съ ихъ бездоказательными намеками на несуществующія слабости человѣка, неизмѣримо выше ихъ стоящаго въ нравственномъ отношеніи, часто бываетъ труднѣе опровергнуть, чѣмъ настоящую злобную и умышленную клевету. Вотъ почему поучительно прослѣдить всю его жизнь по его собственноручнымъ письмамъ и по воспоминаніямъ ближайшаго къ нему по духу существа, его жены, чтобъ понять, какіе были люди между окружающими государя Николая Павловича.

Права была Вѣра Ивановна, повторяя мнѣ за мѣсяцъ до смерти, что величайшее ея желаніе—возстановить память мужа въ глазахъ потомства.

— А то вѣдь теперь все такъ быстро мѣняется, что скоро всѣмъ забудутъ, что были на свѣтѣ такіе люди, — прибавила она съ печальной улыбкой.

Эту ея постоянную и часто высказываемую заботу найдутъ, можетъ быть, странной и смахивающей на манію. Пусть такъ. Но какая это была высокая и прекрасная манія! Какъ достойна она была ихъ обоихъ, и той, что вдохновлялась ею, и того, кто ее вдохновилъ ею!

Отрадно мнѣ было перечитывать съ нею письма, написанныя въ труднѣйшія минуты его жизни, съ ревизій, на которыя посылалъ его великій князь Михаилъ Павловичъ (при которомъ онъ состоялъ съ юныхъ лѣтъ, сначала адъютантомъ, а затѣмъ начальникомъ штаба), а впоследствии государь, поручавшій ему рас-

путывать дѣла, отъ разрѣшенія которыхъ зависѣла судьба множества людей. Отрадно было знакомиться съ его мыслями и чувствами, когда онъ управлялъ южнымъ краемъ въ званіи генераль-губернатора во время Крымской войны, а потомъ въ Кіевѣ во время польскаго возстанія, слѣдить, можно сказать, изо дня въ день за его сношеніями съ такими историческими личностями, какъ князь Горчаковъ (съ которымъ связывала его тѣснѣйшая дружба до самой смерти), князь Чернышевъ, Ростовцевъ, Муравьевъ, и за переживаемыми душевными муками этого прямого, благороднаго и безхитростнаго человѣка въ борьбѣ съ подлостью, ложью, проницательствомъ, алчностью и эгоизмомъ.

Невольно вспоминались при этомъ образы отошедшихъ въ вѣчность такихъ же, какъ онъ, скромныхъ русскихъ героевъ долга и совѣсти, и выдвигались изъ тумана забвенія ихъ мало оцѣненные потомствомъ подвиги. Тѣмъ изъ насъ, кому по крови близки они эти хорошіе русскіе люди, должно быть отрадно за родину и за молодежь, въ которой, невзирая на наносную съ запада тлетворную блажь, все-таки течетъ благородная кровь и покоятся зародыши такихъ чувствъ, какъ вѣра въ Бога и любовь къ родинѣ, которой предки ихъ благоговѣнно служили, при постоянной мысли о вѣчности въ умѣ и въ сердцѣ.

Насколько достаточно всякому человѣку только беззавѣтно любить родину, чтобъ прозрѣвать, что именно ей на пользу или на пагубу, приведу еще одинъ изъ безчисленныхъ разсказовъ Вѣры Ивановны про ея мужа.

Но, чтобъ выяснитъ его міросозерцаніе и оградить его память отъ нареканія въ кастовой заскоружлой узкости, напомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ о его происхожденіи и воспитаніи.

Дворянинъ очень древняго рода (предокъ его, полоненный царемъ Іоанномъ III въ войнѣ съ татарами, какъ малолѣтній сынъ казеннаго русскими непріятельскаго вождя, воспитывался при великокняжескомъ дворѣ), Николай Николаевичъ Анненковъ родился въ глухой деревнѣ и отъ такихъ бѣдныхъ родителей, что другихъ учителей, кромѣ сельскаго дьячка, у него не было. Четырнадцати лѣтъ отъ роду отправили его на канцелярскую службу въ Петербургъ, гдѣ онъ все свободное время употреблялъ на свое самообразованіе. Можно себѣ представить, какъ это было трудно, если взять въ соображеніе скудость его заработка и пособій, изрѣдка высылаемыхъ ему отцомъ, рѣдкость книгъ и замкнутость тогдашняго образованнаго общества, въ которое бѣдному мальчику безъ покровителей почти немислимо было попасть. Тѣмъ не менѣе, онъ настолько себя образовалъ, что когда, года два спустя, благодаря счастливой случайности, ему удалось поступить нижнимъ чиномъ въ гвардейскій полкъ, онъ уже зналъ, чему именно ему нужно учиться дальше, чтобъ сдѣлаться вполнѣ образованнымъ офицеромъ и выдвинуться

по службѣ. По производствѣ въ офицеры, на жалованье, не хватающее его товарищамъ на необходимѣйшія нужды, питаюсь солдатскимъ пайкомъ и не позволяя себѣ ни малѣйшаго развлечения, семнадцатилѣтній мальчикъ находилъ возможность платить за уроки языковъ, математики, танцевъ, всего, что въ то время требовалось отъ людей высшаго общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ ухитрялся одѣваться не хуже и даже лучше, опрятнѣе, многихъ изъ своихъ богатыхъ товарищей. Сколько надо было для этого силы воли, терпѣнія, самоотверженія и нравственной устойчивости, понимали только тѣ, которые сами способны были на такой подвигъ, а такихъ въ то время было немало между дворянами. Богаты были далеко не всѣ, а сколько великихъ государственныхъ людей и военачальниковъ вышло изъ дворянскаго рода, при одинаковыхъ жизненныхъ условіяхъ съ Анненковымъ! Читая въ подлинникѣ его письма на изящномъ и правильномъ французскомъ языкѣ, не вѣришь глазамъ и съ изумленіемъ себя спрашиваешь: неужели это писалъ человѣкъ, воспитывавшійся безъ гувернеровъ, безъ учителей, въ глухой деревушкѣ, а затѣмъ, одновременно съ копотливой службой въ глухой канцеляріи, а позднѣе въ полку, образовавшій себя на гроши изъ скуднаго жалованья? Какъ и другой русскій человѣкъ, Болотовъ, тоже дворянинъ изъ бѣдныхъ¹⁾, съ жадностью пользовался Анненковъ каждымъ случаемъ просвѣтиться, разработывая собственнымъ умомъ, безъ посторонней помощи, намеки на великія міровыя идеи и отрывки изъ произведеній историковъ и поэтовъ, которые ему удавалось схватывать на лету, скромно прислушиваясь къ спорамъ и разговорамъ, что велись въ его присутствіи у важныхъ родственниковъ между образованными людьми, а также изъ книгъ, изрѣдка и случайно попадавшихъ въ его руки, не переставая при этомъ заниматься службой такъ усердно, что исполнительность его была замѣчена великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, который приблизилъ его къ себѣ.

Но и въ званіи адъютанта и позже, подвигаясь въ чинахъ при увеличивающемся служебномъ трудѣ и отвѣтственности, не прекращалъ онъ своего самообразованія, такъ что вполнѣ справедливо слылъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего вѣка, въ кругу такихъ людей, какъ Пушкинъ, Карамзинъ, Жуковский и другіе.

А какой онъ былъ образцовый помѣщикъ! Про это можно узнать и теперь отъ дѣтей тѣхъ крестьянъ, которыми онъ владѣлъ въ своихъ и жениныхъ родовыхъ имѣніяхъ. Тамъ до сихъ поръ благословляютъ его, какъ благодѣтеля; тамъ все хорошее, полезное, что послѣ его смерти дѣлала для народа его вдова, и продолжаютъ дѣлать ея внучки, есть не что иное, какъ продолженіе начатаго имъ, по его планамъ и начертаніямъ. Задолго до эмансипа-

¹⁾ Авторъ извѣстныхъ мемуаровъ.

ци крестьянъ въ землѣяхъ его были школы, и господа всѣми средствами помогали и учили крестьянъ улучшать свое хозяйство и увеличивать свое благосостояніе.

И вотъ какъ этотъ человѣкъ, котораго ужъ никоимъ образомъ нельзя упрекнуть въ дворянской лѣни и баловствѣ, въ эксплуата-торствѣ чужого труда и въ непониманіи великаго значенія просвѣщенія, вотъ какъ онъ, по словамъ Вѣры Ивановны, относился къ одному изъ самыхъ животрепещущихъ вопросовъ эпохи реформъ, до сихъ поръ еще далеко не выясненному и поднимающему страстные споры въ нашемъ обществѣ.

«Онъ засѣдалъ тогда въ государственномъ совѣтѣ. Разъ какъ-то пріѣзжаетъ домой съ засѣданія такой разстроенный, что я съ испугомъ спросила: «Что съ нимъ? Что случилось?» — «Случилось страшное, непоправимое несчастье для Россіи,—отвѣчалъ онъ:—подписано большинствомъ голосовъ рѣшеніе о всесловномъ образованіи».

Вотъ какъ онъ и ему подобные понимали этотъ до сихъ поръ открытый вопросъ!

Очень скоро полюбила я Вѣру Ивановну и сблизилась съ нею. Прочтешь, бывало, или узнаешь что нибудь интересное, касающееся дорогихъ сердцу вопросовъ, въ политическомъ или въ литературномъ мѣрѣ, и тотчасъ же потянетъ къ ней подѣлиться впечатлѣніями, въ полной увѣренности всегда найти въ ней живое, страстное сочувствіе. Бдешь къ ней и съ дурными вѣстями и съ тяжелыми впечатлѣніями, чтобъ вмѣстѣ погоревать надъ торжествомъ зла и послушать ея всегда умную, полную упованія на благость промысла Божія, рѣчь, и уѣдешь отъ нея успокоенная, съ обновленной вѣрой въ несокрушимую мощь родины, съ надеждой на ея свѣтлое будущее.

«Все минуетъ, обойдется, уляжется, а Россія останется Россіей»,—говорила она.

Никогда не забуду я моего разговора съ нею во время коронаціи нынѣ царствующаго Государя. Я пріѣхала къ ней подѣлиться разсказами, слышанными отъ очевидцевъ великаго торжества, и нашла ее въ радостно возбужденномъ настроеніи.

«Увидите, какой онъ послѣ этого будетъ! Вѣдь то, что надъ нимъ совершается теперь, не отъ міра сего, и никогда онъ этого не забудетъ! Вмѣстѣ съ вѣнцомъ царскимъ облечется онъ въ мудрость, въ мужество, будетъ сознательно любить свой народъ и будетъ умѣть имъ управлять, увидите! увидите! Всегда такъ бываетъ!»—повторяла она, точно въ экстазѣ.

Она начала вспоминать коронаціи царей, которыхъ лично знала, Александра III, Александра II, Николая I. Теперь вѣнчали на царство правнука ея любимца, Николая II. Впечатлѣнія такою могутъ толпою тѣснились въ ея воображеніи, что ей трудно было въ

нихъ разобраться, и, припоминая ихъ, она невольно примѣшивала къ событіямъ, касавшимся царей, тѣ, съ которыми была связана ея собственная жизнь. Все дальше и дальше уходя въ прошлое, она постепенно молодѣла: навертывалось на память только свѣтлое и жизнерадостное, какъ сама юность, воскресавшая передъ нею. Тонко пронизируя надъ самой собой, рассказала она мнѣ въ шутиливомъ тонѣ, между прочимъ, и то, какъ начались ея отношенія съ государемъ Николаемъ Павловичемъ.

Московское дворянство давало царю балъ. Ей минуло пятнадцать лѣтъ. Отецъ повезъ ее на этотъ балъ. Она была такая хорошенькая въ простенькомъ бѣломъ легкомъ платьѣ съ незабудками, что императрица ее замѣтила и спросила ея имя. Но государь, хотя и проходилъ нѣсколько разъ мимо нея, и хотя ему на нее указывали, каждый разъ съ аффектаціей (какъ ей казалось) отъ нея отвертывался. Ее это очень огорчало. Она ужъ и тогда обожала его всей душой, и вниманіе, оказываемое имъ другимъ дѣвицамъ, не могло ея не оскорблять. Она была избалована вниманіемъ общества, въ которомъ отецъ ея пользовался симпатіями большинства. Всѣ ей повторяли, что она прелестна, да и сама она не могла этого не сознавать, не даромъ же существуютъ зеркала. За что же такая немилость? И именно отъ того, которому ей особенно хотѣлось понравиться? Невыносимо раздражали ее разспросы пріятельницъ: «Подходилъ къ вамъ государь? Что онъ вамъ сказалъ? Приглашалъ онъ васъ танцовать?» И обидное изумленіе на ея отрицательные отвѣты: «Странно! Всѣ говорятъ, что вы царица бала, что лучше васъ никто не танцуетъ, и что императрица васъ похвалила»...

Вечеръ такъ и прошелъ безъ малѣйшаго къ ней отъ него вниманія.

При слѣдующихъ встрѣчахъ то же самое. Положительно можно было думать, что государь на нее сердитъ. Она была въ отчаяніи. Свѣтъ ей опротивѣлъ, и когда дворъ покинулъ Москву, и празднества прекратились, она обрадовалась, что все войдетъ въ прежнюю колею, и что ей больше не представится случая подвергаться обидному невниманію царя.

Вскорѣ она узнала причину такой немилости: кто-то изъ многочисленныхъ ея родственниковъ сказалъ ей, что государь недоволенъ ея отцомъ, сенаторомъ Бухаринымъ. Ее это опечалило еще больше и привело въ недоумѣніе. Можно ли было не любить ея отца, любезнѣйшаго и добродушнѣйшаго изъ людей, любимца государя Александра Павловича, остроумнаго, веселаго, со всѣми привѣтливаго, русскаго барина въ пріятнѣйшемъ смыслѣ этого слова?

Однако, это было такъ. Государь, будто бы, такъ про него выразился: «А что, Бухаринъ все фрондируетъ?»

И, должно быть, фрондерство это ему очень не нравилось, потому что онъ изъ-за него не только не влюбилъ сенатора, но и

не хотѣлъ обращать вниманія на его хорошенькую и ни въ чемъ неповинную дочку. Очень это было обидно и грустно.

Большой свѣтъ еще болѣе ей опротивѣлъ. Она совсѣмъ перестала мечтать о представленіи ко двору и о встрѣчахъ съ царемъ. Къ чему, если онъ всегда будетъ отъ нея отвертываться?

Наступило лѣто, и пріѣхалъ въ Москву пить воды, въ новооткрытомъ заведеніи минеральныхъ водъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Садъ при минеральныхъ водахъ сдѣлался моднымъ мѣстомъ для гулянья всего наряднаго и веселящагося московскаго общества.

При встрѣчахъ съ нею въ этомъ саду великій князь не только обратилъ на нее вниманіе, но и осыпалъ ее любезностями, подолгу съ нею разговаривалъ и былъ милостивъ къ ея отцу. При немъ былъ адъютантъ Анненковъ, красивый серіозный молодой человѣкъ, къ которому всѣ относились съ уваженіемъ. Онъ съ перваго взгляда въ нее влюбился безъ памяти, и какъ ни старался это скрыть, она не могла этого не замѣтить. Но въ то время отецъ ея самымъ прелестнѣйшимъ образомъ разорялся, доходы съ имѣній замѣтно уменьшались, и ей все чаще и чаще приходилось слышать отъ тетюшекъ, дядюшекъ и кузинъ намеки на то, что ей непременно надо выйти замужъ за богатаго. То же самое повторяли и въ городѣ, и Анненковъ не могъ этого не слышать, а такъ какъ состоянія у него не было никакого, то ему ничего больше не оставалось, какъ удалиться и уступить свое мѣсто болѣе счастливому, чѣмъ онъ.

Ей разговоры о богатыхъ женихахъ были очень неприятны, и съ тѣхъ поръ, какъ она прочитала «Грандиссона», ничего ей такъ не хотѣлось, какъ сдѣлаться женой добродѣтельнаго молодого человѣка, похожаго на героя этого романа. А Николай Николаевичъ Анненковъ былъ вылитый Грандиссонъ. Но если отцу вздумается выдать ее за другого, то ей ничего больше не останется дѣлать, какъ повиноваться. Къ счастью, сенаторъ Бухаринъ самъ слишкомъ хорошо понималъ прелесть любви, чтобъ лишать этого счастья дочь, и однажды онъ ей сказалъ, что хотя они разорены, и хорошо было бы, если бы она, для поправленія обстоятельствъ, вышла за сватавашагося за нее жениха, однако насиловать ея чувствъ онъ не желаетъ. Богачъ былъ ей противенъ, и претензіи его были деликатно отстранены.

Прошло еще два года. Анненковъ воевалъ въ Турціи и въ Польшѣ. Между тѣмъ, какъ-то лѣтомъ, судьба закинула ее въ Петербургъ, гдѣ она съ нимъ встрѣтилась у родственницы, серіозно занявшейся благополучнымъ окончаніемъ зародившагося романа. Теперь достигнуть этого было легче прежняго: Анненковъ отличился на войнѣ, расположеніе великаго князя къ нему всѣмъ было извѣстно, и передъ нимъ развертывалась блестящая карьера, а се-

наторъ Бухаринъ все больше и больше разорялся, такъ что разстояніе между влюбленными значительно сократилось. Смѣло пошелъ «Грандиссонъ» на приступъ ея сердца и очень скоро окончательно его завоевалъ. Почва и въ этомъ отношеніи была подготовлена: впечатлѣніе, произведенное имъ на нее, было много глубже, чѣмъ она сама это признавала, и когда онъ признался ей въ любви, она уже давно его любила и давно дала себѣ слово быть его или ничьей.

По выходѣ замужъ, ей опять пришлось встрѣтиться съ государемъ во дворцѣ великаго князя и въ качествѣ супруги его любимаго адъютанта. Казалось, положеніе ея настолько измѣнилось, что можно было бы забыть фрондерство ея отца. Не говоря ужъ о томъ, что она сдѣлалась дамой и перемѣнила фамилію, и что императрица, которой она была официально представлена, была къ ней милостива, и что она пользовалась расположеніемъ великаго князя и великой княгини, отношенія ея къ государю оставались натянутыми. У него была удивительная память, и при частыхъ встрѣчахъ во дворцѣ у брата, со всѣми обаятельно любезный, онъ продолжалъ относиться къ дочери фрондера съ оскорбительною холодною. Ей это было такъ больно и приводило ее въ такое смущеніе, что она всегда чувствовала себя въ присутствіи царя глухой и некрасивой, что, разумѣется, усиливало ея конфузъ.

И вотъ въ одинъ пасмурный день, въ Ораніенбаумѣ, когда парадъ вслѣдствіе дурной погоды былъ отмѣненъ, и близкіе ко двору великаго князя собрались въ его дворецъ на интимный вечеръ, пріѣхалъ государь и предложилъ играть въ веревочку. *Petits jeux* были въ модѣ при дворѣ. Неохотно взялась и она за веревочку. Вскорѣ государь попалъ въ кругъ и началъ искать, кого бы ударить по рукѣ, чтобъ занять мѣсто зазѣвавшагося. И, вѣроятно, ея задумчивый видъ привлекъ его вниманіе, а, можетъ быть, ему захотѣлось воспользоваться случаемъ, чтобъ порвать натянутыя отношенія, существовавшія между ними по причинѣ, извѣстной одному ему, такъ или иначе, но она вдругъ почувствовала такой сильный ударъ по рукѣ, что чуть не вскрикнула, и, поднявъ глаза, встрѣтилась со смѣющимися глазами государя. Онъ тотчасъ же заговорилъ съ нею, какъ со старой знакомой, и съ тѣхъ поръ пріятельскія отношенія между ними никогда не прерывались.

Какъ ей было пріятно вспоминать этотъ эпизодъ изъ ранней молодости! Ея милые глаза искрились отъ удовольствія, а на губахъ блуждала веселая, молодая улыбка.

И какъ знакомо мнѣ было все, что она говорила! Точно я знала ее всю мою жизнь...

Да я и знала ее съ тѣхъ поръ, какъ себя помнила. Въ ея время всѣ хорошія женщины были похожи одна на другую, всѣ онѣ мыслили и дѣйствовали одинаково. Разнообразія было мало.

Слушая ее и глядя на нее, читая ее письма, мнѣ казалось, что я вижу и слушаю мою тетюшку Вѣру Николаевну Воейкову¹⁾, у которой я проводила въ ранней юности каждое лѣто по нѣсколько мѣсяцевъ въ деревнѣ. Та же страстная любовь къ родинѣ, та же теплая вѣра въ Бога, та же беззавѣтная преданность царю, не только какъ къ личности, но и какъ къ представителю русскаго народа, то же знаніе этого народа и блестящее воспитаніе, та же прямолинейность въ убѣжденіяхъ и рѣзкое, неумолимое разграниченіе между добромъ и зломъ, между тѣмъ, что можно, и что нельзя. Какъ у нихъ все было просто и ясно! Какъ непонятны имъ были колебанія, компромиссы, уловки и лазейки, изобрѣтаемые современнымъ прогрессомъ для извиненія всякой гадости, низости и слабодушія! При Вѣрѣ Николаевнѣ Воейковой, напри- мѣръ, нельзя было даже и упоминать о такомъ простомъ и не нуждающемся въ настоящее время въ извиненіи поступкѣ, какъ провозъ куска кружевъ безъ пошлины, на зло таможеннымъ чиновникамъ. Никогда не забуду я, какъ, однажды мы всѣ переконфузились за даму, начавшую при ней рассказывать, какъ ей удалось провезти кусокъ кружевъ въ муфтѣ изъ-за границы. Не вполне еще понимая, въ чемъ дѣло, и раскрывая все шире и шире глаза, Вѣра Николаевна устремила ихъ съ такимъ обиднымъ негодованіемъ на рассказчицу, что мы поспѣшили прервать разговоръ, не давъ неприятному замѣчанію сорваться съ ея губъ. Помню также смѣшной, но полный глубокаго значенія случай съ одной изъ ея внучатныхъ племянницъ, которая развелась съ мужемъ и, вернувшись изъ заграничнаго путешествія обвиняемая съ другимъ, явилась къ бабушкѣ возвѣстить о своемъ новомъ бракѣ. Она такъ и уѣхала, не будучи въ состояніи этого сдѣлать—бабушка ее не поняла. Она не могла понять, чтобъ можно было при живомъ мужѣ обвиняться съ другимъ.

Вѣра Ивановна Анненкова на цѣлыхъ тридцать лѣтъ пережила Вѣну Николаевну Воейкову, и при ней за послѣднее время столько свершилось разводовъ, что не вѣрить и не признавать этого явленія ей ужъ нельзя было, но и она также этимъ возмущалась и не могла свыкнуться съ необходимостью волей-неволей примириться съ этимъ, по ея мнѣнію, возмутительнымъ фактомъ.

Какъ женщина свѣтская, она умѣла собою владѣть, но сколько было затаенной ироніи въ улыбка, съ которой она выслушивала

¹⁾ Урожденная Львова, племянница Державина и воспитывавшаяся въ его домѣ съ двумя своими сестрами—Елисаветой Николаевной, вышедшей замужъ за Федора Петровича Львова, отца извѣстнаго музыканта Алексѣя Федоровича Львова, и Прасковьей Николаевной, бывшей замужемъ за Бороздинымъ. Братя ихъ—Александръ Николаевичъ Львовъ былъ женатъ на Мордвиновой, дочери извѣстнаго Николая Семеновича Мордвинова, а Леонидъ Николаевичъ на Козлиновой. Эти Львовы наследовали состояніе Державина.

разказы о томъ, какъ счастливо устроились послѣ развода такой-то или такая-то! Она слишкомъ хорошо знала, что такое настоящее счастье и истинная любовь, какъ послѣдняя усиливается со временемъ, и какъ ее ничѣмъ, даже смертью, нельзя побѣдить.

Жили въ ея время большею частью въ деревнѣ, занимаясь воспитаніемъ дѣтей, съ помощью гувернантки, съ которой семья не прерывала дружественныхъ отношеній до самой смерти, такъ что бывшая «наемница» (какъ себя теперь съ горькой ироніей называютъ воспитательницы) часто продолжала читать наставленія не только своимъ замужнимъ воспитанницамъ, но и братьямъ ихъ, давно женатымъ и занимающимъ важныя государственныя должности.

И самое времяпровожденіе было одинаково: утромъ занятія съ дѣтьми и по хозяйству, бесѣды съ бабами и мужиками, лѣзущими за всякой своей нуждишкой къ господамъ, за лѣкарствомъ, за совѣтомъ, за помощью. Въ промежуткахъ—рисованіе, рукодѣліе, музыка. Вечеромъ чтеніе за большимъ круглымъ столомъ при свѣтѣ масляной лампы, или домашній концертъ, пѣніе, декламация любимыхъ поэтовъ. Какъ любимѣйшее занятіе — письма къ близкимъ, длинныя и тщательно переписанныя, отражающія, какъ въ зеркалѣ, невинныя радости и волненія чистой жизни...

Съ прїѣздомъ отца и взрослыхъ сыновей домъ на время оживлялся, устраивались прогулки по окрестностямъ, кавалькады, приглашались сосѣди, всегда съ разборомъ, особенно тамъ, гдѣ дочери были невѣсты. Къ романамъ между молодежью относились болѣе чѣмъ строго, даже съ ужасомъ, какъ къ опаснымъ для молодой души потрясеніямъ, оставляющимъ слѣдъ на всю жизнь. «Она уже будетъ лишена счастья сказать своему мужу, что никого до встрѣчи съ нимъ не любила», говорила Вѣра Николаевна Воейкова и при этомъ вспоминала съ умиленіемъ свою первую и послѣднюю любовь къ мужу, по которомъ всю свою жизнь носила трауръ, невзирая на то, что была еще молода и красива, когда его лишилась.

Такъ думала и чувствовала и Вѣра Ивановна Анненкова, которую я не иначе могу себѣ представить, какъ окруженную книгами и портретами ея покойнаго мужа.

Сверстницы ея, одного съ нею общества и воспитанія, такъ же, какъ и она, не взирая на богатство и на блестящее общественное положеніе, ничего такъ не любили, какъ жить въ деревнѣ, въ красивой живописной мѣстности и при самой простой обстановкѣ,— такой простой, что ни одна изъ современныхъ петербургскихъ чиновницъ, существующая на жалованье мужа, не примирилась бы съ такою жизнью. Я жила въ такихъ домахъ, въ то время, когда современная культура ихъ еще не коснулась; всѣ они, большею частью, даже по размѣру комнатъ и по расположенію ихъ, похожи одинъ на другой: много воздуха, много свѣта, много удобствъ для

умственныхъ занятій, чтобъ писать письма, дѣлать выписки изъ интересныхъ книгъ, записывать впечатлѣнія, вести дневники, составлять конспекты дѣтямъ изъ исторіи, географіи, литературы. Богатая, собранная нѣсколькими поколѣніями образованныхъ людей, бібліотека; прочная, но куда какая неудобная, жесткая мебель! Шкафчики изъ краснаго и изъ розоваго дерева съ сувенирами, массивные буфеты съ фамильнымъ серебромъ и сервизами, вынимаемыми только въ торжественныхъ случаяхъ, такъ рѣдко и такъ бережливо, что никогда не требовали ни подновленія, ни пополненія.

Въ такомъ вкусѣ, съ отпечаткомъ старины на каждомъ предметѣ, обставлена была и половина Вѣры Ивановны Анненковой въ ея деревенскомъ домѣ. Въ остальныхъ комнатахъ можно было видѣть предметы роскоши и искусства разныхъ эпохъ минувшаго столѣтія, но у нея были только старинныя вещи, напоминавшія ей молодость. Среди нихъ ей было уютно и хорошо. Эти нѣмые свидѣтели былого помогали ей забывать настоящее, болѣзни, старость, слабость, одиночество, всѣ жизненныя невзгоды и даже отсутствіе любимаго мужа. Всюду встрѣчала она его дорогія черты; со всѣхъ стѣнъ, со всѣхъ столовъ и этажерокъ смотрѣли на нее его прекрасные глаза, вѣчно юные, вѣчно любящіе и преданные. И нигдѣ столько не занималась она имъ, не проводила съ нимъ такъ много времени, какъ въ Бобровѣ. Съ ранняго утра, послѣ прогулки по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они вмѣстѣ гуляли, садилась она писать свои воспоминанія о немъ, потомъ читала его письма, говорила о немъ съ людьми, хорошо его помнившими и не скучавшими вспоминать про него. Прислуживалъ ей старый слуга, всю жизнь прожившій въ ихъ домѣ. И часто, глядя на нее и на него, когда онъ съ любовною почтительностью подавалъ ей кушанье или выслушивалъ ея приказанія, я думала: «А вѣдь онъ, навѣрное, думаетъ то же, что и она думаетъ, и ему, такъ же, какъ и ей, настоящее кажется сномъ, а прошедшее дѣйствительностью».

И тутъ опять вспоминалась мнѣ моя молодость и старый деревенскій домъ въ Ольшанкѣ, тетушка Вѣра Николаевна Воейкова, ея старая горничная Федосья Ивановна, съ которой она постоянно ссорилась, никогда не думая съ нею разставаться, и камердинеръ ея Павелъ, до такой степени похожій на камердинера Вѣры Ивановны Анненковой, что я часто невольно перепутывала ихъ имена. Какъ тамъ, въ Ольшанкѣ, такъ и тутъ, въ Бобровѣ, все было одинаково, съ тою только разницей, что тамъ я была молода, не цѣнила прелести окружавшей меня обстановки и наслаждалась ею безсознательно, какъ зауряднымъ явленіемъ, съ которымъ мнѣ еще не разъ придется встрѣтиться въ жизни, а въ Бобровѣ я уже понимала всю восхитительную исключительность такого удѣлѣвшаго дворянскаго гнѣзда и смотрѣла на него, какъ на обломокъ чего-то давно обрушившагося, изъ котораго никогда больше не воздвигнется ничего похожаго на то, что было.

И такихъ разговоровъ, какъ съ Вѣрой Ивановной, у меня никогда больше ни съ кѣмъ не будетъ.

Не только сплетень, но даже намековъ на интимную жизнь окружающаго общества, я никогда отъ нея не слышала. Внѣшній міръ, въ узкомъ смыслѣ этого слова, для нея не существовалъ. Съ лѣтами, какъ мысли ея, такъ и чувства, постепенно расширяясь, возвысились до невозможности останавливаться вниманіемъ на мелкомъ и обыденномъ, на частностяхъ великаго цѣлаго и вѣчнаго, къ которому рвалась ея душа. Съ страстнымъ любопытствомъ читала она газеты, какъ русскія, такъ и иностранныя, съ интересомъ слѣдила за ходомъ развертывающихся передъ нею міровыхъ событій, какъ въ панорамѣ, въ которой настоящее объяснялось для нея пережитымъ прошлымъ, а будущее прозрѣвалось опытомъ и вѣрою въ премудрость Провидѣнія.

Какіе у нея были утѣшительные отвѣты на мучительные и раздражительные вопросы! Какъ всегда вѣрны оказывались ея опредѣленія!

Ужъ и тогда, два года тому назадъ, она очень далеко ушла отъ всего земного и, по собственному ея выраженію, «не жила, а присутствовала при жизни», съ трудомъ и на короткія минуты отрываясь отъ внутренняго своего міра, и для того только, чтобъ подарить кого нибудь изъ окружающихъ улыбкою или ласковымъ словомъ.

Она готовилась къ смерти съ большимъ спокойствіемъ и говорила о ней, какъ о возвращеніи домой изъ долгаго и тяжелаго путешествія. При послѣднемъ моемъ свиданіи съ нею, въ концѣ марта текущаго года, она встрѣтила меня словами: «Проститесь со мною пріѣхали?». Но видъ у нея былъ такой бодрый, она такъ внимательно слѣдила за политическими событіями, скорбѣла о борахъ, тревожилась о нашихъ затрудненіяхъ на Востокѣ, о движеніи въ славянскомъ мірѣ, въ ней было еще столько жизненности, мысли ея были такъ ясны, память такъ свѣжа, что не вѣрилось близости конца.

Какъ всегда, она и при этомъ свиданіи говорила про государя Николая Павловича, про трудное время, переживаемое теперь Россіей, и про своего дорогаго мужа, настойчиво повторяя, что ничего такъ не желаетъ, какъ чтобъ Россія поняла свое великое назначеніе на землѣ, чтобъ государь Николай Павловичъ былъ скорѣе оцѣненъ потомствомъ, и чтобъ больше людей на Руси узнало, что за человекъ былъ Николай Николаевичъ Анненковъ.

При разставаніи она крѣпко меня обняла и долго и пристально глядѣла мнѣ въ глаза, точно желая досказать этимъ взглядомъ то, чего словами не выразишь, и что она уже давно постигла своею на половину отлетѣвшей въ другой міръ душой.

Н. И. Мердеръ.

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ ТОЛСТЫХЪ.

(Посвящается графинѣ Вѣрѣ Львовнѣ Толстой).

О СВИДѢТЕЛЬСТВУ Черниговскаго лѣтописца, въ 1353 году прибылъ въ Россію изъ Германіи мужъ Индрисъ съ двумя сыновьями и съ дружиною, изъ трехъ тысячъ человѣкъ состоящей. Всѣ они приняли православную вѣру. Индрисъ былъ названъ Леонтиемъ, а сыновья его—Константиномъ и Ѳеодоромъ. Внуку Константина Леонтьевича, Андрей Харитоновичъ, получилъ отъ государя и великаго князя Василія Васильевича (1425 г.) прозвище «толстого» за его необычайную тучность, и тѣмъ было положено начало фамилія Толстыхъ. Также впоследствии произошла фамилія Дурновыхъ отъ внука Андрея Харитоновича, Василія Юрьевича, прозваннаго «дурной» за его уродливость. О происхожденіи фамиліи Толстыхъ, въ видѣ шутки, упоминалъ государь Николай Павловичъ, когда онъ обращался къ гр. Петру Александровичу со словами «Der Dicke»¹⁾.

О Толстыхъ въ лѣтописяхъ упоминается съ 1608 года. Василій Ивановичъ, дѣдъ перваго графа Толстого, былъ въ XIII колѣнѣ рода Толстыхъ. Онъ еще въ молодости доказалъ преданность отечеству, предводительствуя войскомъ между Костромою и Пошехонью въ смутное время междуцарствія въ 1612 году. Сынъ его, Андрей Васильевичъ, былъ воеводою въ Черниговѣ; овдовѣвъ отъ перваго брака, онъ женился на сестрѣ знаменитаго боярина, Ивана Михайловича Милославскаго. Это знатное родство доставило ему при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ званіе думнаго дворянина, а

¹⁾ Графъ П. А. Толстой былъ полный генералъ и состоялъ посланникомъ при Наполеонѣ послѣ Тильзитскаго мира.

въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны—санъ окольниковъ. Отъ перваго брака онъ имѣлъ двухъ сыновей, Ивана, родоначальника старшей вѣтви дворянъ Толстыхъ, и Петра, родоначальника графовъ Толстыхъ. Отъ втораго брака онъ имѣлъ одного сына, Михаила, потомство котораго пресѣклось.

Петръ Андреевичъ былъ первый изъ рода Толстыхъ, достигнувшій высшихъ почестей на государственной службѣ, благодаря своимъ способностямъ, уму и ловкости. Онъ началъ службу при царевнѣ Софіи, но, семь лѣтъ спустя, видя, что партія Петра беретъ верхъ, онъ и братъ его Иванъ ловко примкнули къ новому царству, и въ то время, когда Софія изнывала въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, а ея приверженцы слагали головы на плахѣ, Толстые сумѣли внушить къ себѣ довѣріе и проложить себѣ путь къ будущему величію.

Я помню большой поясной портретъ масляными красками Петра Андреевича. Онъ находился въ кабинетѣ дѣдушки Петра Степановича, въ нашемъ московскомъ домѣ.

Громадный парикъ черныхъ волнистыхъ, низко спадавшихъ, волосъ обрамлялъ худощавое лицо съ загадочнымъ выраженіемъ на тонкихъ сжатыхъ губахъ. Выразительные черные глаза подъ сросшимися густыми бровями смотрѣли пристально и злобно. Эти брови составляли самую характерную черту всего лица. Онѣ были настолько густы и широки, что совершенно покрывали вѣки, изъ-подъ которыхъ смотрѣли эти злые пристальные глаза. Послѣ смерти дѣдушки мнѣ пришлось одно время спать въ его бывшемъ кабинетѣ, гдѣ надъ отоманкой висѣлъ портретъ Петра Андреевича, освѣщенный ночью свѣтомъ лампадки, горящей передъ образницей у противоположной сторны. Мерцавшее пламя свѣтильника освѣщало въ образницѣ чудный ликъ Спасителя съ благословляющей рукой и молитвенно располагало душу, внушая полное довѣріе къ священнымъ словамъ: «придите труждающіеся и обремененные, и азъ упокою вы»,—но этотъ же свѣтъ падалъ и на Петра Андреевича, и зловѣщія глаза его таинственно выступали живыми точками изъ потемнѣвшаго отъ времени портрета. Здѣсь былъ міръ другой,—не свѣтъ и успокоеніе вливалъ онъ въ душу, а смутный страхъ темныхъ невѣдомыхъ силъ. Глаза эти меня преслѣдовали; не было мѣста въ комнатѣ, куда они ни проникали бы со своимъ упорнымъ требованіемъ подчиниться его волѣ. Подъ этимъ взглядомъ дѣлалось жутко, и заснуть не было возможности. Я долго боролась и укоряла себя въ малодушіи, но не выдержала, вскочила и, хотя съ большимъ усиліемъ, повернула портретъ лицомъ къ стѣнѣ и успокоилась.

Ознакомившись съ исторіей жизни и родомъ дѣятельности Петра Андреевича, неудивительно, что его обликъ, носящій отпечатокъ его внутренняго міра, внушалъ ужасъ. Но съ внѣшней сторны

Петръ Андреевичъ въ свое время отличался рѣдкими качествами: трезвостью, почтительностью, чрезвычайно приличной внѣшностью и природнымъ даромъ слова. Это былъ человѣкъ ума недюжиннаго, совѣсти эластичной, способный на все, съ весьма широкими понятіями о томъ, какъ обходиться съ людьми сильными и какъ обхождение съ ними согласовать со степенью ихъ силы. Петръ I говорилъ про него: «Толстой очень смысленный, но, когда съ нимъ имѣешь дѣло, надо держать камень за пазухой, чтобы во-время разбить ему голову въ случаѣ надобности».

Въ 1697 году, были отправлены императоромъ Петромъ въ чужіе края 37 человѣкъ лучшихъ фамилій для изученія морского дѣла. Въ числѣ ихъ былъ стольникъ Петръ Толстой. Въ выданной ему рекомендательной проѣзжей грамотѣ сказано: «Въ той великаго государя вышепоименованной грамотѣ написано: Петръ Толстой дворянинъ и безъ прозванія для того, чтобы въ иноземныхъ краяхъ подлинно не вѣдали, какого чина и какихъ породъ для той вышеписанной науки въ ихъ государство посланы»¹⁾.

Кромѣ того, дано ему особое рекомендательное письмо къ венеціанскому дожу Сильвестро Валоріо.

Въ то время Толстому было 52 года (онъ родился въ 1645 г.); онъ былъ уже отцомъ и дѣдомъ, и готовность его начать въ эти годы изучать спеціальныя науки, къ которымъ притомъ онъ не имѣлъ особой склонности, доказываетъ замѣчательную силу воли; видимо, онъ былъ проникнутъ сознаниемъ предстоящихъ преобразованій и готовился тѣмъ или другимъ путемъ занять въ нихъ не послѣднее мѣсто.

Хотя онъ исполнялъ добросовѣстно данную ему инструкцію и выучился морскому дѣлу, какъ было приказано, но большую часть времени посвятилъ на изученіе Италіи. Онъ ее объѣхалъ всю и вполнѣ овладѣлъ итальянскимъ языкомъ, на которомъ говорилъ и писалъ свободно. Петръ Андреевичъ описалъ свое путешествіе по Италіи, и его рукопись находится въ библиотекѣ Казанскаго университета, озаглавленная «Путешествіе стольника Петра Толстого по Европѣ въ силу царскаго указа отъ 7205 года января 11-го дня, т.-е. 1697 года по Р. Х., на 161 полулистахъ».

Все описаніе путешествія по характеру, складу понятій и по направленію своему всецѣло принадлежитъ эпохѣ древней Россіи. Проникнутый глубокой религіозностью, знатокъ церковной обрядности, Толстой болѣе всего обращалъ вниманіе на различія вѣроисповѣданій, на ученіе христіанскихъ церквей и богослуженіе.

Путешествіе его длилось два года, но 25-го октября 1699 года Толстой получилъ предписаніе отъ боярина Θεодора Алексѣевича Головина возвратиться въ Москву. Морякомъ Толстой не сдѣлался,

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1888 года.

но изъ него вышелъ искусный дипломатъ, знакомый съ европейскою цивилизаціей. Однако для его служебной карьеры всего болѣе подействовали на всемогущаго канцлера Головкина двѣ тысячи червонцевъ, которые, будто бы, поднесъ ему догадливый искатель служебнаго счастья. Головкинъ указалъ Петру на Толстого, какъ на человѣка, способнаго занять мѣсто посла при дворѣ турецкаго султана, становившееся съ этихъ поръ постояннымъ. До того времени московское правительство имѣло лишь временныя сношенія съ Портой, Назначеніе Толстого было тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что онъ владѣлъ итальянскимъ языкомъ, который былъ въ то время, въ 1702 году, дипломатическимъ языкомъ Турціи.

Пышность жизни Толстого въ Константинополѣ можетъ только сравниться съ пышностью двора султана, и соревнованіе въ роскоши доходило до крайнихъ размѣровъ. Толстой не выѣзжалъ иначе, какъ въ золоченой каретѣ, запряженной восемью лошадьми цугомъ. Онъ щеголялъ упряжью и выѣзжалъ то на вороныхъ, то на бѣлыхъ превосходно подобранныхъ лошадяхъ. Сбруя на нихъ блестяла золотымъ наборомъ, и каждая лошадь носила на лбу украшеніе изъ драгоценныхъ камней. Свита его поражала своей многочисленностью; въ составъ ея входили чиновники, секретари, служителя, курьеры, пѣвчіе и духовенство; въ дворцѣ его была помѣщена домовая церковь. Эта торжественная обстановка посольства стоила громадныхъ затратъ, и, кромѣ того, передъ отъѣздомъ Толстого къ мѣсту своего назначенія, онъ получилъ 200.000 червонцевъ съ приказаніемъ употребить ихъ на подкупъ совѣтниковъ султана. Но при частыхъ перемѣнахъ великихъ визирей и этой казны не хватало. Едва только Толстому удавалось установить добрыя отношенія къ великому визирю Гасанпашѣ, какъ на его мѣсто назначенъ былъ Ахметъ-паша, уже шестой визирь при Толстомъ. Безъ сомнѣнія, онъ истратилъ съ цѣлью подкупа большую часть суммы, но не такую, какая была имъ показана въ отчетахъ. Тогда одинъ изъ секретарей его посольства, зная это обстоятельство, увѣдомилъ о томъ государя окольнымъ путемъ, не черезъ графа Головкина, который былъ соучастникомъ въ интересахъ Толстого. Но Толстого увѣдомили о коварныхъ замыслахъ его подчиненнаго, и онъ въ виду самосохраненія, почти не колеблясь, принялъ рѣшеніе отравить своего секретаря, но не тайнымъ образомъ, а призвалъ на судъ составъ чиновниковъ посольства судить секретаря, обвинявшагося въ измѣнѣ и недозволительной перепискѣ съ великимъ визиремъ. Объясненія, представленныя секретаремъ, были отвергнуты, какъ неудовлетворительныя, и Толстой велѣлъ позвать священника, чтобы приготовить обвиненнаго къ смерти, послѣ чего несчастный долженъ былъ выпить ядъ, подмѣшанный заранѣе въ венгерскомъ винѣ.

Вѣсть объ этой жестокости дошла до государя, но онъ не возмущился: что такое жизнь одного человѣка сравнительно съ интересами страны? Къ тому же Толстому были даны неограниченныя права надъ служащими въ посольствѣ. Толстой былъ нуженъ, и ему еще бы не то простили. И дѣйствительно онъ оказалъ существенныя услуги политикѣ своего императора во время войны Петра съ Карломъ XII, но, когда въ 1710 году состоялся разрывъ между Турціей и Россіей, и 20 ноября была объявлена война Россіи, то Толстой былъ заключенъ въ глубокую земляную темницу Семибашеннаго замка Едикуля и просидѣлъ въ ней до 1714 года. Чтобы увѣковѣчить воспоминаніе о страданіяхъ, вынесенныхъ въ заточеніи за ревностное исполненіе службы, Толстой получилъ въ гербъ изображеніе башенъ. «Въ шестой части герба, раздѣленной перпендикулярно на два поля, серебряное и зеленое, изображены: вверху—три и внизу—четыре башни, перемежающія видъ свой на краскѣ въ серебро, а на серебрянѣ въ зеленый цвѣтъ, и наверху сихъ башенъ полумѣсяцы, рогами вверху обращенные» ¹⁾.

Но этотъ гербъ не былъ присвоенъ всѣми Толстыми, а именно, второй сынъ Петра Андреевича, Петръ, женатый на дочери малороссійскаго гетмана Скоропадскаго, имѣлъ свой гербъ вполне фантастичный, съ поднятой рукой и надписью «Толстій». Авторъ имѣлъ случай видѣть изображеніе этого герба на кольцѣ одного изъ Толстыхъ.

По возвращеніи на родину, Толстой уже не засталъ Головкина и нашелъ большія переменны при дворѣ; главной силой былъ князь Меншиковъ.

Первой заботой Толстого было стараніе добиться благосклонности Меншикова, пользовавшагося тогда безграничнымъ довѣріемъ государя. Но и тутъ не обошлось безъ денежныхъ жертвъ. Толстой зналъ слабость Меншикова къ деньгамъ, и увѣряютъ, будто бы онъ подарилъ ему 20.000 рублей, за что получилъ мѣсто сенатора съ чиномъ тайнаго совѣтника.

Вскорѣ представился Толстому случай отличиться передъ Петромъ.

Сынъ Петра I, царевичъ Алексѣй, отличавшійся характеромъ тихимъ, мягкимъ, представлялъ собою совершенную противоположность съ характеромъ Петра, этого рѣшительнаго и властнаго новатора. До десятилѣтняго возраста Алексѣй оставался при матери, царицѣ Евдокии Феодоровнѣ, противъ воли постриженной въ монашество своимъ царственнымъ супругомъ. Вѣроятно, вліяніе матери и окружающая монастырская тишина и уединеніе развили въ царевичѣ боязливую нерѣшительность, и Петръ могъ вполне основательно опасаться за участь введенныхъ имъ реформъ, когда пра-

¹⁾ Общій гербовникъ Всероссийской имперіи.

вление перейдетъ въ руки слабохарактернаго Алексѣя. По желанію Петра, царевичъ вступилъ въ бракъ съ Софіею-Шарлоттою, принцессою Брауншвейгъ-Вольфенбюттельской. Бракъ былъ несчастливъ, Софія скоро умерла, оставивъ маленькаго сына, Петра Алексѣевича. Послѣ смерти Софіи столкновенія Петра съ царевичемъ принимали все болѣе угрожающіе размѣры; царь требовалъ, чтобы сынъ измѣнилъ характеръ и воззрѣнія свои, требовалъ настойчиво, прибѣгая даже къ побоямъ, грозилъ лишить его наслѣдства, но подобныя мѣры только ожесточали сердце юноши. Тогда государь приказалъ Алексѣю постричься въ монахи, «если править нѣтъ охоты». Царевичъ согласился, но воспользовался пребываніемъ Петра за границею и бѣжалъ изъ Россіи. Этотъ своевольный поступокъ возмутилъ властолюбиваго царя, онъ хотѣлъ залучить своего непокорнаго сына въ свои руки и поручилъ Толстому разыскать убѣжище Алексѣя и склонить его какими угодно мѣрами вернуться въ Россію. Толстой разыскалъ царевича въ замкѣ Saint-Elme въ Неаполѣ, но это было не все: главное, надо было убѣдить царевича вернуться. Задача была трудная. Не надѣясь на одно свое краснорѣчіе и на силу увѣреній, что государь простилъ, и царевичъ не подвергнется наказанію за бѣгство,—хитрый дипломатъ рѣшилъ дѣйствовать черезъ любовницу царевича, родомъ финку, Евфросинію, которую онъ увезъ вмѣстѣ съ собой. Эта женщина была не глупа и отличалась алчностью и честолюбіемъ, чѣмъ и рѣшился воспользоваться Толстой. Онъ успѣлъ увѣрить ее самыми страшными клятвами,—онъ не смущался мыслью объ ихъ исполненіи,—что выдастъ ее замужъ за своего младшаго сына и дастъ имъ тысячу крестьянскихъ дворовъ. Евфросинія уступила такимъ пышнымъ обѣщаніямъ и подаркамъ и стала склонять царевича вернуться съ Толстымъ въ Россію. Съ своей стороны, зная религіозныя убѣжденія царевича, Толстой не побоялся поклясться на крестѣ и Евангеліи, что царь не будетъ мстить ему за непокорность, что все забыто. Алексѣй не могъ допустить вѣроломства въ священной клятвѣ, повѣрилъ и вернулся. Исполнивъ съ такимъ успѣхомъ данное ему порученіе, Толстой является главнымъ дѣятелемъ и въ слѣдствіи надъ несчастнымъ царевичемъ. Онъ привезъ Алексѣя въ Москву 3 февраля 1718 года и участвовалъ въ допросахъ, дѣланныхъ царевичу, и подъ смертнымъ приговоромъ девятая подпись принадлежала «тайному совѣтнику и отъ лейбъ-гвардіи капитану Петру Толстому».

За такое предательство кроткое сердце царевича вознегодовало, и онъ въ мукахъ пытки проклялъ Толстого и весь родъ его до двадцать пятаго поколѣнія. Но Петръ за эту услугу отечеству вознаградилъ Толстого рѣдкимъ тогда орденомъ Андрея Первозваннаго и далъ ему громадныя помѣстья, до шести тысячъ «дымовъ». т.-е. крестьянскихъ дворовъ. Съ этихъ поръ Толстой уже не ну-

ждался въ покровителяхъ и посредникахъ между собою и Петромъ. Рассказываютъ, что за время силы Толстого не разъ за веселыми попойками царь сдергивалъ съ него огромный черный парикъ и, потрепавъ его по головѣ, приговаривалъ: «голова, голова, какъ бы не такъ умна ты была, давно бы и отрубить тебя велѣлъ».

Ему было уже восемьдесятъ лѣтъ, но онъ пользовался крѣпкимъ здоровьемъ, ясностью ума и неутомимой дѣятельностью.

Со времени розыска по дѣлу царевича Алексѣя Петровича Толстой сталъ сближаться съ Екатериною; ему въ особенности обязана она была въ послѣдніе годы царствованія Петра составленіемъ той партіи, которая подготовляла ей путь къ престолу, такъ что въ день коронаванія Екатерины Петромъ (7-го мая 1724 года) Толстой былъ наконецъ возведенъ въ графское Россійской имперіи достоинство.

Достигнувъ зенита величія, онъ сталъ дѣйствовать слишкомъ самонадѣянно, и эта умная голова дожила до своего дня помраченія.

Послѣ смерти Петра исторія двухгодичнаго царствованія Екатерины состоитъ въ борьбѣ лицъ, старавшихся присвоить себѣ власть и управленіе государственными дѣлами. Составились партіи; интригамъ не было конца.

Екатерина думала назначить своимъ преемникомъ Петра Алексѣевича. Тогда Меншиковъ задумалъ женить царевича на своей дочери, и съ разрѣшенія императрицы она была объявлена невѣстой наслѣдника престола. Тогда Толстой, опасаясь мщенія будущаго Петра II за участіе въ судьбѣ отца его, рѣшился на крайнія мѣры. Онъ сталъ во главѣ другой партіи, задача которой была не допустить воцаренія Петра Алексѣевича, а избрать герцога Голштинскаго, мужа Анны Петровны, преемникомъ престола. Борьба партій была ожесточенная, каждый изъ участвующихъ зналъ, что онъ рискуетъ головой въ случаѣ неудачи, а побѣда надъ противникомъ принесетъ почетъ, власть и богатство.

Соучастниками Толстого были: Девіеръ, Бутурлинъ, Григорій Скорняковъ-Писаревъ, ген. Ушаковъ—страшный начальникъ тайной канцеляріи, Александръ Нарышкинъ и кн. Долгорукій впослѣдствіи. Герцогъ Голштинскій зналъ о заговорѣ и, естественно, сочувствовалъ ему. Девіеръ, Толстой и другіе сдѣлали отзывъ объ Евдокіи Ѳедоровнѣ, какъ о причипѣ, почему имъ хотѣлось устранить отъ престолонаслѣдія Петра II: «Мы де особенно страшимся, чтобы въ воцареніе Петра Алексѣевича не получила силы его бабка, потому она стараго обычая человекъ, можетъ все переменить по-старому, и понеже она нраву гнѣвнаго, жестокосердаго, захочетъ отомстить намъ за сына».

Но, несмотря на умъ и хитрость Толстого и лицъ его партіи, партія Меншикова восторжествовала. Императрица Екатерина I

окончила жизнь въ тотъ самый день, когда Меншиковъ выдалъ, будто бы утвержденный государыней, указъ о казни Толстого, Девьера и соумышленниковъ. Само собой разумѣется, что умиравшая императрица не была ни душой, ни тѣломъ въ томъ виновна.

Дерзость Меншикова не знала границъ. Враги были удалены, и онъ не пострашилъ по смерти Екатерины тотчасъ обнародовать завѣщаніе, составленное какъ бы по волѣ покойной императрицы, по которому престолъ оставался великому князю Петру Алексѣевичу. Думаютъ, что Екатерина участвовала въ его составленіи столько же, сколько и въ утвержденіи казни Толстого и его товарищей.

Какъ бы тамъ ни было, но Толстые, отецъ и старшій сынъ его Иванъ, президентъ юстицъ-коллегіи, были сосланы въ Соловецкій монастырь при слѣдующемъ высочайшемъ указѣ на имя архангельскаго губернатора, генераль-майора Измаилова: «по ея императорскаго величества именному указу, за подписаніемъ ея императорскаго величества руки, велѣно Петра Толстого, за многія его вины, лиша всѣхъ чиновъ и чести, послать въ ссылку въ Соловецкій монастырь и съ нимъ сына его, Ивана»... и т. д.

Въ одно мгновеніе было разрушено столь высоко возведенное общественное положеніе посредствомъ хитрости, ума и неправедности. Графскій титулъ былъ отобранъ, всѣ богатства и всѣ дарованные шесть тысячъ «дымовъ».

Послѣднія слова Толстого, дошедшія до насъ, были въ видѣ письма къ одному изъ его близкихъ, написаннаго въ день состоявшагося надъ нимъ приговора.

«По указу ея императорскаго величества, — писалъ Толстой, — кавалерія и шпага съ меня сняты, и велѣно меня послать въ Соловецкій монастырь отъ крѣпости прямо сего дня; пришлите немедленно Махова и Яшку съ постелью, подушкой и одѣяломъ, да денегъ двѣсти рублей, да сто червонныхъ, также, чѣмъ питаться, и молитвенникъ и псалтирь маленькую и прочее, что заблагоразсудите. Да малаго Митьку я возьму съ собой, пришлите; а болѣе писать отъ горести не могу; велите кафтанъ овчинный и болѣе не знаю что надобно; впрочемъ, всѣмъ моимъ отъ меня благословеніе».

Толстые прожили въ ссылкѣ недолго. Иванъ умеръ въ 1728 году и погребенъ за монастырской оградой, а Петръ умеръ въ 1729 году. Въ ссылкѣ они терпѣли страшную нужду; можно сказать, что они умерли отъ лишеній и нищеты; въ описи вещамъ, найденнымъ послѣ ихъ смерти, значился овчинный кафтанъ и одна смѣна бѣлья.

Графское достоинство возвращено потомкамъ Петра Андреевича императрицей Елисаветой Петровной 26 мая 1760 года.

Далѣе въ XVIII вѣкѣ Толстые государственными дѣятелями не являются; исторія объ нихъ умалчиваетъ, но существуетъ у насъ въ семьѣ рассказъ о графѣ Федорѣ Толстомъ. Онъ служилъ при

Павлѣ I и на смотре на Марсовомъ полѣ сдѣлалъ какую-то ошибку по фронтовой службѣ, что считалось при тогдашнихъ требованіяхъ государя чуть ли не высшимъ преступленіемъ. Государь вспылить и накричалъ на командира полка, тотъ налетѣлъ и накричалъ на Толстого въ присутствіи войскъ,—Толстой не выдержалъ и на грубость начальника отвѣтилъ оплеухой. Первое потрясеніе, какъ слѣдствіе этого поступка, было настолько сильно, что, возвратившись домой, онъ началъ заговариваться и вскорѣ сошелъ съ ума. Судить его нельзя было, и его отправили на жительство въ Сосково, имѣніе Орловской губерніи. Тамъ онъ оставался до конца дней своихъ и умеръ бездѣтнымъ. А сумасшедшимъ онъ никогда не былъ, а только притворился имъ, чтобы избѣгнуть жестокаго наказанія, которое иначе неминуемо постигло бы его.

Я не буду описывать всѣ отросли семейства Толстыхъ, отчасти потому, что о нѣкоторыхъ отросяхъ уже было печатано, а отчасти потому, что объемъ исторіи всѣхъ Толстыхъ былъ бы слишкомъ обширенъ,—я ограничусь рассказомъ объ отросли, къ которой принадлежала моя мать.

Итакъ, дѣдъ моей матери, Степанъ Ѳедоровичъ, былъ женатъ на княжнѣ Щербатовой. У нихъ было тринадцать человѣкъ дѣтей—десять сыновей и три дочери. Изъ сыновей Петръ (отецъ моей матери), Степанъ, былъ сумасшедшій и жилъ въ Сосковѣ, Андрей имѣлъ любовную исторію и былъ разстрѣлянъ сосѣдомъ въ Кромскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи. Про другихъ не помню. Всѣ получили домашнее воспитаніе съ помощью наплыва гувернантокъ и гувернеровъ-французовъ, между которыми главное мѣсто занималъ графъ Сюзоръ. Имъ передавали на руки дѣтей съ правомъ воспитывать ихъ души, какъ кому заблагоразсудится, и дѣлать изъ нихъ русскихъ французовъ. Всѣ эти наемники, по большей части, сами малообразованные, коверкали нашихъ предковъ на иностранный ладъ, внушая презрѣніе ко всему русскому. Изъ ихъ рукъ выходили какіе-то беспочвенники, незнакомые съ духомъ земли Русской и даже не желающіе знакомиться съ ея нуждами. Въ тѣ времена крѣпостного права помѣщики смотрѣли на рабовъ, какъ на низшія существа, даже неспособныя имѣть какіе либо человѣческіе запросы. Это было что-то среднее, стоящее немногимъ выше вьючнаго животнаго, это была та же бессмысленная сила, въ которой малѣйшій протестъ за человѣческое достоинство карался немилосердно. Крестьянинъ-рабъ жилъ тамъ гдѣ-то, какъ-то, и ничто не только не соединяло, но даже и не соприкасалось его съ высшимъ существомъ баринномъ, который за его пожизненный трудъ платилъ ему полнымъ презрѣніемъ. Это чувство гадливаго презрѣнія къ меньшей братіи было внушено нашимъ дѣдамъ иностранными воспитателями.

Во многихъ русскихъ семьяхъ воспитаніе дѣтей было даже передано въ руки католическихъ аббатовъ, между которыми было не-

мало иезуитовъ, что произвело одно время цѣлую плеяду русскихъ женщинъ, перешедшихъ въ католичество. Утонченныя манеры, вкрадчивость, лесть, скрытый культъ женщины пріятно щекоталъ нервы и возбуждалъ воображеніе дамъ; это былъ тотъ же flirt между иезуитомъ и свѣтской скучающей барыней съ цѣлью обогащенія ордена, а подчасъ и для доставленія себѣ наслажденій далеко не духовнаго свойства. Подчинивъ себѣ бродящую волю женщины, иезуитъ дѣлался хозяиномъ въ семьѣ. Чтобы упрочить свое вліяніе, иезуитъ вводилъ женщину въ таинственный міръ мистцизма, гдѣ невѣроятныя явленія усваиваются, какъ самыя простыя, а самыя обыкновенныя явленія жизни получаютъ таинственное значеніе. Мистикъ отрѣшается отъ твердыхъ очертаній дѣйствительности, покрываетъ ихъ завѣсою и окружаетъ голубымъ дымкомъ. Мистическое дуновение съ баронессой Крюднеръ коснулось даже нашего монарха Александра I.

Къ счастью, юность дѣдушки не подверглась душевному насилию, и чужеземный воспитатель, графъ Сюзоръ, не внушилъ ему презрѣніе ко всему русскому и француза изъ него не сдѣлалъ. Дѣдушка остался съ наклонностями къ деспотизму, былъ лѣнивъ и безпеченъ; болѣе всего дорожилъ спокойствіемъ и ретиво ограждалъ себя отъ повода къ непріятному волненію. Онъ не былъ честолюбивъ и дѣятельной службы не несъ, а былъ причисленъ къ придворному вѣдомству и дослужился до званія камергера. Очень молодымъ онъ женился на хорошенькой шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ, Елизаветѣ Васильевнѣ Ильиной. У нихъ было четыре сына: Василій, Николай, Александръ, Павелъ, и дочь Парасковія.

Дѣдушка былъ добрый человѣкъ, но доброты пассивной; семью свою держалъ въ безсловесномъ повиновеніи, и всѣ зависѣли отъ него матеріально; женатому сыну онъ давалъ пятьдесятъ рублей въ мѣсяць, а неженатому—десять рублей, говоря: «если на это жить на сторонѣ не можете, милости просимъ ко мнѣ въ домъ, тутъ всѣмъ мѣсто и всего вдоволь». Никто изъ сыновей не смѣлъ и думать выйти изъ повиновенія, показать неудовольствіе или, чего Боже сохрани, требовать денегъ у отца—это имъ и во снѣ не снилось; они до преклонныхъ лѣтъ подходили боязливо къ рукѣ отца съ дѣтскимъ словомъ: «папенька».

А въ домѣ жилось имъ тяжело. Вечеромъ никто изъ сыновей безъ позволенія отца отлучиться не смѣлъ, онъ долженъ былъ спроситься, сказать, куда идетъ, зачѣмъ, и ему назначался часъ возврата.

Воспитывались они въ кадетскихъ корпусахъ. Василій и Александръ, отслуживъ свое время въ офицерскомъ чинѣ, жили при отцѣ, Павелъ служилъ на Кавказѣ, гдѣ и умеръ отъ холеры, а Николай всегда былъ слабоумнымъ, а съ годами совсѣмъ съ ума сошелъ и содержался въ Москвѣ, въ лѣчебницѣ доктора Красовскаго, гдѣ пробылъ сорокъ слишкомъ лѣтъ и всѣхъ пережилъ.

Старшій Василій, живя въ домѣ отца безъ дѣла, безъ занятій и чувствуя постоянно надъ собою тяжелый нравственный гнетъ, не выдержалъ и запилъ горькую; забился въ мезонинъ, какъ кротъ, и пилъ до безчувствія. Онъ пересталъ являться къ отцу и къ себѣ никого не пускалъ. Тогда отецъ опредѣлилъ его въ полкъ на Кавказъ. Василій уѣхалъ и повезъ съ собой финку Эмилию, отъ которой у него была дочь. Эту дочь дѣдушка воспитывалъ. На Кавказѣ Василій Петровичъ продолжалъ пить, и говорятъ, что нерѣдко преданная Эмилиа, надѣвъ офицерское платье, справляла службу за него. Они оба умерли на Кавказѣ, а ихъ дочь получила отъ дѣдушки приданое и была выдана замужъ.

Александръ былъ женатъ на Александрѣ Васильевнѣ Устиновой. Они прожили дружно и вполне счастливо; у нихъ былъ единственный сынъ, Николай. Дядя, Александръ Петровичъ, былъ чудной души человѣкъ, строгой жизни, безупречный, но прожилъ недолго; онъ умеръ въ 1867 году отъ постепеннаго пораженія спинного мозга. Жена его, а моя тетушка, жива до сихъ поръ. Эта женщина всю жизнь свою посвятила семьѣ. Съ полнымъ отреченіемъ отъ личной жизни, она всегда была поддержкой и утѣшеніемъ болящихъ и страждущихъ членовъ семьи.

Младшая въ семьѣ дѣдушки была дочь Парасковія, въ замужествѣ княгиня Вяземская,—отъ этого брака родилась я.

Моя мать своимъ умомъ, красотой и способностями льстила самолюбію родителей и, если дѣдушка жалѣлъ лишнихъ тратъ для образованія сыновей, то, наоборотъ, ничего не жалѣлъ для дочери. Она была всесторонне и прекрасно образована, обладала чуднымъ голосомъ, хорошо обработаннымъ, про который знаменитый цѣвецъ Рубини говорилъ, «что у нея милліонъ въ горлѣ». Она слыла красавицей. Роста она была средняго, съ оконечностями пластичной красоты. Небольшая головка съ шелковистыми локонами «à la peige» гордо покоилась на гибкой шеѣ; голубые глаза, тонкій носъ съ горбинкой, небольшой ростъ и прелестные зубы поставили ее въ ряды первыхъ красавицъ.

Достигнувъ условнаго возраста, когда на дѣвицу смотрять, какъ на невѣсту, ее стали вывозить на балы. Но не безпечная жизнерадостность ожидала ее, а жизненныя потрясенія, которыя тяжело отозвались на ея воспріимчивомъ и впечатлительномъ организмѣ.

Только она стала выѣзжать, какъ за ней началъ ухаживать болѣе другихъ С. К. Онъ былъ молодъ, красивъ, талантливъ, хорошо пѣлъ, и музыка послужила первымъ звеномъ къ обоюдной симпатіи. Въ теченіе цѣлой зимы С. К. на всѣхъ балахъ, вечерахъ, прогулкахъ былъ постояннымъ кавалеромъ моей матери и не скрывалъ своего явнаго предпочтенія. С. К. былъ стариннаго дворянскаго рода, съ хорошимъ состояніемъ, и всѣ ожидали объявленія свадьбы съ окончаніемъ зимняго сезона, но пришла весна, разѣха-

лись по деревнямъ, а свадьба объявлена не была. Такъ прошелъ годъ. Наступила вторая зима, и съ нею ухаживанія С. К. возобновились съ прежней настойчивостью. Онъ появлялся вездѣ, гдѣ только предполагалъ возможность встрѣтить мою мать. Общество, видя столь упорное преслѣдованіе, удивлялось, и нѣкоторые члены его, болѣе близкіе къ семьѣ, открыто спрашивали графа Петра Степановича, скоро ли свадьба его дочери. Подошла весна; въ большомъ саду нашего стариннаго родового дома зацвѣла сирень; кадки олеандровъ и лимонныхъ деревъ уже стояли на террасѣ съ колоннами. Собирались въ деревню, но передъ отъѣздомъ графъ рѣшилъ переговорить съ С. К. Вечеромъ онъ пріѣхалъ, какъ всегда. Моя мать сидѣла съ нимъ вдвоемъ на террасѣ, и онъ подъ влияніемъ скорой разлуки говорилъ о своей любви, говорилъ горячо, увлекательно, стараясь своимъ краснорѣчіемъ усилить чувство молодой дѣвушки и окончательно отуманить ей голову до полного забвенія.

— Вы мнѣ все говорите о любви и ни слова о свадьбѣ; такъ болѣе продолжаться не можетъ,—вдругъ сказала ему дѣвушка.

Онъ остолбенѣлъ.

— Вотъ она страшная, вотъ она роковая минута, которой я опасался. Зачѣмъ вы нарушили очарованіе? Зачѣмъ вы смотрите впередъ? Развѣ вамъ не хорошо въ настоящемъ? Зачѣмъ убивать нашу поэзію?

— Я васъ прошу отвѣтить мнѣ, когда вы намѣрены говорить съ отцомъ и просить моей руки?

Онъ молчалъ и блѣднѣлъ.

— Отвѣчайте. Все должно быть рѣшено сегодня.

Онъ колебался и съ отчаяніемъ смотрѣлъ на нее.

— Оставьте, графинюшка, бросьте этотъ вопросъ, умоляю васъ, не мучьте меня, пожалѣйте. Мы такъ счастливы теперь.

— Обвѣнчанные мы будемъ еще счастливѣе.

— Не могу я на васъ жениться, не могу. Я не свободенъ... — стономъ вырвалось у него.

— Не свободны?.. Вы женаты?..

— Нѣтъ, я не женатъ, но все равно я не могу жениться и причину вамъ сказать не могу. Не спрашивайте, не пытайте меня, умоляю, умоляю...

— Въ такомъ случаѣ скажите причину моему отцу. Онъ поручилъ сказать вамъ, что ждетъ васъ въ кабинетѣ. Подите.

Долго длилось для дѣвушки мучительное состояніе ожиданія, но вотъ въ балконной двери показался графъ и за нимъ С. К. Оба казались разстроенными.

— Пашенька, С. К. довѣрилъ мнѣ обстоятельства своей жизни. Онъ правъ, мужемъ твоимъ онъ быть не можетъ, онъ не свободенъ.

Дѣвушка подошла къ отцу, съ выраженіемъ глубокой покорности поцѣловала его руку и сказала:

— Прошу васъ, папенька, оставьте насъ вдвоемъ.

Затѣмъ проговорила тихо, но твердо:

— Теперь проститесь. Затѣмъ, прошу васъ, оставьте нашъ домъ.

Ни просьбы, ни даже слезы отчаянія не могли поколебать принятаго рѣшенія молодой дѣвушки. Она спокойно, но настойчиво, требовала исполненія ея приговора. Онъ умолялъ о разрѣшеніи продлить на нѣсколько дней право ее видѣть, не прерывать все разомъ, но она съ твердостью настояла на своемъ.

На другой день графъ съ семьей уѣхалъ въ деревню.

Не легко было моей матери пережить потерю человѣка, олицетворявшаго ея первую молодую любовь, и, конечно, обманутыя надежды, страданія самолюбія пошатнули ея нервы.

Исторія С. К. была крайне печальна, а впоследствии даже трагична.

Онъ не былъ свободенъ потому, что далъ приближенному лицу, — одной французкѣ, — векселей на сумму свыше своего состоянія. Этими векселями она держала его въ полной кабалѣ и обѣщала ихъ уничтожить только въ случаѣ его согласія на ней жениться, и грозила подать ихъ ко взысканію, если онъ задумаетъ жениться на другой. А въ сороковыхъ годахъ за долги сажали въ тюрьму, и только смерть или уплата долга могли освободить несчастнаго.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и вдругъ пронеслась молва, что С. К. подъ судомъ за убійство французки *m-me Léon*.

Вотъ что случилось.

Попреки, сцены ревности *m-me Léon* повторялись все чаще и становились все бурнѣй; угрозы засадить въ тюрьму теперь уже обуславливались требованіемъ женитьбы. Несчастный С. К. во время одной изъ такихъ сценъ, потерявъ терпѣніе, схватилъ бронзовый канделябръ, швырнулъ его въ голову *m-me Léon*, попалъ въ високъ и убилъ ее на мѣстѣ.

При видѣ мертваго тѣла онъ растерялся и думалъ только о томъ, какъ скрыть свое невольное преступленіе. Съ помощью преданнаго слуги, *m-me Léon* одѣли, посадили въ карету и ночью отвезли на кладбище, гдѣ и бросили ее близъ чьей-то могилы.

Когда ее нашли, то оказалось, что карманъ ея юбки былъ вырванъ съ находящимися въ немъ векселями, которые она всегда носила при себѣ.

С. К. былъ охваченъ безумною надеждой, что припишутъ эту смерть разрыву сердца, и онъ наконецъ окажется свободнымъ.

Но отъ докторскаго глаза не ускользнулъ знакъ на вискѣ, и С. К. былъ обвиненъ въ убійствѣ и преданъ суду.

Въ то время, когда гласныхъ судовъ не существовало, и мнѣнія судей не подвергались нравственному воздѣйствію присяжныхъ, много денежныхъ жертвъ стоило С. К., чтобы судъ призналъ его невиновнымъ въ умышенномъ убійствѣ и присудилъ его только къ духовному покаянію въ монастырѣ.

Разбирательство дѣла длилось чуть ли не два года. За это время мучительной нравственной пытки для С. К. моя мать въ московскомъ обществѣ встрѣтила князя Вяземскаго. Молодые люди полюбили другъ друга, но и тутъ не обошлось безъ серьезныхъ препятствій и кровавой драмы.

Между знакомыми моего отца было семейство Б. Оно состояло изъ г-жи Б., ея дочери Софіи и двухъ сыновей, служившихъ на Кавказѣ. Мой отецъ часто ѣздилъ въ домъ, но никогда не ухаживалъ за Софіей Б., а былъ привѣтливъ и любезенъ, какъ и всѣ свѣтскіе молодые люди. Быть можетъ, его вниманіе къ умной, молодой дѣвушкѣ и было немного преувеличено, но это объяснялось тѣмъ, что онъ зналъ ея пристрастіе къ молодому офицеру М., за котораго она и вышла замужъ, и потому былъ увѣренъ, что она не приметъ его вниманія за попытку ухаживанія. Но г-жа Б. думала иначе. Она считала, не безъ основанія, что для ея дочери предпочтительнѣе быть княгиней Вяземской, чѣмъ женою г-на М., что тутъ ея дочери представляется случай сдѣлать блестящую партію, и что имъ надо умѣло воспользоваться.

Для достиженія цѣли она подъ разными предлогами зазывала отца, оставляла свою дочь съ нимъ наединѣ, отпускала ихъ вдвоемъ прокатиться въ санкахъ и, наконецъ, объявила ему, что онъ скомпрометировалъ ея дочь и долженъ на ней жениться.

Отецъ мой не поддался ловушкѣ и отказался исполнить требованіе г-жи Б.

Въ своемъ бѣшенствѣ за отказъ она сказала, что братья молодой дѣвушки заступятся за честь сестры и принудятъ князя Вяземскаго жениться.

Она дѣйствительно приказала сыновьямъ просить отпускъ въ Москву. Въ то время обмѣнъ корреспонденціи, разрѣшеніе отпуска, путешествіе съ Кавказа до Москвы захватили собой немало времени, за которое возникшее увлеченіе между моимъ отцомъ и матерью перешло въ серьезное чувство.

Во время одного утренняго посѣщенія отца, когда онъ ходилъ, разговаривая съ матерью, по залѣ, въ прихожей раздался звонокъ, и чей-то голосъ спросилъ кн. Вяземскаго. Его вызвали въ прихожую, гдѣ онъ нашелъ двухъ братьевъ Б., пріѣхавшихъ предлагать ему либо жениться на ихъ сестрѣ, либо дать имъ удовлетвореніе.

По свойствамъ характера моего отца угроза не могла привести къ мирному соглашенію. Она повліяла бы въ обратную сторону; подъ угрозой онъ отказался бы жениться, даже, если бы это было первоначально его намѣреніе. Но въ этомъ случаѣ ничего подобнаго не было и быть не могло. Онъ принялъ вызовъ.

До моей матери, оставшейся въ залѣ, долетѣло нѣсколько громко сказанныхъ словъ, и когда мой отецъ вернулся къ ней, она въ безпокойствѣ просила сказать ей всю правду. Рассказавъ все, что

мы уже знаемъ, мой отецъ тутъ же рѣшился просить ея руки, говоря, что ея согласіе будетъ талисманъ, который спасетъ его отъ смерти. Моя мать обѣщала быть его женой, если онъ останется живъ, и раздѣлить его судьбу, даже слѣдовать за нимъ въ Сибирь, если его туда сощлютъ. «Что же,—говорила она,—буду Параша Сибирячка».

При императорѣ Николаѣ I на дуэль смотрѣли, какъ на убійство, и судили дравшихся, какъ преступниковъ.

Условія дуэли были очень тяжелы для отца.

Если судьба пощадитъ его, и пуля старшаго Б. его не убьетъ, то второй Б. долженъ былъ замѣнить брата, такъ что отецъ мой долженъ былъ два раза рисковать жизнью. Во избѣжаніе судебныхъ преслѣдованій каждый изъ нихъ долженъ былъ имѣть при себѣ записку такого содержанія: «никого не винить въ моей смерти, я самъ убилъ себя», и мертвое тѣло должно было, по обоюдному согласію, остаться на мѣстѣ.

У моего отца секундантомъ былъ братъ моей матери, Василій.

Дуэль состоялась въ Петровскомъ-Разумовскомъ, въ одномъ изъ отдаленныхъ уголковъ его громаднаго парка.

Мой отецъ не разъ передавалъ мнѣ подробности дуэли, и я расскажу про нее съ его словъ.

Когда мой отецъ и старшій Б. стали одинъ противъ другого, имѣя по условію право сходиться, мой отецъ выстрѣлилъ на ходу и остановился. Тогда онъ замѣтилъ, что вѣтеръ, дувшій довольно сильно въ спину Б., подымалъ на его груди рубашку пузыремъ. Отецъ былъ увѣренъ, что онъ попалъ Б. въ грудь, но отдѣлившаяся отъ тѣла рубашка не касалась раны, и кровь не коснулась до нея, а Б., видимо, шатался на ногахъ, стараясь цѣлить. Въ это время, слѣдя за его движеніями, мой отецъ подумалъ: «вотъ мертвецъ, который сейчасъ убьетъ живого», и вдругъ Б. потребовалъ отца къ барьеру. Онъ цѣлился долго и съ видимымъ усиленіемъ наконецъ выстрѣлилъ и попалъ отцу въ фуражку, около виска,—одной линіей ближе, и мысль, которая пролетѣла въ умѣ отца, нашла бы свое исполненіе. Послѣ этого послѣдняго напряженія Б. палъ мертвымъ.

Братъ покойника отказался драться, и, оставивъ тѣло, всѣ удалились.

Когда на третій день тѣло Б. было найдено гдѣ-то во рву, въ его карманахъ бумажника не оказалось, гдѣ, кромѣ записки, было, говорятъ, денегъ семь тысячъ рублей. Пропажа этой записки надѣлала много непріятностей моему отцу, который во всемъ этомъ дѣлѣ является жертвой честолюбивой г-жи Б., не пожалѣвшей и родного сына для достиженія своей цѣли—пробиться въ знать черезъ дочь.

Волненіе, страхъ за жизнь моего отца, мучительная неувѣренность объ исходѣ суда надъ нимъ, который длился болѣе года,

сильно потрясли нервы моей матери и положили, хотя и незамѣтно, свою долю яда для будущей психической болѣзни.

Бракъ съ моимъ отцомъ не былъ счастливъ. Сомнѣнія, ревность окончательно разстроили нервы моей матери; она уѣхала за границу и увезла меня съ собой. Мнѣ было три года. До десятилѣтняго возраста я оставалась съ матерью за границей, и только по прїѣздѣ въ Россію я познакомилась съ дѣдушкой. Бабушку, Елизавету Васильевну, я узнала раньше; она прїѣзжала къ матери въ Кобленцъ и пробыла съ нами достаточно времени, чтобы заняться моимъ воспитаніемъ.

У нея были странные приемы и странныя понятія. Она считала, что проявленія желаній или вкусовъ шестилѣтняго ребенка суть только проявленія капризовъ, которые надо искоренять. По ея понятіямъ, ребенокъ этого возраста долженъ быть безличнымъ, безъ стремленій, безъ желаній, въ полномъ подчиненіи у старшихъ до порабощенія собственной мысли. Руководствуясь подобной теоріей дрессировки, она систематично дѣйствовала наперекоръ всѣмъ неосторожно высказаннымъ мною предпочтеніямъ. Я какъ-то сказала, что не люблю краснаго цвѣта, что мнѣ больно глазамъ отъ отъ него. Черезъ нѣсколько дней бабушка облекла меня въ ярко-красное платье съ красной лентой на шляпкѣ. Я имѣла неосторожность признаться, что очень люблю горошекъ съ крүшонами, и мнѣ стали его давать только въ дни особыхъ заслугъ. Я скоро пришла горькимъ опытомъ къ мысли, что откровенность—большая ошибка и даже порокъ. Въ кодексъ воспитанія бабушки входило употребленіе розогъ, которыми она щедро играла по мнѣ только для того, чтобы усмирить всякую могущую проявиться попытку къ самостоятельности. Не удивительно, что я сердечно была рада, когда бабушка уѣхала.

Тѣмъ временемъ нервная болѣзнь матери постепенно ухудшалась, и забота о своемъ здоровьѣ приняла у нея такіе размѣры, что помрачала ея сужденія. Въ ней появилась двойственность: она читала, принимала живое участіе во всѣхъ современныхъ вопросахъ, но когда рѣчь заходила о ея здоровьѣ, она говорила несообразности и теряла всякое самообладаніе. На ея несчастіе, врачъ, которому она довѣрилась, имѣлъ пагубное вліяніе на нее.

Докторъ Сейстъ былъ человѣкъ недобросовѣстный, желавшій захватить въ свои руки богатыхъ больныхъ и не стѣснявшійся выборомъ средствъ, чтобы овладѣть ихъ волей. Онъ принадлежалъ къ иезуитскому ордену, былъ самъ *jesuite de robe courte*, негласный, но дѣйствовалъ въ интересахъ общества, въ смыслѣ захвата лицъ вліятельныхъ и богатыхъ. Онъ видѣлъ въ моей матери новую жертву, подготовленную болѣзненными задатками; видѣлъ ее одиноко стоящую, при ней дочь, которая, хотя теперь еще и ребенокъ, но со временемъ поступленіемъ въ монастырь, своимъ именемъ

и состояніемъ могла служить новымъ доказательствомъ величія ихъ ордена и силы ихъ ученія. Вотъ соображенія, которыми Сействъ сталъ руководиться.

Во всей фигурѣ Сейста была мощь. Это былъ старикъ высокій, плечистый, сѣдой, съ крупными чертами лица и пристальнымъ взглядомъ, всегда одѣтый въ длиннополый сюртукъ, почти что рясу католическаго аббата. При его домѣ въ Кобленцѣ была выстроена башня, гдѣ онъ занимался изученіемъ небесныхъ свѣтилъ, но не съ цѣлью астрономическихъ наблюденій, а для астрологическихъ исчисленій и предсказаній своимъ больнымъ. Такъ, онъ увѣрилъ мою мать, что послѣ долгихъ изысканій онъ наконецъ нашелъ ея звѣзду, и умолялъ ее ничего теперь не предпринимать безъ его совѣта; что всѣ ея дѣйствія должны согласоваться съ состояніемъ звѣзды, съ большимъ или меньшимъ ея блескомъ. Сильный блескъ звѣзды означалъ, что минута благоприятна, а когда звѣзда въ тускломъ состояніи, то ей надо быть весьма осмотрительной въ жизни.

Этимъ открытіемъ моя мать была поработана. Она повѣрила и постепенно дошла до полнѣйшаго отреченія личной воли. Сействъ не только не врачевалъ больного организма своихъ пациентовъ, но съ корыстной цѣлью посягалъ на здравый смыслъ ихъ сужденій. Наука для него не была служеніемъ верховному добру. Онъ не принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, для которыхъ книга, перо, кисть, рѣзецъ служатъ кадиломъ божеству, орудіями служенія истинѣ, добру и красотѣ, совершаемаго тремя элементами нашего духа—разумомъ, волею и чувствомъ. Нѣтъ, онъ былъ далекъ отъ этого; онъ пользовался своимъ развитіемъ, чтобы омрачать умъ другихъ, а цѣль его—захватъ богатствъ.

Открытие звѣзды—«ея звѣзды»—сильно повліяло на строй умозрѣнія матери. Она воображала себя избранницей высшей воли, мышленіе ея сдѣлалось мистическаго свойства легко возбуждаемыхъ натуръ, усвоивающихъ себѣ все, что льститъ ихъ личному стремленію. Съ этого времени вся жизнь этой несчастной женщины состояла исключительно въ заботѣ о своемъ здоровьѣ, и постоянный страхъ смерти привелъ ее въ полный разладъ съ нормальнымъ ходомъ времени. Она боялась свѣта дневного и замѣнила день ночью; ея сутки составляли нашихъ трое сутокъ, что привело и времена года въ разладъ; когда у насъ былъ январь, у нея былъ июль. Она прекрасно сознавала, что по календарю январь, и не требовала отъ другихъ подчиненія ея исчисленію, но съ грустью говорила, что она какъ-то потеряла одинъ день и съ этой минуты не можетъ нагнать время.

Тяжело жилось моей несчастной матери подъ вліяніемъ недобросовѣстнаго врача, а болѣзнь воли не допускала ее стряхнуть съ себя путы интригана.

Сейсть убѣдилъ мою мать, что климать Петербурга для нея смертеленъ, и она буквально подчинилась его мнѣнію. Когда она склонилась на просьбы дѣдушки вернуться въ Россію, получивъ предварительно на это разрѣшеніе Сейста, то во избѣжаніе Петербурга мы ѣхали на лошадахъ отъ Варшавы до Москвы. Желѣзной дороги тогда еще не было. Нескончаемый этотъ путь я повторила съ матерью три раза: первый разъ въ 1858 году, возвращаясь изъ-за границы, затѣмъ черезъ два года, путешествуя снова за границу, и черезъ годъ, т.-е. въ концѣ 1862 года, снова возвращаясь. Путешествіе всегда совершалось зимой, но по календарю матери то было лѣто, и она соотвѣтственно одѣвалась. На ней было кисейное платье, легкая накидка изъ чернаго бархата и соломенная шляпка съ бѣлымъ перомъ и розами. Цвѣтъ ея платьевъ и покрой также былъ опредѣленъ Сейстомъ; она пятнадцать лѣтъ одѣвалась по его указаніямъ: зимою всегда носила синее шелковое платье, которое, придя въ ветхость, замѣнялось точно такимъ же синимъ платьемъ.

Первое путешествіе изъ Варшавы мы совершили подъ лучами кометы 1858 года. Эта комета была громаднхъ размѣровъ и раскинулась по всему небосклону. Ея широкій блестящій хвостъ граціозно изгибался и разливалъ столь яркій свѣтъ, что равнялся по силѣ свѣту солнца, но былъ мягче; въ немъ было что-то таинственное. Зрѣлище было необычайное и чудное, и, когда ночь спускалась на землю, тогда вставала царица свѣта, гордо и величаво раскинувъ свою лучистую ткань. Она царила надъ небомъ и землею; вся звѣздная плеяда потухла и померкла; всѣ свѣтотворныя силы прильнули къ кометѣ; все блѣднѣло передъ нею, и робкое мерцаніе другихъ свѣтилъ только усиливало ея побѣдную красоту. И вотъ подъ благосклоннымъ сіяніемъ столь чуднаго астрономическаго явленія тащился нашъ дормезъ отъ станціи до станціи по большому Варшавскому тракту, пока не дотащился до Москвы.

Путь былъ длиненъ и утомителенъ. Я не пользовалась при остановкахъ на станціяхъ удобствами и комфортомъ моей матери; мнѣ полагалась для ночлега охапка сѣна, на которую, положивъ подъ голову мою маленькую подушку и прикрывшись шубенкой, я ложилась, усталая отъ дороги.

Рада-раदेशенька я была пріѣхать въ Москву, гдѣ меня ждала моя старая няня, теплая комната и удобная чистая постель.

Тутъ только я познакомилась съ дѣдушкой. Я застала его еще бодрымъ старикомъ; онъ былъ невысокаго роста, худощавый брюнетъ съ продолговатымъ лицомъ, чисто выбритымъ, длиннымъ носомъ, черными глазами подъ густыми толстовскими бровями. Дѣдушка носилъ парикъ изъ черныхъ волосъ; движенія его были порывисты; онъ весь страдалъ нервными подергиваніями: вдругъ начинались подергиванія рта, усиленное морганіе глазъ, выламываніе рукъ; иногда онъ и погами продѣлывалъ ненормальныя и неестественныя движенія; имѣлъ массу примѣтъ, привычекъ, вообще, былъ страшный оригиналь.

Онъ былъ глухъ и, какъ всѣ глухіе, преувеличенно возвышалъ голосъ. Утромъ, когда онъ молился Богу, по всему дому раздавалось: «Господи, помилуй мои самарскіе амбары, и поскѣвы, и скоть, и скотный дворъ; Господи, помилуй мои гжатскіе амбары и постройки; Господи, помилуй мои орловскіе поскѣвы отъ градобитія». Просидѣвъ утро въ кабинетѣ за провѣркой отчетовъ по имѣніямъ, онъ прочитывалъ газету и передъ обѣдомъ шелъ на прогулку. Ходилъ онъ всегда по одному направленію, никуда не заходилъ и не любилъ, когда его на улицѣ останавливали: «На то домъ есть, чтобы говорить; выйдешь, чтобы набраться воздуха, а тутъ съ пустыми разговорами лѣзутъ»,—съ досадою брѣзжалъ онъ.

Возвращаясь, онъ останавливался у воротъ и крестился на три стороны, затѣмъ быстро поворачивался, при чемъ правая нога его должна была попасть на какой-то камень. Отъ этой удачи зависѣло благоденствіе всего дня и вечерній выигрышъ въ клубѣ. Если нога не попадала на камень, онъ снова начиналъ креститься, снова быстро поворачивался и, если и на этотъ разъ нога на камень не попадала, то это считалось плохимъ предзнаменованіемъ, и бѣдный, добрый дѣдушка уныло снова принимался за кресты. Между тѣмъ, приказъ былъ такой, что при входѣ графа въ домъ супъ долженъ быть на столѣ и всѣ обѣдающіе въ сборѣ, не то будетъ новая бѣда. Бабушка и я всегда смотрѣли въ окно, чтобы не проглядѣть прихода дѣдушки. Иногда дѣдушкѣ удавалось съ перваго раза попасть ногой на камень; тогда онъ быстрой, помолодѣвшей походкой направлялся въ домъ, а бабушка восклицала: «ну, слава Богу, сегодня будетъ въ духѣ». Но, если его постигала неудача, мы всѣ омрачались. Въ такой день, когда случалось, что только шестая попытка попасть на камень оказывалась удачной, измученный дѣдушка ласкалъ этотъ проклятый камень, тихо и нѣжно проводя по нему носкомъ своего сапога, но за обѣдомъ остерегался плотно покушать и въ этотъ день не восклицалъ, насытившись, какъ то бывало въ дни удачи: «много ли человѣку надо, поѣлъ полчаса безъ отдыха и сытъ». Послѣ обѣда дѣдушка отдыхалъ и затѣмъ отправлялся въ клубъ.

Одно время Англійскій клубъ въ сороковыхъ годахъ заслужилъ себѣ названіе государственнаго совѣта. Тамъ часто рѣшались дѣла сената, оканчивались тяжбы сдѣлками; тамъ выражалась оппозиція генераль-губернатору забаллотированіемъ его любимцевъ; бывали тамъ всякіе толки и пересуды, и всѣ новости и сплетни рождались въ Англійскомъ клубѣ и оттуда ползли въ свѣтъ. Игра велась большая, но дѣдушка игралъ скромно въ табельку и проигрывать не любилъ. Онъ какъ-то разъ запоздалъ и быстро несся по заламъ въ ту отдаленную комнату, гдѣ ждали партнеры его, но вотъ онъ столкнулся съ неизвѣстнымъ господиномъ, обоюдно извинились и разошлись. Въ этотъ вечеръ дѣдушкѣ небывало повезло. Онъ

остался ужасно доволенъ своимъ выигрышемъ и приписалъ его столкновению съ неизвѣстнымъ господиномъ. На другой день, вмѣсто того, чтобы спѣшить къ партіи, онъ бродилъ по заламъ. Его звали, онъ отвѣчалъ: «сейчасъ, сейчасъ», и продолжалъ искать и вдругъ, увидѣвъ вчерашняго незнакомца, налетѣлъ на него, толкнулъ плечемъ и затѣмъ сѣлъ играть. Снова выигралъ. На третій день повторилось то же. Незнакомецъ замѣтилъ преднамѣренные толчки, узналъ фамилію дѣдушки и говорилъ своимъ знакомымъ: «какой, однако, графъ Толстой мстительный. Я какъ-то нечаянно его толкнулъ, и съ этого дня, представьте себѣ, онъ каждый вечеръ караулитъ меня, чтобы толкнуть». Эти наскоки прекратились только послѣ проигрыша дѣдушки.

Утверждаютъ еще, что, садясь за карты, дѣдушка своимъ туловищемъ дѣлалъ всегда крестъ надъ стуломъ.

Болѣзненно возбужденные нервы дѣдушки не выносили рѣзкаго звука, и потому, когда онъ возвращался изъ деревни, передъ вѣздомъ въ городъ, онъ давалъ камердинеру разряжать пистолеты. Самъ выходилъ изъ дормеза, удалялся далеко въ поле, затѣмъ махалъ оттуда носовымъ платкомъ и быстрымъ движеніемъ затыкалъ уши, чтобы не слышать выстрѣла, а камердинеръ стрѣлялъ, когда видѣлъ, что графъ уши заткнулъ. Но кто-то ему сказалъ, что опасно возить съ собой заряженные пистолеты, что отъ сотрясенія выстрѣлъ можетъ быть произвольный; съ тѣхъ поръ дѣдушка возилъ пистолеты незаряженными, а пули и порохъ запиралъ въ привинченные надъ дормезомъ «важи» и пряталъ ключъ въ карманъ... Такимъ способомъ, конечно, всякая опасность была удалена.

Ко мнѣ онъ былъ безконечно добръ, я была его любимицей, и онъ баловалъ меня, какъ только умѣлъ. Привозилъ мнѣ лакомства изъ клуба и два раза въ теченіе зимы возилъ меня въ театръ, при чемъ бралъ ложу. Я говорю, что онъ возилъ меня, потому что бабушку онъ въ ложу не приглашалъ. Мы ѣздили втроемъ: дѣдушка, я и моя няня. Брались конфеты, но на случай, что я могла бы проголодаться, брали также съ собой кусокъ чернаго хлѣба съ солью и бутылку воды. Постоянный страхъ дѣдушки за меня заставлялъ его принимать оригинальныя предосторожности при выходѣ изъ театра, чтобы я не простудилась. Составлялось шествіе, въ которомъ лакей Петръ, гайдукъ громаднаго роста, шелъ впереди; я шла между Петромъ и дѣдушкой, при чемъ шла, пятясь назадъ, буквально прижатая лицомъ къ дѣдушкиной груди, а онъ держалъ полы своей медвѣжьей шубы вытянутыми руками и защищалъ меня отъ дуновенія вѣтерка. За дѣдушкой шла няня и несла остатки конфетъ, хлѣба и воды. Публика разступалась при видѣ нашего шествія и раздѣлялась на двѣ шеренги, чтобы подольше насладиться оригинальностью явленія. Но и эти предо-

сторожности не удовлетворяли заботливости дѣдушки. Онъ придумалъ продолговатый ватный мѣшекъ, родъ капора, который хотѣлъ надѣть мнѣ на носъ, чтобы я не схватила насморка, но я протестовала такъ энергично, что дѣдушка сконфузился и уступилъ. Надо правду сказать, что милый, дорогой дѣдушка стыдливо, неувѣренно предложилъ мнѣ свое изобрѣтеніе, и когда я протестовала, то замѣтила, что ему жаль было признать его негоднымъ.

Тѣмъ временемъ я все присматривалась къ бабушкѣ и немало была удивлена переменѣю въ ея характерѣ. Она была тихая, рабски покорная жена, никогда не высказывалась, ни во что не вмѣшивалась и безшумно вела свое хозяйство. Домъ былъ обширный, старинный, съ мезониномъ о шести комнатахъ, гдѣ жила моя мать; садъ при домѣ былъ большой и надворныхъ строеній много. Въ этомъ домѣ родилась, выросла и умерла моя мать, родилась я и вышла замужъ изъ него.

Я помню, какъ зимой, передъ Рождествомъ, изъ дѣдушкиныхъ помѣстій пріѣзжали обозы съ провизіей. Безчисленное количество тяжело нагруженныхъ подводъ тянулись вереницей, вѣзжали въ ворота, огибали домъ и располагались на обширномъ дворѣ, предъ амбарами, для разборки клади. Маленькія замороженныя клячки, выгибая худую спину, изъ послѣднихъ силъ дотаскивали барскіе запасы на графскій дворъ. Мужикъ изъ почтенія съ непокрытой головой подгонялъ ихъ кнутикомъ, а морозъ былъ лютый; обѣлилъ ему бороду и засѣлъ сосульками въ бровяхъ. Опись присланныхъ запасовъ подавалась бабушкѣ дворецкимъ, который при этомъ велъ и словесный докладъ. Бабушка отдавала приказанія, что пойдѣтъ къ столу, что въ застольную. Это были, въ 1859—1860 году, времена послѣднихъ проявленій крѣпостничества. Домъ былъ переполненъ излишней прислугой; за столомъ, кромѣ подающихъ кушанье, за каждымъ стуломъ стоялъ лакей съ тарелкой въ рукахъ. Всѣ они были одѣты во фраки изъ сѣраго сукна со свѣтлыми пуговицами съ гербами Толстыхъ.

День бабушки начинался съ того, что она приходила въ кабинетъ дѣдушки пожелать ему добраго утра, когда тотъ пилъ чай. При этомъ она входила со словами: «здравствуй, Петръ Степановичъ», и, не подходя къ мужу, садилась около самой двери на низменное сафьянное креслице. Она до старости осталась съ мелкими чертами лица хорошенькой блондинкой, сохранила зубы и цвѣтъ лица, но слезящіяся голубые глаза отъ постоянного употребленія ню ательнаго табака портили общее впечатлѣніе. Она съ покорнымъ видомъ жертвы отвѣчала на вопросы дѣдушки; сама заговаривать не смѣла и ждала обычный отпускъ, который выражался словами: «ну, иди себѣ, Елизавета Васильевна».

Фыркнувъ носомъ, что она всегда дѣлала въ минуты скрытаго неудовольствія, она уходила.

Нельзя теперь было узнать въ ней заграничную бабушку, капризную, деспотичную, приводящую въ исполненіе надъ внучкой свою жестокую теорію дрессировки. Мнѣ было жаль ея, но для блага всей семьи на допредположить, что деспотическая рука дѣдушки, тяготѣвшая надъ ней, спасала насъ отъ многихъ непріятностей.

Подчиненіе бабушки было доведено до невѣроятныхъ размѣровъ. Она сама повѣряла мнѣ воспоминанія первыхъ лѣтъ замужества, какой ужасъ она испытывала, когда появлялся къ ней среди дня камердинеръ дѣдушки со словами: «графъ изволятъ просить ваше сіятельство въ кабинетъ». Она съ трепетомъ входила къ мужу, который принималъ ее не хуже любого восточнаго властелина словами: «ложись, Елизавета Васильевна».

Въ старости она была охотницей поиграть въ карты и уже съ утра, во время посидокъ въ кабинетѣ, докладывала о полученномъ приглашеніи и просила денегъ. Въ своемъ распоряженіи денегъ она не имѣла, хотя принесла въ приданое порядочное состояніе, и для всякаго расхода должна была обращаться къ дѣдушкѣ. На игру онъ отпускалъ ей по три рубля. Вечеромъ, возвращаясь изъ Англійскаго клуба, дѣдушка заѣзжалъ за бабушкой, но не входилъ, а только приказывалъ доложить, что, молъ, «графъ изволили захать», и бѣдная бабушка, не окончивъ игры, бросала карты, извинялась и стремительно уходила. Иногда ей и весело было, и поужинать хотѣлось въ обществѣ, но всеѣмъ надо было пожертвовать и спѣшить въ карету, гдѣ ждалъ ее Петръ Степановичъ. Она боялась его и говорила, что мужа и въ церкви при вѣнчаніи приказано бояться: «жена да убьется мужа», и, лукаво улыбаясь, прибавляла: «а любя, кого захочешь».

Я помню одну сцену на Пасхѣ, гдѣ выразился весь жестокой деспотизмъ дѣдушки.

Бабушка пригласила къ обѣду двухъ племянниковъ, Ильиныхъ, сыновей своего умершаго брата, служившихъ тогда въ Кирасирскомъ его величества полку, и забыла или не посмѣла сказать о своемъ приглашеніи дѣдушкѣ. Мы уже собрались все въ столовой, когда мимо оконъ къ крыльцу подкатила коляска.

— Кто это? Что это?—взволновался дѣдушка.

— Это я, Петръ Степановичъ, пригласила племянниковъ отобѣдать, извини, пожалуйста, всеѣмъ забыла тебя спросить,—заленетала бабушка заискивающе.

— Вонъ! Не принимать, не принимать!—приказалъ онъ дворнику.

А Ильины были уже въ прихожей. Бабушка отъ стыда и ужаса поспѣшила уйти въ гостиную и въ замѣшательствѣ стала смотрѣть въ окно, выходящее въ садъ. Я тоже прижалась къ ней. Дѣдушка пришелъ въ ярость; онъ не признавалъ за бабушкой права самовольно приглашать въ его домъ даже племянниковъ—

онъ былъ хозяинъ. Онъ кричалъ неистово и топалъ ногами. Я въ первый разъ видѣла его въ такомъ возбужденномъ состояніи и не могла отвести глазъ отъ него. И вдругъ онъ, въ порывѣ неудержимаго бѣшенства, схватилъ тяжелое кресло краснаго дерева, высоко поднялъ его и съ силой кинулъ въ бабушку. Она стояла къ нему спиной и не могла видѣть его движенія, но я во время отдернула бабушку въ сторону, и кресло ударилось съ силой о косякъ окна, около котораго за минуту стояла бабушка.

При мнѣ это была единственная сцена въ дѣйствіяхъ. Обыкновенно разгнѣванный тѣмъ либо дѣдушка выражалъ свое неудовольствіе фразой: «*taisez-vous, vous êtes une femme horrible!*» и поворачивалъ спину, тѣмъ и кончалось.

Тѣмъ временемъ моя мать жила своею жизнью на верху, въ мезонинѣ.

Я уже говорила, что она простирала свои сутки на нашихъ трое и превращала день въ ночь. Вставала она въ два часа послѣ полуночи и требовала, чтобы я приходила къ ней пожелать ей добраго утра, и, если я была сонная, невеселая, неразговорчивая, какъ это можно ожидать утромъ отъ хорошо выспавшагося ребенка, то она меня ставила въ уголъ, пока я не повеселѣю. Къ несчастію, мнѣ какъ-то случилось нѣсколько разъ подъ рядъ быть охваченной такой сильной потребностью сна, что не могла ее побороть, и тѣмъ возбудила неудовольствіе моей бѣдной, больной матери. Тогда рѣшили въ тѣ ночи, которыя моя мать считала своимъ утромъ, не допускать меня ложиться въ постель, и я въ ожиданіи ея пробужденія ютилась, лежа калачикомъ на креслѣ въ гостиной.

Разъ дѣдушка, возвращаясь изъ клуба, вошелъ въ гостиную помолиться передъ сномъ и нашелъ меня спавшей въ креслѣ. Можно себѣ представить его недоумѣніе, а когда я на вопросы отвѣтила, что три раза въ недѣлю я въ постель не ложусь, а провожу часть ночи въ креслѣ въ ожиданіи пробужденія матери,—дѣдушка страшно раскричался на няню, какъ она смѣла допустить подобное мытарство и не доложила ему, и строго запретилъ впредь лишать меня сна и постели. Съ этого дня дѣдушка каждый вечеръ, возвращаясь изъ клуба, заходилъ въ мою комнату, чтобы убѣдиться, что я спокойно сплю. Но эта мѣра не спасла меня отъ моихъ дежурствъ. Какъ только дѣдушка, перекрестивъ меня въ постелькѣ, уходилъ къ себѣ, меня подымали, умывали холодной водой, одѣвали, причесывали и, разогнавъ слѣды сна, вели меня здороваться съ матерью и забавлять ее. Дѣдушка никогда не узналъ объ этой новой комбинаціи, а сказать я не смѣла. Здоровье мое, а также и занятія, сильно страдали отъ постоянного чувства усталости, и я росла слабымъ и вѣчно грустнымъ ребенкомъ.

Пока дѣдушка былъ живъ, мнѣ жилось сравнительно хорошо. Меня онъ любилъ, баловалъ и былъ мой заступникъ передъ всѣми, но я потеряла дѣдушку, когда мнѣ было тринадцать лѣтъ.

Ему сдѣлали глазную операцію, которая прекрасно удалась, но затѣмъ открылось кровотеченіе носомъ настолько сильное, что доктора не могли его остановить, и на пятый день дѣдушка тихо скончался.

Никто не замѣтилъ его конца. Смерть была безмятежная, безъ страданій, безъ агоніи—онъ заснулъ.

Послѣ похоронъ дѣдушки моя мать нѣсколько ночей подъ рядъ видѣла одинъ и тотъ же сонъ: дѣдушка приходилъ къ ней и говорилъ: «Пашенька, прикажи разрыть мою могилу, я живъ, я только уснулъ». Въ слѣдующую ночь тотъ же сонъ повторился: «Пашенька, спиши, прикажи открыть могилу, я слабѣю». Мать моя со слезами отчаянія умоляла бабушку открыть могилу, но бабушка не согласилась. «Похоронили, значитъ, умеръ»,—отвѣчала она.—«Это все глупости, все нервы. Отчего я всю жизнь прожила и ни одного сна не видѣла?»

Смерть дѣдушки принесла мнѣ много горя, но бабушка ожила. Когда вскрыли духовное завѣщаніе, ея часть оказалась значительнѣе, чѣмъ она ожидала. Ея личное состояніе было не только не тронуто, но удвоено. Она начала выѣзжать, рядиться, давать вечера и расширила свой кругъ знакомства. Она такъ наивно наслаждалась чувствомъ свободы, что, уже много лѣтъ спустя, когда я была замужемъ и пріѣхала въ Москву навѣстить ее, она послѣ обѣда, усѣвшись на мягкій, широкій диванъ и погрызывая конфеты своими крѣпкими зубами, вдругъ сказала: «Да, Машенька, вотъ я только и живу съ тѣхъ поръ, какъ всѣхъ похоронила, слава Богу». Конечно, она обнаружила чудовищный эгоизмъ; между невольнымъ чувствомъ удовлетворенности, когда пробьетъ часъ освобожденія отъ гнетущихъ условій жизни, и выраженіемъ этого чувства въ столь жестокой формѣ лежитъ пропасть; но она избыткомъ сердца никогда не отличалась, а почти полувѣковое угнетеніе могло ее озлобить. Въ это время въ живыхъ у нея оставался одинъ сынъ въ домѣ умалишенныхъ. Ей казалось естественнымъ не считать его живымъ, такъ какъ со дня заточенія его она ни разу не навѣстила его; его видъ былъ ей непріятенъ, такъ онъ былъ похожъ на Петра Степановича. Она не могла простить мужу, что, благодаря ему, она никогда не жила личной жизнью, а просуществовала подъ прессомъ сорокъ восемь лѣтъ. Послѣ смерти мужа она жила еще 24 года и умерла 88 лѣтъ.

Послѣ смерти дѣдушки я заболѣла скарлатиной. Болѣзнь приняла угрожающіе размѣры, и докторъ, не надѣясь, что я проживу ночь, сообщилъ моей матери объ опасности моего состоянія, но она спокойно отвѣтила: «завтра день моей прогулки, когда я спущусь внизъ, то зайду къ дочери».

— Но ваша дочь можетъ до завтра умереть. Я не ручаюсь за ея жизнь.

— А для меня слишком важенъ правильный ходъ моей жизни. Я не могу отвлечь ни минуты на постороннія дѣла. Мнѣ грозитъ смерть, если я измѣню свой порядокъ. Вы не знаете, какъ важна для меня пунктуальность. Если я потеряю часть или минуту, я на цѣлые года отодвину свое выздоровленіе.

Вся забота ея жизни была направлена на восстановленіе ея здоровья. Все и всё приносились этому великому служенію; все и всё должны были ей содѣйствовать безпрекословно.

Ея умъ былъ постоянно направленъ на изобрѣтеніе новыхъ причудъ. Такъ она лѣтомъ стала топить у себя печи, и когда дрова разгорались, то ихъ заливали водой. Такъ какъ это повторялось ежедневно и въ теченіе всѣхъ зимнихъ мѣсяцевъ по календарю матери, то вода просочилась сквозь полъ, и штукатурка грозила упасть на насъ, жителей нижняго этажа. Въ это же время, лѣтомъ, она носила шубу, въ которой ночью гуляла на Тверскомъ бульварѣ; до бульвара она доѣзжала въ каретѣ, а тамъ ходила пѣшкомъ въ сопровожденіи ливрейнаго лакея съ зажженнымъ фонаремъ въ рукахъ, повѣшеннымъ на жердь.

Но выздоровленіе все не наступало. Тогда вздумалось матери снова ѣхать за границу, и мы вновь потянулись въ дормезѣ отъ Москвы до Варшавы.

Снова пріѣхали въ Кобленцъ; поселились, какъ всегда, въ гостиницѣ, и снова начались ежедневныя посѣщенія доктора Сейста.

Во второй нашъ пріѣздъ Сейстъ, кромѣ заботы потакать всѣмъ причудамъ моей матери, старался и меня подчинить своей власти. «Я» въ это время и составляла его главный объектъ.

Онъ приставилъ ко мнѣ гувернантку, ярую католичку, и я подвергалась страшной нравственной ломкѣ. Съ удивительнымъ терпѣніемъ, знаніемъ, настойчивостью, *m-elle Wegner* вліяла на мое воображеніе. Я росла одиноко. Подъ предлогомъ болѣзни матери, не выносящей шума, знакомыхъ и подругъ у меня не было. Я скучала, грустила, и этимъ настроеніемъ пользовалась *m-elle Wegner*, чтобы залугивать меня моимъ будущимъ. Она убѣждала меня перейти въ лоно католичества, которое съ обѣятіями радости приметъ и успокоитъ мое одинокое сердце. Католическая церковь замѣнитъ мнѣ семью. Она предсказывала мнѣ страшныя испытанія и ужасы и совѣтовала укрыться отъ моей судьбы поступленіемъ въ монастырь. Православной церкви не было въ Кобленцѣ, и я была лишена наставленій религіи и до десятилѣтняго возраста православнаго богослуженія не видала и знала одну только молитву «Отче нашъ». За кратковременное наше пребываніе въ Россіи не нашли нужнымъ дать мнѣ законоучителя. Мнѣ преподавалъ катихизисъ «между прочимъ» какой-то студентъ, дававшій мнѣ уроки словесности, и такъ какъ въ семьѣ религіозны не были, то меня въ церковь не водили. Но, видно, сильно билось русское сердце въ моей дѣтской груди, что оно отстояло себя.

Я ходила съ m-elle Werneg въ католическую церковь, въ монастыри, къ разнымъ аббатамъ, которые отечески ласково меня принимали, одаривали меня молитвенниками и картинками съ изображеніями святыхъ, — но все это не проникало въ мой внутренній міръ. Я только внѣшне уступала назойливости моей гувернантки, и мнѣ было совѣстно за эту уступку, — тутъ было отчасти предательство моего «русскаго Бога».

Продолжалось это годъ. Мучительное это было время для меня. Мою больную мать я видѣла рѣдко — разъ въ двѣ-три недѣли, и при этомъ одинокая тупая борьба съ фанатиками, которые терпѣливо и постепенно подтачивали почву подо мной. Догматическаго спора я вести не могла. Мнѣ нечѣмъ было отвѣчать гувернанткѣ на ея доводы; я только была сильна своимъ чувствомъ. Между нами была та разница, что она знала мое одиночество, а я его чувствовала, и потому всѣми фибрами любви держалась своего Бога.

Узнавъ отъ Сейста, что моя мать совѣтовалась съ нимъ, не лучше ли ей снова ѣхать въ Россію, m-elle Werneg въ страхъ, что начатое дѣло можетъ остаться неоконченнымъ, стала дѣйствовать энергичнѣе. Утромъ, когда начинался благовѣстъ въ киркѣ, она меня будила и съ театральными жестами, съ крикомъ, требовала, чтобы я слѣдовала за ней: «Пойдемте со мной, вставайте. Слышите вы этотъ колоколь? Онъ призываетъ васъ, онъ давно васъ зоветъ. Сбросьте вашу глухоту и смягчите сердце — онъ спасти васъ хочетъ отъ ужасной жизни, которая ожидаетъ васъ. Наша единственная, святая церковь открываетъ вамъ свои объятія. Въ монастырѣ ваше мѣсто, а не въ свѣтѣ. Вы не можете оставаться долѣе съ вашей несчастной матерью. Что будетъ съ вами, когда вы подрастете? Вы должны погибнуть. Одно спасеніе для васъ — монастырь и молитва».

И на этотъ ладъ она меня мучила, спать не давала, надѣясь сломать мою волю, когда мой организмъ ослабѣетъ. Тутъ помогло мнѣ одно обстоятельство. Моя мать вдругъ пожелала ѣхать въ Висбаденъ и тамъ, въ нашей чудной церкви, воздвигнутой великой княгиней Еленой Павловной, приобщиться Святыхъ Тайнъ. Это неожиданное желаніе показалось мнѣ чудомъ. Я усмотрѣла въ немъ награду, посланную небомъ за мою стойкость.

Приѣхавъ въ Висбаденъ, моя мать попросила къ себѣ священника, которымъ въ то время былъ всѣми чтимый отецъ Янышевъ, и въ разговорѣ съ нимъ объяснила цѣль своего приѣзда.

— Отлично, — отвѣтилъ пастырь, — доброе дѣло, милости просимъ завтра къ обѣднѣ, затѣмъ отстоите всенощную, а за слѣдующей обѣдней приобщитесь Святыхъ Тайнъ.

— Но я, батюшка, стоять не могу. Я слишкомъ слаба ногами.

— Можете и посидѣть. Но вы на гулянье вѣдь выходите?

— Да, выхожу, но только для моего здоровья.

— Святыя Таинства—высшее лѣкарство для духовнаго, а также и для тѣлеснаго здоровья для того, кто съ вѣрою въ сердца къ нимъ приступаетъ.

— Знаю, батюшка, но мое здоровье такъ плохо, что я въ церковь прійти не могу и прошу васъ, батюшка, приобщить меня на дому.

Батюшка серьезно, пристальнымъ взглядомъ своихъ голубыхъ глазъ всмотрѣлся въ мою мать и сказалъ:

— Мнѣ кажется, княгиня, что вы предаетесь слишкомъ большимъ заботамъ о своемъ здоровьѣ и многимъ готовы пожертвовать для личной пользы. Я вижу васъ сидящей въ гостиной; видъ у васъ здоровый; вы даже тучны, двигаетесь свободно, и вдругъ вы отказываетесь посѣтить храмъ Божій. Извините, но я не могу согласиться на вашу просьбу.

— Но, батюшка, я не могу быть въ церкви, вѣрьте, не могу; я этимъ нарушу свой порядокъ; я могу умереть отъ этого. Вы должны приобщить меня Святыхъ Тайнъ на дому, если это мое желаніе.

— Нѣтъ, я не долженъ служить прихотямъ... Приобщаются на дому умирающіе, а разъ вы ходите, гуляете, — вы должны посѣтить храмъ Божій.

— Но вы не имѣете права отказывать мнѣ. Вы—священникъ, и вы же не допускаете желающаго къ св. причастію. Берегитесь, этотъ отказъ можетъ имѣть дурныя послѣдствія для васъ.

Наступило молчаніе. Отецъ Янышевъ укоризненно поглядывалъ на мою мать, молча всталъ и удалился.

Я бросилась за нимъ, потрясенная этой сценой. Онъ замѣтилъ меня, тихо улыбнулся, положилъ свою руку на мою голову, взглядылся въ мое лицо, въ мои глаза, изъ которыхъ текли слезы, и благословилъ меня. Отъ этой ласки, полной нѣмого сочувствія, я разрыдалась окончательно.

Какъ я ни просила мать позволить мнѣ говѣть, она не согласилась. Въ отказѣ она сослалась на то, что отецъ Янышевъ оскорбилъ ее, и дочь не должна итти туда, гдѣ оскорбили мать.

На другой день мы уѣхали, но я навсегда сохранила теплое чувство къ отцу Янышеву.

Мы скоро уѣхали въ Россію.

Въ общей сложности я провела съ матерью десять лѣтъ за границей, и всѣ эти годы мы постоянно жили въ гостиницахъ, перекочевывая изъ одной въ другую. Эта жизнь въ чужихъ стѣнахъ ужасна. Жить годами въ чужой банальной обстановкѣ, гдѣ вдыхаешь съ воздухомъ пыль и міазмы до васъ жившаго тутъ неизвѣстнаго индивидуума, пришедшаго сюда нигдѣсь откуда со своимъ внутреннимъ міромъ и внѣшними привычками. Этотъ индивидуумъ часъ тому назадъ оставилъ это наемное помѣщеніе, а теперь вы входите въ тѣ же стѣны, гдѣ въ воздухѣ еще носятся неостывшее

дыханіе и неразсѣяныя мысли этого неизвѣстнаго. Нельзя назвать жизнью подобное существованіе. Оно душитъ въ своемъ зародышѣ всякую попытку къ личной жизни; всякое умственное развитіе мретъ подъ вліяніемъ окружающей банальности; духовная жизнь не можетъ быть достаточно сильна, чтобы пробить эту сгущенную давящую атмосферу пошлости, стать выше этой обстановки, вѣчно состоящей изъ дивана, двухъ креселъ, четырехъ стульевъ, комода, зеркала, умывальника, кровати и лубочныхъ картинъ. И эта жизнь длилась годами и захватила лучшіе годы моего дѣтства, въ которые надо же воспитать себя хоть какънибудь. Какъ жить потомъ, не имѣя за душой какогонибудь багажа? Безъ ясныхъ принциповъ, безъ уваженія чегонибудь, безъ любви къ чемунибудь, безъ истинной вѣры, а только со смутнымъ стремленіемъ. Умъ безъ содержанія, сердце безъ любви, будущее безъ цѣли. Трудно вступать въ жизнь съ такимъ хаосомъ отрицанія, а еще труднѣе, столкнувшись съ суровой стороною жизни, сдѣлать искаженное «я» человѣкомъ. Много обмана, много горечи и горя надо испытать, чтобы научиться жить—жить безъ самообмана.

Такъ какъ вся жизнь моей матери была подъ постояннымъ наблюденіемъ Сейста, съ которымъ, въ бытность въ Россіи, велась переписка, то для мелкихъ, непредвидѣнныхъ случаевъ она обращалась въ Москвѣ къ одному изъ мѣстныхъ врачей. Конечно, онъ избирался изъ тѣхъ, которыхъ называютъ «*médecin complaisant*», изъ не имѣющихъ собственнаго мнѣнія и прописывающихъ лѣкарство подъ диктовку больной. Но одинъ врачъ, чтобы сложить съ себя отвѣтственность, предупредилъ мою мать, что она рискуетъ умереть отъ ожирѣнія сердца, если она не измѣнитъ образа жизни. Она была толста до безобразія; ничего не оставалось въ ней отъ прежней поэтической красоты. Тройной подбородокъ, одутловатое лицо съ желтизной, коротко остриженные и гладко причесанные волосы дѣлали ее неузнаваемой. Конечно, она ничего не измѣнила въ своихъ пятнадцатилѣтнихъ привычкахъ, и вотъ, просидѣвъ по обыкновенію семь часовъ за обѣденнымъ столомъ, она легла отдохнуть на диванъ, гдѣ ей подстилалась тысячная шуба чернубурой лисицы, но вскорѣ ея горничная услышала звонокъ и, когда она вошла, то нашла мою мать лежащею съ искаженнымъ лицомъ и невладеющею языкомъ. Она движеніемъ руки показала, что хочетъ писать. Ей подали бумагу и карандашъ, но рука уже не слушалась ея. Промучившись, со страшнымъ хрипомъ, она скончалась черезъ нѣсколько часовъ. Эта несчастная жертва тяготящей наследственности умерла совершенно одинокой. Ея мать была въ деревнѣ, а я была замужемъ и жила на югѣ Россіи. Она скончалась 15-го іюля 1867 года, почти наканунѣ новой поѣздки за границу.

Невообразимо жаль столь глубоко несчастное существо, такъ щедро одаренное природой, съ добрымъ сердцемъ, великодушными

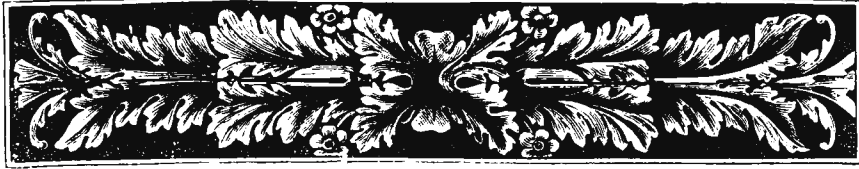
порывами, талантами, но съ элементомъ большого ума, который все искажалъ и постепенно довелъ молодой, сильный организмъ до полного разрушенія.

Въ семействахъ графовъ Толстыхъ всѣ женщины отличаются красотой, высокимъ ростомъ и стройностью; всѣ прекрасно одарены, даже талантливы. Мужчины, за малыми исключеніями, ростомъ не высоки и некрасивы; многіе одарены до гениальности, затѣмъ дѣлятся на мало одаренныхъ и на психически больныхъ. Въ каждой семьѣ каждаго поколѣнія есть психически больной, и это грустное явленіе повторяется вѣками.

Въ семьѣ живетъ повѣріе, что проклятіе царевича Алексѣя тяготѣетъ надъ родомъ до двадцать пятаго его поколѣнія. Эта вѣра въ силу проклятія трогательна по своей наивности и такъ и дышитъ средневѣковой эпохой, далеко отбрасывая отъ себя всѣ научныя изслѣдованія наслѣдственности. Если за всѣ злодѣянія, по исторіи содѣянные, потомки преступныхъ лицъ были бы наказаны умопомѣшательствомъ, много ли было бы семей вполне здравыхъ умомъ?

М. Назимова.

ЦЕНзуРА ВЪ ЭПОХУ ВЕЛИКИХЪ РЕФОРМЪ ¹⁾.

(1855—1875 гг.).

Очеркъ второй.

Кончина императора Николая I-го.—Записка Погодина «О царскомъ времени».—Новая инстанція—общее мнѣніе.—Гласность въ предѣлахъ благоразумной осторожности.—Оживленіе журналистики.—Безденежье и бесодержательность новыхъ журналовъ.—«Чиновникъ» Соллогуба.—«Обличительное» направленіе.—Князь П. А. Вяземскій во главѣ цензуры.—«Великій хаосъ въ ней!»—Панинъ, Брокъ и Чевкинъ.—Реакція 1858 г.—Статья Кавелина и злословія «Современника».—Гласность по вопросамъ финансоваго вѣдомства.—Появленіе уличныхъ листовъ.—Гоненіе на нихъ.—Запрещеніе слова «прогрессъ».—Возстановленіе «негласнаго комитета».—«Пѣнящееся» юношество.—«Свистокъ» и Розенгеймъ.—Письмо о цензурѣ Тютчева.—«Почетный караулъ».—Неудача «негласнаго» комитета и вторичное его упраздненіе.—«Дурное направленіе» гласности.—Переходъ карательной цензуры въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ.—Раздвоеніе цензуры.—Вилуевъ и Головинъ.—Реакція 1862 г.—О чемъ говорила печать съ 1855 по 1862 г.?—«Колоколь» Герцена.—Его значеніе и упадокъ.—Появленіе «передовыхъ статей» въ 1862 г.—Павелъ Якушкинъ «сидитъ въ части за любовь къ народности».—Катковъ провозглашаетъ «начало свободы».—Молчаніе печати въ день объявленія «воли».—Общая характеристика литературныхъ направленій разсмотрѣннаго періода.

I.

ВЪ ПЕРВОМЪ часу дня, 18-го февраля 1855 года, скончался императоръ Николай I-й, и 5-го марта былъ погребенъ.

Историкъ Погодинъ подалъ молодому государю Александру Николаевичу сейчасъ же его воцареніи записку о «Царскомъ времени».

«Время царское дороже всего на свѣтѣ,—говорилъ онъ.—Оно должно быть берегаемо и соблюдаемо до послѣдней минуты для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ государственныхъ, для размышленія о существенныхъ предметахъ управленія».

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIX, стр. 880.

«Занимать царя частностями и подробностями, развлекать формами и церемоніями есть величайшее гражданское преступленіе».

«Несчастная система, низведшая во гробъ, вмѣстѣ съ внѣшними неожиданными ударами, покойнаго императора Николая Павловича! Въ порывѣ неограниченнаго своего усердія ко благу отечества онъ хотѣлъ дѣлать все самъ»...

«Первая... задача государственному совѣту въ наше время—разобрать и опредѣлить, какія дѣла должны быть представляемы на высочайшее воззрѣніе, и какія, безъ малѣйшаго нарушенія самодержавной власти, могутъ быть рѣшаемы разными отдѣльными высшими вѣдомствами».

«Вторая задача—опредѣлить, въ какой степени можетъ быть допущена гласность, въ видахъ предохраненія правительственныхъ и прочихъ рѣшеній отъ произвольности и учрежденія надъ ними новой необходимой инстанціи—бдительнаго общаго мнѣнія, безъ котораго само правительство остается часто во тьмѣ. Эта гласность, въ предѣлахъ благоразумной осторожности, доставить... средство узнавать людей»¹⁾.

24-го августа 1855 г. началось послѣднее бомбардированіе Севастополя, продолжавшееся три дня...

27-го августа въ 10 часовъ пополудни князь М. Д. Горчаковъ отправилъ къ государю слѣдующую депешу:

«Войска вашего императорскаго величества защищали Севастополь до крайности, но болѣе держаться въ немъ за адскимъ огнемъ, коему городъ подверженъ, было невозможно... Враги найдутъ въ Севастополѣ однѣ окровавленныя развалины».

Окончилась кровавая одиннадцати-мѣсячная эпопея!

Такимъ образомъ, моментъ отдачи Севастополя совпадаетъ съ моментомъ сознанія необходимости «гласности», «въ предѣлахъ благоразумной осторожности», «новой инстанціи—бдительнаго общаго мнѣнія».

«Вся эта страшная севастопольская исторія случилась какъ-то вдругъ, неожиданно; неожиданно началась война, неожиданно палъ Севастополь; но когда эта громада пала, когда оказалось, что Россія не имѣетъ ни денегъ ни людей, чтобы продолжать борьбу; когда двѣ такія неожиданности, какъ смерть императора Николая (18-го февраля) и павшій Севастополь (27-го августа), точно два громовыхъ удара повторились одинъ за другимъ, Россія точно проснулась отъ летаргическаго сна»²⁾.

Тогда всѣми, сверху донизу, овладѣлъ одинъ общій жизненный порывъ, въ началѣ инстинктивный, какъ глубокій вздохъ

¹⁾ Историко-политич. письма и записки. М. 1874. 310—313.

²⁾ Н. В. Шелгуновъ. Соч., т. II-я. Спб. 1891. Стр. 639.

послѣ летаргическаго сна, какъ первое свѣтлое пробужденіе послѣ горячки; но затѣмъ, послѣ бессознательнаго, инстинктивнаго душевнаго движенія, является понемногу свѣтлое состояніе сознанія; въ каждомъ и во всѣхъ пробудилась критическая мысль, каждый и всѣ начали думать.

6-го декабря 1855 г. былъ уничтоженъ бутурлинскій «негласный» комитетъ.

Оживленіе общественной мысли обнаружилось закипѣвшей издательской дѣятельностью.

«Еще никогда не бывало въ Россіи такой массы листовъ, газетъ и журналовъ, какая явилась въ 1856—1858 годахъ. Изданія являлись, какъ грибы, хотя точнѣе было бы сказать, какъ водяные пузыри въ дождь, потому что какъ много ихъ появлялось, такъ же много и исчезало. Одними объявленіями объ изданіяхъ можно было бы оклеить башню московскаго Ивана Великаго. Изданія были всевозможныхъ фасоновъ, размѣровъ и направленій, большія и малыя, дешевыя и дорогія, серіозныя и юмористическія, литературныя и научныя, политическія и вовсе не политическія. Появлялись даже летучіе, уличные листки»¹⁾.

Впрочемъ, качественное достоинство журналистики далеко не отвѣчало его количественной объемистости:

«Нынче у насъ расплодилось масса періодическихъ изданій. Пересматривать всѣ становится просто непосильнымъ, да, правду сказать, и бесполезнымъ трудомъ. Всѣ эти изданія не даютъ ничего новаго. Умственными кормильцами общества попрежнему остаются: «Русскій Вѣстникъ», «Отечественныя Записки», «Современникъ», «Библіотека для Чтенія», а изъ газетъ—«С.-Петербургскія Вѣдомости»²⁾.

Необходимо оговориться: свидѣтельство Шелгунова о «массѣ листовъ, газетъ и журналовъ» въ 1856—1858 г.г. не точно. Послѣ застоя николаевской эпохи общее оживленіе начала новаго царствованія естественно въ воспоминаніи очевидца, пережившаго громадное впечатлѣніе перемѣны, приняло гинерболическіе размѣры. На самомъ дѣлѣ точныя цифры не слишкомъ велики. Такъ, по указателю г. Лисовскаго, въ 1856 г. было разрѣшено всего десять новыхъ изданій, изъ нихъ половина (пять)—спеціальныхъ (Записки Виленской археологической комиссіи; Записки Сибирскаго отдѣла И. Г. О.; Протоколы засѣданій общ. русскихъ врачей; «Музыкальный и Театральный Вѣстникъ» М. Раппапорта и «Художественный журналъ для юношества»). Изъ остальныхъ три изданія совершенно незначительныя: «Живописная Библіотека» Ксенофонта Полевого и «Сынъ Отечества» подъ редакціей Старчевскаго, изда-

¹⁾ Шелгуновъ. Воспоминанія. Стр. 652.

²⁾ 23-го января 1859 г. Дневникъ Никитенка, II, 126.

нія еженедѣльные; наконецъ полубульварное «Собраніе иностранныхъ романовъ» Ахматовой.

Изъ собственно принадлежащихъ литературѣ основаны въ 1856 г. два журнала и оба въ Москвѣ: «Русская Бесѣда» А. И. Кошелева и Т. И. Филиппова и «Русскій Вѣстникъ» М. Н. Каткова. Въ Петербургѣ въ этомъ году ничего серьезнаго основано не было. Въ 1857 г. были основаны Енисейскія, Иркутскія, Тобольскія и Томскія Губернскія Вѣдомости и одиннадцать специальныхъ изданій («Училище благочестія», «Сандрильона» и «Сѣверный Цвѣтокъ»—журналы модъ, «Инженерный журналъ», «Извѣстія императорскаго археологическаго общества», «Библиотека медицинскихъ наукъ» д-ра Хана и нѣкоторыя другія. Затѣмъ явились попытки новыхъ газетъ и журналовъ, кончившіяся ничѣмъ: «Журналъ для акціонеровъ» К. В. Трубникова; «Молва»; «Литературная газета»; «Общезанимательный Вѣстникъ», «Золотое руно»; еженедѣльная газета золотопромышленности; «Посредникъ», газета «промышленности, хозяйства и реальныхъ наукъ» (вышло 151 №№). Изъ серьезныхъ изданій надо упомянуть «Экономическій указатель» Вернадскаго, «Педагогическій Вѣстникъ» Н. Вышнеградскаго и «Листокъ знакомыхъ», «журналъ каррикатуръ съ литературными приложеніями» Н. А. Степанова, безсрочно вышли 12 №№. Вотъ и все. Наконецъ въ 1858 г. возникло до 19 специальныхъ изданій. Изъ собственно литературныхъ возникъ «Атеней» Е. Ф. Корша, прекратившійся съ апрѣльской книжкой 1859 г.; «Библиографическія Записки» Аванасьева, просуществовавшія 1858, 1859 и послѣ перерыва 1861 г.—оба изданія погибли «въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики». Основался «Журналъ землевладѣльца», котораго вышло 24 №№; еженедѣльная «Русская газета» выпустила за два года 8 №№; выходили еще «Листокъ для всѣхъ», «газета реальныхъ знаній», и «Промышленный листокъ». Имѣла успѣхъ издававшаяся до 1863 г. включительно «Иллюстрація», «всемирное обозрѣніе», Вл. Зотова и Н. С. Курочкина, сыгравшая извѣстную роль. Наконецъ Плюшаръ принялъ подъ редакціей О. И. Сенковскаго и Як. Ив. Григорьева «Весельчакъ», «журналъ всякихъ разныхъ разностей свѣтскихъ, литературныхъ, художественныхъ и иныхъ» (1858—1859 г.). Появленіе «Весельчака» вызвало множество подражаній—такъ называемыхъ «уличныхъ листовъ». Въ 1859 г. основано до 20 специальныхъ изданій; затѣмъ вышло два номера «Паруса» и двѣ книжки «Московскаго Обозрѣнія». Основаны провинціальныя газеты: «Кіевскій Телеграфъ», «Кронштадтская Газета», «Остзейскій Вѣстникъ» и три прочныхъ литературныхъ изданія: «Развлеченіе» «Искра» и «Русское Слово». Итакъ въ общемъ журналистика оживилась, но все-же не такъ, какъ представляется Шелгунову. Ивана Великаго не только объявленіями о нихъ, но, пожалуй, и полными экземплярами нельзя было бы оклеить!

Предложеніе во всякомъ случаѣ превышало спросъ, и уже отъ 22-го ноября 1861 года Никитенко отмѣчаетъ: «Многимъ журналамъ и газетамъ на будущій годъ угрожаетъ банкротство. Такъ плохо идетъ подписка. Ни у кого нѣтъ денегъ» (Дневникъ, II, 295). Это стремленіе издавать журналы, столь многихъ тогда обуявшее, отмѣчено и Писемскимъ въ «Взбаламученномъ морѣ». Въ юмористическомъ свѣтѣ описываетъ тогдашнее литературное оживленіе Достоевскій въ «Бѣсахъ»:

«Она позвала литераторовъ, и къ ней ихъ тотчасъ же привели во множествѣ. Потомъ уже приходили и сами, безъ приглашенія; одинъ приводилъ другого. Никогда еще она не видывала такихъ литераторовъ. Они были тщеславны до невозможности, но совершенно открыто, какъ бы тѣмъ исполняя обязанность. Иные (хотя и далеко не все) являлись даже пьяные, но какъ бы сознавая въ этомъ особенную, вчера только открытую, красоту. Все они чѣмъ-то гордились до странности. На всѣхъ лицахъ было написано, что они сейчасъ только открыли какой-то чрезвычайно важный секретъ. Они бранились, вмѣняя себѣ это въ честь. Довольно трудно было узнать, что именно они написали; но тутъ были критики, романисты, драматурги, сатирики, обличители... Говорили объ уничтоженіи цензуры и буквы ъ, о замѣненіи русскихъ буквъ латинскими, о вчерашней ссылкѣ такого-то, о какомъ-то скандалѣ въ Пассажѣ, о полезности раздробленія Россіи по народностямъ съ вольною федеративною связью, объ уничтоженіи арміи и флота, о возстановленіи Польши по Днѣпръ, о крестьянской реформѣ и прокламаціяхъ, объ уничтоженіи наслѣдства, семейства, дѣтей и священниковъ, о правахъ женщины, о домѣ Краевского, котораго никто и никогда не могъ простить господину Краевскому, и пр. и пр. Ясно было, что въ этомъ сбродѣ новыхъ людей много мошенниковъ, но несомнѣнно было, что много и честныхъ, весьма даже привлекательныхъ лицъ, несмотря на нѣкоторые все-таки удивительные отѣнки. Честные были гораздо непонятнѣе безчестныхъ и грубыхъ; но неизвѣстно было, кто у кого въ рукахъ. Когда Варвара Петровна (богатая провинціалка) объявила свою мысль объ изданіи журнала, то къ ней хлынуло еще больше народу, но тотчасъ же посыпались въ глаза обвиненія, что она капиталистка и эксплуатируетъ трудъ. Безцеремонность обвиненій равнялась только ихъ неожиданности».

II.

Никитенкѣ казалось, что «настала пора положить предѣлъ этому страшному гоненію мысли, этому произволу невѣждъ, которые дѣлали изъ цензуры стѣвзжю и обращались съ мыслями, какъ съ ворами и пьяницами» (20-го марта 1855 г.). «Теперь только открывается, какъ ужасны были для Россіи прошедшія 29 лѣтъ.

Администрація въ хаосѣ; нравственное чувство подавлено; умственное развитіе остановлено; злоупотребленіе и воровство выросли до чудовищныхъ размѣровъ. Все это плодъ презрѣнія къ истинѣ и слѣпой вѣры въ одну матеріальную силу» (6-го октября того же года). Занося въ дневникъ, что Клейнмихель, у котораго ума было настолько, чтобы быть надзирателемъ тюрьмы, а судьба сдѣлала изъ него всевластнаго вельможу, при всеобщей радости, «паль и уничтожился», Никитенко отмѣчаетъ, что въ обществѣ начинается прорываться стремленіе къ лучшему порядку вещей. «Многіе у насъ теперь,—пишетъ онъ,—даже начинаютъ толковать о законности и гласности, о замѣнѣ бюрократіи въ администраціи болѣе правильнымъ отправленіемъ дѣлъ. Лишь бы все это не испарилось въ словахъ!.. До сихъ поръ мы изображали въ Европѣ только огромный кулакъ, которымъ грозили ея гражданственности, а не великую силу, направленную на собственное усовершенствованіе и развитіе» (16-го октября 1855 г.).

Благодаря либеральному направленію нѣкоторыхъ цензоровъ и вѣдомствъ, въ печать начало попадать болѣе жизненныхъ вопросовъ. Но вѣдь предварительная цензура все же разсматривала каждую написанную строку.

Послѣ упраздненія «негласнаго» комитета видимъ ежегодные потуги что-то сдѣлать, долгое время ровно ни къ чему не приводящія. Въ апрѣлѣ 1855 г. рѣшено отставить старыхъ цензоровъ—Елагинъ завѣдывалъ прежде у Шихматова конюшнею, Ахматовъ сдѣланъ былъ цензоромъ въ возмѣщеніе долга ему начальника и т. п.—и опредѣлить новыхъ просвѣщенныхъ людей. Никитенко представляетъ записку о цензурѣ для представленія при личномъ докладѣ министра государю, составляетъ проектъ наставленій цензорамъ, въ которомъ «произволъ цензоровъ обузданъ, литературѣ данъ просторъ и указаны мѣры противъ злоупотребленій». Какой же результатъ? Ровно никакого. Дѣло о цензурѣ застряло въ канцеляріи.

29-го февраля слѣдующаго 1856 г. на домашнемъ спектаклѣ у великой княгини Маріи Николаевны давали пьесу графа Соллогуба «Чиновникъ», первую тенденціозную пьесу «обличительнаго» направленія.

Государь сказалъ Плетневу:

— Не правда ли, пьеса очень хороша?

— Она не только хороша, ваше величество,—отвѣчалъ Плетневъ,—но составляетъ эру въ нашей литературѣ. Въ ней говорится о состояніи нашихъ общественныхъ нравовъ то, чего прежде нельзя было и подумать, не только сказать во всеуслышаніе.

— Давно бы пора говорить это,—замѣтилъ государь.

Въ пьесѣ идеальный чиновникъ Надимовъ заявлялъ, что на всю Россію надо крикнуть: пора «искоренить зло съ корнями», т.-е. взяточничество.

За «Чиновникомъ» появилась комедія Львова «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей». Ее запретили въ Москвѣ, а въ Петербургѣ вѣдѣно было давать ее рѣже. Публика отъ нея была въ восторгѣ. Власти осыпали Львова похвалами и въ то же время гнали пьесу со сцены.

Такимъ образомъ, въ началѣ 1856 года «обличительное» направление было одобрено словами государя. Съ этого момента оно начинаетъ развиваться въ видѣ обличенія разныхъ непорядковъ. Хотя не должно забывать, что каждое «обличеніе» появлялось въ печати не прежде, какъ пройдя строжайшую цензуру того вѣдомства, котораго касалось. Иными словами, въ сущности, вѣдомства сами себя обличали, поощренныя къ тому словами государя: «Давно бы пора говорить это!» Но поощреніе «обличительному» направлению было спорадическое; оно не переходило въ сущности въ открытую «гласность», хотя бы и «въ предѣлахъ благоразумія». Положеніе цензуры было прежнее.

Никитенко отмѣчаетъ вечеръ у Кавелина, гдѣ были Дмитрій Алекс. Кавелинъ, Ешевскій, Капустинъ. Читался проектъ Кавелина объ освобожденіи крестьянъ посредствомъ выкупа съ землей. Но тутъ же подводилъ грустный итогъ трехлѣтнихъ сношеній съ министромъ Норовымъ. Онъ убѣждалъ дать разумное и сообразное съ требованіями просвѣщенія направленіе цензурѣ, для чего замѣнить неспособныхъ цензоровъ способными и дать имъ въ дополненіе къ уставу наказъ, который, предлагая имъ, по возможности, опредѣленные руководящія правила, обуздывалъ бы ихъ произволь и давалъ бы больше простора литературѣ. Что же выходило? Канцелярія, точно крючьями, оттягивала осуществленіе этихъ идей и повергала ихъ въ тьму кромѣшную, а министръ поговорить, поговорить — и довольно.

Въ февралѣ 1857 года поэту-арзамасцу, князю П. А. Вяземскому, было поручено главное наблюденіе надъ цензурой.

Вяземскій просилъ Никитенка заняться проектомъ объ устройствѣ цензуры, «ибо великій хаосъ въ ней». Никитенко повторилъ ему то же, что сто разъ уже говорилъ и ему, и министру, именно, что тутъ нужно прежде всего сдѣлать три вещи: а) дать инструкціи цензорамъ; б) освободить цензуру отъ разныхъ предписаній, особенно накопившихся съ 1848 года, которыя по ихъ крайней нерациональности и жесткости не могутъ быть исполняемы, а между тѣмъ висятъ надъ цензорами, какъ Дамокловъ мечъ; в) уничтожить правило, обязующее цензоровъ сноситься съ каждымъ вѣдомствомъ, котораго касается литературное произведеніе по своему роду или содержанию.

Приступъ къ эмансипаціи представляли рескрипты императора Александра II-го, напечатанные въ 1867 году въ газетахъ. «Сдѣлавъ этотъ шагъ,—писалъ тогда же Никитенко,—мы вступили на путь многихъ реформъ, значеніе которыхъ нельзя съ полною вѣ-

роятностью опредѣлить. Сила потока, въ который мы ринулись увлечетъ насъ туда, куда мы не можемъ предвидѣть».

«Обличительное» направленіе пришлось многимъ не по нраву. Такъ К. В. Чевкинъ, главноуправляющій путями сообщенія, встрѣтивъ въ январѣ 1858 года литератора Панаева, доказывалъ ему, что «нынѣшнее направленіе литературы, заключающееся въ преслѣдованіи всякихъ крадствъ, вредно». Въ какой-то статьѣ были задѣты путейскіе чиновники.

«Вообще, многимъ изъ нынѣшнихъ главныхъ начальствъ,—пишетъ Никитенко,—не нравится литературное бичеваніе мерзостей, совершающихся въ ихъ вѣдомствахъ. Они находятъ, что это поселяетъ неуваженіе къ правительству. Гласность и усиленіе общественнаго мнѣнія въ дѣлахъ общественныхъ они находятъ вреднымъ, особенно графъ Панинъ» (Дневникъ, II, 72).

«Панинъ (министръ юстиціи), Брокъ и Чевкинъ,—отмѣчаетъ Никитенко 21 января 1858 г.,—кажется, помѣшались на томъ, что всѣ революціи на свѣтѣ бываютъ отъ литературы; они не хотятъ понять, что литература—только эхо образовавшихся въ обществѣ понятій и убѣжденій».

Когда въ засѣданіи совѣта министровъ 16-го января 1858 г. министръ народнаго просвѣщенія Норовъ прочиталъ составленную ему княземъ Вяземскимъ записку о необходимости дѣйствовать по цензурѣ въ смягчительномъ духѣ, возсталъ Панинъ. Бѣдный Норовъ сбился, Панинъ и съ нимъ реакція одолѣли, «цензурѣ велѣно быть строже». Панинъ затѣмъ сталъ предлагать одну за другой новыя стѣснительныя цензурныя мѣры. 6-го февраля 1858 года состоялось первое засѣданіе комитета, учрежденнаго для пересмотра стараго и составленія новаго цензурнаго устава. Была прочитана записка князя П. А. Вяземскаго о направленіи литературы съ замѣчаніями на нее государя. Записка оправдывала литературу отъ взводимыхъ на нее обвиненій. Государь одобрялъ нѣкоторые мѣста въ запискѣ, къ другимъ относился недоувѣрчиво, и въ замѣчаніяхъ его проглядывало какъ бы нерасположеніе къ литературѣ и сомнѣніе въ ея благонамѣренности. Онъ признавалъ необходимымъ бдительное цензурное наблюденіе за нею.

Во второмъ засѣданіи Никитенко читалъ изложеніе «основныхъ началъ цензуры», которое онъ написалъ съ цѣлью «дать литературѣ побольше простора въ сужденіяхъ о дѣлахъ общественныхъ». «Все это только начало труда,—замѣчаетъ Никитенко,—будетъ пропасть работы. Къ чему она опять приведетъ,—не знаю. Горько становится, когда подумаю, сколько разъ уже моя работа въ этомъ направленіи пропадала даромъ!.. А все не хочется отстать»¹⁾.

Предчувствія Никитенка оправдались. Черезъ нѣсколько дней Норовъ и князь Вяземскій подали въ отставку. Мѣсто Норова за-

¹⁾ Дневникъ, II, стр. 80.

няль Евграфъ Петровичъ Ковалевскій. 7-го апрѣля 1858 года Никитенко заноситъ въ свой дневникъ: «Былъ у новаго министра. Рѣчь о цензурѣ. Государь сильно озабоченъ ею. Въ немъ поколебали расположеніе къ литературѣ и склонили его не въ пользу ея. Теперь онъ требуетъ отъ цензуры ограниченій, хотя и не желаетъ стѣснить мысль. Какъ это согласить?»—Это дѣло,—сказалъ министр—падаетъ на двухъ людей: на васъ и на меня. Разумѣется, ни вы, ни я не можемъ дѣйствовать въ стѣснительномъ духѣ. Государь требовалъ отъ министра рѣшенія цензурной задачи. Казалось, было ясно, что стѣсненіемъ не направишь и не удержишь умовъ. А предоставленная самой себѣ литература, конечно, не замедлила бы изъ своей же среды выдвинуть критическіе, трезвые умы, которые отрезвляющимъ словомъ продуманнаго убѣжденія обуздали бы нестройныя силы хаотическаго увлеченія. Что могъ Никитенко сказать министру новаго помимо повторенія одного и того же, а именно, что «литературѣ необходимо дать болѣе простора»; что «въ другомъ духѣ нынче и думать нельзя писать устава»; что этого требуетъ и справедливость, и политическое благоразуміе; что если этого не сдѣлать, то пойдетъ въ ходъ писанная литература, слѣдить за которою нѣтъ никакой возможности.

«Да, трудно, очень трудно обезпечить свободу мысли,—пишетъ Никитенко отъ 10-го апрѣля 1858 года,—мы хотимъ улучшеній и думаемъ, что можно достигнуть ихъ безъ помощи общественнаго мнѣнія, посредствомъ той же бюрократіи, которая такъ погрязла въ крадствѣ. А между тѣмъ, правительству, очевидно, полезнѣе и безопаснѣе союзъ съ печатью, чѣмъ война съ нею. Если положить на печать путы, она начнетъ дѣйствовать скрытыми путями и сдѣлается недоступною никакому контролю. Никакая сила не въ состояніи услѣдить за тайно подвизающеюся мыслью, раздраженною и принужденною быть лукавою. Вѣдь мы не знаемъ еще, чѣмъ кончится страшная система полицейскаго преслѣдованія мысли и слова во Франціи. Но и тамъ все-таки опредѣленная система, а у насъ хотятъ позволить и не позволить, стѣснить и не стѣснить».

III.

Оглянемся на пройденный нами первый этапъ эпохи великихъ реформъ съ 1855 года по 1858-й. Онъ завершается реакціей. Какъ бы первые, брезжащие лучи новой, наступающей эпохи видимъ въ словахъ залиски Погодина: «Въ какой степени можетъ быть допущена гласность?... Новая необходимая инстанція—бдительное общее мнѣніе... Гласность въ предѣлахъ благоразумной осторожности».

6-го декабря 1855 года, уничтожается «негласный» комитетъ, ибо онъ «въ настоящее время не только пересталъ быть полезнымъ, но и сдѣлался вреднымъ».

Затѣмъ видимъ своеобразную «эволюцію».

29-го февраля 1856 года слова государя: «Давно бы пора говорить это!» открываютъ «обличительную» полосу эпохи великихъ реформъ.

7-го апрѣля 1858 года, въ настроеніи государя замѣтно измѣненіе: «въ немъ поколебали расположеніе къ литературѣ и склонили не въ пользу ея».

Однако министръ еще довольно твердо заявляетъ либеральный образъ мыслей: «Разумѣется, ни вы, ни я не можемъ дѣйствовать въ стѣснительномъ духѣ». Но уже партія ретроградная—Панинъ, Брокъ и Чевкинъ—рѣшила «обуздать» печать, т.-е. цензоровъ и вѣдомства, пропускавшія обличительныя статьи, потому что по собственному желанію литераторовъ онѣ не увидѣли бы никогда свѣта. Все подвергалось, не забудемъ, предварительной цензурѣ въ рукописи. Первый періодъ эпохи великихъ реформъ закончился совершенно неожиданно возстановленіемъ «негласнаго» комитета, уничтоженнаго въ его началѣ.

Въ апрѣлѣ 1858 года еще видимъ колебанія. Съ одной стороны, за пропускъ статьи Кавелина «О первыхъ условіяхъ сельскаго быта», напечатанной въ апрѣльской книжкѣ «Современника», данъ выговоръ князю Щербатову, съ другой—новый министръ финансовъ А. М. Княжевичъ испросилъ у государя разрѣшеніе, чтобы позволено было писать и печатать о финансахъ все безпрепятственно, кромѣ опроверженій или возраженій на состоявшіяся уже мѣры и постановленія правительства.

Объясненіе исторіи со статьей Кавелина находимъ въ запискѣ редакціи журнала «Современникъ», поданной по начальству въ 1862 году.

«Бѣда обрушивалась, читаемъ здѣсь, обыкновенно на статьи, совершенно пустыя, которыя и напечатаны были въ журналѣ только для наполненія книжки, за недостаткомъ лучшаго матеріала,—статьи, которыя съ удовольствіемъ бросила бы редакція, если бы воображала, что хотя кому нибудь чѣмъ нибудь могутъ онѣ не понравиться,—статьи, за которыя былъ совершенно спокоенъ цензоръ, до самаго возникновенія исторіи изъ-за нихъ. Но иногда навлекали на цензора и на журналъ сильныя непріятности и такія статьи, которыя были написаны съ обдуманною цѣлью расположить общественное мнѣніе къ реформѣ, совершаемой самимъ правительствомъ. Каждая важная реформа имѣетъ противниковъ, представителями которыхъ часто служатъ и нѣкоторыя изъ лицъ, занимающихъ важныя мѣста. Свою досаду на правительство за реформу они вымещали на беззащитной литературѣ».

«Черезъ нѣсколько времени по обнародованіи рескриптовъ объ освобожденіи крестьянъ, когда было разрѣшено свободно разсуждать объ устройствѣ этого дѣла, «Современникъ» (въ № 4 1858 г.) напечаталъ извлеченіе изъ записки г. Кавелина, которая доказывала надобность освободить крестьянъ съ землею. Лица, желавшія освободить крестьянъ безъ земли, выставили эту записку революціоннымъ памфлетомъ, а ея напечатаніе въ «Современникѣ» злостнымъ нарушеніемъ цензурныхъ правилъ... Тогдашній предсѣдатель С.-Петербургскаго цензурнаго комитета (князь Щербатовъ) разрѣшилъ напечатать статью, когда изъ нея исключены были мѣста, на пропускъ которыхъ не согласился тогдашній цензоръ министерства внутреннихъ дѣлъ (Тройницкій). Такъ постоянно дѣлалось тогда и дѣлается до сихъ поръ: если редакція выбрасываетъ мѣста, не пропускаемая специальнымъ цензоромъ, то общая цензура собственной властью разрѣшаетъ печатать остальную статью за выпускомъ этихъ мѣстъ. Что же касается направленія записки г. Кавелина, довольно сказать, что мнѣніе, имъ защищаемое, было, какъ мы полагаемъ, всегдашнимъ мнѣніемъ государя императора и окончательно восторжествовало, хотя имѣло противниковъ». «Противившіеся желанію государя императора освободить съ землею находили полезнымъ для себя запугать литературу и для этой цѣли обрушились на статью г. Кавелина, которую преимущественно предъ другими, подобными ей, выбрали по разнымъ личнымъ отношеніямъ»¹⁾.

Статья Кавелина начиналась прославленіемъ императора Александра II: «Уже одно только дѣло уничтоженія крѣпостного права благословляетъ времена Александра II славою, высочайшею въ мірѣ. Благословеніе, обѣщанное миротворцамъ и кроткимъ, увѣнчиваетъ Александра II счастіемъ, какимъ не былъ увѣнчанъ еще никто изъ государей Европы, — счастіемъ одному начать и совершить освобожденіе своихъ подданныхъ»²⁾.

«Изъ этого можно видѣть, что журналъ не имѣлъ недостатка въ самой безусловной привязанности къ правительству. Но за статьи, одушевленные этимъ чувствомъ, онъ выданъ былъ на казнь противникамъ намѣреній правительства. Онъ долженъ былъ замолчать на нѣкоторое время о крестьянскомъ вопросѣ. Потомъ опять сталъ печатать о немъ статьи, но уже совершенно безцвѣтныя»³⁾.

Три вещи занимали въ 1858 году мыслящихъ людей въ Россіи: освобожденіе крестьянъ, печатная гласность и публичное судопроизводство. Правительство колебалось. Либеральные чиновники «попу-

¹⁾ Мнѣнія разныхъ лицъ о преобразованіи цензуры. Февраль, 1862 г., стр. 91 и 92.

²⁾ «Современникъ», 1858 г., № 2, стр. 393.

³⁾ Мнѣнія разныхъ лицъ о преобразованіи цензуры. Стр. 94.

скали», а ультра-консерваторы пятились. «Въ настоящую минуту,— отмѣчаетъ Никитенко 9-го мая,— эта партія сильна... Она дѣйствуетъ запретительно на печать. Она затягиваетъ рѣшеніе вопроса крестьянскаго». Въ главномъ управленіи училищъ генераль-губернаторъ нападалъ на несчастные листки, которыхъ развелось тогда множество¹⁾. Они продавались на улицахъ по пяти копеекъ. Это генераль-губернатора пугало. Листки уничтожили. Между тѣмъ, въ этихъ листкахъ ничего не было ни умнаго, ни опаснаго. Имъ строго воспрещалось печатать что нибудь, относящееся къ общественнымъ вопросамъ. Это была пустая болтовня для утѣхи гостинодворцевъ, грамотныхъ дворниковъ и пр. 31-го мая 1858 года запрещено употреблять въ печати слово «прогрессъ».

Министръ Ковалевскій сталъ колебаться. На словахъ рѣшалъ одно, а на дѣлѣ другое.

Повторилась исторія Норова. Шаткость, безхарактерность, неспособность къ какой либо мѣрѣ, выходящей изъ канцелярской рутины, отрицаніе сегодня того, что за нѣсколько времени передъ тѣмъ онъ утверждалъ торжественно и горячо. Проектъ Никитенка былъ отданъ на «истязаніе» какому-то чиновнику. Явилась мысль, по примѣру Франціи, учредить «наблюдательно-послѣдовательную» цензуру, оставивъ неприкосновенной и старую «предупредительную». Къ концу года состоялось изумительнѣйшее учрежденіе для сдерживанія писателей—нѣчто въ родѣ французскаго bureau de presse, передѣланнаго на русскій ладъ по почину Панина, Чевкина и др. Вздумали создать комитетъ, который бы любовно, патріархально и разумно направлялъ литературу, особенно журналистовъ. Въ то же время и въ обществѣ, и въ чиновничествѣ воцарился хаосъ. «У насъ нынѣ настоящее царство хаоса. Хаосъ во всемъ: въ администраціи, въ нравственныхъ началахъ, въ убѣжденіяхъ,—писалъ Никитенко,—хаосъ въ головахъ тѣхъ, которые думаютъ управлять общественнымъ мнѣніемъ». «Бѣда въ совершенномъ отсутствіи всякаго организующаго начала, въ отсутствіи характеровъ и высшихъ, нравственныхъ убѣжденій. И вотъ еще бѣда: нѣтъ ни одной вчерашней мысли, которая уже сегодня не казалась старою. Жаръ, съ которымъ вчера принимали такую-то мѣру, сегодня уже остылъ.

¹⁾ Всего до 30 различныхъ наименованій, какъ-то: «Бардадымъ»; «Безсонница»; «Безструнная Балабайка, листокъ забавнаго смѣхословія и потѣшнаго пустословія»; «Всякая всячина»; «Говорунъ»; «Дядя, шутъ гороховый, со племянниками чепухой и дребеденью, жалкотворный журналъ, безъ никого и ничего появляется на свѣтъ, какъ мать родила»; «Ералашъ» и др.; «Пустозвонъ», «Пустомеля», «Ракъ» и др.; «Смѣхъ Смѣховичъ и Смѣхъ подъ орѣхомъ, смѣхъ № 0 и смѣхъ № 00»; «Силетни», «Турсы на колесахъ», «Фантазеръ», «Фонарь» «Шутникъ», «Щелчокъ» и «Юмористъ». Все это были маленькіе, пустые листочки, въ наше время замѣненные въ портерныхъ большими юмористическими изданиями («Шутъ», «Осколки» и др.) и маленькими газетками.

Каждый день что нибудь начинается, а на другой—только-что начатое бросается недоконченнымъ... У насъ столько же партій, сколько самолюбій».

«И юношество пѣнится, но, къ сожалѣнію, не всегда, какъ шампанское, а подчасъ, какъ настоящій откупной сиволдай».

IV.

Мы видимъ, что «обличительное» направленіе пришлось многимъ не по нраву. «Литературное бичеваніе мерзостей, творящихся въ вѣдомствахъ», обличеніе «крадствъ» и взяточничествъ подняло въ 1858 году противъ себя такую силу, какъ министръ юстиціи, графъ Панинъ. Такимъ образомъ это направленіе по третьему году отъ своего возникновенія встрѣтило реакцію. Замѣчательно, что и въ прогрессивномъ «Современникѣ» въ 1858 году началась реакція противъ «обличительнаго» направленія, конечно, въ томъ смыслѣ, что на однихъ обличеніяхъ остановиться нельзя. Жертвой этой двойной реакціи сталъ поэтъ Розенгеймъ. Затѣмъ «Свистокъ» Добролюбова провозгласилъ новаго «демона», осмѣявшаго первые шаги русскаго прогресса:

Не оцѣнилъ онъ Розенгейма,
Ростопчину онъ осмѣялъ,
На все возвышенное клейма
Какой-то пошлости онъ влалъ.
Весь нашъ прогрессъ, всю нашу гласность,
Громъ обличительныхъ статей,
И публицистовъ нашихъ страстность,
И даже самый «Атеней» —
Все жертвой грубаго глумленья
Содѣлалъ желчный этотъ бѣсъ...

Розенгеймъ — воспитанникъ 1-го корпуса, откуда вышелъ Рылѣвъ. Гражданская нота его стихотвореній еще въ началѣ сороковыхъ годовъ ополчила на поэта цензуру. Такъ, стихотвореніе «Памятникъ» и «Старый городъ» не были тогда пропущены и появились лишь въ 1860-хъ годахъ. Они ходили по рукамъ въ спискахъ. Съ 1840 года по 1858 годъ Розенгеймъ не напечаталъ ни строки. Стихи его ходили по рукамъ, но часто приписывались перу другихъ поэтовъ. Наконецъ, его гражданская элегія: «Что ты вздыхаешь, читая газету», безъ вѣдома поэта, попала въ «Русскій Вѣстникъ» и, какъ «обличительное» стихотвореніе, имѣла большой успѣхъ. Тотчасъ же Дудышкинъ, редакторъ «Отечественныхъ Записокъ», Старчевскій, редакторъ «Сына Отечества», и Писемскій— «Библиотеки для Чтенія», предложили ему сотрудничать въ своихъ органахъ, и не безъ колебанія, послѣ 20-ти-лѣтняго молчанія, Розенгеймъ выступилъ въ качествѣ юмориста-обличителя. Появились

«Воевода», «Недоимки», «Русская элегія—плачь откупщика», «Акція» (по поводу акціонерной горячки). По времени эти гражданскія стихотворенія имѣли колоссальный успѣхъ и читались на публичныхъ эстрадахъ. Наконецъ, весной 1858 года, друзья поэта приступили къ изданію книжки его стихотвореній. Она, однако, попала въ моментъ реакціи, еле прошла черезъ цензуру и явилась въ самомъ жалкомъ видѣ, не говоря уже о томъ что въ книжку, по безпечности поэта, не слѣдившаго совсѣмъ за ея составленіемъ, попали многія слабыя вещи, которыя онъ и не думалъ видѣть въ печати. Почти всѣ пьесы, которыя считалъ поэтъ лучшими, не были дозволены. Книжка была принята недружелюбно критикой. Дружининъ искалъ и не нашелъ въ ней «художественности». Добролюбовъ безжалостно высмѣялъ ее, какъ запоздалый протестъ, хотя книжку только что помяли цензурные когти ¹⁾.

Добролюбовъ находилъ, что стихи Розенгейма «не совсѣмъ ароматное пойло, настоенное на гноѣ общественныхъ ранъ и на гнилой клубничкѣ».

«Нѣсколько (?) лѣтъ тому назадъ, появленіе стихотвореній г. Розенгейма было невозможно: до того литература наша стояла далеко отъ вопросовъ, которымъ посвящена значительная часть этихъ стихотвореній. Появись эта книжка въ то бесплодное, глухое время (до 1856 года?), когда литература наша какъ будто рѣшилась отречься отъ всякой мысли и занималась только различными сладенькими чувствованьями да книжными мелочами, появись она среди всеобщей литературной нѣмоты и вялости ¹⁾, она бы навѣрное произвела фуроръ неслыханный».

«Въ недавнее время (1856—1857 г.г.?) отъ этихъ стиховъ всѣ пришли бы въ восторгъ, не требуя отъ нихъ ни поэзіи, ни силы выраженія, ни звучности стиха, ни правильной рѣмы, или, лучше сказать, всѣ эти качества сумѣли бы найти въ нихъ, въ благодарность за смѣлость и откровенность основной мысли. Теперь (1858 годъ)—далеко не то. Стихотворенія г. Розенгейма не возвышаются по идеямъ своимъ надъ уровнемъ современной литературы, давно уже (и всего-то третій годъ!) обратившей серіозное вниманіе на общественные вопросы, и они уже не могутъ насъ поразить такъ, какъ поразили бы прежде».

«И проза, и поэзія послѣдняго времени постоянно изъ кожи лѣзли, чтобы внушить намъ правила честности и безкорыстія, со-

¹⁾ Неужели Добролюбову было неизвѣстно, что стиховъ Розенгейма цензура тогда не пропускала? И какъ могла пропустить, когда отъ 10 мая 1853 года Фаддей Булгаринъ писалъ въ отчаяніи по поводу стиховъ для «Сѣверной Пчелы»: «Послѣднія поправки цензора Крылова принять нельзя, потому что не будетъ мѣры въ стихѣ. Выраженіе «сладостная молитва» вредно, по мнѣнію цензуры!!! О Боже, гдѣ мы живемъ!». Ну, какъ же могъ тогда Розенгеймъ печатать свои стихи, какъ этого требуетъ Добролюбовъ?..

блюденіе святости присяги, любовь къ правдѣ и закону, отвращеніе къ лѣни, обжорству, лжи, лести, воровству и тому подобнымъ злоупотребленіямъ... Пресловутые поэты и ученые, въ родѣ гг. Бенедиктова, Вернадскаго, Кокорева, Львова, Семевскаго, Соллогуба и т. п., протрубили намъ уши, вопія о правдѣ, гласности, взяткахъ, свободѣ торговли, вредѣ откуповъ, гнусности угнетенія и проч.».

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ»... «Въ то безплодное, глухое время, когда»... «Въ недавнее время»... «Теперь — далеко не то»... Поразительная аберація времени у Добролюбова! На самомъ дѣлѣ, всего три года назадъ царилъ «негласный комитетъ». То «глухое» время, которое представляется Добролюбову за горами, всего было еще въ 1855 году. «Недавнее время» было въ прошломъ году буквально. Соллогубъ и Львовъ явились въ 1866 и 1867 годахъ, а «теперь», когда «далеко не то», т.-е. въ 1868 году, литература стояла уже на порогѣ реакціи и возстановленія «негласнаго» комитета. Тѣ вопли о правдѣ, гласности, взяткахъ и проч., которые будто бы протрубили уши публикѣ, уже успѣли скопить тучу обскурантизма, и стихи Розенгейма еле пробрались черезъ цензуру.

Выходило, что своими нападками на юную гласность и гражданско-обличительную мысль, Добролюбовъ, самъ не зная того, какъ бы поддерживалъ обскурантовъ. Но, конечно, Добролюбовъ стоялъ на точкѣ зрѣнія совѣмъ особой. Ему казалось, что общество успокоится на красивыхъ словахъ и словесныхъ обличеніяхъ. Полный нетерпѣнія Добролюбовъ восклицаетъ: «Вѣдь—безобразіе. Каждая статьяшка фельетонная, хоть бы то было о привилегированной ваксѣ, непременно начинается стереотипной фразой: «Въ настоящее время, когда у насъ возбуждено такъ много общественныхъ вопросовъ»... Сколько ужъ лѣтъ (! и всего-то третій годъ!) это идетъ... Все вопросы задаютъ... Вотъ, подумаешь, ватага глухихъ собралась: одинъ другого спрашиваетъ, а никто ни разслышать, ни отвѣтить не можетъ. Да и вопросы-то все такіе мудреные: красть или не красть? бить въ рожу или не бить? молчать или говорить?... И кто скажетъ: не бить или говорить,—передъ тѣмъ всѣ сейчасъ и кинутся на колѣни. Ахъ, говорятъ, какъ ты уменъ, какъ ты благороденъ, какъ ты великъ!.. Ну, что это за безобразіе!»

Между тѣмъ, цензурный вопросъ оставался на точкѣ замерзанія.

Въ 1857 году, поэтъ Тютчевъ написалъ, въ видѣ письма къ князю Горчакову, записку о цензурѣ, которая тогда ходила въ рукописныхъ спискахъ и, можетъ быть, немало содѣйствовала болѣе разумному и свободному взгляду на значеніе печатнаго слова въ нашихъ правительственныхъ сферахъ.

Вотъ какъ характеризовалъ Тютчевъ результаты николаевской цензуры: «Если среди многихъ другихъ существуетъ истина, ко-

торая опирается на полнѣйшей очевидности и на тяжеломъ опытѣ послѣднихъ годовъ, то эта истина есть несомнѣнно слѣдующая: намъ было жестоко доказано, что нельзя налагать на умы безусловное и слишкомъ продолжительное стѣсненіе и гнѣть, безъ существеннаго вреда для всего общественнаго организма. Видно, всякое ослабленіе и замѣтное умаленіе умственной жизни въ обществѣ неизбѣжно влечетъ за собою усиленіе матеріальныхъ наклонностей и гнусно-эгоистическихъ инстинктовъ. Даже сама власть съ теченіемъ времени не можетъ уклониться отъ неудобствъ подобной системы. Вокругъ той сферы, гдѣ она присутствуетъ, образуется пустыня и громадная умственная пустота, и правительственная мысль, не встрѣчая извнѣ ни контроля, ни указанія, ни малѣйшей точки опоры, кончается тѣмъ, что приходитъ въ смущеніе и изнемогаетъ подъ собственнымъ бременемъ еще прежде, чѣмъ бы ей суждено пасть подъ ударами злополучныхъ событій. Къ счастью, этотъ жестокій урокъ не пропалъ даромъ. Здравый смыслъ и благодушная природа царствующаго императора уразумѣли, что наступила пора ослабить чрезвычайную суровость предшествующей системы и вновь даровать умамъ недостававшій имъ просторъ. (Le pouvoir lui-même n'échappe pas à la longue aux inconvénients d'un pareil régime. Un désert, un vide intellectuel immense se fait autour de la sphère ou il réside, et la pensée dirigeante, ne trouvant en dehors d'elle même ni contrôle, ni indication, ni un point d'appui quelconque, finit par se troubler et par s'affaïsser sous son propre poids, avant même que de succomber sous la fatalité des événements. Heureusement cette rude leçon n'a pas été perdue. Le sent droit et la nature bienveillante de l'empereur regnant ont compris qu'il y avait lieu à se relâcher de la rigueur excessive du système précédent et à rendre aux intelligences l'air qui leur manquait)»¹⁾.

Въ этомъ же 1857, году Тютчевъ занялъ мѣсто предсѣдателя С.-Петербургскаго комитета иностранной цензуры. Объ этомъ онъ самъ писалъ:

Велѣнью высшему покорны,
У мысли стоя на часахъ,
Не очень были мы задорны,
Хоть и со штуцеромъ въ рукахъ.
Мы имъ владѣли неохотно,
Грозили рѣдко, и скорѣй
Не арестантскій, а почетный
Держали караулъ при ней²⁾.

¹⁾ Lettre sur la censure en Russie, p. 604. Соч. Изд. 1900.

²⁾ Экспромптъ. Въ альбомѣ Ваккара, члена комитета иностранной цензуры, въ то время какъ Тютчевъ былъ предсѣдателемъ онаго. Октябрь 1870 г.

V.

Между 1855 и 1858 г. на 1857 годъ падаетъ моментъ наивысшаго подъема освободительныхъ стремленій, а на 1858-й реакція. Затѣмъ между 1858 и 1862 годами на 1861 г. падаетъ 19-е февраля—величайшая изъ реформъ—освобожденіе двадцати двухъ милліоновъ народа, а на 1862 г. уже опять реакція, вторая въ эпоху реформъ. Это явленіе объясняется борьбою прогрессивнаго меньшинства съ крѣпостническимъ большинствомъ. Но реформы лежали въ порядкѣ вещей, были неотвратимы. Разъ совершался шагъ впередъ, свое безсиліе и злобу ретроградная партія вымещала на неповинной литературѣ. И все же это ни къ чему не вело. Духъ времени, необоримый, дѣлалъ свое.

Участіе всѣхъ вѣдомствъ въ цензурномъ дѣлѣ болѣе и болѣе усиливалось и не только сдѣлалось наконецъ весьма обременительнымъ для авторовъ и редакторовъ, но, сверхъ того, возбуждало постоянно самыя неприятыя столкновенія между представителями различныхъ вѣдомствъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1858 года, послѣдовало повелѣніе о назначеніи довѣренныхъ отъ разныхъ вѣдомствъ чиновниковъ, для непосредственныхъ сношеній съ общою цензурою при разсмотрѣніи статей. Упраздненъ былъ и военно-цензурный комитетъ. Несмотря на всѣ сіи мѣры, періодическая литература, вслѣдствіе возбужденныхъ правительствомъ важныхъ государственныхъ вопросовъ, стала все болѣе и болѣе преодолѣвать цензурныя препятствія и высказывать независимыя мнѣнія по всѣмъ возбуждаемымъ обстоятельствами времени вопросамъ. Правительство признало необходимымъ, посредствомъ особаго учрежденія, само давать направленіе общественному мнѣнію. Съ сею цѣлю по высочайшему повелѣнію 24 января 1859 года вновь учрежденъ былъ негласный комитетъ по дѣламъ книгопечатанія ¹⁾.

Комитетъ состоялъ изъ тайнаго совѣтника Муханова и генералъ-адъютантовъ: графа Адлерберга 2-го и Тимашева. Комитетъ обязанъ былъ имѣть «неофициальный надзоръ за направленіемъ литературы, соотвѣтственно видамъ правительства».

Но «видовъ правительства» было два: прогрессивнаго меньшинства, сильнаго голосомъ монарха, и партіи крѣпостниковъ-ретроградовъ.

За чѣмъ же наблюдать былъ поставленъ новый «негласный комитетъ»?

Крестьянская реформа разрабатывалась въ комиссіяхъ. Освобожденіе не могло произойти иначе, какъ съ землей, такъ какъ если не юридически, то въ силу обычнаго права всегда считалась за крестьянами особая крестьянская земля. Литература не могла ска-

¹⁾ Проектъ устава о книгопечатаніи. Спб., 1862 г., стр. 55.

затъ чего либо, расходящагося съ «видами правительства». Она высказывала только противное «видамъ» извѣстной партіи въ правительствѣ. Отсюда ложное положеніе «негласнаго» комитета, обременнаго чрезвычайными, хотя и «неофициальными» полномочіями.

Комитету было предоставлено «въ случаѣ надобности требовать личной явки въ оный цензоровъ, равно и журналистовъ и литераторовъ».

Комитетъ 24-го января существовалъ недолго; въ томъ же году, въ октябрѣ, члены комитета во всеподданнѣйшей запискѣ представили мнѣніе свое о необходимости измѣненія устройства комитета. Вотъ что говорится въ запискѣ:

«Поставленный неофициальнымъ положеніемъ внѣ общей системы правительственныхъ учрежденій и въ то же время обязанный участвовать въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ общественныхъ, именно вопросовъ умственныхъ, комитетъ долженъ былъ затрогивать самыя щекотливыя стороны администраціи, общественнаго мнѣнія и печати, что дало ему видъ какого-то чрезвычайнаго, контролирующаго и, по его уединенности, видъ устрашающаго постановленія, несмотря на употребленные имъ всевозможныя способы къ отстраненію всякихъ поводовъ къ подобному взгляду».

«Съ первыхъ дней своего существованія комитетъ ощутилъ невыгодныя послѣдствія возбуждившихся недоразумѣній и сталъ въ какое-то странное положеніе въ средѣ, гдѣ ему надлежало дѣйствовать. Почти всеобщее нерасположеніе быстро устремилось навстрѣчу первыхъ шаговъ его».

Результаты занятій комитета выразились въ признаніи слѣдующаго:

«Администрація цензуры лишена правильнаго устройства. Ей недостаетъ самостоятельности и сосредоточенности».

12-го ноября 1859 года, послѣдовало высочайшее повелѣніе: главное управленіе цензуры отдѣлить отъ министерства народнаго просвѣщенія и составить особое официальное государственное учрежденіе для исключительнаго и непосредственнаго завѣдыванія цензурою въ имперіи и царствѣ Польскомъ.

Барону Корфу было поручено составить «соображеніе». Корфъ въ докладѣ предлагалъ: образовать главное управленіе книгопечатанія; участіе всѣхъ прочихъ вѣдомствъ въ цензурѣ произведеній книгопечатанія впредь прекратить.

Всѣ эти предположенія не получили окончательнаго утвержденія, и самая мысль объ образованіи отдѣльнаго государственнаго управленія по дѣламъ книгопечатанія была оставлена, а вмѣсто того сдѣланы въ 1860 году нѣкоторыя измѣненія въ составѣ цензуры ¹⁾.

¹⁾ Проектъ, стр. 67.

Отъ 29-го января 1859 года, Никитенко передаетъ разговоръ государя съ попечителемъ Н. В. Исаковымъ, который желалъ узнать, какому направленію въ цензурѣ онъ долженъ слѣдовать. «Я убѣжденъ,—сказалъ Исаковъ,—что гласность необходима». — «И я тоже,—отвѣчалъ государь,—только у насъ дурное направленіе».

Отъ 8-го ноября того же года, Никитенко положительно удостоверяетъ, что государь «оказывается сильно нерасположеннымъ къ литературѣ», «предубѣжденный ревнителями молчанія и безмыслія».

«Цензуру намѣреваются отдѣлить отъ министерства народнаго просвѣщенія... Хуже всего то, что этимъ правительство совершенно отдѣлится отъ мыслящей и просвѣщенной части общества. Отдавъ интересы ея подъ надзоръ... оно тѣмъ прямо противопоставитъ ее себѣ. Тутъ уже не можетъ быть и рѣчи о соглашеніи, о разумномъ уравниженіи. Съ одной стороны—лозунгъ: держи, останавливай, съ другой — прорывайся, обходи, ухищрайся, словомъ, дѣйствуй всѣми средствами, позволенными и не позволенными. Это весьма неудачное подражаніе французскому порядку» ¹⁾.

1-го марта 1859 года, Никитенко былъ высочайше утвержденъ директоромъ дѣлопроизводства комитета по дѣламъ книгопечатанія.

Отъ 22-го ноября 1859 года, онъ писалъ: «Оторванная отъ министерства народнаго просвѣщенія, цензура сдѣлается добычею всякаго искателя власти и вліянія. Теперь уже многіе зарятся на нее... Вообще она сдѣлалась, болѣе чѣмъ когда либо, игролищемъ случайностей».

Отъ 27-го ноября 1859 года: «Министръ объяснилъ мнѣ, какъ произошло отдѣленіе цензуры отъ министерства народнаго просвѣщенія. Это—иниціатива самого государя, а внушеніе графа С. Г. Строгонова».

Наконецъ, отъ 7-го февраля 1860 года, Никитенко пишетъ: «Для литературы настала эпоха весьма неблагопріятная. Главное, государь сильно противъ нея вооруженъ» ²⁾.

Вѣрнѣе, однако, предположить, что государь уступалъ настояніямъ партіи консервативной. Самое привлеченіе въ комитетъ Никитенка и аудіенція, данная ему монархомъ, свидѣтельствуютъ о широкой терпимости и свѣтлыхъ взглядахъ Царя-Освободителя. Какъ бы то ни было, но надо было тѣмъ или инымъ путемъ вывести цензурное дѣло изъ летаргическаго состоянія.

Въ 1862 году, указомъ 10-го марта, главное управленіе цензуры упразднено, наблюденіе возложено на министерство внутреннихъ дѣлъ. Цензурное вѣдомство раздѣлилось на двѣ части: наблюдательная и преслѣдовательная власть предоставлена министру внут-

¹⁾ Дневникъ Никитенка, II, 169.

²⁾ Дневникъ Никитенка, II, 173.

ренныхъ дѣлъ, а цензурно-предупредительная обязанность осталась въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія.

Въ началѣ 1862 года, Никитенко пишетъ о положеніи цензуры: «Странное положеніе нынѣ цензуры; она какъ-то раздвоилась: одною ногою стоитъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, а другою— въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. За первымъ собственно остается власть предваряющая, цензирующая; другому принадлежитъ наблюдательная, контролирующая, и, какъ говорятъ, вполнѣдствіи будетъ принадлежать и карательная» ¹⁾.

«Министръ внутреннихъ дѣлъ (Валуевъ) собралъ сегодня, въ два часа, всѣхъ принадлежащихъ къ наблюдательному вѣдомству по дѣламъ книгопечатанія. Ну, право же, большая нелѣпность и весь этотъ наблюдательный синклитъ, и самая идея наблюденія, и все это нынѣшнее состояніе цензуры. Вотъ Валуевъ какъ попался со своимъ проектомъ преобразованія цензуры! Онъ хотѣлъ установить карательную цензуру, взялся за это, не сумѣлъ сдѣлать и проволочилъ дѣло до появленія на сцену Головнина (министра народнаго просвѣщенія): этотъ теперь его и обошелъ. Сущность цензуры Головнинъ забралъ себѣ, а ея темную невыгодную сторону оставилъ Валуеву» ²⁾.

Однако, вскорѣ Никитенко даетъ такую характеристику Головнина, которая показываетъ, что онъ едва ли способенъ былъ въ самомъ дѣлѣ «обойти» кого либо: «Что у насъ за странный министр! Онъ рѣшительно не приходитъ ни къ какому опредѣленному результату, а все вертится на одномъ мѣстѣ: то одну ногу подниметъ, то другую, сдѣлаетъ движеніе рукой, сладко улыбнется— вотъ и все» ³⁾.

Студенческія волненія 1861 года тревожное состояніе деревни, пожары лѣтомъ 1862 года, приводятъ ко второй реакціи эпохи великихъ реформъ.

12-го іюня 1862 года, Никитенко пишетъ: «Вотъ она, и реакція, какъ и слѣдуетъ быть... Воскресныя школы велѣно закрыть... Журналы «Современникъ» и «Русское Слово» закрыты на восемь мѣсяцевъ. Но главное неудобство всякой реакціи, а особенно нашей, будетъ въ томъ, что тутъ правое потерпитъ наравнѣ съ виноватымъ. Мысли грозить опять застои и угнетеніе, а мыслящимъ людямъ, писателямъ, ученымъ — непріязненные нападки невѣждъ и ретроградовъ».

¹⁾ 28-го марта 1862 года. Дневникъ Никитенка, II, 318.

²⁾ 13-го апрѣля 1862 года. Дневникъ Никитенка, II, 320.

³⁾ 28-го апрѣля 1862 года. Дневникъ, II, 322.

VI.

Такимъ образомъ, съ 1855 г. по 1862 годъ видимъ все время толченіе на одномъ мѣстѣ. Сущность системы цензурной не измѣняется. Количество цензуръ не сократилось, но увеличилось. Цензуровали буквально всё вѣдомства. Но такъ какъ въ нихъ проявлялись теперь либеральныя стремленія, то они попускали и поощряли появленіе статей по вопросамъ, прежде неммыслимымъ для печати.

Уничтоженный «негласный» комитетъ вновь воскресаетъ и вновь умираетъ.

Собственно реакціи 1858 и 1862 годовъ ведутъ борьбу не съ литературой, которая вѣдь вся подцензурна, а съ либеральными цензурами вѣдомствъ. Наконецъ совершень рѣшительный шагъ—цензура переходитъ въ вѣдѣніе министра внутреннихъ дѣлъ Валуева.

Главными мѣстами изданій, какъ и главными очагами русской мысли въ періодъ съ 1855 по 1862 г. были Москва и Петербургъ.

Какъ только явилась возможность говорить, возникли въ Москвѣ славянофильскіе и полуславянофильскіе органы. Въ поддержку «Русской Бесѣдѣ» Кошелева возникъ «Парусъ» Ив. С. Аксакова. Но та же Москва создала и солидный органъ на западно-европейской подкладкѣ—«Русскій Вѣстникъ», основанный въ 1856 г. въ умѣренно-либеральномъ направленіи и сразу завоевавшій популярность дѣльностью содержанія. Но уже въ 1857 году возникъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» расколъ по вопросу о централизаціи, и часть его сотрудниковъ отдѣлившись основала «Атеней», гдѣ писались статьи «о сухихъ туманахъ», погибшій скоро «въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики». Эта фраза сдѣлалась классической!..

Въ Москвѣ же издавали безыменные сотрудники независимый критическій органъ «Московское Обозрѣніе».

Но все же Петербургъ былъ главою движенія. Первое мѣсто между журналами занималъ «Современникъ». За нимъ стояли «Отечественныя Записки» и «Библіотека для Чтенія». Петербургъ не уступалъ Москвѣ, а превзошелъ ее обиліемъ и разнообразіемъ новыхъ органовъ. Тамъ явился «Экономическій Указатель», проповѣдывавшій свободу торговли, неограниченную конкуренцію и личную поземельную собственность. В. Курочкинъ съ цѣлой компаніей поэтовъ и юмористовъ основалъ «Искру», а въ 1858 г. стало выходить «Русское Слово» графа Кушелева-Безбородка.

Обсужденіе внутреннихъ дѣлъ не допускалось въ продолженіе 50-хъ годовъ.

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» былъ заведенъ отдѣлъ «Современная Лѣтопись», но онъ состоялъ въ первые годы, большею частью, изъ свода статей мелкихъ разныхъ авторовъ по частнымъ предметамъ. Только съ 1858 года, когда приступлено было къ крестьянской

реформѣ, «Русскій Вѣстникъ» получилъ возможность объяснять реформу и крестьянскій вопросъ.

Катковъ высказывался въ смыслѣ дарованія крестьянамъ гражданской полноправности, освобожденія крестьянъ съ землею и осуществленія операціи выкупа съ помощью правительства.

Статьи эти печатались только съ конца апрѣля по іюль 1858 года; по «независящимъ обстоятельствамъ» онѣ затѣмъ прекратились, какъ и въ «Современникѣ».

По вопросу о будущемъ положеніи дворянства послѣ осуществленія крестьянской реформы писалъ въ 1858 и 1859 гг. Безобразовъ («О сословныхъ интересахъ», «Аристократія и интересы дворянства»). Главною опорою сословія признавалось самоуправленіе.

Обращали вниманіе на себя также обличительныя статьи Громеки (о взяткахъ, о предѣлахъ полицейской власти, о полицейскомъ дѣлопроизводствѣ, о полиціи внѣ полиціи, послѣднее слово о полиціи и тому подобное).

Это тотъ Громека, котораго Добролюбовъ упоминаетъ въ «Свисткѣ»:

... Громека съ силой адекой
Все о полиціи писалъ...

Западническая либеральная печать Москвы и Петербурга дѣйствовала заодно съ заграничной, свободной печатью въ пятидесятыхъ годахъ.

То былъ «Колоколь» Горцена, съ эпитафюмъ: *Vivos voso, mortuos plango, fulgura frango* («призываю живыхъ, оплакиваю мертвыхъ, сокрушаю молнію») — средневѣковая колокольная надпись). «Колоколь» до польскаго повстанья лежалъ на столѣ всѣхъ русскихъ сановниковъ и самого государя...

Первыя лондонскія изданія Герцена начались въ 1853 году, когда онъ завелъ русскую типографію.

«Колоколь», вслѣдъ возобновленной «Полярной Звѣздѣ», начался съ іюля 1857 года. Въ первый годъ Герценъ выпускалъ по одному номеру въ мѣсяць, а съ 1858—еженедѣльно. Спросъ на изданіе усилился настолько, что въ началѣ 60-хъ годовъ «Колоколь» расходился въ 2.500 экземплярахъ. Но въ 1863 году, когда началось польское повстанье, продажа «Колокола» упала сразу до 500 экземпляровъ. Время «Колокола» кончилось, а съ нимъ и наиболѣе яркій періодъ значенія и популярности Герцена ¹⁾.

Причиной было непониманіе Герценомъ польскаго вопроса, этого чисто «шляхетскаго дѣла», которое раздѣляли и многіе русскіе люди тогда. Но вѣрный инстинктъ національный сразу пробудился въ русскомъ обществѣ.

¹⁾ Шелгуновъ. Воспоминанія, 678.

Отъ 12-го января 1864 года, Никитенко писалъ:

«На-дняхъ разнесся слухъ, что Герценъ умеръ, а теперь говорятъ, что это ложь. Умеръ ли, живъ ли онъ, впрочемъ, теперь, на мой взглядъ, рѣшительно все равно для Россіи. Врядъ ли отнынѣ отъ него можетъ быть для нея польза или вредъ. Съ польскаго возстанія отъ такъ упалъ въ общественномъ мнѣніи, что о его существованіи можно почти и позабыть».

Чрезвычайно любопытную характеристику русской журналистики въ эпоху польскаго «повстанья» находимъ въ изданномъ въ 1865 г. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ «Собраніи матеріаловъ о литературныхъ направленіяхъ».

«Преобладаніе ежедневныхъ и еженедѣльныхъ журналовъ въ минувшемъ году было послѣдствіемъ не только того направленія, которое литература получила у насъ, вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, съ начала 1857 года, но и сосредоточенія общественнаго вниманія на такъ рѣзко выдавшихся съ начала весны минувшаго года политическихъ событіяхъ и государственныхъ преобразованіяхъ. Изыщная литература и техническіе вопросы были почти забыты въ виду польскаго возстанія, проекта земскихъ учрежденій, преобразования учебныхъ заведеній, законодательства по дѣламъ прессы и другихъ важныхъ предметовъ внутренняго управленія, равно какъ крестьянской реформы, не перестававшей служить одною изъ главныхъ темъ для періодической прессы»¹⁾.

«Въ концѣ 1862 года, въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ одновременно преобразовались или создались главныя изъ тѣхъ ежедневныхъ періодическихъ изданій, на долю которыхъ выпала дѣятельность, позволяющая періодическую литературу нашу назвать за 1863 годъ по преимуществу газетной... Замѣчательнѣйшіе изъ редакторовъ нашихъ: г. Катковъ въ Москвѣ и г. Краевскій въ Петербургѣ, удержавъ за собою прежнія свои ежемѣсячныя изданія «Русскій Вѣстникъ» и «Отечественныя Записки», приняли новыя ежедневныя, а именно, первый—«Московскія Вѣдомости», второй—газету «Голосъ». Въ то же самое время и «С.-Петербургскія Вѣдомости», собственность академіи наукъ, ежедневная газета, имѣвшая прежде большую извѣстность, но бывшая въ 1862 году въ упадкѣ, перешла въ руки новой редакціи и подверглась коренному преобразованію. Независимо отъ сего и «Инвалидъ»... и «Биржевыя Вѣдомости»... пять, можно сказать, новыхъ ежедневныхъ газетъ, съ болѣе или менѣе серіозными средствами выступили на сцену почти въ одинъ и тотъ же моментъ»²⁾.

¹⁾ Собраніе матеріаловъ. Отчетъ о дѣятельности совѣта министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія съ 22 іюня по 31 декабря 1863 года, стр. 203.

²⁾ Собраніе матеріаловъ. О направленіи періодической литературы вообще и замѣчательныхъ періодическихъ изданій въ особенности въ 1863 году, стр. 205 и 206.

«Собраніе матеріаловъ», между прочимъ, отмѣчаетъ важный моментъ въ исторіи русской газетной публицистики — появленіе особаго рода статей, такъ называемыхъ «руководящихъ» или «передовыхъ обзорѣній», и появленіе въ газетахъ такъ называемыхъ «передовиковъ» — высшаго рода газетнаго словеснаго искусства.

«Въ прошедшіе годы вообще, а въ минувшемъ году преимущественно, развился у насъ еще особый родъ литературы, свойственный исключительно ежедневнымъ газетамъ, — такъ называемыя руководящія статьи по предметамъ внѣшней и внутренней политики. Эти статьи стали рѣшительно необходимою сколько нибудь замѣтной политической русской газеты. Въ этихъ статьяхъ газеты стремятся заявлять собственные свои взгляды и направленія».

«Въ заключеніе должно упомянуть о «Сѣверной Пчелѣ», пришедшей въ 1863 году въ упадокъ по скудости матеріальныхъ средствъ»¹⁾.

VII.

Одинъ изъ характернѣйшихъ эпизодовъ журналистики пятидесятихъ годовъ — это приключеніе съ Павломъ Якушкинымъ, котораго въ 1856 году продержали десять дней въ отвратительномъ и гнусномъ помѣщеніи при псковской полиціи за то только, что онъ былъ одѣтъ по-мужицки, чего требовала инструкція, данная ему редакторомъ «Русской Бесѣды», съ цѣлью изученія особенностей быта Псковской губерніи, собранія пѣсенъ, сказокъ и преданій. По поводу этого «сидѣнья въ части за любовь къ народности» тогда возгорѣлась ярая «обличительная» полемика²⁾.

Въ 1861 году «Современная Лѣтопись» отдѣляется отъ «Русскаго Вѣстника» и обращается въ дополнительное къ нему изданіе. Это какъ бы еженедѣльная газета. Отдѣлъ внутренняго обо-

¹⁾ Ibid., стр. 226.

²⁾ «Проницательность и усердіе губернской полиціи». Письмо П. И. Якушкина, съ предисловіемъ редакціи «Русской Бесѣды» 1859 г., № 5, стр. 107—123. «Отвѣтъ на статью господина Якушкина». В. Гемпеля (полицеймейстера), «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1859 года, № 239. «Отвѣтъ господину псковскому полицеймейстеру, П. Якушкина», «Московскія Вѣдомости» 1859 г., № 266. «Послѣдняя страница въ дѣлѣ господина Якушкина съ псковской полиціей», отъ редакціи «Русской Бесѣды» 1859 г., № 6, стр. 101—136. «Разсказъ о приключеніи съ господиномъ Якушкинымъ. Господинъ Гемпель передъ судомъ гласности», «Русскій Вѣстникъ» 1859 г., №№ 17 и 20, стр. 92—103 и 385—402. «Господинъ Якушкинъ и псковская губернская полиція», П. Лебедевъ 3-й, «Русскій Инвалидъ» 1859 г., № 239 (официальное описаніе дѣла со всѣми подлинными документами). «Строгость законовъ и великодушное самоуправство чиновниковъ» П. Унковскаго, «Московскія Вѣдомости» 1859 г., № 261. «Дополнительная замѣтка» А. Унковскаго, «Московскія Вѣдомости» 1859 г., № 270.

зрѣнія въ «Русскомъ Вѣстникѣ» превращается въ журнальное обозрѣніе.

Въ теченіе первыхъ десяти мѣсяцевъ 1861 года Катковъ почти не пускается въ обсужденіе внутреннихъ вопросовъ нашей политической жизни. Онъ заявляетъ, правда, что «великое пріобрѣтеніе нашего времени» состоитъ въ томъ, что «начало свободы», которое было главною движущею силою новѣйшей исторіи, перестало быть пугаломъ, грозою, тревогой, смутой. Оно все болѣе и болѣе становится началомъ консервативнымъ, въ истинномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова. Оно для современныхъ обществъ не есть уже что-то странное, чуждое, приходящее издали, вносящее тревогу въ жизнь и дурной энтузіазмъ въ умы; для современныхъ обществъ оно становится необходимымъ условіемъ жизни; оно уже не пришелецъ, а почти хозяинъ («Современная лѣтопись» 1861 года, № 1, стр. 14).

Но на практикѣ русская публицистика пока не придерживалась упомянутаго начала и хранила почти безусловное молчаніе относительно большей части явленій внутренней жизни.

Когда Аксаковъ, въ концѣ октября мѣсяца 1861 года, приступилъ къ изданію газеты «День», онъ укорялъ печать, что она болѣе занимается Лондономъ и Парижемъ, чѣмъ Тулою и Рязанью.

Между тѣмъ, только подлежащія «вѣдомства» могли позволить печати свободно говорить о такихъ опасныхъ вещахъ, какъ Рязань и Тула.

5 марта 1861 года, въ день объявленія «воли», въ газетахъ Москвы и Петербурга не было ни строки объ этомъ событіи.

Можно было подумать, что онѣ издавались за границею.

5-го марта читаютъ въ Петербургѣ манифестъ.

Въ печати ничего или почти ничего.

Съ 4-го по 6-е марта «Московскія Вѣдомости» не выходили. Въ № отъ 7 марта, за помѣткою «сообщено»,—официальное свѣдѣніе о чтеніи манифеста въ московскихъ церквахъ и о молебствіи. Только въ глухомъ углу газеты, въ библиографіи, гдѣ говорилось о книгѣ Тройницкаго—«Крѣпостное населеніе по 10-й ревизіи»—газета помѣстила нѣсколько прочувствованныхъ строкъ о событіи дня...

Такимъ образомъ этотъ первый и самый яркій періодъ эпохи реформъ съ 1855 по 1858 и съ 1858 по 1862 годъ, въ сущности былъ временемъ глухой, придавленной предварительной цензурой мысли. Но дѣло въ томъ, что съ одной стороны надо было дать выходъ общественному броженію, которое въ противномъ случаѣ перешло бы въ писанную и подпольную, ускользающую отъ наблюденія, литературу. Съ другой, само правительство нуждалось въ поддержкѣ общественнаго мнѣнія, такъ какъ ему приходилось бороться съ сильной крѣпостнической партіей, матеріальные интересы

которой были затронуты. Необходимо было и готовить общество къ реформамъ, которыя не могли же падать, какъ снѣгъ на голову.

Это заставляло смотрѣть сквозь пальцы на распространеніе въ русскомъ обществѣ «Колокола» Герцена.

Наконецъ, во всѣхъ вѣдомствахъ была прогрессивная и ретроградная партія. Понятно, что цензура вѣдомствъ была двойственна. Разрѣшала и попускала прогрессивная партія сегодня, запрещала ретроградная завтра.

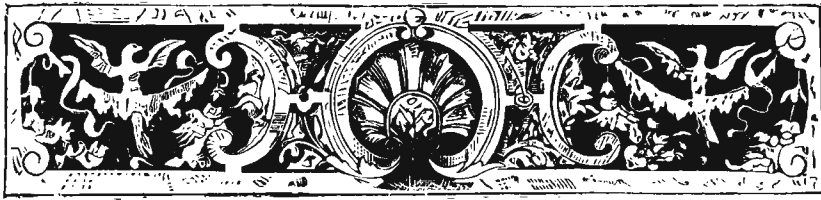
Эпоха великихъ реформъ, въ воспоминаніи пережившихъ ее, обыкновенно порождаетъ хронологическую неопредѣленность.

Часто, говоря о шестидесятихъ годахъ, въ сущности вспоминаютъ пятидесятые, ибо періодъ съ 1855 по 1862 годъ составляетъ нѣчто цѣльное, полное единымъ духомъ и порывомъ. Да, это былъ грандіозный порывъ къ освобожденію всей страны, всѣхъ слоевъ общества. Всѣ силы напряглись въ одну сторону, били въ одну точку—перевалить рубиконъ—19-е февраля. Камертонъ былъ въ рукахъ Герцена и лондонскаго «Колокола».

Во главѣ петербургской, прогрессивной печати стоялъ «Современникъ» и въ немъ Чернышевскій. Во главѣ передовой московской—«Русскій Вѣстникъ» и Катковъ.

Не только все, что противилось реформѣ, но и все, что было къ ней равнодушно или отвлекало отъ нея,—клеимось и осмѣивалось. Такъ критика осмѣивала эстетическое наслажденіе, боясь, чтобы оно не отвлекло вниманія общества отъ единой великой задачи. Но 19-е февраля было пройдено. Теперь уже не требовалось такого сосредоточенія силъ, ибо остальные реформы логически истекали изъ экономическаго переворота въ странѣ. У общества поэтому открылась возможность разсѣять свое вниманіе на разные предметы, тѣмъ болѣе, что устремленіе въ одну точку и могло быть непродолжительно. Но разъ теченіе разбилося на отдѣльныя струи, сила его напора ослабѣла, и въ немъ стали тонуть слишкомъ много запросившіе у своего времени передовые публицисты. Добролюбовъ умеръ еще въ 1861 году. Чернышевскій былъ арестованъ въ 1862 году. вмѣстѣ съ тѣмъ 1862 годъ былъ особенно богатъ работами въ цензурной области, медленную эволюцію преобразования которой мы имѣемъ предметомъ въ этихъ очеркахъ. Строго говоря, фактически въ 1862 году цензура въ Россіи пришла къ окончательно хаотическому состоянію.

Николай Энгельгардтъ.

БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА.

И нынѣ говорю вамъ: отстаньте отъ людей сихъ и оставьте ихъ; ибо если это предпріятіе и это дѣло отъ чело-вѣкъ, то оно разрушится...

Дѣян. V, 38.

СЕМНАДЦАТОЕ столѣтіе ознаменовалось въ русской церк-ви такъ называемымъ расколомъ. Происхожденіе раскола большинству широкой публики представляется такъ. Патріархъ Никонъ замѣтилъ вкравшіяся въ бого-служебныя книги, благодаря невѣжеству переписчиковъ, ошибки и сталъ исправлять ихъ; эти исправленія ка-сались по большей части маловажныхъ предметовъ, какъ-то: нужно креститься двумя или тремя пальцами, пѣть два или три раза «аллилуія», ходить по солнцу или противъ солнца во время крест-ныхъ ходовъ и т. д.; но по невѣжеству значительная часть пра-вославныхъ приняла ихъ за важныя еретическія нововведенія, а поэтому и отдѣлилась отъ церкви. Дѣло было такъ и въ то же время не такъ: при такомъ взглядѣ на происхожденіе раскола упу-скается изъ виду, какое значеніе имѣетъ для челоуѣка внѣшняя форма въ предметахъ, долженствующихъ говорить его сердцу, ка-кова между прочимъ религія. Научную истину, которая имѣетъ дѣло съ умомъ, какъ ни изложите: дважды два — четыре, два раза два будетъ четыре и т. д., — все будетъ одно и то же. Совсѣмъ не то въ поэзіи: лучшія лирическія стихотворенія совсѣмъ не под-даются изложенію своими словами: попробуйте, напримѣръ, изло-жить своими словами стихотвореніе Пушкина: «погасло дневное свѣтило!»... Еще болѣе относится это къ религіи: выбросьте изъ

пасхальнаго богослуженія какую нибудь незначительную часть, и оно не произведетъ надлежащаго впечатлѣнія. Какъ же должны были отнестись къ измѣненію обрядовъ, хотя бы и неправильныхъ, но во всякомъ случаѣ освященныхъ стариной, наши предки, не привыкшіе совсѣмъ давать въ дѣлахъ религіи мѣсто разуму!... (Они даже въ школьныхъ прописяхъ писали фразы въ родѣ слѣдующей: «Братіе, не высокоумствуйте! Аще кто ти речеть, вѣси ли всю философію, и ты ему рцы: эллинскихъ борзостей не текохъ, ни астрономовъ не читахъ, ни съ мудрыми философиами не бывахъ, философіи ниже очима видѣхъ, учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бо мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣха»...). Къ тому же исправленіе книгъ производилось по греческому тексту, а къ грекамъ наши предки привыкли относиться съ недоувѣріемъ и даже презрѣніемъ: они знали ихъ единственно по разнымъ пріѣзжавшимъ съ Востока попрошайкамъ, о которыхъ даже сынъ восточнаго патріарха, Павелъ Алеппскій, отзывается очень неблагопріятно. Кромѣ того, русскіе слышали, что Греція покорена турками, значитъ, она не угодна Богу: вотъ Русь, какіе удары она выдержала благополучно!... А еще хотятъ учиться у грековъ!... Мало ли какія ереси могли завестись подъ властью невѣрныхъ!... Разсуждая такъ, наши предки ни за что не хотѣли отдать предпочтеніе греческому оригиналу церковныхъ книгъ тамъ, гдѣ онъ расходился съ церковно-славянскимъ переводомъ. Наконецъ, патріархъ проводилъ свою реформу, опираясь на свѣтскую власть, и поэтому всѣ недовольные послѣдней ухватились за расколъ, какъ за знамя, а такихъ было немало среди общества, обремененнаго всякими поборами и тяготами. Такимъ образомъ разверзлась пропасть между принявшими «новое благочестіе» и оставшимися вѣрными «старому», — пропасть, которая не закрылась вполнѣ даже до сихъ поръ... Расколъ имѣлъ своихъ героевъ и мучениковъ, изъ нихъ наибольшую симпатію возбуждаетъ къ себѣ знаменитая боярыня Феодосья Прокопьевна Морозова.

Феодосья Прокопьевна была дочь не родовитаго, но состоявшаго въ родствѣ съ первой супругой царя Алексѣя Михайловича окольничаго, Прокопія Федоровича Соковнина. Соковнины были новыми людьми при московскомъ дворѣ, но сумѣли завести связи со старыми боярскими фамиліями и даже вступить въ родство съ ними. Такъ и свою семнадцатилѣтнюю дочь, Феодосью, Прокопій Федоровичъ «пристроилъ» за одного изъ первыхъ бояръ того времени, Глѣба Ивановича Морозова, роднаго брата знаменитаго воспитателя и друга царя Алексѣя Михайловича. Глѣбъ Ивановичъ женился на Феодосьѣ Прокопьевнѣ уже во второй разъ, имѣя отъ роду лѣтъ пятьдесятъ. У нихъ былъ сынъ, рожденіе котораго, по словамъ житія боярыни, было предречено явленіемъ преподобнаго Сергія. Однако счастливое супружество длилось не болѣе двѣнадцати лѣтъ;

Глѣбъ Ивановичъ скончался, и его боярыня осталась послѣ его смерти менѣе тридцати лѣтъ отъ роду полной распорядительницей своей судьбы. Все улыбалось молодой вдовѣ. Вотъ какъ рисуешь ея богатство, красоту и положеніе въ московскомъ обществѣ близко знавшій ее современникъ: «Вѣмъ, другъ мой милой, Θεодосья Прокопьевна, жена ты была боярская, Глѣба Ивановича Морозова, вдова честная, вверху чина царева, близъ царицы. Дома твоего тебѣ служащихъ было челоуѣкъ съ триста, у тебя жъ было крестьянъ 8.000, имѣнія въ дому твоемъ на 200.000, или на полtretъи было... Друговъ и сродниковъ въ Москвѣ множество много. Бѣдила къ нимъ на колесницѣ, еже есть въ каретѣ драгой и устроенной мусією и серебромъ, и аргамаки многи, 6 или 12, съ гремучими пѣшми. За тобою же слугъ, рабовъ и рабынь, грядущихъ 100 или 200, а иногда челоуѣкъ и триста оберегали честь твою и здорвье. Предъ ними же лѣпота лица твоего сіяла, яко древле во Израели святыя вдовы Іюдифы, побѣдившія Навходоносорова князя Алоферна. И знаменита была въ Москвѣ предъ челоуѣки, яко древняя Деввора во Израели, Есѣиръ, жена царя Артаксеркса»...

Уже при жизни супруга Морозова проявила наклонность къ «духовному житію», а послѣ смерти его совершенно отдалась своимъ задушевнымъ идеаламъ. Въ этомъ направленіи поддерживалъ боярыню ея духовникъ, знаменитый расколоучитель, протопопъ Аввакумъ, съ которымъ она поддерживала сношенія и тогда, когда онъ находился въ дальней ссылкѣ. Имѣя такого руководителя, Морозова естественно была всей душой предана «древлему благочестію» и ненавидѣла «новшества» Никона. Жизнь она вела вполне монашескую: во всей строгости исполняла церковное и келейное правило, даже когда бывала въ верху у царицы, и посвящала все свое время богоугоднымъ дѣламъ. Вотъ какъ изображаетъ ея благотворительность этотъ самый Аввакумъ: «До полунощи со Анною, домочадицею своею, тайно бродишь по темницамъ и по богадѣльнямъ, милостыню отъ дому своего нося, деньги и ризы и потребная комуждо немущему довольно, овому рубль, а иному десять, а индѣ пятьдесятъ рублевъ и мѣшокъ сотной». Домъ боярыни былъ наполненъ разными иноками, странниками и юродивыми. Между послѣдними особенно выдавались двое: одинъ изъ нихъ Кипріанъ былъ лично извѣстенъ царю и бѣгалъ за его колымагой, крича: «Добро бы, самодержавный царь, на древле благочестіе вступити!» Впослѣдствіи онъ былъ казненъ въ Пустозерскомъ острогѣ за свою преданность «древлему благочестію». Другой — Ѳеодоръ, представлялъ собою типъ святоши, какими тогда кишѣла Москва; это былъ, какъ мы увидимъ ниже, крайне безцеремонный попрошайка; онъ не стѣснялся рассказывать про себя самыя невѣроятныя чудеса. Вотъ что пишетъ, на примѣръ, о Ѳеодорѣ, конечно, со словъ его самого, Аввакумъ: «Онъ

покойникъ..., въ церковь предъ царя пришедъ учаль юродствомъ шаловать: царь же осердясь велѣлъ въ Чудовъ монастырь отослать. Тамъ Павелъ архимаритъ и желѣза на него наложилъ; и Божіею волею желѣзы рассыпалися на ногахъ предъ людьми. Онъ же, покойникъ свѣтъ, въ хлѣбнѣ тамъ послѣ хлѣбовъ въ жаркую печь влѣзъ и голымъ сѣлъ на подъ и крошки въ печи, собираючи, ясть... Такъ чернцы ужаснулись и архимариту сказали... Онъ же и царю возвѣстилъ: и царь, пришедъ въ монастырь, честно велѣлъ его отпустить». Въ другой разъ Ѳедоръ рассказывалъ Аввакуму, что за преданность «древнему благочестію» его отдавали подъ начало къ рязанскому архіепископу Иларіону, но что онъ избавился отъ него такимъ чудомъ: «Сижу и молюсь, плача и говоря: «Господи, аще не избавишь мя, осквернятъ меня и погибну!»... Вдругъ цѣпи сами собою грянули съ моихъ ногъ!.. Я всталъ и пошелъ... Вижу, ворота отворены... Я по большой дорогѣ къ Москвѣ напрямикъ»... Ѳедоръ, конечно, умѣлъ показать себя, гдѣ надо; и самого Аввакума поражалъ своею подвижническою жизнью. Впослѣдствіи этотъ юродивый былъ сосланъ на Мезень и тамъ, по словамъ Аввакума, удушенъ. Однако есть основанія не довѣрять послѣднему извѣстію. Что же касается до ссылки, то она не была, конечно, особенно тяжелымъ наказаніемъ для юродиваго: несомнѣнно, и на Мезени онъ не былъ забытъ ревнителями «древняго благочестія» и питался присылаемымъ ими изъ Москвы подаваніемъ, да еще былъ окруженъ ореоломъ мученика за вѣру... Таково было постоянное общество боярыни, родственницы царицы.

Не довольствуясь строгимъ исполненіемъ «древняго благочестія», Морозова считала нужнымъ еще всюду прославлять его и «обличать никоніанъ». Это ввело ее въ столкновеніе прежде всего съ ея родственникомъ, постельничимъ царя Алексѣя Михайловича, Михаиломъ Алексѣевичемъ Ртищевымъ, отцомъ знаменитаго мецената и филантропа XVII вѣка. Ртищевъ представлялъ собою очень типичное явленіе для своего времени. Уже въ концѣ XVI-го столѣтія внимательный наблюдатель писалъ про своихъ современниковъ: «овіи къ востоку зрятъ, овіи къ западу»..., въ XVII-мъ же столѣтіи это явленіе усилилось: не отрѣшившись еще вполнѣ отъ старины, значительная часть нашихъ предковъ того времени стала, однако, доступна новизнѣ; они, говоря словами профессора Ключевскаго, «занесли одну ногу, да такъ и остались». Такъовъ былъ и Ртищевъ: онъ покровительствовалъ просвѣщенію, ласкалъ ученыхъ монаховъ изъ Кіева и Полоцка, которые были главными поборниками реформы Никона, но въ то же время не разрывалъ и съ Аввакумомъ и его сторонниками. Ему, какъ человѣку мягкому и терпѣливому, были непріятны рѣзкіе протесты его родственницы, но, не имѣя самъ твердыхъ убѣжденій, гдѣ ложь и гдѣ правда, онъ могъ основываться только на авторитетахъ,

«Θедосья,—говорилъ онъ ей,—намъ бы только радоваться, глядя на дѣтей, да жить по-родственному, а у насъ раздоръ!.. Умоляю тебя, перекрестись тремя пальцами!.. Великъ и мудръ Никонъ!.. Не даромъ же его слушаетъ самъ царь!.. Не прекословъ же великому государю и всѣмъ архіереямъ... Совратилъ тебя проклятый имъ Аввакумъ!»...

Добрый старикъ считалъ нужнымъ хулить своей родственницѣ Аввакума, съ которымъ, однако, самъ дружилъ. Самъ Аввакумъ, говоря о немъ, употребляетъ выраженіе: «мой друже».

— Не такъ, дядюшка, не такъ!... отвѣчала фанатически убѣжденная въ правотѣ своего дѣла боярыня:—ты называешь горькое сладкимъ и сладкое горькимъ. Аввакумъ—ученикъ Христа и страдаетъ за истину!...

Дочь Ртищева вторила своему отцу и, какъ женщина, естественно, указывала на то, что ближе всего для женщины: она упрекала Морозову за холодность къ сыну, котораго боярыня могла забывать среди постоянныхъ духовныхъ подвиговъ. Θедосья Прокосьевна отвѣчала, что, какъ ни дорогъ ей ея сынъ, но спасеніе души дороже, и что, если бы даже стали истязать его, она осталась бы вѣрна «древнему благочестію»... Ртищева, «яко отъ грома», приходила въ ужасъ отъ словъ своей родственницы и удивлялась ея мужеству.

Вполнѣ раздѣляла воззрѣнія Морозовой ея сестра Евдокія Прокосьевна, которая была замужемъ за царскимъ кравчимъ, княземъ Петромъ Урусовымъ. Въ отсутствіи Аввакума руководительницей сестеръ была раскольничья старица Меланья, умѣнью которой «пасти стадо Христово» отдаетъ должное самъ Аввакумъ, хотя въ то же время это была женщина осторожная и неспособная, какъ говорится, лѣзть на ножъ. Морозова стала высказывать ей желаніе «ангельскаго образа», то-есть, принять монашество. Долго отговаривала ее отъ этого осторожная руководительница: прежде всего послѣдняя побаивалась за себя; она указывала своей духовной дочери на то, что, если объ этомъ дойдетъ до царя, а не дойти не можетъ, то не сдобровать тому, кто постригалъ... Послѣ постриженія придется откинуть послѣднее лицемѣріе и не ходить въ церковь, хотя бы даже ради приличія... Потомъ придетъ время женить сына, нужно будетъ устраивать свадьбу, а это совсѣмъ неудобно для монахини... Уйти изъ дому также неудобно... Однако, Морозова стояла на своемъ, и ея духовная мать была принуждена просить раскольничьяго старца Досіея, чтобы онъ постригъ боярыню. Она была пострижена подъ именемъ Θеодоры. Послѣ постриженія мать Θеодора была менѣе всего склонна лицемѣрить, а между тѣмъ обстоятельства при дворѣ сложились для нея очень неблагопріятно: скончалась ея родственница и покровительница, первая супруга царя Алексѣя Михайловича; царь

задумалъ жениться на другой, и для Морозовой пришло тяжелое искушеніе: ей, какъ родственницѣ царя, предстояло занимать первое мѣсто на царской свадьбѣ и говорить титулъ государя, называя его, схизматика¹⁾, благовѣрнымъ... Мало того, на царской свадьбѣ неизбѣжно приходилось подходить подъ благословеніе къ архіереямъ-никоніанамъ... Морозова уклонилась отъ присутствія на торжествѣ подъ предлогомъ болѣзни. Царь разгнѣвался и послалъ къ Морозовой сначала боярина Троекурова, а потомъ мужа ея сестры, князя Урусова, съ выговоромъ, но боярыня отвѣчала, что не знаетъ за собой никакой вины предъ царемъ, и прибавила, что, если царь хочетъ отвратить ее отъ правой вѣры, то она ни за что не покорится ему... Послѣдовало повелѣніе государя отписать на его имя часть вотчинъ Морозовой... Однако боярыня не была совсѣмъ безъ защиты въ верху; за нее заступилась старшая сестра царя, Ирина Михайловна, по ходатайству которой Морозовой и были возвращены вотчины. Преслѣдованія еще болѣе укрѣпили рѣшимость боярыни...

Между тѣмъ, по словамъ житія Морозовой, не дремали ея враги «никоніане» и настраивали царя противъ ненавистной для нихъ личности, да и самъ царь не могъ относиться спокойно къ такому явному сопротивленію его воли со стороны его родственницы. Морозова знала объ этомъ, потому что мужъ ея сестры, кн. Урусовъ, бывая въ верху, слышалъ, какъ царь совѣтовался съ боярами объ ея упорствѣ, и передавалъ это своей женѣ. Однажды онъ сказалъ ей, что великія бѣды готовы разразиться надъ ея сестрой, такъ какъ царь очень разгнѣванъ, и прибавилъ: «Послушай, княгиня, что говоритъ Христосъ въ Евангеліи: «Предадутъ бо васъ на сонмы и на соборѣхъ ихъ бьютъ васъ, предъ владыки же и царя ведени будете мене ради во свидѣтельство имъ. Глаголю же вамъ, другомъ своимъ, не убойтеся отъ убивающихъ тѣло и потомъ не могущихъ лишне что сотворити». Вотъ, княгиня, что говоритъ Христосъ!.. Ты жъ внемли и памятуй!» Трудно судить, насколько былъ искретенъ князь, но во всякомъ случаѣ онъ не обладалъ мужествомъ обѣихъ близкихъ къ нему женщинъ, потому что, какъ мы узнаемъ изъ житія Аввакума, имъ самимъ написаннаго, въ то время, какъ княгиня Евдокія страдала за «древнее благочестіе», ея супруга «женили» на другой.

Княгиня стала проситься у мужа къ сестрѣ. Онъ отпустилъ ее, но не совѣтовалъ оставаться у Морозовой долго, такъ какъ къ послѣдней, по его словамъ, должна была быть присылка. Княгиня отправилась и осталась у сестры до поздней ночи. Во

¹⁾ Въ памятникахъ раскола за первый вѣкъ его существованія слово «схизматикъ» (раскольникъ) очень часто примѣняется къ никоніанамъ, а поэтому и мы употребляемъ его здѣсь.

Боярыня Морозова.
(Съ картина Сурикова).

второмъ часу ночи явились незваные гости. Присланные,—то были чудовской архимандритъ Іоакимъ и думный дьякъ Иларіонъ Ивановъ, по словамъ житія Морозовой,—безцеремонно вторглись въ спальню боярыни. Архимандритъ спросилъ ее, какъ она молится и какъ крестится. Она перекрестилась двумя перстами и сказала: «Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!—такъ я молюсь, такъ крещусь!» Архимандритъ сталъ допрашивать Морозову о томъ, гдѣ находится извѣстная намъ старица Меланія, скрывавшаяся въ домѣ боярыни подъ именемъ Александры, такъ какъ до нея уже давно добирались власти. Морозова отвѣчала, что въ прошлое время домъ былъ открытъ для всѣхъ странныхъ рабовъ Христовыхъ: были тутъ и Сидоры, и Карпы, и Меланія, и Александры, но что теперь нѣтъ никого... (И дѣйствительно, въ ожиданіи непрошенныхъ гостей боярыня распустила всѣхъ своихъ обычныхъ постояльцевъ). Урусова отвѣчала то же, что и сестра. На другой день въ Грановитой палатѣ архимандритъ сообщилъ царю о результатахъ обыска. Царь гнѣвно говорилъ объ упорствѣ Морозовой, но отнесся мягко къ Урусовой, какъ къ совращенной своей сестрой. По словамъ житія, архимандритъ старался очернить въ глазахъ царя и княгиню. Обѣихъ женщинъ потребовали къ отвѣту.

За ними отправился тотъ же самый архимандритъ Іоакимъ. Придя въ домъ Морозовой, онъ грубо объявилъ хозяйкѣ, что время ея могущества и богатства прошло, такъ какъ она не хочетъ покориться волѣ государя, и велѣлъ ей слѣдовать за нимъ. Боярыня отказалась исполнить его приказаніе. Тогда онъ велѣлъ нести ее въ креслахъ. Сынъ Морозовой шелъ за матерью до воротъ и поклонился ей при выходѣ, но она его не замѣтила, и онъ пошелъ назадъ... Княгиня Евдокія послѣдовала добровольно за архимандритомъ. Обѣихъ женщинъ доставили въ одну изъ соборныхъ палатъ. Здѣсь митрополитъ крутицкій Павелъ, очень ненавистный для раскольниковъ, началъ говорить ей о знатности семьи, къ которой она принадлежитъ, о томъ, что ее совратили раскольничьи старцы и старицы, и, подобно Ртищевой, напомнилъ ей о сынѣ. Морозова отвѣчала, что она была не совращена, а наставлена въ истинной вѣрѣ рабами Божьими, и прибавила: «Перестаньте мнѣ говорить о сынѣ!.. Я дала Христу обѣтъ и останусь ему вѣрна; для него я живу, а не для сына!»... Тогда ее спросили, причастится ли она по служебникамъ, по которымъ причащаются самъ царь, благовѣрная царица и царевичи. Она отвѣчала, что не причастится, такъ какъ знаетъ, что царь причащается по извращеннымъ служебникамъ Никонова изданія.

— Такъ ты всѣхъ насъ считаешь за еретиковъ?—спросилъ ее митрополитъ.

— Да,—отвѣчала она:—ибо Никонъ своими ересями, какъ блевотиной, наблевалъ, а вы до сихъ поръ лижете его оскверненіе...

Митрополитъ пришелъ въ ярость отъ этихъ словъ, а архимандритъ Іоакимъ назвалъ Морозову бѣсовой дочерью. Затѣмъ допросили княгиню Евдокію. Она отвѣчала такъ же, какъ и сестра. Тогда на нихъ обѣихъ приказано было надѣть цѣпи и отправить Морозову въ Печерское подворье, а Урусову въ Алексѣевскій монастырь. Морозова цѣловала свои цѣпи и благодарила Бога, сподобившаго ее «Павловыхъ узъ». Когда ее везли мимо Чудова монастыря подъ царскіе переходы, она сложила правую руку въ двуперстный крестъ и, гремя цѣпями, высоко держала ее, желая показать себя въ такомъ видѣ государю, но онъ не видалъ своей родственницы.

Въ то же время была схвачена одна изъ близкихъ къ обѣимъ сестрамъ женщинъ, Марія Данилова. Она пыталась бѣжать, но это ей не удалось. Ее также допросили и, когда она отвѣчала, подобно боярынямъ, то посадили въ цѣпяхъ подъ Стрѣлецкимъ приказомъ.

Въ Алексѣевскомъ монастырѣ княгиню Евдокію приказано было держать подъ крѣпкой стражей и насильно водить въ церковь. Княгиня продолжала оказывать упорное сопротивленіе и, какъ только ей нужно было итти въ церковь, прикидывалась разслабленной. Монахини клали ее на рогожныя носилки и несли во храмъ. Если княгиня по дорогѣ замѣчала когонибудь изъ людей, расположенныхъ къ «древнему благочестію», которые приходили ради нея въ монастырь, то просила монахинь остановиться, чтобы перевести духъ, а когда онѣ останавливались, то раздражалась самой рѣзкой бранью противъ никоновыхъ «лжеученій»... Можно понять, какое впечатлѣніе должны были производить подобныя сцены!.. Въ монастырь стекалось множество народа, и, конечно, не въ одномъ сердцѣ поведеніе княгини родило сомнѣніе въ правотѣ господствующей церкви.

Между тѣмъ Морозову держали подъ крѣпкой стражей на Печерскомъ подворьѣ; здѣсь ее часто посѣщаль рязанскій архіепископъ Иларіонъ, который всячески старался обратить упорную раскольницу, но, конечно, тщетно. Даже и въ заключеніи Морозова нашла возможность продолжать сношенія съ матерью Меланіей, которая ободряла и укрѣпляла ее на страданіе за «древнее благочестіе». Однако, хитрая старица сама не очень-то стремилась къ мученическому вѣнцу, такъ какъ продолжала укрываться отъ разыскивавшихъ ее властей. Навѣщаль страдальцъ и Ртищевъ. Здѣсь болѣе, чѣмъ когда либо, добрый старикъ обнаружилъ колебанія, свойственныя поколѣнію, къ которому онъ принадлежалъ. «Дивлюсь я вашимъ страданіямъ,—говорилъ онъ своимъ родственникамъ:—только не знаю, за правду ли вы страдаете!»..

Въ это время Морозову постигло новое несчастіе: умеръ ея единственный сынъ, съ которымъ она была разлучена... И тутъ, судя по одному изъ посланій къ ней Аввакума, которыя доходили

до нея, мать сокрушало единственно то, что ея сына передъ смертью «опоганили» причащеніемъ по новому обряду. Любопытно, какъ утѣшалъ ее Аввакумъ. «Собаки опоганили при смерти,—писалъ онъ боярынѣ: —такъ у матушки и брюхо заболѣло: охти мнѣ, сына опоганили! во адъ угодили!.. Не угодили,—не суетися! Для тебя такъ попущено, чтобъ ты не вознеслась. Блюдиися себевозношенія, инока схимница! Дорога ты, что въ черницы-те попала, грязь худая? А кто ты, не Ѳедосья ли дѣвица преподобномученица? Еще не дошла до тое версты!».. Вообще письма къ боярынѣ ея духовника не отличались деликатностью; такъ, онъ требовалъ, чтобы она отказалась отъ послѣдняго комфорта, который себѣ еще позволяла. «Да переставай ты и медокъ попивать,—писалъ онъ ей:—намъ иногда случается и воды въ честь, да живемъ же. Али ты насъ тѣмъ лутчи, что боярыня? Да одинако намъ Богъ распростре небо, еще же луна и солнце всѣмъ сіяетъ равно, такжежде земля и воды и вся прозябающая по повелѣнію владычню служатъ тебѣ не больши и мнѣ не меньши. А честь прелетаетъ. Единъ честенъ тотъ, кто ночью возстаетъ на молитву, да медокъ перестанетъ, въ квасъ примѣшивая, пить». Вотъ что писалъ Морозовой Аввакумъ по поводу ея отношенія къ извѣстному намъ юродивому Ѳедору: «Поминаешь ли Ѳеодора? не сердитуюсь ли на него? Поминай су Бога для, — не сердитуй! Онъ не больно предъ вами виноватъ былъ, — обо всемъ мнѣ предъ смертію покойникъ писалъ: стала де ты скупа быть, не стала милостыни творить и имъ де на дорогу ничего не дала, и съ Москвы отъ твоей изгони съѣхалъ, и кое-што сказывалъ! Да ужъ Богъ васъ проститъ! Нечего старово поминать: меня не слушала, какъ я говорилъ, а послѣ пеняешь мнѣ. Да што на тебя и дивить! У бабы волосы долги, а умъ коротокъ». Зная щедрость боярыни, засвидѣтельствованную самимъ Аввакумомъ, мы рѣшительно не допускаемъ мысли, чтобы Ѳедоръ былъ правъ: должно быть, велика была ненасытимость этого юродиваго, если даже Морозову могла вывести изъ терпѣнія. Тѣмъ не менѣе Аввакумъ принялъ его сторону, какъ своего брата простолюдина, такъ какъ въ Морозовой онъ все не могъ не видѣть представительницы непріятнаго для него барства. Такъ сильна была у нашихъ предковъ сословная рознь!.. Несмотря на такую явную порой несправедливость, посланія Аввакума были главной поддержкой для Морозовой во время страданій.

Между тѣмъ было видно, что терпѣніе государя истоцилось: приказано было отобрать въ казну все состояніе Морозовой. Даже на ея родственникахъ отозвалась царская немилость: два брата ея были удалены отъ двора.

Такъ было до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, игуменья Адексѣвскаго монастыря поняла, что дальнѣйшее пребываніе Урусовой въ ея монастырѣ представляетъ большія неудобства, и стала сама хо-

датайствовать за нее передъ патриархомъ Питиримомъ, да кстати замолвила слово и за Морозову. Патриархъ ходатайствовалъ за обѣихъ страдалицъ предъ царемъ, прося его возвратить Урусову мужу, а Морозовой вернуть ея состояніе: ужъ такое де женское дѣло; много ли онѣ смыслятъ!..

— Я бы давно сдѣлалъ такъ, — отвѣчалъ царь, — да ты не знаешь, отче святой, какъ люта эта женщина... Если хочешь, допроси ее самъ, и тогда я поступлю съ ней такъ, какъ тебѣ будетъ угодно...

Морозову опять привезли на допросъ, на этотъ разъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ находились самъ патриархъ, крутицкій митрополитъ Павелъ и другія духовныя и свѣтскія власти. Она предстала предъ ними въ цѣпяхъ, до такой степени ослабѣвшей отъ заключенія, что стоявшей при ней стражѣ, сотникамъ и стрѣльцамъ, приходилось держать ее подъ руки. Питиримъ заговорилъ съ ней кротко и спросилъ ее, неужели она такъ возлюбила цѣпи.

— Воистину возлюбила!..—воскликнула она:—и воистину наслаждаюсь ими, понеже меня недостойную Господь сподобилъ Павловыхъ узъ!..

Патриархъ сталъ уговаривать ее оставить свое упрямство, не гнѣвить государя и причаститься. Морозова отказалась наотрѣвъ и заявила, что некому ее исповѣдать и причастить.

— Много поповъ на Москвѣ,—сказалъ патриархъ.

— Много поповъ, да нѣтъ истиннаго,—возразила допрашиваемая.

Питиримъ предложилъ ей свои услуги.

— Да чѣмъ ты лучше другихъ?—воскликнула Морозова.—Когда ты былъ крутицкимъ митрополитомъ и держался древняго благочестія, ты намъ былъ любъ; теперь же, когда ты сталъ творить волю земного царя болѣе, чѣмъ небеснаго, мы отвернулись отъ тебя. Не утѣшай меня тѣмъ, что причастишь меня самъ: я не прошу у тебя этого!

По словамъ житія Морозовой, патриархъ приписалъ ея упорство дѣйствию бѣса, облекся въ ризы и хотѣлъ помазать ее, какъ бѣсноватую, миромъ. Тогда Морозова, до того времени поддерживаемая подъ руки, стала «яко боець» и приготовилась къ рѣшительному сопротивленію; она оттолкнула его руку и воскликнула:

— Не губи меня твоимъ проклятымъ масломъ!..—А потомъ, звеня цѣпями, прибавила: — Развѣ я до сихъ поръ носила эти узы для того, чтобы ты въ одинъ часъ все испортилъ? Не нужно мнѣ твоей святыни... Отступи, удались!..

Патриархъ «взревѣлъ», по выраженію житія, «яко медвѣдь», называя Морозову исчадіемъ ехидниннымъ, вражьей дочерью и другими бранными словами. Морозова не оставалась въ долгу.

— Не лай на меня, патриарше,— сказала она ему:—я грѣшница, но не вражья дочь.

По словамъ житія, патріархъ велѣлъ повергнуть допрашиваемую ницъ и волочить ее вонъ по лѣстницѣ, такъ что она пересчитала головой всѣ ступеньки... Конечно, здѣсь нельзя не видѣть преувеличенія, но обращеніе съ родственницей царя въ это время не могло быть особенно деликатнымъ.

Послѣ Морозовой привезли на допросъ также Урусову и Данилову; и съ ними повторилось то же самое: и ихъ патріархъ хотѣлъ помазать миромъ... Тогда, «подобно святой Февроніи Римлянкѣ, которая сама содрала со своей головы кожу и бросила ее мучителямъ» (слова житія), княгиня Евдокія сорвала съ головы покровъ, что считалось для женщины очень неприличнымъ, и воскликнула: «Что вы дѣлаете со мной, безумные? развѣ вы не видите, что я женщина?»

Патріархъ не могъ болѣе терпѣть, пошелъ и разсказалъ обо всемъ царю.— Развѣ я не говорилъ тебѣ, что люты эти женщины!..— воскликнулъ царь. Рѣшили прибѣгнуть къ пыткамъ.

Въ слѣдующую ночь всѣхъ трехъ женщинъ привезли на ямской дворъ для пытки. Сначала пустили въ ходъ дыбу. Эта ужасная пытка состояла въ томъ, что преступника со связанными назадъ руками вздергивали на воздухъ и оставляли такъ висѣть, привязавъ къ ногамъ толстый брусъ, на который по временамъ вскакивалъ палачъ; кромѣ того, подъ ногами у пытаемаго горѣлъ огонь для усиленія страданій...

Когда дошла очередь до Морозовой, то она воскликнула: «За что мнѣ это?» — Это за то,— сказалъ присутствовавшій при пыткѣ князь Воротынскій, — что ты принимала юродивыхъ Кипріяна и Феодора и тому подобныхъ людей и слѣдовала ихъ ученью!.. Морозова возгласила о тлѣнности всѣхъ земныхъ благъ и стала убѣждать князя подумать о своей душѣ. За это ее держали долѣе всѣхъ на дыбѣ, пока веревки не протерли ей рукъ до жилъ... Подвергали всѣхъ трехъ женщинъ и другимъ ужаснымъ пыткамъ, на которыя были такъ изобрѣтательны наши предки, но все напрасно... Данилову, сверхъ того, какъ хуdorодную, высѣкли плетями, хотя и боярынямъ грозили тѣмъ же въ случаѣ дальнѣйшаго упорства. Данилова вымочила платокъ въ своей крови и послала его своему мужу, который тайно держался «древняго благочестія», но, подобно Урусову, не хотѣлъ раздѣлить участи своей супруги. Обыкновенное явленіе въ исторіи не только раскола, но и вообще религіозныхъ, а также и политическихъ движеній, что женщины являются рѣшительнѣе и фанатичнѣе мужичья!..

Послѣ пытки мать Меланія нашла возможность повидаться съ Морозовой; она принесла своей духовной дочери извѣстіе о томъ, что уже приготовленъ срубъ для сожженія ея, и укрѣпила ее на предстоящую мученическую кончину. И, дѣйствительно, патріархъ требовалъ сожженія Морозовой, но бояре, особенно князь Долгорукій, воспротивились этому. Рѣшено было еще воздѣйствовать на

нее кротостью. По словамъ житія, царь посылалъ къ Морозовой стрѣлцаго голову, уговаривая ее, по крайней мѣрѣ, сдѣлать видъ, что она крестится тремя пальцами, и общая въ случаѣ согласія возвратить ей свободу и все ея состояніе. И. Е. Забѣлинъ находитъ это извѣстіе совсѣмъ невѣроятнымъ, но, по нашему мнѣнію, оно, какъ нельзя болѣе, вяжется съ вообще мягкимъ и склоннымъ къ компромиссамъ, хотя подчасъ и очень упрямымъ характеромъ царя Алексѣя Михайловича. Не имѣя, подобно большей части своего поколѣнія, твердыхъ убѣжденій, гдѣ ложь и гдѣ правда, послѣдній гнѣвался только на упрямство боярыни и готовъ былъ на всевозможныя уступки, лишь бы она уступила въ чемъ нибудь... Однако, узница съ негодованиемъ отвергла подобную сдѣлку. Морозову въ это время держали въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, но такъ какъ сюда стали стекаться во множествѣ ея поклонники, то ее перевели въ Хамовники.

Царевна Ирина нашла возможность выступить опять на защиту своей родственницы, напоминая царю о заслугахъ ея покойнаго мужа и его брата. Однако, это заступничество только повредило боярынь: по словамъ житія, царь пришелъ въ гнѣвъ и воскликнулъ: «Хорошо, сестрица, если такъ, то есть у меня для нея мѣсто!» Послѣдовало повелѣніе царя отправить Морозову въ Боровскъ и заключить ее тамъ въ земляную тюрьму въ тамошнемъ острогѣ. Какова же была радость узницы, когда она въ своей новой темницѣ нашла другую мученицу раскола — инокиню Іустину, вмѣстѣ съ которой ее и стали тамъ содержать.

Вскорѣ въ ту же темницу были привезены и Урусова съ Даниловой, и, такимъ образомъ, всѣ три страдальцы были соединены опять вмѣстѣ, къ величайшей ихъ радости. Ихъ положеніе въ Боровскѣ было сначала сносно: мужъ Даниловой, который былъ стрѣлецкимъ полковникомъ, угощалъ и всячески ласкалъ стрѣлцкихъ сотниковъ, отправлявшихся въ Боровскъ сторожить узницъ, чтобы они не были къ нимъ очень свирѣпы. И здѣсь мать Меланія нашла возможность повидаться со своими духовными дочерьми. По словамъ житія, она первымъ дѣломъ стала укорять ихъ за какія-то «узы брани бѣсовскія», говоря, что, если онѣ не освободятся отъ этихъ узъ, то не помогутъ имъ и узы Христовы. Находившійся при этомъ неизвѣстный авторъ житія удивлялся тому, съ какой кротостью переносила эти упреки Морозова, будучи ни въ чемъ неповинна; она со слезами цѣловала руки своей наставницы и говорила, что согрѣшила отъ того, что была долгое время безъ ея руководства... И, дѣйствительно, нельзя не подивиться кротости боярыни, особенно, если принять во вниманіе, что та, которая ее упрекала, уклонялась сама отъ «узъ Христовыхъ».

Одинъ житель Боровска оказывалъ различныя услуги узницамъ, но объ этомъ узнали и его подвергли пыткамъ. Это, конечно, ухуд-

шило положеніе несчастныхъ: прибылъ изъ Москвы подъячій и отобралъ отъ нихъ все, что онѣ еще имѣли, оставивъ имъ только по одной одеждѣ; была у Морозовой чудотворная икона Пресвятой Богородицы, и ту отъ нея отняли...

Наконецъ, съ дьякомъ Кузьмищевымъ пришло окончательное рѣшеніе ихъ участи: Іустину велѣно было сжечь въ срубѣ, Марію Данилову помѣстить въ общую тюрьму съ другими арестантами, а Морозову съ Урусовой въ еще болѣе жестокой темницѣ морить голодомъ... Нельзя было придумать болѣе ужаснаго конца для несчастныхъ боярынь!.. Правда, онѣ не оставались совсѣмъ безъ пищи. «Вложи бо Небесный Царь,—говоритъ житіе,—въ сердце христоролюбивымъ воинамъ, иже подаяху имъ, другъ друга таяшеса, овогда сухарей пять или шесть, овогда яблоко едино или два, овогда же огурцовъ часть, а ино ничто же»... Но съ такой пищей нельзя было, конечно, прожить долго, особенно организмамъ, и безъ того изнуреннымъ долгими страданіями: сначала преставилась княгиня Евдокія; ея тѣло лежало непогребеннымъ, пока не пришелъ изъ Москвы приказъ зарыть ее на дворѣ острога.

Послѣ смерти сестры къ Морозовой прислали еще инока съ увѣщаніями, но она отвергла ихъ попрежнему и самого монаха умилила своимъ терпѣніемъ. Наконецъ пришла и ея очередь. Трогательно изображаетъ житіе ея послѣднія минуты. Изнемогая отъ голода, Морозова сказала стерегшему ее стрѣльцу:

— Рабъ Христовъ! живы ли твои родители? Если живы, то помолимся объ нихъ, если же умерли, то помянемъ ихъ!.. Умилосердись, рабъ Христовъ!.. умираю отъ голода: дай мнѣ калачика!

— Боюсь, госпожа,—отвѣчалъ тотъ.

— Ну, такъ хлѣбца!..

— Не смѣю.

— Ну, хоть немного сухариковъ!..

— И сухариковъ не смѣю.

— Ну, хоть принеси яблочка или огурчика, если не смѣешь ничего другого!.. Но отвѣтъ былъ тотъ же самый.

— Добро, чадо,—сказала вздохнувъ Морозова,—и благословенъ Богъ, изволивый тако!.. Исполни же хоть мою послѣднюю просьбу: когда умру, обверни меня рогожицей и положи рядомъ съ моей сестрицей!..

Когда же она была уже при послѣднемъ издыханіи, то позвала стрѣльца и сказала ему: «Рабъ Христовъ! у тебя вѣдь была мать? Знаю, что ты рожденъ отъ женщины!.. Сего ради молю тебя: видишь, я женщина и окована... нѣтъ у меня рабынь, чтобы вымыть срачицу, а хочетъ Богъ взять меня изъ этой жизни... Сбѣгай же ты на рѣчку и вымой мнѣ ее, чтобы не пришлось мнѣ лежать въ нѣдрахъ матери-земли въ грязной одеждѣ»...

Стрѣлецъ взявъ подъ полу ея сорочку, сбѣгалъ на рѣчку и вымылъ ее. Въ этой сорочкѣ и нашла вѣчное упокоеніе страдалица. Ее похоронили рядомъ съ сестрой.

Въ 1820 году, былъ на этомъ мѣстѣ знаменитый археографъ П. М. Строевъ. Тамъ находился камень, который благоговѣйно чтили мѣстные жители, рассказывая, что подъ нимъ погребены двѣ княжны, сожженные татарами; но Строевъ прочелъ на немъ слѣдующую надпись, почти стершуюся отъ времени: «Лѣта 7... погребены на семъ мѣстѣ сентября въ 11 день боярина князя Петра Семеновича Урусова жена его княгиня Евдокея Прокофьевна, да ноябрю въ 2 день боярина... жена... Морозова боярыня Феодосья Прокофьевна, а въ инокахъ инока-схимница Феодора, а дщери окольникова Прокофья Феодоровича Соковнина. А сію цку положили на сестрахъ своихъ родныхъ бояринъ Феодоръ Прокофьевичъ да окольниковей Алексѣй Прокофьевичъ Соковнины».

Наши раскольники чтутъ Морозову, Урусову и Данилову, какъ святыхъ мученицъ. Житіе ихъ написано съ большимъ талантомъ однимъ современникомъ, видѣвшимъ ихъ въ Боровской темницѣ. Изъ него-то мы и почерпнули большую часть сообщаемыхъ здѣсь свѣдѣній.

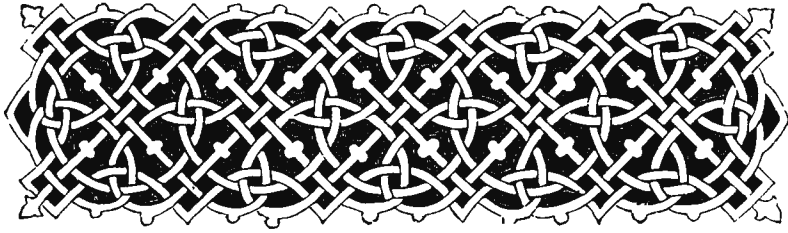
Такіе люди, какъ боярыня Морозова, составляютъ силу всякаго историческаго движенія. Она пожертвовала своему дѣлу всѣмъ: общественнымъ положеніемъ, богатствомъ, наконецъ тѣмъ, что всего дороже для женщины—материнскою любовью, и въ то же время ни во что не ставила свои заслуги, прощая единомышленникамъ всевозможныя несправедливости. Мы видѣли выше, какъ несправедливо относились иногда къ Морозовой ея наставники Аввакумъ и Меланія. Самыя гоненія, которымъ подвергались подобные люди, содѣйствовали успѣху ихъ дѣла, такъ какъ ихъ стойкость убѣждала окружающихъ въ ихъ правотѣ... Да и вообще нигдѣ такъ наглядно не выразилась несостоятельность преслѣдованій за убѣжденія, какъ въ исторіи нашего раскола. Насильственное вмѣшательство въ дѣло совѣсти нашихъ предковъ обратило простое недоразумѣніе относительно незначительныхъ обрядовъ въ вѣковой церковный раздоръ, вполне оправдавъ мудрыя слова знаменитаго еврейскаго законоучителя Гамалиила, сказанныя имъ въ синедрионѣ во время суда надъ апостолами: «Оставьте людей сихъ, ибо если это дѣло отъ людей, а не отъ Бога, то оно разрушится само собою!»... Эти слова примѣнимы вполне и къ позднѣйшимъ нашимъ религіознымъ движеніямъ, въ родѣ штунды.

Изъ русскихъ художниковъ судьба боярыни Морозовой вдохновила Сурикова, картина котораго воспроизводится здѣсь. На ней изображенъ моментъ, когда боярыню везутъ на Печерское подворье, и она, сложивъ руку въ двуперстный крестъ, высоко держитъ ее. На картинѣ прекрасно переданъ раздоръ, терзавшій тогдашнее

русское общество сверху донизу. По одну сторону мы видимъ въ благоговѣйной скорби сторонниковъ Морозовой,—странниковъ, которые питались отъ ея щедротъ, монахинь, «любве» которыхъ, по выраженію житія, боярыня «не можаше насытитися», наконецъ юродиваго, который явно свидѣтельствуетъ свою солидарность съ Морозовой, сложивъ такъ же, какъ и она, руку; это—ревнители «древняго благочестія». По другую сторону толпятся торжествующіе «никониане», центръ которыхъ составляетъ издѣвающійся надъ узницей попъ. Самъ г. Суриковъ признается, что онъ писалъ свою картину на основаніи произведенія г. Мордовцева: «Великій расколъ». Г. Мордовцевъ представилъ въ своемъ «историческомъ повѣствованіи» Морозову въ видѣ миловидной вдовы съ нѣжными чертами лица, но художественное чутье г. Сурикова предохранило его отъ повторенія этой ошибки. На картинѣ черты лица боярыни строги, какъ онѣ и должны были быть, судя по сравненію ея Аввакумомъ съ Юдиѳю; въ нихъ видны энергія и сила воли, проявившіяся во всей дѣятельности Морозовой.

В. Строевъ.

НА РѢКѢ ВЕТЛУГѢ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ).

ВСЛИ вы основательно изучите Ветлугу, вамъ придется написать о ней нѣсколько томовъ,—говорилъ одинъ почтенный ветлужанинъ.

Положимъ, это было «сильно сказано» даже для влюбленнаго въ свою родину ветлужанина, но отчасти онъ правъ. Немало можно написать о самой рѣкѣ Ветлугѣ, съ ея своеобразною жизнью на бѣлянахъ и плотахъ, которая ключемъ бьетъ два весеннихъ мѣсяца и затѣмъ замираетъ до слѣдующей весны. Еще больше матеріаловъ можетъ дать жизнь того обширнаго «лѣснаго царства», раскинушагося на громадномъ пространствѣ нѣсколькихъ губерніи (Нижегородской, Костромской и др.), живой артеріей котораго является р. Ветлуга съ ея многочисленными славными притоками. Много уже лѣтъ, именно съ тѣхъ поръ, какъ на Волгѣ стали уменьшаться лѣса, Ветлуга питаетъ своими лѣсными продуктами весь нижній плесъ Волги съ Каспіемъ включительно. Изъ года въ годъ тянутся по Ветлугѣ милліоны лѣсныхъ заготовокъ, милліонной цѣнности, и конца имъ долго не предвидится.

Тысячи людей заняты разработкой лѣсныхъ богатствъ Ветлужскаго края и сплавомъ ихъ на Волгу. Стародавній типъ бурлака—безшашнаго гуляки, спускающаго на берегу весь заработокъ, полученный на водѣ, этотъ типъ вымираетъ какъ на Волгѣ, такъ и на Ветлугѣ. На смѣну его идетъ симпатичный типъ бурлака-крестьянина, отдающаго бурлачеству часть свободнаго отъ «крестьянства» времени и именно въ интересахъ послѣдняго.

Помимо этихъ сторонъ Ветлужской жизни, любопытно также знакомство съ «порядками» пароходнаго плаванія на такихъ «проселочныхъ» рѣкахъ, какъ Ветлуга. Такіе порядки, вѣроятно, существовали на Волгѣ лѣтъ 50 назадъ... Отъ возмутительныхъ безобразій Ветлужскаго пароходства страдаютъ интересы многихъ тысячъ людей... Ветлужское пароходство существуетъ около 10 лѣтъ и все еще не вышло изъ періода младенчества.

I.

Г. Козьмодемьянскъ.—«Порядки» ветлужскаго пароходства.—На пароходѣ «Иванъ». Его «удобства», даровые фейерверки, веселая команда и пр.—«Голодающіе» на ветлужскихъ пароходахъ.—Скудность гг. «водяныхъ» и комическая «путейская обстановка» на Ветлугѣ.

Чтобы попасть на рѣку Ветлугу, нужно сойти съ волжскаго парохода въ г. Козьмодемьянскѣ («Кудемьянскѣ»—по мѣстному упрощенному наименованію), Казанской губерніи. Это 4-я пристань отъ Нижняго въ рейсѣ большихъ компанейскихъ пароходовъ—Волжскаго общества, Меркурьевскихъ, Самолетскихъ и др.

Этотъ чистенькій, благоустроенный и оживленный городъ съ 10-ти-тысячнымъ населеніемъ, играетъ крупную роль въ жизни Ветлуги: именно сюда спускаются ветлужскіе плоты къ началу юня, когда здѣсь устраивается лѣсная ярмарка, дѣлающая миллионные обороты. Ветлужскіе бурлаки оканчиваютъ здѣсь свою путину, сдаютъ плоты волжскимъ бурлакамъ, получаютъ расчетъ и возвращаются на пароходахъ домой. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ ветлужане ѣдутъ на плотамъ и ниже—до Самары и т. д.

Не вздумайте искать въ Козьмодемьянскѣ отдѣльной пристани ветлужскихъ пароходовъ: своей пристани они не имѣютъ и предпочитаютъ кочевать по чужимъ пристанямъ. Это представляетъ большія неудобства для публики, вынужденной ловить по разнымъ пристанямъ ветлужскій пароходъ, который гоняютъ то съ одной пристани, то съ другой.

А между тѣмъ ветлужскіе пароходы наживаютъ отличныя деньги и могли бы позаботиться объ устройствѣ собственной пристани въ Козьмодемьянскѣ. Напримѣръ, въ навигацію 1900 г. маленькій и старый пароходикъ «Боря», въ 25 силъ, оцѣниваемый всего въ 10 т. рублей, далъ за 1¹/₂ мѣсяца работы 3 т. р. чистаго дохода!..

Но ветлужскіе пароходы могли бы давать еще большіе дивиденды, если бы пароходство было хотя немного организовано. Теперь же здѣсь нѣтъ и тѣни организаціи. Восемь ветлужскихъ пароходовъ принадлежатъ 7 хозяевамъ, не желающимъ образовать товарищество (какое существуетъ, напримѣръ, на Окѣ, между Нижнимъ и

Рязанью), или, по крайней мѣрѣ, войти въ соглашеніе относительно тарифа, рейсовъ, пристаней и пр. Всѣ ветлужскіе пароходчики находятся не только въ конкуренціи, но прямо въ открытой враждѣ между собою.

Отсюда полный произволъ въ движеніи пароходовъ: отходятъ они не въ опредѣленные дни и часы, а по мѣрѣ накопленія пассажировъ и грузовъ и по разнымъ соображеніямъ «хозяина», обыкновенно пребывающаго на своемъ суднѣ, чтобы слѣдить за барышами. Всѣ усилія пароходчиковъ устремлены на то, чтобы собрать побольше жатвы за короткую ветлужскую навигацію, продолжающуюся только до спада весеннихъ водъ, т.-е. до начала или половины іюня. Иногда навигація возобновляется еще осенью, если дожди поднимутъ воду въ Ветлугѣ. Остальное лѣто ветлужскіе пароходы работаютъ временами на Волгѣ, или дремлютъ въ Козьмодемьянскѣ и другихъ мѣстахъ.

Ветлужскіе пароходы стараго типа—съ каютами внизу, небольшіе, слабосильные, меньше тѣхъ, что ходятъ въ верхнемъ плесѣ Волги (отъ Твери до Рыбинска). Впрочемъ одинъ пароходъ американскаго типа (двухъярусный)—«Иванъ».

Любопытно, что на протяженіи 500 верстъ пароходнаго пути по Ветлугѣ имѣется всего четыре пристани: села Воскресенское и Баки и города Варнавинъ и Ветлуга. Не думайте, что рѣка Ветлуга такъ пустынна. Напротивъ, на этомъ 500—верстномъ разстояніи (отъ устья до г. Ветлуги) вы встрѣчаете на самомъ берегу болѣе сотни селъ, деревень, усадебъ, лѣсныхъ заготовокъ и проч., а въ небольшомъ разстояніи отъ берега найдете вдвое больше разныхъ поселеній.

Сколько пассажировъ и грузовъ прибавилось бы отсюда, если бы ветлужскіе пароходчики устроили побольше пристаней на разстояніи 20-30 верстъ вмѣсто теперешнихъ перегоновъ въ 100-200 верстъ. Правда, пароходы берутъ пассажировъ прямо съ берега и съ лодокъ и также спускаютъ ихъ. Но не всѣ рѣшаются на этотъ подвигъ, зная, что ветлужскіе пароходы поднимаютъ пассажировъ не по трапу, а просто выволакиваютъ ихъ съ лодокъ на бортъ чуть-чуть не зашиворотъ, или принимаютъ съ берега тѣмъ же манеромъ, считая сходни излишнею роскошью...

Сколько несчастій при этомъ бываетъ! Въ навигацію 1901 г. жительница с. Благовѣщенскаго (между Воскресенскимъ и Баками) приняла въ апрѣлѣ холодную ванну, садясь съ лодки на пароходъ, и съ трудомъ спасена... Тогда же опрокинулась пристававшая къ «Петру» лодка съ 9 пьяными вдрызгъ пассажирами, но, къ удивленію, всѣ они отдѣлались только холодною ванною и всѣ спасены... Но нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ гибнутъ люди. Не говорю уже о массѣ случаевъ, когда пароходы отказываютъ безъ достаточныхъ основаній въ пріемъ пассажировъ съ лодокъ и берега.

Вообще, рѣдкій рейсъ ветлужскихъ пароходовъ обходится безъ разнаго рода аварийъ и происшествій. Немало ихъ выпало и на нашу долю, въ рейсъ парохода «Иванъ» (27—31 мая 1901 г.).

Лучшимъ ходокомъ на Ветлугѣ признается «Петръ», но мы его не застали и должны были сѣсть на «Ивана», о которомъ отзываются ветлужане, какъ о «самомъ чистомъ и удобномъ» изъ ветлужскихъ пароходовъ. Но прежде всего это одинъ изъ самыхъ старыхъ на Ветлугѣ пароходовъ: онъ построенъ десять лѣтъ назадъ и сначала ходилъ по р. Сурѣ (имя которой тогда носилъ).

О «чистотѣ» его не будемъ говорить: этого понятія не существуетъ на ветлужскихъ пароходахъ... Но «удобнымъ» еще можно его признать, если не быть требовательнымъ, да и то имѣя въ виду пассажировъ I и II классовъ, которымъ предлагаются какъ отдѣльныя двухмѣстныя каюты наверху, не особенно тѣсныя и довольно приличныя, такъ и общія рубки скромныхъ размѣровъ.

Но пассажирамъ III класса отведено грязное помѣщеніе внизу, безъ всякихъ приспособленій, среди груза, дровъ и проч., да небольшая площадка наверху, между I и II классами, покрытая сверху и открытая съ боковъ. Въ дождь здѣсь хлещетъ съ обѣихъ сторонъ, а въ остальное время при малѣйшемъ вѣтрѣ несутся фейерверки и соръ изъ пароходной трубы и жгутъ волосы, глаза, платье пассажировъ. Отъ дождя и искръ нѣтъ спасенія даже на кормѣ, не имѣющей на «Иванѣ» крыши. Снопы искръ разгуливаютъ иногда даже на носу парохода...

Употребленіе нефти не обязательно, къ сожалѣнію, для ветлужскихъ пароходовъ, и они жгутъ дрова, благо тѣ дешевы. Но, кажется, не трудно обязать ихъ устроить извѣстныя приспособленія въ трубахъ, не выпускающія искръ наружу. Отъ этихъ искръ страдаютъ не одни пассажиры, но и самые пароходы: въ рѣдкій рейсъ не случается пожара (былъ пожаръ и въ нашемъ рейсѣ, какъ увидимъ ниже).

Есть на «Иванѣ» балконъ вокругъ верхняго яруса, но гулять здѣсь немислимо, какъ отъ всюду разгуливающихъ искръ, такъ и потому, что балконъ крайне узокъ, безъ крыши и огражденъ такою животрепещущею и низенькою рѣшеткою, что безнаказанно облокотиться на нее можетъ развѣ пятилѣтній младенецъ...

Единственнымъ удобствомъ парохода представляется его электрическое освѣщеніе. Всѣ же остальные «удобства» отъ большого до малаго — очень сомнительнаго свойства. Буфетная часть на «Иванѣ» обрѣталась не въ авантажѣ, и буфетомъ завѣдывали какіе-то случайные и вѣчно хмельные люди... Чуть ли не на каждой пристани поваръ грозилъ бросить пароходъ и тѣмъ доводилъ до слезъ распорядителей буфета, а публику, предвидѣвшую ужасы голода, повергалъ въ отчаяніе... Поваръ просто капризничалъ съ похмелья, такъ какъ работою онъ вовсе не былъ обремененъ. Правда, прейсъ-

курантъ имѣлся очень внушительный (цѣны не ниже волжскихъ), но... изъ сотни указанныхъ блюдъ въ дѣйствительномъ употребленіи едва ли былъ одинъ десятокъ... То провизія надлежащей нѣтъ, то ея мало, то одинъ предметъ для извѣстнаго блюда имѣется, а другого и третьяго нѣтъ и т. д. Бывали моменты, когда буфетъ предупреждалъ, что провизія у него на исходѣ, а до пристани оставалось еще полсутокъ и болѣе ходу...

И дѣйствительно на «Иванѣ» появлялись настоящіе голодающіе... Одна артель каменщиковъ мало захватила хлѣба въ Козьмодемьянскѣ, не подозревая, что до слѣдующей пристани «Иванъ» доберется черезъ 1½ сутокъ. Ни буфетъ, ни матросы не могли продать имъ своего хлѣба, имѣвшагося въ ограниченномъ количествѣ. Артель почти сутки буквально голодала, пока случайно не купила хлѣба въ деревнѣ, гдѣ пароходъ бралъ дрова. Мыслимъ ли подобный дикій фактъ на Волгѣ?

Очень рѣдкимъ исключеніемъ является на волжскихъ пароходахъ (и то только на такъ называемыхъ «купеческихъ») то печальное обстоятельство, почти обязательное и заурядное на Волгѣ, что карты и бутылки (не пустыя) услаждаютъ вѣчный досугъ паровой администраціи, видимо скучающей отъ бездѣлья и незнанія, къ чему иначе приложить избытокъ своихъ силъ и времени...

Командиръ «Ивана» — изъ бывшихъ «помощниковъ» на кашинскихъ пароходахъ, т.-е. изъ школы, какъ извѣстно на Волгѣ, не причисляемой къ числу «образцовыхъ»... Командира мы рѣдко видѣли на его посту, хотя онъ былъ новичекъ на Волгѣ — плавалъ первую навигацію и, казалось бы, долженъ изучать основательно незнакомую рѣку... Очевидно, онъ былъ слишкомъ увѣренъ въ своихъ лопманахъ и не хотѣлъ имъ мѣшать...

Болѣе усердно мѣшали лопманамъ помощникъ командира, онъ же кассиръ. Вѣчно онъ носился по всѣмъ угламъ парохода, временами поднимаясь и въ лопманскую будку, но предпочитая витать въ болѣе низкихъ сферахъ парохода, гдѣ всегда было у него какое-то дѣло. За картами и бутылками его не было видно, и уже одно это обстоятельство поднимало его въ глазахъ публики, хотя среди матросовъ онъ рѣшительно не пользовался авторитетомъ... Во всякомъ случаѣ, это былъ самый бодрый и свѣжій человекъ среди команды, обязательно къ вечеру и почти поголовно, если не хмельной, то бывшей въ хмельномъ угарѣ...

О машинной командѣ мы получили надлежащее представленіе къ вечеру перваго дня плаванія, когда разразилась первая катастрофа — поломка машины. Очевидцы говорили, что въ первый моментъ машинная команда вообразила, что начинается взрывъ котла, и на всѣхъ парахъ выкатила изъ машинной... Видя, однако, что котель еще не вполне созрѣлъ для взрыва, команда поуспокоилась

и вернулась въ машинную доискиваться причины поломки. Долго машинисты бились надъ этимъ и, ничего не находя, теряли голову... Наконецъ, надъ ними сжалился одинъ пассажиръ изъ немудреныхъ слесарьковъ и объяснилъ причину поломки машины...

Машинисты говорили въ свое оправданіе, что въ этотъ рейсъ они отказывались выходить изъ Козьмодемьянска безъ ремонта машины, но хозяинъ парохода заставилъ итти, обѣщая ремонтъ предъ слѣдующимъ рейсомъ...

Естественно является вопросъ: осматриваетъ ли кто машины и вообще ветлужскіе пароходы? Вѣдь все это творится въ двухъ шагахъ отъ Волги, гдѣ всякаго «водяновскаго» начальства видимо-невидимо! Очевидно, и Ветлуга принадлежитъ къ какому нибудь путейскому округу, дистанціи, околотку. Но на Ветлугѣ и запаху не слышно гг. «водяныхъ»...

Когда мы шли вверхъ по Ветлугѣ, то насчитали менѣе 10-ти бакеновъ на 500 верстахъ. На обратномъ пути прибавился еще одинъ десятокъ бакеновъ да нѣсколько береговыхъ «маяковъ», блещущихъ новыми красками. Не этотъ ли ремонтъ и былъ причиною такого поздняго появленія ихъ, всего за двѣ недѣли до закрытія навигаціи?.. Во всякомъ случаѣ, пароходы благоразумно поступаютъ, что не пользуются указаніями этихъ знаковъ, поставленныхъ на перекатахъ на авось, «по примѣру прежнихъ лѣтъ», безъ новой промѣрки капризной рѣки, ежегодно мѣняющей фарватеръ.

Вообще эта путейская «обстановка» Ветлуги, представляющая въ сущности одно декоративное украшеніе рѣки, производитъ комическое впечатлѣніе своею бесполезностью и запоздалостью... Лучше бы путейское вѣдомство устремило свои дорогія усилія на расчистку тѣхъ перекатовъ (особенно на устьѣ рѣки), которые уже съ половины іюня дѣлаютъ рѣку недоступною для пароходовъ.

II.

Устье рѣки Ветлуги. — Плоты «однорядки» и «соймы». — «Лоты». — «Хватальщики». — Лѣсныя богатства края. — Зимняя заготовка лѣса.

Ветлуга впадаетъ съ лѣвой стороны Волги, въ 6—8 верстахъ ниже села Юрина (гдѣ находится извѣстный волжскимъ туристамъ замокъ Шереметевыхъ, довольно неуклюжей, громоздкой и мрачной архитектуры невѣдомаго стиля) и въ 10—12 верстахъ выше Козьмодемьянска.

Ветлуга имѣетъ два устья: главное и ближайшее къ Юрину входитъ въ Волгу почти прямо навстрѣчу ея теченія, отчего здѣсь образуется сильная толчая, и устье быстро заносится песками, подъ вліяніемъ двухъ теченій. Только въ самую большую воду суда рискуютъ выходить этимъ устьемъ на Волгу. Обыкновенно

же пароходы входятъ въ Ветлугу другимъ, меньшимъ устьемъ, крайнимъ къ Козьмодемьянску. Это устье раздѣлено островкомъ на два рукава, и пароходы пользуются лѣвымъ (идя вверхъ) рукавомъ, очень узкимъ и также заносимымъ песками. Туда мы прошли этотъ первый перекалъ спокойно (наметка показывала до 8 четвертей глубины), хотя «Иванъ» былъ достаточно нагруженъ. Но на обратномъ пути, т.-е. на 5-я сутки, почти свободный отъ груза «Иванъ» едва проскочилъ успѣвшій обмелѣть перекалъ, да и то благодаря очень сильному ходу.

Ходъ грандіозныхъ бѣлянь на Ветлугѣ уже окончился, и намъ предстояло знакомство только съ плотами, уже начинавшими въ большомъ количествѣ выходить съ Ветлуги и устанавливаться около Козьмодемьянска (къ лѣсной ярмаркѣ). Изъ плотовъ только тяжелыя «соймы» (или «грузовики») пользуются, подобно бѣлянамъ, «лотомъ», регулирующимъ движеніе по фарватеру, легкіе же плоты «однорядки» идутъ простымъ сплавомъ.

Однорядки—это плоты, состоящіе изъ одного ряда бревенъ, а въ соймахъ бываетъ 4—6 рядовъ бревенъ, положенныхъ одинъ на другой, нерѣдко же еще съ прибавкою разнаго лѣсного груза (досокъ, дѣлныхъ разборныхъ избъ и пр.) поверхъ бревенъ. Обыкновенно соймы представляютъ лѣсную заготовку, оставшуюся отъ бѣлянь или же запоздавшую: соймы могутъ пройти по меньшей водѣ, чѣмъ бѣляны, такъ какъ соймы много легче бѣлянь.

Издали сойму не сразу отличишь отъ однорядки: соймы также представляютъ ряды бревенъ, связанныхъ (лыкомъ и пр.) въ «клѣтки»—четыреугольники въ 40—60 бревенъ. Отъ 6 до 8 (рѣдко больше) клѣтокъ, связанныхъ одна съ другою и вытянутыхъ въ одну линію, составляютъ плотъ, руководимый одною командою. На однорядкахъ бываетъ 4—6 бурлаковъ, ведущихъ легкій плотъ. Но сойма требуетъ въ 5—6 разъ болѣе человѣческихъ рукъ. Она не можетъ ограничиться одними рулями (собственно большими веслами) въ «головѣ» и «хвостѣ» плота («навѣсь» и «поносное»), какъ однорядки, да баграми для отталкиванія отъ береговъ, мелей и пр. Предоставленная силѣ теченія, летя стремительно въ большую воду, не разбирая фарватера и постоянно уклоняясь отъ него, тяжелая сойма непремѣнно разбивалась бы о берега и отмели, если бы ея движеніе не сдерживалось и не регулировалось «лотами».

Лоты—это чугунные массивы въ 200—300 пудовъ, неправильной формы (пирамидальной, овальной и пр.), съ «шишками» на обѣихъ широкихъ сторонахъ и съ ухомъ («серьга») въ суженномъ верхнемъ концѣ. Въ ухо вдѣвается цѣпь, переходящая выше въ «косякъ» (толстый канатъ, сплетенный изъ нѣсколькихъ канатовъ). На косякъ лотъ опускается съ хвоста соймы на дно фарватера рѣки, по которому и движется сзади соймы, увлекаемый ея тяжестью. Лотъ сдерживаетъ быстрый ходъ соймы по теченію

рѣки и не позволяетъ плоту сойти съ фарватера. Если фарватеръ мѣняется свое направленіе или развѣтвляется, и соймѣ угрожаетъ опасное положеніе, лотъ поднимаютъ помощью ворота, затѣмъ опускаютъ въ другомъ надлежащемъ мѣстѣ, или же, не трогая опущеннаго лота, спускаютъ другой, иногда и третій запасный лотъ, добавляя къ нимъ въ иныхъ случаяхъ еще завозные якоря. Словомъ, лоты играютъ и сдерживающую, и регулирующую роль.

Вся эта процедура движенія съ лотомъ соймѣ и бѣлянъ очень сложная и опасная, требующая огромной опытности и навыка, чрезвычайной бдительности и отличнаго изученія рѣки. Оттого такъ рѣдки и такъ дорого цѣнятся хорошіе лотмана, ведущіе соймы и бѣяны. Оттого же при неопытныхъ лотманахъ тамъ нерѣдки случаи крушенія и полной гибели этихъ плотовъ и судовъ, везущихъ очень дорогой грузъ (на 20—50 т. р.).

При подъемѣ воротомъ лота серьга послѣдняго нерѣдко ломается, или косякъ обрывается, и люди гибнутъ отъ ударовъ расхлывшагося ворота... Недавно въ подобномъ случаѣ на Ветлугѣ сила удара ворота была такъ велика, что голова подвергнушагося несчастнаго бурлака сорвалась съ туловища, какъ срѣзанная, и полетѣла за бортъ...

Сила тренія лотовъ по дну рѣки такъ велика, что въ одну путину шишки (ихъ бываетъ 4—8) на одной сторонѣ лота совершенно стираются, а каждая шишка вѣситъ около пуда. На слѣдующую путину лотъ поворачиваютъ другою стороною, гдѣ еще не тронуты шишки. На третье лѣто лотъ уже не годится, такъ какъ безъ шишекъ не въ силахъ отправлять, какъ слѣдуетъ, свое назначеніе. Такіе истертые лоты можно видѣть въ Козьмодемьянскѣ, около лавокъ, гдѣ продаются якори и т. п.

Для легкихъ плотовъ-однорядокъ лоты не требуются, но якоря имъ нужны и, кажется, обязательны для нихъ по путейскимъ правиламъ. Однако, якоря не дешевы (отъ 25 р. и выше), и ветлужскіе плоты-однорядки почти не держатъ ихъ. Но на Волгѣ, при ея сильномъ теченіи, плоты не могутъ итти безъ якоря даже небольшое пространство отъ устья Ветлуги до Козьмодемьянска. Якоря здѣсь необходимы, чтобы сдерживать плоты, если они принимаютъ опасное для нихъ направленіе. И вотъ практика создала особую и выгодную профессію среди жителей окрестныхъ волжскихъ селеній.

Подходя къ устью Ветлуги, вы замѣчаете у берега цѣлую флотилію дощаниковъ и др. большихъ лодокъ. То одна, то другая лодка выходитъ изъ линіи и направляется къ выходящимъ изъ Ветлуги плотамъ-однорядкамъ. На каждой лодкѣ 4—6 человекъ команды и якоря со «снастями» (канаты и пр.).

Это такъ называемые «хвतालщики», подхватывающіе плоты на устьѣ и, при помощи собственныхъ якорей, ведущіе ихъ по

Волгѣ до Козьмодемьянска, къ назначенной пристани. За эту проводку хватальщики получаютъ по 5 р. съ плота. Доведя плотъ до мѣста, они берутъ на лодку свои якоря и снасти и возвращаются на устье, дожидаясь поочередно новой работы. Въ разгаръ сплава плотовъ (вторая половина мая) иной партіи хватальщиковъ удается въ сутки провести 2—3 плота и получить значительный заработокъ.

Соймъ мы встрѣтили на Ветлугѣ немного, но плоты-однорядки тянулись нескончаемой лентой, иногда покрывая все видимое пространство рѣки и тѣмъ затрудняя ходъ парохода. Только въ темныя ночи да въ вѣтряную погоду плоты причаливаютъ къ берегамъ, держась на «чалкахъ» (канатахъ), закинутыхъ за деревья и пни или за вбитые въ землю кольца («пешни»). Во время стоянки они обязаны выбрасывать такъ называемую «манишку»—бѣлый флагъ. Кроме того, каждый плотъ всегда несетъ свой особенный флагъ—значекъ своего хозяина, опредѣленнаго цвѣта и рисунка, съ хозяйскими инициалами.

Чаще всего попадались плоты мѣстныхъ лѣсныхъ тузовъ—дворянина Лугинина и купца Ефремова. Каждый изъ нихъ ежегодно сплавляетъ до 300 плотовъ. Чувашенинъ Ефремовъ лѣтъ 20 назадъ началъ разработку лѣса съ очень маленькимъ капиталомъ и исполу съ кѣмъ-то. Годъ былъ «ходовитый» (удобный для сплава), первая операція удалась, и Ефремовъ быстро пошелъ въ гору. Теперь его лѣсная «дача» цѣнится съ миллионъ. Его грандіозные дома въ г. Чебоксарахъ («чувашская столица») сдѣлали бы честь губернскому городу. Выше Чебоксаръ находится его паровая лѣсопилка, съ электрическимъ освѣщеніемъ.

Лѣсныя угодья Ветлужскаго края быстро растутъ въ цѣнѣ. Запущенные лѣса Челищева, купленные 4 года назадъ удѣльнымъ вѣдомствомъ за 700 тысячъ, теперь, послѣ приведенія ихъ въ нѣкоторый порядокъ, оцѣниваются приблизительно уже въ 3 миллиона, дѣйствительная же ихъ стоимость много выше... При нормальной же оцѣнкѣ стоимость лѣса утроивается черезъ 10 лѣтъ. Цѣнность лѣса начинаютъ сознавать крестьянскія общества, и, гдѣ уцѣлѣли остатки уничтоженныхъ раньше мірскихъ лѣсовъ, крестьяне берегутъ ихъ, не сводя дѣлежомъ на души.

Разработка лѣса на Ветлугѣ и ея притокахъ производится зимою, когда рубятъ лѣсъ, раздѣляютъ его и подвозятъ къ берегамъ. Для плотовъ, состоящихъ почти исключительно изъ бревенъ (еще бываютъ жерди, дрова и пр.), раздѣлка самая простая: бревна на половину очищаются отъ коры, «чтобы показать товаръ лицомъ». Эта очистка въ ходу только на Ветлугѣ, а на Сурѣ, Керженцѣ и другихъ сплавныхъ рѣкахъ не употребляется.

Бревна, свезенныя на берегъ Ветлуги, связываются («свиваются») въ «клѣтки», а изъ нѣсколькихъ клѣтокъ составляются плоты.

То же происходитъ и на берегахъ большихъ притоковъ Ветлуги — на рѣчкахъ Урени, Устѣ и др.

Но на маленькихъ рѣчкахъ, не могущихъ поднять плота, процедура иная. Здѣсь связываютъ вмѣстѣ по нѣсколько бревенъ и пускаютъ ихъ сплавомъ до такъ называемыхъ «гаваней» — запрудъ на устьяхъ рѣчекъ, или выше, гдѣ рѣчка расширяется и даетъ возможность заняться «свивкою» бревенъ въ клѣтки, а клѣтокъ въ плоты. На небогатыхъ водою рѣчкахъ такихъ гаваней-запрудъ устраивается нѣсколько: по мѣрѣ накопленія воды первая запруда раскрывается, и бревна спускаются ниже, до второй гавани, и т. д. Если тутъ сплавляются бревна нѣсколькихъ владѣльцевъ, то на нихъ вырѣзаются разныя клейма, чтобы потомъ разобрать лѣсъ по принадлежности.

Лѣсъ рубятъ на разныхъ условіяхъ. Чаще рубщики получаютъ за рубку и свивку въ плоты по 15—20 коп. съ бревна. Иногда же работаютъ, какъ «половинщики», получая или 1 бревно себѣ на 1 бревно хозяину, или 1 себѣ на 2 бревна хозяину. Бываетъ еще такая расцѣнка, если рубка и свивка соединяются со сплавомъ плотовъ до Козьмодемьянска: положимъ, плотъ стоитъ 1 т. р., тогда 500 р. отдается рубщикамъ и сплавщикамъ, но за вычетомъ около 300 р. хозяйскихъ расходовъ на кормъ рабочихъ, на снасти и проч.

III.

Весенній сплавъ лѣса.—Бурлаки.—Дешевизна ихъ труда.—Тяжелыя и ненормальныя условія бурлацкой жизни.—Аваріи плотовъ.—Бурлаки-«озорники». — Пароходы, набитые возвращающимися бурлаками.

Весеннимъ сплавомъ плотовъ обыкновенно занимаются другія лица — не тѣ, что зимою рубили и готовили лѣсъ. Сплавщики лѣса, бурлаки, получаютъ, смотря по разстоянію, отъ 8 до 12 р. за путину до Козьмодемьянска, тянущуюся 1—3 недѣли. Кормежка въ пути, если бурлакъ не пьянствуетъ и не «роскошествуетъ» въ пищѣ, обходится около 2—3 р., да обратный путь на пароходѣ болѣе рубля. Значитъ, домой онъ можетъ принести отъ 3 до 7 рублей.

Это жалкій заработокъ для самой простой работы, а трудъ бурлака проходитъ въ страшно тяжелыхъ и совершенно ненормальныхъ условіяхъ. Даже при благополучномъ ходѣ плота, въ тихую погоду, по хорошему фарватеру, отъ бурлаковъ требуется усиленное напряженіе вниманія, чтобы не посадить плотъ на мель или не разбить его объ узкіе берега Ветлуги, не столкнуться съ другими плотами и проч.; 4—6 человекъ — вся команда плота — постоянно заняты то поворотомъ тяжелыхъ рулей, то съ баграми въ рукахъ отпихиваются отъ береговъ, отмелей, плотовъ и пр., то, не имѣя якорей, стремглавъ летятъ на лодченкѣ къ берегу, чтобы по-

скорѣе вбить пешню и зачалить плотъ, стремящійся на опасный путь.

Но упоромъ слабой пешни въ песчаномъ грунтѣ нельзя удержать тяжелаго плота, и одинъ—два бурлака наваливаются грудью на валящуюся пешню, напрягая всѣ свои силы, чтобы сдержать тысячепудовой плотъ... Разумѣется, ихъ сила на это не хватаетъ: пешня вырывается изъ судорожныхъ объятій бурлаковъ, иногда жестоко поранивши ихъ, и летитъ въ воду вмѣстѣ съ чалкою... Туда же летятъ стремглавъ несчастные бурлаки, чтобы поймать чалку и пешню, вытащить ихъ на берегъ и снова попробовать зачалить плотъ. Сколько тутъ сила надрывается и гибнетъ окончательно!.. И вся эта мука продѣлывается ради интересовъ хозяйскаго кармана, покупившагося на обязательную по закону покупку якоря... Изъ-за какихъ нибудь 25 рублей (даже меньше, ибо якорь служитъ много лѣтъ) гибнуть человѣческія жизни... Вообще, бурлаки должны быть вѣчно насторожѣ, напряженно всматриваясь во всѣ извивы рѣки и излучины берега, чтобы угадать предстоящій путь плота и направить его, какъ слѣдуетъ. Они знаютъ, что при крушеніи плота въ лучшемъ случаѣ провозятся надъ новою сборкою его лишнюю недѣлю, а въ худшемъ совсѣмъ потеряютъ его, лишаясь и настоящаго заработка, и будущаго: никто болѣе не поручитъ имъ сплава плотовъ... Мало того, возможно и полное разореніе, если владѣлецъ плота станетъ по суду искать своихъ убытковъ съ бурлаковъ.

А эти случаи аварій такъ часты и возможны, именно благодаря отсутствію на плотахъ якорей и др. приспособленій, также по малочисленности команды. То налетитъ тяжелый «грузовикъ» (сойма), то неловкій и неуклюжій ветлужскій пароходъ ударится въ плотъ, то на поворотѣ крайне извилистой Ветлуги бурлаки не справятся и налетятъ на берегъ или сядутъ на отмель, то штормъ размететъ клѣтки и порветъ ихъ...

Сколько трудовъ и муки вновь собрать разбитый плотъ! Въ «тавани» надъ сборкою его работали десятки рукъ, а здѣсь 4—6 бурлаковъ должны продѣлать ту же работу, иногда по колѣно, а то и по горло въ водѣ, еще очень холодной здѣсь въ апрѣлѣ и маѣ... Счастье еще, если подойдут другіе плоты того же хозяина—они помогутъ своимъ, или если вблизи случится деревня, и бурлаки (за свой счетъ) наймутъ нѣсколько свѣжихъ рабочихъ рукъ.

Въ нашемъ плаваніи мы встрѣтили одинъ разбившійся на поворотѣ плотъ недалеко отъ устья. На немъ и около, въ водѣ, возилось много людей, очевидно принанятыхъ. Они собирали плотъ уже трое сутокъ, да еще на столько же предстояло работы.

Сколько бурлацкихъ жизней гибнетъ во время разнаго рода аварій съ плотами!.. На Ветлугѣ, однако, говорятъ, что «на воду суда нѣтъ»... Жизнь тамъ дешева...

— Твой Ванька утонулъ!—кричить съ парохода бурлакъ женцинѣ на берегу.

— Гдѣ?—спокойно по виѣшности и какъ бы мимоходомъ спрашиваетъ жена или мать, сестра утонувшаго.

— На Большомъ «кривулѣ»...

И большо ничего—ни распросовъ, ни аховъ, словно все въ порядкѣ вещей... И только одинокіе кресты на ветлужскихъ берегахъ говорятъ объ этихъ безвременно и не по своей винѣ погибшихъ бурлакахъ...

Но и помимо этихъ чрезвычайныхъ случаевъ обычная жизнь бурлаковъ на плотахъ гибельно отражается на ихъ здоровьѣ. Постоянное пребываніе въ сырости вызываетъ ревматизмы, простуду и проч. Иные плоты плохо связаны, или бревна разошлись въ пути, вода на нихъ выступаетъ повсюду. Плоты изъ березовыхъ жердей сплошь залиты водою, и только подлѣ рулей намощено побольше дерева, на половину тоже мокраго.

Отъ дождя, росы, тумановъ и ночного холода бурлаку негдѣ укрыться. Порядочныя избушки имѣются на очень рѣдкихъ плотахъ, почти исключительно на соймахъ. На большинствѣ плотовъ видимъ какія-то собачьи конуры, гдѣ съ трудомъ помѣщаются два человѣка. На многихъ же плотахъ ограничиваются легкими навѣсами, чтобы можно было спрятать отъ дождя кое-какую одежку да провизію.

О бурлакахъ, плывущихъ на плотахъ съ такими примитивными шалашами, ветлужане отзываются, что это де бурлаки «озорники», безшабашныя головы, которымъ и море по колѣно... Они не утруждаютъ себя заботами хотя бы о минимальномъ подобіи комфорта: полѣно подъ головы вмѣсто подушки, и постель у нихъ готова... Имъ лѣнь и костры разводить да готовить горячую пищу: они пробавляются сухояденіемъ да водкою.

Но на большинствѣ плотовъ горячая пища обязательно готовится и чаепитіе въ ходу. На иныхъ даже хозяйничаетъ (а въ другое время и помогаетъ въ бурлацкой работѣ) баба, хотя завзятые бурлаки вообще не перевариваютъ присутствія бабъ на плотахъ.. Въ тихую погоду и на хорошемъ фарватерѣ обѣдъ бурлаковъ совершается на ходу плота. Но при вѣтрѣ и въ трудныхъ мѣстахъ плоты причаливаютъ къ берегу, особенно если нужно запастись дровами. Дровяные склады на берегахъ, не охраняемые сторожами, сильно страдаютъ отъ проходящихъ плотовъ, руководимыхъ бурлаками-«озорниками».

Вообще озорники ведутъ себя довольно бурно и независимо... Помню одну сцену ниже Воскресенской пристани, гдѣ нѣсколько плотовъ «покошмились» (или «покараванились», т.-е. соединились въ одинъ караванъ) у праваго берега, подлѣ песчаной отмели. Бурлаки, запасшись водкою въ Воскресенскѣ, вышли на отмель и

здѣсь загуляли: они то отплясывали какіе-то дикіе танцы, съ невѣроятными па и отчаянной мимикой, то устраивали борьбу, перебѣжку и пр. Дикіе вопли, обрывки пьяныхъ пѣсенъ, ругань самой высшей марки—все это стономъ висѣло въ воздухѣ...

Наши ветлужане на пароходѣ, хорошо знакомые съ повадками бурлаковъ, стали поддразнивать ихъ, задавая вопросы въ родѣ слѣдующаго, самаго обиднаго для бурлацкаго самолюбія:

— Эй! а гдѣ вашъ водоливъ?..

Въ отвѣтъ посыпались съ берега трехэтажныя ругательства... Разгорѣвшуюся живую перебранку бурлаковъ съ пароходомъ, разумѣется, нельзя передать въ печати даже приблизительно...

Вопросъ о водоливѣ потому всегда сердитъ бурлаковъ, что никакого водолива на плотахъ не полагается—ему тамъ нечего дѣлать. Это все все равно, какъ если бы спросить у бурлаковъ: а гдѣ вашъ машинистъ?.. Водоливъ—главный распорядитель при постройкѣ бѣлянь, а во время хода ихъ—второе на суднѣ лицо послѣ лоцмана.

Вообще, при всѣхъ столкновеніяхъ парохода съ плотами, съ послѣднихъ несутся то невозможныя ругательства, то своеобразныя выраженія, прелесть которыхъ усиливается еще пѣвучимъ, протяжнымъ ветлужскимъ говоромъ... Когда нашъ «Иванъ» ударился на Большомъ «кривулѣ» въ загородившій фарватеръ плотъ и что-то повредилъ въ немъ, бурлаки бросились къ носу парохода съ крикомъ:

— Ахъ, ты, змѣя подколодная!.. еретикъ окаянный!.. гора наведенная!.. Ребята, руби его по носу!..

«Еретикъ окаянный» успѣшилъ дать задній ходъ, а съ плота все еще неслись проклятія по адресу «горы наведенной»... Эти термины церковнаго характера вылетѣли, вѣроятно, изъ устъ старовѣра (они въ рѣдкихъ случаяхъ бурлачатъ).

При мирныхъ встрѣчахъ парохода съ плотами съ послѣднихъ несутся обычные вопросы:

— Есть бурлакъ на пароходѣ?.. Много ли плотовъ на Волгѣ?..

Съ парохода отвѣчаютъ, какъ слѣдуетъ, и на плотахъ довольны, если бурлаки еще не возвращаются на пароходахъ домой, и плотовъ на Волгѣ мало: это значитъ, что спрашивающіе еще не запоздали.

Когда плотовъ уже много спущено на Волгу, бурлаки возвращаются домой на пароходахъ въ такомъ поражающемъ количествѣ, что съ плотовъ даже не несутся подобные вопросы. За много верстъ можно узнать пароходъ, набитый бурлаками: такъ онъ пестрѣетъ красными, синими и бѣлыми рубахами, словно украшенный русскими флагами... Издали такой пароходъ очень красивъ и просится на картину художника, но вблизи нельзя безъ ужаса смотрѣть на него...

Представьте себѣ небольшой пароходишко, весь сверху донизу набитый людьми до того, что шагу нельзя ступить на немъ, не

наткнувшись на живого человѣка. Люди стоятъ, сидятъ, лежатъ, гдѣ только возможно, и гдѣ рѣшительно невозможно—на бортахъ, на отлетахъ, на кожухахъ колесъ и пр. и пр. Пароходъ, съ трудомъ могущій помѣстить 100—150 пассажировъ, беретъ до 500 бурлаковъ. Сельди располагаются свободнѣе въ боченкахъ, чѣмъ этотъ живой товаръ...

Это нѣчто ужасное, это дикое явленіе, котораго не замѣчаютъ одни гг. «водяновскіе», обязанные слѣдить за порядками на Ветлугѣ... Вѣдь случись несчастье съ такимъ пароходомъ, — сколько сотенъ людей тутъ погибнетъ!.. А такое несчастье не за горами при тѣхъ «порядкахъ», какіе царятъ на старыхъ посудинахъ, величаемыхъ на Ветлугѣ пароходами...

Три раза намъ встрѣчались эти ужасные пароходы, набитые бурлаками. Ближе къ устью такой пароходъ можно услышать задолго до встрѣчи: такіе громкіе крики и пѣсни несутся съ него, изъ этой массы подвыпившихъ бурлаковъ. Но съ половины пути бурлацкій хмель проходитъ, и бурлаки ведутъ себя сравнительно скромнѣе. Крайне тѣсная обстановка видимо угнетаетъ этотъ живой громадный улей, съ нетерпѣніемъ ждущій освобожденія отъ пароходнаго плѣненія...

Сторонній пассажиръ на этихъ пароходахъ чувствуетъ себя отвратительно: приходится все время сидѣть въ каютѣ, такъ какъ шагу нельзя ступить по пароходу... Всюду тѣснота, духота, вонь, массы насѣкомыхъ, забирающихся и въ каюты...

Пароходовладѣльцы съ гордостью говорятъ, что они «спасаютъ» бурлаковъ отъ пропойства въ Козьмодемьянскѣ. Прежде де, когда не было ветлужскихъ пароходовъ, бурлаки почти поголовно пропивались, получивши расчетъ въ Козьмодемьянскѣ. Теперь же они долго не засиживаются въ этомъ городѣ съ его соблазнами и увозятъ домой на пароходахъ большую часть заработка.

Жаль, однако, что это «спасаніе» принимаетъ форму явнаго грабежа: тарифъ для бурлаковъ упраздняется и, куда бы они ни ѣхали—въ ближайшія ли деревни около Воскресенска, или на верховье Ветлуги, съ нихъ берутъ одинаковую плату — по 1 рублю 25 копеекъ съ человѣка. Да и это «благодѣяніе» соединяется съ самымъ возмутительнымъ набиваніемъ людей на пароходы по товарному положенію.

Будемъ ждать, что первая катастрофа съ бурлацкимъ пароходомъ, гдѣ жертвы будутъ считаться сотнями, разбудитъ наконецъ гг. «водяновскихъ» и заставитъ ихъ повнимательнѣе отнестись къ разнымъ ветлужскимъ «порядкамъ»... Безъ жертвъ у насъ ничто не ладится...

IV.

Плаваніе «Ивана». — Первая впечатлѣнія на Ветлугѣ. — Берега. — «Кривули». — Рыболовство. «Мережки». — Надъ затонувшимъ якоремъ. — Первая остановка за дровами.

Перехожу къ разсказу о нашемъ плаваніи на «Иванѣ».

Пароходъ тронулся изъ Козьмодемьянска (27 мая) вверхъ по Волгѣ въ 9-мъ часу утра, а черезъ 2 часа мы были уже на устьѣ Ветлуги. Осторожно пройдя устье и покончивъ съ первою «наметкою», командиръ, по ветлужскому обычаю, созвалъ ударами въ колоколъ команду «на молитву». Команда молча помолилась и успокоилась, полагаясь въ дальнѣйшемъ плаваніи, очевидно, болѣе на благотворное воздѣйствіе молитвы да на російскіе девизы «авось и не бойсь», чѣмъ на собственныя знанія и искусство...

Послѣ широкой Волги страннымъ казалось плыть по узкой Ветлугѣ... Около устья она не шире 50—60 сажень, но дальше рѣка становится много шире, а мѣстами и очень широка. Но всегда на Ветлугѣ оба берега въ виду, въ вашемъ кругозорѣ, въ чемъ и заключается прелесть плаванія по небольшимъ рѣкамъ. На Волгѣ же это бываетъ рѣдко, а обыкновенно хорошо виденъ то одинъ, то другой берегъ, а иногда (на низу) и совсѣмъ не видно ни одного берега.

Ветлужскіе берега около устья низменны и представляютъ луга, но дальше начинается тальникъ, переходящій затѣмъ въ листовныя лѣса. Съ середины рѣки они перемежаются хвойными, но продолжаютъ преобладать и дальше. Сплошные хвойныя лѣса начинаются выше г. Ветлуги.

Лѣса тянутся нескончаемой лентой по обоимъ берегамъ рѣки, прерываясь то лугами по займищамъ рѣки, то селеніями и пашнями около нихъ, то озерами, затонами, устьями рѣкъ и рѣчекъ. Картины лѣса разныхъ породъ (дубъ, береза и пр.), на берегахъ то низменныхъ, то высокихъ, овражистыхъ, обрывистыхъ и пр., при различномъ солнечномъ освѣщеніи въ разные часы дня, или при свѣтѣ долгой весенней зари, или при мерцаніи луны—эти картины такъ разнообразны, что безъ конца можно любоваться ими. Тоны красокъ здѣсь мягкіе, нѣжные, не кричащіе. Особенно прелестны свѣтлые полутоны вечерней зари, переливающейся всѣми цвѣтами радуги...

Все это просится на полотно художника... Но художниковъ здѣсь нѣтъ и, кажется, не бывало. Называли какого-то г. Перлова, рисовавшаго ветлужскіе виды. Но это имя что-то неизвѣстно.

Имѣйте еще въ виду, что въ рамкахъ этихъ красивыхъ береговъ течетъ далеко не пустынная въ это время рѣка: на ней жизнь бьетъ ключомъ среди проходящей массы плотовъ. Сколько здѣсь богатыхъ темъ для разнообразныхъ жанровыхъ картинъ!..

Нерѣдко правый берегъ Ветлуги достигаетъ средней высоты волжскихъ береговъ. Всегда одѣтая зеленью, ветлужскія высоты во много разъ красивѣе тѣхъ обнаженныхъ и пустынныхъ горъ, какія нерѣдки на Волгѣ. Какъ и на послѣдней, горы на Ветлугѣ нерѣдко идутъ въ большомъ отдаленіи отъ рѣки, образуя громадныя займища заливныхъ луговъ. На обрывистыхъ берегахъ попадаются большіе оползни, иногда съ цѣлыми группами деревъ на нихъ.

Большую особенность Ветлуги составляетъ ея чрезвычайная извилистость. Описываемые рѣкою зигзаги называются «кривулями». Первый кривуль начинается недалеко отъ устья — здѣсь рѣка дѣлаетъ три поворота почти подъ прямыми углами, и вы долго идете по тремъ параллелямъ рѣки, все время не теряя изъ виду оставшихся позади волжскихъ высотъ и с. Покровскаго (Спасскаго) на устьѣ рѣчки Юнги. Отъ вершины кривуля до Волги въ прямомъ направленіи 8 верстъ, и въ разливъ пароходы идутъ прямо лугами. Теперь же мы двигались по кривулю больше 2 часовъ. Вообще «Иванъ» двигался вверхъ очень медленно — около 6—8 верстъ въ часъ.

Иногда кривули описываютъ почти правильные полукруги и овалы. Самый выдающійся — Большой кривуль (иначе «Исправникова лука», или «переволока»), между городами Варнавиномъ и Ветлугою. Здѣсь рѣка дѣлаетъ 5-ти-верстный кривуль овальной формы, концы котораго раздѣлены сушею всего разстояніемъ въ 15 сажень. Въ большую же воду это разстояніе уменьшается до 3 сажень. Съ одного конца кривуля вы видите черезъ узкій перешеекъ другой конецъ кривуля.

Благодаря этимъ кривулямъ да тихому ходу парохода, вы имѣете возможность зарисовать любой пунктъ берега очень легко, не торопясь, во всѣхъ деталяхъ. Напримѣръ, живописное с. Дмитровское (выше Баконъ) вы видите 5—6 разъ прежде, чѣмъ пройдете мимо него. Село Лапшинга (выше Варнавина) видно съ разныхъ сторонъ и въ различномъ разстояніи въ продолженіе трехъ часовъ.

Рыболовство на рѣкѣ не особенно развито, хотя рыбу Ветлуга богата, и, напримѣръ, стерлядь считается лучше волжской и не хуже сурской. Мѣстами рыбаки уже начинали свою работу, хотя ходъ плотовъ сильно ей мѣшалъ. На устьяхъ рѣчекъ и затоновъ виднѣлись запрещенные закономъ заколы (запруды), мѣшающіе весеннему ходу рыбы въ рѣчки для метанія икры и обратному движенію ея оттуда въ рѣку.

Нерѣдко встрѣчались на мелкихъ мѣстахъ рѣки 4 жерди, вколоченныя въ дно, образуя четырехугольникъ. Это оригинальная мѣстная ловля рыбы на овесъ (кажется, неизвѣстная въ другихъ мѣстахъ) — «мережки». Къ 4-мъ жердямъ привязываются въ водѣ

на бечевкахъ сѣтчатые мѣшечки, набитые паренымъ овсомъ. На днѣ мѣшечковъ грузъ, чтобы они не всплывали изъ воды. Подъ мѣшечками, по дну рѣки, простирается сѣть, кверху суживающаяся и съ мотнею внизу. Сѣть также прикрѣплена бечевками къ жердямъ. Рыба подплываетъ къ мѣшечкамъ и начинаетъ трепать ихъ, чтобы добыть овесъ. Послѣдній сыплется чрезъ ячейки на сѣть, и рыба туда идетъ за зерномъ. Подъѣхавшій на лодкѣ рыбакъ схватываетъ сѣть за верхніе концы и выволакиваетъ ее съ рыбою на лодку. Ловля эта въ большомъ ходу, какъ довольно прибыльная, а главное, какъ «сухая» (рыбаку нѣтъ нужды лѣзть въ воду) и не требующая постояннаго присутствія людей.

Селенія на Ветлугѣ расположены почти исключительно на правомъ, гористомъ берегу. Первая отъ устья деревня Сутыри, довольно живописно раскинувшаяся при крутомъ поворотѣ рѣки, на возвышенномъ песчаномъ берегу, въ рамкахъ зеленого лѣса.

Передъ этою деревнею встрѣтили первый пароходъ «Дмитрій», принадлежащій тому же г. Попову (варнавинскому купцу), владельцу «Ивана». Родственные пароходы обмѣнялись «салютами», какъ обмѣниваются и на Волгѣ пароходы, принадлежащія одной компаніи.

Ветлужскіе мальчишки, не избалованные музыкою пароходныхъ свистковъ, часто обращаются съ просьбою къ проходящимъ пароходамъ:

— Дяденька! посвисти!..

Но пароходные дяденьки берегутъ паръ и не всегда свищутъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда это требуется по путевскимъ правиламъ... Подъ Воскресенскомъ, когда нашъ «дяденька» не исполнилъ подобной просьбы мальчишковъ, они проводили «Ивана» криками:

— Ахъ, ты, Ванька-Каинъ!.. чтобъ тебѣ лопнуть!..

Доброе пожеланіе воскресенскихъ мальчишекъ не сбылось, но «Иванъ» не разъ былъ на волоскѣ отъ гибели... Первое испытаніе пришлось пережить намъ вскорѣ за деревнею Сутыри.

Въ очень узкомъ мѣстѣ и на крутомъ поворотѣ рѣки разбился плотъ, ударившійся въ лѣвый берегъ. Клѣтки плота, около которыхъ возились люди въ водѣ, заняли половину рѣки, оставивъ для «Ивана» узкій и мелкій проходъ по правому берегу. На пароходѣ знали, что у этого берега лежитъ на фарватерѣ большой якорь, затонувшій при аваріи плота. Но на водѣ не было видно буйка, который долженъ обозначать мѣсто затопленія якоря.

На пароходѣ догадались уменьшить ходъ, но не додумались, что въ этомъ случаѣ необходимо совсѣмъ остановиться и послать лодку, чтобы опредѣлить мѣсто якоря. Пароходъ легко могъ пропороть якоремъ свое прогнившее дно и затонуть... Вмѣсто того пошли на авось и на ходу стали препираться съ бурлаками, возившимися около плота.

— Вытащили что ль якорь?—кричать съ парохода въ рупоръ.
 — Вытащишь чорта!.. въ водѣ онъ...—доносится съ плота.
 — Гдѣ жъ буюкъ?..
 — Вѣтромъ снесло...
 — Черти!.. что жъ не поставили другого?..
 — Самъ ставь... неколи тутъ намъ вожжаться съ твоимъ буйкомъ...

— Ахъ, вы!... Да гдѣ якорь лежитъ?..
 — А вонъ тамъ...—неопредѣленно указываютъ бурлаки, и сами уже забывшіе точное мѣсто потери якоря.

На пароходѣ оказалось двое пассажировъ, имѣвшихъ какое-то отношеніе къ пострадавшему плоту и видѣвшихъ наканунѣ буюкъ надъ якоремъ. Командиръ обратился къ нимъ съ разспросами, но они только путались.

— Кажись, вотъ противъ этого столба...—говорить одинъ.
 — Врешь! супротивъ того дуба...—замѣчаетъ другой, указывая въ совершенно другую сторону.

Они заспорили и стали переругиваться... Командиръ махнулъ рукою и продолжалъ двигаться на авось, еще уменьшивъ ходъ.

Пароходъ медленно двигался, и мы каждую минуту ожидали, что вотъ раздастся трескъ, и гнилое дно «Ивана» не выдержитъ... Скверныя минуты переживались...

Бурлаки съ плота что-то тревожно загалдѣли по нашему адресу, но разобрать ихъ криковъ уже нельзя было. И тѣ двое пассажировъ вдругъ всполошились и заговорили, стоя на носу:

— Ближе къ яру нужно держать... совсѣмъ близко... сейчасъ якорь...

— Кричи наверхъ (т. е. лоцманамъ)! — говорятъ имъ другіе пассажиры.

— Не наше дѣло...

— Да, вѣдь, васъ спрашивали?..

— Мало ли что!.. не наше дѣло...

— А какъ пароходъ напорется на якорь,—ваше будетъ дѣло?..

— Божья воля...

Дѣйствительно, по Божьей волѣ, мы благополучно проползли опасное мѣсто и легко вздохнули, выйдя на свободную воду.

Въ 4 часа дня «Иванъ» сдѣлалъ первую остановку у деревни Липовки для нагрузки дровъ. Пароходъ ткнулся носомъ въ берегъ. Дѣвчонка подхватила на берегу чалку. Вслѣдъ за чалкою полетѣла на берегъ пешня, за нею—матросъ... Затѣмъ, положили сходни и принялись за инженерную работу — стали раздѣлывать спускъ по крутому берегу, для носки дровъ. Все это дѣлалось крайне медленно, какъ не торопясь же матросы начали таскать дрова. Работало ихъ человекъ десять въ продолженіе двухъ часовъ.

Другіе пароходы всегда прибѣгаютъ въ этомъ случаѣ къ помощи мѣстнаго населенія: набѣжить 2—3 десятка бабъ, дѣвушекъ,

дѣтей, и въ полчаса натаскаютъ дровъ, сколько нужно, получая по рублю съ пятерика. «Иванъ» только разъ такъ сдѣлалъ, а то обходился своими матросами. За грузку клади послѣдніе получаютъ по 3 р. съ тысячи пудовъ (на Волгѣ по 5 р.), но дрова въ этотъ счетъ не идутъ. Матросы на Ветлугѣ получаютъ 12—14 р. жалованья.

V.

Первая катастрофа на «Иванѣ» — поломка машины. — Восьмичасовая стоянка у пустынного берега. — Протесты публики. — Успокоительныя рѣчи командира. — Трогаемся!..

Дальнѣйшее плаваніе шло благополучно до 6-ти часовъ вечера, когда вдругъ, не доходя 4-хъ верстъ до деревни Юркиной, машина сдѣлала нѣсколько конвульсивныхъ движеній и стала... Пароходъ шелъ у лѣваго низкаго берега. По обыкновенію, пароходъ ткнулся носомъ въ берегъ, затѣмъ полетѣла туда чалка, за чалкою пешня, за пешнею матросы одинъ и другой... «Иванъ» сталъ, брѣшена тонкая доска, изображавшая сходню. Матросы съ пассажирами высыпали на зеленый лугъ и начали... собирать щавель...

— Что за притча? что случилось? — посыпались въ публикѣ вопросы.

— Вы видите, щавель матросы собираютъ... Вѣроятно, хозяину парохода захотѣлось зеленыхъ щей... А, можетъ быть, поваръ попросилъ увеличить скудные запасы своей кухни...

— Вы серьезно?..

— Да отчего же! у насъ на Ветлугѣ все дѣлается попросту... Попросите остановить пароходъ, чтобы поудить рыбу, — смотрите, не откажутъ...

— Отличное дѣло! будемъ собирать грибы, а тамъ ягоды... Хорошо ѣздить на ветлужскихъ пароходахъ!..

Оказалось, что-то испортилось въ машинѣ, но что именно— этого не знала и сама машинная команда: не то подшипники разгорѣлись, не то золотникъ, или что-то другое сломалось. Правды не у кого было добиться—пароходное начальство скрылось. Потомъ его нашли въ рубкѣ I класса, но оно было такъ горячо занято картами, что публика не рѣшалась мѣшать этой «авральной работѣ» гг. командировъ.

Пассажиры сначала добродушно относились къ своему положенію: кто гулялъ по берегу, другіе благодушествовали на пароходѣ, слушая соловьевъ (ихъ здѣсь меньше, чѣмъ на Волгѣ) и проч. Страсть пароходной администраціи къ картамъ стала заражать даже публику III класса...

Ветлужане посмѣивались матросамъ:

«истор. вѣстн.», октябрь, 1902 г., т. хс.

13

— Давайте ведро водки! Поведемъ пароходъ на лямкѣ... Дѣло намъ знакомое: когда-то водили такъ баржи... Оно повѣрнѣе будетъ вашей машины!..

Матросы отгрызались, но видимо были сконфужены...

Спускались уже сумерки. Прошло 3 часа, какъ мы застряли, а конца остановки не предвидѣлось. Публика начинала волноваться... Изъ машинной, гдѣ все время что-то стучало и визжало, шли неутѣшительныя вѣсти.

— У машиниста руки дрожатъ, — рассказывалъ пассажиръ, побывавшій въ машинной. — Онъ совсѣмъ потерялъ голову... не доищется причины... Пожалуй, простои́мъ всю ночь...

— А вотъ идетъ пароходъ сверху... Давайте, выкинемъ сигналъ бѣдствія.

— Въ самомъ дѣлѣ, отчего бы нашимъ командирамъ не передать чрезъ этотъ пароходъ вѣсточку въ Козьмодемьянскъ, чтобы оттуда скорѣе шель «Дмитрій» на нашу выручку?..

— Дождитесь! стануть они «срамить» себя предъ конкурентами!..

Еще въ началѣ нашей остановки обогналъ насъ пароходъ «Боря», вышедшій послѣ насъ изъ Козьмодемьянска черезъ 3 часа. Какъ «Боря», такъ и шедшій теперь сверху «Петръ» съ шикомъ промчались мимо насъ, не полюбопытствовавъ узнать о причинѣ нашей остановки и не подумавъ предложить свое содѣйствіе...

Возбужденіе у насъ росло, особенно среди торговыхъ людей, торопившихся на завтрашній большой базаръ въ селѣ Воскресенскомъ и теперь чуввшихъ, что къ базару опоздають и понесутъ убытки... Одинъ рыбакъ со слезами говорилъ:

— Послѣдніе свои 200 рублей убилъ на покупку рыбы въ Казани... везу къ завтрашнему базару... Опоздаемъ, жди цѣлую недѣлю слѣдующаго базара... А вѣдь рыба ждать не будетъ — пропадетъ!..

Подобныя рѣчи громко раздавались среди публики, усѣвшейся на носу, подлѣ рубки I класса, гдѣ засѣдали наши отцы командиры, благодушествовавшіе за картами... Одинъ желчный пассажиръ II класса явно стремился «поднять знамя бунта»: онъ предложилъ итти къ капитану и потребовать рѣшительныхъ объясненій. Его спутницы энергично поддерживали это предложеніе, прибавляя:

— На что это похоже!.. съ нами обращаются тутъ, какъ съ вещами...

Игра въ карты вдругъ прекратилась, и наши командиры куда-то исчезли... Пока шли сборы депутаціи, капитанъ предупредилъ ее и самъ явился къ намъ. Онъ заявилъ:

— Черезъ часъ машинистъ обѣщаетъ окончить починку и попробовать ходъ машины...

— А если машина заупрямится?..

— Тогда будемъ ждать здѣсь «Дмитрія»... Вѣроятно, онъ сегодня выйдетъ изъ Козьмодемьянска...

— Сомнительно! вѣдь онъ только что пришелъ туда...

— Тогда мы рано утромъ пошлемъ за нимъ...

— Вамъ давно уже слѣдовало послать лодку въ деревню Юркину, всего вѣдь 4 версты! А изъ Юркиной верховой можетъ быть въ городѣ черезъ 3—4 часа.

— Мы такъ и сдѣлаемъ, если «Дмитрій» не подойдетъ къ утру...

— А представьте, что онъ и завтра не тронется на Ветлугу?!

— Не можетъ быть!..

— Все у васъ возможно!.. Для насъ, туристовъ, это не бѣда, а даже удовольствіе—провести на рѣкѣ нѣсколько лишнихъ часовъ... Но каково этимъ дѣловымъ людямъ, торопящимся въ Воскресенскъ и другія мѣста? Для нихъ эта задержка—чистая бѣда, а нѣкоторымъ даже разореніе грозитъ...

— Что дѣлать! это такая неожиданность...

— Однако, у васъ слишкомъ много разныхъ неожиданностей...

Большая часть публики рѣшила выждать обѣщанный часъ, хотя мы уже знали, что «ветлужскій часъ» равняется 3—4 дѣйствительнымъ часамъ. Улегшихся спать пассажиры поддразнивали фальшивыми сообщеніями, что «Дмитрій» уже идетъ, и предстоитъ перегрузка... Какъ основателемъ былъ расчетъ командира на «Дмитрія»,—достаточно сказать, что мы увидѣли его ровно чрезъ 2¹/₂ сутокъ, уже на обратномъ пути, между Ветлугою и Варнавиномъ.

Спать не хотѣлось. Заря все больше разгоралась и бросала свои мягкіе полутоны на сонную рѣку и дремлющіе берега. Въ глухомъ лѣсу, стѣною стоявшемъ на обоихъ берегахъ, соловьи постепенно смолкали, и только временами раздавались одичныя вскрикиванія какихъ-то ночныхъ птицъ. Съ рѣки тянуло свѣжестью, но лѣсные и луговые ароматы лились такою захватывающею струею, что не хотѣлось уходить въ душную каюту... Наступившую тишину нарушали только сильные удары и взвизгиваніе металла въ машинной.

Обѣщанный «часъ» уже давно прошелъ... Наконецъ, въ исходѣ 2-го часа утра, послѣ 8-ми-часового отдыха, машина усердно заклокотала, и пароходъ тронулся!.. Сначала онъ шелъ очень тихо и какъ-то неувѣренно, поворачивая то въ одну, то въ другую сторону, но потомъ пошелъ спокойнѣе и скорѣе.

Въ окнѣ нашей каюты показалось счастливое лицо капитана, объявившаго великую новость—«мы идемъ!»... Мы поздравили его...

Ночью была еще маленькая остановка изъ-за машины, а утромъ другая—побольше, но затѣмъ дѣло наладилось, и машина болѣе насъ не огорчала.

VI.

Село Нивольское. — Дождевые души на пароходѣ. — Неустойчивость «Ивана». — Остановка у деревни Лодыгиной. — Пристань села Воскресенскаго. — Опустѣніе парохода. — Пристань села Базовъ. — Пожаръ на «Иванѣ». — «Бурлаки» Рѣпина наяву.

Утомленные вчерашними передрыгами, пассажиры просыпались на другой день (28 мая) поздно, около 8 часовъ утра, на подходѣ къ селу Нивольскому, часть пассажировъ сходила здѣсь съ парохода, новые садились. Но пристани нѣтъ, и пароходъ причалилъ прямо къ берегу, продѣлавъ обычную программу: летить на берегъ чалка, за чалкою пешня, за пешнею матросъ... Послѣ многократнаго тыканья носомъ въ песокъ пароходъ останавливается, грозя каждую минуту сорвать слабую пешню, съ трудомъ удерживаемую матросами. Доска, изображающая сходни, каждую секунду грозитъ паденіемъ въ воду, вмѣстѣ съ идущими по ней людьми.

Тронулись дальше. Съ полудня пошелъ дождь съ грозою и сталъ захлестывать единственное укромное мѣсто для пассажировъ III класса — площадку между I и II классами. Въ одной каютѣ II класса началось наводненіе: дождевые души полились сквозь потолокъ... Въ остальныхъ каютахъ на вѣтренной сторонѣ дождь хлесталъ чрезъ плохо пригнанные окна и мочилъ вещи на столікахъ и диванахъ.

Пароходъ сильно кренило вѣтромъ то на одну, то на другую сторону. Можно смѣло рассчитывать, что порядочный штормъ когда нибудь совсѣмъ положитъ на бокъ «Ивана»... Очевидно, его природная неустойчивость (онъ плоскодонный, короткій, но высокій) еще болѣе усиливается отъ неумѣлаго распредѣленія грузовъ въ трюмъ и нижней палубѣ.

Небо прояснило, когда мы подходили къ с. Успенскому, съ хорошимъ каменнымъ храмомъ, какъ вездѣ почти на Ветлугѣ. На высокомъ обрывистомъ берегу расположено въ роцѣ старое кладбище, постепенно подмываемое рѣкою. Могилы сплываютъ въ рѣку, и каждую весну можно видѣть открывающіеся оползнями гробы...

До Воскресенска была еще часовая остановка у деревни Лодыгиной, гдѣ брали дрова. Только здѣсь наша голодающая со вчерашняго дня артель каменщиковъ раздобыла два коровья хлѣба и связку баранокъ. Нужно было видѣть, съ какимъ гомерическимъ аппетитомъ артель поглощала теперь, послѣ суточной голодовки, свой сухой хлѣбъ, запивая его подобіемъ чая...

Остальные пассажиры запасались здѣсь молокомъ, особенно въ виду предупрежденія повара, что провизія у него на исходѣ, и что если волею небесъ мы не дотянемся сегодня до Воскресенска, то очутимся въ положеніи артели каменщиковъ... Къ нашему утѣ-

шенію, явился рыбакъ съ карасями (5 коп. фунтъ), и поварь нѣсколько подкрѣпилъ свои запасы.

За с. Никольскимъ правый берегъ довольно оживленъ частыми деревнями, барскими усадьбами (изящный замокъ Левашовыхъ и др.) и проч.

Въ 8-мъ часу вечера подошли съ большимъ трудомъ изъ-за мелководья къ пристани у с. Воскресенскаго (на обратномъ пути уже не могли пристать къ ней и приткнулись ниже у берега). Почти всѣ пассажиры сошли здѣсь. Опустѣвшему пароходу не охота было итти дальше, когда такъ выгодно было бы вернуться въ Козьмодемьянскъ и забрать партію бурлаковъ. Но оставалось 300 пудовъ груза до города Ветлуги, и приходилось итти туда. «Иванъ» все еще рассчитывалъ, что его догонитъ «Дмитрій», и насъ съ грузомъ сплавятъ на него.

Когда публика отхлынула, отправились и мы взглянуть на село. Но капитанъ просилъ не медлить, и намъ пришлось ограничиться бѣглымъ осмотромъ этого большого и торговаго села. Оно находится въ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи и славится своими обширными базарами, которыми перещегооляло даже свою метрополию—село Лысково (куда перенесены уѣздныя учрежденія умирающаго г. Макарьева).

Село Воскресенское расположено на высокомъ правомъ берегу. Въ село ведетъ мощный, пологій спускъ, которому могутъ позавидовать даже многіе приволжскіе городки. Спускъ выводитъ на торговую площадь, тѣсно застроенную рядами лавокъ. Площадь была уже пуста, и лавки заперты—базаръ окончился.

Съ правой стороны, при вѣздѣ на площадь, на обрывистомъ берегу, расположенъ обширный каменный храмъ, далеко видный съ рѣки. Съ лѣвой стороны площади высится пожарная каланча, съ постояннымъ часовымъ, а не такъ, какъ водится въ иныхъ даже городкахъ, гдѣ часовые выставляются только «по двенадцатымъ праздникамъ» да «по случаю пріѣзда высшаго начальства»... Какъ водится въ благоустроенныхъ командахъ, часть пожарнаго обоза въ Воскресенскѣ стоитъ всегда запряженною. Подлѣ вырытъ большой прудъ съ запасною водою.

Уже одни эти факты говорили о благоустройствѣ села, и насъ тянуло познакомиться съ нимъ поближе, пройтись по сосѣднимъ улицамъ. Но первый свистокъ парохода заставилъ спѣшить обратно.

Пароходъ отвалилъ отъ пристани въ 10 часовъ вечера, а чрезъ полчаса ходу снова остановился брать дрова, какъ будто нельзя устроить доставку дровъ на пристань, гдѣ мы попусту простояли больше двухъ часовъ...

Ночью шли благополучно, хотя не разъ бывали на волоскѣ отъ столкновеній съ плотами, стоявшими у береговъ или плывшими, благодаря свѣтлой и тихой ночи. Огоньки костровъ красиво мелькали на низкихъ плотяхъ, словно плыли по водѣ...

Рано утромъ (29-го мая) была остановка на пристани у села Бакѡвъ, котораго не пришлось видѣть (какъ и на обратномъ пути). Говорятъ, что это село не меньше Воскресенска, но торговое значеніе его много слабѣе.

Между Баками и Варнавиномъ правый берегъ очень населенный и живописный. Высокія горы, усѣянные селами, деревнями, усадьбами (варнавинскаго предводителя дворянства г. Кучугова и друг.), мѣстами идутъ въ отдаленіи отъ рѣки (какъ часто на Волгѣ), затѣмъ выходятъ на самую рѣку и тянутся по ней живописными высотами. Лѣса здѣсь чередуются съ пашнями. Особенно красиво мѣстоположеніе сель Дмитріевскаго, Макарьева-Притыки, Богородскаго и друг.

На переходѣ между селами Дмитріевскимъ и Притыкою (гдѣ по легендѣ «приткнулся» и выходилъ на берегъ св. Макарій, когда «плылъ на камнѣ» по Ветлугѣ внизъ и вверхъ по Волгѣ до мѣста нынѣшняго г. Макарьева) «Иванъ» угостилъ новымъ еще для насъ сюрпризомъ—пожаромъ...

Отъ искръ изъ паровой трубы загорѣлась деревянная обшивка наверху, надъ коридоромъ II класса. Огонь давно уже тамъ тлѣлся, такъ что стала прогорать и внутренняя обшивка въ коридорѣ. Гарь давно чувствовалась во II классѣ, но никто не придавалъ ей значенія, такъ какъ «Иванъ» всегда изобиловалъ разными излишними запахами. Но когда дымокъ сталъ пробиваться наверху, въ виду лоцманской будки, вахтенные спохватились и забили пожарную тревогу...

Счастье, что огонь обнаружился днемъ, а случись это ночью—была бы большая бѣда... Ночью не скоро добудились бы обязательно хмельной къ вечеру команды, и пожаръ разгорѣлся бы основательно. Теперь же команда быстро собралась, приготовила брандспойтъ и принялась заливать. Очевидно, команда достаточно уже напрактиковалась въ пожарныхъ тревогахъ и дѣйствовала энергично... Коридоръ II класса былъ залитъ потоками воды, и на потолокъ обнажилось горѣлое мѣсто.

Пассажиры преравнодушно отнеслись къ пожарной тревогѣ: дѣло де заурядное на ветлужскихъ пароходахъ...

На этомъ же переходѣ пришлось увидѣть рѣдкое теперь зрѣлище: около десятка бурлаковъ тащили на лямкахъ вверхъ по рѣкѣ небольшую баржонку... Извѣстная картина Рѣпина вставала наяву... Раскраснѣвшіяся, потныя, измученныя лица, неувѣренная, шатающаяся поступь и загнутыя отъ напряженія туловища... страшная работа!.. Хозяинъ судна поскупился и нанялъ 10 человекъ на работу, гдѣ требовалось, по крайней мѣрѣ, вдвое больше силъ...

VII.

Г. Варнавинъ.—Лѣстница въ 156 ступеней.—Робинзонъ, превращающійся въ бутчика.—Городъ Ветлуга и его достопримѣчательности: дворецъ монополіи и пр.

Въ 12-мъ часу дня подошли мы къ пристани г. Варнавина. Онъ расположенъ на высокой горѣ, и съ рѣки почти не видно этого крошечнаго городка, кромѣ нѣсколькихъ церквей.

Отъ пристани идетъ очень крутой подъемъ въ городъ, а для пѣшеходовъ устроена прямая, безъ поворотовъ, въ одинъ маршъ лѣстница, въ 156 широкихъ ступеней, съ нѣсколькими площадками и лавочками для отдыха, такъ какъ въ одинъ приемъ не всякій одолѣетъ такую высоту. Честь этому бѣдному и скромному ветлужскому городу, позаботившемуся объ этомъ большомъ удобствѣ для жителей, о которомъ еще только мечтаютъ многіе болѣе населенные и богатые приволжскіе города (напримѣръ, Васильсурскъ и друг.), довольствующіеся головоломными тропинками...

Капитанъ заявилъ, что пароходъ простоятъ не меньше 2 часовъ, и мы со спутникомъ надѣялись основательно познакомиться съ городкомъ. Но не успѣли мы начать подъемъ по лѣстницѣ, какъ догоняетъ матросъ и передаетъ просьбу капитана поторопиться, такъ какъ идетъ «Дмитрій». Это означало, что насъ передадутъ на «Дмитрій», а «Иванъ» пойдетъ обратно.

Однако и въ бинокль еще не было видно «Дмитрія», и мы рѣшили хотя бѣгло осмотрѣть Варнавинъ. Одолѣвъ лѣстницу, очутились на торговой площади, украшеніями которой служатъ скромный старый соборъ и новая грандіозная каменная гостиница съ трактиромъ—лучшее зданіе въ городѣ, которое не затерялось бы и въ «губерніи».

Въ ближайшей отъ площади улицѣ нашли обычную въ приволжскихъ и сосѣднихъ городахъ лавку «общества потребителей», довольно обширную, но изъ спрошенныхъ нами самыхъ скромныхъ закусокъ ровно ничего не оказалось: «только де сейчасъ все вышло»... Намъ посоветовали зайти въ колбасную. По вывѣскѣ мы нашли ее, но входа въ нее рѣшительно не обрѣли, какъ ни бились надъ этимъ, обходя домишко съ разныхъ сторонъ... Такъ и махнули рукой на свою затѣю, задуманную изъ опасенія очутиться въ дальнѣйшемъ плаваніи въ положеніи «голодавшей» артели каменщиковъ...

Времени оставалось немного, и мы бѣгло обошли «главныя улицы» городка, страшно пустыннаго, молчаливаго, соннаго... Въ немъ считается до 1.200 жителей. Мы болѣе часа бродили по улицамъ и встрѣтили не больше десятка пѣшеходовъ... Дома и домишки деревянные, небольшіе. Даже разныя казенныя и общественныя учрежденія ютятся въ такихъ скромныхъ избенкахъ, въ ка-

кихъ рѣдко помѣщаются волостныя правленія въ порядочныхъ селеніяхъ. Впрочемъ недурно и довольно обширно зданіе городского училища.

Садовъ мало, и они невелики. Нѣсколько больше зелени подлѣ собора и другой церкви, гдѣ «подъ спудомъ» лежатъ мощи Варнавы, спутника Макарія по путешествію «на камнѣ». Съ именемъ Варнавы связана часовня надъ ключомъ-колодеземъ, подлѣ собора, на скатѣ къ рѣкѣ, красиво обсаженная деревьями.

Съ горы мы увидѣли идущій снизу пароходъ и поспѣшили проститься съ бѣднымъ городкомъ. Многія села производятъ болѣе живое впечатлѣніе, чѣмъ этотъ спящій или умирающій городъ...

Но мы напрасно торопились: подошедшій пароходъ оказался не «Дмитріемъ», а «Петромъ», до невозможности, до послѣдняго предѣла набитымъ возвращающимися бурлаками. Этотъ громадный человѣческій улей гудѣлъ, бурлилъ, барахтался, сжатый на тѣсномъ пространствѣ небольшого парохода. Казалось, что улей вотъ-вотъ разсыплется и полетѣтъ за борта въ воду...

Наши командиры съ завистью взирали на счастливаго «Петра», содравшаго съ этихъ пчелъ хорошую «взятку»... А тутъ изволь тащиться до Ветлуги съ 2 десятками пассажировъ (нѣсколько прибавилось изъ Варнавина) и небольшимъ грузомъ, а передать ихъ чужому пароходу не желательно, да онъ и не взялъ бы—до того былъ набитъ бурлаками.

За Варнавиномъ повторилась та же исторія, что послѣ Воскресенской пристани: черезъ полчаса послѣ отвала «Иванъ» приткнулся къ берегу брать дрова, надъ чѣмъ провозился около часа.

Къ вечеру «Иванъ» былъ порадованъ прибытіемъ своего буфетчика, свалившагося, можно сказать, съ неба... На одномъ плесѣ видимъ бьющійся у берега пароходъ «Борю». Казалось, что онъ засѣлъ на мели, и спущенная имъ лодка какъ будто ищетъ фарватера. Но вотъ лодка принята, и «Боря» двинулся намъ навстрѣчу. Поравнявшись, съ «Бори» что-то закричали намъ, указывая на оставленный берегъ.

Всѣ обернулись туда и узрѣли на пустынномъ, необитаемомъ берегу, среди песковъ и кустовъ, какую-то тощую, поджарую фигуру довольно печальнаго вида, но одѣтую не безъ претензіи. Фигура сладко улыбалась и нѣжно помахивала краснымъ фуляромъ, словно сигналомъ бѣдствія... На «Иванѣ» узнали въ этомъ бѣдствующемъ Робинзонѣ своего знаменитаго буфетчика, котораго «Боря» спустил на лодкѣ на берегъ и теперь приглашалъ нашъ пароходъ выручать его, какъ знаетъ.

«Иванъ» побоялся спустить свою очень ветхую лодку, висящую надъ кормою больше для формы... Кое-какъ не безъ опаски подошелъ онъ вплотную къ берегу и, не продѣлывая обычной цере-

моніи съ летящими чалкою, пешнею и матросомъ, попросту перекинулъ доску съ носа и благополучно выудилъ Робинзона съ необитаемаго берега.

Къ чему было продѣлывать эту сложную процедуру, очень рискованную у незнакомаго берега, когда такъ общеупотребителенъ (на Волгѣ, Камѣ и вездѣ) въ подобныхъ случаяхъ болѣе простой, ускоренный и совершенно безопасный приѣмъ. Пароходы сходятся бортами и быстро переправляютъ пассажира съ одного борта на другой. Но, повидимому, этотъ немудреный приѣмъ неизвѣстенъ на Ветлугѣ. Иначе приходится думать, что ветлужскіе пароходы шylaютъ такоювзаимною ненавистью, что опасаются даже малѣйшаго соприкосновенія другъ съ другомъ, во избѣжаніе взрыва страстей...

Съ водвореніемъ на «Иванѣ» буфетчика дѣла буфетныя нисколько не улучшились, зато пассажирамъ прибавилось новое развлеченіе — слушать іереміады этого буфетнаго философа и поэта (изъ прогорѣвшихъ купцовъ) о его безконечныхъ крушеніяхъ въ житейскомъ морѣ. Однако онъ скоро такъ надоѣлъ своею нескончаемою болтовнею, что пассажиры стали бѣгать и прятаться отъ него. Къ счастью, вечеромъ онъ плотно усѣлся за карты — и мы вздохнули.

На другой день (30-го мая), въ 8-мъ часу утра, «Иванѣ» добрался до своего конечнаго пункта—до г. Ветлуги. Городъ хорошо и почти весь виденъ съ рѣки, откуда онъ довольно живописенъ. Ветлуга въ 5 разъ больше Варнавина, правильно въ центральной части распланирована (послѣ пожаровъ) и при ближайшемъ знакомствѣ оказалась довольно благоустроеннымъ и значительно оживленнымъ городомъ. Ветлуга послѣ жалкаго Варнавина производила благопріятное впечатлѣніе широкими и чистыми улицами, хорошиими домами и порядочнымъ уличнымъ движеніемъ. Обширные городскіе каменные ряды, домъ городского общества, училищное зданіе, присутственныя мѣста и другія зданія были бы не послѣдними и въ губернскомъ городѣ. Положительно хороша улица, обсаженная деревьями и отлого спускающаяся отъ торговой площади къ рѣкѣ. Хуже другихъ та часть города, по которой нужно проѣзжать отъ пристани, расположенной въ верстѣ отъ города.

Нашъ извозчикъ на хорошей лошади и линейкѣ оказался очень толковымъ чичероне и обстоятельно познакомилъ насъ съ городомъ. Визитъ въ лавку общества потребителей оказался столь же неудачнымъ, какъ и въ Варнавинѣ. Пришлось ограничиться закусками въ нѣмецкой булочной, очень недурной и безукоризненно чистой.

Раньше мы встрѣтили другую, русскую, булочную и хотѣли туда заѣхать, но извозчикъ что-то замаялся и проѣхалъ мимо.

— Поворачивай къ этой булочной!

— Не годится, сударь...

— Почему не годится? Намъ нечего разбирать, нужно на пароходъ торопиться...

— Да изволите видѣть—въ булочную Гусева заходятъ, кто не знаетъ... А намъ дѣло это извѣстное...

— Да что же тамъ такое? больно плохо что ли хлѣбъ?

— Да нѣтъ-съ... А у хозяина, изволите видѣть, дурная болѣзнь...

Вотъ тебѣ и на! въ такомъ приличномъ городѣ и вдругъ — булочникъ съ неприличною болѣзнью... Всѣ знаютъ это, и никому не приходится въ голову закрыть булочную, несомнѣнно распространяющую заразу...

Мы напрасно торопились на пароходъ, который вмѣсто отвала въ обратный путь направился еще къ зданію только что открытой здѣсь казенной винной монополіи, находящейся на противоположномъ концѣ города вверхъ по рѣкѣ,

До послѣдняго времени лучшими украшеніями уѣздныхъ городовъ считались остроги, но теперь во многихъ городахъ они уступили первенство дворцамъ монополіи, каковымъ осчастливлена и Веллуга. Острогъ здѣсь очень плохенькій, въ старинномъ стилѣ—рядъ деревянныхъ построекъ, окруженныхъ высокимъ частоколомъ. Зато монополія—роскошный многоэтажный каменный дворецъ, построенный на берегу рѣки и стоявшій болѣе 200 тысячъ.

На монополіи «Иванъ» принялъ дюжину пустыхъ бочекъ да полдюжины пассажировъ и вернулся на городскую пристань, гдѣ прибавилось немного больше пассажировъ, не считая насъ двоихъ, оставшихся вѣрными ему отъ начала рейса (это былъ роковой 13-й рейсъ «Ивана» въ ту навигацію).

VIII.

Обратный путь.—Часовая пляска «Ивана».—Столкновение съ плотомъ на Большомъ кривуль.—Заторъ плотовъ.—Сцены на Воскресенской пристани.—На Волгѣ и въ Козьмодемьянскѣ.

Въ 11 часовъ утра (30-го мая) «Иванъ» окончательно двинулся въ обратный путь. Скоро Веллуга стала удаляться, и только грандіозное зданіе монополіи долго мозолило глаза... Пройдя рядъ подгородныхъ дачъ (рѣдкое явленіе въ уѣздныхъ городахъ), «Иванъ», по обычаю, остановился для приемки дровъ. Но на этотъ разъ онъ былъ жестоко наказанъ за этотъ скверный обычай—брать дрова не на пристани...

Поднявшійся сильный вѣтеръ не позволилъ «Ивану» сразу пристать къ берегу. Помощникъ командира попробовалъ прибѣгнуть къ необычному приему—пристать кормомъ... Маневръ не удался, пароходъ снесло вѣтромъ и навалило на противоположный берегъ.

Рѣка въ этомъ мѣстѣ очень узка и была стѣснена двумя идущими плотами. Вышелъ командиръ и поправилъ дѣло: съ большимъ трудомъ сдѣлалъ поворотъ и присталъ, какъ слѣдуетъ—носомъ противъ теченія.

Необычный пріемъ помощника, кажется, былъ не безъ задней цѣли: если бы «Иванъ» присталъ кормою, то при отвалѣ свободно двинулся бы носомъ по теченію и по вѣтру. Теперь же, послѣ нагрузки дровъ, ему приходилось сдѣлать поворотъ противъ вѣтра, чтобы стать носомъ по теченію. Но этотъ простѣйшій маневръ оказался чрезвычайно труднымъ при неустойчивости «Ивана», еще больше усилившейся вслѣдствіе почти полного отсутствія груза.

Цѣлый часъ мы бились въ этомъ мѣстѣ съ капризомъ «Ивана», такъ страстно желавшаго итти впередъ кормою... Много разъ мы тыкались и носомъ, и кормою, то въ правый берегъ, то въ лѣвый. Два раза пробовали прижать къ берегу и раздавить подвернувшуюся лодку рыбака, спасшагося отъ гибели какимъ-то чудомъ: онъ догадался выскочить на берегъ и вытащить лодку на песокъ... Лодка другого рыбака со всѣхъ веселъ удирала отъ расплясавшагося въ дикомъ танцѣ «Ивана»...

Пароходная команда теряла голову и начала дѣлать глупости: подойдя къ берегу, забросила чалку за видимо гнилой пень, конечно, разлетѣвшійся прахомъ при первомъ движеніи парохода... Равсчитывали, повидимому, сдѣлать поворотъ, стоя на чалкѣ.

Пассажиры, сначала посмѣивавшіеся надъ плачевными маневрами «Ивана», потомъ не шути задумались надъ глупымъ положеніемъ парохода, способнаго цѣлыя сутки тыкаться въ берега, топчась на одномъ мѣстѣ...

Пассажиры вслухъ критиковали неумѣлыя дѣйствія растерявшейся команды, удивляясь, что она не догадывается, какъ можно извернуться въ данномъ случаѣ: стоитъ только подняться нѣсколько выше по рѣкѣ, за ея поворотъ, гдѣ она много шире, и гдѣ будетъ другое направленіе вѣтра, какъ разъ подходящее для того, чтобы «Иванъ» могъ сдѣлать необходимый поворотъ носомъ по теченію.

Повидимому, этотъ говоръ дошелъ до нашихъ командировъ: по крайней мѣрѣ, они поступили буквально такъ, какъ подсказала публика...

На широкомъ плесѣ и при новомъ направленіи вѣтра «Иванъ» легко повернулся носомъ внизъ, благополучно миновалъ проклятое мѣсто, гдѣ плясалъ цѣлый часъ, и свободно пошелъ дальше.

Сидѣвшіе у дровъ мальчики, съ восторгомъ слѣдившіе за маневрами «Ивана», такъ долго забавлявшаго ихъ, провожали насъ ироническими восклицаніями:

— Заворачивайте къ намъ!.. еще погуляйте у насъ!..

Команда отмалчивалась, въ конецъ переконфуженная...

Къ вечеру на Большомъ кривулѣ снова разыгралась маленькая исторія... Скучно «Ивану» безъ исторій... На узкомъ фарватерѣ мы налетѣли на плотъ и немножко повредили его, получивъ за то кучу бурлацкихъ любезностей. Отпихнувшись отъ плота, «Иванъ» налетѣлъ на мель, съ которой съ трудомъ снялся. Затѣмъ, основательно шлепнувшись кормою о берегъ, онъ немножко потоптался на мѣстѣ, снова заупрямившись по-утреннему, хотя теперь былъ почти полный штиль. Не скоро команда справилась съ упрямымъ старикомъ, снова выразившимъ настойчивое желаніе итти впередъ кормою: она заставила таки его повернуться и двинуться носомъ по теченію...

Въ сумерки была послѣдняя остановка за дровами. Стояли тутъ, у пустынного берега, часа три и набили трюмъ дровами въ такомъ количествѣ, что запасу хватило и на слѣдующій рейсъ. «Иванъ» сталъ послѣ этого много устойчивѣе. Публика высыпала на берегъ и долго гуляла по ветлужскимъ лугамъ и лѣсамъ, собирая цвѣты и проч.

Въ Варнавинѣ мы были во 2-мъ часу ночи.

Слѣдующій, послѣдній день нашего плаванія (31-го мая) начался новымъ приключеніемъ... Недалеко отъ села Благовѣщенскаго, около деревни Прудовки, въ узкомъ мѣстѣ рѣки, стѣсненной островомъ, образовался заторъ плотовъ: нѣсколько сошедшихся плотовъ загорѣдили все пространство рѣки, мѣстами упираясь въ берега и не давая намъ прохода. «Иванъ» остановилъ машину, приткнулся носомъ къ крайнему плоту и медленно плыль за плотами, подгоняя ихъ своею тяжестью. Пройдя островъ, гдѣ рѣка расширялась, плоты нѣсколько раздвинулись, и мы съ трудомъ проскочили узкимъ проходомъ и вышли на свободную воду.

Въ развалъ сплава плотовъ эти заторы случаются чаще и являются серьезнымъ препятствіемъ для пароходнаго и всякаго движенія на рѣкѣ, прерывая его на много часовъ, иногда на цѣлыя сутки, пока масса скопившихся плотовъ не распутается.

Около 10 часовъ утра мы были уже въ селѣ Воскресенскомъ, гдѣ сѣло много пассажировъ, снова оживившихъ пустовавшій до того пароходъ. Большинство были торговые люди средняго достатка—переходная ступень отъ крестьянина къ купцу и промышленнику. Очень любопытный типъ людей, отстающихъ отъ своего берега, а къ другому не приставшихъ, типъ очень разнообразный въ своихъ развѣтвленіяхъ, смотря по тому, куда онъ больше склоняется—къ крестьянству или къ купечеству.

Въ Воскресенскомъ сѣли на пароходъ многіе представители этого типа. Комическое впечатлѣніе производилъ одинъ сѣдой, полный старикъ кулаческаго типа, видимо плохо знакомый съ пароходными порядками. Подлѣ него увивался и подавалъ совѣты среднихъ лѣтъ торговецъ, съ громаднымъ въ формѣ луковицы и краснымъ носомъ, который ясно говорилъ о неустанномъ служеніи Бахусу его вла-

дѣльца. Да и самъ онъ не замедлилъ отрекомендовать себя публикѣ:

— Двое сутокъ, братцы, пилъ вдрызгъ... А теперь шабашъ: почувствовался, далъ зарокъ...

— Надолго ли?

— А это, глядя по дѣламъ... какъ, значить, дѣла наши коммерческія пойдутъ...

— То-то! для водки, кажись, ты и коммерцію свою завелъ...

— Что-жъ! вратъ не буду: много эта самая коммерція заставила меня вылакать водки...

«Луковица» охотно иронизировала надъ собою, какъ не прочь была посмѣяться, но съ маскою внѣшней почтительности, надъ туповатымъ, но богатымъ «дѣдушкою», глупо сновавшимъ по пароходу. Первымъ дѣломъ онъ заволновался «выправить» себѣ билетъ и сталъ ломиться въ запертую каюту кассира, занятаго еще на пристани. Луковица его остановила:

— Успокойся, дѣдушка! Вотъ пароходъ тронется, тогда и билетъ получишь.

— Да намъ бы того... желательно сейчасъ выправить...

— Нельзя, дѣдушка, вишь кассира нѣтъ... Да тебѣ, поди, требуется I-й классъ, а тамъ почитай всѣ каюты свободны.

— Ладно будетъ и во II-мъ классѣ...

— Ладно и тамъ... А я полагалъ, что по твоимъ капиталамъ можно бы и въ I-мъ классѣ...—ехидничала луковица, подмигивая улыбающимся сосѣдямъ, очевидно знавшимъ о скупости богатаго старика.

Дѣдушка начиналъ морщиться, и луковица поспѣшила переменить разговоръ:

— А вонъ, дѣдушка, твои приказчики на берегу... Ты бы далъ имъ какое наставленіе...

Дѣдушка поймался на эту удочку... Луковица подтолкнулъ сосѣдей, и всѣ стали прислушиваться къ словамъ очень нерѣчистаго старика.

Дѣдушка подошелъ къ борту и закричалъ двумъ приказчикамъ, снявшимъ картузы и поклонившимся хозяину въ поясъ:

— Вы того... смотрите!.. ежели больно хороша... А то не надо!..

Луковица резонно разсудила, что это «наставленіе» черезчуръ туманно, и поспѣшила разъяснить, конечно, не приказчикамъ, появившимъ хорошо несвязную рѣчь хозяина, но недоумѣвавшей публикѣ:

— Понимаете, робя? Дѣдушка вамъ говоритъ: ежели мерлушка больно хороша, то берите... а то не надо!..

Дѣдушка даже крикнулъ отъ неудовольствія, что его коммерческая тайна открыта... Онъ зло покосился на луковицу, но, не желая выдавать себя, снова заговорилъ съ приказчиками:

— Такъ вы того... смотрите!.. ежели больно хороша... Ну, а тогда, значить, и занимайтесь пріятностью чая...

Дѣдушка торжествующимъ взглядомъ обвелъ публику, видимо довольный, что соорудилъ такую тяжеловѣсную фразу насчетъ чая... Публика посмѣивалась, а неугомонная луковица снова выводила дѣдушку на чистую воду:

— А ты бы, дѣдушка, далъ имъ рукописаніе... безъ рукописанія нельзя въ нашемъ коммерческомъ дѣлѣ...

Дѣдушка, очевидно, очень слабый въ «рукописаніи», отпарировалъ:

— Ежели не захотятъ сдѣлать, то и рукописаніе не поможетъ...

— А все жъ оно вѣрнѣе съ рукописаніемъ-то...

Но дѣдушка поторопился отойти подальше, начиная, повидимому, соображать, что надъ нимъ издѣваются... И весь путь онъ прятался отъ луковицы, въ разговорѣ съ которымъ никакъ не могъ соблюсти своего купеческаго достоинства, ревниво имъ охраняемаго.

Когда сходни были приняты, и сидѣвшія на берегу торговки съ хлѣбомъ и полуаршинными пирогами съ рыбою, запеченною цѣликомъ, поднялись и стали уходить, луковица вызвалъ гомерическій хохотъ своимъ неожиданнымъ и кстати сказаннымъ прощальнымъ привѣтомъ къ торговкамъ:

— Прощайте, пироги!..

Всѣ расхохотались и у насъ, и на берегу. Только сумрачный и туповатый дѣдушка даже не улыбнулся, поглощенный предстоящимъ «выправленіемъ» билета. Онъ занялъ съ своимъ «малымъ» каюту II класса, растворилъ дверь настежь и, помѣстившись на диванѣ, цѣлыми часами сидѣлъ недвижно, безъ звука, играя перстами сложенныхъ рукъ на крутомъ чревѣ и устремивъ тупой взглядъ на лежавшую предъ нимъ на столикѣ связку сухихъ баранокъ... Временами рука этого идола отрывалась отъ чрева и протягивалась къ связкѣ. Раздавался сухой трескъ ломающейся баранки, и куски ея разомъ посылались въ ротъ. Прожевавши ихъ, идолъ снова замиралъ въ неподвижной позѣ до новаго позыва къ баранкамъ.

Иногда боязливо подходилъ къ каютѣ «малый»: постоитъ, вытянувшись, у дверей, искоса взглянетъ на хозяина, съ нѣмымъ вопросомъ, не прикажетъ ли онъ чего, но, не дождавшись даже мычанья, снова удираетъ на свѣжій воздухъ и къ живымъ людямъ... А идолъ даже не взглянетъ на него, какъ будто загнипозитизированный связкою баранокъ...

— Экое идолице поганое!—замѣтилъ одинъ пассажирь...—Вѣдь не шелохнется, бровью не моргнетъ, взглядомъ не покосится, хотя мимо его двери вѣчно снуютъ люди. Въ окно даже ни разу не взглянетъ... боится онъ что ли воды?.. Чистый идолъ, словно по-

зирующій для этой роли... И о чемъ можетъ цѣлыми часами размышлять этотъ истуканъ?!

Долго онъ насъ забавлялъ на исходѣ нашего плаванія. За Воскресенскомъ «Иванъ» еще прибавилъ ходу и шелъ безъ всякихъ остановокъ и приключеній. Передъ устьемъ Ветлуги насъ сталъ догонять «Дмитрій», а на Волгѣ и совсѣмъ обогналъ. На устьѣ мы пронеслись карьеромъ черезъ образовавшійся перекатъ. «Иванъ» сильно вздрогнулъ въ самомъ мелкомъ мѣстѣ, конвульси пробѣжали по его дряхлому тѣлу, но кривая вывезла на этотъ разъ—пароходъ не рассыпался и не утѣлся на мели...

Въ 12-мъ часу ночи мы были въ Козьмодемьянскѣ и, къ удивленію, совершенно цѣлы и невредимы послѣ всѣхъ прелестей ветлужскаго плаванія... Въ послѣдній разъ «Иванъ» попробовалъ и носомъ, и кормою, и бортами прочность чужой пристани (кажется, Кашинской) и угомонился. Команда съ капитаномъ во главѣ принялась истоиво креститься, глядя на многочисленныя городскія церкви. Эта благодарственная молитва была такъ понятна: не всякій же разъ небо будетъ попускать грѣхамъ ветлужскихъ «мореходовъ», когда нибудь, пожалуй, и накажетъ...

Скоро, однако, съ кашинской пристани погнали и «Ивана», и «Дмитрія». Послѣдній приткнулся къ какой-то другой пристани, а «Иванъ» вынужденъ былъ стать на якорь и выпустилъ свои пары, якобы для осмотра котловъ и ремонта машины. То и другое было, очевидно, самое поверхностное, такъ какъ на другой же день «Иванъ» тронулся, ничто же сумняся, въ новый рейсъ на Ветлугу... Зѣвать нельзя было: тысячи бурлаковъ, сдавшихъ плоты, бродили по пристанямъ Козьмодемьянска, выжидая ветлужскихъ пароходовъ.

Остановливаясь подлѣ группъ дремлющихъ на берегу и мирно бесѣдующихъ бурлаковъ, мы не могли выстоять около нихъ болѣе 2—3 минутъ. Съ первой же секунды мы ощущали, какъ насъ атакуетъ «легкая кавалерія»: такъ кишѣла тутъ земля насѣкомыми... Что же творится на ужасныхъ пароходахъ, въ насыпную развозящихъ бурлаковъ по Ветлугѣ?!

У берега стояли сотни лодокъ, на которыхъ бурлаки прибыли съ плотовъ въ городъ, для расчетовъ съ хозяевами. Квартиры лѣсопромышленниковъ и ихъ приказчиковъ, въ домахъ около пристаней, обозначаются флагами-значками у воротъ, тождественными тѣмъ значкамъ, какіе находятся на плотяхъ. Придуманно это умно, въ интересахъ бурлаковъ, чтобы они скорѣе и безъ затрудненій могли отыскать своихъ хозяевъ. Несмотря на очень ранній часъ, у квартиръ съ этими флагами уже толпились бурлаки, въ ожиданіи расчета. Пьяныхъ попадалось очень мало, но подвыпившихъ было достаточно.

Когда въ 4 часа утра мы усѣлись на меркурьевскую «Цесаревну Марію» и тронулись въ Васильсурскъ, то чуть не ахнули отъ быстрого хода ея: такъ свыклись мы съ черепашьимъ движеніемъ «Ивана» и позабыли о возможности иной быстроты... Вѣдь «у насъ, на Ветлугѣ», посредственнымъ конемъ можно обогнать пароходъ... Да, «ветлужскіе порядки» отходили въ область воспоминаній, и мы словно чудомъ были переброшены изъ Азіи въ Европу.

Н. Н. Оглоблинъ.

ПАЛОМНИЧЕСТВО ВЪ ПАЛЕСТИНУ ¹⁾.

XXVII.

Ночное пребываніе у Гроба Господня.—Страстная пятница у католиковъ.—Запущенность храма.—Мерзость на святомъ мѣстѣ.—Литургія на Гробѣ Спасителя.—Въ трапезной у греческихъ монаховъ.—Іерусалимскія геронтииссы.—Шествіе въ Геесиманію.—Вымогательство грековъ.—Пещера Гроба Божіей Матери.—
Единеніе христіанъ подъ кровомъ Богоматери.

ШРИБЫТІЕ галилейскаго каравана въ Іерусалимъ по времени вполне отвѣчало древнимъ путешествіямъ евреевъ изъ Галилеи въ Іудею на праздникъ Пасхи. Мы опередили православное воспоминаніе прихода Самого Христа въ Іерусалимъ ²⁾ всего лишь на два дня.

Въ пятницу, 31-го марта, т.-е. наканунѣ Лазарева воскресенія, вновь прибывшихъ паломниковъ греки пригласили на ночное бодрствованіе въ храмъ Гроба Господня, съ тѣмъ, чтобы на утро проводить ихъ въ Геесиманію, къ мѣсту погребенія Божіей Матери и на Елеонскую гору.

Часы дня у Гроба Господня строго распредѣлены между разными христіанскими исповѣданіями. Ровно въ полночь начинаютъ здѣсь свою литургію греки, затѣмъ армяне, послѣ нихъ католики и т. д. А такъ какъ храмъ Воскресенія турки держатъ всю ночь

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIX, стр. 884.

²⁾ Въ 1900 г. оно праздновалось 2-го апрѣля.

на запорѣ, то желающіе прослушать здѣсь литургію грековъ должны приходять въ храмъ наканунѣ съ вечера и ночевать въ немъ до утра.

Давно желая провести ночь у Святого Гроба, я съ радостью принялъ предложеніе грековъ и вмѣстѣ съ другими паломниками часовъ въ пять пополудни отправился въ храмъ Воскресенія.

Въ томъ году Пасха у католиковъ праздновалась на недѣлю раньше, чѣмъ у православныхъ, и въ эту пятницу у нихъ происходило торжественное воспоминаніе снятія со креста Спасителя. Въ присутствіи европейскихъ консуловъ и массы паломниковъ іерусалимское католическое духовенство въ полномъ составѣ совершило грандіозный крестный ходъ въ стѣнахъ храма. Перенесеніе изображения снятаго съ креста Господа, помазаніе миромъ на извѣстномъ камнѣ у входныхъ дверей, положеніе во гробъ—все это было представлено очень наглядно и эффектно. Одинъ изъ молодыхъ канониковъ сказалъ блестящую рѣчь у камня миропомазанія.

На этотъ разъ, вѣроятно, за особую плату турки сдѣлали исключеніе и, по окончаніи богослуженія католиковъ, выпустили ихъ среди ночи изъ храма. Остались только православные. Одна часть изъ нихъ расположилась около скамеекъ католическаго придѣла, другая—тихонько бродила по многочисленнымъ переходамъ храма, но большинство собралось на Голгоѣ и читало акаѣисты. Нѣкоторые паломники нашли себѣ пріютъ въ кельяхъ греческаго Святогробскаго братства, примыкающихъ къ храму со стороны Голгоѣы. Въ самомъ же храмѣ ночевать довольно тяжело. Въ немъ и днемъ чувствуется свѣжесть и сырость, а по ночамъ бываетъ замѣтно холодно. Множество переходовъ и коридоровъ развиваютъ рѣзкій сквозной вѣтеръ. Отъ него нигдѣ не спрячешься. Присѣсть негдѣ. Немногочисленныя скамейки около латинскаго придѣла всѣ заняты, расположиться же на холодномъ каменномъ полу опасно: можно простудиться. Только наши крестьянки паломницы да бѣдные феллахи осмѣливаются садиться на грязныя плиты. Отъ паразитовъ въ храмѣ нѣтъ покоя. Не успѣешь прійти въ ротонду Гроба Господня, какъ ужъ начнутъ чесаться руки и ноги. Вообще, кто хочетъ ночевать въ іерусалимскомъ храмѣ, долженъ запастись теплымъ платьемъ и достаточнымъ терпѣніемъ выстоять на ногахъ всю ночь.

Не могу умолчать объ одномъ крайне прискорбномъ явленіи въ храмѣ величайшей христіанской святыни. На сѣверной сторонѣ его, между католической капеллой и темницею Іисуса Христа, выходятъ въ коридоръ двери отхожаго мѣста. Отъ непрерывнаго хожденія сюда паломниковъ двери часто раскрываются, и выходящее изъ нихъ зловоніе распространяется до кувукліи. Еще въ древности, при Моисеѣ, было строго заповѣдано израильтянамъ хранить въ чистотѣ свой лагерь, а тѣмъ болѣе—мѣсто скиніи завѣта.

«Мѣсто должно быть у тебя внѣ стана, куда бы тебѣ выходить... ибо Господь, Богъ твой, ходитъ среди стана твоего... а по сему станъ твой долженъ быть святъ, чтобы Онъ не увидѣлъ у тебя чего срамнаго и не отступилъ отъ тебя» ¹⁾. А теперь не только «въ станѣ», но въ самомъ храмѣ, въ разстояніи какихъ нибудь двѣнадцати сажень отъ Гроба Господня, допущена «мерзость на святомъ мѣстѣ» (Мт. 24, 15). И нельзя сослаться въ данномъ случаѣ на турокъ, которые своимъ правиломъ затворяютъ двери храма на всю ночь якобы принуждаютъ христіанъ имѣть грязное мѣсто въ святилищѣ. Очень легко можно было вывести необходимую постройку внѣ главныхъ стѣнъ храма и соединить ее съ нимъ лишь узкимъ проходомъ съ нѣсколькими наглухо затворяющимися дверями.

Въ полночь обѣдню у Гроба Господня служилъ архіерей. Пѣли поочередно греческіе монахи и русскія паломницы. Престоломъ служилъ камень въ придѣлѣ Ангела, а жертвенникомъ — Гробъ Господень. Народъ столпился вокругъ кувукліи и горячо молился.

Около двухъ часовъ ночи обѣдня кончилась, и насъ повели греки въ свою трапезную, находящуюся рядомъ съ храмомъ, гдѣ въ качествѣ хозяйки встрѣчала насъ и распоряжалась съ угощеніемъ высокая русская женщина въ черномъ монашескомъ одѣяніи. Она, по рассказамъ моего сосѣда-паломника, когда-то пріѣхала сюда для поклоненія Гробу Господню, но, познакомившись съ здѣшними условіями жизни, рѣшила поселиться въ Иерусалимѣ и приняла самое дѣятельное участіе въ жизни греческаго монастыря. Она обыкновенно управляетъ русскимъ хоромъ при греческомъ богослуженіи, объясняетъ паломникамъ значеніе святыхъ мѣстъ, служитъ посредницей между своими соотечественниками и греками. И вотъ теперь она властно распоряжается въ столовой, указывая, кому гдѣ сѣсть, и угощаетъ чаемъ. Каждому паломнику за столомъ дали по куску хлѣба и по три смоквы (винныя ягоды). «Хозяйка» обхаживала своихъ гостей и приговаривала елеинымъ голосомъ:

— Кушайте на здоровье! Кушайте на здоровье!

— Покорно благодаримъ, матушка, за угощеніе! — съ поклонами отвѣчали паломники.

— Если хотите, — шепнулъ мнѣ мой сосѣдъ, — имѣть хорошее мѣсто на «благодать», то къ ней обратитесь. Хотите повидать архіерея, — опять же черезъ нее.

Однако, эта красивая среднихъ лѣтъ женщина вызывала у многихъ недоумѣніе. О томъ, что греческіе монахи держатъ при себѣ для домашнихъ услугъ геронтиссъ, или старицъ, — это было извѣстно паломникамъ. Что эти пріѣзжія изъ Россіи «старицы»

¹⁾ Втор. XXIII, 12—14. Полный текстъ содержитъ нѣкоторыя описательныя подробности, которыя здѣсь опущены.

чаще всего бываютъ не старше тридцати лѣтъ,—это тоже они знаютъ. Но такое открытое проявленіе существованія русскихъ женщинъ въ мужскомъ монастырѣ многихъ паломниковъ соблазняло и вызвало у нихъ нескромныя подозрѣнія.

За свое пребываніе въ Иерусалимѣ я раза четыре ночевалъ въ храмѣ Гроба Господня, но подобнаго общаго угощенія ночью послѣ обѣдни мнѣ больше не случалось наблюдать. Вѣроятно, сегодня греки пригласили паломниковъ въ столовую, чтобы собрать ихъ вмѣстѣ для дальнѣйшаго обхожденія святынь въ Геесиманіи и расположить ихъ къ большей щедрости.

Чай мы скоро отпили, и до утра оставалось еще немало времени. Насъ попросили подождать пока въ храмѣ Гроба Господня.

Утомленіе отъ непрерывнаго путешествія въ продолженіе цѣлаго мѣсяца особенно сказалось въ эту ночь, и меня сильно клонило ко сну. Пройдя къ придѣлу коптовъ у задней стѣны кувукліи, я сѣлъ подремать на скамейку; но холодный сквозной вѣтеръ и насѣкомыя нестерпимо беспокоили меня и согнали съ мѣста.

Наконецъ, около пяти часовъ утра, приходитъ низенькій, горбатый грекъ, хорошо извѣстный русскимъ паломникамъ, какъ проводникъ-разсказчикъ, и повелъ насъ изъ храма Гроба Господня по Страстному пути сперва къ пещерѣ Божіей Матери въ Геесиманіи. Въ предразсвѣтномъ полумракѣ мы быстро пробирались по пустыннымъ улицамъ толпою болѣе сотни человекъ. Если и встрѣчались намъ, то только нищіе, слѣпые, прокаженные, вѣроятно, привлеченные сюда такъ рано извѣстіемъ объ утреннемъ шествіи паломниковъ на Елеонъ. Выйдя изъ города черезъ ворота Ситти-Марьямъ, паломники бодро пересѣкли Иосафатову долину и скоро подошли къ пещерѣ Гроба Божіей Матери, у подножія Елеонской горы. Какъ у храма Гроба Господня отъ всего фасада сохранилась только часть южной стѣны со входомъ, такъ отъ храма Гроба Божіей Матери осталась тоже только готическая арка входа.

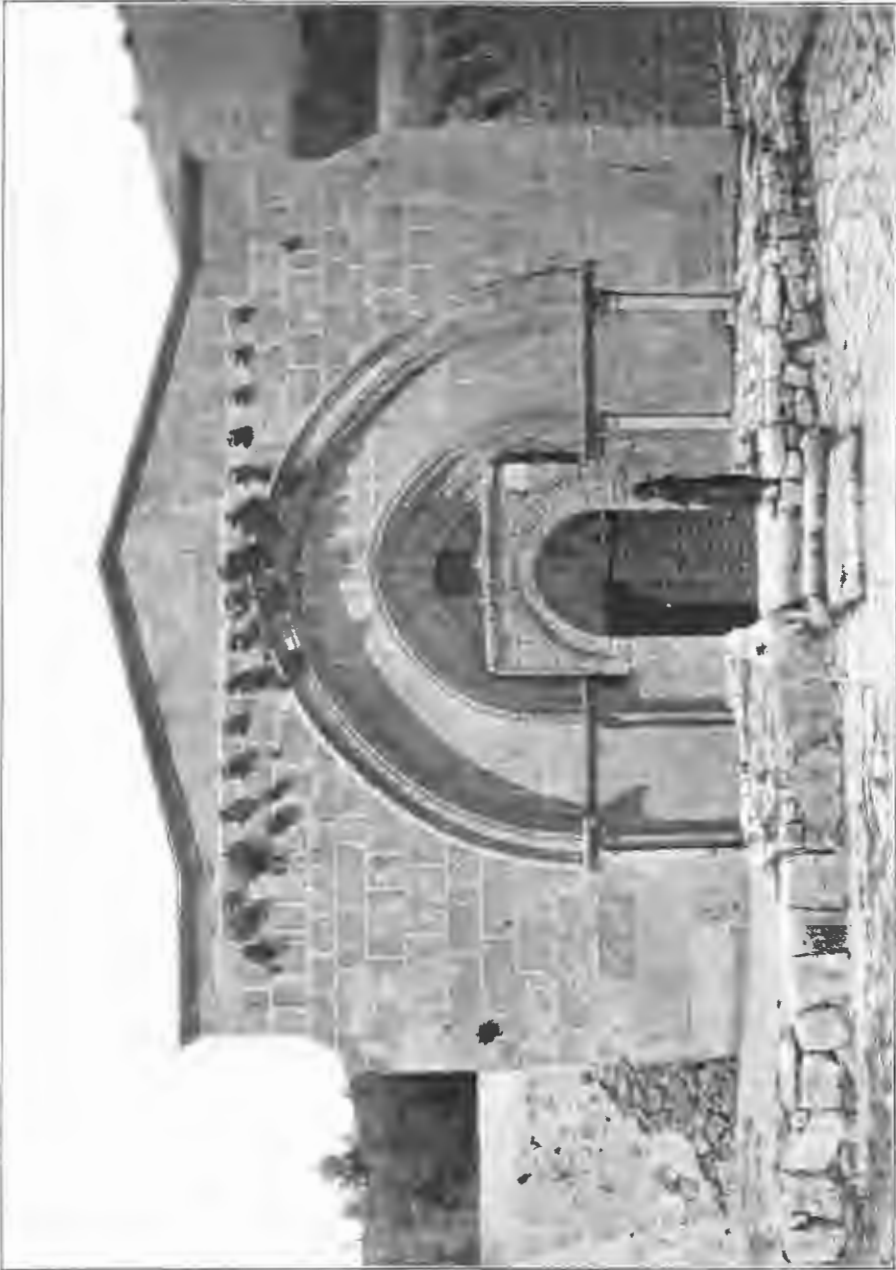
Мы стали слускаться по темной лѣстницѣ внизъ. Проводникъ-грекъ остановилъ насъ и велѣлъ покупать свѣчи для Гроба Божіей Матери.

На конторкѣ навалена куча обгорѣлыхъ свѣчей изъ парафина, толщиною въ рублевую восковую свѣчу.

— По рублю! по рублю!—кричитъ грекъ за конторкой.

— Всѣ, всѣ покупайте! — вторитъ ему нашъ проводникъ, загоразживая собою проходъ.

Вышло замѣшательство. Нѣкоторые, побогаче, безпрекословно подчинились требованію грековъ и покупали на половину обгорѣлыя свѣчи по рублю. Но большинство обступило конторку и просило свѣчей подешевле. Одинъ старикъ вытащилъ изъ-за пазухи мѣшокъ, медленно развернулъ его и долго искалъ въ немъ. Наконецъ, вытащилъ онъ серебряную монету и дрожащею рукою протягиваетъ ее греку.

Входъ въ погребальную пещеру Божіей Матери въ Гессимані.

— Нѣтъ ли свѣчки за двугривенный?—спросилъ онъ умоляющимъ голосомъ.

— Другихъ свѣчей нѣтъ. Только рублевыя!— настаивалъ на своемъ грекъ.

Много я слыхалъ про вымогательство грековъ, но такая развязность и поразила и возмутила меня. Одинъ изъ паломниковъ, не обращая вниманія на грековъ, быстро прошелъ впередъ, вынулъ маленькую свѣчку изъ числа стоящихъ на подсвѣчникѣ передъ образомъ и исчезъ въ кувукліи Гроба Божіей Матери. Черезъ двѣ-три минуты онъ вышелъ оттуда и опять поставилъ свѣчку на прежнее мѣсто.

Я подошелъ къ нему.

— Нѣтъ, подумайте, — говоритъ онъ мнѣ волнуясь, — какую хитрую придумали штуку! Загородили собою проходъ и, какъ пропускъ, требуютъ рублевыя свѣчи. И одна и та же свѣча идетъ у нихъ въ круговую съ конторки ко гробу, а съ гроба опять на конторку. Если хочешь, чтобы мы жертвовали, — хорошо, мы пожертвуемъ. И я положилъ деньги въ тарелку на гробъ. Но зачѣмъ такое возмутительное вымогательство?!

Гробъ Божіей Матери покрытъ также мраморною доскою и находится въ небольшой кувукліи, какъ и Гробъ Спасителя. Весь храмъ или, лучше сказать, вся обширная пещера пестро изукрашена висячими лампадами и подсвѣчниками. Всюду обиліе иконъ. Здѣсь имѣютъ свои алтари всѣ восточные христіане. Даже мусульмане, и тѣ устроили свою молельню подъ кровомъ Божіей Матери и также чтутъ ея святую гробницу. Только западные христіане — католики и протестанты — вовсе не имѣютъ здѣсь своихъ алтарей. Въ этомъ подземномъ храмѣ мнѣ нравится смѣшеніе языковъ. Въ разныхъ углахъ среди русскихъ и арабовъ наталкиваешься на своеобразныхъ по одѣянію греческихъ, армянскихъ, абиссинскихъ, сирійскихъ и коптскихъ монаховъ. Всѣ они чтутъ «Единаго Истиннаго Бога и посланнаго Имъ Исуса Христа» и Его Святую Матерь Марію. Глубоко, саженъ на пять подъ землю, совершается это духовное единеніе, и оно прообразуетъ то стадо, которое, какъ сказалъ одинъ русскій святитель, Матерь Божія приводитъ ко Христу.

Черезъ дорогу отъ пещернаго храма Богоматери паходятся остатки масличнаго сада, съ которымъ преданіе связываетъ геэсиманскую молитву Спасителя. Вѣроятно, въ предѣлахъ этого сада была и гробница Божіей Матери. По крайней мѣрѣ, у нашихъ паломниковъ подъ названіемъ «Геэсиманіи» разумѣются не остатки масличнаго сада, принадлежащаго католикамъ, а вотъ этотъ подземный храмъ съ гробомъ Божіей Матери.

XXVIII.

Елеонская гора.—Видъ съ горы на Иерусалимъ.—Мѣсто Вознесенія Господня.—Отношеніе грековъ къ святымъ мѣстамъ.—Сояровище, скрытое на полѣ.—Покойный архимандритъ Антоній.—Высочайшая колокольня въ Иерусалимѣ.—Виоанія.—Гробница Лазаря.—Крестный ходъ.—Арабскія дѣти.—Всенощная съ валями.

Воспоминанія о послѣднихъ дняхъ земной жизни Христа Спасителя связаны съ Елеонскою горой. Виоанія и Виофагія, гробница Лазаря, Геосиманія, мѣсто бесѣды о разрушеніи Иерусалима и, наконецъ, послѣдній пунктъ земного пребыванія Иисуса Христа, съ котораго онъ вознесся на небо,—все это находится по ту или другую сторону Елеона.

Когда мы вышли изъ темной пещеры гроба Божіей Матери, было совѣтъ свѣтло. Православный народъ большими и маленькими группами двигался по іерихонской дорогѣ на праздникъ въ Виоанію и къ гробницѣ Лазаря. Погонщики-мукари на перебой предлагали своихъ измученныхъ жалкихъ осликовъ. И если ихъ паломники брали сегодня, то, вѣроятно, ради воспомнанія вѣзда Господня въ Иерусалимъ на одномъ изъ предковъ этихъ животныхъ. Съ небольшой компаніей я предпочелъ итти на гору пѣшкомъ, чтобы не стѣснять себя при осмотрѣ достопримѣчательныхъ мѣстъ по пути. Обогнувъ русскую церковь святой Маріи Магдалины, построенную въ память покойной императрицы Маріи Александровны, мы стали подыматься къ мѣсту вознесенія Господня. Подъемъ былъ довольно крутой, и вначалѣ пришлось восходить по изсѣченной въ скалѣ лѣстницѣ. Кругомъ обычный желтовато-сѣрый колоритъ. Палющее солнце надъ головой, камень подъ ногами и пыль въ воздухѣ. Растительности очень мало. Справа и слѣва отъ дороги ограда изъ щесня и сѣрые каменные дома съ плоскими крышами. Мы оглянулись назадъ, на западъ. Передъ нами протянулся весь Иерусалимъ, окруженный лентой темносѣрыхъ стѣнъ съ зубцами и башнями. На первомъ планѣ царитъ величественный куполь мечети Омара. Правѣе можно разобрать куполы храма Воскресенія. Еще правѣе—русскій храмъ святой Троицы. За исключеніемъ нѣсколькихъ башенъ, вся остальная масса сѣрыхъ домовъ представляетъ собою довольно однообразную картину.

Когда Иисусъ Христосъ смотрѣлъ отсюда на Иерусалимъ, то предъ Его духовнымъ взоромъ пронеслась панорама не только святого города, но и всего міра во всѣ времена. Предсказывая своимъ апостоламъ о послѣднихъ дняхъ Иерусалима, Онъ говорилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и о кончинѣ міра. Вотъ такую-то точку зрѣнія, т.-е. на всю вселенную во всѣ времена, и надо намъ искать на Елеонской горѣ.

Наконецъ, мы взобрались на вершину горы, къ мѣсту вознесенія Господа, принадлежащему мусульманамъ. Въ небольшомъ купольномъ зданіи показываютъ камень съ отпечаткомъ стопы Спасителя. За нѣсколько паричекъ турки охотно допускаютъ христіанъ внутрь зданія и даже позволяютъ имъ молиться здѣсь по своему обычаю.

Еще четверть версты далѣе къ востоку, и мы приходимъ къ русской церкви съ гигантской колокольной, построенной хорошо извѣстнымъ въ Палестинѣ покойнымъ начальникомъ духовной миссіи, архимандритомъ Антониномъ. Онъ отлично понималъ, что греки не столько заботятся о православномъ населеніи Палестины, сколько о личной наживѣ. На святыхъ мѣста, которыя еще удержались въ ихъ рукахъ, они смотрятъ, какъ на предметъ выгодной эксплуатаціи, и только. Небольшая кучка святогробскихъ монаховъ, проживая главнымъ образомъ въ Иерусалимѣ, нѣкоторые свои монастыри и церкви въ Святой Землѣ отдаетъ, какъ доходныя статьи, въ аренду мірскимъ людямъ. И, конечно, ничто не помѣшаетъ имъ при случаѣ продать часть своихъ святыхъ мѣстъ инославнымъ вѣроисповѣданіямъ, чему и были примѣры. Съ другой стороны, препятствуя русскому священству совершать богослуженія въ Палестинѣ, греки тѣмъ стѣсняють нашихъ паломниковъ удовлетворить запросы своего религіознаго чувства. Отпаденіе отъ православія мѣстнаго населенія происходило на глазахъ архимандрита Антонина тысячами. И вотъ онъ рѣшилъ, по примѣру западныхъ христіанъ, завести въ разныхъ мѣстахъ Святой Земли русскія владѣнія, открыть, такъ сказать, новые разсадники православія. Благодаря частной благотворительности, въ короткое время онъ скупилъ множество клочковъ земли въ разныхъ углахъ Палестины. Куда ни приѣдешь, — къ Мамврійскому ли дубу, въ Иерихонъ, въ Яффу, въ Горнию, — всюду встрѣчаешь заботливое насажденіе о. Антонина. Но завершеніемъ его славныхъ дѣлъ надо считать устроеніе русскаго мѣста на Елеонѣ, несмотря на множество препятствій со стороны грековъ, католиковъ, турокъ и даже русскихъ.

Случилось, что при раскопкахъ намѣченнаго мѣста на Елеонѣ наткнулись на прекрасный мозаичный полъ. Архимандритъ еще не вошелъ тогда во владѣніе купленнымъ участкомъ, а потому онъ поспѣшилъ закрыть находку, чтобы не раздражить ею латинячъ и тѣмъ еще болѣе не увеличить препятствій къ приобрѣтенію земли. Этотъ поступокъ о. Антонина напоминаетъ евангельскую притчу о сокровищѣ, скрытомъ на полѣ, «которое нашедъ человекъ утаилъ, и отъ радости о немъ идетъ и продаетъ все, что имѣетъ, и покупаетъ поле то». Вотъ на этомъ-то полѣ съ сокровищемъ, 24-го марта 1894 г., на 77 году жизни, и успокоился отецъ Антонинъ, буквально выполнивъ Христову притчу о Царствѣ Небесномъ.

Испросивъ благословенія у іеромонаха, звонарь открылъ намъ входъ въ колокольную. Пришлось перебраться не одну сотню ступе-

Русская церковь на Елеонской горѣ, построенная архимандритомъ Антонинномъ.

ней, прежде чѣмъ мы достигли самаго верха. Говорятъ, о. Антонинъ хотѣлъ вывести колокольню такой высоты, чтобы за пятьдесятъ верстѣ увидѣть Средиземное море, но недобрые завистники и этому скромному желанію воспрепятствовали, не давъ достроить ему одну или двѣ сажени до требуемой высоты.

Хорошо вознестись на горѣ Елеонской на высоту двадцати сажень¹⁾ и взглянуть съ вершины колокольни на Святую Землю! На сѣверѣ видны самарійскія и галилейскія горы. На востокѣ — Иорданская долина; а Мертвое море кажется совсѣмъ близко, хотя до него не менѣе двадцати верстѣ. Югъ весь изрытъ горами, а на западѣ разстилается въ туманѣ прибрежная равнина. Вотъ она, Обѣтованная земля Израиля! Такъ, вѣроятно, и Моисей осматривалъ ее съ вершины Фасги моавитской горы Нево, когда «показалъ ему Господь всю землю Галаадъ до самаго Дана и всю землю Лудину, даже до самаго западнаго моря, и полуденную страну, и равнину долины Иерихона».

Отъ русскаго храма мы направились въ Виванію, откуда сегодня долженъ былъ начаться крестный ходъ. Виванія, или Эль-Азаріе, лежитъ на южной сторонѣ Елеонской горы и имѣетъ обыкновенный видъ маленкаго арабскаго селенія съ каменными постройками, которыя издали трудно признать за жилые дома. Все сѣро, пыльно. Всюду торчитъ камень. Деревьевъ очень мало. Селеніе скрашивала прибывшая сюда изъ Иерусалима масса народа. Нищіе, дѣти, мукари съ ослами, продавцы фруктовъ и напитковъ обычно толклись между паломниками. Кто-то предложилъ до крестнаго хода сходить къ гробницѣ Лазаря. Пошелъ и я туда со своей компаніей.

У самой дороги зіяло темное отверстіе пещеры, обложенное камнемъ. Это и была гробница Лазаря. Пожелавшіе спуститься по очень скользкимъ ступенямъ въ глубину пещеры должны были заплатить бакшишъ предстоящимъ туркамъ. Одинъ пожилой паломникъ кряхтя вынималъ изъ портмонэ деньги. Въ это время вышедшій изъ гробницы длинноволосый странникъ, увидя его, торопливо предупредилъ:

— Не тревожься, дяденька, тамъ нечего смотрѣть: пустое мѣсто, и больше ничего! А спускаться надо съ большой опаской.

— Милый челоуѣкъ! Какъ не побывать въ животворящемъ гробу Лазаря въ сегодняшній день!

— Не гробъ Лазаря животворящій: опъ тамъ смердѣлъ четыре дня, а слово Господне оживотворило его, — наставительно замѣтилъ ему странникъ.

Походивъ немного по окрестностямъ, мы скоро замѣтили быстро движущійся по дорогѣ крестный ходъ греческаго духовенства.

¹⁾ Сама же Елеонская гора возвышается на 378 сажень надъ уровнемъ моря.

Входъ въ гробницу Лазаря, близъ Виевни.

«Общее воскресеніе!»... громко выпѣвали тонкіе голоса русскихъ женщинъ. Собственно по обстановкѣ крестный ходъ не поражалъ своею торжественностью. Духовенства было немного, образцовъ и хоругвей тоже мало. Зато велико было одушевленіе пестрой и многочисленной толпы паломниковъ. Перегоняя другъ друга, нѣкоторые бросали на дорогу цвѣты, попутно сорванные тутъ же въ прилегающихъ участкахъ. У многихъ въ рукахъ были ваи финиковой пальмы. Одинъ молодой парень въ благочестивомъ рвеніи несъ двухсаженный пальмовый листъ. Дорогу для духовенства среди толпы пролагала мѣстная полиція. Она довольно свободно пускала въ ходъ свои палки, возбуждая въ народѣ крики и ругань. Болѣе состоятельные и слабые ѣхали въ экипажахъ и на ослахъ. Среди народа, вѣроятно, немало было и магометанъ. Но настоящій праздникъ больше всего былъ для арабскихъ ребятишекъ. Съ криками и съ веселымъ смѣхомъ, скаля свои бѣлые зубы и сверкая черными глазами, они въ перегонку сновали между паломниками. Если остановишь ихъ, они сейчасъ же тебя окружаютъ съ просьбами: «бакшишь! бакшишь!»

— Не «бакшишь», а «осанна» вамъ подобаетъ кричать сегодня, — строго имъ замѣчаетъ стройная женщина въ темномъ одѣяніи.

— Бакшишь! бакшишь!—кричатъ бойкіе арабчѣнки, окруживъ ее съ протянутыми руками.

— У, пострѣлята! Не рада, что и связалась съ вами. Отстаньте!

И женщина, сунувъ имъ по паричкѣ, спѣшитъ скрыться въ наиболѣе густой толпѣ паломниковъ.

Въ самомъ городѣ все множество народа быстро разсѣялось. Всѣ спѣшили поѣсть и немного отдохнуть передъ всенощной «съ вербами».

Обширный Троицкій соборъ на дворѣ русскихъ построекъ не могъ вмѣстить въ себѣ всѣхъ желающихъ богомольцевъ. Въ виду страшной тѣсноты, мнѣ пришлось воспользоваться привилегированнымъ мѣстомъ на южной сторонѣ храма за рѣшеткой. Служба была обычная, русская; только у народа въ рукахъ были не наши вербы съ серебрястыми почками, а зеленоватая ваи финиковой пальмы. У иныхъ узенькіе листочки ваи были искусно переплетены между собою въ видѣ ёлочки или въ видѣ креста.

Выходя изъ церкви, я увидѣлъ на площади громадную толпу людей, представляющую чрезвычайно красивое зрѣлище. Вся она была охвачена луннымъ свѣтомъ, какъ бы тонкимъ флеромъ, чрезъ который пробивались сотни огоньковъ горящихъ свѣчей. Колебанія ваи въ рукахъ паломниковъ и негромкій гулъ ихъ переговоровъ оживляли эту картину тихой теплой ночи.

— Не хотите ли пойти къ католикамъ? — обращается ко мнѣ мой сожитель: — у нихъ вѣдь сегодня пасхальная ночь.

— Интересно бы. Но, мнѣ кажется, Пасху встрѣтить хорошо только одинъ разъ въ году. Я ужъ поберегу свое чувство къ нашей православной Пасхѣ.

XXIX.

Католическая капелла.— Колонна бичеванія.— Крестный ходъ у Гроба Господня.— Святогробскіе монахи.— Ихъ денежные средства.— Драка женщинъ въ храмѣ.— Ссоры монаховъ разныхъ вѣроисповѣданій.— Омовеніе ногъ.— Денежный сборъ на поминанье.— Разрѣшительная молитва.— Тайна омытія ногъ Господомъ.

На другой день у всѣхъ восточныхъ христіанъ былъ праздникъ Входа Господня въ Іерусалимъ, а у католиковъ — Пасха. Въ ожиданіи православнаго богослуженія и крестнаго хода въ стѣнахъ храма Гроба Господня, я прошелъ въ католическій придѣлъ съ сѣверной стороны отъ кувукліи. Тамъ меня встрѣтилъ францисканецъ фра-Іосифъ съ ключами въ рукахъ и любезно предложилъ осмотрѣть капеллу. Фра-Іосифъ уроженецъ Італіи, но жилъ нѣкоторое время въ Могилевской губерніи, а потому свободно изъяснялся по-русски. Сперва онъ подвелъ меня къ колоннѣ бичеванія Христа. Я приложился къ ней по католическому обычаю, то-есть прикоснулся къ ней кончикомъ палочки чрезъ небольшое отверстіе каменной ширмы и затѣмъ поцѣловалъ конецъ палочки. Это дѣлается для сохраненія святости отъ грубыхъ и нечистыхъ прикосновеній, да и для обезпеченія отъ благочестивыхъ покушеній отдѣлять себѣ частицы священнаго камня.

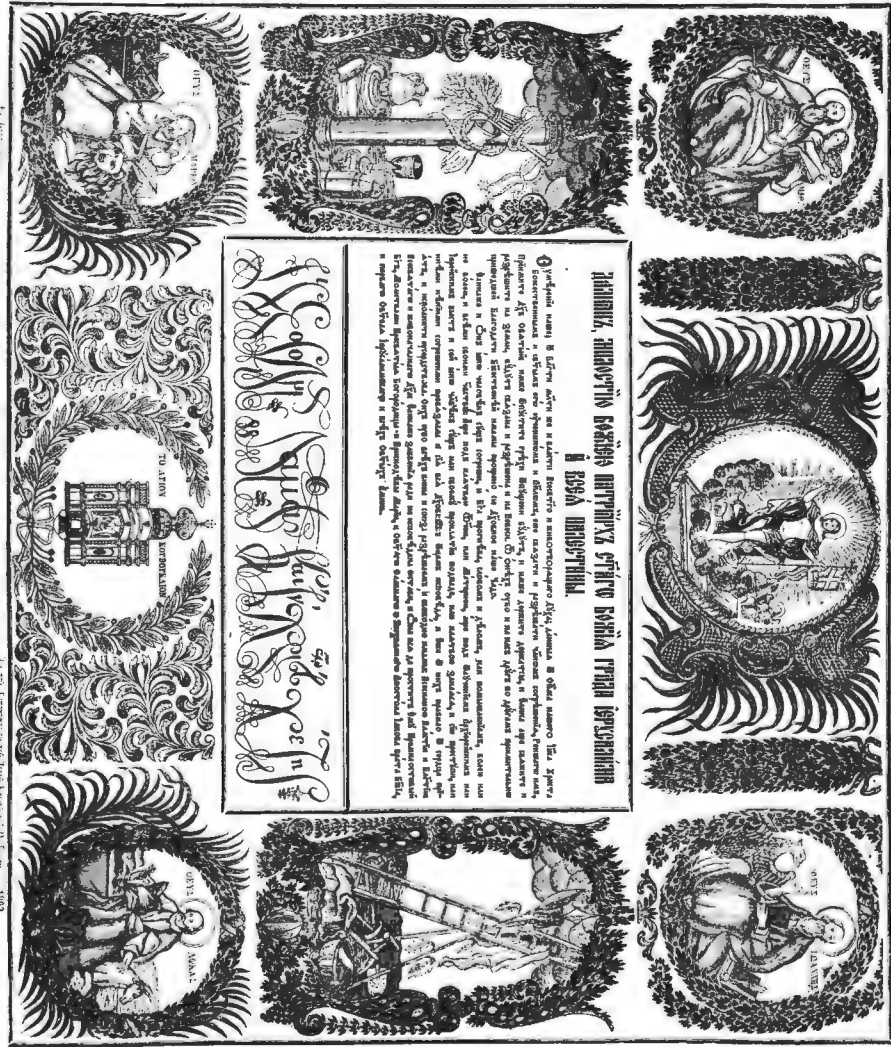
Осмотрѣвъ въ капеллѣ иконы и богослужебныя книги, я опять прошелъ въ ротонду Гроба Господня. Народу собралось чрезвычайно много. Половина, если не больше, всѣхъ собравшихся были туземцы разныхъ исповѣданій. Многіе стояли въ храмѣ въ красныхъ фескахъ, а одинъ прилично одѣтый европеецъ — въ шляпѣ. Женщины-арабки, разряженныя въ широкія свѣтлыя платья, со множествомъ ювелирныхъ украшеній, заняли сѣверную часть коридора храма Воскресенія.

Крестный ходъ три раза обошелъ вокругъ кувукліи Гроба Господня, а четвертый — вокругъ греческаго храма Воскресенія. Здѣсь, какъ и всюду у грековъ, которыхъ мнѣ приходилось наблюдать въ Палестинѣ, богослуженіе и религиозныя процессіи не отличались такою величавою торжественностью, какъ у русскихъ въ большихъ городахъ. На лицѣ святогробскаго монаха обыкновенно замѣчаешь или равнодушіе, или скуку; всѣ его движенія лѣнны, апатичны.

— Сыты, заѣлись!— отвѣтилъ мнѣ мой сосѣдъ на мое замѣчаніе:— богаты стали! Они, вѣдь, тутъ служатъ не Богу, а мамонѣ. Вы спросите, сколько ему стоило, чтобы получить мѣстечко при Гробѣ Господнемъ.

Я только вздохнулъ и ничего ему не возразилъ. Тяжело было говорить о такихъ вещахъ въ святѣйшемъ на земномъ шарѣ мѣстѣ,

Разрывительная грамота отъ іерусалимскаго патриарха.

1870-1871

1870-1871

между Голгофою и Гробомъ Господнимъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что положеніе главы греческаго духовенства, іерусалимскаго патриарха, нѣсколько затруднительно. Онъ стоитъ между двухъ огней, поѣдающихъ его доходы съ русскихъ паломниковъ: съ одной стороны, онъ долженъ всегда удовлетворить членовъ синода; съ дру-

гой — заботиться о нуждахъ патріархіи. Поэтому я не удивился, когда увидѣлъ въ Іерусалимѣ патріаршую гостиницу, то-есть обыкновенную мірскую гостиницу, которую содержитъ патріархъ для увеличенія своихъ доходовъ. Но въ Іерусалимѣ есть еще другая греческая глава — настоятель Святогробскаго храма, архимандритъ Евѣмій, доходы котораго съ того же русскаго паломника будутъ побольше, чѣмъ у патріарха, да и торговопромышленныя предпріятія его пошире и поразнообразнѣе. Тутъ ужъ святогробцы совершенно теряютъ нравственный обликъ монаха и становятся настоящими купцами-мірянами, хотя и въ черной рясѣ. Благо еще, что большинство нашихъ простецовъ-паломниковъ не видятъ и не понимаютъ характера дѣятельности святогробскихъ монаховъ, иначе вышелъ бы немалый соблазнъ для нихъ.

Обходя придѣлы храма, мы прошли въ сѣверную часть его, гдѣ собралось много туземцевъ. Вдругъ поднялся среди нихъ гортанный крикъ, и на нашихъ глазахъ двѣ богато одѣтыхъ арабки яростно бросились другъ на друга. Въ одинъ мигъ разлетѣлись кружевныя и кисейныя покрывала, волосы растрепались... Тутъ подбѣжали мужчины и съ великимъ трудомъ разняли ихъ; но онѣ, продолжая ругаться, вырвались изъ рукъ мужчинъ и снова сцѣпились еще съ большею яростью. Толпа опять разняла арабокъ и отвела ихъ по разнымъ угламъ храма.

Казалось бы, драка въ священномъ храмѣ должна произвести гнетущее впечатлѣніе на паломниковъ; на самомъ же дѣлѣ они отнеслись къ этому явленію довольно спокойно. Они уже успѣли привыкнуть къ здѣшнимъ порядкамъ. Еще бы! Въ предвѣдѣнное время въ іерусалимскомъ храмѣ почти ежедневно затѣваются если не драки, то крупныя ссоры. Ни одно большое богослуженіе, ни одна религіозная процессія не обходится безъ присутствія роты турецкихъ солдатъ съ ружьями. Тутъ страсти напряжены до высочайшей степени. Самъ по себѣ народъ іерусалимскій, какъ порохъ: малѣйшая искра, — и взрывъ! Чуть запоздають греки со своимъ богослуженіемъ, — армяне уже волнуются и начинаютъ безчинствовать... Когда видишь, какъ греки горячо отстаиваютъ права православныхъ христіанъ на святые мѣста, тогда только понимаешь весь тяжелый трудъ быть епитропомъ у Гроба Господня¹⁾. Въ этомъ смыслѣ святогробскіе монахи искупаютъ до нѣкоторой степени свою жадность къ деньгамъ.

— Вы не удивляйтесь этимъ кровавымъ схваткамъ, происходящимъ здѣсь, какъ будто бы во имя Христа, — замѣтилъ мнѣ мой

¹⁾ Недавно, 22-го октября 1901 г., греческіе монахи Святогробскаго братства вступили въ рукопашный бой съ латинянами изъ-за обладанія двумя плитами на площадкѣ передъ храмомъ. Уступая давленію европейской дипломатіи, турки рѣшили кровавый споръ въ пользу католиковъ.

спутникъ на мое тяжелое раздумье. — Такъ должно быть. Иерусалимскій храмъ есть образъ христіанскаго міра. Люди, братья во Христѣ, враждуютъ между собою, воюютъ, стараются или подчинить себѣ одинъ другого, или вовсе стереть съ лица земли. Въ маломъ видѣ все это здѣсь и происходитъ. Какъ уже случилось разъ, что Христосъ въ негодованіи опрокинулъ столы мѣновщиковъ и выгналъ изъ храма всѣхъ, кто дѣлалъ изъ него домъ торговли и вертепъ разбойниковъ, такъ и еще разъ Господь придетъ въ этотъ міръ и поколеблетъ не только землю, но и небо, и отринетъ всѣхъ тѣхъ, кто забываетъ, что они братья во Христѣ.

— Пойдемте отсюда!—вдругъ рѣзко заключилъ онъ свою рѣчь.

Вспоминая теперь о Святогробскомъ братствѣ, кстати я расскажу объ извѣстномъ обрядѣ омовенія ногъ пріѣзжающимъ паломникамъ... Этотъ обычай, подкрѣпленный примѣромъ и словами Самого Спасителя, имѣетъ древнее происхожденіе. Нѣкоторые паломники не начинаютъ обхода іерусалимскихъ святынь, прежде чѣмъ не «посвятятъ» своихъ ногъ. Хотя немало было и такихъ, которые вовсе пренебрегали этимъ обрядомъ. Мнѣ самому случилось присутствовать при омовеніи ногъ, спустя лишь нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Иерусалимъ, кажется, въ среду на страстной недѣлѣ.

Толпу паломниковъ, человѣкъ въ полтораста, греки привели въ одинъ изъ своихъ монастырей (рядомъ съ храмомъ Гроба Господня) и одну половину ихъ ввели въ горницы, а другую попросили подождать на дворѣ. Паломники усѣлись на камняхъ, кто гдѣ могъ: на дворѣ, на лѣстницѣ, на террасѣ. Нетерпѣливые не хотѣли жариться на солнцѣ и ушли изъ монастыря. Минуть черезъ двадцать позвали въ комнаты вторую половину паломниковъ, къ которой принадлежалъ и я, и разсадили насъ вдоль стѣнъ. Всѣ разули свои ноги. Два греческихъ монаха (я называю грековъ святогробскаго братства общимъ именемъ монаховъ, но, можетъ быть, въ данномъ случаѣ были и послушники) съ водой въ кувшинѣ и съ тазомъ стали подходить поочередно къ каждому паломнику и вымывали ноги. Смочивъ слегка мокрой губкой верхнюю часть ступени и протерѣвъ ее сырымъ и не совсѣмъ чистымъ полотенцемъ, монахъ склонялся надъ ногами и дѣлалъ видъ, что цѣлуетъ ихъ, на самомъ же дѣлѣ только чмокалъ воздухъ. Во все время, пока умывали ноги паломникамъ, одинъ изъ монаховъ, заложивши руки за спину, лѣниво расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ и что-то пѣлъ по-гречески. Я догадывался, что это были соответствующіе случаю стихи о взаимной любви апостоловъ. Обходили еще раза два сидящихъ паломниковъ, при чемъ прыскали розовую воду на руки и собирали деньги.

Откровенно говоря, я большаго ждалъ отъ этого обряда. Особенно мнѣ не нравилась толстая фигура апатично прохаживающагося грека и гнусаво распѣвающего духовные стихи. Лучше бы

Общій видъ русскихъ подворій и Троицкаго собора въ Иерусалимѣ.

его совѣтъ не было, такъ онъ портилъ впечатлѣніе отъ патриархальнаго обряда.

Въ слѣдующихъ небольшихъ комнатахъ мы опять застряли въ кучѣ.

— Въ чемъ дѣло?—спрашиваю своихъ сосѣдей.

— Да тамъ, видите, записываютъ въ поминальныя книги имена родителей...

Назадъ уйти нельзя; оставалось пройти гуськомъ впередъ мимо стола, за которымъ сидѣли толстые греческіе монахи и собирали отъ паломниковъ деньги.

— Нечего сказать, хорошо придумали! Никуда отъ нихъ не увернешься,—ворчалъ мой сосѣдъ.

Я не сталъ дожидаться очереди и попросилъ монаховъ отпустить меня поскорѣе. Они пригласили меня къ столу, взяли деньги, дали мнѣ большой разрисованный листъ и тотчасъ выпустили изъ монастыря.

Разрисованный листъ, около четырнадцати вершковъ длиною и одиннадцати шириною, оказался разрѣшительною молитвою отъ іерусалимскаго патриарха Даміана. Молитва эта по своему содержанию очень похожа на ту, которую у насъ на Руси даютъ усопшему въ руки. Подобное значеніе, конечно, надо приписывать и этой разрѣшительной молитвѣ; но такъ какъ ее выдаютъ греки безъ какихъ либо поясненій, то простой народъ придаетъ ей значеніе западныхъ индульгенцій.

Одна богомолка, показывая толпѣ паломниковъ выданную ей молитву, съ напечатанными изображеніями евангелистовъ, воскресенія Христова и кувукліи, объясняла при этомъ:

— Не каждому даютъ такую молитву, а только жертводателямъ, кто сдѣлалъ взносъ на Гробъ Господень.

— А почему же здѣсь креста не написано?—перебиваетъ ее одинъ странникъ.—Тутъ все есть: и копіе, и гвозди, и лѣстница, и столбъ съ пѣтухомъ, а главнаго-то и нѣтъ. Безъ креста, пожалуй, молитва-то и недѣйствительна.

Богомолка пришла въ немалое смущеніе отъ открытія странника.

Въ воспоминаніе омовенія ногъ апостоламъ на Тайной вечери Господа, ежегодно въ великій четвергъ, на площадкѣ предъ храмомъ Св. Гроба этотъ обрядъ совершается самимъ патриархомъ. Въ это время не только небольшая площадка, но и примыкающія къ ней улицы запружены народомъ. Само собою разумѣется, всѣ балконы, окна, карнизы и крыши домовъ густо усеяны благочестивыми зрителями.

Мнѣ лично за тѣсною толпою не удалось проникнуть къ возвышенному мѣсту, гдѣ іерусалимскій патриархъ Даміанъ при чтеніи евангелія омывалъ ноги священниковъ, но зато я былъ свидѣтелемъ интересной бесѣды по этому поводу между паломниками.

Столовая на русских постройках въ Иерусалимѣ.

— Какъ желѣзноглиняныя ноги истукана, видѣннаго во снѣ Навуходоносоромъ,—ораторствовалъ одинъ изъ нихъ,—означаютъ послѣднее царство на землѣ, такъ омытіе ногъ апостоламъ на прощальной вечери Господа означаетъ послѣднее время, когда всѣ люди завязнуть въ грѣхахъ своихъ...

— Ну, чего ты,—перебиваетъ его другой,—берешься разъяснять, когда самъ Господь сказалъ Петру: что Я дѣлаю, теперь ты не знаешь.

— Правда, тогда онъ не зналъ; а теперь, чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ все болѣе и болѣе разъясняется тайна омовенія ногъ...

Къ сожалѣнію, нахлынувшая толпа отгѣснила меня отъ современнаго книжника, и мнѣ не пришлось дослушать его объясненія.

XXX.

«Палестина» — русскій оазисъ.— Народная столовая.— Дешевый способъ паломничества.— Русскія женщины въ Иерусалимѣ.— Императорское Православное Палестинское общество.— Общія помѣщенія.— Баня для паломниковъ.— Недостатокъ воды въ Иерусалимѣ.— Больница.— Пожертвованія.

У русскихъ паломниковъ выработались свои названія святыхъ мѣстъ. Такъ мусульманскую мечеть Омара (Эсъ-Сахра) они называютъ «Святая святыхъ», гробницу Божіей Матери — «Геосиманіей», а русскія постройки нашего Императорскаго Православнаго Палестинскаго общества паломники сокращенно окрестили «Палестиной». О примѣненіи этого названія къ цѣлой странѣ простой народъ, кажется, не имѣетъ понятія. Благодаря своимъ стѣнамъ, наша русская «Палестина» совершенно обособлена въ отдѣльный городокъ на пространствѣ приблизительно десяти десятинъ. Здѣсь чувствуешь себя, какъ дома: русскій храмъ, русскій говоръ, русскія лица. Тутъ же въ юго-восточномъ углу подворья пріютилось и русское консульство.

Вернувшись изъ круговаго путешествія по Палестинѣ, я не хотѣлъ уже злоупотреблять гостепріимствомъ своего пріятели араба и остановился въ гостиницѣ Палестинскаго общества, въ одномъ номерѣ со своимъ прежнимъ спутникомъ по пароходу, Ф. А. А. Послѣ безпріютнаго скитанія по вѣсямъ Галилеи и Самаріи, пріятно было вдругъ очутиться въ безупречно чистой комнатѣ, прилично обставленной и даже съ комфортомъ. Гостиница можетъ похвастаться услужливостью прислуги, ея заботливостью, вниманіемъ, опрятностью, разумными порядками, предупредительностью, и притомъ все здѣсь очень дешево, сравнительно, на примѣръ, съ петербургскими цѣнами. За номеръ мы платили одинъ рубль въ сутки, за вторую кровать тридцать копеекъ, да по полтинѣ за вкусно

Русскіе паломники въ общей палатѣ въ Иерусалимѣ.

приготовленный обѣдъ изъ трехъ блюдъ. Въ общей народной столовой обѣдъ изъ двухъ блюдъ стоитъ восемь копеекъ,¹⁾ но мнѣ ни разу не удалось пообѣдать вмѣстѣ съ народомъ. Купилъ я однажды обѣденный билетъ въ лавкѣ Палестинскаго общества и въ урочный часъ прихожу въ большую угловую комнату въ нижнемъ этажѣ гостиницы. Полна народу! Всѣ столы заняты. Ко мнѣ подошелъ одинъ бѣдный паломникъ и попросилъ накормить его. Я отдалъ ему свой билетъ и вышелъ. Въ другой разъ я запасся нѣсколькими обѣденными билетами. Меня встрѣтила одна изъ служанокъ въ форменномъ платьѣ съ фартукомъ.

— Я вамъ найду мѣсто. Пожалуйста! — сказала она.

Пробираясь между паломниками, мнѣ пришлось роздать всѣ лишніе билеты. Но лишь только я сѣлъ за столъ и взялся за ложку, какъ меня обступила толпа голодныхъ бѣдняковъ. Я отдалъ имъ свой обѣдъ и опять ушелъ къ себѣ на верхъ, какъ говорится, не солоно хлебавши.

Какъ сюда попали эти нищія?

Русскій странникъ не считаетъ унижительнымъ или грѣховнымъ питаться по дорогѣ ко святымъ мѣстамъ милостынею и тѣмъ болѣе не считаетъ грѣхомъ собирать подаянія тамъ, гдѣ сами апостолы со Христомъ носили ковчежець и собирали деньги на пропитаніе (Іоан. XII, 6, XIII, 29; Лк. VIII, 3). И вотъ идутъ они сюда въ надеждѣ, что добрые люди не оставятъ ихъ умереть съ голоду въ землѣ, гдѣ впервые раздалися слова евангельской любви къ ближнему.

Наблюдая за общею массою народа, я замѣтилъ, что большинство паломниковъ, или поклонниковъ, какъ иногда они себя называютъ по примѣру эѳіопскаго внуха (Дѣян. VIII, 27)²⁾, было изъ южныхъ губерній. Одни объясняли это близостью ихъ къ Одессѣ, т.-е. къ мѣсту отправленія паломниковъ изъ Россіи, другіе—сравнительнымъ матеріальнымъ довольствомъ малороссійскихъ губерній. Я обратился непосредственно къ одному малороссу за разъясненіями:

— У насъ, — сказалъ онъ, — въ Іерусалимъ съѣздить, не надо быть богатымъ. Вздумалось, примѣрно, мнѣ ѣхать ко Гробу Господню, я и иду по хатамъ сосѣднихъ сель и всѣмъ объявляю о своемъ желаніи поусердствовать Богу. И ни одна семья не отпускала меня, не давши чего нибудь на дорогу на поминъ души. У меня въ одну недѣлю собралось болѣе тридцати рублей. Если бы не потороился ѣхать, то и больше бы собралъ.

¹⁾ Собственно, четыре парички, что по мѣстному курсу составляетъ десять копеекъ.

²⁾ Еще называютъ ихъ богомольцами, а въ древнихъ сказаніяхъ встрѣчается описательное названіе — землепроходець.

Съ такою-то ничтожною суммою онъ осмѣливается ѣхать за границу! До Одессы дойдетъ пѣшкомъ. Тутъ онъ возьметъ за двадцать пять рублей пароходный билетъ до Яффы и обратно. По дорогѣ питается запасенными сухарями, а гдѣ случится и подаемъ. Но зато эти мирскіе ходебщики, возвратившись изъ Іерусалима, должны привезти своимъ жертвователямъ какую нибудь памятку изъ Святой Земли: кому свѣчку отъ «благодати», кому образокъ, кому крестикъ. За всякій камешекъ скажутъ имъ спасибо.

— Ну, а здѣсь же вы какъ живете? — спрашиваю его.

— Добрые люди и здѣсь кормятъ. Иной разъ заработаешь. Кто знаетъ какое либо мастерство, портняжить или сапожничать, тому не трудно пробиться въ Іерусалимъ. Вотъ бабамъ здѣсь не въ прижѣръ легче. Онѣ поступаютъ въ услуженіе и въ «Палестинѣ», и у грековъ, и просто у пріѣзжихъ господъ. Опять таки бѣлье постирать, починить, пошить. Бабѣ куда легче, особенно если она молодая. Ее и изъ Іерусалима не выживешь!

Относительно русскихъ паломницъ я уже слышалъ кое-что отъ командира парохода.

— Ёдутъ, — говорилъ онъ, — въ Іерусалимъ и старья, и молодья. Но обратите вниманіе, когда будете возвращаться въ Россію, какъ мало ѣдетъ назадъ домой молодыхъ.

Я не могу допустить, чтобы русскія богомолки, за немногимъ исключеніемъ, ѣхали сюда съ какими либо другими предвзятыми цѣлями, кромѣ одной главной — посѣтить святыя мѣста. Въ Іерусалимъ большею частью ѣдутъ или незамужнія, или бездѣтныя вдовы, или матери взрослыхъ дѣтей, т.-е. все такія женщины, которыя не обременены заботою о воспитаніи дѣтей. Обыкновенно эти свободныя женщины всегда готовы пристроиться къ кому нибудь, занять себя какимъ либо дѣломъ и потому съ радостью хватаются за всякое предложеніе въ Палестинѣ. И если являются онѣ здѣсь въ качествѣ сожительницъ, то это, конечно, случайно и даже, можно сказать, въ силу необходимости при тѣхъ условіяхъ, въ которыя ихъ ставятъ наниматели.

Я поѣхалъ въ Іерусалимъ съ большимъ предубѣжденіемъ противъ Палестинскаго общества, къ чему настроилъ меня одинъ почтенный мужъ, побывавшій въ Святой Землѣ въ первые годы дѣятельности общества. Но знакомство на мѣстѣ со школами Сиріи и первыя впечатлѣнія отъ русскаго подворья въ Іерусалимѣ сразу измѣнили мое мнѣніе, и я сталъ осторожнѣе относиться къ сужденіямъ порицателей русскаго дѣла въ Палестинѣ.

Удешевленіе проѣзда, охрана отъ назойливости арабовъ-турокъ, удобство и чистота гостиницы, дешевый и вкусный столъ, даровое лѣченіе — все это испытываетъ на себѣ каждый паломникъ и, конечно, оцѣниваетъ съ благодарностью. Судя по настоящимъ греко-

турецкимъ порядкамъ въ Палестинѣ, воображаю, что было двадцать лѣтъ тому назадъ, до возникновенія Палестинскаго общества! Несомнѣнно, пожелать молодому обществу еще много можно. До сихъ поръ еще оно не можетъ помѣстить въ своихъ постройкахъ всю массу паломниковъ, съѣзжающихъ въ Иерусалимъ на Пасху; но и это, Богъ дастъ, будетъ продолжаться недолго.

За послѣдніе годы число паломниковъ быстро увеличилось, и въ мое время оно дошло до пяти слишкомъ тысячъ. И это только въ стѣнахъ русскаго подворья! Обществу пришлось наскоро расширить прежнія постройки и строить новые бараки, но и этихъ помѣщений было недостаточно. Внутренность барака мнѣ напомнила многоэтажныя матросскія помѣщенія на судахъ или клѣтки для овощей, чтобы они не сопрѣли. Выигрышъ мѣста значительный, но зато отъ такой скученности паломниковъ развивается масса паразитовъ.

— Наверху еще ничего, — говорилъ мнѣ одинъ изъ занимающихъ мѣсто въ нижнемъ ряду, — а внизу-то очень трудно, когда сверху начнутъ на тебя сыпаться гниды.

Въ общихъ каменныхъ подворьяхъ, мужскихъ или женскихъ, гораздо лучше. Среди паломниковъ я встрѣчалъ здѣсь также интеллигентныхъ людей, и всѣ они были довольны помѣщеніемъ. Комнаты достаточно высоки и чисты. У каждаго желѣзная кровать, и при ней небольшой шкафъ для вещей. Въ настоящее время общество занято постройкою еще новаго зданія на 1.200 человекъ; но, мнѣ кажется, и этого будетъ недостаточно. Надо надѣяться, что число паломниковъ съ годами еще болѣе увеличится.

Другое слабое мѣсто въ русскомъ подворьѣ — баня. При той пыли, какая наполняетъ Иерусалимъ, при обилии паразитовъ въ помѣщеніяхъ, наконецъ, при нестерпимой палестинской жарѣ, необходимо паломникамъ мыться почаще. Для классныхъ гостей есть удобная ванна. Съ этой стороны они обезпечены. Для простого же народа устроена крошечная баня, которая берется чуть ли не съ боя.

Я хотѣлъ испытать на себѣ всѣ прелести здѣшней бани, тѣмъ болѣе, что мнѣ похвалили ея чистоту. Назначена была баня для мужчинъ вечеромъ послѣ женщинъ. Прихожу въ установленный часъ. Толпы паломниковъ въ передней и на дворѣ ждутъ, пока женщины вымоются. Прихожу черезъ часъ. То же ожиданіе. Въ это время стараются ворваться въ баню вновь пришедшія женщины, но ихъ не пускаютъ мужчины. Наконецъ, настала очередь мужчинъ. Какъ лавина, ворвались передовые въ маленькую раздѣвальню, установленную шкафами съ ящиками для бѣлья и платья. Я опять ушелъ, но черезъ часъ прихожу въ третій разъ. Даль и мнѣ сторожъ ключъ съ номеромъ отъ ящика въ верхнемъ ряду. Рядомъ на лавкѣ сидѣли паломники. Одни раздѣвались, другіе одѣвались. Я

Масличное дерево въ Геосиманскомъ саду.

долго ждалъ, не освободится ли гдѣ мѣстечко для меня, и не дождался. Пришлось раздѣваться посреди комнаты, комкая вещи и втискивая ихъ черезъ головы другихъ въ ящикъ. Въ умывальнѣ тоже тѣсно. У меня подъ носомъ ухватили шайку. Одѣваться было еще труднѣе. Скамейки всѣ заняты, кругомъ толчется мокрый голый народъ. Чрезвычайно неприятно! И все отъ тѣсноты. Впрочемъ, надо отдать справедливость, баня содержится чисто.

Многіе паломники ходятъ въ частныя бани. Я не знаю, въ состояніи ли русское подворье снабдить водою для частаго умыванья все множество паломниковъ. Вода — это вѣдь слабое мѣсто въ Іерусалимѣ. Святой городъ пьетъ буквально небесную дождевую воду. Если зимнихъ дождей мало, то городъ терпитъ недостатокъ воды; а лѣтомъ, съ апрѣля по октябрь, дождей почти не бываетъ. Водопровода до сихъ поръ нѣтъ, хотя объ этомъ много хлопотали, а одна англичанка еще въ 1866 г. предлагала устроить его на свой счетъ.

Одно изъ необходимыхъ и благодѣтельныѣйшихъ учрежденій общества — бесплатная больница. Пришлось и мнѣ немного воспользоваться ея помощью послѣ странствованія по Галилеѣ. Я дешево отдѣлался: какимъ нибудь вередомъ отъ неудобнаго сидѣнія на ослѣ. Многіе паломники, какъ я уже говорилъ, страдали послѣ такого путешествія дизентеріей, и немало изъ нихъ скончались. Въ мою бытность въ Іерусалимѣ почти ежедневно отпѣвали по покойнику. Хотя у насъ на русскихъ постройкахъ есть свои русскіе священники, но отпѣвать паломниковъ, безъ разрѣшенія греческаго духовенства, они не имѣютъ права, а потому всегда, какъ свидѣтель, лучше сказать, какъ надзиратель, при отпѣваніи кого нибудь нашимъ духовенствомъ, присутствуетъ и туземный священникъ. Въ этомъ выражается какъ бы недовѣріе къ нашему духовенству; но на самомъ дѣлѣ подкладка все та же: греки не хотятъ отдать доходовъ отъ требъ въ руки русской духовной миссіи.

За полученіе черезъ грековъ христіанской религіи мы, русскіе, до сихъ поръ расплачиваемся съ ними большими суммами. Наши пароходы ежегодно перевозятъ изъ Россіи въ Палестину сотни тысячъ рублей.

Въ настоящее время большинство пожертвованій въ Іерусалимъ идетъ по адресу: «На Гробъ Господень». Это доходъ исключительно грековъ, т.-е. въ пользу Святогробскаго братства. Если бы наши добродушные крестьяне или купцы знали, куда идутъ ихъ деньги, то, конечно, они жертвовали бы въ распоряженіе Палестинскаго общества, которому приходится ежегодно тратить на паломниковъ и на поддержаніе православія въ Палестинѣ немного менѣе 300.000 рублей ¹⁾.

¹⁾ По отчету за 190¹/₂ г., расходъ общества выразился въ 407.169 р., въ томъ числѣ на поддержаніе православія 133.319 р. и на пособіе паломникамъ 100.541 р.

Стѣна плача іудеевъ въ Іерусалимѣ.

XXXI.

Святія мѣста у католиковъ.—Русская церковь «на раскопкахъ».—Двѣнадцать станцій Страстнаго пути.—Наглядныя изображенія евангельскихъ событій.—Мѣсто геесиманской Молитвы Спасителя.—Монастырь кармелитовъ.—Вѣчныя молчальницы.—Галерея молитвы Господней.—Культъ Сердца Иисуса.

Всѣ путешественники замѣчаютъ, какъ рѣзко различаются католическія святія мѣста отъ православныхъ. Въ противоположность обычаю греческихъ монаховъ, у католиковъ вамъ не помѣшаютъ молиться, не стануть васъ тормозить за рукавъ и тянуть куда нибудь въ сторону, чтобы выпросить денегъ. Кромѣ того, съ перваго же взгляда примѣчается у нихъ блестящая чистота. Впрочемъ, въ такомъ же родѣ есть одно мѣсто въ Иерусалимѣ и у православныхъ, но только не у грековъ, а у русскихъ. Это мѣсто «порога» древнихъ городскихъ воротъ на раскопкахъ, близъ храма Гроба Господня. Еще въ 1859 году купленъ былъ русскими участокъ земли около 200 квадратныхъ сажень, но до возникновенія Православнаго Палестинскаго общества онъ былъ заброшенъ безъ всякаго употребленія. Между тѣмъ раскопки археологовъ показали, что здѣсь лежитъ драгоценное указаніе на древнее расположеніе городскихъ стѣнъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подтвержденіе, что почитаемыя мѣста Голговы и Гроба Господня находятся внѣ прежняго города. Какъ теперь евреи стараются поближе быть погребенными къ стѣнамъ священнаго города, такъ, вѣроятно, и богатый Иосифъ Аримаеѣйскій имѣлъ свою усыпальницу недалеко отъ воротъ Иерусалима. Отъ этихъ воротъ остался теперь истертый каменный порогъ, и сохранились слѣды петель въ старыхъ стѣнахъ, найденныхъ на русскомъ мѣстѣ. Протестанты, однакоже, не довольствуются этими доказательствами и принимаютъ за Голгоу небольшой холмъ по сѣверную сторону современнаго Иерусалима, недалеко отъ Дамасскихъ воротъ.

На мѣстѣ раскопокъ Палестинское общество построило большое зданіе, въ которомъ находятся русская церковь, украшенная прекрасными картинами Кошелева, и гостиница для паломниковъ. По примѣру католиковъ этотъ домъ ввѣренъ попеченію женщинъ. И, надо отдать имъ справедливость, онѣ содержатъ его довольно исправно, чисто. Даже черезчуръ здѣсь скромно, тихо, чинно и какъ-то не соответствуетъ общему характеру святынь, къ которому привыкли наши русскіе паломники въ Палестинѣ, т.-е. нѣтъ здѣсь простоты, свободы, произвола, а потому, сколько я замѣтилъ, мало ими и посѣщается этотъ уголокъ.

До сихъ поръ ученые археологи также не столковались и относительно Страстнаго пути, хотя католики очень опредѣленно указываютъ

на его двѣнадцать станцій, т.-е. тѣ пункты, на которыхъ произошли трогательныя событія во время шествія Христа на распятіе. Мѣсто паденій Спасителя, Его встрѣчи съ Симономъ Киринейскимъ, съ Вероникою и другія обозначены подписями на латинскомъ языкѣ. У нѣкоторыхъ станцій стоятъ часовни, гдѣ, кромѣ соотвѣтствующихъ иконъ, изображена и самая сцена изъ восковыхъ фигуръ въ естественную величину. Такая реализація, можетъ быть, хороша въ другомъ мѣстѣ, но здѣсь, гдѣ произошло самое событіе, возбуждающее у вѣрующаго страхъ и трепетъ, довольно бы было двухъ-трехъ текстовъ изъ Евангелія. Мнѣ кажется, у cadaго составились въ умѣ картины евангельскихъ событій, какъ результатъ всѣхъ впечатлѣній отъ книжныхъ, церковныхъ, школьныхъ чтеній и рассказовъ. Все это вмѣстѣ рисуется въ нашемъ воображеніи извѣстные образы, съ которыми мы сроднились за десятки лѣтъ, и всякая другая иллюзія, особенно на мѣстѣ событія, можетъ только портить сложенное годами настроеніе. Вообще отъ этихъ искусственныхъ воспроизведеній евангельскихъ событій и отъ всего нагроможденія камня и металла меня всегда тянуло вонъ, на просторъ долинъ и горъ, гдѣ природа осталась та же, что и двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Въ этомъ случаѣ я вспоминаю слова книги Ездры, гдѣ пророкъ приглашается для уразумѣнія тайнъ Божіихъ выйти «на цвѣтущее поле, гдѣ нѣтъ построеннаго дома».

На склонѣ Елеонской горы есть небольшое огражденное мѣсто съ остатками древняго масличнаго сада Геосимани, извѣстнаго горячею молитвою Христа Спасителя передъ преданіемъ Его на судъ. Теперь около маслинъ разбитъ цвѣтникъ, а по четыремъ аллеямъ его разставлены рельефныя изображенія страстей Господнихъ. Здѣсь и на меня они сдѣлали сильное впечатлѣніе, и, мнѣ кажется, безъ слезъ трудно отсюда выйти вѣрующему человѣку. Къ сожалѣнію, и эта католическая Геосиманія оспаривается, какъ мѣсто молитвы Иисуса Христа. Нашъ профессоръ Олесницкій предполагаетъ, что для молитвы Господь отошелъ «яко верженіемъ камене» на мѣсто, гдѣ теперь находится русская церковь во имя Маріи Магдалины.

Нѣсколько выше на горѣ Елеонской, рядомъ съ мѣстомъ вознесенія Господня, стоитъ католическій монастырь кармелитокъ, основанный принцессою Латуръ д'Овернь, герцогинею Бульонскою. Когда я, въ сопровожденіи небольшой компаніи паломниковъ, вошелъ въ ограду монастыря, меня встрѣтила арабка - прислужница и повела въ церковь. Но лишь только вошли мы въ нее, какъ она таинственнымъ голосомъ и жестаи предупредила насъ:

— Тише! тише!

Никого не было въ церкви, и мы потребовали объясненія ея странному требованію. Она тихонько подвела насъ къ алтарю и, указывая на темную рѣшетку на правой стѣнѣ, объяснила намъ

по-французски, что тамъ невидимо для людей молятся монахини, давшія обѣтъ вѣчнаго молчанія.

Боже мой, — подумали мы, — какая тутъ царить вѣра! Онѣ не хотятъ ни видѣть, ни слышать ничего земного, чтобы быть свободными для воспріятія небснаго.

Подавленные рассказомъ о добровольномъ лишеніи монахинь, мы безшумно вышли изъ церкви и попросили указать намъ галерею Молитвы Господней, гдѣ по стѣнамъ на тридцати трехъ языкахъ (по числу лѣтъ жизни Иисуса Христа) написана молитва «Отче нашъ». Замыселъ очень хорошій и выполненъ чрезвычайно богато, но безграмотно, по крайней мѣрѣ, это можно сказать относительно русскаго писанія.

Въ Иерусалимѣ цѣлая армія католическихъ монахинь и сестеръ подъ разными наименованіями возбуждаетъ удивленіе своею энергіею и полною преданностью церкви. Всѣ католическія учрежденія, школы, пріюты, больницы щеголяютъ своею чистотою и строгими порядками, благодаря усердію этихъ добровольныхъ труженницъ. Одѣты онѣ всегда очень чисто, изящно и даже эффектно, чтобы имѣть большее вліяніе на увлекающихся внѣшностью туземцевъ. Примѣры добровольныхъ лишеній, крайняго аскетизма и воздержанія сильно подкупаютъ фанатично религіозныхъ арабовъ.

Есть въ Иерусалимѣ католическая церковь, гдѣ сестры попарно на колѣняхъ молятся съ книжками въ рукахъ предъ алтаремъ часа по два, до слѣдующей смѣны. Такимъ образомъ, во всякое время дня и ночи можно видѣть благоговѣнно склонившіяся фигуры дѣвиць, разодѣтыхъ въ бѣлое съ голубымъ, какъ невѣсты подъ вѣнецъ, и съ изображеніемъ Сердца Иисусова на груди. Онѣ напоминаютъ непрестанное чтеніе псалтири «неусыпающими» въ нѣкоторыхъ нашихъ монастыряхъ. Мнѣ самому приходилось наблюдать, съ какимъ благоговѣніемъ смотрѣли арабы на ангелоподобныхъ дѣвушекъ, занятыхъ непрерывною молитвою къ Сердцу Спасителя.

XXXII.

Ночь страстей Христовыхъ.—Нагрудные христіанскіе знаки.—Путешествіе въ Крестный монастырь.—Исторія крестнаго древа.—Какъ Лотъ искупилъ свой грѣхъ.—Грузины въ Палестинѣ.—У Гроба Господня.—Стѣна плача іудеевъ.—Остатки Израиля.

Въ ночь священныхъ воспоминаній геосиманской молитвы Спасителя, Его преданія и человѣческаго суда надъ Богомъ, въ эту ночь съ четверга на пятницу страстной недѣли, обыкновенно многіе изъ русскихъ паломниковъ бодрствуютъ на Голгоѣѣ и съ великимъ воодушевленіемъ читаютъ акаѣистъ страстямъ Господнимъ. Хотя

Спаситель нашъ въ эту трудную для Него ночь и просилъ Своихъ учениковъ бодрствовать и молиться съ Нимъ, но я лично не могъ преодолѣть своей усталости послѣ долгой всенощной службы съ чтеніемъ двѣнадцати евангелій и пошелъ немного отдохнуть въ гостиницу. Однако, рано утромъ, я опять уже былъ на Голгоѣ, гдѣ все еще толпилось множество русскаго народа. Въ великую пятницу не полагается литургін, и отсутствіе этого главнаго христіанскаго богослуженія здѣсь очень замѣтно въ знаменательный день смерти Господа. Чувствовалась въ народѣ потребность въ болѣе выразительномъ богослуженіи, чѣмъ положенные «часы». Припавъ къ отверстию Креста Господня и прикоснувшись рукою по общепринятому обычаю къ священной скалѣ, я вышелъ изъ храма Воскресенія и направился къ русскимъ постройкамъ.

Недалеко отъ церкви св. Троицы, подъ тѣнью извѣстнаго гостепріимнаго дерева, сидѣли группами мужчины и женщины и вели тихія бесѣды. На краю одной скамейки бородатый странникъ въ длинномъ подрясникѣ и старенькая богомолка о чемъ-то оживленно хлопочуть. У странника въ рукахъ блеститъ мѣдный крестъ, а богомолка держитъ лоскутокъ красной атласной матеріи. Я подошелъ къ нимъ на скамейку. Словоохотливый странникъ объяснилъ мнѣ, что онъ свой шейный крестъ вмѣстѣ съ образкомъ Божіей Матери обшиваетъ холстомъ и еще какой нибудь крѣпкой матеріей и такъ, въ закрытомъ видѣ, носить на груди эти знаки христіанской вѣры. Но сегодня, ради воспоминанія крестной смерти Господа, онъ раскрылъ свой крестъ, почистилъ его и теперь проситъ старушку зашить его по-новому. «А вечеромъ, Богъ дастъ,—прибавилъ онъ,—освящу мой крестъ на Голгоѣ и на Гробѣ Господнемъ».

Мнѣ это очень понравилось, и я сталъ соображать, что бы и мнѣ сдѣлать въ память искупительной смерти Иисуса Христа. Какъ паломнику, естественнѣе всего было предпринять путешествіе къ какому нибудь мѣсту, связанному съ воспоминаніями этого дня. Мнѣ посоветовали сходить въ Крестный монастырь, находящійся въ двухъ верстахъ отъ Іерусалима, а одинъ аѳонскій монахъ, также отдыхавшій подъ деревомъ, охотно взялся довести меня до монастыря.

Отъ русскихъ построекъ, повернувъ на юго-западъ, мы отправились сперва по дорогѣ въ Горнюю, мимо мусульманскаго кладбища. Погода благопріятствовала нашему путешествію: слабый вѣтерокъ навѣвалъ пріятную прохладу. Отъ хорошей шоссейной дороги отдѣлялась небольшая вѣтвь налѣво подъ гору, которая и привела насъ къ Крестному монастырю, окруженному стѣнами.

Мы вошли въ просторный храмъ съ тремя придѣлами. Внутри всѣ стѣны покрыты живописью. Въ верхнихъ частяхъ изображены евангельскія событія, а на стѣнахъ—сказаніе о крестномъ древѣ.

Судьба того дерева, которое послужило для Креста Господня, конечно, очень интересовала христіанъ первыхъ вѣковъ. Еще въ

глубокой древности передавались о немъ различныя сказанія, связанная съ откровениемъ ангеловъ. Я приведу два варианта благочестивыхъ преданій, дошедшихъ до нашихъ временъ.

По одному сказанію, крестное дерево выросло изъ сѣмянъ, данныхъ ангелами Сиеу, сыну Адама. Примѣнительно къ пророчеству Исаи (60,13) говорятъ, что выросли три разныхъ дерева—кипарисъ, пегъ и кедръ,—которыя срослись въ одно надъ могилою праотца Адама и своими корнями обхватили его черепъ. Во время всемірнаго потопа вырванное съ корнемъ дерево носилось по водамъ вмѣстѣ съ черепомъ. По окончаніи же потопа оно остановилось въ Палестинѣ, около Иерусалима, и росло здѣсь до временъ царя Соломона. Когда Соломонъ сооружалъ свой знаменитый храмъ Богу Израилеву, онъ велѣлъ употребить и это дерево на постройку, а найденный черепъ закопать на томъ самомъ холмѣ, гдѣ впоследствии стоялъ Крестъ Господень. Однако, дерево оказалось непригоднымъ для вновь строящагося храма, и оно было брошено въ Овчую купель. Вотъ ради этого-то дерева и сходилъ по временамъ въ купель ангелъ Господень и возмущалъ ея воды для исцѣленія больныхъ. Наконецъ, когда Пилать далъ разрѣшеніе распять Иисуса Христа, евреи умышленно возложили на Него это дерево, какъ очень тяжелое, и на немъ Его распяли.

По другому сказанію, крестное дерево выросло въ раю и потомъ вынесено было оттуда рѣкою Тигромъ на грѣшную землю. Но о райскомъ деревѣ позаботились сами ангелы, и по ихъ указанію благочестивый сынъ Адама, Сиеъ, которому апокрифическія книги вообще приписываютъ непосредственное сношеніе съ ангелами, зажегъ это дерево при «рѣкѣ Вавилонѣ», и оно горитъ нестерпимо до сихъ поръ подъ охраною страшныхъ звѣрей. Во искупленіе смертнаго грѣха Лота (Быт. 19, 36) Авраамъ повелѣлъ ему достать огня у рѣки Вавилона. Въ то время, когда звѣри спали, Лоту удалось взять три головешки и принести ихъ своему дядѣ Аврааму, который велѣлъ посадить ихъ въ землю и поливать водою, пока онѣ не взойдутъ. Послушный Лотъ усердно принялся за поливку головешекъ, но злые духи, желая воспрепятствовать искупительному дѣлу, въ видѣ странниковъ встрѣчали по дорогѣ Лота и выпивали у него воду. Несмотря на препятствія, Лотъ своимъ терпѣніемъ достигъ того, что головешки пустили корни, и выросло изъ нихъ то самое дерево, которое послужило потомъ для Креста Господня.

Последнее сказаніе и изображено на стѣнахъ собора Крестнаго монастыря, а самое мѣсто, гдѣ росло честное дерево, указываютъ въ алтарной пещерѣ въ сѣверо-восточномъ углу храма.

Крестный монастырь, одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ въ Палестинѣ, построенъ грузинами. Вскорѣ послѣ принятія христіанства они стали посѣщать Святую Землю и выстроили здѣсь свои обители. Въ одномъ Иерусалимѣ когда-то насчитывалось двѣнадцать

монастырей, сооруженныхъ ими. Но въ трудные годы Грузинскаго царства, когда грузинъ очень стѣснили персы, всѣ эти монастыри стали приходять въ упадокъ. Иные были разрушены, а иные перешли въ руки грековъ, армянъ и латинянъ. Крестнымъ монастыремъ завладѣли греки, и они устроили при немъ духовную семинарію въ 1853 году.

Памятники грузинскаго происхожденія монастыря сохранились во множествѣ до сихъ поръ. На стѣнахъ изображены грузинскіе цари и святые, напримѣръ, Миріанъ, Вахтангъ Горгосланъ, Багратъ IV Курополатъ и др.

Осмотрѣвъ внимательно стѣнную живопись и приложившись къ отверстию въ серебряномъ кругѣ, гдѣ, по преданію, росло честное древо Животворящаго Креста Господня, мы поспѣшили вернуться въ Іерусалимъ, въ русскій соборъ Святой Троицы, къ выносу плащаницы.

Такъ какъ вечерню здѣсь служило исключительно русское духовенство, то обрядъ выноса плащаницы былъ совершенъ тотъ же, что и въ церквахъ Россіи. Я поспѣшилъ въ храмъ Воскресенія, но тамъ въ это время, кромѣ огромнаго скопища народа, ничего не было. Каждый старался въ этотъ вечеръ погребенія Іисуса Христа приложиться къ святѣйшему Гробу Господню, а потому при входѣ въ кувуклію была ужасная давка. У одного богомольца при мнѣ разодрали сюртукъ, но онъ съ удивительнымъ благодушіемъ только повторялъ на это стихи Св. Писанія:

— Раздѣлиша ризы моя... понеже съ Нимъ страждемъ, да и съ Нимъ прославимся...

Въ храмѣ я встрѣтилъ знакомаго старца, который мнѣ сказалъ:

— Вотъ вы видѣли теперь «новаго» Израиля въ Іерусалимѣ; пойдемте, я покажу вамъ остатки «старого».

И онъ повелъ меня въ еврейскій кварталъ. Сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ въ узкихъ, грязныхъ улицахъ, мы очутились у западной стѣны двора мечети Омара (Куббетъ-эсъ-Сахра). Здѣсь собралось много евреевъ съ книжками въ рукахъ, и всѣ они, обратившись лицомъ къ стѣнѣ, вслухъ молились и вспоминали свое прошлое величіе. Полагають, что нижніе большіе камни этой стѣны сохранились еще отъ временъ первыхъ царей іудейскихъ. Евреямъ запрещено вступать во дворъ бывшаго Соломонова храма, такъ они по пятницамъ (т. е. въ навечеріе субботы) собираются съ наружной стороны стѣны и вспоминають пророческую молитву царя Давида: «Ублажи, Господи, благоволеніемъ Твоимъ Сіона, и да созиждутся стѣны іерусалимскія»...

— Вотъ онъ,—замѣчаетъ мой спутникъ, указывая на качающихся всѣмъ корпусомъ евреевъ,—остатокъ Израиля у остатка стѣны древняго Іерусалима! Какая знаменательная картина! Этотъ избранный народъ, который гордо ставилъ свое земное благосо-

стояніе въ зависимости отъ вѣдѣнія истиннаго Бога, теперь смиренно долженъ признаться предъ всѣми гоями, презираемыми имъ другими народами, что онъ отринуть Богомъ и разсѣянъ по всему лицу земли, какъ объ этомъ предсказывалъ ему въ свое время Моисей (Второз. XXVIII, 64, 65, 37):

«И разсѣетъ тебя Господь по всѣмъ народамъ, отъ края земли до края земли... Но и между этими народами не успокоишься, и не будетъ мѣста покоя для ноги твоей, и Господь дастъ тебѣ тамъ трепещущее сердце, истаеваніе очей и изнываніе души... и будешь ужасомъ, притчею и посмѣшищемъ у всѣхъ народовъ, къ которымъ отвѣдетъ тебя Господь».

Эта стѣна, столь уважаемая у евреевъ, извѣстна у туристовъ подъ названіемъ «Стѣны плача». Но на этотъ разъ я не замѣтилъ плачущихъ евреевъ. Напротивъ, среди множества молящихся нѣкоторые очень спокойно разговаривали между собою, другіе равнодушно разглядывали иностранцевъ-зрителей. Женщины держались отдѣльно отъ мужчинъ. Ребятишки нисколько не уступали взрослому въ азартѣ произнесенія молитвъ. Вѣроятно, ради отданія праздника Пасхи, евреи одѣты были довольно парадно.

Стало смеркаться. Мы прошли къ выходу изъ площадки и еще разъ оглянулись на всю толпу молящагося народа.

— Помните,—замѣтилъ мой спутникъ,—предсказаніе Спасителя: «Многіе придутъ съ востока и запада и возлягутъ съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ въ Царствѣ Небесномъ; а сыны царства извержены будутъ въ тьму внѣшнюю; тамъ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ»...

— Собственно, за что же это?—спросилъ я своего спутника.— Какъ вы понимаете?

— За то, что не послушались Моисея, на котораго они такъ уповаютъ. Онъ говорилъ: «Пророка изъ среды тебя, изъ братьевъ твоихъ, какъ меня, воздвигнетъ тебѣ Господь Богъ твой,—его слушайте. А кто не послушаетъ словъ моихъ, которыя пророкъ тотъ будетъ говорить моимъ именемъ, съ того я взыщу». Пришелъ Іисусъ Христосъ и сталъ говорить іудеямъ именемъ Отца Небеснаго, но они не захотѣли его слушать.

Мнѣ стало жалко этихъ изверженныхъ людей внѣ стѣнъ святилища, и я сталъ перебирать въ своей памяти всѣ тексты св. писанія, которые были въ ихъ пользу. Наконецъ я напомнилъ своему строгому спутнику:

— А помните, что сказалъ про нихъ апостоль Павелъ: «Весь Израиль спасется, ибо дары и призваніе Божіе непреложны. Всѣхъ заключилъ Богъ въ непослушаніе, чтобы всѣхъ помиловать».

XXXIII.

Благодатный огонь съ неба. — Выборъ мѣста въ храмѣ. — Ночью на Голгоѣ. — Терпѣливое ожиданіе чудеснаго огня. — Иерусалимскія свѣчи. — Въ придѣлѣ Константина и Елены. — Раздача благодатнаго огня. — Пляска арабовъ въ храмѣ. — Традиціонная пѣснь. — Восторженное настроеніе богомольцевъ. — Споры о благодатномъ огнѣ. — Зарубленный исповѣдникъ чуда.

Когда встрѣчаютъ въ Россіи паломника, побывавшаго на Пасхѣ въ Иерусалимѣ, то, сколько я замѣтилъ, всегда спрашиваютъ его:

— Ну, а святой-то огонь видѣли? Какъ онъ сходитъ на Гробъ Господень?

Этотъ вопросъ занималъ и еще долгое время будетъ занимать нашъ народъ, потому что никто изъ русскихъ современниковъ самъ лично не можетъ видѣть этого чуда. Я читалъ объ этомъ огнѣ и у Даниила Паломника, и у Муравьева. Они безъ всякаго сомнѣнія вѣрили въ чудесное исхожденіе этого огня. Но когда мнѣ случилось передъ отъѣздомъ въ Палестину поднять объ этомъ вопросъ въ одной редакціи духовнаго журнала, то я былъ подавленъ общимъ голосомъ противъ священнаго огня.

— Помилуйте, — говорилъ одинъ почтенный старецъ, хорошій знатокъ исторіи православной церкви, — да вѣдь сами греки не скрываютъ правды. Теперь, они говорятъ, нельзя не дать простому народу чудеснаго огня, иначе будетъ бунтъ, да и отпаденіе можетъ произойти отъ православной вѣры. Кто же въ настоящее время вѣрить въ божественное исхожденіе огня! Можетъ быть, въ древности и было такъ, а теперь остался только одинъ обрядъ въ воспоминаніе древнѣйшаго чуда.

Съ такимъ напутствіемъ я и поѣхалъ въ Иерусалимъ. По дорогѣ, я уже упоминалъ, наши паломники только и говорятъ, что о «благодати», то-есть о чудесномъ огнѣ. Съ перваго дня пріѣзда въ святой городъ они покупаютъ пучки толстыхъ разрисованныхъ свѣчей, заказываютъ жестяные футляры для нихъ, а желающіе перевезти самый огонь въ Россію приобрѣтаютъ фонари съ лампадами. Нѣкоторые останавливаются у грековъ, а не въ русскихъ постройкахъ, опять-таки съ цѣлью добиться у нихъ лучшаго мѣста въ храмѣ во время «благодати». Однимъ словомъ, «благодать» становится центромъ всѣхъ заботъ, да и всей поѣздки простолюдина-паломника.

Святой огонь сходитъ въ страстную субботу, во второмъ часу дня; но уже наканунѣ, въ пятницу, послѣ обѣда, православные паломники начинаютъ стягиваться со всѣхъ сторонъ въ храмъ Воскресенія. Къ этому времени греки устраиваютъ дополнительныя мѣста изъ досокъ въ ротондѣ Гроба Господня.

Все здѣсь продается заранѣе и притомъ за разныя цѣны, смотря по степени близости къ кувуклію.

Всѣмъ, остановившимся въ номерахъ подворья Палестинскаго общества, было общее приглашеніе въ нарочно устроенное мѣсто для русскаго консула. Звали и меня. Но я прежде рѣшилъ посоветоваться со своимъ знакомымъ арабомъ, служащимъ въ обществѣ.

— Не совѣтую вамъ ходить въ этотъ день въ храмъ, — сразу огорошилъ меня мой пріятель.—Однажды я пошелъ со свѣчами къ кувукли, да потомъ и самъ былъ не радъ: мнѣ чуть ребра не переломали. До сихъ поръ у меня осталась памятка моей попытки видѣть раздачу священнаго огня. Обыкновенно, я стою въ этотъ день на площадкѣ передъ храмомъ, и тутъ, спустя не болѣе двухъ минутъ, послѣ явленія благодатнаго огня, я уже получаю его.

— Прекрасно. Тогда и я такъ сдѣлаю и стану рядомъ съ вами.

Согласившись такимъ образомъ съ пріятелемъ арабомъ, я былъ спокоенъ въ пятницу и не ходилъ къ грекамъ покупать себѣ мѣсто.

Вечеромъ цѣлой компаніей мы отправились въ храмъ Гроба Господня, гдѣ ради великой пятницы происходятъ торжественныя богослуженія у грековъ, армянъ, коптовъ и сирійцевъ, то-есть у всѣхъ восточныхъ христіанъ, празднующихъ Пасху одновременно съ нами. Главная масса народу въ это время была на Голгоѣ. Поднялся и я туда съ однимъ русскимъ офицеромъ. Отсюда мы замѣтили открытую дверь съ лѣстницею куда-то на верхъ.

— Смотрите, — сказалъ мнѣ мой спутникъ, —туда народъ идетъ. Пойдемте и мы!

Лишь только мы добрались до верха темной и грязной лѣстницы, какъ останавливаетъ насъ молодой грекъ въ фескѣ.

— Билеты!

— Билетовъ у насъ нѣтъ, —отвѣчаемъ.

— Нельзя!

Офицеръ, ни слова не говоря, быстро сунулъ ему въ руку серебряную монету и прошелъ. Я сдѣлалъ то же.

Мы были на чердакѣ храма въ юго-восточномъ углу его. Сюда доносился еще шумъ изъ греческой церкви Воскресенія, но ротонда Гроба Господня, гдѣ собственно происходитъ схождение чудеснаго огня съ неба, была совсѣмъ далеко. Тѣмъ не менѣе среди ужасной грязи и, вѣроятно, никогда неубираемой пыли сидѣли сплошною массою наши паломники. Среди простого народа я увидѣлъ знакомое лицо русскаго землевладѣльца.

— Георгій Михайловичъ! и вы тутъ?!—съ удивленіемъ восклицаю я:—что же вы отсюда увидите? И неужели вы будете терпѣть здѣсь эту грязь и насѣкомыхъ цѣлыя сутки?

— Я уже рѣшилъ. Что-жъ, одинъ-то разъ въ жизни можно потерпѣть для Господа.

Моему удивленію не было границъ. Какую надо имѣть вѣру, чтобы дожидаться здѣсь цѣлыя сутки, не пивши, не ѣвши, среди грязи и пыли и не сходя съ мѣста! Съ такою вѣрою, думаю себѣ,

эти тысячи паломниковъ способны не только огонь низвести съ неба, но и горы сдвинуть съ мѣстъ своихъ.

Я былъ подавленъ этимъ впечатлѣніемъ, да, пожалуй, и мой спутникъ не меньше моего, потому что мы тоже безмолвно присоединились къ группѣ паломниковъ, ожидающихъ съ такимъ терпѣніемъ чуда Божія. Не прошло, однако, и полчаса, какъ въ этой тѣснотѣ и духотѣ стала насъ одолѣвать жажда, да и руки скоро сильно зачесались, и мы опять спустились внизъ къ Голгоѣ. Сюда по временамъ приходило для каждаго духовенство то армянское, то коптское, то греческое.

У грековъ служба началась около девяти часовъ вечера и протянулась до двухъ часовъ ночи. Былъ торжественный переносъ плащаницы съ Голгоѣы на Гробъ Господень, при чемъ довольно долго говорилась рѣчь по поводу голгоѣскаго событія.

Мы не хотѣли оставаться всю ночь въ храмѣ вмѣстѣ съ народомъ. Я лично былъ страшно утомленъ непрестанными путешествіями и бессонными ночами послѣднихъ дней на страстной недѣлѣ, а потому пошелъ отдохнуть въ гостиницу. Здѣсь надо экономно расходовать свою энергію. Съ страстной субботы на Пасху опять предстояла ночь бодрствованія.

Утромъ я вышелъ посмотрѣть, что дѣлается на русскихъ постройкахъ. Пусто! Почти всѣ ушли къ Гробу Господню. Встрѣчаю монаха изъ здѣшней миссіи и спрашиваю, какого онъ мнѣнія о благодатномъ огнѣ.

— Нѣтъ, ужъ объ этомъ лучше и не говорить!

Махнулъ онъ рукою въ сторону храма Воскресенія и пошелъ дальше.

Мнѣ хотѣлось изъ подражанія народу купить въ здѣшнихъ лавкахъ пучекъ большихъ свѣчей, разукрашенныхъ золотомъ и цвѣтами, но, это можетъ страннымъ показаться, въ Иерусалимѣ нѣтъ въ продажѣ восковыхъ свѣчей. Я не умѣю опредѣлить матеріала, изъ котораго онѣ здѣсь составлены. Можетъ быть, это былъ парафинъ или что нибудь въ этомъ родѣ, но только свѣчи іерусалимскія, когда ихъ держишь въ рукахъ, непріятно размягчались. Я нашелъ немного настоящихъ восковыхъ свѣчей, выписанныхъ изъ русскаго епархіальнаго завода, только въ лавочкѣ Палестинскаго общества и изъ нихъ составилъ священный пучекъ въ тридцать три свѣчи, по числу лѣтъ земной жизни Спасителя. Нѣкоторые, имѣя въ виду побольше привезти такихъ свѣчей въ Россію, берутъ съ собою въ храмъ по два такихъ пучка.

Около двѣнадцати часовъ я отправился къ площадкѣ предъ храмомъ Воскресенія. Подойдя къ греческой патриархіи, я встрѣтилъ густыя толпы народу, далѣе—болѣе. При всемъ своемъ усилии, я могъ пробраться только до наклонной улицы, ведущей къ площадкѣ храма. Въ это время раздался громкій и мѣрный стукъ

желѣзныхъ булавъ кавасовъ о камень. Народъ, несмотря на тѣсноту, разступался передъ ними. Никому не хотѣлось подставлять своей ноги подъ желѣзную палку. За шестью кавасами шла вереница европейскаго народа съ разодрѣтыми дамами. Это велъ какой-то консулъ своихъ гостей. Я присоединился къ нимъ и, благодаря своему общеевропейскому костюму, былъ пропускаемъ всюду. Остановиться на площадкѣ, какъ совѣтовалъ вчера пріятель, не было никакой возможности ¹⁾. За кавасами консула и я прошелъ въ храмъ между рядами турецкихъ солдатъ. Они были при полной амуниціи, съ ружьями, и даже горнисть стоялъ между ними со своей мѣдной трубой.

Весь храмъ, всѣ стѣны, карнизы, все усѣяно народомъ. Море головъ! У всѣхъ пучки свѣчей. Тѣснота, давка, удушье. Лица красныя, потныя. Впрочемъ, мнѣ было удобно итти между рядами солдатъ. Кавасы, а за ними толпа европейцевъ, пошли по коридору въ обходъ греческаго храма на сѣверную сторону. Когда поравнялись со спускомъ къ придѣлу Константина и Елены, я замѣтилъ, что тамъ очень мало народу. Думаю, чего же больше искать: тутъ просторно и все-таки въ храмѣ, а не на дворѣ. Придѣлъ Константина и Елены находится въ просторномъ помѣщеніи и принадлежитъ армянамъ. Алтарь огороженъ рѣшеткой. Иноностаса во все нѣтъ, да и оконъ сравнительно немного. Русскихъ паломниковъ почти не было. Сидѣло здѣсь десятка два туземцевъ, да бѣгали дѣти ихъ. Въ ожиданіи огня я раскрылъ взятое съ собой Евангеліе и сталъ читать. Ребятишки, лѣтъ по двѣнадцати, подняли возню, какъ на улицѣ. Они играли, шалили, бѣгали, кричали, и никто имъ не дѣлалъ ни малѣйшаго замѣчанія. Вдругъ пронесся издали ужасный шумъ, и въ это время по лѣстницѣ къ намъ быстро спустились три католическихъ монаха. Я знаю, что католики не принимаютъ участія въ торжествѣ чудеснаго огня, развѣ только какъ зрители, а потому у меня мелькнуло подозрѣніе, не преслѣдуютъ ли ихъ арабы въ эти минуты проявленія у нихъ сильнаго энтузіазма. Но, нѣтъ, монахи, весело разговаривая, прошли за рѣшетку и стали ожидать, какъ и я. Это меня тоже удивляло: капелла католиковъ непосредственно примыкаетъ къ ротондѣ Гроба Господня съ сѣверной стороны, такъ что имъ удобнѣе было бы видѣть у себя моментъ первой подачи огня изъ кувукліи.

О раздачѣ святого огня я еще слышалъ наканунѣ. Порядокъ при этомъ соблюдается такой. Сначала тупатся огни въ храмѣ Воскресенія, въ ротондѣ Гроба Господня и въ самой кувукліи. Но нельзя сказать, чтобы къ этому времени абсолютно нигдѣ въ храмѣ не было огней. Я самъ видѣлъ незатушенный огонь въ коридорѣ

¹⁾ Можетъ быть, въ прошлые годы, при меньшемъ наплывѣ паломниковъ, здѣсь и было просторно въ великую субботу.

и въ нѣкоторыхъ придѣлахъ храма. Затѣмъ запечатывается кувуклія, и при этомъ играетъ нѣкоторую роль турецкая стража. Ко времени подачи огня входятъ въ кувуклію два архіерея, греческій и армянскій. Армянскій остается въ придѣлѣ Ангела, а греческій проходитъ въ Гробъ Господень, гдѣ и удостоивается получить благодатный огонь. Чтобы оградить архіерея отъ насилія толпы, устроена передача огня черезъ два окошка въ придѣлѣ Ангела. Сперва подается огонь грекамъ, а затѣмъ чрезъ второе окно—армянамъ. Говорятъ, ежегодно бываетъ аукціонъ права полученія огня первыми послѣ грековъ, и всегда это право перекупаютъ у бѣдныхъ коптовъ и сирійцевъ богатые армяне. Огонь быстро распространяется по всему храму. Греческаго архіерея обыкновенно подхватываетъ себѣ на плечи здоровый арабъ и съ помощью кавасовъ протискивается въ алтарь.

Но не стану забѣгать впередъ; вернусь я къ своимъ личнымъ наблюденіямъ.

Страшный шумъ все болѣе и болѣе разрастался. Я понялъ, что ожидаемый огонь переданъ въ народъ. Порываюсь взглянуть вдоль по коридору, но тутъ навстрѣчу мнѣ, сильно расталкивая публику, несутся, какъ ураганъ, арабы съ зажженными свѣчами въ рукахъ. У передняго огонь подъ полою. Всѣ они быстро съ криками спустились по лѣстницѣ и стали пѣть и танцовать. Тогда только я сообразилъ, что это мѣсто въ придѣлѣ Константина и Елены береглось свободнымъ исключительно для танцевъ арабовъ. Танцующіе энтузіасты привлекли общее вниманіе. Съ пучками горящихъ свѣчей, какъ съ факелами, они быстро поворачивались, прыгали и водили огромнымъ пламенемъ чудеснаго огня по лицу и по волосамъ. Въ Палестинѣ живетъ убѣжденіе, что благодатный огонь Великой Субботы первое время не жжетъ, а потому каждый, получающій его, спѣшитъ умыться имъ, т.-е. провести рукой по огню, а потомъ по лицу. Отъ большого пучка свѣчей у меня получилось громадное пламя, вершка въ два, и я тоже исполнилъ обрядъ освященія огнемъ.

Впрочемъ, въ эти минуты я мало занимался изслѣдованіемъ чудесныхъ свойствъ огня. Меня больше интересовало проявленіе сильнаго восторга у арабовъ. Они даютъ себѣ въ этомъ случаѣ полный просторъ для выраженія своего энтузіазма. Что-то страшное, дикое, фанатическое было въ ихъ восторженныхъ ликованіяхъ. Они пѣли:

Иль Масихъ атана,
 Би даммо штарана.
 Унахъ на иль іомъ фараха,
 Уво ель яхудъ хаана.
 Я яхудъ! я яхудъ!
 Идокомъ идъ ель вурудъ,
 Идина идъ ель Масихъ.

Въ переводѣ это значитъ:

Христось пришелъ къ намъ,
 Своею кровью искупилъ насъ.
 Мы сегодня радуемся,
 А евреи печальны.
 О евреи! о евреи!
 Вашъ праздникъ — праздникъ б'ѣса,
 А нашъ праздникъ — праздникъ Христа

Эту пѣсню знаетъ каждый православный арабъ, и происхождение ея, вѣроятно, относится къ древнѣйшимъ временамъ.

Установленъ здѣсь обычай три раза зажигать свои свѣчи чудеснымъ огнемъ. Большой пламень тридцати трехъ свѣчей чело-вѣку трудно затушить дуновениемъ своего рта, да, можетъ быть, это считается и неблагоговѣйнымъ поступкомъ относительно «благодати». Для этого служатъ специально сшитые колпачки изъ одноцвѣтной яркой матеріи съ напечатанными на нихъ священными изображеніями и словами. Эти колпачки, около четверти аршина діаметромъ, набиваются ватой, которой собственно и тушатъ благодатный огонь три раза. Продѣлавъ все это, я вышелъ изъ придѣла въ коридоръ и медленно подвигался съ народомъ къ выходу. Жара стояла невыносимая, особенно въ ротондѣ Гроба Господня. Шумъ, крики, ликованіе. Около меня двѣ молодыхъ женщины плачутъ.

— Что съ вами случилось?—участливо спрашиваю ихъ, полагая, что имъ помяли бока.

— Да, какъ же не плакать отъ такой радости, такого счастья. Господи, до чего я дожила! Чего я удостоилась видѣть, грѣшная!

У всѣхъ лица возбужденныя, съ выраженіемъ восторга, побѣды. Смѣются, плачутъ, радуются, обнимаются, поютъ, кричатъ... Энтузіазмъ поразительный!

— Господи,—думалъ я про себя:—при всемъ нашемъ недостойнствѣ и грѣховности, ради такой дѣтской вѣры Ты не откажешь имъ въ ихъ желаніи и не постыдишь ихъ надежды.

И, право, мнѣ кажется, религіозному чело-вѣку, увидѣвшему въ Іерусалимѣ картину получения огня, легче повѣрить, что Господь услышитъ и исполнитъ просьбу этого множества народа, чѣмъ допустить противное, т.-е. что Милосердный Богъ останется глухъ къ мольбамъ вѣрующихъ въ Него.

Вся толпа изъ храма хлынула по улицамъ Іерусалима съ пѣніемъ и съ огнями. Дѣйствительно, картина величественная. И никогда, можетъ быть, чело-вѣкъ не чувствуетъ такъ сильно торжества своей вѣры, какъ среди такой толпы.

За обѣдомъ въ гостиницѣ собравшаяся публика съ жаромъ передавала свои впечатлѣнія. Каждый спѣшилъ высказать, гдѣ онъ

стоялъ, что видѣлъ и слышалъ, но вопросъ объ огнѣ все-таки стоялъ открытымъ.

— Такъ что же, господа, можно ли вѣрить, что это огонь чудесный, а не отъ обыкновенной спички?—спрашиваетъ одинъ поѣщикъ.

— Я вѣрю,—отозвался одинъ почтенный протоіерей.—Я стоялъ въ алтарѣ вмѣстѣ съ греческимъ и русскимъ духовенствомъ у сѣвернаго бокового входа. Архіерей прошелъ прямо въ алтарь съ огнемъ изъ кувукли не прямо черезъ греческій храмъ Воскресенія, а обходомъ черезъ коридоръ въ ту самую дверь, около которой я стоялъ съ отцемъ N., и мы первые получили благодатный огонь непосредственно изъ рукъ архіерея. И, право, онъ не жегъ, какъ намъ казалось, и это мы тотчасъ замѣтили другъ другу.

— Это вамъ казалось, что не жжется огонь, потому что вы быстро по немъ проводили рукой. Вѣдь свѣчи же ваши зажглись, однако!—возражаетъ ему скептикъ.

— Ну, да вѣдь потому и зовется этотъ огонь благодатнымъ. По указанію свыше онъ одно жжетъ, а другое—нѣтъ.

— Не то, господа,—вмѣшивается въ споръ новый оппонентъ.— Это объясняется очень просто: было жарко, руки и лица—потныя; а вѣдь извѣстно, что влажную руку нѣкоторые рабочіе опускаютъ безъ вреда для себя даже въ расплавленный металлъ.

— Я это объясняю возбужденіемъ нервовъ.

— Ну, хорошо. А почему же волосы не вспыхнули? Тутъ тоже нервы?

Такъ спорили между собою обѣдавшіе, желая разрѣшить истину происхожденія огня: «съ небесъ онъ или отъ человѣковъ». Мнѣ хотѣлось знать мнѣніе «бедуина».

— Я замѣчу съ своей стороны,—сказалъ онъ,—одно обстоятельство. Тайна происхожденія огня лежитъ на совѣсти архіерея. Но теперь подумайте: можно ли допустить, чтобы старый архипастырь позволилъ себѣ обмануть предъ Богомъ, предъ Гробомъ Христовымъ, толпы вѣрующаго народа, весь міръ? Къ чему ему насиловать свою совѣсть и брать на свою душу такой грѣхъ? И, наконецъ, это вѣдь не одинъ архіерей, а рядъ ихъ, съ самыхъ древнихъ временъ. Я согласенъ, въ наше время трудно предполагать здѣсь чудо, но еще труднѣе, мнѣ кажется, допустить, чтобы архіерей добровольно взялъ на себя роль лжеца, обманщика въ такомъ важномъ дѣлѣ. Надо также имѣть въ виду и ту колоссальную вѣру, которую при этомъ проявляетъ простой народъ. А по вѣрѣ все возможно. И, право, онъ блаженъ. Мнѣ такъ кажется: если огонь благодатный, а человѣкъ не вѣритъ этому, то для него онъ только обыкновенный огонь. Обратное: если огонь обыкновенный, а человѣкъ вѣритъ въ его «благодать», то онъ и будетъ для него благодатнымъ. Проще: по вѣрѣ вашей будетъ вамъ, какъ сказалъ Спаситель.

Тутъ вспомнили общеизвѣстную легенду, какъ огонь долго не сходилъ на гробъ, а потомъ вдругъ показался черезъ колонку у входа въ храмъ. Это видѣлъ одинъ турокъ и, поразившись чудеснымъ видѣніемъ, сталъ кричать, что и онъ христіанинъ. За это его тотчасъ же зарубили мусульмане. И теперь показываютъ у входа въ храмъ черную широкую щель въ колоннѣ, изъ которой вышелъ огонь.

Выслушавъ отъ собесѣдниковъ разныя соображенія и за, и противъ чудеснаго огня, я мысленно сказалъ Подателю свѣта, какъ евангельскій мужъ, котораго Христось спросилъ: «Вѣришь ли, что Я могу это сдѣлать?» — «Вѣрую, Господи! Помоги моему невѣрію».

И. П. Ювачевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

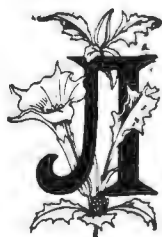

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ БЫВШАГО СУДЕБНАГО ДѢЯТЕЛЯ.

I.

Петровская церковь въ Новодвинскѣ.

ДѢТЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ тому назадъ, я изъ кандидатовъ на судебныя должности былъ назначенъ судебнымъ слѣдователемъ Архангельскаго уѣзда. Приѣхалъ я въ Архангельскъ въ началѣ зимы, и вскорѣ долженъ былъ поѣхать по дѣлу въ отдаленный посадъ, стоящій на берегу Бѣлаго моря.

Лѣтомъ ѣздить туда внизъ по Сѣверной Двинѣ и потомъ по морю въ большихъ лодкахъ, такъ называемыхъ «карбасахъ». Зимой же одну станцію ѣдутъ въ обыкновенныхъ саняхъ, а затѣмъ опять въ лодкѣ. Къ маленькой, узкой, длинной, плоскодонной лодочкѣ сзади надъ сѣдокомъ прикрѣпляется изъ просмоленного паруса будка, сѣдокъ садится, вытянувъ ноги, ямщикъ на дощечкѣ виситъ на носу, съ боковъ привязываются длинныя веревки, и три лошади цугомъ тащатъ васъ, не разбирая дороги, то по рѣкѣ, то по льду, замерзшему на разстояннн двухъ верстъ отъ берега моря. Печальная, невеселая, сѣверная картина. Снѣгъ, снѣгъ и снѣгъ! Съ одной стороны виднѣется вдаль, сливающаяся съ туманнымъ горизонтомъ, вода, съ другой стоитъ занесенный со стороны моря глухою бѣлою снѣжною стѣною темный дѣвственный лѣсъ. Лошади проваливаются по колѣно, и мы еле тащимся. Ямщикъ объясняетъ, что ѣздить этимъ путемъ только въ хорошую погоду. Если случайно подымается вѣтеръ, тогда отъ снѣжной пыли нѣтъ спасенья, и приходится пробиваться сквозь бѣлую стѣну въ лѣсъ. Бывали случаи, что отсиживались въ ожиданнн хорошей погоды дня по три.

На разстояніи 20 верстъ отъ Архангельска, въ устьѣ рѣки, на островѣ, стоитъ выстроенная Петромъ I Новодвинская крѣпость. Былъ морозъ, я очень озябъ и поэтому съ удовольствіемъ принялъ предложеніе ямщика заѣхать погрѣться и выпить чая въ деревнѣ, расположенной около крѣпости.

Деревня состояла изъ нѣсколькихъ домовъ обычной на сѣверѣ архитектуры. Дома строятся деревянные, двухъэтажные. Внизу двѣ комнаты и хлѣвъ для скота. Вверху одна парадная комната съ буковыми стульями и клеенчатымъ диваномъ и сѣноваль.

Въ парадной комнатѣ было холодно, какъ на дворѣ, и поэтому я рѣшился пить чай внизу, несмотря на жару и духоту отъ спертаго воздуха, пропитаннаго испареніями людей и животныхъ, такъ какъ дверь въ хлѣвъ была полуоткрыта, и въ нее поминутно просовывали голову то лошадь, то корова.

Глотая горячій чай, я спрашивалъ о крѣпости и, вспомнивъ, что въ ней находится выстроенная при Петрѣ I церковь, попросилъ сводить меня туда.

Маленькій островокъ обнесенъ со всѣхъ сторонъ невысокою гранитною стѣною, на которой нѣкогда грозно стояли пушки. При современномъ состояніи военного искусства укрѣпленіе это не можетъ представлять собою серьезной защиты, и потому совершенно заброшено. Посреди опоясанной гранитомъ площади одиноко и стройно высилась довольно высокая деревянная церковь. Другихъ построекъ не было. Стоялъ тамъ раньше такъ называемый «домикъ Петра», но и тотъ перенесенъ въ Архангельскъ.

Пока я шелъ въ крѣпость, проводникъ рассказывалъ, что деревня, или, какъ онъ называлъ ее, «фурштадтъ», состоитъ изъ 18 семействъ, потомковъ Петровскихъ бомбардировъ. Живутъ они на средства, добываемыя охотой и рыбной ловлей.

Но вотъ и церковь. Она построена Петромъ Великимъ въ 1702 г. во имя свв. апостоловъ Петра и Павла. Большой заржавленный ключъ заскрипѣлъ къ обитыхъ желѣзомъ дубовыхъ дверяхъ. Онѣ распахнулись, и мы вошли въ свѣтлую церковь, по постройкѣ и окнамъ ближе всего подходящую къ готическому стилю. Первое, что бросилось въ глаза, это въ скромномъ иконостасѣ изображенія Иисуса Христа и Богородицы. Это были не образа, а картины. Чудная живопись масляными красками на темносинемъ атласѣ сразу приковывала къ себѣ вниманіе. Имени художника не было. Проводникъ объяснилъ, что по преданію эти образа получены были Петромъ I изъ Италіи.

На одной изъ стѣнъ висѣлъ громадный почернѣвшій дубовый крестъ, собственноручной работы Петра Великаго.

— Здѣсь все подарки Петра. Здѣсь все старинное, — говорилъ мнѣ проводникъ.

Дѣйствительно, образа, утварь, книги, хоругви, облаченія, среди которыхъ выдѣлялись двѣ богатя изъ кованнаго серебра бѣло-

снѣжныя ризы, все дышало стариной, все представляло громадный интересъ.

У меня не было времени, такъ какъ я засвѣтло долженъ былъ добратся до цѣли моего путешествія, а полуграмотный бомбардиръ не могъ дать точныхъ и вѣрныхъ объясненій. Поэтому я рѣшилъ для подробнаго осмотра церкви заѣхать въ другой разъ и повидаться со священникомъ.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ я,—гдѣ живетъ священникъ?

— Верстъ тридцать отсюда въ сосѣднемъ селѣ.

— А часто ли бываетъ у васъ служеніе?

— Зимой одинъ разъ въ мѣсяцъ, лѣтомъ черезъ праздникъ. Зимой очень холодно. Трудно отслужить литургію, а выстоять на мѣстѣ просто невозможно. Печей нѣтъ. Много разъ уже дѣды и отцы просили поставить печь, да начальство не разрѣшаетъ.

— Почему?

— Опасаются, что въ печи отъ сильныхъ морозовъ появятся трещины, и произойдетъ пожаръ. Конечно, если бы печь сложили хорошо, если бы пріѣхалъ самъ архитекторъ, тогда опасаться было бы нечего. Да развѣ сюда къ намъ пріѣдетъ самъ господинъ архитекторъ? Поручить помощнику, а этотъ сдастъ подрядчику. А подрядчикъ о чемъ заботиться будетъ? Только о томъ, чтобы работа ему обошлась дешевле. Намъ это все хорошо извѣстно. Поэтому мы очень и не настаивали. Храмъ мы бережемъ, потому что и память царская, да и, упаси Господи, сгоритъ если, намъ другого ужъ не выстроить. Теперь вотъ мы недавно опять подали прошеніе. Архiereй у насъ новый, очень добрый, входитъ въ крестьянскія нужды, и мы полагаемъ, что на этотъ разъ разрѣшить намъ печь поставить. Только вотъ пріѣдетъ ли архитекторъ самъ? Нельзя ли вамъ будетъ попросить губернатора и другихъ начальствующихъ лицъ, чтобы на этотъ случай непременно архитекторъ пріѣхалъ?

Я обѣщалъ исполнить эту просьбу.

Возвратившись изъ поѣздки въ Архангельскъ черезъ нѣсколько дней, я при первой встрѣчѣ съ прокуроромъ существовавшего тамъ еще уѣзднаго суда и соединенной палаты уголовного и гражданскаго суда заговорилъ по этому поводу.

— Ъздилъ я, говорю, по дѣлу на слѣдствіе и по дорогѣ заѣхалъ осмотрѣть Новодвинскую крѣпость.

— Ну, и что же?!—перебилъ онъ меня:—вамъ произвели установленный салютъ?! По этому случаю я вамъ расскажу слѣдующій анекдотъ.

И рассказалъ.

— Въ крѣпости я видѣлъ замѣчательный памятникъ старины.

— Памятникъ старины? На этотъ предметъ есть еще лучший анекдотъ.

Былъ рассказанъ и второй анекдотъ.

Наконецъ, мнѣ удалось таки разсказать о просьбѣ поселянъ и о томъ, какая предстоитъ опасность для церкви, если кладка печи будетъ произведена неудовлетворительно.

— Э-э-э! вотъ оно что! А сколько вамъ лѣтъ? Сколько лѣтъ вы на службѣ? Чего вы мѣшаетесь не въ свое дѣло? Видно, что не знаете татарскаго анекдота подъ названіемъ: «Скажи, пожалуйста, какой тебѣ дѣло!»... Извольте. Въ поученіе и назиданіе для васъ разскажу.

Прокуроромъ, хотя и не получившимъ высшаго образованія, но очень свѣдущимъ по части анекдотической, былъ и этотъ анекдотъ разсказанъ.

Я дѣйствительно былъ еще очень молодъ и не постигалъ еще исполнѣ служебныхъ дипломатическихъ отношеній между разными вѣдомствами. Совѣтъ прокурора не вмѣшиваться въ дѣло другого вѣдомства мнѣ казался здравымъ и практичнымъ, тѣмъ не менѣе я не хотѣлъ успокоиться. Мнѣ казалось, что я совершу преступленіе, если буду молчать, и послѣдствіемъ этого молчанія будетъ гибель церкви.

При встрѣчѣ съ другимъ своимъ начальствомъ, предсѣдателемъ соединенной палаты уголовного и гражданскаго суда, я подробно разсказалъ ему о посѣщеніи моемъ Новодвинской крѣпости и ходатайствѣ поселянъ, добавивъ, что объ этомъ я передавалъ уже прокурору.

— А сколько вамъ онъ разсказалъ анекдотовъ и какіе именно?— спросилъ предсѣдатель.

Я передалъ.

— Да, онъ большой знатокъ анекдотовъ! — предсѣдатель задумался на минуту, а затѣмъ заговорилъ:

— А вотъ я вамъ разскажу, батенька, не анекдотъ, а истинное происшествіе.

Предсѣдатель былъ старый холостякъ и любилъ очень красно, картинно и длинно разсказывать истинныя происшествія.

О желѣзной дорогѣ къ Архангельску тогда еще никто не думалъ, газеты получались при хорошей дорогѣ на седьмой день, а при дурной на пятнадцатый, вслѣдствіе чего въ этомъ отрѣзанномъ отъ остальнаго свѣта городѣ время коротали либо за картами, либо за разсказами анекдотовъ и истинныхъ происшествій, такъ какъ служебнаго дѣла было мало, а свободнаго времени много.

Въ напутствіе предсѣдатель далъ мнѣ дружескій совѣтъ не вмѣшиваться безцѣльно въ дѣла административной и духовной власти.

Я благодарилъ за совѣтъ, однако мысленно рѣшилъ при первомъ же удобномъ случаѣ переговорить съ губернаторомъ.

Случай этотъ скоро представился. Губернаторомъ въ это время былъ отставной морякъ, прекрасный человѣкъ и большой хлѣбосоль. Нѣсколько разъ въ теченіе года онъ устраивалъ у себя тан-

цовальные вечера, на которые приглашались и чины судебного вѣдомства.

На одномъ изъ такихъ вечеровъ, когда губернаторъ, какъ любезный хозяинъ, заговорилъ со мною, я поторопился рассказать ему о мучившемъ меня дѣлѣ.

— Знаю, знаю!—улыбаясь, отвѣтилъ мнѣ губернаторъ.— Постараюсь устроить, какъ слѣдуетъ, и переговорю съ архіереємъ. А вы съ нимъ еще незнакомы? Съѣздите къ нему. Это замѣчательно умный человѣкъ, чудный проповѣдникъ, необыкновенно добрый и большой оригиналъ. Я вамъ расскажу, какой былъ съ нимъ случай.

Рассказанное происшествіе могло имѣть мѣсто только на сѣверѣ и находится въ зависимости отъ условій климата и малонаселенности. Поэтому, прежде чѣмъ передавать рассказъ, необходимо въ поясненіе сказать нѣсколько словъ объ условіяхъ жизни въ Мезенскомъ уѣздѣ, гдѣ этотъ случай произошелъ.

Уѣздный городъ Архангельской губерніи Мезень отстоитъ отъ Архангельска зимою на разстояніи 600 верстъ и лѣтомъ 900 верстъ. Объясняется это тѣмъ, что зимою идетъ ѣзда на саняхъ черезъ непроходимую тундру, которую лѣтомъ нужно объѣзжать кругомъ. За Мезенью опять тянется тундра, среди которой попадаются сухія лѣсныя площади, такъ сказать, оазисы, гдѣ и селятся крестьяне. Такіе поселки часто расположены одинъ отъ другого на десятки верстъ. Жители занимаются охотою на бѣлокъ, птицъ, горностаевъ и пр. Изъ этихъ поселковъ, состоящихъ иногда изъ нѣсколькихъ лишь домовъ, особенно ярые охотники уходятъ дальше и поселяются въ лѣсахъ въ полномъ одиночествѣ.

Одинъ изъ такихъ охотниковъ нашель себѣ подходящее мѣсто верстахъ въ 80 отъ большого села, выстроилъ себѣ избу и поселился въ ней вдвоемъ съ женой. На охотѣ онъ какъ-то простудился и слегъ. Прележавъ нѣсколько дней въ бреду, онъ пришелъ въ сознаніе и просилъ жену съѣздить въ село за священникомъ. Когда онъ пріѣхалъ, охотникъ былъ еще живъ, но еле дышалъ. Напоила баба священника чаемъ, напоила и мужа, и послѣднему стало легче. Онъ пришелъ въ полное сознаніе, исповѣдывался и пріобщился Св. Тайнъ. На другой день священникъ сталъ собираться въ дорогу домой.

— Батюшка!—застоналъ больной:—не уѣзжай, пожалуйста. Чувствую, что смерть моя близка. Обожди моей смерти и похорони меня.

— Не стану скрывать отъ тебя, — отвѣтилъ священникъ:—что боленъ ты очень и, повидимому, смертельно, но когда смерть придетъ, одному Богу извѣстно. Можетъ быть, послѣ того, какъ ты сподобился пріобщиться Св. Тайнъ, ты и выздоровѣешь, если будетъ Богу угодно.

— Нѣтъ, батька, помираю... Худо мнѣ. Обожди.

— Не могу ждать. Кромѣ тебя, и другіе прихожане есть. Времени-то сколько потерялъ! Сюда тащился больше сутокъ, — вычитывалъ священникъ, — здѣсь проведь другія. Пока доѣду — еще сутки. Нѣтъ, не могу, — рѣшительно заявилъ онъ.

— Ну, такъ, пріѣзжай похоронить меня сейчасъ же, какъ помру.

— Ты далеко живешь, лошаденка твоя плоха и устала, да и праздники близко. Обѣщать не могу. Поэтому, если на то будетъ воля Божья, и ты умрешь, пусть тебя баба зароетъ, а я со временемъ заѣду и отслужу панихиду.

Задумался больной.

— Очень мнѣ хочется, батюшка, чтобы тѣло было предано землѣ по христіанскому обряду, какъ слѣдуетъ... Сколько ты возьмешь, чтобы опять сейчасъ пріѣхать хоронить? — категорически спросилъ больной.

— Меньше пяти рублей не могу. Надо будетъ лошадь нанять!

— Что ты?! что ты?! — крикнулъ больной.

Отъ волненія ему стало хуже, и онъ впалъ въ безпамятство. Священникъ остался. Черезъ часъ больному стало лучше, и онъ опять вступилъ въ переговоры. Священникъ былъ непоколебимъ и рѣшительно собрался уѣзжать. Баба пошла запрягать лошадь.

Больной долго молчалъ и наконецъ предложилъ священнику такую комбинацію. Онъ увѣренъ, что умретъ на-дняхъ, и священникъ, повидимому, соглашается съ этимъ. Очень возможно, что онъ умретъ тотчасъ же послѣ отъѣзда батюшки. Пока возвратится жена и опять поѣдетъ за нимъ, пройдетъ нѣсколько дней, а тѣло все будетъ лежать безъ погребенія. Поэтому въ виду того, что онъ уже умирающій, больной спросилъ священника, не найдетъ ли онъ возможнымъ, получивъ еще 2 рубля, теперь же прочитать надъ нимъ отходную да и похоронныя молитвы сразу.

Священникъ не соглашался. Баба присоединилась къ просьбамъ мужа.

Больному между тѣмъ становилось все хуже и хуже. Языкъ его сталъ залетаться. Внезапно онъ замолчалъ, вытянулся и посинѣлъ. Тогда священникъ, уступая просьбамъ бабы, прочиталъ надъ нимъ отходную.

Черезъ нѣкоторое время у неподвижно лежавшаго охотника опять показались признаки жизни.

Священникъ уѣхалъ. Прошелъ мѣсяць, и онъ былъ увѣренъ, что больной умеръ, какъ вдругъ является къ нему охотникъ живой и требуетъ возвращенія 2 рублей.

— За то, что ты пріѣзжалъ ко мнѣ, ты получилъ рубль. Два же рубля ты получилъ за отпѣванье. А такъ какъ я остался живъ, эти два рубля ты мнѣ обязанъ возвратить, — доказывалъ онъ.

Священникъ не внялъ этимъ доводамъ и два рубля возвратить отказался.

Черезъ годъ случилось этому крестьянину прибыть съ обозомъ дичи въ Архангельскъ. Онъ тотчасъ же отправился къ архіерею съ жалобой на священника. Выслушалъ его архіерей, побесѣдовалъ съ нимъ и отдалъ ему два рубля. Затѣмъ вызвалъ къ себѣ въ Архангельскъ священника. Узнавъ отъ послѣдняго, какъ тяжела и бѣдна священническая жизнь среди непроходимыхъ тундръ и невѣжественныхъ прихожанъ, архіерей пожурилъ священника и, взявъ съ него обѣщаніе не читать на будущее время отходной надъ живыми людьми, отпустилъ его съ миромъ въ ту же тундру.

Время шло своимъ чередомъ. По дѣламъ мнѣ не приходилось ѣхать въ сторону Новодвинской крѣпости, и я совершенно о ней забылъ. Вдругъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, я получаю отъ мѣстнаго становаго пристава увѣдомленіе, что церковь въ Новодвинской крѣпости сгорѣла до основанія отъ неизвѣстной причины.

Я немедленно отправился туда. Увы! вмѣсто гордо высившейся церкви среди гранита лежало нѣсколько обуглившихся бревенъ, уголь и длинная кирпичная печь.

— Какъ вы думаете, — спрашиваю поселянъ свидѣтелей: — отчего могъ произойти пожаръ?

— Да, должно быть, отъ печи. Другихъ никакихъ причинъ и быть не могло. Въ субботу вечеромъ печь истопили. Въ воскресенье утромъ была служба, а ночью церковь сгорѣла. Когда проснулись отъ сильнаго свѣта и добѣжали до крѣпости, вся церковь была уже въ огнѣ, и спасти ничего уже нельзя было. Надо думать, что отъ сильныхъ морозовъ трещина въ печи образовалась.

Собравъ понятыхъ, я тщательно осмотрѣлъ никѣмъ не тронутый послѣ пожара кирпичъ. Внизу печь была хорошо сложена, крѣпко держалась, и трещинъ никакихъ не было. Кирпичи отъ трубы хотя и лежали рядомъ, но были отдѣлены одинъ отъ другого. Какъ бы ни было сильно паденіе трубы, при которомъ она разсыпалась, все-таки нѣсколько кирпичей должны же были остаться между собой скрѣпленными цементомъ. Послѣдняго-то и не было замѣтно. Повидимому, между кирпичами была простая известь, перегорѣвшая въ огнѣ. Какъ я, такъ и понятые, послѣ осмотра пришли къ одному заключенію о причинѣ пожара. Труба была дурно сложена, цемента положено было мало, отъ усиленной топки, во время морозовъ, известь между кирпичами перегорѣла, и сквозь образовавшуюся трещину пламя обуглило прилегающую къ ней балку, которая затлѣлась и загорѣлась.

— А что же, приѣзжалъ архитекторъ? — спросилъ я, вспомнивъ опасенія поселянъ.

— Нѣтъ. Наѣзжалъ одинъ разъ помощникъ его. Указалъ подрядчику, да и уѣхалъ. Подрядчикъ привезъ рабочихъ, далъ имъ матеріалъ и тоже уѣхалъ. При кладкѣ печи рабочіе говорили, что цементу маловато. Когда печь была готова, приѣзжалъ смот-

рѣтъ подрядчикъ. Глядѣли и мы. Печь, кажись, ничего. Топилась хорошо...

Возвратившись въ Архангельскъ, я пригласилъ архитектора въ качествѣ эксперта и предложилъ ему поѣхать со мной для осмотра. Экспертъ представилъ письменную экспертизу, въ которой заявилъ, что въ виду имѣющагося точнаго и нагляднаго протокола ѣхать на мѣсто происшествія для повторенія осмотра не представляется надобности, и затѣмъ изъ всего произведеннаго слѣдствія вывелъ заключеніе, что пожаръ произошелъ отъ трещины, образовавшейся при топкѣ во время сильныхъ морозовъ, т.-е., по его мнѣнію, отъ естественной причины. Что же касается того обстоятельства, на которое особенно напиралъ протоколъ осмотра, что кирпичи были плохо связаны цементомъ, то это только доказываетъ, что печь клала опытная рука, знакомая съ условіями климата сѣвера, такъ какъ, чѣмъ меньше цемента между кирпичами въ печи, тѣмъ она упорнѣе можетъ противостоятъ разрушительному дѣйствію мороза.

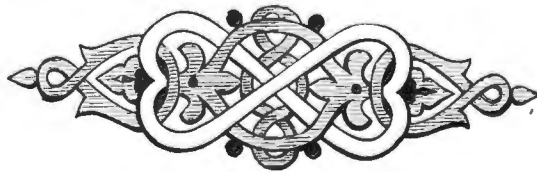
Я не согласился съ мнѣніемъ эксперта и отправилъ дѣло на заключеніе строительнаго отдѣленія губернскаго правленія. Последнее нашло экспертизу вполне обоснованной и правильной.

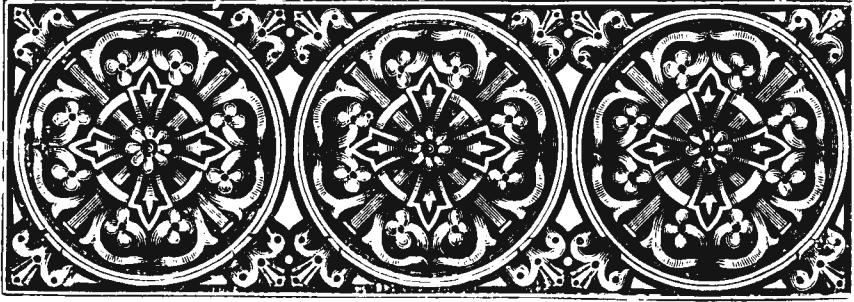
Дѣло соединенною палатою было прекращено за отсутствіемъ признаковъ какого либо преступленія.

Такимъ образомъ исчезла съ лица историческая церковь, одинъ изъ немногихъ памятниковъ Петровской эпохи.

Кто былъ правъ? Кто былъ виновать? Не знаю. Только несомнѣнно, правы были крестьяне, когда они, подавъ прошеніе о разрѣшеніи поставить въ церкви печь, задумывались о томъ, какъ бы имъ въ концѣ концовъ не остаться совершенно безъ церкви.

М. Ч.

ДЬЯЧОКЪ-ПАРТИЗАНЪ 1812-ГО ГОДА.

ДЕВЯТАГО ЮЛЯ 1812 года, императоръ Александръ I, будучи въ Смоленскѣ предъ нашествіемъ Наполеона, издалъ на имя епископа Иринаея рескриптъ о томъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ подвластнымъ ему духовенствомъ убѣждалъ всѣхъ жителей, «совокупляясь вмѣстѣ, вооружаться чѣмъ кто можетъ, дабы, не давая никакого пристанища врагамъ, вездѣ и повсюду истреблять ихъ и, вмѣсто робости, наносить имъ самимъ великій вредъ и ужасъ». Къ тому же приглашалъ всѣхъ жителей и главнокомандующій Барклай-де Толли въ своихъ двухъ прокламаціяхъ отъ 21-го іюля на имя смоленскаго губернатора и дворянства. «Просите обывателей,—писалъ Барклай губернатору,—вооруженною рукою напасть на уединенныя части непріятельскихъ войскъ, гдѣ оныхъ увидятъ». Всѣхъ жителей вообще Барклай убѣждаетъ: «вооруженные, въ домахъ своихъ истребляйте непріятели мечемъ и пламенемъ, да каждый шагъ злодѣя будетъ омытъ его кровію» и т. д. Такія энергичныя воззванія, прочитывавшіяся на площадяхъ и въ церквахъ съ соответствующими внушеніями и наставленіями, скоро возымѣли свое дѣйствіе: началась такъ называемая «народная война». Всѣ сословія русскаго народа въ этой войнѣ выставили немало своихъ представителей, называвшихся партизанами. Имена этихъ партизановъ, не только главныхъ, какъ Давыдовъ, Фигнеръ, Сеславинъ, но и такихъ, какъ гжатская «старостиха Василиса», давно уже получили

право полного гражданства въ «русскихъ хрестоматіяхъ». До сихъ поръ только не было извѣстно, кажется, ни одного имени партизана изъ среды духовнаго сословія. Случайно намъ удалось найти указаніе на то, что и духовенство не отстало отъ другихъ сословіи въ народной войнѣ, но также выставило изъ своей среды партизана, именно рославльскаго дьячка Савву Крастелева.

Среди массы прошеній о пособіи на имя архіепископа Теофилакта Русанова, присланнаго въ Смоленскъ для «устройства разоренной епархіи», въ архивѣ Смоленской консисторіи хранится и слѣдующее прошеніе вдовы священника села Новорѣзанова, Рославльскаго уѣзда, Ирины Крастелевой:

«Сынъ мой родной, города Рославля Пятницкой церкви дьячокъ, Савва Крастелевъ, во время бывшаго непріятельскаго французскаго войска въ прошломъ 1812 году въ Россійскихъ предѣлахъ, горя любовью къ отечеству и вслѣдствіе изданнаго высочайшаго объ истребленіи непріятелей указа согласясь съ прочими рославльскими жителями, сдѣлали ополченіе противъ непріятели сами по себѣ; многихъ изъ непріятельскаго войска мародеровъ побивали на мѣстѣ и брали въ плѣнъ, чему продолжалось время одинъ съ половиною мѣсяцъ. Наконецъ, преслѣдуя непріятели, когда по случаю темноты ночи расположились ночевать въ деревнѣ Козловкѣ, отъ города Рославля въ 50-ти верстахъ, гдѣ почти безпрестанно мародеры были, то по извѣту тамошнихъ приказчиковъ и крестьянъ, данному французамъ, въ недалнемъ разстояніи ротный ¹⁾ дворъ занимающимъ, прибывъ ихъ весьма превосходное число, тогда жъ въ ночь и тамо съ протчими убили моего сына, вышеозначеннаго дьячка Савву, сняли съ него все имѣвшееся на немъ одѣяніе, отобрали деньги, лошадь и прочее, о которыхъ вашему высокопреосвященству подробный отчетъ прилагается.

«Я, имѣя только единственную надежду на сего моего сына, къ пропитанію себѣ при старости моихъ лѣтъ, нынѣ и оной лишилась. Ваше высокопреосвященство нижайше прошу, по случаю неизмѣннннѣ пропитанія, и какъ прочіе таковыя оставшіеся послѣ убитыхъ непріятелиемъ родственники получили по высочайшему соизволенію изъ казны сумму, то и я нижайше осмѣливаюсь съ симъ къ вашему высокопреосвященству прибѣгнуть: о отношеніи, куда слѣдуетъ, къ удовлетворенію и меня за таковой же понесенный убытокъ учинить вашу архипастырскую резолюцію. Къ сему прошенію вмѣсто вышеписанной просительницы, вдовы священника Ирины Крастелевой, за неумѣніемъ грамоты, по личному ея прошенію, руку приложилъ Рославльской Пятницкой церкви дьячокъ Михаилъ Орловскій. Іюля 1813 года.

¹⁾ Вѣроятно, «скотный». И. О.

«Реестръ.

«Денегъ 200 рублей, лошадь съ приборомъ 150 рублей, ружье 25 рублей, сабля 10 рублей, пара пистолетовъ съ патронташемъ 25 рублей, пика 5 рублей, куртка съ шароварами плисовая 25 рублей, фуфайка 5 рублей, рубашка 2 рубля, сапоги 3 рубля, платокъ шейный, жилетъ и картузь 15 рублей.

«Что дѣйствительно означенной просительницы сынъ, дьячокъ Савва Крастелевъ, находился съ другими городскими жителями въ ополченіи и убитъ, въ томъ свидѣтельствуемъ:

«рославльскій городничій Митрофановъ, городской голова Иванъ Полозовъ, бургомистръ Никита Шевердинъ».

Изъ присланной для раздачи пострадавшимъ отъ непріятеля епархіямъ суммы въ 100.000 рублей, смоленскому духовенству и церквамъ роздано было 45 тысячъ. Раздавали по составленнымъ благочинными спискамъ въ нѣсколько приемовъ: на пропитаніе вообще отъ 10 до 50 рублей, на одежду и обувь тоже, на постройку домовъ отъ 100 до 600 рублей и на обсѣменение полей отъ 30 и до 80 рублей. Нѣсколько разъ представлялись списки лицъ, пропущенныхъ въ прежнихъ спискахъ. При составленіи списковъ и раздачѣ пособій не обходилось безъ злоупотребленій. Въ архивѣ хранится множество жалобъ на благочинныхъ, которые записывали въ число пострадавшихъ отъ пожара лицъ своихъ родственниковъ, дома которыхъ «и не думали горѣть», пропускали имена тѣхъ, кто дѣйствительно лишился дома и имущества; полученное пособие раздавали у себя въ домѣ, наединѣ съ просителемъ, въ отсутствіе членовъ духовныхъ правленій, съ вычетомъ изъ ассигнованной суммы въ свою пользу и т. д.

Получила ли чтонибудь мать бѣднаго дьячка Саввы, мы, несмотря на тщательные поиски въ спискахъ лицъ, которымъ пособие было назначено, никакихъ свѣдѣній объ этомъ не нашли.

Иванъ Орловскій.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Сношенія Россіи съ Франціей до Петра Великаго.—Посольство стольника Потемкина въ Парижъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.—Кто сжегъ Москву?—Графъ Растиопчинъ и его письма къ императору Александру I въ 1812 году.

ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ время вниманіе всей Европы привлекалъ русско-французскій союзъ. Благодаря этому обстоятельству, изъ архивовъ стали извлекаться на свѣтъ забытые документы, свидѣтельствующіе, насколько Россія въ теченіе 400 лѣтъ выросла и окрѣпла, несмотря на многія неблагопріятныя обстоятельства, а главное въ ней проявилось чувство сознанія своихъ нравственныхъ силъ. Хотя долго еще робкими, но уже сознательными шагами она стремилась занять надлежащее ей мѣсто относительно Франціи, съ которой имѣла отношенія еще при Ярославѣ, выдавшемъ свою дочь, Анну, за французскаго короля Генриха I-го.

Когда-то давно, 384 года тому назадъ, Россія впервые задумала искать союза съ Франціей и ея защиты. Но этотъ первый шагъ она рѣшилась сдѣлать не по своему побужденію, а по инициативѣ курфюрста Бранденбургскаго, съ которымъ царь, Василій Ивановичъ, вступилъ въ союзъ противъ Польши.

Въ послѣднемъ своемъ трудѣ ¹⁾ профессоръ Мартенсъ говоритъ: «Въ письмѣ своемъ отъ 16 апрѣля 1518 г., переданномъ не русскимъ посломъ, а посредствомъ бранденбургскаго курфюрста, царь сообщаетъ французскому королю, что онъ заключилъ союзъ съ бранденбургскимъ курфюрстомъ, Альбрехтомъ, противъ Польши, и что оба союзника надѣются на помощь короля, въ случаѣ нападенія на нихъ со стороны Польши».

¹⁾ Собраніе трактатовъ и конвенцій, сост. проф. Мартенсъ томъ XIII. Трактаты съ Франціей. Томъ I. 1902 г.

Почти чрезъ годъ, въ мартѣ 1519 г., царь снова отправилъ уже второе письмо, по просьбѣ опять того же курфюрста Бранденбургскаго и попрежнему прося у короля защиты противъ Польши.

Однако, въ русскихъ архивахъ не сохранились копии съ этихъ писемъ, а также нѣтъ доказательствъ, далъ ли отвѣтъ французскій король, и даже, по словамъ того же профессора Мартенса, есть основаніе думать, что онъ не удостоилъ отвѣтомъ московскаго царя, о государствѣ котораго онъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній.

Но, какъ обыкновенно бываетъ, матеріальные интересы послужили рычагомъ для ознакомленія Франціи съ Россіей, и благодаря мелкимъ интересамъ отдѣльныхъ личностей, упало сѣмя сближенія двухъ государствъ, хотя долго не пускало отростка. Такъ въ теченіе XVI вѣка нѣсколько французскихъ купцовъ, а также искаателей приключеній, рискнули посѣтить Московію съ цѣлью поискать тамъ счастья. Между такими смѣльчаками находились нѣкіе Дансэ и Соважъ, старавшіеся доказать французамъ, какъ выгодно вести торговлю съ Россіей.

Затѣмъ послѣдовало ознакомленіе съ Россіей посредствомъ печати по инициативѣ французскаго капитана Маржере, служившаго въ войскахъ московскаго царя. Въ своемъ сочиненіи, появившемся въ 1607 г. подъ заглавіемъ «L'Etat de l'Empire de Russie et grand duché de Moskovie», онъ сообщаетъ свѣдѣнія о Московіи, какъ о «весьма большомъ, могущественномъ, населенномъ и богатомъ государствѣ».

Согласно «Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France»²⁾ первымъ французскимъ посломъ былъ Франсуа де Карль, появившійся въ Москвѣ въ 1586 году.

Это посольство было опять таки слѣдствіемъ желанія сблизиться со стороны русскихъ. Царь Ѳеодоръ Ивановичъ написалъ въ октябрѣ 1586 г. письмо къ французскому королю Генриху IV, въ которомъ извѣщалъ его о своемъ вступленіи на московскій престолъ и высказывалъ желаніе поддерживать дружескія торговныя сношенія съ Франціей. Впрочемъ, ни въ русскихъ, ни въ французскихъ архивахъ не сохранилось по поводу этого никакихъ определенныхъ данныхъ, хотя тамъ приводится отвѣтное письмо царя Ѳеодора Ивановича и даже текстъ коммерческаго трактата «между царемъ и парижскими торговцами». Послѣднихъ документовъ, однако, нѣтъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Относительно существованія коммерческаго трактата профессоръ Мартенсъ положительно сомнѣвается. По его словамъ, Генрихъ IV такъ мало интересовался Россіей, что совершенно пропустилъ ее

²⁾ Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France. «Russie». Paris. 2 vol. 1890.

въ своемъ великомъ проектѣ устройства всей Европы въ видѣ союза 15 государствъ, хотя зналъ объ ея существованіи и даже въ 1595 г. написалъ царю Ѳеодору Ивановичу три письма, въ которыхъ просилъ объ отпускѣ въ отечество доктора Поля и о разрѣшеніи нидерландскому купцу, Мишелю Мужерону, торговать свободно въ Россіи.

Первое посольство во Францію, о которомъ есть точныя свѣдѣнія, было отправлено въ маѣ 1615 г. царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Во главѣ перваго посольства находился Иванъ Гавриловичъ Кондыревъ, а при немъ состояли подьячій Михаилъ Невѣровъ и друг. Имъ было поручено извѣстить французскаго короля объ избраніи Михаила Ѳеодоровича и вручить королю грамоту, въ которой царь «пространнѣйше жаловался на поляковъ и шведовъ, причинившихъ купно съ Лжедмитріемъ Отрепьевымъ сильное всему Россійскому государству разореніе». Въ то же время царь первый предлагалъ взаимную «братскую дружбу и любовь» и поддерживать сношенія письменныя посредствомъ посольствъ.

И на этотъ разъ въ отношеніяхъ къ Россіи выразилась явная небрежность Франціи. Хотя Людовикъ XIII принялъ въ Бордо въ декабрѣ 1615 г. русское посольство, но наскоро, слѣша уѣхать по случаю военныхъ дѣйствій и приказавъ вручить царю отвѣтное письмо 16-го декабря. Невниманіе дошло до того, что въ письмѣ не было прописано царское имя, и Кондыревъ не хотѣлъ его принять. Французскіе же министры отказались его взять обратно, ссылаясь на то, что между Россіей и Франціей никогда не были установлены дипломатическія сношенія, и еще не выработано никакихъ опредѣленныхъ формъ для взаимныхъ отношеній.

Но уже и тогда начинало просыпаться у русскихъ сознаніе собственнаго «я», хотя еще въ первобытной формѣ чинопочитанія, и Кондыревъ настоялъ, чтобы грамота была переписана. Такъ какъ французскимъ министрамъ XVII вѣка ничего не стоило разсыпаться въ любезностяхъ, то въ письмо, по словамъ Мартенса, было включено не только имя царя, но онъ даже былъ возведенъ въ «императора русскихъ». Письмо начиналось: «Très haut et très puissant Prince Migala Teudorowitz notre très cher frère et bon ami, Empereur des Russes etc».

Кондыревъ настолько успѣшно исполнилъ свою миссію, что король не только обѣщалъ возобновить съ Россіей прежній «союзъ», но, кромѣ того, запретить своимъ подданнымъ служить въ шведской и польской арміяхъ противъ русскаго царя.

Этотъ первый самостоятельный шагъ со стороны русскихъ пробудилъ во Франціи интересъ къ Россіи, къ которому примѣшалась просьба французскихъ коммерсантовъ. Они доказывали всѣ выгоды вести торговлю съ Россіей и препятствія, которыя имъ ставили хозяева Балтійскаго моря—Данія и Швеція. Слѣдствіемъ этого

было рѣшеніе Людовика XIII отправить въ Москву посольство во главѣ съ Дегэ де-Курмененомъ, чрезвычайнымъ полномочнымъ посломъ.

Однако, такъ желаемый русскими союзъ съ Франціей вызвалъ при появленіи Дегэ массу препирательствъ и все на почвѣ чинопочитанія и титулованія. Болѣе ловкій французъ скоро уладилъ этотъ вопросъ, но бояре не могли простить ему, что онъ явился безъ подарковъ.

Это посольство не имѣло никакихъ результатовъ, такъ какъ Франція предъявляла условія союза, совершенно не подходящія къ понятіямъ русскихъ той эпохи. Несмотря на это, французская историческая литература крѣпко держится мнѣнія, что въ 1629 г. былъ заключенъ между Россіей и Франціей первый торговый трактатъ, но въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ нѣтъ никакихъ документовъ.

Во всякомъ случаѣ начало сближенія было положено, и Франція замѣтила «существованіе варварскаго, но могущественнаго государства, хотя пока ея интересъ былъ лишь торговый».

Послѣ этого неудачнаго посольства въ Россію являлись лишь неофициальныя лица отъ французскаго правительства. Такъ въ 1631 г. былъ въ Москвѣ капитанъ Бонфоа съ письмомъ отъ Людовика XIII за разрѣшеніемъ купить въ Россіи хлѣба.

Второй посланный изъ Россіи, но не официальный, былъ переводчикъ Иванъ Ангеръ, посланный не въ одну Францію, но также въ Англію и Голландію съ извѣстіемъ о заключеніи мира между Россіей и Польшей.

Съ своей стороны Людовикъ XIII написалъ царю письмо, прося освободить нѣкоего Шарля Тальерана, явившагося въ Россію подъ видомъ посла отъ семиградскаго князя Белленъ-Габора, но въ сущности это былъ французскій шпіонъ, и его отправили въ Сибирь.

Впрочемъ, всѣ вышеупомянутыя сношенія неимѣли опредѣленнаго характера, а были лишь случайными, и только со вступленіемъ на престолъ царя Алексѣя Михайловича дѣло приняло другой оборотъ. Въ 1653 году онъ отправилъ во Францію Константина Герасимовича Мачехина—по ошибкѣ названнаго въ «Recueil des instructions» княземъ—въ сопровожденіи толмача Болдинова и подьячаго Богданова съ увѣдомленіемъ о началіи войны русскаго царя съ польскимъ королемъ Яномъ Казимиромъ. Мачехинъ выѣхалъ изъ Россіи 6-го декабря 1653 г., а прибылъ въ Парижъ только 24-го октября 1654 г.

На этотъ разъ Россія опять искала помощи Франціи.

Прибывъ чрезъ Голландію и Гавръ въ Парижъ, Мачехинъ поселился въ домѣ, отведенномъ ему французскимъ правительствомъ. Посланные русскаго царя вели себя варварски, напивались, безчинствовали, спаивали поставленную къ ихъ дому стражу и вызывали серіозныя неудовольствія французовъ. Только 30-го октября король принялъ въ торжественной аудіенціи посланныхъ царя.

Парижъ уже въ то время былъ заколдованнымъ омутомъ, и «русскіе варвары» такъ были имъ очарованы, что не хотѣли уѣзжать, и французскому правительству пришлось прямо объявить имъ, что ихъ «никто не удерживаетъ», т.-е. простыми словами: «уѣзжайте, домой». 17-го ноября 1654 г. Мачехинъ былъ принятъ королемъ въ прощальной аудіенціи. Сначала хотѣли ему вручить письмо короля чрезъ секретаря, но Мачехинъ воспротивился и заявилъ: «что царь его казнить, если онъ согласится принять письмо изъ другихъ рукъ, кромѣ самого короля». Король согласился и 29-го ноября 1654 г. вручилъ ему письмо къ царю.

На этотъ разъ король не именовалъ болѣе царя императоромъ и наотрѣзъ отказался осуждать поведеніе польскаго короля, не одобряя царя за начатіе войны противъ Польши.

Вскорѣ Людовику XIV пришлось самому отправить посольство къ русскому царю съ предложеніемъ посредничества. Дѣло въ томъ, что въ 1656 г., во время войны съ Швеціей, русскія войска вторгнулись въ шведскія Балтійскія провинціи, и Россія, Пруссія, Данія и Польша вступили въ союзъ противъ шведскаго короля Карла X. Людовику XIV, слѣдовательно, было основаніе бояться за сохраненіе своей «восточной барьеры», которая совершенно разрушалась, благодаря войнѣ между двумя ея устоями: Швеціей и Польшей.

Съ этою цѣлью Людовикъ XIV отправилъ настоящее и блестящее посольство, во главѣ котораго былъ поставленъ камергеръ Деминьеръ. 6-го іюля 1657 г. король извѣщалъ царя о прибытіи своего посла съ выраженіемъ желанія скорѣйшаго окончанія кровопролитія съ Швеціей, съ которою, по его мнѣнію, должно заключить миръ.

Но до Бога высоко до царя далеко, и не такъ-то легко было лицезрѣть «ясныя очи царя варвара», какъ съ досадою выражался посоль въ своемъ донесеніи. Ему не только не оказывали содѣйствія, но даже дерптскій воевода хотѣлъ его арестовать, если онъ «не уберется», ссылаясь на то, что московскому де царю нѣтъ никакой надобности въ посредничествѣ или услугахъ французскаго короля, и посоль можетъ отправляться восвояси. Несчастному посланнику пришлось уѣхать изъ Нарвы въ Новгородъ, чтобъ ожидать результата. Но внезапно обращеніе губернатора измѣнилось, и онъ даже прислалъ посланнику въ подарокъ меду и барана, которые были отвергнуты, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ Деминьера возвратиться въ Нарву.

Въ концѣ концовъ посоль прибылъ въ Москву и былъ принятъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, которому онъ вручилъ королевскую грамоту отъ 20-го ноября 1657 г.

Это посольство не имѣло успѣха для французовъ, и царь обошелся безъ нихъ, заключивъ мирный трактатъ съ Швеціей въ Кардисѣ, въ 1661 г. Точно также и съ Польшей Россія заключила Андрусовское перемиріе на 13 лѣтъ безъ посредства Франціи.

Однако, вскорѣ, именно въ 1668 г., царь опять обратился къ французскому королю и на этотъ разъ послалъ великое посольство въ лицѣ стольника Петра Ивановича Потемкина, котораго впоследствии въ письмѣ къ царю Людовику XIV назвалъ дворецкимъ (*maître d'hôtel*), переводя по-своему званіе «стольника». Цѣлью царя было воспользоваться вліяніемъ Франціи на Турцію и просить короля остановить нашествіе турецкихъ полчищъ на русскія и польскія владѣнія.

Петръ Ивановичъ Потемкинъ, герой въ войнѣ съ Польшей, отправился во Францію съ сыномъ и дьякомъ Семеномъ Румянцевымъ. Изъ Архангельска они поѣхали съ начала въ Кадиксъ съ порученіемъ царя къ испанскому королю. Пробывъ семь мѣсяцевъ въ Испаніи, они выѣхали 1-го іюля 1668 г. во Францію. Этому-то посольству и посвящена статья Луи Батиффоля, помѣщенная въ «*Revue hebdomadaire*»¹⁾ и составленная на основаніи новыхъ документовъ, хранящихся въ Національной Парижской библиотекѣ.

27-го іюня 1668 года, солдаты, стоявшіе на караулѣ у Байонской заставы, увидѣли двухъ людей въ странныхъ одеждахъ, появившихся на дорогѣ изъ Испаніи. Ихъ тотчасъ же принялись допрашивать, кто они и откуда. Одинъ изъ нихъ ничего не понималъ, другой, хотя съ трудомъ, но кое-какъ объяснилъ, что они присланы посланникомъ царя и хотѣли бы поговорить съ губернаторомъ города. Сопровождаемые любопытными взглядами прохожихъ, они были проведены къ губернатору, маркизу Сенъ-Пэ, которому объяснили, что одинъ изъ нихъ зовется Романомъ Яглинымъ и служитъ переводчикомъ, а его спутникъ—Андреемъ Сидоровымъ. Онъ объявилъ, что Петръ Ивановичъ Потемкинъ и его совѣтникъ, Семень Румянецъ, чрезвычайные посланники царя всей Руси, прибыли къ могущественному королю Франціи, Людовику XIV, въ сопровожденіи свиты въ пятьдесятъ человекъ съ предложеніемъ братской любви и согласія, и находятся въ Ирунѣ, на границѣ Франціи. Они просили, чтобы ихъ приняли, дали помѣщеніе, кормили и переправили въ Парижъ за счетъ короля. Сенъ-Пэ, со свойственной французамъ любезностью, рассыпался въ привѣтствіяхъ, но заявилъ, что ему не дано никакихъ приказаній, и онъ напишетъ и спроситъ совѣта у своего іерархическаго начальника, маршала Грамона. Для этого потребуется четыре или пять недѣль, въ теченіе которыхъ онъ не можетъ имъ дать ни одного эку и даже лошади. При этомъ онъ указалъ имъ на Байону, гдѣ они могутъ достать хорошія квартиры и очень недорого.

Получивъ такой отвѣтъ, они вернулись къ Потемкину и сообщили ему.

Петръ Ивановичъ Потемкинъ былъ среднихъ лѣтъ, толстый, съ большою бородою и интеллигентнымъ выраженіемъ лица. Характеръ

¹⁾ Comment on recevait les russes en France en 1668. 14 decembre 1902.

его,—говорить Батиффоль,—былъ крутой, при чемъ онъ билъ своихъ людей. Узнавъ о результатѣ переговоровъ, онъ поморщился, такъ какъ былъ человѣкомъ крайне расчетливымъ. Остаться въ Ирунѣ было невозможно; приходилось перебраться во Францію. Самый непріятный вопросъ былъ денежный. Потемкинъ выѣхалъ изъ Москвы почти безъ средствъ, рассчитывая прожить на счетъ иностранныхъ государей.

Испанскій король давалъ ему на содержаніе 150 эку въ день, и ему удалось прикупить нѣсколько пистолей въ теченіе семи мѣсяцевъ, которые онъ провелъ въ Испаніи, ожидая мира съ Франціей. Ихъ не могло хватить на долгое время. Однако ничего другого не оставалось, какъ пуститься въ путь.

2-го іюля, русское посольство, верхами, въѣхало въ Байону. Потемкинъ былъ въ богатомъ кафтанѣ изъ восточной матеріи съ золотыми галунами съ саблею на боку и въ мѣховой шапкѣ. Его свита была одѣта такъ же и походила на азіатовъ. Это зрѣлище привлекло толпу. Посольство прибыло утромъ и остановилось въ приличной гостиницѣ. Хозяинъ тотчасъ же вѣжливо обратился къ нимъ, предлагая заказать завтракъ. Потемкинъ, ни слова не говорившій по-французски, отказался, сославшись на то, что въ этотъ день на его родинѣ воздерживаются отъ пищи.

Завтрака никто не потребовалъ; вечеромъ же посольскіе повара принялись готовить для всѣхъ обѣдъ, что сильно разсердило хозяина гостиницы, и онъ сталъ возражать, говоря, что брать обѣды надо у него, какъ это дѣлаютъ всѣ. Для избѣжанія непріятностей посланникъ согласился отобѣдать вечеромъ. Обѣдъ былъ жидковатый изъ немногихъ блюдъ и малаго количества вина. Послѣ обѣда Потемкинъ съ безпокойствомъ спросилъ, что слѣдуетъ заплатить. «Пятьдесятъ эку»,—отвѣчалъ хозяинъ. Посланникъ разсердился и сказалъ, что у такихъ разбойниковъ оставаться нельзя. На другой день они рѣшили покинуть Байону и направились въ Бордо, рассчитывая, что Людовикъ XIV наконецъ далъ распоряженія.

На другое утро Сень-Пэ, опять разсыпаясь въ любезностяхъ, явился къ Потемкину и одобрилъ мысль покинуть Байону, но повторилъ опять, что не знаетъ, чрезъ сколько времени придетъ распоряженіе короля. Затѣмъ самымъ любезнымъ тономъ онъ заявилъ имъ, что таможенные требуютъ списка вещей посольства и обозначенія подарковъ, прежде чѣмъ опредѣлить пошлину, на которую они имѣютъ право.

Потемкинъ покраснѣлъ отъ стыда. Никогда и ни въ одномъ государствѣ не случалось подобнаго униженія ни съ какимъ посланникомъ, и ему никогда не приходилось переносить такой выходки. Посланникъ отвѣтилъ, что онъ не купецъ, и съ нимъ нѣтъ товаровъ. Сень-Пэ удалился довольно смущеннымъ.

Черезъ нѣсколько времени къ Потемкину явился одинъ изъ офицеровъ Сенъ-Пэ и объявилъ, что таможенные агенты согласны ничего не требовать, но мѣстные провинціальныя таможенные чиновники настаиваютъ на пошлинѣ. Онъ самъ пришелъ потребовать сто золотыхъ, при чемъ говорилъ съ Потемкинымъ нажално и дошелъ до того, что заявилъ: «вы должны быть счастливы, такъ какъ французы могли бы взять два образа Спасителя и Божіей Матери, осыпанные драгоценными каменьями».

Взбѣшенный донельзя Потемкинъ бросилъ ему въ лицо сто золотыхъ. Послѣ этой сцены русскіе сѣли на лошадей и двинулись въ Бордо.

Черезъ три дня они достигли маленькой деревеньки Градиньонъ, близъ Бордо, гдѣ остановились. Снова Яглинъ и Сидоровъ отправились къ губернатору, маркизу Сенъ-Люкъ, съ тѣмъ же порученіемъ, съ какимъ обращались къ Сенъ-Пэ. Губернаторъ очень удивился и заявилъ, что никакихъ распоряженій не было отдано королемъ, и онъ не можетъ потратить на нихъ ни одного эку, но если имъ нужна хорошая гостиница, то онъ можетъ указать. Самое маленькое помещеніе стоило пятьдесятъ эку.

Узнавъ объ этомъ, Потемкинъ отказался платить такую цѣну и рѣшился расположиться лагеремъ въ открытомъ полѣ. Раскинули палатки; привязали лошадей, и вскорѣ образовался настоящій лагерь.

Узнавъ объ этомъ, жители Бордо массами бросились полюбоваться на это зрѣлище. Пришлось отрядить для поддержанія порядка десять солдатъ.

Сенъ-Люкъ тотчасъ же послалъ эстафету въ Парижъ, чтобы предупредить правительство, и два дворянина явились отъ него привѣтствовать посольство, за что Потемкинъ ихъ благодарилъ. Это была первая любезность, оказанная русскому посланнику французами.

Узнавъ объ энергичномъ рѣшеніи русскаго посольства, всѣ удивились въ Парижѣ. Въ совѣтѣ поднялись споры. Людовикъ XIV, тогда сравнительно еще молодой король, — ему было тридцать лѣтъ, — былъ польщенъ вниманіемъ, оказываемымъ ему со стороны иноземнаго государя. Но онъ все-таки не придавалъ важности вниманію великаго князя Московіи, — какъ называли русскаго государя, не желая величать его царемъ, — и его дикихъ бояръ.

Однако, рѣшили, что съ ними обойдутся, какъ со всѣми послами, и уплатятъ издержки, о чемъ просилъ Потемкинъ, а также приставятъ къ посольству офицера во время пребыванія посланника во Франціи. 9-го августа, офицеръ Катё пріѣхалъ въ Градиньонъ. Посольство состояло изъ 55 человекъ. Совѣтникъ или дьякъ Симеонъ Румянцевъ былъ назначенъ къ Потемкину, чтобы замѣнять его на случай болѣзни. Они никакъ не могли согласиться относительно своего взаимнаго положенія и постоянно ссорились. Во все время путешествія они не обѣдали за однимъ столомъ и не ѣздили въ

одномъ экипажѣ. Сынъ Потемкина, дворяне, секретари, слуги и два священника входили въ составъ свиты. Яглинъ оказался плохимъ переводчикомъ, и были принуждены прибѣгать къ помощи другого, Ивана Гозена, уроженца Курляндіи, который зналъ только латинскій языкъ.

Катѣ держалъ себя порядочно относительно посольства, привѣтствовалъ Потемкина отъ имени короля и предупредилъ его, что все готово для поѣздки въ Парижъ за счетъ короля. Телѣжки, лошади и кареты—все было приготовлено. Потемкинъ наконецъ свободно вздохнулъ и поблагодарилъ, приказавъ подать прохладительнаго. Сень-Люкъ одолжилъ свои три экипажа, Катѣ нанялъ еще четыре; кромѣ того, наняли болѣе пяти телѣжекъ и еще верховыхъ лошадей.

Черезъ четыре часа они вѣзжали въ Бордо. Пятьдесятъ городскихъ стражниковъ ожидали ихъ у заставы, чтобы эскортировать. По прибытіи въ Бордо они отправились въ нанятое для нихъ помѣщеніе. Первымъ долгомъ, какъ только начали устраиваться въ новомъ помѣщеніи, одинъ изъ священниковъ поставилъ на столъ въ комнатѣ Потемкина золоченый крестъ вышиною въ одинъ футъ, въ которомъ былъ вдѣланъ кусочекъ Животворящаго Креста. Вокругъ онъ помѣстилъ иконы Спасителя, Божіей Матери, Николая Чудотворца и другихъ святыхъ, а также три толстые «молитвенника», какъ называетъ ихъ Батифоль, и «четыре стакана съ восковыми свѣчами, которыя зажигались во время молитвъ».

При каждой остановкѣ повторялось то же самое. Городскіе старшины являлись къ посольству съ поклономъ и подарками. На вопросъ, какой подарокъ имъ сдѣлаетъ болѣе удовольствія, русскіе отвѣтили: «вино и водка», а потому въ каждомъ городѣ, гдѣ они останавливались, имъ дарили того и другого. Въ Бордо къ этому прибавили варенье и рѣчи. Произнося ихъ, они называли царя великимъ княземъ Московіи, и Потемкинъ прерывалъ ихъ, говоря, что не потерпитъ другого титула, какъ «его величество царь».

Сень-Люкъ тоже хотѣлъ явиться съ визитомъ, но на его вопросъ, посѣтитъ ли его Потемкинъ, послѣдній сказалъ, что не оплатитъ ему тѣмъ же, такъ какъ получилъ приказъ отдать первый визитъ королю. Губернаторъ разобидѣлся и не явился. Потемкинъ послалъ ему въ подарокъ нѣсколько шкуръ мѣха, но Сень-Люкъ не принялъ ихъ.

Вечеромъ былъ данъ большой обѣдъ, заказанный де-ля-Гардомъ, посланнымъ королемъ для распоряженія расходами посла. Обѣдъ былъ постный, такъ какъ у русскихъ начался постъ, и подавалась только рыба на постномъ маслѣ. Катѣ это очень надоѣло. Послѣ обѣда на дворѣ помѣщенія былъ данъ концертъ на трубахъ и барабанахъ, что очень понравилось имъ.

13-го августа, въ 8 часовъ вечера, посольство покинуло Бордо, и сѣло на судно, которое направлялось по Гароннѣ въ Блей, куда

прибыло ночью. Тамъ они отдыхали цѣлый день, послѣ чего, не спѣша, поѣхали въ Парижъ.

Этотъ путь потребовалъ двѣ недѣли. Повсюду городскіе старшины являлись къ нимъ съ привѣтствіемъ и подносили въ подарокъ вино. Въ Понѣ русскіе четыре часа молились на колѣняхъ по случаю праздника Преображенія Господня. Въ Блуа обѣдъ разстроился по случаю гнѣва Потемкина, поссорившагося съ однимъ дворяниномъ изъ его свиты. Онъ вздумалъ дать ему нѣсколько ударовъ палкой въ наказаніе и просилъ всѣхъ выйти, чтобы на на свободѣ учинить расправу.

Здѣсь онъ встрѣтилъ одного доминиканца поляка, Урбановскаго, находившагося въ Люблинѣ во время знаменитой осады, веденной Потемкинымъ. Обрадованный посланникъ уговорилъ его покинуть монастырь и слѣдовать за нимъ въ качествѣ переводчика. Урбановскій согласился.

Въ Орлеанѣ наступило окончаніе поста, и постныя кушанья подавались по средамъ и пятницамъ. Здѣсь они съ удовольствіемъ угощались мѣстнымъ виномъ и коньякомъ, предложенными въ видѣ подарка городскими старшинами.

Но, несмотря на скоромные дни, немалое затрудненіе представлялось кормить русскихъ, такъ какъ кроликами и зайцами они пренебрегали, находя ихъ слишкомъ грубымъ кушаньемъ; голубей же они считали слишкомъ невинными, чтобы кушать; теленка тоже не ѣли, если ему было менѣе года. Имъ надо было подавать птицъ, утокъ и поросятъ.

Въ Бургъ-ла-Ренѣ они остановились, чтобы ожидать инструкцій двора. Ихъ устроили въ домахъ.

29-го, проводникъ посланниковъ Берлизъ явился привѣтствовать Потемкина отъ имени короля. Онъ спросилъ его о здоровьѣ, что доставило Петру Ивановичу удовольствіе, затѣмъ онъ просилъ его вручить вѣрительныя грамоты. Потемкинъ отвѣтилъ, что этимъ ему доставляютъ неудовольствіе, такъ какъ у него нѣтъ ихъ. У него только письмо царя къ королю, содержанія котораго онъ не знаетъ. При этомъ онъ показалъ свой посольскій паспортъ. Что касается письма царя, то онъ вручитъ его собственноручно королю, если же нельзя видѣть короля, то онъ тотчасъ же уѣдетъ обратно. Берлизъ пожелалъ увидѣть списокъ лицъ, составляющихъ посольства. Потемкинъ возмутился и спросилъ, для чего это требуется. Тогда проводникъ пословъ извинился тѣмъ, что если бы король былъ официально увѣдомленъ о прибытіи посольства, то этого не случилось бы. На это посланникъ отвѣтилъ, сославшись на громадное разстояніе, и Берлизъ болѣе не настаивалъ. Министры Лъоннъ и Кольберъ, освѣдомленные объ этомъ, рѣшили обойти означенный вопросъ.

Черезъ день русское посольство въѣхало въ Парижъ. Маршалъ Беллефонъ былъ посланъ за Петромъ Ивановичемъ Потемкинымъ.

Черезъ 4 часа онъ пріѣхалъ въ Бургъ-ла-Ренъ съ каретами короля, королевы и шестью другими парадными экипажами, изъ которыхъ два принадлежали ему, а четыре его друзьямъ. Всѣ они были запряжены шестью лошадьми. Съ трудомъ могли заставить русскихъ принять маршала, какъ того требовалъ французскій этикетъ. Секретари должны были встрѣчать его у дверей, русскіе дворяне въ сѣняхъ, а посланникъ въ дверяхъ своей комнаты. При этомъ французы отнеслись къ русскимъ иронически.

Наконецъ, составился кортежъ; къ параднымъ экипажамъ еще прибавили 8 наемныхъ, которые нагрузили слугами. Остальные ѣхали верхами такъ же, какъ и офицеры, сопровождавшіе Беллефона. Потемкинъ былъ въ великолѣпномъ парчевомъ кафтанѣ и собольей шапкѣ съ султаномъ. По дорогѣ онъ разбрасывалъ мелкія деньги бѣднымъ.

На встрѣчу имъ никого не попадалось; въ Парижѣ прохожіе останавливались, чтобы посмотреть на русскихъ. Потемкинъ приготовился раскланываться, чтобы привѣтствовать народъ, ожидая увидѣть множество любопытныхъ. Но, по словамъ Батиффоля, ничего подобнаго не было. Потемкинъ былъ раздосадованъ и показался въ окнѣ кареты только 3 раза. Его успокоивали, ссылаясь на то, что парижане не были предупреждены, и что съ послами другихъ самыхъ важныхъ королей Европы было бы такъ же.

Посольство повезли въ домъ, предназначенный для русскихъ, находившійся въ улицѣ Турнонъ, гдѣ теперь помѣщаются казармы муниципальной гвардіи. Маршалъ Беллефонъ проводилъ Потемкина до его комнаты. Посланникъ же поступилъ противъ этикета, не проводивъ маршала до кареты.

Въ продолженіе трехъ дней повара и *maîtres d'hôtel*, присланные королемъ, кормили русскихъ, совершенно не выходявшихъ изъ дома. На четвертый день должно было состояться официальное представленіе королю, но не въ Луврѣ, гдѣ производились въ это время работы, а въ Сенъ-Жерменѣ. Еще наканунѣ Берлизъ явился къ русскому посланнику, чтобы предупредить его о подробностяхъ программы церемоніи. При его прибытіи было дано распоряженіе подать парадный завтракъ до аудіенціи, но Потемкинъ, побаивавшійся, чтобы не выпить лишняго, настаивалъ на завтракѣ послѣ королевскаго приѣма. Узнавъ объ этомъ, Людовикъ XIV согласился.

4 сентября, въ 8 часовъ утра, за Потемкинымъ пріѣхали верхами маршалъ Беллефонъ, въ сопровожденіи Берлиза и кавалеристовъ. Шесть золоченыхъ каретъ перевезли главныхъ лицъ; второстепенныя же шли пѣшкомъ. Кортежъ, по словамъ Батиффоля, былъ очень живописенъ, благодаря богатымъ азіатскимъ костюмамъ, но любопытныхъ опять собралось мало.

Въ Сенъ-Жерменѣ ихъ приняли съ музыкой не въ старомъ замкѣ, а въ новомъ, болѣе не существующемъ. По дорогѣ къ замку

была разставлена шпалерами, въ три ряда, французская гвардія; копыносцы держали бердыши свободно; правая рука ихъ лежала на рукояткѣ шпаги, а правая нога была выставлена впередъ; мушкетеры стояли съ пищалями, горизонтально закинутыми на лѣвое плечо, и казались воинственными въ своихъ синихъ съ краснымъ мундирахъ. При появленіи посольства забили барабаны и заиграли флейты. Кorteжъ остановился на дворѣ, гдѣ находились кухни.

Приведенные въ апартаменты графа де-Людь, перваго камергера короля и губернатора Сень-Жермена, русскіе занялись приведеніемъ въ порядокъ туалета. Затѣмъ составила процессія. Впереди шель дворянинъ, неся шпагу, украшенную драгоценными камнями и предназначенную въ подарокъ королю. Затѣмъ слѣдовали два секретаря, за ними пятнадцать русскихъ слугъ несли подарки, состоявшіе изъ мѣховъ, парчи и дамасскихъ ножей. Потомъ шель секретарь, торжественно неся на пурпуроваго цвѣта тафтѣ письмо царя. Посланникъ и свита замыкали шествіе. Разставленные шестьсотъ гвардейцевъ дѣлали имъ честь, а на ступеняхъ подъѣзда по обѣимъ сторонамъ выстроенные въ рядъ сто швейцарцевъ отдавали честь. При шествіи посольства затрубили трубы.

У подъѣзда церемоніймейстеры Родесъ и Сенкто принимали посольство. Поднявшись по ступенямъ, они были встрѣчены у входа капитаномъ дежурнаго гвардейскаго отряда, маркизомъ Жевромъ, который привѣтствовалъ посольство и пошелъ во главѣ процессіи. На тронѣ, возвышавшемся на четыре ступени, съ голубымъ балдахиномъ, возсѣдалъ Людовикъ XIV въ шляпѣ. Направо отъ него находился дофинъ, а налѣво стоялъ съ обнаженной головою герцогъ Орлеанскій; тронъ окружали придворные.

Потемкинъ остановился у подножія трона, снялъ свою шапку, и отдалъ низкій поклонъ. Король всталъ, снялъ шляпу, привѣтствуя его, потомъ опять надѣлъ ее и снова сѣлъ. Тогда Потемкинъ приблизился, снова низко кланяясь, и заговорилъ. Его фразы переводились сначала Гозеномъ на латинскій языкъ, затѣмъ Урбановскій перевелъ ихъ на французскій языкъ. Это продолжалось долго, послѣ чего онъ подалъ письмо. Людовикъ XIV слушалъ чтеніе письма, стоя и обнаживъ голову.

Пріемъ французскаго короля на этотъ разъ не вызвалъ у русскаго посланника никакихъ упрековъ относительно чинопочитанія. Король три раза вставалъ, когда произносилось имя царя, и выслушалъ стоя чтеніе письма царя. Въ письмѣ указывалось на необходимость для Московскаго государства поддерживать миръ съ своими сосѣдями, Швеціей и Польшею. Но главное требовалась помощь Франціи, чтобы остановить нашествіе турокъ.

Послѣ чтенія письма король всталъ и спросилъ: «Какъ здоровье любезнѣйшаго нашего брата, его величества царя и великаго

князя Алексѣя Михайловича?». Это почтительное отношеніе къ царю очень польстило Потемкину. По прочтеніи письма царя, Потемкинъ подалъ его королю. Послѣдній опять обнажилъ голову, всталъ, снялъ перчатку и, взявъ письмо, держалъ его все время, пока длилась аудіенція.

Затѣмъ очередь дошла до поднесенія подарковъ. Каждый изъ лицъ, несшихъ подарокъ, подошелъ поочередно къ королю. При этомъ подарки Потемкинъ подалъ не отъ царя, а отъ своего имени. Первой была поднесена превосходной работы сабля, осыпанная драгоценными камнями. При этомъ онъ польстилъ королю, сказавъ, что проситъ принять самое дорогое, что онъ имѣетъ, т. е. его саблю, съ помощью которой онъ одержалъ много побѣдъ. Затѣмъ послѣдовали дамасскія сабли, украшенныя бирюзами и яшмой; шкуры соболей и бобровъ, мѣха чернубурой лисицы и горноста, подкладки на шубы изъ рѣдкаго мѣха, муфта и перчатки изъ соболя и т. д. Каждому изъ подносившихъ король давалъ цѣловать свою руку, благодаря ихъ за подношенія.

Послѣ этой церемоніи русское посольство низко поклонилось королю и вышло изъ тронной залы, сопровождаемое до залы гвардейцевъ маркизомъ Жевромъ, а до подъѣзда церемоніе-мастеромъ. На ступеняхъ ихъ ожидали носилки, которыя доставили посольство въ апартаменты графа де-Людь. Тамъ былъ приготовленъ для нихъ парадный завтракъ подъ предсѣдательствомъ маршала Беллефона. При этомъ всѣ перепились. По окончаніи трапезы Потемкинъ всталъ, снялъ шапку и сказалъ рѣчь, полную лестныхъ любезностей по адресу французовъ, пожелавъ здоровья царю, королю, королевѣ и всѣмъ членамъ королевскаго и царскаго дома. Около 5 часовъ вечера они отправились обратно въ Парижъ.

Черезъ три дня русское посольство снова отправилось въ Сенъ-Жерменъ. На этотъ разъ цѣль его визита была дѣловая. Короля они видѣли не болѣе двухъ минутъ и безъ пышной церемоніи. Затѣмъ они прошли въ залу совѣта, гдѣ ихъ ожидали Льоннъ, Кольберъ и Вилльруа. Усѣвшись вокругъ стола, они повели переговоры. — «Король, — говорили министры, — прочиталъ письмо, написанное царемъ, но чего же еще требуютъ посланники?» — «Во-первыхъ, — отвѣтили русскіе — установить дружественныя отношенія и братскую дружбу между двумя государствами, а для того требуется послать въ Москву посольство, которое будетъ дружественно принято. Во-вторыхъ, установить коммерческія сношенія». — «Но, — спросилъ Кольберъ, — какое облегченіе сдѣлаете вы нашимъ купцамъ, которые отправятся въ Россію? Есть ли у васъ проектъ коммерческой регламентаціи?» У посольства этого проекта не было, и оно не имѣло права его дѣлать. — «Такъ какую же торговлю можно съ вами вести?» — возразилъ Кольберъ: — «какіе товары можно купить и какіе пересылать и въ какой портъ?» — «Въ Архан-

гельскѣ, — отвѣтило посольство, — купцы могутъ все покупать и продавать, уплативъ пошлину». Послѣдовалъ споръ между обѣими сторонами. Французскіе министры требовали положительныхъ предложеній, написанныхъ самимъ Потемкинымъ. Но русскіе были осторожны и стояли на своемъ, что имъ поручены только извѣстные переговоры. «Французскому посланнику, предназначенному отправиться въ Москву, — говорили они: — довѣрили бы опредѣлить и назначить условія». Министры не настаивали, увѣряя русскихъ, что король искренно желаетъ серьезнаго союза съ русскимъ царемъ. При этомъ они прибавили, что король скоро отправится въ Шамборъ. Потемкинъ потребовалъ отвѣтнаго письма царю отъ Людовика XIV. Онъ просилъ ихъ только не спутывать титула, выписать его весь, а копию на латинскомъ языкѣ дать ему, Петру Ивановичу Потемкину, заранѣе, чтобы онъ могъ провѣрить, нѣтъ ли ошибокъ. Льоннъ пообѣщалъ Потемкину исполнить просьбу, а Кольберъ сказалъ посланнику, что ему будетъ возвращена сумма, которую онъ уплатилъ байонской таможенѣ. Тѣмъ разговоръ и кончился.

Опять русскимъ подали, какъ и въ первый день королевской аудіенціи, хорошей завтракъ, и французская гвардія отдавала имъ честь.

Остальные дни посольство занялось ознакомленіемъ съ Парижемъ. Черезъ день послѣ переговоровъ съ министрами они отправились въ экипажахъ осматривать Венсенскій замокъ, а на обратномъ пути Тюильри. Потемкинъ воздерживался высказывать свое мнѣніе о всемъ видѣнномъ, ссылаясь на простую сдержанность. Батиффоль же говоритъ, что онъ просто не вынесъ никакого впечатлѣнія, доказательствомъ чему служить его отчетъ объ этомъ путешествіи.

13-го августа, они отправились на фабрику гобеленовъ, гдѣ Лебрёнъ, «превосходный художникъ», какъ отозвался о немъ Потемкинъ, предложилъ имъ завтракъ. Оттуда они направились въ Лувръ, который наскоро осмотрѣли, а также королевскія кладовыя, гдѣ хранилась мебель короля, которой хотѣли похвастаться французы. Но Потемкинъ отвѣтилъ имъ, «что у него на родинѣ есть такія же прекрасныя вещи». Передавъ его фразу, переводчикъ прибавилъ отъ себя громко по-французски, что это неправда, и Петръ лгунъ.

15-го, они отправились въ Версаль, гдѣ завтракали и все осмотрѣли, а вечеромъ возвратились черезъ Сентъ-Клу, чтобы остановиться въ замкѣ герцога Орлеанскаго и полюбоваться на фонтаны.

16-го, они посѣтили французскую комедію. Труппа квартала Марэ сыграла для нихъ «*Les coups de l'amour et de la fortune*», сочиненіе Буаробера. Во время спектакля посланники потребовали вина и выпили его много. На слѣдующій день ихъ повезли во французскую комедію, гдѣ давали «*Amphitryon*» съ танцами и превращені-

ями. Русскіе сидѣли около сцены. Имъ предложили фрукты свѣжіе и въ сахарѣ, но они отказались, выразивъ желаніе выпить вина.

Въ промежутокъ ихъ веселаго времяпровожденія Берлизъ привезъ имъ проектъ коммерческаго регламента изъ пятнадцати статей, составленныхъ Кольберомъ, который послѣ обѣщаній «союза и соглашенія, совершеннаго единомыслія, братской любви и согласія», могущихъ соединить въ будущемъ двухъ государей и ихъ наслѣдниковъ, обезпечивалъ купцамъ обѣихъ странъ свободу въѣзжать и находиться въ данномъ государствѣ, покупать и продавать, подчиняться общему праву, строить, нанимать, быть судимымъ консулами ихъ націи, а также исполнять свои религіозные обряды. Кольберъ настаивалъ, чтобы французы платили половину пошлины противъ англичанъ. На это Потемкинъ отвѣчалъ, что ему не дано право заключать какія либо условія, и для того надо отправить въ Москву къ царю французскаго посланника.

Послѣ этого разговора къ Потемкину стали являться всевозможные торговцы по приглашенію того же Кольбера. Его закидали вопросами: какой товаръ можно посылать въ Москву, въ какой портъ? Говорили объ Архангельскѣ, что тамъ ледъ стоитъ цѣлые полгода. Потемкинъ не допустилъ привоза водки и табака, но согласился на вино, красное и бѣлое, различныя матеріи и прочее. Относительно вывоза изъ Москвы онъ указалъ на мѣха, кожу, сало и пеньку.

Кущи обѣщали въ слѣдующемъ году прислать въ Архангельскъ корабль.

Наконецъ, 20-го сентября, Берлизъ извѣстилъ, что 23-го король дастъ русскому посольству прощальную аудіенцію и вручить отвѣтное письмо царю, такъ какъ на слѣдующій день онъ уѣдетъ въ Шамборъ. Потемкинъ заволновался вслѣдствіе того, что ему не давали для просмотра требуемой имъ заранѣе латинской копии. Проводникъ при посольствѣ заявилъ ему, что у нихъ этого никогда не дѣлается. Потемкинъ разгнѣвался и воскликнулъ, что въ такомъ случаѣ онъ скорѣе дастъ отрубить себѣ голову, умретъ съ голоду, позволить себя разрубить на куски, но никогда не поѣдетъ на аудіенцію. Эта вспышка поставила втупикъ Берлиза, и онъ передалъ обо всемъ Льонну, который рѣшилъ на слѣдующій день послать ему латинскую копию.

Получивъ ее, Потемкинъ пришелъ въ восторженное состояніе: «цѣловалъ, ее, прикладывалъ ее къ своимъ глазамъ, къ головѣ и даже распростерся на полу». Въ довершеніе своего экстаза, онъ приказалъ подать бутылку вина, открылъ ее, разомъ проглотилъ вино за здоровье короля и разбилъ стаканъ, подбросивъ его къ потолку и говоря: «пусть такъ разобьются всѣ враги короля». Когда онъ успокоился, ему перевели копию, и онъ нашелъ, что титулъ императора невѣрно переданъ. Онъ началъ спорить и требо-

вать передѣлки. Въ тотъ же вечеръ съ цѣлью отъ него отдѣлаться изъ Сень-Жермена отвѣтили, что все переправятъ, и латинская копія будетъ вручена въ одно время съ письмомъ.

24-го, состоялась аудіенція съ тою же церемоніей, какъ первая. Въ 8 часовъ Беллефонъ пріѣхалъ за ними съ своими экипажами. Въ Сень-Жерменъ ихъ ожидали до 12 часовъ. Сначала маршалъ объявилъ Потемкину, что король возвращаетъ ему сто золотыхъ, заплаченныхъ таможи въ Байонѣ, послѣ чего его провели въ тронный залъ. Потемкинъ поблагодарилъ Людовика XIV за всѣ заботы, которыя его очень тронули. Король всталъ, обнажилъ голову и протянулъ два письма къ царю: одно на французскомъ языкѣ, другое въ переводѣ на латинскій языкъ. Затѣмъ онъ сказалъ нѣсколько любезностей о Петрѣ Ивановичѣ и о царѣ, тѣмъ и окончилась аудіенція.

Опять посольство отправилось къ графу де-Людъ завтракать. Первымъ дѣломъ Потемкина было выяснитъ себѣ содержаніе писемъ, а главное правильность титулованія. Латинскій текстъ былъ безукоризненно правильный, но во французскомъ текстѣ ничего не исправили. Петръ Ивановичъ такъ былъ взбѣшенъ, что отъ гнѣва заплакалъ. Беллефонъ сталъ его успокаивать и пообѣщалъ пойти къ королю и все устроить, пока они будутъ завтракать. Но рускіе упорно стояли на своемъ и отказались прикоснуться къ завтраку, пока не получатъ отвѣта. Нѣкоторое время спустя, Берлизъ сообщилъ, что король приказалъ вновь написать письмо и поставить всѣ титулы по порядку, ошибку будто бы сдѣлалъ писецъ, написавшій документъ.

Успокоенное посольство сѣло за столъ. Пили и ѣли много, но главное пили за здоровье, произнося рѣчи. Когда завтракъ приходилъ къ концу, вошелъ секретарь съ письмомъ. Потемкинъ открылъ его, посмотрѣлъ и моментально побагровѣлъ отъ гнѣва. Письмо не передѣлали, а зачеркнули ошибки, чтобы вписать требуемые титулы, и слово «самодержецъ всей Россіи» какъ разъ пришлось на зачеркнутомъ мѣстѣ. Это было оскорбленіе: посолъ не могъ принять такого письма.

Беллефонъ, которому наскучила вся эта исторія, возвратилъ секретарю письмо, приказавъ переписать.

Потемкинъ, уже подвыпившій, подошелъ къ маршалу Беллефону и сказалъ ему, что съ самаго начала его отношенія къ посольству были превосходны, а потому посолъ хочетъ оставить ему подарокъ. При этихъ словахъ онъ сорвалъ съ головы свою соболью шапку, нахлобучивъ ее маршалу до самаго носа. Беллефонъ былъ такъ этимъ пораженъ, что оцѣпенѣлъ. Придя въ себя, онъ вышелъ изъ неловкаго положенія, предложивъ свою простую шляпу Потемкину. Онъ даже не рассмотрѣлъ, что шапка была изъ дорогого соболя съ султанчикомъ изъ драгоцѣнныхъ камней большой цѣнности, и

только впоследствии узналъ объ этомъ. Посланникъ добавилъ, что перемѣна шапокъ выражаетъ русско-французскій союзъ.

Выйдя изъ-за стола, они отправились въ садъ полюбоваться великолѣпной волтижировкой одного негра. Когда они вернулись въ залъ, имъ принесли письмо, которое Урбановскій, наконецъ, нашелъ въ порядкѣ. Затѣмъ, полюбовавшись изъ окна на королевскую семью, отправляющуюся кататься со своей свитой, посольство поѣхало въ Парижъ.

Послѣдніе дни предъ отъѣздомъ русскіе посвятили покупкамъ. Потемкинъ ходилъ по магазинамъ, покупалъ себѣ часы и матеріи. Спутники его только посматривали, такъ какъ были бѣдняки. Король прислалъ имъ подарки: ковры, сукно, всячіе часы, ружья, пистолеты, шпаги. Потемкину, между прочимъ, король подарилъ портреты во весь ростъ: съ себя, королевы и дофина. Урбановскому онъ пожаловалъ 400 ливровъ, а Гозену 700 ливровъ. Всѣ были довольны, исключая Гозена, котораго Потемкинъ посадилъ на два дня подъ арестъ за то, что онъ насмѣхался надъ нимъ.

Самъ Потемкинъ нещедро вознаградилъ Катё, подаривъ ему маленькій ножичекъ и мѣхъ, споротый съ собственнаго воротника на глазахъ француза.

26 сентября, посольство уѣхало обратно въ Москву. Опять при ихъ проѣздѣ, по словамъ Ватиффоля, улицы были пустыни, только случайные прохожіе съ любопытствомъ смотрѣли на этихъ «полуазіатовъ».

Поѣздка Потемкина не принесла практическихъ выгодъ, хотя лично посоль остался очень доволенъ пріемомъ и всѣмъ видѣннымъ во Франціи. Людовикъ XIV въ письмѣ къ царю въ общихъ фразахъ выражалъ желаніе развивать торговые обороты съ Московскимъ государствомъ и обѣщалъ охранять жизнь и собственность русскихъ купцовъ во Франціи, требуя того же въ Россіи для французскихъ коммерсантовъ. Но такъ какъ политическія заботы отвлекали царя, благодаря дѣламъ Малороссіи, поставившимъ его въ непріязненные отношенія къ Оттоманской имперіи, осложнившіяся положеніемъ, занятымъ Польшею и Швеціей въ отношеніи Россіи, и постоянными набѣгами на русскія владѣнія турокъ, то торговые сношенія съ Франціей не останавливали его вниманія, и онъ не далъ хода дѣлу заключенія торговаго трактата.

Впрочемъ, въ 1672 году, онъ отправилъ новаго посланнаго въ лицѣ голландца Виніуса опять съ просьбою къ королю прислать ему на помощь войска для войны противъ турокъ, но получилъ отказъ.

Однако, Людовикъ, находя для себя необходимымъ поддерживать спокойствіе «восточной барьеры», послалъ въ Москву, въ 1680 году, маркиза Бетюна, французскаго посланника въ Варшавѣ, въ качествѣ посредника между царемъ и польскимъ королемъ. Результатъ этого посольства остался неизвѣстенъ.

Но новому царю Θεодору Алексѣвичу вскорѣ представилась необходимость вновь послать посольство къ французскому королю, и въ 1681 году во Францію отбылъ опять Петръ Ивановичъ Потемкинъ, но уже не стольникъ, а воевода. Его сопровождали сынъ и дьякъ Степанъ Волковъ. Въ мартѣ они прибыли въ Калэ, гдѣ ихъ встрѣтилъ одинъ изъ придворныхъ, посланный имъ на встрѣчу королемъ.

Онъ доносилъ Людовику XIV, что «трудно ладить съ московскими послами, претензіи которыхъ чрезмѣрны; кромѣ того, они постоянно ссорятся между собою, доказывая, что онъ, Потемкинъ, одинъ посоль, а что Волковъ только дьякъ».

Въ маѣ посольство было принято торжественно королемъ и поднесло ему подарки, состоявшіе въ особенности изъ дорогихъ мѣховъ. Вышній пріемъ былъ блестящій и самый милостивый. Посольство жило на счетъ короля, и имъ доставляли всевозможныя развлечения. На этотъ разъ Потемкинъ уже смѣлѣе высказывалъ свое мнѣніе обо всемъ видѣнномъ, и часто его замѣчанія приводили въ удивленіе французовъ и вызывали ихъ улыбку.

Такъ при видѣ версальскихъ фонтановъ онъ будто бы воскликнулъ: «На землѣ были только Соломонъ и король французскій, которые отличались такимъ великолѣпіемъ, и Давидъ никогда съ нимъ сравниться не могъ». Масса воды, выбрасываемой фонтанами, вызвала у него наивный вопросъ: «Развѣ вся вода морей находится въ Версалѣ?» Когда же ему показали картину кисти Le Brun'a, на которой изображенъ Людовикъ XIV съ молніею въ рукахъ, то Потемкинъ весьма любезно замѣтилъ, что «нельзя было изобразить короля лучше, какъ въ видѣ Юпитера, такъ какъ ему присущи то же величество и то же могущество»¹⁾.

Вообще, по словамъ Флассана, Потемкинъ произвелъ на французовъ, имѣвшихъ съ нимъ сношенія, очень хорошее впечатлѣніе. Его считали благовоспитаннымъ и умнымъ, хотя все-таки на него смотрѣли, какъ на посла варварской страны, которая не считала нужнымъ «связать свои политическіе интересы съ интересами Западной Европы».

И это посольство Потемкина не имѣло практическаго результата. Хотя самъ Потемкинъ предложилъ возобновить переговоры о заключеніи коммерческаго трактата и просилъ о назначеніи уполномоченныхъ отъ французскаго правительства, король отвѣтилъ, что его предложеніе сообщать французскимъ купцамъ, имѣющимъ сношенія съ сѣверными странами. Тотъ же отвѣтъ Людовикъ XIV сообщилъ царю въ письмѣ, врученномъ Потемкину 11 мая 1681 года на прощальной аудіенціи.

¹⁾ Histoire de la diplomatie française, par Flasseau, t. IV.

Такъ этотъ вопросъ и остался не рѣшеннымъ въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, потому что въ 1682 году онъ скончался, не успѣвъ выяснитъ его.

Только въ царствованіе Людовика XV Россія стала мало-помалу имѣть значеніе для Франціи, благодаря побѣдамъ Петра I, хотя все еще на нее смотрѣли, какъ на страну варваровъ. Петръ впервые водворилъ въ Парижѣ политическаго агента въ 1703 году, которому немало пришлось потрудиться, чтобы дать вѣрное понятіе о Россіи, такъ какъ клеветы шведовъ и поляковъ ему въ этомъ препятствовали. Такимъ образомъ поворотъ во мнѣніи и въ сношеніяхъ Европы относительно Россіи относится ко времени Петра I.

Прошло девяносто лѣтъ со времени знаменитаго пожараща Москвы въ 1812 г., а вопросъ, кто сжегъ Москву: французы, случай или самъ генераль-губернаторъ Растопчинъ, все еще не былъ окончательно рѣшенъ.

Обыкновенно говорили, что Москву сожгли французы, и даже самъ Александръ I писалъ Бернадоту 19 сентября 1812 года: «*Furieux de n'avoir pas trouvé à Moscou ni les richesses qu'il convoitait, ni la paix qu'il esperait y dicter, il a fait brûler cette belle capitale, qui ne presente plus maintenant qu'un monceau de cendres et de décombres*» ¹⁾. («Взбѣшенный, что не нашель въ Москвѣ ни богатства, котораго онъ жаждалъ, ни мира, надѣясь продиктовать его самъ, онъ сжегъ эту прекрасную столицу, которая теперь представляетъ лишь груды пепла и развалинъ»).

Самъ Растопчинъ въ своей знаменитой брошюрѣ: «Правда о пожарѣ Москвы», напечатанной десять лѣтъ спустя, въ 1823 г., предъ его возвращеніемъ въ Россію изъ-за границы, уже не задолго предъ смертью, говорилъ, отрекаясь отъ роли героическаго поджигателя: «Не правы, что не вѣрятъ моимъ словамъ, разъ я отказываюсь отъ самой прекрасной роли эпохи и самъ разрушаю зданіе моей извѣстности».

Что же касается нашего почтеннаго историка Шильдера ¹⁾, то онъ отрицаетъ умышенное сожженіе Москвы французами и приводитъ слѣдующее доказательство. «Когда, 2 сентября, Наполеонъ прибылъ къ Драгомиловской заставѣ, онъ ожидалъ найти тамъ депутацію съ мольбою о пощадѣ города, но вмѣсто того получилъ донесеніе объ оставленіи Москвы жителями. «Москва опустѣла! Какое невѣроятное событіе! Надо удостовѣриться въ этомъ. Ступайте и приведите мнѣ бояръ»,—сказалъ онъ Дарю, отправляя его въ городъ. Вмѣсто бояръ собрали нѣсколько иностранцевъ, которые подтвердили вѣсть объ оставленіи Москвы почти всѣми жителями. Переночевавъ въ предмѣстьѣ, Наполеонъ, утромъ, 3-го, перенесъ главную квартиру въ Кремль. Но здѣсь его ожидало еще болѣе непредви-

¹⁾ «Императоръ Александръ I», Шильдера, томъ III.

дѣльное событіе. Начавшіеся наканунѣ пожары не прекращались, и въ ночь съ 3-го на 4-е сентября огонь, гонимый сильнымъ вѣтромъ, охватилъ большую часть города. Въ полдень пламя достигло Кремля, и Наполеонъ принужденъ былъ искать убѣжища въ Петровскомъ дворцѣ, гдѣ онъ оставался до 6-го сентября, когда пожаръ началъ стихать. Девять десятыхъ города сдѣлалось добычею пламени, грабежъ довершилъ бѣдствія оставшихся тамъ жителей».

Когда Наполеонъ увидѣлъ изъ Кремля пожаръ, то произнесъ: «*Ceci nous presage les plus grands malheures*». Эта фраза опровергаетъ высказанное Александромъ обвиненіе Наполеона въ поджогѣ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ генераль французской арміи, баронъ Дедемъ¹⁾, участвовавшій въ войнѣ 1812 г., говоритъ, что пожаръ устроили не французы: «Между 6-ю и 7-ю часами вечера раздался страшный взрывъ со стороны Калужской заставы. Это былъ пороховой погребецъ, который взорвалъ непріятель, и, какъ оказалось, это было условленнымъ знакомъ, такъ какъ, минутою спустя, я видѣлъ множество ракетъ. Чрезъ полчаса огонь показался въ различныхъ кварталахъ города, а главное въ Владимирскомъ предмѣстьѣ, гдѣ генераль Дюфуръ и я заняли себѣ дома. Какъ только я убѣдился, что насъ хотятъ поджарить въ городѣ, я рѣшилъ сейчасъ же присоединиться къ дивизіи, которая расположилась бивуакамъ на Владимирскомъ трактѣ, подъ стѣнами города, и я устроилъ мою главную квартиру на мельницѣ. Я былъ увѣренъ, что насъ тамъ не сожгутъ. Вѣтеръ былъ жестокой и холодный. Надо было ослѣпнуть, чтобы не видѣть этого сигнала войны на смерть, и все мнѣ говорило о намѣреніи русскихъ сжечь весь городъ, а насъ затянуть въ глубину Россіи. Прусскій король, какъ вѣрный союзникъ и другъ мира, предсказалъ Наполеону все, что съ нами случилось, и что насъ еще ожидало. Мы нашли самые лучшіе дворцы заброшенными, нѣкоторые изъ нихъ были покинуты лишь нѣсколько минутъ предъ нашимъ приходомъ. Лакей одной княгини узналъ меня, такъ какъ видѣлъ въ Италіи; онъ подошелъ ко мнѣ и просилъ, ради Бога, спасти домъ. Его хозяйка уѣхала только часъ назадъ. Я велѣлъ лакею сломать письменный столъ, въ которомъ, какъ онъ мнѣ сказалъ, лежали бумаги. Я пообѣщавъ ему караулъ, который дѣйствительно послалъ, но онъ не нашелъ болѣе дворца и оставался нѣсколько дней, блуждая въ этомъ громадномъ пустынномъ городѣ. На другой день прекрасный дворецъ былъ сожженъ такъ же, какъ и генерала Дурасова, въ которомъ осталось множество слугъ. Такъ какъ эти добрые люди повторяли мнѣ, что городъ будетъ сожженъ, чѣмъ они совсѣмъ не были довольны, и такъ какъ они молили о моей помощи, то я думалъ сначала, что они предполагаютъ это намѣреніе у французовъ, и хотѣлъ ихъ успокоить. Тогда они мнѣ

¹⁾ Mémoires du général, baron de Dedem de Gelder. 1774—1826. Paris. 1900.

объяснили, что оставлено болѣе тысячи людей, какъ поджигателей, и что графъ Растопчинъ приказалъ вывезти изъ Москвы всѣ пожарныя помпы, но они счастливо сохранили ихъ; они просили защиты у меня противъ русскихъ. Я не могъ послать ранѣе другого дня отрядъ, но прекрасный дворецъ уже былъ сожженъ. Наполеона сильно порицали за то, что онъ восхищался въ одномъ изъ своихъ бюллетеней этой катастрофой. Но онъ не могъ себя ни въ чемъ упрекнуть, и, конечно, онъ хотѣлъ бы сохранить Москву не изъ дружбы къ русскимъ, а ради своихъ выгодъ. Съ какой бы стороны ни разсматривали, будь это выраженіемъ великаго патріотическаго чувства, будь это безсильнымъ гнѣвомъ, но рѣшеніе, принятое русскими, сжечь Москву было дурно рассчитано: оно не имѣло и не могло имѣть никакого вліянія на судьбу арміи».

Многіе писатели и даже участники въ войнѣ 1812 года приписывали пожаръ Москвы случаю. Такъ графъ Толстой въ своемъ романѣ «Война и миръ» тоже ссылается на случай, неизбежно происшедшій бы во всякомъ городѣ съ деревянными постройками, съ какой нибудь деревней или фабрикой, покинутыми на произволъ и которыми завладѣлъ первый пришедшій человекъ.

Иностранные офицеры, принимавшіе участіе въ походѣ, какъ, на примѣръ, Зукровъ и другіе, обвиняли одинаково, какъ французовъ, такъ и русскихъ, разводившихъ костры, чтобы грѣться, а затѣмъ покидавшихъ мѣста стоянки, не позаботившись погасить костеръ.

Шильдеръ прямо высказывалъ мнѣніе, что Москву сжегъ Растопчинъ: «Уже къ ночи графу Растопчину было доставлено отъ Кутузова слѣдующее письмо: «Непріятель, отдѣлившій колонны свои на Звенигородъ и Боровскъ, и невыгодное здѣшнее мѣстоположеніе вынуждаютъ меня съ горестью Москву оставить. Армія идетъ на Рязанскую дорогу». Такимъ образомъ графъ Растопчинъ получилъ первое опредѣленное свѣдѣніе о намѣреніи Кутузова оставить Москву за нѣсколько часовъ до появленія французовъ въ виду столицы; при такихъ обстоятельствахъ московскій главнокомандующій сдѣлалъ все, что могъ, съ своей стороны и принялъ всѣ мѣры для зажженія города по выстуplenіи арміи».

Теперь, повидимому, окончательно выясненъ этотъ вопросъ, благодаря появившемуся въ «Revue de Paris» очерку графа Петра Сегюра, внука Растопчина, основанному на серіозныхъ документахъ. Такъ, на примѣръ, Сегюръ досталъ письма Растопчина къ Александру I, написанныя въ 1812 г. и врученныя автору лицомъ, не пожелавшимъ обнаружить своего имени, безъ сомнѣнія, извѣстнаго Сегюру. Кромѣ того, онъ воспользовался письмами Растопчина къ Воронцову и воспоминаніями Растопчина.

Онъ обрисовалъ личность своего дѣда очень характерно, рельефно выдѣливъ его высокой патріотизмъ, доходившій до рыцарскихъ

чертъ самопожертвованія и безкорыстія, и вмѣстѣ съ тѣмъ его увлекавшійся до самозабвенія духъ.

Начавъ свою карьеру скромнымъ поручикомъ, Федоръ Растопчинъ постепенно въ два года достигъ блестящаго положенія, благодаря привязанности къ нему Павла.

Дружба Павла къ Растопчину¹⁾ проявилась еще тогда, когда онъ находился въ опалѣ у Екатерины, и ему не оказывали должнаго уваженія. Послѣ финляндскаго похода Павла, Екатерина не скрывала своего невниманія къ нему, сосредоточивъ всю свою любовь и надежды на будущее на его сыновьяхъ, въ особенности на великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ, котораго она сама воспитывала и считала своимъ созданиемъ. Царедворцы Екатерины видѣли ея отношенія къ Павлу и поступали сами сообразно съ этимъ; тысяча мелочей придворной жизни представляли для этого удобные случаи. Раздраженіе великаго князя вызывало новыя оскорбленія его враговъ, явно смѣявшихся надъ его безсильнымъ гнѣвомъ. За большими людьми слѣдовали по своей низости и малые: такъ, камергеры, назначенные дежурить при маломъ дворѣ, манкировали своей службой при опальномъ наслѣдникѣ, и когда Растопчинъ, принужденный дежурить за своихъ товарищей, написалъ имъ по этому поводу оскорбительное письмо, то былъ уволенъ на время отъ службы по приказанію императрицы. Не избалованный вниманіемъ Павелъ Петровичъ былъ такъ тронутъ поступкомъ Растопчина, что съ тѣхъ поръ считалъ его самымъ преданнымъ себѣ человекомъ, хотя поступокъ Растопчина былъ вызванъ лишь тяжелою необходимостью нести тройную службу за лѣннихъ товарищей».

Когда съ Екатериной приключился апоплектичскій ударъ, то Александръ Павловичъ отправилъ Растопчина въ Гатчину сообщить объ этомъ событіи. Цесаревичъ встрѣтилъ его словами: «Ah! c'est vous, mon cher Rastopchin». И разспросивъ о происшествіи, приказалъ слѣдовать за собою, говоря: «J'aime à vous voir avec moi».

Растопчинъ рассказывалъ, что, прибывъ въ Петербургъ, онъ былъ «преисполненъ важности сегодня, преданъ будучи сердцемъ и душою тому, кто восходилъ на тронъ російскій, любя отечество и представляя себѣ сильно всѣ послѣдствія, всю важность перваго шага, всякаго онаго вліянія на чувство преисполненнаго здоровьемъ, пылкостью и необычнымъ воображеніемъ самовластнаго монарха, отвыкшаго владѣть собою, я не могъ воздержаться отъ повелительнаго движенія и, забывъ разстояніе между нимъ и мною, схвативъ его за руку, сказалъ: «Ah, Monseigneur, quel moment pour vous?» На это онъ отвѣчалъ, пожавъ крѣпко мою руку: «Attendez, mon cher, attendez! j'ai vecu quarante deux ans. Dieu m'a soutenu; peut

¹⁾ Шумигорскій. Русскій біографическій словарь. Павелъ I. 1902 г.

être donnera-t-il la force et la raison pour supporter l'état au quel il me destine. Espérons tout de sa bonté!»

Съ этого момента блестящая карьера Растопчина была обеспечена. Теперь на Растопчина посыпались милости и награды, и по словамъ Рожерсона, это былъ не дождь, а потопъ всякаго рода милостей. Сначала онъ былъ сдѣланъ генераль-адъютантомъ новаго императора, затѣмъ главнымъ директоромъ почтъ, членомъ государственнаго совѣта и наконецъ 17 октября 1798 г., когда ему исполнилось только 33 года, онъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Ему не доставало лишь княжескаго титула. Однажды Павелъ, желая его подразнить, спросилъ въ присутствіи придворныхъ.

— Почему вы не князь?

— Государь, — отвѣтилъ Растопчинъ, — потому что мои предки, явившіеся изъ татарщины, чтобы поселиться въ Россіи, пріѣхали сюда зимою.

— При чемъ же тутъ время года? — спросилъ императоръ.

— Государь, когда татарскіе вельможи появлялись впервые при дворѣ, то государь предлагалъ имъ выбирать мѣховую шубу или титулъ князя. Мой прадѣдъ пріѣхалъ въ страшный холодъ и не колеблясь выбралъ шубу.

Царь отъ всего сердца посмѣялся находчивости Растопчина, а придворные сквозь зубы, видя, какъ фаворитъ вышелъ ловко изъ неожиданнаго осаднаго положенія.

Императрица, Марія Ѳеодоровна, однако, не долюбивала Растопчина, который въ свою очередь отзывался о ней и Нелидовой слѣдующимъ образомъ: «Жаль, что на императора дѣйствуютъ внушенія императрицы, которая вмѣшивается во всѣ дѣла, окружаетъ себя нѣмцами и позволяетъ обманывать себя нищимъ (т.-е. эмигрантамъ). Чтобъ быть увѣреннѣе въ своемъ значеніи, она соединилась съ m-elle Нелидовой, которую ранѣе съ полнымъ основаніемъ презирала, и которая, однако, сдѣлалась ея постояннымъ другомъ съ 6 ноября прошлаго года. Мы, три или четыре человѣка, отверженные люди для этихъ дамъ, потому что мы служимъ одному только императору, а этого не любятъ и не хотятъ».

Растопчинъ и Безбородко, постоянные докладчики императора, умѣли указывать при удобномъ случаѣ на слабыя стороны императрицы и находили себѣ усерднаго помощника въ оберъ-гардеробмейстерѣ Кутайсовѣ, который попрежнему былъ брадобреемъ и камердинеромъ государя и въ лицѣ императрицы видѣлъ препятствіе къ дальнѣйшему своему возвышенію. Къ этимъ тремъ лицамъ, близко стоявшимъ къ особѣ государя, примыкала масса лицъ, также враждебно настроенныхъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, противъ императрицы. Почва для интригъ была подготовлена, и уже въ концѣ 1797 г. императоръ неоднократно выражалъ своей су-

ругѣ неудовольствіе по разнымъ поводамъ настолько сильно, что Нелидовой стоило большихъ усилій смягчить гнѣвъ. Враги императрицы стремились поселить совершенное отчужденіе между государемъ и его супругой.

28 января 1798 г. императрица разрѣшилась отъ бремени четвертымъ сыномъ, Михаиломъ. Роды были трудны, и медики государыни, а также берлинскій профессоръ акушеръ Мекель доложили императору, что императрица не будетъ въ состояніи перенести другіе роды; современники рассказываютъ, что врачи эти были подкуплены врагами императрицы. Между тѣмъ Растопчинъ позволялъ себѣ громко выражать свое мнѣніе объ императрицѣ и за это 4 марта былъ уволенъ отъ службы. Но сѣчувствовавшая ему партія тоже не дремала, и вскорѣ Растопчинъ былъ вновь принятъ на службу, переименованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и сдѣланъ членомъ иностранной коллегіи. Но Растопчинъ, сдѣлавшись потомъ графомъ и первымъ членомъ иностранной коллегіи, и въ новомъ своемъ значеніи остался «сумасшедшимъ Ѳедькой», и, по словамъ г. Шумигорскаго, хотя несомнѣнно, что онъ тоже преданъ былъ своему «благодѣтелю», любилъ свое отечество, отличался развитымъ, образованнымъ умомъ, но эти достоинства соединялись съ пронырливостью, самохвальствомъ и наглостью; бросалась въ глаза надменность его къ низшимъ, даже къ иностраннымъ посламъ, которыхъ онъ не допускалъ къ себѣ для личныхъ объясненій по дѣламъ службы, предоставивъ это вице-канцлеру, графу Панину, но въ то же время онъ ухаживалъ за Кутайсовымъ.

Графъ Сегюръ дѣлаетъ нѣсколько иную характеристику въ пользу Растопчина, чѣмъ Шумигорскій. По его словамъ, Растопчинъ обладалъ отъ природы независимымъ характеромъ и хотя питалъ дружбу къ Павлу и былъ ему преданъ, однако никогда не склонялъ головы предъ странными фантазіями государя. Честную, безкорыстную его службу, по словамъ Сегюра, могутъ засвидѣтельствовать слѣдующія слова, написанныя его другу Воронцову послѣ паденія.

«Я могу сказать, что оказывалъ существенныя услуги моей родинѣ, остановивъ три раза объявленіе войны... Я вложилъ 2.400.000 рублей въ кассу департамента почтъ, доходы которой я увеличилъ, помѣшавъ мошенничеству и воровству. Я сберегъ казнѣ болѣе тридцати тысячъ рублей въ годъ жалованья, назначеннаго мнѣ. Женщины не имѣли на меня никакого вліянія, такъ какъ я люблю и слишкомъ уважаю свою жену; мой испорченный желудокъ отказывается отъ приманки лакомыхъ блюдъ; лесть, подлость и интриги не достигаютъ меня, такъ какъ я уже зналъ и изучалъ людей прежде, чѣмъ занялъ свое мѣсто. Я предоставилъ времени оказать мнѣ справедливость, а въ ожиданіи пользуюсь благодѣяніями Провидѣнія: извѣдать чистое счастье въ уединеніи, которое я избралъ самъ и устроилъ согласно моимъ идеямъ».

Кутайсовъ, Растопчинъ и Паленъ—три лица, которыя пользовались довѣріемъ Павла.

Но вскорѣ Растопчинъ снова впалъ въ немилость, благодаря своему же пріятелю Кутайсову. Для завершенія коварныхъ дѣйствій графа Палена и его сообщниковъ нужно было убѣдить великаго князя Александра въ истинѣ распущенныхъ по городу слуховъ, что Павелъ Петровичъ собирается заключить супругу свою въ монастырь, а старшихъ сыновей въ Шлиссельбургскую крѣпость. Слухи эти, однако, не подтверждались, хотя подозрительность Павла часто обращалась на старшаго сына. Однажды, когда великій князь ходатайствовалъ передъ нимъ за нѣкоторыхъ провинившихся офицеровъ, то Павелъ увидѣлъ въ этомъ стремленіе сына къ популярности въ ущербъ себѣ и, поднявъ палку, съ гнѣвомъ закричалъ на него: «Я знаю, что ты злоумышляешь противъ меня!» Великая княгиня Елисавета бросилась между ними, и Павелъ ушелъ, пытая отъ гнѣва.

Этимъ предубѣжденіемъ государя воспользовался Паленъ для достиженія своихъ цѣлей; онъ старался вооружить отца противъ сыновей, а ихъ увѣрялъ, что заботится объ оправданіи ихъ поступковъ предъ родителемъ. Въ то же время Паленъ удалилъ посредствомъ Кутайсова Растопчина, послѣдняго человѣка, который могъ стать ему поперекъ дороги. Растопчинъ, какъ директоръ почтъ, перехватилъ письмо, гдѣ шла рѣчь о Цинциннатѣ-Репнинѣ, впавшемъ въ немилость Павла, и, донеся о немъ императору, приписалъ его Панину, давнему своему сопернику. Ошибка или злоумышленіе Растопчина вскорѣ обнаружилось: авторомъ оказалось другое лицо. Но Кутайсовъ воспользовался случаемъ и погубилъ стараго пріятеля. Дѣйствія Растопчина объяснили въ самомъ черномъ видѣ, хотя почеркъ Панина былъ извѣстенъ государю. «Это чудовище!—воскликнулъ Павелъ:—онъ хотѣлъ сдѣлать изъ меня орудіе частной мести!» 20-го февраля Растопчинъ былъ уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ, и ему не дали даже проститься съ императоромъ, а его должность была передана Палену. Предъ своей отставкой онъ писалъ Воронцову:

«Я служилъ и еще служу, чтобъ быть полезнымъ моему влстителю и странѣ. Мои усилія тщетны, я ни на что не гожусь, и я убиваюсь, видя, что творится, и чему я не могу воспрепятствовать... Вы называете меня министромъ, а я только секретарь, на дурномъ счету у публики, какъ человѣкъ, который, по мнѣнію многихъ, пользуется довѣріемъ нелюбимаго всѣми главы, обезпеченный ненавистью императрицы и наследника и жертвовавшій своимъ здоровьемъ въ продолженіе четырехлѣтней адской работы. Несмотря на мое отвращеніе покинуть тридцатипятилѣтнюю службу, я сказалъ себѣ, что не могу болѣе оставаться. Я не знаю срока, но чрезъ три мѣсяца я буду у себя въ имѣніи, откуда я долго не двинусь.

Вотъ мое непоколебимое рѣшеніе. Я обязанъ имъ моей чести, моей семьѣ и привязанности, питаемой къ императору, котораго я буду любить повсюду, гдѣ бы я ни былъ, сожалья, что Провидѣніе и подлый графъ Паленъ надѣлили его духомъ подозрѣнія, которое заставляетъ его принимать старанія за желаніе господствовать надъ нимъ. Я не могу ни измѣнить своего характера, ни сдѣлаться господиномъ моего лица и гнуть спину, когда это нужно. Я былъ прямодушенъ у себя, у императора, и останусь такимъ на эшафотѣ».

По словамъ Сегюра, Растопчинъ не былъ изгнанъ со службы и высланъ въ деревню, а исполнилъ лишь свое обѣщаніе, и ничто не заставило его измѣнить своего рѣшенія. Но чрезъ шесть мѣсяцевъ, по словамъ Сегюра, онъ получилъ отъ императора слѣдующее письмо:

«Вы мнѣ необходимы. Скорѣе возвращайтесь. Павелъ».

Растопчинъ немедленно выѣхалъ со сжатымъ отъ ужаса сердцемъ. Когда онъ добрался до Москвы, пришла печальная вѣсть: Павелъ неожиданно умеръ. Растопчинъ возвратился къ себѣ, гдѣ оставался долгіе годы.

Новый императоръ питалъ непріязнь къ бывшему любимцу отца. Еще при жизни Павла онъ говорилъ о немъ, «что Александръ во многомъ виноватъ предъ своимъ отцомъ, а впоследствии рассказывалъ, что имѣлъ въ своемъ распоряженіи бумаги Александра, которыя могли бы погубить наслѣдника, если бы онѣ сдѣлались извѣстны его отцу».

Несмотря на ихъ холодныя отношенія, Растопчинъ не могъ примириться съ безмолвной ролью, и въ немъ заговорилъ духъ патріотизма. Онъ написалъ Александру I письмо, не бывъ въ состояніи оставаться равнодушнымъ зрителемъ безпорядковъ, происходившихъ въ русскомъ народѣ и возбуждаемыхъ умышленно Наполеономъ.

На его письмо послѣдовалъ отвѣтъ императора 2-го января 1807 года ¹⁾:

«Графъ Ѳеодоръ Васильевичъ! Къ немалому удивленію моему, письмо ваше отъ 19-го декабря содержитъ изъясненіе такого образа мыслей, который вовсе не сходствуетъ съ тѣмъ, что мнѣ понынѣ извѣстно было. Свѣдѣнія, въ разныя времена и при различныхъ обстоятельствахъ до меня доходившія, о расположеніи умовъ, о довѣренности къ правительству и привязанности къ отечеству производили во мнѣ сердечное удовольствіе: я находилъ въ нихъ всегда опыты похвальныхъ и ревностныхъ чувствованій во всѣхъ сословіяхъ государства и особенно въ благородномъ дворянствѣ, которое, неизвѣстно мнѣ, почему вы говорите, что я наконецъ признавать сталъ подпорою престола, хотя подлинно никогда и не пере-

¹⁾ Рескриптъ Александра I графу Растопчину по поводу письма его о слухахъ и безпорядкахъ въ провинціи. «Русская Старина», сентябрь, 1902 г.

ставалъ почитать его таковымъ. Я желаю, чтобы вы яснѣ представили мнѣ, въ чемъ состоятъ тѣ нелѣпныя разглашенія, своевольство, презрѣніе къ министерству и неуваженіе законовъ, которыя, по словамъ вашимъ, погашаютъ преданность и любовь ко мнѣ народа. Я желалъ бы только знать, какой поводъ имѣли вы къ заключенію о внушеніяхъ, слухахъ о вольности, которыя дѣлаются здѣшними французами и заставляютъ ожидать ихъ отъ Бонапарте. Почитая сіе столь важнымъ, что не должно оставить онаго безъ изслѣдованія, дабы, открывъ виновныхъ, примѣрнымъ наказаніемъ остановить распространеніе сей заразы, прошу васъ увѣдомить меня, какое происшествіе подало вамъ сіи мысли».

Какой отвѣтъ написалъ Растопчинъ, намъ неизвѣстно, но чрезъ два мѣсяца, въ мартѣ 1807 г., послѣ битвы при Эйлау и до битвы подъ Фридландомъ онъ напечаталъ брошюру подъ заглавіемъ «Мысли вслухъ на Красномъ крыльцѣ Силы Андреевича Богатырева», которую распространилъ въ народѣ.

Содержаніе ея было слѣдующее. Сила Андреевичъ Богатыревъ, отставной полковникъ, раненый во время войны, явился въ Москву за справками о своихъ двухъ сыновьяхъ, находящихся въ арміи. Онъ усѣлся отдохнуть на Красномъ крыльцѣ; опершись локтями на колѣни, онъ поддерживалъ свою почтенную голову обѣими руками, громко приговаривая: Боже мой, будетъ ли всему этому конецъ? Долго ли мы будемъ подражать обезьянамъ? Сжался надъ нами, Господи! Развѣ ты создалъ Русь, чтобы она питала, откармливала и обогащала всѣхъ иностранныхъ каналій, да еще, чтобы никто изъ нихъ не сказалъ спасибо своей кормилицѣ? Какъ только появится какойнибудь французъ, сорвавшійся съ висѣлицы, тотчасъ же къ нему привязываются, ухаживаютъ за нимъ, говоря, что онъ принцъ и дворянинъ... а на самомъ дѣлѣ онъ лакей, или лавочникъ, или приказчикъ въ складахъ, или изгнанный патеръ. Чему учать теперь дѣтей? Хорошо произносить по-французски, держать ноги носками въ разныя стороны и завивать волосы. Тотъ только уменъ и очарователенъ, кого французъ принимаетъ за своего соотечественника. Какъ могутъ они любить родину, когда даже хорошо не знаютъ своего языка? Какъ могутъ они защищать вѣру, государя и страну, если имъ не преподають закона Божія, и если они смотрять на русскихъ, какъ на медвѣдей. Ихъ мозги перевернулись, что у нихъ на сердцѣ, то на языкѣ, а весь ихъ умъ въ болтовнѣ... и т. д. Остальная часть брошюры въ томъ же родѣ.

Эта прокламація сильно повліяла на русскіе умы. Въ особенности въ Москвѣ она переходила изъ устъ въ уста, и когда, пять лѣтъ спустя, приблизился моментъ страшной битвы, то всѣ, какъ одинъ, пожелали, чтобы назначили главнокомандующимъ Москвы Растопчина. Царь повиновался голосу народа, хотя въ душѣ продолжалъ питать антипатію къ министру Павла I. Съ своей сто-

роны Растопчинъ, говоритъ Сегюръ, шагу не сдѣлалъ, чтобы измѣнить чувства императора.

Несмотря на свой гнѣвъ, когда Растопчинъ пріѣхалъ весною 1812 г. въ Петербургъ, чтобы устроить старшаго сына въ одинъ изъ вновь организованныхъ полковъ, государь потребовалъ его во дворецъ и предложилъ ему генераль-губернаторство въ Москвѣ, чтобы смѣнить фельдмаршала Гудовича. Это была самая важная мѣстность при наступленіи смертельной войны. Но Растопчинъ не могъ тотчасъ же занять этотъ постъ, и въ рескриптѣ къ нему Александръ говоритъ ¹⁾: «Необходимость щадить фельдмаршала была причиною того, что ваше назначеніе ему въ преемники нѣсколько замедлилось. Я выразилъ ему желаніе, чтобы онъ пріѣхалъ въ Петербургъ засѣдать въ совѣтѣ. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ слишкомъ разбитъ и слишкомъ старъ, и просилъ уволить его въ отставку. Я изъявилъ на это согласіе, и ваше назначеніе состоялось тотчасъ. Я рассчитываю на васъ и вѣрю, что вы оправдаете мое довѣріе».

«Я взялся занять этотъ постъ, — писалъ Растопчинъ своему другу Воронцову 28-го апрѣля 1803 г., — на которомъ, какъ я прекрасно видѣлъ, будетъ много дѣла. Я былъ преемникомъ Гудовича, слишкомъ стараго, чтобъ выказать дѣятельность, и дурно окруженнаго, чтобъ принести пользу».

Черезъ двѣ недѣли Растопчинъ занялъ этой новый постъ. Съ этого момента между нимъ и Александромъ установилась регулярная переписка.

«Вступивъ въ новую должность, — говоритъ Сегюръ, — Растопчинъ прежде всего принялся приводить въ порядокъ администрацію, и въ своихъ первыхъ письмахъ къ Александру онъ отзывается о ней очень нелестно:

«Съ полиціей мнѣ будетъ немного труда, такъ какъ она только ослабѣла, но правосудіе стало продажнымъ и за дешевую цѣну. Городъ наводненъ разными бродягами, утромъ нищими, вечеромъ ворами, производящими безпорядки по ночамъ. Самые безстыдные дебоши происходятъ въ безчисленныхъ притонахъ, гдѣ всевозможный сбродъ напивается, играетъ и проигрываетъ. Шайши иллюминатовъ и проповѣдниковъ возбуждаютъ народъ, отравляютъ умы, распространяя нѣ невѣжесвенныхъ душахъ разрушительныя идеи и опасныя утопіи».

¹⁾ Письма императора Александра I 1812 г. «Русская Старина», январь, 1902 г.

Однако Растопчинъ, по словамъ его внука, выгораживалъ старика Гудовича отъ отвѣтственности за распущенность администраціи, оправдывая тѣмъ, что:

«Онъ рожденъ ограниченнымъ и слишкомъ много пожилъ; онъ окончилъ тѣмъ, что сдѣлался игрушкою двухъ разбойниковъ—своего брата Михаила и доктора Сальватори, который грабежомъ собралъ въ малое время кругленькую сумму въ четыреста тысячъ рублей». Сальватори не стѣсняясь говорилъ всѣмъ, что получаетъ отъ Наполеона ежегодно 6.000 ливровъ.

Новый губернаторъ сразу очистилъ городъ, отправивъ въ ссылку всевозможныхъ предсказателей, бродягъ же силою водворилъ въ армію, а кабаки закрылъ. Эти строгія мѣры сначала внушили ужасъ жителямъ, но затѣмъ, понявъ всю ихъ пользу, москвичи почувствовали къ Растопчину симпатію.

Немало труда стоило ему справиться съ теоретиками и реформаторами, большею частью принадлежавшими къ сектѣ маргинистовъ, которымъ покровительствовалъ Александръ I. Тщетно добивался Растопчинъ отъ императора позволенія секретно, но энергично дѣйствовать противъ нихъ: «Рѣшитель, государь, — писалъ онъ, — чтобы предупредить большое зло. Прикажите мнѣ сказать этимъ людямъ, чтобы они отправлялись въ свои помѣстья до новыхъ распоряженій. Я беру на себя всю тяжесть ихъ гнѣва и придамъ этому изгнанію видъ личнаго моего распоряженія».

Но на это письмо приказа Александра не послѣдовало, и Растопчинъ взялъ на себя одного отвѣтственность избавиться отъ нихъ посредствомъ произвольнаго изгнанія.

Но, по словамъ Сегюра, не на одно упорядоченіе администраціи и выѣшнее благоустройство прилагалъ Растопчинъ свои силы, и едва ли не больше онъ занялся поднятіемъ умовъ. Онъ хотѣлъ главнымъ образомъ и прежде всего возбудить въ народѣ вѣру въ силу Россіи и приучить его презирать завоевателей, обѣщая народу, какъ онъ говорилъ, легкую и вѣрную побѣду посредствомъ поднятія вѣры и храбрости.

«Наполеонъ не имѣлъ никакого понятія о русскомъ человѣкѣ, показавшемъ себя въ эту эпоху во всемъ блескѣ, — писалъ онъ впослѣдствіи въ брошюрѣ «Правда о московскомъ пожарѣ».—Ему необходима большая опасность, чтобы обнаружить великій характеръ. Русскій народъ носить въ своей нравственной энергіи и физической силѣ увѣренность въ успѣхѣ. Онъ говоритъ: «Все возможно. Почему нѣтъ? Два раза не умираютъ!» И съ этими словами онъ на все готовъ — погибнуть или побѣдить. Императоръ Александръ сказалъ: «Война на смерть», — и русскій народъ отвѣтилъ: «Мы готовы». Ихъ не надо возбуждать обѣщаніями и на-

градами; имъ только надо сказать: «пойдемъ!»—и они слѣдовали; «дайте!»—и они приносили все, что имѣли».

«Растопчинъ,—говорить графъ Сегюръ,—зажегъ въ русскомъ народѣ огонь своими рѣчами и письменно тѣмъ заразительнымъ пламенемъ, который горѣлъ въ его душѣ и наэлектризовалъ цѣлый народъ; онъ вдохнулъ въ него свой собственный пылъ, свой энтузіазмъ и ненависть. Болѣе всего онъ боялся опасности соблазна, которымъ непріятель могъ дѣйствовать на наивный умъ русскаго мужика, обѣщая ему свободу и раздѣленіе богатствъ».

«Не опасайтесь ничего, — говорилъ онъ въ своей первой прокламаціи,—наступаетъ гроза, но мы ее разсѣмъ—перемелется, мука будетъ. Бойтесь лишь пьяницъ и дураковъ. Они сами развѣшиваютъ уши и наипентываютъ глупости другимъ. Есть люди, которые думаютъ, что Наполеонъ приходитъ для того, чтобы сдѣлать намъ добро, тогда какъ онъ думаетъ насъ задушить. Клянусь вамъ, мои друзья, что императоръ надѣется на васъ, какъ бы вы были стѣнами Кремля. Если дѣло идетъ о томъ, чтобы итти, — я пойду впереди васъ, если дѣло идетъ объ отдыхѣ,—я отдохну послѣ васъ».

И дѣйствительно Растопчинъ говорилъ не на вѣтеръ. Отъ момента взятія Смоленска до истребленія Москвы онъ ни разу не спалъ въ постели: «Я сплю на диванѣ одѣтый,—говорилъ онъ въ своихъ мемуарахъ,—безпрестанно просыпаясь, чтобы читать денешніе, приходившія ко мнѣ со всѣхъ сторонъ, поговорить съ курьерами и снова отослать ихъ тотчасъ же обратно».

Какъ днемъ, такъ и ночью, жители Москвы встрѣчали его на улицахъ столицы вмѣшивавшимся въ народную толпу, какъ отецъ среди дѣтей, чтобы узнать о желаніяхъ и нуждахъ народа,—говорить Сегюръ,—а также для подкрѣпленія ихъ довѣрія и возбуждая ихъ храбрость своими дружественными рѣчами.

Вскорѣ москвичи дошли до фанатизма въ своемъ энтузіазмѣ къ генераль-губернатору. «Могу васъ увѣрить,—писалъ онъ Воронцову,—что Магомета менѣе любили и ему менѣе повиновались, чѣмъ мнѣ въ продолженіе августа мѣсяца, и все это при посредствѣ словъ, шарлатанства и отсутствія строгости».

Когда 23 іюля государь явился въ Москву, то убѣдился не безъ удивленія въ его необыкновенномъ вліяніи. Поборовъ непріязнь къ нему, онъ собственноручно приколотъ къ его эполету брилліантовый аграфъ съ своимъ шифромъ. «Теперь,—сказалъ онъ ему,—надо, чтобы ты меня вынесъ на своихъ плечахъ».

Александръ могъ лично убѣдиться, какое великодушное волненіе возбудило въ народѣ чтеніе императорскаго рескрипта, призывавшаго народъ къ оружію.

Восторженное настроеніе москвичей доходило не только до экзальтаціи, но даже иногда до нарушенія публичнаго спокойствія. «Единственно, чего я боюсь,—признавался Растопчинъ въ письмѣ

23 іюля, это относительно иностранцевъ, которые ужасаютъ народъ. Всѣ эти дни на улицахъ происходили исторіи, но по счастью полиція водворила порядокъ, и все окончилось нѣсколькими ударами, нанесенными иностранцамъ или кого такимъ подозрѣвали».

Когда дѣло зашло слишкомъ далеко, то онъ вмѣшивался лично и объявлялъ добродушно посредствомъ печати, что знаетъ происходившее въ Москвѣ, и побранивъ народъ, онъ усовѣщивалъ его приводить къ нему тѣхъ, кого они подозрѣвали въ шпіонствѣ, а не «избивать больного француза или нѣмцовъ въ парикѣ». Толстой говоритъ, что эти прокламаціи были написаны въ кабацкамъ стилѣ, тогда какъ Сегюръ увѣряетъ, что онѣ были «очень ловко и безхитростно написаны и могли тронуть простыя сердца».

«Впрочемъ, прибавляетъ онъ, надо сознаться, что Растопчинъ не отступалъ ни предъ какой стратагемой, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ шарлатанство, какъ признавался самъ Растопчинъ, оказывало ему услуги. Такъ, напримѣръ, онъ выбиралъ самыхъ болѣзненныхъ и невзрачныхъ французскихъ плѣнныхъ и посылалъ ихъ въ Москву прогуливаться по улицамъ, чтобы толпа видѣла, какіе несчастные противники осмѣливаются мѣряться силами съ московскими медвѣдями. Къ тому же надо отнести изобрѣтеніе взрывчатого воздушнаго шара, таинственно устраиваемаго въ одномъ изъ предмѣстій Москвы по приказанію Растопчина. Въ его перепискѣ съ императоромъ много говорится объ этомъ аппаратѣ, предложенномъ Растопчину однимъ евреемъ Лепихомъ. «Я еще не видѣлъ Лепиха,—писалъ онъ Александру 7 мая,—но завтра сдѣлаю ему продолжительный визитъ и радуюсь познакомиться съ человѣкомъ, изобрѣтеніе котораго сдѣлаетъ ремесло войны бесполезнымъ и освободитъ челоѣчество отъ адскаго истребленія, обративъ васъ въ посредники королей, государствъ и благодѣтеля челоѣчества».

Графъ Сегюръ напрасно обвинилъ своего дѣда въ починѣ по дѣлу аэростата, такъ какъ еще до его генераль-губернаторства самъ Александръ затѣялъ эту исторію съ Лепихомъ. Въ своемъ рескриптѣ къ Растопчину отъ 24 мая 1812 г., гдѣ говорилось, что Гудовичъ подалъ въ отставку, императоръ писалъ. «Перехожу теперь къ предмету, требующему всей вашей скромности, такъ какъ относительно этого должна быть соблюдена величайшая тайна. Нѣсколько времени тому назадъ ко мнѣ былъ присланъ искусный механикъ съ изобрѣтеніемъ, которое можетъ имѣть самыя важныя послѣдствія. Во Франціи прилагались всевозможныя старанія, чтобы добиться открытія, которое удалось, повидимому, сдѣлать этому челоѣку. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, надобно однако произвести всѣ предлагаемые имъ опыты; дѣло, безъ сомнѣнія, стоитъ этого. Такъ какъ этого челоѣка надо послать въ Москву, и такъ какъ я желаю, чтобы его работа была для всѣхъ рѣшительно тайною, то я не хотѣлъ бы, чтобы это дѣло шло черезъ фельдмаршала (Гудо-

вича), изъ боязни, чтобы о немъ тотчасъ не провѣдалъ его докторъ (Сальватори). Я желаю также, чтобы эта личность не появлялась въ вашемъ домѣ, но чтобы вы видѣлись съ нимъ въ болѣе укромномъ мѣстѣ».

Рескриптъ Александра къ московскому гражданскому губернатору Обрѣзкову подтверждаетъ то же: «Николай Васильевичъ. Причина, побудившая меня столь тщательно скрыть отъ московскаго главнаго начальства (Гудовича) препорученіе, возложенное на механика Лепиха, есть докторъ Сальватори. Съ назначеніемъ новаго военнаго губернатора (Растопчина) причина эта исчезнетъ».

Эти два документа ясно говорятъ, что шарлатанство Растопчина было вызвано самимъ императоромъ.

Работы начались,—говоритъ Сегюръ,—какъ только объявили войну. Предполагалось поднимать на воздухъ легкую телѣжку, снабженную вертящимися крыльями и управляемую рулемъ. Въ ней должны были находиться ящики съ взрывчатыми снарядами. Эти вещества предназначались для выбрасыванія на голову Наполеону. Цѣлый мѣсяць сто человекъ работали надъ этой затѣей. Громадные тюки съ шелковой матеріей, огромные ящики сѣрно-кислыхъ солей, стальные предметы необыкновенной формы отправлялись къ таинственной мастерской.

Любопытство народа было крайне возбуждено. Только и было разговора, что о таинственной машинѣ. Но когда Лепихъ объявилъ, что машина готова, и можно ее испытать, то потребовалось три дня, чтобы наполнить шаръ, который едва приподнялся; крылья не поворачивались, руль бездѣйствовалъ. «Съ сожалѣніемъ признаюся вамъ, ваше величество, въ неудачной попыткѣ Лепиха,—писалъ государю Растопчинъ:—это сумасшедшій шарлатанъ».

Но когда онъ публично потерпѣлъ фіаско 23-го августа, великая армія уже была у городскихъ воротъ, и, по выраженію одного свидѣтеля событий, «Москва была сама громадной адской машиной, ночные и внезапные взрывы которой истребили императора и его армію».

Когда созрѣлъ планъ въ душѣ Растопчина сжечь Москву,—говоритъ Сегюръ,—трудно добраться. Онъ долго вѣрилъ, если не въ побѣду надъ французами, то въ возможность предохранить Москву отъ ихъ вторженія.

«Государь,—писалъ онъ 13-го августа,—Москва и ея жители составятъ общее съ арміей, которая защищаетъ ваше наслѣдство и славу. Немногіе согласятся пережить вѣчный стыдъ, и если непріятель сможетъ сдѣлаться властителемъ Москвы, исторія Россіи и вашего царства будетъ запачкана катастрофой, мысль о которой меня приводитъ въ бѣшенство!»

Однако, вскорѣ послѣ этого проглядываетъ уже другая мысль, которая впоследствии руководила его дѣйствіями, и онъ писалъ

Александрю: «Если Провидѣніе допуститъ Наполеона войти въ Москву, онъ тамъ ничего не найдетъ для удовлетворенія своего корыстолюбія. Деньги будутъ унесены, а вещи зарыты». Позже онъ говорилъ въ письмѣ, написанномъ наканунѣ катастрофы: «Видя, что судьба Москвы зависитъ отъ одного сраженія, я рѣшилъ заставить тѣхъ немногихъ, которые остались, удалиться, и я отвѣчаю вамъ моею головою, что Бонапартъ найдетъ Москву такой же пустынной, какъ и Смоленскъ. Все унесено, Москва въ рукахъ Бонапарта будетъ пустыней, если огонь ея не истребитъ,—и можетъ сдѣлаться даже его могилой». Эта фраза можетъ служить намекомъ на его участіе въ пожарѣ Москвы.

Слова эти вполне согласуются съ тѣмъ, что онъ говорилъ, десять лѣтъ спустя: «Я имѣлъ въ виду двѣ важныя вещи, отъ которыхъ зависѣло уничтоженіе французской арміи: поддержаніе спокойствія Москвы и удаленіе изъ нея жителей. Я хотѣлъ отнять отъ Наполеона возможность организовать сношенія Москвы съ внутренней имперіей и пустить въ ходъ вліяніе французовъ, пріобрѣтенное посредствомъ ихъ литературы, модъ, кухни и языка. Съ ихъ помощью можно было сблизиться съ русскими, а затѣмъ пользоваться ихъ услугами. Но среди людей, которыхъ они нашли въ Москвѣ, обольщеніе не имѣло успѣха, какъ бы среди нѣмыхъ и глухихъ».

Ни въ какихъ случаяхъ Растопчинъ не отступалъ отъ радикальныхъ мѣръ. И одна француженка, Луиза Фюзиль, присутствовавшая при пожарѣ Москвы, не безъ садроганія вспоминала, какъ шесть лѣтъ назадъ Растопчинъ, бесѣдуя съ своимъ старымъ другомъ, графомъ Разумовскимъ, замѣтилъ на его сѣтованіе относительно нескромности одной семьи, которой онъ предложилъ гостепріимство и вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ впослѣдствіи отъ нея освободиться. «Я всевозможнымъ образомъ старался,—повторялъ онъ Растопчину,—но не могъ найти честнаго средства избавиться отъ нихъ».—«Ей-Богу,—сказалъ ему холодно Растопчинъ,—я не вижу другого исхода, которымъ я воспользовался бы».—«Какимъ?»—«Поджечь вашъ дворецъ».

27-го августа, въ Москвѣ прошелъ слухъ о кровавой битвѣ между Кутузовымъ и Наполеономъ подъ Бородинымъ. Кутузовъ написалъ Растопчину, что новая битва произойдетъ подъ стѣнами Москвы, при чемъ клялся своими сѣдинами, что скорѣе дастъ убитъ до послѣдняго человѣка, чѣмъ отдастъ Москву. Растопчинъ роздалъ всѣмъ годнымъ для службы жителямъ оружіе и назначилъ имъ позицію на холмахъ, окружавшихъ городъ. Старикамъ, больнымъ, женщинамъ и дѣтямъ онъ велѣлъ удалиться, взявъ съ собою все, что было цѣннаго. Его жена и младшія дѣти тоже уѣзжали на сѣверъ въ одно изъ имѣній. Предъ отъѣздомъ онъ опустился на колѣни предъ женою и сказалъ, обращаясь къ дѣтямъ:

«Можетъ быть, мы не увидимся болѣе на этомъ свѣтѣ. Прежде всего я хочу съ вами попрощаться, благословить васъ и попросить прощеніе предъ вами и вашей матерью за горе, которое я могъ ей причинить. Помните съ этой минуты, если я умру, повинуйтесь ей, какъ мнѣ».

Въ тотъ же день онъ писалъ императору: «Дай Богъ, чтобы слово «миръ», государь, отдалилось отъ васъ. Позоръ не долженъ запятнать исторію вашего царствованія и покрыть неизгладимымъ пятномъ русскую націю. Она займетъ свое мѣсто въ свѣтѣ, и вы восторжествуете надъ вашимъ жестокимъ врагомъ. Ваши подданные проливаютъ кровь и не приходятъ въ уныніе. Мой повелитель, не поддайтесь обольщенію; вы будете спасителемъ міра».

Во время свиданія съ Кутузовымъ Раstopчинъ, поддерживаемый Барклаемъ, замѣтилъ главнокомандующему, что позиція невыгодна, и если непріятель осадитъ немного русскую линію, то русскіе въ беспорядкѣ войдутъ съ непріятелемъ въ улицы Москвы. Никакихъ не будетъ средствъ вывести оттуда нашу армію, и онъ рискуетъ ее потерять цѣликомъ. На это мнѣніе Барклай прибавилъ: «смотрите, что хотятъ дѣлать! Единственно, чего желалъ бы я, это быть убитому, если хотятъ сдѣлать глупость драться на той позиціи, гдѣ мы находимся». Но Кутузовъ продолжалъ стоять на своемъ. Раstopчинъ вернулся съ сжатымъ отъ горечи сердцемъ и дрожалъ отъ сдерживаемаго гнѣва.

Возвратившись въ главный штабъ, онъ еще болѣе пришелъ въ отчаяніе отъ всего, что тамъ увидѣлъ. Генералы собрались группами, спорили и не сходились во мнѣніяхъ; никто изъ нихъ не зналъ, сколько въ его распоряженіи находится людей; всѣ жаловались на фельдмаршала и критиковали занятые позиціи. Бенигсенъ громко объявилъ, что битвѣ не быть, и Кутузовъ первый зналъ, что она невозможна. Въ внѣшнихъ рядахъ тотъ же беспорядокъ. «Солдаты были сумрачны, офицеры упали духомъ, ужасный хаосъ; каждый давалъ свой совѣтъ, и повсюду происходили споры». Раstopчинъ видѣлъ все и отклонилъ предложеніе Кутузова присутствовать на военномъ совѣтѣ. Когда въ часъ дня онъ вернулся въ Москву, «всѣ замѣтили, говорилъ одинъ очевидецъ, блѣдность его лица и конвульсивное подергиваніе мускуловъ».

Принцъ Вюртембергскій, находившійся въ арміи Кутузова, видѣвшій въ этотъ вечеръ Раstopчина, упоминаетъ въ своихъ мемуарахъ объ отрывисто произнесенныхъ генераль-губернаторомъ фразахъ: «Если бы со мною совѣтовались, то я не колеблясь сказалъ бы: скорѣе сжечь столицу, чѣмъ отдать ее непріятелю! Вотъ мнѣніе Раstopчина. Что касается до губернатора столицы, обязанность котораго наблюдать за ея благополучіемъ, то онъ не можетъ дать такого совѣта».

Принцъ Вюртембергскій, несмотря на эту борьбу человѣка и должностнаго лица, ничуть не сомнѣвался въ рѣшеніи Раstop-

чина. Смотря на лагерь Кутузова, Растопчинъ бормоталъ сквозь зубы: «Это невообразимо! это было бы колоссальнымъ дѣломъ! Да, это героическое средство въ этомъ ужасномъ кризисѣ».

Въ 8 часовъ вечера, къ Растопчину явился посланный отъ Кутузова. Генералъ объявилъ, что оставляетъ Москву и проситъ проводниковъ для арміи. Хотя Растопчинъ предвидѣлъ такой конецъ, все-таки онъ пришелъ въ сильный гнѣвъ и тотчасъ же написалъ Александру: «Эта мѣра, государь, рѣшаетъ судьбу столицы и вашей имперіи, которая будетъ дрожать отъ гнѣва, узнавъ, что отдали городъ, гдѣ пребывало величіе Россіи и находился прахъ вашихъ предковъ. Я послѣдую за арміей; я все отправилъ, и мнѣ ничего не остается, какъ оплакивать мою родину и вашу судьбу».

Но не въ характерѣ Растопчина было бездѣятельно оплакивать родину,—говоритъ Сегюръ,—его гнѣвъ и отчаянное положеніе Москвы придали ему энергію. Вся ночь прошла въ приготовленіяхъ. Онъ распорядился сломать оружіе, утопить порохъ, уничтожить бочки съ виномъ и провіантъ. Чиновники, полицейскіе, духовныя лица съ иконами, всѣ городскія и духовныя власти были отправлены во Владимиръ подъ эскортомъ драгунъ. Замѣчательнѣе всего было его распоряженіе убрать болѣе сотни пожарныхъ помпъ и отвезти ихъ прочь изъ города. Русскій генералъ Вольцогенъ, встрѣтившій по дорогѣ этотъ длинный поѣздъ, спросилъ Растопчина, что это означало. Послѣдній отрывисто отвѣтилъ: «У меня есть причины на это». Онъ тотчасъ же прервалъ разговоръ.

На разсвѣтѣ Москва представляла странное зрѣлище. Улицы были переполнены испуганными жителями, волною стремившимися за городъ. Масса телѣгъ—по словамъ Растопчина, 63.000—направлялась, переполненная сокровищами жителей. Только въ дворянскомъ кварталѣ Растопчинъ не позволилъ трогать свои два дворца, полныя рѣдкостей и цѣнныхъ вещей искусства, стоимость которыхъ достигала полмилліона рублей.

«Я оставилъ,—писалъ онъ императору,—всю обстановку моихъ обоихъ домовъ, чтобы имѣть право сказать, что я принесъ жертву большую, чѣмъ другіе».

Когда онъ присоединился къ арміи, то сказалъ Вольцогену: «Что до меня, то я взялъ лишь лошадь, на которой ѣду, и платье, надѣтое на мнѣ».

Зная, что непріятель приближается къ его родовому имѣнію Воронову, гдѣ онъ провелъ лучшіе годы, онъ роздалъ пылавшіе факелы своимъ слугамъ и, взявъ самъ головешку, первый подалъ примѣръ къ истребленію дома огнемъ. Затѣмъ на обгорѣвшихъ развалинахъ онъ написалъ слѣдующія слова: «Я съ восьми лѣтъ украшалъ дачу и въ ней жилъ счастливо на лонѣ моей семьи. Жители этого имѣнія, числомъ 1.720 душъ, покидаютъ его при въ-

шемъ приближеніи, и я по собственному внушенію поджегъ мой домъ, чтобы онъ не попалъ подъ вашу власть. Французы, я вамъ отдаю мои два дома въ Москвѣ, съ обстановкою, стоившей полмилліона рублей. Здѣсь вы ничего не найдете, кромѣ пепла».

За часъ до отъѣзда изъ Москвы онъ приказалъ выпустить изъ тюремъ бродягъ. Онъ распорядился оставить въ тюрьмахъ только двухъ узниковъ: француза—по имени Мутонъ, обвиняемаго въ распространеніи мятежныхъ манифестовъ, и молодого русскаго, купца Верещагина, задержаннаго за шесть недѣль предъ тѣмъ. Последняго обвиняли, по словамъ однихъ, за переводъ, по словамъ другихъ—за составленіе и раздачу «Адреса Наполеона къ принцамъ Рейнской конфедерациі». Растопчинъ приказалъ привести обоихъ узниковъ на крыльцо своего дома. Сначала онъ обратился къ русскому, при многочисленной толпѣ упрекая его въ гнѣвныхъ выраженіяхъ за его преступленія и предательство родины. Затѣмъ, обратившись къ ординарцамъ, онъ сказалъ: «Рубите его!» Приказъ былъ исполненъ: послѣ трехъ ударовъ Верещагинъ скатился со ступенекъ. «Онъ сдѣлалъ видъ, что умеръ,—хладнокровно писалъ Растопчинъ императору,—но лишь только увидѣлъ, что моя свита удаляется, онъ поднялся и упалъ среди толпы, которая разорвала его на куски, послѣ того какъ протащила по улицамъ съ криками: «Вотъ предатель нашего отца!»

Относительно этого жестокаго поступка Растопчина Александръ написалъ ему 6 сентября 1812 г., по словамъ Шильдера, слѣдующее письмо: «J'aurais été complètement content de toute votre conduite dans ces circonstances si difficiles, sans l'affaire de Werestchaguine, ou plus tôt de sa fin. Je suis trop vrai pour vous parler un autre langage que celui de la franchise. Son supplice était inutile et surtout ne devait jamais être fait de cette manière. Le pendre ou le fusiller aurait mieux valu».

Въ отвѣтъ на это письмо Растопчинъ сообщилъ ему 2 декабря 1812 г. подробности убіенія Верещагина. «Je le fis sabrer par mes ordonnances». И заключилъ свое оправданіе словами: «De tout temps je n'ai ambitionné que votre confiance. J'en ai été revêtu, et j'ai sauvé l'empire. Connaissant votre équité, malgré que j'ai eu le malheur de vous déplaire, je demeure persuadé que je possède votre estime, car Bonaparte m'honore de sa haine».

Видя казнь надъ Верещагинымъ, Мутонъ, дрожа всѣми членами, ожидалъ той же участи. Но Растопчинъ заговорилъ съ нимъ уже болѣе мягкимъ тономъ: «Пойди, скажи Наполеону, что презрѣнный, котораго я только что наказалъ, единственный во всей Москвѣ неблагодарный относительно своего властелина».

Онъ приказалъ его отпустить, и толпа послушно разступилась, пропустивъ француза, который благополучно спасся.

Это происходило около 11 ч. утра. Растопчинъ приказалъ позвать старшаго сына своего Сергѣя, едва достигшаго 16-ти лѣтъ и едва

поправившагося отъ полученной раны во время битвы подъ Бородинымъ. Они оба сѣли на лошадей и покинули свой домъ. У заставы Раstopчинъ встрѣтилъ Кутузова. «Я ему поклонился,—говорилъ Раstopчинъ,—и не хотѣлъ съ нимъ разговаривать, но онъ, поздоровавшись со мною, сказалъ: «могу васъ увѣрить, что я не отдамъ Москвы безъ битвы». Я ничего ему не отвѣтилъ, такъ какъ отвѣтъ на глупость можетъ быть лишь глупостью».

Раstopчинъ продолжалъ путь. Когда съ сосѣднихъ высотъ онъ увидѣлъ Кремль, то сказалъ сыну: «Поклонись Москвѣ въ послѣдній разъ, чрезъ полчаса она будетъ объята пламенемъ».

Достигнувъ главнаго штаба, онъ нашелъ мало утѣшительнаго. Безпорядокъ и деморализація достигли высшей степени.

«Солдаты,—писалъ Раstopчинъ Александру 8 сентября,—не составляютъ болѣе арміи; это какая-то орда разбойниковъ, они грабятъ на глазахъ своего начальства... Разстрѣливать невозможно, такъ какъ нельзя же предавать смерти нѣсколько тысячъ человѣкъ въ день. Генералы взбѣшены, а офицеры громко говорятъ, что стыдно носить мундиръ... Во всемъ интриги. Бенигсенъ добивается поста главнокомандующаго. Князя Кутузова болѣе не существуетъ, никто его не видитъ, онъ остается въ постели и много спитъ. Солдаты его презираютъ и ненавидятъ. Онъ ни на что не рѣшается. Дѣвочка, одѣтая казакомъ, его очень занимаетъ»...

Нѣсколько дней спустя, Раstopчинъ добавлялъ въ письмѣ къ государю: «Необходимо, чтобы этотъ старый дуракъ и пошлый куртизанъ былъ отозванъ и наказанъ, или будутъ несмѣтныя несчастія. Онъ—старая баба, потерявшая голову, которая думаетъ, будто она дѣлаетъ что нибудь, ничего не дѣлая».

По его словамъ, дѣло могло быть поправимо съ условіемъ, чтобы самъ Александръ сталъ во главѣ войска. «Нужны,—писалъ онъ императору 21 сентября,—глазъ, голосъ и воля властелина. Надо, государь, чтобы вы рѣшились пожаловать въ армію, возстановить тамъ порядокъ и возбудить ея храбрость... И если судьба рѣшила паденіе вашей имперіи, вы должны сражаться среди вашихъ вѣрныхъ подданныхъ, рѣшившихся умереть предъ вашими глазами на полѣ чести. Тамъ вы должны побѣдить или погибнуть сами».

«Александръ не внялъ совѣту Раstopчина, говоритъ Сегюръ, и Кутузовъ остался главнокомандующимъ, предоставивъ времени и зимѣ дѣйствовать за него».

Но въ то время, какъ Раstopчинъ, казалось, впалъ въ отчаяніе, его работа остановила удачу побѣдителей. «Успѣхъ задуманнаго плана,—говоритъ Сегюръ,—превысилъ ожиданія». «Огонь,—извѣщалъ Раstopчинъ Александра,—вспыхнулъ въ хлѣбныхъ амба-

рахъ во всю длину кремлевскихъ стѣнъ. Утромъ онъ показался во многихъ другихъ мѣстностяхъ и, раздуваемый сильнымъ вѣтромъ, распространялся и продолжалъ свои опустошенія въ продолженіе сорока восьми часовъ. Трудно перечислить названія улицъ, охваченныхъ пламенемъ, но едва ли осталась и одна четверть города... Бонапартъ долженъ взбѣситься, такъ какъ онъ не достанетъ добычи». Изъ трехсотъ тысячъ жителей едва ли осталось десять тысячъ въ день появленія французовъ, а чрезъ нѣсколько дней ихъ было лишь три тысячи».

По словамъ одного очевидца, нѣкоторые москвичи выносили образа, ставили ихъ предъ дверьми своихъ жилищъ и удалялись изъ города. Другіе на вопросъ, отчего они не препятствуютъ пожару, отвѣчали: «Такъ Богу угодно».

Въ среду около 9 ч. утра поднялся страшный ураганъ, и тогда-то вспыхнулъ громадный пожаръ.

Изъ рапорта государю объ этомъ ужасномъ событіи видно, какъ старался Растопчинъ снять съ себя отвѣтственность. «Я въ отчаяніи,—писалъ онъ,—что Кутузовъ дѣйствовалъ со мною, какъ измѣнникъ, такъ какъ, не имѣя возможности спасти городъ, я его сжегъ бы, чтобы отнять у Бонапарта славу взятія его, ограбленія и преданія огню. Я похитилъ бы у французовъ смыслъ ихъ похода, и пепель столицы, заставляя ихъ предполагать о всѣхъ потерянныхъ для нихъ сокровищахъ, далъ бы имъ понять, съ какой націей они имѣютъ дѣло».

Въ другихъ письмахъ Растопчинъ также старался отдалить мысль государя, что онъ самъ далъ приказъ, собственноручно поджигая гигантскій костеръ. Онъ самъ охотно допускалъ распространять различные слухи о причинѣ пожара, въ которыхъ поджигателями являлись то Наполеонъ и его солдаты, то русскіе воры и бродяги или отсталые изъ арміи Кутузова. То онъ говорилъ самъ, что жители Москвы и купцы собственноручно сжигали свои имущества, придерживаясь стариннаго московскаго принципа: «Не давай твоему имуществу попасть въ чужія руки».

Чрезъ шесть недѣль послѣ пожара Растопчинъ снова поселился на развалинахъ Москвы. «Я прибылъ сюда третьяго дня,—писалъ онъ Александру 8-го сентября,—и прямо направился въ Кремль. Вашъ дворецъ сожженъ, сенатъ, музей, митрополита домъ, а также соборы—ограблены и испорчены; не болѣе 700 домовъ, которые могутъ называться домами».

Растопчинъ предался мысли вновь возстановить Москву... «Москва должна быть возстановлена,—писалъ онъ Александру 2-го декабря,—надо, чтобы она возродилась изъ пепла, и чтобы картина ея разрушенія оставалась лишь въ памяти свидѣтелей ея несчастія. Пусть Петербургъ будетъ мѣстомъ вашего пребыванія, Москва же пусть будетъ городомъ вашего сердца». Онъ по-

требовалъ отъ правительства 20 милліоновъ рублей для раздачи пострадавшимъ отъ пожара, когда потери равнялись двумъ или тремъ милліардамъ.

Но его желаніе прійти на помощь москвичамъ послужило зарожденіемъ неудовольствія противъ него. Эту сумму находили недостаточной. Всѣ жители осыпали его просьбами, затѣмъ стали требовать сначала застѣнчиво, а потомъ настойчиво и наконецъ перешли къ угрозамъ.

«Всѣ ваши доходы,—писалъ Растопчинъ Александру,—не достаточны, чтобы обезпечить половины требованій. Одна дама внесла въ рубрику 380 р. за сгорѣвшій клистиръ». Съ теченіемъ времени, какъ опасность удаляется, говоритъ Сегюръ, прежнее великодушное расположеніе охлаждается въ душахъ: преданность, духъ самоотреченія, патріотическая экзальтація даютъ мѣсто внушенію аппетита, сѣтованіямъ причиненнаго интересамъ ущерба. Проклятія увеличиваются съ каждымъ днемъ все ожесточеннѣе противъ человѣка, котораго три мѣсяца ранѣе они носили на рукахъ съ триумфомъ.

«Растопчинъ,—продолжаетъ онъ,—дошелъ почти до сожалѣнія о своемъ поступкѣ 1812 г., «фальшивой идеѣ», какъ онъ сказалъ своей женѣ, которая внушала ему вѣрить, что надо жертвовать всѣмъ, когда дѣло идетъ о чести русскаго имени и независимости имперіи. «Обстановка, горько восклицалъ онъ, вотъ что всего дороже человѣку».

Что произошло между Александромъ и Растопчинымъ во время ихъ свиданія въ Москвѣ въ 1814 году, осталось неизвѣстнымъ для историковъ. Изъ писемъ его къ женѣ видно только, что послѣ тщетнаго оскорбительнаго слѣдствія, ни къ чему не приведшаго, государь выказывалъ ему непріязненную холодность, примѣшавшуюся къ прежней антипатіи. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда его спросила одна любопытная личность въ Берлинѣ о пожарѣ Москвы, то онъ отвѣтилъ: «Это, сударь, вопросъ, котораго даже самъ императоръ мнѣ не дѣлалъ и я не долженъ никому на него отвѣчать».

Что бы ни было между нимъ и императоромъ, но Растопчинъ съ этого момента рѣшился выйти въ отставку и писалъ Воронцову 28-го апрѣля 1814 года: «Какъ только императоръ возвратится въ Петербургъ, я также рассчитываю туда поѣхать, чтобы развестись съ Москвой. Я прожилъ въ аду въ продолженіе двухъ лѣтъ. Мнѣ платятъ неблагодарностью. Меня жалуютъ титуломъ поджигателя, меня, который во всей этой исторіи потерялъ болѣе милліона, такъ какъ Вороново и все мое имущество сгорѣли: моя библіотека, мои картины, эстампы, физическіе инструменты,—все это разграблено и въ безпорядкѣ. Я говорю вамъ, какъ другу, такъ какъ я не говорю ни съ кѣмъ объ этомъ и даже не думаю... Я убѣжденъ,—прибавлялъ онъ,—что если мои дѣти были бы доведены до нищеты, то имъ стоило бы только отправиться въ Лондонъ въ Сень-Джемскій

паркъ и сказать: «Мы умираемъ съ голода, а нашъ отецъ былъ генераль-губернаторомъ Москвы въ 1812 году»... тогда имъ будетъ на что ѣсть и пить и имѣть кровь».

Но отставка была лишь прелюдіей, за нею послѣдовало изгнаніе, вызванное «враждебностью жителей Москвы, злобою дворянства и недоброжелательствомъ двора».

Восемь лѣтъ Растопчинъ ѣздилъ по Европѣ, сначала онъ посѣтилъ Германію, а затѣмъ Францію, гдѣ оставался болѣе продолжительный срокъ. Когда же больной, усталый и старый онъ чувствовалъ въ 1823 году, что приближается его конецъ, то пожелалъ умереть на родинѣ. Но предъ своимъ возвращеніемъ онъ распространилъ брошюру, въ которой развѣнчивалъ себя и отказывался отъ своей героической роли, «жертвуя славой заботѣ о покоѣ».

«Временное ослабленіе старца,—говоритъ Сегюръ,—не можетъ стереть героическаго факта. Свою трагическую роль онъ кратко резюмировалъ въ своемъ разговорѣ съ нѣмецкимъ писателемъ Варнгагеномъ фонъ-Энзе въ 1817 году въ Баденѣ, который говорилъ: «Онъ насмѣхается надъ тѣми, кто воображаетъ, что онъ самъ поджегъ громадную столицу факеломъ: «Я воспламенилъ умы людей, замѣчалъ ему Растопчинъ, а объ это пламя, самое ужасное изъ всѣхъ, легко зажечь какой угодно факель».

Воронцовъ, лучший его другъ, прекрасно знавшій всѣ подробности, писалъ ему: «Великодушіе, твердость и патріотизмъ существовали въ душѣ русской націи, какъ огонь во всей матеріи, составляющей міръ. Но хотя эта стихія скорѣе сосредоточена въ селитрѣ, углѣ или сѣрѣ, она вѣчно осталась бы скрытою въ этой комбинаціи, если бы она не должна была проявиться во всемъ своемъ ослѣпительнымъ могуществѣ отъ прикосновенія искры. Вы были этой искрой!».

Самымъ лучшимъ окончаніемъ своей статьи Сегюръ считаетъ послѣднее письмо Растопчина къ императору Александру I-му въ 1812 году: «Я не скрою отъ васъ, государь,—говорилъ онъ,—что несчастіе, казавшееся вашимъ удѣломъ, возбудило во мнѣ чувство дружбы, которымъ мое сердце нѣкогда было полно. Вотъ что дало мнѣ сверхъестественныя силы побороть безчисленныя преграды, возбужденныя ежедневными обстоятельствами. Москва осталась спокойной и лишенной населенія, а провинція преданной и непокорной непріятелю. При вступленіи въ нее онъ нашелъ голодъ, а при выступленіи погибель. Во всѣ времена я жаждалъ только вашего довѣрія, и, пользуясь имъ, я спасъ имперію».

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Томъ первый. Территорія и населеніе. Изданіе второе, съ перемѣнами и дополненіями. Спб. 1902.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ классическаго труда проф. Сергѣевича является въ значительно дополненномъ и переработанномъ видѣ. Первый томъ, какъ и ранѣе, посвященъ исторіи древней русской территоріи и населенія. Въ первой книгѣ поэтому говорится о возникновеніи и разложеніи волостей, о ихъ самостоятельности и возникновеніи Московскаго государства. Книга вторая посвящена опредѣленію свободныхъ и несвободныхъ людей удѣльной и московской Руси. Здѣсь авторъ говоритъ о холопствѣ, о крестьянахъ, смердахъ, закунахъ, купцахъ, боярахъ, дворовыхъ чинахъ и дьякахъ.

Первая книга въ новомъ изданіи перваго тома осталась почти безъ всякихъ перемѣнъ, зато во второй нѣкоторые отдѣлы написаны заново. Въ этой же книгѣ уважаемый авторъ полемизируетъ со своими критиками, касавшимися настоящаго труда въ его первомъ изданіи.

Въ особенности много вниманія удѣляетъ маститый ученый г. Павлову-Сильванскому, выступившему съ особымъ взглядомъ на холопство кабальное и докладное. Съ мнѣніями послѣдняго автора проф. Сергѣевичъ, однако, расходится рѣшительнымъ образомъ. Г. Павловъ-Сильванскій полагаетъ, что кредиторъ кабальнымъ холопомъ могъ не только пользоваться въ отношеніи услугъ, но и распоряжаться самой личностью должника, т.-е. отчуждать его. Г. Павловъ между прочимъ такой же взглядъ приписываетъ и г. Сергѣевичу, который въ свою очередь указываетъ, что ничего подобнаго онъ не говорилъ. Г. Сергѣевичъ, толкуя текстъ памятника, указалъ, что кредиторъ могъ распоряжаться долговыми обязательствами кабальнаго и потому заставить его служить

не только себѣ, но и своимъ наслѣдникамъ. Но такое положеніе вещей являлось слѣдствіемъ не вещнаго, какъ думаетъ г. Павловъ-Сильванскій, а обязательственнаго права, въ чемъ не разобрался молодой ученый, не будучи юристомъ по специальности.

Сужденія г. Сергѣевича въ данномъ случаѣ незыблемы; съ такой же неотразимостью разбиваетъ авторъ «Русскихъ юридическихъ древностей» и мнѣніе г. Павлова, будто бы докладные люди и ключники—одно и то же. Къ сожалѣнію, на этомъ вопросѣ г. Сергѣевичъ не останавливается подробнѣе, между тѣмъ для неспециалистовъ было бы желательно детальнѣе развить ходъ доказательствъ, выраженныхъ въ нѣсколько отрывочной формѣ.

Очень интересны соображенія проф. Сергѣевича о закладняхъ. Здѣсь тоже у почтеннаго автора имѣется полемика съ г. Павловымъ-Сильванскимъ. Оканчивая въ 1890 г. въ первомъ изданіи перваго тома юридическихъ древностей статью о закладчикахъ, г. Сергѣевичъ выразилъ сожалѣніе, что закладничество въ нашей литературѣ не посчастливилось, и что о немъ говорятъ только мимоходомъ. На эту жалобу откликнулся г. Павловъ-Сильванскій, выпустивъ въ свѣтъ небольшое изслѣдованіе по данному вопросу подъ именемъ «Закладничество-патронатъ». Въ этомъ изслѣдованіи авторъ стремится доказать ту мысль, что закладчикъ не былъ должникомъ, отдавшимъ себя въ залогъ, запродавшимъ кабалнымъ холопомъ. Г. Павловъ полагаетъ, что закладчикъ отдавался въ подчиненіе извѣстному господину и становился въ положеніе, близкое къ холопству, но не связывалъ себя никакой крѣпостью и сохранялъ за собою право порвать свою зависимость во всякую минуту. Становясь въ зависимость отъ частнаго лица, закладчикъ выходилъ изъ-подъ вѣдомства государственной власти, освобождался отъ уплаты налоговъ и подчинялся суду и управѣ господина своего или приказчика. Такое положеніе г. Павловъ подводитъ подъ понятіе западно-европейскаго патроната.

По вопросу о зависимости закладчика отъ господина г. Павловъ-Сильванскій близко подходитъ къ тому мнѣнію, которое было высказано проф. Сергѣевичемъ по данному вопросу въ первомъ изданіи настоящей книги. Теперь маститый ученый отъ своего стараго взгляда отказывается, и тѣмъ рѣче становится въ данномъ случаѣ разница воззрѣній обоихъ изслѣдователей на предметъ спора. Главнымъ образомъ, однако, разногласіе касается вопроса о томъ, какъ человекъ дѣлается закладчикомъ. Проф. Сергѣевичъ отводитъ здѣсь большое мѣсто заемному обязательству, а г. Павловъ-Сильванскій совершенно отвергаетъ этотъ способъ возникновенія закладничества.

Мы со своей стороны не думаемъ вступать въ полемику съ проф. Сергѣевичемъ, такъ какъ и имя автора и самый вопросъ требуютъ глубокаго изученія предмета и крайней осторожности въ сужденіи и выводахъ. Но мы бы все-таки хотѣли остановиться на нѣкоторыхъ соображеніяхъ. Такъ проф. Сергѣевичъ въ вопросѣ возникновенія закладничества отдаетъ преимущество заемному обязательству, для чего онъ пользуется цѣлымъ рядомъ доказательствъ. Между прочимъ онъ приводитъ параллель между понятіемъ закладней, какъ людей, обезпечившихъ обязательство своей личностью и заложенными землями. Уважаемый ученый ссылается на тождественность наименованія обоихъ предме-

товъ залога, намъ между тѣмъ кажется, что эти наименованія, обладая однимъ корнемъ, разнятся во флексіяхъ, въ которыхъ только совпадаютъ родительные падежи множественнаго числа. Поэтому заложенная земля зовется «закладня», а лицо «закладень». Но сходство корней вѣдь еще не опредѣляетъ рѣшительнымъ образомъ существа понятій.

Точно также въ доказательство обязательственнаго характера закладничества проф. Сергѣевичъ приводитъ документы, гдѣ одно лицо закладываетъ другому лицу третье. Возникаетъ вопросъ, будетъ ли это третье лицо закладчикъ или закладень? Вѣдь понятие закладничества заключаетъ въ себѣ активный характеръ; акты, говоря о закладничествѣ, повидимому, имѣютъ въ виду не холоповъ, а лично свободныхъ людей. Закладней не закладываютъ, они закладываются сами. Проф. Сергѣевичъ далѣе указываетъ, что зло закладничества захватило собою семнадцатый вѣкъ, но и восемнадцатый вѣкъ не былъ свободенъ отъ явленій закладничества. Дѣйствительно, въ главѣ четвертой петровскаго регламента главнаго магистрата по поводу выбылыхъ изъ слободъ упоминаются и закладчики. «Въ главномъ магистратѣ, гласитъ текстъ памятника, прилагать стараніе, дабы всѣхъ тѣхъ купеческихъ и ремесленныхъ людей, которые, не похотя съ посадскими служить и податей платить, вышли изъ слободъ какими нибудь образы и подлоги въ разные чины и въ крестьянство, и въ закладчики, и якобы за долги отданы, изъ тѣхъ мѣстъ собрать и написать въ тѣ же слободы и въ тягло». Изъ этого мѣста памятника можно видѣть, что закладчики между прочимъ прямо противопоставляются «отданнымъ за долги», т. е. поступившимъ въ зависимость вслѣдствіе заемныхъ обязательствъ.

В. Грибовскій.

В. З. Завитневичъ. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Томъ I, кн. 1 и 2. Спб. 1902.

Хомякову за послѣднія 5 лѣтъ посчастливилось. Въ 1897 вышло его первое жизнеописаніе, талантливая работа В. Н. Ляковскаго. Года два тому назадъ вторымъ изданіемъ появилось полное собраніе его сочиненій, а теперь передъ нами вновь начало обширнаго труда профессора Кіевской духовной академіи В. З. Завитневича о его жизни и дѣятельности. И по объему, и по характеру, и по достоинствамъ своимъ новая книга о Хомяковѣ значительно отличается отъ прежней. Работа г. Ляковскаго это рассказъ вѣрнаго и преданнаго ученика объ учителѣ: авторъ излагаетъ ученіе Хомякова безъ всякой критической оцѣнки, съ полной вѣрой въ его слова, но зато образъ Хомякова, какъ чловека и общественнаго дѣятеля, очерченъ имъ чрезвычайно выпукло и съ особенной сердечной теплотой. Трудъ г. Завитневича—это историко-критическое изслѣдованіе, въ которомъ самую слабую сторону представляетъ часть собственно біографическая, обнимающая время отъ 1804 года до конца тридцатыхъ годовъ. Желая возместить хоть чѣмъ нибудь скудость имѣющихся о Хомяковѣ свѣдѣній, авторъ рѣшительно злоупотребляетъ здѣсь, какъ біографическимъ матеріаломъ, ранними стихотвореніями Хомякова. Всякая жалоба

его на жизнь, всякое грустное чувство, которымъ такъ любить облекаться юность, даетъ автору поводъ на десяткахъ страницъ говорить о важной умственной и нравственной борьбѣ, происходившей будто бы въ душѣ Хомякова уже въ юности. Изложеніе здѣсь особенно страдаетъ многословіемъ и водянистостью (характерный примѣръ: «трагедія Ермакъ состоитъ изъ 5 дѣйствій, изъ которыхъ каждое подраздѣляется на явленія») и, несмотря на обиліе похвалъ дарованіямъ Хомякова, а, можетъ быть, и вслѣдствіе ихъ читатель не выноситъ изъ этой части книги того обаятельнаго впечатлѣнія, которое производитъ личность Хомякова въ трудѣ Лясковскаго. Не совсѣмъ благоприятное впечатлѣніе оставляетъ и рассказъ о Хомяковѣ, какъ техникѣ и медикѣ. Умъ Хомякова былъ не только глубокой, но и многосторонній, его интересы охватывали собой чуть ли не всѣ области человѣческой жизни, но изъ того, что онъ изобрѣлъ какую-то машину съ сугубымъ давленіемъ или свое ружье, нельзя же говорить серьезно о немъ, какъ о техникѣ, точно такъ же, какъ нельзя выдавать ему патентъ на званіе медика, хотя бы онъ и изобрѣлъ средство отъ холеры. Авторъ приступилъ здѣсь къ Хомякову съ тѣмъ же самымъ масштабомъ, съ какимъ онъ приступалъ къ нему, какъ къ историку, философу, богослову и общественному дѣятелю, и въ этомъ его ошибка. Но центръ тяжести книги не въ этихъ начальныхъ главахъ, а въ разсмотрѣніи философской и особенно научно-исторической дѣятельности Хомякова, и здѣсь книга г. Завитневича читается съ большимъ и неослабвающимъ интересомъ. Хомяковъ былъ однимъ изъ немногихъ русскихъ людей, оставившихъ по себѣ цѣлое философское міросозерцаніе, съ которымъ можно не соглашаться, но которому нельзя отказать ни въ глубинѣ, ни въ своеобразіи. Это міросозерцаніе никогда еще не было представлено съ такой обстоятельностью, какъ въ книгѣ г. Завитневича. Особенно любопытны страницы въ 3-й и 9-й главахъ, посвященныя теоріи познанія, какъ ее понималъ Хомяковъ, думавшій, что полноту истины человѣкъ можетъ познать не логическимъ путемъ и не эмпирическимъ, а полнотою всѣхъ силъ духа, напряженіемъ всего своего существа, близкимъ къ тому, что мы называемъ художественнымъ воспріятіемъ, — взглядъ, впоследствии подробно развитый Вл. С. Соловьевымъ. Въ связи съ этимъ взглядомъ находится и одно изъ основныхъ воззрѣній Хомякова, по которому познаніе истины обуславливается нравственнымъ началомъ: «испорченность сердца влечетъ за собою ослѣпленіе ума». На этомъ воззрѣніи покоится, какъ извѣстно, все богословское ученіе Хомякова: и его знаменитая критика рціонализма въ западныхъ вѣроисповѣданіяхъ, и его ученіе объ истинной церкви, которая соединяетъ въ себѣ два противоположныя начала единства и свободы, связуя ихъ третьимъ началомъ — любви. Осуществленіе этого ученія въ жизни является задачей историческаго процесса, за которымъ слѣдитъ Хомяковъ въ своихъ «Запискахъ о всемирной исторіи». Г. Завитневичъ указываетъ на недостатки этого труда — ошибки въ фактахъ и фантастическія разсужденія Хомякова о древнѣйшемъ періодѣ славянской исторіи, но, какъ онъ справедливо замѣчаетъ, суть труда не въ этихъ частностяхъ, а въ стройномъ и вполне законченномъ воззрѣніи автора на историческую жизнь человѣчества, въ которой, по мнѣнію Хомякова, главную и

«истор. вѣстн.», октябрь, 1902 г., т. хс.

20

господствующую роль играетъ религіозное начало—вѣра, этотъ «высшій предѣлъ внутренняго развитія челоуѣка, высшая тогда его помысль, крайняя черта его знаній». Разсматриваемая подъ этимъ угломъ зрѣнія вся жизнь челоуѣчества, по Хомякову, является борьбою двухъ началъ—иранскаго, начала свободы и духа, и кушитскаго, начала необходимости и матеріи, при чемъ послѣднее проникаетъ даже въ самое христіанство, заражая своимъ рационализмомъ и материализмомъ религіозную и историческую жизнь народовъ германо-романскаго племени. Въ чистомъ своемъ видѣ христіанское ученіе, это высшее выраженіе иранства, сохраняется на Востокѣ и особенно въ Россіи и славянствѣ, которыя такимъ образомъ имѣютъ всечелоуѣческое просвѣтительное призваніе. Этимъ обосновывается славянофильское ученіе Хомякова въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Слѣдить за развитіемъ мыслей Хомякова чрезвычайно любопытно и поучительно: онъ затрогиваетъ и своеобразно рѣшаетъ самыя глубокіе вопросы челоуѣческой жизни, и, каковы бы ни были научныя достоинства его теоріи, она проведена имъ съ большимъ глубокомысліемъ и талантомъ и проникнута высокимъ строемъ души. Изъ частныхъ особенно интересны соціологическіе взгляды Хомякова и его своеобразныя мысли о взаимоотношеніи права и нравственности, а его разсужденія о сельской общинѣ, въ которой онъ видѣлъ на ряду съ православіемъ выраженіе основнаго начала русской жизни, исполнены такой свѣжести интереса, какъ будто бы были написаны вчера. Излагая ученіе Хомякова очень обстоятельно и по возможности его же собственными словами, г. Завитневичъ подвергаетъ его затѣмъ и своей критикѣ, мѣстами наивной по тону, иногда обходящей темные вопросы, но вообще не лишенной достоинствъ и интересной. Особенно обстоятельному анализу подвергнуты воззрѣнія Хомякова на тотъ «духъ жизни» русскаго народа, о которомъ говоритъ Хомяковъ въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи «Былое въ сердцѣ воскреси, и въ немъ сокрытаго глубоко ты духа жизни допроси». Справедливо указывая на слабыя стороны ученія Хомякова въ этомъ отношеніи, г. Завитневичъ потомъ пытается примирить свои возраженія съ общимъ ученіемъ Хомякова (стр. 719), но эту попытку нельзя назвать удачной: она основана на двоякомъ пониманіи слова церковь, подъ которою Хомяковъ понималъ и духовенство и мірянъ, а авторъ въ данномъ мѣстѣ понимаетъ, повидимому, только іерархію. Всего слабѣе у г. Завитневича его анализъ тѣхъ факторовъ, которыми управляется, по мнѣнію Хомякова, движеніе общества, а также разборъ отношеній Хомякова къ славянству. Здѣсь слѣдовало опредѣлить мѣсто мессіанческаго ученія Хомякова среди такихъ же ученій у другихъ славянъ, тѣмъ болѣе, что начало такого рода изслѣдованія уже было у насъ сдѣлано въ книжкѣ Эдзѣховскаго «Очерки славянской психологіи». Послѣднія двѣ главы книги г. Завитневича посвящены изложенію богословскаго ученія Хомякова, но оцѣнка этого послѣдняго, повидимому, еще впереди. Главнѣйшій недостатокъ новаго жизнеописанія Хомякова — его многословность. Одному изложенію переписки съ Пальмеромъ отведено около двухсотъ страницъ! Мѣстами попадаются нѣкоторыя рѣзкости въ изложеніи, какъ, напримеръ, «подлая выходка», «этого не пойметъ только глухой», но надо сказать, что ихъ очень не много, и въ общемъ автору нельзя отказать въ ученомъ без-

пристрастїи. Во всякомъ случаѣ обширное изслѣдованіе его и обстоятельно, и интересно. Для перваго знакомства съ Хомяковымъ останется, какъ и прежде, наиболѣе пригодной книга г. Лясковскаго. Для тѣхъ, кто хочетъ глубже и всестороннѣе вникнуть въ ученіе основателя нашего славянофильства, можетъ служить пособіемъ трудъ г. Завитневича: онъ же является и прекраснымъ комментариемъ къ недавно изданному полному собранію сочиненій Хомякова.

А. Сиротининъ.

Руководство къ библиографическому описанію книгъ. Ю. Битовтъ. Москва. 1902.

Авторъ совершенно основательно называетъ свое «руководство» необходимымъ пособіемъ для бібліотечарей, владѣльцевъ бібліотекъ и бібліофиловъ. вмѣстѣ съ тѣмъ трудъ г. Битовта освѣщаетъ судьбы русской біблиографіи, привлекающей своими задачами не только отдѣльныхъ тружениковъ, но и кружокъ біблиографовъ при Московскомъ университетѣ и въ Петербургѣ «русское біблиографическое общество». Надобность въ руководствѣ къ описанію книгъ несомнѣнна для книгособирателей. Нельзя лично ознакомиться съ внѣшними и внутренними достоинствами множества книгъ, которыми можно заинтересоваться. Въ этомъ случаѣ, болѣе или менѣе подробное описаніе книги рѣшитъ вопросъ объ ея приобрѣтеніи въ бібліотеку или для справочной работы по какому либо вопросу. У г. Битовта перечислена почти вся литература по бібліотечовѣдѣнію, начиная съ «Правиль» по составленію бібліотечныхъ карточекъ для Императорской Публичной бібліотеки по азбучному порядку и продолжая руководства по тому же предмету В. Соболищикова, А. Борзенко, В. Межова, Фреймана, Витберга, Торопова и др. Со многими изъ нихъ авторъ полемизируетъ по поводу разныхъ указаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отмѣчаетъ у нихъ и полезные совѣты по описанію книгъ, установкѣ, классификаціи, каталогизаціи и т. д. Въ виду того, что каждая книга имѣетъ обложку, заглавный листъ, иногда листъ съ посвященіемъ, предисловіе, текстъ собственно книги, примѣчанія, оглавленіе, то даже описаніе частей книги требуетъ труда и вниманія. Не менѣе необходимы они и для описанія самой книги, то-есть: 1) подробное названіе книги, 2) имя и фамилія автора, 3) переводъ съ иностраннаго и фамилія переводчика, 4) число частей и томовъ, 5) изданіе, 6) мѣсто, 7) время, 8) форматъ, 9) число страницъ, 10) рисунки, планы, чертежи и карты, 11) количество напечатанныхъ экземпляровъ, 12) цѣна, 13) краткое содержаніе, 14) рецензіи и 15) примѣчанія.

Выполнить эти требованія бываетъ иногда очень затруднительно въ случаѣ отсутствія данныхъ, и поэтому г. Битовтъ совѣтуетъ наводить справки въ соотвѣтствующихъ біблиографическихъ пособіяхъ, которыя для разнаго времени будутъ различны. Для книгъ Петровскаго времени (1708—1724 г.) необходимъ Пекарскій: «Наука и литература при Петрѣ Великомъ», 2 тома, Спб., 1862 г.; для книгъ замѣчательныхъ и рѣдкихъ XVIII столѣтія: Губерти—«Матеріалы для русской біблиографіи. Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ и замѣ-

чательныхъ русскихъ книгъ XVIII столѣтїя, напечатанныхъ въ Россіи гражданскимъ шрифтомъ 1725—1800 г.», 3 вып., М., 1878—1891 г.; для книгъ XVIII столѣтїя и начала XIX необходимы: Сошниковъ—«Опытъ російской библиографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ», 5 частей, С.-Петербургъ, 1813—1821 г. (до 1813 года), и Смирдинъ—«Роспись книгамъ изъ библиотеки для чтенія», С.-Петербургъ, 1828 г., съ двумя прибавленіями, С.-Петербургъ, 1829—1832 г. (до 1832 г.), при чемъ указанія послѣдняго достовѣрнѣе Сошникова; за время 1831—1846 г. г.—Ольхинъ: «Систематическій реестръ русскимъ книгамъ съ 1831—1846 г.», С.-Петербургъ, 1846 г.; за время 1825—1887 г.,—Межовъ: «Систематическая роспись книгамъ, продающимся въ книжномъ магазинѣ Глазунова». Съ 5-ю прибавленіями за время 1867—1887 годовъ.

Не менѣе полезны для тѣхъ же цѣлей труды: г. Рогожина—«Указатель къ опыту російской библиографіи В. Сошникова», г. Собанина—«Роспись русскимъ книгамъ за 1900 г.», г. Венгерова—«Источники словаря русскихъ писателей», г. Лисовскаго—«Русская періодическая печать» и т. д.

При описаніи книгъ попадаются книги безъ конца, недопечатанныя и т. д. Авторъ совѣтуетъ въ этомъ случаѣ справиться со спискомъ запрещенныхъ книгъ цензурой или по другимъ причинамъ. Напримѣръ, «Европеецъ», журналъ Кирѣевскаго, М., 1834 года, книжка III-я, прервана на 402 стр.; «Звѣздочка» Бестужева и Рыльева, сверстано только 64 стр.; «Избранная библиотека для христіанскаго чтенія» Новикова, М., 1784 г., 4—5 часть не окончена и прервана на 242 стр.; «Библиотека иностранныхъ писателей о Россіи» Каллистратова и Семенова, С.-Петербургъ, 1836—1847 г., II-й томъ не допечатанъ; «Православное исповѣданіе вѣры католическія», безъ означенія мѣста и года печати (1781 г.), не допечатана и прерывается на 386 стр.; «Должность братьевъ Злато-Розоваго креста № 1», 1784 г., не окончена и прерывается на 268 стр.; «Биографическій словарь питомцевъ Московскаго университета», 8°, 240 стр., безъ заглавнаго листа и не окончена; «Энциклопедическій Словарь» въ 3-хъ частяхъ, 8°, 752+736+800, безъ заглавнаго листа и безъ мѣста и года печати (1820—1825 г.), III-я часть не допечатана и прервана на полусловѣ: «Современные вопросы» (вып. I, С.-Петербургъ, 1873 г.), безъ заглавнаго листа и прерывается на 160 стр.; «Роспись Россійскимъ книгамъ Николая Глазунова», 4 ч., М., около 1829 г., 8°, безъ заглавнаго листа, 671 стр., тоже не окончена; «Каталогъ Чертковской библиотеки», изд. 2-е, М. 1863 г., III-я часть не допечатана. Нѣкоторыя книги встрѣчаются съ вырванными листами, уничтоженными по требованію цензуры. Такъ: «Россійскій Театръ», часть 39-я, вырваны страницы 123—195 съ комедіей Якова Княжнина «Вадимъ Новгородскій»; изъ книги «Указы императрицы Екатерины Алексѣевны, состоявшіе съ 1762—1763 г.», изд. 2-е, 1776 г., 4°, вырваны страницы 13—20, и въ изданіи тѣхъ же указовъ, 8°, С.-Петербургъ, 1763 г., также вырваны по распоряженію императора Павла I стр. 13—24, содержащія «Обстоятельный манифестъ о восшествіи на престолъ императрицы Екатерины II»; изъ книги Тихонравова «Драматическія произведенія», 2 т., вырванъ словарь, помѣщенный было въ концѣ тома; изъ сочиненій Писарева 1862 года, изъ IV-ой части, вырвана статья: «Вѣдная русская мысль» и т. д. Въ

томъ случаѣ, когда на книгѣ не обозначены ни фамилія автора, ни псевдонимъ его, то г. Битовтъ указываетъ на пособія: Геннади—«Списокъ русскихъ анонимныхъ книгъ съ именами ихъ авторовъ и переводчиковъ, С.-Петербургъ, 1874 г.»; если авторъ скрылъ свое имя и фамилію подъ псевдонимомъ, полезны трудны о позднѣйшемъ времени: В. Карцева и М. Мазаева: «Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей, С.-Петербургъ, 1901 г.», а также В. Рогожина: «Указатель къ опыту российской библиографіи В. С. Соניкова, 1900 г.». Авторомъ открыты анонимныя имена для книгъ XVIII и начала XIX столѣтій по неизданнымъ источникамъ.

Такимъ образомъ въ «Руководствѣ къ библиографическому описанію книгъ» г. Битовта собрана масса полезныхъ указаній для библиофиловъ и историковъ литературы. Авторъ касается даже мелочей, но весьма полезныхъ въ научныхъ трудахъ. Такъ онъ совѣтуетъ имя и фамилію переводчика или писателя ставить въ именительномъ падежѣ, чтобы родительный падежъ переводчика не смѣшивался съ именительнымъ переводчицы; затѣмъ, въ книгахъ XVIII столѣтія, вообще печатавшихся крайне своеобразно, необходимо подробнѣе разсматривать переводное сочиненіе, чтобы узнать переводчика: напримѣръ, есть книга, гдѣ на заглавномъ листѣ стоитъ: «Христіана Баумейстера, Метафизика, Москва, 1764 года», и только въ концѣ текста помѣщено: «Перевелъ съ латинскаго языка лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка полковой квартирмейстеръ Александръ Павловъ».

Затѣмъ въ «Руководствѣ» Ю. Битовта удѣлено много мѣста спорнымъ вопросамъ русской библиографіи, напримѣръ: о форматъ книгъ, о различныхъ способахъ исполненія рисунковъ (фотографія, фототипія, цинкографія, рѣзьба по дереву, литографія, гравюра), а главное г. Битовтъ разошелся со многими библиофилами по вопросу объ описаніи содержанія книгъ.

Нѣкоторые члены Московскаго библиографическаго кружка (въ особенности г. Тороповъ въ своемъ «Опытѣ») полагаютъ, что если внѣшніе признаки книги описываются со всевозможнымъ тщаніемъ, то было бы нерационально игнорировать внутреннее содержаніе и тѣмъ какъ будто лишать книгу самаго существеннаго. Они требуютъ довольно обстоятельнаго описанія всѣхъ книгъ. Ю. Битовтъ ограничиваетъ такое требованіе слѣдующимъ замѣчаніемъ: «если требовать полной описи книгъ, да еще съ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ внутренняго содержанія книги въ духѣ Гюбери («Матеріалы для русской библиографіи 1878 года»), можно себѣ представить, какое это будетъ колоссальное изданіе. Въ трудѣ Гюбери описаны 581 книга на 2.000 страницахъ, слѣдовательно, если предположить, что русскихъ книгъ около полумилліона, то описаніе всѣхъ, по рецепту г. Торопова, займетъ около 2-хъ милліоновъ страницъ, или 2.000 томовъ по тысячѣ страницъ въ каждомъ, тогда какъ, если описывать книги по этому руководству (по «Руководству» г. Битовта) безъ всякихъ затѣй, какъ изложеніе содержанія, то это займетъ мѣста сравнительно немного; на одной страницѣ въ форматѣ Межова уложится 8—10 книгъ, и, слѣдовательно, потребуетъ 40—50 томовъ, что гораздо ближе къ цѣли. Всякому человеку, знающему хорошо состояніе русской библиографіи, находящейся въ зачаточномъ состояніи, и русскихъ библиографовъ, среди которыхъ нѣтъ серьез-

ныхъ работниковъ, широкія затѣи г. Торопова покажутся горькой проніей. Въ «Опытѣ» г. Торопова описаны 11 книгъ, изъ нихъ 5 сказочекъ, затѣмъ путеводители, календари и проч., слѣдовательно, ни одной серьезной книги; сомнѣваться въ томъ, что авторъ «Опыта» сумѣетъ рассказать «своими словами» сказочки, календари и путеводители, нѣтъ основаній, но рассказать «своими словами» обстоятельно и кратко, напримѣръ, «Шолленгауэра—О четвертномъ корнѣ закона достаточнаго основанія» «Маркса—Капиталь», «Карѣева—Сущность историческаго процесса», работы Дарвина, Пастера, математиковъ и проч. едва ли сумѣетъ. Вообще сдѣлать краткое и обстоятельное изложеніе содержанія книги можетъ только спеціалистъ, обстоятельно проработавшій надъ книгой въ теченіе нѣсколькихъ дней, а гдѣ мы найдемъ библиографовъ-спеціалистовъ по механикѣ, медицинѣ, математикѣ, естествознанію, языкознанію, военнымъ и другимъ наукамъ, да наконецъ на сколько тысячелѣтій хватить этой работы, если спеціалисты библиографы, по требованію г. Торопова, будутъ сидѣть по нѣскольку дней надъ одной книгой и кратко и обстоятельно излагать ея содержаніе?»

Такимъ образомъ, г. Битовтъ полагаетъ, что описаніе содержанія книги должно быть самое краткое для обще-культурныхъ цѣлей, а обстоятельное описаніе содержанія книгъ ему представляется невысказаннымъ.

Весьма полезный трудъ г. Битовта, по существу его многочисленныхъ со-вѣтовъ, страдаетъ, къ сожалѣнію, крайне путаннымъ изложеніемъ, въ которомъ критическія замѣчанія перемѣшаны съ положительными выводами, съ повтореніями, возвращеніями къ высказаннымъ взглядамъ и т. д. Это, конечно, будетъ сильно мѣшать «Руководству» по библиотековѣдѣнью при всѣхъ его полезныхъ сторонахъ.

А. Фаресовъ.

Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга десятая. Москва. 1902.

Десятымъ томомъ, вышедшимъ подъ редакціей директора московской десятой гимназіи В. Н. Смольянинова, дальнѣйшее изданіе «Архива князя Ѳ. А. Куракина», какъ сказано въ предисловіи, прекращается. Это не значитъ, однако, что истощился уже запасъ историческихъ матеріаловъ, имѣющихся въ распоряженіи издателя «Архива», и что поѣтому князь прекращаетъ совершенно свою издательскую дѣятельность. Наоборотъ, изъ предисловія видно, что въ его рукахъ остается еще очень много важныхъ и интересныхъ историческихъ документовъ, въ родѣ, напримѣръ, бумагъ князя Александра Борисовича Куракина († 1749 года), бывшаго нашимъ полномочнымъ посломъ въ Парижъ, или дневниковъ статсъ-дамы княгини Наталіи Ивановны Куракиной († 1831 года) и другой княгини Куракиной, супруги министра внутреннихъ дѣлъ, князя Алексея Борисовича Куракина. Какъ эти, такъ и другіе цѣнные матеріалы также будутъ опубликованы для свѣдѣнія историковъ и лицъ, интересующихся русской исторіей. Перемѣнится только планъ настоящаго изданія. Въмѣсто «Архива», гдѣ документы публикуются по годамъ, въ хронологическомъ порядкѣ, будутъ изданы, по примѣру П. И. Бартенева, два сборника подъ общимъ заглавіемъ: XVIII вѣкъ и XIX вѣкъ. Здѣсь будутъ помѣщены наиболѣе важные и любо-

пытные документы, которые будут сгруппированы уже не по годамъ, а по лицамъ, къ коимъ они относятся, такъ что передъ читателемъ въ каждомъ отдѣлѣ будетъ нѣчто цѣльное. Въ первомъ сборникѣ редакторъ обѣщаетъ дать даже связанный историческій очеркъ московскаго страннопріимнаго дома князей Куракиныхъ, который былъ основанъ по завѣщанію князя Бориса Ивановича и представляетъ, кажется, первый починъ благотворительнаго заведенія этого типа.

Изъ бумагъ основателя страннопріимнаго дома и сподвижника Петра Великаго помѣщено въ настоящемъ томѣ 141 письмо, которыя всѣ относятся къ 1714 году и представляютъ переписку князя главнымъ образомъ съ тогдашнимъ государственнымъ канцлеромъ, графомъ Г. И. Головкинымъ. Въ этой корреспонденціи рѣчь идетъ болѣе всего о жгучихъ вопросахъ, о нашей внѣшней политикѣ того времени, т. е. о приготовленияхъ къ брауншвейгскому съѣзду для переговоровъ о сѣверномъ мирѣ, о посредничествѣ морскихъ державъ, о посылкѣ англо-голландской эскадры въ Балтійское море и наконецъ о затруднительной миссиі, съ которой князю предстояло ѣхать въ Лондонъ. Дѣло было очень щекотливое. Замѣтивъ, что вслѣдствіе сѣверной войны Швеція потеряла свое преобладающее на сѣверѣ значеніе, дипломаты стали уже готовиться къ дѣлежу оставшейся послѣ нея добычи. Въ Ганноверѣ былъ даже выработанъ подробный планъ такого дѣлежа германскихъ владѣній Швеціи, и князю Куракину поручалось склонить къ этому дѣлежу и Англію.

Остальные 102 письма, напечатанныя въ десятомъ томѣ «Архива», касаются князя Александра Борисовича Куракина, который, несмотря на свой двадцати-шести-лѣтній возрастъ, въ 1778 году занималъ весьма важную должность оберъ-прокурора III департамента сената. Кромѣ того, онъ былъ очень близокъ къ цесаревичу Павлу Петровичу и, почти ежедневно бывая въ его обществѣ, служилъ великому князю и секретаремъ и посредникомъ въ его негласныхъ сношеніяхъ съ разными лицами.

Такимъ высокимъ положеніемъ князя Александра Борисовича объясняется и характеръ его переписки. Къ нему пишутъ или люди, у которыхъ есть дѣло въ сенатѣ, и которые ищутъ его поддержки, или же къ нему обращаются разные высокопоставленные лица, въ родѣ графа П. А. Румянцова-Задунайскаго, которымъ нужно было найти ходъ и доступъ къ цесаревичу. Князь служилъ центромъ, гдѣ перекрещивались всевозможные виды и замыслы на великаго князя не только нашихъ политиковъ, но и заграничныхъ. Любопытно, что черезъ него, какъ своего сочлена, хлопотали и массоны (преимущественно шведскіе), которые изошрялись «въ употребленіи разныхъ способовъ къ уловленію въ свою секту извѣстной особы».

А. В.

А. И. Загоровскій, ординарный проф. Новороссійскаго университета. Курсъ семейнаго права. Одесса. 1902.

Имя г. Загоровскаго достаточно извѣстно въ юридическомъ мірѣ, и потому о достоинствахъ его спеціальнаго труда говорить не приходится, тѣмъ болѣе, что критика эти достоинства уже оцѣнила. Но книга уважаемаго ученаго ка-

сается не только дѣйствующаго права; большое мѣсто въ ней отведено также и исторіи, въ томъ числѣ прошлому браку и разводу.

Въ послѣднемъ отношеніи многія данныя курса г. Загоровскаго являются очень любопытными. Между прочимъ поучительна исторія гражданскаго брака, который въ настоящее время признанъ законодательствомъ большинства государствъ Западной Европы. Несмотря на господствующую тенденцію современнаго права оставить за церковнымъ вѣнчаніемъ факультативное значеніе, авторъ отмѣчаетъ тотъ любопытный фактъ, что массы народныя склонности пользоваться гражданской формой бракосочетанія не выказываютъ. Наоборотъ, въ Ольденбургѣ, послѣ введенія альтернативнаго гражданскаго брака, на 6.000 супружествъ только 28 приходилось гражданскихъ. Въ баварскомъ рейнскомъ Пфальцѣ, при 300.000 протестантскихъ жителей, въ пятилѣтній промежутокъ времени было зарегистрировано только 16 протестантскихъ и 28 смѣшанныхъ браковъ безъ церковнаго вѣнчанія. Во Франціи, несмотря на существованіе гражданскаго брака, церковный въ полномъ употребленіи, а въ Италіи, несмотря даже на обязательность гражданскаго брака, многіе ограничиваются исключительно церковнымъ обрядомъ.

Объясняя подобное явленіе, г. Загоровскій указываетъ на то, что церковное вѣнчаніе вноситъ нѣчто возвышенное въ холодный правовой договоръ, и что поэтому вообще нѣтъ основаній добиваться во что бы то ни стало обязательности формъ гражданскаго бракосочетанія. Гражданскій бракъ и въ настоящее время, по мнѣнію уважаемаго ученаго, долженъ сохранить свой историческій характеръ. Впервые онъ возникъ въ Голландіи въ виду нежеланія диссидентовъ пользоваться вѣнчальными обрядами господствующаго исповѣданія. Эта же причина способствовала его введенію въ Англию и отчасти во Францію. Слѣдовательно, и въ настоящее время нужда въ немъ имѣется по отношенію брака сектантовъ всякаго рода. Въ этомъ смыслѣ русскій законъ между прочимъ уже вступилъ на правильный путь, допустивъ гражданскій бракъ для раскольниковъ.

Нѣсколько иначе относится проф. Загоровскій къ вопросу о разводѣ. Приводя историческую справку по византійскому праву, авторъ указываетъ, что восточная церковь, кромѣ прелюбодѣянія, неспособности къ брачному сожитію и др. причинъ, знала еще слѣдующіе поводы къ разводу: 1) пированіе жены противъ воли мужа съ посторонними мужчинами; 2) самовольное посѣщеніе ею цирка, театра или амфитеатра; 3) самовольное отсутствіе изъ дома хотя бы въ теченіе одной ночи и даже въ томъ случаѣ, если эта ночь была проведена у родителей.

На основаніи приведенныхъ причинъ мужъ могъ требовать развода; въ свою очередь законъ предвидѣлъ случаи, когда дѣло о расторженіи брака могла возбудить жена. Итакъ, по буквѣ византійскаго закона, въ исторіи разводъ у насъ не былъ очень затруднителенъ, но новѣйшее право съ девятнадцатаго вѣка дѣлаетъ условія расторженія брака болѣе стѣснительными, и противъ этого возстаютъ проф. Загоровскій. Онъ доказываетъ, что упраздненная въ 1839 г. вторая часть Кормчей, т. -е. канонизированное византійское право, хотя и не совсѣмъ отвѣчало правамъ и потребностямъ русскаго народа, но, тѣмъ не

менѣе, оно доставляло матеріаль для разрѣшенія практическихъ сомнѣній въ бракоразводныхъ вопросахъ, тогда какъ дѣйствующее хаотическое, разрозненное и неполное право ставитъ иногда судей въ безвыходное положеніе.

Становясь на эту точку зрѣнія, г. Загоровскій полагаетъ, что при указанныхъ условіяхъ устраненіе изъ русскаго положительнаго права упомянутыхъ византійскихъ законовъ было совершенно несвоевременно. Много серьезныхъ возраженій приводитъ авторъ противъ нашего бракоразводнаго процесса, который наоборотъ является чрезчуръ устарѣлымъ. Между прочимъ проф. Загоровскій доказываетъ, что условія нашего юридическаго быта не заключаютъ въ себѣ препятствій къ преобразованію русскаго бракоразводнаго права въ особенности въ отношеніи процессуальной стороны.

Интересны также въ трудѣ г. Загоровскаго историческія данныя относительно постановленій о незаконнорожденныхъ до изданія дѣйствующихъ западно-европейскихъ кодексовъ. Тутъ же дается очеркъ и русскаго права до и послѣ Петровской эпохи. Вообще въ курсѣ уважаемаго автора много найдеть любопытнаго и догматикъ и историкъ.

В. Гр—скій.

Афганистанъ и его политическое значеніе (сообщеніе съ планомъ). Составилъ П. фонъ-Герихъ подъ редакціей В. Паруцкаго. Изданіе «Невскаго книжнаго магазина». Спб. 1902.

Брошюра, появившаяся подъ этимъ громкимъ названіемъ въ то время, когда Афганистанъ снова обратилъ на себя общее вниманіе, къ сожалѣнію, не даетъ полнаго представленія о современномъ состояніи этой сосѣдней намъ страны и ея политическомъ значеніи для Россіи и Англій.

Авторъ воспользовался трудами изслѣдователей Афганистана преимущественно семидесятыхъ годовъ и на основаніи этихъ данныхъ построилъ и весь свой трудъ, историческая часть котораго, несмотря на всю сжатость и сухость изложенія, является вполне удовлетворительною. Географическій очеркъ Афганистана составленъ небрежно, переименованы только нѣкоторые горные хребты, проходы черезъ нихъ и рѣки, при чемъ отнюдь не всѣ важнѣйшіе. О замѣчательнѣйшей рѣкѣ Шоръ, протекающей по Хайберскому ущелью, являющейся грозою для путешественника и армій во время ливня, совершенно ничего не сказано, между тѣмъ эта рѣчка имѣла важное значеніе во время всѣхъ походовъ англичанъ въ Афганистанъ.

При описаніи путей наступленія со стороны Россіи на Кабулъ совершенно не упомянуто о характерѣ этихъ путей и забытъ рядъ доступныхъ переваловъ черезъ западные отроги Гиндукуша, лежащихъ на пути между Баміаномъ и Кабуломъ, а между тѣмъ перевалы: Акъ-Рабатъ, Сиганъ и Дандалъ Шиканъ, достигая лишь до 9.000 футовъ, представляютъ собою въ теченіе круглаго года удобную дорогу между Баміаномъ и Балхомъ. А Сефидъ (11.000 футовъ), Уналь (12.400 футовъ) и Ходжинъ-Кокъ (13.000 футовъ) даже въ маѣ покрыты снѣгомъ, и движеніе по нимъ возможно лишь въ морозные дни.

Легенда о происхожденіи афганцевъ, которою почему-то упорно навязывается имъ семитическое происхожденіе, въ настоящее время уже утратила свое

значение, такъ какъ послѣдними изслѣдованіями доказано, что афганцы принадлежатъ къ основнымъ арійскимъ племенамъ, да и сами они, насколько мнѣ приходилось слышать отъ афганцевъ о ихъ происхожденіи, совершенно отрицаютъ свое родство съ евреями, которыхъ въ Афганистанѣ презираютъ, какъ паріевъ. Убить «жида» считается для афганца даже доблестью. Сходство преданій афганцевъ съ преданіями Ветхаго Заветъа объясняется тѣмъ, что всѣ восточные народы болѣе или менѣе придерживались однихъ и тѣхъ же сказаній, распространенныхъ евреями во время ихъ скитанія по свѣту.

Магометъ почерпнулъ немало обрядовъ и миѳовъ изъ исторіи еврейскаго народа; многіе еврейскіе обычаи укоренились у магометанъ, а также перешли къ нимъ и собственныя имена іудеевъ.

Пользуясь устарѣлыми источниками, авторъ даетъ намъ и устарѣлыя свѣдѣнія о политическомъ строе Афганистана, о его арміи, торговлѣ и бытѣ самихъ афганцевъ, и въ этой части его труда замѣтно желаніе дополнить эти пробѣлы какъ бы ощущью въ потемкахъ; и авторъ, повидимому, старается бѣгло обойти ихъ въ общихъ чертахъ, боясь, быть можетъ, могущаго произойти недоразумѣнія и въ то же время стѣсняясь сказать правду о томъ, что у него подъ рукою не имѣлось болѣе свѣжихъ и полныхъ данныхъ о мало изслѣдованной странѣ, народъ которой за время послѣднихъ 15-ти лѣтъ сдѣлалъ исполнскіе шаги въ развитіи культуры, ставъ почти на одинъ уровень съ второстепенными государствами Европы.

Въ заключеніи авторъ довольно вѣрно опредѣлилъ положеніе современнаго Афганистана, какъ буфернаго государства между Индіей и Россіей, поставленнаго въ такое положеніе заботливыми стараніями Англіи, но въ то же время дѣлаетъ огромную ошибку, предполагая, что Россія, въ ожиданіи общаго озлобленія мусульманскихъ народовъ противъ англичанъ, бездѣйствуя въ настоящее время, выжидаетъ удобнаго момента нанести «давно заслуженный смертельный ударъ Англіи», т.-е., какъ надо понимать, вторгнуться въ предѣлы ея индійскихъ владѣній. Во-первыхъ, это не такъ; Россія держится по отношенію Англіи весьма мирной политики. А, во-вторыхъ, заблуждается авторъ: мусульманскіе народы одинаково ненавидятъ всѣхъ христіанъ завоевателей, а афганцы въ особенности дорожатъ своей самостоятельностью, купленную рядомъ войнъ и сотней тысячъ жертвъ.

Эта самостоятельность окончательно завоевана Абдурахманъ-ханомъ и передана по наслѣдству его сыну Хабибуллѣ, который по послѣднимъ свѣдѣніямъ всецѣло погруженъ въ вопросъ увеличенія арміи и перевооруженія ея скорострѣльными ружьями новѣйшихъ системъ, конечно, не съ цѣлью оказанія помощи англичанамъ въ ихъ проискахъ противъ Россіи.

Что же касается вліянія Англіи на Афганистанъ, то отвѣтомъ на это служитъ прекрасная фраза покойнаго Абдурахмана: «Я буду дружить съ англичанами до тѣхъ поръ, пока это будетъ выгодно для моего государства; ссориться съ Россіей я считаю небезопаснымъ и на помощь Англіи въ этомъ отношеніи не полагаюсь, такъ какъ она не въ силахъ противодѣйствовать вторженію русскихъ въ Индію».

Жестоко ошибается авторъ въ своемъ выводѣ, что «теперь не Афганистанъ, а Англія является сосѣдомъ Россіи, и рано или поздно дѣло должно кончиться войною», т.-е. съ Англіей (?).

А мы возьмемъ на это, что никогда не былъ такъ самостоятеленъ Афганистанъ, какъ въ минувшее царствованіе Абдурахмана и въ современномъ своемъ положеніи.

Война Россіи съ Афганистаномъ почти вѣроятна, но Англія будетъ очень осторожна; она сохранитъ наружный нейтралитетъ и вмѣшается, да и то съ предложеніемъ раздѣла Афганистана, когда увидитъ явный успѣхъ Россіи.

Нечего и говорить, что Англія болѣе всего боится этого, но опасенія ея ошибочны; только непосредственное соприкосновеніе границъ Британскихъ владѣній съ Россіей возстановитъ миръ и спокойствіе на ея западныхъ и нашихъ восточныхъ границахъ въ Азіи.

Редакція В. Паруцкаго въ настоящемъ трудѣ фонъ-Гериха весьма слабая: почти всѣ мѣстныя названія рѣкъ, озеръ и хребтовъ до того искажены, что даже человѣку, хорошо знакомому съ географіей Памира и Афганистана, трудно въ нихъ разобраться. Озера Царь-куль на Памирахъ нѣтъ а есть озеро Зорь-куль, также озеро Чарь-куль не существуетъ; переваль Бендерскаго названъ Бендерскимъ проходомъ, и много другихъ неточностей въ названіяхъ, а между тѣмъ устраненіе этого и составляло главную задачу для редактировавшаго изданіе.

Къ брошюрѣ приложена карта Афганистана, небрежная, съ очень неясными подписями.

Борись Тагъевъ.

Августѣйшіе кадеты и ихъ участіе въ лагерныхъ сборахъ военно-учебныхъ заведеній. Изданіе П. Ф. Лузанова. Спб. Ц. 1 р. Чистая прибыль съ изданія поступаетъ въ пользу пріюта «Ясли».

Знакомаясь съ дѣлами архива Перваго кадетскаго корпуса съ цѣлью извлеченія матеріаловъ для исторіи корпуса, авторъ настоящаго труда обратилъ между прочимъ вниманіе на весьма любопытные журналы лагерныхъ занятій кадетъ, веденные въ періодъ съ 1826 по 1850 годъ. Въ своей брошюрѣ г. Лузановъ собралъ выписки изъ этихъ журналовъ, которые представляютъ особый интересъ въ виду того, что въ нихъ имѣются довольно подробныя свѣдѣнія о пребываніи въ рядахъ кадетъ членовъ императорской фамилии. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ рисуется истинно сердечное и вполне отеческое попеченіе о кадетахъ императора Николая Павловича, живо интересовавшагося кадетскимъ бытомъ въ лагеряхъ.

Зачисленіе великихъ князей въ списки Перваго кадетскаго корпуса началось вскорѣ по вступленіи Николая Павловича на престолъ. Первымъ августѣйшимъ кадетомъ былъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, затѣмъ великіе князья Константинъ Николаевичъ, Михаилъ Николаевичъ, Николай Николаевичъ, наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ, великіе князья Александръ и Владимиръ Александровичи и принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій.

Нужно отдать полную справедливость автору, который сумѣлъ сдѣлать выписки изъ сухихъ журнальныхъ отмѣтокъ такъ, что при сопоставленіи другъ съ другомъ и въ соединеніи онѣ даютъ очень содержательный и интересный матеріалъ. Нѣкоторыя страницы даже прямо трогательны, и именно тѣ, въ которыхъ изображается необычайная простота отношенія императора къ маленькимъ воинамъ. Подъ 1827 г. описывается прибытіе въ строй кадетъ наследника цесаревича. 18 іюня 1827 г. Николай Павловичъ съ августѣйшимъ кадетомъ прибылъ въ отрядъ корпуса въ деревнѣ Пулковой и, пройдя по фронту, обратился къ полковнику Шмидту со словами: «Полковникъ, я вамъ привезъ молодого рекрута». Затѣмъ наследникъ престола въ полной походной аммуниціи былъ поставленъ въ строй и съ этого дня началъ свою походную службу.

Великій князь такимъ образомъ въ формальномъ отношеніи былъ уравненъ съ прочими кадетами; но, кромѣ того, и фактически онъ въ полномъ смыслѣ слова по волѣ императора признавалъ ихъ своими товарищами и пребывалъ въ ихъ обществѣ. Въ торжественные дни всѣ кадеты или лучшіе изъ нихъ приглашались къ царскому столу. Съ ними бесѣдовали императоръ и императрица, нерѣдко собственноручно одѣлявшіе своихъ гостей всякаго рода лакомствами.

Въ Царскомъ Селѣ нѣсколько кадетъ помогали наследнику въ построеніи на одномъ изъ островковъ сада домика для великихъ княженъ. Нерѣдко случалось, что великій князь вмѣстѣ съ товарищами пилъ горячій сбитень или даже изъ артезной чашки черпалъ за ужиномъ или обѣдомъ супъ и кашу. На бивуакахъ Александръ Николаевичъ вмѣстѣ съ прочими проводилъ ночи подъ открытымъ небомъ на соломѣ.

Николай Павловичъ любилъ присутствовать при играхъ кадетъ, дѣлать внезапныя тревоги, заставляя проявлять находчивость, силу, ловкость, присутствіе духа. Между прочимъ въ Петергофѣ кадеты очень часто получали приказаніе брать приступомъ фонтанъ Самсона. Кадеты должны были карабкаться по скользкимъ уступамъ фонтана, бороться съ бѣгущей на встрѣчу водой каскадовъ, и тѣ, которые первыми взбирались на верхнюю площадку, получали призы изъ рукъ самой императрицы.

Иногда между воспитанниками разныхъ военноучебныхъ заведеній происходили по высочайшей волѣ примѣрныя сраженія, во время которыхъ иногда молодежь входила въ такой задоръ, что начинала цускать въ ходъ оружіе уже не примѣрно, а въ дѣйствительности. Такъ, на примѣръ, въ іюль 1829 г. гвардейскіе подпорощики и конкеры легкой кавалеріи вмѣстѣ съ сухопутными кадетами неожиданно напали на кадетъ-моряковъ. Тѣ приняли атакующихъ въ штыки, и завязалось было серьезное дѣло, при чемъ уже оказались раненые.

Схватка прекратилась, благодаря находчивости одного морского офицера, бросившагося между штыками. Былъ, однако, случай, когда кадеты осрамялись. На маневрахъ на кадетскій батальонъ налетѣлъ отрядъ кирасиръ. Увидѣвъ мчащіяся на нихъ ряды суровыхъ усачей, кадеты, покинувъ строй, смялись въ кучу и подняли шумъ и крикъ. Только присутствіе и гнѣвъ императора дали возможность привести кадетское карре въ порядокъ.

Вечеромъ, объѣзжая лагерь, государь шута спрашивалъ у кадетъ, живы ли они послѣ утренней встрѣчи съ кирасирами. Рѣшительный отвѣтъ «живы» заставилъ императора усмѣхнуться и сказать: «быть не можетъ! васъ совершенно изрубили». Этотъ урокъ не прошелъ даромъ, и при слѣдующихъ маневрахъ кадеты проявили уже достаточно самообладанія.

Помимо общей нити повѣствованія въ видѣ дневной записи, трудъ г. Лузанова изобилуетъ цѣлой массой бытовыхъ подробностей, дѣлающихъ книгу интересной не только для бывшихъ кадетъ, но и для всякаго, кто занимается русской исторіей.

В. Грибовскій.

А. И. Лященко. «Ревизоръ» Гоголя и комедія Квитки «Пріѣзжіи изъ столицы». Спб. 1902.

Недавній Гоголевскій юбилей, какъ извѣстно, еще задолго до наступленія оживилъ интересъ къ личности и творчеству нашего великаго юмориста. Несмотря на то, что о Гоголѣ имѣется уже цѣлая специальная литература, и вопросы его біографіи и литературной дѣятельности разработаны едва ли не лучше, чѣмъ кого бы то ни было изъ нашихъ великихъ писателей, тѣмъ не менѣе года два тому назадъ удалось напасть на поразительное по своему смыслу открытіе, которое страннымъ образомъ до сего времени ускользало отъ вниманія знатоковъ Гоголевскаго творчества. Открытіе это сдѣлано г. Волковымъ, а суть его заключается въ томъ, что бессмертная комедія Гоголя «Ревизоръ» есть не что иное, какъ передѣлка комедіи забытаго нынѣ писателя Квитки «Пріѣзжіи изъ столицы», передѣлка, въ которой Гоголь не хотѣлъ сознаться и до конца жизни тщательно скрывалъ происхожденіе обработаннаго имъ сюжета! Такимъ образомъ съ открытіемъ г. Волкова Гоголь является передъ нами еще въ новой роли—*horribile dictu!*—жалкаго плагиатора, который не хуже современныхъ литературныхъ дѣлъ мастеровъ имѣлъ замашку «опираться на чужіе сюжеты», какъ теперь принято выражаться. Это грустное для репутаціи Гоголя открытіе г. Волковъ вынесъ въ публику съ большимъ впрочемъ ущемленіемъ сердца: ему очень жаль бѣднаго писателя, и онъ даже проситъ прощенія у его тѣни. Но что же дѣлать! Г. Волковъ историкъ, а для историка—истина прежде всего. *Amicus Plato, sed magis amica veritas.*

Можно себѣ представить, какое ошеломляющее впечатлѣніе произвело коварное открытіе г. Волкова на почитателей Гоголя! Только черезъ два года начинаютъ они оправляться отъ пережитыхъ потрясеній и подавать свой голосъ, обнаруживая при этомъ непонятное упорство. Они просто-напросто не хотятъ вѣрить серьезности разоблаченій г. Волкова и влекутъ его самого къ провѣркѣ и отвѣтственности. Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣлаетъ г. Лященко въ своей спокойной и обстоятельной статьѣ, которая была помѣщена сначала въ сборникъ въ память Л. Н. Майкова, а затѣмъ явилась отдѣльнымъ оттискомъ.

Что же оказалось при болѣе тщательномъ разборѣ сообщенныхъ г. Волковымъ данныхъ? Отсылая читателя за аргументаціей къ брошюрѣ г. Лященко, скажемъ здѣсь, что прежде всего обнаружилось полное непониманіе г. Волковымъ самаго процесса Гоголевскаго творчества, который теперь, благодаря изданнымъ вариантамъ, легко до извѣстной степени себѣ уяснить.

А, во-вторыхъ, единственное доказательство, на которомъ построено все «открытіе» Волкова — сходство сюжетовъ — не выдерживаетъ даже самой снисходительной критики. Сходство внѣшней фабулы, далеко, впрочемъ, неполное, разумѣется, ровно ничего не доказываетъ. До сихъ поръ приходится встрѣчать въ газетахъ извѣстія, что то тутъ, то тамъ, въ глухомъ медвѣжьемъ углѣ разыгралась исторія, до извѣстной степени напоминающая походженія Хлестакова.

Развѣ не могли и Гоголь и Квитка слышать такого рода исторію совершенно независимо одинъ отъ другого?

Развѣ не возможно допустить, что на Руси ходилъ цѣлый бродячій рассказъ о приключеніяхъ самозваннаго ревизора? Наконецъ, добавимъ отъ себя: развѣ тутъ не могло быть случайнаго, ничѣмъ не объяснимаго совпаденія, въ родѣ того, напримѣръ, ва которое недавно указалъ въ «Новомъ Времени» г. Ивановъ? Оказывается, что одно изъ произведеній нашего драматурга г. Аверкіева до мелочей совпадаетъ не только въ сюжетѣ, но и въ самой обработкѣ его съ недавно появившейся трагедіей англійскаго писателя Филлипса. Если положить на критическій пріемъ г. Волкова, то неизбежно придется въ данномъ случаѣ къ заключенію, что кто-то у кого-то сюжетъ и матеріалъ заимствовалъ, но такое предположеніе едва ли вѣроятно, такъ какъ произведенія г. Аверкіева на англійскій языкъ, насколько намъ извѣстно, не переводились.

Заключая свою брошюру, г. Лященко приходитъ къ выводу, что никакого открытія г. Волковъ не сдѣлалъ, и извиняться ему передъ тѣнью Гоголя не зачѣмъ. Мы съ своей стороны также присоединяемся къ такому выводу и можемъ лишь радоваться и за Гоголя, литературная самобытность и порядочность котораго снова возстановлены, и за г. Волкова, которому не придется болѣе терзаться мыслью, что *volens-nolens* по обязанности историка онъ уличилъ Гоголя въ плагіатъ.

Все хорошо, что хорошо кончается.

А. Б.

Л. М. Савеловъ. Донскіе дворянскіе роды. Выпускъ первый. М. 1902.

Изданіе, предпринятое г. Савеловымъ, составляетъ преимущественно на основаніи свѣдѣній, добываемыхъ изъ архивовъ департамента герольдіи и донского депутатскаго собранія, а также по даннымъ различныхъ генеалогическихъ изданій и по сообщеніямъ представителей родовъ.

Первый выпускъ охватываетъ исторію и родословныя фамилій: Денисовыхъ, Ефремовыхъ, Иловайскихъ, Кутейниковыхъ, Машлыкиныхъ и графовъ Орловыхъ-Денисовыхъ.

Интересъ къ этимъ родамъ истекаетъ, какъ изъ того, что они принадлежатъ къ древнѣйшимъ родамъ, такъ и изъ того, что большинство изъ нихъ сыграли крупную роль въ исторіи донского казачества.

Вкратцѣ изложимъ исторію нѣкоторыхъ изъ этихъ родовъ, заимствуя свѣдѣнія изъ книги г. Савелова.

Родъ Денисовыхъ принадлежитъ къ казачьимъ родамъ чисто русскаго происхожденія. Родоначальникъ ихъ, Денисъ Ильичъ, переселился на Донъ изъ Новгорода во 2-й половинѣ XVII столѣтія, въ 1696 г. былъ подъ Азовомъ, занималъ почетную должность походнаго атамана на царичинской линіи (1705 г.) и впоследствии (1715 г.) съ пятиизбянскими казаками разбилъ партію кубанскихъ татаръ. За свои подвиги онъ получилъ прозвище Денисъ-Батырь. Женатъ Денисъ былъ два раза: первый разъ на дочери знаменитаго Стеньки Разина — Евгениі Степановнѣ, съ которой былъ разведенъ, а второй — на нѣкоей Макаревнѣ и отъ нея имѣлъ двухъ сыновей Петра и Феодора, отъ которыхъ и пошли двѣ линіи Денисовыхъ.

Всѣ четыре сына Петра Денисовича были выдающимися людьми своего времени. (Феодоръ, ген.-отъ-кав., †1803 г.; Карпъ—ген.-майоръ, при взятіи Очакова наказный атаманъ; Иванъ—полковникъ; Тимофей—ген.-майоръ). Особенно же выдѣлился старшій—Феодоръ.

Несмотря на то, что онъ не имѣлъ ни зватныхъ родныхъ, ни связей, не получилъ никакого образованія, онъ дослужился до чина ген.-отъ-кавалеріи, до графскаго достоинства и неоднократно получалъ царскія награды. Службу Феодоръ Петровичъ началъ въ 1756 г. на Дону и на его границахъ (Оренбургъ, Кизляръ), участвовалъ въ турецкой войнѣ (1768 г.), въ Крыму (1779—1783 гг.), при взятіи Очакова (1788 г.), со шведами (съ 1789 г.) и въ Польской кампаніи 1794 г.; въ это время разбилъ нѣсколько турецкихъ отрядовъ, лично взялъ въ плѣнъ польскаго генерала Ваврежцаго. Въ 1798 г. онъ назначенъ былъ командиромъ л.-гв. казачьяго полка, а черезъ годъ — инспекторомъ кавказской дивизіи и астраханскимъ губернаторомъ, съ возведеніемъ въ графское достоинство.

Но заслуженному генералу пришлось испытать на себѣ и гнѣвъ императора Павла: 18 марта 1800 г. «за проволочку препорученнаго ему дѣла по комиссіи военнаго суда» Денисовъ былъ уволенъ со службы; 6 ноября того же года вновь принятъ, съ назначеніемъ шефомъ л.-гв. казачьяго полка, но вскорѣ же (4 января 1801 г.) опять уволенъ по высочайшему повелѣнію «за безпорядки, происшедшіе въ полку, ему ввѣренномъ, и по старости лѣтъ». Послѣ послѣдняго увольненія разжалованный генералъ уѣхалъ въ родную Пятиизбянскую станицу, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Отъ брака съ Мариною Петровною Чернозубовой Феодоръ Петровичъ имѣлъ единственную дочь Дарью, вышедшую замужъ за войскового атамана Вас. Петр. Орлова и имѣвшую отъ него сына Василю (1775—1843 гг.). Василю Васильевичу по высочайшему соизволенію разрѣшено было именоваться съ потомствомъ графомъ Орловымъ-Денисовымъ. Старшій сынъ его Феодоръ Васильевичъ былъ женатъ на граф. Никитиной, и сыну его Алексѣю Феодоровичу была присоединена третья фамилія, такъ что онъ писался «графъ Орловъ-Денисовъ-Никитинъ».

Замѣтный слѣдъ въ исторіи войска донскаго оставилъ послѣ себя Адрианъ Карповичъ Денисовъ, старшій сынъ Карпа Петровича. Начавъ службу въ 1776 году, 12-ти лѣтнимъ мальчикомъ, подъ начальствомъ дяди (Феодора Петровича), онъ въ продолженіе почти 30 лѣтъ участвовалъ въ различныхъ походахъ: въ

Польшѣ (1784, 1792, 1794 гг.), въ Турціи (1788 и 1791 гг.), въ Персіи (1796 г.), въ Италіи (1799 г.), въ Индіи (1801 г.), въ Пруссіи (1807 г.) и др.; занималъ должности присутствующаго члена войсковой канцеляріи (1800 г.), наказнаго атамана (1812—1815 гг.) и войскового (1818—1821 гг.). Въ этой послѣдней должности Денисовъ ходатайствовалъ предъ императоромъ Александромъ объ учрежденіи на Дону особаго комитета для выработки мѣръ къ упорядоченію внутренняго устройства войска. Мысль эта встрѣтила сочувствіе императора, и членомъ такого комитета былъ назначенъ ген.-адъютантъ Чернышевъ. Но, благодаря всевозможнымъ интригамъ со стороны разныхъ лицъ, доброе начинаніе ввести порядокъ на Дону не осуществилось, и 27 января 1821 г. послѣдовалъ высочайшій указъ объ увольненіи Денисова отъ занимаемой должности. Съ этого времени онъ жилъ въ имѣніи, на Еланчикѣ, нѣсколько разъ пытался оправдать себя передъ государемъ, но добился только того, что было назначено слѣдствіе. Оно тянулось слишкомъ долго, и Денисовъ умеръ въ 1841 г. освобожденный отъ суда.

Остальные представители рода Денисовыхъ также подвизались на военномъ поприщѣ, и на страницахъ книги г. Савелова отведено достаточно мѣста для описанія ихъ подвиговъ.

Родъ Ефремовыхъ произошелъ отъ московскаго купца Ефрема Петрова, перемѣнившаго аршинъ на мечъ; первоначально онъ былъ старшиной, потомъ походнымъ атаманомъ въ Лифляндскомъ походѣ (1702 г.) и въ Царицынѣ при усмирении астраханскаго бунта (1705 г.); въ 1708 г. былъ замученъ Булавинымъ.

Изъ представителей этого рода въ исторіи донскаго казачества памятны: сынъ Ефрема—Данило Ефремовичъ, и сынъ послѣдняго—Степанъ Даниловичъ.

Данило Ефремовичъ (р. 1690 г., † 1760 г.) былъ походнымъ атаманомъ въ шведской войнѣ (1707 г.), въ персидскомъ походѣ (1722 г.) и на Царицынской линіи (1737 г.); ѣздилъ въ 1734 г. къ калмыцкому хану Дондукъ-Омбо съ дипломатическимъ порученіемъ не допустить калмыковъ перейти на сторону Турціи и тѣмъ усилить еще болѣе осложненія на нашей южной границѣ, и въ должности (съ 1738 г.) войскового атамана, въ теченіе 15 лѣтъ, правилъ войскомъ донскимъ; въ 1759 г. за участіе въ семилѣтней войнѣ онъ произведенъ былъ въ тайные совѣтники.

Дѣятельность сына его Степана Даниловича (р. 1715 г., † 1784 г.) была далеко не доблестна. Пожалованный за заслуги отца въ старшины (1735 г.), онъ постепенно проходилъ должности походнаго, наказнаго и войскового атамана, но, будучи слишкомъ пристрастнымъ къ наживѣ, нисколько не стѣнялся въ расхищеніи военныхъ денегъ и въ поборѣ взятокъ. За эти проступки онъ былъ приговоренъ къ повѣшенію, замѣненному императрицей Екатериной вѣчною ссылкой въ Перновъ, а въ 1774 г. за заслуги донскихъ казаковъ прощенъ, но на Донъ уже не возвращался, а умеръ въ Петербургѣ.

Нельзя обойти молчаніемъ, что на Дону существуетъ два памятника этого рода: особый отдѣлъ въ Донскомъ музеѣ, названный Ефремовскимъ, и Старо-черкасскій Ефремовскій монастырь, основанный женами сыновей Степана Даниловича—Евдокіей Іоакимовной, рожденной Карповой, и Ульяной Алексѣевою,

рожденной Иловайской. Этот монастырь въ теченіе многихъ лѣтъ украшался представителями рода и такимъ образомъ обогащенъ множествомъ цѣнныхъ вкладовъ.

Иловайскіе произошли отъ посадскаго челоуѣка города Темникова, что нынѣ уѣздный городъ Тамбовской губерніи, Мокея Осиповича Иловайскаго, переселившагося на Донъ въ концѣ XVII вѣка и бывшаго впослѣдствіи старшиной.

Изъ этого рода, вообще воинственно-геройскаго, особенно прославились: внуки родоначальника Алексѣй и Дмитрій Ивановичи, сыновья послѣдняго Павелъ и Василій Дмитріевичи и сынъ младшаго внука родоначальника Алексѣй Васильевичъ.

Алексѣй Ивановичъ († 1797 г.) принималъ участіе въ дѣйствіяхъ русскихъ въ Кабардѣ, въ Семилѣтней войнѣ (1756—1763 гг.) и въ первой турецкой (1770 г.); ходилъ съ отрядомъ въ 1000 казаковъ противъ Пугачева (1774 г.); прошелъ должности войскаго старшины, наказнаго и войскаго атамана и за разгромъ нагайскихъ татаръ (въ 1783 г.) награжденъ былъ чиномъ генераль-поручика и орденомъ св. Владимира 2-й степ.; при восшествіи же на престолъ императора Павла I получилъ чинъ генерала-отъ-кавалеріи, чинъ, котораго до него не имѣлъ никто изъ донцовъ.

Во время своего атаманства обращалъ особое вниманіе на внутреннее устройство войска и много содѣйствовалъ учрежденію на Дону гражданскаго правительсва, сообразно съ общимъ управленіемъ имперіи.

Дмитрій Ивановичъ (р. 1737 г.) участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ (1756—1758 гг.), въ первой (1769—1774 г.) и во второй (1787—1791 г.) турецкихъ; отличился при взятіи Измаила; дослужился до чина ген.-отъ-кавалеріи.

Павелъ Дмитріевичъ (р. 1764 г.), умершій въ чинѣ генераль-лейтенанта, особенно прославился въ 1810 г. въ сраженіи при деревнѣ Батинѣ.

Василій Дмитріевичъ (р. 1785 г., † 1860), прозванный цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ «Иловайскимъ 12-мъ, но недожизненнымъ», приобрѣлъ славу подвигами въ войну 1812 года; будучи всего 27-ми лѣтъ отъ роду, онъ былъ уже генераль-майоромъ, а умеръ—генераль-лейтенантомъ.

Г. Савеловъ подробно описываетъ всѣ подвиги этого героя.

Алексѣй Васильевичъ, участвовавшій въ турецкой (1789—1792 гг.), итальянской (1799 г.) и Отечественной (1812—1814 гг.) войнахъ и бывшій наказнымъ и войсковымъ атаманомъ, принадлежалъ къ выдающимся дѣятелямъ края. Дѣятельность его была направлена преимущественно на учрежденный по мысли атамана Адріана Карповича Денисова (см. выше) «комитетъ для составленія положенія объ устройствѣ войска донскаго», членомъ котораго онъ состоялъ, и своими трудами принесъ бы населенію немало пользы, если бы не происки и подвохи всеильнаго тогда Чернышева, добившагося ради выгодъ своихъ оклеветанія передъ государемъ и преданія суду энергичнаго атамана.

Эта неприглядная исторія столкновенія Иловайскаго съ Чернышевымъ въ трудѣ г. Савелова процитирована по различнымъ довольно нагляднымъ документамъ.

Разсмотрѣвъ нѣкоторыя мѣста «Донскихъ дворянскихъ родовъ», мы въ заключеніе укажемъ на достоинства и пробѣлы этой интересной книги.

Къ достоинствамъ слѣдуетъ отнести прежде всего самую систему распределенія матеріала. Для каждой фамиліи дается первоначально исторія рода и характеристики главнѣйшихъ представителей его, а затѣмъ уже приводятся генеалогическіе списки, списки не голые, а со множествомъ свѣдѣній. Кромѣ того, очень цѣнны выписки изъ разныхъ грамотъ, указовъ и другихъ документовъ, изобилующія въ біографіяхъ дѣятелей, а также даты въ послужныхъ спискахъ и перечняхъ боевыхъ подвиговъ ихъ.

Достоинства книги умаляются отсутствіемъ снимковъ съ дворянскихъ гербовъ, такъ какъ одно лишь описаніе не можетъ дать яснаго представленія о гербѣ, а также неполнотой цифровыхъ датъ рожденія и смерти упоминаемыхъ лицъ. Все это легко можетъ быть исправлено въ слѣдующихъ томахъ изданія.

Вор. Городецкій.

Б. Л. Тагѣвъ (Рустамъ Бекъ). «На Востокъ». Очерки и рассказы изъ жизни на далекихъ окраинахъ Азіи. Варшава. 1902.

Б. Л. Тагѣвъ въ теченіе своей десятилѣтней литературной дѣятельности, посвященной исключительно Востоку, далъ немало интересныхъ описаній Памира и цвѣтущихъ долинъ Ферганы, а также Афганистана, этой terra incognita для европейцевъ. На страницахъ «Историческаго Вѣстника» уже не разъ появлялись талантливые очерки Б. Л. Тагѣва, отмѣченные не только нашей, но и заграничной періодической печатью (Pal-Mal-Gazette), какъ заключающіе въ себѣ «правду дѣйствительной жизни», рисующіе тяжелый бытъ туземца и произволъ, царившій среди мѣстныхъ администраторовъ.

Въ настоящей книгѣ нѣсколько рассказовъ. Въ одномъ изъ нихъ авторъ рисуетъ бытъ несчастнаго туркестанскаго арбакеша (извозчика) или керекеша (проводника вьючныхъ лошадей).

Въ другомъ рассказывается трогательная повѣсть неудачной жизни керекеша Юсуфа, нарисованная авторомъ въ тяжелой обстановкѣ горнаго похода, терпящаго голодъ, холодъ, побои и въ заключеніе погибающаго при переправѣ черезъ горную рѣку.

Рассказъ «Докторша» — случай, отмѣченный уже въ печати, которому авторъ сумѣлъ придать живой интересъ, рисуется произволъ командира полка по отношенію къ своему офицеру, изъ-за личныхъ къ нему отношеній, вызывающій цѣлую драму въ семейной жизни поручика Чапликова, концемъ которой былъ переводъ на Дальній Востокъ и гибель въ стычкѣ съ китайцами.

«Мать» — это лучшее произведеніе автора, вырванное имъ изъ дѣйствительной жизни. Въ небольшомъ, по прочувствованномъ рассказѣ рисуется жизнь женщины, посвятившей себя всецѣло воспитанію своего сына. Неудачная жизнь съ испорченнымъ человѣкомъ не отразилась на ея нравственной натурѣ, и, несмотря на то, что она бросила домъ мужа, она остается такою же нѣжной любящей матерью своему единственному сыну. Переживая нужду и всевозможныя лишенія, она успѣваетъ дать возможность своему сыну, не замѣ-

чая ея тяжелаго положенія, выйти въ офицеры. Но вотъ ея сынъ назначенъ съ отрядомъ на театръ китайской войны. Мать не теряетъ и вслѣдъ за сыномъ отправляется въ качествѣ сестры милосердія на Дальній Востокъ. Юноша, тяжело раненный въ бою, умираетъ. «Звѣзды загорѣлись на чернѣющемъ небосклонѣ, равнодушно поглядывая, какъ люди изъ алчности наживы убивали другъ друга, рвали на куски человѣческое тѣло, обагривъ молодую горячею кровью свою кормилицу-землю... Въ полевоиъ лазаретѣ шладѣтельная работа; измученный за день докторъ перевязывалъ съ помощью фельдшера раненныхъ... На мягкихъ носилкахъ, прикрытый сѣрой офицерскою шинелью, лежалъ Ника и слегка стоналъ... «Мама милая, бѣдная мама», — прошепталъ онъ... Съ первыми лучами восходящаго солнца его не етало... А тамъ на «Добровольцѣ», въ своей маленькой каютѣ, склонившись передъ иконой Богоматери, несчастная мать молилась о спасеніи сына, полная вѣры, надежды и упованія»...

Разсказъ «Не судьба» и очеркъ «Худояръ-ханъ, послѣдній ханъ Коканда» носятъ характеръ историческій, знакомя читателя съ Алайскимъ походомъ и съ весьма интереснымъ правленіемъ, личностью и интимной жизнью послѣдняго кокандскаго хана. Изложены они въ живой формѣ и весьма интересны.

Не лишены художественности и оригинальности очеркъ «Охота Киха», знакомящій читателя съ тяжелою горною охотой въ горахъ Алая и бытомъ кочевника-охотника.

П. Л.

Д. К. Треневъ. Иконы царскаго изографа Симона Ушакова въ Московскомъ Новодевичьемъ монастырѣ. Съ приложеніемъ 5 фототипій. М. 1901.

Весною 1900 г. В. И. Сизову удалось открыть въ Московскомъ Новодевичьемъ монастырѣ двѣ иконы кисти извѣстнаго русскаго иконописца Симона Федоровича Ушакова (р. 1626 г., ум. 1686 г.), а именно иконы Господа Вседержителя и Седьмого вселенскаго собора. Въ слѣдующемъ году Д. К. Треневъ открылъ тамъ же еще три иконы того же иконописца: 1) святыхъ, соименныхъ членамъ семейства царя Алексѣя Михайловича, 2) св. архидіакона Стефана и 3) св. архидіакона Никанора. Описаніе, довольно детальное, всѣхъ этихъ иконъ и служить содержаніемъ разсматриваемой брошюры.

Названныя иконы, читаемъ въ предисловіи, «но своему высокому художественному достоинству могутъ считаться среди лучшихъ произведеній славнаго царскаго изографа. Въ нихъ, несмотря на слѣдованіе предписаніямъ иконописнаго подлинника, проявилось такъ много живого, самостоятельнаго и художественно-прекраснаго, что онѣ, вмѣстѣ съ прочими его лучшими произведеніями, представляютъ тотъ крайній предѣлъ, до котораго могло развиваться наше древнее русское искусство иконописанія, и за которымъ уже слѣдоваль потомъ упадокъ, продолжавшійся до послѣдняго времени» (стр. 5). Писались эти иконы въ 1682—1683 г., когда творцу ихъ было около 57 лѣтъ.

На иконѣ Господа Вседержителя Спаситель изображенъ сидящимъ, по примѣру древнихъ византійскихъ императоровъ, на подушкѣ богатаго золо-

того тропа съ высокою квадратною спинкой, украшенной орнаментомъ. Правая рука Спасителя благословляетъ, а лѣвою онъ придерживаетъ Св. Евангеліе. Особенно прекрасно сдѣланъ ликъ Его, изображающій неземное величіе, захватывающее вниманіе молящагося своимъ глубокимъ религиознымъ смысломъ, что, по мнѣнію г. Тренева, даетъ право причислить эту икону къ нашимъ лучшимъ изображеніямъ Спасителя.

Икона святыхъ, соименныхъ членамъ семейства царя Алексѣя Михайловича (св. Алексѣя митрополита, св. Алексѣя челоуѣка Божія, св. муч. Ирины, св. Феодора Стратилата, преп. Маріи Египетской, священномученика Симеона, епископа персидскаго, преп. Марѳы, св. Татіаны, св. Анны, св. Софіи, св. Феодосіи и преп. Евдокии и Маріи), также наиболѣе интересна по изображенію ликовъ, въ которыхъ «превосходно выражены молитвенное настроеніе души, кротость, простота и искренность вѣры».

Изъ другихъ иконъ слѣдуетъ остановиться на иконѣ, изображающей Седьмой вселенскій соборъ, описанію которой авторъ посвящаетъ болѣе половины своей брошюры.

«На иконѣ этой изображено нѣсколько отдѣльныхъ событій, имѣющихъ отношеніе до Седьмого вселенскаго собора.... Верхняя средняя часть иконы занята изображеніемъ пятиглаваго храма, вся часть котораго ниже сводовъ представлена въ разрѣзѣ, такъ что храмъ кажется какъ бы развершимся и открываетъ зрителю величественную картину собора нѣсколькихъ сотъ святителей, изображеніе которыхъ и занимаетъ всю нижнюю половину иконы. Множество святителей размѣщены по четыремъ сторонамъ площади; они представлены сидящими на длинныхъ скамьяхъ».... Въ центрѣ помѣщенъ богатый шатеръ, изображающій дворецъ императрицы въ Константинополѣ и заключающій два богатыхъ золотыхъ трона, на одномъ изъ которыхъ возсѣдаетъ императоръ Константинъ VI, а на другомъ мать его, царица Ирина.

Тутъ же Симонъ Ушаковъ совмѣстилъ и изображеніе торжества православія, установленнаго внослѣдствіи на соборѣ 842 года. Кромѣ художественнаго исполненія, говоритъ г. Трневъ, авторъ обнаружилъ и «правильное пониманіе всего хода событій Седьмого вселенскаго собора», что и подтверждается приводимыми имъ свѣдѣніями изъ иностранныхъ источниковъ.

На иконѣ много надписей, которыя и приводятся въ послѣдней главѣ, съ поясненіями.

Разсматриваемая брошюра есть только часть большого «роскошнаго изданія», предпринятаго г. Трневымъ, подъ заглавіемъ: «Иконостасъ Смоленскаго собора Московскаго Новодѣвичьяго монастыря», скорѣйшаго появленія котораго, судя по выпущенной въ свѣтъ части, остается лишь желать.

В. Р—въ.

П. О. Николаевъ. Вопросы жизни въ современной литературѣ. Москва. 1902.

Нужна большая смѣлость бросить на книжный рынокъ отдѣльное изданіе ряда журнальных замѣтокъ, въ которыхъ обозрѣватель изъ мѣсяца въ мѣсяцъ сообщалъ читателю о болѣе или менѣе интересныхъ статьяхъ журналовъ. Въ

большомъ компактномъ томѣ на 545 страницахъ собрано сорокъ семь обзорѣній. И въ моментъ своего появленія въ книжкахъ журналовъ подобныя обзорѣнія—наименѣе читаемыя и, по бѣльшей части, остающіяся неразрѣзанными журнальныя страницы... Читающая публика не питаетъ особой симпатіи къ этимъ статьямъ, авторы которыхъ видятъ свой долгъ и обязанность въ изреченіи одной, двухъ мыслей по поводу микроскопическихъ явленій текущей литературной жизни (крупныя явленія разсматриваются въ отдѣльныхъ статьяхъ). Но что же сказать о впечатлѣніи, которое производитъ «собраніе обзорѣній» въ отдѣльномъ изданіи? Самый храбрый читатель, въ свое время съ беззаботностью оставлявшій неразрѣзанными журнальныя отчеты, почувствуетъ ужасъ, наткнувшись на такое почтенное сборище своихъ старухъ, но совѣтъ не близкихъ знакомыхъ!

Замѣтки г. Николаева, собранныя въ этой книгѣ, печатались въ «Русской Мысли» въ 1893—1898 годахъ и въ своей совокупности являются лѣтописью литературной жизни за это время. Отъ настоящей подлинной лѣтописи г. Николаева отличается тѣмъ, что она не ограничивается отмѣткой событій, но о каждомъ изъ нихъ считаетъ своимъ долгомъ сказать нѣсколько мыслей. Впрочемъ, слово «событіе» слишкомъ значительно для тѣхъ произведеній, о которыхъ идетъ рѣчь въ книгѣ г. Николаева. Быть можетъ, больше, чѣмъ о сотнѣ повѣстей и рассказовъ, разсуждаетъ г. Николаевъ. Бѣльшая часть этихъ рассказовъ въ свое время или не читалась или читалась и по прочтеніи исчезала безслѣдно, «какъ легкій паръ весеннихъ облаковъ». Десятки именъ проходятъ передъ читателемъ: тутъ и г-жи Лухманова, Микуличъ, Дмитріева, Шабельская и г-да Гаринъ, Потапенко, Н. П., Савохинъ, Ширковъ, Ивановичъ и т. д. И о каждой повѣсти, о каждомъ рассказѣ—двѣ, три мысли; одинъ разъ г. Николаевъ касается эстетической оцѣнки, другой—публицистической, третій разъ даетъ просто двѣ, три мысли интеллигентнаго человѣка. Г. Николаевъ—не критикъ по специальности; сужденія его примитивны. Онъ—образованный человѣкъ, думающій надъ явленіями современной жизни и оцѣнивающій ихъ съ точки зрѣнія своихъ убѣжденій. Нужно сказать, что г. Николаевъ слишкомъ мало старается о томъ, чтобы сдѣлать доступными читателю свои убѣжденія. Быть можетъ, тутъ причины особаго рода, но намъ кажется, и самъ г. Николаевъ повиненъ въ этомъ... Является очень понятный вопросъ: что же будетъ, если каждый образованный человѣкъ, вдумывающійся въ современную жизнь, будетъ предавать тисненію свои мысли о повѣстяхъ и рассказахъ, прочитываемыхъ имъ во всякой книжкѣ журнала? Нужны, очевидно, особенныя основанія для отдѣльнаго изданія подобныхъ мыслей. Въ послѣсловіи къ книгѣ г. Николаева читатель находитъ разгадку появленія книги. Приводимъ цитату нѣсколько длинную, но она такъ хорошо и искренно объясняетъ взгляды самого автора на свою книгу, что мы не рискуемъ утомить читателя. Г. Николаевъ пишетъ о себѣ слѣдующее: «Авторъ—простой и скромный рядовой той фаланги «стариковъ»—увы, теперь уже небольшой—которые пережили и дѣйствительно, обливаясь кровью, перестрадали краткую, но тяжелую эпоху «смуты умовъ», пережитую нашей интеллигенціей и печатью въ 80-хъ и въ 90-хъ годахъ и переживаемую ими отчасти еще и теперь. Въ

этой фалангѣ не было недостатка въ блестящихъ бойцахъ — вспомнимъ тутъ хотя бы о г. Михайловскомъ и о Шелгуновѣ. Но въ ней были и скромные рядовые, люди безъ имени, не имѣющие никакихъ притязаній ни на литературную, ни на общественную извѣстность. Къ числу такихъ рядовыхъ принадлежалъ и авторъ «журнальныхъ замѣтокъ». И однако вождей и рядовыхъ связывало одно настроеніе, одна надежда и одна идея... Всѣ они ни на одну минуту не усомнились въ томъ, что время «смуты» пройдетъ и пройдетъ скоро... И интеллигенція, и ея дѣтище, литература, вернется къ тому идейному багажу, который мы, старики, всю жизнь и словомъ и дѣломъ несли на своихъ плечахъ. Авторъ, не претендуя на какую либо иную роль, кромѣ роли простого рядового этой маленькой фаланги, ни на одну минуту—буквально ни на одну, не утрачивалъ ни такой надежды ни такого настроенія... Онъ пытался всегда указать читателю, что въ нашей общественности и для нашей общественности существуетъ только одинъ координальный и основной вопросъ: вопросъ о необходимости всесторонняго развитія личности, о необходимости гарантій ея неотъемлемыхъ и неотчуждаемыхъ правъ, о необходимости активности общества для достиженія этой цѣли. Всегда и во всѣхъ его писаніяхъ эти идеи руководили его перомъ. Пусть въ его замѣткахъ много случайнаго, невьясеннаго, отрывочнаго, а главное много недоговореннаго,—авторъ сознаетъ это и причину этихъ недостатковъ видитъ въ самой формѣ замѣтокъ,—формѣ, обусловленной требованіями ежемѣсячной журнальной работы,—а отчасти въ отсутствіи у него, автора, сколько нибудь яркаго литературнаго таланта, въ отсутствіи того, что онъ самъ называетъ яркой писательской индивидуальностью, — и, тѣмъ не менѣе, думается, что внимательный читатель откроетъ вышеупомянутую идею почти на каждой страницѣ книги. И вотъ теперь, когда имѣются всѣ основанія полагать, что печальная «смута умовъ», такъ сильно измучившая автора и его единомышленниковъ, заканчивается,—авторъ подумалъ, что и его замѣтки будутъ не совсѣмъ лишними».

Послѣ этого объясненія комментаріи дѣлаются излишними. Горькое впечатлѣніе производитъ самоудовлетвореніе автора. Правда, въ настоящей моментъ намѣчается поворотъ къ инымъ общественнымъ убѣжденіямъ, воскрешающимъ до нѣкоторой степени то, что исповѣдывалось фалангой, но неужели же въ этой борьбѣ, которая такъ измучила и автора и его единомышленниковъ, они ничему не научились, неужели они не сознаютъ, что въ этотъ періодъ многое изъ духовнаго богатства изжило свое содержаніе, и что люди конца восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ, съ которыми вела борьбу фаланга, влили новое вино въ старые мѣха?

Руководящія идеи сборника открыты самимъ авторомъ, но странное впечатлѣніе производитъ заявленіе, что каждый внимательный читатель откроетъ эти идеи на любой страницѣ книги: страненъ этотъ призывъ къ внимательности читателя. Объясненіе г. Николаева рѣшаетъ только теоретически недоумѣніе относительно появленія сборника, но нужно бояться, что оно не поможетъ практикѣ жизни. Отъ читателя, который «не прочь пережить съ авторомъ его прошлыя боли», требуется цѣлый подвигъ прочесть эту объемистую книгу.

П. Ц.

**Памятная книжка Гродненской губернии на 1902 годъ. Изда-
ніе гродненскаго статистическаго комитета. Гродно. 1902.**

Погубернскія памятные книжки приносятъ огромную пользу. Помимо того уже, что въ нихъ заключается масса справочныхъ свѣдѣній, онѣ въ большинствѣ случаевъ даютъ цѣнный статистическій матеріалъ. Матеріалъ, правда, сырой, недостаточно обработанный, но, вѣдь, и въ немъ зачастую встрѣчается нужда, и тогда приходится рыться, иногда даже безрезультатно, въ десяткахъ различныхъ изданій.

Къ сожалѣнію, памятные книжки не всегда добросовѣстно составляются. Лучшими изъ нихъ, несомнѣнно, слѣдуетъ признать тѣ, которыя издаются при статистическихъ комитетахъ. Опытъ уже доказалъ, что «книжки», выходящія подъ единоличной редакціей чиновниковъ губернскихъ правленій (а такая редакція очень развита), въ большинствѣ случаевъ, страдаютъ своею безодержательностью и однообразіемъ печатающагося изъ года въ годъ матеріала.

Поэтому было бы очень желательно, чтобы редактированіе и составленіе этихъ полезныхъ ежегодниковъ было обставлено лучше. Отчего бы, съ этой цѣлью, не отдать статистическую часть изданія въ распоряженіе статистическихъ комитетовъ, а историческую—въ вѣдѣніе архивныхъ комиссій. Совмѣстно работая, эти органы обогатили бы очень скоро наши губерніи цѣнными мѣстными изслѣдованіями.

Что касается «Памятной книжки Гродненской губернии», то справедливость требуетъ поставить ее въ первые ряды другихъ мѣстныхъ памятныхъ книжекъ, вышедшихъ въ текущемъ году. Содержаніе ея исчерпывается пятью отдѣлами: 1—«Главныя правительственныя учрежденія», 2—«Личный составъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений въ губерніи», 3—«Матеріалы по статистикѣ губерніи за 1900 годъ», 4—«Свѣдѣнія о состояніи губерніи за 1900 годъ» и 5—«Справочныя свѣдѣнія». Изъ этихъ отдѣловъ болѣе интересными представляются, конечно, третій и четвертый, такъ какъ Гродненская губернія ужасно бѣдна статистическими изслѣдованіями.

Основываясь на помѣщенныхъ въ названныхъ отдѣлахъ табличныхъ данныхъ, мы получимъ слѣдующій статистико-экономическій обзоръ губерніи,— обзоръ, не лишенный цѣны уже потому, что свѣдѣнія, на коихъ онъ зиждется, являются сравнительно свѣжими и, во всякомъ случаѣ, позднѣйшими.

Итакъ, въ Гродненской губерніи жителей числится 1.616.622 чел. (мужчинъ 812.548 чел. и женщинъ 804.074 чел.) и, сверхъ того, временно расквартированныхъ войскъ—37.264 чел.

По сословіямъ населеніе распредѣляется такъ:

пот. дворянъ—11.280 чел., т.-е. 0,69% общаго числа жителей.

духовенства всѣхъ вѣроисповѣданій	3.050 чел., т.-е.	0,18 %
пот. и личныхъ гражданъ	1.736 » »	0,107
купцовъ	5.302 » »	0,32
мѣщанъ	416.809 » »	2,57
сельскаго сословія	1.052.990 » »	6,51

въ томъ числѣ:

государств. крестьянъ всѣхъ наимено- ваній	404.953 чел., т.-е. 25,04 %
колониствоѣ	7.475 » » 0,04
крестьянъ собственниковъ	633.543 » » 39,18
крестьянъ городскихъ	7.019 » » 0,43
военныхъ (безсрочно-отпускныхъ, от- ставныхъ нижнихъ чиновъ и солдат- скихъ дѣтей)	114.429 » » 7,07

Слѣдовательно, преобладающимъ сословіемъ въ губерніи является сельское сословіе, а за нимъ послѣдовательно идутъ: мѣщане, военные, дворяне, купцы, духовенство и граждане.

По вѣроисповѣданіямъ населеніе дѣлится:

на православныхъ	886.153 чел., т.-е. 54,8 %
» римско-католиковъ	416.838 » » 25,7
» протестантовъ	11.088 » » 0,68
» іудеевъ	300.385 » » 18,5
» магометанъ	2.158 » » 0,13

т.-е. первое мѣсто занимаютъ православные, второе—католики, третье—іудеи, четвертое—протестанты и послѣднее—магометане.

Переходя теперь къ экономической дѣятельности населенія, слѣдуетъ отмѣтить, что оно занимается исключительно земледѣліемъ, и другіе промыслы имѣютъ значеніе лишь второстепенное. Въ свободное время отъ полевыхъ работъ крестьяне промышленяютъ сплавкою хлѣба и лѣса по Нѣману и Западному Бугу, работами на мѣстныхъ фабрикахъ, на заводахъ и на желѣзныхъ дорогахъ и изрѣдка кустарнымъ промысломъ (преимущественно въ Пружанскомъ уѣздѣ). Ремесла: портняжное, сапожное, столярное, слесарное, кузнечное и другія, сосредоточены исключительно въ рукахъ евреевъ. Изъ 47.455 ремесленниковъ—евреевъ насчитывается 29.435 человекъ.

Въ фабрично-заводской промышленности нѣкоторыя отрасли достигли высокой степени развитія. Фабрикъ и заводовъ въ губерніи насчитывается до 3.717; на нихъ работаетъ 21.602 постоянныхъ рабочихъ; общая сумма фабрично-заводской производительности равняется 14.289.933 рублямъ. Между городами губерніи первое мѣсто по стоимости вырабатываемаго фабриката и по числу фабричныхъ заведеній принадлежитъ Бѣлостоку.

Торговлю въ губерніи занимаютъ преимущественно евреи; главными предметами сбыта являются произведенія земледѣлія, скотоводства и лѣсоводства. Суконая промышленность, очень развитая ранѣе, въ концѣ 1899 года пришла въ сильный упадокъ вслѣдствіе стѣсненнаго кредита, что неблагоприятно отозвалось и на торговыхъ предпріятіяхъ другихъ видовъ.

Интересны данныя о народномъ просвѣщеніи. Изъ нихъ видно, что въ губерніи 2.134 учебныхъ заведенія (3 гимназіи, 1 прогимназія, 1 институтъ, 1 реальное училище, 1 коммерческое, 1 учительская семинарія, 1 духовное училище, 2 четырехклассныхъ городскихъ, 6—уѣздныхъ, 40 приходскихъ,

21 частныхъ, 325 начальныхъ народныхъ, 1 церковно-учительская школа, 122 церковно-приходскихъ школы, 1099 школъ грамоты, 4 казенныхъ начальныхъ еврейскихъ училища, 17 народныхъ казенныхъ еврейскихъ, 1 ремесленное и 1 повивальная школа), съ 77.203 учащимися, изъ коихъ мальчиковъ 61.728 и дѣвочекъ 15.475 челов. Каждому отдѣльному роду учебныхъ заведеній въ книжкѣ посвященъ отдѣльный подробный отчетъ съ различными данными; въ главѣ же о начальныхъ народныхъ училищахъ бросается въ глаза жалоба на крайне стѣсненное положеніе учителей.

Кромѣ процитированныхъ свѣдѣній, въ разбираемомъ изданіи помѣщенъ матеріалъ по уголовной статистикѣ, по вопросу о воинской повинности, по крестьянскому и переселенческому дѣлу и по другимъ вопросамъ. Матеріалъ свѣжій и потому цѣнный.

Вообще, просматривая рядъ таблицъ, напечатанныхъ въ «Памятной книжкѣ» и испещренныхъ мелкими цифрами, приходишь къ заключенію, что люди, стоящіе во главѣ изданія, не пользовались первымъ попавшимся подъ руку матеріаломъ, а трудолюбиво работали по ясно усвоенной программѣ и такимъ образомъ создали не бесполезную книжку.

Рецензія наша не будетъ закончена, если мы не укажемъ на главный недостатокъ изданія, именно, на отсутствіе въ немъ историческаго отдѣла: статьи по исторіи и археологіи края значительно увеличили бы цѣнность его.

Вор. Городецкій.

Д-ръ мед. В. В. Корсаковъ. Пять лѣтъ въ Пекинѣ. Изъ наблюденій надъ бытомъ и жизнью китайцевъ. Положеніе медицины въ Китаѣ. Болѣзни среди китайскаго населенія. Проституція въ Китаѣ. Дѣтство въ Китаѣ. Путь черезъ Монголію. Европейская колонія въ Пекинѣ. Спб. 1902.

За послѣднее время послѣ китайскаго погрома въ нашей печати появилось множество различныхъ статей, брошюръ и даже обширныхъ томовъ, посвященныхъ Китаю. Въ большинствѣ случаевъ всѣ эти сочиненія военнаго характера или же личныя воспоминанія во время пребыванія въ Китаѣ, большею частью субъективныя, касающіяся лишь того, что могло интересовать автора съ его точки зрѣнія, а поэтому не дающія полного представленія о народѣ и странѣ, которыхъ онъ касается въ своемъ трудѣ.

Совсѣмъ другое дѣло, когда человѣкъ специально посвящаетъ себя глубокому изученію мѣстнаго населенія, подмѣчаетъ всѣ мелочи и особенности въ его обыденной жизни, кажущіяся, быть можетъ, на первый взглядъ даже мало интересными и ничтожными, когда онъ уже имѣетъ специальную подготовку, которая даетъ ему возможность ясно представлять себѣ причины того или другаго явленія, остающіяся непонятными лицу безъ этой подготовки, зачастую даже оставляющему безъ вниманія именно то, что и составляетъ главную суть въ характерѣ наблюдаемаго имъ населенія.

Вотъ почему къ труду В. В. Карсакова нельзя не отнести съ особеннымъ вниманіемъ и довѣріемъ тѣмъ болѣе, что основой его труда было пятилѣтнее

наблюденіе и изученіе проявленій жизни китайскаго народа, его медицины, господствующихъ среди населенія болѣзней, не ограничиваясь условіями, создающими самую болѣзнь, но присматриваясь къ быту и складу народной жизни китайца, чѣмъ многое объясняется въ распространеніи болѣзней.

Собравъ весь этотъ богатый матеріалъ своихъ наблюденій, В. В. Корсаковъ представилъ его, какъ диссертацию, для полученія степени доктора медицины, давъ ей заглавіе: «Положеніе медицины въ Китаѣ и наиболѣе распространенныя въ его населеніи болѣзни». Настоящая книга является вышеназванною диссертацию доктора Корсакова съ дополненіемъ еще нѣкоторыхъ наблюденій надъ народною жизнью въ Китаѣ: «Дѣтство въ Китаѣ» и «Европейская колонія въ Пекинѣ».

Книга В. В. Корсакова написана въ такой увлекательной формѣ, что положительно приходишь въ изумленіе, до какой степени авторъ сумѣлъ самыя спеціальныя части своего труда облечь въ форму, легко усвояемую даже неспеціалистами и воспринимаемую съ большимъ интересомъ.

Говоря о китайскихъ врачахъ, о ихъ невѣжествѣ въ области медицинскихъ знаній, авторъ между прочимъ отмѣчаетъ, что имъ первымъ принадлежитъ идея открытія кровообращенія въ организмъ въ самый древній періодъ существованія медицинской науки. Касаясь медицинскихъ средствъ, употребляемыхъ китайскими врачами, авторъ классифицируетъ и самихъ врачей на разряды, давая полныя описанія получаемаго ими образованія.

Затѣмъ онъ дѣлаетъ самое подробное описаніе Пекина, быта его населенія, почвы, жилищъ, одежды, топлива и т. д., при чемъ въ особенности интересны метеорологическія наблюденія автора за его 5-ти-лѣтнее пребываніе въ столицѣ Китая. Начиная съ августа 1895 года авторъ записывалъ ежедневно температуру воздуха по R , въ защищенномъ отъ вѣтра мѣстѣ въ 8 ч. утра, въ 12 ч. дня и въ 8 ч. вечера, и на основаніи этихъ данныхъ онъ даетъ таблицы со среднимъ выводомъ температуры по времени года.

Говоря о китайцахъ, авторъ поражаема ихъ самобытнымъ складомъ жизни, рѣзко отдѣляющимъ китайца отъ европейца. «Китайская общественная жизнь и административныя учрежденія совершенно чужды того, чтобы изучать движеніе жизни населенія. Въ Китаѣ нѣтъ ни санитарныхъ, ни врачебныхъ, правительственныхъ и общественныхъ учреждений, нѣтъ ни врачебной, ни общественной статистики, ни въ отношеніи рождаемости, ни въ отношеніи смертности или болѣзненности населенія. Все предоставлено самому себѣ». Что касается смертности въ Китаѣ, то она чрезвычайно велика. Несмотря на то, что въ Пекинѣ нѣтъ совершенно кладбищъ, и они находятся далеко за городомъ, у китайцевъ существуетъ опасный обычай: богатые китайцы держатъ въ своихъ домахъ умершихъ близкихъ по 2—3 недѣли, конечно, страшно заражая воздухъ. То же самое наблюдается въ отношеніи отхожихъ мѣсть—ихъ при домахъ не существуетъ, и всѣ естественныя надобности отпращиваются китайцами на улицахъ—все это, конечно, способствуетъ развитію эпидемій и въ особенности благопріятствуетъ распространенію холеры и чумы. Описанію послѣдней немало мѣста отведено авторомъ въ его сочиненіи. Касаясь огромнаго распространенія сифилиса, лѣченіе котораго производится самымъ примитивнымъ способомъ, авторъ переходитъ

къ описанію главнаго очага заразы и нравственнаго извращенія — проституціи, которая совершенно особенно поставлена въ Китаѣ, благодаря экономическимъ условіямъ жизни городского населенія и всему бытовому складу китайской жизни. Бѣдность и нищета китайскаго населенія, при своеобразности и перво-бытности взгляда китайца на женщину, какъ на существо низшее, даетъ для жизни и роста китайской проституціи еще болѣе полныя основанія. На дѣвочку смотрять въ семьѣ, какъ на бремя, и ее охотно продають особымъ скушникамъ живого товара. Нерѣдко случается, что мужья, братья и отцы отдають своихъ женъ, сестеръ и дочерей въ аренду содержателямъ публичныхъ домовъ для извлеченія матеріальной выгоды. Проститутки не презираются въ Китаѣ, напротивъ имъ дается самое разнообразное образованіе, чтобы мужчины не могли скучать въ ихъ обществѣ, и многіе семейные китайцы въ домахъ терпимости проводятъ большую часть времени въ болтовнѣ съ остроумными и образованными проститутками.

Съ вторженіемъ европейцевъ въ Китай все, конечно, организовывается на европейскій ладъ и войдетъ въ общій круговоротъ жизни. Любопытно, что въ Китаѣ проститутка до тѣхъ поръ считается таковой, пока она не отказалась отъ своего ремесла—выйдя же изъ публичнаго дома, она становится честной женщиной. Ни санитарнаго надзора, ни административнаго стѣсненія нѣтъ въ Китаѣ для женщинъ этого разряда, какъ нѣтъ ничего подобнаго и по отношенію другого рода проституціи (мужской).

Немалый интересъ представляютъ собою китайскіе евнухи; въ высшей степени въ любопытной формѣ авторъ рисуетъ картину ихъ превращенія, а затѣмъ и дальнѣйшую участь и наконецъ дѣятельность ихъ при императорскихъ и княжескихъ дворахъ.

Касаясь врачебной помощи въ Пекинѣ, авторъ затрогиваетъ интересныя историческія данныя о врачахъ, подвизавшихся въ Пекинѣ, полученныя имъ отъ недавно скончавшагося въ Петербургѣ доктора Э. В. Бретшнейдера.

Заканчивая свой трудъ, авторъ знакомитъ читателя съ тяжелымъ путемъ черезъ Монголію въ Пекинъ и состояніемъ тамъ европейскихъ колоній и интимной жизнью колонистовъ, но эта часть труда теряется передъ колоссальностью его изслѣдованій быта и жизни китайцевъ. Ворисъ Тагъевъ.

Сочиненія В. Н. Майкова въ двухъ томахъ. Томъ первый. I. Критическія статьи.—Томъ второй. II. Научныя статьи. III. Библиографія. Изданіе I и 2. Кіевъ. 1901—1902.

Валеріанъ Майковъ до настоящаго времени былъ знакомъ публикѣ больше лишь по наслышкѣ. Публицистическо-критическая дѣятельность этого безвременно угасшаго писателя пронеслась въ исторіи нашей литературы какимъ-то метеоромъ. Его эстетическая доктрина, разсужденія о народности и славянофилахъ, взгляды по политико-экономическимъ вопросамъ,—все, высказанное мелькомъ, случайно, заставило нѣкогда обратить на себя вниманіе нашихъ критиковъ, не исключая и «праведника литературы русской», и разобрать, болѣе

или менѣе детально, его произведенія. Но, во-первыхъ, разборы эти, далеко не охватывавшіе всѣхъ статей публициста, не установили для публики опредѣленнаго взгляда на значеніе его литературной дѣятельности, а, во-вторыхъ, хотя и читались съ захватывающимъ интересомъ, но тотчасъ же забывались, такъ какъ подробное ознакомленіе съ разбираемымъ авторомъ усложнялось отсутствіемъ собранія его сочиненій; отыскивать же ихъ по различнымъ, иногда даже мало популярнымъ, изданіямъ, гдѣ они печатались безъ подписи, было весьма затруднительно.

Соединенными вкупѣ избранныя сочиненія Майкова впервые появляются въ 1891 году, подъ редакціей А. Н. Чудинова, напечатаннаго ихъ въ приложеніи къ своему «Пантеону Литературы». Критика встрѣтила это изданіе цѣлымъ рядомъ статей и высказала о публицистѣ два диаметрально-противоположныхъ мнѣнія: съ одной стороны его называли гениемъ и заслуги его признавали выдающимися, съ другой же — дѣятельности его не придавали никакого самостоятельнаго значенія.

Затѣмъ въ теченіе долгаго періода имя Майкова какъ-то совсѣмъ не попадалось въ печати и, казалось, собиралось окончательно поблекнуть. Но добрый починъ кіевскаго издателя г. Фукса, выпустившаго въ концѣ прошлаго года полное собраніе его сочиненій, далъ толчокъ вновь вспомнить о немъ. Публика на расхватъ стала раскупать новое собраніе и въ сравнительно короткій срокъ потребовала вторичнаго его переизданія.

Такой успѣхъ новаго изданія, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о томъ, что произведенія Майкова нисколько не устарѣли для нынѣшняго времени, и что только теперь настала пора правильно опредѣлить его мѣсто въ исторіи нашей литературы.

Въ изданіи г. Фукса сочиненія писателя разгруппированы на три отдѣла. Въ первый—включены критическія статьи по изящной словесности (знаменитая статья о Кольцовѣ, о Минаевѣ, Вальтеръ-Скоттѣ, Загоскинѣ, Гоголѣ и др.) и по исторіи и теоріи литературы (статьи о «Руководствѣ къ изученію исторіи русской литературы» Плаксина, о «Краткомъ начертаніи исторіи русской литературы» Аскоченскаго и др.); во-второй—научныя статьи: «Общественныя науки въ Россіи», «Объ отношеніи производительности къ распредѣленію богатства» и «Отрывки изъ недоконченныхъ статей» и въ третьей—библиографія—41 рецензія.

Такимъ образомъ это изданіе является единственнымъ полнымъ собраніемъ сочиненій критика, и въ него не включены только мелкія библиографическія рецензіи, имѣющія лишь временный интересъ и не освѣщающія личности писателя.

Съ внѣшней стороны новое изданіе очень опрятно и по цѣнѣ дешево—два тома, въ 662 страницы, in 8°, отпечатанные на глазированной бумагѣ убористымъ корпусомъ, стоятъ всего одинъ рубль. За такое добросовѣстное изданіе нельзя не привѣтствовать молодую издательскую фирму г. Фукса.

Цѣнность этого собранія значительно увеличивается вступительной статьёй Г. В. Александровскаго, объединяющей въ себѣ весь появившійся когда либо въ печати біографическій и критическій матеріалъ о мыслителѣ-критикѣ.

Прослѣдивъ шагъ за шагомъ, насколько это позволили источники, жизнь писателя и охарактеризовавъ его личность и міросозерцаніе, г. Александровскій въ своемъ очеркѣ подробно разсматриваетъ его литературно-критическую дѣятельность. Онъ, между прочимъ, излагаетъ основные принципы его эстетической доктрины, представляющей собою, по его мнѣнію, лишь общій очеркъ, схему ученія, которое нуждается въ дальнѣйшей разработкѣ; а также парадоксальную теорію о народности, теорію, въ которой впервые у насъ было высказано рѣшительное отрицаніе народности и предпочтеніе ей общечеловѣческихъ принциповъ. Здѣсь же г. Александровскій дѣлаетъ выводъ, что въ нѣкоторыхъ статьяхъ Майкова замѣтны отголоски экономическаго ученія Маркса, — мнѣніе совершенно новое, нигдѣ не высказывавшееся.

Очеркъ заканчивается такой характеристикой: «статьи этого критика вводятъ въ сознаніе читателя широкій кругъ разнообразныхъ идей, разработанныхъ, по большей части, согласно нынѣшнему уровню знаній, будятъ его критическую мысль, заставляя вдумываться и въ современную дѣйствительность, даютъ вѣрную историко-литературную оцѣнку цѣлаго ряда русскихъ и иностранныхъ сочиненій и вообще способствуютъ широкому самообразованію, стремленіе къ которому, къ счастью, все сильнѣе и сильнѣе пробуждается въ русскомъ обществѣ. Сочиненія В. Майкова могутъ дать въ высшей степени полезную пищу этому симпатичному стремленію и способствовать его дальнѣйшему росту и прогрессивному развитію».

Вор. Городецкій.

Труды Ярославскаго областного съѣзда. Москва. 1902.

Въ августѣ прошлаго года въ Ярославлѣ происходилъ съѣздъ изслѣдователей исторіи и древностей Ростово-Суздальской области, созданный по инициативѣ Ярославской губернской ученой архивной комиссіи. Къ участію въ этомъ съѣздѣ были привлечены не только мѣстные извѣстные историки, но и представители архивныхъ комиссій сосѣднихъ губерній и даже петербургскія ученые силы. Программа съѣзда была составлена довольно широко, такъ что въ нее вошли самые разнообразные вопросы доисторическихъ древностей, живой старины и даже архивовѣднія. На съѣздѣ было прочитано немало дѣльных рефератовъ, часть которыхъ напечатана цѣликомъ въ только что появившихся «Трудахъ» съѣзда, а другіе приведены лишь въ извлеченіяхъ въ протоколахъ его засѣданій.

Остановимся сперва на сообщеніяхъ, представляющихъ общій интересъ. Весьма любопытный вопросъ о распространеніи въ Московскомъ государствѣ иноземнаго вліянія былъ поднятъ Н. Д. Чечулинымъ. Какъ извѣстно, это вліяніе стало особенно сильно сказываться въ XVII в. Напомнивъ объ усиленіи нашихъ дипломатическихъ сношеній, сблизившихъ насъ съ Западомъ, и указавъ на появленіе въ самомъ сердцѣ Московскаго государства Нѣмецкой слободы, докладчикъ перешелъ къ той роли, которую играли въ распространеніи западной культуры съ одной стороны польскіе плѣнные, разсыпавшіеся по разнымъ русскимъ городамъ, а съ другой и русскіе люди, которымъ удавалось вернуться

на Русь изъ чужеземнаго плѣна; число такихъ лицъ оказывается довольно значительнымъ. Въ 1623 г. патриархъ Филаретъ приказалъ, чтобы возвращавшіеся изъ плѣна русскіе люди были допрашиваемы въ патриаршемъ приказѣ, и если кто изъ нихъ отступалъ въ неволѣ отъ правилъ православія, налагать на нихъ эпитимію. По существу своему распоряженіе это заставляло бывшихъ плѣнниковъ уклоняться отъ явки въ приказъ, и тѣмъ не менѣе за одинъ годъ было зарегистрировано около 150 лицъ. Изъ записей приказа видно, что большая часть изъ нихъ пробыла въ плѣну отъ 10 до 20 лѣтъ; были, впрочемъ, и такіе, которые томилась въ неволѣ 30, 35 и даже 40 л., и куда, куда только не забрасывала ихъ судьба! Одинъ, напримѣръ, попавъ въ плѣнъ въ Крыму, возвратился на родину черезъ земли Сербскую и Угорскую; другой долго жилъ въ Константинополѣ и вернулся изъ Голландіи; третій попалъ въ Неаполитанское королевство, четвертый побывалъ въ «Шпанской землѣ», т. е. въ Испаніи. Всѣ эти люди, безъ сомнѣнія, приносили съ собою на родину новые, усвоенные на чужбинѣ, нравы, понятія, и вводили въ свой языкъ иностранныя слова, претерпѣвавшіе затѣмъ измѣненія до неузнаваемости. Всѣ же плѣнники, наши и чужіе, конечно, являлись живыми проводниками иноземныхъ вліяній въ русское общество и притомъ въ самую глубь народныхъ слоевъ.

Знатокъ исторіи русскаго языка, академикъ А. И. Соболевскій, сдѣлалъ попытку выяснитъ, на основаніи данныхъ языка, вопросъ о направленіяхъ, по которымъ шла колонизація Ростово-Суздальской области. По типичнымъ особенностямъ мѣстныхъ говоровъ докладчикъ заключаетъ, что центръ области, т. е. средняя часть теперешней Ярославской губерніи и прилегающей части Костромской, Владимирской и Тверской губерній, былъ заселенъ колонистами съ юга, изъ земли вятчей. Наоборотъ, окраина области, т. е. сѣверные уѣзды Новгородской и Ярославской губерній, получила свое населеніе съ запада, изъ земель Новгородской и Двинской.

На исторіи колонизаціи и культуры Ростовскаго края остановился и Е. В. Барсовъ. Указавъ на то, что славянская колонизація въ самую глубь занятыхъ финскими племенами дебрей шла главнымъ образомъ по рѣкамъ, г. Барсовъ распространилъ затѣмъ о возникновеніи въ Ростовской области монастырей, которые вездѣ служили центромъ и оплотомъ русскаго населенія. Разсадниками здѣшнихъ монастырей сдѣлалась знаменитая обитель прец. Сергія. Основатель важнѣйшаго въ области монастыря, Бѣлозерскаго, св. Кириллъ, былъ ученикомъ этого поборника нашего государственнаго единства. Другой важный въ мѣстной исторіи монастырь, Воскресенскій въ г. Череновцѣ, также былъ основанъ ученикомъ пр. Сергія, епископомъ Феодоромъ.

Изъ другихъ напечатанныхъ въ «Трудахъ» статей, болѣе спеціальнаго характера, слѣдуетъ упомянуть о сообщеніи С. Ѳ. Платонова: «О топографіи Угличскаго кремля въ XVI—XVII в. в.». Для генеалоговъ важенъ рефератъ прот. Сырцова объ усыпальницѣ бояръ Годуновыхъ въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ, такъ какъ изъ него можно извлечь данныя, которыя позволяютъ дополнитъ нѣкоторыя недостающія звенья въ родословной Годуновыхъ. Наконецъ вниманіе историковъ искусства должно привлечь изслѣдованіе гр. Бобринскаго, выясниваемаго значеніе нѣкоторыхъ символическихъ знаковъ,

встрѣчающихся въ орнаментикѣ какъ европейскихъ, такъ и азіатскихъ родовъ.

Судя по «Трудамъ», ярославскій съѣздъ далъ плодотворные результаты, и намъ остается только пожелать, чтобы и другія архивныя комиссіи послѣдовали примѣру Ярославля. Разработка мѣстной исторіи имѣетъ огромную важность для нашей общей исторіи. На это указывали еще Щаповъ и Костомаровъ, а И. Е. Забѣлинъ въ 1864 г. прямо писалъ, что пока не будутъ раскрыты областныя исторіи съ ихъ памятниками, до тѣхъ поръ наши общія историческія заключенія о существѣ нашей народности будутъ голословны и шатки.

А. В—въ.

Кавказскіе этюды. Изслѣдованія и замѣтки С. Г. Вейденбаума. Изданіе центральной книжной торговли въ Тифлисѣ. Тифлисѣ. 1901.

Цѣль этого изданія, какъ говорится въ предисловіи, дать возможность интересующимся Кавказомъ, его исторіей, этнографіей и географіей пользоваться такого рода матеріалами въ этой области, которые разбросаны по журналамъ и газетамъ и по этой причинѣ мало доступны даже для специалистовъ. При возрастающемъ въ публикѣ интересѣ къ Кавказу и его исторіи, цѣль эта, конечно, заслуживаетъ полнаго одобренія. Но нельзя не замѣтить, однако, что выборъ статей въ этомъ сборникѣ не совсѣмъ удаченъ. По крайней мѣрѣ, не всѣ онѣ представляютъ одинаковый интересъ. Есть статьи, не дающія почти ничего новаго. Такова, напримѣръ, статья—«Отъ Батума до Артвина», представляющая собой не больше, какъ путевыя замѣтки, лишеныя даже обычнаго достоинства путевого дневника—онѣ слишкомъ мало знакомятъ съ характеромъ той области и съ бытомъ народностей, обитающихъ въ ней. Лишена новизны и статья—«Закавказскій походъ графа Тотлебена въ 1769—1771 гг.», какъ составленная только на основаніи документовъ, изданныхъ профессоромъ Цагарелли. Не много новаго дастъ и большая часть статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ подъ общимъ заглавіемъ «Кавказскихъ замѣтокъ». Всѣ онѣ носятъ какой-то случайный характеръ и не даютъ ничего цѣлаго. Таковы: «Александръ Бестужевъ на Кавказѣ», «Кавказъ въ русской поэзіи», «Нарѣжный и его кавказскій романъ» и др.

Но нужно быть справедливымъ. Есть статьи въ этомъ сборникѣ и очень интересныя. Такова, напримѣръ, «Большой Араратъ и попытка восхожденія на его вершину»—статья, знакомящая со всѣми попытками, довольно многочисленными, восхожденія на эту гору и съ тѣми предразсудками и вѣрованіями, какія связаны съ нею. По народному повѣрью армянъ, на гору Араратъ, которая, кстати, не такъ давно (не раньше X вѣка) стала считаться той горой, на которой остановился ковчегъ Ноя, взойти никто не можетъ, какъ на гору священную. Отсюда даже дѣйствительно усѣбныя восхожденія упорно отрицались армянами. Даже теперь, когда Араратъ такъ хорошо изученъ, суевѣрія туземцевъ на этотъ счетъ не совсѣмъ поколеблены.

Интересна также статья «Священные рощи и деревья у кавказских народов». знакомящая довольно подробно съ тѣмъ фактомъ, что у всѣхъ кавказскихъ народовъ, особенно у черкесовъ, были такъ называемыя священные рощи и отдѣльныя деревья, почитавшіяся, какъ ознаменованныя особеннымъ присутствіемъ духовъ. Въ такихъ рощахъ не только нельзя было рубить деревья, но даже ломать вѣтвей и сучьевъ. Охотиться также строго воспрещалось. Если случайно кому нибудь и приходилось убивать какое нибудь животное, то нужно было или тамъ же съѣсть его или же совѣмъ бросить.

Въ статьѣ «Ермоловъ и Паскевичъ», также хорошо написанной, дается отличная характеристика этихъ двухъ знаменитыхъ дѣятелей Кавказа, при чемъ Ермоловъ рисуется въ самыхъ привлекательныхъ чертахъ. Онъ пользовался широкой популярностью, и какъ человекъ, отличившійся рѣдкими качествами, и какъ администраторъ. Даже наружность его способна была возбуждать искреннее поэтическое чувство. Пушкинъ, какъ извѣстно, посвятилъ ему чудесныя строки. Память о Ермоловѣ живетъ и до сихъ поръ среди кавказскихъ народовъ.

Пропуская нѣсколько другихъ статей, не лишенныхъ интереса, остановимся на очень интересной замѣткѣ: «Продѣлки на Кавказѣ». Подъ такимъ заглавіемъ появилась въ Петербургѣ въ началѣ 1844 года книжка и произвела большое волненіе. По словамъ Никитенка, «Продѣлки на Кавказѣ» обратили на себя вниманіе даже военнаго министра, князя Чернышева. Онъ указалъ на эту повѣсть начальнику III-го Отдѣленія, Л. В. Дуббельту, и сказалъ: «Книга эта тѣмъ вреднѣе, что въ ней что строчка—то правда» (308). Книжка была немедленно отобрана у книгопродавцевъ, а цензоръ московскій, профессоръ Крыловъ, былъ выгребованъ въ Петербургъ. Ему грозило суровое наказаніе, и только, благодаря попечителю графу Строганову, онъ былъ помилованъ.

Авторъ замѣтки излагаетъ и содержаніе этой повѣсти, по которому можно судить, за что она была такъ преслѣдуемая, и почему она произвела такое волненіе въ Петербургѣ. Въ этой повѣсти дано яркое и живое описаніе кавказскаго общества 40-хъ годовъ, сосредоточивавшагося главнымъ образомъ въ Ставрополѣ, представлены сильно рѣзкія характеристики тогдашнихъ кавказскихъ дѣятелей, живо обрисованъ типъ такъ называемыхъ «фазановъ», молодыхъ, богатыхъ людей, въ большомъ количествѣ собравшихся въ это время на Кавказъ въ погоню за легкой наживой, легкимъ счастьемъ, поднимается, наконецъ, хотя слегка, завѣса надъ тѣмъ, что вообще творилось тогда на Кавказѣ. Правдивое изображеніе общества, нравовъ, способовъ управленія и было причиною преслѣдованія этой повѣсти.

Изъ этой краткой замѣтки видно, что сборникъ, нами разсматриваемый, несмотря на нѣкоторыя неудачныя статьи, представляетъ все-таки извѣстный интересъ и даетъ много свѣдѣній для интересующихся Кавказомъ.

В. Логгиновъ.

**М. М—мъ. Дуэль, ея происхождение и современный характеръ.
Спб. 1902.**

Подъ такимъ заглавіемъ вышла брошюра, составленная г. Михаиломъ Маховымъ, о чемъ свидѣтельствуемъ полная подпись автора въ концѣ его труда.

Въ общихъ чертахъ авторъ рисуетъ картину происхожденія дуэли, стараясь доказать, что поединки явились продуктомъ «сравнительно новыхъ временъ», совершенно игнорируя примѣры изъ древней исторіи, дающіе намъ довольно определенное представленіе, что и во времена глубокой древности единоборства, рѣшающія участь цѣлыхъ странъ или возстановляющія поруганную честь, наконецъ поединки, вызванные кровавою местию, были явленіемъ зауряднымъ. Какъ бы то ни было, въ какой бы формѣ ни выражался поединокъ въ древнѣйшія времена, но все же начало его надо искать въ древней исторіи, а дуэли позднѣйшихъ эпохъ были не что иное, какъ видоизмѣненный способъ удовлетворенія личной злобы противъ врага, мести и, наконецъ, съ развитіемъ культуры и самосознанія, поруганной чести обиженного или его близкихъ. Нечего и спорить, что непрерывная цѣль поединковъ тянется отъ единоборства Давида съ Голиафомъ, Ахилла—съ Гекторомъ, до нашихъ дней, постепенно видоизмѣняясь и наконецъ принимая форму, въ которую облеклась дуэль среди цивилизованныхъ народовъ въ настоящее время.

Вся историческая часть труда г. Михаила Махова не представляетъ собою полного изслѣдованія ни происхожденія дуэли, ни дальнѣйшаго ея развитія, являясь просто компиляціей изъ существующихъ капитальныхъ трудовъ о поединкѣ, къ каковымъ можно отнести книги: Ливенсона, «Поединокъ въ законодательствѣ и наукѣ» и Повало-Швейковского, «Судъ общества офицеровъ и дуэль» и др., а также немало статей какъ въ «Военномъ Сборникѣ» и въ повременной печати, въ особенности появившихся послѣ тяжелой кровавой драмы, которою закончился поединокъ между княземъ Сайнъ-Витгенштейномъ-Берлебургомъ¹⁾ и подполковникомъ Максимовымъ въ прошломъ году.

Черезчуръ много мѣста удѣлено авторомъ на эту часть труда между, тѣмъ какъ о «современномъ характерѣ» дуэли говорится какъ-то вскользь, да и то лишь о поединкахъ, случающихся въ военной средѣ, въ которой дуэль получила права гражданства, и всѣ условія ея облечены въ одну общую форму, благодаря высочайше утвержденнымъ 13-го мая 1894 года «Правиламъ о разбирательствѣ ссоръ, встрѣчающихся въ офицерской средѣ».

Между тѣмъ рѣдко ли въ наше время мы видимъ случаи, когда у барьера сходятся военный съ лицами, принадлежащими къ гражданскому сословію, и здѣсь, какъ самая дуэль, такъ и послѣдствія ея получаютъ совершенно иной характеръ; полная недоумовка въ нашемъ законодательствѣ, противорѣчащія за-

¹⁾ Адъютантъ собственнаго Его Величества конвоя, свѣтлѣйшій князь Александръ Сайнъ-Витгенштейнъ-Берлебургъ, тяжело раненый въ пахъ, скончался.

коноположенія ставятъ, какъ дуэлянтовъ, такъ и ихъ посредниковъ, иногда въ безвыходное положеніе, а иногда порождаютъ цѣлый рядъ осложнений, влекущихъ за собою тяжелыя кровавыя драмы. Современная дуэль, получивъ почти полное право гражданства въ Россіи и въ Европѣ, приняла совершенно новый и въ высшей степени своеобразный характеръ, благодаря которому все рѣже и рѣже встрѣчаются случаи дуэлей со смертельнымъ исходомъ или даже крововпролитіемъ, между тѣмъ какъ само число поединковъ скорѣе возросло, чѣмъ уменьшилось.

Вотъ почему нельзя не упрекнуть автора, что онъ совершенно оставилъ безъ разбора этотъ интересный вопросъ и не отвѣтилъ на имъ же поставленное въ началѣ труда заглавіе... «и современный характеръ». Прочитавъ брошюру г. Махова «о современномъ характерѣ дуэли», мы не получаемъ никакого представленія.

Заканчивая свой трудъ о дуэли, авторъ касается поединковъ въ странахъ нецивилизованныхъ и, рассказывая объ Японіи, говоритъ: «обиженный и обидчикъ распарываютъ себѣ животъ»; по этому предмету, видимо, у автора были подъ рукою устарѣлыя свѣдѣнія: въ Японіи о такихъ дуэляхъ существуютъ одни лишь преданія, — смѣемъ это утверждать.

Однимъ изъ главныхъ недостатковъ брошюры является то, что она написана очень тяжелымъ языкомъ, съ такими стилистическими пробѣлами, которые въ отдѣльныхъ изданіяхъ, предназначенныхъ для класса интеллигентнаго, никакъ не могутъ быть допускаемы уже только по тому, что незамѣнными быть не могутъ.

Борисъ Тагъевъ.

А. И. Успенскій. Придворный дневникъ за январь — августъ 1657 года. Спб. 1901.

Г. Успенскому удалось найти нѣсколько еще не разобранныхъ номеровъ среди столбцовъ бывшаго архива московской оружейной палаты, въ настоящее время хранящихся въ Московскомъ отдѣлѣ общаго архива министерства императорскаго двора. Одинъ изъ нихъ (24) содержитъ ежедневныя записи дворцовыхъ дьяковъ о томъ, что дѣлалъ государь Алексѣй Михайловичъ съ 15-го января по 31-е августа 1657 года. Документъ представляетъ интересъ, тѣмъ болѣе, что свѣдѣній объ указанномъ годѣ царствованія Алексѣя Михайловича нѣтъ въ аналогичныхъ изданіяхъ. Къ сожалѣнію, документъ сохранился не вполне. Г. Успенскій и издалъ его въ названной брошюрѣ.

Въ придворномъ дневникѣ (стр. 1 — 37) содержатся сообщенія о томъ, когда и въ какой церкви царь присутствовалъ на богослуженіи, кто совершалъ богослуженіе, какія лица были званы царемъ на обѣдъ въ праздничные дни, куда царь ходилъ на охоту, кого назначилъ воеводою или епископомъ въ тотъ или другой городъ, кто билъ царю челомъ по тому или другому поводу, какихъ пословъ принималъ, кто изъ стрѣльцовыхъ головъ стоялъ на караулѣ во дворцѣ

и около его въ тотъ или иной день, какая была погода утромъ, днемъ и ночью и т. д. Свѣдѣнія отличаются краткостью, но не лишены значенія.

Въ приложеніи (стр. 38—43) находится указатель собственныхъ именъ и названій, упоминаемыхъ въ ежедневныхъ дворцовыхъ записяхъ 1657 года.

N. N.

Адольфъ Меркель. Юридическая энциклопедія. Переводъ Ф. К. Зейделя, подъ редакціей приватъ-доцента В. М. Грибовскаго, со второго посмертнаго изданія. Спб. 1902.

Нельзя не признать удачной мысль перевести «Юридическую энциклопедію» Адольфа Меркеля. Помимо общей бѣдности работъ подобнаго характера какъ въ русской, такъ и въ иностранной литературѣ, трудъ Меркеля въ своемъ родѣ является классическимъ. Самый учебникъ задуманъ такъ, чтобы дать возможность въ особенности начинающему юристу ориентироваться въ общихъ вопросахъ права: краткою, но точной и содержательной общей теоріей охватывается первая часть книги, вторая посвящена отдѣльнымъ отраслямъ правовѣдѣнія, т.-е. также общимъ ихъ характеристикамъ. Весь курсъ изложенъ догматически, въ отдѣльныхъ сжатыхъ положеніяхъ, изъясняемыхъ въ примѣчаніяхъ и мелкою тексты. Утомительны немного ссылки одного параграфа на другой, но это не вредитъ общему впечатлѣнію книги. Учебникъ составленъ примѣнительно къ германскому праву, при чемъ выпустившій энциклопедію въ свѣтъ посмертнымъ изданіемъ Меркель-сынъ поставилъ сочиненіе отца въ соотвѣтствіе съ послѣднимъ словомъ юридическихъ наукъ и германскаго законодательства. Переводъ и редакторскій трудъ исполнены добросовѣстно. Была бы желательна большая легкость въ передачѣ нѣмецкаго текста, но зато точность въ большинствѣ случаевъ соблюдена очень строго. Надо при этомъ оговорить, что и переводъ Меркеля представляетъ собою въ виду особенностей изложенія большія трудности. Достоинство учебника заключается въ томъ, что онъ обладаетъ большими литературными указаніями. Все это вмѣстѣ взятое обезпечиваетъ успѣхъ русскаго перевода.

В—скій.

Фр. Ад. Шубертъ. Z uplynulých dob. D. I. Moje vzpomínky. D. II. Moje divadelní toulky. V Praze. 1902.

Авторъ настоящей книги—бывшій директоръ чешскаго народнаго театра въ Прагѣ. Во время своего завѣдыванія этимъ учрежденіемъ онъ много потрудился въ дѣлѣ ознакомленія чеховъ съ инославянскимъ, а въ частности и русскимъ искусствомъ. Вышедшія теперь въ свѣтъ его воспоминанія—лучшее объ этомъ свидѣтельство. Для русскіхъ читателей особенно здѣсь интересны помѣщенные въ первомъ томѣ воспоминанія о Чайковскомъ, гдѣ разсказывается исторія постановки на пражской сценѣ «Евгенія Онѣгина», и особый очеркъ, посвященный М. И. Долиной-Горленко, получившей себѣ на западѣ широкую

извѣстность своими русскими концертами. Во второмъ томѣ помѣщены воспоминанія автора о поѣздкѣ его въ Петербургъ на пушкинскія празднества и впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ пребыванія въ Москвѣ и Варшавѣ. Здѣсь виолнѣ ясно обрисовывается отношеніе громаднаго большинства чешской интеллигенціи къ Россіи и русскимъ, а съ другой стороны, и напрасныя ожиданія, возлагаемыя нѣкоторыми изъ нашихъ славянофиловъ на чеховъ. Особенно характеренъ рассказъ автора о томъ, какъ явился къ нему въ гостиницу какой-то бѣлоголовый и необычайно живой старикъ и, не представившись даже ему, сталъ громить католичество, убѣждая автора отречься отъ папы и, втиснувъ ему въ руку свою брошюру противъ западной церкви, ушелъ такъ же неожиданно, какъ явился. Другая любопытная встрѣча была съ офицеромъ, который пожелалъ узнать отъ пріѣзжихъ чеховъ, чего они ждутъ и желаютъ отъ Россіи, и къ полному своему разочарованію услышалъ слѣдующее чешское политическое credo: «Наши цѣли не идутъ дальше границы той страны, въ которой мы живемъ. Нашей единственной политической задачей является— устроиться въ этой странѣ по своему желанію. Никакой помощи для политическихъ агитацій мы не желаемъ. Намъ нужна только нравственная опора, и потому мы особенно цѣнимъ симпатіи къ намъ русской печати. Переводите наши лучшія произведенія на русскій языкъ, какъ мы переводимъ ваши, ставьте на нашихъ сценахъ наши драматическія пьесы, какъ мы ставимъ ваши, отворите двери нашей музыкѣ и искусству, заведите сношенія съ нашей промышленностью и торговлей—вотъ все, чего мы желаемъ отъ Руси». Австрійскій патріотизмъ автора такимъ образомъ нисколько не мѣшаетъ его славянскимъ симпатіямъ, и если дѣло сблизенія славянскихъ народностей вообще желательно, то путь, указанный имъ, вѣренъ. Наиболѣе интересныя страницы книги посвящены разсказу объ устройствѣ и открытіи театровъ въ главнѣйшихъ западно-славянскихъ центрахъ—Львовѣ, Краковѣ, Загребѣ и Люблянѣ. Слѣдуя одно за другимъ, эти торжества, на которыхъ присутствовалъ авторъ, служатъ однимъ изъ наиболѣе наглядныхъ доказательствъ роста славянскаго элемента въ Австріи. Особенное впечатлѣніе произвело на довольно безразличнаго къ дѣламъ религіи чеха львовское торжество, состоявшееся при участіи высшаго духовенства, которое въ лицѣ своего архіепископа, призвавъ на театръ благословеніе Божіе, провозгласило ему знаменательное: «Миръ дому сему!» Пора бы и намъ серьезно подумать, имѣетъ ли театръ по своему значенію и результатамъ право на высшее освященіе, и, если имѣетъ, постараться поставить его для этого на соотвѣтствующую высоту.

А. Сиротининъ.

М. Дандевиль. Въ степяхъ Закаспійскихъ. Повѣсти и рассказы изъ жизни туркменъ. Москва. 1902.

Нѣтъ сомнѣнія, что беллетристика, касающаяся того или другого народа далекихъ окраинъ нашей обширной родины, есть лучшій путь для ознакомленія съ бытомъ, характеромъ и своеобразными условіями некультурной жизни весьма туго поддающихся вліянію Запада туземцевъ.

Настоящая книга М. Дандевилля, заключающая въ себѣ восемь прекрасныхъ очерковъ и разсказовъ изъ жизни туркменъ, имѣетъ то главное качество, что вводитъ читателя въ невѣдомый интимный міръ полудикаго туркмена, знакомитъ съ его въ высшей степени оригинальнымъ бытомъ, обрядами, привычками и празднествами.

До сего времени въ нашей печати мы не встрѣчали еще отдѣльныхъ изданій, касающихся въ беллетристической формѣ населенія Закаспійскихъ степей, и книга М. Дандевилля является желательнымъ вкладомъ въ нашу среднеазіатскую литературу.

Авторъ въ живой и интересной формѣ даетъ читателю представленіе о теріакешахъ, т.-е. курильщикахъ опиума, ввозимаго въ предѣлы Закаспійской области изъ Персіи; изъ его разсказовъ выносятся то горькое убѣжденіе, что куреніе опиума, или, какъ называютъ его туземцы, «теріака», такъ глубоко пустило корни среди туркменъ, что даже всѣ старанія администраціи, таможенный надзоръ и наказанія, какъ за куреніе, такъ и за провозъ контрабанды, являются безсильными противъ охватившей населеніе страсти къ излюбленному наркозу.

Въ разсказахъ «Выгодное предпріятіе» и «Женитба Нурь-Мамеда» авторъ знакомитъ читателей съ обрядомъ вѣнчанія у туркменъ и торжествомъ послѣ совершенія брака. Не безъ интереса читается описаніе судопроизводства въ туземномъ судѣ, живо и въ весьма интересной формѣ переданное авторомъ въ его разсказѣ «Старинная ненависть», тѣмъ болѣе, что народный судъ признаетъ только показанія свидѣтелей-очевидцевъ, которыхъ, по меньшей мѣрѣ, должно быть двое, вполне благонадежныхъ и правдивыхъ—эти-то свидѣтели преисправно лгутъ, идутъ на ложную присягу такъ же легко, какъ съ ножомъ на челоуѣка, что, конечно, сильно запутываетъ и само судопроизводство. Женщинамъ довѣрія совершенно не оказывается, и онѣ наравнѣ съ малолѣтними и теріакешами даже не допускаются къ присягѣ.

У каждой стороны защитниками являются родственники тяжущихся, которые шумною толпою собираются на судъ и всѣми правдами и неправдами стараются облить своего близкаго.

Шумъ, гамъ и даже драка нерѣдко прерываютъ подобныя засѣданія, и русская администрація зачастую водворяетъ порядокъ помощью нагаекъ и кулаковъ.

Курбанъ-байраму, самому чтимому празднику у мусульманъ, посвященъ цѣлый большой очеркъ.

Не лишень интереса и нѣкотораго сарказма разсказъ «Столичный охотникъ», въ которомъ на ряду съ описаніемъ мѣстной охоты, специально устроенной для важнаго сановника, изображенъ и самъ генералъ, пріѣхавшій специально поохотиться въ Закаспійскія степи изъ С.-Петербурга, нарушившій своимъ появленіемъ обыденный строй жизни степняковъ и отнявшій немало времени у занятыхъ по горло разныхъ лицъ мѣстной администраціи и въ довершеніе уѣхавшій обратно, не убивъ не одинаго звѣря, съ новенькими блистающими

красотою патронташными сумочками и великолѣпнымъ арсеналомъ дорогихъ ружей.

Разказы М. Дандевили безусловно написаны въ живой формѣ и читаются съ большимъ интересомъ. Всѣ типы очерчены безукоризненно, и даже у чело-вѣка, никогда не бывавшаго въ Закаспійскихъ стѣняхъ, составится вѣрное и определенное понятіе о бытѣ и характерѣ туркменъ и о суровой неприглядной природѣ песчаной Закаспійской области.

Борисъ Тагъевъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

РАНЦУЗСКАЯ амазонка въ XVII вѣкѣ. Въ сентябрьской книжкѣ «La Revue» П. Шанжеръ помѣстилъ интересный очеркъ¹⁾ объ одной изъ тиличныхъ героинь XVII вѣка, г-жѣ Сенъ-Бальмонъ, женщинѣ—воинѣ. Эта отважная и въ то же время добродѣтельная женщина родилась 14 мая 1607 г. въ замкѣ Нёвиль-анъ-Вердюна. Ея отецъ, Симонъ Эрнекуръ, былъ камергеромъ герцога Лотарингскаго, кавалеромъ и владѣльцемъ Нёвиля, Гибурна, Ватровишуа и проч., а мать была урожденная Маргарита Гуссъ де-Ватронвиль. Сначала у нихъ родился сынъ, но вскорѣ умеръ. Смерть его такъ огорчила родителей, что родившуюся послѣ него дѣвочку, будущую героиню, отдали на воспитаніе теткѣ, у которой она оставалась до своего замужества. Замужъ она вышла 17 лѣтъ, противъ своего желанія, такъ какъ любила другого. Ея мужъ Жанъ-Жакъ Гарокуръ, владѣлецъ Сенъ-Бальмона, принадлежалъ къ одному изъ четырехъ главныхъ лотарингскихъ дворянскихъ домовъ. На пятнадцать лѣтъ старше ея, сумрачный и суровый, онъ былъ мало привлекателенъ; къ тому же у него было болѣе долговъ, чѣмъ денегъ. Но молодая дѣвушка свято исполняла долгъ жены и притомъ обладала твердой волей, а потому оставалась ему вѣрна. Ея доброта простиралась даже на брата и сестру мужа, которыхъ она устроила въ Нёвиль, выдавая имъ пенсію. Несмотря на то, что ея мужъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ растратилъ болѣе двухсотъ тысячъ ливровъ, она все-таки сумѣла выйти изъ запутанныхъ дѣлъ. Но недолго удержала семейная жизнь Сенъ-Бальмона съ женою: онъ былъ командиромъ одного лотаринг-

¹⁾ Une amazone française au XVII siècle. Par P. Changeur. «La Revue», 15 septembre 1902.

скаго полка, и его снова потянуло въ лагери чрезъ пять лѣтъ послѣ женитьбы; только тамъ онъ былъ въ своей сферѣ. Его храбрость въ сраженіяхъ доходила до безумной отваги. Однажды, защищая осаждаемый замокъ, онъ показался въ окнѣ, окруженный съ обѣихъ сторонъ скрипачами, при чемъ самъ въ отвѣтъ на каждый выстрѣлъ танцевалъ. Въ теченіе пятилѣтней супружеской жизни онъ выучилъ жену военному ремеслу и носить мужскую одежду, а также посвятилъ во всѣ правила войны. Когда они ѣздили вмѣстѣ, то мужъ обыкновенно сидѣлъ въ экипажѣ, а она верхомъ, чтобы ему лучше была видна ея посадка. Они всегда ходили на охоту вмѣстѣ, и часто она убивала зайцевъ на самомъ быстромъ бѣгу. Г-жа Сень-Бальмонъ по природѣ подходила къ роли воина. Она была средняго роста, прекрасно сложена; ея пылкая натура не сживалась съ легкомысленною жизнью, а ея принципы благочестія отдаляли ее отъ чувственныхъ развлеченій. Не питая ни малѣйшаго вкуса къ ухаживаніямъ мужчинъ и удовольствіямъ, она любила только сильныя физическія упражненія. Кромѣ того, это была высоко нравственная женщина, способная на героическіе подвиги, съ великодушными и возвышенными чувствами. Но не надо думать, что г-жа Сень-Бальмонъ не была умственно развитой женщиной. Ея умъ былъ культивированъ: она знала греческій и латинскій языки, говорили по-нѣмецки, составляла религіозные гимны и даже написала двѣ драмы, вслѣдствіе чего Донъ-Кальметъ занесъ ея имя въ бібліотеку лотарингскихъ писателей. Ея характеръ и всѣ ея дѣйствія напоминали Іоанну д'Аркъ: она также обладала нѣжной, чувствительной душою и особеннымъ благочестіемъ. Впослѣдствіи ея жизнь воина совершенно отучила ее отъ женскихъ привычекъ и, по описанію Тальмана де-Рео, она «обыкновенно носила шляпу съ синими перьями: ея любимый цвѣтъ былъ синій; волосы она причесываетъ по-мужски, носить полукафтанъ, галстукъ, мужскія манжеты, штаны, башмаки на низкомъ каблукѣ, такъ какъ она не хочетъ казаться выше ростомъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, и она такъ рѣзка въ движеніяхъ, что не можетъ обуваться по-женски, не рискуя подвергнуться опасности. Поверхъ штановъ она носить юбку и съ боку шпагу, въ лукѣ сѣдла у нея всегда находятся пистолеты. Когда она садится на сѣдло, то сбрасываетъ свою юбку и надѣваетъ мужскіе сапоги. Ея голосъ и лицо мужскіе, но она кажется юною, хотя уже не молода; ея движенія и поклоны тоже мужскіе». Аббатъ Арно говоритъ, что забавно было видѣть, какъ ее стѣсняло женское платье, и съ какою свободою и силою она вскакивала на лошадь, когда скидывала за городомъ свою юбку, эскортируя дамъ, которыхъ она оставляла въ своемъ экипажѣ. Слава о ней проникла въ столицу, при дворѣ и въ народѣ. Въ глубинѣ Германіи художники дѣлали съ нея гравюры». Если примемъ во вниманіе эпоху, въ которую она жила, ея дѣйствія становятся понятными. Положеніе Лотарингіи между двумя враждующими странами во время Тридцатилѣтней войны ставило ее въ самое тяжелое положеніе. Побѣды и неудачи тѣхъ или другихъ отзывались непременно на ней, и владѣнія Сень-Бальмона, хотя находились не на границѣ, но все-таки служили добычей. Когда война коснулась ихъ, г-жа Сень-Бальмонъ уже была подготовлена къ военному ремеслу. 19-го мая 1635 г. Жанъ Гратиоле, исполнявшій должность герольда Франціи, объявилъ войну Австріи за взятіе ею Трира. Сень-Бальмонъ, уже находившійся

на службѣ у герцога Лотарингскаго, примкнувъ къ партіи императора, чѣмъ огорчилъ свою жену, любившую Францію. Съ начала кампаніи Нёвиль, находившійся на пути отрядовъ, которые всегда сопровождались шайками грабителей подвергался всѣмъ бѣдствіямъ войны. Вскорѣ послѣ того, какъ на ея страну, обрушилась бѣда, она узнала, что ея мужъ взятъ въ плѣнъ Рейскимъ пфальцъ-графомъ, Оттономъ-Людовикомъ, который привелъ 500 шведскихъ солдатъ къ Людовику XIII. Его выкупъ былъ назначенъ въ 22.000 франковъ лотарингскими монетами. Для освобожденія мужа г-жа Сень-Бальмонъ тотчасъ же продала свои конюшни, скотъ, даже обстановку и должна была съ двоими дѣтьми перебраться къ теткѣ, гдѣ жила въ продолженіе десяти мѣсяцевъ. Когда она возвратилась въ Нёвиль, то ее сопровождали родственники и знакомые, боявшіеся остаться у себя и находившіе, «что ея присутствіе обезпечиваетъ ихъ спокойствіе». Они не ошиблись, Какъ только г-жа Сень-Бальмонъ узнала, что грабители увели ея лошадей и скотъ, то немедленно же вскочила на лошадь, вооруженная. Она такъ проучила этихъ бродягъ, что они не возвращались болѣе въ ея владѣнія. Вскорѣ она ежедневно предпринимала военныя экспедиціи. Съ утра лошади стояли осѣдланными, пистолеты и оружіе для нея и слугъ всегда были наготовѣ. Одѣтая въ высокіе сапоги и въ мужскую одежду, прикрытую женскою юбкою, она при первомъ ударѣ тревоги вскакивала на лошадь, скинувъ свою юбку, но оставляя полукафтанъ, на который надѣвала португую со шпагою. Эта тревожная жизнь не изнуряла ея и вполне подходила къ ея характеру. «Мои лошади и слуги, писала она, устали до изнеможенія, я же здорова... Я каждый день сражаюсь съ бандитами (*craivates de bois*)». Выраженіе *craivates de bois* попадалось въ ея исторіи на каждомъ шагѣ. Эти шайки, составленныя изъ различныхъ національностей: кроатовъ, венгровъ, чеховъ и шведовъ, приводили въ ужасъ жителей. Съ ними-то и приходилось имѣть столкновенія г-жѣ Сень-Бальмонъ. Несмотря на ея энергичныя мѣры, она все-таки обращалась съ ними по-человѣчески, ведя лишь оборонительную войну. Она никогда не разстрѣливала плѣнниковъ и часто ихъ отпускала, если они принимали присягу королю, или передавала ихъ установленнымъ властямъ для производства надъ ними правильнаго суда. Нёвиль, находясь по сосѣдству съ густымъ лѣсомъ, подвергался частымъ нападеніямъ, и только близъ замка было надежное мѣсто. Даже обрабатывать землю приходилось тайно, а снимать жатву только подъ покровительствомъ христіанской амазонки, какъ назвалъ г-жу Сень-Бальмонъ ея исторіографъ, патеръ Жанъ-Мари де-Верненъ. Ея воинственныхъ подвиговъ было столько, что трудно выбрать самыя замѣчательныя, но слѣдующій отличается отъ прочихъ героизмомъ. Однажды одинъ кавалерійскій офицеръ поселился на ея землѣ и завелъ страшный безпорядокъ. Сначала она написала ему, жалуясь на его поведеніе. Но ея письмо было очень грубо принято офицеромъ. Тогда, возмущившись его поведеніемъ, она послала второе, подписанное кавалеромъ Сень-Бальмономъ. Въ этомъ письмѣ она говоритъ, что дурное обращеніе съ женщиной принуждаетъ вызвать его на поединокъ. Дуэль состоялась. Она явилась въ мужской одеждѣ и, обезоруживъ его, сказала рыцарски вѣжливо: «вы, сударь, думали драться съ кавалеромъ Сень-Бальмономъ, а вамъ возвра-

цаеть шпагу г-жа Сень-Бальмонъ и проситъ васъ впередъ имѣть болѣе снисхожденія къ просьбѣ дамъ». Съ этими словами она покинула его, и говорятъ, что офицеръ былъ пристыженъ и тотчасъ же покинулъ ея имѣніе. Другой разъ, въ августѣ 1638 года, зная, что начальникъ кроатовъ, по имени Ла-Шась, прячется въ одномъ домѣ, находившемся въ окрестностяхъ, она отпиралась со слугами къ этому жилищу. Открывъ дверь, г-жа Сень-Бальмонъ поднялась по лѣстницѣ, вошла въ комнату кроата и взяла его въ плѣнъ, прежде чѣмъ онъ могъ опомниться, послѣ чего она передала его въ руки правосудія. Его судили и повѣсили. Множество разказовъ довольно легендарныхъ существуютъ объ этой смѣлой женщинѣ-воинѣ. Слава о ней распространилась повсюду, и самъ король предложилъ, чрезъ верденскаго губернатора, въ ея распоряженіе отрядъ кавалеріи и пѣхоты, но она отказалась, говоря, что ей достаточно ея полтораста вассаловъ. Но страннѣе всего, что такая воинственная женщина была прекрасной хозяйкой и также хорошо справлялась съ внутренней администраціей замка, какъ и съ его внѣшней защитой: «Ея деревни были переполнены всѣми удобствами. Никогда не видѣли нигдѣ лучшаго скотнаго двора въ мирное время, чѣмъ у нея въ сумятицу войны. Въ ея конюшняхъ стояло сорокъ лошадей, а въ коровникѣ болѣе сорока коровъ, семьсотъ или восемьсотъ овецъ и остального скота; все это свидѣтельствовало, что Богъ заботится объ ея дѣлахъ». вмѣстѣ съ тѣмъ она была великодушна и щедра. каждое воскресенье и въ другіе праздничные дни она сама раздавала супъ всѣмъ бѣднымъ Нёвиля. Въ Духовъ день она надѣляла одеждой двѣнадцать бѣдняковъ, а въ страстной четвергъ умывала ноги двѣнадцати вдовамъ, вручая каждой по четверти эку, въ Рождество же и Пасху раздавала пшеницу тридцати самымъ бѣднымъ семьямъ. Сосѣдніе хлѣбопашцы всегда находили у нея пріютъ, когда имъ приходилось укрываться отъ непріятелей; она давала имъ въ долгъ хлѣбныя зерна, воспитывала дѣтей, у которыхъ не было родителей, навѣщала больныхъ, утѣшала страждущихъ физически или нравственно. Но и она не избѣжала горя. Въ 1644 году, на Страстной недѣлѣ, у нея умеръ 14-лѣтній сынъ. Сначала она была потрясена, но затѣмъ спокойно прошептала: «Богъ мнѣ далъ его, и Онъ же отнялъ, да будетъ благословенно Его имя», и направилась въ часовню. «Господа,—сказала она присутствующимъ, когда окончилась церковная служба,—церковь запрещаетъ намъ теперь похоронный звонъ, чтобы выразить ея скорбь по случаю кончины нашего Спасителя. Я не хочу, чтобы нарушали этотъ обычай для меня. Я живой и говорящій колоколь, который извѣщаетъ васъ о смерти единственнаго сына». Въ томъ же году ее постигло новое горе. Сень-Бальмонъ, тогда уже начальникъ надъ всѣмъ войскомъ герцога Лотарингскаго, былъ убитъ шведскимъ солдатомъ. Изнемогая отъ горя, причиненнаго смертью сына, г-жа Сень-Бальмонъ, узнавъ объ этомъ новомъ горѣ, не желала выказать его публично, но не выдержала и упала безъ чувствъ. Послѣ смерти мужа она сдѣлалась еще благочестивѣе. Въ первое время ея вдовства ей было сдѣлано множество предложеній, но она отказала всѣмъ, сказавъ: «Не говорите мнѣ объ этомъ, вы меня оскорбляете. Имѣвъ такого мужа, память котораго я особенно чту, я не хочу другого». Чтобы обезпечить себя отъ слабости, она написала свою кровію обѣтъ цѣломудрія, который по-

ложила на престолъ св. Бенедикта. Тридцатилѣтняя война окончилась, и выдавъ замужъ дочь Марію за Людовика Дезармуаза, она рѣшила поступить въ монастырь. Подѣхавъ къ его воротамъ, она отдала свою лошадь, пистолеты и шпагу дворянину, сопровождавшему ее, который обожалъ ее, какъ свою мать. Но годы и разстроенное здоровье не позволили ей долго выносить строгую жизнь монастыря, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ она вернулась въ Невиль, гдѣ и умерла 22-го мая 1660 года.

— Остроуміе при дворѣ Карла II. При всемъ своемъ легкомыслии и развратѣ англійскій король Карлъ II отличался остроуміемъ, увеличивавшимъ еще болѣе его веселость и жизнерадостность. Его дворъ выбивался изъ всѣхъ силъ, чтобы не отставать отъ короля, и вообще придворная жизнь во время реставраціи Стюартовъ была веселой эпохой. Англійскій историкъ и ярый роялистъ А. Югъ помѣстилъ въ сентябрьской книжкѣ «English Illustrated Magazine» живую характеристику, какъ Карла II, такъ и его двора, съ точки зрѣнія остроумія. Первымъ острякомъ былъ самъ король, хотя мнѣніе раздѣлялось среди современниковъ и позднѣйшихъ историковъ относительно качества его остроумія. Такъ Бурнетъ замѣчаетъ саркастически: «Придворнымъ такъ надобѣли шутки короля, что когда онъ начиналъ рассказывать ихъ, то въ комнатѣ было много слушателей, а подъ конецъ почти никого не оставалось». Лордъ Рочестеръ говорилъ: «Странно, какъ человѣкъ, запоминавшій свои анекдоты слово въ слово, не помнилъ, что наканунѣ онъ рассказывалъ то же самое». Напротивъ герцогъ Букингамширъ и лѣтописецъ Джонъ Эвелингъ совершенно противоположнаго мнѣнія и восхваляютъ до небесъ остроуміе короля, съ чѣмъ соглашается историкъ Джонъ Генэдждъ Джессъ. Быть можетъ, всего остроумнѣе было замѣчаніе, сказанное королемъ своему брату, герцогу Уэльскому, будущему Іакову II. Они однажды встрѣтились на Конституціонной горѣ; первого сопровождали только два лорда, а второй былъ окруженъ отрядомъ гвардіи. Герцогъ Уэльскій предложилъ ему половину своего эскорта, такъ какъ небезопасно было ходить безъ солдатъ.—«Мнѣ не опасно,—сказалъ король:—я убѣжденъ, что никто въ Англіи не покусится на мою жизнь, ради того, чтобы сдѣлаться королемъ». Въ разговорѣ съ итальянскимъ писателемъ Григоріемъ Лети Карлъ высказалъ свою способность ловко отвѣчать. «Я слышалъ, Лети, что вы пишете исторію Англіи,—сказалъ онъ:—смотрите же, никого не обидьте въ ней».—«Ваше величество,—отвѣтилъ историкъ:—я сдѣлаю, что могу, но историкъ, будь онъ умнѣ Соломона, не можетъ, чтобы когонибудь не обидѣть».—«Въ такомъ случаѣ,—возразилъ король:—будьте такимъ же умнымъ, какъ Соломонъ, и пишите притчи, а не исторію». Другой разъ, когда одинъ придворный приставалъ къ королю съ самыми нахальными претензіями, воспользовавшись веселымъ настроеніемъ Карла, то онъ сказалъ ему: «Лучше приходите завтра съ вашей просьбою къ королю». Одинъ изъ проповѣдниковъ, пасторъ Стилингфлитъ, всегда читалъ свои проповѣди предъ королемъ, а не произносилъ ихъ наизусть. На вопросъ короля, почему онъ это дѣлаетъ, пасторъ отвѣчалъ, что боится смѣшаться предъ такимъ великимъ человѣкомъ. «А вы, ваше величество, зачѣмъ читаете ваши рѣчи предъ парламентомъ?»—«Я такъ часто просилъ у него денегъ и столько,—отвѣчалъ Карлъ,—что мнѣ

совѣстно смотрѣть ему въ глаза». Вообще въ XVII столѣтіи остроуміе было въ большомъ ходу въ Англіи, и придворные позволяли себѣ говорить насмѣшки, относившіяся къ нему. Такъ, напримѣръ, одинъ придворный поэтъ, издѣваясь надъ его страстью къ собакамъ, говорилъ: «Право, трудно сказать, кто умнѣе, хозяинъ или его песь». Друзья Карла обыкновенно звали его «старый Ролей», по кличкѣ одного стараго козла, обгавшаго въ королевскомъ саду. Добродушный, жизнерадостный король такъ любилъ смѣяться, что весело переносилъ эти шутки и даже однажды на вопросъ придворныхъ, не знавшихъ о присутствіи короля:—«кто находится въ комнатѣ?»—отвѣчалъ: «только старый Ролей». Изъ числа придворныхъ самыми остроумными считались герцогъ Букингамъ, лордъ Дорсетъ, Рочестеръ и Шафтесбюри. Последнему король однажды замѣтилъ: «Знаете, Шафтесбюри, что вы самый развратный человѣкъ во всемъ королевствѣ».—«Вы правы, если вы имѣете въ виду только своихъ подданныхъ». Рочестеръ смѣялся надъ Карломъ даже послѣ его смерти и въ знаменитомъ эпитафій написавъ: «Здѣсь спитъ король, слову котораго никто не вѣрилъ, и который никогда не говорилъ глупости и не дѣлалъ ничего умнаго». У Карла I были два извѣстные шута: Шико и Килегрю. Последний отличался особымъ остроуміемъ; онъ имѣлъ смѣлость сказать однажды королю: «Я знаю одного добраго, честнаго и способнаго человѣка, который могъ бы все привести въ порядокъ въ государствѣ, но теперь онъ ничего не дѣлаетъ: зубоскалитъ съ своимъ дворомъ и ничѣмъ не занимается». Въ другой разъ онъ вошелъ въ комнату короля въ одеждѣ пилигрима, и когда король спросилъ его, куда онъ отправляется, то онъ отвѣчалъ: «Въ адъ! Я хочу просить чорта, чтобы онъ прислалъ назадъ Оливера Кромвеля заняться дѣлами Англіи, такъ какъ его наслѣдникъ занимается совершенно иными». Не лишена была остроумія и любимая фаворитка короля: Нелли Гвинъ. Въ присутствіи короля она нѣсколько разъ назвала своего сына отъ короля маленькимъ выродкомъ, пока Карлъ не произвелъ его въ бароны Гединкотонъ, лорды Берфордъ и герцоги Сень-Альбанцъ. Однажды вечеромъ король былъ очень доволенъ концертомъ, который давали во время ужина наемные музыканты. «Хорошо, государь, если вы говорите это серьезно, то дайте этимъ бѣднымъ людямъ пожизненную пенсію». Король засмѣялся и поклялся, что у него нѣтъ ни гроша. Затѣмъ обратился къ герцогу Ньюкастлю съ вопросомъ, нѣтъ ли у него денегъ.—«Нѣтъ,—отвѣчалъ министръ,—развѣ только найдется у меня въ карманѣ одна или двѣ гинеи».—«Ну, ужъ попала я въ хорошую компанію»—воскликнула Нелла, передразнивая короля.

Вообще король съ рѣдкою для него искренностью любилъ свою Нелли, несмотря на то, что у него была другая фаворитка, французенка, Луиза де-Керуаль, герцогиня Шортсмутская. Последними его словами были: «Не дайте бѣдной Нелли умереть съ голоду».

— Письма Ренана изъ семинаріи. Недавно появились въ печати письма Ренана къ матери (1830—1846 г.), написанныя имъ изъ семинаріи.

¹⁾ Wit at the court of Charles II, by A. Hughes. «English Illustrated Magazine», september 1902.

Отличительной чертою ихъ является замѣчательно вѣжное и трогательное отношеніе философа къ матери и вообще къ своей семьѣ¹⁾. Въ первыхъ письмахъ Ренанъ безпрестанно повторяетъ о своей любви къ матери: «Какое для меня счастье, — пишетъ онъ, — сказать вамъ, какъ я васъ люблю, и какое счастье приносить мнѣ ваши письма! Уже протекло 17 лѣтъ; ваша доброта ко мнѣ и всѣ милости Бога поражаютъ во мнѣ серіозныя размышленія». Первые впечатлѣнія Ренана, произведенныя семинаріей, превосходны: «Семинарія содержится отлично, — пишетъ онъ, — я пораженъ набожностью учениковъ. Мой профессоръ, Бессьеръ, человѣкъ высокаго достоинства. Ученики всѣ очень привѣтливы». Но въ особенности всѣ люди въ глазахъ Ренана были добры, онъ хвалилъ новыхъ преподавателей и привѣтствовалъ старыхъ, прибавляя къ каждому имени «доброй». Выѣстъ съ тѣмъ изъ писемъ видно, что семья Ренана не наслаждалась благами міра и часто нуждалась въ деньгахъ. Когда будущему философу понадобилась новая ряса и сапоги, то онъ мучился доставленнымъ матери безпокойствомъ. «Согласно установленному правилу, — писалъ онъ 16 октября 1838 года, — требуется четыре пары башмаковъ и множество другихъ вещей, которыя вамъ обозначить Генріета. Можетъ быть, васъ стѣснить достать мнѣ это, и очень досадно, что правило требуетъ столько вещей, но приходится согласоваться съ нимъ. Не подвергайте себя лишениямъ, дорогая мама, прошу васъ. Пейте ежедневно вашу чашечку кофе, когда у васъ болитъ голова, и даже когда она не болитъ: когда болитъ, чтобы избавиться отъ боли, и когда не болитъ, чтобы предупредить ее. Вы спрашивали меня о цѣнѣ рясы. Вѣдная, дорогая мама, будьте увѣрены, что мнѣ тяжело прибавлять еще затрудненій къ вашимъ дѣламъ, но дѣйствительно я въ этихъ вещахъ порядочно нуждаюсь. Эта ряса еще проносится довольно долго, но въ ней я не могу болѣе дѣлать визитовъ, впрочемъ, такъ какъ я ношу ее, не снимая, то она нуждается въ частой починкѣ, и тогда я нахожусь въ затруднительномъ положеніи. Я могу достать рясу за 50 франковъ, но могу васъ увѣрить, что она будетъ едва прилична, за 60 франковъ, самое малое, можно имѣть что нибудь приличное и чистое. Не стѣсняйте себя, дорогая мама, вотъ первое, что я вамъ совѣтую. Мнѣ также будутъ нужны, безъ отсрочки, пара сапогъ; Боже мой, чего мнѣ стоитъ васъ такъ тревожить». Въ письмѣ отъ 3 февраля 1839 года, Ренанъ описываетъ семинарскую жизнь въ классѣ и примѣняемую тамъ педагогію — довольно любопытную: «Во второй четверти года мы проходимъ различнаго вида литературу... Въ первыхъ три мѣсяца мы проходили басни, аллегоріи и легкую литературу: эпиграммы, рондо, мадригалы, сонеты и т. д. Во вторые три мѣсяца — лирическую поэзію, сатиры, посланія въ стихахъ, письма, дидактическую поэзію, хронику, легенды и т. д. Наконецъ, въ третьи три мѣсяца мы пройдемъ повѣствованія и другой мелкій видъ литературы... Наши превосходные профессора употребляютъ всѣ средства, чтобы сдѣлать для насъ приятнымъ ученіе, и, дѣйствительно, въ нашемъ классѣ, какъ и въ другихъ, замѣтно удивительное соревнованіе. По субботамъ вечеромъ у насъ, только во второмъ классѣ, устраиваются особыя занятія литературой. Ученики

1) Letres du séminaire, par Ernest Renan, 1902.

этого класса въ свободное время составляютъ сочиненія—безразлично какого сюжета, читають ихъ въ классѣ, и тогда назначается изъ трехъ учениковъ бюро, которое затѣмъ разсматриваетъ представленныя работы и дѣлаетъ отчетъ о нихъ для чтенія въ слѣдующую субботу. Если работа считается достойной, ее вносятъ въ отчетную тетрадь класса, въ которую помѣщаютъ хорошія работы, а если въ ней находятся высшія достоинства, то представляютъ ее въ академію, которая, находя ее подходящею, допускаетъ на безсмертныя страницы своей превосходной тетради». Позже, въ письмѣ отъ 12 января 1842 года, Ренанъ пишетъ о преподаваніи философіи, которую онъ страстно изучалъ: «Особенно споры о приведеніи доводовъ доставляютъ удовольствіе. Два ученика сдѣляются по какому нибудь вопросу, затѣмъ затѣвается смертельный бой, на которомъ сражаются ударами аргументовъ и доводами до тѣхъ поръ, пока одинъ будетъ принужденъ признать себя побѣжденнымъ. Это поистинѣ очень интересно. Каждое воскресенье это происходитъ публично, и каждый день собираются отъ 7 до 8 человекъ, чтобы приготовиться къ состязанію». «Здѣсь въ Исси событія рѣдки,—писалъ онъ въ февралѣ,—и надняхъ всѣ были взволнованы смертью одной изъ золотыхъ рыбокъ, наполнившихъ здѣшніе пруды. Всѣ спѣшили спрашивать: «Видѣли мертвую рыбу?» Но не думайте, дорогая мама, что мы здѣсь еще дѣти, какъ въ школѣ святого Николая. Изученіе философіи способно сдѣлать умъ серіознымъ: собственно въ этомъ ея исключительный характеръ. Въ ней разсматриваются самые важные вопросы о Богѣ, человеческой душѣ, о нашемъ умѣ, чувствахъ, истинѣ и убѣжденіяхъ; вотъ мы чѣмъ занимаемся въ данное время и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдимъ за различными философами и всевозможными ихъ системами. Представьте себѣ, милая мама, что здѣсь задають себѣ слѣдующіе серіозные вопросы: Правда ли, что я существую? Не сонъ ли это или иллюзія? Я думаю, что дорогая мама приходитъ въ негодованіе. «Разумѣется, мой Эрнестъ существуетъ, и я очень хотѣла бы знать, кто бы сталъ это отрицать». Видите ли, философы самый смѣшной народъ въ свѣтѣ: они во всемъ сомнѣваются. Но, не бойтесь, дорогая мама, я еще до того не дошелъ, и если я когда нибудь буду въ чемъ сомнѣваться, то навѣрно не въ вашей и не въ моей любви». Въ письмахъ Ренана не было и тѣни предстоящаго релігіознаго кризиса, охватившаго его впоследствии. «Я постараюсь сдѣлаться достойнымъ, чтобы меня допустили до конгрегаціи Святой Дѣвы»,—писалъ онъ 10 ноября 1839 года. Онъ стремился занять первое мѣсто между товарищами по наукѣ. Когда онъ почему либо отставалъ, то у него только и было разговору, что «объ исправленіи своей чести», и онъ безпрестанно возвращался къ этому вопросу. Однимъ изъ главныхъ противниковъ Ренана былъ Альфредъ Фулонъ, впоследствии архіепископъ Ліонскій и кардиналъ. Въ началѣ Ренанъ пристрастился къ математикѣ и жаловался, что ею недостаточно занимаются; позже эта страсть перешла на философію. Релігіозный кризисъ Ренана начался въ семинаріи Исси. Началомъ его было колебаніе Ренана принять постриженіе. Въ письмѣ къ матери отъ 28 апрѣля 1843 года, онъ писалъ: «Это простое обѣщаніе, а не обѣтъ, это обязательство чести, а не строгое, нерасторжимое обязательство. Но... если съ одной стороны не надо преувеличивать своихъ обязанностей, то тѣмъ болѣе не надо подѣ предлогомъ, что онѣ отгрѣшимыя, отно-

ситься къ нимъ легко подъ опасеніемъ раскаяться въ нихъ. Признать Бога моимъ удѣломъ, посвятить себя службѣ, и затѣмъ отступитъ назадъ было бы измѣной, которой я не простилъ бы себѣ всю жизнь; я не позволилъ бы себѣ этого даже относительно человѣка». Его мать вполне соглашалась съ нимъ, и 12 мая онъ увѣдомилъ ее, что по совѣту директора Госселена онъ принялъ рѣшеніе сдѣлать первый шагъ для посвященія въ священство. Внезапно 6 іюня онъ написалъ матери, что все отложено: «Новыя соображенія, которыя, можетъ быть, я недостаточно взвѣсилъ, — писалъ онъ, — снова изслѣдованныя между Богомъ и моею совѣстью, заставили меня страшиться шага, важность котораго я понялъ. Я считалъ долгомъ его отложить. Да, отложить, дорогая мама, такъ какъ Богъ знаетъ, что мое сердце всегда принадлежитъ ему, и посвященіе въ священство самое горячее мое желаніе, самая сладкая изъ надеждъ. Это только отсрочка и, можетъ быть, очень короткая отсрочка». Къ этому онъ прибавляетъ: «Условія, налагаемыя духовной тайной и которыя я хотѣлъ нарушить для васъ, о мама, обязываютъ меня молчать относительно подробностей этого мотива; это секретъ Бога и моего духовника». Въ октябрѣ 1843 года, Ренанъ провелъ вакаціи въ Бретани у матери, послѣ чего онъ перешелъ изъ Иссійской семинаріи въ Сентъ-Сюльписъ. И тамъ онъ продолжалъ заниматься съ рвеніемъ. По вступленіи ему поручили принять участіе въ преподаваніи приходскаго катехизиса. «Это — собраніе молодыхъ людей отъ двѣнадцати до двадцати и двадцати двухъ лѣтъ, которые собираются каждое воскресенье, чтобы послушать религиозное наставленіе относительно основанія вѣры и христіанской нравственности. Это родъ конференцій, составленныхъ изъ различныхъ упражненій, и въ особенности наставленія въ родѣ проповѣди относительно истины вѣры... Вотъ, моя добрая мама, вы уже посвящены въ занятія, которыя очень трудны». «Можете повѣрить, насколько я доволенъ, что былъ избранъ для этой обязанности, несмотря на увеличеніе занятій», — писалъ онъ 6 ноября 1843 года. Тотчасъ же по прибытіи его въ Сентъ-Сюльписъ его уговаривали къ посвященію въ священники. Онъ рѣшился и писалъ матери: «Всѣ мои сомнѣнія разсѣялись и измѣнились въ счастливое довѣріе, и когда великій день пришелъ, я почувствовалъ спокойствіе и радость, въ которыхъ едва могъ дать себѣ отчетъ, насколько онѣ были противоположны предшествовавшему имъ волненію», — писалъ онъ 1 января 1844 года, а 5 іюня онъ объявилъ, что въ послѣднюю субботу вступилъ въ младшій орденъ. По этому поводу онъ писалъ: «Шагъ сдѣланъ, итти всякъ нельзя, и хотя еще ничего нѣтъ невозвратнаго, но я надѣюсь никогда въ этомъ не раскаиваться, и я думаю, что это меня подготовитъ къ другому рѣшительному и важному шагу». Между тѣмъ внутреннее колебаніе уже началось, и онъ писалъ матери о своемъ желаніи замедлить нѣсколько свое вступленіе въ духовный санъ. «Вы знаете, что этотъ орденъ заключаетъ въ себѣ важныя и многочисленныя обязанности, предъ которыми, безъ сомнѣнія, я не отступлю, но которыя вмѣстѣ съ моими настоящими занятіями меня очень обременяютъ... Я надумалъ, что, можетъ быть, лучше отложить это на эпоху, когда мои занятія будутъ менѣ многочисленны, потому что это запозданіе не можетъ принести ни малѣйшаго ущерба, и въ будущее Рождество я могу все исполнить». Въ ожиданіи онъ проходилъ курсъ въ Французской коллегіи, отно-

нительно чего онъ старался успокоить свою мать. «Преувеличиваютъ, говоря столько дурного объ этомъ учрежденіи, потому что въ числѣ его профессоровъ находится самый религіозный изъ ученыхъ нашей эпохи—Катрмэръ. Между двадцатью или тридцатью профессорами, которые тамъ преподають, на самомъ дѣлѣ только два—Мишлэ и Кинэ, проповѣдуютъ противъ всего, что есть святого и достойно чтимаго. Сохрани меня Богъ осквернить мои уши, слушая подобныя клеветы и богохульства. Но другіе курсы этого знаменитаго учрежденія лишь только научные, гдѣ никогда не слышно враждебнаго слова противъ религіи и нравственности». Однако нравственный переворотъ Ренана шель быстрыми шагами, хотя онъ скрывалъ это обстоятельство отъ матери, опасаясь нанести ей тяжелый ударъ. Послѣ вакаціи, въ 1846 году, онъ вернулся въ Парижъ, не сказавъ матери о своихъ намѣреніяхъ, но упомянувъ лишь о поѣздкѣ за границу и о возможномъ по этой причинѣ перерывѣ духовныхъ занятій. 6 октября 1846 года онъ покинулъ семинарію, написавъ матери: «Какъ только пріѣхалъ въ Сенъ-Сюльписъ, я сообщилъ о нашемъ проектѣ поѣхать въ Германію и такъ далѣе. Какъ я предвидѣлъ, они выразили свое согласіе и посоветовали мнѣ скорѣе исполнить мое намѣреніе... Результатомъ ихъ хлопотъ было мѣсто, которое вышло мнѣ въ коллегіи Станислава». Сначала его отношенія съ директоромъ коллегіи были превосходны, но Ренану скорѣе стало очевидно, что онъ не любимъ, и будущій философъ рѣшился покинуть ее. Однако онъ не говорилъ еще объ этомъ матери, а объяснилъ свое удаленіе тѣмъ, что по совѣту одного изъ своихъ преподавателей онъ приготовляетъ еврейскую грамматику, и жизнь въ интернатѣ дѣлаетъ невозможнымъ посѣщеніе библіотекъ. 25 февраля 1846 года, онъ извѣстилъ ее, что выдержалъ съ успѣхомъ свой экзаменъ на бакалавра. Но его сношенія съ Сенъ-Сюльписомъ продолжались, и онъ сообщилъ объ этомъ матери: «Дюпанлу былъ для меня очаровательно добръ, когда я былъ у него... Всѣ эти господа были для меня одинаково отцами и друзьями. Наконецъ, мои старые сотоварищи, съ которыми я проводилъ часть вечеровъ въ среду, выражали мнѣ расположеніе, какъ никогда». Однако, мать почувала перемѣну въ сынѣ и написала ему 3 февраля: «Что мнѣ сказать тебѣ, мое любимое дитя? Успокойте тебя во всемъ, что касается твоего будущаго положенія? Нѣтъ, дитя мое, ты не попадешь въ это ужасное положеніе сдѣлать выборъ между твоей совѣстью и обѣтомъ, даннымъ мною». Однако, нравственный переломъ Ренана дошелъ до такой степени, что въ своихъ письмахъ, отъ 8 и 24 февраля 1846 года, ему приходилось молчать или сказать все. Его сестра Генріета, находившаяся въ Римѣ, взяла на себя написать матери 15 марта 1846 года. Это письмо можетъ служить хронологическимъ документомъ происходившаго въ Ренанѣ кризиса. Съ своей стороны онъ написалъ 23 сентября: «Мое сердце наполняетъ тяжелое чувство въ особенности, когда я подумаю, что не могу доставить моей дорогой матери радости, которая, какъ она свидѣтельствовала, ей такъ драгоценна. Да, дорогая мать, въ этомъ самая тяжелая изъ всѣхъ жертвъ, какія мнѣ представилъ долгъ. Если бы она только отняла отъ меня сладость жизни, я терпѣливо перенесъ бы ее, но приговорить меня опечалить мою мать, меня, который хотѣлъ посвятить свою жизнь на украшеніе ея дней... Ахъ, безъ сомнѣ-

нія, я былъ бы болѣ невѣрнымъ моему нѣжному и чистому прошедшему, если бы съ той минуты, когда сомнѣнія начали волновать мою душу, я преслѣдовалъ карьеру, которая требуетъ самыхъ безусловныхъ убѣжденій... Мое призваніе, говорите вы, повидимому, призываетъ меня къ другому? Дорогая матушка, я знаю одно лишь призваніе для человѣка: это — реализовать идеалъ его природы, подняться изъ позорнаго круга грубыхъ наслажденій къ лучшему міру добродѣтели и науки. Вотъ цѣль, которую я всегда себѣ предлагалъ въ жизни, вотъ что мною будетъ руководить до послѣдняго вздоха. А если бы я хоть одинъ день былъ невѣренъ!.. О, тогда бы голосъ моей матери, упрекая меня за болѣ чистое прошедшее, вселилъ бы въ глубину моей души сожалѣніе и стыдъ. Но пока чистая красота долга и наслажденіе благороднаго и чистаго сердца будутъ побудительной силой моего существованія, я никогда не подумаю отречься отъ прошедшаго и не услышать голоса Провидѣнія. Не будемте вѣрить, дорогая мама, что человѣкъ родился подъ роковой звѣздой, которая ему незамѣтно указываетъ мѣсто въ порядкѣ вселенной. Отдѣльное призваніе не заключается ли въ томъ, что при всякой фазѣ своего существованія оно служитъ результатомъ настоящихъ вѣрованій и потребностей сердца». Этому profession de foi двадцати-трехлѣтняго семинариста Ренанъ остался вѣренъ всю свою жизнь.

— Прошедшее Монте-Карло. Кто не слышалъ о знаменитомъ и грандіозномъ игорномъ домѣ Монте-Карло, очаровательномъ по природѣ уголкѣ, превратившемся изъ селенія съ 600 человѣкъ въ богатое княжество съ 20.000 жителями. До сихъ поръ знакомство съ этимъ заколдованнымъ притонномъ ограничивалось лишь описаніемъ игорныхъ залъ, расчетами шансовъ играющихъ, анекдотами и проч., не касаясь ни его исторіи, ни начала его основанія. Теперь въ «La Revue» ¹⁾ появилась статья В. Гэдора, пополнившая вышеозначенный пробѣлъ. Это самое маленькое изъ самостоятельныхъ княжествъ Европы находится, какъ извѣстно, внутри французскаго департамента Приморскихъ Альпъ и занимаетъ всего 21,6 кв. километровъ, представляя наслѣдственную и при томъ неограниченную монархію. Теперь у князя Монако имѣется государственный совѣтъ изъ членовъ, а также генераль-губернаторъ. Войско этого властелина игрушечное, такъ какъ состоитъ всего изъ 121 человѣка почетной гвардіи жандармовъ. Первый изъ монакскихъ князей, Гримальди, поселился на Монакской скалѣ въ 1002 г. До 1848 г. этотъ княжескій родъ царствовалъ надъ тремя городами: Монако, Рокебрюнъ и Ментова, т. е. надъ странюю въ три мили длины и триста метровъ въ глубину. Они управляли странюю подъ номинальнымъ протекторатомъ королей Сардиніи. Такъ какъ князья скучали на своей скалѣ, то жили болѣею частью въ Парижѣ, и дѣдъ Карла III, который первый бросилъ сѣмя разврата въ этомъ очаровательномъ уголкѣ, никогда не появлялся въ своемъ замкѣ. Онъ отдавалъ въ аренду своп города одному интенданту, по имени Шапону, который нашелъ, что выгоднѣе всего заставить жителей покупать хлѣбныя зерна и муку исключительно у

¹⁾ Les debuts inconnus de Monte-Carlo, par Victor Gaidorp. «La Revue», 15 septembre. 1902.

него. Этотъ налогъ назывался «l'exclusive» и взимался съ жителей болѣе чѣмъ жестоко. Жандармы запирали въ тюрьмы тѣхъ изъ нихъ, которые рѣшались покупать хлѣбъ въ другомъ мѣстѣ, вслѣдствіе того, что мука, которою снабжалъ ихъ Шапонъ, была отбросами съ хлѣбныхъ барокъ. Со смертью Гонорэ V его сынъ, Флорестанъ I, надумалъ посѣтить свое государство и попалъ туда въ то время, когда жители были въ высшей степени возбуждены противъ Шапона. Интендантъ былъ принужденъ бѣжать, а Флорестану пришлось выставить на площади двѣнадцать бочекъ вина и раздать жителямъ бѣлый хлѣбъ, чтобы немного успокоить подданныхъ. Онъ тотчасъ же упразднилъ «l'exclusive», а съ нею всѣ налоги. Князь угадалъ, что ментонцы, совершенно не питавшіе къ нему почтенія, задумали возмущаться, чему пріятствовала вооруженная армія изъ восьми гвардейцевъ. Къ несчастью, будучи бѣднымъ, какъ и его отецъ, князь пожелалъ жить въ своемъ замкѣ, а не въ Парижѣ, и мало-по-малу налоги вновь возродились. Дворецъ, приводящій теперь въ восторгъ всѣхъ посѣтителей, былъ развалиной. Двери едва держались на петляхъ, крыша протекала, и въ комнатахъ стояла вода; зала гвардейцевъ была вымощена булыжникомъ, а въ коридорахъ воробьи свободно вили себѣ гнѣзда. Но за то природа, — пная, чѣмъ теперь, — представляла рѣдкое зрѣлище. Подъ покровомъ какъ бы ширмъ изъ сѣрой скалы росъ настоящій лѣсъ изъ апельсиновыхъ и лимонныхъ деревьевъ. Надъ ними высились маслины, магноліи и олеандры. На берегу расположилось съ дюжину дачъ подъ сѣнью смоковницъ. Направо тянулась большая стѣна Тюрби, а налѣво, вдаль, въ голубомъ туманѣ, выглядывала изъ густой чащи лавровъ и Бордигера съ своими бѣлыми домами. Флорестанъ I принялся устраивать жилище, какъ вдругъ вспыхнула революція 1848 г., оразившаяся во всей Европѣ. Перепуганные монархи, помня о первой французской революціи, стали предлагать своему народу либеральную конституцію. Сардинія и даже Папскія владѣнія получили свои конституціи. Флорестанъ, струсившій, счелъ долгомъ послѣдовать примѣру другихъ монарховъ и такъ какъ ментонцы и рокебрюнцы были покойнѣе, чѣмъ вѣрные монегасцы, то онъ началъ съ нихъ и объявилъ имъ, что они болѣе не рабы. Энтузіазмъ былъ общій: устроена была въ честь этого событія иллюминація, и повсюду раздавались крики: «Да здравствуетъ Флорестанъ!» Однако это счастье длилось недолго, и возвратясь вечеромъ въ свой замокъ, онъ былъ встрѣченъ женою и двумя министрами, которые представили ему все безуміе этого поступка, говоря, что теперь онъ сдѣлался рабомъ своихъ подданныхъ, обезчестилъ королевскую власть и отрекся отъ божественнаго права. Чтобы вернуть себѣ домашнее спокойствіе, онъ взялъ обратно конституцію, и ментонцы, заснувшіе опьяненными отъ радости, увидѣли, по пробужденіи, наклеенныя на стѣнахъ афиши, объявляющія имъ о желаніи короля взять назадъ конституцію. Разгнѣванные жители послали трехъ делегатовъ къ Кавуру, предлагая ему Ментону и Рокебрюнъ, пожелавшихъ перейти къ Италіи. На это предложеніе Кавуръ отвѣтилъ: «Вы приносите мнѣ ключи, во я не вижу замка?» — «Какого замка?» — спросили они. — «Монако. Онъ одинъ стоитъ достаточно, чтобы мы пошли на это завоеваніе». И, дѣйствительно, подъ впечатлѣніемъ несчастія Навары, пьемонтцы отказались присоединить къ Италіи эти

два города. Такимъ образомъ, Ментона и Рокебрюнь сдѣлались независимыми городами, однако подъ покровительствомъ короля Сардиніи, который водворилъ тамъ маленькій гарнизонъ. Послѣ присоединенія Ниццы Наполеонъ III объявилъ Ментону и Рокебрюнь французскими городами. Хотя это было результатомъ общей подачи голосовъ, но выборы должны были обязательно имѣть успѣхъ, такъ какъ предписывалось подавать голосъ только за «да» или «нѣтъ», не говоря ничего другого. Жители свободныхъ городовъ подали голоса въ пользу «да», думая, что это означаетъ *statu quo*, и были очень удивлены на другой день, что отъ нихъ требуютъ быть французами. Въ 1856 г. умеръ Флорестанъ, оставивъ корону сыну Карлу III, который впервые завелъ въ Монако рулетку. Карлъ III былъ красивый человекъ, надменнаго характера, любящій приключенія, мотовство. Онъ носилъ великолѣпные мундиры и выѣзжалъ верхомъ и всегда окруженный блестящимъ эскортомъ. Наполеонъ III хотѣлъ купить свою побѣду и уплатилъ 4 милліона прежнему владѣтелю городовъ Рокебрюна и Ментоны. Эта продажа не принадлежавшихъ ему городовъ дала возможность Карлу III сѣять на всѣ четыре стороны полученныя деньги. Онъ устроилъ себѣ настоящій дворъ и серьезно занялся поправкой семейнаго замка. Понявъ, что доходы съ селенія въ 60 жилищъ никогда не доставятъ ему необходимой суммы, онъ попробовалъ добыть счастье рулеткой. Приказавъ написать разнымъ предпринимателямъ игорныхъ домовъ, онъ представилъ имъ всѣ выгоды своего княжества, какъ мѣстности, благопріятной для подобнаго предпріятія, но капиталисты сомнѣвались въ успѣхѣ. Наконецъ, нашелся одинъ парижанинъ, Даваль, посѣщавшій извѣстный клубъ Фраскати. Этому клубу покровительствовала нѣкая г-жа Пасторъ, соблазвившая, наконецъ, Давалья, который вложилъ въ это дѣло нѣсколько тысячъ. Въ одинъ прекрасный день Даваль поѣхалъ въ Монако и, увидѣвъ его, поморщился. Городъ былъ въ томъ же положеніи, какъ теперь. Только въ настоящее время перестроился замокъ, и замѣнили на аллеѣ Сентъ-Мартенъ оливковыя и платановыя деревья тепличными растеніями. Но самъ Монако и тогда состоялъ изъ тѣхъ же домовъ, выходящихъ на тѣ же самыя четыре узкія извилистыя улицы, идущія всѣ отъ площади замка, чтобы соединиться на концѣ полуострова. Городокъ Кондамине, въ которомъ теперь тѣнятся красныя крыши домовъ, тогда насчитывалъ не болѣе двухъ рыбацкихъ хижинокъ. Въ мѣстности, гдѣ теперь находится казино, было только три домика, а около Тюрби — ничего. Дорога извилистая, каменистая, гдѣ безирестанно сдѣлались экипажи, тянулась по берегу моря, на которомъ рѣдко попадались суда.

Даваль при первомъ взглядѣ рѣшилъ, что здѣсь ничего не наживешь, но такъ какъ князь упорно желалъ устроить рулетку, то онъ попробовалъ рискнуть. Первое время дѣла шли очень плохо: Даваль нанялъ домъ на скалѣ, напротивъ замка. Онъ существуетъ и теперь, но служитъ казармами для гвардейцевъ принца. Зала была не больше 5 метровъ длины и 20 ширины въ родѣ темнаго колодца. Потолокъ былъ разрисованъ фресками, какъ принято было тамъ въ каждомъ домѣ. Въ залѣ стояли два стола съ рулетками и одинъ для *trente et quarante*. Иногда въ маленькой сосѣдней комнатѣ игралъ оркестръ изъ нѣсколькихъ музыкантовъ. Входили безъ билетовъ, какъ на рынокъ. Крушье

набирались изъ ресторанныхъ слугъ Ниццы или прогнанныхъ лакеевъ изъ клубовъ. Игроки были рѣдки и довольно бѣдные: изгнанные изъ Гамбурга иностранцы съ таинственными доходами, провансальцы, итальянцы, купцы накануне банкротства, шагавшіе надежду на выигрышъ, профессиональные игроки и проч. Сумма банка ежедневно измѣнялась. Когда болѣе не было денегъ, то игра приостанавливалась. Серіозные игроки, гости изъ извѣстныхъ нѣмецкихъ городовъ, медлили появляться въ Монако. И неудивительно: рестораны тамъ были грязные, мрачные, настоящіе кабаки съ деревянными простыми столами и стѣнами, изъ которыхъ сочилась грязь. Единственная гостиница отличалась неряшливостью, и въ ней не захотѣлъ бы никто остановиться во второй разъ. Надо было питать необыкновенную страсть къ игрѣ и не имѣть возможности отправиться въ Баденъ, чтобы ѣздить изъ Ниццы на скверномъ пароходѣ въ Монако. Давалю вскорѣ пришлось отказаться отъ этого предпріятія. Но дорога была уже открыта; страна, несмотря на все, оживилась и сдѣлалась богаче; игроки стали являться въ большемъ количествѣ, хотя не могли спасти Давалю. Однако смысленные люди поняли, какое будущее открывается этому уголку, находящемуся между двумя могущественными націями, когда его пересѣчетъ желѣзная дорога. Лишь только Даваль прикрылъ игорный домъ, тотчасъ же явился другой предприниматель, Лефебръ, которому вручила деньги на это предпріятіе г-жа Гривуа. Теперь дѣло было поставлено серіознѣе и на болѣе широкую ногу. Банкъ ставился въ 30.000 франковъ; за порядкомъ смотрѣли важные инспектора. Два раза въ день пароходъ «Карль III» отправлялся въ Ниццу за игроками. Князь являлся каждую недѣлю, ставя 4 или 5 жетоновъ. Это учрежденіе его интересовало, какъ игрока и предпринимателя, такъ какъ ему полагалась солидная часть дохода. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Монако стали собираться множество игроковъ изъ сосѣднихъ городовъ. Все располагало въ пользу этого уголка, начиная съ природы и кончая полиціей, которая не надѣдала, какъ это было во время имперіи по всей Франціи. Помѣщеніе вскорѣ оказалось тѣснымъ, и Лефебръ съ г-жею Гривуа купили землю на скалѣ «Speliques» и назвали ее Монте-Карло. На ней находились три домика, которые разобрали въ 8 дней и стали строить новый домъ. Земля въ то время тамъ была такъ дешева, что графъ Гастальди, теперешній мэръ Монако, подарилъ своему другу кусокъ земли за обѣдъ на 12 кувертовъ, гдѣ впоследствии выстроили гостиницу Beau Rivage. Эта земля вскорѣ была оцѣнена въ 400 или 500 франковъ за метръ, теперь же она стоитъ еще дороже. Когда начали строить казино, Лефебръ и г-жа Гривуа оставили это предпріятіе, а ихъ мѣсто занялъ въ апрѣлѣ 1863 г. настоящій основатель Монте-Карло, Бланъ. Онъ перебрался изъ Гамбурга, гдѣ нажилъ въ короткое время 15 — 20 милліоновъ, какъ концессіонеръ игръ. Маленькій, прыщавый, онъ не ввѣшалъ къ себѣ довѣрія, пока не говорилъ о дѣлѣ. Но разъ касался вопроса о какомъ нибудь предпріятіи, онъ преображался и обладалъ такимъ даромъ вести финансовыя предпріятія, что невольно увлекалъ за собою всѣхъ. Онъ сдѣлалъ съ Карломъ III условіе, вполнѣ дававшее право Блану располагать игорнымъ предпріятіемъ. Первымъ долгомъ онъ вручилъ 1.700.000 франковъ князю. Кромѣ того, онъ взялся произвести на 7 милліоновъ различныхъ работъ, а также обя-

зался перестроить замокъ и уплатить налоги всѣхъ монегасцевъ настоящихъ и будущихъ. Съ своей стороны Карлъ III обязался возобновлять концессию, которая давала ему въ руки въ случаѣ нарушенія условія все движимое и недвижимое имущество этого учрежденія. Это былъ контрактъ, существующій до сихъ поръ, по которому львиная доля понадала князю Монако. Цѣна на земли съ каждымъ годомъ въ продолженіе десяти лѣтъ удесятиеряется. Въ одно и то же время, какъ воздвигли казино, былъ выстроенъ Hôtel de Paris. Между скалою и Монте-Карло въ лоцинѣ Кондамине выстроили сначала десять, потомъ двадцать, а затѣмъ пятьдесятъ домовъ. Сады были сдѣланы по чертежамъ: рѣдкія растенія и тропическія деревья составляли богатые группы, единственные въ своемъ родѣ въ Европѣ. Первый залъ, открытый въ Монте-Карло, представлялъ большую четырехугольную комнату въ восточномъ стилѣ—тотъ же самый, въ которомъ и теперь находится рулетка. Сначала былъ только одинъ залъ и содержался довольно грязно, благодаря происходившимъ вокругъ его работамъ. Послѣ войны 1870 года Шарль Гартъе, архитекторъ, строившій парижскую оперу, въ то время достигшій апогея своей славы, выстроилъ въ Монте-Карло театръ, получивъ лично отъ Блана 5 милліоновъ задатку. Онъ также пристроилъ первый залъ, гдѣ играютъ въ trente et quarante, украшенный пано Буланже, Клерэнъ и Ленева. Построенная въ 1868 г. желѣзная дорога виолія обезпечивала успѣхъ Монте-Карло. Она была однопутная, изъ Ниццы до Виянтиля, и стоила страшныхъ денегъ, такъ какъ на разстояніи 18 километровъ насчитываютъ десять тунелей. Съ этихъ поръ количество посѣтителей увеличилось, и ежегодно стали являться обычные сезонные игроки. Дома росли, какъ грибы, и теперь нѣтъ свободнаго клочка земли. На скалахъ красуются затѣйливыя зданія, по роскоши напоминающія дворцы. Вмѣстѣ съ желѣзной дорогой успѣху предпріятія Блана много способствовала война 1870 года. Никто изъ французовъ не отваживался ѣхать въ Гамбургъ или Баденъ, и французскіе капиталы оставались въ Монако. Бланъ велъ дѣло не одинъ, ему помогала жена и капитанъ Дуано. Г-жа Бланъ была способная женщина, вмѣстѣ съ тѣмъ очень добрая, и говорятъ, что она тайно помогала бѣднымъ и больнымъ. Капитанъ Дуано пользовался во время имперіи очень дурной славой. Говорятъ, онъ былъ по профессіи простымъ разбойникомъ и однажды остановилъ дилижансъ, направлявшійся въ Алжирь. Одинъ изъ путешественниковъ былъ убитъ, а остальные ранены. Военный судъ приговорилъ его къ смерти, но императоръ помиловалъ его съ условіемъ покинуть Францію. Дуано выбралъ своимъ мѣстопребываніемъ Монако. Онъ оказывалъ большія услуги Блану, благодаря своей неутомимой дѣятельности и распоряженіямъ по работамъ, такъ какъ онъ обращался съ несчастными итальянцами рабочими, какъ съ каторжниками, и они боялись его, какъ чумы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не оставлялъ въ покоѣ архитекторовъ, воевалъ съ вліяніемъ князя и мечталъ устроить феерическій городъ съ роскошными садами и великолѣпнымъ казино. Это предпріятіе обязано на половину успѣхомъ ему. По несчастію въ 1870 г. князь Монако не взлюбилъ Дуано. Теперь владѣлецъ княжества былъ не прежнимъ бѣднякомъ, довольствовавшимся грошами, получаемыми съ Даваля. Подданныхъ его было уже не 600 человекъ, а 10.000,

и онъ жилъ въ роскошномъ дворцѣ, но былъ несчастнѣе послѣдняго нищаго, такъ какъ лишился зрѣнія. Независимость и упрямство Дуано его бѣсили, и онъ заставилъ его удалиться изъ Монако, предложивъ 60.000 неустойки, отъ которой капитанъ отказался. Впрочемъ не одинъ князь не любилъ Дуано; въ изгнаніи его принимали участіе рабочіе, возбужденные противъ него и считая его бонапартистомъ. Но его отсутствіе не измѣнило успѣха игорного дома. Всякаго рода знаменитости появлялись въ Монте-Карло. Ничтожная горсточка музыкантовъ замѣнилась громаднымъ оркестромъ въ 80 человекъ изъ перво-классныхъ артистовъ. Иерархія игорнаго заведенія организовалась, какъ въ администраціи настоящаго государства: тамъ была основана школа крупье, а также существуютъ чины и отставки. Директора и администраторы получали чисто фантастическое содержаніе: начальникамъ партій платили 700 или 800 франковъ въ мѣсяцъ, крупье — 400 или 500, находившимся при рулеткѣ 200 и 300 — по классамъ. Вначалѣ Бланъ вкладывалъ каждое утро въ банкъ 100.000 франковъ, максимумъ былъ отъ 2.000 до 6.000. Вскорѣ онъ началъ увеличивать капиталъ банка до 150.000 для *trente et quarante* и 80.000 для рулетки. Срывать банкъ болѣе было невозможно. Когда не оставалось ничего отъ 150.000, начальникъ партіи звонилъ и прибавлялъ еще 100.000 франковъ. Какъ и теперь, въ 11 часовъ до начала партіи для перваго стола развѣшивали золото и раскладывали банковые билеты. Доходъ все увеличивался и теперь дошелъ, по крайней мѣрѣ, до 25 милліоновъ.

— Мистическій салонъ въ Парижѣ. Еще теперь привлекаетъ вниманіе парижанъ одинъ домъ, скорѣе дворецъ, съ заколоченными наглухо окнами и большой террасой съ бассейномъ. Онъ находится въ аллеѣ Ваграмъ и поражаетъ своей странной, неопредѣленной архитектурой съ куполомъ, украшеннымъ статуею Изиды. Когда-то, впрочемъ, не очень давно, такъ какъ его обладательница умерла въ 1895 г., въ немъ собирался весь Парижъ, и его стѣны видѣли самое разнообразное общество и слышали подчасъ странныя рѣчи. Здѣсь задавались знаменитые обѣды, а по вечерамъ происходила толкотня. Сначала общество стремилось туда, потому что тамъ бывала герцогиня Поццо-ди-Борго, а затѣмъ шли по привычкѣ, отчасти изъ любопытства, рассчитывая встрѣтить среди везоможнаго сброда мистиковъ какого нибудь ученаго. Хозяйка была своего рода знаменитость, одна изъ тѣхъ мистическихъ женщинъ, которыми одно время былъ богатъ Парижъ. Ея домъ былъ храмомъ новаго ученія Изиды, и она считала себя перевоплощенной Маріей Стюартъ. Лэди Кэтнесь, герцогиня де-Помаръ, была англичанка и вдова¹). Она появилась въ Парижѣ съ сыномъ, напоминавшимъ своимъ блѣдно-матовымъ лицомъ, южными глазами и выговоромъ португальца, вотъ все, что о ней въ то время знали. Теперь Жюль Буа въ своей статьѣ, помѣщенной въ «*Revue hebdomadaire*», сообщаетъ о ней интересныя подробности. Лэди Кэтнесь не происходила изъ аристократической семьи и сдѣлалась герцогиней Помаръ, благодаря тому, что ея мужъ купилъ этотъ титулъ въ Римѣ. Въ молодости она была, вѣроятно, красавицей, такъ какъ за пятнадцать лѣтъ до своей смерти она была еще пре-

¹) Le salon d'une grande dame mystique. «*Revue hebdomadaire*», 30 août, 1902.

красна, несмотря на старость. Она сохранила прежнія тонкія черты лица, которыя, конечно, отъ времени и эгоистическихъ чувствъ нѣсколько огрубѣли, а ея голубые глаза сдѣлались безстрастны. Вся ея фигура напоминала индусское божество, благодаря многочисленнымъ драгоценнымъ украшеніямъ, на половину поддѣльнымъ, платью изъ китайской шелковой матеріи, утолщавшему еще болѣе ея талью безъ того обширныхъ размѣровъ, и шотландскому чепчику. Но, когда присматривались къ ней, всѣхъ поражало замѣчательное сходство этой женщины съ Маріей Стюартъ, несмотря на годы и употребленіе бѣлилъ. Можетъ быть, то было умышенное подражаніе, такъ какъ ея движенія, жесты и слова очень напоминали несчастную королеву и, вѣроятно, были изучены. Она подражала ей во всемъ; даже драгоценныя уборы были копіями съ украшеній, принадлежавшихъ Маріи Стюартъ. Дворецъ герцогини Помаръ былъ точный снимокъ съ замка Голирудъ. Роскошная мраморная широкая лѣстница, уставленная зеркалами, напоминала своей роскошью далекія времена. Залъ гвардейцевъ поражалъ своей таинственной тишиной. вмѣсто гвардейцевъ были разставлены кирасы и дополняли полную впечатлѣнія. Среднее пространство зданія, называемое герцогиней тронной залой, вмѣщавшее въ себѣ 300 и 400 человекъ, было украшено колоннами и нишами, гдѣ красовались статуи языческихъ боговъ и богинь. Это былъ настоящій музей по многочисленности картинъ, превращавшійся еженедѣльно въ бальный залъ. Въ глубинѣ возвышалась эстрада или тронъ, гдѣ происходили конференціи. Тамъ обыкновенно возсѣдала въ золоченномъ креслѣ герцогиня, окруженная своимъ воображаемымъ дворомъ. Великосвѣтскія красавицы и знаменитые старики усаживались полукругомъ за столомъ, за которымъ номѣщался какой нибудь приглашенный ораторъ. Обыкновенно это были литераторы, артисты, ученые, какъ, напримеръ, Шарль Ришэ и даже пастеры. Одни расхваливали Ренана, другіе утверждали, что вѣра въ святыхъ объясняетъ вызваніе мертвыхъ медиумами. Послѣ бесѣды Леона Дени—преемника Аллана Кардека—вызывали духовъ, музыкальнаго медиума, услаждавшаго слухъ присутствовавшихъ. Тамъ же проповѣдывались филантропическія идеи, затѣвались философскіе споры и вмѣстѣ съ тѣмъ занимались суетными вопросами, оспаривая первенство по части туалетовъ. Во время конференцій не хватало стульевъ для многочисленныхъ посѣтителей. И кого только тамъ не бывало! Газеты обрушивались на посѣщавшихъ герцогиню писателей, обвиняя ихъ въ служеніи сумасброднымъ свѣтскимъ идеямъ. Автору статьи пришлось самому драться на дуэли наканунѣ одной изъ конференцій, въ которой онъ принималъ участіе. Обвиненіе распространялось на всѣхъ, но въ особенности на Жюля Буа, за то, что они продавали свое краснорѣчіе за крупную сумму, уплачиваемую герцогиней. Но все это, по словамъ автора, ложь; герцогиня Помаръ была слишкомъ расчетлива и даже ни разу не предложила букета единственной ораторшѣ. Мало того, чтобы добиться приглашенія на эти вечера, приходилось абонироваться на ея журналъ «Аигне». Этотъ приемъ англичанки всѣхъ забавлялъ, и золотой вносился немедленно, хотя никто не дотрогивался до журнала. Такимъ образомъ ея салонъ посѣщали не изъ матеріальнаго интереса. Герцогиня питала культъ къ Маріи Стюартъ, и, вѣря въ перевоплощеніе, она была убѣждена, что въ ней

жилъ духъ Маріи Стюартъ. Ея бесѣды касались видѣній, ангеловъ, которыхъ она считала своими друзьями, и насколько свѣтскія женщины любили туалеты, настолько герцогиня обожала сверхъестественныя явленія и готова была кокетничать и флиртовать съ выходцами изъ другого міра. При этомъ она говорила въ полголоса и позволяла себѣ не стѣсняться въ выраженіяхъ, какъ бывшая красавица, которымъ все разрѣшается. Что привело ее къ мистицизму, легко объяснить. Потерявъ свою красоту, она вмѣстѣ съ нею потеряла цѣль земной жизни и стала жить внѣ ея. Ей говорили всегда, что она походила на Марію Стюартъ, но прежде она довольствовалась собственной красотой. Теперь, потерявъ ее, она схватилась, какъ за якорь спасенія, за свое сходство съ несчастной королевой и, вмѣсто того, чтобы жить собственной жизнью, она стала играть ея роль. Этотъ переворотъ въ ея жизни случился въ 1877 г., и она сама рассказывали Буа о своемъ ночномъ посѣщеніи Голируда. Въ сопровожденіи одной изъ своихъ подругъ она отправилась въ наемномъ экипажѣ ночью къ жилищу Маріи Стюартъ. Ихъ сопровождалъ вѣрный слуга Джемсъ. Достигнувъ замка, они нашли сторожа, который открылъ имъ ворота и провелъ ихъ по всей колоннадѣ до маленькой двери часовни, гдѣ похоронена королева. Однако ея подруга не отважилась войти туда и предпочла остаться съ слугою; лэди Кэтнесъ очутилась одна въ часовнѣ. Преклонивъ колѣно надъ одной изъ могильныхъ плитъ, она воскликнула: «Гдѣ вы, моя драгоценная Марія?» — «Здѣсь съ вами», — раздался нѣжный голосъ возлѣ нея. Когда она обернулась, то увидѣла неопредѣленную форму въ видѣ облачка или тумана, который мало-по-малу превратился въ призракъ. Снова въ часовнѣ водворилось молчаніе. Подруга начала тревожиться ея долгимъ отсутствіемъ и стала громко ее звать, но отвѣта не послѣдовало. Тогда она рѣшилась войти. «Посмотрите, — сказала она, указывая на большую бѣлую шаль. — Я надѣла бы эту шаль на голову и встала бы позади васъ, какъ призракъ Дарнлея, если бы не сторожъ: вотъ бы вы закричали». Но не успѣла она окончить эту фразу, какъ пронзительно воскликнула. Пламя глухого фонаря погасло въ тотъ моментъ, какъ они проходили мимо двери большой лѣстницы, которая вела въ апартаменты королевы. «О, — воскликнула подруга, — я вижу бѣлую фигуру, стоящую на лѣстницѣ», — и она бросилась вонъ, а за нею лэди Кэтнесъ. Когда онѣ успокоились, то лэди почувствовала въ себѣ какую-то перемѣну. Голосъ Маріи Стюартъ отвѣтилъ ей, и, какъ она думала, между жизнью и смертью явилась связь. Для нея открылось новое существованіе. Съ этихъ поръ герцогиня принялась писать различныя произведенія въ родѣ: «Теософія востока», «Открытіе семи печатей» и т. д. Они были написаны въ апокалиптическомъ стилѣ и довольно туманно, такъ какъ чаще всего она писала ихъ подъ диктовку медиума. Но между многими фантастическими идеями попадались довольно логичныя. Такъ, по ея мнѣнію, изъ 12 колѣвъ Израиля первыя десять, о которыхъ въ данный моментъ не упоминалось болѣе въ св. Писаніи, переселились изъ Палестины въ Англію, и англичане слѣдовательно были евреями, потому они любятъ Библію. Последнее обстоятельство, по ея словамъ, не что иное, какъ атавизмъ. Что касается до рая, то она увѣряла, что онъ помѣщается въ внутренностяхъ женщинъ. Относительно своего перевоплощенія она подробно объ-

яснила автору за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, предъ отъѣздомъ въ Виши. Уже герцогиня чувствовала себя утомленной, больной, такъ какъ отъ усиленныхъ спиритическихъ сеансовъ, у нея образовалась астма. Она все болѣе и болѣе углублялась въ свои занятія, слушаясь голоса Маріи Стюартъ, которая совѣтовала ей: «Работайте въ вашемъ будуарѣ и живите божественной жизнью». «Однажды, рассказывала она мнѣ,—передаетъ авторъ статьи,—какъ-то ночью, я сидѣла въ постели и повторяла просьбу, обращенную къ Маріи, чтобы она явилась мнѣ. Внезапно я почувствовала себя дурно, вскочила, чиркнула спичку и, когда комната освѣтилась, я увидала въ зеркалѣ свое лицо. «Ты видишь меня теперь, лицомъ къ лицу», раздался голосъ. Вотъ какимъ образомъ я почувствовала воплощеніе въ меня моей руководительницы, однако, не будучи ей тождественна». Съ этого момента она превратила лучшій залъ дворца въ часовню, посвященную Маріи Стюартъ, гдѣ предъ ея портретомъ теплилась лампада. Въ этомъ храмѣ появились различныя спиритки и медиумы, подъ диктовку которыхъ писала герцогиня. Появленію тѣни Маріи Стюартъ всегда предшествовалъ ароматъ розъ. Впослѣдствіи она стала питать культъ къ Наундорфу и задалась цѣлью убѣдить всѣхъ, что онъ Людовикъ XVII. На долю Буа выпалъ жребій посвятить одну конференцію ему. Предъ конференціей авторъ этой статьи бесѣдовалъ съ нею въ ея спальнѣ, и герцогиня спокойно сказала. «Мы только что получили извѣстіе отъ Наундорфа; онъ очень польщенъ, что вы взяли на себя его защиту здѣсь и въ особенности, что вы обнаружили эту сторону его жизни: его способности медиума и его религіозныя убѣжденія». И она мнѣ подала телеграмму съ того свѣта, заканчивающую Буа, подписанную Людовикомъ XVII Наундорфъ.

— Смерть шейха Сенусси, Вирхова и бельгійской королевы. Въ прошломъ мѣсяцѣ распространилось извѣстіе изъ центральной Африки о смерти главы мусульманской секты сенусситовъ, Эхъ-Махди. Его отецъ Си-Магометъ былъ основателемъ этой могущественной общины. Родившись въ началѣ XVIII столѣтія въ владѣніи Гилили, онъ началъ съ того, что посѣтилъ весь мусульманскій міръ. Онъ побывалъ въ Марокко, Тунисѣ, Триполи и Меккѣ, всюду ревностно проповѣдуя реформаторскія идеи. Въ то самое время, когда Франція завоевывала Алжиръ, онъ пользовался тамъ большимъ вліяніемъ. Но въ Каирѣ его ученіе потерпѣло фіаско, что не мѣшало ему продолжать проповѣдническій культъ, и вскорѣ послѣ этого онъ присоединился къ мароккскому предводителю Кадиріи, котораго призналъ своимъ повелителемъ. Послѣ смерти этого проповѣдника, онъ самъ провозгласилъ себя главою новаго ученія и основалъ близъ Мекки секту сенусситовъ по одному изъ своихъ именъ Сенусси. Однако официальный мусульманскій міръ воспротивился ему, и онъ долженъ былъ покинуть въ 1843 г. Мекку. Поселившись въ Бенгазѣ, онъ окружилъ себя многочисленными учениками и распространилъ свое ученіе на Суданъ, Египетъ и Туатъ. Чтобы успѣшнѣе управлять своими громадными владѣніями, онъ основалъ центръ въ оазисѣ Джакбу, гдѣ и умеръ въ 1850 г. Послѣ его смерти два сына раздѣлили его наслѣдство—Эли-Махди и Магометъ-Эхъ-Шерифъ. Послѣдній занимался администраціей оазиса и умеръ въ 1895 г. Пер-

вый же, исчезнувший изъ магометанскаго міра въ прошедшемъ мѣсяцѣ, былъ главою сенусситовъ. Эхъ-Махди перебрался въ Куфру, гдѣ онъ оставался чetyре года. Въ 1899 г. онъ снова перемѣнилъ свою резиденцію и утвердился въ Эль-Геру, гдѣ и пребывалъ до своихъ послѣднихъ дней. Это переселеніе, говорятъ, имѣло причиной заключеніе англо-французскаго трактата, по которому раздѣлены сферы вліянія Франціи и Англіи въ центральной Африкѣ. Такимъ образомъ большая часть владѣній Сенусси оказалась подъ вліяніемъ Франціи. Bulletin du comité de l'Afrique française говоритъ, что сенусситы мѣнѣе мистическая секта, чѣмъ другія магометанскія секты. Ихъ цѣль главнымъ образомъ состоитъ въ колонизаціи и мирномъ расширеніи. Другіе авторы, писавшіе о центральной Африкѣ, напротивъ увѣряютъ, что исламская теорія сенусситовъ стремится къ общему возстанію поклонниковъ Ислама. Во всякомъ случаѣ эта секта чрезвычайно вліятельная въ Центральной Африкѣ, и со смертію шейха Сенусси, вѣроятно, ея вліяніе не прекратится.

5 сентября умеръ въ Берлинѣ одинъ изъ величайшихъ, современныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, Рудольфъ Вирховъ. Онъ не только славился, какъ медикъ и патологъ, но его извѣстность, какъ антрополога, этнографа и археолога, распространилась по всему свѣту. Мало того, что онъ достигъ знаменитости въ специальныхъ знаніяхъ, но добился чрезвычайной популярности въ политической и національной сферѣ. Великій ученый и великій гуманистъ, социологъ и политическій дѣятель, онъ одинаково во всѣхъ отрасляхъ знанія достигъ первенства. Родившись 13 октября 1821 года въ Швильбейкѣ въ Помераніи, онъ изучалъ медицину въ Берлинѣ и 22 лѣтъ получилъ степень доктора. Въ 1846 г. онъ назначенъ былъ прозекторомъ въ больницѣ «La Charité», а въ слѣдующемъ году приватъ-доцентомъ въ Берлинскомъ университетѣ по кафедрѣ патологической анатоміи. Въ томъ же году онъ основалъ съ своимъ другомъ, Рейнгардомъ, знаменитый журналъ: «Анналы патологической анатоміи», редакторомъ котораго онъ состоялъ до 1895 г. Въ 1848 г. правительство послало его въ Силезію съ цѣлью изучить тифъ, который въ то время тамъ свирѣпствовалъ. Его отчетъ по этой экспедиціи былъ, — благодаря тогдашней революціонной эпохѣ — полунаучнымъ, полу-политическимъ. Это былъ горячій протестъ противъ тираніи королей, эгоизма великихъ міра сего и незаботливости аристократовъ и людей богатыхъ въ отношеніи бѣднаго трудящагося люда. Естественнымъ результатомъ этихъ идей было то, что Вирховъ лишился кафедры въ Берлинскомъ университетѣ. Но онъ перешелъ въ Вюртсбургскій университетъ, гдѣ его слава росла не по днямъ, а по часамъ. Наконецъ въ 1856 г. прусскому правительству стало стыдно, что оно изъ политическихъ цѣлей лишаетъ столичный университетъ такой ученой знаменитости, и министръ Мантейфель призвалъ Вирхова обратно на ту же кафедру. Черезъ три года для него былъ созданъ патологическій институтъ, директоромъ котораго онъ и былъ назначенъ. Несмотря на это, онъ продолжалъ держаться своихъ крайнихъ политическихъ идей, которыя вертѣлись около краткой формулы: «всемогущая демократія безъ какихъ либо ограниченій». Онъ остался имъ вѣренъ всю свою жизнь и былъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ Бисмарка, который даже въ 1865 г. вызвалъ его на дуэль. Въ 1860 г. онъ былъ депутатомъ въ Берлинскомъ парламентѣ, по-

томъ заѣдалъ въ сеймѣ сѣверной Германіи, а наконецъ состоялъ членомъ рейхстага съ 1880—1893 г. Онъ содѣйствовалъ основанію прогрессивской партіи и впослѣдствіи стоялъ во главѣ свободныхъ мыслителей. Вирховъ боролся энергично съ правительственными злоупотребленіями, требовалъ отмены законовъ о печати, ратовалъ за уменьшеніе срока военной службы и вообще отстаивалъ всѣ либеральныя мѣры. Конечно, Бисмаркъ и реакціонеры возставали противъ него, но отдавали полную справедливость его благородству и откровенности, такъ что большинство, состоявшее изъ реакціонеровъ, выбирало его нѣсколько разъ въ предсѣдатели чрезвычайно важныхъ комиссій рейхстага. Естественно, что онъ, какъ нѣмецъ, былъ рьянымъ патриотомъ во время франко-прусской войны и горячо возставалъ противъ Франціи. Впрочемъ съ теченіемъ времени его галлофобія ступсевалась, и въ 1900 г., во время всемірной выставки, онъ предсѣдательствовалъ въ Парижѣ на международномъ конгрессѣ медицинской прессы. При выходѣ въ свѣтъ знаменитой книги Дарвина Вирховъ сдѣлался ярымъ послѣдователемъ его теории эволюціи, которую онъ примѣнилъ къ медицинѣ. Вообще въ этой наукѣ онъ сдѣлалъ столько открытій, что невозможно ихъ всѣ поименовать или привести заглавіе всѣхъ его специальныхъ медицинскихъ сочиненій. Только слѣдуетъ упомянуть, что онъ былъ основателемъ клѣточной патологіи, по которой болѣзни организма сводятся къ измѣненіямъ клѣточекъ. Побуждаемый своими медицинскими изслѣдованіями, а также общимъ гуманизмомъ, онъ написалъ много трудовъ по гигиенѣ, и, благодаря ему, совершены въ Берлинѣ значительныя реформы по ассенизаціи и дезинфекціи города, по улучшенію современнаго положенія школъ и больницъ. Антропологіей и этнографіей онъ занимался очень ревностно, и въ 1869 г. онъ принималъ участіе въ раскопкахъ Шлимана въ Троѣ и нѣсколько разъ ѣздилъ на Кавказъ съ тою же этнологической цѣлью. Кромѣ своихъ специальныхъ трудовъ, онъ писалъ популярныя сочиненія: о значеніи естественныхъ наукъ для національнаго развитія Германіи; объ образованіи женщинъ; о Гёте, въ качествѣ натуралиста; о свободѣ науки, о переходѣ отъ эпохи философской къ эпохѣ естественныхъ наукъ; объ этнологическомъ положеніи доисторическихъ египтянъ и проч. и проч. Что касается до его характеристики, какъ человѣка, то лучше всего приведемъ анекдотъ, напечатанный въ англійскихъ газетахъ. Во время франко-прусской войны одна англичанка желала поступить въ Берлинѣ въ сестры милосердія. Разрядившись и надѣвъ модную шляпку, она отправилась въ клинику, гдѣ встрѣтила Вирхова въ бѣломъ передникѣ и въ бархатной ермолкѣ. — «Вамъ что нужно?» — спросилъ съ нетерпѣніемъ знаменитый ученый. Англичанка объяснила ему на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ о своемъ желаніи. — «Каково! эта барышня хочетъ сдѣлаться сидѣлкой!» — воскликнулъ Вирховъ со смѣхомъ: — лучше прежде научитесь нѣмецкому языку, а то вы дѣлаете ошибокъ болѣе, чѣмъ произносите словъ». Но когда дѣвушка настаивала на своемъ, то Вирховъ посоветовалъ ей чистить картофель на больничной кухнѣ вмѣстѣ съ другими нѣмецкими дамами. Англичанка созналась, что она не умѣетъ работать на кухнѣ. — «О, это не трудно», — сказала великій ученый и, отправившись вмѣстѣ съ нею на кухню, взявъ большую картофелину и къ общему удивленію быстро очистилъ ее. Окончивъ свою работу, онъ сказалъ

англичанкѣ: «отправляйтесь домой, переодѣньте свои наряды и скорѣе возвращайтесь сюда; дамы на кухнѣ приносятъ намъ такую же пользу, какъ и сидѣлки». Вирховъ занимался наукой до послѣдняго времени и умеръ на 81 г. спокойно, тихо, безъ всякихъ страданій среди своего семейства.

19-го сентября новаго стили скончалась въ Спа бельгійская королева. Она уже давно была больна болѣзью сердца, и уже нѣсколько лѣтъ ожидали рокового конца. Въ послѣдніе же дни у нея сдѣлалась водяная, и она умерла скоропостижно. Она была дочерью австрійскаго эрцъ-герцога Иосифа и родилась въ Шенбруннѣ 23 августа 1836 г. Объ юности ея ничего неизвѣстно, и 10-го августа 1853 года она вышла замужъ за бельгійскаго наслѣднаго принца. Высокаго роста, статная, съ оживленнымъ лицомъ, Марія-Генріета была хороша собою и отличалась необыкновенной любезностью и высокимъ образованіемъ. Она особенно любила литературу и искусство. Прекрасная музыкантша, она отлично играла на фортепіано и арфѣ и цимбалахъ. Сдѣлавшись королевой, она вела не очень счастливую жизнь, особенно съ тѣхъ поръ, какъ умеръ ея сынъ, и дочь Стефанія потеряла мужа, эрцъ-герцога Рудольфа. Ея главною страстью была верховая ѣзда, и она проводила цѣлыя часы въ манежѣ за дресировкой своихъ любимыхъ коней. Эта страсть была такъ велика, что даже за нѣсколько дней до смерти она сама правила лошадьми. Ея жизнь дѣлилась между Лекеномъ и Остэнде; въ Брюсселѣ же она жила рѣдко. У королевы, умершей 66 лѣтъ, остались три дочери, изъ числа которыхъ Стефанія, вышедшая замужъ вторично за графа Лоней, находится въ такихъ дурныхъ отношеніяхъ съ отцемъ, что онъ не допустилъ ее до похоронъ матери; даже когда она явилась проститься съ покойницей, то онъ при ней не вошелъ въ комнату королевы, а дождался ея отъѣзда.

С М Ъ С Ъ.

ПАМЯТНИКЪ въ Кобулетахъ. 25 июля, въ 5^{1/2} верстахъ отъ Кобулетъ, у подножья горы Худъ-Убани, состоялось, по словамъ «Кавказа», торжественное открытіе и освященіе памятника на братской могилѣ воиновъ, павшихъ въ бою 18 января 1878 года. На освященіе памятника прибыла изъ Россіи депутація отъ 164-го пѣхотнаго Закавказскаго полка въ составѣ командира полка, полковника барона Ребиндера, ротнаго командира, капитана Гребенникова (участника боя), полкового адъютанта, поручика Павлова, и баталіоннаго адъютанта, подпоручика Авота, въ сопровожденіи бывшаго закавказца, участника боя и раненаго въ немъ, штабъ-офицера Тифлискаго комендантскаго управленія, подполковника Темникова. Памятникъ высѣченъ изъ сѣраго алгетскаго гранита, имѣетъ видъ усѣченной пирамиды, шириною въ основаніи въ сажень и вышиною около двухъ сажень. Вершина пирамиды увѣнчана шестиконечнымъ крестомъ, опирающимся на полумѣсяцъ. На лицевой сторонѣ памятника, обращенной къ востоку, вдѣлана чугунная доска съ надписью золотыми буквами: «Дорогимъ товарищамъ, павшимъ въ бою 18 января 1878 года при Цихидзири. Сооруженъ въ 1902 г. обществомъ офицеровъ 164-го пѣхотнаго Закавказскаго полка, въ бытность командиромъ полковника барона Ребиндера. Миръ праху вашему, положившіе душу за други своя». Надъ этою надписью вылитъ знакъ шестиконечнаго креста въ сіяніи надъ луною, какъ символъ побѣды православія надъ мусульманствомъ.

ХІІ-й археологическій съѣздъ въ Харьковѣ. Помѣщаемъ краткій обзоръ занятій съѣзда, составленный по сообщеніямъ «Русскихъ Вѣдомостей». Къ открытію съѣзда харьковское отдѣленіе предварительнаго комитета напечатало

подъ редакціей Е. К. Рѣдина первый томъ своихъ «Трудовъ» (549+81 стр.), составившійся изъ протоколовъ засѣданій и многихъ отдѣльныхъ изслѣдованій.

Особенно обстоятельны и интересны статьи: Е. К. Рѣдина (памятники церковныхъ древностей Харьковской губерніи, о лицевыхъ синодикахъ, икона «Недреманное око»), Я. И. Смирнова (о бронзовомъ Водолеѣ западно-европейской работы, найденномъ въ Харьковской губерніи, и другихъ подобныхъ находкахъ въ Россіи), М. Г. Халанскаго (экскурсы въ область древнихъ рукописей и старопечатныхъ изданій) и др. Указанныя статьи (и нѣкоторыя другія) обильно иллюстрированы рисунками. Второй томъ «Трудовъ» харьковского предварительнаго комитета составился изъ XIII-го тома Сборника харьковского историко-филологическаго общества; онъ представляетъ собою тоже объемистый томъ (450+241 стр.), изданный подъ ред. Е. К. Рѣдина на средства императорскаго филологическаго общества. Здѣсь мы можемъ отмѣтить статьи, посвященныя главнымъ образомъ архивному дѣлу: Д. П. Миллера (Архивы Харьковской губерніи), А. С. Лебедева (Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ архивахъ духовнаго вѣдомства въ губерніяхъ Курской и Харьковской), И. Катаева (Обзоръ рукописныхъ памятниковъ по исторіи Слободской Украины, хранящихся въ военно-учебномъ архивѣ въ С.-Петербургѣ) и проч. Эти статьи составляютъ 1-ю часть Сборника; во 2-й его части слѣдуетъ отмѣтить статьи В. Василенко (Къ вопросу объ украинской народной терминологіи), а также рядъ статей, посвященныхъ лирикамъ и кобзарямъ (Е. Кристи, Н. Тиховскаго и С. Маслова). Конечно, нельзя обойти здѣсь и статью Н. Ф. Сумцова (Изъ этнографическихъ экскурсій). Третьимъ томомъ «Трудовъ» харьковского предварительнаго комитета слѣдовало бы назвать «Каталогъ выставки», — настолько онъ обширенъ и обстоятеленъ во многихъ своихъ частяхъ. Каталогъ распадается на частные каталоги различныхъ отдѣловъ и заключаетъ въ себѣ всего болѣе 900 стр.; части, составленныя Е. К. Рѣдинымъ (церковныя и историческія древности), отличаются особенною полнотою и обстоятельностью. Къ XII-му археологическому съѣзду приурочено и изданіе А. Н. Гусева: «Историко-справочный путеводитель. Харьковъ, его прошлое и настоящее въ рисункахъ и описаніяхъ» (246 стр.). Въ этомъ солидномъ трудѣ авторомъ обращено особое вниманіе на исторію города Харькова, на современное его положеніе, на дѣятельность харьковскихъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ обществъ и учреждений и проч. Къ изданію приложено много прекрасныхъ иллюстрацій, представляющихъ собою виды города и его болѣе замѣчательныхъ зданій въ настоящее время, а отчасти и въ прежнія эпохи, а также два плана города 1768 г. и новѣйшаго. XII-му археологическому съѣзду посвящены слѣдующія изданія: 1) А. С. Лебедева — «Біографіи бѣлгородскихъ архіереевъ»; 2) Л. М. Савелова — «Донскіе дворянскіе роды»; 3) воронежскимъ церковно-археологическимъ комитетомъ — «Воронежская старина» (выпускъ 1-й); 4) воронежской ученой архивной комиссіей — «Труды комиссіи», выпускъ 1-й; 5) симбирской ученой архивной комиссіей — Археологическая карта Симбирской губ., составленная В. Н. Поливановымъ; 6) Л. Л. Нидерле — «Славянскія древности» и проч. Изъ раскопокъ, организованныхъ комитетами съѣзда, слѣдуетъ указать произведенныя на Донецкомъ го-

родищѣ (верстахъ въ 10-ти отъ Харькова) и близъ села Верхнес Салтово, Волчанскаго уѣзда (въ 45-ти верстахъ отъ Харькова). В. А. Городцовъ, производившій здѣсь раскопки, считаетъ городище славянскимъ, уничтоженнымъ, по его мнѣнію, татарами во время ихъ нашествія. Д. Я. Самоквасовъ, однако, утверждаетъ, что мы имѣемъ въ погребеніяхъ близъ этого городища черты не-славянскія, и склоненъ приписать ихъ половцамъ, которые были поселяемы русскими князьями въ городахъ для охраны границъ. Въ Верхнемъ Салтовѣ былъ обнаруженъ катакомбный или пещерный могильникъ, сходный по характеру погребеній и по найденнымъ предметамъ съ могильниками Камунты, Галиата и проч. въ горахъ Сѣвернаго Кавказа (!). Небольшія пещеры, сводомъ, заключали въ себѣ обыкновенно по три костяка. При костякахъ, у головы, находили кувшины изъ черной глины, совершенно сходные съ кавказскими. Точно такъ же сходны бусы, бубенчики на одеждѣ, поясныя бляшки и т. д. Оружія встрѣчено вообще мало, больше украшеній; найдено также 19 аббасидскихъ и сассанидскихъ монетъ VI—X вѣковъ. Недалекъ отъ могильника находится и городище, на которомъ раскопокъ, однако, не производили. Опредѣляя народность, отъ которой остались эти могилы, всѣ сошлись на томъ, что это—не русскія могилы, а, вѣроятно, хозарскія. Д. И. Багалъй указалъ такъ же, что въ документахъ половины XVII вѣка есть ясныя указанія на то, что прежде на Салтовскомъ городищѣ былъ «каменный городъ». Возможно и это городище, и бывшій на немъ каменный городъ считать остатками хазаръ. Во всякомъ случаѣ, находки въ Верхнемъ Салтовѣ представляютъ собою большой интересъ для археологіи и исторіи.

14-го августа, вечеромъ, въ актовомъ залѣ Харьковскаго университета состоялось предварительное засѣданіе депутатовъ съѣзда. Депутаты избраны 63-мя учрежденіями: университетами, духовными академіями, археологическими и другими учеными обществами, музеями, губернскими архивными комиссіями, губернскими статистическими комитетами и т. д. Не всѣ, впрочемъ, избранные депутаты прибыли на съѣздъ. Въ засѣданіи произведены были выборы должностныхъ лицъ съѣзда. Предсѣдателемъ съѣзда избрана графиня П. С. Уварова, предсѣдателемъ ученаго комитета—профессоръ Д. И. Багалъй, предсѣдателемъ распорядительнаго комитета—В. В. Ивановъ, предсѣдателями отдѣленій съѣзда: I. Древности первобытныя—профессоръ В. Б. Антоновичъ, а за отказомъ его—профессоръ Н. И. Веселовскій; II. Древности историко-географическія и этнографическія — профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ; III. Памятники искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики—профессоръ Е. К. Рѣдинъ; IV. Бытъ домашній, хозяйственный, общественный, юридическій и военный — профессоръ Д. И. Багалъй; V. Древности церковныя—профессоръ Н. И. Покровскій; VI. Памятники языка и письма—профессоръ Карскій; VII. Древности классическія, восточныя, византійскія и западно-европейскія — профессоръ Э. Р. фонъ-Штернъ; VIII. Древности славянскія—профессоръ М. С. Дриновъ, и IX. Памятники археологическіе — профессоръ А. С. Лебедевъ. Секретарями съѣзда избраны: Е. К. Рѣдинъ, Ю. В. Готье, В. Г. Ляскоронскій и В. М. Сысоевъ. По предложенію графини Уваровой, профессоръ В. Б. Антоновичъ избранъ едино-

гласно въ почетные члены съѣзда. Послѣ выборов профессор Д. Н. Багалъй сообщилъ о предстоящихъ во время съѣзда экскурсіяхъ въ имѣніе П. И. Харитоненка, на Салтовское и на Донецкое городища. Всего до открытія съѣзда записалось въ члены 264 лица.

Открытіе съѣзда состоялось 15-го августа въ актовомъ залѣ университета, послѣ молебствія въ университетской церкви, гдѣ профессор богословія о. Тим. Буткевичемъ было сказано посвященное съѣзду слово. Съѣздъ былъ открытъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа М. М. Алексѣенкомъ, произнесшимъ краткую рѣчь о значеніи археологій для уясненія прошедшихъ судебъ народовъ и эволюціи человѣческаго быта. Затѣмъ обратился съ привѣтствіемъ къ съѣзду управляющій губерніей М. М. Осоргинъ, указавшій на значеніе съѣзда для края, для уясненія судебъ бывшей Слободкой Украины, въ составъ которой входитъ нынѣшняя Харьковская губернія. Ректоръ университета Н. О. Кушлевасскій привѣтствовалъ членовъ съѣзда отъ лица университета, въ стѣнахъ котораго еще никогда не собиралось столь много научныхъ дѣятелей и представителей различныхъ ученыхъ учреждений для совместной работы, и въ жизнь котораго открывшійся съѣздъ вносить плодотворное оживленіе. Далѣе слѣдовало привѣтствіе городского головы А. К. Погорѣлка, выразившаго увѣренность въ благотворномъ вліяніи труда собравшихся членовъ на культурное развитіе края и принесшаго благодарность за избраніе ими Харькова мѣстомъ своихъ совѣщаній. Послѣ того привѣтствовали съѣздъ: исправляющій обязанность предсѣдателя харьковскаго общества распространенія грамотности В. М. Козловъ, предсѣдатель историко-филологическаго общества профессоръ Н. Ѡ. Сумцовъ и секретарь харьковскаго статистическаго комитета В. В. Ивановъ. Далѣе графиня П. С. Уварова прочитала отчетъ о дѣятельности московскаго предварительнаго комитета по устройству XII съѣзда, а профессоръ Д. Н. Багалъй доложилъ отчетъ харьковскаго отдѣленія предварительнаго комитета по устройству того же съѣзда. Работа харьковскаго комитета продолжалась 2½ года; за это время состоялось 24 его засѣданія; членовъ комитета было 62 мѣстныхъ и 22 иногороднихъ. Комитетомъ были выработаны и распространены программы по собиранію древностей и свѣдѣній о нихъ, и на эти программы получено болѣе тысячи отвѣтовъ. Кромѣ того, комитетъ вошелъ въ сношенія съ мѣстными комиссіями въ Нѣжинѣ, Новочеркасскѣ, Екатеринодарѣ, Курскѣ, Полтавѣ, Воронежѣ и Екатеринославѣ. Были организованы многія экскурсіи для раскопокъ, для собиранія этнографическихъ коллекцій и памятниковъ письменности и были приняты мѣры къ собиранію разныхъ предметовъ древности для выставки при съѣздѣ. Для лучшаго приѣма гостей были заготовлены помѣщенія, напечатанъ справочный указатель, а г. Гусевымъ изданъ «Иллюстрированный путеводитель по Харькову». На подготовительныя работы по съѣзду было отпущено московскимъ археологическимъ обществомъ около 8.000 р.; кромѣ того, получено отъ Харьковскаго университета до 3.000 р., отъ харьковскаго историко-филологическаго общества болѣе 1.200 р., отъ харьковскаго городского управленія—3.000 р., харьковскаго губернскаго земства—2.500 р., а также нѣкоторыя суммы отъ екатери-

нославскаго и полтавскаго губернскихъ земствъ и отъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствъ Харьковской, Полтавской и Курской губерніи. П. И. Харитоненко принялъ на свой счетъ раскопки, стояція около 1.000 р.; Е. М. Духовской тоже— до 300 р. и т. д. Затѣмъ были доложены полученныя съѣздомъ телеграфныя и письменныя привѣтствія отъ разныхъ лицъ и учреждений.

Въ тотъ же день, въ 7 час. вечера, состоялось засѣданіе ученаго комитета, а въ 8¹/₂ час. вечера—собраніе въ актовомъ залѣ университета «для дружеской бесѣды и обмѣна мыслей» гг. членовъ съѣзда.

16-го августа начались засѣданія съѣзда по секціямъ. Утромъ, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ профессора В. Б. Антоновича, состоялось первое засѣданіе секціи первобытныхъ древностей. В. А. Городцевъ сдѣлалъ сообщеніе «Погребеніе съ конемъ въ Европейской Россіи». По мнѣнію докладчика, обрядъ погребенія съ конемъ появился прежде всего въ Южной Россіи къ концу бронзоваго вѣка. Но въ то время погребался съ умершимъ не цѣлый конь, а только его части. Наибольшее развитіе получилъ этотъ обрядъ въ теченіе желѣзнаго вѣка, когда въ могилу полагались, какъ цѣлые кони, такъ и части ихъ, а равно символы верховой ѣзды (удила, иногда шпоры и т. д.). Докладчикъ полагаетъ, что обрядъ этотъ былъ занесенъ въ Европейскую Россію изъ Азіи народами урало-алтайской вѣтви и распространился сперва у финновъ, а затѣмъ и у славянъ. Но въ особенности онъ былъ распространенъ у кочевниковъ тюркскаго племени, у которыхъ сохранялся до XIII вѣка. Въ преніяхъ по поводу этого реферата было указано на то, что погребеніе съ конемъ примѣнялось, повидимому, только по отношенію къ военачальникамъ или вообще выдающимся воинамъ, что рядомъ съ конемъ или взамѣнъ его полагались въ могилу другія домашнія животныя (собаки, овцы и т. д.), и что установленіе того, откуда и когда занесенъ былъ этотъ обычай въ Россію, представляетъ пока значительныя затрудненія. В. В. Хвойко прочиталъ рефератъ «Городища Приднѣпровья и ихъ значеніе». Докладчикомъ было изслѣдовано городище Жарице, близъ села Остерскаго Киевской губерніи, гдѣ оказались слои золы съ землей и особыя глиняныя площадки, служившія для погребенія; въ могилахъ-склепахъ были находимы амфоры, черепки сосудовъ съ черною глазурью, бронзовые наконечники стрѣлъ. Поблизости были разрыты курганы, въ которыхъ рядомъ съ костяками человѣка оказались костяки лошадей, а также остродонныя амфоры, металлическія бляхи съ изображеніями, бронзовыя стрѣлки, серебряныя чаши, а одинъ разъ найденъ бронзовый племъ. Въ другомъ изслѣдованномъ обширномъ городищѣ, Матрогинскомъ, оказались также слои золы и угля съ землей, и обугленныя кости, свидѣтельствующія о трупосожженіи. По мнѣнію докладчика, эти городища-могильники принадлежали арійскому племени, родственному тому, остатки котораго были найдены въ нѣкоторыхъ городищахъ-могильникахъ Босніи. Въ засѣданіи 4-й секціи 16-го августа В. Н. Поливановъ прочиталъ рефератъ «Очеркъ казацкой колонизаціи въ Симбирскомъ Поволжьѣ». Первые извѣстія объ этой колонизаціи относятся къ 1372 году, когда былъ основанъ городъ Курмышъ, но только въ XVII вѣкѣ, съ основаніемъ Симбирска, были положены болѣе прочныя ей

основы. Къ какому времени слѣдуетъ отнести появленіе въ краѣ казачества, — сказать съ точностію нельзя, но къ концу XVI вѣка въ составъ водворенныхъ здѣсь казаковъ вошли донскіе и днѣпровскіе. Дѣлились они на сотни, пятидесятки, имѣли свое управленіе, и быть ихъ носилъ характеръ полувоенный, полуземледѣльческій. Правительство отводило имъ земли подъ пашни и сѣнокосы, платило жалованье деньгами и солью, заботилось объ устройствѣ церквей, и казаки жили въ городахъ и селахъ, податей не платили, занимались земледѣліемъ, бочарными работами, разводили между прочимъ тутовыя плантаціи и т. д. Въ 1685 году 1.379 казаковъ съ семьями были водворены на Терекъ и положили основаніе терскому казачеству. Рефератъ вызвалъ замѣчанія со стороны профессоръ Багалѣя, Платонова, Гурлянда и др. Въ сообщеніи Х. П. Попова — «Краткій историческій очеркъ казачьихъ поселеній на Дону» — были резюмированы главнѣйшіе извѣстные факты исторіи донского казачества. Сообщеніе это вызвало также рядъ замѣчаній со стороны профессоръ Платонова, Багалѣя, Троицкаго и др.

17-го августа въ засѣданіи секціи исторической географіи и этнографіи профессоръ А. Н. Красновъ сдѣлалъ сообщеніе объ эволюціи крестьянскихъ построекъ въ Харьковской губерніи, иллюстрируя свое изложеніе демонстраціей многочисленныхъ фотографій. Наблюденія докладчика сосредоточивались, главнымъ образомъ, въ Харьковскомъ уѣздѣ, населенномъ малороссами, среди которыхъ вкраплены острова великороссовъ. Послѣдніе всецѣло переняли отъ первыхъ характеръ построекъ, но постепенно малороссійскія хаты измѣнялись и совершенствовались. Изъ прежней хаты съ маленькими оконцами, съ сѣничками, топящейся «по-черному», выработался домикъ съ четырьмя окнами, съ стеклянной галлерейкой, съ желѣзной четырехскатной крышей. Утварь и вся обстановка жилья также съ теченіемъ времени совершенствовались, а покрой одежды измѣнялся во вторую половину XIX вѣка три раза, и въ этомъ отношеніи малороссы оказались менѣе устойчивыми, чѣмъ великороссы. Вообще же національный костюмъ у обоихъ половъ все болѣе и болѣе утрачивается, уступая мѣсто пиджакамъ, кофтамъ и т. д. Рефератъ Е. П. Радаковой былъ посвященъ этнографической экскурсіи въ Екатеринославскую губернію для собиранія этнографическихъ коллекцій. Объектомъ наблюденій было малорусское населеніе, быстро теряющее свои этнографическія особенности, особенно въ костюмѣ и языкѣ, хотя хозяйственный бытъ сохранилъ еще многія свои архаическія формы. Въ самомъ центрѣ развитія горной промышленности крестьяне до сихъ поръ вѣзять на деревянныхъ осяхъ, пользуются деревянными замкамп, ручной мельницей-жерновомъ, каменнымъ каткомъ для молотбы и т. д. Мѣстамъ можно было констатировать благотворное вліяніе нѣмецкихъ колонистовъ въ приемахъ сельскаго хозяйства, производства суконъ и пр. Новомосковскій уѣздъ, наиболѣе глухой въ губерніи, оказался и наиболѣе интереснымъ въ этнографическомъ отношеніи. Здѣсь еще сохранились въ чистомъ видѣ языкъ, костюмъ и вся домашняя обстановка. Г-жей Радаковой доставлены для выставки съѣзда болѣе 200 этнографическихъ предметовъ (не считая коллекцій лѣкарственныхъ растений) и 175 фотографическихъ снимковъ.

Сообщеніе Л. В. Падалки — «Что сказалъ народъ Полтавской губерніи относительно своего быта?» — было основано на отвѣтахъ (по программѣ) 192 корреспондентовъ (казаковъ, священниковъ, крестьянъ, народныхъ учителей и т. д.). Основное населеніе Полтавской губерніи называетъ себя «казаками» и «мужиками». Названіе «руськи» примѣняется къ великороссамъ; «малороссы» — названіе книжное, мало знакомое народу; «хохлы» часто понимается, какъ бранное слово; мѣстами встрѣчается еще названіе «запорожское поколѣніе». Измѣненія въ бытѣ народа происходятъ медленно и главнымъ образомъ у зажиточныхъ хозяевъ, которые строятъ себѣ болѣе просторныя и свѣтлыя хаты. Клуны являются постройками сравнительно поздними (не далѣе 200—250 лѣтъ). Измѣненія въ одеждѣ касаются матеріала и покроя; широкія и просторныя одежды старины замѣняются болѣе тяжелыми и узкими. Вечеромъ въ тотъ же день состоялось засѣданіе секціи домашняго, общественнаго, юридическаго и военнаго быта подъ почетнымъ предсѣдательствомъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа М. М. Алексѣенка. Были доложены рефераты: В. Н. Поливанова — «Очеркъ казацкой колонизаціи Симбирскаго Поволжья» и Х. В. Попова — «Краткій историческій очеркъ казацкихъ поселеній на Дону». 17-го же августа, вечеромъ, въ засѣданіи секціи церковныхъ древностей предсѣдатель ея проф. Н. В. Покровский сказалъ вступительную рѣчь, при чемъ остановился на соответственномъ отдѣлѣ выставки при съѣздѣ и указалъ на то, что доставленныя на выставку иконы кievскаго письма конца XVII и XVIII вв. связываются по стилю и композиціи въ значительно большей степени съ образцами западно-европейской живописи, чѣмъ однородныя произведенія въ Новгородѣ, Ярославлѣ и т. д. Н. П. Троицкій сдѣлалъ докладъ о древнѣйшемъ храмѣ Херсонеса-Таврическаго по результатамъ новѣйшихъ раскопокъ. Въ 1902—1903 г. исполняется 50 лѣтъ со времени первыхъ херсонесскихъ раскопокъ, предпринятыхъ гр. А. С. Уваровымъ. Съ тѣхъ поръ раскопки временами прекращались, временами начинались снова, но въ результатъ ихъ были открыты многочисленныя гробницы, стѣны города, основанія храмовъ и т. д., и мы имѣемъ въ развалинахъ Херсонеса, можно сказать, русскую Помпею и даже русскій подземный Римъ. Здѣсь найдены между прочимъ христіанскія могилы-катакомбы и въ нихъ кресты, свѣтильники, монеты и другіе остатки старины, а недавно здѣсь открыто основаніе храма въ видѣ креста въ строго-византійскомъ стилѣ, сооруженнаго на мѣстѣ древнихъ катакомбъ и, повидимому, взамѣнъ болѣе обшпрнаго древняго храма (на что указываютъ двойныя стѣны) въ концѣ IV или въ V вѣкѣ. Въ развалинахъ этого храма оказались слѣды фресокъ, а на полу ковровая мозаика съ характернымъ рисункомъ, изображающимъ такъ называемое «древо жизни». Референтъ остановился подробно на исторіи и значеніи этого заимствованнаго съ Востока символа, игравшаго важную роль въ религіозномъ искусствѣ различныхъ вѣковъ и народовъ. А. С. Хахановъ сообщилъ о своихъ изысканіяхъ на Афонѣ, куда онъ ѣздилъ по порученію московскаго археологическаго общества для изученія грузинскихъ рукописей въ Иверскомъ монастырѣ, основанномъ въ IX вѣкѣ. Здѣсь онъ могъ ознакомиться между прочимъ съ спискомъ

библіи 987 г., сравнивъ который съ печатнымъ текстомъ священнаго писанія на грузинскомъ языкѣ въ изданіяхъ 1743, 1884 и 1900 г.г., могъ установить постепенное искаженіе грузинскаго библейскаго текста, сравнивъ аеонскій кодексъ съ греческимъ библейскимъ текстомъ — установить особенности перваго, указывающія, повидимому, на переводъ съ сирійскаго языка. 18-го августа состоялась пѣздка членовъ съѣзда (въ числѣ около 150-ти) на Донецкое городище, гдѣ, по сказаніямъ, отдыхалъ князь Игорь Новгородсѣверскій, убѣжавшій изъ Половецкаго плѣна. Въ тѣ времена это было передовое русское укрѣпленіе, выдвинувшееся въ Половецкую степь. Загадочно нѣсколько названіе этого городища Донецкимъ, такъ какъ оно находится верстахъ въ 25-ти отъ Донца, возвышаясь своею сѣвѣрною стороною сажень на 20 надъ рѣкою Удами. Фигура его напоминаетъ клинъ, въ длину оно насчитываетъ 95 шаговъ, въ ширину 20—50. Ограничено оно съ сѣверо-запада широкимъ ровомъ и валомъ, съ юго-востока — двумя валами со ровомъ, съ сѣверо-востока — рѣкою и съ юго-запада — пересыхающимъ ручьемъ. Городищемъ этимъ интересовался ранѣе извѣстный Пассекъ, послѣ здѣсь производили пробныя раскопки нѣсколько лицъ, при чемъ найдена была между прочимъ татарская монета XIV в. Экскурсантамъ давалъ объясненія г. Данилевичъ, было заложено нѣсколько траншей, а также были обследованы находящійся неподалеку отъ городища могильникъ, при чемъ раскопками руководили В. А. Городцевъ, проф. Д. Я. Самоквасовъ, Н. Г. Бѣляшевскій. Открыты были слѣды землянокъ и очаговъ съ остатками горшковъ и костей лошадей, медвѣдя, быка, свиньи, овцы, лошадей, рыбы. Вскрытыя поблизости могилы указали на языческое погребеніе — съ горшкомъ и головой барана у ногъ покойника. Членами съѣзда было выражено желаніе, чтобы городище это вызвало болѣе систематическое его обследованіе. На мѣстѣ экскурсии устроенъ былъ буфетъ, давшій возможность экскурсантамъ провести цѣлый день на мѣстѣ раскопокъ.

19-го августа, въ засѣданіи секціи древностей классическихъ и византийскихъ, состоявшемся подъ почетнымъ предсѣдательствомъ проф. Ю. А. Кулаковскаго, проф. В. П. Бузескулъ прочиталъ рефератъ — «Историческій процессъ съ точки зрѣнія греческихъ историковъ». Изученіе трудовъ греческихъ историковъ доказываетъ, что уже въ тѣ времена дѣлались попытки къ разъясненію сущности историческаго процесса, къ рѣшенію вопросовъ объ его закономерности и роли личности въ исторіи. По Геродоту главнымъ факторомъ исторіи является божество, отождествляемое съ рокомъ. Божество завистливо, и человекъ, высоко мнящій о себѣ, долженъ опасаться кары. Роль личности отодвигается у Геродота на второй планъ, и въ его взглядахъ замѣтенъ оттѣнокъ пессимизма. Даже блестящая эпоха греко-персидскихъ войнъ представляется ему бѣдственною, мрачною. При такихъ взглядахъ не можетъ быть и рѣчи о планомѣрности историческаго процесса. Наоборотъ, Фукидидъ отрицаетъ непосредственное вмѣшательство божества въ судьбы народовъ и не вѣритъ оракуламъ. У него явственно проглядываетъ мысль о причинности и законосообразности историческихъ фактовъ. Онъ приписываетъ видную роль личности, придаетъ значеніе природнымъ условіямъ странъ, а

также экономическимъ факторамъ народной жизни. Ксенофонтъ — воинъ, охотникъ, былъ плохимъ философомъ; онъ вѣрить въ слѣпой рокъ, но это не мѣшаетъ ему выдвигать на почетное мѣсто отдѣльную личность; онъ старается понять афинскую демократію и вывести изъ общихъ условій явленія, казавшіяся многимъ случайными. Выдающееся значеніе отводитъ личности и Аристотель, признающій также виднымъ факторомъ природныя условія. Особеннаго вниманія заслуживаетъ Полибій, доказывавшій, что историкъ не долженъ описывать только то, что произошло, а стараться выяснитъ, какъ и почему произошли извѣстныя событія. Полибій настаиваетъ на различія причинъ отъ поводовъ и требуетъ отъ историка не одной книжной начитанности, но и личныхъ наблюденій надъ жизнью народа. Его собственный трудъ имѣлъ универсальный характеръ; онъ обнималъ исторію ряда народовъ въ ихъ взаимной связи и стремился выяснитъ постепенный ростъ Рима и весь ходъ историческихъ теченій, приведшихъ римлянъ къ міровому владычеству. Полибій принималъ также законъ круговорота, по которому всякая форма правленія съ теченіемъ времени портится, вырождается и переходитъ въ другую. Убѣжденный въ планомѣрности исторического процесса, онъ считаетъ возможнымъ на основаніи прошлаго предсказывать будущее. Впрочемъ, онъ иногда ссылается и на судьбу, но понимаетъ ее въ разныхъ случаяхъ различно: то какъ разумную причину, дѣйствующую закономѣрно, то какъ капризное начало; тѣмъ не менѣе онъ предостерегаетъ противъ ссылки на волю боговъ вмѣсто исканія причинъ. У Полибія мы находимъ также признаніе значенія личности, а равно географическихъ и экономическихъ условій. Сообщение В. И. Саввы — «Выходы византійскихъ и московскихъ царей въ праздникъ Рождества», сводилось къ тому, что, противно обычному мнѣнію, вліяніе Византіи на русскій церемоніаль выражалось только въ нѣкоторыхъ деталяхъ и не заслоняло своеобразнаго колорита московской обрядности. Рефератъ этотъ вызвалъ замѣчанія со стороны профессора М. А. Остроумова, профессора Ю. А. Кулаковского и другихъ, доказывавшихъ, что вліяніе византійскаго церемониала не можетъ быть въ данномъ случаѣ отрицаемо. Въ тотъ же день, въ засѣданіи секціи церковныхъ древностей, происходившемъ подъ почетнымъ предсѣдательствомъ профессора В. С. Иконникова, профессоръ М. М. Остроумовъ сдѣлалъ спеціальныя докладъ — «Къ вопросу о происхожденіи греческаго текста, послужившаго оригиналомъ для текста славянской печатной Кормчей», а профессоръ А. П. Голубцовъ прочиталъ рефератъ — «О мѣстѣ среди церкви въ связи съ вопросомъ о происхожденіи орледа». «Орлець» — это круглый коврикъ, который кладутъ въ церкви подъ ноги архіерею. На коврикѣ изображены городъ, епископія, надъ городомъ паритъ орелъ — символъ возвышенности богословія, и отъ орла идетъ сіяніе, знаменующее свѣтъ отъ ученія епископа. Происхожденіе орледа объясняется изъ круга или овала мозаичныхъ половъ въ греческихъ и в.-с.-славянскихъ храмахъ. Въ храмѣ Св. Софіи былъ вдѣланъ пурурный кругъ, на который становились цари. Вообще такими кругами съ выложенными изъ мозаики (или высѣченными изъ камня) орлами обозначались омфали, мѣста остановокъ священнослужителей при богослуженіи. Этно-

графіі былъ посвященъ весьма оригинальный концертъ-засѣданіе вечеромъ 19-го августа, имѣвшій мѣсто въ залѣ общественной бібліотеки. Устроители возымѣли и вполне удачно привели въ исполненіе мысль собрать нѣсколькихъ кобзарей и лирниковъ и пригласить ихъ спѣть наиболѣе оригинальныя пьесы своего репертуара. Передъ многочисленными слушателями выступили слѣпцы-бандуристы и лирники: Ларивонъ, Терентій Пархоменко, Михайло Кравченко, Иванъ Кучеренко, Самсонъ Веселый, Иванъ Нетеса, Петро Дровченко, Павло, Иванъ Зозуля, Павло Гащенко, которые исполняли и solo, и хоровыя пьесы. Особенно понравилась многимъ «пѣсня про Морозенка». Всѣ эти слѣпцы изъ губерній Харьковской, Полтавской и Черниговской. Въ концертѣ принялъ участіе и артистъ г-нъ Садовскій, исполнившій между прочимъ очень хорошо бурлацкую пѣсню (Херсонской губ.). Недурно пѣлъ и хоръ товарищества русско-малороссійскихъ артистовъ, хотя исполненныя имъ пѣсни были уже по преимуществу ненародныя, за исключеніемъ прекрасной по мелодіи свадебной пѣсни «Ой изъ-за горы стовномъ дымы»... Вначалѣ, передъ концертнымъ отдѣленіемъ, были сдѣланы сообщенія о народныхъ пѣсняхъ, лирникахъ и кобзаряхъ гг. Красновымъ, Сумцовымъ, Ивановымъ и Хоткевичемъ. Вечеръ прошелъ съ большимъ интересомъ, хотя очень затянулся. Конечно, бывшіе на концертѣ надолго сохранять о немъ память.

20-го августа въ засѣданіи секціи первобытныхъ древностей В. И. Сизовъ сдѣлалъ сообщеніе «Гончарное дѣло въ Гнѣздовскихъ курганахъ Смоленской губерніи». Въ Гнѣздовѣ во время курганнаго періода преобладалъ обрядъ трупосожженія, а потому здѣсь находятъ много погребальныхъ урнъ. Урны эти представляютъ два типа: одинъ—болѣе архаическій, очень примитивной формы, другой—спеціально гнѣздовскій, болѣе поздній, лучшаго исполненія и богаче орнаментированный. Рядомъ съ ними встрѣчаются обыкновенныя горшки, въ которыхъ ставилась пища,—типа, сохранившагося и теперь еще у крестьянъ. На гнѣздовской посудѣ встрѣчаются въ изобиліи особые знаки или клейма, которые, всего вѣроятнѣе, имѣютъ религіозный, символическій характеръ. Любопытно, что они, какъ и вообще характеръ сосудовъ, представляютъ большое сходство съ находимыми въ прибалтійскихъ могильникахъ, въ меньшей степени съ находимыми въ древнихъ финскихъ могилахъ. В. З. Завитневичъ говорилъ «О культурномъ вліяніи Византіи на бытъ русскихъ славянъ курганнаго періода». Помимо крупныхъ центровъ вліяніе Византіи сказывалось и на остальномъ пространствѣ Руси, какъ о томъ свидѣтельствуетъ сходство многихъ бытовыхъ предметовъ изъ славянскихъ кургановъ дохристіанской эпохи съ найденными въ развалинахъ Херсонеса-Таврическаго; только въ горшечныхъ и нѣкоторыхъ серебряныхъ издѣліяхъ замѣчается славянская своеобразность. Въ тотъ же день происходило засѣданіе IV секціи (бытъ домашній, общественный и юридическій), въ которомъ г-жа А. Я. Ефименко сдѣлала докладъ о литовско-русскихъ данникахъ и ихъ бытъ, а Л. В. Падалка прочиталъ рефератъ «Историческая обстановка формированія стараго народнаго быта въ Полтавщинѣ». Въ XVI вѣкѣ въ современной Полтавщинѣ мы встрѣчаемся съ тремя племенными элементами: 1) старорусскій; 2) элементъ тюркскихъ и дру-

гихъ потомковъ степняковъ и 3) элементъ пятигорскихъ черкасъ. Послѣдніе явились въ край въ концѣ XIV в., сообщивъ ему особую фізіономію, отъ чего вполнѣдствіи область эта сохранила за собой названіе «Черкаскаго края». Начало формировація типа, именуемаго малорусскимъ, слѣдуетъ отнести къ періоду Вишневетчины. Рефератъ этотъ вызвалъ довольно продолжительныя и оживленныя пренія.

За трудностью дать обзоръ всѣхъ докладовъ, такъ какъ ежедневно происходило по нѣскольку засѣданій разныхъ секцій, заимствуемъ изъ «Русскихъ Вѣдомостей» свѣдѣнія о наиболѣе замѣчательныхъ докладахъ. Д. И. Абрамовичъ сдѣлалъ докладъ «Черты южно-русскаго домонгольскаго быта по даннымъ житійной литературы». Житія русскихъ святыхъ встрѣчали различную оцѣнку въ смыслѣ историческаго источника. Строевъ, Погодинъ, Буслаевъ, Бестужевъ-Рюминъ находили въ нихъ многія цѣнныя для историка подробности; наоборотъ, Ключевскій и Голубинскій далеко не придаютъ имъ того же значенія. Докладчикъ выступилъ убѣжденнымъ сторонникомъ перваго воззрѣнія и въ своемъ рефератѣ сопоставилъ рядъ заимствованныхъ изъ житій бытовыхъ чертъ, способныхъ характеризовать жизнь и обычаи соотвѣтственныхъ эпохъ. Н. С. Державинъ говорилъ о Степенной книгѣ, какъ литературномъ памятникѣ. Онъ указалъ на представляемый ею историко-литературный интересъ и выразилъ пожеланіе, чтобы будущіе изслѣдователи подробнѣе занялись сличеніемъ всѣхъ имѣющихся ея списковъ. По поводу этого реферата проф. С. Ѡ. Платоновъ замѣтилъ, что однимъ изъ молодыхъ ученыхъ С.-Петербургскаго университета, П. Г. Васенкомъ, уже почти закончено изслѣдованіе Степенной книги по многимъ спискамъ. Въ засѣданіи секціи древностей классическихъ и византійскихъ 21 августа Д. В. Айналовъ выступилъ съ рефератомъ «Гдѣ и какъ была принята св. княгиня Ольга въ Царьградѣ». Докладчикъ тщательно изучилъ всѣ подробности приѣма кн. Ольги византійскимъ императоромъ и императрицей на основаніи данныхъ устава обрядовъ константинопольскаго дворца и пришелъ къ заключенію, что видѣнное и слышанное кн. Ольгой въ Царьградѣ должно было дать первый импульсъ къ вліянію на Русь византійской культуры. Въ засѣданіи секціи этнографіи и исторической географіи 20-го августа, происходившемъ подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, В. Н. Мочульскій прочиталъ рефератъ «Смерть казака по народнымъ пѣснямъ и думамъ» и В. И. Василенко—«Къ вопросу объ областной этнографіи». Въ послѣднемъ рефератѣ развита была мысль о необходимости организаціи по губерніямъ обществъ любителей изученія края для всестороннихъ мѣстныхъ изслѣдованій и для собиранія матеріаловъ по этнографіи, а также устройства мѣстныхъ этнографическихъ музеевъ при содѣйствіи земствъ. Въ засѣданіи секціи первобытныхъ древностей 22-го августа, происходившемъ подъ почетнымъ предсѣдательствомъ В. И. Сизова, В. А. Городцевъ сообщилъ о раскопкахъ на Донецкомъ городищѣ. Добытые при раскопкахъ предметы позволяютъ составить нѣкоторое понятіе о бытѣ населенія этого городища, жившаго въ землянкахъ, но занимавшагося, кромѣ охоты, скотоводствомъ и земледѣліемъ. Повидимому, населеніе это было славянское, жившее здѣсь въ XII вѣкѣ. Городище подверг-

лось, вѣроятно, разоренію при нашествіи татаръ. А. М. Покровскій прочиталъ рефератъ о раскопкахъ могильника въ Верхнемъ Салтовѣ Волчанскаго уѣзда. Здѣсь были обнаружены могилы въ нишахъ или пещерахъ, вырытыхъ въ землѣ, типа, аналогичнаго найденному на Сѣверномъ Кавказѣ. Нѣкоторые изъ найденныхъ въ могилахъ предметовъ тоже сходны съ добытыми изъ сѣверо-кавказскихъ могильниковъ. Обстановка могилъ вообще довольно богатая. Въ числѣ подвѣсокъ, служившихъ для украшенія, найдены римскія (М. Аврелія) и восточныя монеты, самая поздняя X в. Повидимому, племя, которому принадлежалъ этотъ могильникъ, было кочевымъ или полукочевымъ. Въ засѣданіи секціи памятниковъ языка и письма 22-го августа проф. Н. И. Петровъ сдѣлалъ сообщеніе объ извѣстномъ украинскомъ философѣ Г. С. Сковородѣ, а А. К. Бороздинъ прочиталъ рефератъ «О современныхъ задачахъ изученія старой русской литературы». По мнѣнію референта, мы имѣемъ въ исторіи старой русской словесности «литературную статику», а необходима разработка «литературной динамики». Нужно обратить вниманіе на воздѣйствіе писателя на среду. Предметомъ спеціальнаго изученія могутъ быть только такія произведенія, въ которыхъ слово есть орудіе воздѣйствія на общественное сознаніе (публицистика, проповѣдь, поэзія). 22-го августа, въ 6 часовъ вечера, въ залѣ дворянскаго собранія состоялся обѣдъ, данный харьковскимъ городскимъ управленіемъ въ честь археологическаго съѣзда. На обѣдѣ присутствовали преосвященный Стефанъ, епископъ курскій, управляющій губерніей М. М. Осоргинъ, попечитель округа М. М. Алексѣенко, управляющій казенною палатою М. В. Веретенниковъ, представители суда, университета, земства и другія. Всѣхъ обѣдавшихъ было свыше 250-ти. Гостей встрѣчали городской голова и члены управы. Былъ предложенъ рядъ тостовъ и произнесено много рѣчей—городскимъ головой, гр. П. С. Уваровой, профессоромъ Д. И. Багалѣемъ, попечителемъ округа и другими. Въ засѣданіи секціи церковныхъ древностей 22-го августа профессоръ Е. К. Рѣдинъ сдѣлалъ сообщеніе о церковныхъ древностяхъ Харьковской губерніи, на основаніи собственныхъ экскурсій лѣтомъ 1900 и 1901 годовъ и предметовъ, собранныхъ на выставкѣ при съѣздѣ. Референтъ остановился подробно на архитектурѣ деревянныхъ церквей XVII—XVIII вѣковъ нѣкоторыхъ уѣздовъ и сравнилъ ее съ архитектурой такихъ же церквей Донской области, Полтавской и другихъ губерній лѣвобережной Украйны, при чемъ выяснилъ связь въ стилѣ между этими памятниками. Среди памятниковъ живописи,—иконъ,—оказались многіе, выказывающіе сильное вліяніе западнаго искусства, что объясняется заселеніемъ губерніи выходцами изъ-за польскаго рубежа. Еще путешественникъ Павелъ Алеппскій (XVII вѣка) обратилъ вниманіе на явные слѣды западнаго вліянія въ памятникахъ южно-русской казацкой живописи. Въ засѣданіи секціи славянскихъ древностей 22-го августа было доложено между прочимъ сообщеніе А. Л. Лишовскаго «Параллель къ южно-русскому казачеству въ исторіи южныхъ славянъ». Параллель эту референтъ видитъ въ ускокахъ, славянахъ-бѣглецахъ отъ турецкаго ига, съ конца XIV по XVII вѣкъ дѣйствовавшихъ на побережьѣ Далматіи. Они были грозой турокъ, а отчасти и венеціанцевъ.

Ихъ тайно поддерживала Австрія. Въ народной памяти адриатическихъ славянъ усюки представляются оплотоми христіанства и поборниками правды. Въ засѣданіи той же секціи 23-го августа А. Ѡ. Музыченко доложилъ «Наблюденія надъ народнымъ творчествомъ крымскихъ болгаръ», и А. І. Степовичъ прочиталъ рефератъ «Къ литературной исторіи Краледворской рукописи». Извѣстно, что эта чешская рукопись была признана поддѣльною. Докладчикъ доказывалъ, однако, что вопросъ о поддѣлкѣ этого памятника далеко еще не разъясненъ. Въ преніяхъ по поводу этого сообщенія было высказано, что поддѣлана ли эта рукопись, или нѣтъ, она имѣла огромное значеніе въ исторіи развитія славянскаго самосознанія. Въ засѣданіи секціи архивныхъ древностей 23-го августа профессоръ Д. Я. Самоквасовъ прочиталъ рефератъ «Объ архивномъ законодательствѣ въ Россіи». Напомнивъ исторію архивнаго дѣла въ Россіи, докладчикъ указалъ, что по количеству учреждений, обязанныхъ по закону хранить рѣшенные дѣла, по всей Россіи должно быть до 30.000 органовъ. Сообщивъ затѣмъ многіе факты современнаго архивнаго «нестроенія», расхищенія и уничтоженія архивовъ, профессоръ Самоквасовъ заявилъ, что сохраненіе драгоценнаго архивнаго матеріала есть долгъ всѣхъ русскихъ людей науки, дорожащихъ письменными памятниками своей родины, а для русскаго правительства это—служебная обязанность, и предложилъ повергнуть къ стонамъ Государя Императора просьбу о возможно скорѣйшемъ осуществленіи архивной реформы. Предложеніе это передано въ совѣтъ съѣзда. Въ томъ же засѣданіи профессоръ С. Ѡ. Платоновъ сдѣлалъ сообщеніе «Къ вопросу о Никоновскомъ сводѣ». Сообщеніе касалось состава и отличій различныхъ списковъ Никоновской лѣтописи. За основной списокъ, по мнѣнію докладчика, слѣдуетъ признать списокъ князя Оболенскаго (въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ); списокъ академіи наукъ, положенный въ основу печатнаго изданія, отличается многими особенностями, а еще болѣе такъ называемый лицевой (иллюстрированный) сводъ той же лѣтописи. Въ засѣданіи секціи первобытныхъ древностей 23-го августа было сдѣлано нѣсколько сообщеній о раскопкахъ кургановъ. Е. П. Трифилевъ доложилъ объ археологической экскурсіи въ Куявскій уѣздъ Харьковской губерніи, гдѣ въ бассейнѣ рѣки Красной имъ было изслѣдовано 32 кургана. Погребенія въ нихъ относятся отчасти къ каменному вѣку, отчасти къ римской эпохѣ (II—III вѣковъ), отчасти принадлежать позднѣйшимъ кочевникамъ. На нѣкоторыхъ курганахъ стояли каменные бабы. Погребенія встрѣчались единичныя, двойныя, тройныя и даже пятерныя. Въ одномъ изъ кургановъ съ каменной бабой на костякѣ былъ найденъ витой серебряный шейный обручъ, куски шелковой матеріи съ золотомъ нашивкою, части серебряныхъ сосудовъ, янтарный амулетъ и т. д. Но всего богаче оказалось одно женское погребеніе (близъ слободки Сватовой-Лучки), относимое докладчикомъ къ римской эпохѣ. На костякѣ оказались остатки длинной одежды малиноваго цвѣта и расшитой золотомъ обуви; на шеѣ находилось золотое ожерелье съ альмандинами и жемчужинами, на рукахъ золотыя браслеты. Въ нѣкоторыхъ древнихъ погребеніяхъ попадалась красная краска, которою иногда были окрашены части скелета. В. А. Городцевъ

представилъ отчетъ объ его раскопкахъ въ Изюмскомъ уѣздѣ, гдѣ имъ были изслѣдованы болѣе или менѣе подробно пять неолитическихъ стоянокъ, три линія валовъ, три городища, 107 кургановъ, одна стоянка бронзовой эпохи и одинъ могильникъ IX—X вѣковъ. Восемь кургановъ имѣли на себѣ каменные бабы (всего такихъ «бабъ» референтомъ найдено было 66), но установить ихъ связь съ погребеніями докладчику не удалось. Въ двухъ такихъ курганахъ найдены были погребенія кочевниковъ, вѣроятно, половцевъ, но эти погребенія помѣщались въ болѣе древнихъ курганахъ и отличались бѣдностью, такъ что едва ли можно думать о постановкѣ каменныхъ бабъ, — во всякомъ случаѣ, памятниковъ по тому времени цѣнныхъ, — именно надъ этими погребеніями. Профессоръ Н. И. Веселовскій сдѣлалъ докладъ о курганахъ Кубанской области въ періодъ римскаго владычества на Сѣверномъ Кавказѣ. Курганы эти оказывались часто ограбленными (еще въ древнія времена), но нѣкоторые доставили все-таки богатое собраніе вещей — мечей, кинжаловъ, кольчугъ, поясовъ съ золотыми бляхами, спиральныхъ золотыхъ браслетовъ, стеклянныхъ, серебряныхъ, бронзовыхъ и глиняныхъ сосудовъ, желѣзныхъ лампочекъ (стояли въ головкахъ костяка) и т. д. Погребенія встрѣчались преимущественно мужскія; докладчикъ склоненъ относить ихъ ко II—III вѣкамъ нашей эры и приписывать самимъ римлянамъ, владычество коихъ доходило въ это время до Сѣвернаго Кавказа. Любопытно сходство нѣкоторыхъ предметовъ съ находками въ другихъ частяхъ Россіи, между прочимъ и въ нѣкоторыхъ курганахъ Харьковской губерніи. По окончаніи утренняго засѣданія 24-го августа графиня П. С. Уварова, напомнивъ членамъ съѣзда о кончинѣ Р. Вирхова, предложила послать семьѣ покойнаго сочувственную телеграмму отъ имени съѣзда. Предложеніе это было встрѣчено единогласнымъ сочувствіемъ. Въ засѣданіи секціи первобытныхъ древностей 24-го августа г-жа Е. Н. Мельникъ прочитала докладъ объ ея раскопкахъ въ Купянскомъ и Ахтырскомъ уѣздахъ Харьковской губерніи. Г-жа Мельникъ могла установить три типа погребеній: 1) каменнаго вѣка — съ трупосожженіемъ; 2) начала металлическаго вѣка, съ костяками въ скорченномъ положеніи, носящими на себѣ слѣды полного или частичнаго окрашиванія красной краской; 3) славянскія погребенія. Проф. Д. И. Багалъйи сообщилъ объ археологической картѣ Харьковской губерніи, составленной имъ на основаніи печатныхъ и рукописныхъ матеріаловъ, въ 10-ти-верстномъ масштабѣ, съ приложеніемъ объяснительнаго текста. Въ засѣданіи секціи славянскихъ древностей 24-го августа проф. М. Г. Халанскій прочиталъ рефератъ «Славянскія пѣсни о смерти Марка Краевича». Смерть Марка послѣдовала 10-го октября 1394 года въ Румыніи. По мнѣнію референта, южно-славянскія пѣсни о смерти Марка на Урвинѣ-горѣ излагаютъ историческій сюжетъ западно-европейскаго романскаго эпоса, именно — пѣсни о смерти Роланда, которая могла быть занесена на Балканскій полуостровъ въ эпоху крестовыхъ походовъ. Въ засѣданіяхъ IV секціи (быть домашній, общественный и юридическій) 23-го и 24-го августа были сдѣланы доклады проф. А. С. Лебедевымъ, Е. А. Альбовскимъ, Н. А. Максименко и др. Рефератъ г. Максименко былъ посвященъ сличенію Русской Правды съ обычнымъ правомъ Литовско-Русскаго государства

до изданія статута (XV и начало XVI в.). Такое сличеніе дало возможность опредѣлить территорію, на которой возникли и дѣйствовали нормы права, изложенныя въ Русской Правдѣ: этой территоріей были южныя и западныя русскія земли, вошедшія потомъ въ составъ Литовско Русскаго государства. Въ засѣданіяхъ II секціи (этнографія и историческая географія) 23-го и 24-го августа было доложено нѣсколько рефератовъ, посвященныхъ ознакомленію съ нѣкоторыми вымирающими кустарными промыслами Харьковской и сосѣднихъ губерній. Такъ, г. Покровскій сообщилъ о «золотарствѣ», г. Василенко—о пряденіи и ткачествѣ въ этнографическомъ отношеніи, г. Вабенко—о «коцарствѣ» (производствѣ «коць», ковровъ мѣстной работы) и И. А. Зарѣцкій—о гончарномъ промыслѣ въ Полтавской губерніи. Послѣдній рефератъ отличался особенною обстоятельностью и сопровождался демонстраціей рисунковъ. 25-го августа состоялась экскурсія членовъ съѣзда въ имѣніе П. И. Харитоненко, въ д. Ницаху Ахтырскаго уѣзда, гдѣ поблизости въ казенномъ Городищенскомъ лѣсу произведены раскопки кургановъ. Харьковско-николаевская желѣзная дорога предложила для этой экскурсіи особый поѣздъ изъ семи вагоновъ 1-го класса до ст. Кириковки. Записалось на эту поѣздку 130 человекъ, но явилось только 80, что объясняется отчасти раннимъ отправленіемъ поѣзда (въ 6 ч. 35 м.) и трудностью добыть рано утромъ извозчиковъ. Около 10 ч. утра поѣздъ остановился около ст. Кириковки, гдѣ экскурсантовъ ожидали 34 экипажа (коляски, долгуши и т. д.), выставленныхъ Янковскою экономіей г. Харитоненка. За отсутствіемъ владѣльца встрѣтилъ гостей его главноуправляющій И. А. Асмоловъ, который пригласилъ всѣхъ прибывшихъ въ усадьбу Харитоненка при д. Янковкѣ, гдѣ были предложены чай и кофе. Домъ въ усадьбѣ обширный двухэтажный, съ громадными колоннами, выстроенный въ концѣ XVIII столѣтія (ранѣе это было имѣніе богатаго помѣщика Надержинскаго). Онъ выходитъ одною стороною въ старый паркъ, живописно спускающійся къ рѣкѣ Ворсклѣ. Послѣ завтрака экскурсанты направились къ курганамъ и черезъ два часа ѣзды по песчаной порогѣ прибыли къ мѣсту раскопокъ, гдѣ уже ранѣе сдѣланы были подготовительныя работы В. А. Городцовымъ. Вскрыто было нѣсколько кургановъ, и въ нихъ открыто 11 погребеній. При женскихъ костякахъ найдены были различныя украшенія: бусы, кольца, бронзовые и стеклянные браслеты и т. д. Вблизи кургановъ, въ лѣсу, имѣется городище, гдѣ, вѣроятно, и жило нѣкогда населеніе, насыпавшее эти курганы. Есть основаніе полагать, что населеніе это было славянскимъ, или что курганы эти относятся къ славянской эпохѣ. По окончаніи раскопокъ экскурсанты вернулись въ домъ г. Харитоненка, гдѣ имъ былъ предложенъ обѣдъ. 26-го августа состоялось нѣсколько отчасти параллельныхъ, засѣданій секцій. Въ засѣданіи секціи археографической, происходившемъ подѣ почетнымъ предсѣдательствомъ А. В. Орѣшникова, проф. Д. Я. Самоквасовъ прочиталъ рефератъ «О будущей архивной реформѣ». Реформа эта, по мнѣнію референта, сводится къ учрежденію школы архивовѣдѣнія, запрещенію уничтоженія архивныхъ дѣлъ, учрежденію центрального органа архивнаго управленія, централизаціи архивовъ въ специально приспособленныхъ для нихъ зданіяхъ. На со-

держаніе 90 центральныхъ губернскихъ государственныхъ архивовъ требуется 1.080.000 рублей въ годъ, но значительная часть этой суммы можетъ быть покрыта сокращеніемъ расходовъ по содержанію нынѣ существующихъ архивовъ при многочисленныхъ учрежденіяхъ. Постройка же 90 архивныхъ зданій потребуетъ около 9-ти милл. рублей въ теченіе 20—30-ти лѣтъ. Рефератъ г. Самоквасова вызвалъ возраженія со стороны гг. Савелова, Малченко и нѣкоторыхъ другихъ членовъ. Въ параллельномъ засѣданіи II секціи профессоръ Д. И. Багалъй сдѣлалъ докладъ объ основаніи города Харькова. Докладъ представлялъ собою первую главу изъ обширнаго труда «Исторія города Харькова», предпринятаго профессоромъ въ сотрудничествѣ съ Д. П. Миллеромъ по порученію харьковского городского управленія къ 250-лѣтнему юбилею Харькова, исполняющемуся въ 1905 году. Объ основаніи Харькова существуетъ нѣсколько преданій, которыя относятъ его къ разнымъ годамъ—отъ 1643 до 1656. Но документальныя данныя, разысканныя въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, позволяютъ опредѣлить довольно точно годъ основанія Харькова, именно 1654—1655 годы. 27-го августа, въ 1¹/₂ ч. дня въ актовомъ залѣ университета, состоялось заключительное общее собраніе съѣзда. Открылось оно рѣчью графини П. С. Уваровой, которая представила отчетъ о занятіяхъ только что закончившагося съѣзда. Всѣхъ членовъ съѣзда было 403, въ томъ числѣ 61 профессоръ. Ежедневно, за исключеніемъ двухъ дней, происходили засѣданія секцій по 3, 4, даже 6; всего ихъ было 32 съ 93-мя докладами. Два дня, 18-е и 25-е августа, были посвящены экскурсіямъ. Устроенная при съѣздѣ выставка привлекла къ себѣ 55.230 бесплатныхъ посѣтителей, 602 учащихя и 921 по платнымъ билетамъ. Вообще съѣздъ сдѣдуетъ признать весьма удавшимся; въ особенности онъ положилъ начало археологическому изученію мало изслѣдованнаго угла русской территоріи—Половецкой степи. Въмѣстѣ съ тѣмъ, съѣздъ матеріаломъ своихъ выставокъ положилъ начало археологическому и этнографическому музею при Харьковскомъ университетѣ. Недавно университету разрѣшено сдѣлать надстройку третьяго этажа надъ зданіемъ, гдѣ помѣщается университетскій архивъ; въ этомъ третьемъ этажѣ и помѣстится новый музей. Своими успѣхами съѣздъ много обязанъ мѣстнымъ властямъ, университету, земству и городу. Совѣтъ съѣзда сдѣлалъ слѣдующія постановленія: 1) принести всеподданнѣйшее ходатайство съѣзда объ оказаніи покровительства къ охранѣ архивовъ и о повелѣніи дать ходъ организаціи архивнаго дѣла, согласно съ ходатайствомъ о томъ Кіевскаго археологическаго съѣзда 1899 года; 2) выразить отъ имени съѣзда принципиальное сочувствіе учрежденіямъ и ученымъ обществамъ изученія губерній и просить о скорѣйшемъ разрѣшеніи ходатайства открытія «Общества любителей изученія Полтавской губерніи»; 3) обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой оказать покровительство кобзарямъ и лирникамъ, такъ какъ они не являются нищими, а, будучи слѣпцами, зарабатываютъ хлѣбъ исполненіемъ пѣсень религіознаго, историческаго и бытоваго характера; 4) просить членовъ XII археологическаго съѣзда оказать содѣйствіе Московскому археологическому обществу въ составленіи археологическаго словаря; 5) ходатайствовать о ско-

рѣйшемъ изданіи закона, воспреещающаго вывозить древности изъ предѣловъ Россіи; 6) мѣстомъ будущаго XIII археологическаго съѣзда назначенъ городъ Екатеринославъ. Въ заключеніе своей рѣчи графиня Уварова принесла глубокую благодарность отъ имени съѣзда всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, оказавшимъ ему содѣйствіе. Затѣмъ говорилъ профессоръ Д. И. Багалъй, пояснившій значеніе съѣзда и его выставокъ и принесшій глубокую благодарность за поддержку и руководство Московскому археологическому обществу и его предсѣдателю, графинѣ П. С. Уваровой, что вызвало бурные знаки одобренія. Въ отвѣтъ на эту рѣчь графиня замѣтила, что гораздо болѣе благодарности заслуживаетъ Д. И. Багалъй и его сотрудники по съѣзду, а о себѣ замѣтила, что она стала во главѣ Московскаго археологическаго общества, благодаря не своимъ личнымъ научнымъ заслугамъ, а заслугамъ покойнаго своего мужа, графа А. С. Уварова, и если она старается высоко нести знамя общества, то этимъ она только подтверждаетъ способность женщины славянки работать не менѣе мужчины. Далѣе говорили ректоръ университета Н. Ѳ. Куплевасскій и попечитель округа М. М. Алексѣенко, который и объявилъ XII археологическій съѣздъ закрытымъ. Послѣ закрытія съѣзда члены его чествовали своего предсѣдателя, графиню П. С. Уварову, обѣдомъ, состоявшимся въ 6 часовъ въ большой залѣ «Grand Hôtel»'и. Обѣдъ прошелъ очень оживленно и сопровождался многими тостами и рѣчами. Съ наиболѣе замѣчательныхъ предметовъ выставки сняты фотографіи, которыя будутъ изданы въ видѣ альбома фототипій московскимъ фотографомъ Фишеромъ. Подписка на этотъ альбомъ (4 рубля 50 копеекъ) производилась во время съѣзда. Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о выставкѣ, имѣвшей такой неслыханный успѣхъ. Она помѣщалась въ такъ называемомъ зданіи аудиторій и занимала семь комнатъ. Зданіе аудиторій—одно изъ самыхъ старыхъ и плохихъ зданій университета; комнаты низки (аршииъ пять вышиной) и сравнительно очень малы. Коллекціи размѣщены, правда, хорошо, но публикѣ негдѣ повернуться—такъ тѣсно. Отдѣлы выставки слѣдующіе: I. Древности, добытыя изъ раскопокъ, и случайныя находки. Здѣсь собраны предметы, полученные при раскопкахъ могильниковъ и кургановъ въ различныхъ уѣздахъ Харьковской губерніи, а именно: Д. И. Багалъя—въ Сумскомъ, Ахтырскомъ и Волчанскомъ уѣздахъ, В. А. Городцева—въ Изюмскомъ уѣздѣ, г-жи Е. П. Мельникъ—въ Купянскомъ и Ахтырскомъ уѣздахъ, А. М. Покровскаго—въ Изюмскомъ и Зміевскомъ уѣздахъ, Е. П. Трифильева, В. Е. Данилевнча, графини П. С. Уваровой (въ Волчанскомъ уѣздѣ) и др. Могильники относятся къ различнымъ эпохамъ—отъ каменнаго, бронзоваго и начала желѣзнаго періодовъ до X—XII столѣтій (могилы кочевниковъ). Здѣсь же помѣщены нѣкоторыя случайныя находки, одна частная коллекція изъ Крыма и др. II. Церковныя древности—изъ церквей, монастырей, сель и городовъ Харьковской губерніи, не древнѣе конца XVII вѣка, болѣею же частью XVIII вѣка, но въ числѣ ихъ есть весьма интересныя иконы, отчасти основанныя на апокрифическихъ сказаніяхъ, рѣзные иконостасы, деревянныя статуи святыхъ, плащаницы, старинныя брачныя вѣнцы, чаши и проч. Изъ Екатеринославской губерніи доставлены, между прочимъ, предметы запорожской

старинны изъ Никопольскаго собора, изъ Кіева—предметы изъ церковно-археологическаго музея духовной академіи, изъ Воронежа—коллекція Воронежскаго губернскаго музея и др. Въ этомъ же отдѣлѣ много фотографій и рисунковъ. III. Историческія древности: портреты малороссійскихъ гетмановъ, полковниковъ, вообще историческихъ дѣятелей, старинныя виды Харькова, картины, коллекція оружія и проч. изъ разныхъ общественныхъ и частныхъ собраний. IV. Отдѣлъ нумизматическій—преимущественно монеты, найденныхъ въ Харьковской губерніи. V. Отдѣлъ этнографическій, составленный, главнымъ образомъ, стараніями профессоровъ Н. Θ. Сумцова, А. Н. Краснова, А. М. Покровскаго и другихъ на средства, предоставленныя Харьковскимъ, Екатеринославскимъ, Курскимъ и другими земствами. Здѣсь имѣются манекены малоруссовъ, бѣлоруссовъ и великоруссовъ, малороссійскан хата въ натуральную величину съ полною обстановкою, костюмы, предметы домашняго хозяйства, рыболовныя принадлежности, фотографіи видовъ и типовъ и проч. VI. Отдѣлъ старопечатныхъ книгъ, преимущественно изъ церквей Харьковской епархіи, московской, кіевской, львовской, виленской, почаевской печати и др. VII. Отдѣлъ рукописей—преимущественно изъ мѣстныхъ церквей и собраний. VIII. Отдѣлъ картографическій, собранный изъ разныхъ коллекцій профессоромъ Багалѣемъ. Самое видное мѣсто занимали церковныя древности, собранныя профессоромъ Е. К. Рѣдинымъ, наполняющія собою три комнаты. Очень значительно собраніе старопечатныхъ книгъ, почти половина которыхъ доставлена изъ библиотеки гг. Маклаковыхъ въ городѣ Путивлѣ (№№ 270—455), обладающей многими весьма цѣнными и древними изданіями. Довольно значительно и собраніе рукописей, древнѣйшая изъ коихъ—Евангеліе XV вѣка—доставлена церковно-археологическимъ музеемъ при Кіевской духовной академіи. Объ отдѣлѣ историческихъ древностей мы уже упоминали, равно какъ и о многихъ археологическихъ коллекціяхъ, добытыхъ раскопками. Въ добавленіе можно указать на нѣкоторыя случайныя находки, какъ, на примѣръ, на значительную коллекцію каменныхъ орудій, особенно наконечниковъ стрѣлъ, найденныхъ близъ с. Райгородокъ, Изюмскаго уѣзда, сваяц. Спесивцевымъ и близъ с. Кочетокъ, Зміевскаго уѣзда, Н. Ефименко. Интересна еще рукоятка широкаго меча норманскаго типа, обложенная серебромъ и относящаяся къ X в.; найдена она около Краснянка Кушанскаго уѣзда. Характерно цѣлое погребеніе изъ раскопокъ В. А. Городцова—«въ дубовомъ гробѣ-колодѣ, вытесанной въ родѣ челнока, въ немъ костякъ челоуѣка, у лѣвой щеки котораго положена деревянная чашка, вдоль лѣваго бока—желѣзная сабля, у праваго бедра—кольчуга и кожаный кошелекъ съ огнивомъ, на груди—кристаллъ магнитнаго желѣзняка, служившаго амулетомъ, а у ступни правой ноги—нѣсколько наконечниковъ желѣзныхъ стрѣлъ» (кат. № 439). Это погребеніе было найдено въ курганѣ близъ сл. Николаевки Изюмскаго уѣзда. Выставка была открыта для публики 16-го августа и посѣщалась очень усердно; въ день насчитывалось до 7—8-ми тысячъ посѣтителей, главнымъ образомъ потому, что входъ былъ бесплатный. Обстоятельство это вызвало серьезныя неудобства. Вслѣдствіе тѣсноты комнатъ пришлось скоро ограничить впускъ посѣтителей; благодаря

этому, передъ входомъ на выставкѣ стали толпиться массы народа, и полиціи пришлось принять особыя мѣры для поддержанія порядка. Наконецъ, въ послѣдніе дни публки было такъ много, что въ нѣкоторыхъ витринахъ выдавили стекла. Съ 25-го августа пришлось назначить плату за входъ на выставку въ 50 коп.; поэтому 25-го августа было только около 1.400 посѣщеній. Д. И. Багалъй, Е. К. Рѣдинъ, А. М. Покровскій, Е. П. Трифильевъ, Н. Ф. Сумцовъ и В. Е. Данилевичъ по утрамъ (9—11 ч.) и вечеромъ (5—7 ч.), когда выставка посѣщалась учениками и ученицами харьковскихъ учебныхъ заведеній (согласно желанію попечителя учебнаго округа), давали объясненія.

Раскопки въ Ставропольской губерніи. Въ дополненіе къ сообщенію о раскопкахъ, произведенныхъ членомъ археологической комиссіи В. Р. Апухтинымъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» пишутъ слѣдующее о результатѣ послѣднихъ работъ г. Апухтина. Дальнѣйшее вскрытіе кургановъ близъ Горячеводска дало при одномъ изъ мужскихъ костяковъ длинную пашку 1 арш. $\frac{3}{4}$ длин. съ рукояткою (лежала съ правой стороны), до сотни желѣзныхъ стрѣлъ, бронзовый мечъ; при женскихъ костякахъ продолжали попадаться бронзовые кольца и серьги, ножницы для стрижки овецъ (всего 5 штукъ), костяныя шильца, иголки и веретена. Съ 28 іюля г. Апухтинъ переѣхалъ на работы въ аулъ Казилы, Александровскаго уѣзда, Ставропольской губерніи. Раскопки оказались здѣсь очень удачными. Одинъ изъ костяковъ весь покрытъ былъ кусками шелковой ткани съ золотымъ шитьемъ. Похороненъ былъ очевидно воинъ съ конемъ: выто 2 стремени, наборъ отъ сѣдла, бронзовая чашечка, вся наполненная шелкомъ, костяныя привѣски; подстилка была изъ бересты; около берцовыхъ костей найдены остатки кожи отъ обуви и пряжки изъ желѣза. Другой костякъ былъ обсыпанъ весь углемъ, имѣлъ желѣзные стремени, стрѣлы, пряжки и костяную пластинку съ отверстіями. Третій, женскій—бронзовую серьгу и костяныя привѣски. Черепа, позвонки съ приставшею къ нимъ шелковою тканью и вещи изъ раскопокъ отправлены были на XII Харьковскій археологическій съѣздъ.

Екатерининская старина въ Херсонѣ. Въ Херсонѣ, въ старыхъ земляныхъ стѣнахъ Екатерининской крѣпости, рядомъ съ построеннымъ Потемкинскимъ Екатерининскимъ соборомъ, находится высокое, съ колоннадой, зданіе Екатерининскаго арсенала, а за крѣпостными стѣнами на берегу Днѣпра (гдѣ нынѣшняя пристань судовладѣльца Вадоне) сохранились остатки дока Екатерины II. Въ обрывѣ берега замѣчательно рельефно вырисовываются углубленія, служившія мѣстомъ дока. По этимъ углубленіямъ можно въ точности опредѣлить мѣста бывшихъ сооружений. Замѣчательна прочность и солидность Екатерининскихъ построекъ: несмотря на истекшія съ основанія крѣпости 113 лѣтъ, крѣпостныя ворота, выступы, арки, мало поддались вліянію времени. Въ высокихъ устойчивыхъ стѣнахъ Екатерининскаго арсенала нынѣ помѣщается центральная окружная тюрьма. Домикъ-дворецъ императрицы Екатерины, въ которомъ въ юные годы существованія Херсона жила императрица, не сохранился, даже и слѣдовъ отъ него не осталось. По свидѣтельству мѣстнаго старожила и знатока херсонской старины А. И. Леонтовича (директора Херсон-

ской учительской семинаріи), домъ Екатерины II находился въ прибрежной мѣстности, неподалеку отъ нынѣшняго зданія семинаріи. Еще лѣтъ двадцать назадъ на этомъ мѣстѣ красовалось грушевое дерево, старое, толстое, разросшееся; оно было посажено Потемкинымъ; императрицей Екатериной II посаженъ былъ здѣсь абрикосъ. Буря свалила грушу, и отъ нея не осталось слѣдовъ; на абрикосовомъ деревѣ, обнесенномъ металлической оградой и скрѣпленномъ въ виду его ветхости желѣзными обручами, была долгое время привѣшена табличка, на которой уважительные къ старинѣ херсонцы начертали слѣдующее двухстишіе, посвященное императрицѣ Екатеринѣ II:

«Все насажденное Тобой
Для насъ хранить—завѣтъ святой».

Время, однако, не пощадило и этого послѣдняго остатка Екатерининскихъ насажденій: абрикосовый пенъ, оставшіяся въ некоторое время въ оградѣ, въ послѣдствіи тоже безслѣдно исчезъ. Немногочисленные знатоки херсонской старины когда-то показывали любознательнымъ туристамъ фундаментъ Екатерининскаго театра и старый домъ въ Херсонѣ, въ которомъ нѣкогда жилъ Суворовъ. Этотъ домъ существовалъ еще пятнадцать лѣтъ назадъ. Теперь на мѣстѣ его стоитъ новый домъ мѣстнаго дворянства. Въ городѣ вообще не сохранилось памятниковъ Екатерининской старины; только загородный уголокъ Херсона, гдѣ находится Екатерининская крѣпость, и переноситъ васъ къ эпохѣ блестящаго расцвѣта Екатерининскихъ реформъ. На крѣпостномъ соборѣ сохранилась между прочимъ начертанная императрицей надпись: «Спасителю рода человеческого Екатерина II посвящаетъ». Херсонцы не совсѣмъ безучастно относятся къ своей старинѣ; здѣсь были попытки сохранить мѣстныя древности; при херсонской общественной библіотекѣ возникъ археологическій музей; послѣдній не заключаетъ, впрочемъ, ничего цѣннаго для характеристики Екатерининскаго періода. Сосѣдній съ Херсономъ маленькій Очаковъ, основанный Потемкинымъ чрезъ десять лѣтъ послѣ основанія Херсона, въ 1788 году, имѣетъ въ обстановкѣ своей исторической крѣпости и въ городѣ много воспоминаній о Екатерининской эпохѣ, но мало сохранилъ подлинныхъ историческихъ памятниковъ. Даже Суворовскій памятникъ, бывшій на Кинбурнской косѣ, увезенъ отсюда англичанами, не желающими отдавать его обратно, несмотря на возбужденную по этому поводу переписку. Живымъ памятникомъ кипучей дѣятельности Потемкина на Новороссіи служитъ Николаевское адмиралтейство. Оно возникло въ эпоху заботъ императрицы Екатерины II о созданіи русскаго флота на Черномъ морѣ. Николаевское адмиралтейство только-что выпустило въ Черное море, посвященный памяти своего основателя, броненосный корабль «Князь Потемкинъ-Тавричскій». Историческое имя Очакова будетъ увѣковѣчено въ черноморскомъ флотѣ новымъ военнымъ крейсеромъ «Очаковъ», спускъ котораго состоялся въ Севастопольскомъ адмиралтействѣ въ сентябрѣ этого года. Очаковская крѣпость поднесли новому кораблю цѣнную икону св. Николая Чудотворца, очаковскій батальонъ—братину, а нижніе чины—лампаду къ иконѣ. На пути изъ Николаева въ Херсонъ на берегу Днѣпровско-Бугскаго лимана расположено обширное село Парутино—древняя Ольвія.

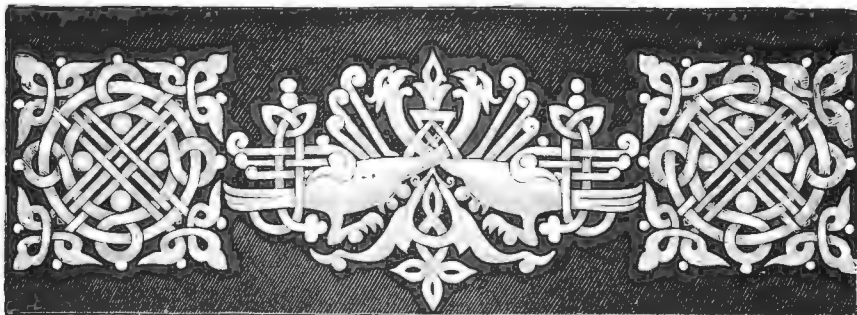
Южными археологами здѣсь найдены эллинскія древности: монеты, кувшины, открыты остатки эллинскаго поселенія, жилищъ и сооружений. Цѣнные находки въ Парутинѣ производятся непрерывно.

Ярославскій музей. За послѣднее время музей Ярославской архивной комиссіи обогатился новыми рѣдкими коллекціями предметовъ старины, а также весьма цѣнными документами. Такъ, по словамъ «Сѣвернаго Края», останавливаетъ на себѣ вниманіе попавшій не такъ давно въ музей паспортный бланкъ, съ датой 9-го декабря 1825 г., «по указу его величества государя императора Константина Павловича, самодержца всероссійскаго и проч. и проч.», уволенному въ разные города и селенія «2-й гильдіи купеческому сыну Ивану Егорову Сокурову». Паспортъ выданъ изъ Петербургской городской думы гласнымъ Иваномъ Брилинымъ, съ приложеніемъ гербовой печати городской думы. Не менѣе любопытенъ сохранившійся очень рѣдкій экземпляръ паспорта, выданнаго греческому негодіанту Константину Сарри герцогомъ Тревизскимъ, московскимъ генераль-губернаторомъ, во время занятія Москвы Наполеономъ. Изъ предметовъ, наглядно воспроизводящихъ недалекое прошлое Ярославля, обращаетъ на себя вниманіе столовая скатерть, бумажная, съ вытканымъ на ней видомъ Ярославля въ ознаменованіе пребыванія въ немъ Николая I. Скатерть эта является въ то же время единственнымъ нагляднымъ документомъ, подтверждающимъ тотъ фактъ, что нѣкогда изображенная на ней церковь Николая Надѣина имѣла шатровое покрытіе. Изображенная на скатерти церковь имѣетъ, вмѣсто купола, шатровое покрытіе. Центръ скатерти занимаетъ одноглавый орелъ, а изъ окаймляющихъ изображеніе города гербовъ имѣются особенности—пѣтухъ и конь. Скатерть случайно была обнаружена въ Тихвинѣ, въ частномъ домѣ.

Юрѣва божница. Въ разстояніи 85 верстъ отъ Кіева, вверхъ по теченію Десны, находится незначительный уѣздный городокъ Черниговской губерніи, Остерь. На окраинѣ Остера находится село Старогородка, которое въ XI вѣкѣ считалось городомъ, лежащимъ на границѣ Кіевского и Черниговскаго княжествъ. Въ Старогородкѣ до настоящаго времени сохранились остатки древняго городища въ видѣ валовъ, а также остатки-развалины древняго каменнаго храма, извѣстнаго подъ названіемъ «Юрѣвой божницы». Развалины его являются древнѣйшими памятниками архитектурнаго искусства и находятся въ предѣлахъ Черниговской губерніи. Было бы весьма желательно, чтобы археологическая комиссія приняла мѣры къ охранѣ храма, кирпичи котораго растаскиваются мѣстными жителями для своихъ надобностей. Дожди и непогода довершаютъ то, чего не успѣли сдѣлать люди. Въ первый разъ Остерь упоминается въ лѣтописи въ 1098 г. Въ 1136 г. онъ былъ отдѣленъ отъ Перяслава и достался сыну Мономаха, суздальскому князю Юрію Долгорукому, которымъ и была построена «божница»—каменный храмъ. Отъ этого храма въ настоящее время сохранилась только нѣкоторая часть, имѣющая внутри въ длину 6 аршинъ и въ ширину немного меньше; высота удѣлѣвшей стѣны 12 аршинъ. Толщина стѣны около 1½ аршина. Стѣны положены изъ кирпича и каменныхъ плитъ. Кирпичъ напоминаетъ формой и отдѣлкой кирпичи храмовъ Кіева XI вѣка. Особенности представляютъ остатки фресокъ,

сохранившихся на алтарной стѣнѣ. Въ верхнемъ кругѣ написано изображеніе Богоматери съ поднятыми руками, какъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ; по правую сторону архангелъ Михаилъ, по лѣвую—архангелъ Гавриилъ. Во второмъ ярусѣ сверху посрединѣ изображено горнее мѣсто, а по обѣимъ сторонамъ его Спаситель съ ангелами и по 6 апостоловъ. Изображеніе это, Тайная Вечеря, совершенно въ такомъ видѣ, какъ оно изображено въ Кіево-Софійскомъ и Кіево-Михайловскомъ храмахъ. Въ третьемъ ярусѣ, въ ряду оконъ, изображенъ рядъ святыхъ; наконецъ, въ пятомъ ярусѣ сохранились только слѣды фресковой живописи. Вся фресковая живопись напоминаетъ по характеру, композиціи и тону красокъ живопись Софійскаго собора въ Кіевѣ. Кромѣ алтарной части, ничего не сохранилось. Часть фундамента, прилегающая къ берегу рѣки Остра, обвалилась. Изъ сохранившихся частей фундамента можно приблизительно опредѣлить размѣръ храма. Онъ былъ четырехъугольный и, кромѣ алтаря, въ длину имѣлъ около 13 аршинъ, а въ ширину около 12 аршинъ. Существуетъ преданіе, что подъ храмомъ находится склепъ. Юрьева божница подвергалась разрушительному дѣйствію огня неоднократно. Храмъ былъ сожженъ въ 1152 году великимъ княземъ Изяславомъ при походѣ на Остеръ. Также пострадалъ сильно храмъ при нашествіи татаръ. Но каждый разъ храмъ возобновлялся. Въ сохранившихся остаткахъ стѣнъ видно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ штукатурка положена по живописи. Судьба храма послѣ татарскаго нашествія до XVII вѣка неизвѣстна, но есть указанія, что въ XVII вѣкѣ въ храмѣ происходило богослуженіе. Въ 1753 г. молнія ударила въ Юрьеву божницу, и жертвой огня сдѣлалась вся верхняя деревянная часть храма, гдѣ находилась церковь во имя архистратига Михаила. Съ того времени храмъ не возобновлялся и постепенно приходилъ все въ большее и большее разрушеніе.

НЕКРОЛОГИ.

КАКІЙ, епископъ. 3-го сентября въ Московскомъ Покровскомъ монастырѣ скончался пребывавшій на покой епископъ Акакій.

Почившій (въ мѣръ Александръ Ивановичъ Заклинскій), сынъ священника рижской Троицкой церкви, родился 20 февраля 1836 года; первое образование онъ получилъ въ нѣмецкой школѣ Шмидта, затѣмъ въ духовныхъ училищахъ Риги и Пскова, наконецъ—въ Псковской семинаріи и Петербургской духовной академіи; постриженный въ монашество (16 сентября 1856 года), покойный до окончанія курса оставилъ академію и получилъ мѣсто іеродіакона и позже іеромонаха при Константинопольской церкви (1856—1865 гг.).

Вернувшись въ Россію, инокъ А. началъ духовно-училищную службу: онъ состоялъ преподавателемъ въ Рязанской семинаріи, помощникомъ ректора Волынской семинаріи, инспекторомъ Воронежской семинаріи и въ санѣ архимандрита—ректоромъ Томской семинаріи.

Послѣ свыше двадцатипятилѣтней педагогической дѣятельности, покойный былъ хиротонисанъ (7 апрѣля 1891 года) въ епископскій санъ и назначенъ сначала викаріемъ Подольской, а затѣмъ Херсонской епархіи (1891—1894 гг.), наконецъ—епископомъ енисейскимъ и красноярскимъ (1894—1898 гг.). По болѣзненному состоянію, съ 28 октября 1898 года онъ былъ уволенъ на покой и пребывалъ въ Московскомъ Покровскомъ монастырѣ до своей кончины.

Кромѣ духовнослужебной дѣятельности, епископъ занимался литературными трудами. Ему принадлежала кандидатская диссертация «Св. Григорій

Палама» (1864 г.) и Письма съ Востока, напечатанныя въ Духовной Бесѣдѣ, Днѣ и въ Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ (1856—1865 гг.). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1902 г., № 244).

Бронниковъ, Ѳ. А. 1-го сентября скончался въ Италіи профессоръ исторической живописи и родоначальникъ античнаго жанра Ѳедоръ Андреевичъ Бронниковъ. Ѳ. А., уроженецъ Урала, родился въ Шадринскѣ, Пермской губерніи, въ 1827 г., въ семьѣ мѣстнаго иконописца. Съ дѣтства пріохотившійся къ рисованію, онъ, подъ руководствомъ своего отца, сталъ быстро совершенствоваться; шестнадцати лѣтъ, послѣ смерти родителей, Ѳ. А. отправился въ Петербургъ въ академію художествъ, гдѣ поступилъ въ мастерскую профессора Маркова. Въ академіи художествъ, благодаря своему трудолюбію, Ѳ. А. сталъ быстро развиваться и совершенствоваться въ живописи. Въ 1851 г. онъ получилъ двѣ малыя серебряныя медали за портретныя работы и одну большую за картину «Возвращеніе Улисса въ свой домъ», въ слѣдующіе два года онъ послѣдовательно получилъ малую и большую золотыя медали за программу «Проповѣдь Іоанна Предтечи въ пустынь» и «Божія Матерь всѣхъ скорбящихъ радости». Большая золотая медаль дала ему право заграничнаго путешествія; въ 1854 г. онъ поѣхалъ въ Германію, Францію и Италію, гдѣ, въ Римѣ, поселился навсегда, лишь изрѣдка пріѣзжая въ Россію. Онъ много работалъ въ Италіи, выставляя свои произведенія до 1874 г. на академическихъ выставкахъ, а съ этого времени на выставкахъ товарищества передвижниковъ. Въ 1863 г., за картину «Горацій читаетъ свои сатиры Мепенату», академическій совѣтъ призналъ его профессоромъ; въ 1870 г., за картину «Бѣдное семейство, изгоняемое съ квартиры», ему присудили золотую медаль «за экспрессию». Наибольшей извѣстностью пользовались слѣдующія произведенія Ѳ. А.: «Покинутая», «Католическая обѣдня», «Алкивиадъ и Аспазія», «Императоръ Августъ съ дѣтьми», «Помпейскія частныя бани», «Умирающій гладиаторъ», «Нищій въ Римѣ», «Марція, читающая свой приговоръ», и т. д. Кромѣ того, Ѳ. А. писалъ немало произведеній религіознаго содержанія, которыя помѣщены въ русскихъ посольскихъ церквахъ въ Копенгагенѣ, Парижѣ, въ храмѣ Христа Спасителя въ Москвѣ и т. д. Произведенія Ѳ. А. экспонировались также на всемірныхъ выставкахъ въ Парижѣ, Филадельфіи, Вѣнѣ и Лондонѣ. (Некрологи его: «Биржевыя Вѣдомости», 1902 г., № 239; «Уральская жизнь» 1902 г., № 244).

† **Вильдъ, Г. И.** 23-го августа въ Цюрихѣ, послѣ продолжительной болѣзни, скончался почетный членъ императорской академіи наукъ, бывшій директоръ главной физической обсерваторіи, Генрихъ Ивановичъ Вильдъ. Онъ родился въ 1833 году въ Цюрихѣ. По окончаніи университетскаго курса, Г. И. занимался въ Кенигсбергѣ физикой, а затѣмъ, получивъ степень доктора, работалъ нѣкоторое время въ Гейдельбергѣ у Кирхгофа и Бунзена. Въ 1858 году началась педагогическая дѣятельность покойнаго. Онъ былъ приглашенъ читать лекціи въ Цюрихскомъ университетѣ и политехникумѣ, а затѣмъ получилъ въ Бернѣ мѣсто директора астрономической обсерваторіи, которая была имъ преобразована въ метеорологическую съ самоишущими инструментами и въ централь-

ное метеорологическое учреждение Бернского кантона. Въ томъ же городѣ Г. И. читалъ лекціи по физикѣ. Въ 1868 г. Г. И. былъ избранъ членомъ императорской академіи наукъ и назначенъ директоромъ главной физической обсерваторіи въ Петербургѣ. Сдѣлавъ важныя преобразованія въ этомъ учрежденіи, Г. И. построилъ образцовую магнитную и метеорологическую обсерваторію въ Павловскѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ приступилъ къ расширенію и преобразованію находящейся въ вѣдѣніи главной физической обсерваторіи метеорологической сѣти. Въ 1868 году въ Россіи было только тридцать метеорологическихъ станцій, наблюденія которыхъ печатались въ «Лѣтописяхъ главной физической обсерваторіи». Благодаря стараніямъ Г. И., число ихъ съ каждымъ годомъ возрастало, и къ 1890 году «Лѣтописи» пользовались наблюденіями 1.035 станцій. Научныя работы покойнаго касаются главнымъ образомъ области метеорологіи, земного магнетизма, электричества, метеорологіи и оптики. Въ области электричества, кромѣ открытія термоэлектрическихъ токовъ въ жидкостяхъ и изслѣдованія по электролизу, Г. И. сдѣлалъ опредѣленіе единицы сопротивленія—ома. Занимаясь изслѣдованіями температуры воздуха и почвы влажности, осадковъ и облачности Россіи, Г. И. нашелъ нужнымъ улучшить метеорологическіе инструменты и изобрѣлъ нѣсколько новыхъ, изъ которыхъ самопишущій инструментъ—барографъ съ компенсаціей температуры, и приборъ для абсолютныхъ опредѣленій элементовъ земного магнетизма значительно облегчили дѣятельность метеорологическихъ станцій. Съ 1879 года покойный состоялъ президентомъ международнаго метеорологическаго комитета. Въ 1880 году Г. И. былъ избранъ въ предсѣдатели международной полярной комиссіи, цѣлью которой была организація экспедицій въ полярныя страны въ 1882—1883 гг. и изслѣдованіе этихъ странъ. Г. И. состоялъ почетнымъ членомъ лондонскаго королевскаго метеорологическаго общества, географическаго общества въ Берлинѣ, финскаго ученаго общества въ Гельсингфорсѣ и многихъ другихъ. (Некрологъ его: «Правительственный Вѣстникъ», 1902 г., № 190).

† **Даниловъ, В. И.** Близъ Вены скончался, послѣ продолжительной, но тяжелой болѣзни, отст. генераль-отъ-инфантеріи Василій Павловичъ Даниловъ. Покойный родился въ 1829 г., образованіе получилъ въ Пажескомъ его величества корпусѣ. Въ чинѣ прапорщика участвовалъ въ венгерскомъ походѣ, въ русско-турецкую кампанію 1853—1854 гг. находился въ нѣсколькихъ дѣлахъ съ непріателемъ и за боевое отличіе получилъ орденъ св. Анны 3 ст. съ мечами. Во время усмиренія польскаго мятежа командовалъ 7-мъ стрѣлковымъ батальономъ, входившимъ въ составъ войскъ, усмиравшихъ повстанцевъ. Въ одной изъ схватокъ съ мятежниками былъ контуженъ. За храбрость получилъ орденъ св. Анны 2 ст. съ императорской короной и мечами. Въ дальнѣйшей службѣ послѣдовательно командовалъ 94 пѣхотнымъ Енисейскимъ полкомъ, состоялъ въ прикомандированіи къ 22-й пѣхотной дивизіи, былъ командиромъ 2-й бригады 22-й пѣхотной дивизіи и начальникомъ 35-й пѣхотной дивизіи. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9517).

† **Дьяконова, Е. А.** Въ концѣ іюня погибла въ горахъ, близъ Ахензе, въ Сѣверномъ Тиролѣ, русская студентка Сорбонны, Елизавета Александровна Дьяконова. Тѣло ея найдено было недавно, и 5-го сентября состоялись ея похороны въ Нерехтѣ. Покойная родилась въ 1874 году, образованіе получила въ ярославской второй гимназій и на высшихъ женскихъ курсахъ, которые окончила въ 1899 году. По окончаніи курсовъ, Е. А. пріѣхала въ Ярославль, гдѣ живутъ ея родные, и приняла участіе въ мѣстной общественной дѣятельности. Она работала въ архивной комиссіи, была членомъ библіотечной комиссіи общества распространенія начальнаго образованія въ Ярославской губерніи, сотрудничала въ «Сѣверномъ Краѣ». Ярославцы до сихъ поръ помнятъ ея полемику по вопросу объ ученическихъ экскурсіяхъ съ однимъ изъ представителей мѣстнаго педагогическаго міра. Въ эту полемику Е. А. внесла много живости, ума, остроумія, и въ результатѣ только что кончившая курсистка сумѣла заставить положить оружіе опытнаго и умнаго литературнаго противника. Литературную дѣятельность Е. А. начала еще будучи на курсахъ, именно участвовала съ другими тремя слушательницами въ переводѣ книги М. Гацфельдъ: «Скандинавская литература и ея современныя тенденціи», изданной подъ редакціей проф. Шляпкина въ 1899 году въ пользу курсовъ. Затѣмъ она напечатала статью «Женское образованіе» въ журналѣ «Женское Дѣло», нѣсколько беллетристическихъ очерковъ подъ псевдонимомъ «Е. Нерехтская» въ «Журналъ для всѣхъ» и нѣсколько полубеллетристическихъ очерковъ въ «Кіевлянинѣ» и «Сѣверномъ Краѣ», въ которыхъ она описываетъ свои заграничныя впечатлѣнія изъ жизни въ Парижѣ и Лондонѣ.

Рѣшеніе Е. А. ѣхать въ Парижъ вызвано было главнымъ образомъ бѣдностью и однообразіемъ ярославской общественной жизни.

На нее удручающе дѣйствовало то главное свойство русской провинціальной жизни, что человѣку, желающему дѣлать какое нибудь даже самое скромное общественное дѣло, необходимо прежде всего считаться не съ тѣми трудностями, которыя вытекаютъ изъ существа самаго дѣла, а съ тысячами обстоятельствъ, чуждыхъ сути дѣла и даже непривидимыхъ, но неизбежно вырастающихъ на пути всякаго общественнаго дѣятеля, заставляя его съ досадою отрывать свое вниманіе отъ главной цѣли. Осенью 1900 года Е. А. уѣхала въ Парижъ слушать курсъ историческихъ наукъ въ Сорбоннѣ. (Некрологи ея: «Сѣверный Край», 1902 г., № 236; «Новое Время», 1902 г., № 9521).

† **Кокушкинъ, В. А.** 18-го августа скончался послѣ продолжительной болѣзни отставной генералъ-майоръ Владимиръ Александровичъ Кокушкинъ. Покойный родился въ 1822 году, образованіе получилъ въ Николаевскихъ инженерныхъ училищѣ и академіи. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ покойный былъ членомъ технической комиссіи главнаго инженернаго управленія, руководилъ производствомъ чертежныхъ работъ при съемкахъ крѣпостей Свеаборга, Гельсингфорса, Варшавы и Ивангорода, затѣмъ былъ начальникомъ работъ по рекогносцировкамъ окрестностей Риги и другихъ укрѣпленныхъ мѣстностей. Во время Крымской кампаніи В. А. находился при устройствѣ морскихъ батарей въ Кронштадтѣ, во время усмиренія польскаго мятежа — при войскахъ виленскаго военнаго округа. Послѣдніе годы своей службы по-

койный состоялъ въ техническомъ комитетѣ главнаго инженернаго управленія, исполняя разныя порученія по технической части, и въ 1882 г. уволенъ въ отставку по болѣзни. По выходѣ въ отставку, В. А. посвятилъ себя всецѣло общественной службѣ и благотворительности, состоя однимъ изъ старѣйшихъ членовъ въ императорскомъ техническомъ обществѣ, почетнымъ членомъ въ человѣколюбивомъ обществѣ, дѣятелемъ въ благотворительномъ обществѣ прихода собора Спасо-Преображенія, основателемъ и председателемъ Парголовскаго пожарнаго общества, членомъ попечительства о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, въ обществѣ послѣдователей гомеопатіи, народной трезвости и во многихъ другихъ благотворительныхъ обществахъ, принимая во всѣхъ участіе какъ личнымъ трудомъ, такъ и крупными пожертвованіями. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9508).

† **Москальскій, П. П.** 30-го августа скончался Петръ Петровичъ Москальскій, членъ совѣта и юрисконсультъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

П. П. родился 2-го декабря 1834 г. въ мѣст. Мѣна, Черниговской губ., окончилъ курсъ въ 1855 г. въ Нѣжинскомъ юридическомъ лицей, служилъ сперва въ провинціи, потомъ 41 годъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, гдѣ втеченіе послѣднихъ 13 лѣтъ занималъ должность юрисконсульта.

П. П. вполне оправдывалъ изреченіе, что человѣкъ краситъ мѣсто, и всегда стоялъ на высотѣ своихъ обязанностей, исполняя ихъ не только по долгу службы, но и въ силу глубокосознаваемого нравственнаго долга. Идеальное знаніе дѣла, огромная память и трудолюбіе дали ему возможность не только отстаивать интересы казны, но и восстанавливать то, что могло быть утрачено и захвачено. За время юрисконсультства имъ выяснено и выиграно въ пользу казны запущенныхъ дѣлъ на 80 милл. рублей. Для этого пришлось употребить всю энергію и проявить необычную нравственную стойкость. Все это было возможно лишь для человѣка, влагающаго въ дѣло всю душу и чуждаго иныхъ побужденій. Такія достоинства покойнаго цѣнили и высшее начальство, которое широко пользовалось его знаніями и способностями, призывая его къ участію въ болѣе важныхъ комиссіяхъ, назначая представителемъ отъ министерства въ разныхъ высшихъ совѣщаніяхъ. Громадныя услуги оказали П. П. и юридической литературѣ и практикѣ; имъ составленъ и изданъ столь извѣстный «Алфавитный перечень рѣшеній гражданскаго кассационнаго департамента правительствующаго сената по вопросамъ гражданскаго права и судопроизводства» въ 3-хъ выпускахъ, законченныхъ 1885 годомъ. Этотъ колоссальный трудъ, потребовавшій многихъ лѣтъ, высоко цѣнился юристами и быстро разошелся, такъ что сталъ библиографической рѣдкостью; П. П. началъ было пополнять его для новаго изданія, но ему помѣшала болѣзнь. (Некрологъ его: «Новости», 1902 г., № 242).

† **Чемерзинъ, А. Я.** 24 августа скончался членъ военнаго совѣта генералъ отъ инфантеріи Алексѣй Яковлевичъ Чемерзинъ. А. Я. родился 29 января 1825 г.; по образованію онъ питомецъ Павловскаго кадетскаго корпуса и Николаевской академіи генеральнаго штаба. Въ службу А. Я. вступилъ 8-го августа 1842 года и послѣдовательно занималъ должности: старшаго адъю-

танта штаба 5-го армейскаго корпуса, старшаго адъютанта управления генералъ-квартирмейстера бывшей южной арміи, начальника штаба 6-й кавал. дивизіи, начальника штаба 11-й пѣх. дивизіи, командира 14-го пѣх. Оловецкаго полка, помощника начальника штаба Казанскаго военнаго округа, начальника штаба того же округа, начальника 33-й пѣх. дивизіи, коменданта кievской крѣпости, командира 16-го арм. корпуса и помощника командующаго войсками Виленскаго военнаго округа. 11-го марта 1895 года А. Я. Чемерзинъ былъ назначенъ членомъ военнаго совѣта. Первый генеральскій чинъ былъ полученъ имъ 1-го октября 1869 года, въ генералы-отъ-инфантеріи онъ произведенъ 30-го августа 1893 года; онъ имѣлъ всѣ русскіе ордена до полученнаго имъ въ 1901 году св. Владиміра 1-й степени включительно.

Покойный принималъ участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ кампаній 1853, 1854, 1855 и 1856 годовъ. (Некрологъ его: «Русскій Инвалидъ», 1902 г., № 187).

† **Эрнштедтъ, В. К.** 21 августа скончался въ Силламягахъ ординарный профессоръ императорскаго С.-Петербургскаго университета и экстраординарный академикъ императорской академіи наукъ Викторъ Карловичъ Эрнштедтъ. Покойный былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ выдающихся знатоковъ греческой филологіи. Онъ родился въ С.-Петербургѣ, въ 1854 году; высшее образованіе получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, по историко-филологическому факультету. Окончивъ курсъ со степенью кандидата, В. К. былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, въ то же время состоялъ въ теченіе двухъ лѣтъ преподавателемъ древнихъ языковъ въ 5-й прогимназіи (нынѣ 7-я гимназія) и три года читалъ лекціи по греческой словесности въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ качествѣ преподавателя. Въ 1880 г. покойный защитилъ диссертацию, подъ заглавіемъ: «Объ основахъ текста Андокида, Исея, Диарха, Антифонта и Ликурга», и, получивъ степень магистра, былъ командированъ въ Грецію для изученія эпиграфическихъ и филологическихъ памятниковъ. По возвращеніи, онъ нѣкоторое время читалъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ лекціи въ качествѣ привать-доцента, а въ 1884 году былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ греческой словесности. Въ 1891 году В. К. получилъ степень доктора за диссертацию: «Порфиріевскіе отрывки изъ аттической комедіи», и назначенъ ординарнымъ профессоромъ. Съ того же года онъ состоялъ редакторомъ классическаго отдѣла «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» и секретаремъ классическаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества. Въ 1893 году В. К. былъ избранъ адъюнктомъ императорской академіи наукъ по историко-филологическому отдѣленію, а затѣмъ—экстраординарнымъ академикомъ по классической филологіи и археологіи. Въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» В. К. помѣстилъ между прочимъ слѣдующія статьи, напимѣрь: «Критическія замѣтки къ Светонію» (1876 г.), «Саламинская битва» (1882 г.), «Къ Ѳукидиду» и «Къ Электрѣ Эврипида». Кромѣ того, имъ составлено вмѣстѣ съ И. А. Вычковымъ описаніе рукописей порфиріевскаго собранія, помѣщенное въ «Отчетѣ Императорской Публичной бібліотеки» за 1883 годъ. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1902 г., № 188; «Московскія Вѣдомости», 1902 г., № 235).

ЗАБѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу библиографической замѣтки о Памятной книжкѣ Вятской губ. на 1902 годъ.

Въ июльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за настоящій годъ (стр. 284—285) помѣщена библиографическая замѣтка г. А. С—а о напечатанной въ «Памятной книжкѣ Вятской губерніи на 1902 годъ» трехсотлѣтней «Дозорной книжѣ Хлыновскаго Успенскаго монастыря 1601 года» и «Предисловіи» къ ней (стр. I—XXVII) А. В—на.

Не касаясь здѣсь нѣкоторыхъ обмолвокъ и незначительныхъ спорныхъ пунктовъ въ замѣткѣ г. А. С—а, не можемъ оставить безъ возраженія тѣхъ напраслинь, какія взводитъ г. А. С. на составителя «Предисловія» къ «Дозорной книжѣ».

Г. А. С. утверждаетъ, будто А. В—нъ (въ «Предисловіи» къ «Дозорной книжѣ») говоритъ о разстриженіи преп. Трифона Вятскаго и «приводитъ извѣстіе о ни съ чѣмъ несообразномъ розстригѣ преп. Трифона въ Москвѣ; хотя Трифонъ и былъ изгнанъ изъ своего монастыря, но игуменствовалъ въ другомъ, и о розстригѣ его не можетъ быть и рѣчи».

А. В—нъ въ «Предисловіи» къ «Дозорной книжѣ» дѣйствительно упоминаетъ о розстригѣ Отрепьевѣ, но говоритъ о разстриженіи преп. Трифона отнюдь не думалъ и не говоритъ ни слова. Вотъ что говорится въ «Предисловіи» (стр. XV) А. В—на: «Если бы собесѣдникомъ преп. Трифона въ Москвѣ былъ не Отрепьевъ, а настоящій царевичъ Димитрій, какъ полагаетъ А. С. Суворинъ, то Димитрій, по своему воцареніи, долженъ былъ бы оказать милости Трифону, который указалъ ему (по мнѣнію Суворина) средство укрыться отъ преслѣдованій Бориса подъ монашеской одеждой. Но царь Димитрій не только не оказалъ какой либо милости Трифону, а Трифонъ даже не получилъ отъ него подтвержденія жалованныхъ Трифону и его братіи грамотъ царей Грознаго и Теодора, подтвержденныхъ до Димитрія царемъ Борисомъ, а послѣ Димитрія Василіемъ Шуйскимъ. Мало того: самая важная жалованная грамота царя Теодора на Вятскія Поляны, по показанію преемника Трифона, архимандрита Юны, въ 1615 году, «у прежнего архимандрита у Трифона утерялась на Москвѣ при розстригѣ».

Кажется, ясно, что въ послѣднихъ строкахъ, здѣсь приведенныхъ, говорится о розстригѣ Отрепьевѣ, а не о розстригѣ (разстриженіи) Трифона: если

слова «при ростригѣ», слѣдую г. С—у, понимать здѣсь въ смыслѣ «разстриженія», то указаніе «Предисловія» на приведенную въ послѣднихъ строкахъ выдержку изъ показанія архимандрита Іоны было бы совершенно безцѣльно и неумѣстно, такъ какъ не подтверждало бы немилости къ Трифону царя Димитрія, что хотеть подтвердить выдержкой «Предисловіе».

«Безъ сомнѣнія,—говорить г. С.,—въ документѣ 1615 года извѣстную фразу нужно читать: «та грамота у прежнего архимарита Трифона утерялась при Ростригѣ на Москвѣ», а не «при ростригѣ», какъ напечатано издателемъ (въ Древнихъ Вятскихъ актахъ, стр. 111)», и какъ напечатано въ «Предисловіи» къ «Дозорной книгѣ 1601 г.». Итакъ, издатель «Дозорной книги» (онъ же и издатель Древнихъ Вятскихъ актовъ, изданныхъ въ 1880 году), по мнѣнію г. С—а, вдвойнѣ виноватъ въ томъ, что сначала въ «Древнихъ Вятскихъ актахъ», а потомъ въ «Предисловіи» къ «Дозорной книгѣ» напечаталъ неправильно «при ростригѣ», а не «при Ростригѣ», и тѣмъ приводитъ читателей къ мысли о разстриженіи прен. Трифона.

Издатель «Древнихъ Вятскихъ актовъ» и «Дозорной книги» руководился при своихъ изданіяхъ главнымъ образомъ правилами комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ и археографической комиссіи, которыми прежде всего отъ изданій требовалась «возможная вѣрность, точность и близость къ подлинникамъ». На этомъ основаніи въ Собраніи Г. Гр. и Д. печаталось «рострига», а не «Рострига» (т. II, с. 163, 296—298, 302—303, 306, 314, 317—318, 320—324, 341, 395, 403, 405, 444, 484, 503, 585). Равнымъ образомъ въ «Актахъ экспедиціи» и «Актахъ историческихъ», изданныхъ археографической комиссіей, тоже напечатано вездѣ «рострига», а не «Рострига» (А. Э., т. II, с. 78—79, 100, 107—109, 112, 114—115 пять разъ, 130—132, 144 пять разъ, 150, 153—155. А. И., т. II, 67, 68, 228, 240, 334 и др.). Въ издаваемой археографической комиссіей «Русской Исторической Библиотекѣ» въ памятникахъ смутнаго времени въ I томѣ находимъ тоже «рострига», а не «Рострига»; въ томѣ же XIII, въ первыхъ (I—IX) памятникахъ того же смутнаго времени, печатанныхъ подъ смотрѣніемъ академика К. Н. Бестужева-Рюмина, вездѣ встрѣчаемъ «рострига»; только въ послѣдующихъ памятникахъ, печатанныхъ подъ смотрѣніемъ А. Θ. Бычкова, встрѣчается весьма нерѣдко «Рострига», но и тутъ на одной и той же страницѣ находимъ нерѣдко «Рострига» и «рострига» (с. 495, 581, 641—643, 656, 917, 936—937 и др.). Насколько строго исполняется требованіе близости къ подлинникамъ новѣйшими издателями древнихъ письменныхъ памятниконъ, можно видѣть, напримѣръ, въ «Материалахъ для русской исторіи» С. А. Вѣлюкова, или въ напечатанныхъ Н. Н. Дебольскимъ въ издаваемомъ археологическомъ институтомъ «Вѣстникѣ археологіи и исторіи» (вып. XIII) грамотахъ Кирилло-Вѣлозерскаго монастыря, гдѣ неизмѣнно и постоянно читаемъ: «богородици», «чудотворца кирила», «игумень триеонъ» и т. п.

Въ подлинной грамотѣ 1615 года, въ которой находится показаніе архимандрита Іоны, и которая хранится въ Московскомъ архивѣ мнистерства юстиціи, а также въ ея старинныхъ спискахъ, хранящихся въ мѣстныхъ архи-

вахъ, конечно, написано: «та грамота у прежнего архимарита у Трифона утерялась при ростригѣ», а не «при Ростригѣ»

Требованіе г. С—а о «Ростригѣ» представляется поэтому необоснованнымъ и произвольнымъ. Если бы кто нибудь вмѣсто словъ «Грышка рострыга», которыя находятся въ подлинныхъ грамотахъ короля Сигизмунда III и гетмана Жолкевскаго (Собр. Г. Гр. и Д., II, 395, 397, 503), напечаталъ въ своемъ изданіи «Гришка Рострига», то, думаемъ, самъ г. С. призналъ бы такое изданіе неисправнымъ. Самое толкованіе г. С—мъ словъ архимандрита Іоны «при ростригѣ» (въ смыслѣ «при разстриженіи») было для издателя «Древнихъ Вятскихъ актовъ» даже неожиданнымъ, во-первыхъ, потому, что Іоной не сказано: «грамота у архимарита Трифона утерялась при его ростригѣ», а сказано просто «при ростригѣ»; во-вторыхъ, потому, что доселѣ ни въ какихъ письменныхъ памятникахъ первой половины XVII вѣка издателю «Древнихъ Вятскихъ актовъ» не приходилось встрѣчать ни одного мѣста, гдѣ бы выраженіе «при ростригѣ» обозначало «при разстриженіи». Умѣстно поэтому просить г. С—а, чтобы онъ указалъ хотя одно-два мѣста, гдѣ бы въ указанныхъ памятникахъ слова «при ростригѣ» значили «при разстриженіи». Просить объ этомъ приходится тѣмъ усерднѣе, что въ этихъ памятникахъ встрѣчаются обыкновенно выраженія: «въ смутѣ, въ роспросѣ, на пыткѣ», а не «при смутѣ, при допросѣ, при пыткѣ»; почему и ожидать слѣдовало бы выраженія «на ростригѣ», а не «при ростригѣ».

Въ своей замѣткѣ г. С. пишетъ затѣмъ, что издатель «Дозорной книги» (въ предисловіи къ ней) ставитъ дозоръ Хлыновскаго монастыря 1601 года «въ связи съ московскимъ боярскимъ розыскомъ того же года, направленнымъ въ сторону первыхъ слуховъ о царевичѣ Димитріи», что у А. В—на «дозоръ монастыря является собственно розыскомъ о лицахъ монастыря и бумагахъ его игумена». Г. С. «рѣшительно высказывается противъ такого сопоставленія событій» и заключаетъ, что «поводъ къ дозору монастыря пока не можетъ считаться определеннымъ». Съ рѣшительностію о поводѣ къ дозору не говорится и въ «Предисловіи» къ «Дозорной книгѣ», и авторъ «Предисловія» также считаетъ поводъ къ дозору пока еще не совсѣмъ «определеннымъ» и выясненнымъ. Издатель «Дозорной книги» считалъ своею обязанностію въ «Предисловіи» къ ней выяснитъ по возможности, кѣмъ, по какой причинѣ или поводу, при какихъ обстоятельствахъ составленъ издаваемый имъ письменный памятникъ, какое онъ имѣетъ значеніе, и при этомъ обратилъ вниманіе на обстоятельства, неизвѣстныя доселѣ изслѣдователямъ смутнаго времени, а именно: а) на то, что дозоръ монастыря въ 1601 году былъ правительственною мѣрою экстраординарною, неожиданною въ Хлыновѣ послѣ недавняго дозора Овцына, что самъ царь Борисъ только за три мѣсяца до дозора далъ Хлыновскому монастырю милостивую проѣзжую грамоту; б) на то, что дозорщикъ Рязанцевъ, начальный въ то время челоуѣкъ въ Хлыновѣ, предъ самымъ дозоромъ приложилъ въ монастырь очень цѣнную пожню, стало быть, находился въ добрыхъ отношеніяхъ къ архимандриту монастыря Трифону, а между тѣмъ оказался весьма враждебнымъ къ Трифону во время дозора; в) на то, что до-

зорщикъ нашель почему-то неудобнымъ въ началѣ своей «Дозорной книги» привести указную грамоту Бориса о дозорѣ и ни слова не сказалъ о поводѣ къ дозору, какъ дѣлали обыкновенно другіе дозорщики; г) обратилъ вниманіе на отъѣздъ изъ монастыря Трифона во время самого дозора (неизвѣстно пока—вольный или невольный); д) на неоднократныя и почти тождественныя упоминанія въ первоисточникахъ — письменныхъ памятникахъ первой четверти XVII вѣка, о поступленіи въ монахи Григорія Отрепьева въ 14-лѣтнемъ возрастѣ по совѣту Трифона, написанныя съ явнымъ умысломъ свалить на Трифона вину преждевременнаго поступленія въ монашество Отрепьева; е) на знакомство Трифона съ подозрѣваемыми Борисомъ боярами и московскими воротилами-дьяками Щелкаловыми и Смирнымъ-Васильевымъ, котораго потомъ Борисъ замучилъ на правехѣ за уищженіе чудовскаго утеклеца Гришки, а также на необыкновенно-милостивое расположеніе къ Трифону боярина И. М. Вортынскаго, близкаго къ подозрѣваемымъ Борисомъ боярамъ; ж) наконецъ на поразительную одновременность дозора 1601 года въ монастырѣ Трифона съ московскимъ розыскомъ Бориса надъ боярами, по поводу появившихся, особенно въ Чудовѣ монастырѣ, толковъ и слуховъ о живомъ царевичѣ Димитріи. Послѣ всѣхъ такихъ указаній, издателю «Дозорной книги», кажется, можно было высказать заключеніе о возможной связи между московскимъ розыскомъ и хлыновскимъ дозоромъ, о томъ, что Борису надо было дознать, нѣтъ ли чудовскаго утеклеца Отрепьева въ Хлыновскомъ монастырѣ у Трифона, да и у настроившаго въ монахи утеклеца—самого Трифона нѣтъ ли близкаго знакомства, близкихъ связей съ московскими подозрѣваемыми боярами, вообще нѣтъ ли тутъ въ Хлыновскомъ монастырѣ и у архимандрита его въ кельѣ какихъ нибудь нитей къ разъясненію дѣла, а для этого Борису могла прийти и мысль, не производя шума и переполоха, добыть нужныя ему свѣдѣнія чрезъ ловкаго мѣстнаго городского приказчика при порученномъ послѣднемъ монастырскомъ дозорѣ. Но такого заключенія издатель «Дозорной книги» не выдаетъ за рѣшительное и высказываетъ въ «Предисловіи» (с. XVII) съ осторожностію, «до обстоятельнаго рѣшенія вопроса, детальная разработка котораго требуетъ болѣе подробнаго изслѣдованія».

Приписывая автору «Предисловія» къ «Дозорной книгѣ» какія-то рѣчи о бумагахъ преп. Трифона, г. С. спрашиваетъ: «какія это могли быть подозрительныя бумаги въ кельѣ Трифона?» Ни о какихъ бумагахъ, подозрительныхъ или ненаподозрительныхъ, въ кельѣ Трифона въ «Предисловіи» не говорится: тамъ нѣтъ и слова «бумаги». Говорится только на основаніи самой «Дозорной книги» (с. 15—17, 34—35), что дозорщикъ производилъ дозоръ въ духѣ враждебномъ преп. Трифону, какъ будто искалъ чего-то подозрительнаго, подозрительно отвеся даже къ иконѣ, на которой изображенъ былъ, вѣроятно, въ молитвенномъ положеніи, преп. Трифонъ.

Что касается спеціальнаго слѣдователя, которому (а не городовому приказчику) царь Борисъ, по мнѣнію г. С.—а, поручилъ бы слѣдствіе въ Хлыновѣ по поводу утеклеца Гришки, то тутъ мы съ г. С.—мъ вступаемъ въ область предположеній, которыя сами по себѣ, необоснованныя, едва ли по-

могутъ разъясненію дѣла. Чтобы добыть нужныя ему свѣдѣнія изъ Хлынова объ утеклецѣ и его знакомцѣ Трифонѣ (а не поднимать, конечно, шумное слѣдствіе), Борисъ, разумѣется, могъ распорядиться и такъ или иначе могъ поручить дѣло городовому приказчику секретнымъ указомъ или словеснымъ наказомъ чрезъ вѣрнаго гонца, допустимъ по предположенію г. С—а, послать особое довѣренное лицо для розыска; но послѣднее представляется менѣе вѣроятнымъ. Вѣдь не могло же «хитростройному» Борису не прійти на мысль, что, пошли онъ въ Хлыновъ особаго сыщика, «пронюхали» бы о немъ бояре и, пожалуй, упрятали бы утеклеца и все подозрительное въ Хлыновѣ еще до пріѣзда сыщика; да и сыщику за нужными Борису свѣдѣніями въ Хлыновѣ пришлось бы обращаться прежде всего къ вѣдавшему уже давно и отлично знавшему хлыновскія дѣла городовому приказчику. Между тѣмъ подъ видомъ ўказа о хозяйственномъ дозорѣ въ монастырѣ Борису легче было охранить отъ всякаго пронюхиванія свои настоящія, тайныя, распоряженія объ утеклецѣ и доставленіи касающихся послѣдняго и его покровителей свѣдѣній. Главное—какая-то связь между московскимъ сыскомъ надъ боярами и хлыновскимъ дозоромъ 1601 года, пока не ясная, представляется возможною, и высказываться противъ нея рѣшительно, какъ дѣлаетъ г. С., пока преждевременно.

Въ библиографической замѣткѣ г. С—а встрѣчается еще фраза о хлыновскомъ игуменѣ Трифонѣ, «совершившемъ надъ Отрепьевымъ постриженіе», и эта фраза о постриженіи Отрепьева преп. Трифономъ приписывается автору «Предисловія» къ «Дозорной книгѣ». Между тѣмъ «Предисловіе» (стр. VIII—XIII), на основаніи показаній первоисточниковъ, именно и старается доказать, что постриженія-то Отрепьева преп. Трифономъ и не было, что постриженіе это рукой Трифона—домысль позднѣйшихъ писателей. А. В—въ.

II.

О царицѣ Агаѣѣ Грушецкой.

Въ статьѣ П. А. Матвѣева: «Ссылка боярина Матвѣева» (1902 г. сентябрь, стр. 812), между прочимъ, замѣчается: «кто была царица Агаѣя Семеновна Грушецкая, мы обстоятельно не знаемъ», а передъ этимъ сказано, что и у Соловьева о первомъ бракѣ царя Теодора сообщается какъ-то вскользь и не дается никакихъ свѣдѣній о личности и происхожденіи супруги царя Теодора.

Личностью Грушецкой я самъ одно время интересовался, и статья г. Матвѣева побудила меня сообщить здѣсь результаты моихъ поисковъ относительно супруги Теодора, въ надеждѣ, что ктонибудь доведетъ до конца то, чего не довель я.

Случайно я узналъ, что одна дама, проѣзжая черезъ Смоленскъ, всегда считаетъ долгомъ, по ея словамъ, зайти въ Смоленскій соборъ помолиться, такъ какъ, между прочимъ, въ постройкѣ этого собора принималъ дѣятельное

участіе, вмѣстѣ съ смоленскимъ митрополитомъ Симеономъ, и одинъ изъ ея предковъ — царица Агаѣя Семеновна Грушецкая. На мою письменную просьбу сообщить всевозможныя свѣдѣнія и семейныя преданія о Грушецкой, дама эта, сказавшаяся женой юрисконсульта Риго-Орловской желѣзной дороги, Ольгой Васильевной Александровой, урожденной Грушецкой¹⁾, отвѣчала, что она ничего по этому вопросу не знаетъ, кромѣ того только, что происходитъ изъ рода Грушецкихъ, и съ дѣтства помнитъ, что ея родные очень гордились и занимались своимъ родомъ. За свѣдѣніями о немъ она и отослала меня къ этимъ роднымъ, тульскимъ помѣщикамъ, а именно къ своему дядѣ, Дмитрію Александровичу Грушецкому, интересующемуся исторіей своего рода (его адресъ: Тула, окружный судъ); двоюроднымъ братьямъ — полковнику Александру Феодоровичу Грушецкому (Тамбовъ, имѣніе г-жи Коноплиной) и Николаю Феодоровичу Грушецкому (городъ Задонскъ, или ж. д. ст. Донъ). Кромѣ того, г-жа Александра сообщаетъ, что существуетъ польская линія этого рода, изъ которой происходитъ извѣстный польскій писатель Артуръ Грушецкій, и что гербомъ Грушецкихъ былъ голубой щитъ съ подковой и 3-мя звѣздами, увѣнчанный короной. Подлинная грамота рода Грушецкихъ находится въ Московскомъ депутатскомъ собраніи.

Послѣ того, какъ на свое письмо въ Тулу, съ просьбой сообщить свѣдѣнія о родѣ Грушецкихъ, я не получилъ отвѣта, я не писалъ уже больше никому изъ Грушецкихъ, тѣмъ болѣе, что на необходимые поиски у меня нѣтъ ни времени, ни средствъ, а невозможность слѣдить за всею историческою литературой отнимала увѣренность, что личность Грушецкой никѣмъ еще не описана.

Заключая изъ словъ г. Матвѣева, что дѣйствительно о царицѣ Агаѣѣ имѣется свѣдѣній не больше того, что сообщено у Соловьева, я думаю, что поиски по начатому мною пути могутъ привести къ успѣшнымъ результатамъ. Для имѣющихъ желаніе и возможность продолжать эти поиски я и счелъ нужнымъ сообщить вышеприведенныя данныя, любезно указанныя мнѣ г-жею Александровою.

И. Орловскій.

III.

По поводу рецензій г. Мальмгрена.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (за августъ мѣсяцъ с. г.), помѣщенъ отзывъ о моей работѣ «Врачи Курляндіи 1825—1900 г.» г. А. Мальмгрена. Исполненный глубокой благодарности къ уважаемому автору отзыва за оказанное вниманіе къ моему скромному труду, въ особенности за выраженное въ заключеніи пожеланіе моей «во всякомъ случаѣ полезной книжкѣ широкаго распространенія», я, однако, долженъ обратить вниманіе уважаемаго рецензента на нѣкоторыя неточности въ его рецензій. Неточности эти слѣдующія. Въ моей

¹⁾ Адреса ея я такъ и не узналъ.

книгѣ указаны только и исключительно врачи, практиковавшіе или практикующіе въ Курляндіи, о чемъ упомянуто и въ моемъ предисловіи, а не и родившіеся въ Курляндіи врачи, какъ думаетъ г. рецензентъ. Далѣе, изъ того обстоятельства, что я на 1000 разосланныхъ писемъ получилъ только около 500 отвѣтовъ съ требуемыми данными, г. Мальмгренъ выводитъ заключеніе, что значительная часть врачей мнѣ не доставила своихъ біографическихъ свѣдѣній, вслѣдствіе чего біографическій словарь вышелъ не полнымъ; поэтому г. Мальмгренъ выражаетъ желаніе, чтобы при второмъ изданіи моей книги врачи, не доставившіе свѣдѣній, сдѣлали это дополнительно. Очевидно, мнѣніе г. рецензента основано на недоразумѣніи, такъ какъ мой біографическій словарь курляндскихъ врачей въ дѣйствительности отличается невозможнѣйшей полнотой. Изъ 170 въ настоящее время (1900 года) практикующихъ въ Курляндіи врачей недостаетъ ни одного въ моемъ словарѣ. Что касается прежде практиковавшихъ врачей, то я съ спокойной совѣстью могу сказать, что всѣ необходимыя свѣдѣнія о нихъ, иногда по отдаленнѣйшимъ источникамъ, были мною собраны, для каковой цѣли мнѣ и пришлось разослать такое сравнительно большое количество писемъ.

Затѣмъ г. Мальмгренъ говоритъ, что въ біографіяхъ «нѣкоторыхъ» врачей я помѣстилъ и перечень литературныхъ трудовъ. Полагаю, что если изъ 582 врачей, отмѣченныхъ въ моемъ словарѣ, приведены литературные труды 200 врачей, то такое число, какъ 200, врядъ ли можно обозначить словомъ «нѣкоторые». О трудахъ же врачей, указанныхъ въ словарѣ Recke & Napiersky, я сдѣлалъ ссылку на этотъ словарь. Я привелъ названіе всѣхъ тѣхъ печатныхъ трудовъ, о которыхъ мнѣ сообщали товарищи сами. Остальные 382 врача, по всей вѣроятности, литературныхъ трудовъ не опубликовали. Въ заключеніи почитаю пріятнымъ своимъ долгомъ еще разъ выразить г. Мальмгрену мою признательность за его отзывъ.

Д-ръ мед. И. Вренсонъ.

IV.

Отвѣтъ И. С. Бѣляеву.

Въ отвѣтъ на замѣчанія И. С. Бѣляева о двухъ Переславскихъ упраздненныхъ Борисоглѣбскихъ монастыряхъ надобно сказать рѣшительно и безповоротно, что въ Переславлѣ было два Борисоглѣбскихъ монастыря, а не одинъ, хотя въ документахъ XVII столѣтія они не описываются одновременно. Они, согласно съ документами, дѣйствительно находились слишкомъ недалеко другъ отъ друга: Борисоглѣбскій патріаршій на горѣ—близъ города, а Борисоглѣбскій на пескѣ—въ городѣ. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ: на мѣстѣ Борисоглѣбскаго патріаршаго монастыря на горѣ устроено, по упраздненіи монастыря, Борисоглѣбское городское кладбище, отстоящее отъ города не далѣе $1\frac{1}{4}$ версты; а на мѣстѣ Борисоглѣбскаго на пескѣ стоитъ приходская

Борисоглѣбская церковь — въ самомъ городѣ. Оба монастыря упразднены въ 1764 году.

Что же касается наименованія г. Бѣляевымъ Переславскаго озера «Плещеевымъ» отъ фамиліи гг. Плещеевыхъ, которые владѣли помѣстьями у Переславскаго озера, то съ мнѣніемъ его согласиться нельзя.

Мало ли было старинныхъ помѣстьевъ вблизи Переславскаго озера другихъ государственныхъ лицъ (напримѣръ, кн. Барятинскихъ, Челяднинныхъ, Пожарскихъ и др.), и почему это честь названія озера приписана только Плещеевымъ? Да этого и не могло быть. Переславское озеро всегда было во владѣніи великихъ князей, ихъ собственностью, находилось въ вѣдомствѣ столычича пути... «А кто иметь рыбу ловити на моемъ озерѣ, на Переславскомъ, пишется въ грамотѣ великаго князя Василя Ивановича (1506 г.) воеводамъ... и тѣ всѣ потянутъ въ мою поварню великаго князя съ моими рыболови во всякія проторы»¹⁾. Можно ли допустить, чтобы Плещеевы или вмѣсто нихъ кто нибудь другой осмѣлились прозвать озеро, принадлежащее великому князю, ихъ именемъ? Притомъ родъ Плещеевыхъ извѣстенъ сталъ въ Москвѣ только съ XIV вѣка²⁾; а озеро Клецино (по моему соображенію съ послѣдующими названіями Плещино) было извѣстно съ основанія города Переславля въ 1152 году³⁾, когда о Плещеевыхъ и помину не было въ лѣтописяхъ. Итакъ, я твердо держусь того мнѣнія которое высказано мною въ юльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

Протоіерей А. Свирѣлинъ.

¹⁾ См. мою статью о Переславскомъ озерѣ въ архивѣ Н. Калачова, кн. 5, 1863 г. Нынѣ озеро находится въ Удѣльномъ вѣдомствѣ.

²⁾ См. Энциклоп. сл. Брокгауза.

³⁾ Карамзинъ, т. II, прим. 376 и 377.

ство. Вы не знаете, въ чемъ меня будутъ обвинять; это извѣстно только одному Богу. Я окруженъ врагами. Исключая васъ, у меня нѣтъ ни одного преданнаго друга въ цѣлой бригадѣ. Нигдѣ нѣтъ столько зависти, измѣны и предательства, какъ въ военной жизни. Вы—военный по патриотизму, а я—по профессіи.

Постоянно слышались въ лагерѣ жалобы на то, что Макъ-Клелланъ медлилъ взыскать съ побѣжденнаго и опозореннаго генерала. Наконецъ въ Пулэсвиллѣ прискакалъ майоръ Эндикотъ.

— Моя обязанность, генераль,—сказалъ онъ со смѣхомъ:—заключается въ томъ, чтобы передать вамъ офиціальное личное приказаніе.

Очевидно, онъ такъ выразился потому, что его слышали около дюжины офицеровъ.

— Хорошо, майоръ,—отвѣчалъ Рованъ и тотчасъ написалъ квитанцію въ полученіи приказа Макъ-Клеллана.

Потомъ онъ прочиталъ инструкцію, въ которой ему запрещалось покидать лагерь, посѣщать Вашингтонъ, предпринимать какія либо военныя операціи, за исключеніемъ защиты Потомака, и то по личному разрѣшенію главнокомандующаго. Инструкція кончалась словами. «Вы тотчасъ пришлете въ главную квартиру копии всѣхъ бумагъ и приказовъ, касающихся до недавняго печальнаго дѣла при Больсѣ-Блуффѣ».

Когда наконецъ Рованъ и Эндикотъ остались въ генеральской палаткѣ, то первый воскликнулъ:

— Говорите, Гью, что такое случилось?

— Я, право, не знаю, съ чего начать, Рованъ,—сказалъ его другъ съ необыкновеннымъ сожалѣніемъ.—Во-первыхъ, я долженъ узнать, что произошло между вами и генераломъ Макъ-Клелланомъ. Возвратившись въ Вашингтонъ, въ моемъ присутствіи, онъ приказалъ Кольбурну не выдавать никакихъ копій съ бумагъ, посланныхъ вамъ отъ 10-го декабря до настоящаго времени, запечатать ихъ въ отдѣльную пачку и вручить ему. Во-вторыхъ, онъ приказалъ Мансфильду, Гейнцу Леману, Гунтеру и Оперу быть готовыми каждую минуту смѣнить васъ. И, въ-третьихъ, онъ распорядился, чтобы никакая бумага или приказанія не были посылаемы къ вамъ безъ его помѣты. Что же касается до вашихъ донесеній, то ихъ всѣ слѣдовало тотчасъ собрать и принести къ нему.

— Что же они строятъ мнѣ гильотину?—спросилъ Рованъ.

— Я рѣшительно не понимаю, что произошло съ Макъ-Клелланомъ,—печально произнесъ Эндикотъ:—онъ уважалъ васъ и до-вѣрялъ вамъ.

— Forse sageure,—спокойно отвѣчалъ Рованъ:—я ему сказалъ, что Бэкеръ безумно ослушался моихъ первыхъ письменныхъ приказаній. Потомъ второе мое предписаніе, переданное ему полковникомъ Когсвеллемъ, было имъ спрятано нераспечатаннымъ въ

фуражку. Я, наконецъ, сказалъ Макъ-Клеллану, что мнѣ извѣстно было назначеніе Бэкера генераль-майоромъ и храненіе имъ этого патента въ своемъ карманѣ. Эта бумага была украдена послѣ его смерти, и я знаю, кто ее укралъ, а также, гдѣ она находится.

— Боже мой!—воскликнулъ Эндикотъ:—такъ, значить, Бэкеръ игралъ роль полковника, когда онъ въ сущности былъ генераль-майоромъ.

— Да,—смѣло отвѣчалъ Рованъ,—и если бы онъ не обезумѣлъ отъ честолюбія и не запутался въ интригахъ въ Вашингтонѣ, то полковникъ Дэвенсъ ретировался бы въ полномъ порядкѣ. Эти войска находились на самомъ краю высотъ и могли бы отступить на Гаррисоновскій островъ подъ прикрытіемъ моихъ тяжелыхъ орудій. А если бы Макъ-Колль и Горманъ исполнили мои приказанія, то они окружили бы бригаду Эванса. Лисбургъ былъ бы оставленъ безъ всякаго прикрытія намъ въ добычу. Но Бэкеръ безумно повелъ впередъ своихъ людей и предоставилъ ихъ ужасной рѣзнѣ. Онъ, право, поступилъ, какъ сумасшедшій. Дѣло въ томъ, что Бэкеръ привезъ съ собою планъ всѣхъ дѣйствій на Виргинскомъ берегу, выработанный словесно въ Вашингтонѣ.

— Да, это такъ и было!—произнесъ Эндикотъ.

— Кромѣ того, я достала два письма, найденныя на тѣлѣ Бэкера,—отвѣчалъ Рованъ:—гдѣ они теперь, никто никогда не узнаетъ. Но я сказалъ генералу Макъ-Клеллану, что приказалъ упрямому Бэкеру въ 11 ч. 50 мин., прежде чѣмъ былъ убитъ одинъ солдатъ, остерегаться ловушки. Я объяснилъ ему, что впереди него было четыре тысячи враговъ. Я просилъ его избѣгнуть ихъ и избрать себѣ сильную позицію близъ Лисбурга и тамъ безопасно остановиться. Я предписалъ ему, какъ можно чаще мнѣ рапортовать. Онъ четыре часа въ открытомъ полѣ выдерживалъ смертельное сраженіе и ни разу меня не увѣдомлялъ. Онъ считалъ себя генераль-майоромъ и слѣдовательно находилъ не нужнымъ меня увѣдомлять. Онъ погубилъ цѣлую бригаду. Во всякой другой арміи онъ былъ бы растрѣлянъ за инсубординацію и неисполненіе письменныхъ приказаній своего начальника.

— Ужасно,—промолвилъ Эндикотъ:—что же на это сказалъ Макъ-Клелланъ?

— Что онъ будетъ меня твердо поддерживать и сохранить меня бригаднымъ начальникомъ,—мрачно отвѣчалъ Рованъ.

— Да, пока ударъ падетъ на васъ!—воскликнулъ Эндикотъ, схвативъ Рована за обѣ руки.—Выслушайте меня. Можетъ быть, это будетъ чрезъ недѣлю или чрезъ три мѣсяца, но васъ непременно арестуютъ и лишатъ команды. Приготовьтесь къ самому худшему. Спрячьте въ надежныя руки всѣ ваши бумаги, опасайтесь вашего штаба и запечатайте ваши уста. У васъ надежные слуги?

— Да, хорошіе, надежные негры, которыхъ мнѣ рекомендовала г-жа Дюваль, какъ извѣстныхъ ей людей уже нѣсколько лѣтъ, — безопасно отвѣчалъ Рованъ.

— Сумасшедшій! — воскликнулъ Эндикотъ, вскочивъ съ мѣста, какъ ужаленный. — Выслушайте меня. Вчера меня послалъ къ Дювалямъ Сьюардъ, по рекомендаціи генерала Макъ-Клееллана, какъ офицера съ необыкновеннымъ тактомъ. Горацій былъ въ клубѣ, и слѣдовательно я съ удовольствіемъ увидѣлся наединѣ съ обворожительной Полиной. Я убѣдилъ ее не подвергать себя позорному изгнанію, а добровольно взять отъ министра Сьюарда паспортъ и свободный пропускъ для нея, членовъ ея семейства и слугъ.

— А мой другъ, Горацій? — спросилъ съ безпокойствомъ генераль.

— За нимъ тотчасъ послали въ клубъ, и онъ объявилъ желаніе остаться въ Вашингтонѣ. Что касается г-жи Полины, то она отправилась со всей своей свитой въ Саванну. Ея прелестная племянница уѣхала на Бермудскіе острова съ мужемъ, который недавно раненъ таинственнымъ образомъ какимъ-то пьянымъ негромъ. Когда Горацій ушелъ по дѣламъ, то г-жа Дюваль вышла изъ себя отъ негодованія и выразила самое нелестное мнѣніе о Сьюардѣ. По ея словамъ, она помогла южанамъ одержать Буллъ-Рунскую побѣду и предсказала, что слѣдующую весну генераль Ли сдѣлаетъ парадъ своимъ войскамъ въ Пенсильванской аллеѣ. «И я буду присутствовать на немъ, — прибавила она (съ улыбкой: — *on revient toujours*)... Она осыпала меня любезностями, угостила шампанскимъ и льстиво разсыпалась предо мною. Бѣдный старикъ Дюваль! Онъ едва слышно промолвилъ: «Да поможетъ Богъ Ровану, его положеніе очень плохо». Признаюсь, генераль, вы были очень легкомысленны. Вы, одинъ изъ американскихъ офицеровъ, присутствовали при свадьбѣ племянницы Полины. Я знаю, что ваша дочь взята изъ этой компаніи, но скажите мнѣ: вѣдь никто изъ нихъ не бывалъ здѣсь?

— Никто, исключая Макъ-Крери и его жены, — печально произнесъ Рованъ. — Они привезли мою бѣдную Адель, чтобы проститься со мною наканунѣ сраженія.

— Хуже и хуже! — промолвилъ Эндикотъ въ отчаяніи.

Послѣ ужина друзья продолжали свой разговоръ, подробно объясняя битву шагъ за шагомъ.

— Зачѣмъ меня удержали на Мэриландскомъ берегу, когда вся моя бригада была въ бою? — спросилъ Рованъ. — Зачѣмъ Бэкеръ обрѣзалъ со мною всякія сношенія, очутившись на Виргинскомъ берегу?

Эндикотъ покачалъ головой.

— Карроль Рованъ, — сказалъ онъ: — я сдѣлалъ для васъ то, чего не дѣлалъ ни для кого на свѣтѣ. Вотъ три копіи прика-

заній, посланныхъ вамъ адъютантомъ Макъ-Клеллана, Кольбурномъ. Самъ Бэкеръ продиктовалъ ихъ ему. На вопросъ Кольбурна: «по какому авторитету?»—онъ отвѣчалъ съ улыбкой: «по авторитету Макъ-Клеллана и Бѣлаго Дома». Теперь я слышалъ, что Макъ-Клелланъ сказалъ: «Запечатать всю переписку генерала Рована, какъ официальную, такъ и личную». Вы никогда не увидите оригиналовъ этихъ приказаній, но вы можете смутить вашихъ враговъ, показавъ копии. Конечно, вы спишите ихъ такъ, чтобы исчезъ мой почеркъ. Спросите у Кольбурна его записную книгу, прежде чѣмъ вы покажете эти копии. Когда я уѣду завтра, то возьму все, что угодно, и тайно помѣщу, гдѣ вы укажете.

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ Рованъ:—вы обратитесь въ банкъ Рикса; это единственное сохранное мѣсто въ Америкѣ. Иностранныя посольства тамъ сохраняютъ всѣ свои бумаги.

— Вы мнѣ все сказали,—произнесъ Эндикотъ:—теперь я вамъ сообщу еще худшее. Васъ сдѣлали жертвой чужого самолюбія, личной измѣны и военной ошибки. Въ Вашингтонѣ и Ричмондѣ обсуждаютъ Больсъ-Блуфское пораженіе съ самыми мелкими подробностями. Южане прямо говорятъ, что они имѣютъ въ рядахъ сѣверянъ преданнаго друга генерала.

— Они это говорятъ!—воскликнулъ внѣ себя Рованъ.

— Они говорятъ, что планъ вашего нападенія на Больсъ-Блуфъ былъ извѣстенъ въ Лисбургѣ прежде, чѣмъ вы переправили чрезъ рѣку свою первую роту, и что ваши инструкціи Дэвенсу и Ли обсуждались за утреннимъ завтракомъ у генерала Эванса.

— Такъ меня называютъ измѣнникомъ?—промолвилъ Рованъ.

— Да поможетъ вамъ Господь Богъ!—сказалъ Эндикотъ.—Я не знаю, что отыщеть въ Ричмондѣ дюжина шпионовъ, но говорятъ, что существуетъ копія вашихъ инструкцій, и потому васъ назовутъ новымъ Бенедиктомъ Арнольдомъ, если вы не докажете, что это подлогъ.

— Это говорятъ?—повторилъ Рованъ, обезумѣвъ отъ отчаянія.

— Эта копія съ вашей инструкціи писана вашей же рукой,—шепотомъ произнесъ Эндикотъ:—если это справедливо, то вы всю жизнь проведете въ кандалахъ.

— Всѣ сошли съ ума!—воскликнулъ Рованъ:—вотъ моя записная книжка. У Дэвенса—одна копія, у Ли—другая, у меня—оригиналъ. Ихъ только было три экземпляра; оригиналъ запертъ въ желѣзномъ сундукѣ.

Майоръ Эндикотъ взялъ памятную книжку и старательно ее осматрѣлъ.

— Рованъ, здѣсь не достаетъ листа!—воскликнулъ онъ блѣдный, какъ полотно.—Посмотрите, вы сказали, что было всего три экземпляра. Вашъ оригиналъ № 297, положимъ, копія Дэвенса № 298, копія Ли № 299. Въ книгѣ недостаетъ страницы 300. Она

вырвана. Слѣдующая страница 301. Вы болѣе не писали въ этой книгѣ?

— Боже мой!—воскликнулъ Карроль Рованъ, вскочивъ съ кресла, но въ ту же минуту зашатался и упалъ безъ чувствъ на полъ.

Эндикотъ поднялъ его и снесъ на постель. Потомъ онъ вернулся, спряталъ записную книжку въ желѣзный сундукъ, заперъ его и положилъ ключъ къ себѣ въ карманъ.

Чрезъ полчаса Рованъ очнулся и сказалъ едва слышнымъ голосомъ:

— Оставьте меня, Эндикотъ. Осборнъ васъ пріютитъ на ночь. Я долженъ заснуть, или я сойду съ ума. Придите ко мнѣ завтра утромъ.

Выходя изъ палатки генерала, Эндикотъ шепотомъ пробормоталъ:

— Онъ—или дуракъ, или измѣнникъ, или жертва, или предатель. Во всякомъ случаѣ онъ погубилъ себя навсегда. Или онъ любилъ Полину Дюваль? *Sic transit gloria mundi!* Его звѣзда навсегда померкла.

На другое утро, на разсвѣтѣ, майоръ Эндикотъ вошелъ въ палатку своего друга.

— Вотъ пакетъ запечатанныхъ бумагъ, — сказалъ Рованъ съ блѣднымъ лицомъ:—положите ихъ въ банкъ Рикса. Возьмите квитанцію и передайте Осборну, когда онъ пріѣдетъ отсюда. Я рѣшительно не знаю, какая судьба меня ждетъ.

Эндикотъ поспѣшилъ влѣти изъ палатки и поѣхалъ съ Осборномъ на станцію. Эти два человѣка были единственными друзьями Рована, и они по дорогѣ составили планъ дѣйствія для спасенія несчастнаго. Въ послѣдующія восемь недѣль результатъ его обнаружился.

Возвратившись со станціи въ лагерь, Осборнъ рассчиталъ слугъ Рована и отправилъ ихъ въ Вашингтонъ со слѣдующимъ поѣздомъ.

— Ваша госпожа уѣзжаетъ на югъ,—объяснилъ онъ причину этого неожиданнаго отъѣзда:—вы должны сейчасъ покинуть лагерь, только солдаты могутъ въ немъ оставаться.

Узнавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что генералъ былъ боленъ, слуги не сопротивлялись и охотно уѣхали.

Двое старыхъ солдатъ замѣнили ихъ у Рована, а предъ палаткой былъ поставленъ караулъ изъ 10 человѣкъ.

Осборнъ помѣстилъ свою походную кровать въ палаткѣ генерала, а рядомъ съ ней устроился его братъ, молодой поручикъ.

— Одинъ изъ насъ будетъ всегда при немъ,—промолвилъ адъютантъ, убѣдившій уже Рована назначить старшаго полковника временнымъ начальникомъ лагеря.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней всѣ замѣтили, что въ немъ произошла таинственная перемѣна. Безмолвный, пристально смотрявшій всѣмъ въ глаза, онъ невольно побуждалъ всѣхъ трепетать. Увы!

слишкомъ поздно, ровно на мѣсяць позже, преданный Осборнъ взялся зорко слѣдить за нимъ.

Генераль Рованъ былъ очень радъ, что тайнственно раненый Макъ-Крери и слишкомъ прелестная Полина не писали ему. Ихъ глубокое сожалѣніе обо всемъ совершившемся выразилось въ богатыхъ подаркахъ маленькой Адели. Полина осыпала ее брильянтами, а Макъ-Крери внесъ на ея имя въ Филадельфійскій банкъ 5.000 долларовъ.

По этому случаю онъ написалъ нѣсколько словъ Ровану, который понялъ, что въ немъ проснулось сожалѣніе:

«Въ память вашего гостепріимства я позволяю себѣ, уѣзжая, оставить ребенку Мэри Рованъ это маленькое приношеніе».

— Онъ ѣдетъ на югъ,—промолвилъ про себя Рованъ.

Въ половинѣ декабря Осборнъ поѣхалъ въ Вашингтонъ и привезъ оттуда извѣстіе, что Джакъ Макъ-Крери со своей прелестной женой отправился на Бермудскіе острова. Его домъ былъ отданъ Горациемъ Дювалемъ въ аренду одному изъ генераловъ сѣверной арміи. Мужъ прекрасной Полины тайно ее сожалѣлъ, но официально попрежнему занимался дѣлами, попивалъ свою прекрасную мадеру и теперь вечера проводилъ съ смѣлой мистриссъ Мартой Грингурсъ изъ Балтиморы, которая ловко собирала всѣ вашингтонскія сплетни.

Въ сѣверныхъ газетахъ появлялись противорѣчивыя статьи: то въ нихъ требовалось немедленной крови измѣнниковъ, и приводились слова Горация Грили: «надо показать примѣръ всѣмъ предателямъ»; то онѣ жаловались на жестокое преслѣдованіе женщинъ Линкольномъ.

Читая послѣднія статьи, Рованъ невольно улыбался, представляя себѣ, какъ выносила Полина преслѣдованія. Она дѣйствительно всю дорогу до Саваны занималась флиртомъ со всѣми молодыми офицерами, которые передали ее въ фортъ Монро высланному къ ней навстрѣчу полковнику Пейтону.

Ея чемоданъ былъ набитъ самыми предательскими документами, благодаря любезности Сьюарда.

Очень мало горюя по мужѣ, она больше сожалѣла и даже немного плакала по красивомъ адъютантѣ Макъ-Клеллана, чрезъ котораго она собирала всѣ штабныя новости.

Рованъ получалъ только письма отъ своей Адели, которая описывала ему, какъ любезно прощалась съ нею Полина.

— Предала ли она меня?—печально размышлялъ Рованъ.—Нѣтъ, это невозможно: подобное преступленіе было бы безчеловѣчно.

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ яснѣе становилось, что генераль Рованъ находился подъ общественнымъ остракизмомъ, что офицеры держались въ сторонѣ отъ него, и солдаты чувствовали противъ него ненависть.

Теперь вдоль Потомака 200.000 человекъ удобно помѣщались на зимнихъ квартирахъ. Генералъ Макъ-Клееланъ содержалъ совершенно королевскій дворъ въ Вашингтонѣ, обращаясь со всеми чрезвычайно любезно и съ такою учтивостью, которая обезоруживала всякую критику. Линкольнъ былъ въ совершенномъ отчаяннн отъ позорнаго пораженія подъ Бельмонтъ-Блуфомъ. Въ ресторанахъ и клубахъ Вашингтона поддерживались развратъ, кутежи и мотовство.

Продолжая жить никѣмъ невѣдомый и всеми униженный, генералъ Рованъ сталъ бы защищать свою честь, если бы зналъ, что Джакъ Макъ-Крери прибылъ въ Ричмондъ, надѣлъ полковничнй мундиръ южной армнн и отправился съ Борегаромъ на поле брани.

Шпіоны Сумнера дѣятельно продолжали свои розыски въ Ричмондѣ и не только узнали, что Макъ-Крери былъ домашнимъ другомъ Рована, но что онъ вырвалъ листъ изъ его записной книги. Тѣ же шпіоны основали на ухаживанн Рована за Полиной Дюваль цѣлую исторію, которая, какъ нельзя болѣе, пришлось кстати къ плану Сумнера погубить, во что бы то ни стало, Рована. Онъ связалъ въ удивительную легенду кражу карты и плановъ, а также инструкцій Рована. Она прямо выдавала головой несчастнаго генерала.

Оберегаемый ежедневно капитаномъ Осборномъ и его братомъ, Рованъ безмолвствовалъ въ гордомъ хладнокровнн, энергично исполняя свои попеченія о неблагодарномъ войскѣ. Онъ не зналъ о тайномъ свиданн майора Эндикота съ капитаномъ Осборномъ.

Возвратившись въ лагерь, Осборнъ мрачно смотрѣлъ на своего любимаго начальника, какъ на человека, умершаго для свѣта. Увы! онъ видѣлъ фотографическій снимокъ съ приказа Макъ-Клеелана и съ вырваннаго листа изъ записной книжки Рована.

— Послѣднн документъ писанъ собственной рукою Рована, — сказалъ съ тяжелымъ вздохомъ Эндикотъ: — отъ этого доказательства ему не отдѣлаться. Я досталъ эти бумаги отъ сенатора Макъ-Дугаля, человека, который любитъ Рована. Сумнеръ далъ ему эти документы, чтобы придумать планъ дѣйствія. Хотятъ произвести самое строжайшее изслѣдованн роковаго сраженія.

— Эндикотъ, — воскликнулъ Осборнъ: — этотъ массачузетскнй сенаторъ — ужасный врагъ Рована. Чтобы спасти Макъ-Клеелана и погубить Рована, онъ не посмотритъ на все военное министерство. Наказанн будетъ предшествовать обвиненн, и его, прежде чѣмъ осудятъ, опозорятъ. Что бы намъ сдѣлать для его спасенія?

— Ничего, — отвѣчалъ Эндикотъ. — Помоги, Господи, его сироткѣ дочери. Впрочемъ мы можемъ только освободить его отъ дальнѣйшихъ осложненнй и удалить всѣ его бумаги изъ этого враждебнаго ему лагеря.

— Но кто главная причина рокового предательства,—спросилъ Осборнъ:—Макъ-Крери, слуги Рована, любезный Горацій Дюваль или современная Далила, бѣлогрудая чертовка, Полина Джваль?

— Неизвѣстно, — произнесъ Эндикотъ: — во всякомъ случаѣ я буду стоять за него до конца. Онъ очень измѣнился; это совершенно погибшій человѣкъ. Не даромъ онъ стоитъ на краю бездны.

— А все-таки онъ невиненъ,—сказалъ Осборнъ.

— Да, невинный, храбрый и несчастный человѣкъ,—произнесъ со вздохомъ Эндикотъ: — я былъ рядомъ съ нимъ въ сраженіяхъ при Конрадсъ-Ферри, Эдуардсъ-Ферри и Гарперсъ-Ферри. Это настоящій воинъ съ головы до пятокъ. Его принесли въ жертву штабнымъ интригамъ. Если бы онъ перешелъ со своими войсками на Гаррисоновскій островъ, то легко соединился бы съ аванпостами Гормана и Макъ-Колля. При этомъ онъ обнаружилъ бы засаду въ лѣсу и съ помощію Гормана и Макъ-Колля уничтожилъ бы непріятеля или во время отретировался бы. Но, нѣтъ, это была личная битва Бэкера, и нечего сказать, онъ хорошую кашу заварилъ. Его тѣло, торжественно отвезенное въ Санъ-Франциско, мирно покоится на уединенной горѣ. Лучшая эпитафія его—смѣлый, легкомысленный, даже въ 50 лѣтъ ораторъ, сенаторъ и воинъ. Линкольнъ политически долженъ сохранить его память. Макъ-Клелланъ принужденъ покинуть Рована, и Сумнеръ его окончательно погубить.

Разставаясь съ Осборномъ, Эндикотъ сказалъ еще ему, что онъ возвратитъ бумаги сенатору Макъ-Дугалю и будетъ находиться съ молодымъ человѣкомъ въ перепискѣ, но не подписывая своихъ писемъ.

— Берегите Рована, — были послѣднія его слова:—удержите его отъ поѣздки въ Вашингтонъ.

Когда уѣхалъ Эндикотъ, Осборнъ еще разъ подробно разсмотрѣлъ записную книжку генерала Рована. Ясно было, что изъ нея былъ выкраденъ одинъ листъ.

— Эта книжка, — пробормоталъ Осборнъ:—погубить его, если попадетъ въ руки его враговъ, но Богъ видитъ, что это никогда не случится.

На рождественскихъ праздникахъ Карроль Рованъ и не думалъ собраться къ дочери, какъ онъ намѣревался. Мрачно исполнялъ онъ свои обязанности и очень посѣдѣлъ отъ горя.

Въ половинѣ января Осборну удалось перехватить нѣсколько человѣкъ, тайно посланныхъ съ бумагами изъ Вашингтона въ Ричмондъ. Ихъ арестовали, а лагерь окружили на три мили пикетами.

Братъ Осборна оказывалъ ему большую помощь въ охранѣ Рована. По ночамъ онъ тайно копалъ яму подъ своей палаткой, куда спряталъ желѣзный сундукъ Рована съ документами.

Наконецъ оба они и два означенные ординарца предохраняли днемъ и ночью Рована отъ самоубійства; съ той же цѣлью Осборнъ спряталъ его пистолеты.

— Благодаря Бога,—бормоталь про себя Осборнъ:—что Адель пишетъ отцу, а то безъ этихъ вѣсточекъ онъ непременно покончилъ бы съ собою.

Однажды, вечеромъ, въ концѣ января генераль вѣжалъ въ какомъ-то непонятномъ ужасѣ.

— Что случилось, генераль?—спросилъ Осборнъ.

Глаза его начальника метали молніи; онъ опустился на стулъ и едва слышно пробормоталь:

— Я только что невольно подслушалъ гнусную клевету, которую передавала изъ устъ въ уста группа офицеровъ. Я желаю, чтобы вы съ братомъ были свидѣтелями того, что произойдетъ.

Черезъ полчаса онъ, въ полной парадной формѣ, пригласилъ въ свою палатку одного изъ полковниковъ и заставилъ его передать слышанныя имъ слова Сумнера. Сенаторъ говорилъ: «Рованъ измѣнникъ и трусъ, человекъ, который продалъ планы защиты Вашингтона и сраженія при Буллъ-Рунѣ, а также всѣ инструкціи, данныя имъ сражавшимся при Больсъ-Блуффѣ. Все это онъ продалъ южанамъ за деньги и чтобы заслужить улыбку южной красавицы».

— И вы позволили это сказать о вашемъ начальникѣ?—воскликнулъ Осборнъ, хватаясь за саблю.

— Мои отношенія къ генералу Ровану исключительно официальныя,—отвѣчалъ полковникъ.

Рованъ заставилъ ихъ обоихъ замолчать, но по блестящимъ ихъ глазамъ видно было, что дѣло этимъ не окончится. Записавъ въ протоколъ показаніе полковника и пригласивъ обоихъ братьевъ въ свидѣтели, Рованъ хладнокровно произнесъ:

— Прощайте, господа!

Черезъ три часа онъ позвалъ Осборна и сказалъ ему:

— Вы поѣдете сегодня ночью въ Вашингтонъ. Я дамъ вамъ важное порученіе, но скажите прежде, согласны ли вы рисковать своимъ мѣстомъ.

— Моя жизнь, мое званіе, все ваше, генераль! — воскликнулъ Осборнъ.

— Вы благородный юноша, — сказалъ Рованъ, положивъ свои руки на его плечи: — дѣло состоитъ въ томъ, что надо передать письмо лично сенатору Сумнеру. Повидайтесь съ Эндикотомъ и поблагодарите его за меня. Привезите мнѣ словесный отвѣтъ. Оставьте мнѣ вашего брата въ качествѣ адъютанта.

И они разстались.

— Боже мой!—промолвилъ Рованъ едва слышно: —я даже не могу поѣхать въ Филадельфію къ моей сиротѣ. Мнѣ кажется, право, это наказаніе выше всѣхъ.

На слѣдующее утро онъ не зналъ, что весь лагерь былъ въ переполохѣ. Поль Осборнъ публично далъ пощечину полковнику, оскорбившему генерала и его брата, сказавъ при всѣхъ, что онъ

избѣгнулъ дуэли, уѣхавъ въ Вашингтонъ. Слѣдствіемъ этого была дуэль, въ которой полковникъ оказался раненымъ въ бокъ, хотя распространился слухъ, что онъ случайно себя ранилъ револьверомъ.

— Кто еще хочетъ со мною драться?—спросилъ Поль Осборнъ, когда раненаго понесли въ госпиталь.

Благодаря храбрости юнаго поручика, всѣ офицеры стали съ уваженіемъ относиться къ генералу и его адъютантамъ.

Между тѣмъ капитанъ Эльмиръ Осборнъ, пріѣхавъ въ Вашингтонъ, явился къ сенатору Сумнеру и подалъ ему письмо.

Прочитавъ его, Сумнеръ побагровѣлъ отъ злобы и гнѣвно произнесъ:

— Вы знаете содержаніе письма, молодой человѣкъ?

Осборнъ отвѣчалъ, что это ему рѣшительно неизвѣстно.

— Ваше имя, чинъ и адресъ?—воскликнулъ сенаторъ, выходя изъ себя.

— Мнѣ генералъ Рованъ приказалъ передать вамъ письмо, и я больше ничего не знаю,—отвѣчалъ Осборнъ.

— Хорошее приказаніе,—закричалъ во все горло Сумнеръ:—вы передали мнѣ, сенатору Соединенныхъ Штатовъ, дерзкій вызовъ на дуэль отъ военнаго подчиненнаго. Вотъ письмо, прочитайте-ка его, прочитайте.

Осборнъ взялъ письмо и дрожащимъ голосомъ прочиталъ его вслухъ:

«Вы назвали меня подлецомъ и трусомъ, вы увѣрили, что я продалъ свою родину за деньги: я требую удовлетворенія, обязательнаго для благороднаго человѣка, который безпомощенъ въ вашихъ рукахъ. Весь свѣтъ знаетъ, что вы трусъ. Когда Бруксъ побилъ васъ, то вы, какъ собака, ему не отомстили. Пуля моего револьвера закроетъ вашъ ротъ отъ лживыхъ обвиненій. Вы знаете, куда мнѣ прислать отвѣтъ».

Этотъ сумасшедшій вызовъ былъ официально подписанъ: генералъ Карроль Рованъ.

— Я вполне подтверждаю каждое слово этой бумаги,—сказалъ молодой человѣкъ, не спуская глазъ съ сенатора.

— Скажите этому сумасшедшему, что я выберу свое время и свое мѣсто, чтобы дать ему отвѣтъ,—промолвилъ сенаторъ.

Взглянувъ на него съ презрѣніемъ, Осборнъ выбѣжалъ изъ комнаты и быстро отправился къ Эндикоту, который съ удивленіемъ выслушалъ его рассказъ о случившемся.

— Любезный другъ, —сказалъ онъ:—возьмите лошадь моего ординарца. Вотъ карточка; отправляйтесь съ нею на станцію желѣзной дороги. Возьмите экстренный поѣздъ и какъ можно скорѣе возвращайтесь въ Пулэсвилль. Дайте Ровану это письмо отъ генерала Скайлера Гамильтона. Я не смѣлъ послать его прежде. Не оставляйте Рована ни на минуту. У него теперъ нѣтъ друзей, кромѣ

Макъ-Дугаля, васъ, меня и генерала Гамильтона. Никому не говорите о безумномъ вызовѣ Рована. Конечно, Сумнеръ не будетъ съ нимъ драться. Онъ не выйдетъ на дуэль съ мухой. Но также онъ не посмѣетъ рассказать этой исторіи. Вы одинаково молчите. Пусть одинъ Рованъ скажетъ объ этомъ, когда придетъ время. Ну, уѣзжайте поскорѣе, а то васъ арестуютъ съ минуты на минуту. Въ лагерѣ онъ не посмѣетъ васъ арестовать, по крайней мѣрѣ, не прежде, чѣмъ онъ погубитъ Рована, а гибель его теперь неизбѣжна.

Эти слова онъ уже окончилъ въ пустой комнатѣ.

Черезъ пять минутъ сенаторъ Сумнеръ стоялъ предъ Эндикотомъ, спрашивая Макъ-Клеллана по важному дѣлу.

— Теперь конецъ,—промолвилъ сквозь зубы Эндикоть.

Прошло два часа, прежде чѣмъ Сумнеръ вышелъ изъ кабинета главнокомандующаго «черный, какъ ночь, и страшный, какъ адъ». Что же касается до Макъ-Клеллана, то, отправляясь домой къ обѣду, онъ сказалъ Эндикоту печальнымъ голосомъ:

— Будьте здѣсь въ 10 часовъ вечера, майоръ. Я ѣду въ Бѣлый Домъ; потомъ я дамъ вамъ важное тайное порученіе на словахъ, а не на бумагѣ.

Въ опредѣленное время вернулся въ главную квартиру майоръ Эндикоть, и генералъ Макъ-Клелланъ далъ ему обѣщанную инструкцію; онъ былъ очень смущенъ и говорилъ съ нимъ, обернувшись лицомъ въ сторону.

— Я это отсрочу, какъ можно долѣе,—сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ:—но въ концѣ концовъ я долженъ буду на это согласиться; я не вижу другого исхода. Будьте готовы сами, и вашъ кавалерійскій отрядъ. Съ вами отправится специальный офицеръ. Что же дѣлать, когда боги хотятъ когонибудь погубить, они прежде его сведутъ съ ума. Посылка какимънибудь генераломъ въ арміи вызова на дуэль могущественнѣйшему сенатору въ Соединенныхъ Штатахъ была бы для него гибельна, а уже не говорю о генералѣ Рованѣ, который безъ того находится подъ сильнымъ подозрѣніемъ. Дѣло не обойдется безъ серьезнаго изслѣдованія роковой катастрофы.

Вернувшись въ свой лагерь, капитанъ Осборнъ доложилъ подробно о своемъ свиданіи съ сенаторомъ Сумнеромъ. Лицо Рована не дрогнуло, и онъ хладнокровно выслушалъ все до конца.

— Надѣюсь, что Сумнеръ не отомститъ вамъ за меня, — промолвилъ онъ, крѣпко сжавъ его руки.—Я буду просить сенатора Макъ-Дугаля и генерала Гамильтона отозвать васъ въ западную армію. Вашъ сумасшедшій братъ стрѣлялся съ полковникомъ ради меня. Никогда бѣда не обрушается одна.

Ночью въ этотъ день Осборнъ помогъ генералу Ровану уничтожить и сжечь всю его частную переписку, не исключая писемъ дочери.

Скайлеръ Гамилтъонъ увѣдомилъ своего друга, что онъ, къ величайшему своему удивленію, встрѣтилъ полковника Макъ-Крери въ качествѣ парламентаря на западѣ. Онъ, очевидно, не хотѣлъ сойтись на полѣ брани съ Рованомъ и потому вступилъ въ ряды западной арміи. Около двухъ недѣль онъ ломалъ себѣ голову, чтобы вспомнить, высказалъ ли Дювалю или Джаку Макъ-Крери военный секретъ.

— Это не возможно!—воскликнулъ онъ:—все у меня подъ замкомъ. Ключи у меня въ карманѣ, а записная книжка всегда была у меня на глазахъ.

Онъ забылъ, что наканунѣ роковой катастрофы онъ повелъ свою дочь, всю въ слезахъ, во второе отдѣленіе своей палатки, оставивъ по неосторожности свою записную книжку въ первомъ отдѣленіи.

— Я желаю,—сказалъ онъ капитану Осборну:—чтобы моя записная книжка сохранялась до тѣхъ поръ, пока я не получу копій съ трехъ приказовъ Макъ-Клеллана, которые я безумно бросилъ. Это единственное мое спасеніе.

— Я уже позаботился объ этомъ, генераль,—сказалъ Осборнъ:—я завелъ новую записную книжку. Старой же имъ никогда не видать.

Наконецъ, ночью 9-го февраля 1862 г. Рованъ былъ разбуженъ топотомъ коннаго отряда, остановившагося предъ его палаткой. Въ ту же минуту вбѣжалъ въ нее капитанъ Осборнъ, держа въ одной рукѣ заряженный револьверъ, а въ другой фонарь.

Военный прокуроръ Потомакской арміи, генераль Джемсъ Фрай, выступилъ впередъ, а за нимъ виднѣлся майоръ Эндикотъ.

— Я обязанъ потребовать у васъ вашей шпаги, генераль Рованъ,—сказалъ печально Фрай:—вы арестованы по приказанію главнокомандующаго.

— Въ чемъ меня обвиняютъ?—спросилъ Рованъ, передавая свою шпагу:—я имѣю восемь патентовъ отъ арміи Соединенныхъ Штатовъ.

Майоръ Эндикотъ умолялъ безмолвнымъ взглядомъ Рована быть, какъ можно осторожнѣе.

— Вотъ приказъ, въ силу котораго я дѣйствую,—сказалъ генераль Фрай и, отведя Рована въ сторону, прочиталъ ему въ полголоса означенный документъ.

Послѣ этого онъ обратился къ Осборну со словами:

— Прикажете подать для себя лазаретный фургонъ. Намъ ждетъ особый фургонъ.

Капитанъ Осборнъ выскочилъ изъ палатки.

— Неужели я такъ буду удаленъ изъ моего лагеря?—воскликнулъ Рованъ.

— Будьте спокойны, генераль, — шепотомъ произнесъ Эндикотъ:—я назначенъ васъ отвезти. Къ сожалѣнію, я долженъ вамъ сказать, что мнѣ также приказано овладѣть всѣми вашими бумагами и запечатать ихъ. Вы можете взять съ собою нужныя вамъ вещи. Капитанъ Осборнъ захватитъ вашъ чемоданъ.

Рованъ въ отчаяніи опустился въ кресло.

— Все готово, генераль,—воскликнулъ капитанъ Осборнъ.

Тогда Фрай подозвалъ къ себѣ младшаго брата Осборна и спросилъ его:

— Кто старшій послѣ генерала Рована?

Осборнъ едва произнесъ ненавистное ему имя.

— Сходите за нимъ,—сказалъ генераль Фрай.

Проходя мимо Рована, Эльмиръ Осборнъ взялъ его за обѣ руки и, крѣпко пожавъ ихъ, пробормоталъ прощальное привѣтствіе.

Въ ночной тишинѣ раздался шумъ колесъ фургона. Генераль Фрай подошелъ къ Ровану и также пожалъ обѣ его руки.

— Исполняйте свои обязанности, майоръ Эндикотъ, — сказалъ онъ, едва удерживаясь отъ слезъ.

Майоръ Эндикотъ дотронулся до плеча Рована и вмѣстѣ съ нимъ вышелъ изъ палатки. Черезъ минуту послышался шумъ оружія и топотъ лошадей. Затѣмъ все стихло.

Новому временному начальнику отряда генераль Фрай сказалъ:

— Вы теперь командуете бригадой, перемѣните весь штабъ съ моего согласія, соберите всѣ бумаги генерала Рована, и я отошлю ихъ въ Вашингтонъ. Я пока остановлюсь въ его палаткѣ.

Обращаясь къ обоимъ братьямъ Осборнамъ, генераль Фрай объявилъ имъ, что они освобождены отъ всякихъ обязанностей, и просилъ ихъ отправиться въ Вашингтонъ, гдѣ они получаютъ новыя приказанія.

Удалившись въ свою палатку, Поль Осборнъ промолвилъ:

— Куда его повезли?

А Эльмиръ Осборнъ отвѣчалъ:

— Богъ знаетъ!

Ихъ утѣшала только одна мысль, что бумаги и записная книга Рована были глубоко зарыты въ землю подъ палаткой, такъ что никто не могъ найти ихъ.

Между тѣмъ экстренный поѣздъ летѣлъ на всѣхъ парахъ. Садясь въ него, Рованъ съ грустной улыбкой сказалъ:

— Однако съ этимъ поѣздомъ ѣдетъ важная особа. Здѣсь изящная обстановка, и въ сосѣднемъ вагонѣ караулъ въ 20 человекъ при одномъ офицерѣ.

Съ нимъ сидѣлъ только Эндикотъ.

— Скажите, майоръ, въ чемъ меня обвиняютъ, и куда вы меня везете?

— Я не знаю, въ чемъ васъ обвиняють,—отвѣчалъ шепотомъ Эндикотъ:—но надѣйтесь на меня. Я случайно попалъ въ ваши тюремщики. Помогите мнѣ скрыть нашу дружбу. Я везу перваго воина Соединенныхъ Штатовъ и старшаго генераль-майора американской арміи въ фортъ Лафайетъ, нигдѣ не останавливаясь и ни съ кѣмъ не выдаясь. Господь да поможетъ и спасетъ васъ.

Рованъ поднялъ гордо голову и громко произнесъ:

— А говорятъ, что республики благодарны!

IX.

Среди ненастной ночи экстренный поѣздъ съ генераломъ Рованомъ, первой жертвой американской Бастиліи, быстро пронесся мимо Балтиморы, не останавливаясь нигдѣ даже для запаса угля и воды. Казалось, путь былъ очищенъ для локомотива какимъ-то таинственнымъ способомъ.

Напрасно печальный Эндикотъ побуждалъ своего плѣнника за-снуть; Рованъ грозно смотрѣлъ на отворенную дверь сосѣдняго вагона, въ которомъ усталый офицеръ слѣдилъ за солдатами, игравшими въ карты. Слуга Эндикота спокойно спалъ у входа въ купѣ, гдѣ сидѣли Рованъ и Эндикотъ. Неожиданно офицеръ отвернулся, и, воспользовавшись свободной минутой, Эндикотъ произнесъ шепотомъ:

— Будьте осторожны, Рованъ. Не говорите ни слова. Въ казематѣ у меня будетъ свободный часокъ для бесѣды наединѣ съ вами. Пожалуйста, публично выказывайте ко мнѣ презрѣніе. Я долженъ теперь обыскать васъ и составить списокъ находящихся у васъ вещей. Я не знаю молодого поручика, можетъ быть, онъ—шпіонъ.

Молча Рованъ бросилъ благодарный взглядъ на своего друга, который всталъ, гремя саблей, и позвалъ юнаго офицера.

— Пожалуйте сюда! Я долженъ въ вашемъ присутствіи обыскать узника и записать его вещи.

Поручикъ Фротингамъ покраснѣлъ отъ стыда.

— Я не тюремщикъ, а солдатъ, — возразилъ онъ: — исполняйте сами вашу грязную обязанность.

Что касается до Рована, то онъ разразился въ горячихъ протестахъ. Эндикотъ тайно былъ очень доволенъ этой комедіей, а громко сказалъ холоднымъ, официальнымъ тономъ:

— Вы, поручикъ, засвидѣтельствуйте составленный мною списокъ и, пожалуйста, избавьте меня отъ вашихъ комментаріевъ, а то вы можете попасть подъ военный судъ. Вы же, генераль Рованъ, потрудитесь не оказывать мнѣ никакихъ сопротивленій. Я долженъ исполнить свою обязанность и не желаю быть вынужденнымъ позвать солдатъ.

Черезъ часъ списокъ былъ оконченъ, и майоръ Эндикотъ предложилъ выдать расписку въ тѣхъ вещахъ, которыя пожелаетъ генералъ сдать на храненіе. Это было очень бѣдное собраніе сокровищъ: старые часы, письма дочери, портретъ жены въ футлярѣ и дорожный мѣшокъ съ обыкновенными туалетными принадлежностями.

Уже разсвѣтало, когда официальная формальность была окончена.

— Спите или представьтесь спящимъ, — шепотомъ произнесъ Эндикотъ, когда поручикъ ушелъ въ свой вагонъ.

Первый день заключенія генерала начался печально. Пока поѣздъ стоялъ въ Джерсеѣ, давая дорогу другому переполненному солдатами, Эндикотъ уговорилъ его выпить чашку кофе.

— Несчастный годъ, — думалъ Рованъ: — только одинъ позоръ! Неудивительно, что на сѣверѣ царятъ сомнѣнія и ссоры. Все пораженія и катастрофы. Одно комическое взятіе Александрии и незначительная драка подъ Дрансвиллемъ составляютъ результатъ перваго года войны, несмотря на то, что во главѣ стоитъ такъ называемый юный Наполеонъ. Неудивительно, что говорятъ о назначеніи Галлека начальникомъ штаба и Стантона — военнымъ министромъ. Если Макъ-Клелланъ не двинется самъ, то обстоятельства его побудятъ къ этому.

Наконецъ, поѣздъ остановился въ городѣ Джерсеѣ, и среди эскорта солдатъ Рована перевели на пароходъ, который стоялъ на сѣверной рѣкѣ. Вокругъ его неистовствовала грозная толпа, кричавшая:

— Повѣстить новаго Арнольда! Покажите намъ измѣнника Вольсъ-Блуффа!

Продавцы газетъ кричали во все горло:

— Экстренные нумера! Полныя подробности ареста генерала! Потомакская армія — гнѣздо измѣнниковъ! Вольсъ-Блуффская битва — предательство за деньги!

Быстро миновавъ эту роковую сцену, Рованъ былъ помѣщенъ съ двумя офицерами въ маленькую капитанскую каюту парохода; на палубѣ находились солдаты и съ полдюжины шпионовъ.

Черезъ полтора часа пароходъ остановился предъ мрачнымъ фортомъ Лафайетъ. Рованъ вспомнилъ свои прежнія посѣщенія этого форта, когда онъ былъ помощникомъ профессора въ Вейспойнтѣ и послѣ Мексиканской войны, а также путешествіе въ Европу, когда его любезно принимали коронованныя особы и великій Гумбольдтъ.

Неожиданно майоръ Эндикотъ дотронулся до его плеча. Генералъ спрыгнулъ и молча выпрямился, какъ терпѣливая жертва.

Онъ вышелъ въ сопровожденіи солдатъ. Утро было холодное; несъ крѣпостной гарнизонъ выстроился предъ нимъ. Никогда че-

ловѣкъ грустиѣ Рована не проникалъ въ мрачную внутренность гранитнаго форта. При входѣ его офиціально принялъ старый пріятель, офицеръ, теперь сдѣлавшійся, конечно, врагомъ; его ввели въ двойной казематъ съ непріятно поразившими его желѣзными дверями и такой же рѣшеткой на окнѣ.

Слава Богу, въ 1868 году эта американская Бастилія была уничтожена пожаромъ.

Генералъ Рованъ видѣлъ предъ собою только мрачнаго тюремщика съ ключами въ рукахъ и слышалъ тяжелые шаги караульнаго, глухо ряздававшіеся на каменномъ полу.

— Боже мой! Я теперь уголовный преступникъ, — промолвилъ онъ сквозь стиснутые зубы.

— Пойдемте со мной, майоръ Эндикотъ, — сурово сказалъ комендантъ форта: — я дамъ вамъ расписку въ принятіи этого преступника.

Желѣзная дверь съ шумомъ захлопнулась. Рованъ бросился на соломенный мѣшокъ, служившій ему постелью, и только чувство гордости помѣшало ему горько зарыдать.

Онъ, генералъ американской арміи, только что сберегшій жизнь Линкольна, былъ предметомъ насмѣшекъ пьяныхъ солдатъ.

Изъ двухъ оконныхъ просвѣтовъ, служившихъ нѣкогда пушечными портами, видѣлись Статенскій островъ, сердитые морскіе валы и барки, спѣшившія къ берегу.

— Одинъ, безпомощный, — промолвилъ Рованъ: — птицы небесныя не заглядываютъ въ мою келью. Безъ жены, безъ сабли я не имѣю ни положенія, ни званія. Господь, сохрани моего ребенка!

Онъ окинулъ печальнымъ взглядомъ гранитный казематъ, подъ тяжелыми сводами котораго видѣлась только кружка воды и библія, единственная движимость въ его унылой тюрьмѣ.

Неожиданно Рованъ дико разсмѣялся. Онъ вспомнилъ тотъ день, когда онъ посѣтилъ Шильонскій замокъ на озерѣ Леманѣ. Онъ находился въ большой веселой компаніи, въ которой находилась красивая австрійская эрцгерцогиня.

— Капитанъ, — обратилась она смѣясь къ американцу: — какъ бы вы забавлялись, если бы васъ засадили въ такую тюрьму?

Онъ отвѣчалъ съ улыбкой, что сталъ бы писать о происхожденіи американскихъ индѣйцевъ, или сталъ бы читать Донъ-Кихота въ оригиналѣ.

— Теперь прошло то веселое время, — промолвилъ онъ: — для меня вообще не существуетъ время.

Окинувъ взоромъ свою тюрьму, онъ остановился на полусломанной кружкѣ съ водою и на грубой простынѣ, лежавшей на его импровизированной постели.

— Съ помощью этой кружки и этой простыни я могу себѣ перѣзать горло или задавить себя, — промолвилъ онъ.

Однако, онъ гордо прибавилъ:

— Никогда! Самоубійство служить самопризнаніемъ. Я выпью до дна чашу униженія.

Въ эту минуту онъ вспомнилъ прелестное лицо своей умершей жены, такъ походившее на ликъ Богородицы въ картинѣ Мурильо, которую онъ видѣлъ въ С.-Петербургскомъ эрмитажѣ.

— Нѣтъ,—промолвилъ онъ:—я буду жить для моего ребенка. Быть можетъ, придетъ день, когда она узнаетъ, что я, ея отецъ, не виновенъ.

Черезъ нѣсколько времени комендантъ и Эндикотъ вернулись въ тюрьму. Суровый воинъ прочиталъ ему драконовскія правила форта и удалился. Когда его шаги замерли, то Эндикотъ сказалъ часовому:

— Ходите подальше отъ двери и никого не допускайте до нея.

Солдатъ повиновался, ибо весь гарнизонъ принималъ Эндикота за представителя военнаго министра.

Затворивъ за собою дверь, Эндикотъ бросился въ объятія Рована.

— Ну, теперъ,—воскликнулъ онъ:—у насъ свободный часъ! Мнѣ поручено написать особыя правила собственно для васъ, и для этого я останусь въ Лафайетѣ до тѣхъ поръ, пока меня не потребуютъ отсюда. Я буду васъ навѣщать каждый день на часъ.

Вынувъ изъ кармана памятную книжку, онъ прибавилъ:

— Скажите, что я могу для васъ сдѣлать?

— Прежде всего увѣдомьте меня, въ чемъ меня обвиняютъ?—сказалъ Рованъ.

— Противъ васъ нѣтъ никакихъ обвиненій,—сказалъ Эндикотъ, качая головой:—конечно, черезъ семь дней вы можете потребовать копію съ обвинительнаго акта. Мнѣ разрѣшено снабдить васъ всѣмъ нужнымъ. Вы можете имѣть книги, письменныя принадлежности, какую вы желаете пищу, лѣкарство, даже табакъ и сигары. Докторъ снабдитъ васъ какими угодно столовыми напитками. Каждый мѣсяць вы получите ваше жалованье. Что касается писемъ, то вамъ дозволено писать только вашей дочери. Эти письма должны быть переданы мнѣ не запечатанными, а я не читая перешлю ихъ къ ней въ Филадельфію. Ребенка избавятъ отъ всевозможной печали. Газеты для васъ воспрещены. Если вы хотите писать военному министру, то ваши бумаги будутъ ему сообщены; но не ручаются за полученіе отвѣта. Генералъ Фрай сказалъ мнѣ, что вашему ребенку не дадутъ читать газету, такъ что она не узнаетъ о вашемъ арестѣ. Я самъ заѣду къ ея опекунамъ.

Рованъ въ отчаяніи всплеснулъ руками и спросилъ:

— А мнѣ дозволено видѣться съ защитникомъ?

Эндикотъ покачалъ головой.

— Никто не долженъ видѣть васъ,—промолвилъ онъ:—кромѣ доктора и коменданта, по распоряженію высшаго начальства.

— Зачѣмъ вы, Гью, прибѣгаете къ такимъ изворотамъ?—промолвилъ Рованъ:—вы вѣдь разумѣете сенатора Сумнера?

— Избавьте меня отъ неприятныхъ подробностей, генераль, — сказалъ Эндикотъ: — комендантъ будетъ разъ въ день приходить къ вамъ, а докторъ каждое утро васъ свидѣтельствовать. Если вамъ что понадобится, то позовите капрала. Ну, теперь скажите, чего вы желаете? Это единственный лучъ свѣта; я пошлю за капитаномъ Осборномъ, чтобы онъ привезъ всѣ необходимые для васъ предметы. Онъ также можетъ остановиться по дорогѣ въ Филадельфію и повидаться съ вашей дочерью. Конечно, я перешлю тайно какое угодно письмо. Я наполнилъ свои карманы почтовой бумагой, конвертами и карандашами. Я спрячу ихъ у васъ въ кровати. Я еще распорядился, чтобы каждый день ваша дверь была закрыта для молитвы.

И Эндикотъ подаль Ровану католическій молитвенникъ, такъ какъ онъ зналъ, что генераль былъ католическаго вѣроисповѣданія. Молча, со слезами на глазахъ, Рованъ крѣпко сжалъ руку своего друга.

— Когда Осборнъ прійдетъ, — продолжалъ Эндикотъ:—то онъ принесетъ вамъ тайно, сколько можетъ, газетъ. Я также буду сообщать вамъ всѣ новости разъ въ недѣлю. Но, пожалуйста, не тревожьтесь отъ газетныхъ пустяковъ. Приготовьте сегодня ваши письма; можетъ быть, меня потребуютъ неожиданно отсюда. Я пошлю ваши письма къ дочери изъ Пулсвилля, какъ уже распорядился генераль Фрай. Я не смѣю заѣхать къ ней по дорогѣ, но уже телеграфировалъ ея опекуну, прося его прійхать ко мнѣ. Это чудовище, здѣшній комендантъ, ухаживая за «высшимъ начальствомъ», надѣется получить награду. Не забывайте, генераль, что у васъ всего осталось друзей: генераль Фрай, два Осборна, генераль Скайлеръ Гамильтонъ и я. Разумѣю такихъ друзей, на которыхъ можно надѣяться.

— А генераль Макъ-Клелланъ?—произнесъ Рованъ.

— Не браните его, — сказалъ рѣшительнымъ тономъ Эндикотъ. — Ему не подь силу сопротивляться людямъ, могущественнѣе его. Стантонъ и Галлекъ дѣлаютъ его безпомощнымъ. Еще вы можете рассчитывать въ Бѣломъ Домѣ на сенатора Макъ-Дугалья и на добраго, хитраго Уарда Лемана. Теперь же вы можете ожидать помощи только отъ насъ пятерыхъ. Несмотря на это, вся страна будетъ поражена этой неслыханой несправедливостью. Дайте мнѣ слово, что вы не посягнете на свою жизнь.

— Никогда!—воскликнулъ Рованъ.—Я только желаю освободить имя моего ребенка отъ позора. Когда это будетъ сдѣлано, я желалъ бы умереть отъ вражеской пули. Не беспокойтесь, я клянусь не покушаться на свою жизнь.

— И не ссорьтесь съ своимъ тюремщикомъ,—продолжалъ Эндикотъ:—храните глубокое молчаніе и не старайтесь писать письма или защищать себя. Вы не знаете еще, что вамъ грозитъ, но будьте увѣрены, что ваши друзья не упустятъ никакихъ мѣръ въ вашу пользу. Будьте спокойны. Если вы не обнаружите никакого волненія, то, можетъ быть, Эльмира Осборна назначатъ надзирать за вами, но одной неосторожности, одной вспышки достаточно, чтобы всякое средство сообщенія съ вами было прекращено. Пусть никто не подозрѣваетъ, что капитанъ Осборнъ вашъ преданный другъ. Я пришло вамъ цѣлый возъ книгъ изъ гарнизонной библіотеки, но не дѣлайте шума изъ этого. Мнѣ поручено «высшимъ начальствомъ» сказать вамъ, что вы можете носить генеральскую форму и пользоваться всѣми привилегіями вашего званія, но вы подвергнетесь строгому надзору, за исключеніемъ времени, назначеннаго для молитвы. Вамъ дозволятъ имѣть огонь, хоть всю ночь, и обратятъ должное вниманіе на вашъ столъ. Вы будете содержаться на счетъ правительства, я дамъ инструкцію доктору и поплю ея кошію въ Вашингтонъ.

Взглянувъ на часы и схвативъ руку Эндикота, Рованъ промолвилъ:

— Вы видѣли всѣ газеты?

— Конечно,—отвѣтилъ молодой штабный офицеръ:—ваша бригада едва не взбунтовалась: вашъ неожиданный варварскій арестъ настроилъ всѣхъ въ вашу пользу. Правительство молчитъ, а газеты продолжаютъ кричать, что битва подъ Вольсъ-Блуффомъ проиграна отъ измѣны. Конечно, такъ говорить въ интересахъ правительства. Вы будете козломъ отпущенія для Макъ-Клеллана и Линкольна, а также для очищенія памяти Бекера.

— И меня погубятъ физически, умственно и душевно, чтобы служить мщеніемъ Чарльсу Сумнеру,—воскликнулъ Рованъ.

— Ахъ! зачѣмъ вы послали ему безумный вызовъ? — промолвилъ Эндикотъ съ тяжелымъ вздохомъ.—Вы себя просто убили этимъ смѣлымъ шагомъ.

— Дѣло сдѣлано, и его не передѣлать,—мрачно произнесъ Рованъ.

— Да,—промолвилъ Эндикотъ:—и когда Макъ-Клелланъ говорилъ, что невозможно арестовать неповиннаго генерала среди своей бригады, то этотъ дьяволъ отвѣчалъ, что у него есть вѣрное доказательство помѣщенія въ Филадельфійскій банкъ 5.000 долларовъ на имя вашего ребенка отъ полковника мятежниковъ Макъ-Крери. Вбилъ бы въ его глотку эти слова, еслибъ былъ при его разговорѣ съ Макъ-Клелланомъ. Но вы, конечно, можете доказать, что это клевета?

Карроль Рованъ закрылъ лицо руками:

— Боже мой, это правда!—воскликнулъ онъ:—я погибшій человекъ!

Тюремщикъ постучался въ дверь, такъ какъ назначенный майоромъ Эндикотомъ часъ уже прошелъ.

— За Макъ-Крери, Полину Дюваль и Эстеллу Розевельтъ я отвѣчаю жизнью,—поспѣшилъ прибавить Рованъ:—они не могли знать моихъ официальныхъ тайнъ; время разрѣшить эту загадку, но теперь я безпомощенъ. Онъ говоритъ фактически вѣрно.

Когда они разстались, то узникъ бросился на свою койку и едва слышно пробормоталъ:

— Каменные стѣны и желѣзная рѣшетка не составляютъ тюрьмы. Только бы мнѣ спасти честь моей дочери, а тамъ умереть, какъ солдату на полѣ брани.

Поспѣшивъ обратно въ Нью-Йоркъ и освободившись отъ стаи сопровождавшихъ его тайныхъ агентовъ, Эндикотъ послалъ шифрованную депешу въ Вашингтонъ о безопасномъ помѣщеніи первой жертвы въ американской Бастиліи.

— Бѣдный Рованъ,—думалъ Эндикотъ, сидя въ гостиницѣ и просматривая вечернія газеты. — Если дѣйствительно Макъ-Крери вѣрный другъ, то генералъ обязанъ своимъ паденіемъ рыцарской преданности женщинѣ. Чтобы найти для своей дочери послѣ смерти ея матери надежную защитницу, Рованъ слѣпо отдался въ руки доброй на взглядъ Полины Дюваль. Что же касается до жены Макъ-Крери, то она слишкомъ невинна, чтобы предать благодѣтеля своего мужа. Какимъ-то таинственнымъ образомъ Полина Дюваль, думая только о своей преданности югу, втянула Рована въ свои интриги. Что касается до тайныхъ намѣреній Бэкера относительно Больсъ, Блуффа, то ихъ знаютъ Макъ-Дугаль и многіе другіе, правительство же не смѣетъ раскрыть этой печальной исторіи. Относительно же пяти тысячъ долларовъ, положенныхъ Макъ-Крери въ Филадельфійскій банкъ на имя маленькой Адели, то здѣсь очевидно рука Горація Дюваль. Женскій умъ погубилъ невиннаго Рована, дай-то Богъ, чтобы любовь хорошей женщины исторгнула его изъ мрачной бездны къ свѣту, возвративъ ему счастье и любовь.

Три дня спустя, всѣ въ фортѣ Лафейетъ, не исключая и суроваго коменданта, убѣдились въ строгости майора Эндикота къ военному узнику. Никто не зналъ его нѣжныхъ чувствъ къ Ровану, онъ искусно скрывалъ ихъ подъ личной жестокости.

Прошло двѣ недѣли, и вся страна безумно радовалась побѣдамъ при фортахъ Генри и Донельсонъ. Новая звѣзда Гранта тихо, но вѣрно поднималась къ своему зениту. Кромѣ того, Макъ-Клелланъ готовился бросить свои двѣсти двадцать пять тысячъ солдатъ на непріятели. Весь Вашингтонъ волновался, и на время никто болѣе не думалъ о «погибшемъ генералѣ», новомъ Бенедиктѣ Арнольдѣ.

Только Сумнеръ, сердитый Банксъ и массачусетскія газеты продолжали осыпать клеветами и бранью беззащитнаго узника.

Упорное достоинство Рована внушало уваженіе его тюремщикамъ, и его гордые уста не произносили ни одной самой мало-важной просьбы къ коменданту или доктору. Эльмиръ Осборнъ былъ назначенъ наблюдать за узникомъ, и такъ примѣрно велъ себя, что суровый комендантъ воскликнулъ:

— Образцовый офицеръ! Солдатъ отъ головы до пятокъ.

Онъ нимало не подозрѣвалъ, что благородный офицеръ исполнялъ тайно всѣ желанія генерала, освѣщая такимъ образомъ мрачную жизнь въ фортѣ Лафайетъ. Ежедневно онъ доставлялъ Ровану газеты подъ своимъ мундиромъ. Онѣ къ вечеру были имъ уничтожаемы послѣ того, какъ чтеніе ихъ поддерживало настроеніе Рована.

Однако, не столько газеты разсѣивали его мрачныя думы, какъ извѣстіе о томъ, что Поль Осборнъ вскрылъ полъ своей палатки и, вынувъ оттуда его драгоценныя бумаги и въ особенности записную книгу, свезъ ихъ въ банкъ Рикса.

— Теперь меня никогда не накроютъ,—воскликнулъ Рованъ:— я вызываю всѣхъ на бой, хотя бы сгнить въ этой тюрьмѣ, а Осборну и его брату я обязанъ сохраненіемъ моей солдатской чести.

Хотя комендантъ и докторъ доносили, что ихъ узникъ примѣрный, но генераль Рованъ прекратилъ всякія съ ними сношенія. Когда прошло семь дней, и ему не вручили обвинительнаго акта, онъ, въ присутствіи капитана Осборна, официально потребовалъ отъ коменданта, чтобы тотъ освободилъ его по закону.

— Я не могу вамъ отвѣчать или бесѣдовать съ вами о какомъ либо предметѣ,—сказалъ суровый комендантъ:—я даже не уполномоченъ увѣдомить васъ, зачѣмъ вы здѣсь.

Спустя три дня, однако, комендантъ былъ обязанъ переслать въ Вашингтонъ торжественное требованіе Рована о врученіи ему обвинительнаго акта, о назначеніи суда надъ нимъ или о немедленномъ его освобожденіи.

— Бумага будетъ отослана,—отвѣчалъ военный тюремщикъ,— но я не могу отвѣчать за результатъ.

— Замѣтите,—возразилъ Рованъ:—что эта бумага адресована: «Президенту Соединенныхъ Штатовъ чрезъ главнокомандующаго и военнаго министра».

— Она достигнетъ президента,—грозно воскликнулъ комендантъ и уже болѣе не сносился самъ лично съ своимъ узникомъ, а имѣлъ съ нимъ официальные сношенія только чрезъ капитана Осборна, а самъ лишь ежедневно приходилъ убѣдиться издали, что Рованъ налицо.

Хотя двѣ большія военныя кампаніи слѣдовали другъ за другомъ, прежде чѣмъ дверь каземата отворилась предъ Рованомъ, ни-

какой отвѣтъ не получился на просьбу первого солдата, поступившаго въ ряды арміи для уничтоженія возмущенія. Нравственно поддерживаемый своими немногими друзьями въ теченіе семимѣсячнаго заточенія, онъ благодарилъ Бога за здоровье и счастье своего ребенка, который въ виду благодѣтельнаго обмана генерала Фрай ничего не зналъ ослучившемся.

Другія же письма и газеты генераль получалъ чрезъ Осборна и потому зналъ, что дѣлалось на полѣ брани. Ему также было извѣстно тѣмъ же путемъ, что благородный сенаторъ Макъ-Дугаль, великодушный Блэнъ и нѣкоторые другіе хлопотали о немъ, получивъ чрезъ капитана Осборна копію съ прошенія несчастнаго генерала къ президенту.

Между тѣмъ, какъ полковникъ Эндикотъ собиралъ лавры на полѣ сраженія, его друзья выходили изъ себя, читая воззваніе Рована къ «другу чернокожихъ».

Въ это время Камеронъ, который дозволилъ совершиться такой несправедливости, былъ замѣненъ Стантономъ, который съ Галлекомъ усердно работали, подготавливая паденіе Макъ-Клеллана.

Линкольнъ, новый отецъ отечества, держалъ въ своемъ карманѣ прокламацію объ освобожденіи негровъ и ожидалъ для ея обнародованія Антиэтамской побѣды. Онъ не могъ слышать голоса узника форта Лафайета.

— На это воззваніе нельзя возражать,—воскликнулъ Макъ-Дугаль, прочитавъ депутату Блэну эту бумагу.

— Да,—отвѣчалъ со вздохомъ человекъ, которому суждено было сдѣлаться Генрихомъ Наварскимъ американской политики: — но Сумнеръ задержалъ въ своемъ комитетѣ изслѣдованіе дѣла подъ Больсъ-Блуффомъ. Онъ заперъ Рована навѣки въ тюрьму, и на эту бумагу не будетъ никакого отвѣта.

— Я заставлю дать отвѣтъ,—воскликнулъ Макъ-Дугаль:—я не дозволю болѣе, чтобы храбрый, благородный воинъ страдалъ за чужія ошибки. Неизвѣстно, кто въ этомъ дѣлѣ измѣнникъ. Вѣдь въ первый годъ войны Вашингтонъ давалъ какія угодно свѣдѣнія мятежникамъ. Если бы Капитолій находился не въ Вашингтонѣ, а въ Спрингфилдѣ, то война давно была бы окончена.

И не только своимъ друзьямъ, но публично, всюду и всѣмъ кричалъ Макъ-Дугаль о невинности Рована. Онъ не боялся ни Стантона съ Галлекомъ, ни сенатора Сумнера, который очевидно опасался, чтобы Рованъ освободившись не повторилъ своего вызова.

Массачусетскія газеты имѣли теперь достаточно другихъ причинъ для отчаянія, такъ что онѣ забыли о генералѣ Рованѣ. 50.000 солдатъ были убиты и ранены, благодаря безумному отгѣсенію Макъ-Клеллана генераломъ Ли подъ Мальвернской горой 1-го іюня. Кромѣ того, еще сорокъ тысячъ человекъ погибли на западѣ. Неудивительно, что память о Больсъ-Блуффѣ совершенно исчезла.

Послѣ цѣлаго ряда сраженій, стоившихъ безконечное число жертвъ, послѣ пораженія Банка генераломъ (стонлемъ) Джексономъ и временной замѣны генераломъ Попомъ Макъ-Клеллана, звѣзда его уже померкла и, блеснувъ снова подѣ Антѣтамомъ, навѣки закатилась.

Въ эти мрачные дни Макъ-Дугаль рѣшился серьезно поговорить съ Линкольномъ.

— Вы готовите свободу чернокожимъ, президентъ, — сказалъ онъ смѣло и рѣшительно. — Выслушайте исторію бѣлаго человѣка. Я зналъ и любилъ Бэкера. Нашъ общій другъ былъ привязанъ къ намъ обоимъ. Вы знаете, что ни Скотъ, ни Макъ-Клелланъ не безупречны. Попъ погубилъ нашу армію въ крови. Счастье повезло Ли. Десятки тысячъ человѣкъ мексиканскихъ ветерановъ знаютъ храбраго генерала Рована за честнаго и неустрашимаго воина. Онъ не измѣнникъ, но невинная жертва. Онъ давно ждетъ или публично уголовного суда или свободы.

— Онъ сдѣлалъ ужасную ошибку при Больсъ-Блуффѣ, — произнесъ со вздохомъ Линкольнъ.

— Выслушайте его бумагу хорошенько, — сказалъ Макъ-Дугаль: — вотъ что онъ пишетъ: «Семь мѣсяцевъ я сижу въ позорной тюрьмѣ, тогда какъ мои войска и мои товарищи сражаются на полѣ брани. Меня арестовали ночью среди моей бригады, меня лишили моего чина и званія, у меня отняли мои официальные бумаги и заточили въ фортѣ Лафайетѣ. Мнѣ не даютъ случая доказать, что я храбрый и преданный отечеству воинъ. Мнѣ не выдали копии моего обвинительнаго акта. До меня не допускаютъ адвоката и друзей. Президентъ добровольно нарушилъ шестое прибавленіе къ конституціи. Пусть онъ его прочтетъ и освѣжитъ свою память; пусть онъ подумаетъ и сознается, что Людовикъ XIV никогда не дѣлалъ такой несправедливости съ безпомощнымъ государственнымъ узникомъ, преданнымъ американскимъ генераломъ и человѣкомъ, спасшимъ жизнь президента отъ убійцы предъ его вступленіемъ въ должность».

Наступило роковое молчаніе.

— Пусть онъ докажетъ свою невинность, — сурово сказалъ Линкольнъ, боясь вліянія Сумнера.

— Онъ этого не сдѣлаетъ, — запальчиво воскликнулъ Макъ-Дугаль. — Весь берегъ Тихаго океана мною сохраненъ вполнѣ преданнымъ вамъ. Мы друзья болѣе тридцати лѣтъ. Если вы позволите Сумнеру побороть васъ въ этомъ дѣлѣ, то я обращусь съ воззваніемъ къ народу. Я скажу, что прежде освобожденія негровъ надо оказать справедливость бѣлымъ. Храбрый воинъ, охранившій вашу жизнь, сидитъ въ тюрьмѣ седьмой мѣсяць, не видя свѣта Божьяго, не слыша дружескаго голоса, не зная ласки своей сиротки. Я васъ не даромъ предупреждаю.

— Но что вы скажете о пяти тысячахъ долларовъ, внесенныхъ въ Филадельфійскій банкъ?—спросилъ президентъ.

— Развѣ вы боитесь публично его судить?—сказала Макъ-Дугаль.—Я васъ увѣряю честнымъ словомъ, что у меня находятся всѣ документы, оправдывающіе Рована. При арестѣ ихъ не захватили. Если страна узнаетъ объ ихъ содержаніи, то вамъ будетъ бѣда. Лучше освободите его безъ суда и дайте ему новое назначеніе.

— Онъ не хотѣлъ отдать этихъ бумагъ Макъ-Клееллану,—сказалъ, насунивъ брови, Линкольнъ.

— Конечно, нѣтъ,—отвѣчалъ холодно Макъ-Дугаль.—Вѣдь адъютанты Макъ-Клееллана не выдали Ровану копій съ трехъ приказовъ генерала относительно случившейся катастрофы по милости Бэкера. Но Рованъ теперь получилъ эти копіи: я видѣлъ ихъ. Вы удивитесь, вамъ будетъ стыдно и совѣстно, когда вы узнаете ихъ содержаніе. Я говорю рѣшительно, несмотря на Сумнера, что я обращусь къ американскому народу по этому дѣлу. Благодаря Бэкеру, при Больсъ-Блуффѣ погибли два полка: калифорнійскій и таманійскій. Нью-Йоркскій штатъ и Калифорнія перенесли, какъ храбрые люди, тяжелую катастрофу.

— Дадите вы мнѣ недѣлю на размышленіе?—спросилъ съ отчаяніемъ президентъ.

— Ни одного дня,—отвѣчалъ безжалостно Макъ-Дугаль:—вы собрали армію Макъ-Клееллана у Аквіи и отдали ее подъ начальство Попа. Вы увидите, что чрезъ четыре недѣли Бобъ Ли будетъ со своими войсками въ Вашингтонѣ, если вы не возвратите Макъ-Клееллану его прекрасную армію. Если бы вы не отняли у него Макъ-Довея, то онъ разбилъ бы Ли на голову. Возвратите ему его армію, и онъ разобьетъ Ли.

— Дайте мнѣ время,—настаивалъ Линкольнъ.

— Ни одного дня,—повторялъ Макъ-Дугаль.—Рованъ будетъ оправданъ и тотчасъ же. Въ противномъ случаѣ, дайте мнѣ его обвинительный актъ, и я представлю всѣ оправдательные документы, Макъ-Клеелланъ долженъ сдѣлать то же. Блэнъ внесетъ вопросъ объ этомъ въ палату. Онъ называетъ подобное оскорбленіе позоромъ. А, по-моему, это убійство души, и я напечатаю обо всемъ въ газетахъ. Завтра я отправлюсь въ Нью-Йоркъ и заѣду въ фортъ Лафайетъ, чтобы спросить у генерала Рована о разрѣшеніи обратиться съ его дѣломъ ко всему американскому народу. Я просилъ генераль-майора Скайлера Гамильтона, который только что пріѣхалъ съ «острова № 10», — одно изъ вашихъ недавнихъ торжествъ,—повидаться съ Макъ-Клеелланомъ и сказать ему, что какое *lettre de cachet* не пройдетъ даромъ въ Америкѣ. Стантонъ можетъ смотрѣть на него сквозь пальцы, а Сумнеръ обойти станика Камерона, но генераль Гамильтонъ справедливо говоритъ, что позорное заточеніе генерала привело въ уныніе всѣхъ другихъ ге-

нераловъ на полѣ брани. Не забывайте, что человѣкъ этотъ женатъ на сестрѣ Галлека.

Линкольнъ, задѣтый живо, отвѣчалъ:

— Галлекъ теперь начальникъ штаба и долженъ имѣть у себя обвинительный актъ Рована. Повидайте его.

— Я уже видѣлъ его,—твердо отвѣчалъ Макъ-Дугаль:—Макъ-Клелланъ не передавалъ ему никакого обвинительнаго акта. Рованъ ни въ чемъ не обвиняется. Галлекъ честный и благородный человѣкъ, хотя суровый и холодный. Спросите сами у него обвинительный актъ.

— Если это справедливо,—сказалъ великодушный Линкольнъ:—то, да проститъ мнѣ Господь, я сдѣлалъ ошибку.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ сенаторъ:—васъ просто обманули. Но мы не хотимъ прощенія, мы просимъ справедливости и отправки на поле брани несчастнаго узника. Вы не можете поправить его испорченной карьеры, но вы можете возратить ему честь.

— Приходите ко мнѣ завтра утромъ, сенаторъ,—сказалъ президентъ:—я только спрошу у Макъ-Клеллана, поддержитъ ли онъ вашъ взглядъ. Если да, то вамъ не зачѣмъ ѣхать въ фортъ Лафайетъ.

— Повидайте также Ламана,—сказалъ Макъ-Дугаль:—онъ храбрый и великодушный человѣкъ. Увѣряю васъ, Линкольнъ, вы будете лучше спать, если бы даже враги были подъ стѣнами Бѣлаго Дома. Я останусь съ вами и раздѣлю вашу участь.

Съ этими словами ревностный защитникъ Рована не отложилъ его дѣла до завтрашняго дня, а въ тотъ же день вечеромъ угворилъ Галлека, несмотря на массу его занятій, отправиться на нѣсколько минутъ въ Бѣлый Домъ, куда вмѣстѣ съ нимъ поѣхали Макъ-Дугаль, Гамильтонъ и Вардъ-Ламанъ. Какъ только президентъ увидалъ Галлека, онъ тотчасъ подошелъ къ нему и спросилъ, въ какомъ положеніи дѣло Рована.

— У меня нѣтъ никакихъ бумагъ, обвиняющихъ генерала Рована,—отвѣчалъ Галлекъ:—это просто несчастіе и больше ничего. Онъ лишь игрушка въ рукахъ вашингтонскихъ интригановъ. Макъ-Клелланъ отказывается отъ всякой отвѣтственности въ этомъ дѣлѣ и считаетъ, что заточеніе генерала Рована не справедливо и позорно. Ему не дозволили перейти чрезъ рѣку, и Бекеръ, закусивъ удила, причинилъ всю катастрофу. Поэтому Рованъ ни въ чемъ не виноватъ и терпитъ самую жестокую несправедливость.

— Что же мнѣ дѣлать, Галлекъ?—спросилъ президентъ.

— Вамъ грозятъ большія затрудненія,—рѣзко отвѣчалъ начальникъ штаба, котораго называли «ходячая энциклопедія»,—такъ какъ Рованъ несправедливо заключенъ и ни въ чемъ не обвиняется, даже Сумнеромъ. Я на вашемъ мѣстѣ его освободилъ бы. Вы окажетесь въ очень затруднительномъ положеніи, если Рованъ обна-

родуетъ тотъ фактъ, что полковникъ Бэкеръ былъ убитъ съ генераль-майорскимъ патентомъ въ карманѣ.

— Онъ не зарегистрированъ въ военномъ министерствѣ, — замѣтилъ Линкольнъ.

— Я это знаю, — отвѣчалъ сухо Галлекъ. — Онъ не былъ также посланъ въ сенатъ. Это ваша ошибка.

— Пусть Стантонъ освободить Рована, — произнесъ президентъ.

— Нѣтъ, — сказалъ Галлекъ: — бѣдному Стантону и безъ того приходится за многое отвѣчать. Фортъ Лафайетъ и фортъ Макъ-Генри полны никому невѣдомыми узниками. Рованъ, генераль американской службы, посаженъ въ тюрьму безъ вѣдома военнаго министерства, и мы не можемъ принять за него отвѣтственность. Стантонъ только что сказалъ мнѣ: «кто посадилъ его, пусть его и выпускаетъ».

— Онъ сказалъ это? — спросилъ Линкольнъ, покраснѣвъ.

— Да, и совершенно правильно, — отвѣчалъ Галлекъ: — Стантонъ не знаетъ даже, что Рованъ существуетъ, потому что его засадили въ тюрьму, когда Камеронъ былъ военнымъ министромъ. Вы не можете ошибки старика Камерона вымещать на Стантонѣ. Военный министръ — законный покровитель чести и правъ офицеровъ.

Линкольнъ быстро отошелъ отъ Галлека и, взявъ за руку Макъ-Дугала, отвелъ его въ сторону.

— Пошлите эту телеграмму коменданту форта Лафайета, — сказалъ онъ: — да пошлите ее сегодня же ночью, такъ какъ я не могу уснуть, прежде чѣмъ она будетъ послана. Не говорите мнѣ больше объ этой несчастной исторіи. Но когда онъ пріѣдетъ въ Вашингтонъ, то зайдите ко мнѣ.

Сказавъ это, Линкольнъ прибавилъ шепотомъ:

— Говорятъ, что Ли собираетъ всю свою армію, чтобы уничтожить Попа, прежде чѣмъ ветераны Макъ-Клееллана будутъ въ сборѣ.

— Я этого боялся, — произнесъ съ тяжелымъ вздохомъ Макъ-Дугаль: — Джексонъ разбилъ Банка при Кипарисовой горѣ, а теперь съ его помощью разгромить Попа. Отчего мы не одерживаемъ побѣды нигдѣ, кромѣ запада?

Не получивъ отвѣта, Макъ-Дугаль взглянулъ на записку, поданную ему президентомъ. Въ ней было только двѣ строчки:

«Освободите немедленно генерала Рована. Никакихъ объясненій. Увѣдомьте по телеграфу моего секретаря. Авраамъ Линкольнъ».

Схвативъ шляпу, Макъ-Дугаль крѣпко пожалъ руку президенту и побѣждалъ, какъ мальчишка, по улицѣ на телеграфъ.

Въ эту ночь далеко отъ Вашингтона въ фортѣ Лафайетѣ блѣдный, исхудавшій Рованъ стоялъ у окна и пристально смотрѣлъ на звѣзды.

— Боже мой! Боже мой! Какъ долго это продлится?— произнесъ онъ. Въ его рукѣ было сжато письмо, которое онъ перечитывалъ сотни разъ.

Новый защитникъ Рована явился въ лицѣ прелестной двоюродной его сестры, Ирены Варіанъ. Она тщетно старалась видѣть узника и только съ Божіей помощью напала на Эрнеста Ситона, который одинъ охранялъ Рована за отсутствіемъ майора Осборна, раненаго подъ Мальверномъ; онъ самъ былъ раненъ подъ Гейнцъ-Миллемъ и лѣчился отъ своей раны, не покидая ни минуты Рована. Онъ самоотверженно передавалъ письма Ирены ея несчастному родственнику.

«Хотя я не могу видѣть васъ лично,— писала она,— но я знаю въ моемъ сердцѣ, что вы невинны. Не унывайте! Что-то мнѣ говорить о вашемъ скоромъ освобожденіи и о нашемъ свиданіи. Поручикъ Ситонъ говоритъ мнѣ, что онъ не смѣетъ открыто передавать мнѣ ваши письма, но онъ можетъ каждый день писать мнѣ письма о вашемъ здоровьѣ. Я нарочно пріѣхала съ запада, чтобы оказать вамъ помощь. Теперь мнѣ надо ѣхать назадъ домой въ Детруа, гдѣ буду ожидать вашего оправданья. Помните всегда, что я знала вашу невинность, прежде чѣмъ услышала слово вашей защиты. Придетъ день, когда мы будемъ ближе другъ къ другу, чѣмъ теперь. Если свѣтъ презираетъ васъ, то я желала бы, чтобы доля этого презрѣнья пала на меня. Я давно полетѣла бы къ Адель, но она ничего не знаетъ о вашемъ арестѣ. Ситонъ мнѣ все рассказалъ: онъ молодой герой».

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Ситонъ тайно доставилъ Ровану портретъ Ирены, прелестное лицо которой было лучемъ свѣта въ мрачной тюрьмѣ.

— Никто изъ моихъ родныхъ,— промолвилъ Рованъ, прочитавъ это письмо: — не получить отъ меня и строчки, прежде чѣмъ будетъ доказана моя невинность. Но эта благородная вѣра въ меня молодой дѣвушки лучшее утѣшеніе.

На другое утро 16-го августа 1862 г., въ девять часовъ, дверь въ тюрьму генерала Рована съ шумомъ отворилась. Въ нее вошли комендантъ, его адъютантъ и поручикъ Ситонъ.

— Адъютантъ прочтетъ вамъ официальную бумагу, — сурово произнесъ комендантъ, отвѣсивая поклонъ.

Рованъ вскочилъ и выслушалъ телеграмму президента.

Послѣ этого, молча, оба тюремщика удалились, а Ситонъ радостно бросился къ Ровану, махая конвертомъ, который онъ держалъ въ рукахъ:

— Это ваше жалованье за все время! — воскликнулъ онъ.

Рованъ махнулъ рукой.

— Нѣтъ, генераль, не дѣлайте ошибокъ, — произнесъ Ситонъ: — прежде всего освободитесь отъ этой трущобы. Я доставлю вамъ

отсюда всё вещи. Мнѣ приказано быть въ вашемъ распоряженіи. Гдѣ вы остановитесь въ Нью-Йоркѣ?

— Въ Бревортъ-Гаузѣ, — машинально отвѣтилъ Рованъ.

Потомъ, выпрямившись во весь ростъ, онъ прибавилъ:

— Я не выйду отсюда безъ сабли. Я вѣдь опять офицеръ и джентльменъ.

— Возьмите мою, — сказалъ Ситонъ. — Она была на мнѣ въ послѣднемъ сраженіи. Здѣшнему народу приказано не имѣть съ вами никакихъ сношеній. Мнѣ поручено проводить васъ въ Вашингтонъ, въ качествѣ адъютанта.

— Вы — добрый юноша, Ситонъ, — сказалъ генералъ и дрожащей рукой прицѣпилъ себѣ саблю.

— Пароходикъ васъ ожидаетъ, — шепотомъ произнесъ Ситонъ: — поѣзжайте сейчасъ; предоставьте мнѣ всёмъ распорядиться. Я пересчиталъ ваши деньги; сумма вѣрна, и потому я выдалъ расписку. Отдайте мнѣ ключи, и я доставлю вамъ вашъ багажъ въ Бревортъ-Гаузъ къ ночи.

Дежурный офицеръ въ полной парадной формѣ постучалъ въ отворенную дверь и съ почтительнымъ поклономъ сказалъ:

— Пароходъ генерала Рована его ожидаетъ.

Спокойно возвративъ поклонъ и сказавъ нѣсколько словъ шепотомъ Ситону, Рованъ спряталъ въ карманъ письма своей дочери и пакетъ съ деньгами. Потомъ онъ твердыми шагами вышелъ изъ тюрьмы, которая служила семь мѣсяцевъ мѣстомъ его позорнаго заточенія. Въ коридорѣ караулъ вышелъ отдать ему честь, потому что офицеръ громко крикнулъ:

— Генералъ американской арміи!

Государственная жертва, Рованъ гордо прошелъ мимо и даже не взглянулъ на прощаніе на мрачныя стѣны, служившія такъ долго его убѣжищемъ.

Прежде чѣмъ пароходъ отошелъ отъ пристани, ему подали телеграмму. Онъ прочиталъ съ радостью слѣдующія слова:

«Приѣзжайте ко мнѣ въ Вашингтонъ; не говорите ни съ кѣмъ прежде свиданія со мною».

— Это отъ добраго, милаго старика Макъ-Дугалля, — промолвилъ сквозь зубы Рованъ: — онъ образецъ среди людей, честный и преданный человѣкъ.

Въ ночномъ поѣздѣ желѣзной дороги изъ Нью-Йорка бывшій узникъ занялъ особое отдѣленіе прямо въ Вашингтонъ.

— Меня выгнали, какъ собаку, — думалъ онъ, тяжело вздыхая: — Это не значитъ, что я освобожденъ, какъ невинный. Только я болѣе не сижу въ тюрьмѣ — вотъ и все. Моя будущность темнѣе ночи. Я не увижу Ирены Варіанъ, прежде чѣмъ не очищу себя отъ всякаго подозрѣнія на полѣ брани. Но съ Эндикотомъ, Осборнами, Фрайемъ, Гамильтономъ и Макъ-Дугалемъ я могу говорить и объяснить все, что было со мною.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки. пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

СОДЕРЖАНІЕ.

НОЯВРЬ, 1902 г.

	СТРАН.
I. Въ своемъ краю. (Посвящается барону А. К. Штакельбергу). I—IV. В. Н. Назарьева	403
II. Уголокъ возстанія 1863 года. (Изъ воспоминаній участника). XII—XIX. (Окончаніе). С. С. Орлицкаго	425
III. Воспоминанія. Служба первая. А. В. Эвальда	454
IV. Генераль Шулцъ и Лермонтовъ. Г. К. Градовско	475
V. Артистическая жизнь Москвы въ семидесятыхъ годахъ. (Отрывокъ изъ воспоминаній). Ив. Н. Захарьина (Якунина)	479
VI. Памяти А. А. Фета-Шеншина. В. Н. Семеновича	525
VII. Изъ прошлаго Сибири. П. П. Васнина	532
VIII. Цензура въ эпоху великихъ реформъ (1855—1875 гг.). Очеркъ третій. Н. А. Энгельгардта	579
IX. Культурная кладбища. (Посвящается ученымъ гробокопателямъ). Е. С. Шумигорскаго	601
X. Изъ пережитаго. В. М. Гайдукова	607
XI. Тамбовскій епископъ Игнатій. (Очеркъ изъ исторіи русской церкви въ періодъ Петровской реформы). С. Н. Введенскаго	625
XII. Паломничество въ Палестину. XXXIV—XXXVIII. (Продолженіе). Н. П. Ювачева	617
<p>Иллюстраціи: 1) Ханъ ель-Ахмаръ (гостиница «Доброга самарянина»). — 2) Монастырь на Сорокадневной горѣ (Джебель-Каранталъ). — 3) Рѣка Иорданъ. — 4) Мертвое море (Вахръ-Лугъ). — 5) Видъ города Виллсела (Бетъ-Лехмъ). — 6) Пещера Рождества Христова. — 7) Праздничный обѣдъ паломниковъ въ дворѣ Палестинскаго общества. — 8) Русское мѣсто въ Горней (Айяъ-Каримъ).</p>	
XIII. На родинѣ Коперника. Г. А. Воробьева	683
<p>Иллюстраціи: 1) Ратуша въ Торнѣ. — 2) Памятникъ Копернику. — 3) Костель св. Яна. — 4) Костель Пресвятой Дѣвы. — 5) Костель св. Іакова.</p>	
XIV. Судьба бывшихъ русско-американскихъ владѣній подъ владѣтельствомъ республики Соединенныхъ Штатовъ. (По американскимъ источникамъ). Е. П. Матросова	711
XV. Критика и библиографія	740

1) А. С. Павловъ. Курсъ церковнаго права. Посмертное изданіе подъ редакціей П. М. Громогласова. Сиб. 1902. 2. — 2) Чичеринъ. Исторія политическихъ учений. Часть 5. М. 1902. А. н—аго. — 3) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ сто девятый. Сиб. 1901. Томъ сто десятый. Сиб. 1901. Томъ сто одиннадцатый. Юрьевъ. 1901. В. Строева. — 4) Извѣстія русскаго археологическаго института въ Константинополь. Томъ VII. Выпуски 1—3. Софія. 1902. 2. — 5) Н. Н. Страховъ. Критическія статьи (1861—1894). Томъ 2-ой. Изд. И. П. Матченко. Кіевъ. 1902. п. щ. — 6) Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ надписяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе библиотеки императорской академіи наукъ въ 1900 и 1901 годахъ. В. П. Срезневскаго. Сиб. 1902. Бор. Городецкаго. — 7) А. С. Лебедевъ. Бѣлгородскіе архивы и среда ихъ архипастырьской дѣятельности (по архивнымъ документамъ). Съ портретами и автографами. Харьковъ. 1902. щ. — 8) Извѣстія Императорской археологической комиссіи. Вып. I и II съ приб. Сиб. 1901—1902 В. Руданова. — 9) Рейнгардтъ, Н. В., Н. К. Михайловскій и его труды. (По поводу 40-лѣтія его литературной дѣятельности). Казань. 1902. щ. — 10) Московская городская художественная галлерея П. и С. Третьяковыхъ. Редакція и пояснительный текстъ П. С. Остроухова. Изданіе Г. Кнебель. Москва, (1902). Выпуски 1—7. Бор. Городецкаго. — 11) Мякотинъ, В. А. Изъ исторіи русскаго общества. Этюды и очерки. Сиб. 1902.

См. слѣд. стр.

- Г. Т. С.—хава.—12) Александръ Кругловъ. «Въчевой городъ». (Путевые наброски). Изданіе второе. М. 1902. Дв.—13) Аванасевъ. Мирабо. Публичныя лекціи. Одесса. 1902. А. Н.—аго.—14) Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ среднее вѣка и новое время. Изд. подъ ред. Н. И. Карѣва и И. В. Лучицкаго. А. К. Дживелеговъ. Средневѣковые города въ Западной Европѣ. Изд. акц. общ. Брокгаузъ-Ефровъ. Спб. 1902. К. Лоссиаго.—15) Ш. Сеньобосъ. Историческій методъ въ примѣненіи къ социальнымъ наукамъ. Переводъ съ французскаго. М. 1902. н. п.—16) Карлъ Каутскій. Противорѣчія классовыхъ интересовъ въ 1789 г. Переводъ Львовича. Спб. 1902. в. 1.—17) В. Е. Писаревскій. «Горошки». (Изъ жизни мелкаго муравейника). Одесса. 1902. А. Догановичъ.—18) Отчетъ о согласіи учебныхъ заведеній Кавказскаго учебнаго округа за 1901 годъ. Тифлисъ. 1902. щ.—19) Памирскіе походы 1892—1895 г. В. Тагъевъ. Варшава. 1902. А. Фаресова.—20) Рассказы и стихотворенія изъ русской исторіи. Историческая хрестоматія для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ К. Елпатовскій. Спб. 1902.—Геннадій Френевъ. «Пчела». Сборникъ образцовыхъ произведеній русской словесности. (Для старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній). Вып. I. Спб. 1901. н. п.—21) Н. Любовичъ. Статистическій методъ въ приложеніи къ исторіи. Варшава. 1901. п. н.—аго.—22) Труды «Общества изслѣдователей Волны». Томъ I-й съ 11 литогр. рисунками. Житомиръ. 1902. щ.
- XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 73
- 1) О древнихъ египетскихъ анналахъ.—2) Француженка на византийскомъ престолѣ.—3) Была ли королева Елисавета прототиномъ ледя Макбетъ?—4) Трехсотлѣтіе Бодланской бібліотеки.—5) Маркиза Ментенсъ и г-жа Омаль.—6) Нѣмецкія Аонны XVIII вѣка.—7) Легендарныя и литературныя предшественники Фауста.—8) Георгъ Браунъ.—9) Мадзини и Тюрь.—10) Мемуары девятиотрехлѣтняго дѣльца.—11) Смерть профессора Ролиндсона и Эмilia Золя.
- XVII. Смѣсь 812
- 1) Присужденіе Уваровскихъ презій.—2) Русское археологическое общество.—3) Восстановленіе линій Севастопольской обороны.—4) Пултусская исторія.—5) Общество археологів, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ.—6) Археологическія раскопки.—7) Древній могильникъ.
- XVIII. Некрологи 821
- 1) Бекетова, Е. Г.—2) Будаевъ, Н. С.—3) Вучина, И. Ю.—4) Гурчинъ, А. В.—5) Добрышкинъ, Н. Г.—6) Домѣнговичъ, М. А.—7) Зеландъ, Н. Л.—8) Назидовъ, А. Е.—9) Никоновъ, М. Н.—10) Новиковъ, П. М.—11) Нофаль, П. Г.—12) Палопеженцевъ, Н. И.—13) Самойловичъ, Н. И.—14) Усовъ, М. М.
- XIX. Замѣтки и поправки 829
- 1) Къ статьѣ «Лжецаревичъ Алексѣй Петровичъ». А. Титова.—2) Большое и малое Р. А. С.
- XX. Къ портрету графа А. Г. Орлова-Чесменскаго и его дочери . . 832
- XXI. Объявленія.
- ПРИЛОЖЕНІЯ:** 1) Графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій у постели больной дочери.—2) Памѣна (Je thn house of his friends). Американскій романъ изъ эпохи войны Сѣвера съ Югомъ. Ричарда Савѣджа. (Переводъ съ англійскаго). Часть третья. Гл. X—XI. (Продолженіе).

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, МОСКВА, ХАРЬКОВЪ, ОДЕССА и САРАТОВЪ)

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО.

Четвертое изданіе, дополненное и исправленное,

съ 80 портретами и иллюстраціями.

Настоящее четвертое изданіе историческихъ очерковъ и рассказовъ С. Н. Шубинскаго существенно отличается отъ первыхъ трехъ (первое изданіе напечатано въ 1869 году, второе въ 1871 году и третье въ 1893 году). Въ него включены двѣнадцать новыхъ статей, а прежнія тщательно пересмотрѣны. Кромѣ того, число портретовъ и рисунковъ увеличено до 80 (вмѣсто 56 третьяго изданія); всѣ они воспроизведены, большею частью, съ рѣдкихъ оригиналовъ.

Книга заключаетъ въ себѣ 570 страницъ убористаго шрифта; кромѣ того, къ ней приложенъ «Указатель личныхъ именъ».

ЦѢНА 3 рубля 50 коп.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году.—Петръ Великій въ Дефтортѣ.—Двухсотлѣтіе Заандамскаго домика.—Вѣнценосный хирургъ.—Императорскій титулъ.—Первые балы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтніе Петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.—Свадьба карликовъ.—Московскій маскарадъ 1722 года.—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Первый петербургскій генераль-полицеймейстеръ.—Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны.—Березовскіе ссылки.—Дочь Бирона.—Убіиство Синклера.—Холмогорская старина.—Императрица Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Исторія мѣднаго всадника.—Тульскій хлѣбъ и калужское тѣсто.—Столѣтіе кончины князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.—Русскій чудакъ XVIII столѣтія.—Вельможа Екатерининскаго времени.—Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ.—Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.—Жена Суворова.—Пѣвица Габриелли.—Аристократка Александровскаго времени.—Молодость графа Аракчеева.—Сынъ Аракчеева.—Подпоручикъ Федосѣвъ.—Семейное преданіе.—Забитый филантропъ.—Послѣдній графъ Головкинъ.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Дуэль Новосильцова съ Черновымъ.—Кирьяново, дача княгини Дашковой.—Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году.—Мнимое завѣщаніе Петра Великаго.—Кладбищенская литература.

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1903 году

(ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1903 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе двадцать три года (1880—1902).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одесѣ и Саратовѣ, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ОРЛОВЪ-ЧЕСМЕНСКІЙ У ПОСТЕЛИ БОЛЬНОЙ ДОЧЕРИ.

Съ портрета, находящагося въ музеѣ П. И. Щукина, въ Москвѣ.

Дозв. ценз. 26 октября 1903 г. СПб

ВЪ СВОЕМЪ КРАЮ.

(Посвящается барону А. К. Штакельбергу)¹⁾.

I.

ТОЯЛО лѣтнее время, жаръ и пыль. Необъятная степь съ едва замѣтными полосками лѣса по краямъ громаднаго горизонта. Настоящій ли это лѣсъ, или только миражъ,—невольно приходитъ въ голову наблюдателя, случайно попавшаго въ эту безмолвную, неизмѣримую гладь, оживающую только въ страдную пору, когда вся она волнуется золотистой рожью съ ныряющими въ ней красными рубахами и сарафанами жнецовъ и жницъ.

Въ центрѣ пустыни тянется во всю степь глубокой, размытый вешними водами оврагъ, пестряющій разноцвѣтными яркими полосами.

Вдоль оврага протянулась сѣрая, невзрачная деревушка «Погибелка», а впереди, по ту сторону оврага, на самомъ юру, точно часовой на своемъ посту, стоитъ одинокая, очевидно только что выстроенная, деревенская школа съ ярко зеленой крышей, всячески разукрашеннымъ рѣзьбой крылечкомъ и вывѣской, на ко-

¹⁾ Нашимъ читателямъ извѣстны талантливыя очерки «Люди и жизнь былаго времени», напечатанныя въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и принадлежащія В. Н. Назарьеву, извѣстному беллетристу и земскому дѣятелю. В. Н. Назарьевъ скончался 28 февраля текущаго года, и некрологъ его помѣщенъ въ апрѣльской книжкѣ «Ист. Вѣстника». Въ рукописяхъ его остался помѣщаемый нами здѣсь полный отдѣльный разсказъ «Въ своемъ краю», который препровожденъ къ намъ его вдовой Г. К. Назарьевой.

Ред.

торой по голубому полю золотыми буквами было изображено: «Погибеловская школа и читальня». Издали маленькая школа, только что выстроенная, на удивленіе всей окрестности, зажиточной крестьянкой Аксиньей Гурьяновой Четвертаковой, походила на вяземскій пряникъ или дорогую дѣтскую игрушку.

Рѣдкое, прославленное мѣстными газетами, рвеніе Четвертаковой къ дѣлу народнаго образованія вызвало много толковъ, восторговъ и порицаній между сосѣдними землевладѣльцами, мѣстнымъ духовенствомъ и крестьянами. Одни называли Четвертакову, извѣстную въ окрестности подъ именемъ Окси, чудачкой; ближайшіе родственники, рассчитывавшіе на наслѣдство, собирались завести дѣло и обвинять ревнительницу народнаго образованія въ расточительности, между тѣмъ какъ выжившіе изъ лѣтъ деревенскіе старики съ оловянными глазами и трясущимися головами утверждали, что крутой и жестокой, какъ камень, Гурьянъ, всю свою жизнь помышлявшій только о наживѣ, уже три раза перевернулся въ могилѣ, возмущенный безумнымъ мотовствомъ своей дочери.

Въ настоящую минуту передъ училищемъ собралось все мѣстное населеніе, и каждый по чему нибудь запоздавшій обыватель, подходя къ толпѣ, приподнималъ шапку и, становясь позади другихъ, съ любопытствомъ заглядывалъ впередъ на стоявшій посреди школьнаго дворика столъ, покрытый чистой скатертью, очевидно, приготовленный для молебна, и на поставленные въ сторонѣ желѣзные ведра съ виномъ, приготовленнымъ для угощенія народа, собравшагося на торжественное открытіе школы.

На скамьѣ возлѣ фигурныхъ воротъ, въ нетерпѣливомъ ожиданіи сидѣлъ священникъ отецъ Иринея, проживавшій верстахъ въ 10 отъ входившей въ составъ его прихода «Погибелки», въ большемъ селѣ «Лѣсномъ Матюнинѣ».

Отецъ Иринея представлялъ собою маленькаго, худенькаго брюнета съ высокимъ лбомъ, жидкими выющимся волосами, огромными, всегда готовыми вспыхнуть огнемъ вдохновенія черными глазами и съ нѣкоторыхъ поръ ни на минуту не покидавшей его страстью кого нибудь наставлять, громить или восхвалять и призывать на подвиги добра и благотворительности.

Взоры всѣхъ присутствующихъ были обращены на дорогу, извивавшуюся змѣйкой отъ самаго оврага въ пыльную даль къ бѣлѣвшему вдаль хутору, принадлежавшему все той же Аксиньѣ Гурьяновнѣ Четвертаковой.

— «Бдутъ, бдутъ! Батюшка, отецъ Иринея, бдутъ!» — закричалъ сельскій староста Аркадій Ивановъ, еще молодой, грамотный человекъ, съ бритымъ лицомъ, въ синемъ картузѣ и короткомъ пиджакѣ, подпоясанномъ краснымъ кушакомъ. Этотъ человекъ, не имѣвшій ни малѣйшаго подобія мужика, всячески старался показать, что онъ первое лицо въ мірѣ, и что захочетъ, то и сдѣлаетъ.

Съ сознаниемъ своего долга хватаетъ Аркадій Ивановъ приготовленный имъ коровай черного хлѣба съ солонкой посрединѣ; отецъ Иринея спѣшитъ облачиться, а на углу мостикѣ, переброшенномъ съ одной стороны оврага на другую, уже слышится стукъ колесъ и лошадиный топотъ длиннаго поѣзда, оглушительно гремѣвшаго множествомъ бубенчиковъ и колокольчиковъ.

Къ воротамъ подкатилъ цѣлый рядъ городскихъ и деревенскихъ экипажей.

Съ передней телѣжки, запряженной тройкой сѣрыхъ въ яблокахъ, ловко, съ заразительно веселымъ смѣхомъ, спрыгнула высокая, круглолицая блондинка, съ выразительными темными глазами, румянцемъ во всю щеку и синей лентой въ длинной косѣ. Въ общемъ она производила впечатлѣніе жизнерадостной красавицы 26—27 лѣтъ.

Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы подумать: вотъ кому хорошо живется на свѣтѣ, эта постоитъ за себя и доведетъ то, что задумала, до конца. Ее никакъ уже нельзя было причислить къ слабому полу.

Слѣдомъ за красавицей однимъ махомъ выпрыгнулъ коренастый, свѣжій, благообразный старикъ, лѣтъ 55-ти, директоръ одного изъ городскихъ банковъ, любимецъ и баловень общества, одѣтый въ элегантный русскій костюмъ, въ бархатъ и шелкъ. Онъ быстро забѣжалъ впередъ, пригласилъ батюшку приступить къ молебну и только что не въ поясъ, съ видимой аффектаціей, поклонился мужикамъ.

Благообразный старикъ съ давнихъ поръ считался необходимымъ лицомъ на всѣхъ торжествахъ и чествованіяхъ. Очень многіе знали его имя и фамилію, но онъ всѣмъ былъ извѣстенъ подъ именемъ «нашего генерала», и, вступая съ нимъ въ разговоръ, его называли ваше превосходительство, что въ одно и то же время и смѣшило его и какъ будто радовало.

Съ веселымъ щебетаніемъ, точно стая воробьевъ, посыпались изъ остальныхъ экипажей городскія и сельскія учительницы, приглашенныя на торжество открытія школы... И посреди водворившагося за тѣмъ порядкомъ и тишины начался молебенъ. Не могъ только успокоиться ретивый сельскій староста. Онъ совался, гдѣ нужно и гдѣ не нужно, и выросталъ то съ одной стороны отца Иринея, то съ другой, то отбиралъ у него кадило, то снова приносилъ его обратно, пробовалъ даже дирижировать пѣвчими, приглашенными изъ сосѣдняго села, но тутъ встрѣтилъ отпоръ со стороны регента, мрачнаго на видъ человѣка, сильно размахивавшаго руками, точно собиравшагося улетѣть за облака: басы свирѣпо ревели, тенора журчали, какъ весенніе ручейки, дисканты замирали.

Молебенъ конченъ; священникъ замахалъ рукой, въ его глазахъ засвѣтились огни вдохновенія, всѣ замолкли, понявъ, что онъ хочетъ говорить.

— «Прежде всего до лица земли кланяюсь вамъ, благодѣтельница веси сей, Аксинья Гурьяновна! Трудящійся да получить награду за трудъ свой, а ты, благотворительница наша, да упьешься медомъ благодати своей!»—такъ началъ отецъ Ириней, а затѣмъ долго ораторствовалъ на эту тему.

Окся стояла впереди всѣхъ приглашенныхъ гостей и въ своемъ живописномъ полукрестьянскомъ нарядѣ, высокая, стройная, невольно, вовсе не заботясь объ этомъ, производила впечатлѣніе на окружающихъ.

Мужики смотрѣли на нее съ нѣкоторой гордостью и только что не говорили, это ли не король-дѣвка, между тѣмъ какъ нашъ генераль, не сводя съ Окси своихъ умиленныхъ глазъ, то и дѣло повторялъ окружающимъ: «Посмотрите, что это за смѣлая, симпатичная фигура! Сколько въ ней жизни!.. Эта постоитъ за себя»,—и, не совладѣвъ съ желаніемъ въ свою очередь сказать нѣсколько теплыхъ словъ, онъ забѣжалъ въ толпу недоумѣвающихъ мужиковъ, повернулъ свое сіявшее лицо къ виновницѣ торжества и началъ:

— «Аксинья Гурьяновна! какъ ребенокъ, вѣрю я въ правду, въ добро, въ вашу благодарность, господа старики, въ вашу готовность, дорогая Аксинья Гурьяновна, продолжать святое дѣло просвѣщенія народа! Русская женщина, эта лучшая изъ женщинъ земного шара, уже показала себя, какъ врачъ, какъ сестра милосердія, теперь она выступаетъ передъ нами, какъ просвѣтительница народа. Не находя словъ, чтобы выразить восторгъ свой, высоко поднимаю чару и пью за здоровье строительницы школы, ура!» — такъ закончилъ свою рѣчь «нашъ генераль», подымая надъ головой стаканъ съ виномъ.

Генералу отвѣчалъ сельскій староста, поклявшійся за себя, за дѣтей и внуковъ «по гробъ жизни» не забывать благодѣтельница и въ то же время настойчиво требовавшій, чтобы училище тотчасъ же и на вѣчныя времена было названо «училищемъ Аксиньи Гурьяновны Четвертаковой».

Затѣмъ уже наступилъ совершенный хаосъ, всѣ обнимались и заговорили разомъ, интеллигентные гости, мужики и бабы. Всѣмъ было до такой степени весело, что никто уже не могъ совладать съ этой необузданной веселостью, въ особенности послѣ того, какъ Окся вывела впередъ всѣхъ учительницъ, собравшихся на торжество, выстроила ихъ въ рядъ и предложила міру выбирать изъ нихъ любую, по своему вкусу, для новорожденной школы, между тѣмъ какъ учительницы уже спорили о томъ, которой изъ нихъ поселиться въ Погибелкѣ, въ эту минуту казавшейся имъ очаровательной.

Обратное возвращеніе на хуторъ представлялось настоящей масленицей: подвыпившіе работники во всю прыть погналы лошадей,

перегоняя другъ друга и показывая свою удалъ. Сельскій староста забрался на переднюю телѣжку, дорогой потерялъ шапку и, размахивая краснымъ кушакомъ, стрѣлой полетѣлъ впереди всѣхъ.

Веселый поѣздъ съ такимъ шумомъ и гамомъ примчался на хуторской дворъ, что совершенно одичавшія хуторскія собаки, извѣстныя своей злостью, поджали хвосты и попрятались на гумнѣ.

Обѣдали въ маленькомъ садикѣ, состоявшемъ изъ однѣхъ акацій и ветелъ. Гости усѣлись вокругъ раскинутыхъ на травѣ ковровъ, посреди которыхъ въ безпорядкѣ разставлены были всякаго рода закуски, бутылки и разнообразныя яства, приготовленныя привезеннымъ изъ города поваромъ, прежде всего посаженнымъ въ пустой амбаръ для вытрезвленія.

Въ сторонѣ трещалъ и дымился громадный костеръ, разгонявшій тучу мошекъ и комаровъ.

Солнце между тѣмъ уже садилось. На коврѣ появился и шумѣлъ страшныхъ размѣровъ самоваръ.

Послѣ чая «нашъ генералъ» вынулъ изъ кармана толстую записную книжку и охрипшимъ отъ произнесенныхъ тостовъ голосомъ попросилъ къ себѣ хозяйку.

— Веселье—весельемъ, а все-таки я обязанъ познакомиться съ вами общество. Потрудитесь отвѣчать, а я буду записывать. Лѣта?

— Двадцать шестой пошелъ,—посмѣиваясь, отвѣчала Окся.

— Званіе?

— Да вѣдь вы знаете: изъ лапотницъ.

— Гдѣ родились?

— Въ селѣ Безводовкѣ.

— Гдѣ получили образование?

— Въ женской гимназіи. Ну, и довольно съ васъ, довольно!—упрашивала Окся, но «нашъ генералъ» не унимался и продолжалъ расспрашивать про то, что она читаетъ, что намѣрена дѣлать, коснулся воспоминаній дѣтства и съ серьезнѣйшимъ видомъ заносилъ все это въ свою книжку: онъ былъ завзятымъ корреспондентомъ, придавалъ этому большое значеніе и, тщательно вырѣзывая изъ газетъ свои статьи, аккуратно наклеивалъ ихъ на чистые листы въ особо заведенную книгу.

Около пяти лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ смерти отца, Окся познакомилась съ «нашимъ генераломъ» и въ первое время относилась къ нему съ великимъ уваженіемъ, но потомъ, когда при каждой встрѣчѣ узнавала отъ него о своихъ новыхъ и новыхъ достоинствахъ, она уже избѣгала разговоровъ съ нимъ и начинала сомнѣваться въ его искренности.

Дневной жаръ замиралъ... начиналъ разгораться дивный, румяный, лѣтній вечеръ. Гдѣ-то вблизи раздалась бойкая плясовая пѣсня: пѣли бабы, возвращавшіяся съ жнитва. Онѣ пришли издалека цѣлой артелью, чтобы выжать десятинъ 50 овса у своей старой пріятельницы Окси.

Всѣ встрепенулись, и вскорѣ тутъ же на зеленомъ лужкѣ устроился хороводъ: забывши свои дневные труды, точно ихъ не было, бабы голосили во всю мочь, остальные весело подтягивали, задорно притопывали и неистово хлопали въ ладоши до самой зари.

II.

Проводивъ гостей, Окся испытывала состояніе человѣка, только что шумно отпраздновавшаго свои именины и вдругъ оставшагося въ полномъ одиночествѣ среди степи. Ей не сидѣлось на мѣстѣ, ей необходимы были новыя впечатлѣнія и захватывающая дѣятельность. Она разбудила по обыкновенію спавшаго въ каретникѣ сторожа и приказала ему немедленно запрягать «Дыма», заводскаго жеребца, отъ нечего дѣлать то и дѣло колотившаго ногами въ дощатыя стѣны стойла.

Окся задумала навѣстить «ясли», устроенныя ею въ селѣ «Безводовкѣ», гдѣ она родилась, провела большую часть жизни, похоронила отца и мать, и гдѣ все еще оставались слѣды ненавистной для нея и теперь уже покинутой старой усадьбы.

Однимъ махомъ вылетѣлъ изъ каретника сѣрый въ яблокахъ, до невозможности разбѣвшійся, «Дымъ» съ длинной кудрявой гривой и густой чолкѣй, закрывавшей короткую красивую морду. Застоявшійся конь, казалось, не замѣчалъ легкаго шарабана, въ который былъ запряженъ, и играя подкатилъ къ крыльцу.

Всегда смѣлая Окся взяла въ свои привычныя руки вожжи, а умный, красивый «Дымъ» бойкой рысью помчался къ воротамъ.

Въ эту минуту по всему двору раздался пронзительный дѣтскій крикъ, а за удалявшимся шарабаномъ стрѣлой полетѣлъ крошечный мальчикъ лѣтъ восьми, безъ шапки, съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ, мелькавшими на яркомъ утреннемъ солнцѣ голыми ножками и бѣлыми волосами.

Окся сильной рукой осадил «Дыма», а обрадованный мальчикъ мигомъ очутился въ шарабанѣ рядомъ съ ней.

Гринька, такъ звали мальчика, крѣпко держался на своемъ мѣстѣ, то и дѣло оправляя растрепавшіеся волосы и не спуская съ Окси мгновенно высохшихъ глазъ. Онъ родился на хуторѣ, построенномъ старымъ Гурьяномъ. Его мать, вѣчно бродившая съ мѣста на мѣсто солдатка, уже немолодая и некрасивая, года три прожила на хуторѣ въ качествѣ людской стряпки, по обыкновенію завела шашни, а послѣ появленія ребенка тотчасъ же скрылась, оставивъ его на произволъ судьбы.

Вступивъ во владѣніе хуторомъ, Аक्सинья Гурьяновна изрѣдка видала брошеннаго почти голаго ребенка, проживавшаго въ людской на положеніи выкинутого на улицу щенка. Никто не заботился о томъ, чѣмъ питался, что дѣлалъ покинутый мальчикъ. Да и кому было дѣло до забытаго одинокаго на свѣтѣ существа?

Каждый краснорожій батракъ подъ веселую руку считалъ за особенное удовольствіе помучить бѣдняка, мазнуть сажей по его вѣчно заплаканному лицу или для развлеченія дворни придумать какое нибудь новое издѣвательство, новую пытку. Вотъ почему въ застойной постоянно раздавался пронзительный, душу надрывающій крикъ и плачь сироты, но всѣ до такой степени привыкли къ этому, что не обращали никакого вниманія.

Но вотъ въ одинъ изъ праздничныхъ и по обыкновенію пьяныхъ дней Семка косою, самый ловкій и въ то же время безпутный работникъ, продѣлывая надъ Гринькой всякія истязанія, для потѣхи честной компании придумалъ повѣсить его за ноги внизъ головой. Вздумано, сдѣлано.... и уединенный хуторъ огласился невообразимымъ крикомъ, встревожившимъ Оксю. Она бросила книгу, которую читала въ эту минуту, и стрѣлой полетѣла въ застойную. Она оцѣпенѣла при видѣ ужасающей картины и, высвободивъ мученика, унесла его къ себѣ и съ этой минуты никогда уже не разлучалась съ нимъ. Прошелъ годъ, другой... Окся, сама не замѣчая этого, привязалась къ мальчику такой прямо отъ сердца идущей любовью, какой никогда не знала и не чувствовала: она не могла налюбоваться на него! Быстрый топотъ босыхъ ногъ его, постоянное желаніе услужить, броситься исполнять ея малѣйшее желаніе, все это приводило ее въ неописанный восторгъ. Съ своей стороны, точно инстинктивно понявъ, что Окся единственный на всемъ свѣтѣ любящій его человѣкъ, Гринька не отходилъ отъ нея ни на шагъ и, крѣпко ухватившись за ея платье, неотступно сопровождалъ по двору, въ садъ, въ поле, а въ случаѣ ея отсутствія съ хутора съ грустнымъ лицомъ сидѣлъ на верхней ступенькѣ крыльца, устремивъ глаза на дорогу, по которой должна была возвратиться Окся, а, завидѣвши ее, вихремъ перегоняя дворовыхъ собакъ, мчался на встрѣчу. Въ мальчикѣ заговорило даже чувство собственнаго достоинства, и когда староста, проходя мимо крыльца, ради шутки бралъ его за ухо, онъ, не защищаясь и сохраняя серьезный видъ, повторялъ: «не шали меня! зачѣмъ шалить?»

Показалась бѣлая колокольня Безводовской церкви, и взмыленный «Дымъ» остановился передъ сельской школой, въ которой помѣщались «ясли».

Въ большой, хотя и довольно низкой классной комнатѣ, вдоль стѣнъ поставлены были сплетенныя изъ прутьевъ корзины, въ которыхъ копошились и пронзительно вопили дѣти, одѣтыя въ новенькія рубахи. Ихъ только что накормили и уложили спать, но такъ какъ имъ спать не хотѣлось, то они, точно согласившись, подняли такой шумъ и плачь, что однѣ только расплывшіяся на хорошихъ харчахъ и одѣтыя въ новые сарафаны бабы, нанятыя въ качествѣ нянекъ, могли выносить такой убійственный концертъ.

По комнатѣ невозмутимо расхаживалъ виднымъ образомъ довольный и сіяющій земскій врачъ Дѣдовъ, высокій блондинъ, съ сѣраго цвѣта запыленнымъ лицомъ, въ преждевременныхъ морщинахъ, рѣдкими волосами и бородой, одѣтый въ какой-то странный балахонъ изъ небѣленаго полотна съ капюшономъ и длинные сапоги.

Это былъ въ своемъ родѣ изумительный типъ, созданный русской жизнью послѣдняго времени. Онъ всецѣло посвятилъ себя исполненію долга, не допуская никакой разницы между населеніемъ своего участка, протянувшагося на 70 верстъ. Его никогда не удовлетворило бы счастье Ивана, Петра, даже своихъ близкихъ—матери и сестеръ, которыхъ онъ содержалъ чуть ли не съ гимназической скамьи, постоянно бѣгая по урокамъ и упорно мечтая о будущемъ и несомнѣнномъ для него блаженствѣ всего человѣчества. Онъ вѣрилъ только въ прогрессъ и, никогда не теряя самообладанія, всегда замкнутый и въ то же время безконечно терпѣливый въ отношеніи страждущихъ, пользовался безграничнымъ уваженіемъ учителей и учительницъ его участка. Они говорили о немъ: «страсть какой чудной!» и «страсть какой симпатичный!» Но мужики и бабы, удивляясь его доступности, заботливости о больныхъ безъ различія сословій, въ то же время сторонились отъ него, какъ отъ человѣка несообщительнаго, неспособнаго поговорить по душѣ, пошутить и приласкать, какъ есть дерево.

Дѣдовъ слишкомъ много для своихъ 30 лѣтъ перенесъ въ жизни, страшно нуждался, былъ временно исключенъ изъ гимназіи за устройство какой-то въ сущности невинной библіотеки и два раза оставлялъ университетъ, чтобы снова возвратиться при первой возможности. Все это вмѣстѣ взятое наложило на него особый отпечатокъ сдержанности и уклончивости. Онъ былъ врагомъ всякихъ теоретическихъ споровъ и разговоровъ, вызывающихъ на размышленія, безъ которыхъ не можетъ обойтись русскій человѣкъ, и твердо держался правила никогда не высказывать свои коренныя убѣжденія. Но при всемъ томъ его аскетическая жизнь, изумительная по трудолюбію, выносливости и принципиальности, до такой степени подавляла непривыкшее къ такимъ людямъ захолустное общество, что даже отчаянный корнетъ запаса Пустошкинъ, встрѣчаясь съ Дѣдовымъ, видимымъ образомъ робѣлъ и терялъ свою обычную развязность.

— А вотъ и я припылила! Здравствуйте, Иванъ Яковлевичъ!—весело вскричала Окся, по своему обыкновенію слишкомъ крѣпко, по-мужски, пожимая руку доктора.

Затѣмъ пошли поучительные разговоры, всегда интересные для Окси. Она только что не молилась на доктора, чувствовавшаго въ эту минуту особенную потребность поучать.

— Хорошее, очень хорошее дѣло затѣяли вы, Аксиныя Гурьяновна!.. Пожалуй, полезнѣе вашихъ школъ, — началъ докторъ и сво-

имъ обычнымъ, всегда спокойнымъ и ровнымъ голосомъ, точно по книжкѣ, продолжалъ:—я уже давно наблюдаю необычайную дѣтскую смертность, maximumъ коей преимущественно падаетъ на лѣтніе мѣсяцы. Лѣтомъ деревенскія дѣти положительно вымираютъ, а дѣтская смертность ежегодно переходитъ въ эпидемію... Причины понятны: плохое питаніе, плохія жилища, отсутствіе культурности въ сельскомъ населеніи, возмутительная соска изъ жвачки прокислаго хлѣба или каши, которой пичкаютъ ребенка съ перваго дня рожденія. Къ тому же присмотра никакого. Да вотъ вамъ примѣръ: на-дняхъ принесли двухъ мальчиковъ, положительно искалѣченныхъ гусьями на выгонѣ, у одного даже глаза выкололи. А я-то тутъ при чемъ, что я могу сдѣлать?

— Боже! Боже! какіе ужасы вы рассказываете!—заволновалась Окся:—пришлите этого несчастнаго ко мнѣ, а я отправлю въ клинику.

— Если тамъ нашли средство отъ слѣпоты, такъ имъ и книги въ руки. Суть не въ этомъ, а въ томъ, чтобы предупредить подобныя явленія,—возразилъ докторъ и сталъ прощаться: ему всегда было некогда.

Отдавши необходимыя распоряженія апатичнымъ нянькамъ, способнымъ только на то, чтобы не исполнять ихъ, Окся пошла взглянуть на свое старое пепелище, съ которымъ покончила тотчасъ же послѣ смерти отца. Вся старая усадьба была продана на сломъ, но еще не всѣ строенія были увезены.

Обнесенная высокимъ заборомъ, мрачная, обширная, пятистѣнная изба, съ почернѣвшей отъ времени крышей, напоминала упраздненный, но все еще крѣпкій и прочный острогъ. Окся обошла тѣсный, окруженный поднавѣсами дворъ, заглянула во внутренность дома съ давно уже забытыми наглухо ставнями, и, взволнованная мгновенно нахлынувшими воспоминаніями, опустила на неуклюжую, но на вѣки вѣчные сколоченную скамью возлѣ воротъ.

Эта скамья была любимымъ мѣстомъ ея отца, приходившаго сюда отдохнуть и посумерничать послѣ обычныхъ дневныхъ заботъ и тревоженій.

Вотъ онъ передъ Оксей, сидитъ, какъ живой, въ своемъ засаленномъ, когда-то желтомъ, а теперь уже неизвѣстнаго цвѣта армякѣ, широкоплечій, сутуловатый, огромнаго роста, обросшій вьющимися сѣдыми волосами, бородой по самый поясъ и всегда суровыми сѣрыми глазами, недовѣрчиво и загадочно смотрѣвшими изъ-подъ нависшихъ бровей.

Похоронивъ жену съ равнодушіемъ человѣка, потерявшаго безропотную рабу, выдавъ замужъ двухъ старшихъ дочерей за такихъ же кулаковъ, какимъ былъ самъ, и ни на минуту не задумываясь надъ ихъ будущностью, старый Гурьянъ остался одинъ съ малолѣтней Оксей. Вѣчно озабоченный одной наживой, онъ

точно не замѣчалъ ея присутствія въ домѣ, пока ему не пришло въ голову, что при его обширномъ хозяйствѣ и крупныхъ оборотахъ невозможно обойтись безъ грамоты въ домѣ, а потому и только потому нужно отвезти Оксю въ губернской городъ и годика на три, на четыре отдать въ женскую гимназію. Такимъ образомъ Окся очутилась въ совершенно иной обстановкѣ, среди множества сверстницъ и вскорѣ выдвинулась, благодаря недюжиннымъ способностямъ и прилежанію. Въ старшихъ классахъ ее замѣтилъ преподаватель словесности, настоящій студентъ 60-хъ годовъ, и принялся усердно развивать на свой ладъ и будить въ ней гражданскія чувства и стремленія. Окся зачитывалась книгами, которыми охотно снабжалъ ее учитель, и слишкомъ для своихъ лѣтъ погрузилась въ думы надъ неразрѣшимыми вопросами жизни, но старый самодуръ порѣшилъ, что его дочь уже знаетъ все, что требуется для домашняго обихода: бойко читаетъ, считаетъ, красиво пишетъ,—чего же больше желать для деревенской дѣвушки? И вотъ, невзирая на мольбы дочери, на краснорѣчивыя письма учителя словесности и просьбы начальницы гимназіи пощадить даровитую дѣвушку и дать ей возможность окончить свое образованіе, она была взята изъ послѣдняго класса гимназіи и въ одинъ изъ морозныхъ зимнихъ дней, обливаясь слезами, доставлена въ родительскій домъ. Съ этого рокового дня непосильная тягота легла на молодыя плечи Окси, ей даже некогда было плакать и горевать о своей судьбѣ. Съ базара на базаръ, съ поля, гдѣ нужно было неуспынно слѣдить за работниками, на поташный заводъ, съ завода въ садъ, снятый отцемъ у сосѣдняго помѣщика, и все гроши, гроши, одни гроши, вотъ въ чемъ въ теченіе многихъ лѣтъ проходила жизнь молодой дѣвушки. Всегда недовольный отецъ зорко слѣдилъ, чтобы она не теряла даромъ времени, а заставши ее за книгой, недолго думая, съ какимъ-то непонятнымъ ожесточеніемъ вырывалъ ее изъ рукъ и бросалъ въ печку или въ окно. При всемъ томъ въ глубинѣ души онъ цѣнилъ неутомимость и дѣловитость дочери и говорилъ о ней: «дѣвка ловкая на всѣ руки, ариеметчица, грамотчица, ну, только учить ее надо, ахъ, какъ надо ее учить!» Старикъ во всякое время готовъ былъ поучить когонибудь изъ домашнихъ и батраковъ и, нисколько не смущаясь, жестоко расправлялся съ ними, глубоко убѣжденный, что дѣлаетъ хорошее дѣло, что кого наказуешь, того и любишь, а наказаніе всегда служитъ въ пользу наказуемаго. Онъ даже никогда не говорилъ: побилъ, а всегда «поучилъ». Вообще основаніемъ его домашняго обихода былъ страхъ и власть. Гурьянъ не пропускалъ ни одной церковной службы, пѣлъ на клиросѣ, чтилъ духовенство, принималъ странниковъ и странницъ и въ то же время съ какимъ-то наивнымъ цинизмомъ способенъ былъ на всякую неблагоприятную продѣлку въ своихъ торговыхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ.

Случилось нѣчто необыкновенное; старикъ, никогда не знавшій никакихъ болѣзней и твердо убѣжденный въ томъ, что болѣютъ только дураки да безпутные люди, слегъ въ постель: у него отнялась правая нога, и онъ не могъ двигаться. Съ этого злополучнаго дня все хозяйство перешло въ руки Окси, а ея жизнь стала еще тяжелѣе. Три раза въ теченіе недѣли чуть свѣтъ будилъ ее неутомимый старикъ и, невзирая ни на какую погоду, въ проливной дождь или страшную зимнюю мятель, посылалъ на базаръ. Бхатъ приходилась на возахъ, переполненныхъ всякими хозяйственными продуктами, а по возвращеніи получать одни только упреки и разговоры за то, что продешевила или переплатила за купленный товаръ. Разъ даже Оксѣ пришлось дня три скрываться у сосѣдей, чтобы избѣжать отцовскаго гнѣва, а вся эта тяжелая исторія вышла изъ-за лаптей, купленныхъ ею на базарѣ по 8 коп. за пару, тогда какъ отецъ покупалъ по пяти, продавая ихъ своимъ же батракамъ въ теченіе года по двѣнадцати.

Съ каждымъ годомъ для Окси становилось яснѣе, что она погибаетъ, и спасенія нѣтъ. Утратилась всякая вѣра въ будущее. Были такія тяжелыя минуты, что она готова была наложить на себя руки, а мысль о смерти, какъ о какомъ-то высшемъ блаженствѣ, уже ни на минуту не покидала ея. Между тѣмъ отецъ съ каждымъ днемъ становился все болѣе ворчливымъ и придирчивымъ, постоянно подозрѣвая дочь въ желаніи покинуть его больного и немощнаго и убѣжать съ какимъ нибудь краснощекимымъ парнемъ, а это привело къ тому, что она не могла видѣть безъ отвращенія то и дѣло льнувшихъ къ ней молодыхъ людей.

Болѣзнь не только не проходила, но все усиливалась, и могучій Гурьянъ въ первый разъ въ жизни вынужденъ былъ обратиться къ земскому врачу Дѣдову, а тотъ, провозившись съ нимъ болѣе часу, строго-настрого воспретилъ ему всякое вмѣшательство въ хозяйство, всякое волненіе, а главное, вошедшія въ привычку расправы съ домашними и, къ удивленію старика, отказался отъ всякаго вознагражденія.

Вскорѣ, какъ на бѣду, началась постройка новаго, давно задуманнаго молотильнаго сарая. Не вытерпѣлъ нѣсколько поправившійся Гурьянъ и кое-какъ, опираясь на Оксю, дотащившись до гумна, раскипятился и по-своему поучилъ подрядчика, а черезъ часъ его уже не было на свѣтѣ, и Окся, еще вчера считавшая себя обреченной на вѣчное рабство и въ концѣ концовъ даже утратившая всякое желаніе выхода, вдругъ очутилась свободной наследницей 400 десятинъ земли и порядочнаго капитала.

Съ этой минуты жизнь перестала быть для Окси какой-то страшной, таинственной загадкой и завертѣлась съ ошеломляющей быстротой, какъ новое, только что пущенное маховое колесо.

Въ первое время ее охватила необузданная радость, и снова вспыхнули, казалось, уже давно потухшія мысли, зародившіяся

еще въ гимназiи. «Вотъ она, свобода, желанная свобода! Какъ вольная птица: куда вздумала, туда и полетѣла, а сколько добра-то, добра-то могу сдѣлать!»—мысленно повторяла Окся. Она мгновенно расцвѣла, и все то, что, казалось, уже заглохло на днѣ ея души, задавленное жестокой жизнью, вдругъ заговорило и ожило. Она спѣшила, какъ можно скорѣе, взять свое и осуществить свои завѣтныя мечты.

Не зная, съ чего начать, томимая жаждой подвига и въ то же время способная довести дѣло до конца, до послѣдней точки,—она прежде всего обратилась къ доктору Дѣдову:

— Я къ вамъ,—робѣя начала Окся:—пріѣхала посовѣтоваться. У меня тутъ послѣ отца капиталы завелись. Я такъ счастлива, такъ счастлива, что вы не можете себѣ вообразить.

— Вотъ какъ,—съ обычной сдержанностью проговорилъ докторъ:—надо дѣйствовать!

— Мнѣ хочется употребить свое богатство съ пользой, а то я что же? Пожалуй, протранжирую... а тутъ, по крайней мѣрѣ, польза. Можетъ быть, чтонибудь полезное сдѣлаю? Но какъ? и съ чего начать?—поспѣшила договорить Окся. Она всегда смущалась, когда ей приходилось высказывать мысли по какомунибудь отвлеченному вопросу.

— Конечно, конечно, — подумавши отвѣчалъ докторъ:—только, извольте видѣть, я... никогда филантропiей не занимался, а вамъ лучше всего обратиться къ «нашему генералу»—это по его части.

«Нашъ генералъ» встрѣтилъ Оксю съ распростертыми объятiями и съ восхищенiемъ выслушалъ ея несвязную исповѣдь.

— Я хочу и не умѣю найти себѣ полезное дѣло, — начала Окся:—да и не мудрено: до настоящей минуты жила на положенiи крѣпостной, исполнявшей только приказанiя хозяина, и теперь при всей готовности не знаю...

— И ничего не нужно вамъ знать...—нетерпѣливо перебилъ ее «нашъ генералъ» и точно изъ ружья выпалилъ:—прежде всего будьте смѣлы и безстрашны. Слѣдуйте моему примѣру. Я не разсуждаю, а дѣлаю и въ качествѣ кающагося дворянина плачу свой долгъ обездоленному народу. Спѣшите, не останавливайтесь ни предъ какими сомнѣнiями! Вы, слава Богу, не бѣлая кость—вы вышли изъ народа.

«Нашъ генералъ» съ первой же встрѣчи совершенно овладѣлъ Оксей и протрубилъ о ней по всей губернiи. Она стала настоящей героиней дня: земская управа и члены училищнаго совѣта были поражены ея щедростью, мѣстные корреспонденты схватились за нее, какъ за неисчерпаемый матеріалъ для своихъ писанiй.

Въ первое время Окся блаженствовала,—отцовскiй капиталъ улетучивался не по днямъ, а по часамъ. Она сыпала деньгами, не считая ихъ, а восторженная благодарность погорѣвшаго мужика,

неожиданно получившаго крупную сумму на обзаведеніе, или большой учительницы, получившей возможность съѣздить на кумысь, или непритворная радость дѣтей, для которыхъ она устроила богатую елку, дарили ее такимъ счастьемъ, какого она даже не подозревала въ жизни; по временамъ ей казалось, что она приблизилась къ самому небу и нашла отвѣтъ на все запросы страдающей и сомнѣвающейся человѣческой души.

— Я ужасно, ужасно счастлива! Никогда и въ голову не приходило, что жизнь можетъ дать столько радостей! Не удалось пожить для себя, такъ буду жить для другихъ, а разорюсь, такъ жалѣть не буду,— порѣшила Окся и, бодро поднявшись съ несокрушимой отцовской скамьи, поспѣшила возвратиться на хуторъ, гдѣ уже, навѣрно, ожидаютъ ее новые просители и письма, на которыя необходимо отвѣчать.

Она не ошиблась: на хуторѣ ожидала ее масса просителей и цѣлая кипа писемъ.

У самага крыльца стояло человѣкъ пять молодцоватыхъ, нарядныхъ мужиковъ богатаго торговаго села, съ школьнымъ учителемъ впереди въ качествѣ депутата, облекшагося въ новую черную пару и мучительно беспокоившіе его высокіе туго-накрахмаленные воротнички.

Учитель откашлялся, выставилъ грудь впередъ и громкимъ голосомъ сообщилъ, что прибылъ вмѣстѣ съ попечителями школы, съ покорнѣйшей просьбой пожертвовать что нибудь на постройку новаго училища, задуманнаго на сто человѣкъ.

Попечители низко кланялись и усердно просили, но въ то же время двусмысленно улыбались, такъ какъ и каждому изъ нихъ было извѣстно, что дѣло обошлось бы и безъ всякой посторонней помощи.

За депутаціей выступилъ уже знакомый намъ сельскій староста Аркадій Ивановъ, съ деревенскими стариками. Они сочли своимъ прямымъ долгомъ поздравить свою благодѣтельницу съ началомъ ученія и кстати попросить пропустить мірское стадо на ея отаву, такъ какъ на ихъ полѣ взять нечего, и скотина помираетъ съ голоду.

За мужиками появился сельскій учитель Козьмодемьянскій, въ сопровожденіи пяти мальчиковъ, которыхъ онъ умолялъ помѣстить въ гимназію или въ ремесленное училище.

Издалека пришла учительница начальной церковной школы, получавшая 5 рублей въ мѣсяцъ и мечтавшая, благодаря знакомству Окси съ благочиннымъ, соединить свою обязанность съ должностью просвирни.

Пріѣхалъ батюшка сосѣдняго селенія и униженно просилъ помочь ему отправить сына - семинариста въ Томскій университетъ. Удовлетворивъ большинство просителей, Окся вошла въ домъ и

принялась за письма, призывавшія все къ той же благотворительности. Тутъ были длиннѣйшія посланія предсѣдателей разныхъ благотворительныхъ обществъ, а затѣмъ слѣдовали приглашенія на открытіе народной читальни въ селѣ Юрловкѣ, построенной вдовой одного несомнѣнно выдающагося земскаго дѣятеля—Ратаевой, и баронессы Штурмталъ, возмечтавшей объ обществѣ поощренія и развитія драматическаго искусства въ глуши.

«Глубоко вѣрую, что вы съ своей обычной отзывчивостью откликнетесь на мой призывъ и, сознавая всю важность распространенія гигиеническихъ свѣдѣній въ темной массѣ»...—такъ началъ первый предсѣдатель.

«Нашему обществу, однимъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ котораго вы состоите, необходимы средства для устройства помѣщенія доктору и смотрителю, на что потребуется не менѣе 2.000 рублей. Лъцу себя надеждой»...—взывалъ второй предсѣдатель.

«Тѣсно соединенные общей идеей прійти на помощь обездоленной дѣтвортѣ, мы обращаемся къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой о пожертвованіи деньгами и хотя бы малоцѣнными вещами» и т. д.—молилъ третій.

Изъ города извѣщали объ открытіи разомъ трехъ новыхъ братствъ: Гурія, Маріи Магдалины и Θεодосія Черниговскаго, и приглашали поступить въ число братчиковъ.

Каждому нужно было отвѣчать, всѣхъ удовлетворить, но Окся не унывала и до разсвѣта работала въ своемъ крошечномъ кабинетѣ. Она жаждала благотворной дѣятельности, и желаніе ея наконецъ исполнилось.

Откуда взялось выпавшее на ея долю счастье? Она понять не могла, но только вѣрила, что это — настоящее, дѣйствительное счастье, возможное на землѣ.

III.

Надъ маленькимъ хуторомъ сіялъ ясный, голубой августовскій день, вызывавшій радость и душевный покой. Подъ самымъ окномъ спальни, широко во всѣ стороны раскинувъ сучья, росла рябина, вся усыпанная весело щебетавшими птичками. Яркій солнечный лучъ, забравшись въ открытое окно, перебѣгалъ съ почернѣвшихъ отъ времени наслѣдственныхъ иконъ на богатые сіяшіе золотомъ переплеты цѣнныхъ книгъ, переполнявшихъ большой орѣховый шкаףъ, стоявшій рядомъ съ письменнымъ столомъ. Со двора доносился громкій говоръ и смѣхъ, смѣшанный съ веселымъ звономъ колокольчиковъ и бубенчиковъ.

Окся сообразила, что пріѣхалъ Васька безстрашный, пунктовый ямщикъ, которому еще вчера приказано было явиться на своей

лихой тройкѣ, чтобы везти Аксинью Гурьяновну въ село Юрловку на открытіе народной читальни.

Когда Окся вышла на крыльцо въ своемъ неизмѣнномъ и всегда живописномъ полукрестьянскомъ нарядѣ, съ перекинутымъ черезъ плечо глянцевитымъ ремнемъ дорожной сумки, куда не считая засунула имѣвшіяся подъ руками деньги, около нея уже стоялъ неизбѣжный Гринька и умолялъ взять его съ собой.

— Сиди дома и дожидайся меня. Я скоро приѣду и гостинцевъ привезу, — возражала Окся, напрасно стараясь придать своему голосу внушительность и строгость.

— Не нужно мнѣ твоихъ гостинцевъ, ничего мнѣ не нужно, только возьми меня!— умолялъ мальчикъ, не выпуская изъ рукъ платя Окси.

Въ эту минуту къ крыльцу подкатила тройка сумасшедшихъ башкировъ. «Садись, садись скорѣе, а то убьютъ, въ прахъ разнесутъ!»—видимымъ образомъ преувеличивая опасность, кричалъ Васька, молодцеватый малый, съ перетянутой краснымъ кушакомъ таліей и едва державшейся на головѣ поярковой шляпой съ павлинымъ перомъ.

Тройку только и видѣли, а вопившій благимъ матомъ Гринька долго бѣжалъ за быстро скрывавшимся облакомъ.

Васька, прозванный безстрашнымъ, былъ едва ли не самый счастливый человекъ во всей волости; ему только и нужны были, что отбойные башкиры, которыхъ онъ тщательно разыскивалъ и всегда находилъ, да сильныя ощущенія и опасности, какъ неисчерпаемый источникъ для рассказовъ о своихъ походахъ. Его хлѣбомъ не корми, а только дай отбойную тройку. Зимнія мятели, весеннія зажоры и когда на его долю выпадала счастливая возможность замерзнуть, утонуть въ зажорѣ, или когда «отбойные», закусивъ удила и лягая куда попало, несли его прямо къ оврагу, гдѣ ожидала смерть, онъ чувствовалъ себя на верху блаженства. Таковъ-то былъ Васька безстрашный, неизмѣнный поклонникъ Окси, болѣе всего цѣнившій въ ней страсть къ лошадамъ и готовность сломать себѣ шею.

Жаръ и пыль... Быстро мелькаютъ одна деревушка за другой: вмѣсто степи встали кругомъ дороги дремучіе лѣса; прыгали и трещали на живую ногу сколоченные деревянные мостики; стѣной стояли головоломные спуски съ оврагами по сторонамъ, но при всемъ томъ ровно въ 10 часовъ утра Окся благополучно подъѣхала къ церковнымъ воротамъ села Юрловки.

На торжественное открытіе народной читальни сошлось столько народа, что дѣться некуда отъ тѣсноты и давки; мужики съ женами и дѣтьми, любопытные и въ то же время неповоротливые, заполнили не только церковь, но и весь лужокъ вокругъ нея, всѣ

двери и проходы, нельзя двинуться ни туда, ни сюда. Толкаются, какъ на деревенской ярмаркѣ.

Послѣ обѣдни отслужена была панихида надъ еще свѣжей могилой Ратаева, долгое время безвозмездно исполнявшаго должность земскаго врача и преждевременно скончавшагося, благодаря излишнему усердію при лѣченіи тифа, свирѣпствовавшаго въ окрестности. Затѣмъ, послѣ окончанія панихиды, вся нарядная, пестрая толпа хлынула къ только что построенной народной читальнѣ, гдѣ предполагался торжественный молебенъ по случаю ея открытія.

Всѣ украшенія и декорации, придуманныя молодой вдовой, гирианды изъ дубовыхъ вѣтокъ, принесенные изъ оранжереи кактусы, пальмы, олеандры, все это мигомъ было смято и переломано. Послѣ молебна на кафедре, поставленную противъ скамей, предназначенныхъ для будущихъ посѣтителей читальни, въ смущеніи поднялась Ратаева, сильная, изящная брюнетка въ глубокомъ траурѣ, и начала читать по тетрадкѣ длинную рѣчь, призывавшую народъ къ свѣту.

Интересная вдова, какъ умная и развитая женщина, имѣла полное право на уваженіе, но такъ какъ такихъ женщинъ обыкновенно хвалятъ, но не долюбиваютъ, то и ея не любили, особенно губернскія дамы, за то собственно, что она была лишена всякой способности поддерживать пустѣйшую болтовню, которой мучать другъ друга свѣтскія дамы. Войдя въ гостиную, Ратаева зачастую прямо не знала, съ чего начать разговоръ, и даже страдала при мысли, зачѣмъ она пришла. Наивныя заблужденія ближнихъ ее тяготили. За ней безъ всякаго основанія установилась репутація шпильки, очень умной, можетъ быть, доброй, но озлобленной женщины.

Между тѣмъ интересная вдова перешла къ воспоминаніямъ о своемъ покойномъ мужѣ, о его любви къ народу, за который пожертвовалъ онъ своей жизнью. Тетрадка, по которой она читала свою довольно вычурную рѣчь, отброшена въ сторону, а въ голосѣ слышалось глубокое чувство.

Смолкъ симпатичный голосъ вдовы, и толпа приглашенныхъ двинулась къ барскому дому, съ колоннами, мезониномъ и старымъ садомъ съ заглохшими аллеями и развалившейся оранжереей.

Вмѣстѣ съ гостями Окся очутилась въ большой комнатѣ, около длиннаго стола, уставленнаго множествомъ приборовъ. Всѣ присутствующіе чинно усѣлись по своимъ мѣстамъ, а лакеи во фракахъ суетливо забѣгали, предлагая разнообразныя вина.

Но вотъ гдѣ-то въ концѣ стола раздался знакомый голосъ «нашего генерала», призывавшаго общество къ пожертвованіямъ въ пользу читальни, основанной въ память выдающагося земскаго дѣятеля, преждевременно погибшаго за народъ.

— Ну, что вамъ стоитъ, подмахните 10 рублей! — А отъ васъ меньше четвертной не возьму! — Отъ васъ не отстану безъ полсотни,

въ ножки поклонюсь!—А съ земскихъ начальниковъ сотенную, по пятидесяти рублей съ брата, вы должны подавать примѣръ простымъ смертнымъ!—то тутъ, то тамъ раздавался голосъ «нашего генерала».

На обѣдѣ было два земскихъ начальника, волею судьбы прямо съ университетской скамьи попавшихъ на свои мѣста, мнившихъ ревностно служить обществу, а вмѣсто того потонувшихъ въ массѣ канцелярской работы. Третій земскій начальникъ уѣзда отсутствовалъ. Онъ проживалъ за 100 верстъ и до сихъ поръ умудрялся, ничего не дѣлая, каждое 20-е число получать жалованье.

Дошла очередь и до Окси.

— Ну, ужъ вы, навѣрно, торговаться не будете,—съ увѣренностью сказалъ «нашъ генералъ» и нисколько не удивился, когда Окся быстрымъ движеніемъ опрокинула свой дорожный мѣшокъ, изъ котораго посыпались деньги.

Послѣ того, какъ «нашъ генералъ» собралъ свою дань и уже мысленно сочинялъ корреспонденцію для газетъ, шумно поднялась баронесса Штурмталъ, та самая, что такъ усердно приглашала Оксю въ свое имѣніе. Это была полная блондинка, лѣтъ сорока, возбужденнаго вида, цѣлой головой выше остальныхъ дамъ. Не отличаясь наружностью, она держала себя, какъ признанная красавица, и ежеминутно готова была говорить, заглушая остальные голоса, или прыгать, какъ милое рѣзвое дитя. Въ минуту одушевленія ея большіе сѣрые глаза, уставившись въ одну точку, сіяли, какъ звѣзды, точно передъ ней носился какой-то ни для кого невидимый призракъ. Ея мужъ командовалъ полкомъ гдѣ-то на югѣ, но она уже давно не жила съ нимъ.

Баронесса долго ораторствовала о необходимости поддержать симпатичный кружокъ, стремившійся къ развитію сценическаго искусства въ глуши, а потомъ, въ свою очередь, тоже пошла собирать лепту, а, дойдя до Окси, убѣдительно просила заѣхать въ ея имѣніе.

Наконецъ гости разѣхались, а симпатичная хозяйка, взявши Оксю подъ руку, увела ее въ свою комнату.

По своему обыкновенію, Ратаева прямо приступила къ дѣлу и, обнимая Оксю, призналась, что давно уже слѣдитъ за ея полезной дѣятельностью и желаетъ сойтись съ ней.

— Я давно уже присматриваюсь къ вамъ. Вы такая славная, правдивая, безъ всякой дрессировки!—съ чувствомъ говорила Ратаева. — Какъ поживешь на свѣтѣ, то невольно потянетъ къ такому свѣжему человѣку, какъ вы! Этого мало, мнѣ хочется подѣлиться съ вами своимъ опытомъ, убересть отъ ошибокъ. Я уже посѣдила, вотъ взгляните, сколько сѣдыхъ волосъ!

Въ свою очередь Окся давно уже интересовалась Ратаевой и стремилась познакомиться съ ней.

Собесѣдницы нѣжно взглянули другъ на друга, и дружба была заключена.

— И такъ станемъ говорить по душѣ,—продолжала Ратаева:— скажите мнѣ, зачѣмъ вы отдали себя въ распоряженіе «нашего генерала»? Зачѣмъ вы позволяете разорять себя? Извините меня, но вы представляетесь мнѣ жертвой, обреченной на закланіе... Я тоже увлекалась имъ, но потомъ поняла, что это человѣкъ безъ сердца, благотворительностью занимается, какъ спортомъ, отчасти по привычкѣ, отчасти потому, что она дала ему значеніе въ обществѣ. Его всѣ знаютъ и превозносятъ, начиная съ властей, дамъ-патронессъ и кончая всегда наивными и бѣдствующими учителями и учительницами: всѣ лѣзутъ къ нему и ожидаютъ отъ него богатыхъ и великихъ милостей. Въ сущности, это рѣдкій, интересный типъ нашего времени. Ему уже за 50 лѣтъ, онъ студентъ Московскаго университета, даже, какъ говорится, «пострадалъ» и любитъ намекать на это; два раза былъ женатъ, дѣтей видимо-невидимо, и ни одного при немъ. Самъ до крайности скупъ на свои деньги и только способенъ опустошать чужіе карманы. Ему вѣчно некогда, всегда куда-то спѣшитъ, заваленъ работой, которую постоянно сваливаетъ на плечи добродушныхъ простаковъ, готовыхъ работать за него; на его дверяхъ красуется объявленіе: «принимаю отъ четырехъ до пяти часовъ», а самъ по цѣлымъ днямъ валяется на диванѣ съ французскимъ романомъ въ рукахъ или обдумываетъ какую нибудь денежную аферу. Но главное, главное, чему можно удивляться въ немъ, это способности поставить себя такъ, чтобы никто не могъ разгадать его, сказать о немъ правду.

Окся внимательно слушала Ратаеву, не зная, возражать или безусловно соглашаться съ ней, и въ то же время сознавая, что правда на ея сторонѣ: въ ней давно уже зародилось недовѣріе къ своему бывшему ментору.

Ратаева продолжала:

— Мнѣ еще хотѣлось поговорить съ вами о народѣ, знать ваше мнѣніе: вы такъ близко стоите къ нему, вышли изъ него...

— Я столько же знаю народъ, сколько и вы, хотя и родилась въ крестьянской семьѣ,—съ своей обычной откровенностью начала Окся, и между собесѣдницами завязался и на всю ночь потянулся всѣмъ извѣстный и всѣмъ наскучившій разговоръ о народѣ.

Непроницаемая тьма глядѣла въ открытыя окна; церковный сторожъ прозвонилъ четыре часа.

— Нельзя же сложить руки и любоваться невѣжествомъ и нищетою! Что же дѣлать? Скажите, что же дѣлать?—послѣ продолжительнаго молчанія снова въ грустномъ раздумьѣ начала Окся.

— Ничего ободряющаго вы отъ меня не услышите, вся эта родная намъ маниловщина опротивѣла мнѣ,—отвѣчала Ратаева:— остается одно: запрыгавъ подальше свои надежды на сближеніе съ

народомъ, позаботиться о его матеріальномъ положеніи. Вотъ вамъ болѣе скромная и достижимая задача: мужики жалуются на безземелье—продайте имъ землю, но только по подходящей цѣнѣ, какъ я уже и распорядилась, а продавать втридорога, какъ дѣлаютъ многіе, это великій грѣхъ, тутъ не можетъ быть увлеченія, нѣтъ одобренія окружающихъ. Вообще, дѣло не блестящее съ виду, но все-таки, кто знаетъ, можетъ быть, при большихъ достоинствахъ народъ и самъ позаботится о себѣ, о своемъ просвѣщеніи... А, впрочемъ...—подумавъ продолжала она:—впрочемъ, можетъ быть, и тутъ все та же маниловщина.

Окся чувствовала, что ей пришлось услышать нѣчто новое.

— Спасибо вамъ! большое спасибо!—горячо отозвалась она:— все, что я услышала отъ васъ, давно уже бродило въ моей головѣ, только я почему-то не могла хорошенько сообразить, а вы помогли мнѣ.

Занималось утро... Изъ села доносились слабые и рѣдкіе крики пѣтуховъ; еще мгновение—и все проснулось, зашумѣло, заговорило вокругъ барскаго дома.

— Ну, кажется, обо всемъ переговорили,—вставая съ мѣста, сказала утомленная дневными заботами хозяйка, и собесѣдницы разошлись по своимъ комнатамъ.

Оставшись одна, Окся думала только о томъ, чтобы скорѣе вернуться на свой хуторъ, запереться въ своей одинокой рабочей комнатѣ и на свободѣ обдумать все то, что поднялось у нея на душѣ послѣ разговора съ Ратаевой.

IV.

Баронесса встрѣтила Оксю съ распростертыми объятіями на крыльцѣ сельскаго училища, въ которомъ помѣщались вновь открытыя ясли.

На этотъ разъ она напустила на себя образъ счастливаго ребенка и, весело прыгая и хлопая въ ладоши, повторяла:

— Ахъ, какъ это мило, какъ это мило съ вашей стороны, что заѣхали, милый мой счастливицкъ!

— Почему же счастливицкъ!

— А потому, что имѣете возможность быть полезной, благотворить: я вамъ завидую!

Училище было переполнено дѣтьми, а количество нянекъ и всякой прислуги даже превышало число дѣтей. Баронесса успѣшила объяснить заведенный ею въ ясляхъ порядокъ, обходившійся очень дорого и установленный на пожертвованныя деньги, которыхъ по нашимъ понятіямъ считать не слѣдуетъ.

Не успѣла еще Окся оправиться среди царившаго вокругъ нея шума и гама, какъ появился, видимымъ образомъ заранѣе при-

глашенный, мѣстный землевладѣлецъ, высокій, лохматый фотографъ-любитель.

Долго устанавливали группы, то такъ, то этакъ: то выставляли впередъ дѣтей съ ихъ няньками, то отодвигали ихъ назадъ, а на первомъ планѣ оказывалась баронесса подъ руку съ Оксей.

Окся невыносимо страдала, но все-таки невольнымъ образомъ подчинялась неугомонной хозяйкѣ, утѣшавшей ее тѣмъ, что снятыя группы будутъ немедленно отправлены въ Петербургъ, гдѣ тотчасъ же попадутъ на страницы иллюстрированныхъ изданій.

Послѣ утомительной возни баронесса скомандовала, чтобы дѣти выходили на прогулку, а няньки взяли на руки грудныхъ дѣтей и, выстроившись попарно, выступили на улицу. Впереди величественно шла баронесса, опираясь на руку изнывавшей отъ скуки Окси. Низко кланялись встрѣчавшіеся мужики и бабы, называя баронессу «мамашей».

Между тѣмъ длинная процессія дошла до замка, какъ обыкновенно баронесса называла свой домъ, похожій на огромный ящикъ съ размалеванной башней, смахивающей на пожарную вышку.

Въ замкѣ, благодаря окружавшимъ его деревьямъ, царилъ постоянный мракъ и сырость. Гостиная бросалась въ глаза старинной мебелью съ высокими спинками и гербами наверху и огромнымъ портретомъ барона въ полной кирасирской формѣ.

— Я васъ скоро не выпущу и послѣ завтрака поведу въ театръ; я уже велѣла собрать труппу. У насъ теперь идутъ постоянныя репетиціи «Ромео и Джульетты», а зимой хочу дать два-три представленія въ городѣ. Пускай они тамъ увидятъ, на что способенъ нашъ мужикъ!—говорила баронесса, показывая достопримѣчательности своего дома.

За завтракомъ Окся узнала, что сцена—это страсть баронессы, и только обстоятельства и высокое положеніе въ обществѣ помѣшали ей быть актрисой.

— Собрались,—доложилъ ливрейный лакей:—только Людмила Васильевна, учительница, просила извинить—онѣ собираются въ городъ.

— Ахъ, какъ это жаль, какъ это жаль, что вы не увидите нашей знаменитости! Она неподражаема въ роли Джульетты!—огорчилась баронесса, но все-таки повела гостью въ громадную, полутемную ригу, въ которой была устроена сцена, съ какими-то раскрашенными тряпками вмѣсто декорацій.

— А мы все-таки прорепетируемъ въ вашемъ присутствіи нѣсколько сценъ. Вы увидите и навѣрно оцѣните мои труды... и вдругъ, впадая въ обычное восторженное настроеніе, она прокричала на весь сарай:—сцена первая! Верона, площадь!

Входятъ Самсонъ и Грегори, роли которыхъ исполняли два мальчика старшаго отдѣленія школы; они видимымъ образомъ

смущены и не знаютъ, что дѣлать съ своими мечами и щитами, сдѣланными домашнимъ столяромъ по рисункамъ баронессы.

САМСОНЪ.

Нѣтъ, право, Грегори, лучше не станемъ прибавлять угольевъ къ жару.

ГРЕГОРИ.

Конечно, нѣтъ, а то, пожалуй, прозовуть насъ угольщиками.

САМСОНЪ.

Я хочу сказать: въ случаѣ, если мы разгорячимся, намъ лучше удалиться.

ГРЕГОРИ.

Да, но если во всю жизнь будешь удаляться отъ жара, такъ подчасъ, пожалуй, и холодно будетъ.

— Bravo! bravo! bravo!—заволновалась баронесса.

— Замѣтьте, какая глубина въ каждомъ словѣ!—полилось изъ ея усть. — Да, нѣтъ повѣсти печальнѣе на свѣтѣ, какъ повѣсть о «Ромео и Джульетѣ»! О высокій, безсмертный Вильямъ! И что за счастливая мысль пришла мнѣ въ голову—не дать какую нибудь балаганную дрянъ, а остановиться на Шекспирѣ, именно на одномъ Шекспирѣ. Онъ одинъ способенъ развивать въ народѣ эстетическое чувство.

А между тѣмъ на сценѣ дѣло дошло до общей свалки между слугами Монтеки и Капулети.

Къ сражающимся подходитъ садовникъ Антонычъ, исполнившій роль Бенволио, и, выбивая изъ рукъ обнаженные мечи, дикимъ голосомъ кричитъ:—Глупцы, перестаньте и вложите въ ножны свои мечи! Вы сами не знаете, что дѣлаете!

— Bravo! брависсимо! — громче Антоныча восклицаетъ баронесса.

Входитъ Тибальтъ, а за нимъ самъ герцогъ, облаченный въ пурпуръ, отдѣланный золотой бумагой. Онъ выступалъ до такой степени гордо и напустилъ на себя такую важность, что Окся не выдержала и громко расхохоталась, а баронесса укоризненно посмотрѣла на нее.

Затѣмъ прямо перешли къ первой сценѣ 5-го акта. Вышелъ Ромео, по увѣренію баронессы блистательно исполняемый конторщикомъ Леонидомъ, юношей съ длинными черными кудрями и черными глазами на выкатѣ. Его сопровождалъ больничный фельдшеръ, неизлѣчимый алкоголикъ, взявшій на себя роль аптекаря.

Послѣ нѣкотораго колебанія аптекаръ приносить ядъ и, передавая его Ромео, произноситъ гробовымъ голосомъ:

— Выпейте до дна, тогда ручаюсь:
Будь вы сильнѣй, чѣмъ двадцать человѣкъ,—
Онъ васъ въ одно мгновеніе убьетъ.

РОМЕО [отдавая деньги].

Вотъ золото—душевная отрава...
Имъ болѣе погублено людей
Въ презрѣнномъ этомъ мірѣ, чѣмъ составомъ,
Который ты не смѣешь продавать.
Да, да, не ты, а я тебѣ далъ яду.
Прощай! Живи, будь сытъ и растолстѣй!
Идемъ же, ядъ,—нѣтъ, врачъ, дающій силу
Моей душѣ!—идемъ же къ ней въ могилу!

Конторщикъ Леонидъ оказался въ высшей степени нервнымъ юношей, а послѣднія слова монолога произнесъ съ такимъ чувствомъ, съ такими мучительными рыданіями въ голосѣ, что Оксю бросило въ жаръ, и она въ какомъ-то оцѣпенѣніи сидѣла на мѣстѣ, между тѣмъ какъ баронесса, не помня себя отъ восторга, махая платкомъ, устремилась на сцену.

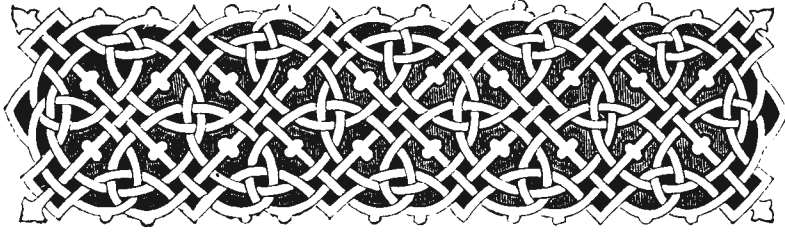
Послѣ продолжительнаго обѣда съ неизбѣжнымъ разговоромъ объ искусствѣ и необходимости будить заснувшій народъ, хозяйка отпустила наконецъ гостью, давши ей обѣщаніе непременно заглянуть въ ея школу и прочесть что нибудь изъ Пушкина, что нибудь возвышающее дѣтскую душу.

На прощанье, нѣжно прижимая Оксю къ своему сердцу, баронесса при всемъ томъ не забыла взять съ нея скромную лепту на новый костюмъ талантливому Ромео.

В. Н. Назарьевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

УГОЛОКЪ ВОЗСТАНІЯ 1863 ГОДА ¹⁾.

(Изъ воспоминаній участника).

ХІІ.

ВЕЧЕРОМЪ, когда всѣ собрались къ ужину, Пѣховичъ вышелъ въ залъ. На лицѣ его не было и слѣда волненій. Онъ сказалъ краткую, серіозную рѣчь и объявилъ походъ на завтра. Всѣ закричали: «вивать», явилось шампанское; дѣвочки съ букетами привѣтствовали командира; помѣщики жали ему руки и клялись умереть за родину. Но лицо Пѣховича попрежнему оставалось холоднымъ и суровымъ. Онъ, какъ мнѣ казалось, считалъ между шумѣвшими панами годныхъ къ бою и насчиталъ очень немногихъ. За ужиномъ всѣ больше молчали; командиръ мало пилъ и только дважды рѣзко спросилъ:

— Пріѣхалъ Бржозо?

— Ждемъ съ минуты на минуту,—отвѣтили ему.

Кто-то добавилъ, что Литскій, сформировавшій изъ учащейся молодежи эскадронъ кавалеріи, выступилъ на соединеніе къ сборному пункту.

— Кавалерія?!—заинтересовался Пѣховичъ.—А откуда же молодежь добудетъ оружіе и лошадей?

— Бржозо все брался изготовить. Вотъ, жаль, онъ заболѣлъ и не пріѣзжаетъ.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХС, стр. 42.

Послѣ ужина всѣ были собраны въ кружокъ. Пѣховичъ назначилъ двухъ братьевъ Бржохоцкихъ адъютантами; троихъ пожилыхъ отцовъ семейства—начальниками отдѣловъ (баталіоновъ) будущаго отряда; еще было назначено нѣсколько ординарцевъ. Двухъ старыхъ дѣвъ и одну разбитную красавицу-вдову командиръ съ учтивымъ поклономъ просилъ принять на себя обязанности курьеровъ и доставку депешъ.

Назначенные съ радостію поклялись исполнять порученія, не щадя себя.

— А что казначей еще не прибылъ?—въ третій разъ спросилъ Пѣховичъ. Хозяйка, близкая родственница Бржоза, подошла и принялась выгораживать его. Командиръ выслушалъ и объявилъ:

— Ёдемъ къ нему, господа, если онъ къ намъ пріѣхать не въ силахъ. Господа адъютанты, распорядитесь, чтобы чрезъ четверть часа готовы были лошади. Прошу всѣхъ здѣсь присутствующихъ сопровождать меня.

Когда онъ ушелъ въ свою комнату, помѣщики заволновались. Послышался ропотъ и даже сердитые окрики: деспотизмъ и рѣзкость доводцы, очевидно, не понравились. Но дамы были на его сторонѣ и кричали:

— Такъ и надо! Съ такимъ начальникомъ только и можно ожидать успѣха.

Въ два часа ночи мы всѣ, человѣкъ сорокъ, прибыли въ Одынцы, имѣніе Бржоза. Въ домѣ не свѣтилось ни одного огонька, и даже ворота оказались на запорѣ. Но Пѣховичъ не поцеремонился: ворота сорвали съ петель и въ подъѣздъ застучали кулаками, рукоятками сабель, а когда это не помогло, выбили окно, и адъютантъ, младшій Бржохоцкій, юноша лѣтъ восемнадцати, влѣзъ въ сѣни и открылъ дверь. Въ домѣ проснулись, показалась прислуга, замелькали огни, освѣтили залъ, полупустую, старинную комнату со сводами, несомнѣнно монастырской постройки: Одынцы было подуховное имѣніе. Явилась закутанная въ платокъ хозяйка пани Клементина Бржозо. Лицо ея было далеко не любезно, и съ устъ не сорвалось ни единого патріотическаго заявленія, а, напротивъ, посыпались укоры: какъ можно было тревожить ночью больного и женщинъ?

— Гдѣ вашъ мужъ?—вмѣсто всякихъ возраженій спросилъ Пѣховичъ.

— Лежить въ спальнѣ больной.

— Хорошо. Идемъ къ нему въ спальню, господа!

Барыня испугалась и объявила, что мужъ сейчасъ самъ явится.

— Даю пять минутъ сроку,—порѣшилъ доводца.

Толстый, ожирѣвшій, со включенными волосами, въ халатѣ, напуганный всѣмъ происшедшимъ, наконецъ явился казначей Наполеонъ Бржозо.

Это была крайне антипатичная личность. Онъ началъ съ того, что попытался заключить Пѣховича въ объятія и облобызать, но, когда это не удалось, ухитрился чмокнуть его въ плечо. Я не буду описывать допроса, изворотовъ этого господина, лганья и при невозможности вывернуться — самаго пошлаго униженія. Дошло даже до того, что Наполеонъ Бржозо попытался обнять колѣни Пѣховича. Ни денегъ, собранныхъ для вооруженія отряда и высланныхъ изъ Вильны, ни запасовъ, ни оружія—ничего не было.

— У меня деньги украли проклятые москали,—заявилъ кезначей.

— Зачѣмъ же вы не донесли объ этомъ раньше?!

Бржозо только хлопалъ глазами и молчалъ.

Жена его вопила:

— Это насъ обвиняютъ въ воровствѣ?! Да мой Наполюсь честнѣйшій человѣкъ. Такъ и москали не поступаютъ съ патріотами.

— Необходимъ примѣръ. Это воровство—хуже предательства,—рѣшилъ доводца.

За этимъ послѣдовало приказаніе снять лампу съ потолка посреди залы, принести веревку, и Пѣховичъ хладнокровно объявилъ среди озадаченной и онѣмѣвшей толпы:

— Властью, данной мнѣ народнымъ правительствомъ, приговариваю Наполеона Бржоза за измѣну родинѣ, утайку денегъ и обманы, какъ безчестнаго, къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Господа адъютанты, возьмите въ помощь ординарцевъ и повѣсьте приговореннаго.

Ни адъютанты, ни ординарцы не тронулись съ мѣста.

Пѣховичъ вынулъ пистолеть, взвелъ курокъ и, обращаясь къ поблѣднѣвшему Бржохоцкому, близкому родственнику Бржоза, сказалъ:

— Даю пять минутъ сроку: если вы не повѣсите приговореннаго, я застрѣлю васъ перваго за ослушаніе.

Бржоза взяли подъ руки и потащили вѣшать. Жена его давно уже убѣжала, и на дворѣ слышался подозрительный шумъ. Еще бы минутъ десять, и вороватый казначей повисъ бы. Но въ эту минуту на дворѣ усилились крики, послышался топотъ многихъ бѣгущихъ людей; гдѣ-то выстрѣлили. И изъ оконъ мы увидѣли много народу, бѣжавшаго черезъ садъ къ дому.

Второй Бржохоцкій, съ испуганнымъ лицомъ, прибѣжалъ сообщить, что кто-то далъ знать въ деревню, и мужики съ писаремъ и старшиной и дьячекъ съ ружьемъ бѣгутъ вязать поляковъ. Нужно было уходить.

Мы едва успѣли выскочить чрезъ балконъ и сѣсть въ экипажи, какъ крестьяне уже заняли домъ. Наполеонъ Бржозо кричалъ имъ изъ окна:

— Спасите меня, братцы! Поляки напали... А я—русскій! Я за васъ стою!

Дорогою въ усадьбу Онуфріевичей, сидя со мною въ нетычанкѣ, угрюмый довудца выражалъ сожалѣніе, что уходя не застрѣлилъ Бржоза.

— И хорошо сдѣлали,—замѣтилъ я.—Если бы вы убили этого плута, завтра для похода въ Бабичево и двадцати человѣкъ бы не собралось.

На другой день отрядъ въ сто десять человѣкъ разнаго сброда выступилъ къ Бабичеву. Предводитель и его адъютанты, въ польскихъ костюмахъ, ѣхали верхами. Погода была теплая. Длинной вереницею экипажей и лошадей тянулись мы, польское войско, по узкой каменистой дорогѣ. Остановки были частыя, и въ этотъ день не успѣли дойти до мѣстечка, а простоявъ часа четыре въ бору на бивуакѣ, съ разсвѣтомъ увидѣли золотой крестъ бабичевского костела и убогую колокольню православной церкви.

Въ Бабичевѣ была назначена дневка. Очень страннымъ казалось, что нашъ отрядъ, пройдя какихъ нибудь пятнадцать верстъ, уже нуждался въ суточномъ отдыхѣ, и это въ то время, когда земля буквально горѣла подъ нашими ногами: войска изъ Литска и исправникъ съ вооруженными мужиками изъ Оши, по слухамъ, шли съ двухъ сторонъ, чтобы обхватить углублявшихся въ болота инсургентовъ. Спасительно было бы положить между врагомъ и собою Днѣпръ и попытаться соединиться съ сильнѣйшимъ гор—имъ отрядомъ, но, тѣмъ не менѣе, Пѣховичъ назначилъ въ Бабичахъ дневку. На это онъ имѣлъ много уважительныхъ причинъ. Собственно отряда подъ его начальствомъ еще не было, а за нимъ просто тянулась толпа людей: мужчинъ, женщинъ, подростковъ, старцевъ, помѣщиковъ-брюхачей, экономовъ, болѣе вороватыхъ, чѣмъ воинственныхъ, разныхъ сѣрыхъ шляхтичей и тому подобнаго сброда! Были вооруженные, были и безоружные. Въ видѣ обоза двигалась за отрядомъ длинная вереница экипажей и воевъ, многіе уже успѣли поломаться. Никто не зналъ, кого слушать, какъ строиться и какого держаться порядка на походѣ. Быстрый (не очень впрочемъ) ночной маршъ расхолодилъ помѣщичій энтузіазмъ, а высокіе каблуки щеголеватыхъ сапогъ сдѣлали свое дѣло: у большинства ноги оказались стертymi, испорченными.

— Не лучше ли намъ переобуться въ лапти?! — предложилъ кто-то.

Но это было отвергнуто, какъ неприличное дворянамъ.

Оружіе для облегченія везли на повозкахъ. Довудца, подходя къ Бабичамъ, приказалъ разобрать ружья; вооруженнымъ сплотиться въ колонну и, въ сопровожденіи адъютантовъ и еще нѣсколькихъ всадниковъ, вступилъ въ мѣстечко довольно торжественно. Ксендзы вышли на встрѣчу съ крестомъ и св. водою, ко-

торую нась и окропили. Мѣщане сбѣжались смотрѣть на польское войско, не обнаруживая первоначально враждебнаго настроенія. Въ толпахъ мѣщанъ слышались рѣчи:

— Говорили: поляки идутъ. Какіе же это поляки? Это все наши паны.

По адресу нѣкоторыхъ, особенно нелюбимыхъ, слышались далеко не лестные эпитеты. Попъ спрятался въ лѣсъ; полицейскій, не ожидая банды, ускакалъ въ Ошу съ донесеніемъ.

ХІІІ.

На площадкѣ передъ костеломъ расположился обозъ; стали готовить обѣдъ. У ксендзовъ приготовленъ былъ довольно роскошный фестиваль предводителю и тузамъ банды. Въ костелѣ загремѣлъ органъ, и началась служба. Патеръ съ амвона кричалъ, что мы должны постоять за угнетенную католическую церковь, и Богъ, какъ древле за Израиля, будетъ за насъ поборать. Все это очень трогало женщинъ. Что касается грубыхъ шляхтичей, игравшихъ роль солдатъ въ бандѣ, они едва ли и слушали, что говорилъ патеръ. Подобно легкомысленнымъ дѣтямъ, десятки ихъ разбрелись по мѣстечку, напились въ жидовскихъ шинкахъ и скоро затѣяли съ мѣщанами ссоры. Послышались выстрѣлы.

— Вяжи ихъ, ребята!—кричали мѣщане.

— Подождемъ мѣстечко! стрѣляйте въ хамовъ! — гремѣло со стороны находившихся подъ куражомъ разныхъ экономовъ и шляхтичей.

Пѣховичъ встревожился; не далъ даже патеру, какъ тому желалось, хорошенько проклясть москалей, собралъ своихъ разсыпавшихся подчиненныхъ, раздѣлил ихъ на три баталіона (человѣкъ по тридцати въ каждомъ), отдалъ подъ команду баталіонныхъ, назначилъ десятниковъ; отдѣлил старцевъ и женщинъ, къ бою и походу непригодныхъ, и приказалъ строго-настрого: ссоръ не заводите; слушаться командировъ. Кто будетъ своевольничать, того сейчасъ же онъ собственноручно застрѣлитъ. Женщины и старики дальше Бабичева съ отрядомъ не пойдутъ.

— Возвращайтесь по домамъ,—командовалъ онъ отлученнымъ,— и молитесь Богу, чтобы онъ не допустилъ врагу погубить наше святое дѣло.

Многіе втайнѣ и ранѣе уже подумывали о возвращеніи домой. Приказъ доводцы пришелся имъ по сердцу. Женщины только упирались непремѣнно итти въ болота и предлагали свои услуги для перевязки будущихъ раненыхъ. Но и въ этомъ получился категорическій отказъ.

Въ квартирѣ ксендзовъ начался обѣдъ шумный, веселый, съ обильною выпивкою и разными декламациями. Предводитель былъ

молчаливъ. На вопросъ, куда онъ поведетъ отрядъ, отвѣтилъ, что онъ ждетъ соединенія и тогда рѣшить.

— Въ болота пойдѣмъ!—говорили одни. И хвастались, что тамъ москаль не скоро ихъ добудетъ. Другіе, а въ ихъ числѣ и я, напротивъ были увѣрены, что пойдѣмъ къ Днѣпру, на Гор—и, по слѣдамъ и на соединеніе съ тамошнею бандою.

Кто-то совралъ, будто онъ получилъ вѣсть, что Топоръ (предводитель гор—ой банды, офицеръ генеральнаго штаба З—кій) взялъ уже Днѣпровскъ и овладѣлъ артиллеріей. Дамы замахали платками, кричали «виватъ!» и требовали, чтобы ксендзы пѣли «Те Деум»... Но скоро наступило разочарованіе: запыленный, на взмыленныхъ лошадяхъ и въ поломанной отъ спѣшной ѣзды натычанкѣ, прискакалъ помѣщикъ Александръ Пухъ и, съ озабоченнымъ лицомъ, потребовалъ видѣться съ Пѣховичемъ. Тотъ сидѣлъ въ это время въ кабинетѣ ксендза, запершись со своими адъютантами, и диктовалъ имъ приказы. Онъ принялъ пана Пуха, а мы окружили его кучера и узнали тайну: Гор—и были уже сожжены бандою Топора, солдаты мѣстной команды перебиты, и инсургенты ушли по дорогѣ къ Кр—еву, на юго-западъ.

— А Днѣпровскъ еще наши не взяли?—спросилъ одинъ изъ баталіонныхъ командировъ, отставной военный.

— Гдѣ взяли?!—простоудушно отвѣтилъ кучеръ.—Тамъ пушки съ солдатами. Пошли, сказываютъ, солдаты полякамъ на перерѣзъ. Гляди, всѣхъ заберутъ въ полонъ.

— Руки коротки!—сердито закричали въ толпѣ.—Съ гор—ми самъ Топоръ. Онъ обѣщалъ и до Волги дойти, да и мы подойдемъ.

Но намъ подойти на помощь гор—кой бандѣ не пришлось: дурныя вѣсти быстро слѣдовали одна за другою. Послѣ Пуха пріѣхалъ старый селянинъ Вѣтржановскій и, какъ фактъ положительный, рассказалъ, что исправникъ собралъ видимо-невидимо мужиковъ—тучу цѣлую; при немъ и команда солдатъ. Кто-то его извѣстилъ, что банда въ Бибичевѣ, и онъ занялъ дорогу къ Днѣпру и на Ошу.

— Къ ночи будетъ здѣсь,—кричалъ Вѣтржановскій.—Утекайте, братцы, а то худо будетъ: заберутъ.

Вышедшій на шумъ Пѣховичъ строго прикрикнулъ на Вѣтржановскаго, назвалъ его сообщеніе вздоромъ, но къ походу велѣлъ сейчасъ же готовиться.

Выступали по дорогѣ къ Лю—мъ, т.е. уходили въ болота. Всѣ сразу стали угрюмы. Зачисленные въ батальоны выстроились, и десятники стали во главѣ командъ. Изъ остального народа въ мѣстечкѣ скоро никого не осталось. Одинъ экипажъ за другимъ, безъ шума, потихоньку, отъѣзжалъ прочь. Женщины плакали и проклинали москалей, разставаясь съ тѣми изъ близкихъ, которымъ приходилось наконецъ начинать настоящее боевое поприще.

Но уйти такъ безпрепятственно отряду нашему не удалось. Толпа мѣщанъ собралась на выѣзды за околицу Бабичева, взрыла дорогу и засѣла съ ружьями за плетни и избы.

— Разойдитесь и пропустите насъ!—крикнулъ Пѣховичъ, подѣзжая верхомъ къ мѣщанамъ.

— Бяжи его! Что болтать пустое: берите его, ребята! — слышались голоса.

— Велю стрѣлять, если только кто тронется, — хладнокровно командовалъ Пѣховичъ и добавилъ какъ можно громче:—не пропустите—зажгу мѣстечко.

Эта угроза подѣйствовала.

Мѣщане пожалѣли своихъ домовъ и пропустили насъ. Батальоны, какъ вышли за околицу, сейчасъ потеряли строй, сбились въ толпу; люди брели уныло, повѣся голову. Кое-гдѣ слышались шопотомъ разговоры, что тамъ, куда мы идемъ—въ болотномъ бору, имѣются засѣки и рѣчка съ топкими берегами прикрываетъ фронтъ позиціи, и только бы намъ туда добраться. Но тутъ же, еще тише, опасаясь доводцы, иные скептики возражали, что никакихъ засѣкъ нѣтъ—никто ихъ не устраивалъ. Вѣтржановскій и кучеръ Пуха знали хорошо мѣстность и ручались: до самаго Литскаго шоссе, кромѣ топей и лѣснаго бездорожья, никакихъ закрытыхъ позицій нѣтъ.

— Заберутъ насъ и рассядятъ по острогамъ.

— Чортъ насъ надоумилъ сунуться на войну, когда ничего нѣтъ.

Эти и подобныя рѣчи не предвѣщали ничего хорошаго. Безъ оружія, скорѣе, какъ зритель, чѣмъ какъ участникъ, я шелъ позади и думалъ; невеселыя мысли приходили мнѣ въ голову. Не то, чтобы я боялся за себя или жалѣлъ кикихъ либо опредѣленныхъ неудавшихся плановъ, но я просто о себѣ не думалъ. Куда мы идемъ? Узкая, колеистая дорога вела въ глубь чахлаго бора; почва понижалась, и начинались мхи. Мѣстами сверкали озерца, оставшіяся отъ вешняго половодья. Вечерѣло. На горизонтѣ скоплялись тяжелыя, сѣрыя тучи, и усилившійся вѣтеръ гналъ ихъ къ намъ навстрѣчу, обѣщая къ ночи дождь. Недовольная и обезкураженная толпа спотыкалась въ сумракѣ, бранила дорогу и перекладывала ружья съ плеча на плечо. Всѣ эти охотничьи двустволки были очень тяжелы. Сабли, помнившія еще 1812-й годъ, оружіе мало опасное, на ходу болтались между ногъ; ихъ подвязали, но и это мало помогло. Экономы и шляхтичи съ рушницами—длинными тяжелыми кремневыми ружьями, поминутно отставали, садились на пеньки и поправляли свое боевое снаряженіе, а Пѣховичъ, переѣзжая отъ авангарда къ арьергарду, все усиленнѣе и усиленнѣе торопилъ идущихъ.

Мы свернули съ Люб—ой дороги и пошли влѣво какою-то тропкою, а вѣрнѣе напрямикъ лѣсомъ.

XIV.

Вечерній сумракъ, можетъ быть, обманывалъ меня, но я не могъ отдѣлаться отъ мысли, что толпа наша — человѣкъ въ восемьдесятъ, вышедшая изъ Бабичева, за походъ сильно сократилась. По приблизительному счету теперь не было и шестидесяти человѣкъ. Возлѣ меня шелъ нѣмецъ Засъ—лѣсничій. Высокій, здоровый нѣмецъ, отличный стрѣлокъ, онъ былъ очень не развитъ и даже плохо понималъ по-польски. Служилъ онъ у князя Мирскаго и пошелъ въ походъ очевидно только потому, что всѣ почти его сослуживцы пошли.

— Кто останется дома за печкой въ этотъ великій моментъ,— толковали ксендзы и въ особенности женщины,— тотъ потомъ не найдетъ въ обществѣ руки, которая бы протянулась къ нему для дружескаго пожатія; не найдетъ между польками и женщины, которая бы его полюбила...

Угроза немаловажная, особливо для людей той эпохи, непохожихъ на нынѣшнихъ уравновѣшенныхъ и мало чѣмъ, кромѣ денежныхъ выгодъ, увлекающихся господъ. Мой Богъ! дружеское пожатіе руки и женская любовь! мы во все это еще вѣрили и высоко цѣнили всѣ подобные миражи.

— Вы будете драться?—спрашиваю Заса.

— Мой будетъ стрѣлять,—отвѣтилъ нѣмецъ.—Мой женится, когда вернется съ похода.

— Въ кого вы будете стрѣлять?

— Въ кого?!

Вопросъ озадачилъ нѣмца. Онъ подумалъ минуту и отвѣтилъ:

— Мой выстрѣлитъ въ того, кто будетъ тамъ... впереди.

Заса убили перваго въ небольшой стычкѣ, единственной, которую имѣла банда Пѣховича. Онъ тоже, какъ рассказывали, застрѣлилъ двухъ мужиковъ. За что онъ погибъ? За чѣмъ онъ убивалъ мужиковъ, собранныхъ по приказу исправника?

Какое странное и, если хотите, какое нелѣпое время мы переживали тогда! Ко мнѣ подѣхалъ Пѣховичъ, и мы съ нимъ отстали на нѣсколько шаговъ отъ идущей толпы. Онъ досталъ изъ-за обшлага сложенное, маленькое письмо и передавая сказалъ:

— Извольте, незамѣтно отставъ отъ колонны, сейчасъ же вернуться въ Бабичево, или куда знаете—на ближайшій хуторъ; добудьте лошадь, переправьтесь черезъ Днѣпръ и догоните гор—кій отрядъ. Въ этой бумагѣ я прошу Топора не идти на Днѣпровскъ; тамъ больше силъ, чѣмъ мы предполагали. Пусть повернетъ на Ошу, возьметъ въ тылъ отряду исправника съ его хамами и выручитъ меня; день—два я надѣюсь продержаться въ болотахъ. Го-

ворю вамъ о содержаніи письма на случай, если его придется уничтожить. Отправляйтесь...

— И бросить васъ здѣсь на вѣрную гибель? Пошлите кого другого.

Довудца серьезно и строго поглядѣлъ на меня. Брови его сдвинулись, и, собирая поводья горячившейся лошади, намѣреваясь отъѣхать прочь, онъ сказалъ:

— Я здѣсь начальникъ: исполняйте, что приказываю. Если успѣете догнать Топора, уговорите его итти на Ошу — вы этимъ спасете дѣло, а, толкаясь здѣсь, едва ли на что пригодитесь. Вѣдь вы врядъ ли и стрѣлять умѣете. Да и не будете вы стрѣлять, я увѣренъ...

Отъѣхавъ на нѣсколько шаговъ, онъ опять вернулся, пожалъ мнѣ руку и съ слабою улыбкою, наклонившись съ сѣдла, чтобы не услыхалъ, добавилъ:

— Отставайте отъ колонны понемногу. Такимъ порядкомъ уже много народу отстало. Притворяюсь, будто не вижу. Труссы, негодяи, болтуны. Вы вѣрнѣе ихъ понимали... Но довольно. Будьте счастливы и, если я буду растрѣлянь или убитъ, напишите объ этомъ женѣ... Нѣтъ, лучше ничего ей не пишите. Прощайте!

Я остался одинъ на дорогѣ; ночь наступила въ бору очень скоро, и мракъ закуталъ, точно чернымъ пологомъ, все и дорогу, и боръ, и небо. Жутко мнѣ было итти одному въ темнотѣ.

Хотя бы луна проглянула, или звѣздочка мелькнула въ вышинѣ. Но, нѣтъ, небо казалось однообразною, темною бездною. Вѣтеръ вылъ уныло между деревьями; глаза съ трудомъ различали дорогу; чтобы не шлепать по грязи, я шелъ опушкою и скоро дошелъ до перекрестка. Мнѣ хорошо помнилось: направо большая, широкая просѣка вела къ Бабичеву, лѣвѣе—на Люб—чи и къ Днѣпру. Итти къ Бабичеву теперь значило прямо отдаться въ руки исправнику. Мѣстечко вѣроятнѣе всего было уже занято его командою. Безопаснѣе казалось повернуть на Люб—чи, нанять жидка и переправиться за Днѣпръ, а тамъ ужъ легко разузнать, гдѣ Топоръ и его отрядъ. Такъ я и сдѣлалъ. Но выбранная дорога превратилась скоро въ тропу; деревья сгустились и почти закрыли узкую полосу неба, виднѣвшуюся надъ головою. Туда ли я иду?! приходило мнѣ въ голову. Возвращаться назадъ, однако, не хотѣлось. Куда нибудь да приведетъ же дорога?—соображалъ я, ускоренно шагая и увязая по временамъ въ глубокой грязи. Такъ прошло часа два. Лѣсъ былъ также густъ; признаковъ жилья никакихъ не попадалось; ни нивки, ни лужка. Боръ шелъ безъ конца; соснякъ то подымался высоко вѣковѣчною пущей, то понижался карловатою зарослью на моховинахъ и болотинахъ. Дорога совсѣмъ исчезла изъ-подъ ногъ. Поминутно натываясь на пни, цѣпляясь

за развилыстыя корни сосенъ, я остановился, чтобы сообразить: куда забрель? Надо было поискать потерянную тропу. Шагахъ въ десяти, правѣе, впереди, виднѣлась открытая поляна. Доставъ изъ кармана часы и, не разглядѣвъ стрѣлокъ въ темнотѣ бора, я пошелъ къ полянкѣ. Почва какъ будто тряслась подо мною; подъ ногами что-то гнулось, и вода смочила подошву сапога. Но ползни были тутъ же, и я, продираясь дальше, вдругъ увязъ по колѣно въ иль, точно ледъ проломился подъ моею тяжестью. Насколько чувство страха тогда было далеко отъ меня, насколько не приходила на умъ мысль объ опасности моего положенія, доказательствомъ служить то, что я открылъ часы и разглядѣлъ стрѣлки: было ровно одиннадцать часовъ.

Ноги мои продолжали увязать; ихъ тянуло внизъ, засасывало. Высокія голенища сапогъ уже погрузились... Я рванулся, пытаюсь высвободиться, и увязъ по поясъ. Холодный потъ выступилъ у меня на лбу. Впервые пришло мнѣ на умъ, что я попалъ въ такъ называемое болотное окно, падъ, глубокую на много сажень. Бездонную!—какъ увѣряли крестьяне. Бродящій по бору скотъ, попадая въ такія окна, неизмѣнно погибалъ. Всякое усиліе выбраться только больше и больше погружало попавшаго въ жидкій иль, разрывая слабую плетенку изъ корней и водорослей, затягивавшую опасное мѣсто.

Попавшій въ болотную падъ самъ рылъ себѣ могилу, стараясь выбраться изъ трясины. Въ эту страшную минуту вѣтеръ разорвалъ облака, и луна выглянула, освѣтивъ и окрестный боръ и предательскую лужайку. Напротивъ торчали какіе-то кусты; а за ними виднѣлось совсѣмъ чистое мѣсто.—Это и есть самая падъ!—сообразилъ я и поглядѣлъ назадъ: на пройденномъ мною пути едва виднѣлись слѣды; болото ихъ аккуратно затягивало.

Пройдетъ два, три часа, я погружусь въ иль, и надъ моею головою точно также сомкнется предательское болото; ни одна душа во всемъ мірѣ не догадается, гдѣ я погибъ. Отъ этихъ мыслей мнѣ стало и жарко и холодно въ одно и то же время. Ужасъ, точно вѣтеръ, поднималъ дыбомъ волосы на моей головѣ. Меня тянуло внизъ, въ бездну, невѣдомою силою. Ноги тщетно искали опоры; тамъ, подо мною ничего не было, я это чувствовалъ и уже не пробовалъ шевелиться.

— Погибель неизбѣжна! Болото засосетъ свою жертву, но если я не буду шевелиться, — проживу часъ, два, болѣе, — соображалъ я точно въ горячкѣ. Часъ—два прожить, и это казалось огромнымъ выигрышемъ. Лѣвѣе стояли высокія сосны; до нихъ и десяти шаговъ не было. Онѣ росли очевидно у края трясины, или на островкѣ.

Я шелъ тамъ; вѣроятно, и дорога была тамъ же. Передъ тѣмъ, какъ увязнуть, помнилось, шелъ я накатникомъ, по старымъ, гни-

лымъ бревнамъ—значить, по самой дорогѣ. По ней ктонибудь можетъ проѣхать и подать мнѣ помощь: длинную жердь, оглоблю отъ телѣги, сукъ наконецъ... Стоило ухватиться за конецъ, и спасеніе несомнѣнно. Но кто же могъ проѣхать въ ночное время? Да и точно ли эта тропа, по которой я шелъ,—дорога въ Люб—чи, а не зимникъ—путинка мужиковъ, ѣздившихъ зимой за дровами, никуда, ни въ какое жильё не ведущая?!

XV.

Мнѣ показалось, прошло нѣсколько часовъ, пока я осторожно, не дѣлая движеній, торчалъ среди болота, тѣмъ не менѣе продолжая въ него погружаться. Луна свѣтила ярко; облака разнесло вѣтромъ; темная синева ночного неба, съ мириадами холодныхъ, блестящихъ звѣздъ, тянулась надо мною. Но какъ я былъ далеко отъ спасенія, такъ и это небо было далеко отъ меня. Равнодушная, прекрасная и вѣчно безучастно-холодная Изида древнихъ египтянъ смотрѣла на погибающаго человѣка. Ужасъ, отчаяніе, холодная злоба наполняли горячечными образами мой мозгъ; я и молился, и богохульствовалъ, и бранилъ себя.

Ночь, мертвая тишина стараго бора и это безучастно глядящее высокое небо! О, какъ я до сего дня хорошо помню все это; какъ и теперь еще сердце мое болѣзненно сжимается при воспоминаніи! Когда я стану умирать и смерть заглянетъ въ глаза—если только ранѣе не потеряю сознанія—я, вѣроятно, буду чувствовать такой же холодный, безграничный, бездонный, какъ вѣчность, ужасъ, какой я чувствовалъ тогда, засѣвъ уже выше пояса въ бабичевскомъ болотѣ и глядя на распростертое надо мною далекое звѣздное небо.

Въ рукахъ моихъ были открытые часы; поглядѣвъ на стрѣлки, я увидѣлъ, что онѣ показывали половину перваго; значить, цѣлыхъ полтора часа прошло послѣ провала въ трясину. Правѣе, при яркомъ свѣтѣ мѣсяца, ясно виднѣлась небольшая кочка, вспученная на гладкой поверхности. Если я осторожно наклонюсь на эту сторону, думалъ я, достану рукою кочку и обопрусь,—на часокъ какойнибудь кочка поддержитъ меня. Но вмѣсто того, чтобы продѣлать задуманный маневръ, я вдругъ принялся кричать громко, жалобно, сердито и долго, долго кричалъ. Эхо гулко разносило по лѣсу мои отчаянные крики. Охрипнувъ и выбившись изъ силъ, я пересталъ кричать, склонилъ голову и порѣшилъ:

— Спасенья нѣтъ! надо умереть...

Впослѣдствіи мнѣ случилось стоять подъ выстрѣлами; пули ранили и убивали рядомъ стоявшихъ со мною. Это были тяжелыя минуты; страхъ тѣснилъ грудь, но это совѣтъ не то: ощущеніе страха, испытываемое подъ пулями, менѣе ужасно сравнительно съ тѣмъ,

что я переживалъ въ ожиданіи страшнаго мгновенія, когда болото засосетъ меня, и жидкій илъ сомкнется, не оставивъ даже слѣда надъ моей головой.

До половины груди я уже погрузился въ этотъ илъ; по временамъ изъ него вырывались пузырьки и лопались. Нѣчто, какъ живое, грузное тянуло меня внизъ; въ вискахъ начинало стучать; въ ушахъ шумѣло; очевидно, прежде чѣмъ утонуть въ этой вонючей грязи, я задохнусь, сойду съ ума. Не лучше ли, не благоразумнѣе ли будетъ разомъ рвануться, попробовать выплыть изъ ямы и, если не удастся попытка, сейчасъ же, скорѣе, безъ ужасной агоніи захлебнуться и погибнуть?

Въ эту минуту, когда такія отчаянныя мысли приходили мнѣ на умъ, среди мертвой тишины, царившей въ бору, вдругъ послышались какіе-то звуки: далеко гдѣ-то, въ сторонѣ, по бревнамъ накатника, кто-то ѣхалъ. Я замеръ, боясь шевельнуться, боясь окончательно провалиться въ бездну прежде, чѣмъ онъ — мой спаситель— успѣетъ подѣхать. Звуки колесъ становились все яснѣе и яснѣе; вотъ и топотъ лошади, и слышно даже понуканье; ѣдутъ совсѣмъ близко. Я снова принялся кричать.

Телѣга остановилась. Изъ-за деревьевъ показалась человѣческая фигура. Было свѣтло отъ мѣсяца, и въ глядѣвшей на меня фигурѣ глаза мои различили стараго, рыжаго, съ большой бородою тщедушнаго жидка. Въ рукахъ у него былъ кнутъ; онъ приемотривался ко мнѣ и очень хладнокровно спросилъ:

— А какъ, панъ, сюда попалъ?

— Вытащи меня сперва, потомъ и спрашивай! тутъ не пройдешь... увязнешь самъ. Поищи жердь какую, сукъ большой и протяни ко мнѣ.

Жидокъ принялся искать; долго искалъ, отходилъ далеко, одинъ разъ даже увязъ въ грязи и выругался. Мнѣ казалось, поищу его не будетъ конца. Но длинная, тонкая жердь была наконецъ найдена, протянута ко мнѣ осторожно, медленно, — еврей очень боялся попасть самъ въ то болотное окно, въ которомъ сидѣлъ я, — наконецъ рука моя ухватилась за шесть, и я поползъ въ жидкомъ морѣ грязи. Оборвись изъ рукъ старика шесть, а этого едва раза три не случилось, и никакая сила не спасла бы меня. Но вотъ и берегъ. Какъ клещи, впились мои пальцы въ корявый стволъ сосны, первой, до которой мнѣ удалось добраться. Еще минута, и я стоялъ мокрый, грязный, на бревнахъ накатника, составлявшаго дорогу черезъ болото.

— Ну, какъ, панъ, сюда попалъ?— продолжалъ любопытствовать еврей.

— Ёхалъ верхомъ; слѣзъ съ лошади поправить подпругу, лошадь вырвалась и убѣжала, я хотѣлъ забѣжать ей напередъ и провалился въ болото, — экспромтомъ сочинилъ я исторію, вполне удовлетворившую еврея.

— Дурное это мѣсто, — продолжалъ онъ. — Тутъ въ прошломъ году нашъ Лейзеръ изъ Лю—чъ коня съ телѣгою утопилъ. Сорвался конь съ накатника и увязъ; что больше бьется, то глубже вязнетъ; такъ Лейзеръ сказывалъ: при немъ, на глазахъ у него, и пошелъ конь и телѣга чрезъ донье (въ бездну, по мѣстному выраженію).

Мнѣ стало страшно отъ этого наивнаго повѣствованія...

Медлить, однако, не было времени. Приказъ Пѣховича я обязанъ былъ попытаться выполнить: догнать гор—кій отрядъ. На мои вопросы еврей объявилъ, что ѣдетъ въ Дубровку, мѣстечко на берегу Днѣпра и охотно взялся меня туда доставить. Въ Дубровкѣ, я зналъ, была переправа чрезъ рѣку.

Утромъ я очутился уже въ жалкой Дубровкѣ, заселенной нищими жидами и крестьянами князя Люб—го. Просушивъ платье, напившись чая и нанявъ новаго еврея, уже на парѣ бойкихъ лошадей, я къ двумъ часамъ по полудни очутился на шоссе, на второй станціи между Днѣпровскомъ и Ошей.

Смотритель, шляхтичъ Цить, оказался моимъ хорошимъ знакомымъ, его сыновья учились со мною въ гимназіи.

— Вы откуда и куда ѣдете?!—спросилъ онъ.

— Изъ Дубровки въ Днѣпровскъ; смотрѣлъ одно имѣніе для Глушенкова,—отвѣтилъ я.

— Генераль собирается купить. Не посовѣтовалъ бы: въ краѣ не покойно.

— А вы что нибудь слышали?

— Какъ не слышать. Гор—и сожжены,—понижая голосъ, отвѣтилъ онъ.—Перебили инсургенты нѣсколькихъ солдатъ инвалидовъ. Знаете странность: солдатамъ почему-то не были выданы боевые патроны. Часовыхъ у казначейства тоже застрѣлили потому, что они не хотѣли оставить постовъ. Срамъ просто, что понадѣлали.

Если бы добродушный старикъ смотритель былъ попроницательнѣе, онъ бы легко прочелъ на моемъ лицѣ и смущеніе, и горе, и стыдъ. Сердце мое защемила тоска. Не битва очевидно происходила, а бойня безоружныхъ людей, исполнявшихъ свой долгъ. Но смотритель, ничего не подозрѣвая, продолжалъ:

— Убить одинъ студентъ Доморжецкій, и то, говорятъ, свои по ошибкѣ его застрѣлили.

— Доморжецкій, старый другъ, вотъ какъ тебѣ пришлось кончить жизнь!—подумалъ я и перекрестился.

— Шайка ушла на югъ къ Сожу на Кр — въ. Только запоздала; тамъ ей отрѣзали дорогу артиллерія и двѣ роты пѣхоты. Еврейчики сказывали: студенты пьянствуютъ по барскимъ дворамъ и разбѣгаться уже начали. Не очень много навоевали.

— А дорога на Днѣпровскъ свободна?! проѣду я?..

— Проѣдете преотлично!

И смотритель, предложивъ мнѣ обѣдъ, отъ котораго я отказался: кусокъ не шелъ въ ротъ, — пошелъ приказать запрягать лошадей.

Когда я уже садился въ телѣгу, онъ шепнулъ мнѣ:

— А знаете, кто сегодня рано утречкомъ проѣхалъ?! Самъ Топоръ¹⁾ проѣхалъ: въ мундирѣ офицера генеральнаго штаба, по казенной подорожной. И не остановишь его... Во время удралъ.

Я даже ротъ разинулъ отъ удивленія.

— Да, вѣдь онъ, Топоръ, повелъ гор—ую шайку?

— Видно, бросилъ. И шайку, сказывали, уже оцѣпили.

Дай Богъ, чтобы Пѣховичъ догадался сдѣлать то же, бросилъ бы свою команду,—думалъ я, трясясь на перекладной.—Да нѣтъ, не такой человекъ. Этотъ поглупѣе и выдержать до конца. Не рѣшится бросить жалкую банду и попадетъ въ руки исправника и солдатъ.

Послѣднее именно и случилась. Но о судьбѣ Пѣховича расскажу въ своемъ мѣстѣ.

XVI.

Въ Днѣпровскѣ дочь столяра, моего квартирнаго хозяина, пятнадцатилѣтняя миловидная Машенька, встрѣтила меня нѣсколько встревоженная и сейчасъ же сообщила—мы съ нею жили въ дружбѣ — что квартальный въ мое отсутствіе два раза навѣдывался, а сегодня утромъ заходилъ даже жандармъ.

— Что же вы имъ, Машенька, отвѣтили!

— О, я васъ не выдала! — засмѣялась дѣвушка.—Не сказала, что поѣхали съ какимъ-то военнымъ, а увѣрила, что вы къ знакомымъ офицерамъ за Днѣпръ въ карты играть ушли.

— Повѣрилъ жандармъ вамъ?

— Кажется, не повѣрилъ.

Было девять часовъ вечера. Ровно недѣля прошла со дня моего выѣзда съ Пѣховичемъ.

Какъ разъ день именинъ жены Сенюкина сегодня,—сообразилъ я и, недолго думая, переодѣлся и поѣхалъ въ драконову пасть, прямо въ квартиру жандармскаго полковника.

Катерина Ивановна даже ахнула, увидя меня.

— Это вы? Вы здѣсь, у насъ, на вечерѣ?

— Какъ видите, я. Почему это васъ удивляетъ?

— Вы не обидитесь?

— Нимало не обижусь. Вѣдь вы мой другъ?

— Другъ, конечно. Слушайте же: у папы есть бумага. Тамъ кто-то пишетъ, что видѣли васъ въ Бабичахъ, въ шайкѣ.

¹⁾ Зверждовскій.

— Я же васъ предупреждалъ, когда вы меня на вечерѣ у Беклеванова звали на именины, что прѣйду даже изъ банды. Вотъ я и прѣйхалъ.

— И не боитесь?

— Чего?!

— Ареста. Ахъ, какъ много арестованныхъ!

— Вы меня не выдадите?!

— Сохрани Богъ. Что я должна сдѣлать?! Попросить папашу или спрятать васъ?

— Нѣтъ, ничего подобнаго. Докажите только вашу дружбу: будьте въ теченіе этого вечера очень, очень ко мнѣ благосклонны. Обѣщаю потомъ, если бы раскаялись въ вашей благосклонности, не злоупотреблять ею. Но теперь она меня спасетъ.

— Понимаю! Но я сдѣлаю больше...

Говоря это, Катерина Ивановна, добрая, хорошая дѣвушка, взяла меня подъ руку и начала ходить по залѣ, обращая вниманіе гостей и подавая поводъ къ сплетнямъ. Въ углу сидѣлъ адъютантъ Сенюкинъ, капитанъ Шварцъ, злая и ехидная личность. Онъ составлялъ самыя ядовитыя бумаги, а недалекій Сенюкинъ только подписывалъ. Приказъ о моемъ арестѣ у него, вѣроятно, уже былъ наготовѣ. Мы подошли къ нему, и Катенька, разговаривая съ нимъ, почти прилегла на мое плечо, что заставило капитана вытаращить глаза.

— Михаилъ Михайловичъ! Вы просили танцевать съ вами мазурку?

— Я имѣлъ эту честь!—чопорно раскланялся капитанъ.

— Но я обѣщала раньше, недѣлю назадъ, мазурку Александру Ивановичу. Уступите мазурку. Я съ вами за это двѣ кадрили протанцую. Согласны?

Не смѣя противорѣчить балованной дочери начальника, Шварцъ опять молча поклонился.

— Вы должны танцевать, хотя я знаю: поляки сейчасъ уже такъ не танцуютъ.

Посмотрѣвъ на мое грустное лицо, Катерина продолжала:

— Необходимо это. Лучше здѣсь протанцовать сегодня...

— Чѣмъ завтра итти въ острогъ,—докончилъ я.—А знаете, я еще не знаю, что лучше?

Дѣвушка посмотрѣла на меня и вздохнула.

Увидя насъ, сидящихъ въ кругу танцующихъ, Катенькина мать подошла улыбаясь.

— А, Александръ Ивановичъ! Очень рада, что вспомнили мои именины. Танцуете съ Катей? Значитъ, все неправда, что про васъ говорили?

— Все неправда!—былъ рѣшительный отвѣтъ Катеньки.

Полковница удалилась, шутя погрозивъ мнѣ пальцемъ.

Въ антрактѣ мы пошли въ кабинетъ, гдѣ Сенюкинъ игралъ въ карты съ Глушенковымъ и Беклевановымъ. Онъ сидѣлъ противъ дверей и даже выронилъ карты изъ рукъ, увидѣвъ насъ очень близкими другъ къ другу и подъ ручку.

— Цѣлуйте скорѣе мою руку,—шепнула Катенька.

Я поцѣловалъ маленькую, слегка дрогнувшую руку, и когда затѣмъ мы вернулись изъ кабинета на свое мѣсто, дѣвушка вдругъ спросила:

— Что съ вами? Вы плачете? У васъ слеза течетъ по щекамъ! Ахъ, какой вы нервный!

Я торопливо вытеръ глупую слезинку платкомъ, наклонился къ ней и шепнулъ:

— Я совершилъ нѣчто очень нехорошее, подлость. Тѣ, что были со мною,—въ тюрьмѣ, а я танцую...

До конца мазурки мы уже не разговаривали.

При первомъ удобномъ случаѣ я ушелъ съ имениннаго бала и, совершенно больной и нравственно разбитый, добрался до своей квартиры и бросился не раздѣваясь на кровать.

Струсилъ я? Нѣтъ, я не струсилъ... Зачѣмъ же я опять уклонился съ пути, по которому шелъ? Зачѣмъ воспользовался великодушiемъ доброй Катеньки, почти скомпрометировалъ ее, когда люблю другую? Наконецъ, какъ у меня хватило духу проплясать на могилѣ дѣла, которое брался отстаивать? Великій Боже! Какая масса противорѣчiй въ моихъ поступкахъ, и никакихъ мотивовъ для оправданiй!

Что мнѣ снилось? Не помню. Что-то очень скверное. Проснулся я поздно: меня звала къ Глушенкову племянница Наташа запискою по самонужнѣйшему дѣлу.

— Я очень рада за Катишь и за тебя. Наконецъ-то ты одумался. Она прекрасная дѣвушка,—пожимая дружески руку, встрѣтила меня Наташа.

— Съ чѣмъ ты меня поздравляешь?

— Развѣ ты вчера не сдѣлалъ Катишь предложенiя?

— И не думалъ.

— Не сдѣлалъ? Какъ же такъ?

И Наташа нахмурила брови.

— Но ты долженъ сдѣлать. Объ этомъ весь городъ говоритъ.

Я промолчалъ. Она нахмурилась еще больше и отвернулась, говоря:

— Иди, дядя, теперь къ отцу. Онъ утвержденъ управляющимъ акцизными сборами и, кажется, тебя уже назначилъ въ Ошу помощникомъ или не знаю кѣмъ-то.

Итакъ, вмѣсто инсуррекци я попалъ въ акцизъ.

XVII.

Май 1863 года совершенно измѣнилъ фizioномію нашего края. Помѣщичья заносчивость и бравированіе властями смѣнились уныніемъ. Комическая часть фарса, названнаго «Недѣля безпорядковъ въ М—ской губерніи» ¹⁾, окончилась, но трагическая еще только начиналась. Впрочемъ, и первая—комическая, была далеко не для всѣхъ участниковъ комична. Многіе уже горько сожалѣли, зачѣмъ рискнули погулять денька два-три по лѣсамъ съ охотничьими ружьями на плечахъ... Сбила съ толку прокламація, обнародованная въ началѣ апрѣля, обѣщавшая всѣмъ, которые положить оружіе до 1-го мая, полное прощеніе. Недѣля безпорядковъ въ Днѣпровской губерніи началась съ 22-го апрѣля и, когда все не удалось, когда одинъ предводитель (Пѣховичъ) сидѣлъ въ острогѣ въ Ошѣ и ждалъ военного суда и разстрѣліянія, а другой (воевода Топоръ) бросилъ своихъ соратниковъ и бѣжалъ, всѣ замѣшанные въ кукольную комедію якобы инсurreкціоннаго движенія и бродившіе еще въ лѣсахъ вспомнили, что 1-е мая, къ счастью, не наступило, и поторопились сдаться и сложить свое, по большей части, дѣвственное и въ причиненіи москалямъ вреда неповинное оружіе.

30-го апрѣля, въ квартиру становаго пристава, Казимира Пржейдихвоста, вечеромъ вломилась толпа вооруженныхъ людей. Это было въ мѣстечкѣ Х—ахъ. Становой струсиль и спрятался на сѣновалѣ. Ему уже мерещилось, что его сейчасъ повѣсятъ на воротахъ его собственнаго дома. За что повѣсятъ?

— А чортъ ихъ знаетъ, за что имъ вздумается меня вздернуть!—разсказывалъ послѣ Казимиръ Пржейдихвостъ.—Ну, зовутъ меня Казимиромъ, служу я русскому правительству, значитъ—измѣнникъ, и повѣсятъ. Тамъ, въ Польшѣ и на Литвѣ, вѣшали и за меньшее. Защиты никакой. Ихъ съ ружьями и ножами чelовѣкъ сорокъ, а у меня на кухнѣ два старца—десятскихъ и кучеръ—цыганъ. Жидаы же изъ мѣстечка ни за что въ мои дѣла не вмѣшаются.

— Насъ подожгутъ,—толковали жидаы, когда я созвалъ кагалъ и спрашивалъ, что намъ дѣлать.

— Вы, гашпадинъ штанавой, пожара гасить не пойдете... Ну, что намъ дѣлать? Мы народъ мирный. Если что случится нехорошее, откупимся деньгами, а вы тамъ, какъ сами знаете.

— Жилъ бы въ деревнѣ—мужиковъ собралъ, а въ еврейскомъ мѣстечкѣ, какъ только кухарка прибѣжала съ извѣстіемъ, что они идутъ, пришлось прятаться.

¹⁾ Брошюра В. О. Ратча.

Становой, получившій, впрочемъ, награду за усмиреніе мятежа, продолжалъ такъ свое повѣствованіе:

— У меня надъ конюшнею былъ чердачекъ съ сѣномъ. Я въ него проскочилъ и зарылся въ сѣно. Лежу въ сѣнѣ и слышу, гуляютъ по квартирѣ, ищутъ, кричатъ:

— Выходи, Казимиръ Ивановичъ! Что прячешься? Не бойся! Ничего дурного тебѣ не будетъ.

Заглянула ко мнѣ кухарка и совѣтуетъ выйти, а не то, слышала, грозятъ зажечь домъ, и погоримъ тогда всѣ. Перекрестился я, выхожу на дворъ; мундиришко въ сѣнѣ, голова всклочена, видъ не презентабельный. Ничего этакого устрашающаго нѣтъ во мнѣ... Окружили, посмѣялись и говорятъ такъ-таки преспокойно:

— Мы сдаемся.

— Какъ, спрашиваю, сдается?

— А такъ,—отвѣчаютъ,—сдаемся и оружіе слагаемъ. Въ полонъ идемъ добровольно. Сегодня 30-е апрѣля, и всѣ мы, бывшіе инсургенты, покоряемся. Пиши, Казимиръ Ивановичъ, протоколъ о сдачѣ и намъ копію съ него подавай.

— Вижу много знакомыхъ лицъ, все, почитай, наши же окрестные помѣщики. Не такъ уже страшно мнѣ, однако сомнѣніе все же беретъ: кто ихъ тамъ знаетъ... И какъ я буду такую ораву арестовывать двумя старцами-десятскими? Говорю: идите, господа, въ Ошу, тамъ и сдадитесь. У меня и конвойныхъ нѣтъ.

Смѣются.

— Видишь, чего захотѣлъ. Только не проведешь! Пока мы до Оши дойдемъ и тамъ сыщемъ начальство, чтобы положить оружіе, первое мая наступитъ. А въ манифестѣ сказано: прощеніе только тѣмъ, которые до перваго мая положатъ оружіе. Понимаешь, Казимиръ Ивановичъ? Будь другомъ, выручай.

— Тутъ я, конечно, все уразумѣлъ,—закончилъ становой свой рассказъ.—Обезоружилъ сорокъ два инсургента и на утро съ двумя десятскими отправилъ ихъ по начальству.

Надо ли говорить, что хитроумный расчетъ погулявшихъ денекъ-другой съ ружьями по лѣсу не удался: помилованіе сложившимъ оружіе до 1-го мая касалось только тѣхъ, которые до дня изданія манифеста были уже въ бандахъ, а наши до 22 апрѣля спокойно сидѣли по домамъ и вышли въ лѣса уже послѣ обнародованія манифеста. Такъ, по крайней мѣрѣ, и разсудилъ Муравьевъ, и опереточныхъ мятежниковъ приказано было судить далеко не опереточнымъ судомъ.

Хуже всего, что въ слѣдственные комиссіи, которыя сейчасъ же назначили, попали у насъ, за неимѣніемъ порядочныхъ людей изъ русскихъ, Богъ знаетъ какія личности. Въ Ошѣ засѣлъ стряпчій Лидскій, высокій сухой, какъ жердь, жадный взяточникъ изъ семинаристовъ, совершенно свободный отъ всякой совѣстливости.

Онъ немедленно и прежде всего принялся грабить всѣхъ попадавшихъ въ его лапы. А чтобы давали больше, чуть не всѣхъ пугалъ неизбѣжностію якобы смертной казни.

— Пока вы у насъ въ комиссіи,—говорилъ Лидскій,—помочь хотя и трудно, но можно, а попадете въ военно-судную, тамъ—аминь. Офицеришки эти и презусъ, полковникъ Гардтъ, всегда-то онъ выпивши, во-первыхъ, законовъ не знаетъ, а, во-вторыхъ, и думать не могутъ шадить. Знаете: Муравьевъ не кто другой...

И платили, много платили Лидскому.

Военнымъ начальникомъ Беклевановъ, за отсутствіемъ въ Ошѣ войскъ и военнаго, назначилъ акцизнаго надзирателя Осминовскаго. Получивъ столь степенственное и почетное назначеніе, Тимоѣй Семеновичъ сейчасъ же напился пьянъ. Съ утра до глубокой ночи у него въ квартирѣ закуски не сходили со стола, и карточные столики не убирались. Толпилось много разнаго сброда, и всякій занимался, чѣмъ хотѣлъ. Мужики подвозили арестованныхъ помѣщиковъ, отчасти пойманныхъ въ лѣсу, а больше прямо взятыхъ въ усадьбахъ. Связанныхъ, перепуганныхъ, Осминовскій встрѣчалъ ихъ на крыльцѣ.

— Не будете больше бунтовать?!—спрашивалъ онъ.

— Да помилуйте, Тимоѣй Семеновичъ, мы и не думали бунтовать,—отвѣчали тѣ, у которыхъ страхъ не вовсе отнялъ языкъ.

Женщины плакали.

— Видите ворота?—бахвалился пьяный.

— Видимъ.

— Ну, и повѣшу любого сейчасъ. Покоряйтесь, приносите раскаяніе и идите со мною въ комнату водку пить.

Увидѣвъ старика Онуфріевича, привезеннаго впрочемъ въ собственномъ экипажѣ, но подъ конвоемъ мужиковъ, Осминовскій закричалъ:

— А! а! вотъ кто пожаловалъ... Тебя-то намъ и не доставало.

Онуфріевичъ испугался, вообразивъ, что грозному военному начальнику уже извѣстно, какъ изъ его дома Пѣховичъ началъ свой походъ.

Старый майоръ трясся, какъ листъ. Грозныя широко распахнутыя ворота акцизнаго управленія были предъ глазами.

— А что какъ да велитъ повѣсить?!—разсказывалъ онъ послѣ.— Что съ пьянаго возьмешь?

— У насъ, голубчикъ, нѣтъ четвертаго для партіи преферанса,—подмигивая хитро глазомъ испуганному, шутилъ надъ нимъ Осминовскій.— Маршируй въ комнаты и бери сейчасъ карту.

Забранныхъ пановъ, накормивъ и напоивъ предварительно, Тимоѣй Семеновичъ, въ душѣ предобрый человекъ, за неимѣніемъ конвоя, сдавалъ на храненіе подъ расписку жидамъ. Много жидовъ на дворѣ толпилось у него весь день; взять богатаго помѣщика на поруку было для жидковъ далеко небезвыгодно.

Взятокъ Осминовскій прямо ни съ кого не бралъ; стряпчаго Лидскаго ругалъ даже за поборы. Но зато онъ вѣчно занималъ деньги на денекъ, съ выдачею расписокъ, у кого могъ, направо и налѣво. Пропивался, проигрывался онъ постоянно и въ двѣ недѣли своего пребыванія въ санѣ военнаго начальника опскаго округа едва не допился до бѣлой горячки. Къ счастью, пришелъ пѣхотный полкъ, и полковой командиръ смѣнилъ нашего Тимоея Семеновича.

Подъ Ошей жилъ въ своемъ имѣннн богатый баринъ: толстый, старый, брюхастый панъ Геронимъ Базильскій, мужъ молодой жены, красавицы. На него и въ особенности на его жену, пани Марту, подано было много доносовъ. Подученный Лидскимъ, чувшимъ поживу, Осминовскій нагрязнулъ въ усадьбу Базильскаго съ цѣлою компаніей производить обыски и допросы.

Слѣдствіе производилъ, разумѣется, одинъ Лидскій и, что нашель, тѣмъ ни съ кѣмъ не подѣлился. Грознаго военнаго начальника струхнувшіе помѣщикъ съ женой усадили обѣдать, накормили и напоили самыми отборными винами. Вечеромъ пьяный онъ уѣхалъ обратно въ Ошу, но увезъ съ собой Базильскаго якобы для допроса и не выпускалъ несчастнаго домой дня два, заставляя все это время пить водку и играть въ карты.

Надутый, чванный панъ даже похудѣлъ отъ огорченья.

Злоключенія Базильскаго этимъ, однако, не кончились. Спустя денекъ, Осминовскій съ пьяной компаніей, въ которой были даже жиды, между прочими, степенный Янкель Пруссаковъ, вполсѣдствіи милліонеръ, нагрязнулъ снова къ Базильскому. Тутъ онъ совсѣмъ утратилъ мѣру: пилъ, шумѣлъ и приставалъ съ объясненіями въ любви къ пани Мартѣ. Мужъ не смѣлъ и подумать приревновать, потому: сейчасъ повѣшу, гремѣлъ пьяный акцизникъ, и на барскомъ хуторѣ были тоже высокія ворота. Бились, бились и насилу уложили къ вечеру пьяницу спать, но онъ ночью поднялся и сталъ ломиться въ спальню къ женѣ Базильскаго.

— Я хочу сейчасъ допросить ее!—кричалъ онъ.—Вотъ и донесеніе получено: подъ кроватью у нея инсургентъ спрятанъ.

— Подожди до утра,—уговаривали мы его.

— Нѣтъ, сейчасъ хочу допрашивать. О сопротивленіи мнѣ донесу немедленно по телеграфу самому Муравьеву.

Разбудили Лидскаго и кое-какъ съ его помощью убѣдили Осминовскаго итти спать.

Когда полковникъ смѣнилъ его съ должности военнаго начальника, Базильскій и его жена отслужили благодарственный молебенъ. Они, не шутя, боялись грубаго насилія. Время было смутное. А что съ пьянаго возьмешь?

Янкель Пруссаковъ скупилъ всѣ расписки, легкомысленно выданныя Осминовскимъ во дни пьянственнаго военнаго начальства, и вполсѣдствіи содралъ съ него порядочную сумму денегъ.

XVIII.

Но чего совершенно не ожидали опереточные инсургенты,—такъ это контрибуціи. Таковая, однако, были назначена и взыскивалась крайне сурово. У немогущихъ внести въ семидневный срокъ продавались съ аукціона движимость, скоть, мебель. Строгий исправникъ Бринкбокъ продалъ въ одномъ домѣ даже носильное бѣлье и дамскій гердеробъ. Аукціоны устраивались очень просто: съ исправникомъ или становымъ прѣзжали въ усадьбу недоимщика телѣги двѣ—три жидовъ; приглашались писарь, старшина, мѣстный батюшка, отецъ діаконъ, и аукціонъ открывался. О правильной и соотвѣтственной оцѣнкѣ тутъ, разумѣется, и рѣчи быть не могло. Жидки и прочіе торгующіе устраивали стачки и брали вещи за двадцатую часть стоимости. Рояли и очень порядочныя шли по 25 р. за штуку; коляски, кареты—и того дешевле, а скоть шель едва ли выше цѣны кожъ.

Одно было спасеніе: поскорѣ принимать православіе, такъ какъ контрибуцію православныя не платили. Но къ этому средству рѣдко кто прибѣгалъ. Не фанатизмъ, а скорѣ стыдъ какой-то удержалъ дворянъ «продавать своего Бога за деньги», какъ они выражались. Въ Ошскомъ уѣздѣ выкрестились, по мѣстному жаргону, только двое: нѣкто Rogozinskій, недавній ярый патріотъ, и еще богачъ Т—о, которому приходилось уплатить до 8.000 р. контрибуціи, и онъ, подобно Генриху IV французскому, нашель, что католическая обѣдня стоитъ много дешевле.

Въ это время ежедневно случались комическіе инциденты.

Мужики принялись вязать и отвозить въ ближайшіе города своихъ, вчера еще столь грозныхъ, пановъ. По дорогамъ тянулись деревенскія телѣги со связанными помѣщиками, окруженныя толпами крестьянъ, впрочемъ не вооруженныхъ. Женщинъ изъ деликатности не вязали. Барыни обыкновенно шли свободно за телѣгами. Экономовъ, свирѣпствовавшихъ чуть не вчера съ батожьемъ, случалось, и бивали, но не очень. Убили мужики только одного Чудиновскаго, того самаго, который собирался, какъ генеральный комиссаръ Бѣлоруси, прогнавъ изъ края русскихъ, повѣсить въ Днѣпровскѣ Беклеванова и архіерея. Въ своей погибели впрочемъ онъ былъ одинъ виноватъ. Когда Топоръ, бросивъ шайку г—скихъ студентовъ и снова преобразившись въ русскаго капитана генеральнаго штаба, бѣжалъ, Чудиновскій тоже задумалъ бѣжать: на парѣ казенныхъ кровныхъ кобылъ, изъ числа забранныхъ въ Гор—ахъ, въ чамаркѣ, съ конфедераткой на головѣ, онъ покатилъ отъ мѣстечка Хле—вичъ по проселку въ свое имѣніе. Въ первой же деревнѣ его, разумѣется, задержали.

— Кто ты такой?! Може, мятежникъ?—кричали мужики, обступивъ бричку. Экономъ шляхтичъ Пигулевскій, сидѣвшій рядомъ

съ Чудиновскимъ, еще раньше соскочилъ и спрятался въ коноплянникъ. Кучеръ остановилъ лошадей.

— Измѣнникъ!—крикнулъ на него освирѣпѣвшій помѣщикъ, все еще воображая себя важной персоной.—Поѣзжай, или я застрѣлю тебя. А вы, хамы, долой съ дороги, или всѣхъ перестрѣляю!

Держа въ обѣихъ рукахъ по пистолету, Чудиновскій выстрѣлилъ и ранилъ какого-то впередъ лѣзшаго пьянаго. Мужики сейчасъ вытащили его изъ экипажа и заколотили палками.

Эта трагедія была единственною при арестѣ помѣщиковъ. Остальные аресты больше смахивали на водевиль.

Видишь, проѣзжая, бывало тянется по дорогѣ странный обозъ: телѣги со связанными людьми, зачистую не одѣтыми, въ дезабилье, въ халатахъ и прочемъ домашнемъ неглиже. Съ боку идутъ женщины съ заплаканными, ожесточенными, точно застывшими лицами. Вокругъ шествуютъ бородатые конвойные рѣдко съ дубьемъ, большинство такъ налегкѣ, безъ всякаго оружія.

— Кого и куда везете?—спросишь.

— Своихъ пановъ веземъ,—отвѣчаютъ.—Повязали и веземъ.

— За что же вы ихъ арестовали? Сборища у нихъ были? Готовили оружіе, сухари пекли?

Мужики чешутъ затылки, переглядываются и говорятъ:

— Кто ихъ разберетъ, что они дѣлали... Къ нашему пану еще три пана пріѣхали; день просидѣли и ночевать остались. Подглядѣли мы: въ кабинетѣ огонь горитъ. Староста сомнѣваться сталъ; собралъ мѣръ и рассказываетъ: что это паны дѣлаютъ? Дознать бы надоть.

— И вы дознавали?

— А то какъ же. Хлопцы подползли къ окошку и поглядѣли: сидятъ вчетверомъ и въ карты играютъ. Ну, мы ихъ повязали и веземъ къ губернатору...

За множествомъ дѣлъ и арестованныхъ, всѣхъ ихъ, впредь до разбора и выясненія степени виновности въ слѣдственныхъ комиссіяхъ, прямо сдавали въ острогъ. Въ Днѣпровскѣ, за переполненіемъ острога, арестованными наполнили пустую новую казарму мѣстнаго батальона, и нѣкоего майора Кухинскаго назначили смотрителемъ. Послѣ онъ купилъ имѣніе въ тысячу съ чѣмъ-то десятинъ, и, кажется, былъ долгое время, если не предводителемъ, то кандидатомъ въ предводители дворянства. Но это ужъ особая статья, не относящаяся къ тексту нашего разсказа. Помню только, что изъ-за этого Кухинскаго губернаторъ Беклевановъ очень разсердился на акцизнаго надзирателя Осминовскаго, назначеннаго военнымъ начальникомъ въ Ошу, о чемъ выше уже сказано. Пріѣхавъ въ Днѣпровскъ явиться къ начальству въ новомъ санѣ, Осминовскій былъ съ докладомъ у губернатора. Выходя изъ кабинета, онъ увидѣлъ въ пріемной фельдфебельскую фізіономію Кухинскаго, изнывавшего въ ожиданіи пріема.

— Нельзя ли доложить его превосходительству обо мнѣ?—обратился онъ къ Осминовскому.

— А развѣ не принимаетъ?

— Докладывалъ дежурный, изволили отвѣтить: нѣтъ времени! пусть ждетъ... А у меня, знаете сами, триста арестантовъ на рукахъ. Есть и буйные, непокоряющіеся: горланятъ гимны и изъ окошекъ сигналы подаютъ. Неравно, что случится.

Осминовскій, бывшій, какъ всегда, выпивши, вздумалъ подурачиться, и говорить майору:

— Поставишь бутылку трехрублеваго хереса, сейчасъ устрою, генераль тебя приметъ.

— Двѣ бутылки, голубчикъ, поставлю, только устрой,—взмолился Кухинскій. Осминовскій снова отворилъ дверь губернаторскаго кабинета и пресерьезно доложилъ:

— Предводитель дворянства здѣсь давно уже ожидаетъ ваше превосходительство.

Губернаторъ сейчасъ же вышелъ. Предводителей изъ русскихъ (православныхъ) тогда только что назначили и очень уважали. Осмотрѣвшись и не видя въ пріемной никого, кромѣ смиреннаго и багроваго отъ робости Кухинскаго, Беклевановъ спросилъ:

— Гдѣ же предводитель, о которомъ вы докладывали?

Осминовскій почтительно указалъ на Кухинскаго, вытянувшася во фронтъ, и пояснилъ:

— Теперь все дворянство наше въ острогѣ. Майоръ этотъ тамъ предводительствуетъ, я и далъ ему подходящій титулъ.

Очень остроумно вышло. Кажется, объ этомъ курьезѣ даже у Герцена было напечатано въ «Колоколѣ».

Беклевановъ разсердился и погрозилъ посадить пьянчужку Осминовскаго на гауптвахту, однако не посадилъ...

Мой Богъ! душа моя болитъ и сердце болѣзненно сжимается даже теперь, сорокъ лѣтъ спустя, когда я собираюсь здѣсь писать о послѣдней моей встрѣчѣ съ женщиною, которую я такъ много любилъ: съ Аделью Яснопольской, свѣтомъ души моей.

Она давно уже мирно спитъ на людскомъ кладбищѣ, подъ высокими березами, его осѣняющими; съ трудомъ найдешь теперь скромную могилу съ глубоко вросшею въ землю плитою. Цѣлые десятки лѣтъ мы не видались, послѣ послѣдней встрѣчи въ 1863 году, на большой дорогѣ. Были цѣлыхъ полъ-жизни, какъ чужіе. Чувство, насъ единившее, умерло... Да точно ли, задаю я себѣ вопросъ, умерло?! И по сей день оно живетъ въ душѣ моей, какъ вѣчно кровь источающая, болѣзненная рана. Полагаю, и она, можетъ быть, разлюбила меня, но никогда не забыла, не могла забыть. Все допустно, все можетъ дать судьба, кромѣ забвенія...

Была осень страшнаго года. Я служилъ уже въ акцизѣ и ѣхалъ ловить и изобличить крупное мошенничество еврея Янкеля Пруссакова на его водочномъ заводѣ, въ конфискованномъ имѣніи помѣщика Александра Пуха. Въ тѣ поры я съ особеннымъ ожесточеніемъ и неумолимостію преслѣдовалъ неправды... Въ душѣ моей была ночь; судьба не щадила меня, и я считалъ себя въ правѣ никого и ничего не щадить. Благодаря родству съ Глушенковымъ, вліянію на него, я много причинялъ огорченія жидкамъ, юлившимъ около акциза. Но объ этомъ послѣ когда нибудь и въ другомъ мѣстѣ.

Я ѣхалъ по пустынной дорогѣ, раздумывая не о плутняхъ Пруссакова—какъ жидъ, разумѣется, онъ не могъ не быть плутомъ—а о своей горькой долѣ. На десятокъ моихъ писемъ моя Адель ни слова не отвѣтила мнѣ. Конечно, я былъ виноватъ въ ея глазахъ: я опять служилъ москалямъ. Ни въ ссылку, ни даже, въ тюрьму я не попалъ. Мнѣ казалось, однако, что, когда пройдетъ гроза, улягутся страсти, мы непременно увидимся и объяснимся: черныя тучи недоразумѣній, надъ нами нависшія, разсѣются. Я такъ надѣялся...

На поворотѣ дороги повстрѣчался обычный кортежъ: двѣ телѣги со связанными помѣщиками и нѣсколько женщинъ въ глубокомъ траурѣ, ѣдущихъ возлѣ.

Едва я оглянулъ кортежъ, сердце мое забилося: между женщинами была высокая, стройная дѣвушка подъ густымъ вуалемъ.

— Да вѣдь это же она, Адель! моя Адель! Съ кѣмъ она? Кого она провожаетъ?!

И я соскочилъ съ повозки и оставилъ конвой и телѣги.

— Это вы, Адель?! Отъ чего вы не отвѣчали на мои письма?

Дѣвушка подъ вуалью отступила на шагъ, ничего не отвѣчая.

— Развязать!—скомандовалъ я мужикамъ. Увидя кокарду, а главное: казеннаго ямщика и чиновничью форму, мужики принялись послушно развязывать связанныхъ дворянъ.

Изъ первой телѣги вылѣзъ судья Яснопольскій и робко, смущенно пожалъ мнѣ руку. Его съ сыновьями и родней везли въ Днѣпровскъ.

— Адель, что же вы молчите?—началъ я, подходя, теперь уже не сомнѣваясь, что передо мною была любимая женщина.

Она откинула вуаль, сдернула бѣлую повязку, закрывавшую одинъ ея глазъ, и я отступилъ въ ужасѣ.

Глазъ былъ жестоко выбитъ, выстегнутъ, и кровавая рана еще не затянулась.

— Что это? Кто это сдѣлалъ?!

Суровое, какъ бы застывшее лицо Адели искривилось болѣзненною, страдальческою улыбкою. Она заговорила... И голосъ былъ не тотъ, не прежній; слова жестки, обрывисты, суровы:

— Вы спрашиваете: кто мнѣ выбилъ глазъ?! Казакъ выбилъ... Когда вели на разстрѣляніе Пѣховича, котораго вы, кажется, по-

кинули въ самую опасную минуту, я слишкомъ близко подошла къ позорной телѣгѣ, на которой везли мученика; не послушалась, не отошла прочь... Я хотѣла еще разъ взглянуть на страдальца за родину, шепнула ему послѣднее прости—и получила ударъ нагайкой. Глазъ вытекъ.

Исправникъ Бринкбокъ, узнавъ о случившемся, ограничился замѣчаніемъ:

— Зачѣмъ вы лѣзли, сударыня? Несчастливая случайность... сами виноваты...

Адель опять завязала глазъ, опустила вуаль и, не сказавъ мнѣ ни слова, подошла къ отцу.

— Ёдемъ, папа. Если мы долго тутъ будемъ на дорогѣ разговаривать, мы до ночи въ Днѣпровскъ не попадемъ.

Кортежъ тронулся дальше. Я остался одинъ на дорогѣ. Очень хорошо чувствуя, что ни догонять, ни опять пытаться вызвать объясненія, по крайней мѣрѣ, въ эту минуту мнѣ не слѣдовало. Все между нами разомъ разорвалось, кончилось. Но когда несчастіе поразить человѣка, онъ не сейчасъ, не въ первую минуту почувствуетъ всю глубину, весь беспросвѣтный мракъ горестнаго событія. Это случается много позже. И со мною это случилось много позже.

Я потерялъ все, что было дорого въ жизни, но повѣрилъ въ безвозвратность потери много лѣтъ уже спустя; окончательно повѣрилъ, только придя старикомъ на ея свѣжую могилу, кѣмъ-то украшенную свѣжими цвѣтами...

За что же такъ жестокъ ты, о Господи? За что?!

XIX.

Въ Днѣпровскѣ у всѣхъ арестованныхъ и посаженныхъ въ острогъ, впредь до выясненія дѣла, конечно, оказывались жены, матери, дочери, невѣсты и просто добрые знакомые; просьбъ о свиданіяхъ было множество, но на первыхъ порахъ всѣ онѣ отклонялись, а если и разрѣшалось свиданіе, то не иначе, какъ въ присутствіи полицейскаго пристава.

А передать надо было такъ много, зачастую и очень секретнаго... Хотя полицейскій чинъ, если умѣли съ нимъ обойтись, слушалъ бесѣду не внимательно, но кое-что все же могъ запомнить, догадаться и передать въ слѣдственную комиссію. Тамъ вдругъ какого нибудь толстаго эксъ-владельца многихъ крѣпостныхъ душъ спрашивали:

— А вы были жондомъ назначены комиссаромъ X—скаго уѣзда?

— Никогда! — клянется перепуганный помѣщикъ. — И никогда никакой номинаціи не получалъ.

— Не секретничайте,—возражаютъ ему.—Ваша жена при свиданіи, на прошлой недѣлѣ, шепнула вамъ, что зарыла ваши именныя патенты въ саду подъ яблоней... Ихъ вырыли, они при дѣлѣ...

Помѣщикъ начиналъ плакать. Что ему больше оставалось дѣлать! Тогда ему предлагали сообщить, кто были его товарищи по организации. И, слабодушный, сообщалъ обо всѣхъ, съ добавленіемъ иногда такихъ подробностей, которыхъ въ дѣйствительности даже и не существовало. Топили другъ друга и въ лучшую топили.

На этомъ поприщѣ особенной беззащитностію отличался Сырничекъ-Стахевичъ, едва ли, какъ я уже писалъ, не бывший членомъ отдѣла литовскаго жонда въ нашей губерніи. Онъ, какъ только увидѣлъ, что дѣла возстанія идутъ на убыль, предводители или бѣжали или взяты въ плѣнъ, сейчасъ же совершилъ перемѣну фронта: сдружился съ мѣстнымъ попомъ и, такъ какъ кстати у того была молоденькая, хорошенькая дочка, только что окончившая пансіонъ, присватался за ней.

Сырничекъ былъ богатъ и землями и капиталами. Священникъ принялъ сватовство, какъ особенное счастье; поповна тоже влюбилась: дубоватый, бѣлотѣлый Сырничекъ былъ для нея увлекателенъ.

Зная, что его мужики собираются связать и отвезти въ Днѣпровскъ въ первое же воскресенье, и что отъ Кухинскаго вырваться мудрено, Сырничекъ явился въ церковь подъ руку съ невѣстой. Батюшка поразилъ мужиковъ, прочитавъ оглашеніе о предстоящемъ бракѣ и, конечно, о присоединеніи къ православію помѣщика Сырничка-Стахевича.

— А вы, дѣти мои,—тряся грозно сѣдою бородою, заключилъ священникъ,—помните: если кто тронетъ пальцемъ моего будущаго зятя, будетъ имѣть дѣло со мною.

Такимъ образомъ Сырничка и не связали.

Но и священнику не удалось выдать за него дочку. Подъ предлогомъ безопасности, хитрецъ, малое время спустя, укатилъ въ Днѣпровскъ, очень услуживалъ слѣдственной комиссіи разными сообщеніями и сталъ почти домашнимъ у жандармскаго полковника Сенюкина. Здѣсь его считали тоже выгоднымъ женихомъ.

Встрѣтивъ меня въ домѣ Сенюкиныхъ, онъ попытался было подать по-товарищески руку. Я повернулся спиною и отошелъ, чѣмъ очень обидѣлъ папашу и мамашу Сенюкиныхъ и пересталъ у нихъ бывать.

Такимъ образомъ это животное въ человѣческомъ образѣ, несмотря на свою пошлость и глупость, ловко устранило со своего пути всѣ камни преткновенія, и въ 80-хъ годахъ, сильно растолстѣвшаго, я встрѣчалъ уже его въ Петербургѣ директоромъ какого-то банка и крупнымъ домовладѣльцемъ столицы.

Въ своемъ величіи онъ меня, къ счастью, не узналъ. И гдѣ было узнать ему, удачнику во всемъ, меня—присяжнаго неудачника въ жизни?

Возвращаюсь, однако, къ тому, что происходило въ Днѣпровскѣ сейчасъ же за усмиреніемъ инсurreкціи.

Злобою дня были просьбы о свиданіяхъ съ заключенными.

Но добиться свиданія была не легкая вещь. У самого помпадура было трудно просить по его малодоступности. Усмиривъ мятежъ, онъ превратился въ настоящаго Юпитера. Ходатайствовать въ слѣдственной комиссіи обходилось дорого. И вотъ, въ обходъ, выдуманы были свиданія утромъ, въ два—три часа, когда городъ и всѣ начальники спали. Толпа, большею частію женщинъ и дѣтей, собиралась подъ окнами остроговъ и казармъ, гдѣ были арестованные. Лѣтнее тихое утро не мѣшало не только свободно разговаривать, но и передавать записки, узелки со съѣстнымъ, деньги и т. п. Офицеръ, дежурный по караулу, всегда въ это время великодушно спалъ; фельдфебель и унтера тоже остерегались выходить на дворъ, а у ногъ часовыхъ робкіе, пришедшіе на свиданіе родственники и друзья заключенныхъ роняли на землю рублевки, полтинники и мелочь. Солдаты стояли неподвижно, истуканомъ и не поднимали денегъ, пока длилось свиданіе; послѣ разумѣется, дворъ обыскивали. Но все-таки въ комиссіяхъ нельзя было доказать, что часовыхъ подкупали...

Съ заключенными дворянами сидѣло нѣсколько ксендзовъ. Когда они показывались у оконъ, фанатички, всегда дежурившія на улицѣ, бросались на колѣни и вопили:

— О святые мученики!

Чтобы избѣжать подобныхъ инцидентовъ, почему-то волновавшихъ и Беклеванова и другихъ ревнителей закона, чтобы не употреблять прямого насилія противъ женщинъ, полицеймейстеръ распорядился обливать собиравшихся дамъ водою изъ пожарной кишки.

Это обливаніе насиліемъ не считалось.

Но остроумная выдумка помогла всего на одинъ—два раза. За тѣмъ никакой ужъ душъ не помогало. Фанатички, мокрая, упорно оставались на своихъ мѣстахъ. Изъ затрудненія губернскаго власти были выведены приходомъ донцовъ-казаковъ. Сыны Дона были неумолимо суровы и неподкупны... Помахивая плеткою и наѣзжая лошадьми на особенно упрямыхъ, они скоро заставляли толпу расходиться.

Въ губернскомъ обществѣ только и разговоръ бывало, что вотъ такого-то или такого-то посадили; такую-то или другую большую барыню арестовали. За что? Къ чему приговорять? Сенюкинъ и правая рука Беклеванова, Костенька Тынскій, дипломатически отмалчивались. Члены комиссіи были еще молчаливѣе. Всѣхъ тѣхъ арестованныхъ, которыхъ вытребовали въ Вильну къ грозному проконсулу Муравьеву, считали окончательно погибшими.

Самый богатый изъ нашихъ помѣщиковъ, котораго мать была урожденная графиня Т—ая, когда ему сказали, что его отправятъ

въ Вильну, закричалъ: спаси меня, Господи!—и упалъ въ обморокъ. Полѣ онъ продалъ задешево всѣ свои имѣнія (до 30.000 десятинъ), купилъ въ Петербургѣ огромную гостиницу и проигралъ ее въ карты. Горбатого могилка только исправить. Такъ-то!

Паника между вчера еще бравировавшими русскою властію помѣщиками дошла до того, что если Сенюкинъ, презусъ комиссіи, или даже только полицеймейстеръ фонъ-Румпфъ кланялся на улицѣ какому нибудь богатому, родовитому пану, а тѣмъ болѣе протягивалъ руку, панъ или паня отъ радости служили благодарственный молебень...

Предскажи имъ это какихъ нибудь мѣсяца за два, за три раньше, не повѣрили бы.

А что Европа скажетъ? О проклятая фраза! Много она надѣлала у насъ зла.

Великій Боже, какое это было тяжелое и нехорошее время! Пожалуй, хуже даже того безумнаго періода, когда зарождалась и зрѣла наша шутовская инсurreкція. Тогда было много энтузіазма. И умные и дураки наравнѣ глупѣли; жертвовали собою и имуществомъ за что-то общее, за какой-то призракъ отечества, идеи, а когда миражъ разсѣялся, и панургово стадо вдругъ очутилось въ когтяхъ Кухинскихъ, Сенюкиныхъ, нетрезвыхъ Осминовскихъ и всегда трезвыхъ и хищныхъ живодеровъ въ родѣ стряпчаго Литскаго и другихъ господъ, всегда неизмѣнно любившихъ, попавъ въ порядочное общество и усѣвшись за столъ, класть и ноги на столъ, тогда-то вся слабость характеровъ, все необозримое море пошлости открылось во всей своей безобразной наготѣ.

Нашлось безчисленное количество жаждущихъ поцѣловать губернатора въ плечо; два эксъ-предводителя стали на колѣни предъ Сенюкинымъ и молились, только бы не попасть имъ подъ команду къ Кухинскому. И все-таки попали потомъ: обѣлить ихъ даже за большія деньги оказалось невозможнымъ.

Я сидѣлъ, въ заперти, въ своей квартирѣ, и переживалъ ужасныя минуты. Лично за себя мнѣ нечего было бояться, но зато какъ много было хорошихъ и близкихъ людей, за которыхъ приходилось бояться. Не однажды приходила въ голову сумасшедшая мысль: пойти въ комиссію и все открыть.

Не честно, когда другіе терпятъ горе, сидѣть одному въ безопасности. Но чѣмъ это запоздалое признаніе могло помочь страдавшимъ? Нашелся бы только новый матеріаль для разслѣдованій; запутались бы новые десятки новыхъ виновныхъ въ знаніи о возстаніи и воспомоществованіи оному. И такъ было довольно такихъ.

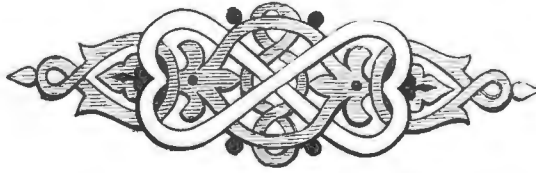
Гроза разразилась. Воздухъ несомнѣнно очистится; вѣтеръ смететъ, какъ увядшіе листья, это отжившее поколѣніе. Съ Богомъ...

Пѣховича разстрѣляли въ Ошѣ; трехъ артиллеристовъ—молоденькихъ мальчиковъ офицеровъ, обѣщавшихъ предать орудія и двое сутокъ погулявшихъ въ шайкѣ Топора, разстрѣляли въ Днѣпровскѣ; кого-то разстрѣляли въ Б—овѣ; многіе пошли за Уралъ.

За что эти люди погибли? Чего имъ не хватало? Чего добивались они? Если бы кто спросилъ, заставилъ ихъ формулировать опредѣленно ту идею, во имя которой принесено столько жертвъ, право, ни одинъ ясно не могъ бы ничего формулировать. Люди были, какъ въ чаду.

Грустно вспоминать. Доскажу когда нибудь послѣ дальнѣйшую печальную и поучительную быль.

С. С. Орлицкій.

ВОСПОМИНАНІЯ А. В. ЭВАЛЬДА.

Служба первая.

Главное выкупное учреждение.

Приглашеніе на службу.—Небывалый порядокъ службы.—Неудачное успокоеніе помѣщика.—Встрѣча на лѣстницѣ и ея послѣдствія.—Дѣло семейства Мосоловыхъ.—Горжество кругомъ эшафота.—Строптивые крестьяне, не хотѣвшіе умирать съ голоду.—Исторія съ планами.—Поѣздка въ Москву.—Три милліона подъ залогъ ста тысячъ.—Прошеніе объ отставкѣ.—Общій взглядъ и нѣчто.

Въ 1863 году я познакомился съ Платономъ Александровичемъ Кусковымъ, немало извѣстнымъ въ нашей литературѣ. Въ то время мы оба были только начинающими дѣятелями, онъ—въ качествѣ стихотворца, а я—прозаика.

Въ это же время Кусковъ поступилъ на службу въ главное выкупное по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіе и сталъ уговаривать меня послѣдовать его примѣру, благо тамъ были еще вакансіи.

Я никогда не былъ расположенъ къ службѣ, въ особенности гражданской, требующей, какъ извѣстно, ежедневнаго сидѣнія на казенномъ стулѣ извѣстное число часовъ, есть ли дѣло, или нѣтъ. Но, подъ влияніемъ уговоровъ Кускова и совѣтовъ нѣкоторыхъ добрыхъ знакомыхъ, я наконецъ рѣшился главнѣйшимъ образомъ въ виду того, что служба обезпечивала кусокъ хлѣба, чего не давали занятія литературою.

На возраженіе мое, что для поступленія на службу нужна чья нибудь протекція или хоть рекомендація, Кусковъ мнѣ отвѣтилъ,

что ничего не нужно, чтобъ я отправился прямо къ предсѣдателю учрежденія, сенатору Максиму Карловичу Цеймерну, и онъ меня охотно приметъ, такъ какъ по своему образованію я вполне отвѣчаю потребности.

Я такъ и сдѣлалъ. Нарядившись однажды во фракъ, поѣхалъ въ Казанскую улицу, въ зданіе опекунскаго совѣта, гдѣ помѣщалось выкупное учрежденіе, и передалъ свою карточку экзекутору Кедрову, прося его доложить обо мнѣ Цеймерну.

Черезъ четверть часа ожиданія Цеймернъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ.

Это былъ старикъ, сѣдой уже и лысый, но очень бодрый и живой, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица.

— Вы желаете служить у насъ?—спросилъ онъ, такъ какъ я уже объяснилъ экзекутору о цѣли своего визита.

— Да, ваше превосходительство, если вы удостоите меня принять.

— Можете вы сообщить что нибудь о прежней вашей дѣятельности?

Я вынулъ изъ кармана и подалъ ему коротенькую записку о своей военной службѣ и о занятіяхъ литературою. Цеймернъ внимательно прочелъ и улыбнулся.

— Вотъ, видите ли, что,—сказалъ онъ,—вы—литераторъ, а люди вашего рода трудно подчиняются служебной дисциплинѣ. Писать казенныя бумаги — это нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ писать для журналовъ. Въ состояніи ли вы будете подчиниться нашимъ требованіямъ?

Я пожалъ плечами.

— Постараюсь, ваше пр—ство; говорится же, что не боги горшки лѣпятъ. Притомъ, вашему пр—ству, конечно, извѣстно, что такіе-то (я назвалъ три—четыре имени) занимаются литературой и поэзіей, и въ то же время служатъ.

Повидимому, эти примѣры его убѣдили.

— Ну, хорошо,—сказалъ онъ,—я очень радъ буду имѣть васъ у себя. Пойдемте, я познакомлю васъ съ г. Лидовымъ, въ отдѣленіи котораго есть мѣсто для васъ.

И онъ провелъ меня чрезъ пріемную залу въ отдѣленіе, гдѣ и представилъ Лидову.

Это былъ очень хорошій человѣкъ, веселый, добродушный, котораго не совершенно еще заѣла служебная формалистика. Я съ нимъ скоро и легко сошелся, и въ короткое время мы сдѣлались хорошими пріятелями.

Лидовъ посвятилъ меня во всѣ таинства служебнаго ритуала. Названіе должностей въ главномъ выкупномъ учрежденіи было иное, чѣмъ въ департаментахъ министерствъ. Такъ, на примѣръ, начальникъ отдѣленія назывался здѣсь производителемъ дѣлъ, а

столоначальники—младшими и старшими помощниками производителя дѣль. Я, какъ новичекъ, былъ назначенъ младшимъ помощникомъ производителя дѣль—Лидова.

Меня болѣе всего поразило распоряженіе вышшаго начальства, то-есть совѣта, председателемъ котораго былъ Цеймернъ, о томъ, чтобы каждому помощнику производителя дѣль давалось для разсмотрѣнія не болѣе трехъ выкупныхъ сдѣлокъ въ день.

Выкупныя сдѣлки между помѣщиками и крестьянами раздѣлялись на два рода: по обоюдному согласію и принудительныя, то-есть безъ согласенія крестьянъ съ помѣщикомъ. Для каждаго рода сдѣлокъ были составлены особыя правила, напечатанныя на бланкахъ, такъ что намъ, то-есть помощникамъ дѣлопроизводителей, оставалось только вписывать въ пробѣлахъ этихъ бланковъ цифры и въ рѣдкихъ случаяхъ какія нибудь особыя замѣчанія.

Работа была въ сущности самая пустяшная, и я, напримѣръ, при всей своей малоопытности, составлялъ докладъ по каждой сдѣлкѣ не болѣе какъ въ полчаса времени, такъ что если я приходилъ на службу около половины одиннадцатаго утра, то къ полудню все мое дневное занятіе по службѣ было окончено. А между тѣмъ требовалось, чтобы чиновники занимали свои мѣста, по крайней мѣрѣ, до пяти часовъ пополудни.

Первое время я пробовалъ оставаться на службѣ все положенное время. Для этого уходилъ въ буфетную комнату, гдѣ курилъ, пилъ чай или кофе, бесѣдовалъ съ сотоварищами и такъ далѣе, но и этими пріятными занятіями невозможно было наполнить пять часовъ времени. При томъ, добрѣйшій Лидовъ замѣтилъ мнѣ однажды, что Цеймернъ сталъ обращать вниманіе на то, что когда онъ приходитъ въ нашу камеру, меня никогда нѣтъ на своемъ мѣстѣ, и на моемъ столѣ не видать ни одного листа бумаги.

— Я,—говорилъ онъ,—раза два выгораживалъ васъ, объясняя, что вы уже кончили работу и вышли позавтракать, но нельзя же такъ продолжать всегда.

— Такъ что же мнѣ дѣлать?—спросилъ я.

— Да вы видите, какъ другіе дѣлаютъ: сидятъ и занимаются. Чѣмъ?—спросите вы. А подойдите и посмотрите сами: навѣрно всѣ составляютъ доклады, такіе же, какъ и ваши.

Я прошелся по камерѣ, приглянулся и диву дался: дѣйствительно всѣ были заняты нужнымъ дѣломъ. Спрашиваю одного: что вы такъ долго пишете?

Онъ лѣниво отвалился на спинку стула, оправилъ волосы руками и, улыбнувшись, отвѣтилъ:

— Да куда же торопиться? Надо же какъ нибудь протянуть время до пяти часовъ. Вотъ и вырисовываю буквы. А вы уже кончили?

— Давно!

— Напрасно... Все равно уйти нельзя...

— Какъ уйти нельзя? Да я развѣ арестантъ, отбывающій наказаніе на извѣстный срокъ? Если я исполнилъ возложенную на меня сегодня обязанность, то отчего же мнѣ не уйти?

И вотъ, подъ вліяніемъ такихъ либеральныхъ мыслей, я началъ или приходитъ на службу гораздо позже, иногда даже послѣ полудня, или, окончивъ свои три доклада, уходилъ раньше положеннаго времени.

Нужно замѣтить, что самъ Цеймернъ и члены совѣта, въ качествѣ высшаго начальства, являлись на службу около двухъ часовъ дня, и такъ какъ, при заведенныхъ порядкахъ, имъ приходилось выслушивать и утверждать очень немного сдѣлокъ, то, конечно, для этого совершенно было достаточно времени отъ двухъ до пяти часовъ дня. Затѣмъ они уходили или уѣзжали домой съ спокойною совѣстью, что исполнили на сегодня свой долгъ, послужили царю и отечеству, и остальное время дня имѣютъ право тратить на свои личныя нужды и удовольствія.

Иногда я спрашивалъ Лидова, нельзя ли мнѣ составлять столько докладовъ по сдѣлкамъ, сколько я успѣю; говорилъ, что я готовъ работать сколько угодно, лишь бы не сидѣть празднымъ; убѣждалъ его тѣмъ, что изъ многихъ прошеній крестьянъ и помѣщиковъ видно, что они съ крайнимъ нетерпѣніемъ ждутъ утвержденія сдѣлокъ, а мы своими порядками только тормозимъ великое дѣло освобожденія крестьянъ. Но всѣ мои доводы и представленія не вели ни къ чему, и Лидовъ всегда отвѣчалъ мнѣ только одно: съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не суйся, или что яйца курицу не учать...

Къ кому я ни обращался за разрѣшеніемъ вопроса, почему мнѣ дадутъ составлять только три доклада,—никто не зналъ. Одни равнодушно отвѣчали: а чортъ ихъ знаетъ отчего! Другіе двусмысленно улыбались, но не высказывали никакихъ предположеній. Можетъ быть, они и догадывались о секретѣ, но боялись его высказать.

Только впоследствии, уже много лѣтъ по оставленіи мною выкупнаго учрежденія, я случайно узналъ подкладку этого дѣла. Учрежденіе это было временнымъ, то-есть оно должно было закрыться по заключеніи послѣдней сдѣлки. Отсюда ясно, что лица, заинтересованныя въ его существованіи, пожелали узнать, долго ли оно можетъ просуществовать. Для этого не надо было обращаться къ дельфійскому оракулу, котораго съ большимъ успѣхомъ на этотъ разъ замѣнила статистика. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ имѣлись, конечно, свѣдѣнія о количествѣ помѣщичьихъ имѣній. Имѣя эту цифру, не трудно было распредѣлить совершеніе сдѣлокъ по времени, какъ угодно.

Если бы дѣло это велось нормально, то-есть утверждалось бы такое количество сдѣлокъ въ годъ, какое успѣвало бы рассмотретьъ

главное выкупное учрежденіе, то, вѣроятно, вся операція выкупа протянулась бы не болѣе пяти лѣтъ. Но такое скорое окончаніе было не выгодно всѣмъ служившимъ въ учрежденіи, начиная отъ высшихъ до низшихъ, и вотъ откуда явилось такое странное, повидимому, распоряженіе, чтобы составители докладовъ не разсматривали болѣе трехъ сдѣлокъ въ день...

Но, повторяю, пока я служилъ, я не зналъ этого секрета и возмущался противъ такого дикаго (по моему мнѣнію) распоряженія всѣми силами моей молодой и неиспорченной еще житейскими расчетами души!

Тѣмъ болѣе я могъ возмущаться, что чѣмъ больше вникалъ въ дѣла, тѣмъ болѣе убѣждался, какую великую важность составляло для обѣихъ сторонъ, то-есть для крестьянъ и для помѣщиковъ, скорѣйшее разрѣшеніе каждой сдѣлки. Это выражалась ими какъ въ прошеніяхъ, такъ въ частныхъ письмахъ, такъ иногда и при личныхъ ходатайствахъ въ учрежденіи, кто могъ для этого или самъ пріѣхать въ Петербургъ, или прислать кого нибудь.

По другому распоряженію Цеймерна, аналогичному съ объясненнымъ, было приказано строжайше соблюдать очередь въ разсмотрѣніи сдѣлокъ, считая очередь по времени поступленія къ намъ договоровъ. Положимъ, что это распоряженіе было совершенно справедливо, такъ какъ иначе произволъ въ соблюденіи очереди могъ бы повести къ разнаго рода злоупотребленіямъ. Но дѣло въ томъ, что жизнь никогда еще не могла укладываться въ рамки, создаваемые чиновниками, и катить свои волны, совсѣмъ не сообразуясь съ удобствами титулярныхъ и тайныхъ совѣтниковъ. Такъ было и въ нашемъ дѣлѣ: нѣкоторымъ помѣщикамъ или крестьянамъ было болѣе или менѣе возможно терпѣливо ожидать утвержденія сдѣлки; но обстоятельства другихъ складывались такъ, что они терпѣли громадныя убытки отъ каждаго лишняго дня промедленія. И вотъ такіе-то несчастные осаждали насъ своими просьбами ускорить ихъ дѣла. Но что могли сдѣлать мы, мелкіе чиновники?

Однажды былъ такой случай: ко мнѣ присталъ какой-то помѣщикъ, умолявшій ускорить его дѣло, такъ какъ отъ этого зависѣла вся его судьба. Сколько я помню, онъ долженъ былъ получить хорошее мѣсто въ одномъ изъ частныхъ учрежденій (въ какомъ-то акціонерномъ обществѣ), для чего ему было необходимо купить нѣсколько акцій этого общества, а такъ какъ взносу по акціямъ былъ назначенъ срокъ, то естественно, что ему было не безразлично, когда онъ получитъ выкупныя деньги.

Онъ сталъ являться ко мнѣ (въ учрежденіе) чуть не каждый день и однажды высказалъ, будто бы я не хочу для него сдѣлать такого пустого одолженія. Чтобъ оправдаться въ его глазахъ, я досталъ изъ шкафа его дѣло, приготовилъ по нему докладъ и въ слѣдующій его приходъ показалъ ему.

— Вотъ видите,—сказалъ я:—съ моей стороны все сдѣлано, и докладъ по вашему дѣлу готовъ. Но я не могу пустить его не въ очередь: это у насъ строго запрещено.

— Что же мнѣ дѣлать?—спросилъ онъ тогда.

— Обратитесь къ нашему предсѣдателю, сенатору Цеймерну. Только онъ одинъ можетъ разрѣшить неочередное разсмотрѣніе дѣла.

Помѣщикъ такъ и сдѣлалъ. Но, увы, чтобы сильнѣе убѣдить Цеймерна, онъ ему проболтался, что докладъ по его дѣлу уже готовъ, что онъ видѣлъ собственными глазами. Трудно описать бурю, которую Цеймернъ поднялъ противъ меня! Досталось при этомъ и добрѣйшему, ни въ чемъ неповинному Лидову, который едва могъ убѣдить Цеймерна, что я не думалъ пускать эту сдѣлку не въ очередь, а написалъ докладъ заранѣе, только ради того, чтобы отвязаться отъ надобливости этого просителя. Несмотря на просьбу помѣщика и на его убѣдительные доводы, Цеймернъ ни за что не согласился нарушить очередь, говоря, что всѣ помѣщики одинаково торопятся получить выкупныя деньги, и нельзя ради одного задерживать другихъ...

Теоретически это было правильно. Но мнѣ кажется и до сихъ поръ такъ думается, что при той неторопливости, съ которою у насъ совершались сдѣлки, никто не пострадалъ бы, если бъ иногда, въ экстренныхъ случаяхъ, позволили мнѣ, на примѣръ, составить четыре доклада вмѣсто положенныхъ трехъ, и отъ этого ничье дѣло не задержалось бы ни на полъ-минуты.

Однако, меня начинала одолѣвать смертельная скука. Какъ ни старался я растягивать свои три доклада на семь или хоть на шесть часовъ времени нашихъ засѣданій, никакъ не могъ этого добиться. Все у меня выходило, что три доклада я оканчивалъ не болѣе, какъ въ два часа времени, а затѣмъ—хоть волкомъ вой!

Пробовалъ я занять себя сочиненіями литературнаго характера; но, во-первыхъ, ни время дня, ни окружающая обстановка не располагали къ такого рода занятіямъ. Притомъ же мой ближайшій начальникъ, Лидовъ, отъ котораго я ничего не скрывалъ, сказалъ мнѣ, что если Цеймернъ замѣтитъ или ктонибудь ему донесетъ, что, сидя здѣсь, я занимаюсь сочиненіемъ статей для журналовъ, то мнѣ будетъ не хорошо.

Читать газеты или книги тѣмъ болѣе, значитъ, не представлялось возможнымъ. А между тѣмъ другіе чиновники усердно работали надъ составленіемъ каждый своихъ трехъ докладовъ и ухитрялись быть занятыми этимъ дѣломъ весь день, до пяти-шести часовъ вечера!

Умудритъ же Господь талантами!

Иногда у меня являлось сомнѣніе въ самомъ себѣ. Не составляю ли я доклады слишкомъ небрежно? Можетъ быть, другіе ра-

ботають болѣе тщательно, болѣе подробно или что нибудь такое. Чтобъ провѣрить себя въ этомъ отношеніи, я бралъ чужіе доклады, старательно сравнивалъ ихъ со своими, но ничего особеннаго въ нихъ не находилъ. Да и трудно было найти что нибудь, когда всѣ доклады составлялись по одному общему печатному шаблону. Наконецъ, если бы я дѣлалъ хуже другихъ, то мой почтенный Лидовъ давно бы мнѣ это замѣтилъ и постарался бы направить на путь истинный. Но онъ даже на прямой вопросъ отъ меня: хуже ли другихъ я работаю, прямо отвѣчалъ, что нѣтъ, одинаково съ другими, и что жаловаться на меня онъ не можетъ.

Очевидно, что все дѣло состояло въ особомъ искусствѣ: растянуть ничтожную работу на безконечное время, и что этого искусства или таланта природа меня лишила.

Однажды, я вышелъ со службы раньше времени, то-есть во второмъ часу дня. На площадкѣ лѣстницы встрѣчаюсь съ Цеймерномъ и раскланиваюсь съ нимъ.

— Вы уже уходите?—спросилъ онъ.

— Да, ваше пр—ство; я уже окончилъ свою работу.

— Окончили? Прошу покорно...

И съ комическимъ жестомъ онъ указалъ мнѣ руками, чтобъ я продолжалъ идти своей дорогой.

Въ тотъ же день появился строжайшій приказъ его, чтобы всѣ чиновники являлись на мѣсто служенія никакъ не позже десяти часовъ утра и не уходили бы изъ канцеляріи ранѣе того времени, пока продолжается засѣданіе совѣта.

Такъ какъ многіе позволяли себѣ приходить позже, то-есть около одиннадцати, а нѣкоторые болѣе храбрые, даже около полудня, то понятно, что этотъ приказъ всѣхъ взбаламутилъ, и начали отыскивать, какая могла быть причина такой строгости. Общее недоумѣніе разъяснилъ самъ Цеймернъ, рассказавъ Лидову о встрѣчѣ со мною на лѣстницѣ. Понятно, что многіе сослуживцы стали на меня коситься, и я сдѣлался притчею въ языцѣхъ.

Однажды курьеръ подходитъ ко мнѣ и докладываетъ, что какая-то дама проситъ меня выйти въ пріемную по очень важному дѣлу.

Я вышелъ.

Въ пріемной сидѣло нѣсколько просителей. Пока я оглянулъ, встала одна молодая женщина, недурненькая собою, и съ радостной улыбкой прямо направилась ко мнѣ.

— Вы—г. Эвальдъ?—спросила она.

— Къ вашимъ услугамъ.

— У меня тутъ дѣло есть по выкупу,—продолжала она, —и мнѣ сказали въ регистратурѣ, что оно находится у васъ.

— Можетъ быть. Какъ ваша фамилія?

— Мосолова.

— Не помню. Вѣроятно, до него еще не дошла очередь.

— Да, я это знаю, оно прислано къ вамъ недавно. Вотъ я затѣмъ и рѣшилась потревожить васъ, чтобы просить, нельзя ли его разрѣшить какъ можно скорѣе.

Я пожалъ плечами.

— Никакъ не могу вамъ этого обѣщать. У насъ строжайшимъ образомъ соблюдается очередь, и дѣла разсматриваются по порядку ихъ поступленія. Если ваше прислано къ намъ недавно, какъ вы говорите, то едва ли очередь до него дойдетъ скоро.

— Нельзя ли узнать, когда можно будетъ ожидать его разрѣшенія?

— Подождите немного, я сейчасъ справлюсь.

Вернувшись къ себѣ, я пересмотрѣлъ дѣла, нашелъ дѣло Мосоловой и, по приблизительному подсчету, увидѣлъ, что очередь ему придетъ едва ли чрезъ четыре мѣсяца. Выхожу опять въ приемную. Мосолова подбѣжала ко мнѣ.

— Ну, что вы скажете?—спросила она.

— Ничего утѣшительнаго: вамъ придется обождать, по крайней мѣрѣ, четыре мѣсяца.

— Четыре мѣсяца! — повторила она, всплеснувъ руками.—Но, Боже мой! Что же со мною будетъ до того времени?!

И вдругъ она истерически зарыдала. Говоря съ ней, мы стояли среди зала. Среди рыданій она зашаталась и видимо готова была свалиться, но я успѣлъ ухватить ее за руку, а въ это же время какая-то дама, тоже просительница, подбѣжала, схватила Мосолову за талію и осторожно подвела къ кресламъ. Я приказалъ бывшему тутъ сторожу принести скорѣе стаканъ холодной воды. Немного погодя, она успокоилась и попросила меня подойти.

— Это невозможно, то, что вы сказали мнѣ,—говорила она.— Вы должны меня спасти! Болѣе мнѣ не къ кому обратиться! Вся жизнь нашей семьи зависитъ отъ полученія этой выкупной суммы. Вы знаете ли, что мнѣ буквально ѣсть нечего, а я должна кормить ребенка...

— А мужъ вашъ?

— Мой мужъ... онъ въ крѣпости... вотъ ужъ второй годъ.

— Арестованъ?

— Да, конечно! Что онъ можетъ сдѣлать? Онъ самъ нуждается во всякой помощи. Я съ трудомъ доѣхала до Петербурга, и, къ счастью, здѣсь у меня есть одинъ дальній родственникъ, Межовъ, у котораго я и остановилась. Но долго жить у него я не могу: онъ самъ человѣкъ съ небольшими средствами, и при томъ я стѣсняю его, какъ холостого...

— Вы назвали Межова,—сказалъ я.—Но зовутъ ли его Владиміромъ Измайловичемъ?..

— Да. А вы знаете его?—спросила она, нѣсколько просіявши.

— Очень хорошо знаю, съ самаго дѣтства нашего.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ахъ, какъ это хорошо! Онъ, конечно, не откажется просить васъ за меня, и вы, конечно, не откажете ему, какъ товарищу дѣтства.

— Это будетъ совершенно напрасно: его просьба ничего не поможетъ, такъ какъ рѣшеніе вашего дѣла зависить не отъ меня.

— А отъ кого же?

— Только отъ нашего предсѣдателя, сенатора Цеймерна. Вы обратитесь къ нему, чтобы онъ позволилъ доложить ваше дѣло не въ очередь.

Я посовѣтовалъ ей прійти завтра пораньше, около часу дня, и дожждаться прихода Цеймерна въ небольшой комнатѣ, передъ его кабинетомъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, я поѣхалъ къ Межову, чтобы спросить его о положеніи Мосоловой.

Онъ рассказалъ мнѣ очень грустную, драматическую исторію. Это время было бурное во всей Россіи. Подъ личиною наружнаго спокойствія все наше общество, начиная отъ высшихъ сферъ и кончая самыми глухими закоулками деревни, все было потрясено и распатано совершившеюся великою пережѣною—освобожденіемъ крестьянъ. Прошлое ушло куда-то въ безконечность, и что представить намъ будущее, того никто не зналъ и не могъ предвидѣть.

Одновременно съ этимъ разыгралось польское возстаніе, сильно поддерживаемое извнѣ, интригами Наполеона III и многихъ другихъ враговъ Россіи.

Явились у насъ и собственные, доморощенные агитаторы, которые не ограничивали своихъ стремленій внутренними необходимыми реформами, естественнымъ образомъ долженствовавшими послѣдовать за освобожденіемъ крестьянъ, а сочли себя призванными пересоздать весь родъ человѣческой на какихъ-то новыхъ началахъ, о которыхъ, однако, никто не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Въ ожиданіи, пока эти начала выработаются, агитаторы наши рѣшили уничтожать все существующее, что создано было всей тысячелѣтней исторіей Россіи. На улицахъ появились какія-то странныя фигуры, мужчины и женщины, которыхъ легко было узнать по ихъ особенной одеждѣ и необычному способу держать себя среди публики. Женщины эти стригли свои волосы въ кружокъ, на томъ основаніи, что имъ некогда заниматься туалетомъ. Волосы они прикрывали мужскими шапками, а на носу носили очки, непременно синія. Какая нибудь черная затасканная юбка и такая же кофта составляли остальной нарядъ этихъ дамъ, явившихся передѣлывать человѣческой родъ. Ихъ мужчины носили высокіе сапоги, пиджакъ, такую же шапку и также очки, преимущественно—синія. Сѣрый пледъ, а иногда дождевой зонть дополняли костюмъ тѣхъ и другихъ. Впослѣдствіи (какъ выяснилось это на нѣсколькихъ

публичныхъ судебныхъ разбирательствахъ по дѣламъ этихъ проповѣдниковъ новой эры) большинство ихъ состояло изъ неудачниковъ въ усвоеніи образованія, изъ лицъ, исключенныхъ по экзаменамъ изъ разныхъ училищъ, гимназій, университетовъ, которые, подобно Фонвизинскому Кутейкину, убоившись бездны премудрости, нашли, что гораздо пріятнѣе и легче передѣлывать человѣчскій родъ, чѣмъ изучать алгебру до уравненій второй степени. Но, къ сожалѣнію, были между ними и люди искренніе, но безхарактерные и не довольно развитые, которые были увлечены пропагандой какой-то новой жизни и подъ вліяніемъ такихъ учителей, какими явились Лавровъ, Чернышевскій и другіе, отдались всей душою воображаемому обновленію человѣческаго рода. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и мужъ Мосоловой, молодой человѣкъ, очень умный, но увлекающійся, который велъ горячую пропаганду своего ученія, за что и былъ арестованъ. Только что создавшееся семейное гнѣздо его было разрушено. Ребенокъ у Мосоловыхъ родился уже послѣ ареста, такъ что отецъ не видалъ его, а мать, оставшаяся безъ всякихъ средствъ къ существованію, должна была пріѣхать въ Петербургъ, чтобы продолжать хлопоты о выкупѣ крестьянъ своего небольшого имѣнія.

Разсказывая мнѣ о печальной судьбѣ Мосоловыхъ, Межовъ, служившій въ то время въ Императорской Публичной библиотекѣ, выразилъ, между прочимъ, опасеніе, чтобы пріютъ, который онъ далъ своей родственницѣ съ ея ребенкомъ, не навлекъ какого нибудь подозрѣнія полиціи на него самого. Опасенія его оправдывались нѣсколькими бывшими примѣрами подобныхъ случаевъ, такъ какъ полиція того времени невольнo сдѣлалась довольно подозрительной и не разъ арестовывала людей, ни въ чемъ неповинныхъ.

Я самъ зналъ случай, когда одинъ мой знакомый помѣщикъ, молодой человѣкъ, пріѣхавшій изъ Оренбургской губерніи хлопотать о покупкѣ земли у башкиръ, былъ арестованъ и содержался двѣ недѣли въ одной полицейской части только потому, что у одного изъ агитаторовъ была найдена его визитная карточка. Большихъ трудовъ и хлопотъ стоило доказать его полнѣйшую непричастность къ подпольной дѣятельности и добиться его освобожденія.

Въ виду этого я нашелъ опасенія Межова небезосновательными, тѣмъ болѣе, что Мосоловъ былъ на счету опаснѣйшихъ дѣятелей пропаганды, и на просьбу Межова помочь ему скорѣе освободиться отъ присутствія дорогой, но опасной родственницы, обѣщалъ такъ же, какъ и ей, сдѣлать все, что могу.

Бесѣдуя съ Межовымъ, я вспомнилъ про того помѣщика, докладъ по дѣлу котораго приготовилъ заранѣе, и который, то-есть помѣщикъ, хотя и нечаянно, безъ всякаго желанія повредить мнѣ, выдалъ меня Цеймерну. Теперь мнѣ пришло въ голову, что то же

можетъ сдѣлать и Мосолова, проболтавшись Цеймерну, что это я направилъ ее къ нему.

Ея не было дома, и я долженъ былъ просидѣть у Межова почти до полуночи, пока она явилась.

— Вы сами къ намъ пріѣхали!—сказала она, входя въ ту комнату, гдѣ мы сидѣли.—Какъ это любезно съ вашей стороны!

— Я нарочно заѣхалъ и дожидался васъ, чтобы нѣсколько измѣнить свой совѣтъ, который далъ вамъ сегодня,—отвѣтилъ я.

— Что такое? Въ чемъ дѣло?—спросила она съ безпокойствомъ.

— Ничего особеннаго, не бойтесь... Дѣло въ томъ, что, говоря сегодня съ вами, я совершенно упустилъ изъ виду моего непосредственнаго начальника, нашего производителя дѣлъ—Лидова. Онъ знаетъ, что я говорилъ съ вами, что вы обращались ко мнѣ, а завтра узнаетъ, что вы обращались къ Цеймерну, и, конечно, пойметъ, что это я направилъ васъ къ нему...

— Ну, да! А развѣ это нельзя?

— Не то, что нельзя, а только будетъ невѣжливо по отношенію къ Лидову, что вы обошли его, какъ лицо, будто бы ничего не значащее. Лидовъ очень добрый человѣкъ, но у него, какъ и у всякаго, есть свое самолюбіе, которое не слѣдуетъ оскорблять.

— Такъ вы хотите сказать, чтобы я обратилась къ нему, а не къ Цеймерну?

— Да, это будетъ лучше для вашего дѣла. Можетъ быть, вамъ и не понадобится идти къ Цеймерну, если Лидовъ возьметъ на себя доложить ему о вашей просьбѣ, а если и понадобится, то во всякомъ случаѣ будетъ лучше имѣть Лидова на своей сторонѣ. Онъ такой милый и добрый человѣкъ, что горячо поддержитъ вашу просьбу у Цеймерна.

— Очень хорошо,—согласилась Мосолова.—Я буду дѣлать все, что вы укажете, такъ какъ вы лучше знаете, къ кому и какъ надо обратиться.

На другой день, явившись на службу нѣсколько ранѣе обыкновеннаго, я разсказалъ Лидову о Мосоловой все, что узналъ отъ Межова, стараясь расположить его къ этому дѣлу, и предупредилъ, что по моему совѣту Мосолова сегодня обратится къ нему.

— Да что же я могу сдѣлать?—сказалъ онъ.—Вѣдь вы знаете наши порядки! Меня просить напрасно, ей надо обратиться прямо къ Цеймерну.

— Ну, вотъ, вы это и скажите ей.

— А развѣ сами-то вы не могли?

— Конечно, нѣтъ, развѣ я могу обойти васъ?

Лидовъ улыбнулся.

— Ахъ, вы, хитрецъ, хитрецъ!—сказалъ онъ, шутя.—Это вы мою голову хотите подставить вмѣсто своей подъ удары Цеймерна.

Я, въ свою очередь, засмѣялся.

— Да что же дѣлать? Не все же мнѣ одному получать. Цеймернъ и безъ того точить на меня зубы.

— Ну, ладно, ладно!—добродушно сказалъ Лидовъ.—Сдѣлаемъ, что будетъ возможно.

Черезъ часъ явилась Мосолова и вызвала Лидова въ приемную. Того, что произошло тамъ и потомъ въ кабинетѣ Цеймерна, я не видалъ, но объ этомъ мнѣ рассказали потомъ Мосолова и Лидовъ.

Онъ сначала пробовалъ убѣдить ее дожидаться очереди и говорилъ, какъ чиновникъ, оберегающій порядки своего учрежденія. Но когда Мосолова, со слезами на глазахъ, рассказала ему о своемъ несчастіи и безвыходномъ положеніи, то онъ не только посовѣтовалъ ей итти къ Цеймерну, но самъ вмѣстѣ съ нею отправился къ нему въ кабинетъ.

Тамъ Мосолова должна была повторить свою просьбу и снова объяснить свое положеніе. Сначала Цеймернъ и слышать не хотѣлъ о такомъ капитальномъ, по его мнѣнію, нарушеніи порядка, и уже Лидовъ потерялъ надежду на успѣхъ ея дѣла, но, къ счастью своему, Мосолова, уже разстроенная предыдущею бесѣдою съ Лидовымъ, разрыдалась у Цеймерна до истерики, такъ что почтенный старикъ перепугался и самъ съ помощью Лидова хлопоталъ успокоить ее, обильно spraysкая водою.

Эта истерика помогла дѣлу, и Цеймернъ приказалъ мнѣ черезъ Лидова, какъ можно скорѣе, приготовить докладъ.

Я, разумѣется, не заставилъ себя ждать и въ тотъ же день передалъ готовый докладъ Лидову.

Недѣли черезъ двѣ или три, не помню хорошенько, но только необычно скоро, дѣло Мосоловой было совершенно окончено; она получила деньги и выкупныя свидѣтельства и могла, оставивъ Межова, переѣхать на маленькую собственную квартиру.

Ей пришлось прожить въ Петербургѣ еще около полугода, въ ожиданіи окончанія процесса своего мужа, который производился въ сенатѣ. Ей дали разрѣшеніе навѣщать мужа въ крѣпости, разъ въ недѣлю, на часъ времени, но при непремѣнномъ присутствіи жандармскаго офицера. При томъ, какъ она рассказывала мнѣ, свиданія эти происходили чрезъ двойную рѣшетку, такъ, чтобы она не могла что нибудь передать мужу или получить отъ него.

Лѣтомъ, въ іюнь мѣсяцѣ, вышелъ наконецъ приговоръ сената. Мосоловъ былъ присужденъ къ лишенію дворянскаго достоинства и другихъ правъ и привилегій и къ ссылкѣ, если не ошибаюсь, въ Саратовскую губернію.

Въ то время обрядъ лишенія дворянскаго достоинства совершался публично, на Конной площади. Приговореннаго привозили

туда на позорной колесницѣ, возводили на эшафотъ, и по прочтеніи приговора палачъ ломалъ шпагу надъ головою осужденнаго.

Наканунѣ этой гражданской казни я получилъ отъ Мосоловой восторженную записку, которою она приглашала меня, какъ на балъ, прійхать на Конную площадь, полюбоваться казнию ея мужа!

Многіе читатели удивятся этому, но ея восторгъ и приглашеніе, сдѣланное мнѣ, объясняются очень просто. Болѣе двухъ лѣтъ она жила въ томительномъ ожиданіи рѣшенія участи своего мужа. По слухамъ, доходившимъ иногда до нея изъ сената, дѣло его постоянно колебалось и принадлежало къ числу такихъ острыхъ, такъ сказать, что легко могло окончиться смертнымъ приговоромъ.

Только состраданіе судей къ молодости Мосолова склонило правосудіе пощадить его жизнь. Поэтому понятенъ будетъ восторгъ молодой жены, когда она узнала, что судъ сохранилъ ей горячо любимаго мужа, и что теперь онъ будетъ свободенъ, и они могутъ начать спокойную семейную жизнь.

Печальный поѣздъ позорной колесницы и потомъ эшафотъ, эти такія два ужасныя орудія для всѣхъ людей, для супруговъ Мосоловыхъ превратились въ парадную брачную колесницу и въ алтарь, на которомъ они какъ бы второй разъ вѣнчались. Такъ странно иногда судьба играетъ людьми и производитъ совершенно неожиданные эффекты!

Я не былъ на этой печальной церемоніи, такъ какъ наканунѣ уѣхалъ въ Нарву навѣстить однихъ знакомыхъ, жившихъ тамъ на дачѣ.

Съ тѣхъ поръ я потерялъ Мосоловыхъ изъ виду и только отъ Межова слышалъ иногда, что онъ получилъ на мѣстѣ ссылки хорошее мѣсто у частнаго лица или учрежденія, не помню, и что они живутъ тамъ тихо и счастливо.

Ко мнѣ въ столъ поступило однажды дѣло о выкупѣ крестьянъ одной изъ западныхъ губерній, принадлежавшихъ извѣстному богачу, владѣльцу многихъ сотенъ тысячъ десятинъ, въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, графу О. Д.

Дѣло это было многотомное, которое нельзя было обозрѣть и изучить въ полчаса времени. Уже одно количество бумаги, присланное изъ губернскаго присутствія, показывало, что въ этомъ дѣлѣ есть, вѣроятно, особенности, которыя нельзя пропустить безъ вниманія. Я принялся внимательно просматривать и прочитывать его, что заняло у меня нѣсколько дней времени.

Предчувствіе мое объ особенностяхъ этого дѣла оправдалось.

Графъ О. Д., во-первыхъ, жаловалъ крестьянамъ втрое или вчетверо болѣе земли, чѣмъ въ этой губерніи полагалось по расписанію. Такое великодушіе владѣльца даже тронуло меня, чело-вѣка, совершенно посторонняго интересамъ его крестьянъ.

Далѣе я нашелъ въ дѣлѣ большую переписку по поводу того, что неблагодарные крестьяне не только не благодарили графа за его великодушіе, но рѣзко и упорно отказывались принять въ свое владѣніе даруемую имъ землю.

Дѣла по выкупу крестьянъ разсматривались въ трехъ инстанціяхъ: сначала у мирового посредника, потомъ въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи и, наконецъ, у насъ, въ главномъ выкупномъ учрежденіи.

Въ данномъ дѣлѣ я нашелъ прошеніе крестьянъ къ мировому посреднику, въ которомъ они заявляютъ свой отказъ отъ даруемыхъ земель; затѣмъ, прошеніе крестьянъ въ губернское присутствіе, когда ихъ дѣло перешло туда, прошеніе также объ отказѣ отъ этой земли и, наконецъ, третье прошеніе о томъ же, присланное къ намъ въ выкупное учрежденіе.

— Что за чортъ? — мелькнуло у меня въ головѣ. — Тутъ что нибудь да есть неладное!

Начинаю докапываться далѣе. Среди множества отношеній, рапортовъ, предписаній, доношеній, справокъ и всякой прочей канцелярской переписки я кое-какъ выуживаю понемногу суть дѣла и составляю себѣ ясную картину этой оригинальной бумажной борьбы крестьянъ съ ихъ бывшимъ владѣльцемъ.

Для меня выяснилось то обстоятельство, что владѣлецъ земли даровалъ крестьянамъ большое количество десятинъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они переселились изъ насиженныхъ, можетъ быть, вѣками своихъ мѣстъ на новыя мѣста, отведенныя имъ графомъ. Крестьяне же, во-первыхъ, вовсе не желали переселяться куда бы то ни было, а, во-вторыхъ, тѣмъ болѣе не желали селиться на той землѣ, которую имъ отводилъ графъ, такъ какъ она состояла изъ песковъ и болотъ!..

Въ числѣ порядковъ, заведенныхъ у насъ, былъ между прочимъ и такой, что при выкупныхъ сдѣлкахъ, совершаемыхъ по добровольному соглашенію, планы на отводимую крестьянамъ землю къ намъ не присылались. Они требовались только въ случаяхъ принудительнаго выкупа.

Не знаю, по какой причинѣ, но дѣло крестьянъ, о которыхъ я говорю, было причислено къ добровольнымъ сдѣлкамъ, и потому планы на землю не были доставлены.

Чтобы рѣшить это дѣло по совѣсти, необходимо было видѣть планы, такъ какъ иначе нельзя было узнать, насколько справедливы жалобы крестьянъ о негодности предлагаемой имъ земли.

Я долженъ былъ доложить объ этомъ Лидову, который, въ свою очередь, долженъ былъ доложить Цеймерну, и только этотъ послѣдній отъ имени совѣта имѣлъ право требовать присылки плановъ.

*

1/4Б*

Нужно замѣтить при этомъ, что графъ О. Д. очень интересовался исходомъ этого дѣла и уже давно навѣщалъ наше учрежденіе, справляясь, скоро ли дойдетъ до него очередь.

Это былъ высокій и очень благообразный старикъ, съ красивыми сѣдыми бакенбардами и съ изящными манерами придворнаго человѣка. Иногда, прѣзжая за справкой, онъ заходилъ къ Цеймерну, и они вмѣстѣ появлялись у моего стола, чтобы узнать, насколько приблизилась очередь; иногда же графъ заходилъ ко мнѣ безъ Цеймерна.

— Вы попросили бы Цеймерна, чтобы онъ разрѣшилъ пустить ваше дѣло не въ очередь,—сказалъ я ему однажды.

— Я уже просилъ его объ этомъ,—отвѣтилъ графъ,—но онъ мнѣ говорить, что если и допускаетъ иногда нарушеніе очереди, то только въ случаяхъ крайней необходимости, а въ моемъ дѣлѣ онъ не видитъ никакого повода для этого.

Этотъ отвѣтъ меня очень порадовалъ, такъ какъ выставлялъ Цеймерна въ лучшемъ видѣ, чѣмъ я объ немъ думалъ.

Графъ О. Д., по своему богатству, родству и связямъ былъ человѣкъ очень сильный, и Цеймернъ видимо ухаживалъ за нимъ; но, несмотря на то, не хотѣлъ, безъ особаго повода, ради одного угожденія графу, нарушить порядокъ въ ущербъ другимъ, что, конечно, дѣлало ему большую честь.

Зная все это, я боялся доложить Лидову о необходимости вытребовать планы. Хотя это былъ прекраснѣйшій, добрый и честный человѣкъ, но онъ былъ чиновникъ въ полномъ смыслѣ этого слова и не былъ въ состояніи отнестись къ горю какихъ-то невѣдомыхъ мужиковъ сочувственно. Его совѣсть вполне успокоивалась правильнымъ рѣшеніемъ дѣла, но правильнымъ не въ смыслѣ существенной правды, а въ смыслѣ точнаго исполненія бумажнаго производства. Поэтому на мое предложеніе вытребовать планы онъ прямо отвѣтилъ бы, что этого сдѣлать нельзя, такъ какъ не положено по установленнымъ у насъ правиламъ дѣлопроизводства. Если же отъ такого дѣлопроизводства пострадаетъ нѣсколько тысячъ семействъ, то это до него уже не касалось, такъ какъ не онъ сочинялъ законы о выкупѣ, и не онъ составлялъ правила нашего дѣлопроизводства.

Вотъ почему, зная его взгляды, я не рѣшился открыто обратиться къ нему и рѣшился рискнуть самъ.

Для этого я приготовилъ требованіе въ губернское присутствіе о высылкѣ нужныхъ плановъ и вложилъ его между другими бумагами, приготовленными для доклада. Къ моему большому удовольствію, Лидовъ не обратилъ вниманія на то, по какой сдѣлкѣ выписывались планы, и, подписавъ требованіе, понесъ его, вмѣстѣ съ другими дѣлами, для доклада Цеймерну. Тамъ повторилась та же исторія, то-есть Цеймернъ подписалъ требованіе, не читая его, и оно поѣхало по назначенію.

Черезъ мѣсяць или около того планы пріѣхали. Разсмотрѣвъ ихъ внимательно, я убѣдился, что крестьяне правы, и что графъ О. Д., подъ видомъ благодѣянія, хотѣлъ самымъ жестокимъ образомъ отобрать у крестьянъ ту землю, которую они, ихъ отцы и дѣды обрабатывали испоконъ вѣковъ.

Когда докладъ по дѣлу графа О. Д. представленъ былъ въ совѣтъ, то тамъ (по разсказу Лидова, читавшаго мой докладъ) поднялась цѣлая буря. Всѣ члены совѣта повскакали съ своихъ мѣстъ, а Цеймернъ буквально рвалъ свои волосы! Того, что было изложено въ докладѣ, никто не ожидалъ! Всѣ они думали, что чтеніе доклада пройдетъ, какъ пустая формальность, они подпишутъ его и, когда пріѣдетъ графъ О. Д. за справкою, любезно поздравятъ его съ благополучнымъ окончаніемъ дѣла. И вдругъ кто-то осмѣлился перевернуть все дѣло вверхъ дномъ.

— Кто это вытребовалъ планы?— прежде всего спросилъ Цеймернъ у Лидова.

— Ваше пр—ство сами подписали требованіе. Вотъ его черновая.

— Я подписалъ! Но я подписалъ, довѣрившись вамъ! Вѣдь вы, конечно, представили его для подписи?

— Виноватъ, ваше пр—ство, дѣйствительно я.

— Но какъ же вы осмѣлились это сдѣлать? Вѣдь вы знали, что по сдѣлкамъ, подобнымъ этой, планы не требуются?

— Я, вѣроятно, подписалъ его не читавши, какънибудь второпяхъ....

— Да чей это докладъ?

— Эвальда....

— А-а! Эвальда? Позвать его сюда!

Но Эвальда не было: онъ былъ въ Москвѣ.

Приходится сдѣлать отступленіе, такъ какъ надо же знать, какъ я попалъ въ Москву. Не хочу я, чтобы ктонибудь подумалъ, будто бы я, устроивъ такое дѣло, удралъ изъ Петербурга, страха ради іудейскаго, оставивъ Лидова одного защищаться, какъ умѣетъ. Нѣтъ, на подобныя выходки я не способенъ, а, кромѣ того, такое удираніе было бы не только бесполезно, но даже вредно: Цеймернъ могъ бы отставить меня отъ службы безъ прошенія, а это было бы очень не хорошо. Оставаясь же на мѣстѣ, я могъ такъ или иначе оправдаться и защититься.

Я въ этотъ день былъ въ Москвѣ совершенно случайно по семейному дѣлу.

Тамъ жила моя младшая сестра, бывшая замужемъ за школьнымъ моимъ товарищемъ, Келлеромъ, служившимъ на Рязанской и Козловской желѣзныхъ дорогахъ, у П. В. фонъ-Дервиза. Получилъ я отъ этого Келлера письмо, что жена его, съ двумя старшими дѣтьми, ѣдетъ за границу; поэтому онъ проситъ меня принять ее

и помочь ей, въ чемъ будетъ нужно, въ Петербургѣ. Наканунѣ прїѣзда сестры, когда она, по расчету времени, была уже около Твери, я получилъ изъ Москвы телеграмму такого содержанія: «предупредите сестру, что Келлеръ опасно захворалъ». Около трехъ-четырехъ часовъ ночи—другая телеграмма: «Келлеръ безнадеженъ». Наконецъ утромъ, около семи часовъ, третья телеграмма: «Келлеръ скончался. Подготовьте сестру. Просите ее вернуться». Сестра должна была прїѣхать въ одиннадцать часовъ утра. Я послалъ ее встрѣтить, а самъ остался дома, боясь выдать свое волненіе, и старался успокоиться, занявшись приготовленіемъ завтрака дорогимъ гостямъ. Сестра вошла ко мнѣ, со своими двумя дѣтьми, дѣвочкой лѣтъ семи и мальчикомъ лѣтъ пяти, веселая и радостная, по случаю отъѣзда за границу, о чемъ она давно мечтала. Когда первые порывы свиданія прошли, и мы сидѣли за завтракомъ, разговаривая уже спокойно, я рѣшился открыть ей страшное извѣстіе. На вопросъ ея: когда лучше поѣхать, завтра или послѣзавтра, я сказалъ, что на ея мѣстѣ я теперь совсѣмъ бы не поѣхалъ за границу.

— Отчего?—спросила она меня съ удивленіемъ.

— Да вѣдь твой мужъ боленъ,—отвѣтилъ я такимъ тономъ, какъ будто полагалъ, что она знаетъ объ этомъ.

— Какъ боленъ?—воскликнула она.—Вчера вечеромъ онъ провожалъ насъ совсѣмъ здоровый и веселый!

— Такъ, значитъ, онъ не при тебѣ захворалъ? — спросилъ я, продолжая играть ту же роль.

— Конечно, нѣтъ! Да ты-то откуда взялъ, что онъ боленъ?

— Тогда я молча протянулъ ей первую телеграмму.

Сестра прочла ее и поблѣднѣла.

— Боже мой! что же это такое? — проговорила она, схватившись за голову. — Да ужъ не умеръ ли онъ? Говори правду!

Но у меня не хватало духу сказать ей все, что зналъ. Я началъ ее успокаивать, увѣрять, что эта телеграмма не такъ страшна, какъ кажется, и что если я совѣтовалъ ей вернуться въ Москву, то только ради благоразумной предосторожности.

— Поправится онъ,—говорилъ я,—ты можешь снова поѣхать за границу, потерявъ только нѣсколько дней. Вѣдь ты не чиновникъ, у котораго отпускъ ограниченъ срокомъ: позже поѣдешь, можешь тамъ дольше погостить, вотъ и все.

Сестра, конечно, порѣшила сейчасъ же ѣхать обратно въ почтовомъ поѣздѣ, отходившемъ въ три часа, но требовала непременно, чтобы и я ѣхалъ съ нею. Я самъ, глядя на ея огорченіе и волненіе, видѣлъ, что мнѣ необходимо съ нею ѣхать: мало ли что въ дорогѣ могло случиться съ нею? Что бы дѣлали ея дѣти, если бы, напримѣръ, съ ней случился какой нибудь припадокъ? Да, притомъ, дорогою я все-таки успѣлъ бы ее подготовить къ извѣ-

стію о смерти, а то, пріѣхавъ домой безъ меня и сразу узнавъ о смерти любимаго мужа, она могла бы сама пострадать, не менѣ его.

Но, пока мы говорили, наступилъ уже второй часъ. Мнѣ надо было собраться въ дорогу, чтобы на вокзалъ попасть за полчаса до отхода поѣзда. Было не мыслимо ѣхать на мѣсто службы и испрашивать отпускъ.

Я присѣлъ къ письменному столу, написалъ прошеніе объ отпускѣ на двѣ недѣли и приложилъ къ нему письмо къ Лидову, умоляя его простить мнѣ такой внезапный отъѣздъ, исходатайствовать отпускъ и прислать въ Москву по прилагаемому адресу.

Въ Москвѣ я пробылъ около десяти дней, занятыхъ сначала похоронами, а потомъ разными хлопотами по дѣламъ сестры. Оказалось, что Келлеръ, проводивъ жену, вернулся домой, велѣлъ приготовить чай и въ ожиданіи самовара началъ играть на скрипкѣ, въ своей спальнѣ. Въ минуту катастрофы туда случайно вошла служанка приготовить спальню для ночи.

— Баринъ,—говорила она,—поигравши немного, сняли сюртукъ и жилетъ, сказавши, что имъ жарко. Только что взяли опять скрипку, какъ она упала у нихъ изъ рукъ; я побѣжала поднять, а баринъ вдругъ зашатался, едва дошелъ до кровати и свалился на нее такъ, что грудью на кровати, а ноги на полу, а изъ горла такъ и забила кровь. Они немного простионали и разомъ утихли. Я такъ испугалась, что стояла и не знаю, что дѣлать. Потомъ ужъ спохватилась и побѣжала звать на помощь. Пока кто пришелъ, баринъ ужъ совѣмъ похолодѣлъ.

Онъ умеръ отъ разрыва сердца.

Вотъ обстоятельства, которыя удалили меня изъ Петербурга какъ разъ въ то время, когда дѣло графа О. Д. поступило къ докладу.

Въ Москвѣ (это было въ апрѣлѣ мѣсяцѣ) я такъ сильно простудился, что схватилъ воспаленіе въ груди и когда пріѣхалъ въ Петербургъ, то меня должны были на рукахъ вынести до извозчика и также на рукахъ внести въ квартиру. Я жилъ тогда въ пятомъ этажѣ, въ домѣ Краевского, на углу Литейной и Бассейной.

Только что меня уложили въ постель, какъ я просилъ написать Лидову о моемъ возвращеніи, съ просьбою навѣстить меня.

Такъ какъ я пріѣхалъ домой утромъ, въ десять часовъ, то мое приглашеніе застало Лидова на службѣ, и онъ былъ такъ любезенъ, что тотчасъ же послѣ обѣда пріѣхалъ ко мнѣ.

— Ну, батенька,—сказалъ онъ со смѣхомъ,—надѣлали вы курьеры, и, право, хорошо сдѣлали, что удрали на эти дни изъ Петербурга.

— Отчего вы мнѣ не прислали отпуска въ Москву?

— Очень просто отчего: оттого что Цеймернъ не далъ отпуска.

— Да вы говорили ему о причинѣ моего внезапнаго отъѣзда?

— Говорилъ и даже показалъ ваше письмо ко мнѣ.

— Ну, и что-жъ онъ сказалъ?

— Да говорить: зачѣмъ ему отпускъ, когда онъ и безъ него уѣхалъ?

— Но вѣдь онъ нуженъ былъ мнѣ тамъ, для прописки...

— Объ этомъ онъ, вѣроятно, забылъ.

— Какъ же обошлось дѣло графа О. Д.?

— Да что, батенька, вы разрушили всю его махинацію. Теперь ему придется составлять новыя уставныя грамоты, чтобы оставить крестьянъ на ихъ землѣ.

— Слава Богу!—сказалъ я.

— Слава Богу!—передразнилъ меня Лидовъ.—А каково-то было мнѣ? Вѣдь вы выдали меня, такъ сказать, головою. Теперь я долго потерялъ всякій кредитъ у Цеймерна.

— Ничего, Андрей Ивановичъ, это пройдетъ. Вѣдь Цеймернъ не дуракъ и не злой человѣкъ: онъ понялъ, что это я подвелъ васъ, посердится немного и перестанетъ. А вотъ какъ мнѣ быть, не знаю... Теперь еще эта болѣзнь продержитъ меня въ постели...

— Знаете, что я вамъ посоветую?—сказалъ Лидовъ.

— Что?

— Вѣдь вы можете прожить безъ службы?

— Могу.

— Такъ подавайте въ отставку.

— Я уже самъ подумывалъ объ этомъ.

— Тѣмъ лучше,—сказалъ Лидовъ.—Вы не служака, это видно. Не съ вашимъ характеромъ и не съ вашимъ образомъ мыслей служить. Положимъ, Цеймернъ на этотъ разъ проститъ вамъ и дѣло графа О. Д., и самовольный отъѣздъ въ Москву. Но вѣдь вы сами не поручитесь за себя впередъ. Встрѣтите какое нибудь новое дѣло, въ родѣ Мосоловой или графа О. Д., вы не удержитесь, чтобы снова чѣмъ нибудь не вызвать его неудовольствія. Хуже будетъ, если онъ самъ предложитъ вамъ отставку.

— Да, конечно. Хорошо, я завтра же пришлю вамъ прошеніе. Мнѣ эта служба не нравится.

Такъ я и сдѣлалъ.

Не знаю, по какой причинѣ, но аттестатъ объ отставкѣ, съ награжденіемъ чиномъ, я получилъ только осенью, въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

Выздоровѣвъ я явился на службу и зашелъ въ кабинетъ Цеймерна представиться ему, ожидая, конечно, выслушать отъ него самый строжайшій выговоръ за всѣ свои провинности. Но, къ моему удивленію, онъ встрѣтилъ меня какъ нельзя болѣе вѣжливо и ласково, предложилъ сѣсть и съ участіемъ разспрашивалъ о смерти моего зятя, побудившей меня уѣхать безъ разрѣшенія, и о моей болѣзни. Однимъ словомъ говорилъ со мной, не какъ начальникъ

съ провинившимся подчиненнымъ, а просто какъ добрый сослуживецъ. Вѣроятно, послѣ моего прошенія объ отставкѣ онъ смотрѣлъ на меня, какъ на человѣка уже посторонняго, и не считалъ удобнымъ поминать старое. Во всякомъ случаѣ этотъ приемъ его показываетъ, что онъ былъ очень порядочный человѣкъ.

Мнѣ встрѣтилось еще одно, очень своеобразное дѣло. Какъ извѣстно, при выдачѣ выкупныхъ ссудъ, у помѣщиковъ удерживались суммы, которыя были выданы казною или частными лицами подъ залогъ имѣній.

Поступило ко мнѣ дѣло одного помѣщика, графа А. Имѣние, которое выкупалось (въ одной изъ западныхъ губерній), было оцѣнено въ сто тысячъ рублей. Но на это имѣние, то-есть подъ залогъ его, въ разное время было выдано изъ государственнаго казначейства около трехъ милліоновъ рублей. Иногда ссуды выдавались по два раза въ годъ, то къ Рождеству, то къ Пасхѣ, суммами въ триста, четыреста или пятьсотъ тысячъ.

Я не зналъ, что мнѣ дѣлать съ этимъ, и обратился за совѣтомъ къ Лидову.

Онъ, въ свою очередь, подивился и покачалъ головой.

— Чудеса, да и только!—сказалъ онъ.

— Можно писать объ этомъ въ докладѣ?

— Какъ же быть иначе? Писать надо, только не обращайтесь на это обстоятельство особаго вниманія.

— То-есть какъ же это?

— Да такъ, проставьте только цифры: оцѣнено во столько-го, тогда-то выдана такая сумма, тогда-то такая, больше ничего. Не дѣлайте никакихъ выводовъ и замѣчаній. Понимаете?

— Понимаю.

— Ну, вотъ, больше ничего. Пускай тамъ высшее начальство разбираетъ само, какъ хочетъ. Однако, молодецъ же этотъ графъ,—прибавилъ Лидовъ, засмѣявшись.—Надо же ухитриться: подъ сто-тысячное имѣние занять у казны болѣе трехъ милліоновъ!

Припоминая теперь порядки, установившіеся для производства дѣлъ въ главномъ выкупномъ учрежденіи, я прихожу къ тому выводу, что правительство того времени сдѣлало ошибку, поставивъ во главѣ этого дѣла Цеймерна.

Онъ былъ несомнѣнно человѣкъ честный, добрый, благожелательный, знавшій дѣло, трудолюбивый и искренній. Но, къ сожалѣнію, это былъ нѣмецъ до мозга костей.

Строгій порядокъ, заведенный имъ, въ томъ, чтобы дѣла поступали къ докладамъ не иначе, какъ по очереди ихъ поступле-

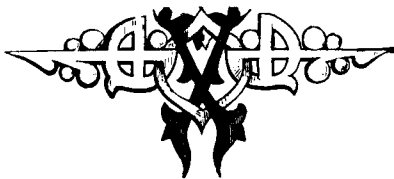
нiя, заслуживаетъ полной похвалы, это несомнѣнно. Въ противномъ случаѣ не только сдѣлались бы возможными разнаго рода злоупотребленiя, но вообще водворился бы безпорядокъ, который мѣшалъ бы стройности дѣла. Но опять и въ этомъ отношенiи надо было принимать иногда во вниманiе житейскiя нужды, которыя не всегда подчиняются тѣмъ или инымъ порядкамъ, какъ, напримѣръ, это видно изъ переданнаго мною разсказа о выкупномъ дѣлѣ Мосоловыхъ.

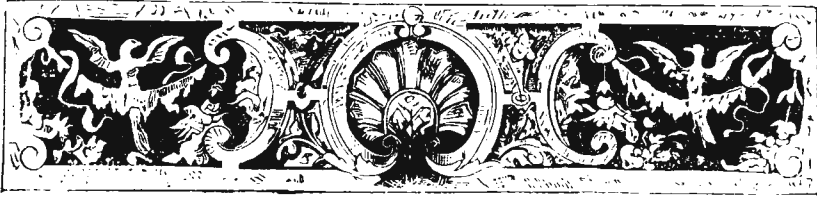
Цеймернъ же, въ большинствѣ случаевъ, былъ неумолимъ въ нарушенiи заведеннаго имъ порядка, и я знаю, что, благодаря его нѣмецкой педантичности, было пролито много горькихъ слезъ. Если въ дѣлѣ Мосоловыхъ онъ и уступилъ, то это было, такъ сказать, минутой его слабости, которую, потомъ, онъ стремился загладить или наверстать наибольшимъ упорствомъ въ многихъ другихъ случаяхъ.

Вообще, при всѣхъ своихъ высокихъ личныхъ достоинствахъ, Цеймернъ былъ не на своемъ мѣстѣ, предсѣдательствуя въ главномъ выкупномъ учрежденiи, такъ какъ не могъ возвыситься до пониманiя того великаго дѣла, которое ему было довѣрено, и оставался всегда только канцелярскимъ чиновникомъ, который изъ-за бумажнаго листа не видитъ настоящей жизни.

Вообще же, духъ чиновниковъ главнаго выкупнаго учрежденiя представлялъ отрадное явленiе, которое трудно встрѣтить въ обычныхъ канцелярскихъ сферахъ. Всѣ служившiе были какъ-то воодушевлены мыслью, что они участвуютъ въ совершенiи величайшаго дѣла русской исторiи, и каждый, по силѣ и разуму своему, старался дѣлать свое дѣло какъ можно лучше. О нравственной чистотѣ состава этого учрежденiя нечего и говорить: если бы такъ было вездѣ, то въ Россiи настала бы золотой вѣкъ.

А. В. Эвальдъ.

ГЕНЕРАЛЪ ШУЛЬЦЪ И ЛЕРМОНТОВЪ.

ВЪ ОТРЫВКѢ изъ моихъ воспоминаній помѣщенномъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (юнь 1902 г.), встрѣчается имя генерала Шульца. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ героѣ прошлаго столѣтія можно найти въ моихъ корреспонденціяхъ, изданныхъ въ 1877 г. подъ заглавіемъ «Война въ Малой Азіи». Здѣсь же приведу одинъ изъ разсказовъ генерала Шульца, въ убѣжденіи, что разсказъ этотъ имѣетъ и бытовой и историко-литературный интересъ. Генералъ Шульцъ давно уже умеръ, и если и я умру, не передавъ того, что сообщилъ мнѣ этотъ ветеранъ, то весьма любопытный матеріалъ пропадетъ, безслѣдно канетъ въ Лету.

Напомню, что генералъ Шульцъ, будучи израненнымъ кавказцемъ, былъ уже комендантомъ Александропольской крѣпости во время войны 1853—1855 годовъ. Тяготясь бездѣйствіемъ и не получая назначенія въ дѣйствующихъ отрядахъ Кавказа, Шульцъ беретъ отпускъ и отправляется въ Крымъ, гдѣ и принимаетъ участіе въ Севастопольской оборонѣ, начальствуя въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, если не ошибаюсь, четвертымъ бастиономъ. По заключеніи мира, генерала Шульца опять сдаютъ «на покой», на мѣсто коменданта одной изъ второстепенныхъ крѣпостей Прибалтійскаго края, кажется, Дюнамюнда; но едва началась война 1877 года, какъ маститый воинъ (ему было уже за 70 лѣтъ) снова очутился на поляхъ битвъ, въ хорошо знакомой ему Карсской области.

Тутъ-то я имѣлъ удовольствіе сблизиться съ генераломъ Шульцемъ, слышать его воркотню по поводу того, что его обрекаютъ

на роль празднаго зрителя, тогда какъ онъ могъ бы еще пригодиться на что нибудь активное. Неужели не дадутъ старику пасть на полѣ чести, показать примѣръ молодежи, неужели ему суждено умереть отъ какой нибудь болѣзни, а не отъ вражеской пули или ядра, подѣ которыми онъ такъ часто находился? Такъ ворчалъ этотъ герой, когда былъ не въ духѣ. Но въ обычное время это былъ неистощимый, просвѣщенный, любезный собесѣдникъ и добрѣйшій человѣкъ. По-русски Шульцъ говорилъ не совсѣмъ свободно, по-французски хорошо, а по-нѣмецки, какъ на родномъ языкѣ.

— Знаете ли, какъ я очутился на Кавказѣ?—спросилъ меня однажды Шульцъ.

— Будьте добры, расскажите.

— Былъ я молодымъ офицеромъ, безъ связей, безъ средствъ. Но тогда все дворянство служило въ войскѣ и приобрѣтало положеніе на военной службѣ. Служилъ я въ Петербургѣ. Военному всѣ двери были открыты... Познакомился я съ однимъ семействомъ, гдѣ была дочь красавица... Конечно, я влюбился, но и я ей понравился. По тогдашнему обычаю, сдѣлалъ предложеніе родителямъ дѣвушки и получилъ нось. Они нашли меня недостаточно заслуженнымъ и мало пригоднымъ женихомъ... Тогда-то я и поѣхалъ на Кавказъ, заявивъ, что буду или на щитѣ, или подѣ щитомъ. Она обѣщала ждать. Это обѣщаніе и горячая къ ней любовь и окрыляли меня, смягчали горечь разлуки. На Кавказѣ въ то время нетрудно было отличиться; въ дѣлахъ и экспедиціяхъ недостатка не было. Чины и награды достались на мою долю... Въ извѣстномъ дѣлѣ подѣ Ахульго я получилъ нѣсколько ранъ, но не вышелъ изъ строя, пока одна пуля въ грудь не повалила меня замертво... Среди убитыхъ и раненыхъ пролежалъ я весь день... Затѣмъ меня подобрала, подлѣчила, послали за границу на казенный счетъ для окончательной поправки. За это дѣло получилъ я георгиевскій крестъ. За границей, уже на возвратномъ пути въ Россію, былъ я въ Дрезденѣ. Конечно, пошелъ въ знаменитую картинную галерею... Подхожу и смотрю на Мадонну... Вдругъ, чувствую, будто электрическій токъ пробѣжалъ по мнѣ, сердце застучало, какъ молоть... Оглядываюсь и не вѣрю своимъ глазамъ... Воображеніе или дѣйствительность?.. Возлѣ меня, около той же картины, стоитъ она... Достаточно было одного взгляда, довольно было двухъ словъ... Мы поняли другъ друга и придали особое значеніе чудесному случаю, сведшему насъ послѣ долгихъ лѣтъ разлуки. Моя мадонна осталась вѣрна мнѣ. Родные уже не возражали, и мы обвѣнчались. Сама судьба соединила насъ!

— Прелестный романъ,—сказалъ я.

— Но вы не знаете, почему я рассказалъ вамъ эту старую исторію... Дѣло въ томъ, что такъ же, какъ вамъ, я рассказалъ ее Лермонтову... Давненько это было: васъ и на свѣтѣ тогда еще не

было... Мы съ нимъ встрѣчались на Кавказѣ... Разсказаль, и Лермонтовъ спрашиваетъ меня: скажите, что вы чувствовали, когда лежали среди убитыхъ и раненыхъ?—Что я чувствовалъ? Я чувствовалъ, конечно, безпомощность, жажду подъ палящими лучами солнца; но въ полузабытѣ мысли мои часто неслись далеко отъ поля сраженія, къ той, ради которой я очутился на Кавказѣ... Помнить ли она меня, чувствуетъ ли, въ какомъ жалкомъ положеніи очутился ея женихъ. Лермонтовъ промолчалъ, но черезъ нѣсколько дней встрѣчаетъ меня и говоритъ: благодарю васъ за сюжетъ. Хотите прочесть? И онъ прочелъ мнѣ свое извѣстное стихотвореніе:

«Въ полдневный жаръ, въ долину Дагестана,
«Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я;
«Глубокая еще дымила рана» и т. д.

— Вотъ для чего, а затронулъ эту древнюю исторію... Мнѣ суждено было, совершенно случайно, вдохновить такого поэта, какъ Лермонтовъ... Это великая честь и мнѣ думается, что вамъ пріятно узнать происхожденіе этого стихотворенія; извѣстно, что оно положено на музыку и долго распѣвалось, а, можетъ быть, и теперь поется, какъ прелестнѣйшій, трогательный романсъ.

Разсказъ маститаго генерала Шульца, правдиваго воина, чуждаго всякой хлестаковщины, хорошо запечатлѣлся въ моей памяти, и мнѣ даже на одно мгновеніе не приходило малѣйшее сомнѣніе въ истинности этого сообщенія.

Въ какомъ очарованномъ, возвышенномъ ореолѣ жили, мыслили и дѣйствовали такіе герои, какъ Шульцъ, показываетъ еще слѣдующій эпизодъ.

Послѣ тяжелаго перехода, послѣ долгаго выжиданія обоза (при отступленіи отъ Зивина), мы разбили палатку и улеглись наконецъ на покой. Но генераль Шульцъ, по обыкновенію, что-то бормоталъ невнятное, ворочался и кончилъ тѣмъ, что возобновилъ разговоръ со мною.

— Допускаете ли вы возможность, чтобъ такіе старцы, какъ я, способны были возгорѣться любовью, какъ какой нибудь юноша?

— Еще бы!.. И подъ снѣгомъ иногда бѣжитъ горячая вода!

— Нѣтъ, я говорю о самой идеальной, о самой чистой, дѣвственной любви, той любви, которую можно питать къ божеству... Помните рыцарей?.. Они любили даму своего сердца, носили ея цвѣта, обнажали мечъ свой въ честь ея на турнирахъ, но не покушались на ея свободу, не требовали взаимности... Вотъ о какомъ идеальномъ, высокомъ чувствѣ я говорю... Всякое иное, болѣе земное, болѣе низменное, недостойно, непригодно для такихъ старцевъ, какъ я, или для чистыхъ еще, свѣжихъ юношей... Допускаете ли вы возможность такого чувства въ нашъ матеріальный вѣкъ?

— Вполнѣ допускаю, тѣмъ болѣе, что вы такъ горячо говорите объ этомъ, несмотря на усталость, не спите...

Хотѣлось мнѣ добавить: и не даете спать другимъ. Но генераль Шульцъ не замѣтилъ моей ироніи и продолжалъ свое вдохновенное изображеніе идеальной, чистой любви.

При другихъ условіяхъ, я подумалъ бы, не тронулся ли, не спятилъ ли мой старикъ, но генераль Шульцъ въ такой мѣрѣ приучилъ меня къ высокой атмосферѣ своихъ мыслей и чувствъ, что я отнесся къ этому неожиданному признанію съ полнымъ уваженіемъ, нисколько не сомнѣваясь въ добромъ здоровьѣ моего собесѣдника. Я уже засыпалъ, а старый кавказскій воинъ все еще ворочался и бормоталъ что-то про себя. Можетъ быть, мадригалы сочинялъ, или воображалъ себя на турнирѣ, въ рыцарскихъ доспѣхахъ, съ кошемъ въ рукѣ, готовясь вызвать на бой каждаго, кто не признаетъ первой красавицей «дамы его сердца».

Какая сила, какая жизненность одухотворяла подобныхъ людей, тысячу разъ жертвовавшихъ жизнью, здоровьемъ, соединявшихъ кипучую дѣятельность съ поэзіей не на словахъ, а на дѣлѣ!

Поучиться бы у нихъ нынѣшнимъ молодымъ людямъ, которые или «атлетическимъ спортомъ» всецѣло поглощаются или «отцвѣтаютъ, не успѣвши расцвѣсть», не зная, для чего жить и какъ жить...

Генераль Шульцъ умеръ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ войны; ему не удалось пасть на полѣ битвы, какъ онъ этого желалъ.

Григорій Градовскій.

АРТИСТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ ВЪ СЕМИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Очеркъ первый.

I.

Первоначальная слава и блескъ Артистическаго кружка. — Постановка Тургеневскаго «Нахлѣбника». — Старшина кружка, актеръ Вильде. — Начало распаденія и уходъ артистовъ Малаго театра. — Переходъ кружка въ домъ Бронникова. — Его выдающіеся члены. — Театръ кружка въ 1871 году. — Н. Х. Рыбаковъ. — Библіотека кружка. — Танцевальныя вечера, маскарады и карточная игра. — Общій характеръ этого клуба.

ВЪ 1871 ГОДУ, я поселился въ Москвѣ и занялся литературнымъ трудомъ. На первыхъ же порахъ я попросилъ нѣсколькихъ моихъ знакомыхъ записать меня въ число лицъ, желающихъ баллотироваться въ дѣйствительныя члены тамошняго Артистическаго кружка, и, спустя двѣ-три недѣли, получилъ извѣщеніе, что меня выбрали.

Въ то время Артистическій кружокъ утратилъ уже отчасти свою прежнюю славу и блескъ. Вначалѣ, при самомъ своемъ основаніи, 14-го ноября 1866 года, онъ помѣщался недолго гдѣ-то въ иномъ мѣстѣ, а потомъ на Лубянкѣ, въ изящномъ барскомъ домѣ, принадлежавшемъ когда-то Воейкову, а затѣмъ занимаемомъ извѣстною гостиницей Лабади. Въ члены кружка вступили тогда очень многіе литераторы, профессоры университета, артисты, художники, скульпторы, композиторы, архитекторы и пр.; только литераторы изъ кружка Каткова да богатые славянофилы съ Аксаковымъ въ главѣ остава-

лись вѣрны Англійскому клубу, который былъ для большинства литераторовъ и художниковъ недоступенъ. Между тѣмъ, въ Артистическомъ кружкѣ каждый чувствовалъ себя, какъ дома: это былъ клубъ, куда члены и гости прѣзжали съ женами и дочерьми, смотрѣли спектакли, танцевали и играли въ карты, рѣдко засиживаясь позднѣе часа.

Театръ кружка былъ въ то время въ самомъ блестящемъ состояніи. На сценѣ его давались спектакли, въ которыхъ, въ качествѣ исполнителей, выступали иногда самые даровитые артисты Малаго театра, а также и провинціальныя, наѣзжавшія въ Москву, и многіе извѣстные литераторы, обладавшіе сценическимъ дарованіемъ. Такъ, напримѣръ, шелъ однажды «Нахлѣбникъ» Тургенева, въ которомъ исполнителями были: даровитая г-жа Кроненбергъ, В. А. Крыловъ, П. М. Садовскій, князь Кугушевъ (авторъ повѣсти «Корнетъ Отлетаевъ»), В. А. Макшеевъ. Матеріальныя средства кружка въ то время были очень солидны, и нельзя было, повидимому, ожидать ничего опаснаго съ этой стороны...

Опасность явилась съ той стороны, откуда всего менѣе можно было ожидать ее. Все дѣло вышло изъ-за своевластія артиста Малаго театра, покойнаго Н. Е. Вильде, завѣдывавшаго театромъ кружка и, въ качествѣ старшины, также кассою. Вильде не обладалъ крупнымъ сценическимъ талантомъ, но, за неимѣніемъ въ труппѣ Малаго театра болѣе способнаго и даровитаго *jeune premier*, занималъ это амплуа, чередуясь съ покойнымъ же М. А. Рѣшимовымъ, тоже артистомъ не крупной величины, хотя очень симпатичнымъ и пользовавшимся, въ качествѣ красавца, большимъ вниманіемъ московскихъ дамъ. Оба эти артиста, надо замѣтить, поступили на сцену не изъ театрального училища, а со стороны: Вильде—изъ чиновниковъ нижегородской казенной палаты, Рѣшимовъ—изъ офицеровъ какого-то кавалерійскаго полка. Играя вначалѣ на любительскихъ спектакляхъ Нижняго Новгорода, Вильде, человекъ умный и образованный, такъ пристрастился къ сценѣ, что рѣшилъ оставить государственную службу и попытать счастья—поступить въ труппу Малаго театра въ Москвѣ. Это ему удалось, благодаря лишь тому обстоятельству, что онъ понравился Обѣру, начальствовавшему въ то время въ Московской конторѣ императорскихъ театровъ. Публикѣ же Вильде положительно не понравился, такъ что, когда онъ, дебютируя въ роли Чацкаго, произнесъ извѣстную фразу: «Вонъ изъ Москвы! сюда я больше не ѣздохъ»,—изъ рядовъ партера громкій голосъ произнесъ: «Дорога ска-тертью!»...

И вотъ этотъ-то Вильде и былъ причиною начала распадѣнія Артистическаго кружка. Послѣ безконтрольнаго, въ теченіе трехъ лѣтъ, завѣдыванія труппою и кассою, отъ Вильде былъ наконецъ потребованъ ревизіонною комиссіею отчетъ... Этого отчета Вильде

не пожелалъ дать; а когда его принудили къ этому, онъ вышелъ изъ состава старшинъ и даже членовъ кружка и возвратилъ въ контору свой членскій билетъ. Потеря эта была для кружка не особенно чувствительна и не крупна; но вслѣдъ за Вильде поспѣшили возвратить свои членскіе билеты и почти всѣ остальные артисты и артистки Малаго театра, между которыми были такія знаменитости, какъ С. В. Шумскій, И. В. Самаринъ, Е. Н. Васильева, Акимова, Никулина и др.; не возвратилъ своего билета одинъ лишь Провъ Михайловичъ Садовскій, настолько привыкшій къ кружку и времяпровожденію въ немъ, что пошелъ въ этомъ случаѣ въ разрѣзъ со всѣми остальными своими товарищами по сценѣ Малаго театра.

Вся эта неприятная для кружка исторія долго ходила по Москвѣ въ различныхъ вариантахъ, съ примѣсю сплетенъ и небылицъ, и поспособствовала тому, что дѣла кружка немножко пошатнулись, — и главнымъ образомъ потому, что на сценѣ его постоянныхъ, такъ, сказать, семейныхъ, спектаклей перестали играть артисты Малаго театра, игравшіе до этого въ свободные вечера, подъ различными псевдонимами. Наконецъ, немало повредила дѣлу и московская печать того времени. Въ фельетонахъ «Московскихъ Вѣдомостей», которые писалъ талантливый Пановскій, исторія ухода изъ кружка Вильде была рассказана въ самомъ сочувственномъ для него тонѣ и враждебномъ кружку. Въ юмористическомъ же журналѣ «Развлеченіе», редакторомъ-издателемъ котораго былъ въ то время О. Б. Миллеръ, дѣло было представлено совсѣмъ въ иномъ видѣ — враждебномъ главному виновнику происшедшаго событія, т.-е. Вильде, который, въ pendant къ тексту, изображенъ былъ еще и въ карикатурѣ: на рисункѣ были два зданія — домъ, гдѣ помѣщался Артистическій кружокъ, и, черезъ площадь, зданіе Малаго театра; между обоими домами былъ протянутъ въ воздухѣ канатъ, по которому, въ видѣ акробата, идетъ Вильде, направляясь изъ кружка: за спиною у него нарисованъ былъ большой мѣшокъ, на которомъ стояли цифры «25.000».

Въ 1871 году, я засталъ Артистическій кружокъ уже въ другомъ помѣщеніи: изъ дома на Лубянкѣ онъ перешелъ на Театральную площадь, въ домъ Бронникова, гдѣ ранѣе помѣщался столь извѣстный въ мірѣ актеровъ трактиръ Барсова. Въ составѣ его почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ было еще немало очень почтенныхъ и извѣстныхъ именъ. Такъ, въ сохранившемся у меня списокѣ значились слѣдующія имена: въ числѣ «почетныхъ» состояли два брата Островскихъ — Александръ Николаевичъ, драматургъ, и Михаилъ Николаевичъ, бывший потомъ министромъ государственныхъ имуществъ; литераторы: М. Е. Салтыковъ, И. С. Тургеневъ, артистъ П. М. Садовскій, К. Т. Солдатенковъ и др.; всѣхъ почетныхъ было 12 членовъ, и между ними былъ прежній каменщикъ,

а впоследствии известный миллионеръ и тайный совѣтникъ П. I. Губонинъ. Дѣйствительныхъ же членовъ было всѣхъ 122, и между ними было также нѣсколько известныхъ въ Москвѣ именъ — изъ числа профессоровъ Московскаго университета, литераторовъ, артистовъ и художниковъ: профессора А. Н. Веселовскій; Н. В. Бугаевъ, С. А. Борзенковъ, литераторы: А. Ѳ. Писемскій, кн. I. А. Мещерскій (известный переводчикъ Мольера), А. Н. Плещеевъ, А. А. Майковъ, Н. А. Чмыревъ и др.; артисты К. Ф. Бергъ, Живокини (Д. В.), Садовскій (сынъ), А. М. Кондратьевъ, В. А. Макшеевъ, кн. Е. П. Урусовъ и пр.; композиторы В. Н. Кашпиревъ, К. П. Вильбоа, художники: академикъ К. А. Трутовскій, К. Г. Астаповъ, Маковскій, адвокаты Н. М. Городецкій, кн. А. И. Урусовъ и др. Членовъ же «посѣтителей» было болѣе 500 человекъ.

Театръ кружка былъ организованъ довольно удачно, и хотя я засталъ труппу, сформированную уже послѣ ухода Вильде, тѣмъ не менѣе, ея составъ былъ все еще солиденъ. Въ особенности же интересны были спектакли, даваемые на сценѣ Артистическаго кружка въ великомъ посту, когда въ Москву съѣзжались со всѣхъ концовъ Россіи артисты и пѣвцы частныхъ театровъ, для заключенія лѣтнихъ, или же и годовыхъ, контрактовъ съ антрепренерами. Такъ, напримѣръ, на сценѣ кружка я видалъ не разъ знаменитаго актера Николая Хрисановича Рыбакова, М. П. Садовскаго (сына), игравшаго въ кружкѣ подѣ фамиліей Ольгина, кн. П. Н. Мещерскаго, М. В. Лентовскаго, г-жѣ Садовскую (жену М. П.), В. А. Дюбюкъ, П. А. Стрепетову и мн. др. Наконецъ, многіе изъ числа известныхъ провинціальныхъ артистовъ, пріѣзжавшихъ въ Москву съ цѣлю поступленія въ знаменитую въ то время труппу Малаго театра, дебютировали сначала на сценѣ нашего кружка и отсюда уже получали дебюты на сценѣ Малаго театра. Такъ, въ стѣнахъ кружка и на его сценѣ перебивали: покойный К. Ѳ. Бергъ (Келлеръ), Макшеевъ, Писаревъ и др. Лишь одинъ трагикъ Н. Х. Рыбаковъ, достигшій въ то время, т.-е. въ началѣ 70-хъ годовъ, зенита своей славы и имѣвшій уже за 50 лѣтъ, не дѣлалъ никакихъ поползновеній попасть на казенную сцену Малаго театра. Я былъ лично знакомъ съ покойнымъ Николаемъ Хрисановичемъ, и мы состояли даже, въ одинъ изъ сезоновъ, вмѣстѣ театральными судьями при дебютахъ малоизвестныхъ провинціальныхъ артистовъ и «любителей», для рѣшенія вопросовъ: принимать ихъ или нѣтъ на нашу сцену. И вотъ, когда я однажды полюбопытствовалъ спросить покойнаго трагика, почему это онъ, имѣя такой крупный талантъ, не попалъ на сцену Малаго театра,—онъ отвѣтилъ:

— Я еще въ 50-хъ годахъ хотѣлъ было поступить въ труппу императорскихъ театровъ и даже дебютировалъ, и очень удачно; но потомъ, встрѣтивъ противъ себя подкопы и интриги, чуть было не побилъ режиссера... Тогда меня призвалъ къ себѣ директоръ театра Сабуровъ и сталъ говорить мнѣ:

— По твоему таланту, говорить, я бы очень охотно принялъ тебя въ труппу...—Но я тотчасъ же перебилъ его:

— Прежде всего, я попрошу ваше превосходительство отличать меня отъ вашего лакея и будочника—не говорить мнѣ «ты»...

Сабуровъ нахмурился и продолжалъ:—По таланту-то вашему я бы васъ принялъ, но по характеру вы не годитесь: вы легко можете угодить въ солдаты...

— Вѣдь тогда при Николаѣ Павловичѣ за строптивый нравъ сдавали въ солдаты не только «артистовъ», но даже и поповъ по представленіямъ архіереевъ... Такъ я и остался весь свой вѣкъ «провинціальнымъ артистомъ — Несчастливцевымъ!»... объяснилъ мнѣ покойный Николай Хрисанювичъ...

Ниже я буду говорить объ игрѣ этого даровитѣйшаго трагика во многихъ роляхъ и, между прочимъ, въ роли Несчастливцева, въ пьесѣ «Лѣсъ» Островскаго. Читателю слѣдуетъ знать, что именно его, Рыбакова, покойный писатель и изобразилъ въ этой роли... И такъ странно было слышать со сцены слѣдующую, произносимую Николаемъ Хрисанювичемъ фразу, въ его разсказѣ актеру «Аркашкѣ» Счастливцеву о своей игрѣ: ...«Кончилъ я и ушелъ за кулисы... И вотъ, подходитъ ко мнѣ Рыбаковъ... самъ Николай Хрисанювичъ Рыбаковъ!—кладетъ мнѣ руку на плечо и говоритъ: «Только ты и я!»... (т.-е. остались трагики). При этомъ упоминаніи собственнаго имени, голосъ старика Рыбакова задрожалъ и перешелъ въ шепотъ, и онъ едва-едва могъ удержаться отъ нервныхъ слезъ, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ и видѣлъ, что въ старшинской ложѣ, съ правой стороны, сидитъ «самъ» Александръ Николаевичъ Островскій...

Театръ и труппа кружка поручались всегда вѣдѣнію одного изъ старшинъ, по ихъ между собою выбору. Когда я вступилъ въ кружокъ, его сценою управлялъ старшина А. И. Смирновъ, учитель физики въ коммерческомъ училищѣ, а потомъ его смѣнилъ М. И. Цухановъ, тоже учитель—одной изъ московскихъ гимназій. Дѣла театра шли хорошо.

Библіотека кружка была довольно полная и интересная. Въ ней было собрано, кромѣ обычной беллетристики и журналовъ, множество пьесъ, полныя сочиненія русскихъ писателей и, въ переводѣ, иностранныхъ, не говоря уже о томъ, что выписывались почти все русскіе журналы и газеты. Два года спустя, я былъ избранъ завѣдывать этою библіотеконъ; вмѣстѣ съ В. Н. Кашпиревымъ, Н. А. Чмыревымъ и извѣстнымъ чтецомъ и разсказчикомъ И. А. Григоровскимъ, мы составляли библіотечный комитетъ. Книги отпускались всемъ членамъ кружка бесплатно, такъ какъ къ обычному членскому взносу доплачивался 1 рубль собственно на библіотеку. Библіотекаршей у насъ была очень аккуратная и почтенная дама, вдова какого-то чиновника, а помощницею у нея

очень милая и красивая дѣвушка нѣкая Е. К. Трапезникова, жизнь которой вскорѣ окончилась самымъ трагическимъ образомъ. Но объ этомъ послѣ, въ свое время.

Карточная игра въ кружкѣ, какъ и во всѣхъ другихъ московскихъ клубахъ, процвѣтала самымъ исправнымъ образомъ, и иногда въ карточномъ залѣ можно было видѣть за преферансомъ и А. Н. Островскаго, игравшаго исключительно съ своими, т.-е. съ артистами, ему хорошо знакомыми. Припоминаю, что видѣлъ иногда играющими съ нимъ П. М. Садовскаго, извѣстнаго композитора В. Н. Кашпирева, помощника режиссера Малаго театра С. А. Черневскаго и др. Карты доставляли, конечно, кружку немалый доходъ. Играли у насъ не по большой, и о шулерахъ никогда не было слышно.

Устраивавшіеся, разъ въ недѣлю, по зимамъ, танцы въ кружкѣ и маскарады были чрезвычайно оживленны. Бывали иногда во время маскарадовъ и скандальчики, учиняемые, обыкновенно «золотою молодежью» и московскими саврасами, т.-е. сынками богатыхъ купцовъ. Гораздо чаще, впрочемъ, случались романическія исторіи...

Вотъ общій характеръ Московскаго Артистическаго кружка въ 1871 году, когда я вошелъ въ него. Это былъ въ то время милый, чисто семейный, пріятный и веселый клубъ и, вдобавокъ, очень недорогой: дѣйствительные члены платили въ годъ 11 рублей—10 рублей членскихъ и рубль на бібліотеку; члены-носѣтели—16 рублей. Для небогатыхъ людей клубъ этотъ былъ особенно важенъ еще тѣмъ, что въ немъ отсутствовала роскошь дамскихъ туалетовъ. Такъ какъ посѣтительницами кружка были преимущественно жены литераторовъ и художниковъ и провинціальныя артистки, то это отсутствіе роскоши стало постепенно входить въ обычай на всѣхъ кружковскихъ вечерахъ и спектакляхъ. Затѣмъ, этотъ клубъ представлялъ еще одно удобство—по крайней мѣрѣ, для дѣйствительныхъ его членовъ: пріѣзжая въ Петербургъ, мы могли бывать безпрепятственно и бесплатно въ существовавшемъ въ то время клубѣ художниковъ (на Троицкой, гдѣ нынѣ залъ Павловой) и пользовались всѣми правами, удобствами и удовольствіями, предоставленными дѣйствительнымъ членамъ этого клуба. Одинаково, члены петербургскаго клуба, попадая въ Москву, пользовались, въ свою очередь, нашимъ гостепрѣимствомъ,—и это представляло взаимно большое удобство для дѣйствительныхъ членовъ обоихъ клубовъ.

II.

Журналъ «Бесѣда». — Начало собранія драматическихъ писателей. — Издатель «Бесѣды» А. И. Кошелевъ. — С. А. Юрьевъ и его разсѣянность. — Анекдоты о немъ и карикатуры. — Помощники редактора: А. А. Майковъ и Миропольскій. — Возвращеніе рукописей К. Н. Леонтьеву, Г. П. Данилевскому и Д. В. Аверкиеву. — «Каширская старина» и М. Н. Катковъ.

Въ 1871 году, была основана въ Москвѣ «Бесѣда» — журналъ славянофильскій и «съ національно-прогрессивнымъ направлениемъ». Такъ какъ редакція этого журнала имѣла нѣкоторое соприкосновеніе съ Артистическимъ кружкомъ, а также и съ образовавшимся впоследствии обществомъ драматическихъ писателей, то я и нахожу неизлишнимъ сказать, попутно, кое-что объ этомъ интересномъ журналѣ и о первоначальномъ «собраніи» нашихъ драматурговъ, превратившемся впоследствии (въ 1874 году) въ правильно организованное «общество».

Журпаль «Бесѣда» былъ основанъ точно такъ же, какъ основываются, къ сожалѣнію, очень многіе и другіе наши журналы, — основанъ не литераторомъ, а дѣльцомъ. Основаль его Александръ Ивановичъ Кошелевъ, человѣкъ не глупый и ловкій, нажившій ранѣ большія деньги по питейнымъ откупамъ и состоявшій потомъ въ Варшавѣ чѣмъ-то въ родѣ министра польскихъ финансовъ. Затѣмъ, Кошелевъ оставилъ государственную службу, купилъ въ Москвѣ, на Поварской, барскій домъ, подѣхалъ какимъ-то угломъ къ московскимъ славянофиламъ, кратковременно издавалъ журналъ «Русскую Бесѣду», приобрѣлъ въ Рязанской губерніи огромное имѣніе, устроилъ тамъ солидный винокуренный заводъ и сталъ, какъ говорится, жить, поживать да добра наживать.

Этотъ самый Кошелевъ и сталъ издавать, съ января 1871 года, въ Москвѣ толстый журналъ «Бесѣда». Въ редакторы былъ приглашенъ человѣкъ, какъ принято выражаться, «не отъ міра сего», Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ, бывшій долгое время учителемъ математики въ Николаевскомъ институтѣ при Московскомъ воспитательномъ домѣ и слывшій за большого и глубокомысленнаго философа, послѣдователя Канта. Какимъ образомъ уживалась у покойнаго Юрьева математика рядомъ съ философіей, — этого я не знаю; но что это былъ человѣкъ въ высшей степени симпатичный, честный, добрый и увлекающійся, — въ этомъ я убѣдился впоследствии очень хорошо, когда мнѣ довелось въ качествѣ сотрудника сойтись и познакомиться съ нимъ поближе. Къ сожалѣнію, въ покойномъ Юрьевѣ поражало не одно сосѣдство математики рядомъ съ философіей, но и нѣкоторыя другія особенности.

Онъ былъ, на примѣръ, такъ анекдотически забывчивъ и разсѣянъ, что постоянно давалъ нескончаемыя темы не только анекдотамъ и розказнямъ, ходившимъ о немъ по Москвѣ, но и кари-

катурамъ въ мѣстныхъ сатирическихъ листкахъ. Такъ, напимѣръ, о Юрьевѣ рассказывали, какъ фактъ, что однажды его ожидалъ къ себѣ по какому-то дѣлу А. Н. Островскій, а онъ, не имѣя возможности ѣхать къ нему, написалъ извинительное письмо, но, по забывчивости, не отправилъ его по назначенію, а преспокойно положилъ въ карманъ сюртука—и чрезъ нѣсколько минутъ совсѣмъ позабылъ о немъ. На другой день, Островскій, безпокоясь, что Юрьевъ не пріѣхалъ къ нему и ничего не написалъ, и предполагая, что онъ захворалъ, ѣдетъ къ нему самъ, застаётъ дома, выслушиваетъ словесное объясненіе, почему именно онъ не могъ къ нему пріѣхать, и, переговоривъ о дѣлѣ, уѣзжаетъ. Юрьевъ провожаетъ его въ переднюю, прощается съ нимъ и въ это время опускаетъ зачѣмъ-то руку въ боковой карманъ сюртука. Нащупавъ тамъ свое письмо, вынимаетъ его, прочитываетъ адресъ и выскакиваетъ на площадку лѣстницы вслѣдъ за Островскимъ.

— Пстой, пстой на минутку, Александръ Николаевичъ!—кричитъ Юрьевъ:—тебѣ вотъ письмо, «весьма нужное»...

Островскій взялъ письмо, положилъ его въ карманъ, а по пріѣздѣ домой распечаталъ и сталъ читать... И долго, конечно, смѣялся надъ разсѣянностью своего пріятели.

Карикатуръ на разсѣянность Юрьева было тоже нарисовано немало. Я помню одну довольно остроумную, помѣщенную въ юмористическомъ журнальчикѣ «Развлеченіе»; карикатура эта была въ нѣсколькихъ видахъ и красовалась на всѣхъ восьми страницахъ изданія. Юрьевъ въ первой карикатурѣ былъ нарисованъ наклонившимся надъ своимъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ книгами, газетами, различными рукописями и корректурами. Онъ стоитъ надъ столомъ во весь свой большой ростъ и шаритъ по немъ руками... Внизу подпись: «И куда это я засунулъ прекрасную философскую статью?!»... Далѣе изображается все тотъ же Юрьевъ въ безплодныхъ поискахъ за статьей: онъ ищетъ ее и на книжныхъ полкахъ, и въ книжныхъ шкафахъ, и на этажеркахъ, и на шкафахъ; затѣмъ лѣзетъ подъ свою кровать, но и тамъ не находитъ статьи... На седьмой карикатурѣ Сергѣй Андреевичъ, снявъ съ себя сапоги, вытряхиваетъ ихъ, въ упованіи, не выпадетъ ли изъ сапогъ искомая статья... На послѣднемъ, восьмомъ, рисункѣ—изъ типографіи приносятъ разсылный только что вышедшую книжку «Бесѣды», подаетъ ее Юрьеву, тотъ развертываетъ свой журналъ, и—о восторгъ!—статья находится: она уже напечатана въ книжкѣ...

Слѣдуетъ сказать, что Юрьевъ не имѣлъ никакого рѣшающаго вліянія въ редакціи, гдѣ распоряжались собственно два его «помощника», ставленники Кошелева, хозяина журнала: это были—какой-то учитель кадетскаго корпуса Миропольскій и А. А. Майковъ, служившій при московскомъ генераль-губернаторѣ, князѣ Долгорукомъ, старшимъ чиповникомъ особыхъ порученій и достиг-

шій вполѣдствіи «степеней извѣстныхъ» — чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и званій камергера, а потомъ и гофмейстера. Миропольскій былъ изъ семинаристовъ, человекъ тупой и вдобавокъ съ страшнымъ самомнѣніемъ; онъ причинялъ одинъ лишь вредъ редакціи, а между тѣмъ былъ въ фаворѣ у Кошелева, а потому знать не хотѣлъ редактора и его другого помощника.

Второй помощникъ Юрьева, А. А. Майковъ, былъ человекъ очень умный и образованный (ранѣе онъ былъ недолгое, впрочемъ, время адъюнктомъ въ Московскомъ университетѣ по кафедрѣ, если не ошибаюсь, исторіи славянскихъ народовъ); но онъ такъ разбрасывался въ своей многосторонней дѣятельности, что положительно не могъ удѣлять соредакторству достаточное время. Онъ былъ, во-первыхъ, богатый помѣщикъ, сильно пристрастившійся къ сельскому хозяйству и деревнѣ; имѣніе его было недалеко отъ Москвы, и онъ часто долженъ былъ отлучаться туда. Во-вторыхъ, онъ обязанъ былъ, какъ говорили, ежедневно прочитывать не только болѣе крупныя русскія, но и нѣкоторыя иностранныя газеты и дѣлать изъ нихъ болѣе интересныя вырѣзки, наклеивать ихъ на бумагу и преподносить эти выборки кн. В. А. Долгорукову. Затѣмъ, въ-третьихъ, онъ, лично отъ себя уже, зорко слѣдилъ за политикой у славянскихъ народовъ и тѣхъ правительствъ, коимъ они были подчинены, и время отъ времени помѣщалъ въ газетахъ и журналахъ статьи по этому предмету, отличавшіяся всегда большою эрудиціей и интересомъ. Тотъ же А. А. Майковъ—и по нынѣ здравствующій—вступилъ съ 1872 года въ исполненіе обязанностей казначея общества драматическихъ писателей.

Въ конечномъ результатѣ, въ редакціи «Бесѣды» происходили, напримѣръ, иногда такіе казусы. Захожу я однажды, лѣтомъ 1871 года, къ одному знакомому, нѣкому начинающему литератору Н. В. Лысцеву, довольно милому и доброму человеку, «либералу», состоявшему чѣмъ-то въ родѣ атташе при редакціи «Бесѣды». Онъ только что вернулся изъ Ясной Поляны, куда ѣздилъ съ письмомъ Юрьева къ Льву Николаевичу Толстому за повѣстью «Кавказскій плѣнникъ» для «Бесѣды». Вижу, лежитъ у Лысцева на столѣ довольно толстая рукопись. На ея обложкѣ крупнымъ почеркомъ написано: «Два генерала».

— Что это за рукопись у васъ?—спрашиваю.

— А это далъ мнѣ Миропольскій для прочтенія.

— Какъ—для прочтенія?

— А такъ: чтобы я прочелъ ее и сказалъ бы свое мнѣніе: удобна она или нѣтъ для помѣщенія въ «Бесѣдѣ», — отвѣчаетъ Лысцевъ.

— Чья же это рукопись?

— Да какого-то Леонтьева... Я, по правдѣ сказать, не особенно внимательно читалъ ее, а лишь перелистывалъ и нахожу неудобною. Во-первыхъ, авторъ ея—какой-то важный баринъ; во-

вторыхъ, самая рукопись—это романъ — носитъ заглавіе «Два генерала»... Ну, можетъ ли тутъ быть чтонибудь интересное?!.. И кто такой Леонтьевъ? Въ каждой редакціи есть Леонтьевъ: въ «Русскомъ Вѣстникѣ»—Леонтьевъ, въ «Голосѣ»—Леонтьевъ, въ «Современныхъ Извѣстіяхъ»—Леонтьевъ... Вездѣ эти Леонтьевы, какъ и Соловьевы же... Романъ неудобень.

Я только руками развелъ... Никакіе мои доводы и убѣжденія, чтобы онъ, Лысцевъ, прочелъ романъ, не помогли, и рукопись, какъ я узналъ послѣ, такъ-таки и была возвращена автору, какъ «неудобная». А авторъ этотъ былъ извѣстный путешественникъ и талантливый писатель К. Н. Леонтьевъ, измѣнившій впоследствии заглавіе этого своего романа и напечатавшій его въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Не знаю уже, такимъ же или инымъ порядкомъ, но тою же редакціею «Бесѣды» были возвращены потомъ двумъ еще болѣе талантливымъ авторамъ двѣ интереснѣйшія рукописи: романъ «Девятый валъ» Гр. П. Данилевскому и трагедія «Каширская старина» Д. В. Аверкиеву. Романъ Данилевскаго устраивалъ въ «Бесѣду» военный докторъ Н. И. Соловьевъ (извѣстный критикъ-эстетикъ). За романъ Данилевскій желалъ получить пять тысячъ. Такъ какъ такія крупныя траты безъ предварительнаго разрѣшенія самого Кошелева дѣлаемы быть не могли, то обратились къ нему, а бывший откупщикъ нашелъ, что давать два дорогихъ романа въ одинъ годъ очень жирно будетъ для подписчиковъ. (Первый романъ—«Въ водоворотѣ», Писемскаго—печатавшійся съ первой же книги «Бесѣды», былъ приобрѣтенъ отъ автора за семь тысячъ рублей). Такъ и возвратили Данилевскому его романъ, который и былъ потомъ напечатанъ въ «Вѣстникѣ Европы» у г. Стасюлевича.

Съ «Каширской стариной» вышло дѣло еще болѣе курьезное. Авторъ этой талантливой народной трагедіи, понынѣ здравствующій Д. В. Аверкиевъ, только что въ то время, осенью 1871 года, переселился изъ Петербурга въ Москву. Лѣто этого года, гости въ Тамбовской губерніи у кого-то изъ своихъ знакомыхъ, онъ написалъ эту замѣчательную пьесу. Поселившись въ Москвѣ, онъ сталъ часто бывать въ редакціи «Бесѣды», гдѣ и съ нимъ и встрѣчался. Въ это время, надо замѣтить, въ петербургскихъ либеральныхъ литературныхъ кружкахъ къ Дм. Вас. относились недружелюбно, какъ къ «консерватору». И вотъ узнаю я однажды отъ Миропольскаго, что г. Аверкиевъ желалъ напечатать въ «Бесѣдѣ» свою «какую-то новую пьесу», но редакція возвратила ему рукопись, не читая, такъ какъ-де имя автора слишкомъ уже консервативно для такого либеральнаго органа, какъ «Бесѣда»... Эта «какая-то новая пьеса» и была «Каширскою стариной». Поставленная въ сезонъ того же 1871—1872 года на сценѣ Малаго театра, въ бенефисъ артистки Г. Н. Ѳедотовой, пьеса имѣла огромный и вполне заслуженный успѣхъ. Тогда авторъ передалъ рукопись въ редак-

цію «Русскаго Вѣстника». Покойный М. Н. Катковъ не сталъ читать пьесу, находя болѣе пріятнымъ прослушать ее со сцены. Онъ взялъ ложу, поѣхалъ со всей семьей въ театръ, увидѣлъ «Каширскую старину», и она ему чрезвычайно понравилась. На другой же день авторъ получилъ приглашеніе зайти въ контору «Русскаго Вѣстника», гдѣ ему и выдали 1.000 рублей — гонораръ за его пьесу. Потомъ, когда она была напечатана, то вся эта книжка журнала была раскуплена нарасхватъ, такъ какъ пьеса нужна была во всѣ театры, существовавшіе въ Россіи, равно какъ и всѣмъ актерамъ, исполнявшимъ роли первыхъ любовниковъ, а также и драматическимъ актрисамъ, имя же всѣмъ этимъ лицамъ—легіонъ.

III.

Трагическая исторія одного драматурга.—Многоначаліе въ редакціи «Бесѣды».—Исторія съ Ю. О. Самаринымъ.—Литературныя извѣстности, посѣщавшія редактора «Бесѣды».—Чтеніе артистомъ Ѳедотовымъ «Сказки о Митяяхъ».—Сношенія гр. А. Толстого съ «Бесѣдой».—Разказы Нефедова. — Стихотвореніе «Сны русскаго царевича».—Арестъ и ссылка кн. А. И. Урусова.—«Рязанскій помѣщикъ».—Л. Н. Антроповъ. — Политическій убійца Нечаевъ. — Баль у кн. Долгорукова и М. В. Столыпина.—Безтактность кн. Урусова на балу.—Его жизнь въ Венденѣ.—Смерть Нечаева.

Въ той же «Бесѣдѣ», въ томъ же 1871 году, произошла не менѣе интересная исторія съ переводомъ Ѳ. В. Миллера одной нѣмецкой пьесы, авторъ которой, Юліусъ Миндингъ, имѣлъ слѣдующую трагическую судьбу. Онъ писалъ свою пьесу стихами почти десять лѣтъ, а затѣмъ отлитографировалъ ее и послалъ во всѣ болѣе солидныя театральныя дирекціи въ Германіи и отовсюду получилъ отъ директоровъ отказъ: ему, по обыкновенію, возвращали пьесу, не читая. Тогда онъ рѣшилъ совершенно оставить литературу и уѣхалъ въ Америку. Тамъ, не подготовленный къ практической дѣятельности янки, онъ скоро спустилъ всѣ привезенныя съ собою большія деньги, дошелъ до нищеты и застрѣлился. Но передъ смертью, однако, онъ все-таки вспомнилъ о своей пьесѣ и послалъ ее какому-то антрепренеру нѣмецкаго театра въ Нью-Йоркѣ, при письмѣ, въ которомъ, между прочимъ, извѣщалъ о своей смерти и просилъ, въ случаѣ постановки пьесы, переслать гонораръ его сестрѣ, въ Нюренбергъ. Антрепренеръ не обратилъ вниманія на письмо, но когда прочелъ въ газетахъ, что авторъ пьесы дѣйствительно привелъ въ исполненіе задуманное имъ самоубійство, то рѣшилъ наконецъ ознакомиться съ пьесой. По прочтеніи, онъ пришелъ отъ нея въ восторгъ и поставилъ на сценѣ, и пьеса эта имѣла такой громаднѣйшій успѣхъ, что была поставлена во всѣхъ большихъ театрахъ Германіи, а затѣмъ переведена на всѣ европейскіе языки.

Эту пьесу покойный Миллеръ (поэтъ, переводчикъ и редакторъ-издатель юмористическаго журнала «Развлеченіе») перевелъ стихами же и предложилъ напечатать редакціи «Бесѣды», но ему также возвратили переводъ, находя, что драмы, да еще съ сюжетомъ изъ иностранной жизни, не могутъ интересовать читателей журнала. Пьеса эта — «Сикстъ V», была напечатана въ юньской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» 1871 года ¹⁾.

Это многоначаліе въ редакціи «Бесѣды» и было причиною, что журналъ не пошелъ: въ первый годъ его существованія, т.-е. въ 1871 году, число подписчиковъ едва перешло за тысячу, а на второй годъ къ тысячѣ прибавилось нѣсколько сотъ новыхъ подписчиковъ, но въ то же время было утеряно почти столько же старыхъ, за минувшій годъ. Между тѣмъ, въ тѣ времена, т.-е. тридцать лѣтъ назадъ, при существовавшихъ тогда скромныхъ цѣнахъ платы сотрудникамъ и переводчикамъ, типографскихъ и на бумагу, толстый журналъ, стоившій 16 рублей въ годъ, могъ существовать, хотя и въ ничью, лишь при трехъ тысячахъ подписчиковъ—не менѣе.

Неуспѣху «Бесѣды» немало также способствовало и то обстоятельство, что Кошелевъ постоянно вмѣшивался въ чисто-редакторскія дѣла, чрезъ что происходила иногда замѣтная путаница въ «направленіи» журнала. Такъ, наприимѣръ, однажды во внутреннемъ обозрѣніи редакція указала на одну рѣзкую выходку покойнаго Юрія Самарина, крайне консервативнаго характера, учиненную имъ, въ качествѣ земца, въ Самарской губерніи. Дѣло было лѣтомъ 1871 года. Какъ только вышла книжка «Бесѣды», Самаринъ написалъ Кошелеву письмо, въ которомъ потребовалъ, чтобы въ слѣдующей же книжкѣ были взяты назадъ слова, сказанныя о немъ. Кошелевъ тотчасъ же пріѣхалъ изъ своей рязанской деревни въ Москву, вызвалъ Юрьева изъ его тверского имѣнія и настоялъ, чтобы требуемое Самаринимъ отреченіе редакціи отъ сказаннаго было напечатано, угрожая, въ противномъ случаѣ, прекратить изданіе журнала, т.-е. не выдавать болѣе денегъ на его веденіе. Когда это самобичеваніе появилось въ печати, то въ «Отечественныхъ Запискахъ» Некрасова и въ «Дѣлѣ» Благосвѣтлова сдѣланы были ядовитыя указанія на малодушіе московскаго собрата, и это, конечно, не могло не повредить престижу новаго журнала въ мнѣніи большинства читающей публики.

По настоянію того же Кошелева была напечатана въ «Бесѣдѣ» въ томъ же 1871 году очень слабая и вдобавокъ тенденціозная драма нѣкоей московской аристократки, г-жи Голохвастовой: «Чья

¹⁾ На театрахъ Германіи пьеса Мицдинга была поставлена впервые лишь въ 1869 году режиссеромъ Цюрихскаго театра Райнеромъ и директоромъ Ольденбургскаго театра А. Беккеромъ.

правда», поставленная вскорѣ на сценѣ Малаго театра и торжественно провалившаяся.

На еженедѣльныхъ журфиксахъ у Юрьева, по пятницамъ, въ его скромной квартирѣ, въ деревянномъ домикѣ на Садовой, собиралось постоянно довольно многочисленное общество, исключительно мужское; я помню нѣсколькихъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, лицъ: тамъ бывали А. Ѳ. Писемскій, А. Н. Веселовскій, Ю. Ѳ. Самаринъ, Д. В. Аверкіевъ, Н. И. Соловьевъ, Б. Н. Алмазовъ, Ф. Б. Миллеръ, А. И. Левитовъ, Н. М. Богомолловъ, пѣвецъ Д. А. Агреньевъ (Славянскій), Ф. Нефедовъ (Уводинъ), тотъ же Кошелевъ и многіе другіе; бывали профессора университета и наѣжавшіе изъ Петербурга литераторы, а также и нѣкоторые артисты Малаго театра. Эти послѣдніе читали иногда въ присутствіи собравшихся гостей что нибудь особенно интересное и выдающееся изъ числа тѣхъ литературныхъ новинокъ, которыя не могли появиться въ печати въ то время и имѣли, поэтому, прелесть запрещеннаго плода. Такъ, напримѣръ, артистъ Малаго театра М. А. Рѣшимовъ читалъ однажды «Ѳедорушку» графа А. Толстого, а артистъ Ѳедотовъ (А. Ф.) — «Сказку о Митяяхъ». Обѣ эти вещи, какъ извѣстно, были въ послѣдствіи напечатаны¹⁾. «Ѳедорушку», съ нѣкоторыми сокращеніями, графъ Толстой предлагалъ Юрьеву напечатать въ «Бесѣдѣ, гдѣ въ первой книжкѣ 1871 года было напечатано его очень слабое стихотвореніе эпическаго характера; но Юрьевъ не помѣстилъ «Ѳедорушку» по совѣту бывшаго въ то время предсѣдателя московскаго цензурнаго комитета Росковшенко. Тому же Толстому было возвращено изъ «Бесѣды» и еще одно стихотвореніе, получившее потомъ громкую и вполне заслуженную извѣстность — «Потокъ-Богатырь»: оно не понравилось, какъ самому Юрьеву, такъ и его второму, послѣ А. А. Майкова, помощнику—Миропольскому. Эта чрезвычайно остроумная и злая поэма-шутка была признана слишкомъ консервативною для «Бесѣды», такъ какъ въ ней вышучивались и «дѣвицы безъ косъ», и гласный судъ, и «пьяницы-мужики»... И вотъ «Потока-Богатыря» Толстому возвратили; онъ тотчасъ же напечаталъ его въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а съ редакціею «Бесѣды» прекратилъ всякія дальнѣйшія сношенія.

О журналѣ «Бесѣда», народившемся въ Москвѣ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, явившемся единственнымъ конкурентомъ въ Москвѣ журналу Каткова «Русскій Вѣстникъ» и погибшемъ бесплодно и безслѣдно послѣ двухъ лѣтъ своего существованія, я распространяюсь собственно потому, что почти всѣ члены редакціи этого журнала, а равно и сотрудники, состояли дѣйствительными членами Артистическаго кружка, и, какъ увидимъ ниже, смерть «Бесѣды» не прошла безслѣдно и для литературной

¹⁾ «Сказка о Митяяхъ», сочин. Гулевича, была напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (октябрь, 1901 г.).

партіи этого кружка. Въ концѣ своихъ воспоминаній объ этой очень милой, но крайне оригинальной редакціи, я приведу еще два случая тоже отчасти характерныхъ. Первый изъ нихъ произошелъ съ писателемъ Ф. Нефедовымъ, тогда только еще начинавшимъ свое литературное поприще. Онъ осенью 1871 года доставилъ въ редакцію два разсказа изъ народнаго быта—изъ жизни фабричныхъ Владимирской губерніи. Въ одномъ изъ разсказовъ крестьянинъ, ставшій фабричнымъ, непочтительно отзывается о духовномъ лицѣ; этого оказалось достаточно, чтобы помощникъ Юрѣва, тотъ же Миропольскій, происходящій изъ духовнаго званія и предварительно читавшій эти разсказы, нашелъ ихъ «неудобными» для напечатанія. Нефедовъ послалъ рукопись М. М. Стасюлевичу въ Петербургъ и, спустя нѣсколько дней, получилъ отъ редактора очень любезное письмо, а вскорѣ разсказы появились на страницахъ «Вѣстника Европы».

Второй казусъ произошелъ съ стихотвореніемъ «Сны русскаго царевича», написаннымъ мною. Въ одну изъ пятницъ, въ зиму 1871—1872 гг., С. А. Юрѣвъ прочелъ своимъ гостямъ эти стихи и заявилъ, что напечатаетъ ихъ въ «Бесѣдѣ». Бывшій на журфиксѣ Д. В. Аверкіевъ сильно запротестовалъ противъ помѣщенія этихъ «Сновъ», предсказывая, что книжку могутъ сжечь... Этого было вполне достаточно, чтобы присутствовавшій тутъ же А. И. Кошелевъ, страха ради сожженія и убытка, тоже подалъ голосъ противъ помѣщенія стихотворенія, и оно напечатано такъ и не было—ни тогда, ни послѣ.

Осенью 1871 года, надъ Артистическимъ кружкомъ стряслась бѣда, да еще и немалая, какъ поется въ одной изъ пѣсенъ: «что не сто рублей пропало, что не тыща у него», а исчезъ самый блестящій, самый даровитый и вліятельный изъ его старшинъ, князь А. И. Урусовъ, вынужденный, по обстоятельствамъ, какъ говорится, отъ него не зависящимъ, внезапно выѣхать изъ Москвы на жительство въ городъ Венденъ.. Этотъ старшина давалъ кружку тонъ, вліялъ на репертуаръ спектаклей, на характеръ семейныхъ и танцевальныхъ вечеровъ, на составъ вновь избираемыхъ дѣйствительныхъ членовъ, и прочее. Исчезновеніе князя Урусова изъ Москвы произошло такъ. Лѣто 1871 года онъ проводилъ за границей; между прочимъ, онъ заѣхалъ въ Швейцарію и попалъ тамъ въ кружокъ русскихъ революціонеровъ, съ извѣстнымъ Нечаевымъ во главѣ. Этотъ Нечаевъ, послѣ совершеннаго имъ въ Петровскомъ-Разумовскомъ убійства своего товарища студента, успѣлъ скрыться отъ розысковъ и пробрался въ Швейцарію. Въ то время, когда попалъ туда Урусовъ, русскія власти, въ силу картельной конвенціи, усиленно помогали отъ кантонскихъ властей выдачи Нечаева, ссылаясь на то, что онъ совершилъ убійство не политическое, а обыкновенное—просто мстя товарищу за выходъ изъ состава заговорщиковъ; Нечаевъ доказывалъ швей-

царскимъ властямъ противное, и шла, поэтому, переписка и обычныя въ этихъ случаяхъ сношенія съ нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Нечаевъ былъ, конечно, хорошо освѣдомленъ объ угрожающей ему опасности, но все еще не вѣрилъ, что кантоны его выдадутъ, и продолжалъ жить въ Швейцаріи; однако, на всякій случай, онъ, познакомившись съ Урусовымъ, заручился его словомъ, что въ случаѣ выдачи онъ непремѣнно будетъ защищать его на судѣ. При этомъ Урусовъ имѣлъ еще неосторожность, посѣщая собранія русскихъ революціонеровъ, держать тамъ рѣчи въ сочувственномъ духѣ цѣлямъ собранія; а такъ какъ на этихъ собраніяхъ были, по всей вѣроятности, тайные агенты нашей полиціи, то обѣщаніе Урусова защищать Нечаева, а равно и его нескромныя «рѣчи» стали извѣстны Петербургу и его приснопамятному Третьему отдѣленію. По крайней мѣрѣ, Урусовъ, уже арестованный, передавая литератору Антропову, а впослѣдствіи и мнѣ, всѣ эти обстоятельства, сообщалъ между прочимъ, что вмѣстѣ съ нимъ, въ одномъ и томъ же вагонѣ I класса, отъ самаго Цюриха чрезъ Эйдкуненъ и вплоть до Москвы, ѣхалъ какой-то господинъ, назвавшійся помѣщикомъ Рязанской губерніи, совершенно очаровавшій Александра Ивановича, но къ которому на Смоленскомъ вокзалѣ, когда они пріѣхали уже въ Москву, подошелъ жандармскій генералъ Слезкинъ, очевидно дожидавшійся этого «рязанскаго помѣщика», тотчасъ же и исчезнувшаго съ глазъ Урусова, какъ бы провалившагося сквозь землю...

Поздно вечеромъ, въ самый день пріѣзда, князь Урусовъ былъ арестованъ въ своей квартирѣ. Кромѣ Антропова съ женою Евгенію Николаевною, при Урусовѣ въ это время никого не было изъ постороннихъ; жена самого Урусова съ маленькимъ ребенкомъ была въ ванной, и когда узнала о приходѣ незваныхъ гостей, съ нею сдѣлался нервный припадокъ... Урусову было объявлено, что онъ долженъ будетъ на другой день отправиться «на жительство» въ городъ Венденъ, а до того времени онъ никуда уже изъ своей квартиры отлучаться не можетъ; ему разрѣшили лишь передать кому либо всѣ принятыя имъ отъ клиентовъ дѣла и документы, а равно и довѣрить кому нибудь имѣвшійся у него въ одномъ изъ переулковъ, примыкающихъ къ Арбату, домъ, а также и всю движимость. Кому изъ своихъ помощниковъ передалъ князь Урусовъ дѣла, — я теперь не помню; имущество же и домъ были поручены имъ Л. Н. Антропову, короткою запискою, состоявшею изъ двухъ строкъ и подписанною просто: «А. Урусовъ», безъ слова «князь». Въ тотъ же вечеръ, пока шелъ осмотръ бумагъ и писемъ у арестованнаго, Антроповъ поѣхалъ къ одному изъ помощниковъ Урусова и привезъ его для принятія отъ своего исчезающаго принципала дѣла...

На другой день Урусовъ, сопровождаемый жандармскимъ офицеромъ, былъ отвезенъ на Николаевскій вокзалъ, куда явились

проводить его, кромѣ Антропова, и множество товарищей и знакомыхъ. При этомъ произошелъ нѣкоторый инцидентъ, виновникомъ коего оказался тотъ же Л. Н. Антроповъ, дешево, къ счастью, отдѣлавшійся. Произошло вотъ что: когда поѣздъ уже тронулся, и Урусовъ, высунувшись изъ окна вагона, прощался, Лука Николаевичъ не выдержалъ: махая въ воздухъ платкомъ, онъ громкимъ голосомъ прокричалъ на всю платформу: «Vive la république!»... ¹⁾

Однако, въ тотъ же день, вечеромъ, Антроповъ пріѣхалъ ко мнѣ въ квартиру сильно встревоженный и попросилъ принять на время небольшую корзину съ бумагами, такъ какъ онъ послѣ своего возгласа на вокзалѣ легко можетъ ожидать если не ареста, то, по крайней мѣрѣ, обыска; я охотно согласился. Корзина была ко мнѣ привезена тотчасъ же, стояла у меня нѣсколько недѣль и затѣмъ была взята обратно. Антропова спасло, повидимому, то обстоятельство, что онъ въ это время служилъ и писалъ у Каткова въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Русскомъ Вѣстникѣ», а сила и положеніе Михаила Никифоровича въ Москвѣ были очень велики. Антропову пришлось лишь потомъ немало повозиться съ дѣлами Урусова: его постоянно приглашали въ жандармское управленіе, какъ только приходили изъ-за границы какіе либо ящики и тюки съ вещами, накупленными тамъ, во время своего путешествія, Урусовымъ: при немъ вскрывались всѣ эти вещи, тщательно осматривались и затѣмъ ему же и сдавались на руки.

Собственно ко мнѣ покойный Антроповъ обратился потому, что онъ въ это время только что перебрался изъ Петербурга въ Москву, на службу къ Каткову, и у него въ Москвѣ, кромѣ А. И. Урусова, Д. В. Аверкіева и его друга по кадетскому корпусу, Н. Н. Воскобойникова, никого болѣе изъ близкихъ друзей не было; но Воскобойниковъ, главный сотрудникъ Каткова въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и редакторъ, будучи челоуѣкомъ одинокимъ, жилъ въ самой редакціи названной газеты, и къ нему не рѣшился обратиться Антроповъ; я же былъ съ нимъ знакомъ еще съ Вильны, гдѣ мы служили въ одно и то же время: онъ въ комиссіи по устройству быта крестьянъ, а я — мировымъ посредникомъ въ

¹⁾ Покойный Лука Николаевичъ былъ способенъ и не на такія еще экстравагантности. Вотъ, на примѣръ, что учинилъ онъ, лѣтомъ 1868 года, въ Петербургѣ, въ Юсуповомъ саду. Тамъ долженъ былъ подняться шаръ, на которомъ летѣлъ и самъ аэронавтъ, какой-то французъ. Когда онъ сидѣлъ уже въ корзинѣ, и до поднятія шара оставалось всего нѣсколько минутъ, къ нему вдругъ подошелъ Л. Н., вручилъ ему 25 рублей и попросилъ позволенія летѣть вмѣстѣ... Пока изумленный аэронавтъ колебался и раздумывалъ съ отвѣтомъ, покойный Антроповъ прыгнулъ въ корзину, а черезъ нѣсколько секундъ шаръ поднялся вверхъ... Къ счастью, все потомъ обошлось благополучно — и шаръ опустился безъ всякихъ приключеній вблизи какой-то чухонской деревни, въ 30-ти верстахъ отъ Петербурга.

Могилевской губерніи, подчиненной тогда виленскому генераль-губернаторству.

Затѣмъ, остается сказать еще нѣсколько словъ объ Урусовѣ. Въ то время, т.-е. до ареста его, всѣ знакомые его были увѣрены, что онъ очень богатъ; между тѣмъ, когда состоялся арестъ, и оказались нужны на дорогу и на предстоящую жизнь въ Венденѣ деньги, то обнаружилось, что въ Купеческомъ банкѣ лежали всего лишь 5 тысячъ рублей, и это было все, чѣмъ обладалъ въ то время Урусовъ, предпочитавшій громкія уголовныя дѣла гражданскимъ, не получая иногда за эти «громкія» дѣла ни гроша (напримѣръ, съ одной оправданной крестьянки, зарубившей топоромъ посылкаго мужа, своего истязателя и мучителя). У Урусова осталась въ Москвѣ еще вся движимость да тотъ деревянный, одноэтажный домъ, гдѣ жила его жена съ ребенкомъ, и во флигелѣ котораго поселился потомъ Антроповъ.

Объ Урусовѣ слѣдуетъ сказать еще вотъ что. Онъ, самъ того не подозрѣвая, состоялъ, еще задолго до своей заграничной поѣздки и свиданія съ Нечаевымъ, «подъ сомнѣніемъ», то-есть, въ переводѣ на канцелярскій языкъ, подъ надзоромъ полиціи. И случилось это съ нимъ, благодаря исторіи, не совсѣмъ-то обычной и очень интересной, какъ увидятъ читатели.

Я зналъ Урусова съ 1862 года, когда встрѣчался съ нимъ въ Московскомъ университетѣ на лекціяхъ и въ то же время на обычныхъ пятницахъ у покойнаго проф. Ѳ. И. Буслаева. Уже и тогда онъ обращалъ на себя вниманіе своею находчивостью, остроуміемъ, начитанностью, изящными манерами, отмѣннымъ знаніемъ и пониманіемъ театра (онъ, будучи еще студентомъ, написалъ рядъ писемъ о Маломъ театрѣ въ «Библіотекѣ для Читенія» Боборыкина, подписываясь Александръ Ивановъ). Быстрые и чисто сказочные успѣхи Урусова на аренѣ только что открывшихся тогда, въ 1865 году, гласныхъ судовъ и еще большіе успѣхи въ такъ называемомъ «большомъ свѣтѣ» совсѣмъ вскружили ему голову: въ немъ стала замѣчаться нѣкоторая напыщенность, надутость и порою даже фатоватость; въ немъ мало-по-малу сталъ исчезать тотъ искренній, сердечный юноша, который такъ плѣнялъ всѣхъ на вечерахъ и студенческихъ собраніяхъ Буслаева... Вотъ эти-то привившіеся къ Урусову недостатки и сослужили ему очень плохую службу на одномъ изъ публичныхъ баловъ московскаго генераль-губернатора, князя В. А. Долгорукаго.

Это случилось за два года до ссылки. Въ роскошныхъ залахъ генераль-губернаторскаго дома князь Долгорукій давалъ блестящій балъ, на которомъ присутствовалъ и императоръ Александръ II, прибывшій въ то время въ Москву. Приглашенныхъ было, по обычаю такихъ баловъ, нѣсколько сотъ человѣкъ—«вся Москва», т.-е. все выдающееся по знатности рода, по богатству, учености, талан-

тамъ и красотѣ. Въ числѣ приглашенныхъ былъ и князь А. И. Урусовъ, бывший тогда въ зенитѣ своей адвокатской славы и извѣстности. И вотъ на балѣ Урусовъ танцевалъ одну изъ кадрили съ дѣвицей замѣчательной красоты — М. В. Столыпиною: это была положительная красавица, стройная, очень высокаго роста, съ правильными и тонкими очертаніями матоваго лица, брюнетка съ большими выразительными глазами. Она была, какъ принято выражаться, царицею бала, и ея кавалеръ, будучи, тоже довольно виднымъ и красивымъ мужчиною, очень подходилъ къ ней. Покойный государь, обходя залы, остановилъ свое вниманіе на дѣвицѣ Столыпиною, любясь ею точно такъ же, какъ любовались ею и многіе другіе гости генералъ-губернатора¹⁾. Но едва только государь остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ С—ной, какъ танцующій съ нею кавалеръ, нашъ Александръ Ивановичъ, по близорукости, желая лучше посмотрѣть на государя, вскинулъ ринсепез въ глаза и позволилъ себѣ осматривать его...

— Ктò этотъ нахалъ?—спросилъ государь у сопровождавшаго его князя Долгорукова и тотчасъ же отошелъ прочь.

И вотъ, когда Урусовъ проштрафился въ Швейцаріи своими рѣчами на собраніи тамошнихъ «русскихъ революціонеровъ», то ему, по всей вѣроятности, поставили въ счетъ и этотъ инцидентъ на московскомъ балу, прошедшій для него тогда, повидимому, благополучно.

Въ Венденѣ жизнь Урусова на первыхъ порахъ была очень тяжела и однообразна: жить въ уѣздномъ нѣмецкомъ городишкѣ, гдѣ нѣтъ ни души знакомой, да еще подъ недреманнымъ окомъ полиціи, было, конечно, не особенно пріятно. Вскорѣ онъ попросилъ Антропова прислать ему охотничье ружье и всѣ атрибуты къ нему, а также и книгъ; затѣмъ, къ нему поѣхала и жена съ ребенкомъ. Спустя недолгое время, какъ только процессъ Нечаева былъ законченъ, князь Урусовъ былъ возвращенъ изъ Вендена и поступилъ на государственную службу, въ министерство же юстиціи, на должность товарища прокурора; въ извѣстномъ помпѣзномъ процессѣ Гулакъ-Артемовской онъ выступилъ ея обвинителемъ, равно какъ и во многихъ другихъ, болѣе выдающихся дѣлахъ, но, не поладивъ съ кѣмъ-то изъ высшихъ чиновъ вѣдомства юстиціи, обратился вновь къ профессіи адвоката. Въ послѣдній разъ я встрѣтился съ А. И. Урусовымъ въ августѣ 1897 года, въ Кисловодскѣ, куда онъ ненадолго пріѣзжалъ. Это былъ на видъ совсѣмъ старикъ, но отвергавшій, къ сожалѣнію, всякій житейскій режимъ, что вскорѣ и свело этого чрезвычайно талантливаго человѣка въ преждевременную могилу.

¹⁾ М. В. С—ина вышла въислѣдствіи замужъ за генерала К—ова и жила съ мужемъ въ Тифлисѣ, гдѣ считалась одною изъ красивѣйшихъ дамъ тамошняго высшаго общества.
И. З.

А Нечаева Швейцарія все-таки выдала при непремѣнномъ условіи, чтобы его судили только, какъ обыкновеннаго убійцу, а отнюдь не какъ политическаго, и съ этою цѣлью на судъ (состоявшійся осенью 1872 года въ Москвѣ) былъ командированъ кантонами особый уполномоченный юристъ, который все время и присутствовалъ на судѣ, имѣя вблизи себя переводчика. Я въ это время уѣхалъ не надолго въ деревню и въ залъ суда не попалъ; но находившійся тамъ Л. Н. Антроповъ передавалъ мнѣ потомъ о нѣкоторыхъ буйныхъ выходкахъ Нечаева во время суда, такъ что предсѣдатель вынуждаемъ былъ нѣсколько разъ прерывать засѣданіе и удалять подсудимаго. Нечаевъ былъ приговоренъ за убійство товарища-студента, завлеченнаго имъ въ гротъ сада ночью, къ 20-ти годамъ каторги.

IV.

Ошиканіе великаго Шекспира.—Основаніе общества драматическихъ писателей.—В. И. Родиславскій.—Первыя собранія общества.—А. Н. Островскій и Дьяченко.—Публичныя чтенія Островскаго и Писемскаго.—Отказъ отъ квартиры въ редакціи «Бесѣды».—Начавшійся въ обществѣ расколъ.—Бенефисъ Г. Н. Ѳедотовой и «Каширская старина». — Сѣверное сіяніе въ Москвѣ.

Въ октябрѣ 1871 года, въ Маломъ театрѣ Москвы шла комедія Шекспира «Укрощеніе строптивой»; во время исполненія этой прелестной и вѣчно живущей пьесы произошелъ удивительный инцидентъ, вполне достойный занесенія въ театральную лѣтопись того времени и отмѣченный всѣми тогдашними московскими газетами.

Въ этой пьесѣ участвовали корифеи тогдашней труппы Малаго театра: роль Катарины играла Г. Н. Ѳедотова, Петруччіо—покойный И. В. Самаринъ, его слуги—старикъ Живокини и пр. И вотъ, когда «строптивая» была уже укрощена, она, какъ извѣстно, произноситъ монологъ въ послѣднемъ актѣ, обращенный къ женщинамъ вообще и къ сестрѣ Біанкѣ въ частности, въ которомъ преподаетъ правила житейской мудрости, а также и покорности своимъ мужьямъ, говоря, что мужъ есть прежде всего господинъ своей жены и т. д.; но едва только г-жа Ѳедотова произнесла эти слова, какъ изъ одной ложи верхняго яруса раздалось страшное шиканье, перешедшее вскорѣ въ чисто-змѣиное шипѣніе... Артистка, однако, не смутилась этой выходкой: на нѣсколько секундъ приостановившись, она повернулась въ сторону шикальщиковъ и, прямо глядя на ихъ ложу, смѣло и отчетливо продолжала монологъ... Тогда эти господа стали шикать *crescendo* и дѣлали даже покушеніе свистать... Но тутъ публика—умная и интеллигентная публика Малаго театра Москвы—вмѣшалась въ дѣло и по адресу ничтожной горсти шикальщиковъ раздался короткій, но очень энергичный протестъ, при

чемъ взоры публики, были прямо обращены на ту ложу, гдѣ сидѣли господа, пожелавшіе ошибатъ Шекспира... Въ виду такого единодушнаго протеста публики ложа быстро опустѣла, а ея зрители, недовольные консервативными взглядами Шекспира на «женскій вопросъ», сочли за благо оставить театръ. Я былъ на этомъ спектаклѣ вмѣстѣ съ покойнымъ Антроповымъ. Ко второму акту въ партерѣ неожиданно появился В. Н. Кашпиревъ, редакторъ издававшагося въ то время въ Петербургѣ журнала «Заря»; онъ, какъ оказалось, только что приѣхалъ въ Москву, завезъ въ гостиницу свои вещи, а самъ поспѣшилъ въ театръ посмотрѣть Шекспира и знаменитую драматическую труппу того времени. Когда раздалось шиканье, мы тоже навели свои бинокли на ложу эксцентричныхъ протестантовъ и увидѣли, что въ ней сидитъ группа стриженныхъ дѣвицъ въ очкахъ, а среди нихъ московскій литераторъ Ф. Н—овъ, тогда только еще начинавшій правоописатель фабричнаго быта. Былъ въ театрѣ и театральнѣйшій рецензентъ «Московскихъ Вѣдомостей», понынѣ здравствующій К. Н. Цвѣтковъ, который, давая отчетъ о спектаклѣ, рассказалъ и объ этомъ курьезномъ покушеніи ошибатъ Шекспира, прибавивъ, что въ ложѣ, откуда раздавалось шиканье, сидѣлъ вмѣстѣ съ учеными дѣвицами «какой-то экспансивный юноша съ красными руками», тоже отчаянно пикавшій... Въ слѣдующій же спектакль, въ одинъ изъ антрактовъ, въ фойе, къ К. Н. Ц—ову подошелъ Н—овъ съ объясненіями и, изложивъ ихъ въ довольно грубой и рѣзкой формѣ, расписался, такимъ образомъ, въ своемъ несочувствіи идеямъ Шекспира по женскому вопросу, высказаннымъ — не надо забывать — болѣе трехсотъ лѣтъ тому назадъ.

Въ томъ же 1871 году состоялось въ Москвѣ основаніе будущаго общества драматическихъ писателей.

Въ настоящее время это общество состоитъ изъ 758 человѣкъ, въ числѣ коихъ имѣется «дѣйствительныхъ» членовъ, т.-е. съ правомъ голоса, 111 человѣкъ; въ 1901 году одного авторскаго гонорара выдано членамъ 170.222 рубля да авансами—18.920 р.; секретарю уплачено $\frac{1}{100}$ вознагражденія 11.077 р., да ему же на канцелярію 3.000 р., казначею — 4.540 р. и проч. А 31 годъ тому назадъ общество драматическихъ писателей, какъ общество, не существовало вовсе, а основано было лишь собраніе, не имѣвшее даже мѣста для своихъ засѣданій, а собиравшееся сначала въ редакціи журнала «Бесѣда», на Первой Мѣщанской, въ какомъ-то двухъэтажномъ флигелѣ въ три окна на улицу, а затѣмъ въ квартирѣ В. И. Родиславскаго, въ домѣ генераль-губернатора, въ канцеляріи коего Родиславскій служилъ

начальникомъ секретнаго отдѣленія. Какая, въ сущности, жестокая иронія судьбы проявилась въ этомъ дѣлѣ: начальникъ секретнаго отдѣленія учреждаетъ собраніе литераторовъ—драматическихъ писателей!.. О Родиславскомъ слѣдуетъ сказать, что, какъ драматургъ, онъ былъ человѣкъ бездарный, но въ то же время это былъ большой хлопотунъ, очень дѣятельный и трудолюбивый: служа въ канцеляріи, онъ написалъ и перевелъ болѣе ста пьесъ, и нѣкоторыя изъ нихъ идутъ на сценѣ и до сихъ поръ въ его переводѣ, какъ, напримѣръ, драма Дюма «La dame aux camélias», нелѣпо озаглавленная въ переводѣ «Какъ поживешь, такъ и прослынешь». Задумавъ оградить, по примѣру Франціи, права драматическихъ писателей, онъ, испросивъ на то согласіе А. Н. Островскаго, стоявшаго тогда во главѣ російскихъ драматурговъ, и съ разрѣшенія всеильнаго генераль-губернатора князя Долгорукаго, пригласилъ нѣсколькихъ писателей, имѣвшихъ пьесы своего сочиненія, подписаться подъ слѣдующимъ заявленіемъ: «Мы, нижеподписавшіеся, имѣемъ честь заявить всѣмъ содержателямъ театровъ въ Россіи и обществамъ, дающимъ спектакли, что представленіе нашихъ оригинальныхъ пьесъ и переводовъ, безъ предварительнаго нашего на то согласія, никому не дозволяется, подъ опасеніемъ взысканія на основаніи 1684 ст. улож. о наказ. (изд. 1866 г.). За полученіемъ нашего согласія и для переговоровъ объ его условіяхъ, гг. содержатели театровъ и распорядители спектаклей благоволятъ обращаться къ нашему уполномоченному, Владимиру Ивановичу Родиславскому, въ Москву, на Рождественскій бульваръ, въ Малый-Кисельный переулокъ, домъ Мекка, квартира № 6» ¹⁾.

Затѣмъ, заявленіе это съ нашими подписями было троекратно помѣщено въ текстѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (редакціи В. О. Корша), газеты въ то время самой распространенной и читаемой въ публикѣ. Подъ этимъ заявленіемъ стояли слѣдующія подписи: «С. Акимова (за себя и по наслѣдству послѣ своего мужа А. Акимова), П. Боборькинъ, О. Бурдинъ, П. Вейнбергъ, Н. Вильде, М. Владыкинъ, И. Горбуновъ, Е. Грекова, В. Дьяченко, князь Н. Енгальцевъ, Г. Жулевъ, И. Захарьинъ, В. Ивановъ, М. Ивановъ, В. Крыловъ (Александровъ), князь Г. Кугушевъ, В. Курочкинъ, Н. Курочкинъ, А. Лютецкій, А. Майковъ, князь І. Мещерскій, Н. Некрасовъ, О. Новицкій, А. Островскій, А. Плещеевъ, А. Потѣхинъ, А. Похвисневъ, В. Родиславскій, Г. Сокольниковъ, С. Соловьевъ, К. Тарновскій, графъ А. Толстой, С. Турбинъ, К. Цвѣтковъ, Н. Чаевъ, Е. Щеглова (по наслѣдству послѣ брата своего О. Руднева), С. Юрьевъ, М. Федоровъ, А. Федотовъ».

¹⁾ Родиславскій вскорѣ потомъ занялъ казенную квартиру въ домѣ генераль-губернатора, гдѣ впоследствии и происходили собранія членовъ. И. З.

Я подписалъ это заявленіе, какъ авторъ пьесы «Свободное семейство», 4-хъ-актной драмы, воспрещенной вначалѣ драматической цензурою, а затѣмъ, послѣ передѣлки по указаніямъ, преподааннымъ мнѣ цензоромъ драматическихъ сочиненій Фридбергомъ, дозволенной къ представленію, подъ новымъ уже заглавіемъ «Семейная бѣда». Пьеса эта была напечатана въ майской книжкѣ 1871 года журнала «Заря» и въ томъ же году шла въ Александринскомъ театрѣ въ бенефисъ тогдашней драматической премьерши Е. П. Струйской (которую замѣнила потомъ г-жа Савина).

Впослѣдствіи, три года спустя, наше «собраніе» было переименовано въ «общество», и существованіе его было официально разрѣшено и утверждено. Это было, послѣ московскаго общества любителей россійской словесности, первое чисто-литературное общество, разрѣшенное въ Россіи. Образовавшійся впослѣдствіи въ Петербургѣ, 25 лѣтъ спустя, союзъ писателей былъ, какъ извѣстно, въ скорости закрытъ.

Хорошо помню первое наше собраніе въ редакціи «Бесѣды». Въ то время я только что поселился въ Москвѣ послѣ семилѣтняго отсутствія, а потому многихъ гг. драматурговъ совѣтъ не зналъ въ лицо; а между тѣмъ меня особенно интересовало увидѣть А. Н. Островскаго, никогда не встрѣчаемаго ранѣе. Когда наступило 8 часовъ вечера—время, къ которому приглашали насъ повѣстки Родиславскаго,—онъ открылъ собраніе очень дѣльною рѣчью, въ которой доказывалъ необходимость учрежденія общества и его будущую полезность; но говорилъ онъ обыкновенно пронзительнымъ, визгливымъ голосомъ, всегда какъ бы волнуясь и кипящаясь и какъ бы кого-то опровергая и оспаривая: такой уже у него былъ тембръ голоса и складъ рѣчи. Никто ему ничего не возражалъ, но только, очевидно, многіе недоумѣвали, почему это предсѣдательствуетъ не Островскій... Полагая, что его нѣтъ, я спросилъ сидѣвшаго рядомъ со мною знакомаго мнѣ князя І. А. Мещерскаго, извѣстнаго переводчика Мольера, почему не пріѣхалъ Александръ Николаевичъ.

— Да онъ здѣсь,—тихо отвѣтилъ І. А., и незамѣтно указалъ на господина, скромно помѣстившагося на одномъ изъ стульевъ, позади почти всѣхъ собравшихся писателей. И я увидалъ чело-вѣка, доставившаго мнѣ такъ много высокаго наслажденія своими пьесами, слушая которыя въ театрѣ я едва иногда удерживался отъ слезъ—въ «Грозѣ», напримѣръ, или въ «Доходномъ мѣстѣ» и въ «Грѣхъ да бѣда»; а сколько веселаго и безобиднаго смѣха вызывали его пьесы и ихъ главный исполнитель П. М. Садовскій!.. Островскій былъ выше средняго роста, коренастый и широкоплечій, лысый, съ рыже-красноватою окладистою бородою, съ лицомъ чрезвычайно умнымъ и симпатичнымъ, съ глазами, въ которыхъ сохранился блескъ молодости; голосъ его—когда онъ потомъ за-

говорилъ—былъ звученъ и пріятенъ, и я никогда не слышалъ и послѣ, встрѣчая Островскаго въ Артистическомъ кружкѣ, чтобы онъ возвысилъ его въ разговорѣ съ кѣмъ нибудь; но когда онъ читалъ публично, этотъ голосъ совсѣмъ преобразался. Читалъ А. Н. всегда что либо изъ своихъ же пьесъ, и въ это время голосъ его совсѣмъ видоизмѣнялся: если бы слушать его чтеніе, не глядя на него, то едва можно было вѣрить, что это читаетъ одинъ и тотъ же человѣкъ,—такъ искусно мѣнялъ онъ голосъ, примѣняясь къ характеру, полу и возрасту дѣйствующихъ лицъ. Я слышалъ его два раза: однажды онъ читалъ въ домѣ дворянскаго собранія актъ изъ своей комедіи «Не было ни гроша», а во второй разъ—въ Славянскомъ базарѣ: онъ читалъ изъ пьесы «Горячее сердце». По искусству чтенія съ нимъ могъ сравниться лишь А. Ө. Писемскій, котораго я слышалъ въ томъ же дворянскомъ собраніи одновременно съ Островскимъ; но онъ читалъ не свое, а извѣстный разсказъ Генслера «Гаваньскіе чиновники».

Только поосмотрѣвшись, заговорили господа драматурги на этомъ первомъ своемъ собраніи. Въ принципѣ, конечно, всѣ были согласны съ Родиславскимъ, что нельзя же въ самомъ дѣлѣ работать на провинціальныхъ антрепренеровъ безданно-безпошинно, и коль скоро они получаютъ съ публики извѣстную плату за представленіе пьесы, то должны же хотя что нибудь заплатить и собственнику этой пьесы, ея автору. На этомъ мы всѣ и покончили, пригласивъ, однако, предсѣдательствовать на будущихъ собраніяхъ А. Н. Островскаго; а затѣмъ выдавали у московскаго нотаріуса Поля надлежащія довѣренности Родиславскому на охраненіе своихъ авторскихъ правъ.

Не меньшею скромностью на этомъ первомъ собраніи отличался и присутствовавшій покойный драматургъ Дьяченко, давшій русской сценѣ цѣлую серію пьесъ, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ, напримеръ, «Гувернеръ», не сходятъ съ репертуара и по сіе время.

Но въ слѣдующемъ же засѣданіи господа драматурги были немножко озадачены: С. А. Юрьевъ сдѣлалъ заявленіе, что «по обстоятельствамъ, отъ него не зависящимъ», онъ вынужденъ отказать собранію въ гостепримствѣ, такъ какъ находитъ, что собраніе драматурговъ въ помѣщеніи редакціи «Бесѣды» дѣлаетъ ее, эту самую редакцію, какъ бы солидарною съ тѣмъ принципомъ обложенія платою провинціальныхъ антрепренеровъ, который положенъ собственно въ основу собранія.

— Значитъ, и вы, Сергѣй Андреевичъ, несогласны съ тѣмъ, чтобы антрепренеры платили намъ авторскія деньги? — спросилъ его Родиславскій.

— О, нѣтъ! Я ничего противъ этого не имѣю,—отвѣчалъ слегка сконфуженный Юрьевъ:—но Александръ Ивановичъ...

Дѣло было ясно: Александръ Ивановичъ—это былъ Кошелевъ, собственникъ «Бесѣды», о которомъ я говорилъ выше: ему-то и показалась цѣль нашихъ собраній несимпатичною... Самъ Юрьевъ оказался тутъ не при чемъ: онъ перевелъ нѣсколько пьесъ, преимущественно испанскихъ (Кальдерона, Лопе-де-Веги и др.), пьесы эти ставились и въ провинціи, но онъ не получалъ за нихъ ни гроша, а между тѣмъ былъ человѣкомъ очень небогатымъ. Слѣдуетъ сказать, что не только Кошелевъ, но далеко не всѣ и драматическіе писатели раздѣляли въ то время взгляды нашего собранія и даже отказывались вступить въ число членовъ: въ числѣ таковыхъ были довольно крупные писатели, какъ, на примѣръ, Аверкіевъ, Маннъ, А. Пальмъ и др.; впоследствии, впрочемъ, и эти драматурги присоединились къ числу первоначальныхъ членовъ, учредителей собранія.

Вслѣдствіе отказа въ помѣщеніи, наши собранія стали происходить на новой квартирѣ Родиславскаго, въ домѣ генералъ-губернатора; а послѣ, когда собраніе преобразовалось въ «общество»,— въ домѣ училища живописи и ваянія, на Мясницкой, любезно предоставленнаго для засѣданій академикомъ К. А. Трутовскимъ.

Въ настоящее время, къ крайнему сожалѣнію, въ этомъ обществѣ возникъ расколъ: при учрежденномъ пять лѣтъ назадъ театральномъ обществѣ образовался «союзъ драматическихъ писателей», куда постепенно и переходятъ изъ стараго общества члены, недолжные, по ихъ словамъ, существующею въ немъ канцелярскою тайной, которою обставляетъ общество свои дѣйствія.

Въ тотъ же сезонъ 1871—1872 года, на сценѣ Малаго театра Москвы, въ бенефисъ Г. Н. Оедотовой, была поставлена пьеса, колоссальный успѣхъ которой былъ равенъ успѣху самыхъ выдающихся пьесъ, шедшихъ въ этомъ театрѣ раньше, въ его лучшія времена—«Горю отъ ума», «Ревизору», «Свадьбѣ Кречинскаго» и другимъ; это была народная трагедія «Каширская старина», о которой я упоминалъ выше. Пьесу эту пересмотрѣла «вся Москва», она шла до самаго конца сезона, билетовъ въ кассѣ «обыкновеннымъ смертнымъ» не выдавали, и театральные барышники наживали тысячи, продавая мѣста по двойной и тройной цѣнѣ, пользуясь тѣмъ, что въ столицѣ не имѣли въ то время права существовать частные театры, гдѣ эта пьеса могла бы быть также поставлена.

Я въ то время, съ осени 1871 года, завѣдывалъ московскимъ отдѣленіемъ редакціи «Виржевыхъ Вѣдомостей», издававшихся въ Петербургѣ К. В. Трубниковымъ и редактировавшихся покойнымъ профессоромъ-криминалистомъ А. П. Чебышевымъ-Дмитріевымъ, и писалъ въ эту газету о московскихъ театрахъ и обязанъ былъ,

поэтому, бывать на бенефисахъ. Никогда, ни ранѣе, ни позже, я не видѣлъ такихъ шумныхъ и необычайныхъ овацій, которыхъ удостоились въ этотъ спектакль бенефициантка, авторъ, а также и всѣ остальные исполнители. Зато, вѣдь, и какой же былъ составъ артистовъ въ этотъ вечеръ!—по всей вѣроятности, пьесѣ г. Аверкіева никогда уже не суждено имѣть подобныхъ исполнителей въ будущемъ. Вотъ эти достославныя въ исторіи русскаго театра имена: Марьицу играла Ѳедотова, Глашу — Никулина, Живулю — Садовскій (отецъ), Бородавку—Шумскій, его жену, Дарьицу — Васильева (Е. Н.), Перепелиху — Акимова, Коркина — Самаринъ, Савушку—Рѣшимовъ, его брата, Абрама—Живокини (сынъ), Василия Коркина—Вильде... О силѣ и талантахъ этого даровитѣйшаго персонала можно сказать лишь слѣдующее: самыми слабыми изъ исполнителей считались тогда Вильде и Рѣшимовъ; теперь же оба эти артиста были бы на сценѣ, напримѣръ, Александринскаго театра звѣздами первой величины—послѣ гг. Варламова и Давыдова.

«Каширскую старину» я видѣлъ въ тотъ же сезонъ еще разъ: такъ соблазнительно и велико было наслажденіе, испытанное мною въ первое представленіе! Во второй разъ не было, конечно, тѣхъ шумныхъ бенефисныхъ овацій, но зато труппа такъ чудно сыгралась въ пьесѣ и былъ такой ансамбль, что я испыталъ удовольствіе еще большее; къ тому же, и не надо уже было ничего запоминать для театральнoй рецензіи, и всецѣло можно было отдаться чувству и наслажденію.

Возвращаясь въ тотъ вечеръ изъ театра, я видѣлъ, въ первый разъ въ жизни сѣверное сіяніе: оно красовалось надъ Москвою въ эту морозную ночь во всемъ своемъ дивномъ величіи: цѣлые снопы радужныхъ цвѣтовъ появлялись и быстро исчезали на небѣ, которое, казалось, то вспыхивало все на сѣверной своей сторонѣ, то потухало... Послѣ я читалъ въ газетахъ, что столѣтніе старики, давніе жители Москвы, не могли припомнить что либо подобное—чтобы такъ ясно, отчетливо и величественно разыгралось надъ городомъ это чудное явленіе полярныхъ странъ, словно это происходило не въ Москвѣ, а въ Архангельскѣ.

V.

Политехническая выставка и Народный театръ.—Профессоръ Киттары и архитекторъ Гартманъ.—Театральныя засѣданія въ университетѣ.—Родиславскій и Ѳедотовъ.—Труппа Народнаго театра и его репертуаръ.—Корреспонденты на выставкѣ.—Актеры: Шумскій, Садовскій и Щепкинъ.—Тяжелое время русскаго театра.—П. С. Ѳедоровъ, баронъ Кистеръ и Бѣгичевъ.—Александринскій театръ Петербурга и Малый въ Москвѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1872 года, открылась въ Москвѣ политехническая выставка, приуроченная къ исполнившемуся двухсотлѣтію со дня рожденія императора Петра I-го. Такъ какъ при этой вы-

ставкѣ былъ открытъ и Народный театръ—первый въ столицахъ, не подчиненный дирекціи императорскихъ театровъ, то я и остановлюсь на этомъ событіи подробнѣе.

Къ выставкѣ приготовлялись давно. Устройство ея возложено было на профессоровъ Московскаго университета Богданова и Давыдова, на профессора-технолога М. Я. Киттары и на многихъ другихъ лицъ: каждый хлопоталъ о своемъ отдѣлѣ, но общаго плана и руководства не было, такъ что, когда, напримѣръ, покойный Катковъ прошелся по этой не вполне удавшейся выставкѣ, то назвалъ ее, шутя, полутехническою, и это названіе такъ и удержалось за нею.

Вся выставка устроена была въ Александровскомъ саду близъ кремлевскихъ стѣнъ. Сюда былъ привезенъ изъ Петербурга знаменитый ботикъ Петра Великаго и поставленъ въ особомъ павильонѣ. Нѣкоторые изъ этихъ павильоновъ отличались особою оригинальностью: такъ, напримѣръ, если въ планъ зданія входило дерево, то его не рубили, а устраивали дѣло такимъ образомъ, что если оно было не велико, то входило внутрь зданія, а если было очень высоко, то сбѣняло его крышу. Театръ былъ устроенъ вдали отъ выставки, на Солянкѣ; тамъ же помѣщалась и народная читальня; то и другое было поручено Киттарѣ, и вышло не совсѣмъ-то удачно; самое зданіе театра (деревянное) строилъ архитекторъ Гартманъ, человекъ очень талантливый, какъ говорили о немъ. И дѣйствительно, снаружи театръ этотъ, вмѣщавшій въ себя до тысячи человекъ, былъ очень изященъ и красивъ; мѣста въ немъ были очень недороги, такъ что галерея, напримѣръ, стоила 20 коп., а мѣста въ «рау» — по 5 коп.; но внутри вышла какая-то погрѣшность: специалисты-архитекторы и техники нашли, что ложи 2-го и 3-го ярусовъ недостаточно устойчивы, и что наполненные народомъ, онѣ могутъ въ одинъ прекрасный вечеръ рухнуть въ партеръ... Чтобы подтвердить свои опасенія, господа техники положили въ нѣсколько ложъ подъ рядъ пятипудовыя мѣшки съ пескомъ, по пяти мѣшковъ въ ложу, и эти ложи, будто бы, затрещали... Тогда техники настояли, чтобы подъ всѣми ложами бельэтажа были поставлены еще особые устои и столбы. Слышалъ я послѣ, что все это была интрига русскихъ, и преимущественно московскихъ архитекторовъ, противъ строителя нѣмца; но только этотъ слухъ о неблагонадежности зданія Народнаго театра проникъ въ печать, и этого было вполне достаточно, чтобы почтенное московское купечество стало обѣгать этотъ театръ, въ особенности, когда огласился фактъ, что строитель Гартманъ не пожелалъ присутствовать при окончательномъ осмотрѣ театра... Покойный Киттары тоже не былъ любимъ Москвою: дѣятельность этого даровитаго человека была слишкомъ разностороння: чтеніе лекцій, служба въ интендантскомъ вѣдомствѣ, изобрѣтеніе какого-то дезинфицирующаго порошка, устройство театра и проч... Тогда, 30 лѣтъ назадъ, про-

фессорская кафедра въ университетѣ была, въ глазахъ большинства публики и въ мнѣніи общества, нѣкоею святыней, и человекъ, попавшій въ ея храмъ, не долженъ былъ служить инымъ богамъ и всего менѣе Ваалу.

Репертуаръ Народнаго театра обсуждаемъ былъ публично: для этого въ зданіи стараго университета было устроено нѣсколько засѣданій, подъ предѣдательствомъ того же М. Я. Киттары, на которыя и были приглашены многія лица, болѣе или менѣе близко знакомыя съ театральнымъ дѣломъ вообще. Засѣданія эти были еще въ апрѣлѣ, почти за мѣсяцъ до открытія театра, и я имѣлъ честь присутствовать на первомъ изъ нихъ. Установленіе театральнаго цѣнъ и утвержденіе всѣхъ мѣропріятій по части состава труппы, предложенныхъ намѣченнымъ уже директоромъ этого театра, бывшимъ артистомъ Малаго театра, А. Ф. Ѳедотовымъ, прошло мирно и безъ особыхъ дебатовъ; но какъ только вопросъ коснулся репертуара, то произошла маленькая перепалка между Ѳедотовымъ и Родиславскимъ, присутствовавшимъ на этомъ засѣданіи, повидимому, въ двухъ лицахъ—въ качествѣ писателя, который сочинилъ и перевелъ болѣе сотни пьесъ, водевилей и фарсовъ, и въ качествѣ начальника секретнаго отдѣленія канцеляріи генералъ-губернатора; я, по крайней мѣрѣ, хорошо помню, что въ своемъ спорѣ съ Ѳедотовымъ Родиславскій нѣсколько разъ произносилъ фразу: «Едва ли съ этимъ согласится князь Владимиръ Андреевичъ»... Споръ собственно шелъ о томъ, какой именно репертуаръ желателенъ для чисто-народнаго театра: Родиславскій предлагалъ ставить пьесы нравоучительныя и патріотическія съ легкими водевилями въ концѣ спектаклей; Ѳедотовъ же доказывалъ, что при такомъ репертуарѣ въ театрѣ будетъ страшная скучища, и что послѣ двухъ-трехъ такихъ спектаклей простой народъ, какъ говорится, и калачемъ не заманишь въ этотъ театръ, что народъ легко пойметъ и «Ревизора», и «Гамлета», и Писемскаго, и Островскаго. Девять десятыхъ изъ числа присутствовавшихъ приняли тотчасъ же сторону Ѳедотова, и его мнѣніе восторжествовало. Для перваго спектакля рѣшено было устроить дѣло такъ: какъ только великій князь Константинъ Николаевичъ, который обѣщалъ быть, пріѣдетъ въ театръ и войдетъ въ свою ложу, поднимается занавѣсъ, и на сценѣ должна быть вся труппа и хоры, которые и исполнять подъ аккомпанементъ оркестра народный гимнъ, а слѣдомъ за нимъ пойдетъ «Ревизоръ». Затѣмъ былъ намѣченъ и дальнѣйшій репертуаръ, предложенный Ѳедотовымъ. Въ живыхъ, изъ числа лицъ, присутствовавшихъ въ томъ засѣданіи, я знаю В. А. Крылова и К. Н. Цвѣткова.

Корреспондентамъ большихъ газетъ входъ собственно на выставку былъ предоставленъ бесплатный: мы представляли редакціонныя удостовѣренія въ контору выставки, тамъ снимали съ насъ

фотографію и изображали ее на входномъ билетѣ, за извѣстнымъ номеромъ, но въ Народный театръ билетъ этотъ не давалъ права бесплатнаго входа, и мы охотно платили за свои билеты, такъ какъ спектакли въ этомъ театрѣ были всегда очень интересные; казенные же театры, по случаю лѣтняго времени, были закрыты. Здѣсь, кстати, я остановлюсь на составѣ той труппы, которая была ангажирована для этого перваго частнаго театра, появившагося въ одной изъ столицъ. Теперь, когда труппы русскихъ театровъ пополняются едва ли не на половину такъ называемыми испанцами іудейскаго вѣроисповѣданія, кажется просто невѣроятнымъ по качеству и количеству дарованій, тотъ составъ, изъ котораго состояла труппа Народнаго театра! Вотъ эти громкія и яркія имена: К. Ѳ. Бергъ, П. А. Стрепетова, Никитинъ, Макшеевъ, Новиковъ, Писаревъ (М. И.)—все яркія звѣзды русской сцены!.. Потомъ, въ труппу этого театра, переименованнаго въ Общедоступный, вошли Н. Х. Рыбаковъ, Линовская, Шмитгофъ и др. Съ каждымъ изъ этихъ именъ проносится предъ вами нѣсколько ролей, которыхъ никто другой до сихъ поръ, несмотря на цѣлыхъ тридцать лѣтъ, прошедшихъ съ того времени, такъ хорошо исполнить не можетъ. Представьте только себѣ «Лѣсъ» съ Рыбаковымъ въ роли Несчастливцева, или того же Рыбакова въ роли Шейлока¹⁾; или, на примѣръ, «Горькую Судьбину» съ Никитинымъ въ роли Ананія и съ Стрепетовой въ роли Лизаветы; или, на примѣръ, Макшеева въ роли Кутейкина въ «Недорослѣ»; или, на примѣръ, Берга въ роли городничаго, или же въ маленькой пьесѣ «Я именинникъ»; или, на примѣръ, Писарева въ роли Краснова, или Линовскую въ «Ночномъ»... И оклады-то театральные въ провинціи были въ тѣ времена совсѣмъ маленькіе, чуть не въ десятеро меньше, чѣмъ теперь, а вотъ, подите же!—вырабатывались же эти великіе жрецы великаго и честнаго искусства!.. Избалованный классическою труппою Малаго театра, я, тѣмъ не менѣе, былъ просто пораженъ этими крупными талантами, когда увидалъ ихъ на сценѣ сначала Народнаго театра, а потомъ въ Общедоступномъ и затѣмъ въ Артистическомъ кружкѣ... Да и не я одинъ. Правда, слышно было, что есть въ провинціи знаменитый актеръ Милославскій, играетъ гдѣ-то талантливый Рыбаковъ, подвизается даровитый Бергъ... А когда эти самые Рыбаковъ и Бергъ появились въ Москвѣ, и мы увидали ихъ, наконецъ, воочию, а вмѣстѣ

¹⁾ Въ этихъ именно роляхъ я видѣлъ Н. Х. Рыбакова и нѣсколько позже—на сценѣ Артистическаго кружка. Эти спектакли и послужили, повидимому, поводомъ къ ошибкѣ, допущенной въ журналѣ «Театръ и искусство», въ № 47 за минувшій годъ: воспроизведена фотографія, изображавшая извѣстную сцену на большой дорогѣ, когда на распутѣ, у почтоваго столба, всѣчаются Несчастливцевъ и Счастливцевъ; подъ портретами двухъ исполнителей подписано: «Н. Х. Рыбаковъ и П. М. Садовскій». Это не вѣрно: Рыбаковъ выступилъ въ Москвѣ, въ комедіи «Лѣсъ» не съ Провомъ Михайловичемъ Садовскимъ, бывшимъ въ это время (въ 1874 г.) въ могилѣ, а съ его сыномъ, Мих. Пров., исполнявшимъ эту роль на сценѣ Артистическаго кружка, подъ именемъ Ольгина. И. З.

съ ними и цѣлую плеяду другихъ крупныхъ же талантовъ; то приходилось только радоваться такому богатству артистическихъ силъ на Руси и въ то же время изумляться, почему они не на казенной сценѣ столичныхъ театровъ... Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ были тотчасъ же по окончаніи выставки и спектаклей въ Народномъ театрѣ приглашены на казенную сцену: Бергъ, Макшеевъ, Стрепетова и Писаревъ.

Народный театръ былъ, какъ я упоминалъ, переименованъ въ послѣдствіи въ Общедоступный, и его антрепризу взяли на себя два лица, близкія къ театру, любившія его и хорошо понимавшія: это были князь Ѡ. М. Урусовъ и С. В. Танѣевъ ¹⁾, оба состоявшіе при московскомъ генераль-губернаторѣ кн. Долгоруковѣ. Это были такъ сказать, первые антрепренеры частнаго театра, допущеннаго въ столицѣ. Такимъ образомъ, рухнули стѣны Іерихонскія, окружавшія казенные театры въ нашихъ столицахъ, и этотъ первый частный театръ положилъ начало существованію въ будущемъ и всѣмъ другимъ таковымъ же предпріятіямъ.

Къ сожалѣнію, вскорѣ по открытіи выставки я долженъ былъ уѣхать изъ Москвы на все лѣто и не могъ видѣть дальнѣйшихъ спектаклей этого театра. Я не видѣлъ даже собственной пьесы, двухъ-актной комедіи «Отмѣнили», поставленной потомъ. Мнѣ не довелось, поэтому, присутствовать и на похоронахъ Прова Михайловича Садовскаго, скончавшагося 16-го іюля того же 1872 года. Съ его смертью Москва потеряла своего любимѣйшаго актера, а труппа Малаго театра—самаго добраго изъ своей среды товарища и самаго даровитѣйшаго. Болѣе всѣхъ потерялъ А. Н. Островскій: въ умершемъ артистѣ онъ утратилъ вѣрнѣйшаго и талантливѣйшаго изобразителя созданныхъ имъ бытовыхъ типовъ, начиная съ Любима Торцова въ «Бѣдность не порокъ» и кончая Китъ Китычемъ «Тяжелыхъ дней». Въ лицѣ Садовскаго изъ дивной труппы Малаго театра выбылъ ея старѣйшій членъ, занимавшій первенствующее мѣсто послѣ смерти Щепкина. Здѣсь считаю умѣстнымъ разсказать объ одномъ эпизодѣ, происшедшемъ за кулисами Малаго театра въ 1855 году. Въ то время шла Крымская война. Между артистами и артистками Малаго театра образовались двѣ партіи: одна—передовая и либеральная, во главѣ которой стоялъ С. В. Шумскій—артистъ въ лучшемъ и высокомъ значеніи этого слова; другая—консервативная и, такъ сказать, патріотическая съ П. М. Садовскимъ во главѣ. Шумскій всячески старался убѣдить Садовскаго и доказать ему, что наши военныя неудачи въ Крыму и затѣмъ въ самомъ Севастополѣ должны будутъ, въ концѣ концовъ, послужить Россіи на пользу: передъ правительствомъ-де предстанетъ воочію вся фальшь, всѣ недостатки и неправильность государственной сис-

¹⁾ Оба эти почтенные театральные дѣятели живы понынѣ. Г. Танѣевъ напечаталъ, въ 1887 году, извѣстную брошюру «Паденіе театра», имѣвшую большой успѣхъ. И. З.

темы. Садовскій, напротивъ, сильно скорбѣлъ о военныхъ пораженіяхъ нашей арміи и ни въ чемъ не соглашался съ Шумскимъ. Въ спора на эту тему они были добрые друзья, во время споровъ—ярые враги. При каждой неудачѣ арміи Шумскій приносилъ за кулисы «Московскія Вѣдомости» и передавалъ Прову Михайловичу описаніе «дѣла», тотъ терпѣливо выслушивалъ и угрюмо молчалъ. Но вотъ насталъ наконецъ и на его улицѣ праздникъ: наши войска отбили первый страшный штурмъ союзниковъ на Севастополь... Садовскій явился на репетицію торжествующій, съ номеромъ «Моск. Вѣд.» въ рукахъ; съ побѣднымъ, гордымъ видомъ подошелъ онъ къ Шумскому и, всунувъ ему въ руки газету, громко и отчетливо проговорилъ:

— На, читай, какъ вашихъ-то побили ¹⁾!...

Пріѣхавъ въ Москву впервые въ 1862 году, я еще засталъ въ живыхъ знаменитаго актера, старца М. С. Щепкина, и видѣлъ его въ нѣсколькихъ различныхъ роляхъ и, между прочимъ, въ его лучшихъ—въ городничемъ и въ Фамусовѣ. Въ бессмертной Грибоѣдовской пьесѣ я видѣлъ его на сценѣ въ послѣдній разъ; это было въ началѣ ноября 1862 года, когда въ театрѣ присутствовалъ государь Александръ Николаевичъ, находившійся въ то время въ Москвѣ. Въ этотъ спектакль случилось одно происшествіе, за которое зритель Малаго театра былъ отправленъ на семь дней подъ арестъ на кремлевскую гауптвахту. Въ одинъ изъ антрактовъ въ театрѣ вдругъ потухъ газъ, и всѣ очутились въ полнѣйшемъ мракѣ... Такъ какъ всѣ знали, что въ театрѣ, въ царской ложѣ, присутствуетъ государь, то смущеніе вышло немалое... Къ счастью, начавшаяся было суматоха быстро прекратилась сама собою: спустя какихъ нибудь двѣ-три минуты, люстры зажглись вновь... Вскорѣ послѣ этого спектакля Щепкинъ, имѣвшій уже 75 лѣтъ, сталъ сильно прихварывать и въ слѣдующемъ 1863 году скончался. Справедливость требуетъ сказать, что этотъ талантливый и умный артистъ не понялъ Островскаго. Въ первое же время, когда, въ 50-хъ годахъ, пьесы нашего великаго драматурга стали ставиться на Маломъ театрѣ чаще и чаще, но подходящихъ ролей для Щепкина не находилось, а между тѣмъ Садовскій и Шумскій стали въ этихъ пьесахъ особенно выдѣляться въ глазахъ публики, Щепкинъ началъ капризничать и нервничать, а когда шла первая репетиція «Грозы», онъ ушелъ со сцены въ свою уборную, громко ворча и повторяя, обращаясь къ режиссеру, слѣдующую фразу:

¹⁾ Этотъ интересный рассказъ записанъ мною въ 1874 году, со словъ Дм. Вас. Живокіни, сына знаменитаго комика-буфф. Малаго театра Москвы, состоявшаго также въ труппѣ этого театра.

— Не хочу и на репетиции быть: всю сцену провонялъ онъ (Островскій) полшубками...¹⁾.

Это рассказывалъ мнѣ въ 1871 году Мих. Арк. Рѣшимовъ, одинъ изъ труппы Малаго же театра, и этотъ эпизодъ продолжалъ передаваться, какъ преданіе, за кулисами. Въ то время, т.-е. въ началѣ семидесятыхъ годовъ, театръ этотъ продолжалъ еще строго охранять свои прекрасныя традиціи отъ тѣхъ новшествъ, которыя уже овладѣвали мало-по-малу Александринскимъ театромъ: когда въ Петербургѣ шли не лишеныя остроумія, но мало-пристойныя оперетки, въ родѣ, напримѣръ, «Прекрасной Елены», «Птичекъ пѣвчихъ», «Всѣ мы жаждемъ любви» и т. под., въ которыхъ кривлялись и распѣвали хрипылыми голосами фривольные куплеты даже такіе, несомнѣнно, талантливые артисты, какъ покойный Монаховъ и повинѣ здравствующій г. Сазоновъ, когда на сценѣ Александринки властно хозяйничалъ «начальникъ репертуара», извѣстнѣйшій Павелъ Степановичъ Ѳедоровъ, — въ то время московскій драматическій театръ строго держался за классическій репертуаръ и пьесы бытовыя и характерныя, обладавшія литературными достоинствами, а его первыхъ персонажей, какъ, напримѣръ, С. В. Шумскаго, никакія силы въ мірѣ не могли бы заставить пѣть со сцены обличительныя куплеты, въ родѣ «Шишей» или «Всѣ мы жаждемъ любви»... А когда, напримѣръ, въ Александринскомъ театрѣ ставили иногда, какъ бы для разнообразія репертуара, серьезную пьесу, то происходило крайне удивительное и характерное явленіе: его труппа, наметавшись въ опереткахъ или «комедіяхъ» въ родѣ «Петербургскихъ когтей» (имѣвшихъ большой успѣхъ), торжественно проваливала такую пьесу... Напримѣръ, въ сезонъ 1871—1872 гг., петербургскіе лицедеи ухитрились провалить даже такую пьесу, какъ «Лѣсъ» Островскаго: «Лѣсъ» Островскаго повалился», — такъ начинался театральнй отчетъ одной большой петербургской газеты о бенефисѣ Бурдина, поставившаго эту пьесу, одну изъ лучшихъ и вѣчно жизненныхъ пьесъ покойнаго писателя. Почти то же случилось и съ «Каширской стариной» г. Аверкіева: самый театральнй отчетъ объ этой пьесѣ въ той же газетѣ носилъ слѣдующее заглавіе — «Каширская ерунда»... Становилось, очевидно, что актеры Александринки не въ силахъ вывозить на своихъ плечахъ такихъ пьесъ, и серьезная драма и комедія стали мало-по-малу отходить на второй планъ...

Между тѣмъ, тотъ же «Лѣсъ» и та же «Каширская старина» имѣли, какъ я уже упоминалъ, громаднѣйшій успѣхъ въ Москвѣ. Мнѣ довелось быть и на первомъ представленіи «Лѣса» на сценѣ Малаго театра: роль Счастливецва игралъ Шумскій, Несчастливцева — Вильде, Гурмыжскую — Васильева (Е. Н.), Улиту — Акимова.

¹⁾ Эту фразу, что Островскій «провонялъ всю сцену полшубками», — высказалъ вначалѣ директоръ императорскихъ театровъ Верстовскій, и Щепкинъ лишь повторилъ ее. И. З.

Такъ какъ «Лѣсъ» шелъ ранѣе въ Петербургѣ на сценѣ Александринки и успѣха не имѣлъ, — о чемъ, конечно, хорошо было извѣстно въ Москвѣ по петербургскимъ театральнымъ рецензіямъ, — то это обстоятельство, понятно, не могло не имѣть нѣкотораго вліянія на исполнителей и даже на публику, и первый актъ прошелъ неувѣренно, но со второго акта началась уже болѣе увѣренная игра на сценѣ и усиленное вниманіе публики къ содержанію пьесы; въ послѣднемъ актѣ интересъ къ пьесѣ достигъ величайшей степени, и когда былъ опущенъ занавѣсъ, то вызовамъ и аплодисментамъ не было конца... Послѣ этого торжественнаго успѣха «Лѣса» въ Москвѣ, столь же торжественно проваленнаго въ Петербургѣ, стало ясно для всѣхъ, кому были дороги интересы русскаго драматическаго театра, что онъ не можетъ ожидать для себя ничего добраго отъ центральнаго управленія, то-есть, отъ дирекціи императорскихъ театровъ, гдѣ вся власть была въ рукахъ двухъ лицъ, одинаково достойныхъ другъ друга—П. С. Ѳедорова и барона Кистера. Вотъ въ это-то время и сказалась вся сила и нравственная мощь знаменитой труппы Малаго театра: въ концѣ концовъ, она сумѣла-таки отстоять свою сцену и отъ скабрёзныхъ оперетокъ, посыпанныхъ кайэнскимъ перцемъ и рассчитанныхъ на самые грубые и низменные инстинкты театральной толпы, и отъ слезливыхъ бульварныхъ мелодрамъ съ кровью, эксплуатирующихъ нервную систему зрителя, и отъ пьесъ завѣдомо тенденціозныхъ, писавшихся исключительно на какую нибудь модную, ультра-либеральную тему или злобу дня, въ родѣ, напр., пьесъ «Виноватая», «Отрѣзанный ломоть», и т. под. Если таковыя пьесы и появлялись иногда на сценѣ Малаго театра, то лишь вслѣдствіе настояній В. П. Бѣгичева, чловѣка честнаго, но изображавшаго собою въ Москвѣ, по самовластію, то же, что изображалъ Ѳедоровъ въ Петербургѣ; но и тогда пьесы эти недолго удерживались на афишахъ. Таковую именно участь испытала пьеса г-жи Голохвастовой «Чья правда», Штеллера «Ошибки молодости» и «Приданое современной дѣвушки»; пьеса же «Петербургскіе когти», насколько припоминаю, совсѣмъ не шла, а комедія того же автора «Передовые дѣятели», хотя и была поставлена на сценѣ Малаго театра, но успѣха не имѣла.

VI.

Трагикъ Айръ-Ольриджъ—и Сальвини.—Что остается послѣ актера.—Театральные критики и рецензенты прежняго времени.—Театрально-литературный комитетъ и его протоколы.—Запрещеніе авторамъ читать свои пьесы въ комитетѣ.—Двѣ поучительныя исторіи съ двумя пьесами.—Театральная волокита.—Учрежденіе комиссіи по пересмотру законовъ о театрѣ и о зрѣлищахъ.—Составъ комиссіи.

Прошу позволенія у читателей рассказать одинъ болѣе ранній эпизодъ изъ моихъ театральныхъ воспоминаній, относящійся къ 1863 г. Весною этого года пріѣхалъ на гастролы въ Москву знаменитый

трагикъ Айръ-Ольриджъ, имѣвшій въ то время уже всесвѣтную извѣстность. Спектакли, въ которыхъ онъ участвовалъ, шли не въ Маломъ, а въ Большомъ театрѣ, едва все-таки вмѣщавшемъ всѣхъ желающихъ увидѣть игру замѣчательнаго артиста. Мнѣ довелось видѣть Ольриджа въ «Отелло» и въ «Король Лиръ». Игра его, въ особенности въ первой роли, произвела на меня такое сильное впечатлѣніе, что я нѣсколько дней находился подъ обаяніемъ этого гениальнаго трагика... Самая внѣшность Ольриджа, какъ нельзя болѣе, подходила къ роли Отелло: негръ изъ Америки, онъ имѣлъ темный цвѣтъ лица, толстыя губы и короткіе, курчавые волосы, широкоплечій, выше средняго роста. Въ сценѣ, когда предъ Отелло раскрылось все коварство Яго и чистота оклеветанной Дездемоны, и онъ мучится и страдаетъ отъ поздняго раскаянія въ совершенномъ имъ убійствѣ, вызывала въ зрителяхъ неудержимыя слезы, и плакали не однѣ только дамы... Игралъ Ольриджъ на англійскомъ языкѣ, остальные исполнители—по-русски, а такъ какъ эти пьесы Шекспира публика знала хорошо, то и легко понимала артиста. Мнѣ потомъ захотѣлось увидѣть его поближе, но, не имѣя въ тѣ времена никакихъ театральныхъ знакомствъ, я не могъ попасть за кулисы; къ счастью, мнѣ удалось увидѣть его въ иномъ мѣстѣ: я узналъ, что день воскресный онъ аккуратно посвящаетъ молитвѣ въ англиканской церкви, находящейся въ Леонтьевскомъ переулкѣ; вотъ туда я и отправился. И дѣйствительно: едва я вошелъ въ церковь и осмотрѣлся, то увидѣлъ Ольриджа на одной изъ скамей наклонившимся надъ раскрытымъ молитвенникомъ... По окончаніи богослуженія, я имѣлъ возможность разсмотрѣть лицо трагика вблизи, и меня особенно поразили его глаза—черные, большіе, лучистые... Много-много лѣтъ спустя, именно въ зиму 1900—1901 гг., въ Петербургѣ, я видѣлъ на суворинскомъ Маломъ театрѣ не менѣе знаменитаго Сальвини въ «Отелло» же и потомъ въ Гамлетѣ, но игра его не произвела на меня того потрясающаго впечатлѣнія, какое я испыталъ въ 1863 году въ Москвѣ,—оттого ли, что Сальвини былъ уже слишкомъ старъ для сыгранныхъ имъ ролей, или же потому, что я и самъ состарѣлся и не былъ такъ глубоко и чутко воспримчивъ къ впечатлѣніямъ,—не знаю... Объ игрѣ Сальвини я читалъ потомъ въ газетахъ очень восторженные отзывы; но и тутъ самый правдивый, по моему мнѣнію, отзывъ принадлежалъ старѣйшему театральному критику 60-хъ годовъ, г. Суворину, писавшему въ тѣ годы въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» Корша. Какъ жаль, что великіе артисты не оставляютъ послѣ своей кончины никакихъ наслѣдій своего таланта и искусства, которыя могли бы служить школою для другихъ поколѣній!.. Съ смертью актера хоронится все, чѣмъ надѣлилъ его Промыселъ, и остаются лишь легенды и преданія, да развѣ еще мало значація въ данномъ случаѣ театральныя статьи

о немъ и рецензиі... Здѣсь, кстати, нахожу умѣстнымъ немножко познакомить читателей съ такъ называемою театальною критикою того времени.

Тридцать лѣтъ тому назадъ не существовало теперешняго легиона театралныхъ репортеровъ и отмѣтчиковъ, половина коихъ промышляютъ шантажемъ и взятками съ антрепренеровъ и антрепренершъ частныхъ — въ столицахъ и большихъ городахъ — театровъ, съ артистовъ и, преимущественно, съ артистокъ; были тогда лишь театральные критики и рецензенты. О русскихъ императорскихъ театрахъ (частныхъ театровъ въ столицахъ не было) писали тогда, насколько могу припомнить, слѣдующія лица. Въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» Корша объ Александринскомъ театрѣ писали: А. С. Суворинъ и К. А. Скальковский; кто писалъ въ эту газету изъ Москвы о Маломъ театрѣ — теперь вѣрно не могу сказать, но знаю, что одно время писалъ покойный Каншинъ (П. А.). Въ «Голосѣ» писали: Д. В. Аверкиевъ и покойный Л. Н. Антроповъ, а изъ Москвы — А. Д. Мейнъ и Н. Кичеевъ; позже, въ 1876 г., писалъ я. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (собственно въ ежедневномъ приложеніи къ нимъ — въ «Современной Лѣтописи») объ Александринскомъ театрѣ писалъ изъ Петербурга довольно долго покойный Н. С. Лѣсковъ; о московскомъ Маломъ театрѣ — К. Н. Цвѣтковъ и позднѣе (съ 1872 года) — Антроповъ. Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» объ Александринскомъ театрѣ писали: М. П. Ѳедоровъ (писавшій потомъ въ «Новостяхъ») и самъ А. П. Чебышевъ (Экъс), а позже — Мих. Вильде, братъ покойнаго Н. Е. Вильде, московскаго артиста; о Маломъ театрѣ изъ Москвы, съ 1871 по 1876 годъ, писалъ я. Въ журналѣ «Будильникъ», переведенномъ съ 1873 года изъ Петербурга въ Москву, былъ помѣщенъ за три года, рядъ статей, написанныхъ мною о Маломъ театрѣ, Народномъ и объ Артистическомъ кружкѣ. Въ газетѣ «Недѣля» о петербургскомъ театрѣ писалъ покойный П. А. Гайдебуровъ и позднѣе поэтъ А. Н. Плещеевъ; изъ Москвы писалъ иногда покойный Н. М. Богомоловъ. Въ ежемѣсячныхъ журналахъ статьи о драматическихъ столичныхъ театрахъ, хотя рѣдко, но все-таки появлялись иногда. Такъ, напримеръ, въ «Вѣстникѣ Европы» были помѣщены, въ началѣ 70-хъ годовъ, двѣ серьезныя, прекрасныя статьи: одна — А. С. Суворина, въ январской книжкѣ 1871 года, объ Александринскомъ театрѣ, а другая подъ заглавіемъ «Милліонъ терзаній» (по поводу постановки въ томъ же театрѣ «Горе отъ ума») — покойнаго Гончарова. Въ «Библиотекѣ для Чтенія» (редакція г. Боборыкина) былъ напечатанъ рядъ интересныхъ статей о московскомъ Маломъ театрѣ, написанныхъ, какъ я упоминалъ выше, княземъ А. И. Урусовымъ. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1872 года была помѣщена статья г. М. Щепкина — о Народномъ театрѣ. Въ «Бесѣдѣ» (редакція С. А. Юрьева) были очень интересныя статьи А. Н. Веселовскаго и Ро-

диславскаго. Въ «Зарѣ» Кашпирева было напечатано нѣсколько статей объ Александринскомъ театрѣ, написанныхъ Антроповымъ. Въ «Дѣлѣ» (редакція Г. Е. Благосвѣтлова) о театрѣ писалъ иногда покойный Н. И. Шульгинъ; двѣ статьи—одна о московскомъ Маломъ театрѣ въ 1874 г., а другая объ Александринскомъ театрѣ въ 1876 г. были написаны мною. Во избѣженіе излишнихъ объясненій съ актерами и авторами, никто, конечно, изъ названныхъ лицъ не подписывалъ своихъ статей; одинъ князь Урусовъ выставялъ свое имя и отчество—Александръ Ивановъ.

Точно также, тридцать лѣтъ тому назадъ, былъ совершенно иной составъ и театрално-литературнаго комитета, существовавшего въ то время лишь въ единственномъ числѣ, безъ теперешнихъ развѣтвленій на «отдѣленія» въ Петербургѣ и Москвѣ. Членами въ немъ были или высоко образованныя лица, какъ П. И. Юркевичъ, или же такіе артисты, какъ покойный П. И. Зубровъ; главное, въ немъ не было лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, т.-е. драматическихъ писателей, которые, при оцѣнкѣ достоинствъ пьесы, или измѣряютъ ее на свой аршинъ, или же, что еще хуже, разносятъ ее въ пухъ и прахъ, въ видахъ конкуренціи. Въ комитетѣ были литераторы А. Н. Майковъ и А. П. Милковъ, и былъ лишь одинъ драматургъ—талантливый И. А. Маннъ, но онъ, попавъ въ члены, пересталъ писать для театра. Не то мы видимъ въ комитетахъ позднѣйшей формаци; о ихъ дѣятельности ходятъ легенды и устные, и печатныя... Они не одобрили за послѣднее время нѣсколько пьесъ, имѣвшихъ потомъ большой и вполне заслуженный успѣхъ, какъ, напримѣръ, «Три сестры» Чехова, «Первая муха» Величко и Крылова, «Не пойманъ—не воръ» Суворина, и другія; они не одобряютъ пьесъ г.г. Щеглова, Плещеева (А. А.), недавно забраковали пьесу В. А. Крылова, не одобрили, кажется, и «Сыновъ Израиля»...

Представляемая пьесы читаются въ этихъ комитетахъ не авторами и даже не артистами, а господами членами; а эти г.г. члены, напримѣръ, въ одномъ изъ «отдѣленій» имѣли трое свыше 210-ти лѣтъ... Одинъ изъ нихъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, скончался, двое—продолжаютъ, кажется, состоять членами и понынѣ, получая до 1.000 рублей въ годъ, въ видѣ синекуры, надо полагать. Самъ авторъ не имѣетъ права читать въ комитетѣ свою пьесу, хотя отъ чтенія, какъ извѣстно, зависитъ вся ея судьба. Вспомнимъ, напримѣръ, прекрасную пьесу Дюма-сына «La dame aux camélias», забракованную вначалѣ директорами Comédie Française и одобренную лишь послѣ чтенія самого автора. А у насъ, при чтеніи пьесы, напримѣръ, 75-ти-лѣтнимъ старцемъ, беззубымъ и безглотсымъ, какое впечатлѣніе могутъ получить остальные члены, если только они не заснутъ?... Или, напримѣръ, какое впечатлѣніе могутъ испытать слушатели, когда одинъ изъ членовъ, довольно

плодовитый драматургъ,—онъ же антрепренеръ и режиссеръ частнаго театра, конкурирующаго съ императорскимъ,—прочитывая пьесу не нравящагося ему конкуррента, позволяетъ себѣ во время чтенія фыркать, пожимать плечами и иронически и усиленно отгнать тѣ мѣста и монологи въ пьесѣ, которые ему кажутся слабыми?... Именно вотъ такими продѣлками и объяснялъ покойный Маркевичъ неодобреніе для постановки на императорскихъ театрахъ его талантливой и чрезвычайно сценичной пьесы «Чадъ жизни». Чѣмъ, какъ не плохимъ чтеніемъ, или же недостойными приемами во время самаго прочтенія, можно объяснить себѣ то обстоятельство, что нѣкоторыя вышеназванныя пьесы «не прошли» въ комитетѣ,—и только нѣкоторыя изъ нихъ, и то лишь послѣ горячей защиты ихъ авторовъ и шума, поднятаго въ печати, попали на сцену императорскихъ театровъ?... И чего, собственно, опасаются и боятся? И ради чего, пять лѣтъ назадъ, когда этотъ вопросъ былъ поднятъ въ печати, противъ прочтенія пьесъ ихъ авторами такъ возсталъ одинъ изъ членовъ петербургскаго отдѣленія, очень ревностный тоже поставщикъ пьесъ, ставшій потомъ управляющимъ одной изъ труппъ? Вѣдь авторъ можетъ лишь прочесть свою пьесу и сейчасъ же удалиться, нисколько, слѣдовательно, не вліяя на сужденія членовъ и ихъ рѣшеніе, не мѣшая имъ ни дремать сладостно, ни кушать чай во время его чтенія... Онъ, конечно, могъ бы помѣшать имъ въ одномъ: дѣлать замѣчанія во время самаго чтенія; но вѣдь эти замѣчанія и примѣчанія они могутъ дѣлать карандашемъ на лежащихъ передъ ними листахъ бумаги, какъ это принято во всѣхъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, совѣтахъ и присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ обсужденіе прочитаннаго и представленіе «замѣчаній» дѣлается послѣ доклада, а не до него. Вѣдь слѣдуетъ принять во вниманіе и памятовать въ данномъ случаѣ то обстоятельство, что авторъ—единственный чтець, который можетъ взять вѣрный и безошибочный тонъ и, не будучи въ силахъ скрыть или скрасить недостатки своей пьесы, можетъ, въ то же время, отгнать и всѣ ея достоинства, равно какъ и самые характеры дѣйствующихъ лицъ; а развѣ можетъ сдѣлать это членъ комитета, не имѣющій никакого представленія о пьесѣ, которую онъ долженъ прочесть, знакомый лишь съ ея заглавіемъ?!. Вотъ другое дѣло, если авторъ отсутствуетъ далеко, или же самъ почему либо не пожелаетъ читать; но и тогда, полагаю, слѣдовало бы приглашать для прочтенія артиста драматической труппы; самый неважный актеръ, развѣ онъ состоитъ въ императорской труппѣ, прочтетъ пьесу гораздо лучше, чѣмъ, напримѣръ, чиновникъ изъ департамента торговли, или же ловкій антрепренеръ конкурирующаго театра, не говоря уже о древнихъ членахъ-старцахъ, отъ которыхъ грѣшно было бы и требовать яснаго и громкаго прочтенія пьесы.

Театрально-литературный комитетъ съ его отдѣленіями сталъ въ настоящее время не только анахронизмомъ въ жизни казенныхъ театровъ, но ему не присущъ даже тотъ авторитетъ и престижъ, который, повидимому, долженъ подобать. Онъ, напримѣръ, разноситъ пьесу «Вторая молодость», бракуетъ «Трехъ сестеръ», «Первую муху» и др., а эти пьесы ставятся на частныхъ театрахъ и идутъ съ полнымъ успѣхомъ. Или, наоборотъ, комитеты одобряютъ пьесу, а она или торжественно проваливается въ первое же представленіе, или же—что случается чаще всего—совсѣмъ не ставится на казенныхъ столичныхъ театрахъ, а преспокойно хранится въ архивѣ театральной библіотеки. А то бываетъ и такъ: сначала забракують пьесу, сдѣлавъ ей въ журналѣ комитета сугубый разносъ, а потомъ, спустя два, три мѣсяца, одобрятъ и расхваливаютъ.

Въ моихъ рукахъ имѣется въ настоящее время очень интересная книга В. П. П—ева — «О порядкѣ разсмотрѣнія драматическихъ произведеній, представляемыхъ для внесенія въ русскій репертуаръ императорскихъ театровъ». Къ сожалѣнію, книга эта не распространена въ публикѣ; а потому я позволю себѣ здѣсь привести изъ нея нѣкоторыя выписки, картинно рисующія тотъ невозможный порядокъ, который существовалъ въ театрально-литературномъ комитетѣ и его отдѣленіяхъ въ самое недавнее время (книга издана въ 1899 году), а, можетъ быть, существуетъ и теперь.

«Вѣроятно,—говоритъ г. П—евъ,—немного найдется въ Россіи учреждений, поставленныхъ столь неопредѣленно и въ то же время столь самостоятельно, какъ театрально-литературный комитетъ. Связь его съ дирекціей театровъ, для непосредственныхъ потребностей которой онъ учрежденъ, исчерпывается обозначеніемъ на заголовкѣ положенія: «Театрально-литературный комитетъ при дирекціи императорскихъ театровъ». Отношенія директора театровъ къ комитету не идутъ далѣе инвеституры личнаго состава его и назначенія отдѣленія для разсмотрѣнія той или другой пьесы. Съ своей стороны, комитетъ, составленный исключительно изъ литераторовъ (или профессоровъ), людей свободной профессіи попреимуществу, склоненъ проявлять отрицательное отношеніе къ служебному регулированію порядка, видя въ немъ косвенный контроль со стороны театральной администраціи». И вотъ въ практикѣ петербургскаго отдѣленія такое ложное положеніе породило результаты очень печальные даже на самыхъ первыхъ порахъ дѣятельности комитета, устроеннаго и реформированнаго въ концѣ 1891 года. Такъ, напримѣръ, директоръ театровъ «вынужденъ былъ обратить вниманіе предсѣдателя», Д. В. Григоровича, на то, что при разсмотрѣніи пьесъ не соблюдается очередь: семь пьесъ остались совсѣмъ не разсмотрѣнными, между тѣмъ какъ пьесы, позднѣе представленные, были за-

слушаны комитетомъ. Или, на примѣръ, въ томъ же с.-петербургскомъ отдѣленіи была рассмотрѣна пьеса въ одномъ актѣ «Безъ исхода» г-жи Лѣтковой, о рассмотрѣніи которой заявленія въ дирекцію отъ автора вовсе не поступало... Въ силу этого, члены комитета были лишены вознагражденія за рассмотрѣніе этой пьесы, т.-е. пяти рублей на каждого члена (за одинъ актъ). Но это «удержаніе поактнаго вознагражденія членовъ—мѣра, недостойная коллегіи извѣстныхъ словесниковъ»,—замѣчаетъ авторъ книги (стр. 159)... Но происходили еще болѣе серьезныя закононарушенія, касавшіяся уже существа дѣла. Одна, на примѣръ, пьеса, по рассмотрѣніи ея петербургскимъ же отдѣленіемъ комитета, была забракована при слѣдующей мотивировкѣ: «Пьеса эта похожа на одинъ изъ тысячи подобныхъ водевилей безъ пѣнія, гдѣ дѣйствующія лица разговариваютъ съ публикой, рассказываютъ имъ (?) свое прошлое, откровенно разоблачаютъ свои тайныя помыслы и душевныя движенія, гдѣ вся художественная задача—въ томъ, чтобы устроить на сценѣ наивозможно большую суетню, суматоху и *qui pro quo* и во что бы то ни стало насмѣшить зрителей. Въ настоящей пьесѣ дѣйствуютъ только онъ, она и лакей... Онъ... въ длиннѣйшемъ монолѣ, съ претензіей на игривость водевильной формы, рассказываетъ публикѣ о своихъ любовныхъ похожденияхъ и скабрёзныхъ мечтахъ... произноситъ рѣчи и ругательства, не совѣмъ приличныя цивилизованному человѣку, и убѣгаетъ. На мѣсто его тотчасъ же является она, жена, которая тоже въ длинномъ монолѣ рассказываетъ... Съ нею тоже происходитъ припадокъ бѣшенства, въ которомъ она зоветъ горничную: «Параша! Парашка, чортъ!» Думается, что если бы нашлась наивная публика, которой было бы весело и забавно смотрѣть предыдущія сцены, то и она соскучилась бы отъ послѣдней». Раздѣлавъ, такъ сказать, подъ орѣхъ пьесу и отправивъ зарегистрированный протоколъ въ канцелярію дирекціи, комитетъ вдругъ узнаетъ послѣ уже отсылки и пьесы, и протокола, что авторомъ пьесы состоитъ «весьма вліятельное въ прессѣ» лицо... Тогда комитетъ вытребовалъ свой протоколъ обратно и затѣмъ возвратилъ его въ дирекцію «въ прежней редакціи (вышеприведенной), но съ одобрительнымъ для постановки на сценѣ заключеніемъ!»...

«Самая зрѣлость обсуждения и основательность рѣшеній комитета подвергается сильному сомнѣнію: часто замѣчается нежелательная голословность и поспѣшность рѣшеній. Такъ, на примѣръ, въ протоколѣ засѣданія II-го отдѣленія театральнаго-литературнаго комитета 5-го февраля 1883 года, между прочимъ, по поводу опредѣленія оригинальности пьесъ В. А. Крылова, сказано: «Что же касается до пьесъ «Чудовище» и «Въ погонѣ за прекрасной Еленой», то большинство членовъ комитета подвергаетъ оригинальность ихъ нѣкоторому (?) сомнѣнію, хотя, за недостаткомъ времени, не

можетъ указать теперь же, изъ какихъ именно иностранныхъ пьесъ онѣ заимствованы». Далѣе, комитетъ призналъ пьесу того же автора «По духовному завѣщанію» за оригинальную, между тѣмъ какъ сюжетъ этой пьесы заимствованъ изъ нѣмецкой пьесы «Die Raben» и изъ французской «Le tѣstament de Cѣsar Girodot»; а между тѣмъ оригинальную пьесу «Шалость» причисляетъ къ передѣлкамъ. «Злые недуги», комедія въ пяти дѣйствіяхъ К. Демкина, по признанію комитета, отличается нѣкоторою растянутостью, малой сценичностью и повтореніемъ бывшихъ уже на сценѣ мотивовъ, но въ виду ея литературныхъ достоинствъ одобрена къ представленію (протоколъ засѣданія 12-го ноября 1883 г.). «Императрица Византія», драма въ 5-ти дѣйствіяхъ В. Буренина, одобрена «къ представленію на сценѣ императорскихъ театровъ, не какъ серьезно литературно-обработанная историческая драма, но какъ весьма эффектное сценическое представленіе» (протоколъ засѣданія 21-го января 1889 г.). «Сверхъ комплекта», комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, передѣлка съ польскаго, А. Крюковскаго, въ засѣданіи петербургскаго отдѣленія комитета 29-го октября 1894 года не одобрена съ отзывомъ, что «пьеса эта—передѣланная съ нѣмецкаго (?) на русскіе нравы и до того не подходитъ къ русской жизни, что на русской сценѣ она представлялась бы совершенной аномаліей. Несмотря на нѣкоторыя литературныя достоинства въ подлинникѣ, пьеса эта сама по себѣ скучна и нисколько не оригинальна, и потому въ репертуарѣ русскаго театра была бы лишнимъ балластомъ». Но черезъ годъ та же пьеса, въ виду «ея успѣха на провинціальной сценѣ, при исполненіи г. Давыдова», была одобрена тѣмъ же отдѣленіемъ комитета (протоколъ 9-го сентября 1895 г.). «Чадъ жизни», драма въ пяти дѣйствіяхъ В. Маркевича, при разсмотрѣніи ея въ I-омъ петербургскомъ отдѣленіи комитета, признана была единогласно «неудобной къ представленію на императорской сценѣ». Но это нисколько не помѣшало тому же отдѣленію комитета, опять-таки единогласно, одобрить ту же самую пьесу, представленную въ комитетъ, съ незначительными измѣненіями, подъ названіемъ «Ольга Ранцева». Еще курьезнѣе вышло дѣло съ драмой г-жи С. Смирновой «Девятый вальсъ», разсмотрѣнной, по случайной ошибкѣ регистратуры, въ обоихъ отдѣленіяхъ комитета, въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Забракованная 25 ноября 1898 года въ московскомъ отдѣленіи, пьеса одобрена 24 декабря 1899 года въ петербургскомъ... Такой же случай былъ съ драмой въ 4-хъ дѣйствіяхъ В. Александрова «Волчиха», которая была забракована 6-го апрѣля 1894 года въ петербургскомъ отдѣленіи комитета и одобрена 31-го мая 1895 года въ московскомъ. Удивительная также исторія вышла съ пьесой П. Невѣжина «Вторая молодость», которая имѣла отъ комитета слѣдующій одобрительный отзывъ: «Пьеса эта въ литературномъ

отношеніи не имѣть особенныхъ достоинствъ: характеры дѣйствующихъ лицъ слабо и неопредѣленно очерчены, психическія движенія ихъ недостаточно мотивированы, языкъ искусственный, мѣстами вульгарный, мѣстами преувеличенно патетическій, переполненный риторическими фразами. Въ общемъ, пьеса отличается надуманностью (?) и мелодраматичностью» (протоколъ I-го отдѣленія 26 сентября 1887 г.). Между тѣмъ, этой самой пьесѣ «Вторая молодость» постановленіемъ избранныхъ отъ общества драматическихъ писателей литераторовъ-судей присуждена Грибоѣдовская премія...

«Эта неустойчивая академичность комитетскихъ рѣшеній усугубляется еще и безапелляціонностью ихъ. Уставъ 1882 года давалъ возможность автору и даже дирекціи передавать иногда забракованную пьесу на пересмотръ въ общемъ собраніи (обоихъ петербургскихъ отдѣленій), если неодобреніе состоялось не единогласно; по положенію же 1891 года, рѣшенія комитета окончательны, и забракованной пьесѣ навсегда закрытъ доступъ ко вторичному разсмотрѣнію, а слѣдовательно, и къ внесенію въ репертуаръ императорской сцены. Хорошо еще, что сами комитеты признаютъ иногда возможнымъ отречься отъ собственныхъ рѣшеній. Кромѣ, напримѣръ, случая съ пьесой Маркевича «Ольга Рандева», вышелъ казусъ съ слѣдующей пьесой. 13 ноября 1893 года, петербургское отдѣленіе комитета забрало драму въ 4-хъ дѣйствіяхъ Вл. Ирисова «Тайна няни» по слѣдующимъ мотивамъ: «Отдавая, — говорится въ протоколѣ, — должную справедливость изобрѣтательности автора въ сочиненіи такой исключительной фавбулы и въ придумываніи многихъ мелодраматическихъ эффектовъ, а равно и въ его благодушномъ, оптимистическомъ воззрѣніи на жизнь и на людей, — нужно съ сожалѣніемъ (?) отмѣтить его крайнюю неопытность въ литературномъ и сценическомъ отношеніи: живыхъ лицъ и характеровъ въ пьесѣ нѣтъ, языкъ книжный, психологическія движенія не выяснены и кажутся фальшивыми; ни красокъ, ни тѣней (?) въ картинахъ не видно, все въ одномъ тонѣ и блѣдно, все придумано и сочинено, какъ бы внѣ дѣйствительной жизни вообще и русской въ особенности. Самая фактура пьесы отличается необдуманностью, нестройностью, несообразностями и обличаетъ крайнее незнаніе авторомъ сценическихъ условій». Однако, авторомъ «Тайны няни» оказался О. К. Нотовичъ... который и представилъ пьесу вторично подъ названіемъ «Дочь»... Петербургское отдѣленіе комитета узнало въ пьесѣ «Тайну няни»; но, вопреки положенію 1891 года, разсмотрѣло ее вторично и нашло, что авторъ исправилъ ее, согласно указаніямъ комитета, хотя пьеса осталась безъ измѣненій, исключая конца, въ которомъ героиня, вмѣсто того, чтобы выйти замужъ, отравляется... Комитетъ одобрилъ «Дочь» 18 марта 1895 года...

«Изъ вышеприведеннаго,—говоритъ г. П—евъ,—приходится заключить, что театрално-литературный комитетъ является чѣмъ-то въ родѣ академической испытательной комиссіи для авторовъ, выдающей имъ рекомендательные атестаты и даже допускающей перекзаменовки... По положенію 1891 года, обсужденію театрално-литературнаго комитета подлежатъ два вопроса: опредѣленіе литературнаго достоинства и опредѣленіе сценическаго достоинства пьесы. По прежнимъ «положеніямъ о театрахъ»—1858—1882—къ разсмотрѣнію пьесъ привлекался, наряду съ литературнымъ элементомъ, элементъ административный и артистическій; нынѣ же рѣшеніе вопроса о приѣмѣ пьесъ на императорскую сцену довѣрено исключительно литераторамъ. Въ комиссіи, составлявшей новое положеніе, возбуждался вопросъ: «кого слѣдуетъ понимать подъ именемъ литератора?»—и разъясненъ былъ въ томъ смыслѣ, что «литераторомъ именуется всякій, печатавшій свои произведенія». Въ силу, надо полагать, этого разъясненія, составъ театрално-литературнаго комитета, съ 1891 по 1899 годъ, былъ слѣдующій: въ петербургскомъ отдѣленіи: Д. В. Григоровичъ, П. И. Вейнбергъ, А. А. Потѣхинъ и П. П. Гнѣдичъ (съ 1895 года — И. А. Шляпкинъ); въ московскомъ отдѣленіи: А. Н. Веселовскій, Н. С. Тихомировъ, Н. И. Стороженко (съ 1893 года И. И. Ивановъ) и Вл. Немировичъ-Данченко».

Эти гг. литераторы, замѣтимъ отъ себя, обсуждаютъ лишь «литературное достоинство» пьесы, но сценична ли она, и есть ли для нея костюмы и декорации,—это, конечно, иной вопросъ; а потому, и происходятъ постоянныя недоразумѣнія: комитетъ, положимъ, пьесу одобрить, а актеры или режиссеръ находятъ ее не сценичной, управляющій — что нѣтъ костюмовъ и декораций... и пьеса сдается въ театралную бібліотеку...

Искренно сожалѣемъ, что размѣры нашей статьи заставляютъ ограничиться лишь тѣми выписками изъ интересной книги В. П. П—ева, кои приведены выше.

Чтобы иллюстрировать эти слова еще болѣе поздними фактами, я позволю себѣ подробно рассказать здѣсь, въ интересахъ театралнаго дѣла, а главное, въ видахъ поученія молодыхъ драматурговъ, одну маленькую исторію, случившуюся съ однимъ писателемъ. Сочинилъ онъ трехъактную комедію и представилъ ее, при надлежащемъ «прошеніи», съ надлежащимъ количествомъ гербовыхъ марокъ, въ управленіе казенной дирекціи; спустя нѣсколько мѣсяцевъ, получаетъ увѣдомленіе, что пьеса его «къ постановкѣ на сценахъ императорскихъ театровъ одобрена». Началось для автора буквально «хождение» по дѣлу пьесы—и въ дирекцію, и къ режиссеру, и къ «начальнику репертуара», и къ артистамъ бенефициантамъ... Однако, ничего изъ этого не вышло, и авторъ, утомившись, рѣшилъ прекратить «хождение». Проходитъ

иѣсколько лѣтъ... Пьесу, подѣ другимъ уже заглавіемъ, печатаетъ одинъ журналъ. «Дай-ка, попробую я еще счастья»,—думаетъ авторъ, и представляетъ пьесу, въ двухъ печатныхъ экземплярахъ, въ ту же дирекцію, откуда она и поступаетъ въ театральнo-литературный комитетъ, но попадаетъ уже въ другое отдѣленіе. Получается неожиданный сюрпризъ: его комедія «къ постановкѣ на сценахъ императорскихъ театровъ не одобрена»...

Вторая исторія еще курьезнѣе первой. Пишетъ тотъ же авторъ «драматическія сцены», но, не желая встрѣчаться съ оскорбительностью отказа и съ канцелярскою волокитою, обращается по совѣту «друзей» прежде всего къ режиссеру, о которомъ говорили, что «онъ можетъ все», что онъ человѣкъ ловкій и настолько развязный, что начальство его даже побаивается... Режиссеръ обѣщаетъ прочесть пьесу и назначаетъ срокъ; не исполняетъ обѣщанія, водитъ автора болѣе двухъ мѣсяцевъ, ставитъ свои пьесы и, наконецъ, объявляетъ автору, что пьеса ему, режиссеру, не понравилась, и что онъ никогда не допуститъ ея на казенный театръ.

— А если ее одобрить театральнo-литературный комитетъ?—спрашиваетъ авторъ.

— Это для меня ровно ничего не значитъ, — отвѣчаетъ режиссеръ.

— А если при этомъ прикажетъ самъ директоръ поставить эту пьесу?

— Онъ можетъ приказать, а я могу не исполнить,—былъ отвѣтъ...

Тогда авторъ обращается съ своею пьесою въ редакцію одного изъ лучшихъ и распространенныхъ журналовъ. Пьесу принимаютъ и печатаютъ, санкціонируя, такимъ образомъ, ея литературныя достоинства. Но авторъ, наученный уже горькимъ опытомъ, не рискуетъ, пока, представлять ее въ комитетъ, а идетъ, съ журнальнымъ оттискомъ въ рукахъ, прямо къ «главному лицу» въ театрѣ и покорнѣйше проситъ прочесть его пьесу. Обѣщаніе дано. Проходитъ весна, лѣто, осень... идетъ авторъ справиться; ему отвѣчаютъ: «не успѣлъ еще прочесть»... и обѣщаютъ это сдѣлать «непремѣнно, въ скорости»... Проходитъ зима; наступаетъ весна... Идетъ злополучный авторъ вновь на площадь Александринскаго театра и узнаетъ печальную новость, что «главное лицо»—уже не главное... Тогда обращается авторъ къ новому должностному лицу—«управляющему»—и проситъ его все о томъ же—прочесть пьесу: «Трудъ де не большой: всего какихъ нибудь полчаса, не болѣе»... Управляющій отвѣчаетъ: «Мы, то-есть, я и «главная власть», рѣшили не читать пьесъ, не одобренныхъ еще театральнo-литературнымъ комитетомъ. Представьте себѣ: я прочту вашу пьесу, истрачу эти полчаса, а ее вдругъ не одобрятъ для постановки на нашихъ театрахъ?!» Дѣлать нечего, авторъ видитъ, что тутъ существуетъ

девизъ Англїи: «время—деньги», и представляетъ свою пьесу въ дирекцію при надлежащемъ прошенїи, въ двухъ экземплярахъ, съ гербовыми марками и пр.; проходитъ мѣсяць, два, три, полгода и болѣе, и получается наконецъ отвѣтъ, извѣщающій, что «пьеса къ постановкѣ на сценахъ императорскихъ театровъ одобрена». Идетъ торжествующій авторъ къ управляющему, вручаетъ ему уже «одобренную» пьесу и получаетъ обычное канцелярское обѣщаніе: «прочестъ на-дняхъ и увѣдомить о результатахъ»... Проходитъ мѣсяць—отвѣта нѣтъ. Идетъ авторъ къ главной власти: обѣщаютъ прочестъ и поговорить съ управляющимъ... По прошествїи мѣсяца, получается отъ управляющаго слѣдующее письмо: «Пьеса ваша была мною прочитана. Я думаю, что главнѣйшимъ тормазомъ ея постановки будетъ монтировочная сторона дѣла. У насъ ничего даже подходящаго отчасти къ мѣсту и эпохѣ не имѣется, и все придется дѣлать заново. Слѣдовательно, послѣ того, какъ N. N. ознакомится съ пьесой, надо будетъ получить смѣту изъ монтировочнаго отдѣленія стоимости постановки. Сомнѣваюсь, чтобы ранѣе Пасхи окончательно могъ разрѣшиться этотъ вопросъ, такъ какъ теперь идетъ вопросъ объ основномъ репертуарѣ». Прочитавъ это туманное и замысловатое письмо, авторъ былъ въ правѣ подумать: какой бѣдный театр!—и въ то же время какой богатый: у него нѣтъ двухъ французскихъ военныхъ мундировъ, одного костюма фермера и нѣсколькихъ костюмовъ испанскихъ крестьянъ и крестьянокъ... И въ то же время, какъ много тамъ, должно быть, лишнихъ денегъ, если существуетъ отдѣльная канцелярія съ ея «монтировочнымъ отдѣленіемъ» и цѣлою кучею чиновниковъ этого отдѣленія!.. Авторъ рѣшилъ все-таки показать письмо одному «свѣдущему человѣку». Тотъ расхохотался:

— Помилуйте, говоритъ, ихъ гардеробныя переполнены такими именно костюмами, и у нихъ еще недавно шли пьесы съ этими костюмами; да и въ балетномъ гардеробѣ есть масса испанскихъ костюмовъ...

Однако, въ виду того обстоятельства, что N. N., т.-е. главное лицо, судя по письму, долженъ «ознакомиться съ пьесой», авторъ идетъ къ нему, преподноситъ печатный экземпляръ пьесы и получаетъ отвѣтъ:

— Я очень занятъ... читать всѣ представляемыя мнѣ пьесы не имѣю времени... Я дамъ отвѣтъ чрезъ своего управляющаго,— и при этомъ что-то записываетъ на стрывномъ листкѣ, «для памяти»...

Спустя нѣкоторое время, не получая никакого отвѣта, авторъ обращается къ управляющему и получаетъ отъ него совѣтъ: поговорить съ бенефициантами.. Говорить—и находитъ одного актера, для котораго вполнѣ подходитъ главная роль; тотъ соглашается «взять пьесу». Авторъ спѣшитъ сообщить эту радостную вѣсть

управляющему... Проходить болѣе мѣсяца... Актеръ начинаетъ дѣлать, какъ выражаются охотники, заячьи переметы; пишетъ (въ первомъ письмѣ): «Вопросъ о постановкѣ или выборѣ пьесы на будущій сезонъ (въ бенефисъ) не скоро подымется... а когда наступитъ эта очередь (?), то, конечно, я не упущу случая поддержать истину, потому что искренно убѣжденъ, что ваша пьеса достойна постановки и по благородству идеи, и по содержанию». Во второмъ письмѣ: «По дѣлу пьесы ничего не знаю, да, я думаю, и самъ управляющій ничего не знаетъ. И сколько могъ я замѣтить, меня избѣгаютъ... До свиданія, тороплюсь на репетицію». Авторъ, теряя наконецъ терпѣнїе, проситъ управляющаго еще разъ «внести пьесу въ репертуаръ будущаго сезона». Получается слѣдующій отвѣтъ (уже весною, предъ закрытіемъ сезона): «Репертуарный вопросъ окончательно еще не выясненъ. Но, судя по тому, что главнѣйшее вниманіе дирекціи теперь сосредоточено на основномъ репертуарѣ, я не думаю, чтобы въ теченіе ближайшаго будущаго монтировочное отдѣленіе разрѣшило столь крупный расходъ (?), какъ постановку пьесы изъ испанской жизни. По наведеннымъ мною справкамъ, у насъ ничего (?) не оказалось подходящаго, и все придется дѣлать заново. Даже Кальдерона, вѣроятно, придется отложить на нѣкоторое время. Если ктонибудь заявитъ пьесу въ свой бенефисъ, ее провести будетъ легче. Во всякомъ случаѣ, какъ только опредѣлится результатъ засѣданій о репертуарѣ,—я извѣщу васъ. Вѣрнѣе, разрѣшеніе (?) придется отложить до августа»... Получивъ такое лаконическое письмо, въ которомъ каждая строка противорѣчила истинѣ, авторъ постигъ наконецъ горькую правду высказаннаго недавно однимъ московскимъ журналомъ афоризма, что у насъ, чтобы написать недурную пьесу, нуженъ талантъ, а чтобы провести ее на казенную сцену—нужна гениальность. А такъ какъ онъ не былъ «гениемъ», то рѣшилъ прекратить дальнѣйшее «хождение по дѣлу»...

Я рассказалъ правдивую и самую точную исторію мытарствъ пьесы—литературной, напечатанной въ одномъ изъ лучшихъ журналовъ, одобренной къ постановкѣ на сценахъ императорскихъ театровъ и апробованной актеромъ для своего бенефиса, т.-е. пьесы, исполнѣ удовлетворяющей всѣмъ строгимъ требованіямъ закона и дирекціи, и, въ концѣ концовъ, преспокойно лежащей въ архивѣ театральнаго библиотечнаго, состоящей при дирекціи казенныхъ театровъ. Исторія эта могла бы быть смѣшнымъ анекдотомъ, если бы не была грустнымъ фактомъ. Выводъ же изъ всего этого такой: если уже двухлѣтнее личное «хождение» съ такою пьесой не привело автора ни къ чему доброду, то можетъ ли добиться чего либо такой авторъ, который совсѣмъ не можетъ имѣть никакого хожденія по дѣлу, не могущій даже прїѣхать въ столицу, но написавшій дѣйствительно хорошую пьесу, въ которую онъ увѣровалъ, которой отдалъ нѣсколько лѣтъ своей жизни и направилъ

затѣмъ «въ Петербургъ, въ дирекцію театровъ?»... Вотъ для такихъ-то авторовъ и рассказана вся эта исторія. А затѣмъ, смѣю думать, исторію эту слѣдовало бы, выражаясь канцелярскимъ слогомъ, имѣть въ виду и той комиссіи по общему пересмотру законовъ о театрѣ и о зрѣлищахъ, которая недавно учреждена. Вѣдь такая аномалія въ порядкахъ лучшихъ столичныхъ театровъ существовать долѣе едва ли должна: это одинаково невыгодно, какъ для авторовъ, такъ и для дирекціи,—и для прекращенія такого прискорбнаго, чисто-анекдотическаго порядка вещей легко можетъ послужить упомянутая комиссія, которой и предстоитъ, прежде составленія положеній объ измѣненіи и дополненіи дѣйствующихъ по театральному дѣлу постановленій, собрать воедино всѣ обширные матеріалы по этому предмету, привести ихъ въ порядокъ и въ систему, и тогда только приняться за ихъ разработку и квалификацію, откидывая всѣ архаизмы, установленные во времена бывшей монополіи казенныхъ театровъ въ нашихъ столицахъ, и оставляя для будущаго «положенія о театрахъ» лишь то, что соответствуетъ дѣйствительной жизни, потребностямъ русскаго народа и его неотразимому влеченію къ зрѣлищамъ, могущимъ, какъ это доказано теперь воочію, отвлечь его, хотя отчасти, отъ пьянства, служащаго началомъ всѣхъ другихъ его пороковъ: лѣни, жестокосердія, воровства, буйства и пр. Но только будетъ большою ошибкою, если учреждаемая комиссія ограничится, главнымъ образомъ, регламентаціей столичныхъ зрѣлищъ, между тѣмъ какъ болѣе чѣмъ стомилліонное населеніе остальной Россіи нуждается въ зрѣлищахъ и въ упорядоченіи ихъ еще больше, чѣмъ столичный людъ, имѣющій уже множество таковыхъ развлеченій въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, начиная съ смотровъ и парадовъ и кончая садами, Народнымъ домомъ, масляничными и пасхальными балагами и даровыми или же очень дешевыми представленіями, устраиваемыми спеціально для народа же. Въ провинціи же, въ особенности въ богатыхъ, торговыхъ и фабричныхъ селахъ, имѣющихъ часто до пяти и болѣе тысячъ жителей, единственнымъ развлеченіемъ служитъ «винная лавка», да и въ той теперь сидѣть и прохлаждаться не дозволено. Спрашивается: куда дѣвать свой досугъ и часы отдыха этимъ ста милліонамъ непокладныхъ труженниковъ земли Русской?.. Почему это всѣ антрепренеры направляютъ свою дѣятельность исключительно въ города, и затѣмъ болѣе половины разоряются и бросаютъ свои несчастныя труппы на произволъ судьбы?..

Болѣе 40 лѣтъ я прожилъ въ провинціи и на многое насмотрѣлся по этой части. Меня всегда поражало то приниженное и безправное положеніе, въ какомъ находятся провинціальныя труппы: каждый полицейскій исправникъ распоряжается репертуаромъ, требуетъ «процензурованныя» пьесы, является за кулисы, третируетъ

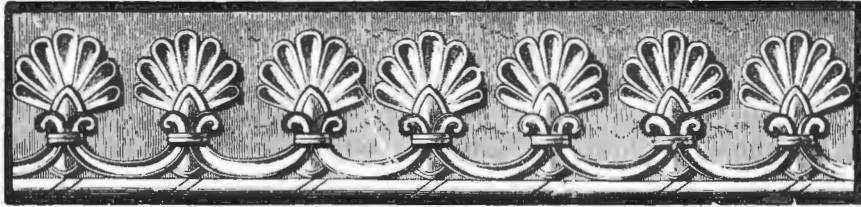
несчастныхъ артистовъ en cascade, покушаясь иногда на оскорбительное покровительство артисткамъ... И это—въ городахъ! Что же продѣлаетъ съ маленькою труппою въ селѣ становой приставъ или малограмотный полицейскій урядникъ?!. Вотъ поэтому-то и желательно, чтобы въ число членовъ комиссиі попадали не одни люди канцелярій и департаментовъ и отставные «завѣдывавшіе ремонтноровочною частью» казенныхъ театровъ, но и люди, любящіе театръ, какъ святыню, какъ благо, для которыхъ искусство представляется высокою, прекрасною богиней, а не дойною коровою, которая давала бы лишь масло... И такъ странно, что въ этой «комиссиі» не встрѣчается представителя отъ общества драматическихъ писателей, нѣтъ даже ни одного писателя-драматурга, если не считать товарища предсѣдателя совѣта русскаго театральнаго общества, написавшаго или переведшаго нѣсколько никому невѣдомыхъ водевилей.

Театру, очевидно, долѣетъ стать дѣломъ государственной важности, которому суждено въ болѣе или менѣе недалекомъ будущемъ, сыграть величайшую просвѣтительную роль, главное, для народа, въ смыслѣ ознакомленія съ драматическими произведеніями, въ коихъ изображены прекрасные и благородные порывы души человѣческой, въ смыслѣ уничтоженія въ немъ дикаго, сугубаго суевѣрія и смягченія его грубыхъ и жестокихъ нравовъ. И только тогда, когда частные театры въ провинціи станутъ внѣ всякихъ случайностей и произвола, когда они будутъ находиться подъ защитою разумной регламентаціи, и ихъ судьба будетъ неразрывно связана любовными узами съ самимъ народомъ, а ихъ процвѣтанію станутъ чужды робкія опасенія за свое существованіе,—только тогда они явятся истинными свѣточами въ исторіи просвѣщенія темнаго русскаго народа. Вѣдь по количеству зрѣлищъ принято судить о степени интеллектуальнаго развитія страны въ данный моментъ; и само правительство, повидимому, признало это, всячески способствуя устроенію общедоступныхъ народныхъ театровъ. Учрежденной комиссиі предстоитъ, слѣдовательно, лишь продолжить этотъ благой починъ, облегчивъ возможность созданія таковыхъ же зрѣлищъ и въ провинціи.

На этомъ я и закончу свой первый очеркъ русскихъ театровъ давняго времени въ нѣкоторой связи съ ихъ настоящимъ. Смѣю надѣяться, что читатели «Историческаго Вѣстника» не посѣтуютъ на меня за это невольное—по ходу разсказа—соединеніе прошлаго съ настоящимъ.

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

~~~~~

ПАМЯТИ А. А. ФЕТА-ШЕНШИНА.

ПРОШЛО уже десять лѣтъ со времени кончины А. А. Фета-Шеншина ¹⁾. Какъ время-то идетъ! Давно ли мы, близкіе ему и его знакомые, собирались, по средамъ, на Плющихѣ, и встрѣчались съ такими лицами, съ которыми каждый изъ насъ нигдѣ больше не могъ встрѣтиться, и дружно и мирно бесѣдовали?

Эти слова надо пояснить: въ настоящее время, когда всѣ бредутъ розно, когда и важные и неважные интересы создаютъ множество кружковъ, еще болѣе «лагерей»,—домъ Аванасія Аванасьевича и его собранія по средамъ кажутся невозможными. Какъ соединить крайняго «либерала» съ крайнимъ «консерваторомъ», «народника» съ «марксистомъ», стараго крѣпостника-помѣщика съ юнымъ земскимъ статистикомъ, рыскающимъ по нашимъ весямъ, откапывающимъ остатки «крѣпостного духа» и борящимся съ этимъ духомъ подчасъ весьма неподходящими средствами? Какъ сумѣть соединить всю эту смѣсь состояній и убѣжденій и сдѣлать такъ, чтобы всѣ эти носители разныхъ принциповъ не только часами мирно бесѣдовали другъ съ другомъ, но чтобы было видно, что въ эти часы они какъ бы позабыли о своихъ принципахъ и искренно веселятся, видятъ въ своихъ собесѣдникахъ только знакомыхъ людей?

Всѣ наши партіи, въ пылу и увлеченіи борьбой, нерѣдко очень мало стѣсняются, и во взаимной ихъ «полемикѣ» можно встрѣтить

¹⁾ Феть умеръ 21-го ноября 1882 года и былъ моимъ двоюроднымъ дядей, по отцу. Авт.

такія выходки противъ личности противниковъ, что можно ожидать весьма рѣзкаго конфликта, если противники встрѣтятся...

У Фета въ домѣ всегда собирались и главари разныхъ партій и бойцы вторыхъ рядовъ, и никогда никакихъ не только не было конфликтовъ, но подчасъ, что уже и совсѣмъ кажется невѣроятнымъ, завязывалась дружба между противниками...

Единственное облачко на этомъ ясномъ, въ теченіе почти пятидесяти лѣтъ, горизонтѣ была небольшая ссора Тургенева съ гр. Л. Н. Толстымъ, да и тѣ потомъ, все не безъ участія того же Фета, помирились.

У насъ нѣтъ того, что за границей носить названіе «салоновъ». Если и были у насъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, гостепріимные дома, гдѣ всѣ бывали, то все-таки эти всѣ были, болѣе или менѣе, люди одного круга, и попасть въ такой домъ чужаку было очень нелегко. Даже заграничные салоны и тѣ носятъ каждый свою опредѣленную окраску, и тамъ не было чего нибудь подобнаго тому, что было у Фета.

Возьмите, напримѣръ, Н. Н. Страхова, Вл. С. Соловьева, Ю. Н. Говоруху-Отрока. Что, казалось бы, между ними общаго? Если помните ихъ полемику, почти непрерывную, скажите: можно ли представить себѣ, что они будутъ не только дружно и мирно сходиться гдѣ нибудь будутъ сидѣть рядомъ часами, но и жить цѣлыми недѣлями вмѣстѣ? А это все бывало въ Воробьевкѣ у Фета...

Помню, какъ-то, Страховъ написалъ статью, необычно для него рѣзкую, противъ Соловьева. Говоруха-Отрокъ, самый несдержанный изъ всѣхъ названныхъ лицъ, присталъ къ мнѣнію Страхова и разразился въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» очень рѣзкой статьей противъ Соловьева... Въ ближайшую среду, когда не ждали Соловьева и знали, что Страховъ въ Петербургѣ, сидитъ у дяди Говоруха.

Вдругъ—звонокъ, и входитъ Соловьевъ. Не успѣлъ онъ раздѣться въ передней, является Страховъ... Всѣ какъ-то притихли, и даже сама Марья Петровна ¹⁾ нѣсколько смутилась...

Дядя поднялся, со свойственной ему одному доброй и лукавой усмѣшкой, пошелъ навстрѣчу прибывшимъ и началъ о чемъ-то говорить... Враги мирно встрѣтились, поздоровались, и, я смѣло могу сказать это, такого веселаго и хорошаго вечера давно не было у дяди, Фета...

Съ этого вечера и лёдъ какъ бы растаялъ, и всѣ трое не только стали «выносить другъ друга», но... почти подружились: Страховъ видался съ Соловьевымъ и Соловьевъ съ Говорухой.

Конечно, кто зналъ Страхова и Соловьева, тотъ и не могъ ожидать съ ихъ стороны какой нибудь рѣзкости, но никто, однакоже,

¹⁾ Жена дяди, урожденная Боткина, нынѣ тоже покойная.

не ожидалъ и такого мирнаго и такого милаго конца этой встрѣчи: тутъ именно казалось, что все то дурное, все то нехорошее, что было наговорено взаимно,—позабыто и отъ души прощено.

Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ...

Я помню, послѣ того, даже Говоруха, имѣвшій крайне мелочный и самолюбивый характеръ и никому, кромѣ дяди, не читавшій своихъ статей въ рукописи, особенно, если это были беллетристическія произведенія, мирно удалялся въ дядинъ кабинетъ съ Соловьевымъ и читалъ ему то, что было готово. Не мнѣ дѣлать оцѣнку трудовъ Соловьева, какъ поэта, и Говорухи, какъ автора повѣстей и рассказовъ, и не въ этихъ родахъ литературы главное значеніе умершихъ писателей. Но, тѣмъ не менѣе, надо признать, что для того, чтобы выслушать съ глазу на глазъ поэму Соловьева «Бѣлая лилія» или одинъ изъ рассказовъ Говорухи, надо было, чтобы между авторами установились прочное сочувствіе и уваженіе другъ къ другу.

Итакъ, дядины вечера были той нейтральной почвой, на которой сходились всѣ. Дядя самъ почти не принималъ участія въ разговорахъ. Онъ страдалъ, особенно въ послѣднее время, нашей родовой болѣзью, одышкой, и не могъ долго говорить, особенно при такомъ многолюдѣ, которое собиралось въ его сравнительно тѣсной квартирѣ. Онъ только слушалъ внимательно и если замѣчалъ, что разговоръ грозитъ принять мало-мальски щекотливый оборотъ, умѣлъ однимъ мѣткимъ словомъ или шуткою перевести его на другую тему. Въ этомъ, да еще въ обаяніи самой личности дяди, и заключался весь секретъ успѣха такихъ вечеровъ.

Фета у насъ почти не знаютъ, какъ человѣка. Для однихъ, и такихъ теперь становится все больше и больше,—Фетъ любимый поэтъ. Для другихъ поэзія Фета недоступна, они предпочитаютъ ему своихъ излюбленныхъ поэтовъ, склонны даже относиться съ насмѣшкой къ чистой поэзіи вообще, а дядя только чистую поэзію и признавалъ и за всю свою долгую жизнь не согрѣшилъ ни однимъ «гражданскимъ мотивомъ». Для третьихъ—Фетъ представитель реакціи, закоренѣлый крѣпостникъ, авторъ ненавистныхъ «Писемъ изъ деревни» и публицистическихъ статей въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Русскомъ Вѣстникѣ» времени Каткова. Я не имѣю теперь цѣлью говорить о Фетѣ, какъ писателѣ. Я не поставлю даже въ упрекъ бранящимъ дядю за его публицистическія произведенія того обстоятельства... что большинство этихъ бранящихъ навѣрное сами-то не читали этихъ статей. Установился взглядъ, что Фетъ «мракобѣсъ», «ретроградъ» и т. п. Этотъ взглядъ установленъ главарями шестидесятыхъ годовъ и такъ и остался не провѣреннымъ, словно эти главари были непогрѣшимы... А между тѣмъ, если бы кто взялъ на себя трудъ познакомиться съ публицистикой Фета, тотъ увидѣлъ бы, что тамъ очень мало

«ретрограднаго». Напротивъ, даже въ шестидесятые годы, когда и появились эпигоны теперешнихъ «либераловъ» и «консерваторовъ», эти послѣдніе не признавали Фета всецѣло за своего: дядя, какъ публицистъ, никогда не былъ особенно близокъ къ Каткову... Если въ изданіяхъ послѣдняго и помѣщались статьи Фета, то это дѣлалось далеко не съ большой охотой, какъ бы изъ уваженія къ имени Фета-поэта...

У самоотверженнаго собирателя всего, что касается Фета, Н. Н. Черногубова, находится много не напечатанныхъ статей Фета. Статьи эти и теперь не принимаются къ печатанію въ тѣхъ изданіяхъ, въ которыхъ ихъ слѣдовало бы напечатать, если бы была хоть доля правды въ томъ, что Фетъ былъ такой ярый «консерваторъ»... Да и что это за клички такія: «либераль», «консерваторъ»? Всякій, кто зналъ дядю, зналъ, что онъ не былъ ни тѣмъ ни другимъ. Всякій, кто читалъ самъ его публицистику, — долженъ будетъ признать, что это такъ и есть. Дядя былъ скорѣе «человѣкъ сороковыхъ годовъ» — и по своему возрасту, и по полученному воспитанію, и по тѣмъ связямъ, знакомствамъ и дружбѣ, которыя онъ завязалъ въ сороковыхъ годахъ, когда только появился на литературномъ горизонтѣ. Я бы сказалъ: дядя былъ однимъ изъ послѣднихъ людей сороковыхъ годовъ. Если и есть у Фета отличіе отъ обще-установившагося представленія объ этихъ людяхъ, то это отличіе есть результатъ его личнаго темперамента: дядя былъ практикъ большой руки, чего почти не встрѣчалось въ людяхъ сороковыхъ годовъ. Онъ былъ практикъ-хозяинъ, практикъ-офицеръ, практикъ-общественный дѣятель. Онъ всю жизнь провелъ на дѣлѣ и въ дѣлахъ. Дядя прошелъ очень суровую практическую школу и вынесъ очень много борьбы, мелочной, будничной, которой не знали «чистые теоретики», люди сороковыхъ годовъ. Понятно, что эта борьба наложила на него и извѣстный отпечатокъ и расширила его кругозоръ сужденія о тѣхъ или иныхъ вопросахъ. Будучи вѣрнымъ служителемъ чистой поэзіи, дядя не могъ остаться чистымъ теоретикомъ въ области практической жизни: слишкомъ много пришлось ему увидеть противорѣчій между теоріей и практикой, и слишкомъ часто приходилось ему убѣждаться, что въ жизни не примѣнимы тѣ теоріи, которымъ учили поклоняться его учителя.

О Фетѣ составилось мнѣніе, главнымъ образомъ, въ шестидесятыхъ годахъ. Тогда былъ разгаръ всякихъ теорій, и чистыхъ и нечистыхъ... Дядя, какъ практикъ, не могъ не видѣть непримѣнимости этихъ теорій къ жизни и, какъ человѣкъ, всегда имѣвшій смѣлость высказывать свое мнѣніе, началъ писать объ этой непримѣнимости извѣстныхъ теорій.

Отсюда и гоненіе на дядю: въ то время нельзя было выказать и тѣни неудовольствія или несогласія съ господствующимъ мнѣ-

ніемъ. Кто не съ нами,—тотъ противъ насъ... таковъ былъ лозунгъ. Фетъ не могъ быть съ ними, его удерживала жизнь, которую онъ видѣлъ на мѣстѣ, а не изъ редакціонныхъ кабинетовъ и не изъ стѣнъ конспиративныхъ кружковъ... И вотъ его объявили «ретроградомъ», «гасильникомъ», «мракобѣсомъ», и я не знаю, ужъ какихъ кличекъ ему не давали... Фетъ—мракобѣсъ и гасильникъ!.. Говорить такъ могли недоучившіеся семинаристы, которымъ было и не понять этого высокообразованнаго европейца-классика.

А Фетъ былъ именно однимъ изъ немногихъ у насъ людей, которые могли быть признаны настоящими европейцами, настоящими классиками, въ лучшемъ смыслѣ этихъ опредѣленій. Его широкое образованіе, его утонченнѣйшая воспитанность и свѣтскость,—въ этомъ смыслѣ онъ напоминалъ французскихъ маркизовъ лучшаго времени,—не могли не привлекать къ нему такихъ же образованныхъ и воспитанныхъ людей всѣхъ «лагерей». Въ этомъ-то, а также въ его добротѣ, въ его дружелюбіи, въ его постоянной готовности сдѣлать все для всякаго и заключался секретъ его обаянія, и этими качествами только и можетъ быть объяснена его непрерывная и долгая дружба съ самыми выдающимися людьми его времени.

Разъ узнавъ Фета, всякій становился его другомъ.

Отчего это? Какъ могло это случиться съ людьми совершенно разныхъ складовъ? Отъ того, что Фетъ былъ человѣкъ, въ лучшемъ значеніи этого слова, да еще человѣкъ, всесторонне образованный, деликатный, добрый и простой. Можно было любить или не любить Фета-писателя. Но нельзя было его не любить, какъ человѣка, нельзя было не поддаться очарованію его личности. И это случалось не только съ нашимъ интеллигентнымъ классомъ: «народъ», тотъ самый народъ, для блага котораго многіе такъ много ломаютъ копій, любилъ и цѣнилъ «Аванасьича»...

Я это говорю, какъ уроженецъ Орловской губерніи, встрѣчавшійся съ разными слоями «орловскаго народа»: съ купцами, мелкими торговцами, прислугою, крестьянами. Всѣ, кто знали Фета, помнятъ его и любятъ. «Правильный баринъ, что и говорить», — таковъ общій отзывъ. А между тѣмъ, этотъ «правильный баринъ» смѣлъ имѣть свое сужденіе и съ народомъ такъ же, какъ онъ смѣлъ его имѣть и съ интеллигенціей... Какъ въ литературныхъ лагеряхъ Фетъ не стѣснялся и высказывалъ очень часто горчайшія истины, такъ и въ деревнѣ онъ никогда не обсахаривалъ мужичка, не подлаживался къ нему... А вотъ подите же,—всѣ его любили! Его любили и уважали главари разнообразнѣйшихъ «партій» — литературныхъ и политическихъ, и любили люди дѣла, и народъ любилъ.

Еще одна интересная черта: Фетъ никогда не мѣнялся. Фетъ остался, по своимъ убѣжденіямъ и по своей жизни, такимъ же и въ старости, какимъ былъ въ молодости. Что дѣлалъ и говорилъ

Федь двадцати лѣтъ, то онъ дѣлалъ и говорилъ семидесяти. Много ли у насъ такихъ «консерваторовъ» въ ихъ собственной жизни? Вотъ ужъ въ этомъ-то отношеніи Фета можно было назвать консерваторомъ изъ консерваторовъ... При этомъ стойкость убѣжденія просто изумительная: никогда, ни за какія выгоды и никому не удавалось Фета сбить съ разъ принятаго пути. Можно еще встрѣтить людей, которые свои убѣжденія хранятъ про себя, живутъ, замкнувшись въ свою раковину. Дядя былъ не таковъ. Онъ былъ олицетворенная энергія до конца дней ¹⁾. Онъ былъ борецъ за свои идеи и никогда ими не поступался и всегда ихъ высказывалъ открыто. Настали извѣстныя теченія, потянулъ вѣтеръ съ другой стороны. Многіе сдались, заплѣли новыя пѣсни. Фетъ остался вѣренъ себѣ и не сдался. Замолчи онъ, отойди въ сторону, пережди время, чтó дѣлали многіе,—его бы и не подумали травить такъ, какъ травили въ шестидесятыхъ годахъ и травятъ даже до сего дня. Но онъ не отошелъ въ сторону, онъ не замолчалъ.

Многіе говорятъ, что у Фета на первомъ планѣ была матеріальная выгода. Да, въ хозяйствѣ, дома, въ практической жизни, это было такъ. Но въ области мысли Фетъ не зналъ компромиссовъ, и его неуступчивость очень ему вредила... Но эта же стойкость и привлекла къ нему даже враговъ: всякій зналъ, что Фетъ не солжетъ, что Фетъ откровенно выскажетъ то, что думаетъ. И къ нему шли за совѣтомъ и по практическимъ вопросамъ и за выслушаніемъ какого нибудь мнѣнія, хотя бы и съ готовымъ рѣшеніемъ мнѣнію этому не слѣдовать. Въ этой непоколебимости заключался тоже одинъ изъ секретовъ дядина обаянія.

Прошло десять лѣтъ съ его кончины.

Съ жизненной арены сошли не только старики-сверстники Фета, но многіе изъ молодыхъ: Гротъ, Соловьевъ, Говоруха. Пройдетъ немного, сойдутъ и остальные знавшіе дядю и любившіе его. Вотъ къ этимъ-то немногимъ оставшимся я и рѣшаюсь обратиться съ просьбою: давайте, въ память хорошаго человѣка, сдѣлаемъ, что можемъ: соберемъ его письма, статьи, воспоминанія объ немъ и пр. Такое собраніе, и очень полное, сравнительно, уже заложено его искреннимъ почитателемъ и поклонникомъ, Н. Н. Черногубовымъ ²⁾. Давайте, все собранное сообща обрабатываемъ и издадимъ въ память Фета. Я заранѣе могу обѣщать полную поддержку этому дѣлу со стороны А. Ф. Маркса, которому я уступилъ литературныя права дяди. Такой сборникъ будетъ лучшимъ памятникомъ Фету, и памятника такого заслуживаетъ этотъ хорошій человѣкъ...

¹⁾ Напримѣръ, не задолго до смерти, дядя хотѣлъ начать издавать газету... Это въ семьдесятъ-то лѣтъ!

²⁾ У него уже образовался родъ «музея Фета», и онъ объ этомъ музеѣ любовно печется.

Кстати по поводу памятника и вообще памяти о наших выдающихся писателях: дядя похороненъ въ родовомъ своемъ Клейменовѣ, Орловской губерніи, Мценскаго уѣзда; какъ говорилъ мнѣ Черногоубовъ недавно, въ склепѣ стоитъ вода, и гробъ дяди если не плаваетъ, то только потому, что онъ металлическій, тяжелый... Этого мало: склепъ не запертъ, и туда забираются охочіе люди и оставляютъ весьма замѣтные слѣды своего пребыванія... Н. Н. Черногоубовъ озаботился приведеніемъ въ порядокъ этого злосчастнаго склепа. Но спрашивается, если ужъ наслѣдники родового Клейменова не могутъ позаботиться о своемъ родовомъ склепѣ, гдѣ лежитъ ихъ родственникъ Фетъ, которымъ они могутъ и должны гордиться, и который имъ оставилъ миллионное состояніе, то неужели мѣстный причтъ, для котораго и Шеншины, вообще, и дядя А. А.—чъ, въ частности, сдѣлали такъ много, не можетъ наблюдать за цѣлостію могилы, подъ тамошней церковью находящейся? Вѣдь это же надо сдѣлать, помимо уваженія ко всякому покойнику, просто хотя бы въ гигиеническихъ цѣляхъ.

— Далекъ намъ до китайцевъ,—говаривалъ дядя...

Онъ не ожидалъ, что эти слова оправдаются на его собственномъ тѣлѣ: китайцы чтутъ своихъ покойниковъ...

В. Н. Семеновичъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО СИБИРИ.

Мученики и мучители.

ВЪ ОСТАВШИХСЯ послѣ моего дѣда, коммерціи совѣтника и «именитаго» купца, Петра Тимоѣевича Баснина, «запискахъ», представляющихъ собой нѣсколько большихъ томовъ по 500—700 страницъ каждый, заключается богатый и весьма интересный матеріалъ о прошломъ Сибири. Записки, или, какъ ихъ называлъ дѣдъ, «меморіалы», началъ онъ вести съ конца XVIII-го вѣка, т.-е. съ 1778 года (первая запись датирована 15-го марта 1778 года), и доведены имъ до 1851 года, такъ что онѣ обнимаютъ періодъ въ 73 года.

Просматривая теперь эти пожелтѣвшіе отъ времени документы, написанные на толстой синеватой бумагѣ, мелкимъ, точно бисернымъ почеркомъ, твердой рукой, съ причудливыми каллиграфическими украшеніями, съ трудомъ вѣрится, что ихъ писалъ не заправскій писецъ, а человекъ, посвятившій всю свою долгую жизнь (дѣдъ скончался въ 1852 году ста четырехъ лѣтъ) преимущественно коммерческимъ дѣламъ и путешествіямъ по малоизслѣдованной тогда Сибири, побывавшій въ Китаѣ, Монголіи и пріѣзжавшій много разъ въ Москву и Петербургъ, что составляло отъ Иркутска, гдѣ жилъ мой дѣдъ, путешествіе по 6.000 верстъ въ конецъ, на лошадахъ, при полномъ неустройствѣ путей сообщенія.

По своему общественному положенію, большой начитанности, разумной и пытливой наблюдательности, дѣдъ мой смѣло могъ быть причисленъ къ выдающимся дѣятелямъ, и въ своихъ «запискахъ» не довольствовался простымъ, такъ сказать, конспективнымъ отра-

женіемъ событій, совершавшихся передъ его глазами, а старался дать имъ болѣе или менѣе надлежащее объясненіе. Короче говоря, «меморіалы» дѣда нельзя разсматривать, какъ простой дневникъ очевидца, а скорѣе какъ комментированную лѣтопись, снабженную обильными примѣчаніями и выносками.

Свои «записки» дѣдъ никогда не предназначалъ для печати,— онъ и не помышлялъ объ этомъ,—почему въ нихъ занесено многое съ наивной простотой и ненужной откровенностью и касается часто его интимной, семейной жизни. Этой части записокъ и я пока не буду касаться, такъ какъ вообще частная семейная хроника не имѣетъ большого общественнаго значенія, хотя въ ней и встрѣчаются страницы, полныя глубокаго интереса, наглядно рисующія сибирскій домашній бытъ, укладъ и строй семейной жизни былого, канувшаго въ вѣчность, пережитаго времени. Въ виду этого соображенія я использую только часть тѣхъ матеріаловъ «записокъ», гдѣ упоминается о личностяхъ, по своимъ нравственнымъ качествамъ, поступкамъ, воззрѣніямъ и вообще жизнедѣятельности заслужившихъ или добрую память потомства, или же о тѣхъ, чьи имена служатъ до сихъ поръ нарицательными при опредѣленіи какого либо злодѣянія и беззаконія. Въ эпоху глубочайшаго безправія, жестокости, ужасающаго лихоимства, невѣжества и доходящей до изувѣрства нетерпимости, въ то время, когда обезличеніе дошло до своего апогея, и наступило, по выраженію одного сибирскаго писателя, «царство полнаго разрушенія», являлись, подобно метеорамъ или падающимъ звѣздамъ, свѣтлыя личности, старавшіяся «побороть тьму» и защищать угнетенныхъ и обиженныхъ, число которыхъ росло въ Сибири съ каждымъ днемъ. И какъ ни ничтожны были силы этихъ немногихъ борниковъ правды, тѣмъ не менѣе слѣдъ отъ ихъ подвиговъ остался, и если «въ потокѣ временъ» исчезли ихъ имена, то не забудутся дѣла ихъ, благодаря которымъ «темныя силы» должны были скрыться и уступить мѣсто правдѣ и свѣту, яркимъ представителемъ которыхъ явился незабвенный обновитель Сибири, графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій.

Настоящій очеркъ посвященъ событіямъ періода «до Сперанскаго», и въ немъ повѣствуется преимущественно о тѣхъ дѣятеляхъ, которые страдали, и которыхъ мучили въ «безправное» время, когда свирѣпствовалъ «сибирскій Аракчеевъ» Пестель и его клеветы Трескинъ, Бѣлявскій, Лоскутовъ и другіе мрачной памяти «сибирскіе лиходѣи и кровопійцы».

Свои «заниски» дѣдъ велъ въ Иркутскѣ, хотя въ нихъ встрѣчаются, и очень часто, сообщенія изъ другихъ мѣстностей. Несомнѣнно, дѣдъ составлялъ иногда «черновыя» записи и вносилъ ихъ въ меморіалы при удобномъ случаѣ. Тоже самое нужно сказать и о тѣхъ письмахъ, что вписаны цѣликомъ въ «меморіалы». Дѣдъ считалъ эти письма, вѣроятно, за цѣнные характеристики и для полноты картины вносилъ въ свою лѣтопись.

Предлагаемый очеркъ охватываетъ только періодъ лѣтъ въ десять, (1808—1818), и въ немъ я не коснулся великой эпохи «отечественной войны», такъ рельефно и оригинально отразившейся въ Сибири. Въ виду обширности и нѣкоторой разбросанности матеріала, который необходимо сперва систематизировать, я позволю себя, если удастся, составить особый очеркъ, специально посвященный этому грозному историческому событію.

Еще нѣсколько предварительныхъ словъ. Нѣкоторыя записи дѣда я тщательно свѣрялъ по печатнымъ источникамъ, изъ числа которыхъ книги Вагина и барона Корфа заняли первенствующее мѣсто. Тамъ, гдѣ нужно было подкрѣпить свидѣтельство дѣда о томъ или другомъ событіи, личности, я указываю на эти книги. Такъ, напримѣръ, о туруханскомъ людоедствѣ и слѣдствіи по этому поводу, произведенномъ оберъ-аудиторомъ Камаевымъ, я подкрѣпилъ слова дѣда указаніемъ на труды Вагина, гдѣ это событіе рассказано довольно подробно съ ссылками на официальные документы.

Нѣкоторыя подробности о притѣсненіяхъ Сибирякова и Мыльниковыхъ, найденныя мною въ «запискахъ» дѣда, я выпускаю, такъ какъ это возмутительное дѣло рассказано у Вагина весьма обстоятельно, и повторять то, что извѣстно, я не счелъ нужнымъ.

«Сегодня пришелъ ко мнѣ оберъ-аудиторъ Камаевъ и горестныя вѣсти сообщилъ. Боже, Милосердый Создатель, спаси нашу родину отъ супостатовъ злыхъ и нерадивыхъ»,—воскликаетъ дѣдъ и вслѣдъ за этой фразой заноситъ рассказъ Камаева, ѣдившаго въ Туруханскій край, въ Тымскую волость, вмѣсто командира сибирскаго корпуса, старика Глазенапа, которому въ 1816 году было высочайше повелѣно изслѣдовать причины страшной голодовки среди тунгусовъ и вообще инородцевъ, населявшихъ сѣверную часть Томской губернии.

«— Ъхаль я,—говорилъ Камаевъ,—въ тундру, и хотя зналъ, что встрѣчу тамъ ужасы, но видѣнное мною превысило всяческое человѣческое воображеніе и оледенило мое сердце больше, чѣмъ жестокіе морозы и зима лютая.

«— Что же такое видѣли тамъ, сударь мой?

«— А видѣлъ я тамъ, какъ люди другъ друга съ голоду поѣдали. И не сказка это, не праздная, ради любопытственнаго измышленія, выдумка, а сущая правда, до чрезвычайной жестокости доходящая, умъ человѣческій нарушающая. Семья цѣлая, изъ шести человѣкъ состоящая, вымерла, да какой смертью, и сказать страшно. Сперва старшую дочь убили и съѣли, потомъ сына прикончили и его мясомъ питались, а когда сего тѣла больше не осталось, начала трупами другихъ людей насыщаться и отъ сей пищи всѣ жизни лишились.

«— Господи, что вы говорите? А гдѣ же были казенные хлѣбные запасы?»

«— Скажу такъ же откровенно, какъ я генераль-губернатору (Пестелю) донесъ, что по моему слѣдствию и распознаванію такого хлѣба за цѣлый годъ всего было сорокъ пудовъ. И по долгу службы моей и присягѣ не скрылъ я сего, хотя ожидаю теперь своей гибели ежечасно, ибо продерзостно пошелъ за правду, не смущаясь ни угрозами, ни льстивыми и другими разными обѣщаніями и устрашеніями, отъ начальства идущими.

«— Добраго дѣла бояться не слѣдуетъ. Не ябеду или зловредный доносъ послали, а изложили сущую правду. Чего же вамъ страшиться?» — сказалъ дѣлъ Камаеву, какъ у него записано въ «меморіалахъ».

Исторія туруханскаго людоѣдства, судя по даннымъ, помѣщеннымъ также въ сочиненіяхъ Вагина и барона Корфа, къ счастью для обездоленныхъ инородцевъ Туруханскаго края, способствовала въ значительной мѣрѣ ускоренію назначенія Сперанскаго генераль-губернаторомъ Сибири и тѣмъ спасла ихъ отъ окончательнаго вымиранія.

«Камаевъ, — пишетъ дѣдъ, — удивительный человѣкъ, ради правды не усташающійся всесильныхъ властей и вступившій съ ними въ единоборство. Посѣтилъ я его и душевно расцвѣлъ, ибо чистое сердце и мужественнаго борца встрѣтилъ. Семья у него не малая, а скудное содержаніе получаетъ и себя блюдетъ, никакихъ приношеній не беретъ. Читалъ онъ мнѣ свое донесеніе, и я духомъ воспрянулъ, — не все же у насъ одни тати и душегубцы въ Сибири живутъ, но есть и честные исполнители службы».

Камаева дѣдъ рисуетъ, какъ гуманиста, проникнутаго убѣжденіемъ, «не лъстясь, не щадя силъ своихъ», служить на пользу и благо обездоленнымъ несчастнымъ. Неуклонно честное разслѣдованіе Камаева сибирскихъ остроговъ и тюремъ, гдѣ чуть не повально умирали всѣ арестанты отъ тѣсноты, дурной пищи и безмысленно-жестокаго обращенія, послужило краеугольнымъ камнемъ «новыхъ» вѣяній и взглядовъ на тѣхъ «ябедниковъ», какъ долгое время называли жителей Сибири въ Петербургѣ, куда не доносились стоны истязуемыхъ, умирающихъ отъ произвола и гнета лихоимцевъ.

Превосходной иллюстраціей къ обрисовкѣ Камаева и ему подобныхъ рѣдкихъ «прямодушниковъ», какъ ихъ называетъ дѣдъ, служить эпизодъ, занесенный имъ въ свои «записки».

«Приходилъ ко мнѣ знакомецъ, купецъ первостатейный, Иннокентій Дмитріевъ, и просилъ, чтобы я ему одно дѣло устроилъ». Изъ разспросовъ дѣла оказалось, что Дмитріевъ хотѣлъ дать очень крупную взятку Камаеву для поддержанія его ходатайства въ спорѣ съ братомъ по раздѣлу наслѣдства.

— По правдѣ не можешь ты поступить? — спросилъ дѣдъ.

— Проволочка большая выходитъ, да у брата и такъ своего добра много, на что ему наслѣдство; пусть откажется и мнѣ все передастъ.

Результатомъ такого совѣщанія явилась ссора между дѣдомъ и Дмитриевымъ, послѣ которой Дмитриевъ и пригрозилъ ему «пода-ніемъ челобитнаго прошенія». Но раньше, чѣмъ подать его, Дмитриевъ «забѣжалъ» къ Камаеву и посулилъ ему большой кушъ, если тотъ приметъ его сторону въ спорѣ о наслѣдствѣ и, кромѣ того, напишетъ на дѣда челобитную.

«Сижу я у окна, — значитъ въ «меморіалахъ», — и пью чай. Не выходитъ изъ головы моя распря съ Дмитриевымъ, погорячился я тогда и не могъ гнѣвъ свой утишить. Вдругъ, вижу, по улицѣ шибко бѣжитъ, блѣдный, безъ шапки Камаевъ. Вбѣжалъ на крыльцо и вошелъ. Что съ вами? — спрашиваю, а у него голосъ пропалъ, хрипитъ только».

— Что случилось? — сказалъ дѣдъ.

«— Онъ смѣлъ мнѣ взятку дать! Былъ у меня, деньги предложилъ и ушелъ. Потомъ я на столѣ узелокъ нашель, а въ немъ голландскіе червонцы. Свѣту я не взвидѣлъ, погнался за нимъ, а онъ на лошади уѣхалъ. Знакомецъ онъ вашъ, отдайте ему, отдайте, ради Бога, а то попеняетъ, что я утаилъ».

«Сосчиталъ я и насчиталъ триста девяносто девять штукъ, — одного до четырехсотъ не хватаетъ».

«— Обронилъ, обронилъ, — закричалъ Камаевъ и опять безъ шапки домой пустился бѣжать, а деньги у меня оставилъ. Черезъ нѣкоторое время вернулся, а въ рукахъ рублевика держитъ, а самъ трясется».

«— Вотъ, говоритъ, свои принесъ, не нашель «кораблѣвика», — вотъ, доложите въ узелокъ».

«Едва успокоилъ. А денегъ немало. Соблазнъ былъ великій для неимущаго человѣка. Отдалъ я Дмитриеву деньги, а тотъ смѣется и говоритъ, что червонецъ и было 400 безъ одного; не надо, говоритъ, мнѣ его нищенскихъ денегъ, отдай назадъ его рублевика».

Камаеву пришлось испытать немало неприятностей по этому поводу: Дмитриевъ захотѣлъ отомстить и рассказалъ кое-кому изъ «начальствующихъ» лицъ. На Камаева всѣ ополчились и стали писать всякія кляузы, стараясь очернить и запутать въ сѣтяхъ крючкотворства. Камаеву грозила большая бѣда, — враги воспользовались случаемъ и хотѣли выставить его не безсребренникомъ, какимъ онъ былъ, а «лихоимцемъ». Но Пестель, которому посланъ былъ въ Петербургъ доносъ, уже колебался въ своемъ могуществѣ и чуялъ надъ собою грозу, онъ не далъ этому доносу движенія, и «дѣло» приказано было «предать забвенію».

Вообще Камаеву въ «запискахъ» дѣда отведено много мѣста, и между прочимъ говорится, что «ему я обязанъ мыслью посѣтить

несчастный Туруханскій край и познакомиться съ купцомъ Скорняковымъ, коему сей край обязанъ своимъ спасеніемъ, ибо Скорняковъ, вопреки желаніямъ властей и всяческимъ съ ихъ стороны утѣсеніямъ, добровольно, отъ чистаго сердца, влекомый движеніемъ своей благородной души, пожертвовалъ всѣ свои хлѣбные запасы, не паче чаянія какихъ либо наградъ и почестей, а ради оказанія помощи умирающимъ».

«Собрался я въ дальній путь скоро,—пишетъ дѣдъ,—отслужилъ напутственный молебень и съ благословенія Божія поѣхалъ въ сѣверныя тундры».

О своемъ путешествіи дѣдъ внесъ въ «меморіалы» немало интересныхъ замѣчаній, но они, видимо, занесены послѣ его посѣщенія остяцкаго края, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ не датированы и носятъ скорѣе дидактическій, чѣмъ описательный характеръ. Несомнѣнно, дѣдъ придавалъ посѣщенію имъ Туруханска большое значеніе, такъ какъ съ этого момента у него возникла мысль устроить въ Сибири большое промышленное предпріятіе «съ цѣлью поощрить и вызволить (освободить) инородцевъ отъ ярма ясачнаго».

«Свидѣлся съ купцомъ Скорняковымъ и прилѣбился къ нему душою моею. Воздвигнулъ онъ себя на подвигъ необычайный и по моему разумнію исключительный. Копилъ и собиралъ добро, торговалъ, чтобы все собранное раздать. Спрашиваю его: кто на эту мысль его наставилъ, а онъ отвѣчаетъ смиренно: «не вѣдаю. но и Камаева есть тутъ большая часть».

«— Заѣхалъ ко мнѣ Камаевъ,—разсказывалъ Скорняковъ,—обогрѣться и отдохнуть отъ длиннаго пути; я въ ту пору въ Туруханскѣ находился, и въ великомъ смятеніи духа сталъ мнѣ всякіе ужасы передавать, что ему пришлось видѣть самоочно. Непогребенные мертвецы валяются, и страшный видъ тѣ мертвецы имѣютъ,—отъ голода и истощенія умерли люди эти. Ъду я съ Камаевымъ,—онъ меня съ собою взялъ,—каждый на своей нартѣ (сани, запряженные оленями или собаками), и восчувствовалъ я въ себѣ истинный духовный гладъ и холодъ. Подѣдемъ къ улусу, а тамъ лишь разметанныя юрты стоятъ, и изъ нихъ съ визгомъ песцы выбѣгаютъ, а рыла песцовъ въ крови, ибо они человѣчину ѣдятъ. Вся тундра застыла и вымерла, и только въ городишкѣ (Туруханскѣ) да въ волостяхъ еле живые тунгусы и остяки бродятъ».

«— Начальство о бѣдствіи вѣдало, что же оно ничего не сдѣлало? Развѣ не видѣло, что народъ вымираетъ?»—спросилъ дѣдъ.

«— И знало, и видѣло, и... наживалось. Исправники отбирали пушнину себѣ и заключали непокорныхъ въ остроги. Камаевъ показалъ мнѣ и сіи злополучныя мѣста. Вотъ гдѣ истинный плачь и скрежетъ зубовный, гдѣ нѣсть радости, только печаль и мракъ безпросвѣтный».

Описывая тундру, дѣдъ говоритъ: «Не видалъ я океана, но полагаю, что онъ сходенъ съ необъятной тундрой. Сѣрая, въ даль уходящая, безграничная равнина, а надъ ней темное небо, гдѣ по три мѣсяца и солнце не показывается. Когда я отъѣхалъ отъ Туруханска, «зимникъ» установился, но вѣтеръ сдувалъ снѣгъ и обнажилъ голый черепъ тундры. Одѣтъ я былъ, какъ слѣдуетъ, но ни теплая кухлянка (мѣховая рубашка), ни песцовая доха не согрѣвали меня,—вѣтеръ проникалъ черезъ пушистый мѣхъ и леденилъ мое тѣло. Какъ могутъ жить тутъ люди, какой злой рокъ заставляетъ ихъ лѣпиться къ промерзлой землѣ и питаться затхлымъ хлѣбомъ и сушеной рыбой? И пусть жили бы сыны тундры,—они плоть отъ плоти, кровь отъ крови сей злополучной страны, но тамъ живутъ и приплытые люди, русскіе. Что же ихъ согнало въ сей непривѣтливый край? Корысть, алчность и ненасытимость. Впрочемъ, не всѣ русскіе здѣсь таковы; я, къ счастью, удостоился видѣть добровольныхъ подвиженниковъ, обрекшихъ себя на лишенія и невзгоды не ради своекорысти, а ради заповѣди великой: «возлюби ближняго, какъ себя». Да, сіи мужи достойны удивленія и восхищенія, а паче того подражанія».

Въ одномъ изъ улусовъ, какъ значитъ въ дѣдовскихъ записяхъ, онъ встрѣтилъ священника-миссіонера, выпросившагося у своего епархіальнаго начальства на сѣверъ проповѣдывать слово Божіе среди дикарей Туруханскаго края.

«Изъ юрты, стоявшей на самомъ краю улуса, вышелъ ко мнѣ маленькій человѣкъ въ тунгусскомъ одѣяніи, но съ русскимъ лицомъ и бородой. Принялъ я его за торгующаго промышленника, или за довѣреннаго отъ купца, но онъ разсѣялъ мое недоумѣніе, сказавъ, что онъ здѣшній священникъ. Я подошелъ подъ благословеніе и принялъ приглашеніе посѣтить его юрту».

«— Давно вы здѣсь?»—обратился дѣдъ къ миссіонеру.

«— Пять лѣтъ скоро будетъ.

«— Выѣзжали отсюда за это время?

«— Ни разу. Вдовый я, и отдалъ себя на служеніе малымъ симъ. Пробуду здѣсь, пока мои силы позволяютъ, и Господь не прерветъ мой земной путь.

«— Трудно жить здѣсь, лишеній слишкомъ много, — замѣтилъ дѣдъ.

«— Сперва было тягостно, и я даже смутился, но Господь укрѣпилъ и вразумилъ меня.

«— Вы, стало быть, отецъ Петръ, были свидѣтелями «трашнаго голода здѣсь? Какъ же вы уцѣлѣли?

«— Все милость Господня и Его святая воля. Ахъ, какое это было тяжелое время, вспоминать больно. И главное несчастье въ томъ, что помощи оказать я не могъ. Ко мнѣ идутъ, просятъ, умоляютъ, дѣтей оставляютъ въ моей юртѣ, а я, безсильный, слабый,

недостойный іерей, взираю глазами, полными слезъ, и смиренно молю Творца о дарованіи помощи отъ сихъ бѣдъ великихъ.

«— Писали вы, отецъ Петръ, начальству о сихъ бѣдствіяхъ?»

«— Неоднократно в безуспѣшно. Одинъ разъ даже сугубое за-мѣчаніе съ утрашеніемъ получилъ. А горе великое было, такое горе, что словами описать нельзя, а только сердцемъ восчувствовать можно. Семьями вымидали, и погребать было некому. Въ ближнемъ улусѣ многіе остяки святое крещеніе приняли и упованіе возымѣли, что минуетъ ихъ чаша бѣдствій. Я же видѣлъ, что нѣтъ и имъ помощи, и обречены они на смерть жестокую. Что дѣлать, какъ быть? Не могъ я допустить поколебаться ихъ вѣрѣ, и сталъ я молиться Творцу Вседержителю наставить меня. Услышалъ Господь мои грѣшныя молитвы, внялъ словамъ недостойнаго Своего слуги и послалъ къ намъ господина Камаева и Скорнякова, Иннокентія Васильевича, а съ ними прибылъ и хлѣбъ.

«— Вы-то, отецъ Петръ, голодали?»

«— Голодалъ,—смутясь отвѣчалъ священникъ.—Меня лѣкаръ, Спиридонъ Гавриловичъ, едва отходилъ. Долгое время хворалъ, потому я истощился очень, и Спиридонъ Гавриловичъ въ отчаяніе приходили, но по милости Господней живъ остался».

Свидѣлся дѣдъ и съ лѣкаремъ, Спиридономъ Гавриловичемъ Махотинымъ, и тоже сперва принялъ его за инородца. Жилъ онъ, какъ и о. Петръ, въ юртѣ, былъ холостъ и не щадилъ ни силъ, ни здоровья, разѣзжая по тундрѣ на оленяхъ, на собакахъ, а то совершая свои обходы пѣшкомъ съ котомкой за плечами.

«Отважный, удивительный человекъ лѣкаръ Махотинъ,—пишетъ дѣдъ.—О себѣ совершенно не заботится и пренебрегаетъ самымъ необходимымъ. Въ юртѣ у себя школу открылъ и съ остяцкими дѣтьми грамотой занимается, русскому языку ихъ учить.

— Много больныхъ здѣсь?—сказалъ дѣдъ.

— Больныхъ? Всѣ больны, здоровыхъ нѣтъ совсѣмъ. Бѣдное, несчастное племя, таетъ оно, какъ свѣча, и скоро отъ него и памяти не останется. Я вотъ шестой годъ здѣсь живу, отунгузился, закалился и все-таки чувствую, что долго не протяну. Дышу сыростью, сплю кое-какъ, питаюсь плохо, какъ всѣ впрочемъ. Какъ тутъ долго жить? Силъ человѣческихъ не хватаетъ.

— Въ Томскъ выѣзжаете?

— Что мнѣ тамъ дѣлать? Грабительство и всякую пакость смотрѣть? Нѣтъ, не ѣзжу. Въ Туруханскѣ былъ раза четыре, съ исправникомъ ругался и медикаменты получалъ. Я вѣдь здѣсь одинъ, аптекаря либо помощника нѣтъ у меня. А область моя необъятна,—ее объѣхать нельзя въ годъ. Врачевать здѣсь моими микстурками да всякой всячиной глупо, недуги здѣшніе не этого лѣченія требуютъ. Я и принялся душу врачевать,—учу тому, чему самъ учился, мастерство кое-какое завелъ, изъ кости разныя

фигурки вырѣзать учу. Продаемъ фигурки промышленникамъ, до-вѣреннымъ, что пушнину набираютъ, а на деньги эти хлѣбъ, поро-хъ, свинець покупаемъ. Сѣти и невода еще учу плести, и ихъ продаемъ,—вотъ этимъ себя и подкармливаемъ; хоть впроголодь, все-таки не подыхаемъ, трепещемъ.

— И не тянетъ васъ отсюда?

— Свыкся. Ну, да, по правдѣ сказать, полюбилъ я сихъ не-счастливыхъ людей. Дѣтми своими считаю и уйти теперь отъ нихъ не могу. Сперва жутко было жить. Вьюга поднимется, свѣту Божьяго не видать, все окутается въ снѣжный саванъ, и горе тому, кто въ такую погоду изъ юрты выбредетъ,—занесетъ и навѣки похоро-нить. Собаки, олени, и тѣ спрячутся. Хорошо еще, что недолго такой вѣтеръ продолжается, иначе тундра вымерла бы отъ холода раньше, чѣмъ вымереть отъ голода.

— И васъ не манитъ на родину?

— На родину?—Махотинъ тяжело вздохнулъ и понурилъ голову.

— Манило, звало, и даже, признаюсь откровенно, не разъ при-ходила мысль въ голову бросить тундру и бѣжать дальше отъ этой могилы. Но меня о. Петръ, спасибо ему, поддержалъ, и я остался. Онъ же меня и отъ другой бѣды спасъ, отъ пьянства,—пить я было сильно началъ отъ тоски. Вотъ, поистинѣ скажу, подвижен-никъ и сильный духомъ человѣкъ. Здоровье у него очень плохое, а онъ себя не жалѣетъ, въ голодовку отъ улуса къ улусу ходилъ, умирающихъ налутцовалъ и вѣру въ Христа поддерживалъ. А разстоянія ужасающія, никакому измѣренію не подвергавшіяся, въ сотни верстъ.

— Неужели онъ все пѣшкомъ ходилъ?

— Какъ же иначе? Здѣсь такъ бываетъ, что и пѣшему человѣку трудно пройти. А отецъ Петръ, не взирая на трудности, захватить съ собой котомочку, возложить на себя запасные дары, и пря-микомъ, по компасу, безъ дороги и ходилъ, безъ усталы, безъ отдыха.

— Одинъ онъ ходилъ?—спросилъ дѣдъ Махотина.

— Нѣтъ, какъ это возможно? Я бы его и не пустилъ одного.

— Кто же сопровождалъ его? Не вы ли?

— Да, я съ нимъ ходилъ, вы угадали, я съ нимъ былъ безот-лучно.

«Какое зрѣлище,—восклицаетъ дѣдъ,—пастырь церкви, какъ врачъ души, и другой врачъ—недуговъ тѣлесныхъ, бредутъ по не-измѣримой тундрѣ, бредутъ, какъ въ пустынь, чтобы подать по-мощь страждущимъ. И подвигъ видитъ лишь Одинъ Всевидящій и хранить доблестныхъ рабовъ своихъ отъ всяческихъ злоключе-ченій. Ни почестей, ни наградъ не ищутъ эти люди, а въ чистой, кроткой голубиной душѣ своей они находятъ успокоеніе и оцѣнку многотруднаго подвига.

«Оставилъ я Туруханскій край съ просвѣтленнымъ сердцемъ,— людское горе и страданія засіяли передо мною, какъ драгоцѣннѣйшій алмазь, ибо я узрѣлъ величайшій подвигъ той любви, о которой намъ заповѣдалъ Спаситель.

«Странное дѣло,—писатьъ далѣе дѣдъ,—чѣмъ ближе подвигался я къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ люди живутъ привольнѣе, лучше, удобнѣе, тѣмъ больше я сталъ примѣчать людской неправды и жестокосердія безумнаго».

Въ Туруханскѣ исправникъ Якубовскій неистовствовалъ и накидывался на всѣхъ, кто, какъ выражался дѣдъ, «не былъ его согласія». Досталось и дѣду, и досталось весьма сильно, что онъ и занесъ въ «меморіалы», придавъ этому происшествію нѣсколько юмористическій характеръ.

«Явился передъ грозныя очи самого Якубовскаго и удостоился вопросныхъ пунктовъ»,—писатьъ дѣдъ.

— Что ты за человѣкъ и съ какой цѣлью прибылъ сюда высматривать наши порядки?—звичнымъ голосомъ, заставлявшимъ трепетать инородцевъ, спросилъ Якубовскій дѣда, явившагося къ нему по требованію «на бумагѣ», въ которомъ было сказано: «прибыть для дачи надлежащихъ объясненій немедленно».

— Кяхтинскій первой гильдіи купецъ,—отвѣчалъ дѣдъ,—и прибылъ для своихъ торговыхъ цѣлей и необходимостей.

— Кто же тебѣ позволилъ сюда пріѣзжать? Съ чьего позволенія ты въ тундру ѣздилъ? Отвѣчай по правдѣ, не лукавь.

— Отвѣчаю, что воленъ я ѣздить по всей имперіи Россійской, ибо я человѣкъ, ни въ чемъ не опозоренный и своихъ правъ не лишенный.

— А я тебя лишу этихъ самыхъ правъ, ѣздить не позволю и въ холодную запру.

— Безвиннаго человѣка заточать возбраняется,—осмѣлился отвѣтить дѣдъ.

«При моихъ послѣднихъ словахъ Якубовскій въ лютаго барса обратился, затопалъ ногами и замахалъ кулаками, поднося оныя къ самому лицу моему».

«— Ты купчишка, а я исправникъ. А знаешь ли ты, что такое здѣсь исправникъ, знаешь ли? а? Не знаешь? Такъ я тебѣ покажу. Въ острогѣ тебя сгною, и въ колодкахъ до скончанія своего вѣка пробудешь. Вотъ тогда и узнаешь, что такое здѣсь исправникъ.

«Сперва сильно я испугался, но потомъ вспомнилъ, что изрядной халтурой успокоить господина исправника могу, и запустилъ я руку въ кафтанъ и вытащилъ всего-то два лобанчика, и какъ будто невзначай и показываю ихъ.

«Посмотрѣлъ, носомъ покрутилъ и смягчился, подаль руку и къ столу пригласилъ, а лобанчики принялъ, еще разъ на нихъ глазомъ кинулъ и въ карманъ спряталъ такъ скорехонько, что я и

не примѣтилъ, когда онъ ихъ туда спустилъ. Въ разговоръ вступилъ и даже ублажать началъ. Потомъ вдругъ насупился и сталъ мнѣ разные вопросы задавать».

— Юродивыхъ нашихъ видѣлъ?—спросилъ Якубовскій дѣда.

— Какихъ юродивыхъ?

— Попа и лѣкаришку. Въ тундру забились и насъ за людей не считаютъ. Оба опредѣлены въ Туруханскѣ служить, а они отсюда убрались. Ну, да я ихъ дойму. Начальство уважать заставлю.

«Возмутился я до крайности и сталъ дерзостно говорить, ибо чувствовалъ свою правоту. Очень обидѣлся господинъ исправникъ и опять посулилъ заточить меня. Умилостивилъ лобанчикомъ и поспѣшилъ отрясти прахъ отъ ногъ своихъ, подобру, поздорову убраться отъ такого свирѣпаго лиходѣя и жестокосерднаго чело-вѣка».

Въ Томскѣ моего дѣда ожидали еще большія неприятности. Только что онъ успѣлъ прѣхать, какъ его потребовали къ губернатору (Марченко), который встрѣтилъ дѣда весьма сурово и сталъ допытываться о причинахъ, заставившихъ его предпринять столь далекое путешествіе.

— Не оберъ ли аудиторъ Камаевъ и купецъ Скорняковъ подвинули васъ ѣхать въ тундру?—строго спросилъ губернаторъ.

— Не скрою отъ вашего превосходительства, что ихъ повѣствованія побудили меня рѣшиться на столь трудное путешествіе.

— Я такъ и зналъ. О вашей поѣздкѣ мною отписано иркутскому губернатору и донесено въ Петербургъ генераль-губернатору.

— Польщенъ вниманіемъ вашего превосходительства,—скромно отвѣчалъ дѣдъ, хотя «въ душѣ почувствовалъ смущеніе, ибо зналъ, что Пестель (генераль-губернаторъ) можетъ подвергнуть меня жесточайшимъ испытаніямъ».

«— Въ чемъ же вина моя, ваше превосходительство?—спрашиваю я губернатора.

«— Въ Иркутскѣ вамъ достаточно объяснять, а теперь отправляйтесь и ждите моего разрѣшенія на выѣздъ. Совѣтую съ Камаевымъ держаться осторожнѣе, сей господинъ не доведетъ васъ до добра, а лишь кляузамъ и ябедамъ научить.

«Такъ я и ушелъ, не узнавши моей виновности, и долго по этому случаю размышлялъ и духомъ угнетался. Камаевъ пришелъ и утѣшилъ, совѣтуя духомъ не падать, ибо за правду и пострадать не стыдно, а даже лестно.

«Да, тяжело жить въ нашей Сибири, нѣтъ въ ней правды, нѣтъ радости, какъ нѣтъ и справедливости».

Долго пришлось дѣду ожидать губернаторскаго разрѣшенія выѣхать въ Иркутскъ, и онъ изнывалъ отъ невольнаго и безцѣльнаго проживанія въ Томскѣ. Единственнымъ утѣшеніемъ были для него бесѣды съ Камаевымъ о видѣнныхъ ими обоими страшныхъ бѣдствіяхъ и нищетѣ въ Туруханскомъ краѣ.

«— Когда я тайно выѣхалъ изъ Томска,—разсказывалъ Камаевъ,—чтобы никто не могъ предупредить мѣстныхъ властей о данномъ мнѣ порученіи, я молилъ Господа дать мнѣ силы довести мое слѣдствіе до полной ясности и благополучнаго окончанія. Пришлось миновать сперва Туруханскъ, чтобы не вспугнуть ни Якубовскаго, ни его жадныхъ приспѣшниковъ и соучастниковъ въ этомъ великомъ злодѣяніи. Благополучно миновавъ Туруханскъ, я приѣхалъ прямо въ Тымскую волость, гдѣ и узналъ все, что мнѣ было нужно знать, и первыми моими помощниками были известные вамъ о. Петръ и лѣкарь. Съ ними вмѣстѣ я и работалъ, отъ нихъ я и получилъ самыя вѣрныя и точныя свѣдѣнія. И пройдутъ годы, многіе годы, но такой голодовки, такихъ ужасовъ больше не повторится. Васъ оттого и держатъ здѣсь, слѣдятъ за вами, письма вскрываютъ, чтобы вы не отписали въ Петербургъ о томъ, что творится въ нашей далекой Сибири».

Наконецъ «плѣненіе» дѣда кончилось, и онъ съ радостью покинулъ Томскъ.

«Распростился съ моимъ другомъ Камаевымъ,—пишетъ онъ въ своихъ «запискахъ»,—и пожелалъ ему остаться такимъ же чистымъ, какимъ онъ и былъ. Сказалъ ему: «да не коснется тебя грязь, и имя твое не забудется». Поплакали и разстались, какъ братья».

Въ Иркутскѣ, между тѣмъ, творились тоже,—какъ замѣчаетъ дѣдъ,—«дѣла, не слыханныя и всякую мѣру и дозволенность превосходящія». Трескинъ (губернаторъ), въ угоду своему покровителю генераль-губернатору (Пестелю), неистовствовалъ и давилъ всякую попытку освободиться отъ его жестокаго самодурства и деспотизма. Никто не могъ чувствовать себя спокойнымъ за свою участь, достаточно было намека, неосторожнаго слова, взгляда, чтобы попасть въ острогъ, подъ судъ и даже въ ссылку. Ни званіе, ни положеніе, ничто не спасало отъ преслѣдованія и мести грознаго Трескина, человѣка съ низкими инстинктами и продажной, покладистой совѣстью. Собственно говоря, не столько былъ страшенъ самъ Трескинъ, какъ его супруга, Агнесса Ѳедоровна, и правая рука губернатора, правитель дѣлъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бѣлявскій, умный, дѣльный, но злой и безчестный человѣкъ».

«Не успѣлъ я вылѣзти изъ тарантаса, — пишетъ дѣдъ,—какъ вытребовали меня къ Трескину, гдѣ меня встрѣтилъ Бѣлявскій съ улыбкой и вопросомъ: «Каково вы въ Туруханскѣ ѣздили, не обморозились ли тамъ? Новенькаго чего послѣ господина Камаева не обрѣли ли? Сей господинъ людоедство тамъ выдумалъ, такъ вы не видали ли тамъ, какъ люди другъ друга ѣдятъ?»

«Молчалъ, а сердце кипѣло, но худшее, горшее ожидало, и я затаилъ злобу свою»,—сказано въ «меморіалахъ» дѣда.

«— А вотъ, пока вы ѣздили да въ Томскѣ отдыхали, очень неприятная вещь случилась, лѣкарь-то, фамилію запомятовалъ

душу Богу отдалъ. Да-съ, вотъ, хотя бы и самъ лѣкарь, а себя выпользовать не могъ. А попа тамошняго перевели, да-съ, перевели, а пока на послушаніе поставили въ монастырь»,—продолжалъ глумиться надъ дѣдомъ Бѣлявскій.

«Не выдержалъ я, и суди меня Господь Милостивый, но я такое гадинѣ этой (Бѣлявскому) сказалъ, что онъ оторопѣлъ и въ нѣкое замѣшательство пришелъ».

«Вышелъ Трескинъ и сталъ молча въ упоръ глядѣть на меня... Ступилъ потомъ шагъ впередъ, да два назадъ, а потомъ и набросился».

«— Странникъ заявился, кяхтинскій первой гильдіи купецъ! Соглядатаемъ поѣхалъ, обнести захотѣлъ, медаль получить. А знаешь ли ты, кому первый кнутъ достанется? А? Въ острогѣ сгною, въ кандалахъ ходить будешь по базару, гроши, Христа ради, вымаливать».

«— Не доносчикъ я, не ябедникъ, а честный купецъ»,—закричалъ дѣдъ и хотѣлъ выйти. Но Трескинъ не пустилъ и велѣлъ не уходить изъ пріемной, а самъ повернулся къ Бѣлявскому и говорить: «Пойдемъ, я тебѣ скажу, что съ этимъ гусемъ дѣлать, какъ ему крылышки пообрѣзать».

«Я совсѣмъ голову потерялъ и ждалъ бѣды, но, спасибо, добрые люди надоумили. Подари, говорятъ, ты Агнессѣ Ѳедоровнѣ соболей аль чернобурку, и все обойдется».

Повидимому, все «обошлось», потому что въ «запискахъ» имѣется такая запись: «А. Ѳ. взяла и очень благодарила, а Ѳ. Ѳ. (Бѣлявскій) принялъ и меня въ покоѣ приказалъ оставить и караулъ отъ дома моего сняли, и письма доходить начали».

Объ Агнессѣ Ѳедоровнѣ Трескиной до сихъ поръ сохранилось много рассказовъ, анекдотовъ и даже легендъ, при чемъ одна изъ нихъ попала въ «меморіалы» дѣда. Эта жестокосердая и алчная женщина считала себя всевластной и дѣйствительно творила судъ и расправу чуть ли не надъ всѣми, кто имѣлъ несчастіе навлечь на себя ся гнѣвъ. Одинъ изъ такихъ злополучныхъ людей былъ маленькій чиновникъ земскаго суда Ѳедоровъ. Гуляя по улицамъ Иркутска «навеселѣ», онъ при встрѣчѣ съ губернаторшей не только не поклонился, а показалъ ей «пренебреженіе», повернувшись спиной къ проѣзжавшей мимо него коляскѣ. Сдѣлалъ ли это Ѳедоровъ намѣренно или случайно, объ этомъ умалчивается въ «запискахъ», но послѣдствіемъ «пренебреженія» было исключеніе Ѳедорова со службы, и онъ съ горя записалъ, что называется, «мертвую». Однажды онъ возымѣлъ желаніе «повиниться» передъ генеральшей, и для этого отправился въ губернаторскій домъ, гдѣ, проскользнувъ мимо сторожа, попалъ въ комнаты, занимаемыя супругой губернатора. Что произошло въ этихъ комнатахъ, какъ приняла Агнесса Ѳедоровна неожиданнаго визитера,—не трудно до-

гадаться, и послѣ этого событія Ѳедоровъ исчезъ изъ Иркутска. Но, какъ утверждаетъ легенда и какъ значитъ въ дѣдовскихъ мемуарахъ, исторія на этомъ не кончилась; къ Трескиной, якобы во время ея прогулки по городу вмѣстѣ съ Бѣлявскимъ, подошла мать Ѳедорова, очень древняя старушка, и будто бы сказала такое оправдавшееся впоследствии пророчество: «умрешь и ты страшною смертью, похоронятъ тебя въ пустынь одну-одинешеньку, умрешь безъ покаянія, безъ молитвы, безъ напутствія». Противъ этой записи, сдѣланной, судя по датѣ, въ 1817 году, имѣется отмѣтка: «оправдалось 8-го мая 1819 года—Агнесса Ѳедоровна Трескина, супруга иркутскаго губернатора, на смерть ушиблена лошадьми на Погроменскихъ водахъ. Схоронена въ Кульскомъ селеніи». Эта легенда, что касается смерти Трескиной, подтверждается многочисленными разсказами современниковъ и въ книгѣ Вагина, гдѣ приведены и подробности этого происшествія, при чемъ нельзя не отмѣтить, что ямщикъ, правившій лошадьми, вскорѣ послѣ катастрофы, боясь мести Трескина, повѣсилъся.

«Сія властная женщина много зла разнымъ людямъ причинила, но да простятся ей грѣхи ея за кончину ея ужасную»,—значитъ въ другомъ мѣстѣ «записокъ», и тутъ же сказано, что «смерть ей была предсказана заранѣе матерью замученнаго по ея просямъ челоуѣка, а она не вняла сему предсказанію и угрожающаго голоса не послушалась».

Очень интересны записи дѣда объ исторіи съ «злополучнымъ правдолюбомъ», титулярнымъ совѣтникомъ Логгиномъ Васильевичемъ Пѣтуховымъ, состоявшимъ съ 1805 по 1808 годъ уѣзднымъ (иркутскимъ) стряпчимъ. Пѣтуховъ былъ частымъ гостемъ дѣда и любилъ съ нимъ бесѣдовать о творящемся правосудіи въ сибирскихъ судахъ, особенно въ уѣздномъ, гдѣ часто постановлялись незаконныя рѣшенія въ угоду желаніямъ Трескина. Пѣтуховъ, насколько можно судить по записямъ дѣда, былъ честнѣйшій челоуѣкъ, гуманнѣйшихъ воззрѣній и пытавшійся воевать, хотя безуспѣшно, съ цѣлымъ сонмомъ судейскаго персонала. Теперь такого челоуѣка прозвали бы Донъ-Кихотомъ, а въ то время Пѣтуховъ былъ просто «маленькимъ чиновникомъ», одержимымъ «смѣлостью великой и продерзостью отчаянной», такимъ, по крайней мѣрѣ, его аттестуетъ его прямое начальство.

«— Уйду изъ спряпчихъ, — говорилъ Пѣтуховъ, — жить не змоготу становится, сплошное беззаконіе и неправда, развѣ это можно терпѣть?»

«Совѣтоваль Пѣтухову поспокойнѣе быть,—пишетъ дѣдъ,—не онъ одинъ страдаетъ, а многіе терпятъ, уповая на милосердіе Божіе. Смириться нужно, безропотно крестъ нести и только себя оберегать отъ лжи и соблазна. Не внимааетъ успокоеніямъ и хочетъ противъ всѣхъ пойти. Не важно, говорить, одному погибнуть, когда

тѣмъ самымъ многіе спастись могутъ. Вотъ теперь поступило дѣло правое, по наслѣдственнымъ имѣніямъ, а хотятъ такъ повернуть, что оно другой оборотъ приметъ. Развѣ терпимо такое своекорыстіе и незаконность?

«— Чего же вы, Логгинъ Васильевичъ, тѣмъ достигнете? Не можно маленькому человѣку всѣ плевелы изъ пшеницы вырвать. Повремените, Богъ милостивъ, все къ лучшему измѣнится.

«— Нѣтъ,—закричалъ Пѣтуховъ,—не допущу и опровергну рѣшеніе.

«Приходилъ Пѣтуховъ, весьма встревоженный, и говоритъ: сдѣланное сдѣлано, рѣшеніе опровергъ и на другую службу пристроился, въ кудинскіе комиссары опредѣляюсь. Семью въ Иркутскѣ оставлю, а то за домишкомъ некому и присмотрѣть будетъ».

Послѣ этого разговора Пѣтухова съ дѣдомъ прошло времени немного, но Пѣтухова успѣли уже «предать суду и отрѣшить отъ должности» за «явное и продерзостное отношеніе къ властямъ».

«Былъ Пѣтуховъ и сталъ жалобиться. Попенялъ ему, зачѣмъ тогда не послушалъ совѣта. А онъ ничуть въ смущеніе не пришелъ, а пуще того поносить нашихъ крючкотворовъ началъ.

«— Лишусь всего, погибну, а за правду пострадаю, невиннымъ людямъ погибнуть не дамъ. За что меня судить, за что въ тюрьму садить? Что я сдѣлалъ?

«Опять заявился Пѣтуховъ и подъ великой тайной сообщилъ мнѣ, что онъ послалъ всеподданнѣйшую жалобу, гдѣ все съ достаточной правдой и объяснилъ.

«— Теперь меня иркутскія власти ни тронуть, ни судить не могутъ. Я какъ объявилъ, что приношу всеподданнѣйшую жалобу, такъ всѣ предостаточно испугались и заметались. Допытывать меня зачали, что я въ жалобѣ написалъ, а я молчу и никому ни словечка не сказалъ. Списокъ остался у меня, я вамъ прочту.

«Читалъ Пѣтуховъ мнѣ свою жалобу. Написано пламеннымъ языкомъ, и все въ ней правда, одна правда. Всякое утѣснительство объяснено, а паче всего указано на своеволие, грабительство и мучительность, съ какими у насъ все дѣлается. Помогите, Господи, сему человѣку».

— Вы, Логгинъ Васильевичъ, хороните списокъ, никому не показывайте, пуще глазу его берегите,—совѣтовалъ дѣдъ Пѣтухову.

— На груди храню,—отвѣчалъ онъ.

— Храните его пуще всего отъ «него» (Трескина). Онъ погубить васъ, если списокъ добудетъ.

— Никто не добудетъ. Одинъ вы знаете, никто больше.

— Боюсь за васъ, Логгинъ Васильевичъ, человѣкъ вы до крайности добрый, обмануть васъ легко,—говорилъ дѣдъ.

Проводилъ Пѣтухова дѣдъ съ тяжелымъ чувствомъ: «сердце защемило, не одобровать сему заступнику, погибнетъ онъ».

Такъ и случилось. Пѣтуховъ, опять-таки, судя по записи дѣда, щедрой рукой помогаль всѣмъ, кто къ нему лишь обращался за помощью. Одинъ изъ такихъ просящихъ, коллежскій регистраторъ Приваловъ, «извѣстный лиходѣй, шарамыга и пьяница», сталъ частенько захаживать къ Пѣтухову и кланчалъ у него «на проживание и на пропитаніе, а больше на пропитіе» деньжонки. Въ одно изъ такихъ посѣщеній Приваловъ признался Пѣтухову, что его «наказаль на тѣлѣ», т.-е., попросту говоря, высѣкъ, губернаторъ. Этого было достаточно для пылкаго Пѣтухова, чтобы онъ увидаль «жертву произвола Трескина», не просто пьянаго безобразника, какимъ, въ сущности, и былъ Приваловъ, а угнетеннаго, несчастнѣйшаго человѣка, требовавшаго защиты и заступничества.

«Приходилъ Пѣтуховъ и просилъ денегъ для Привалова. Онъ его помѣстилъ у себя, а одѣтъ его не на что. Предостерегалъ, не подосланъ ли Приваловъ Бѣлявскимъ. Не внялъ. Обиженный Трескинымъ не станетъ служить ему,—Пѣтуховъ мнѣ говоритъ,—а я тому не вѣрю, ибо знаю, сколь сіи люди двоедушны и къ своей совѣсти попустительны».

«Какое издѣвательство, какое гнусное поношеніе, какое ужаснѣйшее несправедливое дѣло совершилось!—пишетъ дѣдъ:—Приваловъ ночью украль списокъ жалобы Логгина Васильевича и представилъ оную Т. (Трескину). На сіе воспослѣдовало таковое распоряженіе: Пѣтухова забрать ночью въ одномъ бѣльѣ, увезти въ острогъ и неизвѣстно куда выслать, а имущество описать. Пѣтуховъ погибъ, а съ нимъ вмѣстѣ обнищали и дошли до крайности дѣти и молодая жена его».

Вся трагическая цепь страданій Пѣтухова очень подробно описана въ разныхъ сочиненіяхъ, касающихся прошлаго Сибири, почему нѣтъ необходимости повторять то, что извѣстно, но не лишнимъ будетъ только упомянуть, что, лишь благодаря заступничеству Сперанскаго, Пѣтухову удалось освободиться отъ притѣсненій и даже пробраться въ Москву, гдѣ онъ и умеръ сумасшедшимъ, въ страшной нищетѣ и лишеніяхъ. Въ «запискахъ» дѣда имѣются лишь указанія, не встрѣченныя мною въ изслѣдованіяхъ «о сибирской старинѣ»,—о семьѣ Пѣтухова. Судьба эта была тоже печальна и многострадальна, и только поддержка со стороны нѣкоторыхъ лицъ спасла семью отъ окончательной гибели.

«Какое же преступленіе совершилъ Логгинъ Васильевичъ?—заключаетъ свои замѣтки о Пѣтуховѣ мой дѣдъ. — Въ чемъ же его продерзостное поведеніе и злоумышленное посягательство на влостей сибирскихъ? Онъ возвысилъ лишь голосъ правды и за это заточень, обезславлень, разорень и разлучень съ семьей своей. Сколь печальна участь доброотзывчивыхъ людей, не черствыхъ сердцемъ, а любвеобильныхъ и поступающихъ по заповѣдямъ нашего Спасителя!

«Пришла жена Пѣтухова и горько печалилась. Чѣмъ утѣшу ее, что могу сказать? вмѣсто хлѣба могу подать лишь хладный камень. Спрашиваетъ совѣта, какъ узнать, гдѣ супругъ ея заточенъ. Ни письма, ни вѣсточки отъ него не приходитъ. Вѣрю, весьма вѣрю, ибо знаю ярость сихъ великожестокихъ людей, игемоновъ нашихъ. Писалъ я въ разные города Сибири, о Пѣтуховѣ спрашивалъ, и никто не отозвался, видно, хорошо скрыли его отъ глазъ людскихъ. Впрочемъ, отписали изъ Туруханска, что тамъ говорятъ, будто Пѣтухова въ тундру провезли, но сколь сіе извѣстіе справедливо, не знаю, ибо не отъ достаточно свѣдомаго человѣка письмо получено, хотя возможность такой несправедливости весьма допускаю.

«Наконецъ мѣстожителство Пѣтухова опредѣлилось: Скорняковъ отписалъ, что его въ Туруханскъ на сѣденіе Якубовскому послать хотятъ и что помѣстить въ острогѣ желаютъ. Не ошибается ли онъ? Не знаю, ибо жена Пѣтухова до сего времени о немъ справки добиться не можетъ».

Не одинъ Пѣтуховъ исчезалъ таинственно, эта участь постигала весьма многихъ, и въ томъ числѣ одного изъ довѣренныхъ (приказчиковъ) моего дѣда.

Случай этотъ дѣдъ рассказываетъ весьма подробно и объясняетъ его тѣмъ, что Рогачевъ (фамилія довѣреннаго) былъ закоренѣлый расколникъ и принадлежалъ къ такъ называемымъ «часовеннымъ», т.-е. отрицалъ всякое священство, даже ставленниковъ «бѣлокриницкой епархіи», т.-е. «австрійскаго согласія». Рогачевъ въ «запискахъ» дѣда рисуется, какъ упрямый, настойчивый человѣкъ, но «жалѣвшій» всѣхъ, кого судьба, такъ или иначе, обидѣла.

«Достоинъ всяческаго удивленія поступокъ Рогачева. Сей человѣкъ весьма престранный и особливо отъ всѣхъ стоящій. Одѣвается просто, жены не имѣетъ, ибо, говорить, не буду я тогда воленъ въ духѣ своемъ».

Постоянно Рогачевъ вель споры съ сотоварищами по службѣ, т.-е. приказчиками, конторскими служащими, которыхъ у дѣда было довольно много, и среди нихъ находились люди разныхъ сословій и образованія, особенно среди поступившихъ въ Иркутскѣ изъ бывшихъ ссыльныхъ. Всѣ споры Рогачева отличались крайней страстностью, бывали шумны и нерѣдко вызывали вмѣшательство дѣда въ качествѣ или примирителя или же третейскаго судьи. О нихъ онъ упоминаетъ въ своихъ мемуарахъ и называетъ «мученіями Рогачева, ибо всѣ споры кончались для него великой печалью; Илья (Рогачевъ) плакалъ и скорбѣлъ о грѣховности людской, бѣса ликовать заставляющей». Доставалось отъ Рогачева сильно Трескину и всѣмъ его приближеннымъ, а также и Агнессѣ Федоровнѣ. Ихъ не выносилъ Рогачевъ и называлъ не иначе, какъ «аггелами», а губернаторшу величалъ «женой бѣсовской, блудницей лукавой и мерзкой плясовицей».

Слѣдуетъ предполагать, что Рогачевъ, какъ всякій фанатикъ, былъ ненормальный человѣкъ, почему и не могъ регулировать свои поступки, повинуваясь больше аффектамъ, чѣмъ логическимъ разсужденіямъ. Это замѣтно и по молитвамъ Рогачева, который составилъ свой собственный молитвенникъ, гдѣ помѣстилъ свои экстазно-поэтическія стихотворенія, доходящія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до пророческаго вдохновенія. Молитвенникъ Рогачева попалъ въ руки дѣда, и онъ, какъ любитель всего, что представляло хотя бы малѣйшій интересъ, списалъ нѣсколько «стихирей» въ «меморіалы», снабдивъ ихъ комментаріями и примѣчаніями. Вотъ одно изъ «стихотвореній» Рогачева.

Иду по пустынь великой,
 Кругомъ камень и свѣтъ,
 И нѣтъ конца той пустынь огромной,
 Безъ свѣта и солнца она.
 Три креста на горѣ каменистой высятся,—
 По срединѣ Спаситель распять.
 Передъ нимъ я ницъ упадаю
 И очи свои горѣ возвожу.
 Смотрю съ упованіемъ, надеждой,
 Камень слезой орошаю,
 И сердце терзаю свое.
 О Иусе, Христе, Сыне Божій!
 Помилуй раба грѣшнаго Ты,
 Внемли его скорбямъ и воплямъ
 И отъ аггела Сибирь Ты спаси.
 Низвергни въ геенну и жену плясовицу
 И отъ татей, злыхъ лиходѣевъ
 Безвинныхъ людей сохрани.
 О Иусе Сладчайшій, къ кресту пригвожденный,
 За насъ человѣковъ страданія пріавшій,
 Услыши молитву мою!
 Дай Господи покой и отраду
 Узрѣть въ Сибири рабу Твоему.
 И азъ многогрѣшный, рабъ Твой Илья,
 Молить о томъ у подножья святаго креста.

Комментаріевъ къ этому стихотворенію немного, дѣдъ приписалъ лишь съ боку, что подъ «аггеломъ» Рогачевъ разумѣетъ Т. (Трескина), а подъ «женой плясовицей» А. Ѳ. (жену Трескина). «Пустыня каменистая»—это Туруханскій край, куда Рогачевъ ѣздилъ набирать пушнину.

Рогачевъ много доставлялъ хлопотъ дѣду своими поступками, и больше всего своими разглагольствованіями на площадяхъ, гдѣ онъ собиралъ вокругъ себя народъ и во всеуслышаніе заявлялъ, что «пора бороться съ силами адовыми и аггеловъ низвергать, дабы міръ отъ грѣходѣевъ очистить».

«Увѣщевалъ Илью отъ лишнихъ словъ воздержаться и не хулить явно и при народѣ правителей нашихъ».

«— Не могу, воля ваша, Петръ Тимоѳеевичъ, въ народѣ я мысль укрѣпляю, что съ неправдой бороться нужно, а не потакать ей.

«— Сколь ты еще не разумень, Илья, и въ бѣду попадешь страшную.

«Сижу по привычкѣ у окна и занялся чтеніемъ,—заносить дѣдъ въ «меморіалы»,—и углубился въ обсужденіе прочитываемаго, какъ меня прерываютъ и говорятъ, что пришелъ квартальный и хочеть со мною о важномъ происшествіи говорить. Велѣлъ позвать и спросилъ, зачѣмъ я понадобился, не отъ губернатора ли какое приказаніе вышло?

«— Имѣю секретное и самоличное дѣло,—сказалъ квартальный.

«— Прошу садиться и удостоить бесѣдой.

«— Уймите вашего довѣреннаго. Сегодня на хлѣбномъ базарѣ неподобныя вещи кричалъ. По дружескому къ вамъ расположенію не далъ огласки совершившемуся, но за будущее ручательства не беру, довѣренный вашъ можетъ понести наказаніе строжайшее.

«— Что же онъ сдѣлалъ?

«— Власти хулилъ и про господина губернатора весьма непочтительно отзывался. Ушлите его въ Кяхту или куда нибудь подальше, не то онъ совершенно погибнетъ. Засимъ вѣдомо ли вамъ, что этотъ самый Рогачевъ нищихъ дѣтей собираетъ, покупаетъ имъ всякое довольство и даже хибарку (домикъ) нанялъ, гдѣ онѣ дѣти ночлеги имѣютъ?

«— Сего мнѣ не было вѣдомо, но худого тутъ не вижу и запретить не могу, ибо онъ на это собственные деньги употребляетъ. Касательно же ругательствъ его не премину указать и воздержать.

«Квартальный былъ успокоенъ моими словами и ушелъ весьма довольный, ибо я свои слова лобанчикомъ подкрѣпилъ. Рогачеву предостереженіе сдѣлаю, ибо поступки его на площадяхъ никоимъ образомъ одобрить не могу. Призвалъ Рогачева, сталъ усовѣщивать и пригрозилъ въ Кяхту отправить, но онъ сталъ земно мнѣ кланяться и просить въ Иркутскѣ оставить, ибо у него здѣсь есть одно дѣло, кое бросить ему нельзя.

«— О твоємъ дѣлѣ мнѣ квартальный сказывалъ. Дѣло одобряю, но сѣтую, что отъ меня его скрывалъ и таилъ. Разговоры же твои на базарѣ оставь, иначе погибнешь, и мнѣ тебя не защитить».

Повидимому, увѣщанія дѣла не возымѣли надлежащаго дѣйствія на упрямаго Рогачева, такъ какъ тотъ же «доброжелательный» квартальный снова приходилъ къ дѣду и опять просилъ его «по дружбѣ унять Рогачева и запретить ему неистовствовать на площадяхъ и базарахъ».

Дѣдъ не зналъ, что и дѣлать и какъ спасти упрямаго Илью отъ напасти. Услать въ Кяхту оказалось невозможнымъ, а отказать Рогачеву отъ службы, т.-е. лишиться хорошаго, честнаго слу-

жащаго, дѣдъ не пожелалъ. Объясненій съ Рогачевымъ было множество, и послѣднее изъ нихъ носило даже бурный характеръ.

— Скажи мнѣ, Илья, зачѣмъ ты хочешь себя погубить, мнѣ большія хлопоты доставить, а главное своей дѣтскій пріютъ разорить?— спрашивалъ дѣдъ Рогачева.

— Какъ же я могу терпѣть, когда вижу страдающія, безвинныя жертвы?— отвѣчалъ онъ.

— Пошелъ я на торговую площадь,— продолжалъ говорить Рогачевъ,— и вижу, хотятъ плетьюми драть стараго человѣка.

— Не законъ драть старцевъ!— кричу я.

— А ты кто такой?— меня спрашиваетъ стражникъ.

— Сирыхъ, убогихъ и старыхъ заступникъ, вотъ кто я.

— Не вняли моимъ окрикамъ. Кое-кто, правда, за меня заступиться хотѣлъ, да потомъ всѣ оставили, барабаны забили, народъ къ эшафоту и бросился. Остался я одинъ, стражники тоже ушли, и побрелъ я тогда къ одному человѣку,— онъ нашего согласія,— и сталъ ему свою душу выкладывать, успокоенія искать. А онъ еще пуще мою душу смутилъ и пригрозилъ подъ «началь» поставить, потому ему власть такая дана.

— И я тебѣ говорю, смирись, памятуй, что на власть возставать нельзя, это и въ писаніи сказано,— посоветовалъ дѣдъ.

— Не противъ власти иду, а за правду стою. Уста мои не на власть хулу изрыгаютъ, а на аггеловъ нечестивыхъ. Съ ними сражаюсь я, а не съ властью.

Этотъ разговоръ, передаваемый мною въ пересказѣ, окончился тѣмъ, что дѣдъ вышелъ изъ себя и рѣшилъ отпустить Рогачева, т.-е. уволить отъ службы, чтобы хотя тѣмъ непокорнаго человѣка образумить». Но вышло обратное: Рогачевъ не только не «образумился», а на другой же день ухитрился «всякими безчестными словами» оскорбить Бѣлявскаго и даже Трескина. Тутъ уже никто и ничто не могли спасти Рогачева, и его «убрали» въ острогъ, гдѣ онъ содержался нѣкоторое время, а затѣмъ исчезъ, и дѣдъ не могъ узнать его дальнѣйшей судьбы. По всей вѣроятности, его, какъ предполагалъ и дѣдъ, выслали въ Якутскій край, или еще дальше, гдѣ онъ и покончилъ свои дни.

«Нашелъ я рогачевскій пріютъ,— пишетъ дѣдъ,— умилился и себя неоднократно упрекалъ за мое нерадѣніе къ сиротству. Илья все туда отдавалъ и еще отъ своихъ согласниковъ собиралъ, чтобы дѣтей одѣвать и кормить. И все тайно дѣлалось, безъ всяческаго объ этомъ дѣлѣ разглагольствованія».

Дѣду исторія съ Рогачевымъ обошлась весьма дорого, — его хотѣли «притянуть», но всемогущіе «лобанчики» и «ефимки» избавили отъ крупныхъ неприятностей. Официально дѣло не возникло, и все ограничилось вызовомъ къ Трескину и... подарками Агнессъ Ѳедоровнѣ съ Бѣлявскимъ вкупѣ.

Въ «запискахъ» дѣда очень часто упоминается фамилія Куткина, бывшаго начальника тобольскаго провіантскаго депо. Генералъ Куткинъ, судя по многимъ имѣющимся о немъ документальнымъ даннымъ (см. соч. Вагина, барона Корфа и друг.), былъ замѣчательной личностью и выдѣлялся непоколебимой честностью, правдивостью и сознаниемъ собственнаго достоинства,—качествами, которыми въ то время рѣдко кто обладалъ. Такимъ же онъ рисуется и въ дѣдовскихъ «меморіалахъ», гдѣ говорится о немъ, какъ о жертвѣ Пестеля. Мой дѣдъ лично Куткина не зналъ, но всѣ свѣдѣнія имѣлъ, что называется, изъ первыхъ рукъ, почему нельзя пройти безъ вниманія записи, касающіяся этого благороднаго бойца за правду во время общаго приниженія, продажности, угодливости передъ всесильнымъ Пестелемъ, этимъ сибирскимъ Аракчеевымъ, какъ его называли современники.

Записки о Куткинѣ начинаются отмѣткой въ мемуарахъ о призвѣдѣ Пестеля (іюнь 1808 г.) въ Тобольскъ.

«Пишетъ мнѣ Зотовъ (довѣренный дѣда по скупкѣ пушнины), что «къ намъ (въ Тобольскъ) изволилъ прибыть генераль-губернаторъ (т.-е. Пестель). Встрѣчу оказали торжественную, палили много изъ пушекъ и звонили во всѣ колокола. Но радости народной не видно, жалобиться никто не смѣлъ, памятуя, что нашъ старикъ (губернаторъ тобольскій, фонъ-Бринъ) въ родствѣ «съ ними» (т.-е. съ Пестелемъ) состоитъ, и никому не повѣрятъ, если бы кто похрабрился. Сперва никакихъ особенностей не произошло, а потомъ иначе все сдѣлалось, и многіе пострадали. Старикъ въ защиту не вступался, а болѣе того раздражилъ и своихъ враговъ первыми съ головою выдалъ.

«Ко мнѣ пришелъ здѣшній житель, порядочный рыбакъ и соляной торговецъ, по фамиліи Толмазовъ, совѣта просить, какъ поступить по его дѣлу о неправильныхъ на него начетахъ и разныхъ утѣсненіяхъ, которые ему по проискамъ здѣшнихъ чиновниковъ, а паче городничаго, чинятъ. Толмазовъ подавалъ прошенія, у всѣхъ пороги отбилъ, а ему все-таки никакого рѣшенія не выходитъ, и убытки онъ несетъ громаднѣйшіе. А я и посовѣтовалъ къ генералу Куткину сходить, съ нимъ посовѣтоваться, потому онъ человѣкъ правдивый, всякое дѣло хорошо разобрать можетъ и на настоящій путь направить. Толмазовъ мой совѣтъ принялъ и къ генералу Куткину пошелъ и ко мнѣ скорехонько вернулся и радостно говоритъ, что его генераль обнаджилъ и взялся самолично его дѣло генераль-губернатору доложить и, какъ слѣдуетъ, представить, такъ что теперь никакой заминки ожидать болѣе нельзя. Въ такомъ видѣ мы съ Толмазовымъ и разсужденіе имѣли, а вышло худо, такъ худо, что и повѣрить трудно, и не только дѣло впередъ не подвинулось, а совсѣмъ застряло, и Толмазовъ въ большое уныніе впалъ. Но это бы еще поль-бѣды, настоящая-то бѣда въ томъ

вышла, что черезъ это самое дѣло генераль Куткинъ очень пострадалъ, и его даже посадили подъ арестъ. Знакомые люди такъ объясняютъ: Куткинъ, по прямотѣ своей, значительно согрубилъ генераль-губернатору, ему правду въ глаза высказалъ про зятя его (фонъ-Бринъ) и многое подобное другое, и про туруханскую голодовку при случаѣ этомъ припомнилъ, ну, и пошло слово за слово, а генераль-губернаторъ ужасно разсердился, ногами затопалъ, закричалъ и велѣлъ Куткина подъ стражу въ его домѣ заключить. Городничій полицейскихъ къ дому приставилъ и никого, даже домашнихъ, къ нему не допускаетъ. Истинно Божеское попущеніе,— такого правдиваго человѣка заточить и такъ обезславить»... Вѣсть о поступкѣ Пестеля съ Куткинымъ привела дѣда въ величайшее смущеніе, и онъ немедленно «отписалъ Зотову неукоснительно давать извѣстія о семь случаѣхъ», посылая письма «съ достаточной осторожностью, дабы лиходѣйскіе глаза въ оныхъ чего ненужнаго не усмотрѣли и какихъ либо послѣдствій изъ сего не вывели».

Изъ полученныхъ дѣдомъ отъ Зотова писемъ можно заключить, что «судьба Куткина въ достаточной ясности опредѣлилась», т.-е. стало очевиднымъ, что злобный правитель Сибири, Пестель, изъ чувства личной мести и злобы, рѣшилъ «дотла разорить и всячески извести благороднаго Куткина».

Это вопіющее дѣло продолжалось почти десять лѣтъ и только потому кончилось, что «обвиняемый» Куткинъ скончался. Его потюмки, какъ слѣдуетъ, оцѣнили гражданское мужество невиннаго мученика и поставили на его могилѣ памятникъ, существующій до сихъ поръ на тобольскомъ кладбищѣ. На памятникѣ еще не изгладилась надпись: «И прямизна тебя не спасла».

Дальнѣйшія свѣдѣнія о Куткинѣ дѣдъ получалъ отъ разныхъ лицъ, но, къ сожалѣнію, фамиліи этихъ корреспондентовъ опущены и лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ обозначены инициалами. Чѣмъ можно объяснить такую таинственность, трудно сказать, вѣрнѣе всего будетъ догадка, что дѣдъ не хотѣлъ даже случайно подвергать опасности своихъ знакомыхъ. Примѣры шпіонства и кражи «нужныхъ» документовъ случались въ то время нерѣдко.

«Какія горестныя вѣсти пишетъ Л. П.!—воскликаетъ дѣдъ.— Куткинъ, радѣтель нашъ, тотъ, что первый основалъ полотняный заводъ въ Сибири, кормилъ сотни людей, добро всяческое дѣлалъ, нынѣ, какъ простой колодникъ, въ тюрьмѣ находится и великое мученіе испытываетъ. А за что? За то лишь, что не побоялся правду высказать и негодая обличить. За такія дѣла восхваляютъ, а не въ острогъ сажаютъ».

Другой пріятель дѣда посѣтилъ Куткина въ его заключеніи и вотъ что сообщаетъ объ этомъ:

«Я былъ у самаго безвиновнаго изъ безвинныхъ, у самаго правдивѣйшаго изъ правдивыхъ, и залился слезами при видѣ сего стра-

дальца за истину, за доброе чувство. Похудѣлъ онъ, щеки ввалились, и бородой обросъ, потому что бритвы не даютъ и вообще всякое утѣсненіе ему дѣлаютъ. Хотѣлось съ нимъ поговорить, а какъ будешь говорить, когда сторожа не отходятъ и всякое слово губернатору передаютъ. Деньгами подарилъ, и на время меня съ нимъ оставили. Разговоръ очень краткій вышелъ, ибо сторожа и за свою шкуру трепетали, ихъ тоже не милуютъ и за всякое упущеніе жестоко наказываютъ палками.

«— Писали вы въ Петербургъ о постигшемъ васъ несчастіи?— спрашиваю.

«— Неоднократно писалъ. Но все перехватываютъ, должно быть, ибо отвѣта и распоряженій о себѣ не имѣю.

«— А черезъ близкихъ людей не пытались письма посылать?

«— Никого изъ близкихъ не допускаютъ, ни жену, ни дочь. Въ отчаяніе прихожу и всякую надежду теряю.

«— Не падайте духомъ, уповайте на милость Божию.

«— Только вѣрой и подкрѣпляюсь да сознаниемъ правоты своей.

«Вотъ и весь мой разговоръ съ несчастнымъ узникомъ. Хотѣлось многое сказать, да сторожа помѣшали, такъ я и ушелъ. И хотя кратокъ мой разговоръ былъ, но онъ весьма многозначителенъ, а почему—вы сами понимаете». Этими словами заканчиваетъ свое письмо пріятель дѣда, который былъ, вѣроятно, одинъ изъ значительныхъ лицъ судейской администраціи, такъ какъ иначе бы его не допустили до свиданія съ Куткинымъ.

Остальные письма о Куткинѣ носятъ этотъ же характеръ, но въ нихъ сообщаются нѣкоторыя подробности о семьѣ узника. Такъ, между прочимъ, говорится, что «дочь Куткина ослѣпла отъ слезъ», а «жена близка къ умопомѣшательству». Имѣніе же описано, расхищено и уничтожено до послѣдняго гвоздя, и полотняная фабрика оставлена».

Послѣ смерти Куткина (1817) послѣдовала и резолюція различныхъ учрежденій, гдѣ разбиралось дѣло о его «злоупотребленіяхъ и зловредныхъ дѣйствіяхъ». Этой резолюціей Куткинъ былъ признанъ совершенно невиновнымъ, и ни малѣйшихъ злоупотребленій не оказалось.

«Еще одно извѣстіе о Куткинѣ приходится записать,— сказано въ «меморіалахъ»,— его оправдали и даже никакой вины на немъ не нашли. Боже Праведный, Ты примешь въ царство Свое невиннаго мученика, пострадавшаго за правду свою. Сколько сіе назидательно и какія мысли навѣваетъ! Хочется плакать отъ созерцанія такой людской несправедливости и злобы звѣриной».

Заслуживаютъ большого вниманія записи дѣда объ участіи Александра Васильевича Игумнова, одного изъ гуманнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени, замѣчательнаго знатока китайскаго и монгольскаго языковъ, служившаго переводчикомъ у

графа Головкина, когда онъ былъ посланъ въ Китай съ особой миссіей (1805 г.). Игумновъ былъ извѣстенъ многимъ выдающимся людямъ, ученымъ, сановникамъ, и о немъ, какъ это удостовѣряется документальными данными (см. соч. Вагина, бар. Корфа), имѣются свѣдѣнія самаго благоприятнаго, во всѣхъ отношеніяхъ, свойства. Но и этотъ благороднѣйшій человекъ пострадалъ за свою правоту, и не спасли его отъ мести Трескина и Пестеля ни его безукоризненная жизнь, ни ученость, ни заступничество выдающихся по своему положенію людей, имѣвшихъ съ Игумновымъ личное знакомство и не переставшихъ съ нимъ переписываться.

Около Игумнова всегда группировался хотя очень небольшой кружокъ интеллигенціи, гдѣ, какъ говорится, «отводили душу» всѣ придавленные деспотизмомъ Пестеля, Трескина и его клеветовъ. Шпіоны Пестеля не разъ доносили своему патрону, что у Игумнова «сильно хулятъ» власти и «смѣются надъ его особой», но Трескинъ долгое время не рѣшался «безпокоить» ученаго монголиста, такъ какъ не могъ найти у этого безупречнаго человека «ни сучка, ни задоринки», за которые можно было бы прицѣпиться. Тѣмъ не менѣе клика Трескина не дремала и старалась изъ всѣхъ силъ «поймать пушнаго звѣря» (выраженіе Бѣлявскаго), чтобы сдѣлать его безвреднымъ, т.-е. заставить замолчать. Нѣтъ сомнѣнія, что главнымъ стимуломъ преслѣдованія Трескинымъ Игумнова явилась переписка послѣдняго съ петербургскими знакомыми, въ которой, какъ думали, и не безосновательно, конечно, Игумновъ общалъ о разныхъ злоупотребленіяхъ какъ Трескина, такъ и вообще всей тогдашней сибирской администраціи. Также вѣроятно «филтрація» писемъ Игумнова, производимая Трескинымъ, благодаря которой узнавались самыя сокровенныя тайны неосторожныхъ людей, ввѣрившихъ почтѣ свои письма.

У моего дѣда отношенія къ А. В. Игумнову были самыя дружескія, и къ тому же Игумновъ приходился дальнимъ родственникомъ, что еще больше сближало его съ семьей дѣда. Игумновъ оказывалъ дѣду неоцѣнимыя услуги въ его обширныхъ сношеніяхъ съ Китаемъ и Монголіей, служа нерѣдко переводчикомъ и помогая дѣду разбираться въ письмахъ, получаемыхъ отъ китайскихъ торговыхъ фирмъ.

Дѣдъ пишетъ въ мемуарахъ: «знаніемъ и свѣтомъ полны рѣчи А. В. Игумнова, великое успокоеніе душѣ моей и благородное теченіе мыслей придаютъ онѣ мнѣ. Горе ли семейное, печаль, неудача, все успокоивается, лишь я стану бесѣдовать съ нимъ. Въ Иркутскѣ нѣтъ подобнаго человека, столь высокоцѣнимаго всѣми за мудрость, великое знакомство съ существомъ всякихъ событій и доброму безконечную.»

Въ Россіи и въ Европѣ въ то время происходили важнѣйшія политическія событія (1801—1810), отголосокъ которыхъ долеталъ

до отдаленной Сибири въ искаженномъ видѣ. Мѣстные власти зорко слѣдили, чтобы въ общество не проникали извѣстія политическаго характера, въ особенности «о французскихъ дѣлахъ» и нашихъ отношеніяхъ къ западноевропейскимъ державамъ.

Надъ частной перепиской былъ учрежденъ строгій надзоръ, и письма подозрительныхъ лицъ подвергались «очистительной» цензурѣ. Игумновъ значился въ числѣ «подозрѣваемыхъ», и его письма не только перлюстрировались, какъ упомянуто выше, но нѣкоторыя изъ нихъ удерживались, какъ доказательство «преступныхъ цѣлей сего супротивника, зазнаешки, китайскаго мандарина» и отличителя темныхъ дѣлишекъ Пекотеля и Трескина. Игумновъ страшно сердился, когда ему приносили съ почты письма съ явными слѣдами дерзкаго и безцеремоннаго обращенія мѣстныхъ Видоконъ и Шпекиныхъ. Онъ высказывалъ это дѣду, и послѣ долгихъ обсужденій они оба рѣшили посылать письма не по казенной почтѣ, а только съ «оказіей», т.-е. съ «вѣрными и надежными» людьми.

«Былъ А. В. и сѣтовалъ на Т. (Трескина), — записываетъ дѣдъ, — сегодня получилъ онъ изъ Петербурга письмо съ отрѣзанной страницей и въ разорванномъ конвертѣ». Письмо было отъ одного изъ членовъ пекинскаго посольства, т.-е. головкинской миссіи, сообщавшаго послѣднія политическія новости.

— «Укоряютъ меня, — продолжалъ жаловаться Игумновъ, — что я рѣдко пишу и совсѣмъ не отвѣчаю на письма, а я очень сему удивленъ, ибо я неукоснительно отписываю и безъ отвѣта ни одного письма никогда не оставляю. Пропадаютъ мои письма, и гдѣ онѣ обрѣтаются, Богъ знаетъ».

— Здѣшніе порядки вы въ нихъ когданибудь описывали? — спрашиваетъ дѣдъ.

— Случается. Нельзя умолчать, грѣшно таить наше беззаконіе. Мои друзья въ Петербургѣ могутъ повліять на улучшеніе нашихъ дѣлъ. Я имъ все сообщаю и даже иной разъ прошу заступничества.

— Трескинъ вамъ не проститъ, если ему попадутся на глаза ваши письма.

— Не боюсь я Трескина. Ни въ чемъ меня обвинить нельзя, я кляузными и постыдными дѣлами не занимаюсь, доносовъ не строчу, а въ частной бесѣдѣ излагаю свои мысли, что никому не возвращается.

Но Трескинъ смотрѣлъ совершенно иными глазами на права каждаго человѣка и не признавалъ «свободы мыслей», — онъ началъ систематически «утѣснять» Игумнова, придумывая, чуть не каждый день, все новые и новые приемы полицейско-сыщицкой фантазіи. Онъ продѣлывалъ невѣроятныя вещи и ухищрялся доставлять Игумнову «милліонъ терзаній», отравляя его существованіе на каждомъ шагѣ. Можно безъ преувеличенія сказать, что ты-

сячи мелкихъ, но болѣзненныхъ придирокъ и точно булавочныхъ уколовъ терзали Игумнова и дѣлали его жизнь въ Иркутскѣ невыносимой. Но мѣсть Трескина не была удовлетворена, жившій на его глазахъ ненавистный челоуѣкъ мѣшалъ, и Трескинъ придумывалъ новыя мученія, чтобы вывести изъ себя спокойнаго ученаго и заставить обратиться съ глазъ подальше. И вотъ Трескинъ отдалъ приказаніе «усугубить утѣсенія» и слѣдить за каждымъ шагомъ «мандарина». Не въ мѣру усердные исполнители приказаній начальства начали досажать Игумнову больше и больше и наконецъ вывели его изъ себя. Онъ захворалъ, захандрилъ и началъ подумывать обратиться изъ Иркутска.

— Не могу больше терпѣть разныхъ прижимокъ,— говорилъ онъ дѣду,— что ни день, то новыя притѣсенія, заниматься мѣшаютъ.

«Утѣснители, — пишетъ дѣдъ, — своего добились и А. В. разстроили. Приходилъ онъ ко мнѣ удрученный и сильно жалобился. Какъ бы онъ отъ насъ не уѣхалъ,—вотъ будетъ потеря великая».

Дѣйствительно «утѣсенія» Трескина подѣйствовали такъ удручающе на впечатлительнаго ученаго, что онъ въ концѣ концовъ рѣшился покинуть свой родной Иркутскъ и перебраться въ глушь отъ слишкомъ надоѣдливаго губернатора.

— Уѣду отсюда въ Верхнеудинскъ, переберусь туда на службу, поступлю на должность уѣзнаго судьи, благо, вакансія имѣется. Куплю землицу, построю домишко и зарочусь въ свои любимыя книги и китайскія рукописи.

— Благое дѣло задумали, — согласился съ Игумновымъ мой дѣдъ, — хотя и не безъ горя разстанусь съ вами. Совѣтую же потому, что ясно вижу невозможность вашего здѣсь житія, пока владыкой здѣсь Трескинъ. Онъ замучитъ васъ придирами. Поѣзжайте съ Богомъ, авось все къ лучшему устроится.

Игумновъ уѣхалъ, но къ несчастью для себя попалъ «изъ огня, да въ полымя», такъ какъ тамъ уже его поджидалъ челоуѣкъ, прославившійся своими незаконными дѣлами и страшнымъ звѣрствомъ. Челоуѣкъ этотъ занимаетъ въ сибирскихъ лѣтописяхъ не одну мрачную страницу.

Вскорѣ получило отъ Игумнова тревожное письмо, въ которомъ онъ описываетъ свое первое столкновеніе съ Янковскимъ, верхнеудинскимъ исправникомъ, ставленникомъ Трескина и любимцемъ его супруги и Бѣлявскаго.

Янковскому несомнѣнно было заранѣе предписано приняться, «какъ слѣдуетъ», за ученаго «китайца» и «пожать его, какъ жмутъ творогъ передъ пасхой», и вообще «имѣть въ виду».

Янковскій началъ выполнять порученіе своего господина съ того, что высѣкъ и при томъ жестоко одного изъ слугъ Игумнова якобы «за продерзостное грубіянство, въ нетрезвомъ видѣ содѣянное». Игумновъ, проникнутый до мозга костей гуманнѣйшими

идеями, конечно, вступился за обиженного и возмутился до крайности, тѣмъ болѣе, что наказанный не совершалъ проступка, въ которомъ его обвинялъ палачъ Янковскій.

«Пишу вамъ, добрый Петръ Тимоѳеевичъ, а самъ едва удерживаю слезы, ибо видѣлъ неслыханное поруганіе, безчеловѣчное, ужасное, надъ моимъ старымъ, преданнымъ слугою. Нанесенное ему оскорбленіе и тяжело и постыдно. Оно губительно подѣйствовало на старика, онъ до сихъ поръ въ полномъ отчаяніи и готовъ наложить на себя руки. Я же сдѣлался внѣ себя, и мнѣ было стыдно глядѣть въ глаза человѣку, пострадавшему ради меня, или, вѣрнѣе сказать, за меня. На мое негодованіе, мои упреки Янковскій, этотъ презрѣнный негодяй, только нагло смѣется и топчетъ въ грязь вылившееся изъ самага сердца отвращеніе и порицаніе его поступка. Гдѣ же, у кого найти защиту отъ такихъ людей-разбойниковъ, когда ихъ наставляютъ на беззаконіе и жестокости тѣ, кто долженъ былъ бы блюсти законъ и ограждать невинныхъ отъ страданій и мученій?»

Далѣе идетъ цѣлый рядъ писемъ одно безотраднѣе другого, и Игумновъ вопить «о несправедливостяхъ и невозможныхъ притѣсненіяхъ», дѣлаемыхъ звѣремъ Янковскимъ.

«Силъ больше не остается терпѣть,—пишетъ онъ,—бѣгу и отсюда, бѣгу безъ оглядки, куда глаза глядятъ, переберусь снова въ Иркутскъ, гдѣ все-таки легче жилось, чѣмъ здѣсь, въ этомъ логовищѣ дикаго звѣря. Беру съ собой семью и брошу навсегда страшный Верхнеудинскъ, этотъ притонъ палачей, такихъ, какъ изувѣръ Янковскій».

Можно предполагать, что Трескинъ отчасти насытилъ свое чувство мести, такъ какъ онъ не трогалъ Игумнова, когда тотъ пріѣхалъ въ Иркутскъ, и, можетъ быть, даже способствовалъ его поступленію на службу. Вернувшись, Игумновъ сперва опредѣлился ассесоромъ; спустя нѣкоторое, сравнительно небольшое, время, за свою «ревностную и многополезную дѣятельность» онъ былъ назначенъ совѣтникомъ казенной экспедиціи.

Казалось бы, что подобная «аттестація» ближайшаго начальства Игумнова въ достаточной степени гарантировала его отъ подозрѣній въ «преступныхъ дѣляхъ и желаніи опорочить власти», но у Трескина снова вспыхнуло чувство затаенной мести и злобы, и онъ опять повелъ свою облаву и травлю на «своего врага» и повелъ такъ усердно и ретиво, что Игумновъ въ полномъ отчаяніи махнулъ на все рукой и вышелъ въ отставку, полагая, что этимъ онъ умилостивитъ клику Трескина и его сподвижниковъ. Но отставки Игумнова только и ждалъ Трескинъ; она развязывала ему руки: придавить частнаго человѣка все-таки легче, чѣмъ чиновника, занимающаго къ тому же довольно отвѣтственную должность. Трескинъ немедленно подвелъ такую махинацію, результатомъ которой

явились доносы одинъ грязнѣе другого, и несчастнаго Игумнова въ концѣ концовъ отдали подъ судъ, придравшись къ какой-то невыполненной имъ формальности.

«Свыше мѣры угнетенный пришелъ ко мнѣ Александръ Васильевичъ,—заноситъ дѣдъ въ мемуары,— и говоритъ, что онъ духомъ смутился и въ большую тоску впалъ». Утѣшалъ, сколько могъ, но все напрасно, утѣшенія не слушаетъ, а слезы градомъ изъ глазъ льются».

— Подъ судъ отдали,—стонать въ отчаяніи Игумновъ,—а за что, и самъ не знаю. Въ такихъ меня постыдныхъ дѣлахъ обвиняютъ, что голову потерялъ, ночей не сплю, не пью, не ѣмъ. По ихъ словамъ выходитъ, что я лихоимецъ, тать и чуть ли не душегубецъ. Способенъ ли я на такія постыдныя дѣйствія? Всю лишь жизнь за права стоялъ и съ неправдой боролся, только въ науку погружался, имѣя друзьями самыхъ лучшихъ людей, а меня въ разбойники опредѣлили и воровъ называютъ. Какъ же мнѣ быть, что дѣлать?

— Не посмѣетъ васъ палата наша осудить, убьется столь явное нарушеніе законовъ сотворить,—продолжалъ дѣдъ утѣшать несчастнаго Игумнова. Но тотъ его не слушалъ и волновался все сильнѣе и сильнѣе.

— Посмѣетъ и осудить. Развѣ для этихъ людей что нибудь есть святое? Чуетъ бѣду мое сердце, и никто теперь меня не спасетъ,—шепталъ Игумновъ.

Его предчувствія, къ сожалѣнію, оправдались, палата постановила приговоръ, которымъ Игумновъ былъ признанъ виновнымъ по тремъ обвиненіямъ, и его «исключили по суду» со службы.

— Подавайте скорѣе отзывъ, срока не пропустите, — предостерегалъ дѣдъ Игумнова, растерявшагося отъ свалившагося на него приговора, въ сущности говоря, столько же незаконнаго, сколько и жестокаго.

— Написалъ я отзывъ и подамъ непремѣнно.

Но тутъ произошло почти невѣроятное событіе: отзывъ Игумнова не дошелъ въ срокъ до палаты, и рѣшеніе вошло въ законную силу. Вотъ какъ это случилось, и какія для этого были приняты мѣры.

— Меня сегодня обворовали,—заявилъ дѣду Игумновъ,—и унесли всѣ бумаги мои, что лежали въ письменномъ столѣ.

— Заявляли вы въ полицію?—освѣдомился дѣдъ.

— Заявлялъ. Но тамъ толку не добился, а выслушалъ только оскорбленія.

— Были у васъ въ столѣ важныя бумаги?

— Особенно важныхъ не было. Лежали лишь копіи съ моего дѣла и переписанный отзывъ на рѣшеніе палаты.

— Скорѣе пишите новый отзывъ. До него, видимо, и добирались. Спѣшите, не откладывайте, сегодня же пишите.

— Невозможно. Нужно добыть сперва всё копи сь производства и потомъ уже писать на основаніи этихъ документовъ отзывъ. Какъ же я безъ нихъ напишу, данныхъ у меня теперь нѣтъ.

— Подавайте прошеніе о выдачѣ вамъ копій. Но ради Бога торопитесь, чтобы время не ушло, чего только и ждутъ враги ваши.

Несомнѣнно, что Игумновъ торопился, хлопоталъ, но, увы, отзывъ его такъ и не поспѣлъ къ сроку, рѣшеніе вошло въ законную силу, и торжествующій Трескинъ сперва арестовалъ Игумнова, а потомъ выслалъ «подъ надзоръ» въ Верхнеудинскъ, къ тому же Янковскому.

«Бѣдный Александръ Васильевичъ, — записываетъ дѣду, — его уже нѣтъ здѣсь, онъ увезенъ на муки и страданія. Какое несправедливое дѣяніе, и надъ кѣмъ же? Надъ лучшимъ человѣкомъ, совѣсть и душа котораго полны чистоты. Безсиленъ я помочь ему и даже утѣшить не могу».

«Послалъ въ Верхнеудинскъ Глазова (довѣренный), якобы по торговымъ дѣламъ своимъ, и препоручилъ ему лично освѣдомиться у Александра Васильевича о его нуждахъ и отписать мнѣ все подробно и обстоятельно. Глазовъ догадливый и смысленый, онъ исполнить порученное въ достаточной ясности и порядкѣ; на него надѣяться можно».

О донесеніяхъ Глазова упоминается въ «запискахъ» нѣсколько разъ, и всё они очень неутѣшительны и рисуютъ жизнь «поднадзорнаго» Игумнова въ мрачныхъ краскахъ.

«Живетъ Александръ Васильевичъ очень скудно и даже началъ болѣть. Исправникъ каждодневно срываетъ свою злость и чинить ему обиды неслыханныя. Сталъ Александръ Васильевичъ ребятишекъ учить грамотѣ, — сіе въ вину поставили, запретили, а ребятишекъ разогнали. Гостей тоже запрещено принимать, и даже за околицу выходить не допускаютъ. Семейство ихнее тоже въ разстройствѣ и весьма удручено сими обстоятельствами. Письмо я передалъ и отъ нихъ взялъ и вѣрнаго человѣка поставилъ, который слѣдующія письма сюда доставлять будетъ».

Въ «меморіалахъ» имѣются «списки» съ нѣкоторыхъ писемъ Игумнова къ дѣду. Письма эти написаны подъ вліяніемъ горя и несчастія, обрушившагося на голову Игумнова, въ нихъ излагается весьма подробно жизнь его въ Верхнеудинскѣ и тѣ «утѣшенія», что продѣлывалъ Янковскій.

«Пишу вамъ, а самъ думаю, что не въ послѣдній ли разъ держу перо въ рукахъ. Здоровье пошатнулось, зрѣніе слабѣетъ, и притокъ мыслей оскудѣваетъ. Покорился я судьбѣ и уже не мечтаю обратиться въ прежняго человѣка, которому были не чужды всё лучшія проявленія души и сердца. Не притягиваютъ меня къ себѣ любимыя книги, ибо не нахожу въ оныхъ успокоенія смятенному духу. Кто я теперь? Опороченный лихонемецъ и лиходѣй, коему возда-

лось лишь по заслугамъ его. Мучитель мой (Янковскій) каждодневно измышляетъ нанести мнѣ ударъ и ищетъ самыя чувствительныя мѣста. Господи, Господи, успокой душу мою и всели твердость въ сердце, ибо оно бьется день ото дня все слабѣе и слабѣе»...

Игумновъ умеръ въ изгнаніи, и враги торжествовали свою побѣду.

«Вѣсть о кончинѣ Александра Васильевича,—пишетъ дѣдъ,—сразила меня, и я оплакивалъ моего друга и совѣтника. Миръ его праху и царство небесное».

Съ трудомъ можно теперь повѣрить, что творилось въ это многострадальное для Сибири время. Читая дѣдовскія «записки», наталкиваешься на факты, заставляющіе невольно изумляться долготерпѣнію, съ которымъ сносился деспотизмъ и самовластіе тогдашнихъ правителей. Но видно, что терпѣніе стало истощаться, лучшие представители общества, въ особенности купечество, среди котораго находились люди, не желавшіе слѣпо подчиняться режиму Трескина и его присныхъ, рѣшили послать тайно въ Петербургъ «ходока», который бы лично доложилъ, кому слѣдуетъ, о томъ, что творится въ Сибири, гдѣ, на примѣръ, знаменитый исправникъ Лоскутовъ дозволилъ себѣ высѣчь протоіерея Орлова, а городничій Кукалевскій ѣздилъ въ коляскѣ, запряженной тѣми чиновниками, что осмѣлились собраться и обсуждать, кому и какъ подать жалобу на незаконныя дѣйствія начальства. Но главной причиной, вызвавшей тайный посылъ «ходока», было ожесточенное преслѣдованіе двухъ именитыхъ купцовъ иркутскихъ—Сибирякова и Мыльниковъ, о печальной судьбѣ которыхъ имѣется много печатныхъ источниковъ.

«Свидѣлся съ Трапезниковымъ, который мнѣ сказалъ, что онъ надумалъ важное дѣло. Подробно не объяснилъ, а намекомъ лишь упомянулъ. Понялъ я претолчно, а виду не подалъ, ибо оно дѣло въ великой скрытности держать слѣдуетъ».

Вслѣдъ за этой коротенькой замѣткой у дѣда записано, что «дѣло, о коемъ съ К. П. (Константинъ Петровичъ Трапезниковъ) бесѣдовали, подвигается, но тихо. Согласныхъ много, но кои боятся. Тѣмъ все открывать не приходится, ибо раньше времени объявиться можетъ».

«Тайное дѣло», о которомъ пишетъ дѣдъ, созрѣвало весьма медленно, и подготовлялось чрезвычайно осторожно, чтобы не вспугнуть зоркихъ шпионовъ Трескина. Именитые и первогильдейскіе купцы собирались въ условленныхъ мѣстахъ, подъ видомъ толкованія о торговлѣ и т. п. невинныхъ вещахъ, и шушукались, какъ послать въ Петербургъ преданнаго, толковаго, находчиваго и «безбоязненнаго» челоуѣка. Главное же затрудненіе состояло въ написаніи жалобы, гдѣ все беззаконіе сибирскихъ властей было бы выставлено въ надлежащемъ свѣтѣ.

Немалую, конечно, трудность представлялъ выборъ «посла», такъ какъ человѣка, совмѣщавшаго всѣ требуемыя качества, подъ рукой не находилось.

Послѣ долгихъ разговоровъ одинъ изъ купцовъ, обозначенный въ мемуарахъ лишь буквой П., предложилъ остановиться на извѣстномъ ему «мѣщанинѣ Саламатовѣ, за котораго онъ ручается».

«Сегодня пришелъ Саламатовъ къ К. П. (Трапезникову), и мы съ нимъ долго бесѣдовали. Человѣкъ весьма смысленный и за себя постоятъ. Жалобу взялся доставить и всѣ неправды наружу вывести. Насчетъ платы сговорились и дѣло налаживаемъ. Пишетъ жалобу у К. П. одинъ человѣкъ, хотя изъ ссыльныхъ, но человѣкъ вѣрный. Завтра Саламатовъ уходитъ. Дай Богъ, чтобы все удалось».

Писались эти строки въ концѣ 1817 года, а Саламатовъ, насколько извѣстно, былъ въ Петербургѣ въ 1818 году. Миссію свою онъ выполнилъ и даже заслужилъ довѣріе петербургскаго начальства, такъ какъ петербургскій генераль-губернаторъ Милорадовичъ ему покровительствовалъ. Вернулся ли Саламатовъ въ Иркутскъ, изъ «записокъ» не видно, нигдѣ о немъ не встрѣчается указаній, но жалоба возмѣла до нѣкоторой степени свое дѣйствіе, такъ какъ въ 1819 году, 22-го марта, императоръ Александръ Павловичъ подписалъ знаменательный указъ о назначеніи Сперанскаго генераль-губернаторомъ Сибири съ широкими полномочіями.

По своимъ большимъ торговымъ дѣламъ, раскинутымъ по всей Сибири, дѣдъ часто, особенно въ молодости, посѣщаль отдаленнѣйшіе уголки огромнаго края, и вездѣ, куда бы онъ ни пріѣзжалъ, встрѣчалъ произволъ, соединенный съ невѣроятной жестокостью, доходившей до послѣднихъ предѣловъ. Въ исторіи Сибири кровавыми буквами вписаны имена разныхъ исправниковъ, начальниковъ и т. п. мелкихъ властей, находившихъ удовольствіе при видѣ истерзаннаго въ клочья человѣческаго тѣла. Даже «торговья казни» не были такъ ужасны, какъ были жестоки «наказанія на тѣлѣ» разныхъ Лоскутовыхъ, Разгильдеевыхъ, Янковскихъ и т. п. изверговъ.

Дѣдъ со словъ одного изъ своихъ довѣренныхъ описываетъ возмутительную жестокость, совершенную Лоскутовымъ надъ ссыльнопоселенцемъ Кудринимъ. Этотъ Кудринъ, нужно сказать, былъ профессиональный конокрадъ и дорожный разбойникъ. Подвиги свои Кудринъ совершалъ по Бирюсинскому тракту (въ Енисейской губерніи) и не разъ попадался въ руки Лоскутова, но исправникъ отпускалъ его на волю, конечно, за богатый выкупъ. Кудринъ былъ бичемъ населенія, за нимъ устраивались погони, облавы, но онъ, имѣя такого покровителя, какъ Лоскутовъ, благополучно избѣгалъ преслѣдованія крестьянъ и жителей разоряемыхъ имъ деревень и селъ. Не помогали жалобы, подаваемые начальству. Но

Кудринъ зазнался, и это его погубило. Онъ не счелъ нужнымъ заплатить Лоскутову обычную дань за какое-то дерзкое нападеніе на обозъ, и Лоскутовъ схватилъ Кудрина въ то время, когда онъ бражничалъ со своими товарищами.

— Я тебя суду не предамъ,—сказалъ Лоскутовъ,—а буду называть на смерть.

Лоскутовъ сдержалъ свое слово, и Кудринъ умеръ подъ розгами. Смѣнялись палачи за палачами, свистѣли окровавленные розги, тѣло Кудрина представляло собою одну сплошную рану, а Лоскутовъ хладнокровно курилъ трубку и только приговаривалъ: «бей сильнѣе, бей сильнѣе!»

Такою же жестокостью отличался и горный инженеръ Разгильдеевъ, служившій въ Нерчинскѣ. Число забытыхъ имъ жертвъ было настолько велико, что образовалось особое кладбище, носящее до сихъ поръ названіе «Разгильдеевскаго».

Посѣщая Забайкалье, гдѣ уже прочно основались старообрядческія поселенія (основанныя при императрицѣ Екатеринѣ Второй изъ ссыльныхъ раскольниковъ), такъ называемыя «семейскія», дѣдъ восторгается богатствомъ и зажиточностью этихъ селеній. Казалось, что среди общей сибирской неурядицы и разоренія сельчане Тарбагатая, наперекоръ существующему порядку вещей, сумѣли отрицательныя стороны обратить въ свою пользу.

На разспросы дѣда, какимъ образомъ сумѣли тарбагатайцы оградить себя отъ произвола и хищническаго хозяйничанія исправниковъ, они наивно отвѣчали: «мы начальство на откупъ держимъ, платимъ халтуру исправно и потому никого не боимся». Но это было не совсѣмъ такъ, начальство просто боялось ѣздить въ Тарбагатай и оставляло въ покоѣ старообрядцевъ, когда они сидѣли у себя, огражденные хребтами горъ, непроѣздными дорогами и дремучей тайгой, но лишь кому либо изъ нихъ приходилось по дѣламъ выѣзжать въ какой либо ближайшій городъ, гдѣ жило бдительное начальство, то неосторожный «семейскій» подвергался всѣмъ притѣсненіямъ, на какія были лишь способны изобрѣтательныя въ этомъ отношеніи сибирскія власти. Одинъ изъ такихъ примѣровъ описываетъ дѣдъ и говоритъ по этому поводу, что «для баргузинскаго начальства немало радостныхъ хлопотъ доставило задержаніе «семейскаго» раскольника Хромова, торгующаго поселщика».

Хромовъ не былъ фанатикомъ, не распространялъ своего ученія и даже не отличался нетерпимостью къ «мірскимъ», такъ какъ охотно пилъ чай, сидѣлъ въ одной комнатѣ съ курящими табакъ и не имѣлъ «своей» посуды, а пользовался чужой, словомъ это былъ обыкновенный разбогатѣвшій крестьянинъ, ради торгашескихъ выгодъ попускавшійся многими обычаями и обрядностями своей «старой» вѣры. Къ большому несчастію для Хромова, онъ

принялъ нѣкоторое участіе въ сосланномъ въ Баргузинъ «на жительство», по прояскамъ Трескина и Пестеля, иркутскомъ купцѣ Мыльниковѣ, одномъ изъ почетнѣйшихъ лицъ Иркутска, и этого было совершенно достаточно для «уничтоженія» Хромова. Началось «уничтоженіе» съ того, что Хромова потребовали въ Верхнеудинскъ къ исправнику Геденштрему, для дачи показаній о сношеніяхъ съ раскольникомъ Ракитинымъ. Дѣдъ засталъ Хромова въ Баргузинѣ какъ разъ въ то время, когда Хромовъ былъ извѣщенъ его благопріятелями изъ мелкихъ городскихъ властей о готовящемся ему испытаніи.

«Прибѣжалъ Никита Савельевичъ Хромовъ, знакомецъ мой по Забайкалью, очень встревоженный и совѣта просить».

— Что теперь мнѣ дѣлать,—говорилъ «семейскій»,—мнѣ пора въ Тарбагатай назадъ ѣхать, дѣла свои здѣсь всѣ прикончилъ, а меня держатъ, да еще страшатъ въ Верхнеудинскъ отправить.

— Справиться нужно, по какому дѣлу требуютъ,—посоветовалъ дѣдъ.

— Справлялся и подарки дѣлалъ, а ничего толкомъ узнать не могъ. Говорилъ засѣдатель, что въ причастности къ раскольнику Ракитину, а я такого не знаю и въ глаза не видалъ.

— Отписаться можно. Попросить чиновника, онъ уважаетъ, какъ это сдѣлать.

Хромовъ послушался совѣта дѣда и «отписался», но и отписка не спасла, а только оттянула время, такъ какъ «соучастника Ракитина въ распространеніи ереси и раскольничьяго лжеученія поселщика Хромова» привезли въ Верхнеудинскъ и тамъ «уничтожали» всякими способами и мѣрами настолько удачно, что, спустя три года послѣ этого, когда власти «убѣдились» въ непричастности Хромова къ Ракитину, кстати сказать, признанному сумасшедшимъ и никогда не бывавшему дальше иркутскаго острога, а главное, когда у Хромова изсякли всѣ денежныя средства, и тарбагатайцы выслали обильную дань съ присовокупленіемъ «нарочитыхъ даровъ», то его больного, измученнаго сидѣніемъ въ гнилыхъ и тѣсныхъ тюрьмахъ и «холодныхъ», отправили въ Баргузинъ для «предоставленія, по усмотрѣнію начальства, свободнаго возвращенія на мѣсто своего постояннаго пребыванія».

Дѣдъ очень интересовался дѣломъ Хромова, такъ какъ его возмущала подкладка, которую придали власти хромовскому процессу, и явное фарисейство верхнеудинскихъ и другихъ властей, желавшихъ подъ маской и видомъ «поддержанія православной вѣры и огражденія ея отъ раскольничьихъ лжеучителей и смутьяновъ» просто-напросто обдѣлывать свои грязныя дѣлишки и метить за участіе къ полуслѣпому и разбитому злымъ недугомъ несчастному Мыльникову.

«Дѣло не въ огражденіи вѣры отъ невѣжественнаго Хромова,—говорится въ «меморіалахъ»,—а все въ Мыльниковѣ—ему мстять, а

Хромова уничтожили за то, что письма доставлялъ и нѣкоторыя порученія его исполнялъ. Хромову и въ мысль не придетъ въ смущеніе кого либо приводить, ибо онъ самъ въ дѣлахъ своей вѣры весьма поколебимый и даже очень малограмотенъ. По моему разумѣнію, немало способствовали «уничтоженію» Хромова и недостатки его, къ тому же онъ «семейскій», до нихъ рѣдко добратъся можно, вотъ и добрались и взяли сколько кому до насыщенія полного понадобилось».

Такихъ дѣлъ, гдѣ сибирскія власти «кормились», въ мемуарахъ дѣда занесено еще нѣсколько, но самое возмутительное изъ нихъ это, конечно, дѣло откупщика Передовщикова. Объ этомъ громкомъ процессѣ, надѣлавшемъ въ свое время много шума, имѣются весьма обстоятельныя изслѣдованія и записки современниковъ, а также упоминается въ трудахъ Вагина и барона Корфа, такъ что сущность, т.-е., если можно такъ выразиться, «фабулу», передавать не приходится, чтобы не повторять уже извѣтнаго, и я ограничусь лишь тѣми подробностями, какія мнѣ не удалось встрѣтить въ сочиненіяхъ и изслѣдованіяхъ сибирской старины и въ разныхъ запискахъ о прошломъ Сибири...

Весь процессъ прошелъ, такъ сказать, передъ глазами дѣда, и онъ, какъ и все иркутское общество, за исключеніемъ, конечно, креатуръ Трескина и Пестеля, слѣдилъ съ большимъ интересомъ и состраданіемъ за этой маловѣроятной теперь житейской драмой, по своему содержанію превосходящей фантастическіе романы и повѣсти французскихъ кропателей уголовныхъ романовъ.

Процессъ застаётъ Передовщикова уже старцемъ, очень богатымъ человѣкомъ, съ обширными связями, откупщикомъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ Европейской Россіи и по всей Сибири. Онъ уже успѣлъ выработать самостоятельный образъ мнѣній, завелъ вліятельныя знакомства и не считалъ нужнымъ раболѣпствовать ни передъ Трескинымъ, ни даже передъ Пестелемъ. Прежнее Передовщикова не было безупречно, это былъ, какъ говоритъ Вагинъ, «одинъ изъ числа тѣхъ авантюристовъ, которыми такъ богата была Сибирь въ прежнее время». Въ 1788 году, Передовщикова за что-то былъ сосланъ съ лишеніемъ правъ въ Туруханскій край, гдѣ занялся торговлей и повелъ свое дѣло настолько успѣшно, что внесъ гильдейскія пошлины и приписался въ временныя купцы по городу Туруханску. Изъ документовъ извѣстно, что Передовщикова подалъ прошеніе императору Павлу Петровичу и получилъ право оставаться въ этомъ званіи, т.-е. получилъ права гражданства и «забвеніе прошлаго проступка». Съ этого момента Передовщикова быстро пошелъ въ гору, и богатство его росло съ каждымъ днемъ. Несомнѣнно Передовщикова былъ очень талантливый, упорный работникъ, съ большимъ умомъ и желѣзной настойчивостью, встречающейся у русскихъ «самородковъ». Но эта, можетъ быть, нѣ-

сколько излишняя самоувѣренность и самомнѣніе, а также и неуступчивость въ спорахъ и требованіяхъ, и погубили Передовщикова въ его распрѣ съ Пестелемъ и Трескинымъ, такъ какъ будь онъ болѣе покладистъ, сдѣлай сперва уступки и выкажи готовность на компромиссы, исходъ рокового для него процесса могъ быть совершенно иной, и вопіющаго беззаконія и величайшей несправедливости не прибавилось бы въ лѣтописяхъ Сибири.

Читая теперь о перипетіяхъ этого изумительнаго по своему содержанию и фабулѣ процесса, невольно переношишься въ сказочный міръ, гдѣ все невозможное становилось возможнымъ, и все дѣлалось по приказанью какой-то волшебной власти, далекой отъ самой простой, обыденной житейской дѣйствительности и наперекоръ здравому смыслу, не говоря уже о такихъ вещахъ, какъ законность или правда.

«Очень были всѣ удивлены, что Передовщикова не взялъ здѣсь откупа, и Трескинъ торги назначилъ и сдалъ откупа, якобы съ торговъ, своимъ знакомцамъ, уѣзднымъ откупщикамъ. Вскорѣ объяснилось все, и вышло, что Передовщикова взялъ уже откупа въ Петербургѣ, но оттуда скоро не отписали въ Иркутскъ, а Трескинъ такой медлительностью воспользовался и поступилъ, какъ ему по его желанію было».

Вотъ была завязка драмы, которая начала съ этого момента быстро развертываться и захватывать своимъ содержаніемъ всѣ слои иркутскаго общества.

«Пріѣхала жена Передовщикова. Познакомилъ съ ней у Трапезникова, гдѣ и купецъ Киселевъ былъ. Очень много разговаривали по дѣлу ея супруга. Была, говорить, у губернатора и заявила о правахъ своихъ. Ничего во вниманіе не принимаетъ и всякими ужасами страшаетъ.

«— Что же онъ говорить?—спрашивалъ ее К. П. (Трапезниковъ).

«— Совѣтуетъ отказаться, иначе, говорить, очень плохо придется.

«— Какъ же вы думаете поступить?

«— Волю мужа исполню и отъ своихъ правъ не отступлюсь. У насъ, слава Богу, въ Петербургѣ всегда защитники найдутся».

Послѣ этого разговора прошелъ всего одинъ годъ, а Передовщикова былъ уже подъ судомъ и по приговору томскаго губернскаго суда, или, лучше сказать, по настоянію Пестеля, былъ за якобы какія-то злоупотребленія лишенъ званія коммерціи совѣтника. Этого наказанія и «уничтоженія» Передовщикова было мало для Трескина и Пестеля, имъ хотѣлось «исключить Передовщикова изъ списка» и придумывали болѣе дѣйствительный способъ наказанія строптиваго и неиспугавшагося перваго предостереженія челоуѣка.

«Марія Ивановна П. (Передовщикова) совсѣмъ ослѣпла отъ слезъ,—заноситъ дѣдъ въ «записки».—Безъ боли сердечной не могу

смотря на сію несчастную женщину. Мужа позорять, безчестять, а она и сдѣлать ничего не можетъ. Ходить къ чиновникамъ, а тѣ и сами ничего не знаютъ, какъ бѣду поправить. Утѣшаю по возможности, указывая на высшіе суды, на сенатъ».

«Случилось весьма странное обстоятельство, — воры проникли въ здѣшнюю откупную контору и обокрали ее. Но украли только книги торговыя. Еще любопытнѣе, что въ конторѣ замки, двери, окна въ полной цѣлости обрѣтаются, и какъ туда воры прошли, никто не понимаетъ. Недостойная игра и больше ничего, — конечно, свои же довѣренные украли, чтобы плутовство покрыть. Кому же нужны старыя конторскія книги?»

«Приходилъ Киселевъ, долго бесѣдовалъ и о воровствѣ книгъ говорилъ. Очень онъ беспокоится и утверждаетъ, что дѣло это рукъ Т. (Трескина). Сомнѣваюсь, ибо зачѣмъ онѣя книги Т. могутъ понадобиться?»

Вслѣдъ за этимъ происшествіемъ случилось и еще одно событіе, имѣющее связь съ воровствомъ книгъ. Въ лѣсу, близъ самаго города, въ мѣстности, куда иркутяне ѣздятъ «на вольномъ воздухѣ попить чайку», компанія полицейскихъ чиновниковъ «случайно» нашла эти книги и... представила ихъ не въ контору, а къ Трескину.

«Киселевъ правымъ оказался, — пишетъ дѣдъ, — книги уворованы и найдены по приказанью Т. (Трескина). Сейчасъ носится слухъ, что нашлись въ книгахъ ложныя записи, подчистки и всякія незаконности. Если правда, Передовщикову отъ суда не избавиться. Да сохранить его Господь отъ сего новаго испытанія. Но только узы его теперь завязаны крѣпко, и враги поймали въ разставленную ловушку и сѣти. Бѣдный, бѣдный человекъ! Не спасутъ его теперь никакія силы, ни даже его богатство и заступничество его петербургскихъ благопріятелей и знакомцевъ, сколь бы они могущественны ни были, ибо все закономъ прикроютъ и дѣло какъ бы по суду, а не личному усмотрѣнію пустятъ. Какая насмѣшка и какое глумительство! Воже мой, Боже мой!»

Жена Передовщикова оказалась очень энергичной заступницей за честь своего мужа, — она и честный, умный Киселевъ старались парировать удары. Киселевъ особенно горячо возставалъ противъ Трескина и его клеветовъ и успѣлъ убѣдить предсѣдателя иркутской уголовной палаты Горновскаго и прокурора Петрова, тоже честныхъ и стойкихъ людей, не допустить совершиться «злодѣйскому дѣлу».

«Какое счастье для Передовщикова, — восклицаетъ дѣдъ, — что у насъ живутъ такіе правдивые люди, какъ Петровъ, Горновскій, Киселевъ! Что бы онъ дѣлалъ безъ ихъ помощи?»

«Наше дѣло выиграно, — кричалъ Киселевъ, чуть не плача отъ радости, — Горновскій и Петровъ подали протестъ и не согласились

на преданіе суду Передовщикова. Ликую и я, ибо не всякое темное дѣло даже у насъ совершиться можетъ. К. П. (Трапезниковъ) омрачилъ нашу общую радость и сказалъ, что «урожай послѣ лѣта считаютъ». Т. (Трескинъ) и А. Ѳ. (Агнесса Ѳедоровна) рвутъ и мечутъ. Не удастся имъ человѣка погубить. Узналъ стороной, что и Б. (Бѣлявскій) насушился».

«Сильно опечалился. Прибѣжалъ К. (Киселевъ) въ смущеніи великомъ и съ лицомъ разстроеннымъ. Спрашиваю о причинахъ такого разстройства. Отвѣтилъ, что прокурора отъ насъ въ Тобольскъ переводятъ, а Горновскаго отъ службы уволили. Бумага изъ Петербурга пришла. Ушамъ своимъ не вѣрю. Пошелъ къ К. П. (Трапезникову), а онъ уже знаетъ и только руками разводитъ. За К. (Киселева) боюсь, какъ бы онъ съ пылу какого промаха не надѣлалъ и себѣ не повредилъ. Изъ всѣхъ силъ предостерегаю и со вѣтую беречь себя».

Извѣстіе о переломѣ въ дѣлѣ Передовщикова волновало весь городъ, вездѣ слышался ропоть, недовольство высказывалось громко, высказывалось негодованіе, и казалось, что Трескинъ и его шпіоны и даже самъ Пестель зарвались. Но, увы, это было самообольщеніе, самоутѣшеніе той части общества, которая думала, что для Пестеля и Трескина существуютъ какія либо препятствія для достиженія своихъ цѣлей. Протесты Горновскаго и Петрова хотя и были совершенно законны и основаны на соображеніяхъ чисто юридическаго свойства, были легко уничтожены Пестелемъ и не имѣли никакого существеннаго значенія, такъ какъ въ то время бумажнаго судопроизводства можно было ниспровергнуть какую угодно судебную резолюцію. Пособниками Трескина и Пестеля явились двѣ ихъ креатуры,—судя по записямъ дѣда, «отгьявленные» лиходѣи, крючкотворы и негодяи, — губернской стряпчій Шлаковъ и совѣтникъ Корюховъ. Этихъ-то господъ, вѣрныхъ исполнителей воли Пестеля и Трескина, и назначили вмѣсто благородныхъ и честныхъ Горновскаго и Петрова. Съ общественнымъ же мнѣніемъ ни Пестель, ни Трескинъ никогда не считались. Да и было ли тогда «общественное мнѣніе»? Все только трепетало, молчало и лишь кое-когда, въ видѣ частнаго разговора, позволяло себѣ обсуждать происходящія событія. Такъ было и теперь,—Пестель и Трескинъ, искоренявшіе малѣйшія проявленія неудовольствія, допускали ропоть, чтобы вѣрнѣе нанести послѣдній ударъ, устранить оппозицію, и, выбравъ себѣ жертвы, столкнуть ихъ, коли не въ пропасть, то въ острогъ, или въ домъ для сумасшедшихъ».

«Превосходитъ всякую мѣру, всякое человѣческое долготерпѣніе,—вопіеть дѣдъ,—содѣянное Т. (Трескинымъ) надъ моимъ другомъ К. (Киселевымъ). Его жена въ изступленіи ума прибѣжала къ К. П. (Трапезникову) и сказала ему, что мужа увезли въ больницу, какъ сумасшедшаго, что тамъ его и признали неизлѣчимо больнымъ».

Изъ больницы Киселевъ не вышелъ, онъ «пропалъ безъ вѣсти», и самыя энергичныя попытки родныхъ и знакомыхъ не привели ни къ какимъ результатамъ.

«Жертва Т. (Трескина), несчастный К. (Киселевъ) никогда не сходилъ съ ума,—говорится въ «запискахъ»,—а что его уничтожили, такъ это дѣло рукъ смотрителя больницы Третьякова, — онъ въ угоду Т. (Трескину) такъ запряталъ К. (Киселева), что его никто и никогда не найдетъ. Говорилъ по этому случаю съ К. П. (Трапезниковымъ), онъ той же мысли держится, да и другіе не отрицаютъ. Злодѣяніе великое, но обычное, всего можно отъ такихъ звѣрей ожидать, на все эти люди пойдутъ, даже и на убійство».

Жена Передовщикова, сосланнаго, въ концѣ концовъ, въ торговлю, въ нерчинскіе рудники, гдѣ онъ пробылъ очень долго, усиленно хлопотала за своего мужа вездѣ, гдѣ было возможно, подавая записки, прошенія, жалобы, но безъ всякаго успѣха. О Киселевѣ же хлопотать было некому, — это былъ бѣдный, сравнительно, человѣкъ, который помогалъ Передовщиковой совершенно безкорыстно «ради правды и совѣсти».

Печальна судьба и другого защитника Передовщикова (Горновскаго), о которомъ мой дѣдъ отзывался, какъ о «начитанномъ и умнѣйшемъ философѣ». Онъ былъ сперва отрѣшенъ отъ должности, затѣмъ преданъ суду «за сокрытіе взятыхъ у откупщика вина и денегъ» и высланъ изъ Иркутска въ село Карлукъ, гдѣ на скучномъ досугѣ занимался составленіемъ разныхъ проектовъ по преобразованію управленія Сибирью. Тамъ же онъ написалъ свое знаменитое обличеніе Пестеля, Трескина и другихъ слодвижниковъ этихъ печальной памяти людей, обвиняемыхъ въ разныхъ преступленіяхъ. Доносъ этотъ въ спискахъ ходилъ по рукамъ, и мой дѣдъ извлекъ изъ него немало интересныхъ свѣдѣній. Часть этихъ свѣдѣній нашла себѣ подтвержденіе въ архивныхъ дѣлахъ и воспоминаніяхъ современниковъ, но въ большинствѣ случаевъ въ доносѣ фигурируютъ такія данныя, о которыхъ въ настоящее время трудно судить, насколько они вѣрны съ фактической стороны. Судя же по тому, что доносъ Горновскаго въ Петербургѣ произвелъ настолько сильное впечатлѣніе, что отъ Пестеля потребовали категорическихъ объясненій, можно думать, что съ фактической стороны онъ не грѣшитъ противъ истины. Мрачную картину развертываетъ Горновскій, настолько мрачную, что жутко читать про темныя дѣла, гдѣ жизнь, честь и свобода человѣка не считались священными и попирались самымъ возмутительнымъ образомъ грязными руками сибирскихъ мучителей. Горновскій писалъ «возвышеннымъ стилемъ», довольно образнымъ языкомъ, и его изложеніе отличается ясностью и убѣдительностью.

«Въ томъ краю, куда рѣдко проникаетъ человѣческій глазъ, гдѣ шумить дѣвственный вѣковой лѣсъ, гдѣ вершины горъ покрыты

вѣчнымъ снѣгомъ, и куда трудно проѣхать, томятся несчастные люди и отъ невзгоды суровой природы и еще больше отъ людской несправедливости и жестокосердія. Нѣтъ тамъ ни правды, ни суда, а царить произволь лютѣйшихъ правителей, ради своихъ преступныхъ, лихоимныхъ цѣлей порабоощающихъ все населеніе Якутскаго края. Исправнику хорошо живется, ясакъ собираетъ, а самъ при этомъ вымогательство чинить и лучшіе мѣха себѣ выбираетъ. Въ Киренскѣ лавку открыть нельзя, все своруютъ, а воры кто? самъ господинъ засѣдатель и служители его. Ни хлѣба, ни мяса, ни масла нельзя купить, все на откупѣ находится, и цѣну назначаютъ небывалую. Народу кормиться нечѣмъ, и голодъ существуетъ изъ году въ годъ. Доходятъ до такого положенія, что людоедствомъ грозить, какъ то въ Туруханскомъ краѣ уже случилось и случится непременно и въ Якутскомъ. Казенные магазины пустуютъ, а тѣ, кои сіе вѣдать должны, не заботятся, а богатѣютъ».

Такихъ выписокъ имѣется довольно много, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ разсказывается о злоупотребленіяхъ въ другихъ мѣстахъ Сибири. Упоминается про несчастнаго Крюкова, сосланнаго «за продерзость Трескину», Дударовскаго (оба купцы), тоже сосланнаго за «явное непочтеніе властямъ», и множество другихъ лицъ, потерпѣвшихъ не за преступления, а исключительно ради желанія Трескина и Пестеля сломить «упорство ябедниковъ» и устранить съ дороги честныхъ, самостоятельныхъ людей, рѣшившихся возвышать свой голосъ въ защиту угнетенныхъ и обиженныхъ. Немало мѣста отведено Горновскимъ клеветамъ Трескина, но не щадитъ онъ и самого Пестеля, называя его «варваромъ изъ варваровъ и разбойникомъ-грабителемъ». «Не было и не будетъ больше такихъ злодѣевъ въ Сибири,—значится въ выпискѣ у дѣда,—годы пройдутъ, а такого правителя земля не родитъ больше. Попираетъ онъ все, что есть святого, ничѣмъ не дорожитъ, никого не щадитъ и только себя ублажаетъ и себя, какъ бы божествомъ, считаетъ. Но придетъ, наступитъ время, и отомстятся страданія наши, покараетъ ихъ Тотъ, Кому видны всѣ дѣла человѣческія, и Кто руководитъ всей вселенной. Не мы, такъ потомки наши узрятъ не плачущую и стонущую Сибирь, а просвѣтленную, готовую службѣ общей матери—Россіи».

Въ «запискахъ» дѣда я нашелъ коротенькія замѣтки еще о нѣсколькихъ «правдолюбцахъ», но, къ сожалѣнію, по нимъ трудно возстановить съ желаемой полнотою борьбу этихъ лицъ съ «темными силами». Къ числу такихъ людей слѣдуетъ отнести военнаго губернатора (въ Иркутскѣ) Лепцано (до Трескина, 1803), вице-губернатора (тоже иркутскаго) Левицкаго и коменданта Сухотина. Послѣднихъ двухъ Трескинъ сжилъ съ мѣста и «досаждалъ имъ всячески», какъ пишетъ въ мемуарахъ мой дѣдъ. Такими мѣрами «устрашенія и утѣшенія» Пестель и Трескинъ вкуплѣ со «сворой

лютыхъ звѣрей» «обуздывали непокорныхъ и устраняли съ своего пути. Не церемонились эти господа не только съ «лицами гражданскаго вѣдомства», но позволяли себѣ затрогивать и духовныхъ особъ, которымъ «чинились» разныя «обиды и притѣсненія», и на защиту которыхъ возсталъ глубокоуважаемый, кроткій архипастырь иркутскій Михаилъ (Бурдуковъ).

«Не разъ, — пишетъ дѣдъ, — за утѣшеніемъ обращался я къ нашему многомилостивому и высокопочитаемому духовному наставнику и ревностному молитвенному архипастырю Михаилу за словомъ утѣшенія и совѣтомъ, а также и съ ходатайствомъ о повліяніи на нашего губернатора о несчастныхъ, невинностраждущихъ заключенныхъ. Владыко отвѣчалъ мнѣ, что и онъ скорбитъ душею и видитъ все содѣянное, но совладѣть съ поносителемъ правды онъ не въ силахъ, и что онъ обо всемъ уже въ Петербургъ министру отписалъ и въ надлежащемъ свѣтѣ представилъ и надѣется, что его правдивыя слова услышаны будутъ, а паче всего обратятъ вниманіе, что не должна свѣтская власть духовнаго сана касаться и творить надъ нимъ яростное безчинство и поруганіе».

Черезъ нѣсколько страницъ въ мемуарахъ, гдѣ занесены вышеприведенныя строки, значится еще такая запись:

«Свидѣлся съ владыкой и говорилъ о К. (Киселевѣ). Владыко весьма удрученъ и о Т. (Трескинѣ) выразился, что сей человекъ на великое зло способенъ, и отъ него можно даже преступленія ожидать. Ходатайствовалъ передъ владыкой, дабы онъ съ Т. (Трескинымъ) переговорилъ о смягченіи участи К. (Киселева). Обѣщалъ и поѣхалъ въ логовище звѣря. Вечеромъ въ тотъ же день я снова посѣтилъ владыку, а онъ смущеннымъ вышелъ и дрожащимъ голосомъ объявилъ, что его же, владыку, попустителемъ ябедниковъ назвали и обѣщали жалобу на вмѣшательство его въ свѣтскія дѣла принести. При этомъ владыко еще сказалъ, что онъ не смогъ протоіерея Орлова защитить, то гдѣ же ему о защитѣ Киселева думать. Оставилъ я владыку въ весьма сокрушенномъ состояніи и головою ницъ поникшею».

Но все-таки голосъ «недовольныхъ ябедниковъ» не могъ быть совсѣмъ заглушенъ, — протестъ созрѣвалъ, укрѣплялся, росъ и достигалъ въ отдѣльныхъ случаяхъ до большихъ размѣровъ. Тотъ же Левицкій, не боясь послѣдствій, открыто послалъ въ Петербургъ доносъ о засѣдателѣ приказа общественнаго призрѣнія Третьяковѣ, томъ самомъ, что былъ впоследствии смотрителемъ больницы и «скрылъ» Киселева, и о помощникѣ смотрителя запасныхъ магазиновъ Карпушенковѣ. О послѣднемъ въ мемуарахъ дѣда имѣется довольно обстоятельная характеристика. И хотя Левицкій былъ по проискамъ Пестеля и Трескина отозванъ, тѣмъ не менѣе его разоблаченія привели къ тому, что губернаторъ былъ привлеченъ сенатомъ къ суду, и Трескину стоило немалыхъ хлопотъ.

потъ и стараній «обълиться», тѣмъ болѣе, что Левицкаго поддерживалъ прокуроръ Шатюлевичъ, тоже стойкій боецъ за правду и законность.

О Карпушенковѣ же дѣдъ пишетъ слѣдующее: «Кто только у насъ не начальникъ и не властвуетъ? Наказанный плетью два раза за лихоимство каторжанинъ, можетъ быть, за убійство сосланный, лживый, гадкій человѣкъ Карпушенковъ въ силѣ находится, на казенномъ мѣстѣ служить и въ чины выводится». Въ другомъ мѣстѣ «записокъ» объ этомъ же Карпушенковѣ говорится еще опредѣленнѣе.

«Карпушенковъ къ продажѣ казеннаго хлѣба приставленъ. Просто-напросто грабить опредѣляютъ, не вѣрится, а правда. Грабить же Карпушенковъ неслыханно и жестокосердно, очищая въ свою пользу всѣ казенные магазины. Народъ голодаетъ, а онъ богатѣетъ. Гдѣ же тутъ справедливость, если завѣдомому разбойнику и татю открыто дозволено разбоемъ заниматься?».

«Заходилъ я къ К. П. (Трапезникову, ближайшему другу дѣда) и про Карпушенкова и Третьякова велъ бесѣду. Чего же намъ добраго ждать отъ такихъ лихоидѣевъ, коли ихъ въ почетѣ держать и казенное добро охранять довѣряютъ? Поѣхалъ я къ Л. (Левицкому) и ему многое рассказалъ. Онъ въ смущеніе пришелъ и мнѣ тайно сообщилъ, что не оставитъ сего попущенія, а мѣры приметъ. Что онъ подѣлать можетъ, какъ бы самъ не поплатился?».

Донось Левицкаго о Карпушенковѣ все-таки возымѣлъ свое дѣйствіе. Карпушенкова предали суду, при чемъ выяснилось, что онъ еще раньше былъ и въ военной службѣ, куда попалъ, благодаря подложнымъ документамъ. Но Карпушенковъ пустилъ въ хоць все свое крючкотворство и умѣніе «отписываться», затянувъ тѣмъ процессъ на очень долгое время, и добился всякими неправдами неожиданнаго для всѣхъ рѣшенія сената, которымъ его не только не лишили чиновъ и правъ, а «оставили на службѣ», и лишь императоръ Александръ Павловичъ не остался доволенъ такимъ рѣшеніемъ и поручилъ переислѣдованіе этого дѣла Сперанскому. Судя по записямъ дѣда, судьба и на этотъ разъ благоволила бывшему каторжнику,—онъ умеръ и тѣмъ покончилъ свои земные счета. Третьякова же наказало Провидѣніе: онъ лишился дѣтей, жены и самъ сошелъ съ ума и умеръ всѣми забытый и брошенный.

Постепенно всѣ сошли съ жизненной сцены «мученики и мучители»: скончались жертвы, скрылись въ могилу и палачи. Пестель умеръ, но еще при жизни зналъ приговоръ надъ собой суда исторіи,—его долго преслѣдовала даже сатирическая печать того времени. Трескинъ заглохъ въ какой-то захудалой деревушкѣ, презираемый и забытый даже своими недавними друзьями. Жена его разбита лошадыми, клеветъ Бѣлявскій сошелъ съ ума и покончилъ дни свои въ больницѣ, а разные исправники, засѣдатели,

городничіе исчезли такъ незамѣтно, что память о нихъ сохранилась только въ преданіяхъ и въ архивныхъ дѣлахъ...

Разбирая и систематизируя обширныя и многотомныя «записки» дѣда, я, несомнѣнно, упустилъ очень многое и достойное вниманія, но питаю надежду, при удобномъ случаѣ, исправить мои невольныя промахи, предложивъ рядъ очерковъ, посвященныхъ прошлому Сибири. Пока же ограничусь тѣмъ, что успѣлъ разработать, сгруппировать и пересказать, хотя смѣю думать, что и того матеріала, что послужилъ къ составленію предлагаемаго очерка, будетъ достаточно для обрисовки той эпохи въ исторіи общественной жизни Сибири, которую смѣло можно назвать «лихолѣтіемъ и пагубнымъ безвременьемъ», какъ опредѣлили ее одинъ сибирскій поэтъ того времени. И онъ былъ правъ, назвавъ это ужасное, безпросвѣтное «прозябаніе» лихолѣтіемъ; въ самомъ дѣлѣ, не ужасна ли участь погибшихъ людей, пострадавшихъ ради правды? За что погибли эти люди, и въ чемъ они провинились передъ закономъ и властью? Только въ томъ, что хотѣли возстановить поправленный законъ и прекратить жестокость «государственныхъ татей». Длинный мартирологъ, помѣщенный въ настоящемъ очеркѣ, свидѣтельствуетъ, что даже въ то мрачное время находились люди, высоко поднимавшіе свои головы и смотрѣвшіе прямо въ глаза свирѣпымъ «разорителямъ» и палачамъ. А смотрѣть имъ прямо въ глаза было очень опасно и влекло за собою почти неминуемую гибель смѣльчака. Клика Пестеля, Трескина, Бѣлявскаго не боялась никого и ничего, а девизомъ ея было: «кто не за насъ, тотъ противъ насъ», и она уничтожала все на своемъ пути, не стѣсняясь ни средствами, ни мѣрами. Стоитъ лишь вспомнить тотъ фактъ, что Пестель и Трескинъ пошли противъ цѣлаго городского общества, обвиняя его передъ высшей правительственной властью, когда оно наперекоръ желаніямъ Трескина и его патрона выбрало въ городскіе головы Ксенофонта Сибирякова, а потомъ Мыльниковъ. Оба избранника общества погибли, а на иркутянъ легло пятно въ «вредной изворотливости и пагубной кляузѣ». Тѣмъ не менѣе такіе люди, какъ Куткинъ, Киселевъ, Камаевъ, Пѣтуховъ, Горновскій, Петровъ, Левицкій, даже Рогачевъ и многіе другіе, не жалѣли себя и шли навстрѣчу грознымъ деспотамъ и упорно добивались правды и законности. Жертвуя собой, они все-таки достигли своей цѣли, ихъ вопіющій голосъ былъ услышанъ, на ихъ стоны обратили наконецъ вниманіе, и надъ многострадальною Сибирью зажглась заря, блеснулъ среди мрака лучъ свѣта, и на смѣну «злыхъ правителей» явился кроткій, гуманнѣйшій, гениальный государственный челоуѣкъ Сперанскій, чье имя произносится во всей Сибири, отъ края до края, съ благоговѣніемъ и служитъ символомъ добра, чести, правды и освобожденія отъ невыносимаго гнета и ига воровъ, разбойниковъ и убійць...

«Не могу писать, рука дрожить, мыслить не могу, — дрожащимъ почеркомъ занесено въ дѣдовскіе мемуары.— Прислалъ записку К. П. (Тралезниковъ), зоветъ къ себѣ сейчасъ же. Прихожу, а онъ христосуется и говоритъ: Христосъ Воскресе! Сразу догадался, и слезы на глазахъ повисли. Письмо отъ знакома показываетъ, самъ читать не можетъ, слезы мѣшаютъ. Я прочиталъ и сталъ молиться. Его, его, Михаила Михайловича, къ намъ назначили. Въ письмѣ такъ написано:» «Кончилось цареніе Пестеля, назначенъ именнымъ указомъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій сибирскимъ генераль-губернаторомъ. Прибѣжалъ домой, себя не помня отъ радости великой, а день этотъ, 22-е марта 1819 года, чту и чтить, какъ самый большой праздникъ, отнынѣ буду».

Съ этого момента, т.-е. со дня назначенія Сперанскаго, исторія Сибири вступила въ новый фазисъ, и стоны невинныхъ жертвъ прекратились навсегда. Иго Трескиныхъ, Пестелей, отошло въ область преданій, и начался расцвѣтъ правды и законности въ томъ краѣ, гдѣ гибли люди, добивавшіеся только этихъ забытыхъ и попорченныхъ условій жизни.

«Невыразимымъ восхищеніемъ полно мое сердце,—записываетъ дѣдъ,—взошло наконецъ солнце и освѣтило нашу Сибирь. Михаилъ Михайловичъ теперь нашъ отецъ, онъ насъ не дастъ въ обиду и защититъ отъ всякаго зла и напасти!» Этимъ радостнымъ восклицаніемъ дѣда я закончу настоящій очеркъ, почти всецѣло посвященный жертвамъ и ихъ мучителямъ.

П. П. Баснинъ.

ЦЕНЗУРА ВЪ ЭПОХУ ВЕЛИКИХЪ РЕФОРМЪ ¹⁾.

(1855—1875 гг.).

Очеркъ третій.

Записка о цензурѣ коллежскаго ассесора Фукса. — «Сущность карательной системы». — Радостныя перспективы и суровая проза дѣйствительности. — Записка отъ редакціи журналовъ 1862 г. — Комиссія кн. Оболенскаго. — Проектъ устава о книгопечатаніи. — «Произволь и насиліе, неизбѣжное свойство цензурныхъ установленій». — Попытка ограничить «слово», «письмо» и «печать». — Декретъ Наполеона 17-го февраля 1852 г., какъ основаніе русской цензурной системы. — «Вредное направленіе». — Комиссія отказывается опредѣлить безспорные признаки онаго. — Циркуляры 1863 г. — Ограниченіе «обличительныхъ» статей и малороссійскаго языка. — Прохожденіе проектомъ мытарствъ. — Отзывы Головнина и барона Корфа. — Они требуютъ свободу печати. — Законъ 6-го апрѣля 1865 г. — «Шагъ впередъ». — «Лютая» судьба литературы. — Хочешь и не хочешь, а эмансипируйся! — «Конфиденціальная инструкція цензорамъ». — Литературный терроръ 1863—1868 годовъ. — Подверженные «сивушной гибели» литераторы. — Состояніе, именуемое «послѣ вчерашняго». — «Потрясающія фигуры» журналистики. — «Темныя» изданія и «темные» издатели. — Издатель, жующій овесъ. — Умираніе «Современника». — Полемиическая оргія. — Антоновичъ и Щедринъ противъ Писарева, Зайцева и Благосвѣтлова. — *Verba novissima!* — «Лукошко», «водяной настой на фигѣ», «бутербродъ гнилой и заразительный» и проч. — Борьба Валуева съ Катковымъ. — *The foremost journal in Russia.* — Побѣда «Московскихъ Вѣдомостей». — Выстрѣлъ Каракова. — Послѣдствія злодѣянія. — «Современникъ» и «Русское Слово» гибнуть. — Паденіе Валуева въ 1868 г. — Тимашевъ «намѣренъ слѣдовать системѣ своего предшественника».

I.

ВЪ ПЕРЕХОДОМЪ «карательной» цензуры во власть министра внутреннихъ дѣлъ полное преобразование всей цензурной системы стало лишь дѣломъ времени. Эта система превратилась въ хаосъ. Но до введенія новыхъ судовъ не находили возможнымъ введеніе наполеоновской системы, сколкомъ съ которой и былъ проектъ министра Валуева. Предполагалось, что судебныя взысканія явятся столь же дѣйствительнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ печатью, какъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XC, стр. 133.

и взысканія административныя. Практика потомъ показала невѣрность этого теоретическаго соображенія.

Въ періодъ съ 1862 г. по 1868 годъ громадное вліяніе на общество и правительство имѣли два событія: польское повстанье 1863 — 1864 г.г. и покушеніе Каракозова 1866 г. Между ними падаетъ моментъ перехода цензуры отъ «предупредительной» системы къ «карательной» въ началѣ 1865 г. Понятно, что напуганное событіями правительство могло имѣть въ виду одну задачу — подавленіе печати. Послѣдовало запрещеніе «Современника», «Русскаго Слова», и къ 1868 г. назрѣла такая реакція, которая оставляетъ за собою позади реакціи 1858 и 1862 гг., когда дѣйствовала одна ретроградная партія, явно безсильная остановить реформы. Реакція 1868 года, дѣйствительно, могла указать на такія событія, которыя показывали наличность въ обществѣ темныхъ страстей и нездоровыхъ ученій. Но не даромъ эти ученія и страсти Достоевскій назвалъ «бѣсами», скопившимися за годы крѣпостного права и аракчеевщины всѣхъ видовъ въ «великомъ больномъ» — нашей Россіи. Десятки лѣтъ закупоренная, подъ свинцовой крышей цензуры, мысль вырождалась и разлагалась. Яды этого разложенія могли бы все-таки нейтрализоваться, если бы реформы съ 1855 по 1862 проходили при свободѣ слова. Но нѣтъ,—старая цензурная система оставалась въ силѣ.

Мысль, возбужденная реформами и лишенная свободнаго развитія—уродовалась, искривлялась, и превращалась въ одностороннія, фанатическія мечтанія. «Дурное направленіе» мысли было результатомъ цензурнаго гнета—какъ уродливая нога китайки, слѣдствіе повязокъ на ней. Но рассуждали иначе. Мысль уродлива, значитъ мы правы, значитъ надо еще туже затянуть повязки!

Законъ о печати 1865 г. готовился долго и медленно вырѣвался. Однако, въ 1862 году уже ясно было невозможное положеніе цензуры рѣшительно для всѣхъ. Учрежденіе дѣйствовало совершенно хаотически и безъ всякаго общаго, осмысленнаго плана.

«Правительство,—читаемъ въ «Запискѣ о цензурѣ» коллежскаго ассесора Фукса (1862), — особенно въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, употребило всѣ зависящія отъ него мѣры для прочнѣйшей организаціи предупредительнаго принципа. Всѣ правительственныя вѣдомства, въ лицѣ своихъ делегатовъ, давно уже призваны къ бдительному надзору почти за каждымъ печатнымъ словомъ; мало того, учреждено даже было наблюденіе и за напечатанными произведеніями, путемъ разныхъ верховныхъ комитетовъ и главнаго управленія цензуры; однимъ словомъ, къ предупредительной системѣ примѣнена вся сила карательной; и тѣмъ не менѣе законодательство по цензурѣ не перестаетъ у насъ колебаться... Пройдя въ теченіе полувѣка чрезъ безконечный рядъ неудачныхъ попытокъ, оно не могло отыскать себѣ незыблемаго основанія»¹⁾.

¹⁾ Записка, стр. 38.

Коллежскій ассесоръ Фуксъ восхищается «сущностью карательной системы»: «Преслѣдованіе идетъ законнымъ, строго опредѣленнымъ порядкомъ и совершается, смотря по мѣрѣ вины, въ полицейскихъ или судебныхъ учрежденіяхъ разныхъ инстанцій. Здѣсь администрація строго отдѣлена отъ суда; первая заявляетъ фактъ, обвиняетъ, но не судитъ; вторая судитъ, но не обвиняетъ; здѣсь обвиняемый подчиняется законамъ, ему извѣстнымъ, можетъ защищаться самъ или чрезъ другое, закономъ для сего предназначаемое, лицо. Здѣсь дѣло не подлежитъ проволочкѣ... наказанія же (пріостановка и прекращеніе изданія, денежныя пени и разнаго рода личные аресты) основаны на мѣрѣ вины»¹⁾.

Однако, Фуксъ прибавляетъ: «Противъ карательной системы совершенно справедливо замѣчаніе, что она отличается крайнею жестокостью, что при ней авторы и издатели гораздо чаще и значительнѣе подвергаются отвѣтственности, нежели при системѣ предупредительной».

Въ самомъ дѣлѣ, при старой системѣ все зависѣло отъ цензора, который соображался съ «видами», а эти «виды» постоянно мѣнялись. Такимъ образомъ, въ удобный моментъ многое могло проскользнуть въ печать. Фуксъ восхищается порядкомъ судебныхъ и административныхъ взысканій съ печати при новой «карательной» системѣ, ибо эти взысканія основаны «на мѣрѣ вины». Къ несчастію, точное опредѣленіе этой мѣры—вещь совершенно невозможная. Чрезвычайно трудно юридически разработать понятіе литературной вины, разъ оно выходитъ изъ предѣловъ грубаго сквернословія, порнографіи, пасквиля, клеветы.

Для нетерпимости, для раздражительныхъ невѣждъ самый фактъ существованія мысли и литературы есть вина ея. Если «вина» есть потрясеніе «авторитетовъ», то для невѣждъ и тунеядцевъ «авторитетъ» есть простое *statu quo*, со всѣми наростами и безобразіями, искажающими этотъ авторитетъ. Мысль всегда виновна у такихъ людей, ибо она есть свѣтъ. А при свѣтѣ видно не только добро, но и зло. Потому и ненавидятъ свѣтъ. Въ концѣ концовъ литературная вина подводится подъ чрезвычайно широкое и неопредѣленное понятіе «вреднаго направленія».

И, тѣмъ не менѣе, переходъ отъ системы «предварительной» цензуры къ системѣ цензуры «послѣдовательной» является шагомъ впередъ. Необходимое слѣдствіе его—большой просторъ для печатнаго слова. Слово можетъ быть сказано, можетъ явиться въ печати, хотя бы за нимъ и слѣдовала кара. При цензурѣ рукописей это немислимо. Положеніе литературы тѣмъ было затруднительнѣе, что надъ нею тяготѣла масса въ разное время изданныхъ циркуляровъ.

¹⁾ Записка, стр. 45.

Произволь и противорѣчія встрѣчаются на каждомъ шагѣ въ рядѣ цензурныхъ уставовъ, циркуляровъ и повелѣній, ежедневно нарушаемыхъ самимъ правительствомъ и невозможныхъ для исполненія на дѣлѣ. Еслибъ кто сталъ держаться буквально этихъ постановленій, то рѣшительно ни одна строчка не могла бы пройти въ печати»

«Спеціальныя цензуры въ послѣднее время расплодился въ такомъ множествѣ, что общіе цензоры затрудняются, кого изъ нихъ признавать законнымъ и кого считать самозванцами. Такъ, напримеръ, неизвѣстно, слѣдуетъ ли признавать право цензуры за вѣдомствомъ попечительнаго совѣта, за вѣдомствомъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и за вѣдомствомъ пріютовъ... Но, кромѣ ихъ, съ недавняго времени на право спеціальной цензуры претендуютъ еще слѣдующія вѣдомства: почтовое, Публичной бібліотеки, сибирскій и кавказскій комитеты, вѣдомство межевое, статсъ-секретаріаты царства Польскаго и великаго княжества Финляндскаго, государственной канцеляріи и проч., и проч.»...

«Безъ малѣйшаго преувеличенія можно сказать, что исторія человеческой мысли нигдѣ и никогда не представляла такого жалкаго примѣра цензурныхъ учрежденій, какъ въ настоящее время у насъ, и нигдѣ подъ внѣшней формой закона не скрывалось столько самоуправства, какъ въ нашемъ цензурномъ уставѣ»¹⁾.

Все, что касалось внѣшней политики, подвергалось особой цензурѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Эта цензура не пропустила малѣйшей критики дѣяній Наполеона III. Что свободно проходило въ французской прессѣ, задерживалось у насъ, такъ что можно было сказать, наша цензура была *plus napoléonienne que Napoleon lui-même*... Одно время почтовое вѣдомство испросило гласность для своей области. Но едва въ печати появилось нѣсколько «обличительныхъ» статей о неурядицахъ въ почтовомъ вѣдомствѣ, какъ оно перенугалось и издало постановление для редакторовъ и цензоровъ, чтобы всѣ статьи о почтовыхъ неурядицахъ, минуя печать, отсылались непосредственно въ почтовое вѣдомство для разслѣдованія...

II.

Комиссією (первою) 8-го марта 1862 г. для пересмотра, измѣненія и дополненія по дѣламъ книгопечатанія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя Оболенскаго, при членахъ: тайномъ совѣтникѣ Цез. генераль-майорѣ Штюрмерѣ, академикѣ Веселов-

¹⁾ Записка, представленная отъ редакціи журналовъ: «Отечественныя Записки», «Русское Слово», «Время», «Сѣверная Пчела», «Русскій Инвалидъ», «Экономистъ», «Разсвѣтъ», «Иллюстрированный Листокъ» и «Энциклопедическій Словарь». «Мнѣнія разныхъ лицъ о преобразованіи цензуры». Февраль, 1862, стр. 60.

скомъ, членъ главнаго управленія училищъ Вороновъ, профессоръ Андреевскомъ и правитель дѣлъ Галанинъ, былъ выработанъ обширный и мотивированный «Проектъ устава о книгопечатаніи». 29-го января 1863 года, Никитенко получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ предписаніе о назначеніи его членомъ въ высочайше утвержденную комиссію (вторую) для разсмотрѣнія законовъ о печати, подъ предсѣдательствомъ князя Димитрія Александровича Оболенскаго. Въ комиссіи собрано было почти все, что было писано по поводу цензуры въ Германіи, Франціи, Англіи и Бельгіи, равно какъ и всѣ законодательства по этой части. У Оболенскаго также сосредоточилось множество бумагъ, сообщенныхъ изъ министерства народнаго просвѣщенія по дѣламъ цензуры.

Проектъ устава такъ мотивируетъ преобразование:

«Необходимость въ неотлагательномъ преобразованіи законодательства о книгопечатаніи признается одновременно и правительствомъ и литературой... Неизбѣжное свойство цензурныхъ установленій есть произволъ и насиліе (курсивы подлинника). Установленія сіи сдѣлались безсильными и представились анахронизмомъ съ той поры, какъ измѣнилась окружающая ихъ среда. Вотъ первая причина, вызывающая потребность реформы.

«Вторая причина... заключается въ справедливомъ желаніи правительства не оставлять безнаказанными публичное распространеніе вредныхъ ученій и публичное оскорбленіе должностныхъ и частныхъ лицъ»¹⁾.

Мы видимъ, что проектъ выражается чрезвычайно рѣшительно. «Произволъ» и «насиліе» признаны «неизбѣжнымъ» свойствомъ цензурныхъ установленій, т.-е. цензуры «предварительной». Какія цѣли ставить правительство, приступая къ преобразованію цензуры?

«Правительство, приступая къ реформѣ законодательства о книгопечатаніи, имѣетъ цѣлью: во-первыхъ, удерживать литературу мѣрами дѣйствительными, практически исполнимыми, въ предѣлахъ, необходимыхъ для спокойствія государства и частныхъ лицъ; во-вторыхъ, силою закона и законнымъ порядкомъ карать виновныхъ въ нарушеніи установленныхъ правилъ, и, въ-третьихъ, образовать учрежденія, которыя вѣдали бы дѣла по вопросамъ о книгопечатаніи собственною властью, независимо отъ случайнаго вмѣшательства высшихъ государственныхъ установленій»²⁾.

Итакъ, основная цѣль новой цензуры—удерживать и карать литературу. Отъ чего удерживать? За что карать? Точно не опредѣляется. Проектъ затѣмъ входитъ и въ положеніе литераторовъ. Хотя, если съ самаго начала ставится мысль о необходимости отъ

¹⁾ Проектъ устава о книгопечатаніи 1863 г. Введеніе.

²⁾ Ibid. Введеніе.

чего-то удерживать и за что-то карать, то, очевидно, литература является предметомъ, главнѣйше безпокоющимъ и непріятно безпокоющимъ, «предварительно» заподозрѣннымъ, какъ что-то само въ себѣ ядовитое, опасное, безразсудное, бунтовское.

«Поводы, побуждающіе литературу желать реформъ въ законахъ о книгопечатаніи, суть иного рода. Задача цензурныхъ постановленій—предупреждать предполагаемый вредъ отъ мысли, не высказанной еще публично, сама по себѣ такъ трудна, что исключаетъ всякую возможность разрѣшить ее въ формѣ хотя сколько нибудь опредѣлительнаго правила. Доказательствомъ... нашъ цензурный уставъ со всѣми... дополненіями: въ нихъ испробованы, такъ сказать, всѣ формы и всѣ обороты рѣчи для уясненія мысли законодателя, которая, тѣмъ не менѣе, остается неуловимою при примѣненіи ея къ частному случаю. Самый предметъ, по существу своему, не вмѣщается ни въ какія рамки положительнаго закона, какую бы форму ни придумывали для сихъ рамокъ, и мы не имѣемъ даже въ законодательствахъ другихъ народовъ ни одного образца для подражанія, ибо вездѣ мертвая буква закона была признана бессильною начертать руководство для оцѣнки живой и безконечно измѣнчивой мысли, выражаемой словомъ». «На этотъ неисправимый и существенный недостатокъ цензурнаго законодательства падаетъ первое обвиненіе со стороны литературы. Пока литература наша, частью вслѣдствіе искусственныхъ преградъ, а частью отъ собственной незрѣлости, занимала въ общественной жизни второстепенное мѣсто, пока сама эта общественная жизнь относилась совершенно безучастно къ вопросамъ государственнымъ,—до тѣхъ поръ произволъ цензора въ примѣненіи цензурнаго правила не возбуждалъ такого сильнаго негодованія въ литературѣ и въ обществѣ. Теперь же, когда вопросы общественные возбудились силою неотразимыхъ обстоятельствъ, когда прежнее безучастіе общества обратилось въ тревожную заботливость, увлекающую за собою и литературу; когда мнѣнія, убѣжденія и ученія стремятся наперерывъ другъ передъ другомъ высказываться съ лихорадочною торопливостію,—обязанность цензора въ этомъ спорѣ и столкновеніи различныхъ мнѣній, убѣжденій и ученій получаетъ политическое значеніе, и всякая неизбѣжная ошибка его въ оцѣнкѣ стремленія спорящихъ даетъ огромное превосходство одному мнѣнію или ученію передъ другимъ. Къ сожалѣнію, опытъ показываетъ, что это превосходство не всегда дается истинѣ. Прикрытая таинственностію и полунамекami, ложь неуловимо является на свѣтъ, и обличить ее тѣмъ труднѣе, чѣмъ строже цензура, ограждающая ее отъ преслѣдованія. Независимому голосу истины цензура уже однимъ своимъ существованіемъ даетъ значеніе обвинительнаго акта и оставляетъ противному мнѣнію за-

конную отговорку облекать ученіе свое въ заманчивый покровъ таинственности» ¹⁾).

Повидимому, въ этихъ словахъ выражаюся чрезвычайно свѣтлыя взгляды, видно пониманіе основного зла, вносимаго въ общество нетерпимостью.

Переходя затѣмъ къ проекту самой реформы, комиссія находить много затрудненій.

«Замѣна предупредительнаго цензурнаго законодательства преслѣдовательнымъ, карательнымъ, условливается существованіемъ правильно устроенныхъ судовъ и органовъ преслѣдованія. Этого перваго и самаго существеннаго условія въ настоящее время (1862 г.) мы пока еще не имѣемъ. Ожидаемое преобразование судовъ въ Россіи, при всей неотложности, едва ли можетъ осуществиться прежде двухъ лѣтъ» ²⁾).

«Внезапный и безусловный переходъ» «едва ли возможенъ», «комиссія поставила себѣ цѣлью»—«проложить путь, по которому правительство могло бы, идя послѣдовательно, безъ крутыхъ переворотовъ и крайнихъ мѣръ, прійти современемъ, и даже въ неотдаленномъ будущемъ, къ возможности принять другую, болѣе правильную систему огражденія общества отъ злоупотребленія печати» ³⁾).

При такой работѣ, комиссія задается совершенно неисполнимой, сколь и грандіозной задачей—ограничить «условіями положительнаго закона» рѣшительно всѣ проявленія духа человѣческаго!.. Вотъ что говоритъ проектъ:

«Слово, письмо и печать суть три способа выраженія мысли человѣка. Свобода проявленія мысли въ сихъ трехъ видахъ должна быть ограничена условіями положительнаго закона».

«Мысль, стѣсненная въ печатномъ проявленіи, имѣетъ въ живомъ словѣ, въ письмѣ и въ тайной литографіи неуловимый способъ переступать за предѣлы дозволеннаго» ⁴⁾).

Если всѣ усилія организовать цензуру печати ни къ чему избыльному не приходили, то какъ же уловить живое слово? Какъ ограничить и контролировать «письмо», когда собрались отмѣнять старую цензурную систему, разсматривавшую рукописи, т.-е. именно «письмо»? Комиссія сама видитъ трудность задачи:

«Какъ указать предѣлы дозволеннаго и сдѣлать перечень всѣмъ человѣческимъ знаніямъ, мыслямъ и мнѣніямъ, о которыхъ дозволяется разсуждать?» ⁵⁾).

¹⁾ Проектъ устава о книгопечатаніи 1863 г. Введеніе. V.

²⁾ Ibid. Введеніе. VI.

³⁾ Ibid. Введеніе. VII.

⁴⁾ Ibid. Введеніе. VIII.

⁵⁾ Ibid. Введеніе. IX.

«Правильная система огражденія общества отъ злоупотребленій печати!»

Но «злоупотребленіями» называютъ «обличенія» вѣдомствъ въ неурядкахъ и «крадствахъ»; статьи объ условіяхъ освобожденія крестьянъ, всѣ попытки печати разъяснить обществу смыслъ вещей, духъ времени, реформы, все называлось въ свое время «злоупотребленіями» печати!

«Свобода проявленія мысли въ словѣ, письмѣ и печати должна быть ограничена!»

Лучшая система ограниченія «слова»—обѣтъ молчанія. Ибо какъ ограничить уже высказанное слово? Надо остановить его рожденіе въ видѣ мысли. Надо заставить не думать. Но въ этомъ успѣвали одни аскеты, боровшіеся съ «прилогами». Ограничить «письмо»! Но предварительная цензура рукописей и пыталась это сдѣлать. При либеральной внѣшности, комиссія была полна инквизиціоннаго духа.

III.

Затѣмъ комиссія проектируетъ положительный законъ: «Всѣ изданія, относящіяся къ области наукъ, словесности и искусствъ и объемомъ въ двадцать и болѣе печатныхъ листовъ, могутъ печататься и выходить въ свѣтъ безъ предварительной цензуры. Постановленіе новое»¹⁾.

Комиссія рѣшилась принять за основаніе предполагаемаго изъятія отъ предварительной цензуры объемъ. Всѣмъ извѣстно, что легкія брошюры, отдѣльные листки и тетради распространяются гораздо быстрѣе и въ большемъ количествѣ, чѣмъ книги извѣстнаго объема, чтеніе которыхъ требуетъ болѣе времени и труда и которыя поэтому попадаютъ въ руки болѣе серьезныхъ и досужихъ читателей. Мѣра эта встрѣчается почти во всѣхъ иностранныхъ законодательствахъ, гдѣ переходъ отъ системы предварительной цензуры къ законодательству преслѣдовательному совершался съ нѣкоторою постепенностію. Что касается повременныхъ изданій, т.-е. газетъ и журналовъ, то для нихъ оставалась старая «предупредительная» цензура.

Комиссія постановляла: «Всѣ повременныя изданія, какого бы они объема ни были, подвергаются прежде печатанія и выхода въ свѣтъ цензурѣ. Постановленіе новое»²⁾.

Мотивировка этого постановленія чрезвычайно интересна.

«Почти вся современная литература сосредоточена въ повременныхъ изданіяхъ... Свобода слова даетъ жизнь свободнымъ

¹⁾ Проектъ устава о книгопечатаніи 1862 г. Положенія общія. § 1.

²⁾ Проектъ закона о книгопечатаніи. Положенія общія. § 4.

учрежденіямъ и въ нихъ находить надежное обезпеченіе своему существованію. Свобода печати въ Россіи должна развиваться соразмѣрно постепенному ходу либеральнаго преобразованія другихъ учреждений. Поэтому внезапный переходъ отъ строгой цензуры періодическихъ изданій къ свободѣ немислимъ... Въ государствѣ, которое только что вступаетъ въ эпоху либерельныхъ преобразованій, новые законы о печати... долго не будутъ поняты и исполняемы надлежащимъ образомъ... Неудобства внезапнаго освобожденія періодическихъ изданій отъ цензуры встрѣчались во всѣхъ государствахъ. Во Франціи и въ большей части Германіи цензура періодической прессы оставалась во всей силѣ въ то время, когда прочія изданія уже были освобождены отъ оной. Во Франціи, въ промежутокъ времени отъ 1811 до 1830 года, цензура періодической прессы восемь разъ уничтожалась и возстановлялась... Періодическая литература можетъ выждать болѣе благоприятнаго времени, для снятія преградъ, къ ея полному освобожденію».

Съ одной стороны комиссія признаетъ, что «почти вся литература сосредоточена въ повременныхъ изданіяхъ», т.-е. журналахъ и газетахъ; къ этому она присоединяетъ еще книги и брошюры, объемомъ до двадцати печатныхъ листовъ. Теперь ужъ передъ нами дѣйствительно вся литература. И всей литературѣ комиссія предлагаетъ «выждать болѣе благоприятнаго времени», а пока оставаться подъ предварительной цензурой. Освобождены отъ предварительной цензуры только книги, объемомъ превосходящія двадцать печатныхъ листовъ, то-есть отдѣльныя изданія авторовъ. Но многотомный романъ сперва, по условіямъ русскаго книжнаго рынка, долженъ появиться въ журналѣ, равно какъ и всякое изслѣдованіе. А повременныя изданія всякаго объема остаются подъ предварительной цензурой. Итакъ, всякое произведеніе неминуемо пройдетъ черезъ предварительную цензуру. Ясно, что всѣ проекты комиссії на практикѣ сводились къ однѣмъ фразамъ. Все оставалось по-старому. Это называлось: «Идя послѣдовательно, безъ крутыхъ переворотовъ и крайнихъ мѣръ, прійти со временемъ и даже въ неотдаленномъ будущемъ къ возможности принять другую, болѣе правильную систему огражденія общества отъ злоупотребленій печати». Правда, для постепеннаго осуществленія этой «системы огражденія» комиссія вводила статью:

«Газеты, журналы, сборники и другія повременныя изданія могутъ быть, по просьбѣ самихъ издателей, освобождаемы отъ предварительной цензуры, съ особаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ». Постановленіе новое¹⁾.

Затѣмъ комиссія пользуется для установленія системы взысканій декретомъ Наполеона III-го. Это совершенно понятно, потому

¹⁾ Проектъ. Положенія общія. § 5.

что въ это время среди русской администраціи царилъ восхищеніе законодательной мудростью Наполеона. Комиссія указываетъ, что во Франціи порядокъ административныхъ взысканій установленъ закономъ 17 февраля 1852 года и обязателенъ для всѣхъ повременныхъ изданій. Правительство французское предоставило себѣ право, кромѣ судебного преслѣдованія, дѣлать издателямъ періодическихъ органовъ официальныя предваренія два раза и по третьему прекращать на время или вовсе запрещать изданіе. Австрійское законодательство приняло французскую систему по уничтоженіи въ 1848 г. предварительной цензуры закономъ 27-го мая 1852 г. Высочайше утвержденными 12-го мая 1862 г. временными правилами предоставлено и въ Россіи право министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, по взаимному соглашенію, въ случаѣ вреднаго направленія какого либо періодическаго изданія, прекращать его на срокъ не болѣе восьми мѣсяцевъ.

Основываясь на этихъ прецедентахъ, комиссія вводитъ въ свой проектъ слѣдующія постановленія:

«Ежели въ повременномъ изданіи, освобожденномъ, на основаніи § 5 настоящаго устава, отъ предварительной цензуры, замѣчено будетъ вредное направленіе, то главное управленіе по дѣламъ книгопечатанія можетъ таковыя изданія подвергать административнымъ взысканіямъ»¹⁾.

Взысканія сіи заключаются:

1) въ двукратномъ публичномъ предвареніи; 2) въ подчиненіи изданія вновь цензурѣ, или 3) въ совершенномъ запрещеніи дальнѣйшаго изданія онаго²⁾.

Но какъ опредѣлить точно преступленіе печати? Комиссія останавливается на выраженіи «вредное направленіе», при чемъ поясняетъ: «Словами вредное направленіе выражается мысль общая». «Нѣтъ никакой возможности даже приблизительно опредѣлить безспорные признаки вреднаго направленія»³⁾.

Между прочимъ комиссія указывала совершенно основательно, что «нѣтъ ни одного государства, въ которомъ бы распоряженія по цензурѣ объявлялись отъ имени верховной власти. Во время существованія цензуры во Франціи, Германіи и другихъ государствахъ, никогда запрещенія статей или взысканія за оныя не дѣлались отъ имени монарха. Взысканія, исходя отъ верховной власти, всегда принимаются за выраженіе личной оцѣнки государемъ императоромъ достоинствъ или недостатковъ извѣстнаго ученія, мнѣнія или направленія»⁴⁾.

¹⁾ Проектъ. Раздѣлъ четвертый. Объ административныхъ взысканіяхъ. § 143. Стр. 330.

²⁾ Проектъ. Ibid. § 144.

³⁾ Проектъ. Стр. 335.

⁴⁾ Проектъ. Стр. 73.

Въ самомъ дѣлѣ, въ сороковыхъ годахъ, высочайшимъ именемъ объявились выговоры «Сѣверной Пчелѣ» за непочтительный фельетонъ о петербургскихъ легковыхъ извозчикахъ. Невольно являлась мысль: неужели монарху есть время углубляться въ газетные фельетоны? Такимъ образомъ, къ личности монарха относили подчасъ совершенно курьезныя распоряженія вѣдомствъ, какъ будто онъ цензоръ. Императоръ Нилолай I, дѣйствительно, сказалъ Пушкину: «я самъ буду твоимъ цензоромъ». Но здѣсь онъ имѣлъ въ виду защиту великаго поэта отъ ретроградной партіи. Покровительствомъ Николая Павловича спасся въ обществѣ, напитанномъ «невѣжественной раздражительностью» нетерпимости, и Гоголь. Благодаря тому, что у насъ всѣ цензурныя распоряженія шли отъ имени монарховъ, съ ихъ именами связались всѣ цензурныя преслѣдованія первой половины XIX-го вѣка. Мы говоримъ поэтому — «николаевская», «александровская» цензура. Но для второй половины вѣка: «валуевская», «тимашевская», «толстовская» цензура.

Никитенко указывалъ на особыя трудности перехода отъ старой цензуры къ новой.

«Главная трудность для цензурной администраціи будетъ состоять въ томъ, какъ формулировать тѣ уклоненія печати, которыя подлежатъ будутъ разсмотрѣнію судовъ. Уклоненія эти часто ускользаютъ отъ яснаго опредѣленія ихъ смысла».

Между тѣмъ продолжали выходить циркуляры. Нѣкоторые изъ нихъ чрезвычайно характерны для того времени. Предлагалось «обращать вниманіе не только на отдѣльныя мысли, мнѣнія и факты, но и на общее направленіе»¹⁾.

«Относительно обличительныхъ статей г.г. цензоры должны имѣть въ виду допускать такихъ статей въ печать менѣе и менѣе, если не будутъ рядомъ съ ними помѣщаемы другія статьи въ противоположномъ духѣ, такъ какъ систематическое заявленіе однихъ недостатковъ, при совершаемыхъ нынѣ правительствомъ улучшеніяхъ во всѣхъ сферахъ государственнаго управленія, обнаруживаетъ не стремленіе къ раскрытію истины, а систематическое же стараніе возбуждать умы и вселять въ нихъ недовѣріе» (ibid., циркулярное предложеніе 29 іюля 1863 г., № 7106).

Польское повстаніе отозвалось сепаратистическими тенденціями въ Малороссіи. Это побудило къ изданію особаго «секретнаго отношенія»:

«Давно уже идутъ споры въ нашей печати о возможности существованія самостоятельной малороссійской литературы. Поводомъ къ этимъ спорамъ служили произведенія нѣкоторыхъ писателей,

¹⁾ Сборникъ распоряженій по дѣламъ печати. Съ 1863 по 1 сент. 1866 г. Спб. 1866. Циркулярное предложеніе министру внутреннихъ дѣлъ по цензурному вѣдомству, января 29, 1863 г., № 8.

отличившихся болѣе или менѣе замѣчательнымъ талантомъ или своею оригинальностью. Въ послѣднее время вопросъ о малоросійской литературѣ получилъ иной характеръ вслѣдствіе обстоятельство чиста политическихъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ интересамъ собственно литературнымъ. Пренія произведенія на малоросійскомъ языкѣ имѣли въ виду лишь образованные классы Южной Россіи, нынѣ же приверженцы малоросійской народности обратили свои виды на массу не просвѣщенную... Никакого особеннаго малоросійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ (sic!), нарѣчіе, употребляемое простонародіемъ, есть тотъ же русскій (sic!) языкъ, только испорченный вліяніемъ Польши (sic!); общерусскій языкъ такъ же понятенъ для малороссовъ, какъ и для великороссіянъ, и даже гораздо понятнѣе, чѣмъ теперь сочиняемый для нихъ нѣкоторыми малороссами и въ особенности поляками такъ называемый украинскій языкъ».

«Сдѣлать... распоряженіе, чтобы къ печати дозволялись только такія произведенія на этомъ языкѣ, которыя принадлежатъ къ области изящной литературы; пропускомъ же книгъ на малоросійскомъ языкѣ, какъ духовнаго содержанія, такъ учебныхъ и вообще назначаемыхъ для первоначальнаго чтенія народа, пріостановиться» ¹⁾.

IV.

Съ начала 1863 года, руководство цензурною реформою перешло къ министру внутреннихъ дѣлъ П. А. Валугеву. 14-го января имъ была образована «вторая» комиссія подъ предѣлательствомъ князя Оболенскаго. Въ ея составъ вошли Никитенко, Ржевскій, Бычковъ, Гиляровъ-Платоновъ, Погорѣльскій, Теокистовъ (впослѣдствіи начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати) и Фуксъ. Въ іюнѣ 1863 года, проектъ устава о книгопечатаніи, существенно измѣненный министромъ П. А. Валугевымъ, былъ разосланъ, до внесенія въ государственный совѣтъ, на заключеніе министровъ и главноуправляющихъ. В. А. Головининъ вообще высказалъ сочувствіе «свободѣ печати» и подчиненію ея «судебному режиму». Но онъ высказался рѣшительно противъ «административныхъ взысканій». «Опытъ убѣждаетъ, говорилъ Головининъ, что, подобно предварительной цензурѣ, система административныхъ взысканій возбуждаетъ въ обществѣ то раздраженіе, тотъ духъ упорной и преднамѣренной оппозиціи, устраненіе которыхъ должны имѣть преимущественно въ виду» ²⁾.

Обстоятельный разборъ проекта находится въ обширной запискѣ главноуправляющаго II-мъ Отдѣленіемъ собственной его

¹⁾ Ibid., 8-го іюля 1863 г. № 394.

²⁾ Отзывъ Головинина. Стр. 48—49. Джаншіевъ. Стр. 334.

императорскаго величества канцеляріи барона М. Н. Корфа (64 печатныхъ страницъ in folio). Баронъ Корфъ ставитъ въ вину комисси князя Оболенскаго, что она не обратила вниманія на необходимость кореннаго измѣненія законодательства въ смыслѣ перехода отъ системы предварительной цензуры къ карательной. «Какъ въ крѣпостномъ правѣ,—писалъ баронъ Корфъ,—по вѣковой къ нему привычкѣ, многіе видѣли основаніе стойкости нашего государственнаго организма, и мысль объ упраздненіи его возбуждала чувство безотчетнаго страха, такъ и цензура глубоко вросла въ наши обычаи, и немало людей готовы думать, что ея единственно держится общественный порядокъ»¹⁾).

Баронъ Корфъ прямо заявлялъ, что переломъ, происшедшій въ послѣдніе (60-е) годы въ направленіи внутренней политики, привелъ къ необходимости дать печати полный просторъ, такъ какъ убѣдились, что только при содѣйствіи свободнаго общественнаго мнѣнія возможно плодотворное движеніе и осуществленіе законодательныхъ реформъ, и само высшее правительство, предавшее на литературное сужденіе свои проекты, не могло не оцѣнить услугъ, оказанныхъ литературою. На опытѣ правительство убѣдилось, что только въ свободѣ печати находится противоядіе противъ злоупотребленія печати.

Въ частности относительно «предостереженій» баронъ Корфъ писалъ: «Административныя взысканія — это новая язва, заключающая въ себѣ такую массу вреда, произвола и несправедливости, что противъ нихъ протестовали и протестуютъ всѣ благомыслящіе люди... Система административныхъ взысканій еще болѣе заражена произволомъ и несправедливостью, нежели предупредительная цензура, ибо наказываетъ за вину, непредвидѣнную никакимъ положительнымъ закономъ».

Валуевъ «остался при своемъ мнѣніи».

Въ январѣ 1865 г. департаментъ законовъ государственнаго совѣта приступилъ къ обсужденію проекта Валуева въ составѣ членовъ: Норова, барона Корфа, Литке, кн. Долгорукова, Вахтина, Буткова, кн. Горчакова, Валуева, Головнина, Замятина, при статъ-секретарѣ Зарудномъ. Единственный членъ, сдѣлавшій серьезную оппозицію проекту, былъ бывший министръ народнаго просвѣщенія Норовъ, вооруженный запискою академика А. В. Никитенка.

Норовъ возражалъ противъ смѣшенія предупредительной и карательной цензуры и видѣлъ въ такомъ смѣшеніи доказательство «нестойкости мнѣній при начертаніи устава». Однако Никитенко отмѣтилъ въ своемъ «Дневникѣ»: «Совѣтъ началъ и продолжалъ стремленіемъ ограничить неограниченную власть министра внутреннихъ дѣлъ».

²⁾ Отзывъ барона Корфа. Стр. 59. Джаншіевъ. Стр. 335.

Тѣмъ не менѣе проектъ Валуева прошелъ въ департаментъ почти цѣликомъ. Валуевъ проектировалъ специальный судъ присяжныхъ для печати. Предложеніе Валуева поддержали бар. М. А. Корфъ, гр. В. Н. Панинъ и кн. С. Н. Урусовъ. Несмотря, однако, на столь авторитетную поддержку, департаментъ законовъ не принялъ предложенія Валуева. Въ началѣ марта 1865 г. проектъ Валуева изъ общаго собранія государственнаго совѣта поступилъ обратно въ департаментъ законовъ.

6-го апрѣля 1865 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе, главнѣе такъ: «Желая дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства, мы признали за благо сдѣлать въ дѣйствующихъ цензурныхъ постановленіяхъ, при настоящемъ переходномъ положеніи судебной части и впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта, перемѣны и дополненія».

По мысли законодателя, законъ 6-го апрѣля составлялъ только первый шагъ по пути освобожденія печати. Самъ по себѣ, по замѣчанію проф. Фойницкаго, онъ стоитъ ниже даже реакціонныхъ законодательствъ: прусскаго 1851 г. и австрійскаго 1852 г. И все же это былъ шагъ впередъ! ¹⁾

Никитенко, однако, встрѣчалъ реформу въ самомъ пессимистическомъ настроеніи. Онъ писалъ:

«Литературу нашу, кажется, ожидаетъ лютая судьба. Валуевъ достигъ своей цѣли. Онъ забралъ ее въ свои руки и сдѣлался полнымъ ея властелиномъ. Худшаго господина она не могла получить. Сколько я могу судить по нѣкоторымъ убѣдительнымъ даннымъ, онъ, кажется, замыслилъ огромный планъ—уничтожить въ ней всякія «нехорошія поползновенія» и сдѣлать ее «вполнѣ благонамѣренной», т.-е. сдѣлать то, чего не въ состояніи были, да едва ли и хотѣли сдѣлать раньше (до 1855 года)... Уставъ о печати, который долженъ быть введенъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, отдастъ ему въ полное распоряженіе всякое печатное проявленіе мысли. Изданіе журналовъ съ освобожденіемъ ихъ отъ предварительной цензуры становится дѣломъ крайне затруднительнымъ. Прежде журналы зависѣли отъ произвола цензора, который все-таки не могъ вполнѣ пренебрегать тѣмъ, что о немъ «скажутъ въ обществѣ». Оттого онъ былъ до нѣкоторой степени принужденъ дѣйствовать умѣренно и снисходительно. Издатели въ извѣстной мѣрѣ освобождались отъ отвѣтственности подъ его щитомъ. Теперь не то. Цензора нѣтъ. Но взамѣнъ его надъ головами писателей и редакторовъ повѣшенъ Дамокловъ мечъ, въ видѣ двухъ предостереженій и третьяго, за которымъ слѣдуетъ пріостановка изданія. Мечъ этотъ находится въ рукѣ Валуева: онъ опускаетъ его, когда ему заблагоразсудится и

¹⁾ Сборникъ государственныхъ знаній, проф. Фойницкаго. Т. II, стр. 433.

даже не обязанъ мотивировать свой поступокъ... Понятно, что вся пишущая братія сильно переполошилась» ¹⁾.

Журналисты, которые рѣшились бы подчиняться попрежнему правительственной цензурѣ, «жестoko ошибутся». «Если они захотятъ остаться подъ цензурою, сказалъ Валуевъ, то и получать ее, но такую, которая будетъ несравненно сильнѣе (дореформенной). Волею или неволею они должны будутъ эмансипироваться» ²⁾.

По указу 6-го апрѣля 1865 г. освобождались отъ предварительной цензуры: а) въ обѣихъ столицахъ: 1) всѣ выходящія донныя въ свѣтъ повременныя изданія, коихъ издатели сами заявятъ на то желаніе; 2) всѣ оригинальныя сочиненія, объемомъ не менѣе 10-ти печатныхъ листовъ, и 3) всѣ переводы объемомъ не менѣе 20-ти печатныхъ листовъ ³⁾.

V.

Въ дополненіе къ закону 6-го апрѣля 1865 г., въ томъ же году 23-го августа, министромъ внутреннихъ дѣлъ Валуевымъ была утверждена особая «Конфиденціальная инструкція цензорамъ столичныхъ цензурныхъ комитетовъ». Въ этой «инструкціи» говорилось:

«На основаніи именного высочайшаго указа... въ 6 день минувшаго апрѣля, освобождаются въ обѣихъ столицахъ, съ 1-го сентября сего года, отъ предварительной цензуры: а) всѣ выходящія донныя въ свѣтъ повременныя изданія, коихъ издатели сами заявятъ на то желаніе, б) и т. д.

«Съ освобожденіемъ означенныхъ изданій отъ цензуры, измѣняются существенно лежащія нынѣ на цензорахъ обязанности. вмѣсто предварительнаго разсмотрѣнія предназначенныхъ къ печатанію произведеній, они должны будутъ разсматривать уже отпечатанныя произведенія.

«Существо обязанностей цензора заключается въ наблюденіи, чтобы пресса не выходила изъ круга дѣятельности, предоставленнаго ей по закону въ видахъ государственной, общественной и частной пользы. Въ отношеніи къ предварительному просмотру цензоръ дѣйствуетъ предупредительною властію въ смыслѣ предупрежденія нарушенія законовъ; въ отношеніи къ изъятымъ отъ предварительнаго просмотра произведеніямъ онъ дѣйствуетъ властію преслѣдовательною, въ смыслѣ пресѣченія совершеннаго уже нарушенія закона и преслѣдованія виновныхъ въ семъ нарушеніи. Въ первомъ случаѣ цензоръ только дозволяетъ или запрещаетъ, во второмъ случаѣ цензоръ несетъ болѣе сложныя обязанности».

¹⁾ 16-го мая 1865 г. Дневникъ Никитенка. III. 28.

²⁾ Ibid.

³⁾ Изложеніе постановленій о цензурѣ и печати. Спб. 1865. Ст. 19-я.

«Инструкція» требовала отъ цензора не только «прямого разрѣшенія представившейся юридической задачи», но «соображеній, основанныхъ на внутреннихъ мотивахъ совершеннаго преступленія, на современномъ состояннїи умовъ и политическихъ отношеній страны и, наконецъ, на заботѣ, чтобы вчинаемое преслѣдованіе, съ одной стороны, не было признано несостоятельнымъ судебными учрежденіями, что можетъ повести къ поколебанію правительственнаго авторитета, а, съ другой стороны, не послужило бы для виновныхъ не рѣдко ими самими избираемымъ способомъ для приобрѣтенія незаслуженной популярности, или для косвенной пропаганды, посредствомъ болѣе общаго оглашенія преслѣдуемаго факта».

«Новыя отношенія, которыя, на основаннїи законоположеній 6-го апрѣля, устанавливаются между правительствомъ и прессою вообще», опредѣлены такъ «инструкціей»: «Съ 1858 года правительство признало и возможнымъ и полезнымъ расширить сферу частной прессы, облегчивъ существовавшія дотолѣ цензурныя правила. Опытъ доказалъ, что расширеніе свободы печатнаго слова должно быть соразмѣряемо со степенью личной отвѣтственности издателей, редакторовъ и сочинителей, и что подобное соотвѣтствіе не можетъ быть установлено, при исключительномъ господствѣ предупредительной цензуры, по существу которой отвѣтственными лицами считаются цензоры, въ лицѣ же ихъ и само правительство, а издатели, редакторы и сочинители, огражденные цензорскимъ разрѣшеніемъ, остаются внѣ всякаго преслѣдованія. Это обстоятельство послужило исходною точкою для послѣдовавшаго нынѣ освобожденія нѣкоторыхъ изданій отъ цензуры, съ отвѣтственностью за оныя издателей, редакторовъ и авторовъ».

«Цензоръ обязанъ проводить отличительную черту между указаніемъ на ошибки или злоупотребленія, нерѣдко ускользающія отъ наблюденія подлежащихъ властей, и между такимъ способомъ и видомъ изложенія подобныхъ указаній, который явно заключаетъ въ себѣ намѣренное оскорбленіе правительственныхъ лицъ и учрежденій».

«Относительно повременныхъ изданій постоянно должно имѣть въ виду ихъ отличительное свойство непрерывныхъ проводниковъ впечатлѣній на публику. Посему они могутъ сообщать свои взгляды и стремиться къ своимъ цѣлямъ, не формулируя категорически этихъ взглядовъ и цѣлей, но выражая ихъ рядомъ намековъ, недоговоровъ, повтореній и другихъ редакторскихъ или издательскихъ (?) приемовъ. При наблюденнїи за повременными изданіями цензоры обязаны прежде всего изучить господствующіе въ нихъ виды и оттѣнки направленія и, усвоивъ себѣ такимъ образомъ ключъ къ ближайшему уразумѣнію содержанія каждаго изъ нихъ, разсматривать съ этой точки зрѣнія отдѣльныя статьи журналовъ

и газетъ. Всѣ тѣ нарушенія законовъ, которыя при такомъ наблюденіи окажутся сознательными со стороны редакціи, какъ бы средствомъ для поддержанія или уясненія въ глазахъ читателей предвзятого направленія повременного изданія, должны быть постоянно заявляемы и строго преслѣдуемы, если сказанное направленіе есть въ какомъ либо отношеніи вредное или противоправительственное. Если при этомъ не всякое нарушение закона можетъ быть формулировано съ достаточною, для судебного преслѣдованія, ясностію, то оно во всякомъ случаѣ не должно быть предаваемо забвенію, ибо масса подобныхъ нарушеній съ теченіемъ времени составитъ наконецъ основаніе для положительнаго судебного преслѣдованія».

«Независимо отъ этихъ общихъ соображеній, надлежитъ при наблюденіи за повременною прессою обращать особое вниманіе, во-первыхъ, на самый характеръ каждаго изданія. Журналы и газеты, наиболѣе распространенныя, должны вызывать сугубое вниманіе цензоровъ, равно какъ изданія энциклопедическія, учебныя, педагогическія и тѣ, которыя предназначены для простаго народа... во-вторыхъ, на прошедшее и на личный составъ редакціи каждаго изданія. Литературное и политическое прошедшее соучастствующихъ въ нихъ лицъ очень часто составляетъ знамя редакціи, дающее достаточный матеріалъ для опредѣленія направленія газетъ и журналовъ. Въ-третьихъ, на обобщеніе или преувеличеніе частныхъ случаевъ административныхъ ошибокъ или злоупотребленій и на оскорбленіе правительственныхъ мѣстъ и лицъ».

Такимъ образомъ «инструкція» цѣль цензуры ставитъ въ «наблюденіи», чтобы пресса не выходила изъ «круга дѣятельности, предоставленной ей по закону».

Но гдѣ же законъ, очертившій этотъ «кругъ дѣятельности», совершенно юридически неопредѣлимый?

Новая система точнѣе опредѣляла цѣль цензуры, какъ «пресѣченіе» совершеннаго уже нарушенія закона и «преслѣдованіе» виновныхъ въ этомъ нарушеніи.

«Исходной точкой» новой системы ставится то обстоятельство, что при предварительной цензурѣ «редакторы и сочинители» остаются «внѣ всякаго преслѣдованія», а страдаютъ одни цензора.

«Кругъ дѣятельности» по закону, «наблюденіе», «пресѣченіе», «преслѣдованіе» редакторовъ и сочинителей, вышедшихъ за черту этого таинственнаго круга; «исходная точка» карать въ судебномъ и административномъ порядкѣ вышедшихъ изъ «круга» редакторовъ и сочинителей.

Но при этомъ требуется, чтобы «вчинаемое преслѣдованіе» ни въ какомъ случаѣ «не было признано несостоятельнымъ судебными учрежденіями», ибо это «можетъ повести къ поколебанію правительственнаго авторитета». Значитъ, надо всегда дѣйствовать навѣрняка, напередъ зная, что отвѣтчикъ проиграетъ дѣло.

Какъ же этого достигать? Найти «ключъ» къ каждому органу печати, изучивъ господствующіе въ прессѣ «виды и оттѣнки направленія», вчиная иски по совокупности.

Масса тонкихъ нарушеній, съ теченіемъ времени скопленная, составитъ наконецъ основаніе для положительнаго судебного преслѣдованія...

Очевидно, цензура погружалась въ тонкое судейское крючкотворство и казуистику, по неопредѣленности юридически преступленій печати, крайне темное и трудное.

«Валуевъ надѣется подавить все «вредное» въ нашей печати»,—отмѣчалъ 8 ноября 1865 г. Никитенко.

«Министръ смотритъ на вопросы мысли и печати, какъ полицейскій чиновникъ, предсѣдатель совѣта есть ничтожнѣйшее существо, готовое подчиниться всякому чужому вліянію... Дѣло цензуры, пожалуй, никогда еще не было въ такихъ дурныхъ, т.-е. невѣжественныхъ и враждебныхъ мысли рукахъ»¹⁾.

«Министерство очень щедро на предостереженія. Имъ, кажется, исполнѣ овладѣла мысль уничтожить тѣ пріобрѣтенія, которыя сдѣлала печать въ послѣднее десятилѣтіе,—пріобрѣтенія, изъ которыхъ многія утверждены и гарантированы высочайшею волею. Разумѣется все, что имѣетъ видъ пресѣченія злоупотребленій въ печати. Но въ томъ-то и дѣло, что то, что кажется министру внутреннихъ дѣлъ злоупотребленіемъ, то составляетъ только естественное послѣдствіе совершившагося факта и настоятельную потребность общества, допущенную самимъ правительствомъ»²⁾.

Отъ 4 октября 1866 г. Никитенко писалъ:

«Валуевская администрація, кажется, видитъ въ печати личнаго своего врага, она съ каждымъ днемъ все больше и больше противъ нея озлабляется»³⁾.

«Управленіе по дѣламъ печати идетъ совершенно ложнымъ путемъ. Оно усвоило себѣ только одинъ элементъ силы — элементъ полицейскій... Управленіе рѣшилось дѣйствовать совершенно наперекоръ величайшаго изъ властителей земныхъ—духа времени, который неотразимо требуетъ свободы мысли и слова... Валуевъ человекъ не безъ ума, но съ ногъ до головы бюрократъ, который понимаетъ государственныя дѣла не иначе, какъ канцелярскія отношенія и рапорты, хотя и говоритъ иногда пышно и кудряво»⁴⁾.

¹⁾ Декабря 1865.—Никитенко. III. 69.

²⁾ Никитенко. 15 января 1866 г.

³⁾ III. 116.

⁴⁾ 3 декабря 1866 г. III. Стр. 127 и 128.

VI.

1866-й годъ былъ роковымъ для нашей печати, освобожденной отъ предварительной цензуры. Почти ровно черезъ годъ, послѣ выхода закона 6 апрѣля 1865 г., прогремѣлъ безумный выстрѣлъ Каракозова 4 апрѣля 1866 года. Результатъ гнуснаго преступленія политическаго маниака — запрещеніе «Современника» и «Русскаго Слова», страшная реакція, достигшая кульминаціоннаго пункта къ 1868 году, когда печать оказалась почти стертой съ лица земли. Уже 1862 г., когда былъ арестованъ Чернышевскій, и повстанье 1863—1864 годовъ привели печать, особенно петербургскую, къ чрезвычайному пониженію уровня интересовъ.

Время съ 1862 по 1866 г. было эпохой литературнаго скандала и крайне неприличной и бессмысленной полемики Писарева и Зайцева съ Антоновичемъ и Щедринымъ. Время управленія печатью Валуевымъ съ 1863 года по 1868 годъ является эпохой непрестаннаго литературнаго террора. Вотъ какъ характеризуетъ это время въ своей автобіографіи Гл. Ив. Успенскій: «Одиночество было полное. Съ крупными писателями (школы 40-хъ годовъ) я не имѣлъ никакихъ связей, а мои товарищи — люди, старшіе меня лѣтъ на десять—почти всѣ безъ исключенія погибали на моихъ глазахъ, такъ какъ пьянство было почти чѣмъ-то неизбѣжнымъ для тогдашняго талантливаго человѣка. Всѣ эти подверженные сивушной гибели люди были уже извѣстны въ литературѣ (Помяловскій, Рѣшетниковъ)... Спившихся съ кругу талантливыхъ людей было множество, начиная съ такой потрясающей въ этомъ отношеніи фигуры, какъ П. И. Якушкинъ».

«Несомнѣнно, народъ этотъ былъ душевный, добрый и глубоко талантливый; но питейная драма, питейная болѣзнь, похмелье и вообще разслабленное состояніе, извѣстное подъ названіемъ «послѣ вчерашняго», занимали въ ихъ жизни слишкомъ большое мѣсто. Не было у нихъ читателя, они писали неизвѣстно для кого, хвалили только другъ друга. Одиночество талантливыхъ людей вело ихъ къ трактирному оживленію и шуму. Ко всему этому надо прибавить, что въ годы 1863—1868 все въ журнальномъ мірѣ падало, разлушалось, валилось. «Современникъ» сталъ тусклъ и упалъ во мнѣніи живыхъ людей, отводя по полкнигѣ на бесплодные литературныя распри, а потомъ и былъ закрытъ. Закрыто и «Русское Слово», и вообще всѣ мало-мальски видные дѣятели разбрелись, исчезли. Начали появляться какія-то темныя изданія съ темными издателями... Одинъ изъ нихъ, на примѣръ, когда пришли описывать его за долги, сталъ на глазахъ пристава ѣсть овесъ, прикинувшись помѣшаннымъ»¹⁾.

¹⁾ Скабичевскій. Исторія новѣйшей русской литературы. Изд. 4-е, стр. 253.

«истор. вѣсти.», ноябрь, 1902 г., т. хс.

Въ 1862 году «Современникъ» и «Русское Слово» были по высочайшему повелѣнію приостановлены на 8 мѣсяцевъ, и Чернышевскій арестованъ. Со смертью Добролюбова, исчезновеніемъ съ литературнаго горизонта Чернышевскаго и съ закрытіемъ «Современника» въ 1866 году кончился первый и самый яркій литературный періодъ 60-хъ годовъ. Возникшія затѣмъ въ 1868 году «Отечественныя Записки» новой редакціи (Некрасовъ, Щедринъ, Елисѣевъ) были уже иными и по составу сотрудниковъ, и по содержанию, и по направленію.

«Русское Слово» было журналомъ «подростающаго» поколѣнія, въ отличіе отъ «Современника», который считался журналомъ поколѣнія просто «молодого». Читатели «Современника» смотрѣли на «Русское Слово» съ отѣнкомъ нѣкотораго высокомерія, какъ на журналъ начинающихъ писателей для начинающихъ читателей. Между «шестидесятниками» много было считающихъ себя умственно обязанными во всемъ «Современнику», и у которыхъ для «Русскаго Слова» не сохранилось никакихъ благодарныхъ воспоминаній. «Современникъ» началъ занимать свое руководящее положеніе въ 1855 году, когда «Русское Слово» еще не существовало. Когда же «Русское Слово» начало пріобрѣтать значеніе, т.-е. когда въ 1860—1861 годахъ въ немъ явились Писаревъ и Зайцевъ, Добролюбовъ уже умеръ, освобожденіе крестьянъ совершилось, а вскорѣ выбылъ изъ «Современника» и Чернышевскій. Такимъ образомъ эти журналы принадлежатъ разному времени. Въ 1866 году Благовѣстовъ на развалинахъ своего «Русскаго Слова» основалъ «Дѣло». Журналистика тогда напоминала утлый челнъ, получившій пробоину. «Современникъ» и «Русское Слово» были закрыты окончательно; остались только совершенно безцвѣтные органы: «Вѣстникъ Европы» на первыхъ порахъ носилъ характеръ спеціальнаго, историческаго журнала, пухлыя, старыя «Отечественныя Записки», «Литературная Библіотека», тощая «Библіотека для Чтенія», «Женскій Вѣстникъ», «Всемирный Трудъ». Въ Москвѣ боролся съ Валугевымъ «Русскій Вѣстникъ» Каткова. Писаревъ разошелся съ Благовѣстовымъ. Съ 1868 года «Отечественныя Записки» стали выходить подъ редакціей Некрасова при новомъ составѣ сотрудниковъ. Въ число ихъ вступилъ было и Писаревъ, но лѣтомъ же утонулъ, купаясь въ Дуббельнѣ.

Въ 1866 году «Современникъ» и «Русское Слово» были запрещены совсѣмъ, но это было лишь видимою смертью двухъ главныхъ представителей журналистики 60-хъ годовъ. «Современникъ» уже умеръ со смертью Добролюбова и удаленіемъ Чернышевскаго. «Русское Слово» жило дольше, потому что жить начало позже. Въ 1861 году въ Петербургѣ сталъ было издаваться новый, прекрасный журналъ «Время», въ которомъ главную роль игралъ Ф. М. Достоевскій. Журналъ имѣлъ успѣхъ, но выходилъ недолго. Съ

выпускомъ апрѣльской книги 1863 года «Время» прекратилось. За статью Косицы (Н. Н. Страхова) о польскихъ отношеніяхъ, обличенную Катковымъ, журналъ былъ запрещенъ навсегда. Въ 1864 году Мих. Достоевскій (братъ романиста) попытался издавать «Эпоху», но дѣло не пошло, и журналъ закрылся на февральской книжкѣ 1865 года. Начиная съ 1862 года, Писаревъ, Зайцевъ, Николай Соколовъ и Благосвѣтловъ въ «Русскомъ Словѣ» пошли въ походъ на преемниковъ Добролюбова и Чернышевскаго въ «Современникѣ»—Антоновича и Щедрина. Полемика по красотѣ и выразительности скоро достигла почти уровня заборной письменности... Она любопытна, какъ признакъ полнаго вырожденія и измельчанія журналистики въ эпоху выработки и проведенія закона о «свободѣ печати». Щедринъ называетъ Зайцева и Писарева—пишущихъ въ «невинномъ, но разухабистомъ органѣ невинной негилистической ерунды»—«вислоухими».

Редакція «Русскаго Слова» не замедлила отвѣтить, что фельетонистъ «Современника» доказалъ, что «его чаша полна», но что въ ней заключается «не нектаръ», а какая-то «желтая жидкость». Отъ остротъ Щедрина «пахнетъ саломъ курдючкаго барана». Затѣмъ Писаревъ назвалъ Антоновича «лукошкомъ глубокомыслія».

Антоновичъ отвѣчалъ, что Тургеневъ (романомъ «Отцы и Дѣти») показалъ «Русскому Слову» «фигу», а оно стало «цѣловать эту фигу» и «водянымъ настоемъ этой фиги» стало разбалтывать свою критику, которую онъ, Антоновичъ, отнынѣ будетъ называть «бутербродомъ глубокомыслія», бутербродомъ гнилымъ и заразительнымъ. Эта грязная пошлятина достигла апогея въ 1865 году. «Любить и прощать—прекрасное занятіе,—восклицалъ Писаревъ, разбирая романъ Помяловскаго,—но иного подлеца не мѣшаетъ по мордѣ треснуть».

На особой страницѣ въ «Русскомъ Словѣ» Зайцевъ и Писаревъ обращались къ «Современнику»: «Маски долой! Некрасовъ и П—инъ, хозяйева! Кто изъ васъ настрочилъ такой шельмецкій паксвилль!» Намекая на то, что Благосвѣтловъ получилъ журналъ отъ графа Кушелева-Безбородко, Антоновичъ писалъ: «Вы, г. Благосвѣтловъ, нѣкогда въ графской передней почивали, на связкѣ парадныхъ гербовыхъ ливрей...». «По истинѣ, вы — бутербродъ и больше ничего!.. Бутербродъ съ размазней, да еще гнилой!»¹⁾.

«Ахъ, вы, лгунишка! Ахъ, вы, сплетникъ литературный! — вопить Благосвѣтловъ,—вы собираетесь посадить меня на ладонь и показать публикѣ, а я совѣтовалъ бы вамъ спрятаться куданибудь въ сапогъ и не показывать вашихъ безстыжихъ глазъ ни въ редакціи «Современника», ни своимъ знакомымъ».

¹⁾ «Современникъ», 1865 годъ, февраль, Глуповцы въ «Русскомъ Словѣ».

Антоновичъ затѣмъ сообщаетъ какое-то темное извѣстiе: «Опасно полемизировать съ тѣми, которые могутъ послать на вашу квартиру двухъ огромныхъ дѣтинъ-гайдуковъ для вашего вразумленiя», которые «прибѣгають къ такимъ краснорѣчивымъ увѣщанiямъ, что для удержанiя ихъ требуются дворники и городовые»¹⁾.

Кто посылалъ или собирался послать гайдуковъ изъ полемизировавшихъ, осталось неяснымъ.

Перебранка продолжалась:

«О недоносокъ Благосвѣтловскiй! О скудоумный Писаревъ!»...—ревѣлъ Антоновичъ²⁾.

Въ отвѣтной статьѣ Писаревъ признавался, что «полемика приняла характеръ дикой оргiи»³⁾.

Въ «Отеч. Зап.» Заринъ далъ подробное обзорѣнiе всѣхъ стадiй этой непристойной полемики въ радикальномъ лагерѣ (1865 г., т. CLXI, Verba novissima). А газета Аксакова «День» сказала, что новый духъ, вѣющiй изъ «Современника»,—только духота отъ мiазмовъ его разложенiя.

Въ 1866 году и «Современникъ» и «Русское Слово» были закрыты, при чемъ Некрасовъ въ апрѣльской книжкѣ «Современника» помѣстилъ стихи «Осипу Ивановичу Комиссарову», а въ «Современное Обзорѣнiе» подпустилъ патрiотизма. Это журналъ не спасло, только запачкало Некрасова.

VII.

Такимъ образомъ петербургская печать въ перiодъ 1862 по 1868 годъ представляла печальную картину «свистопляски», грубой ругани, вообще какого-то разнузданнаго кабака. Такое состоянiе ея объясняется цензурнымъ терроромъ, который преслѣдовалъ всякую серьезную мысль. Отъ «нечего писать» журналисты изругались, какъ пьяные бурсаки. Въ то же время Валуевъ велъ упорную борьбу съ националистической печатью Москвы, органами Каткова и Аксакова. Еще въ 1862 году Катковъ и Леонтьевъ представились государю и получили въ аренду «Московскiя Вѣдомости». Уже въ 1862 году газета имѣла около 6.000 подписчиковъ. Переходъ «Московскихъ Вѣдомостей» къ Каткову почти совпалъ съ началомъ польскаго мятежа. Событiя, сопровождавшiя это возстанiе, вызвали рядъ одушевленныхъ искреннимъ патрiотизмомъ статей Каткова; вся земская Россiя съ большимъ сочувствiемъ внимала страстной рѣчи публициста; его статьи обратили на себя также вниманiе европейской прессы—и Катковъ сдѣлался знаменитостью. Петербургское дворянство представило 26-го марта адресъ, въ ко-

¹⁾ «Современникъ», 1865 г., мартъ, Литературныя мелочи, 216.

²⁾ «Современникъ», 1865 г., июль. Лже-реалисты.

³⁾ «Русское Слово», 1865 г., сентябрь, «Посмотримъ».

торомъ высказывалось энергически за сохраненіе цѣлости Русскаго государства. 31-го марта 1863 года въ день Свѣтлага Христова Воскресенія, отъ петербургскаго городского общества, а затѣмъ и со всѣхъ сторонъ посыпались адреса. Катковъ составилъ адресъ старообрядцевъ-безпоповцевъ, гдѣ были слова: «Въ новизнахъ твоего царствованія старина наша слышится».

Обстоятельства 1862—1866 г.г. заставили Каткова принять національное знамя. О Катковѣ спорили въ иностранной прессѣ. The foremost journal in Russia (органъ, дающій направленіе въ Россіи), писалъ въ 1865 году корреспондентъ «Times»'а про «Московскія Вѣдомости».

«Въ нашей газетѣ,—возражалъ Катковъ,—хотятъ видѣть органъ партіи, которую называютъ русскою, ультра-русскою, исключительно русскою. Мы предоставляемъ всякому судить, въ какой мѣрѣ можетъ идти рѣчь о русской партіи въ Россіи. Принадлежать къ русской партіи въ Россіи не значитъ ли одно и то же, что быть русскимъ подданнымъ, быть гражданиномъ Русскаго государства?»¹⁾

Съ Катковымъ воевалъ консервативный органъ старо-помѣщичьей партіи «Вѣсть». Но и начавшійся въ 1863 г. «Голосъ» сталъ самымъ яркимъ врагомъ Каткова. «Голосъ» обвинялъ Каткова въ сепаратизмѣ, въ томъ, что ему постоянно мерещится призракъ разъяренныхъ стихій, что онъ имѣетъ въ виду запугиваніе общества.

Въ 1865—1866 годахъ подписка «Московскихъ Вѣдомостей» достигла 12.000.

Завѣдывавшій «Московскими Вѣдомостями», во время борьбы съ полонизмомъ, цензоръ Петровъ дрожалъ отъ страха, когда носилъ печатные столбцы отъ Каткова назадъ въ типографію, для окончательнаго напечатанія.

«Штрафовъ, писалъ Катковъ, взыскано было съ насъ шесть въ теченіе одного мѣсяца, всего на сумму 950 рублей». Наконецъ, газетѣ было дано предостереженіе за «возбужденіе недовѣрія къ правительству»²⁾.

«Московскія Вѣдомости» были четвертымъ изъ органовъ печати, навлекшихъ на себя предостереженіе по изданіи новаго закона о печати. Первымъ постигла административная кара «Современникъ» и «Русское Слово», органы социалистической окраски; потомъ она задѣла по пути консервативную «Вѣсть» и устремилась противъ руссофильскаго направленія Каткова. Такимъ образомъ, въ списокъ предостереженій сошлись люди и органы самыхъ противоположныхъ, самыхъ ненавистныхъ другъ другу взглядовъ.

¹⁾ «Моск. Вѣдомости», 1865 г., № 195.

²⁾ «Сѣверная Почта», 1866 г., № 66.

Катковъ отказался напечатать предостереженіе, предложилъ правительству взять это предостереженіе назадъ и объявилъ, что онъ прекратитъ изданіе «Московскихъ Вѣдомостей». Объявилъ свое рѣшеніе Катковъ 3-го апрѣля 1866 г., а на слѣдующій день, 4-го апрѣля, произведено было Каракозовымъ покушеніе. 14-го апрѣля графъ Д. А. Толстой былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Въ «Сѣверной Почтѣ», официальномъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, были напечатаны объясненія главнаго управленія по дѣламъ печати по поводу статьи Каткова, отъ 3-го апрѣля. Одни изъ членовъ высказались за судебное преслѣдованіе противъ «Московскихъ Вѣдомостей», другіе—за второе предостереженіе. Было прибавлено, что министръ не принимаетъ ни того, ни другого рѣшенія, въ уваженіе къ нынѣшнему настроенію общественнаго мнѣнія.

11-го апрѣля, въ Москвѣ произошла патріотическая манифестация студентовъ. Подойдя къ дому университетской типографіи, студенты шесть разъ пропѣли народный гимнъ и кричали Каткову: «не прекращайте вашей дѣятельности»¹⁾.

Валуевъ далъ Каткову 2-е предостереженіе 6-го мая, и на слѣдующій день 7-го—третье, съ приостановкой на два мѣсяца. Съ 9-го по 18-е мая «Московскія Вѣдомости» не выходили: 18-го появился прощальный номеръ. Издатели говорили: «До сихъ поръ въ исторіи этого столѣтняго изданія было только два случая перерыва: одинъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія во время чумы; другой въ 12-мъ году—при нашествіи французовъ; третьему случаю суждено было осуществиться въ настоящее время, по нашей винѣ».

Но 25-го мая Александръ II посѣтилъ Москву. Катковъ получилъ аудіенцію, и 25-го іюня, ранѣ истеченія срока положеннаго министромъ внутреннихъ дѣлъ запрещенія, Катковъ возобновилъ изданіе. Общественное сочувствіе къ Каткову по поводу его возвращенія къ публицистической дѣятельности выразилось объдомъ, даннымъ ему въ университетскомъ залѣ 17-го іюля 1866 года.

VIII.

Въ борьбѣ съ Валуевымъ перевѣсъ остался на сторонѣ Каткова, тѣмъ болѣе, что теперь у него была сильная рука въ лицѣ министра графа Толстого. Славянофилы же были систематически подавляемы Валуевымъ.

Выстрѣлъ Каракозова 4-го апрѣля 1866 г. страшно поразилъ все общество. Герценъ въ появившейся 1-го мая 1866 года въ

¹⁾ «Московскія Вѣдомости», 1866 г., № 76.

«Колоколъ» статьѣ: «Иркутскъ и Петербургъ»,—осудилъ это преступленіе. «Мы поражены при мысли объ отвѣтственности, которую взялъ на себя этотъ фанатикъ,—писалъ Герценъ,—только у варварскихъ народовъ или у стоящихъ на склонѣ цивилизаціи существуетъ стремленіе прибѣгать къ убійствамъ».

Руководство слѣдствіемъ по Каракозовскому дѣлу было возложено на бывшаго виленскаго генераль-губернатора графа Муравьева. «Мои силы уже слабы, я боленъ и старъ,—заявилъ Муравьевъ на обѣдѣ, данномъ ему 10-го апрѣля Петербургскимъ англійскимъ клубомъ, по случаю его назначенія,—но я скорѣ лягу костями, чѣмъ оставлю неоткрытымъ это зло, зло не одного человека, а многихъ, дѣйствующихъ въ совокупности». Послѣ обѣда графъ Муравьевъ воспользовался присутствіемъ издателя «Современника» Некрасова, чтобы указать на вредныя ученія, распространяемыя въ обществѣ, на ядъ, прививаемый молодому поколѣнію.

«Всѣ эти лжеученія,—писалъ Катковъ,—всѣ эти дурныя направленія родились и приобрѣли силу посреди общества, не знавшаго ни науки свободной, уважаемой и сильной, ни публичности въ дѣлахъ, касающихся самыхъ дорогихъ для насъ интересовъ,—посреди общества, находящагося подъ цензурой и полицейскимъ надзоромъ во всѣхъ сферахъ своей жизни. Всѣ эти лжеученія и дурныя направленія, на которыя слышатся теперь жалобы, суть плодъ мысли подавленной, неразвитой, рабской во всѣхъ своихъ инстинктахъ, одичавшей въ своихъ темныхъ трущобахъ»¹⁾.

Только благодаря особому покровительству императора Александра II-го, «Московскія Вѣдомости» не были запрещены, и во всякомъ случаѣ ярко окрашенный органъ Каткова не погрузился въ молчаніе. Такимъ образомъ все время дѣятельности Валуева съ 1863 г. по 1868 г., въ самомъ началѣ котораго его звѣзда закатилась, періодъ «свободы печати» и введенія новой цензурной системы, является эпохой гнетущаго періода въ литературѣ. Въ предыдущій періодъ съ 1855 по 1862 годъ реакція и репрессія печати опирались только на партію крѣпостниковъ—обскурантовъ. Въ періодъ съ 1862 по 1868 г., къ несчастію, темныя подпольныя дѣянія давали безконечно болѣе основаній для реакціи и цензурнаго террора.

Отъ 4-го марта 1868 г. Никитенко помѣтилъ въ своемъ «Дневникѣ»: «Валуевъ оставилъ министерство, или министерство оставило его. Мѣсто его занялъ Тимашевъ». 16-го марта Никитенко провожаетъ Валуева слѣдующей предикой:

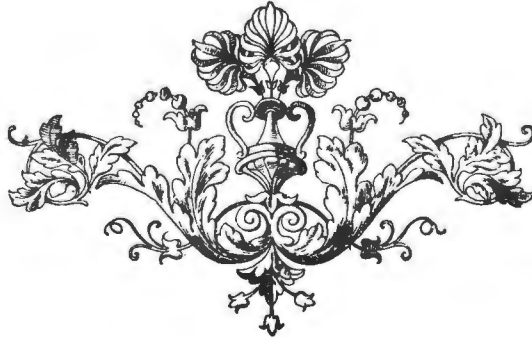
«Валуевъ дурно распорядился своею судьбою: притѣсненіемъ земскихъ учреждений, неблагоразумными и опреметчивыми дѣй-

¹⁾ «Московскія Вѣдомости», 1866 г., № 205.

ствіями по дѣламъ печати онъ, вооружилъ противъ себя общественное мнѣніе, а страннымъ индифферентизмомъ къ голоду онъ далъ противъ себя оружіе въ руки враждебной ему партіи». Во всякомъ случаѣ, Валуевъ провель законъ, который учеными юристами признается за «шагъ впередъ»; онъ что-то сдѣлалъ; перевалилъ черезъ роковую черту, около которой всевозможныя комиссіи толклись ровно десять лѣтъ, и все не рѣшались ее перешагнуть.

Отъ 15-го апрѣля 1868 г. Никитенко пишетъ въ своемъ «Дневникѣ»: «Новый министръ даетъ знать, что онъ въ дѣлахъ печати намѣренъ слѣдовать системѣ своего предшественника».

Николай Энгельгардтъ.

КУЛЬТУРНЫЯ КЛАДБИЩА.

(Посвящается ученымъ гробокопателямъ).

«Quousque tandem»...

О ТЕОРИИ ВИКО, вся исторія человѣчества состоитъ изъ послѣдовательной смѣны періодовъ цивилизаціи и варварства, при чемъ каждый изъ этихъ періодовъ заключаетъ въ себѣ самомъ элементы развитія послѣдующаго, такъ что цивилизація въ поступательномъ своемъ движеніи возвращается, въ концѣ концовъ, къ своему источнику — къ людской дикости, изъ которой опять проростають сѣмена культуры. Нельзя отрицать, что во многихъ частныхъ проявленіяхъ исторической жизни какъ бы обнаруживаются симптоматическіе признаки справедливости этой теоріи. Мы, на-примѣръ, несомнѣнно живемъ теперь въ «періодѣ цивилизаціи», «прогрессируемъ», но стоитъ вдуматься въ нѣкоторые историческіе процессы, и предъ нашими глазами замелькають признаки разрушенія началъ, которыя породили ихъ, и безъ которыхъ они существовать не могутъ. Въ данномъ случаѣ я желалъ бы обратить особенное вниманіе читателей на наше отношеніе къ средствамъ, благодаря которымъ дѣлается возможной преемственность культуры въ рядѣ смѣняющихся поколѣній: пусть они спросятъ себя тогда, не вступаемъ ли мы нечувствительно опять въ періодъ варварства.

Характеристическая черта современной цивилизаціи заключается въ ея стремленіи приобщить къ благамъ культуры все человѣчество. Первымъ средствомъ для этого является демократизація знаній. Въ старину, еще весьма недавнюю, наука, литература, худо-

жества, составляли удѣлъ высшихъ классовъ общества, болѣе развитыхъ умственно и болѣе крѣпкихъ экономически; теперь плоды цивилизаціи выходятъ изъ этого тѣснаго относительно круга и тысячью видимыхъ и невидимыхъ путей проникаютъ въ народныя массы. Главнымъ орудіемъ цивилизаціи остается, однако, все-таки печатное слово: книга, газета и т. д., которыя можно теперь встрѣтить въ самыхъ глухихъ закоулкахъ. Само собою разумѣется, первымъ условіемъ такого распространенія произведеній печатнаго слова должна быть ихъ дешевизна. Чѣмъ дешевле книга, газета, тѣмъ на болѣе широкій кругъ читателей она можетъ расчитывать, тогда какъ въ старину число читателей было, относительно говоря, всегда опредѣленное, а сами они — люди экономически состоятельные, которые всегда могли дозволять себѣ роскошь — «украшать свой умъ и сердце». Стремленіе удешевить книгу и газету имѣетъ еще и другое основаніе: чтобы пріобщаться теперь къ благамъ знанія, нужно каждому знакомиться постоянно съ огромной массой печатныхъ произведеній, сообразно съ развитіемъ науки и литературы, тогда какъ еще 100 лѣтъ тому назадъ у насъ, въ Россіи, бібліотеки весьма образованныхъ людей не превышали 200 или 300 экземпляровъ и считались весьма богатыми. Произведенія художественнаго творчества также не шли въ народную массу по своей дороговизнѣ; высшіе классы общества имѣли у себя картины, миниатюры, гравюры, низшіе — лубочныя картинки и, въ лучшемъ случаѣ, произведенія какихъ либо самоучекъ «богомазовъ». А теперь....

«Что же, и слава Богу, скажетъ читатель, что мы такъ шагнули впередъ: образованіе должно быть удѣломъ всѣхъ».

Это также, разумѣется, безспорно, но не въ этомъ дѣло. Проникновеніе въ массу «плодовъ» цивилизаціи возможно только при дешевизнѣ ихъ распространенія. Прямымъ послѣдствіемъ этого явилось ухудшеніе качества матеріала, въ которомъ «плоды» эти должны воплощаться: «числомъ поболѣе, цѣною подешевле». Для удовлетворенія этой потребности приложила свои старанія техника, сильно развившаяся и развивающаяся въ этомъ направленіи. До половины XIX вѣка матеріаломъ для изготовленія бумаги служили тряпки хлопчатобумажныхъ и льняныхъ тканей, и бумага, приготовленная изъ нихъ, отличалась чрезвычайною прочностію, даже въ худшихъ своихъ сортахъ. Но въ 1847 г. изобрѣтена была Келлеръ-Фельтеромъ древесная масса для бумаги, получаемая механическимъ путемъ, а затѣмъ выработаны были особые способы выдѣлки бумаги изъ другихъ суррогатовъ тряпья, въ особенности изъ соломы, а также минеральныхъ примѣсей, напримѣръ, гипса, — животный клей началъ замѣняться непрочнымъ, но дешевымъ растительнымъ; бѣленіе бумаги производится хлорной известью, постепенно ее развѣдающею. Не входя въ подробности чисто техническаго свойства, хорошо разработанныя уже въ обществѣ дѣяте-

лей печатного дѣла, скажемъ лишь, что бумага такого производства становится совершенно непригодною къ продолжительному служенію: она постепенно, въ зависимости отъ химическаго своего состава, обнаруживаетъ признаки распадѣнія, начинаетъ крошиться, а чернила на ней—выцвѣтать. Для нагляднаго сравненія образцовъ бумаги писчей и печатной стараго и новаго производства достаточно отправиться въ Императорскую Публичную библиотеку. Вы увидите тамъ, что всѣ изданія XVIII вѣка, даже бывшія въ употребленіи, какъ будто вчера только вышли изъ печатнаго станка, а газеты и журналы 60-хъ годовъ XIX вѣка уже обнаруживаютъ признаки разрушенія; точно такое же впечатлѣніе производятъ и рукописи на бумагѣ стараго и новаго производства. При частомъ употребленіи, книги на новѣйшей бумагѣ дѣлаются негодными для пользованія уже чрезъ нѣсколько лѣтъ, что весьма выгодно для издателей учебниковъ, книгъ для народнаго чтенія и т. д.: книги эти иногда съ умысломъ печатаются на бумагѣ, легко поддающейся крошкѣ и ломкѣ. Вообще можно сказать, что новѣйшая бумага, приготовленная изъ суррогатовъ тряпья, по своему химическому составу и способамъ выдѣлки, не можетъ пережить возрастъ человѣческаго поколѣнія, какъ бы по внѣшнему своему виду она ни была красива, прочна и даже роскошна; между тѣмъ, за чрезвычайно рѣдкими исключеніями, на ней, въ виду ея относительной дешевизны, печатаются и пишутся нынѣ почти всѣ произведенія человѣческой мысли. Спрашивается: что мы оставимъ потомкамъ нашимъ, и будетъ ли сохранена преемственность культуры для будущихъ поколѣній?

До сихъ поръ въ школахъ рассказываютъ, какъ о варварѣ, о калифѣ Омарѣ, сожегшемъ Александрійскую библиотеку, но у него было, по крайней мѣрѣ, основаніе для варварскаго своего дѣйствія: онъ признавалъ одну лишь книгу на свѣтѣ—коранъ. Что же могутъ сказать въ свое оправданіе наши ученые учрежденія, библиотеки, музеи, десятками лѣтъ завѣдомо собирающіе въ своихъ стѣнахъ, на поученіе потомству, преимущественно тлѣнъ и труху, подъ названіемъ книгъ и рукописей? Какъ возможно допускать, чтобы обречены были тлѣнію дѣла правительственныхъ и общественныхъ установленій, иногда на ряду съ актами величайшей государственной важности? Много ли останется памятниковъ отъ нашей культурной дѣятельности для будущихъ историковъ, коимъ нельзя ужъ будетъ «пыль отъ хартій отряхать» безъ того, чтобы сами «хартіи» не обратились въ пыль? И въ то же время, по странному противорѣчію, мы обнаруживаемъ теперь особую любовь къ остаткамъ старины, пишемъ историческія изслѣдованія о прошломъ нашихъ учрежденій на основаніи архивныхъ данныхъ и, въ своемъ увлеченіи старыми бумагами, даже нелѣпые архивные проекты Самоквасова и К^о читаемъ со вздохомъ умиленія... Мы еще не поняли

что подъ старыми словами скрываются новыя понятія. Въ утѣшеніе, по старой памяти, можемъ лишь сослаться на Европу: и тамъ де то же.

Въ мартѣ текущаго года мною сдѣланъ былъ въ археологическомъ институтѣ докладъ о мѣрахъ къ охранѣ памятниковъ современной исторіи, въ надеждѣ, что вопросъ этотъ, въ сущности давно уже назрѣвшій даже въ печати, получить скорѣйшее разрѣшеніе: мною указана была необходимость законодательнымъ путемъ обязать типографіи печатать хотя бы пять, десять экземпляровъ каждаго изданія непременно на тряпичной бумагѣ для представленія ихъ въ государственныя книгохранилища и въ то же время ввести въ дѣлопроизводства правительственныхъ и общественныхъ учреждений, склонныхъ къ экономіи въ расходованіи канцелярскихъ суммъ, опредѣленные правила о разрядахъ дѣлъ, которыя могли бы быть въ будущемъ, безъ ущерба для исторіи, предоставлены тлѣнію и крошкѣ. Институтъ съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ моему предложенію и постановилъ избрать особую «комиссію» для изученія и направленія возбужденнаго вопроса. «Комиссія» эта, однако, еще не собиралась и даже, кажется, еще не избрана... Прочія ученые учрежденія молчатъ до сихъ поръ по этому вопросу, попрежнему наполняя свои книжныя полки новѣйшими произведеніями типографскаго искусства. Правда, въ маѣ текущаго года, въ газетахъ проскользнуло извѣстіе, что академія наукъ постановила произвести испытаніе бумаги, на которой она впредь будетъ печатать свои изданія, но для высшей блюстительницы интересовъ науки и литературы въ Россіи такого постановленія мало: нельзя же думать, въ самомъ дѣлѣ, чтобы академія считала только свои изданія достойными вниманія потомства; кромѣ того, при академіи наукъ находится ея бібліотека—первое по значенію послѣ Императорской Публичной бібліотеки книгохранилище въ Россіи. Вкусивъ уже горькаго въ максимальной дозѣ, слѣдовало бы академіи поосновательнѣе и поскорѣе заняться этимъ простымъ, не виднымъ, но весьма серіознымъ дѣломъ: послѣ 40 лѣтъ бездѣйствія, нельзя не дорожить лишнимъ днемъ, лишнимъ мѣсяцемъ, въ теченіе которыхъ наши національныя сокровищницы исторіи, науки и литературы наполняются книгами и рукописями, переплеты которыхъ, какъ гробы, будутъ рано или поздно заключать въ себѣ одинъ могильный прахъ.

Сказанное во всемъ своемъ цѣломъ относится и къ памятникамъ графическихъ искусствъ. Прочность произведеній литографіи, цинкографіи, автотипіи, фотографіи, тѣсно связана съ вопросомъ о бумагѣ, на которой они печатаются; въ частности, фотографическіе снимки, печатаемые обыкновенно на дешевой бумагѣ, чрезъ 20—30 лѣтъ выцвѣтають, ранѣе даже, чѣмъ сама ихъ бумага подвергается распаденію, тогда какъ снимки болѣе прочныя, на аль-

буминной, напрімѣръ, бумагѣ, очень дороги и даже не такъ изящны. Самое, однако, разительное доказательство стремленія удовлетворять лишь потребностямъ настоящаго, не думая о будущемъ, представляетъ область живописи. Въ ней прежде господствовали исключительно минеральныя краски, очень туго поддающіяся дѣйствию времени, и художники обыкновенно придавали качеству ихъ такое значеніе, что сами занимались ихъ приготовленіемъ, держали для этого особыхъ учениковъ: старые художники думали о безсмертіи. Теперь успѣхи химіи отодвинули минеральныя краски на второй планъ. Наши художники, въ большинствѣ случаевъ, пишутъ красками химическими, которыя стѣяютъ въ шесть, семь разъ дешевле минеральныхъ и безъ особаго труда для художника даютъ большее разнообразіе свѣтовыхъ эффе́ктовъ. Но краски эти чрезъ 20, 30 лѣтъ начинаютъ выцвѣтать, и картины, ими писанныя, видомъ своимъ напоминаютъ отсырѣвшую стѣну. Еще весьма недавно въ печати указывалось на фактъ выцвѣтанія картинъ такихъ художниковъ, какъ Семирадскій и Куинджи; что же говорить о художникахъ болѣе мелкихъ? И сравните эти новѣйшіе *chefs-d'oeuvre* съ произведеніями старыхъ мастеровъ, даже крѣпостныхъ живописцевъ конца XVIII и начала XIX вѣка: въ свѣжести, яркости тоновъ и красокъ вы увидите поразительное различіе — не въ пользу нашихъ современниковъ. Конечно, каждый художникъ въ правѣ писать, какъ хочетъ и чѣмъ хочетъ, но покупатель работъ ихъ долженъ бы все-таки знать, что онъ покупаетъ, и для этого должна быть установлена экспертиза. Въ особенности на этотъ пунктъ должны бы обратить вниманіе наши музеи, въ которыхъ, чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, вмѣсто картинъ, во многихъ случаяхъ окажутся одни лишь холсты, — а также тѣ казенныя и другія учрежденія, которыя обращаются къ художникамъ съ своими заказами. Любопытно было бы, напрімѣръ, знать, обусловлено ли качество красокъ для громадной и дорогой панорамы Севастопольской обороны, которая заказана комиссіей, учрежденной для возстановленія ея памятниковъ, или, быть можетъ, ее снова придется писать лѣтъ чрезъ тридцать, сорокъ? Думается, что если бы важнѣйшія художественныя учрежденія въ Россіи поставили себѣ за правило обращать вниманіе при покупкѣ и заказѣ картинъ на прочность ихъ матеріала, гг. художники вновь стали бы думать о безсмертіи, вновь взяли бы за минеральныя краски. Инициативу и руководство этимъ дѣломъ могла бы безспорно принять на себя академія художествъ.

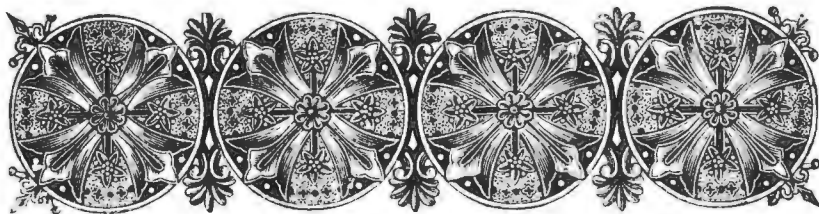
Мы, культурные люди, бѣемъ теперь на дешевку, думаемъ только о настоящемъ, и пальцемъ не хотимъ пошевелинуть для потомства, которому, однако, оставимъ крупные долги по ежегодно творящимся займамъ. Но, господа, всему же есть предѣлы. Стройте дома, грозящіе рухнуть, мѣняйте каждый годъ или мѣсяцъ, по желанію, костюмы и предметы домашней обстановки, кушайте и пейте фаль-

сифицированные продукты во всѣхъ видахъ, но не посягайте безсмысленной фальсификаціей на предметы, которые должны быть достояніемъ чловѣчества во всемъ его цѣломъ, которыми обуславливается и вашъ хваленый «прогрессъ», и преемство культуры. Помните, что и надъ новѣйшими Омарами будетъ судъ—судъ исторіи и потомства. Да не встрѣтитъ оно память вашу

«Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ!»

Евгеній Шумигорскій.

ИЗЪ ПЕРЕЖИТАГО.

ИХОДЯЩІЙ ИЗЪ БАКУ въ Астрахань пароходъ разводитъ пары. У пристани море покрыто толстымъ маслянымъ слоемъ нефти, по-мѣстному «мазута», и только на значительномъ разстояніи отъ берега вода принимаетъ свойственный Каспійскому морю зеленосѣрый цвѣтъ. Въ воздухѣ стоитъ нестерпимая жара. Въ окружающей природѣ все безжизненно и раскалено. На всемъ лежитъ однообразный желтый цвѣтъ, и только небольшимъ зеленымъ оазисомъ является городской садъ. Ко времени отхода парохода публика начинаетъ мало-по-малу набираться. Преобладающимъ элементомъ среди нея являются всевозможныхъ видовъ и отгѣнковъ армянскіе человѣки. Въ первый классъ проходятъ крупные хищники, облеченные въ безукоризненно сшитые лѣтніе костюмы изъ дорогой чесунчи, въ соломенныхъ шляпахъ панама, обмотанныхъ индѣйскою кисеєю; но изящная шляпа обыкновенно покрываетъ угловатую голову съ закатившимся назадъ лбомъ и непомерно развитымъ, какъ у быка, жирнымъ затылкомъ. Хищное выраженіе глазъ при тупомъ бараньемъ взглядѣ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что носители этихъ изящныхъ костюмовъ и шляпъ принадлежатъ къ представителямъ того типа мѣстныхъ дѣльцовъ, въ дѣпкія руки которыхъ попадаетъ все, что слыветъ мимо нихъ. Во второй классъ проходятъ тѣ же армяне, но другого разбора. Тамъ больше ластиковые, черные, засаленные архалуки, московскіе суконные картузы съ блестящими козырьками, серебряные пояса. Очевидно, этотъ сортъ дѣльцовъ въ от-

ношении кармана сортомъ пониже. Наконецъ, въ третьемъ классѣ полное смѣшеніе племенъ, нарѣчій, состояній. Тамъ желтый халатъ туркмена, оборванная черкеска лезгина, грязные лохмотья перса рабочаго, казинетовая поддевка россійскаго мужичка. Среди толпы невольно обращаетъ на себя вниманіе небольшая фигурка сѣденькаго преклонныхъ лѣтъ старичка. Старичекъ одѣтъ, несмотря на ужасающую жару, въ длинный опрятный черный сюртукъ стариннаго фасона. На шеѣ его намотанъ старомодный шелковый галстукъ, какъ носили лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Но оригиналенъ въ старичкѣ не одинъ только костюмъ. Замѣчательно его женоподобное старушечье лицо съ очень правильными мелкими чертами, выцвѣтшими карими глазами и мелкими лучеобразными морщинами вокругъ глазъ и рта. Такъ и кажется, что видишь предъ собою почтенную, милую старушку нянюшку изъ старосвѣтскаго семейнаго дома, переодѣтую въ мужское платье. Для полноты иллюзіи немало способствуетъ и тонкій пискливый голосъ, которымъ говорить описываемое лицо—сектантъ, скопецъ изъ ссыльныхъ. Старичекъ не ѣдетъ: какъ ссыльный, онъ не можетъ выѣхать изъ Закавказья. Онъ пріѣхалъ на пароходъ, чтобы проводить кого-то изъ своихъ знакомыхъ. Кромѣ старичка, въ толпѣ можно видѣть и другихъ сектантовъ, потомковъ, высланныхъ когда-то изъ внутреннихъ губерній Россіи, преимущественно изъ Тамбовской, въ царствованіе императора Николая I, молоканъ и духоборовъ. Что за могучіе организмы развились въ казалось бы совершенно несвойственномъ русскому человѣку, сухомъ и знойномъ климатѣ Закавказья! Посмотрите на этихъ мужчинъ-богатырей. Вотъ подъѣхалъ къ пароходной пристани на парѣ лошадей фаэтонщикъ молоканинъ, крупный широкоплечій красавецъ, лѣтъ 35-ти, съ окладистою расчесанною темно-русою бородою, волнистыми кудрями, выбивающимися изъ-подъ извозчичьей шляпы, съ открытымъ русскимъ красивымъ лицомъ. Какъ перышко, одной рукой взялъ богатырь изъ коляски тяжелый, обитый по угламъ жестью, дорожный сундукъ своего пассажира и легко, свободно поставилъ его на землю. Два тощихъ, черныхъ, сухихъ, какъ бы оглоданныхъ перса, взявшись за скобки сундука, съ величайшимъ трудомъ потащили его по мосткамъ пристани сдавать въ багажъ. Полюбуйтесь на эту свѣжую, прекрасно сложенную полную русскую женщину красавицу съ милымъ, добрымъ лицомъ. Какъ проворно и ловко управляется эта цвѣтущая здоровьемъ и красотой русская толстуха, родившаяся и выросшая въ Закавказьѣ и никогда не выдавшая Россіи, куда она ѣдетъ въ первый разъ. Одной рукой легко тащить она громадный узелъ, на согнутой въ локтѣ другой рукѣ сидитъ у нея полный и бѣлый двухлѣтній ребенокъ, за подолъ уцѣпилась пятилѣтняя дѣвочка.

Наконецъ, близка и минута отхода парохода. Пронзительно воевъ свистокъ, и пароходъ, съ шумомъ разрѣвая темно-бурныя, масляныя, грязныя воды, отходить отъ пристани въ открытое море. Въ каютъ-компаниі перваго класса дѣлается шумно. Армянскіе человѣки съ азартомъ начинаютъ толковать о своихъ дѣлахъ, перемѣшивая русскія слова съ своимъ варварскимъ, тарабарскимъ нарѣчіемъ. Только и слышится—остатки потомъ-то, мазутъ потомъ-то, керосинъ за столько-то! Самый воздухъ каютъ-компаниі кажется насквозь пропитаннымъ финансовыми соображеніями господъ армянскихъ дѣльцовъ. За обѣдомъ то же общество, тѣ же хищные разговоры; посреди этой оравы плотоядныхъ армянъ есть двое лицъ, ничего общаго съ ними не имѣющихъ. Одно изъ этихъ лицъ, обѣдающій за общимъ столомъ въ каютъ-компаниі, капитанъ парохода, высокій стройный шведъ съ ясными, голубыми глазами и открытымъ, крутымъ лбомъ. Въ его рыцарской фигурѣ, твердомъ выраженіи ясныхъ голубыхъ глазъ, въ благородныхъ очертаніяхъ правильнаго лица сказывается принадлежность къ совсѣмъ другой породѣ людей, чѣмъ господа армяне. Другое лицо — заслуженный старый отставной полковникъ въ мундирѣ одного изъ знаменитыхъ своимъ боевымъ прошлымъ полковъ кавказской арміи. На груди старика висятъ два бѣлыхъ Георгіевскихъ креста офицерскій и солдатскій. Полковникъ, повидимому, чѣмъ-то недоволенъ. Онъ брезгливо отворачивается отъ своего сосѣда жирнаго, черномазаго армянина съ нахальнымъ лицомъ, украшеннымъ громаднымъ пунцовымъ носомъ. Армянинъ, повидимому, нисколько не смущается столь ясно выказываемымъ отвращеніемъ стараго полковника къ его разжирѣвшей армянской особѣ. Онъ нахально растопыриваетъ локти, разваливается и громко кричитъ на прислугу, чтобы скорѣе подавали ему то и другое. Дождавшись послѣдняго блюда, полковникъ спѣшитъ взять блюдечко съ мороженымъ и оставляетъ ненавистнаго ему сосѣда, усаживаясь въ сторонкѣ къ небольшому винченному въ полъ столику. Къ этому же столику присаживается и пишущій эти строки. Подаютъ содовой воды, и у насъ завязывается обычный въ такихъ случаяхъ между пассажирами, ѣдущими вмѣстѣ, разговоръ.

— Куда ѣдете? Какъ переносите морскую качку? и т. п.

Компаниа армянскихъ дѣльцовъ шумно поднимается съ мѣста и уходитъ на палубу, приказывая подать туда кахетинскаго.

— Ну, чортъ унесъ этихъ карапетокъ,—говоритъ полковникъ.

— Что они вамъ сдѣлали?—спрашиваю его.

— Ахъ, батюшка, не люблю я это армянское отродье, хотя вѣкъ прожилъ съ ними. Да что! Не только товаръ у армянъ духанщиковъ забиралъ, а служить съ армяшками приходилось. Одно время въ нашемъ полку чуть не весь армянскій базаръ Тифлиса собрался. Вы, какъ я вижу, человѣкъ пріѣзжій, новичокъ въ

здѣшнихъ мѣстахъ, а я тутъ пожилъ достаточно. Послужилъ, могу сказать, Богу и государю довольно. Слава тебѣ, Господи,—съ сорокового года вѣдь я на Кавказѣ. Кости неломаной во мнѣ не осталось. Насмотрѣлся на разныхъ карапетокъ и другихъ восточныхъ человѣковъ досыта. Эхъ, да что говорить, право, тошно! Главное, досадно думать, для кого завоевали мы Кавказъ? Кто милліоны здѣсь теперь огребаютъ? Русскіе, что ли? Огребаютъ карапетки и другіе инородцы, имъ же имя легіонъ! Русскіе у нихъ самое большое, что въ батракахъ! Въ загонѣ мы, русскіе, всегда были, есть и будемъ! А какъ въ мое-то время, когда еще только благополучіе-то для разнаго сброда мы здѣсь готовили, лобъ свой подъ пули подставляли, вы думаете, тогда намъ карапетки на шею не сажались?

Я сталъ просить полковника разсказать что либо изъ бывшихъ его воспоминаній.

— Экъ, какой вы, право! Разскажите да разскажите, думаете, особенно пріятно разсказывать что ли! Ну, да ужъ куда ни шло, разскажу про свою старую службу, что придется въ голову. Разскажу только потому, что разстроилъ меня видъ этихъ армяшекъ, разбередилъ старыя раны, и забродила во мнѣ старина. Хотѣлось бы забыть, сколько отъ азіатовъ горя я принялъ на вѣку, да, нѣтъ, трудно!

— Подай-ка, братецъ, и намъ бутылочку кахетинскаго,—обратился полковникъ къ слугѣ,—знаете ли, за разговоромъ какъ-то лучше пьется.

— Служака я, какъ видите, старинный. На Кавказъ попалъ въ сороковомъ году, когда было мнѣ невступно 16 лѣтъ. Родомъ я коренной русакъ — костромичъ. Отецъ мой, помѣщикъ стараго вѣка, былъ столбовой русскій дворянинъ, жилъ богато, имѣлъ при пятистахъ душахъ крѣпостныхъ сто человѣкъ дворовыхъ. Псовую охоту держалъ, свой хоръ музыкантовъ, актеры и актрисы крѣпостные были, но отъ всего этого остались у меня клочки самыхъ смутныхъ воспоминаній. Отецъ умеръ, когда мнѣ было восемь лѣтъ, оставивъ матушку съ пятерыми маленькими дѣтьми и разстроеннымъ широкою жизнью состояніемъ. Нашлись еще благодѣтельные опекуны, которые насъ такъ опекали, что отъ отцовскаго имѣнія уже ровно ничего не осталось, и мы съ покойной родительницей должны были переѣхать изъ родового гнѣзда въ другую губернію и поселились въ ея приданой деревенькѣ съ сорока душами мужского и женскаго пола. Изъ этой-то деревеньки и былъ я отправленъ покойнымъ дядей съ материной стороны, отставнымъ кавалеристомъ, желавшимъ видѣть въ племянникѣ достойнаго себѣ послѣдователя, въ началѣ сорокового года на Кавказъ для опредѣле-

нiя юнкеромъ въ драгунскiй полкъ. Сшили мнѣ, полуграмотному деревенскому барчуку, какъ сейчасъ помню, венгерку на заячьемъ мѣху да дали на дорогу сто рублей ассигнаціями. И вотъ я, деревенскiй выкормышъ, очутился на дорогѣ изъ Костромской губерніи на Кавказъ. Это при тогдашнихъ-то, можете представить себѣ, путяхъ сообщенiя! Полкъ, въ который я ѣхалъ, стоялъ въ то время въ Закавказьѣ. Не могу въ точности припомнить и рассказать теперь всѣ подробности путешествiя, да и возможно ли помнить все на такомъ пространствѣ лѣтъ! Помню, однако, что выѣхалъ я до губернскаго города на парѣ доморощенныхъ лошадей съ старымъ кучеромъ Ѳедосеичемъ. Въ провожатые дана мнѣ была матушкой покойницей, которую, кстати сказать, въ жизни я уже болѣе не видалъ, старуха-нянька—наша крѣпостная женщина, выходившая меня. Какъ ни кажется это теперь странно, но это было такъ! Будущаго кавказскаго воина—представителя храброй кавказской арміи, повезли изъ дома послѣ потоковъ пролитыхъ слезъ подъ присмотромъ старой няньки! Въ губернскомъ городѣ пришлось мнѣ навѣки разстаться съ крѣпостными слугами и барскимъ житьемъ. Дальше отправленъ я былъ съ попутчиками, совершенно для меня посторонними людьми. Смутно припоминаю, что это, кажется, были какіе-то купцы, возлежавшіе на полосатыхъ перинахъ. Во время безконечнаго пути попутчики мѣнялись, и среди нихъ попадались всевозможныхъ состояній и сортовъ люди. Хорошо помню я и, какъ сейчасъ, вижу предъ собой путь изъ Тифлиса до Кара-Агача въ Грузіи, гдѣ тогда стоялъ нашъ полкъ. Почтовое экипажное движеніе за Тифлисомъ прекращалось, и вмѣсто троекъ и перекладныхъ проѣзжимъ по казенной надобности давали казачьихъ лошадей отъ одного поста къ другому. Деревенскiй дворянинъ, воспитанный подъ маменькинымъ крылышкомъ на пампушкахъ и ватрушкахъ, очутился на высокомъ казачьемъ сѣдлѣ на разбитой, тряской донской клячѣ. Помню, что особенно томителенъ былъ для меня первый день, когда я, совершенно изнеможенный отъ жары и отъ непривычки къ долгой верховой ѣздѣ, добрался до ночлега на казачьемъ посту. Но каковъ былъ мой ужасъ, когда, проснувшись поутру и пошаривъ у себя за пазухой, я убѣдился, что оставшихся денегъ у меня больше не было. Или я ихъ потерялъ, или ихъ у меня украли во время ночлега. Горю и отчаянію моему не было границъ, но Богъ не безъ милости! Надо было случиться такъ, что на посту ночевалъ вмѣстѣ со мною офицеръ нашего полка, возвращавшійся изъ отпуска. Зная, что я его будущій однополчанинъ, онъ принялъ участіе въ моемъ горѣ и взялъ меня съ собою. Помню и то, что, неожиданно встрѣтивъ на чужой сторонѣ привѣтъ и ласку, я быстро ободрился и съ довольно храбрымъ видомъ явился опредѣляться въ полкъ. На другой день я былъ уже совсѣмъ обмундированъ. Широкія шаровары съ крас-

ными лампасами, драгунская куртка съ металлическими гозырями, шапка, шпоры—все это на первых порахъ очень меня радовало и утѣшало. Но переходъ отъ предыдущей жизни къ новой былъ настолько рѣзокъ, что я иногда теперь, на восьмомъ десяткѣ лѣтъ, вспоминая прошлое, недоумѣваю, какъ могъ я все это перенести! Вѣдь я былъ только пятнадцатилѣтній мальчикъ, оторванный отъ своей семьи, жившей до сихъ поръ хотя въ бѣдной, но все-таки въ спокойной сытой обстановкѣ стараго крѣпостного помѣщичьяго времени. Представьте же себѣ теперь дворянчика, какъ я, перенесеннаго изъ родной деревни на край свѣта, изъ теплой уютной горенки съ лежанкой и пуховиками рядомъ съ маменькиной спальней въ солдатскую казарму стараго времени. вмѣсто нянюшки пѣстуномъ моимъ являлся суровый старый солдатъ дядька, рассказавшій мнѣ на первыхъ порахъ знакомства для свѣдѣнія и руководства моего, что во времена его поступленія на службу въ полку за особыя провинности наказывали такъ: къ мѣсту наказанія приносили гробъ и тутъ же рыли могилу для наказываемаго. Сосѣдями моими на нарахъ съ одной стороны былъ бывший дворовый человѣкъ—закоренѣлый пьяница, отданный бариномъ въ солдаты за пьянство и воровство, съ другой—сосѣдъ былъ раньше профессиональнымъ конокрадомъ въ придонскихъ степяхъ, отгонявшимъ съ товарищами цѣлые табуны лошадей. Таково было то жестокое время, когда почетное званіе воина, защитника своего отечества, служило одной изъ ступеней уголовныхъ наказаній. Въ нашемъ полку во время моей службы былъ случай, когда мнѣ въ числѣ прочихъ товарищей офицеровъ пришлось провожать одного изъ нашихъ полковниковъ, помощниковъ полкового командира, получившаго въ командованіе кавалерійскій полкъ въ Россіи. Полковникъ этотъ, кстати сказать, превосходный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, былъ когда-то, еще до начала моей службы въ полку, доставленъ для опредѣленія въ солдаты, скованный, въ качествѣ политическаго ссыльнаго, въ кандалахъ. Можете же себѣ теперь представить, что послѣ общества матушки и ея сосѣдокъ помѣщицъ, пріѣзжавшихъ съ своими дочками къ намъ въ гости, я сразу очутился среди людей, бывшихъ раньше преступниками. Несмотря на то, что эти люди въ рассказахъ своихъ часто возвращались къ воспоминаніямъ о своемъ прежнемъ ремеслѣ, и я, напримѣръ, былъ очень подробно посвященъ во всѣ тонкости конокрадческаго дѣла, однако я не могу теперь, на склонѣ лѣтъ, по совѣсти сказать, чтобы мои сосѣди по казармѣ были совѣмъ плохими людьми. Нѣтъ и далеко нѣтъ! Это были глубоконесчастные, но по-своему хорошіе простые русскіе люди, безропотно несшіе свой по истинѣ тяжкій крестъ въ жизни. Насколько была тяжела жизнь солдата стараго времени, вы, современные люди, врядъ ли можете себѣ представить! Человѣка насильственно отрывали на-

всегда, на всю жизнь, отъ семьи и родины, часто въ видѣ напутствія подвергая его жестокому тѣлесному наказанію, что особенно въ ходу было у помѣщиковъ, сдававшихъ въ солдаты не угодившихъ имъ людей. Срокъ службы былъ тогда въ двадцать пять лѣтъ; сколько же могло быть такихъ, которые, кончивъ двадцатипятилѣтнюю службу, могли еще вернуться домой? Не знаю, какъ въ Россіи, но у насъ, на Кавказѣ, бывало такъ, что чело-вѣкъ, въ дѣйствительности прослужившій эти положенныя 25 лѣтъ, и по окончаніи ихъ еще лѣтъ пять не могъ освободиться отъ службы. То почему либо не приходила во время бумага о его отставкѣ, то не зачитали ему времени, когда онъ шелъ къ мѣсту своего назначенія въ партіи рекрутъ. Въ дѣло это постоянно вмѣшивалась русская халатность, небрежность и полное безучастіе дѣятелей тогдашняго времени къ нуждамъ и интересамъ такого маловажнаго и забытаго существа, какъ солдатъ, а между тѣмъ, думая объ этихъ глубоко несчастныхъ, обездоленныхъ людяхъ, удивляешься ихъ безконечному терпѣнію, самоотверженности и готовности умереть во всякую минуту по долгу присяги. Вспоминаешь теперь на старости лѣтъ все и хорошее и дурное, что прошло передъ глазами за всю долгую жизнь, но есть воспоминанія, которыя я желалъ бы навѣки изгладить изъ памяти. Была одна отвратительная сторона въ военномъ дѣлѣ въ мое время. Это были жестокія тѣлесныя наказанія и варварскіе звѣрскіе побои солдатъ. Предметъ этотъ настолько для меня тяжелый и непріятный, что лучше я желалъ бы обойти его молчаніемъ. Къ чести кавказскихъ служаекъ стараго времени можно сказать, что особыхъ аматоровъ по этой части между нами не было. Многіе смотрѣли на это дѣло совсѣмъ другими глазами, но, къ сожалѣнію, попадались любители боевыхъ въ мирное время упражненій и между кавказскими офицерами, въ особенности изъ числа переведенныхъ изъ Россіи, гдѣ въ то время, близкое къ Аракчеевскому, въ полкахъ и командахъ всѣхъ родовъ оружія творились ужасы по этой части. Въ нашемъ полку особенно свирѣпствовали бурбоны и нѣмцы, но были жестокіе люди между образованными офицерами,—какъ ни покажется страннымъ, но это такъ было тамъ,—съ успѣхомъ подвизавшимися на литературномъ поприщѣ въ качествѣ поэтовъ. Да, скверно и говорить объ этомъ! перейдемъ къ другому. Чѣмъ кормили солдатъ въ мое время? Какъ вы думаете? У насъ въ полку пища состояла главнымъ образомъ изъ сырого, тяжелаго, какъ камень, непропеченнаго хлѣба изъ затхлой муки и похлебки за отсутствіемъ капусты изъ черемши. Кто ея не ѣлъ, тотъ и представить себѣ не можетъ, что за мерзость эта черемша, да вдобавокъ еще квашеная! Мясо въ этой похлебкѣ не варилось, а отпускалось въ котелъ, что-то уже не помню сколько, но во всякомъ случаѣ до чрезвычайности мало прогорклаго свиного сала. Былъ еще никуда не годный ки-

слыи квась суровець — вотъ и все, изъ чего состоялъ солдатскій столъ моего времени, и на чемъ возмужалъ и укрѣпился силами вашъ покорнѣйшій слуга и дожилъ по милости Божьей вотъ до какихъ лѣтъ! Такъ-то, батюшка! Могу на старости лѣтъ съ спокойной совѣстью сказать, что всѣмъ на свѣтѣ обязанъ самому себѣ. Послѣ потери денегъ изъ дома я никогда уже больше ничего не получалъ. Матушка покойница еще могла въ деревнѣ съ остальными дѣтьми кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ влачить свое существованіе, но высылать мнѣ что либо она рѣшительно была не въ состояніи, да къ тому же она скоро и скончалась, еще до производства моего въ офицеры. Между тѣмъ безъ копейки жить все-таки было нельзя, и я выучился портняжить. Шилъ солдатамъ бѣлье, иногда фуражки, и такимъ образомъ трудомъ своихъ рукъ зарабатывалъ себѣ скудные гроши. Много ли могли заплатить мнѣ солдатки, у которыхъ и у самихъ ровно начево не было? На второмъ или на третьемъ году службы, не припомню теперь хорошенько, я, какъ хорошій ѣздокъ, постигшій въ совершенствѣ всѣ тонкости верховой ѣзды стараго времени съ ея галопами, редопами, вольтами, траверсами, приниманіями въ манежъ плечемъ и другими ни на что не пригодными въ военномъ дѣлѣ плацпарадными фокусами, сталъ зарабатывать побольше, выѣзжая молодыхъ лошадей офицерамъ. Но не всегда нашему брату, кавказскому драгуну, приходилось быть на конѣ, ломали мы, изображая изъ себя пѣхоту, въ составѣ спѣшенныхъ эскадроновъ, походы въ глубь нагорнаго Дагестана, черезъ Кодоръ въ Хупро и другіе аулы. Сви-рѣйшій человекъ былъ командиръ, водившій насъ по головоломнымъ кручамъ въ эти труднѣйшія и опаснѣйшія лезгинскія экспедиціи, гдѣ люди гибли не столько отъ оружія непріятеля, сколько отъ неимовѣрныхъ трудовъ и лишеній въ борьбѣ съ стихіями среди дикой природы Дагестана. Собака былъ съ солдатами этотъ генералъ Шварцъ, аракчеевской школы служака, маленькаго роста, живой, быстрый, подстриженные усики нафабрены, височки зачесаны напередъ: какъ сейчасъ, вижу его предъ собой! Въ концѣ концовъ уже въ Воронцовскія времена онъ попалъ подъ судъ за неимовѣрную жестокость въ обращеніи съ нижними чинами и былъ удаленъ съ Кавказа. Дальнѣйшей судьбы его я не знаю. Могу только сказать, что при всѣхъ его недостаткахъ, изъ которыхъ главнымъ образомъ проявлялась его кровожадная свирѣпость и полное безсердечіе къ людямъ, онъ самъ лично былъ человекъ безусловно храбрый и дѣйствительно военный. За нимъ шли солдаты въ огонь и въ воду. Помню я эти ужасные по трудамъ, лишеніямъ и опасностямъ походы; какъ, выйдя изъ Кара-Агача въ страшную жару въ лѣтнихъ кителяхъ со скатанными шинелями за плечами, ночевали мы потомъ, взобравшись на громадную высоту, въ снѣгу, безъ костровъ, безъ горячей пищи. Да чего тутъ!—

безъ всего, что нужно человѣку, чтобы поддержать существованіе. Разъ даже безъ гнилыхъ солдатскихъ сухарей пробыли трое сутокъ. Хорошо помню всѣ эти небесныя лѣстницы, гору Томалду, гдѣ мы замерзали, засыпанные ужасною трехдневною мятелью. Въ походѣ этомъ мы такъ обносились, что у меня, напримѣръ, осталась съ товарищемъ-юнкеромъ землякомъ одна рубашка на двоихъ, которую попеременно мы носили. Былъ съ нами въ это время прикомандированный корнетъ Гродненскаго гусарскаго полка, Михаилъ Таріэловичъ Лорисъ-Меликовъ. Веселый, ловкій, онъ былъ молодымъ. Помню, какъ онъ потѣшалъ насъ своимъ искусствомъ ходить на рукахъ вверхъ ногами. Приходило ли кому нибудь изъ насъ въ голову, что передъ нами кувыркается и шутуетъ будущій диктаторъ Россіи! Вспоминаю я эти всѣ кавказскія удовольствія и, представьте, вспоминаю съ наслажденіемъ. Да, великое дѣло—молодость! Но рядомъ бывали на моихъ глазахъ тяжелыя и мрачныя исторіи, ужасное впечатлѣніе которыхъ не успѣло для меня изгладиться на пространствѣ пятидесяти слишкомъ лѣтъ. Было это дѣло въ походѣ противъ Элисуйскаго султана. Вышли мы въ пѣшемъ строю, нашимъ эскадрономъ командовалъ офицеръ крайне тяжелаго сварливаго характера, палачъ по своей натурѣ. Въ числѣ вольноопредѣляющихся былъ съ нами молоденькій мальчикъ, носившій французскую фамилію—сынъ одной французженки актрисы въ Петербургѣ и какого-то власть имущаго чиновнаго лица. Чтобы какимъ либо образомъ устроить его жизнь и приобрести ему положеніе въ обществѣ, не придумали ничего лучшаго, какъ отправить его на Кавказъ въ нашъ полкъ дослуживаться до офицера. Мальчикъ онъ былъ, хотя и не особенно крѣпкаго сложенія, тоненькій, хорошенькій, какъ барышня, но по характеру своему вухъ малый, какъ говорилось въ старину, отчаянный, бѣдовый, не останавливающійся ни предъ чѣмъ. Надо же было такъ случиться, что въ походѣ,—время было жаркое въ началѣ лѣта,—онъ съ другими двумя солдатиками своего эскадрона, проходя мимо садовъ, нарвалъ черешень изъ татарскаго сада. Проклятые татаршкіи, у которыхъ этихъ черешень было море, пожаловались эскадронному командиру. Послѣдовала резолюція—высѣчь вмѣстѣ съ солдатами и французика. Онъ умолялъ наложить на него какое угодно взысканіе, но не сѣчь его. Другіе офицеры стали также усиленно за него просить. Но скотина палачъ эскадронный уперся, какъ пень, и былъ неумолимъ. Разложили бѣднаго малаго и жестоко отодрали. Черезъ три дня хоронили эскадроннаго командира. Своими руками клалъ я его въ наскоро сколоченный гробъ и видѣлъ на спинѣ его три кровавыя раны отъ пуль. Это постарались нашъ французикъ съ товарищами, въ первой же перестрѣлкѣ влѣпившіе ему саади по заряду въ спину. Дѣло осталось шито и крыто. Солдаты, избавившіеся отъ звѣря-командира, не стануть

выдавать своихъ, а начальству, если оно о чемъ либо неладномъ и догадывалось, некогда было среди походовъ заниматься сложными слѣдственными дѣлами. Такъ навѣки скрытой и осталась эта исторія, послужившая впослѣдствіи хорошей острасткой для многихъ свирѣпыхъ по характеру офицеровъ...

Полковникъ отпилъ кахетинскаго и, закуривъ свѣжую сигару, перемѣнилъ поудобнѣе свое положеніе на диванѣ.—Да, многое припоминается и хорошаго и дурного,—сказалъ онъ и потеръ свой крутой, высокій лобъ рукой.—За послѣдовательностью не погонюся, но расскажу, что придетъ въ голову.

— Будьте добры, полковникъ!...

— Одно время, долженъ я вамъ сказать, перебивалъ у насъ въ полку чуть не весь армянскій базаръ Тифлиса. Какихъ, какихъ только не было восточныхъ человѣковъ! Но самое главное—полковой командиръ былъ также восточный человѣкъ, потому его соотечественники и имѣли при немъ такую силу. Ну, и затирали же тогда инородцы нашего брата, русскаго человѣка! Представить себѣ теперь трудно, какъ затирали! Въ особенности же тяжело пришло мнѣ. Многие изъ насъ, русскихъ офицеровъ, а вмѣстѣ съ нами и нѣсколько нѣмцевъ, вздумали выражать свое неудовольствіе по поводу преобладанія армянъ и грузинъ. Я былъ горячѣе всѣхъ: молодой поручикъ съ двумя Георгіями земли подъ собой не слышалъ, думалъ, что скоро въ фельдмаршалы попаду. Но вышло иначе. Когда оказалось, что сила и вліяніе восточныхъ людей непоколебимы, то мои единомышленники, какъ люди, болѣе, чѣмъ я, тактичные и осторожные, незамѣтно прекратили свои непріязненные отношенія къ начальству, я же остался одинъ. И вышло по пословицѣ: люди въ сторонѣ, а я въ боронѣ! Ну, и припомнили же мнѣ это! Полковой командиръ сказалъ прямо: одно изъ двухъ — или все время командованія его полкомъ я просижу безъ производства въ одномъ чинѣ, или онъ выживетъ меня изъ полка. Какъ послѣдствіе его угрозы, вскорѣ привелось мнѣ узнать такую штуку, что я представленъ полковымъ командиромъ къ переводу въ пѣхоту по неимѣнію средствъ, какъ человѣкъ недостаточный, и поэтому не могущій поддерживать себя въ обстановкѣ, соответствующей кавалерійскому офицеру. Съ начала до конца это была вопіющая несправедливость! Несмотря на то, что я жилъ исключительно на одно жалованье, я всегда былъ исправнымъ офицеромъ, и въ теченіе всей моей службы въ офицерскихъ чинахъ я не помню времени, чтобы у меня не было прекрасной строевой лошади офицерскаго типа. Въ то же время большинство преуспѣвающихъ по службѣ восточныхъ человѣковъ своихъ лошадей не имѣли и ѣздили на казенныхъ. Разсуждать объ этомъ спокойно возможно теперь по прошествіи многихъ, многихъ лѣтъ, вспоминая старину, тогда же мнѣ надо было усиленно дѣйствовать, не теряя времени. Особой

протекціи у меня не было, но былъ въ средѣ людей, близкихъ къ Воронцову, одинъ мой землякъ и старый товарищъ. Къ нему-то я и обратился. Какъ быть, что дѣлать?!...

— Да, братецъ, вѣрно, представленіе о тебѣ въ такомъ родѣ у насъ въ штабѣ было.

— Что же теперь все кончено, и поправить нельзя?

— Ну, это сказать мудрено, можно или нѣтъ поправить, а попытаться во всякомъ случаѣ слѣдуетъ. Давай хлопотать!

Принялъ онъ эти хлопоты на себя, и въ результатѣ оказалось, что я остался въ драгунскомъ полку, да и просидѣлъ тамъ въ поручичьемъ чинѣ двѣнадцать лѣтъ! Въ это время совершенно безграмотные грузины, которые приходили къ намъ въ полкъ, не умѣя ни читать, ни писать по-русски, дослуживались до капитанскаго чина и получали эскадроны, я же сидѣлъ поручикомъ. Не скажу, чтобы легко мнѣ это было, но я укрѣнился духомъ. На же, думаю, возьми, съѣшь! Хоть и косишься ты на меня, какъ чортъ на попа, а все-таки вотъ сижу! Иногда и теперь грустно сдѣлается, когда вспомнишь, въ какомъ загонѣ въ то время вообще были мы, русскіе, и какое преимущество вездѣ по службѣ сравнительно съ нами имѣли инородцы! Въ особенности на Кавказѣ везло грузинамъ. Быть можетъ, тутъ отчасти замѣшивались и политическія соображенія, но больше было обычное пренебреженіе и недоброжелательство къ нашему брату, русскому человѣку. Честь и хвала впрочемъ въ этомъ случаѣ Барятинскому! При немъ намъ стало лучше. Изъ бывшаго военнаго писаря, сына фейерверкера, создалъ онъ графа Евдокимова! Грѣшный человѣкъ, я, какъ и прочіе товарищи офицеры, не долюбивалъ покойнаго Николая Ивановича, но теперь, по прошествіи долгихъ лѣтъ, относясь къ дѣлу совершенно спокойно, по совѣсти долженъ сказать: способный, талантливый человѣкъ былъ Евдокимовъ и великую службу сослужилъ онъ Россіи! Но тогда большинство изъ насъ не могло его, какъ своего современника, оцѣнить безпристрастно и видѣло одни его недостатки. Да, тяжело было служить въ мое время русскому человѣку, жестоко затирали нашего брата! Обидно и больно было смотрѣть на то предпочтеніе, которое отдавалось восточнымъ человѣкамъ, въ особенности грузинамъ. Безусловно осуждать ихъ, конечно, нельзя. Главное достоинство, которое вмѣнялось имъ въ громаднѣйшую заслугу, было то, что они считались храбрецами. Но кто изъ насъ не былъ храбръ? Въ то время меньше всего думали мы о собственной безопасности, но все-таки ореолъ храбрости оставался за грузинами. Сказать по правдѣ, храбрость ихъ была довольно-таки бессмысленнаго свойства. Вытаращить, бывало, какой нибудь грузинскій князь глаза и летить, какъ полоумный, сбочившись на одну сторону въ сѣдлѣ.

— Во! онъ герой! Что такое это «во»? Къ чему оно, зачѣмъ? Никому не извѣстно. И не соображаетъ вѣдь такая тупоумная во-

сточная башка, что часто этимъ своимъ геройствомъ онъ тащитъ за собой на явную гибель людей, заботиться о цѣлости которыхъ есть его прямая и священная обязанность, какъ командира части!

Да, всяко бывало на моихъ глазахъ! Бывалъ я въ опаснѣйшихъ передрыгахъ, ходилъ охотникомъ на штурмы ауловъ, но особенно страшной опасности подвергался, когда подъ ногами моей лошади разорвало гранату. До сихъ поръ свѣжо воспоминаніе объ этомъ въ моей головѣ, какъ будто вчера все это происходило. Случай этотъ былъ въ зимней чеченской экспедиціи. Былъ я въ отрядѣ вмѣстѣ съ братомъ моимъ, теперь уже давно покойнымъ, скончавшимся отъ страшныхъ ранъ, полученныхъ имъ подъ Карсомъ. Кромѣ насъ съ братомъ, бывшимъ тогда въ первомъ офицерскомъ чинѣ, въ одной палаткѣ съ нами былъ пріятель нашъ — рядовой изъ разжалованныхъ, русскій помѣщикъ дворянинъ. Съ нимъ и съ братомъ выѣхали мы; еще было темно, рано по утру. Я ѣхалъ совершенно спокойно, весело болтая съ ними о разныхъ пустякахъ, какъ вдругъ замѣтилъ, что они о чемъ-то тихонько переговариваются между собою, какъ будто насчетъ меня.

— Что вы, братцы?—спрашиваю.

— Послушай, говорятъ они, вѣдь ты позабылъ надѣть шашку!

Оглянулся я на себя, вижу—дѣйствительно шашки на мнѣ нѣтъ; а это, долженъ я вамъ сказать, считалось у насъ на Кавказѣ дурной примѣтой. Я нисколько не смутился, взялъ шашку у ближайшаго солдата и надѣлъ на себя. Поѣхали дальше. Надо сказать, что эта рубка лѣса была для нашего брата кавалериста прескучная и пренепріятная вещь. Пѣхотѣ было лучше въ томъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи, что тамъ хоть дѣло приходилось дѣлать. Пѣхота разсыпала цѣпь и рубила лѣсъ; мы же, кавалерія, оставались по большей части въ резервѣ, такъ себѣ на всякій случай, и бывали обречены на поляннѣе бездѣйствіе. Атакъ нашихъ горцы не принимали, да и мудрено было атаковать въ лѣсу. Такое пассивное состояніе кавалеріи не исключало ни для кого изъ насъ возможности быть раненымъ или убитымъ, такъ какъ насъ вводили въ сферу огня, и часами приходилось простаивать подъ непріятельскими выстрѣлами, къ счастью, для насъ по большей части безвредными, такъ какъ хотя у горцевъ и были пушки, отбитыя у насъ же по русскимъ укрѣпленіямъ во время успѣховъ Шамиля, но артиллеристы они были плохіе. Поставили нашъ полкъ на мѣсто. Полковой командиръ со штабомъ всталъ къ сторонкѣ. Пѣхота разсыпала цѣпь. Зазвучали въ разныхъ мѣстахъ сигнальные рожки, застучали топоры, зашевелились и горцы. Изъ далекаго лѣса показался зеленый значекъ въ срединѣ конной толпы. На толпу повеслись двѣ сотни казаковъ. Горцы, какъ обыкновенно у нихъ бывало, не выждавъ атаки, скрылись въ лѣсу. Затрещали въ передовой цѣпи частые ружейные выстрѣлы. Словомъ, все пошло,

какъ по писанному: началась кавказская рубка лѣса—обычное для насъ дѣло. Съ противоположной лѣсистой высоты поднялось бѣлое облако дыма; чрезъ нѣсколько мгновеній послышался звукъ выстрѣла, за нимъ другой. Разрыва гранаты нѣтъ.—Шалишь, не добросишь! Мало каши ѣлъ!—шутили вокругъ солдаты. Мнѣ не стоялось передъ фронтомъ, да и горячилась подо мной моя добрая донская лошадь. Я отъѣхалъ немного впередъ и сталъ всматриваться въ сторону непріятеля, а глаза у меня были зоркіе. Не особенно утруждалъ я ихъ въ тѣ времена, какъ и большая часть моихъ товарищей, чтеніемъ или письмомъ. Вижу опять бѣлое облако дыма и слышу звукъ выстрѣла, какъ будто ближе. А вѣдь пристрѣляются, пожалуй, подлецы!—пронеслось у меня въ головѣ. Въ ту же секунду почувствовалъ я, что лошадь подо мной, какъ свѣчка, поднялась на дыбы. Мгновенно пролетѣло сознаніе, что я могу опрокинуться вмѣстѣ съ лошадью и буду задавленъ ею. Но мы всѣ были старые кавказскіе ѣздоки. Я успѣлъ выкинуть ногу изъ стремени и соскользнуть на землю съ падавшей лошади. Лошадь, упавъ, быстро вскочила и, донельзя перепуганная, затянувъ поводья, которые я крѣпко держалъ въ рукахъ, потащила меня за собой. Я, не выпуская поводьевъ изъ рукъ, поволокъся по землѣ за нею. Помню, что слышалъ голосъ полкового командира: подберите его! онъ убитъ!

Нѣтъ, врешь!—думаю себѣ,—подождешь маленько, я живъ! Ко мнѣ подскочили драгуны и помогли остановить лошадь и сѣсть въ сѣдло. Въ первое мгновеніе послѣ всего того, что произошло,—кстати сказать—передавать обо всемъ этомъ гораздо дольше, чѣмъ переживать,—я не могъ себѣ дать отчета въ томъ, что именно случилось. Только по прошествіи нѣкотораго времени, когда увидалъ послѣдствіе разрыва гранаты, выразившееся въ томъ, что двое драгунъ въ передней шеренгѣ эскадрона были тяжело ранены, въ особенности одинъ, грудь котораго была пробита, и кусокъ полушубка вмѣстѣ съ осколкомъ гранаты глубоко вошелъ въ рану, я сообразилъ, что граната упала, какъ разъ подъ моей лошадью между передними и задними ногами и зарылась въ землѣ, въ самый же моментъ разрыва лошадь, испугавшись, поднялась на дыбы, и осколки снаряды разлетѣлись въ стороны, не задѣвъ ни меня, ни ея. Конечно, за эту экспедицію, какъ и слѣдовало ожидать, я ничего не получилъ. Да, бывали на моихъ глазахъ тяжелыя исторіи! Знаете ли, теперь, на старости лѣтъ, когда человѣкъ весь живетъ въ прошедшемъ, многое переживается сызнова. На моихъ глазахъ было дѣло, когда погибли наказный атаманъ кавказскаго линейнаго войска Круковскій, майоръ Полозовъ и начальникъ ракетной команды Руфимъ Дороховъ. Кстати, какъ удивленъ я былъ, читая «Войну и миръ» Толстого тридцать лѣтъ тому назадъ. Вѣдь его Долоховъ списанъ съ моего стараго знакомаго Руфима Ивановича

Дорохова! Толстой могъ знать его въ самый послѣдній годъ его жизни, такъ какъ Дороховъ убитъ не больше, какъ годъ спустя, по прибытіи Льва Николаевича Толстого на Кавказъ. Но несомнѣнно, что всѣ характеристическія черты и въ особенности Долохова взяты Толстымъ съ Дорохова. Да, это былъ человѣкъ, даже на Кавказѣ среди отчаянно храбрыхъ людей, поражавшій своею холодною, рѣшительною смѣлостью. Живю помню его лицо. Тогда уже онъ былъ человѣкъ далеко не молодой, уже очень и очень пожившій, особенно необычайно въ его лицѣ было выраженіе холодныхъ, жестокихъ, съ стальнымъ блескомъ свѣтло-сѣрыхъ глазъ, и еще то, что лицо его, какъ лицо мертвеца, никогда не освѣщалось ни малѣйшей улыбкой. Послѣдній разъ видѣлъ я его проѣхавшимъ во главѣ своей команды казаковъ за Круковскимъ. Круковский, завернувшись въ бурку и надвинувъ на глаза папаху, ѣхалъ на своемъ, извѣстномъ всему боевому Кавказу, бѣломъ кабардинскомъ конѣ, суровый и молчаливый, какъ обыкновенно. Съ нами, драгунами, поздоровался, какъ бы нехотя, не желая насъ замѣчать. Въ это время были непріятности между нимъ и нашимъ полковымъ командиромъ. Часу не прошло, какъ увидали мы несущуюся сверху съ горы во всѣ повода къ намъ разстроенную толпу казаковъ и услышали, что Круковский убитъ, Полозовъ убитъ, Дороховъ убитъ. Нашему дивизиону немедленно скомандовали двигаться впередъ, но непріятеля мы уже не застали. Горцы ушли, оставивъ изрубленные тѣла нашихъ. Съ невыразимо грустнымъ чувствомъ смотрѣли мы на убитыхъ. Въ особенности жалко было кавказскаго Баярда-рыцаря безъ страха и упрека—Круковскаго! Съ той поры я совершенно измѣнилъ свое мнѣніе о кавказскихъ линейныхъ казакахъ, которые на моихъ глазахъ дали погибнуть, спасая свою шкуру, своему атаману, который былъ цѣль въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ въ безчисленныхъ походахъ и стычкахъ, когда командовалъ драгунами. Нѣтъ, далеко линейцамъ до донцовъ и въ особенности до знаменитаго Баклановскаго полка! Тѣ не оставляли своего командира! Впрочемъ всего не перескажешь, что произошло въ теченіе 30-ти-лѣтней службы. Много было всего и хорошаго и плохого. Но странно, что теперь вспоминается все съ одинаковымъ чувствомъ: и плохое и хорошее вмѣстѣ, какъ дорогое, невозвратно ушедшее въ даль временъ, прошлое. Возвращаюсь къ своимъ симпатіямъ и антипатіямъ. Не любилъ я, какъ и другіе мои товарищи офицеры изъ русскихъ,—грузинъ, армянъ и въ равной степени съ ними фазановъ, которые садились намъ на шею. Если вы маломальски знакомы съ прошлымъ Кавказа, то можетъ быть, вамъ не за чѣмъ и объяснять, что такое на нашемъ языкѣ называлось фазанами. Ну, да, на всякій случай скажу. Это были господа гвардейцы, петербургскіе слетки, которые пріѣзжали на Кавказъ, числились при разныхъ штабахъ, управленіяхъ, канцеляріяхъ, нахватывали чиновъ, орденовъ, не подвергаясь ни малѣй-

шей опасности, и уѣзжали во-свояси, обобравъ всѣ принадлежавшія намъ, кореннымъ кавказцамъ, по праву награды. Что за невозможный народъ были нѣкоторые изъ нихъ! Помнится, напримѣръ, одинъ случай со мною. Дѣло было также въ зимнемъ чеченскомъ отрядѣ. Проходили мы укрѣпленіе Куринское. Войскъ было много, а помѣщенія мало. Нижніе чины, несмотря на морозъ, холодъ и вьюгу, остались ночевать по срединѣ площади въ палаткахъ. Офицеры же размѣстились кое-какъ въ страшной тѣсотѣ въ домикахъ женатыхъ солдатъ. Я былъ среди обычной своей компаніи: брата и пріятеля моего разжалованнаго. Отвели намъ помѣщеніе въ хибаркѣ женатаго солдата. Хибарка крохотная. Тутъ же самъ хозяинъ съ бабой и ребятами: тѣснота страшная, повернуться и прилечь негдѣ, и вдобавокъ ѣсть нечего. Но я былъ человѣкъ, какъ старшій, умудренный опытомъ, кавказецъ, запасливый, и по обѣимъ сторонамъ моего сѣдла въ вальтрапѣ были вшиты большіе карманы, въ которые можно было засунуть бутылку водки, чай, сахаръ и кой-какую провизію. Конечно, все это въ крайне ограниченномъ количествѣ. Собрались мы втроемъ въ тѣсной хибаркѣ. Досталъ я все, что у меня было. Оказалось, что на насъ троихъ съ грѣхомъ пополамъ хватить. Самоваровъ въ то время у солдатъ по захолустьямъ Кавказа не важивалось, а чая, послѣ цѣлыхъ сумокъ, проведенныхъ въ сѣдлѣ среди мороза и вѣтра, страшно хотѣлось. Вопросъ заключался, въ чемъ сварить чай. Спрашиваемъ солдата: есть ли у тебя, братецъ, горшокъ?—Какъ не быть, есть! ваше благородіе,—и служивый подаетъ старшій замасленный печной горшокъ. Вымыли мы его кое-какъ, сполоснули, насыпали на дно чая, налили воды и стали кипятить. Спросили себѣ молока, налили туда же, и получилось у насъ нѣчто въ родѣ калмыцкаго кирпичнаго чая. Сидимъ, пьемъ чай, закусываемъ и бесѣдуемъ по душамъ въ своей тѣсной дружеской компаніи, какъ вдругъ открывается дверь, и къ намъ шастъ фазанъ въ мундирѣ одного изъ самыхъ блестящихъ, дорогихъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Ну, конечно, рады или не рады, по кавказскимъ правиламъ, неожиданному гостю надо было оказать все возможное гостепримство, стѣснивъ во всемъ себя. Гость сидѣлъ, бесѣдовалъ, былъ очень милъ и любезенъ, приходилъ отъ всего въ восторгъ, находилъ, что все это для него въ высшей степени интересно—быть въ такой несвойственной гвардейскому франту убогой обстановкѣ. Съѣлъ и выпилъ онъ, оставивъ насъ голодными, большую часть нашихъ запасовъ, ночевалъ съ нами, отнявъ у насъ лучшее мѣсто и, прощаясь съ нами по утру, совершенно, какъ Иванъ Александровичъ Хлестановъ, объявилъ: «А, знаете ли, господа, какая со мной странная исторія: вѣдь я въ отрядѣ удивительно какъ поиздержался! Вѣрите ли? копейки денегъ нѣтъ! А на-дняхъ мнѣ должны прислать, и прислать много! Нѣтъ ли у васъ сколько нибудь до послѣзав-

тра?» У товарищей моихъ не было ни гроша, а у меня же съ собой было десять рублей, которые, конечно, и мнѣ самому были крайне нужны. Я говорю фазану: «Вотъ у меня есть 10 рублей. Хотите изъ нихъ 5, а 5 я оставлю для себя. Какъ нибудь обойдусь!» Фазанъ былъ очень радъ: давайте, говоритъ. И съ тѣхъ поръ я уже никогда болѣе въ жизни не видѣлъ ни его, ни моихъ несчастныхъ пяти рублей. Среди другихъ курьезовъ незабвеннаго стараго времени интересны были и господа разжалованные. Какихъ только удивительныхъ личностей не попадалась между ними! Были и декабристы, которыхъ я уже не засталъ. Были и другіе политическіе ссыльные—образованнѣйшіе люди между нами. Кромѣ политическихъ, много было людей, попавшихъ подъ красную шапку по самымъ разнообразнымъ обстоятельствамъ. Были между ними бреттеры, нечистые карточные игроки, расточители казеннаго имущества. Изъ этихъ послѣднихъ особенно оригиналенъ былъ одинъ остзейскій баронъ, три раза въ жизни проматывавшій казенныя деньги гусарскихъ полковъ, которыми командовалъ. Два раза разжалованъ онъ былъ за это въ солдаты, два раза выслуживался и наконецъ по третьему разу попалъ къ намъ на Кавказъ. Баронъ былъ человѣкъ тучный, громаднаго роста, весьма представительной военной наружности. Кутила и мотъ онъ былъ отчаянный, но по привычкамъ и манерѣ держать себя онъ принадлежалъ къ людямъ безусловно хорошаго тона. Любитель хорошо поѣсть и еще много лучше выпить, баронъ, несмотря на свой солдатскій мундиръ, большую часть времени проводилъ въ домѣ нашего полкового командира, съ которымъ имѣлъ много общаго въ характерѣ—по пословицѣ: рыбакъ рыбака видитъ издалека. Помню я, какъ этого барона водили, въ буквальномъ смыслѣ «водили» съ нами въ Лезгинскій походъ. Когда изъ долины Алазани спѣшенный нашъ дивизионъ взобрался въ горы, то оказалось, что бывшій съ нами баронъ не въ состояніи итти по головоломнымъ кручамъ, отчасти вслѣдствіе своей тучности, а главнымъ образомъ отъ того, что у него при видѣ пропастей кружилась голова. Но разъ пошелъ, итти во всякомъ случаѣ было необходимо. Чтобы выйти изъ этого затрудненія, начальство распорядилось слѣдующимъ образомъ. Было приказано четыремъ солдатамъ взяться подвое съ концовъ за двѣ длинныя палки въ родѣ оглобель, въ средину этого импровизованнаго станка помѣстить барона и такимъ образомъ вести его по горнымъ дорогамъ. По совѣсти говоря, водили барона, муча его и людей совершенно напрасно: воинскихъ доблестей своихъ онъ такъ и не проявилъ.

Среди офицеровъ попадались также, хотя и не разжалованные, но переведенные за разныя штуки изъ гвардіи. Былъ у насъ среди нихъ одинъ молодой князь—носитель древней княжеской русской фамилии, сынъ богатыхъ и знатныхъ родителей, имѣвшихъ боль-

шую силу и значеніе въ Петербургѣ. Сердце молодого князя во время службы его въ одномъ изъ самыхъ блестящихъ дорогихъ кавалерійскихъ полковъ гвардіи поразила одна знаменитая въ то время балетная танцовщица. Князекъ подѣхалъ было къ ней сначала довольно храбро, думая, что одержитъ легкую побѣду, но не тутъ-то было! Ему было сказано — или женись, или играй отбой! Князекъ сдѣлалъ предложеніе, но родные употребили всю свою власть, все свое значеніе, пустили въ ходъ всѣ свои связи, чтобы воспрепятствовать этому браку, и молодой человекъ былъ переведенъ на Кавказъ въ нашъ полкъ.

Разсуждать въ тѣ времена, хотя бы князю, не приходилось. Сказано ѣхать, такъ хочешь, не хочешь, а поѣдешь, хоть къ чорту на рога, философію не особенно разведешь, но отѣздъ свой изъ Петербурга князекъ все-таки захотѣлъ устроить по-своему и на прощаніе закатилъ товарищамъ своей веселой петербургской жизни знаменитый вечеръ. Особенность этого вечера состояла въ томъ, что въ снятомъ для этого помѣщеніи, во второмъ этажѣ роскошнаго дома, на каждой ступени великолѣпной лѣстницы, убранной тропическими растеніями, стояло въ позѣ каріатиды въ полусогнутомъ положеніи, спиной къ входящимъ, поддерживая руками на головѣ зажженный свѣтильникъ, но живой статуѣ въ образѣ свободной отъ всякаго одѣянія женщины. Женщины эти были подобраны такъ, что цѣпь ихъ отъ vestibюля начиналась самыми тоненькими и кончалась на верху самыми толстыми. На Кавказѣ время свое молодой князь, за исключеніемъ походовъ, во время которыхъ онъ жилъ жизнью, одинаковой со всѣми, проводилъ довольно своеобразно. Въ комнатѣ предъ нимъ всегда находился чудно написанный однимъ изъ знаменитѣйшихъ художниковъ того времени портретъ его возлюбленной. Князь съ утра садился предъ портретомъ и сидѣлъ по цѣлымъ часамъ неподвижно, какъ истуканъ, смотря на него, потомъ вдругъ, возмущившись людскою неправдой, кричалъ:

— Ванька! Фальшь!

Крѣпостной лакей несъ ему на серебряномъ подносѣ стаканъ спирта. Выпивъ стаканъ, князь принималъ прежнюю позу предъ портретомъ и по прошествіи нѣкотораго времени опять кричалъ:

— Ванька! Фальшь!

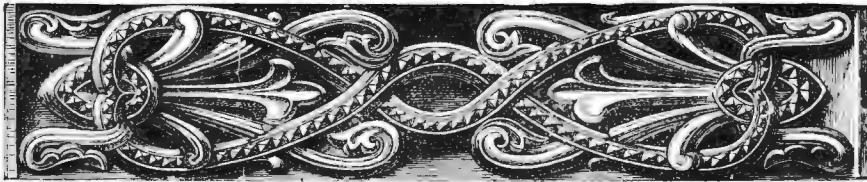
Являлся Ванька со стаканомъ, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока спиртъ не преодолѣвалъ, и врагъ всякой фальши не сваливался со стула и не засыпалъ на полу. Такъ шло у князя изо дня въ день. Но что толковать объ этихъ гвардейцахъ! — это были величайшіе лодыри и баловники, бѣсившіеся съ жира. Въ мое время служили у насъ молодцы, поставившіе себѣ твердо задачу изъ ничего создать себѣ положеніе и пробиться въ люди. Не всѣ, къ сожалѣнію, выдерживали нужную борьбу съ обстоятель-

ствами. Помню, прїѣзжалъ къ намъ въ полкъ нѣмчикъ — бѣленькій, хорошенькій мальчикъ, только что выпущенный изъ корпуса. Совсѣмъ птенчикъ, а между тѣмъ птенчикъ этотъ былъ съ задатками будущаго мужа. Не имѣя никакихъ средствъ, кромѣ жалованья, никакой поддержки извнѣ, а наоборотъ, самъ поддерживавшій существованіе вдовы матери, онъ твердо взялся за службу и въ короткое время пріобрѣлъ себѣ репутацію образцоваго офицера, храбраго, исправнаго во всѣхъ отношеніяхъ служачи. И что же? Погибъ бѣдняга оттого, что ему не на что было шить себѣ сюртукъ на мѣху, какіе всѣ мы носили въ холодное время. Вмѣстѣ съ нимъ пришлось мнѣ провести одну ужасную декабрьскую ночь въ горахъ среди мятели и страшнаго холода. На мнѣ былъ мундирный сюртукъ на мѣху, шинель и бурка, и я при всей своей выносливости, пріобрѣтенной годами, едва выдерживалъ лютую стужу, онъ же, сердяга, замерзалъ въ своей подбитой вѣтромъ форменной шинелькѣ и такомъ же мундирчикѣ. Черезъ три дня по возвращеніи эскадрона въ штабъ-квартиру бѣдный скончался въ госпиталѣ. Я былъ при послѣднихъ его минутахъ. Какъ трудно было разставаться ему съ молодою жизнью, какъ не хотѣлось умирать! До послѣдняго часа бредилъ онъ своими молодыми надеждами, вспоминалъ старуху мать, остававшуюся безъ куска хлѣба. Эхъ, жалко парня!—и полковникъ махнулъ рукой.

— Ну, батюшка! — промолвилъ старикъ, прощаясь со мной, — разстроили вы меня: расскажи да расскажи! А теперь, быть можетъ, по вашей милости я ночь проведу безъ сна. Старыхъ людей тревожить грѣхъ, вотъ что я долженъ сказать вамъ на прощаніе...

Вл. Гайдуковъ.

ТАМБОВСКІЙ ЕПИСКОПЪ ИГНАТІЙ.

(Очеркъ изъ исторіи русской церкви въ періодъ Петровской реформы).

ВЪ ОДНОЙ изъ книжекъ «Историческаго Вѣстника» мы познакомили читателей съ злоключеніями перваго тамбовскаго епископа Леонтія ¹⁾. Судьба третьяго епископа этой кафедры — Игнатія — была еще печальнѣе. Разстриженный и подвергнутый пыткамъ, онъ окончилъ жизнь въ заточеніи на далекомъ сѣверѣ. Въ свое время Игнатій получилъ значительную извѣстность за предѣлами Тамбовскаго края, благодаря участию въ дѣлѣ Григорія Талицкаго. Въ связи съ этимъ дѣломъ имя Игнатія теперь, правда, упоминается въ трудахъ по исторіи Петровскаго времени ²⁾. Но личность этого епископа столь интересна, что она съ полнымъ правомъ можетъ быть предметомъ особаго очерка. Насколько позволяютъ сохранившіяся данныя, изъ коихъ значительная часть — архивнаго характера, мы постараемся обрисовать жизнь и дѣятельность Игнатія.

I.

Свѣдѣнія о первоначальной жизни Игнатія весьма скудны. Какъ показывалъ самъ онъ на судѣ, его звали въ мірѣ Иваномъ Андреевичемъ Шалгинымъ ³⁾. Родомъ онъ былъ изъ г. Свѣязска, Казан-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», 1900 г., июнь.

²⁾ Напримѣръ, въ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, въ книгахъ Чистовича (Феофанъ Прокоповичъ и его время) и Есипова (Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія), въ руководствахъ по исторіи русской церкви Знаменскаго, Добровольскаго и друг.

³⁾ Г. Есиповъ. Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія. Томъ I. Спб. 1861. Стр. 64 (выписка изъ дѣлъ Преображенской канцеляріи о Гр. Талицкомъ). Въ

«Истор. вѣстн.», ноябрь, 1902 г., т. хс.

ской губ., гдѣ родная его сестра Евдокія была за священникомъ Шмелевымъ ¹⁾, и, по всей вѣроятности, происходилъ изъ духовнаго званія. Гдѣ и когда Игнатій принялъ монашество и проходилъ первыя ступени иноческаго послушанія,—не извѣстно. Мы видимъ Игнатія съ 6-го декабря 1681 г. уже игуменомъ Рязанскаго Николае-Радовицкаго монастыря, который въ то время былъ довольно значительнымъ и велъ порядочное хозяйство ²⁾. Здѣсь-то, вѣроятно, Игнатій и приобрѣлъ тѣ выдающіяся хозяйственныя способности, которыми онъ послѣ прославился. Здѣсь же у него началось и первое знакомство съ Тамбовскимъ краемъ, гдѣ были владѣнія Радовицкаго монастыря ³⁾. 30-го октября 1688 г. Игнатій перемѣщенъ былъ въ Солотчинскій монастырь (находится въ 20 в. отъ Рязани) съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Въ теченіе десятилѣтняго правленія этимъ монастыремъ, Игнатій широко развернулъ свои способности и охарактеризовалъ себя, и какъ администратора и какъ нравственнаго дѣятеля. Мы не станемъ подробно передавать о всѣхъ трудахъ архимандрита Игнатія ⁴⁾, памятники которыхъ и доселѣ цѣлы въ Солотчинскомъ монастырѣ. Для насъ интересны въ настоящую минуту лишь общія черты и приемы неустанной работы этого архимандрита.

Первое, что бросается въ глаза при общемъ взглядѣ на дѣятельность Игнатія въ Солотчинской обители, это — его необыкновенная любовь къ постройкамъ. Все время своего настоятельства Игнатій только и дѣлалъ, что строилъ то церковь и колокольню, то монастырскую ограду и корпусъ для братіи, то разныя хозяйственныя службы. Такъ какъ всѣ эти постройки задумывались и велись въ возможно широкихъ размѣрахъ, а одновременно съ ними шла и покупка для монастырской ризницы дорогихъ облаченій, сосудовъ и проч., то монастырская казна, естественно, была очень часто пуста. При непрерывныхъ затратахъ монастырское хозяйство испытывало крайнее напряженіе. Но однѣ хозяйственныя операціи, хотя и очень обширныя, не могли покрыть всѣхъ расходовъ. По-

---

царской грамотѣ холмогорскому архіепископу Аванасію 1701 г. (о ней будетъ рѣчь ниже) фамилія Игнатія пишется Шангинъ.

¹⁾ Архим. Македоній. Солотчинскій монастырь. Рязань. 1886. Стр. 34.

²⁾ Архим. Владимиръ. Описаніе Николае-Радовицкаго монастыря. Изд. 2-е. Рязань. 1878. Стр. 63. До отчужденія монастырскаго имущества за Радовицкимъ монастыремъ состояло 22,90 четвертей земли и 1945 душъ крестьянъ. (Рязанскія достопамятности, собран. архим. Геронимомъ. Рязань. 1889. Стр. 42).

³⁾ Монастырь владѣлъ въ нынѣшнихъ уѣздахъ Моршанскомъ и Кирсановскомъ селами: Пичаевымъ, Вышенкой и Рудовкой, а въ самомъ Тамбовѣ ему принадлежало подворье. (Архим. Владимиръ, стр. 14; И. Николевъ. Матеріалы, относящ. къ исторіи Тамб. края. Вып. I. Тамбовъ. 1884. Стр. 39).

⁴⁾ Это ужъ сдѣлано въ книгѣ архим. Македонія (стр. 34—42). Много свѣдѣній о хозяйственной дѣятельности Игнатія сообщается въ трудѣ А. Доброклонскаго: Солотчинскій монастырь, его слуги и крестьяне въ XVII в. Москва. 1888 (въ разныхъ мѣстахъ книги; особ. стр. 8, 98—99).

стройки останавливались; зданія стояли «не свершены». Игнатій, однако, долго ждать не любилъ. Онъ начиналъ переписку съ знаковыми благодѣтелями, жаловался на «монастырскую скудость» и просилъ содѣйствія въ своихъ предпріятіяхъ. Князья Шустовы, Черкасскіе, Голицыны, Лобановы и другіе знатные люди не разъ получали жалобныя письма изъ Солотчи. Не удовлетворяясь этимъ, Игнатій нашелъ дорогу къ самой правительницѣ—царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, и ее попытался привлечь къ участию въ своихъ нуждахъ. Вотъ какъ, напримѣръ, онъ писалъ однажды: «Государынѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ. Бьютъ челомъ богомольцы твои съ Рязани Рождества Пресвятой Богородицы Солотчинскаго монастыря архимандритъ Игнатій съ братьею. Тотъ, государыня, Солотчинскій монастырь, ваше государево богомолье, строеніе великихъ князей и княгинь Рязанскихъ, и которое было каменное строеніе ихъ, великихъ князей и княгинь, и то все обветшало и развалилось, потомужъ и разное облаченіе за древностію многихъ лѣтъ истлѣло. И, нынѣ, государыня, въ томъ вашемъ государскомъ богомоліи Солотчинскомъ монастырѣ построена новая каменная церковь Божія съ трапезой и съ прочими монастырскими службами, а въ тою, государыня, церковь Божию иконы написаны, иконостасъ сдѣланъ, и за тѣ иконы иконописцамъ и того иконостаса позолотить за монастырскою денежною скудостію нечѣмъ. Милостивая государыня, благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, пожалуй насъ, богомольцевъ своихъ, для своего государскаго многолѣтняго здравія и для вѣчнаго поминовенія государя своего батюшки...царя Алексѣя Михайловича, и государыни своея матушки... царицы Маріи Ильичны, и брата своего... царя Феодора Алексѣевича... вели, государыня, пожаловать изъ своея государской казны намъ, богомольцамъ своимъ, на монастырское церковное иконное (строеніе?) и на иконостасное и на ризничное облаченіе, что тебѣ, государынѣ, Господь Богъ по сердцу извѣститъ. Государыня, смилуйся, пожалуй!»¹⁾

Настойчивыя ходатайства, конечно, не оставались безъ успѣха. Однако, при широтѣ замысловъ, и щедрія подаванія благодѣтелей не удовлетворяли всѣхъ нуждъ неутомнаго архимандрита. Въ результатѣ столь старательно украшаемый монастырь представлялъ двойственную картину: все новыя и новыя постройки въ немъ стояли рядомъ съ недоконченными прежними; послѣднія подвергались разрушительному дѣйствию погоды... Монастырская ризница обогащалась бархатными и шелковыми облаченіями, золотыми и серебряными сосудами и проч.,— и въ то же время «за денежною скудостію» цѣлый годъ не выдавалось жалованье братіи и монастырскимъ «трудникамъ», увеличивались поборы съ крестьянъ и

¹⁾ Архим. Македоній, стр. 36.

слугъ, монастырь дѣлалъ долги и т. д. Такова была своеобразная хозяйственная дѣятельность архимандрита Игнатія. Въ ней какъ-то странно совмѣщались и одинаково служили ея характерными чертами предприимчивость въ отысканіи средствъ и явная нерасчетливость въ ихъ расходованіи.

Гораздо цѣльнѣе выступаетъ личность Игнатія въ его нравственной или, точнѣе говоря, нравоисправительной дѣятельности. «Онъ былъ весьма строгъ къ подчиненнымъ и епитимійцамъ»,— пишетъ историкъ Солотчинскаго монастыря. Присланныхъ за разные вины въ монастырь духовныхъ лицъ Игнатій назначалъ на каменное дѣло и другія черныя работы, при чемъ иногда заковывалъ въ цѣпь. Когда такимъ «страдникамъ» становилось «тошно и невозможно», они обращались къ самому рязанскому митрополиту, прося «снять чѣпь»... И митрополитъ, какъ видно, оказывался сердобольнѣе Солотчинскаго настоятеля¹⁾. Ту же крайнюю суровость Игнатій проявлялъ и въ отношеніи къ самымъ невиннымъ деревенскимъ забавамъ. Однажды, напримѣръ, на масленицѣ въ монастырскомъ селѣ Григорьевскомъ молодыя бабы и дѣвки вздумали устроить разные «игрища», катанья и т. п. Посельскій монахъ донесъ о такомъ «безчиніи» архимандриту, и послѣдовалъ приказъ: «наказать плетью нещадно тѣхъ женокъ и дѣвокъ, которыя участвовали въ бѣсовскихъ игрищахъ. Мало того: велѣно было высѣчь также ихъ отцовъ, матерей, мужей и братьевъ за то, что они позволили собраться на игрища. При этомъ всемъ старшимъ приказано учить своихъ семейныхъ заповѣдямъ Божиимъ, благочестію и благонавію²⁾»...

Путешествія въ Москву по дѣламъ монастыря сдѣлали Игнатія извѣстнымъ высшему духовному начальству. Онъ часто бывалъ на глазахъ патріарха и среди его приближенныхъ считался своимъ человѣкомъ. Дворъ патріарха Адріана былъ въ то время пріютомъ для партіи, недовольной царскими реформами. Здѣсь нерѣдко велись разговоры о новыхъ порядкахъ, и собесѣдникъ патріарха, разумѣется, долженъ былъ искренно или лицемерно ему вторить. Участвуя въ подобныхъ бесѣдахъ, Игнатій высказывался въ духѣ консервативной партіи. Его искреннія симпатіи къ старинѣ пріобрѣли ему расположеніе патріарха. Но замѣчательно, что къ своему одобрителному отзыву объ Игнатіи патріархъ однажды прибавилъ интересную оговорку. «Хорошъ-то хорошъ онъ, архимандритъ,—сказалъ какъ-то Адріанъ своему иподіакону,—но голосомъ-то тонокъ»...³⁾. Трудно опредѣлить, что хотѣлъ патріархъ выразить послѣдней фразой. Можетъ быть, онъ намекалъ на вѣчное

¹⁾ Архим. Македоній, стр. 38—39.

²⁾ Архим. Македоній, стр. 37—38.

³⁾ Этотъ отзывъ переданъ въ письмѣ иподіакона къ Игнатію (Македоній, стр. 38).

нытье Игнатія о «монастырской скудости, и на его выдающуюся способность разжалобить благодѣтеля. Но возможно также и то, что патріархъ желалъ отмѣтить вообще недостатокъ у Игнатія стойкости въ своихъ убѣжденіяхъ. Какъ бы то ни было, «тонкій голосъ», однако, не помѣшалъ патріарху назначить солотчинскаго настоятеля на тамбовскую кафедру¹⁾, освободившуюся со смертію святителя Питирима († 28 іюля 1697 г.).

II.

21 ноября 1697 г. архим. Игнатій посвященъ патріархомъ и соборомъ во епископа тамбовскаго²⁾. Его ожидалъ теперь цѣлый рядъ хлопотъ. На глазахъ Игнатія прошло правленіе двухъ первыхъ тамбовскихъ епископовъ — Леонтія и Питирима, вынужденныхъ бороться съ крайнею скудостію средствъ ихъ маленькой епархіи. Въ виду этого, новый епископъ, сейчасъ же по посвященіи, началъ ходатайствовать съ одной стороны о расширеніи предѣловъ Тамбовской епархіи, а съ другой — объ увеличеніи ея средствъ. При расположеніи патріарха эти хлопоты не остались безъ успѣха, хотя Игнатію и пришлось въ теченіе нѣкотораго времени испытать тяжесть столь обычной тогда «московской волокиты». 23 мая 1698 года, патріаршимъ указомъ отчисленъ къ Тамбовской епархіи новопостроенный городъ Петровскъ на рѣкѣ Медвѣдицѣ, а равно и всѣ города, которые будутъ строиться по этой рѣкѣ внизъ до Дона и вверхъ по Дону по р. Серету³⁾. 22 декабря 1698 года, грамотою изъ приказа Большаго дворца велѣно «за Тамбовскими валовыми крѣпостями на р. Хопрѣ отмежевать въ коренную домовую вотчину противъ челобитья Игнатія, епископа тамбовскаго, земли 405 деся-

1) Такъ какъ царь съ марта 1697 г. до августа 1698 г. находился за границей, то избраніе Игнатія въ Тамбовъ, очевидно, было исключительнымъ дѣломъ патріарха.

2) Въ расходной книгѣ патріаршаго казеннаго приказа за 206 г. подъ 21-мъ ноября записано слѣдующее: «ноября 21-го, въ недѣлю, на праздникъ Введенія Пресв. Богородицы (кромѣ обычнаго домового расхода) отпущено для поставленія Игнатія, епископа тамбовскаго, питья: кубокъ ренского, четвертникъ церковнаго, третникъ пива приварного, ведро меду выкнелова, 2 ведра пива мартовскаго... (Архивъ минист. юстиціи. Патріарш. казенн. приказа книга № 169). 17-го декабря патріархъ пожаловалъ новопоставленному епископу Игнатію изъ своей домовой казны «раковенной посохъ св. патріарха Филарета Никитича, у котораго посоха оглавіе и яблока костяныя бѣлыя»... (Патр. казенн. приказа книга № 170). Въ послѣдующее время, до 24 апрѣля 1698 г. (день Пасхи), по праздникамъ тамбовскому епископу отпускалаъ кубокъ ренского. 25 декабря архіерейскіе дворня тамбовскаго епископа «поены на погребѣ пивомъ и медомъ» (книга № 169). Ср. Матеріалы для исторіи, археологій и статистики московскихъ церквей, собр. В. И. и Г. И. Холмогоровыми, при руководствѣ И. Е. Забѣлина. М. 1884. Столб. 1159—1168, 982.

3) Дополненіе къ актамъ историческимъ, томъ XII, № 95.

тинъ съ бортными ухожеями, липягами и здѣльными деревьями, сѣнныхъ покосовъ на 2300 копенъ»¹⁾. Въ слѣдующемъ году 20 августа, Игнатію отведены за Тамбовскимъ Ценскимъ лѣсомъ, между рѣчекъ Керши и Ломовиса, изъ дикой степи подъ сѣнные покосы 75 десятинъ²⁾.

Прибывъ въ Тамбовъ 27 мая 1698 г.³⁾, Игнатій тотчасъ же отдался своей хозяйственной страсти. Его предшественнику, святителю Питириму, удалось выхлопотать для Тамбовской кааедры три монастыря: Чернѣвъ Николаевскій, Вышенскую пустынь и Сергіевскій Проломскій (всѣ въ Шацкомъ у.) съ вотчинами и со всякими угодьями и, сверхъ того, значительное количество земли отъ Тамбова⁴⁾. Но пожалованная земля была «порозжая», т.-е. не заселенная. Святитель Питиримъ въ послѣдующіе годы жизни приступилъ къ колонизаціи своей Тамбовской земли. Продолжая его дѣло, Игнатій съ разрѣшенія патріарха переводилъ изъ вотчинъ Чернѣва монастыря крестьянъ «на селитьбу» въ Тамбовскій край. По рѣкамъ Кершѣ и Карачану быстро возникли села и деревни: Спасское, Богородицкое, Троицкое⁵⁾. Что касается Хоперской домово́й вотчины, то при пожалованіи ея было сказано: «а на той землѣ ему, преосвященному Игнатію, домовыхъ своихъ крестьянъ безъ указу великаго государя селить не велѣно, потому что на той землѣ дворами селиться мочно ли, и отъ приходу воинскихъ людей жить будетъ не опасно ль...»⁶⁾. Но Игнатій, какъ видно, не раздѣлялъ этихъ опасеній правительства: не дожидаясь указовъ, онъ населилъ въ Хоперской вотчинѣ деревню Русскую Поляну, завелъ здѣсь хозяйство, которое стало приносить тамбовскому архіерейскому дому хорошій доходъ. Такъ, въ Орѣховскомъ юртѣ (на р. Савалѣ) ежегодно добывалось воевъ по 30 рыбы и болѣе 20 пудовъ меду. Но доходность Хоперскихъ вотчинъ была бы еще значительнѣе, если бы эти владѣнія не страдали отъ сосѣдства казаковъ. Жители городка Пристанскаго «насилствомъ вѣзжали» въ архіерейскія владѣнія, «рыбу и звѣри ловили, и бортные ухожен и лѣсъ рубили, пчелы драли и скотину пускали и всякое разоре-

¹⁾ Архивъ министерства юстиціи. Грамоты и другіе акты коллегіи экономіи, № 14541.

²⁾ О. М.—въ. Жизнеописаніе святителя Питирима, епископа тамбовскаго. Тамбовъ. 1885. Стр. 102.

³⁾ Тамбовская лѣтопись, напечат. Дубасовымъ въ его Очеркахъ изъ исторіи Тамбовскаго края. Вып. III. Москва. 1884. Стр. 19.

⁴⁾ Подробнѣе объ этомъ см. въ нашей статьѣ: «Святитель Питиримъ, второй епископъ тамбовскій» (очеркъ его жизни и дѣятельности), гл. II и IV (Тамбовск. Епархіальн. Вѣдом., 1898 г., №№ 33 и 47).

⁵⁾ Описаніе документовъ и дѣлъ святѣйшаго синода. Томъ I. (Спб., 1868) Столб. 550.—Собран. постановленій по вѣдомству правосл. исповѣданія. Т. I. Спб. 1879. Стр. 281.

⁶⁾ Архивъ мин. юстиціи. Грам. коллегіи экономіи, № 14541.

ніе чинили». Однажды, собравшись «многолюдствомъ», казаки пріѣхали въ коренную вотчину «бунтомъ и домовыхъ архіерейскихъ старцевъ поповъ казначея Гавріила и Леонтія бранили, называли ворами и бить хотѣли»... Игнатій просилъ посольскій приказъ воспретить такое своеволие казакамъ; но предписанія приказа не останавливали «шкоды»: въ два года казаки «выдрали» болѣе 30 роевъ пчель ¹⁾.

Но, усердно заботясь объ обезпеченіи архіерейскаго дома, Игнатій, какъ и въ Солотчѣ, не умѣлъ беречь средствъ. Въ Тамбовѣ онъ тоже тратилъ, вѣроятно, всѣ свои доходы на постройки, хотя здѣсь это дѣлалось уже не столько въ угоду строительной мани, сколько по необходимости. Здѣсь стоялъ начатый святителемъ Питиримомъ и недостроенный каедральный соборъ, около него—наполовину выстроенный архіерейскій домъ; были и другія недоконченныя хозяйственныя постройки. Игнатій попалъ, такимъ образомъ, въ свою сферу. Конечно, онъ съ энергіей взялся продолжать дѣло предшественника, готовить строительные матеріалы: кирпичъ, желѣзо и т. п. ²⁾. Но за кратковременное пребываніе на каедрѣ Игнатій могъ сдѣлать немного. По какой-то ироніи судьбы и въ Тамбовѣ постройки остались послѣ Игнатія въ томъ же плачевномъ видѣ, какой имѣлъ при немъ Солотчинскій монастырь. Документы начала XVIII вѣка говорятъ о «каменныхъ палатахъ, которыя зачаты бывшими тамбовскими архіереи, но не достроены, а иныя безъ крыши и развалились»... ³⁾.

Какъ правилъ Игнатій епархіей, былъ ли онъ въ Тамбовѣ весьма строгъ съ подчиненными и часто ли примѣнялъ здѣсь «чѣпъ» и плети,—объ этомъ, къ сожалѣнію, нѣтъ свѣдѣній. Отъ его церковно-правительственной дѣятельности сохранилось только одно письмо къ астраханскому митрополиту Сампсонію, отъ 23 марта 1699 года, по поводу возникшихъ недоразумѣній относительно города Петровска. Согласно патріаршему указу 23 мая 1698 г., Игнатій вступилъ въ управленіе Петровскомъ. Онъ рукоположилъ туда нѣсколькихъ лицъ въ священныя степени и далъ разрѣшеніе старцу Петру съ братіей построить «пустыню». Но въ декабрѣ 1688 г. въ Петровскъ явился изъ Саратова архим. Іосифъ и оставилъ строеніе пустыни. Извѣщая объ этомъ астраханскаго митрополита, къ епархіи котораго тогда принадлежалъ Саратовъ, Игнатій просилъ его отписать архимандриту Іосифу, чтобы онъ о строеніи пустыни въ Петровскѣ «никому не заказывалъ» и вообще жителямъ «никакого притѣсненія не чинилъ». Митрополитъ Сампсоній

¹⁾ Архивъ мин. иностр. дѣлъ. Приказныя дѣла, св. 23 (1705 г., марта 29).

²⁾ Безъ сомнѣнія, Игнатіемъ было заготовлено для собора то «прутовое и рѣшеточное желѣзо», которое упоминается въ опис. докум. и дѣлъ святѣйшаго синода, т. III, столб. 163.

³⁾ Опис. докум. и дѣлъ святѣйшаго синода, т. III, столб. 163.

перенесъ дѣло къ патриарху, сообщая ему, что указомъ государя отъ 19-го ноября 1698 г. духовенству въ г. Петровскѣ велѣно быть подъ властію астраханскаго митрополита. Въ отвѣтной грамотѣ патриархъ назначилъ въ вѣдѣніе Сампсонія «новопостроенные у Волги города на Усть-Камышенки, да по той чертѣ къ Дону рѣкѣ», но совершенно умолчалъ о г. Петровскѣ, оставляя такимъ образомъ въ силѣ свой прежній указъ о немъ ¹⁾).

Упомянутое письмо Игнатія, помимо своего фактическаго содержанія, отчасти интересно и въ литературномъ отношеніи. Оно даетъ замѣтить, что Игнатій былъ знакомъ съ изысканными формами письменныхъ сношеній, принятыми среди нашихъ архипастырей того времени, и дѣловое письмо нашелъ нужнымъ начать и закончить слѣдующими цвѣтистыми фразами: «Великому господину, преосвященнѣйшему Самсону, митрополиту астраханскому и терскому, — писалъ Игнатій, — о Святѣмъ Дусѣ святаго архіерейства вашего нижайшій братъ и желатель ваша архіерейскія любви, Игнатій, епископъ тамбовскій, святаго вашего благословенія всеусерднѣ желаю и черезъ сіе многократное мое писаніе нижайшее поклоненіе святому вашему архіерейству сотворяю. А про мое смиреніе архіерейство твое святое аще благоволитъ вѣдѣти, и мы, смиренніи, за предстательствомъ общія наша заступницы, Пресвятыя Богородицы, и всѣхъ святыхъ, купно и твоими святительскими молитвами, въ богоспасаемомъ градѣ Тамбовѣ, въ дому его Спасителя, нынѣшняго 207 году марта но 23 число тѣлесне живъ есмь, а душевне самъ единородный Сынъ Слово Божіе вѣсть»... «И паки молю и прошу святое твое архіерейство, — читаемъ въ концѣ письма, — не положи въ тягость сего моего прошенія, но подражавъ Владыцѣ Господу І. Христу, егда предстаеши у страшнаго его престола, Господа славы, приносиши ему о всѣхъ Творцу безкровную жертву, моля о оставленіи грѣховъ всего міра, тогда и о мнѣ смиреннѣмъ да сотвориши молитву. А твое архіерейство такожь да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ небесномъ нынѣ и въ день вѣка, аминь» ²⁾).

III.

Зимой 1699 — 1700 годовъ, по какимъ-то нуждамъ (вѣроятно же всего, хозяйственно-экономическимъ) Игнатій долженъ былъ поѣхать въ Москву. Остановившись здѣсь на Казанскомъ подворьѣ, онъ занялся своими хлопотами. По дѣламъ ему приходилось сталкиваться съ людьми различныхъ положеній и профессій. Отъ разговоровъ чисто дѣловыхъ, конечно, случалось переходить и къ «зло-

¹⁾ Дополн. къ акт. историч., т. XII, 95 и 98.

²⁾ Дополн. къ акт. историч., XII, № 95.

бамъ дня». Бесѣды на послѣднія темы въ эту зиму велись въ особенной охотой и въ консервативномъ кружкѣ патріарха, и въ хоромахъ обиженныхъ бояръ, и въ простомъ народѣ. Настроение умовъ было очень тревожное. Подъ впечатлѣніемъ страшныхъ стрѣльчихъ казней въ Москвѣ все сильнѣе поднимался ропотъ противъ царскихъ затѣй. «Хочу итти въ Преображенское,—говорилъ нѣкто Ивашка Нагой,—царя обличать, что бороды брѣтеть и съ нѣмцами водится, и вѣра стала нѣмецкая»... «Какой то нынѣ государь, что пустилъ проклятую табаку въ міръ»,—жаловались другіе ¹⁾). Не успѣли затихнуть эти толки о брадобритіи, о нѣмецкомъ платьѣ и о «проклятой табакѣ», какъ москвичи были удивлены еще однимъ новшествомъ: 20-го декабря 1699 года, велѣно считать новый годъ съ 1-го января и вести лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова. Этотъ приказъ, разумѣется, многими былъ встрѣченъ, какъ посягательство на освященный церковью и древностью порядокъ лѣтосчисленія, какъ «всесовершенное благочестія испроверженіе». Поднялись новые толки...

Однажды, къ Игнатію на подворье пришелъ его знакомый иконникъ (т.-е. иконописецъ или продавецъ иконъ) Ивашка Савинъ. Онъ явился въ сопровожденіи еще одного лица, о которомъ Игнатій, должно быть, слышалъ уже ранѣе и съ которымъ, вѣроятно, выразилъ желаніе познакомиться. То былъ человекъ средняго роста, лѣтъ 45, «лицомъ сухощавъ, остроносъ, волосы на головѣ и борода чермны, глаза сѣрые» ²⁾). Звали его Григоріемъ Васильевымъ Талицкимъ. По своей профессіи Талицкій былъ «книгописецъ», т.-е. занимался, главнымъ образомъ, перепискою различныхъ книгъ, при чемъ «продавалъ печатныя и письменныя уставныя и полууставныя книги», и тѣмъ добывалъ себѣ средства къ жизни. При слабомъ развитіи печатнаго дѣла въ XVII в. множество произведеній обращалось въ рукописномъ видѣ. Рукописи продавались въ книжныхъ лавкахъ у Спасскихъ воротъ и на крестцахъ офенями. Соборъ 1682 года хотѣлъ учредить надъ этой торговлей нѣкотораго рода цензуру, чтобы остановить распространеніе раскольниковскихъ «тетрадей». «На Москвѣ всякихъ чиновъ люди,—жаловались отцы собора,—пишутъ въ тетратехъ, и на листахъ, и въ столпцахъ выписки, именуя изъ книгъ Божественнаго Писанія, и продаютъ у Спасскихъ вратъ и въ иныхъ мѣстѣхъ, и въ тѣхъ письмахъ на преданныя святей церкви книги является многая ложь, а простолюдины, не вѣдая истиннаго писанія, приемятъ себѣ за истину и въ томъ согрѣшаютъ, паче же вырастаетъ изъ того на свяую

¹⁾ Соловьевъ. Ист. Россіи, издан. Тов. Общ. Пользы, кн. III, столбцы 1203—1204.

²⁾ Такъ описывается наружность Талицкаго въ грамотѣ отъ 6-го августа 1701 года, о которой будемъ говорить далѣе.

церковь противленіе»... «По сему предложенію указалъ бы великій государь приставить особаго человѣка, а святой патріархъ особаго человѣка изъ духовныхъ изберетъ же, чтобъ они вкупѣ того постерегали; и которые объявятся съ такими лживыми писмами, и тѣхъ имая приводить въ ево патріаршѣ приказъ и чинити смиреніе, смотря по винѣ, и имати пени по разсмотрѣнію»¹⁾... Но эта мѣра едва ли къ чему нибудь приводила. Торговля рукописями шла попрежнему. Помимо этого, много рукописныхъ книгъ изготовлялось по особому заказу. При такихъ условіяхъ книгописцы составляли въ Москвѣ довольно многочисленный классъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ имѣли «учениковъ» и отъ себя давали работу другимъ писцамъ. Гр. Талицкій зарабатывалъ книгописаніемъ не очень много, иногда терпѣлъ такую скудость, что ему «нечѣмъ было питаться», и онъ готовъ былъ продать свой домишко на Кисловкѣ. Но, переписывая разныя Зеркала, Хрисмологіи и т. п., Талицкій много читалъ, изучалъ св. писаніе и приобрѣлъ репутацію человѣка «гораздо умнаго». Черезъ его руки прошло, вѣроятно, немало и раскольническихъ произведеній, и нѣкоторыя изъ нихъ были Талицкому по душѣ. Но особенно сильно подѣйствовали на его мысль тѣ раскольническія «тетради», въ которыхъ предсказывалась близкая кончина міра. Вопросъ этотъ въ раскольнической литературѣ возникъ вмѣстѣ съ самымъ началомъ раскола. Его первые учителя уже ожидали кончины міра въ 1669 году. Потомъ назначенъ былъ 1700-й годъ. Естественно, что чѣмъ ближе подходилъ къ концу XVII в., тѣмъ настойчивѣе занимались раскольники эсхатологическими вопросами. Игнатій Тобольскій въ 1696 году говорилъ, что раскольники высчитывали уже не только годъ, но и день кончины міра: «годъ отъ года и день отъ дня смущаютъ народы, сказующе, яко въ сій годъ и въ сій день будетъ кончина міра»²⁾... Подъ вліяніемъ раскольническихъ тетрадокъ, Талицкій съ особенною любовію читалъ Апокалипсисъ, стараясь въ его таинственныхъ пророчествахъ найти разгадку для всего, что «дѣялось» на Москвѣ. «И седьмъ царей, — читалъ Талицкій въ Апокалипсисѣ, — изъ которыхъ пять пали, одинъ есть, а другой еще не пришелъ, и когда прійдетъ, не долго ему быть. И звѣрь, который былъ и котораго нѣтъ, есть восьмой и изъ числа седми и поидетъ въ погибель»... (Откр. XVII, 10—11). Но восьмой царь на Руси есть нынѣшній царь Петръ Алексѣевичъ. Значитъ, онъ-то и есть звѣрь-антихристъ... Разъ придя къ такому выводу, мысль Талицкаго начала усиленно работать въ одномъ направленіи. Онъ сталъ перечитывать Библию, и

¹⁾ Н. Виноградскій. Церковный соборъ въ Москвѣ 1682 года. Смоленскъ. 1899. Стр. 62 приложеній (14-е предложеніе и соборный отвѣтъ на него).

²⁾ Подробн. объ ожиданіи раскольниками кончины міра см. въ статьѣ П. Смирнова: Самоистребленіе въ русскомъ расколѣ («Христіанское Чтеніе», 1895 г., іюль—августъ, стр. 174 и др.).

въ ней вездѣ лишь находилъ подтвержденіе той мысли, что «пришло время послѣднее»... Талицкій забросилъ переписку книгъ. Съ ревностію искателя истины онъ взялся теперь за перо, чтобы подѣлиться своими выводами съ другими, изъ книгописца сталъ писателемъ. Работая надъ своими произведеніями, Талицкій дѣлился мыслями и планами съ близкими къ нему людьми. «Пишу книгу о послѣднемъ времени,—сообщалъ Талицкій садовнику Ѳедоткѣ Милюкову:—вогъ бы, написавъ такую книгу, отдать въ Кіевъ напечатать и въ міръ пустить!... Пусть бы люди пользовались... Да скудость моя: нечѣмъ питаться»...

— Трудись,—сочувственно отозвался Ѳедотка:—я тебѣ дамъ на бумагу рубли три-четыре,—и далъ Григорію цѣлыхъ 10 рублей.

Вѣроятно, переписка чужихъ произведеній развила въ Талицкомъ достаточный литературный навыкъ. Въ небольшой сравнительно промежутокъ времени онъ написалъ слѣдующія сочиненія: 1) О счисленія лѣтъ отъ сотворенія свѣта до пришествія антихриста, о пришествіи въ міръ антихриста и о послѣднемъ времени, 2) Врата и 3) О паденіи Вавилона. Передать въ подробности содержаніе этихъ произведеній мы не имѣемъ возможности ¹⁾, въ общихъ же чертахъ оно достаточно выясняется изъ разспросныхъ «рѣчей» Талицкаго и оговоренныхъ имъ лицъ. «Пришла кончина свѣта, и антихристъ насталь,—разсуждалъ Талицкій.—Объ этомъ говоритъ Евангеліе, пророческія и бытейскія книги. Въ Апокалипсисѣ Іоанна Богослова въ 17 главѣ нанисано: антихристъ будетъ осьмой царь. А по нашему счету—третье сложеніе Римской монархіи царей грекороссійскихъ осьмой царь—Петръ Алексѣевичъ. Онъ то и есть антихристъ. Да и лѣта сошлись... Царствующій градъ Москва—теперь Вавилонъ, жители его—вавилоняне, слуги антихристовы. И какой Петръ царь! Мучить самъ... И сынъ его государевъ царевичъ не отъ добраго коренія и отрасль недобрая. Отъ такого царя нужно отступитъ, не надо его слушать и платить ему податей. Когда государь пойдетъ съ Москвы на войну, пусть стрѣльцы, разосланные по городамъ, соберутся къ Москвѣ и выберутъ себѣ правителемъ князя Михаила Алегуковича Черкаскаго ²⁾: онъ человекъ добрый и народу учинитъ нѣчто доброе»...—Эти мысли развивались и дополнялись Талицкимъ въ бесѣдахъ съ друзьями и близкими знакомыми. Нѣкоторые изъ слушателей пы-

¹⁾ Еще въ 1750 г. «писемъ» Талицкаго при дѣлѣ о немъ не оказалось (Есиповъ, Раскольничьи дѣла, т. I, стр. 60).

²⁾ Кн. М. А. Черваскій принадлежалъ къ числу наиболѣе почтенныхъ бояръ и пользовался общимъ расположеніемъ. Ему (вмѣстѣ съ Т. Н. Стрѣшневимъ) Петръ не рѣшался обрѣзать бороду (Соловьевъ, кн. III, столб. 1190—1191). Въ 1699 г., отправляясь въ Воронежъ, царь поручилъ Мих. Алегуковичу «главное правленіе Москвы» (Голицковъ. Дѣянія Петра В. Часть I. Москва. 1788. Стр. 348).

тались «унять» Гришку такими возраженіями: «Для чего ты такое великое дѣло затѣваешь? Времена и лѣта положилъ Богъ своею властію. А тебѣ про тѣ лѣта по чему знать? Писано, что ни Сынъ, ни ангелы о послѣднемъ дни не вѣдаютъ. Какой государь антихристъ? У него есть царица и царевичъ»...

— Такъ и будетъ (т.-е. съ антихристомъ), что у него царица и царевичъ ¹⁾,— отвѣчалъ Талицкій и приводилъ сомнѣвающимся подробныя доказательства изъ Библии, Толковаго Евангелія и всякихъ печатныхъ и письменныхъ книгъ. Но большинство слушателей Талицкаго, какъ видно, относились къ его разсужденіямъ сочувственно. Его другъ и единомышленникъ, иконникъ Ив. Савинъ, по собственному сознанию, чистосердечно повѣрилъ Талицкому, потому что «любы Божія всему вѣру емлетъ, и онъ, Гришка, въ тѣхъ письмахъ писалъ все правду отъ книгъ Божественнаго писанія и не своимъ вымысломъ, а отъ которыхъ книгъ, и то въ тѣхъ письмахъ написано имянно». Иные не довольствовались слушаніемъ Талицкаго или чтеніемъ его «тетрадокъ», но заказывали ему для себя списки и списывали сами, чтобы «почесть покрѣпче»... Когда Талицкій усердно «толковалъ» свои произведенія и за деньги изготовлялъ съ нихъ копіи въ столбцахъ и тетрадахъ, онъ получилъ приглашеніе явиться къ тамбовскому епископу на Казанское подворье.

IV.

Послѣ первыхъ привѣтственныхъ фразъ, Талицкій свелъ бесѣду на свою любимую тему — о послѣднемъ вѣкѣ и объ антихристѣ. Онъ читалъ тетради «О счисленіи лѣтъ» и «Врата», дополняя ихъ толкованіями. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Талицкій спрашивалъ «разсужденія», т.-е. мнѣнія Игнатія.

«Видишь ли ты,— сказалъ Талицкій, заканчивая чтеніе тетрадей,— что въ тѣхъ тетрадахъ писано, то нынѣ уже все сбывается?»...

Бесѣда произвела на Игнатія сильное впечатлѣніе. Слушая Талицкаго, онъ плакалъ и, взявъ его тетради, поцѣловалъ ихъ...

— Павловы твои уста ²⁾,— похвалилъ автора Игнатій.— Пожалуй, потрудись тѣ тетради написать поперечневатѣе (то-есть разборчивѣе, старательнѣе), по чему бы мнѣ въ томъ дѣлѣ истину познать.

Это одобреніе епископа усилило въ Талицкомъ довѣріе къ его тетрадамъ.

¹⁾ Вѣроятно, здѣсь Талицкій имѣлъ въ виду то, что въ Апокалипсѣ, кромѣ «звѣря», упоминается и «жена, облеченная въ порфиру и багряницу» (Откр. XVII, 3 и слѣд.).

²⁾ Обычное въ старину выраженіе похвалы автору или проповѣднику, удержавшееся и донныя у раскольниковъ.

— «Возможно-ль тебѣ о семъ возвѣститъ святѣйшему патріарху, чтобы про то и въ народѣ было вѣдомо?»—спросилъ Талицкій Игнатія.

Но тутъ въ Игнатія заговорилъ тотъ «тонкій голосъ», которымъ такъ мѣтко охарактеризовалъ его патріархъ.

— Видимъ мы и сами,—жалобно отвѣтилъ епископъ,—что худо дѣлается... Да что мнѣ дѣлать? Одинъ я немощень!...

Увлеченный успѣхомъ своихъ произведеній, Талицкій дѣлался все смѣлѣе. Онъ сталъ теперь рѣзко обличать нѣкоторыхъ изъ знакомыхъ. «Пришло нынѣ время послѣднее... А вы что спите?.. Вы живете, что свиньи!.. Надо продать имѣнье свое и итти въ монастырь, для того, что пришла кончина свѣта, и антихристъ насталь»... Чтобы доставить своимъ тетрадкамъ возможно широкое распространеніе, Талицкій задумалъ ихъ напечатать. Но о печатаніи въ типографіи, конечно, не могло быть и рѣчи. Въ виду этого Гришка запасся двумя грушевыми досками и отправился къ одному распопу, умѣвшему «рѣзать кресты», прося его вырѣзать на одной доскѣ письмо объ исчисленіи лѣтъ, а на другой—объ антихриствѣ. Съ этихъ досокъ Талицкій и думалъ печатать листы и продавать или отдавать въ народъ безденежно «для возмущенія къ бунту». Распопъ сказалъ, что «безъ знамени рѣзать не возможно», т.-е. необходимо сперва написать на доскахъ текстъ «писемъ». Талицкій принялся «знаменоватъ» доски и сообщалъ друзьямъ о своемъ намѣреніи, по отпечатаніи листовъ, удалиться изъ Москвы. «И какъ я съ Москвы скроюсь,—говорилъ онъ,—и на Москвѣ будетъ великое смятеніе»... Но планы Талицкаго неожиданно разстроились: 28 іюня 1700 г. на него донесъ въ Преображенскій приказъ пѣвчій дьякъ Ѳеодоръ Казанецъ. Узнавъ объ этомъ, Талицкій съ Москвы бѣжалъ, покинувъ домъ, жену и дѣтей и нѣкоторое время скрывался. По указу патріарха его «обыскивали» духовныя лица по московскимъ «сорокамъ». Въ виду важности «государева дѣла», сказаннаго за Талицкимъ, Преображенскій приказъ разослалъ 6 августа грамоты о розыскѣ Гришки Талицкаго, съ обѣщаніемъ награды въ 500 рублей всякому, кто приведетъ бѣглеца въ приказъ; если бы это сдѣлалъ ктонибудь изъ соучастниковъ въ «воровствѣ» Талицкаго, такому, кромѣ того, обѣщано полное прощеніе¹⁾. Вѣроятно, вскорѣ послѣ этого Талицкій былъ сысканъ и подвергнутъ предварительному допросу. Среди оговоренныхъ имъ лицъ самое видное мѣсто занялъ, конечно, тамбовскій епископъ Игнатій. За нимъ послали въ Тамбовъ келаря Чудова монастыря, съ предписаніемъ взять и всѣ книги, которыя у Игнатія окажутся. 23 августа 1700 г. «по указу великаго государя взять изъ Тамбова Игнатій, епископъ тамбовскій»²⁾...

¹⁾ Де-Пуле. Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній. Кн. 1. Воронежъ. 1861 г. Стр. 298—294.

²⁾ Тамбовская лѣтопись, напечат. у Дубасова (III, 19).

V.

Когда Игнатій былъ доставленъ въ Москву, свѣтское правительство хотѣло немедленно взять его «къ суду и къ розыску» въ Преображенское. Но этому воспротивилась власть духовная¹⁾. Патріархъ и освященный соборъ поставили на видъ все неудобство допрашивать епископа въ Преображенскомъ приказѣ съ обычными тогда пытками. Свѣтская власть должна была признать справедливость этого заявленія, и Игнатій былъ подвергнутъ допросу предъ патріархомъ. Здѣсь епископъ сперва показалъ, что онъ «отъ Гришки Талицкаго хулы на государя не слыхалъ». Но послѣ очной ставки съ Гришкой Игнатій повинился въ томъ, что «поносныя слова на государя отъ Талицкаго слышалъ, тетради у него взялъ, но, увидѣвъ въ нихъ хулу на государя, сжегъ ихъ, а того сженія никто у него не видѣлъ»... Игнатій, такимъ образомъ, старался смягчить свою вину. Патріархъ тоже, быть можетъ, его выгораживалъ. Но Талицкій не щадилъ епископа и откровенно рассказывалъ о своихъ бесѣдахъ съ нимъ. Свѣтская власть теперь стала настаивать на томъ, чтобы Игнатій былъ лишенъ сана и допрошенъ съ пыткой. Но лишить епископа сана могъ лишь патріархъ съ освященнымъ соборомъ. Изъ-за этого вышла задержка. Допросъ предъ патріархомъ происходилъ, вѣроятно, въ сентябрѣ 1700 г. Между тѣмъ 16 октября скончался патріархъ Адрианъ. Его мѣсто по волѣ царя осталось не занятымъ. Блюститель патріаршаго престола митрополитъ Стефанъ Яворскій, которому, между прочимъ, было поручено «вѣдать дѣла о расколѣ и ересяхъ», усердно занялся дѣломъ Талицкаго. Но для суда надъ Игнатіемъ Стефанъ долженъ былъ созвать въ Москву по возможности всѣхъ русскихъ іерарховъ. Въ ожиданіи этого, Игнатій жилъ въ Чудовомъ монастырѣ въ заключеніи²⁾. Въ маѣ 1701 года Петръ изъ Воронежа спрашивалъ, въ какомъ положеніи дѣло Талицкаго. «Талицкова дѣло до приѣзду архіереовъ дѣлать нечева,—отвѣчалъ царю Т. Н.

¹⁾ Извѣстіе объ этомъ, хотя и не совсѣмъ ясное, сохранено въ дневникѣ кн. Б. И. Куракина, который записалъ, вѣроятно, по слухамъ, что когда въ дѣлѣ Талицкаго «приличенъ былъ везово di tambovia» (епископъ тамбовскій), его велѣно было взять къ суду и къ розыску въ Преображенское, «однакожъ всѣмъ коллегіемъ духовнымъ того учинить воспретили»... (Выдержка изъ «Архива кн. Куракина», привед. въ статьѣ А. Н. Пылина: Путешествія за границу времени Петра Великаго, «Вѣстникъ Европы», 1897 г., октябрь, стр. 716).

²⁾ О пребываніи Игнатія въ Чудовомъ монастырѣ сообщается въ письмѣ солотчинскаго келаря изъ Москвы къ своему архимандриту, а въ письмѣ оттуда же монастырскаго стряпчаго къ казначею объ Игнатіи замѣчено, что «по се число (писано, вѣроятно, въ 1700 г.) ему свободы нѣтъ»... (Описаніе дѣлъ архива Солотчинскаго монастыря, составл. А. Доброклонекиемъ. «Рязанскія Губернскія Вѣдомости», 1889 г., № 38).

Стрѣшневъ:—а архіереовъ на Москвѣ девять, да троя не бывали: Казанской, Смоленской, Бѣлагароцкой; посланы по нихъ три грамоты, и сказали стряпчіе ихъ: будутъ анѣ къ Москвѣ вскорѣ; а какъ прїѣдутъ, станетъ то дѣло исправлятца. Да сего числа,—продолжаетъ Стрѣшневъ,—явилась писмо въ Чюдовѣ монастырѣ на келаря Чюдавскова, какъ онъ посыланъ по Танбовскова владыку, и бутта книги взялъ не всѣ и съ того писма списокъ, и что по таму писму станемъ дѣлать, послалъ х князю Ѳедарю Юрьевичу (т. е. Ромодановскому, начальнику Преображенскаго приказа) на сей почтѣ»¹⁾.

Наконецъ, архіереи собрались въ Москву, и въ патріаршей крестовой палатѣ Игнатій снова предсталъ на допросъ. «По своему обѣщанію (т. е. по архіерейской присягѣ) и какъ ему, Игнатію, на страшномъ судѣ явиться лицу Божию», онъ показалъ:

«Противъ воровскихъ писемъ Гришки Талицкаго у меня съ нимъ совѣту не было; а если съ сего числа впредь по розыскному Гришкину дѣлу явится отъ когонибудь, что я въ тѣхъ поносныхъ словахъ былъ съ кѣмънибудь сообщникъ, или кого знаю да укрываю,—и за такую мою ложь указалъ бы великій государь меня казнить смертію»...

Въ подтвержденіе своихъ словъ Игнатій цѣловалъ предъ архіереями крестъ и Евангеліе. Но и на этотъ разъ его поставили на очную ставку съ Талицкимъ, и «по уликѣ» послѣдняго Игнатій долженъ былъ покаяться... Теперь онъ разсказалъ о встрѣчахъ и разговорахъ съ Гришкой согласно съ разспросными рѣчами самого Талицкаго. Въ одномъ только пунктѣ у нихъ учинился споръ. Съ безпощадною откровенностію Гришка передалъ, какъ епископъ, слушая его тетради, плакалъ и, принявъ ихъ, поцѣловалъ. «Тѣ тетради я слушалъ,—отвѣчалъ Игнатій,—а плакалъ ли и, принявъ ихъ, поцѣловалъ ли, про то сказать не упомяну». По обычаю многихъ утопающихъ Игнатій пытался ухватиться за соломинку: онъ хотѣлъ впутать въ свое дѣло суздальскаго митрополита Иларіона (род. 1632 † 1707 г.). Этотъ святитель за благочестивую жизнь пользовался общимъ уваженіемъ, а потому его прикосновенность къ дѣлу Талицкаго,—такъ, вѣроятно, думалъ Игнатій,—значительно уменьшитъ наказаніе всѣмъ виновнымъ.

«Гришка Талицкой,—показалъ Игнатій,—о исчисленіи лѣтъ тетради хотѣлъ, пришедъ въ Суздаль, дать и суздальскому митрополиту».

¹⁾ Письма и бумаги Петра Великаго, т. I (Спб., 1887 г.), стр. 867 (письмо Стрѣшнева 20 мая 1701 г.). Въ тотъ же день царю писалъ Ѳ. А. Головинъ: «О Талицкомъ, государь, истинно я душевно радъ и Тих. Никитичю говорю; только что дѣлать архіереевъ больши нѣтъ, токмо два вновь прїѣхали; а начальное дѣло то, что говорить имъ»... Въ другомъ письмѣ, тоже около 20 мая: «О Талицкаго, государь, дѣлѣ, чаю, что сея среды видѣтися и совѣтывать со архіереи будемъ, и что учинитца, о томъ къ тебѣ, милостивому государю, писати буду»... (Письма и бумаги... т. II (Спб., 1889 г.), стр. 712 и 713.

— Въ Суздаль къ митрополиту Иларіону,—отвѣчалъ Талицкій,—для разсужденія такихъ тетратей хотѣлъ итти, да не ходилъ за тѣмъ, что въ дорогѣ питаться было нечѣмъ, денегъ не было, а просилъ денегъ у него, тамбовскаго епискупа, да не далъ, и такихъ тетратей ни съ кѣмъ къ нему, митрополиту, не посылалъ. А знакомъ мнѣ тотъ митрополитъ потому, что я напередъ сего продалъ ему книгу Великое Зерцало ¹⁾.

Иконникъ Ив. Савинъ и понамарь Артемошка Ивановъ тоже старались отчасти уменьшить виновность Игнатія, хотя и подтверждали его «единомысліе» съ Талицкимъ и съ ними. По ихъ словамъ, епископъ, принявъ книгу Талицкаго, говорилъ: «Я тѣмъ письмамъ не вѣрю... Богъ вѣсть, правда ль то письмо»...

Такимъ образомъ, участіе Игнатія въ дѣлѣ Талицкаго было теперь обнаружено достаточно, и его проступокъ выяснился. Но слѣдователи не могли на этомъ остановиться. По обычаямъ того времени, слѣдственный процессъ по важнымъ дѣламъ непремѣнно заканчивался пыткой. Игнатій сознался въ своей винѣ. Но послѣ пытки онъ могъ назвать еще какихъ нибудь «единомышленниковъ»... Соборъ архіереевъ долженъ былъ перейти къ рѣшенію вопроса о снятіи съ виновнаго епископскаго сана. Подробности соборныхъ разсужденій неизвѣстны. Но по одному сообщенію можно предполагать что соборъ сперва какъ будто не находилъ нужнымъ лишать Игнатія епископства, а затѣмъ склонился къ этому только вслѣдствіе личнаго вмѣшательства царя ²⁾. Можетъ быть, въ этомъ извѣстіи есть нѣкоторое преувеличеніе. Но во всякомъ случаѣ вполне вѣроятно, что среди членовъ собора нашлись защитники Игнатія, въ родѣ, напримѣръ, нижегородскаго митрополита Исаи, который впослѣдствіи заявилъ себя горячимъ противникомъ нововведеній и кончилъ жизнь въ ссылкѣ ³⁾. Однако, проступокъ Игнатія былъ такого рода, что очень настойчиво защищать его было

¹⁾ Великое Зерцало—сборникъ назидательныхъ повѣстей, переведенный въ 1676 году по желанію царя Алексѣя Михайловича и распространенный въ XVII вѣка во многихъ спискахъ (см. о немъ специальное изслѣдованіе П. В. Владимірова, М., 1884 г.). Этотъ сборникъ былъ любимымъ чтеніемъ раскольниковъ (Н. Смирновъ. Самоистребленіе въ русскомъ расколѣ. «Христіанское Чтеніе», 1895 г., июль—августъ, стр. 198).

²⁾ Князь В. И. Куракинъ пишетъ, что по дѣлу тамбовскаго епископа «былъ соборъ по прошенію царскаго величества, чтобы санъ съ онаго снять, токмо оное не учинилось; и его величество на остатокъ просилъ, чтобы того епископа подъ запрещеніе послать, и посланъ въ одинъ монастырь»... Но въ другомъ мѣстѣ того же дневника записано: «...и съ того (Игнатія) санъ архіерейской святи и послали въ заключеніе; а снимали всѣмъ соборомъ» («Вѣстникъ Европы», 1897 г., октябрь, стр. 716). Вѣроятно, первая запись была сдѣлана подъ вліяніемъ слуховъ о разногласіяхъ на соборѣ.

³⁾ Соловьевъ, кн. IV, столб. 17—18; Строевъ. Списки іерарховъ (СПб., 1877 г.), столб. 605.

рискованно. Въ присутствіи собора архіереевъ надъ тамбовскимъ епископомъ совершенъ печальный обрядъ «лишенія архіерейскаго сана и монашескаго чина». Игнатій превратился въ разстригу Ивашку Шангина и поступилъ въ руки страшныхъ приставниковъ Преображенскаго приказа. «У пытки и съ пытки» онъ говоритъ «прежнія свои рѣчи» о томъ, что тетради Талицкаго сжегъ еще на Москвѣ, никому ихъ не давалъ, въ совѣтъ къ себѣ не призывалъ и Гришкиныхъ единомышленниковъ никого не знаетъ. «А что я,—сказалъ въ заключеніе Ивашка,—слыша отъ Гришки его воровскія на великаго государя съ поношеніемъ хульныя слова и усмотря въ воровскихъ его тетратехъ ему жъ, государю, многія укорительныя слова, ему, государю, и святѣйшему патріарху не извѣстилъ и его; Гришку, поймавъ къ судьямъ не привелъ, и то я учинилъ для того, чтобъ онъ, Гришка, отъ меня не заплакалъ. И въ томъ я передъ государемъ виноватъ»... Этотъ заключительный допросъ происходилъ, вѣроятно, въ присутствіи самого царя, который осенью 1701 года прибылъ въ Москву и занялся дѣломъ Талицкаго.

5-го ноября, объявленъ приговоръ: Гришку Талицкаго и его единомышленниковъ, иконника Ивашку Савина и понамаря Артемонку Иванова, казнить смертію; то же наказаніе было назначено тремъ «распопамъ» за укрывательство; остальнымъ велѣно учинить жестокое наказаніе, «бить кнутомъ и запятнавъ сослать въ Сибирь въ дальніе города». Игнатій выдѣленъ былъ въ особую категорію: «по именному великаго государя указу бывшаго тамбовскаго епископа Игнатія, что потомъ разстрига Ивашка, вмѣсто смертной казни, велѣно послать въ Соловецкій монастырь въ Головленкову тюрьму, быть ему въ той тюрьмѣ за крѣпкимъ карауломъ по его смерть неисходно, а пищу ему давать противъ такихъ же ссыльныхъ»...¹⁾. Скоро Игнатій распростился и съ Москвой. Въ томъ же

¹⁾ Главнымъ источникомъ при изложеніи дѣла Талицкаго была для насъ выписка изъ дѣлъ Преображенскаго приказа, напечатанная у Есипова: Раскольниковы дѣла XVIII ст., т. I, стр. 59—84. Эта выписка сдѣлана въ 1760 году, по требованію императрицы Елисаветы Петровны, вѣроятно, по тому поводу, что въ этомъ году въ тайной канцеляріи разбиралось дѣло раскольника Магара Алексѣева, который проповѣдывалъ, что Петръ I былъ антихристъ, а императрица Елисавета—антихристова дочь... (А. В. Арсеньевъ. «Непристойныя рѣчи». Гл. IX. Послѣдователь Талицкаго. «Истор. Вѣстн.» 1897 года, августъ, стр. 390—335). Можетъ быть, Алексѣевъ упоминалъ о Талицкомъ или ссылался на его тетрадки. Отысканное «дѣло о книгописцѣ Гришѣѣ Талицкомъ съ товарищи» оказалось «въ разни», т.-е. въ разрозненномъ, беспорядочномъ видѣ, и нѣкоторыя части его были, вѣроятно, уже тогда утрачены. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что въ 1701 году, по ложному обвиненію въ сношеніяхъ съ Талицкимъ, сосланъ въ Соловки священникъ Іоаннъ, бывший царскимъ духовникомъ, и постриженъ

ноябрѣ мѣсяцѣ его отправили въ Архангельскъ при особой грамотѣ на имя холмогорскаго архіепископа Аѳанасія. «Указали мы, великій государь,—говорилось въ грамотѣ,—вора и бунтовщика Гришки Талицкаго сообщника и единомышленника, разстригу Ивашку Шангина, за его воровство сослать въ Соловецкой монастырь въ тюрьму»... Далѣе слѣдуетъ почти буквальное повтореніе приведеннаго выше «приговора» съ такой добавкой: «А чернилъ и бумаги ему Ивашку отнюдь не давать и ни отъ кого къ нему писемъ не принимать и не отдавать, также и отъ него ни къ кому никакихъ писемъ не принимать же и не посылать; а буде отъ кого какія письма къ нему Ивашку или отъ него Ивашки явятся, и тѣ письма присылать къ Москвѣ въ Преображенской приказъ»...¹⁾ 22-го декабря, вологодскіе провожатые стрѣльцы Ивашко Копыль «съ товарищи» доставили въ Архангельскъ грамоту и узника, а въ январѣ 1702 года Игнатій водворился въ Соловкахъ.

VI.

Дѣло Талицкаго произвело сильное впечатлѣніе на народъ. Если ранѣе Талицкій былъ извѣстенъ въ Москвѣ, какъ человекъ «гораздо умный», то теперь онъ сдѣлался для народа личностью необыкновенной. О немъ начались оживленныя бесѣды. Въ 1702 году, когда Талицкій былъ казненъ на Красной площади копченіемъ, одинъ князь велъ въ Москвѣ съ своимъ крѣпостнымъ человекомъ такой разговоръ:

— А что, видѣлъ ли ты Талицкаго? Кто къ нему ходитъ?

— Талицкаго видѣлъ и видѣлъ, какъ подъ него курево подпустили. А ходитъ къ нему преображенскій священникъ да Ѳеодоръ Ѳеодоровъ сынъ Плещеевъ.

— Знаютъ они, кому и приказать, что съ нимъ, Гришкою Талицкимъ, говорить?...

— Ходятъ къ нему, Гришкѣ, по указу великаго государя, и великій государь знаючи ихъ посылаетъ.

съ именемъ Іова; онъ прославился тамъ благочестивыми подвигами и, когда Петръ Великій звалъ его обратно, не захотѣлъ вернуться, но переселился въ Анзерскій скитъ, гдѣ сдѣлался настоятелемъ; память блаженнаго Іова празднуется 6-го марта (Архiep. Филаретъ. Житія святыхъ. Брокгаузъ и Ефронъ. Энциклоп. словарь, полутомъ 26, стр. 723). Но въ «выпискѣ» о священникѣ Іоаннѣ нѣтъ никакого упоминанія.

¹⁾ Рукопись Румянцевскаго музея (изъ собр. гр. Н. П. Румянцева), по описанію Востокова № 50.

— Богъ вѣдаетъ, что дѣлается!... Я не чаю, кому съ нимъ, Гришкою, какія слова говорить и о чемъ его спрашивать: онъ, Гришка, человекъ разумный,—заклучилъ князь ¹⁾).

Едва ли всѣ тетради Талицкаго были отобраны въ Преображенскій приказъ. Вѣроятно, нѣкоторые ихъ списки укрылись отъ слѣдователей и втихомолку обращались среди раскольниковъ, вмѣстѣ съ рассказами о мучительной казни Талицкаго. Въ глазахъ поклонниковъ старины онъ былъ страдальцемъ за вѣру. «Талицкій нынѣ мученикъ святъ»,—говорилъ въ 1704 г. одинъ монахъ Сионова монастыря ²⁾).

Не менѣе сильно подѣйствовалъ «бунтъ» Талицкаго и на царя. Петръ пораженъ былъ тѣмъ, какъ могъ Талицкій, человекъ начитанный въ словѣ Божіемъ, прійти къ чудовищной мысли, что царь—антихристъ... Когда Гришка и на судѣ упорно отстаивалъ свои взгляды, царь поручилъ духовнымъ лицамъ вразумить его. Но даже такой богословъ, какъ Стефанъ Яворскій, своими увѣщаніями ничего не могъ сдѣлать. Талицкій, по словамъ «Молотка на Камень вѣры», «Яворскому нимало не уступалъ, но ругательно пророкомъ Вааловымъ и прочее называлъ»... Тогда царь взялся за дѣло самъ. «По прошенію всѣхъ собранныхъ, а паче слыша Яворскаго невозмогающа, пришедъ его императорское величество кратко явными Христовыми словами побѣдилъ и въ раскаяніе привелъ, о чемъ точно при казни онаго еретика въ объявленіи, потомъ поученіемъ отъ Яворскаго на день Петра и Павла точно показано было»...³⁾. Хорошо сознавая, что мысли Талицкаго будутъ волновать народъ, долго спустя послѣ его казни, Петръ приказалъ митрополиту Стефану написать особое сочиненіе о пришествіи антихриста и кончинѣ міра. Въ 1703 г. была напечатана въ Москвѣ книжка Ст. Яворскаго: «Знаменія пришествія антихриста и кончины вѣка, отъ писаній божественныхъ явленна»⁴⁾. Впослѣдствіи

¹⁾ Г. Есиповъ. Люди стараго вѣка. Спб. 1880. Стр. 99—100.

²⁾ Соловьевъ. Ист. Россіи, кн. III, столб. 1372. Сочувственно отзывался о Талицкомъ и царевичъ Алексій Петровичъ.

³⁾ И. Чистовичъ. Осефанъ Прокоповичъ и его время. Спб. 1868. Стр. 393.

⁴⁾ Въ свое время эта книга вызвала противорѣчивые отзывы: одни очень хвалили ее (повгородскій митроп. Іовъ, св. Дмитрій Ростовскій), а другіе видѣли въ ней «посмѣшище для всей Европы» (иностронецъ Фокеродтъ) (ср. П. Смирнова: Исторія русскаго раскола. Изд. 2. Спб. 1895. Стр. 187 и прилож. стр. 23). Последнее сужденіе, конечно, слишкомъ рѣзко. Но во всякомъ случаѣ «Знаменія» далеко не отвѣчали своей задачѣ. Вмѣсто того, чтобы вразумить заблудшихъ людей простымъ словомъ евангельской истины, Яворскій наполнилъ свою книгу схоластическими доводами, заимствовавъ ихъ у испанскаго богослова Мальвенды (см. объ этомъ у митроп. Евгенія, Словарь историческій о писателяхъ духовн.

Петръ неоднократно вспоминалъ о Талицкомъ и въ частныхъ беседахъ и въ официальныхъ документахъ ¹⁾).

Въ связи съ именемъ Талицкаго Петръ долго помнилъ и его единомышленника Игнатія. Какъ сильно раздраженъ былъ Петръ поведеніемъ Игнатія, видно изъ того, что нисколько неповинная въ описанномъ дѣлѣ Тамбовская епархія царскимъ указомъ 1701 г. 15 мая закрыта и отдана въ управленіе рязанскому митрополиту Стефану. Архіерейскій дворъ въ Тамбовѣ по описи былъ запечатанъ, а въ 1704 г. также переданъ Стефану Яворскому ²⁾. Въ 1718 г. Петръ отдалъ приказаніе выбирать заранѣе добрыхъ монаховъ и присылать ихъ въ Невскій монастырь въ качествѣ канди-

---

чина, т. II). Къ своимъ противникамъ ученый авторъ относится съ крайнимъ высокомеріемъ. «Почто нѣщцы невѣгласи,—воскликаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—безмозгіе мужики, едино у мудрыхъ игралище и посмѣяніе суще, высокоудрствуютъ, паче же безумствуютъ, имя антихристово хотяще изслѣдовати, и тамо хотя долетѣти желвы (желвь—церкц.-славянское—черепаха), идѣже высокопарные достигнути не возмогоша» (Знаменія..., л. 86). Легко понять, что такое произведеніе, не приспособленное къ условіямъ мѣста и времени, читалось очень немногими.

¹⁾ Въ 1722 г. одинъ священникъ Тамбовскаго края говорилъ дьячку Степану Выморкову (впослѣдствіи извѣстный монахъ Самуилъ): «какъ мы бывали на Воронежѣ въ пѣвчихъ и пѣвали предъ государемъ и при компаніи (т.-е. его свитѣ), проклинали имѣнниковъ, и дошелъ разговоръ до Талицкаго, и государь въ то число говорилъ тако: о воръ Талицкій! ужь и я антихристъ предъ тобою! Къ чему жъ то государь говоритъ,—заключилъ священникъ,—Богъ знаетъ». (М. Семевскій. Самуилъ Выморковъ, проповѣдникъ ученія объ антихриствѣ въ 1722—1725 г.г. «Отечественныя Записки», 1866 г., т. 167, стр. 456). Въ 1721 г., прочитывая представленный святѣйшимъ синодомъ проектъ пастырскаго увѣщанія, Петръ собственноручно сдѣлалъ слѣдующую добавку: «Въ 1701 году, воръ Талицкой ради возмущенія людемъ писалъ писма, будто антихристъ уже пришелъ, которому его ученію послѣдовалъ нѣхто иконникъ Иванъ Савинъ, и въ томъ, со удивленіемъ, какія муки терпѣлъ, не внимая никакого себѣ отъ духовныхъ наставленія, за которыя злодѣянія и на смерть осужденъ, что все съ радостію принималъ. Но когда во время казни испченіемъ Талицкой, не стерпя того, показлся и снялъ съ него, те видя, оной Савинъ спросилъ караушниковъ, для чего оного сняли, отъ которыхъ увѣдалъ, что повинился, тогда просилъ и о себѣ, котораго также сняли, и желалъ видѣть его, и когда допущенъ, спросилъ его: впрямь ли онъ повинился и для чего? Тогда Талицкой все подробно сказалъ, что все то ложь, чему училъ. О, въ какую горестъ пришелъ тотъ Савинъ, и съ какими слезами раскаивался и пенялъ на Талицкова, для чего въ такую бѣду его привелъ, и что онъ ни для чего, только вмѣнялъ то за истингъ, страдать радъ былъ». (Полн. собр. распоряженій и постановленій по вѣд. прав. испов. Томъ I. Спб. 1879. Стр. 409).

²⁾ Рязанскія достопамятности, стр. 116.

датовъ на епископство, «дабы здѣсь жили и могли бы знать, чтобы такихъ не поставить, какъ тамбовской и ростовской ¹⁾ были»... ²⁾).

VII.

Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ жилъ Игнатій въ Головленковой тюрьмѣ. На первыхъ порахъ ему, вѣроятно, приходилось выносить всѣ невзгоды «неисходнаго заключенія». Но съ теченіемъ времени суровыя предписанія приведенной выше грамоты, кажется, были смягчены, и Игнатій могъ имѣть подъ руками книги, бумагу и чернила. Такъ, мы видимъ, что 9 марта 1718 г., не задолго до смерти и, можетъ быть, по случаю тяжкой болѣзни, Игнатій жертвуетъ одну рукопись въ Анзерскій скитъ ³⁾. 26-го марта, послѣ шестнадцатилѣтняго заключенія, Игнатій скончался. Онъ былъ похороненъ въ монастырѣ, недалеко отъ часовни препод. Иринарха. До тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія на его могилѣ была еще видна каменная плита съ высѣченною надписью: «Лѣта 7226 марта 26, преставися рабъ Божій Преосвященный епископъ Игнатій Тамбовскій» ⁴⁾. Видно, что въ Соловецкомъ монастырѣ относились къ Игнатію съ уваженіемъ и вовсе не помнили, что онъ былъ разстриженъ... Впослѣдствіи плита съ могилы Игнатія, вѣроятно, исчезла, а въ стѣнѣ Преображенскаго собора архим. Александромъ (1853—1857 г.г.) была помѣщена новая плита съ такою несообразною надписью: «На семъ мѣстѣ погребено тѣло тамбовскаго епископа Игнатія, умершаго въ 1699 г. (?), понесшаго долгое и тяжкое разлученіе со своею паствою» ⁵⁾. Нельзя не замѣтить, что и въ этой эпитафіи, сдѣланной по неяснымъ даннымъ, также звучитъ отголосокъ сочувствія къ печальной судьбѣ Игнатія....

Такъ грустно закончилась жизнь епископа Игнатія. Случай столкнулъ его съ Григ. Талицкимъ. Но при этой встрѣчѣ ясно обнаружилось, что Игнатій былъ типичнымъ представителемъ русскаго духовенства, воспитаннаго въ старыхъ, дореформенныхъ понятіяхъ. Четверть вѣка назадъ судьба Игнатія могла бы сложиться иначе: вѣроятно, онъ безмятежно окончилъ бы жизнь на какой

¹⁾ Доснеей, обвиненный въ государственномъ преступленіи и колесованный (Соловьевъ, IV, 478).

²⁾ Полное собраніе законовъ, т. V, № 3239.

³⁾ А. Бычковъ. Описаніе славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Импер. Публ. библіотеки. Вып. I. Спб. 1878. Стр. 107—108.

⁴⁾ Архим. Доснеей. Описаніе Соловецкаго монастыря. Часть I. Москва. 1836. Стр. 305.

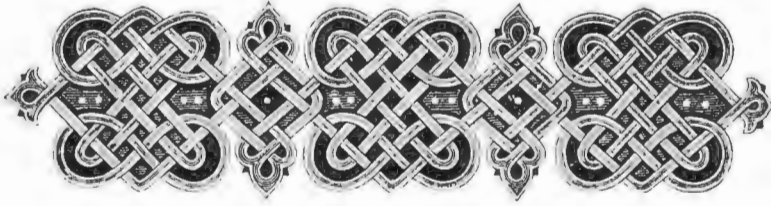
⁵⁾ М. Колчинъ. Ссылные и заточенные въ острогѣ Соловецкаго монастыря въ XVI—XIX вв. Глава VIII. — «Русская Старина», 1887 г., ноябрь, стр. 356.

нибудь митрополичьей каедрѣ, среди любимыхъ хозяйственныхъ заботъ. Но въ тревожную эпоху преобразованій Игнатій, подобно многимъ изъ тогдашнихъ архіереевъ, не умѣлъ приспособиться къ новымъ условіямъ жизни и дорого поплатился за сочувствіе къ старинѣ. Своимъ «тонкимъ голосомъ» Игнатій не могъ протестовать рѣшительно и смѣло (какъ, напримѣръ, Исаія Нижегородскій). Его недовольство, чуждое активнаго характера ¹⁾, было не болѣе, какъ слезливымъ сокрушеніемъ о томъ, что все «худо дѣлается»...

С. Введенскій.

¹⁾ Отмѣчаемъ это въ виду высказаннаго тамбовскими историками мнѣнія, будто Игнатій наказанъ за «сопротивленіе указамъ царя Петра о пожертвованіи съ церквей въ пользу отечества» (Г. Хитровъ, Историко-статистич. описаніе Тамб. епархіи. Тамбовъ. 1861. Стр. 69. Дубасовъ, Очерки... I, 84). Мнѣніе это совершенно не основательно, и откуда оно возникло, сказать трудно. Можетъ быть, поводомъ къ нему послужило то обстоятельство, что при закрытіи епархіи «пожитки тамбовскихъ архіереевъ и вотчины ихъ дома взяты на государя, подъ вѣдѣніе монастырскаго приказа» (Опис. докум. и дѣлъ святѣйшаго синода, Спб., 1887, т. V, столб. 485), т.-е. какъ будто эта мѣра была вызвана именно нежеланіемъ Игнатія сдѣлать пожертвованіе добровольно. Но вѣроятнояе всего, тамбовскіе историки были введены въ заблужденіе «Каталогомъ російскихъ архіереевъ». Въ этой рукописи объ Игнатіи сказано, что онъ «за непослушанье и противность (по другому списку — за неслушаніе и непокореніе) благословныхъ винъ (?) изверженъ бысть епископства соборомъ между патріаршества и сосланъ на Соловки»... (Рукопись Московской Синодалън. библиот. № 123, л. 160 обор. — Ср. Журн. Тамбовской учен. архив. ком., № 46). Видно, что авторъ не зналъ точно, за какія именно «вины» Игнатія постигла кара, а потому и выразился съ такою неопредѣленностію, которая повела къ ошибочной догадкѣ.

ПАЛОМНИЧЕСТВО ВЪ ПАЛЕСТИНУ ¹⁾.

XXXIV.

Поѣздка на Иорданъ. — Иерихонское шоссе. — Гостиница Милосерднаго Самарянина. — Иорданская пустыня. — Сорокадневная гора. — Иерихонъ. — Иорданская долина. — Монастырь Іоанна Предтечи. — Рѣка Иорданъ. — Священное купанье. — Мертвое море. — Возвращеніе въ Иерусалимъ.

ИСУСЪ Христосъ, прибывъ изъ Галилеи въ Иерусалимъ, всѣ ночи Своей послѣдней страстной седмицы проводилъ въ окрестностяхъ города. Такъ и теперь многіе изъ нашихъ паломниковъ обыкновенно расходятся по окрестностямъ Святого города до среды страстной седмицы. Я тоже примкнулъ къ небольшой компаніи, чтобы поѣхать на Иорданъ.

Хорошо зная по рассказамъ паломниковъ, что заиорданскіе бедуины до сихъ поръ грабятъ, а иногда и убиваютъ путешественниковъ, мы попросили въ конторѣ русскихъ построекъ рекомендовать намъ хорошаго и надежнаго извозчика. Кавасъ, черногорецъ Марко, провожая нашъ экипажъ, нѣсколько разъ повторялъ арабу-извозчику, чтобы онъ сначала ѣхалъ къ Сорокадневной горѣ, ночевалъ въ Иерихонѣ, а на утро отправился бы къ Мертвому морю, а потомъ уже къ Иордану.

Это обычный маршрутъ почти всѣхъ паломниковъ, и къ нему извозчики давно привыкли.

Довольно гладко укатанная шоссейная дорога въ Иерихонъ сначала шла въ обходъ Елеонской горы. Къ общему удовольствію

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХС, стр. 209.

оказался среди насъ хорошій знатокъ библейской исторіи, и въ его образныхъ разсказахъ оживлялся каждый уголокъ этой дикой пустыни. А пустыня была въ полномъ смыслѣ этого слова: голыя скалы, мѣстами усѣяныя камнями, и только. Ни деревьевъ, ни травы не замѣтно. Все, кажется, выжжено палящимъ солнцемъ. Недавно устроенное, ради пріѣзда германскаго императора, іерихонское шоссе было отлично выглажено и представляло бы собою прекрасную дорогу, если бы не бѣловатая пыль, поднимающаяся столбами отъ каждаго пѣшехода.

За Виваніей не встрѣчается никакихъ селеній. Только на пути къ Іерихону стоитъ хорошо извѣстная по Евангелію гостиница Милосерднаго Самарянина. Восточная гостиница, или ханъ,— это большой огороженный дворъ со множествомъ стойлъ для скота. Въ одноэтажной пристройкѣ для путешественниковъ предлагали намъ купить древнее туземное оружіе и угощали кофе; но мы, купивъ только жестяную фляжку для вина на память о милосердномъ самарянинѣ, поспѣшили отправиться дальше на востокъ.

Встрѣчныхъ очень мало. Попадались пастухи съ небольшими стадами козъ, заіорданскіе бедуины да изрѣдка парами или небольшими группами паломники. Я удивлялся отважности русскихъ женщинъ. Пустыня, завѣдомо разбойничій край, а онѣ попарно бредутъ себѣ тихонько и спокойно разговариваютъ, какъ будто у себя дома, въ Россіи.

Дорога шла извили тою лентой съ горы на гору; когда мы взбирались на вершины ихъ, открывался далекій видъ на Іорданскую долину и Мертвое море. Разобрать издали, гдѣ протекаетъ Іорданъ, очень трудно: все было затянато легкой дымкой. За долиною блѣдной полосой тянулись горы.

Стали намъ попадаться все чаще и чаще аисты. Въ Россіи ихъ видишь въ одиночку, рѣдко попарно; а тутъ при каждомъ поворотѣ дороги они поднимались небольшими стайками, штукъ по десяти, по пятнадцати. Въ одномъ мѣстѣ они буквально усѣяли весь склонъ горы. При нашемъ приближеніи вся эта масса крупныхъ и красивыхъ птицъ вдругъ взлетѣла на воздухъ. Прекрасное зрѣлище!

Вѣроятно, мы встрѣтили отдыхающую стаю на весеннемъ перелетѣ въ Россію ¹⁾).

Іорданская пустыня знаменита своими отшельниками во всѣ времена христіанства. Прежде здѣсь монастыри насчитывались десятками. Какъ птицы, гнѣздились иноки въ этихъ голыхъ скалахъ, ища полного уединенія, какъ и Христосъ сорокъ дней на горѣ Джебель-Каранталъ. Куда ни взглянешь, всѣ горы изрыты пещерами. Но не только постъ, терпѣніе, молитва или воздержаніе,

¹⁾ 2-го апрѣля, по старому стилю.

трудъ, лишенія и опасности привязывали отшельниковъ къ суровой пустынѣ. Они искали здѣсь уединенія и тишины, чтобы приблизиться къ Богу, созерцать Его духовными очами, удостоиться общенія со святыми ангелами.

Послѣ погрома Палестины персами и арабами немногіе изъ монастырей уцѣлѣли до нашего времени. Теперь возобновлены и поддерживаются только пять обителей, посѣщаемыхъ паломниками: Хозевитская, св. Герасима, Іоанна Предтечи, Саввы Освященнаго да на Сорокадневной горѣ, куда мы держали путь свой.

Крутыми спусками мы быстро съѣхали въ равнину и повернули налѣво къ Сорокадневной горѣ, или Джебель - Каранталъ, какъ ее здѣсь называютъ. У подошвы ея мы замѣтили маленькое селеніе, а, можетъ быть, временное бедуинское становище, изъ котораго вышелъ намъ навстрѣчу мальчикъ. Извозчикъ попросилъ его покараулить лошадей, пока мы сходимъ на гору. Крутая дорожка, пробитая въ каменистомъ грунтѣ, вела къ удивительному по устройству греческому монастырю. Онъ состоялъ изъ ряда пещеръ, высѣченныхъ въ отвѣсныхъ скалахъ, съ примыкающими къ нимъ вислыми балконами, подпертыми снизу. Монахи и самъ настоятель, архимандритъ Авраамій, любезно показывали намъ все, что могло насъ интересовать, и угощали шербетомъ и кофе. Обстановка обители не богатая.

Мы взбирались и на самую вершину горы, откуда была видна вся окрестность Іорданская. На западѣ отлично выдѣлялась русская колокольня на горѣ Елеонской, а на сѣверѣ царилъ бѣлоснѣжный Ермонъ. Отсюда, говоритъ преданіе, были показаны Христу «всѣ царства вселенной во мгновение времени». Мѣсто на самой вершинѣ теперь расчищено для сооруженія церкви.

Спустившись съ горы, мы съ большимъ трудомъ отыскивали нашу коляску. Равнину охватилъ уже вечерній сумракъ. Извозчикъ-арабъ попросилъ у насъ денегъ для сторожа мальчика. Мы дали ему двугривенный. Переговоривъ съ мальчикомъ, извозчикъ сѣлъ на козлы и сказалъ намъ, что мальчикъ требуетъ еще двѣ парички (самыя мелкія мѣдныя монетки). Мы позвали арабченка и лишь только дали ему парички, какъ извозчикъ стегнулъ по лошадямъ и быстро поѣхалъ къ Іерихону. Тутъ только мы сообразили, какъ просто онъ всѣхъ насъ обманулъ. Парички достались мальчику, а двугривенный онъ взялъ себѣ. Намъ это плутовство не понравилось. Объясниться же съ нимъ мы не могли: онъ такъ же мало понималъ по-русски, какъ мы по-арабски.

Вскорѣ въ ночномъ полумракѣ замелькали дома и сады Іерихона. Извозчикъ быстро подкатилъ къ воротамъ русской страннопріимницы. Завѣдуетъ ею монахъ Діонисій, кажется, единственный изъ всѣхъ русскихъ, который могъ выдержать томительно жаркую температуру Іорданской долины въ продолженіе многихъ

лѣтъ. Къ тому же онъ прекрасный садовникъ, и это какъ разъ кстати, потому что у русскихъ здѣсь имѣется большой фруктовый садъ. Въ Иерихонѣ свободно растутъ и пальмы, и бананы, и вообще растенія жаркаго климата.

Пужинавъ въ общей большой столовой во второмъ этажѣ, мои спутники разошлись по номерамъ, а я съ отцомъ Діонисіемъ вышелъ на балконъ и залюбовался тихой, звѣздной ночью. Вдали виднѣлись слабые огни, откуда доносилось до насъ пѣніе и пляска мусульманъ-арабовъ.

Разсказывая о мѣстныхъ нравахъ, монахъ-гостиникъ замѣтилъ, что у насъ взятъ извозчикъ ненадежный: всегда на него жаловались всѣ паломники.

На другой день, чуть свѣтъ, мы уже были готовы къ дальнѣйшему путешествію. Отецъ Діонисій еще разъ напомнилъ по-арабски нашему извозчику, чтобы онъ ѣхалъ сперва къ Мертвому морю, а потомъ уже къ Иордану.

Тронулись. Дорога шла по долинѣ, покрытой песчаными буграми, какъ бы дюнами. Повсюду встрѣчается, частый, но мелкій кустарникъ. Его листья представляютъ видъ тонкихъ сосудиковъ, наполненныхъ солоноватою влагою. Сколько ни встрѣчалось растеній, всѣ они имѣли характеръ солончаковой флоры.

Мы скоро потеряли изъ виду Иерихонъ, но въ то же время не видѣли ни Мертваго моря, ни Иордана. Насколько сумѣли, мы спросили извозчика, везетъ ли онъ насъ къ Бахрѣ-Лутъ ¹⁾, т.-е. къ Мертвому морю.

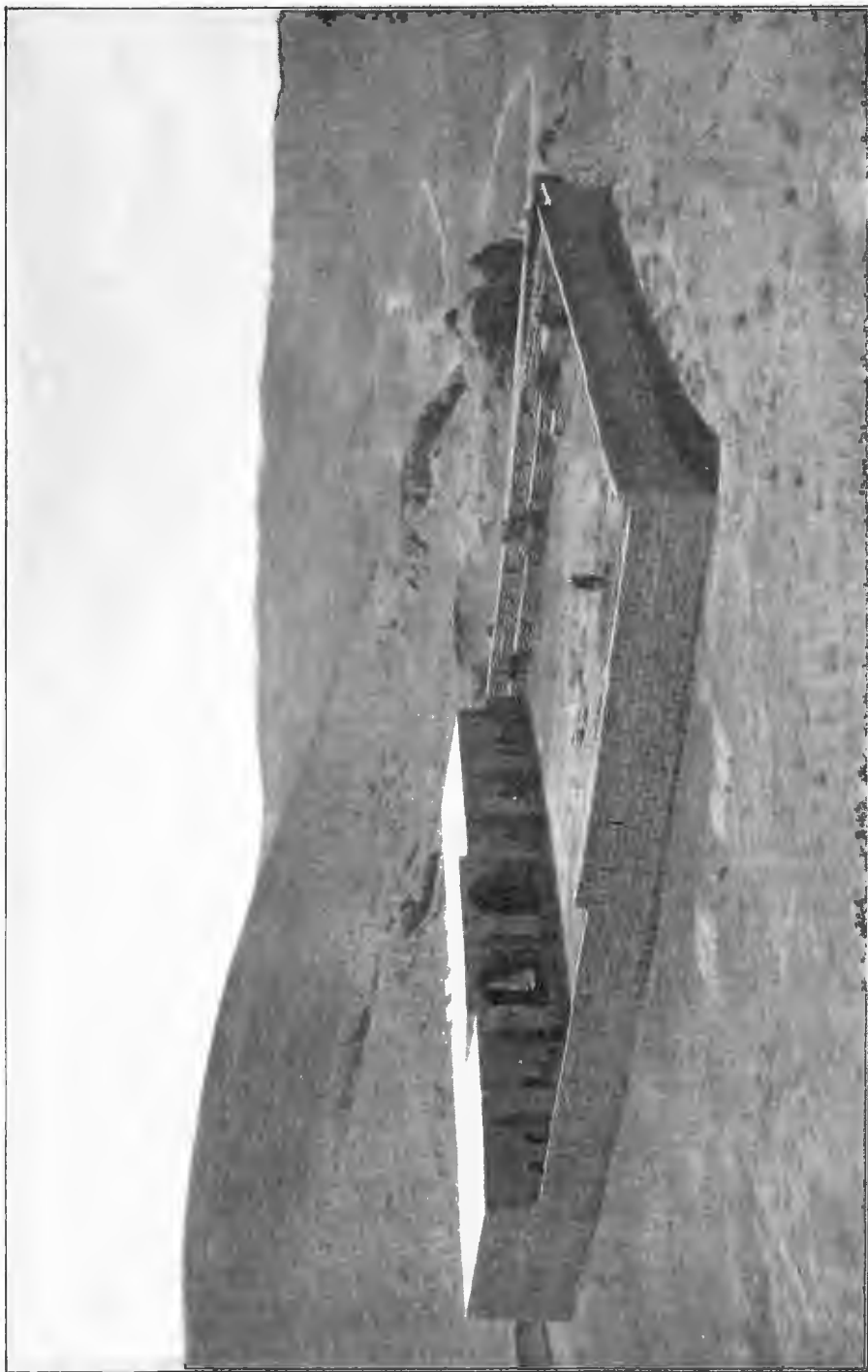
— Бахрѣ - Лутъ! Бахрѣ - Лутъ! — поспѣшили завѣрить насъ арабъ.

Намъ это было очень важно. Въ такой ранній часъ купаться въ рѣкѣ было бы холодно, въ морѣ же вода была значительно теплѣе. Кромѣ того, послѣ купанья въ соленомъ рассолѣ Мертваго моря необходимо смыть съ себя ѣдкую и даже ядовитую соль въ прѣсной водѣ. Да и въ духовномъ значеніи неудобно, чтобы изъ святыхъ водъ Иордана, «очищающихъ грѣхи міра», погрузиться въ мертвыя воды Содомы и Гоморры.

Эта мѣстность, по которой мы ѣхали, была для израильтянъ входными воротами въ Обѣтованную землю. Отсюда вождь Израиля, Иисусъ Навинъ, сдѣлалъ свое побѣдоносное шествіе къ Иерихону и къ другимъ городамъ Палестины. Патріархи Авраамъ и Іаковъ тоже входили въ обѣтованную землю съ восточной стороны изъ-за Иордана.

Пока мы вспоминали библейскую исторію здѣшняго края, извозчикъ подѣхалъ къ монастырю Іоанна Предтечи. Всѣ мы бросились къ нему съ упреками, зачѣмъ онъ насъ обманулъ и при-

¹⁾ Бахрѣ-Лутъ значитъ «море Лота».

Ханъ ель-Ахмаръ (Гостиница «Добраго самарянина»).

везъ сначала къ Иордану, а не къ Мертвому морю, какъ ему не одинъ разъ раньше наказывали. Нахальный арабъ вскипѣлъ и, жестикулируя кулаками передъ самымъ носомъ одного изъ нашихъ товарищей, сильно кричалъ по-своему. Его подходы были настолько дерзки, что товарищъ нашъ не выдержалъ и отстранилъ его ударомъ палки по рукѣ. Арабъ моментально вырвалъ палку и, какъ ужаленный, съ яростью замахнулся ею въ свою очередь, но тутъ всѣ остальные спутники успѣли разоружить его.

Эта безобразная сцена повергла насъ всѣхъ въ крайне печальное настроеніе. Передъ монастыремъ Проповѣдника покаянія, передъ священнымъ Иорданомъ—и такая вспышка гнѣва! Кто-то изъ насъ замѣтилъ, что это тоже въ своемъ родѣ искушеніе діавола въ пустынь Иорданской, какъ было у Самого Христа и у всѣхъ иорданскихъ святыхъ.

— Господа!—примираю я ихъ,—этотъ эпизодъ необходимъ въ нашей поѣздкѣ на Иорданъ. Безъ него мы не испытали бы всей полноты впечатлѣній древнихъ паломниковъ въ эту мѣстность, подверженную разбойничеству и насилію со стороны бедуиновъ.

Впрочемъ, взаимное незнаніе языковъ скоро насъ смирило, и мы, проворно осмотрѣвъ монастырь, покорно отправились на Иорданъ. Можно подѣхать совсѣмъ близко къ рѣкѣ и не видѣть священныхъ водъ ея, потому что оба берега густо заросли деревьями и кустами.

Было еще рано. Чувствовалась свѣжесть и въ воздухѣ, и въ водѣ. Солнце хотя освѣщало землю, но не грѣло еще тѣнистыхъ береговъ Иордана. Мутная, свѣтло-сѣрая рѣка бѣжала очень быстро. Отъ каждой свѣсившейся въ воду вѣтки расходились двѣ сильныхъ струи. Для купанья мы раздѣлились попарно. У паломниковъ составилось понятіе, что окунаться голому въ водахъ Иордана, освященныхъ крещеніемъ Господа Иисуса, не только неприлично, но и грѣшно. Непремѣнно надо прикрыть свою грѣховную плоть новою рубашкою. Въ Иерусалимѣ можно купить у нѣкоторыхъ русскихъ паломницъ специально для этой цѣли сшитое бѣлье изъ коленкора за весьма ничтожную цѣну. Такимъ я и запасся наканунѣ отъѣзда на Иорданъ. Мой же спутникъ, почтенный семьянинъ, разодѣлся, какъ на праздникъ: все нижнее бѣлье отъ рубашки до носковъ было сдѣлано заранѣе въ Россіи по особому заказу изъ хорошаго матеріала. Не забыть былъ и бѣлый галстукъ. Все было впередъ строго обдуманно, потому что это бѣлье будетъ тщательно сберегаться до гроба, чтобы въ немъ представиться и предъ судьцею Христовымъ.

Мы выбрали мѣсто для купанья у болѣе глубокаго берега, среди нависшихъ надъ водою вѣтвей. Товарищъ опустилсѣ въ воду первымъ и, держась за вѣтви дерева, окунулся три раза, а я въ это время пѣлъ крещенскій тропарь. Затѣмъ настала моя очередь. Съ

Монастырь на Сорокодневной горѣ (Джебель-Карангаль).

большимъ трудомъ натянувъ на себя спитое на живую нитку узкое бѣлье, я спрыгнулъ въ воду и хотѣлъ выйти на болѣе глубокое мѣсто, но съ первымъ же шагомъ почувствовалъ, что мои ноги теряютъ почву: мягкій грунтъ на днѣ разступался подъ ними, а сильное теченіе влекло меня въ сторону.

— Съ большой опаской,—предупреждалъ насъ о. Діонисій,—купайтесь въ Іорданѣ. Не одинъ разъ тонули и хорошіе пловцы.

Окунувшись три раза, я не рискнулъ поплавать на глубинѣ и поспѣшилъ выйти на берегъ. Несмотря на сильные жары въ долинѣ, вода была довольно свѣжая. Воображаю себѣ, какова она должна быть въ январѣ мѣсяцѣ, когда въ воспоминаніе крещенія Господня толпы паломниковъ погружаются въ Іорданѣ при торжественномъ молебствіи!

Наше купальное бѣлье мы развѣсили по деревьямъ для просушки.

— Теперь,—замѣтилъ мой товарищъ,—его не слѣдуетъ мыть послѣ освященія въ іорданской водѣ. Вотъ еще надо образа повятить.

И онъ окунулъ въ рѣкѣ по три раза привезенные съ собою небольшіе иконы и крестики. Хотѣли на память изъ Іордана взять камешковъ, но ихъ трудно было найти въ глинистомъ берегу. Ограничились водою, налитую въ бутылки, да палками изъ прибрежныхъ растений. Арабъ-извозчикъ, увидѣвъ, какъ его недавній противникъ неумѣло старается выломать себѣ палку, поспѣшилъ отломать съ другого дерева и поднесъ ему. Эта зеленѣющая палка въ рукахъ араба, какъ миртовая вѣтвь, какъ эмблема мира, выражала примиреніе. Русскій же давно простилъ все и только сожалѣлъ о своей гнѣвной вспышкѣ.

Закусивъ хлѣбомъ съ остоянной іорданской водой, которая показалась всѣмъ очень вкусною, мы поѣхали къ Мертвому морю. Съ каждымъ часомъ солнце припекало все сильнѣе и сильнѣе, такъ что, когда мы подѣхали къ гладкому, какъ зеркало, морю, искупаться было бы очень кстати, но послѣ Іордана никто изъ насъ не рискнулъ испытать силу страшно ѣдкихъ водъ. Берегъ усянъ черными и бѣлыми камешками. Но ни одного дерева кругомъ! Только вдали отъ берега виднѣлись низенькіе солончаковые кустики.

На вкусъ вода Мертваго моря очень жгуча. Нѣкоторые не рады были, что и попробовали. Если на минуту опускали въ нее руку, то она покрывалась тонкимъ слоемъ соли. Вода настолько густа, что тѣло человѣческое не можетъ утонуть въ ней.

Вернувшись въ Іерихонъ, я вспомнилъ про Закхея и попросилъ отца Діонисія показать мнѣ какуюнибудь смоковницу, одного вида съ той, на которую влѣзалъ низенькій начальникъ мытарей. Онъ привелъ меня къ большому роскошному дереву, съ овальными, а не лопастными листьями.

— Это не похоже на обыкновенную смоковницу!—замѣчаю я.
— Да, это другой видъ. На ней также есть смоквы, но мельче.
Въ Евангеліи это дерево зовется сикоморомъ.

Въ страннопримницѣ имѣется книга для записей пріѣзжающихъ. Нѣкоторые не ограничились одними именами и названіями городовъ, откуда они пріѣхали, но внесли и свои замѣтки. Мы же записали три молитвы, подходящія къ мѣсту, связанному съ именами Иисуса Навина, пророка Елисея и, наконецъ, Самого Господа Иисуса Христа.

Когда мы, мирно разговаривая, закусывали передъ дорогой, вдругъ раздалась со двора визгливые крики и плачь женщины. Моментально мы всё сбѣжали на низъ. Здѣшній слуга изъ арабовъ бросился за ворота ловить кого-то. По этому поводу отецъ Діонисій разсказалъ намъ много своихъ наблюденій о здѣшнихъ нравахъ и порядкахъ. Можно только удивляться, какъ еще здѣсь люди осмѣливаются гнѣздиться въ селеніяхъ...

Наскоро осмотрѣвъ источникъ пророка Елисея, мы поспѣшили отправиться въ Иерусалимъ, чтобы сегодня же добраться до него засвѣтло.

Въ общемъ дорога теперь шла все въ гору и гору, потому что Иерихонская долина ниже Иерусалима болѣе чѣмъ на одну версту и, что замѣчательно, ниже уровня Средиземнаго моря немного мнѣе 200 сажень.

Послѣ томительной жары въ долинѣ намъ показалось въ горахъ довольно свѣжо. А когда зашло солнце, нѣкоторые мои спутники даже озябли отъ развивающагося при ѣздѣ холоднаго вѣтра. Такой рѣзкій контрастъ ночной температуры послѣ дневной жары!

Во все время дороги извозчикъ былъ очень тихъ и послушенъ. Потомъ мы узнали, что отецъ Діонисій сдѣлалъ ему хорошее внушеніе, пригрозивъ консуломъ. А въ Иерусалимѣ онъ и рта не разинулъ.

XXXV.

Поѣздка въ Хевронъ.—Ильинскій монастырь.—Памятникъ Рахили.—Гора Фуредисъ.—«Крины сельные».—Дубъ Мамврійскій.—Потомки Авраама.—Городъ Хевронъ.—Библейскій типъ еврея.—Гробница ветхозавѣтныхъ патриарховъ.

Обыкновенно каждый православный паломникъ, пріѣзжающій черезъ Яффу въ Иерусалимъ, считаетъ своимъ долгомъ пройти въ длину Палестины отъ Галилеи до Хеврона и въ ширину ея отъ Яффы до Иордана, такъ сказать, перекрестить Святую Землю. Такой образъ странствованія указанъ самимъ Богомъ первому паломнику въ обѣтованную землю—Аврааму, родоначальнику избраннаго народа и прародителю Спасителя міра.

«И сказалъ Господь Аврааму, послѣ того какъ Лотъ отдѣлился отъ него: возведи очи твои и съ мѣста, на которомъ ты теперь,

посмотри къ сѣверу, и къ югу, и къ востоку, и къ западу... Встань, пройди по землѣ сей въ длину и въ ширину ея: ибо Я тебѣ дамъ ее» (Быт. 13).

Слѣдовательно Господь велѣлъ Аврааму перекрестить землю Ханаанскую съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ. Мѣсто отдѣленія Лота отъ Авраама, если не было въ самомъ Иерусалимѣ, то, весьма вѣроятно, около него, потому что Иерусалимъ лежитъ къ югу отъ Веолия (Быт. 13, 3) и на параллели устья рѣки Иордана, къ которой устремился Лотъ.

Въ Галилеѣ я уже былъ; оставалось мнѣ, какъ Аврааму (Быт. 13, 18), изъ Иерусалима «двинуться къ дубравѣ Мамре, что въ Хевронѣ».

Ко мнѣ присоединились еще три паломника, и мы вчетверомъ, нанявъ коляску у Яффскихъ воротъ, рано утромъ выѣхали изъ Иерусалима. День былъ ясный, солнечный. Дулъ небольшой вѣтерокъ. Все предсказывало чудную прогулку.

Переѣхавши Гинномову долину, мы быстро покатали на югъ по Виелеемской дорогѣ. Справа отъ насъ оставался желѣзнодорожный вокзалъ, а слѣва гора Злого Совѣщанія. Прямо передъ нами открывался видъ на горы Иудейскія.

Одинъ еврей, которому нужно было попасть въ Хевронъ, сильно навязался намъ въ качествѣ проводника и подѣлъ къ извозчику на козлахъ. Однако свѣдѣнія его были очень скудны.

— Вотъ за этою горою,—говорилъ онъ,—будетъ Виелеемъ, а тамъ Ветъ-Джала, гдѣ русская школа для арабскихъ дѣвочекъ...

— А это,—спрашиваемъ мы его,—прямо по дорогѣ что за зданіе?

— Греческій монастырь. Мы сейчасъ остановимся у него поить лошадей.

Дѣйствительно, вскорѣ нашъ возница подѣхалъ къ источнику воды. Мы вышли изъ коляски и направились къ монастырю, связанному съ памятью пророка Или. За монастырскою оградой виднѣлся большой масличный садъ. По преданію, здѣсь отдыхалъ строгій пророкъ, когда онъ бѣжалъ отъ израильскаго царя Ахава.

Одинъ изъ встрѣтившихъ насъ греческихъ монаховъ прочиталъ въ церкви краткую молитву и далъ намъ поцѣловать крестъ, при чемъ, показывая на блюдо, очень понятно сказалъ по-русски:

— Давай! давай!..

За особую плату монахи записали наши имена для поминовенія и одарили насъ четками изъ масличныхъ косточекъ и бумажными образками російскаго издѣлія.

Слѣдующая остановка была у каменнаго памятника Рахили съ бѣлымъ куполомъ. Эта «одинокая гробница вниманье путника зоветь» своею печальною исторіей. Здѣсь умираетъ мать при рожденіи ребенка, здѣсь же, черезъ девятнадцать вѣковъ, она плачетъ и рыдаетъ, когда убиваютъ ея дѣтей (Матѣ. 2, 18).

Рѣка Јорданъ.

Вскорѣ мы прибыли на распутіе трехъ дорогъ: вправо шла дорога въ Бетъ-Джалу, влѣво—въ Виелеемъ, а прямо—въ Хевронъ. Мы рѣшили посѣтить мѣсто рожденія Христова на обратномъ пути въ Иерусалимъ, а потому поѣхали прямо къ городу ветхозавѣтныхъ патриарховъ. Да и приличествуетъ сперва побывать у святыхъ праотцевъ, а потомъ уже на мѣстѣ рожденія Сына Авраамова (Матѣ. I, 1), какъ и православная церковь передъ праздникомъ Рождества Христова сперва вспоминаетъ Авраама, Исаака, Иакова и другихъ прародителей Спасителя міра.

За Виелеемомъ возвышалась вершина Джебель-Фуредисъ, царившая надъ сосѣдними горами. Иосифъ Флавій говоритъ, что на верху этой горы Иродъ Великій построилъ себѣ дворецъ и городъ Негодіа. Будто бы здѣсь онъ и погребенъ былъ. Замѣчательно, какое сочетаніе двухъ противоположностей на пространствѣ какихъ нибудь шести-семи верстъ! Съ одной стороны, пышный дворецъ Ирода Великаго на одной изъ гордыхъ вершинъ Іудеи; съ другой—смиранныя ясли Христа Спасителя въ подземной пещерѣ Виелеема!

Предполагаютъ, что гора Фуредисъ есть потухшій кратеръ вулкана. Въ такомъ случаѣ въ своемъ «вознесшемся до неба» (Матѣ. II, 23) Иродіумъ Иродъ Великій могъ бы сказать въ прямомъ и переносномъ смыслѣ извѣстную классическую фразу: *Nous dansons sur le volcan* (мы танцуемъ на вулканѣ).

Во времена крестоносцевъ Джебель-Фуредисъ служила имъ сторожевымъ пунктомъ со стороны Идумеи. Съ тѣхъ поръ она стала называться также горою Франковъ.

Вблизи извѣстныхъ Соломоновыхъ прудовъ, высѣченныхъ въ скалахъ недалеко отъ Хевронской дороги, мы опять вышли изъ коляски, чтобы собрать букетъ яркопунцовыхъ анемоновъ, напоминающихъ своею окраскою нашъ російскій дикій макъ. Палестинскіе анемоны въ это время года, кажется, самый распространенный цвѣтокъ въ здѣшнихъ краяхъ. Изъ этихъ засушенныхъ «кринъ сельныхъ» монахини католическихъ монастырей дѣлаютъ красивые вѣнки и букеты, наклеивая ихъ на картоны.

Въ оживленныхъ разговорахъ мы и не замѣтили, какъ подѣхали къ мѣсту древней дубравы, съ которой преданіе связываетъ явленіе трехъ ангеловъ Аврааму у священнаго дуба. Намъ пришлось немного пройти пѣшкомъ мимо садовъ, защищенныхъ каменными оградами.

Около насъ быстро собралась толпа арабскихъ дѣтей и русскихъ паломниковъ, прибывшихъ сюда пѣшкомъ съ вечера. Подошла къ намъ и женщина арабка, завѣдывающая русской постройкой при Мамврійскомъ дубѣ. Она любезно привѣтствовала и ввела насъ въ ограду достославнаго дерева, величественно раскинувшись тремя толстыми стволами, какъ бы въ указаніе явленія на этомъ мѣстѣ тріипостаснаго Бога.

Мертвое море (Бахрь-Лугъ).

Одинъ изъ моихъ спутниковъ благоговѣнно склонился на молитву, а потомъ, поднявшись, восторженно воскликнулъ:

— Подумайте, Святая Троица явилась здѣсь на этомъ мѣстѣ! Какъ свято оно! Не только въ сапогахъ, но и безъ сапогъ мы недостойны входить сюда!

— Но вѣдь это,— замѣтилъ другой мой спутникъ,— не тотъ дубъ, который видѣлъ Авраама и Сарру сорокъ вѣковъ тому назадъ. Еще въ четвертомъ столѣтїи по Рождествѣ Христовомъ предполагали, что видятъ только слѣды того дуба. А теперь, вѣроятно, и слѣдовъ не найти. Да и здѣсь ли онъ росъ,— это тоже надо доказать.

Въ это время арабскіе ребяташки поднесли намъ тарелку съ желудями. Они нѣсколько толще, круглѣе и вообще крупнѣе российскихъ. Предлагаемые желуди были собраны подъ сосѣдними дубами. Тотъ нашъ спутникъ, который скептически отнесся къ предполагаемому мѣсту Мамврійскаго дуба, усомнился и въ самой породѣ дерева.

— Дубъ, дубъ!—поспѣшила завѣрить насъ завѣдывающая этимъ священнымъ мѣстомъ.

— Ну, какой же это дубъ, господа!—продолжалъ настаивать скептикъ.—Развѣ у дуба такіе листья? Вы только взгляните, пожалуйста...

И онъ, быстро отломивъ маленькую вѣточку, показалъ ее намъ. Окружающіе насъ громко ахнули. Оказывается, что здѣсь запрещено срывать съ завѣтнаго дуба листья и вѣтви. Конечно, случайно сорванная «вѣтка Палестины» бережно была привезена въ Россію.

Дѣйствительно, листья палестинскаго дуба совершенно не похожи на своеобразные листья нашихъ сѣверныхъ дубовъ. Они узки и съ мелкими острыми зубчиками по краямъ; длина ихъ не болѣе одного вершка.

Отъ великана дуба, развалившагося на три части, идетъ роца молодыхъ дубковъ до русскаго дома. Очевидно, это дѣти могучаго старца... Проходя среди нихъ по тѣнистой аллеѣ, одинъ изъ спутниковъ замѣтилъ мнѣ:

— Мы не сомнѣваемся, что всѣ эти деревья потомки той священной дубравы Мамре, въ которой когда-то раскинулъ свои палатки Авраамъ, какъ не сомнѣваемся, что кругомъ насъ бѣгаютъ настоящія «дѣти Авраама». Богъ Авраама, Богъ Исаака и Богъ Иакова, сказалъ Спаситель, не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ, потому что у Него всѣ живы. Внѣшніе покровы дерева мѣняются, умираютъ, но само оно долго живетъ. Такъ и родъ Авраамовъ. Тѣла его потомковъ, какъ листья съ дерева, падаютъ на землю, умираютъ, но духъ ихъ живетъ и будетъ жить вѣчно.

Какъ бы въ подтвержденіе его словъ, хозяйка русскаго дома пригласила насъ закусить съ дороги и вполне напомнила библейскую Сарру своимъ радушнымъ угощеніемъ и гостепріимствомъ. Въ стѣнахъ ея дома вѣяло какимъ-то особеннымъ миромъ, спокойствіемъ. Сейчасъ здѣсь не было ни суетоки многочисленныхъ паломниковъ, ни страстныхъ движеній и выкриковъ арабовъ. Полуденная тишина охватила и всѣ окрестные сады. Мы взглянули въ сторону города Хеврона, или Ель-Халиля, какъ называютъ его арабы. Подъ лучами горячаго солнца бѣлѣлись его скученные каменные дома, а ближе къ намъ темнѣли многочисленные фруктовые сады.

Хевронъ—священный городъ въ глазахъ евреевъ, христіанъ и магометанъ. Несмотря на свою близость къ Мамврійскому дубу, Хевронъ, однако, не входитъ въ программу русскаго паломника. Но мы рѣшили заглянуть и въ этотъ древнѣйшій городъ земного шара. Библия говоритъ, что онъ назывался прежде Киріаѳъ-Арба, по имени одного великаго человѣка изъ сыновъ Енаковыхъ. Можетъ быть, красная почва окрестностей Хеврона породила преданіе, что здѣсь была колыбель человѣческаго рода,—жилище перваго человѣка Адама, взятаго изъ красной земли, такъ какъ по-еврейски адам значить человѣкъ и красный. Того же корня и слово земля.

Когда мы съ любопытствомъ входили въ первую столицу царя Давида, насъ встрѣтилъ красивый старецъ еврей съ длинною сѣдою бородою и радостно привѣтствовалъ насъ по-русски.

— Вотъ вамъ прекрасный образецъ изъ временъ Авраама,—шепнулъ мнѣ мой спутникъ.

Оказывается, въ молодости этотъ старецъ жилъ въ Россіи, но желаніе умереть на землѣ прародителей заставило его переселиться въ Палестину.

— Скучаю я по Россіи, — съ глубокимъ вздохомъ произнесъ онъ.—Хорошо тамъ жилось! Не то, что здѣсь...

Сколько мы сумѣли, отвѣтили на его разспросы о перемѣнахъ въ Россіи.

Проводникъ привелъ насъ къ мечети надъ мѣстомъ погребенія Авраама, Исаака, Иакова и женъ ихъ, но войти въ нее намъ, какъ христіанамъ, нельзя было. Эта мечеть, по крайней мѣрѣ, стѣны ея очень древней постройки. Одни относятъ ее ко временамъ Ирода Великаго, другіе—къ Соломоновымъ.

Мы осмотрѣли эту усыпальницу ветхозавѣтныхъ патріарховъ съ разныхъ сторонъ и отправились въ обратный путь. Двое паломниковъ изъ нашей компаніи нѣсколько поотстали близъ пруда, надъ которымъ повѣшены были убійцы Іевосея, послѣдняго царя изъ дома Саулова. Какъ разъ въ это время проходила толпа молодыхъ мусульманъ, и она не преминула воспользоваться удобнымъ случаемъ оскорбить гяуровъ. Отставшіе паломники послѣ-

шили присоединиться къ намъ, и это обстоятельство ускорило нашъ отъездъ. Можетъ быть, общая жалоба на фанатическую свирѣпость здѣшнихъ жителей и заставляетъ русскихъ паломниковъ избѣгать этотъ городъ, который при Иисусѣ Навинѣ былъ преданъ заклятію (то-есть, было вырѣзано «все дышащее» въ немъ). Къ тому же тутъ нѣтъ собственно христіанскихъ памятниковъ. Впрочемъ, благодарю Бога, я лично не встрѣтилъ со стороны здѣшнихъ магометанъ никакой попытки къ обидѣ и былъ очень доволенъ, что посѣтилъ Ель-Халиль, городъ Авраама, друга Божія¹⁾.

XXXVI.

Виолеемъ.—Вождь Израилевъ.—Древняя базилика.—Мѣсто рожденія Спасителя міра.—Виолеемская звѣзда.—Назоблиность грековъ.—Усыпальница Иеронима.—Вражда христіанскихъ исповѣданій.—Деревня «пастушковъ».—Успокоеніе сомнѣвающагося паломника.—Продажа перламутровыхъ издѣлій.—Палестинская ночь.

Впечатлѣнія отъ Хеврона, передъ поѣздкой въ Виолеемъ, какъ отъ чтенія ветхозавѣтныхъ паремій передъ праздникомъ, побудили насъ вспомнить исторію избраннаго народа отъ Авраама до Христа Спасителя. Вспомнили и пророчество Михея, обращенное къ Виолеему:

«Изъ тебя произойдетъ Вождь, который упасетъ народъ мой Израиля».

До пророка Михея два вождя вышли изъ Виолеема — Давидъ и Иоавъ. Прочарствовавъ семь лѣтъ въ Хевронѣ, пророкъ Давидъ былъ избранъ вождемъ надъ всѣмъ Израилемъ. Когда же онъ осаждалъ гору Сионъ, то пообѣщаль перваго, кто взойдетъ на стѣны крѣпости, сдѣлать главою и военачальникомъ. Такимъ оказался Иоавъ, сынъ Саруи, а Саруя былъ изъ Виолеема (2 Царствъ 2, 18, 32; 20, 23). И поставленъ былъ Иоавъ «надъ всѣмъ войскомъ Израильскимъ».

Но не ихъ имѣлъ въ виду пророкъ Михей. Онъ провидѣлъ третьяго истиннаго вождя Израилева и притомъ на вѣчныя времена—Иисуса Христа.

Быль вечеръ, когда мы подъѣхали къ Виолеему и направились по его узкимъ и извилистымъ улицамъ ко храму Рождества Христова. Въ противоположность Хеврону, Виолеемъ—преимущественно христіанскій городъ. Въ немъ насчитываютъ до десяти тысячъ жителей, и большинство изъ нихъ исповѣдываютъ Христа Спасителя. Говорятъ, что, какъ Матерь Божія оставила благословеніе назаретскимъ женщинамъ — быть самыми красивыми въ Палестинѣ, такъ Иисусъ Христосъ далъ подобное благословеніе мужчинамъ въ

¹⁾ Ель-Халиль по-арабски значитъ другъ Божій.

Виелеемѣ. И въ самомъ дѣлѣ всѣ путешественники замѣчаютъ красоту населенія этихъ двухъ городовъ.

Насколько царило оживленіе на искривленныхъ переулкахъ и особенно на базарной площади, настолько было тихо и пустынно въ улицѣ, куда выходила дверь храма Рождества Христова. Насъ встрѣтилъ греческій монахъ и повелъ въ древнюю базилику надъ «вертепомъ». Постройку ея относятъ ко времени царя Юстиніана, но съ тѣхъ поръ она испытала на себѣ много невзгодъ, особенно при нашествіи магометанъ. Къ ней прилѣпли свои постройки православные, католики и армяне; но греки отгородили отъ общей базилики каменною стѣною алтарь въ свое исключительное владѣніе. Тамъ намъ отслужили краткій молебень. Потомъ по лѣстницѣ мы спустились въ подземную пещеру, гдѣ благоволилъ явить себя людемъ Спаситель міра.

Здѣсь со мною повторилось то же самое, что было и въ другихъ святыхъ мѣстахъ Палестины. Съ ранняго возраста, изъ разсказовъ, картинъ и чтенія книгъ мы создаемъ въ своемъ воображеніи извѣстный образъ пещеры: со входомъ съ боку, съ естественными каменными стѣнами, съ видомъ изъ нея на открытыя поля и на необъятное небо, откуда, среди тысячъ блистающихъ ангельскихъ глазъ, тихо летѣтъ свой кроткій звѣтъ чудная звѣзда Христова... Въ дѣйствительности совсѣмъ не то. Опустившись въ вертепъ, завѣшенный красноватыми матеріями съ золотыми разводами, замѣчаешь съ двухъ сторонъ свѣтъ лампадъ въ нишахъ, а прямо предъ собою — турецкаго солдата съ ружьемъ, для поддержанія «мира на землѣ»...

Взглянувъ направо, я увидѣлъ на каменномъ полу, подъ лампадами серебряную звѣзду съ извѣстною латинскою надписью: *Nic de virgine Maria Iesus Christus natus est* (здѣсь родился отъ Дѣвы Маріи Исусъ Христосъ). Раньше я много слышалъ про эту звѣзду въ Виелеемской пещерѣ, но не предполагалъ, чтобы она была такъ проста по работѣ и такъ мало отражала въ себѣ небесную звѣзду! А казалось бы, сюда надо собрать всѣ брилліанты земного шара, чтобы усѣять ими Виелеемскую пещеру...

Я склонился на колѣни и собралъ все усиліе духа, чтобы благоговѣнно обратиться къ родившемуся здѣсь Спасителю міра, какъ вдругъ слышу, кто-то дергаетъ меня за рукавъ. Я поднимаю голову и съ ужасомъ вижу на священной серебряной звѣздѣ только что положенную тарелку, а съ боку меня монаха-проводника, который показываетъ на нее и заискивающимъ голосомъ говоритъ:

— Сколько любовь будетъ ваша... Сколько любовь будетъ ваша...

— Ахъ, Боже мой!—съ горечью воскликнулъ я.—Дайте, пожалуйста, хоть одну минуту провести здѣсь въ молитвенномъ созерцаніи, куда стремилась душа моя за нѣсколько тысячъ верстъ!

Уберите тарелку! Вѣдь я вамъ дамъ потомъ, но теперь-то не мѣшайте на святомъ мѣстѣ...

Здѣсь готовъ, вѣроятно, каждый безъ вымогательствъ со стороны монаха принести свои посильные дары, если не золото, ливанъ и смирну, то деньги и свѣчи, но у меня ужъ этотъ свободный порывъ души былъ оборванъ грекомъ. Онъ отравилъ у меня самыя лучшія минуты, на которыя я такъ много рассчитывалъ.

На противоположной сторонѣ, тоже на каменномъ полу, подъ лампадами, было мѣсто яслей Христовыхъ. Оно принадлежитъ исключительно католикамъ. Здѣсь никто не мѣшалъ ни молиться, ни цѣловать священный камень.

Въ дальнѣйшемъ обзорѣниі католическихъ святыхъ мы умилились сердцемъ въ мѣстѣ упокоенія блаженнаго Іеронима, истолкователя и переводчика Святого Писанія, и его спутницъ-друзей, Павлы и Евстохія. Какой симпатіей вѣетъ отъ этого содружества во имя Христа! Для католической церкви Виелеемъ имѣетъ особенное значеніе: здѣсь родился общій всѣмъ Господь, Спаситель міра, здѣсь же возродилось для нея и слово Божіе на латинскомъ языкѣ (Vulgata).

Но теперь, къ стыду вѣрующихъ въ Иисуса Христа, его пещера стала ареною вражды и даже кровавой борьбы между христіанами разныхъ исповѣданій, такъ что приходится прибѣгать къ посредничеству турокъ-мусульманъ¹⁾. «Какъ смѣетъ кто у васъ, — писалъ апостоль Павелъ, — судиться у нечестивыхъ, а не у святыхъ? И то уже весьма унижительно для васъ, что вы имѣете тяжбы между собою. Для чего бы вамъ лучше не остаться обиженными?» Теперь забыты завѣты апостоловъ...

Осмотрѣвъ Виелеемскій храмъ, мы вышли съ проводникомъ-монахомъ за ограду по направленію къ Бетъ-Сахуръ, къ деревнѣ «пастушковъ», какъ зовутъ наши паломники. Она расположена подъ горой въ разстояніи немного болѣе одной версты отъ Виелеема.

По преданію, здѣсь явились пастухамъ ангелы въ достопамятную ночь рожденія Иисуса Христа.

Разспрашивая по дорогѣ греческаго монаха, я нѣсколько отсталъ отъ своихъ спутниковъ. Монахъ воспользовался этимъ моментомъ и показалъ мнѣ изъ-подъ рясы рѣзной образъ на большой перламутровой раковинѣ.

— Это я вамъ дамъ, — таинственнымъ шопотомъ проговорилъ грекъ и опять скрылъ образъ подъ рясу.

Я съ негодованіемъ отвернулся отъ него и поспѣшилъ присоединиться къ своимъ товарищамъ. Но грекъ не отставалъ отъ меня

¹⁾ Особенно кровавое столкновение въ вертепѣ Рождества Христова между греческими монахами и францисканцами было 11-го мая 1891 года.

Видъ города Велеема (Бетъ-Лакмъ).

и по временамъ продолжалъ украдкой высовывать образъ изъ-подъ рясы, какъ бы обѣщаясь дать его только мнѣ тихонько отъ товарищей.

По моему недовольному движенію онъ понялъ наконецъ, что мнѣ не нравится его назойливость, и спряталъ образъ.

Въ Виоелемѣ, какъ и всюду въ Палестинѣ, вамъ точно покажутъ любое мѣсто библейскихъ событій: гдѣ кто стоялъ, гдѣ росло такое-то дерево, гдѣ являлись ангелы. Конечно, относительно точности этихъ указаній является сомнѣніе. Ужъ если ученые археологи не могутъ достовѣрно опредѣлить мѣсто цѣлыхъ городовъ, игравшихъ немалую роль въ исторіи избраннаго народа, то до опредѣленныхъ ли пунктовъ событій изъ жизни отдѣльныхъ лицъ! Но у вѣрующаго народа имѣются сильные доводы, съ которыми, конечно, не приходится спорить: или молчи, или вѣрь. Вотъ тутъ-то и чувствуется превосходство вѣры надъ наукою. Вѣра проникаетъ въ тайны міра скорѣе и дальше науки. Или, какъ это мы читаемъ у апостола Павла: «А намъ Богъ открылъ это Духомъ Своимъ, ибо Духъ все пронизываетъ и глубины Божіи».

Но я въ своей душѣ нашелъ такое положеніе, которое помогло мнѣ, если не съ полной вѣрой, то съ искреннимъ благоговѣніемъ относиться ко всѣмъ такъ называемымъ «святымъ мѣстамъ». Для меня они были освящены временемъ многихъ вѣковъ и той нелицемѣрной беззавѣтной любовью, которую проявляли надъ ними въ слезахъ и поцѣлुяхъ полсотни поколѣній.

На этомъ основаніи я набожно склонялся на колѣни и чисто-сердечно цѣловалъ указанный камень или дерево.

Нигдѣ такъ не хочется ощутить евангельской поэзіи, какъ въ Виоелемѣ. Хочется видѣть въ горахъ пещеру съ яслями, зеленые луга, отдыхающія стада съ пастухами, тихую, теплую ночь съ яркою звѣздою на темносинемъ небѣ, хочется восторженно молиться до явленія ангеловъ съ неба и пѣть съ ними неземными звуками: «Слава въ вышнихъ Богу!»... А на самомъ дѣлѣ, куда ни оглянешься, видишь всюду сѣрый камень, кое-гдѣ блѣдныя маслины, запыленные кусты по скатамъ горъ, каменные ограды да заискивающее лицо проводника-грека.

Быть въ Виоелемѣ и не зайти въ магазины мѣстныхъ издѣлій изъ перламутра нельзя. Въ Россіи хорошо извѣстны виоелемскіе рѣзные образа, крестики, четки и разные другіе предметы благочестія, которые такъ дороги вѣрующему христіанину, какъ священная память его паломничества къ мѣсту рожденія Спасителя міра. Здѣсь можно купить перламутровыхъ реликвій на всякую цѣну. Есть очень дешевенькіе крестики, по пяти копеекъ за десятокъ, но есть и дорогіе образа довольно тонкой работы на цѣлой раковинѣ въ ладонь величиною.

Мы готовы были долго пробыть въ магазинѣ, но нашъ возница сталъ энергично поторапливать насъ ѣхать въ Іерусалимъ. Въ

Пещера Рождества Христова.

самомъ дѣлѣ темнота уже наступила. Мы съ большимъ трудомъ выбрались изъ узкихъ кривыхъ улицъ Виѳлеема и покатали по шоссе. Палестинская ночь покрыла своимъ темнымъ покровомъ поверхность земли. Не видно ни домовъ, ни оградъ, ни полей, усѣянныхъ камнями. Только чуть-чуть обрисовываются контуры окружающихъ горъ. На землѣ нечего было смотрѣть. Зато мы не могли оторвать своихъ глазъ отъ темносиняго неба, какъ бы украшеннаго драгоценными камнями. Я молчалъ въ нѣмомъ восторгѣ и думалъ о судьбахъ міра. Какъ теперь здѣсь все тихо! Какъ спокойно, кротко свѣтятся звѣзды! А вѣдь сколько крови пролилось на этой горной равнинѣ со времени патріарховъ! Можетъ быть, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ былъ поединокъ Давида съ Голиаѳомъ, въ указаніе борьбы христіанъ съ древнимъ змѣемъ. Сѣмя жены,—сказано,—сотретъ главу змія. Изъ Виѳлеема вышло Божественное Сѣмя Святой Жены и выросло въ Іерусалимѣ, гдѣ и побѣдило духовнаго Голиаѳа.

Но когда же мы будемъ праздновать побѣду? Когда же мы воскликнемъ, какъ ангелы: «и на землѣ миръ, въ человѣкахъ благоволеніе!»...

XXXVII.

Пасха.—Обязательность ветхозавѣтнаго паломничества.—Пасхальная утренняя Гроба Господня.—«Пупъ земли».—Розговѣнье въ подворьѣ Палестинскаго общества.—Еммаусъ.—Путешествіе въ Горнюю.—У источника Іоанна Крестителя.—Католическій монастырь.—У русскихъ инокинь въ Палестинѣ.—Жалобы на строгіе порядки.

Мы, христіане, многое заимствовали изъ ветхозавѣтныхъ установленій, но почему-то мало обратили вниманія на слѣдующую заповѣдь: «Три раза въ году долженъ являться весь мужескій полъ твой предъ лице Владыки, Господа Бога Израилева, ибо Я прогоню народы отъ лица твоего и распространю предѣлы твои, и никто не пожелаетъ земли твоей, если ты будешь являться предъ лице Господа, Бога твоего, три раза въ году». И извѣстно, что родители Христа каждый годъ ходили въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи. Наконецъ, самъ Христосъ ежегодно приходилъ къ Пасхѣ изъ Галилеи въ Іерусалимъ. Посѣщать святыя мѣста, или «являться предъ лице Владыки Господа Бога», вложено въ самую природу человѣка, что мы можемъ видѣть изъ многочисленныхъ странствованій нашего народа. Точно какая-то невѣдомая сила подымаетъ весною и старыхъ и молодыхъ, и мужчинъ и женщинъ, и толкаетъ ихъ сходить куда нибудь подальше на богомолье.

И я, повинувся этому внутреннему голосу, тоже достигъ святыхъ мѣстъ и явился «предъ лице Господа» въ священный день воспоминанія воскресенія Христова у самаго Его Гроба. Пасха въ

Іерусалимѣ! Какимъ благоговѣйнымъ восторгомъ должно наполниться здѣсь сердце вѣрующаго человѣка!

Съ сознаниемъ важной минуты, вечеромъ въ Великую Субботу, я пріодѣлся и отправился въ храмъ Воскресенія, чтобы провести эту въ своемъ родѣ единственную ночь у Гроба Господня. Если мы другіе храмы называемъ православными, католическими, лютеранскими, армянскими, то этому храму, главнымъ образомъ, приличествуетъ названіе христіанскій въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Среди густыхъ массъ народа я едва пробрался до южныхъ дверей греческаго пріидѣла. Сзади меня стояли турецкіе солдаты съ ружьями и не пропускали публику въ переполненный храмъ. Произошла обычная въ этомъ случаѣ борьба. Солдаты какъ нибудь еще умѣли сдерживать мужчинъ, но предъ женщинами и они были безсильны.

Въ тѣснотѣ теряется то благоговѣніе, съ которымъ относится нашъ русскій богомолецъ вообще къ храму. Но иногда по невѣдѣнію онъ дѣлаетъ здѣсь непопозволительную непристойность. Въ іерусалимскомъ храмѣ каждая народность старается побольше воздвигнуть своихъ алтарей. Во всѣхъ углахъ замѣчаешь по небольшому престолу. Нѣкоторые изъ открытыхъ алтарей украшаются только во время богослуженія. Не видя на нихъ никакихъ священныхъ предметовъ, наши паломники прикасаются къ нимъ руками, кладутъ на нихъ шапки. А одинъ при мнѣ полѣзъ на престолъ, чтобы быть повыше и лучше видѣть богослуженіе.

— Куда ты лѣзешь!—остерегаютъ его сосѣди.—Вѣдь это армянскій престолъ.

— Ну, вотъ выдумали!—недовѣрчиво отзывается паломникъ.—Развѣ такіе престолы бываютъ?..

Среди храма стояли солдаты еще въ большемъ числѣ, въ фескахъ и съ ружьями. Сначала я не порывался пройти на средину и простоялъ всю полунощницу у южныхъ дверей, откуда мнѣ хорошо были видны всѣ приготовленія въ алтарѣ къ крестному ходу.

Въ 11 ч. ночи патріархъ открылъ торжественное шествіе вокругъ храма Воскресенія, въ сопровожденіи всего духовенства, греческаго и русскаго. Обычно при этомъ несли кресты и хоругви. Большинство паломниковъ тоже двинулось слѣдомъ за крестнымъ ходомъ. Мнѣ уже неудобно было стоять въ проходѣ дверей, и я поневолѣ прошелъ на средину храма, къ невысокой каменной урнѣ, извѣстной здѣсь подъ названіемъ «Пупа земли». Такъ какъ, по пророческому восхваленію Давида, Господь содѣлалъ спасеніе людей посреди земли, то средину іерусалимскаго храма нашъ народъ и назвалъ «пупомъ земли». Въ самомъ дѣлѣ, взглянувъ на карту, мы должны признать Іерусалимъ средоточіемъ трехъ материковъ Старога Свѣта.

Когда слѣдовалъ мимо меня крестный ходъ, то знакомое духовенство попутно христосовалось со мною. Русскіе священники вскорѣ отдѣлились отъ греческихъ и ушли въ свою церковь св. Троицы, а греки продолжали служить утреню, непрестанно повторяя свое «Христось анести» (воскресе). Съ уходомъ русскаго духовенства замѣтно и народъ порѣдѣлъ въ храмѣ.

Въ двигающейся толпѣ съ зажженными свѣчами трудно сохранить свое платье, чтобы не закапали его воскомъ. Въ этихъ видахъ я прислонился къ «Пупу земли». Но кому-то вдругъ вздумалось поцѣловать нарисованный на немъ черный крестъ. Глядя на него, стали прикладываться и другіе. И вотъ во все время службы народъ подходилъ и цѣловалъ камень. Мнѣ пришлось, конечно, отойти и еще ближе стать къ Гробу Господню, гдѣ съ полночи шла уже обѣдня. Гнусавое пѣніе грековъ иногда перемежалось стройнымъ радостнымъ хоромъ нашихъ паломницъ, и это до нѣкоторой степени скрашивало для русскихъ пасхальную службу грековъ. Храмъ освѣтили, насколько это позволяло имѣющееся здѣсь въ распоряженіи грековъ количество лампадъ и свѣчей, такъ что въ эту ночь я видѣлъ его во всемъ блескѣ и великолѣпіи. Сегодня четвертый разъ, какъ я ночую въ Иерусалимскомъ храмѣ. Съ большимъ трудомъ, но все-таки я пересилилъ себя и достоялъ обѣдню до конца. По окончаніи богослуженія все множество народа съ зажженными свѣчами и съ пѣніемъ «Христось воскресе» двинулось въ нашу русскую «Палестину».

Тутъ, въ Свято-Троицкой церкви еще продолжалась пасхальная служба. Я пробрался на хоры и тамъ, борясь съ дремотою, терпѣливо дождался окончанія ранней обѣдни.

Въ пятомъ часу утра народъ разошелся изъ церкви по своимъ мѣстамъ разговляться. Въ гостиницѣ для паломниковъ первыхъ двухъ классовъ приготовленъ былъ изысканный столъ, но сидѣлъ за нимъ, когда я подошелъ къ нему, только одинъ человекъ—тамбовскій помѣщикъ. Мнѣ въ это утро хотѣлось видимаго объединенія съ вѣрующими людьми. Я спустился внизъ въ народную столовую. Здѣсь были приготовлены столы для розговѣнья, съ особою платою по тридцати копеекъ съ человека. Куличи, пасхи, яйца, окорока, вино и пр. предлагали всѣмъ въ изобиліи. Всѣ сидѣвшіе за длинными столами остались очень довольны, и по адресу завѣдывающаго подворьемъ сыпалось множество искреннихъ благодарностей.

Исполнивъ обычай пасхальнаго розговѣнья, я поспѣшилъ къ себѣ на верхъ: чувствовалась потребность отдохнуть.

Въ первый день Пасхи Христось явился двумъ ученикамъ, шедшимъ въ Еммаусъ. Но гдѣ находилось это селеніе? До сихъ поръ спорный вопросъ. Одни указываютъ на селеніе Ель-Кубебе,

отстоящее отъ Иерусалима на двѣнадцать верстъ ¹⁾, другіе относятъ Еммаусъ вдвое дальше, къ селенію Амвасъ. Но въ томъ и другомъ случаѣ указывается на западъ отъ Иерусалима.

Привыкнувъ здѣсь все евангельскія воспоминанія связывать съ путешествіемъ, я и на сегодняшній день намѣтилъ пройти пѣшкомъ на западъ, въ селеніе Айнъ-Каримъ, которое лежитъ, вѣроятно, не очень далеко отъ евангельскаго Еммауса.

Подъ извѣстнымъ деревомъ «собранія паломниковъ» я нашелъ небольшую группу людей, оживленно бесѣдующихъ о только что высказанномъ пророчествѣ. Самъ пророкъ, какой-то живописецъ, повторилъ и мнѣ свое предсказаніе о паденіи въ этомъ году Денницы-Люцифера на Елеонскую гору. Свои предсказанія онъ подкрѣплялъ ссылками на пророковъ Исаю и Даніила. Въ другое время я съ удовольствіемъ занялся бы имъ, но теперь я долженъ былъ спѣшить въ Айнъ-Каримъ, чтобы сегодня же вернуться въ Иерусалимъ. Со мной изъявили желаніе итти еще три человѣка.

Прекрасная шоссированная дорога, около восьми верстъ длиною, нисколько насъ не утомила. За оживленными разговорами мы и не замѣтили, какъ подошли къ католическому монастырю Іоанна Предтечи, красующемуся на краю селенія Айнъ-Карима своимъ величественнымъ храмомъ. У воротъ и на лѣстницѣ никто намъ не попался: какъ будто бы здѣсь все почилъ сномъ. Раскаленные стѣны, неподвижный воздухъ и ослѣпительный свѣтъ дѣйствительно располагали куда нибудь поглубже спрятаться и не двигаться. Узнавъ, что въ монастырѣ будетъ служба только вечеромъ, мы направились къ русскому женскому скиту. Здѣсь встрѣтила насъ молодая красивая послушница и лѣниво сообщила намъ, что и у нихъ тоже все отдыхаютъ. Мы попросили дать намъ проводника до источника Іоанна Предтечи.

— Некого послать сейчасъ! — непривѣтливо отвѣтила суровая красавица.

— Какъ такъ?!—изумился одинъ изъ моихъ спутниковъ:—около ста душъ въ вашей общинѣ, — и некого послать! Тогда сведите насъ къ старшей сестрѣ: мы желаемъ ее повидать.

— Она отдыхаетъ!—уклончиво отрѣзала послушница. Тѣмъ не менѣе обращеніе къ старшей сестрѣ, которая здѣсь играетъ роль игуменьи, возымѣло свое дѣйствіе. Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ пришелъ въ качествѣ проводника здѣшній сторожъ—симпатичнѣйшій русскій мужикъ. Онъ всю дорогу до источника занималъ насъ поученіями и назидательными разказами изъ житія святыхъ, при чемъ умѣло иллюстрировалъ ихъ воспоминаніями изъ своей жизни.

¹⁾ И это весьма справедливо, потому что по Евангелію Еммаусъ отстоитъ отъ Иерусалима на 60 стадій, т.-е. на 12 верстъ приблизительно.

Череваливъ черезъ гору, мы спустились въ долину, густо заросшую разнообразною зеленью. Въ одномъ мѣстѣ, на склонѣ горы, пробивался свѣтлый ключъ. Около него вырыта пещера, и тутъ же подъ струей холодной воды выкопанъ небольшой бассейнъ для купанія. Нѣсколько выше стоитъ скромная избушка сторожа. Все это мѣсто принадлежитъ католикамъ. По преданію, въ этой долинѣ пребывалъ въ младенческомъ возрастѣ Іоаннъ Креститель до явленія его Израилю. Существуетъ у паломниковъ обычай окунуться три раза въ бассейнъ Крестителя. Хотѣли и мы исполнить этотъ благочестивый обычай, но холодная вода остановила насъ. Набожный проводникъ никакъ не могъ допустить, чтобы мы, пришедши къ источнику Іоанна Предтечи, не окунулись въ немъ. Онъ насъ долго уговаривалъ, находя воду достаточно теплою, но мы не сдавались на его просьбы. Наконецъ, онъ рѣшилъ насъ ободрить своимъ примѣромъ и, быстро раздѣвшись, вскочилъ въ холодную воду. Мы послѣдовали за нимъ, но сейчасъ же и выскочили вонъ изъ бассейна.

Здѣшній сторожъ-католикъ живетъ настоящимъ отшельникомъ и занимается издѣліемъ изъ дерева. Онъ выпиливаетъ дощечки для наклейки бумажныхъ образовъ, дѣлаетъ четки и крестики. Мы купили у него четки изъ «акриды», т.-е. изъ тѣхъ яко бы плодовъ, которыми питался Іоаннъ Креститель, хотя акридами Евангеліе называетъ не плоды, а саранчу. «Акриды» въ здѣшнихъ четкахъ представляютъ собою крупныя яйцевидной формы зерна какого-то плода въ видѣ огурца, какъ здѣсь намъ объяснили.

Вернувшись въ общину, мы застали здѣшнихъ обитательницъ за всенощной въ церкви Казанской иконы Божіей Матери. Скитницы пѣли по нотамъ очень старательно. Только двѣ изъ нихъ были въ клобукахъ, остальные же въ бархатныхъ повязочкахъ послушницъ и въ черныхъ платьяхъ. Сзади всѣхъ стояла старшая сестра Ксенія!

Рядомъ съ русскимъ мѣстомъ католики показываютъ капеллу—мѣсто встрѣчи Божіей Матери съ Елисаветою. Она извѣстна у паломниковъ подъ названіемъ дома праведной Елисаветы. Обозрѣвая здѣшнія святыни, мы опять пришли къ монастырю Іоанна Предтечи и на этотъ разъ застали средину католической мессы. Красивые звуки органа и вообще вся торжественная обстановка просторнаго храма повергла нѣкоторыхъ изъ насъ съ чувствомъ искренняго умиленія на колѣни. Одинъ изъ монаховъ, по окончаніи службы, обвелъ паломниковъ по всѣмъ придѣламъ храма и показалъ имъ двѣ наиболѣе чтимыхъ святыни его: влѣво отъ главнаго алтаря—мѣсто рожденія Іоанна Предтечи, а вправо—камень, на которомъ отдыхалъ «великій пророкъ обоихъ заѣтвовъ».

Камень былъ вставленъ въ стѣну и закрытъ мраморной доской съ крестообразными вырѣзками. Богомольцы благоговѣнно прикасались черезъ нихъ къ святынѣ рукою и затѣмъ крестились ею.

Праздничный обедъ паломниковъ въ подворьѣ Палестинскаго общества.

Одинъ изъ католическихъ монаховъ пригласилъ меня къ себѣ въ келью. Угощая мѣстнымъ виномъ, онъ разсказалъ мнѣ о «скупчоной» палестинской жизни. Нѣкоторые изъ нихъ, чтобы скоротать здѣсь томительное время, прибѣгаютъ къ такимъ невиннымъ занятіямъ, какъ, на примѣръ, собраніе почтовыхъ марокъ для коллекціи.

У моего спутника въ здѣшнемъ русскомъ скиту были знакомыя двѣ землячки. Здѣсь всѣ женщины живутъ вдвоемъ или втроемъ въ отдѣльныхъ домикахъ, разбросанныхъ по склону горы среди красивыхъ цвѣтниковъ и фруктовыхъ деревьевъ. Вотъ въ такой-то райской обстановкѣ указали намъ и домъ скитницъ, которыхъ мы искали.

Обѣ женщины, любезно принявшія насъ въ свою маленькую комнатку, оказались премилыми дѣвушками и напомнили намъ своимъ гостепріимствомъ евангельскихъ Марѳу и Марію.

За скромнымъ угощеніемъ онѣ охотно разсказывали объ условіяхъ здѣшней жизни. Скитъ ихъ находится въ зависимости отъ русской духовной миссіи. Имъ полагается изъ общихъ доходовъ только трапеза; остальное же все онѣ должны имѣть свое собственное. Заработокъ ихъ небольшой; имъ заказываютъ монахи изъ Іерусалима бѣлье, рясы и проч.

Пока онѣ разспрашивали насъ о Россіи или сами говорили о палестинскихъ феллахъ, — тонъ ихъ рѣчи былъ бойкій, веселый. Но когда мы спросили объ ихъ внутренней скитской жизни, онѣ отвѣчали вяло и печальнымъ голосомъ. Мы замѣтили имъ это и попросили ихъ высказаться откровеннѣе. Тогда онѣ наперебой стали жаловаться на здѣшніе порядки. Я не передаю подробностей ихъ разсказа. Главное недовольство выразалось противъ стѣсненія ихъ свободы.

Мнѣ кажется, желаніе здѣшнихъ скитницъ получить нѣкоторую свободу совершенно понятно. Намъ надо только радоваться, что находятся среди нашихъ женщинъ желающія заселить русскія мѣста въ Палестинѣ. Такъ смотрѣлъ на это и покойный архимандритъ Антонинъ, помогая русскимъ женщинамъ въ устройствѣ домиковъ и келій на купленной имъ землѣ въ Горнемъ градѣ.

Если и попадутся среди нихъ двѣ-три вольницы, то вѣдь съ этимъ надо считаться: въ Россіи въ хорошо организованныхъ монастыряхъ также встрѣчаются подобныя послушницы. Напротивъ, въ Палестинѣ среди русскихъ женщинъ мы видимъ и высокіе примѣры благочестивой жизни. Всѣмъ паломникамъ извѣстна удивительная подвижница Марина, проживающая въ настоящее время на Елеонской горѣ. А сколько такихъ негласныхъ Маринъ по всей Палестинѣ!

Я не знаю подкладки существующихъ отношеній между сестрами здѣшняго общежитія и духовной миссіей; но если принять во вниманіе, что хорошо устроенный яфѣскій монастырь пустуетъ,

то надо, повторяю, только радоваться на многочисленную семью палестинскихъ сестеръ.

Съ заходомъ солнца мы вышли изъ «Горняго града», или селенія Айнъ-Карима, гдѣ воображеніе рисуетъ идиллію двухъ святыхъ семействъ, и также пѣшкомъ отправились назадъ въ Іерусалимъ. На полпути захватила насъ темная ночь. Съ дороги мы не сбились, но были немного напуганы верховымъ арабомъ. Онъ почему-то стремительно наѣхалъ на насъ и сразу осадилъ коня. Мы молча обошли его и направились дальше, не понимая, что онъ хотѣлъ выразить своимъ маневромъ.

Когда мы подходили къ Іерусалиму, намъ попадались навстрѣчу медленно шествующія парочки: тихая ночь манила всѣхъ вонъ изъ душныхъ комнатъ.

XXXVIII.

У іерусалимскаго патріарха.—Обкраденный діаконъ.—Торговые ряды.—Отъѣздъ изъ Іерусалима.—Аеонскіе монахи.—Еврейскія колоніи.—Условія выкупа Палестины.—Всемирное царство евреевъ.—Яффа—«уста Святой земли».—Общее впечатлѣніе отъ Палестины.—Прощаніе съ Іерусалимомъ.

Утромъ, на второй день праздника, идя изъ храма Гроба Господня, я встрѣчаю кавасовъ, а за ними русскаго консула, начальника нашей духовной миссіи архимандрита Александра и множество другихъ лицъ, служащихъ на русскомъ подворьѣ, а также пріѣзжихъ изъ Россіи на Пасху.

— Куда вы?—спрашиваю.

— Христосоваться съ патріархомъ. Пойдемте съ нами.

Я присоединился къ нимъ и такимъ образомъ былъ случайнымъ свидѣтелемъ официальнаго пасхальнаго визита представителей Россіи «блаженнѣйшему и святѣйшему отцу и патріарху святого града Іерусалима и всей Палестины, Сиріи и Аравіи за Іорданомъ, Каны Галилейской и святого Сіона». Таковъ полный титулъ іерусалимскаго владыки Даміана.

Патріархъ имѣетъ помѣщеніе въ западной части города, недалеко отъ храма Гроба Господня. Здѣсь насъ ожидали монахи и препроводили въ большой пріемный залъ. Послѣ первыхъ привѣтствій владыкѣ всѣ усѣлись вдоль стѣнъ. Сначала обнесли гостей водою съ вареньемъ, а потомъ розовымъ ликеромъ. Патріархъ хорошо объясняется по-русски и почти все время говорилъ только съ консуломъ. Визитъ продолжался недолго, минутъ десять, пятнадцать—не больше. На прощаніе патріархъ каждому благословлялъ и одарялъ крашеными яйцами съ художественно выскобленными на нихъ словами и виньетками.

На «неизмѣнномъ» Востокѣ поразительно часто мѣняются патріархи. Стоитъ лишь пробѣжать списокъ константинопольскихъ

владыкъ за послѣднее столѣтіе. Да и іерусалимская кафедра въ послѣдніе годы не можетъ выдержать патріарха болѣе пяти-шести лѣтъ. Такая частая смѣна архіереевъ, конечно, говоритъ не въ пользу здѣшнихъ церковныхъ порядковъ. Но я не буду теперь касаться этого вопроса. Это завело бы меня слишкомъ далеко въ сторону отъ главнаго предмета настоящихъ очерковъ.

Весь этотъ день я употребилъ на сборы въ дорогу и на прощальные визиты. Между прочимъ посѣтилъ и добродушнѣйшаго діакона, одного изъ моихъ спутниковъ по Галилеѣ. Съ нимъ произошло непріятное приключеніе, о которомъ я нахожу нужнымъ рассказать для характеристики нашихъ наивныхъ простецовъ-паломниковъ, забывающихъ, что они не въ своей Калужской или Московской губерніи.

Я уже поминалъ, что діаконъ оставилъ въ Кайфѣ со своими вещами девятьсотъ рублей въ домѣ агента X. Деньги эти не нашлись, и діаконъ пожаловался русскимъ представителямъ въ Іерусалимѣ. Ему обѣщали навести справки у кайфскаго агента X. Бѣдный діаконъ съ горя запылъ. Ежедневно въ коридорахъ русскихъ построекъ можно было видѣть его въ растерзанномъ видѣ, горько жалующагося всѣмъ и каждому, какъ его обидѣли въ Палестинѣ. Ему сдѣлали «замѣчаніе» и отказали въ даровомъ помѣщеніи въ зданіи духовной миссіи, гдѣ обыкновенно останавливается русское духовенство. Жена злополучнаго діакона цѣлыми днями не выходила изъ слезъ. Наконецъ, послѣ энергичнаго вмѣшательства въ это дѣло консула, кайфскій агентъ пишетъ, что деньги у него нашлись, но что онъ за находку и хлопоты удерживаетъ изъ нихъ солидную часть себѣ. Кажется, этого ему не позволили сдѣлать, и діаконъ передъ Пасхою получилъ свои деньги. Надо было видѣть его радость! Онъ немедленно перебрался изъ русскаго подворья въ гостиницу греческаго духовенства «Дарданеллы», унося съ собою самое неблагоприятное впечатлѣніе о здѣшнихъ порядкахъ и людяхъ.

Какъ только минуетъ Пасха, наши паломники сразу заволнуются, какъ птицы при отлетѣ. Они, пожалуй, всѣ бы одновременно снялись отсюда, но этого сдѣлать нельзя, за неимѣніемъ здѣсь сразу такого количества пароходовъ. Волей-неволей паломникамъ приходится подчиняться администраціи русскихъ подворій, которая беретъ на себя заботу отправлять ихъ по желѣзной дорогѣ въ Яффу большими или малыми партіями, смотря по размѣрамъ парохода, подошедшаго въ это время къ берегамъ Палестины. Въ самомъ дѣлѣ, оставаться дольше въ Іерусалимѣ нѣтъ надобности. Начинаются нестерпимые жары, когда путешествіе по оголеннымъ скаламъ Іудеи очень затруднительно. По рассказамъ одного изъ служащихъ въ Палестинскомъ обществѣ, лѣтомъ подворье совсѣмъ пустѣетъ. Мертвая тишина. Едва человѣка увидишь. Лишь

Русское мѣсто въ Горней (Айнь-Каримъ).

зимой понемногу начинает оживляться наша «Палестина», а къ веснѣ опять полный разгаръ до Пасхи.

Передъ отъѣздомъ пошелъ и я по здѣшнимъ лавочкамъ покупать подарки на память о Святой землѣ. Въ сущности весь путь отъ русскаго подворья до площадки храма Гроба Господня, за небольшимъ исключеніемъ у воротъ Абдуль-Гамида, представляетъ сплошные ряды лавокъ, около которыхъ цѣлые дни съ утра до вечера толчется народъ. Въ нихъ продаютъ все необходимое для паломника. Тутъ и съѣстные припасы, и жестяная посуда, и лакомства, и обувь, но главнымъ образомъ—образа, свѣчи, ладанъ, кресты, четки, книги и всевозможныя подѣлки изъ перламутра и масличнаго дерева. Въ большомъ ходу здѣсь «іерусалимскіе посохи» для бѣдныхъ паломниковъ. Это—полая трости въ большой палецъ толщиною, обдѣланныя съ обоихъ концовъ жестью. Конечно, все значеніе этихъ слабыхъ тростей, съ крайне непрочными жестянками, только какъ память паломничества. Вся эта торговля живетъ почти исключительно русскимъ паломникомъ, а потому торговцы здѣсь, хотя и не важно, объясняются по-русски. Часто встрѣчаются мѣнялы денегъ, сидящіе по восточному обычаю за открытыми столиками. Само собою разумѣется, много нищихъ и увѣчныхъ. Торговля идетъ бойко, но мирно. Я не слышалъ никогда ни брани, ни криковъ около лавокъ. Вообще, въ этой толпѣ царить то благоговѣніе, которое въ данномъ случаѣ приличествуетъ мѣсту и предметамъ покупокъ. Рѣдкій изъ паломниковъ не купить здѣсь для себя образа на пахучей кипарисовой доскѣ большого размѣра. Одно только здѣсь звучитъ непристойнымъ диссонансомъ: турецкая музыка по пятницамъ. Рядомъ съ русской «Палестиной» есть недавно разбитый жиденскій садикъ, и въ немъ въ дни мусульманскихъ праздниковъ играетъ турецкая полковая музыка. Отвратительно играетъ, и никому она здѣсь не нужна, тѣмъ не менѣе азіатскіе музыканты регулярно терзаютъ уши нашихъ паломниковъ въ самые постные дни недѣли.

На третій день Пасхи администрація русскихъ построекъ заказала первый специальный поѣздъ для отъѣзжающихъ. Получивъ паспортъ¹⁾ изъ конторы, отправился и я въ одномъ купѣ съ молодымъ аеонскимъ іеромонахомъ и съ сопровождавшими его паломниками. Я уже поминалъ, что почти каждый монахъ съ Аэона дѣлаетъ путешествія по Палестинѣ, въ сопровожденіи двухъ или трехъ сестеръ паломницъ, добровольно берущихъ на себя весь трудъ относительно приготовленія пищи, мытья бѣлья и пр. Въ свою очередь монахъ за это рассказываетъ имъ при всякомъ удобномъ случаѣ

¹⁾ Его отбираютъ отъ каждого паломника сейчасъ же по прибытіи его на подворье Палестинскаго общества, равно какъ и пять рублей денегъ, въ запасъ будущихъ расходовъ при отъѣздѣ.

про аеонскихъ подвижниковъ или пропоеть съ ними вмѣстѣ молебень, утреню, вечерню, смотря по времени. Такъ и теперь въ вагонѣ онъ вытащилъ изъ кармана молитвенникъ и пропѣлъ вмѣстѣ съ женщинами весь пасхальный канонъ. Всю дорогу онъ угощали его чаемъ, апельсинами, яйцами, булками.

Какъ въ Россіи, такъ и въ Иерусалимѣ, аеонскіе іеромонахи безъ разрѣшенія не имѣютъ права служить литургію и исполнять требы православныхъ, тѣмъ не менѣе украдкою они позволяютъ себѣ священнодѣйствовать въ самомъ храмѣ Гроба Господня. И многіе паломники благодарятъ ихъ за это: святогробскіе греческіе монахи не успѣваютъ справиться со всею массою требованій, и не всѣ изъ нихъ хорошо говорятъ по-русски, да и къ службѣ относятся крайне небрежно, невнимательно, такъ что присутствіе аеонцевъ въ настоящее время здѣсь становится прямо необходимымъ. Мнѣ самому пришлось воспользоваться въ страстную среду предложеніемъ аеонскаго іеромонаха. Онъ замѣтилъ мое стараніе пробраться къ одному изъ греческихъ монаховъ, окруженному паломниками, и тайноспросилъ меня:

— Не желаете ли я васъ поисповѣдую?

— Пожалуйста, батюшка!—съ радостью согласился я.

Монахъ отвелъ меня въ сторону къ одному изъ сокрытыхъ въ полумракѣ придѣловъ и, вынувъ изъ-подъ рясы крестъ и евангеліе, завернутыя въ епитрахиль, сталъ тихонько исповѣдывать. Обстановка была подходящая для «тайнства», и я искренно благодарилъ тогда аеонскаго іерея.

Вотъ и сейчасъ въ паломническомъ вагонѣ мы съ нескрываемымъ удовольствіемъ слушали пасхальный канонъ аеонца и, сколько умѣли, подтягивали ему.

Часа черезъ четыре нашъ поѣздъ подошелъ къ Яфѣ. Оставивъ вещи у агента пароходнаго общества, я захотѣлъ воспользоваться свободнымъ временемъ до отхода парохода и отправился къ евреямъ изъ здѣшней колоніи Ришонъ. Доѣхать до нея можно въ дилижансѣ, проще сказать, въ большой скверной телѣгѣ, биткомъ набитой людьми и багажемъ ихъ. На мое счастье мнѣ попался интеллигентный еврей, который разсказалъ кое-что изъ жизни палестинскихъ колоній. Съ грустью я узналъ, что, несмотря на прекрасную почву, на всѣ благопріятныя условія, евреи при первой возможности стараются сами не заниматься земледѣіемъ. Они и въ Палестинѣ удивительно умѣютъ выискать всевозможныя занятія, частныя къ торговлѣ. Агентство, комиссіонерство, факторство, маклерство и разное посредничество въ городахъ и селеніяхъ Палестины ихъ больше привлекаютъ, чѣмъ садоводство и винодѣліе. А между тѣмъ какая благодарная почва здѣсь! Какой превосходный виноградъ, апельсины и другіе фрукты! Я купилъ на пробу разнаго вина отъ 15 до 32 копеекъ за бутылку, и многіе знатоки отозвались о немъ очень одобрительно.

Мой собесѣдникъ-еврей много жаловался на стѣсненія со стороны турецкаго правительства. Испугавшись еврейскаго нашествія въ Палестину, въ послѣднее время турки ограничили число переселенцевъ. Онъ самъ прибылъ сюда, обманувъ какимъ-то образомъ бдительность турецкой полиціи.

Говорили и о мечтаніяхъ сіонистовъ. Заявивъ себя приверженцемъ идеи—основать еврейское царство въ Палестинѣ, мой собесѣдникъ высказалъ нѣсколько соображеній, не лишенныхъ практическаго смысла.

— Чтобы выкупить Палестину,—говорилъ онъ,—надо считаться не съ одними турками: вся христіанская Европа слишкомъ заинтересована въ Святой Землѣ и, конечно, не позволитъ туркамъ продавать ее евреямъ. Да и сами мусульмане ни за что не уступятъ намъ свою святыню въ Ель-Кудсѣ (въ Іерусалимѣ). Но, мнѣ кажется, намъ, евреямъ, и не зачѣмъ выкупать землю. Господами ея мы сдѣлаемся гораздо проще. Не сегодня—завтра Палестиной завладѣютъ христіане, внесутъ въ нее европейскую культуру, воздѣлаютъ голыя скалы, какъ садъ эдемскій... Вотъ тогда придемъ и мы на готовенькое и возьмемъ себѣ львиную часть всѣхъ благъ земли Израильской. Если теперь большая часть жителей Іерусалима евреи, то, будьте покойны, тогда-то ихъ будетъ еще большій процентъ... Вы сомнѣваетесь?

— Нисколько! Напротивъ, охотно присоединяюсь къ вашему мнѣнію,—поспѣшилъ я согласиться съ нимъ.—Только я смотрю нѣсколько шире на этотъ вопросъ. Мнѣ странно слышать, что евреи домогаются овладѣть маленькимъ клочкомъ земли, называемой Палестиной, когда они скоро завладѣютъ всѣмъ земнымъ шаромъ, всѣмъ міромъ. Ваши же пророки предсказывали, что въ послѣдніе дни евреи возобновятъ свое прежнее царство въ Іерусалимѣ, и имъ подчинятся всѣ другіе народы. Только... при одномъ условіи: когда сыны Израилевы «обратятся и възыщутъ Господа Бога своего и Давида, царя своего». То-есть, когда они признаютъ «Сына Давида» за Мессію. Развѣ не очевидно, что евреи, принявшіе христіанство, царятъ теперь во всѣхъ отрасляхъ торговли, искусства и политики. Статистики насчитываютъ евреевъ іудейскаго вѣроисповѣданія какихъ нибудь восемь милліоновъ; но подсчитайте, какая масса евреевъ скрывается подъ видомъ нѣмцевъ, французовъ, англичанъ и вообще всѣхъ народностей. Итакъ вопросъ объ еврейскомъ царствѣ въ послѣднія времена разрѣшится самъ собою.

Сначала мой собесѣдникъ порывался возразить мнѣ, но потомъ, сдѣлавъ большіе глаза, вопросительно взглянулъ на меня искоса и, не сказавъ ни слова, медленно удалился.

Пароходъ немного запоздалъ, и это обстоятельство дало мнѣ возможность еще разъ посѣтить мѣсто будущаго русскаго монастыря. Рано или поздно русскіе добьются права (и кто же этому

мѣшаетъ?—Свои единовѣрцы, православные греки!) имѣть свои монастыри въ Палестинѣ и особенно въ Яфѣ, съ которой связано призваніе язычниковъ. Здѣсь Господь показалъ въ видѣніи апостолу Петру, что Онъ открываетъ Свое Небесное царство не для однихъ только іудеевъ, но и для всѣхъ народовъ. Голодный Петръ говорилъ:

— Господи, ничего сквернаго или нечистаго никогда не входило въ уста мои.

— Что Богъ очистилъ, того ты не почитай нечистымъ, — былъ отвѣтъ ему съ неба.

Съ тѣхъ поръ нечистые язычники стали входить черезъ Яффу, какъ бы черезъ «уста Палестины», очищеннымъ народомъ, то-есть христианами. Теперь однихъ только русскихъ паломниковъ проходить чрезъ эти ворота обѣтованной земли до десяти тысячъ чело-вѣкъ ежегодно.

Когда я прибылъ на пароходъ, то едва досталъ себѣ мѣсто въ четырехмѣстной каютѣ. Всѣ помѣщенія биткомъ были набиты паломниками. На палубахъ давка невообразимая. Въ три часа пополудни пароходъ снялся съ якоря и направился въ Александрію.

Прощай Іерусалимъ! Прощай Палестина! Каждый уголокъ въ тебѣ можетъ до слезъ растрогать вѣрующаго чело-вѣка. И рано или поздно его снова потянетъ посѣтить колыбель христианской религіи.

Четыре недѣли я провелъ въ Святой землѣ. За это время я посѣтилъ почти всѣ мѣста, куда обыкновенно заглядываетъ нашъ русскій паломникъ. Можно бы объѣхать ихъ въ еще болѣе короткое время, но это было бы совсѣмъ противно мнѣнію нѣкоторыхъ книжниковъ, которые обязательнымъ считаютъ пробыть въ Палестинѣ не менѣе шести недѣль, вѣроятно, въ память сорокадневнаго обозрѣнія обѣтованной земли еврейскими соглядатаями. Они тоже осматривали ее въ весеннее время, какъ сказано (Числъ 13, 21), «дніе же бяху дни весенни, предваряющіи ягоды».

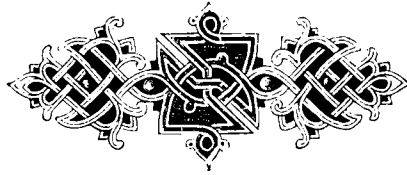
Для меня лично предварительное знакомство съ Палестиной по книгамъ и фотографіямъ нѣсколько ослабляло первое впечатлѣніе. Если бы не духовное значеніе извѣстныхъ мѣстъ и предметовъ, я на все смотрѣлъ бы совершенно спокойными глазами. Нѣкоторыя изъ интеллигентныхъ лицъ, не потрудившіяся предварительно прочитать о современной Палестинѣ, возвращались нѣсколько разочарованными. Библейскія картины, вычитанныя съ дѣтства, рисуются намъ въ обстановкѣ прекрасной природы, среди патріархальной жизни пастуховъ и земледѣльцевъ. Но... съ пріѣздомъ въ Палестину, вся священная поэзія застилается металломъ, деревомъ, камнемъ и пылью городовъ. Ходишь, какъ по обширному кладбищу. Вся святыня заключается теперь въ гробахъ, гробницахъ, могилахъ и пещерахъ. Сама іерусалимская почва, по которой ходили Хри-

стосъ и апостолы, мѣстами погребена, говорятъ, на нѣсколько сажень глубины. И когда вмѣсто патріархальныхъ сыновъ израилевыхъ всюду встрѣчаешь хитроумнаго грека или вспыльчиваго араба, то окончательно вся иллюзія дѣтскихъ лѣтъ пропадаетъ. Благо тѣмъ простацамъ, которые пришли сюда съ дѣтской вѣрой и впервые знакомятся съ обстановкой Святой Земли и ея исторіей. Вонъ они сейчасъ въ пароходномъ трюмѣ восторженно поютъ кѣмъ-то немудрено сложенный прощальный гимнъ Іерусалиму, унося въ сердцѣ своемъ сладкую память о святыхъ мѣстахъ на всю жизнь:

«Сердцу милый, вождельный,
О Сіонъ, святѣйшій градъ!
Ты прощай, мой незабвенный,
Мой поклонъ тебѣ у вратъ»...

И. П. Ювачевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НА РОДИНѢ КОПЕРНИКА.

I.

Александрово.—Отлочинъ.—Вокзалъ.—Осмотръ багажа.—Подъ Торномъ.—
Висла.—Мостъ.—Прошлое и настоящее Торна.—Hotel 3 Kronen.

ТѢ Александрова—пограничнаго (Alexandrowo)—станции Варшавско-Бромбергской желѣзной дороги—до Торна всего часъ ѣзды, включая сюда и довольно продолжительную остановку въ ОтлочинѢ.

Отлочинъ (Ottlotschin)—первая прусская станція по ту сторону нашей границы и вмѣстѣ съ тѣмъ таможня. Вокзалъ здѣсь небольшой, баракообразной формы, но очень чистенькій. Такихъ безумно роскошныхъ желѣзнодорожныхъ дебаркадеровъ, какіе встрѣчаются у насъ нерѣдко на второстепенныхъ станціяхъ (въ родѣ, напримѣръ, Луги), въ Германіи немного найдете даже на первостепенныхъ. Зато поѣзда здѣсь ходятъ быстрѣе, подвижной составъ лучше, личная безопасность пассажировъ гарантирована больше, и проѣздъ недорогъ. Въ ОтлочинѢ производится осмотръ пассажирскаго багажа. Впрочемъ, операція эта дѣлается очень деликатно: лицъ, имѣющихъ ручной багажъ, не беспокоятъ предложеніемъ итти въ ревизіонный залъ, и вся процедура ограничивается тѣмъ, что въ вагонъ входитъ таможенный чиновникъ, ставитъ вамъ нѣсколько вопросовъ по своей спеціальности и уходитъ довольный завѣреніемъ, что вы ничего опаснаго для нѣмцевъ не везете...

Скоро въ окна вагона замелькали поросшіе зеленою травою форты земляныхъ укрѣпленій, окружающихъ Торнъ... Показалась

Висла. Тутъ она очень широка и, можно сказать, во всей красѣ своей. По ея сѣрожелтымъ волнамъ плывутъ берлинки,—особый видъ большихъ парусныхъ грузовыхъ судовъ, въ родѣ нашихъ барокъ, съ тесомъ, каменнымъ углемъ, хлѣбомъ и прочимъ, бѣгутъ пароходы, оглашая воздухъ хриплымъ ревомъ своихъ свистковъ и заволакивая горизонтъ на далекое разстояніе дымомъ, медленно тянутся плоты или, по-мѣстному, *traiw'ы*...

Поѣздъ пыхтя и громахая входитъ на мостъ, направляясь къ городскому вокзалу.

Въ Торнѣ, какъ большой узловой станціи ¹⁾, по нѣмецкому обычаю, два вокзала—одинъ центральный или главный (Haupt-Bahnhof), а другой городской (Stadt-Bahnhof). Многіе изъ путешественниковъ этого не знаютъ и выходятъ на главномъ вокзалѣ. Послѣдній находится по сю сторону Вислы, въ предмѣстьѣ Подгурже, въ довольно значительномъ разстояніи отъ города. Въ такомъ случаѣ приходится или брать извозчика, которые, кстати сказать, здѣсь довольно хороши и неособенно дороги, или лѣтомъ, если еще не поздно, итти на берегъ Вислы, откуда черезъ каждыя 15—20 минутъ отходитъ пароходъ, исполняющій роль порома. Онъ доставитъ васъ за нѣсколько пфениговъ къ набережной, въ центръ города. Это, разумѣется, очень удобно. Нельзя только не пожалѣть объ одномъ, что пароходъ, поддерживающій сообщеніе между обоими берегами Вислы, довольно великъ для своей малой задачи и по этой причинѣ идетъ слишкомъ медленно, частенько наскакиваетъ на мели, въ которыхъ и здѣсь красавица рѣка не имѣетъ недостатка... Потомъ, помѣщеніе для пассажировъ закрытое, а тутъ еще паровая машина, ничѣмъ отъ нихъ не заслоненная... Жара и духота, особенно въ знойную погоду, такія, что едва выдержать возможно...

Мостъ, по которому мчитъ поѣздъ,—грандіозный, американской системы. Желѣзо въ его конструкціи, разумѣется, на первомъ планѣ. Въ началѣ и въ концѣ его монументальныя каменные башни, украшенныя статуями королей и барельефами. Мостъ дѣлится на три части, изъ которыхъ одна предназначена для пѣшеходовъ, другая для экипажей и третья для желѣзнодорожныхъ поѣздовъ. Длина его 453 сажени... Съ моста открывается общая красивая панорама города, который теперь зываютъ Торномъ, но который въ блестящую эпоху своей исторической жизни былъ извѣстенъ наиболѣе подъ именемъ Торуня и остался съ этимъ именемъ на страницахъ исторіи.

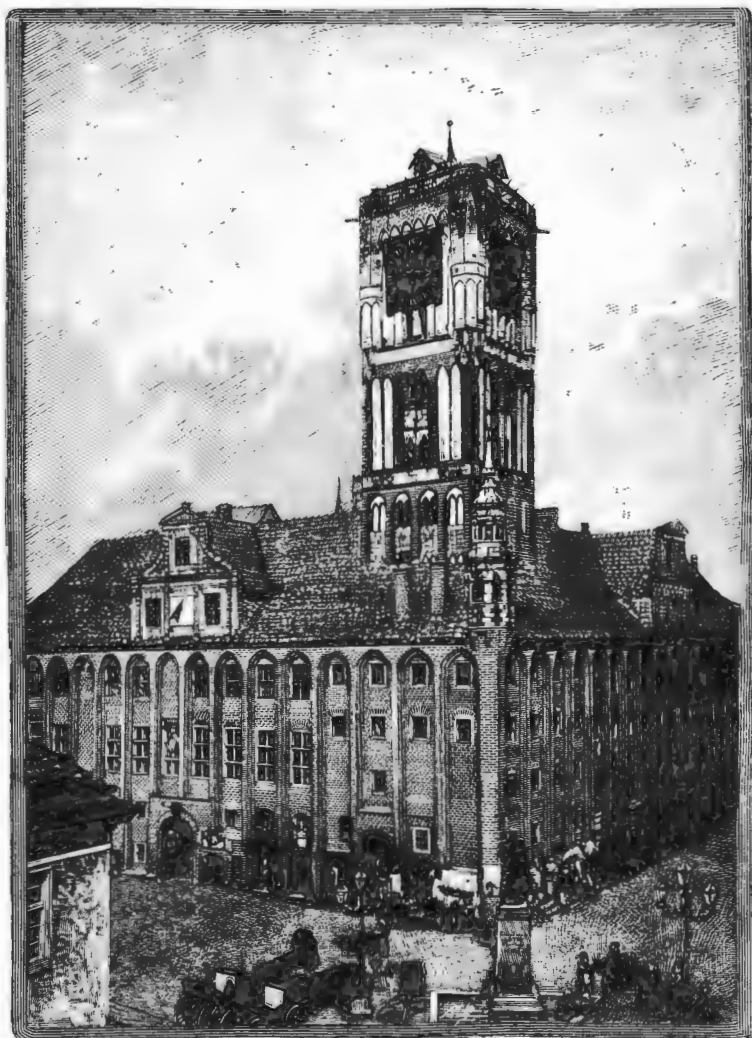
Годъ основанія Торуня съ точностью опредѣлить невозможно. Извѣстно только, что еще до появленія въ этой мѣстности тевтон-

¹⁾ Отсюда идутъ линіи, кромѣ Александрова, еще на Кульмъ, Грауденцъ, Инстербургъ, Познань и Шнейдемуль.

скихъ рыцарей (krzyżacy), между 1229—1231 гг., тутъ существовало мазовское поселеніе Тарново¹⁾. Съ прибытіемъ рыцарей Тарново начало быстро заселяться. Въ 1233 году оно уже получило Магдебургское право. Около 1235—1236 гг. возникло новое поселеніе въ мѣстности, гдѣ теперь стоитъ костелъ св. Яна. Оно стало именоваться Торунь, по-латыни Thogun, Tugun, Thugun, Thogunia, Thogunum, по-нѣмецки Thugun. Въ 1477 году мѣстныя городскія власти замѣнили эти названія однимъ—Thogn. Новый городъ началъ быстро развиваться и богатѣть. Въ концѣ XIII ст. онъ имѣлъ уже возможность примкнуть къ ганзеатическому союзу и встать въ тѣсныя торговыя сношенія съ Данією и другими странами. Въ 1286 году купцы изъ Торуня и Хелмна (Culm) ѣздили съ многочисленнымъ обозомъ на далекую Русь. Съ вступленіемъ на польскій престолъ Владислава Ягеллы (1386 г.) и принятіемъ Литвою христіанства окончилась историческая миссія тевтонскихъ рыцарей «насаждать въ варварскихъ странахъ вѣру Христову». Польша и Литва къ величайшему неудовольствію ордена слились воедино. Начали возникать между поляками и рыцарями инциденты. Пока былъ великимъ магистромъ ордена Конрадъ Юйнингенъ, человекъ очень тактичный, недоразумѣнія кое-какъ еще улаживались къ удовольствію обѣихъ сторонъ. Но его преемникъ (съ 1407 г.), родной его братъ Ульрихъ, проникнутый слѣпою ненавистью къ Литвѣ и Польшѣ, вызвалъ столкновеніе, окончившееся для ордена катастрофою. Могущество рыцарей было сломлено Ягеллою подъ Грюнвальдомъ и Таненбергомъ. Мирный договоръ между нимъ и орденомъ состоялся въ Торунѣ въ 1411 г. Несмотря на это, столкновенія долго еще не прекращались, и Торунь нерѣдко видѣла подъ своими стѣнами и даже внутри ихъ хищныхъ тевтоновъ. Въ 1466 г. здѣсь состоялся между королемъ польскимъ Казимиромъ IV и великимъ магистромъ Людвигомъ Ерлихстаузенемъ мирный трактатъ, по которому западная Пруссія, или воеводства Поморское, Мальборское, Хелминское и Вармія, отошли къ Польшѣ. Остальная же часть Пруссіи со столицею Крулевцемъ (Königsberg) осталась во владѣніи великаго магистра ордена, который становился въ ленныя отношенія къ польскому королю. 17-го іюня 1501 г. въ Торнѣ умеръ отъ апоплектического удара король Янъ Ольбрахтъ, прибывшій для принятія присяги отъ вновь избраннаго великаго магистра. Въ концѣ 1519 г. Торнъ посѣтилъ Сигизмундъ I и прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ 1576 году призжалъ сюда Баторій, подтвердилъ городскія привилегіи и принималъ личное участіе въ сессіи сейма. Памятна его рѣчь—отвѣтъ на придиричивое требованіе сеймовыхъ пословъ дать отчетъ въ сво-

¹⁾ Д. Шульдъ въ Pamiętn. rel.-moraln., IV, 449. «Торунь», изслѣд., изд. Towarzystwomъ naukow'ymъ toruńsk'imъ, Toruń, 1884, 2.

ихъ дѣйствіяхъ и объяснить, что сдѣлано съ забранными въ Тыкоцинѣ сокровищами. Сѣмена ученія Лютера, проникнувъ въ Торнѣ въ первой четверти XVI ст., нашли для себя плодородную почву. Несмотря на репрессивныя мѣры, предпринятыя противъ пропаганды правительствомъ и духовенствомъ, число послѣдователей витгенбергскаго профессора увеличивалось все болѣе и болѣе, такъ что 10 января 1557 г. правительство вынуждено было допустить свободу аугсбургскаго исповѣданія и уступить католическіе костелы лютеранамъ. Вслѣдъ за послѣдними появились въ Торнѣ и представители разныхъ сектъ, порожденныхъ лютеранствомъ. 21 августа 1595 года здѣсь собрался многолюдный протестантскій синодъ изъ представителей лютеранскаго и кальвинскаго исповѣданій и чешскихъ братьевъ, подъ предсѣдательствомъ радзѣвскаго старосты Свентослава Оржелскаго, съ цѣлью достигнуть примиренія съ католиками. Тѣ же задачи преслѣдовало и состоявшееся въ 1645 году богословское собесѣдованіе между католиками и диссидентами, знаменитый Colloquium Charitativum. Дебаты происходили около трехъ мѣсяцевъ, а соглашенія все-таки не послѣдовало... Во время шведской войны Торнѣ поддался Карлу-Густаву. Шведскій комендантъ, ген. Мардерфельдъ, выгналъ іезуитовъ и закрылъ ихъ славную школу. Въ 1658 г. поляки подъ начальствомъ гетмана Юрія Любомірскаго отняли Торнѣ, и король Янъ-Казимиръ, вмѣстѣ съ супругою, торжественно въѣхали въ городъ 1 января 1659 года. 30 мая 1677 г. Торнѣ торжественно встрѣчалъ Яна Собѣскаго съ семействомъ, проѣзжавшихъ въ Гданскъ (Данцигъ). Въ 1703 г. при Августѣ II шведы опять осадили Торнѣ, занятый саксонскимъ войскомъ, и постоянными штурмами принудили городъ къ сдачѣ. Карлъ XII, занявши городъ, снесъ его стѣны и укрѣпленія и взялъ съ жителей 100.000 талеровъ контрибуціи. Въ 1709 г. въ Торнѣ съѣхались Августъ II и Петръ Великій и здѣсь подтвердили свой договоръ противъ Швеціи. Сынъ Петра, несчастный царевичъ Алексѣй, прожилъ здѣсь, вмѣстѣ со своею женою, цѣлую зиму 1711 г. и часть весны до мая 1712 г. 16 июля 1724 г. во время религіозной процессіи здѣсь произошло столкновеніе между лютеранами и іезуитскими учениками, въ которомъ приняла участіе чернь, разграбивъ іезуитскій монастырь. Беспорядки вызвали громкое дѣло, финаломъ котораго была казнь, впрочемъ, ни въ чемъ неповинаго бургомистра Рёснера и девяти горѣжанъ лютеранскаго исповѣданія. Въ 1767 г. здѣсь образовалась подъ протекторатомъ Россіи конфедерация диссидентовъ, цѣлью которой было вернуть старыя права и свободы. Послѣ она примкнула къ радомской конфедерации. По второму раздѣлу Польши Торнѣ достался Пруссіи, во владѣніи которой и остается съ сихъ поръ, входя въ административномъ отношеніи въ районъ Маріенвердерскаго округа провинціи, именуемой Западною Пруссіею, и лишь временно, когда

Торнъ. Ратуша.

возникло Варшавское герцогство (1807—1815 гг.), входилъ въ составъ послѣдняго. Съ 1873 г. обращенъ въ сильную крѣпость. По количеству населенія, около 27.000 душъ, Торнъ принадлежитъ къ числу среднихъ городовъ.

Первый и существенный вопросъ по приѣздѣ въ Торнъ, конечно: гдѣ остановиться?

Слѣдуя рекомендаціи людей бывалыхъ и указаніямъ Koenig's Kursbuch'a, прекраснаго подручника путешествующихъ по Герма-

ніи ¹⁾, выбираемъ «Hotel 3 Kronen». Приходится ѣхать черезъ весь городъ. Впечатлѣніе производитъ онъ вполне благоприятное. Обширные, чистыя, площади съ разбитыми по срединѣ скверами, прямыя, гладко вымощенныя улицы, съ широкими тротуарами, обстроенныя высокими, красивыми домами, нижніе этажи которыхъ заняты богатыми магазинами, ресторанами или кофейнями. Особенно, разумеется, выдаются казенныя зданія, обыкновенно изъ «цвѣтного кирпича», не оштукатуренныя снаружи, въ стилѣ, по большей части, приближающемся къ готическому... Вотъ роскошныя зданія казармъ, вполне отвѣчающія своему назначенію въ странѣ, гдѣ военная служба считается не наказаніемъ, а почетною обязанностью каждаго гражданина... Дальше видите новое зданіе кирхи... Еще дальше монументъ побѣдоносной Германіи. Такіе монументы послѣ франко-прусской войны 1870—1871 г. разставлены чуть ли не по всѣмъ нѣмецкимъ городамъ и мѣстечкамъ, въ память павшихъ воиновъ, мѣстныхъ уроженцевъ.

Наконецъ, выѣзжаете на рынокъ. По срединѣ его—старое зданіе городской ратуши. Извозчикъ объѣзжаетъ его кругомъ и останавливается передъ отелемъ «Три короны». Домъ, въ которомъ помѣщается hotel, — очень старый, что отчасти изобличаетъ даже его узкій фасадъ, выходящій на рынокъ и украшенный тремя коронами. Здѣсь, по словамъ мѣстнаго историка ²⁾, въ 1709 г. останавливался Петръ Великій и сейчасъ же по пріѣздѣ приказалъ выкатить передъ окна своей квартиры бочку «венгерскаго» и угощалъ имъ горожанъ, приглашая ихъ пить за здоровье своего короля.

Хваленый отель оказался довольно заурядною гостиницею, несколько не лучше тѣхъ, услугами которыхъ намъ приходилось не разъ пользоваться въ своихъ поѣздкахъ по маленькимъ городкамъ восточной Пруссіи. Кромѣ того, пользуясь случаемъ, съ насъ, какъ *ausländer*'овъ, не преминули содрать 6 марокъ за небольшую комнатку въ четвертомъ этажѣ, добираться до которой, по темнымъ переходамъ и крутой лѣстницѣ, приходилось съ великимъ трудомъ...

II.

Ратуша.—Ея внѣшній видъ и исторія.—Достопримѣчательности.—Городской музей.—Въ подвалахъ и на дворѣ ратуши.—Коперникъ и памятникъ ему.—Изъ біографіи Коперника.—Исторія сооруженія ему памятника.—Описаніе послѣдняго.

Vis-à-vis гостиницы «Три короны», какъ мы уже сказали выше, стоитъ зданіе ратуши. Это—массивное и мрачное строеніе квадратной формы изъ краснаго почернѣвшаго отъ времени кирпича,

¹⁾ Въ этой, очень дешево стоящей книжкѣ, выходящей въ свѣтъ каждое полугодіе, вы найдете расписаніе станцій, часы отхода и прихода поѣздовъ, перечень лучшихъ отелей во всѣхъ городахъ Германіи, отчетливую карту желѣзныхъ дорогъ и указатель, облегчающій пользованіе книжкою. Нельзя не пожалѣть объ отсутствіи у насъ подобныхъ изданій.

²⁾ «Тогий», 41.

Торнъ. Памятникъ Копернику.

«ИСТОРИЧЕСКОЕ ВЪЗНѢНІЕ», НОЯБРЬ, 1902 Г., Т. ХС.

19

унизанное множествомъ оконъ. На каждой изъ его четырехъ наружныхъ стѣнъ, на углу, находится по одной восьмисторонней, двухъэтажной, въ стилѣ Возрожденія, башенкѣ. Последнія опираются на консоли изъ такъ называемаго песковца. Консоли оканчиваются изваяніями въ видѣ головокъ съ довольно комическими выраженіями лицъ. Ближе къ юго-восточному углу зданія возвышается главная, четырехугольная башня съ часами, высотой въ 110 футовъ. Прежде по угламъ ея находились небольшія башенки въ готическомъ стилѣ, но во время пожара 1703 года упали вмѣстѣ съ другими архитектурными украшеніями и разбились. Строителемъ ратуши называютъ гротмейстера Тевтонскаго ордена Конрада Валленрода. Въ 1393 году онъ выстроилъ каменное двухъэтажное зданіе. Въ 1602 году бургомистръ Генрикъ Стробандъ достроилъ третій этажъ. По дошедшимъ до насъ отзывамъ современниковъ, торунская ратуша, по своему внѣшнему и внутреннему устройству, не уступала ни въ чемъ подобнымъ зданіямъ въ главныхъ городахъ Европы. Къ сожалѣнію, 4-го сентября 1703 года, въ первый же день обстрѣливанія шведами Торна, она сгорѣла почти до основанія. Реставрація зданія окончилась не ранѣе 1738 года. Нижний этажъ ратуши съ двухъ сторонъ занятъ лавочками съ разнообразными товарами. Въ подвалахъ ея, по нѣмецкому обычаю, помѣщаются: винный погребъ, пивная и ресторанъ. Нѣмецкій Бахусъ охотно избираетъ себѣ жилище въ муниципальных подземельяхъ, какъ въ Берлинѣ, такъ равно и въ Вѣнѣ, Мюнхенѣ и особенно въ Бременѣ, магистратскіе подвалы котораго пользуются историческою славою... Во второмъ и третьемъ этажахъ въ обширныхъ залахъ, изъ которыхъ заслуживаетъ упоминанія такъ называемая королевская зала (*stuba regia*), помѣщены разныя муниципальныя бюро и городской музей. Последній не особенно обширенъ, но, тѣмъ не менѣе, содержитъ въ себѣ немало любопытнаго матеріала. Интересны и цѣнны предметы, извлеченные изъ нѣдръ земли при раскопкахъ, какъ, напримѣръ, бронзовое ожерелье изъ-подъ Пясечна, римскій мечъ изъ-подъ Коноядовъ, старинная запона съ головою вепря, перстни, средневѣковые доспѣхи, добытые изъ озера подъ Ковалевымъ... Замѣчательна коллекція портретовъ польскихъ королей, начиная отъ Мечислава I и кончая Станиславомъ Понятовскимъ. Особенно хороши портреты Понятовскаго и Августа II. Въ бытность Матейки въ Торнѣ, знаменитый художникъ, будучи пораженъ выразительностью изображеній, скопировалъ всѣ эти портреты. На небольшомъ квадратномъ проходномъ дворѣ ратуши, на стѣнахъ, видны старыя надгробныя плиты съ рыцарскими гербами и едва-едва замѣтными надписями. Надъ дверями, по правой сторонѣ отъ главнаго входа, помѣщена таблица, посвященная памяти несчастнаго бургомистра Рёснера, казненнаго за беспорядки, происшедшіе 16-го іюля 1724 года въ праздникъ Богоматери (М. В. Szkaplerznej),

когда воспитанники протестантскихъ школъ надругались надъ изображеніемъ Божіей Матери. Современный, онѣмеченный Торнтъ, вѣриѣ его муниципалитетъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, почтилъ память Рёснера, какъ мученика, постановкою этой таблицы. Суровое лицо въ огромномъ волнистомъ парикѣ смотритъ на васъ грозно и гнѣвно, а нѣмецкая надпись подъ бюстомъ: «вѣрный даже до смерти», такъ и ударяетъ въ глаза.

Противъ ратуши—солидный памятникъ Николаю Копернику.

Коперникъ, какъ извѣстно, родился въ Торунѣ. Отецъ его переселился сюда изъ Кракова въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XV столѣтія. Въ 1465 году онъ женился на Варварѣ Воцельродовой, дочери богатаго торунскаго гражданина Луки Воцельрода и Екатерины, урожденной Модлибогъ. За нею получилъ въ приданое домъ въ Торунѣ, въ улицѣ св. Анны. Въ этомъ-то домѣ (существующемъ до сихъ поръ) 19-го февраля 1473 года увидѣлъ свѣтъ основатель новой астрономіи. Маленькій Коперникъ ходилъ учиться въ существовавшую при костелѣ св. Яна школу. Дома, по вечерамъ, упражнялся въ латинскомъ и греческомъ языкахъ, изъ которыхъ первый изучилъ въ совершенствѣ и очень любилъ рисовать. Ребенкомъ еще онъ нарисовалъ портретъ своего отца, который подарилъ потомъ Краковской академіи, а впослѣдствіи нарисовалъ и свой собственный. Вообще, говорятъ, былъ онъ ребенокъ прилежный, любознательный, мало увлекавшійся дѣтскими играми. Когда въ 1483 году не стало его отца,—нашелся ему другой отецъ—одинокій дядя его, братъ его матери, Лука Воцельродъ, бывший потомъ епископомъ Варміи ¹⁾. Подъ опекою дяди Коперникъ кончилъ начальное обученіе, хорошо развивши свои способности и обогатившись знаніями, какія могли доставить ему тогдашніе учителя и книги. На восемнадцатомъ году его отправили въ Краковскую академію обучаться медицинскимъ наукамъ. Но тогдашняя туманная медицина не могла завлечь пытливаго и свѣтлаго разума даровитаго юноши. Больше всего заняли его математика и астрономія, какъ науки точныя, имѣющія у себя большія и ясно опредѣленные средства, если не такія же основанія. Любовь къ простотѣ и опредѣленности и нелюбовь ко всему туманному, не имѣющему для себя прочныхъ основъ, равно какъ ко всякому притворству и напыщенности, составляли отличительное свойство Коперника, отъ юности его до могилы. Много помогло Копернику и то, что въ Краковской академіи нашелся дѣльный профессоръ астрономіи, Войцѣхъ Брудзевскій ²⁾, который знакомилъ учащихся съ

¹⁾ Прибалтійской части нынѣшней восточной Пруссіи, страны литовско-польской, нынѣ совсѣмъ почти онѣмеченной.

²⁾ Род. въ 1445 г., ум. въ 1497 г.

теоріями астрономическими и съ состояніемъ въ то время астрономіи. А тогда ученые болѣе и болѣе приходили къ убѣжденію, что догадки насчетъ обращенія земли, а не неба, имѣютъ за себя много основаній. Излагая ихъ мнѣнія своимъ слушателямъ, Брудзевскій сильно заинтересовалъ ими прозорливаго Коперника, который съ малолѣтства, навывки къ труду мысли, успѣшно повелъ свои занятія астрономіею подъ руководствомъ любимаго профессора. Но вдругъ, въ 1493 году, Брудзевскій перешелъ изъ Краковской академіи преподавателемъ въ Вильну. Коперникъ остался, какъ безъ рукъ. Мало интересуясь религиозными волненіями, которыя занимали тогда и Краковскую академію, онъ черезъ годъ рѣшился оставить Краковъ и ѣхать доучиваться въ Италію, которая считалась въ то время свѣтильникомъ просвѣщенія, откуда шли и искусство и науки. Здѣсь, въ Падуѣ, онъ четыре года обучался въ университетѣ медицинѣ и философіи, но въ особенности астрономіи, которая, вмѣстѣ съ математикою, считалась тогда прикладною наукою къ философіи. Въ то время уже достигли Италіи слухи о томъ, что Колумбу и другимъ смѣлымъ мореплавателямъ удалось переѣхать Атлантическій океанъ и тамъ, на другой сторонѣ земного шара, открыть новыя земли... Всѣхъ, а ученыхъ особенно, занимали эти вѣсти. Не стало ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что земля кругла, какъ шаръ. На Коперника, безъ сомнѣнія, эти открытія подѣйствовали самымъ животворнымъ образомъ, и онъ еще усиленнѣе сталъ работать надъ изслѣдованіемъ строенія міра. Подъ яснымъ небомъ Италіи онъ, изучая всѣ бывшія до него ученія о вселенной, часто оставлялъ книги и провѣрялъ собственными наблюденіями надъ небомъ старыя системы. Земля кругла—въ томъ не было уже никакого сомнѣнія. Наблюденія надъ движеніемъ планетъ, надъ ихъ разстояніемъ отъ земли, надъ великимъ свѣтиломъ—солнцемъ, вскорѣ убѣдили его, что земля перемѣняетъ свое мѣсто и вертится, и что планеты движутся не такъ себѣ съ мѣста на мѣсто, а именно около солнца. Признанный Падуанскимъ университетомъ докторомъ медицины и философіи, Коперникъ отправился въ ближайшій университетъ, въ Болонью, чтобы послушать тамъ знаменитаго астронома Доминика-Марію Наварру изъ Флоренціи. Когда послѣдній познакомился со своимъ молодымъ слушателемъ, Коперникомъ, то призналъ его лучшимъ знатокомъ астрономіи, чѣмъ самъ, и помѣстилъ его на свое мѣсто профессоромъ въ Римѣ. Это было въ 1499 году, когда на папскомъ престолѣ воссѣдалъ пресловутый Александръ VI. Но, видно, христіанской душѣ мирнаго ученаго не подъ силу было житье въ такомъ омутѣ нечестія и грабежа, какимъ былъ тогдашній Римъ. Черезъ три года Коперникъ покинулъ Вѣчный городъ и, ища тихаго пристанища для своихъ ученыхъ трудовъ, возвратился въ родной край, въ Краковъ. Въ то время подъ вліяніемъ идей Гусса все

Торнѣ. Костель св. Яна.

громче и громче раздавались голоса о настоятельной необходимости реформы въ церкви, при чемъ реформа, по убѣжденію большинства, прежде всего должна была коснуться личного состава духовенства. Тогда предполагали, что стѣдуетъ только исправить духо-

венство, и все пойдетъ ладно. Отсюда каждый честный и просвѣщенный католикъ долженъ былъ заботиться о замѣнѣ въ духовенствѣ худыхъ людей добрыми, и если самъ не могъ принять духовнаго званія, то обязанъ былъ содѣйствовать тому, чтобы другіе надежные люди его принимали. И вотъ, лишь только Коперникъ явился въ Краковъ, тотчасъ же близкіе окружили его съ подобными убѣжденіями. Опекунъ его, добрый дядя, вскорѣ назначенный епископомъ вармійскимъ, тоже уговаривалъ его принять духовный санъ, и пылкій на добро христіанинъ—нашъ великій ученый—принялъ священство въ 1502 г., чтобы по мѣрѣ силъ служить утверженію родной вѣры и просвѣщенію темнаго люда. Ему дали мѣсто соборнаго священника въ Веховѣ (Frauenburg), дрянномъ городишкѣ епархіи его дяди, на самомъ сѣверномъ краю государства, въ странѣ полудикихъ литовцевъ, при чемъ было поставлено условіемъ, чтобы онъ занимался астрономіею не иначе, какъ во время, свободное отъ всякихъ должностныхъ занятій. Какъ бы то ни было Копернику вскорѣ удалось такъ хорошо устроиться, что онъ, повидимому, и не желалъ ничего лучшаго. Здѣсь онъ и прожилъ почти безвыѣздно до конца своей жизни, пользуясь любовью и уваженіемъ жителей, которымъ оказалъ немало благодѣяній¹⁾. Коперникъ имѣлъ при соборѣ скромное, но довольно удобное для одинокаго и непритомливаго человѣка, помѣщеніе. Имѣлъ даже особую комнатку, въ которой устроилъ лабораторію для разныхъ химическихъ опытовъ. Кромѣ того, когда капитуль поручилъ ему въ завѣдываніе городокъ Ольштынекъ (Allenstein), онъ тамъ устроилъ обсерваторію, въ которой часто проводилъ цѣлыя ночи, наблюдая надъ небесными явленіями и вдумываясь въ строеніе вселенной. Въ 1523 году, умеръ вармійскій епископъ Фабианъ Лузіанскій. Духовенство избрало Коперника администраторомъ епархіи, и Сигизмундъ I далъ на это свое согласіе. Но почтенная должность управляющаго епархіею была для Коперника крайне тягостна: она совершенно отвлекала его отъ тѣхъ мирныхъ занятій, съ которыми сроднился онъ съ малолѣтства и въ которыхъ чувствовалъ себя наиболѣе способнымъ и полезнымъ для человѣчества. При томъ такая должность безпрерывно увлекала этого честнаго, правдиваго человѣка въ непріятныя столкновенія съ людьми

¹⁾ Такъ, онъ даромъ лѣчилъ и лѣчилъ очень искусно своихъ прихожанъ и всѣхъ, кто къ нему обращался. Жители Вехова страдали отъ недостатка воды. Коперникъ придумалъ провести имъ воду изъ рѣки въ городъ на самую гору. Построилъ на рѣкѣ плотину, а около нея мукомольную мельницу, которая разомъ и муку горожанамъ молола и своими колесами воду вверхъ, по трубамъ и потомъ по жолобамъ, накачивала изъ рѣки. Такъ жолобами вода и проведена была на высоту соборной колокольни, и городъ съ тѣхъ поръ обогатился водою. За такое сооруженіе, казавшееся тогда чуть не восьмымъ чудомъ свѣта, жители бывшаго Вехова доселѣ помнятъ Коперника. Именемъ его называется главный водоемъ въ нынѣшнемъ Фрауенбургѣ.

и властями. Поэтому онъ радъ былъ передать ее кому либо и дѣйствительно вскорѣ передалъ Ферберу, а самъ возвратился къ своимъ прежнимъ мирнымъ занятіямъ—къ должности простого священника и къ дорогимъ своимъ астрономическимъ изслѣдованіямъ, которыя прославили его въ послѣдующіе вѣка, какъ величайшаго двигателя человѣческой мысли, преобразовавшаго взглядъ людей на міръ Божій. Еще около 1517 года, живя во Вховѣ, Коперникъ кончилъ писать свое безсмертное разсужденіе о движеніяхъ небесныхъ свѣтилъ, но, по скромности своей, лѣтъ двадцать пять не рѣшался издавать въ свѣтъ и продолжалъ все провѣрять и исправлять его. Только по настоянію своихъ друзей, въ числѣ коихъ находился просвѣщенный капуанскій кардиналъ Николай Шонбергъ, пріѣзжавшій въ 1516—1519 годахъ въ Москву хлопотать о соединеніи церквей ¹⁾, Коперникъ издалъ свой трудъ въ Нюрнбергѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «*Nicolai Copernici Torunensis, de Revolutionibus orbium cœlestium libri VI, in quibus stellarum et fixarum et erraticarum motu ex veteribus atque recentibus observationibus, restituit hic autor. Præterea tabulas expeditas luculentasque addidit, ex quibus eosdem motus ad quodvis tempus Mathematicum studiosus facillime calculare poterit*». Автору тогда исполнилось 70 лѣтъ. Здоровье его ослабѣло. Силы стали покидать. Параличъ, поразившій весною правую половину тѣла, держалъ его уже на смертномъ одрѣ. 21-го мая 1543 года Коперникъ мирно скончался, оплакиваемый жителями города, которымъ оказалъ столько благодарностей, уважаемый друзьями, но—увы!—мало замѣченный современными ему міромъ. Послѣднему было тогда не до строенія вселенной и не до скромнаго каноника, не до великаго преобразователя астрономіи,—онъ занятъ былъ религіозными спорами, распрями, поднятыми ученіемъ Лютера, проливалъ изъ-за вѣры и изъ корысти кровь и опустошалъ себя ужасною рѣзнею... Тѣло Коперника похоронили въ соборѣ города Фрауенбурга, у алтаря, со скромною надписью на могильномъ камнѣ. Тридцать лѣтъ спустя знаменитый польскій историкъ Мартинъ Кромеръ († 1589 г.), будучи вармійскимъ епископомъ, почтилъ память славнаго ученаго, приказавъ замѣнить прежній надгробный камень новымъ, мраморнымъ, съ соотвѣтственною надписью ²⁾.

Инициатива постановки въ Торнѣ памятника Копернику возникла еще во времена Варшавскаго герцогства, котораго прави-

¹⁾ Максимъ Грекъ называетъ его «Николаемъ Нѣмчиномъ».

²⁾ Въ 1802 г. двое горячихъ, но легкомысленныхъ почитателей Коперника—Оадд. Чацкій и Март. Мольскій, посѣтили Фрауенбургъ и, проникнувъ въ гробницу Коперника, похитили, съ дозволенія невѣжественнаго патера, большую часть полусгнившихъ костей великаго мудреца. На мѣстѣ осталась всего одна шестая часть ихъ, прочія части переданы въ костель города Пулавъ (Новая Александрія) и бывшему Варшавскому обществу друзей наукъ.

тельство въ 1809 году, по занятіи австрійцами Варшавы, перемѣстилось въ Торнѣ. Особенно дѣятельное въ этомъ участіе принималъ извѣстный Станиславъ Сташицъ, предсѣдатель общества друзей наукъ въ Варшавѣ. 20 августа 1809 г. послѣдовала закладка монумента, но надвигавшаяся военная гроза, а за нею политическія съ 1815 г. перемѣны были важною помѣхою въ началѣ дѣлѣ. Открытіе памятника послѣдовало только 29 іюня 1853 года, и то благодаря лишь горячему содѣйствію короля Фридриха-Вильгельма IV-го. Бронзовая статуя Коперника, вышиною 9 футовъ—произведеніе профессора Тика (Tieck), помѣщается на четырехугольномъ—13 футовъ высоты—пьедесталѣ. Она представляетъ ученаго во весь ростъ, задрапированнымъ въ средневѣковую, обильную складками, тогу; въ правой рукѣ онъ держитъ астролябію, а лѣвою указываетъ на небо. На пьедесталѣ съ двухъ сторонъ надписи. Спереди:

Nicolaus Copernicus
thorunensis
terrae motor
solis coelique stator

и сзади—даты рожденія и смерти Коперника.

Изъ пьедестала, спереди, изъ пасти дельфина бьетъ фонтанъ.

III.

На рывкѣ. Старинные дома.—*Spichlerze*.—Артусгофъ.—Почтамтъ.—Костелъ св. Яна.—Описаніе его снаружи и внутри.—Замѣчательные алтари.—Надгробіе Яна фонъ-Сеста.—Сакрыстія.—Портреты.—Памятникъ короля Яна Ольбрахта.—Библиотека.—Ея прошлое и настоящее.—Витражи.

Ратушу окружаютъ съ четырехъ сторонъ каменные высокіе дома. Нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ вниманія своею архитектурою. Въ числѣ ихъ есть и старыя и новыя. Изъ первыхъ назову домъ подъ № 436 (62), противъ памятника Копернику въ стилѣ Возрожденія. Орнаменты его фасада изъ такъ называемаго песковца—изящны и въ то же время въ каждомъ этажѣ различны. Косяки дверей украшены высѣченными изъ камня головками и пирамидами, а верхъ щита вѣнчаетъ каменный левъ. Рядомъ съ нимъ другой домъ, подъ № 435—совершеннѣйшій образчикъ стиля рококо начала XVIII ст., нѣкогда собственность богатой вдовы Цобнеръ (*Zöbner*), которая, по всему вѣроятію, и выстроила его. Вся щитовая стѣна чуть не до самой верхушки щедро покрыта рельефными украшеніями въ видѣ цвѣтовъ и листьевъ. Замѣчательны своею отдѣлкою и двери. Вообще, старинными постройками, интересными въ архитектурномъ отношеніи, Торнѣ довольно бо-

Торнъ. Костель Пресвятой Дѣвы.

гать, и ихъ можно встрѣтить не на одной только площади рынка. Таковы, напримѣръ, *szichlerze*, или амбары для храненія хлѣба въ зернѣ—остатки глубокой старины, напоминающіе о блестящемъ прошломъ Торна, когда онъ вель крупную торговлю съ Ганзою.

О значительномъ количествѣ существовавшихъ въ Торнѣ *Spiegelz'ein* можно судить уже по тому, что до настоящаго времени ихъ сохранилось свыше тридцати, а изъ нихъ восемнадцать заслуживаютъ положительно того, чтобы ихъ осмотрѣть. Всѣ они, по принятому обычаю, сосредоточены въ юго-западной части города, въ улицахъ, ближайшихъ къ Вислѣ, и по времени своего возникновенія относятся преимущественно къ XV столѣтію. Это — высокія, грандіозныя постройки изъ обожженнаго кирпича, не оштукатуренныя снаружи, чаще всего въ готическомъ стилѣ. На наружныхъ стѣнахъ многихъ изъ нихъ сохранились знаки торговыхъ домовъ (*Hausmarken*), замѣнявшіе у мѣщанскихъ родовъ фамильные гербы. Здѣсь чаще можно видѣть геометрическія, очень запутанныя, фигуры, или изображенія птицъ—орла, журавля, аиста и т. п.

Изъ новыхъ построекъ на той же рыночной площади обращаетъ на себя вниманіе превосходное зданіе Артусофа, получившее свое наименованіе, очевидно, по примѣру данцигскаго—отъ легендарнаго короля Артуса, прославившагося своими рыцарскими подвигами, и служащее мѣстомъ купеческихъ сходокъ. Другое чудное новое зданіе на той же площади—правительственный почтамтъ. У насъ зданія этого рода, несмотря на огромные доходы, получаемые почтовымъ вѣдомствомъ, почему-то сплошь и рядомъ, не исключая и Петербурга, представляютъ собою что-то такое, чему очень трудно подыскать подходящее наименованіе... Совсѣмъ не то въ Германіи и Австріи. Тамъ, какъ бы ни былъ незначителенъ городокъ,—мѣстный почтамтъ прежде всего бросается въ глаза: это не только приличное, но, можно сказать, роскошное зданіе. Я уже не говорю о такихъ крупныхъ центрахъ, какъ въ Германіи—Кенигсбергъ, Познань или въ Австріи—Львовъ, Прага, Буда-Пештъ: почтамты въ этихъ городахъ въ полномъ смыслѣ слова—дворцы. То же и въ Торнѣ: зданіе почтамта безспорно служитъ лучшимъ украшеніемъ города. Построено оно изъ разноцвѣтнаго кирпича и строго выдержано въ готическомъ стилѣ.

Рыночная площадь въ Торнѣ, какъ и во всѣхъ старинныхъ городахъ,—центръ, отъ котораго расходятся въ разныя стороны улицы.

Въ одной изъ такихъ улицъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ рынка, стоитъ костелъ св. Яна—древнѣйшій въ Торнѣ—громадное готическое зданіе съ массивною башнею 126-ти футовъ высоты. Всмотриваясь въ послѣднюю, съ вѣроятностію допустить можно, что она когда-то была еще выше. Проникнувъ въ костелъ одною изъ боковыхъ дверей, вы чувствуете себя подавленнымъ величіемъ храма. Надъ вашею головою тамъ, высоко-высоко, возносятся гигантскіе готическіе своды, опирающіеся на стройныхъ пилостръ, отдѣляющихъ среднюю значительно широкую часть

храма, или наву, отъ боковыхъ болѣе узкихъ. Къ послѣднимъ примыкаютъ съ обѣихъ сторонъ, въ видѣ глубокихъ нишъ, капицы съ алтарями, по четыре съ каждой. Presbyterium, или алтарная часть, составляющая продолженіе средней навы, значительно ниже послѣдней. Главный алтарь — довольно ординарное произведеніе XVII вѣка. Зато интересны нѣкоторые изъ боковыхъ. Направо отъ входа обращаетъ на себя вниманіе любителей искусства своею древностью рѣзной алтарь—триптикъ: въ средней части его высокія фигуры двухъ святыхъ съ какимъ-то епископомъ посреди, который держитъ въ рукахъ костель. На лѣвой сторонѣ—также недалеко отъ входа, выдается алтарь съ превосходнымъ среднихъ размѣровъ образомъ-горельефомъ, представляющимъ сошествіе св. Духа на апостоловъ,—произведеніемъ, если не самого Вита Ствоша, то во всякомъ случаѣ его школы. На той же сторонѣ, у перваго пилястра отъ presbyterium' а, замѣчательно древнее скульптурное, надъ алтаремъ, распятіе. Стѣны костела нѣкогда были расписаны, въ настоящее же время покрыты толстымъ слоемъ извести, и только во второй нишѣ направо, на стѣнѣ подъ окнами, сохранились двѣ прелестныя, но не особенно старыя, фрески, содержаніе которыхъ заимствовано изъ св. писанія. Особенно изъ нихъ хороша фреска—Рождество Христово. Полъ въ средней навѣ выложенъ каменными намогильными плитами. Стѣны и колонны костела увѣшаны надгробными таблицами. Старыя хроники рассказываютъ, что еще въ 1388 году мѣстный настоятель Любертъ Вахшлягеръ, происходившій изъ очень извѣстной въ городѣ фамилии, разрѣшилъ хоронить въ храмѣ бургомистровъ и родныхъ, а потомъ и всѣхъ, кто принималъ участіе въ сооруженіи его. Одна изъ такихъ плитъ, литая изъ мѣди, очень большихъ размѣровъ, вмурована въ стѣну въ presbyterium'ѣ, по правую руку алтаря. Этотъ цѣнный памятникъ литейнаго дѣла XIV ст.—надгробіе турунскаго бургомистра Яна фонъ-Сеста (von Soest), умершаго въ 1354 г., и его жены. Посреди гладкаго бордюра въ готическомъ стилѣ изъ сочетанія разнообразныхъ орнаментовъ и буквъ, въ общемъ образующаго собою превосходную стрѣльчатую капицу,—двѣ фигуры во весь ростъ—мужчины и женщины со сложенными для молитвы руками. Плита эта, несмотря на свою глубокую древность и на то, что, вѣроятно, долго лежала на полу костела, будучи попираема ногами молящихся, сохранилась очень хорошо. На другой сторонѣ, напротивъ, надъ дверями, ведущими въ сакристию, виситъ поясной портретъ создателя храма, магистра Тевтонскаго ордена Дермана Балка, съ крестомъ на шеѣ, въ мантии, съ нашитыми крестами. Въ сакристиі показываютъ писанный масляными красками портретъ Яна Собѣскаго, съ латинскими надписями, восхваляющими побѣдителя турокъ, походный алтарикъ того же короля, рѣзной работы, въ стилѣ старонѣмецкой

нюрнбергской школы XV вѣка. Въ костелѣ сохраняется крестильница, изъ которой принялъ св. крещение Коперникъ, и подлинный его портретъ. Коперникъ изображенъ въ зрѣломъ возрастѣ, въ одеждѣ каноника, въ позѣ молящагося передъ крестомъ. Сходство портрета съ изображеніемъ Коперника на страсбургскихъ часахъ очень большое¹⁾, хотя портретъ самъ по себѣ не имѣетъ артистической цѣнности. Подлѣ портрета находится памятникъ короля Яна Ольбрахта, который, какъ мы упомянули выше, умеръ въ Торнѣ внезапно, и котораго внутренности погребены здѣсь въ костелѣ²⁾. Памятникъ сооруженъ на частныя средства въ первой половинѣ XVIII ст. Поясное изображеніе короля помѣщено между гербами Польши и Пруссіи. Оставляя костелъ св. Яна, упомянемъ еще объ остаткахъ нѣкогда богатой костельной библіотеки и о витражахъ его грандіозныхъ оконъ. Еще въ 1402 году эта библіотека достигла огромныхъ размѣровъ, и городское управленіе запретило выдавать изъ нея постороннимъ лицамъ книги. Къ сожалѣнію, запрещеніе это не оградило библіотеку отъ расхищеній... Превосходно сохранился миссалъ, артистической майнцкой печати съ послѣсловіемъ на послѣднемъ листѣ, которое привожу здѣсь цѣликомъ съ сохраненіемъ орфографіи подлинника: «Praesens missale per petrum schoffer de gerszheym in nobili civitate Moguntina impressorie artis inventrice climatriceque prime. Anno domini millesimo quadringentesimo octuagesimo septimo XVI die mensis Augusti feliciter est consummatum». Зато сильно пострадалъ, но не отъ времени, а отъ рукъ человѣческихъ, писанный въ концѣ XIV вѣка на пергаментѣ, съ раскрашенными заставками и инициалами, антифонариумъ³⁾,—чь-то святотатственная рука безжалостно вырвала изъ него нѣсколько листовъ... Отъ старыхъ великолѣпныхъ витражей, нѣкогда украшавшихъ колоссальныя окна костела, сохранилось тоже немного. Уцѣлѣли еще остатки живописи на грандіозномъ окнѣ фасада. Въ послѣднее время, впрочемъ, дѣлаются попытки возстановить живопись оконъ. Въ двухъ крайнихъ каплицахъ направо окна уже украшены художественно исполненными витражами.

IV.

Описаніе костела Пресвятой Дѣвы.—Органы.—Капедра.—Главный алтарь.—Гробница королевы Анны.—Нѣсколько словъ объ ней.—Памятники.

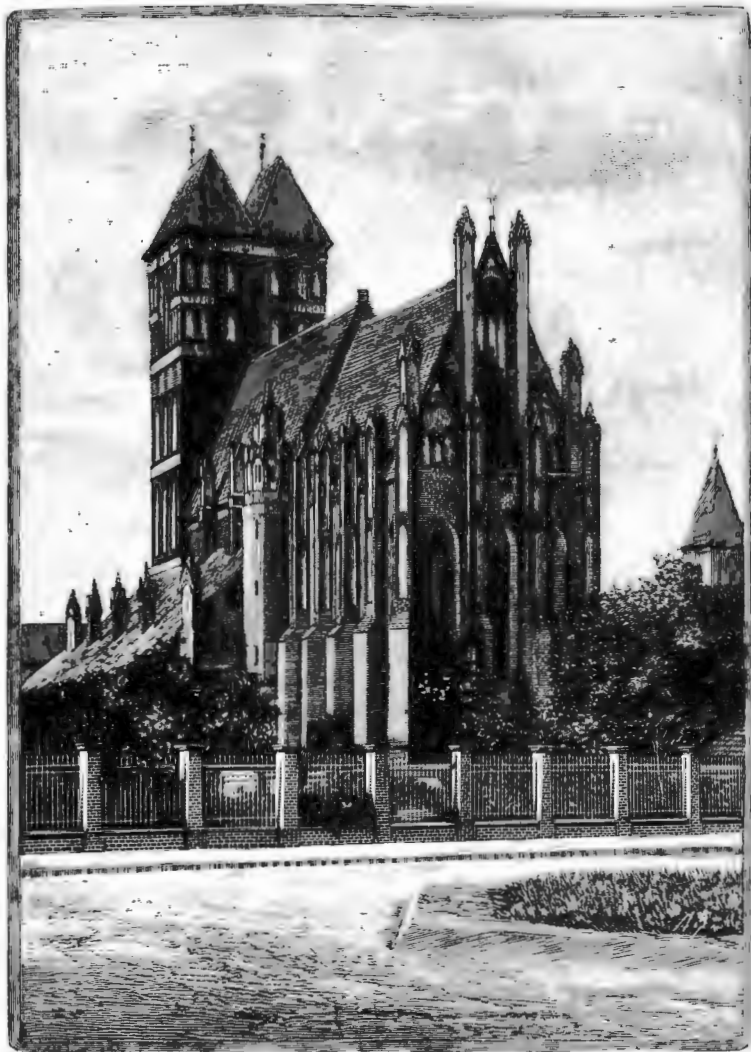
Неподалеку отъ костела св. Яна, въ улицѣ, тоже идущей отъ рынка, находится другой древній костелъ — Пресвятой Дѣвы (N. Maryi Panny). Построенъ въ XIV ст. Состоялъ долгое время въ завѣдываніи монаховъ францискановъ. Съ 1557 г. по 1724 г.

¹⁾ Портретъ Коперника на часахъ страсбургской колокольни признается самымъ похожимъ.

²⁾ Тѣло Яна Ольбрахта погребено въ краковскомъ кафедральномъ соборѣ на Вавелѣ.

³⁾ Т.-е. книга антифоновъ, употребляемая въ католической церкви.

находился въ рукахъ лютеранъ. Архитектура его очень своеобразна. Улица, при которой онъ расположенъ и на которую выходитъ одною изъ своихъ стѣнъ, настолько узка, что контрфорсы стѣнъ

Торнъ. Костель св. Іакова.

зданія съ этой стороны находятся не внѣ его, а внутри. Къ рынку храмъ обращенъ алтарною стороною, и при отсутствіи у зданія фасада послѣдняя какъ бы замѣняетъ его. Она очень проста по своей структурѣ; единственнымъ ея украшеніемъ служатъ три узкія, высокія, стройныя, круглыя башенки, соединенныя между собою

зубчатыми щитами. Средняя выше. Ее вѣнчаетъ крыша въ формѣ усѣченного конуса. Двѣ же остальные оканчиваются высокими шпицами. Подъ среднею башенкою, почти во всю высоту зданія—окно съ нишами по бокамъ. Алтарная часть уже и ниже цѣлаго храма. Послѣдній въ настоящее время покрытъ общемою шатровою крышею. Но сто съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ каждая изъ его навъ, а ихъ въ костелѣ Богоматери три,—имѣла свою особую крышу, что, конечно, еще болѣе увеличивало внѣшнюю красоту этого величественнаго готическаго сооруженія. Въ костелѣ ведутъ три двери, но пользуются изъ нихъ обыкновенно только тѣми, которыя ближе къ рынку. Входите на тѣсный дворъ, огороженный отъ улицы каменною стѣнкою, къ которой со двора примыкаетъ каменная галлерей на шести аркадахъ, въ стилѣ возрожденія, съ фигурами, богатою орнаментаціею и надписями по верхнему карнизу. Изъ надписей узнаемъ, что тутъ покоятся знатнѣйшіе изъ горожанъ торуньскихъ конца XVI и начала XVII столѣтій. Внутри храма такъ же, какъ и у св. Яна, васъ поражаетъ высота зданія, освѣщеннаго узкими высокими окнами, изъ которыхъ пять украшены превосходною живописью. Средняя нава шире двухъ боковыхъ, но одинаковой съ ними высоты, отдѣляется отъ нихъ стройными колоннами, образующими еще болѣе легкіе, чѣмъ у св. Яна, своды. Лѣвая нава—двухъэтажная: вверху хоры и органы. Органы поставилъ знаменитый Гансъ Гельвигъ (Helwig) изъ Найштадта въ Гольштиніи между 1601—1609 г.г., т.-е. въ то время, когда костелъ принадлежалъ лютеранамъ. Отъ той же эпохи сохранилась проповѣдническая кафедра съ балдахиномъ. Нижнее пространство подъ хорами представляетъ собою длинный темный коридоръ. Съ боку къ нему примыкаетъ небольшая каплица. Въ этомъ коридорѣ обращаютъ на себя вниманіе огромныя двухстворчатыя двери, точнѣе ворота, разукрашенныя живописью въ византійскомъ стилѣ на темы св. писанія. Весь костелъ внутри выѣленъ, и фресокъ, которыми онъ былъ расписанъ прежде, не сохранилось, за исключеніемъ нѣсколькихъ единичныхъ фигуръ святыхъ въ пилястрахъ правой навы, открытыхъ недавно. Если судить по нимъ, то роспись стѣнъ была въ византійскомъ стилѣ. Главный алтарь—XVIII ст.—довольно изящный: семь бѣлыхъ колоннъ служатъ постаментомъ для фигуръ ангеловъ, держащихъ въ рукахъ большую вызолоченную корону, которая, такимъ образомъ, служитъ сѣнью надъ престоломъ. По обѣ стороны алтаря—замѣчательной артистической рѣзной работы XIV—XV в.—готическія мѣста для духовенства, въ видѣ скамей со спинками и балдахинами (*stalle*), украшенныя изображеніями фантастическихъ птицъ, плодовъ, листьевъ, геометрическихъ фигуръ и головками людей разныхъ расъ и народовъ. По лѣвую сторону главнаго алтаря, въ каплицѣ — гробница сестры Сигизмунда III, королевны Анны.

Внучка Густава Вазы и дочь шведскаго короля Іоанна III Анна была ревностною протестанткою. Въ 1587 г., девятнадцатилѣтнею дѣвушкою, она пріѣхала въ Польшу вмѣстѣ съ братомъ. Послѣдній назначилъ ей Бродницкое и Голубское староства. Анна не любила придворной жизни. Занималась науками. Особенно любила ботанику. Въ Голубѣ завела нѣчто въ родѣ ботаническаго сада. Сама собирала травы и составляла гербарій. Покровительствовала ученымъ, которые трудились на этомъ же поприщѣ. Такъ, она много помогла осуществленію изданія «Травника» Шимона Syrinijus'a въ 1613 году, что подало поводъ профессору Краковской академіи Габріелю Іоанницію приписать этотъ трудъ королевнѣ. Приписывали даже ей сочиненія религіозно-полемическаго характера (напримѣръ, «Przyczyn kilkadziesiąt»—кс. Ю. Церазина, 1612, «Postille Chrześcijańska»—С. Домбровскаго, 1621). Андрей Збилютовскій начинаетъ свое «Pisanie satugów puszczy litewskich» (1589 г.) обращеніемъ къ королевнѣ-меценаткѣ:

S gęstych lasów, gdzie Narew cicho z dawna bieży
I od strumieniów które biegną w Białowieży,
I z wysokich pagórków i skał zawieszonych...
Wszyscy leśni bogowie, boginie, dryady...
Pozdrowienie, królewno, tobie posyłają ¹⁾.

Анна умерла 6 февраля 1625 г. въ Бродницѣ (Strasbourg). Тамъ ее временно и похоронили. Черезъ 11 лѣтъ король Владиславъ IV торжественно перенесъ ея останки въ Торнѣ.

Стѣны каплицы облицованы чернымъ мраморомъ, а украшенія выполнены изъ бѣлаго мрамора. По срединѣ каплицы на черно-мраморномъ пьедесталѣ стоитъ на львиныхъ лапахъ такой же саркофагъ. На верху его, на ложѣ изъ бѣлаго мрамора, украшенномъ золотомъ, — бѣломраморная статуя заснувшей вѣчнымъ сномъ королевны въ королевской мантии со сложенными на груди руками. На рѣшетчатыхъ желѣзныхъ дверяхъ, заграждающихъ входъ въ каплицу, краткая надпись:

Monumentum Annae Princ. Svec.

и 1637 г.—годъ постановки монумента.

Поля presbyterium'a почти сплошь уложенъ намогильными каменными плитами лицъ, въ костелѣ погребенныхъ. На нѣкоторыхъ сохранились дворянскіе гербы, и можно еще прочесть надписи.

¹⁾ Изъ густыхъ лѣсовъ, гдѣ Нарева издавна тихо струится,
И отъ ручьевъ, которые бѣгутъ въ Бѣловѣжской пущѣ,
И съ высокихъ холмовъ и со скалъ отвислыхъ
Всѣ лѣсные боги, богини и дриады
Шлютъ тебѣ привѣтъ, королевна.

Такъ здѣсь похоронены члены семействъ: Вахшлягеровъ, Мелдзинскихъ, Линдовъ, Стробандовъ, Мохингеровъ, Лещинскихъ... У южной стѣны сохранились, въ довольно плачевномъ видѣ, два памятника, по всему вѣроятію, временъ до-лютеранскихъ, съ высѣченными изъ камня изображеніями какихъ-то спящихъ вооруженныхъ рыцарей.

V.

По дорогѣ въ костелъ св. Іакова.—Breite-Strasse и Elisabeth-Strasse.—У Густава Веезе.—Торнскіе пряники.—Ихъ популярность.—«Катажинки».—Ихъ происхождение.—Въ костелѣ св. Іакова.—Его исторія и архитектурныя особенности.—Алтари.—Картины.—Сѣдалища съ аллегорическими изображеніями.

Третій достойный вниманія въ Торнѣ костелъ во имя св. апостола Іакова старшаго находится въ другой части города, извѣстной подъ именемъ новаго города (nowe-miasto, Neustadt). Ближайшій путь къ нему отъ рынка лежитъ черезъ Breite-Strasse и Elisabeth-Strasse, и даже его можно совершить на электрическомъ трамваѣ, идущемъ отъ угла первой къ мосту Breite-Strasse—самая бойкая улица въ Торнѣ, разумѣется, благодаря тому, что на ней сосредоточены лучшіе магазины и лавки. На Elisabeth-Strasse находится лучшій пряничный магазинъ Густава Веезе (Weese). Пряники мѣстнаго приготовленія уже давно пользуются извѣстностью. Даже сложилась поговорка о томъ, что

Toruński perniczek,
Warszawski trzewiczek,
Gdanska wódeczka,
Krakowska dziewczka —
Najlepsze w świecie¹⁾.

Въ половинѣ XVI ст. Торнъ сильно конкурировалъ съ Нюренбергомъ по части изготовленія пряничныхъ издѣлій, пока, наконецъ, въ 1556 г., послѣдовало соглашеніе между обоими городами, въ силу котораго въ Торнѣ можно было выпекать нюренбергскіе пряники, а въ Нюренбергѣ—торнскіе. Здѣшніе пряники идутъ въ продажу въ разной формѣ и различной величины. Самый большой изъ нихъ до сихъ поръ былъ тотъ, который городской совѣтъ (rada miejska), въ 1778 году, поднесъ въ подарокъ императрицѣ Екатеринѣ II-й. Длина его достигала четырехъ локтей (1 лок.—13 верш.), а толщина на полъ-локтя; стоилъ не менѣе 300 талеровъ... Особенною славою пользуются такъ называемыя «катажинки» (katagynki)—небольшіе прянички, изготовляемыя изъ муки, меду и перца. Ихъ подаютъ въ польскихъ домахъ въ качествѣ

¹⁾ Т. е. торунскій пряничекъ, варшавскій башмачекъ, гданская водочка и краковская дѣвочка—самые лучшіе на свѣтѣ.

десерта къ чаю или къ вину. Катажинки имѣютъ свою исторію. О происхожденіи ихъ одна изъ старыхъ торунскихъ хроникъ рассказываетъ слѣдующее.

«Въ одну изъ войнъ, которую велъ орденъ крестоносцевъ въ XIV в. съ Литвою и Мазовіею, благородные рыцари Пресвятой Дѣвы Маріи воротились въ свои укрѣпленные замки на нижней Вислѣ съ богатою добычею и множествомъ плѣнныхъ, въ числѣ коихъ было много дѣвушекъ. Слезы ихъ смягчили грубое сердце великаго магистра. Онъ приказалъ часть добычи продать. На вырученныя отъ продажи деньги выстроилъ подъ Торнемъ монастырь и помѣстилъ въ немъ литовскихъ и мазовецкихъ плѣнницъ. Одна изъ этихъ монахинь, по имени Екатерина (Katarzyna) умѣла готовить вкусныя кушанья и, между прочимъ, пекла отличныя пирожныя на меду. Способъ изготовленія ихъ она хранила въ глубокой тайнѣ и лишь, чувствуя приближеніе смерти, посвятила въ тайну одну изъ сестеръ. Та, въ свою очередь, передъ смертью передала ее тоже другой сестрѣ»... Такимъ образомъ, тайна печенія «катажинокъ» сохранялась сперва въ монастырѣ. Какимъ образомъ и когда она вышла за его предѣлы,—неизвѣстно. Въ настоящее время трудятся въ Торнѣ надъ изготовленіемъ пряниковъ нѣсколько фирмъ. Изъ нихъ первое мѣсто, по качеству товара и по торговымъ оборотамъ, занимаетъ помянутая выше фирма Густава Веезе. Она существуетъ съ 1751 года; перерабатываетъ меду въ годъ 3.000 центнаровъ; число рабочихъ достигаетъ 40 человекъ.

По Elisabeth-Strasse выходите на площадь новаго города. По серединѣ ея новая лютеранская кирка. За нею, налево, въ улочкѣ, костѣль св. Іакова. Хотя размѣрами своими онъ и меньше костѣловъ св. Яна и Пресв. Дѣвы, но красотой своего готическаго стиля ни въ чемъ имъ не уступаетъ. Оригинальна его башня-колокольня. Издали она кажется двойною, и только при ближайшемъ осмотрѣ убѣждаетесь, что такое впечатлѣніе получается отъ двухъ шатрообразныхъ крышъ, одна о бокъ другой, ее покрывающихъ. Вокругъ главныхъ дверей и вдоль стѣнъ цѣлаго костѣла идетъ выпуклая надпись готическими буквами, выжженными на покрытыхъ глазурью кирпичахъ желтаго цвѣта, такимъ образомъ, что на каждомъ кирпичѣ помѣщается по одной только буквѣ. Хотя многіе изъ кирпичей, особенно около входа, уже выпали, но надпись все-таки еще можно прочитать. Призывая благословеніе Божіе на храмъ, она свидѣтельствуетъ, что послѣдній посвящается имени св. апостоловъ Іакова и Филиппа. Еще, какъ на одну архитектурную особенность храма св. Іакова, слѣдуетъ указать на то, что наружные стѣнные его контрфорсы оканчиваются вверху въ видѣ стройныхъ готическихъ башенокъ, обрамляющихъ его шатрообразную крышу. Особенно хорошо сочетаніе этихъ контрфорсовъ-башенокъ на стѣнѣ главнаго алтаря. Время сооруженія костела,

судя по сохранявшейся въ немъ долгое время ¹⁾, а теперь уже стертой, надписи, относится къ 1309 году. Въ сороковыхъ годахъ XIV столѣтія костель св. Іакова былъ отданъ въ вѣдѣніе монахинь-бенедиктинокъ съ цѣлю поддержать его доходами приходившій въ упадокъ женскій монастырь, по всему вѣроятію, тотъ самый, въ которомъ проживала помянутая выше сестра Екатерина, мастерица печь пряники. Въ 1455 г. при нападении на Торнъ гроемейстера Людвигъ фонъ-Ерлихсгаузена костель сгорѣлъ. Его отстроили въ нѣсколько измѣненномъ противъ прежняго видѣ. Во вторую шведскую войну городской совѣтъ, желая отдѣлаться отъ бенедиктинокъ, подговорилъ шведскаго коменданта занять костель. Сестры начали процессъ. Тянулся онъ семь лѣтъ: собирались нѣсколько комиссій, но толку все не было, такъ что, назначая послѣднюю, король дозволилъ въ случаѣ надобности прибѣгнуть къ оружію. Послѣ разныхъ пререканій «лютеране, пишетъ историкъ женскихъ монастырей въ Хелминской епархіи, испугались и сами принесли ключи отъ костела» ²⁾. Монахини снова поселились при костелѣ и владѣли имъ до 1833 г., когда обитель ихъ закрыли. По внутреннему расположенію своихъ частей, костель св. Іакова напоминаетъ светогоянскій костель. Средняя часть не особенно широка. Боковыя—ниже ея на половину и уже. Къ нимъ примыкають каплицы, по четыре съ каждой стороны, съ алтарями. Послѣдніе, не исключая и главнаго,—произведенія двухъ послѣднихъ столѣтій и артистической цѣнности не имѣють. Какъ на предметы, достойныя вниманія, укажу: на скульптурное распятіе подъ балдахиномъ на одномъ изъ алтарей, на рѣзную, вызолоченную, проповѣдническую каеэдру, на стѣнные подсвѣчники, мастерскія издѣлія мѣстныхъ слесарей XV в., на высоко-художественныя картины въ каплицахъ съ правой стороны.

Кирпичный полъ храма усѣянъ могильными плитами съ болѣе или менѣе сохранившимися надписями. Очевидно, здѣсь, какъ и у св. Яна и у панны Маріи, охотно хоронили состоятельныхъ людей, но съ тою лишь разницею, что въ первыхъ двухъ костелахъ погребали людей не только богатыхъ, но и вмѣстѣ съ тѣмъ родовитыхъ, а тутъ богатыхъ мѣщанъ, благотворителей, какихъ нибудь купцовъ, ремесленниковъ. Матеріальная зависимость храма отъ послѣднихъ очевидна даже до сихъ поръ. И теперь еще на самыхъ видныхъ первыхъ мѣстахъ лавокъ, поближе къ главному алтарю, читаемъ на бронзовыхъ дощечкахъ фамиліи богатыхъ мясниковъ и торговцевъ, которые по праздникамъ приходятъ сюда съ женами, чадами и домочадцами молиться Богу.

¹⁾ «Торнъ», 63.

²⁾ Кс. Л. Фанкидейскій: «Klasztory żeńskie w dyecezyi Chełmińskiej».

VI.

Остатки старыхъ стѣнъ.—Падающая башня.— Легенда объ ней.— Польская пресса въ Торнѣ.—Въ редакціи «Gazet'y Toruńskiej».—Торнское научное общество.—Исторія его возникновенія.—Его современное положеніе.—Печатный органъ общества и изданія послѣдняго.—Музей и библіотека общества.—Прочія польскія учрежденія въ Торнѣ и ихъ значеніе.

Быть въ Торнѣ и не побывать въ польскомъ музеѣ, существующемъ при мѣстномъ польскомъ научномъ обществѣ, было бы непроситительно.

Не зная ни мѣста нахождения музея, ни времени, когда онъ бываетъ открытъ для доступа публики, мы рѣшили собрать всѣ эти свѣдѣнія въ редакціи мѣстной польской газеты, куда и отправились изъ костела св. Іакова.

«Gazeta Toruńska» существуетъ 37-й годъ. Выходитъ ежедневно, за исключеніемъ понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ. Подписная цѣна съ доставкою 1 марка 50 пфен. въ кварталъ, т.-е. за три мѣсяца. Каждый номеръ, въ форматѣ нашихъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» второго изданія, содержитъ въ себѣ: одну или двѣ передовыя статьи по жгучимъ вопросамъ, фельетонъ, городскую и мѣстную хронику, послѣднія политическія извѣстія и, конечно, объявленія. Тяжело приходится бороться этому изданію съ нѣмецкимъ гакатизмомъ... но эта борьба придаетъ ему энергію и помогаетъ находить новыя и болѣе испытанныя средства для защиты. При Gazet'ѣ выходитъ народный листокъ «Przujacieł». Издаетъ «Gazet'у и «Przujacieł» г. І. Буцинскій. Еще недавно его судили за нарушеніе какихъ-то законовъ о печати, и судъ гакатистовъ подвергнулъ г. Буцинскаго взысканію. Редакторомъ газеты состоитъ Я. Брейскій, человекъ, по отзывамъ знающихъ его, подвижный, дѣятельный, обладающій силою воли. Редакція «Gazet'y Toruńskiej» помѣщается въ концѣ Мостовой улицы (Brücke-Strasse) № 4, у самой Мостовой башни.

Еще со временъ глубокой древности весь Торнъ окруженъ стѣнами съ башнями, въ которыхъ продѣланы ворота. До настоящаго времени сохранились, разумѣется, въ реставрированномъ видѣ—стѣны вдоль берега Вислы, а изъ 28 башенъ уцѣлѣли только 12. Изъ нихъ самая замѣчательная—наклонная или падающая (pochyła wieża) въ концѣ Пекарской улицы. Съ легкой руки знаменитой «падающей башни» въ Пизѣ подобныя сооруженія стали появляться и въ другихъ странахъ Европы. Такъ, напримѣръ, у насъ въ Россіи существуютъ наклонныя колокольни въ Ярославлѣ, въ Чебоксарахъ, Казанской губерніи. Но если Пизанская башня, покачивавшаяся на бокъ еще во время кладки перваго яруса, намѣренно достраивалась въ такомъ видѣ далѣе, съ утолщеніемъ стѣнъ съ одной стороны, то другія подобныя ей сооруженія скорѣе могли

покачнуться отъ неискусной кладки доморощенныхъ мастеровъ, отъ недобросовѣстнаго исполненія работъ или, наконецъ, вслѣдствіе почвенныхъ причинъ. Однако народъ не хочетъ этого знать и съ каждою такою постройкою связываетъ какую нибудь легенду. Такъ, про торнскую падающую башню преданіе рассказываетъ, что около 1271 года какому-то тевтонскому рыцарю, человѣку остроумному, но ужасному безбожнику, начальство ордена приказало поставить ее въ наказаніе, дабы потомки знали о «кривыхъ путяхъ» этого рыцаря.

Въ редакціи встрѣтили насъ любезно, и, выслушавъ нашу просьбу, одинъ изъ членовъ ея выразилъ живѣйшую готовность немедленно познакомить насъ съ сокровищами польскаго музея, который, какъ мы потомъ узнали, бываетъ открытъ для публики по воскресеньямъ.

Музей помѣщается при научномъ обществѣ (Towarzystwo Naukowe Toruńskie). Последнее возникло здѣсь въ концѣ 1875 года, т.-е. вскорѣ послѣ торжественнаго чествованія памяти Коперника по случаю 400-лѣтняго юбилея со дня его рожденія, — чествованія, которое, безъ сомнѣнія, значительно подняло самосознаніе мѣстной польской интеллигенціи. Основателемъ общества былъ, нынѣ уже покойный Сигизмундъ Дзяловскій, человѣкъ образованный и энергичный. Задача общества, какъ она изложена при его открытіи: «собираніе и сохраненіе всѣхъ мѣстныхъ памятниковъ, относящихся къ прошлому западной Пруссіи, равно какъ и предметовъ научныхъ; общество устраиваетъ чтенія, занимается научными изслѣдованіями, собираніемъ матеріаловъ для своихъ музея и библіотеки и, по мѣрѣ средствъ, изданіемъ научныхъ трудовъ; политика и дѣла общественныя исключаются изъ круга его дѣятельности». Тѣмъ не менѣе послѣднее условіе не спасаетъ торнское научное общество отъ присутствія въ его засѣданіяхъ чиновъ полицейскаго надзора. Не этому ли обстоятельству слѣдуетъ приписать то, что въ послѣднее время засѣданій общества совсѣмъ не бываетъ. Кому же, скажите на милость, захочется «засѣдать» въ подобной обстановкѣ? Анонимный историкъ Торна съ горечью замѣчаетъ: «Научное общество въ Торнѣ, вѣроятно, единственное на земномъ шарѣ научное учрежденіе, собранія членовъ которой отбываются подъ грозой полицейскаго надзора»¹⁾. Тѣмъ не менѣе дѣятельность членовъ общества не прекращается. Выраженіемъ ея служатъ «Roczniki» (Ежегодники) общества. Первый «Rocznik» вышелъ въ 1878 г., а послѣдній — седьмой увидѣлъ свѣтъ въ 1900 г. Въ этихъ Rocznik'ахъ содержится очень много цѣннаго историко-археологическаго и этнографическаго матеріала, касающагося западной Пруссіи, Варміи и Поморья. Кромѣ Rocznik'овъ, общество издаетъ отъ

¹⁾ «Toruń», 106

времени до времени отдѣльными изслѣдованіями и собраніями матеріаловъ. Такъ, въ 1884 году оно издало съ выдачею премии историческую монографію «Тогін», а въ 1900 году выпустило IV-й томъ *Fontes*, приложеній къ *Rosznik'amъ*, содержащій въ себѣ пастырскую визиту епископа Андрея Лещинскаго въ 1647 году по епархіи Хелминской; на средства же общества издана археологическая карта западной Пруссіи—трудъ г. Оссовскаго. Общество дѣлится на три отдѣла: богословскій, врачебно-натуральный и историко-археологическій. Послѣдній имѣетъ больше всего членовъ, и, благодаря трудамъ главнымъ образомъ ихъ, при обществѣ уже двадцать пять лѣтъ существуетъ музей. Музей помѣщается на Высокой улицѣ, въ домѣ подъ № 66, принадлежащемъ акціонерному обществу «*Muzeum Togińskie*». Домъ каменный, трехэтажный. Внизу ресторанъ гостиницы «*Hotel Muzeum*», выше номера, а еще, въ 3-мъ этажѣ, въ двухъ свѣтлыхъ, высокихъ, крупныхъ комнатахъ—музей и вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщеніе для собраній общества. Въ первой комнатѣ собраны предметы, относящіеся къ области естественной исторіи (здѣсь, между прочимъ, замѣчательна гигантскихъ размѣровъ черепаха), доисторической археологіи (черепа, урны, издѣлія каменнаго и бронзоваго вѣковъ, найденныя по правому и лѣвому берегамъ Вислы въ окрестностяхъ Торна, монеты, медали) и памятники древности, старинное оружіе, портреты (въ томъ числѣ основателя общества и музея—С. Дзяловскаго), бюсты (между ними грандіозный бюстъ Коперника), картины, масонскіе ордена и знаки, ассигнаціи временъ Костюшки, какой-то дипломъ за его же подписью, автографы Станислава-Августа и Яна Килинскаго, старинный глобусъ и т. п. Въ другой комнатѣ находится библіотека. Составлена она по преимуществу изъ пожертвованій книгами на разныхъ языкахъ. Въ числѣ послѣднихъ есть нѣсколько очень старыхъ и въ настоящее время рѣдкихъ, въ родѣ «Гербовника» Несѣцкаго, старинной анатоміи и т. п. Въ библіотекѣ на столѣ лежитъ такъ называемая «памятная книга», въ которую записываютъ свои фамиліи посѣтители музея. Перелистывая ее, мы нашли подъ 1892 годомъ знакомую фамилію тогдашняго варшавскаго генералъ-губернатора І. В. Гурко.

Кромѣ научнаго общества, въ Торнѣ существуютъ еще слѣдующія польскія учрежденія: религіозно-благотворительное братство св. Викентія à Paulo (съ 1865 г.), кредитный банкъ подъ фирмою Донимирскаго, Калькштейна и Лысковскаго (съ 1866 г.), общество для поддержанія нравственныхъ потребностей польскаго люда въ предѣлахъ прусской Польши (1869 г.), общество промышленное, взаимной помощи работникамъ и ремесленникамъ, центральное сельско-хозяйственное, въ средѣ котораго возникла торговая фирма «*Rolnik*», занимающаяся покупкою и продажею сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, выпискою земледѣльческихъ машинъ, суррога-

товъ искусственнаго удобренія и т. д., пѣвческое—«Litnia» и, наконецъ, «Вѣчевое общество», основанное въ 1899 году, задача котораго—устройство народныхъ вѣчей въ разныхъ мѣстностяхъ, въ цѣляхъ распространенія въ народѣ просвѣщенія, трезвости и бережливости. Существованіе подобныхъ учрежденій имѣетъ для мѣстнаго польскаго общества чрезвычайное значеніе въ виду тѣхъ усилій, какія дѣлаются, особенно въ послѣднее время, со стороны власти и мѣстнаго нѣмецкаго населенія къ поглощенію польскаго элемента,—усилій, о которыхъ мнѣ придется говорить въ одномъ изъ слѣдующихъ своихъ очерковъ.

Г. А. Воробьевъ.

СУДЬБЫ БЫВШИХЪ РУССКО-АМЕРИКАНСКИХЪ ВЛАДѢНІЙ ПОДЪ ВЛАДЫЧЕСТВОМЪ РЕСПУБЛИКИ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ.

(По американскимъ источникамъ).

ШРОДАЖА такъ называемой «Русской Америки» (Russian America) республикѣ Соединенныхъ Штатовъ, состоявшаяся въ 1867 году, до сего времени остается историческимъ событіемъ, мало разъясненнымъ. Въ свое время трактатъ этотъ представлялся образованному обществу обѣихъ странъ облеченнымъ какой-то таинственностью, и это впечатлѣніе таинственности, повидимому, не изгладилось даже до сего времени.

Между тѣмъ, въ продажѣ Россіей своихъ американскихъ владѣній республикѣ Соединенныхъ Штатовъ не представляется въ дѣйствительности положительно ничего таинственнаго, загадочнаго или необычайнаго. Громадность территоріи означенныхъ владѣній вызывала большіе расходы на устройство гражданскаго въ нихъ управленія, а громадность берегового протяженія Аляски, совмѣстно съ относящимися къ ней Алеутскими островами, требовала заведенія и содержанія у этихъ береговъ значительнаго флота, что должно было поглотить колоссальныя суммы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отдаленность этихъ русско-американскихъ владѣній отъ столицы имперіи и всѣхъ вообще административныхъ и промышленныхъ ея центровъ создавала для правительства неудобства и затрудненія, почти непреодолимыя. Между тѣмъ, срокъ дѣйствія устава Россійско-Американской компаніи истекъ 1-го января 1862 года, и такъ какъ эта послѣдняя условія, поставленныя правительствомъ для продле-

нія дѣйствія означеннаго устава еще на 20 лѣтъ, принять не согласилась, то для завѣдыванія дѣлами компании назначенъ былъ правительствомъ впредь до ликвидаціи таковыхъ артиллерійскій офицеръ, князь Максутовъ. Представляется любопытнымъ и въ извѣстной степени назидательнымъ то обстоятельство, что главнымъ изъ новыхъ условій, поставленныхъ правительствомъ компании на предметъ продолженія ея торгово-промышленныхъ дѣйствій въ краѣ, которыя она принять не согласилась, было требованіе, чтобы алеуты и прочіе туземные обыватели страны были освобождены отъ принудительнаго, подневольнаго труда, и чтобы всѣмъ обывателямъ края безъ изъятія была предоставлена полная свобода въ избраніи рода занятій, независимо отъ ловли пушныхъ звѣрей и добыванія звѣриныхъ шкуръ, составлявшихъ цѣль учрежденія Россійско-Американской компании. Съ прекращеніемъ правъ и преимуществъ означенной компании, въ число которыхъ, наряду съ дѣйствіями торгово-промышленнаго свойства, входили также и права управленія краемъ, русское правительство встрѣтилось лицомъ къ лицу съ нелегкой и сложной задачей устройства гражданскаго въ немъ управленія и созданія въ его предѣлахъ и вдоль его береговъ должной военной и морской охраны.

Между тѣмъ, еще въ декабрѣ 1859 года, mr Swin, сенаторъ Соединенныхъ Штатовъ отъ штата California, велъ съ русскимъ посланникомъ въ Вашингтонѣ неформальные переговоры объ уступкѣ Аляски федеральному правительству, при чемъ объяснилъ, что Соединенные Штаты готовы заплатить за русско-американскія владѣнія 5 милліоновъ долларовъ. Американскій товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ подтвердилъ заявленіе сенатора Swin'a, поясняя, что президентъ республики (Бухананъ) является сторонникомъ такой покупки, и что если русское правительство дастъ благопріятный отвѣтъ по этому предмету, то онъ (президентъ) внесетъ вопросъ объ этой покупкѣ на разсмотрѣніе кабинета. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, полученъ былъ отъ князя Горчакова отвѣтъ, что предлагаемая покупная сумма представляется совершенно недостаточной, тѣмъ не менѣе, однако, министръ финансовъ Россійской имперіи произведетъ разслѣдованіе о положеніи дѣлъ компании и общемъ состояніи территоріи, послѣ чего императорское правительство будетъ поставлено въ возможность вести переговоры. Вспыхнувшая гражданская война на долгое время приостановила начавшіеся было переговоры о покупкѣ русско-американскихъ владѣній.

Въ исходѣ этой послѣдней (1861—1865) законодательное собраніе территоріи Вашингтона, входящей въ составъ Соединенныхъ Штатовъ, въ 1866 году приняло рѣшеніе, которымъ ходатайствовало передъ федеральнымъ правительствомъ о приобрѣтеніи отъ Россіи Аляски съ ея безчисленными островами, указывая на то, что обыватели этой территоріи, нынѣ занимающіеся отхожими рыбными

промыслами въ предѣлахъ великобританскихъ владѣній Сѣверной Америки, получаютъ такимъ образомъ возможность вести тотъ же промыселъ у себя дома. Многоразличныя влiянія въ видахъ прiобрѣтенiя отъ Россiи ея американскихъ владѣній и въ особенности воздѣйствiе федеральнаго сенатора отъ штата Калифорнiя, г. Cole, до такой степени непрерывно окружали русскаго посланника въ Вашингтонѣ, барона Эдуарда Штекеля, что для положительнаго и окончательнаго разрѣшенiя этого вопроса онъ рѣшилъ лично отправиться въ Петербургъ, воспользовавшись для сего болѣе или менѣе продолжительнымъ отпускомъ. Предъ его возвращенiемъ къ мѣсту служенiя, въ февралѣ 1867 года, предсѣдателемъ государственнаго совѣта, великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, баронъ Штекель былъ уполномоченъ заключить съ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ договоръ о продажѣ русско-американскихъ владѣній. Для уразумѣнiя происхожденiя всѣхъ этихъ воздѣйствiй и влiянiй на русскаго посланника въ Вашингтонѣ, въ видахъ устройства и достиженiя продажи Россiей такъ называемой «Русской Америки» (Russian America), необходимо имѣть въ виду, что цѣлая группа богатѣйшихъ промышленниковъ и торговцевъ штата Калифорнiи издавна стремилась заарендовать отъ Россiйско-Американской компании ту изобилующую пушными звѣрями часть русско-американскихъ владѣній, которая съ 1837 года находилась въ арендѣ у англiйской Hudson's Bay Company (компаниа Гудзонова залива). Срокъ аренды этой, неоднократно возобновлявшейся, истекалъ въ 1868 году, а такъ какъ между тѣмъ сама Россiйско-Американская компаниа возобновленiя дѣйствiй своего устава въ Петербургѣ не достигла, то калифорнскiе дѣльцы естественно стали настойчиво стремиться добиться какъ заарендованiя «лакомаго кусочка», доселѣ находившагося въ пользованiи у англiйской компании, такъ равно вмѣстѣ съ тѣмъ и полученiя права производства пушнаго промысла въ предѣлахъ русско-американскихъ владѣній вообще, до того времени находившихся въ распоряженiи руссiйско-американской компании. Отъ подобной аренды до совершенной покупки «Русской Америки» оставался всего лишь одинъ шагъ, если бы даже граждане территорiи Вашингтонъ и тихоокеанскаго побережья вообще, а равно и нѣкоторые государственные и общественные дѣятели республики, и вовсе не стремились къ ея прiобрѣтенiю.

По своемъ возвращенiи изъ Петербурга въ Вашингтонъ, русскiй посланникъ, баронъ Штекель, немедленно приступилъ къ веденiю окончательныхъ переговоровъ о продажѣ Аляски, которые и закончились съ необычайной быстротой. Въ то время, какъ онъ прибылъ въ Вашингтонъ въ половинѣ марта, 29-го того же марта была уже имъ получена телеграфная депеша изъ Петербурга о томъ, что государь императоръ согласился на уступку русско-

американскихъ владѣній республикъ Соединенныхъ Штатовъ за 7.200.000 долларовъ золотомъ, предложенныхъ федеральнымъ правительствомъ. Въ тотъ же день, ночью, американскій министръ иностранныхъ дѣлъ William H. Seward и русскій посланникъ устроили ночное засѣданіе въ министерствѣ, и 30-го того же марта въ 4 часа утра договоръ о покупкѣ Аляски правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ былъ подписанъ обѣими договаривающимися сторонами. Покупная цѣна въ собственномъ смыслѣ слова равнялась 7.000.000 долларовъ, а 200.000 долларовъ составляли дополнительное вознагражденіе за освобожденіе приобретаемой территории отъ всякихъ ограниченій, привилегій и правъ пользованія или владѣній, принадлежащихъ какимъ бы то ни было обществамъ и компаніямъ, русскимъ или иностраннымъ.

Этотъ международный трактатъ, заключенный и подписанный нѣсколько необычайнымъ образомъ, отличался нѣкоторыми особенностями, которыя дѣлали его необычайнымъ также и по внутреннему его содержанию. Утвержденіе его зависѣло отъ сената Соединенныхъ Штатовъ, а назначеніе и отпускъ покупной суммы могли воспослѣдовать лишь въ законодательномъ порядкѣ, т.-е. путемъ законодательнаго акта, прошедшаго чрезъ обѣ палаты конгресса. Обѣ договаривающіяся стороны, т.-е. американскій министръ иностранныхъ дѣлъ William Seward и русскій посланникъ Эдуардъ Штекель это, конечно, отлично знали и понимали, а потому въ подписанный ими 30-го марта 1867 года трактатъ и были включены двѣ особыя статьи: одна изъ нихъ гласила, что заключаемый договоръ долженъ быть утвержденъ сенатомъ, а другая, что назначенная въ немъ покупная сумма должна быть назначена къ отпуску изъ федеральнаго казначейства конгрессомъ. Такимъ образомъ, если бы сенатъ отказалъ въ утвержденіи этого трактата, или конгрессъ отказался отъ отпуска опредѣленной въ немъ покупной цѣны, то онъ лишился всякаго значенія. Если принять во вниманіе, что даже западная часть республики Соединенныхъ Штатовъ въ то время ея государственнымъ и общественнымъ дѣятелямъ не была въ должной степени знакома, а владѣнія русско-американскія для нихъ представлялись совершеннѣйшей *terra incognita*, какой-то приполярной Сахарой, ни къ чему негодной и не имѣющей никакой будущности, то нельзя не видѣть, что въ отпускѣ законодательными палатами на предметъ приобретенія этой послѣдней слишкомъ 7 милліоновъ долларовъ слѣдовало ожидать серьезнаго противодѣйствія и немалыхъ затрудненій. Американскій министръ иностранныхъ дѣлъ William Seward, являвшійся однимъ изъ немногихъ горячихъ и сознательныхъ сторонниковъ такого приобретенія, отлично это понималъ, а потому при обсужденіи въ соединенномъ засѣданіи обѣихъ палатъ конгресса вопроса объ отпускѣ вышеозначенныхъ 7.200.000 долларовъ (9-го апрѣля 1867 года) выступилъ въ защиту

трактата съ особой рѣчью другой ревностный его сторонникъ, сенаторъ Charles Sumner, извѣстный американскій государственный дѣятель, въ то время состоявшій предсѣдателемъ особой комиссiи сената по иностраннымъ дѣламъ. Въ рѣчи этой Charles Sumner, обстоятельно изложивъ предъ конгрессомъ исторiю «Русской Америки», столь блестяще и съ такой убѣдительною представилъ ему ея минеральныя богатства, грандіозность ея мѣховой промышленности и неисчерпаемость ея рыболовныхъ промысловъ, что, вопреки общераспространеннымъ предубѣжденiямъ, конгрессъ склонился въ пользу ея приобрѣтенiя и согласился отпустить на этотъ предметъ изъ федеральнаго казначейства потребные 7.200.000 долларовъ. Въ маѣ трактатъ былъ ратификованъ обоими правительствами и при особой прокламаціи президента республики отъ 20-го iюня (новаго стиля) 1867 года опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе.

Такимъ образомъ, причинами продажи Россiей ея американскихъ владѣній, надъ которыми до сихъ поръ ломаютъ голову нѣкоторые органы русской печати, въ родѣ «Московскихъ Вѣдомостей», были нижеслѣдующія обстоятельства. Естественное и неизбежное расширение и утвержденiе русскаго владычества въ Азiи, непрерывно угрожающее столкновенiемъ съ Англiей, можетъ во всякое время потребовать такого напряженiя сухопутныхъ и, въ особенности, морскихъ военныхъ силъ имперiи, что содержанiе у сѣверо-американскихъ береговъ, вдоль берегового протяженiя Аляски, флота, достаточнаго для должной ея охраны въ мирное время и въ особенности для должной ея защиты въ военное, было бы дѣломъ рискованнымъ и совершенно недалновиднымъ. Бомбардированiе Петропавловска англійскимъ адмираломъ Price въ 1854 г. и совершенное разрушенiе какъ Петропавловска, такъ и Урупа, эскадрой союзнаго англо-французскаго флота въ 1855 г., сопровождавшееся поджогами и разграбленiемъ церквей и мѣховыхъ складовъ Россiйско-Американской компанiи, служатъ достаточнымъ подтвержденiемъ тому, что защита бывшихъ русско-американскихъ владѣній въ военное время потребовала бы содержанiя вдоль береговъ Аляски болѣе или менѣе значительнаго флота. Не слѣдуетъ затѣмъ упускать изъ виду, что, въ случаѣ войны Россiи съ Великобританiей, представлялось бы также возможнымъ вторженiе въ бывшія русско-американскія владѣнія канадскихъ войскъ. Подобная возможность требовала бы слѣдственной перевозкi на столь отдаленную окраину Россiйской имперiи значительныхъ сухопутныхъ войскъ при всякомъ сколько нибудь серьезномъ международномъ осложненiи. Независимо отъ сего, обширность территории бывшихъ русско-американскихъ владѣній и крайнее различiе насущныхъ интересовъ разныхъ группъ населенiя Аляски дѣлали устоиво въ ней гражданскаго управленiя дѣломъ чрезвычайно труднымъ и требующимъ громадныхъ за-

тратъ. Между тѣмъ, не представлялось никакихъ положительно основаній рассчитывать и ожидать, что «Русская Америка» когда нибудь станетъ въ дѣйствительности полемъ для нормальнаго роста русской промышленности или для утвержденія русской гражданственности. При подобныхъ обстоятельствахъ, если уже русское правительство въ началѣ шестидесятыхъ годовъ рѣшило положить наконецъ предѣлъ хищному въ краѣ хозяйничанью и безобразному управленію Россійско-Амераканской компаніи, то единственнымъ нормальнымъ исходомъ изъ подобнаго положенія вещей представлялась передача Аляски съ ея безчисленными островами какой либо иной державѣ. Какъ по географическому положенію, такъ и въ силу существовавшихъ въ то время международныхъ отношеній, Соединенные Штаты Сѣверной Америки являлись государствомъ, для этой цѣли наиболѣе подходящимъ. Въ то же время, съ другой стороны, граждане тихоокеанскаго побережья республики добывались пріобрѣтенія той, въ строгомъ смыслѣ слова, прибрежной полосы, которая отдѣляла ихъ отъ океана съ его заливами и портами, съ устьями впадающихъ въ него рѣкъ, съ его богатѣйшими и неисчерпаемыми рыбными промыслами. Полоса эта, постепенно расширяющаяся къ сѣверо-западу, находилась въ обладаніи Россійской имперіи, что до извѣстной степени оказывалось тормазомъ для безпрепятственнаго роста американской торговли и промышленности на Тихомъ океанѣ, а въ то же время въ извѣстной степени препятствовало утвержденію и расширенію правильныхъ торговыхъ сношеній республики съ Японіей и Китаемъ. Сверхъ всего этого, обѣ державы, т.-е. какъ Россія, такъ и Соединенные Штаты, находившіяся въ то время въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, были равно заинтересованы въ томъ, чтобы этотъ сѣверо-западный берегъ Сѣверной Америки какимъ бы то ни было образомъ не достался какой либо иной, недружественной державѣ. Тѣ немногіе государственные люди республики Соединенныхъ Штатовъ, которые въ то время понимали всю важность пріобрѣтенія этой республикою русско-американскихъ владѣній, придавали этому послѣднему столь огромное значеніе, что William Seward, въ то время американскій министръ иностранныхъ дѣлъ, одинъ изъ величайшихъ государственныхъ людей своего отечества, однажды, впоследствии, на вопросъ одного изъ его друзей: «Что вы считаете, mr Seward, самымъ важнымъ дѣяніемъ во всей вашей политической карьерѣ?»—ни на минуту не задумываясь, отвѣчалъ: «покупку Аляски; однако пройдетъ еще цѣлое поколѣніе, пока американскій народъ это обнаружитъ и пойметъ». Нынѣ оказывается, что William Seward, какъ и многіе иные великіе люди, былъ до нѣкоторой степени оптимистъ: прошло уже одно поколѣніе, а американскій народъ пока еще не обнаружилъ и не понялъ въ должной степени всего значенія включенія бывшихъ русско-американскихъ владѣній въ составъ

республики Соединенныхъ Штатовъ. Если при этомъ принять во вниманіе, что извѣстная англійская Hudson Bay Company, едва ли не наикрупнѣйшая мѣхопромышленная фирма въ свѣтѣ, пользующаяся большимъ вліяніемъ, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ также задумала было побудить правительство Великобританіи къ приобрѣтенію у Россіи Аляски съ Алеутскими островами, то намъ станетъ понятной та слѣбшность, съ какой, какъ мы видѣли выше, велись и закончились переговоры о покупкѣ бывшихъ русско-американскихъ владѣній правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ.

18—6 октября 1867 года, представители русскаго и американскаго правительствъ, капитанъ Алексѣй Пещуровъ и генераль Л. Н. Rousseau, съ небольшимъ отрядомъ американской пѣхоты, находившейся подъ командой этого послѣдняго, на пароходѣ John Stevens прибыли въ столицу области—г. Новоархангельскъ, или Ситху. Сойдя съ парохода, отрядъ этотъ немедленно прослѣдовалъ въ крѣпость на вершинѣ горы, гдѣ у губернаторской резиденціи выстроился въ одну линію съ русскимъ крѣпостнымъ гарнизономъ. Капитанъ Пещуровъ отдалъ приказъ снять русскій флагъ съ верхушки крѣпостнаго зданія и въ теченіе исполненія этого приказа объявилъ формально, что территорія Аляска уступлена и нынѣ передается республикѣ Соединенныхъ Штатовъ, между тѣмъ какъ русскія крѣпостныя батареи и американскія военныя суда, стоявшія у входа въ Ситхинскую гавань, одновременно отдали установленный салютъ убираемому русскому флагу. Затѣмъ генераль Rousseau сдѣлалъ формальное объявленіе о принятіи территоріи Аляски съ прилегающими къ ней островами правительствомъ республики Соединенныхъ Штатовъ и отдалъ приказъ на мѣсто снятаго русскаго флага водрузить флагъ американскій. Въ теченіе исполненія этого послѣдняго крѣпостныя батареи и американскія военныя суда отдали такой же точно салютъ водружаемому на верхушкѣ зданія американскому флагу, между тѣмъ какъ русскій гарнизонъ сталъ удаляться изъ крѣпости. Аляска стала въ эту минуту территоріей федеральной республики Соединенныхъ Штатовъ.

Американскія сухопутныя войска вышли въ городъ подъ командой генерала Jefferson C. Davis, который немедленно потребовалъ отвода казармъ для своихъ солдатъ. Такъ какъ согласно заключенному трактату уступаемыя республикѣ Соединенныхъ Штатовъ русско-американскія владѣнія должны были быть переданы этой послѣдней «свободными отъ всякихъ ограниченій, привилегій, преимуществъ и правъ пользованія или владѣнія, принадлежащихъ какому либо обществу или компаніямъ, русскимъ и иностраннымъ», за что къ первоначально предложенной цѣнѣ (въ 7.000.000 дол.) и было прибавлено 200.000 долларовъ, то генераль Davis немедленно занялъ своими войсками всѣ зданія и сооруженія Россійско-

Американской компании, для чего бывшіе служащіе и рабочіе этой послѣдней, въ таковыхъ обитавшіе со своими семействами, были выселены безъ всякой пощады, и лишь немногимъ изъ нихъ удалось ископотать на пріисканіе новаго обиталища два-три дня. Такимъ образомъ, началось военное управленіе Аляски федеральнымъ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ, замѣнившее собою прежнее предпримательско-гражданское управленіе Россійско-Американской компании и продолжавшееся ровно десять лѣтъ (1867—1877). Первымъ военнымъ начальникомъ вновь пріобрѣтенной республикой области былъ вышепоименованный генералъ L. N. Rousseau, неукоснительно исполнявшій всѣ приказанія федеральнаго правительства. Общая численность сухопутныхъ войскъ, расположенныхъ въ предѣлахъ Аляски и вдоль береговой линіи, составляла въ теченіе всего вышеозначеннаго десятилѣтія 500 человекъ, т.-е. равнялась одной пятидесятой всей регулярной арміи республики Соединенныхъ Штатовъ. Сверхъ офицеровъ разныхъ ранговъ, командовавшихъ вышеозначеннымъ отрядомъ, единственными тогда представителями американскаго правительства въ краѣ являлись лишь нѣсколько податно-таможенныхъ чиновниковъ, созданныхъ закономъ 27 іюля 1868 года.

Десятилѣтіе военнаго управленія Аляски является одной изъ самыхъ мрачныхъ и позорныхъ страницъ въ исторіи республики Соединенныхъ Штатовъ. Въ то время, какъ русское императорское правительство отказало Россійско-Американской компании въ утвержденіи ея устава на новое двадцатилѣтіе изъ-за разныхъ допускаемыхъ этой послѣдней злоупотребленій, требуя коренныхъ реформъ въ осуществленіи ею предоставляемыхъ ей уставомъ правъ управленія краемъ, въ то время, какъ созданный ею въ краѣ режимъ, вызывавшій неоднократные волненія и беспорядки между туземными обывателями, былъ, такимъ образомъ, строго и рѣшительно осужденъ высшимъ государственнымъ учрежденіемъ имперіи въ лицѣ государственнаго совѣта,—въ теченіе десятилѣтія военнаго управленія бывшей «Русской Америки» (Russian America) американскимъ правительствомъ имѣло мѣсто большее число волненій и возстаній между ея туземцами, нежели за все время русскаго компанейскаго управленія. Первое изъ таковыхъ произошло въ столицѣ края—Ситхѣ—въ самый день новаго 1869 года. Начальникъ племени Чилькото, по имени Чолчека, былъ приглашенъ въ этотъ день къ обѣду военнымъ начальникомъ области генераломъ Davis. Когда, послѣ этого обѣда, изрядно нагрузившись спиртными напитками, простодушный туземецъ, облеченный въ поношенную американскую армейскую форму, спустился съ лѣстницы замка, онъ направился къ выходу по той части крѣпостнаго плаца, которая предназначалась лишь для офицеровъ. Карауль у перваго выхода отдалъ ему честь, но зато караульный у втораго выхода

попробовалъ было вернуть его обратно, какъ лицо, неправильно пользующееся офицерскимъ проходомъ и офицерскими выходами. Такъ какъ Чолчека отказался исполнить это требованіе, то караульный пропустилъ его, но за то, едва лишь онъ вышелъ, грубо пихнулъ его каблукомъ. Начальникъ племени, преисполненный негодованія, а еще болѣе виновныхъ паровъ, бросился на караульнаго, вырвалъ у него изъ рукъ ружье и съ таковымъ удалился въ свою деревню. Когда объ этомъ было доложено генералу Davis, этотъ послѣдній отдалъ приказъ, чтобы отрядъ крѣпостной стражи немедленно послѣдовалъ за Чолчекомъ въ пригородную деревню и его арестовалъ. Но едва синіе мундиры американской пѣхоты показались у входа въ эту деревню, индійцы открыли по нимъ ружейный огонь. Американскій отрядъ отвѣчалъ такимъ же огнемъ, но успѣвъ обнаружить, что отрядъ туземцевъ значительно его превосходить въ численномъ отношеніи, возвратился въ крѣпость. Считая неблагоразумнымъ выслать усиленный отрядъ противъ индійской деревни въ ночное время, генералъ Davis распорядился всякія дѣйствія приостановить до утра, тѣмъ болѣе, что начальникъ племени Чолчека былъ провозглашенъ убитымъ въ перестрѣлкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ края желалъ дать лицамъ, принявшимъ участіе въ беспорядкахъ, время и возможность одуматься. На утро онъ пригласилъ въ свою резиденцію вождей пригороднаго племени Ситха, между которыми укрылся было Чолчека, и среди котораго произошла вышеописанная схватка, и сталъ укорять ихъ за учиненные беспорядки. На упреки эти они отвѣчали, что ихъ племя не принимало никакого участія въ схваткѣ, а таковая вызвана исключительно полусотней воиновъ изъ племени Чилькото подъ предводительствомъ Чолчеки, и что они не желаютъ воевать ни съ чилкотоми, самовольно вторгшимися въ ихъ деревню, ни съ американскими солдатами. Генералъ Davis потребовалъ въ такомъ случаѣ выдачи Чолчеки, и послѣ болѣе или менѣе значительнаго промедленія этотъ послѣдній явился въ штабъ-квартиру и отдался въ распоряженіе военнаго начальника края вмѣстѣ съ ближайшими изъ своихъ соплеменниковъ и соучастниковъ. Продержавъ ихъ подъ арестомъ нѣсколько дней, генералъ Davis ихъ отпустилъ домой съ должными внушеніями и наставленіями.

Хотя только что описанные беспорядки, вызванные неумѣстной и ненужной грубостью американскаго солдата, представляются въ сущности незначительными и болѣе или менѣе пустяжными, тѣмъ не менѣе, однако, они повлекли за собой немаловажныя послѣдствія. Оказалось, что среди компаніи буяновъ, оказавшихъ вооруженное сопротивленіе арестованію Чолчеки, было восемь индійцевъ изъ племени Кэкъ, случайно въ эту ночь находившихся въ деревнѣ племени Ситхи, въ которой въ то же время укрылся Чолчека,

и которая составляла пригородъ столицы Аляски. Одинъ изъ означенныхъ восьми воиновъ племени Кэкъ, пытаясь улепетнуть изъ деревни среди ночного мрака, вопреки соглашенію съ мирными индійцами и отданнымъ распоряженіямъ, былъ отрядомъ американскихъ солдатъ убитъ. Не будучи въ то время достаточно знакомы съ нравами и обычаями мѣстныхъ индійцевъ, американскія военныя власти Аляски ограничились лишь освобожденіемъ изъ-подъ ареста Чолчеки и его главныхъ соучастниковъ, не догадавшись удовлетворить племя Кэкъ за вышеупомянутое убійство одного изъ его воиновъ, для чего подарокъ нѣсколькихъ одѣялъ былъ бы совершенно достаточнымъ. Не получивъ такимъ образомъ должнаго удовлетворенія, племя Кэкъ рѣшило отомстить. Вскорѣ послѣ вышеописанныхъ происшествій два американскихъ развозныхъ торговца, Maager и Walker, въ лодкѣ отбыли изъ Ситхи. Воспользовавшись ихъ пребываніемъ въ пустынной мѣстности, индійцы изъ племени Кекъ ихъ умертвили самымъ звѣрскимъ образомъ. Генераль Davis поставленъ былъ въ неизбѣжную необходимость съ значительнымъ отрядомъ американскихъ солдатъ на маломъ военномъ суднѣ Sagmaw отплыть къ острову Ку, территоріи племени Кекъ, дабы потребовать выдачи убійцы или схватить нѣсколькихъ изъ вождей въ качествѣ заложниковъ. По прибытіи судна къ острову Ку, оказалось, что все племя Кэкъ, опасаясь мщенія бѣлыхъ, покинуло свою территорію и скрылось неизвѣстно куда. Генераль Davis отдалъ приказъ уничтожить все имущество племени и сравнять съ землей все его поселенія, что и было въ точности исполнено.

Съ этого времени пошли между обитателями Аляски періодическіе безпорядки, которые продолжались въ теченіе всѣхъ десяти лѣтъ военнаго управленія краемъ, а отчасти даже и нѣкоторое время спустя по упраздненіи этого управленія. Въ Рождество того же 1869 года нѣкій туземецъ изъ племени Ситха, по имени Сивау, въ пьяномъ видѣ откусилъ палецъ у жены мѣстнаго квартирмейстерскаго сержанта въ фортѣ Врангель. Когда объ этомъ было донесено командиру форта, онъ тотчасъ послалъ особый отрядъ подъ командой лейтенанта Loucks съ приказаніемъ арестовать вышеозначеннаго Сивау и доставить къ нему. Лейтенантъ съ двѣнадцатью солдатами вошелъ въ домъ Сивау, оставивъ восемь остальныхъ изъ нихъ у входной двери и отдавъ всѣмъ имъ приказаніе по данному сигналу стрѣлять. Въ то же время, какъ подлежащій аресту медленно одѣвался, повидимому, обдумывая, какъ надлежитъ ему поступить въ данныхъ обстоятельствахъ, братъ его Эстинъ бросился къ отряду американскихъ солдатъ и, поднявъ руки высоко надъ головой, презрительно закричалъ: «стрѣляйте! убейте меня! я не боюсь!» Въ тотъ же моментъ самъ Сивау точно также бросился по направленію къ отряду, намѣреваясь, повиди-

тому, выхватить ружье у одного изъ солдатъ. Испуганный лейтенантъ Loucks сталъ наносить ему удары саблей по головѣ, а отрядъ солдатъ, принявъ этотъ образъ дѣйствій своего командира за сигналъ къ стрѣльбѣ, далъ залпъ, и мертвый Сивау повалился къ ихъ ногамъ. Такимъ образомъ, исполнивъ приказаніе начальства объ арестѣ Сивау, лейтенантъ Loucks возвратился въ свою квартиру и, не ожидая никакихъ дальнѣйшихъ столкновеній съ туземцами, распустилъ свой отрядъ. Однако, часъ спустя, у фортовой лавки раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Захвативъ съ собой лишь одного солдата, лейтенантъ Loucks бросился по направленію раздавшихся выстрѣловъ. Пробѣгая по десчатому помосту, прѣложенному между лавкой и гарнизонной квартирой, они наткнулись на какой-то мягкій предметъ, который оказался тѣломъ Leon'a Smith'a, одного изъ лавочниковъ компанейской лавки, единственной на этомъ гарнизонномъ посту. Въ лѣвой части груди оказалось у него три раны, а пониже сердца—цѣлыхъ четырнадцать ранъ. Онъ былъ еще живъ и, нѣсколько часовъ спустя, умеръ самой мучительной смертью, удостовѣривъ, что убійцей его былъ нѣкій индѣецъ, по имени Скутду. Такъ какъ туземцы отказались выдать убійцу, то начальникъ фортоваго поста лейтенантъ Vogtwe сталъ бомбардировать ихъ деревню, направивъ первый пушечный выстрѣлъ въ домъ убійцы. Послѣ нѣсколькихъ дней военныхъ дѣйствій убійца Скутду былъ наконецъ выданъ, судимъ военнымъ судомъ, присужденъ къ смертной казни и повѣшенъ. По объявленіи ему приговора военного суда, онъ воскликнулъ: «ну, и отлично; я увижусь съ Смитомъ на томъ свѣтѣ и объясню ему, какъ все это случилось; я не имѣлъ намѣренія убить непременно его, и подвернись мнѣ въ то время подъ руку ктонибудь иной, я съ нимъ расправился бы такимъ же точно образомъ».

Если, такимъ образомъ, изъ-за такого сравнительно ничтожнаго повода, какъ откушеніе пальца американской сержантшѣ туземцемъ въ пьяномъ видѣ, понадобилось убійство одного безоружнаго обывателя цѣлымъ отрядомъ изъ двадцати вооруженныхъ солдатъ подъ предводительствомъ офицера, который имѣлъ несомнѣнно полную возможность исполнить данное ему распоряженіе объ арестѣ этого послѣдняго, то по одному уже этому факту можно судить о характерѣ и приемахъ американскаго военного управленія Аляски, продолжавшагося цѣлое десятилѣтіе. И, дѣйствительно, отъ времени этого управленія сохранились повѣствованія объ убійствѣ американцемъ гражданскаго званія туземца изъ племени Чилькото въ г. Ситхѣ за разбитіе стекла въ шкапу; объ израненіи американскими солдатами трехъ туземцевъ изъ-за разбитаго яйца; о томъ, какъ одинъ изъ индѣйскихъ вождей, въ 1875 году отправленный на американскомъ пароходѣ изъ форта Врангель въ качествѣ свидѣтеля по обвиненію нѣсколькихъ военныхъ въ дебоширствѣ, скандаляхъ

и серьезномъ нарушеніи военной дисциплины, подвергся въ теченіе совершенія пароходомъ своего рейса столь жестокому варварскому и унижительному обращенію, что тутъ же покончилъ жизнь самоубійствомъ, перерѣзавъ себѣ горло, а находившійся при немъ слуга вслѣдъ затѣмъ покушался взорвать пароходъ, бросивъ огромную жестянку пороха въ одну изъ печей паровой машины и т. п. Дабы не вдаваться въ подробности подобныхъ событій, приведемъ здѣсь лишь свидѣтельства самихъ американцевъ, занимавшихъ отвѣтственные гражданскіе или духовные посты въ злополучной Аляскѣ въ теченіе военного ея управления.

Нѣкій William S. Dohge, федеральный таможенно-податной чиновникъ, въ своемъ официальномъ рапортѣ управляющему индійскими дѣлами (одинъ изъ департаментовъ федеральнаго министерства внутреннихъ дѣлъ) за 1869 годъ, между прочимъ, излагаетъ нижеслѣдующее:

«Я поставленъ въ необходимость сказать, что поведеніе нѣкоторыхъ военныхъ и морскихъ офицеровъ и солдатъ было дурно и носило въ высшей степени деморализующій характеръ, не только соблазняя индійцевъ, но въ дѣйствительности развращая все населеніе Ситхи вообще и дѣлая изъ этого города то, что Данте нѣкогда высказалъ объ Италиі — «огромный домъ сквернаго сорта». Я говорю, впрочемъ, лишь о положеніи вещей въ самой Ситхѣ.

«Во-первыхъ, деморализующее вліяніе это порождено тѣмъ фактомъ, что гарнизонъ расположенъ въ самомъ центрѣ города.

«Во-вторыхъ, масса нашихъ солдатъ представляются личностями или отчаяннаго, или крайне безнравственнаго сорта.

«Въ-третьихъ, нѣкоторые изъ офицеровъ не соблюдаютъ военной дисциплины въ той должной степени, въ какой это требуется существующими положеніями. Они даютъ черезчуръ много воли дурнымъ солдатамъ, а наибольшимъ зломъ, изъ котораго проистекаютъ всѣ прочія злоупотребленія, представляется неограниченное и безконтрольное разрѣшеніе ими солдатамъ, ночныхъ отлучекъ. Случалось немало ночей, въ которыя наши солдаты овладѣвали русскимъ домомъ и запугиваньемъ и побоями вынуждали женщинъ повиноваться разгулу ихъ половыхъ страстей. Немало случалось ночей, въ которыя уже послѣ полуночи прибѣгали въ мою квартиру мужчины и женщины, русскіе и алеуты, въ ночномъ бѣльѣ, прося защиты противъ разгула и насилія со стороны солдатъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда оказалось возможнымъ опознать виновныхъ, они были наказаны, но вообще въ большинствѣ случаевъ они не могли быть опознаны и, такимъ образомъ, избѣгали наказанія.

«Въ-четвертыхъ, поведеніе нѣкоторыхъ изъ офицеровъ представляется настолько скандальнымъ и деморализующимъ, что оказывается почти невозможнымъ поддерживать дисциплину среди солдатъ. Офицеры ведутъ себя въ отношеніи русскаго населенія

подобнымъ же высокоумѣреннымъ и насильственнымъ образомъ, и если бы собрать на этотъ счетъ показанія мѣстныхъ обывателей, много случаевъ истиннаго позора и тяжкихъ кривдъ выплыло бы на свѣтъ Божій. Офицеры предаются неумѣренному употребленію спиртныхъ напитковъ, и я говорю сущую правду, заявляя, что нѣкоторые изъ нихъ бываютъ пьяны по недѣлямъ и даже болѣе. Солдаты видятъ это, индійцы видятъ это также, и если «ясъ-тигусъ», или «великіе начальники», какъ называютъ они офицеровъ, пьютъ, то они считаютъ себя также обязанными напиваться. За подобное пьянство попадая въ кутузку и никогда не видя въ этой послѣдней офицеровъ, находящихся въ то же время въ такомъ же точно состояніи, они теряютъ всякую вѣру въ американское правосудіе».

Въ письмѣ своемъ къ тому же управляющему индійскими дѣлами въ 1870 г. завѣдующій индійскими миссіонерскими учрежденіями священникъ W. Duncan заявляетъ: «Если бы правительство Соединенныхъ Штатовъ знало хотя бы половину того, что здѣсь творится солдатами, оно, безъ сомнѣнія, поторопилось бы умыть свои руки отъ всякаго участія въ подобныхъ злодѣяніяхъ и снять съ себя всякое подозрѣніе, что оно является причиной таковыхъ. Я уповаю и молюсь, дабы по волѣ Божественнаго Провидѣнія солдаты были удалены изъ фортговъ Тонгасъ и Врангель, гдѣ вовсе не имѣется бѣлыхъ, а слѣдовательно и некого охранять».

Въ то время, какъ въ отзывахъ разныхъ компетентныхъ лицъ объ аляскинскихъ туземцахъ, помѣщенныхъ въ официальныхъ рапортахъ федеральныхъ министровъ внутреннихъ дѣлъ конгрессу Соединенныхъ Штатовъ за 1868—1878 годы, туземцы эти, неизмѣнно именуемые американцами «индѣйцами», признаются вообще людьми мирнаго нрава, честными, работающими, нерѣдко болѣе интеллигентными, чѣмъ американскіе солдаты, самая мысль о возможности возобновленія военнаго управленія Аляской, срокъ которому по закону истекъ въ 1877 году, приводила въ ужасъ интеллигентныхъ и честныхъ американцевъ, знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ въ краѣ. Такъ одинъ изъ мѣстныхъ таможенно-податныхъ чиновниковъ въ письмѣ своемъ, въ ноябрѣ того же (1877) года, опубликованномъ и перепечатанномъ во многихъ изъ американскихъ періодическихъ изданій, заявляетъ: «Дѣлается попытка снова прислать войска въ Аляску, и во имя челоуѣчности и здраваго смысла я спрашиваю: зачѣмъ? Взгляните на прошлое, дабы получить отвѣтъ на этотъ вопросъ. Сдѣлали ли они когда либо для края или его населенія что бы то ни было, что заслуживало бы похвалы? Поддерживали ли они предприимчивость, и содѣйствовали ли они развитію богатствъ страны? О, нѣтъ! Представляется несомнѣннымъ, что они лишь препятствовали такому развитію и лишь ставили преграды предприимчивости и улучшеніямъ. Стремились ли

они просвѣтитъ индѣйца, и старались ли они поднять его нравственный уровень? Предоставьте объ этомъ свидѣтельствовать самимъ индѣйцамъ».

Если принять во вниманіе, что въ Аляскѣ въ то время не существовало почти никакихъ дорогъ, что всѣ сообщенія въ краѣ производились исключительно по воднымъ путямъ, что мирный и трудолюбивый характеръ населенія края не требовалъ вовсе присутствія военной силы въ видахъ его укрощенія, что всякое противозаконіе, какое въ то время существовало въ этомъ краѣ, заключалось единственно въ контрабандѣ товарами и спиртными напитками, а для пресѣченія таковой совершенно достаточно было содержанія одного военного корабля у береговъ Аляски и наличности нѣсколькихъ податно-таможенныхъ чиновниковъ въ краѣ, то отсюда обнаруживается, что для американскихъ войскъ не было никакого положительно дѣла въ этомъ вновь пріобрѣтенномъ краѣ, и поэтому на нихъ оправдалась извѣстная прописная истина: «праздность есть мать всѣхъ пророковъ». Корень зла заключался, конечно, не въ самыхъ войскахъ, а въ томъ совершенномъ невѣдѣніи края и его нуждъ, какимъ отличалось въ то время правительство Соединенныхъ Штатовъ, а равно отличается и до сего времени, несмотря на то, что со времени пріобрѣтенія Аляски прошло уже цѣлыхъ тридцать три года.

Въ іюнѣ 1877 года, военное положеніе, въ строгомъ смыслѣ слова, было съ бывшей «Русской Америки» снято, и федеральныя войска отозваны изъ ея предѣловъ. Въ то время, какъ въ теченіе десяти лѣтъ со времени пріобрѣтенія этой обширной территоріи республикой Соединенныхъ Штатовъ (1867—1877) единственными въ ея предѣлахъ представителями федеральнаго правительства являлись лишь немногіе таможенно-податные чиновники, которые, въ случаѣ надобности, обращались къ помощи и содѣйствію вышеозначенныхъ войскъ или ближайшаго въ моментъ такой надобности военного судна республики, со времени отозванія этихъ войскъ они явились единственными представителями американскаго правительства въ этомъ краѣ въ строгомъ и буквальномъ смыслѣ слова. Говоря о снятіи съ Аляски военного положенія въ строгомъ смыслѣ слова, мы понимаемъ подъ этимъ прекращеніе военного управленія краемъ, хотя подчиненіе его власти и компетенціи военного министерства въ Вашингтонѣ было пока сохранено и въ нѣкоторой степени продолжается даже и до сего времени. Хотя, повидимому, съ выступленіемъ федеральныхъ войскъ изъ Аляски не оставалось въ ея предѣлахъ никакой власти, которая могла бы и была въ состояніи сдерживать и прекращать безчинства и насилія и наказывать виновныхъ, и, такимъ образомъ, слѣдовало ожидать и опасаться усиленія таковыхъ какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ, однако въ

дѣйствительности безчинствъ и насилія всякаго рода со времени этого выступленія явно и значительно уменьшились въ обоихъ вышеозначенныхъ отношеніяхъ, а вскорѣ и вовсе почти прекратились. Не подлежитъ сомнѣнію, что таковыя были порождаемы именно тѣми, на кого возложена была обязанность ихъ предварять и прекращать, и что немало человѣческихъ жизней было бы сохранено въ предѣлахъ этого столь мало населеннаго края въ теченіе перваго десятилѣтія его принадлежности къ составу республики Соединенныхъ Штатовъ, если бы нога ея солдата никогда не коснулась его тогда еще неизвѣстной и неизслѣдованной почвы. Правда, вслѣдъ за отозваніемъ федеральнаго войска, въ теченіе почти цѣлаго года, многія газеты штата Калифорніи и тихоокеанскаго побережья республики вообще выражали немало жалобъ на то, что «граждане Соединенныхъ Штатовъ» оставлены, молъ, безъ всякой законной защиты и брошены, такъ сказать, на произволъ судьбы, а равно предсказывали немало неминуемыхъ беспорядковъ и даже кровопролитій, тѣмъ не менѣе, однако, всѣ эти жалобы оказались вздорными, а всѣ эти предсказанія — ложными. Вслѣдъ за отозваніемъ войска, по требованію завѣдующаго таможенными сборами мајор Веггу и спеціальнаго агента федеральнаго министерства финансовъ William Morris, таможенное судно «Cocoon» было отряжено федеральнымъ правительствомъ въ Ситху. Капитанъ означеннаго судна J. W. White въ рапортѣ своемъ министру финансовъ отъ 12 августа 1877 года доноситъ: «Несмотря на старательные допросы и тщательныя наблюденія, мной предпринятыя со времени моего сюда прибытія, я не обнаружилъ никакихъ нарушеній общественнаго спокойствія, а равнымъ образомъ не замѣтилъ какихъ бы то ни было заслуживающихъ вниманія происшествій, за исключеніемъ мелкихъ проступковъ, учиняемыхъ равнымъ образомъ какъ индійцами, такъ и лицами смѣшанной крови, такъ равно и бѣлыми». Вышеприведенный рапортъ, сдѣланный вслѣдъ за отозваніемъ изъ края федеральныхъ войскъ, можетъ въ равной степени быть отнесенъ и къ позднѣйшему времени и послѣдующимъ событіямъ. Единственными лицами, заинтересованными въ возвращеніи въ край федеральныхъ войскъ, были немногочисленные мѣстные армейскіе поставщики и подрядчики да владѣльцы мѣстныхъ пароходныхъ линій, а такъ какъ американская періодическая печать и, въ особенности, американскія газеты умѣютъ весьма настоятельно и краснорѣчиво проводить и отстаивать интересы тѣхъ, кто умѣетъ имъ хорошо заплатить, то и неудивительно, что въ теченіе почти цѣлаго года американскія газеты тихоокеанскаго побережья жаловались на оставленіе на произволъ судьбы «американскихъ гражданъ», состоявшихъ, кромѣ кучки вышеупомянутыхъ подрядчиковъ и пароходовладѣльцевъ, изъ горсти искателей мѣстъ, искателей приключеній да шар-

латановъ и негодяевъ всякаго сорта. Само собою разумѣется, конечно, что со времени снятія съ Аляски военнаго положенія и прекращенія военнаго въ ней управленія случались въ ней безпорядки и даже преступленія, но таковыя, какъ упомянуто уже выше, не только явно и значительно уменьшились въ количественномъ отношеніи, но и стали менѣе серьезными въ качественномъ; что же касается ихъ количества и степени ихъ тяжести пропорціонально численности народонаселенія и сравнительно съ тяжестью безпорядковъ и преступленій, учиняемыхъ въ прочихъ штатахъ и территорияхъ республики, то въ этомъ отношеніи бывшая «Русская Америка» занимаетъ между этими послѣдними весьма благопріятное положеніе. Дабы пролить нѣкоторый свѣтъ на причины подобнаго уменьшенія безпорядковъ и преступленій со времени снятія военнаго положенія и прекращенія военнаго управленія въ Аляскѣ, замѣчу мимоходомъ, что въ обычномъ рапортѣ своемъ конгрессу за 1875 годъ федеральный военный министръ республики, отмѣчая улучшеніе нравственнаго состоянія регулярной ея арміи, въ то же время докладываетъ, что среди этой послѣдней, состоящей всего изъ 25.000 человекъ, было въ отчетномъ году дезертировъ на 2.100 менѣе, нежели въ предыдущемъ. Невозможно сомнѣваться, что федеральный отрядъ, въ теченіе десяти лѣтъ пребывавшій въ Аляскѣ, составлялъ самую безпокойную, разнузданную и опасную часть ея малочисленнаго населенія.

Если, такимъ образомъ, отсутствіе прочной административной власти въ краѣ съ определеннымъ мѣстопробываніемъ и определенной компетенціей, благодаря мирному и спокойному характеру малочисленнаго населенія бывшей «Русской Америки», не влекло за собою особо пагубныхъ и серьезныхъ послѣдствій въ смыслѣ увеличенія безпорядковъ и преступленій, то зато, съ другой стороны, ей довелось нести на себѣ подъ американскимъ владычествомъ великое множество всякихъ иныхъ золъ и бѣдствій. Прежде всего, въ предѣлахъ территоріи, пространствомъ своимъ болѣе чѣмъ вдвое превышающей наибольшей изъ штатовъ Союза, не было допущено и установлено право приобрѣтенія частной собственности, хотя бы для постройки жилищъ и устройства домашней осѣдлости. Кромѣ небольшихъ земельныхъ участковъ, согласно трактату 1867 года, предоставленныхъ лицамъ русскаго происхожденія, въ краѣ ни единой пяди земли не могло быть отведено кому бы то ни было, а актъ занятія и безспорнаго владѣнія, даже несмотря на продолжительную осѣдлость и произведенныя улучшенія, могъ во всякое время быть пресѣченъ и прекращенъ военной силой, путемъ насильственнаго удаленія добросовѣстнаго владѣльца изъ занятаго имъ земельного участка. Лишь немногіе отваживались поэтому добиться отъ таможенно-податныхъ чиновниковъ, пребывавшихъ въ Ситхѣ и Фортѣ Врангель, примѣрнаго отвода имъ земель-

ныхъ участковъ и записи таковыхъ въ особыя книги, надѣясь со временемъ достигнуть законнаго утвержденія своего владѣнія. Добыватели рудъ и цѣнныхъ ископаемыхъ, все состояніе которыхъ заключалось нерѣдко въ предѣлахъ извѣстнаго земельного участка, не могли входить въ какія бы то ни было по таковымъ сдѣлки и даже распорядиться какъ недвижимымъ, такъ даже и движимымъ своимъ достояніемъ на смертномъ одрѣ, ибо въ краѣ не существовало какихъ бы то ни было крѣпостныхъ или судебныхъ установленій. О взысканіи долговъ не могло быть и помину. Вообще, за полнымъ отсутствіемъ судебныхъ установленій, отправленіе правосудія какъ гражданскаго, такъ даже и уголовнаго не могло вовсе имѣть мѣста, и въ то же время какъ, съ одной стороны, преступленія столь тяжкія, какъ убійство, иногда оставались вполнѣ безнаказанными, съ другой—по обвиненіямъ, вполнѣ ничтожнымъ и совершенно не доказаннымъ, обвиняемые содержались нерѣдко въ тюрьмѣ цѣлые мѣсяцы единственно по личному усмотрѣнію и голословному распоряженію военнаго или морскаго командира, безъ всякаго суда и расправы. Что подобное положеніе вещей являлось прямымъ, явнымъ и дерзкимъ нарушеніемъ или, точнѣе говоря, беззастѣнчивымъ и безцеремоннымъ попраніемъ элементарнѣйшихъ законоположеній конституціи Соединенныхъ Штатовъ, объ этомъ врядъ ли слѣдуетъ даже упоминать. Такимъ образомъ, выполнена была правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ заключительная статья руссійско-американскаго трактата 1867 года объ уступкѣ Аляски, гласившая, что, «за исключеніемъ нецивилизованныхъ племенъ, обыватели уступаемой территоріи отнынѣ допускаются къ пользованію всѣми правами, преимуществами и льготами, принадлежащими гражданамъ Соединенныхъ Штатовъ, и имъ предоставляется должная охрана и законная защита въ свободномъ пользованіи своей собственностью, безпрепятственномъ проявленіи своей личной свободы и свободномъ исповѣданіи своей религіи». Неудивительно поэтому, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ по передачѣ бывшей «Русской Америки» правительству Соединенныхъ Штатовъ всѣ почти русскіе, ее населявшіе, успѣли воспользоваться той статьей означеннаго трактата, которая гласила, что «обыватели уступаемой территоріи, буде они пожелаютъ по собственному выбору сохранить свое первообразное подданство, могутъ возвратиться въ Россію въ теченіе трехъ лѣтъ», и почти безъ оглядки бѣжали отъ подобнаго «пользованія всѣми правами, преимуществами и льготами, принадлежащими гражданамъ Соединенныхъ Штатовъ». Извѣстно также, что, много лѣтъ спустя, горсть русскихъ поселенцевъ, не успѣвшая своевременно бѣжать отъ этого «пользованія всѣми правами, преимуществами и льготами», изготовила было коллективную петицію государю императору всея Россіи, въ которой умо-

ляла его величество настоять предъ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ на выполненіи той статьи россійско-американскаго трактата 1867 года, которой предоставлялись имъ права и преимущества всѣхъ гражданъ республики вообще. Петиція эта не была послана по назначенію единственно вслѣдствіе утвержденія одного изъ интеллигентныхъ русскихъ обывателей Калифорніи, что срокъ для вмѣшательства россійскаго императорскаго правительства въ выполненіе тѣхъ частей трактата, которыя относятся къ правамъ частныхъ лицъ, уже истекъ, и потому беспокоить по этому предмету государя императора было бы бесполезно и неумѣстно. Несмотря на это, однако, нѣсколько лѣтъ спустя, командиръ одного изъ русскихъ военныхъ судовъ, посѣтившихъ эти воды, по настоянію русской колоніи бывшей «Русской Америки» производилъ въ Ситхѣ негласное разслѣдованіе по предмету неоказанія русскимъ поселенцамъ края, интересы которыхъ ограждены спеціальными статьями россійско-американскаго трактата 1867 года, никакой законной защиты и непредоставленія имъ никакихъ гражданскихъ правъ. Факты эти, весьма интересныя и крайне назидательныя сами по себѣ, приобрѣтаютъ тѣмъ болѣе интересъ и тѣмъ болѣе назидательность въ связи съ послѣдующимъ изложеніемъ.

Безконечныя петиціи бѣлыхъ обывателей или «гражданъ» Аляски о введеніи въ краѣ какой бы то ни было формы гражданскаго управленія и изданіи для него необходимѣйшихъ законовъ оставлены были конгрессомъ Соединенныхъ Штатовъ безъ всякихъ послѣдствій. Сдѣлавъ изъ бывшей «Русской Америки» спеціальную страну всякаго рода воспрещеній и ограниченій, воспретивъ въ ней рубку лѣса и вывозъ онаго, воспретивъ въ ней охоту тюленей, отданную въ монопольное пользованіе промышленной компаніи, воспретивъ въ ней куреніе хлѣбнаго вина и т. п., федеральное правительство республики Соединенныхъ Штатовъ ни о чемъ болѣе, кромѣ назначенія и уплаты жалованья безчинствовавшимъ въ краѣ солдатамъ да немногочисленнымъ таможенно-податнымъ чиновникамъ, не заботилось: нужды и потребности края для него не существовали, и ко всѣмъ петиціямъ его злополучнаго населенія оно оставалось глухо на оба уха. Выведенные, наконецъ, изъ терпѣнія столь продолжительнымъ «междоусловіемъ», обыватели Аляски лѣтомъ 1881 года собрались въ областное или провинціальное собраніе въ г. Juneau и избрали нѣкоего Mottrom Vall делегатомъ въ конгрессъ. Насколько малоизвѣстна была въ то время бывшая «Русская Америка» американскому правительству, не говоря уже объ американскомъ народѣ, показываютъ не только глупыя о ней статьи и дикія замѣчанія американскихъ государственныхъ людей той эпохи, но и такіе несомнѣнные факты, какъ многочисленныя официальные пакеты губернаторовъ разныхъ штатовъ и территорій и иныхъ менѣе значительныхъ должностныхъ

лицъ, адресованные «консулу Соединенныхъ Штатовъ въ Ситхѣ», каковой постъ былъ въ 1867 году натурально упраздненъ, либо «губернатору территоріи Аляски», каковой постъ не былъ въ то время еще созданъ. Вышеупомянутый Mottrom Ball зимой того же 1881 года явился въ Вашингтонъ и представилъ конгрессу свои грамоты на званіе делегата отъ территоріи Аляски, но, какъ и можно было ожидать, въ составъ палаты представителей допущенъ не былъ. Наконецъ, съ открытіемъ сессіи конгресса въ декабрѣ 1883 года сенаторъ Benjamin Harrison внесъ въ сенатъ законопроектъ подъ наименованіемъ «Основные законы Аляски», который 17-го мая (новаго стиля) слѣдующаго 1884 года сталъ дѣйствующимъ закономъ. Согласно такому Аляска обращена была въ гражданскій, т.-е. административный и судебный округъ, главнымъ городомъ котораго временно назначенъ былъ г. Ситха. Должностными лицами округа этого являлись губернаторъ, окружный судья, секретарь суда, бывший въ то же время секретаремъ и казначеемъ округа, главнымъ нотариусомъ и всѣхъ вообще крѣпостныхъ дѣлъ стряпчимъ, судебный приставъ (съ властью и компетенціей судебныхъ приставовъ федеральныхъ судовъ) и четыре мѣстныхъ судебныхъ чиновника въ городахъ: Ситхѣ, фортѣ Врангелѣ, Уналашкѣ и Юно, соединяющихъ въ своей должности компетенціи нашихъ судебного слѣдователя, мирового судьи и нотариуса. Всѣ эти должностныя лица назначаются президентомъ республики, при чемъ судебному приставу предоставлено право назначать себѣ собственной властью четырехъ помощниковъ съ мѣстопробываніемъ въ четырехъ вышепомянутыхъ городахъ. Сверхъ этого, административный и судебный округъ съ временнымъ главнымъ городомъ Ситхой сдѣланъ также «земельнымъ» округомъ, т.-е. округомъ управленія государственными землями, сосредоточеннаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, при чемъ на мѣстнаго судебного чиновника въ Ситхѣ возложена была обязанность совершенія крѣпостныхъ актовъ на эти земли, на секретаря суда—полученіе причитающихся за оныя суммъ и наконецъ на судебного пристава—ихъ отмежеваніе. Тѣмъ не менѣе, однако, подобное допущеніе отчужденія государственныхъ, или, точнѣе говоря, федеральныхъ земель, по смыслу закона 17-го мая 1884 года и послѣдовавшихъ во исполненіе такового распоряженій федеральнаго правительства, относилось единственно лишь къ занятію и приобрѣтенію земельныхъ участковъ, въ которыхъ начато добываніе каменнаго угля или иныхъ полезныхъ ископаемыхъ и, такимъ образомъ, для введенія въ бывшей «Русской Америкѣ» въ дѣйствіе общихъ земельныхъ законовъ Соединенныхъ Штатовъ вообще ничего сдѣлано не было.

Хотя, такимъ образомъ, семнадцатилѣтнее «междоцарствіе», въ теченіе котораго дѣйствовали въ Аляскѣ нѣкоторое подобіе военныхъ законовъ да нѣкоторыя обрывки распоряженій и циркуля-

ляровъ федеральнаго министерства финансовъ, наконецъ прекратилось, хотя автократическая и неограниченная власть военныхъ командировъ и таможенно-акцизно-податныхъ чиновниковъ въ этомъ обширномъ краѣ была наконецъ отмѣнена, хотя съ 15-го сентября (н. с.) 1884 года, когда командиръ морскихъ силъ Соединенныхъ Штатовъ передалъ всю принадлежащую ему гражданскую власть въ краѣ вновь назначенному первому губернатору Аляски, эта послѣдняя получила наконецъ нѣкое подобіе нормальнаго, гражданского управления,—тѣмъ не менѣе, однако, вновь введенный порядокъ вещей отличается громадными недостатками и оставляетъ желать черезчуръ много, если не лучшаго, то, по крайней мѣрѣ, необходимаго. Прежде всего губернаторъ столь обширнаго края, береговая линія котораго болѣе чѣмъ вдвое превышаетъ береговую линію всей остальной части республики Соединенныхъ Штатовъ (не принимая въ расчетъ владѣній, вновь приобрѣтенныхъ послѣ испанско-американской войны), въ которомъ еще такъ мало проѣзжихъ дорогъ и путей сообщенія вообще, въ которомъ главнѣйшими и въ значительной степени единственными изъ этихъ послѣднихъ представляются его водные пути, не имѣетъ въ своемъ распоряженіи правительственнаго парохода и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не получаетъ никакихъ разъѣздныхъ, а слѣдовательно и лишень возможности должнаго ознакомленія съ нуждами и потребностями управляемаго имъ края. Затѣмъ, число должностныхъ лицъ этого послѣдняго крайне мизерно, ихъ власти и компетенціи запутаны и перепутаны другъ съ другомъ, ихъ обязанности недостаточно опредѣлены. Далѣе дѣйствующими въ краѣ законами признаются одновременно какъ федеральныя законы республики Соединенныхъ Штатовъ, такъ и мѣстные законы штата Oregon. Не говоря уже о томъ, что эти послѣдніе, изданные въ области вполнѣ континентальной, нерѣдко совершенно не подходятъ для области вполнѣ приморской, какой является Аляска, между ними и законами Соединенныхъ Штатовъ весьма нерѣдко обнаруживаются разныя несоотвѣтственности и серьезныя противорѣчія, къ разрѣшенію которыхъ мѣстныя судебныя и административныя власти не имѣютъ никакихъ солидныхъ законныхъ основъ. Наконецъ, что самое важное, въ силу государственнаго устройства республики Соединенныхъ Штатовъ, удовлетвореніе самыхъ насущныхъ нуждъ какаго бы то ни было края, принадлежащаго къ ея составу, немислимо и совершенно невозможно, если онъ не имѣетъ собственнаго представительства. Отлично это сознавая и понимая, наиболѣе видные изъ обывателей Аляски въ 1888 году собрались въ мѣстное общее собраніе демократической партіи и отрядили отъ имени края двухъ делегатовъ въ національное общее собраніе той же партіи, которые этимъ послѣднимъ были признаны и допущены къ занятію мѣстъ и голосованію. Въ слѣдующемъ 1889 году, точно также

поступили мѣстные адепты республиканской партіи, и ихъ два делегата точно также были признаны и допущены національнымъ общимъ собраніемъ той же партіи. Зимой того же (1889) года, оба эти делегата появились въ конгрессѣ въ Вашингтонѣ и хотя они и не пробовали добиваться допущенія ихъ въ составъ палаты представителей, тѣмъ не менѣе, однако, благодаря ихъ усиліямъ и настояніямъ предъ особой комиссіей этой палаты по дѣламъ территорій (т.-е. областей, не признанныхъ еще штатами), воспослѣдоваль законъ 3-го марта 1890 года, которымъ допущено было приобрѣтеніе въ Аляскѣ земельной собственности независимо отъ добыванія каменнаго угля и полезныхъ ископаемыхъ. Осенью того же (1890) года состоялось общее народное собраніе Аляски (безъ различія партій) въ г. Juneau, которое избрало делегатомъ своимъ мѣстнаго пароходовладѣльца капитана James Cagrol и отрядило его въ конгрессъ для «достиженія необходимыхъ для края законовъ». Явившись въ Вашингтонъ ко времени открытія конгресса (первыя числа декабря), James Cagrol безъ всякихъ обиняковъ и церемоній этому послѣднему объявилъ, что если онъ, молъ, не намѣренъ издать законовъ, необходимыхъ для «благоденствія края и защиты гражданъ его», то онъ, James Cagrol, уполномоченъ купить у правительства Соединенныхъ Штатовъ территорію Аляску и готовъ во всякое время подписать покупной контрактъ съ уплатой при подписаніи 20 милліоновъ долларовъ. Хотя подобное предложеніе, какъ и слѣдовало ожидать, не подвергалось даже обсужденію, тѣмъ не менѣе, однако, произведенное имъ впечатлѣніе заставило многихъ изъ американскихъ законодателей подумать о богатствахъ этой малоизвѣстной и ими совершенно заброшенной обширной области, а заставить американскаго законодателя подумать о томъ или ономъ предметѣ это уже что нибудь да значить, это уже шагъ впередъ. Осенью 1894 года, снова состоялось общее народное собраніе Аляски въ г. Juneau, и нѣкій Thomas Nowell былъ избранъ областнымъ делегатомъ въ конгрессъ. Такъ какъ это была лишь короткая трехмѣсячная сессія конгресса, то дѣло о допущеніи г-на Nowell въ качествѣ делегата отъ территоріи Аляски въ палату представителей не было даже вовсе доложено.

Однако, результатомъ этихъ настоятельныхъ попытокъ населенія Аляски, которое такъ недавно еще согласно народной переписи 1890 года состояло изъ 4.300 душъ, а нынѣ (весной 1900 года) достигло уже довольно солидной численности около 32.000 душъ, добиться представительства въ нижней палатѣ конгресса было воспослѣдованіе двухъ весьма важныхъ для края законовъ. Законъ 14 мая 1898 года распространилъ наконецъ на эту злополучную область общій федеральный законъ о селитьбѣ, предоставляющій каждому гражданину республики право бесплатно занять опредѣленныхъ размѣровъ участокъ изъ размежеванныхъ федеральныхъ

земель подъ свою домашнюю осядлость съ производствомъ при составленіи крѣпостного на участокъ этотъ акта отмежеванія такого на собственный его счетъ. Такъ какъ, однако, земли въ Аляскѣ еще вовсе почти не размежеваны, то обывателямъ этой территоріи предоставляется, согласно вышеозначенному закону, занимать такіе селитебные земельные участки на правахъ добросовѣстнаго владѣнія съ отсрочкой составленія и выдачи крѣпостныхъ на оныя актовъ впредь до производства государственнаго въ ней межеванія. Законъ 3 марта 1899 г., извѣстный подъ именемъ «Уложеніе о наказаніяхъ и уставъ уголовного судопроизводства для Аляскинскаго округа», хотя и предназначенъ къ упорядоченію уголовного правосудія въ этой обширной области, тѣмъ не менѣе, однако, содержитъ въ себѣ также и правила о выдачѣ разрѣшительныхъ свидѣтельствъ, какъ частнымъ лицамъ, такъ и промышленнымъ товариществамъ на производство всякаго рода предпріятій, а въ томъ числѣ и на куреніе и продажу хлѣбнаго вина. Если законъ этотъ обезпечиваетъ нормально отправленіе правосудія въ странѣ и возможность должнаго заведенія и веденія промышленныхъ и торговыхъ въ ней предпріятій, то въ то же время, сверхъ всего этого, онъ отмѣняетъ запрещеніе выдѣлки и продажи хлѣбнаго вина, существовавшее, по крайней мѣрѣ, на бумагѣ, цѣлыхъ 32 года. Запрещеніе это являлось несомнѣнно нѣкотораго рода фарсомъ, разсмотрѣніе котораго даемъ мы нѣсколько ниже. Наконецъ, въ настоящую сессію конгресса, начавшуюся 4 декабря (н. с.) прошлаго года и долженствующую закончиться около половины будущаго іюня, явились въ Вашингтонъ, какъ представители разныхъ группъ населенія Аляски, такъ и нѣсколько должностныхъ ея лицъ съ губернаторомъ J. G. Brady во главѣ, дабы добиться отъ конгресса бозотлагательнаго изданія «необходимыхъ» законовъ. Съ того времени, какъ три года тому назадъ открыты были въ бывшей «Русской Америкѣ» золотыя россыпи, и стали развиваться въ ней золотыя прииски, народонаселеніе этого края стало увеличиваться съ невѣроятной быстротой. Свѣжее открытіе намывныхъ золотоносныхъ песковъ вдоль береговъ длинной прибрежной косы Cape Nome вызвало среди американскаго народа новый припадокъ золотой горячки, и наступающей весной и будущимъ лѣтомъ наплывъ золотоискателей и золотопромышленниковъ въ Аляску будетъ несомнѣнно вполне неимовѣрный. Если въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ наплывъ такой порождалъ немало безпорядковъ, злодѣяній и преступленій, пресѣченіе, подавленіе или преслѣдованіе которыхъ для ничтожной горсточки существующихъ въ краѣ должностныхъ лицъ, разбросанныхъ на громадныхъ разстояніяхъ, оказывались почти невозможными, то наступающей весной и будущимъ лѣтомъ слѣдуетъ ожидать положительнаго царства беззаконія и террора. Обстоятельство это и побудило выше-

поименованныхъ представителей мѣстнаго населенія и должностныхъ лицъ послѣдствовать въ Вашингтонъ, дабы искать путей къ спасенію у конгресса. Въ настоящее время палата представителей съ лихорадочной поспѣшностью вырабатываетъ цѣлый рядъ законовъ для «округа» Аляски, которые должны быть утверждены и войти въ дѣйствіе не позже исхода текущей законодательной сессіи, т.-е. половины іюня. Таковы: законъ о распространеніи на Аляску существующихъ федеральныхъ законовъ о правѣ общаго пользованія лѣсами и камнями, законъ о воспрещеніи въ предѣлахъ округа Аляски занятія рудоносныхъ земельныхъ участковъ черезъ повѣреннаго, законъ о производствѣ въ Аляскѣ общаго государственнаго межеванія земель, законъ объ увеличеніи въ округѣ Аляскѣ числа судей и иныхъ должностныхъ лицъ и т. д. Такимъ образомъ, лишь нынѣ, тридцать три года спустя по включеніи своемъ въ составъ республики Соединенныхъ Штатовъ, благодаря почти исключительно открытію въ ней золота, удостоилась бывшая «Русская Америка» должнаго и давнымъ давно заслуженнаго вниманія со стороны американскаго конгресса, а затѣмъ и федеральнаго правительства вообще. Вашингтонское военное министерство, выславъ въ послѣднее время въ округъ Аляску для постоянной стоянки четыре роты американской регулярной арміи (которая, согласно закону 4 марта 1899 г., по усмотрѣнію президента республики, можетъ быть доведена до численности въ 65.000 человекъ), въ настоящую минуту снова назначило къ постоянному постою въ этомъ краѣ еще пять ротъ пѣхоты, которыя и имѣютъ быть отправлены къ мѣсту назначенія въ теченіе будущаго мая. Представляется довольно любопытнымъ, что изъ этихъ девяти ротъ пѣхоты три предполагается отрядить въ г. Саре Nome для поддержанія порядка между золотоискателями и золотопромышленниками на косяхъ того же наименованія. Если принять во вниманіе, что за отмѣной военнаго положенія въ Аляскѣ въ 1877 году нынѣ посланныя въ этотъ край войска, общая численность которыхъ будущимъ лѣтомъ должна достигнуть 1.500 человекъ, будутъ находиться въ распоряженіи губернатора и призываемы къ водворенію порядка и общественнаго спокойствія лишь по распоряженіямъ этого послѣдняго; что населеніе Аляски сравнительно съ періодомъ дѣйствія военнаго въ ней положенія почти удесятерилось и продолжаетъ увеличиваться съ неизмѣрною быстротой, что, наконецъ, это вовсе не то мирное патріархальное туземное населеніе, которое учиняло дебоши единственно подъ вліяніемъ спиртныхъ напитковъ, ввозъ которыхъ въ страну былъ на бумагѣ абсолютно воспрещенъ, а за малымъ исключеніемъ всесвѣтное сборище авантюристовъ и негодяевъ самаго отчаяннаго сорта, то нельзя не видѣть, что распоряженія американскаго федеральнаго правительства объ отряженіи войскъ въ Аляску имѣютъ за собой достаточныя основанія и вызваны необходимостью.

Воспрещеніе выдѣлки и ввоза спиртныхъ напитковъ было до самаго послѣдняго времени однимъ изъ основныхъ, такъ сказать, законовъ территоріи Аляски. Вслѣдъ за приобрѣтеніемъ «Русской Америки», конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ, разсматривая такую, какъ «индѣйскій край», что было тогда до извѣстной степени справедливо, ибо все почти русское и вообще бѣлое населеніе края въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ бѣжало изъ его предѣловъ, особымъ актомъ узаконилъ такое воспрещеніе съ тѣмъ, что ввозъ винъ и водочныхъ издѣлій въ этотъ край можетъ имѣть мѣсто не иначе, какъ съ особаго всякій разъ разрѣшенія военнаго министерства. Однако, общее число таможенно-акцизно-податныхъ чиновниковъ, назначенныхъ закономъ для вновь приобрѣтенной территоріи, было настолько ничтожно, что ввозъ въ нее спиртныхъ напитковъ производился въ значительныхъ размѣрахъ, и почти въ каждой деревнѣ и каждомъ поселкѣ, не говоря уже о городахъ, можно было найти водку. При громадности берегового протяженія Аляски одно-два таможенныхъ судна не могли услѣдить за всѣми причаливающими къ берегу мелкими судами и лодками, и въ лѣтніе мѣсяцы береговая ея полоса положительно кипѣла такими мелкими судами и лодками, единственной цѣлью которыхъ былъ противозаконный или, точнѣе говоря, контрабандный ввозъ водки. Независимо отъ сего, вышепомянутый спеціальныи законъ по общему его смыслу воспрещалъ продажу спиртныхъ напитковъ единственно лишь «индѣйцамъ», т.-е. туземнымъ обывателямъ, а потому продажа таковыхъ во многихъ мѣстахъ производилась открыто, сопровождаясь объявленіемъ или заявленіями продавца, что индѣйцамъ таковые, молъ, не отпускаются, хотя бы онъ и не имѣлъ установленнаго разрѣшенія на ввозъ питій, ибо продажа таковыхъ, разъ они такъ или иначе были ввезены, не воспрещалась и не была наказуема. Сверхъ всего этого, хотя разрѣшеніе ввоза спиртныхъ напитковъ для опредѣленныхъ надобностей опредѣленнымъ лицамъ было предоставлено первоначально военному министру, затѣмъ командующему войсками тихоокеанскаго военнаго округа и, наконецъ, губернатору, которому было предоставлено сверхъ того еще и право разрѣшать продажу таковыхъ, однако же акцизные съ продажи такой сборы производились подлежащими должностными лицами федеральнаго министерства финансовъ со всѣхъ лицъ, производящихъ таковую, независимо отъ того, имѣли ли установленное на то разрѣшеніе или не имѣли. Между тѣмъ, всѣ положительно безпорядки и волненія, какіе имѣли мѣсто въ Аляскѣ среди туземнаго ея населенія, пока не успѣло образоваться въ ней пришлое бѣлое населеніе, были несомнѣнно вызваны если не распущенностью и буйствомъ американскихъ солдатъ, то неумѣреннымъ употребленіемъ спиртныхъ напитковъ. Отъ тѣхъ же солдатъ научились эти добродушныя и простодушныя дѣти при-

роды, нынѣ уже вырождающіяся и исчезающія, готовятъ отвратительнѣйшій и вреднѣйшій сортъ водки изъ малясы, ввозъ которой не былъ воспрещенъ. Неудивительно, что такимъ образомъ разсматриваемое воспрещеніе превратилось попросту въ неумѣстный фарсъ. Стало очевиднымъ, наконецъ, что урегулированіе спиртной торговли въ краѣ и сосредоточеніе таковой въ рукахъ специальныхъ и отвѣтственныхъ торговцевъ представляется гораздо болѣе естественнымъ и цѣлесообразнымъ, нежели совершенное ея воспрещеніе, оказавшееся вполнѣ фиктивнымъ и лишь породившее особый классъ мелкихъ разносныхъ торговцевъ водки, которые, обходя села и деревни, снабжаютъ ихъ обывателей подобіемъ сего напитка, самаго отвратительнаго и вреднаго свойства. Подъ воздѣйствіемъ подобной очевидности конгрессъ, закономъ 3-го мая 1899 года, о которомъ мы упоминали уже выше, разрѣшилъ выдачу общеустановленныхъ патентовъ на продажу спиртныхъ напитковъ окружнымъ судьямъ округа Аляски. Большинство мужского населенія данной мѣстности, на протяженіи двухъ квадратныхъ миль вокругъ предполагаемаго къ открытію питейнаго заведенія или склада спиртныхъ напитковъ, въ возрастѣ свыше 18-ти лѣтъ, должно дать свое согласіе на такое открытіе и письменно выразить таковое въ формѣ прошенія на имя окружнаго судьи, по представленіи котораго этотъ послѣдній и выдаетъ желающему производить такую оптовую или розничную продажу спиртныхъ напитковъ установленный патентъ съ уплатой установленныхъ сборовъ, простирающихся, смотря по мѣстности и характеру заведенія, отъ 500 до 2.000 долларовъ.

Такимъ образомъ, первый изъ основныхъ законовъ «округа» Аляски, представлявшій собою тотъ фундаментъ, на которомъ такъ долго зиждился ея диковинный общественный строй, наконецъ отмѣненъ, и, благодаря такой отмѣнѣ, началъ водворяться въ ней болѣе нормальный порядокъ вещей.

Богатые тюленьи промысла вдоль береговъ и по отмелямъ бывшей «Русской Америки» составляли тотъ именно лакомый кусокъ, ради котораго немногіе, наиболѣе видные, юркіе и предприимчивые изъ гражданъ штатовъ Калифорніи и Орегонъ и территоріи Вашингтонъ и домогались ея приобрѣтенія отъ Россіи, ибо ея минеральныя богатства вообще и мѣсторожденія золота въ частности были въ то время не только совершенно неизвѣстны, но даже и никѣмъ не подозрѣваемы. Вообще, не только американская публика, но и американскіе государственные люди и общественные дѣятели отличались насчетъ бывшей «Русской Америки» поразительнымъ невѣжествомъ, несмотря на то, что таковая представляла собой лишь естественное продолженіе территоріи республики. Немногіе, болѣе свѣдущіе и болѣе проникательные люди, которые, собственно говоря, и устроили російско-американскую сдѣлку 1867

года, естественно послѣдствовали поэтому вслѣдъ за заключеніемъ трактата заарендовать у американскаго правительства аляскинскіе тюленьи промысла, для чего въ 1869 году составила «Аляскинская промышленная компанія» съ основнымъ капиталомъ въ два милліона долларовъ. Хотя нѣкоторые русскіе подданные изъ числа евреевъ Западнаго края и царства Польскаго и послѣдствовали раскупить суда, тюленьи шкуры и всю вообще собственность бывшей Россійско-Американской компаніи, и нѣсколько изъ нихъ составили даже особое промышленное общество подъ именемъ «Гутчинсонъ Коль и К^о», съ цѣлью продолжать предпріятіе этой послѣдней подъ охраной американскихъ законовъ, тѣмъ не менѣе, однако, всѣмъ имъ скорѣ пришлось отступить предъ американской предприимчивостью и уступить свои приобрѣтенія вышепоименованной «Аляскинской промышленной компаніи», которая въ 1870 г. и заключила съ американскимъ федеральнымъ правительствомъ контрактъ на арендованіе Прибыловыхъ острововъ и находящихся на такихъ тюленьихъ промысловъ на двадцать лѣтъ. Однако, борьба между разными компаніями и товариществами, домогавшимися вышеозначенной аренды, была самая упорная, и цѣлыхъ шесть лѣтъ спустя, особой комиссіей нижней палаты американскаго конгресса, именуемой комиссіей государственныхъ (федеральныхъ) доходовъ, производилось специальное слѣдствіе, главнымъ предметомъ котораго являлось неправильное и соединенное съ злоупотребленіемъ власти заарендованіе Прибыловыхъ острововъ съ находящимися на нихъ тюленьими промыслами «Аляскинской промышленной компаніи». Въ числѣ множества свидѣтелей, допрошенныхъ при производствѣ этого парламентскаго слѣдствія, были допрошены также George Boutwell, состоявшій федеральнымъ министромъ финансовъ въ 1870 году, и В. N. Bristow, федеральный министръ въ 1876 г., при которомъ означенное слѣдствіе производилось. Хотя въ концѣ концовъ вышепомянутая комиссія и пришла къ заключенію, что все обстояло и обстоитъ благополучно, тѣмъ не менѣе, однако, чтеніе ея подлиннаго производства представляется въ высокой степени назидательнымъ и наводитъ на весьма серьезныя размышленія. Хотя затѣмъ въ 1872 году и были изданы американскимъ федеральнымъ правительствомъ особыя «правила о дѣятельности Аляскинской промышленной компаніи», въ которыхъ, между прочимъ, опредѣлялся размѣръ вознагражденія туземцевъ за доставляемые ими шкурки, предписывалось агентамъ и служащимъ компаніи любезное и дружественное съ ними обращеніе, устанавливалось за счетъ компаніи призрѣніе вдовъ и сиротъ туземныхъ обывателей и т. п., а равно въ самомъ арендномъ контрактѣ заключались статьи, въ силу которыхъ дурное обращеніе съ туземцами, наравнѣ съ неисполненіемъ иныхъ его условій, могло во всякое время повлечь за собой уничтоженіе его федеральнымъ правитель-

ствомъ, тѣмъ не менѣе, однако всѣ эти благія требованія сохранялись единственно лишь на бумагѣ. Въ дѣйствительности «Аляскинская промышленная компанія» явилась одной изъ богатѣйшихъ и могущественнѣйшихъ американскихъ монополій, для которыхъ въ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» законъ совершенно не писанъ, которыя открыто насмѣхаются надъ всѣми узаконеніями и распоряженіями и нагло издѣваются надъ всѣми властями и учрежденіями, которыя отлично знаютъ, «гдѣ раки зимуютъ», и превосходно понимаютъ, какъ «надобно поступать». Двадцатилѣтняя промышленная дѣятельность «Аляскинской промышленной компаніи» въ бывшей «Русской Америкѣ» представляетъ собой одинъ сплошной рядъ самыхъ вопіющихъ злоупотребленій, нерѣдко переходившихъ въ открытый разбой въ буквальномъ смыслѣ этого слова и фактически низводившихъ все туземное населеніе Прибыловыхъ острововъ и прилегающихъ мѣстностей материка на степень рабства самаго тяжелаго свойства. Безконечное множество слѣдствій о вышеозначенныхъ злоупотребленіяхъ компаніи назначалось конгрессомъ, но всѣ таковыя неизмѣнно оканчивались признаніемъ всѣхъ взведенныхъ на эту послѣднюю обвиненій «лишенными всякаго основанія» и полнымъ ея обѣленіемъ. Умѣя подкупать или, точнѣе говоря, держать на откупъ какъ федеральныхъ чиновниковъ, на которыхъ возлагалось производство вышеозначенныхъ слѣдствій, такъ и надлежащія комиссіи конгресса, такъ, наконецъ, и американскую печать, «Аляскинская промышленная компанія» была положительно всесильной и обладала въ предѣлахъ края властью вполне неограниченной. Представляется весьма назидательнымъ, что лишь нѣчто подобное такому низведенію туземнаго населенія на степень рабства и было именно причиной отказа російскаго императорскаго правительства отъ утвержденія устава бывшей російско-американской компаніи на новое двадцатилѣтіе, начиная съ 1-го января 1862 г., ибо означенная компанія, какъ мы упоминали уже выше, отказалась отъ принятія поставленныхъ правительствомъ условій, дѣлавшихъ подневольный трудъ туземцевъ невозможнымъ. Однако, американская компанія оказалась, какъ и слѣдовало ожидать, посмѣлѣе и побойчѣе русской, ибо она отлично знала, какимъ образомъ можно въ «странѣ свободы» обходить всѣ законы и плевать на всѣ условія. Злоупотребленія и насилія «Аляскинской промышленной компаніи» породили въ свое время цѣлую литературу, которая и понынѣ еще представляетъ немалый общественный интересъ. Поэтому когда въ 1890 году срокъ ея аренды наконецъ истекъ, и эта грозная и всесильная монополія прекратила свое существованіе, вся бывшая «Русская Америка» вздохнула съ облегченіемъ. Непреодолимый тормазъ, почти на цѣлую четверть столѣтія задержавшій экономическое развитіе края и его общественное преуспѣяніе, былъ наконецъ снятъ и отбро-

шенъ. Арендваніе аляскинскихъ тюленьихъ промысловъ перешло въ руки «Сѣверо-американской промышленной компаніи», и хотя дѣятельность этой послѣдней и заставляетъ желать многого лучшаго, тѣмъ не менѣе, однако, таковая не можетъ быть даже сравниваема съ двадцатилѣтнимъ разбойничьимъ и деспотическимъ хозяйничаньемъ въ краѣ бывшей «Аляскинской промышленной компаніи».

Таковы въ очертаніяхъ самыхъ общихъ судьбы бывшей «Русской Америки» подъ владычествомъ республики Соединенныхъ Штатовъ. Размѣры настоящаго очерка не позволяютъ намъ, къ сожалѣнію, коснуться еще столь важныхъ сторонъ ея общественнаго строя и быта, какъ народное образованіе и ея церковное положеніе, созданное дѣятельностью многообразныхъ миссій всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, начиная съ русской православной миссіи, насадившей въ этомъ отдаленномъ, глухомъ и негостепріимномъ краѣ начатки христіанства. Какъ ни интересны были бы эти стороны для русскихъ читателей, мы поставлены въ необходимость ихъ опустить. Ограничиваемся поэтому лишь указаніемъ на одно въ высшей степени любопытное явленіе. Несмотря на то, что съ самаго момента приобрѣтенія Аляски и до сего дня она официально и по большей части даже и неофициально признается американцами «индѣйскимъ краемъ» (Indian country), и что въ то же время въ составѣ федеральнаго министерства внутреннихъ дѣлъ въ Вашингтонѣ имѣется особый департаментъ индѣйскихъ дѣлъ (Division of Indian Affairs), располагающій достаточно изобильнымъ штатомъ чиновниковъ для этихъ именно такъ называемыхъ индѣйцевъ бывшей «Русской Америки», довольно своеобразно именуемыхъ обыкновенно «русскими индѣйцами» (Russian Indians), въ виду принадлежности ихъ къ русской православной церкви, до сего времени ровно ничего не сдѣлано федеральнымъ правительствомъ въ смыслѣ улучшенія ихъ быта и подъема уровня ихъ экономическаго положенія. Неудивительно поэтому, что, по единогласному свидѣтельству всѣхъ положительно американскихъ изслѣдователей и наблюдателей, эти такъ называемые «русскіе индѣйцы» чувствуютъ себя такъ далеко отъ американскаго правительства, что ихъ взоры и до сего еще времени обращены не къ Вашингтону, а къ Россіи и русскому царю. При этомъ многіе изъ этихъ изслѣдователей и наблюдателей добавляютъ, что русскіе православные священники аляскинско-алеутской православной епархіи поддерживаютъ и насаждаютъ въ нихъ подобное настроеніе и подобный образъ мыслей. Лишь на этихъ дняхъ довелось пишущему эти строки читать рапортъ нѣкоего американскаго отставнаго генерала¹⁾ военному министру въ Вашингтонѣ, въ коемъ

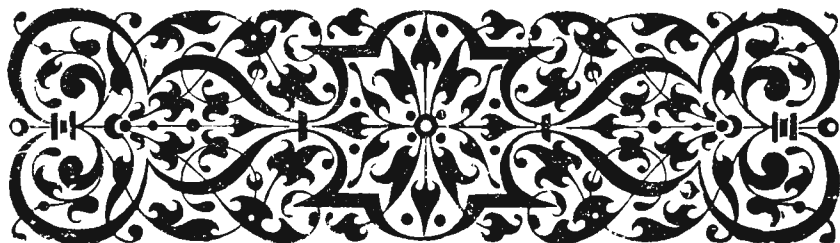
¹⁾ Только-что вернувшася изъ путешествія по Аляскѣ.

онъ, изображая въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, насколько далекоимъ является и представляется аляскинскимъ индѣйцамъ вашигтонское правительство (въ непосредственномъ вѣдѣніи коего они находятся), положительно утверждаетъ, будто бы русскій православный священникъ въ Кадьякѣ открыто проповѣдуетъ своимъ прихожанамъ «возстаніе противъ Соединенныхъ Штатовъ» (sedition against the United States), въ видахъ воссоединенія въ Россіи. Рапортъ этотъ, впрочемъ, не появившійся въ газетахъ (что дѣлается въ Соединенныхъ Штатахъ со всѣми почти официальными документами), является лишь однимъ изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ самихъ американцевъ о положеніи дѣлъ въ Аляскѣ вообще и аляскинскихъ «индѣйцевъ» въ особенности. Между тѣмъ, эти послѣдніе, зная, что аляскинскій губернаторъ г-нъ Brody и разные официальные представители мѣстнаго населенія нынѣ находятся въ Вашингтонѣ, умоляя конгрессъ «дать Аляскѣ какое бы то ни было гражданское управленіе», хлопоты этихъ послѣднихъ по означенному предмету поняли и истолковали по-своему. Между ними распространились упорные слухи, будто бы, благодаря этимъ хлопотамъ, федеральное правительство намѣрено устроить вблизи г. Ситхи такъ называемое индѣйское поселеніе (Indian reservation), согнать туда всѣхъ индѣйцевъ со всей Аляски, огородить таковое высокимъ желѣзнымъ заборомъ, а къ воротамъ приставить военный караулъ, такъ чтобы ни одинъ изъ нихъ не могъ выйти куда либо изъ этого поселенія. Слухи эти настолько взбудоражили туземное населеніе Аляски, что эти такъ называемые индѣйцы собрали между всѣми своими племенами значительную денежную сумму и отрядили отъ себя въ Вашингтонъ двухъ особыхъ ходоковъ, дабы ходатайствовать предъ президентомъ республики о недопущеніи и предупрежденіи устройства вышеописаннаго индѣйскаго поселенія. Фактъ этотъ настолько характеренъ и краснорѣчивъ самъ по себѣ, что какіе бы то ни было къ нему комментаріи представляются излишними.

Е. Матросовъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

**А. С. Павловъ. Курсъ церковнаго права. Посмертное изданіе
подъ редакціей И. М. Громогласова. Спб. 1902.**

ШОКОЙНЫЙ профессоръ Московскаго университета А. С. Павловъ (1898 г.) принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ русскихъ ученыхъ. Его спеціальностью была исторія византійско-славянскаго права, въ области коей онъ почти съ одинаковымъ усиліемъ работалъ какъ въ предѣлахъ права церковнаго, такъ и свѣтскаго. Его ученая дѣятельность выразилась въ критическомъ изданіи источниковъ византійско-славянскаго права, или вовсе до него неизвѣстныхъ въ наукѣ, или извѣстныхъ только въ неудовлетворительныхъ изданіяхъ, и въ тщательной разработкѣ исторіи и значенія этихъ источниковъ. Труды профессора Павлова въ этомъ направленіи (напримѣръ: «Первоначальный славяно-русскій номоканонъ», «Номоканонъ при большомъ требникѣ»,—два изданія—1872 и 1897 годовъ, «Книги законныя», «Пятидесятая глава Кормчей книги» и т. д.) и многочисленны, и весьма цѣнны въ научномъ отношеніи, и создали покойному славу едва ли не перваго по значенію и учености русскаго канониста. Но завѣтнымъ желаніемъ покойнаго ученаго было изданіе въ печати систематическаго курса церковнаго права; такое изданіе и самъ онъ считалъ непремѣннымъ своимъ долгомъ предъ отечественной наукой и завершеніемъ сорокалѣтней своей профессорской дѣятельности въ университетахъ Казанскомъ, Новороссійскомъ и Московскомъ, да и многочисленные слушатели и ученики желали имѣть въ виду его высокихъ научныхъ достоинствъ. Однако, неумолимая смерть помѣшала профессору выполнить эту серьезную задачу. Его предсмертную волю теперь исполнилъ одинъ изъ его слушателей по Московскому университету, доцентъ Московской академіи г. Громогласовъ.

Въ основу настоящаго изданія положены собственноручныя записи А. С. Павлова, содержащія почти все здѣсь напечатанное и носящія на себѣ слѣды многочисленныхъ измѣненій, дополненій и поправокъ, сдѣланныхъ рукою самого автора. Лишь въ немногихъ случаяхъ издатель сдѣлалъ нѣсколько незначительныхъ дополненій, пользуясь литографированными студенческими изданіями курса церковнаго законовѣдѣнія покойнаго профессора, его напечатанной «программой» этого курса и опубликованными трудами. Въ цѣломъ же изданная г. Громогласовымъ книга съ возможною точностью воспроизводитъ курсъ А. С. Павлова въ томъ именно видѣ и составѣ, какой имѣетъ этотъ многолѣтній трудъ въ посмертныхъ бумагахъ его незабвеннаго автора.

«Курсъ церковнаго законовѣдѣнія» профессора Павлова состоитъ изъ введенія, обзора источниковъ церковнаго права и системы этого права. Въ частности, во введеніи (стр. 1—35) предлагается понятіе о церкви и церковномъ правѣ, указываются названія церковнаго права и опредѣляется его характеръ, отмѣчается положеніе церковнаго права въ цѣлой системѣ права и въ отношеніи къ наукамъ богословскимъ и юридическимъ, предлагается историческій очеркъ развитія науки церковнаго права за границей и въ Россіи, уясняются задачи и методы науки, и намѣчается планъ курса церковнаго права. Введеніе имѣетъ глубокой научный интересъ и въ стройномъ изложеніи представляетъ ясное и опредѣленное рѣшеніе принципиальныхъ вопросовъ изъ области науки церковнаго права. Любопытно, прежде всего, самое понятіе ученаго профессора о церковномъ правѣ, логически вытекающее у него изъ понятія о церкви. По воззрѣнію автора, церковь, какъ союзъ, основанный на религіозной вѣрѣ, дѣйствіе котораго обращено главнымъ образомъ на внутреннюю сторону человѣка, на его душу, прежде всего и представляется невидимымъ, духовнымъ союзомъ вѣрующихъ въ Иисуса Христа, какъ это и указано самимъ ея основателемъ (Лук. XVII, 21. Іоанн. XVII, 36). Но въ то же время церковь, какъ союзъ человѣческой, есть видимое явленіе во внѣшней социальной жизни человѣчества. Этою стороною своего существа она поставлена въ общія условія человѣческой жизни, вытекающія изъ естественныхъ свойствъ человѣческой природы. Именно: христіанская религія, какъ объективное божественное откровеніе, бывъ усвоена живого субъективною вѣрою человѣка и сдѣлавшись господствующимъ началомъ его духовной жизни, по естественной необходимости выражается имъ внѣ, т.-е. во внѣшнемъ исповѣданіи вѣры и во внѣшней жизни по вѣрѣ. А внѣшняя жизнь церкви, какъ организованнаго цѣлаго, необходимо предполагаетъ существованіе въ ней извѣстнаго порядка, согласнаго съ ея внутреннимъ существомъ и жизненнымъ назначеніемъ. Съ этимъ порядкомъ церковь вступаетъ въ область права и притомъ двоякимъ образомъ: во-первыхъ, какъ посетительница своего собственнаго права, т.-е. тѣхъ нормъ своей жизни, которыя имѣютъ свое основаніе въ самомъ существѣ церкви и которыми опредѣляются ея внутреннія правоотношенія, и, во-вторыхъ, какъ общественный союзъ, существующій въ мірѣ на ряду съ другими человѣческими союзами, политическими и религіозными, и слѣдовательно необходимо вступающій въ извѣстныя къ нимъ отношенія. Нормы или желательныя правила, которыми опредѣляются тѣ и другія отношенія церкви, составляютъ

церковное право въ объективномъ смыслѣ, которое, по различію указанныхъ отношеній, раздѣляется на внутреннее и внѣшнее; въ субъективномъ же смыслѣ церковное право есть совокупность правомочій и обязанностей отдѣльныхъ членовъ церковнаго общества въ отношеніи другъ къ другу и къ церкви, какъ цѣлому, а равно и этого цѣлаго—въ отношеніи къ отдѣльнымъ его членамъ и къ другимъ человѣческимъ союзамъ. Уясняя, далѣе, характеръ церковнаго права, профессоръ Павловъ признаетъ его правомъ въ собственномъ и общепринятомъ смыслѣ, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями. Во-первыхъ, церковное право, въ объективномъ смыслѣ, есть внѣшній порядокъ особаго соціального организма, воплощающаго въ себѣ определенную и необходимую жизненную цѣль. Хотя цѣль эта относится исключительно къ духовной жизни человѣка, но коль скоро она соединяетъ людей въ особый организованный союзъ и ставитъ ихъ въ определенныя внѣшнія отношенія между собою, то здѣсь оказываются на лицо всѣ условія, необходимыя для образованія права. *Ubi societas, ibi jus*. Во-вторыхъ, нормы этого права, какъ императивъ для внѣшней дѣятельности членовъ церкви въ отношеніи другъ къ другу и ко всей церкви, настолько же отличаются отъ нравственныхъ предписаній христіанской религіи, насколько право вообще отличается отъ морали: первыя относятся къ внѣшнимъ дѣйствіямъ членовъ церковнаго общества, а послѣднія къ внутреннимъ мотивамъ этихъ дѣйствій. Въ-третьихъ, въ законахъ церковнаго порядка, какъ общественнаго, устанавливаются такія же границы для дѣятельности отдѣльныхъ членовъ церковнаго общества, какія необходимыя въ правовомъ порядкѣ вообще, и нарушение этихъ границъ сопровождается такой же реакціей со стороны установленныхъ блюстителей порядка, какъ и во всякомъ благоустроенномъ человѣческомъ союзѣ. Словомъ, церковному праву, какъ и всякому другому, присущъ характеръ принудительности, въ томъ смыслѣ, что оно возвышается надъ частною волей, дѣйствуетъ на нее съ силою необходимости, но при этомъ въ церковномъ правѣ, въ отличіе отъ мірскаго, моменты внѣшняго принужденія и внутренней личной свободы вполнѣ совпадаютъ (стр. 5—11). Столь же основательно раскрываются профессоромъ Павловымъ и другіе отмѣченные выше главные пункты введенія.

Далѣе, профессоръ Павловъ обозрѣваетъ источники церковнаго права, сперва общаго, а потомъ русскаго (стр. 36—189). Исторія источниковъ общаго церковнаго права и ихъ практическаго употребленія въ православной греко-восточной церкви разсматривается по періодамъ, коихъ почтенный авторъ указываетъ четыре. Первый простирается отъ начала христіанства до эпохи признанія его государственной религіей въ Римской имперіи при Константинѣ Великомъ; второй періодъ—отъ Константина Великаго до изданія Фотіева номоканона въ концѣ IX столѣтія; третій—отъ конца IX вѣка до паденія Византійской имперіи въ 1453 году, а четвертый—отъ завоеванія Константинополя турками до настоящаго времени. Въ исторію образованія собственно русскаго церковнаго права рѣзко различаются три періода. Первый простирается отъ начала христіанства на Руси до второй половины XV вѣка, т.-е. до эпохи установленія автокефальности русской церкви, когда Русь и въ политическомъ отношеніи объединилась подъ властью московскихъ государей; въ этотъ пері-

одъ положены были первооснованія русскаго церковнаго права, преимущественно внѣшняго, коимъ опредѣлялись своеобразныя отношенія нашей церкви къ гражданскому обществу и государству. Второй періодъ отъ второй половины XV вѣка до эпохи церковныхъ и государственныхъ преобразованій Петра Великаго; въ этомъ періодѣ внѣшнія права и отношенія церкви опредѣляются съ болѣе точнымъ разграниченіемъ сферы церковной и государственной, и свѣтская власть пріобрѣтаетъ рѣшительное вліяніе не только на внѣшнія, но и на внутреннія дѣла и отношенія церкви. Въ третій періодъ, обнимающій время отъ эпохи церковныхъ преобразованій Петра Великаго до нашихъ дней, развилась вся система дѣйствующаго нынѣ особеннаго права русской церкви; этотъ періодъ характеризуется тѣмъ, что церковь, оставаясь воиолнѣ свободной въ своей чисто-духовной сферѣ, въ то же время по своему положенію въ области государственнаго права является только частію государственнаго устройства и управленія.

Что касается системы церковнаго права, занимающей большую половину курса профессора Павлова (стр. 190—539), то здѣсь сперва обозрѣвается право внутреннее, а потомъ внѣшнее. Къ области внутренняго права церкви относятся: церковное устройство (личный составъ церковнаго общества—клиръ, монашество и міряне, церковное правительство—епископы, соборы, митрополиты, патріархи и святѣйшій синодъ) и церковное управленіе (право религіознаго ученія, право религіознаго освященія, право церковнаго суда, имущественное право церкви). Внѣшнее же право церкви проявляется въ ея отношеніяхъ къ государству и къ непринадлежащимъ ей христіанскимъ обществамъ. Въ виду сложности системы церковнаго права, созданной профессоромъ Павловымъ, нѣтъ нужды входить въ подробный ея обзоръ. Скажемъ лишь, что она отличается замѣчательной стройностью и выдержанностью плана, прекраснымъ распределеніемъ деталей, ясностью и точностью опредѣленія юридическихъ нормъ и образцовымъ разъясненіемъ сложныхъ и трудныхъ вопросовъ церковной юриспруденціи.

Вообще же о вновь изданномъ трудѣ покойнаго профессора Павлова слѣдуетъ сказать, что онъ воиолнѣ оправдываетъ установившуюся за этимъ русскимъ ученымъ славу замѣчательнаго канониста, весьма полезенъ для занимающихся наукой церковнаго права и представляетъ очень дѣльный вкладъ въ русскую юридическую литературу. Г. Громогласовъ, взявшій на себя наблюденіе за изданіемъ этого труда, оказалъ большую услугу наукѣ и обществу.

Σ.

Чичеринъ. Исторія политическихъ ученій. Часть 5. М. 1902.

Вышедшій недавно пятый томъ труда Б. Н. Чичерина появился черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ изданія четвертаго тома, въ которомъ нашъ замѣчательный ученый далъ значительное мѣсто изложенію философскихъ системъ. Объясняетъ онъ самъ это тѣмъ обстоятельствомъ, что между нѣмецкой философіей и нѣмецкой политической наукой существуетъ тѣсная связь, и безъ философій важнѣйшіе вопросы политической науки должны оставаться нераз-

рѣшенными. Весь четвертый томъ посвященъ идеализму въ Германіи, а въ пятомъ находимъ окончаніе исторіи идеализма въ Германіи и изложеніе идеализма во Франціи.

Исторія идеализма въ Германіи разбита авторомъ на слѣдующія рубрики: натуралистическій идеализмъ, нравственный, индивидуалистическій и абсолютный. Пятый томъ заключаетъ въ себѣ продолженіе исторіи абсолютнаго идеализма и изложеніе утопическаго идеализма. Абсолютный идеализмъ представляють гегельянцами, доведшими идеализмъ Гегеля до крайности (Мишле, Эрдманъ и Штейнъ). Послѣ этого идеализмъ переходитъ въ «утопію», какъ называетъ авторъ ученія представителей социализма. Разбирая теоріи социализма, онъ отказывается видѣть въ нихъ «даже и тѣнь научныхъ основаній». Теорія Родбертуса полна, по мнѣнію почтеннаго ученаго, фантастическихъ взглядовъ, извращенныхъ понятій и кривыхъ толкованій. Таково же отношеніе и къ Лассалю, хотя авторъ и не отрицаетъ замѣчательныхъ свойствъ его ума, обширной начитанности и огромнаго полемическаго таланта. Теорія Лассалья — «чистая софистика» (стр. 124).

Если по отношенію къ Лассалю авторъ не выдерживаетъ вполне безпристрастнаго, объективнаго тона, то глава о К. Марксѣ написана еще болѣе страстно. Хотя авторъ не сообщаетъ біографіи ни Лассалья ни Маркса, но разсужденія свои начинаетъ съ того, что Марксъ такъ же, какъ и Лассаль, еврейскаго происхожденія (156). Для него это, повидимому, весьма важное обстоятельство. И теорія Маркса вся построена, разсуждаетъ онъ, на софизмахъ и нелѣпостяхъ. То, что ставитъ Марксъ на мѣсто живой дѣйствительности, есть «только плодъ туманныхъ фантазій, въ основаніи которыхъ лежитъ чистая бессмыслица» (225). «Вліяніе Маркса», говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, «въ современномъ мірѣ представляетъ, можно сказать, самый колоссальный примѣръ челоѣческой глупости, какой встрѣчается въ исторіи мысли». Все это крѣпко сказано, но вовсе не нужно быть марксистомъ или экономическимъ матеріалистомъ, чтобы не видѣть предвзятости взгляда нашего ученаго. О Марксѣ много писали, давно уже выяснены и слабыя стороны его теоріи, но нелѣпости, пока, въ ней не находили. Да и самъ авторъ не выдерживаетъ того плана, котораго, повидимому, держался въ первыхъ томахъ своего изслѣдованія. Здѣсь у него Марксъ какъ-то выхваченъ и осмѣянъ, а вовсе не поставленъ въ связь хотя бы съ тѣмъ «идеализмомъ», которому посвящено 1½ книги. Вѣдь Марксъ пришелъ къ выводу, діаметрально противоположному тому, какой былъ основнымъ пунктомъ гегелевой философіи права. А это не бессмыслица, напротивъ, въ критикѣ философіи Гегеля это былъ важный и рѣшительный шагъ впередъ.

Въ развитіи французскаго идеализма авторъ различаетъ четыре главныхъ школы: легитимистовъ, или клерикаловъ, либераловъ, доктринеровъ и социалистовъ. Замѣчательнѣйшимъ по силѣ ума и таланта изъ легитимистовъ былъ Жозефъ де-Местръ, взгляды котораго прекрасно изложены г. Чичеринимъ, при чемъ выяснено противорѣчіе между всею системой де-Местра.

Одновременно съ де-Местромъ выступилъ въ качествѣ представителя политической реакціонной литературы начала XIX в. Бональдъ. На него г. Чичеринъ

смотреть, какъ на систематика клерикальной школы, умѣвшаго построить здание, лишенное всякаго серьезнаго основанія; въ его сочиненіяхъ авторъ совершенно вѣрно видитъ лишь претензію на строгую логику, «ребаческую теорію». Сюда же отнесены имъ Балланшъ и Ламеннэ, какъ представители реакціонной школы.

Къ либераламъ отнесены: Бенжаменъ Констанъ, Дестюттъ де-Траси, Шарль Контъ и Сисмонди. Яркимъ представителемъ либерализма начала XIX в. былъ Б. Констанъ. Разсмотрѣвъ конституціонную теорію Б. Констана, г. Чичеринъ отмѣчаетъ односторонность его мыслей. Но эта односторонность понятна именно въ связи съ біографіей французскаго политика и тѣми уроками революціи, которые хорошо были памяты Констану. Менѣе извѣстны взгляды Дестютта де-Траси, одностороннее либеральное направленіе котораго очень хорошо выяснено у г. Чичерина. Дестюттъ де-Траси—эмигрантъ, выселившійся въ Америку, а потому, въ противоположность Констану, склонявшійся не къ конституціонной монархіи, а къ республикѣ. Ученіе его цѣлкомъ отразило теоріи XVIII вѣка. Почетное мѣсто среди современниковъ и представителей либерализма авторъ отводитъ Сисмонди. Хотя и этотъ политикъ, какъ и другіе, отличался неопредѣленностью въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ, но его выгодно отличаетъ отъ другихъ «либераловъ» здравый смыслъ, онъ былъ не только теоретикомъ, но и внимательнымъ наблюдателемъ общественныхъ явленій. Его взглядъ на значеніе журналистики, говоритъ авторъ, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

Переходя къ «доктринерамъ», г. Чичеринъ даетъ разборъ взглядовъ трехъ политиковъ: Гизо, Гелло и Росси. Подробнѣе всего онъ останавливается на взглядахъ Гизо, размышленія котораго очень высоко цѣнитъ. Въ книгѣ резюмированы и анализированы всѣ важнѣйшія политическія брошюры Гизо, подробно разсмотрѣны воззрѣнія Гизо на избирательную систему. «Если бы знаменитый историкъ,—говоритъ г. Чичеринъ,—сдѣлавшись министромъ, проводилъ свои мысли на практикѣ, то весьма возможно, что іюльская монархія не подверглась бы такому крушенію, какое ее постигло». Хотя это и правда, что ближайшимъ поводомъ февральской революціи былъ вопросъ объ избирательной реформѣ, но почтенный историкъ въ своемъ анализѣ воззрѣній Гизо не подчеркнул популярности Гизо въ буржуазіи, не указалъ на оппортунизмъ Гизо, на то, что и онъ далекъ былъ отъ дѣйствительности, и едва ли могъ бы спасти Францію отъ взрыва. Важно было бы для исторіи политическихъ ученій XIX в. выяснить, какую роль имѣло въ міросозерцаніи Гизо влияние нѣмецкой исторической школы права. Намъ кажется, что недостаткомъ капитальнаго и замѣчательнаго труда В. Н. Чичерина является именно отсутствіе эволюціи политическихъ ученій. Представители извѣстнаго міросозерцанія здѣсь собраны вмѣстѣ, но они оторваны отъ жизни, не видна преемственность ихъ взглядовъ, а при такомъ отношеніи легко впасть въ субъективную оцѣнку, невольно, совершенно искренно, подсовывается свой взглядъ, свои симпатіи въ политикѣ, и эти взгляды довольно ясно сквозятъ во всемъ трудѣ нашего выдающагося ученаго.

А. Н.—іж.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ сто девятый. Спб. 1901. Томъ сто десятый. Спб. 1901. Томъ сто одиннадцатый. Юрьевъ. 1901.

Указанные томы «Сборника императорскаго русскаго историческаго общества» заключаютъ въ себѣ матеріалы къ исторіи царствованія императрицъ Анны Іоанновны, Елисаветы Петровны и Екатерины II. Томъ 109-й составляетъ продолженіе томовъ 18-го и 46-го и заключаетъ документы, извлеченные изъ Вѣнскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ за періодъ времени съ 17-го ноября 1763 года по конецъ 1771 года, а именно донесенія императорскаго посла при русскомъ дворѣ кн. Лобковича и замѣнявшаго его во время его отсутствія секретаря посольства Зедделера своему правительству. Главной злобой дня въ нихъ является польскій вопросъ: это было смутное время Польши передъ раздѣлами; умеръ польскій король Августъ III, и между русскимъ и прусскимъ дворами состоялось соглашеніе, имѣвшее своею цѣлью устранить отъ польскаго престола саксонскую династію, къ которой принадлежалъ покойный король, и возвестъ на него природнаго поляка изъ рода Пястовъ. Такимъ кандидатомъ явился, какъ извѣстно, литовскій стольникъ графъ Станиславъ Понятовскій, пріѣзжавшій передъ тѣмъ посломъ къ русскому двору и сумѣвшій пріобрѣсти здѣсь общія симпатіи. Однако польская партія, возведшая на тронъ Станислава, хотѣла водворить въ государствѣ болѣе твердый порядокъ и уничтожить пресловутое *liberum veto*, чтò далеко не соответствовало намѣреніямъ дворовъ, составившихъ союзъ, которые считали для себя выгоднымъ поддерживать «счастливую польскую анархію» (выраженіе Екатерины II). Къ этому присоединился вопросъ о диссидентахъ, то-есть о лютеранахъ и православныхъ, отстранявшихся въ Польшѣ отъ всѣхъ высшихъ должностей. Образовалась диссидентская конфедерация, вовлекшая Россію въ вооруженное вмѣшательство въ польскія дѣла, чтò вызвало образование враждебной намъ Барской конфедерации. Возстаніе православныхъ приняло характеръ гайдамацкаго движенія, то-есть соціально-религіознаго, направленнаго противъ пановъ, ксендзовъ и евреевъ. Въ пылу преслѣдованія «ляховъ» гайдамаки разграбили одно пограничное татарское селеніе Галту, и такимъ образомъ дали Турціи поводъ объявить Россіи войну. Франція интриговала противъ насъ, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Турціи. Понятно, что внутреннее состояніе Россіи при такихъ условіяхъ не могло быть блестящимъ, и указанные дипломаты рисуютъ государство истощеннымъ, какъ внѣшней борьбой, такъ и внутренними смутами (дѣло Миронича), страшными болѣзнями и другими бѣдствіями... Финансы были разстроены, и для поправленія ихъ императрица должна была прибѣгать къ усиленному выпуску ассигнацій и къ другимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ, вплоть до секуляризаціи духовныхъ имуществъ... При дворѣ враждовали Орловская и Панинская партіи... Печатаемая дипломатическія донесенія прекрасно изображаютъ умѣніе Екатерины лавировать между ними и пользоваться услугами, какъ одной, такъ и другой.

Въ 110-й томъ вошли копии съ донесеній и другихъ бумагъ англійскихъ пословъ, посланниковъ и резидентовъ при русскомъ дворѣ съ 7-го мая 1748 г.

по 9-е февраля 1750 г. (Оригиналы находятся въ Лондонскомъ государственномъ архивѣ). Если правительству императрицы Екатерины II иностранцы не могутъ не отдать справедливости въ умѣнн изворачиваться въ трудныхъ обстоятельствахъ, то правительство Елисаветы, по донесеніямъ англійскихъ дипломатовъ, кажется рѣшительно несостоятельнымъ: сама императрица пигала прямо отвращеніе къ занятіямъ дѣлами (стр. 438, 616). Поэтому не удивительно, если продажность царя вокругъ нея, и извѣстное дѣло Лестока, о которомъ мы находимъ немало данныхъ въ этомъ томѣ «Сборника», было далеко не исключеніемъ. «Отъ канцлера все зависитъ», пишетъ, напримѣръ, лордъ Гинфордъ, чрезвычайный и полномочный министръ въ С.-Петербурѣ, герцогу Ньюкастльскому отъ 24-го мая 1748 года: «и если ваша свѣтлость разрѣшите мнѣ сдѣлать канцлеру обыкновенный подарокъ въ 1.000 фунтовъ за конвенцію по наблюдательному корпусу и предоставите это дѣло мнѣ, то я постараюсь сохранить другую тысячу, которую, правильно говоря, слѣдуетъ уплатить его коллегѣ, но которой онъ, безъ сомнѣнія, не заслуживаетъ. Подобное новое отличіе, оказываемое нашему другу, поможетъ дѣламъ и облегчитъ ихъ дальнѣйшій ходъ. И если его величеству благоугодно будетъ милостиво послать генералу Апраксину табакерку, о чемъ я уже часто упоминалъ, стоимостью не свыше 300 фунтовъ, со своимъ портретомъ внутри, то это произведетъ лучшее впечатлѣніе, чѣмъ въ десять разъ большая сумма, уплаченная въ другое время; ибо этотъ генералъ является до того правою рукою канцлера, что безъ него послѣдній ничего не можетъ сдѣлать». Далѣе слѣдуетъ списокъ суммъ, истраченныхъ лордомъ на подарки самому канцлеру, различнымъ чинамъ его канцеляріи и даже его слугамъ (стр. 10—11). Безпечность русскаго правительства равнялась его продажности. «Я затрудняюсь,—читаемъ мы въ донесеніи чрезвычайнаго посла отъ 20-го марта 1749 года,—описать вашей свѣтлости безпечность русскаго двора и безконечныя задержки въ дѣлахъ изъ-за пустяковъ; вы, пожалуй, не повѣрите, что курьеръ, который долженъ былъ быть отправленъ 6-го текущаго мѣсяца съ большою поспѣшностью, все еще здѣсь. Я не повѣрилъ бы этому самъ, если бы не послалъ сегодня утромъ узнать у канцлера о днѣ отъѣзда курьера (ибо въ продолженіе нѣсколькихъ дней я не былъ въ состояніи выходить изъ дому). Но, къ моему великому удивленію, канцлеръ прислалъ мнѣ сказать, что курьеръ все еще не уѣхалъ, и что онъ, канцлеръ, либо повидается со мною лично, либо пришлетъ мнѣ извѣстіе о томъ, когда послѣдній уѣдетъ, изъ чего я заключаю, что курьеръ не будетъ отправленъ ранѣе 25-го числа, кануна Пасхи; во время поста они здѣсь занимаются своими мелкими внутренними дѣлами и очищаютъ свои канцеляріи отъ дѣлъ, залежавшихся тамъ за нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы такимъ образомъ имѣть свободное время пировать и веселиться во время праздниковъ, а затѣмъ они занускаютъ свои дѣла до слѣдующаго года» (стр. 326—327). Тѣмъ не менѣе значеніе Россіи въ Европѣ стояло въ это время очень высоко, благодаря выгодному для нея раздору западныхъ державъ.

Томъ 111-й служить продолженіемъ томовъ 104-го, 106-го и 108-го, въ которыхъ началось печатаніе бумагъ кабинета министровъ, высшаго правительственнаго учрежденія въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, со-

стоявшаго, какъ извѣстно, изъ трехъ лицъ. Въ указанномъ томѣ начинаются матеріалы самаго блестящаго періода этого учрежденія, именно съ 1735 года, когда, по знаменитому указу 9-го іюня, постановленія, подписанныя тремя кабинетъ-министрами, были сравнены по силѣ съ высочайшими повелѣніями,— прерогатива, которой въ Россіи не пользовалось ни одно учрежденіе, ни одно лицо. Мы не будемъ останавливаться на самомъ содержаніи 111-го тома, такъ какъ онъ обнимаетъ собою почти исключительно дѣла текущей администраціи того времени, а замѣтимъ только, что бумагами указанного учрежденія завалены всѣ наши архивы, и нельзя не привѣтствовать появленія ихъ наконецъ въ печати. Мы думаемъ, что изученіе этого матеріала измѣнитъ традиціонный взглядъ на царствованіе императрицы Анны Іоанновны, какъ на время «Биронщины», и заставитъ видѣть въ немъ время олигархіи кабинета министровъ.

В. Отровъ.

Извѣстія русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. Томъ VII. Выпуски 1—3. Софія. 1902.

Седьмой томъ «Извѣстій» русскаго археологическаго института въ Константинополѣ открывается статьей «О древностяхъ города Тырнова» (стр. 1—24), принадлежащей руководителю этого ученаго учрежденія, извѣстному ученому Ѳ. И. Успенскому. Почтенный авторъ два раза (въ 1899 и 1900 годахъ) совершилъ поѣздку въ городъ Тырновъ, прежнюю столицу Болгарскаго царства, и результаты своихъ историческихъ и археологическихъ изысканій и излагаетъ въ отмѣченной статьѣ. Въ частности здѣсь рѣчь идетъ о церквахъ «Святыхъ Четырехдесяти», или 40 мучениковъ, при чемъ описываются ихъ архитектурныя особенности, фрески и иконы, и приводятся надписи, открытыя на стѣнахъ и изображеніяхъ. Кромѣ того, въ статьѣ говорится о результатахъ археологическихъ раскопокъ на холмахъ Гиссарѣ и Трапезицѣ, которые, окруженные рѣкой Янтрой и обнесенные въ средніе вѣка стѣнами и башнями, составляли мѣсто расположенія стараго Тырнова; здѣсь именно были дворцы и палаты тырновскихъ царей и ихъ вельможъ, находились государственныя учрежденія и церкви. Къ сожалѣнію, результаты раскопокъ, произведенныхъ безъ всякаго участія русскаго института посторонними лицами, которые неумѣло взялись за дѣло, оказались печальными, и многіе археологическіе матеріалы (каменотесные знаки, рисунки *agazziti*, фрески) вслѣдствіе невниманія и небрежности погибли для науки безвозвратно.

Вторая статья—«Грамота царя Іоанна Асѣня II», написана Г. А. Ильинскимъ (стр. 25—39). Въ библиотекѣ императорской академіи наукъ хранится очень важный рукописный памятникъ южно-славянской древности, содержащій въ себѣ торговый договоръ болгарскаго царя Іоанна Асѣня II (1218—1241 г.) съ Дубровницкой республикой. Цѣнное историческое значеніе памятника не разъ побуждало ученыхъ къ изданію этой грамоты, но всѣ бывшіе доселѣ опыты въ этомъ направленіи (Шафарика, И. И. Срезневскаго, Раковскаго, Миклошича) оказались, по мнѣнію г. Ильинскаго, неудачными. Въ

отмѣченной статьѣ, послѣ введенія, предложенъ текстъ грамоты и сдѣланы примѣчанія къ нему, отмѣчены палеографическія и лингвистическія особенности грамоты, указано ея историческое значеніе и помѣщенъ словоуказатель. Статья г. Ильинскаго носитъ слѣды тщательнаго изученія любопытнаго памятника.

Далѣе, Б. А. Панченко предлагаетъ очень хорошо составленный этюдъ, подъ названіемъ «*Βασιλικὸς πεισιχόρς*» (стр. 40—55); этотъ греческій терминъ встрѣчается въ различныхъ памятникахъ византійскаго происхожденія и, между прочимъ, на трехъ моливдовулахъ (свинцовыхъ печаткахъ), находящихся въ коллекціи русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. Анализируя этотъ терминъ, г. Панченко, на основаніи изслѣдованія юридическихъ и агіологическихъ византійскихъ памятниковъ, приходитъ къ выводу, что онъ замѣняетъ терминъ *magister navis*, относящійся къ области судоходства и морскихъ торговыхъ операций.

Слѣдующая статья, написанная J. Pargoire'омъ на французскомъ языкѣ, касается любопытнаго вопроса о монастыряхъ константинопольскаго патріарха Игнатія (IX в.), находившихся на пяти малыхъ островахъ Принцевыхъ (стр. 56—91). Авторъ старался собрать по возможности больше матеріала по изучаемому вопросу, но ему извѣстно далеко не все, что можно найти въ византологической литературѣ касательно монастырей патріарха Игнатія.

Весьма интересно изслѣдованіе Θ. И. Успенскаго, подъ заглавіемъ: «Археологическіе памятники Сиріи» (стр. 93—212). Изслѣдованіе Сиріи въ археологическомъ отношеніи далеко еще не закончено, несмотря на французскія и нѣмецкія работы (де-Вогюэ, Жюльенъ, Сахау и др.). Это зависитъ столько же отъ обоихъ памятниковъ въ Сиріи и отъ трудностей путешествія по этой во многихъ мѣстахъ лишенной путей сообщения и малонаселенной странѣ, сколько и отъ того, что въ Сиріи никогда не было производимо правильныхъ раскопокъ. Маршрутъ по Сиріи, принятый экспедиціей русскаго археологическаго института въ 1900 году, въ общемъ совпадалъ съ дорогами, коими шли де-Вогюэ и Сахау и лишь въ немногихъ случаяхъ отъ нихъ отклонялся для достиженія нѣкоторыхъ специальныхъ задачъ. Русскою экспедиціей были посѣщены слѣдующіе болѣе выдающіеся города и села: Дамаскъ, Сейдная, Маалула, Пальмира, Гомсъ, Гама, Ларисса, Апамея, Алеппо, монастырь св. Симеона Столпника, Антиохія и многіе другіе пункты. Всюду экспедиція обозрѣвала развалины, изучала топографію, списывала надписи, собирала древніе предметы и т. д. По наблюденіямъ экспедиціи, общій характеръ сирійскихъ памятниковъ есть ихъ оригинальность, которая указываетъ, что здѣсь процвѣтала особенная культура, произведеніе духа восточныхъ народовъ. Съ точки зрѣнія всемірной исторіи сирійскіе памятники даютъ своей оригинальностью очень интересный и свѣжій фактъ, подготовляющій раскрытіе проблемы объ элементахъ, входящихъ въ образованіе византизма. При этомъ, монументальные памятники должны быть поставлены рядомъ съ произведеніями литературы и искусства. Литературные сирійскіе памятники бросаютъ новый взглядъ на событія V и VI вѣковъ. Стоитъ припомнить, какъ много сирійцы участвовали въ разработкѣ догматическихъ вопросовъ, какъ

многообразна была литературная производительность въ V и VI вѣкахъ на сирійскомъ языкѣ, и какъ распространенъ былъ на востокѣ сирійскій «Законникъ». Остатки мертвыхъ городовъ, съ чрезвычайно выразительнымъ религиознымъ характеромъ склада жизни, внушаютъ лишь, что Сирія была глубоко проникнута вѣроисповѣдной идеей, и что многочисленнымъ сирійскимъ монастырямъ вполне соответствуютъ остатки церквей въ мертвыхъ городахъ и селеніяхъ.

Къ любопытной и поучительной работѣ Ѳ. И. Успенскаго приложены сорокъ семь таблицъ различныхъ снимковъ, прекрасно исполненныхъ. Такія же таблицы, числомъ 13, приложены и къ первой статьѣ академика Успенскаго, а такъ же къ работамъ г. Ильинскаго и г. Панченко (по одному номеру).

На послѣднихъ страницахъ седьмого тома «Извѣстій» (213—250) находится отчетъ о дѣятельности русскаго археологическаго института въ Константинополѣ за 1900 годъ. Эта дѣятельность выражалась въ устройствѣ ученыхъ засѣданій, въ археологической экспедиціи въ Сирію, въ обработкѣ добытыхъ матеріаловъ и въ изданіи ученыхъ трудовъ, въ производствѣ раскопокъ въ Болгаріи и въ дальнѣйшей организаци библиотеки и кабинета древностей. Въ общемъ, эта дѣятельность была очень почтенна, какъ объ этомъ отчасти можно судить и изъ анализа содержанія послѣдняго тома «Извѣстій» института. Σ.

Н. Н. Страховъ. Критическія статьи (1861—1894). Томъ 2-й. Изд. И. П. Матченко. Кіевъ. 1902.

Покойный Страховъ считалъ своими главными критическими статьями извѣстные этюды, писанные въ различное время о произведеніяхъ Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева и собранные въ отдѣльной книгѣ, вышедшей въ 1901 году четвертымъ изданіемъ. Въ настоящее время г. Матченко выпустилъ 2-й томъ «Критическихъ статей» Н. Н. Страхова: онъ собралъ въ немъ не появлявшіяся до сихъ поръ въ отдѣльномъ изданіи и разбѣянные по журналамъ и газетамъ статьи, замѣтки и отрывки покойнаго критика и философа.

Большинство статей появилось въ 1869—1874 гг. и имѣло интересъ минуты. Таковы: «Замѣтки о текущей литературѣ», «Нѣчто о характерѣ нашего времени», «Текущая минута», статьи по поводу извѣстнаго столкновенія Некрасова съ М. А. Антоновичемъ, замѣтки, вызванныя эпизодомъ по случаю импровизаци одной дамой «Египетскихъ ночей». Интересъ другихъ статей второго тома ослабляется тѣмъ, что мысли, легшія въ основу ихъ, съ гораздо большей полнотой и большимъ вниманіемъ развиваются въ другихъ, крупныхъ статьяхъ Н. Н. Страхова. Такова старая полемика относительно книги Н. Я. Данилевскаго и споры славянофиловъ съ западниками. Наконецъ, въ этой книгѣ собраны и совсѣмъ мелкія замѣтки; таковы: «Нѣчто о Шиллерѣ» (стр. 250—251), «Описаніе Двѣпра Гоголя» (стр. 377—378) и другіе. Съ несомнѣннымъ интересомъ современный читатель остановится на статьѣ о Добролюбовѣ и на очеркахъ объ Ап. Григорьевѣ. Воспоминанія о Достоевскомъ, напечатанныя здѣсь, заслоняются тѣмъ, что напечатано Н. Н. Страховымъ въ первомъ

томъ сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго, въ изданіи 1882 года. Слѣдуетъ еще упомянуть, что въ 2-мъ томѣ перепечатаны нѣкоторыя главы брошюры, кажется, исчезнувшей изъ обращенія: «Вѣдность нашей литературы» (Спб., 1868). Издателю можно было бы поставить въ упрекъ произвольное выдѣленіе нѣкоторыхъ главъ цѣлой книжки, если бы примѣра къ этому не подалъ самъ Страховъ, уже извлекшій двѣ—три главы изъ этой брошюры для другихъ книгъ.

Самъ Н. Н. Страховъ не причислялъ этихъ своихъ сочиненій къ основнымъ работамъ, совмѣщающимъ два непремѣнныхъ достоинства всего, что выходило изъ-подъ его пера—тщательность разработки и полноту изслѣдованія. Немногія страницы, наиболѣе цѣльныя и отдѣланныя, Страховъ приводилъ въ другихъ своихъ книгахъ. Человѣкъ, строго относившійся къ дѣлу литературы, онъ, быть можетъ, при своей жизни и не выпустилъ бы ихъ въ отдѣльной книжкѣ. Тѣмъ не менѣе, появленіе этихъ второстепенныхъ статей критика въ отдѣльномъ изданіи обрадуетъ всѣхъ почитателей его таланта и взглядовъ и лицъ, занимающихся исторіей русской литературы. Поэтому вполне справедливы приводимыя въ предисловіи г. Матченко слова: «все, написанное Н. Н., безспорно имѣетъ свою цѣну».

Къ сожалѣнію, выпущенное г. Матченко изданіе второго тома статей Н. Н. Страхова не отличается опрятностью и изяществомъ. Плохая бумага и дорогая цѣна!

П. Щ.

Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе библиотеки императорской академіи наукъ въ 1900 и 1901 годахъ. В. И. Срезневскаго. Спб. 1902.

Въ теченіе двухъ истекшихъ лѣтъ рукописное отдѣленіе библиотеки нашей академіи наукъ щедро одарено было различными цѣнными предметами. Общее число рукописныхъ книгъ, тетрадей и листовъ, столбцовъ, бумагъ, старопечатныхъ книгъ и книгъ петровскаго времени, лубочныхъ, литографированныхъ и гектографированныхъ изданій и художественныхъ предметовъ, поступившихъ сюда въ эти два года, достигаетъ до 1098.

Изъ пожертвованій наибольшую цѣнность представляетъ коллекція рукописей XII—XVIII вв. и старопечатныхъ книгъ, принесенная въ даръ А. И. Яцимирскимъ, а также собраніе, приобретенное по порученію 2-го отдѣленія академіи въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ, и состоящее изъ рукописныхъ книгъ и тетрадей XV—XIX вв. (болѣе 30), грамотъ XVII в. (болѣе 170), бумагъ и записокъ XVIII—XIX вв. (около 40), четырехъ изданій Петровскаго времени и нѣсколькихъ лубочныхъ картинъ.

Важны также матеріалы, поступившіе изъ архива И. И. Срезневскаго: сюда входятъ: рукописи статей, преимущественно, напечатанныхъ уже въ «Извѣстіяхъ 2-го отдѣленія академіи» за старые годы, собраніе автографовъ А. Х. Востокова, матеріалы—къ областному русскому словарю, къ словарю малорусскаго языка и по народной словесности великорусской, малорусской и бѣлорусской.

Въ трудѣ В. И. Срезневскаго всѣ рукописи расположены въ общемъ хронологическомъ порядкѣ безъ раздѣленія по содержанію; коллекціи, представляющія собою одно дѣло, помѣщены послѣ перечня отдѣльныхъ рукописей, а печатныя изданія и вещи выдѣлены въ особыя группы.

Такимъ образомъ вся книжка раздѣлена на слѣдующіе отдѣлы:

1) «Отдѣльныя рукописи». Здѣсь помѣщены подробныя описанія рукописей—старинныхъ и новѣйшихъ и автографовъ разныхъ извѣстныхъ лицъ.

2) «Матеріалы для біографіи И. А. Крылова». Многіе изъ переименованныхъ здѣсь матеріаловъ вошли уже въ біографію баснописца, составленную В. Ө. Кеневичемъ, который и принесъ ихъ въ даръ бібліотекѣ.

3) «Собраніе автографовъ А. Х. Востокова». Большая часть изъ указанныхъ рукописей напечатана въ изданіи В. И. Срезневскаго: «Замѣтки А. Х. Востокова о его жизни» (Сиб., 1901 г.).

4) «Оригиналы статей и матеріаловъ, напечатанныхъ въ «Извѣстіяхъ и ученыхъ запискахъ 2-го отдѣленія академіи наукъ» 1852 — 1863 гг.». Собраніе, поступившіе изъ архива И. И. Срезневскаго и заключающее въ себѣ болѣе 200 названій.

5) «Собраніе матеріаловъ для русскаго областного словаря». Указанъ цѣнный этнографическій матеріалъ; раздѣленъ по мѣстностямъ, гдѣ онъ собранъ, и расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ губерній, а въ каждой губерніи въ алфавитѣ уѣздовъ.

6) «Матеріалы для общаго русскаго словаря». Перечислены: а) отрывокъ общаго русскаго словаря А. Серно-Соловьевича (1854 г.), б) дополненія къ словарю русскаго и церковно-славянскаго языка 1847 г., в) замѣтки къ словарю М. Коркунова.

7—9) «Матеріалы по малорусскому языку и народной словесности; по народной словесности, этнографіи и языку бѣлоруссовъ; по русской народной словесности». 61 названіе изъ архива И. И. Срезневскаго.

10) «Собраніе рукописей и изданій, имѣющихъ отношеніе къ жизни и дѣятельности В. Фрея». Перечень автографовъ мыслителя-писателя и гектографированныхъ изданій, относящихся до его личности.

11) «Печатныя изданія». Подробно описаны: 1) «Часословъ» кievской печати, времени Елисаветы Петровны, и 2) «Житіе остроумнаго Есопа» (1808 г.).

12) «Добавленія». Перечень рукописей, изданій и предметовъ, не вошедшихъ въ предыдущіе отдѣлы.

Вор. Городецкій.

А. С. Лебедевъ. Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности (по архивнымъ документамъ). Съ портретами и автографами. Харьковъ. 1902.

Книга г. Лебедева, посвященная XII археологическому съѣзду въ Харьковѣ, содержитъ очерки жизни и дѣятельности архіереевъ Бѣлгородской епархіи, существовавшей въ періодъ 1687—1799 гг. и включавшей почти всю ны-

нѣшнюю Харьковскую и значительную часть Курской губерній. Въ хронологическомъ порядкѣ, о каждомъ архіереѣ особо авторъ рассказываетъ все, что онъ могъ узнать на основаніи изученія изданныхъ источниковъ и архивныхъ матеріаловъ. Главный матеріаль для книги доставили г. Лебедеву архивы консисторскіе (курскій и харьковскій), монастырскіе и харьковскаго коллегіума. Жизнь и дѣятельность бѣлогородскихъ архіереевъ мало изслѣдована въ специальной литературѣ, и потому книга г. Лебедева является, конечно, серьезнымъ приобритеніемъ нашей церковно-исторической литературы, но помимо специального интереса трудъ Лебедева имѣетъ и общій. Общій интересъ вызывается особой постановкой вопроса. Очерки жизни архіереевъ занимаютъ весьма незначительную часть книги, да для нихъ и не могло найтись много данныхъ. Гораздо больше данныхъ нашлось для характеристикъ архипастырѣй, иногда чрезвычайно любопытныхъ и поучительныхъ. Мы узнаемъ объ образѣ ихъ жизни, читаемъ описи оставленнаго ими имущества и констатируемъ невысокій уровень развитія большинства изъ нихъ. Въ книгѣ Лебедева мы найдемъ и свѣдѣнія о томъ, какъ путешествовали по епархіи архіереи, отдавая заранѣе предписанія о заготовленіи любимыхъ ими лакомствъ, и о томъ, что митрополитъ Антоній Черновскій «держитъ внутри дома въ саду въ опредѣленныхъ особливо покояхъ бабу волошку, волхву, которая въ необыкновенное время ночью пороку къ нему, митрополиту, ходитъ въ покой и призываетъ къ себѣ женскихъ лицъ, къ которыми онъ, митрополитъ, приходя къ ней, волошкѣ, въ опредѣленный покой, ночью и другими временами гуляетъ» и т. д. (стр. 77). Но и не въ этихъ характеристикахъ, важныхъ для исторіи нравовъ духовенства въ XVIII в., центръ тяжести книги. Вниманіе автора привлекаетъ главнымъ образомъ, какъ онъ выражается, «среда ахипастырской дѣятельности, освѣщеніе той жизни, которая ихъ окружала, и съ которой они по своей административной дѣятельности соприкасались». А въ то время, о которомъ идетъ рѣчь въ этой книгѣ, архіереи входили въ очень многія стороны частной жизни: они принимали мѣры противъ безнравственности своей паствы, вѣдали бракоразводныя дѣла, заботились объ искорененіи языческихъ обрядовъ, суевѣрій, бѣсовскихъ игръ, разбирали дѣла о волшебствѣ и т. д. Въ книгѣ г. Лебедева читатель найдетъ много любопытныхъ и иногда цѣнныхъ подробностей по исторіи народнаго быта въ 1667—1799 гг. Отъ самаго основанія Бѣлогородской епархіи идутъ посланія, въ которыхъ архіереи говорятъ о различныхъ бѣсовскихъ обычаяхъ, въ родѣ скаканія женокъ и дѣвокъ на доскахъ о святой недѣлѣ, хожденія къ чародѣямъ и волхвамъ и т. д. Указанія на существованіе этихъ обычаевъ продолжаютъ въ XVIII в. Изъ консисторскихъ архивовъ г. Лебедевъ извлекъ разбиравшіяся на духовномъ судѣ дѣла волшебныя: тутъ идетъ рѣчь о волшебныхъ тетрадахъ, знахарствѣ, волхвованіи дѣтской родильной сорочкой, волхвованіи сушеной жабой, выниманіи слѣда, наговорѣ на водѣ. Всѣ данныя подобнаго рода имѣютъ важное значеніе для исторіи нашихъ суевѣрій. Немало свѣдѣній разсѣяно въ книгѣ г. Лебедева о состояніи школьнаго дѣла въ Бѣлогородской епархіи, о положеніи духовенства.

«Истор. вѣстн.», ноябрь, 1902 г., т. Xc.

23

Книга издана прекрасно. Очерки иллюстрированы фотографическими портретами вѣлгородскихъ архіереевъ, снятыми съ портретовъ, находящихся въ Вѣлгородскомъ архіерейскомъ домѣ. Къ портретамъ присоединены факсимиле подписей, снятыхъ съ автографовъ. Ц.

Извѣстія императорской археологической комиссіи. Вып. I и II съ приб. Спб., 1901—1902.

До сихъ поръ императорская археологическая комиссія для обнародованія своихъ работъ и изслѣдованій располагала двумя изданіями: ежегодными отчетами и «Материалами по археологій Россіи». Въ 1901 году вышло въ свѣтъ новое ея изданіе—«Извѣстія», которыя будутъ появляться выпусками около 8 листовъ печатныхъ, и въ программу которыхъ входятъ: «отчеты объ археологическихъ изслѣдованіяхъ и раскопкахъ, производимыхъ по порученію и на средства комиссіи; научные обзоры отдѣльныхъ группъ археологическихъ памятниковъ и цѣлыхъ культуръ; описаніе могильныхъ инвентарей, кладовъ, находокъ; свѣдѣнія о старинныхъ памятникахъ зодчества; архивные матеріалы комиссіи; руководящія статьи по разнымъ археологическимъ вопросамъ и отчеты объ охранѣ памятниковъ старины въ Россіи и за границей». И такъ какъ это новое изданіе предназначается для болѣе мелкихъ статей и замѣтокъ, будетъ выходить правильнѣе и чаще, и притомъ удобнѣе по своему формату (8°) для пользованія, то оно безспорно является давно желаннымъ и даже необходимымъ, особенно въ виду все болѣе и болѣе возрастающаго среди публики интереса къ археологій; усѣхъ его можетъ считаться обезпеченнымъ, такъ какъ императорская археологическая комиссія обладаетъ весьма значительными матеріалами, денежными средствами и научными силами для выполненія своихъ задачъ.

Первый выпускъ открывается «Извлеченіемъ изъ отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича о раскопкахъ въ Херсонесѣ Таврическомъ въ 1899 году». Раскопки, произведенныя въ 1899 году г-мъ Косцюшко-Валюжиничемъ, были продолженіемъ раскопокъ, начатыхъ еще въ 1895 году, и сосредоточивались на двухъ пунктахъ: 1) «съ наружной стороны южнаго участка оборонительной линіи, между монастырскими воротами и проломомъ близъ Карантинной бухты» и 2) «съ городской стѣны того же участка». Благодаря тому, что въ 1899 году раскопки были произведены на значительно болѣе глубокой противъ прежнихъ лѣтъ, изслѣдователю удалось добиться и значительно болѣешихъ результатовъ. Открыто нѣсколько урнъ съ костями и весьма цѣнными въ археологическомъ отношеніи золотыми и серебряными украшеніями, саркофаговъ и нишъ съ разнообразными предметами, часть стѣны греческой эпохи и множество памятниковъ эпиграфическихъ, монетъ, статуэтокъ, хозяйственныхъ орудій и проч.

Продолжая тамъ же свои раскопки и въ 1900 году (см. вып. II), главнымъ образомъ съ внѣшней стороны городской стѣны, г. Косцюшко-Валюжиничъ открылъ цѣлый рядъ погребеній и множество всевозможныхъ предметовъ,

сопровождавших ихъ, а также привелъ описаніе постройки старинной стѣны.

Далѣе, г-нъ Думбергъ сообщаетъ результаты своихъ раскопокъ въ городѣ Керчи и его окрестностяхъ, произведенныхъ въ 1899 году и въ 1900 году (вып. I и II). Ему пришлось разслѣдовать «нѣсколько десятковъ катакомбъ и гробницъ, случайно открывшихся при производствѣ разныхъ земляныхъ работъ или при развѣдкахъ кладоискателей». «Разслѣдованныя погребенія,— говоритъ онъ,—оказались весьма различныхъ типовъ и принадлежать къ разнымъ эпохамъ античной культуры (съ V в. до Р. Хр. и по IV в. по Р. Хр.), равно разнообразны и сдѣланныя въ нихъ находки».

Изъ другихъ статей перваго выпуска: «Надпись о постройкѣ Херсонесской стѣны»—В. В. Латышева; «Къ древностямъ Валдайскимъ и Водскимъ»—Н. К. Решиха; «Раскопки, произведенныя въ 1897 году близъ дер. Башмачка Екатеринбургскаго уѣзда» и «Серебряная фибула скандинавскаго типа съ верховьевъ Дона»—А. А. Спицына и «Развалины стариннаго храма близъ рѣки Амгаты»—И. А. Владимирова,—наиболѣе любопытны статьи В. В. Латышева и А. А. Спицына. Разобравъ открытую во время раскопокъ въ Херсонесѣ Таврическомъ, въ 1899 году, г-мъ Косцюшко-Валюжиничемъ надпись, В. В. Латышевъ говоритъ, что, «кромѣ своего основного значенія, какъ даты постройки стѣны (ок. 383—395 гт. до Р. Хр.), эта надпись имѣетъ еще важное значеніе, какъ историческій источникъ, бросающій лучъ свѣта на одну изъ самыхъ темныхъ эпохъ исторіи Херсонеса. О политическомъ положеніи этого города во второй половинѣ V вѣка мы до сихъ поръ не имѣли никакихъ точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній. Лишь косвенныя указанія давали право думать, что онъ уже тогда находился въ подчиненіи Римской имперіи, какъ и въ слѣдующемъ столѣтіи и позднѣе, во времена византійскія. Теперь мы видимъ дѣйствительно, что Херсонесъ при Θεодосіи входилъ въ составъ имперіи и признавалъ императоровъ своими непосредственными владыками»... (стр. 56 и 57). Надпись же эта читается такъ: «За владыкъ нашихъ, вѣчныхъ Августовъ, непобѣдимыхъ Флавіевъ Θεодосія и Аркадія и много потрудившагося при дѣлѣ Флавія Вита трибуна и строителя построена стѣна».

Среди цѣлаго ряда находокъ, сдѣланныхъ при раскопкахъ въ селѣ Башмачкѣ, г. А. А. Спицыну удалось найти не встрѣчавшіяся до сихъ поръ въ скифскихъ могилахъ нѣкоторые виды стеклянныхъ бусъ, бусы колчеданныя и золотыя бляшки съ изображеніемъ Химеры, головы Аѳины въ шлемѣ и головки въ діадемѣ.

Кромѣ упомянутыхъ уже выше статей г. Косцюшко-Валюжинича и г. Думберга, во второмъ выпускѣ «Извѣстій» мы встрѣчаемъ еще слѣдующія: В. В. Латышева — «Греческія и латинскія надписи, найденныя въ южной Россіи въ 1900 году», Б. И. Фармаковскаго — «Обломокъ глиняной чаши, украшенной рельефомъ, изъ Ольвіи», Э. Э. Ленца — «Предметы вооруженія и конскаго убора, найденныя близъ села Демьяновки Мелитопольскаго уѣзда», А. А. Спицына — «Курганы близъ дер. Пакальнишекъ Ковенской губерніи» (описаніе коллекціи находокъ, сдѣланныхъ при раскопкахъ г-жею М. Н. Бутрымъ), Н. И. Петрова — «О подземельѣ, открытомъ въ Кіевѣ на усадьбѣ об-

щества религиозно-нравственного просвѣщенія» (это подземелье, — говоритъ г-нъ Петровъ, — «представляется обыкновеннымъ подваломъ или погребомъ зажиточнаго хозяина... и могло существовать приблизительно съ 1586 года, т.-е. со времени основанія населенной слободы около Софійскаго собора»), В. П. Никитина — «Краткое описаніе памятниковъ Семипалатинской области» и некрологъ барона В. Г. Тизенгаузена, наиболѣе полный и точный.

Г. Фармаковскій, по поводу изслѣдуемаго имъ обломка глиняной чаши изъ Ольвиі, который онъ относитъ къ первой половинѣ II вѣка до Р. Хр., говоритъ слѣдующее: «Главное значеніе его заключается въ томъ, что онъ является прекраснымъ памятникомъ художественной промышленности Ольвиі во II вѣкѣ до Р. Хр. и свидѣтельствуетъ, что промышленность эта слѣдовала указаніямъ современнаго искусства. Въ виду того, что памятниковъ древней торевтики дошло до насъ крайне мало, что дошли они часто въ очень плохомъ видѣ, важность нашего обломка для исторіи искусства увеличивается еще болѣе»... (стр. 80).

Въ особомъ прибавленіи ко второму выпуску помѣщены: 1) Археологическая хроника за послѣднюю треть 1901 года, гдѣ обозрѣвается дѣятельность русскихъ археологическихъ обществъ и архивныхъ комиссій, по сообщеніямъ мѣстной періодической печати, и приводятся свѣдѣнія о новыхъ поступленіяхъ въ музеи и о находкахъ и кладахъ, и 2) Библиографія, заключающая перечень новыхъ книгъ историко-археологическаго содержанія, вышедшихъ въ Россіи въ 1901 году, и таковыхъ же статей въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ за 1901 годъ.

В. Рудаковъ.

Рейнгардтъ, Н. В., Н. К. Михайловскій и его труды. (По поводу 40-лѣтія его литературной дѣятельности). Казань. 1902.

Брошюра г. Рейнгардта — нѣсколько запоздалая дань признательности Н. К. Михайловскому по случаю 40-лѣтія его литературной дѣятельности. Отъ упрековъ въ запоздалости не спасаетъ даже утвержденіе г. Рейнгардта въ первой строкѣ брошюры о томъ, что сорокалѣтіе исполняется 15-го ноября 1901 года, — не спасаетъ потому, что сорокалѣтіе исполнилось 15-го ноября 1900 г., и тогда же состоялось и празднованіе юбилея.

Изъ надписи на оберткѣ: «Печатано по распоряженію совѣта общества любителей русской словесности въ память Пушкина при Казанскомъ университетѣ», можно заключить, что статья г. Рейнгардта, быть можетъ, представляетъ юбилейную рѣчь. Ко всѣмъ «юбилейнымъ» произведеніямъ не принято предъявлять какихъ либо особыхъ требованій полноты, вдумчивости, интереса. Была бы лишь дань признательности! Больше же сего не требуется. И работа г. Рейнгардта, поставленная въ рядъ юбилейныхъ статей «по поводу», не проигрываетъ: конечно, это недурная работа, но и не выдающаяся. На 28 страничкахъ авторъ рассказываетъ немножко о жизни Н. К. Михайловскаго, немножко о его взглядахъ на теорію борьбы за существованіе, немножко о

субъективномъ методѣ, немножко о критическихъ статьяхъ юбиляра. Одобрительные эпитеты и отзывы, какъ прилично случаетъ, — на своемъ мѣстѣ.

Единственную оригинальную сторону брошюры г. Рейнгардта составляетъ его обращеніе къ основательно забытымъ статьямъ молодого натуралиста Ножина, друга Н. К. Михайловскаго и человѣка, оказавшаго вліяніе на развитіе міросозерцанія нашего соціолога. Г. Рейнгардтъ извлекъ изъ книжной пыли замѣчательную статью Ножина: «Наша наука и ученые» («Книжный Вѣстникъ», 1866), и далъ очеркъ основныхъ идей этой статьи, тѣхъ самыхъ идей, которыя «подъ перомъ Николая Константиновича получили вѣдствіи блестящее развитіе въ статьяхъ, посвященныхъ теоріи прогресса и значительно пошатнувшихъ ученіе материалистовъ и дарвинистовъ» (стр. 13).

Это сопоставленіе идей Ножина съ теоріями Н. К. Михайловскаго выкупаетъ заурядность остальныхъ страницъ брошюры. Щ.

Московская городская художественная галлерейя П. и С. Третьяковыхъ. Редакція и пояснительный текстъ И. С. Остроухова. Изданіе I. Кнебель. Москва, 6. о. г. (1902). Выпуски 1—7.

Московская Третьяковская галлерейя, пріобрѣтшая всемірную извѣстность своими художественными сокровищами, давнымъ давно ждала подробнаго и роскошнаго по исполненію описанія своего.

Копіи съ хранящихся тамъ картинъ, печатающіяся въ различныхъ иллюстрированныхъ журналахъ и «альбомахъ-преміяхъ» плохонькой цинкографіей, а иногда еще худшей ксилографіей, конечно, не въ состояніи дать какое либо представленіе объ этой обширнѣйшей галлерей. Для того, чтобы получить хоть малѣйшее понятіе объ ея богатствѣ, требовалось художественное воспроизведеніе картинъ гелиографурой или гравурой на мѣди.

Починъ такому роскошному изданію положенъ въ настоящее время г. Кнебелемъ. Передъ нами — семь первыхъ выпусковъ его «Московской городской художественной галлерей», и, судя по нимъ, мы смѣло можемъ уже обрисовать фizioномію всего изданія.

По намѣченному плану изданіе будетъ состоять изъ 36 выпусковъ, выходящихъ помѣсячно. Всего оно будетъ включать въ себѣ болѣе 300 снимковъ съ картинъ, изъ которыхъ 72 будутъ воспроизведены на отдѣльныхъ листахъ (размѣромъ $11\frac{3}{4} \times 9$ вершковъ) гелиографурой общества графическихъ искусствъ въ Вѣнѣ (Gesellschaft für vervielfältigende Kunst in Wien), а остальные — въ текстѣ, автотипіей Ангерера и Гешля въ Вѣнѣ.

Появившіеся въ свѣтъ выпуски содержатъ 9 листовъ текста и 14 приложений — копій съ картинъ.

Роскошно отпечатанный на мѣловой бумагѣ текстъ включаетъ въ себѣ первыя главы краткой исторіи развитія русской живописи. Очеркъ этотъ, какъ можно судить по первымъ главамъ его, составляется по извѣстнымъ сочиненіямъ по исторіи живописи и на основаніи образцовъ, хранящихся въ Третья-

ковской галлерей. Въ частности, напечатанныя главы: I—русская старинная иконопись; II—свѣтская живопись отъ Петра до учрежденія академіи художествъ; III—Д. Г. Левицкій и В. Л. Боровиковскій и IV—академическое искусство до Брюллова, написаны И. С. Остроуховымъ по книгамъ Ѳ. И. Буслаева, В. И. Успенскаго, Г. Д. Филимонова, В. П. Горленко, П. Н. Петрова, Н. Д. Ахшарумова и другихъ, довольно толково, ясно и вполне литературно; читаются онѣ легко и даютъ массу интереснаго матеріала. Текстъ сопровождаютъ снимки съ картинъ, портреты живописцевъ и виньетки. Все это исполнено очень хорошей автотипіей и немало краситъ изданіе.

На отдѣльныхъ листахъ гелиографіей воспроизведены слѣдующія картины: 1) Сѣрова: портретъ Н. А. Римскаго-Корсакова; 2) Шишкина: «Въ сосновомъ лѣсу»; 3) Саврасова: «Грачи прилетѣли»; 4) Перова: портретъ Ѳ. М. Достоевскаго; 5) Свѣтославскаго: «Начало весны»; 6) Прянишникова: «Спасовъ день на Сѣверѣ»; 7) Полѣнова: «На Геннисаретскомъ озерѣ»; 8) Клодта: «На нашнѣ»; 9) Боровиковскаго: портретъ М. И. Лопухиной; 10) Ге: «Петръ I допрашиваетъ царевича Алексѣя Петровича»; 11) Флавицкаго: «Княжна Тараканова»; 12) Айвазовскаго: «Черное море»; 13) Левитана: «Послѣ дождя»; 14) Крамского: «Русалки».

Какъ видно изъ этого перечня, кошіи съ картинъ появляются въ свѣтъ безъ опредѣленнаго порядка и безъ всякой системы, просто по двѣ въ выпускѣ; послѣдовательное размѣщеніе ихъ въ изданіи будетъ указано впоследствии, въ послѣднемъ выпускѣ. Къ этому же выпуску будетъ приложена біографія братьевъ Третьяковыхъ и очеркъ, посвященный исторіи галлерей.

Исполненіе гелиографіиныхъ снимковъ весьма художественно; ясность и сочность рисунка сохранены настолько, насколько позволяетъ это самый способъ воспроизведенія, а брестоль, на которомъ сдѣланы оттиски, придаетъ изданію особую солидность. Выпуски вкладываются въ изящную обложку. Цѣна изданія 2 рубля за выпускъ.

По художественному исполненію, повторяемъ, это первое изданіе, посвященное всецѣло Третьяковской галлерей,—изданіе, стремящееся дать ясное и полное представленіе о московской художественной сокровищницѣ и для этой цѣли не жалѣющее, кажется, средствъ. Поэтому весьма желательно, чтобы въ немъ было поменьше всевозможныхъ промаховъ и недочетовъ. А ихъ должна указать печать и при самомъ зародышѣ изданія, чтобы не ушло время для ихъ исправленія.

Съ своей стороны мы позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующія пожеланія: такъ какъ «Московская городская художественная галлерей» по плану намѣрена представлять собою не столько салонный альбомъ для поверхностнаго пересмотра, сколько серьезную книгу по исторіи русской живописи, то несомнѣнно, что весь включающійся въ ней матеріалъ долженъ быть распределенъ въ строго систематическомъ порядкѣ съ необходимыми датами и съ пособиями въ видѣ указателей, безъ которыхъ впоследствии трудно будетъ разобраться въ книгѣ.

Для такой цѣли необходимо, помимо указаннаго въ программѣ изданія текста, напечатать: 1) примѣчанія къ каждому приложенному снимку, въ которыхъ была бы кратко изложена исторія картины, т.-е. время ея появленія,

мѣсто, гдѣ она выставялась, цѣна, за которую она приобрѣтена галлереей, и т. п. свѣдѣнія; 2) біографическія свѣдѣнія о каждомъ изъ художниковъ, картины котораго имѣются въ галлерей, съ полнымъ перечнемъ такихъ картинъ; 3) перечень всѣхъ безусловно картинъ, находящихся въ галлерей, съ датами времени ихъ написанія и приобрѣтенія галлереей; 4) указатели общіе—поименный и предметный, ко всему изданію.

Этотъ матеріалъ, по нашему мнѣнію, придастъ цѣнность всему изданію и положительно необходимъ въ немъ, если оно дѣйствительно стремится къ цѣлямъ научнымъ и справочнымъ.

Насколько намъ помнится, покойный Третьяковъ, завѣщавъ свою галерею городу, высказалъ довольно ясно свое желаніе, чтобы она вѣчно осталась исключительно Третьяковскою, т.-е. чтобы въ нее не помѣщались другія, вновь приобрѣтаемыя картины. Если воля русскаго мецената дѣйствительно исполнена городомъ, то предлагаемое нами выше расширеніе программы изданія еще болѣе желательно, и разъ напечатанный такой матеріалъ не будетъ уже подлежать дальнѣйшимъ дополненіямъ и включеніямъ новыхъ датъ.

Вор. Городецкій.

Мякотинъ, В. А. Изъ исторіи русскаго общества. Этюды и очерки.
Спб. 1902.

Въ предисловіи къ своей книгѣ самъ авторъ напоминаетъ, что статьи, входящія въ составъ ея, появлялись уже въ печати. Первая изъ нихъ («Протопопъ Аввакумъ») была напечатана въ 1893 г. въ «Біографической Библиотекѣ» Ф. Павленкова. Въ настоящемъ изданіи она подверглась значительнымъ измѣненіямъ, что объясняется отчасти замѣчаніемъ А. Н. Пыпина, что авторъ въ первомъ изданіи обошелъ молчаніемъ книжные труды юрьевоцкаго протопопа, отчасти же появленіемъ книгъ г. г. Бороздина «Протопопъ Аввакумъ», Смирнова «Внутренніе вопросы въ расколѣ XVIII вѣка» и «Очерковъ по исторіи русскаго общества» г. Милюкова. Въ новой переработкѣ статья г. Мякотина является необходимымъ пособіемъ на ряду съ упомянутыми выше трудами для всякаго изучающаго исторію раскола. Въ характеристику Аввакума г. Мякотинъ вноситъ нѣсколько цѣнныхъ черточекъ. Напримѣръ, касаясь языка его произведеній, гибкаго, образнаго, отражающаго всѣ оттѣнки чувства и настроенія, нерѣдко блестящаго неподдѣльнымъ юморомъ, авторъ справедливо видитъ въ этомъ обстоятельствѣ одну изъ причинъ успѣха ученія Аввакума (стр. 82 etc.).

Въ статьѣ «На зарѣ русскаго общества», напечатанной впервые въ посвященномъ Н. К. Михайловскому сборникѣ «На славномъ посту», свѣтлыми чертами обрисована благородная личность извѣстнаго борца противъ крѣпостнаго права А. Н. Радищева, безвременно покончившаго свою жизнь ровно 100 лѣтъ тому назадъ. Статья эта является результатомъ синтеза обширной литературы о Радищевѣ, начиная съ извѣстной статьи Пушкина и кончая позднѣйшими изслѣдованіями Якушкина, Сухомлинова, Пыпина, Боброва и др.

Однако авторъ вноситъ и кое-что новое. Такъ онъ приводитъ нигдѣ ненапечатанные отрывки изъ путевыхъ замѣтокъ Радищева, написанныхъ имъ по дорогѣ въ Сибирь.

Остальные четыре очерка посвящены: князю М. М. Щербатову, «дворянскому публицисту Екатерининской эпохи», какъ удачно называетъ его г. Мякотинъ; Пушкину (преимущественно его отношенію къ либеральному движенію 20-хъ годовъ), Грановскому и Кавелину. Въ послѣднихъ двухъ очеркахъ ярко обрисовано печальное состояніе русской мысли въ эпоху 30-хъ и 40-хъ годовъ, когда отъ профессора прежде всего требовалось, чтобы онъ былъ «хорошимъ во всѣхъ случаяхъ орудіемъ правительства» (рѣчь гр. Уварова).

Нельзя умолчать о нѣкоторыхъ пробѣлахъ: возражая проф. Сергѣевичу и Дитятину, полагавшимъ, что свобода депутатскихъ выборовъ въ комиссію 1767 года не была ничѣмъ стѣснена (115—116), г. Мякотинъ приводитъ въ примѣръ выборы депутата отъ нѣжинскаго шляхетства, потребовавшіе энергическаго вмѣшательства генераль-губернатора Малороссіи Румянцева, и забываетъ другой болѣе яркій случай, когда сенатъ кассировалъ выборы депутата отъ эстляндскаго дворянства, сдѣлавъ выговоръ губернатору за несоблюденіе законныхъ формальностей.

Удачно выбрано заглавіе книги, такъ какъ разнообразное содержаніе «очерковъ и этюдовъ» объединяется тѣмъ идейнымъ движеніемъ, которое совершалось въ нѣдрахъ русскаго общества въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій, и представителями котораго являются личности, изображаемыя въ написанной живымъ языкомъ и опрятно изданной книгѣ г. Мякотина.

Г. Т. О—хавъ.

Александръ Кругловъ. «Вѣчевой городъ». (Путевые наброски). Изданіе второе. М. 1902.

Въ бѣглыхъ, легко читающихся очеркахъ, авторъ возсоздаетъ довольно обстоятельную картину Новгорода, какъ въ его историческомъ прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Онъ какъ бы водить за собою читателя, заглядывая съ нимъ во всѣ достойные вниманія уголки, разъясняя значеніе памятниковъ, дорогихъ русскому сердцу, освѣщая многія минувшія событія. Не ограничиваясь минувшимъ, онъ характеризуетъ и настоящую жизнь нѣкогда великаго города, вводя читателя въ сферу интересовъ его современной жизни.

Написана книга съ тою теплотою, которая заставляетъ видѣть въ авторѣ не простаго бытописателя-этнографа, а человѣка съ русскою душою, который съ любовью перелистываетъ передъ нами страницы отечественной лѣтописи.

За послѣдніе годы уже кое-что и измѣнилось въ современной жизни города, но это нисколько не умаляетъ значенія очерка, какъ правдиваго историческаго описанія.

Дв.

Аванасьевъ. Мирабо. Публичныя лекціи. Одесса. 1902.

Мирабо — одна изъ извѣстнѣйшихъ историческихъ фигуръ, игравшихъ крупную роль въ XVIII в. Историки революціи 1789 г. всегда сильно интересовались Мирабо, и о немъ существуетъ довольно значительная литература. Достаточно назвать извѣстное всѣмъ историкамъ сочиненіе Луи и Шарля де-Ломени: «*Les Mirabeau. Etudes sur la société française au XVIII siècle*». Въ этомъ капитальномъ произведеніи не только мастерски очерчена личность великаго трибуна, интересная въ психологическомъ и историческомъ отношеніяхъ, но выяснена и среда, въ которой онъ выросъ. Да оно и понятно: трудно говорить о Мирабо, не выяснивъ его роли во французской революціи. Кромѣ пятитомнаго труда Ломени, существуютъ очень хорошія біографіи Мирабо — Мельера, Руссо, Штерна.

Вотъ эти труды и легли въ основаніе «лекцій» Г. Е. Аванасьева. Авторъ дѣйствительно даетъ въ своей книжкѣ пересказъ давно извѣстныхъ въ исторической наукѣ положеній относительно личности Мирабо, посвятивъ всего лишь 18 страницъ на объясненіе причинъ французской революціи. Поэтому и личность политическаго дѣятеля у него оторвана отъ среды. Но очеркъ жизни Мирабо составленъ г. Аванасьевымъ живо и популярно. Онъ начинается съ того, что взгляды на Мирабо, какъ на политическаго дѣятеля, мѣнялись вмѣстѣ съ развитіемъ историческаго изслѣдованія. Раньше на Мирабо смотрѣли, какъ на врага монархіи, потомъ — какъ на друга монархіи, продавшаго дѣло революціи за подачки двора. Наконецъ (и это принадлежитъ Ломени) установленъ тотъ взглядъ, что Мирабо былъ однимъ изъ политическихъ людей того времени, понимавшихъ смыслъ всѣхъ совершавшихся событій и остававшихся вѣрными намѣченной программѣ.

Разсказавъ его біографію и отгнѣнивъ ужасающія противорѣчія въ характерѣ Мирабо, авторъ ставитъ вопросъ, въ чемъ кроется причина неудачи политической дѣятельности Мирабо. По мнѣнію г. Аванасьева, причина кроется не только въ одномъ недовѣрїи къ личнымъ качествамъ Мирабо: вѣдь онъ достигъ въ концѣ концовъ большого вліянія, и незадолго до его смерти думали, что онъ станетъ во главѣ правительства. Важнѣе другая сторона — безхарактерность короля и «неспособность королевы отрѣшиться отъ предразсудковъ, личныхъ симпатій и антипатій и пойти по пути конституціонныхъ и демократическихъ реформъ, которыя были бы неизбѣжны». А королева, между тѣмъ, была однимъ изъ энергичныхъ людей при дворѣ. Вотъ почему для Мирабо не было опоры въ королевской власти, на которую онъ только и возлагалъ надежды. Не могъ онъ найти опоры и въ обществѣ, инертномъ и лишенномъ способности къ активной дѣятельности, вслѣдствіе вѣковой опеки. Сомнительна была и возможность опереться на войско, такъ какъ оно было проникнуто тѣмъ же феодальнымъ духомъ, что и весь строй государства. Мирабо не разъ высказывался, что только устраненіе принципа сословной привилегіи и реформировка полковъ могутъ привести къ правильной организаціи государства. Главнымъ условіемъ, не благопріятствовавшимъ осуществленію плановъ Мирабо, авторъ считаетъ то, что планы Мирабо противорѣчили господствова-

вишему въ то время общественному настроенію. Мирабо стоялъ на практической почвѣ, а «господствующимъ настроеніемъ была склонность къ отвлеченнымъ формуламъ». Доводы его не находили отзвукъ въ умахъ членовъ собранія. Въ этомъ вполнѣ справедливо авторъ видитъ существенную причину неисполнительности плановъ Мирабо и «трагизмъ его положенія».

Въ концѣ приложенъ переводъ второй рѣчи Мирабо по вопросу о правѣ объявленія войны. Въ ней съ замѣчательной силой ораторъ проводитъ ту мысль, что королю необходимо предоставить наряду съ законодательнымъ собраніемъ инициативу въ рѣшеніи вопроса объ объявленіи войны и заключеніи мира.

Написанная хорошимъ языкомъ, книжка г. Леанасьева можетъ быть очень полезна для широкой публики, хотя она и не имѣетъ научнаго значенія.

А. Н.—ій.

Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время. Изд. подъ ред. Н. И. Карѣва и И. В. Лучицкаго. А. К. Дживелеговъ. Средневѣковые города въ Западной Европѣ. Изд. акц. общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1902.

Города въ Европѣ, какъ извѣстно, были колыбелью всего нынѣшняго соціального, политическаго и экономическаго строя западно-европейскихъ государствъ: въ нихъ впервые началась нивеллировка сословныхъ различій и прежде всего уничтоженіе крѣпостныхъ отношеній; они первые дали образцы общиннаго самоуправленія, послужившіе прототипомъ для нынѣшняго парламентскаго строя; въ нихъ, наконецъ, получили свое начало и развитіе промышленность и торговля, эволюція которыхъ явилась основой современнаго значенія капитала. Въ сущности говоря, изученіе новѣйшей исторіи Европы безъ самаго подробнаго знакомства съ исторіей городского строя въ такъ называемые «средніе вѣка» является безусловно невыполнимымъ. Между тѣмъ нельзя не сознаться, что въ русской исторической литературѣ нѣтъ ни одного предмета, такъ мало разработаннаго, какъ исторія городовъ. Кромѣ нѣсколькихъ переводныхъ и оригинальныхъ статей, посвященныхъ отдѣльнымъ частнымъ вопросамъ городской исторіи, а также курсовъ всеобщей исторіи, болѣею частью, компилятивнаго характера, въ которыхъ нѣкоторыя главы очень поверхностно разсматриваютъ исторію городовъ, отводя ей притомъ второе, если не третестепенное мѣсто, мы не имѣли до сихъ поръ ни одного труда, гдѣ бы исторія городовъ была изложена достаточно обстоятельно, и гдѣ бы подробно было выяснено значеніе городовъ для развитія западно-европейскихъ государствъ. Этотъ пробѣлъ до извѣстной степени заполняетъ книга А. К. Дживелегова. Мы говоримъ «до извѣстной степени», такъ какъ книга эта, обнаруживая громадную эрудицію автора и въ высшей степени серьезное знакомство съ трактуемымъ вопросомъ, является, къ сожалѣнію, далеко не полной: такъ, во-первыхъ, въ ней разсмотрѣно только четыре главнѣйшихъ государства Западной Европы (Германія, Франція, Англія и Италія), а, во-вторыхъ, благодаря принятому въ заглавіи чисто хронологическому и совершенно не научному термину «средніе вѣка», автору

пришлось поневоле прервать изложение истории городов на самом интересном мѣстѣ, почему читатель и не выноситъ изъ чтенія его книги цѣльнаго и законченнаго впечатлѣнія. Сидѣшимъ, впрочемъ, оговориться, что указанные недостатки своего труда сознаетъ и самъ авторъ, о чемъ и говоритъ въ предисловіи, объясняя первый недостатокъ необходимостью возможнаго уменьшенія разбѣровъ книги, а второй — общимъ планомъ, вложеннымъ въ основаніе всего изданія «Исторія Европы по эпохамъ и странамъ». При этомъ надо замѣтить, что, въ виду полной невозможности оканчивать исторію городовъ въ каждомъ государствѣ серединой XV вѣка, авторъ старался продолжить ее для каждого изъ четырехъ государствъ до того момента, который характеризуется значительнымъ измѣненіемъ средневѣковаго строя; моменты эти для отдѣльныхъ государствъ различны и для нѣкоторыхъ доходятъ до XVII и даже XVIII вѣка; но, связанный поставленными рамками, авторъ погрѣшилъ излишней краткостью по отношенію ко всему, что по общепринятой терминологіи выходитъ за предѣлы «среднихъ вѣковъ». Но, оставляя въ сторонѣ оба указанные недостатка, мы должны не обинуясь признать книгу г. Дживелегова весьма цѣннымъ приобрѣтеніемъ для русской литературы и посоветовать познакомиться съ ней всякому, кто хочетъ пополнить свои историческія познанія.

Книга г. Дживелегова дѣлится на четыре главы, изъ которыхъ первая посвящена возникновенію, росту и упадку городовъ, т.-е. иначе послѣдовательному изложенію главнѣйшихъ фактовъ ихъ исторіи, вторая трактуетъ о городскомъ устройствѣ и городскомъ управленіи, въ третьей мы знакомимся съ внутренней городской жизнью, т.-е. съ развитіемъ купеческихъ гильдій, ремесленныхъ цеховъ, городскихъ финансовъ, военной организаціи, народнаго образованія, призрѣнія бѣдныхъ, взаимныхъ отношеній между различными классами городскихъ жителей и проч.; въ четвертой главѣ изложены итоги городского развитія въ средніе вѣка, въ частности та роль, которую сыграли города въ ростѣ обще-европейской культуры.

Къ книгѣ приложенъ достаточно полный библиографическій указатель по исторіи средневѣковыхъ городовъ.

К. Лосскій.

Ш. Сеньобосъ. Историческій методъ въ примѣненіи къ социальнымъ наукамъ. Переводъ съ французскаго. М. 1902.

Настоящая книга французскаго профессора-соціолога составила изъ курса, читаннаго имъ въ «Collège libre des sciences sociales», и распадается на двѣ самостоятельныя части. При постепенномъ расширеніи и ростѣ социальныхъ наукъ, матеріала, добываемаго припомощи наблюденія, стало недостаточно, и пришлось обратиться къ другому методу — историческому, къ документамъ. Что такое историческій документъ, какимъ условіямъ онъ долженъ удовлетворять, чтобы изъ него можно добыть историческій матеріалъ, и какъ, наконецъ, обращаться съ этимъ добытымъ историческимъ матеріаломъ, — вотъ тема первой части разсматриваемой книги. Содержаніе и способъ изложенія, котораго придерживается Сеньобосъ въ этой части своего труда, позволяетъ намъ на-

звать ее руководством къ изученію вообще историческихъ документовъ, ибо все то, что онъ говоритъ о документахъ, относящихся къ социальнымъ наукамъ, можно примѣнить и ко всякимъ другимъ, имѣющимъ историческое значеніе. Что же касается методовъ анализа документовъ и умѣнья пользоваться добытыми фактами, то всѣ подобныя вопросы едва ли могутъ быть рѣшены категорически, какъ рѣшаетъ ихъ Сеньбосъ, ибо область эта настолько обширна и субъективна, что стѣснить ее опредѣленными рамками невозможно.

Вторая часть книги—историческій методъ и социальная исторія—болѣе интересна и есть результатъ самостоятельныхъ изслѣдованій автора. Къ выясненію понятія социальной исторіи онъ подходитъ постепенно, начавъ съ разсмотрѣнія исторіи вообще, различныхъ видовъ исторіи и зарожденія специальныхъ исторій. Переходъ къ историческому методу въ социальныхъ наукахъ вызвалъ необходимость изученія эволюціи социальныхъ явленій, т.-е. зародилась и социальная исторія, которую авторъ относитъ не къ специальнымъ, а она является «только частью исторіи обществъ». Предметомъ социальной исторіи, по мнѣнію Сеньбоса, являются сельскохозяйственное производство, перевозка товаровъ и индустрія, торговля, распредѣленіе предметовъ, т.-е. всѣ экономическіе обычаи, часть материальныхъ условий (демографія) и нѣкоторая часть интеллектуальныхъ привычекъ (экономическія доктрины). Переходя, далѣе, къ разсмотрѣнію современнаго состоянія различныхъ родовъ исторіи, авторъ приходитъ къ неутѣшительному выводу по отношенію къ социальной исторіи. Несовершенство ея рѣзко бросается въ глаза при сравненіи съ другими исторіями. Причины этого устранимы и лежатъ въ томъ, что ею стали заниматься сравнительно недавно, а при разработкѣ обширнаго историческаго матеріала встрѣчаются специальные трудности, которыя со временемъ будутъ устранены. Изученіе же социальной исторіи имѣетъ громадное вспомогательное значеніе для другихъ исторій, ибо тамъ, гдѣ нѣтъ социальныхъ фактовъ, не можетъ быть и другихъ фактовъ, говоритъ въ своемъ заключеніи авторъ.

Въ виду того, что затронутые Сеньбосомъ вопросы интересны для каждаго интересующаго социологіей, мы рекомендуемъ эту книгу читателю, какъ прекрасное критическое руководство при изученіи исторіи обществъ.

Н. П.

Карль Каутскій. Противорѣчія классовыхъ интересовъ въ 1789 г. Переводъ Львовича. Спб. 1902.

Извѣстный этюдъ Каутскаго, написанный имъ къ столѣтнему юбилею французской революціи, былъ помѣщенъ въ первый разъ на русскомъ языкѣ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» за 1889 г., и съ тѣхъ поръ оставался погребеннымъ на страницахъ этого нынѣ покойнаго журнала, такъ какъ ни въ первое, ни во второе изданіе «Очерковъ и этюдовъ» Каутскаго разсматриваемая работа войти не могла. Въ настоящее время причины, мѣшавшія ея появленію, очевидно, устранены, и г. Львовичъ получилъ возможность выпустить свой прекрасный переводъ отдѣльной брошюрой. Мы надѣемся, что небольшая, но со-

держательная книжка нѣмецкаго ученаго и публициста встрѣтитъ должное сочувствіе въ широкихъ кругахъ читающаго общества. Авторъ—старый и послѣдовательный сторонникъ такъ называемаго материалистическаго пониманія историческаго процесса; однако, онъ вовсе не упрощаетъ искусственнымъ образомъ сложныхъ и запутанныхъ комбинацій самыхъ разнообразныхъ интересовъ. Краткими, но сильными штрихами очерчиваетъ онъ не только состояніе и противоположность дѣйствительныхъ нуждъ дворянства и духовенства, съ одной стороны, и народившейся буржуазіи—съ другой, но останавливается и на той междоусобной борьбѣ, которая сплосъ и рядомъ велась внутри одной и той же группы, и которая приводила къ тому, что вандейскіе крестьяне проливали кровь за спасеніе феодализма, богатые буржуа поддерживали интриги эмигрантовъ, а приходскіе священники становились ревностными приверженцами революціи. Корень всѣхъ подобныхъ явленій, трудно объяснимыхъ съ обстрактной точки зрѣнія, Каутскій находитъ въ реальныхъ интересахъ различныхъ классовъ и ихъ отдѣльныхъ слоевъ. Заслуживаетъ вниманія та видная роль, которую Каутскій отводитъ интеллигенціи. Онъ опредѣленно утверждаетъ, что интеллигенція, дѣйствуя на основаніи глубокаго изученія общественныхъ явленій и руководясь не своими личными и временными интересами, явилась представителемъ чистыхъ идей и чистыхъ принциповъ, а потому пріобрѣла посредствомъ революціи громадную власть, которая дала ей возможность проводить въ жизнь свои теоріи.

При такой ширинѣ взгляда, Каутскому удалось дать настолько ясную во всѣхъ деталяхъ картину состоянія различныхъ классовъ французскаго общества время революціи и ихъ взаимныхъ отношеній, что читатель получаетъ поразительно отчетливое и вполне цѣльное впечатлѣніе объ одномъ изъ самыхъ великихъ событій исторической жизни человѣчества.

Внѣшній видъ книжки весьма приличенъ, цѣна же дѣлаетъ ее доступной самому широкому кругу читателей.

В. I.

Б. Е. Писаревскій. «Горошки». (Изъ жизни мелкаго муравейника). Одесса. 1902.

Это первое по солидности и по объему сочиненіе г. Писаревскаго, подвизающагося уже нѣсколько лѣтъ на литературномъ и драматическомъ поприщахъ.

Содержаніе хроники очерчиваетъ жизнь евреевъ въ одномъ захолустномъ мѣстечкѣ — «Горошкахъ», жизнь, коснѣющую въ глубокомъ мракѣ невѣжества, сквозь которое не могутъ еще никакъ пробраться лучи свѣта. Лучшія интеллектуальныя силы мѣстечка, въ лицѣ фельдшера, акушерки Браны Сапожниковой и учителя Рабиновича, вкусившія отъ настоящихъ плодовъ цивилизаціи, ведутъ упорную борьбу съ мракомъ невѣжества. Борьба оказалась не по силамъ идеалисту-фельдшеру, павшему жертвой чахотки. Она угрожала одолѣть и Рабиновича, но онъ нашелъ себѣ крѣпкаго союзника въ Бранѣ Сапожниковой, единственномъ человѣкѣ, устоявшемъ противъ всѣхъ жизненныхъ невзгодъ. Эта нравственная сила, приписываемая женщинѣ, обличаетъ въ авторѣ

сторонника женскаго вопроса. Распря возникла на почвѣ конкуренціи двухъ соперниковъ на должность габе- (синагогальнаго старосты), облакающую избранника большимъ авторитетомъ и всѣмъ у ортодоксальной толпы. Ростовщикъ Хаимъ Пайкелесъ и честный труженикъ Мееръ Саложниковъ имѣютъ каждый своихъ сторонниковъ при выборной агитаціи. Но борьба ведется не равная, потому что Мееръ практикуетъ лишь честныя средства, а Хаимъ сыплетъ деньгами на подкуны.

Въ концѣ концовъ, наканунѣ выборовъ, сторонники Хаима устраиваютъ Мееру въ синагогѣ крупный скандалъ, съ цѣлью подорвать доброе имя Саложникова, что имъ вполне и удается. Скандалъ вышелъ тѣмъ сильнѣе, что произошелъ въ присутствіи уважаемаго населеніемъ цадика — ребе Пинхаса, являвшагося истиннымъ радѣтелемъ и печальникомъ своего народа. Интрига ростовщика Пайкелеса не удалась только потому, что на голову послѣдняго обрушился ударъ нелицеприятной судьбы, и восторжествовавшій претендентъ скоропостижно умеръ отъ апоплексіи. Пораженный народъ увидѣлъ въ этомъ кару Божию за оскорбленіе святыни и Его избранника, и обратился съ раскаяніемъ къ невинно потерпѣвшему Мееру. Честь его была восстановлена, и онъ избранъ въ габе.

Попутно въ этомъ романѣ-хроникѣ объясняются причины паденія цадикизма въ еврействѣ, и характеризуется сіонистское движеніе, при чемъ показывается часто грубое и невѣрное отношеніе строй массы къ этой заветной мечтѣ Израиля. Произведеніе въ общемъ представляетъ большой бытовой интересъ, заслоняющій нѣкоторые недочеты письма. Такъ, на примѣръ, неестественно возбужденіе Пайкелеса тогда, когда врагъ его уже посрамленъ и бѣжитъ изъ синагоги, подъ градомъ насмѣшекъ адентовъ торжествующей партіи. Въ это время Хаимъ начинаетъ только разгораться гнѣвомъ, который убиваетъ его самого. Затѣмъ Брана кажется не живымъ лицомъ, а лишь воплощеніемъ отвлеченной мысли автора; оттого дѣвушка говоритъ такъ много умныхъ книжныхъ фразъ.

Но въ общемъ романъ-хроника производитъ очень хорошее впечатлѣніе. Авторъ указываетъ на язвы еврейства съ видимою скорбью, болѣя душою, съ искреннимъ желаніемъ всего хорошаго блуждающей во мракѣ и жалкой въ своемъ невѣжествѣ еврейской толпѣ. Изображаемые пороки присущи не одной еврейской націи; они, такъ сказать, общечеловѣческіе, и потому въ добросовѣстной демонстраціи ихъ не чувствуется укоризны именно Израильскому народу, который авторъ призываетъ къ свѣту цивилизаціи. Поднятые авторомъ вопросы разработаны въ произведеніи обстоятельно и нелицеприятно, что придаетъ книгѣ особенное значеніе.

Читается она съ интересомъ, и многія страницы ея вызываютъ на глубокое размышленіе. Это новое произведеніе г. Писаревскаго — несомнѣнно новый шагъ впередъ въ его литературной дѣятельности, и мы отъ души желаемъ автору дальнѣйшаго успѣха.

А. Догановичъ.

Отчетъ о состояніи учебныхъ заведеній Кавказскаго учебнаго округа за 1901 годъ. Тифлисъ. 1902.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ новый попечитель Кавказскаго учебнаго округа г. Завадскій выпустилъ въ свѣтъ отчетъ о состояніи учебныхъ заведеній его округа въ 1901 году. Къ отчету приложены статистическія таблицы о состояніи учебныхъ заведеній въ 1901 году и списокъ учебныхъ заведеній Кавказскаго округа.

Сухія статистическія цифры и выводы говорятъ все о томъ же, а именно, что «ежегодно возрастающая потребность въ образованіи и воспитаніи далеко не удовлетворяется наличнымъ числомъ школъ», о томъ, что «необходимо значительное увеличеніе средствъ для развитія существующихъ и на открытіе новыхъ учебныхъ заведеній, которыя могли бы принять хотя нѣкоторую часть шести-семи сотъ тысячъ дѣтей школьнаго возраста, остающихся нынѣ на Кавказѣ въ всякаго, даже элементарнаго образованія». Общее число учебныхъ заведеній округа возросло съ 1.902 до 2.042, т.-е. увеличилось на 140, или всего на 7,4⁰/₁₀₀. Число учащихся опредѣлялось въ началѣ и концѣ года въ 168.646 и 183.490. При сопоставленіи числа учащихся съ численностью населенія узнаемъ, что «на каждыя 10.000 жителей приходится учащихся по 194, т.-е. почти въ 8 разъ меньше, чѣмъ должно бы быть при обязательномъ школьномъ обученіи». Указавъ въ заключительной главѣ отчета на ходатайства обществъ и отдѣльныя настоятельныя просьбы родителей объ открытіи новыхъ училищъ, авторъ заканчиваетъ отчетъ слѣдующими словами: «государственное казначейство не въ состояніи удовлетворить всѣхъ ходатайствъ: необходимо энергичное денежное содѣйствіе казнѣ со стороны дворянства, городовъ, сословій городскихъ и отдѣльныхъ обществъ и лицъ». Эти слова часто повторяются, но за денежнымъ содѣйствіемъ обществъ дѣло не станетъ, если только будетъ обезпечено право общества и на другого рода содѣйствіе, содѣйствіе прогрессу школы. Щ.

Памирскіе походы 1892—1895 г. Б. Тагѣевъ. Варшава. 1902.

Въ этомъ году исполнилось десятилѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ русскіе солдаты впервые двинулись изъ Новаго Маргелана, Ферганской области, къ Памиру, который по географическому и стратегическому своему положенію иолинѣ оправдываетъ названіе «крыши міра». Англія всегда была озабочена тѣмъ, чтобы отгѣснить Россію подальше отъ Памира, несмотря на то, что границы англичанъ и русскихъ на памирскихъ высотахъ опредѣлены были соглашеніемъ 1872—1873 годовъ. Вопреки договору англичане постоянно подстрекали то китайцевъ устраивать крѣпостцы и аванпосты въ незаконныхъ мѣстахъ Памира и переходить русскія границы, то на то же самое подстрекали афганцевъ, помогая имъ поработать прилегающія къ Памиру ханства: Шугнанъ, Рошанъ и Ваханъ, неоднократно предлагавшіе свое подданство бѣлому царю. Такъ продолжалось до 1892 года, когда наконецъ русскія власти рѣшили

послать на Памиръ небольшой отрядъ солдатъ и очистить границы отъ китайцевъ и афганцевъ, отгѣснивъ и тѣхъ и другихъ въ узаконенные для нихъ предѣлы. Б. Тагѣевъ, участникъ этого похода, весьма своевременно издалъ теперь исторію «Памирскихъ походовъ». По изслѣдованію автора, Памиръ— страна камней, вѣтра и снѣга, не могъ быть цѣлью нашего завоеванія, но мы обязаны были наблюдать на Памирахъ неприкосновенность границъ, съ которыхъ открывался путь русскимъ въ Индію, а англичанамъ—внутрь Азіи. Разумѣется, тревога не только англичанъ, но и всего міра была вполне естественна, когда небольшой отрядъ русскихъ воиновъ показался на «крышѣ міра». Авторъ съ интересомъ описываетъ столкновенія русскихъ солдатиковъ съ китайцами и афганцами, за спинами которыхъ тайно работали англичане, и какъ китайцы и афганцы должны были вернуться «домой». Тѣмъ не менѣе, эти столкновенія вызвали необходимость новаго разграниченія Памира, которое и состоялось въ 1895 году. Но еще ранѣе афганцы, завоевавъ ханство Ваханъ въ южной части Памировъ, устроили здѣсь пути сообщенія даже для артиллеріи, а англичане провели дороги до самыхъ нашихъ границъ — до Гиндукуша. По новому договору, граница Россіи была примкнута къ китайскимъ владѣніямъ у перевала Бейкъ. Такимъ образомъ, говоритъ г. Тагѣевъ, «все стремленіе Россіи встать твердою стопой на Гиндукушѣ рушилось этимъ разграниченіемъ. Англичане и тутъ сумѣли обойти нашихъ комиссаровъ, вырвавъ себѣ путемъ самыхъ ничтожныхъ уступокъ Гиндукушъ, сѣверный склонъ котораго называется ими естественнымъ глассисомъ, грозно смотрящимъ на Россію со стороны Индіи». Авторъ исторіи «Памирскихъ походовъ», рассказывая событія по преимуществу съ военной и патриотической точки зрѣнія, мѣстами касается интересныхъ этнографическихъ особенностей края, а также и русской администраціи, весьма часто злоупотреблявшей своими правами и силой надъ туземцами востока.

А. Фаресовъ.

Рассказы и стихотворенія изъ русской исторіи. Историческая хрестоматія для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ К. Елпатьевскій. Спб. 1902.

Геннадій Френевъ. «Пчела». Сборникъ образцовыхъ произведеній русской словесности. (Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній). Вып. I. Спб. 1901.

Слѣдуетъ отмѣтить эти двѣ книги, какъ пособія, хотя и по двумъ разнымъ предметамъ, но одинаково заслуживающія вниманія по своимъ достоинствамъ. Г. Елпатьевскій, учебникъ котораго по русской исторіи принятъ за послѣдніе годы въ старшихъ классахъ почти всѣхъ среднеучебныхъ заведеній, далъ теперь для младшихъ классовъ историческую хрестоматію примѣнительно къ новымъ программамъ, по которымъ преподаваніе отечественной исторіи начинается съ перваго же класса. Извѣстно, что для этихъ классовъ новыя программы явились совсѣмъ врасплохъ. Учебниковъ по русской исторіи для младшихъ классовъ не было у насъ вовсе; были только учебники гг. М. Острогор-

скаго, Пудыковича и Сальникова, да и тѣ составлены были примѣнительно къ программамъ городскихъ училищъ, такъ что преподавателямъ гимназій, которымъ вдругъ пришлось заняться въ первомъ же классѣ гимназій русской исторіей, оставалось ограничиться этими сухими, далеко неудовлетворительными въ смыслѣ доступности для дѣтей учебниками. Потребовалась, слѣдовательно, книга для освѣженія этого сухого курса, для его освѣщенія и иллюстрацій, — такая книга, которая, если можно такъ выразиться, явилась бы живописнымъ узоромъ, расписаннымъ по однообразной канвѣ учебника. Такую книгу и далъ г. Елпатьяевскій своей хрестоматіей. Повидимому, подготовка у него въ этомъ отношеніи была весьма обширная, и поработалъ онъ надъ своей хрестоматіей очень добросовѣстно. Онъ далъ въ ней 157 литературныхъ произведеній, заимствованныхъ частью цѣликомъ, частью въ отрывкахъ, какъ изъ русскихъ художественныхъ авторовъ-поэтовъ и беллетристовъ стараго и новаго времени, такъ и изъ разныхъ учебныхъ пособій по русской исторіи. Въ первомъ отношеніи онъ явилъ себя знатокомъ нашихъ художественныхъ писателей. У него есть всѣ авторы, начиная съ Ломоносова и кончая современными писателями, какъ г-жа Чюмина. Къ современнымъ авторамъ онъ, пожалуй, черезчуръ даже благоволитъ, давая иногда доступъ въ свою хрестоматію какимъ-то неизвѣстнымъ писателямъ изъ маленькихъ, малолитературныхъ газетъ. Заимствуя для своей хрестоматіи отрывки изъ пособій по русской исторіи, онъ могъ бы, пожалуй, ограничиться меньшимъ количествомъ такого рода авторовъ и составителей. Мы понимаемъ брать отрывки у такого прекраснаго знатока русской исторіи и стилиста, какъ покойный авторъ «Родной Старины» В. Д. Сиповскій, какъ Петрушевскій, какъ Соловьевъ, но гг. Барановымъ и ему подобнымъ составителямъ плохихъ хрестоматій едва ли мѣсто въ сборникѣ, который долженъ быть составленъ исключительно изъ образцовыхъ произведеній. Новая книжка г. Елпатьяевского, кажется, распространяется прекрасно, и скоро потребуетъ новое изданіе. Тогда, мы увѣрены, г. Елпатьяевскій обратитъ вниманіе на замѣчанія, сдѣланныя ему въ нѣкоторыхъ органахъ печати, и восполнить пробѣлы, съ одной стороны, допустивъ въ свою хрестоматію еще нѣсколько произведеній Гаршина, Полонскаго, Тургенева, Майкова, Гоголя, Погодина, графа А. Толстого, Лермонтова, Апухтина и, съ другой стороны, изъявъ изъ нея отрывки изъ плохихъ пособій по исторіи и слабенькихъ хрестоматій никому ненужныхъ, невѣдомыхъ писателей. Тогда его книга значительно выиграетъ. А пока она все же остается у насъ единственной по этой части. Всякое начало трудно, новизна всегда идетъ путемъ ошибокъ; но если бы всякая новизна шла по столь малому количеству ошибокъ, какъ у г. Елпатьяевского, всякое дѣло двигалось бы очень и очень быстро впередъ.

Г-нъ Френеувъ далъ не что либо новое, какъ г. Елпатьяевскій: онъ составилъ хрестоматію по исторіи русской словесности древняго періода, а такія хрестоматіи уже существовали. Первые 60 страницъ 1-го выпуска его книги заняты образцами народнотугной словесности; остальные 100 страницъ — произведеніями древней письменности по XVII в. включительно, нѣсколькими приложеніями и словаремъ. Но важно то, что книга его, хотя и не новая по первоначальному замыслу, нова по исполненію. Прежніе сборники этого рода

чрезвычайно громоздки, а для учащихся, кромѣ того, и дороги. Г-нъ же Френевъ сумѣлъ выбрать изъ массы матеріала, которымъ пользовались прежніе составители, все необходимое (и только необходимое), многіе образцы представилъ въ наиболѣе значительныхъ и выразительныхъ отрывкахъ, и при этомъ не упустилъ ничего, что дѣйствительно нужно и желательно въ курсѣ нашей древней письменности. Я не хочу упоминать имена составителей тѣхъ громоздкихъ хрестоматій, но скажу, что до сихъ поръ не было ни одного столь сжатаго по входящему въ него матеріалу, столь дѣйствительно, доступнаго для юношества сборника, какъ теперь у г. Френева. Поэтому я, какъ преподаватель словесности, полагаю бы, что наиболѣе желательнымъ въ классѣ изъ всѣхъ хрестоматій по древней русской письменности и по народной устной поэзіи, болѣе цѣлесообразнымъ и даже необходимымъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ нынѣшняго типа является сборникъ г. Френева, который я и полагалъ бы въ настоящее время наиболѣе нужнымъ въ классѣ. Важно и то обстоятельство, что эта сжатость матеріала дѣлаетъ его книгу вполне доступной по цѣнѣ. Выражу, кстати, и искреннее пожеланіе, чтобы появился скорѣе второй выпускъ, въ который совѣтуемъ г. Френеву включить всю литературу до пушкинскаго періода. А начиная съ Пушкина уже нельзя пользоваться хрестоматіей: тутъ авторы должны быть представлены и извѣстны молодежи цѣликомъ, но собраніямъ ихъ сочиненій.

Итакъ, обѣ эти книги, хотя составленныя и по разнымъ предметамъ, тѣмъ не менѣе имѣютъ то общее другъ съ другомъ, что представляютъ много новаго въ характерѣ своего содержанія и поэтому должны быть одновременно и скорѣе введены въ нашу среднюю школу.

Н. П.

Н. Любавичъ. Статистическій методъ въ приложеніи къ исторіи. Варшава. 1901.

Историческая методологія получила самостоятельное значеніе лишь въ срединѣ XIX в., когда на исторію стали смотрѣть, какъ на науку. Наиболѣе разработаны вопросы исторической критики, а изъ методовъ — сравнительно историческій. Въ послѣднее время идетъ серіозный пересмотръ методовъ исторической науки, и въ числѣ предлагаемыхъ новыхъ методовъ очень важное мѣсто занимаетъ статистическій. Объ этомъ методѣ профессоръ Н. Н. Любавичъ сдѣлалъ докладъ въ обществѣ исторіи, филологіи и права при императорскомъ Варшавскомъ университетѣ.

Въ своей брошюрѣ профессоръ Любавичъ разсматриваетъ примѣненіе статистическаго метода къ изслѣдованію населенія, какъ городского, такъ и сельскаго. «Есть очень много случаевъ, — говоритъ онъ, — гдѣ историки отдѣляются общими, ничего не говорящими фразами, когда нѣсколько точныхъ цифровыхъ указаній дали бы возможность составить себѣ вполне ясное, определенное представленіе о данномъ историческомъ явленіи». «Если бы историки, — говорится дальше, — останавливались почаще на статистическомъ изученіи нѣкоторыхъ историческихъ явленій, насколько это позволяютъ источники, то

такая противорѣчивая оцѣнка ихъ, какую мы нерѣдко встрѣчаемъ въ исторической литературѣ, стала бы почти невозможной».

Статистическій методъ еще очень молодъ. Историки всегда старались пользоваться цифровыми данными, но вся бѣда въ томъ, что прежде статистикой не интересовались и не собирали систематически статистическихъ данныхъ. Ученому приходится преодолѣвать множество затрудненій, собирая необходимый матеріалъ: до XVI в., напримѣръ, приходскіе священники не были обязаны вести записи о крещеніи дѣтей и заключеніи браковъ. Вотъ почему ученому приходится «на основаніи архивнаго матеріала путемъ разнообразныхъ остроумныхъ комбинацій выводить самому статистическія цифры, которыя могли бы помочь освѣтить тотъ или другой вопросъ». Въ виду трудности примѣненія статистическаго метода мало сочиненій, написанныхъ съ статистической точки зрѣнія. Въ дальнѣйшемъ, авторъ останавливается на приложеніи этого метода при разработкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ изъ исторіи Германіи отъ XIV в. до XVI в. Въ брошюрѣ прекрасно, очень любопытно выдвинута сила цифры. Такъ, на основаніи цифровыхъ данныхъ, собранныхъ относительно количества книгъ въ монастырскихъ библіотекахъ въ средніе вѣка, рельефно подтверждается фактъ паденія въ нихъ научныхъ знаній въ XIV и XV вв., а съ конца XV в. замѣчается быстрый ростъ числа книгъ, характеризующій общій умственный прогрессъ.

Книги университетскихъ матрикулъ даютъ богатые цифровыя данныя для исторіи просвѣщенія въ Германіи, но этимъ матеріаломъ ученые мало еще пользуются. Статистическій методъ имѣетъ громадное значеніе для изученія соціального строя государства, его экономической жизни, матеріальнаго положенія, распредѣленія народонаселенія и его состава. Авторъ иллюстрируетъ вопросъ объ изученіи имущественныхъ отношеній нѣсколькими примѣрами, откуда видна вся неравномѣрность распредѣленія благосостоянія въ городахъ XV в. Благодаря статистическому методу, устраняется всякая тенденціозность историковъ при изученіи соціальныхъ явленій. Брошюра профессора Любовича не касается всей сферы примѣненія статистическаго метода въ исторіи, но и указанныя имъ стороны освѣщены ярко.

П. К.—ій.

Труды «Общества изслѣдователей Волыни». Томъ I-й, съ 11 литограф. рисунками. Житомиръ, 1902.

«Общество изслѣдователей Волыни» еще очень молодо: оно открыто 2-го декабря 1900 года. У этого общества — широкая программа дѣятельности: имѣя своею цѣлью разностороннее изученіе Волыни, а также ознакомленіе съ краемъ, его прошлымъ, его условіями жизни, нуждами, оно распадается на четыре секціи: естественныхъ наукъ, этнографическую, экономическую и историческую. Настоящая книга представляетъ первый томъ трудовъ «общества». Въ немъ, кромѣ работъ членовъ, помѣщены и данныя о самомъ обществѣ: очеркъ исторіи его учрежденія, уставъ, протоколы засѣданій секцій. Статьи, поименованныя здѣсь, являются результатомъ дѣятельности преимущественно истори-

ческой секціи. Секція естественныхъ наукъ не доставила въ первый томъ «Трудовъ» ни одного сообщенія. Этнографическій отдѣлъ «общества» далъ статью своего члена г. Кравченко о «Свадьбѣ въ с. Курозванахъ»; экономической — докладъ г. Бордычевскаго о ичеловодствѣ на Воляни. Судя по протоколамъ засѣданій экономической секціи, можно ожидать значительныхъ и практически плодотворныхъ результатовъ отъ дѣятельности секціи, если только всѣ интересные проекты ея занятій (историческая статистика Воляни, изслѣдованіе экономической жизни края и т. п.) будутъ осуществлены.

Много сообщеній въ первой книгѣ «Трудовъ» дала историческая секція. Отмѣтимъ статьи г. Яроцкаго: «Краткій отчетъ о раскопкѣ кургановъ Рѣчицкаго могильника», «Ревизія Владимирской Базиліанской школы въ 1803 году» и «Важнѣйшіе вопросы, возникающіе при изученіи первобытныхъ древностей Воляни». Подводя итоги тому, что сдѣлано по изученію первобытныхъ древностей Воляни, г. Яроцкій приходитъ къ слѣдующему выводу: «изученіе волянскихъ древностей въ настоящее время проходитъ ту стадію своего развитія, при которой можно строить гипотезы и ставить вопросы, но нельзя еще найти достаточно матеріала для ихъ разрѣшенія. Собираніе такого матеріала должно явиться одной изъ задачъ исторической секціи общества» (стр. 15). Безъ сомнѣнія, это — почтенная задача, осуществленіе которой будетъ дѣломъ большой важности для науки. Другую задачу намѣчаетъ г. Фотинскій: она относится ко второй стадіи ученой работы — къ обработкѣ матеріаловъ. Признавая важное значеніе за спеціальными трудами по исторіи древнерусскихъ княжествъ и земель, въ родѣ извѣстныхъ диссертаций при кievской кафедрѣ исторіи, г. Фотинскій желаетъ еще большей спеціализаціи научной работы. «Мы желали бы, — говоритъ г. Фотинскій, — еще большаго ограниченія географическаго района изслѣдованія; желательна именно исторія отдѣльныхъ городовъ и селъ, основанная на непосредственныхъ археологическихъ и этнографическихъ разысканіяхъ изслѣдователя» (стр. 90). Можно только привѣтствовать такую серьезную постановку вопроса объ изученіи мѣстной старины! Г. Фотинскій далъ опытъ такого спеціальнаго изысканія по исторіи и археологіи въ статьѣ «Дорогобужъ Волянскій». Представивъ на основаніи тщательнаго изученія письменныхъ источниковъ историческій очеркъ города Дорогобужа, г. Фотинскій сообщаетъ результаты своей экскурсіи, предпринятой въ цѣляхъ обзорннхъ нѣмыхъ памятниконъ. Статья г. Фотинскаго, несомнѣнно, цѣнный вкладъ въ мѣстную исторію. Кромѣ перечисленныхъ нами трудовъ, въ книжкѣ имѣется еще небольшая работа г. Авенаріуса, дающая описаніе башни волянскаго князя Владимира Васильковича въ Каменцѣ Литовскомъ.

Мы исчерпали содержаніе сборника, приносящаго много цѣнныхъ свѣдѣній для исторіи Воляни. Общество задается широкими и серьезными задачами, и нужно желать, чтобы не угасъ духъ живой, который вѣетъ надъ обществомъ въ первые моменты его дѣятельности.

Щ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ДРЕВНИХЪ египетскихъ анналахъ. Въ Берлинѣ недавно вышелъ новый трудъ ¹⁾ нѣмецкаго египтолога Шеффера, относящійся къ послѣднимъ археологическимъ изысканіямъ въ Египтѣ. Извѣстно, что дѣвственные народы брали исходной точкой эпохи какоенибудь важное для нихъ событіе, какъ, напримеръ, годъ побѣды надъ сѣверными народами, или годъ, когда происходила процессія въ честь Горуса и т. д. Египетскіе и халдейскіе писцы вели правильную запись о каждомъ фараонѣ и событіяхъ его царствованія, которая сохранялась въ библіотекахъ храмовъ и дворцовъ. Часто въ длинныхъ спискахъ именъ королевской династіи попадались странныя обозначенія эпохи, какъ, напримеръ: «Ниль катилъ волны меда въ продолженіе одиннадцати дней». Совершенно естественно, что подобныя свѣдѣнія приводили въ сомнѣніе ученые относительно подлинности этихъ записей, и даже многіе относились скептически къ археологіи. Однако открытія послѣднихъ лѣтъ все болѣе и болѣе убѣждаютъ въ ихъ подлинности, такъ какъ стали находить различные памятники въ честь того или другого царя, помѣченнаго въ спискахъ. Такимъ образомъ прежнее мнѣніе, что писцы измышляли всевозможныя историческія событія, оказалось неосновательнымъ. Обыкновенно писцы записывали исторію царствованія своихъ фараоновъ на папирусахъ, или вырѣзывали на камняхъ. Одинъ изъ такихъ камней отыскался въ Сициліи, неизвѣстно откуда и въ какое время доставленный туда и помѣщенный въ Палермскомъ музеѣ. Онъ представляетъ обломокъ чернаго гранита и находится въ плачевномъ состояніи. Въ 1896 г. итальянскій египтологъ, Пеллегрини, напечаталъ его содержаніе отчасти, и только въ 1901 г. оно окончательно было истолковано. Теперь же

¹⁾ Ein Bruchstück altaegyptischer Annalen, von H. Scheffer. Berlin. 1902.

Шефферъ его перевелъ, и оно стало доступно для чтенія не только египтологамъ, но даже историкамъ, интересующимся древней эпохой. Къ сожалѣнiю, заголовкъ надписи и окончанiе исчезли, и ни одной строчки не уцѣлѣло полностью. Тѣмъ не менѣе на камнѣ можно прочитать имена фараоновъ, но не данныя имъ при рожденiи, а тѣ, что они избирали себѣ при вступленiи на престолъ. Кромѣ этихъ именъ, ничего не уцѣлѣло, и неизвѣстны ни эпоха ихъ царствованiя, ни событiя, совершившiяся за время ихъ правленiя. За ними слѣдуютъ другiя лица, относительно которыхъ извѣстны положительныя свѣдѣнiя, помѣчены года, имена ихъ матерей, и обозначена вышина водъ Нила во время каждаго наводненiя. До IV династiи свѣдѣнiя весьма скудны, и только съ нея они становятся изобильнѣе. Къ сожалѣнiю, эти записи на половину уничтожены, и только уцѣлѣли свѣдѣнiя о первомъ и послѣднемъ царѣ вышеприведенной династiи. Относительно основателей трехъ большихъ пирамидъ — Хюпса, Хефрена и Мисерина — ничего неизвѣстно. Фараоны первой половины V династiи счастливыѣе, хотя упоминается не о каждомъ годѣ ихъ царствованiя, но все-таки получается довольно полная картина ихъ правленiя. Главнымъ образомъ говорится о важныхъ событiяхъ ихъ царствованiя, и первый годъ ихъ вступленiя въ управленiе страной называется «годомъ воцаренiя фараона Верхняго и Нижняго Египта», когда онъ соединяетъ вмѣстѣ два стебля лотуса, изображавшiе двѣ половины царства и обвивающiеся въ четыре различные приѣма вокругъ храма, гдѣ находился божество, отъ котораго зависѣло ихъ царствованiе. Другiе годы помѣчались празднествами, даваемыми фараономъ, какъ, на примѣръ, процессiя, въ которой фигурировала барка Горуса, бой быка Аписа, годовщина умерщвленiя народовъ въ Либiйской пустынѣ, и появленiе Ану во время озирийскихъ войнъ. Многiе годы обозначались основанiемъ храма, похороннаго склепа котораго нибудь фараона, религиозной церемонiей, учрежденiемъ жертвоприношенiя и дарованiемъ владѣнiй которому нибудь изъ боговъ. Иногда для обозначенiя эпохи служили морскiя или сухопутныя экспедици. Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ послѣднiе годы царствованiя Сахура этотъ фараонъ увезъ изъ страны Пуани значительное количество мирры, золота и драгоценнаго дерева, или что фараонъ Снофру сражался съ неграми и привелъ съ собою изъ похода 7.000 плѣнныхъ, изъ нихъ 4.000 мужчинъ, 3.000 женщинъ, а также 20.000 головъ скота. Также не забыты и финансовыя операци казны; здѣсь годы обозначены слѣдующаго рода событiями, какъ, на примѣръ: «годы переписи быковъ», «годы переписи животныхъ и золота», «годы переписи золота и полей». Хотя давно было извѣстно, что египетское административное управленiе отличалось чрезвычайной точностью и сложностью, тѣмъ не менѣе египтологи были очень поражены удивительной правильностью, съ какою повторялись эти переписи съ периодическими перерывами. Въ царствованiе фараона III-й династiи онъ повторяются каждые два года. Одинъ годъ названъ основанiемъ колонизации двухъ городовъ, другiе — иного рода событiями, какъ, на примѣръ, постановкой статуй богамъ или фараонамъ, произведеннымъ въ божества. Если бы подобный камень, какой находится въ Палермо, былъ найденъ цѣльнымъ, то онъ служилъ бы источникомъ для полной исторiи древняго Египта. По словамъ Шеффера, онъ относится къ времени

У династии. Такимъ образомъ этотъ каменный документъ былъ составленъ за 4.000 лѣтъ до Р. Х., и Египетъ уже имѣлъ свою исторію даже въ эпоху, когда фараоны строили пирамиды. Несмотря на то, что къ ней примѣшивалась порядочная доза сказки, все-таки документы, на которые она опирается, заслуживаютъ той же вѣры, какъ и прежніе, найденные нѣсколько лѣтъ тому назадъ. При ближайшемъ изученіи дѣлается очевиднымъ, что этотъ документъ былъ составленъ нѣсколькими лицами. Важнѣе всего, что въ данный моментъ можно доказать подлинность анналовъ первобытныхъ египетскихъ династій, въ которыхъ воображеніе писцовъ совершенно исключено. У нихъ были каталоги подлинныхъ событій, которые давали имъ возможность точно передавать жизнь самыхъ древнихъ фараоновъ.

— Французенка на византійскомъ престолѣ. Историческіе источники, хотя вѣчно пополняются новыми документами о знаменитыхъ историческихъ личностяхъ, но историки иногда предпочитаютъ вытаскивать на свѣтъ далекіе, забытые документы, относящіеся къ такимъ же далекимъ, забытымъ и даже мало замѣтнымъ личностямъ, хотя не лишеннымъ интереса. Къ такимъ воспоминаніямъ можно отнести и статью ¹⁾ Луи-дю-Соммерара, помѣщенную въ «Revue hebdomadaire». Личность византійской императрицы Агнесы мало кому извѣстна, несмотря на то, что ея жизнь протекла среди блеска византійскаго двора и сумятицъ революцій, на которыя она впрочемъ не имѣла никакого вліянія. Единственный разъ она выразила свои политическіе взгляды и употребила свое вліяніе, когда коснулся вопросъ ея далекой родины — Франціи. Она вооружила руку любимаго человѣка, и благодаря ей, онъ отдалъ свой военный талантъ, свое политическое чутье и пылъ заговорщика въ пользу французскихъ интересовъ. Эта принцесса была дочерью Людовика VII королевы Аликсы или Адели де-Шампань. Родилась она въ 1171 г., и ея рожденіе не было радостнымъ событіемъ для отца. Людовикъ Юный уже не заслуживалъ болѣе этого прозванія, такъ какъ ослабъ, сдѣлался хворымъ, и второе прозвище — «Людовика Жалкаго» ему болѣе подходило. Кромѣ того, у него уже было четыре дочери отъ трехъ различныхъ женъ. Первые годы принцессы Агнесы протекали — зимою въ парижскомъ городскомъ дворцѣ, а лѣтомъ — въ одномъ изъ загородныхъ — въ Корбейлѣ или въ Этампѣ. Королева Аликса вложила всю свою душу въ воспитаніе дочери. Эта молодая женщина была полнѣйшая противоположность первой женѣ короля — Элеонорѣ. Несмотря на то, что Аликса была связана съ пожилымъ и отъ природы сумрачнымъ человѣкомъ, обремененнымъ государственными заботами, вслѣдствіе чего еще болѣе угрюмымъ, она оставалась непоколебима въ своей добродѣтели. Жизнь маленькой принцессы Агнесы протекала безмятежно, хотя ея будущность была уже поставлена на карту. Не успѣла она родиться, какъ Фридрихъ Барбаросса, тогда находившійся въ самой славѣ, задумалъ предложить ей въ женихи своего сына, Генриха, римскаго короля. Это предложеніе вызвало протестъ папы Александра III, написавшаго письмо архіепископу

---

¹⁾ Agnes de France, impératrice d'Orient. «Revue hebdomadaire». 6—27 septembre 1902.

Реймскому, Генриху французскому, брату Людовика VII. «Намъ донесли,—гласило оно,—что нашему дорогому брату во Христѣ, Людовикъ, знаменитѣйшему королю франковъ, будетъ предложено выдать дочь за преслѣдователя церкви. Но такъ какъ это можетъ быть опаснымъ для королевства и досадно для церкви, то мы предупреждаемъ тебя, его брата, и предлагаемъ приложить всѣ усилія, чтобы помѣшать названному королю устроить этотъ бракъ и даже безусловно ему воспрепятствовать. Если король найдетъ подходящимъ, онъ можетъ выдать дочь за сына константинопольскаго императора, такъ какъ мы работаемъ въ пользу благоприятныхъ условій, чтобы дѣло устроилось поспѣшно, и родители молодой дѣвушки получили выгоду». Такимъ образомъ выборъ мужа состоялся, и молодой принцессѣ оставалось преклониться предъ волею обстоятельство. Тѣмъ временемъ у короля съ каждымъ днемъ увеличивался параличъ, и онъ замѣстилъ себя сыномъ Филиппомъ-Августомъ, «вымоленнымъ у Бога постомъ, молитвою и благословеніемъ монаховъ». Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ приказалъ его короновать. Затѣмъ стали готовиться къ отъѣзду Агнесы, и восьмилѣтняя принцесса покинула Парижъ весною 1179 г., сопровождаемая греческими придворными, явившимися въ Парижъ къ отцу просить ея руки. Доѣхавъ до Генуи, они пересѣли въ галеры, которыя доставили ихъ на востокъ. Людовикъ VII не отправилъ ее со свитою на своихъ судахъ, опасаясь, чтобы она не подверглась опасности попасть въ плѣнъ къ сицилійскимъ или къ греческимъ пиратамъ, какъ случилось однажды съ нимъ по дорогѣ изъ Святой Земли. Генуэзцы же владычествовали на Средиземномъ морѣ и привыкли къ такого рода приключеніямъ. Въ началѣ путешествіе не обошлось безъ трагическаго приключенія. Хроникеръ того времени, Робертъ де-Ториньи, рассказываетъ, что когда принцесса по дорогѣ остановилась въ монастырѣ св. Бенедикта, на Луарѣ, то едва не сгорѣла. Желая поскорѣ растопить каминь, слуга брызнулъ туда немного масла; пламя вспыхнуло съ такой силой, что монастырь загорѣлся, и молодую принцессу едва спасли. Съвѣ на галеру, они направились на Востокъ, мимо Сициліи, Мальты, Крита, Негрепонта и Тенедоса, лежавшаго близъ древней Трои. Въ началѣ лѣта они вошли въ Босфоръ, и въ одно прекрасное утро принцессу пригласили подняться на палубу полюбоваться ея новой родиной. Съ этого момента она забыла о прошломъ, очарованная чуднымъ видомъ Константинополя. Принцесса была встрѣчена привѣтливо блестящимъ византійскимъ дворомъ. Строгость, сдержанность и благоразуміе ея матери и сестеръ показали бы ей теперь неумѣстными, такъ какъ византійскій дворъ былъ утонченнѣе въ манерахъ, развитѣе и далекъ отъ нравственности, въ то время господствовавшей у франковъ. Хотя она удалилась отъ печальнаго конца царствованія отца, но судьба ее натолкнула на такой же моментъ въ Византіи. Императоръ Мануиль, побѣжденный иконскимъ султаномъ за четыре года предъ пріѣздомъ принцессы, никакъ не могъ забыть этого кровопролитія, стоившаго жизни трехъ принцевъ его семьи, павшихъ на его глазахъ. Эти огорченія довели императора до болѣзни, и всѣмъ близкимъ къ нему жилось тяжело. Принцесса, однако, не могла замѣтить этого угрюмаго настроенія, такъ какъ византійцы обладали знаніями жизни и свѣтскими привычками, а потому ихъ настроеніе не проявлялось такъ реально,

какъ при французскомъ дворѣ, въ то время еще варварскомъ. О встрѣчѣ принцессы и первыхъ дняхъ ея пребыванія мало извѣстно: свадьба же ея была отложена на годъ. Принцессу помѣстили въ роскошномъ дворцѣ, превращенномъ изъ старинной крѣпости. Одинъ испанецъ, Роже де-Гюделя, описывалъ его, какъ нѣчто необыкновенное, до тѣхъ поръ не виданное по роскоши и богатству. Съ перваго момента прибытія Агнесы занялись ея воспитаніемъ, или вѣрнѣе перевоспитаніемъ, согласно византійскимъ понятіямъ. «Въ особенности обратили вниманіе на ея умственное развитіе, и оно было тщательное, самое полное и въ то же время либеральное, какого не даютъ дѣвушкамъ даже въ настоящее время», прибавляетъ Сомераръ. Ей преподавали правила риторики, философію, математику, богословіе, медицину и астрологию; познакомили со всѣми писателями, главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы она могла ихъ цитировать въ изящномъ разговорѣ. Когда она изучила немного греческій языкъ, ей предоставили для чтенія греческихъ классиковъ и то, что у насъ называется «житія святыхъ», бывшія тогда въ большой модѣ. Византійскій дворъ былъ образованный: ученые, писатели, знаменитые профессора проходили съ принцами и принцессами научные курсы и устраивали пренія въ ихъ присутствіи по литературнымъ, философскимъ и религіознымъ вопросамъ. Въ первые мѣсяцы все вниманіе было обращено на преподаваніе принцессѣ, какъ надо императрицѣ «говорить, ходить, вести себя, смѣяться, одѣваться, стоять, сидѣть на тронѣ». Всѣ движенія императрицы, а также ея нарядъ, согласовались съ этикетомъ. Хотя Агнесѣ далеко еще было до порфиры, однако ей измѣнили прическу и переодѣли въ тунику, вышитую жемчугами, съ разрѣзомъ и съ вышитымъ золотомъ и украшеннымъ камнями кушакомъ, а также надушили ее розовой эссенціей. Такимъ образомъ она потеряла свою дѣтскую миловидность и принуждена была съ 8 лѣтъ принимать всѣ почести съ безстрастной манерой, невзирая на возрастъ, а лишь руководясь своимъ высокимъ положеніемъ. Отецъ ея будущаго мужа былъ красавцемъ и сохранилъ достоинство въ манерахъ и грацію, несмотря на годы и заботы. Мать, императрица Марія, была тоже французенка, родившаяся въ Малой Азіи. Ея отецъ Раймондъ, герцогъ де-Пуатье, дядя первой жены Людовика VII, вель жизнь, полную приключеній, и обладалъ талантомъ оболъщенія. Прельстивъ Констанцію Антиохійскую, богатую наслѣдницу могущественнаго княжества, онъ женился на ней. Когда позже Людовикъ VII, отецъ Агнесы, прѣхалъ въ Антихію со своей первой женой, Элеонорой, Раймондъ такъ прельстилъ свою племянницу, что она покинула всѣ почести, отказалась отъ короны и отдалась ему. Его дочь Марія наслѣдовала этотъ талантъ, и одинъ историкъ конца XII вѣка говоритъ о ней: «Она умѣла очаровать всѣхъ красотой своего лица и силою взгляда, ровностью настроенія, искренностью ума и сладостью своихъ словъ». Этой-то женщинѣ была отдана Марія для перевоспитанія. Ея будущій мужъ, Алексѣй Комнень, прослылъ за самаго ничтожнаго человѣка во всемъ государствѣ, и бѣдной Агнесѣ готовился жалкій мужъ, сдѣлавшій ее несчастной при своей жизни и причинившій ей еще большее несчастіе своей смертью. Хотя императоръ обманывалъ себя иллюзіями относительно своего здоровья, успокаивалъ себя предсказаніями астрологовъ, обѣщавшихъ ему дол-

гую жизнь, онъ все-таки хотѣлъ заранѣе устроить жизнь своихъ дѣтей. Прежде всего онъ сдѣлалъ свадьбу дочери, Маріи, отъ перваго брака. Но эти празднества были ничто въ сравненіи съ пышной церемоніей бракосочетанія наследника престола съ Агнесой, состоявшагося 2-го марта 1180 г. Еще наканунѣ дворъ перенесся въ большой Константиновскій дворецъ, въ которомъ обыкновенно совершались различныя торжества. Весь городъ былъ украшенъ персидскими и индійскими коврами, и повсюду курили ѳимамъ. Предъ мощами въ богатыхъ ракахъ были зажжены роскошныя канделябры, и курящаяся благовонія застилали воздухъ одуряющей дымкой. Съ утра императоръ вышелъ изъ дворца въ императорскомъ одѣяніи съ короною на головѣ, держа за руку своего наследника, и направился въ Софійскій соборъ. По дорогѣ онъ зашелъ въ четыре церкви и принялъ пять различныхъ корпорацій. Когда императоръ помѣстился на своемъ тронѣ, находившемся въ алтарѣ, куда онъ одинъ имѣлъ право проникнуть съ священниками, то въ свою очередь прибылъ патріархъ въ сопровожденіи епископовъ и духовенства, затѣмъ появились церемоніймейстеры съ невѣстою и препроводили ее на амвонъ, находившійся посреди церкви подъ куполомъ, гдѣ ее ожидалъ женихъ, подъ богатымъ, золотымъ балдахиномъ, украшеннымъ драгоценными камнями. Послѣ обряда вѣнчанія король сошелъ съ своего трона и возложилъ на голову сына и невѣстки короны. Затѣмъ состоялся приемъ въ трехъ дворцахъ, послѣ котораго молодые направились принимать поздравленіе народа, собравшагося на форумъ Августа. Съ этого дня юная принцесса не называлась болѣе Агнесой, а взамѣнъ ей дали имя Анны, и начали оказывать императорскія почести. Но этотъ день шумныхъ овацій смѣнился скорѣе печальными днями. Мануилъ все болѣе и болѣе ослабѣвалъ и въ мартѣ мѣсяцѣ умеръ, не сдѣлавъ никакихъ распоряженій, хотя патріархъ Θεодосій просилъ его назначить регента. Новый императоръ Алексѣй II очутился совершенно одинокимъ. Его мать, Марія, была легкомысленная женщина, безъ какихъ либо принциповъ, при этомъ кокетка, которая только цѣнила наружный блескъ. Не любя своего мужа, гораздо старше ея лѣтами, она относилась къ нему небрежно во время болѣзни. Послѣ его смерти, для приличія она укрылась въ одномъ женскомъ монастырѣ, подъ именемъ Ксенія, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ рѣшила, что достаточно этой комедіи, и, выйдя изъ монастыря, поселилась съ сыномъ, подъ предлогомъ руководить имъ. Вокругъ нея составилъ безпорядочный дворъ изъ молодыхъ людей, «надушенныхъ и заботившихся о своей наружности, какъ женщины», питавшихъ къ ней страсть или прикидывавшихся влюбленными. Племянникъ покойнаго императора, Алексѣй Комненъ Протосебастъ, еще при жизни дяди пользовался ея вниманіемъ и слылъ за фаворита; скорѣе управленіе государствомъ очутилось въ его рукахъ. Дворъ обратился въ гнѣздо интригъ, безпорядковъ, въ арену для личныхъ интересовъ. Императоръ весь предался въ руки придворныхъ интригановъ, бездушныхъ и невоспитанныхъ; Агнесса, еще болѣе покинутая, была предоставлена женамъ подчиненныхъ. «Трудно передать, говоритъ авторъ, драматическое положеніе въ Константинополѣ. Такъ Марія, дочь покойнаго императора, негодовавшая на власть, забранную Протосебастомъ, составила противъ него заговоръ съ нѣкоторыми придворными. Ихъ

умыселъ вскорѣ обнаружился, и придворные были заключены въ тюрьму. Принцесса, желая ихъ освободить, устроила мятежъ. Она съ молодымъ мужемъ заперлась въ соборѣ св. Софiи и держалась тамъ восемь дней, въ то время, какъ ихъ партизаны сражались съ регулярной армiей на улицахъ Константинополя. Послѣ короткаго перемирiя вновь вспыхнули безпорядки, когда Протосебасть задумалъ удалить всѣми почитаемаго патрiарха Θεодосiя. Хотя онъ былъ принужденъ его вернуть, однако мятежъ началъ угрожать со стороны вѣчнаго мятежника Андроника Комнена, который сталъ возстановлять противъ правительства маленькiе города. Въ этомъ заговорѣ подозрѣвали и участiе принцессы Марiи. Андроникъ Комненъ былъ замѣчательной личностью и, по словамъ Сомерара, Сфорца Малягеста и даже Цезарь Борджiа ступевывались предъ нимъ. Онъ происходилъ изъ высокаго рода и былъ внукомъ греческаго императора Алексѣя и двоюроднымъ братомъ Мануила, который долго питалъ любовь къ товарищу дѣтскихъ лѣтъ. Отважный воинъ въ молодости, отличавшiйся въ битвахъ, онъ, однако, жилъ скачками, служба игрушкой своимъ нервамъ и инстинктамъ и слишкомъ подчиняясь имъ, чтобы сдѣлать себѣ военную карьеру. У него было одно страстное желанiе— завладѣть трономъ и сдѣлаться императоромъ. Въ то время, какъ Андроникъ наслаждался любовной интригой съ принцессой императорскаго дома, которую онъ похитилъ, и окружалъ себя дворомъ изъ пѣвцовъ и шутовъ, онъ составилъ заговоръ противъ своего благодѣтеля и друга Мануила. Узнавъ объ этомъ, императоръ приказалъ схватить его и запереть въ одну изъ башенъ дворца, гдѣ онъ оставался въ продолженiе двѣнадцати лѣтъ. Въ концѣ концовъ Андронику удалось освободиться, и онъ бѣжалъ къ русскому великому князю, Ярославу. Когда Грецiя воевала съ Венгрiей, онъ принялъ участiе въ войнѣ и отличился; за это греческiй императоръ простилъ ему прошедшее, и Андроникъ снова попалъ въ милость. Но это длилось недолго: онъ опять возбудилъ гнѣвъ Мануила своимъ нахальствомъ и былъ удаленъ въ одну изъ провинцiй Азiи. Тамъ онъ велъ разнузданную жизнь и соблазнилъ родную сестру императрицы Марiи — Филиппу. Не успѣлъ онъ возбудить гнѣвъ императора и ненависть императрицы, какъ уже бросилъ принцессу. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ похитилъ королеву Iерусалима—Θеодору, и Мануиль далъ приказанiе всѣмъ своимъ генераламъ схватить его и выколоть ему глаза. Узнавъ объ этомъ распоряженiи, онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ королевой и цѣлые годы оставался внѣ своей страны, странствуя съ своей пассiей по Сирии, Иверii, Персiи и т. д. Агенту Мануила удалось захватить королеву Θεодору, и Андроникъ попросилъ разрѣшенiя возвратиться въ Константинополь. Еще разъ онъ разыгралъ роль раскаявшагося грѣшника, но императоръ теперь былъ осторожнѣе: хотя онъ простилъ Андроника, но послалъ его въ изгнанiе. Не таковъ былъ Андроникъ, чтобы примириться съ этою ролью; къ тому же обстоятельства сложились въ его пользу, едва онъ ступилъ на родную землю. Онъ основалъ свой замыселъ на ненависти грековъ къ латинамъ, и какъ только появился на роднiнѣ, латины были умерщвлены, дома ихъ ограблены, а оставшiеся въ живыхъ были принуждены спасаться на своихъ корабляхъ. Папскiй легатъ былъ убитъ, и фаворитъ императрицы Марiи засаженъ въ тюрьму; генералы же, по-

сланные противъ него, перешли на его сторону. Онъ явился въ Константинополь уже не изгнанникомъ, а властителемъ. У воротъ города его встрѣтилъ патріархъ Θεодосій; впечатлѣніе на послѣдняго онъ произвелъ поразительное. Ему было въ то время 60 лѣтъ, и несмотря на слѣды, которые оставила на лицѣ его странная, полная приключеній жизнь и изгнаніе, онъ все еще былъ обольстительнымъ красавцемъ. Изъ-за полуварварскаго грубаго человѣка, какимъ онъ хотѣлъ казаться, проглядывалъ вполне цивилизованный, придворный и образованный человѣкъ. Онъ былъ одѣтъ въ фіолетовую полотняную одежду, едва доходящую до колѣнъ, съ короткими рукавами, обнажавшими руки отъ локтя. Остроконечная шанка еще болѣе увеличивала его ростъ. Увидѣвъ его хитрые, жесткіе глаза и услышавъ вкрадчивыя слова, патріархъ вспомнилъ, какъ его описывалъ Мануиль, и въ немъ проснулись опасенія. На другой день Андроникъ видѣлся съ императоромъ и его матерью. Онъ наговорилъ льстивыхъ любезностей Алексѣю и наобѣщала ему всего, затѣмъ онъ молча привѣтствовалъ императрицу мать, и между ними произошла вѣман дуэль взглядами. Эти два существа при другихъ обстоятельствахъ составили бы самую подходящую пару, теперь одно изъ нихъ неизбежно становилось добычей другого. Что касается Агнессы, то она была слишкомъ молода, чтобы понять все происходившее вокругъ нея. Съ этого дня Андроникъ сдѣлался полнымъ властелиномъ. Онъ началъ съ того, что поощрялъ въ Алексѣѣ всѣ позорныя слабости и даже прибавилъ ему новыя, совершенно запутывая бѣднаго юношу сѣтями. Въ то время Алексѣю исполнилось 14 лѣтъ. Его сестра съ мужемъ, хотя первые призвали Андроника, чтобы избавиться отъ власти фаворита матери, стали мѣшать планамъ новаго владыки и внезапно умерли оба какимъ-то таинственнымъ образомъ. Наконецъ, онъ избавился и отъ императрицы Маріи, обвинивъ ее въ заговорѣ съ венгерскимъ королемъ Белеемъ. Онъ арестовалъ ее во дворцѣ и засадилъ въ тюрьму. Алексѣй подписалъ, не дрогнувъ, ея смертный приговоръ: ему было дорого лишь одно—удовольствіе. Только одинъ сынъ Андроника, Мануиль, протестовалъ противъ смерти императрицы-матери. Несмотря на это, она была задушена въ тюрьмѣ. Оставалось избавиться отъ императора. Сначала Андроникъ хотѣлъ царствовать вмѣстѣ съ нимъ, но затѣмъ его совѣтъ рѣшилъ, что управленіе должно находиться въ однихъ рукахъ, и ради государственной причины слѣдуетъ отдѣлаться отъ неспособнаго, слабого императора. Ночью къ Алексѣю ворвались и задушили его въ постели посредствомъ тетивы самострѣла. Когда Андроникъ увидѣлъ его трупъ, то цинично сказалъ: «твой отецъ былъ вѣроломный, твоя мать проститутка, а ты самъ дуракъ», и оттолкнулъ его тѣло ногою. Затѣмъ трупъ бывшаго императора отвезли на баркѣ съ музыкантами, которые играли и пѣли вокругъ гроба, и онъ былъ брошенъ въ морскую бездну. Положеніе молодой Агнессы было трагическое. Ей было 12 лѣтъ; вокругъ нея не осталось никакой опоры, а на ея бѣду она обѣщала сдѣлаться красавицей, и притомъ она была сестрою могущественнаго короля—все это соблазняло Андроника. Сначала онъ хотѣлъ женить на ней своего сына. Но по странной случайности дѣти Андроника были добродѣтельныя, и сынъ отказался жениться на сиротѣ жертвы отца. Не желая выпускать ее изъ своихъ рукъ, онъ самъ же-

нился на ней въ концѣ 1183 г. Священный обрядъ бракосочетанія состоялся такъ же, какъ и первый ея бракъ, въ Софійскомъ соборѣ, и та же толпа привѣтствовала ихъ радостными кликами. Вся Европа возмущалась этимъ поступкомъ Андроника; только французскій король, братъ Агнессы, отягченный своими заботами, молчалъ. Когда совершился бракъ, то одинъ французскій монахъ написалъ: «Она была два раза императрицей, ни разу не бывъ реально замужемъ». Но другой французъ, Рожэ де-Говедень, доказывалъ несправедливость замѣчанія монаха, говоря: «Осквернивъписи сожительствомъ съ самымъ преступнымъ человѣкомъ, она потеряла все, даже честь». Съ этого момента началось ея новое перевоспитаніе въ Константинопольскомъ дворцѣ и на виллахъ, расположенныхъ по берегу Босфора, переполненныхъ разными фиглярами и веселыми женщинами. Предъ ея глазами происходили самыя циничныя сцены. Андроникъ заставилъ ее жить совмѣстно съ своими конкубинками. «Этотъ императоръ, говоритъ одинъ греческій историкъ, часто удалялся въ уединенныя мѣста, въ долины или лѣса, гдѣ воздухъ былъ сильно насыщенъ, куда его сопровождали многочисленныя женщины—онъ былъ окруженъ, какъ пѣтухъ курицами, какъ козель козами, какъ Бахусъ дриадами и менадами, хотя онъ не былъ одѣтъ въ красное и не былъ покрытъ звѣриной шкурой. Цѣлые дни онъ проводилъ, погрузившись въ развратъ, какъ Сарданапалъ, который приказалъ выгравировать на надгробномъ памятникѣ, что изъ всѣхъ благъ ему ничего не осталось, какъ только воспоминаніе объ удовольствіяхъ, которыя онъ извѣдалъ. Андроникъ прибѣгалъ къ искусственнымъ средствамъ, чтобы возвратить утраченную молодость, и натирался однимъ составомъ, который придавалъ ему силу. Онъ такъ же ѣлъ рыбу, называемую семь, которую ловили въ Нилѣ и похожую на крокодила, ее считали средствомъ, возбуждающимъ къ удовольствіямъ». Агнесса не только не жаловалась на свою участь, а даже питала къ Андронику любовь. Пренія воспитательницы и придворныя дамы французки были удалены, чтобы она не могла узнать о насильственной смерти императрицы-матери и своего мужа. Андроникъ, вообще человѣкъ жестокій, обращался съ своими женами мягко. Ихъ единственнымъ долгомъ было нравиться ему, наряжаться, живя въ самой утонченной роскоши. Однако среди этихъ заботъ Андроникъ не могъ оставаться спокойнымъ: его двухлѣтнее царствованіе было силовитой борьбой. Внѣшніе и внутренніе безпорядки все увеличивались. Народъ, притѣсняемый Андроникомъ, проклиналъ его. Послѣдній, по совѣту своего министра Гаіокристофорита, приказалъ запереть ихъ въ тюрьмы. Но эта мѣра оказалась не дѣйствительною, и въ концѣ царствованія Андроника тотъ же министръ издалъ указъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «Руководимый божественнымъ вдохновеніемъ и никоимъ образомъ не вынуждаемый священной особой императора, мы объявляемъ, что вообще въ интересахъ государства и въ частности Андроника, спасителя имперіи, мы не оставимъ живымъ ни одного изъ тѣхъ, которые задержаны въ настоящее время въ тюрьмахъ... Это будетъ единственнымъ средствомъ предоставить императору безопасность, который дѣлитъ себя между государственными дѣлами и безпрестанными опасностями, угрожающими его жизни, драгоценной для государства. Это отниметъ въ то же время у неприятеля возможность вести гибель-

ныя сношенія съ этими измѣнниками, которыхъ они призываютъ насъ уничтожить и внушаютъ имъ вредить намъ». Однако непредвидѣнныя обстоятельства положили конецъ такому произволу. Министръ задумалъ арестовать внука одного изъ потомковъ Комненовъ—Исаака Ангела, котораго онъ подозрѣвалъ въ намѣреніи арестовать его самого. Этотъ юноша не обладалъ ни выдающимся умомъ, ни образованіемъ, но страстно любилъ жизнь. Видя, что для него все потеряно, онъ бросился на посланнаго императоромъ, отрубилъ ему голову и бѣжалъ въ Софійскій соборъ, гдѣ его окружили друзья. Утромъ туда бросился весь народъ и молилъ Бога о пощадѣ Исаака и освобожденіи имперіи; чѣмъ болѣе прибывала толпа, тѣмъ болѣе усиливалась храбрость народа. Въ концѣ концовъ на Исаака была возложена корона Константина, висѣвшая надъ алтаремъ, и толпа провозгласила его императоромъ. Исааку была приведена лошадь Андроника, и онъ торжественно ѣхалъ по городу, громко прिवѣтствуемый народомъ. Сначала Андроникъ не предчувствовалъ опасности, и, находясь въ своемъ Мелюдійскомъ дворцѣ, ограничивался посылкою гонца въ Константинополь, который приносилъ ему извѣстія каждый часъ. Когда ему донесли, что мятежъ принимаетъ характеръ военнаго возстанія, то онъ, захвативъ свою жену и флейтистку Мараптику, въ которую былъ страстно влюбленъ, бросился въ Константинополь. Несмотря на грозное настроеніе толпы, онъ все-таки добрался до большого дворца, сдѣлавъ тревогу войскамъ и самъ стрѣлялъ въ народъ съ башни. Когда онъ увидѣлъ, что армія плохо повинуется, и дворецъ хотягъ взять силой, то попробовалъ вести переговоры, но все было тщетно: народъ ворвался во дворецъ. Тогда Андроникъ, скинувъ съ себя императорское одѣяніе, надѣлъ прежнюю остроконечную шапку и, пользуясь тѣмъ, что весь народъ бросился во дворецъ, бѣжалъ черезъ маленькую дверь съ обѣими женщинами. Всѣ трое съѣли въ галеру и поспѣшили въ Мелюдійонъ. Забравъ тамъ золото и драгоценности, они пустились подъ парусомъ въ море. Исаакъ, однако, послалъ за ними погоню. Буря застала ихъ въ морѣ и разбила галеру. Андроникъ пришлось искать другое судно. Когда они хотѣли вступить на новый корабль, ихъ захватили посланные Исаака и посадили на барку. Но Андроникъ, хотя былъ совершенно лишенъ свободы и не могъ бѣжать, все-таки не потерялъ своего ума и прибѣгнувъ къ помощи обѣихъ женщинъ. Однако имъ не удалось обольстить посланныхъ Исаака, такъ какъ по послѣднимъ руководила ненависть къ Андроникъ; задержанныхъ доставили къ побѣдителю. Нѣсколько дней Андроникъ былъ запертъ въ башнѣ священнаго дворца; затѣмъ его выбросили толпѣ, которая разорвала прежняго государя на куски. Одна женщина вылила ему на лицо кипятокъ, какой-то солдатъ отрѣзалъ ему правую руку, а на третій день его повѣсили за ноги и въ ротъ вткнули саблю. Всѣ эти страданія онъ выносилъ твердо. Затѣмъ тѣло его было брошено въ подземелье цирка, а когда улеглось народное волненіе, то его похоронилъ въ монастырѣ одинъ почитатель династіи Комненовъ, въ память императора Алексѣя. Что сдѣлалось съ Агнессой въ это время—неизвѣстно. Вѣрнѣе всего она скрылась у Бранаса, друга Андроника, командовавшаго войсками противъ возмущившихся сицилійцевъ. Онъ былъ женатъ на одной изъ племянницъ императора Мануила, и Агнесса знала его съ перваго дня своего приѣзда въ Грецію.

Здѣсь она впервые подпала подъ здоровое вліяніе его жены, въ лучшемъ смыслѣ образцовой женщины. Агнессѣ было въ это время 15 лѣтъ, и она очутилась совершенно покинутой своими родными. Когда Исаакъ утвердился на тронѣ, она поселилась въ одномъ изъ дворцовъ, гдѣ проживали послѣдовательно развѣчанные императрицы. Ея жизнь протекала довольно мирно до 1187 г., когда ея друзья изъ честолюбивыхъ цѣлей запутали ее въ политическій водоворотъ. Бранасъ, побѣдитель Болгаріи и Сициліи, хотя былъ принужденъ, противъ сердца, присоединиться къ Исааку, однако не могъ равнодушно покориться этой участи, и провозглашенный своими солдатами императоромъ, онъ началъ осаду Константинополя. Къ нему присоединились всѣ провинціи, и побѣда осталась бы за нимъ, если бы не мужъ сестры Исаака, Конрадъ Монфера, зацѣпившій городъ. Бранасъ былъ убитъ, и его голова сначала отнесена Исааку, а затѣмъ жемъ несчастнаго. Снова началась эпоха умерщвленій, какъ и въ началѣ царствованія Андроника. Исаакъ, ради восстановленія порядка, объявилъ всеобщую амнистію, въ которую была включена и семья Бранаса, и въ 1188 г. Теодоръ Бранасъ, сынъ отважнаго воина, находился во главѣ войска въ войнѣ противъ нѣмцевъ. Онъ былъ молодецъ, красавецъ, и необычайно смѣлаго характера. Политическія убѣжденія и несчастія сблизили его съ Агнессой, и они сошлись сначала тайно, но затѣмъ хроникеръ того времени говоритъ: «Теодоръ Бранасъ открыто предъ дворомъ содержалъ императрицу, сестру французскаго короля, но не могъ на ней жениться, такъ какъ она потеряла бы согласно древнему обычаю приданое, полученное отъ родителей и которое было ея единственнымъ богатствомъ. Эта любовь мало-по-малу перешла въ долготѣнную связь, но ея счастье и спокойствіе было вновь нарушено. Ея мужъ не могъ простить Исааку смерти отца и составилъ заговоръ, повлекшій за собою ослѣпленіе Исаака и заточеніе его въ дворцовую тюрьму. Въмѣсто него былъ избранъ его братъ Алексѣй Ангель. Во все время царствованія послѣдняго Теодоръ Бранасъ былъ любимцемъ двора, и Агнесса, хотя терявшаяся рядомъ съ новой блестящей императрицей, Евфросиніей, раздѣляла могущество своего любовника и, имѣя дочь, была совершенно счастлива, если бы не очень частыя отлучки Теодора. Однако участь Исаака не была окончательно рѣшена. Его юный сынъ, Алексѣй, объѣхалъ Европу, умоляя всѣ государства освободить отца изъ тюрьмы. Это вызвало четвертый крестовый походъ. Братъ Исаака былъ свергнутъ, а Исаакъ снова водворенъ на тронѣ. Французскіе воины, расположившись лагеремъ, посѣщали и принимали у себя греческаго императора и его сына, а Агнесса, какъ ближайшая родственница императрицы венгерской и французскихъ принцевъ, играла главную роль. Въмѣстѣ съ нею раздѣлялъ участь и Бранасъ, о прошедшихъ поступкахъ котораго уже болѣе не думали. Но вскорѣ Исаакъ, недалекій умомъ, возгордился и пересталъ посѣщать лагерь французскихъ принцевъ, а французы и греки стали питать другъ къ другу неприязнь, внезапно во дворцѣ вспыхнула революція, и Исаакъ снова былъ свергнутъ съ престола, а его мѣсто занялъ Алексѣй Дюказъ. Чтобы болѣе обезпечить свое спокойствіе, онъ приказалъ задушить молодого Алексѣя, сына Исаака. Но этотъ поступокъ не успокоилъ ни возбуденія грековъ, ни гнѣва французовъ, и не прошло дня, чтобы французы и греки не сражались. Наконецъ, французы побѣ-

дили грековъ. Балдуинъ Фландрскій былъ провозглашенъ императоромъ. Бранаса все время оказывалъ французамъ услуги для основанія Латинской имперіи на Востокъ, и французы не забыли его, надѣливъ леномъ. Главнымъ его мѣстопробываніемъ былъ выбранъ городъ Анры. Кромѣ того, Балдуинъ Фландрскій далъ ему средства содержать собственное войско, а Агнессѣ обезпечилъ существованіе, достойное императрицы, и бракъ ея съ Бранасомъ состоялся въ 1205 г. Черезъ годъ на Грецію сдѣлалъ нападеніе болгарскій король Іоанникій, призванный греками съ цѣлью освободиться отъ ига латинянъ. Онъ велъ войну, какъ дикарь, грабя и сжигая все, что попадалось. Императоръ Балдуинъ былъ арестованъ, а затѣмъ умерщвленъ. Теодоръ Бранаса подвергся осадѣ въ Апрахъ, и столица его была уничтожена огнемъ. Неизвѣстно, оставалась ли тамъ въ это время Агнесса или находилась въ Константинополѣ. Впрочемъ, Теодору Бранасу удалось освободиться съ войскомъ, и онъ отправился для подкрѣпленія константинопольской арміи. Тамъ къ нему явился тайный посоль отъ адрианопольскихъ грековъ, находившихся въ арміи Іоанникія, съ которыми болгары не сдѣлали никакихъ условій. Они просили Бранаса поблагодарить за нихъ Генриха Фландрскаго, занявшаго тронъ брата, и предложили Бранасу, какъ женатому на сестрѣ французскаго короля, господство надъ Адрианополемъ и прочими зависящими отъ него владѣніями. Такимъ образомъ Агнесса послужила звеномъ для миролюбиваго согласія между греками и французами. Но этотъ миръ былъ вооруженный. Адрианополь и Дидемотика подверглись осадѣ со стороны Іонникія, пока онъ не умеръ въ 1207 г. Только въ 1208 г. возвратилась Агнесса. На ея долю выпала двойная задача—исправить нанесенные войною убытки и примирить французовъ и грековъ. Если послѣднее ей не вполне удалось, то все-таки изъ любви къ ней тѣ и другіе были сдержаны. Жизнь ея протекала спокойно, и въ 1218 и 1219 гг. она выдала дочь за француза Наржо де-Таси. Вскорѣ она умерла въ 1220 г., и адрианопольскіе греки, остававшіеся изъ уваженія къ ней подъ греческимъ владычествомъ, отдѣлились отъ имперіи.

— Была ли королева Елисавета прототиномъ лэди Макбетъ? Въ августовской книжкѣ «Dublin Review» пасторъ Макъ-Набъ помѣстилъ очень оригинальную и интересную статью¹⁾, въ которой доказываетъ, что Шекспиръ написалъ своего Макбета съ цѣлью обвинить королеву Елисавету въ ея преступной жестокости относительно Маріи Стюартъ. Съ самаго начала своего изслѣдованія почтенный авторъ указываетъ, что великій драматургъ въ своихъ произведеніяхъ имѣлъ привычку выводить дѣйствующихъ лицъ, походившихъ на современныхъ дѣятелей. Мотивомъ же къ изображенію Елисаветы послужило главнымъ образомъ неудовольствіе противъ нея Шекспира, друга котораго лорда Саутгамптона она посадила въ тюрьму за его пламенную дружбу съ Маріей Стюартъ. Согласно Маллонэ и другимъ компетентнымъ критикамъ, Макбетъ не могъ быть написанъ раньше 1606 г., три года спустя послѣ коронаціи Іакова I-го, сына несчастной умерщвленной королевы. Очевидно,

¹⁾ Is «Macbeth» a study of queen Elizabeths, by Mc. Nab. «Dublin Review», august, 1902.

что содержаніе пьесы было нарочно избрано драматургомъ, какъ подходящее къ національности и исторіи короля, поэтому во время посѣщенія имъ Оксфорда дана была эта пьеса, въ которой много чертъ совпадало съ историческими событіями. Макъ-Набъ указываетъ на главнѣйшія изъ нихъ. Во-первыхъ, это единственная пьеса Шекспира, дѣйствіе которой происходитъ въ Шотландіи, что не могло не понравиться королю шотландскаго происхожденія. Во-вторыхъ, пьеса основана на убійствѣ родственника короля и гостя. Марія Стюартъ была родственницей королевы Елисаветы въ глазахъ всѣхъ и гостьей Англии. Въ-третьихъ, королевская власть послѣ Макбета переходитъ къ сыну убитаго. Точно такъ же, какъ въ Англии, воцаряется Іаковъ, сынъ Маріи Стюартъ. Къ этому надо прибавить, что Шекспиръ сдѣлалъ много измѣненій въ содержаніи пьесы, которое онъ заимствовалъ изъ хроники Голингсгэда. Наконецъ, самый хара́ктеръ лэди Макбетъ всецѣло созданъ Шекспиромъ и очевидно навѣявъ знаменитому драматургу королевой Елисаветой и обстоятельствами ея жизни.

— Трехсотлѣтіе Бодлѣанской библіотеки. Въ октябрѣ настоящаго года оксфордскій университетъ устроилъ торжественное празднованіе своей знаменитой библіотеки. По этому случаю собрались не только всѣ извѣстные въ Англии ученые и библіографы, но и почтенные гости со всѣхъ концовъ Европы, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занималъ графъ Гуго Баль изъ Рима. Въ честь этого юбилея, конечно, изданъ великолѣпный томъ, снабженный роскошными картинами и портретами подъ названіемъ «*Pietas oxoniensis*», въ которомъ помѣщенъ подробный и хорошо составленный очеркъ жизни основателя оксфордской библіотеки сэра Томаса Бодлэя. Но, кромѣ этого юбилейнаго изданія, въ октябрьскомъ номерѣ «*Fortnightly Review*» помѣщена краткая, но характеристичная и блестяще написанная статья историка Б. Фирта ¹⁾. Въ Оксфордскомъ университетѣ не было вовсе библіотеки, когда въ 1560 г. въ него вступилъ шестнадцатилѣтній студентъ, Томасъ Бодлэй. Онъ уже получилъ хорошее образованіе въ Женевѣ, куда перебрался его отецъ, дэвонширскій протестантъ, во время преслѣдованій Кровавой Маріи. Онъ пользовался лекціями греческаго и еврейскаго языковъ, преподаваемыхъ извѣстными Констанціемъ и Шевалеріемъ; кромѣ того, онъ слушалъ богословіе у Кальвина. Поэтому молодой Бодлэй, уже отличаясь основательными знаніями, былъ тѣмъ болѣе пораженъ несуществованіемъ въ Оксфордѣ книгохранилища. Сто лѣтъ предъ тѣмъ университетъ имѣлъ библіотеку, пожертвованную ему герцогомъ Глостерскимъ, но съ теченіемъ времени она была совершенно уничтожена фанатическими протестантами изъ ненависти ко всему папистскому. Бодлэй проведъ въ Оксфордѣ 16 лѣтъ и былъ тамъ профессоромъ греческаго языка. Въ 1576 г. онъ получилъ мѣсто при дворѣ Елисаветы и, отличаясь дипломатическими способностями, былъ назначенъ посланникомъ въ Гаагу, гдѣ съ успѣхомъ проведъ десять лѣтъ. Выйдя вслѣдъ за этимъ въ отставку, онъ, несмотря на то, что ему предлагали министерское мѣсто, посвятилъ себя частной жизни. При этомъ онъ отдавался исключительно устройству въ Оксфордѣ библіотеки. Очень образованный человѣкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣловой, онъ чрезвы-

¹⁾ The Bodleian tercentenary, by Firth. «*Fortnightly Review*». Octobro, 1902.

чайню энергично и умѣло принялся за дѣло. Онъ разослалъ по всему свѣту своихъ агентовъ для покупки книгъ и рукописей, которые совершили много чрезвычайно полезныхъ покупокъ въ Италиі, Испаніи, Германіи и Франціи. Самъ же Бодлэй рылся вездѣ, гдѣ только могъ въ Лондонѣ, и въ 1602 г. открылъ свою бібліотеку, состоящую изъ 2.000 книгъ. Странной чертой бодлэанской бібліотеки было обязательство, внесенное въ уставъ, чтобы бібліотекаръ не женился. Это условіе сохранялось до 1856 г.; такъ свято хранить Англія завѣтъ прошлаго. Еще другимъ, но уже вполне осмысленнымъ правиломъ было—ни подъ какимъ видомъ не выносить изъ бібліотеки книгъ. Это правило сохранялось строго, и даже, когда Карлъ I пожелалъ въ 1643 г. взять изъ бібліотеки Исторію д'Обинье, то бібліотекаръ этому воспротивился, и король долженъ былъ подчиниться, говоря: «Пусть исполнена будетъ воля основателя». Еще при Бодлэй его созданіе такъ разрослось, что въ бібліотеку пріѣзжали заниматься итальянцы, французы, нѣмцы и датчане. Важнѣйшимъ, быть можетъ, благодѣяніемъ, сдѣланнымъ Бодлэемъ для бібліотеки, была привилегія, которой онъ добился въ 1611 г., и по которой всѣ книги, печатанныя въ Лондонѣ, должны были поступать въ Оксфордъ, въ количествѣ пяти экземпляровъ каждая. По приблизительному счету въ настоящемъ юбилейномъ году въ Бодлэанской бібліотекѣ находится 600.000 томовъ и 30.000 рукописей.

— Маркиза Ментенонъ и г-жа Омаль. Французскіе академики, графъ Оссонвиль и Ганото, задумали напечатать воспоминанія г-жи Омаль, послѣдней секретарши г-ни Ментенонъ, у которой она находилась въ этомъ качествѣ 14 лѣтъ, съ 1705 по 1719 г. Каждый изъ нихъ пользовался рукописными документами: Оссонвиль—воспоминаніями г-жи Омаль о маркизѣ Ментенонѣ, а Ганото—мемуарами г-жи Омаль и г-жи Кейлю, находящимися въ Флорентійской бібліотекѣ. Теперь вышелъ первый томъ ¹⁾, въ которомъ находятся также письма г-жи Омаль и пространное предисловіе Оссонвиля. Г-жа Омаль происходила изъ очень древней аристократической семьи въ Пикардіи, но бѣдной, а потому съ семилѣтняго возраста воспитывалась въ Сень-Сирѣ, откуда по окончаніи курса, двадцати лѣтъ, сдѣлалась секретаршей г-жи Ментенонъ. Ведя обширную переписку, фаворитка имѣла, кромѣ главной секретарши, нѣсколько второстепенныхъ, которыхъ брала безъ разбора изъ Сень-Сира. Сначала у нея находилась въ качествѣ главной секретарши красивая воспитанница Сень-Сира, дѣвица Норманвиль, но вскорѣ Ментенонъ выдала ее замужъ. Ея мѣсто заняла дѣвица Османъ, которую постигла та же участь, такъ какъ вообще фаворитка питала страсть устроить браки воспитанницъ Сень-Сира и часто повторяла: «Чего не хватаетъ Сень-Сиру, такъ это зятей». Выдавая замужъ дѣвицу Османъ, она прочитала ей слѣдующее правоученіе: «Вамъ остаются теперь двѣ вещи—служить Богу и доставлять удовольствіе вашему мужу. Отвѣчайте на всѣ его любезности, которыя онъ потребуетъ отъ васъ; входите во всѣ его фантазіи, насколько это не оскорбляетъ Бога; если онъ ревнивъ—запритесь дома и ни съ кѣмъ не выдайтесь, если напротивъ онъ

¹⁾ Souvenirs sur madame de Maintenon, publiés par le comte d'Haussonville et G. Hanotaux. Paris. 1902.

желаетъ видѣть васъ въ обществѣ—посѣщайте его, но удалитесь, когда этого потребуетъ скромность. Любите находиться въ обществѣ мужа и никогда не скрывайтесь отъ него. Будьте всегда чисто одѣты безъ претензій и сдѣлайтесь хорошей хозяйкой». Сама Ментенонъ придерживалась вполне этого правила, начиная съ скромнаго туалета до хозяйственныхъ распоряженій. Она вмѣшивалась во внутреннее управленіе Сень-Сирамъ до мельчайшихъ подробностей и, по ея собственному выраженію, «погружалась даже въ котлы», давала совѣты, какъ варить бульонъ для больныхъ, прибавляя въ видѣ правоученія: «Учитесь немного быть кухарками, такъ какъ гораздо лучше заказывать кушанье, когда знаешь, о чемъ идетъ дѣло». Вообще брачный вопросъ ее очень озабочивалъ, и она высмѣивала монастырскую щепетильность, съ негодованіемъ возставая противъ нѣкоторыхъ воспитанницъ, стыдившихся упоминать о бракѣ. «Надо ихъ пріучить говорить о немъ серьезно и даже печально, такъ какъ, я думаю, въ этомъ положеніи—даже въ самомъ лучшемъ—болѣе всего скорби». Выдавъ замужъ своего секретаря, г-жа Ментенонъ долго колебалась выборомъ, пока наконецъ ей не отрекомендовали горячо г-жу Омаль, которая «ничего не желала лучшаго, какъ только нравиться г-жѣ Ментенонъ». Фаворитка приняла ее очень радушно, приказавъ своимъ горничнымъ заботиться о ней. Эта особа тѣмъ болѣе подходила ей, что была очень дурна собою, надъ чѣмъ даже сама шутила, говоря: «Какого бъ я ни была дурного о себѣ мнѣнія, но я не помѣняюсь моимъ умомъ съ другими. Относительно красоты я помѣнялась бы со всѣмъ свѣтомъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ она отличалась веселымъ характеромъ и замѣчала, что нельзя же всегда быть набожной. Ментенонъ отзывалась объ ея талантахъ слѣдующимъ образомъ: «Она очень способна, какъ на возвышенныя, такъ и на самыя обыденныя вещи. Я научила ее готовить кушанье, и она также оказала успѣхи въ варкѣ риса, какъ и въ игрѣ на фортепiano». Дѣйствительно г-жа Омаль была не только секретаремъ фаворитки, но занимала самыя разнообразныя должности. «Мое положеніе вышивальщицы, фермерши, актрисы, управляющаго школами и благотворительными дѣлами, а также секретаря отрываетъ меня отъ необходимыхъ обязанностей»,—писала она одной изъ воспитательницъ Сень-Сира, извиняясь за краткость письма. Кромѣ того, она служила иногда секретаршей самому королю, когда онъ не хотѣлъ, чтобы его личные секретари знали, о чемъ онъ пишетъ. Едва она вступила въ домъ Ментенонъ, какъ та послала ее, несмотря на ея молодой возрастъ, въ качествѣ руководительницы въ аббатство Гомерфонтевъ, чтобы ввести тамъ сень-сирскіе порядки. Дѣло въ томъ, что когда молоденькая настоятельница этого аббатства, г-жа Вьевилль, обратилась къ Ментенонъ съ просьбою руководить ею въ вопросѣ воспитанія дѣвицъ, то фаворитка послала къ ней г-жу Омаль, которая болѣе чѣмъ добросовѣстно исполнила возложенную на нее обязанность. Она занялась въ Гомерфонтевъ не только вопросомъ воспитанія, но даже хозяйственной частью, и ее видѣли то съ молоткомъ въ рукахъ, то съ другими инструментами, и Ментенонъ едва дождалась ея возвращенія. Затѣмъ фавориткѣ пришла фантазія устроить въ Фонтенбло птичій дворъ, которымъ управляла та же г-жа Омаль. Кромѣ того, ей же Ментенонъ поручила воспитаніе маленькой дѣвочки—Жаннеты Пенкрэ, дочери бѣдной, почти нищей бретонки. Эта дѣвочка

служила однимъ изъ средствъ привязать и удержать короля. Зная, какъ Людовикъ любилъ своихъ незаконорожденныхъ дѣтей, фаворитка сначала старалась, чтобы ее полюбила любимица короля, герцогиня Бургундская, и какъ можно чаще посѣщала ее. Потомъ она приучила маленькую Жаннету, или та сама инстинктивно стала подражать во всемъ герцогинѣ, и такъ привязала къ себѣ Людовика, что, по словамъ Сень-Симона, возбудила даже чувство ревности у герцогини и фаворитки. Последняя, по его словамъ, желая отъ нея отдѣлаться, задумала выдать ее замужъ, но король отказывалъ всѣмъ женихамъ. Въ концѣ концовъ Ментенонъ нашла молодого офицера, по имени Оксъ, на бракъ съ которымъ Людовикъ XIV далъ свое согласіе, но съ условіемъ, чтобы Жаннета осталась у нихъ въ домѣ. Такимъ образомъ эта дѣвушка, по словамъ Сень-Симона, «была единственнымъ источникомъ легкомысленныхъ удовольствій короля до самой смерти». Графъ Оссонвилъ оспариваетъ клевету Сень-Симона и говоритъ, что дѣйствительно четырнадцатилѣтняя Жаннета осталась и послѣ брака у Ментенонъ, но спала попрежнему въ комнатѣ съ г-жею Омаль, жаловавшейся на то, что молодая дѣвушка сильно храпѣла и мѣшала ей спать. Изъ писемъ же Ментенонъ видно, что она продолжала любить попрежнему Жаннету, и ничто не измѣнилось въ ихъ отношеніяхъ, такъ что, когда ея мужъ предъявилъ свои права, то Ментенонъ не менѣе короля протвилась этому, не желая лишиться молодой дѣвушки. Желая удержать Людовика XIV, Ментенонъ придумывала для него различныя развлеченія невиннаго характера въ иномъ направленіи, чѣмъ тѣ, которыми Помпадуръ удерживала своего любовника. Людовикъ XIV страстно любилъ музыку и обладалъ музыкальнымъ слухомъ; въ 60 лѣтъ онъ пѣлъ въ хорѣ, чтобы сдѣлать удовольствіе герцогинѣ Бургундской. Воспользовавшись красивымъ голосомъ и музыкальнымъ слухомъ г-жи Омаль, фаворитка наняла ей учителя музыки, чтобы научить ее акомпанировать самой себѣ. Вскорѣ она сдѣлала такіе успѣхи, что могла распѣвать передъ королемъ, но не оперы, а куплеты въ родѣ: *Vive Bacchus, Vive Grégoire! A tous les deux honneur sans fin! Vive Grégoire! pour nous verse à boire!* Эти куплеты странно звучали въ комнатѣ Ментенонъ, которой они не очень нравились, зато король былъ вполне доволенъ. Такимъ образомъ г-жа Омаль чѣла для него по два часа сряду. Черезъ нѣсколько времени для развлеченія короля къ ней присоединились еще двѣ молодыя женщины — племянница Ментенонъ, г-жа Кейлю, ударившаяся въ набожность, и Жаннета Оксъ. Но это развлеченіе показалось ей опаснымъ, и нѣсколько позже г-жа Омаль писала матери, что теперь онѣ распѣвають уже не куплеты, а псалмы. Эти домашніе концерты были вызваны слѣдующими обстоятельствами: фаворитка попробовала занять короля спектаклями въ Сень-Сирѣ, но рукоплесканіе принцевъ и придворныхъ вскружили молодыя головки воспитанницъ, и фаворитка рѣшила, что съ этой минуты туда не допустить «никакого мужчины — ни бѣднаго, ни богатаго, ни молодого, ни стараго, ни патера, ни даже святого, если бы такой отыскался на землѣ». Однако ей пришлось уступить и разрѣшить, чтобы нѣкоторыя воспитанницы собирались въ ея комнатѣ и играли предъ королемъ, принцами королевской крови и предъ избранными царедворцами. При этомъ старыя придворныя дамы, отличившіяся набожностью, стерегли ихъ во время антрактовъ. Но скорѣе г-жа

Ментенонъ, обладавшая чутвемъ и званіемъ, гдѣ надо остановиться, положила конецъ и этимъ представленіямъ, ради сохраненія нравственности воспитанницъ. Главной же причиной было желаніе отвлечь Людовика XIV отъ страсти къ театральнымъ представленіямъ, и на сцену явилась г-жа Омаль съ своими концертами. Г-жа Омаль не подвергалась участи своихъ предшественницъ и наотрѣзъ отказалась выйти замужъ. Она повсюду слѣдовала за г-жей Ментенонъ, исключая охоты, такъ какъ была труслива, и фаворитка называла ее «зайцемъ». Ея привязанность къ Ментенонъ доходила до обожанія. Что же привлекало ее къ ней? Въ своемъ предисловіи Оссонвилль говоритъ: «Обыкновенно г-жа Ментенонъ представляется нашему воображенію нѣсколько угрюмой, холодной, скучной въ своемъ черномъ чепцѣ, какъ она представлена на нѣкоторыхъ портретахъ. Но было время, когда ее называли «молодой индианкой» въ память тѣхъ лѣтъ, которые она провела на Мартиникѣ. Ею увлекался Вилларсо, доходя до животной страсти, а ухаживанія Барильона даже компрометировали ее, къ ней питалъ пылкую дружбу маршалъ Альбре, написавшій ей предъ смертью трогательное письмо. Кромѣ того, было много и другихъ увлеченій». Г-жа Скюдери говорила о ней: «Ея блестящіе черные глаза нѣжны, страстны и полны ума, и въ нихъ сверканіи было, не знаю, что-то такое, чего не умѣешь объяснить; то въ нихъ проглядывала нѣжная меланхолія—со всеѣмъ тѣмъ очарованіемъ, которое сопровождало ее почти всегда; или въ свою очередь проявлялась веселость—со всею прелестью, какую можетъ вдохновить радость». Лицо г-жи Ментенонъ было чудной овальной формы, прекраснаго оттѣнка, съ живыми, черными большими глазами, орлинымъ носомъ, большимъ ртомъ, блестящими зубами, алыми губами—красивой формы—и съ очаровательной улыбкой. Ея руки и кисти рукъ были красивой формы, а осанка—прекрасна, выраженіе ея лица было тонкое, а разговоръ деликатный, иногда шуточный. Она обладала великой душой, мѣткимъ умомъ, прямымъ, нѣжнымъ, откровеннымъ сердцемъ и была великодушнымъ добрымъ другомъ, всегда скромнымъ. Она тщательно скрывала красивую грудь. «Она съ такимъ стараніемъ ее прятала, — рассказывала г-жа Омаль, — что ея подруги долго думали, нѣтъ ли у нея какого нибудь недостатка, до того дня, когда однажды ей было очень жарко, и она раскрылась. Тогда только все увидѣли удивительно прекрасно сложенную грудь». Конечно, въ пятьдесятъ лѣтъ многія изъ этихъ прелестей отцвѣли, но надо полагать, что осталось «нѣчто», обладающее властью, способной не только очаровать короля, невзирая на ея возрастъ, но главное его удержать до послѣдняго дня жизни. Одна англичанка, графиня Экстеръ, видѣла ее уже пожилой и говорила, что фаворитка сохранила красивые глаза, тонкія черты лица и «нѣчто такое, которое не могутъ отнять годы, и оно предпочтительнѣе красоты». «Дѣйствительно,—говоритъ Оссонвилль,—«это «нѣчто» она сохранила до послѣднихъ дней своей жизни». Она сама писала съ веселостью въ восемьдесятъ лѣтъ: «Давно уже мнѣ не говорили о моихъ глазахъ». Очевидно ей объ этомъ говорили. Въ своихъ воспоминаніяхъ г-жа Омаль говоритъ, что Ментенонъ происходила изъ семьи Обинье и была внучкою губернатора Мелеза и вице-адмирала Гвены, извѣстнаго историка при Генрихѣ IV, о которомъ

она любила вспоминать. Ея отецъ Констанъ Обинье былъ заподозрѣнъ въ убійствѣ первой жены и ея предполагаемаго любовника. Родители молодой женщины преслѣдовали его, и онъ долженъ былъ удалиться и поселиться на Мартиникѣ. Устроивъ свои дѣла, онъ отправился во Францію, но тамъ его опять арестовали за политическія сношенія съ англичанами и посадили въ тюрьму въ Бордо. Дочь губернатора одной изъ провинцій, Кардильяка, влюбилась въ него и забеременѣла, послѣ чего они обвинялись и продолжали жить въ Бордо. Молодая женщина вездѣ сопровождала его, чтобы утѣшать и поддерживать. Впослѣдствіи онъ опять попался за поддѣлку монетъ, но жена вымолила, чтобы его перевели изъ Бордо въ Ниаръ, гдѣ вскорѣ она родила въ консьержери Франсуазу, т. е. будущую г-жу Ментенонъ, которую окрестили по католическому обряду. Послѣ рожденія дочери они добились освобожденія и отправились на Мартинику. Ихъ мать занялась развитіемъ ума дѣтей и съ юныхъ лѣтъ заставляла ихъ писать письма во Францію на разнообразныя темы. Читать она учила ихъ по Плутарху. Въ свое второе путешествіе отецъ Франсуазы умеръ, и г-жа Обинье, возвратясь съ дѣтьми во Францію, узнала, что все ихъ имущество продано, и они остались безъ всякихъ средствъ. Франсуазѣ въ то время исполнилось девять лѣтъ. Родные отнесли къ г-жѣ Обинье холодно, и она могла жить, только благодаря пенсіи, выдаваемой дворомъ. Г-жа Виллеттъ, сестра отца г-жи Ментенонъ, взяла къ себѣ Франсуазу и обращалась съ нею одинаково вѣжно, какъ съ своими дѣтьми. Она оставалась у нея долго и воспитывалась въ протестантской религіи, такъ какъ мужъ тетки и она сама были гугенотами. Родственница отца, г-жа Нельанъ, обратилась къ королевѣ-матери, прося дать приказъ, чтобы Франсуазу отдали въ ея руки и помѣстили въ монастырь урсулинокъ въ Ниюръ. Но затѣмъ эта дама, будучи очень скупою, стала тяготиться молодой дѣвушкой и отвезла ее въ Парижъ къ урсулинкамъ, гдѣ Франсуаза послѣ долгаго колебанія перешла въ католичество. Этимъ обстоятельствомъ впослѣдствіи пользовались враги, какъ орудіемъ противъ нея. Ей стоило немалыхъ усилій перемѣнить убѣжденія, и когда мать повела ее однажды въ католическую церковь, то она встала спиною къ алтарю. За это Франсуаза получила пощечину, которую твердо перенесла, чувствуя себя счастливою, что это оскорбленіе нанесено ей за религію. Мало-по-малу, посредствомъ различныхъ дипломатическихъ пріемовъ католическихъ воспитательницъ, Франсуаза рѣшилась перемѣнить убѣжденія, но, повидимому, она была еще не достаточной католичкой, когда шла первый разъ къ причастію, потому что по дорогѣ дала пинка ногою брату, упрекая его за то, что онъ не старше ея, и не онъ иричащается. По прибытіи въ Парижъ г-жа Обинье поселилась рядомъ съ Скаронемъ, къ которому ихъ водила г-жа Нейланъ. Когда умерла мать г-жи Ментенонъ, то скупая г-жа Нейланъ боялась, чтобы Франсуаза не осталась на ея рукахъ, и устроила бракъ Скарона съ молодой дѣвушкой, когда ей было 14 или 15 лѣтъ. Проживъ два года съ мужемъ, Франсуаза овдовѣла. Она была такая робкая и молчаливая, что плакала, когда ее однажды помѣстили напротивъ окна, гдѣ всѣ могли ее видѣть. Въ домѣ мужа она познакомилась съ женою маршала Альбре и герцогиней Ришелье. Однажды она хотѣла побороть свою застѣнчивость и заставить себя загово-

рить; съ этой цѣлью она заучила какую-то новость и все время ее повторяла, но дорогой половину перезабыла. Когда она пріѣхала въ общество, то рассказала прескверно то, что запомнила, и слышала, какъ хозяйка дома сказала: «Какая глупенькая женщина!». Этотъ разказъ, по словамъ г-жи Омаль, она приводила всегда, чтобы придать смѣлости робкимъ дѣвицамъ. Оставшись безъ средствъ послѣ смерти мужа, Франсуаза получила пенсію въ 2.000 ливровъ отъ австрійской императрицы, тронутой ея добродѣтелью и несчастіемъ. Однако г-жа Омаль увѣряетъ, что пенсія шла не отъ императрицы, а отъ маршала Виллардо. Получивъ ее, она удалилась въ одинъ изъ монастырей, гдѣ, по ея словамъ, протекало ея самое счастливое время. Маршалъ Альбре сблизилъ ее съ своею женою, и послѣдняя такъ полюбила добродѣтельную вдову, что пригласила ее жить вмѣстѣ съ ними. Однако Франсуаза отказалась, но часто ходила къ нимъ обѣдать. Въ то же время одна изъ принцессъ Немурскихъ сдѣлалась португальской королевой, и друзья Франсуазы совѣтовали ей взять съ собою вдову Скаронъ, но послѣдняя не согласилась разстаться съ Франціей. Въ домѣ Альбре Франсуаза познакомилась съ Монтеспанъ, которая была родственницей жены маршала. Несмотря на молодость вдовы Скаронъ, къ ней относились все съ большимъ довѣріемъ и повѣряли свои тайны. Одѣвалась Франсуаза всегда очень просто и любила лишь чистоту, а также красивое бѣлье. Ея карьера началась съ того, что когда зашелъ вопросъ о воспитаніи незаконныхъ королевскихъ дѣтей, рожденныхъ отъ Монтеспанъ, то выборъ остановился на ней, какъ на женщинѣ, способной дать хорошее воспитаніе и умѣвшей хранить тайну. Сначала Франсуаза отказалась, ссылаясь на то, что ей не подходитъ положеніе воспитательницы дѣтей г-жи Монтеспанъ, и что если бы это были дѣти короля, то она согласилась бы. Тогда король самъ предложилъ ей это положеніе, и она рѣшилась принять его. Съ того времени ея жизнь сложилась иная; вмѣстѣ съ тѣмъ ей пришлось принести многія жертвы: отказался отъ общества, не объясняя причины, и вѣчно скрывать крикъ дѣтей, чтобы не подозрѣвали объ ихъ существованіи. Это было очень трудно въ маленькомъ домѣ, занимаемомъ Франсуазой, и, чтобы нѣсколько замаскировать истину, она взяла къ себѣ дочь пріятельницы. Когда Монтеспанъ должна была родить, то прислали за Франсуазой, и она, взявъ ребенка, закутала его въ платокъ и увезла къ себѣ, предварительно скрывъ лицо маской. Ночи ей не приходилось спать, ради ребенка. Король видѣлъ ее часто у Монтеспанъ и первое время скорѣе сторонился ея, чѣмъ чувствовалъ къ ней симпатію, считая ее слишкомъ остроумной. Въ разговорѣ съ Монтеспанъ онъ называлъ Франсуазу «вашей belle esprit», но со временемъ онъ къ ней привыкъ и понялъ, что ему доставляетъ удовольствіе съ нею говорить, а ея деликатное расположеніе къ Монтеспанъ заставило его ревновать любовницу къ ней, и онъ даже просилъ послѣднюю не разговаривать съ Франсуазой послѣ его ухода. Когда король удался, то она обратилась къ Монтеспанъ по обыкновенію съ разговоромъ, но фаворитка ничего не отвѣтила. Тогда Франсуаза объяснила ей, что все слышала, и онѣ попрежнему стали разговаривать. Она такъ нѣжно обращалась съ ребенкомъ, что старый докторъ, къ которому ей пришлось обратиться за совѣтомъ относительно ребенка, былъ

увѣренъ, что она мать. Ей очень тяжело было хранить тайну, и она сколько разъ говорила, что если бы не слово, данное королю, который ей вѣрился, она ни за что не взяла бы на себя эту тягостную обязанность. Однако, между вдовою Скаронъ и Монтеспанъ начали происходить недоразумѣнія, и Франсуаза писала: «У насъ съ г-жею Монтеспанъ произошелъ горячій споръ, и такъ какъ я была страдающимъ лицомъ, то много плакала; она разсказала королю обо всемъ по-своему. Я не смѣю лично съ нимъ говорить, потому что она никогда мнѣ того не проститъ». Однако мало-по-малу Скаронъ стала обливаться съ королемъ, и Монтеспанъ, чтобы удалить соперницу, задумала ее выдать замужъ за стараго герцога Виллара, но она на это не согласилась. Король нашель большую разницу въ характерахъ этихъ двухъ женщинъ. Въ Франсуазѣ онъ видѣлъ всегда скромную, сдержанную, разсудительную особу, при этомъ обладающую пріятнымъ умомъ и умѣющую вести разговоръ. Онъ подарилъ ей богатое помѣстье Ментенонъ, и она стала называться съ тѣхъ поръ маркизой Ментенонъ. Переставъ ея бояться, онъ привыкъ видѣть ее, и кончилось тѣмъ, что не могъ безъ нея обойтись. Это замѣтила Монтеспанъ, и ея расположеніе духа сдѣлалось желчнымъ, такъ что Франсуазѣ было на что жаловаться и становилось тяжело жить вмѣстѣ. Однажды король засталъ ихъ обоихъ очень разгоряченными во время подобнаго желчнаго припадка у г-жи Монтеспанъ и спросилъ, въ чемъ дѣло. Тогда Франсуаза хладнокровно сказала: «если ваше величество возьмете на себя трудъ пройти въ другую комнату, то я скажу вамъ все». Король вышелъ, а за нимъ Франсуаза. Здѣсь она все открыла королю, но такъ какъ король любилъ еще Монтеспанъ, то хотѣлъ смягчить ея поступки. Женитьба сына короля положила конецъ тираніи Монтеспанъ, Ментенонъ была сдѣлана придворной дамой дофины и болѣе не имѣла дѣла съ фавориткой, хотя онѣ продолжали ненавидѣть другъ друга. Г-жа Ментенонъ умѣла заставить себя уважать при дворѣ. Однажды замаскированный дефинъ встрѣтилъ ее въ дверяхъ, гдѣ она обыкновенно проходила, и позволилъ себя относительно ея вольность. На это умная женщина громко сказала: «Ахъ, это принцъ, такъ какъ только онъ одинъ во Франціи такой дерзкій!» Король однажды забавлялся, опрокидывая поочередно дамъ вмѣстѣ съ кресломъ на полъ; когда онъ дошелъ до Скаронъ, то сказалъ: «А эту я не осмѣлюсь опрокинуть». Одинъ придворный былъ того же мнѣнія и говорилъ какъ-то въ обществѣ: «Я скорѣе рѣшусь уцѣпить королеву, чѣмъ ее». Она сумѣла добиться расположенія даже королевы, и послѣдняя говорила: «Никогда со мною не обращался такъ хорошо король, и этимъ я обязана г-жѣ Ментенонъ». Она ее очень любила и приписывала ея совѣтамъ перемѣну въ обращеніи короля. Ея довѣріе къ Франсуазѣ доходило до того, что она просила фаворитку поселиться въ комнатѣ между мужемъ и ею. Когда король захворалъ, то пожелалъ, чтобы королева присутствовала во время всенощной, и будущая жена Людовика подбодряла и уговаривала ее, замѣтивъ, какъ ее трясла лихорадка отъ предстоящаго свиданія съ мужемъ. Когда Ментенонъ вошла въ полный фаворъ, то такое имѣла вліяніе на короля, что онъ сдѣлался набожнымъ и понемногу отдалился отъ женщинъ. Когда умерла королева въ 1683 году, то Франсуаза поспѣшила къ ней, чтобы принять послѣдній ея вздохъ, но Рошфуко взялъ ее за руку

и силой отвелъ къ королю, сказавъ: «Теперь не время покидать короля, вы ему нужны». Послѣ смерти жены король отправился на пять дней въ Сень-Клу, а затѣмъ въ Фонтенбло. Дофина послѣдовала за нимъ, а съ нею г-жа Ментенонъ. Съ того время ея вліяніе все усиливалось, и сдѣлавшись набожнымъ, король втайнѣ съ нею повѣнчался; это обстоятельство Ментенонъ, какъ говорить ея секретарша, «изъ скромности скрывала». Однажды г-жа Омаль сказала адмиралу Вильруа въ присутствіи духовника Ментенонъ, что король женился на ней чрезъ два года послѣ смерти королевы, на это патеръ замѣтилъ: «Вы ошибаетесь—не въ это время». Однажды король былъ боленъ и чувствовалъ жаръ, вслѣдствіе чего лежалъ, раскрывъ одѣяло въ присутствіи Ментенонъ. Въ это время вошелъ сынъ, и король сказалъ ему: «Вы хорошо понимаете, кто она для меня». Какъ-то всплывъ на племянницу Ментенонъ, г-жу Кейлю, король въ норывѣ гнѣва замѣтилъ сквозь зубы: «Вы, которая могла бы представлять здѣсь видную фигуру, будучи племянницей королевы». Каждый разъ, какъ г-жа Омаль старалась навести разговоръ на этотъ вопросъ, Ментенонъ говорила: «этого не было», или: «не будемъ объ этомъ говорить». Она одѣвалась и раздѣвалась въ присутствіи короля,—говорить Омаль,—но правда, что она исполняла это со свойственной ей скромностью. Я указываю на подобное поведеніе, такъ какъ это можетъ дѣлать лишь жена». Послѣ смерти короля г-жа Омаль просила архіепископа Руанскаго объявить о бракѣ Людовика съ Ментенонъ, но послѣдній заявилъ, что она не желаетъ оглашать этотъ фактъ. Когда г-жа Омаль говорила ей, что знаетъ объ ихъ бракѣ, то Ментенонъ никогда не отрицала его, а только спрашивала: «Кто вамъ сказалъ?». Во все время, какъ г-жа Омаль находилась при Ментенонъ, она была убѣждена, что король и Ментенонъ были мужъ и жена. Людовикъ XIV относился къ ней съ уваженіемъ и почтеніемъ, но, несмотря на это, у нея было немало горя, которое она тщательно скрывала отъ короля. Людовикъ отзывался о ней слѣдующимъ образомъ: «Эта святая, она обладаетъ всеми превосходными качествами вмѣстѣ съ умомъ, у меня же ничего нѣтъ». Она никогда не выказывала королю горя, желая только его увеселять, и очень часто ей приходилось много плакать, прежде чѣмъ она войдетъ въ его комнату. Иногда г-жа Омаль видѣла ее утомленной, печальной, больной и охваченной безпокойствомъ, но, несмотря на все, она подъ рядъ 4 часа занимала короля одна. Когда онъ уходилъ отъ нея въ 10 часовъ вечера, то она была въ состояніи сказать только г-жѣ Омаль: «У меня осталось время только вамъ сказать, что у меня нѣтъ болѣе силы». Она никогда не настаивала предъ королемъ, когда онъ отказывалъ ей въ какойнибудь милости ея роднымъ или друзьямъ. Во время путешествій король предоставлялъ ей лучшее помѣщеніе послѣ себя, говорилъ ей всегда «madame», обращался съ нею, какъ съ королевой, и приказывалъ воздавать ей королевскія почести, но она ими не пользовалась. «Никогда,—говоритъ г-жа Омаль,—никто не былъ такъ мало заинтересованъ въ матеріальномъ отношеніи, какъ она. «Но у васъ ничего не будетъ,—говорилъ ей король,—если я умру; что бы мнѣ для васъ сдѣлать?». Однако всѣ его просьбы были тщетны: Ментенонъ ничего не захотѣла принять, прося короля не безпокоиться о ней. Когда г-жа Омаль, послѣ смерти короля, просила ее написать

свою автобіографію, то Ментенонъ отказалась, объясняя при этомъ: «Моя жизнь есть Божье произведеніе; если я дѣлала что нибудь доброе, то Онъ мною руководилъ. Моя жизнь была очень скучна и могла доставить удовольствіе только тѣмъ, кто любитъ Бога, такъ какъ наполнена лишь богоугодными дѣлами. Какое удовольствіе читать, что во время моего фавора я не думала о себѣ, а только о другихъ, что я давала совѣты противъ моего друга, потому что это была хвала Богу, просила помиловать непріятеля, такъ какъ это было лучше. Все это не очень весело для тѣхъ, кто любитъ веселое чтеніе. Жизнь моя была чудомъ, когда я подумаю, что родилась нетерпѣливой, а король этого никогда не замѣчалъ; я родилась откровенной, и мнѣ приходилось въ первые годы фавора быть скрытной. Иногда усталая я была готова покинуть дворъ; только Богъ знаетъ, какъ часто я страдала въ это время, но король входилъ въ мою комнату, и эти чувства не появлялись. Я была въ хорошемъ настроеніи и думала лишь, какъ бы его развеселить и отвлечь отъ женщинъ, а этого не могла бы добиться, если бы не была любезной и всегда ровной, и онъ искалъ бы удовольствіе въ другомъ мѣстѣ, если бы не нашелъ его со мною. Я думала, что Богъ поставилъ меня въ это положеніе не для того, чтобы я заставляла его страдать, а чтобы его благословляла. Вотъ почему я никогда не казалась разсерженной, когда онъ мнѣ въ чемъ либо отказывалъ; если бы я немного разсердилась, то онъ все сдѣлалъ бы для меня. Вы видите, что это не очень пріятно читать, и еще разъ повторяю: я не хочу всего сказать». Относительно ея заботъ о Сенъ-Сирѣ г-жа Омаль говоритъ, что сначала она не хотѣла принять званіе воспитательницы, но затѣмъ согласилась. Ежедневно послѣ завтрака и прогулки король, принцъ и придворныя дамы всѣ расходились: король отправлялся на охоту, а г-жа Ментенонъ въ Сенъ-Сиръ. Когда Людовикъ XIV умиралъ, то г-жа Омаль находилась все время въ сосѣдней комнатѣ, назначенной самимъ королемъ для г-жи Ментенонъ. Послѣ его смерти она удалилась вмѣстѣ съ г-жею Ментенонъ въ Сенъ-Сиръ. Въ послѣднее время предъ смертью Ментенонъ старалась жить, какъ можно религіознѣе: она отказалась употреблять для рукъ пасты, а для волосъ душистыя эссенціи. «У меня нѣтъ болѣе того,—говорила она,—для котораго онѣ мнѣ служили». Затѣмъ она отказалась отъ шоколада, который очень любила, чтобы не ввести этого тонкаго напитка въ Сенъ-Сиръ. До самаго дня смерти она сохранила веселость и любезный характеръ, а старость была у нея совсѣмъ не замѣтна, исключая проявленія нѣкоторой недовѣрчивости, опасенія надоедать молодости и впасть въ дѣтство. Она со смѣхомъ говорила г-жѣ Омаль: «Предупредите меня, пожалуйста, когда моя голова поколеблется, и я буду заговариваться». Смерть она встрѣтила, не теряя присутствія духа, и сказала г-жѣ Глапюнь: «Болѣе ничего не остается дѣлать, какъ просить Бога, чтобы онъ пощадилъ мое нетерпѣніе отъ большихъ страданій». Дѣйствительно ея желаніе исполнилось: она угасла тихо. Смерть не положила на черты своего особаго отпечатка, и Ментенонъ казалась спокойно спящей, ея лицо было прекраснѣе и почтеннѣе, чѣмъ прежде. Весь Сенъ-Сиръ горько оплакивалъ ее. Послѣ ея смерти трудно было прослѣдить за судьбою ея секретарши, но все-таки кое-что извѣстно. Похоронивъ Ментенонъ, она отправилась къ своей матери въ Вержи, не имѣя возмож-

ности оставаться въ Сень-Сирѣ, не будучи ни классной дамой, ни монахиней. Затѣмъ ее назначили придворной дамой при инфантѣ, невѣстѣ Людовика XV, прѣхавшей изъ Испаніи. Нѣсколько лѣтъ спустя, она опять поселилась въ Вержи, но отъ времени до времени появлялась въ Версалѣ. Ея жизнь протекала спокойно и набожно, и только напечатанныя Ла-Бомеллемъ воспоминанія о Ментенонѣ внезапно ее встревожили, а въ 1756 г. ея не стало: она умерла въ Суассонѣ на 73 году, окруженная заботами брата и племянника, наслѣдовавшихъ ея небольшое состояніе. За нѣсколько лѣтъ предъ смертью она выстроила домъ, въ немъ она хотѣла поселить племянниковъ и племянницъ. По поводу этой постройки она писала своей пріятельницѣ маркизѣ, Аврикуръ: «Я выгравирую на моей новой постройкѣ слѣдующую надпись. Во имя Отца и Сына и Св. Духа подъ покровительствомъ Св. Дѣвы выстроены этотъ домъ Маріей-Жанной Омаль, воспитанной съ семилѣтняго возраста до 20-ти лѣтъ въ королевскомъ домѣ св. Людовика въ Сень-Сирѣ. По выходѣ изъ него она находилась у г-жи Ментенонъ, которая осыпала ее почестями и добротой такъ же, какъ король Людовикъ XIV, давшій ей средства построить этотъ домъ для ея семьи. Она проситъ Бога, чтобы онъ сохранилъ семью въ согласіи во время папства Иннокентія XIII и царствованія Людовика XV. Вотъ приблизительно мое благочестіе. Хорошенько замѣтьте, что св. Дѣва, король, Ментенонъ и Сень-Сиръ вся моя страсть»..

— Нѣмецкія Аенны XVIII вѣка. Слава Веймара основана главнымъ образомъ на герцогинѣ Аннѣ-Амалии, такъ какъ она собрала вокругъ себя знаменитый кружокъ литераторовъ, преимущественно Гёте, Шиллера, Виланда, Гердера, Анжелику Кауфманъ и г-жу Сталь. Поэтому она заслуживаетъ подробной и обстоятельной біографіи, но странно сказать, что взявшаяся за эту задачу и исполнившая ее съ большимъ усиліемъ миссъ Герардъ впала съ самаго начала въ странную ошибку. Она назвала свою книгу ¹⁾: «Одна великая герцогиня и ея дворъ», и въ продолженіе всего сочиненія она говоритъ о великой герцогинѣ Аннѣ-Амалии Саксенъ-Веймаръ-Эйзенахъ, тогда какъ въ сущности она не была никогда великой герцогиней, и Веймаръ былъ сдѣланъ великимъ герцогствомъ, только нѣсколько лѣтъ спустя послѣ ея смерти. Помирившись съ этой технической ошибкой и возвративъ принадлежавшій ея героинѣ настоящій титулъ герцогини,—нельзя не сознаться, что два тома этой книги составляютъ очень занимательное и не лишнее интереса чтеніе. Вообще жизнь Анны-Амалии довольно извѣстна. Племянница Фридриха Великаго, на котораго она очень походила, она вышла замужъ шестнадцати лѣтъ послѣ несчастнаго дѣтства. Ея брачная жизнь была немногимъ счастливѣе, и чрезъ нѣсколько лѣтъ герцогъ Веймарскій умеръ, оставивъ свою жену регентшей въ продолженіе 16 лѣтъ. Она не только съ замѣчательномъ умѣніемъ управляла герцогствомъ среди опасныхъ политическихъ обстоятельствъ, но отличалась особымъ умѣніемъ окружать себя талантливыми и способными людьми. Она сама была чрезвычайно образованной женщиной: знала латинскій, греческій, италіанскій и англійскій языки, была хорошей музыкантшей и порядочно рисовала. По главной ея способностію было собирать вокругъ себя замѣчательныхъ людей.

¹⁾ A grand duchess and her court, by Frances Gerard, 2 vol. London. 1902.

Первымъ прибылъ въ Веймаръ Виландъ, а затѣмъ Кнебель; въ 1775 г. явился Гёте, а за нимъ черезъ годъ Гердеръ, послѣ своихъ походовъ въ Италию съ Анжеликой Кауфманъ. Конечно, Гёте игралъ главную роль въ общественной и литературной жизни нѣмецкихъ Аѳинъ. Онъ былъ глубоко привязанъ къ Аннѣ-Амалии, которая очень любила его мать, а онъ съ своей стороны былъ связанъ тѣсной дружбой съ юнымъ герцогомъ, говорившимъ, что обязанъ Гёте двумя третями своего существованія. Хотя жизнь въ Веймарѣ была, повидимому, скучной и однообразной, но выдающіяся личности, составлявшія всю суть веймарскаго общества, старались изо всѣхъ силъ изобрѣсти средства къ веселому препровожденію времени. Кромѣ театра, служившаго главнымъ развлеченіемъ, веймарцы еще изобрѣтали разныя шутки. Такъ, наприимѣръ, Гёте и герцогъ Карлъ-Августъ цѣлыми часами стояли на рыночной площади и взапуски щелкали бичами. Другую забаву придумалъ Гёте вмѣстѣ съ герцогиней: она состояла въ томъ, что во время отсутствія изъ дома горничной дверь ея комнаты сняли съ петель и отверстіе заклеили бумагой. Вернувшись, бѣдная женщина не могла въ темнотѣ, оцунью, найти своихъ дверей и, боясь надѣлать шуму, должна была продежурить всю ночь. Подобнаго характера были шутки, отличавшія нѣмецкія Аѳины, но, конечно, веймарцы не ограничивались однѣми забавами, а большую часть времени проводили въ любви и ухаживаньи.

— Легендарные и литературные предшественники Фауста. Было время, когда «Фаустъ» Гёте возбуждалъ вниманіе всего міра, и даже нѣмецкіе философы, какъ Шеллингъ, Фихте и въ особенности Гегель, занимались выясненіемъ его философской идеи. Но это время далеко; въ нашъ вѣкъ пессимизма, когда, къ сожалѣнію, глубина мысли интересуется ограниченное количество публики, исхія изысканія и документы занимаютъ первое мѣсто, — эта поэма возбуждаетъ иной интересъ — историческій. Весь вопросъ сводится къ тому, по какимъ документамъ писалъ Гёте своего «Фауста», и какимъ передѣлкамъ они подверглись въ его рукахъ. До сихъ поръ изданіе «Фауста» состояло лишь изъ «Отрывка», напечатаннаго въ 1790 г.; первой части трагедіи — въ 1808 г., затѣмъ полнаго и посмертнаго изданія въ 1833 г. Послѣ того въ 1890 г. Эрнхъ Шмидтъ выпустилъ въ свѣтъ первоначальный Фауста. Послѣднимъ же трудомъ была книга Отто Пніовера, вышедшая въ 1899 г. Она составлена на основаніи документовъ, относящихся до созданія Фауста, какіе только было возможно найти, какъ, наприимѣръ, рукописи Гёте, его переписка, мемуары, а также корреспонденція его современниковъ и журнальныя статьи. На-дняхъ въ «Revue de deux mondes» А. Боссэ помѣстилъ статью ¹⁾ о книгѣ Пніовера. Былъ ли Фаустъ фантазіей поэта или дѣйствительно существовалъ такой человѣкъ? Въ XVI вѣкѣ никто въ этомъ не сомнѣвался, и гнѣздомъ легенды о Фаустѣ былъ Виттембергъ, главный пунктъ лютеранизма. Въ Саксоніи Фаустъ совершилъ нѣкоторыя изъ самыхъ чудодѣйственныхъ явленій и тамъ же отдалъ «князю тьмы» свою душу. Въ концѣ XVII вѣка одинъ виттембергскій богословъ, Іоганнъ Нейманъ, отрекался отъ такого согражданина и

¹⁾ Le «Faust» de Goethe, ses origines, ses formes successives; par A. Bossert. «Revue des deux mondes» du 11 octobre 1902

въ своемъ «Disquisitio historica de Fausto praestigiatore» говоритъ, что въ городскомъ спискѣ не находилось личности, называвшейся именемъ Фауста, и нѣкоторыя упомянутыя въ легендѣ мѣстности находятся скорѣе въ Виртембергѣ. Что же касается до Фауста, въ существованіи котораго многие сомнѣвались, то, по его мнѣнію, онъ былъ, согласно многимъ признакамъ, темной личностью. Вообще герой этой легенды былъ аналогиченъ съ нѣкимъ типографщикомъ Фустомъ изъ Майнца, котораго его враги обвиняли въ волшебствѣ. «Впрочемъ, прибавлялъ Нейманъ, если Фаустъ былъ такой страшный колдунъ и практиковалъ въ Виттембергѣ, то почему о немъ ничего не упоминаютъ ни Лютеръ, ни Меланхтонъ въ своихъ произведеніяхъ?» Очевидно, что Неймана стѣсняетъ такой землякъ, и онъ соглашается на существованіе Фауста только не въ своемъ городѣ, а въ Виртембергѣ. Его ссылка на Лютера и Меланхтона не совсемъ основательна, такъ какъ одинъ изъ учениковъ послѣдняго, Іоганнъ Меннель, или Манліусъ, уроженецъ Анспаха, въ Баваріи, въ своемъ сочиненіи, напечатанномъ въ 1562 году, говоритъ, что его учитель зналъ человѣка, по имени Фауста. Послѣдній будто бы, изучивъ магію въ Краковѣ, странствовалъ изъ города въ городъ, удивляя и обманывая народъ. Въ Саксоніи онъ похвастался, что одинъ съ помощью колдовства выигралъ все побѣды императорской арміи въ Италіи. Курфюрстъ Іоганнъ изгналъ его изъ своего государства, и онъ удалился въ Нюрембергъ. Въ Венеціи онъ хотѣлъ удивить народъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ и объявилъ, что подыметъ на воздухъ на глазахъ всей публики. Будто бы, дѣйствительно, чортъ его поднялъ на извѣстную высоту, но такъ внезапно опустилъ, что чуть не убилъ до смерти. Согласно этому разсказу онъ умеръ въ Виртембергѣ ночью, и домъ, въ которомъ онъ жилъ, поколебался въ своемъ основаніи. На другое утро хозяинъ, не видя Фауста, хотя уже наступилъ полдень, отправился къ нему въ комнату и нашелъ его лежавшимъ на полу у постели со свернутой шеей и искаженнымъ лицомъ. Всю жизнь, заканчиваетъ разсказчикъ, дьяволъ слѣдовалъ за нимъ повсюду подъ личной собаки. Существуетъ другой разсказъ, болѣе древній, хотя недостаточно полный, Іоганна Тритгейма, или Тритгеіуса, одного изъ самыхъ ученыхъ того вѣка, умершаго въ 1516 г. въ монастырѣ бенедиктинцевъ въ Вюрцбургѣ. Одинъ его пріятель, математикъ Вирдунгъ, изъ Гасфурта, писалъ ему, что въ этомъ городѣ ожидаютъ прибытія великаго магика Георга Сабелликуса, и проситъ у него свѣдѣній объ этой личности. Тритгеіусъ отвѣчалъ ему 20 августа 1507 г.: «Человѣкъ, о которомъ ты говоришь, осмѣливающийся называться первымъ изъ вызывателей духовъ, — не болѣе, какъ хвастунъ, заслуживающій розогъ за свои скаandalныя и нечестныя похождения. Онъ назывался то Георгомъ Сабелликусомъ, то Фаустомъ Молодымъ и выдавалъ себя за свѣдущаго въ магіи и тайныхъ наукахъ. Возвращаясь прошлый годъ съ Бранденбургской границы и проѣзжая черезъ Гельнгаузенъ, я встрѣтилъ этого человѣка, о которомъ мнѣ говорили чудеса. Узнавъ о моемъ присутствіи въ городѣ, онъ скрылся, и никогда не могли его уговорить появиться предо мною. Онъ объявилъ, что если все произведенія Платона и Аристотеля были бы потеряны, то онъ могъ бы могуществомъ своего генія ихъ возстановить еще лучше и полнѣе, чѣмъ они были. Позже онъ появился въ Вюрцбургѣ и согласно

тому, что мнѣ рассказывали, онъ говорилъ, въ присутствіи многихъ лицъ, что чудеса Иисуса Христа ничего не заключаютъ въ себѣ чудеснаго, и онъ готовъ повторить ихъ, гдѣ и когда угодно. Въ Крейцнахѣ, гдѣ онъ появился въ этомъ году въ концѣ поста, онъ прославлялъ себя, какъ великаго алхимика, какой только когда либо существовалъ и могущаго исполнить желанія каждаго. Францъ Сикингенъ, который очень любитъ тайныя науки, передалъ ему управленіе одной школой, но онъ развратилъ юношей, довѣренныхъ ему, и скрылся, чтобы избѣгнуть наказанія. Вотъ все, что я могу утвердительно сказать объ этомъ человѣкѣ». Хотя Тритгеміусъ не видалъ лично Фауста, но другія лица, какъ, напримѣръ, каноникъ Конрадъ Мудтъ, онъ же Мутганусъ Руфусъ, лучший гуманистъ того вѣка, писалъ 3-го октября 1513 г.: «Въ Эрфуртѣ пріѣхалъ дней восемь назадъ хиромантикъ, по имени Георгъ Фаустъ, большой хвастунъ и наглый болтунъ. Народъ восторгается такими людьми. Я слышалъ, какъ онъ разглагольствовалъ разныя глупости въ трактирѣ, не удостоивая прерывать его болтовни; какое мнѣ дѣло до упомоѣшательства другихъ?» Одинъ вормскій докторъ, Филиппъ Бегарди, авторъ книги о гигиенѣ, зналъ людей, обманутыхъ Фаустомъ. Одно духовное лицо изъ Баля, по имени Іоганнъ Гастъ, обѣдалъ съ нимъ въ ученой компаніи, и рассказывалъ, что Фаустъ далъ повару для приготовления кушанья рѣдкихъ птицъ, которыхъ нельзя было найти тамъ ни за какія деньги; его сопровождали лошадь и собака, «по всей вѣроятности, превращенные демоны», собака иногда обращалась въ лакея, который служилъ у стола». Этимъ ограничиваются свѣдѣнія прямыхъ свидѣтелей, и начинаются чудесныя розсказы. Такъ въ концѣ вѣка одинъ богословъ, Августинъ Лергеймеръ, написалъ книгу, съ цѣлью предостеречь христіанскія души противъ магіи, опасной болѣе для ея послѣдователей, чѣмъ для ея жертвъ, потому что она лишаетъ ихъ вѣчнаго спасенія. Приводя различные примѣры, онъ говоритъ, что однажды Фаустъ, обѣдая съ товарищами въ одной баварской деревенькѣ, перенесъ ихъ оттуда за 60 верстъ въ погребъ епископа Зальцбурга, а когда вошелъ виночерпій, Фаустъ посадилъ его на самыя высокія сучки сосны, гдѣ и оставилъ, улетѣвъ по воздуху вмѣстѣ съ компаніей. Изъ этого розсказа видно, что Фаустъ уже въ то время дѣлался легендарнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ существовалъ, мѣняя часто свои имена, и изъ свидѣтельскихъ показаній видно, какого рода была эта личность. Однако онъ не имѣлъ ничего общаго съ Агриппой Неттесгеймомъ, хотя современники смѣшивали ихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не былъ простымъ чудесникомъ и умѣлъ дѣйствовать не на одни умы простого народа, а даже на высшее общество. Въ то время какъ ученые презирали Фауста, народъ его идеализировалъ. Одинъ изъ критиковъ «Фауста» Куно-Фишеръ, болѣе всѣхъ занимавшійся имъ, говоритъ, что эта поэма носитъ характеръ національной эпопеи. Главное лицо— историческое, но оно трансформировалось легендой, а тема не фантазія поэта, но результатъ медленно составленной народной традиціи. Она носитъ отпечатокъ двухъ революцій — религіозной и философско-литературной, во время которыхъ создавался геній націи. У Гёте было два сотрудника: духъ реформы и періодъ *Sturm und Drang*. Первый одушевлялъ старую легенду. Первое изданіе легенды было напечатано Іоганномъ Шписомъ во Франк-

фуртѣ-на-Майнѣ въ 1587 г. Онъ говорилъ, что получилъ рукописи отъ одного друга, жившаго въ Спирѣ. Согласно его книгѣ Фаустъ родился въ Рода близъ Веймара и былъ сыномъ бѣдныхъ богобоязненныхъ крестьянъ. Они послали его къ бездѣтному богатому дядѣ въ Виттембергъ для изученія богословія, такъ какъ ребенокъ уже выказывалъ «быстроту ума и желаніе учиться». Окончивъ курсъ и получивъ званіе доктора богословія, Фаустъ «вскорѣ сложилъ св. писаніе подъ скамейку» и перешелъ въ краковскій католическій университетъ, гдѣ преподавали магію. День и ночь онъ изучалъ халдейскія, греческія и арабскія книги. Съ этихъ поръ онъ не желалъ болѣе, чтобы его называли богословомъ, а докторомъ медицины, математикомъ и астрономомъ. Съ нимъ жилъ «дурной мальчикъ», Христофъ Вагнеръ, котораго онъ называлъ своимъ сыномъ и сдѣлавшійся его *famulus*. Наконецъ онъ заключилъ съ дьяволомъ условіе. Событіе, на которомъ зиждется легенда, и заклинаніе произошли въ лѣсу близъ Виттемберга. Сначала дьяволъ отказался войти въ кругъ, начертанный Фаустомъ, но затѣмъ сдался болѣе могучему заклинанію и появился подъ личиною монаха. Прежде чѣмъ укрѣпить статьи условія, онъ долженъ былъ спросить разрѣшенія князя ада, Люцифера, такъ какъ Мефистофель былъ не болѣе, какъ подчиненный демонъ. Подписавъ контрактъ, Фаустъ безповоротно погибъ. Позже, когда приближался часъ расплаты, его охватилъ ужасъ, и онъ потребовалъ присутствія набожнаго человѣка, доктора, какъ онъ самъ, но сохранившаго вѣру и продолжавшаго наставлять себя святымъ писаніемъ. Однако Богъ отступился отъ него, и не нашлось такого человѣка, который могъ бы исправить грѣхи другого. Нѣкоторое время Фаустъ былъ ослѣпленъ гордостью; онъ думалъ: «не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ, и не такъ жарко въ аду, какъ говорятъ». Однако онъ ожидалъ, что демонъ дастъ ему большее, и задумалъ насладиться своими познаніями магін: онъ облетѣлъ всю Европу, то на крылатой лошади, то подъ плащомъ демона, увеселяя гостей и друзей и дурача крестьянъ и вельможъ. Въ Венеціи онъ напивался греческими винами, но въ особенности ему было хорошо въ Римѣ. Онъ посѣтилъ дворецъ папы, пройдя сквозь толпу его слугъ и придворныхъ, видѣлъ прекрасно сервированный столъ и спрашивалъ себя, почему Мефистофель не сдѣлалъ его папой. Въ Константинополѣ онъ представился султану, какъ Магометъ «подъ видомъ папы и въ его украшеніяхъ», и шесть дней провелъ въ гаремѣ. Вернувшись въ Германію, онъ былъ призванъ во дворецъ къ императору Карлу V въ Инсбрукъ, гдѣ показалъ ему «Александра Македонскаго и его жену, какими они были при жизни». Тенденція этой легенды понятна. Когда демонъ увидѣлъ, что Фаустомъ овладѣло позднее раскаяніе, онъ возбудилъ въ немъ сладострастіе, показавъ въ концѣ ужина предъ цѣлою группою студентовъ прекрасную Елену. Это явленіе онъ вызвалъ въ воскресенье послѣ Пасхи, какъ бы дѣлая различіе между языческимъ и христіанскимъ воскресеніемъ. Въ послѣдніе двадцать четыре года жизни Фауста онъ взялъ себѣ въ жены Елену, которая родила ему сына, и въ день, когда онъ отдалъ душу сатанѣ, она и сынъ исчезли. Свой рассказъ Шписъ заканчиваетъ словами: «будьте бдительны, такъ какъ сатана вашъ врагъ, сопротивляйтесь ему и будьте тверды въ вѣрѣ». Двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ напечатанія книги Шписа,

появилось въ Виртембергѣ произведеніе нѣкоего Видмана подъ длиннымъ заглавіемъ: «Правдивая исторія ужасныхъ и гнусныхъ грѣховъ, пороковъ, необыкновенныхъ и чудесныхъ похожденій знаменитаго магика и некроманта доктора Юганна Фауста съ полезнымъ поученіемъ и прекрасными примѣрами для воспитанія и предупрежденія читателя». Это сочиненіе состояло изъ трехъ частей не менѣе, чѣмъ въ 671 страницу. Похожденія Фауста тѣ же, только нѣсколько измѣнены, и новыми являются поученія. Его Фаустъ родился въ герцогствѣ Ангальтскомъ, а магію онъ изучалъ въ ингольштадтскомъ католическомъ университетѣ. Путешествіе въ Римъ и Константинополь выпущено, но упомянуты преступленія папъ, и Григорій VII представленъ магикомъ. Видманъ нападаетъ яро на холостую жизнь патеровъ и повторяетъ почти слово въ слово катехизисъ Лютера. У Шписа Фаустъ пожелалъ жениться, и Люциферъ вмѣшался въ это, а у Видмана однимъ изъ пунктовъ условія, подписаннаго Фаустомъ съ демономъ, было обѣщаніе никогда не жениться, чтобы діаволь вѣрнѣе могъ овладѣть своей жертвой. Видманъ, какъ «правдивый историкъ», обозначилъ годы событій жизни Фауста, которыя совпадаютъ съ жизнью Лютера.

Произведеніе Видмана слишкомъ соответствовало умственному настроенію публики той эпохи, чтобы не гарантировать продолжительный успѣхъ. Что особенно утомляло публику, такъ это похожденія Фауста и его научные разговоры съ Мефистофелемъ. Все это было выброшено въ новой передѣлкѣ нюрнбергскаго доктора половины XVII вѣка, Юганна Пфитцера. Въ 1674 г. появилась «Скандалная жизнь и ужасный конецъ знаменитаго магика Юганна Фауста, показанный, какъ примѣръ, злымъ людямъ», и состояла опять болѣе чѣмъ изъ 600 страницъ. Но въ 1728 г. это произведеніе было сокращено до маленькаго формата и очень распространилось во время молодости Гете. Хотя эта легенда то сокращалась, то добавлялась, но въ сущности почти не пзмѣнялась, оставалась догматической, назидательной, служившей орудіемъ для полемики и пропаганды. Для ея существеннаго измѣненія ей надлежало перейти изъ рукъ богослова въ руки поэта. Въ Германіи въ то время это было невозможно, такъ какъ она оставалась до половины XVII вѣка богословскою. Совѣтъ въ иныхъ условіяхъ находилась въ это время Англія. Ея успѣхи въ политическомъ отношеніи повлекли за собою развитіе вкуса къ литературѣ и искусству. Англійскій театръ былъ въ то время первымъ, и англійскія труппы объѣзжали весь континентъ, давая представленія. Въ то время, какъ появился «Фаустъ» Шписа, англійскіе актеры находились въ Дрезденѣ и Берлинѣ, и англійскій поэтъ Марло, вѣроятно, черезъ актеровъ, узналъ о произведеніи Шписа, такъ какъ въ 1588 г. появилась его «Трагическая исторія жизни и смерти доктора Фауста». Первое представленіе, о которомъ извѣстно, было въ 1594 г., за нимъ слѣдовало двадцать два другихъ до 1597 г. Пьеса была нанечатана въ 1604 г., когда успѣхъ ея на сценѣ сталъ падать, послѣ всевозможныхъ передѣлокъ и поправокъ, какія нравились актерамъ. Марло сдѣлалъ изъ символическихъ фигуръ живыя и вообще, самъ обладая характеромъ, въ которомъ вѣчно боролись двѣ противоположныя силы— добрая и злая, онъ какъ бы олицетворилъ въ Фаустѣ себя. Если допустить,

что нѣмецкіе актеры познакомили Марло съ нѣмецкой легендой, то еще вѣроятнѣе, что они же распространили въ Германіи пьесу Марло. Въ началѣ XVIII вѣка Нейманъ говорилъ, что Фаустъ не былъ бы такъ распространенъ, если бы не театр. 7-го іюля 1626 г. англійскіе актеры играли въ Дрезденѣ трагедію, героемъ которой былъ Фаустъ, и очень вѣроятно, что это было произведеніе Марло. Затѣмъ въ Ганноверѣ давали на сценѣ въ 1661 г. «Фауста» на нѣмецкомъ языкѣ, въ Данцигѣ въ 1668 г., во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1742 и въ 1767 г., и даже сохранилась одна рецензія на Фауста, дававшаяся въ Данцигѣ во время ярмарки. Въ срединѣ XVIII вѣка, въ эпоху Готтшеда и Вейса, народныя пьесы уступили мѣсто болѣе или менѣе классическому репертуару, въ подражаніе Англии и Франціи, а «Фаустъ» перешелъ на сцену театра маріонетокъ. Когда Гете оканчивалъ курсъ въ Страсбургѣ, т.-е. въ 1770 г., то въ Гамбургѣ еще давалась драма «Фаустъ». Въ Вѣнѣ же давали въ 1779 г. пантомиму: «Послѣдній день доктора Фауста». Послѣ Марло Гете второй оригинально возобновилъ «Фауста». Когда онъ писалъ первыя сцены этой пьесы-поэмы, то не зналъ произведенія Марло, а руководился пьесой маріонетокъ. Въ началѣ своихъ мемуаровъ онъ вспоминалъ о театрѣ маріонетокъ, которыя ему подарила бабушка. Кромѣ того, въ то время давали Фауста на театрѣ маріонетокъ въ его родномъ городѣ, Франкфуртѣ, гдѣ онъ оставался до семнадцати лѣтъ. Въ Лейпцигѣ онъ посѣщалъ таверну Ауербаха, гдѣ когда-то происходило, согласно преданію, одно изъ самыхъ необыкновенныхъ похужденій Фауста. Исторія вѣчнаго жидка, которую онъ узналъ чрезъ чтеніе народныхъ сочиненій, произвела на него сильное впечатлѣніе, о чемъ онъ самъ упоминаетъ въ своихъ мемуарахъ. Слѣдовательно онъ тогда читалъ ихъ, а такъ какъ самымъ распространеннымъ сочиненіемъ былъ въ то время «Фаустъ», то очевидно, что Гете возбудилъ свою фантазію сначала пьесой маріонетокъ, затѣмъ книгою Шфитцера, передѣланной въ народный разсказъ. Покинувъ Лейпцигъ въ концѣ сентября 1768 г. и недовольный преподаваніемъ, онъ вернулся домой больной и обезнадѣженный. Чтобы развлечься, онъ сталъ заниматься магіей и астрологіей. Гете даже увѣрялъ, что его вылѣчилъ одинъ докторъ алхимикъ какимъ-то тайнымъ средствомъ. Въ концѣ марта онъ окончилъ ученіе въ Страсбургѣ, гдѣ познакомился съ Гердеромъ, который вселилъ ему мысль, что настоящая поэзія находится во всемъ народномъ, и познакомилъ его съ истинными памятниками первоначальной литературы: библіей, Гомеромъ, Оссіаномъ. Въ то же время Гете увлекся готической архитектурой. Наконецъ, онъ прочиталъ Шекспира, открывшаго предъ нимъ иной горизонтъ. «Первая же страница, прочитанная мною, — говорилъ онъ, — сдѣлала меня на всю жизнь своимъ; я былъ какъ бы слѣпой отъ рожденья, которому какая-то магическая рука возвратила жизнь, я чувствовалъ, что мое существованіе расширилось до безконечности... Благодаря всѣмъ этимъ вліяніямъ, темы, «которыя въ немъ пустили корни», все болѣе развивались и мало-по малу принимали опредѣленную форму. Эти темы были: «Гецъ фонъ-Берлихингенъ» и «Фаустъ». «Біографія перваго взволновала меня до глубины души, писалъ онъ. Этотъ грубый и великодушный представитель личной защиты во времена дикой анархіи возбудилъ во мнѣ живую симпатію». Въ концѣ августа 1771 г. онъ возвратился въ Франкфуртъ и, исключая четырехмѣ-

саянаго пребыванія въ Ветцлерѣ въ 1772 г., которое дало ему темудля «Вертера», нѣсколькихъ побѣдокъ въ Дармштадтѣ, Майнцѣ и Гамбургѣ и путешествія вдоль Рейна съ Лафатеромъ и Базедовымъ, — онъ все время оставался въ родномъ городѣ до ноября 1775 г. Эти года, 1771—1775, были апогеемъ нѣмецкой литературы. Очевидно, что въ Гете было нѣчто особенно очаровательное и плѣнительное, такъ какъ его современники отзывались о немъ всё безъ исключенія, какъ о гениѣ. Темы, занимавшія въ то время умъ поэта, раздѣлялись на двѣ части: однѣ были тотчасъ же окончены и даже очень быстро, какъ, на примѣръ, «Гецъ» или «Вертеръ», — вообще съ историческимъ содержаниемъ; другія, болѣе общія по содержанию и широкія по замыслу, къ числу которыхъ принадлежалъ «Фаустъ», долго оставались въ отрывкахъ, что давало имъ преимущество вѣрнѣе сохранить характеръ эпохи. Она носила тогда названіе *Sturm und Drang*. «Эту эпоху, говоритъ Гете, можно назвать «требовательной», такъ какъ въ то время предъявлялись такія требованія къ себѣ и другимъ, какихъ еще не исполнялъ ни одинъ человѣкъ». Въ 1772 г. Гете писалъ: «Фаустъ уже подвинулся, «Гецъ фонъ Берлихингенъ» мало-по-малу составляется въ моемъ умѣ». Въ октябрѣ 1774 г. редакторъ геттингенскаго альманаха, Генрихъ Христианъ Воіз, писалъ въ своемъ альманахѣ: «Я провелъ превосходный день съ Гёте; онъ показалъ мнѣ много вещей, оконченныхъ и не оконченныхъ, и все носитъ отпечатокъ гениа среди неуровновѣностей и странностей. Его докторъ Фаустъ почти готовъ, и мнѣ кажется, что изъ всего, созданнаго имъ до сихъ поръ, это самое великое и самое оригинальное произведеніе. «Это былъ его первоначальный «Фаустъ», который онъ привезъ въ Веймаръ въ 1775 г. Онъ рассчитывалъ его впоследствии исправить и никакъ не думалъ, что это произведеніе попадетъ въ такомъ видѣ въ руки публики. Можетъ быть, такъ и случилось бы, если бы не хитрая маленькая горбунья Луиза Гехгаузенъ, фрейлина герцогини Амалии, украшавшая своимъ живымъ умомъ салонъ герцогини. Позже она устроила въ своемъ помѣщеніи, въ мансардѣ дворца, собственный салонъ и собирала все, что попадетъ ей подъ руку. Такимъ образомъ она составила цѣлую бібліотеку рукописей. Служа иногда секретаремъ Гёте, она ухитрилась удержать оригиналь Фауста настолько долго, что успѣла списать его даже со всѣми орфографическими ошибками. Когда послѣ смерти послѣдняго изъ внуковъ поэта задумали устроить музей Гёте въ Веймарскомъ дворцѣ и собрать тамъ все, что касается до него, то Эрихъ Шмидтъ, авторъ біографіи Лессинга, вошелъ въ сношенія съ племянникомъ Луизы, полковникомъ Гехгаузеномъ. Послѣдній показалъ ему бумаги тетки, среди которыхъ отыскался первоначальный Фаустъ. Что особенно поражало въ немъ, то это сродство съ другими его произведеніями той же эпохи. Стиль его подходилъ къ «Вѣчному жиуду». Два элемента «Вѣчнаго жиуда» раздѣлялись между Фаустомъ и Мефистофелемъ: серьезный тонъ перешелъ къ Фаусту, а ироническо-саркастическій, иногда тривиальный, къ Мефистофелю. Форма и рѣзкіе стихи, прерываемые длинными стихами или замѣненные римованными стихами Прометея, свойственны Гансу Саксу. Сама тема вполне въ духѣ эпохи *Sturm und Drang* — преслѣдованіе недоступнаго для человѣка идеала, смѣлое вторженіе смертнаго созданія въ божественную сферу, клонящееся къ трагическому концу, какъ въ «Магометѣ». Преній

типъ Вагнера «famulus» представленъ фантазіей Гёте педантомъ, ограниченымъ и счастливымъ вслѣдствіе своей ограниченности. Маргарита тоже фантазія поэта, хотя въ прежней старинной легендѣ 1728 г. говорится, что Фаустъ влюбился въ красивую, но бѣдную дѣвушку, служанку сосѣдняго торговца, но она соглашалась сдаться Фаусту лишь въ бракѣ, почему Фаустъ и хотѣлъ на ней жениться. Онъ измѣнилъ свое намѣреніе, потому что Люциферъ привелъ къ нему «прекрасную Елену». Но върнѣ Гёте, имѣвшій принципомъ поэтизировать реальность, уже носилъ типъ Маргариты въ своемъ сердцѣ, прежде чѣмъ его опозитизировалъ. Позже созданные имъ и другіе женскіе типы все-таки подходили къ ея идеальному характеру. Въ его произведеніяхъ женщина являлась страдающей, благодаря мужчинѣ, котораго любила. «Фаустъ» Гёте въ примитивной формѣ подходилъ по своей трагической исторіи къ «Фаусту» Марло, но его вдохновеніе было могущественнѣе и выше. 7-го ноября 1775 г. Гёте пріѣхалъ въ Веймаръ въ костюмѣ Вертера. Въ слѣдующіе годы «Фауста» часто читали при дворѣ. Съ 1776 г. начинается классической періодъ Гёте, когда онъ началъ заниматься Ифигеніей и Торквато Тассо. Въ сентябрѣ 1786 г. онъ поѣхалъ въ Италію. Въ Римѣ онъ пересмотрѣлъ своего Фауста въ полномъ изданіи и принялся за перечитываніе старой рукописи. Онъ признался въ письмѣ отъ 1-го марта 1788 г., что прежде всего надо отыскать нить и ознакомиться съ планомъ: «какъ когда-то я перенесся мыслью въ исчезнувшій міръ, теперь надо перенестись въ пережитое мною прошедшее», и онъ написалъ въ саду виллы Боргезе «Кухню волшебника», а затѣмъ разговоръ Фауста и Мефистофеля, предшествуемый монологомъ Фауста, который былъ совершенно тождественъ съ данными первоначальнаго Фауста. Сцена въ тавернѣ приведена въ стихахъ. Нѣкоторыя тривіальности въ разговорѣ Мефистофеля исчезли, также какъ и нѣсколько послѣднихъ сценъ. Остальное осталось, какъ отрывокъ, и оканчивалось сценой у собора. Первоначальный Фаустъ былъ обработанъ и очищенъ отъ шероховатостей, но и развѣнчанъ, такъ какъ не хватало заключенія. Относительно идеи Фауста Гёте говорилъ Экерману: «Меня только что спрашивали, какую идею я хочу провести въ Фаустѣ. Точно я знаю самъ это! точно я могу сказать это!»—и онъ продолжалъ, декламируя послѣдній стихъ пролога театра: «Отъ неба, по землѣ до ада», но это не идея «Фауста», а только ходъ дѣйствія», закончилъ онъ. То, что Гёте въ письмѣ къ Шиллеру назвалъ идеей Фауста,—только философическая мысль, на которой онъ имѣлъ намѣреніе представить легенду. Гёте заимствовалъ идею о договорѣ съ сатаною, нѣсколько измѣнивъ ее изъ старой легенды, чего не было ни въ «отрывкахъ» ни въ первоначальномъ Фаустѣ. Послѣ напечатанія первой части трагедіи въ 1808 г. «Фаустъ» еще разъ былъ заброшенъ, Гёте чувствовалъ двойное впечатлѣніе къ своему столько разъ передѣланному произведенію. Съ одной стороны онъ никакъ не могъ оторваться отъ этой темы, а съ другой онъ отчаявался придать ей вполне совершенную форму, какъ онъ понималъ совершенство искусства. Въ 1824 г. Экерманъ принялся классифицировать рукописи «Отрывка» и уговорилъ семидесятилѣтняго поэта еще разъ приняться за окончательную передѣлку. Несмотря на массу справокъ, навѣрно неизвѣстно, какія были части второй половины «Фауста», уже составленнаго или набросаннаго.

По всей вѣроятности, это были сцены перваго акта, имѣвшія связь съ первой частью и съ пятымъ актомъ, въ которомъ идея пари съ Мефистофелемъ появляется въ послѣдній разъ. Но главнымъ образомъ это было начало третьяго акта, т. е. эпизодъ съ Еленой прекрасной, который составляетъ какъ бы отдѣльную трагедію. Явленіе Елены совпадаетъ съ появленіемъ Фауста при дворѣ — случайность, заимствованная изъ старой легенды. Но оба эти заимствования, какъ и остальная часть легенды подверглись полной передѣлкѣ, прежде чѣмъ Гёте примѣнилъ ихъ въ своей поэмѣ. Призраки же—фантазія Гёте. Фаустъ въ своей первоначальной редакціи былъ просто поэтиченъ. Въ первой части трагедіи онъ ставовится поэтомъ-философомъ, а во второй части поэтомъ-аллегорикомъ. Хотя все его произведеніе дышитъ поэзіей, но чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе она какъ бы охлаждается, и надъ нею властвуетъ разсудокъ. Старость поэта, несмотря на его талантъ, отозвалась на фантазіи. Стилъ измѣнился и перешелъ отъ метафоръ къ аллегоріи, которая искусственно замѣнила идею. Физиономія персонажей ступевалась. Фаустъ сдѣлался только символомъ человѣчества въ поискахъ красоты, истины, свободы и счастья. Плачь принялъ новую форму согласно измѣненіямъ въ умѣ Гёте. Онъ не тотъ, что былъ въ первоначальномъ Фаустѣ, «Отрывкѣ» 1790 г. и въ первой части трагедіи. Наконецъ, во второй части онъ такъ расплылся, что ступевалъ всѣ контуры, повсюду оставивъ мѣсто для литературныхъ, философскихъ и политическихъ замѣчаній того времени. Гёте принесъ въ жертву единство, по его мнѣнію, лучшему качеству—нравственному значенію своего произведенія. По его словамъ, искусство было средствомъ для личнаго воспитанія. Посредствомъ его онъ воспиталъ и освободилъ свой умъ, и совѣтовалъ читателю итти по его стопамъ. «Все, что я сообщилъ читателю,—писалъ онъ въ одномъ письмѣ 1827 г.,—злждется на опытѣ моей жизни; могу же я надѣяться, что всякій изъ моихъ читателей пожелаетъ пережить мою поэзію и воспользоваться ею для своихъ личныхъ опытовъ». Такимъ образомъ нравственная точка зрѣнія заступаетъ мѣсто художественной, и поэтъ предлагаетъ книгу мудрости, краткій образъ міра, смыслъ жизни въ символахъ. «Въ такого рода композиціяхъ,—сказалъ онъ однажды Экерману,—важно только, чтобы каждая отдѣльная группа имѣла значеніе, была ясна сама по себѣ; все же цѣлое остается необъятнымъ».

— Георгъ Браунъ. Въ сентябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» была помѣщена въ «Мелочахъ» на основаніи статей въ «Temps» замѣтка, въ которой говорилось о Георгѣ Браунѣ, какъ о законномъ сынѣ герцога Беррійскаго. Появившіяся объ этомъ обстоятельстве газетныя статьи вызвали цѣлую полемику, и образовались двѣ партіи за и противъ существованія сына герцога Беррійскаго. Между прочимъ въ «Figaro» помѣщенъ протестъ¹⁾, въ которомъ говорится, что ни Георгъ Гренвилъ Браунъ, ни его братъ Джонъ Гренвилъ Браунъ не были сыновьями герцога Беррійскаго, такъ какъ отъ этого брака родилось только двѣ дочери. Хотя Резз указывалъ въ Revue de Paris на недѣйствительность этого брака, но авторъ статьи оспариваетъ, говоря, что бракъ былъ совершенъ. Онъ былъ только церковный, такъ какъ въ Англии не суще-

¹⁾ La Verité sur le mariage de duc de Berry, 15 septembre 1902.

ствовало гражданского брака. Ссылка же на то, что этот брак не былъ записанъ въ французскомъ посольствѣ или консульствѣ, оказалась несостоятельной. Во-первыхъ, герцогъ не пошелъ бы къ представителю своей родины, главу которой онъ не признавалъ, да если бы и рѣшился на это, то оказалось бы невозможнымъ, такъ какъ въ это время въ Англии не было никакихъ посольствъ, ни консуловъ, вслѣдствіе войнъ. Ни графъ Артуа, ни Людовикъ XVIII впоследствии не оспаривали этого брака, который герцогъ не скрывалъ отъ нихъ, доказательствомъ чему служатъ письма, помѣщенные маркизомъ Люневъ въ «Gaulois» 28-го августа. Во время Реставраціи Людовикъ XVIII обратился къ папѣ, прося его расторгнуть этотъ бракъ, вслѣдствіе того, что имѣлъ въ виду другую невѣсту для герцога. Папа «расторгнулъ бракъ, но двухъ дочерей призналъ законнорожденными отъ этого брака». Въ римскихъ архивахъ существуютъ слѣды этихъ переговоровъ, которые велъ одинъ изъ дипломатовъ, и его сынъ еще теперь состоитъ депутатомъ въ французскомъ парламентѣ. Ами Браунъ, морганатическая жена герцога Беррійскаго, была привезена въ Парижъ герцогомъ Куаньи, которому далъ это порученіе самъ герцогъ. Онъ подарилъ ей домъ съ большимъ садомъ въ улицѣ Клиши, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь помѣщается лицей Шангаль, затѣмъ еще одинъ домъ въ улицѣ Матюрень тоже съ большимъ садомъ. Здѣсь-то герцогъ ежедневно, послѣ двѣнадцати часовъ, до послѣдняго дня смерти навѣщалъ дочерей. Мы уже говорили прежде въ «Мелочахъ», что предъ своей смертью вторая жена герцога усыновила обѣихъ дѣвочекъ и воспитывала ихъ въ Тюильри вмѣстѣ съ своею дочерью. Замужъ онѣ вышли уже при Карлѣ X, и въ брачныхъ контрактахъ, были записаны законными дочерьми покойнаго Карла-Фердинанда. Ихъ мать, Ами Браунъ жила то у одной, то у другой. Когда она умерла 7-го мая 1876 года, то въ актѣ о смерти ее назвали вдовою Карла-Фердинанда, что вызываетъ тоже пререканія. Нѣсколько времени спустя, въ «Figaro» было помѣщено письмо барона Андрѣ де Мерикуръ относительно дѣйствительности брака герцога съ Ами Браунъ. Онъ говоритъ: «Моя прабабка, баронесса Гюэ, вдова одного придворнаго при королѣ Карлѣ X, часто мнѣ говорила о дочеряхъ, рожденных отъ предполагаемаго брака Берри-Браунъ, и никогда не говорила о сынѣ. Точно также умалчивала объ этомъ г-жа Ватэръ, первая горничная и любимица герцогини Беррійской. Вотъ что говорится въ дневникѣ ея сына». Нѣсколько времени спустя послѣ смерти герцога Беррійскаго, его жена велѣла привести къ себѣ обѣихъ дочерей отъ морганатическаго брака мужа, совершеннаго имъ въ Англии съ Анною Браунъ. Каждую недѣлю въ назначенный день воспитательница являлась съ ними къ моей матери, которая отводила ихъ къ герцогинѣ; съ нею онѣ проводили весь день. Впоследствии она же выдала ихъ замужъ. О сынѣ никогда не было рѣчи». Но статья, помѣщенная въ сентябрьскомъ номерѣ «Carnet», окончательно развѣнчиваетъ Брауна изъ сыновей герцога Беррійскаго. По собраннымъ свѣдѣніямъ отъ лицъ, стоявшихъ близко къ дому Бурбоновъ, о существованіи этого сына ничего никогда не упоминалось до дня его смерти. По словамъ одной изъ корреспондентокъ «Carnet», близко знавшей обстоятельства этого дѣла и подписавшей свое письмо буквой X., Жоржъ Браунъ былъ сыномъ графа де-ла-Ферроннэ, впоследствии посланника въ Петербургѣ, находившагося ранѣе гер-

цога Беррійскаго въ связи съ Ами Браунъ и принимавшаго участіе въ ея сближеніи съ герцогомъ. Когда всѣ члены Бурбонскаго дома собрались въ Англій, то король былъ очень сконфуженъ поведеніемъ молодыхъ принцевъ, сыновей графа Артуа, совершенно покинутыхъ на произволъ слугъ. Съ цѣлью облагородить ихъ, онъ приставилъ къ нимъ въ качествѣ товарища графа де-ла-Ферроннэ, получившаго воспитаніе въ совершенствѣ. «Онъ былъ замѣчательно красивъ; при этомъ у него были очаровательныя манеры, и онъ отличался обворожительнымъ добродушіемъ». Графъ принялъ на себя роль «облагородителя» своего будущаго короля и оставался въ этомъ положеніи до ссоры съ нимъ. Онъ ввелъ его въ общество Ами Браунъ и ея маленькаго сына Жоржа. «Въ этомъ дѣлѣ,—говоритъ авторъ письма,— графъ де-ла-Ферроннэ игралъ странную роль. Можетъ быть, онъ видѣлъ, что увлеченіе герцога обезпечитъ жизнь Ами и ея сына, но, повидимому, онъ посоветовалъ Ами требовать у герцога церковнаго брака». Герцогъ повѣнчался съ нею по католическому обряду, подъ именемъ кавалера Артуа. Ами Браунъ не знала, что ея мужъ-герцогъ Беррійскій. Она только желала облечь себя отъ первой опшибки молодости съ графомъ де-ла-Ферроннэ посредствомъ брака съ человѣкомъ, находящимся при дворѣ. Сама она происходила изъ хорошей шотландской семьи. Ея отецъ былъ младшимъ изъ владѣльцевъ помѣстья Кальстоунъ, разоренныхъ, благодаря своему участію въ дѣлѣ Стюартовъ. Въ 1814 году графъ де-ла-Ферроннэ вручилъ Ами Браунъ листъ, вырванный изъ приходской записи, и послѣдняя вручила его герцогинѣ Беррійской вскорѣ послѣ убійства герцога, взявъ на себя обязательства, которое строго исполнялось, но въ немъ о Жоржѣ Браунѣ не упоминалось. «Потомки дочерей герцога Беррійскаго хранятъ молчаніе о подробностяхъ прошедшаго,—заканчиваетъ г-жа Х. свое письмо,—г-жа Шареттъ (замужняя дочь герцога отъ Анны Браунъ) жила въ уединеніи вполне достойно. Она видѣла рѣдко свою мать и, вѣроятно, никогда не встрѣчала своего полубрата. Мистриссъ Браунъ главнымъ образомъ жила въ Сенъ-Манде. О Георгѣ Браунѣ никогда не говорили, такъ что объ его существованіи не знали даже близкіе друзья семьи. Листъ, вырванный изъ приходской записи и врученный герцогинѣ Беррійской, навѣрно существуетъ въ архивахъ герцога Пармскаго, наслѣдника графа Шамбора. Онъ служитъ гарантіей чести женщины. Если когда либо этотъ документъ появится въ свѣтъ, то тамъ не найдется слѣда объ усыновленіи Жоржа Брауна. Онъ родился, жилъ и умеръ дитятей любви».

— Мадзини и Тюръ. Во второй августовской книжкѣ «Rivista Moderna» Э. Дель-Серро напечаталъ очень интересный очеркъ о частной жизни Мадзини ¹⁾. Онъ внушенъ статьей, помѣщенной въ томъ же журналѣ, въ которой говорилось, что Мадзини всю свою жизнь страдалъ «sexual anaesthesia». Настоящій авторъ полагаетъ, что оскорбительно сказать о комъ бы то ни было, что онъ никогда не любилъ женщины, а потому Дель-Серро увѣряетъ, что Мадзини питалъ въ продолженіе всей своей жизни пламенную любовь къ молодой вдовѣ, которую онъ встрѣтилъ въ Марселѣ во время его изгнанія изъ отече-

¹⁾ Madzini, di E. Del-Serro. «Rivista Moderna», 1902, agosto 15. Stefano Turr ed il risorgimento italiano, di Picorini-Manzoni, 1902.

ства въ 1831 г. Тайныя узы, связывающія ихъ, доказываются многими письмами, которыя они писали другъ другу, и которыя были безъ ихъ вѣдома распечатаны и списаны флорентійской полиціей. Авторъ статьи приводитъ также очень трогательное письмо Мадзини къ подругѣ его жизни предъ ея смертью, ровно сорокъ лѣтъ послѣ ихъ перваго знакомства.

Однимъ изъ оставшихся въ живыхъ сподвижниковъ Мадзини является маститый генераль Тюръ. Недавно вышла его біографія, написанная Эмилио Пекорини-Манцони, который питаетъ глубокое уваженіе къ благородной личности этого поборника итальянской свободы. Онъ родился въ 1825 г. и началъ службу солдатомъ въ австрійской арміи въ 1840 г., но перешелъ въ пьемонтскую въ 1849 г. и послѣ наварскаго побоища поступилъ на службу въ возмущившійся Баденъ. Впоследствии онъ служилъ волонтеромъ въ итальянскомъ войскѣ въ Крыму и наконецъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ сподвижниковъ Гарибальди во время экспедиціи Тысячи. Оставшись ярымъ патриотомъ, онъ уже пересталъ въ это время быть крайнимъ республиканцемъ, а питалъ умѣренно-либеральные взгляды и, насколько могъ, сдерживалъ въ этомъ отношеніи Гарибальди. Многие изъ крайнихъ патриотовъ по идеѣ Мадзини хотѣли идти изъ Неаполя послѣ его присоединенія къ Пьемонту на Папскую область, на Венецію и даже на Венгрію съ цѣлью ея освобожденія отъ Австріи. Тюръ доказывалъ все безуміе этого плана, и Гарибальди въ концѣ концовъ потерпѣлъ пораженіе. Точно также въ 1870 г. Тюръ давалъ французскому правительству разумные совѣты, которые предохранили бы его отъ гибели. Въ числѣ самыхъ любопытныхъ эпизодовъ біографіи Тюра составляетъ исторія фальшивыхъ телеграммъ, поддѣланныхъ Криспи, въ то время ярымъ гарибальдйцемъ, съ цѣлью ускорить экспедицію Тысячи, а также доказательство, приводимое Тюромъ насчетъ несправедливости легенды относительно помощи, оказанной англійскимъ военнымъ кораблемъ въ высадкѣ Гарибальди въ Марсалѣ.

— Мемуары девяностотрехлѣтняго дѣльца ¹⁾. Сэръ Эдуардъ Блундъ на девяносточетвертомъ году отъ роду вздумалъ написать воспоминанія своей долгой и замѣчательной жизни, большею частью проведенной во Франціи. Онъ родился въ 1809 году и долго пережилъ знаменитыхъ соотечественниковъ, родившихся вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ году: Гладстона и Тенниссона. Онъ пережилъ не только ихъ, но и большую часть своихъ современниковъ, начиная съ двухъ королей: Георга IV, Вильгельма IV и королевы Викторіи. Карьеру свою онъ началъ по дипломатической части и состоялъ при англійскихъ посольствахъ въ Римѣ и Парижѣ. Въ началѣ царствованія Людовика-Филиппа онъ вышелъ въ отставку и поступилъ въ знаменитый банкирскій домъ Лафита, въ качествѣ компаньона. Такимъ образомъ онъ провелъ болѣе шестидесяти лѣтъ банкиромъ въ Парижѣ и въ концѣ концовъ былъ скорѣе французомъ, чѣмъ англичаниномъ. Во время іюльской монархіи онъ энергично содѣйствовалъ устройству желѣзныхъ дорогъ во Франціи, несмотря на сопротивленіе многихъ государственныхъ людей, между прочимъ Тьера, который считалъ это игрушкой для парижанъ. Для первой желѣзной дороги изъ Парижа въ Руанъ онъ до-

¹⁾ Memoirs of sir Eduard Blund. London. 1902.

сталь въ Англіи 15 милліоновъ франковъ, и вообще первая французская же лѣзная дорога была англійскимъ предиріятіемъ. Потомъ онъ построилъ линію изъ Аміена въ Булонь и былъ основателемъ восточныхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ 1848 году за нѣсколько дней до революціи онъ случайно находился въ Лондонѣ и обѣдалъ съ Робертомъ Пилемъ. «Что вы тутъ дѣлаете? — спросилъ у него знаменитый политическій дѣятель: — отчего вы не въ Парижѣ? Тамъ будетъ на-дняхъ революція». Блундъ немедленно посѣщилъ въ Парижѣ и передалъ Гизо, бывшему въ то время министромъ, слова Пиля. Но тотъ отвѣчалъ: «Наша національная гвардія вполне хороша, и я ничего не боюсь». То же самое сказалъ Блунду и министръ внутреннихъ дѣлъ Дюпатель. Но Пиль зналъ политическое положеніе основательнѣе французскихъ министровъ, и чрезъ нѣсколько дней совершился государственный переворотъ, низвергнувшій Людовика-Филиппа. Бѣгству его изъ Парижа оказалъ содѣйствіе англо-французскій банкиръ, приведя ему три извозчицы кареты, въ которыхъ король уѣхалъ изъ Парижа съ своимъ семействомъ и свитой. Несмотря на паденіе Орлеановъ, Блундъ всегда ихъ любилъ и посѣщалъ не разъ въ Англіи короля, который ему однажды сказалъ: «Если бы не великодушіе англійской королевы, то я не имѣлъ бы не только этого дома (Клармонъ), но и мебели, на которой сижу, и посуды, на которой ѣмъ». Во время революціи 1848 года Блундъ содѣйствовалъ временному правительству Каваньяка, передавая съ большою опасностью депеши, призывавшія въ Парижъ аміенскій гарнизонъ. Онъ также посѣщалъ на Марсовомъ полѣ національныя мастерскія. Онажды онъ спросилъ у рабочихъ, перевозившихъ песокъ съ мѣста на мѣсто, что они будутъ дѣлать завтра. Одинъ изъ рабочихъ отвѣчалъ: «вѣроятно, переливать Сею въ бутылки». Во время второй имперіи Блундъ существовалъ чрезвычайно счастливо, хотя не очень долбобливалъ Наполеона III. И онъ передаетъ въ своей книгѣ много неблагопріятныхъ для императора анекдотовъ. По случаю итальянской войны онъ посѣтилъ мѣста сраженія и случайно видѣлъ, какъ Викторъ-Эмануилъ погрозилъ кулакомъ, выходя отъ французскаго императора. Въ 1870 г. Блундъ оставался въ Парижѣ во время осады его нѣмцами и исполнялъ должность англійскаго консула. Однако пруссаки свободно его пропускали чрезъ свои ряды, и онъ не разъ обѣдалъ съ Бисмаркомъ въ Версалѣ; на одномъ изъ этихъ обѣдовъ, на которомъ восковыя свѣчи были воткнуты въ шампанскія бутылки, желѣзный кандлеръ между прочимъ сказалъ: «Хотя я вѣрю въ безсмертіе души, но признаюсь, я больше всѣхъ людей отправилъ душъ на тотъ свѣтъ». Вообще въ своихъ воспоминаніяхъ Блундъ рассказываетъ множество анекдотовъ, въ которыхъ онъ самъ участвовалъ, или которые онъ лично слышалъ. Напримѣръ, онъ передавалъ панскому нунцію любезности Дарю, министра иностранныхъ дѣлъ Наполеона III. Первый говорилъ: «нунцій—осель», а второй отвѣчалъ: «Дарю—дуракъ». Относительно безцеремонности къ политическимъ принципамъ Дизраэли Блундъ рассказываетъ, что однажды лордъ Литтонъ и Дизраэли разговаривали у него объ одномъ биллѣ, внесенномъ въ палату общинъ. «Право, Дизраэли, — сказалъ лордъ Литтонъ, — я не могу подать голоса за этотъ билль: онъ противорѣчитъ моимъ принципамъ». Дизраэли воскликнулъ: «Къ чорту ваши принципы, будьте вѣрны вашей партіи». Къ сожалѣнію, много портить

любопытную книгу Блунда находящаяся в ней многочисленныя ошибки и опечатки, что особенно не простительно. такъ какъ у девяностолѣтняго автора былъ особый редакторъ, и его обязанностью было исправить, что пропустилъ маститый старецъ.

— Смерть профессора Ролиндсона и Эмиля Золя. Старые дѣятели въ наукѣ и литературѣ быстро сходятъ со сцены: такъ въ первые дни октября умеръ девяностолѣтній англійскій историкъ Ролиндсонъ. По странному капризу судьбы онъ былъ сыномъ провинціального джентльмэна, занимавшагося тренированіемъ скаковыхъ лошадей. Это, однако, не помѣшало ему дать своему сыну прекрасное воспитаніе въ Оксфордскомъ университетѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ выхода изъ университета съ первой ученой степенью, онъ поступилъ въ пасторы и занялъ кафедру древней исторіи. Только въ 1888 г., т.-е. подъ старость, онъ покинулъ ученую кафедру, но все занимался своимъ любимымъ предметомъ — древней исторіей. Авторъ многочисленныхъ трудовъ по этой части, онъ особенно прославился тремя сочиненіями: «Пять великихъ монархій древняго восточнаго міра», «Шестая великая монархія, или исторія Парѳіи», «Седьмая великая восточная монархія», или исторія Персіи. Теперь эти почтенные труды теряютъ много своего значенія, благодаря незнанію Ролиндсона какъ гіероглифовъ, такъ и клинообразныхъ надписей. Но даже въ настоящее время о нихъ отзываются сочувственно такіе знатоки древностей, какъ Масперо. Главнымъ образомъ они одобряютъ его «Исторію древняго Египта» и «Исторію Финикіи». Кромѣ своего произведенія «Руководства къ древней исторіи», Ролиндсонъ еще приобрѣлъ извѣстность, какъ переводчикъ Геродота и авторъ многихъ сочиненій по толкованію Новаго и Ветхаго завѣта, согласно новымъ изслѣдованіямъ древней исторіи. Онъ является послѣднимъ ученымъ изслѣдователемъ священнаго писанія, съ точки зрѣнія ассиріологии и египтологіи.

Высоко-драматичный эпизодъ современной исторіи составляетъ неожиданная и скоропостижная смерть величайшаго изъ новѣйшихъ французскихъ и вообще всесвѣтныхъ романистовъ—Эмиля Золя. Хотя многіе критиковали его произведенія при жизни и не признавали за нимъ генія, но его смерть заставила даже самыхъ строгихъ судей признать его необыкновенный талантъ. Только политическіе враги остались при прежнемъ своемъ сужденіи. Относительно Золя идетъ вѣчная вражда между идеалистами и реалистами, но въ сущности онъ не былъ тѣмъ, чѣмъ признавалъ себя самъ и его сгоронники—главою реалистовъ и защитникомъ научнаго направленія Тэна и Клодъ-Бернара. Напротивъ, особенно въ послѣднихъ своихъ романахъ онъ былъ идеалистомъ, и во всѣхъ его произведеніяхъ проглядывалъ романтикъ. Его романы основаны главнымъ образомъ на воображеніи, но, конечно, въ подробностяхъ, въ описаніяхъ, характеристикахъ представляемыхъ личностей, въ изображеніи различной среды, среди которой дѣйствуютъ его герои, онъ придерживается дѣйствительности, реальности и натурализма. Но при этомъ замѣчательно то обстоятельство, что, стремясь всегда за правдой въ своихъ типахъ, онъ основывался не на личномъ изученіи ихъ, а, какъ онъ самъ выражался, на точномъ изслѣдованіи документовъ. Такимъ образомъ всѣ его описанія и всѣ его типы почерпнуты не прямо изъ жизни, а изъ собранныхъ матеріаловъ, изобра-

жающих эту жизнь. Рисуя таким образом жизнь из вторых рук, онъ, однако, такъ правдиво и такъ основательно изображалъ предметы своего вдохновенія, что читатель невольно увлекался и принималъ за истинный портретъ то, что было въ сущности лишь воспроизведеніемъ чужого изслѣдованія. Когда онъ принимался за осуществленіе какого либо идеала, онъ тщательно изучалъ матеріалы, доставляемые ему какъ живыми людьми, такъ и свидѣтельствами книгъ. При этомъ, конечно, его художественный талантъ скрашивалъ всю искусственность работы, и его типы выходили живыми созданіями. Та же художественность и исканіе правды во всемъ заставляли его часто доходить до крайности, до порнографіи, которую его враги выставляли, какъ главную основу его таланта, тогда какъ онъ, въ сущности, былъ нравственнымъ, скромнымъ семьяниномъ. Графъ Л. Н. Толстой, отзывавшійся о Золя, какъ о самомъ серьезномъ изъ писателей Франціи, говорилъ объ этой сторонѣ его таланта: «Картины, рисуемыя имъ, неприятны, его портреты рабочихъ и поселянъ не возбуждаютъ сочувствія и не заслуживаютъ висѣть на стѣнахъ вашей комнаты; но хорошо, что они нарисованы. Вы можете повѣсить ихъ у себя въ комнатѣ, перевернувъ къ стѣнѣ; они все-таки напоминаютъ вамъ, въ какомъ положеніи находятся толпы вашихъ ближнихъ». Точно такъ же, какъ въ этомъ отношеніи Золя увлекался часто чрезъ мѣру, онъ и въ политикѣ предавался то одному направленію, то другому. Такъ въ началѣ третьей республики онъ писалъ дѣльный рядъ пасквилей въ «Figaro» на республиканскихъ дѣятелей, а впослѣдствіи сдѣлался яркимъ радикаломъ и защитникомъ Дрейфуса. Въ послѣднее же время онъ превратился въ общественнаго писателя и не только клеймилъ вторую имперію и нападалъ на клерикаловъ, но перешелъ на сторону рабочаго класса и социальныхъ новшествъ. Относительно его біографіи не приходится много говорить; вообще, какъ у всѣхъ литераторовъ, его жизнь состояла въ безконечномъ литературномъ трудѣ, сначала въ борьбѣ съ нищетой, а потомъ въ роскошной жизни — плодѣ его литературныхъ трудовъ. Онъ родился въ 1840 году въ Парижѣ; отецъ его принадлежалъ къ итальянской семьѣ, бабка была гречанка, а мать французенка. Такимъ образомъ въ жилахъ его текла международная кровь. Въ дѣтствѣ онъ потерялъ отца и жилъ съ матерью въ чрезвычайной бѣдности. Воспитаніе онъ получилъ самое скудное въ небольшой парижской школѣ, а потомъ въ мѣстной гимназіи. Въ 1862 году онъ поступилъ въ качествѣ приказчика въ книжный магазинъ Гашета, гдѣ познакомился со многими литераторами и посвятилъ себя литературнымъ работамъ. Первымъ его произведеніемъ было «Contes à Ninou», но ни оно, ни послѣдующіе его романы въ бульварномъ духѣ не имѣли никакого успѣха. Въ 1866 году онъ вышелъ изъ магазина Гашета и сталъ сотрудничать у Вильмессана въ газетѣ «Evenement». Мало-по-малу онъ сталъ развивать реальныя теоріи, какъ въ критическихъ статьяхъ, такъ и въ романахъ. Задумавъ серію романовъ Ругонъ-Макаръ въ двадцати томахъ, онъ посвятилъ себя на изображеніе естественной и социальной исторіи во время второй имперіи. Однако и первые тома этой серіи не доставили ему популярности. Въ это время онъ сошелся съ Тургеневымъ, и они составили тѣсный кружокъ реальныхъ романистовъ—Флобера, братьевъ Гонкуровъ и Додэ. вмѣстѣ съ этимъ Тургеневъ

доставил Золя сотрудничество въ русскомъ журналѣ «Вѣстникъ Европы» Стасюлевича, и тамъ въ продолженіе пяти лѣтъ до 1880 г. помѣщались подъ общимъ заглавіемъ «Парижскія письма»: критическія, общественныя и литературныя статьи, даже небольшія повѣсти и разказы. Въ 1876 году Тургеневъ такъ хлопоталъ объ интересахъ Золя, что уговорилъ даже Салтыкова, въ то время редактора «Отечественныхъ Записокъ», помѣщать такія же письма въ своемъ журналѣ четыре раза въ годъ по 300 франковъ за печатный листъ; но этотъ планъ не удался, такъ какъ Стасюлевичъ настоялъ на томъ, чтобы Золя былъ его единственнымъ сотрудникомъ, ради чего прибавилъ ему цѣну за его письма. По случаю перениски Тургенева съ Салтыковымъ насчетъ Золя мы находимъ въ одномъ его письмѣ откровенное мнѣніе о немъ. «Нельзя сказать,—говоритъ онъ,— что бы у Золя не было таланта. Но онъ не слѣдуетъ по истинному пути и слишкомъ много сочиняетъ. Его литература слишкомъ воняетъ литературой—вотъ его недостатокъ. При этомъ надо имѣть въ виду, что его романы написаны для французовъ, и то, что намъ кажется слишкомъ пикантнымъ, его настоящей публикѣ кажется чистымъ, какъ первый снѣгъ». Во всякомъ случаѣ «L'assommoir» и «Nana» имѣли громадный успѣхъ во Франціи, и Золя достигъ извѣстности. Послѣ серіи «Руговъ-Макаровъ» онъ издалъ новыя двѣ серіи, изъ трехъ романовъ каждая: къ первой относится «Лурдъ», «Римъ» и «Парижъ», а къ послѣдней «Плодородіе», «Трудъ» и «Истина». Послѣдній романъ Золя еще печатается въ «Аутоге», и онъ уже задумалъ предъ смертью новое произведеніе. «Правосудіе». Всѣхъ его сочиненій около пятидесяти. Что касается до его частной жизни, то о ней только скажемъ, что онъ былъ очень хорошимъ семьяниномъ и, хотя имѣлъ двухъ незаконныхъ дѣтей отъ горничной, по фамиліи Розеро, но это не мѣшало ему хорошо жить съ женою, которая, не имѣя дѣтей, простила ему эту связь. Золя обладалъ крупнымъ состояніемъ, которое завѣщалъ женѣ, исключая пожизненнаго содержанія дѣтямъ, г-жѣ Розеро и нѣкоторымъ родственникамъ. Самая смерть Золя, происшедшая отъ угара, произвела на весь Парижъ и на весь свѣтъ удручающее впечатлѣніе.

С М Ъ С Ъ.

ШРИСУЖДЕНИЕ Уваровскихъ премій. Въ маломъ конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ 25-го сентября въ часть дня состоялось подъ предсѣдательствомъ вице-президента академіи П. В. Никитина публичное засѣданіе, на которомъ не-премѣннымъ секретаремъ, академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ, былъ прочитанъ отчетъ о 44-мъ присужденіи наградъ графа Уварова. На соисканіе этихъ наградъ было представлено десять сочиненій, для разсмотрѣнія и оцѣнки которыхъ была назначена особая комиссія изъ академиковъ подъ предсѣдательствомъ неперемѣннаго секретаря. Послѣдняя признала достойными премій четыре сочиненія—одно въ тысячу рублей и три по пяти-сотъ рублей каждое. Сочиненія эти слѣдующія: 1) Н. А. Рожковъ: «Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ», Москва, 1901 г. Оцѣнку этого труда принялъ на себя академикъ В. О. Ключевскій, высказавшій въ своей рецензіи между прочимъ, что въ исторіи Московскаго государства у насъ охотнѣе изучались юридическія отношенія, чѣмъ подробности экономической жизни народа. Исслѣдованіе г. Рожкова надолго останется въ рукахъ изучающихъ исторію по весьма значительному числу подробностей сельско-хозяйственной жизни, которыя имъ впервые разработаны и выяснены посредствомъ тщательнаго, детальнаго изученія источниковъ, большею частью неизданныхъ, трудныхъ для изученія или отрывочныхъ. Каждая глава книги даетъ читателю такую работу надъ какой либо отраслью сельскаго хозяйства, иногда по нѣскольку такихъ работъ. Помощью настойчивыхъ статистическихъ наблюденій авторъ детально освѣтилъ много мелкихъ, мало замѣтныхъ процессовъ въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ XVI вѣка, изъ совокупности которыхъ складывались

крупные историческіе факты. Потомъ книга даетъ отвѣты на многіе вопросы по исторіи сельскаго хозяйства Московской Руси, доселѣ оставшіеся недостаточно обследованными. На основаніи этого отзыва г. Рожкову академіей присуждена уваровская премія въ тысячу рублей. 2) Е. І. Лихачева: «Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи 1856—1880 гг.», С.-Петербургъ, 1901 г. Рецензію объ этомъ трудѣ далъ адъюнктъ академіи С. Ѳ. Ольденбургъ, который говоритъ, что «оцѣнка труда Е. І. Лихачевой въ значительной мѣрѣ уже произведена жизнью: какую бы статью или книгу, относящуюся къ женскому образованію, мы ни взяли, вездѣ въ настоящее время изслѣдованіе г-жи Лихачевой является главнымъ источникомъ и ничего, соотвѣтствующаго ей книгѣ, по всѣмъ остальнымъ сторонамъ нашего воспитанія и образованія мы не имѣемъ. Книга Е. І. Лихачевой несомнѣнно—изслѣдованіе, и если, съ точки зрѣнія научной техники, она и страдаетъ нѣкоторыми недостатками, то они въ полной мѣрѣ выкупаются богатствомъ и разнообразіемъ содержанія и, прибавимъ, яркостью, живостью и интересомъ изложенія». На основаніи этого приговора, автору «Матеріаловъ» присуждена премія въ 500 рублей. 3) М. Н. Сменцовскій: «Братья Лихуды. Опытъ изслѣдованія изъ исторіи церковнаго просвѣщенія и церковной жизни конца XVII и начала XVIII вѣка». Оцѣнка этого труда была произведена проф. Московской духовной академіи Н. Ѳ. Каптеревымъ. По его словамъ, о братьяхъ Лихудахъ въ нашей ученой литературѣ говорилось немало, но до послѣдняго времени не было особаго спеціальнаго изслѣдованія, которое обнимало бы всю ихъ жизнь и дѣятельность. Всѣ имѣющіяся донинѣ свѣдѣнія о Лихудахъ не могли дать вполне связнаго и цѣльнаго представленія о всей жизни и дѣятельности ихъ. Этотъ недостатокъ къ нашей литературѣ восполняется трудомъ г. Сменцовскаго. Авторъ еѣ значительнымъ успѣхомъ выполнилъ свою задачу: онъ старательно собралъ весь печатный и рукописный матеріалъ, критически изучилъ его, выбралъ изъ него все болѣе цѣнное и характерное, привелъ все въ связь и порядокъ, такъ что въ общемъ далъ намъ обстоятельную ученую монографію. Автору этого труда присуждена награда въ 500 рублей 4) П. М. Майковъ: «Иванъ Ивановичъ Бецкій. Опытъ біографіи». (Рукоп.). Рецензію объ этомъ сочиненіи далъ академикъ А. С. Лаппо-Данилевскій. Въ его отзывѣ между прочимъ говорится: «П. М. Майковъ пытается пополнить пробѣлъ въ нашей литературѣ и доставить читателямъ возможность составить себѣ полное и точное понятіе о дѣятельности Бецкаго. Авторъ не жалѣлъ ни труда, ни времени для собиранія матеріаловъ, хранящихся въ многочисленныхъ и разнообразныхъ архивахъ (слѣдуетъ переченъ архивовъ). На основаніи матеріала, частью впервые добытаго имъ изъ всѣхъ этихъ архивовъ, частью же напечатаннаго въ «Полномъ собраніи законовъ» и разныхъ повременныхъ изданіяхъ, П. М. Майковъ слѣдитъ подробно за жизнью и главнѣйшими фактами дѣятельности И. И. Бецкаго». На основаніи этого отзыва академіей присуждена г. Майкову премія въ 500 рублей. За недостаткомъ денежныхъ средствъ академія присудила почетные отзывы слѣдующимъ, также представленнымъ на соисканіе уваровскихъ премій, сочиненіямъ: І. А. Завьяловъ—«Вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ при императрицѣ Екатеринѣ II», С.-Петербургъ, 1900 г. Этотъ трудъ былъ разсмотрѣ-

рѣнь и оцѣненъ проф. С.-Петербургскаго университета прот. М. И. Горчаковымъ, который далъ о немъ слѣдующій отзывъ. Книга г. Завьялова, какъ изслѣдованіе историческое, является весьма богатымъ и содержательнымъ вкладомъ въ церковно-историческую литературу, имѣетъ интересъ новизны, возбуждаетъ любопытство лицъ, занимающихся исторіею Россіи XVIII столѣт., и заключаетъ въ себѣ множество неизвѣстныхъ доселѣ въ печати историческихъ свѣдѣній, относящихся до церковныхъ вотчинъ, церковныхъ учреждений и дѣятельности «учрежденной о церковныхъ дѣлахъ комиссіи». П. Ф. Θ. Вестбергъ: «Комментарій на записку Готскаго Тонарха». (Рукоп.). Оцѣнка этого труда была возложена на академика Θ. И. Успенскаго. Считая, что принятая авторомъ на себя задача выполнена не вполне, рецензентъ тѣмъ не менѣе говоритъ, что авторъ сдѣлалъ все возможное, чтобы хорошо выполнить свою задачу. Онъ взвѣсилъ каждое слово въ изучаемомъ памятникѣ и старался опредѣлить его истинное значеніе. Не довѣряя собственной проницательности, онъ обращается къ извѣстнымъ специалистамъ и спрашиваетъ ихъ мнѣнія по поводу встрѣтившихся ему затрудненій. По-истинѣ изумительна та энергія, съ которой г. Вестбергъ собираетъ свѣдѣнія для установленія взгляда на время замерзанія Днѣпра и въ особенности для выясненія астрономическихъ датъ въ отрывкахъ. Ш. А. В. Петровъ: «Городъ Нарва. Его прошлое и достопримѣчательности въ связи съ исторіею упроченія русскаго господства на Балтійскомъ побережьѣ. 1223—1900 г. Съ портретомъ Петра Великаго и 48 иллюстраціями и планами сраженій 1700 и 1704 г.», С.-Петербургъ, 1901 г. Въ своемъ отзывѣ объ этой книгѣ рецензентъ ея ген.-отъ-инфантеріи П. О. Бобровскій говоритъ: «Г. Петровъ въ своемъ очеркѣ старался исчерпать, повидимому, весь историческій матеріалъ, имѣющій прямое или косвенное отношеніе къ родной ему Нарвѣ. Трудъ его значительно выигралъ бы, если бы извлеченія изъ разныхъ сочиненій и архивныхъ документовъ магистрата были выдѣлены особо въ приложеніи. Недостатки въ трудѣ г. Петрова выкупаются многими достоинствами, между прочимъ—опубликованіемъ интересныхъ данныхъ изъ протоколовъ и постановленій нарвской городской думы и сообщеніями многихъ мало извѣстныхъ фактовъ изъ жизни города Нарвы». Въ заключеніе академія наукъ, выражая рецензентамъ признательность за повесенные ими труды, присудила золотыя уваровскія медали профессорамъ: прот. М. И. Горчакову, Н. Θ. Каптереву, П. В. Голубовскому, И. Н. Смирнову, сенатору генералу отъ инфантеріи П. О. Бобровскому и С. Г. Вилинскому.

Русское археологическое общество. Дѣятельность общества открылась 19-го сентября засѣданіемъ отдѣленія восточной археологіи, подъ предѣтельствомъ профессора барона В. Р. Розена. Открывая засѣданіе, предѣдатель отмѣтилъ, что такъ какъ лѣтомъ многіе изъ числа членовъ отдѣленія совершили научныя экскурсіи на Востокъ, является надежда на особенное оживленіе въ этомъ году засѣданій отдѣленія, на которыхъ изслѣдователи будутъ, конечно, постепенно сообщать достигнутые ими научные результаты экскурсій. Начало положилъ В. В. Бартольдъ, прочитавшій свой «Отчетъ о командировкѣ въ Среднюю Азію лѣтомъ 1902 г.». Главное вниманіе изслѣдователь обращаетъ на историческую литературу. Цѣль изучены были собранія рукописей частныя и обще-

ственные въ Асхабадѣ, Самаркандѣ, Кокандѣ, Ташкентѣ, Бухарѣ. Нѣсколько рукописей референтомъ куплено. За нѣкоторые же экземпляры рукописей просили, по словамъ В. В. Бартольда, огромныя суммы, такъ за одну рукопись требовали 1000 рублей. Это явленіе объясняется тѣмъ, что восточныя древности находятъ себѣ многочисленныхъ покупателей среди англичанъ и американцевъ. Наиболѣе интересными изъ числа изученныхъ во время экскурсіи рукописей оказались рукописи, относящіяся къ исторіи Чингисъ-хана и къ вопросу о впаденіи рѣки Аму-Дарья въ Каспійское море. Вторымъ референтомъ выступилъ Б. А. Тураевъ, сообщившій содержаніе «сказанія о преподобномъ Кирѣ, братѣ римскаго императора Θεодосія». Сказаніе или житіе написано на эіопскомъ языкѣ; рукопись приобрѣтена въ Казани. Въ заключеніе профессоръ Н. И. Веселовскій привѣтствовалъ выходъ въ свѣтъ новаго изданія, посвященнаго изученію Востока — «Ежегодника Ферганской области». Содержаніе перваго выпуска представляетъ большое разнообразіе и значительный интерес. Особенно интересны свѣдѣнія о самозванцѣ ханѣ, бывшемъ причиною вмѣшательства русскихъ въ дѣла Ферганы.

Возстановленіе линіи Севастопольской обороны. Въ настоящее время идутъ работы по кладкѣ фундамента стѣнки. Высота послѣдней надъ поверхностью земли будетъ въ аршинъ, и пойдетъ она по вѣсѣмъ изгибамъ. Для обозначенія направленія служилъ между прочимъ планъ оборонительной линіи, составленный Тотлебенемъ для исторіи Севастопольской обороны. Схематически воспроизводя то, что въ данное время является волюнѣ выясненнымъ и получившимъ надлежащую санкцію, можно сказать, что линія обороны будетъ представлять собою слѣдующее: на первомъ бастионѣ будетъ построены павильонъ, въ которомъ поставится столъ съ ориентировочной картою, разумѣется, изъ камня высѣченной. Этотъ планъ дастъ возможность всякому видѣть, гдѣ онъ находится, и куда ведетъ далѣе линія; здѣсь же будетъ разбитъ скверъ, какъ и вездѣ, гдѣ были бастионы. На второмъ бастионѣ будетъ только скверъ на Малаховомъ курганѣ. На Корниловскомъ бастионѣ будетъ въ башнѣ возстановлена та церковь, въ которой шло все время богослуженіе (въ періодъ осады). Здѣсь предположено помѣстить тѣ образа, которые, въ числѣ пяти, возвращены французами, — это образа, взятые во время войны французскими войсками. Пять такихъ образовъ хранятся въ музеѣ Севастопольской обороны. На верху башни — столъ съ ориентировочной картою и зрительной трубою. Отсюда будетъ открытъ видъ на весь Севастополь и его окрестности. Третій бастионъ будетъ украшенъ аллегорическимъ памятникомъ вылазочнымъ героямъ, при чемъ у подножья его будетъ устроенъ фонтанъ въ небольшомъ скверѣ. Впередѣ этой линіи идутъ: Камчатскій люнетъ, Волынский и Селенгинскій и Забалканская батарея. На Камчатскомъ люнетѣ будетъ сооруженъ памятникъ особой выразительности: будетъ показана наша активная дѣятельность по оборонѣ; въ остальныхъ пунктахъ будутъ поставлены особыя знаки. На четвертомъ бастионѣ — историческомъ бульварѣ — цѣлый рядъ сооруженій огромнаго интереса и значенія. Во-первыхъ, — панорама по проекту военнаго инженера Эмберга (онъ же и строитель зданія). Зданіе въ окружности будетъ имѣть 54 саж., высота до верха парашета 8 саж., съ куполомъ 11 саж., а съ вышкой налѣ нимъ 15 саж.,

при чемъ вокругъ вышки снаружи будетъ идти галерея, и съ нея откроется дивный видъ на весь Севастополь, Херсонесъ, бухты и Балаклаву. Эта панорама въ натурѣ, такъ сказать, явится дополненіемъ къ той, которая будетъ въ зданіи, работы Рубо. За нее художникъ получитъ 70 тысячъ рублей. Все зданіе панорамы и устройство картины обойдутся въ 150 тысячъ рублей. На исходящемъ углу бастиона будетъ воспроизведенъ правый фасъ въ такомъ точно видѣ, въ какомъ онъ былъ къ концу обороны, а лѣвый такимъ, какимъ былъ къ началу ея, чтобъ дать наглядное выраженіе того, что было и что стало съ этимъ типичнымъ пунктомъ обороны. Уголь будетъ представленъ съ полнымъ вооруженіемъ. На этомъ же бастионѣ будетъ поставленъ памятникъ Тотлебену, по проекту Бильдерлинга, и возстановленъ историческій «грибокъ» — мѣсто отдыха севастопольцевъ до Крымской войны. На пятомъ бастионѣ, на лонетѣ Бѣлкина, будетъ стоять столъ съ ориентировочнымъ планомъ. Здѣсь будетъ показана оборонительная линія праваго фланга и вся атака передъ нашимъ правымъ флангомъ. На Городскомъ бульварѣ — шестомъ бастионѣ, будетъ увѣковѣчено мѣсто наводки нацлавного моста — отъ бывшей Николаевской батареи (гдѣ теперь бульваръ) до Михайловской. Здѣсь будетъ поставленъ обелискъ, а линія затопленія кораблей, идущая тутъ же, вѣроятно, будетъ, кромѣ павильона, увѣковѣчена на самомъ рейдѣ, на двухъ имѣющихся здѣсь рифахъ, двумя большими обелисками, такъ что получится нѣчто въ родѣ входныхъ воротъ. Что касается седьмого бастиона, то онъ останется въ своемъ теперешнемъ состояніи, такъ какъ не подвергся никакимъ измѣненіямъ, а шестой будетъ обозначенъ обелискомъ. Его весь почти застроили туземцы своими домишками. На поляхъ сраженій — Инкерманскаго, Балаклавскаго и на Черной рѣчкѣ, будутъ поставлены памятники. Также будетъ увѣковѣченъ въ Балаклавѣ подвигъ 78 чиновъ батальона, которымъ командовали полковникъ Манго и капитанъ Стамати. Эта въ буквальномъ смыслѣ слова горсть храбрецовъ задержала четырьмя мортирками вступленіе англійской арміи съ суши, со стороны Севастополя. Съ десяти часовъ утра до двухъ часовъ пополудни армія не могла войти. На Генуэзскихъ высотахъ, откуда отражали вступленіе англичанъ храбрые балаклавцы, будетъ также поставленъ памятникъ защитникамъ Балаклавы.

Пултуская исторія. На католическомъ кладбищѣ города Пултуска хранится между прочимъ плита надъ временной могилой графа Дибича, тѣло котораго внослѣдствіи было перевезено въ Петербургъ. На плитѣ, какъ сообщаетъ «Варшавскій Дневникъ», имѣется надпись:

«Здѣсь часть бранныхъ останковъ
Въ С.-Петербургѣ тѣло
Генераль-Фельдмаршала
Графа Ивана Ивановича
Дибича-Забалканскаго,
Предводительствовавшаго
Россійско-Императорской Арміей
Противъ Турокъ въ 1829 и противъ
польскихъ мятежниковъ въ 1831 гг.,

скончавшагося отъ холеры
въ сел. Клешевѣ 29 мая 1831 г.
на 49-мъ году своей жизни,
вскорѣ послѣ одержанной имъ побѣды
при городѣ Остроленкѣ».

Слова, напечатанныя въ разрядку, такъ сильно выскоблены, что съ трудомъ лишь можно ихъ разбратъ. Ничего обиднаго или раздражающаго для поляковъ въ этой надписи быть не можетъ, тѣмъ болѣе, что она относится къ событіямъ, давно минувшимъ; съ другой стороны, изъ исторіи вѣдь фактовъ и событій не вычеркнешь.

Общество археологін, исторін и этнографін при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. 27-го сентября состоялось засѣданіе общаго собранія, первое послѣ лѣтняго перерыва въ занятіяхъ общества. Въ началѣ засѣданія было доложено, кромѣ обычныхъ текущихъ дѣлъ, о пожертвованіяхъ, поступившихъ въ бібліотеку и музей общества, при чемъ были демонстрированы, между прочимъ, мѣдныя монеты (русскія XVIII вѣка), доставленныя изъ г. Арска, и четырехгранный камень (осколокъ, приблизительно половина пѣлаго), снабженный вырѣзанными на немъ буквами (на одной сторонѣ вторая половина церковно-славянскаго алфавита), едва ли не служившими для выдавливанія какихъ либо надписей, напримѣръ, на прянникахъ.

Далѣе слѣдовали номинки по скончавшихся за лѣто 1902 года почетныхъ членахъ общества: К. П. Яновскомъ и Р. Вирховѣ, и членахъ-сотрудникахъ: А. А. Дмитріевѣ и Г. А. Ласкинѣ. Некрологи почетныхъ членовъ были прочитаны г. пресѣдателемъ общества, проф. Н. Θ. Катановымъ; о жизни и трудахъ извѣстнаго пермскаго историка А. А. Дмитріева весьма подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія сообщилъ дѣйствительный членъ общества, проф. И. М. Покровский; некрологъ Г. А. Ласкина былъ доставленъ дѣйствительнымъ членомъ, проф. А. И. Александровымъ. Память почившихъ была почтена вставаніемъ.

Въ почетные члены общества, по предложенію г. пресѣдателя, въ томъ же засѣданіи былъ единогласно избранъ извѣстный изслѣдователь финскихъ народностей Поволжья, профессоръ Казанскаго университета И. Н. Смирновъ.

Научныхъ сообщеній въ программѣ засѣданія было намѣчено три, изъ которыхъ, за недостаткомъ времени, одно было отложено до слѣдующаго общаго собранія; изъ прочитанныхъ же первое принадлежало дѣйствительному члену общества, проф. П. И. Кротову, и было озаглавлено «О новой находкѣ слѣдовъ доисторической разработки уральскихъ рудниковъ». Находка эта была сдѣлана лѣтомъ текущаго года въ районѣ Кыштымскихъ заводовъ и заключалась въ одномъ предметѣ, извлеченномъ изъ наноснаго слоя глины—лопатѣ (длиною 46 ст., шириною 28 ст., толщиною 0,5 ст.) изъ лосыаго рога, снабженной дырочками для прикрѣпленія къ несохранившемуся деревянному черенку. Проф. Кротовъ демонстрировалъ при этомъ два фотографическихъ снимка съ лопаты и свой рисунокъ, представляющій ее въ реставрированномъ видѣ. Сообщение это будетъ помѣщено въ «Извѣстіяхъ» общества.

Второй докладъ, озаглавленный «Краткій обзоръ татарскихъ книгъ о Казанскомъ царствѣ», былъ сдѣланъ г. предсѣдателемъ общества, Н. Ѳ. Катановымъ. Референтъ вкратцѣ охарактеризовалъ свѣдѣнія объ исторіи Казанскаго царства, какъ входяція въ составъ спеціальныхъ сочиненій по этому предмету, такъ и помѣщаемыя болѣе или менѣе случайно въ иныхъ татарскихъ книгахъ, не исключая календарей; общій выводъ автора сообщенія — тотъ, что на точность показаній татарскихъ источниковъ о прошломъ Казанскаго (Болгарскаго) царства полагаться нельзя.

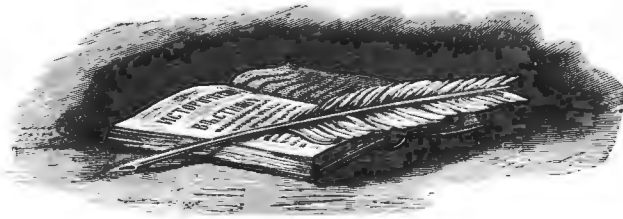
Археологическія раскопки. Какъ сообщаетъ «Кіевлянинъ», закончены довольно обширныя археологическія раскопки, производившіяся въ Полтавской губерніи археологами генераломъ Бранденбургомъ, В. В. Хвойко и С. А. Мазараки. Раскопки продолжались двѣ недѣли. Предметомъ изслѣдованій послужилъ обширнѣйшій могильникъ, лежащій на нагорномъ берегу Псла и заключающій въ себѣ нѣсколько тысячъ кургановъ различной величины. Это одинъ изъ самыхъ большихъ въ Россіи могильниковъ, не уступающій по своимъ размѣрамъ даже знаменитому въ археологическомъ мірѣ Аксютинскому могильнику. Размѣры кургановъ самые различные; есть курганы, имѣющіе въ окружности до 250 шаговъ, при высотѣ болѣе 15 аршинъ. Въ районѣ могильника находится два городища; изъ нихъ большее городище, площадью около 4-хъ десятинъ, имѣющее совершенно круглыя валы, лежитъ въ двухъ верстахъ отъ могильника. Изслѣдователями раскопано 10 большихъ кургановъ; въ 7-ми изъ нихъ найдено погребеніе въ деревянныхъ склепахъ, а въ 3-хъ — сожженіе. Всѣ курганы со склепами были ограблены, нѣкоторые даже по два раза (вертикальными и боковыми наклонными ходами). Ограбленія эти, по видимому, относятся къ отдаленному времени (ко временамъ казацкой эпохи). Несмотря на ограбленіе, въ склепахъ осталось много предметовъ (амфоры, каменные плиты, мечи, ножи, копья, уздечки, браслеты и т. д.). Одинъ склепъ, заключавшій въ себѣ бѣдное погребеніе, оказался не ограбленнымъ. Въ немъ были погребены двѣ женщины, изъ нихъ одна — ребенокъ лѣтъ 5—6. Въ курганахъ, заключавшихъ въ себѣ погребеніе посредствомъ сожженія, одно погребеніе лежало на поверхности земли, а два — на аршинъ ниже поверхности земли. Кости этихъ погребеній сохранились настолько, что можно было опредѣлить даже первоначальное положеніе труповъ (южное и юго-западное). По окончаніи раскопокъ указанныхъ 10 большихъ кургановъ, В. В. Хвойко обратилъ вниманіе на множество небольшихъ кургановъ, разбросанныхъ въ юго-восточной части могильника. Значительная часть этихъ кургановъ, благодаря дѣйствию плуга, почти сравнена съ поверхностью земли. Такихъ кургановъ было раскопано болѣе 80. Изъ нихъ не ограбленными оказалось только около 20. Погребенія въ этихъ курганахъ находились частью на поверхности земли, частью ниже поверхности (до 1½ аршина), при чемъ наряду съ положеніемъ попадалось и сожженіе. При погребеніи посредствомъ положенія дѣлались деревянные склепы. При костякахъ находили серебряныя вѣнки, украшавшіе головы покойниковъ. Къ этимъ вѣнкамъ съ каждой стороны привѣшивалось по 2—4 серебряныя спирали; въ нѣкоторыхъ случаяхъ на головахъ покойниковъ вмѣсто вѣнковъ находили серебряныя обручи съ овальными

пластинками, украшавшими лобъ. Кромѣ того, покойники были украшены височными кольцами, ожерельями изъ бусъ, морскими раковинами и т. д. Крестьяне при полевыхъ работахъ, какъ выяснилось изъ разспросовъ, часто находили указанные серебряные вѣнки и обручи, но такъ какъ послѣдніе сдѣланы изъ спиральныхъ проволокъ и пластинокъ и имѣютъ темный видъ, то крестьяне считали ихъ никому ненужными «пружинами» и выбрасывали вонъ. При раскопкахъ этихъ небольшихъ кургановъ было найдено одно особенно выдающееся погребеніе. Это было погребеніе молодой женщины. Голова ея украшена серебрянымъ вѣнкомъ, къ которому по обѣимъ сторонамъ подвѣшено по 3 серебряныя спирали. Съ правой стороны отъ вѣнка идетъ внизъ цѣпь; къ ней подвѣшенъ рѣзной металлическій кругъ, къ которому маленькими цѣпочками прикрѣплено нѣсколько колокольчиковъ; ниже этого круга идетъ опять цѣпь, заканчивающаяся на средней части груди 4 цѣпочками съ колокольчикомъ на каждой. На шеѣ покойницы — множество бусъ и металлическихъ бубенчиковъ. На рукахъ — браслеты; на пальцахъ обѣихъ рукъ — множество колець. Въ ногахъ найдено глиняное яйцо, раскрашенное различными цвѣтами, на подобіе малорусской «писанки». Погребеніе это, заключающее въ себѣ столь рѣдкій образецъ женскаго убора, вырвано вмѣстѣ съ землей и доставлено въ Кіевъ, гдѣ будетъ выставлено въ музеѣ древностей и искусствъ. Всѣ раскопанные курганы, какъ большіе, такъ и малые, судя по найденнымъ въ нихъ сосудамъ и другимъ предметамъ, принадлежать одному и тому же народу, но охватываютъ собой нѣсколько вѣковъ (отъ II до X вѣка по Рождествѣ Христовомъ). Интересъ этого могильника заключается главнымъ образомъ въ томъ, что въ немъ на ряду съ тѣмъ, что принято относить къ скифской эпохѣ, постоянно встрѣчаются чисто славянскіе предметы. Раскопки этого могильника будутъ продолжены.

Древній могильникъ. При добычаніи глины на кирпичномъ заводѣ Лю-Трахова (бывшій Хомякова) въ Кубанской области, открыта, по словамъ «Кавказа», могила, изъ которой извлечены кости человѣка, глиняный кувшинъ и чашка, два золотые ручные браслета и бронзовое зеркальце съ рельефными изображеніями на оборотной сторонѣ — двумя переплетающимися крючками. Въ отвѣсной стѣнѣ видна часть горшка. На одномъ кусочкѣ горшка сохранилось изображеніе цѣпи. Покойный Хомяковъ разрывалъ могильникъ болѣе 30 лѣтъ и говорилъ о массѣ вырытыхъ богатствъ, уничтоженныхъ рабочими или проданныхъ за безцѣнокъ. Разъ былъ откопанъ воинъ въ полномъ вооруженіи и костюмѣ изъ серебра и золота, богатѣйшій мечъ; кажется, находку взялъ полковникъ Каменевъ. Въ 1873 году авторъ статьи видѣлъ, какъ помощникъ пристава Будзинскій отобралъ у Хомякова на мѣстѣ находки, гдѣ и теперь найдены вещи, — серебрянаго жирафа, грифона, серебряную головку лошади. О находкахъ можно привести много примѣровъ. Всѣ могилы въ глубинѣ бывають въ 2—3 арш. въ черноземѣ, и трупы клялись на глинѣ, такъ что откапывались нетрудно. Ожидается въ Екатеринодарѣ съѣздъ археологовъ. Слѣдовало бы, говоритъ названная газета, мѣстной думѣ изыять 2 дес. оставшагося могильника и предоставить археологамъ произвести раскопки. По снятіи чернозема, глина останется на нужды кирпичныхъ заводовъ. Нужно

пожалѣть, что наши археологи ѣздятъ на раскопки вдаль и не занимаются изслѣдованіемъ у себя дома. Тридцать лѣтъ повторяются непрерывно находки; пора же обратить на это вниманіе. Замѣчательно, что въ этой мѣстности въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ раскапывалъ курганчики профессоръ Самоквасовъ, но до могильника не дошелъ. Всюду выкапывались черепки жженой глины, въ могильникахъ же посуда изъ глины нѣсколько лучше, чѣмъ въ городищахъ каменнаго вѣка; здѣсь встрѣчаются издѣлія изъ бронзы, серебра и золота. Говорятъ, находили и желѣзные панцыри. Безспорно, мѣстность издавна была населена народомъ, и вскорѣ послѣ каменнаго вѣка, свидѣтелями котораго остаются городища въ Екатеринодарѣ на мѣстѣ почтовой станціи, южной части городского сада, около ст. Корсунской, Воронежской, Казанской и др., гдѣ, кромѣ череповъ и костей животныхъ, а также орудій изъ камня, ничего нѣтъ.

НЕКРОЛОГИ.

БЕКЕТОВА, Е. Г. 1-го октября скончалась Елисавета Григорьевна Бекетова, вдова ботаника А. Н. Бекетова. Е. Г. родилась въ 1836 г. и была дочерью извѣстнаго натуралиста-путешественника Г. С. Корелина. Рано начала она участвовать въ нашей переводной литературѣ и переводила сначала для разныхъ ученыхъ трудовъ своего мужа А. Н. Бекетова. Затѣмъ, перевела большой англійскій романъ въ 6-ти частяхъ «Мэри Бортонъ, повѣсть о манчестерскихъ труженикахъ» («Время» 1861 г., №№ 4—9), перевела примѣчанія къ сочиненію Бокля «Исторія цивилизаціи Англій» и затѣмъ большой двухтомный трудъ Чарльза Дарвина, имѣвшій у насъ 2 изданія (1-е, Сиб., 1865; 2-е изданіе, Спб., 1870—1871 г.). Замѣчательно, что по своей скромности, она не выставила на этомъ переводѣ своего имени, но упросила мужа поставить на книгѣ его имя, хотя переводъ всецѣло принадлежитъ ей одной. Наконецъ, упомянемъ о переводѣ ею книжки Л. Олькоттъ «Старосвѣтская дѣвушка. Американская повѣсть» (Спб., 1875).

Какъ оригинальная писательница дѣтскихъ повѣстей и разсказовъ, Е. Г. стала извѣстна въ «Дѣтскомъ Читаніи» (1878 и др. гг.). До конца жизни она продолжала трудиться, переводя беллетристическія произведенія для «Вѣстника Иностранной Литературы» и др. періодическихъ изданій. (Некрологъ ея: «Новости», 1902 г., № 273).

† Будаевъ, Н. С. 16-го сентября скончался штатный гражданскій преподаватель Михайловской артиллерійской академіи и училища, членъ конференціи академіи, заслуженный профессоръ императорскаго С.-Петербургскаго университета, д. с. сов. Николай Сергѣевичъ Будаевъ. Покойный обладалъ обширными и разносторонними знаніями въ области чистой и прикладной математики и приобрѣлъ почтенную извѣстность талантливаго ученаго и прекраснаго профессора. Н. С. родился въ 1833 году, образованіе получилъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ, по окончаніи курса котораго, въ 1853 году, былъ

оставленъ при институтѣ адъюнктомъ физико-математическаго факультета. Въ 1857 году покойный защитилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ диссертацию на степень магистра физико-математическихъ наукъ, подъ заглавіемъ: «Общая теорія равновѣсія твердыхъ тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость». Съ 1865 года онъ началъ читать въ томъ же университетѣ, въ качествѣ приват-доцента, лекціи по начертательной геометріи, высшей геометріи и теоріи упругости; въ 1878 году университетъ избралъ его штатнымъ доцентомъ, при чемъ ему было поручено чтеніе части курса механики. Въ 1885 году Н. С. былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ и началъ чтеніе лекцій по аналитической геометріи. Въ Михайловской артиллерійской академіи и училищѣ онъ преподавалъ теоретическую механику и одновременно состоялъ преподавателемъ разныхъ отраслей чистой и прикладной математики въ различныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Труды Н. С. «Механика точки» (печатный), «Механика системы точекъ», «Аналитическая геометрія» (оба послѣдніе курса отлитографированы) отличаются оригинальностью методовъ, въ высокой степени научныхъ и отвѣчающихъ всѣмъ требованіямъ современной математической дидактики. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1902 г. № 205; «Новое Время», 1902 г., № 9533).

† **Вучина, И. Ю.** 18-го сентября скончался въ Одессѣ на 69-мъ году Иванъ Юрьевичъ Вучина. Дѣятельность И. Ю. въ Одессѣ была весьма разносторонняя. Должность греческаго генеральнаго консула онъ занималъ въ Одессѣ свыше 25 лѣтъ и пользовался большимъ уваженіемъ мѣстной греческой колоніи. За свою дѣятельность на пользу своихъ единоплеменниковъ И. Ю. былъ неоднократно соотвѣтственно награждаемъ греческимъ правительствомъ. Во время греко-турецкой войны И. Ю. руководилъ отправкой изъ Одессы волонтеровъ въ ряды греческой арміи. Въ Одессѣ онъ принималъ живое участіе во многихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ и состоялъ директоромъ одесскаго комитета попечительства о тюрьмахъ, членомъ центральнаго комитета общества помощи бѣднымъ, членомъ распорядительнаго комитета одесскаго общества для устройства дешевыхъ ночлежныхъ пріютовъ, кандидатомъ въ члены правленія общества покровительства животнымъ и во многихъ другихъ учрежденіяхъ и обществахъ. И. Ю. пожертвовалъ извѣстную сумму на учрежденіе при историко-филологическомъ факультетѣ Новороссійскаго университета преміи его имени за лучшее драматическое сочиненіе. Онъ покровительствовалъ молодымъ талантамъ и охотно помогалъ имъ, чѣмъ могъ. И. Ю. былъ большимъ другомъ покойнаго любителя русскихъ былинъ и пѣсенъ государственнаго контролера Г. И. Филипова. (Некрологи его: «Одесскій Листокъ», 1902 г., № 241; «Одесскія, Новости», 1902 г., № 5750).

† **Гурчинъ, А. В.** 15-го сентября скончался командующій войсками виленскаго военнаго округа, назначенный высочайшимъ приказомъ по военному вѣдомству ровно годъ тому назадъ на эту должность, бывший членъ военнаго совѣта, ген.-отъ-инф. А. В. Гурчинъ. А. В. родился 26-го февраля 1833 года и происходилъ изъ дворянъ Виленской губерніи. Образование и воспитаніе онъ получилъ въ Дворянскомъ полку, откуда выпущенъ 8-го августа 1850 года прапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ Павловскій полкъ, въ которомъ служилъ бо-

лѣе 13 лѣтъ. Въ 1854 году А. В. съ марта по сентябрь находился въ составѣ войскъ, охранявшихъ побережье С.-Петербургской и Выборгской губерній. Весною 1863 года, въ чинѣ капитана, онъ находился въ составѣ войскъ Виленскаго военнаго округа по случаю возстанія въ Западномъ краѣ. Въ 1864 году назначенъ начальникомъ кавказской стрѣлковой школы, съ переименованіемъ въ подполковники. Въ 1866 году произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ кавказской учебной роты. Въ 1869 году назначенъ командиромъ 13 лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго его величества полка. Въ 1871 г. назначенъ флигель-адъютантомъ къ его императорскому величеству. Въ 1876 году назначенъ командующимъ кавказской стрѣлковой бригадой. Черезъ пять мѣсяцевъ по назначеніи командующимъ бригадой, онъ принялъ участіе въ войнѣ 1877—1878 гг. и за цѣлый рядъ боевыхъ отличій А. В. былъ награжденъ золотымъ оружіемъ съ надписью «за храбрость», чиномъ генераль-майора, съ назначеніемъ въ свиту его императорскаго величества. Во время разгрома сильной арміи Мухтара-паши на Аладжинскихъ высотахъ А. В. съ отрядомъ изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты и двухъ батарей овладѣлъ укрѣпленной позиціей Базарджикскихъ высотъ, заставивъ 26 непріятельскихъ баталіоновъ положить оружіе. Этотъ подвигъ генерала отмѣченъ пожалованіемъ ему георгіевскаго креста 4-й степени. Въ дальнѣйшей службѣ А. В. былъ дивизионнымъ начальникомъ (38-й пѣхотной дивизіи), корпуснымъ командиромъ (19-го армейскаго курпуса) и съ 19-го сентября 1900 года членомъ военнаго совѣта, а съ 15-го сентября 1901 г. командующимъ войсками Виленскаго военнаго округа. Несмотря на кратковременную службу, въ послѣдней должности А. В. оставилъ по себѣ глубокую и благодарную память.

Отличительнымъ качествомъ военно-административной дѣятельности усюшшаго были заботы о солдатѣ. Многочисленные его приказы въ этомъ направленіи тепло привѣтствовались не только въ военной средѣ, но и въ обществѣ. (Некрологи его: «Виленскій Вѣстникъ», 1902 г., № 217; «Сѣверо-Западное Слово», 1902 г., № 1365).

† **Добрынкинъ, Н. Г.** 31-го августа скончался въ Муромѣ мѣстный историкъ и археологъ Николай Гавриловичъ Добрынкинъ. Н. Г. родился въ Смоленскѣ 9-го сентября 1835 года, происходилъ изъ купеческой семьи, окончилъ курсъ въ Смоленскомъ уѣздномъ училищѣ. Въ 1863 году выдерживаетъ при Владимирской губернской чертежной экзаменъ на званіе частнаго землемѣра и поселяется въ Муромѣ. Съ этого времени начинается и литературная дѣятельность Н. Г. Первымъ его произведеніемъ являются «Топографо-статистическій альбомъ Смоленской губ.» и «Слобода Мстера». Въ 1873 г. Н. Г. познакомился со знаменитымъ отцомъ русской археологіи, графомъ Уваровымъ, вмѣстѣ съ которымъ производилъ раскопки. Это знакомство, нужно думать, еще болѣе усилило тяготѣніе и любовь Н. Г. къ старинѣ. Онъ составилъ каталогъ своихъ статей, напечатанныхъ въ повременныхъ изданіяхъ и изданныхъ отдѣльно, и оказалось ихъ болѣе двухсотъ, при томъ онъ не бралъ за нихъ гонорара и писалъ изъ любви къ наукѣ. Н. Г. посвятилъ себя изученію родной старины, и имъ между прочимъ написаны «Географико-статистическія описанія уѣздовъ Меленковскаго и Муромскаго», въ которыхъ приведено много

статистических данных о промыслах, распространенных в уездах. Далѣ Н. Г. принадлежатъ работы: «Жизнь, нравы и обычаи крестьянъ», «Изъ прошлаго города Муромъ съ округой», «Державные гости въ Муромѣ 1445—1837», «Слѣды пребыванія доисторическаго человѣка» и т. д. Н. Г. немало поработалъ также надъ изученіемъ церквей Меленковскаго и Муромскаго уѣздовъ, и «Историческое описаніе церквей» этого района значительно пополнялось разными путевыми замѣтками, историческимъ очеркомъ различныхъ церквей, а равно старинными церковными грамотами, изданными Н. Г. Кромѣ занятій по исторіи и археологіи, Н. Г. собиралъ древности. Въ его коллекціи находились старинныя грамоты, коллекція монетъ, рѣдкія книги, фотографическіе снимки съ церквей и разныхъ предметовъ церковной утвари, а также и другія вещи, относящіяся къ старинному быту. (Некрологъ его: «Владимирскія Губ. Вѣдомости», 1902 г., №№ 37 и 38).

† **Домонтовичъ, М. А.** Въ ночь на 8-е октября скончался членъ военнаго совѣта, числившійся по генеральному штабу, генералъ отъ инфантеріи Михаилъ Алексѣевичъ Домонтовичъ.

М. А. родился въ 1830 году, въ Черниговской губ., получилъ образованіе въ Петровскомъ-Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи курса котораго былъ выпущенъ на службу въ 1849 году въ л.-гв. Гренадерскій полкъ. По окончаніи курса въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, М. А. перешелъ въ генеральный штабъ, и дальнѣйшая его служба прошла большею частью внѣ строя: въ 1860 году онъ былъ назначенъ преподавателемъ тактики и военной исторіи въ Владимирскомъ-Кіевскомъ кадетскомъ корпусѣ, чрезъ три года переведенъ въ главный штабъ и послѣдовательно занималъ должности: помощника начальника азіатскаго отдѣла и штабъ-офицера, завѣдывающаго обучающимися въ Николаевской академіи генеральнаго штаба офицерами. Въ 1873 году М. А. былъ назначенъ инспекторомъ классовъ Николаевскаго кавалерійскаго училища. Во время нашей послѣдней войны съ турками 1877—1878 гг., покойный М. А. занималъ на театрѣ военныхъ дѣйствій видныя административныя должности: правителя канцеляріи гражданской части при главнокомандующемъ дѣйствующей арміей, затѣмъ Тырновскаго губернатора и наконецъ директора канцеляріи и члена совѣта императорскаго русскаго комиссара въ Болгаріи. Будучи на этихъ должностяхъ, покойный немало потрудился по дѣлу организаціи гражданскаго управленія во вновь освобожденной отъ турецкаго ига странѣ. По возвращеніи въ Россію М. А. состоялъ для особыхъ порученій при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, а затѣмъ былъ председателемъ военно-исторической комиссіи по разработкѣ матеріаловъ по исторіи послѣдней русско-турецкой войны, при военно-ученомъ комитетѣ главнаго штаба. Въ 1896 г. онъ былъ назначенъ членомъ военнаго совѣта, а въ слѣдующемъ году—управляющимъ кодификаціоннымъ отдѣломъ при военномъ совѣтѣ. 6-го декабря 1898 года М. А. былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи. (Некрологъ его: «Русскій Пивалидъ», 1902 г., №№ 220 и 221).

† **Зеландъ, Н. Л.** 19-го августа скончался въ Омскѣ одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ врачей, Николай Львовичъ Зеландъ. Покойный родился

на о. Эзелъ въ 1833 году. Медицинское образованіе получилъ въ медико-хирургической академіи, которую окончилъ въ 1859 г. Въ томъ-же году началъ военно-медицинскую службу въ Оренбургскомъ военномъ госпиталѣ ординаторомъ. Затѣмъ служилъ въ Варшавѣ, на Дальнемъ Востокѣ областнымъ врачомъ Приморской области, въ Семирѣчьи—тоже областнымъ врачомъ и, наконецъ, въ Туркестанѣ помощникомъ военно-медицинскаго инспектора до 1896 года, когда вышелъ въ отставку. Послѣ выхода въ отставку Н. Л. нѣкоторое время жилъ въ Кіевѣ, но затѣмъ переселился въ г. Вѣрный, гдѣ предпологалъ заняться антропологическими изслѣдованіями. Н. Л. состоялъ членомъ многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ. Онъ оставилъ около 60 ученыхъ работъ, въ числѣ которыхъ есть весьма цѣнныя. Н. Л. авторъ книги «Здоровье и счастье», приобрѣтшей широкій кругъ читателей и переведенной на нѣмецкій языкъ. Будучи убѣжденнымъ вегетеріанцемъ, покойный Н. Л. былъ въ то же время въ высшей степени гуманнымъ человѣкомъ и отличнымъ товарищемъ. Несмотря на преклонный возрастъ—69 лѣтъ, Н. Л. не переставалъ интересоваться научными вопросами. (Некрологъ его: «Кіевлянинъ», 1902 г., № 262).

† Назимовъ, А. Е. 1-го октября скончался въ Одессѣ профессоръ полицейскаго права и деканъ юридическаго факультета Новороссійскаго университета Александръ Евгеньевичъ Назимовъ. А. Е. родился въ 1851 году. По окончаніи курса наукъ по юридическому факультету въ университетѣ св. Владимира, со степенью кандидата, былъ оставленъ при томъ же университетѣ стипендіатомъ, для приготовленія къ профессорскому званію. Въ 1881 г. послѣ защиты написаннаго имъ сочиненія и по прочтеніи публичной лекціи, А. Е. совѣтомъ Демидовскаго юридическаго лица удостоенъ былъ званія приватъ-доцента. Спустя короткое время, онъ былъ допущенъ къ чтенію лекцій въ томъ же лицѣ по русскому государственному праву. Въ 1887 году защитилъ въ университетѣ св. Владимира диссертацию «Реакціи въ Пруссіи» на званіе магистра государственнаго права. Эта диссертация является выдающимся произведеніемъ, имѣющимъ цѣлью выяснить на частномъ примѣрѣ Пруссіи причинную связь между поступательными и понятными движеніями современныхъ западно-европейскихъ обществъ. Для выполненія этой задачи авторъ производитъ анализъ общественно-политической эволюціи, вызванной въ Пруссіи переворотомъ 1848 г. Основнымъ положеніемъ изслѣдованія служитъ мысль о строгой законоподчиненности современныхъ общественно-политическихъ движеній, обнаруживающейся не только при поступательномъ, но и при реакціонномъ движеніи общества. Сочиненіе это изобилуетъ любопытными выводами и замѣчаніями, блещетъ эрудиціей и написано превосходнымъ литературнымъ языкомъ. По защитѣ диссертации А. Е. былъ назначенъ въ Демидовскій юридическій лицей, на каѳедру административнаго и государственнаго права. Командированный за границу на годъ съ ученою цѣлью А. Е. по возвращеніи былъ назначенъ и. д. экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ государственнаго права. На этой должности онъ пробылъ два года, а затѣмъ въ 1891 г. былъ переведенъ въ Новороссійскій университетъ профессоромъ полицейскаго права, въ 1901 году былъ назначенъ деканомъ юридическаго факультета. Въ Но-

вороссійскомъ университетѣ А. Е. пользовался большою популярностью. Съ рѣдкимъ умѣніемъ и любовью обставлялъ онъ чтеніе своего предмета и, свято храня неприкосновенность науки, постоянно оживлялъ изложеніе ея интересными историческими справками и характерными эпизодами. Кромѣ того, А. Е. былъ выдающимся лекторомъ и ораторомъ: его плавная, живая рѣчь, какъ по содержанию своему, такъ и по вѣщней своей отдѣлкѣ, приковывала къ себѣ вниманіе слушателей, и оторваться отъ нея было трудно. Аудиторія его всегда бывала полна. Въ нее стекались не только студенты 3-го курса, для которыхъ предназначался предметъ, но и студенты всѣхъ курсовъ и даже другихъ факультетовъ. Всѣ слушази его съ живымъ, неслабѣвающимъ интересомъ, и посторонній наблюдатель легко замѣтилъ бы на лицахъ слушателей рѣдкое оживленіе, передаваемое имъ лекторомъ: начиная лекцію, А. Е. всегда оживлялся, и это невольно передавалось всѣмъ его слушателямъ. (Некрологи его: «Одесскій Листокъ» 1902 г., № 254; «Одесскія Новости», 1902 г., № 5763).

† **Никоновъ, М. Н.** 10-го октября скончался состоявшій въ вѣдствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ членъ совѣта императорскаго человеколюбиваго общества и предсѣдатель комитета Александровской общины сестеръ милосердія Краснаго Креста, тайный совѣтникъ Михаилъ Николаевичъ Никоновъ. Покойный, окончивъ въ 1855 году курсъ С.-Петербургскаго университета по естественному факультету, поступилъ на службу въ департаментъ личнаго состава и хозяйственныхъ дѣлъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ департаментѣ прошелъ всю службу до директора департамента (съ 1884 по 1897 года), при чемъ своей служебной дѣятельностью особенно выдвинулся въ періодъ управленія министерствомъ Н. К. Гирса. Сотрудники и подчиненные покойнаго цѣнили въ немъ трудолюбиваго работника, справедливаго и добраго начальника, а близко знавшіе его цѣнили въ немъ всегдашнюю отзывчивость къ чужому горю. Самая любимая и плодотворная дѣятельность М. Н., для которой онъ отдавалъ весь свой досугъ и даже большую часть личныхъ средствъ, относилась къ трудамъ по Россійскому Красному Кресту. Начало этой дѣятельности совпадало съ войною Россіи съ Турціею въ 1877 г. Состоя на службѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, онъ принялъ на себя обязанности казначея при образованномъ тогда комитетѣ общества попеченія о раненыхъ и больныхъ войнахъ. По окончаніи войны явился инициаторомъ и главнымъ руководителемъ создававшейся Александровской общины сестеръ Краснаго Креста, которая развилась подъ его вліяніемъ и получила особенный обликъ и самобытность. Послѣ смерти Ю. Ф. Гамбургеръ (въ 1895 году), бывшей предсѣдательницы комитета Александровской общины, онъ былъ избранъ предсѣдателемъ этого учрежденія, но не бросилъ и обязанностей казначея. Благодаря своей неустанной энергіи и огромной опытности въ хозяйствѣ, М. Н. поставилъ общину на должную высоту. Въ дѣлахъ главнаго управленія общества Краснаго Креста, гдѣ онъ состоялъ членомъ управленія съ 1888 года и затѣмъ товарищемъ предсѣдателя съ 1900 по 1902 годъ, онъ принималъ самое живое участіе. Умеръ онъ 70-ти лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9557).

† **Новиковъ, П. М.** 23-го сентября скончался въ Таганрогѣ директоръ таганрогскаго коммерческаго училища Павелъ Михеевичъ Новиковъ. П. М. родился въ 1850 г. въ Сумахъ, образованіе получилъ въ харьковской гимназіи и въ Харьковскомъ университетѣ по физико-математическому факультету. П. М. былъ оставленъ при университетѣ, и ему предложили занять кафедру прикладной механики, но лекцій онъ не читалъ, а отправился въ Петербургъ держать магистерскій экзаменъ, послѣ котораго намѣревался защищать диссертацию. Однако, скромныя средства П. М. скоро изсякли и, когда наступило время печатать диссертацию, денегъ на это не оказалось. Въ молодомъ ученоемъ принялъ участіе профессоръ Имшенецкій, который предложилъ ему выхлопотать напечатаніе диссертации на казенный счетъ. Но профессоръ скоропостижно скончался, не успѣвъ исполнить своего обѣщанія, и П. М. Новикову пришлось отказаться отъ мысли увидѣть свою диссертацию въ печати, и онъ поступилъ на службу учителемъ въ с.-петербургскую шестую гимназію, въ которой преподавалъ 15 лѣтъ, въ то же время учительствуя въ реформатскихъ училищахъ и учительскомъ институтѣ. Несмотря на эти служебныя занятія, П. М. много времени отдавалъ наукѣ, печаталъ обширныя труды по математикѣ, физикѣ и механикѣ, состоялъ въ то же время секретаремъ математическаго общества при Солянномъ городкѣ и сотрудничалъ въ «Педагогическомъ Сборникѣ». Въ 1900 году П. М. былъ назначенъ директоромъ коммерческаго училища въ Згержѣ, а въ началѣ 1902 г. — въ Таганрогѣ. (Некрологъ его: «Таганрогскій Вѣстникъ», 1902 г., № 277).

† **Нофаль, И. Г.** 2-го октября скончался драгоманъ и переводчикъ при первомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иринаей Георгіевичъ Нофаль. Покойный одновременно былъ профессоромъ арабской словесности и французской литературы на курсахъ восточныхъ языковъ при азиатскомъ департаментѣ. Онъ происходилъ изъ древняго арабскаго рода, родился 20-го іюня 1828 года въ Дамаскѣ, университетское образованіе получилъ въ Сорбоннѣ и затѣмъ жилъ преимущественно въ Бейрутѣ, посвятивъ свою дѣятельность мѣстной литературѣ. Въ 1859 году былъ приглашенъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ читать арабскую словесность на курсахъ восточныхъ языковъ, и съ этого времени не разставался съ курсами, принявъ на себя вполнѣ чтеніе лекцій по французской литературѣ и магометанскому праву. И. Г. отличался всестороннимъ образованіемъ и принадлежалъ къ рѣдкимъ знатокамъ арабской словесности, литературы и исторіи Востока. По этимъ предметамъ онъ напечаталъ множество цѣнныхъ изслѣдованій и статей. Въ качествѣ знатока магометанскаго права былъ въ теченіе многихъ лѣтъ юрисконсульткомъ по магометанскимъ дѣламъ при департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій министерства внутреннихъ дѣлъ. Умеръ онъ 74 лѣтъ, оставивъ по себѣ хорошія воспоминанія среди всѣхъ, знавшихъ его. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9550).

† **Палопеженцовъ, Н. И.** 7-го сентября въ городѣ Ялуторовскѣ Тобольской губерніи скончался крестьянскій начальникъ Николай Ивановичъ Палопеженцовъ. Н. И. сотрудничалъ во многихъ газетахъ: «Екатеринбургской Недѣль» «Восточномъ Обзорѣнн», «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и другихъ сибирскихъ газетахъ. Въ голодовку 1892 года онъ велъ полемику съ чинов-

никомъ по крестьянскимъ дѣламъ Ялуторовскаго уѣзда, г. Дьяконовымъ, относительно неправильной постановки продовольственнаго дѣла въ Ялуторовскомъ уѣздѣ въ 1891—1892 годахъ.

Н. И. сдѣлалъ нѣсколько докладовъ въ Тобольскомъ губернскомъ музеѣ, которые и были помѣщены въ «Ежегодникахъ» этого музея, а именно «Народное образованіе въ г. Ялуторовскѣ и Ялуторовскомъ округѣ Тобольской губерніи» — историко-статистическія очеркъ, «Польская смута въ Сибири въ 1814 г.» — историческій очеркъ, и «Къ вопросу о положеніи крѣпостныхъ въ Тобольской губерніи въ концѣ прошлаго столѣтія». Будучи чиновникомъ по крестьянскимъ дѣламъ 4 участка Ишимскаго уѣзда (въ селѣ Абатскомъ), Н. И. старался привлечь на службу волостныхъ писарей изъ интеллигентныхъ лицъ, старался объ увеличеніи министерскихъ школъ въ своемъ участкѣ и о своевременномъ снабженіи книгами, учебными пособіями и канцелярскими принадлежностями, настаивалъ въ своемъ участкѣ на заведеніи крестьянскими обществами общественныхъ запасекъ. Вообще на всѣхъ поприщахъ своей службы старался принести посильную пользу. (Некрологи его: «Сибирская Жизнь», 1902 г., № 205; «Сибирскій Вѣстникъ», 1902 г., № 204).

† **Самойловичъ, Н. И.** 7-го октября скончался Никандръ Ивановичъ Самойловичъ. Н. И. 10 лѣтъ назадъ оставилъ службу въ министерствѣ финансовъ, гдѣ онъ служилъ начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ торговли и мануфактуръ. Въ министерство онъ поступилъ, благодаря Н. Х. Бунге, познакомившемуся съ нимъ еще тогда, когда Н. И. редактировалъ въ «Голосѣ» экономическій и финансовый отдѣлы. Публицистической дѣятельности покойный отдалъ лучшую пору своей жизни, получивъ прекрасную подготовку для такой работы. Прямо изъ аудиторіи Харьковскаго университета, который онъ окончилъ съ золотою медалью, молодымъ человекомъ, 21 года, Н. И. поступилъ преподавателемъ статистики въ Дворянскій полкъ, теперешнее Константиновское артиллерійское училище. Въ то время въ среду преподавателей этого учебнаго заведенія были привлечены лучшія научныя педагогическія силы, которыми Дворянскій полкъ такъ же гордился, какъ по справедливости онъ могъ гордиться своими питомцами, получившими почетную извѣстность на всѣхъ поприщахъ жизни. Въ Дворянскомъ полку Н. И. Самойловичъ преподавалъ 10 лѣтъ, будучи въ то же время профессоромъ политической экономіи въ офицерскихъ классахъ Лѣсного и Межевого институтовъ. Послѣдующая жизнь за границей дала ему возможность практически познакомиться со многими результатами экономическаго развитія въ Западной Европѣ и дополнила его всестороннее знакомство съ реальными сторонами русской экономической жизни. Его 17-лѣтняя публицистическая работа не прошла незамѣченной; особенно обратили на себя вниманіе статьи Н. И. о нашемъ денежномъ обращеніи. Литература и общественная жизнь не переставали интересовать его до послѣднихъ дней жизни, но необычайная скромность и какая-то странная конфузливостъ были неразлучны съ нимъ, и эти черты его характера сдѣлали то, что онъ всегда оставался въ тѣни, являясь въ то же время вездѣ полезнымъ и образованнымъ дѣятелемъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9557).

† **Усовъ, М. М.** Въ Казани скончался 29-го сентября бывшій профессоръ Казанскаго университета Михаилъ Михайловичъ Усовъ, принадлежавшій къ числу извѣстныхъ русскихъ зоологовъ. Въ своихъ изслѣдованіяхъ покойный особенно подробно разработалъ анатомію строенія оболочниковъ и головоногихъ моллюсковъ. М. М. родился 17-го августа 1845 года. Отецъ его—зачинный крестьянинъ приволжскаго села Работки Нижегородской губерніи. Послѣдовательно покойный окончилъ курсъ въ нижегородскомъ уѣздномъ училищѣ и въ гимназіи, затѣмъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ которомъ занимался у профессора Ф. В. Овсянникова анатоміей и гистологіей. Въ это время онъ опубликовалъ свою первую работу: «Строеніе нервныхъ спинныхъ узловъ». По окончаніи университета отправился для усовершенствованія въ знаніяхъ за границу, слушалъ лекціи въ Цюрихскомъ и Вѣнскомъ университетахъ, занимался зоологіей у проф. Лейкарта въ Лейцигѣ и самостоятельными зоологическими работами въ Неаполѣ и Мессинѣ. Геттингенскій университетъ въ 1874 году призналъ его докторомъ философіи. Возвратившись въ Россію, М. М. защитилъ въ Петербургскомъ университетѣ диссертацію «О строеніи оболочниковъ» на степень магистра зоологіи, съ 1880 г. по 1883 г. читалъ лекціи въ этомъ же университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента, затѣмъ перешелъ доцентомъ въ Казанскій университетъ и здѣсь защитилъ въ 1885 г. диссертацію на степень доктора зоологіи. Съ 1886 по 1885 г. читалъ въ Казанскомъ университетѣ анатомію и гистологію въ качествѣ профессора. Досуги профессорской дѣятельности покойный посвящалъ ученымъ трудамъ и занимался зоологическими изслѣдованіями въ Мессинѣ и въ различныхъ прибрежныхъ пунктахъ Чернаго моря. Его перу принадлежатъ нѣсколько работъ, изъ которыхъ назовемъ: «Введеніе въ изученіе сравнительной анатоміи», «Наблюденія надъ развитіемъ головоногихъ моллюсковъ», «Глазоподобныя пятна костистыхъ рыбъ», «Добавочныя доли спинного мозга костистыхъ рыбъ», «*Polypodium hydriforme*—новая форма прѣсноводныхъ целентератъ», «Къ анатоміи оболочниковъ», «Списокъ тушикатъ Чернаго моря» и друг. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9549).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ статьѣ «Лжецаревичъ Алексѣй Петровичъ».

Въ 9-ой книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за этотъ 1902 годъ помѣщена статья Ф. Л—ва: «Изъ архивныхъ дѣлъ XVIII в. Лжецаревичъ Алексѣй Петровичъ». Авторъ между прочимъ говоритъ, что «о дальнѣйшей судьбѣ священника Харятонова ничего не извѣстно».

Въ моемъ рукописномъ собраніи есть сборникъ, списанный съ рукописи XVIII в., гдѣ въ числѣ разныхъ статей помѣщено и синодское дѣло о священникѣ Матѳеѣ ¹⁾.

Кромѣ данныхъ, заключающихся въ моей рукописи, объ этой печальной исторіи еще упоминается о томъ же и въ V т. «Описанія документовъ и дѣлъ святѣйшаго синода». Все это можетъ служить прекраснымъ пополненіемъ статьи Ф. Л—ва и точнымъ опредѣленіемъ дальнѣйшей судьбы о. Матѳея Харитонова.

Въ 1722 году, 22-го апрѣля, состоялось синодское опредѣленіе о всѣхъ тѣхъ, которые «объявляютъ на исповѣди злодѣйственное намѣреніе не съ раскаяніемъ или отложеніемъ умысла, но съ непремѣннымъ того дѣйства желаніемъ, а наипаче же измѣну или бунтъ на государя или на государство, то долженъ духовникъ не токмо за его прямо исповѣданные грѣхи прощенія и разрѣшенія не сподоблять, но и донести вскорѣ о немъ, гдѣ надлежитъ». При этомъ каждый священникъ давалъ особую присягу ²⁾.

Недовольство реформами и жестокостями Петра I-го сильно чувствовалось въ народѣ, а таинственная смерть царевича Алексѣя, какъ предлогъ, породила и самозванцевъ. Если самозванцы появились въ 1723 году въ Псковѣ и Вологдѣ ³⁾, то, конечно, въ Астрахани, гдѣ всегда бывалъ сбродъ всякой вольницы, появленіе такихъ гулящихъ людей представляется вполне естественнымъ.

Въ 1724 году, въ Астрахани, къ покровскому попу Матѳею Харитонову, въ 3 день ноября, явился на исповѣдь гренадерскаго батальона извозчикъ Евтифій Артемьевъ, который, между прочимъ, на этой исповѣди сказалъ, что онъ не Евтифій, а царевичъ Алексѣй Петровичъ, что бѣжалъ изъ Петербурга и, опасаясь преслѣдованій отца-царя и его приспѣшниковъ, долженъ жить подъ чужимъ именемъ. Въ виду вышеприведеннаго синодскаго указа, который былъ недавно предъявленъ всѣмъ священникамъ и притомъ же со взятіемъ особой присяги, попъ Матѳеѣ объявилъ о семъ прапорщику Макару Сивецкому, а этотъ уже по должности сдѣлалъ форменное заявленіе генералу Кириллу Петровичу Матюшкину. Артемьева взяли, и онъ съ пытки сказалъ, что царевичемъ сталъ называться по наущенію доносителя попа Матѳея. Дѣло усложнилось.

Допросы шли очень медленно, а потомъ и самъ Матюшкинъ (вслѣдствіе полученнаго имъ изъ сената указа, въ апрѣлѣ 1725 г., чтобы для большаго распространенія русскаго владычества въ Гиліи сдѣлалъ тамъ хотя маленькую крѣпостцу на рѣкѣ Курѣ) долженъ былъ уѣхать изъ Астрахани. Дѣло о самозванцѣ онъ при своемъ отъѣздѣ передалъ бригадиру Шереметеву, который и приступилъ къ слѣдствію. Артемьевъ былъ пытанъ Шереметевымъ нѣсколько разъ и съ пытки, на очной ставкѣ съ попомъ Матѳеемъ, покался, что онъ оклеветалъ попа понапрасну, а назывался онъ, Евтифій, царевичемъ Алексѣемъ ничьимъ наущеніемъ, но отъ своего пьянства. Артемьева потомъ еще разъ пытали, и онъ попа Матѳея и въ другой разъ очистилъ. Затѣмъ Артемьева отправили въ Преображенскій приказъ, а попа Матѳея все еще продолжали

¹⁾ Это дѣло вмѣстѣ съ другими было мной напечатано въ «Русскомъ Архивѣ».

²⁾ Полн. Собр. Закон., т. VI, ст. 4012.

³⁾ Исторія Россіи, Соловьева, т. XVII, гл. 11.

держатъ въ тюрьмѣ и, несмотря на неоднократныя обѣщанія, даваемыя Шереметевымъ лично, онъ не былъ освобожденъ. Вскорѣ Шереметевъ, уѣзжая изъ Астрахани, оставилъ это дѣло полковнику Кобылкину, который, несмотря на просьбу попа Матѣя, также отказался освободить его, продолжая держать его подъ строгимъ карауломъ.

Въ такомъ безвыходномъ положеніи пошъ Матѣей черезъ своихъ родственниковъ обратился къ астраханскому епископу Лаврентію (Горкѣ), и тотъ уже отъ себя 21-го іюля 1725 года вошелъ особымъ доношеніемъ въ синодъ, чтобы

Матѣя, яко оправданнаго, освободить, или какое нибудь рѣшеніе сдѣлать, «иначе и впредь кто будетъ объявлять на исповѣди священникамъ какія царственныя дѣла, то священникъ, опасаясь такой же бѣды и долговременнаго за арестомъ содержанія, о намѣренной злобѣ доносить бояться будетъ»¹⁾.

По полученіи этого донесенія святѣйшій синодъ опредѣлилъ справиться въ Преображенской и Тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріяхъ и ходатайствовать объ освобожденіи попа Матѣя изъ-подъ ареста. 6 сентября былъ посланъ въ Преображенскую канцелярію объ этомъ указъ, а 18-го октября присланъ оттуда и самъ пошъ Матѣей Харитоновъ, обвиненный въ важномъ ея императорскаго величества дѣлѣ, для обнаженія священства, что и исполнено судією Тіунской конторы, протопопомъ Іоанномъ Семеновымъ.

А. Титовъ.

II.

Большое и малое Р.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1902 г., въ октябрьской книгѣ, на стр. 393—397, г. В. излагаетъ претензію на мои замѣчанія по поводу его послѣднихъ работъ, повторяя здѣсь въ болѣе сдержанной формѣ свой фельетонъ, помѣщенный въ «Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1902 г., № 98. Въ редакцію «Вѣдомостей» я уже отправилъ на этотъ фельетонъ свой отвѣтъ, который и позволю себѣ здѣсь вкратцѣ повторить. Я пишу, что никакъ не могу простить г. В. его написаніе Разстриги съ малаго р, хотя бы онъ вызвалъ еще болѣе священныхъ тѣней, въ виду того, что это написаніе вводитъ въ заблужденіе, какъ ввело въ ошибку меня много лѣтъ тому назадъ. Я искренно предполагаю, что издатель извѣстнаго документа именно такъ и читаетъ его, какъ печатаетъ, и въ новой его статьѣ видѣлъ деликатный намекъ на то же чтеніе, казавшееся мнѣ единственнымъ. Приятно видѣть, что г. В. уже не настаиваетъ на своемъ искусственномъ толкованіи поводовъ къ дозору 1601 г. Предположеніе, что Отрепьевъ былъ постриженъ преподобнымъ Трифономъ, я, конечно, приписываю вовсе не г. В., а отношу его на счетъ тѣхъ лицъ, которые производили розыскъ 1601 г. въ Москвѣ.

А. С.

¹⁾ Этого доношенія преосвященнаго Лаврентія въ дѣлахъ синода не сохранилось. «Описаніе док. и дѣлъ синода», т. V, ст. 405. Доношеніе взято изъ моей рукописи.

КЪ ПОРТРЕТУ ГРАФА А. Г. ОРЛОВА-ЧЕСМЕНСКАГО И ЕГО ДОЧЕРИ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій женился въ 1782 году, имѣя уже 45 лѣтъ отъ роду, на Евдокіи Николаевнѣ Лопухиной. Черезъ три года послѣ брака, 2-го мая 1785 г., у нихъ родилась дочь, графиня Анна Алексѣевна, а 20-го августа 1786 г., при рожденіи сына Ивана, графиня Евдокія Николаевна скончалась. Черезъ годъ послѣ того умеръ и ея сынъ. Оставшись вдовцомъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ посвятилъ себя исключительно воспитанію единственной дочери, которую страстно любилъ. Къ ней были приглашены лучшіе наставники, и уже семи лѣтъ она довольно свободно говорила по-французски, по-нѣмецки, по-англійски и по-итальянски, и въ этомъ возрастѣ была пожалована фрейлиной къ высочайшему двору. Въ 1797 году, графиня Анна Алексѣевна тяжело захворала воспаленіемъ, и нѣсколько дней жизнь ея находилась въ опасности. Отецъ не отходилъ ни на минуту отъ ея постели, самъ давалъ ей лѣкарства и окружилъ ее нѣжными заботами. Въ память выздоровленія дочери онъ сдѣлалъ богатые вклады въ разныя церкви и велѣлъ написать картину, изображающую его у одра больной дочери. Картина эта находится въ настоящее время въ московскомъ музеѣ П. И. Щукина и воспроизводится нами въ этой книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

Считаемъ излишнимъ распространяться о дальнѣйшей жизни графини Анны Алексѣевны, такъ какъ она достаточно извѣстна. Участіе отца въ низверженіи императора Петра III и катастрофѣ, повлекшей его кончину, глубоко и неизгладимо вѣзлалось въ ея сердце. Послѣ смерти графа Алексѣя Григорьевича она вся отдалась дѣламъ благотворенія и благочестія, поставивъ единственной цѣлью своего существованія — замолвить грѣхи отца. Подпавъ подъ вліяніе знаменитаго юрьевскаго архимандрита Фотія, графиня Анна Алексѣевна сдѣлалась его послушнымъ орудіемъ и пожертвовала почти все свое состояніе, до 25 милліоновъ, на церкви и монастыри. Она скончалась 5-го октября 1848 года въ Новгородскомъ Юрьевскомъ монастырѣ, превращенномъ ею изъ скромнаго и бѣднаго въ одну изъ самыхъ богатыхъ и великолѣпныхъ обителей въ Россіи.

Спустя два дня, въ полной парадной формѣ генераль Рованъ выходилъ изъ военнаго министерства въ Вашингтонѣ въ сопровожденіи сенатора Макъ-Дугалья. Въ рукахъ онъ комкалъ карточку, на которой карандашемъ было написано:

«Оставьте вашъ адресъ. Ждите приказаній въ Вашингтонѣ. С.».

— Вотъ моя судьба теперь,—промолвилъ со вздохомъ генераль.

— Это все бесполезно,—поддакнулъ сенаторъ:— останьтесь у меня, пока мы не переговоримъ съ Эндикотомъ и Осборнами. Они въ войскахъ Попа, ожидающихъ нападенія Ли и Джексона. Скайлеръ Гамильтонъ въ отпуску по случаю раны. Пойдемте теперь со мною въ Бѣлый Домъ; вы подождете меня въ приемной; да дайте мнѣ письмо отъ Джака Макъ-Крери.

Рованъ не смѣлъ сопротивляться, онъ зналъ, что благородный сенаторъ былъ преданнымъ защитникомъ, освободившимъ его изъ тюрьмы.

— Галлекъ и Стантонъ — оба славные люди,—продолжалъ Макъ-Дугаль.—Вы еще получите хорошее назначеніе. Не выдайтесь съ Линкольномъ, и ради вашей чести, ради меня, избѣгайте Сумнера. Еще одинъ неосторожный шагъ, и вы навѣки погибли. Вѣрьте мнѣ, лучъ свѣта наконецъ освѣтитъ вашу жизнь.

Черезъ десять минутъ сенаторъ сидѣлъ, глазъ на глазъ, съ президентомъ.

— Вотъ,—сказалъ онъ, подавая Линкольну письмо Джака Макъ-Крери:— это послѣднее письмо Макъ-Крери къ Ровану, который его приучилъ къ серьезной дѣятельности, женилъ на богатой дѣвушкѣ и былъ его покровителемъ. Война разорила Рована, и этотъ молодой человекъ внесъ въ банкъ помимо него 5.000 долларовъ, чтобы хоть отчасти возблагодарить его за оказанныя ему милости. Если бы генераль былъ убитъ, то его дочь получила бы хоть какое нибудь содержаніе, кромѣ скромной пенсіи. Достаточно ли это письмо очищаетъ Рована отъ обвиненія во взяткѣ?

— Повидимому, вполне,—отвѣчалъ мрачно Линкольнъ,—и однако Макъ-Крери поеступилъ въ южную армію.

— Также сдѣлалъ и генераль Ли,—произнесъ Макъ-Дугаль,— послѣ того, какъ вы и Скоттъ упрашивали его сдѣлаться главнокомандующимъ американской арміи. Но что мнѣ дѣлать съ генераломъ Рованомъ? Онъ требуетъ слѣдствія и суда. Теперь онъ свободный человекъ, и всѣ его оправдательныя бумаги готовы.

— Его дѣло прекращено,—рѣшительно сказалъ Линкольнъ.

— А его служба?—спросилъ Макъ-Дугаль:—у него теперь нѣтъ бригады.

— Пусть онъ спокойно подождетъ и не тревожитъ насъ,—отвѣчалъ Линкольнъ:—его здоровье требуетъ поправленія. Не выпускайте его изъ виду. Я обещаю вамъ, что онъ получитъ мѣсто согласно его чину, но со временемъ.

Макъ-Дугаль поклонился и спросилъ:

— А его оправданіе, президентъ?

Въ эту минуту въ комнату вошелъ съ депешами дежурный адъютантъ, и сенаторъ съ тяжелымъ вздохомъ вышелъ.

— Одинъ Богъ можетъ спасти Рована,—промолвилъ онъ сквозь зубы.

Однако онъ съ веселой улыбкой вернулся къ генералу и сказалъ:

— Вы скорѣ получите хорошее мѣсто, согласно вшему чину.

Несмотря на это, девять мѣсяцевъ пришлось Ровану ждать назначенія.

Въ продолженіе мрачной зимы Рованъ въ своемъ уединенномъ кабинетѣ ревностно слѣдилъ за обстоятельствами войны и къ величайшему своему отчаянію видѣлъ, что Бѣлый Домъ и военное министерство были для него закрыты. Такъ какъ онъ далъ себѣ слово не писать къ Иренѣ Варіанъ, прежде чѣмъ вернется на поле брани, онъ отказывалъ себѣ даже и въ этомъ утѣшеніи, тѣмъ болѣе, что его окружала попрежнему холодная атмосфера подозрѣній.

Число немногихъ его друзей ежедневно уменьшалось: Эндикотъ геройски умеръ на равнинахъ Антиэтама, а Эльмиръ Осборнъ на полѣ сраженія второго Буль-Руна. Поль Осборнъ былъ въ плѣну, а генераль Гамильтонъ находился на далекомъ западѣ.

Макъ-Клелланъ послѣ страшнаго пораженія Попа временно очутился во главѣ своей арміи и спасъ столицу, одержавъ кровавую побѣду подъ Антиэтамомъ. Но жестокая рѣзня при Фредериксбургѣ привела въ ужасъ весь сѣверъ и удалила навѣки бѣднаго Макъ-Клеллана изъ его арміи.

Только на югѣ, на Массиссипи и на западѣ американскій флагъ продолжалъ развѣваться побѣдоносно. Но счастье попрежнему улыбалось Ли, потому что Стэнвалъ Джаксонъ былъ еще живъ.

Смотря на лѣниво покоившуюся саблю въ своихъ ножнахъ, Рованъ продолжалъ бездѣйствовать. Онъ зналъ, что сенаторъ Сумнеръ еще не насытился своей местию. Хотя онъ былъ на свободѣ, но подозрѣніе всѣхъ начальствующихъ лицъ преслѣдовало его. Онъ же самъ могъ только выместить свою злобу на безвинномъ Гораціи Дювалѣ, котораго онъ теперь не пускалъ къ себѣ, несмотря на всѣ его домогательства.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Х.

Хорошо было для незанятаго генералъ-майора, что онъ во время зимы 1862 г. не появлялся въ клубахъ, ресторанахъ и театрахъ. Даже улицы стали для него чуждыми, такъ какъ общество, повидимому, отъ него отворачивалось. Никто не заботился о немъ и не обращалъ вниманія на генерала, лишеннаго назначенія.

Рованъ былъ совершенно одинъ, по пословицѣ, что никто не хочетъ якшаться съ несчастливимъ человѣкомъ. Только единственнымъ его собесѣдникомъ и другомъ въ одинокіе зимніе дни былъ капитанъ Поль Осборнъ, вернувшійся изъ плѣна, такъ какъ Ситонъ былъ посланъ въ армію.

За южными кружками въ Вашингтонѣ строго наблюдали шпионы, и самъ Рованъ избѣгалъ всѣхъ сомнительныхъ пріятелей. Благодаря доброму Макъ-Дугалю, уменьшилось преслѣдованіе Рована сенаторомъ Сумнеромъ.

— Наблюдайте за нимъ, какъ за ребенкомъ, — сказалъ Макъ-Дугаль капитану Осборну. — Спасите его, и я надѣюсь, что вы получите чинъ майора.

Только одинъ Осборнъ зналъ, какую тяжелую борьбу долженъ былъ вынести Макъ-Дугаль за репутацію Рована.

Однажды онъ услышалъ, какъ Сумнеръ хвастался въ кружкѣ друзей:

— Я уничтожилъ карьеру Рована.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ твердо Макъ-Дугаль: — не вы ее уничтожили, а Бэкеръ. Вы только разбили его сердце вашимъ *lettre de cachet*.

— Онъ никогда болѣе не обнажитъ своей сабли, — воскликнулъ Сумнеръ.

— Мы это еще увидимъ, — отвѣчалъ Макъ-Дугаль. — Отчего вы не разстрѣляли Попа или не посадили въ Бастилію? Быть можетъ, этимъ вы спасли бы цѣлую армію.

— Я намѣренъ дать генералу Банксу важное назначеніе на западѣ.

— Онъ имѣетъ одно преимущество надъ вами, — произнесъ Макъ-Дугаль: — онъ рискуетъ своей жизнью за родину, а вы — никогда.

Однако, сожалѣя президента, добрый сенаторъ поджидалъ удобное время. Мрачный блескъ сверкалъ въ глазахъ президента, и особенно послѣднія военныя неудачи вызвали у него на лицѣ глубоко-

кїя морщины. Терзаемый со всѣхъ сторонъ клеветниками и неспособными генералами, Линкольнъ не походилъ на себя.

— Да поможетъ Богъ нашему старому Моисею,—со вздохомъ думалъ Макъ-Дугаль.—Мы всѣ готовы поддержать его, но кто будетъ его Аарономъ.

Между тѣмъ Грантъ и Фаррагутъ медленно выяснялись гигантами изъ боевого дыма, и подготавливали окончательную побѣду избраннику отечества.

Что касается до Рована, то онъ все болѣе и болѣе убѣждался въ бесполезности хлопотать о назначенїи его въ дѣйствующую армію.

— Надо подождать, свѣтъ наконецъ блеснетъ,—говорилъ Рованъ.

Даже его прїатели, какъ энергичный Блэнъ, отказались отъ попытокъ заинтересовать прессу въ пользу несчастнаго генерала.

— Вашъ генераль умеръ навсегда,—сказалъ одинъ изъ вліятельныхъ журналистовъ.—Вамъ предстоитъ только его похоронить. Къ тому же онъ получаетъ жалованье, и мы не хотимъ за это преслѣдовать Стантона.

Что касается до военныхъ комитетовъ, палаты и сената, то члены его качали головой при краснорѣчивой защитѣ Макъ-Дугаля.

— Нѣтъ, нѣтъ,—говорили они,—мы не дадимъ ему никакого мѣста, прежде чѣмъ онъ оправдается въ своемъ прошедшемъ поведенїи.

А такъ какъ правительство не имѣло никакихъ доказательствъ въ виновности Рована, и онъ не имѣлъ возможности оправдаться, то обвиненїе и оправданїе были одинаково бесполезны. Несмотря на это, генераль Гамильтонъ писалъ своему старому товарищу:

«Прїѣзжайте на западъ, хотя бы въ чинѣ капрала. Здѣсь нами командуютъ настоящіе люди, а не куклы».

Такимъ образомъ ежемѣсячно Рованъ доносилъ по начальству, что онъ ждетъ приказанїй; при этомъ онъ всегда прибавлялъ, что онъ проситъ назначенїя въ дѣйствующую армію, все равно, въ какомъ чинѣ. На всѣ эти просьбы онъ не получалъ никакого отвѣта.

Между тѣмъ, несмотря на разочарованїе собственныхъ намѣренїй, Рованъ зорко слѣдилъ за военными дѣйствїями: за открытїемъ Миссисипи, за взятїемъ Новаго Орлеана, Коринѳа и Мурфрисбурга, за энергичными дѣйствїями западныхъ героевъ, за стратегїей Розекранца и подвигами Шермана. Хотя Дэвисъ и Ли въ зенитѣ своей славы царили среди своего военного двора въ Ричмондѣ, Рованъ, однако, предвидѣлъ, что наступали послѣдніе дни конфедераціи. Онъ понималъ, что, по словамъ Джона Логана, «сѣверные гиганты пробьютъ себѣ дорогу своими мечами къ заливу».

Наконецъ въ мартѣ мѣсяцѣ Рованъ отправился къ военному генераль-прокурору и спросилъ, когда же кончится его дѣло.

— Генераль Рованъ,—отвѣчалъ старый воинъ:—ничего не спрашивайте; ваше дѣло—какая-то непонятная тайна. Если ваше оправданіе когда нибудь состоится, то развѣ послѣ войны. Я израсходовалъ много тысячъ долларовъ казенныхъ денегъ, но все напрасно. Я полагаю, что оно сосредоточивается въ гнѣздѣ Синклеровъ въ гостепріимномъ Мериландскомъ жилищѣ, которое находилось рядомъ съ вами. По всей вѣроятности, одинъ изъ вашихъ молодыхъ офицеровъ былъ плѣненъ блестящими глазками и выкралъ 300-й листъ изъ вашей записной книжки.

— Но это не объясняетъ похищенія вашингтонскихъ плановъ,—мрачно произнесъ Рованъ:—а также картъ военной позиціи и Буль-Руна.

— Карроль,—сказалъ генераль Фрай:—комитетъ относительно веденія войны медленно изслѣдуетъ дѣло, я же полагаю, что эти планы и карты украдены у стараго Винфильда Скотта, а, можетъ быть, и у самого Линкольна. Если обокрали Скотта, то это легко объяснить его старостью и добротой. Если же Линкольнъ сдѣлался жертвой, то просто подкупили одного изъ его подчиненныхъ.

— Я вѣрю вамъ,—воскликнулъ Рованъ:—потому что никто, кромѣ меня, не могъ видѣть моихъ трехъ плановъ. Это двойная тайна. Но что мнѣ дѣлать?

— Взять ружье и броситься въ ряды сражающихся,—отвѣчалъ старый ветеранъ.

— Но,—вздохнулъ Рованъ,—я объ этомъ ужъ думалъ, и меня навѣрно уже ждетъ въ такомъ случаѣ отставка за отъѣздъ изъ Вашингтона безъ позволенія. Я совершенно безпомощенъ.

— Да,—отвѣчалъ генераль Фрай:—вы пригвождены къ позорному столбу сомнѣнія. Вамъ остается только ждать, положившись на Макъ-Дугалъ. Президентъ Линкольнъ любитъ своего рыцарскаго калифорнскаго друга юности. Ждите и надѣйтесь.

— Какъ Монте-Кристо,—печально промолвилъ Рованъ и медленно удалился изъ комнатъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ снова вспыхнулъ взрывъ войны, и начались энергичныя дѣйствія; въ виду все-таки ожидаемаго назначенія въ дѣйствующую армію Рованъ оставилъ свою дочь попрежнему въ Филадельфіи на попеченіи ея добрыхъ опекуновъ, но на случай своей смерти прибавилъ два запечатанныхъ письма на имя Ирены Варіанъ и опекуновъ дочери, которая все еще ничего не знала.

Въ послѣднемъ письмѣ онъ писалъ:

«Въ случаѣ моей кончины отдайте Иренѣ Варіанъ прилагаемое письмо, мое завѣщаніе и мои оправдательныя бумаги, находящіяся въ банкѣ Рикса. Я ее назначаю попечительницей моего ребенка, который, слава Богу, до сихъ поръ полагаетъ, что я въ отпуску».

Въ письмѣ къ Иренѣ, написанномъ съ слезами отчаянія, онъ рассказывалъ всю свою исторію:

«Вамъ, Ирена, такъ странно вмѣшавшейся въ мое горе, — говорилось въ концѣ письма, — я завѣщаю моего ребенка. Научите его любить и уважать мою память. Всѣми заброшенный, игрушка официального начальства и безжалостной печати, жертва ненависти Сумнера, я имѣю въ васъ единственное утѣшеніе. Если наконецъ меня пошлютъ на поле брани, то поѣзжайте къ моему ребенку и прижмите его къ своему сердцу; если я умру, то вы получите исторію моего сердца. Если же со временемъ мое имя очистится отъ всякаго подозрѣнія, то я съ счастьемъ увижу васъ, иначе я никогда не приближусь къ вамъ».

Однажды вечеромъ, когда Поль Осборнъ оправился и искалъ назначенія въ дѣйствующую армію, сенаторъ Макъ-Дугаль пригласилъ его обѣдать въ свой клубъ.

— Ну, — сказалъ добрый старикъ: — я принесъ вамъ майорскій патентъ и назначеніе въ штабъ Гукера, который наслѣдовалъ Борисайду. Повидимому, мы опять намѣрены сражаться, но Богъ знаетъ, съ какимъ успѣхомъ. Вѣдь еще живъ Станволъ Джексонъ. Цезарь Борджіа заплатилъ бы 10 милліоновъ за его убійство, но по счастью Грантъ вскорѣ возьметъ Висксбургъ, и тогда останется только для насъ обладаніе портомъ Гудсономъ и департаментомъ Залива. Ну, теперь я вамъ скажу большую новость: прежде чѣмъ вы поступите въ штабъ Гукера, вы отправитесь съ генераломъ Рованомъ на западъ; онъ наконецъ назначенъ въ дѣйствующую армію.

Осборнъ вскочилъ съ какой-то дикой радостью:

— Вы сдѣлали это! — воскликнулъ онъ внѣ себя отъ счастья.

— Да, — отвѣчалъ Макъ-Дугаль: — я случайно назначенъ въ сенатъ председателемъ финансовой комиссіи, и мнѣ удалось съ помощью пяти благородныхъ товарищей остановить всѣ военныя выдачи. Но, прежде чѣмъ я буду продолжать, дайте мнѣ слово не говорить Ровану этихъ подробностей. Онъ до того уметвенно разстроенъ, что съ нимъ можетъ кончиться дурно. Я, право, думаю, что ему не мѣшало бы пустить кровь.

Осборнъ поклонился въ знакъ согласія, а Макъ-Дугаль, закуривъ сигару, весело продолжалъ свой рассказъ:

— Какъ только вѣсть дошла объ этомъ до Сумнера, то онъ бросился ко мнѣ и воскликнулъ внѣ себя отъ злобы: «Что вамъ надо?» — Я спокойно отвѣчалъ: «Назначеніе генерала Рована въ дѣйствующую армію на западъ». — «Это ваше послѣднее слово?» — прогремѣлъ массачусетскій сенаторъ. — «Назначеніе Рована или ни гроша денегъ», — энергично отвѣчалъ я. — «Я принесу завтра утромъ вамъ въ сенатъ его назначеніе», — сказалъ мрачно Сумнеръ и выбѣжалъ изъ комнаты. Ну, Осборнъ, — прибавилъ Макъ-Дугаль, — не благодарите меня за майорскій чинъ и приходите ко мнѣ въ сенатъ въ полдень, а вечеромъ уѣзжайте изъ Вашингтона съ Рованомъ.

— Онъ готовъ ѣхать хоть черезъ часъ,—отвѣчалъ обрадованный молодой человѣкъ.

— Мнѣ еще предстоитъ сдѣлать фокусъ,—сказалъ Макъ-Дугель:— Линкольнъ мнѣ еще никогда ни въ чемъ не отказывалъ, кромѣ какъ въ оправданія Рована. Теперь я добьюсь вашей посылки на западъ вмѣстѣ съ Рованомъ. Я добуду вамъ какую нибудь инспекцію. Но передайте ему эту вѣсть осторожно. Часто счастливыя вещи дѣйствуютъ болѣе роковымъ образомъ, чѣмъ несчастныя. Ну, прощайте, я отправляюсь къ президенту.

— Да благословитъ васъ Господь!—воскликнулъ Осборнъ.

На другой день Рованъ былъ занятъ писаніемъ, когда майоръ Осборнъ весело вбѣжалъ въ комнату съ большимъ официальнымъ конвертомъ, торчавшимъ изъ бокового кармана.

— Наконецъ я досталъ свой чинъ и свое назначеніе, —воскликнулъ молодой человѣкъ, старательно закрывъ дверь.

Но Рованъ, пристально взглянувъ на его глаза, радостно устремленные на друга спросилъ его:

— Скажите мнѣ, Поль, вы что-то хотите мнѣ сказать? Это, конечно, пріятная вѣсть?

Новый майоръ вынулъ конвертъ съ надписью: «Генераль-майору Ровану; весьма нужное».

— Никто не открывалъ этой бумаги;—промолвилъ онъ:—я отправлюсь съ вами, куда васъ ни пошлютъ. Распоряженіе о моемъ отъѣздѣ ждетъ меня въ военномъ министерствѣ. Макъ-Дугаль все устроилъ. Да благословитъ его за это Господь.

Изъ сердца Рована вырвалось нѣчто въ родѣ рыданій.

— Слава Богу,—сказалъ онъ тихо:—поѣдемъ въ военное министерство и заявимъ о своемъ отъѣздѣ. Мнѣ надо здѣсь только послать двѣ телеграммы и заплатить мой счетъ.

— Я вамъ приготовилъ отличнаго преданнаго слугу, генералъ,—сказалъ Осборнъ:—вамъ никогда болѣе не измѣнять.

Пока Рованъ надѣвалъ свою полную парадную форму, Осборнъ прочелъ бумагу Стантона.

«Генераль-майоръ Карроль Рованъ назначенъ начальникомъ штаба къ генералу Натаніэлю Банксу, командующему департаментомъ Залива. Онъ отправится немедленно къ мѣсту своего назначенія».

Лицо Осборна омрачилось, и по дорогѣ въ военное министерство онъ промолвилъ про себя:

— Въ сущности это не назначеніе, и Рованъ не начальникъ штаба и не генераль-майоръ. Его назначили только высшимъ чиновникомъ къ сѣверному политикану-генералу. Сумнеръ сдержалъ свое слово и не далъ ему настоящаго назначенія, но все-же онъ будетъ предъ глазами враговъ и возьметъ фортъ Гудсонъ.

Генераль покраснѣлъ, когда въ военномъ министерствѣ всѣ служащіе разбѣжались при видѣ его. Казалось, каждый избѣгалъ его. Черезъ десять минутъ вышелъ адъютантъ министра Е. Таунзендъ и поклонившись сказалъ:

— Генераль, министръ занятъ. Вотъ депеши. Отправляйтесь сейчасъ къ мѣсту вашего назначенія.

Пожавъ руку Ровану, онъ молча простился съ нимъ, и генераль вышелъ изъ военного министерства, не услышавъ ни слова сочувствія или поздравленія.

Проѣзжая мимо Бѣлаго Дома, молодой майоръ сказалъ, какъ бы угадывая мысли Рована:

— Не осуждайте президента, генераль, ваше дѣло одно изъ многихъ, въ которыхъ замѣшана зависть, ненависть и злоба здѣшнихъ интригановъ.

Они прямо отправились къ генералу Фрайю, и, надѣвая свою саблю, возвращенную ему добрымъ старикомъ, Рованъ воскликнулъ:

— Да поможетъ Господь президенту! Да благословитъ Онъ наше любимое отечество, и да проститъ Онъ моихъ предателей!

Спустя три часа, оба пріятели летѣли по желѣзной дорогѣ мимо покинутого лагеря подъ Пулесвилемъ. Рованъ не открывалъ глазъ, пока они не миновали рокового мѣста. Въ это самое время въ Детроа прекрасная молодая дѣвушка со слезами счастья читала телеграмму отъ новаго начальника штаба департамента Залива:

«Буду писать вамъ подробно изъ форта Гудсона или раньше. Примите моего сироту-ребенка, какъ залогъ моей вѣры въ васъ, пока я не буду въ состояніи соединиться съ вами. Документы и бумаги для вашего руководства вы получите отъ филадельфійскаго судьи Монгомери и его жены въ улицѣ Саранчи, № 114».

— Наконецъ блеснулъ лучъ свѣта,—воскликнула Ирена Варіанъ,—только гордость заставляла его до сихъ поръ не отвѣчать мнѣ ни слова. Теперь снова возстановлена его рыцарская честь, и онъ можетъ опять жертвовать отечеству своей жизнью. Я увижу его и услышу изъ его собственныхъ устъ всю исторію его несчастій, которыя онъ гордо перенесъ.

Судья Монгомери обрадовался этой, хотя и поздней, справедливости относительно храбраго воина и съ удовольствіемъ приготовился радушно встрѣтить въ своемъ домѣ неожиданную гостью.

— Это десница Божія,—произнесъ онъ,—нѣжная любовь Ирены Варіанъ окружить безпомощнаго ребенка, Адель теперь будетъ имѣть покровительницу въ этомъ юномъ сердцѣ.

Онъ зналъ, что Ирена Варіанъ была благородная душа, прелестная дѣвушка съ развитыми способностями и двадцати-шестилѣтняя красавица, средоточіе блестящаго домашняго кружка.

— Отчего нѣтъ?—отвѣчалъ Монгомери на свою неожиданную радостную мысль:—можетъ быть, судьба Рована наконецъ и улыбнется.

Въ эту ночь сенаторъ Макъ-Дугаль спалъ спокойно, а Чарльзъ Сумнеръ ходилъ по своей библиотекѣ, успокаивая себя логическими мыслями:

«Теперь на время дѣло окончено. Въ рукахъ Банкаса, этого осторожнаго гражданина Массачусета, Рованъ будетъ въ состояніи рисковать своей жизнью. У него не будетъ ни власти, ни войска, ни денегъ, ни настоящаго военнаго положенія, и около дюжины храбрыхъ молодцовъ будутъ слѣдить за его продѣлками. Кромѣ того, за нимъ стануть наблюдать безчисленные шпионы. Ну, я знатно связалъ его по рукамъ и ногамъ. Къ тому же онъ технически опытный человѣкъ и дѣйствительно можетъ помочь Банксу, который въ этомъ отношеніи нуждается въ искусной поддержкѣ».

Черезъ двѣ недѣли генералъ Рованъ былъ счастливѣйшій человѣкъ въ лагерѣ генерала Банкаса; радостно билось у него сердце, когда слышалъ онъ пальбу изъ большихъ орудій въ фортѣ Гудсонѣ, который защищалъ южный генералъ Гарднеръ. «Vive le son du canon!»—пѣли энтузіасты-французы во время революціи, и то же самое теперь откликнулось въ сердцѣ Рована. Онъ до такой степени яро бросался въ огонь, что даже Банксъ былъ принужденъ его останавливать. Пламенно желая рисковать наконецъ своей жизнью, онъ никого не слушался, ни Банкаса, ни майора Осборна, и вѣчно былъ впереди всѣхъ.

Слишкомъ занятый своими новыми обязанностями, онъ не обращалъ вниманія на холодное отношеніе къ нему офицеровъ и солдатъ. Банксъ, увидѣвъ всѣ достоинства Рована, предоставилъ ему полную свободу въ командованіи своей арміи. Такимъ образомъ, послѣ девятимѣсячной обязательной бездѣятельности, Рованъ радостно углубился въ энергичную военную дѣятельность.

Кромѣ этого, его сердце сіяло счастіемъ отъ полученныхъ писемъ его дочери и красавицы Иренны Варіанъ, которую онъ зналъ еще ребенкомъ.

«Я не ожидала, чтобы вы отрицали свою виновность,—писала она въ первомъ письмѣ послѣ его телеграммы.—Я знала и такъ вашу невинность, а теперь я знаю черезъ сенатора Макъ-Дугаля, что никакой обвинитель не посмѣлъ возстать противъ васъ. Мое сердце слѣдуетъ за вами на поле битвы, Карроль, и вашъ ребенокъ—мой ребенокъ. Моя жизнь, мое состояніе и моя любовь принадлежатъ ей».

Такимъ образомъ, рука одной женщины предала Рована, а другая вселила въ его сердце отрадный миръ.

Впрочемъ и военныя обстоятельства измѣнились къ лучшему для сѣвера: въ ужасной рѣзнѣ при Чансельорсвиллѣ по таинствен-

ной волѣ судьбы погибъ храбрый Станволъ Джаксонъ отъ случайнаго залпа его собственныхъ солдатъ. Тогда навѣки померкла звѣзда генерала Ли. Если бы Джаксонъ оставался живъ, то Ли не проигралъ бы сраженія подъ Гетисбургомъ, такъ какъ всѣ высоты, окружавшія этотъ пунктъ, были бы заняты имъ. Счастье отвернулось отъ генерала Ли, и ворота Ричмонда медленно открывались передъ сѣверянами.

Предвидя вѣрные признаки близкаго паденія юга, Рованъ не замѣчалъ среди долговременной осады форта Гудсона, что все еще продолжались холодныя отношенія къ нему его прежнихъ товарищей. Клевета попрежнему неистово гуляла по лагерю. Хотя онъ и не видѣлъ этого, но нѣсколько разъ просилъ назначить его полковникомъ въ прежній свой 14-й пѣхотный полкъ, жертвуя чиномъ генерала волонтеровъ. Но каждый разъ ему отвѣчали стереотипной фразой: «Служба генерала Рована въ качествѣ начальника штаба слишкомъ оцѣнена начальствомъ, чтобы его лишиться».

Между тѣмъ, глаза всей страны были устремлены на смѣлаго Гранта, который все еще безжалостно осаждалъ Вискбургъ. При появленіи Рована въ арміи Банкса послѣдній и Грантъ только что потерпѣли неудачу въ штурмѣ этихъ двухъ фортовъ и убѣдились, что имъ не такъ легко будетъ взять южныя твердыни. При этомъ портъ Гудсонъ совершенно зависѣлъ отъ судьбы Вискбурга и подготовлявшейся кровавой битвы подъ Гетисбургомъ между Ли и Мидомъ, замѣнившимъ Гукера.

Еще въ январѣ 1863 г. Линкольнъ обнаружилъ эмансипацію, но она съ перваго начала была только нравственнымъ триумфомъ, такъ какъ, странно сказать, негры оставались вѣрными своимъ господамъ. Даже на сѣверѣ была значительная оппозиція противъ благороднаго поступка президента, и многіе отказывались сражаться за свободу негровъ.

Несчастливая раса! Даже въ началѣ XX вѣка она все еще составляетъ бездомный призракъ въ нашей національной семьѣ. Колеблясь между игомъ рабства и игомъ невѣжества, негры—измаильтяне современной исторіи. Рованъ зналъ, что никогда мечемъ не будетъ разрѣшенъ вопросъ «о правахъ штатовъ и о судьбѣ негровъ»; съ тяжелымъ вздохомъ онъ видѣлъ, какъ въ четвертомъ поколѣніи югъ тяжело уплачивалъ за грѣхи стариковъ.

— Виноваты тутъ и отцы республики,—размышлялъ генералъ,—и мы страдаемъ за то, что прежнія поколѣнія терпѣли рабство. Какое ужасное возмездіе за торговлю неграми!

Что же касается до Джеферсона Дэвиса, то зная, что дѣла юга шли дурно, онъ напрягалъ всѣ силы, чтобы взять Вашингтонъ, Балтимору или Филадельфію и тѣмъ принудить сѣверянъ на заключеніе мира.

— «Генераль Ли теперъ лишился своей правой руки,—думалъ Рованъ,—и вѣсть объ этой потерѣ для юга разнеслась, какъ похоронный звонъ, потому что всѣ побѣды Ли безплодны безъ Джаксона, который умѣлъ извлекать изъ нихъ побѣдоносныя послѣдствія. Вся моя надежда въ Грантѣ, который служитъ таинственной загадкой въ будущемъ. Онъ или возьметъ Виксбургъ или офиціально погибнетъ».

Рованъ зналъ, какую помощь оказывали Гранту адмиралы Портеръ и Фарагутъ, а также инженеръ Макъ-Ферсенъ. Не меньшее содѣйствіе оказывалъ ему знаменитый американскій герой, Джонъ Ролинсъ, дитя нищеты, въ двадцать лѣтъ поступившій въ школу, а въ тридцать—бывшій уже начальникомъ штаба Гранта. Безпредѣльно преданный своему начальнику, онъ поддерживалъ его во всѣхъ его подвигахъ. Тридцати семи лѣтъ онъ назначенъ былъ военнымъ министромъ и черезъ годъ сдѣлался жертвой своей преданности родинѣ.

Этотъ храбрый воинъ телеграфировалъ Банксу 7-го іюля:

«Усильте вашъ огонь. Виксбургъ взять. Тридцать семь тысячъ плѣнныхъ, десять тысячъ убитыхъ и раненыхъ и громадная добыча! Мало того, Мидъ разбилъ армію генерала Ли подъ Гетисбургомъ, цвѣтъ Виргиніи и Сѣверной Каролины никогда болѣе не явится на полѣ брани».

Бросившись къ своимъ орудіямъ, приведенная въ восторгъ армія Банкса открыла убійственный огонь противъ Гардинера.

Вскорѣ фортъ Гудсонъ палъ къ ногамъ сѣверянъ. Это былъ единственный день торжества несчастнаго генерала Рована, который не могъ отдѣлаться отъ обвиненія въ измѣнѣ. Неожиданная побѣда осѣнила его лаврами, и онъ офиціально принималъ въ полной парадной формѣ сдачу великой крѣпости.

Впрочемъ и тутъ среди лавровъ, законно пріобрѣтенныхъ имъ послѣ десятидневной осады, онъ избѣгалъ торжествъ и празднествъ изъ боязни клеветъ и холоднаго обращенія офицеровъ.

Единственное его утѣшеніе въ эту радостную и печальную минуту было писать къ Иренѣ Варіанъ. Наконецъ онъ могъ излить предъ ней все наболѣвшее свое сердце, и страница за страницей наполнялись его откровенной исповѣдью.

«Я загладилъ Бульсъ-Блуфъ,—писалъ онъ:—посылаю вамъ ротный значекъ южанъ, и, получивъ саблю непріятельскаго генерала, я могу теперъ искренно поговорить съ вами. Прежде всего я долженъ вамъ сказать, что отдаю вамъ свою Адель. Сдѣлайте ее своимъ ребенкомъ, пока я буду въ состояніи присоединиться къ вамъ. Я очень сожалѣю, что я одинъ изъ всей арміи не могу отпроситься въ отпускъ. Иначе я отправился бы въ Филадельфію и самъ отвезъ бы къ вамъ ее. Когда нибудь, впослѣдствіи, я пріѣду къ ней. Вы скажите ей, что я дожилъ до дня торжества. Вѣрьте

мнѣ, защищайте мою честь предъ моей дочерью и ждите того дня, когда мы встрѣтимся въ минуту окончательной побѣды американскаго флага».

Вскорѣ Рованъ съ ужасомъ узналъ, что 6-й корпусъ былъ посланъ въ Нью-Йоркъ для усмиренія уличныхъ беспорядковъ.

— Все это дѣло подлыхъ измѣнниковъ,—говорилъ Рованъ:—никого изъ нихъ не посадятъ въ фортъ Лафайетъ, потому что сенаторъ Сумнеръ считаетъ ихъ неважными.

Черезъ мѣсяцъ Банксъ, самолюбіе котораго было раздута до зенита, и котораго газеты превозносили, какъ побѣдителя, отправился съ своей арміей въ Новый Орлеанъ.

Между тѣмъ его начальникъ штаба не получилъ ни малѣйшей награды, хотя сенаторъ Макъ-Дугаль энергично хлопоталъ о немъ. Даже нѣжныя письма Ирены Варіанъ, портреты его дочери въ объятіяхъ красавицы тетки и поздравительныя письма съ побѣдой отъ сенатора не могли резвеселить мрачнаго генерала.

Взятіе Нового Орлеана, гдѣ царили теперь Банксъ и Бутлеръ, не производило радостнаго впечатлѣнія на общественнаго отщепенца. Онъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на толпы всевозможныхъ интригановъ, неистово вертѣвшихся въ пляскѣ св. Витта.

Пока Грантъ простиралъ руку на армію Тенесси, Банксъ, забывая, что Гудсонъ палъ только потому, что Виксбургъ былъ взятъ,—затѣвалъ громадное движеніе, которое оторвало бы отъ юга западную Луизиану, Арканзасъ и Тэхасъ. Онъ самъ надѣялся на могущественную поддержку Сумнера и позволялъ составлять всевозможные планы своимъ помощникамъ, интриганамъ.

Наконецъ выведенный изъ терпѣнія невключеніемъ его въ списокъ участниковъ торжественнаго военнаго обѣда Рованъ обратился къ своему начальнику съ просьбой дать ему независимый военный отрядъ.

— Вы видѣли меня въ траншеяхъ, генераль, въ продолженіе десяти мѣсяцевъ,—произнесъ Рованъ:—и только тогда признали меня своимъ начальникомъ штаба. Я уже ветеранъ на службѣ, а у меня нѣтъ никакого отдѣльнаго назначенія.

— Я буду имѣть васъ въ виду,—отвѣчалъ сухо Банксъ.

Еще холоднѣе обратился онъ къ Ровану черезъ два мѣсяца, узнавъ, что генераль ходатайствовалъ чрезъ сенатора Макъ-Дугаля о подобномъ назначеніи.

— Ваше представленіе чрезъ чужого человѣка,—сказалъ онъ:—прислано ко мнѣ съ неодобрительнымъ отзывомъ. Въ будущемъ вамъ слѣдуетъ придерживаться своихъ обязанностей.

Весь гнѣвъ и горечь, овладѣвшіе Рованомъ, онъ выразилъ полковнику Абернети, рѣдкому своему пріятелю въ числѣ офицеровъ.

— Генераль,—отвѣчалъ ветеранъ:—я не смѣю высказать вамъ, какого мнѣнія держатся о васъ ваши товарищи. Вы противъ нихъ

безпомощны, потому что не можете же вы вызвать на дуэль весь штабъ. Вы должны знать, что каждый офицеръ боится имѣть какія либо отношенія съ вами. Генераль Банксъ вполне зависитъ отъ Сумнера, а послѣдній васъ ненавидитъ.

— Что же мнѣ дѣлать, Абернети?—спросилъ задыхаясь Рованъ.

— Постараться найти смерть въ слѣдующемъ сраженіи,—отвѣчалъ полковникъ:—я слышалъ, что мы поднимемся по Красной рѣчкѣ, но одному Богу извѣстно, чѣмъ это кончится.

Рованъ удалился, повѣсивъ голову. Онъ окончательно былъ безпомощнымъ паріемъ меча.

— У меня нѣтъ ни друга, ни будущности,—промолвилъ онъ съ отчаяніемъ:—Слава Богу, что у меня осталась родина: я могу помереть за нее. Быть можетъ, смерть будетъ для меня добрѣе жизни. Къ чему болѣе вести бесполезную борьбу?

Дѣйствительно ему писали изъ Вашингтона, что Сумнеръ съ гордостью хвастался:

— Онъ теперь на глазахъ у вѣрнаго сына Массачусета и не можетъ причинить намъ вреда, онъ совершенно безпомощенъ и не въ состояніи кормить своихъ друзей мятежниковъ трупами умерщвленной бригады.

Даже сенаторъ Макъ-Дугаль объявилъ Ровану, что всѣ его попытки достать ему дивизію или бригаду остались безъ успѣха.

Спокойно, гордо и съ достоинствомъ Рованъ исполнялъ свои обязанности и своей постоянною холодной учтивостью располагалъ въ свою пользу тѣхъ самыхъ офицеровъ, которые официально не смѣли высказываться въ его пользу.

— Я не буду беспокоить Ирены, этой прелестной феи,—говорилъ онъ про себя:—свою печальной исторіей. Я напишу ее и запечатаю, чтобы въ случаѣ моей смерти храбрый старый Абернети передалъ ей мое завѣщаніе. Что же касается до Адели, то Богъ будетъ покровителемъ ея невинности.

Между тѣмъ всѣ южане знали, что Банксъ собирается торжественно подняться по Красной рѣчкѣ задолго передъ окончаніемъ приготовленія Портеромъ своего флота, и рѣшили дать ему энергичный отпоръ. Никто не вѣдалъ ни въ южной ни въ сѣверной арміи, кто составилъ планъ этой экспедиціи. По всей вѣроятности, она была задумана различными кровавыми вампирами и позорными интриганами, которые думали не объ отечествѣ, а о личной выгодѣ. Всѣ благоразумные люди были противъ этого дорогого бесполезнаго предпріятія. Грантъ и Шерманъ противились ему. Но легкомысленный Банксъ не хотѣлъ ничего знать и началъ свой несчастный походъ 14-го марта небольшимъ успѣхомъ—взятіемъ форта Рузеля.

Высадившись на берегъ, блестящая сорокатысячная армія съ роскошными пятимилліонными запасами пустилась въ побѣдный походъ. Но вмѣсто побѣды, благодаря неспособности Банкса, она понесла самое страшное пораженіе. Обращенное въ толпу безпора-

дочныхъ бѣглецовъ, войско Банкаса въ несчастной экспедиціи потеряло до пяти тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными, двадцать орудій и безчисленное число запасовъ. Наконецъ послѣ длиннаго ряда проигранныхъ битвъ несчастный отрядъ вернулся и на прощаніе бесполезно сжегъ Александрію 14-го мая.

Эта колоссальная неудача, только благодаря флоту, не обратилась въ кровавую катастрофу, и одинъ генералъ Рованъ стяжалъ неувядаемые лавры. Съ самаго начала экспедиціи полковникъ Абернети объявилъ всѣмъ офицерамъ, отворачивавшимся отъ генерала, что онъ будетъ драться на дуэли съ каждымъ осмѣливающимся оскорбить его. Это нѣсколько сдержало враговъ бѣднаго Рована; видя такую стойкую дружбу и защиту храбраго ветерана относительно такъ называемаго измѣнника, многіе стали сомнѣваться въ справедливости распространяемыхъ клеветъ. Когда же на глазахъ всѣхъ, во время кровавой экспедиціи, Рованъ съ саблей въ рукахъ бросался всюду въ самый огонь и покрылъ себя славой неустрашимого, храбраго воина, то общій восторгъ овладѣлъ всѣмъ отрядомъ. Въ самой отчаянной изъ битвъ этой экспедиціи при горѣ Плезансъ Рованъ вышелъ совершенно изъ себя; онъ бросался на батареи и на кавалерійскіе атаки, однимъ словомъ искалъ смерти, которая однако не приходила. Сидя вечеромъ у лагерныхъ костровъ, онъ мрачно бормоталъ про себя:

— Даже смерть меня не хочетъ!

Неожиданно онъ увидалъ приближавшуюся группу офицеровъ, снявшихъ фуражки.

— Генералъ,—сказалъ шедшій впереди:—мы пришли, чтобы сказать вамъ общее мнѣніе всего отряда о вашей неустрашимой храбрости. Если бы кто нибудь могъ спасти честь арміи, то это вы. Вы вполне заслужили чина генералъ-майора регулярной арміи!

— Такъ скажите это вашему господину, сенатору Сумнеру,—сказалъ Рованъ сильнымъ голосомъ и быстро удалился.

Несмотря на эту перемѣну мнѣнія о Рованѣ всего отряда, Банксъ, видимо, дулся на него и со времени отступленія на Александрію почти не обращалъ вниманія на своего начальника штаба, который не только энергично руководилъ отступленіемъ, но принужденъ былъ писать официальные рапорты о страшномъ пораженіи.

Вернувшись наконецъ въ Новый Орлеанъ, Рованъ ревностно принялся разбирать накопившуюся за долгое время почту, надѣясь найти письма отъ дочери. Въ то время какъ онъ предавался этой работѣ, къ нему вошелъ Банксъ и молча подалъ конвертъ. Это была запоздавшая на два мѣсяца депеша объ отчисленіи его изъ генералъ-майоровъ волонтеровъ.

— Фортъ Лафайетъ былъ тяжелымъ оскорбленіемъ,—воскликнулъ Рованъ видя себя отъ гнѣва:—а это еще хуже.

— Полковникъ,—отвѣчалъ Банксъ:—вы открыли бы лучше ваши письма и не позволяли бы себѣ такъ говорить, а то вы лишитесь своего послѣдняго чина.

Рованъ прочелъ съ изумленіемъ увѣдомленіе, что «полковникъ 14-го пѣхотнаго полка отчисляется въ свой полкъ, и ему предписано явиться въ Каиръ въ Иллинойсѣ».

— Это послѣдняя мѣсть Сумнера,—пробормоталъ почти сошедшій съ ума Рованъ.

У него не было ни одного друга, къ которому онъ могъ бы обратиться, такъ какъ Абернеги былъ убитъ во время экспедиціи.

Онъ тотчасъ телеграфировалъ Иренѣ Варіанъ, прося ее, какъ можно скорѣе, привезти въ Каиръ его дочь, и съ отчаяніемъ сорвалъ свои генеральскіе эполеты. На слѣдующее утро, не простившись не съ кѣмъ, Рованъ отправился по желѣзной дорогѣ. Физически онъ не походилъ на себя, и одинъ раненный офицеръ, увидѣвъ его на станціи, промолвилъ:

— Онъ походитъ на умирающаго человѣка!

— Или на сумасшедшаго,—сказалъ проходившій мимо докторъ.

— Моя звѣзда вавѣки померкла,—бормоталъ про себя Рованъ:—но я постараюсь возстановить ея блескъ, хотя бы въ чуждой мнѣ странѣ.

Спусти четыре часа послѣ его прибытія въ Каиръ, явилась и его дочь съ красавицей Иреной. Первая бросилась со слезами къ отцу, а другая печально промолвила:

— Боже мой! Зачѣмъ вы пріѣхали?

— Разжалованъ, удаленъ, опозоренъ,—шепотомъ отвѣчалъ Рованъ:—меня прислали сюда въ качествѣ полковника моего прежняго полка.

— Сегодня вечеромъ вы мнѣ все расскажете, Карроль, — воскликнула красавица:—ваша жизнь, ваша честь принадлежать теперь мнѣ. Вы не покинете передового пункта въ арміи. У васъ все-таки есть защитникъ сенаторъ Макъ-Дугаль.

— Я прожилъ одиннадцать мѣсяцевъ въ враждебномъ аду, — промолвилъ Рованъ:—а теперь меня ожидаетъ здѣсь только позоръ.

— Я буду всегда съ вами, — воскликнула Ирена:—пока я жива. Вамъ еще предстоитъ долгая, славная жизнь на зло вашимъ врагамъ. Я чувствую, что женщина погубила васъ измѣной. Пусть женщина и возстановитъ вашу честь.

Сильный, мужественный Рованъ закрылъ лицо руками и горько заплакалъ.

Въ тотъ же день онъ телеграфировалъ въ Вашингтонъ, что полковникъ Рованъ прибылъ въ Каиръ и ждетъ назначенія на полѣ брани. Получивъ это извѣстіе, сенаторъ Макъ-Дугаль сдѣлалъ все, что могъ, для отправленія Рована къ Гранту, который добился начальства надъ арміей Тенесси и храбро боролся въ «Пустынѣ», но всѣ усилія Макъ-Дугалья были тщетны.

Время было отчаянное и полное тревоги: осада Чарльстона продолжалась; Шерманъ окружилъ желѣзнымъ кольцомъ Атланту; Шериданъ овладѣлъ Шенаидой; Феррагутъ потопилъ «Алабаму»; южане отброшены отъ Вашингтона, а конфедерація близилась къ своему концу.

Генераль Ли не жалѣлъ крови ни своихъ, ни враговъ подъ Питерсбургомъ, а Грантъ уже потерялъ до 80.000 и продолжалъ свои подвиги въ «Пустынѣ», мрачно говоря:

— Я буду такъ жертвовать людьми все лѣто.

Сѣверъ теперь былъ громаднымъ лазаретомъ, а югъ колоссальнымъ кладбищемъ. Ли медленно подвигался къ своему паденію, а Линкольнъ вступилъ въ послѣдній годъ своей нерадостной жизни. Война уже стоила сѣверу 4 тысячи милліоновъ долгу и полмилліона жизней, а все еще не предвидѣлся конецъ.

Между тѣмъ Рованъ мрачно жилъ въ Каирѣ съ дочерью и Иреною. Всѣ его забыли, и всѣ отъ него отвернулись.

Наконецъ, однажды ночью онъ получилъ извѣстіе, что назначенъ въ свой полкъ, въ дѣйствующую армію подъ Питерсбургомъ.

Не думая ни одной минуты, онъ поцѣловалъ свою спящую дочь и схватилъ второпяхъ саблю и чемоданъ.

— Господь сохранитъ васъ, Карроль,—сказала Ирена:—и приведетъ васъ назадъ ко мнѣ.

— И мы тогда будемъ жить сердце въ сердце до конца нашихъ дней,—произнесъ Рованъ, прижимая къ своему сердцу Ирену въ страстномъ порывѣ.—Я оставляю вамъ моего ребенка и мою честь. Увѣренный въ вашей любви, я готовъ итти на все.

— Дайте мнѣ одно обѣщаніе, Карроль,—воскликнула Ирена въ слезахъ,—что вы никого не увидите въ Вашингтонѣ, кромѣ сенатора Магъ-Дугаля. Вы безмолвно перенесете все. Пусть людское презрѣніе не побудитъ васъ къ безумной ссорѣ. Одинъ Богъ будетъ судья между вами и вашими клеветниками. Васъ ждутъ еще года, долгіе года любви и жизни, свѣта и счастья.

Она поникла головой, и когда подняла ее, то уже въ комнатѣ не было Рована, но въ глубинѣ своего сердца она, однако, слѣдовала за нимъ всюду до кровавыхъ траншей Питерсбурга.

По дорогѣ онъ заѣхалъ на полчаса въ Вашингтонъ, чтобы видѣться съ благороднымъ Макъ-Дугалемъ.

— Ничего не спрашивайте меня, — сказалъ послѣдній: — наша страна переживаетъ конецъ борьбы. Одна или вмѣстѣ съ нами, конфедерація близится къ гибели. Что касается до васъ, то я могъ только добиться назначенія васъ простымъ полковникомъ на поле брани. Не говорите ни слова о вашихъ чинахъ и заслугахъ: я все упоминалъ, но тщетно. Местъ Сумнера не утолима. Да благословить и сохранить васъ Богъ. Я чувствую, что мнѣ не часто еще придется васъ видѣть.

Послѣ того, какъ Рованъ съ нимъ простился, сенаторъ про-
бормоталъ:

— Трусъ никогда не прощаетъ, но Рованъ, мнѣ кажется, скоро
сойдетъ съ ума, если его дѣла не поправятся.

Хотя Рованъ во время кровавой осады Питерсбурга ничего не
просилъ другого, какъ смерти и солдатской могилы, его все-таки
преслѣдовали прежнія клеветы и холодныя отношенія офицеровъ
въ его собственномъ полку.

Ослабѣвшій до послѣдняго фибра умъ Рована окончательно былъ
потрясенъ письмомъ отъ Поля Осборна, бригаднаго командира у
Шермана.

«На полѣ сраженія Пичтри я нашелъ тѣло полковника Джака
Макъ-Крери, вашего бывшаго управляющаго. Я узналъ отъ пар-
ламентера, что его прекрасная жена поѣхала въ Германію, въ
Франкфуртъ, съ увядшей красавицей г-жей Дюваль, которая за-
мѣтно опустилась въ виду близкаго паденія конфедерации. Уми-
рающая женщина говоритъ, что она не позволитъ похоронить себя
подъ флагомъ янки. Пожалуйста, увѣдомьте объ этомъ ея многихъ
вашингтонскихъ пріятелей».

Утомленный, изнуренный постоянной службой на пикетахъ,
измученный официальными непріятностями, Рованъ почувствовалъ,
что это письмо было послѣднимъ ударомъ для его омраченнаго ума.

— Неужели Макъ-Крери меня предалъ,—промолвилъ онъ,—и
какъ могъ онъ это сдѣлать? Мои тайны были такъ хорошо скрыты.

Несчастный воинъ поникъ головой, видя вокругъ себя только
недовѣріе и недоброжелательство старыхъ пріятелей. Тридцать три
дня онъ неутомимо и упорно боролся съ неприятелими и внутрен-
ней мрачной тревогой. Наконецъ голова его не вынесла такого вол-
ненія, и однажды вечеромъ караульные увидали его безъ оружія,
безъ шляпы, шедшаго предъ неприятельскими траншеями въ ка-
комъ-то умоизступленіи.

Солдаты его подобрали, и старый военный докторъ, увидавъ, въ
какомъ несчастномъ полусумасшедшемъ положеніи онъ находился,
уговорилъ его дрожавшей рукою написать просьбу объ отставкѣ.

— Только умственный покой и любящее попеченіе могутъ воз-
становить его силы,—сказалъ докторъ Фонтлернэй:—этотъ человѣкъ
погибаетъ медленной смертью. Онъ былъ храбрый изъ храбрыхъ
и искалъ смерти 23 дня, но болѣе ему не видать поля брани:
умреть онъ или нѣтъ, но его сердце навѣки разбито.

Майоръ Ситонъ отвезъ больного въ Вашингтонъ. Его прошеніе
объ отставкѣ было поддержано медицинской властью и было на
этотъ разъ быстро уважено начальствомъ. Рованъ исчезъ съ глазъ
всей арміи, и даже въ газетахъ не напечатано было ни строчки.

Тому же Ситону вошла въ голову мысль телеграфировать Ирэнъ
Варіанъ, единственной защитницѣ человѣка, которому наконецъ было
не подъ силу сносить сыпавшіяся на него оскорбленія и несчастія.

Сенаторъ Макъ-Дугаль и Ситонъ были единственные люди, видѣвшіе печальное свиданіе Ирены и Рована, лежавшаго почти безъ сознанія на диванѣ въ уединенной комнатѣ.

— Не говорите мнѣ ничего,—сказала она,—я знаю, что его стугило: ненависть Сумнера и безуміе Бэкера. Предоставьте этого благороднаго человѣка моимъ попеченіямъ. Онъ теперь мой. Не бойтесь, конецъ его не наступилъ. Я сегодня же вечеромъ увезу его изъ Вашингтона, и его дочь теперь въ состояніи помочь мнѣ ухаживать за нимъ. Онъ перенесъ свое послѣднее испытаніе: любовь теперь побѣдоносно поборетъ его враговъ.

По дорогѣ въ Детруа съ изможденнымъ инвалидомъ Ирена въ свободныя минуты занялась разборомъ писемъ, полученныхъ на имя Рована изъ военнаго министерства. Одинъ траурный конвертъ обратилъ на себя ея особое вниманіе. Она распечатала его: это было увѣдомленіе о смерти Полины Дюваль. Фирма франкфуртскаго стряпчача писала:

«Покойная по завѣщанію оставила вашей дочери, въ память причиненнаго вамъ вреда, 50.000 долларовъ».

Ирена взглянула на спавшаго подлѣ нея больного Рована.

— Когда я буду его женой, — промолвила она:—то разоблачу тайну его жизни, и онъ будетъ оправданъ въ глазахъ всѣхъ людей.

XI.

Прежде чѣмъ Ирена уѣхала со своимъ больнымъ изъ Вашингтона, Макъ-Дугаль и Ситонъ пришли съ ними проститься, хотя Рованъ не узнавалъ никого.

— Фонтлернэй говоритъ, что вашъ мужъ не нуждается ни въ какомъ лѣкарствѣ, а ему нужно только спокойствіе и уходъ, полный любви, — сказали Ситонъ. — Его сердце испепелилось; его военная карьера въ Америкѣ окончилась. Борьба съ Сумнеромъ ему была не по силамъ.

Жена отвѣчала шепотомъ:

— Никогда не пишите ему писемъ, а переписывайтесь со мною. Надо быть очень осторожнымъ: вѣдь его враги могутъ теперь хвататься, что его поборолі. Не говорите о немъ ни слова, но пишите мнѣ подробно. Я буду вѣчно заботиться о немъ.

— Вы будете его добрымъ ангеломъ, — сказалъ сенаторъ Макъ-Дугаль. — Постарайтесь, чтобы война, прошедшее и всѣ несчастія были отдалены отъ него. Пусть съ нимъ будете только вы и его дочь. Никогда не оставляйте его одного, а то, пожалуй, онъ, когда оправится, попытается на свою жизнь. Врагамъ удалось его погубить. Теперь пора надѣть на нихъ намордникъ. Я увѣренъ, что мнѣ это удастся. Нѣсколькихъ словъ будетъ достаточно, чтобы похоронить навѣки прошедшее.

Старикъ Макъ-Дугаль сдержалъ слово, и сенаторъ Сумнеръ никогда не забылъ о роковой бесѣдѣ съ нимъ въ теченіе 10 минутъ. Послѣ этого онъ написалъ Иренѣ краткое письмо:

«Линкольнъ никогда не упоминаетъ объ его имени, и при мнѣ генераль Таузентъ просмотрѣлъ архивъ военнаго министерства. Въ послужномъ спискѣ Рована говорится только объ его блестящей службѣ, военныхъ подвигахъ и преданности отечеству. Я взялъ копію этой бумаги съ печатью военнаго министерства. Пусть онъ теперь будетъ счастливъ вашей любовью».

Не раньше мѣсяца привезенный въ Детруа Рованъ пришелъ въ полное сознаніе и сталъ медленно поправляться подъ нѣжнымъ попеченіемъ своего ангела-хранителя. Помѣщенный въ хорошемъ, удобномъ домѣ онъ видѣлъ вокругъ себя лишь свою черноокуую дочь и Ирену.

Въ первое время выздоровленія на вопросы его о военныхъ подвигахъ Ирена только покачала головой.

— Все, что вы хотите, только не это. Не забудьте, что вы совершенно принадлежите мнѣ.

Дѣйствительно для Рована началась новая жизнь.

— Мнѣ кажется,—сказалъ онъ однажды:—что я прожилъ болѣе ста лѣтъ, а мнѣ только сорокъ одинъ годъ.

— Вы еще проживете болѣе сорока лѣтъ для меня,— произнесла Ирена, покраснѣвъ:—вы заплатили всѣ долги прошедшаго, и вы впослѣдствіи будете жить во внѣшнемъ свѣтѣ только подъ моимъ руководствомъ.

Генераль Рованъ совершенно подчинился ея любящей тирани и во всемъ слушался ея и своей милой дочери.

Такимъ образомъ Рождество и Новый годъ прошли спокойно и счастливо для быстро возстановлявшаго свои силы больного:

Мало-по-малу онъ сталъ заниматься съ дочерью французской, нѣмецкой и итальянской литературой.

— Это настоящій рай,—говорилъ онъ, упоминая о своей настоящей жизни.

Когда зима начала проходить, Ирена вспомнила, что она не вскрыла еще полученныхъ на имя Рована писемъ изъ Франкфурга. Ему еще рано было ихъ передать, но изъ осторожности она ихъ распечатала и прочитала.

«Мы,—писала та же фирма стряпчихъ,—послали вамъ чрезъ домъ Бальмунта въ Нью-Йоркѣ оставленные вашей дочери г-жей Дюваль драгоцѣнности на значительную сумму, именно на сто тысячъ марокъ. Просимъ васъ прислать намъ вашу расписку или расписку ея опекуна».

— Вотъ это мой врагъ!—воскликнула вслухъ Ирена, чутко понимая враждебность Полины Дюваль.

«Я даю тебѣ, моя голубка, всѣ мои драгоцѣнности,—продолжала она читать письмо Полины:—чтобы ты съ любовью вспо-

мнила обо мнѣ, когда окончится война. При жизни онѣ служатъ оружіемъ женщинѣ. Я не хочу когда либо возвратиться въ Америку, и мой прахъ будетъ покоиться на берегу свободнаго Рейна. Мой мужъ, конечно, пожалѣетъ обо мнѣ послѣ моей смерти, а ты всегда напоминай отцу, что я любила его за привязанность къ твоей матери. Если я нанесла ему вредъ, то лишь потому, что насъ раздѣляла война. Такимъ образомъ я буду снова жить въ моихъ драгоценностяхъ, которыя украсятъ тебя въ предстоящіе счастливые дни».

Письмо Эстеллы Макъ-Крери было очень мрачно и сурово.

«Я буду жить въ Европѣ,—писала она:—такъ какъ меня извѣщаютъ изъ Саваны, что гибель юга неизбежна; поэтому друзья продали за большія деньги мои помѣстья, и я богатѣйшая женщина. Бѣдный генералъ Рованъ! Я совсѣмъ забыла о немъ, благодаря потерѣ моего храбраго мужа и странствіямъ по чуждымъ землямъ. Но теперь напишу ему, чтобы онъ позволилъ тебѣ принять ея наслѣдство. Оно—ея собственность; Горасъ Дюваль имѣетъ собственное состояніе и будетъ припѣваючи жить послѣ краха юга. Мы никогда болѣе не встрѣтимся и увѣряю, что Горасъ Дюваль не причемъ во вредѣ, нанесенномъ Ровану. Онъ ничего не знаетъ, и вы можете встрѣтиться друзьями».

— Чего же онъ не знаетъ? — воскликнула Ирена Варіанъ:—значитъ, они вмѣстѣ или порознь погубили генерала. Рано или поздно я все это выясню.

Пока Рованъ медленно оправлялся, война сѣвера и юга пришла къ ожидаемому концу: генералъ Ли и Джеферсонъ Дэвисъ были окончательно побѣждены Грантомъ и Шерманомъ. Несчастнѣйшій Линкольнъ былъ убитъ въ минуту торжества, и все было кончено. Лишь когда Рованъ совершенно выздоровѣлъ, Ирена Варіанъ рассказала ему всѣ событія послѣдней эпохи войны.

Готовясь начать новую жизнь, онъ, однако, хотѣлъ ознаменовать ее великимъ семейнымъ событіемъ.

— Все прошлое теперь для меня умерло,—сказалъ онъ, подводя итогъ всему, что передала ему Ирена.—Теперь я буду счастливѣйшимъ мужемъ моей любимой Ирены и стану жить вмѣстѣ съ нею и Аделью на средства, добываемыя мною въ качествѣ гражданскаго инженера.

— Но я богата, Карроль,—улыбаясь сказала Ирена:—намъ не для чего работать.

— Да, но работа полезна для счастья и здоровья,—произнесъ Рованъ серьезно.

— Хорошо, будь по-твоему,—сказала Ирена:—я буду дѣлить твою жизнь.

Тихо, спокойно они обвѣнчались въ присутствіи одной Адели.

Послѣ этого они собрались въ Нью-Йоркъ, чтобы повидать многихъ друзей и принять наслѣдство Полины, но Ирена съ тонкимъ тактомъ выждала для этого похороны Линкольна и торжествен-

ный смотръ, произведенный американскимъ войскамъ новымъ президентомъ.

Когда всё эти событія миновали, то по спокойному лицу мужа она видѣла, что мужъ былъ въ состояніи безопасно вернуться къ общественной жизни.

— *Inter arma silent leges*,—проговорила она про себя:—теперь пора открыть двери его тюрьмы, и дай Богъ, чтобы раны несчастнаго узника поскорѣ зажили.

Оставивъ Адель дома, они отправились вдвоемъ въ іюль мѣсяцѣ въ Нью-Йоркъ. Остановившись тамъ въ гостиницѣ Брэварта, Ирена нашла два письма: одно отъ Гораса Дюваля, который предлагалъ свои услуги относительно наслѣдства своей жены, а другое отъ южнаго полковника Мумфорда о смерти Макъ-Крери. То и другое она скрыла отъ мужа и на первое отвѣчала Дювалю:

«Теперь я попечительница надъ жизнью и счастьемъ генерала Рована, поэтому я принимаю наслѣдство для нашей Адели. Но лучше вамъ не видѣться съ Рованомъ, пока не уляжется горечь вашихъ обоюдныхъ несчастій. Да и къ чему вамъ видѣться? Печальное прошедшее васъ обоихъ разъединяетъ».

Что касается до письма полковника Мумфорда, то оно ужасно перепугало Ирену. Честный южанинъ писалъ:

«Макъ-Крери мнѣ сказалъ за нѣсколько минутъ до смерти: «Мумфордъ, я обязанъ дать удовлетвореніе генералу Карролю Ровану изъ Вашингтона. Я оставилъ письмо, которое долженъ передать главный казначей полковнику Джениферу, на имя генерала Рована. Джениферъ все знаетъ и обязанъ повидать Рована и рассказать ему все прошедшее, такъ какъ другой свидѣтель, генераль Пейтонъ, убитъ при Гетисбургѣ. Мнѣ хорошо извѣстно, что Рованъ не былъ измѣнникомъ. Джениферъ такъ же знаетъ всю правду и долженъ ее объяснить». Не успѣлъ Макъ-Крери произнести этихъ словъ, какъ бросился въ смертельный бой и былъ убитъ во цвѣтѣ юности. Его прелестная вдова покинула югъ, чтобы никогда въ него не возвращаться. При сдачѣ Джонстона, говорятъ, Ричмондъ былъ ограбленъ и въ томъ числѣ казначейство. Если вы, генераль Рованъ, не получили послѣдней воли покойнаго Макъ-Крери, то разыщите полковника Дженифера. Онъ благородный человѣкъ и знаетъ, что на васъ наклеветали».

— Нѣтъ, никогда,—воскликнула Ирена:—мой мужъ не узнаетъ этой ужасной тайны. Кто причинилъ его позоръ? Гораций Дюваль, Макъ-Крери, Полина Дюваль, юная Эстелла, Пейтонъ или кто другой? Деньги и брилліанты указываютъ на Полину, и, по всей вѣроятности, она *Venus victrix*. Нѣтъ, нѣтъ, Карроль никогда не узнаетъ этой тайны.

Рованъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о письмахъ Дюваля и Мумфорда, но, какъ бы отгадывая ихъ, сказалъ женѣ:

— Тысячу разъ благодарю тебя, Ирена, за твою деликатность, за предохраненіе меня отъ всѣхъ непріятностей. Но теперь я въ состояніи все слышать. Я привалилъ громадный камень на могилу прошедшаго и не сдѣлаю ни малѣйшаго усилія, чтобы официально оправдать себя. При первой возможности я поѣду съ тобою и Аделью за границу,—не для того, чтобы забыть прошедшее, но для начала новой жизни. Къ тому же, что значать мои страданія? Развѣ я одинъ терплю несправедливости? Посмотри на Фреманта, Макъ-Клеллана и Розенкранца—они забыты и заброшены, Мидъ живетъ въ неизвѣстности, Понъ безжалостно принесенъ въ жертву, Галекъ въ изгнаніи, и Ганкокъ не присутствовалъ на великомъ смотрѣ послѣ войны, а безчисленныя лица, произведенныя въ высшіе чины, насколько этого не заслуживали.

— Довольно объ этомъ говорить,—сказала Ирена:—пусть мертвые хоронятъ своихъ мертвецовъ. Когда мы здѣсь окончимъ наши дѣла, ты повезешь меня въ Европу. Мы запремъ свой домъ въ Детроа, вызовемъ по телеграфу Адель и будемъ путешествовать по разнымъ странамъ до той минуты, пока окончательно исчезнетъ эхо войны.

— Разумно сказано, и еще разумнѣе будетъ сдѣлано! — отвѣчалъ Рованъ.

Дни, проведенные въ Нью-Йоркѣ, прошли большей частью въ обществѣ Скайлера Гамильтона, теперь генералъ-майора, но настолько изнуреннаго болѣзнью, что новый мундиръ сидѣлъ на немъ, какъ на вѣшалкѣ. Ирена предупредила его, чтобы не упоминать въ разговорѣ съ Рованомъ о прошедшемъ.

— Мы оба перенесли удары судьбы, — отвѣчалъ онъ: — постараемся же теперь удалить изъ нашей жизни все непріятное, начиная съ воспоминаній. Жизнь—только безконечная фантасмогорія, и неизбѣжный ея конецъ—смерть. Будемъ же стараться, какъ можно покойнѣе, дожить до нея.

Все-таки заботясь о спокойствіи мужа, Ирена просила генерала Шермана убѣдить его никому не писать о чемъ либо, могущемъ напомнить войну, такъ какъ видѣться ему было не съ кѣмъ.

— Одно время можетъ оправдать его, генералъ,—сказала Ирена:—но враги его все еще могущественны.

— Вы правы, — отвѣчалъ герой Атланты: — конечно, Макъ-Дугаль могъ бы за него заступиться, но онъ находится теперь въ Калифорніи. Слишкомъ поздно вооружаться противъ судьбы. Вашъ благородный мужъ принесенъ въ жертву. Оставьте прошедшее. Дайте ему новую жизнь, полную любви. Что же касается войны, то ея вѣрную исторію никто не напишетъ. Письма полковника Мумфорда и вдовы Макъ-Крери спрячьте подальше; они только свели бы съ ума Рована. Галлекъ, Гамильтонъ и я—мы полагаемъ, что ктонибудь изъ военнаго министерства продастъ тайны Рована Джеферсону Дэвису. Мы всѣ трое знаемъ, что Рованъ не

виновенъ, но не можемъ доказать отрицательнаго факта. Дѣлать нечего: окружите его только любовью. Впрочемъ, я могу вамъ сказать положительно, что Полина Дюваль была южнымъ агентомъ и хлопотала чрезъ банкъ Эрлангера, съ цѣлью купить Людовика-Наполеона. Возьмите ея деньги и брилліанты для сироты, находящейся теперь подъ вашимъ попеченіемъ. Если Богу будетъ угодно, чтобы письмо Макъ-Крери достигло когда нибудь Рована, то онъ, можетъ быть, узнаетъ всю правду о прошедшемъ. Если же Рованъ никогда не получитъ этого письма, и оно потеряно во время сумятицы при взятіи Ричмонда, то Рованъ долженъ умереть только съ полной увѣренностью въ своей невинности. Къ тому же, открытіе настоящихъ виновныхъ привело бы къ безконечнымъ тревогамъ. Необходимо, чтобы будущее поколѣніе прошло чрезъ нашу могилу, и только тогда узнается правда о настоящей войнѣ.

Благородный ветеранъ задумался и продолжалъ мечтать вслухъ о послѣдствіяхъ войны:

— Война—адъ, и этого не измѣнишь. Сотни людей теперь ожидаютъ выхода изъ тюремъ, куда они посажены временнымъ пріостановленіемъ акта habeas corpus. Страшныя происходили во время этой войны дѣла, напоминающія венеціанскія піомбы или римскій замокъ св. Ангела. Вся эта война характеризуется бесполезными побѣдами юга и непростительными ошибками сѣвера. Съ той и другой стороны погибло безчисленное множество людей, и теперь можно только жалѣть бѣдныхъ вдовъ и сиротъ. На сѣверѣ и югѣ одни солдаты заслуживаютъ безконечной похвалы. Невѣжество, бѣдность и деморализація долго еще будутъ угнетать югъ. Рѣки крови не рѣшили ни одной изъ великихъ задачъ войны, и конецъ ихъ еще предстоитъ въ далекомъ будущемъ.

Шерманъ снова замолкъ и чрезъ нѣсколько минутъ прибавилъ:

— Довольно разсуждать! Положитесь на меня и разсчитывайте на всевозможныя услуги съ моей стороны. Если генералу Гранту удастся попасть въ президенты, то, по всей вѣроятности, я буду назначенъ главнокомандующимъ американской арміей; тогда честь вашего мужа будетъ въ моихъ рукахъ. Но до тѣхъ поръ пусть онъ не пишетъ никакихъ писемъ, а то онъ навсегда сдѣлается жертвой. Оставьте въ покоѣ прессу. Ждите и надѣйтесь.

— Какъ Монте-Кристо! — замѣтила Ирена Рованъ, улыбаясь сквозь слезы благодарности.

— Вывезите Рована скорѣе изъ Америки,—сказалъ въ заключеніе Шерманъ: — а устройство его послѣдующей жизни я предоставляю вамъ.

Цѣлый мѣсяцъ прожили молодые въ Нью-Йоркѣ, часто видя полковника Ситона.

Прощаясь съ Иреной, онъ промолвилъ вполголоса:

— Будьте увѣрены, что я буду всегда насторожѣ; если когда нибудь правда откроется, то я увѣдомлю васъ объ этомъ.

Наконецъ Рованъ съ своимъ семействомъ взялъ билеты на пароходъ «Персія» и отправился изъ Нью-Йорка въ Европу.

Когда пароходъ выходилъ изъ порта, то Рованъ, крѣпко захвативъ за руку Ирену и мрачно смотря на фортъ Лафайетъ, промолвилъ:

— Я прошу Бога объ одномъ, Ирена, чтобы я никогда не узналъ, кто меня засадилъ въ эту ужасную тюрьму. Если бы я очутился лицомъ къ лицу съ этимъ человѣкомъ, то непременно одинъ изъ насъ умеръ бы. Это было подлое преступленіе—убить живо человеческую душу. Но довольно мрачныхъ мыслей: я знаю, что я обязанъ тебѣ своимъ счастьемъ и счастьемъ Адели въ будущемъ. Да проститъ Господь моего заклятаго врага, а я не могу.

Мирно и счастливо провели они свою четырехмѣсячную заграничную поѣздку, и только извѣстіе о свадьбѣ Эстеллы Макъ-Крери въ Франкфуртѣ съ богатымъ, красивымъ барономъ Раднитцемъ напомнило имъ о прошедшемъ.

— Это навѣки прекращаетъ всѣ вашингтонскіе источники сплетенъ,—задумчиво промолвила Ирена.

Тѣмъ болѣе было справедливо замѣчаніе молодой женщины, что почти въ одно время скончался Горасъ Дюваль. За нѣсколько дней до своей смерти онъ написалъ торжественное письмо Ровану, въ которомъ убѣждалъ его въ своей невинности въ Болль-Блуфской исторіи.

«Любезный другъ былыхъ дней,—писалъ онъ:—что вамъ измѣнили, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, и я тѣмъ болѣе въ этомъ убѣждаюсь, что на югѣ все еще говорятъ о предательствѣ, которое погубило васъ. Кто именно въ этомъ виноватъ—ваши слуги, ваши адъютанты или близкіе знакомые, я не знаю и никогда не узнаю. Но эксперты, близко изучившіе всѣ документы южнаго правительства, утверждаютъ, что видѣли карты и планы, лично вами подписанные. Я не хочу умереть, не сознавшись вамъ въ этомъ. Я любилъ васъ, не какъ сѣверянина, а какъ человѣка, и точно также моя бѣдная Полина была лично вамъ предана. На краю могилы я благословляю васъ и молю, чтобы наконецъ пришла минута, когда проглянетъ для васъ лучъ свѣта. Вы тогда такъ же убѣдитесь въ моей невинности, какъ я увѣренъ въ вашемъ благородствѣ, рыцарствѣ и преданности своему знамени».

— Я написалъ ему нѣсколько словъ,—сказалъ Рованъ, отдавая женѣ письмо Дюваля:—и простился съ нимъ навѣки; онъ же оставилъ мнѣ по завѣщанію всю серебряную посуду, на которой я у нихъ столько разъ обѣдалъ, въ доказательство, что онъ никогда не нарушалъ закона гостепримства.

Вернувшись изъ Европы, Рованъ принялся за работу въ качествѣ эксперта-техника по инженернымъ вопросамъ въ крупныхъ предпріятіяхъ. Въ этихъ занятіяхъ быстро прошли пять лѣтъ, во время которыхъ его счастье переполнилось рожденіемъ ребенка.

Ровану было уже сорокъ шесть лѣтъ, но, какъ прежде статный, съ военной осанкой, онъ продолжалъ интересоваться, кромѣ своего новаго ремесла, и старымъ военнымъ.

— Солдатъ вѣчно останется солдатомъ!—смѣясь говаривалъ онъ женѣ, которая, однако, съ удовольствіемъ замѣтила, что ея мужъ избѣгалъ военныхъ клубовъ во время своихъ частныхъ странствій по Америкѣ.

Въ Вашингтонѣ онъ рѣдко бывалъ, но всегда заѣзжалъ къ своему прежнему товарищу, генералу Шерману, теперь бывшему главнокомандующимъ американской арміей. По совѣту послѣдняго, Рованъ по выборѣ въ президенты Гранта представился ему съ женою.

— Я всегда буду сожалѣть, генераль,—сказалъ побѣдитель генерала Ли, очень любезно принимая посѣтителей:—что вы не были посланы въ качествѣ генерала на западъ, потому что мы, западные люди, продѣлали войну, какъ родные братья.

Вотъ все, что президентъ рѣшился сказать о прошедшемъ.

Въ это же время Ирена Рованъ получила отъ капитана Ситона письмо, очень перепугавшее ее.

«Я слышалъ,—писалъ онъ:—что письмо полковника Макъ-Крери къ полковнику Джениферу найдено среди многихъ документовъ въ архивѣ южной столицы. По всей вѣроятности, его перешлютъ къ Джениферу, такъ какъ онъ живъ и находится гдѣ-то за границей. Раньше онъ не могъ получить этого письма, такъ какъ былъ въ плѣну у сѣверныхъ. Смотрите, будьте осторожны: даже и теперь это письмо можетъ дурно подѣйствовать на Рована. Хотя въ военныхъ кружкахъ являются сотни его сторонниковъ, но все-таки прошлаго зла не исправишь».

— Я знаю,—промолвила Ирена:—что это открытіе тайны привело бы въ бѣшенство Рована. Ахъ, если бы можно было придумать предлогъ для отъѣзда изъ Америки!

Поэтому Ирена съ испугомъ вскочила съ кресель, весною 1870 года, когда Рованъ неожиданно получилъ письмо съ помѣтой военного министерства.

— Послѣ столькихъ лѣтъ!—радостно воскликнулъ онъ, пробѣжавъ глазами письмо:—это десница Провидѣнія! но ты, моя радость, рѣшишь, что дѣлать.

Съ удивленіемъ и со слезами на глазахъ Ирена прочитала письмо, въ которомъ Шерманъ предлагалъ Ровану отъ имени хедива, Измаила-паши, мѣсто начальника штаба египетской арміи съ чиномъ бригаднаго генерала.

— Молодецъ! благородный старикъ, генераль Шерманъ,—воскликнула Ирена съ энтузіазмомъ и еще разъ радостно прочитала письмо.

«Измаиль-паша,—писалъ Шерманъ:—боится Англій и не довѣряетъ Франціи и Германіи, а къ Россіи и Италіи не хочетъ обра-

титься съ просьбою. Будучи великимъ охранителемъ Суэзскаго канала, онъ хочетъ преобразовать свою армію. Конечно, президентъ Грантъ не можетъ официально дѣйствовать въ этомъ случаѣ. Какъ глава арміи, я вспомнилъ ваши заслуги, вашу храбрость въ битвѣ при Плезантъ-Гиллѣ и вашу замѣчательную доблесть при Питерсбургѣ. Я не знаю человѣка во всей нашей арміи, который лучше васъ исполнилъ бы предлагаемую должность, и я жду только вашего отвѣта для отправки телеграммы, что мой выборъ остановился на васъ. Съ вами поѣдутъ около двадцати американскихъ офицеровъ, и если Англія не слишкомъ струситъ, то, вѣроятно, эта миссія еще увеличится. Я даю вамъ случай возобновить вашу блестящую военную карьеру. Отвѣчайте скорѣе, и я немедленно сдѣлаю распоряженіе: моего рѣшенія ждутъ двадцать другихъ кандидатовъ».

Глаза мужа и жены встрѣтились.

— Вотъ прекрасный случай, чтобы навѣки загладить прошедшее,—подумала про себя Ирена.—Назначеніе, предлагаемое мужу Шерманомъ,—официальное признаніе съ его стороны благородства, храбрости и военной способности моего мужа. Хочешь ли ты, чтобы я отвѣтила утвердительно?—спросила она громко.

— Да!—воскликнулъ Рованъ, и въ глазахъ его блеснулъ огонь прежняго воина.

— Въ такомъ случаѣ,—произнесла Ирена:—телеграфируй сейчасъ, что ты согласенъ, что я благодарю его отъ всей души, и поѣду вмѣстѣ съ тобой. Старое изреченіе говоритъ: «honor est a Nilo».

Рованъ крѣпко прижалъ жену къ своему сердцу и воскликнулъ:

— Слава Богу! ты своимъ благороднымъ отвѣтомъ возстановила предъ всѣмъ свѣтомъ мою военную честь, и шпіоны Сумнера не будутъ имѣть возможности попрежнему лаять мнѣ вслѣдъ. Я когда-то взлѣзалъ на Попокатенель, а теперь мы вдвоемъ взберемся на пирамиды.

Черезъ недѣлю генералъ Рованъ получилъ по телеграфу свое назначеніе и приказъ явиться въ Египетъ, въ Каиръ, къ 30-му марта 1870 года.

— Хитрая Ирена,—со смѣхомъ произнесъ Шерманъ, прочитавъ телеграмму Рована:—она поняла, что я имѣлъ цѣлью официально признать его чинъ и званіе военнымъ министерствомъ.

Онъ тотчасъ приказалъ своему старшему адъютанту распорядиться, чтобы написали на пергаментѣ изящную копію послужного списка Рована. Адъютантъ съ смущеніемъ остановился на томъ мѣстѣ послужного списка, гдѣ говорилось объ арестѣ генерала, и принесъ пергаментъ Шерману, который, взявъ перо, самъ написалъ:

«Арестованъ 9-го февраля и заточенъ въ фортъ Лафайетъ, какъ государственный преступникъ; просидѣлъ въ тюрьмѣ до 16 августа 1852 года; выпущенъ на свободу, потому что никто ни въ чемъ его не обвинялъ. До сихъ поръ противъ него не предъявлено никакого обвиненія».

— Это покончить дѣло,—промолвилъ онъ, положивъ перо, и прибавилъ, обращаясь къ адъютанту:—когда вы кончите послужной списокъ, то приложите къ нему нашу національную печать.

Этотъ документъ былъ отправленъ къ египетскому вице-королю, а копія его сообщена Иренѣ Рованъ.

Наконецъ все было готово, и они сѣли на пароходъ, долженствующій доставить ихъ въ Гавръ.

— Вы проведете пріятно время въ Монтре, въ Швейцаріи,—сказалъ Рованъ, ходя взадъ и впередъ по палубѣ, вышедшаго въ море парохода:—пока я приготовлю вамъ квартиру въ садахъ Эсбекке.

— Ты не покинешь свой флагъ?—спросила Ирена, смотря съ безпокойствомъ на величавую фигуру перваго американскаго воина, отправлявшагося служить въ качествѣ военнаго эксперта подъ чужимъ знаменемъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ рѣшительно генераль:—меня похоронятъ подъ американскимъ звѣзднымъ знаменемъ. Что же касается до намѣреній хедива, то они очень широки. Онъ хочетъ укрѣпить берегъ его владѣній, построить желѣзныя дороги, телеграфы и маяки, изслѣдовать Дарфуръ, Кардофанъ и Сенааръ, а также овладѣть и всѣмъ Суданомъ. Хартумъ будетъ укрѣпленнымъ пунктомъ противъ Абиссиніи. У хедива по закону только двадцать пять тысячъ войска, но онъ хочетъ усилить свои національныя силы и возвысить положеніе феллаховъ. Въ десять лѣтъ Египетъ до того разовьется, что освободится отъ турецкаго ига. Хлопокъ и сахаръ превратятъ Египетъ въ богатую страну. Американцы, сдѣлавшись передовымъ государствомъ на сушѣ и на водѣ, вслѣдствіе одной великой войны, призваны къ образованію, изслѣдованію и улучшенію стараго Египта.

— И это предпріятіе будетъ продолжаться?—спросила Ирена.

— Пока самолюбивый хедивъ не возбудитъ своими реформами опасенія турецкаго правительства,—отвѣчалъ Рованъ:—тогда европейскія державы вмѣшаются, и Англія навѣки овладѣетъ Египтомъ. Она должна оставить за собою Суэзскій каналъ, эту дверь Индіи. Быть можетъ, десять лѣтъ или много двадцать потребуется на подобную метаморфозу. Во всякомъ случаѣ, такого промежутка времени хватитъ для пріобрѣтенія мною всесвѣтной славы.

Ирена Рованъ спокойно покинула Америку, рассчитывая на поддержку генерала Шермана и капитана Ситона. Наконецъ, президентъ Грантъ одобрилъ предпріятіе ея мужа.

«Помните,—писалъ ей на прощаніе Шерманъ:—я пріѣду къ вамъ на Нилъ. Первымъ заграничнымъ отпускомъ воспользуется, какъ и полагается, адмиралъ Фаррагутъ, а я—вторымъ, такъ какъ Грантъ, пока президентъ, не можетъ оставить Америки. Также никогда не забывайте, что у васъ есть вѣрный другъ въ Вашингтонѣ. Если снова возникнутъ клеветы о прошедшемъ Рована, то только телеграфируйте мнѣ, и я его обѣлю, во что бы то ни стало».

Прибывъ въ живописный Монтре ранней весною, Рованъ, устроилъ свою жену, ребенка и взрослую дочь, какъ можно удобнѣе, а самъ занялся приготовленіемъ къ отъѣзду въ Египетъ.

— А ты не боишься, Карроль, служить монархіи?—спросила его однажды Ирена:—вѣдь Измаиль-паша—тиранъ, наслѣдникъ жестокаго Магомета-Али.

— Старый порядокъ замѣняется новымъ,—съ улыбкой произнесъ Рованъ:—не только у насъ, но и въ Египтѣ. Посмотри, какъ измѣнилась наша страна: Букананъ былъ послѣдній аристократическій президентъ; съ выборомъ Линкольна центръ политической власти передвинулся въ Индіану, Огіо и Иллинойсъ, по крайней мѣрѣ, на семьдесятъ пять лѣтъ. Численностью и богатствомъ сѣверъ одолѣлъ югъ въ безумной борьбѣ. Теперь начинается эра капиталистовъ и ловкихъ политикановъ, руководящихъ народнымъ большинствомъ. Мнѣ теперь безопаснѣе въ монархіи, чѣмъ въ демократіи, гдѣ всякій думаетъ только о насильственномъ обогащеніи, личной пользѣ и корыстолюбивыхъ намѣреніяхъ. Линкольнъ потрясъ всѣ идеалы. Однако онъ былъ великолѣпный политическій дѣятель.

— А если бы Линкольнъ былъ живъ, то передалъ ли бы онъ свое мѣсто и власть Гранту?—спросила Ирена.

— Никто не знаетъ,—отвѣчалъ Рованъ:—вѣдь власть такъ соблазнительна. Впрочемъ онъ поддерживалъ Гранта одинъ, тогда какъ всѣ на сѣверѣ требовали его смѣщенія послѣ Питсбурга. Правда, онъ не очень любилъ Гранта, но видѣлъ, что западнаго уроженца надо сдѣлать главою арміи, чтобы поддержать власть Огіо, Индіаны и Иллинойса. Что касается до Шермана, то онъ никогда не былъ популяренъ. Онъ не отличается всѣми качествами демагога и еще очень молодъ.

— Это все дѣла прошедшаго,—промолвила Ирена:—но что Америкѣ обѣщаетъ будущее?

— Увы!—сказалъ Рованъ:—народъ быстро понялъ силу богатства, печати и большинства. Наша страна теперь находится подъ вліяніемъ пара и телеграфа. Вскорѣ великій западъ пріобрѣтетъ первенствующее вліяніе. Въ продолженіе пятидесяти лѣтъ народъ будетъ избирать президента среди себя въ память Линкольна. Но патріотизмъ сдѣлался торговлей, и судьба нашей страны будетъ зависѣть отъ игры партій.

— Наконецъ Америка поняла свою настоящую силу,—промолвила Ирена.

— Да,—отвѣтилъ Рованъ,—будущее развитіе и распространеніе Америки будетъ зависѣть отъ великаго факта распущенія послѣ войны миллионной арміи. Это событіе не бывалое въ исторіи. Слава Богу, осторожность народа всегда будетъ сдерживать безуміе его политическихъ дѣятелей.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовья и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п. библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки. пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ДЕКАБРЬ, 1902

СОДЕРЖАНІЕ.

ДЕКАБРЬ, 1902 г.

	СТРАН.
I. Передъ разсвѣтомъ. Разсказъ. В. Г. Авсеѣнко	835
II. Отрывокъ изъ фамильныхъ воспоминаній. К. А. Бороздина . . .	884
III. Въ своемъ краю. (Посвящается барону А. К. Штакельбергу). V—XIII. (Окончаніе). В. Н. Назарьева	908
IV. Встрѣчи съ Царемъ-Освободителемъ. (Отрывокъ изъ воспоминаній). Г. К. Градовскаго	933
V. Воспоминанія. Служба вторая. (Окончаніе). А. В. Эвальда . . .	941
VI. Въ Мукденѣ. И. Е. Пялова	975
VII. Античный предокъ Евгенія Онѣгина. (Этюдъ). А. В. Сандро . .	991
VIII. Матеріалы русской исторіи и отношеніе къ нимъ въ разное время. Профессора П. В. Голубовскаго	1003
IX. Цензура въ эпоху великихъ реформъ (1855—1875 гг.). Очеркъ четвертый. (Окончаніе). Н. А. Энгельгардта	1015
X. Паломничество въ Палестину. XXXIX—XLIV. (Окончаніе). Н. П. Ювачева	1044
XI. Поѣздка въ Могилевскую губернію. Н. Н. Останковича	1067

Иллюстраціи: 1) Городъ Орша. — 2) Городъ Могилевъ. — 3) Богоявленскій Братскій монастырь въ Могилевѣ. — 4) Кафедральный соборъ въ Могилевѣ. — 5) Внутренность кафедрального собора въ Могилевѣ. — 6) Домикъ Петра Великаго въ г. Коныси. — 7) Древняя ратуша въ Шкловѣ. — 8) Зеленая гора въ Мстиславлѣ. — 9) Девичья гора въ Мстиславлѣ. — 10) Тупичевскій женскій монастырь въ Мстиславлѣ.

XII. Памяти Н. А. Некрасова. (По случаю двадцатипятилѣтія со дня смерти). П. Е. Щеголева	1091
XIII. Къ биографіи П. А. Ѳедотова. А. Мальгрень	1104
Иллюстрація: С. Ив. Шустова.	
XIV. Николай Михайловичъ Лисовскій. (Къ тридцатилѣтію его дѣятельности). Л. Н. Павленкова	1107
Иллюстрація: Николай Михайловичъ Лисовскій.	
XV. Русскіе объ иностранцахъ. В. Т.	1119
XVI. Критика и библиографія	1131

1) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Томъ второй, части I и II. (Царствованіе императора Николая Перваго). Составилъ С. М. Середонинъ. Сиб. 1902. В. Гр—снаго. — 2) «Византійскій Временникъ», издаваемый при императорской академіи наукъ подъ редакціей В. Э. Рогова. Томъ VIII. Выпуски 3-й и 4-й. Сиб. 1902. У. — 3) Отчетъ Императорской Публичной бібліотеки за 1898 годъ. Сиб. 1902. С. Пчельникова. — 4) Библиотека великихъ писателей подъ редакціей С. А. Венгерова. Шекспиръ. Томъ I. Изданіе Брокгауза и Ефрона. Сиб. 1902. Бор. Городецкаго. — 5) М. М. Ивановъ. Очерки современной итальянской литературы. Сиб. 1902. В. Г—снаго. — 6) Воронежская старина. Выпускъ первый. Изданіе Воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Воронежъ. 1902. Ц. — 7) Труды Ярославскаго областного съѣзда (ислѣдователей исторіи и древностей Ростово-Суздальской области). Издѣвіемъ И. А. Вахрамѣева. М. 1902. В. Р—ва. — 8) Тысяча и одна ночь. Арабскіе разсказы Шахразады. Первый полный русскій переводъ. Изданіе «Новаго Журнала Иностранной Литературы». Томъ I и II. Сиб. 1902. В. Гр—снаго. — 9) M. Zdziechowski. Odrodzenie Chor-

См. слѣд. стр.

- wasy w wieku XIX. W Krakowie. 1902. **А. Сиротинина.**—10) Профессоръ Н. Суворовъ. Византийскій пала. Изъ исторіи церковно-государственныхъ отношеній въ Византии. М. 1902. **С.**—11) Извѣстія русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. VII. Выпуски 2—3. Софія. Државна печатница. 1902. **А. Хаханова.**—12) Буддйскій катихизисъ. Переводъ съ монгольскаго. Спб. 1902. **п. фонъ-Ланга.**—13) Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Томъ V. Юрьевъ. 1902. **Д. З—нина.**—14) Очерки закавказской жизни. И. Н. Канадѣва. Томъ первый. Спб. 1902. **и. н. з.**—15) Профессоръ А. И. Незеленовъ. Собраніе сочиненій въ шести томахъ. Т. I. А. С. Пушкинъ и его поэзія (1799—1826). Т. III. А. И. Островскій въ его прочиведеніяхъ. Изд. книгопродавца Н. Г. Мартынова. Спб. 1903. **п. щ.**—16) Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества. Ежемѣсячный журналъ (№ 1 и № 2). Октябрь и ноябрь 1902 года. Спб. **Сергѣя фонъ-Штейна.**—17) Русская одежда. Капитана Павла Шинова. Спб. 1902. **и. н. з.**—18) А. С. Лебедевъ. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ архивахъ духовнаго вѣдомства въ губерніяхъ Курской и Харьковской. Харьковъ. 1902. **в. Лонгинова.**—19) Еврейскій умъ, соч. Мориса Мюръ. Переводъ съ французскаго Е. Огошкой. Спб. 1902. **и. н. з.**—20) Очередные вопросы въ царствѣ Польскомъ. Этюды и изслѣдованія подъ редакціей В. Спасовича и Э. Пильма. Второе изданіе. Томъ I. Спб. 1902. **в. Грибовскаго.**—21) Szymbon Askenazy, W czasy historyczne. Warszawa. 1902. **г. н.**—22) В. Зелинскій. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изданія произведеній П. С. Тургенева. Выпускъ I-й. Изд. 4-е. М. 1902. **п. щ.**—23) Гр. А. А. Бооринскій. Секта Исмаилы въ русскихъ и бухарскихъ предѣлахъ Средней Азии. Москва. 1902. **А. Хаханова.**—24) Zygmunt Gloger. Encyklopedja Staropolska ilustrowana. Tom I. A—Denar. Warszawa. 1900. Tom II. Departamenta—Kapelani. Warszawa. 1901. (Сигизмундъ Глогеръ. Иллюстрированная старопольская энциклопедія. Томъ I. Варшава. 1900. Томъ II. Варшава. 1901). **г. А. Воръбева.**
- XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 1171
- 1) Туринская пелена.—2) Нострадамусъ и его предсказанія.—3) Витторія Аккорамбони.—4) Герцогъ Шуазель и его жена.—5) Двѣ маркиграфини Баденскія.—6) Мормоны.
- XVIII. Смѣсь 1184
- 1) Годичное засѣданіе общества любителей естествознанія.—2) С.-Петербургское археологическое общество.—3) Московское археологическое общество.—4) Общество археологій, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ.—5) Археологическая комиссія.—6) Библиологическое общество.—7) Географическое общество.
- XIX. Некрологи 1193
- 1) Гальперсонъ, А. М.—2) Гарбель, А.—3) Кмитто, А. С.—4) Лачиновъ, Д. А.—5) Майковъ, А. А.—6) Траутвольдъ, Р. А.—7) Шинкинъ, П. П.—8) Шуваловъ, графъ П. П.—9) Эллисъ, Н. В.—10) Якимовъ, К. В.
- XX. Объявленія.
- ПРИЛОЖЕНІЯ:** 1) Николай Алексѣевичъ Некрасовъ въ 1852 году.—2) Измѣна. (In the house of his friends). Американскій романъ изъ эпохи войны Сѣвера съ Югомъ. **Ричарда Саведжа.** (Переводъ съ англійскаго). Часть третья. Гл. XII. (Окончаніе).—3) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» за 1902 годъ, и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за тотъ же годъ.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1903 году

(ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1903 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе двадцать три года (1880—1902).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯНОСТАГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ 1902 года).

	СТРАН.
Въ народѣ. Изъ эпохи 1870-хъ годовъ. XII—XXI. (Окончаніе). С. И. Васюкова	5
Уголокъ возстанія 1863 года. (Изъ воспоминаній участника). С. С. Орлицкаго	42, 425
Мірская печальница. (Изъ воспоминаній о голодномъ годѣ). В. Л. Якимова	75
Воспоминанія о Вѣрѣ Ивановѣ Анненковой. Н. И. Мердеръ	87
Изъ семейной хроники Толстыхъ. (Посвящается графинѣ Вѣрѣ Львовнѣ Толстой). М. Н. Назимовой	104
Цензура въ эпоху великихъ реформъ. (1855—1875 гг.). Очерки второй, третій и четвертый. (Окончаніе). Н. А. Энгельгардта	133, 575, 1015
Боярыня Морозова. В. Н. Строева	159
иллюстрація: Боярыня Морозова (съ картины Сурикова).	
На рѣкѣ Ветлугѣ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ). Н. Н. Оглоблина	175
Паломничество въ Палестину. XXVII—XLIV. (Окончаніе). И. П. Ювачева	209, 647, 1044
иллюстраціи: 1) Входъ въ погребальную пещеру Божіей Матери въ Геосимани.—2) Русская церковь на Елеонской горѣ, построенная архимандритомъ Антонинимъ.—3) Входъ въ гробницу Лазаря, близъ Виваніи.—4) Разрушительная грамота отъ іерусалимскаго патріарха.—5) Общій видъ русскихъ подворій и Троицкаго собора въ Іерусалимѣ.—6) Столовая на русскихъ постройкахъ въ Іерусалимѣ.—7) Русскіе паломники въ общей палатѣ въ Іерусалимѣ.—8) Масличное дерево въ Геосиманскомъ саду.—9) Стѣна плача іудеевъ въ Іерусалимѣ.—10) Ханъ ель-Ахмаръ (гостиница «Добраго самаритянина»).—11) Монастырь на Сорокадневной горѣ (Джебель-Каранталъ).—12) Рѣка Іорданъ.—13) Мертвое море (Вахръ-Луть).—14) Видъ города Вилолема (Веть-Лахмъ).—15) Пещера Рождества Христова.—16) Праздничный обѣдъ паломниковъ въ подворьѣ Палестинскаго общества.—17) Русское мѣсто въ Горней (Айнъ-Каримъ).	
Изъ записной книжки бывшаго судебнаго дѣятеля. Петровская церковь въ Новодвинскѣ. М. Ч.	251
Дьячокъ-партизанъ 1812-го года. И. И. Орловскаго	259
Иностранцы о Россіи. В. Т.	262
Въ своемъ краю. (Посвящается барону А. К. Штакельбергу). В. Н. Назарьева	403, 908
Воспоминанія. Служба первая и вторая. А. В. Эвальда	454, 941
Генералъ Шульдцъ и Лермонтовъ. Г. К. Градовскаго	475
Артистическая жизнь Москвы въ семидесятыхъ годахъ. (Отрывокъ изъ воспоминаній). Ив. Н. Захарьина (Якунина)	479
Памяти А. А. Фета-Шеншина. В. Н. Семеновича	525
Изъ прошлаго Сибири. П. П. Баснина	532
Культурныя кладбища. (Посвящается ученымъ гробокопателямъ). Е. С. Шумигорскаго	601
Изъ пережитаго. В. М. Гайдукова	607
Тамбовскій епископъ Игнатій. (Очеркъ изъ исторіи русской церкви въ періодъ Петровской реформы). С. Н. Введенскаго	625
На родинѣ Коперника. Г. А. Воробьева	683
иллюстраціи: 1) Ратуша въ Торнѣ.—2) Памятникъ Копернику.—3) Костель св. Яна.—4) Костель Пресвятой Дѣвы.—5) Костель св. Іакова.	

Судьба бывших русско-американских владѣній подь владычествомъ республики Соединенныхъ Штатовъ. (По американскимъ источникамъ). Е. Н. Матросова	711
Передь разсвѣтомъ. Разсказъ В. Г. Австенно	835
Отрывокъ изъ фамильныхъ воспоминаній. Н. А. Бороздина	884
Встрѣчи съ Царемъ-Освободителемъ. (Отрывокъ изъ воспоминаній). Г. К. Градовскаго	933
Въ Мукденѣ. И. Е. Иванова	975
Античный предокъ Евгенія Онѣгина. (Этюдъ). А. В. Сандро	991
Матеріалы русской исторіи и отношеніе къ нимъ въ разное время. Профессора П. В. Голубовскаго	1003
Поѣздка въ Могилевскую губернію. Н. Н. Останковича	1067
иллюстраціи: 1) Городъ Орша. — 2) Городъ Могилевъ. — 3) Вогоявленскій Братскій монастырь въ Могилевѣ. — 4) Кафедральный соборъ въ Могилевѣ. — 5) Внутренность кафедральнаго собора въ Могилевѣ. — 6) Домикъ Петра Великаго въ г. Коныси. — 7) Древняя ратуша въ Шкловѣ. — 8) Зеленая гора въ Мстиславлѣ. — 9) Девичья гора въ Мстиславлѣ. — 10) Тупичевскій женскій монастырь въ Мстиславлѣ.	
Памяти Н. А. Некрасова. (По случаю двадцатипятилѣтія со дня смерти). П. Е. Щеголева	1091
Къ біографіи П. А. Фодотова. А. Мальмгренъ	1104
иллюстрація: С. Ив. Шустова.	
Николай Михайловичъ Лисовскій. (Къ тридцатилѣтію его дѣятельности). Л. Н. Павленкова	1107
иллюстрація: Николай Михайловичъ Лисовскій.	
Русскіе объ иностранцахъ. В. Т.	1119
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ	302, 740, 1131

1) В. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Томъ первый. Территорія и населеніе. Изданіе второе, съ перемѣнами и дополненіями. Спб. 1902. **В. Грибовскаго**. — 2) В. З. Звизитневичъ. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Томъ I, кн. 1 и 2. Спб. 1902. **А. Сиротинина**. — 3) Руководство къ бібліографическому описанію книгъ. Ю. Витовтъ. Москва. 1902. **А. Фарсцова**. — 4) Архивъ князя **Ф. А. Куракина**. Книга десятая. Москва. 1902. **А. Б.** — 5) **А. И. Загоровскій**, ординарный профессоръ Новороссійскаго университета. Курсъ семейнаго права. Одесса. 1902. **В. Гр—скаго**. — 6) Афганистанъ и его политическое значеніе (сообщеніе съ пладомъ). Составилъ **П. фонъ-Герихъ**, подь редакціей **В. Паруцкаго**. Изданіе «Новскаго книжнаго магазина». Спб. 1902. **Бориса Тагъева**. — 7) Августѣйшіе кадеты и ихъ участіе въ лагерныхъ сборахъ военно-учебныхъ заведеній. Изданіе **Н. Ф. Лузанова**. Спб. 1902. Ц. 1 р. Чистая прибыль съ изданія поступаетъ въ пользу приюга «Ясли». **В. Грибовскаго**. — 8) **А. И. Ляшенко**. «Ревизоръ» Гоголя и комедія Квнтки «Пріѣзжіи изъ столицы». Спб. 1902. **А. Б.** — 9) **Л. М. Саведовъ**. Донскіе дворянскіе роды. Выпускъ первый. М. 1902. **Бор. Городецкаго**. — 10) **В. Л. Тагъевъ** (Русталъ Векъ). «На Востокахъ». Очерки и разсказы изъ жизни на далекихъ окраинахъ Азіи. Варшава. 1902. п. л. — 11) **Д. К. Грєневъ**. Иконы царскаго нзюграфа Симона Ушакова въ Московскомъ Новодевичьемъ монастырѣ. Съ приложеніемъ 5 фототипій. М. 1901. **В. Р—ва**. — 12) **П. Ф. Николаевъ**. Вопросы жизни въ современной литературѣ. Москва. 1902. п. щ. — 13) Памятная книжка Гродненской губерніи на 1902 годъ. Изданіе гродненскаго статистическаго комитета. Гродно. 1902. **Бор. Городецкаго**. — 14) Д-ръ мед. **В. В. Кораковъ**. Пять лѣтъ въ Пекинѣ. Изъ наблюденій надь бытомъ и жизнью китайцевъ. Положеніе медицины въ Китаѣ. Волъзни среди китайскаго населенія. Проституція въ Китаѣ. Дѣтство въ Китаѣ. Путь черезъ Монголію. Европейская колонія въ Пекинѣ. Спб. 1902. **Бориса Тагъева**. — 15) Сочиненія **В. Н. Майкова** въ двухъ томахъ. Томъ первый. I. Критическія статьи. Томъ второй. II. Научныя статьи. III. Библиографія. Изданіе 1 и 2. Кіевъ. 1901—1902. **Бор. Городецкаго**. — 16) Труды Ярославскаго областного съѣзда. Москва. 1902. **А. Б—ва** — 17) Кавказскіе этюды. Исслѣдованія и замѣтки **С. Г. Вейценбаума**. Изданіе центральной книжной торговли въ Тифлисѣ. Тифлисъ. 1901. **В. Логинава**. — 18) **М. М—въ**. Дуэль, ея происхожденіе и современный характеръ. Спб. 1902. **Бориса Тагъева**. — 19) **А. И. Успенскій**. Придворный дневникъ за январь—августъ 1657 года. Спб. 1901. **Н. Н.** — 20) **Адольфъ Меркель**.

Юридическая энциклопедия. Переводъ Ф. К. Зейделя, под редакціей приватъ-доцента В. М. Грибовскаго со второго посмертнаго изданія. Спб. 1902. 5—снаго.—21) Фр. Ад. Шубертъ. Z uplunnych dob D. I. Moje vzrominky. D. I. Moje divadelni touky. V Praze. 1902. А. Сиротинина. — 22) М. Данделинъ. Въ степяхъ Закаспійскихъ. Повести и рассказы изъ жизни туркавъ. Москва. 1902. Бориса Тагеева. — 23) А. С. Павловъ. Курсъ церковнаго права. Посмертное изданіе подъ редакціей И. М. Громогласова. Спб. 1902. X.—24) Чичеринъ. Исторія политическыхъ ученій. Часть 5. М. 1902. А. и—аго. — 25) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ сто девятый. Спб. 1901. Томъ сто десятый. Спб. 1901. Томъ сто одиннадцатый. Юрьевъ. 1901. В. Стрнова. — 26) Извѣстія русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. Томъ VII. Выпуски 1—3. Софія. 1902. X.—27) Н. Н. Страховъ. Критическія статьи (1861—1894). Томъ 2 и. Изд. И. П. Митченка, Киевъ. 1902. п. щ. — 28) Свидѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе бібліотеки императорской академіи наукъ въ 1900 и 1901 годахъ. В. И. Срезневскаго. Спб. 1902. Бор. Городецкаго. — 29) А. С. Лебедевъ. Вѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности (по архивнымъ документамъ). Съ портретами и автографами. Харьковъ. 1902. щ.—30) Извѣстія императорской археологической комиссіи. Вып. I и II съ приб. Спб. 1901—1902 в. Руданова. — 31) Рейгардъ, Н. В., Н. К. Михайловскій и его труды. (По поводу 40 лѣтня его литературной дѣятельности). Казань. 1902. щ.—32) Московская городская художественная галлерей П. и С. Третьяковыхъ. Редакція и пояснительный текстъ И. С. Остроухова. Изданіе I. Кнебель. Москва. (1902). Выпуски съ 1—7. Бор. Городецкаго. — 33) Микотинъ, В. А. Изъ исторіи русскаго общества. Этюды и очерки. Спб. 1902. Г. Т. С—хаева. — 34) Александръ Кругловъ. «Вѣчевой городъ». (Путевые наброски). Изданіе второе. М. 1902. дв.—35) Аванасьевъ, Мираю. Публичныя лекціи. Одесса. 1902. А. и—аго. — 36) Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время. Изд. подъ ред. Н. И. Карьева и И. В. Лучицкаго. А. К. Дживелеговъ. Сербнезавковые городъ въ Западной Европѣ. Изд. авц. общ. Врокугаузъ-Ефрона. Спб. 1902. м. Лоссаго — 37) Ш. Сеньобостъ. Историческій методъ въ примѣненіи къ социальнымъ наукамъ. Переводъ съ французскаго. М. 1902. и. п.—38) Карлъ Каутскій. Противорѣчія классовыхъ интересовъ въ 1789 г. Переводъ Львовича. Спб. 1902. в. 1.—39) В. Е. Писаревскій. «Горошки». (Изъ жизни мелкаго муравейника). Одесса 1902. А. Догановичъ. — 40) Отчетъ о состояніи учебныхъ заведеній Кавказскаго учебнаго округа за 1901 годъ. Тифлисъ. 1902. щ.—41) Памирскіе походы 1892—1895 гг. В. Тагъевъ, Варшава. 1902. А. Фаресова.—42) Рассказы и стихотворенія изъ русской исторіи. Историческая хрестоматія для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Е. Елпатьевскій. Спб. 1902.—Геннадій Френевъ. «Пчела». Сборникъ образцовыхъ произведеній русской словесности. (Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній). Вып. I. Спб. 1901. и. п.—43) Н. Любавичъ. Статистическій методъ въ приложеніи къ исторіи. Варшава. 1901. п. и—аго. — 44) Труды «Общества исследователей Волыни». Т. I, съ 11 лит. рисунками. Житомиръ. 1902. щ.—44) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Томъ второй, части I и II. (Царствованіе императора Николая Перваго). Составилъ С. М. Середонинъ. Спб. 1902. в. гр—снаго. — 45) «Византійскій Временникъ», издаваемый при императорской академіи наукъ подъ редакціей В. Ф. Рогова. Томъ VII. Выпуски 3-й и 4-й. Спб. 1902 X.—46) Отчетъ Императорской Публичной бібліотеки за 1898 годъ. Спб. 1902. С. Пчельнинова.—47) Библиотека великихъ писателей подъ редакціей С. А. Венгерова. Шекспиръ. Томъ I. Изданіе Врокугаузъ-Ефрона. Спб. 1902. Бор. Городецкаго.—48) М. М. Ивановъ. Очерки современной итальянской литературы. Спб. 1902. в. г—снаго. — 49) Воронежская старина. Выпускъ первый. Изданіе Воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Воронежъ. 1902. щ.—50) Труды Ярославскаго областного съѣзда (исследователей исторіи и древностей Ростова-Суздальской области). Издвиевнѣмъ Н. А. Вахрамьева. М. 1902. в. Р—ва. — 51) Тысяча и одна ночь. Арабскіе рассказы Шахразады. Первый полный русскій переводъ. Изданіе «Новаго Журнала Иностранной Литературы». Томъ I и II. Спб. 1902. в. гр—снаго. — 52) М. Zdziechowski. Odrodzenie Chorwacyi w wieku XIX. Wkrakowie. 1902. А. Сиротинина. 53) Профессоръ Н. Суворовъ. Византійскій папа. Изъ исторіи церковно-государственныхъ отношеній въ Византіи. М. 1902. X.—54) Извѣстія русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. VII. Выпуски 2—3. Софія. Државна печатница. 1902. А. Хаданова. — 55) Буддійскій катихизисъ. Переводъ съ монгольскаго. Спб. 1902. п. фонъ-Ланга. — 56) Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Томъ V. Юрьевъ. 1902. д. з—мина. — 57) Очерки изъ казаваской жизни. И. Н. Канадьева. Томъ первый. Спб. 1902. и. н. з.—58) Профессоръ А. И. Незеленовъ. Собраніе сочиненій въ шести томахъ. Т. I, А. С. Пушкинъ въ его дозѣи (1799—1826). Т. III. А. Н. Островскій въ его произведеніяхъ. Изд. книгопродавца Н. Г. Мартынова. Спб. 1902. п. щ.—59) Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества. Ежемѣсячный журналъ (№ 1 и № 2). Октябрь и ноябрь 1902 года. Спб. Сергья фонъ-Штейна.—60) Русская одежда. Капитана Павла Шинова. Спб. 1902. и. н. з.—61) А. С. Лебедевъ

Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ архивахъ духовнаго вѣдомства въ губерніяхъ Курской и Харьковской. Харьковъ. 1902. В. Логгинова.—62) Еврейскій умъ, соч. Мориса Мюрэ. Переводъ съ французскаго Е. Огоцкой. Спб. 1902. и. н. 3.—63) Очерредные вопросы въ царствѣ Польскомъ. Этюды и изслѣдованія подъ редакціей В. Спасовича и Э. Пильца. Второе изданіе. Томъ I. Спб. 1902. в. Грибовскаго.—64) Szumon Akenazy. W czasie historyczne. Warszawa. 1902. I. к.—65) В. Зелинскій. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изданія произведеній И. С. Тургенева. Выпускъ I-й. Изд. 4-е. М. 1902. п. щ.—66) Графъ А. А. Вооринскій. Секта Исмаиля въ русскихъ и бухарскихъ предѣлахъ Средней Азии. Москва. 1902. А. Хаханова.—67) Zymunt Gloger. Encyklopedja Staropolska ilustrowana. Tom I. A. — Denar. Warszawa. 1900. Tom. II. Departamenta — Kapełani. Warszawa. 1901. (Сигизмундъ Глегеръ. Иллюстрированная старопольская энциклопедія. Томъ I. Варшава. 1900. Томъ II. Варшава. 1901). Г. А. Воробьева.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ 343, 773, 1171

1) Французская амазонка въ XVII вѣкѣ.—2) Остроуміе при дворѣ Карла II.—3) Письма Ренава изъ семинарія.—4) Прѣшедшеѣ Монте-Карло.—5) Мистическій салонъ въ Парижѣ.—6) Смерть шейха Сенусси, Шрхова и бельгійской королевы.—7) О древнихъ египетскихъ анналахъ.—8) Французенка на византійскомъ престолѣ.—9) Была ли королева Елизавета прототипомъ леди Макбетъ?—10) Трехсотлѣтіе Водлэнской бібліотеки.—11) Маркиза Ментенонъ и г-жа Омаль.—12) Нѣмецкія Авины XVIII вѣка.—13) Легендарные и литературные предшественники Фауста.—14) Георгъ Браунъ.—15) Мадзини и Тюръ.—16) Мемуары девятосто-трехлѣтняго дѣльца.—17) Смерть профессора Ролинсона и Эмиля Золя.—18) Туринская целена.—19) Нострадамусъ и его предсказанія.—20) Витторія Аккорамбони.—21) Герцогъ Шуазель и его жена.—22) Двѣ маркиграфини Баденскія.—23) Мормоны.

СМѢСЬ 365, 812, 1184

1) Памятникъ въ Кобулетахъ.—2) XII-й археологическій съѣздъ въ Харьковѣ.—3) Раскопки въ Ставропольской губерніи.—4) Екатерининская старина въ Херсонѣ.—5) Ярославскій музей.—6) Юрьева болжица.—7) Присужденіе Уваровскихъ премій.—8) Русское археологическое общество.—9) Возстановленіе линіи Севастопольской обороны.—10) Пултусская исторія.—11) Общество археологии, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ.—12) Археологическія раскопки.—13) Древній могильникъ.—14) Годичное засѣданіе общества любителей естествознанія.—15) С.-Петербургское археологическое общество.—16) Московское археологическое общество.—17) Общество археологии, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ.—18) Археологическая коммисія.—19) Библиологическое общество.—20) Географическое общество.

НЕКРОЛОГИ 387, 821, 1193

1) Акакій, епископъ.—2) Вронниковъ, Ѳ. А.—3) Вильдъ, Г. И.—4) Даниловъ, В. П.—5) Дьяконова, Е. А.—6) Кокушкинъ, В. А.—7) Москальскій, П. П.—8) Черемзинъ, А. Я.—9) Ернштедтъ, В. К.—10) Векетова, Е. Г.—11) Вудаевъ, Н. С.—12) Вучина, И. Ю.—13) Гурчипъ, А. В.—14) Добрыявинъ, Н. Г.—15) Домонтовичъ, М. А.—16) Зеландъ, Н. Л.—17) Назимовъ, А. Е.—18) Никоненко, М. Н.—19) Новиковъ, П. М.—20) Нофаль, И. Г.—21) Палопеженцевъ, Н. И.—22) Самойловичъ, Н. И.—23) Усовъ, М. М.—24) Гальперсонъ, А. М.—25) Гартель, А.—26) Кмитто, А. С.—27) Лачиновъ, Д. А.—28) Мьяковъ, А. А.—29) Траутшольдъ, Г. А.—30) Шашкинъ, Н. П.—31) Шуваловъ, графъ П. П.—32) Эллисъ, Н. В.—33) Якимовъ, К. В.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 393, 829

1) По поводу бібліографической замѣтки о Памятной книжкѣ Витской губ. на 1902 годъ. А. В.—на.—2) О царицѣ Агаевѣ Грушецкой. И. Орловскаго.—3) По поводу рецензіи г. Мальягрена. Д-ра мед. И. Бренсона.—4) Отвѣтъ И. С. Вѣляеву. Протоіерея А. Смирлина.—5) Къ статьѣ «Лжецаревичъ Алексѣй Петровичъ». А. Титова.—6) Большое и малое Р. А. С.

Къ портрету графа А. Г. Орлова-Чесменскаго и его дочери 832

Приложенія: 1) Портреты В. П. Анненковой, графа А. Г. Орлова-Чесменскаго (у постели больной дочери) и Н. А. Некрасова.—2) Измѣна. (In the house of his friends). Американскій романъ изъ эпохи войны Сѣвера съ Югомъ. Ричарда Савэджа. (Переводъ съ англійскаго). Часть вторая, гл. IX. Часть третья, гл. X—XII. (Окончаніе).—3) Указатель именъ лицъ, упоминаемыхъ въ трехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1902 года, и указатель гравюръ, помѣщенныхъ тамъ же.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢВИЧЪ НЕКРАСОВЪ ВЪ 1852 ГОДУ.
Съ портрета, рисованнаго карандашемъ въ альбомѣ М. П. Фетъ.

довв. ценз. 16 ноября 1902 г. спб.

ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ.

Разсказъ.

I.

ДОЖДЪ ЛИЛЪ уже вторую недѣлю. Дороги по всей черноземной Прѣсноводской губерніи размыло такъ, что къ тройкѣ, заложенной въ легкую бричку, припрягали еще пару уносныхъ. Тѣмъ не менѣе всякаго рода брички, тарантасы, коляски и дормезы находились въ большомъ движеніи. Помѣщикамъ было скучно въ такую погоду сидѣть дома. Они ѣздили другъ къ другу и въ губернской городъ, праздновали именины и дни рожденья, играли въ карты, продавали хлѣбъ, лошадей, собакъ и людей. Кромѣ того, собирали новости и судили о нихъ. Новостей было много: говорили о чрезвычайномъ рекрутскомъ наборѣ, о предстоящемъ созывѣ ополченія, о дворянскомъ собраніи. Передавали другъ другу сначала шопотомъ, а затѣмъ и громко, что наша армія разбита высадившимися въ Крыму союзниками, что Севастополь обложенъ и бомбардируется, а подъ Кронштадтомъ стоитъ лордъ Непиръ съ англійскимъ флотомъ. Сужденія же обо всемъ этомъ высказывались разные. Одни толковали, что армія обучена по устарѣлымъ тактическимъ понятіямъ, что вооруженіе ея никуда не годится, что парусный флотъ ничего не стоитъ противъ парового, и что интендантское хищничество заѣстъ всѣхъ. Другіе, напротивъ, были увѣрены, что англичанъ и французовъ можно забирать голыми руками, и что въ концѣ концовъ наши непременно ихъ поколотятъ. Последнее мнѣніе преобладало, и очень часто случалось, что вольно-

думный спорщикъ, много кричавшій вначалѣ о нашихъ плохихъ порядкахъ и нашей отсталости, послѣ выпитыхъ рюмокъ и стакановъ приходилъ къ заключенію, что стоитъ только свистнуть, и отъ союзниковъ праху не останется.

Широкій и довольно пустынный дворъ, окружавшій усадьбу Заварзина, отъ дождей покрылся лужами, размякъ и сталъ почти непроходимъ. Усердіемъ дворовыхъ на немъ, впрочемъ, были устроены зыбкіе переходы, гдѣ изъ досокъ, а гдѣ просто изъ большихъ полѣньевъ. Почернѣвшія службы смотрѣли мрачно. Но окна господскаго дома свѣтились. Тамъ уже второй день, не переставая, играли въ карты.

Къ Заварзину охотно ѣздили тѣ, кому хотѣлось во всякое время дня и ночи найти раскрытый ломберный столъ. Репутація Заварзина была не изъ лучшихъ. Говорили, что товарищи выжили его изъ полка, что онъ дурно обращался съ женой, и при случаѣ даже передергивалъ въ картахъ. Но на все это обращали мало вниманія, потому что у него въ домѣ всегда шла игра. Это былъ какъ бы единственный всегда открытый общественный пунктъ на пространствѣ ста верстъ. Даже губернскія власти, проѣзжая по дѣламъ службы, заворачивали сюда, чтобъ перекинуться деньжонками, собранными съ тяжёбныхъ и уголовныхъ дѣлъ. Откупная дань тоже нерѣдко попадала подъ загнутую на зеленомъ столѣ карту. Вообще, разныя тутъ бывали ставки: и лишняя пристяжная изъ тройки, и аглицкое ружье, и удивительная собака Гуляй, и даже поваръ Антонъ, одинъ во всей губерніи готовившій настоящіе сибирскіе пельмени. Этотъ Антонъ, кстати сказать, проигрывался и выигрывался уже столько разъ, что обратился въ какую-то ходячую опредѣленную цѣнность. Когда его владѣлецъ проигрывался въ лоскъ, ему всегда предлагали поставить Антона. И владѣлецъ ставилъ, справедливо разсуждая, что пельмени отъ него не уйдутъ, такъ какъ выигравшій обыкновенно сейчасъ же звалъ присутствовавшихъ къ себѣ откусать. Когда хотѣли знать, большая ли была игра у Заварзина, то спрашивали только: съ Антономъ, или безъ Антона? Если съ Антономъ, то это значило, что рѣзались до остервенѣнія. Даже купчей на Антона не дѣлали, а проигравшій просто отсылалъ его къ выигравшему, и искусникъ по части пельменей временно водворялся въ новой кухнѣ.

Гостей у Заварзина на этотъ разъ было много. Всѣ ссылались на то, что увязли въ дорогѣ, и что надо дать вздохнуть лошадямъ. Но это была невинная отговорка: съѣхались просто потому, что дома нечего было дѣлать. Только одинъ изъ гостей, попавшій сюда въ первый разъ, говорилъ правду: его дѣйствительно затанчили.

Это былъ молодой еще человѣкъ, лѣтъ двадцати-семи, сынъ извѣстнаго всему уѣзду помѣщика, отставнаго генерала Петра Аванасьевича Сухоцкаго. Средняго роста, худощавый, съ тонкими чер-

тами лица, онъ замѣтно выдѣлялся среди остального общества признаками болѣе тщательнаго воспитанія. Онъ ѣздилъ по какому-то дѣловому порученію отца къ мелкопомѣстному сосѣду Талалаеву, но засталъ его садящимся въ бричку и уже значительно на-веселѣ. Талалаевъ бросился его обнимать и уговаривалъ ѣхать съ нимъ. Молодой Сухоцкій подумалъ, что въ другой разъ застать Талалаева дома, пожалуй, не удастся, а между тѣмъ дорогой онъ навѣрное отрезвится. Поэтому онъ согласился пересѣсть въ его бричку. Но Талалаевъ справедливо замѣтилъ, что ѣхать въ московской коляскѣ Сухоцкаго гораздо удобнѣе, и потому самъ пересѣлъ въ нее, а въ свою бричку посадилъ зачѣмъ-то лягаваго кобеля Гуляя, подъ присмотромъ Антона, который уже два мѣсяца считался его собственностью.

— Зачѣмъ вы ихъ берете? И куда же мы ѣдемъ? — спросилъ Николай Петровичъ Сухоцкій.

— А беру потому что денегъ у меня мало, — спокойно объяснилъ Талалаевъ. — Въ случаѣ проигрыша вывезутъ.

— Куда же мы ѣдемъ? — повторилъ вторую часть вопроса Николай Петровичъ.

— Къ Заварзину, голубчикъ мой, къ Заварзину. Куда же больше?

Сухоцкій поморщился: репутація Заварзина была ему извѣстна. Онъ зналъ также, что тамъ всегда идетъ игра, а самъ онъ не былъ игрокомъ. «А впрочемъ, — подумалъ онъ, — любопытно взглянуть, что это за народъ такой. На выборахъ придется съ ними столкнуться».

Усѣвшись въ коляскѣ, Талалаевъ тотчасъ началъ дремать. Сухоцкій пробовалъ заговаривать съ нимъ о дѣлѣ, но тотъ неизмѣнно возражалъ:

— Оставь, голубчикъ, не могу теперь. Ты понимаешь, я отъ сырости съ утра заложилъ немного. Теперь у меня бродитъ. А вотъ приѣдемъ къ Демиду Демидовичу, выпьемъ рюмочку-другую, у меня и отойдетъ.

Талалаевъ почти всѣмъ говорилъ «ты», кромѣ очень важныхъ особъ. Къ этому привыкли, какъ и вообще къ его странностямъ. А странностей у него было много. Онъ, напримѣръ, былъ вѣчно въ разъѣздахъ. Приѣдетъ незванный и нежданный, поздоровадается своимъ веселымъ зычнымъ голосомъ и расположится совсѣмъ такъ, какъ будто его заѣздъ былъ заранѣе условленъ. Разъ даже онъ у исправника прогостилъ три дня, и потомъ выѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ на слѣдствіе. Хозяйствомъ совсѣмъ не занимался, но требовалъ отъ старосты денегъ, и тогда обнаруживалъ необычайную настойчивость.

— Я тебя не учитываю, но когда мнѣ нужны деньги, ты дай, — говорилъ онъ.

И староста откуда-то доставалъ засаленныя ассигнаціи, рублики и мѣдяки, и приносилъ.

— Ну, то-то, — строго замѣчалъ Талалаевъ, и мѣдяки отдавалъ обратно, въ видѣ поощренія.

Крестьяне Талалаева не любили и называли его «талалайкой». Вѣроятно, система: «я тебя не учитываю», не встрѣчала съ ихъ стороны одобренія. А пуще всего онъ доѣзжалъ ихъ внезапными продажами «на выводъ». Спитъ себѣ мужикъ, а вдругъ староста шастъ въ дверь: велѣно, молъ, снаряжаться всей семьей. Къ Талалаеву тогда не суйся: раскричится, затопаетъ ногами, и иногда даже велитъ выдрать, чтобы помнили прежняго барина.

— Меня мои мужики всѣ будутъ помнить, — говаривалъ онъ почти съ гордостью, подразумѣвая именно этотъ способъ утвержденія памяти.

II.

Коляска, вся облѣпленная грязью, подкатила къ крылечку. Одно изъ оконъ дома раскрылось, и изъ него выглянуло желтое, съ распухшими и покраснѣвшими вѣками лицо. Оно принадлежало отставному поручику Пирышу, извѣстному тѣмъ, что когда ему везло въ картахъ, то онъ не могъ оторваться отъ игры до тѣхъ поръ, пока не проигрывался въ пухъ. Поэтому его считали пріятнымъ партнеромъ.

— Новыхъ игроковъ принесло. Ба, да это Талалаевъ! — объявилъ онъ обществу. — И еще кого-то привезъ. Да и Антона прихватилъ. Ну, будетъ рѣзня съ Антономъ.

Такъ какъ банка никто не закладывалъ, то Заварзинъ и всѣ гости высыпали встрѣчать вновь прибывшихъ. Талалаевъ со всѣми перецѣловался.

— А это нашъ почтениѣйшій сосѣдъ, сынокъ Петра Аванасьевича, — отрекомендовалъ онъ Сухоцкаго.

Заварзинъ протянулъ ему руку съ серьезнымъ и даже важнымъ видомъ.

— Много обязанъ. Глубокоуважаемаго батюшку вашего мы всѣ знаемъ. Прошу въ апартаментъ, — сказалъ онъ.

Всѣ двинулись гурьбой. Антонъ, выбиравшій вещи изъ коляски, поглядѣлъ имъ вслѣдъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «И какъ это еще вы не очертѣли другъ другу?»

Ему они давно очертѣли: онъ у нихъ у всѣхъ почти стряпалъ цельмени.

Въ большой низкой комнатѣ, гдѣ играли въ карты, въ воздухѣ стоялъ табачный дымъ и запахъ водки и рому. Оба напитка, въ графинахъ и бутылкахъ, украшали столъ съ закуской.

— Рекомендую съ сырости, — пригласилъ хозяинъ попрежнему серьезно и важно.

Онъ всегда сохранялъ такой видъ, и въ особенности когда игра становилась крупною и азартной.

— Вы, Илья Андреевичъ, Антона привезли? — спросилъ Талалаева поручикъ Пирышъ.

— А онъ у меня за Гуляемъ смотритъ, — отвѣтилъ тотъ.

— Это хорошо, — одобрилъ Пирышъ.

Онъ уже совсѣмъ проигрался, и ему неохотно давали понтировать. Появленіе новыхъ лицъ возбуждало въ немъ смутныя надежды.

Заварзинъ подошелъ къ столу и взялъ въ руки нераспечатанную игру картъ.

— Въ виду новопривывшихъ можно бы, пожалуй, заложить новый банкъ, — сказалъ онъ, шевеля своими повисшими ушами и ловкимъ движеніемъ срывая оболочки разомъ съ обѣихъ колодъ.

Сухоцкій заявилъ, что онъ не играетъ.

— Такъ присядьте да посмотрите, какъ мы будемъ рѣзаться, — предложилъ Заварзинъ.

Онъ сталъ метать. Присутствующіе обступили его. Сухоцкій подсѣлъ къ столу, до такой степени заерзанному мѣломъ, что на немъ и писать трудно было.

«У Заварзина, по слухамъ, жена красавица; вѣроятно, онъ покажетъ ее», — думалось ему.

— Для развлечения, не выберете ли карточку? — обратился къ нему черезъ нѣсколько минутъ банкометъ.

— Хорошо, извольте, — равнодушно произнесъ Сухоцкій, и потянулъ одну изъ набросанныхъ кучею картъ.

— По банку? — спросилъ Заварзинъ, щелкнувъ по колодѣ пальцемъ.

Сухоцкій не совсѣмъ понималъ значеніе вопроса. Но онъ видѣлъ, что денегъ на столѣ не очень много, и молча кивнулъ головой. Заварзинъ сталъ быстро метать.

— Сорвали банчишку, — произнесъ онъ, небрежно швырнувъ талію.

Между присутствующими произошло движеніе. Посыпались восклицанія: «О-го! однако! вотъ что значить въ первый разъ играть!»

— Храбрость города беретъ, — воскликнулъ Пирышъ, хлопая по столу кулакомъ.

Талалаевъ бросился обнимать Сухоцкаго.

— Голубчикъ, люблю! молодецъ! — кричалъ онъ. — Теперь я съ тобой въ долѣ. Гривенникъ придерживаю. Идетъ?

Сухоцкій былъ болѣе всѣхъ удивленъ своей удачей. Когда къ нему подвинули кучу золота и ассигнацій, онъ даже наивно спросилъ: «Это что же? Все мнѣ?»

Заварзинъ церемонно поклонился ему.

— Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ, — произнесъ онъ съ усмѣшкой, болѣе походившей на гримасу. — А теперь, господа, я отказываюсь держать банкъ. Очередь тѣхъ, кто счастливѣе меня.

Всѣ вопросительно поглядывали на Сухоцкаго. Онъ чувствовалъ себя неловко. Ему казалось, что неожиданный выигрышъ обязывалъ его продолжать игру.

— Ну, ты вѣдь не мажакъ, чтобы спалать да, застегнувъ карманъ, удрать,—обратился къ нему Талалаевъ.—Я знаю, ты всегда и во всемъ дворянинъ. Садись, я буду тебѣ придерживать десятую часть.

Сухоцкій, еще не успѣвшій убраться выигрышныхъ денегъ, оставилъ ихъ предъ собой. Окружавшіе сдѣлали ставки.

«Нечего дѣлать, долженъ играть»,—подумалъ Сухоцкій, и неумѣлыми, сразу начавшими дрожать руками сталъ метать.

Игра очень оживилась. Всѣ точно только того и ждали, чтобъ наброситься на новаго банкмета. Сначала Сухоцкій выигрывалъ; потомъ игра пошла съ перемежнымъ счастьемъ; потомъ лежавшая передъ нимъ кучка золота и бумажекъ стала быстро уменьшаться. На столѣ писали и чертили. Произносились какія-то непонятныя ему техническія выраженія. Сухоцкій самъ не рассчитывался—у него брали деньги и присылали ему, записывали ему и себѣ, вычеркивали и перечеркивали. Онъ былъ радъ, что такимъ образомъ его трудъ упрощался.—«Вѣдь не смощенничаютъ же, общество между собою знакомое, дворянское»,—думалось ему. А въ головѣ усиливалась какая-то безтолковая, тягостная возня.

— Отвѣчаете?—быстро и серьезно спросилъ Заварзинъ.

Сухоцкій, не понимая вопроса, разсѣянно мотнулъ головой. Игра продолжалась. Теперь уже нѣсколько минутъ передъ нимъ на столѣ не было денегъ.

— Господа, я, кажется, все проигралъ,—произнесъ онъ съ растеряннымъ видомъ.

— Ничего, ничего, продолжайте,—строго сказалъ Заварзинъ.

Сухоцкій отдалъ еще нѣсколько картъ. Мѣлки писали и чертили. Въ вискахъ у него стучало. Онъ наконецъ бросилъ карты.

— Не могу больше. Я, должно быть, много уже проигралъ,—сказалъ онъ, съ неприятнымъ, только что сказавшимся въ немъ чувствомъ испуга озираясь на длинныя записи.

Заварзинъ наклонился надъ столомъ.

— А вотъ я сейчасъ подведу счеты,—сказалъ онъ, вооружаясь тупымъ обломкомъ мѣла.—И-да, проигрышъ порядочный,—объявилъ онъ черезъ минуту.—Десять тысячъ сто. Вотъ она, послѣдняя-то карта, что надѣлала. Если бъ вы ее убили, такъ, пожалуй, еще въ выигрышѣ были бы.

Сухоцкій, замѣтно поблѣднѣвшій, кусалъ губы.

— У меня нѣтъ съ собой этихъ денегъ. Я долженъ просить оставить ихъ пока за мной въ долгу,—сказалъ онъ.—Я совсѣмъ не рассчитывалъ играть. Да я никогда и не играю.

Заварзинъ чуть-чуть поклонился ему съ своимъ серьезнымъ видомъ.

— Объ этомъ не беспокойтесь,—произнесъ онъ.—Я пока считаюсь за васъ въ качествѣ хозяина, а тамъ, конечно, вы не забудете свой должокъ. Очень прискорбно, что для перваго знакомства мы васъ не пощадили. Но вѣдь игра—знаете, что такое: сегодня проигралъ, завтра выигралъ.

Сидѣвшій нѣсколько въ сторонѣ молодой человѣкъ съ розовымъ цвѣтомъ лица, большими карими глазами и густыми, изсиня-черными волосами, падавшими на низенькій лобъ, всталъ и выпрямился во весь свой крупный ростъ.

— Господинъ Сухоцкій игралъ въ первый разъ, почти не понимая игры; вамъ не слѣдовало допускать его до такого проигрыша,—сказалъ онъ, обращаясь къ хозяину.

У Заварзина усы еще больше потянулись книзу.

— Въ нашемъ обществѣ, кажется, нѣтъ малолѣтнихъ,—возразилъ онъ.—Господинъ Сухоцкій, я думаю, самъ за себя отвѣчаетъ.

Сухоцкій раньше какъ-то не замѣчалъ этого молодого человѣка. Теперь онъ съ любопытствомъ взглянулъ ему прямо въ глаза. Тотъ посмотрѣлъ на него съ ласковой небрежностью, словно говоря: «Эхъ, ты, простофиля петербургская; не знаешь, какіе у насъ теплые ребята водятся»,—и опять повернулся своей широкоплечей фигурой къ Заварзину.

— Скверно, Демидъ Демидовичъ,—отчетливо выговорилъ онъ.

— Я не спрашиваю вашего мнѣнія,—сказалъ недовольнымъ тономъ Заварзинъ.

— Ничего, преподношу его вамъ безъ спросу. Да, скверно!—повторилъ еще отчетливѣе молодой человѣкъ.—Выражаюсь кратко, но могу и подробнѣе.

— Нѣтъ, ужъ избавьте,—отозвался Заварзинъ и отошелъ.

Сухоцкій былъ недоволенъ этимъ вмѣшательствомъ. Вѣдь все равно, онъ не согласится, чтобъ ему простили проигрышъ. Тѣмъ не менѣе онъ съ благодарностью взглянулъ на своего заступника. Тотъ протянулъ ему руку и назвалъ себя:

— Облочинъ, Платонъ Николаевичъ. Вы сюда ѣхали мимо Грачевки: это мое имѣніе.

Между ними завязался разговоръ. Въ Облочинѣ было что-то привлекательное. Онъ, повидимому, не отличался тщательнымъ образованіемъ, но казался простодушнымъ, славнымъ малымъ. Притомъ съ нимъ случилось то, что часто случается съ молодыми людьми: онъ почувствовалъ внезапное, довѣрчивое расположеніе къ Сухоцкому, и тотъ ощущалъ это всѣми нервами.

— Жаль, что я не былъ съ вами знакомъ: я предостерегъ бы васъ насчетъ игры,—сказалъ онъ, кивая въ сторону Заварзина.—Нельзя здѣсь брать первые уроки: облупятъ начисто.

— А развѣ... не совѣмъ чисто?—спросилъ Сухоцкій.

— Ну, этого я не знаю. Но воспользоваться тѣмъ, что вы играли, какъ въ потемкахъ, и продолжать на мѣлокъ, когда банкъ былъ сорванъ,—что же это такое?—сказалъ Облочинъ.—Хорошъ хозяинъ, да хороша и вся компанія. Кстати, что же это Талалаевъ спрятался? Вѣдь онъ былъ съ вами въ долѣ. Илья Андреевичъ!—крикнулъ онъ громко.

— Что такое?—отозвался Талалаевъ, успѣвшій снова присѣсть къ ломберному столу.

— Вѣдь вы придерживали господину Сухоцкому десятую часть,—напомнилъ громко Облочинъ.

— Ну, придерживалъ; развѣ я отказываюсь? — невозмутимо отвѣтилъ Талалаевъ.

— Чорта два вы съ него получите, — не очень тихо сказалъ Облочинъ Сухоцкому.—Берите, по крайней мѣрѣ, Антона.

Сухоцкій только махнулъ рукою.

III.

Спустя полчаса, Сухоцкій сказалъ своему новому пріятелю:

— А не пора ли уѣзжать? Вы не собираетесь?

На лицѣ Облочина какъ будто мелькнуло замѣшательство.

— Я немножко еще побуду здѣсь,—отвѣтилъ онъ.—Мнѣ хотѣлось бы повидать Варвару Львовну.

— Жену Заварзина?

— Да. Вы ее не знаете? Прелестная женщина, которая, по правдѣ сказать, только одна и привлекаетъ меня сюда.

— А, вотъ что!—произнесъ съ сочувственной улыбкой Сухоцкій.—Говорятъ, красивая женщина?

Облочинъ провелъ рукой по своимъ падавшимъ на лобъ волосамъ, и лицо его сразу еще болѣе порозовѣло.

— Она обворожительна!—отвѣтилъ онъ.—Вотъ вы ее увидите. Это что-то совсѣмъ особенное, высшее. Она между нами, какъ ангелъ въ изгнаніи. Мужъ не стоитъ ея мизинца и обращается съ ней самымъ гнуснымъ образомъ. Но она все терпитъ, въ своей дѣтской кротости.

Облочинъ сталъ передавать нѣкоторыя подробности изъ семейной жизни Заварзиныхъ, волнуясь и переходя въ глухой, трагическій тонъ. Ему было пріятно наговориться обо всемъ этомъ съ новымъ и симпатичнымъ человѣкомъ. Сухоцкій, слушая его, ласково и сочувственно усмѣхался.

— Словомъ, у васъ романъ,—сказалъ онъ.

Облочинъ опять взъерошилъ волосы.

— Я знаю, что я за эту женщину готовъ въ огонь и воду,—сказалъ онъ.—Но что я могу сдѣлать? Законъ и всѣ права на сторонѣ мужа. Развода онъ ей никогда не дастъ. Если бъ у меня

было тысячъ сто денегъ, я, разумѣется, выкупилъ бы ее. На это онъ хоть сейчасъ пойдетъ. Но у меня нѣтъ денегъ, есть только заложенное имѣнье. Вотъ она теперь не выходитъ къ гостямъ: вы думаете, это безъ причины? Я увѣренъ, что у нихъ произошла ужаснѣйшая сцена, что она совсѣмъ больна. Я все время сижу, какъ на иголкахъ. Можетъ быть, онъ побилъ ее.

— Неужели бываетъ?—спросилъ Сухоцкій.

— Ничего нѣтъ невозможнаго,—отвѣтилъ Облочинъ.—На-дняхъ у нея была разсѣченная ранка на лбу. Говоритъ, что стукнулась объ умывальникъ, но я увѣренъ, что онъ чѣмъ нибудь пустилъ въ нее.

— Какая мерзость!

— Ужасъ, что такое. И никакого, въ сущности, повода. Просто потому, что онъ чувствуетъ ея превосходство. Его злитъ, что у нея возвышенная, чистая душа, и что ей противны его продѣлки. Вотъ, если бъ она была здѣсь, она не допустила бы такъ нагло обыграть васъ. Онъ это знаетъ и мститъ ей. А ея вмѣшательство въ расправы съ дворовыми и крестьянами — вѣдь изъ-за этого у нихъ всегда драмы выходятъ. Недавно она отстояла свою горничную, которую онъ хотѣлъ выдать замужъ за отвратительнаго пьяницу, только потому, что считаетъ ее очень преданной барынѣ. Да гдѣ тамъ, всего не перескажешь.

Облочинъ махнулъ рукой и понурился, при чемъ его густыя пряди волосъ совсѣмъ упали на глаза.

— Знаете,—заговорилъ онъ черезъ минуту,—мнѣ иногда приходится въ голову оскорбить его когда нибудь ужаснѣйшимъ образомъ, чтобъ заставить драться, и убить его. Я для этого даже нарочно упражняюсь каждый день въ стрѣльбѣ изъ пистолетовъ.

— Ну, зачѣмъ же такіе кровавые способы?—замѣтилъ Сухоцкій.

— А другихъ нѣтъ. Другихъ нѣтъ! — трагическимъ тономъ произнесъ Облочинъ.

За карточнымъ столомъ продолжалась между тѣмъ игра. Талалаевъ проигралъ и лягаша, и Антона. Послѣдняго выигралъ Пырышъ.

— Господа, прошу завтра ко мнѣ на пельмени,— произнесъ онъ, надувая щеки.—И васъ также,—добавилъ онъ, обращаясь къ Сухоцкому.—Кстати, потолкуемъ объ ополченіи. Надо же намъ сколько нибудь спѣться, намѣтить кандидатовъ.

— А пока прошу на-верхъ, отвѣдать шей да каши,—пригласилъ Заварзинъ, небрежно сгребая со стола послѣднія кучки денегъ.—Кстати, бордо мнѣ прислали изъ Москвы удивительное.

— Пойдемъ распивать наши денежки,—шепнулъ Талалаевъ Сухоцкому.

Къ обѣду Варвара Львовна вышла. Сухоцкій при первомъ взглядѣ на нее нѣсколько разочаровался. Онъ ожидалъ увидѣть

яркую, пышную красоту, а вмѣсто того передъ нимъ была худенькая, смуглая женщина съ большими черными глазами и блѣдными губами, вяло двигавшаяся и небрежно или неумѣло пріодѣтая. Но потомъ, всматриваясь, онъ подмѣтилъ особую прелесть ея взгляда и ея нерѣшительной улыбки, какъ будто стѣснявшейся блеснуть двумя рядами бѣлыхъ, ровныхъ, влажныхъ зубовъ. Онъ почувствовалъ изящество какъ бы дѣвическихъ линій ея стройной, тонкой фигуры и неспѣшной походки. Что-то безконечно милое выразилось во всемъ ея обликѣ и влекло сочувствіе.

Облочинъ сѣлъ подлѣ нея. Сухоцкій все время наблюдалъ за ними. Ему показалось, что она осторожно что-то передавала ему подъ столомъ, и тотъ отвѣтилъ ей встревоженнымъ и благодарнымъ взглядомъ.

За столомъ стоялъ шумный говоръ. Толковали о войнѣ и о предполагаемомъ созывѣ ополченія. Говорили, что въ 1812 году мы тоже отступали и терпѣли неудачи, но тѣмъ сильнѣе задали врагу впослѣдствіи. Про Наполеона рассказывали позорныя вещи, и въ особенности удивлялись союзу христіанскихъ державъ съ невѣрными турками.

На Варвару Львовну никто не обращалъ вниманія. Она вяло и разсѣянно хозяйничала. Повидимому, она была или нездорова, или разстроена. Руки ея, передавая что нибудь, замѣтно дрожали. Заварзинъ раза два взглянулъ на нее неласково и строго, и Сухоцкій какъ-то разомъ почувствовалъ, что презираетъ его за этотъ взглядъ.

Тотчасъ послѣ обѣда Облочинъ отсталъ отъ другихъ, а черезъ нѣсколько минутъ взялъ Сухоцкаго подъ руку и отвелъ на балконъ, закрытый по случаю холодной осенней погоды. Видъ у него былъ сосредоточенный и безпокойный.

— Послушайте, здѣсь нѣтъ ни одного порядочнаго человѣка, на котораго я могъ бы положиться, — сказалъ онъ. — Вы совсѣмъ въ другомъ родѣ, и поймете меня. Могу я просить васъ объ услугѣ?

— Располагайте мною, — предложилъ Сухоцкій.

Облочинъ стиснулъ ему руку.

— Видите, я былъ правъ: у нихъ что-то вышло, — продолжалъ онъ. — Варвара Львовна передала мнѣ клочекъ бумажки, двѣ строчки. Ей необходимо меня видѣть, сообщить о чемъ-то важномъ. Она черезъ пять минутъ будетъ въ зеленой бесѣдкѣ въ саду. Если я пойду одинъ и попадусь мужу, это возбудитъ подозрѣнія. Заварзинъ ревнивѣ и догадливѣ, какъ чортъ. Поэтому я хочу просить васъ пойти со мною. Вы останетесь ближе къ дому, и въ случаѣ чего нибудь дайте мнѣ знать. Если насъ увидятъ вмѣстѣ, мы можемъ сказать, что захотѣли освѣжиться послѣ обѣда.

— Что жъ, пойдѣте, — согласился Сухоцкій.

Недавніе пріатели вышли въ садъ. Тамъ было грязно, и слѣды глубоко отпечатывались на мокромъ пескѣ. Между деревьями уже очень сквозило, мокрые сучья печально торчали во всѣ стороны, и на верхушкахъ полу-оголенныхъ березъ взволнованно и побѣдно каркали вороны.

На поворотѣ въ боковую аллею Облочинъ опять съ силою сжалъ руку Сухоцкому.

— Посидите вотъ тутъ на скамейкѣ, — сказалъ онъ: — вамъ недолго придется ждать.

Затѣмъ, отважно ступая по грязи, онъ бросился въ сторону. Вдали, за стволами деревъ, что-то мелькнуло.

Сухоцкій сѣлъ на скамью. На душѣ у него было очень скверно. Мысль о крупномъ проигрышѣ подавляла его. Предстояло обратиться къ отцу, а отецъ былъ человѣкъ крѣпкаго закала, строгій и холодный, котораго не собьешь съ усвоенныхъ точекъ зрѣнія. И какъ глупо все вышло! Никогда онъ не игралъ въ карты, ни въ Петербургѣ, ни здѣсь, въ деревнѣ; и вдругъ попался на удочку Заварзину, къ которому не имѣлъ никакого довѣрія. А отецъ называетъ его философомъ и немножко трунить надъ его высокомѣрнымъ отношеніемъ къ провинціальной средѣ. Хорошъ философъ!

Потомъ онъ сталъ думать о своемъ новомъ пріятелѣ Облочинѣ и объ его романѣ. «Славный малый, очевидно недалекъ, но такіе у него добрые, ласковые глаза. И весь онъ похожъ на какое-то большое, славное и ласковое животное», — думалъ онъ. — «А она милая, очень милая, и несчастная. Не можетъ же она быть счастлива съ такимъ мужемъ. Въ Облочина она влюблена, или непременно влюбится. Она теперь расположена влюбиться въ перваго, кто выкажетъ ей теплое участіе. У нея вся душа проситъ ласки»...

И что-то похожее на завистливое чувство примѣшивалось къ этимъ мыслямъ. Романъ Облочина напоминалъ Сухоцкому его собственное одиночество. А онъ самъ тоже былъ молодъ, и его душа тоже просила ласки...

Прошло минутъ двадцать. Въ саду начинало замѣтно темнѣть. Предъ Сухоцкимъ вдругъ выросла высокая фигура Облочина. Лицо его имѣло озабоченное выраженіе. Прежде чѣмъ что нибудь сказать, онъ крѣпко стиснулъ руку Николаю Петровичу.

— Послушайте: могу ли я на васъ разсчитывать? — сказалъ онъ значительнымъ и взволнованнымъ голосомъ.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ Сухоцкій.

— Я съ вами всего нѣсколько часовъ какъ познакомился, но вы единственный человѣкъ, къ которому я могу обратиться, — продолжалъ Облочинъ. — Обстоятельства приняли очень рѣшительный оборотъ.

Онъ оглянулся по сторонамъ, затѣмъ наклонился къ Сухоцкому.

— Медлить далѣе невозможно, — объяснилъ онъ въ полголоса. — Варвара Львовна просить спасти ее. У нихъ сегодня произошла ужасная сцена. Мужъ замахнулся на нее, она выбросилась изъ окна. Къ счастью, подъ окномъ лежала куча песку, она даже не зашиблась. Но она ни за что не останется на ночь дома. Она скорѣе повѣсится.

— Бѣдная! — съ сочувствіемъ произнесъ Сухоцкій, и слегка вздохнулъ.

— Вы понимаете, необходимо увезти ее, — продолжалъ Облочинъ. — Мы все рѣшили въ двѣ минуты. Возьметесь вы помогать намъ?

Сухоцкій не тотчасъ отвѣтилъ. Впутываться въ чужую исторію ему не хотѣлось; но и отказаться было какъ будто неловко. Вѣдь отъ него требовали защиты женщины, грубо преслѣдуемой недостойнымъ ея мужемъ. По его задушевному убѣжденію, онъ не долженъ былъ уклоняться отъ такой рыцарской роли.

— Что я могу сдѣлать? — спросилъ онъ.

— Видите, я составилъ планъ, — объяснилъ Облочинъ. — Вы сейчасъ же проститесь съ Заварзинымъ и уѣдете. У васъ коляска? Прекрасно. Отѣхавъ двѣ версты, вы свернете вправо черезъ мостикъ, и подниметесь проселкомъ къ лѣсу. Подвигаясь по опушкѣ, вы вернетесь къ усадьбѣ со стороны сада. Тамъ красный каменный столбъ. У этого столба дожидайтесь: Варвара Львовна выйдетъ съ Настей. Это ея собственная дѣвушка, Заварзинъ не можетъ ее требовать.

— И куда же ихъ отвезти? — спросилъ Сухоцкій.

— Ко мнѣ. Скажите кучеру: въ Грачевку, онъ навѣрное знаетъ.

«Счастличикъ!» — подумалъ Сухоцкій, и опять что-то похожее на завистливое чувство шевельнулось въ немъ.

— А я, какъ только узнаю, что Варвара Львовна вышла изъ дома, сейчасъ же въ свой тарантасъ, и за вами. Такимъ образомъ мы избѣгнемъ всякихъ подозрѣній. Согласны на мой планъ? Право, я не сталъ бы впутывать васъ въ свои дѣла, еслибъ была хоть какая нибудь возможность обойтись безъ васъ.

Облочинъ снова съ силою встряхнулъ руку Сухоцкому. При этомъ глаза его такъ восторженно горѣли, и все лицо его дышало такой славной рѣшимостью, что Сухоцкій еще разъ подумалъ: «онъ хорошій, право, хорошій».

IV.

Заварзинъ и все общество еще сидѣли въ столовой, когда новые пріятели вернулись изъ сада. Сухоцкій велѣлъ закладывать свою коляску, и затѣмъ сталъ прощаться. Его удерживали, но не очень настойчиво. Заварзинъ отвелъ его въ сторону и сказалъ мягкимъ, по дѣловымъ тономъ:

— Для памяти, я думаю, векселечекъ подпишете? Такъ вамъ даже удобнѣе будетъ: все-таки дѣло какъ будто поконченное.

Сухоцкій согласился. Заварзинъ провелъ его въ кабинетъ, гдѣ вынулъ изъ конторки цѣлую пачку вексельныхъ бланковъ. Текстъ на нихъ на половину былъ уже заготовленъ крупнымъ, аккуратнымъ почеркомъ самого хозяина.

— Для ровности будемъ писать на десять тысячъ; а сто рубликовъ, можетъ быть, при васъ наличными найдутся?— оswѣдомился кредиторъ.

Сухоцкій отдалъ сто рублей.

— Очень, очень вамъ благодаренъ, — говорилъ Заварзинъ, когда вексель былъ подписанъ и тщательно засыпанъ песочкомъ. — Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ имѣть дѣло съ порядочнымъ человѣкомъ.

«Но я-то этой пріятности совсѣмъ не испытываю», — подумалъ Сухоцкій, и добавилъ мысленно: «что-то ты запоешь, когда узнаешь, что я помогаль увезти твою жену».

Уже почти стемнѣло, когда онъ выѣхалъ изъ усадьбы. Облочинъ, провожая его, шепнулъ:

— Она обо всемъ предупреждена. Вамъ недолго придется ждать.

Слѣдуя плану, Сухоцкій доѣхалъ до мостика, свернулъ, обогнулъ опушку лѣса, и наконецъ отыскалъ красный кирпичный столбъ, возвышавшійся, должно быть, въ видѣ пограничнаго знака надъ засореннымъ рвомъ, окружавшимъ садъ.

— Тутъ, баринъ, проѣзду нѣтъ, — сказалъ оборачиваясь кучеръ.

— Заверни коляску и жди, — отвѣтилъ Сухоцкій.

Самъ онъ прыгнулъ на размытый дождями песокъ, поднялся по оврагу, и цѣпляясь за мокрые кусты орѣшника, вошелъ въ садъ. Но тамъ все сливалось въ мутной темнотѣ. Вѣтеръ раскачивалъ отяжелѣвшими вѣтвями, срывая съ нихъ крупныя холодныя капли. Деревья росли, какъ попало; ноги то скользили по раскисшему щебню, то путались въ густой, высокой, жесткой травѣ. Видно было, что въ эту часть сада никто не заглядываетъ, и она давно уже предоставлена заустѣнію.

«Пожалуй, и дороги не найдутъ», — думалъ Сухоцкій, стараясь выбраться на такое мѣсто, съ котораго можно было бы что нибудь разглядѣть. Но мутныя тѣни обступали его со всѣхъ сторонъ; ни одного огонька нельзя было различить въ томъ направленіи, въ которомъ предполагалась усадьба.

Сухоцкій наткнулся на старый пенъ и сѣлъ на него. Время тянулось утомительно долго. Онъ начиналъ находить свое положеніе довольно глупымъ. Вѣдь могло случиться, что Варвара Львовна отдумала бѣжать, или встрѣтилось препятствіе. До какихъ же поръ ему ждать тутъ, въ этой сырой и холодной темнотѣ?

Но онъ сейчасъ же пристыдилъ себя за малодушный эгоизмъ. Помочь спасти прелестную женщину — это такъ заманчиво. И онъ старался настроить себя романически. Но слѣдующее движеніе мысли разрушало это настроеніе. — «Что же дальше? — думалъ онъ. — Облочинъ милый малый, но едва ли такой человѣкъ можетъ дать ей счастье. У нея должна быть глубокая, сильно чувствующая натура. А онъ... Пока влюбленъ, онъ готовъ надѣлать ради нея тысячу глупостей. А потомъ?»...

«Но не все ли мнѣ равно, что будетъ потомъ? Надо избавить ее отъ мужа, а тамъ жизнь сама все устроить и свое возьметъ. Вотъ теперь тутъ темно, зги не видно. Борону я готовъ принять за привидѣніе. А утромъ взойдетъ солнце, и все станетъ ясно... ясно и обыкновенно до пошлости. И такъ все въ природѣ и въ жизни».

Прошло еще съ полчаса. Наконецъ гдѣ-то близко послышался шорохъ, и промелькнули двѣ быстро двигавшіяся тѣни.

— Пожалуйте сюда, — негромко сказалъ Сухоцкій.

Передъ нимъ остановились двѣ женщины. На Варварѣ Львовнѣ былъ накинутъ атласный капоръ и такой же атласный салопчикъ съ узкими рукавами. Обѣими руками она съ трудомъ подбирала забрызганное грязью платье. Горничная Настя была въ шерстяномъ платкѣ, повязанномъ на-крестъ, и держала въ рукѣ узелокъ.

— Сухоцкій? — спросила Варвара Львовна задыхающимся отъ скорой ходьбы голосомъ.

— Къ вашимъ услугамъ. Здѣсь въ двадцати шагахъ васъ ждутъ лошади.

Онъ пошелъ впередъ, раздвигая сучья. Спускаться по оврагу было очень скользко; онъ предложилъ Варварѣ Львовнѣ руку. Она оперлась крѣпко, всею тяжестью уставшаго до изнеможенья тѣла.

Сухоцкій подсадилъ ее въ коляску и самъ сѣлъ. Настя со своимъ узелкомъ быстро и ловко вспрыгнула на козлы.

— Знаешь Грачевку, помѣщика Облочина? — обратился Сухоцкій къ кучеру.

— Точно такъ.

— Гони во весь духъ.

Лошади дернули. Варвара Львовна, откинувшись въ уголъ коляски, закрыла лицо руками.

— Господи, что вы должны обо мнѣ подумать! — воскликнула она.

— Я могу только уважать вашу рѣшимость, — сказалъ Сухоцкій.

— Какое тамъ уваженіе! — возразила Варвара Львовна. — Лишь бы спастись.

— Вы уже спасены.

Молодая женщина вздохнула и оглянулась. Темень начинала какъ будто проясняться — въ клубившихся облакахъ слабо скользилъ свѣтъ мѣсяца. Но было тихо, слышалось только шлепанье лошадиныхъ подковъ.

— Будьте спокойны, насъ не нагоняютъ, — сказала Сухоцкій.

Онъ не смѣло, бокомъ, но съ жаднымъ вниманіемъ вглядывался въ чуть обозначавшіяся черты бѣглинки. Тонкія и изящныя, онѣ казались словно неуловимыми въ ночномъ мерцаніи.

— Я кое-что слышалъ о причинахъ, заставившихъ васъ рѣшиться на побѣгъ, — продолжалъ Сухоцкій. — Конечно, ни одинъ честный человѣкъ не позволитъ себѣ слова осужденія.

— Вы, можетъ быть, мало знаете наше общество. Меня затравятъ сплетнями, клеветами, презрѣніемъ! — возразила Варвара Львовна. — Я это отлично предвижу, и если иду на все это, то потому, что больше нѣтъ силъ. Нѣтъ, что угодно, но только не то, что было.

— Вы страданьемъ купили право на освобожденіе, — произнесъ Сухоцкій и смутился, почувствовавъ книжный тонъ своихъ словъ.

— Выстраданное право любви! — сказала такимъ же тономъ Варвара Львовна, и засмѣялась печально зазвучавшимъ смѣхомъ. — Вотъ въ томъ-то и дѣло, что всѣ будутъ толковать мой поступокъ въ этомъ пошломъ смыслѣ. Никто не повѣритъ, что дѣло именно въ освобожденіи; всѣ будутъ искать дрянненькихъ побужденій, дрянненькаго романа. Ну, да мнѣ теперь все равно. Я скроюсь, спрячусь, а тамъ... можетъ быть, удастся совсѣмъ исчезнуть изъ этихъ мѣстъ.

Сухоцкій напряженно вслушивался. Его удивляло то, что говорила m-me Заварзина. Онъ составилъ себѣ такое опредѣленное представленіе объ ея отношеніяхъ къ Облочину, что готовъ былъ не довѣрять ея искренности. Развѣ она не любитъ Облочина? Нѣтъ, это только потребность женскаго самолюбія — таиться отъ постороннихъ.

— Конечно, Платонъ Николаевичъ самъ съ радостью уѣхалъ бы съ вами отсюда, — замѣтилъ онъ. — Онъ могъ бы найти себѣ дѣятельность въ Петербургѣ, напримѣръ.

— Ахъ, я его очень стѣснила, бѣднаго Платона Николаевича, — сказала Варвара Львовна. — Надо быть такимъ добрымъ, какъ онъ, чтобы столько сдѣлать для посторонней женщины. Я ему очень, очень благодарна. Но и вамъ также, повѣрьте мнѣ.

— Моя услуга такъ незначительна...

— Нѣтъ, я очень, очень цѣню ваше участіе. Но бѣдный Платонъ Николаевичъ, сколько неприятностей ему придется вынести изъ-за меня. Мужъ не оставитъ его въ покоѣ. Я боюсь, что ему придется раскаться въ своемъ великодушномъ поступкѣ.

— Раскаться? — переспросилъ Сухоцкій. — Я, напротивъ, думаю, что онъ совершенно счастливъ. Ему можно позавидовать.

По лицу Варвары Львовны пробѣжала неопредѣленная усмѣшка.

— Да, всѣ будутъ думать такъ же, какъ вы, — произнесла она тихо, словно отвѣчая своей собственной мысли. — Красивый молодой человѣкъ, влюбленный, и у котораго въ домѣ я спасаюсь, — совер-

шенно достаточно, чтобъ каждый выводилъ обычное заключеніе. И между тѣмъ — ничего подобнаго.

Сухоцкій съ живостью повернулся къ Заварзиной.

— Вы не любите Облочина? — спросилъ онъ, чувствуя, что краска заливаешь ему лицо.

Варвара Львовна пожала плечами.

— Вѣдь вы все равно не повѣрите, — отвѣтила она. — Но такъ какъ вы спрашиваете, то я скажу вамъ: Платонъ Николаевичъ милый, добрый, хорошій человекъ, и я безконечно благодарна ему, но... я слишкомъ измучилась, чтобъ любить. И при томъ, я хочу остаться совершенно правой передъ мужемъ. Я добиваюсь свободнаго существованія, а не свободной любви. Во всякомъ случаѣ, я постараюсь какъ можно скорѣе уѣхать изъ этихъ мѣстъ.

— Бѣдный Платонъ Николаевичъ, это будетъ ужаснымъ разочарованіемъ для него, — произнесъ Сухоцкій.

Заварзина повторила движеніе плечами.

— Есть вещи, которыми женщины не жертвуютъ изъ благодарности, — сказала она.

Оба замолчали. Сухоцкій былъ взволнованъ и не умѣлъ объяснить себѣ, почему этотъ разговоръ такъ сильно на него подѣйствовалъ. Но до самой Грачевки онъ неотступно думалъ все объ одномъ и томъ же — о странныхъ отношеніяхъ Варвары Львовны къ Облочину, и мысли эти доставляли ему непонятное удовольствіе.

Въ домѣ Облочина очевидно никого не ждали. Заспанный казачекъ долго не могъ понять, чего отъ него хотятъ какіе-то неизвѣстные господа, но наконецъ провелъ ихъ въ большую сырую залу и поставилъ передъ ними на столъ оплывшую сальную свѣчку. Варвара Львовна смущенно и какъ будто брезгливо оглядывалась.

— Какъ у него запущено, неуютно... — сказала она, съ легкимъ вздохомъ опускаясь на неуклюжее кресло. — Но все равно.

Она имѣла утомленный, подавленный видъ. Вокругъ глазъ ея легли глубокія тѣни, губы были блѣдны. Но Сухоцкому казалось, что эта печать изнеможенія придавала ей что-то особенно милое и влекущее.

— Какъ странно: полчаса назадъ мнѣ казалось, что я завидую Облочину, — сказалъ онъ. — А теперь я думаю о томъ, какъ онъ будетъ страдать.

— Пустяки, я рассчитываю на его благоразуміе, — возразила Заварзина. — Онъ изъ тѣхъ, у кого все легко начинается и легко кончается.

— Ну, такъ ли это? — съ сомнѣніемъ произнесъ Сухоцкій.

Облочинъ пріѣхалъ черезъ часъ. Онъ быстро подошелъ къ Варварѣ Львовнѣ, поцѣловалъ обѣ ея руки, потомъ также быстро обнялъ Николая Петровича.

— Спасибо вамъ; не забуду этой услуги, — сказалъ онъ съ искреннимъ чувствомъ. — Но что же это такое? Сидите тутъ при сальной свѣчкѣ! Простите, у меня безпорядокъ. Сейчасъ готовятъ чай. Эй, люди!

Сухоцкій отказался отъ чая, увѣряя, что спѣшитъ домой. Варвара Львовна раскрыла окно и глянула въ темноту.

— Мнѣ все чудится, что за нами погоня, — сказала она.

— Нѣтъ, погони не будетъ, — возразилъ Облочинъ и потянулся всѣмъ тѣломъ, словно его знобило. — По-моему, надо опасаться другого...

— Чего? — быстро спросила молодая женщина.

— Я ожидаю, что Демидъ Демидовичъ жаловаться будетъ, и требовать васъ законнымъ порядкомъ. Вотъ тутъ надо подумать, какія мѣры принять, — отвѣтилъ Облочинъ.

— Что тутъ думать, надо мнѣ скорѣе ѣхать въ Петербургъ: тамъ у меня дальній родственникъ есть, важное лицо, — сказала Варвара Львовна. — Онъ заступится. Наконецъ, тамъ я подамъ просьбу государю, буду молить о разводѣ. У государя рыцарскія чувства.

— Но какъ вы уѣдете безъ паспорта? Вашъ мужъ заявитъ здѣшнимъ властямъ, васъ не выпустятъ, — возразилъ Сухоцкій.

Варвара Львовна хрустнула пальцами.

— Боже мой, но что же мнѣ дѣлать! — воскликнула она тономъ отчаянія. — Я не могу вернуться къ мужу, не могу. Вы еще всего не знаете. Скорѣе я утоплюсь въ омутѣ. Говорите же, посовѣтуйте. Если я обращусь къ предводителю? Мнѣ говорили, онъ честный человѣкъ.

— И я слышалъ, — подтвердилъ Сухоцкій. — Просите его о паспортѣ: это онъ можетъ выхлопотать.

— Я ему въ ноги брошусь! — объявила Варвара Львовна.

Прощаясь съ Сухоцкимъ, она крѣпко сжала ему руку.

— Боюсь, чтобъ вы изъ-за меня не имѣли неприятностей, — сказала она. — Заѣзжайте, навѣщайте насъ почаще. Вѣдь я здѣсь, какъ подъ арестомъ, буду сидѣть.

— Да, да, заѣзжайте. Вѣдь мнѣ самому нельзя будетъ отлучаться, — подтвердилъ съ своей стороны Облочинъ.

«Счастличикъ!» — подумалъ было Сухоцкій, но сейчасъ же вспомнилъ разговоръ съ Заварзиной дорогой. — «А все-таки я желалъ бы быть на его мѣстѣ», — сдѣлалъ онъ мысленное заключеніе.

V.

У себя дома на другой день Сухоцкій проснулся поздно. Въ окна на него глянула такая же хмурая и мокрая погода. Это еще болѣе усилило дурное настроеніе, въ какомъ онъ находился. Глупый и крупный проигрышъ угнеталъ его. Онъ считалъ, что при-

нятое имъ неожиданно участіе въ побѣгѣ Заварзиной возлагало на него обязанность какъ можно скорѣе покончить денежные счета съ ея мужемъ. Но для этого надо было обратиться къ отцу, а съ отцомъ у него не было такихъ дружескихъ отношеній, которыя облегчали бы полную откровенность.

Николай Петровичъ выросъ почти на сторонѣ. Матери онъ не зналъ—она умерла, когда ему шелъ второй годъ. Отецъ, въ то время полковой командиръ, не брался за его воспитаніе и постарался пораньше отдать его въ корпусъ. Но тамъ мальчикъ пробылъ недолго: его признали болѣзненнымъ и посовѣтовали перевести въ гимназію. Настоящая причина была та, что его подвергли унизительному наказанію, которое отразилось нервными припадками, поставившими корпуснаго врача втупикъ. Въ гимназическомъ пансіонѣ Коля Сухоцкій оправился, сталъ хорошо учиться. Въ немъ осталась преувеличенная нервность, можетъ быть, способствовавшая его развитію. Курсъ онъ окончилъ изъ первыхъ и выразилъ желаніе поступить въ университетъ. Отецъ, уже дослужившійся до генерала, предпочиталъ военную службу. Между ними завязались частые споры.

— Въ нашемъ роду всѣ были служаки. Да и какое же званіе почетно, кромѣ военнаго?—съ убѣжденіемъ говорилъ Петръ Аванасьевичъ.

— Въ роду, раньше, могли такъ разсуждать, а теперь всѣ стремятся къ высшему образованію,—съ волненіемъ замѣчалъ Коля.

— Ну, и высшего можешь достигать: академіи есть,—продолжалъ отецъ.—Хотя, признаться, на службѣ я не видѣлъ большого толку отъ академиковъ-то. Писать да краснобайствовать—вотъ на это они дѣйствительно мастера.

Сынъ настаивалъ, что его влечетъ университетская наука.

— А я не понимаю этого,—уже съ досадой говорилъ отецъ.—Добро бы еще дворянскія высшія училища, а то университетъ. Вѣдь туда кто идетъ? Разночинецъ. Вѣдь тамъ поповичи сидятъ. Вѣдь туда уволенныхъ изъ податного сословія принимаютъ. Что-жъ, ты ихъ товарищами будешь считать?

— Конечно, буду. И у васъ въ военной службѣ есть выслужившіеся изъ солдатъ.

— Такъ то выслуга. А ты знаешь, какъ съ ними обращаются? Руки не подаютъ. Ты вбилъ себѣ въ голову, что неспособенъ къ военной службѣ. Вздоръ! Вымуштруютъ мѣсяць-другой, и способнымъ станешь. Вонъ у тебя щеки-то—кровь съ молокомъ. Лихой ковалеристъ вышелъ бы.

Сынъ продолжалъ настаивать на своемъ. На красивыхъ материнскихъ глазахъ его появлялись слезы. Петръ Аванасьевичъ наконецъ махнулъ рукой, но оба чувствовали, что порвалась одна изъ нитей, привязывавшихъ отца къ сыну.

Въ университетѣ Николай Петровичъ много читалъ, занимался и еще болѣе увлекался кружковыми разговорами, составлявшими центръ жизни тогдашняго московскаго студенчества. Изъ него выработался симпатичный типъ молодого гуманиста, эстетика и немножко мечтателя. Принявъ увлеченіе красивыми сторонами профессорства за призваніе къ наукѣ, онъ сталъ готовиться къ магистерскому экзамену, но тутъ ему не повезло: тѣ самые профессора, въ которыхъ онъ былъ чуть не влюбленъ, мягко, но безжалостно срѣзали его. Онъ убѣдился, что ученаго изъ него не выйдетъ.

Тутъ онъ опять очутился на распутьи. Отецъ уже вышелъ въ отставку и хозяйничалъ въ своемъ довольно большомъ имѣніи. Затеряться въ деревнѣ прямо съ университетской скамьи Николаю Петровичу не хотѣлось. Онъ переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу. Петербургская жизнь сначала заинтересовала его. Онъ посѣщалъ театры, завелъ свѣтскія знакомства, старался сблизиться съ людьми одинаковыхъ съ нимъ взглядовъ. Но все это вмѣстѣ составляло какое-то утомительное бездѣлье, тягость котораго онъ вскорѣ почувствовалъ. Къ тому же, многое въ петербургской жизни и въ канцелярской службѣ раздражало недавняго московскаго студента. Онъ вынесъ изъ университета понятія и стремленія новыхъ людей, а хозяевами окружавшей дѣйствительности были представители старыхъ поколѣній. Накопившееся чувство безплоднаго и безсильнаго протеста непріятно давило. Сухоцкій утомился всѣми этими раздражающими ощущеніями, вышелъ въ отставку и уѣхалъ къ отцу.

Петръ Аванасьевичъ обрадовался пріѣзду сына. Онъ считалъ его потѣряннымъ для карьеры, потому что какая же можетъ быть карьера у молодого человѣка, пренебрегшаго военной службой? «Въ сенаторы, въ директора департамента, такъ и то скорѣе нашего брата, генерала, назначать»,—говорилъ онъ. Такъ ужъ лучше въ деревнѣ жить, къ хозяйству присматриваться. Къ тому же, войдя въ отставное существованіе и заживъ помѣщикомъ, старикъ Сухоцкій быстро усвоилъ себѣ наивное высокомѣріе крупнаго провинціальнаго дворянства. «Мы тутъ у себя тѣ же владѣтельныя персоны,—говорилъ онъ.—Губернаторъ хоть и отъ правительства поставленъ, а сноситься съ нами долженъ чрезъ нашего предводителя. На поклонъ къ нему мы не ходимъ, а намъ тутъ всѣ кланяются. Мѣсто нашему брату, дворянину, у себя въ вотчинѣ, а не въ петербургскихъ канцеляріяхъ. Пускай тамъ разночинцы выслуживаются. Нашъ родъ старинный. Сухоцкіе никогда въ подьячихъ не служили».

Тѣмъ не менѣе, дружеской близости между отцомъ и сыномъ не образовалось. Сухоцкій страдалъ тѣмъ особеннымъ, свойственнымъ той эпохѣ самолюбіемъ, которое заставляло людей оскорбляться всякимъ нераздѣляемымъ мнѣніемъ, особенно если оно высказы-

валось лицомъ другого возраста, званія и положенія. Старики того времени находили, что вся страна на всѣ предметы должна смотрѣть совершенно одинаково, и именно такъ, какъ они сами смотрѣли. Они не спорили, да и не умѣли спорить, но ужасались, оскорблялись, и кому можно было—приказывали молчать.

Ко всякимъ мнѣнїямъ сына Петръ Аѳанасьевичъ заранѣе расположенъ былъ относиться враждебно. Для него это были завѣдомо превратныя мнѣнїя, какъ вынесенныя изъ университета и не установленныя военнымъ воспитанїемъ. Что могъ понимать молодой человѣкъ, не служившій въ полку, и слѣдовательно не знавшій ничего дѣйствительнаго и серьезнаго въ жизни?

Ему хотѣлось, чтобъ сынъ привыкалъ къ хозяйству, и современемъ служилъ по выборамъ. Но учиться хозяйству у Петра Аѳанасьевича было довольно мудрено, потому что безтолковщина въ его имѣнїи шла страшная. Старикъ стоялъ на томъ, что его никто не проведетъ. Поэтому онъ управляющаго и старосту считалъ плутами и невѣждами, никогда съ ними не соглашался, и приказывалъ все дѣлать по-своему. Онъ былъ убѣжденъ, что военная служба рѣшительно всему научаетъ, и что не можетъ быть никакихъ затрудненій для человѣка, командовавшаго бригадой. Онъ самъ распоряжался полевыми работами, самъ вводилъ агрономическія преобразованія и самъ продавалъ хлѣбъ и лѣсъ. Толку изъ этого выходило немного; но имѣнїе было доходное, и деньги все-таки получались.

Чѣмъ болѣе Николай Петровичъ сознавалъ необходимость обратиться къ отцу по поводу своего проигрыша, тѣмъ менѣе онъ чувствовалъ въ себѣ рѣшимости. Отказа онъ не ожидалъ: старикъ такъ высоко ставилъ честь рода, такъ барственно держалъ себя съ сосѣдями, что нельзя было сомнѣваться въ его желанїи тотчасъ же покончить карточный счетъ сына. Но надо было ожидать бурной сцены, запальчиваго выговора, оскорбительной выходки.— «Онъ заплатитъ, но не проститъ мнѣ»,—думалъ Николай Петровичъ, выжидая минуты, болѣе благопрїятной для тяжелаго объясненія.

Минута не приходила. Только на третій день, заставъ отца въ саду за прививкой яблоней, Николай Петровичъ рѣшился переговорить съ нимъ. Прививка была любимымъ занятїемъ Петра Аѳанасьевича, и онъ очень гордился своимъ искусствомъ, не подозревая, что послѣ него управляющій тайно присылалъ садовника поправлять и мѣнять черенки.

— Пришелъ поучиться? Дѣло. Эта штука не такъ-то проста. Дай садовнику самому ляпать, такъ чортъ знаетъ, что выйдетъ,—обратился старикъ къ сыну.— Вотъ, смотри, учись. Хозяинъ все должетъ самъ знать. У насъ ни на кого положиться нельзя.

Николай Петровичъ, подавляя улыбку, смотрѣлъ на работу отца.

— Мнѣ очень грустно, но я долженъ сообщить вамъ нѣчто непріятное, папа, — сказалъ онъ. — Со мною случилась прескверная исторія.

Петръ Аѳанасьевичъ не взглянулъ на сына и только быстрой прежняго продолжалъ дѣйствовать ножемъ.

— Вы знаете, я никогда не играю въ карты, — продолжалъ Николай Петровичъ, — но третьяго дня у Заварзина сѣлъ играть и проигралъ крупную сумму.

Петръ Аѳанасьевичъ помолчалъ, потомъ произнесъ:

— Вотъ какъ!

Онъ опять помолчалъ и добавилъ какъ будто спокойно:

— Мнѣ-то что за дѣло до этого?

— Къ сожалѣнію, сумма такая значительная, что я не могу уплатить ее безъ вашей помощи, — объявилъ сынъ.

— Такъ и не плати, — неожиданно отвѣтилъ отецъ.

— Но вѣдь я долженъ заплатить. Я даже вексель выдалъ.

— Карточный вексель ничего не стоитъ. Да и всякій твой вексель ничего не стоитъ, потому что у тебя нѣтъ своего состоянія.

— Но, папа, вѣдь это вопросъ чести.

— Такъ что жъ, ты думаешь, что ты свою честь будешь изъ моего кармана вытаскивать?

Николай Петровичъ былъ пораженъ. Именно такого отношенія къ дѣлу онъ никакъ не предполагалъ со стороны отца. Лицо его замѣтно поблѣднѣло.

— Я понимаю, что кругомъ виновать, — сказалъ онъ, ощущая непріятную сухость въ горлѣ. — Если я рѣшился обратиться къ вамъ, то потому, что твердо знаю, что это въ первый и послѣдній разъ. Играть я не буду, можете мнѣ повѣрить. Но положеніе мое безвыходное. Дѣло идетъ о десяти тысячахъ.

Ножъ и черенки выпали изъ рукъ Петра Аѳанасьевича. Онъ быстро повернулся къ сыну.

— Да ты впрямь съ ума сошелъ! — воскликнулъ онъ. — Десять тысячъ? И ты обращаешься ко мнѣ, чтобъ я вынулъ такую сумму и отдалъ канальѣ, шулеру Заварзину, за то, что онъ огрѣлъ такого дурака, какъ ты? Ты не шути, серьезно думаешь выудить у отца десять тысячъ и отдать этому мошеннику?

— Мнѣ больше неоткуда взять.

— Какъ же ты игралъ, не имѣя откуда взять?

— Это проступокъ, въ которомъ я винюсь.

— Очень мнѣ нужна твоя повинная! Что, ты меня за осла считаешь? Самъ наглупилъ, самъ и раздѣлывайся. А пусть Заварзинъ ко мнѣ сунется, — я про его подвиги и предводителю, и губернатору объясню. Признаюсь, удружилъ. Десять тысячъ, скажите на милость! Вотъ ужъ правда — ученый шалопай хуже неученаго.

Ты знаешь, какъ у насъ въ полку въ такихъ случаяхъ поступали? Либо банкомета къ барьеру, либо себѣ пулю въ лобъ.

— Но вѣдь это не совѣтъ — пустить мнѣ себѣ пулю въ лобъ? — произнесъ, пуще блѣднѣя, Николай Петровичъ.

— Ты что-то не спрашивалъ до сихъ поръ моихъ совѣтовъ, — проворчалъ Петръ Аванасьевичъ и отвернувшись нагнулся, чтобы поднять выроненные черенки.

Николей Петровичъ отошелъ: онъ понялъ, что другого отвѣта нельзя ждать отъ отца.

Вернувшись къ себѣ въ комнату, онъ бросился на диванъ и, заложивъ руки за голову, долго лежалъ въ состояніи полного нравственнаго угнетенія. Его подавляло не только то, что онъ считалъ себя опозореннымъ передъ Заварзиннымъ: онъ какъ-то почувствовалъ себя лишнимъ, чужимъ здѣсь, въ домѣ отца. Въ первый разъ сознание ярко и безжалостно представило ему его жалкую несамостоятельность.

«Что я такое? — думалъ онъ. — Сынъ богатаго отца, баричъ, туеядецъ, неспособный жить своимъ трудомъ. Мнѣ легко жилось до тѣхъ поръ, пока я свободно пользовался средствами отца. Но въ такомъ случаѣ я столько же сынъ, сколько и рабъ его. Я недоросль, несовершеннолѣтній, въ свои двадцать семь лѣтъ, со своимъ кандидатскимъ дипломомъ».

VI.

Что нибудь, однако, надо было сдѣлать.

Сухоцкій вспомнилъ о своей тетушкѣ, Гликеріи Марковнѣ Дуловой, жившей въ пятнадцати верстахъ.

Гликерія Марковна была родная сестра его матери и вдовѣла уже лѣтъ двадцать. Она считалась женщиной дѣловой, строгой, неумолимой въ приговорахъ, честной и скупой. По слухамъ, у нея уже былъ скопленъ порядочный капиталъ, о назначеніи котораго ходили разныя догадки. Одни полагали, что капиталъ этотъ достанется воспитывавшейся у нея дальней родственницѣ, кривобочкой и очень некрасивой Вероникѣ Леонтьевнѣ Жадровой; другіе увѣряли, что наибольшая часть его отказана ближнему монастырю, въ который Гликерія Марковна часто ѣздила, хотя громко жаловалась всюду на недостатокъ истиннаго благочестія и усердія среди монаховъ. Допускали, впрочемъ, что и родной племянникъ, Сухоцкій, не забыть въ завѣщаніи. Единственная дочь Дуловой умерла шестнадцати лѣтъ отъ какой-то странной нервной болѣзни.

Сухоцкій рѣдко бывалъ у тетки. Ему было какъ-то не по себѣ въ ея старомъ, мрачномъ домѣ, гдѣ никогда не попадалось на глаза ни одного веселаго лица. Гликерія Марковна не была зла и даже

заботилась о дворовыхъ, но все въ ней дышало какою-то подавляющею строгостью и взыскательностью. Это дѣйствовало на окружающихъ. Сосѣди говорили, что у нея въ усадьбѣ даже собаки не смѣютъ лаять, а только угрюмо рычать...

Разсчитывать, чтобы тетушка помогла ему, у Николая Петровича было очень мало основаній. Но ему больше не къ кому было обратиться. Въ томъ удрученномъ состояніи, въ какомъ онъ находился, ему казалось облегченіемъ даже просто подѣлиться горемъ съ женщиной, подъ суровостью которой онъ подозрѣвалъ своего рода честную сердечность. Дня черезъ два послѣ разговора съ отцомъ онъ приказалъ заложить бѣговья дрожки и отправился въ Дуловку.

Старый домъ Гликеріи Марковны непривѣтливо глянулъ на него своими маленькими, низенькими окнами. И крыша, и стѣны его отъ продолжительнаго ненастья еще болѣе почернѣли. Несмотря на ранній часъ дня, въ большой угловой гостиной было почти темно.

Тетушка, въ своемъ неизмѣнномъ коричневомъ платьѣ и накинутой на плечи турецкой шали, еще издали значительно закивала племяннику головой.

— А, голубчикъ, отъявился? Видно, думаешь, что я еще не знаю всѣхъ твоихъ deboшрствъ?—привѣтствовала она его.

«Ну, тѣмъ лучше, если знаетъ»,—подумалъ Сухоцкій, и намѣревался по обыкновенію подойти къ ручкѣ. Но тетушка спрятала обѣ руки подъ шаль.

— Нечего, нечего. Не подпуцу,—остановила она его.

Затѣмъ она подбоченилась и съ негодующимъ видомъ закинула свою точно изъ чугуна отлитую голову, съ гладко зачесанными сѣдыми пасмами и замѣтными черными усами.

— Ты въ какія же это дѣла пустился?—обратилась она къ племяннику.—Бога забылъ? И какъ ты послѣ всего этого смѣлъ ко мнѣ появиться? Потатчицу во мнѣ, что ли, нашель?

— Тетушка, я свою вину знаю; но вѣдь не подлость же я какуюнибудь сдѣлалъ,—сказалъ Сухоцкій.

— Видите ли, онъ это за ничто считаетъ!—воскликнула тетушка и всплеснула подъ шалью руками.—Вероника, пойди сюда. Полюбуйся, мать моя, какъ племянничекъ о своихъ deboшрствахъ разсуждаетъ.

Вероника вошла, кисло улыбаясь. Она была очень нехороша. Лицо ея блестѣло, точно отлакированное; маленькіе голубые глаза косили. Домашній нарядъ безъ корсета не скрывалъ недостатковъ ея кривобокаго сложенія.

— Вотъ онъ, герой-то нашъ. Думаетъ, должно быть, что его тутъ по головкѣ погладятъ,—продолжала Гликерія Марковна.— Не знаетъ, что Талалаевъ намъ все до точки разсказалъ. Да

какъ это у тебя стыда не стало?—круто повернулась она къ племяннику.—Какъ ты послѣ этого въ глаза мнѣ глядѣть смѣешь?

— Если такъ, то извините и прощайте,—сказалъ Сухоцкій, и потянулъ брошенную на столъ фуражку.

Гликерія Марковна остановила его властнымъ взглядомъ.

— Нѣтъ, ты постой,—произнесла она.—Прить-то свою послѣ покажешь. Пріѣхалъ, такъ слушай, какъ я тебя ругать буду. Ты скажи, кто тебя научилъ чужихъ женъ отъ законныхъ мужей красть? Съ негодникомъ Облочиннымъ связался?

— Ахъ, вы вотъ про что!—невольно вырвалось у Сухоцкаго.

Гликерія Марковна пытливо воззрилась на него.

— А ты думалъ про чтó?—переспросила она.—Стало быть, еще чего нибудь натворилъ? Сказывай, коли пріѣхалъ къ теткѣ.

— Талалаевъ, очевидно, не все успѣлъ вамъ сообщить.

— А что еще такое?

— Гораздо важнѣе. Не будете браниться, такъ потомъ расскажу.

Гликерія Марковна присѣла, внезапно укрощенная возбужденнымъ въ ней любопытствомъ.

— Какихъ еще дебоширствъ надѣлалъ? Говори!—потребовала она.

— Сейчасъ ничего не скажу,—отказался Сухоцкій.—Я пріѣхалъ къ вамъ за участіемъ и помощью, а если вы сердитесь, то у меня нѣтъ никакого желанія виниться передъ вами.

— Нѣтъ, ты винись,—опять потребовала тетушка.—Вероника, выйди на минутку, пока я съ нимъ переговорю.

Вероника съ той же кислой улыбкой удалилась.

— Говори,—настойчиво повторила Гликерія Марковна.

Сухоцкому показалось, что на чугунномъ лицѣ ея выразилось больше простого любопытства. — «Можетъ быть, она пойметъ, что надо же вызволить меня изъ моего положенія»,—подумалъ онъ.

И онъ въ короткихъ словахъ рассказалъ ей о своемъ проигрышѣ.

Гликерія Марковна, повидимому, отнеслась къ этой исторіи спокойнѣе, чѣмъ ожидалъ Сухоцкій. Ее болѣе возмутило то, что Талалаевъ ничего не сообщилъ ей объ этомъ.

— Какъ же онъ смѣлъ, негодная талалайка, утаить отъ меня?—произнесла она.—А туда же, какъ путный человѣкъ, съ свѣжими вѣстями пріѣхалъ. Ну, попомнить онъ. Нечего сказать, хороша компанія. Заварзинъ—извѣстный разбойникъ, что ужъ говорить.

— Вотъ видите, а вы возстае противъ его жены,—замѣтилъ Сухоцкій.

— Жену его драть надо,—убѣжденно сказала Гликерія Марковна.—Какой мужъ ни есть, а жену законъ связалъ. А она-то, безстыдница, до чего дошла: съ двумя мужчинами разомъ спуталась.

— Тетушка, какъ вамъ не грѣхъ говорить!—воскликнулъ Сухоцкій. — Ничего подобнаго и тѣни нѣтъ. Заварзина просто спасается отъ мужа, и больше ничего.

— Разсказывай тоже!— усомнилась тетушка. — Ужъ если отъ мужа сбѣжала, значитъ шлюха. Драть бы такихъ на площади, чтобъ другимъ не повадно было. А васъ, козловъ, въ отдаленный монастырь на послушаніе.

— Не за что, тетушка.

— Да, не за что! Знаю я всю вашу козлиную породу. Ты что же думаешь, что тебѣ это такъ пройдетъ? Заварзинъ уже поскакалъ въ губернской городъ. Я, говоритъ, не къ губернатору обращусь, а къ жандармскому штабъ-офицеру, чтобъ отписали въ Петербургъ. Вотъ вытребуютъ тебя туда съ фельдъегеремъ, да и выскуютъ. Ты думаешь, дворянъ тамъ не сѣкутъ? Былъ въ нашей губерніи случай, отъ архіерея слышала.

— Меня, тетушка, больше беспокоить мой проигрышъ,—сказалъ Сухоцкій.

— И хорошо, что беспокоить: значитъ, не совѣмъ еще честь потерялъ,—отозвалась Гликерія Марковна и встала.—Поди теперь, поболтай съ Вероникой. Безъ обѣда все равно не отпущу.

Сухоцкій пожалъ плечами и вышелъ во внутреннія комнаты. Къ величайшему своему удивленію, онъ тамъ засталъ Талалаева. Беззаботный помѣщикъ, какъ ни въ чемъ не бывало, бросился къ нему навстрѣчу съ распростертыми объятіями.

— Ну, голубчикъ, поздравляю. Чисто смастерили дѣло! Ха-ха-ха! — громко закричалъ и захохоталъ онъ, брызгая слюной со своихъ толстыхъ губъ.—Заварзинъ-то только на другой день жены хватился. Всю ночь мы безъ передышки рѣзались. Утромъ онъ говоритъ лакею: скажи барынѣ, что я велѣлъ спросить, хорошо ли она почивала. А лакей трясется передъ нимъ ни живъ, ни мертвъ. Ха-ха-ха! Мы смотримъ, ничего не понимаемъ. Нѣтъ, но вы-то оба какovy! Молодцы, честное слово, молодцы! Велѣлъ, молъ, спросить, какъ барыня почивала. Ха-ха-ха!

Сухоцкому противенъ былъ этотъ смѣхъ, и противно было разговаривать съ Талалаевымъ. Но любопытство взяло верхъ.

— Ну, и что же?—спросилъ онъ.

— Ну, лакей моргаетъ ему глазами, а самъ трясется весь. Заварзинъ пошелъ на верхъ. Пошелъ и пропалъ. Тѣмъ временемъ Пырышъ, Иванъ Викентьичъ, вздумалъ Настю поискать. Ему въ дѣвичьей и рассказали, что такъ и такъ, ни Насти нѣтъ, ни самой барыни. Съ вечера убѣжали, и нѣтъ ихъ. Нѣтъ, каково смастерили-то? Пырышъ пришелъ и намъ разсказываетъ. А тутъ, смотримъ, Филька, подкучеренокъ, верхомъ куда-то ускакалъ. Мы не расходимся, ждемъ, что дальше. Часа черезъ два Филька прискакалъ обратно, лошадь подъ нимъ шатается. Заварзинъ выбѣжалъ къ

нему во дворъ, разспросилъ. Потомъ приходитъ къ намъ, желтый весь, пощипываетъ усы и говоритъ: извините, господа, жена у меня очень опасно заболѣла.—А мы-то ужъ знаемъ, въ чемъ штука, и думаемъ себѣ: чего ужъ опаснѣе. Ну, взялись за шапки и разъѣхались. Теперь по всему уѣзду только и разговоровъ, что про васъ.

— Удивляюсь, какое удовольствіе разносить сплетни,—брезгливо сказалъ Сухоцкій.

— Чего тамъ разносить, сплетня сама шибче насъ бѣгаетъ,—спокойно возразилъ Талалаевъ.—Но вѣдь и удивляемся же мы всѣ вамъ, Николай Петровичъ. Облочинъ—тотъ другое дѣло: ужъ сколько лѣтъ липнетъ къ Варварѣ Львовнѣ. А вы въ первый разъ въ жизни встрѣтились, пяти минутъ не поговорили, и—готово!

— Что готово?—переспросилъ, нахмурившись, Сухоцкій.

— Да что ужъ тамъ зубы-то заговаривать: шила въ мѣшкѣ не утаишь. Варвара Львовна даромъ что святоша, а, какъ видно, баба со вкусомъ.

Сухоцкій, еще больше нахмурившись, подвинулся къ Талалаеву.

— Если вы, господинъ Талалаевъ, будете распускать про меня и про Варвару Львовну эту гнусную клевету, то я... я васъ побью,—сказалъ онъ такъ выразительно, что Талалаевъ сразу осѣкся и попятился.

— Однакожъ, подобныя выраженія... совѣмъ не по-дворянски!—проговорилъ онъ гораздо тише.—Положимъ, я не люблю ссориться. Клеветать не клевету, а за что купилъ, за то и продаю. Ну, не нравится вамъ, не буду. Никакого мнѣ и дѣла нѣтъ до чужихъ дѣлъ. А только... ну, да вы не хотите слушать. Заварзина-то я вчера на постояломъ дворѣ встрѣтилъ.

Любопытство опять заставило Сухоцкаго спросить:

— Ну, и что же?

— Злобствуетъ чрезмѣрно. Въ губернской городъ поѣхалъ,—объяснилъ Талалаевъ.—Я ему и такъ и этакъ: плюньте, говорю, Демидъ Демидовичъ, мало ли что бываетъ на свѣтѣ. Куда тебѣ! Я, говоритъ, не къ губернатору обращаюсь, а къ жандармскому полковнику: пускай ихъ всѣхъ троихъ вытребуютъ въ Третье отдѣленіе.

— Слышалъ я,—сказалъ Сухоцкій.

— Да, подложили вы ему свинью,—продолжалъ Талалаевъ.—Мы всѣ, по правдѣ сказать, въ душѣ даже рады: вѣдь обыгрывалъ онъ насъ прямо по-разбойничьи. Кстати, знаете? Антона-то я проигралъ и назадъ отыгралъ. Теперь на что онъ мнѣ? У Заварзина, пожалуй, и банчишко долго не составитъ. Я этого Антона привезъ съ собою, думаю предложить вашей уважаемой тетушкѣ, не купить ли. Пельмени онъ поистинѣ неподобно готовить. Кушанье-то какъ разъ бы по нимъ: мягкое, деликатное для зубовъ.

Николай Петровичъ пожалъ плечами и пошелъ отыскивать Веронику.

VII.

Въ холодную погоду Гликерія Марковна не позволяла раскрывать оконъ, и поэтому у нея въ домѣ стоялъ крѣпкій хозяйственный запахъ. Пахло сушеными грибами, яблоками, вареньемъ, настойками и цикоріемъ, который жарили въ дѣвичьей. Вероника обжилась среди этихъ запаховъ и сама пропиталась ими.

— Все хозяйничаєте? — обратился къ ней Сухоцкій, найдя ее въ буфетной, гдѣ она перецѣживала изъ большой бутылки въ маленькія мятную настойку.

— А какъ же иначе? — отозвалась она, встряхивая головой, чтобъ отбросить съ крутого лба желтоватую прядь волосъ.— Теперь для мяты самое время. Весной березовая почка, лѣтомъ смородинный листъ, а теперь мята. У тетеньки всегда такой порядокъ.

— У васъ и мужчинъ нѣтъ въ домѣ. Для кого это вы столько настоекъ заготавливаете?—спросилъ Сухоцкій.

— Какъ же не заготавливать? У всѣхъ заготавливаютъ, а у тетеньки, слава Богу, домъ-то не послѣдній,—убѣжденно объяснила Вероника.

Она поставила бутылъ и бокомъ взглянула на Сухоцкаго своими косыми глазами.

— А вы какую водку любите?—спросила она.

-- Никакой,—отвѣтилъ, разсмѣявшись, Сухоцкій.

— Какъ же никакой? Вы скажите, я такую и велю къ обѣду поставить,—предложила Вероника.—А утку съ груздями любите? У насъ сегодня утки. Грузди теперь молодые, такъ тетенька велитъ въ кушанье ихъ класть.

— Отлично. Тетенька знаетъ толкъ.

— Еще бы тетенькѣ не знать! Она умнѣе всѣхъ въ цѣломъ уѣздѣ.

— Вотъ какъ!

— А вы не знали? Это всѣ знаютъ.

Сухоцкій недоумѣвалъ, о чемъ продолжать разговоръ. Эта Вероника, съ ея кривымъ бокомъ и косыми глазами, производила на него почти болѣзненное впечатлѣніе.

— Кажется, тетушка на меня сердита,—сказалъ онъ.

— Да, она сердита,—подтвердила Вероника.—Тетенька на всѣхъ часто сердится. Она строгая. Она только меня одну любить.

— А! Тѣмъ лучше для васъ.

— Потому что она справедливая. Я дѣлаю все, какъ надо, оттого она меня и любитъ. Она все состояніе мнѣ оставитъ.

— Это пріятно для васъ.

— Да. Только я не желаю ея смерти. Пусть живетъ.

— Это дѣлаетъ вамъ честь.

— Не хорошо желать чьейнибудь смерти.

— Конечно.

Сухоцкій опять не зналъ, какъ продолжать разговоръ. Но долговязый старикъ дворецкій, въ сѣромъ фракѣ и длинной подъ горло красной жилеткѣ, вызвалъ Веронику для какихъ-то хозяйственныхъ распоряженій. Сухоцкій пошелъ по комнатамъ и встрѣтился съ тетушкой.

— Поболталъ съ дѣвушкой-то?—спросила она.

— Да, мы поговорили,—отвѣтилъ, удерживая улыбку, Сухоцкій.

— Славная она у меня, Вероника,—продолжала Гликерія Марковна.—Ужъ такая скромница, такая скромница, что подобныхъ и нѣтъ теперь. Счастливъ будетъ, кто догадается такую дѣвушку за себя взять. Чего глаза выпучилъ?

Сухоцкій, какъ ни удерживался, но фыркнулъ.

— Мнѣ ваша идея странной показалась. Вероника, я думаю, и не собирается замужъ выходить,—сказалъ онъ.

— Разумѣется, не собирается,—подтвердила Гликерія Марковна.— Не хорошо ей у меня, что ли? Я отъ своего лица разсуждаю.

Долговязый дворецкій возвѣстилъ, что кушать подано. Сухоцкій предложилъ тетушкѣ руку.

За обѣдомъ опять очутился Талалаевъ. Гликерія Марковна знаменательно кивнула ему черезъ столъ своей чугунной головой.

— А тебѣ я припомню. О карточномъ-то дебошѣ зачѣмъ утаилъ?—произнесла она строго.—Съ какихъ поръ сталъ языкъ подвязывать?

— Зачѣмъ же, Гликерія Марковна, всякія пустыя сплетни переносить?—попытался оправдаться Талалаевъ.

Дулова еще строже взглянула на него.

— Что? Это ты-то такъ о сплетняхъ разсуждаешь?—почти прикрикнула она.—Такъ для чего же я и въ домъ-то тебя пускать буду? Ишь выдумалъ: сплетни онъ отъ меня таить хочетъ!

Послѣ обѣда Сухоцкій собрался было уѣхать, но тетушка опять остановила его.

— Погоди, мнѣ о твоёмъ дѣлѣ поговорить надо,—сказала она.

У Сухоцкаго явилась смутная надежда.

— Такъ поговоримте,—предложилъ онъ.

— Не сейчасъ. Завтра поговоримъ.

— Почему же завтра? Мнѣ домой ѣхать надо.

— Ничего не надо. Переночуешь здѣсь, а утромъ переговоримъ.

Послѣ обѣда я не люблю о дѣлахъ толковать.

Сухоцкій подчинился и этому капризу. Теперь онъ былъ почти увѣренъ, что тетушка его выручитъ. Не оставила же она его на два дня, чтобъ отказать наотрѣзъ.

Поутру, сейчасъ же послѣ чая, Гликерія Марковна пригласила его въ свой, какъ она выражалась, «департаментъ». Это была

большая низкая комната, бывшій кабинетъ ея мужа, заставленная кожаными диванами и креслами, шкапами краснаго дерева и огромнымъ письменнымъ столомъ съ такими тяжелыми канделябрами, что ихъ никогда не переставляли даже для того, чтобъ смести пыль.

— Такъ какъ же ты съ Заварзинымъ-то сладилъ? — обратилась она къ племяннику, усаживаясь за письменнымъ столомъ и сплунувъ по-мужски въ мѣдный тазикъ съ пескомъ. — Жену у него увезъ, да еще и денегъ ему не платишь. Не по-дворянски это.

— Заплатить непремѣнно надо, — согласился Сухоцкій.

— А жену отдать развѣ не надо?

— Это ужъ не въ моей власти. Я ея не увозилъ, а только помогъ ей бѣжать изъ дома.

— А ты ее назадъ привези.

— Какъ же я могу это сдѣлать? Вы требуете невыполнимаго. Гликерія Марковна помолчала, потомъ кивнула головой.

— Подожди, выполнишь, — сказала она. — А теперь насчетъ денегъ. Сумма-то не маленькая. Сколько, бишь, ты говорилъ?

— Десять тысячъ.

— Вона. Гдѣ-жъ ты думаешь ихъ достать? Отецъ, чай, не дастъ?

Сухоцкій промолчалъ.

— Небось, думаешь, я тебѣ дамъ? — продолжала Гликерія Марковна. — Такъ ты меня за дуру-то не считай. У меня даже и въ духовной на тебя столько не отписано.

— Богъ съ ней, съ духовной.

— Какъ это такъ? Неинтересантомъ, что ли, хочешь прикинуться?

— У меня теперь одна забота: достать немедленно десять тысячъ.

— Кабы изъ заботъ-то твоихъ деньги выходили, хорошо бы было.

Сухоцкій начиналъ терять терпѣнье.

— Вѣрнѣе сказать, что если вы мнѣ не поможете, то для меня никакого выхода нѣтъ, — сказалъ онъ.

— Значитъ, что же: пулю въ лобъ?

— Можетъ быть, и пулю въ лобъ.

Гликерія Марковна опять помолчала. Потомъ подвинула къ себѣ своими коричневыми пальцами огромные деревянные счеты, словно собиралась обратиться къ ихъ помощи.

— А ты пусто-то не болтай, — произнесла она. — Лучше вотъ какъ скажемъ. Дарить тебѣ десять тысячъ ни за что ни про что я не стану. А если ты сдѣлаешь мнѣ удовольствіе, то и я тебѣ сдѣлаю.

Николай Петровичъ поднялъ на тетушку вопросительный взглядъ.

— Какое? — спросилъ онъ.

Чугунное лицо Гликеріи Марковны приняло какъ будто ласковое выраженіе.

— А вотъ какое: женись на Вероникѣ, — сказала она напрямикъ.

Сухоцкій даже вздрогнулъ, точно его коснулось что-то неопрятное.

— Богъ съ вами, тетушка! — воскликнулъ онъ.

— Спасибо. Нечего глаза-то таращить. Возьми да и женись,— повторила Гликерія Марковна.

— На этомъ условіи вы мнѣ предлагаете десять тысячъ?— произнесъ Сухоцкій негодующимъ тономъ.

— Погоди, не спѣши. Неужто думаешь, я для Заварзина такъ цѣликомъ десять тысячъ и выложу?—продолжала Гликерія Марковна.—Да онъ и на половинѣ радъ радешенекъ будетъ помириться. Это за то-то, что онъ валетомъ десятку билъ? Ты ужъ это мнѣ самой предоставь. Можетъ быть, и по четвертаку за рубль сдѣлаюсь съ нимъ. А вотъ, какъ я Веронику награжу, это другое дѣло. Вотъ объ этомъ ты можешь со мной поговорить.

Сухоцкій еще болѣе возмущился.

— Ваше предложеніе, тетушка, для меня совсѣмъ не подходящее,—сказалъ онъ.—Не будемъ объ этомъ говорить.

— Нѣтъ, ты поговори,—возразила Гликерія Марковна.—Чѣмъ такъ не подходящее? Что она изъ себя некрасива? Такъ вѣдь съ лица не воду пить. На лицо можно не смотрѣть, если не нравится.

— Да что вы, тетушка!

— Правду говорю. А она дѣвушка хорошая, признательная. Вотъ такъ-то. Ты мнѣ сдѣлай удовольствіе, а я тебѣ.

Сухоцкій всталъ.

— Можетъ быть, Вероника прекраснѣйшая дѣвушка, но только я на ней не женюсь,—сказалъ онъ.—Право, тетушка, меня даже удивляетъ, какъ вамъ могло прійти это въ голову.

— Всякому бы пришло,—убѣжденно возразила Гликерія Марковна.—Ей пора замужъ: умру я, сама не сумѣетъ. А тебѣ почему не жениться? Думаешь, все чужихъ женъ красть будешь?

— Да поймите, тетушка, что... нѣтъ, я объ этомъ и говорить не могу,—нетерпѣливо воскликнулъ Сухоцкій.—Не хотите меня выручить, Богъ съ вами. Прощайте.

— Нѣтъ, ты погоди,—остановила его Дулова.—Что, въ самомъ дѣлѣ, топоришься? Вероникѣ-то и получше тебя мужа надо бы. У меня тотъ расчетъ, что близко отъ меня будетъ. Пріѣзжать по часту станеть. Привыкла вѣдь я къ ней.

— Прощайте, тетушка.

— А ты не стрекозй. Вѣдь это тебѣ съ блажи кажется, что дѣвкѣ красота нужна. Всѣ вы, козлиная порода, красоту разбираете. А по-моему, красива ли дѣвка, нѣтъ ли, все одно на одно выходитъ. Женишься, самъ узнаешь. Ты заставь себя не думать о красотѣ, вотъ и привыкнешь.

— Тетушка, оставимъ это. Прощайте!—рѣшительно произнесъ Сухоцкій и направился къ выходу.

Гликерія Марковна предоставила ему уйти.

VIII.

Вмѣсто того, чтобъ вернуться домой, Сухоцкій приказалъ кучеру ѣхать въ Грачевку. Ему хотѣлось взглянуть на Варвару Львовну и Облочина. Онъ ощущалъ вообще то безпокойное состояніе духа, когда человѣкъ не находитъ себѣ мѣста и не желаетъ оставаться съ самимъ собою.

«Собственно, для чего я къ нимъ ѣду?—спросилъ онъ самъ себя, когда коляска его подпрыгнула на растерзанной дождями гати, по которой заворачивали въ Грачевку.—Изъ любопытства? Это глупо. А если я ѣду потому, что меня тянетъ, то надо сейчасъ же крикнуть кучеру: пошелъ назадъ!»

Но онъ не крикнулъ этого кучеру и, удивляясь своему волненію, взбѣжалъ на затоптанное грязными ногами крылечко.

Облочинъ быстро вышелъ къ нему навстрѣчу, такъ быстро, какъ будто онъ находился насторожѣ, въ ожиданіи какого нибудь внезапнаго посѣщенія.

— А, это вы,—сказалъ онъ, пристально взглянувъ въ гостя въ темноватыхъ сѣняхъ. — Это другоо дѣло. Я очень радъ. Пойдемте въ столовую, мы завтракаемъ. Варвара Львовна тоже очень вамъ обрадуется.

— Какъ живете? Какія новости?—спросилъ на ходу Сухоцкій.

— Да вотъ, сидимъ взаперти, въ ожиданіи какого нибудь непрошеннаго гостя,—отвѣтилъ Облочинъ.—Заварзинъ полетѣлъ въ губернской городъ и, по слухамъ, старается раздуть дѣло. Того и гляди, что меня вызовутъ туда. А тутъ тоже остерегаемся, не подослалъ бы кого. Люди у него пьяницы, разбойники, на что угодно пойдутъ. У меня въ кабинетѣ заряженное ружье виситъ, а ночью нѣсколько разъ обхожу вокругъ дома, нѣтъ ли поджигателей.

— Ну, вы преувеличиваете,—сказалъ Сухоцкій.

— Ничуть. Народъ теперь, по случаю набора, сильно пьетъ. Можно всего ожидать,—возразилъ Облочинъ.

Варвара Львовна дѣйствительно обрадовалась Сухоцкому. Это была радость заскучавшей, утомившейся женщины, на которую даже видъ стѣнъ дѣйствуетъ раздражительно.

— И вы подъ такими же опасеніями, какъ Платонъ Николаевичъ?—спросилъ ее Сухоцкій.

— Нѣтъ, я насилія не боюсь,—отвѣтила Варвара Львовна.— У мужа не романтическій характеръ. Онъ будетъ дѣйствовать своими способами—жалобами властямъ, клеузничествомъ, задабриваніемъ мелкихъ чиновниковъ. Боюсь, что мнѣ не легко будетъ отсюда выбраться.

Сухоцкому показалось, что Облочинъ при этихъ словахъ pokrивилъ губами и досадливо дернулъ салфетку.

— Варвара Львовна только о томъ и думаетъ, какъ бы бѣжать отсюда,—проговорилъ онъ страннымъ, какъ будто вызывающимъ тономъ.

— Что же удивительнаго, если тутъ приходится спать съ заряженными ружьями?—замѣтилъ Сухоцкій.

— Нѣтъ, не то, не то,—возразилъ Облочинъ и съ значительнымъ видомъ покивалъ головой.

— Ну, и пускай не то,—недружелюбнымъ тономъ произнесла Варвара Львовна.

Она быстро повернулась къ Сухоцкому и, поставивъ оба локтя на столъ, скрестила руки.

— Вы немножко замѣшаны въ нашу исторію, такъ будьте же судьей, — заговорила она торопливымъ, вздрагивающимъ голосомъ. — Платонъ Николаевичъ убѣжденъ, что мое бѣгство отъ мужа извѣстнымъ образомъ связало меня съ нимъ, что онъ теперь имѣетъ какія-то права на меня. Онъ говоритъ, что не пуститъ меня одну, поѣдетъ за мной въ Петербургъ. Зачѣмъ? Чтобъ на насъ тамъ пальцами указывали? Какъ я буду тамъ хлопотать, если меня сразу опутаютъ сплетни? И наконецъ, это какое-то насиліе, которому я не желаю подчиняться. Я очень, очень благодарна Платону Николаевичу за все, что онъ для меня сдѣлалъ, но поймите же... вѣдь всякую услугу можно испортить.

На лицѣ Облочина выступила густая краска.

— Вы, однако, ни о чемъ этомъ не предупреждали меня, когда приняли мою услугу, — сказалъ онъ.—А между тѣмъ вамъ было очень хорошо извѣстно, что я отношусь къ вамъ... не какъ посторонній.

— Боже мой, но вѣдь не дикари же мы какіе-то, — возразила Варвара Львовна. — Вѣдь можно же уважать свободу женщины. Мосе Сухоцкій, скажите ваше мнѣніе о человѣкѣ, отъ котораго нужно запираться, потому что онъ не считаетъ комнату женщины неприкосновенной.

Облочинъ взъерошилъ на себѣ волосы.

— Я самъ знаю, что я съ ума схожу, — сказалъ онъ.—Я отъ васъ пьянѣю, бѣснуюсь. Ну, да, въ извѣстныя минуты я готовъ прибѣгнуть къ силѣ. Я не могу себя обуздывать. Во мнѣ звѣрь просыпается, поймите вы тоже!

Онъ смялъ въ своей широкой рукѣ салфетку и съ силою швырнулъ ее черезъ столъ.

— Какъ пошло! — произнесла Варвара Львовна, передернувъ плечами.

Сухоцкому было очень неловко присутствовать при этой неожиданной вспышкѣ. Онъ совершенно не зналъ, что могъ сдѣлать. Онъ только чувствовалъ, что если Варвара Львовна потребуетъ его помощи, то онъ попадетъ въ роковыя, безвыходныя условія...

Облочинъ сидѣлъ, разставивъ ноги, и тяжело дышалъ. Потомъ вдругъ бросился передъ Варварой Львовной на колѣни.

— Простите! Простите!—словно простоналъ онъ.—Я знаю, что заслуживаю презрѣнiе. Да, я дикарь, я животное. Но клянусь вамъ, я возьму себя въ руки. Я буду довольствоваться блаженствомъ видѣть васъ, слышать вашъ голосъ. Простите меня!

Заварзина откинулась на спинку стула и повела вокругъ нетерпѣливымъ взглядомъ.

— Что я за несчастная женщина!—воскликнула она.—Неужели мужчины только такъ и умѣютъ любить? Вѣдь мой мужъ тоже меня любить, и однако я должна была бѣжать отъ него. Теперь Платонъ Николаевичъ... и тоже, кажется, придется бѣжать. Неужели только такая и бываетъ любовь?

Облочинъ, все еще на колѣняхъ, припалъ къ ея рукамъ, вздрагивая своей широкой спиной. Сухоцкому онъ показался нелѣпымъ.

— Вотъ полюбуйтеся!—сказала Варвара Львовна, какъ будто угадавъ его впечатлѣнiе.—Всегда такъ, и все такъ... Надоѣсть же наконецъ.

Облочинъ всталъ и, скрестивъ руки, смотрѣлъ внизъ мрачнымъ и потеряннымъ взглядомъ. Сухоцкому попрежнему было очень неловко. вмѣстѣ съ тѣмъ его занималъ вопросъ: что же она такое, эта Варвара Львовна? Онъ чувствовалъ, что не понимаетъ ея. Женщина безъ темперамента, безъ сердца? Этому противорѣчили ея глаза и весь ея утомленный и влекущiй обликъ. Притворщица, кокетка? Или, наконецъ, женщина, преждевременно замершая отъ испытанныхъ страданiй, разочарованiй и обидъ? Онъ недоумѣвалъ, а разрѣшить загадку такъ хотѣлось бы...

— Мы воспользуемся вашимъ присутствiемъ, мосье Сухоцкiй, чтобъ договориться при постороннемъ челоѣкѣ,—сказала Варвара Львовна.—Не правда ли, Платонъ Николаевичъ? Вашъ другъ будетъ безпристрастенъ къ намъ обоимъ. Мы должны на чемъ нибудь покончить. Мой планъ такой: завтра же вы должны отвезти меня въ городъ. Поѣхала бы и одна, но такъ какъ тамъ мужъ, то я ничего не имѣю противъ того, чтобъ подлѣ меня находилась сильная мужская рука. Тамъ я обращусь къ предводителю, къ губернатору, буду хлопотать хотя бы о временномъ паспортѣ. А затѣмъ въ Петербургъ, но уже одна. Это мое непремѣнное условiе. Рѣшено, Платонъ Николаевичъ?

Облочинъ сверкнулъ бѣлками.

— Почему же одна?—проговорилъ онъ хрипло.

— Потому что тамъ, въ Петербургѣ, мнѣ будетъ неудобно съ вами. Да и незачѣмъ. Тамъ я никого не боюсь, а помочь мнѣ вы не можете. Да, и наконецъ... вѣдь не предстоитъ же намъ жить вмѣстѣ.

— Вы меня не любите!—мрачно произнесъ Облочинъ.

— Я и не говорила вамъ, что люблю васъ. Даже надежды никогда вамъ не подавала,—отвѣтила Варвара Львовна.—Вы милый, хорошій Платонъ Николаевичъ, и я вамъ безконечно признательна, но любовь... ея вѣдь не закажешь себѣ. Такой любви, какой вы хотите, у меня нѣтъ.

Облочинъ посмотрѣлъ на нее какимъ-то дикимъ взглядомъ, махнулъ рукой и быстрыми шагами вышелъ изъ комнаты. Варвара Львовна облегченно вздохнула.

— Вотъ, что я буду съ нимъ дѣлать!—произнесла она.

— Его надо пожалѣть,—сказалъ Сухоцкій:—бѣдняжка себя не помнитъ.

— Но, знаете, заниматься каждую минуту укрощеніемъ звѣря, запиратъ на замокъ—это и надоѣсть можетъ,—замѣтила Варвара Львовна.—Я поселилась пока у него, потому что больше нѣгдѣ было: женатые сосѣди меня не приняли бы. Онъ былъ единственное подходящее лицо. Вольно же ему было вообразить Богъ знаетъ что.

— Вообразить было довольно естественно съ его стороны,—сказалъ Сухоцкій.—Согласитесь, что молодая женщина въ вашемъ положеніи, и свободный, славный, красивый юноша, какъ онъ, да еще въ роли вашего избавителя... тутъ поневолѣ воображеніе разыграется. И, говоря по правдѣ, ваше жестокое равнодушіе удивляетъ меня. Вы не хотите даже позволить ему любить васъ, рабски любить.

Заварзина чуть примѣтно усмѣхнулась.

— Не совѣмъ рабски,—возразила она.—Но, однако, ваши взгляды тоже удивляютъ меня. По-вашему, если молодая женщина бросила мужа и встрѣтилась съ красивымъ, здоровымъ юношей, то все само собою готово для любви. Какъ просто и какъ, извините... пошло! Позвольте вамъ прежде всего сказать, что я не нахожу Облочина красивымъ. Для другихъ, можетъ быть—да, но это не мой вкусъ. Я не люблю здоровыхъ, розовыхъ, плотоядныхъ мужчинъ. Не люблю этой милой животной непосредственности, которой такъ много въ Платонѣ Николаевичѣ. Можетъ быть, я испорчена, но мое воображеніе и сердце ищутъ чего-то другого. Я думаю, что я могла бы увлечься только такимъ героемъ, который понимаетъ и чувствовать бы тоньше меня.

Сухоцкій съ любопытствомъ смотрѣлъ въ глаза Заварзиной.

— Я кажусь старше своихъ лѣтъ,—продолжала она.—Неудачный бракъ меня состарилъ. Но я еще очень молода, и несчастье не заставило меня загрузбѣть. У меня все тотъ же идеалъ... немножко институтскій, если хотите. Я благоговѣю передъ большимъ, тонкимъ, эстетическимъ умомъ, передъ романтизмомъ чувства и характера, передъ умѣньемъ извлекать изъ отношеній къ женщинѣ

недоступныя обыкновеннымъ людямъ наслажденія... Согласитесь, ничего этого даже искать нельзя въ Облочинѣ.

Сухоцкій нѣсколько притворно вздохнулъ.

— Да, теперь я вижу, что о моемъ недавнемъ другѣ надо пожалѣть,—сказалъ онъ.—Его приговоръ подписанъ.

— Даю вамъ слово, что мнѣ первой жаль его, — созналась Варвара Львовна.—Теперь судите сами, могу ли я допустить, чтобъ онъ ѣхалъ за мной въ Петербургъ.

— Боюсь, что не легко будетъ отъ него отдѣлаться. Вѣдь и погубить его грѣшно будетъ.

Варвара Львовна развела своими маленькими руками въ узенькихъ рукавчикахъ.

— Пустое. Онъ поѣдетъ со мною въ городъ, а тамъ ярмарка, съѣздъ помѣщиковъ, театральная труппа, циркъ, цыганки...—рѣшила Заварзина. — Ежедневные обѣды, карты, — ему надо только окунуться во все это, и несчастная фантазія забудется. А вы сами поѣдете въ Прѣсноводскъ? Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ вы были подлѣ меня въ моихъ трудныхъ условіяхъ.

— Очень можетъ быть, что поѣду, — отвѣтилъ Сухоцкій.

Облочинъ вернулся съ взъерошенными волосами и красными вѣками. Ему предложили кофе. Онъ помѣшалъ ложечкой, отхлебнулъ и отодвинулъ чашку. Потомъ налилъ себѣ стаканъ вина и выпилъ залпомъ.

Сухоцкій взглядывалъ на Варвару Львовну и думалъ, что начинаетъ понимать ее. И ему приходило въ голову, что понять эту женщину значитъ уже любить ее...

IX.

Слухи о бѣгствѣ м-ше Заварзиной отъ мужа распространились съ чрезвычайной быстротой по всему уѣзду. Передавали ихъ все въ томъ же видѣ, т.-е., что Сухоцкій увезъ ее въ своей коляскѣ, и такъ какъ скрыть ее у себя не могъ, то помѣстилъ у своего пріятеля, Облочина. Болѣе злые языки давали этому разсказу и такую окраску, что романтическая особа, не довольствуясь однимъ обожателемъ, даритъ своею благосклонностью обоимъ молодымъ людямъ. Существовала еще и третья, совсѣмъ нелѣпая легенда: будто Заварзинъ проигралъ жену въ карты Сухоцкому и Облочину, а когда тѣ увезли ее, то онъ поѣхалъ къ губернатору требовать, чтобы ее вернули ему силою. Болѣе свѣдущіе утверждали, впрочемъ, что Сухоцкій самъ проигралъ Заварзину десять тысячъ, но денегъ не заплатилъ, и еще въ отмщеніе увезъ у него жену.

До Петра Аванасьевича тоже дошли эти слухи, со всѣми добавленіями и искаженіями. Узнавъ, что сынъ вернулся изъ поѣздки, онъ послалъ пригласить его къ себѣ.

— Да ты, какъ я вижу, такого накуролесилъ, чего всѣ уѣздныя сороки на хвостахъ не перенесутъ,—обратился онъ къ нему, усиленно раздувая большую пѣнковую трубку на длинномъ чубукѣ.— Въ какія это дѣла ты пустился? Такое рассказываютъ, что и по-вѣрить нельзя. Объясни, сдѣлай милость, толкомъ, чего ты на-творилъ?

Николай Петровичъ передалъ о бѣгствѣ Заварзиной такъ точно, какъ рассказывалъ о немъ теткѣ.

— Услужить пріятелю вздумалось? — недовѣрчиво усмѣхнулся старикъ.

— Не пріятелю, а несчастной женщинѣ, которую тиранилъ мужъ,—поправилъ сынъ.

На Петра Аванасьевича эта поправка не произвела благопріятнаго впечатлѣнія.

— Ну, и выходитъ глупо,—сказалъ онъ.— Влюбиться въ бабенку да украсть ее у мужа — это въ молодые годы бываетъ. У меня въ полку поручикъ Савликовъ два раза въ одну зиму такую штуку продѣлалъ. Такъ вѣдь и красавецъ же какой, шельма, былъ. Ну, а мѣшаться въ чужія дѣла, спасать чужую жену отъ мужа— это ужъ совсѣмъ глупо и скверно. За это вашего брата по головкѣ не погладятъ. Заварзинъ, вотъ, въ городъ поѣхалъ жаловаться. Отъ него добромъ не отдѣлаешься. Это такая ябеда, что только посмотрѣть на него, такъ тошно дѣлается. Нечего сказать, влопался. И чему только васъ учили, ученыхъ-то?!...

Николай Петровичъ ожидалъ, что отецъ заговорить о деньгахъ, въ виду того, что при враждебномъ отношеніи Заварзина оставаться его должникомъ было очень неудобно. Но Петръ Аванасьевичъ задумчиво докурилъ трубку и хлопнулъ рукой по лежавшимъ на столѣ газетамъ за цѣлую недѣлю.

— Плохія, однако, новости съ войны,—сказалъ онъ.—Нашихъ опять вздули. Прочитай реляціи. Пишутъ хорошо, а между строкъ другое читается. Нѣтъ у насъ генераловъ. Войны отъ парада не отличаютъ. Да и вооруженіе никуда не годится. Интендантство воруетъ, подрядчики воруютъ. Одолѣваютъ союзники.

— Вы думаете, въ концѣ концовъ одолѣютъ? — спросилъ нѣсколько вздрогнувшимъ голосомъ Николай Петровичъ.

— Ну, до конца далеко. Россія необъятна, и средства ея неисчислимы, — съ увѣренностью отвѣтилъ старикъ. — А только трудно. Не подготовлены. Солдатъ гонять на убой, а дорогъ нѣтъ. Нельзя такъ. Потребуется крайнее напряженіе. Съ ополченіемъ, слышно, велѣно торопиться. Я думаю, придется ѣхать въ губернскій городъ. Самъ я не гожусь, ногами слабъ, а подать опытное указаніе могу.

На другой день пришла экстренная почта. Въ одномъ пакетѣ заключалось приглашеніе отъ предводителя прибыть въ чрезвычай-

чайное дворянское собраніе, вызываемое «неотложными надобностями военнаго времени». Въ другомъ пакетѣ Петръ Аванасьевичъ нашель письмо отъ губернатора, которое привело его въ сильное смущеніе. Губернаторъ сообщалъ конфиденціально, что отставной штабсъ-ротмистръ Заварзинъ, подавшій ему просьбу о понужденіи проживающей у помѣщика Облочина жены его возвратиться къ мужу, обратился вмѣстѣ съ тѣмъ къ жандармскому полковнику съ жалобой на отставнаго титулярнаго совѣтника Сухоцкаго и того же Облочина, какъ виновныхъ въ тайномъ похищеніи жены его изъ дома и способствованіи въ побѣгѣ дворовой дѣвки съ вещами, принадлежащими той же женѣ его. Губернаторъ присовокуплялъ, что жандармскимъ полковникомъ отписано обо всемъ этомъ въ Петербургъ въ весьма неблагоприятномъ для молодыхъ людей смыслѣ, и что онъ не безъ тревоги ожидаетъ распоряженія изъ Петербурга, которое, по всей вѣроятности, будетъ весьма скорое и строгое.

Петръ Аванасьевичъ опять позвалъ сына и далъ ему прочесть это письмо.

— Пахнетъ нехорошо; нехорошо пахнетъ, — сказалъ онъ. — Видимое дѣло, повѣсничество ваше представлено, какъ безнравственный поступокъ. А съ этимъ нынче не шутать.

— Но что же могутъ съ нами сдѣлать? — спросилъ Николай Петровичъ.

— Что? Да все, что угодно, — отвѣтилъ старикъ. — Выслать могутъ въ дальнюю губернію. Въ солдаты отдать могутъ.

— За что же! Мой поступокъ вызванъ самыми честными побужденіями, — съ недоумѣніемъ воскликнулъ Николай Петровичъ.

— Мало ли что! Время не такое. Да и съ барынькой-то вашей не поцеремонятся, — отвѣтилъ Петръ Аванасьевичъ. — Не поздравляю тебя. Того и гляди, что съ фельдъегеремъ вылетишь.

Николай Петровичъ смутился.

— Что же дѣлать? — спросилъ онъ.

— Прежде всего надо въ городъ ѣхать, тамъ посоветуемся съ предводителемъ и съ губернаторомъ. Тогда яснѣе видно будетъ, — отвѣтилъ отецъ. — Сбирайся, завтра же и поѣдемъ.

На другой день, дѣйствительно, отецъ и сынъ Сухоцкіе уѣхали въ Прѣсноводскъ. По дорогѣ имъ то и дѣло встрѣчались обозы: везли муку, овесъ, кожи; попадались партіи ратниковъ на телѣгахъ, облѣпленныхъ грязью. Передъ постоянными дворами и корчмами вездѣ толпился народъ. Слышались пѣсни, звонъ гармоникъ и бубенъ, неслись пьяные крики, смѣшанные съ бабьимъ плачемъ.

— Всколыхнулась матушка Русь, — замѣчалъ, высовываясь изъ коляски, Петръ Аванасьевичъ. — А вѣдь удалой народъ. Его на убой гонять, а онъ пѣсни поетъ. Зададимъ мы союзникамъ.

Николай Петровичъ отмалчивался, погруженный въ свои мысли. Онъ думалъ о своемъ безвыходномъ положеніи и о запущенномъ,

неуютномъ домѣ въ Грачевкѣ, гдѣ скрывалась Варвара Львовна. Что-то тамъ дѣлается? Уѣхали ли они? Въ жидкомъ полусвѣтѣ осенняго дня, подѣ безпокойную качку плившей по грязи коляски, ему мерещились ея глубокіе, печально-возбужденные глаза, и припоминались всѣ подробности двухъ единственныхъ встрѣчъ съ нею. — «Да, я ее понимаю. Она убѣжитъ отъ Облочина точно такъ же, какъ убѣжала отъ мужа»,—думалъ онъ. И ему дѣлалось мучительно и больно при мысли, что онъ не свободенъ, жалкимъ образомъ не свободенъ въ свои двадцать семь лѣтъ и въ своемъ званіи неслужащаго дворянина и сына богатаго помѣщика. Что-то раздраженное, бунтующее поднималось у него на душѣ...

— Знаете, papà, эта лихая, пьяная пѣсня хватаетъ меня за сердце, — неожиданно сказалъ онъ разѣ отцу, когда они проѣзжали большимъ селомъ, провожавшимъ ратниковъ. — Развѣ вы не слышите, какая въ ней нестерпимая тоска?

Петръ Аванасьевичъ съ удивленіемъ обернулся къ нему.

— Чего это ты? — сказалъ онъ. — Пѣсня, какъ пѣсня. Написались мужики, вотъ и горланяты.

— Нѣтъ, это стонъ, а не пѣсня, — произнесъ Николай Петровичъ.

— Ну, видно, ты стона-то не слыхалъ. Кабы побывалъ въ нарядѣ при наказаніи сквозь строй, зналъ бы, какъ люди стонутъ. Тамъ, братъ, не подѣ гармонику, — возразилъ Петръ Аванасьевичъ. — Я, кажется, не изъ жиденькихъ, а какъ услышишь, бывало, какъ человѣкъ дикимъ звѣремъ завоюетъ, да увидишь, какъ на немъ кожа рвется, такъ, право, даже трубка послѣ того невкусной покажется.

— Боже мой, Боже мой! — тихо произнесъ Николай Петровичъ и зажмурилъ глаза.

При поворотѣ съ проселка на почтовую дорогу, Сухоцкимъ пришлось ждать лошадей. Въ небольшой станціонной залѣ уже были проѣзжіе, тоже ждавшіе очереди. Николай Петровичъ тотчасъ замѣтилъ высокую фигуру Облочина и подлѣ него, на старомъ кожаномъ диванѣ, Варвару Львовну. Она полулежала, подсунувъ подѣ себя дорожную подушку, и имѣла утомленный видъ.

— Ахъ, я совсѣмъ измучилась, — говорила она, протягивая Сухоцкому свою узкую, блѣдную руку, когда тотъ подошелъ къ нимъ. — Представьте, вчера вечеромъ явился къ намъ исправникъ и предъявилъ Платону Николаевичу требованіе немедленно пріѣхать въ Прѣсноводскъ къ губернатору, а съ меня взялъ подписку о невыѣздѣ изъ усадьбы. Но развѣ я могла остаться тамъ одна? Я рѣшилась, несмотря ни на что, ѣхать съ нимъ и обратиться къ предводителю. Разумѣется, я рискую, но вѣдь не повѣсятъ же меня за это? Своему родственнику въ Петербургѣ я уже написала, чтобъ онъ похлопоталъ обо мнѣ: пусть только мнѣ дадутъ

свободу добратся до Петербурга. Деньги у меня найдутся: я беру съ собою разныя драгоцѣнности и продамъ ихъ въ городѣ.

— А мнѣ, очевидно, не выдадутъ подорожной въ Петербургъ, — мрачно сказалъ Облочинъ.

Сухоцкій сообщилъ имъ свѣдѣнія, полученныя отцомъ отъ губернатора.

— Но это клевета, ябедничество мужа, — воскликнула Варвара Львовна. — Кто имѣетъ право утверждать, будто я... будто я не просто только спасаюсь въ домѣ Платона Николаевича?

Облочинъ отвернулся и пошелъ узнать, запрягаютъ ли лошадей.

Николай Петровичъ искоса взглянулъ въ сторону отца. Старикъ дѣлалъ видъ, что смотритъ въ окно, но исподтишка съ явнымъ любопытствомъ поглядывалъ на молодую даму, о которой, конечно, догадался, что она была жена Заварзина.

— Скорѣе бы въ городъ, — сказала Варвара Львовна. — Ужъ какойнибудь конецъ бы. Измучилась я съ нимъ.

И она кивнула по направленію, въ которомъ скрылся Облочинъ.

— Вы думаете только о томъ, чтобъ уѣхать отсюда; а сколько тѣхъ, которые... почувствуютъ себя нехорошо съ вашимъ отъѣздомъ, — проговорилъ грустнымъ голосомъ Сухоцкій.

Варвара Львовна взглянула на него какъ будто съ удивленіемъ.

— Вы про Платона Николаевича? — спросила она.

— Да, и про него, и про другихъ тоже.

— Напримѣръ?

— Ну, вашъ мужъ. Вѣдь онъ любитъ васъ.

Молодая женщина брезгливо встряхнула головой.

— О, избави Богъ отъ его любви. Не напоминайте. А еще кто же? — произнесла она, и въ ея глазахъ опять выразились удивленіе и любопытство.

— Меня вы забываете, — сказалъ очень тихо Сухоцкій.

Варвара Львовна ласково усмѣхнулась.

— Нѣтъ, не забываю. Но мы такъ мало знаемъ другъ друга, — отвѣтила она. — А забыть васъ я все-таки не могу, потому что изъ всѣхъ, кого я здѣсь видѣла со времени моего замужества, вы для меня самый симпатичный. И мнѣ кажется, что я способна буду беспокоиться о васъ, потому что и вамъ тутъ едва ли хорошо живется.

Сухоцкій съ благодарнымъ взглядомъ наклонилъ голову.

— Я увижу васъ въ городѣ? — спросилъ онъ.

— Пожалуйста, приходите, — пригласила Варвара Львовна. — Мы остановимся въ гостиницѣ. Я все-таки буду спокойнѣе, зная, что и вы тутъ.

Она протянула ему руку. Онъ поцѣловалъ ее съ волненіемъ. У него и тяжело, и радостно было на сердцѣ: мысль, что въ городѣ онъ будетъ въ такой близости подлѣ Варвары Львовны, располагала его безпечнѣе относиться къ будущему...

Когда коляска снова покатила по грязной, расквашенной обоими дорогѣ, Петръ Аванасьевичъ неодобрительно взглянулъ на сына.

— Отъ такихъ барынь подальше бы надо, — сказалъ онъ.

— Она вамъ не понравилась? — спросилъ Николай Петровичъ.

— Какъ не понравиться. Тонкая женщина. Только драть бы ихъ, чтобъ отъ мужей не бѣгали, — высказался старикъ.

— «И вотъ общественное мнѣнье!» — подумалъ Николай Петровичъ стихомъ Грибоѣдова.

X.

Губернскій городъ Прѣсноводскъ уже нѣсколько дней жилъ усиленною жизнью. По почтовому тракту и по проселкамъ дружно съѣзжались помѣщики. По длинной и обыкновенно пустынной Дворянской улицѣ съ утра и до сумерекъ громыхали тарантасы, дормезы и брички. Ряды извозчиковъ стояли у губернаторскаго дома и у Дворянскаго собранія, гдѣ находилась также и квартира предводителя. На тротуарахъ попадались молодые люди въ свѣжихъ юнкерскихъ мундирчикахъ; появились и ополченскіе кафтаны и шапки съ крестами. А черезъ залитую грязью базарную площадь то и дѣло проходили партіи ратниковъ и тянулись телѣги съ рекрутами и ихъ провожатыми.

Въ большой «Петербургской гостиницѣ» купца Расторгуева буфетчики и половые совсѣмъ потеряли головы. Тамъ происходило настоящее столпотвореніе вавилонское. За плохенькій номеръ брали три рубля въ сутки — цѣна неслыханная въ то время. Какому-то офицеру, за отсутствіемъ мѣста, поставили постель въ коридорѣ, и онъ спалъ на ней не раздѣваясь, послѣ двухъ сутокъ, проведенныхъ въ билліардной. Въ большой ресторанной залѣ стоялъ весь день и всю ночь невообразимый шумъ отъ разговоровъ, криковъ на половыхъ, хлопающихъ пробокъ и стука посуды. Пріѣзжіе дворяне сходились тамъ группами по уѣздамъ, толковали о войнѣ и о выборахъ въ ополченіе. Получавшіяся двѣ газеты чуть не вырывались другъ у друга изъ рукъ, и къ вечеру превращались въ грязныя тряпицы, залитыя виномъ.

Театръ усердно посѣщался. Давались «Царская невѣста», «Параша-сибирячка» и «Левъ Гурычъ Синичкинъ». Актрису Звѣздину, выступавшую во вѣхъ трехъ пьесахъ, забрасывали подарками и провожали изъ театра гурьбой до гостиницы. Молодежь охотно заглядывала также въ циркъ, помѣстившійся въ балаганѣ на базарной площади и располагавшій притягательною силой въ лицѣ

двухъ наѣздницъ, Эммы и Мины. Тамъ случались и скандалы, потому что клоунъ Виль ревновалъ Эмму, и его хотѣли побить. Но пока онъ самъ побилъ какого-то интендантскаго чиновника, за что просидѣлъ три дня на сѣзжей.

Ночью, послѣ спектакля, публика опять собиралась въ гостиницѣ и кутила до утра.

Высшее губернское общество тоже веселилось. Были балы и обѣды въ клубѣ, балы и обѣды у губернатора и предводителя. У предсѣдателей и совѣтниковъ каждый день играли въ карты, ужинали и танцовали.

Посторонній наблюдатель могъ бы подумать, что страна торжествуетъ большой веселый праздникъ. А Россія вела тяжелую, кровавую войну и находилась наканунѣ событій, встряхнувшихъ ее снизу до верху. Старый строй, ничего не сознавая и не ожидая, какъ будто пировалъ на собственной трizinѣ.

Николай Петровичъ въ первый же день по приѣздѣ въ городъ перезнакомился со множествомъ лицъ. Вечеромъ его заставили пить, потому что провожали молодого помѣщика, уѣзжавшаго юнкеромъ въ дѣйствующую армию. Кутежъ продолжался всю ночь, съ цыганами и трубачами какого-то проходившаго черезъ городъ полка. Среди собравшихся царило восторженное воодушевленіе. Говорили другъ другу «ты», декламировали патріотическія стихотворенія и рассказывали анекдоты про Наполеона и про султана. Много тостовъ было выпито за генерала Андронникова и за героевъ Черноморскаго флота. Кто-то порывисто поднялся и крикнулъ:

— Господа, за русскаго солдата!

На тостъ горячо отозвались, и въ разговоръ какъ будто влилась новая струя. Сухоцкій самъ воодушевился и заговорилъ о народѣ, о его неблагодарномъ труженничествѣ, о томъ, какъ много въ немъ хорошаго, высокаго, чего мы не знаемъ и не замѣчаемъ. Эти рѣчи уже не всѣмъ понравились; кто-то даже сказалъ Сухоцкому:

— Вы, сударь, не по-дворянски разсуждаете.

Николай Петровичъ оживленно возразилъ, что считаетъ призваніемъ дворянства заботиться о народѣ и стремиться къ улучшенію его участи.

— Такъ вы и заботьтесь, если, напримѣръ, вашъ мужикъ погорѣлъ или голодаетъ, а разсуждать такъ нельзя, — внушительно возразилъ спорившій.

Сухоцкій хотѣлъ отстаивать свою мысль, но большинство присутствовавшихъ высказалось противъ него и замяло разговоръ.

«Какъ, однако, еще темно въ нашей провинціи», — уныло подумалъ Николай Петровичъ, и постарался незамѣтно оставить общество.

Варвара Львовна и Облочинъ занимали номера въ разныхъ этажахъ въ той же гостиницѣ. У Заварзина же въ городѣ былъ

собственный небольшой домъ, сдававшійся въ наймы какому-то дальнему родственнику, у котораго онъ теперь и остановился.

Сухоцкій, зайдя на другое утро къ Варварѣ Львовнѣ, засталъ ее въ дурномъ расположеніи духа. Она уже была у губернскаго предводителя, который принялъ ее совѣмъ нелюбезно.

Заварзинъ очевидно уже успѣлъ настроить его. Онъ объявилъ Варварѣ Львовнѣ, что никакого участія въ выдачѣ ей временнаго вида принять не можетъ, а что касается ея неудовольствія на дурное обращеніе мужа, то объ этомъ она, если пожелаетъ, можетъ подать ему письменное заявленіе.

— Понятно, что я отказалась: не буду же я пачкаться въ этихъ кляузахъ, — добавила Варвара Львовна.

— А Платонъ Николаевичъ? — спросилъ Сухоцкій.

Заварзина съ пренебреженіемъ махнула рукой.

— Онъ меня только раздражаетъ, — сказала она. — Нѣтъ ничего несноснѣе влюбленнаго. Право, я отказываюсь понять, чего онъ хочетъ. Вѣдь онъ долженъ ясно видѣть, что у меня нѣтъ того чувства, котораго онъ добивается. Не могу же я заставить себя любить его оттого, что онъ съ ума сходитъ. Вчера онъ мнѣ сдѣлалъ сцену, плакалъ тутъ, какъ ребенокъ, увѣрялъ, что изъ-за меня его куда-то вышлютъ. Съ какой же стати его вышлютъ, если я уже выѣхала изъ его дома, и онъ вовсе не «укрываетъ» меня, какъ жалуется мужъ?

Въ эту минуту кто-то стукнулъ въ дверь.

— Взгляните, кто тамъ, — попросила Заварзина.

Сухоцкій пріотворилъ дверь и столкнулся лицомъ къ лицу съ Облочиннымъ.

— А, это вы... — произнесъ тотъ, бокомъ входя въ номеръ. — А меня задержали. Пирышъ пріѣхалъ и съ мѣста запилъ. Говорить, хочетъ въ дружину поступить.

Лицо Облочина рдѣло, а волосы болѣе обыкновеннаго были спущены на лобъ. Отъ него сильно несло виномъ. Онъ подошелъ къ ручкѣ хозяйки и вдругъ опустился передъ нею на колѣни.

— Неотразимая! непреклонная! — произнесъ онъ почти весело. — Что такое мы всѣ для нея? Развѣ ей понятенъ сокрушительный пламень, испепеляющій наши сердца? Недоступная, холодная, она съ презрѣньемъ взираетъ на насъ. «Часть разлуки, часть свиданья ей ни радость, ни печаль; ей въ грядущемъ нѣтъ желанья и прошедшаго не жаль», — продекламировалъ онъ, перефразируя стихи изъ Лермонтовскаго «Демона». — Такъ вѣдь, Сухоцкій? Взгляни на эту женщину, на эту властительницу человѣческихъ сердецъ: развѣ ты не чувствуешь, что она потому и властвуетъ нами, что у нея самой нѣтъ сердца?

Варвара Львовна брезгливо отстранилась отъ Облочина.

— Только этого не доставало! — воскликнула она. — Вы теперь являетесь ко мнѣ пьяный...

Облочинъ неловко поднялся и, опустивъ голову, скрестивъ руки, смотрѣлъ на нее въ упоръ.

— Она же меня упрекаетъ, что я пьянъ, — произнесъ онъ мрачно. — Но вино не опьянило бы меня, если бъ душа моя не была истерзана. Ну, да, я пилъ и опять буду пить, потому что ищу забвенья.

Сухоцкій осторожно взялъ его подъ руку.

— Вамъ теперь отдохнуть надо, Платонъ Николаевичъ, — сказалъ онъ. — Я проведу васъ къ вамъ въ номеръ.

— Отстань. Что жъ изъ того, что я пьянъ? — возразилъ Облочинъ. — Для чего я буду себя жалѣть? Она не пожалѣла меня, а я и подавно. Пропадай Платонъ Облочинъ. Одну только женщину въ своей жизни я полюбилъ, и сгорѣлъ. Сожгли Платона Облочина... Осталось только развѣять по вѣтру своей пепель. Это не долга штука будетъ. Поступлю въ ополченіе, и тамъ, въ кровавомъ Севастополѣ, подставлю свою грудь подъ первую пулю.

— Но теперь вамъ надо отдохнуть, — повторилъ Сухоцкій, стараясь осторожно повернуть его. Облочинъ не двигался.

— Я душу за нее положилъ, — продолжалъ онъ. — Ты понимаешь, Сухоцкій, что такое наша душа? Теперь ее у меня вынули. Теперь я уже не человѣкъ. А вѣдь мечталъ, чувствовалъ, волновался, думалъ и себя, и ее счастливыми сдѣлать. Пропалъ Платонъ Облочинъ, нѣтъ его больше.

Онъ махнулъ рукой, покачнулся и, поддерживаемый Сухоцкимъ, вышелъ изъ комнаты.

Варвара Львовна облегченно вздохнула.

— Не могу вамъ выразить, какъ мнѣ жаль его, — сказала она, когда Сухоцкій вернулся въ номеръ. — Хорошій, добрый, славный этотъ Облочинъ. Но полюбить его... какъ же это сдѣлать? Я чувствую, что все въ немъ мнѣ чуждо, что мы не одной породы.

Она опустила голову на руки.

— Да, по правдѣ говоря, не до него мнѣ теперь, — продолжала она. — У меня всѣ мысли и ощущенія кружатся около одного — вернуть себѣ свободу. Не сегодня-завтра мнѣ, вѣроятно, отвѣтять изъ Петербурга.

Сухоцкій помолчалъ. Въ немъ накоплялось какое-то тоскливое раздраженіе противъ этой женщины, недостижимо уходящей въ свои личные интересы. Въ самомъ дѣлѣ, что ей до другихъ? Облочинъ правъ — у нея нѣтъ сердца, или же оно въ настоящую минуту замерло, утомленное и придавленное другими тревогами.

— Вы стремитесь къ очень эгоистической, очень матеріальной свободѣ, — сказалъ онъ черезъ минуту съ едва замѣтнымъ оттѣнкомъ горечи. — Это только отрицательная свобода. Предположимъ, что вы отдѣляетесь отъ мужа. А дальше что же?

Варвара Львовна подняла на него печальные глаза.

— О, только бы освободиться,—сказала она.—Я ни о чемъ больше не способна думать. Сидящій въ тюрьмѣ развѣ заботится о томъ, что онъ будетъ дѣлать на свободѣ? У него только одна мысль—вырваться изъ тюрьмы.

— Нѣтъ, онъ иногда думаетъ о томъ, какъ начать новую жизнь,—возразилъ Сухоцкій.—И мнѣ кажется, вы не изъ тѣхъ, которыя могутъ удовлетвориться однимъ внѣшнимъ существованіемъ. У васъ должна быть потребность своей внутренней жизни. Вѣдь есть же у васъ сердце, воображеніе...

Заварзина также печально усмѣхнулась.

— Вы слышали, что говорилъ Облочинъ? У меня нѣтъ сердца,—сказала она.

— Что такое Облочинъ!—воскликнулъ Сухоцкій.—Онъ васъ не понимаетъ, да и не можетъ понимать. Ваша натура слишкомъ тонка и сложна для него. Вы—одна изъ героинь Жоржъ-Зандъ.

Варвара Львовна съ сомнѣніемъ покачала головой.

— Я немножко мечтательна... и немножко романтична... но это оттого, что я привыкла жить воображеніемъ,—произнесла она.—Но жоржъ-зандизма во мнѣ нѣтъ. Мнѣ кажется, что я въ сущности больше ничего, какъ институтка. Во мнѣ воспитанъ разладъ съ дѣйствительностью. Я люблю то, что непохоже на жизнь. Поэтому ничто въ дѣйствительности не можетъ ни привязать, ни увлечь меня.

— А помните, что вы говорили въ послѣдній разъ тамъ, въ Грачевкѣ?—намекнулъ Сухоцкій.—Вы считали возможнымъ увлечься, и даже очень хорошо опредѣляли человѣка, который могъ бы стать героемъ вашего романа.

— Романа воображенія!—воскликнула Варвара Львовна.—Это можетъ развлечь, но не увлечь. Нѣтъ, я не умѣю любить. Я вамъ говорю: мнѣ нравится только то, что не похоже на жизнь. Ухаживанье мужчины становится мнѣ тягостнымъ, какъ только въ немъ пробуждается страсть... вотъ какъ въ Облочинѣ. И тогда я думаю только о томъ, чтобъ убѣжать отъ него.

Сухоцкій посмотрѣлъ на нее все съ тѣмъ же ощущеніемъ досады и горечи.

— Вы странная женщина,—сказалъ онъ.

— Можетъ быть,—согласилась Заварзина.—Мой бракъ во многомъ разочаровалъ меня. Во мнѣ сохранилось чувство обиды и даже... какого-то отвращенія. Мнѣ противна матеріальность мужчинъ. Какъ это все плоско и какъ безжалостно убиваетъ всю прелесть отношеній!

Сухоцкій тягостно молчалъ. Онъ сознавалъ, что вопреки всему обаяніе этой женщины дѣйствуетъ на него съ какою-то властною силой.

— Знаете, въ васъ есть что-то непонятное,—сказалъ онъ черезъ минуту.—Въ васъ, и вотъ въ этомъ самомъ безмолвіи сердца и крови. Вы можете раздражать и сводить съ ума.

Онъ вдругъ потянулся къ ней и схватилъ ея руки.

— Вотъ такую, какъ вы, непонятную, безстрастную, неестественную, васъ можно до безумія желать!—произнесъ онъ, внезапно потерявъ власть надъ собою.

Глаза его горѣли, мускулы лица словно сжались. Варвара Львовна съ безрелигиознымъ испугомъ отшатнулась отъ него.

— Николай Петровичъ!—воскликнула она тономъ упрека.—А я думала, что хоть вы не похожи на остальныхъ...

Въ эту минуту въ дверь опять постучали. Вошедшій слуга подалъ на измятомъ подносѣ письмо. Разглядѣвъ петербургскій штемпель, Заварзина торопливо разорвала конвертъ и принялась читать крупныя съ росчерками строки. Лицо ея радостно оживилось. Дочитавъ послѣднюю страницу, она захлопала въ ладоши.

— Bravo! Побѣда, побѣда!—воскликнула она.—Николай Петровичъ, порадитесь со мною. Мой важный дядя пишетъ, что губернатору предложено выдать мнѣ временное свидѣтельство для полученія подорожной. Слѣдовательно надняхъ я уѣзжаю въ Петербургъ.

Взволнованная, радостная, она вся была въ движеніи.

— У меня точно голова кружится,—добавила она.—Милый Николай Петровичъ, я, кажется, произвела на васъ дурное впечатлѣніе. Не сердитесь. Я такъ счастлива, что готова всѣхъ расцѣловать. Ну, давайте, я васъ поцѣлую.

Она поднялась на ципочки и скользнула губами по его лбу. Сухоцкій вздохнулъ и поцѣловалъ ей руку.

— Чувствую, что вамъ теперь не до другихъ. Будьте счастливы,—сказалъ онъ съ урюмою ласковостью.

XI.

Вечеромъ Петръ Аванасьевичъ съ озабоченнымъ видомъ сказалъ сыну:

— Ну, я говорилъ и съ губернаторомъ, и съ предводителемъ. Влопался ты глупѣйшимъ образомъ въ глупѣйшую исторію.

— Дурныя вѣсти?—спросилъ Николай Петровичъ.

— А ты какихъ ожидалъ? Сегодня пришла петербургская почта. У барыньки-то, очевидно, тамъ рука нашлась, ее вызволятъ, а ты съ Облочинымъ въ дуракахъ останетесь. Хорошо еще, что большой строгости не показали. Высылать васъ не будутъ, въ Петербургъ тоже не потребуютъ. Но оба вы взяты на замѣчаніе, какъ обнаружившіе безнравственное направленіе мыслей, и за вами учреждено будетъ негласное наблюденіе.

— Собственно, въ чемъ же дѣло?—недоумѣвающимъ тономъ спросилъ Николай Петровичъ.

— А въ томъ, что для тебя теперь всѣ дороги закрыты,—съ раздраженіемъ объяснилъ старикъ.—Крестъ на тебѣ поставленъ,

вотъ что. На службу не примутъ, и даже по выборамъ служить не допустятъ. Сиди въ деревнѣ и жди у моря погоды. Со временемъ, конечно, все это можно будетъ поправить.

— Со временемъ!—повторилъ упавшимъ голосомъ Николай Петровичъ.—Но вѣдь не современнымъ придутъ молодость, свѣжесть силъ, желаніе трудиться. Теперь-то что я буду дѣлать?

Старикъ, насупивъ брови, прошелся по комнатѣ.

— Губернаторъ мнѣ пріятель, и принимаетъ въ тебѣ участіе,—сказалъ онъ.—У него хорошая мысль есть. Только вѣдь ты философъ, ты стариковъ не слушаешься.

— Какая же мысль?

Петръ Аванасьевичъ набилъ трубку и попросилъ сына дать ему раскурить ее.

— Мысль вотъ какая,—пояснилъ онъ, затянувшись:—просись въ дѣйствующую армію.

— Я?!—съ изумленіемъ воскликнулъ молодой человекъ.—Въ мои годы, никогда не бывши въ военной службѣ?

— Годы не Богъ вѣсть какіе,—отвѣтилъ Петръ Аванасьевичъ.—Поздненько, конечно, да мало ли что. Теперь война, возраста не разбираютъ, да и отличиться можно. Поступишь юнкеромъ, а тамъ послѣ перваго дѣла и въ производство попадешь. Главное же то, что на это благосклонно взглянуть. Вотъ Облочинъ въ ополченіе записался, и умно сдѣлалъ.

Николай Петровичъ задумался.

— Но я не могу, у меня не оконченные счета съ Заварзинымъ,—сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—Мнѣ нельзя уѣхать, не расплатившись съ нимъ.

Петръ Аванасьевичъ нѣсколько разъ пыхнулъ изъ чубука. Лицо его сдѣлалось красно.

— Это я и безъ тебя понимаю,—проговорилъ онъ съ усиліемъ человека, тяжело преодолевающаго врожденную скупость.—Я ужъ рѣшилъ: поступишь въ военную службу—расплачусь съ Заварзинымъ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, отрада будетъ, что нашъ родъ былъ военнымъ и продолжаетъ быть.

Николай Петровичъ смотрѣлъ на отца въ смущеніи. Совершенно неожиданное предложеніе озадачило его. Но, несмотря на неподготовленность къ нему, оно съ первой же минуты не показалось ему неосуществимымъ.

— Я подумаю,—сказалъ онъ.

— Подумай. Время такое, когда каждому дворянину мѣсто подъ знаменами, а не на лежанкѣ,—произнесъ старикъ.—Кабы не мои больныя ноги, и самъ я не оставался бы здѣсь.

Черезъ два дня, прѣсноводское дворянство давало балъ въ честь поступающихъ въ военную службу и въ ополченіе. Крѣпостной оркестръ предводителя громозвучно игралъ финаль изъ «Жизни за царя», кадрили и вальсы. Барышни въ легкихъ тарлатановыхъ платьяхъ и молодыя дамы кружились съ военными, которыхъ въ настоящее время было особенно много въ городѣ, по случаю передвиженія нѣсколькихъ полковъ.

Облочинъ, въ сѣромъ кафтанѣ ратника, съ краснымъ кушакомъ и въ высокихъ сапогахъ, былъ предметомъ общаго вниманія. За нимъ ухаживали, и какъ за защитникомъ отечества, и какъ за героемъ романа, уже сдѣлавшагося предметомъ общихъ пересудовъ. Красный, съ подстриженными, но все-таки спускающимися на лобъ волосами, онъ рѣшительно не находилъ себѣ отдыха. Наконецъ молодая, полненькая и недурненькая дама, жена уѣзднаго предводителя, подошла къ нему и очень громко его поцѣловала, сказавъ, что присутствующія дамы поручили ей передать ему ихъ общій поцѣлуй. Вся зала захлопала въ ладоши, застучала ногами, закричала. У всѣхъ въ рукахъ очутились бокалы шампанскаго, и танцы на нѣкоторое время прервались.

Еще болѣе раскраснѣвшійся, потный, съ ощущеніемъ какой-то пріятной возни въ головѣ, Облочинъ вырвался наконецъ изъ залы и бросился въ буфетную. Тамъ онъ наткнулся на Сухоцкаго и горячо обнялъ его.

— Такъ мы съ тобой товарищи? Слышалъ, слышалъ. Поцѣлуемся, душа моя. Отчего же ты не въ мундирѣ?—обратился онъ къ нему.

— Не готовъ еще,—отвѣтилъ Сухоцкій.

Подчиняясь господствовавшему настроенію, онъ отчасти сожалѣлъ, что не могъ порисоваться здѣсь въ формѣ драгунскаго полка, въ который только что зачислился.

Облочинъ продолжалъ жать его въ объятіяхъ.

— Голубчикъ, связала насъ судьба,—говорилъ онъ.— Ничего не подѣлаешь. Попали мы съ тобой вмѣстѣ въ одну передѣлку, попадемъ и въ другую. Эхъ, не зналъ я, а то также въ юнкера пошелъ бы, въ одинъ полкъ съ тобой. А ты сегодня присматривай за мной, будь другомъ: чувствую, что утоплю себя въ шампанскомъ.

— Съ радости?

— И съ горя. Вѣдь она—несравненная моя, неприступная—уѣхала сегодня. Вотъ колечко на память мнѣ подарила: пусть, говоритъ, будетъ вамъ талисманомъ отъ вражескихъ пуль.

И онъ показалъ надѣтое на мизинецъ колечко въ формѣ змѣйки. Ему, очевидно, хотѣлось еще поболтать съ Сухоцкимъ, но стѣснявшаяся около нихъ толпа раздѣлила пріятелей.

Сухоцкій, оглянувшись, встрѣтился лицомъ къ лицу съ Заварзинымъ. Онъ нахмурился и хотѣлъ уклониться въ сторону, но Демидъ Демидовичъ, съ своими опущенными книзу усами, поспѣшно протянулъ ему обѣ руки и привѣтствовалъ его самымъ дружелюбнымъ тономъ.

— Душевно васъ поздравляю и желаю отличій на благородномъ полѣ брани,—произнесъ онъ.—А кстати позвольте поблагодарить за любезную ликвидацію карточного долгишка. Очень, очень благодарно, по-дворянски.

— Не стоить благодарности,—сухо сказалъ Николай Петровичъ.

— Нѣтъ, помилуйте, я очень цѣню,—продолжалъ Заварзинъ.— Не всякій игрокъ такъ пріятно рассчитывается. А кстати, мнѣ и съ своей стороны хотѣлось бы услужить вамъ. Безъ сомнѣнія, вамъ при поступленіи на кавалерійскую службу необходимо обзавестись боевымъ конемъ. У меня, можетъ быть, не знаете, собственный заводъ есть. Прошу взглянуть, найдете превосходные экземпляры. По дружбѣ уступлю вамъ лошадку дѣйствительно первоклассныхъ статей. На меня можете положиться. Помилуйте, самъ вѣдь ремонтеромъ былъ.

Сухоцкій поблагодарилъ и спѣшилъ отдѣлаться. Но Заварзинъ опять взялъ его руку обѣими руками.

— Кстати, позвольте два слова насчетъ случившагося между нами недоразумѣнія,—продолжалъ онъ, съ искательнымъ видомъ, поводя своими длинными усами.—Обстоятельства такъ сложились, что я предполагалъ въ извѣстномъ вашемъ романическомъ поступкѣ явную въ отношеніи меня враждебность; но затѣмъ все выяснилось, совершенно выяснилось. Я убѣдился, что вы дѣйствовали подъ вліяніемъ навѣтовъ господина Облочина, который изъ преступныхъ видовъ распускаетъ вездѣ слѣхи о моемъ якобы дурномъ обращеніи съ женою. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ Варвара Львовна, при своемъ нестерпимомъ характерѣ, всегда обнаруживала несклонность къ семейному долгу, въ смыслѣ сожителства.

Сухоцкій нетерпѣливо повернулся.

— Какое же мнѣ до этого дѣло!—сказалъ онъ и отошелъ.

Заварзинъ довольно громко крикнулъ ему вслѣдъ:

— Позволю себѣ кстати напомнить, что вамъ слѣдуетъ получить съ Талалаева тысячу рѣблей: вѣдь онъ придерживалъ вамъ десятую часть. А кстати, если пожелаете взять реваншъ, у меня завтра съ утра банчишка будетъ: интендантскихъ чиновниковъ теперь много въ городѣ.

Сухоцкій, не отвѣчая, спѣшилъ выйти изъ буфетной. Но въ дверяхъ къ нему кинулся съ распростертыми объятіями Талалаевъ. Онъ имѣлъ болѣе чѣмъ всегда возбужденный видъ.

— Поздравляю. Да съ чѣмъ, вы думаете? Съ юнкерскими погончиками? То само собою. А еще и другая новость: въ родню, ба-

тенька, къ вамъ вступаю,—объявилъ онъ.—Да, да, породниться намъ предстоитъ. Поздравьте, вѣдь я женюсь на Вероникѣ Леонтьевнѣ. Вчера достойнѣйшая Гликерія Марковна выразила свое окончательное согласіе.

Сухоцкій поздравилъ. Талалаевъ полѣзъ цѣловаться и требовалъ шампанскаго.

— Родня, батенька, родня; хоть дальняя, да родня,—твердилъ онъ.— А Антона, можете себѣ представить, я въ ратники сдалъ. На что онъ мнѣ? Пусть, чортовъ сынъ, защитникамъ отечества пельмени стряпаетъ. Тутъ, въ нѣкоторомъ родѣ, лепта съ моей стороны.

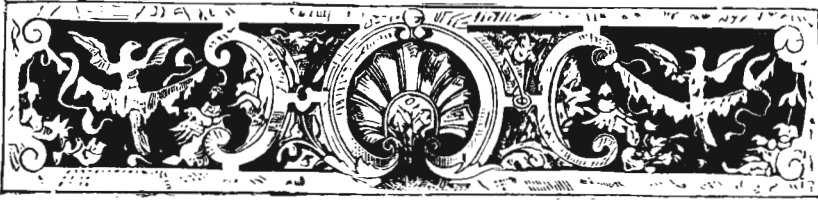
Въ залѣ снова грянула музыка. Пары закружились, шпоры зазвенѣли. Сухоцкаго тоже заставили танцовать.

Ему какъ будто было весело. Но это была задумчивая, разсѣянная веселость. Мысль бродила гдѣ-то далеко. Воображеніе рисовало грозные севастопольскіе бастионы, и вдругъ внезапно уносило вслѣдъ за милымъ, дорогимъ женскимъ призракомъ...

Смутно и радостно-тревожно было у него на душѣ. Чувствовалось, что переживается большая минута въ жизни. И когда музыка гремѣла особенно громко, ему казалось, что и все кругомъ, всѣ эти люди, и еще десятки милліоновъ другихъ русскихъ людей, переживаютъ вмѣстѣ съ нимъ какую-то общую большую минуту жизни. И его напряженному, настороженному чувству пророчески чудился близкій разсвѣтъ—и для него, и для милліоновъ другихъ русскихъ людей...

В. Г. Авсѣенко.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ФАМИЛЬНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ, какъ извѣстно, одновременно съ первою ревизіею, записавъ за помѣстнымъ дворянствомъ всѣхъ крестьянъ, жившихъ на его вотчинныхъ земляхъ, обязалъ самое дворянство пожизненною службою государству и такимъ образомъ, сдѣлавъ крестьянъ крѣпостными дворянъ, послѣднихъ обратилъ въ крѣпостныхъ государства, вслѣдствіе чего бытъ этого сословія былъ крайне суровый и тягостный.

Существуетъ среди нашихъ родовыхъ бумагъ весьма интересный документъ, характеризующій этотъ бытъ, — записная книга Богдана Петровича Бороздина, объемистый фоліантъ, переплетенный въ толстую кожу, съ застежками. Туда вносили этотъ потрудившійся на службѣ царской дворянинъ всѣ важнѣйшія событія и перемѣны въ своей жизни, а также и разные царскіе указы и правительственныя распоряженія, его интересовавшіе и до него касавшіеся. Изъ бѣглаго обзора этой рукописи видно, что служба Богдана Петровича началась въ концѣ XVII столѣтія, и бросала она его во всѣ стороны нашего великаго отечества: побывалъ онъ въ Москвѣ, Воронежѣ, Казани, Ростовѣ на Дону и проч. и проч., принималъ участіе въ походахъ противъ крымскихъ татаръ и шведовъ, а когда Петръ Великій раздѣлилъ государство свое на губерніи, перешелъ на земскую службу и сдѣлался сначала комиссаромъ, а потомъ ландратомъ. Скончался онъ въ глубокой старости въ селѣ

своемъ Лодинѣ. Такая разнообразная и трудная служба убѣдила этого труженика въ крайней важности образованія и ученія, и вслѣдствіе того сына своего, Корнилія, родившагося въ 1708 году, по связямъ своимъ съ Салтыковыми, онъ успѣлъ помѣстить пажомъ ко двору вдовствовавшей царицы Прасковьи Ѳеодоровны.

Мальчикъ былъ чрезвычайно красивый и способный; увидѣлъ его у царицы Петрѣ, обласкалъ его, далъ ему прозвище Красика и уговорилъ царицу отдать ему его, такъ какъ изъ него будетъ путь, а затѣмъ и помѣстилъ въ инженерную школу. Корнилія Богдановичъ дѣйствительно оправдалъ ожиданія великаго царя, превосходно учился и кончилъ курсъ, въ 1735 году находился при осадѣ и взятіи Данцига въ чинѣ поручика артиллеріи, въ 1738 году произведенъ въ капитаны, вслѣдъ затѣмъ и въ майоры и назначенъ начальникомъ артиллеріи въ Ригу. Тутъ изъ записной его книжки видно, что онъ близко сошелся съ комендантомъ города Риги, фонъ-Бисмаркомъ, предкомъ «железнаго канцлера», и тотъ крестилъ даже у него дочь. Въ этой должности получилъ Бороздинъ чинъ полковника и, обративъ на себя особенное вниманіе генераль-фельдцейхмейстера графа А. И. Шувалова, вызванъ былъ имъ въ Петербургъ и сдѣланъ ближайшимъ его сотрудникомъ по усовершенствованію русской артиллеріи. Въ 1757 году, въ чинѣ уже генераль-майора, назначили его начальникомъ артиллеріи въ дѣйствующую армію противъ Пруссіи.

Этотъ новый шагъ впередъ Корнилія Богдановича тѣмъ еще замѣчательнѣе, что онъ былъ первымъ русскимъ генераломъ въ нашей арміи, получившимъ такое назначеніе; до того же начальство надъ артиллеріею поручалось у насъ исключительно иностранцамъ. Въ кровопролитномъ сраженіи подъ Цорндорфомъ получилъ онъ три раны, а затѣмъ одну еще при Пальцигѣ; но это не помѣшало ему оставаться на полѣ сраженія до послѣдняго пушечнаго выстрѣла. 1-го января 1759 года, императрица пожаловала его въ генераль-поручики, а 1-го августа того же года, при пораженіи Фридриха Великаго подъ Кунерсдорфомъ, К. Б. Бороздинъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ побѣды. Имъ поставлены были на правомъ флангѣ нашей линіи батареи, убійственнымъ огнемъ своимъ разстроившія первую атаку прусской кавалеріи, прежде чѣмъ австрійскій полководецъ Лаудонъ ввелъ въ дѣло свой резервъ. Эти батареи сдѣлали безплоднымъ нападеніе лѣваго фланга прусскаго корпуса генерала Финка и обратили въ бѣгство кавалерію Фридриха, пытавшуюся произвести новую атаку. За такой блистательный подвигъ Бороздинъ былъ награжденъ 18-го августа 1759 года орденомъ св. Александра Невскаго. Тяжелыя раны пошатнули его здоровье, и императрица Елисавета Петровна позволила ему возвратиться въ Петербургъ, гдѣ онъ вскорѣ получилъ назначеніе помощникомъ генераль-фельдцейхмейстера, которымъ

былъ тогда генералъ Вильбуа. Занимая эту должность, Бороздинъ первый ввелъ у насъ употребленіе конной артиллеріи.

Выдающійся специалистъ по военному дѣлу и человѣкъ высокопросвѣщенный, Корнилій Богдановичъ особенное вниманіе обращалъ на воспитаніе и образованіе своихъ дѣтей, не жалѣя на то денегъ. При нихъ состояло нѣсколько гувернеровъ, нѣмцевъ и французовъ, для усвоенія ими этихъ языковъ, а за преподаваніемъ математическихъ наукъ онъ слѣдилъ самъ. Старшій сынъ его, Василій, десятилѣтнимъ мальчикомъ выдержалъ экзаменъ на прапорщика артиллеріи, тринадцати лѣтъ, въ чинѣ поручика, участвовалъ уже въ семилѣтней войнѣ и на шестнадцатомъ году, въ сраженіи при Кунерсдорфѣ, раненъ и пожалованъ въ капитаны.

Когда кончилась эта война, Василій Корниловичъ, восемнадцатилѣтній юноша, очень понравился наслѣднику, великому князю Петру Ѳеодоровичу, въ особенности тѣмъ, что бойко говорилъ по нѣмецки. Извѣстно, что Петръ III больше любилъ говорить на этомъ языкѣ, чѣмъ по-русски; приблизивъ къ себѣ Василю Корниловича, онъ сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ и сталъ возлагать на него разныя интимныя порученія.

Своею явно прусскою, а не русскою политикою, диктуемой ему Фридрихомъ Великимъ въ ущербъ нашимъ интересамъ, своимъ предосудительнымъ образомъ жизни и кощунственнымъ отношеніемъ къ русскимъ святынямъ, воцарившійся Петръ III не замедлилъ утратить всякую популярность; заговоръ противъ него все болѣе и болѣе назрѣвалъ въ средѣ, окружавшей Екатерину, а положеніе приближенныхъ его становилось чрезвычайно шекотливымъ, а среди нихъ находился и В. К. Бороздинъ. Красивый, смѣтливый, отважный, сынъ заслуженнаго и всеми уважаемаго генерала, онъ давно обращалъ на себя вниманіе приверженцевъ Екатерины, и они пытались не разъ увлечь его въ свои ряды, но безуспѣшно. Беззавѣтно преданный императору, не дерзавшій осуждать его поступковъ, онъ не только оставался глухъ ко всему ихъ уговорамъ, но давалъ имъ даже понять, что при надобности сумѣетъ съ ними управиться. Увидѣвъ тогда, что энергіи этого отважнаго и рѣшительнаго юноши нельзя не опасаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и щадя его, какъ прекраснаго офицера, Орловы черезъ Гудовича и Волкова подстроили такъ, что Петръ, ничего не подозревая, далъ Бороздину порученіе, удалившее его отъ двора на довольно продолжительное время: онъ посланъ былъ ко дворамъ польскому, австрійскому, голландскому, англійскому съ чрезвычайно важнымъ для его чина порученіемъ — оповѣстить ихъ о восшествіи на престолъ Петра III, и уѣхалъ, совершенно счастливый этой миссіей.

Въ день переворота 28-го іюня 1762 года, генералъ Вильбуа сказался больнымъ, и Корнилій Богдановичъ Бороздинъ, принявъ

главное начальство надъ всею артиллеріею, бывшею въ Петербургѣ, поспѣшилъ выйти съ нею на встрѣчу къ императрицѣ Екатеринѣ, на Петергофскую дорогу и тѣмъ много способствовалъ успѣху ея дѣла. Императрица милостиво отнеслась къ нему, и нѣтъ сомнѣнія, что сумѣла бы достойно его отблагодарить, но вернувшійся вскорѣ изъ-за границы сынъ его, Василій, все испортилъ.

Извѣстіе объ отреченіи и кончинѣ Петра III дошло до него въ Голландіи и страшно его поразило. Не теряя ни минуты времени, поспѣшилъ онъ въ Петербургъ и прискакавъ сюда въ состояніи чуть не полупомѣшаннаго, началъ громко порицать все случившееся въ его отсутствіи. Ударъ его честолюбію былъ черезчуръ жестокъ, съ кончиной императора всѣ мечты его о блестящей карьерѣ разлетѣлись въ прахъ, и пылкость характера толкнула его на опасный путь протеста совершившемуся перевороту. Невыносимѣ же всего было для него возвышеніе Орловыхъ, на которыхъ такъ еще недавно глядѣлъ онъ свысока, а теперь они платили ему еще большимъ высокомеріемъ и заграждали всякій доступъ къ императрицѣ. Онъ сознавалъ, что тутъ никакое примиреніе немислимо и ни за что не хотѣлъ смириться, сколько ни урезонивалъ его и ни сдерживалъ старикъ отецъ.

Въ это время случай свелъ его съ однимъ молодымъ французомъ, пріѣхавшимъ въ Россію искать счастья и носившимъ въ портфель своемъ грандіозный и химерическій проектъ устройства республики между Каспійскимъ моремъ и Индіею. То былъ Бернарденъ де-Сенъ-Шьеръ, прославившійся впоследствии, какъ одинъ изъ участниковъ революціи 1789 года и какъ авторъ извѣстнаго сентиментальнаго романа «Paul et Virginie». Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ найти, во что бы то ни стало, путь къ русской императрицѣ, чтобы представить ей свой проектъ. Узнавъ о прошломъ, полномъ крупныхъ случайностей, фельдмаршала Миниха, онъ пошелъ къ нему и рассказалъ свои планы. Восемидесятилѣтній Минихъ привѣтливо выслушалъ юнаго авантюриста, къ его проекту созданія Закаспійской республики отнесся шутя и предложилъ ему поступить на русскую службу инженернымъ поручикомъ. Сенъ-Шьеръ съ радостью ухватился за это предложеніе, черезъ нѣсколько дней щеголялъ уже въ этомъ очень красивомъ тогда мундирѣ, а тутъ-то и познакомился съ Василиемъ Корниловичемъ Бороздинымъ. Вскорѣ знакомство это обратилось, какъ часто водится среди молодежи, въ самую тѣсную дружбу.

Въ мемуарахъ своихъ, изданныхъ въ 1826 году Aimé Martin'омъ, подъ заглавіемъ «Mémoires sur la vie et les ouvrages de Bernardin de Saint-Pierre», автобіографъ съ особенною похвалою отзывается о В. К. Бороздинѣ, познакомившемъ его съ генераломъ Вильбуа, который и испросилъ высочайшее соизволеніе императрицы представить ей француза-утописта. Состоялось это представленіе въ

Москвѣ, вскорѣ послѣ коронаціи, на одномъ изъ выходовъ. Сень-Пьеръ опустился передъ императрицей на колѣни и сказалъ ей нѣсколько восторженныхъ словъ; государыня милостиво его выслушала и поощрила готовность служить ей, но проектъ его республики потерпѣлъ къ его прискорбію полное фіаско. Графъ Орловъ едва удостоилъ его вниманія и отнесся къ нему иронически и тѣмъ не менѣе очень любезно вручилъ Сень-Пьеру довольно крупную сумму въ качествѣ пособія небогату русскому офицеру.

Вскорѣ послѣ коронаціи Екатерины II, послѣдовало увольненіе отъ службы многихъ заслуженныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ находился и Вильбуа, что было новымъ огорченіемъ Бороздину.

Въ это время скончался Августъ III, король польскій, и его выборный престоль сдѣлался цѣлью интригъ и домогательствъ многихъ честолюбцевъ. Россія и Пруссія воспользовались этимъ случаемъ, чтобы дать Польшѣ короля, вполне имъ покорнаго, и Екатерина задумала возвести на престоль польскій Станислава Понятовскаго. Съ тревогою смотрѣла на это политическое соглашеніе Франція, предвидя въ немъ тогда уже одно расширеніе предѣловъ Россіи и Пруссіи будущимъ дѣлежомъ Польши; но сама, ослабленная долговременной войною, не рѣшилась открыто высказаться.

Сень-Пьеръ и Бороздинъ, эти два друга, два Аякса, со свойственнымъ имъ легкомысліемъ увлеклись мечтою отстоять независимость Польши. Высшія вліянія, враждебныя Орловымъ, поддерживали въ нихъ эти стремленія, и они рѣшили явиться въ Польшу не простыми авантюристами, а уполномоченными отъ французскаго правительства, и, предложивъ свои услуги для борьбы за свободу, организовать возстаніе. Французскій посланникъ поощрялъ ихъ къ тому и надавалъ имъ множество обѣщаній. Между тѣмъ Вильбуа, зная, что ожесточеніе молодыхъ людей, вовлекшее ихъ за предѣлы благоразумія, вызвано было, между прочимъ, немилостью къ Бороздину государыни, успокаивалъ и убѣждалъ его воздержаться отъ всѣхъ опасныхъ затѣй и смириться, но тотъ и слышать не хотѣлъ и накликалъ наконецъ на себя всѣ бѣды, скоро на него обрушившіяся.

Однажды, молодые друзья были на придворномъ балѣ. Разговаривая между собою о предстоявшей поѣздкѣ въ Польшу, они увидѣли Орлова, входившаго въ залу съ цѣлою свитою военныхъ, одѣтаго въ мундиръ фельдцейхмейстера, которымъ только что сдѣлала его императрица. «При видѣ фаворита,—разсказываетъ Сень-Пьеръ въ своихъ запискахъ,—ради котораго Вильбуа былъ лишенъ своей должности, а помощникъ его, заслуженный генералъ, отецъ Бороздина, обойденъ повышеніемъ, Василій Корниловичъ не могъ сдержатъ своего гнѣва и, указывая презрительнымъ движеніемъ руки на Орлова, громко сказалъ: «въ былое время высшія долж-

ности давались за долгую службу и славныя дѣла, а нынче много ли для этого нужно?»... Пораженный этимъ безумнымъ поступкомъ друга, Сень-Пьеръ силой увлекъ его изъ залы; но едва вышли они на улицу, какъ были арестованы и разлучены»¹⁾).

Такъ рассказываетъ Сень-Пьеръ про бѣду, случившуюся съ В. К. Бороздинымъ, между тѣмъ изъ другихъ фамильныхъ нашихъ источниковъ намъ извѣстно, что одновременно съ исторіею на придворномъ балѣ обнаружилось участіе Бороздина и въ заговорѣ противъ Екатерины, который возникъ среди молодежи, недовольной Екатериною и Орловыми, и задуманъ былъ въ Москвѣ. Если это преданіе достоверно, то имъ вполне объясняется строгость наказанія, первоначально назначеннаго Бороздину. Сень-Пьеръ отдѣлался высылкою за границу съ воспрещеніемъ возвращаться въ Россію, а Бороздинъ былъ преданъ полевому суду и приговоренъ имъ къ лишенію живота; но государыня во вниманіе къ заслугамъ отца даровала ему жизнь, замѣнивъ смертную казнь жалованіемъ изъ капитановъ артиллеріи въ прапорщики Кизлярскаго баталіона. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о его пребываніи въ Кизлярѣ и можемъ только пожалѣть, что онъ оставался тутъ весьма недолго; приложи онъ на этой службѣ свои знанія военныхъ наукъ, съ личною его храбростію онъ вскорѣ могъ бы возстановить свою разбитую карьеру, но онъ усиленно просился отсюда...

Происшествіе это такъ потрясло силы и здоровье старика К. Б. Бороздина, что онъ просилъ о своемъ увольненіи отъ службы. Императрица пожаловала его чиномъ генералъ-аншефа съ большимъ пенсіономъ и отпустила на покой въ родовое его имѣніе, Лодино, а два года спустя вернула и сына изъ ссылки, повелѣвъ ему безотлучно состоять при отцѣ и безвыѣздно находиться въ имѣніи. Очувшись, хотя и въ домашней, но вѣчной ссылкѣ, Василій Корниловичъ еще кое-какъ тянулъ ее при жизни отца, но когда въ 1773 году его не стало, и онъ сдѣлался одинокимъ и подневольнымъ обитателемъ Лодина,—сталъ сильно хандрить. Разбитое честолюбіе не давало ему покоя; громко порицалъ онъ правительство, что-то постоянно замышлялъ, много читалъ и писалъ и все написанное сжигалъ, говорили даже, что ударился въ масонство. Построилъ онъ въ Лодинѣ новый, каменный, большой домъ (только недавно сгорѣвшій), представлявшій собою что-то въ родѣ крѣпости. Онъ стоялъ на холмѣ, съ одной стороны доступъ къ нему заграждался довольно большимъ озеромъ, а съ другой—лѣсомъ. Чтобы еще болѣе обезпечить себѣ возможность укрыться отъ внезапнаго нападенія, котораго онъ почему-то ожидалъ, Василій Корниловичъ

¹⁾ О пребываніи Сень-Пьера въ Россіи была напечатана обширная статья Д. Ф. Кобеко въ «Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія», 1883 года.

обставилъ домъ пушками, трофеями отца отъ семилѣтней войны, устроилъ внутри дома множество потайныхъ ходовъ и дверей и особый подземный тайникъ, выходившій на озеро. Отстроивъ такую затѣйливую хранину, онъ женился на сосѣдкѣ, дочери помѣщика Лихарева, которую, какъ говорили, изводилъ своими чудачествами. У него было пятеро сыновей, изъ которыхъ только одинъ — старшій, Корнилій, выжилъ, а остальные умерли въ дѣтствѣ.

Императоръ Павелъ, по воцареніи своемъ, вызвалъ тотчасъ же сидѣвшаго болѣе тридцати лѣтъ въ Лодинѣ Бороздина, обласкалъ его, какъ вѣрнаго слугу своего несчастнаго отца, произвелъ въ полковники и по просьбѣ его въ 1798 году опредѣлили въ составъ войскъ Суворова, дѣлавшихъ швейцарскій походъ. Не молодые уже годы (ему было за 50 лѣтъ) и пережитая ссылка не помѣшали Василю Корниловичу снова проявить въ этихъ походахъ прежнюю пылкость и выдающуюся личную храбрость; но надо полагать, что военный талантъ въ немъ заглохъ, иначе бы Суворовъ его замѣтилъ и выдвинулъ впередъ, чего не случилось, и, уволенный въ 1799 году съ чиномъ генераль-майора, вернулся въ Петербургъ, гдѣ и жилъ до своей кончины въ 1805 году, преданный при новомъ царствованіи полному забвенію.

Какъ бы то ни было, но въ судьбѣ этого нашего родича заключалось немало трагизма. Начавъ свою службу при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, онъ наткнулся на препятствія, поборотъ которыя былъ безсиленъ, а между тѣмъ итти на какіе либо компромиссы не позволяли ему честь, присяга и личная преданность императору. Пылкость характера увлекла его за черту благоразумія, и жизнь разбилась многолѣтнею томительною ссылкой и подневольнымъ бездѣйствіемъ. Но нельзя все-таки не обратить вниманія на черту, чрезвычайно характерную, обрисовывающую и духъ словія, къ которому онъ принадлежалъ, черту, проявленную имъ подъ конецъ своей жизни. Воцарившійся Павелъ вызываетъ его въ Петербургъ, почти уже старика, осыпаетъ своими милостями, ласкаетъ, а ему и въ голову не приходитъ искать какой нибудь синекуры, и онъ спѣшитъ стать въ ряды дѣйствующей арміи, чтобы хотя послѣдніе годы свои отдать службѣ царской.

Кромѣ Василя, у Корниля Богдановича было еще четверо сыновей, которыхъ онъ съ особеннымъ усердіемъ готовилъ къ службѣ, чтобы загладить поступокъ ихъ старшаго брата и показать себя достойнымъ тѣхъ милостей, которыхъ удостоила его императрица при его отставкѣ. Онъ далъ своимъ сыновьямъ прекрасное образование, довелъ ихъ до офицерскихъ чиновъ и требовалъ отъ нихъ строжайшаго выполненія обязанностей строевого устава. Но пока Орловы были въ силѣ, положеніе меньшихъ братьевъ Василя Корниловича не переставало быть ложнымъ, тѣмъ болѣе еще, что они служили отлично, а прислуживаться не умѣли.

Изъ этой семьи я остановлюсь еще на одномъ братѣ, Григоріи Корниловичѣ. Послѣ кончины отца онъ вышелъ изъ строя, причислился къ государственной военной коллегіи и, не состоя болѣе у дѣлъ, съ званіемъ кригсъ-цалмейстера, поселился въ унаслѣдованномъ имъ отъ отца имѣніи въ Новоржевскомъ уѣздѣ, рѣшившись заняться своимъ хозяйствомъ. Сблизиться съ Бороздиными-Саввичами (о которыхъ я скажу подробно дальше) было само собою для него естественнымъ, но его еще болѣе сблизилъ съ ними общій интересъ ихъ хозяйства. Григорій Корниловичъ, совѣмъ еще молодой человѣкъ, нашелъ въ нихъ прекрасныхъ себѣ учителей, прошелъ ихъ науку, повелъ прекрасно дѣла у себя въ имѣніи и особенное вниманіе свое обратилъ на производство льна и пеньки.

Какъ въ настоящее время, такъ и сто лѣтъ тому назадъ, сбытъ этихъ продуктовъ въ Псковской губерніи стоялъ въ прямой зависимости отъ произвола заграничныхъ комиссіонеровъ-скупщиковъ. Цѣны устанавливаются ими, и мѣстные производители никакъ не могутъ избавиться отъ ихъ гнета. Григорій Корниловичъ остановился надъ этимъ жгучимъ вопросомъ, изучилъ его, насколько могъ, и, какъ человѣкъ просвѣщенный и даровитый, надумался образовать въ мѣстной дворянской средѣ торговую компанію, которая завела бы и установила, въ интересахъ цѣлаго края, непосредственныя сношенія съ большими заграничными фирмами. Мысли эти нашли полное сочувствіе въ Михаилѣ Саввичѣ и его братьяхъ; для ближайшаго изслѣдованія задуманнаго дѣла былъ посланъ за границу Николай Саввичъ, неоднократно ѣздившій туда, какъ чиновникъ иностранной коллегіи; изысканія его дали хорошія надежды на успѣхъ дѣла, и тогда, не прибѣгая ни къ какимъ займамъ, Бороздины составили между собою компанію, сложились наличными своими капиталами, завели свои корабли, стали нагружать ихъ въ Либавѣ, Ревелѣ и Ригѣ льномъ и пенькой и отправлять этотъ грузъ въ Гамбургъ, Любекъ, Амстердамъ, Брестъ, Гавръ и другіе портовые города, въ которыхъ установлены были предварительно сношенія съ крупными фирмами, безъ посредства комиссіонеровъ.

Что дѣло пошло удачно, видно изъ замѣтокъ самого Григорія Корниловича, который говоритъ въ нихъ, что съ берковца пеньки, доставленнаго въ Брестъ, за всѣми расходами, компанія получила въ первый же годъ чистой прибыли 9 р. 18¹/₂ коп. Подробныхъ свѣдѣній о ходѣ дѣлъ компаніи мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ; были у нея, конечно, и бухгалтерія и отчетность, но все это утрачено. Мы можемъ предполагать, что иногда дѣла компаніи требовали поѣздокъ самихъ ея членовъ за границу. Объ одной такой поѣздкѣ мы имѣемъ очень обстоятельное извѣстіе въ перешедшей ко мнѣ отъ моего покойнаго отца большой рукописи: «Журналъ

вояжа г. кригсъ-цалмейстера Григорія Корниловича Бороздина, 1782 года». Этотъ дневникъ, чрезвычайно интересный по всестороннему описанію странъ, посѣщенныхъ Бороздинымъ, я имѣю въ виду напечатать отдѣльно, теперь же ограничусь лишь общою характеристикою заключающагося въ немъ матеріала.

«Журналъ» свой писалъ онъ не для того, чтобы онъ увидѣлъ когда нибудь свѣтъ, а единственно, по собственному его выраженію, для своего удовольствія. Тѣмъ-то онъ особенно и интересенъ, такъ какъ писался съ большою искренностію и безъ всякой тенденціозной рисовки. Наблюдательность автора, доходящая иногда и до мелочности, идетъ въ немъ рядомъ съ трезвымъ критическимъ отношеніемъ ко всему имъ впервые видѣнному. Ничего особенно выдававшагося онъ не просмотрѣлъ. Такъ, напримѣръ, въ Пруссіи отмѣчаетъ онъ польскія провинціи, къ ней отошедшія, какъ наилучшія по качеству почвы и по зажиточности населенія, и рядомъ лежація съ Помераніею и Бранденбургомъ, странами, обиженными природою. Указываетъ онъ на угнетательный режимъ Фридриха Великаго по отношенію къ этимъ вновь присоединеннымъ провинціямъ такъ же, какъ къ Данцигу. Король въ эту мирную полосу, слѣдовавшую за тяжелой для его памяти Семилѣтней войной, спѣшилъ, такъ сказать, укладывать первые кирпичи фундамента своему королевству и ни передъ чѣмъ не останавливался. На первомъ планѣ стоялъ у него милитаризмъ, а затѣмъ наложеніе своей руки на всѣ источники государственныхъ доходовъ, въ жертву которымъ шли всѣ общественные и частные интересы. Если не откупъ, то акцизъ со всего наполнили кассу королевскую. Все это рельефно выставлено въ «Журналѣ вояжа».

Затѣмъ идетъ рядъ мелкихъ владѣтелей нѣмецкихъ, послѣ Вестфальскаго мира наполнявшихъ собою въ такомъ громадномъ количествѣ Германію и представлявшихъ собою карикатурныхъ подражателей то Людовику XIV, то Фридриху Великому. У каждаго изъ нихъ непремѣнно былъ свой Версаль, своя фаворитка и миниатюрное войско, обученное по-прусски. Авторъ журнала ни мало ими не восхищается и представляетъ такими, какъ они были въ дѣйствительности.

Во Франціи, само собою разумѣется, Парижъ поглощаетъ все вниманіе путешественника, и онъ посвящаетъ ему немало страницъ. Общая характеристика парижской жизни у Бороздина наминаетъ отзывъ о ней Фонвизина (при чемъ, конечно, никакой зависимости быть не можетъ между двумя описаніями). И тотъ и другой отмѣчаютъ, какъ главныя притягательныя особенности Парижа, его спектакли и его кокетокъ. «Нація сія весьма любитъ, говоритъ Бороздинъ, упражнена быть всякаго рода веселостями, и можно сказать, что спектакли и дѣвки составляютъ чародѣйство сего города, потому что и самага скупѣйшаго принудятъ тратиться.

Въ дополненіе къ собраніямъ есть бульваръ, по которому всякій четвергъ прогуливаются въ каретахъ всѣ лучшіе люди, а особливо и богатыя дѣвки и элегантностью гораздо превосходятъ благородныхъ дамъ. Вообще дѣвки такой верхъ взяли здѣсь надъ благородными женщинами, что этого я нигдѣ не видалъ. Изъ сего довольно можно видѣть, сколько роскошь здѣсь должна быть велика». Это могущество кокоетки сдѣлало ее историческимъ лицомъ, 7 лѣтъ спустя: извѣстное шествіе кокоетокъ изъ Парижа въ Версаль за королемъ и королевой рѣшило судьбу монархіи. Въ исторіи революціи очень важна роль театральнаго партера, и его значеніе очень хорошо понялъ Г. К. Бороздинъ. «Здѣсь,—говоритъ онъ,—партеръ всеиленъ и хотя наполненъ парикмахерами, мастеровыми и всякаго рода людьми низшаго класса, но онъ устанавливаетъ цѣну пьесы и апробуетъ игру актера. Я видѣлъ, что за малѣйшую ошибку актера просвистали, равно и пьесу, называемую «Les amants espagnoles» и трагедію «Rue française». Однимъ словомъ партеръ столь воленъ здѣсь, что сидящіе въ ложахъ—одни зрители, а онъ—судья и взыскательнѣйшій и настрояннѣйшій, даже въ присутствіи королевскомъ аплодируетъ, и вышесказанную комедію при немъ освистали».

Подробное описаніе разныхъ частей Парижа сто лѣтъ тому назадъ тоже не лишено интереса историческаго. Масса зданій, учрежденій, дворцовъ и даже улицъ, о которыхъ говорится въ журналѣ, теперь уже не существуетъ, благодаря нѣсколькимъ революціямъ, снесшимъ ихъ съ лица земли.

Обращаетъ на себя вниманіе болѣе чѣмъ равнодушное отношеніе автора къ Версалью и роскоши, тамъ существовавшей; они произвели на него прямо отрицательное впечатлѣніе, выразившееся въ слѣдующей замѣткѣ: «Черезъ нѣсколько дней ѣздили мы въ Версаль и осматривали все генерально: покои короля, королевы, убранные не безъ вкуса, галерею, увѣшанную картинами и установленную мраморными статуями, паркъ, садъ, менажерію, словомъ все видѣли, но ничему не удивлялись, потому что я долженъ сказать, что король имѣетъ превеликіе доходы, но его народъ притѣсненъ, и бѣдный французскій мужикъ ничего не имѣетъ». Бѣдность и пригнетенность народа особенно поразили автора, когда онъ ѣхалъ по Бретани. «Долженъ сказать о сей провинціи,—записываетъ онъ,—что она одна изъ бѣднѣйшихъ во Франціи и не населена. Народъ какой-то дикій и на французовъ совсѣмъ не похожъ, и вдобавокъ сіе происходитъ отъ того, что всѣхъ безъ пощады король беретъ тутъ въ матросы».

Приведенныя выдержки даютъ только приблизительную характеристику «Журнала», содержаніе котораго чрезвычайно разнообразно и представляетъ особенно много матеріала для изученія нѣкоторыхъ экономическихъ вопросовъ.

Прежде чѣмъ обратиться къ вѣтви Бороздиныхъ-Саввичей, скажу нѣсколько словъ еще объ одномъ представителѣ вѣтви Корниловичей — Константинѣ Матвѣевичѣ, внукѣ Корнеліа Богдановича. Получивъ прекрасное домашнее воспитаніе и записанный при рожденіи въ 1781 году въ Преображенскій полкъ, Константинъ Матвѣевичъ, однако, не обнаружилъ склонности къ военной службѣ и въ 1796 году назначенъ къ статскимъ дѣламъ, въ канцелярію генераль-прокурора, а черезъ нѣсколько лѣтъ получилъ должность директора въ государственномъ ассигнаціонномъ банкѣ. Но одна служба не могла удовлетворить Константина Матвѣевича, и онъ отдаетъ свои досуги наукѣ. Литературная его дѣятельность началась въ 1805 году изданіемъ «Начертанія жизни князя Якова Ѳедоровича Долгорукова». Въ 1809 году въ высочайшемъ рескриптѣ П. С. Валуеву сказано: «Статскимъ совѣтникомъ Бороздинымъ изъявлено желаніе путешествовать по Россіи въ томъ предположеніи, чтобы открывать различныя достопамятности, кои могли бы служить къ наполненію и украшенію Мастерской и Ружейной палаты; находя соотвѣтствующимъ той цѣли и попеченіямъ, съ коими сіе хранилище достопамятностей російскихъ учреждается, повелѣваю, согласно представленію вашему и въ изъясненіе благоволенія моего къ сему полезному подвигу, статскаго совѣтника Бороздина помѣстить въ число почетныхъ членовъ Мастерской и Ружейной палаты». Путешествіе, о которомъ говорится въ рескриптѣ, Бороздинъ совершилъ въ сопровожденіи прикомандированныхъ къ нему А. И. Ермолова и художника Иванова, въ 1809—1810 г.г., при чемъ, начавъ съ сѣверной Россіи (Старой Ладого, Бѣлозерска, Тихвина, Вологды), посѣтилъ затѣмъ Кіевъ, Черниговъ, Курскъ. Матеріалы, собранныя во время этого путешествія, составили четыре огромныхъ альбома великолѣпныхъ акварелей, хранящихся въ Императорской Публичной библиотекѣ. Кромѣ того, Бороздинъ привезъ нѣсколько рукописныхъ сборниковъ и древнихъ актовъ; между прочимъ имъ найденъ знаменитый синодикъ царя Іоанна Грознаго.

Въ 1812 году, Бороздину пришлось на время оставить свои научныя занятія, такъ какъ исковское дворянство выбрало его въ начальники Новоржевскаго ополченія. По занятіи герцогства Варшавскаго, онъ былъ назначенъ радомскимъ областнымъ начальникомъ и на нѣсколько лѣтъ удаляется въ Польшу, гдѣ состоитъ при Новосильцовѣ. Затѣмъ онъ причисляется къ герольдіи (а не къ гвардіи, какъ сказано въ «Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона»), и здѣсь особенно много собираетъ матеріала для своихъ будущихъ генеалогическихъ трудовъ. Съ 1826 по 1832 годъ онъ состоялъ попечителемъ С.-Петербургскаго университета и учебнаго округа, а затѣмъ былъ назначенъ сенаторомъ.

Въ тридцатыхъ годахъ Константинъ Матвѣевичъ принималъ дѣятельное участіе въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Плюшара,

а въ сороковыхъ онъ издаетъ цѣлый рядъ «историческихъ родословій» разныхъ нашихъ дворянскихъ фамилій: Ефимовскихъ, Скавронскихъ, Матюшкиныхъ, Дивовыхъ, Апраксиныхъ и др. Кромѣ генеалогіи, К. М. занимался и другими отраслями русской исторіи и находился въ перепискѣ со многими выдающимися учеными современниками, митрополитомъ Евгеніемъ, Оленинымъ, Лербергомъ и др. Его замѣчательная бібліотека поступила въ Румянцевскій музей.

О личности К. М. Бороздина мы находимъ очень интересныя свѣдѣнія въ «Дневникѣ А. В. Никитенка», оцѣнка же его научныхъ трудовъ сдѣлана была лишь отчасти Полѣновымъ въ «Трудахъ I-го археологическаго съѣзда».

II.

Сдѣлавъ очеркъ семьи Корниловичей, скажемъ теперь о Саввицахъ. Ихъ было четыре брата: Михаилъ — отставной генералъ-поручикъ, Петръ и Николай — статскіе совѣтники, числившіеся при иностранной коллегіи, и Ѳедоръ — недоросль изъ дворянъ и великій неудачникъ. Оставшись совсѣмъ еще малолѣтнимъ послѣ кончины отца, Саввы Ульяновича, сдѣлался онъ балованнымъ сыномъ матушки своей, Ѳедосьи Ивановны, отчего и пошло все его несчастіе. Почти безграмотный и вздорный, сдѣлавшись совершеннолѣтнимъ и владѣльцемъ прекраснаго имѣнія, онъ началъ съ того, что вошелъ въ безконечныя пререканія и ссоры съ тою же матушкою, имѣніе свое прожилъ самымъ нелѣпымъ образомъ, весь вѣкъ потомъ мыкался приживальщикомъ въ домахъ своихъ братьевъ, всѣхъ ихъ пережилъ, дожилъ до 93-хъ лѣтъ и скончался въ началѣ тридцатыхъ годовъ, въ опочецкомъ имѣніи отца моего, селѣ Нестюгинѣ. Я его помню совершенно отчетливо, такъ какъ пяти — шестилѣтнимъ мальчикомъ нянюшка водила меня каждое утро цѣловать ручку у дѣдушки. Высокаго роста, сохранившій всѣ волосы, чисто выбритый, благообразный старикъ, большею частью лежалъ онъ въ халатѣ на постели и, давая мнѣ съ улыбкой цѣловать свою руку, непремѣнно старался позабавить меня своею серебряною табакеркою, которую очень ловко какъ-то открывалъ и закрывалъ. Въ комнатѣ у него постоянно сидѣла его кормилица, Катерина; ей насчитывали 115 лѣтъ, и она дѣдушку называла не иначе, какъ Ѳеденькой. Матушка моя рассказывала мнѣ впослѣдствіи, что эти два образчика долголѣтія, окончательно обратившіеся въ дѣтство, часто ссорились до слезъ изъ-за самыхъ пустяковъ, а между тѣмъ разставаться не могли ни на минуту. Кормилица пережила дѣда нѣсколькими днями, и кончина обоихъ была внезапная: жизнь отлетѣла безъ малѣйшей агоніи.

Позволивъ себѣ это отступленіе ради воспоминанія о единственномъ изъ дѣдовъ, который дожилъ и до меня, вернусь къ старшимъ его братьямъ.

Кратковременное царствованіе Петра III-го оставило по себѣ глубокой слѣдъ указомъ 1762 года о вольности дворянства.

Послѣ этого указа дворяне немедленно широко воспользовались предоставленною имъ свободою. «Всѣ дороги изъ Петербурга и Москвы, — говоритъ Болотовъ, — покрылись дворянами, которые оставили службу и сѣли по своимъ домамъ, и такимъ образомъ явились въ провинціи, по всѣмъ угламъ Россіи, люди не старые, какими бывало прѣзжали дворяне въ деревни прежде, люди еще живые, насмотрѣвшіеся петербургской жизни, привыкшіе къ ней» ¹⁾. Къ подобной категоріи псковскихъ дворянъ принадлежало немалое число ихъ изъ фамиліи Бороздиныхъ, среди которыхъ болѣе другихъ выдавались, какъ своимъ образованіемъ, такъ и состоятельностью дѣти Саввы Ульяновича.

Старшій сынъ его, Михаилъ Саввичъ, дѣлавшій походы подъ начальствомъ Миниха и Румянцева, дослужившійся до генеральскаго чина и послѣ кончины отца, еще въ Елисаветинское царствованіе вышедшій въ отставку генераль-поручикомъ, оставилъ службу вслѣдствіе необходимости присмотра за обширнымъ, унаслѣдованнымъ имъ нераздѣльно съ братьями, имѣніемъ. Петръ и Николай Саввичи находились тогда на службѣ, а меньшей, Ѳедоръ, жилъ при матушкѣ. Михаилъ Саввичъ, женившійся на Надеждѣ Андреевнѣ Крекшиной, сестрѣ извѣстнаго любителя исторіи, и взявшій за нею хорошее состояніе, поселился въ одномъ изъ ея имѣній, селѣ Костыжицахъ, расположенномъ на живописномъ берегу рѣки Шелони. Тутъ выстроилъ онъ себѣ большой барскій домъ, уцѣлѣвшій понынѣ и находящійся во владѣніи его правнука, Николая Александровича.

Долгу на имѣніи, оставшемся отъ Саввы Ульяновича, не оказалось ни копейки, а напротивъ того наличныхъ денегъ нашлось около ста тысячъ, что составляло по тѣмъ временамъ весьма значительный капиталъ, при которомъ Михаилъ Саввичъ получилъ возможность дать широкіе размѣры своему хозяйству. Псковская губернія, какъ извѣстно, не хлѣбородна, хозяйство въ ней держится на производствѣ льна и пеньки, а къ этимъ статьямъ Михаилъ Саввичъ прибавилъ большой винокуренный заводъ, бардой отъ него сталъ въ значительномъ количествѣ выкармливать на продажу скотъ, дававшій ему, кромѣ того, удобреніе для полей и коноплянниковъ. Такъ разумно поставленное дѣло повелъ онъ съ большою энергіей и, получая хорошій доходъ, съ годами сдѣлался, при своемъ гостепрѣимствѣ, авторитетомъ не только среди своихъ родичей, но и среди всего псковскаго дворянства.

¹⁾ Чечулинъ. Русское провинціальное общество въ концѣ XVIII вѣка, стр. 57.

Вслѣдъ за указомъ 1762 г. оставили службу и братья Петръ и Николай и, причислившись къ иностранной коллегіи, поселились тоже въ деревняхъ. Полюбовный раздѣлъ имѣній далъ на долю cadaго по 1.500 душъ крестьянъ; такова, по крайней мѣрѣ, какъ мнѣ положительно извѣстно, была часть, доставшаяся дѣду моему, Петру Саввичу. Пріѣхавшіе и вновь водворившіеся братья обстроились: Петръ—въ селѣ Нестюгинѣ, Николай—въ селѣ Гришинѣ, и, руководствуясь во всемъ указаніями, наставленіями и примѣромъ старшаго брата, усердно тоже занялись своимъ хозяйствомъ.

При тогдашнемъ патріархальномъ и строго всѣми охраняемомъ отношеніи младшихъ къ старшимъ въ семействѣ, при тѣсной родовой и кровной, дворянской связи, нечего и говорить о томъ, что Саввичи и Корниловичи составляли одно цѣлое и, живя дружно между собою, безусловно слушались во всемъ старѣйшаго изъ среды своей. До кончины своей таковымъ былъ между ними владѣлецъ Лодина, Корнилій Богдановичъ, а послѣ него мѣсто его занялъ Михаилъ Саввичъ. Изъ ранняго своего дѣтства я сохранилъ еще свѣжее воспоминаніе о тонѣ и характерѣ этихъ отношеній младшихъ къ старшимъ по тому, какъ къ отцу моему относились его младшіе, и какъ онъ относился къ старшимъ. Старшій говорилъ младшимъ «ты», а младшіе ему «вы» и никогда не садились передъ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ самъ ихъ къ тому не приглашалъ. Совсѣмъ молодыхъ считалось ни съ чѣмъ несообразнымъ сейчасъ сажать, да еще на переднее мѣсто: «молодь—еще постоитъ», говорилось, а сажались они «у притолоки». Крайнею же неблаговоспитанностью считалось, когда «молокосось» позволялъ себѣ пускаться въ разсужденія не по лѣтамъ и «фанфаронить». Но въ тонѣ старшихъ не проявлялось ни малѣйшей рѣзкости, она была имъ ненужна, такъ какъ въ глазахъ всѣхъ они читали къ себѣ одну лишь почтительность, а потому улыбка при разговорѣ съ младшими не сходила съ ихъ лица. Все это нисколько не стѣсняло людей зрѣлаго уже возраста высказывать свои мнѣнія, возражать старшимъ, оспаривать ихъ сужденія, не иначе однакожъ, какъ съ соблюденіемъ строгой вѣжливости. Теперь, при исчезновеніи родовыхъ дворянскихъ началъ и упадкѣ даже семейныхъ, все это считалось бы крайнею натянутостью, а тогда никому и въ голову не приходило держать себя иначе.

При усадьбѣ cadaго зажиточнаго помѣщика непремѣнно была церковь, и онъ строго соблюдалъ со своими домочадцами всѣ ея службы и уставы, а въ церквахъ у Бороздиныхъ обязательнымъ считалось имѣть, если не придѣлъ, то, по крайней мѣрѣ, икону св. Саввы Вишерскаго, и каждый изъ нихъ, даже и самый бѣдный, почиталъ своимъ священнымъ завѣтомъ посылать лепту на украшеніе раки преподобнаго угодника и его монастыря. Въ самомъ же монастырѣ игумень и братія всѣхъ Бороздиныхъ знали и прини-

мали съ особеннымъ почетомъ. Поддерживали они монастырь не изъ какого либо тщеславія, а изъ глубокой религіозности и сознанія обязанности своей охранять святыню, объединяющую старинный служилый ихъ родъ.

Помимо родовыхъ связей, какъ я уже выше сказалъ, между Корниловичами и Саввичами были отношенія и хозяйственныя, приведшія къ поѣздкѣ, описанной Григоріемъ Корниловичемъ. Но тотъ же «Журналъ вояжа» показываетъ, что у Михаила Саввича, кромѣ дѣлъ компаніи, была еще и другая цѣль поѣздки въ чужіе края—помѣщеніе дѣтей своихъ въ одно изъ лучшихъ тогдашнихъ учебныхъ заведеній, академію герцога Виртембергскаго, черезъ которую прошло немало русскихъ людей лучшихъ фамилій, игравшихъ впослѣдствіи видную роль въ исторіи нашей. Михаилъ Саввичъ, нѣсколько лѣтъ спустя, какъ намъ извѣстно изъ нашей фамиліи хроникѣ, помѣстилъ туда же и третьяго сына своего, Николая, и всѣ они были впослѣдствіи людьми незаурядными. Старшій изъ нихъ, Михаилъ Михайловичъ, въ первомъ бракѣ женатый на графинѣ де-Грамонъ, былъ уже при Павлѣ I въ генеральскомъ чинѣ однимъ изъ сподвижниковъ Суворова въ итальянскую кампанію. Это былъ замѣчательно образованный человѣкъ, даже ученый, достигшій степени доктора медицины въ Гейдельбергскомъ университетѣ; но и онъ и братъ его, Андрей Михайловичъ, тоже прекрасно образованный человѣкъ (съ молодыхъ лѣтъ промѣнявшій военную службу на гражданскую и впослѣдствіи дослужившійся до сенатора), не выдвинулись бы впередъ, если бы не карьера меньшого ихъ брата, Николая Михайловича.

Красавецъ собою, прекрасно воспитанный, владѣвшій замѣчательнымъ голосомъ и музыкальнымъ талантомъ, Николай Михайловичъ былъ однимъ изъ блестящихъ офицеровъ конной гвардіи въ царствованіе Павла I; не обходилось ни одного бала при дворѣ, а также и въ высшемъ свѣтѣ Петербурга, гдѣ бы онъ не былъ замѣтенъ. Женщинамъ онъ кружилъ головы. На одномъ изъ такихъ придворныхъ баловъ, когда шелъ модный въ то время танецъ манизка, состоявшій изъ величественныхъ и граціозныхъ движеній и поклоновъ кавалера съ дамой, танцовавшая княгиня Гагарина, урожденная Лопухина, находившаяся въ фаворѣ у императора, уронила свой вѣеръ. Бороздинъ, стоявшій недалеко отъ нея, съ быстротою ловкаго кавалера поднялъ его и съ глубокимъ поклономъ передалъ владѣлицѣ, которая отвѣчала на это граціознымъ реверансомъ. Въ этотъ самый моментъ императоръ подошелъ къ двери зала, въ которомъ танцовали; не зная, въ чемъ дѣло, онъ замѣтилъ только поклонъ, реверансъ и пріятную улыбку княгини Гагариной. Порывъ необузданной ревности мгновенно рѣшилъ участь красавца конногвардейца. За нѣсколькими словами, сказанными императоромъ кому-то изъ приближенныхъ, послѣдовалъ вызовъ

Бороздина изъ танцевальной залы; его прямо изъ дворца отвезли въ казематъ Петропавловской крѣпости. Эта исторія на другой же день сдѣлалась извѣстна всему городу; время было такое, что говорить объ этомъ громко не приходилось, и несчастный юноша обреченъ былъ на томленіе въ казематѣ. Матушка его, урожденная Крекшина, жившая въ Петербургѣ, поѣхала наконецъ къ княгинѣ Гагариной, прося ее заступиться за ни въ чемъ невиннаго молодого человѣка. Та сама была поражена этимъ происшествіемъ, но, зная характеръ императора, болѣе всего боялась несвоевременной просьбой еще хуже повредить. Надо было искать и ждать благоприятной минуты. Княгиня Гагарина плакала вмѣстѣ съ матерью и дала ей слово, что она непременно найдетъ эту минуту и скажетъ императору. Ждать однакоже пришлось нѣсколько недѣль, и наконецъ фаворитка рассказала императору о дѣлѣ въ истинномъ его свѣтѣ и напомнила о невинномъ страдальцѣ. Современники Павла говорили про него, что онъ нерѣдко приходилъ въ сознаніе своихъ ошибокъ, и раскаяніе его сопровождалось самыми сильными движеніями души. Гнѣвъ смѣнялся милостію, и какъ тотъ, такъ и другая не находили предѣловъ. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Какъ только убѣдился онъ въ невинности Бороздина, то за нимъ немедленно былъ посланъ флигель-адъютантъ, и черезъ нѣсколько времени въ кабинетъ императора былъ введенъ молодой конногвардейскій офицеръ въ бальномъ костюмѣ, сильно помятомъ. Онъ содержался въ одиночномъ заключеніи, къ нему не пускали никого изъ родныхъ, даже матери, для свиданій, и платье на немъ не мѣнялось съ того момента, какъ послѣдовалъ арестъ. Нечего говорить о томъ, насколько онъ исхудалъ и измѣнился. Видъ его еще болѣе тронулъ государя, и тотъ встрѣтилъ его словами:

— Низко тебѣ кланяюсь и прошу у тебя прощенія. Проси у меня все, что ты хочешь.

Эти слова и тонъ непритворной скорби до того поразили молодого человѣка, что въ отвѣтъ онъ могъ только зарыдать. Императоръ его обнялъ и прибавилъ:

— Ну, ступай, ступай поскорѣе къ своей матушкѣ. Даю тебѣ три дня на размышленіе. Повторяю: проси, что хочешь. Черезъ три дня ты мнѣ дашь отвѣтъ, а покуда приказываю тебѣ состоять при великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ, у княгини же Гагариной ты будешь постояннымъ кавалеромъ.

Можно себѣ представить восторгъ матери, когда черезъ нѣсколько минутъ сынъ былъ въ ея объятіяхъ. Прошли первыя минуты радости, и тогда вспомнили, что надо придумать, какого рода просьба должна быть повергнута черезъ три дня молодымъ человѣкомъ къ стопамъ государя. Обсуждая этотъ вопросъ въ семейномъ совѣтѣ, нашли, что просить о чемъ нибудь многимъ будетъ весьма неприлично и можетъ повліять дурно на дальнѣйшее милостивое

расположеніе императора, и порѣшили ограничиться просьбою о сложеніи недоимки въ десять тысячъ, которая числилась за матерью Бороздина, по поставкѣ ею въ казну спирта изъ собственныхъ ея винокуренныхъ заводовъ.

Какъ того и ожидали, эта скромность просьбы подѣйствовала чрезвычайно благоприятно. Не ограничиваясь сложеніемъ этой недоимки, императоръ послалъ матери Бороздина драгоценный фермуаръ и 20.000 р. изъ своей шкатулки.

Великій князь Александръ Павловичъ лично зналъ Бороздина, былъ къ нему очень расположенъ и, когда тотъ, по волѣ августѣйшаго его отца, былъ назначенъ состоять при его особѣ, вскорѣ сдѣлалъ его однимъ изъ ближайшихъ къ себѣ людей. Эта милость не покидала Бороздина и во все царствованіе императора Александра. Вскорѣ по восшествіи на престолъ Александра онъ былъ произведенъ въ полковники, сдѣланъ флигель-адъютантомъ и женился на Елизаветѣ Александровнѣ Жеребцовой, дочери известной Ольги Александровны, урожденной графини Зубовой, сестры временщика князя Платона Зубова, принимавшей дѣятельное участіе въ событіяхъ 1801 года.

Объ Ольгѣ Александровнѣ Жеребцовой много говорится въ разныхъ мемуарахъ, но самая интересная характеристика ея находится въ «Быломъ и думахъ» Герцена, который пользовался ея покровительствомъ, когда въ преклонной уже старости, въ царствованіе императора Николая, она проживала въ Петербургѣ и имѣла большое вліяніе на мужа внучки своей, всесильнаго тогда графа Алексѣя Ѳеодоровича Орлова. Мы не можемъ не остановиться на этой старухѣ и не сказать о ней нѣсколькихъ словъ изъ личныхъ нашихъ о ней воспоминаній, принадлежащихъ къ самымъ раннимъ годамъ дѣтства и юности.

Какъ теперь вижу передъ собою большого роста, немного согнувшуюся старуху, съ черными еще волосами, въ которыхъ проглядывала сѣдина. Крупныя черты лица и сѣрые пронизательные глаза, бѣлый чепчикъ со сборками и всегда ситцевое платье—вотъ запечатлѣвшійся въ моей памяти ея образъ. Рукъ своихъ она не давала цѣловать, а вмѣсто нихъ подставляла свои локти. Говорила она замѣчательно хорошо, пересыпая рѣчь русскими поговорками и пословицами; французскимъ языкомъ владѣла въ совершенствѣ. Въ юности была она фрейлиной императрицы Екатерины и замѣчательной красавицей. Великій князь Павелъ Петровичъ былъ очень къ ней неравнодушенъ и, когда она вышла замужъ за камергера Александра Александровича Жеребцова, постоянно за ней ухаживалъ. Парижъ, Версаль, Трианонъ, дворъ Люковика XVI, все это видѣло когда-то красавицу Ольгу Александровну, вездѣ находившую себѣ поклонниковъ. Едва ли не революція и заставила ее выѣхать изъ Парижа; она знала всѣхъ энциклопедистовъ чуть не

наизусть, больше же всѣхъ уважала Вольтера и до своей кончины (а умерла она 84 лѣтъ) оставалась, какъ тогда говорили, *esprit fort*. Приживъ съ мужемъ своихъ двухъ дѣтей: сына и дочь, она перестала имъ стѣсняться и открыто находилась въ связи съ знаменитымъ тогда богачемъ Прокофіемъ Акиноіевичемъ Демидовымъ; всѣ говорили, что много милліоновъ перешло отъ него къ ней въ шкатулку. Въ концѣ царствованія Екатерины англійскій посланникъ, лордъ Витвордъ, снискалъ тоже особое ея къ себѣ расположеніе и дѣйствовалъ чрезъ нее на брата ея, временщика князя Зубова, въ интересахъ своего кабинета. Съ Витвордомъ ѣздила она и въ Лондонъ, онъ познакомилъ ее съ Георгомъ III, какъ извѣстно, большимъ любителемъ красивыхъ женщинъ и застольныхъ оргій. Это происходило уже въ то время, когда она была вдовой, и послѣ поѣздки ея въ Англію у нея родился сынъ, которому была дана фамилія Норда, при чемъ всѣмъ она давала понять, что этотъ ребенокъ—королевскій *bastard*; но въ аристократической Англій, гдѣ чрезвычайно щепетильно и точно изслѣдуютъ подобныя вопросы, этотъ фактъ былъ отвергнутъ, и Егору Егоровичу Норду, ѣздившему специально съ этою цѣлію въ Лондонъ, сказали наотрѣзъ, что онъ сынъ Витворда.

По восшествіи на престолъ императора Павла вскорѣ было приказано князю Зубову выѣхать изъ Петербурга въ его курляндскія имѣнія. Захваченный врасплохъ этимъ повелѣніемъ, онъ обратился къ сестрѣ и просилъ ее ходатайствовать передъ государемъ о разрѣшеніи ему остаться нѣсколько дней въ Петербургѣ для приведенія своихъ дѣлъ и бумагъ въ порядокъ. «Пользуясь всегда неизмѣнною благосклонностью Павла, я написала ему письмо по-французски,—разсказывала Ольга Александровна,—въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ. Онъ прочиталъ его, плюнулъ въ него и приказалъ передать мнѣ въ этомъ видѣ, я же препроводила письмо въ подлинникѣ къ брату, который въ тотъ же день выѣхалъ изъ Петербурга». Жеребцову не выслали изъ столицы, и это было большою ошибкою. Домъ ея у Пѣвческаго моста, принадлежавшій и теперь одному изъ потомковъ графовъ Зубовыхъ, сдѣлался гнѣздомъ недовольныхъ, душою котораго былъ великобританскій посолъ Витвордъ, не щадившій англійскихъ денегъ. Говорили, что на долю Ольги Александровны досталось изъ нихъ нѣсколько милліоновъ.

Выдавая свою дочь за Николая Михайловича Боровдина, Ольга Александровна видѣла въ своемъ зятѣ восходящее свѣтило, которымъ имѣла въ виду пользоваться въ своихъ интересахъ. И она въ этомъ не ошиблась.

Служба Николая Михайловича шла чрезвычайно успѣшно. Въ 1806 г. онъ былъ назначенъ шефомъ сформированнаго имъ финляндскаго драгунскаго полка и съ нимъ же участвовалъ въ воен-

ныхъ дѣйствіяхъ въ 1807 году противъ французовъ въ Пруссіи. Дѣло при Пассаржѣ доставило ему орденъ св. Георгія 4-го класса, а Гейльсбергское сраженіе золотую саблю за храбрость съ алмазными украшеніями. Въ томъ же году получилъ онъ чинъ генераль-майора. Война съ Швеціей 1808 года открыла ему новое поприще: начальствуя авангардомъ корпуса генерала князя Горчакова I, онъ овладѣлъ съ боя городами: Ловизою, Борго и Гельсингфорсомъ, участвовалъ въ занятіи Тавастгуса и осадѣ Свеаборга, содѣйствовалъ охраненію берега Ботническаго залива отъ Або до Бьернеборга и особенно пораженію шведскаго генерала Фегезака у деревни Иверсимо; потомъ, имѣя подъ начальствомъ своимъ правый флангъ войскъ князя Багратіона, разбилъ шведскій десантъ у Гельзинга.

Заслуги Бороздина въ кампаніи 1812 года приобрѣли ему почетное мѣсто въ ряду русскихъ генераловъ. За битву при Бородинѣ онъ получилъ орденъ св. Георгія 3-го класса; далѣе участвовалъ въ сраженіяхъ при Тарутинѣ, Маломъ Ярославцѣ и Вязьмѣ; командовалъ корпусомъ летучихъ войскъ по большой дорогѣ отъ Смоленска къ городу Красному, выбилъ непріятеля изъ мѣстечка Ляди, Дубровки и Орши и наконецъ содѣйствовалъ вытѣсненію французовъ изъ Вильны. За этотъ рядъ успѣшныхъ дѣйствій Бороздинъ получилъ 15-го сентября 1813 года чинъ генераль-лейтенанта. Въ томъ же году, послѣ перемирія между союзными государствами и Наполеономъ, онъ поступилъ въ составъ Силезской арміи и участвовалъ во всѣхъ главныхъ ея дѣйствіяхъ и битвѣ подъ Лейпцигомъ. Въ 1814 году онъ командовалъ отрядомъ, блокировавшимъ крѣпость Майнцъ, былъ въ сраженіи при Фершампенуазѣ и на высотахъ Монмартра и заключилъ кампанію вступленіемъ въ Парижъ. Съ декабря 1816 года онъ командовалъ четвертымъ кавалерійскимъ корпусомъ и 28-го іюля 1820 года удостоенъ званія генераль-адъютанта. Эта послѣдняя награда поставила его въ ряду весьма немногихъ лицъ, самыхъ приближенныхъ императора. При Александрѣ I было не болѣе 8-ми генераль-адъютантовъ, и каждый изъ нихъ въ глазахъ общества и народа имѣлъ значеніе дѣйствительнаго представителя царскаго лица.

Такой зятъ для Ольги Александровны Жеребцовой, какъ Николай Михайловичъ, былъ находкой. Послѣ неудачной поѣздки Норда въ Англію, гдѣ не успѣлъ онъ добиться официального признанія себя королевскимъ батардомъ, пришлось подумать о томъ, какъ бы составить ему положеніе у себя дома. Записанному въ податное состояніе, Егору Егоровичу понадобилось для полученія правъ личнаго дворянства поступить въ полкъ на правахъ вольноопредѣляющагося, и тутъ предстояла длинная лямка самой тяжелой солдатской службы, не менѣе 12 лѣтъ, до полученія чина прапорщика какойнибудь гарнизонной команды. Само собою разумѣется, что Николай Михайловичъ Бороздинъ все это сократилъ

своимъ усиленнымъ ходатайствомъ предъ государемъ, и въ видѣ особой къ нему милости Нордъ, служа въ корпусѣ Бороздина, добился въ скоромъ времени производства въ офицеры и перевода въ лейбъ-гусарскій полкъ. Такой одолженіе, казалось бы, никогда нельзя было забыть, и Ольга Александровна клялась въ вѣчной своей признательности, но отплатила иначе.

Сердечный и прямой, вспыльчивый и великодушный, Николай Михайловичъ былъ не по нутру своей тещѣ, составлявшей по характеру своему діаметральную съ нимъ противоположность. Привыкшая къ хладнокровно разсчитанной интригѣ, она въ зятѣ эксплуатировала прежде всего выгодное для себя служебное его положеніе, а тотъ, искренно вѣря въ ея дружбу, къ сожалѣнію, не подумалъ устранить молодую свою жену отъ вреднаго вліянія матери, тогда какъ при частыхъ отлучкахъ его изъ Петербурга по дѣламъ служебнымъ и на долгіе сроки это вліяніе неизбѣжно должно было сказаться и сказалось. Въ одномъ изъ сраженій 1813 года, Бороздину, командовавшему отрядомъ, сдался одинъ изъ наполеоновскихъ генераловъ, графъ Цире, который по окончаніи войны не могъ уже возвратиться въ свое отечество, какъ носящій позорное имя измѣнника. Проживая въ Петербургѣ и пользуясь пособіемъ нашего правительства, онъ былъ постояннымъ гостемъ у Николая Михайловича, и тотъ, видя въ немъ человѣка несчастнаго и сочувствуя ему, познакомилъ его съ своей семьей и родными. Хитрый французъ вскорѣ ориентировался въ этой новой для себя средѣ, сумѣлъ снискать благоволеніе Жеребцовой, а въ отсутствіе Бороздина не задумался начать и романъ съ его женою. Елизавета Александровна Бороздина была красивая и суетная женщина, далеко не способная носить въ душѣ своей глубокое чувство; паденіе ея не сопровождалось серьезною борьбою, тѣмъ болѣе, что въ матери своей она видѣла сочувствіе ея роману. Ольга Александровна не только не вспоминала о чести своего зятя, но сама еще допускала любовныя свиданія у себя въ домѣ; вѣдь все это напоминало ей дореволюціонный Версаль, тогдашніе нравы и ея собственную молодость. Николай Михайловичъ долго не подозрѣвалъ своего позора и, проживая въ Воронежѣ, гдѣ онъ командовалъ корпусомъ, хлопоталъ объ устройствѣ приличнаго помѣщенія для своей семьи; это и задержало его тамъ почти цѣлый годъ, и когда все было готово, сюрпризомъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и нашель... жену свою беременною... Ударъ былъ черезчуръ ужасенъ, и если бы не дружба императора, въ которой нашель онъ единственную отраду, онъ лишился бы разсудка. Государь не оставлялъ его въ эти минуты, посѣщалъ его и оставался подолгу бесѣдовать. Николай Михайловичъ рѣшилъ наконецъ дать этому печальному факту слѣдующую развязку.

Будущаго ребенка онъ призналъ своимъ и давалъ ему всѣ свои аренды (которыхъ было до 20 тыс. въ годъ), но съ тѣмъ, чтобы

жена его послѣ родовъ уѣхала съ ребенкомъ во Францію и никогда оттуда уже не возвращалась. Отъ наслѣдства ея имѣніями онъ отказался за себя и за своихъ законныхъ дѣтей въ пользу ребенка графа Пире, а она была несравненно богаче Николая Михайловича. Великодушнѣ покончить съ невѣрной женой было, кажется, невозможно. И когда у нея родился сынъ, она уѣхала съ нимъ въ Парижъ. Графъ Пире былъ уже тамъ; вызывать его на дуэль сочтено было позорнымъ такому доблестному генералу, каковъ былъ Николай Михайловичъ, и государь взялъ съ него слово, чтобы онъ воздержался отъ такой слишкомъ большой чести для негодея. Это прискорбное обстоятельство случилось незадолго до кончины императора Александра, и Николай Михайловичъ, произведенный при коронаціи новаго императора, 22-го августа 1826 г., въ чинъ генерала отъ кавалеріи, нашель въ молодомъ императорѣ самое искреннее сочувствіе къ своему тяжелому семейному положенію. Старшая дочь его, Елизавета Николаевна, вышла въ это время замужъ за поручика конно-егерскаго полка Николая Ѳедоровича Казакова, состоятельнаго орловскаго помѣщика; сынъ Александръ былъ принятъ въ Пажескій корпусъ; двѣ малолѣтнія дочери, Ольга и Настасья, помѣщены въ Екатерининскій институтъ, и самая меньшая, еще трехъ лѣтъ, Наталья, осталась при отцѣ, на попеченіи чрезвычайно достойной особы, дѣвицы Елизаветы Егоровны Давыдовой.

Съ родными своей жены и въ особенности съ тещей, Николай Михайловичъ оставался въ самыхъ холодныхъ отношеніяхъ. Она никакъ не ожидала такой крутой развязки интриги, которую сама поощряла; конечно, ей приходилось молчать и показывать видъ убитой горемъ матери; но когда все кончилось, и дочь ея уѣхала, она не могла удержаться, чтобы не сказать какъ-то невзначай (а это было ея любимая манера): «*mon gendre me fait pitié; sa générosité de don Quichotte ne fait que ressortir le sort de Ménélas*».

Пережитое горе сильно отозвалось на здоровьѣ Николая Михайловича, и онъ сталъ серьезно болѣть. Въ турецкую кампанію 1828 года ему было поручено командованіе своднымъ корпусомъ войскъ, назначенныхъ для охраненія тыла арміи и княжествъ Валахіи и Молдавіи. Здѣсь онъ успѣшно отражалъ вылазки непріятеля изъ крѣпостей Журжи, Турно и Калафата, но совершенно разстроенное здоровье заставило его просить увольненія въ отпускъ. Онъ скончался 14-го ноября 1830 года въ Петербургѣ и похороненъ въ принадлежавшемъ ему имѣніи Псковской губерніи, въ Порховскомъ уѣздѣ, селѣ Костыжецахъ.

Когда уже онъ былъ на смертномъ одрѣ, императоръ Николай прислалъ къ нему графа Бенкендорфа сказать умирающему, чтобы онъ былъ покоенъ за своихъ дѣтей; отцомъ ихъ будетъ онъ самъ, государь, и, какъ всегда, онъ свято исполнилъ свое слово. Послѣ

кончины Николая Михайловича меньшая его дочь, Наталья, была немедленно взята во дворецъ съ Елизаветою Егоровной Давыдовой, и тутъ она выросла и воспиталась въ царской семьѣ съ великими княжнами Маріей, Ольгой и Александрой Николаевнами. По годамъ она была ровесница Ольгѣ Николаевнѣ, и самая нѣжная дружба связывала ихъ во всю жизнь. Другія двѣ дочери такъ же, какъ и меньшая, были сдѣланы фрейлинами императрицы. Ольга въ послѣдствіи вышла замужъ по сватовству бабушки Жеребцовой за отставнаго генералъ-майора Θεодора Ивановича Мосолова и очень неудачно; они вскорѣ развѣхались; Настасья Николаевна вышла за князя Николая Александровича Урусова, скончавшагося еще въ молодыхъ годахъ чахоткою; Наталья Николаевна — за Гавріила Павловича Каменскаго. Онѣ всѣ уже давно скончались, и послѣ нихъ осталось потомство лишь отъ Натальи Николаевны. Мы думаемъ, что у мужа ея и дѣтей должны были сохраниться чрезвычайно интересные мемуары, которые она вела, будучи много лѣтъ неотлучной фрейлиной при императрицѣ Александрѣ Θεодоровнѣ, и переписка за многіе годы съ королевой Виртембергской, Ольгой Николаевной. Наталья Николаевна была замѣчательно талантливая личность.

Много лѣтъ спустя послѣ ея кончины, мнѣ привелось ее вспомнить далеко, далеко отъ Петербурга, на кавказской нашей окраинѣ, съ лицомъ, близко ее знавшимъ, его королевскимъ высочествомъ принцемъ Альбертомъ Прусскимъ, братомъ Вильгельма I, императора германскаго. Принцъ путешествовалъ въ 1862 году туристомъ по Кавказу и посѣтилъ между прочимъ въ Кахетіи городъ Телавъ, гдѣ я былъ уѣзднымъ начальникомъ. Первымъ вопросомъ его мнѣ былъ, не родственникъ ли я Натальи Николаевны Бороздиной, и когда я отвѣтилъ, что она была мнѣ внучатной сестрой, онъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ, что ему очень пріятна эта встрѣча, такъ какъ онъ зналъ ее очень близко. Я сопровождалъ принца почти пять дней по Кахетіи, онъ у меня гостилъ въ домѣ и былъ чрезвычайно ко мнѣ милостивъ и любезенъ. Однажды за обѣдомъ онъ возобновилъ со мною разговоръ о Натальѣ Николаевнѣ. «Вы знаете, — сказалъ онъ мнѣ, — что воспоминаніе о вашей кузинѣ навводитъ меня на воспоминанія самой пріятной эпохи моей жизни. Она была любимую фрейлиной моеї сестры (императрицы Александры Θεодоровны), а я былъ балованнымъ ея братомъ. Мнѣ было лѣтъ 19, 20, когда почти каждый годъ аккуратно являлся я виною въ Петербургъ веселиться въ семьѣ моеї сестры и моего величаваго зятя, императора Николая, котораго я любилъ не менѣе отца. Никто не можетъ себѣ представить, до какой степени былъ обаятеленъ императоръ, какъ семьянинъ. Ничто его такъ не радовало, какъ счастливая веселость молодежи, его окружающей. Наталья Николаевна была любимымъ дитятею въ семьѣ царской, она

была прелесть какая хорошенькая, и мое сердечко было къ ней неравнодушно». Разказалъ мнѣ принцъ изъ этой эпохи одинъ эпизодъ про себя и государя, и я не могу отказать себѣ въ удовольствіи занести его въ эти воспоминанія.

«Въ одну изъ зимъ, когда я потерялъ уже счетъ баламъ, на которыхъ танцевалъ въ Петербургѣ, срокъ моего отпуска кончился, и мнѣ нужно было непременно возвратиться къ назначенному дню въ Берлинъ; отецъ мой былъ крайне строгъ въ этомъ отношеніи, и я ни за что не хотѣлъ его разсердить; но какъ нарочно наканунѣ моего отъѣзда говорятъ мнѣ, что завтра будетъ блестящій балъ у англійскаго посла; получилъ я даже и приглашеніе и ужасно досадовалъ, что мнѣ нельзя тамъ быть. Не на шутку печальный, сидѣлъ я за царскимъ столомъ; сестра моя, императрица, замѣтила это; начались разпросы, стали надо мной трунить и чуть не довели меня до слезъ. Императоръ смѣялся надъ моимъ великимъ горемъ и наконецъ сказалъ:

«— А хочешь, я тебѣ помогу, только согласишься на мое предложеніе. вмѣсто почтовыхъ я тебя отправлю съ фельдъегеремъ тотчасъ же послѣ бала, и онъ доставитъ тебя до границы во время, такъ что ты поспѣешь въ Берлинъ.

«Я не задумался принять это предложеніе; мнѣ было съ небольшимъ лѣтъ 20, а чудные глазки, между прочимъ и вашей кухни, приковывали меня къ Петербургу. Послѣ очаровательнаго бала, полный юношескихъ грезъ, очутился я на перекладной фельдъегерской тройкѣ, и мы понеслись. Мнѣ теперь пятьдесятъ пять лѣтъ, и я до сихъ поръ не могу забыть происходившаго со мной. Три дня и три ночи мчались мы, какъ угорѣлые, и по совѣту фельдъегеря я подтягивалъ себя ремнемъ все туже и туже. На границѣ онъ меня высадилъ, и мы съ нимъ разстались, а въ Берлинъ поспѣлъ я полсутками раньше срока. Отецъ былъ очень доволенъ моею аккуратностію, приласкалъ меня, сталъ спрашивать, и тогда только почувствовалъ я, что нѣтъ мѣста на тѣлѣ моемъ, которое бы не болѣло. Двое сутокъ я пролежалъ, но молодость взяла свое. На слѣдующій годъ—опять въ Петербургъ; государь послѣ милостивой со мной встрѣчи спросилъ у меня отчетъ о моей поѣздкѣ съ фельдъегеремъ и очень хохоталъ, слушая ея подробности.

«— А знаешь ли,—сказалъ онъ мнѣ на другой день, когда я пилъ у него въ кабинетѣ чай,—что я вѣдь далъ тебѣ самаго слабаго фельдъегеря; мнѣ было тебя жаль; а вотъ попробовалъ бы ты прокатиться съ Сѣрковымъ, такъ ты бы не то запѣлъ; онъ въ 30 часовъ поспѣваетъ въ Москву. Хочешь туда прокатиться съ нимъ для пробы?»

«Меня это ужасно раззадорило, и я изъявилъ охоту попробовать эту прогулку. Сѣрковъ былъ позванъ, и передъ нами предсталъ крупный дѣтина съ длинными усами.

«— Можешь ли,—спросилъ его государь,—доставить принца въ 30 часовъ въ Москву?»

«— За тѣло отвѣчаю, ваше императорское величество, а за душу не могу.

«Отвѣтъ этотъ вызвалъ общій хохоть и отбилъ у меня всякую охоту дѣлать пробу».

Вспоминая о Наталіи Николаевнѣ, нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ о ея воспитательницѣ, Елизаветѣ Егоровнѣ Давыдовой, посвятившей ей болѣе 30 лѣтъ своей жизни. Она также какъ бы принадлежала къ семейству царскому, и государь ее особенно уважалъ; великія княжны любили ее и боялись; иногда она спорила съ самимъ императоромъ и часто настаивала на своемъ. Замужество Наталіи Николаевны было ей не по сердцу, такъ какъ той приходилось покинуть отечество и ѣхать съ мужемъ въ Англію, гдѣ онъ получилъ мѣсто комиссара мануфактурнаго департамента. Елизавета Егоровна не перенесла этой разлуки и вскорѣ послѣ отъѣзда Наталіи Николаевны скончалась.

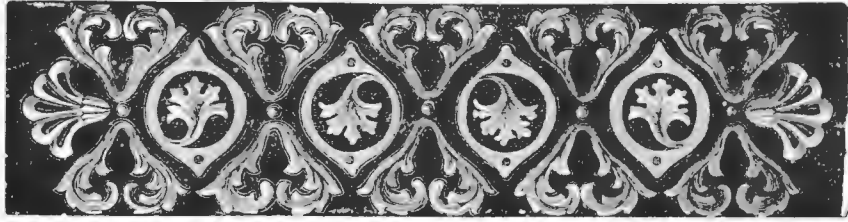
Останавливаясь покуда на этомъ отрывкѣ моихъ воспоминаній, я вернусь ¹⁾ къ нимъ когда нибудь опять, имѣя немало еще сказать не лишенаго историческаго интереса, какъ относительно рода Бороздиныхъ, такъ и рода графовъ Зубовыхъ, представителей котораго я многихъ зналъ лично.

К. А. Бороздинъ.

---

¹⁾ Этотъ «отрывокъ» написанъ К. А. Бороздинымъ еще въ концѣ 1885 года; въ 1896 году не задолго до своей смерти онъ собирался писать продолженіе своихъ фамильныхъ воспоминаній, но этому не суждено было осуществиться...

ВЪ СВОЕМЪ КРАЮ ¹⁾.

(Посвящается барону А. К. Штакельбергу).

V.

ПРОШЛО жгучее лѣто и замѣнилось поразительно красивой осенью съ прелестью какой-то таинственной тишины и особенной мягкостью послѣдняго тепла. Но уже съ первыхъ чиселъ сентября затуманилось небо, нависли сѣрые тучи, и зарядилъ нескончаемый дождь, Онъ продолжалъ барабанить въ окна до тѣхъ поръ, пока не превратилъ всей окрестности въ непроходимое болото, такъ что высохшая отъ скуки учительница погибеловской школы, соединявшая въ себѣ всѣ существующія на свѣтѣ болѣзни, должна была прекратить свои напрасныя попытки добраться до хутора. Рано зажигались огни, издалека доносился вой волковъ, рыскавшихъ въ непроницаемомъ мракѣ и вызывавшихъ нескончаемый, но боязливой вой и лай хуторскихъ собакъ. Ни души, ни слѣда на дорогѣ, и только по межамъ изрѣдка пробирались къ хутору сельскіе старики въ болтавшихся на тощихъ спинахъ высоко подобранныхъ черныхъ кафтанахъ и съ неизбѣжными длинными палками въ рукахъ.

Старики прослышали о готовности Окси продать землю, подходящую къ ихъ скуднымъ надѣламъ, и, объяснивъ это по-своему надобностью въ деньгахъ, порѣшили на сходахъ, во что бы то ни стало, купить эту землю, но прежде всего истомить душу Окси сво-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХС, стр. 403.

ими мольбами о всякаго рода разсрочкахъ и уступкахъ въ цѣнѣ. Каждый изъ этихъ выдавшихъ виды, умныхъ и умудренныхъ жизненнымъ опытомъ стариковъ могъ бы съ успѣхомъ замѣнить дьяка Власьева, во главѣ посольства, отправленнаго въ Польшу для заключенія брака между самозванцемъ и дочерью воеводы Сандомирскаго и изумившаго поляковъ своей настойчивостью, терпѣнiемъ и хитростью.

Старики пустили въ ходъ всю свою ловкость: они прославляли добродѣтели Окси, предсказывали блаженство въ раю, ласкали и приносили гостинцы Гринькѣ; одинъ изъ нихъ даже увѣрялъ, что, принявъ на свое попеченiе сироту, Окся, какъ сказано въ писанiи, все равно что семь церквей выстроила. Они становились на колѣна, рыдали, ссылаясь на свою бѣдность, и въ концѣ концовъ купили землю за безцѣнокъ.

Во все время утомительныхъ переговоровъ Окся, ясно понимавшая мужика, возмущалась, но въ то время испытывала полное счастье при мысли, что она сдѣлала что-то очень хорошее.

Организація переселенія и устройство крестьянскаго банка въ значительной степени поколебали надежду мужика на «черный передѣлъ», а мечты о привольяхъ сибирской жизни и доступности крестьянскаго банка въ большинствѣ случаевъ не исполнились. Мужикъ сильно приунылъ и опустилъ руки, но какъ разъ въ это тяжелое время, по вдохновенiю свыше, крестьянскiй банкъ широко раскрылъ свои двери для желающихъ. Обезумѣвшiе отъ радости мужики съ дѣтской наивностью платили сумасшедшiя деньги за землю, праздновали покупки сильными попойками и только благодарили всѣхъ и каждого, благодарили банковскихъ чиновниковъ, земскихъ начальниковъ и даже продавцевъ, въ числѣ которыхъ нашлось много самыхъ вредныхъ аферистовъ, наживавшихъ около нихъ большiя деньги.

Окся попрежнему получала массу писемъ съ просьбами о пожертвованiяхъ, получила даже письмо одной учительницы городской школы, настойчиво требовавшей пяти тысячъ на то, чтобы она, такая молодая и жизнерадостная, воспользовалась прелестями жизни, какъ пользуются ими избранные счастливыцы. Но Окся отказывала большинству назойливыхъ просителей, исключительно сосредоточившись на мысли Ратаевой—всячески содѣйствовать увеличенiю крестьянскаго землевладѣнiя.

Въ одинъ изъ ненастнѣйшихъ октябрьскихъ дней маленькiй домикъ Окси наполнился уполномоченными отъ разныхъ крестьянскихъ обществъ, купившихъ землю и захватившихъ съ собою единственнаго въ окрестности грамотея, долженствовавшаго расписаться за неграмотныхъ.

Но тутъ вышло неожиданное препятствiе: грамотей ни подь какимъ видомъ не хотѣлъ подписаться своимъ настоящимъ именемъ,

а непремѣнно желалъ подписаться Алексѣемъ, тогда какъ всему міру было извѣстно, что при святомъ крещеніи отецъ Аллилуевъ, только что крѣпко поссорившійся съ отцемъ новорожденнаго, наименовалъ его Іавелемъ, а тотъ почему-то стыдился своего настоящаго имени.

Послѣ продолжительныхъ увѣщаній и споровъ дѣло наконецъ уладилось, и грамотей подписался Іавелемъ.

— Дай Богъ святой часть,—торжественно произнесъ одинъ изъ самыхъ ловкихъ сельскихъ политикановъ и ораторовъ, бережно, какъ нѣжкѣ драгоценности, укладывая въ свою высокую шляпу только что подписанныя бумаги.

— Вотъ радость-то, право! — продолжалъ онъ, обращаясь къ Оксѣ:—мать ты наша родная, подарила ты намъ землю, чѣмъ же намъ отдарить тебя?..

Но въ эту минуту другіе старики, чувствуя, что собрать ихъ зашелъ уже слишкомъ далеко и, пожалуй, заврался, перебили его рѣчь и стали дружно и настойчиво выговаривать магарычи и угощеніе.

VI.

Безпросвѣтные осенніе дни были самыми радостными днями для Окси, такъ какъ она уже ни на минуту не разлучалась съ своимъ Гринькой, не спускавшимъ съ нея своихъ большихъ сѣрыхъ глазъ, въ которыхъ уже свѣтилась мысль. Эта мысль всегда была одна и та же: такъ или иначе выразить свою любовь къ своей воспитательницѣ. Въ лѣтнее время онъ то и дѣло убѣгалъ въ луга, чтобы нарвать цвѣтовъ и украсить ими комнату и рабочій столъ своей покровительницы. Но любовь его болѣе всего проявлялась въ заботахъ объ интересахъ Окси, а постоянное пребываніе съ взрослыми, среди вѣчныхъ хозяйственныхъ заботъ, преждевременно развило въ немъ наблюдательность и сознательное отношеніе къ окружающему. Невозможно описать его радость, когда Окся его съ собою брала въ поле. Онъ то и дѣло прыгивалъ съ телѣжки, чтобы нарвать свѣжихъ колосевъ и показать зерно хозяйкѣ, разсуждая о его качествѣ, какъ взрослый.

Развѣзды по полямъ тянулись иногда до самой ночи; мальчикъ уставалъ, спускался въ глубину телѣжки и засыпалъ подъ кожаными фартукомъ. Ему слышался ласковый голосъ Окси, онъ чувствовалъ, что его берутъ на руки и бережно несутъ въ домъ, гдѣ онъ засыпалъ счастливымъ сномъ. Мальчикъ всегда былъ одинаково серьезенъ и дѣловитъ, и только изрѣдка въ праздничные дни, оставшись глазъ на глазъ съ Оксей, онъ вдругъ отдавался какой-то неистовой, неудержимой радости жизни и носился по комнатѣ, дѣлая все болѣе и болѣе уменьшавшіяся круги, и всякій разъ, по-

равнявшись съ Оксей, громко цѣловаль ее, чтобы потомъ снова продолжать свою скачку и запыхавшись, съ раскраснѣвшимся лицомъ и сіяющими глазами сѣсть на диванъ рядомъ съ Аксиніей Гурьяновной, потихоньку гладившей его по головѣ и нашептывавшей ему ласковыя слова.

Съ наступленіемъ мрачныхъ осеннихъ дней начались постоянныя занятія Окси съ ея воспитанникомъ и обученіе его чтенію и письму. Мальчикъ оказался удивительно понятливъ и прилеженъ. Быстро подвигались его успѣхи, наполняли мысли Окси самымъ отраднымъ чувствомъ. Она впервые поняла великое наслажденіе учить и съ каждымъ днемъ приближаться къ намѣченной цѣли.

Въ одинъ изъ самыхъ сумрачныхъ дней изъ стада пропала лучшая телка, а Гринька, увязавшись съ работниками, пошелъ искать ее. Вернулся онъ поздно, насквозь промокшій отъ дождя, и сильно простудился.

Мальчикъ лежалъ въ жестокомъ жару, раскинувъ ручки, тяжело дыша и широко раскрывъ воспаленные глаза. По ночамъ онъ метался, не находя себѣ мѣста, и въ бреду торопилъ работниковъ искать пропавшую телку, ожесточенно кричалъ на волковъ, преслѣдовавшихъ намѣченную жертву, и звалъ хуторскихъ собакъ.

Нѣсколько дней и ночей подъ рядъ просидѣла Окся около постели больного, замирая въ ожиданіи доктора, а докторъ все еще не являлся.

— Пропала моя головушка! и что я буду дѣлать безъ моего Гриньки, и какъ мнѣ жить безъ него?—точно деревенская баба, начала причитать Окся.

Вечеромъ того дня, какъ она потеряла уже всякую надежду, на хуторскомъ дворѣ неожиданно показался докторъ, верхомъ на тощей рыжей клячкѣ, едва передвигавшей ноги. Въ эту минуту онъ живо напоминалъ Ламаншкаго рыцаря, но это не мѣшало Оксѣ видѣть въ немъ ангела, посланнаго самимъ Богомъ. Она быстро вскочила на крыльцо, вся дрожащая и запыхавшаяся отъ волненія... крестилась и плакала въ одно и то же время.

— Вотъ радость-то, Господи! И какъ это нечаянно!.. Гляжу въ окно, а вы... ахъ, ты Господи... а вы тутъ и есть...

— Ну, будетъ, — говорилъ докторъ, пытаясь положить конецъ изліяніямъ.

— Ахъ, что же это я? — спохватилась Окся, вводя доктора въ свою пріемную: — вѣдь, небось, съ дороги-то—вамъ чего: самоварчикъ или поѣсть? Гляжу въ окно, а вы... Больно мнѣ васъ надо: я... нечаяну, я безъ него съ тоски пропаду... я... она давилась слезами, чувствуя, что у нея что-то поднимается въ груди къ горлу и мѣшаетъ говорить.

Отказавшись отъ всякихъ угощеній, докторъ прямо пошелъ къ больному, по своему обыкновенію внимательно осмотрѣлъ его и, усѣвшись около постели, погрузился въ глубокую думу.

— Да говорите же! конецъ? А! что? конецъ? такъ и скажите!— приставала Окся.

Докторъ снова приступилъ къ осмотру и потомъ съ увѣренностью произнесъ: можете успокоиться — мальчикъ внѣ опасности!

Прошло нѣсколько все еще тревожныхъ дней. Гринька сталъ быстро поправляться, и тутъ только Окся поняла, какъ дорогъ для нея этотъ никому не нужный, невзрачный мальчикъ, поняла, что на свѣтѣ, кромѣ всякаго зла и пошлости, живеть и вѣчно будетъ жить любовь, заключающая въ себѣ всю прелесть жизни.

VII.

Солнце совѣмъ пропало, точно навсегда скрывшись въ сумеркахъ ноябрьскаго дня. Тоска и скука давили не только людей, но и животныхъ; все безмолвствовало на хуторѣ: коровы и тѣ тяжело вздыхали по свѣтлыхъ и лѣтнихъ дняхъ, а обыкновенно жизнерадостные жеребята, стоявшіе по стойламъ, упорно молчали и уже не перекликались между собою веселымъ ржаніемъ. Но вотъ, какъ разъ передъ праздникомъ «Введенія во храмъ», съ ранняго утра на хуторъ, на оголенные поля и непроходимыя дороги, надвинулся такой густой, тяжелый, точно свинцовый туманъ, что, казалось, пришелъ уже конецъ свѣта, но къ вечеру пѣлодѣло, и медленно, точно нехотя, посыпался первый снѣгъ... Всѣ ахнули отъ такой неожиданной благодати... Никому не спалось на хуторѣ, и то и дѣло въ теченіе этой долгой ночи кто нибудь прибѣгалъ къ Оксѣ и радостно сообщалъ, что снѣгъ идетъ, и, пожалуй, установится зима. Не утерпѣлъ уже совершенно поправившійся Гриня и тайкомъ въ одной рубахѣ и высокихъ валенкахъ выскочилъ на дворъ, а возвратившись принесть на головѣ цѣлый ворохъ снѣга.

Мудрено передать прелесть перваго зимняго дня въ деревенской глуши. Это понятно только коренному обитателю захолустья, волею судьбы прикованному къ какой нибудь Загудаевкѣ, Вырыпаевкѣ или Волковкѣ и во время осенней распутицы готовому покуситься на свою жизнь или, выбѣжавъ на дорогу, благимъ матомъ кричать «караулъ».

На хуторѣ всѣ точно проснулись отъ глубокаго, тяжелаго сна. Все засуетилось: батраки налаживали сани и дровни; одурѣвшій отъ бездѣлья хозяйственный староста, застегивая наскоро накиннутый полушубокъ, бѣжить на гумно; коровы, лошади, овцы по своему выражаютъ свой восторгъ.

Еще два-три дня, и поднялась общая скачка по мягкой, ровной дорогѣ. Первая примчалась баронесса Штурмталь и немедленно потребовала Оксю, чтобы та присутствовала при чтеніи Пушкина, ко-

торымъ она рѣшила ошастливить школьниковъ. Захвативъ съ собою дорогаго мальчика, Окся поспѣшила въ Погибелку и какъ разъ поспѣла къ тому времени, когда баронесса, объяснивъ значеніе Пушкина, какъ народнаго поэта, громогласно возвѣстила: «ночь, садъ, фонтанъ».

САМОЗВАНЕЦЪ [входить].

— Вотъ и фонтанъ; она сюда придетъ,—звончѣ всякихъ іерихонскихъ трубъ продолжала баронесса.

И, кажется, рожденъ необязливымъ;
Передъ собой вблизи видалъ я смерть;
Предъ смертію душа не содрогалась.

Эффектъ вышелъ полный: школьники и болѣзненная учительница внимали съ какимъ-то почтительнымъ страхомъ, а робкій отъ природы Гринька, не понимая самъ, какъ это случилось, очутился подъ партой и, съежившись въ комокъ, дрожалъ отъ ужаса.

Покончивъ съ чтеніемъ, баронесса поспѣшила вынуть изъ портфеля нѣсколько фотографій, снятыхъ любителемъ, и свѣжій иллюстрированный листокъ, въ который уже успѣли попасть эти фотографіи, вмѣстѣ съ хвалебными статьями, прославлявшими баронессу и Оксю, какъ выдающихся свѣтилъ благотворительности. Послѣ этого она стала торопливо собираться: ее ожидали въ сосѣдней школѣ, учениковъ которой она давно уже обѣщала познакомить съ Лермонтовымъ.

На приглашеніе отдохнуть на хуторѣ баронесса повторяла: «некогда, некогда, некогда!» и быстро направилась къ ожидавшимъ ее сосѣдямъ: на этотъ разъ она напустила на себя подавляющее величіе и недоступность.

Возвратившись домой, Окся еще разъ пересмотрѣла врученныя ей фотографіи, гдѣ она рядомъ съ баронессой изображала добраго генія крестьянскихъ малютокъ, а изъ корреспонденцій особенно поразила ее статья волостнаго писаря, задумавшаго прокричать на всю Русь о дѣятельности становаго пристава, завѣдывавшаго яслями въ селѣ Шумигоровкѣ.

Не одной только баронессѣ захотѣлось прокатиться по первопутку и размять свои нившіе отъ бездѣйствія члены. Навѣстилъ Оксю и ея новый другъ — Ратаева. Она внимательно выслушала докладъ Окси о ея сдѣлкахъ съ крестьянами, рассмотрѣла всѣ заключенныя условія, нашла цѣну, назначенную за землю, вполне подходящей, двадцать разъ повторила, что мужику прежде всего нужна земля, достатокъ, обезпеченный хлѣбъ, а потомъ уже книга. Гриньку она нашла восхитительнымъ, ни на шагъ не отпускала отъ себя и видимымъ образомъ позавидовала Оксѣ.

— Да, это несомнѣнная истина, что любить можно только что нибудь близкое, реальное, а не отвлеченное, не фантазію. Кто не любить свое родное, близкое, тотъ не способенъ любить,—сказала Ратаева, прощаясь съ Оксей.

Изъ города пріѣхалъ дядя Миша, мясной торговецъ, младшій братъ покойнаго Гурьяна, коренастый, шустрый мѣщанинъ, съ круглымъ краснымъ калмыцкимъ лицомъ и мягкимъ голосомъ, вовсе не идущимъ къ его тучной фигурѣ. Онъ съ свойственной русскому человѣку смѣтливостью первый изъ городскихъ кулаковъ воспользовался широкимъ кредитомъ, открытымъ городскими банками, и завелъ торговлю съ Москвой на широкую ногу.

Отдохнувши послѣ дороги, дядя Миша объяснилъ, что пріѣхалъ не даромъ, а съ покорнѣйшей просьбой выручить и поставить свой бланкъ на его векселяхъ.

— А то, сдѣлайте ваше одолженіе, пріѣзжайте въ городъ, мы тутъ же и совершимъ закладную на мой домъ, а всѣ ваши поручительства уничтожимъ. Слава Создателю! мои дѣла за первый сортъ—не взвидѣть мнѣ лику небеснаго...—добавилъ онъ, оглядываясь на образа, чтобы побѣдить всякія сомнѣнія.

— Зачѣмъ же закладную?—возразила Окся.

— Для обезпеченія, на всякій случай.

— Это лишнее, вы не захотите воспользоваться моимъ довѣріемъ,—и Окся подписала векселя, не читая ихъ.

Навѣстилъ Оксю приходскій священникъ, отецъ Ириней, и приступилъ къ ней, какъ къ члену кружка борьбы съ деревенскими пожарами, съ требованіемъ ста рублей на покупку лѣса, который предполагалось распилить на тесъ, чтобы постепенно покрывать имъ крестьянскія избы и такимъ образомъ бороться съ разорительными пожарами.

Но чаще всѣхъ навѣщала Оксю уже знакомый намъ сельскій староста Аркадій Ивановъ, при всей своей важности извѣстный въ міру подъ именемъ «Аркашки».

Онъ неизбѣжно являлся каждый праздникъ.

— Что скажешь, Аркадій Ивановичъ?—спрашивала Окся.

— А вотъ пришелъ поздравить свою благодѣтельницу съ праздничкомъ и понировать у тебя,—подобострастно отвѣчалъ староста, самымъ беззащитнымъ образомъ эксплуатировавшій Оксю.

Воспользовавшись обильнымъ угощеніемъ, староста заводилъ рѣчь насчетъ отопленія школы: «старики обижаются и просятъ лѣску на топливо».

Окся соглашалась.

— А ужъ сучки-то, что останутся послѣ рубки, убоготорите въ мою пользу за хлопоты.

Окся опять соглашалась.

Староста не унимался и, нѣсколько дней спустя, снова явился и упорно настаивалъ, чтобы благодѣтельница за его заслуги продала ему десять десятинъ съ разсрочкой платежа на 15 лѣтъ безъ процентовъ. На возраженія Окси онъ уже прямо грозилъ снести съ лица земли вновь открытую школу, такъ какъ все это въ его рукахъ, тѣмъ болѣе, что приговора о дозволеніи построить школу до сихъ поръ еще не было, а она стоитъ на мірской землѣ.

Терпѣніе лопнуло: Окся безцеремонно выпроводила сельскаго старосту и такимъ образомъ нажила себѣ непримиримаго врага.

ХІІІ.

Въ концѣ зимы Окся должна была ѣхать въ городъ. Ее понуждала масса скопившихся дѣлъ.

Прежде всего Погибеловское крестьянское общество подъ вліяніемъ озлобленнаго старосты составило приговоръ, въ которомъ настаивало на томъ, чтобы училищный совѣтъ немедленно закрылъ вновь открытую школу, такъ какъ содержать ее не хватаетъ средствъ, между тѣмъ какъ она, то-есть школа, «не удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ». Такую мудреную фразу придумалъ сельскій староста, чтобы какъ можно чувствительнѣе уязвить Оксю. вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо было покончить расчеты съ крестьянами, купившими землю при содѣйствіи банка. Но болѣе всего побуждалъ Оксю къ поѣздкѣ въ городъ внезапно распространившійся слухъ о злостномъ банкротствѣ дяди Миши, отказавшагося платить свои долги. Кстати, она только что получила длинное посланіе отъ «нашего генерала», приглашавшаго ее на торжественное собраніе членовъ общества вспомошествованія учащимъ и учащимся въ городскихъ школахъ.

— Не хочу вѣрить дошедшимъ до меня слухамъ о вашихъ сомнѣніяхъ и колебаніяхъ. Ваше чуткое, отзывчивое сердце навѣрно уже нашло выходъ изъ того лабиринта, въ которомъ мы всѣ вращаемся... Главное, не поддавайтесь сомнѣніямъ, не унывайте, и вы побѣдите!—такой трескучей фразой закончилъ «нашъ генералъ» свое посланіе.

Городъ «Сумбуръ» въ сущности ничѣмъ не отличался отъ губернскаго города, въ который въ одно прекрасное утро пріѣхалъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ съ своимъ лакеемъ Петрушкой и кучеромъ Селифаномъ. Онъ представлялъ смѣсь лачугъ, наскоро для порядка вымазанныхъ охрой, безконечныхъ и покосившихся заборовъ, старыхъ каменныхъ домовъ такъ называемой казенной архитектуры и только въ последнее время общаго подъема украсился пятью-шестью зданіями въ русскомъ вкусѣ, съ неизбѣжными остроконечными башнями по угламъ, построенными все од-

нимъ и тѣмъ же очень молодымъ, но по отзывамъ горожанъ замѣчательно даровитымъ архитекторомъ, прославившимся своимъ процессомъ съ городскимъ головой, почему-то не желавшимъ уплатить ему 300 рублей за знаменитаго дракона, посаженнаго на одной изъ башенъ *hôtel de ville*.

Ни одной правильной, красивой улицы не было, но взаимѣнъ этого обычный въ большихъ городахъ шумъ не смущалъ мирнаго покоя обывателей. Въ городѣ всегда чувствовалась какая-то странная напряженная тишина. При всемъ томъ городъ никогда не пользовался мирнымъ настроеніемъ. Это было уже такое мѣсто, гдѣ отвыкли говорить о человѣкѣ что нибудь хорошее, и, можетъ быть, благодаря возвышенной мѣстности и постояннымъ вѣтрамъ, вызывавшимъ раздражительность, царило какое-то постоянное взаимное ненавистничество. Изъ мѣстныхъ вѣдомостей, исключительно посвященныхъ описанію всякихъ торжествъ, юбилеевъ, проводовъ, а главное некрологамъ, обыватели узнавали, что среди нихъ жили и живутъ люди высокихъ нравственныхъ качествъ и добродѣтелей.

Даже внутренняя обстановка и устройство обывательскихъ квартиръ были однѣ и тѣ же, такъ что, побывавши въ одной изъ нихъ, вы уже имѣли полное понятіе о всѣхъ остальныхъ: герань и глацинты на окнахъ, чахлые покрытые пылью фикусы, филодендры и кактусы съ перепутанными между собою пожелтѣвшими листьями по угламъ, неизбежно въ каждомъ домѣ арка топорной работы, отдѣлявшая залу отъ гостиной, по стѣнамъ ландшафты мѣстнаго художника-самоучки и ко всему этому неизбежное, рѣдко открывавшееся и всегда разстроенное піанино.

Всякія попытки завести музыкальные, художественные или литературные кружки проваливались въ самомъ непродолжительномъ времени и отскакивали отъ окаменѣвшихъ обывательскихъ сердець, прямо-таки неспособныхъ къ воспріятію какихъ бы то ни было живыхъ впечатлѣній, какъ горохъ отъ каменной стѣны. Кругомъ царила родная мертвенность, хотя каждый хотѣлъ показать, что онъ чѣмъ-то занятъ, что-то дѣлаетъ, къ чему-то стремится, что его сильно интересуетъ значеніе Горькаго въ современной литературѣ, развитіе мелкаго кредита въ глуши, оскудѣніе мужика, политика, учебная реформа, въ то время, когда на умѣ у него была служебная карьера, винтъ, легкая нажива, оперетка, обѣды съ возліяніями и сплетни. Городъ постоянно томился въ ожиданіи въ сущности нисколько неинтересныхъ новостей, ежедневно собираемыхъ молодыми дамами и дѣвками, которымъ больше и дѣлать было нечего, какъ бѣгать по пустыннымъ улицамъ изъ магазина въ магазинъ, и затѣмъ онѣ разносили по городу, что въ модномъ магазинѣ Коркунова появилась парижская кисея, а въ магазинѣ Тряпичкина *moirs velours*; Звонская купила рояль Блютнера за 800 рублей, а сама не играетъ; спрашивается: зачѣмъ ей рояль въ 800 рублей?

Юный Тряпичкинъ, попавшій въ ученое архивное общество, заказалъ себѣ карточки въ такомъ видѣ: Jeannot de Torchon, membre de l'érudite société archéologique et historique. Анатолій Шпицъ, передовой фабрикантъ, былъ спущенъ съ лѣстницы Воскресенскихъ номеровъ запаснымъ корнетомъ Пустошкинымъ; земскій начальникъ Неудобровъ проигралъ въ клубѣ 800 рублей. Когда же въ обществѣ говорить было не о чемъ, тогда выручала нескончаемая болтовня о томъ, кто симпатиченъ, кто нѣтъ. Только и слышалось: «ахъ, какой симпатичный носъ, или голосъ у Анны Дмитриевны!» или: «ножки, ножки Марьи Васильевны забыли? она дурнушка, это вѣрно, но ножки, ножки!»..

Общество окончательно бы отупѣло отъ скуки и тоски, если бы не два-три аристократическихъ дома, отличавшихся талантомъ, вкусомъ, пикантными дамами, въ высшей степени порядочными, покладистыми мужьями и такимъ безумнымъ, но привлекательнымъ мотовствомъ, что все остальные обитатели города такъ ужъ и знали, что пройдетъ три, четыре года, и элегантные аристократы неминуемымъ образомъ распродадутъ все за безцѣнокъ, непременно найдутъ себѣ подходящее мѣсто на службѣ и исчезнуть, точно провалятся сквозь землю, какъ привидѣнія въ фееріяхъ.

Въ такомъ видѣ неизмѣнно тянулась городская жизнь до начала новаго столѣтія. Съ этого времени все измѣнилось, и наступила новая эра общаго подъема и одушевленія главнымъ образомъ на пользу родного края, просвѣщенія юношества, промышленности, сельскаго хозяйства, искусства и т. д. Каждый поспѣшилъ захватить въ свои руки извѣстную спеціальность, съ явнымъ желаніемъ прослыть экспертомъ и руководителемъ по какой нибудь отрасли, превосходя другъ друга въ рвеніи и честолюбіи.

Съ явнымъ ожесточеніемъ смотрѣли они на людей, чуждыхъ такого увлеченія: «на что же ты можешь быть способенъ, если не сочувствуешь вечернимъ лекціямъ по торговому праву, открытымъ для мѣстныхъ приказчиковъ, или лѣтнимъ экскурсіямъ дѣтей, съ барабаннымъ боемъ проходившихъ по улицамъ города въ сосѣдную рощу». — «Давай 5 рублей, а мы и безъ тебя обойдемся, мой милый», — только что не говорили вожаки, вербуя членовъ-соревнователей общества. Каждому хотѣлось кольнуть своего собесѣдника и показать ему, что онъ яснѣе понимаетъ и сильнѣе сочувствуетъ дѣйствительнымъ интересамъ родины. Въ глаза лѣзли вывѣски, громко возглашавшія о наступленіи новой эры, но въ то же время обѣщавшія то, чего въ сущности не существовало: лавка поощренія сельскаго хозяйства, художественныя выставки, музей ученой археологической комиссіи. Но въ сущности за этими вывѣсками скрывалось пустое мѣсто и ничего ровно, кромѣ тщеславія и желанія обмануть доверчиваго человѣка.

Такъ вотъ въ какое особенное время пришлось Оксѣ посѣтить городъ Сумбуръ!

IX.

Убѣдившись въ томъ, что дядя Миша дѣйствительно объявленъ несостоятельнымъ должникомъ, а дѣла съ крестьянскимъ банкомъ могутъ быть покончены въ три-четыре дня, въ самый полдень февральскаго дня Окся позвонила у парадныхъ дверей красиваго дома, въ которомъ обиталъ «нашъ генераль».

Бросавшаяся въ глаза мѣдная дощечка на дверяхъ гласила: «принимаю отъ четырехъ до пяти часовъ». Вышелъ солидный лакей во фракѣ и объявилъ, что генераль принимаетъ только въ извѣстный часъ, но когда Окся съ видимымъ удовольствіемъ повернула къ ожидавшему ее извозчику, лакей усомнился, спросилъ фамилію и попросилъ подождать. Онъ тотчасъ же вернулся и почтительно отворилъ двери.

Въ прихожей уже ожидалъ хозяинъ и съ распростертыми объятіями принялъ дорогую гостью.

— Извините, что заставилъ ждать,—говорилъ онъ, протягивая обѣ руки:—смертельно усталъ, съ утра на ногахъ и поневолѣ прячусь. Помилуйте, почтовая лошадь и та требуетъ отдыха! Такъ радъ, такъ доволенъ, что не въ состояніи выразить—нѣтъ словъ!

Вошли въ гостиную съ мягкой мебелью, коврами, великолѣпными альбомами на столахъ и картинами старыхъ мастеровъ на стѣнахъ; изящная обстановка была слабостью «нашего генерала».

— Ну, на какое кресло прикажете усадить васъ, на губернаторское или архіерейское? Вотъ здѣсь обыкновенно сидитъ его превосходительство, а тутъ его преосвященство—это его любимое мѣсто.

— Это все равно,—отвѣчала Окся, усаживаясь на диванъ.

— Радуйтесь! Вотъ что напечатано въ послѣднемъ номерѣ «Вѣдомостей». Читайте, да нѣтъ, я лучше самъ прочту!—съ обычнымъ пафосомъ вскричалъ хозяинъ и, схвативъ лежавшій на столѣ номеръ газеты и ставъ въ позу, прочелъ слѣдующее: «Извѣстный владѣлецъ писчебумажной фабрики Анатолій Лейбовичъ Шпицъ устроилъ для своихъ рабочихъ различныя народныя развлечения, какъ-то: чтенія, туманныя картины, и организовалъ дивный оркестръ. Въ настоящую минуту съ радостью отмѣчаемъ еще новое развлечение—устройство при фабрикѣ театра, этого благодѣтельнаго разсадника народнаго просвѣщенія. Фабричныя рабочіе, цѣня заслуги и заботы о нихъ владѣльца фабрики, воспользовавшись настоящимъ случаемъ, въ порывѣ благодарности поднесли ему прочувствованный, прямо отъ сердца идущій, адресъ, въ которомъ перечислялись всѣ благодѣянія хозяина. Молимъ Всевышняго Создателя о продленіи драгоценныхъ дней вашихъ на благопроцвѣтаніе вашихъ дѣлъ и для насъ, служащихъ и рабочихъ, на многія и многія лѣта! такъ заканчивался адресъ».

— Не правда ли, хорошо? Какъ тутъ не радоваться? Сейчасъ видно, что Анатолий Лейбовичъ человекъ съ душой, какъ говорится, съ искоркой,—и, попавъ на своего любимаго конька, хозяинъ помчался во всю прыть.

Перешли къ послѣднимъ новостямъ, и «нашъ генералъ» сообщилъ, что въ городѣ всѣ толкуютъ о томъ, что Окся поддалась вліянію Ратаевой и продала за безцѣнокъ землю мужикамъ.

— Съ своей стороны я тоже не одобряю, не могу одобрить,— продолжалъ «нашъ генералъ», но встрѣтилъ такой неожиданный и рѣзкій отпоръ, что поспѣшилъ перемѣнить разговоръ и сообщить, что Оксѣ необходимо въ 4 часа быть на засѣданіи общества вспомоществованія учащимся въ городскихъ школахъ, членомъ котораго она состоитъ съ давнихъ поръ, а вечеромъ въ клубѣ, гдѣ пойдетъ первое и единственное представленіе сценъ изъ трагедіи Шекспира «Ромео и Джульета». — Баронесса въ городѣ, и нужно приложить все стараніе, чтобы поддержать ее и не вводить въ излишніе расходы,—внушительно добавилъ «нашъ генералъ». Послѣ этого онъ, по обыкновенію, сослался на массу неотложныхъ дѣлъ и заторопился ѣхать.

Въ прихожей поджидали какія-то старухи и калѣки и просили помочь.

— Я по принципу отказываю въ личной помощи, особенно безъ рекомендацій, и жертвую только на учрежденія,— отрѣзалъ «нашъ генералъ» и, еще разъ напомнивъ о собраніи и представленіи въ клубѣ, вышелъ на улицу.

Пока Окся дошла до своей гостиницы, ей пришлось два раза вынимать кошелекъ и отдавать свою лепту то на питаніе выздоравливающихъ больныхъ, то на какое-то крайне полезное учрежденіе, цѣль котораго она даже не могла понять. Ее прямо останавливали на улицѣ и требовали, между тѣмъ какъ на всѣхъ фонарныхъ столбахъ по ея пути красовались разноцвѣтныя афиши, гласившія, что пять невѣстъ изъ недостаточныхъ купеческихъ или мѣщанскихъ семействъ вызываются на 21 февраля въ контору купца Лаптева для полученія по 60 рублей приданаго каждая, а рядомъ розовая афиша огромными буквами кричала: концертъ-монстръ въ 16 рукъ въ пользу сиротъ, и не было возможности отдѣлаться отъ этихъ пяти невѣстъ и 16 рукъ: онѣ такъ и лѣзли на каждомъ шагѣ.

Въ 4 часа Окся входила въ залу, гдѣ собрались многочисленные члены благотворительнаго общества, но при всемъ томъ пришлось довольно долго ожидать властей. «Нашъ генералъ» воспользовался случаемъ и, переходя съ мѣста на мѣсто, подогрѣвалъ общество, обращая вниманіе всѣхъ и cadaго на Оксю, выдѣлявшуюся своимъ костюмомъ и чисто-русскою красотою, не имѣвшей ничего общаго съ чахлымъ или кукольнымъ видомъ городскихъ дамъ.

— Обратите вниманіе: это она, извѣстная Окся, самородокъ изъ народа. Смотрите, вотъ она. Полюбуйтесь, сколько силы и самоувѣренности въ этой фигурѣ,—то тутъ, то тамъ нашептывалъ «нашъ генералъ».

— *Charmante, charmante*, — восклицали мужчны, между тѣмъ какъ дамы обратили вниманіе только на туалетъ и нашли, что Окся одѣвается со вкусомъ, хотя и пестро.

Все смолкло... присутствующіе приняли почтительныя позы: вошли губернаторъ, архіерей и предсѣдатель общества, очень похожіи на Чичикова, какъ его обыкновенно изображаютъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Ему извѣстно было это ненавистное, но, тѣмъ не менѣе, поразительное сходство его съ героемъ «Мертвыхъ душъ», и потому онъ всячески старался придать своей фигурѣ гордый и надменный видъ.

Задвигались кресла и стулья; всѣ заняли свои мѣста, а предсѣдатель началъ читать отчетъ, изъ коего присутствующіе узнали, что дѣла общества были бы въ блестящемъ состояніи, если бы его многочисленные члены аккуратно платили свои взносы и въ этомъ случаѣ подражали бы именитымъ купцамъ Смычкову, Борщеву и Лаптеву, или же извѣстной благотворительницѣ Аксиньѣ Гурьяновнѣ Четвертаковой, пожертвовавшей 700 рублей деньгами, спасшими общество отъ дефицита въ текущемъ году.

Не успѣлъ предсѣдатель покончить чтеніе отчета, какъ вскочилъ съ своего мѣста тощій, лысый господинъ съ козлиной бородкой и началъ прославлять благотворную дѣятельность предсѣдателя, приглашая выразить ему общую признательность.

Всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ и раскланялись, а на мѣстѣ второго оратора уже выросъ третій, горячо восхвалявшій самоотверженную дѣятельность второго, а окончаніе его пространной и блистательной рѣчи съ видимымъ нетерпѣніемъ ожидалъ четвертый ораторъ, приглашавшій чествовать купца Борщова за пожертвованные имъ въ голодовку 72 пуда пшена. Послѣ него въ самомъ концѣ залы поднялся учитель, завѣдывавшій той самой школой, въ которую были пожертвованы эти 72 пуда, но, не совладавъ съ своей врожденной чувствительностью, не кончилъ своей задушевной рѣчи и ступсывался.

Всѣ эти изліянія продолжались нѣсколько часовъ подъ рядъ, и казалось бы, что добродѣтель жертвователей достаточно вознаграждена, но тутъ передъ самимъ предсѣдателемъ выросла вдохновенная фигура «нашего генерала», давно уже ожидавшаго своей очереди.

Онъ началъ такъ: «ваше преосвященство, ваше превосходительство, милостивые государи и милостивыя государыни, мы воздали должное почтеннымъ дѣятелямъ нашего общества, но забыли Аксинью Гурьяновну Четвертакову. Мы узнали, что она пожертвовала 700 ру-

блей деньгами, не считая хлѣба и другихъ продуктовъ, но не всѣмъ присутствующимъ извѣстны ея негласныя пожертвованія, ея выходящая изъ ряду вонъ дѣятельность по народному образованію, — она, эта дѣвушка изъ народа, постоянно расширяя сѣть сельскихъ училищъ, на свой счетъ выстроила четыре школьныхъ дома, и народъ неудержимой волной хлынулъ въ нихъ. Приглашаю»...

Оратору не дали кончить его рѣчи. Послѣдовалъ небывалый взрывъ восторга: всѣ присутствовавшіе, какъ одинъ человѣкъ, встали съ своихъ мѣстъ и, со всѣхъ сторонъ обступивъ Оксю, кричали и аплодировали, что было силъ, точно хотѣли оглушить ее или полюбоваться ея смущеніемъ.

Оглушенная, подавленная Окся поспѣшила оставить собраніе, вмѣстѣ съ «нашимъ генераломъ», озабоченнымъ тѣмъ, что засѣданіе затянулось слишкомъ долго, и, пожалуй, они уже опоздали на представленіе знаменитой трагедіи Шекспира.

Низкая и мрачная клубная зала была переполнена публикой, томившейся отъ жары и скуки. На сценѣ, крайне тѣсной и загроможденной декораціями, изображавшими не то лѣсъ, не то садъ, выступали, размахивали руками и что-то выкрикивали видимымъ образомъ сбитые съ толку и удрученные своимъ положеніемъ ученики сельской школы и служащіе баронессы, одѣтые въ странные костюмы, расшитые дешевыми галунами, и въ безобразныя шляпы съ перьями.

Шла послѣдняя, заключительная сцена, въ глубинѣ лежало бездыханное тѣло Ромео, надъ нимъ стоялъ отецъ Лоренцо и заувывнымъ голосомъ, точно читалъ псалтырь надъ покойникомъ, говорилъ:

— Я буду кратокъ: рассказывать подробно
 Всю повѣсть ихъ мнѣ жизни не достало-бъ.
 Ромео распростертый былъ супругъ
 Джульеты бездыханной, а она
 Была его супругой неизмѣнной,
 Я ихъ вѣнчалъ. День тайнаго ихъ брака
 Днемъ роковымъ Тибальту былъ, чья смерть
 Содѣлала изгнанникомъ Ромео.

Съ первыхъ же словъ отца Лоренцо «нашъ генералъ» остановился, какъ вкопанный, весь обратился въ слухъ и, просіявъ отъ умиленія, не переставалъ кивать головой направо и налево, какъ будто приглашая всѣхъ и каждого восхищаться, а когда монологъ былъ конченъ, онъ многозначительно протянулъ: д-а-а, но въ отвѣтъ на этотъ возгласъ послѣдовалъ смѣхъ окружающихъ, а вся толпа, видимымъ образомъ возмущенная и недовольная, хлынула вонъ изъ зала.

Занавѣсъ опустился; къ «нашему генералу», какъ громовая туча, подступила баронесса, возмущенная равнодушіемъ и наглостью

публики, даже забывшей поблагодарить ее за доставленное удовольствие.

— Благодарю, тысячу разъ благодарю... Для меня это праздникъ, праздникъ искусства... Но чего же вы хотите отъ нашей публики, она ничего не понимаетъ, не подготовлена, — утѣшаль баронессу нашъ генераль».

— А ужинъ, которымъ вы обѣщали накормить мою труппу, — гдѣ же этотъ ужинъ? Вы взяли на себя заботы объ ужинѣ? — не слушая утѣшеній, наступала баронесса.

— Успокойтесь, ужинъ будетъ!— вскричалъ никогда не терявшійся генераль, тутъ только вспомнившій о своемъ обѣщаніи приготовить все, что нужно для угощенія артистовъ.

— Успокойтесь, ужинъ будетъ,—уже съ увѣренностью повторилъ онъ и бросился искать членовъ клуба. Ему удалось захватить одного изъ нихъ, не успѣваго скрыться и самаго покладистаго. Тотъ бросился къ буфету, разыскалъ какіе-то не сходявшіе съ рукъ консервы и нѣсколько французскихъ хлѣбовъ, между тѣмъ какъ всегда находчивый генераль послалъ дворника къ проживавшему рядомъ присяжному повѣренному, всегда готовому на доброе дѣло, а тотъ немедленно прислалъ ведро молока, и такимъ образомъ артисты были спасены.

X.

Городской день въ противоположность деревенскому начинался очень поздно; для чиновниковъ съ десяти часовъ, для неслужащихъ съ двѣнадцати, а для дамъ большого свѣта съ двухъ—иначе оно и не могло быть при общей привычкѣ городскихъ жителей проводить вечера въ опереткѣ или въ клубѣ. Всѣ до такой степени втянулись въ подобный порядокъ жизни, что всякая другая жизнь была бы невыносима; въ присутственныхъ мѣстахъ, банкахъ, магазинахъ и среднемъ обществѣ шли постоянные разговоры о томъ, кто выигралъ и кто проигралъ въ клубѣ, и кто изъ опереточныхъ артистокъ выше поднималъ ноги.

Общее настроеніе было до такой степени игривое, что даже приказчики, стоя за прилавками, напѣвали: «гдѣ таракановъ много, тамъ въ домѣ благодать, бла-а-го-дать», а солиднѣйшіе изъ чиновниковъ, при исполненіи своихъ серьезныхъ обязанностей, едва-едва могли совладать съ непреодолимымъ желаніемъ откинуть назадъ одну ногу и вихремъ пролетѣть по присутствію. Даже изъ таинственнаго, всегда замкнутаго кабинета управляющаго одной палатой по временамъ раздавалось: «нужно освѣжиться, нужно порѣзвиться, чтобъ добрѣе быть».

Окся, какъ настоящая деревенщина, чувствовала себя мученицей среди городской суеты и съ своей неизмѣнной привычкой подниматься вмѣстѣ съ пѣтухами встала раньше всѣхъ лакеевъ и

горничныхъ гостиницы, въ которой остановилась, и рѣшительно не знала, что дѣлать: банковскіе чиновники просили обождать два-три дня, а дядя Миша точно въ воду кануль.

Гдѣ-то раздался тихій звонъ колокола, призывавшій къ ранней обѣднѣ. Наскоро одѣвшись, Окся поспѣшила на этотъ робкій зовъ. Ее съ дѣтства пріучали къ церкви и всему религіозному, съ дѣтской наивностью приняла она вѣру и постепенно дошла до какого-то восторженнаго отношенія въ церковнымъ обрядамъ. Не помолиться утромъ и на ночь, не сходить къ обѣднѣ въ праздничный день было бы для нея невыносимо. Она вошла въ пустой храмъ и, забравшись въ темный уголь, припавши къ холоднымъ плитамъ, клала долго поклоны. На обратномъ пути снова на всѣхъ столбахъ замелькали передъ ней пять невѣстъ и 16 рукъ.

Возвратившись въ гостиницу, она нашла на столѣ нѣсколько визитныхъ карточекъ, приглашеній, и между прочимъ письмо «нашего генерала», общавшаго захватъ за ней ровно въ два часа, чтобы везти ее въ городскую думу, гдѣ предполагалось чествованіе надворнаго совѣтника Журавлева, только что пожертвовавшаго восемьдесятъ тысячъ на постройку ремесленнаго училища. Но ей прежде всего необходимо было побывать на экстренномъ собраніи, гдѣ между прочимъ должна быть рассмотрѣна ея просьба о вспомоствованіи на содержаніе Погибеловской школы. Она была вполне увѣрена, что земство придетъ на помощь въ настоящемъ случаѣ, при неожиданномъ, но уже очевидномъ разстройствѣ дѣлъ.

Для Окси снова выдался необычайно суетливый, шумный и безалаберный день.

Собраніе, куда она попала къ двѣнадцати часамъ, было настроено къ тому, чтобы проваливать все безъ исключенія просьбы о помощи всякимъ благотворительнымъ затѣямъ.

Предсѣдатель собранія, добродушный и практичный толстякъ, случайно попавшій на предсѣдательское кресло, не умѣлъ ни говорить, ни писать, ни комбинировать мнѣній гласныхъ, но при всемъ томъ стоялъ на высотѣ своего положенія и не терялъ своего достоинства, благодаря завидной способности выразительно мычать что-то не всегда понятное, но подходящее къ данному случаю.

Одно за другимъ провалились: предложеніе какого-то столичнаго филантропа, общавшаго выслать книгъ для устройства двадцати народныхъ читаленъ съ тѣмъ, чтобы земство озаботилось устройствомъ приличныхъ помѣщеній; предложеніе завести крестьянскія образцовыя пожарныя дружины съ матеріальной помощью отъ земства; просьба Окси о поддержкѣ погибеловской школы, лишенной всякаго вспомоствованія отъ крестьянъ.

«Въ нашъ благотворительный кружокъ, — писалъ отецъ Ириней, — поступило отъ высокопоставленнаго лица, нынѣ умершаго, 400 ру-

блей, отъ купеческой вдовы Борщовой, тоже нынѣ умершей, 300 рублей, отъ Аксиньи Гурьяновны Четвертаковой 100 рублей, отъ 10 соревнователей 154 рубля, а всего поступило 954 рубля. На означенную сумму покупался лѣсъ, разрабатывался на тесъ, на доски и т. д., а въ настоящемъ году шесть бѣднѣйшихъ крестьянскихъ домовъ покрыты тесомъ бесплатно, и на все это израсходовано болѣе 640 рублей, и такимъ образомъ эти вновь покрытыя избы могутъ быть уже застрахованы въ настоящую сумму ихъ стоимости. Нынѣ закуплено лѣсу двѣ десятины, при помощи добрыхъ людей, которые заимообразно дали болѣе 1000 рублей денегъ, но на разработку его потребуется еще 500 рублей, которые кружокъ и надѣется получить отъ нашей общей милосердной матери, всегда готовой съ распростертыми объятіями»...—и т. д. въ такомъ родѣ.

Но въ настоящую минуту милосердная мать осталась глуха къ мольбамъ своего дѣтища, и только уполномоченный отъ духовенства просилъ выразить благодарность кружку борьбы съ сельскими пожарами за нравственную поддержку собранія.

— Да будетъ вамъ!—пора уже сдѣлать перерывъ... Всѣ ѣсть хотятъ,—то и дѣло приставалъ къ предсѣдателю одинъ изъ гласныхъ.

Вскорѣ всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ и шумной, веселой толпой спустились внизъ, гдѣ давно уже ожидалъ накрытый столъ и завтракъ.

Проходя мимо, Окся на минуту остановилась въ коридорѣ, около открытыхъ дверей. Отсюда слышалось приблизительно слѣдующее: Мы уже прошлись по третьей.—Браво!—Здравствуйте, Петръ Петровичъ!—Здравствуйте, Василій Семеновичъ!—Еще здравствуйте, Иванъ Васильевичъ!—Нѣтъ, господа, серьезно, правда ли, что на Гейнцу уже нѣтъ ни одного билета?—Еще здравствуйте, Василій Семеновичъ!—Что такое?—А то, что я намокъ, окончательно намокъ.

Подвигъ надворнаго совѣтника Журавлева, пожертвовавшаго 80 тысячъ на благотворительное учрежденіе, всколыхнулъ весь городъ. Около думы стояла такая масса экипажей, что Окся едва пробралась къ подъѣзду, а потомъ въ парадную залу, гдѣ толпился весь городъ.

Рядомъ съ головой сидѣлъ маленькій, коренастый старикъ, сѣдой, чисто выбритый, съ подстриженными щетинистыми усами, огромной головой, изрѣзанной морщинами и совершенно ушедшей въ высокій шитый воротникъ, и пронизательными ястребиными глазами. Вся грудь надворнаго совѣтника была увѣшена медалями, крестами и даже жетонами, не предназначенными къ тому, чтобы ихъ носили на груди.

Напротивъ старичка въ вдохновенной позѣ стоялъ извѣстный въ городѣ присяжный повѣренный и, видимымъ образомъ насла-

ждаясь своимъ краснорѣчіемъ, не торопясь, съ большой выдержкой произносилъ свою длинную, хорошо обдуманную рѣчь.

— Передъ вами человекъ, отдавшій все свое состояніе на благо родного города,—такъ закончилъ ораторъ.—Въ теченіе 50 лѣтъ копилъ онъ свой капиталъ, долгое время получая ничтожное жалованье мелкаго чиновника при строительномъ комитетѣ и ведя въ полномъ смыслѣ подвижническую жизнь. Не будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что вся жизнь его была непрерывнымъ геройскимъ подвигомъ, въ сравненіи съ коимъ блѣднѣетъ и тускнѣетъ геройство, которое принято называть этимъ именемъ въ обыденной жизни: питаться цѣлую жизнь однимъ чернымъ хлѣбомъ и водой, никогда не пить чаю, спиртныхъ напитковъ, не курить, не имѣть семьи. О, этотъ подвигъ несравненно выше, чѣмъ взобраться первымъ на неприступный редутъ или взойти на крѣпостную стѣну. Училище, основанное на капиталъ надворнаго совѣтника Журавлева, даетъ пріютъ круглымъ сиротамъ, даетъ имъ возможность получить такія полезныя знанія въ жизни, которыя поставятъ ихъ прямо на ноги, на пользу родного города. Да здравствуетъ надворный совѣтникъ Журавлевъ, на многія, многія лѣта, ура!

Громкое ура потрясло стекла городской думы.

Затѣмъ Оксѣ пришлось быть на очередномъ собраніи общества поощренія образовательныхъ прогулокъ юношества, въ кассѣ котораго имѣлось всего 83 копейки, вмѣстѣ съ «нашимъ генераломъ» сѣздить на поклонъ къ престарѣлой дамѣ-патронессѣ, зорко слѣдившей за тѣмъ, что совершалось въ обществѣ и раздававшей дипломы на добродѣтель, а вечеромъ она волей или неволей попала на блестящій балъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ.

По общему отзыву балъ удался какъ нельзя болѣе и отличался рѣдкимъ оживленіемъ. Нарядныя дамы, торговавшія чаемъ, букетами и шампанскимъ, превзошли себя и, продѣлывая всякіе маневры кокетства, заработали сумасшедшія деньги. Молодымъ людямъ хотѣлось, во что бы то ни стало, отличиться и заставить говорить о себѣ: фабрикантъ Шлицъ далъ пятьдесятъ рублей за бокалъ шампанскаго, но бывшій при этомъ предводитель, свысока взглянувъ на него, бросилъ сто рублей, а корнетъ запаса Пустошкинъ, пріѣхавшій въ городъ за полученіемъ десяти тысячъ, слѣдовавшихъ ему изъ дворянскаго банка за послѣднія, оставшіяся у него двѣсти десятинъ земли, недолго думая, бросилъ двѣсти рублей за то, что пикантная продавщица позволила ему поцѣловать свою ручку.

Студенты по обыкновенію благодарили «нашего генерала» за его хлопоты по устройству бала, а тотъ отвѣчалъ задушевной рѣчью: «Не смущайтесь моими сѣдинами,—говорилъ онъ, мгновенно подхваченный молодежью:—подъ ними бьется горячее сердце».

Его подбрасывали все выше и выше, а онъ, летая въ облакахъ табачнаго дыма, посылалъ воздушные поцѣлуи.

Присутствовавшая при этомъ Окся почувствовала сильное головокруженіе и, обхвативъ руками голову, повторяя: зачѣмъ, зачѣмъ все это?—быстро вышла изъ комнаты.

XI.

Дѣла задержали Оксю въ городѣ, и такимъ образомъ она имѣла полную возможность взглянуть на порядки благотѣтельнаго пріюта, основаннаго на деньги, пожертвованныя надворнымъ совѣтникомъ Журавлевымъ, тѣмъ болѣе, что смотритель Крестовоздвиженскій оказался ея старымъ знакомымъ.

Посреди глухой улицы стоялъ двухъэтажный домъ съ громадной вывѣской, гласившей: «ремесленное училище для сиротъ, основанное надворнымъ совѣтникомъ Журавлевымъ».

Изъ прихожей вдоль всего зданія тянулся длинный коридоръ, изъ котораго одна дверь направо вела въ обширную классную, уставленную партами и черными досками, а другая въ маленькую чисто выбѣленную комнату, гдѣ помѣщался шкафъ съ образцами всякихъ работъ, сдѣланныхъ руками сиротъ, и большой столъ, надъ которымъ красовался портретъ благотворителя Журавлева, въ мундирѣ со всѣми орденами и жетонами на груди, а противъ портрета, написаннаго извѣстнымъ художникомъ, все свободное отъ обычныхъ занятій время сидѣлъ благотворитель, не спуская глазъ съ своего изображенія. Въ этомъ вѣчномъ созерцаніи своей особы заключалась вся прелесть жизни отставнаго надворнаго совѣтника, каждый разъ тщательно покрывавшаго портретъ холстомъ, когда дѣла призывали его въ мастерскую.

Въ тотъ же длинный коридоръ выходила дверь квартиры смотрителя Крестовоздвиженскаго, коренастаго, меланхоличнаго вида семинариста, по окончаніи курса посвятившаго себя трудной обязанности наставника юношества. Это былъ уже заматерѣвшій, обросшій волосами холостякъ, склонный къ поэзіи и искусствамъ. Всѣ стѣны его квартиры были увѣшаны дешевыми олеографіями, фотографическими портретами въ имъ же весьма искусно выпиленныхъ рамкахъ и его же работы экранами съ красовавшимися на нихъ статуетками нашихъ знаменитостей.

Смотритель Крестовоздвиженскій по самой природѣ своей былъ невозмутимый стоикъ и добрякъ, но, невзирая на такія рѣдкія качества и несомнѣнную честность, онъ то и дѣло бѣгалъ къ инспектору городскихъ школъ съ просьбой перевести его хотя бы на самое скромное жалованіе, такъ какъ въ благотворительномъ заведеніи Журавлева можно сойти съ ума, и такой каторжной жизни никакой организмъ вынести не можетъ.

Инспекторъ внимательно выслушивалъ бѣднаго смотрителя, соболѣзновалъ ему, но при всемъ томъ всячески уговаривалъ остаться на мѣстѣ, хотя бы до конца года. Болѣе года никто изъ смотрителей вынести не могъ и неминуемымъ образомъ уходилъ.

Прежде всего благотворитель Журавлевъ, пожертвовавшій весь свой капиталъ на устройство, былъ несомнѣнный маньякъ, помѣшанный на томъ, что всѣ люди вообще прежде всего несомнѣнные воры, ежеминутно готовые стащить то, что плохо лежитъ, а затѣмъ расточители, способные промотать, на что попало, украденное. Онъ былъ безжалостенъ къ своимъ бѣднымъ родственникамъ, съ полнѣйшимъ равнодушіемъ прошелъ бы мимо умирающаго съ голода человѣка, и ко всему этому былъ крайне не довѣрчивъ и не общителенъ, прислуги не держалъ и прожилъ всю свою жизнь въ полнѣйшемъ одиночествѣ, съ своими думами о ничтожествѣ человѣка. Онъ былъ смѣшонъ и въ то же время невыразимо жалокъ въ глазахъ каждаго мало-мальски мыслящаго человѣка.

Вѣчно озлобленный, подозрительный и ворчливый Журавлевъ, какъ тѣнь, бродилъ по всѣмъ закоулкамъ заведенія, тщательно собирая по двору и въ мастерской все, что попадалось подъ руку и въ сущности не имѣло никакой цѣнности: негодные гвозди, бумажки, веревочки, обрывки кожи, сукна или холста; все это бережно складывалось въ особый, всегда запертый чуланъ. Если же собирать было нечего, то онъ подкрадывался къ дверямъ и въ замочную скважину слѣдилъ за каждымъ движеніемъ смотрителя. Но самымъ тревожнымъ днемъ для него былъ день пріѣзда сельскаго священника, отца смотрителя, изрѣдка навѣщавшаго сына. Въ такіе дни маньякъ уже не отходилъ отъ замочной скважины или же съ горящими отъ волненія глазами бродилъ вокругъ телѣжки сельскаго пастыря, прикрытой рогожей, вполне увѣренный, что подъ ней-то именно и скрываются похищенныя издѣлія мастерской.

Двадцать Плюшкиныхъ, вмѣстѣ взятыхъ, не могли бы соперничать съ Журавлевымъ въ скупости и способности къ воздержанію. Ораторъ, восхвалявшій его въ торжественномъ засѣданіи думы, былъ несомнѣнно правъ, указывая на его аскетическую жизнь. Журавлевъ дѣйствительно отказывалъ себѣ во всемъ, послѣ выхода въ отставку долгое время питался почти подаеніемъ, собиралъ на базарѣ остатки съѣстныхъ припасовъ, по цѣлымъ ночамъ гремѣлъ цѣпью, чтобы только не нанимать сторожа и не держать собаки; его ветхое носильное платье давно уже покрылось блестящимъ на солнцѣ слоемъ грязи и пыли. Его сердце учащенно билось только при мысли о новыхъ наградахъ, орденахъ и титулахъ.

Прославленный благотворитель не пропускалъ ни одного случая, чтобы не напомнить высокопоставленнымъ людямъ, посѣщавшимъ его пріютъ, о давно уже ожидаемомъ имъ Владимирѣ и чинѣ

дѣйствительнаго статскаго совѣтника, которымъ онъ даже бредилъ по ночамъ.

Постоянно окруженный дѣтьми, Журавлевъ не питалъ къ нимъ ни капли любви или участя, а только злобствовалъ на расходы, всегда казавшіеся ему чрезмѣрными, и выходилъ изъ себя, когда въ праздничный день воспитанники пріюта позволяли себѣ бѣгать, играть или, Боже сохрани, пѣть въ училищномъ залѣ.

— «На что это похоже, и чего вы смотрите!—приставалъ онъ въ такихъ случаяхъ къ Крестовоздвиженскому:—сироты ежеминутно должны благодарить Создателя и своего благодѣтеля, а они заводятъ непристойныя въ ихъ положеніи игрища — поютъ и скачутъ.

Возмущенная до глубины души покинула Окся прославленный, двадцать разъ описанный мѣстными корреспондентами, пріютъ на-дворнаго совѣтника Журавлева.

Она заперлась въ своемъ номерѣ и долго ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, не умѣя дать себѣ отчета въ своихъ чувствахъ.

Только этой капли не доставало, чтобы переполнить чашу, можетъ быть, значительно преувеличенныхъ въ эту минуту разочарованій, и ей живо припомнилось когда-то гдѣ-то вычитанное мнѣніе, что если не всѣ люди рождаются на свѣтѣ злодѣями, душегубцами, то всѣ, всѣ безъ исключенія, рождаются тщеславными, склонными къ лести и похваламъ. Хлѣбомъ не корми, а только похвали,—особенно въ газетахъ. Въ эту минуту она почувствовала себя одинокой и несчастной, убѣдившись въ мелочности своихъ стремленій.

Ну, значитъ, баста, конецъ иллюзіямъ,—безповоротно рѣшила Окся и заторопилась домой. Вѣдь не того она ожидала, не того хотѣла — и вдругъ ничего, кромѣ пустой лести.

Окся возвращалась на хуторъ только для того, чтобы передать его новому владѣльцу; банкротство дяди Миши и накопившіеся долги вынудили ее продать все, что имѣла, за исключеніемъ 20-ти десятинъ на рѣчкѣ Кандалихѣ, съ небольшою мельницей-коло-товкой.

ХІІ.

Бѣгать приходилось верстѣ 50-ть по февральскому въ пухъ и прахъ разбитому обозами зимнему пути.

За городомъ Васька-безстрашный, постоянный ямщикъ Окси, остановилъ тройку, слѣзъ, развязалъ колокольчикъ, походилъ во-кругъ саней, покачнулъ дугу и, указывая кнутовищемъ на сумрачную даль, дымившуюся снѣжной мятелью, съ видимымъ удовольствіемъ проговорилъ: вотъ она, матушка, какъ разыгралась. Онъ уже предвкушалъ возможность сбиться съ дороги, плутать, а, можетъ быть, и замерзнуть въ снѣжной степи.

Мятель разыгрывалась все сильнѣе и сильнѣе; сверху валилъ густой и мелкій снѣгъ.

Окся закуталась съ головой и предалась на волю Провидѣнія. Она пыталась заснуть, но не могла, а воспоминанія съ усиленной быстротой смѣнялись, въ воображеніи ей мерещились разнообразныя сцены, только что пережитыя въ городѣ: то «нашъ генераль», летающій въ табачномъ дыму и посылающій воздушные поцѣлуи качавшимъ его студентамъ, то пикантная дама, граціозно протягивавшая свою маленькую ручку запасному корнету, пожертвовавшему 1.000 рублей, то каменная фигура надворнаго совѣтника Журавлева, въ мундирѣ, со всеми орденами на груди, а напротивъ него присяжный повѣренный въ модномъ фракѣ съ искусно взъерошенными волосами и поднятой къ небу рукой, или метавшіе молніей глаза ревностнаго устроителя кружка борьбы съ сельскими пожарами, озлобленнаго отказомъ собранія, пожалѣвшаго какихъ-то 500 рублей, или напыщенныя фигуры думскихъ ораторовъ, во что бы то ни стало старавшихся обезсмертить другъ друга; а въ ушахъ вмѣсто колокольчика и завываній мятели раздавались оглушительныя рукоплесканія, гремѣло ура, слышались веселые разговоры гласныхъ, между тѣмъ какъ въ глазахъ мелькали разноцвѣтныя афиши на фонарныхъ столбахъ и тѣ же неизбѣжныя пять невѣсть и шестнадцать рукъ, готовыхъ съ благотворительной цѣлью отбарабанить увертюру изъ «Жизни за царя», какъ будто такъ уже и невозможно было осчастливить пять бѣдныхъ невѣсть, не печатая объ этомъ афишѣ, а безъ этихъ 16-ти рукъ никто уже не дастъ рубля на благое дѣло.

Вопреки предсказаніямъ ямщика мятель стихла, и царившія съ утра сумерки превратились въ разсвѣтъ.

Къ вечеру дорога повернула на глухой проселокъ—ни одного ухаба, ни человѣческаго, ни саннаго слѣда не было видно: горизонтъ значительно расширился. Колокольчикъ точно запѣлъ отъ радости, Васька взмахнулъ кнутомъ и помчался во всю прыть.

Но вотъ и хуторъ. Одиноко стоитъ онъ, едва замѣтный посреди снѣга, который только что не до самыхъ трубъ занесъ его.

— Сейчасъ увижу, сейчасъ увижу его, дорогого мальчика, — замирая отъ нетерпѣнія, повторяла Окся. Она сбросила съ головы платокъ вмѣстѣ съ кучей облѣпившаго его снѣга и открыла глаза. Навстрѣчу, увязая въ сугробѣ, безъ памяти отъ радости, бѣжалъ Гринька, окруженный весело лаявшими хуторскими собаками.

Сердце забилося съ удвоенной силой, забыто все прошлое, на душѣ Окси свѣтло и ясно, нѣтъ ни для кого ни упрека, ни злобы, ни порицаній, даже нѣтъ раскаянія въ сдѣланныхъ ошибкахъ и увлеченіяхъ, ничего, кромѣ полной радости жизни.

XIII.

Миновали три года.

Майскія сумерки спускались на землю... Синее небо покрывалось ночными тѣнями, ряды сѣрыхъ деревенскихъ избъ, расположенныхъ на пригоркѣ по берегу рѣчки Кандалихи, терялись среди темнѣющей, необозримой глади окрестныхъ полей, кое-гдѣ въ избахъ загорались уже красноватые огни.

Надъ деревней стоялъ неумолкаемый гулъ пьяныхъ голосовъ: тамъ провожали престольный праздникъ Миколы-Милостиваго.

Человѣкъ, не посвященный въ порядки и обычаи деревенской жизни, всталъ бы втупикъ, прислушиваясь къ дикой оргіи, тянувшейся уже четвертый день, между тѣмъ какъ въ сущности исполнялся только старо-завѣтный, никого не возмущавшій обычай.

На новомъ хуторѣ, построенномъ Оксей на противоположномъ берегу рѣчки, царила невозмутимая тишина: единственный хуторскій работникъ съ женой и дѣтьми пировалъ на праздникъ, взваливъ на плечи Окси всѣ хозяйственныя заботы и хлопоты.

Окся охотно бы примирилась съ своимъ положеніемъ, если бы не постоянныя нашествія деревенскихъ гостей. Они съ утра до ночи въ одиночку и по нѣскольку человѣкъ разомъ, взявшись за руки и поддерживая другъ друга, «по-сусѣдски» являлись на хуторъ. Ей то и дѣло приходилось встрѣчать и провожать незваныхъ гостей, поздравлявшихъ съ праздникомъ и требовавшихъ вина.

Порой, но только на часъ-на два, на Оксю находили тяжелыя минуты, благодаря твердо водворившемуся хаосу и неурядицѣ взаимныхъ отношеній съ ближайшими сосѣдями. Мужики продолжали травить ее лужею, озими и даже хлѣбъ, утверждая, что такъ всегда было и иначе быть не можетъ, такъ какъ земля на самой потравѣ, и тутъ ничего не подѣлаешь, а когда она, потерявъ терпѣніе, грозила земскимъ начальникомъ, то старики добродушно увѣряли, что судиться не желаютъ, а хотятъ жить «по-сусѣдски, по-Божьи». При всемъ томъ Окся штрафовъ не брала и не судилась, ясно сознавая, что старики отчасти правы, а при отсутствіи караула и городьбы уберечься отъ потравы невозможно.

Въ послѣднее время она значительно измѣнилась—лицо поблѣднѣло, осунулось, въ немъ не было уже бывшей жизнерадостности, между бровями легла замѣтная морщина. Постоянная крестьянская работа положила на нее свой особый отпечатокъ, но рядомъ съ ней работалъ ея дорогой Гриня, и этого было достаточно, чтобы ободрить ее и поднять упавшій духъ.

Гринька не на шутку сдѣлался помощникомъ Окси. Онъ былъ постоянно занятъ. Съ серіознѣйшимъ видомъ развѣзжалъ верхомъ взадъ и впередъ по загону и боронилъ землю, убиралъ скотину, привозилъ снопы и солому, умѣлъ и лошадей запрячь и дровъ нарубить.

Сумерки все сгущались. Усталая послѣ работы Окся рядомъ съ неразлучнымъ съ ней мальчикомъ сидѣла и, несмотря на теплый день, куталась въ большой платокъ, словно ей было холодно на крылечкѣ своей новой избы. Гдѣ-то вблизи раздавался колокольчикъ, на минуту замолкъ, кто-то отворялъ ворота, залаяли собаки, и къ крыльцу подкатилъ земскій врачъ Дѣдовъ.

— Докторъ!—не помня себя отъ радости, вскричала Окся.

— Онъ самый и есть,—отвѣчалъ знакомый голосъ.

— Все странствуете?

— Странствую...

— Ну, вотъ и прекрасно—отдохните немного, да и лошади устали.

— Я на минуту—спѣшу въ Тепловку: дьячекъ провалился на мосту вмѣстѣ съ возомъ, ногу сломалъ. Ну, что, какъ поживаете? Давно не видались. Слышалъ, что хандрите, да не вѣрилъ,—интересовался докторъ, усаживаясь на скамью противъ Окси.

Она отвѣчала не сразу:

— Нѣтъ,—проговорила она наконецъ.—Грустно только, что такая безхарактерная родилась на свѣтъ Божій.

— Ну, это вы напрасно. Не хочу и не могу вѣрить, чтобы у васъ не было характера.

— Какой тутъ характеръ, когда тоска обуяла... И если бы не мой мальчикъ... Теперь стала на ноги... Съ зари до зари при дѣлѣ, сама всю крестьянскую работу несу, и знаете что: чувствую себя далеко лучше, чѣмъ прежде, когда и деньги были и почетъ.

Докторъ заходилъ изъ угла въ уголъ и ерошилъ себѣ волосы; наконецъ остановился и сказалъ:

— Смуцаться прошлымъ вамъ нечего—уродливыя явленія всегда примѣщивались ко всякому широкому общественному движенію.

— Знаю и понимаю все это, а все-таки не могу безъ горечи вспомнить прошлое.

Гость и хозяйка на минуту замолкли.

— Дайте вы мнѣ высказаться до конца... кому же больше стала бы я раскрывать свою душу? Я только факты, одни голые факты приведу,—мгновенно одушевляясь, заговорила Окся.—Всячески прославляютъ и раздуваютъ благотворительность, а голи-то съ каждымъ годомъ все больше и больше. Больше рекламы, лжи, честолюбцевъ, благотворителей на чужой счетъ, напыщенныхъ рѣчей, фиктивныхъ отчетовъ, больше безгласныхъ членовъ сореbнователей, готовыхъ заплатить 5 рублей, чтобы только имѣть право не знать, не видать настоящаго горя и страданій, отравляющихъ жизнь, а чувствовать некогда, радости нѣтъ, а любви, любви и вовсе быть не можетъ: некогда.

— Ну, кончили?—нетерпѣливо спросилъ докторъ, заклятый врагъ всякаго нытья.

— Нѣтъ, не кончила, хотѣлось бы еще поговорить о такихъ благодѣтеляхъ рода человѣческаго, какъ «нашъ генералъ» или надворный совѣтникъ Журавлевъ.

— Прежде всего этотъ самый Журавлевъ сегодня живъ, а завтра его нѣтъ, между тѣмъ пріютъ для сиротъ, основанный на его деньги останется, а заведенный имъ порядокъ измѣнится къ лучшему. Изъ чего же тутъ волноваться? Нужно только понять, что все идетъ къ лучшему.

Видимымъ образомъ выбитый изъ обычной колеи, затрудняясь въ выборѣ выраженій, Дѣдовъ продолжалъ говорить. Онъ коснулся мнѣній Ницше и другихъ мыслителей нашего времени о благотворительности, перешелъ къ трудовой помощи, которую считалъ великимъ шагомъ въ борьбѣ съ нуждой. Но вскорѣ вспомнилъ ожидающаго его дьячка съ переломанной ногой и по обыкновенію заторопился ѣхать.

— Вѣчно торопитесь! Мы васъ проводимъ, по крайней мѣрѣ, до мостика, — напросилась Окся.

Собесѣдники пошли пѣшкомъ, рядомъ съ ними шель Гринька, важно выступая въ огромномъ синемъ картузѣ и сапогахъ съ высокими голенищами, видимымъ образомъ возвышавшими его въ собственныхъ глазахъ. Позади въ кустахъ двигалась усталая пара клячъ, съ тихо позванивавшимъ колокольчикомъ на дугѣ.

Задѣтый за живое докторъ продолжалъ говорить и доказывать, что если бѣдность когда нибудь исчезнетъ съ лица земли, то это совершится не подъ вліяніемъ благотворительности, а благодаря социальной реорганизации всего строя жизни. Онъ твердо держался религіи прогресса, какъ бы тамъ ни мудрствовали скептики, вѣрилъ, что рано или поздно свѣтъ побѣдитъ тьму.

Солнца уже не было. Въ темнотѣ слышалось уже громыханіе мельничнаго колеса, пахло сыростью и камышемъ.

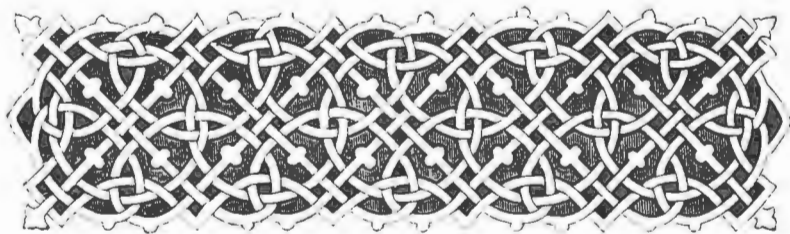
Докторъ пожалъ руку Окси, поцѣловалъ Гриньку и усѣлся на свою неизмѣнную, неразлучную спутницу жизни—пунктовую тележку, лошади тронулись, колеса загремѣли по углу мостика.

Вскорѣ всѣ, кромѣ Ратаевой, позабыли Оксю, точно ея уже не было на свѣтѣ, а когда разговоръ заходилъ о ней въ высшемъ обществѣ, то «нашъ генералъ», развалившись на мягкомъ креслѣ и окруженный дамами-патронессами, выражался такъ: «*Encore une étoile qui a disparu*».

Скептики говорили свое: «по дѣломъ—слишкомъ увѣровала!»

«Вотъ глупость-то до чего насъ доводитъ», — въ свою очередь толковали мужики.

В. Н. Назарьевъ.

ВСТРѢЧИ СЪ ЦАРЕМЪ-ОСВОБОДИТЕЛЕМЪ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

И всей скромности моего общественнаго и служебнаго положенія, мнѣ выпало счастье нѣсколько разъ видѣть императора Александра II. Я думаю, что даже малѣйшій фактъ, относящійся къ личности Царя-Освободителя, окажется нелишнимъ для будущихъ историковъ второй половины XIX-го вѣка. Хотя и поздно и тяжело мнѣ, при моемъ болѣзненномъ состояннн, постараюсь выполнить этотъ долгъ современника передъ потомствомъ и рассказать то, чему былъ очевидцемъ. Отчасти я исполнилъ уже этотъ долгъ въ своихъ воспоминаніяхъ о войнѣ 1877—1878 гг. (см. № 102 «Кіевлянина» 1902 года); усиливаюсь теперь довершить эту задачу.

I.

Въ 1859 году, осенью, въ Харьковѣ ожидали императора Александра II, проѣздомъ изъ Чугуева, гдѣ былъ смотръ войскамъ.

По обычаю, государя ждали въ кафедральномъ соборѣ; но, что далеко не всегда случалось, всѣ знали, что царскаго посѣщенія удостоится и университетъ. Какъ извѣстно, Харьковскій университетъ занимаетъ особую улицу, по которой нѣтъ другихъ домовъ, и размѣщается въ отдѣльныхъ зданіяхъ, по обѣ стороны улицы, носящей и названіе «Университетской». Въ главнѣйшемъ изъ этихъ зданій помѣщались: бібліотека, церковь и торжественный

залъ. Въ этомъ-то залѣ и собраны были профессора, студенты и высшее учебное начальство. Лекцій и другихъ занятій не было.

Стоялъ великолѣпный, осенній, солнечный день, одинъ изъ тѣхъ дней, которыми дарить насъ замирающая природа не только на югѣ, но часто даже и на берегахъ Невы, до конца сентября. Вся Университетская улица была наполнена народомъ. Вѣрнѣе сказать—не народомъ, а харьковскимъ обществомъ, среди котораго преобладали дамы. Многие студенты, соскучившись ожиданіемъ въ залѣ, находились въ этой толпѣ и любезничали съ дамами, знакомыми и незнакомыми.

Надо замѣтить, что въ то время студенты занимали первое мѣсто среди харьковскаго общества. Студенческій мундиръ пользовался почетомъ и открывалъ дорогу въ высшіе ряды общества. Въ Харьковѣ не было военныхъ, за исключеніемъ баталіона внутренней стражи. Офицеры хотя и наѣзжали изъ Чугуева и другихъ военныхъ поселеній, но постоянными «кавалерами» была университетская молодежь. Студенты наполняли театръ, посѣщали маскарады, были первыми танцорами на балахъ дворянскаго собранія, устраивали спектакли и т. п. Харьковское общество состояло изъ дворянъ и купцовъ. Въ дворянской помѣщицѣй средѣ студенты были своими людьми, и купеческія свадьбы считали за особую честь, когда въ числѣ гостей находились «танцоры» изъ университетской молодежи. Студенты играли роль «свадебныхъ генераловъ». Само собою разумѣется, что въ этихъ случаяхъ главное мѣсто принадлежало студентамъ первыхъ двухъ курсовъ, или тѣмъ «Ларинимъ», которые не спѣшили оставлять университетъ, любили студенческую жизнь и пользовались ею иной разъ до 10 и болѣе лѣтъ.

До 1860-хъ годовъ, до преобразованій, предъявившихъ запросъ на образованныхъ дѣятелей, лучше студенческой жизни, дѣйствительно, не было, даже въ томъ случаѣ, если приходилось жить на урокахъ, а не на даровыя средства, которыми располагало тогда большинство студентовъ, какъ и ихъ родителей. Серіозное ученіе началось только съ 1860-хъ годовъ, точно такъ же, какъ и болѣе научная обстановка университетскаго преподаванія. Поступивъ въ университетъ въ 1859 году, я еще засталъ такихъ профессоровъ, которые читали лекціи по окаменѣлымъ запискамъ, не измѣнявшимся въ теченіе 25 — 30 лѣтъ. Статистика и фізіологія, напри- мѣръ, излагались на какойнибудь сотнѣ страничекъ. Исторія болѣзней писалась на латинскомъ языкѣ, и профессоръ клиники обращалъ болѣе вниманія на грамматическія ошибки, нежели на содержаніе этихъ замѣтокъ. Научныя книги и руководства стали появляться только съ 1860-хъ годовъ. Въ сентябрѣ 1859 года, въ общественной атмосферѣ чувствовалось уже наступленіе новыхъ условій жизни и коренного переворота. Молодежь рвалась навстрѣчу

новымъ вѣяніямъ, водила дамъ на лекціи, учила въ воскресныхъ школахъ. Старики ворчали и сочиняли всякія небывлицы, среди которыхъ доставалось болѣе всего на долю государя. Разладъ приближался уже, подготавливая почву для той борьбы между крѣпостнической и свободной Россіей, которая разразилась такъ тяжело въ послѣдствіи, привела къ катастрофѣ 1-го марта и не улеглась до сихъ поръ. Конечно, среди взрослыхъ были люди середины, приверженцы преобразованій, постепенности и умѣренности; но большинство было реакціонное, судорожно хватавшееся за отжившее. Ворчали даже на измѣненіе формы, по поводу замѣны фрачныхъ мундировъ кафтанами, хотя новая форма была и свободнѣе и приличнѣе. «Колоколъ» съ великимъ удовольствіемъ читался не только молодежью, но и тѣми приверженцами стараго порядка, которые злорадствовали по поводу всякой насмѣшки надъ «реформаторами».

Въ такую-то общественную погоду ожидался пріѣздъ будущаго Царя-Освободителя въ Харьковъ.

Наконецъ дождались. Государь пріѣхалъ прямо къ собору, откуда среди криковъ «ура» направился къ торжественному залу университета. Толпа студентовъ бросилась туда же, обгоняя и сопровождая государя. Вышелъ шумъ и безпорядокъ. Государь уже былъ среди зала и началъ говорить, а студенты спѣшили занять свои мѣста съ лѣвой стороны, противъ профессоровъ и университетскаго начальства, расположившагося на правой сторонѣ.

— Тише, вы мнѣ мѣшаете говорить!—раздался громкій голосъ государя.

Все смолкло и замерло. На лицѣ государя и въ тонѣ его голоса явственно сказывалось неудовольствіе. Государь прямо и выразилъ это, все болѣе и болѣе возвышая голосъ и придавая ему необычайную, чуждую ему строгость.

— Я вами недоволенъ, господа студенты!... Кто изъ васъ — не знаю и не желаю знать, но отъ вашего имени я получилъ доносы... Писать доносы — подло, низко, и тѣмъ болѣе безыменные. Неужели вамъ неизвѣстно, что такіе доносы оставляются безъ послѣдствій!.. У многихъ я замѣчаю воротнички... Чтобъ этого не было!... Форму надо соблюдать, для чего она и дана!

Затѣмъ государь повернулся къ профессорамъ и не менѣе рѣзко сказалъ:

— Вы, господа, должны отвѣчать за нравственность молодыхъ людей и за всякія отступленія отъ дисциплины. Я буду съ васъ взыскивать!..

И, проговоривъ это, государь быстро вышелъ изъ залы, въ сопровожденіи губернатора и попечителя учебнаго округа.

Трудно передать то тягостное впечатлѣніе, которое произвела эта сцена. Всѣ какъ бы оцѣпенѣли; нѣкоторые изъ профессоровъ

были блѣдны и дрожали отъ страха. Въ толпѣ студентовъ послышались разспросы и возгласы недоумѣнья. Большинство не знало и не понимало, за что разразился надъ ними царскій гнѣвъ. Всѣ ожидали отъ государя чего-то новаго, добраго и были поражены бурнымъ призывомъ къ соблюденію формы, которая такъ надоѣдала въ прошлое царствованіе, когда перевернувшаяся пуговица приравнивалась къ преступленію.

Изъ разспросовъ оказалось, что въ Чугуевѣ государю былъ поданъ пакетъ подъ видомъ прошенія, и въ немъ излагались какія-то жалобы на губернатора и какія-то указанія на необходимость улучшенія университетскихъ порядковъ. Хорошо, однако, никто не зналъ ни содержанія этой бумаги, ни того, въ какой мѣрѣ отвѣтственность за нее падала на студентовъ.

Осматривая университетскія зданія, государь переходилъ черезъ улицу, направляясь изъ клиникъ въ аудиторіи. Въ раздвинувшейся толпѣ, въ первомъ ряду случайно очутился я, только что выйдя изъ залы. При видѣ государя, я приложилъ руку къ треуголкѣ, какъ это полагалось. Вдругъ государь направляется ко мнѣ, и я слышу его слова:

— Что вы чести не отдаете!

Я уже перепугался, но, слѣдя за взглядомъ государя, скоро убѣдился, что взоръ его только на одно мгновеніе остановился на мнѣ, и что слова его относились къ студенту, стоявшему позади меня. Я посторонился, и этотъ студентъ блѣдный и перепуганный очутился передъ государемъ. Студентъ растерялся и видимо не зналъ, что надо дѣлать.

— Руку къ шляпѣ!..—почти крикнулъ государь и дернулъ за обшлагъ рукава.

Перепуганный студентъ медленно и неловко поднялъ руку къ треуголкѣ.

Государь пошелъ далѣе, но вдругъ обернулся:

— Посадить его на гауптвахту!—произнесъ онъ.

И студента арестовали.

Черезъ полчаса я съ двумя товарищами возвращался домой. Мы шли противъ Дворянскаго собранія, около Никольской церкви, какъ вдругъ послышались крики «ура». Обернувшись мы увидѣли государя, который ѣхалъ въ институтъ благородныхъ дѣвицъ. Наученные опытомъ, мы вытянулись въ струнку и отдали честь. Къ нашему изумленію, коляска государя останавливается среди площади и мы явственно слышали слова:

— Господа студенты, пожалуйста сюда!..

Мы подошли.

— Такъ - то вы соблюдаете мои приказанія?.. Долой воротнички!..

Я и мой товарищъ стали одной рукой уминать воротнички подъ галстухъ, не отымая правой руки отъ шляпы. Надо же было другому студенту оправдываться:

— Ваше величество, мы не успѣли переодѣться...

— Вы еще разсуждать!.. Ступайте на гауптвахту!..

И государь поѣхалъ далѣе, а мы проводили своего товарища къ присутственнымъ мѣстамъ, гдѣ была гауптвахта.

Оба студента отсидѣли два или три дня, и другихъ послѣдствій эти случаи не имѣли.

Никакихъ строгостей не воспослѣдовало. Напротивъ, университетская жизнь все болѣе и болѣе становилась свободнѣе, а скоро и самая форма была отмѣнена.

II.

Въ 1868 году, осенью, будучи чиновникомъ особыхъ порученій при кievскомъ, подольскомъ и волынскомъ генераль-губернаторѣ, генераль-адъютантѣ Ал. Павл. Безакѣ, я былъ командированъ въ Петербургъ для участія въ комиссiи при министерствѣ финансовъ (министръ былъ М. X. Рейтернъ) по вопросу о реорганизаціи процентнаго сбора съ имѣній польскихъ помѣщиковъ въ 9-ти западныхъ губерніяхъ и о расходахъ изъ этого сбора.

Къ декабрю, занятія этой комиссiи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ генераль-лейтенанта князя А. М. Дондукова-Корсакова, закончились; но я остался въ Петербургѣ въ ожиданіи генераль-лейтенанта Безака, который обыкновенно каждую зиму бывалъ въ столицѣ для поддержанія тѣхъ или другихъ дѣлъ и представленія отчета государю по управленію Юго-Западнымъ краемъ.

Генераль-адъютантъ Безакъ пріѣхалъ и поразилъ меня своимъ болѣзненнымъ видомъ. Оставаясь при немъ въ качествѣ завѣдующаго походной канцеляріей, я видѣлся съ нимъ нѣсколько разъ въ день и всякій разъ убѣждался, что онъ уже не жилецъ этого міра. (Квартира А. П. Безака находилась на этотъ разъ на Сергіевской улицѣ, въ домѣ Кондоянаки, тогда деревянномъ, одноэтажномъ, а теперь каменномъ).

Во время болѣзни, А. П. Безака посѣщали генераль-адъютанты: К. В. Чевкинъ, предсѣдатель департамента государственной экономіи, военный министръ Д. А. Милютинъ и министръ государственныхъ имуществъ А. А. Зеленый. Эти лица поддерживали дѣятельность А. П. Безака, оказавшаго столько услугъ крестьянскому дѣлу въ Юго-Западномъ краѣ. Но та же дѣятельность встрѣчала уже сильную оппозицію, съ явной реакціонной окраской. Во главѣ этой оппозиціи находились графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ, бывший тогда главнымъ начальникомъ III Отдѣленія и шефомъ жандармовъ, и министръ внутреннихъ дѣлъ генераль-адъютантъ А. Е. Тимашевъ.

Они готовили уже и кандидата на смѣну А. П. Безаку, въ лицѣ князя Дондукова-Корсакова, который и былъ поэтому назначенъ предсѣдателемъ упомянутой комиссiи.

Въ концѣ декабря, А. П. Безакъ не вставалъ уже съ постели, и дѣло шло лишь о томъ, какъ бы не обидѣть умирающаго удаленiемъ отъ должности, на которой онъ вѣрой и правдой служилъ государю и отечеству.

27-го декабря, навѣстивъ утромъ больного и сообщивъ ему кое-какія свѣдѣнія о нѣсколькихъ важныхъ дѣлахъ, я вышелъ въ залу и случайно подошелъ къ окну. Вдругъ, вижу, ѣдетъ государь въ открытыхъ саняхъ, въ одну лошаадь, съ собакой, лежащей на полости, поперекъ колѣнъ. Сани остановились у подъѣзда.

Предупредивъ Л. Ив. Безакъ (жену Ал. Павл.), я бросился навстрѣчу государю и засталъ его уже въ передней. Зима была холодная. Государь былъ въ пальто и шинели съ мѣховымъ воротникомъ. Скидывая эти верхнія одежды, государь спросилъ:

— Можно видѣть Александра Павловича?

— Можно, ваше императорское величество, — отвѣчалъ я, — но онъ въ постели.

— Предупредите его.

И государь прошелъ въ залу и остановился. По счастью, въ это время появилась г-жа Безакъ. Государь обратился къ ней, повторилъ свои вопросы и затѣмъ прошелъ въ спальню, гдѣ лежалъ больной. Двери за нимъ затворились, и мнѣ неизвѣстны подробности этого свиданія.

Черезъ четверть часа государь вышелъ, поцѣловалъ руку г-жѣ Безакъ и сказалъ ей нѣсколько утѣшительныхъ словъ.

— Много онъ занимается дѣлами? — обратился государь ко мнѣ.

— Съ каждымъ днемъ все меньше и меньше, ваше императорское величество.

— Не надо утруждать его, пока не поправится. . . Удивительно свѣжа голова!

И, поклонившись еще разъ г-жѣ Безакъ, по лицу которой лились слезы, государь вышелъ въ переднюю.

Чтобъ пояснить послѣднія слова государя, надо сказать, что по Петербургу распускались слухи, будто А. П. Безакъ давно уже страдаетъ размягченіемъ мозга и не владѣетъ умомъ. Государь лично убѣдился въ лживости этихъ толковъ.

Я проводилъ государя до саней, у которыхъ оставалась его собака (черный сетерь), и съ непокрытой головой, въ одномъ вицъ-мундирѣ, помогъ ему усѣсться.

Дня черезъ три, 30-го декабря, къ вечеру, генераль-адъютантъ А. П. Безакъ скончался.

Въ тотъ же день, около 11 или 12 час. ночи, ко мнѣ пріѣхалъ дежурный флигель-адъютантъ и по высочайшему повелѣнію спро-

силъ, не осталось ли какихъ либо бумагъ или докладовъ, которые покойный генераль-губернаторъ намѣревался, но не успѣлъ представить государю.

Быль заготовленъ докладъ объ увольненіи кievскаго губернатора, и имѣлась записка о положеніи крестьянскаго дѣла и о достигнутыхъ успѣхахъ въ дѣлѣ обезпеченія быта крестьянъ. По указанію флигель-адъютанта, обѣ эти бумаги были мною вложены въ большой конвертъ, надписаны на высочайшее имя и запечатанными вручены для доставленія его императорскому величеству.

Во время отпѣванія тѣла А. П. Безака въ Сергіевскомъ соборѣ прибылъ государь съ великими князьями и свитой. По вынесеніи гроба, государь лично скомандовалъ войскамъ и сопровождалъ печальную колесницу верхомъ, до угла Пантелеймоновской улицы. На Знаменской площади войска отдали воинскія почести, и въ тотъ же день вечеромъ, съ экстреннымъ поѣздомъ Николаевской желѣзной дороги, тѣло А. П. Безака было отправлено въ Кіевъ для погребенія въ Кіево-Печерской лаврѣ.

Черезъ мѣсяцъ кievскимъ генераль-губернаторомъ былъ назначенъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, но командованіе войсками возложено было на генерала Н. Ф. Ковлянинова.

III.

Въ первые годы пребыванія моего въ Петербургѣ я пользовался особымъ вниманіемъ графини Антонины Дмитриевны Блудовой. Она занимала помѣщеніе въ первомъ этажѣ Зимняго дворца, съ подъѣзда императрицы, гдѣ прежде была разводная площадка, а теперь устроены палисадникъ.

Графиня А. Д. Блудова обыкновенно приглашала меня на вечера телеграммами, желая сблизить меня съ высшими сферами столицы. На вечерахъ этихъ встрѣчались самыя разнообразныя лица, какъ, напримѣръ, К. Д. Кавелинъ и графъ Д. А. Толстой, бывший тогда министръ народнаго просвѣщенія, К. П. Побѣдоносцевъ съ своей молодой женой и т. п.

Само собою разумѣется, что въ такіе дни, какъ Новый годъ и Пасха, я ѣздилъ къ гр. А. Д. Блудовой съ поздравленіями. Съ тою же цѣлью былъ я у нея и въ первый день свѣтлаго праздника въ 1873 году. У нея въ это время находился съ визитомъ молодой полковникъ, который поразилъ меня своимъ иностраннымъ выговоромъ, точно переодѣтый въ русскій мундиръ французъ. Когда онъ ушелъ, графиня объяснила мнѣ, что это князь Мещерскій, воспитывавшійся за границей, и теперь женихъ или мужъ (хорошо не помню) княжны Маріи Михайловны Долгоруковой, сестры будущей княгини Захарьевской-Юрьевской. Встрѣча эта заинтересовала меня, такъ какъ я былъ очень хорошо знакомъ съ братомъ этихъ двухъ

сестеръ, княземъ Вас. Мих. Долгоруковымъ, служившимъ одно время въ Кіевѣ, при генераль-адъютантѣ А. П. Безакѣ. Сколько мнѣ извѣстно, означенный князь Мещерскій былъ убитъ на Шпикѣ въ 1877 году.

Едва графиня Блудова разговорилась со мною, какъ входитъ торопливо камерлакей и докладываетъ:

— Его величество!...

Не успѣла графиня встать, какъ вошелъ государь императоръ, въ полной парадной формѣ, въ генераль-адъютантскомъ мундирѣ, съ андреевской лентой и съ каской въ рукахъ.

Государь поцѣловалъ руку графини, поздравляя ее съ праздникомъ, и по ея пригласительному жесту прошелъ въ слѣдующую комнату. Предварительно, однако, государь бросилъ мимолетный взглядъ на меня и кивнулъ головой въ отвѣтъ на мой почтительнѣйшій поклонъ.

Во взглядѣ государя не было ни малѣйшей строгости, но я почувствовалъ трудно выразимую неловкость, сравнивая парадный мундиръ и сіяющій видъ царя съ своимъ двубортнымъ сюртукомъ, въ которомъ, по вошедшему тогда обычаю, полагалось дѣлать визиты даже въ торжественные дни, надѣвая фракъ только на званые обѣды и вечера.

Вотъ, думалось мнѣ, государь въ своемъ дворцѣ соблюдаетъ какую утонченную вѣжливость, выказывая особое уваженіе и къ свѣтлому дню, и къ своей подданной; а на мнѣ будничныи, нецеремонный сюртукъ, да еще и борода, которой не любилъ государь, и которая въ то время еще приравнивалась къ признакамъ вольномыслия.

И вдругъ вспомнились мнѣ строгія слова, слышанныя мною отъ государя въ харьковскомъ университетскомъ залѣ:

— Надо соблюдать форму!...

Всѣ эти мысли и воспоминанія о харьковскомъ эпизодѣ 1859 года въ одно мгновеніе промелькнули въ моей головѣ. Мнѣ почему-то вздумалось, что и графиня Блудова могла быть недовольной моимъ видомъ и моимъ присутствіемъ во время посѣщенія государя.

Я поспѣшилъ ступешаться, уйти, не ожидая возвращенія хозяйки и не простившись съ нею. И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ я не бывалъ у нея.

Бываютъ минуты, которыя неожиданно и необъяснимо кладутъ неодолимое разстояніе между людьми; такая минута наступила и въ знакомствѣ моемъ съ графиней А. Д. Блудовой, обративъ разомъ въ ничто всѣ ея добрыя намѣренія — проложить мнѣ дорогу въ вліятельныя сферы столицы.

Григорій Градовскій.

ВОСПОМИНАНІЯ А. В. ЭВАЛЬДА¹⁾.

Служба вторая.

Податная инспекція.

Женская логика.—Три докладныхъ записки.—Чуръ меня!—105-й кандидатъ на шесть вакансій.—Выигрышь въ лотерею, безъ билета.—Поступленіе на службу.—Недовѣріе начальства и повѣрка моихъ дѣйствій.—Торговецъ смиренный и торговецъ буйный.—Стояла въ корпусахъ Сънной площади.—Похожденія въ Апраксиномъ переулкѣ.—Ловля пробочныхъ рабочихъ.—Еврейка-волшебница.—Очеркъ службы.—Я—въ качествѣ разсильнаго.—Не смѣть—разсужденіе имѣть.—Санитарныя опасности службы.—Смерть инспектора.—Отставка.

ДНАЖДЫ, въ 1885 году, ко мнѣ въ кабинетъ вошла жена, держа въ рукахъ номеръ газеты.

— Ты читалъ это?—спросила она, показывая мнѣ въ отдѣлѣ хроники коротенькое извѣщеніе о томъ, что въ этомъ году при министерствѣ финансовъ учреждаются новыя должности податныхъ инспекторовъ.

- Да, читалъ. А что?
- Попробовалъ бы поступить на эту службу.
- О матушка! слишкомъ поздно ты спохватилась.
- Отчего поздно? Я, по крайней мѣрѣ, въ первый разъ читаю объ этомъ. А развѣ ты зналъ раньше?
- Нѣтъ, не зналъ. Но дѣло въ томъ, что если это извѣстіе теперь появилось въ газетахъ, то, значитъ, дѣло давно уже кончено, и навѣрное всѣ вакансіи уже замѣщены.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. хс, стр. 455.

— А, можетъ быть, и нѣтъ? Ты бы узналъ хорошенько.

Я подумалъ немного и припомнилъ, что у меня въ министерствѣ финансовъ былъ добрый знакомый, товарищ дѣтства, Карлъ Ѳедоровичъ Голиндо, занимавшій въ то время постъ директора департамента государственнаго казначейства.

— Хорошо,—отвѣтилъ я,—попробую.

На другой же день я поѣхалъ къ Голиндо, и когда предложилъ ему свой вопросъ, то онъ какъ-то странно улыбнулся.

— Вы, конечно, хотите служить въ Петербургѣ?—спросилъ онъ.

— Да, разумѣется.

— Такъ я вамъ скажу только одно: въ Петербургѣ осталось всего шесть вакансій для постороннихъ лицъ, такъ какъ остальные уже замѣщены служащими въ министерствѣ. На эти же шесть вакансій подано сто четыре прошенія, и всѣ снабженныя такими сильными рекомендаціями, противъ которыхъ, я не знаю, кого вы можете выставить? Развѣ только самого Бога...

— Такъ значитъ, Карлъ Ѳедоровичъ, не стоитъ и хлопотать?

— Мнѣ кажется такъ.

Съ этимъ я вернулся домой и передалъ женѣ отвѣтъ Голиндо, думая, что она удовлетворится этимъ. Но у женщинъ своя логика.

— Скажи мнѣ, пожалуйста,—спросила она,—что могутъ стоить хлопоты объ этомъ мѣстѣ.

— Какъ: что стоить? Ничего, разумѣется, кромѣ расходовъ на ѣзду да швейцарамъ.

— Такъ отчего же не попытать счастья?

— Но, помилуй, откуда же мнѣ взять протектора? Вѣдь надо же бороться съ цѣлой сотней сильныхъ рекомендацій!

— А ты проси безъ всякой рекомендаціи.

Я посмотрѣлъ на нее, думая, что она шутитъ. Но она глядѣла совершенно спокойно, и въ голосѣ ея не слышалось шутливой нотки. Это повліяло на меня.

— Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ,—мелькнуло у меня въ головѣ.—Въ потерѣ не буду, а, можетъ быть, какойнибудь слѣпой случай и поможетъ. Вѣдь выигрываютъ же люди по двѣсти тысячъ.

Я поѣхалъ снова къ Голиндо и, объяснивъ ему, что хочу попробовать счастья, не опираясь ни на какую протекцію, прошу его только указать мнѣ: къ кому надо для этого обратиться?

— Къ товарищу министра, В. Н. Николаеву,—отвѣтилъ онъ.

— Вы не можете мнѣ дать рекомендательную записку къ нему?

— Нѣтъ, я не такъ знакомъ съ нимъ. Но вы можете сослаться на меня, и если онъ спроситъ, тогда я дамъ о васъ самый лучшій отзывъ.

Написавъ коротенькую докладную записку о своей прежней службѣ, поѣхалъ я къ г. Николаеву.

Онъ принялъ меня очень вѣжливо, внимательно выслушалъ, прочелъ мою записку, потомъ, подумавъ немного, сказалъ:

— Трудно это будетъ сдѣлать. Вы знаете ли, что на шесть вакансій имѣется уже болѣе ста кандидатовъ?

— Да, ваше превосходительство, я знаю. Мнѣ говорилъ объ этомъ К. Ѳ. Голиндо.

— Ну, вотъ видите ли! Я отказался выбирать и передалъ списокъ кандидатовъ директору департамента, А. А. Рихтеру. До него это дѣло ближе касается, пусть онъ самъ и выбираетъ, кого хочетъ. Поѣзжайте къ нему. Можете сказать, что были у меня, и что я противъ принятія васъ ничего не имѣю.

Я не знаю, что такое было въ тонѣ голоса г. Николаева, но только это что-то, неуловимое и необъяснимое, произвело на меня удивительно успокоивающее впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что если бы онъ не отстранилъ отъ себя выбора лицъ, то, вѣроятно, принялъ бы меня, несмотря на то, что я явился къ нему безъ всякихъ рекомендацій. Такимъ образомъ, ободренный имъ, хотя и безъ его вѣдома, поѣхалъ я къ Рихтеру.

А. А. Рихтеръ, высокій и красивый мужчина, принялъ меня еще привѣтливѣе и дружелюбнѣе, чѣмъ товарищъ министра, но и отъ него я не услышалъ ничего утѣшительнаго. Онъ мнѣ повторилъ почти дословно то, что говорили Голиндо и Николаевъ, то есть, что на шесть вакансій явилось болѣе ста кандидатовъ, и всѣ вооруженные такими протекціями, что нѣтъ никакой возможности сдѣлать выборъ.

— Я долженъ былъ отклонить отъ себя это дѣло,—закончилъ онъ свое объясненіе,—и отправилъ списокъ кандидатовъ управляющему казенной палатой, В. А. Грейгу. Такъ какъ податные инспектора будутъ непосредственно подчинены ему, то ему же сподручнѣе всего и выбирать ихъ. Вы поѣзжайте къ нему, и если Богъ вамъ поможетъ, то я буду очень радъ видѣть васъ на службѣ въ нашемъ министерствѣ.

Часъ отъ часу не легче! Въ первую минуту меня это совѣмъ обезнадежило, но потомъ просто возбудило любопытство, чѣмъ вся эта исторія кончится. Нечего дѣлать, снарядился я снова и поѣхалъ въ казенную палату, къ В. А. Грейгу.

Только что я произнесъ нѣсколько словъ о томъ, зачѣмъ явился къ нему, какъ онъ вскочилъ съ кресла и, схватившись за голову, почти вскричалъ:

— Господи! Да вы меня съ ума сведете, господа, съ этой податной инспекціей! Сто четыре кандидата на шесть вакансій, вы подумайте это: сто четыре кандидата!

И онъ заходилъ крупными шагами по своему кабинету, иногда останавливаясь передо мною.

— Какъ я буду выбирать? Кого я буду выбирать? Почему я буду выбирать? Я вѣдь все равно никого не знаю! Протекціи да рекомендаціи! За этого просить графъ NN, за того княгиня ZZ,

за третьяго генераль-адъютантъ QQ, за пятаго, за десятаго, за всѣхъ просятъ! Вы, конечно, тоже съ рекомендаціей? Кто за васъ просить?

— Никто, ваше превосходительство.

Грейгъ даже отскочилъ отъ меня на шагъ отъ такого неожиданнаго отвѣта.

— Какъ никто?—спросилъ онъ.—На что же вы надѣетесь?

— Ни на что, ваше превосходительство.

Онъ съ минутой поглядѣлъ на меня недоумѣвающими глазами. Мои отвѣты видимо охладили его горячность.

— Я не могу вамъ ничего обѣщать,—сказалъ онъ уже совершенно спокойнымъ голосомъ.—Выборъ такъ труденъ, благодарю всѣмъ этимъ протекціямъ, что я положительно отказываюсь отъ него и сегодня же отправляю списокъ обратно въ департаментъ.

Говоря это, онъ позвонилъ. На звонокъ вошелъ его секретарь.

— Вы уже отправили списокъ податныхъ инспекторовъ въ департаментъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще, ваше превосходительство, но сейчасъ посылаю.

— Вы слышали?—обратился Грейгъ ко мнѣ.

— Слышалъ, ваше превосходительство. Но, въ такомъ случаѣ, осмѣлюсь попросить васъ объ одномъ одолженіи.

— Что такое?

— Къ этому списку кандидатовъ прибавьте и мое имя.

Онъ подумалъ немного.

— Да, конечно, мнѣ все равно. Однимъ больше, однимъ меньше, разницы не будетъ. Вѣдь можно прибавить ихъ? — спросилъ онъ секретаря.

— Можно, ваше превосходительство.

— Такъ вотъ запишите и ихъ. Вы приготовили какія нибудь свѣдѣнія о себѣ?—спросилъ онъ меня.

— Да, ваше превосходительство.

И я передалъ ему коротенькую докладную записку. Онъ пробѣжалъ ее глазами и, въ свою очередь, передалъ секретарю.

— Это приложите для свѣдѣнія и немедленно отправьте въ департаментъ; пусть тамъ рѣшаютъ, какъ хотятъ, а я умываю руки! Вы хлопчите уже въ департаментъ,—прибавилъ онъ мнѣ на прощанье.

Но я его только мысленно поблагодарилъ за такой добрый совѣтъ, а самъ рѣшился больше ужъ нигдѣ и ни у кого не хлопотать, вполне убѣдившись, что для меня тутъ мѣста быть не можетъ. Изъ всего, что я слышалъ, для меня стало яснымъ, что выбраны будутъ тѣ, протекторы которыхъ будутъ признаны болѣе сильными людьми. Не предпочесть же въ самомъ дѣлѣ челоуѣка, не имѣющаго за своей спиной никакой поддержки, сотнѣ людей, за которыхъ ходатайствуютъ такіе сильные люди, противъ кото-

рыхъ, по выраженію Голиндо, можно выставить развѣ только одного Господа Бога?

Когда я передалъ женѣ подробно о своихъ визитахъ и, между прочимъ, слова Голиндо, она спокойно замѣтила:

— Ну, что-жъ! Такъ и будемъ надѣяться на Бога: Онъ все-таки сильнѣе всѣхъ.

Я замѣтилъ ей на это, что она напоминаетъ ту легендарную старушку, которая при каждомъ тиражѣ лотереи справлялась, не выиграла ли двѣсти тысячъ. А когда однажды ее спросили, имѣеть ли она билетъ, то старушка отвѣтила, что билета ей не нужно, такъ какъ если Богъ захочетъ, то она выиграетъ и безъ билета.

— Ты пойми,—объяснялъ я со смѣхомъ,—что въ настоящемъ случаѣ ты заставила меня играть роль этой старушки, и я хлопоталъ выиграть въ лотереѣ, не имѣя на нее билета.

Жена моя, какъ женщина вѣрующая, разсердилась на меня за это, но я замѣтилъ потомъ, что она стала заходить въ церковь чаще, чѣмъ дѣлала это прежде. Я же, вполне увѣренный въ безнадёжности этого дѣла, черезъ нѣсколько дней совсѣмъ забылъ о немъ.

Такъ прошло недѣли три или четыре.

Вдругъ, къ величайшему своему удивленію, получаю повѣстку изъ департамента окладныхъ сборовъ, приглашавшую меня явиться для необходимыхъ объясненій въ такое-то отдѣленіе.

Не постигая, въ чемъ дѣло, и удивленный, ради какихъ объясненій меня могутъ требовать, я поѣхалъ, однако, и представился начальнику податного отдѣленія (фамиліи котораго не помню).

— Вы подали уже черезчуръ краткую записку о себѣ, — сказалъ онъ.

— Длинную никто не сталъ бы читать,—отвѣтилъ я.

— Частію вы правы,—замѣтилъ онъ,—но не надо ни въ чемъ ударяться въ крайности. Я попрошу васъ доставить мнѣ, и не позже, какъ завтра утромъ, болѣе подробныя о васъ свѣдѣнія, какъ по службѣ, такъ и по занятіямъ литературой. Укажите, что именно вы писали, назовите болѣе крупныя произведенія, если они есть у васъ, а также въ какихъ журналахъ и за какіе годы они были напечатаны. Это нужно на случай, если потребуются справки.

— Слушаю-съ. Но позвольте вамъ сдѣлать одинъ вопросъ.

— Сколько угодно.

— Эти свѣдѣнія обо мнѣ подаютъ ли хоть малѣйшую надежду, что я могу быть избраннымъ?

Онъ задумчиво покачалъ головой, потомъ, улынувшись слегка, сказалъ:

— Вы вѣдь знаете, сколько и какихъ конкурентовъ вы имѣете?..

— Да, слыхалъ.

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1902 г., т. XС.

— Можете понять сами, насколько велики ваши шансы! Болѣе же подробныя свѣдѣнія о васъ понадобились потому, что мнѣ поручено составить полный списокъ всѣхъ кандидатовъ, съ толковымъ очеркомъ каждаго изъ нихъ. Поэтому я прошу васъ извинить меня, что потревожилъ васъ, можетъ быть, совершенно напрасно, но тѣ свѣдѣнія, которыя вы доставили, слишкомъ уже кратки, и ихъ необходимо пополнить.

Я ему рассказалъ о своихъ похожденияхъ и спросилъ, не знаетъ ли онъ, кто же теперь будетъ выбирать, за отказомъ отъ этого дѣла лицъ, вѣдѣнію которыхъ оно подлежить.

— Не могу вамъ сказать,—отвѣтилъ онъ уклончиво.

Дѣйствительно ли онъ не знаетъ, или не могъ сказать, ради сохраненія канцелярской тайны,—я не знаю. Но по тону его голоса мнѣ показалось, что вторая причина вѣрнѣе, то-есть, что онъ знаетъ, кто будетъ выбирать, но не имѣлъ права сказать этого, чтобы избавить избирающее лицо отъ осады цѣлой сотней кандидатовъ.

Съ тѣмъ я и ушелъ отъ него, а на другой день отправилъ къ нему требуемыя свѣдѣнія.

Прошелъ мѣсяцъ, прошелъ другой, прошелъ третій, а изъ министерства никакихъ извѣстій! Ясное дѣло, что я не выбранъ, такъ какъ иначе давно получилъ бы какое нибудь увѣдомленіе. Наконецъ, читаю въ газетахъ извѣщеніе, что податные инспекторы, съ 1-го іюля сего года, вступаютъ въ отправленіе своихъ обязанностей.

— Ну, вотъ!—сказалъ я женѣ, показывая ей газету:—ты видишь сама, что заставила меня ожидать выигрыша, не имѣя лотерейнаго билета. Если съ перваго іюля податные инспектора вступаютъ уже въ отправленіе службы, то, значитъ, уже давно всѣ избраны и назначены, а я не получилъ никакого извѣщенія.

Казалось бы, послѣ этого, нечего было и думать болѣе о дѣлѣ, которое съ самаго начала не давало никакой надежды на успѣхъ. Но моя жена и на этотъ разъ взглянула на дѣло совершенно иначе, чѣмъ я. Взявъ газету и перечитавъ сообщеніе о началѣ службы податныхъ инспекторовъ, она спокойно сказала:

— Я бы совѣтовала съѣздить въ Петербургъ (мы жили тогда на дачѣ, въ Парголовѣ) и узнать хорошенько въ министерствѣ.

Этотъ совѣтъ, показавшійся мнѣ крайне глупымъ, взбѣсилъ меня.

— Да что ты, матушка, кажется совсѣмъ съ ума сошла!—почти крикнулъ я на нее раздраженно.—Что я поѣду узнавать? Что я не принять? Такъ это я и безъ того знаю! Ты думаешь, мнѣ доставить большое удовольствіе выслушать это изъ устъ какого нибудь чиновника? Вѣдь если съ перваго числа податные инспектора начинаютъ уже службу, то здравый рассудокъ говоритъ, что меня давно бы увѣдомили, еслибъ я былъ въ числѣ избранныхъ.

— А я бы, на твоёмъ мѣстѣ, съѣздила,—упорно настаивала жена.

— Для чего? Чтобы поставить точку на і?

— Да, хотя бы и для этого. Мало ли что можетъ случиться? Можетъ быть, тебѣ забыли прислать увѣдомленіе.

Я расхохотался.

— Ну, голубушка, ты уже совсѣмъ начинаешь заговариваться. Вѣдь это не изъ такъ называемыхъ текущихъ дѣлъ, а совсѣмъ новое и экстренное дѣло. Выборомъ инспекторовъ все министерство было занято, благодаря обилію сильныхъ протекціями кандидатовъ и потому большой трудности выбора. Выбрано вѣдь всего шесть человѣкъ, такъ какъ же можно допустить, чтобы этихъ шестерыхъ или даже одного изъ нихъ забыли увѣдомить, когда черезъ нѣсколько дней онъ уже долженъ начать службу.

— Какъ хочешь,—сказала жена,—а я бы съѣздила.

Разговоръ нашъ происходилъ утромъ, когда я только что успѣлъ просмотрѣть газету. Погода была хорошая. Спѣшной работы у меня не было. Подумавъ немного, я рѣшилъ прокатиться въ городъ, тѣмъ болѣе, что это стоило пустяки.

Такъ какъ податные инспектора подчинялись непосредственному вѣдѣнію управляющаго казенной палатой, то я направился прямо къ Грейгу, тѣмъ болѣе, что въ департаментѣ никого не зналъ.

Такъ какъ съ Грейгомъ мы не видѣлись почти три мѣсяца, то естественно было, что онъ меня не припомнилъ и не узналъ.

— Я зашелъ къ вашему превосходительству только для того, чтобы узнать,—началъ я, поклонившись:—принять ли я на службу податнымъ инспекторомъ, или нѣтъ.

Должно быть, Грейгъ не разслушалъ моего вопроса, но при словахъ «податнымъ инспекторомъ» онъ вскочилъ съ кресла, какъ и въ первый разъ, схватившись обѣими руками за голову. Эту привычку, схватываться руками за голову въ минуту волненія или какого нибудь затруднительнаго случая, я замѣчалъ не разъ у нѣкоторыхъ лицъ.

— Боже мой, Боже мой!—воскликнулъ онъ, заходивъ большими шагами по кабинету.—Когда же, наконецъ, это кончится?

Затѣмъ онъ вдругъ остановился передо мною и съ какимъ-то особеннымъ раздраженіемъ въ голосѣ продолжалъ:

— Все уже давно кончено, милостивый государь, давно кончено! Вы слишкомъ опоздали! Податные инспектора уже избраны, назначены и на-дняхъ приступаютъ къ исполненію своей службы.

Очевидно, онъ не понялъ моего вопроса, не вспомнилъ меня и принялъ за одного изъ новыхъ просителей, которые, должно быть, порядкомъ таки надоѣли ему, если могли довести до такого раздраженія человѣка (какъ я потомъ узналъ его), всегда тихаго, деликатнаго и, въ полномъ смыслѣ слова, джентльмена.

— Я это знаю, ваше превосходительство; но я пришелъ сегодня не прошеніе вамъ подать, а только узнать о своей судьбѣ, принять ли я на службу или нѣтъ, такъ какъ еще въ мартѣ мѣсяцѣ я имѣлъ честь просить васъ о принятіи меня.

— А! Такъ вы уже были у меня?

— Былъ, ваше превосходительство.

— И подавали прошеніе или докладную записку?

— Записку.

— Какъ ваша фамилія?

— Эвальдъ.

— Эвальдъ... Эвальдъ...—началъ онъ припоминать.—Да, какой-то Эвальдъ назначенъ, сколько я помню.

Онъ подошелъ къ столу и позвонилъ. Вошелъ тотъ же старичекъ секретарь, что и прошлый разъ.

— Господинъ Эвальдъ назначенъ податнымъ инспекторомъ?—спросилъ онъ его.

— Назначены, ваше превосходительство.

— Дайте мнѣ, пожалуйста, списокъ.

Секретарь принесъ требуемое. Грейгъ пробѣжалъ глазами списокъ и остановилъ палецъ руки, которымъ велъ сверху внизъ, на одномъ мѣстѣ.

— Эвальдъ, да, Эвальдъ назначенъ. Ваше имя?—спросилъ онъ меня.

Я сказалъ.

— Отчество?

Я тоже сказалъ.

— Чинъ?

Я и чинъ назвалъ.

— Ну, да, это вы и есть. Вотъ читайте сами!

И онъ протянулъ мнѣ листъ, на которомъ, въ указанномъ мѣстѣ, я прочелъ полное свое имя и чинъ.

— Отчего же вы до сихъ поръ не являлись?—спросилъ Грейгъ, когда я положилъ списокъ на столъ.

— Я ничего не зналъ, ваше превосходительство, и думалъ, что если буду назначенъ, то меня увѣдомятъ о томъ.

— Да развѣ вы не получали увѣдомленія?

— Нѣтъ, не получалъ.

— Отчего же это?—спросилъ онъ секретаря.

Несчастный старичекъ какъ-то поежился и что-то пробормоталъ, чего ни я, ни Грейгъ ни разслышали.

— Ну, да это все равно!—сказалъ Грейгъ.—Благо, теперь дѣло разъяснилось. Вамъ надо будетъ ознакомиться со службой. Вотъ, пойдите съ моей карточкой къ начальнику отдѣленія К. К. Тизенгаузену и скажите ему, что я прошу его ознакомить васъ съ порядками службы.

Поблагодаривъ его за вниманіе, я отправился къ Тизенгаузену, имѣвшему свой небольшой кабинетъ.

Это былъ уже пожилой человѣкъ, почти совсѣмъ сѣдой, высокаго роста, державшійся бодро, очень милый и любезный. Онъ былъ затрудненъ порученіемъ, которое я принесъ ему отъ Грейга.

— Какъ же я могу васъ ознакомить съ этой службой?—говорилъ онъ.—Это можетъ лучше исполнить какой нибудь податной инспекторъ, а не я.

— Но, Карлъ Карловичъ, вѣдь другіе податные инспектора такіе же новички, какъ и я?

— Нѣтъ, не говорите этого. Вѣдь нѣкоторые назначены изъ нашихъ чиновниковъ особыхъ порученій. Они уже исполняли значительную часть того дѣла, которое теперь возложено на васъ, и потому знаютъ всѣ порядки. Да вотъ обратитесь къ Гиршфельду. Скажите ему, что я васъ прислалъ и прошу его помочь вамъ.

— Слушаю-сь.

— Въ какой участокъ вы назначены?

— Не знаю.

— Какъ это странно! Какъ вамъ ничего не сказали? Зайдите къ секретарю: онъ долженъ знать.

Пошелъ я къ старичку секретарю и спрашиваю его, въ какой участокъ я назначенъ.

Старичекъ ничего не зналъ.

— Къ намъ изъ департамента еще не прислано распредѣленіе по участкамъ,—отвѣтилъ онъ.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ я:—какъ же это могло случиться, что я не получилъ увѣдомленія о своемъ назначеніи?

Старичекъ секретарь совсѣмъ смѣшался и заерзалъ.

— Право, не знаю,—сказалъ онъ.—Господинъ Грейгъ удивлялся, что вы не являетесь представиться ему, и только вчера приказалъ мнѣ послать вамъ приглашеніе. Вотъ я уже приготовилъ черновое и сегодня послалъ бы къ вамъ, если бы вы сами не пріѣхали. А о томъ, въ какой участокъ назначены, вы узнали бы въ департаментъ... мы еще не увѣдомлены.

— Вы не можете сказать, къ кому мнѣ тамъ обратиться?

Секретарь подумалъ немного.

— Мнѣ кажется,—сказалъ онъ,—всего лучше будетъ обратиться къ начальнику отдѣленія.

— Благодарю васъ.

Изъ палаты я проѣхалъ прямо въ департаментъ и черезъ курьера передалъ свою карточку начальнику отдѣленія.

— Они просили васъ немного обождать,—сказалъ курьеръ, вернувшись.

Минутъ черезъ десять онъ вышелъ, быстрыми шагами подошелъ ко мнѣ и пригласилъ подойти къ одному изъ столовъ. Такъ какъ

въ этой пріемной комнатѣ, кромѣ меня, не было никого, то ему не пришлось и спрашивать, кто я такой, а при быстротѣ всѣхъ его движеній я не успѣлъ даже назвать себя. Такъ мы подошли къ столу, какъ будто знали другъ друга.

— Вотъ,—сказалъ онъ, когда мы сѣли у стола:—на вашъ выборъ остались только два участка—одинъ въ Спасской части, а другой на Петербургской сторонѣ. Который вы пожелаете?

Такъ какъ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о будущей службѣ, то рѣшительно не могъ угадать, который изъ этихъ двухъ участковъ будетъ для меня болѣе удобнымъ, и выбралъ Спасскій участокъ, какъ находящійся ближе къ центру города и мѣсту моего жительства, чѣмъ Петербургская сторона.

Впоследствии, ознакомившись со службой, я увидѣлъ, что сдѣлалъ при этомъ выборъ большой промахъ.

Сдѣлавъ отмѣтку по моему указанію, начальникъ отдѣленія подалъ мнѣ руку и, не сказавъ болѣе ни слова, собралъ только свои бумаги и такъ же быстро ушелъ, какъ и пришелъ. Видно было, что этотъ человѣкъ не любитъ терять дорогого времени.

Ошибку же при выборѣ участка я сдѣлалъ очень большую. Дѣло въ томъ, что хотя, при раздѣленіи Петербурга на податные участки, и было принято во вниманіе, чтобы число заведеній (торговыхъ и ремесленныхъ) въ каждомъ участкѣ было по возможности одинаковое, но характеръ заведеній и народность промышленниковъ были совершенно различныя и, конечно, не могли подлежать ни сортировкѣ, ни дѣлежу. На Петербургской сторонѣ торговцы и ремесленники преимущественно русскіе, съ небольшою примѣсью нѣмцевъ и чухонъ. Кромѣ того, по характеру всего населенія, въ которомъ преобладаютъ дѣйствительные и отставные чиновники, самая торговля носитъ тамъ отпечатокъ спокойствія, равномерности и правильности. Однимъ словомъ Петербургская сторона имѣетъ типъ хорошаго уѣзднаго города, со всѣми его достоинствами и недостатками.

Совсѣмъ другое представлялъ довѣренный мнѣ шестой податной участокъ. Границы его были: съ запада — Крюковъ каналъ, съ сѣвера—Екатерининскій каналъ, съ востока—Апраксинъ переулочекъ и, наконецъ, съ юга—Фонтанка. Для лицъ, незнакомыхъ съ планомъ Петербурга, но знающихъ его наглядно, понятнѣе будетъ, если я скажу, что мой участокъ простирался по обѣ стороны Садовой улицы, на протяженіи ея отъ Апраксина переулка до Крюкова канала, налѣво — до Фонтанки, направо — до Екатерининскаго канала. Каждому петербургскому жителю извѣстно, что эта мѣстность—наиболѣе торговая и промышленная часть города. Здѣсь жизнь бьетъ, такъ сказать, ключемъ. Въ моемъ участкѣ были три наиболѣе торговыхъ рынка въ Петербургѣ: Сѣнная площадь съ Горсткниной улицей, Александровскій и Никольскій рынки, поку-

пателями которыхъ состоитъ весь городъ, а не только одни мѣстные жители, какъ на Петербургской сторонѣ.

Населеніе здѣсь—крайне смѣшанное, обильно уснащенное евреями и татарами. Жители Вяземской лавры—въ этомъ участкѣ—свои люди. Однимъ словомъ, этотъ шестой участокъ податной инспекціи оказался самымъ труднымъ изъ всѣхъ другихъ, оттого-то онъ и остался на мою долю, какъ новичка.

Обязанности податныхъ инспекторовъ состоятъ, какъ извѣстно, въ наблюденіи за правильностью торговли и всякой промышленности въ фискальномъ отношеніи. Мы должны были наблюдать, чтобы каждый торговецъ, ремесленникъ или фабрикантъ имѣлъ всѣ надлежащіе документы, по которымъ ему дается право работать. Мы должны были указывать, именно какіе документы онъ долженъ имѣть, что опредѣлялось разными признаками, напримѣръ: обширностью помещенія, числомъ дверей на улицу, числомъ рабочихъ, родомъ товара и проч. Такъ какъ законъ не можетъ дать для этого точныхъ указаній, а жизнь вырабатываетъ безконечно разнообразныя формы, то естественно, что между инспекціей и торговцами очень часто возникали споры и недоразумѣнія, рѣшавшіеся казенной палатой, а иногда доходившіе до суда.

Торговцы и ремесленники обязаны приобрѣтать свои документы до новаго года, но казенная палата даетъ имъ еще одинъ льготный мѣсяць. Съ перваго же февраля мы, инспекторы, начинали обыкновенно свой провѣрочный обходъ. Въ случаѣ неимѣнія вовсе документовъ, или выбранныхъ неправильно, составлялся актъ, который передавался казенной палатѣ, и уже она взыскивала съ провинившагося торговца черезъ полицію.

Въ моемъ участкѣ было болѣе трехъ тысячъ всякаго рода заведеній. Слѣдовало каждое осмотрѣть внимательно и о каждомъ составить болѣе или менѣе подробный отчетъ, что занимало много времени, такъ что въ день осмотришь, бывало, отъ двадцати до тридцати заведеній, что въ совокупности поглощало отъ четырехъ до пяти и шести мѣсяцевъ. Надо принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что податные инспектора, кромѣ такой повѣрки, были заняты и другими дѣлами, напримѣръ, собираніемъ и составленіемъ статистическихъ свѣдѣній, разными порученіями казенной палаты и т. п. Такимъ образомъ не мудрено, что провѣрка документовъ затягивалась иногда до августа и даже до сентября мѣсяца.

Все это я узналъ въ первый же день отъ своихъ новыхъ товарищей, Гиршфельда и Москалева, которые поступили въ податные инспектора изъ казенной палаты и потому уже были знакомы съ этимъ дѣломъ и дружески взялись посвятить меня въ тонкости новаго занятія.

Дѣло, въ сущности, было не хитрое, но крайне утомительное. Начнешь, бывало, обходъ въ десять часовъ утра, окончишь его

къ пяти часамъ, но, вернувшись домой и пообедавъ, не можешь позволить себѣ отдохнуть или развлечься, а садишься за письменныя работы, которыхъ каждый день набиралась такая масса, что едва къ глубокой ночи кое-какъ окончишь. А завтра начинай съ начала. Это было совсѣмъ наоборотъ тому, что я видѣлъ въ главномъ выкупномъ учрежденіи: если тамъ я томился отъ полнѣйшей бездѣятельности, то тутъ не могъ передохнуть отъ излишка работы.

Теперь служба податныхъ инспекторовъ гораздо легче, какъ это я слышалъ отъ старыхъ товарищей, которыхъ иногда встрѣчаю. Но въ то время, о которомъ я говорю, когда новая инспекція только зарождалась, когда высшее начальство, создавшее эту инспекцію, не вполне еще уясняло ея предѣлы и силы, когда всѣ порядки надо было создавать, когда предписанія мѣнялись чуть не каждый мѣсяць, и сегодняшнее уничтожало вчерашнее, то, понятно, что податные инспектора были завалены работой, производя много лишней, ненужной.

Винить въ этомъ было некого, такъ какъ дѣло было новое, которое надо было еще выработать не теоретически, а на практикѣ, а потому вся неурядица и всѣ лишнія работы являлись сами собою, какъ послѣдствіе всякаго новаго дѣла.

Однако, я забѣжалъ немного впередъ и долженъ вернуться къ прерванному разсказу.

Узнавъ отъ начальника отдѣленія номеръ участка, въ которомъ долженъ былъ работать, я, однако, не узналъ, чему или кому обязанъ былъ своимъ опредѣленіемъ на службу, при такой странной обстановкѣ. Впослѣдствіи только, и то не въ силу точнаго извѣстія, а путемъ сопоставленія многихъ обстоятельствъ своего опредѣленія на службу, я пришелъ къ заключенію, что услугой этой обязанъ былъ именно ему. Такъ какъ все высшее начальство отказывалось дѣлать выборъ, то произвести его пришлось не болѣе, какъ тому начальнику отдѣленія департамента, производству котораго подлежало дѣло о назначеніи инспекторовъ. Онъ не былъ связанъ никакими письмами или словесными просьбами великихъ міра сего, а потому выбиралъ не по этимъ письмамъ, а по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя имѣлись о кандидатахъ. Вѣроятно, свѣдѣнія обо мнѣ оказались болѣе подходящими, а потому онъ и отмѣтилъ меня, несмотря на то, что я не представилъ никакой рекомендаціи.

Такъ мнѣ представляется это дѣло, хотя ручаться за вѣрность своего предположенія я не могу.

Вернувшись домой и сообщивъ женѣ о своемъ назначеніи, я просилъ ее объяснить, почему она такъ настоятельно желала, чтобы я хлопоталъ о службѣ, безъ всякой надежды на успѣхъ, и даже вотъ сегодня, когда я былъ увѣренъ, что не былъ избранъ, она все-таки сохранила надежду и уговорила меня съѣздить въ городъ и справиться.

— Да вѣдь ты видишь теперь, что я была права, и ты выигралъ въ лотерею, не имѣя билета.

— Я благодарю Бога, что это такъ случилось, но все-таки не могу понять твоей-то настойчивости! Вотъ ее-то мнѣ объясни. Вѣдь ты меня какъ-то загнипотизировала, и я поддавался твоимъ совѣтамъ вопреки очевидности.

Жена улыбулась на это.

— Какъ я могу это объяснить?—сказала она.—Я вѣрила только въ то, что Богъ сильнѣе всѣхъ графовъ и князей, и молилась ему, больше ничего. Ты видишь, что моя вѣра оправдалась.

Что я могъ возразить противъ очевидности?

Вскорѣ по введеніи податной инспекціи Грейгъ оставилъ казенную палату, и на его мѣсто управляющимъ былъ назначенъ П. А. Корсаковъ.

Съ нимъ почти съ перваго раза начали у меня возникать недоразумѣнія, продолжавшіяся до самаго выхода моего въ отставку. Недоразумѣнія эти возникали не вслѣдствіе какихъ нибудь недостатковъ моихъ или его, а вслѣдствіе того, что наши взгляды на служебныя обязанности были діаметрально противоположны.

Такъ, напримѣръ, однажды онъ мнѣ замѣтилъ, что я неправильно назначаю тѣ документы, которые должны выбирать торговцы, въ томъ смыслѣ неправильно, что я будто бы даю потачку и допускаю ихъ торговать по документамъ меньшей цѣнности, чѣмъ бы слѣдовало, отчего казна, конечно, теряетъ.

Я ему объяснилъ, что дѣлаю это только въ тѣхъ случаяхъ, когда вижу вопіющую бѣдность торговца, и когда возвышеніе платы за торговлю грозитъ разореніемъ.

— Не можетъ же быть, чтобы въ вашемъ участкѣ было такъ много бѣдняковъ,—возразилъ онъ.—Отчего же въ другихъ участкахъ инспектора нашли возможнымъ записать во вторую гильдію множество торговцевъ, а у васъ—одинъ, два, да и обчелся.

— Въ моемъ участкѣ множество бѣдняковъ, какихъ нѣтъ ни въ Литейной, ни въ Московской частяхъ, не говоря уже объ Адмиралтейскихъ. Я въ этомъ не виновать.

— Нѣтъ, я думаю, что виноваты: вѣроятно, вы уже черезчуръ снисходительны. Во всякомъ случаѣ это надо бы провѣрить. Вы не обидитесь, если я попрошу К. К. Тизенгаузена пройти съ вами по нѣкоторымъ торговцамъ?

— Чего же тутъ обижаться: это ваше право—повѣрять своихъ подчиненныхъ, а я даже буду доволенъ, такъ какъ такая провѣрка разъяснитъ ваши сомнѣнія.

Онъ велѣлъ позвать Тизенгаузена и просилъ его прогуляться со мною.

- Куда же мы направимся?—спросилъ меня Тизенгаузенъ.
- Куда хотите, Карлъ Карловичъ, мнѣ все равно.
- Такъ пойдѣмте сначала въ Александровскій рынокъ.
- Пойдѣмте.

Когда мы дошли до рынка, то Тизенгаузенъ просилъ меня указать, въ какіе магазины зайти для провѣрки, но я положительно отказался отъ этого, предоставивъ ему итти, куда хочетъ, наугадъ. Онъ вошелъ въ одну лавку, торгующую старымъ платьемъ, и, внимательно осмотрѣвъ помѣщеніе, объявилъ хозяину, что ему, согласно закону, слѣдуетъ записаться во вторую гильдію.

— Какъ, во вторую гильдію? — завопилъ торговецъ. — За что же это?

— Вы занимаете такое помѣщеніе.

— Да что помѣщеніе! Поневолѣ занимаешь такое, когда другого нѣтъ. А вы посмотрите, сколько у меня товара, чѣмъ я торгую, вотъ что!

Товару дѣйствительно у него было немного: на одной стѣнѣ висѣло штукъ двадцать — тридцать старыхъ пальто, пиджаковъ, брюкъ, а другія стѣны были совершенно пусты.

— Что вы скажете на это?—спросилъ меня Тизенгаузенъ.

— Ничего не скажу, Карлъ Карловичъ.

— Да-да, вамъ надо записаться во вторую гильдію,—сказалъ Тизенгаузенъ, поворачиваясь, чтобы уйти.

Но уйти ему оказалось не такъ легко.

Торговецъ бросился наземь, обнялъ его колѣна и началъ вопить:

— Ваше благородіе! Помилосердуйте! Сжальтесь! Вѣдь у меня семья большая — жена, сестра, семеро дѣтей; вѣдь всѣхъ кормить и одѣвать нужно! Мы и такъ зачастую впроголодь сидимъ, одинъ хлѣбъ пожужемъ да водой заьемъ, а вы говорите: во вторую гильдію записаться! Откуда мнѣ взять такую уйму денегъ? Съ нашимъ-то товаромъ! Вы сами посудите: что я могу нажить отъ стараго платья? Вѣдь только и перебиваешься съ хлѣба на квасъ. Ваше благородіе, пощадите! Не заставьте меня руки на себя наложить! Богъ васъ за это вознаградитъ! Оставьте живымъ единственнаго кормильца семьи!

Тизенгаузенъ вырывался отъ него, но несчастный торговецъ крѣпко держался за него и, плача навзрыдъ, неистово проговаривалъ свои просьбы и причитанья. У самого Тизенгаузена въ глазахъ блеснули слезы.

— Ну, хорошо, хорошо!—сказалъ онъ, чтобы какъ нибудь вырваться.—Хорошо, мы оставимъ васъ на прежнемъ положеніи, успокойтесь.

Торговецъ припалъ лицомъ къ его ногамъ и только тогда всталъ.

— Дай вамъ Богъ здоровья и всякаго благополучія, господа,— сказалъ онъ, когда мы выходили.

— Это ужасно, ужасно!—говорилъ сильно взволнованный Тизенгаузенъ.—Дѣйствительно, съ такихъ нельзя требовать гильдейскаго свидѣтельства!

Мы зашли еще въ нѣсколько магазиновъ, на удачу, и въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ Тизенгаузенъ находилъ нужнымъ требовать гильдейскаго свидѣтельства, повторились съ разными варіаціями, конечно, сцены, въ родѣ описанной, такъ что мой милый баронъ совсѣлъ разстроился нервами.

— Здѣсь довольно,—сказалъ онъ.—Пойдемте теперь на Сѣнную площадь.

Пошли. На Сѣнной площади есть корпусъ, прилегающій къ Таирову переулку, въ которомъ производится торговля частью посудой, частью цвѣтами. Одна сторона этого корпуса закруглена, и стѣны ея состоятъ почти сплошь изъ однѣхъ дверей, вѣроятно, въ томъ предположеніи, чтобы торговецъ открывалъ тѣ двери, которыя ему будетъ удобнѣе. Мы вошли въ одинъ посудный магазинъ, наружная стѣна котораго состояла изъ шести дверей, изъ которыхъ пять были заперты и заставлены посудой, и только одна дверь открыта для публики. Хозяиномъ оказался толстенный купецъ, высокій, съ большимъ брюхомъ, краснощекій брונетъ, котораго, судя по наружности, скорѣе можно было принять за мясника или быкбойца, чѣмъ за торговца хрупкой посудой.

Осмотрѣвъ его магазинъ и замѣтивъ шесть дверей, Тизенгаузенъ сказалъ ему:

— Вамъ надо имѣть три свидѣтельства, на три лавки, а не одно.

— Это почему же-съ?—грубо спросилъ хозяинъ.

— Да потому, что у васъ шесть дверей, а по закону при одномъ свидѣтельствѣ можно имѣть только двѣ двери въ магазинахъ.

— А какія же у меня шесть дверей?

— Да вотъ эти,—указалъ Тизенгаузенъ.

— Да развѣ вы не видите, что онѣ заперты и заставлены посудой? Для васъ это двери, а для меня просто стѣна, а двери только однѣ и есть, въ которыя вы вошли.

— Такъ нельзя толковать,—оспаривалъ Тизенгаузенъ.—Сегодня у васъ эти пять дверей заперты, а завтра вы ихъ откроете. Какъ же тогда быть?

— Да на что мнѣ ихъ открывать? Вы видите, онѣ мнѣ не нужны. А я развѣ виноватъ, что архитекторъ понадѣлалъ тутъ дверей ни къ чему! За что же я буду платить?

— За то, что занимаете магазинъ съ шестью дверями,—упорно настаивалъ Тизенгаузенъ.

Купецъ, говорившій до сихъ поръ хоть грубо, но спокойно, вдругъ вышелъ изъ себя и, напирая на Тизенгаузена своимъ брюхомъ, началъ орать на всю Сѣнную площадь:

— Ахъ, вы, крючки эдакіе, полицейскіе! Да что вы тутъ шаетесь по нашимъ магазинамъ? Грабить насъ хотите? По міру пустить? Вы думаете, на васъ суда и расправы нѣтъ? Найдемъ, коли захотимъ! До самого царя дойдемъ! Не дозволить онъ вамъ обирать крещеный народъ!—и такъ далѣе, въ такомъ родѣ.

Сконфуженный и испуганный Тизенгаузенъ пробовалъ успокоить расходившагося купца, напоминая ему, что онъ не смѣетъ такъ кричать на лицъ служащихъ, при исполненіи ими своихъ обязанностей, но купецъ ничего не слушалъ и, размахивая руками, продолжалъ орать, даже выйдя за Тизенгаузеномъ на улицу. Понятно, что изъ всѣхъ сосѣднихъ лавокъ повскочили другіе кушцы и ихъ приказчики, а также стали останавливаться проходившіе людъ, и кругомъ насъ быстро собралась порядочная толпа, всегда жадная до скандальныхъ зрѣлищъ.

Не знаю, чѣмъ бы кончилась эта сцена, еслибъ я не замѣтилъ извозчика, проѣзжавшаго шагомъ и остановившагося также поглазѣть. Я взялъ Тизенгаузена за руку, довелъ до извозчика и велѣлъ ему ѣхать въ казенную палату.

— Ну, какъ дѣла? — спросилъ Корсаковъ, когда мы вошли къ нему.

— Спросите у Карла Карловича,—сказалъ я.

Но почтенный баронъ такъ былъ потрясенъ случившимися сценами, что не скоро собрался съ духомъ, чтобы говорить.

— Что такое? Не случилось ли чтонибудь?—спросилъ Корсаковъ, взглянувъ на меня.

— Карлъ Карловичъ вамъ расскажетъ.

— Но вы видите, что баронъ взволнованъ. Развѣ не можете вы рассказать?

— Нѣтъ, П. А., не могу.

Немного погодя, баронъ, отпивъ нѣсколько глотковъ воды, коекакъ успокоился и прерывистымъ голосомъ, но началъ говорить.

— Да, П. А., — говорилъ онъ: — Эвальда нельзя обвинять въ послабленіи торговцамъ. Со многихъ невозможно требовать то, что бы слѣдовало по наружнымъ признакамъ.

И баронъ въ короткихъ словахъ передалъ двѣ-три сцены, которыми былъ обязанъ своимъ волненіемъ.

Когда Корсаковъ убѣдился свидѣтельствомъ барона, что я былъ правъ, то ограничился только просьбою, чтобы я все-таки не очень дозволялъ своему сердцу расплываться, а помнилъ бы долгъ службы, требующій, по мѣрѣ возможности, увеличивать доходы казны.

Имѣя въ виду совѣтъ, данный мнѣ Корсаковымъ, я обратилъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство.

На Сѣнной площади, какъ всякому петербургскому жителю извѣстно, выстроены для торговли четыре отдѣльныхъ корпуса,

имѣющихъ видъ большихъ сараевъ или манежей. Внутри этихъ корпусовъ помѣщаются лавки, которыя отдѣляются одна отъ другой стѣнками, но открыты сверху и спереди, то-есть совершенно такъ, какъ устраиваются стойла въ конюшняхъ. Нѣкоторые торговцы, болѣе богатые, нанимаютъ двѣ или три, а иногда и пять такихъ лавокъ или стойлъ, а для удобства торговли снимаютъ промежуточныя стѣнки, образуя такимъ образомъ одну большую лавку.

Городской управѣ, хозяйкѣ этого рынка, торговцы платятъ извѣстную сумму за каждое стойло отдѣльно, то-есть занимая, напримѣръ, три стойла, купецъ и платитъ за три, хотя и образовалъ изъ нихъ одну лавку. Естественно было полагать, что и казенныя повинности уплачиваются такимъ же порядкомъ, то-есть—занимающій три помѣщенія выбираетъ и три свидѣтельства. Но, когда я провѣрялъ, то оказалось, что эти купцы, сколько бы помѣщеній ни занимали, торгуютъ по одному свидѣтельству, на одну лавку, и для того, чтобы избѣгнуть лишней платы, нѣкоторые торговцы соединялись въ компаніи, то-есть втроемъ или вчетверомъ торговали по одному свидѣтельству.

Это было уже явное злоупотребленіе, которое нельзя было такъ оставить, тѣмъ болѣе, что торговцы въ этихъ корпусахъ были вполне состоятельны для того, чтобы оплачивать казенныя повинности.

Однако я не рѣшился взять на себя упорядоченіе этой торговли и составилъ въ казенную палату рапортъ, въ которомъ ясно и точно изложилъ свои соображенія, указавъ, главнымъ образомъ, на то, что если бы купцы не уничтожали перегородокъ, то каждый платилъ бы отдѣльно за свое помѣщеніе, а теперь трое, четверо и пятеро торгуютъ по одному свидѣтельству! Современемъ, видя свою безнаказанность, они могутъ образовывать такимъ образомъ въ цѣломъ большомъ корпусѣ только три или четыре лавки, къ явному ущербу казенныхъ доходовъ. Если они платятъ городской управѣ за каждое помѣщеніе отдѣльно, несмотря на уничтоженіе перегородокъ, то нѣтъ никакой причины допустить, чтобы въ казну они платили менѣе, пользуясь такимъ устройствомъ рынка, который въ законѣ не былъ предвидѣнъ.

Отправляя этотъ рапортъ по назначенію, я былъ вполне увѣренъ, что на этотъ разъ заслужу одобреніе управляющаго казенной палатой.

Но вышло совсѣмъ другое.

Управляющій пригласилъ меня для объясненій.

— Къ чему это вы прислали такой рапортъ?—спросилъ онъ меня.

— Потому, П. А., что самъ я не рѣшился распорядиться безъ вашего разрѣшенія.

— Да тутъ нечѣмъ и распорядиться! Купцы правы: если занимаетъ одно помѣщеніе, то и платитъ за одно!

— Но онъ занимаетъ не одно, а нѣсколько помѣщеній, что доказывается его уплатами городской управѣ.

— Это другой вопросъ, до насъ не касающійся. Мы видимъ только одно помѣщеніе, и потому можемъ требовать только одно свидѣтельство.

— Но, П. А., даже если такъ, то все-таки занимающій пять помѣщеній имѣетъ такую большую лавку, что обязанъ взять, по крайней мѣрѣ, два свидѣтельства...

— Прекрасно! Въ такомъ случаѣ, если размѣры его лавки превышаютъ законную норму, то и требуйте съ него два свидѣтельства, а ужъ никакъ не пять!

На томъ и порѣшили, и мое усердіе къ службѣ, въ смыслѣ увеличенія казенныхъ доходовъ, обратилось на мою же голову!

Чѣмъ далѣе я служилъ, тѣмъ эта служба становилась для меня все болѣе и болѣе несносной.

Расскажу еще два случая, которые, надѣюсь, оправдаютъ меня въ глазахъ читателей, почему эта служба была мнѣ несозна. Но для объясненія ихъ я долженъ сказать, что для ремесленныхъ заведеній существуютъ три или четыре разряда свидѣтельствъ, по цѣнѣ, а каждая цѣна опредѣляется главнымъ образомъ числомъ рабочихъ. Не помню теперь точныя цифры числа рабочихъ, требуемая для каждого свидѣтельства, но примѣрно такимъ образомъ: при шести рабочихъ—нужно свидѣтельство, положимъ, въ 10 р. цѣною. При двѣнадцати рабочихъ (или около того)—въ двадцать рублей. При еще большемъ числѣ рабочихъ—въ тридцать рублей. Если число рабочихъ равно тридцати двумъ и болѣе, то уже требуется свидѣтельство второй гильдіи.

При знаніи этого будетъ понятно, что каждый ремесленникъ-хозяинъ старается показывать меньшее число рабочихъ, чтобы меньше платить за свидѣтельство. И вотъ на обязанности податныхъ инспекторовъ лежитъ проповѣрять показанія хозяевъ-ремесленниковъ и, въ случаѣ подозрительности этихъ показаній, отыскивать скрытыхъ рабочихъ.

Однажды я обходилъ дома по Апраксину переулку. Всѣ эти дома, отъ перваго до шестого этажей, исключительно заняты всякаго рода ремесленными заведеніями. Въ каждой небольшой квартирѣ, изъ трехъ-четырехъ комнатъ, помѣщается столько рабочихъ, сколько только можетъ влѣзть. При низкихъ потолкахъ, не болѣе какъ около сажени отъ пола, при отсутствіи вентиляціи, при духотѣ и запахѣ изъ кухни, при запахѣ отъ мѣстъ уединенія, расположенныхъ на лѣстницѣ и первобытнаго устройства, не признающихъ водопроводовъ, наконецъ, при запахѣ отъ человѣческаго пота и дыханія, пропитаннаго сивухой, при куреніи дешеваго табаку и

запахъ отъ разныхъ принадлежностей мастерства (напримѣръ, клея въ столярныхъ или кожи въ башмачныхъ мастерскихъ) образуется такой ужасный воздухъ, на которомъ, по мѣткому народному выраженію, хоть топоръ вѣшай! По мѣрѣ того, какъ поднимаешься выше по лѣстницѣ, вся эта смѣсь разнородныхъ и непривлекательныхъ запаховъ становится гуще и острѣе. Когда я первый разъ поднимался по такой лѣстницѣ, то въ четвертомъ этажѣ почувствовалъ дурноту, такъ что долженъ былъ присѣсть на подоконникъ лѣстницы, открыть окно и спросить ковшъ воды. Но и это не помогло. Въ пятомъ этажѣ со мною сдѣлалось совсѣмъ дурно, я чувствовалъ даже, какъ по всему тѣлу выступилъ холодный потъ, и голова закружилась. Пришлось прекратить провѣрку и уѣхать домой.

Между тѣмъ моя природа вовсе не такая изнѣженная, какъ бы можно было думать по этому случаю. Бывши военнымъ, я легко переносилъ воздухъ казармъ, даже дурно содержимыхъ, но о такомъ воздухѣ, какой я нашелъ на лѣстницахъ и въ квартирахъ Апраксина переулка, невозможно себѣ составить понятія, не испытавши его! Карболовая кислота, которою дворники не скупясь поливаютъ и посыпаютъ лѣстницы, не только не уменьшаетъ зловонія, но къ существующему прибавляетъ еще свое собственное.

Нечего и говорить, что во всѣхъ такихъ квартирахъ меня встрѣчали, какъ злѣйшаго врага.

— Сколько у васъ рабочихъ?—спрашиваю я одного столяра.

— Сами видите—трое.

— А за этими станками кто же работаетъ?—спрашиваю, указывая на нѣсколько никѣмъ не занятыхъ станковъ.

— Никто; вы сами видите. Нѣтъ работы, такъ и стоятъ пустые.

— Неправда, на нихъ сейчасъ работали: инструменты разбросаны, кучи стружекъ, а вонъ на томъ станкѣ даже горячій клей стоитъ. Гдѣ же рабочіе?

— Нѣту ихъ.

— Но они сейчасъ тутъ были! Куда же вы ихъ спрятали?

— Чего ихъ прятать и куда? Не иголка, вѣдь. Куда человѣка спрячешь?

Я внимательно оглядѣлъ всю квартиру, но не нашелъ въ ней такого мѣста, куда бы могъ спрятаться хоть одинъ человѣкъ. Ни шкафовъ, ни какой другой мебели, кромѣ станковъ и табуретовъ, не было. Очевидно, что хозяинъ былъ предупрежденъ о приходѣ инспектора и выслалъ куда нибудь рабочихъ. Какъ послѣ я узналъ, они въ такихъ случаяхъ прячутся или на чердакахъ или въ трактирахъ и портерныхъ, которыя имѣются въ каждомъ домѣ Апраксина переулка.

— Такъ вы не скажете вѣрную цифру вашихъ рабочихъ?—спросилъ я еще разъ хозяина.

— Сами видите, что ихъ трое,—угрюмо отвѣтилъ онъ.—Откуда же мнѣ взять еще, коли ихъ нѣтъ.

— Хорошо. Въ такомъ случаѣ мы вотъ какъ сдѣлаемъ: я запишу число рабочихъ по числу станковъ, занятыхъ работою. Вотъ эти два станка видимо не заняты—и я не возьму ихъ въ счетъ. А вотъ эти запишемъ.

Станковъ, занятыхъ работою, оказалось пятнадцать штукъ.

— Довольны вы моимъ рѣшеніемъ?—спросилъ я.

Хозяинъ нахмурился и, махнувъ рукою, сказалъ:

— Доволенъ ли? Бѣднаго человѣка не трудно обидѣть! Пишите, что хотите, намъ все одно пропадать!

— Но, голубчикъ, я, кажется, не обижаю васъ, а требую только то, что по закону слѣдуетъ.

— По какому такому закону? Кто видалъ эти законы? Вы вотъ только приходите грабить насъ, а мы, по вашему закону, должны съ голоду помирать! Ну, что-жъ, сосите нашу кровь, коли будете съ этого сыты.

Видя, что всякіе разговоры будутъ бесполезны, я вышелъ, ничего ему не возразивши.

Во всѣхъ другихъ квартирахъ повторялись тѣ же самыя сцены, съ небольшими только вариантами. Вездѣ рабочіе скрывались, вездѣ приходилось ихъ отыскивать или опредѣлять ихъ число по наружнымъ признакамъ, въ родѣ числа станковъ или машинъ и т. п.

Одни хозяева представляли изъ себя жертвы, пассивно подчинившіяся необходимости; другіе—плакали, просили пожалѣть ихъ и пощадить; третьи — возставали, грубили, кричали, ругались и т. д., смотря по темпераменту каждаго.

Ужасный воздухъ, ужасныя помѣщенія, непролазная грязь, все это производило удручающее впечатлѣніе и разстраивало нервы до послѣдней степени. А просьбы, гдѣ плачь, гдѣ угрозы и брань,—довершали картину этихъ похожденій.

Податной инспекторъ производитъ повѣрку не одинъ, а всегда въ сопровожденіи городского депутата и писаря. Несмотря на то, когда я рассказывалъ однажды приставу Спасской части о непріятностяхъ, которымъ приходится подвергаться при исполненіи службы, то онъ мнѣ сказалъ:

— Я вамъ совѣтую, когда въ другой разъ вы пойдете туда, то увѣдомляйте меня заранѣе. Я вамъ дамъ городского для сопровожденія.

— Зачѣмъ же? Вѣдь я хожу не одинъ, а съ депутатомъ и писаремъ, а иногда беру съ собой и дворника дома.

— Это ничего не значить,—возразилъ онъ.—Вы всѣ, господа, одѣты въ статское платье и ничѣмъ не вооружены, такъ что своимъ наружнымъ видомъ не производите внушительнаго впечатлѣнія. Другое дѣло — городской: онъ одѣтъ въ форму и имѣетъ при

себѣ пашку и револьверъ. Простой народъ, въ особенности наши апраксинскіе забулдыги, къ городовому чувствуютъ больше страха и почтенія, чѣмъ къ вамъ, хотя бы вы были самимъ министромъ.

— Да неужели тутъ можно наткнуться на какое нибудь насиліе?

— Очень легко, въ особенности послѣ праздника, когда вся эта мастеровщина не очухалась еще отъ воскреснаго разгула. Вы знаете, что два года назадъ, когда еще не было податныхъ инспекторовъ, а повѣрку производили чиновники казенной палаты, въ одного изъ нихъ, повѣрявшаго Апраксинъ переулочъ, кинули топоромъ?

— Какъ такъ?

— Очень просто. Когда, окончивъ повѣрку по одной лѣстницѣ, онъ спускался внизъ, то сверху, въ пролетъ лѣстницы, въ него бросили топоромъ, но, къ счастью, неудачно. Дѣлу этому не дали хода, такъ какъ самъ чиновникъ просилъ пристава, моего предшественника, замять это дѣло, и приставъ показалъ, что топоръ просто былъ нечаянно уроненъ...

— Можетъ быть, это такъ и было?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ, такъ какъ виновный самъ сознался приставу и отдѣлался за откровенность только двухнедѣльнымъ арестомъ. Да, ужъ вы, пожалуйста, берите у меня городского, по крайней мѣрѣ, тогда и я буду спокойнѣе.

Я общалъ.

Въ другой разъ я зашелъ въ небольшой магазинъ пробокъ, на Гороховой улицѣ, близъ Садовой, по спеціальному предписанію палаты.

Это было не во время провѣрочнаго обхода, и потому со мной не было ни депутата, ни писаря, а я долженъ былъ провѣрить донось, сдѣланный въ палату о томъ, что этотъ торговецъ пробокъ имѣетъ такое количество рабочихъ, что долженъ быть записанъ въ купцы, а онъ торгуетъ по самому низшему ремесленному свидѣтельству.

Въ магазинѣ, за прилавкомъ, стоялъ молодой приказчикъ, а въ углу сидѣли трое рабочихъ, рѣзавшихъ пробки.

— Вы, какъ я вижу, сами готовите пробки для продажи?— спросилъ я приказчика.

— Сами-съ.

— Гдѣ же у васъ мастерская?

— Да вотъ-съ!

И онъ указалъ головою въ уголъ, гдѣ сидѣли за работой одинъ мужикъ, уже съ просѣдью въ головѣ, и два подростка, не болѣе пятнадцати лѣтъ.

— Какъ? Это вся ваша мастерская тутъ?

— Вся-съ. Больше, какъ изволите видѣть, у насъ и мѣста нѣтъ.

— Но мастерская можетъ быть помѣщена гдѣ нибудь и отдѣльно отъ магазина?

— Нѣтъ у насъ такой. Гдѣ же, при нашей торговлѣ, имѣть еще отдѣльную мастерскую? Средствій не хватитъ.

— Покажите-ка ваше свидѣтельство.

Онъ снялъ со стѣны и подалъ его мнѣ. Свидѣтельство оказалось низшаго разряда.

— Такъ вы утверждаете, что, кромѣ этихъ, у васъ болѣе нѣтъ рабочихъ?

— Нѣтъ-съ, ни единой души.

Пока я записывалъ показанія приказчика, наклонившись для этого надъ прилавкомъ, одинъ изъ подростковъ быстро сорвался съ своего мѣста и исчезъ въ заднюю дверь, выходящую на дворъ. Очевидно, что приказчикъ далъ ему какой нибудь знакъ. Бросивъ перо, я не менѣе быстро вышелъ на дворъ и успѣлъ замѣтить, на какую лѣстницу вбѣжалъ посланный. Дойдя до этой лѣстницы, я едва успѣлъ подняться на площадку второго этажа, какъ одна изъ двухъ дверей съ шумомъ распахнулась, и изъ нея выскочилъ рабочий, стремглавъ бросившійся внизъ, на дворъ, перескакивая черезъ нѣсколько ступеней. За нимъ появился другой, потомъ третій, четвертый... Всѣ они бѣжали съ изумительною быстротою и непремѣнно сшибли бы меня съ ногъ, еслибъ я не успѣлъ приткнуться къ углу площадки и, стоя тамъ, началъ нарочно громче считать: разъ, два, три, четыре и т. д.

Человѣкъ десять уже выскочили на дворъ, не замѣтивъ меня, но слѣдующіе, видя, что ихъ бѣгство не удалось, остановились и смотрѣли на меня, кто злобно, кто улыбаясь, какъ школьники, застигнутые въ шалости.

— Проходите, ребята, проходите,—сказалъ я остановившимся:— мнѣ такъ удобнѣе считать васъ.

Они послушались и, не торопясь уже, продолжали спускаться, оглядываясь на меня. Такъ я насчиталъ человѣкъ до двадцати.

— Въ квартирѣ больше никого нѣтъ?—спросилъ я послѣдняго.

— Кажись, никого, ваше благородіе,—отвѣтилъ онъ, улыбаясь.

Я вошелъ въ квартиру. Первая большая комната была раздѣлена пополамъ грязной занавѣсью. Къ сторонѣ оконъ стояли сидѣнья и низкіе столики рабочихъ, а за занавѣсью я замѣтилъ кровати и шкафы.

Въ рабочей половинѣ дѣйствительно не было уже никого, но когда я заглянулъ за занавѣсъ, то подъ кроватью и въ разныхъ углахъ увидѣлъ множество сапоговъ, изъ которыхъ нѣкоторые шевелились.

— Вылѣзайте, братцы, выходите!—сказалъ я.—Нечего прятаться, когда я васъ вижу!

Рабочіе начали вылѣзать и, поднимаясь съ полу, оглядывали меня, улыбаясь своей неудавшейся продѣлкѣ. Всего я насчиталъ тридцать восемь человѣкъ.

Вернувшись въ магазинъ, я составилъ актъ о своемъ открытіи, который приказчикъ безпрекословно подписалъ.

— Скажите вашему хозяину, чтобы завтра же онъ взялъ свидѣтельство второй гильдіи,—сказалъ я,—и въ такомъ случаѣ я не дамъ этому акту надлежащаго хода. Если же послѣзавтра, когда я къ вамъ зайду, у него не будетъ этого свидѣтельства, то я представлю актъ въ казенную палату.

— Можетъ быть, завтра онъ не успѣетъ взять,—замѣтилъ приказчикъ.

— Отчего?

— Дѣла могутъ помѣшать.

— Ну, хорошо, я даю вамъ сроку три дня.

— Слушаю-съ, я передамъ хозяину.

Въ другой разъ я получилъ изъ палаты предписаніе осмотрѣть магазинъ часовыхъ дѣлъ мастера, какого-то еврея, помѣщающійся на Садовой, на углу Вознесенскаго проспекта. Дѣло въ томъ, что въ Петербургѣ разрѣшено проживать евреямъ, только купцамъ первой гильдіи и ремесленникамъ. Какъ всякому извѣстно, законъ этотъ соблюдается очень слабо, и Петербургъ, можно сказать, наводненъ евреями, ничего общаго не имѣющими ни съ первой гильдіей, ни съ ремеслами. Въ особенности много проживаетъ евреевъ подъ видомъ ремесленниковъ. Я лично зналъ одного еврея, у котораго въ первой комнатѣ квартиры стоялъ старый, сломанный и ни на что негодный ручной ткацкій станокъ. На мой вопросъ, для чего у него на самомъ виду стоитъ такой инструментъ, онъ мнѣ со смѣхомъ объяснилъ, что, благодаря этому станку, онъ прописанъ ремесленникомъ-ткачемъ, что даетъ ему право на жительство въ Петербургѣ.

Кромѣ этого, ремесленникъ еврей имѣетъ право содержать магазинъ, для продажи произведеній своего собственнаго труда, но отнюдь не для торговли однородными предметами, ремесленными или фабричными, чужого производства.

Не зная этого, я часто, бывало, удивлялся тому обстоятельству, что на перекресткѣ Садовой и Вознесенскаго проспекта расплодилось нѣсколько магазиновъ, торгующихъ часами. Заглянешь въ окно какого нибудь изъ этихъ магазиновъ и только диву даешься: чѣмъ тутъ торгуютъ? Въ витринѣ лежатъ двое или трое старыхъ карманныхъ часовъ, а на стѣнѣ висятъ тоже не болѣе двухъ-трехъ штукъ попорченныхъ стѣнныхъ часовъ. Тайна эта разъяснилась для меня только во время службы податнымъ инспекторомъ. Каждый такой часовыхъ дѣлъ мастеръ занимается какими угодно дѣлами, а магазинъ безъ товара содержится только ради приобрѣтенія права жить въ Петербургѣ.

Въ предписаніи, полученномъ мною, значилось, что еврей, магазинъ котораго я долженъ былъ осмотрѣть, торгуетъ часами и въ особенности часовыми принадлежностями не своей работы, а выпитанными изъ-за границы, о чемъ дошло до свѣдѣнія полиціи, которая опечатала всѣ шкафы. Я долженъ былъ распечатать и провѣрить донесеніе полиціи, въ присутствіи ея чиновъ и понятыхъ (то-есть частныхъ свидѣтелей), которыми, въ настоящемъ случаѣ, были четыре старшихъ дворника отъ сосѣднихъ домовъ.

Когда я пришелъ въ магазинъ, то тамъ уже собрались: самъ приставъ съ околоточнымъ надзирателемъ и понятые. Самого еврея не было, но присутствовала его жена, бойкая еврейка, лѣтъ подь сорокъ.

— При васъ были опечатаны всѣ эти шкафы и стойка?—спросилъ я понятыхъ.

— При насъ, ваше благородіе.

— Вы видѣли вещи, которыя находились въ ящикахъ и на полкахъ?

— Какъ же, ваше благородіе, видѣли.

— Можете мнѣ сказать, гдѣ и какія вещи лежали?

— Можемъ,—отвѣтилъ одинъ изъ дворниковъ, побойчѣе другихъ.—Вотъ въ этомъ ящикѣ, въ стойкѣ, лежали серебряные чехлы отъ часовъ. Вотъ въ этомъ—пружины. Въ этомъ—колеса и шестерни. Тутъ—ключики, тутъ—цѣпочки...

И такъ далѣе онъ пересчиталъ почти всѣ ящики и шкафы. Товарищи иногда поправляли его, но рѣдко, такъ какъ онъ очевидно обладалъ хорошей памятью.

Я просилъ понятыхъ тщательно осмотрѣть шнурки и печати, а также самые ящики и стѣны стойки и шкафовъ, чтобы убѣдиться, не было ли взлома или какого нибудь другого поврежденія, съ цѣлью вынуть оттуда вещи послѣ ихъ опечатанія. Дворники внимательно все осмотрѣли, ощупали, пробовали выдвигать доски стѣножъ или поднимать крышку стойки, но все оказалось въ полной исправности. Пока дворники возились, я разговаривалъ съ приставомъ, наблюдая за еврейкой: она стояла совершенно спокойно, часто улыбаясь, какъ мнѣ показалось, насмѣшливо, при видѣ хлопотающихъ дворниковъ.

— Теперь можно распечатать?—предложилъ я приставу, когда дворники окончили наружный осмотръ.

— Сдѣлайте одолженіе!—согласился тотъ.—Вотъ ключи,—прибавилъ онъ, подавая ихъ одному изъ понятыхъ.—Разрѣжьте веревки и отворите ящики.

Мы приблизились къ стойкѣ, съ которой начали внутренній осмотръ. Дворникъ взрѣзалъ веревки, отомкнулъ первый ящикъ (въ которомъ при запечатаніи хранились чехлы отъ часовъ) и выдвинулъ его.

Ящикъ оказался совершенно пустымъ, и только нѣсколько оберточныхъ бумажекъ лежали на днѣ его.

Я взглянулъ на пристава, который также взглянулъ на меня, широко раскрывъ глаза отъ удивленія.

— Вы говорите, что тутъ были серебряные чехлы отъ часовъ?— спросилъ я понятыхъ.

— Точно такъ, ваше благородіе.

— Можете сказать, много ли ихъ тутъ было?

— Полный ящикъ, до самаго верха.

А ящикъ былъ глубиною въ поларшина и длиною — болѣе аршина!

— Куда же дѣвались эти чехлы?— спросилъ я еврейку.

Она, также насмѣшливо улыбаясь, пожала плечами.

— А ражвѣ я могу знать, гашпадинъ иншпекторъ?— отвѣтила она съ сильнымъ жидовскимъ акцентомъ. — Гашпадинъ приставъ шами запечатавали.

Отворили другой ящикъ — также совершенно пустой! Третій — тоже, четвертый и такъ далѣе — всѣ пустые! Приставъ, околоточный надзиратель и понятые такъ были озадачены, что смотрѣли то на меня, то другъ на друга, какъ люди, ошеломленные громомъ, раздавшимся среди яснаго неба.

— Выньте всѣ ящики, — приказалъ я понятымъ:—осмотрите и испробуйте ихъ хорошенько, а также и стойку, нѣтъ ли гдѣ подвижныхъ досокъ.

— Напрашно будете бишпакоитъся, ваше благородіе, — заявила еврейка.—У насъ все крѣпко, и никакого фальшу нѣтъ.

— Однако вещи исчезли изъ запертыхъ и запечатанныхъ ящиковъ,— замѣтилъ я.

Еврейка только пожала плечами, ничего не отвѣтивъ.

Самый тщательный осмотръ помѣщеній ничего не раскрылъ. Распечатали и открыли шкафъ—тамъ тоже ничего не было, кромѣ разбросанныхъ кусочковъ оберточной бумаги да нѣсколькихъ корбочекъ отъ папирсъ.

Удивленіе и недоумѣніе полицейскихъ и понятыхъ возросло по мѣрѣ дальнѣйшихъ изслѣдованій.

— Вѣдь ишь ты какая колдовская штука! — замѣтилъ одинъ изъ понятыхъ, почесывая затылокъ.—Ничего не придумаешь, какъ это было обокрадено...

— Никакова кражу тутъ не было! — съ достоинствомъ возразила ему жидовка.

— Какъ не было? Вѣдь мы же, вотъ всѣ шестеро, видѣли полные ящики всякаго добра. А куда оно теперь дѣвалось?

— Ишто я могу знать? Вы сами вше запечатавали и сегодня нашли все цѣлымъ. Ишто же ви больше хатите?

— Сударыня!—обратился къ ней приставъ.—Какъ бы ни были вынуты отсюда вещи, но вы затѣяли опасную игру, о чемъ я долженъ васъ предупредить.

— Ми жнаемъ себѣ, гашпадинъ приставъ, и ничего дурново ми не дѣлали. Шовѣстью нашево жавсѣмъ шпикойна.

Это спокойствіе и ироническія улыбки еврейки, когда она смотрѣла на хлопоты понятыхъ, немало меня поражали. Вѣдь ясно было, что какъ бы она ни вытащила свои вещи, но, во всякомъ случаѣ, она вытащила ихъ послѣ опечатанія, слѣдовательно совершила очень тяжкое преступленіе, а между тѣмъ не только была совершенно спокойна, но еще относилась съ пренебреженіемъ и насмѣшкой къ полиціи и понятымъ.

Окончивъ осмотръ первой комнаты, мы прошли во вторую, выходящую окнами во дворъ. Тамъ повторилось то же явленіе, то есть всѣ столы, ящики, комоды и шкафы были и сами цѣлы, и на нихъ сохранились неповрежденными какъ печати, такъ и бичевки, которыми они обвязаны, а внутри были пусты, и, кромѣ клочковъ бумаги да пустыхъ коробокъ отъ папиросъ, ничего мы въ нихъ не нашли.

Недоумѣвающей приставъ видимо озлился.

— Садитесь писать протоколъ!—сердито приказалъ онъ околоточному надзирателю.—Что вы думаете объ этомъ?—обратился онъ ко мнѣ.

— Что же я могу думать, когда я не былъ при опечатаніи магазина? Какойнибудь фокусъ, который было бы очень любопытно разгадать.

Когда околоточный надзиратель началъ составлять протоколъ подъ диктовку пристава и въ присутствіи понятыхъ, еврейка вдругъ подошла ко мнѣ, осторожно тронула за локоть и попросила выйти за нею въ другую комнату.

— Я вижу, — сказала она, — што ви, гашпадинъ иншпекторъ, очень хорошова человекъ, а потому я вамъ шкажу всю правду, и тогда ви увидите, што гашпадинъ приставъ напрашно пишетъ протоколъ.

Это предисловіе возбудило мое любопытство, и я пошелъ за нею.

— Вотъ видите, гашпадинъ иншпекторъ, какъ этого дѣло было. Прошлый разъ, когда гашпадинъ приставъ запечатывалъ всѣ ящики и шкафы, все, все было у насъ полно товаромъ, это понятые говорятъ вѣрно. Когда полиція и понятые ошмотрѣли вещи въ магазинѣ, то, еще не запечатывая ихъ, перешли вотъ въ эту заднюю комнату и начали ошматривать здѣсь. Мой мужъ былъ шъ ними, чтобы отворять все съ ключемъ, а я осталась въ магазинѣ. Тогда я отворила дверь на улицу, созвала нашихъ мальчиковъ-евреевъ, которые топтались тутъ на улицѣ и, вынувъ все изъ ящиковъ, насыпала имъ въ карманы, въ мѣшки, даже просто

въ полы одежды и въ шапки, и они побѣжали шебѣ домой. Ражвѣ я не имѣла право это сдѣлать, когда вещи не были еще опечатаны? Пхе, конечно, имѣла! Ми знаемъ это изъ закона!

— Господи, какъ это просто! — невольно сказалъ я, улыбувшись.

— Завсѣмъ простова дѣла, гашпадинъ иншпекторъ! Когда же гашпадинъ приставъ вернулся сюда, то началъ опечатывать ящики, не заглянувъ въ нихъ второй разъ, такъ што онъ шамъ запечатывалъ пустые ящики и шкафы. А пока онъ печаталъ въ магазинѣ, я тоже шамое издѣлала въ этой задней комнатѣ, въ которой потомъ были запечатаны тоже пустые шкафы и ящики! Посудите сами, гашпадинъ иншпекторъ, имѣла ли я на то право? Пока вещи не были арештованы, онѣ принадлежали мнѣ, и я, по закону, могла дѣлать шъ ними, што хочу. Я захотѣла перенести ихъ домой и перенесла. Я не виновата, што гашпадинъ приставъ захотѣлъ запечатывать пустые ящики! Онъ оставилъ ихъ мнѣ на храненіе, и ви сами видѣли, што я вше сохранила аккуратно, ни одной веревочки не порѣзала и ни одной печати не сломала... И што жъ мнѣ протоколъ? Одинъ шмѣхъ только!

Я при этомъ разсказѣ не выдержалъ и громко расхохотался.

— Капитанъ! — позвалъ я пристава. — Пожалуйте сюда на минутку.

Приставъ подошелъ.

— Бросьте писать протоколъ, — сказалъ я. — Все дѣло объясняется очень просто.

И я въ короткихъ словахъ передалъ ему признаніе жидовки.

— Ахъ, шельма какая! — не удержался онъ сказать, выслушавъ меня. — Извините, сударыня, за это выраженіе, — обратился онъ къ еврейкѣ.

Но еврейка, видимо наслаждавшаяся своимъ торжествомъ, не приняла этого слова въ обиду.

— Ничего, гашпадинъ приставъ, — сказала она. — Мы знаемъ, што ви добрый человекъ.

— Да, поддѣла меня! И какъ же это я опростоволосился, просто понять не могу? — говорилъ приставъ. — Вотъ ужъ правда, что конь и о четырехъ — да спотыкается.

— Это можно объяснить очень просто, — сказалъ я, когда еврейка отошла отъ насъ зачѣмъ-то. — Вы просто не ожидали такого отчаяннаго нахальства, на какое способны только евреи, и потому вамъ въ голову не пришло второй разъ осматривать ящики въ моментъ ихъ запечатыванія.

— Какъ же быть теперъ? — спросилъ приставъ. — Вѣдь изъ этого можетъ выйти огромный скандалъ для меня! Теперъ и протокола не зачѣмъ составлять...

— Нѣтъ, капитанъ, протоколъ надо составить, чтобы не смутить совѣсти нашихъ понятыхъ.

Приставъ махнулъ рукою съ видимымъ отчаяніемъ.

— Приходится пропадать,—сказалъ онъ, тяжело вздохнувъ.— Ахъ, ты, проклятая жидовка!

— Да не огорчайтесь напрасно,—замѣтилъ я.—Мы составимъ протоколъ, а я, представляя его управляющему палатой, передамъ объясненіе жидовки и попрошу прекратить это дѣло. П. А. Корсаковъ человѣкъ умный и добрый; онъ пойметъ ваше положеніе и не захочетъ вредить вамъ, безъ всякой пользы для кого бы то ни было.

Приставъ молча и крѣпко пожалъ мнѣ руку, и мы вернулись въ магазинъ окончить протоколъ.

Прямо съ мѣста этого трагикомическаго приключенія я поѣхалъ въ палату и съ протоколомъ въ рукѣ вошелъ въ кабинетъ Корсакова, у котораго въ это время сидѣлъ кто-то изъ служащихъ. Это было очень кстати, такъ какъ давало мнѣ возможность рассказать продѣлку еврейки въ видѣ смѣшнаго анекдота.

Корсаковъ съ перваго взгляда замѣтилъ, что я настроенъ на веселую нотку.

— Здравствуйте,—сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку.—Я по глазамъ вашимъ вижу, что вы хотите объявить что нибудь радостное...

— Не радостное, П. А., а ужасно смѣшное,—сказалъ я, садясь въ кресло.

— Что такое?

Я рассказалъ ему приключеніе по возможности въ такомъ комическомъ видѣ, какой только могъ создать въ данную минуту. Рассказъ мой произвелъ именно то впечатлѣніе, которое я хотѣлъ произвести, то-есть Корсаковъ и третье лицо (не помню кто) хохотали отъ души, представляя себѣ всю эту сцену недоумѣнія. Воспользовавшись этимъ, я сказалъ:

— Мнѣ кажется, П. А., что это дѣло не стоитъ продолжать, и нашъ протоколъ можно, безъ всякаго ущерба для казны, спрятать подъ сукно.

— Да, конечно!—немедля же согласился Корсаковъ.—Только впередъ наблюдайте построже за этой еврейкой и попросите о томъ же пристава.

Такъ кончилось это дѣло, начавшееся почти трагически и кончившееся такъ комически.

Изъ переданныхъ мною здѣсь двухъ-трехъ рассказовъ читатели, вѣроятно, ужели вывели заключеніе, что служба податныхъ инспекторовъ (по крайней мѣрѣ, въ мое время, то-есть въ началѣ учрежденія податной инспекціи) не отличалась ни особыми красотою или комфортомъ, ни недостаткомъ работы, и что вообще путь нашъ не былъ усыянъ розами.

Помимо большого физическаго напряженія, котораго требовала постоянная провѣрка торговыхъ учреждений, немало страдали и нервы, почти ежедневно подвергавшіеся испытанію въ столкнове-ніяхъ то съ крайней бѣдностью, то съ распутствомъ, то съ гру-бостью...

Меня эта служба начала не только утомлять, но и отвращать отъ себя. Съ 1864 года по 1887 годъ, то-есть въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ, я занимался исключительно литературными работами. Въ нашей журналистикѣ очень немногимъ лицамъ удается такъ обставить себя, чтобы жить безъ нужды и даже прикапливать ка-питаль. Большинство литераторовъ и журналистовъ перебивается съ хлѣба на квасъ, и вотъ къ такимъ-то забытымъ Богомъ людямъ принадлежалъ и я. Поступая на службу, я думалъ устроить себя болѣе прочно, надѣясь, что эта служба не лишитъ меня возмож-ности увеличивать свои доходы литературнымъ трудомъ.

Но я горько ошибся въ своихъ расчетахъ и надеждахъ! Я представлялъ себѣ, что у меня будетъ оставаться довольно вре-мени, какъ это было въ главномъ выкупномъ учрежденіи. Но тутъ было не то, и за всѣ два года службы податнымъ инспекторомъ я не могъ написать почти ни одной строчки, едва справляясь со служебными работами. Между тѣмъ содержаніе мое (около двухъ тысячъ рублей въ годъ) оказалось меньше того, что я зарабаты-валъ въ журналахъ. Разсчитывать же на пенсію, до которой мнѣ было еще очень далеко, было бы слишкомъ рискованно, при моемъ возрастѣ и постоянной болѣзненности. Такимъ образомъ, эта служба не только не улучшила моего матеріальнаго положенія, но еще ухудшила его.

Къ этому надо прибавить еще, что за четверть вѣка своей ли-тературной работы я слишкомъ привыкъ къ полной свободѣ и, такъ сказать, къ барской жизни. Это барство состояло не въ ма-теріальныхъ средствахъ, но въ томъ, что я былъ человѣкъ вполне независимый во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и не зналъ надъ собою ни одного человѣка, который могъ бы мнѣ сказать: «иди туда, сдѣлай то и поздравляй меня съ новымъ годомъ!».

Разумѣется, что свои барскія привычки я не могъ сбросить съ плечъ при входѣ въ казенную палату, и онѣ, какъ шило въ мѣшкѣ, выдавали меня на каждомъ шагѣ. Я не могъ превратиться въ чи-новника, который только и дышитъ своей службой, такъ какъ внѣ ея онъ ни на что болѣе не пригоденъ. Зная, что въ журналистикѣ я всегда найду свой хлѣбъ, хотя бы и черствый, я не могъ осо-ренно дорожить службой, которая въ настоящее время была мнѣ убыточна, а въ будущемъ не представляла никакой гарантіи въ спокойной старости.

Всѣмъ этимъ легко объясняется мое поведеніе во многихъ слу-чаяхъ служебныхъ отношеній.

Такъ, напримѣръ, однажды, вернувшись домой съ провѣрочнаго обхода, я нашелъ у себя конвертъ изъ казенной палаты съ порядочнымъ тюкомъ какихъ-то листочковъ, принесенный курьеромъ. Вскрываю конвертъ и нахожу въ немъ предписаніе разнести прилагаемые листочки по торговымъ заведеніямъ своего участка.

— Что за дьявольщина! — подумалъ я. — Да неужели казенная палата считаетъ меня курьеромъ или разносчикомъ, и неужели она не могла найти другого способа разослать эти листочки? Чтобы разнести ихъ, я долженъ былъ бы приостановить свои работы по провѣркѣ и нѣсколько дней бѣгать изъ лавки въ лавку, раздавая эти листочки. Хорошее занятіе для чиновника шестого класса и вообще для человѣка съ высшимъ образованіемъ!

Не распечатывая пакета, я на другое утро взялъ извозчика и поѣхалъ въ палату, гдѣ положилъ этотъ пакетъ на столъ секретаря, объяснивъ послѣднему, что не имѣю времени для разноски этихъ повѣстокъ. Потомъ оказалось, что и другіе инспекторы, не менѣе моего, были удивлены и оскорблены такимъ порученіемъ, и заѣзжали въ палату спрашивать разъясненія. Но они сдѣлали это осторожнѣе меня, а главная бѣда въ томъ, что я былъ первый, который явился съ своимъ протестомъ. Распоряженіе это было отмѣнено, никто не получилъ никакого замѣчанія за строптивость, но на меня стали коситься, какъ на зачинщика, хотя никакого предварительнаго уговора между нами не было, и каждый инспекторъ дѣйствовалъ отдѣльно, за свой счетъ и страхъ.

Въ январѣ 1887 года, мы, податные инспекторы, получили предписаніе начать провѣрку торговыхъ свидѣтельствъ съ перваго февраля.

По опыту прошлаго года я зналъ, что къ этому времени свидѣтельства не будутъ еще выбраны доброю половиною моихъ торговцевъ и ремесленниковъ. Пришлось бы составлять множество протоколовъ, которые для меня и казенной палаты представляли много лишней работы, и для торговцевъ имѣли послѣдствіемъ наложеніе штрафовъ, что при бѣдности торговцевъ, а въ особенности ремесленниковъ моего участка, было для нихъ чувствительно.

Чтобы уменьшить на этотъ разъ число протоколовъ, я надумался начать провѣрку десятью днями позже, но предупредивъ торговцевъ, чтобы они озаботились выбрать свидѣтельства ко дню, когда я начну обходъ.

Для этого я заѣхалъ въ приставу и просилъ его частнымъ образомъ оповѣстить торговцевъ о моемъ распоряженіи. Онъ охотно согласился, помня нѣкоторыя мои услуги ему.

Результатъ моего распоряженія вышелъ, можно сказать, блестящій въ томъ отношеніи, что всѣ торговцы успѣли записаться свидѣтельствами, и мнѣ пришлось составлять очень мало протоколовъ, чуть ли не вдесятеро меньше, сравнительно съ прошлымъ годомъ.

Пятнадцатаго февраля (какъ сейчасъ помню) я получилъ приглашеніе отъ управляющаго палатой явиться для объясненія по службѣ.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ онъ,—отчего это у васъ такъ мало протоколовъ, сравнительно съ представленными другими инспекторами?

— Развѣ такъ мало, П. А.?—въ свою очередь спросилъ я.

— Да, разумѣется! Вотъ инспекторъ NN части, у котораго болѣе богатые и болѣе исправные торговцы, за двѣ недѣли представилъ уже слишкомъ двѣсти протоколовъ, а у васъ всего штукъ пятнадцать. Вы, вѣроятно, слишкомъ уже послабляете неаккуратнымъ?

— Нѣтъ, П. А., не то. Я отношусь по возможности строго. Но это произошло, вѣроятно, потому, что я началъ провѣрку десятью днями позже.

— Какъ позже? Это почему?

Я объяснилъ ему. Онъ даже вспыхнулъ и продолжалъ говорить, сильно возвышая голосъ.

— Да какъ вы могли дозволить себѣ распорядиться такимъ образомъ? Вы одновременно сдѣлали два проступка: во-первыхъ, не исполнили предписанія казенной палаты начать повѣрку съ перваго числа, а, во-вторыхъ, потребовали содѣйствія полиціи, на что въ этомъ случаѣ не имѣли права безъ моего разрѣшенія...

— Позвольте, П. А., замѣтить мнѣ одно: я отъ полиціи ничего не требовалъ, а частнымъ образомъ просилъ пристава оказать мнѣ эту услугу, а потому не считалъ даже удобнымъ просить на это вашего разрѣшенія. Во-вторыхъ, какъ вы сами видите, мое распоряженіе принесло хорошіе плоды, и мнѣ удалось этимъ способомъ уменьшить число протоколовъ до минимума.

— Да никто васъ не просилъ заботиться объ уменьшеніи числа протоколовъ. Напротивъ, чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ лучше!

— Виноватъ, я этого не зналъ и думалъ, что, уменьшая работу казенной палаты, тѣмъ самымъ оказываю ей услугу.

Разговоръ нашъ, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе принималъ горячій характеръ. Между прочимъ управляющій замѣтилъ мнѣ, что я не долженъ разсуждать, а только слѣпо исполнять приказанія начальства.

— Въ такомъ случаѣ,—возразилъ я,—зачѣмъ же въ податные инспекторы выбирались люди съ высшимъ образованіемъ? Для слѣпago исполненія приказаній болѣе пригодны были бы простые писаря...

Далѣе онъ, хотя не высказалъ прямо, но очень прозрачно намекнулъ, что считаетъ меня человѣкомъ крайне неудобнымъ для службы.

— Это очень возможно,—откровенно сознался я:—я самъ вижу и чувствую, что не созданъ для того пассивнаго повиновенія, кото-

раго вы отъ меня требуете, и постараюсь по возможности скоро освободить свою вакансію...

Моя неожиданная покорность разомъ смирила горячность управляющаго, и мы докончили бесѣду уже гораздо спокойнѣе, чѣмъ начали ее.

Февраль мѣсяцъ въ Петербургѣ не отличается благонастроеннымъ воздухомъ. Этотъ мѣсяцъ часто бываетъ самымъ безпутнымъ среди своихъ одиннадцати другихъ товарищей. То грянетъ морозомъ въ двадцать градусовъ, то оттепелью градусовъ въ пять; то завѣетъ бураномъ, прилетѣвшимъ съ самаго Ледовитаго океана, то засыплетъ хлопьями мокраго снѣга и т. д., безъ конца измѣняя метеорологическія явленія.

Вотъ въ этотъ-то отчаянный мѣсяцъ начиналось наше хожденіе по лавкамъ, магазинамъ, трактирамъ, мастерскимъ, конторамъ, фабрикамъ и проч. и проч. Войдешь въ какую нибудь столярную мастерскую—тамъ жара въ двадцать градусовъ. Выйдешь изъ нея на улицу—тутъ холодъ въ десять градусовъ. Съ улицы въ хлѣбопекарню—опять жара и уже въ двадцать пять градусовъ, такъ что пекари работаютъ совсѣмъ нагіе, прикрываясь только небольшимъ передникомъ. А на улицѣ—все десять градусовъ.

Бываетъ и хуже: морозъ-то не великъ, но дуетъ сильный вѣтеръ, который хуже всякаго мороза. Васъ, вспотѣвшаго въ какой нибудь плавильной мастерской, пронизываетъ насквозь холодный вѣтеръ, отъ котораго не защищаетъ никакая шуба. И вѣдь эти перемѣны температуры, во время обхода, совершаются чрезъ каждыя пять или десять минутъ!

Или другая картина: вы ревизуете какой нибудь холодный рынокъ, въ родѣ Сѣнной площади, въ корпусахъ которой свободно разгуливаетъ, какъ у себя дома, лапландскій, да еще сквозной, вѣтеръ. Въ этомъ пріятномъ помѣщеніи вы проводите нѣсколько часовъ подъ рядъ, оконченными руками дѣлая свои записи на свидѣтельствахъ.

Вы начинаете съ насморка, который завтра сопровождается кашлемъ, послѣзавтра къ этимъ двумъ милымъ гостямъ присоединяется лихорадка.

Насморкъ, подъ дѣйствіемъ сальной свѣчки, полегчалъ, но уступилъ свое мѣсто катарру желудка; далѣе кашель уходитъ, но на его мѣсто является невралгія какого нибудь нерва, преимущественно сѣдалищнаго, а не то мигрень, переходящій въ *tic douloureux*... Однимъ словомъ вы не разстаетесь съ этой пріятной компаніей, которая радушно угощаетъ васъ ревенемъ вмѣсто бифштекса и касторовымъ масломъ вмѣсто шампанскаго.

А податной инспекторъ все ходитъ то въ домъ, то на улицу, то въ домъ, то на улицу, безъ конца, сущій вѣчный жидъ, пока не сляжетъ въ постель такъ основательно, что уже больше не встанетъ.

Слегъ такимъ образомъ нашъ товарищъ Гиршфельдъ, жившій на Забалканскомъ проспектѣ. На этомъ же проспектѣ жили еще я и Москалевъ. Однажды, мы съ нимъ сошлись вечеромъ у Гиршфельда, узнавъ, что онъ боленъ.

Онъ сидѣлъ въ халатѣ, повязанный кругомъ шеи шерстянымъ шарфомъ, и съ трудомъ говорилъ.

— Что у тебя?—спрашиваетъ Москалевъ.

— Простудился. Началось съ насморка, потомъ явилась лихорадка, а теперь въ горлѣ сдѣлалась какая-то опухоль.

— Такъ ты, голубчикъ, надѣюсь, не выходишь?

— Два дня сидѣлъ дома, а завтра пойду.

— Куда?

— На провѣрку, куда же больше?

— Да что ты съ ума сошелъ? Посмотри на что ты похожъ: осунулся въ эти два дня, точно годъ постился.

— Что же дѣлать? Не искать же объясненій, вонъ какъ Эвальдъ имѣлъ. Но Эвальду хорошо, онъ отъ службы не зависитъ, а я куда дѣнусь въ случаѣ чего?

— Да помилуй, какъ это можно? Тебѣ надо въ постели лежать, а не по улицамъ шататься въ такія адскія погоды, какъ сегодня...

Какъ мы ни уговаривали его, но онъ не послушалъ насъ и страха ради іудейскаго пошелъ на повѣрку, проходилъ часа два, болѣе не могъ и, вернувшись домой, слегъ уже совсѣмъ въ постель.

Я въ это время тоже имѣлъ уже трехъ непрошенныхъ гостей, въ видѣ насморка, кашля и невралгій, и рѣшился, не слѣдуя примѣру Гиршфельда, посидѣть дня два дома. Но это не удалось. Черезъ день послѣ нашего вечерняго чая у Гиршфельда ко мнѣ заходитъ Москалевъ, разстроенный, блѣдный, съ глазами, тронутыми слезой.

— Что съ вами?—спрашиваю его.

— Ничего, я здоровъ, а вотъ Гиршфельдъ...

— Хуже ему?

— Нѣтъ, онъ совсѣмъ...

— Что-о?!

— Умеръ. Пойдемте къ нему.

Я наскоро одѣлся, и мы почти побѣжали. Гиршфельдъ лежалъ уже на столѣ, головой къ образу, нисколько не измѣнившись, какъ будто закрылъ глаза только на минутку, но его уже не было съ нами...

Благодаря похоронамъ Гиршфельда, всѣ болѣзненные припадки у меня усилились настолько, что надо было пригласить доктора.

Гиршфельдъ-то былъ человѣкъ холостой, ему было все равно, а я семейный и не имѣлъ права рисковать собою.

— Знаешь что,— сказала мнѣ жена, присѣвъ на край постели:— эта служба не по твоему здоровью.

— Да, и не по моему характеру...

— Характеръ-то что! А вотъ здоровье...

— Такъ что жъ, по-твоему, въ отставку подавать, что ли?

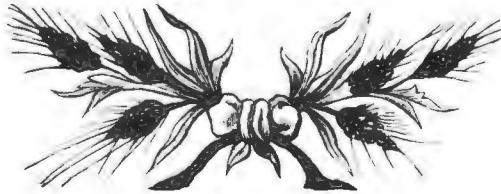
— Подай. Жили же мы кое-какъ прежде, Богъ дастъ, проживемъ и далѣе, безъ службы.

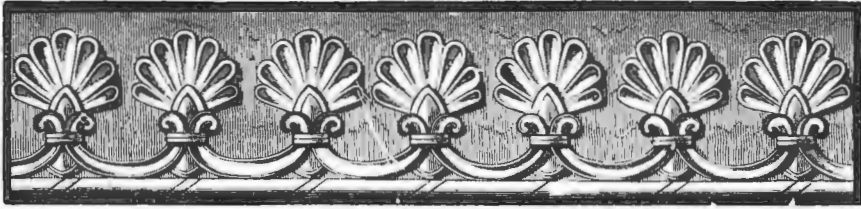
— Я давно такъ думаю, а ты все приставала: служи да служи.

— Да, я думала, что это будетъ лучше, но смерть Гиршфельда заставила меня перемѣнить мнѣніе.

Подать въ отставку было не долго, что я и сдѣлалъ, дотянувъ только до конца мѣсяца.

А. В. Эвальдъ.

ВЪ МУКДЕНѢ.

I.

Въ гостяхъ у мукденскаго да-ламы.

БЛАГОДАРЯ любезности военнаго комиссара ¹⁾ при мукденскомъ дзянь-дзюнь ²⁾, я получилъ (8-го мая 1902 года) изъ китайской дипломатической канцелярии въ Мукденѣ пригласительный билетъ, дававшій мнѣ право присутствовать на монгольскомъ богослуженіи и религіозныхъ церемоніяхъ въ кумирняхъ у Западныхъ воротъ, по случаю большого праздника ³⁾ у монголь.

Такой же пригласительный билетъ прислалъ мнѣ ⁴⁾ дзянь-дзюнь утромъ 9-го мая, въ день праздника.

Будучи въ этотъ день дежурнымъ по стрѣльбѣ, я пріѣхалъ къ кумирнямъ только въ 1-мъ часу дня ⁵⁾, когда изъ воротъ дальней

¹⁾ Генеральнаго штаба полковникъ Квѣцинскій.

²⁾ Генераль-губернаторъ Южной Манчжуріи, имѣющій пребываніе въ Мукденѣ.

³⁾ Праздновался день рожденія божественнаго Фо, душа котораго по ученію монголо-буддистовъ продолжаетъ пребывать на землѣ, въ какомъ либо святомъ, переходя по смерти одного святого въ мальчика, который дѣлается послѣ этого святымъ. Избраннаго мальчика-монгола узнають способомъ, извѣстнымъ только ламамъ (священникамъ).

⁴⁾ Несмотря на мой небольшой сравнительно чинъ капитана, дзянь-дзюнь нашелъ необходимымъ оказать мнѣ эту любезность, какъ смотрителю императорскаго мукденскаго дворца, въ которомъ помѣщается для охраны моя рота — 2-я рота 1-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго его величества полка.

⁵⁾ Я опоздалъ немного, богослуженіе въ главной кумирнѣ только что кончилось.

кумирни на площадь, всю залитую народомъ выходило шествіе, очень похожее на наши крестные ходы.

Впереди, на длинныхъ древкахъ двигались какъ бы наши хоругви, только безъ изображеній, а съ однѣми священными надписями. Хоругви красныя, письмена на нихъ черныя. За ними тоже на длинныхъ древкахъ высились, двигаясь, символы власти: мечъ, копье, благословляющая рука Будды и др., которые, какъ и хоругви, несли одѣтые въ красные и травяного цвѣта халаты хоругвеносцы. Они шли двумя рядами, между ними шли музыканты въ красныхъ курмахъ (кафтанъ), музыканты били въ гонги, трубили въ трубы; они какъ бы замѣняли нашихъ пѣвчихъ въ такихъ же случаяхъ. За музыкантами слѣдовало одѣтое въ желтое одѣяніе низшее ламайское духовенство съ бритыми начисто, непокрытыми головами; за духовенствомъ усердные прихожане тащили небольшую каретку, въ ней сидѣло двое мальчиковъ манчжуровъ лѣтъ по 9-ти, въ желтыхъ курмахъ (кафтанъ) и бритые (будущіе ламы); мальчики поддерживали небольшую статую Будды.

Шествіе подвинулось немного впередъ и остановилось... Китайскія власти и высшее духовенство (помощникъ да-ламы со старшими ламами) занимали мѣсто передъ кумирней по сторонамъ площадки, предназначенной для исполненія религіозныхъ танцевъ.

Пробравшись при помощи китайскихъ солдатъ сквозь густую толпу народа на площадку, я долженъ былъ сначала позвать руки, по крайней мѣрѣ, 20-ти знакомымъ и незнакомымъ мнѣ китайскимъ чиновникамъ и офицерамъ, стѣявшимъ стѣной по одну сторону площадки, и потомъ уже засвидѣтельствовать свое почтеніе дзянь-дзюню, фу-ину¹⁾ и фу-ду-туну²⁾. Дзянь-дзюнь и его помощники были въ парадномъ платьѣ: въ шляпахъ съ красными шариками и павлиными перьями, въ цвѣтныхъ шелковыхъ курмахъ и такихъ же халатахъ. На кафтанахъ (курмахъ) у дзянь-дзюня и высшихъ гражданскихъ чиновниковъ вышиты птицы (журавли или фазаны), у военныхъ (у фу-ду-туна и др.) — звѣри: носороги, львы.

Сверхъ того, у дзянь-дзюня и высшихъ чиновниковъ на шеѣ висѣли не то четки³⁾, не то бусы изъ крупныхъ граненыхъ и круглыхъ цвѣтныхъ камней. Дзянь-дзюнь со свитой сидѣлъ у дверей кумирни подъ навѣсомъ; тутъ же сидѣли приглашенные русскіе, имѣющіе постоянное сношеніе съ китайской администра-

¹⁾ Фу-инъ, губернаторъ города Мукдена и помощникъ дзянь-дзюня (генераль-губернатора), вѣдающій дѣлами китайцевъ, тогда какъ дѣла манчжуръ подвѣдомственны дзянь-дзюню.

²⁾ Фу-ду-тунъ значитъ командующій войсками: достойно вниманія, что самъ дзянь-дзюнь — манчжуръ; фу-инъ — китаецъ и фу-ду-тунъ — монголъ.

³⁾ За эти четки-пѣпи китайскіе сановники держатся въ знакъ покорности при представленіи богдыхану.

цій: остававшійся за начальника гарнизона ¹⁾ города Мукдена генераль-майоръ Мищенко, военный комиссаръ полковникъ Квѣцинскій, чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ Колоколовъ ²⁾ съ супругой, штабсъ-капитанъ Блонскій (секретарь и переводчикъ китайскаго языка при комиссарѣ) тоже съ супругой и еще нѣсколько офицеровъ. За сидѣвшими стояли накрытые чистыми скатертями столы съ винами и фруктами — европейское угощеніе буддѣйскаго духовенства для русскихъ.

На противоположной отъ дзянь-дзюня сторонѣ площадки, на низкихъ диванахъ-подушкахъ, расположилось, по-восточному поджавъ подъ себя ноги, высшее духовенство; лѣвѣе въ углу площадки, на возвышеніи подъ краснымъ балдахиномъ-зонтикомъ, сидѣлъ, также поджавъ подъ себя ноги калачикомъ, помощникъ главногo ламы.

Онъ былъ одѣтъ въ шелковыя желтыя ризы, иначе его одежду я не могу назвать, такъ она похожа на ризы нашего духовенства; къ тому же одѣяніе ламы было перетянуто накрестъ ораремъ, какъ это дѣлаютъ наши діаконы, во время проскомидіи. На головѣ у ламы была конусообразная шапка, формой напоминающая митры римскихъ первосвященниковъ, или, еще вѣрнѣе, все одѣяніе очень напоминало одежды еврейскихъ первосвященниковъ Анны и Каіафы, какъ ихъ изображаютъ на рисункахъ въ священной исторіи. Самъ старшій лама (да-лама, въ іерархическомъ отношеніи равный нашимъ архіереямъ) въ данный моментъ въ церемоніи не участвовалъ: онъ сидѣлъ рядомъ съ дзянь-дзюнемъ, занимая гостей.

Когда я входилъ на площадку, то на ней танцевала пара мальчиковъ, въ бѣлыхъ балахонахъ и такихъ же на всю голову надѣтыхъ маскахъ съ ярко красными глазами и ртомъ искаженнаго человѣческаго лица. Мальчики представляли подземныхъ духовъ (гномовъ), за гномами по звуку колокольчика изъ кумирни выходили, скорѣе выбѣгали, попарно замаскированные молодые ламы или послушники, готовящіяся быть ламами, въ костюмахъ и маскахъ-личинахъ. Они представляли добрыхъ ³⁾ и злыхъ духовъ, статуями которыхъ въ ростъ человѣка полны кумирни въ Китаѣ. У большинства духовъ головы несуществующихъ животныхъ; на злыхъ надѣты желтые матерчатые съ плюмажемъ шлемы, похожіе на шлемы средневѣковыхъ рыцарей. Каждая пара, протанцовавъ, уступала мѣсто другой.

¹⁾ Постоянный начальникъ гарнизона города Мукдена есть начальникъ южно-манчжурскаго отряда генераль-майоръ Флейшеръ.

²⁾ Нашъ негласный консулъ въ Южной Манчжуріи.

³⁾ Одѣяніе добрыхъ духовъ отчасти похоже на одѣяніе библейскихъ воиновъ и ангеловъ.

Повидимому, хореографическое искусство не чуждо китайцамъ. Здѣсь, въ религиозной церемоніи, движенія танцоровъ пластичны, въ тактъ музыки и, если не граціозны на нашъ взглядъ, то все же не рѣжутъ глазъ своей карикатурностью, какъ это часто бываетъ на сценахъ частныхъ китайскихъ театровъ ¹⁾.

Шелковые костюмы богаты, со множествомъ блестокъ; напри- мѣръ, одежда духа, покровителя звѣздъ, такъ и горѣла драгоцѣн- ными камнями (разумѣется, поддѣльными).

Въ общемъ все это походило на представленіе порядочной ба- летной труппы. По окончаніи танцевъ духи выстроились рядами: добрые поближе къ духовенству, а злые возлѣ офицеровъ и чи- новниковъ.

Затѣмъ опять начало составляться шествіе для слѣдованія торжественнымъ ходомъ вокругъ кумиренъ.

Процессія тронулась подъ звуки музыки въ прежнемъ порядкѣ въ сопровожденіи многочисленной толпы народа.

Дзянь-дзюнь и русскіе гости, простившись съ ламами, уѣхали. Я же и еще двое русскихъ ²⁾ пошли съ буддійскимъ архіереемъ за ходомъ. Съ этимъ почтеннымъ и умнымъ ламой я познакомился еще ранѣе; теперь онъ усиленно просилъ зайти къ нему пообѣдать, оставилъ даже шествіе, чтобы проводить насъ къ себѣ на квар- тире (тутъ же при кумирняхъ).

Передъ фанзой (домомъ), гдѣ обитаетъ буддійскій владыка, весь дворикъ покрытъ былъ цвѣтами ³⁾, посаженными въ грунтъ и въ вазонахъ. Въ вазонахъ же, выставленныхъ изъ оранжереи, стояли въ цвѣту или съ наливающимися уже плодами такъ лю- бимыя китайцами карликовыя ⁴⁾ плодовые деревья: персики, поме- ранцы, гранаты. Между деревьями и цвѣтами стояло четыре аква- ріума съ плавающими въ нихъ золотыми рыбками.

Сдавъ насъ маленькому, лѣтъ 70-ти старичку, лама поспѣшилъ занять свое мѣсто въ религиозномъ шествіи.

Старичекъ оказался монголомъ ⁵⁾, чѣмъ-то въ родѣ министра отъ

¹⁾ Хотя и на частныхъ сценахъ встрѣчается вполне европейское исполненіе балетныхъ танцевъ (конечно, мѣстныхъ).

²⁾ Отрядный комендантъ, капитанъ Гоганидзе, и нѣкто г. Громовъ, уральскій казакъ-купецъ, дѣлавшій походы въ Туркестанъ еще во времена Черняева, Кауф- мана и Скобелева. Теперь г. Громовъ ѣздитъ съ какими-то негласными, но важ- ными порученіями къ князьямъ сосѣднихъ съ Манчжуріей монгольскихъ областей.

³⁾ Буддійскіе ламы—большіе любители цвѣтовъ; за каждой церковной оградой на площадкѣ, образуемой кумирней и примыкающими къ ней подъ прямымъ угломъ жилищами ламъ, непремѣнно растутъ четыре или шесть, посаженныхъ симметрично, хвойныхъ деревьевъ и разбитъ цвѣтникъ; рѣдкіе экземпляры цвѣ- товъ ламы сохраняютъ зимой въ оранжереяхъ.

⁴⁾ Китайскіе садовники культивируютъ ихъ не въ грунту на грядкахъ, а въ вазонахъ.

⁵⁾ Какъ главный лама, такъ и многое множество ламъ въ этихъ кумирняхъ также монголы. Какъ извѣстно, всѣ монголы и часть китайцевъ—буддисты (боль-

Монголіи при мукденскомъ дзянь-дзюнь, которому подчинены сосѣднія съ Манчжуріей монгольскія области. Онъ повелѣ насъ въ покои ламы.

Устройство этого буддійскаго архіерейскаго дома таково: направо отъ прихожей, въ большой комнатѣ живутъ обыкновенныя ламы; налево — первая комната служитъ столовой главнаго ламы, далѣе, слѣдующая небольшая чистенькая, уютная комната, въ одно и то же время и спальня и кабинетъ его; на правой отъ входа сторонѣ этой комнаты большое зеркало-трюмо маскируетъ дверь въ тайничекъ. Вдоль стѣны, противъ двери изъ столовой, тянется широкой канъ¹⁾, на немъ лежали свернутыя къ головамъ матрацы-постели главнаго ламы и, должно быть, его помощника, стоялъ лакированный на низенькихъ ножкахъ чайный столикъ; около него лежали два коврика изъ волчьихъ шкуръ.

Во всю стѣну надъ изголовьемъ кана висѣла таблица, покрытая золотыми китайскими іероглифами (священными буддійскими изреченіями); на полочкахъ, прикрѣпленныхъ къ стѣнамъ, помѣщались небольшія китайскія вазы изъ нефрита и изъ другихъ какихъ-то камней, стояло много разныхъ часовъ, висѣло нѣсколько фотографій, въ томъ числѣ бывшего начальника южно-манчжурскаго отряда, генералъ-лейтенанта Церпицкаго, и группа казаковъ-артиллеристовъ Забайкальской казачьей батареи съ ихъ командиромъ, полковникомъ Янушевымъ, въ серединѣ. Эти казаки—забайкальскіе буряты, когда ихъ батарея²⁾ стояла въ Мукденѣ, приходили сюда служить своей молебень, снялись и подарили фотографическую карточку на память своему духовному владыкѣ—старшему ламѣ.

Пока накрывали³⁾ на столъ, намъ предложили осмотрѣть верхній этажъ фанзы—домовую, такъ сказать, кумирню главнаго ламы. Тамъ было тихо, свѣтло, окна-двери (portes-fenêtres) открыты настежь на галерею, подъ кровлей ворковали голуби, рѣяли кругомъ ласточки...

Провожавшій насъ архіерейскій служка (старикъ-министръ не пошелъ наверхъ, — ему трудно было взбираться по лѣстницѣ) обратилъ наше вниманіе на прекрасный видъ зеленѣющаго вдали

шинство китайцевъ послѣдователи Конфуція). Нашъ любезный министръ-монголъ маленькимъ мальчикомъ былъ взятъ въ числѣ другихъ дѣтей именитыхъ монголовъ ко двору богдыхана, получилъ воспитаніе въ желательномъ для китайцевъ направленіи и возвратился на родину покорнымъ слугою ихъ.

¹⁾ Каны—неввысокія глиняныя нары, согрѣваемые трубами, проходящими внутри кана, какъ въ печкѣ; устья подтопки этихъ трубъ выходятъ или въ прихожую или прямо на дворъ.

²⁾ Почти половина 1-й батареи Забайкальскаго казачьяго войска состоитъ изъ казаковъ-бурятъ, исповѣдающихъ буддизмъ.

³⁾ Хотя слово «накрывать» не выражаетъ соответствующаго понятія, потому что на чисто китайскихъ обѣдахъ скатертей не полагается.

парка вокругъ императорскихъ могилъ. За нами взопли на верхъ семейства три богатыхъ монгола съ женами-китайнками и дѣтьми; мужчины привѣтливо поздоровались; нарядно одѣтые толстые карапузики-ребятишки сначала осторожно смотрѣли на насъ издали (мало ли что можетъ случиться?!), потомъ, побуждаемые отцами, а больше дѣтскимъ любопытствомъ, подошли ближе и здороваясь до-вѣрчиво совали намъ въ руки свои не совсѣмъ чистыя лапки.

Обмѣнявшись привѣтствіями, монголы и мы, нисколько не стѣсняя другъ друга, вмѣстѣ осматривали моленную, останавливаясь то передъ однимъ, то передъ другимъ предметомъ, какъ это дѣлается у насъ, когда послѣ службы въ монастыряхъ богомольцы осматриваютъ монастырскія достопримѣчательности.

На алтарѣ, похожемъ на открытый католическій, стоитъ небольшая (въ полроста человѣка) бронзовая съ золотыми (или, можетъ быть, золочеными) кистями рукъ статуя Будды; предъ ней, въ бронзовомъ сосудѣ—искусственный, очень изящно сдѣланный цвѣтокъ лотоса ¹⁾, потомъ 7 подсвѣчниковъ съ красными свѣчами. Эти подсвѣчники въ общемъ похожи на библейскій еврейскій семи-свѣчникъ ²⁾. Тутъ же теплилась неугасимая лампада, настоящая лампада, только заправленная не деревяннымъ, а бобовымъ масломъ; курились толщиною въ толстую спичку длинныя травянистыя свѣчи ³⁾... Стояли чаши съ чистой водой, лежали стопками маленькіе хлѣбцы, какъ у насъ просфоры...

По бокамъ алтаря, на стѣнахъ нарисованы лики буддійскихъ святыхъ съ сіяніями вокругъ головъ...

Въ другомъ мѣстѣ, на стѣнѣ, изображенъ рядъ ветхозавѣтныхъ старцевъ со свитками въ рукахъ...

Спустившись внизъ, мы застали тамъ да-ламу уже разоблачившимся. Теперь онъ былъ одѣтъ въ жалованный ему китайскимъ императоромъ богатый шелковый халатъ съ вышитыми золотомъ и серебряною битью драконами.

Да-лама, министръ, мы и человѣкъ пять ламъ усѣлись на табуретахъ вокругъ круглаго стола ⁴⁾ обѣдать.

Обѣдъ былъ обильный и чисто китайскій, какъ по сервировкѣ, такъ и по кушаньямъ, съ небольшимъ только добавленіемъ под-

¹⁾ Изъ него, по ученію буддистовъ, явился Будда.

²⁾ Какъ его изображаютъ на рисункахъ въ священной исторіи.

³⁾ Такія свѣчи втыкаютъ въ горшечекъ съ пескомъ или прямо кладутъ на дно ящика; онѣ дѣлаются не то изъ коры дерева, не то изъ бумаги съ примѣсью травы.

⁴⁾ Если исключить наши кровати, которыя китайцы замѣняютъ канами (наши лежанки), то китайская мебель мало чѣмъ отличается отъ европейской, по крайней мѣрѣ, столы (обѣденные и письменные), стулья, кресла и табуреты, хотя все это не заимствованное, а чисто китайское. Такую мебель лѣтъ 20—30 тому назадъ можно было встрѣтить почти во всякомъ болѣе или менѣе зажиточномъ домѣ въ Россіи.

дѣльныхъ европейскихъ (японскаго и шанхайскаго издѣлія) винъ. Каждую переѣну блюдо подавали сразу въ нѣсколькихъ небольшихъ чашечкахъ, ставя ихъ по срединѣ стола; изъ этихъ чашечекъ мы ложками и вилками (намъ подали), а хозяева палочками брали кушанья въ свои чашечки¹⁾. По обыкновенію, сначала подали сладкое: засахаренные и облитые медомъ орѣхи, нарѣзанную кусочками красную изъ боярышника пастилу, груши, тоже кусочками; послѣ сладкаго мы попробовали не безъ осторожности супа-похлебки изъ древесныхъ грибовъ, изъ любопытства проглотили по нѣскольکو кусочковъ трепанговъ (трепанги—самое гастрономическое китайское блюдо); не безъ удовольствія съѣли по чашечкѣ супу изъ куриныхъ мозговъ, потомъ по чашечкѣ ухи изъ плавниковъ акулы, и наконецъ, какъ слѣдуетъ, закусили разнымъ жаренымъ и паренымъ мясомъ: утинымъ, куринымъ и, преимущественно, свинымъ, при чемъ мясо подавалось нарѣзанное ломтиками.

Въ срединѣ обѣда весь столъ оказался заставленнымъ чашечками; полуопорожненныя же, не помѣщавшіяся уже на нашемъ столѣ, прислуга переставляла на другой столъ, но такъ, чтобы было видно хлѣбосольство хозяина.

Съ середины обѣда мы рѣшительно отказывались ѣсть что либо.

На упрашиванье хозяина черезъ переводчика мы отвѣчали, что сердце наше хотѣло бы все это съѣсть, но ротъ не можетъ (галантная фраза въ чисто китайскомъ обѣденномъ вкусѣ), на что хозяинъ отвѣтилъ по-русски²⁾: «ничего, все равно...», при чемъ совершенно неожиданно для насъ добавилъ такое слово, которое своевременно и умѣстно только значительно позже обѣда и не въ комнатѣ... Мы поспѣшили объяснить ламѣ, что это слово: «думать можно, но сказать нельзя», особенно за обѣдомъ, да еще такимъ хорошимъ, какимъ онъ насъ угощалъ. Лама доволенъ; мы тоже довольны и сыты по горло, даже больше... По крайней мѣрѣ, я чувствовалъ, что, если съѣмъ еще чего нибудь, то это будетъ лишнее и замѣтно для постороннихъ... Дѣло въ томъ, что китайскія кушанья, хотя вообще вкусны, но готовятъ ихъ на мой взглядъ не достаточно опрятно и не для русскаго желудка.

Прощаясь, я попросилъ хлѣбосольнаго³⁾ да-ламу навѣститъ меня и отвѣдать нашей русской хлѣба-соли.

¹⁾ Пустыя чашечки ставятся передъ каждымъ изъ сидящихъ за столомъ; онѣ замѣняютъ наши тарелки.

²⁾ Хозяинъ-лама, несмотря на свои 65 лѣтъ, запасся самоучителемъ русскаго языка г. Кауфмана (весьма плохой и, за неимѣніемъ лучшаго, очень распространенный въ Манчуріи самоучитель) и учится русскому языку.

³⁾ Хотя хлѣба и соли, въ нашемъ смыслѣ слова, китайцы не употребляютъ; вмѣсто нашего печенаго хлѣба они ѣдятъ варенныя и печеныя лепешки, а соль замѣняютъ разнаго рода соями, куда мокаютъ кусочки мяса; соль же, хотя кладется въ кушанья, но въ очень маломъ количествѣ. Намъ, впрочемъ, подавали хлѣбъ и соль, нарочно для насъ купленные.

II.

Китайскій театръ.

Четвертаго юня, поздно вечеромъ состоящій при дзянь-дзюнь¹⁾ переводчикъ Миша²⁾, подростокъ лѣтъ 17-ти, мой старинный знакомый по г. Синъ-минъ-тину³⁾, принесъ мнѣ⁴⁾ отъ дзянь-дзюня пригласительный билетъ назавтра въ театръ при буддійскихъ монгольскихъ кумирняхъ⁵⁾, что у Западныхъ воротъ наружной (глиняной) городской стѣны. Передавая билетъ—красную вершка въ два шириною и вершка четыре длиной полоску бумаги съ напечатанными на ней черною тушью китайскими героглифами, Миша показалъ на двѣ вертикальныя надписи и сказалъ: «это—дзянь-дзюнь, это—фу-инъ⁶⁾ рядомъ; они дѣлають вамъ руками вотъ-такъ». Тутъ Миша сложилъ руки ладонь къ ладони и поднялъ ихъ къ лицу, сдѣлавъ, такимъ образомъ, одинъ изъ почетныхъ знаковъ привѣтствія....

Я просилъ Мишу передать мою благодарность дзянь-дзюню и фу-ину и сказать, что я такъ же дѣлаю руками, привѣтствуя ихъ, и еще почтительнѣе.... потомъ хотѣлъ дать ему рубль за труды, но Миша, обидѣвшись, сказалъ: «нѣтъ, пожалуйста, не надо, я—не какъ байка»⁷⁾. На другой день часу въ первомъ дня я поѣхалъ къ кумирнямъ, по дорогѣ обогналъ, между прочимъ, какого-то важ-

¹⁾ Генераль-губернаторъ Мукденской провинціи (Южной Манчжуріи); онъ пользуется правами вице-королей Южнаго Китая и имѣетъ пребываніе въ Мукденѣ.

²⁾ Такъ называли его русскіе.

³⁾ Въ февралѣ 1901 года этотъ «Миша» сопровождалъ извѣстнаго, воевавшего съ нами, генерала Шу, который сдался нашему отряду тогда въ г. Синъ-минъ-тинѣ; «Миша» съ симпатичнымъ, умнымъ лицомъ, сносно говоритъ по-русски и, повидимому, не лишень нѣкотораго европейскаго военнаго образованія, такъ, напримѣръ, онъ хорошо умѣетъ дѣлать маршрутную съемку.

⁴⁾ Несмотря на мой небольшой, сравнительно, чинъ капитана, генераль-губернаторъ Южной Манчжуріи дѣлалъ мнѣ эту любезность, какъ командиру роты (2-ая рота 1-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго его величества полка), охраняющей мукденскій императорскій дворецъ, и какъ смотрителю этого дворца.

⁵⁾ Въ этихъ кумирняхъ имѣетъ пребываніе да-лама (главный лама) монгольскихъ областей, граничащихъ съ Манчжуріей; эти области въ нѣкоторомъ отношеніи подчинены мукденскому дзянь-дзюню.

⁶⁾ Фу-инъ—губернаторъ г. Мукдена и помощникъ дзянь-дзюня, вѣдающій дѣлами китайцевъ, тогда какъ дѣла манчжуръ подвѣдомственны дзянь-дзюню.

⁷⁾ Мальчишъ—прислуга въ гостиницѣ или частномъ домѣ. Миша обидѣлся, потому что онъ что-то въ родѣ личнаго секретаря-переводчика при дзянь-дзюнѣ, хотя и не имѣющій чина; ко мнѣ онъ пришелъ запросто, какъ старый знакомый, пришелъ «безъ китайскихъ церемоній» ночью (тѣмъ болѣе, что отъ дома дзянь-дзюня до моей квартиры во дворецъ, какъ говорится, рукою подать), не въ качествѣ слуги, а какъ почетный посланецъ дзянь-дзюня.

наго китайскаго чиновника, тоже ѣхавшаго въ театрѣ. Мандаринъ ѣхалъ торжественно; впереди иноходью (полушагомъ, полубѣгомъ) шелъ слуга съ большимъ краснымъ зонтикомъ; за нимъ скорымъ же шагомъ слуги несли самого чиновника въ красномъ паланкинѣ съ зеленымъ верхомъ и посеребренной металлической шишкой, за паланкиномъ слѣдовалъ, судя по шарикѣ на шляпѣ, младшій чиновникъ съ тремя слугами, всѣ верхомъ.

Когда я пріѣхалъ на дворъ кумирни, тамъ уже было много паланкиновъ, каретокъ-фудутунокъ ¹⁾; толпились слуги въ остроконечныхъ широкополыхъ шляпахъ съ густыми красными кистями, покрывающими всю шляпу; виднѣлись китайскіе солдаты, вооруженные ружьями съ баіонетами (тесаками-штыками)—стража дзянь-дзюня. Въ театрѣ, въ партерѣ за длинными столами сидѣли: за переднимъ столомъ,—генераль Мищенко ²⁾ съ адъютантами, отрядной врачъ, интендантъ, стояли пустые стулья для непривывшихъ еще начальника южно-манчжурскаго отряда генераль-майора Флейшера и военнаго комиссара при дзянь-дзюнѣ полковника Квѣцинскаго; слѣва, наконецъ, противъ обрѣза стола сидѣлъ фу-инъ, справа къ концу стола дзянь-дзюнь и рядомъ съ нимъ монгольскій князь У-дай, за вторымъ столомъ помѣстились: отрядной комендантъ капитанъ Гоганидзе, нѣкто г. Громовъ ³⁾ и мѣстные манчжурско-китайскіе сановники: фу-ду-тунь ⁴⁾, военный министръ, министръ церемоній и др. ⁵⁾.

Поздоровавшись сначала съ хозяиномъ—дзянь-дзюнемъ, любезно меня привѣтствовавшимъ, и затѣмъ съ гостями: русскими и китайцами, я сѣлъ на приготовленный для меня стулъ рядомъ съ военнымъ министромъ. Большинство китайскихъ театровъ, видѣнныхъ мною ранѣе, производили непріятное впечатлѣніе своимъ грязно-сѣрымъ видомъ обстановки: сцены, партера и ложъ ⁶⁾; этотъ же блестялъ чистотой и выдѣлялся, такъ сказать, китайскимъ изяществомъ; столбы, балки, переборки ложъ—все было выкрашено масляными красками яркихъ цвѣтовъ; передъ сценой (открытой, безъ занавѣси) съ потолка спускались разноцвѣтные китайскіе фонарики, стеклянные и слюдяные. Края сцены и ложъ была уставлены вазонами съ живыми цвѣтами, но главный цвѣтникъ былъ въ ложѣ 2-го яруса противъ сцены, гдѣ сидѣло много пре-

¹⁾ Небольшая двуколесная крытая каретка.

²⁾ Командующій сводной казачьей бригадой въ Южной Манчжуріи.

³⁾ Г. Громовъ ѣздилъ въ Монголію съ какими-то порученіями отъ нашихъ властей къ монгольскимъ князьямъ.

⁴⁾ Командующій войсками извѣстной области.

⁵⁾ При дзянь-дзюнѣ, какъ при вице-королѣ, кромѣ помощника его фу-ина и фу-ду-туна, соправителями служатъ провинціальныя министры: юстиціи, работъ, военный, церемоній и др.

⁶⁾ Онъ называется императорскимъ и находится въ вѣдѣніи дзянь-дзюня.

хорошенькихъ молоденькихъ китайнокъ¹⁾, разодѣтыхъ въ свои живописные національные костюмы съ оригинальными прическами волосъ, изящно убранныхъ золотыми и серебряными украшениями и искусственными яркими цвѣтами²⁾. Между цвѣтными платьями молодыхъ женщинъ скромно темнѣли одѣянія пожилыхъ. На рукахъ у матерей (а, можетъ быть, нянекъ) сидѣли ребятишки (совсѣмъ маленькіе), одѣтые въ платица все больше пунцоваго цвѣта; дѣтки отъ 3 до 5-ти лѣтъ стояли около матерей; подростки помѣщались отдѣльно въ сосѣдней ложѣ. Среди дѣтей дѣвочекъ можно было отличить по волосамъ, заплетеннымъ просто въ двѣ косички, да по длиннымъ штанишкамъ; мальчиковъ—по бритымъ наголо головенкамъ съ тремя оставленными въ разныхъ мѣстахъ пучками волосъ, туго заплетенныхъ въ косички и перевязанныхъ красными ленточками. Женщины съ сдержаннымъ, дѣти съ нескрываемымъ любопытствомъ смотрѣли во всѣ глаза на насъ, русскихъ; наше вниманіе также часто отвлекалось отъ сцены красивой ложей.

Вдругъ дзянь-дзюнь и министры что-то заволновались, надѣли шляпы (парадные, какъ и весь костюмъ) и пошли къ выходу: пріѣхалъ комиссаръ-полковникъ Квѣцинскій съ русскими дамами—съ своей супругой, съ супругами: генерала Мищенко, командира 1-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго его величества полка, полковника Хвастунова, отряднаго врача, статскаго совѣтника Субботина и др.

Дзянь-дзюнь, фу-инъ и министры, любезно встрѣтивъ русскихъ дамъ, проводили ихъ въ ложу къ своимъ семействамъ. Между тѣмъ, дѣйствія шли своимъ чередомъ: такъ какъ занавѣса нѣтъ, а сцена, по понятіямъ китайцевъ, пустой не должна оставаться, то еще во время хода какой либо пѣсы выходило двое глашатаевъ съ подушкой, на которой лежала красная афиша; глашатаи преклоняли на краю сцены колѣна предъ публикой и громко объявляли, что слѣдующее дѣйствіе будетъ состоять въ томъ-то и томъ-то.

Въ такомъ порядкѣ пѣсы смѣнялись одна другую безъ перерыва³⁾ съ утра до вечера; мѣнялась, разумѣется, и публика, знавшая изъ красныхъ театральныхъ съ золотыми гіероглифами афишъ пѣсы, назначенныя на извѣстный день.

Такія афиши расклеиваются на улицахъ заблаговременно до начала періода⁴⁾ представленій въ томъ или другомъ театрѣ.

¹⁾ Тутъ была жена и дочери дзянь-дзюня, фу-ина и вообще лицъ избраннаго китайскаго общества въ г. Муьденѣ.

²⁾ Помпоны и искусственные цвѣты необходимое головное украшеніе китайнокъ, къ какому бы классу или возрасту онѣ ни принадлежали.

³⁾ Иногда, впрочемъ, выбѣгали на сцену въ промежуткахъ между двумя пьесами полуголые гимнасты и забавляли публику аквилибристическими прыжками.

⁴⁾ Театральныя представленія идутъ обыкновенно въ теченіе двухъ-трехъ недѣль, периодически приостанавливаясь. Временами они приноравливаются къ религиознымъ празднествамъ (почти при каждой кумирнѣ есть помостъ для театральныхъ представленій).

Не зная хорошо китайскаго литературнаго языка, я не могъ разобрать сути нѣкоторыхъ, преимущественно историческихъ пьесъ, обращавшихъ вниманіе ходучьюстію своихъ героевъ; въ нихъ воины, мандарины и другія высокопоставленныя лица поступаютъ и говорятъ, не какъ обыкновенные люди: герои китайскихъ историческихъ пьесъ держатъ голову высоко, ходятъ тигровымъ шагомъ ¹⁾, жестикулируютъ на особый манеръ, говорятъ речитативомъ и, притомъ, фистулой или орутъ «благимъ матомъ»; вслѣдствіе этого, китайскія историческія пьесы, разумѣется, должны казаться на нашъ взглядъ карикатурными и, если судить о китайскомъ театрѣ только по нимъ и присоединить къ этому впечатлѣніе отъ странной для европейскаго уха оглушительной китайской музыки, то представленіе получается не въ пользу китайскаго театра и какъ бы подтверждаетъ распространенное путешественниками ходячее мнѣніе о карикатурности его, хотя это далеко не такъ, особенно въ бытовыхъ пьесахъ ²⁾, гдѣ искусство актеровъ художественно вѣрно отражаетъ общественную жизнь, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ ея проявленіяхъ.

Правда, и въ этихъ пьесахъ есть свои чисто-китайскія театральныя особенности, но онѣ обусловливаются особенностями всего китайскаго быта, такъ отличнаго отъ быта европейскихъ народовъ.

Если разсмотрѣть разныя пьесы въ разныхъ театрахъ одного города или, все равно, въ театрахъ разныхъ городовъ, то получается впечатлѣніе, какъ будто бы одна и та же труппа переходитъ или переѣзжаетъ изъ одного театра въ другой по разнымъ городамъ и даетъ свои представленія: до того бросается въ глаза сходство не только въ исполненіи ролей, не въ однѣхъ и тѣхъ же къ тому же пьесахъ, опредѣленными персонажами, но и самихъ исполнителей, какъ будто сдѣланныхъ по одному шаблону.

На самомъ дѣлѣ оно такъ и есть, вся китайская жизнь вылита по одному шаблону — по ученію Конфуція, въ которомъ тщательно и подробно указано, гдѣ, когда и при какихъ обстоятельствахъ какъ надо каждому человѣку поступать и чувствовать... О «китайскихъ церемоніяхъ» не даромъ говорится... онѣ опредѣляютъ у китайца не только движеніе тѣла, но и души... китаецъ

---

¹⁾ При такомъ шагѣ человѣкъ, поднявъ сначала высоко согнутую въ колѣнѣ ногу и вырямляя ее потомъ, выбрасываетъ не впередъ, а немного въ сторону, какъ хорошій рысакъ, но не крупной рыси.

²⁾ Для пониманія которыхъ впрочемъ необходимо болѣе или менѣе основательное знакомство съ дѣйствительною китайскою жизнью и хоть небольшое знаніе китайскаго разговорнаго языка, для чего надо прожить нѣсколько лѣтъ въ Китаѣ, а недостаточно только проѣхать вдоль или поперекъ его, какъ это дѣлаютъ большинство путешественниковъ, распространяющихъ послѣ много неосновательныхъ мнѣній о Китаѣ, какъ, на примѣръ, о немзыкальности китайцевъ, о карикатурности ихъ театра, чего при ближайшемъ знакомствѣ не оказывается.

не закричитъ ни съ радости, ни съ горя, не побѣжитъ ¹⁾ онъ также сломя голову, при видѣ опасности вообще; прежде чѣмъ проявить какое либо душевное движеніе онъ постарается припомнить, какъ надо поступить въ такомъ случаѣ по преподаннымъ ему съ дѣтства правиламъ...

Поэтому, хотя китайскому артисту легче, чѣмъ его европейскимъ собратьямъ, показать шаблонную, такъ сказать, жизнь своихъ героевъ, но зато ему гораздо труднѣе выразить индивидуальныя черты характера, проявленіе которыхъ заключено въ точно опредѣленные рамки этой жизни; вдобавокъ, китайскимъ актерамъ приходится считаться съ несовершенствомъ сцены ²⁾, съ нѣкоторыми устарѣлыми приемами грима; напримѣръ, комики гримируются, какъ наши клоуны, чѣмъ, разумѣется, ослабляется, а не усиливается впечатлѣніе отъ превосходной игры ихъ.

Амплуа китайскихъ артистовъ (мужчинъ) имѣетъ много общаго съ нашими, у нихъ есть и благородные отцы семействъ, и резонеры, и первые любовники, и комики... женскіе персонажи не такъ

¹⁾ 15-го сентября 1900 года, въ день взытія южно-манчжурскимъ отрядомъ г. Ляояна, подъ вечеръ, когда только что кончился бой, солдаты не плясали, и войска расположились бивакомъ около пригородовъ (къ городскимъ воротамъ были выставлены караулы, чтобы не пускать туда солдатъ), я съ товарищами офицерами, въ сопровожденіи небольшого конвоя, пошелъ осматривать городъ, который, какъ мы знали, не былъ покинутъ жителями, но они сидѣли, запершись по домамъ, — на улицахъ мертвая тишина: ни одной живой души, а вмѣсто того кое-гдѣ валяются трупы жителей, убитыхъ пальными пулями; вдругъ откуда-то изъ переулка вывернулся хорошо одѣтый китаецъ. Китаецъ, выйдя изъ переулка и увидѣвъ насъ, поблѣднѣлъ, какъ полотно, но не прибавилъ шагу, а шелъ все время, ни разу не оглянувшись, немного впереди насъ, пока не постучался и не скрылся въ дверь одного дома. Вотъ другой случай: той же осенью пришлось мнѣ съ 10 казаками ѣхать между полотномъ желѣзной дороги и мандаринской (грунтовой) дорогой, около ст. Суетунъ; вѣхавъ рысью на площадь одной деревни, мы увидѣли у колодца женщину китаянку съ ведрами; замѣтивъ въ свою очередь насъ, китаянка страшно перепугалась — и хотя, правда, ѣрестала вытаскивать воду изъ колодца и даже оставила ведра, но пошла все-таки шагомъ, а не побѣжала.

²⁾ Повторяю: въ китайскихъ театрахъ сцена открытая; нѣтъ ни занавѣси ни кулисы, ни декораций; соотвѣтствующую обстановку для дѣйствующихъ лицъ публикѣ предоставляется дополнять своей фантазіей; случается, что передъ началомъ того или другого акта на край сцены выходятъ актеръ и объявляетъ, что дѣйствіе происходитъ, напримѣръ, въ лѣсу, ночью или въ бурю, хотя окружающая обстановка не имѣетъ ни малѣйшаго намека ни на лѣсъ, ни на бурю. И, надо отдать имъ справедливость, изображаютъ удивительно вѣрно. Въ одной изъ пьесъ простофиля мужъ (купецъ), получившій отъ своей супруги головное украшеніе при помощи двоюроднаго брата ея, особенно выдѣлялся своимъ противнымъ, ноющимъ голосомъ, до того противнымъ, что у меня осталось сильное впечатлѣніе, какъ отъ чего-то особенно неприятнаго и гадкаго. Каково же было мое удивленіе, когда въ слѣдующіе дни этотъ голосъ началъ преслѣдовать меня на улицахъ Муздена; оказалось, что такъ кричатъ торговцы, продающіе какіе-то съѣстные припасы, и голосъ которымъ говорилъ обманутый мужъ, былъ поразительно похожъ на голосъ ихъ.

разнообразны¹⁾. Почти во всѣхъ видѣнныхъ мною бытовыхъ пьесахъ выводились на сцену только двѣ женщины, порочная и добродѣтельная; первая съ блудливымъ огонькомъ въ глазахъ, съ плутоватой улыбкой на ярко окрашенныхъ губахъ и съ легкимъ отпечаткомъ пошлости, какую кладетъ на лицо женщинъ не совсѣмъ чистая ихъ жизнь, играетъ обыкновенно роль невѣрной молодой жены при старомъ мужѣ; вторая, близкая родственница мужа или жены, также молодая, но съ пріятнымъ лицомъ, пріятными манерами и скромно одѣтая, пытается внести миръ въ семейную жизнь супруговъ. Примирителями между супругами являются иногда и мужчины—родственники, какъ это было видно изъ одной пьесы описываемаго мною спектакля.

Къ молодой женѣ на сцену явился откуда-то издалека бывший долго въ отсутствіи (можетъ быть, годъ, можетъ быть, два) мужъ—купецъ, лѣтъ 45—50-ти, жирный, обрюзглый и вообще по наружному виду довольно гадкій, а для молодой женщины, въ особенности, противный субъектъ.

Онъ жаловался стонущимъ, расслабленнымъ голосомъ (такъ не шедшимъ къ его тучной фигурѣ) на то, что въ послѣдніе дни его пути лилъ постоянно дождь, и что вездѣ вода, вода.... Надо замѣтить, что китайцы не любятъ дождя²⁾ (боясь промокнуть) и, если нечаянно попадаютъ подъ него, то приходятъ въ самый жалкій видъ.

Купецъ былъ, дѣйствительно, жалокъ и, повторяю, противенъ—прозябшій, мокрый и съ двумя большими висюльками подъ носомъ³⁾... Жена слушала сѣтованія мужа безъ особаго сочувствія, не выражая и радости свиданія, которую вѣрная китайская жена должна была бы проявить при благополучномъ возвращеніи супруга изъ далекихъ странъ.

Напротивъ, когда мужъ, желая приласкать жену, нерѣшительно протянулъ къ ней руку, то она довольно рѣшительно ткнула своимъ маленькимъ крѣпкимъ кулачкомъ въ его толстое, дряблое лицо....

Началась ссора—купецъ своимъ неизмѣнно⁴⁾ плаксивымъ (но уже возбужденнымъ) голосомъ упрекалъ жену въ томъ, что она

¹⁾ Или, быть можетъ, мнѣ не приходилось видѣть пьесъ съ большимъ числомъ женскихъ ролей; необходимо добавить, что хотя въ описываемомъ случаѣ женскія роли исполнялись дѣйствительно женщинами, но обыкновенно онѣ въ Китаѣ исполняются мужчинами и, кстати сказать, превосходно.

²⁾ Такъ они въ дождь не работаютъ и даже не воюютъ.

³⁾ Такъ какъ купецъ представлялъ комическое лицо, то, по склонности китайскаго грима къ утрировкѣ въ комическихъ сюжетахъ, у купца подъ носомъ были грубо нарисованы висюльки, какія бывають часто у маленькихъ уличныхъ дѣтей.

⁴⁾ У китайцевъ вообще, у мужчинъ же и взрослыхъ въ особенности, лица мало подвижны; по Конфуцію настоящій китаецъ долженъ принимать удары судьбы (хотя бы даже и руками своей жены) безстрастно; вотъ почему мнѣ ни

въ будній день одѣта по-праздничному: вѣдь она не ждала его, вѣдь она не могла знать о его прибытіи.... Жена оправдывалась крикливымъ голосомъ вопреки пристойности и обычной китайской сдержанности; она говорила, что собиралась итти въ гости; лицо ея съ оттѣнкомъ распущенности ¹⁾ продолжало выражать нескрываемое недовольство неожиданнымъ пріѣздомъ мужа, помѣтившимъ чему-то для нея пріятному.... Вошла собака ²⁾ (переодѣтый человѣкъ) и, обойдя сцену, вышла, провожаемая сочувственнымъ взглядомъ жены и подозрительнымъ—мужа, который промолвилъ при этомъ «собака» и ткнулъ ее посохомъ.... Ссора кончилась тѣмъ, что жена бросилась на мужа, повалила его на полъ и начала бить, потомъ выщипывать ему бороду, злорадно разсматривая на свѣтъ выдернутые волосы; разслабленный мужъ барахтался подъ женой, издавая жалобное хрюканье, какъ прирѣзываемая ожирѣвшая свинья.

Наконецъ, семейная сцена кончилась: жена устала колотить мужа, встала и ушла, за ней ушелся и мужъ, кряхтя и стеная... Жена, впрочемъ, скоро возвратилась... на сцену явился «cousin» ³⁾ (двоюродный братъ ея) и, разумѣется, военный, судя по костюму, матросъ съ весломъ и въ лихо заломленной набекрень широкополой шляпѣ. Очевидно по соображеніямъ кокетства «cousin»'а встрѣтили сухо. Кузина посадила его на скамейку, а сама сѣла поодаль, въ сторонѣ. Cousin такимъ пріемомъ не смутился, онъ былъ ловокъ, смѣлъ, краснорѣчивъ, а главное — молодъ и красивъ; зная всё это за собой и не сомнѣваясь въ близкой побѣдѣ, онъ держалъ себя такъ, какъ держать себя, возвратившись къ тому же изъ похода, всѣ военные кузены съ влюбленными въ нихъ кузинами. Побѣда видимо начинала клониться на его сторону, — кузина сдавалась: она придвинула свою скамеечку къ скамейкѣ браваго моряка и

разу не приходилось наблюдать ни въ обыденной китайской жизни, ни на сценахъ театра, какъ на лицахъ обыкновенныхъ китайцевъ, такъ и на лицахъ актеровъ, проявленія какихъ либо рѣзкихъ переходовъ чувствъ (рѣдкія исключенія въ этомъ отношеніи составляютъ женщины). Китаецъ волнуется медленно, обнаруживая свое волненіе прежде всего и только голосомъ (разумѣется, если онъ говоритъ въ это время).

¹⁾ Китайскія женщины вообще женственны и держатъ себя скромно, но не рѣдко можно встрѣтить между ними лица съ чувственнымъ и даже нахальнымъ выраженіемъ глазъ.

²⁾ Полагаю, что это былъ перереженный собакой любовникъ, явившійся въ сумерки на свиданіе въ домъ своей возлюбленной, куда входъ мужчинъ въ отсутствіи мужа могъ возбудить подозрѣніе сосѣдей. Говорю такъ еще потому, что китайцы, мало заботясь о декоративной сторонѣ сцени, не стали бы вводить сюда собаку, какъ простой аксессуаръ (бутафорскую вещь).

³⁾ Прошу обратить вниманіе читателей и особенно читательницъ, что «cousin» въ Китаѣ чаще, чѣмъ въ Европѣ, играетъ на домашнихъ сценахъ роль «друга дома», потому что по китайскимъ законамъ женщины могутъ видѣться только съ родственниками-мужчинами.

сѣла на нее, положивъ ногу на ногу такъ, чтобы показать свой маленькій башмачекъ ¹⁾).

Въ рѣшительную минуту объясненія на сцену снова вышелъ супругъ; онъ сначала постоялъ, молча посмотрѣлъ и скромно сѣлъ поодаль, не рискуя быть... опять побитымъ. Замѣтивъ супруга, cousin привсталъ, почтительно привѣтствовалъ его и съ отчетливыми движеніями ловкаго китайскаго военнаго пригласилъ занять соотвѣтствующее ему почетное мѣсто; на дряблой, желтоватой фізіономіи супруга отразилось нѣкоторое удовольствіе...

Кузенъ теперь не обращалъ никакого вниманія на кузину; онъ участливо разспрашивалъ главу дома, гдѣ онъ былъ и хорошо ли ѣлъ ²⁾. Супругъ сначала отвѣчалъ нехотя, потомъ понемногу разговорился; судя по жестамъ, онъ жаловался на жену... Cousin, какъ строгій охранитель семейнаго началала по Конфуцію, рѣшительно всталъ на сторону оскорбленнаго супруга и, какъ родственникъ, потребовалъ, чтобы жена покорилась мужу... Та сначала возмутилась и оторчилась, но когда кузенъ махнулъ раза два пашкой надъ ея головой, она уступила, упавъ передъ мужемъ на колѣни...

Надо было видѣть обманутаго мужа въ этой сценѣ, чтобы имѣть понятіе о дѣйствительно артистической игрѣ китайскихъ актеровъ вообще и о ихъ чудесной мимикѣ въ особенности. Мужъ не проронилъ ни единого слова все время, пока молодой родственникъ училъ его жену покорности и вѣрности.

Онъ молча, съ злорадствомъ, смотрѣлъ на униженіе строптивой жены; на лицѣ его, какъ въ зеркалѣ, отражались всѣ волновавшія его гадкія чувства стараго мужа, который не въ силахъ справиться съ молодой женой ни нравственно, ни физически... а съ удовольствіемъ видитъ, какъ это исполняетъ за него другой.

Послѣ изъявленія покорности женой послѣдовало примиреніе, оказавшееся, какъ и надо было ожидать со стороны супруга, наружнымъ, потому что, какъ только старый мужъ проявилъ кое-какія поползновенія къ ласкамъ, то она, схвативъ понавшуюся подъ руку шашку кузена,хватила ею по голой жирной шеѣ постылаго супруга... Супругъ завылъ отъ боли; рана по счастью оказалась легкой, её тутъ же перевязали, при чемъ кузенъ, воспользовавшись суматохой, успѣлъ шепнуть нѣсколько словъ молодой женщинѣ: должно быть, что надо прежде успокоить мужа, а затѣмъ всё пойдетъ по-старому. Жена снова упала на колѣни, попросила у мужа прощенья и даже приласкала его... Мужъ растаялъ; всё

¹⁾ У насъ женщины показываютъ «ножку», выставляя ботинокъ изъ-подъ платья. Въ Китаѣ это сдѣлать нельзя, потому что тамъ женщины ходятъ въ длинныхъ шароварахъ, и, слѣдовательно, чтобы похвастаться своею маленькою ножкою, женщина должна сѣсть, положивъ ногу на ногу: тогда будетъ видно, какая у нея ступня. Для сниманія въ фотографіяхъ это обыкновенная поза женщинъ.

²⁾ Одна изъ галантныхъ китайскихъ фразъ.

подвигалось къ благополучной развязкѣ; я такъ и думалъ, что вотъ, вотъ, они встанутъ и запоютъ, какъ поется въ одной опереткѣ: «мы втроемъ заживемъ»...

По крайней мѣрѣ, объ этомъ можно было заключить по выраженію лицъ «съ большимъ себѣ на умѣ» двоюроднаго брата и на всё готовой ради чувственности двоюродной сестрицы; да и выраженіе гнусной фізіономіи супруга показывало, что онъ не будетъ препятствовать семейному счастью втроемъ, лишь бы «это было прилично и не такъ ужъ публично», да чтобы и ему перепалъ кусочекъ пирога съ общаго стола...

Какъ вдругъ, на сценѣ появились глашатаи съ красными афишами, извѣщавшіе о перемѣнѣ пьесы, а на столы ¹⁾ передъ гостями начали подавать китайскій обѣдъ — угощеніе присутствовавшимъ на спектаклѣ гостепріимнаго хозяина, дзянь-дзюня.

Послѣ обѣда русскіе, поблагодаривъ дзянь-дзюня и фу-ина, постепенно оставляли театр ²⁾. Дзянь-дзюнь съ фу-иномъ надѣвали шляпы ³⁾ и провожали каждого изъ нихъ, несмотря на чинъ, одинаково до выхода изъ театра. Когда дзянь-дзюнь пошелъ провожать меня, то я попросилъ его (черезъ переводчика) не беспокоиться, что у насъ при проходахъ такъ далеко не заходятъ... тѣмъ болѣе, что чинъ у меня маленькій, а чинъ дзянь-дзюня—«шибоко большой»... Китаецъ не безъ удовольствія выслушалъ мои слова.

И. Е. Ивановъ.

¹⁾ Мы сидѣли за столами. Въ китайскихъ театрахъ, какъ въ партерѣ, такъ и въ ложахъ стоятъ столы; публика во время представленія пьетъ чай, ѣстъ леденцы, пастилу, фрукты, «грызетъ» орѣхи. Иногда подаютъ и кушанья.

²⁾ Хотя спектакль, по китайскому обыкновенію, продолжался до ночи.

³⁾ Согласно этикета: встрѣчать и провожать въ шляпахъ и вообще въ парадномъ одѣяніи, которое (курмы и шляпы) снимается, когда всѣ приглашенные прибыли, и надѣвается снова, когда гости собираются домой.

АНТИЧНЫЙ ПРЕДОКЪ ЕВГЕНІЯ ОНЪГИНА.

(Этюдъ).

ВЪ ОДИНЪ ПРЕКРАСНЫЙ, хотя и нѣсколько скандальный, день 809-го года римской эры, 56-го по Р. Х., палатинскій дворъ императора Нерона, а еще больше дворъ императрицы-матери, Августы Агрипины, были взволнованы извѣстіемъ, довольно обыденнымъ во всѣ времена и при всѣхъ дворахъ: юный цезарь завелся фавориткою. Честь разбудить первую любовью дремавшее доселѣ сердце государя выпала на долю вольноотпущенницы Актэ — женщины, которую привязанность Нерона и еще болѣе ея любовь къ Нерону обезсмертили и сдѣлали предметомъ идеализаціи для несчетнаго числа поэтовъ, драматурговъ и романистовъ. Гдѣ Неронъ спознался съ Актэ, неизвѣстно. Быть можетъ, онъ влюбился въ нее, при встрѣчѣ въ какомъ нибудь кабацкѣ, во время одного изъ пресловутыхъ ночныхъ бродяжествъ своихъ по Риму. Но вѣрнѣе, что ее подставили Нерону его министры, Сенека и Буррѣ, замѣтивъ, что юный повелитель ихъ вступилъ въ возрастъ, когда трудно обойтись безъ постоянной и прочной женской привязанности, а свою законную супругу, унылую и скучную Октавію, онъ, при всей ея знатности и добродѣтели, терпѣть не можетъ. Фаворитокъ цезарей не любили и презирали, по крайней мѣрѣ, втайнѣ; но, когда цезарь начиналъ мечтать о фавориткѣ, каждая придворная партія старалась, чтобы въ фаворитки попала ея женщина, а не чужая. Извѣстно, что Актэ принадлежала къ

фамилии, то - есть къ дворнѣ Аннзевъ — рода, главою котораго въ данное время былъ именно Сенека. Этотъ великій государственный мужъ, моралистъ и философъ, игралъ въ эпизодѣ съ Актэ некрасивую роль посредника-попустителя и даже, чтобы императору не было слишкомъ зазорно любезничать съ недавнею горничною, приказалъ родственнику своему, Аннэю Серену, служить ширмою для нѣжныхъ пожатій Нерона. Былъ пущенъ слухъ, будто Актэ въ связи съ Сереномъ. Онъ осыпалъ ее подарками, за которые платилъ Неронъ, и посѣщалъ ее, какъ влюбленный содержатель, но не далѣе, чѣмъ до прихожей, уступая затѣмъ свои показныя права и мѣсто цезарю. Роль — нельзя сказать, чтобы изъ завидныхъ. Она была бы смѣшна на сценѣ, въ опереткѣ, въ жизни же — просто гнусна.

А между тѣмъ Серенъ этотъ оставилъ въ сочиненіяхъ Сенеки и въ одномъ стихотвореніи Марціала слѣдъ и имя, какъ личность не заурядная среди золотой молодежи своего времени — среди «центуріоновъ съ козлиными бородами», которыхъ сатирикъ Персіей высмѣивалъ, какъ одну изъ пошлѣйшихъ язвъ Неронова двора. Уже изъ того обстоятельства, что человекъ этотъ былъ впоследствии назначенъ префектомъ римской полиціи, явствуетъ, что онъ имѣлъ солидный образовательный цензъ. Должность эта, полувоеннаго, полусудебнаго характера, требовала отъ офицера, ее занимающаго, юридическихъ знаній, настолько серьезныхъ, что иногда императоры римскіе назначали на оберъ-полицеймейстерскій постъ своихъ чиновниковъ *ab epistulis* и *a libellis*, что соответствуетъ современнымъ начальникамъ «собственной его величества канцеляріи» и «комиссіи прошеній, на высочайшее имя приносимыхъ». Еще менѣе можно сомнѣваться въ философской эрудиціи Аннэя Серена. Ему посвящены три весьма важные трактата дяди его, Сенеки, — въ томъ числѣ, одно изъ самыхъ сильныхъ и глубокомысленныхъ произведеній философа — «*De tranquillitate animi* (о спокойствіи души)». Трактатъ этотъ изобилуетъ данными для характеристики Серена. Онъ открывается, вмѣсто предисловія, подлиннымъ письмомъ молодого человекъ. Серенъ рисуетъ Сенека свой нравственный портретъ, жалуется на бушевающія духъ его сомнѣнія и страсти и проситъ у мудреца лѣкарства отъ духовнаго недуга, который можно бы назвать этическимъ малокровіемъ, нравственною блѣдною немочью. Предъ нами — душа, отравленная сознаніемъ своей пустоты, пылкая, но слабая; ей внятна, доступна и любезна теорія добродѣтели, но внѣдрить ее въ себя, усвоить ее къ практическому житейскому опыту, дать ей прикладное направленіе, Серенъ безсиленъ. Раздвоенность мысли и воли наполняетъ его смутнымъ безпокойствомъ, онъ изнываетъ въ тоскливомъ недоумѣніи: откуда эти темныя муки? что, собственно, творится съ его душою? Сегодня Серену противны всѣ виды дѣятельности, созданные често-

любіемъ человѣческимъ, завтра онъ виѣ себя отъ стыда, что ничего не дѣлаетъ, да и нечего ему дѣлать. Онъ способенъ на благіе порывы, умѣетъ вдохновиться идеею благороднаго подвига. Но первое препятствіе, затрудненіе, оскорбленіе,—и энергія его разбита; онъ возвращается къ бездѣлю и лѣни съ готовностью лошади, которая, когда хозяинъ правитъ домой, ускоряетъ шагъ, чтобы поскорѣе добраться на покой въ конюшню. Я ни боленъ, ни здоровъ (пес aegrotato pes valeo). Не тянетъ меня опредѣленно и сильно ни къ добру, ни къ злу, въ томъ-то и есть мое несчастіе. Я люблю простой быть, но иногда чужая роскошь ослѣпляетъ меня, и я начинаю мечтать: можетъ быть, мнѣ не хватаетъ богатства, почестей, консульскаго сана? Не пуститься ли мнѣ въ погоню за ними? Но, едва подумаю такъ, глядь, уже ползетъ въ мысли какое либо житейское возраженіе, чтобы обезкуражить мою волю, представить мнѣ и почести, и деньги, и консулатъ не стоящими нужной для нихъ затраты силъ. И я снова погрязаю въ одинокой, томительной апатіи.

Какъ всѣ раздвоенные и тоскующіе умы, Серенъ много и внимательно читаетъ. Но книга для него — новый источникъ нравственныхъ самоистязаній. Возвышенные, достойные подражанія книжные примѣры дарятъ его «плѣнной мысли раздраженіемъ», честными побужденіями благороднаго и лигературно-образованнаго воображенія, но, въ то же время, и новыми насмѣшливыми доказательствами полнѣйшаго отсутствія въ немъ воли. Онъ быстро воспламеняется, но жизнь брызнетъ на него холодною водою,—онъ и погасъ. Всякая цѣль теряетъ въ его глазахъ цѣну, какъ только онъ начинаетъ къ ней стремиться.

— Заклинаю тебя, — взываетъ къ своему ментору бѣдный Серенъ, — если извѣстно тебѣ какое нибудь лѣкарство отъ моей болѣзни, не сочти меня недостойнымъ стать въ число пациентовъ, обязанныхъ тебѣ своимъ успокоеніемъ. Добро бы, въ плаваніи жизни, бури меня мучили, а то просто дѣлаетъ несчастнымъ морская болѣзнь, да еще въ виду берега.

Благодушный Констанъ Марта, обожатель Сенеки и всего, что этически соприкасается съ Сенекою, находитъ, что Серену недостаетъ только чертъ несчастнаго любовника, чтобы быть римскимъ Вертеромъ или Рене. Намъ, русскимъ, съ нашею *improductivité slave* и огромною о ней художественною литературою, еще легче найти потомковъ и кровныхъ родственниковъ римскому *blasé* въ средѣ нашихъ родныхъ, любимыхъ героевъ. Немножко Онѣгинъ, немножко Обломовъ, немножко «лишній человѣкъ», Серенъ, по справедливости, долженъ быть поставленъ во главѣ хронологическаго реестра литературныхъ гамлетиковъ, которыхъ, къ сожалѣнію, бываетъ слишкомъ много въ обществахъ каждой переходной эпохи, то-есть, либо недоразвитыхъ, либо перерзѣлыхъ, начинающихъ вы-

рождаться. Въ первыхъ появленіе гамлетиковъ—симптомъ и факторъ прогрессивный: они—начинатели общественнаго броженія, недовольства стоячею дѣйствительностью, первыхъ порывовъ къ новымъ этическимъ и гражданственнымъ идеаламъ. Но для обществъ, совершившихъ историческій подъемъ своего развитія, дошедшихъ въ немъ до сужденной имъ вершины, размноженіе гамлетиковъ—вѣщій показатель близкаго упадка, начала разложенія національной культуры. Гамлетикъ, которому «суждены благіе порывы, но свершить ничего не дано», самогрызь, самооплеватель, рыцарь на часъ, орелъ мечтою и тряпка дѣломъ,—типическая литературная фигура всего XIX-го вѣка. Но начало столѣтія, съ Шатобріаномъ, Байрономъ, Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Гейне, Мюссе, было очень довольно своими пестро-разнообразными гамлетиками: они—герои своего времени, лучшіе, передовые люди, соль земли. И лишь со второй половины столѣтія, гамлетикъ понемногу выходитъ изъ моды и милости общества и начинаетъ отчисляться въ архивъ явленій отрицательной категоріи. А, на самомъ уже переходѣ отъ девятнадцатаго вѣка къ двадцатому, вдохновенный славянскій писатель, Генрикъ Сенкевичъ, въ гениальномъ романѣ своемъ «Безъ догмата» прорыдалъ намъ устами Леона Плошовскаго ту самую обидно горькую и еще обиднѣе жалкую исповѣдь, что восемнадцать съ половиною вѣковъ назадъ принесъ Серень Сенекъ. Съ своимъ безхарактернымъ равнодушіемъ къ добру и злу, съ своею безвольною и бессильною неразборчивостью къ жизни, гамлетикъ-декадентъ—начинатель общественнаго отчаянія въ цивилизаци, — живой симптомъ своего рода социальнаго безумія, которое, отбывъ періодъ меланхолическій, переходитъ затѣмъ въ періодъ буйный: открываетъ оргію безшабашнаго, на всѣ историческія условія и требованія культуры махнувшаго рукою, декаданса, порождаетъ «сверхъ-человѣковъ» и новую эгоистическую антиэтику, стоящую «по ту сторону добра и зла». Серень, должный быть нѣсколькими годами старше Нерона, еще только меланхолическій гамлетикъ. Неронъ—уже бѣсноватый сверхъ-человѣкъ. Серены еще сокрушаются о духовномъ несоотвѣтствіи своемъ съ ростомъ и сущностью современной имъ культуры. Нероны эту неудобную культуру уже отметають, рушатъ и на развалинахъ ея громоздятъ, какъ новость, храмы себялюбія и религію самообожанія, провозглашаютъ новыя этическія эры человѣческой жизни, когда «все позволено», а себя самихъ человѣкобогами, ея законодателями. Не такъ ли въ нашей литературѣ идея разочарованія свершила быструю и рѣзкую эволюцію отъ красивой поэтической скуки Онѣгина черезъ самолюбованіе Печорина къ грозному этическому отрицанію Ивана Карамазова, а затѣмъ къ поклоненію типамъ людей, сохранившихъ себя виѣ культуры, къ босякамъ Максима Горькаго? Въ Германіи, роднѣи Вертера, литература разочарованія введена

въ нероническій періодъ философіей Нитцше, этого Ивана Карамазова научно-публицистической мысли.

Марта очень восторгается цѣлебными совѣтами, которые Сенека будто бы преподаль хандрящему пріятелю и родственнику въ своемъ отвѣтномъ трактатѣ. Но, собственно говоря, послѣдній не заключаетъ въ себѣ прямыхъ и практическихъ указаній, какъ побороть безсиліе воли, и гораздо цѣннѣе тѣ части его, въ которыхъ Сенека мастерски, какъ глубокій художникъ-психологъ, анализируетъ самое чувство сплина, терзающаго душу Серена, и, судя по многимъ указаніямъ и намекамъ трактата, не его одну. Диагнозъ общественнаго недуга поставленъ философомъ, дѣйствительно, гениально. Съ орлиною зоркостью усматриваетъ онъ и ловитъ на легу мгновенные порывы этой беспочвенной тоски, этого «самоболѣнія», чтобы потомъ описать ихъ въ стройной и мѣткой системѣ. Онъ создаетъ поразительную картину дурныхъ нравственныхъ наслоеній. Само-недовольство, отвращеніе къ окружающей средѣ, безхарактерныя колебанія изъ стороны въ сторону души, лишенной привязанностей, но не чуждой сильныхъ порывовъ, слагаютъ мрачную атмосферу какой-то нетерпѣливо мучительной праздности, накапливающей такъ много желаній, что, клубясь въ беспорядочной давкѣ, не находя себѣ выхода, они умираютъ, какъ бы задушенныя одно другимъ. Глубокая меланхолія, томленіе духа—неразрывные спутники подобнаго душевнаго состоянія—прерываются вспышками неустойчивой энергіи, бросающей начатыя дѣла, не кончивъ, и надрывающейся въ жалобахъ, что вотъ ни въ чемъ-то не везетъ, ничего-то не удается. И вотъ человѣкъ начинаетъ негодовать на свою судьбу, проклинать свой вѣкъ, ожесточенно и сосредоточенно уходитъ въ себя, обрѣтаетъ жестокое наслажденіе растравлять свои душевныя раны придиричивымъ и насмѣшливымъ самоанализомъ. Слѣдующая ступень: человѣку становится жаль себя, его стремленіе—бѣжать отъ себя, ослабить привередливыя муки взыскательнаго самосознанія. Онъ пускается въ безконечныя путешествія, мыкаетъ горе отъ берега къ берегу, но горе-злосчастье бѣжитъ за нимъ, вѣрнымъ спутникомъ, и на морѣ, и на сушѣ. Переложивъ эти послѣднія строки пушкинскими стихами, какъ не вспомнить тутъ:

Имъ овладѣло безпокойство,
 Охота къ перемѣнѣ мѣстъ
 (Весьма мучительное свойство,
 Немногихъ добровольный крестъ).
 . . . . .
 Онъ началъ странствія безъ цѣли,
 Доступный чувству одному—
 И путешествія ему,
 Какъ все на свѣтѣ, надобли.

И вотъ, наконецъ, предъ нами странное и жалкое, пзношенное существо, какой-то обглодокъ жизни: радости его не радуютъ, пе-

чали не печалить—онъ такъ развинулся и ослабъ нравственно, что уже не въ состояннн видѣть себя самого въ зеркалѣ безъ дрожи отвращенія. Ну, что же? Да здравствуетъ самоубійство! Оно—исходъ изъ опостылѣвшаго круга, гдѣ нѣтъ уже надежды найти хоть какую нибудь новую черту. Влача безрадостное однообразіе жизни, скучая несноснымъ постоянствомъ застывшихъ рамокъ жизни, римскіе Чайльдъ-Гарольды восклицали:

— Какъ? всегда, всегда одно и то же?

съ немалымъ упорствомъ и съ не менѣе трагическими интонаціями, чѣмъ, восемнадцать вѣковъ спустя, «москвичи въ гарольдовыхъ плащахъ» декламировали свои красивыя жалобы:

Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?
 Зачѣмъ не хилый и старикъ,
 Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
 Зачѣмъ, какъ тульскій засѣдатель,
 Я не лежу въ параличѣ?
 Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
 Хоть ревматизма? Ахъ, Создатель!
 Я молодъ, жизнь во мнѣ ерѣпка;
 Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!...

Любопытно, что, быть можетъ, сходство между Онѣгинимъ и Аннэемъ Сереномъ не вовсе случайное. Говоря о классическихъ знаніяхъ А. С. Пушкина, принято брать на вѣру его собственные насмѣшливые отзывы о своемъ лицейскомъ полуобразованнн: «читалъ охотно Апулея, а Цицерона проклиналъ», «онъ зналъ довольно по-латыни, чтобъ эпиграфы разбирать, потолковать объ Ювеналѣ, въ концѣ письма поставить vale, да помнить, хоть не безъ грѣха, изъ Энеиды два стиха». Но мы не должны забывать, что этотъ классическій полуневѣжда, еще въ тридцатыхъ годахъ, умѣлъ читать и понимать Тацита несравненно лучше, чѣмъ тридцать лѣтъ спустя прочелъ и объяснилъ его знаменитый Кудрявцевъ, Пушкинскій взглядъ на Тиберія опередилъ на цѣлую четверть вѣка характеристику Штара и на сорокъ лѣтъ исторію Германа Миллера. Мы должны припомнить, что сюжетъ «Египетскихъ ночей» найденъ Пушкинымъ въ короткой, но энергической фразѣ Аврелія Виктора, а, чтобы найти у Аврелія Виктора красивую и энергическую фразу, надо имѣть много терпѣнія и опытности въ обращеннн съ его сухою латынью,—да и кто, кромѣ историковъ-спеціалистовъ, заглядываетъ въ Аврелія Виктора? Знакомство съ этимъ скучнымъ и мало даровитымъ авторомъ неинтересно и почти невозможно для диллетанта. Безчисленное множество цитатъ, разбросанныхъ по стихотвореніямъ, письмамъ, дневнику, мелкимъ статьямъ Пушкина, доказываютъ, что въ области латинской лирики онъ былъ свой человѣкъ и, когда нуждался въ классической справкѣ,

не подолгу рылся за нею по полкамъ своей бібліотеки. Онъ любилъ и тонко понималъ Овидія и подражалъ Горацию съ совершенствомъ и изящною свободою родственнаго таланта. Наконецъ, знаменитый отрывокъ «Цезарь путешествовалъ»—начало разсказа о смерти Петронія—дышитъ такимъ совершенно исключительнымъ проникновеніемъ въ духъ и бытъ римскаго общества въ первый вѣкъ имперіи, такую красивою и мѣтко направленною античною правдою, какихъ не показывалъ ни одинъ изъ романистовъ, писавшихъ на античныя сюжеты ни до, ни послѣ Пушкина. Эта страница напоминаетъ мозаики и фрески Помпеи, одинъ день среди которыхъ скажетъ внимательному и чуткому наблюдателю о бытѣ древняго дачнаго города больше, чѣмъ можно извлечь изъ цѣлой бібліотеки изслѣдованій—фоліантовъ. Отрывокъ Пушкина, по краснорѣчивой сжатости своей, достоинъ бытъ поставленъ рядомъ съ лучшими образцами латинской выразительной краткости. Тонъ, стиль, характеръ, выдержаны съ такимъ совершеннымъ мастерствомъ, что, если бы не имя Пушкина и не извѣстность латинскихъ авторовъ данной эпохи, статью можно бы принять за переводъ изъ одного изъ нихъ. Правда, въ дневникѣ Пушкина,—по поводу опечатки въ латинской цитатѣ шестой главы «Онѣгина»,—имѣется и такое признаніе: «Съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ лица, я не раскрывалъ латинской книги, и совершенно забылъ латинскій языкъ. Жизнь коротка, перечитывать некогда» и пр., и пр. Если поэтъ написалъ эти автобіографическія строки вполнѣ искренно, то надо удивляться, во-первыхъ, его изумительной памяти, полной вѣрныхъ и точныхъ классическихъ воспоминаній черезъ четырнадцать лѣтъ по окончаніи лицейскаго курса. Во-вторыхъ—совершенству, съ какимъ въ лицей преподавались древніе языки, если даже посредственный ученикъ выходилъ изъ стѣнъ его съ такими обширными и прочными знаніями. Врядъ ли теперь, послѣ тридцатилѣтней тиранніи мнимо-классической системы графа Д. А. Толстого, найдется въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ юноша 16—17-ти лѣтъ, владѣющій латинскимъ языкомъ настолько свободно, чтобы читать Апулея, да еще «охотно», рыться сои amoге въ сухихъ разсказахъ Аврелія Виктора и т. п. Правда, впрочемъ, что именно господство названной системы и убило классическія знанія въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ, загородивъ для несчастныхъ питомцевъ своихъ Ходобаемъ и Курціусомъ весь чудный міръ латинской и греческой поэзіи, больше того: сдѣлавъ его, чрезъ тѣхъ же Ходобаевъ и Курціусовъ, противнымъ и ненавистнымъ и юношеству, и родителямъ юношества, и всякому сострадательному сердцу, хоть сколько нибудь соприкасавшемуся съ «плинеодѣланіемъ египетскимъ», которое въ гимназіяхъ нашихъ слыветъ подъ псевдонимомъ изученія древнихъ языковъ. Однако, какъ бы ни была великолѣпна память Пушкина, какъ бы ни пре-

красно учили лиценстовъ, но фактъ безошибочныхъ цитатъ наизусть, четырнадцать лѣтъ спустя послѣ знакомства съ источникомъ, довольно невѣроятенъ, и я позволяю себѣ думать, что фразу Пушкина объ отвычкѣ своей отъ латинской книги и языка надо принимать *cum grano salis*. Съ Сенекою Пушкинъ былъ несомнѣнно знакомъ, и именно съ трактатами, посвященными Серену. Діалогъ «De otio» отразился въ романѣ Пушкина даже прямо цитатою, съ указаніемъ источника:

Мы рождены, сказалъ Сенека,
Для пользы ближнихъ и своей.

Да и вся эта строфа, выброшенная Пушкинымъ изъ текста восьмой главы романа, легко могла бы сойти за пересказъ современнымъ языкомъ и въ примѣненіи къ современнымъ понятіямъ и бытовымъ условіямъ тѣхъ строкъ діалога *De tranquillitate animi*, гдѣ Сенека убѣждаетъ Серена лѣчиться отъ разочарованія усердіемъ къ общественной дѣятельности, въ какой бы то ни было формѣ, ибо—
Затѣмъ слѣдуетъ приведенная цитата изъ Сенеки. Конечно,

Блаженъ, кто понялъ голосъ строгій
Необходимости земной,
Кто въ жизни шель большой дорогой,
Большой дорогой столбовой,
Кто цѣль имѣлъ и къ ней стремился,
Кто зналъ, зачѣмъ онъ въ свѣтъ родился,
И Богу душу передалъ,
Какъ откупщикъ или генералъ.

шутливый тонъ Пушкинскихъ стиховъ превращаетъ заключенное въ нихъ нравоученіе въ пародію; но великій поэтъ нашъ никогда не чуждался пародіи; изъ пародическихъ затѣй возникли многія созданія его генія. Пародія на «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ» породила четвертую пѣснь «Руслана и Людмилы», пародія на «Лукрецію» Шекспира дала толчекъ къ «Графу Нулину».

Цѣлительная практическая мораль трактата, какъ уже замѣчено выше, невысокаго уровня. За исключеніемъ практическихъ палліативовъ, примѣнительныхъ къ нравамъ и политическому строю вѣка, ее легко уложить въ короткій афоризмъ: покуда жизнь сколько нибудь сносна, ее надо терпѣть, а жизнь вовсе несносная не стоитъ, чтобы ею дорожили, и лѣкарство отъ нея въ самоубійствѣ. Это—обычная панацея стойковъ: устами того же Сенеки они настойчиво предлагали ее всякому, кто «мудръ». И восторгаться вмѣстѣ съ Марта дидактическими находчивостями Сенеки тутъ, право, не отъ чего. Скорѣе надо согласиться съ Гастономъ Буассе, который, анализируя трактатъ *De tranquillitate animi*, видитъ въ немъ не духовную, такъ сказать, аптеку, но свидѣтельство, что вопли Серена разбредили душевныя раны самого Сенеки, и послѣд-

ній напрасно старается «на проклятые вопросы дать отвѣты намъ прямые». Буасье справедливо замѣчаетъ, что въ письмѣ своемъ ученикъ-племянникъ—маленькое зеркало для самого дяди-учителя. Серенъ выражается такъ же, какъ Сенека, любитъ, подобно ему, озадачить читателя смѣлою фразою, пикантнымъ словомъ, не боится рѣзкихъ переходовъ отъ грубой обыденной прозы, отъ низменныхъ понятій и выраженій къ самой приподнятой риторикѣ, словомъ, у него манера и стиль Сенеки. Поневолѣ задаешься вопросомъ,—говоритъ Буасье,—не пошло ли подражаніе дальше внѣшности? Не отъ своего ли наставника заразился Серенъ противоположеннымъ недугомъ сплина? Сенека превосходно рисуетъ нравственное равновѣсіе, которое противопоставляетъ, какъ желанный идеалъ, болѣзни воли, которою мучится его конфидентъ. Но такое равновѣсіе было самому ему врядъ ли хорошо извѣстно, при его безпокойномъ образѣ жизни, да и этическій методъ его не таковъ, чтобы создавать изъ учениковъ людей уравновѣшенныхъ. Сенека—учитель благородныхъ экстазовъ, искусный подчасъ воспламенить фанатика до готовности безтрепетно сложить голову за идею, но неспособный закалить питомцевъ своей морали въ совершенномъ умѣньѣ и привычкѣ владѣть собою, придать имъ ровную ясность духа и ума, то хладнокровіе, то постоянство выдержки, которыми вооруженный человѣкъ остается вѣренъ себѣ во всякихъ обстоятельствахъ, не мѣняясь по ихъ волѣ, но, обратно, ихъ посылно подчиняя своей. Пылкая и въ высшей степени воспримчивая душа Аннэя Серена рекомендована намъ изъ ряда вонъ впечатлительною самимъ Сенекою же въ другомъ его трактатѣ *De constantia sapientis*. Но впечатлительности молодого офицера равна и его нравственная неустойчивость. Мы видимъ Серена то въ высокомъ подъемѣ книжнаго благородства, то въ низменномъ житейскомъ паденіи, совсѣмъ недостойномъ не только философа, но даже просто порядочнаго человѣка. Онъ выходитъ изъ себя отъ благороднаго гнѣва и скорби при воспоминаніяхъ объ оскорбленіяхъ, отравившихъ жизнь любимцу стойковъ, Катону, и по долгу службы играетъ въ исторіи съ Актэ роль, только что не сводническую. Эта необычайно чуткая впечатлительность къ страданіямъ, такъ сказать, литературнымъ, требующимъ для оцѣнки своей усилій воображенія, при полной моральной неразборчивости въ фактахъ дѣйствительной жизни, также декадентская черта, и, притомъ, одна изъ опаснѣйшихъ. Неронъ былъ сентименталенъ, и бѣдствія театральныхъ героевъ заставляли его плакать горькими слезами. Больше того: вѣрнѣе будетъ сказать, что онъ вовсе не могъ представить себѣ житейскаго несчастія, если оно не объяснялось литературною цитатою. Лишенный власти, преслѣдуемый, вынужденный къ самоубійству, онъ иллюстрировалъ греческими стихами и громкими театральными фразами рѣшительно всѣ моменты своего бѣгства и смертнаго часа.

Исторія съ Акта, разумѣется, не становится красивѣе отъ сопоставленія ея съ гамлетовскою декламаціею Серена въ діалогѣ «О спокойствіи души». Напротивъ, и безъ того уже трагикомическая фигура «рыцаря на часъ» дѣлается еще курьезнѣе, когда мы вообразимъ, что свои красивыя чувства и громкія фразы онъ, можетъ быть, обдумывалъ и сочинялъ, сидя въ какую нибудь темную, скучную ночь у дверей своей мнимой любовницы, въ качествѣ послушнаго Лепорелло при шаловливомъ цезарѣ Донъ-Жуанѣ. Удивительнѣе всего, что исполненіе столь незавидныхъ обязанностей уживалось въ Серенѣ не только съ философскимъ настроеніемъ, но и съ большимъ личнымъ самолюбіемъ. Онъ былъ очень щекотливъ въ вопросахъ личной чести, дурно принималъ обиды и злыя шутки на свой счетъ, которыхъ, по фальшивому своему положенію, долженъ былъ выносить, вѣроятно, немало. Только что помянутый другой трактатъ Сенеки, изъ трехъ посвященныхъ Серену, «О твердости мудраго (*De constantia sapientis*, что въ точности можно передать словами: о выдержкѣ характера), касается именно этой черты характера Серена и даже имѣетъ другой, болѣе интимный и выразительный подзаголовокъ—*Ad Serenum nec injuriam nec contumeliam accipere sapientem*, то-есть—«Наставленіе Серену, который не умѣетъ считаться ни съ обидами, ни съ насмѣшками». Эта, по выраженію Дидро, апологія стоицизма близко сходится съ современнымъ ученіемъ о непротивленіи злу и насмѣшливою теоріею Шопенгауэра о чести и ея вопросахъ. Мораль здѣсь сводится къ довольно дешевому утѣшенію, что «мудрый оскорбленъ быть не можетъ». «Мудрый или обращаетъ поношенія въ шутку, или смотритъ на людей, какъ врачъ на больныхъ, и, что бы ни случилось, всему противостоитъ спокойно».

Стоическія ли утѣшенія подѣйствовали, классическій ли девизъ императорскаго двора, что «нѣтъ стыднаго, когда велитъ цезарь», но со временемъ Серенъ примирился съ своимъ двусмысленнымъ жребіемъ. Онъ живетъ въ свое удовольствіе, уже не помышляетъ о самоубійствѣ, служить, дѣлаетъ карьеру, философствуетъ на досугъ и, судя по тому, что Сенека посвятилъ ему еще одинъ, на этотъ разъ, уже откровенно автобіографическій трактатъ «*De otio*», Серенъ даже выучился, если не дѣйствовать, то упрекать другихъ въ бездѣйствіи. Трактатъ «*De otio*» занятъ разборомъ и защитой правъ трудящагося челоѣка на отставку отъ карьеры, на уходъ отъ общественной дѣятельности, за усталостью. Назначеніе челоѣка,—доказываетъ философъ,—не ограничено только дѣятельнымъ началомъ жизни: должно быть мѣсто и время и для начала созерцательнаго. Трактатъ написанъ Сенекою уже послѣ добровольной отставки его отъ положенія перваго министра, которою стоическая партія двора, сената и знати была очень недовольна. Содержаніе трактата вѣжливо и твердо отвѣчаетъ на дружескіе упреки

за отказъ отъ полезной и важной службы, приносившей такъ много добра и отечеству, и партіи. Лицомъ, которому партія поручила передать отставному вельможѣ лестные упреки эти, былъ именно Серенъ. Очевидно, онъ успѣлъ завоевать себѣ положеніе и почетъ среди стоической интеллигенціи: одной родственной близости къ Сенекѣ было, конечно, недостаточно, чтобы партія выбрала Серена своимъ глашатаемъ въ столь важную минуту и по столь важному для ея существованія вопросу. Тѣмъ болѣе, что въ составѣ партіи имѣлся еще ближайшій родственникъ Сенеки, къ тому же чловѣкъ огромнаго дарованія, самый блестящій поэтъ эпохи, Маркъ Аннэй Луканъ.

Успокоительныя разсужденія Сенеки относятся къ ранней молодости Серена. «De tranquillitate animi» — изъ первыхъ трудовъ философа, по возвращеніи его императрицею Агрипиною изъ ссылки, что случилось въ 49 году по Р. X.¹⁾ Съ годами, отбывъ Sturm und Drang стоической юности, Серенъ, конечно, не лѣзъ уже изъ кожи вонъ, слушая о неприятностяхъ Катона, какъ случилось однажды въ доброе студенческое время. Не порвавъ своихъ связей со стойками, онъ въ то же время умѣлъ остаться угоднымъ двору. По крайней мѣрѣ, даже когда Неронъ сталъ уже коситься на стойковъ, поссорился съ Луканомъ, глухо враждовалъ съ сенатскою оппозиціею и открыто разорвалъ добрыя отношенія съ Тразеєю, Серенъ не потерялъ его милости. Даже паденіе дяди-министра не принесло ему вреда по службѣ. Напротивъ: тутъ-то — вслѣдъ за смертію знаменитаго Бурра — и попалъ Серенъ въ римскіе оберъ-полицеймейстеры (praefectus vigilum)²⁾, замѣстивъ въ ней Тигеллина, назначеннаго однимъ изъ двухъ командировъ гвардейскаго корпуса (praefectus praetorio). Но наслаждался своимъ полицейскимъ благополучіемъ Серенъ очень недолго. Онъ умеръ смертію скоростижною и вовсе не стоическою: отъ несваренія желудка, обѣдѣвшись грибовъ. Какъ много Гамлетовъ кончили жизнь Фальстафами!. Геніальное прозрѣніе заставило Пушкина прервать свой романъ, какъ біографію Онѣгина, на полъ-пути его жизни. Вѣдь, въ будущемъ нашего любимаго героя, почти навѣрное, ждало бы самое грустное опошленіе: развѣ, что какая нибудь шальная пуля, — на дуэли или въ приближеніѣ всѣхъ тогдашнихъ разочарованныхъ, кавказской войнѣ, — спасла бы его отъ жалкой судьбы, которую пуля самого Онѣгина отвела отъ его друга Ленскаго:

Прошли бы юношества лѣта,
Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ,
Во многомъ онъ бы измѣнился,
Разстался бъ съ музами, женился,

¹⁾ Модестовъ.

²⁾ Hirschfeld.

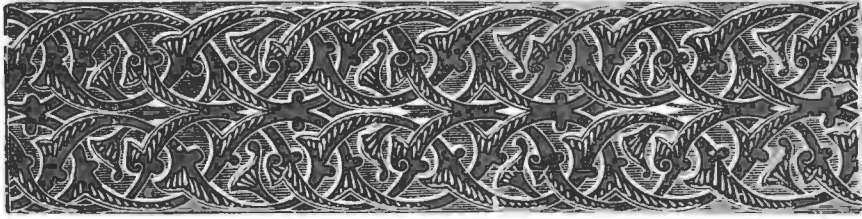
Въ деревнѣ, счастливъ и рогать,
 Носилъ бы стеганый халатъ,
 Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
 Подагру бѣ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
 Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ
 И, наконецъ, въ своей постелѣ,
 Скончался бѣ посреди дѣтей,
 Плаксивыхъ бабъ и лѣкарей.

Именно по такому безжалостному, но вѣрному рецепту окончили жизнь литературный внукъ Онегина — Илья Ильичъ Обломовъ. Ничтожество его въ послѣдніе дни попусту размѣненной жизни не помѣшало, однако, сохранить къ нему самую пылкую и участливую дружбу такимъ умнымъ, мыслящимъ и дѣятельнымъ людямъ, какъ Штольцъ и Ольга. Пращуръ всѣхъ героевъ безволя, бѣдный Л. Аннэй Серенъ, также не былъ лишень дружескаго утѣшенія. Привязанность къ нему Сенеки осталась неизмѣнною до самой смерти. Учитель горько оплакалъ своего безвременно и бесполезно погибшаго ученика. Память объ ихъ философской дружбѣ не умерла въ потомствѣ. Еще тридцать лѣтъ спустя, о ней говорилъ съ почтеніемъ и ставилъ ее въ примѣръ искреннихъ человѣческихъ отношеній даже насмѣшливый и далеко не робкій предъ авторитетами эпиграмматистъ Марціалъ.

А. В. Сандро.

¹⁾ См. объ Аннѣй (Серенъ: Senecae—De tranquillitate animi, De constantia sapientis, De otio; Plinii Hist. nat. XXII, 23; Taciti Ab excessu Augusti XIII, 13; Martialis VII, 45, VIII, 81; Schiller — Nero 339, 4, 530; Friedländer — Sittengeschichte I, 121; Hirschfeld — Untersuchungen auf dem Gebiete der römischen Verwaltungsgeschichte, 146; Breyer—L. Annaeus Seneca und seine Beziehungen zum Urchristentum, 18; Марта — Философы и поэты во времена Римской имперіи, 33—35; Гастонъ Буассе — Римская религія отъ Августа до Антониновъ, 361—363; Модестовъ.—Лекціи по исторіи римской литературы, 610—612; Кудрявцевъ.—Римскія женщины по Тациту, 155; Гриммъ — Иссл. по ист. разв. римской имп. власти, 467—475; Корелингъ и мн. др.

МАТЕРИАЛЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ И ОТНОШЕНИЕ КЪ НИМЪ ВЪ РАЗНОЕ ВРЕМЯ ¹⁾.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫМЪ источникомъ историческаго знанія является преданіе. Оно еще не есть исторія, но безъ него исторія невысказана. Чѣмъ долѣе преданіе остается предметомъ устной передачи, тѣмъ болѣе оно подвергается постороннимъ дополненіямъ и произвольнымъ измѣненіямъ. Только съ возникновеніемъ письменности становится возможнымъ сохраненіе историческихъ преданій въ первоначальномъ видѣ. Исторія зарождается въ томъ моментъ, когда у народа проявляется историческое самосознаніе, а это бываетъ на первыхъ, весьма отдаленныхъ, ступеняхъ историческаго развитія. Лишь только зародилось самосознаніе, всякій народъ стремится отдать себѣ отчетъ въ окружающей его жизни: кто—я, какъ устроилась общественная жизнь, въ которой я живу? Народъ не обладаетъ ни хронологической, ни точной фактической памятью. Но и въ самый моментъ зарожденія историческаго самосознанія уже существуютъ въ преданіи зачатки исторіи. И вотъ начинается работать народная мысль для объясненія уже существующей обстановки жизни. Тутъ въ дѣло идутъ и личныя наблюденія, и смутныя воспоминанія. Прежде всего, народъ не въ состояніи понять, что все то, что онъ видитъ кругомъ себя въ частной и общественной жизни, создано постепенно, при чемъ онъ самъ, народъ, создалъ все это. Греки никакъ не могли понять, что они, такъ сказать, коллективно и притомъ въ теченіе многихъ вѣковъ расчистили лѣса своей ро-

¹⁾ Вступительная лекція изъ публичнаго курса древней русской исторіи, читавшаго въ Кіевѣ.

дины, развили земледѣліе, уничтожили вредныхъ животныхъ, создали формы семейной, общественной и государственной жизни. Поэтому они приписали происхожденіе различныхъ явленій своей жизни гениальной дѣятельности то того, то другого лица, по бѣльшей части, не существовавшаго; на эти лица они перенесли факты своей многовѣковой дѣятельности. Отсюда появленіе Геркулесовъ, Тезеевъ и т. д.

Понятно, что народъ награждаетъ этихъ мифическихъ дѣятелей и всѣми главными чертами своего національнаго характера. Такъ русскій народъ отразилъ себя въ образѣ крестьянскаго сына Ильи Муромца. Ту роль, какую играютъ съ появленіемъ письменности года и столѣтія, въ періодъ начальной исторіи играютъ лица. Такъ возникаетъ исторія. Такимъ образомъ, она имѣетъ свои основанія въ потребности челоуѣческаго духа сознательно отнестись къ явленіямъ окружающей жизни, и отсюда вытекаетъ неразрывная связь исторіи съ народной жизнью. Нѣтъ ни одного народа, который бы не имѣлъ своей исторіи съ момента зарожденія историческаго самосознанія. Съ этого момента народъ не можетъ себя мыслить безъ исторіи. Характеренъ въ этомъ случаѣ анекдотъ, рассказываемый въ Китаѣ. Однажды богдыханъ сказалъ мандарину-историку: «повелѣваю тебѣ не говорить болѣе ни одного слова обо мнѣ». Мандаринъ продолжалъ однако писать. «Что же ты пишешь?» вскричалъ императоръ. «Я записываю приказаніе, только что данное мнѣ вашимъ величествомъ»,—отвѣчалъ мандаринъ.

И такъ, съ момента возникновенія у народа историческаго самосознанія является и исторія народа. Сначала это—исторія устная, а затѣмъ письменная. Но къ тому времени, когда является письменность, у народа уже сложилась своя исторія въ видѣ преданій, легендъ, которая переходитъ затѣмъ въ письменность. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи народъ распадается на двѣ, сначала далеко неравныя, группы: людей грамотныхъ и массу народную, не грамотную. Обѣ группы чувствуютъ потребность въ самопознаніи, а потому обѣ продолжаютъ создавать исторію. Одна группа накопляетъ историческій матеріалъ путемъ записыванія фактовъ окружающей жизни, проходящихъ предъ глазами, другая группа тоже накопляетъ матеріалъ, создавая новыя и новыя историческія преданія и легенды. Какъ не можетъ прекратиться у народа стремленіе къ историческому самопознанію, такъ не можетъ прекратиться и народное историческое творчество. Такимъ образомъ, съ возникновеніемъ письменности легендарная исторія не прекращается, а продолжаетъ существовать. Первые лѣтописцы заносятъ въ свои писанія и легендарную исторію, но затѣмъ она мало-по-малу исчезаетъ изъ письменныхъ памятниковъ, хотя у народа и продолжаетъ пополняться присоединеніемъ новыхъ легендъ и преданій уже о новыхъ лицахъ и событіяхъ, при чемъ эти легенды и преданія заключаютъ

въ себѣ выраженіе взгляда народа на эти новыя лица и событія. Легендарная исторія уступаетъ исторіи письменной лишь постепенно и на протяженіи многихъ вѣковъ. По мѣрѣ распространенія въ народѣ письменности исчезаетъ необходимость легенды, и народъ усваиваетъ мало-по-малу исторію записанную. Всѣ эти стадіи развитія переживалъ и теперь еще переживаетъ русскій народъ.

Прежде чѣмъ явилась лѣтопись и документы, у народа уже созидались былины, легенды, преданія о Кіѣ, Іцекѣ и Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди, о походѣ Олега на Царьградъ, и смерти Олега и т. д... Явилась письменность. Лѣтописецъ внесъ въ свою лѣтопись и эти легенды, такъ какъ у него не было почти никакого другого матеріала о прошлой жизни его народа, но онъ внесъ далеко не всѣ преданія, не перенесъ цѣликомъ въ свой трудъ всю легендарную исторію, хотя изъ отдѣльныхъ, сохранившихся въ лѣтописи, чертъ мы можемъ заключать, что лѣтописцу было извѣстно много такого, чего онъ не счелъ нужнымъ передавать потомству. Далѣе мы имѣемъ уже цѣлыя группы лѣтописей, многочисленные документы, и въ то же время замѣчаемъ у народа продолженіе легендарной исторіи. Это обнаруживается изъ цѣлаго ряда фактовъ. Наблюденіе надъ былинами обнаружило въ нихъ цѣлый рядъ историческихъ, этнографическихъ и бытовыхъ наслоеній. Въ одной и той же былинѣ или группѣ былинъ мы теперь находимъ отраженіе нѣсколькихъ различныхъ эпохъ. Дѣйствующія въ нихъ лица являются сложными типами, въ которыхъ мы подмѣчаемъ черты различныхъ періодовъ жизни народной. Появляются новыя преданія, новыя легенды. Мы видимъ, что Іоаннъ Грозный попадаетъ въ былинку и въ народную пѣсню, въ которыхъ отражается и смерть царевича Димитрія. Всякое новое крупное явленіе жизни отражается и укрѣпляется въ народной памяти путемъ преданія, легенды, пѣсни. Эту дѣятельность народнаго творчества мы можемъ наблюдать и до сихъ поръ. Такимъ образомъ, одинъ могучій стимулъ двигаетъ и человека грамотнаго и народную массу при записываніи событій и при созданіи преданій, — уяснить себѣ, кто я есмь, и кто я былъ, стремленіе знать свое прошлое, безъ чего нельзя рѣшить этихъ вопросовъ. Отсюда само собой вытекаетъ и опредѣленіе исторіи: она есть народное самопознаніе. Возникая въ первый моментъ историческаго самосознанія, она и обусловливается развитіемъ самосознанія.

Самосознаніе народное развивается постепенно и крайне медленно. Группа людей грамотныхъ, если такъ можно выразиться, интеллигенція народа двигается далѣе и далѣе въ своемъ стремленіи къ самопознанію и притомъ къ болѣе ясному самопознанію. Наступаетъ мало-по-малу въ жизни народа, или, лучше, въ жизни его интеллигентной группы, такой моментъ, когда она перестаетъ уже удовлетворяться даже и письменной своей исторіей, заключающейся въ разбросанныхъ данныхъ лѣтописей и другихъ литературныхъ па-

мятникахъ. Пробуждается желаніе имѣть систематическое знаніе своего прошлаго, систематически изложенную исторію, въ которой были бы собраны всѣ отрывочныя данныя, хотя бы основаніемъ, системы на первыхъ порахъ являлась просто хронологія. Но съ дальнѣйшимъ развитіемъ общества и такое знаніе своего прошлаго перестаетъ удовлетворять. Мы видимъ стремленіе уже не просто къ знанію своего прошлаго, а къ вѣрному знанію. Стремленіе къ вѣрному знанію требуетъ возстановленія фактовъ прошедшей жизни въ ихъ дѣйствительномъ видѣ, а это невозможно безъ критики данныхъ. Лишь только явилось сознаніе необходимости критики,—съ этого момента является наука.

Мы очень рано видимъ на Руси желаніе имѣть полную, систематически изложенную, свою исторію. Оно выразилось въ составленіи такъ называемой «Степенной книги» въ которой русская исторія излагается по генеалогическимъ степенямъ русскихъ государей. Въ XVII в. является стремленіе имѣть полную печатную исторію. При Алексѣѣ Михайловича было положено напечатать «Книгу историчную». Ѳеодоръ Алексѣевичъ сильно хлопоталъ о полномъ изданіи отечественной исторіи. То же стремленіе выразилось въ указѣ Петра Великаго о собираніи рукописей и въ приказаніи Поликарпову написать русскую исторію. Къ XVIII в. относятся нѣсколько подобныхъ же попытокъ, но все это компиляціи безъ всякой исторической критики. Критическая разработка русской исторіи, можно сказать, началась у насъ со второй половины XVIII в., когда на поприщѣ русской исторической науки появляются такіе дѣятели, какъ Байеръ, Фридрихъ-Герардъ Миллеръ, Шлѣцеръ и др.

Развитіе исторической науки невозможно безъ изданія матеріаловъ. Иногда новооткрытый небольшой документъ можетъ совершенно перевернуть всѣ существующія по тому или иному вопросу теоріи, или освѣтить вопросъ съ новой стороны и даже двинуть изслѣдованіе по другому направленію. Такъ, напримѣръ недавно открытый новый отрывокъ одной византійской лѣтописи съ точной датой перваго набѣга руссовъ на Византію пролилъ неожиданный свѣтъ въ вопросѣ о существованіи русскаго флота до 862 г., такъ какъ въ новомъ памятникѣ ясно указана дата—860 годъ. Не особенно давно изданное въ полномъ видѣ слѣдственное дѣло о Шакловитомъ уяснило окончателно послѣдній моментъ борьбы между Петромъ Великимъ и Софіей Алексѣевной. Но русская историческая наука въ этомъ отношеніи не можетъ пожаловаться на судьбу. Мы обладаемъ массой изданнаго матеріала; мы видимъ, что новые и новые матеріалы появляются. Дѣло доходитъ до того, что разработка матеріаловъ не можетъ поспѣть за ихъ изданіемъ.

Но не всегда такъ было. Было время, когда и разработка матеріаловъ, и ихъ изданіе встрѣчали сильное препятствіе. Было

время, когда въ пѣсняхъ, пословицахъ и народныхъ сказкахъ умѣли находить оскорбленіе національнаго достоинства, а въ силу этого находили подобные матеріалы неприличными для ученаго общества или спеціальнаго изданія. Это было время, когда профессора читали свои университетскія лекціи по учебнику Устрялова, когда профессоръ Ивановъ, читая русскую исторію XVIII в., боялся говорить о наружности Анны Іоанновны и только подѣ большимъ секретомъ передавалъ, что Анна Ивановна была немного рябовата, и сейчасъ же прибавлялъ: «но необычайной красоты». Въ настоящее время подобные факты кажутся непонятными и какъ будто невозможными. Русская историческая наука сдѣлала гигантскіе успѣхи, какъ въ отношеніи изданія и критики историческихъ матеріаловъ, такъ и въ отношеніи разработки отдѣльныхъ вопросовъ, и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ не уступаетъ наукѣ западно-европейской.

Русская историческая наука обладаетъ богатыми матеріалами для изученія прошлой жизни русскаго народа. Я постараюсь сдѣлать краткій и сжатый обзоръ этого матеріала, чтобы показать, откуда русскій историкъ можетъ черпать данныя о явленіяхъ жизни, отдаленныхъ отъ него рядомъ столѣтій.

Прежде всего, главнѣйшимъ источникомъ, изъ котораго мы получаемъ данныя для древнѣйшаго періода русскої исторіи, являются наши лѣтописи. До насъ дошло очень много лѣтописей, которыя или по мѣстностямъ, гдѣ онѣ были найдены, или по мѣсту, гдѣ онѣ были написаны или составлены, или по лицу, которое ихъ составило, носятъ различныя названія. Такъ, на примѣръ, Ипатьевскій списокъ лѣтописи получилъ свое названіе потому, что найденъ былъ въ Ипатьевскомъ костромскомъ монастырѣ. Лѣтописецъ Переяславскій такъ названъ потому, что былъ написанъ въ Переяславлѣ Залѣскомъ. Лаврентьевская лѣтопись называется такъ по имени монаха Лаврентія, который ее переписалъ въ 1377 году. Отчасти по мѣсту, гдѣ были составлены лѣтописи, отчасти и, главнымъ образомъ, по содержанію, лѣтописи разбиваются на южныя, сѣверныя, новгородскія, псковскія, тверскія и т. д. Древнѣйшими лѣтописями являются Ипатьевская и Лаврентьевская. Первая заключаетъ въ себѣ, такъ называемую, Несторову или «Первоначальную лѣтопись» до 1110 г. Эта первоначальная лѣтопись составлена еще изъ болѣе древнихъ, недошедшихъ до насъ, лѣтописей, игуменомъ Кіевского Выдубецкаго монастыря, Сильвестромъ. Послѣ 1110 г. идетъ Кіевская лѣтопись, названная такъ потому, что заключаетъ въ себѣ извѣстія, главнымъ образомъ, о событіяхъ въ землѣ Кіевской, до 1202 г. За ней слѣдуетъ лѣтопись Волинская, писанная, вѣроятно, во Владимірѣ Волинскомъ и посвященная событіямъ земли Волинской. Лаврентьевская лѣтопись вначалѣ имѣетъ ту же «Первоначальную лѣтопись», а потомъ дѣлается

чисто сѣверной, заключаая въ себѣ извѣстія о событіяхъ на сѣверѣ, по преимуществу въ землѣ Суздальской. Новгородскія лѣтописи, дошедшія до насъ, точно также составлены изъ болѣе древнихъ. Новгородскія лѣтописи интересуются, главнымъ образомъ, событіями въ землѣ Новгородской. Такой же областной характеръ имѣютъ и лѣтописи псковскія. Кромѣ отдѣльныхъ лѣтописей, принадлежащихъ той или иной древне-русской землѣ, до насъ дошли еще цѣлые лѣтописные сборники, составленные изъ большого количества недошедшихъ до насъ лѣтописей. Они очень важны для исторіи русской, какъ въ древній періодъ, такъ и для исторіи средняго, т. е. московскаго періода. Изъ такихъ сборниковъ особенно замѣчательны Воскресенскій и Никоневскій. Последний получилъ свое названіе оттого, что былъ пожертвованъ знаменитымъ патріархомъ Никономъ въ бібліотеку устроеннаго имъ Воскресенскаго монастыря.

Послѣ лѣтописи надо поставить литературные памятники. Сюда должно причислить письма историческихъ дѣятелей. Древнѣйшимъ такимъ письмомъ, дошедшимъ до насъ, является письмо Владимира Мономаха къ Олегу Гореславовичу Черниговскому. Этотъ видъ письменныхъ памятниковъ проходитъ далѣе чрезъ весь древній и средній періодъ русской исторіи, до писемъ Іоанна Грознаго къ князю Курбскому включительно. До насъ дошли также отдѣльныя сказанія, повѣсти, житія. Этого рода литературные памятники включаютъ въ себѣ данныя не столько для политической исторіи, сколько для исторіи быта, что особенно важно, такъ какъ лѣтописи интересуются преимущественно событіями политическими. Изъ древнѣйшихъ сказаній я укажу на сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ, писанныя въ XI или XII столѣтіи. Сюда же слѣдуетъ отнести весьма важный литературный памятникъ, именно «Патерикъ Печерскій», который получилъ свое начало въ первой половинѣ XIII вѣка. Эти литературные памятники открываютъ собой цѣлый рядъ произведеній древней письменности житій. Онъ тянется во весь средній и древній періодъ нашей исторіи. Житія представляютъ весьма важный матеріалъ для исторіи быта. Въ біографіяхъ святыхъ, въ разсказахъ о ихъ чудесахъ, сохраняется много подробностей изъ обыденной жизни того времени. Житія сѣверныхъ подвижниковъ имѣютъ и еще одно важное значеніе: они даютъ весьма важныя свѣдѣнія для этнографіи инородческихъ племенъ и для исторіи славянской колонизаціи.

Для характеристики быта древней Руси много интересныхъ данныхъ можно найти и въ церковныхъ поученіяхъ. Нападая на общественные недостатки, проповѣдники тѣмъ самымъ рисуютъ намъ общественную жизнь съ ея свѣтлыми и темными сторонами.

Вслѣдъ за памятниками литературными идутъ памятники документальные. Многообразныя взаимныя отношенія наши предки

закрѣпляли тѣми или иными юридическими актами. Чѣмъ древнѣе мы возьмемъ періодъ, тѣмъ меньшее количество документовъ можемъ мы имѣть въ своемъ распоряженіи: частью время, частью политическія передраги уничтожили массу документовъ. Это особенно приходится сказать о періодѣ домонгольскомъ. Но, начиная съ XIV столѣтія, количество актовъ матеріала, изданнаго, не изданнаго и издающагося, очень велико. Чтобы дать нѣкоторое представленіе объ этого рода матеріалахъ, я назову нѣкоторые изъ нихъ. Торговля отношенія между Русской землей и сосѣдними странами закрѣплялись договорами. Самыми древними являются договоры Олега и Игоря съ греками X столѣтія. Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ подобныхъ документовъ. Такъ мы имѣемъ рядъ договоровъ Новгорода В., Полоцка, Смоленска съ нѣмцами, начиная съ конца XII вѣка. Съ XIV столѣтія идутъ договоры Московскаго государства съ Литовскимъ. Отъ этого же времени дошло до насъ нѣсколько договоровъ между князьями, между Новгородомъ и князьями московскими и тверскими. Послѣ этого необходимо указать на рядъ памятниковъ законодательнаго характера. До насъ дошла «Русская Правда», получившая свое начало при Ярославѣ Мудромъ и потомъ дополнявшаяся, церковные уставы князей Владимира св., того же Ярослава, новгородскихъ князей Всеволода и Святослава XII вѣка, уставная грамота Смоленской епископіи того же столѣтія,—важные, какъ опредѣляющіе отношенія свѣтской власти къ церкви и дающіе важный матеріалъ для картины быта того времени. Псковская судная грамота, такая же новгородская, XIV—XV вѣковъ, составленная на вѣчѣ, рисуютъ намъ строй жизни этихъ городовъ и ихъ земель. Вмѣстѣ съ «Русской Правдой» эти грамоты отражаютъ въ себѣ черты обычнаго славянскаго права глубокой древности. Затѣмъ слѣдуютъ законодательные памятники Московскаго періода. Это—судебникъ великаго князя Ивана Васильевича III XV вѣка и законы Іоанна Грознаго XVI вѣка. Къ числу ихъ можно отнести и уставныя грамоты, подъ именемъ которыхъ разумѣлись особаго рода акты, которые опредѣляли отношеніе извѣстной мѣстности къ князю или вообще къ лицу, давшему грамоту, и устанавливали вмѣстѣ съ тѣмъ порядокъ внутренняго управленія въ этой мѣстности. Древнѣйшей изъ нихъ является уставная грамота Двинской земли 1397 года. Слѣдуетъ обратить также вниманіе на духовныя завѣщанія или духовныя грамоты. Древнѣйшія изъ нихъ духовныя грамоты новгородца Климента и волынскаго князя Владимира Васильевича XIII столѣтія. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ духовныхъ завѣщаній московскихъ князей, начиная съ Іоанна Калиты. Если мы прибавимъ къ этому нашему перечню многочисленныя грамоты дарственныя, вкладныя, купчія, мѣновыя, оброчныя и т. д., то документы, въ которыхъ отражается жизнь нашихъ

предковъ, будутъ исчерпаны. Это все матеріалы туземные. Но этимъ не ограничиваются наши историческія богатства.

Русскій народъ не жилъ изолированной жизнью и съ момента выступленія своего на историческую сцену вошелъ въ разнообразныя отношенія съ сосѣдями. Отношенія были мирныя, торговыя, случались отношенія и военныя. Понятно, что факты тѣхъ и другихъ нашли себѣ отраженіе въ историческихъ памятникахъ, какъ нашихъ, такъ и чужеземныхъ. Я указывалъ уже на сохранившіеся торговые договоры Руси съ Византіей, нѣмцами, Литвой и т. д. Но этого мало. Вступая въ тѣ или иныя отношенія другъ съ другомъ, и Русь, и ея сосѣди, упомянули объ этомъ и въ своихъ лѣтописяхъ, и въ другихъ литературныхъ памятникахъ. Это обстоятельство заставляетъ историка обратить вниманіе и на матеріалы иностранныя. Они могутъ быть раздѣлены на пять группъ: источники западно-европейскіе, польскіе, венгерскіе, византійскіе и восточные. Но мы раздѣлимъ ихъ на двѣ группы: писателей, посѣщавшихъ Русскую землю, и писателей, не бывавшихъ на Руси. Мнѣ приходится и тутъ, какъ раньше, ограничиваться указаніемъ лишь немногихъ памятниковъ съ момента перваго ихъ появленія, такъ какъ перечислить ихъ все нѣтъ никакой возможности въ сжатомъ очеркѣ. Начнемъ съ иностранцевъ, которые посѣтили Русскую землю. Первымъ изъ нихъ былъ германскій епископъ Брунонъ, миссіонеръ, хотѣвшій распространить христіанство среди печенѣговъ. Онъ останавливался въ Кіевѣ, пользовался гостепріимствомъ Владимира св. и затѣмъ написалъ обо всемъ письмо германскому императору Генриху. Вотъ это-то письмо и дошло до насъ. Почти одновременно съ Брунономъ, но только съ другой стороны, именно на Поволжьѣ — были арабскіе путешественники: Ибнъ-Фоцданъ и Мас'уди. Въ концѣ XII вѣка по югу Россіи прозжалъ еврейскій путешественникъ, рабби Петахья. Когда восточная Европа подверглась татарскому погрому, когда новое политическое положеніе стало грозить и интересамъ, особенно торговымъ, западно-европейцевъ, тогда на Востокъ черезъ Русскую землю или югъ нынѣшней Россіи потянулись посланники европейскихъ правительствъ. Мы видимъ тутъ и посланника папы, монаха Платона Карпини, и посланника французскаго короля Людовика IX, монаха Рюисбрика, и посланника венеціанскаго сената, Амброзіо Контарини. Когда на Сѣверѣ стало выдвигаться Московское государство, когда оно начало сношенія съ Западной Европой, мы видимъ рядъ иностранцевъ, посѣщающихъ Москву съ различными цѣлями. Особенно обращаютъ на себя вниманіе посолъ германскаго императора, Сигизмундъ Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ при князѣ Василіи III, и посолъ англійской королевы, Джильдъ Флетчеръ, который жилъ въ Москвѣ въ концѣ XVI вѣка, при царѣ Оеодорѣ Ивановичѣ. Все поименованныя лица и многія другія оставили намъ или донесе-

нія своимъ правительствомъ, или просто записки о своемъ путешествіи. Громадный интересъ представляютъ для историка ихъ сообщенія, и если къ нѣкоторымъ изъ нихъ надо относиться съ осторожностью, то вѣдь критика нужна вездѣ...

Обратимся теперъ къ иностранцамъ, которые писали, не покидая своего дома, и въ своихъ хроникахъ оставили намъ сообщенія о событіяхъ въ землѣ Русской. Ихъ очень много. Начиная хотя бы съ мерзбургскаго епископа Титмара, который писалъ въ началѣ XI вѣка, и кончая нѣмецкимъ пасторомъ Одерборномъ, который жилъ въ Ригѣ и Митавѣ и написалъ «Жизнь Іоанна Василевича» (Грознаго),—всѣ они весьма важны при изслѣдованіи соответствующихъ эпохъ русской исторіи, хотя не всѣ они заслуживаютъ одинаковаго довѣрія. Среди многочисленнаго ряда этихъ писателей особенно много важнаго даютъ хронисты польскіе, нѣмецкіе (собственно ливонскіе и прусскіе) и византійскіе. Русскій историкъ не можетъ никакимъ образомъ обойтись при своихъ изслѣдованіяхъ ни безъ хроники польскаго епископа Кадлубека, писавшаго въ XIII вѣкѣ, ни безъ компиляціи краковскаго каноника, Іоанна Длугоша, который писалъ въ XV вѣкѣ, ни безъ хроники ливонскаго священника, Генриха Латыша, трудъ котораго относится къ XIII столѣтію, ни безъ византійскихъ хронистовъ, писавшихъ на протяженіи XI—XIII столѣтій, ни безъ сочиненій византійскаго императора—ученаго, Константина Багрянороднаго, который оставилъ намъ неоцѣненныя свѣдѣнія о Руси X вѣка, когда онъ самъ жилъ и писалъ. Словомъ, русскому историку приходится имѣть дѣло съ массой чужеземныхъ свидѣтелей давно минувшихъ событій, происходившихъ на Руси.

Изданіе иностранныхъ лѣтописцевъ и путешественниковъ и другихъ историческихъ матеріаловъ уже давно началось въ Западной Европѣ. Нѣкоторые изъ нихъ изданы и у насъ въ Россіи. Что касается нашихъ туземныхъ матеріаловъ, то начало ихъ собиранія и изданія относится собственно къ XVIII столѣтію, хотя отдѣльныя попытки того и другого восходятъ и къ болѣе раннему времени. Много драгоценнаго матеріала погибло въ татарское нашествіе, въ смутное время, когда наши литературные памятники и документы не только погибали, но и вывозились за границу. Вотъ почему мы въ настоящее время натываемся на такіе интересные факты, что рукописи нашихъ лѣтописей покоились и покоятся въ архивахъ Львова, Стокгольма, Кенигсберга, въ парижской національной библиотекѣ. Но не однѣ историческія передраги способствовали уничтоженію письменныхъ памятниковъ. Виновато тутъ и непониманіе важности историческихъ матеріаловъ, которое существовало въ массѣ русскаго общества и при томъ даже не въ особенно отдаленное отъ насъ время. Вотъ, напримѣръ, образчики отношенія къ древнимъ памятникамъ. Въ Ново-Іерусалимскомъ монастырѣ, близъ

Москвы, была обширная библіотека, и вотъ въ концѣ XVIII вѣка нѣкій епископъ Сильвестръ приказалъ сжечь много рукописей, почитая ихъ ненужнымъ хламомъ, и только заступничество архимандрита Аполлоса спасло всю библіотеку отъ подобной же участи. Другой случай. Начальство Новгородскаго Юрьевскаго монастыря узнало о намѣреніи митрополита Евгенія посѣтить эту обитель и поэтому распорядилось весь ненужный, по его мнѣнію, хламъ бросить въ р. Волховъ. Митрополитъ Евгений, подѣзжая къ монастырю, встрѣтилъ возъ съ инокомъ. Онъ остановилъ возъ и, увидѣвъ порванные книжки и книжные листы, возвратилъ возъ назадъ и принялся въ монастырѣ разсматривать его содержаніе. Онъ нашелъ тутъ драгоцѣнные остатки рукописей даже XI вѣка. При императорѣ Николаѣ Павловичѣ была учреждена археографическая экспедиція для разысканія и собиранія историческихъ матеріаловъ, и вотъ какую грустную картину рисуешь намъ Строевъ, объѣзжавшій сѣверъ Россіи. «Въ одной обители благочестія,—говоритъ онъ,—къ которой въ исходѣ XVII вѣка было приписано болѣе 50 другихъ монастырей, и которая владѣла тогда 17.000 крестьянъ, соляными варницами и богатыми рыбными ловлями, старый архивъ ея помѣщался въ башнѣ, гдѣ въ окнахъ не было рамъ. Снѣгъ покрывалъ кучу книгъ и столбцевъ, наваленныхъ безъ разбора, и я рылся въ ней, какъ въ развалинахъ Геркулана». Въ настоящее время мы можемъ надѣяться, что подобные факты немислимы. Несмотря, однакоже, на потерю массы драгоцѣннаго матеріала, мы имѣемъ все-таки огромныя богатства.

Заботы о собираніи и храненіи нашихъ рукописныхъ богатствъ начинаются съ Петра Великаго. Двумя своими указами, 1720 и 1722 годовъ, онъ приказалъ пересмотрѣть архивы и библіотеки монастырей, соборовъ и церквей и описи найденныхъ въ нихъ рукописей представить въ Петербургъ. При Екатеринѣ II мы видимъ особенно настойчивыя распоряженія правительства о присылкѣ рукописей то въ синодъ, то въ академію наукъ. вмѣстѣ съ этимъ и среди общества появляются люди, и въ XVIII, и въ XIX ст., которые собираютъ богатѣйшія коллекціи древнихъ рукописей. Нельзя не упомянуть именъ Татищева, кн. Голицына, гр. Мусина-Пушкина, Толстого, Румянцева, которые способствовали не только собиранію, сохраненію, но и изданію историческихъ памятниковъ. При императорѣ Николаѣ Павловичѣ, какъ я уже сказалъ, была сначала организована археографическая экспедиція. Члены ея осмотрѣли архивы и библіотеки почти всѣхъ выдающихся церквей, монастырей, старинныхъ присутственныхъ мѣстъ, и собрали массу драгоцѣннаго матеріала. Образовались мало-по-малу центры храненія рукописнаго матеріала. Я назову хотя бы архивы министерства юстиціи, министерства иностранныхъ дѣлъ, кievскій центральный архивъ, виленскій, витебскій, библіотеки: императорскую

публичную, синодальную и проч. Рядомъ съ этимъ стали лучше сохраняться и рукописи въ монастыряхъ и церквахъ. Образовались ученые общества, которыя, въ свою очередь, собрали въ своихъ бібліотекахъ много рукописныхъ матеріаловъ.

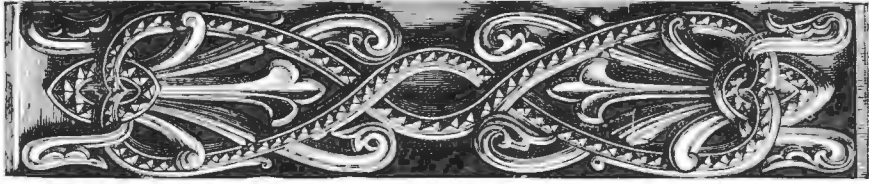
Одновременно съ собираніемъ матеріала шло и его изданіе. Еще въ XVIII столѣтіи синодъ издалъ нѣсколько лѣтописей. То же предприняла и академія наукъ. Московское общество истории и древностей Россійскихъ также выступило въ издательской дѣятельности. Но нужно сказать, что въ XVIII столѣтіи, отчасти и въ XIX, дѣло изданія шло далеко не систематически, съ перерывами, и даже сами изданія съ научной точки зрѣнія оставляли желать очень многого. Первое научное изданіе было предпринято знаменитымъ Шлецеромъ во второй половинѣ XVIII вѣка. Это былъ Никоновскій сборникъ. Вполнѣ научныя изданія лѣтописей и другихъ историческихъ матеріаловъ относятся уже къ XIX ст. Главнымъ дѣятелемъ тутъ является петербургская археографическая комиссія, учрежденная 28-го декабря 1834 года. Она продолжаетъ свою дѣятельность и по настоящее время, и изданные ею матеріалы приходится считать уже десятками томовъ. Но рядомъ съ нею развили свою дѣятельность и другія ученые учрежденія. Изданія императорскаго русскаго историческаго общества, археографическихъ комиссій въ Кіевѣ, Вильнѣ, Витебскѣ и т. д., и т. д., исчисляются уже сотнями томовъ. Я долго не кончилъ бы перечисленія всѣхъ учрежденій, трудящихся на полѣ изданія историческихъ памятниковъ. Я остановлю вниманіе на одномъ весьма отрадномъ явленіи, зародившемся и развивающемся на нашихъ глазахъ.

Давно въ отдѣльныхъ періодическихъ изданіяхъ разными любителями старины издавались древніе литературные памятники. Происходитъ это и теперь, и только специалистъ въ состояніи отыскать многіе изъ нихъ или услѣдить за ихъ появленіемъ. Но я хочу указать на другой фактъ. Видимо, наше русское общество начинаетъ болѣе и болѣе проникаться сознаніемъ необходимости знанія своего прошлаго. Это сознаніе выразилось, между прочимъ, въ отзывчивости лучшихъ людей къ изученію мѣстной старины. Во многихъ уже мѣстахъ, по почину извѣстнаго нашего ученаго, теперь покойнаго, Калачова, образовались такъ называемыя ученые архивныя комиссіи. Они состоятъ изъ людей мѣстной интеллигенціи, находящихъ для себя возможнымъ посвящать свое свободное время архивнымъ изысканіямъ, и много уже драгоценныхъ историческихъ матеріаловъ спасено отъ гибели этими людьми, служащими безкорыстно русской исторической наукѣ; много цѣнныхъ документовъ уже и издано ими. Но они не ограничиваются только этимъ: они охраняютъ отъ истребленія наши древніе монументальные памятники, они производятъ раскопки и открываютъ драгоценныя для уясненія далекаго прошлаго памятники вещественныя.

Сохранять имѣющееся, открывать новое, еще неизвѣстное, обнаруживать, изслѣдовать, уяснять факты,—какая гигантская и вмѣстѣ прекрасная работа, но требующая дружныхъ усилій многихъ и многихъ людей. Хотѣлось бы надѣяться, что русское интеллигентное общество все болѣе и болѣе будетъ содѣйствовать работѣ изученія своей жизни въ прошломъ для болѣе яснаго самоопредѣленія своего въ настоящемъ.

Профессоръ Петръ Голубовскій.

ЦЕНЗУРА ВЪ ЭПОХУ ВЕЛИКИХЪ РЕФОРМЪ ¹⁾.

(1855—1875 гг.).

Очеркъ четвертый.

«Старички» 1868 г. — Упадокъ популярности писателей школы 1840-хъ годовъ. — Торжество «крайнихъ». — Нигилистическія «краткія формулы». — Мнѣніе людей сороковыхъ годовъ о «шестидесятникахъ». — «Отлученіе» ихъ. — Великія идеи реформъ. — «Люди, говорящіе свысока и съ пренебреженіемъ о Шекспирѣ и Пушкинѣ». — Результаты цензурнаго террора 1862—1868 гг. — «Разрушеніе эстетики». — Писаревъ о призваніи поэта. — «Козьявки, копающіяся въ цвѣточной пыли». — «Собраніе матеріаловъ о направленіи русской словесности» 1862 г. — «Секретная эстетика». — Истинная среда изящнаго и ея независимость. — Художество внѣ времени, мѣста и почвы. — Казенная классификація русскихъ поэтовъ. — «Передагатели пауперизма». — «Нигилисты, эпиграмматисты и пасквилисты». — Язва «протеста». — Вѣроятные результаты казенной теоріи «чистаго искусства». — Нарушеніе равновѣсія въ обществѣ и въ правительствѣ. — Періодъ 1865—1868 г. г. въ Россіи и 1852—1867 г. г. во Франціи. — Копированіе наполеоновской системы. — Положительные результаты закона 6-го апрѣля 1865 г. — Судебная практика по дѣламъ печати. — Особое положеніе прокурорскаго надзора. — Волокита этого рода дѣлъ. — Послѣдующія ограничительныя законоположенія. — *Modus vivendi*. — Реакція 1872 г. — «Уставъ вольнаго союза пѣнокосимателей» Салтыкова-Щедрина. — Статистика взысканій по печати за время съ 1865 по 1880 г. — Причины развитія системы административныхъ взысканій. — Польза и опасность цензуры. — Нетерпимость и сквернословіе. — Ихъ общая почва — невѣжество. — Задачи просвѣщенной цензуры.

I.

ВЪ ЖУРНАЛѢ Тиблена «Современное Обзорѣніе» на 1868 г. была помѣщена статейка подъ заглавіемъ «Старички».

Въ ней анонимный авторъ трунилъ надъ первымъ выпускомъ «Бесѣдъ въ обществѣ любителей російской словесности при императорскомъ Московскомъ университетѣ». На засѣданіяхъ общества собирались ветхіе остатки Арзамаса, члены, какъ кн. Вяземскій и О. Н. Глинка, вступившіе

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XC, стр. 575.

въ среду «любителей» съ 1816 года, или какъ Лажечниковъ съ 1819 г., и т. д. Молодой журналъ трунить надъ старенькими словесниками «золотого вѣка» поэзіи и называетъ ихъ зубрами литературной Бѣловѣжской пушчи.

Въ концѣ статейки, молодой «шестидесятникъ» не утерпѣлъ, чтобы не задѣть и главу школы «сороковыхъ годовъ». На сцену внезапно выѣзжаетъ каминъ, у котораго въ картинной позѣ стоитъ самъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, «скрестивъ ненужныя руки на бесполезной груди» (фраза изъ «Довольно»), какъ его изобразили тогда въ какомъ-то нѣмецкомъ иллюстрированномъ журналѣ.

Въ первый періодъ эпохи великихъ реформъ съ 1855 по 1862 г. мы видимъ писателей сороковыхъ годовъ во главѣ движенія и на верху успѣха и популярности. Для Тургенева триумфомъ былъ выходъ «Дворянскаго гнѣзда» (1859 г.), но и «Наканунъ» (1860 г.) встрѣчено было съ громаднымъ сочувствіемъ. Съ появленія «Отцовъ и дѣтей» въ 1862 г. популярность Тургенева пошатнулась и стала быстро падать. Но за нимъ подвергались прямо гоненію Писемскій, Гончаровъ, большое нерасположеніе заслужилъ даже Достоевскій. Однимъ словомъ, въ періодъ съ 1862 по 1868 г., всѣ первыя силы нашей литературы утратили популярность и передовое значеніе свое въ обществѣ и у молодежи.

Этотъ расколъ глубоко проникъ русское общество. Всѣ благо-разумные, умѣренные элементы его потеряли кредитъ, были скомпрометированы почислены «отсталыми». Все же крайнее, радикально-разнузданное, лишенное «задерживательныхъ центровъ», возобладало, стало у руля общественнаго мнѣнія. Въ этомъ глубокая разница двухъ періодовъ эпохи великихъ реформъ: перваго съ 1855 по 1862 г. и втораго съ 1862 по 1868 г. Нарушилось равновѣсіе. Крайніе восторжествовали, и, конечно, если среди молодежи руководителями явились крайніе нигилизма, то въ правительственныхъ сферахъ возобладали крайніе ретроградства. Все «умѣренное», все благоразумное утратило кредитъ. Чему приписать это явленіе?

Мы рѣшительно объясняемъ его цензурнымъ терроромъ, который перенесла русская литература въ правленіе министра Валуева.

Тургеневъ, Писемскій, Гончаровъ, Достоевскій, Герценъ, Майковъ, Фетъ, гр. Алексѣй Толстой и прочіе художники и первые умы почислены были за штатомъ, имена ихъ стали произноситься съ усмѣшкой, вмѣстѣ съ тѣмъ началось гоненіе на художественность вообще, на искусство, провозглашалось отреченіе отъ Пушкина, Рафаэля, Бетховена, Шекспира, даже Гете презрительно именовали «тайнымъ совѣтникомъ». Распространились «краткія формулы» нигилизма, которыми выпаливали передовые «новые люди» и «развиватели»: «любовь исчерпывается половымъ влеченіемъ»; «жертва есть сапоги въ смятку»; «фотографія выше искус-

ства»; «нравственно все, что естественно»; «человѣкъ есть животное»; «брюхо — центръ міра» и т. д., и т. д. На эти «формулы» указываетъ Н. К. Михайловскій въ статьѣ «Идолопоклонство и реализмъ» (1869 г.). Въ области политическихъ мнѣній тоже обладали «краткія формулы», въ родѣ—«цѣль оправдываетъ средства», «десять тысячъ головъ во благо человѣчества» и т. д.

Равномѣрно, люди сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ выражали недовѣріе къ «шестидесятникамъ».

Всякій безпристрастный изслѣдователь, историкъ эпохи шестидесятихъ годовъ, непремѣнно будетъ пораженъ этимъ фактомъ: рѣзко отрицательнымъ отношеніемъ къ этому времени (именно съ 1862 г.) положительно всѣхъ тогда жившихъ великихъ художниковъ и умовъ нашихъ, выразившимся въ цѣломъ рядѣ произведеній, гдѣ «новые люди» и ихъ понятія, вкусы, стремленія, положительно высмѣиваются достаточно зло и безповоротно рѣзко.

Эти писатели школы сороковыхъ годовъ—Писемскій, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, гр. Левъ Ник. Толстой, Герценъ, наконецъ Щедринъ-Салтыковъ въ сатирахъ, имъ въ это время написанныхъ, Хвощинская (Крестовскій). Мы не считаемъ молодыхъ, тогда выступавшихъ писателей — Лѣскова, Клюшниковъ, Авенариуса, Всеволода Крестовскаго, Кушчевскаго (злая, подъ видомъ добродушія, сатира на 60-е годы: «Николай Негоревъ, или благополучный россиянинъ», хотя и появившаяся въ «Отечественныхъ Запискахъ») и т. д. Въ 1862 г. явились «Отцы и дѣти»; въ 1863 г. — «Взбаламученное море»; въ 1864 г.—«Марево» и драма Полонскаго «Разладъ»; въ 1865 г.—«Некуда»; въ 1867 г.—«Дымъ»; въ 1868 г.—«Обрывъ»; въ 1870 г.—«На ножахъ»; въ 1871 г.—«Бѣсы»; въ 1876 г.—«Новь». Все это сатиры на 60-е годы. Мнѣніе Герцена о «шестидесятникахъ» появилось въ посмертномъ XI томѣ его сочиненій (1870 г.).

Какъ же объяснить тотъ фактъ, что такіе умы, какъ Тургеневъ и Достоевскій, Герценъ и Писемскій, такъ безпощадно рѣзко отнеслись къ «шестидесятникамъ»?

Безпристрастный изслѣдователь, конечно, не удовлетворится приѣмомъ, примѣненнымъ г. Скабичевскимъ въ его «Исторіи».

Тотъ вышелъ изъ затрудненія весьма просто. Тургеневъ, «усвоивъ обстоятельно гегелевскую философію», «не успѣлъ въ послѣдствіи усвоить новое положительное міросозерцаніе», то же было и съ Гончаровымъ. Что касается Достоевскаго, то по идейному содержанию его литературная дѣятельность раздѣляется на два «періода, «какъ и у большинства беллетристовъ сороковыхъ годовъ»: періодъ прогрессивный до половины шестидесятихъ годовъ, а затѣмъ до конца жизни (sic!)—агрессивный и реакціонный».

Наконецъ Писемскій тоже «опростоволосился», употребляя любимое выраженіе Писарева.

«Нельзя сказать,—признаетъ на 198 страницѣ четвертаго изданія своей «Исторіи» г. Скабичевскій,—чтобы Писемскій въ романѣ своемъ («Взбаламученное море») умышленно или по незнанію искажалъ дѣйствительность», но «въ политическомъ отношеніи» романъ Писемскаго «былъ въ неизмѣримой степени вреднѣе для друзей русскаго прогресса, чѣмъ если бы Писемскій наггалъ въ немъ съ три короба»... Романъ «тѣмъ ужасенъ, что обнаруживалъ дѣйствительныя язвы, какія коренились въ движеніи».

Вообще г. Скабичевскій признаетъ, что школа беллетристовъ сороковыхъ годовъ «представляетъ цѣлую плеяду могучихъ талантовъ, обогатившихъ русскую литературу несмѣтнымъ количествомъ первостепенныхъ произведеній, и безспорно является замѣчательнѣйшимъ явленіемъ (является явленіемъ... гм!) не только въ русской жизни, но и въ обще-европейской»; «нѣтъ ничего удивительнаго, по мнѣнію г. Скабичевского, что Европа въ настоящее время взапуски переводитъ на всѣ свои языки произведенія этой школы, и чѣмъ болѣе ихъ переводитъ, тѣмъ болѣе удивляется ихъ совершенству, проникается ихъ идейнымъ содержаніемъ, подражаетъ имъ, и вообще ставитъ ихъ въ ряду высшихъ проявленій европейскаго искусства».

Но при всемъ томъ «преобладаніе въ беллетристахъ сороковыхъ годовъ скептическаго анализа и отрицательнаго отношенія къ жизни повело къ тому, что въ шестидесятые годы, когда наступила эпоха новыхъ людей, новыхъ идей и идеаловъ, когда восторженные послѣдователи этого движенія ожидали отъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ, что они не замедлятъ стать во главѣ его, облечутъ въ величественные и блестящіе образы новые идеалы, беллетристы обманули общія ожиданія».

«Молодежь» шестидесятыхъ годовъ «не узнала себя» въ изображеніяхъ нашихъ великихъ художниковъ.

«Всѣ они,—добродушно прибавляетъ г. Скабичевскій,—были вслѣдствіе этого обвинены въ измѣнѣ, ренегатствѣ, но это совершенно неправильно и напрасно»—беллетристы сороковыхъ годовъ «заслуживаютъ снисхожденія». Надо думать, не рассмотрѣли старики, что такое передъ ними, привыкли относиться къ явленіямъ жизни въ крѣпостную эпоху съ «скептическимъ отрицаніемъ», да къ тому же гдѣ имъ было понять «новые идеалы», «новыя идеи» и «новыхъ людей», когда они испортили свои умственныя способности Гегелемъ. Европѣ въ этомъ дѣлѣ не разобраться. Это дѣло домашнее. Но такъ какъ Тургеневы и Достоевскіе «обманули общія ожиданія», не «облечли въ величественные и блестящіе образы» новыхъ людей, то за это и взялась другая «школа». Эта другая школа въ Европѣ не прогремѣла, правда, зато удостоилась аттестациі въ полной «направленской» благонадежности въ «исторіи».

А на дѣлѣ произошло нѣчто высоко комическое. Эти «новые люди», эти «шестидесятники» уподобились господамъ, идущимъ снимать свои портреты къ великому художнику. Тотъ рисуетъ человѣка, какъ онъ есть. «Натура» подходит затѣмъ къ мольберту и преисполняется глубокаго изумленія: «Помилуйте, что же это такое? Брюшко, узенькіе глазки, обыкновеннѣйшее выраженіе лица, носъ изрядно курносъ, волосы въ родѣ мочалы... Да развѣ это «мы»? Развѣ это я? Гдѣ же ростъ, молодецкіе мускулы, очи соколиныя, брови соболиныя? Что это такое?! Объясните-съ».

— Это?—спокойно отвѣчаетъ художникъ,—это художественный реализмъ.

— Нѣтъ-съ, это измѣна... Тѣмъ вреднѣе вашъ портретъ въ политическомъ отношеніи, что онъ вѣренъ и художественъ. Вы компрометируете движеніе! Вы подрываете авторитетъ идеи! Вы—ре-негаѣтъ.

И «натура» уходитъ, хлопая дверью, и идетъ къ «своему» художнику, который и «богомазъ», и вывѣски писывалъ. Этотъ знаетъ, какъ «потрафить». Въ лицо суетъ «Марса» или «Юпитера», подъ руку кладетъ книгу съ крупной надписью на корешкѣ:

«Всегда стоялъ за правду» и т. д.

— Вотъ это «нашъ»! Этотъ «пребылъ вѣрнымъ» направленію! Этотъ облекъ «въ величественные и блестящіе образы» новыхъ людей новаго движенія.

Казалось бы, беллетристы сороковыхъ годовъ, давшіе «аннибалову клятву» бороться до конца съ крѣпостнымъ строемъ, стояли за тѣ самые идеалы и идеи, которые воплотились въ жизни, въ дѣлѣ, въ учрежденіяхъ 19-го февраля и послѣдующихъ реформахъ. Эти идеи облеклись плотью и кровью, перешли въ то состояніе, о которомъ говоритъ извѣстное четверостишіе:

Нашъ высокій порывъ,
Нашу честную рѣчь
Надо въ кровь претворить,
Надо плотью облечь!

Слово стало фактомъ, стало дѣломъ, стало учрежденіемъ. Эти идеи, по выраженію извѣстнаго французскаго философа Альфреда Фулье, стали «идеями—силами», *idées-forces*, творческими началами русской жизни, общественной, народной.

Эти великія идеи—крестьяпскій надѣлъ, освобожденіе двадцати двухъ милліоновъ съ землей, пониманіе, что земля — основа народной свободы, экономической независимости, политической самостоятельности, и что не можетъ существовать большаго бѣдствія, какъ народное обезземеленье.

Эти великія идеи—начало свободы духовныхъ проявленій народа, его совѣсти, его слова, принципъ гласности въ судебныхъ и

другихъ установленіяхъ, право громкому, смѣлому голосу правды безопасно разноситься по Русской землѣ, а не только благонамѣренной фистулѣ льстить и поддакивать; широкая терпимость.

Эти великія идеи—воскресшее, древнее начало мѣстнаго самоуправления, какъ обязанности каждаго гражданина не замыкаться въ эгоистической отчужденности отъ общественнаго блага и дѣла, но полагать въ нихъ свой личный интересъ и гордость.

Эти великія идеи—гуманность, уваженіе къ чужой личности, къ человѣческому достоинству, на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, гуманность, изгнавшая жестокія наказанія изъ семьи, школы, казармы.

Эти великія идеи—равноправность женщины, признаніе ея права на просвѣщеніе, знаніе, образованіе, трудъ, общественное служеніе. Идеямъ этимъ и «пребыли вѣрными» до конца своихъ дней писатели школы сороковыхъ годовъ. Казалось бы, эти идеи, воплощенные въ реформмахъ, выработанныя еще Бѣлинскимъ, Грановскимъ, Станкевичемъ, и составляютъ истинное, великое «наслѣдіе» наше. Но нѣтъ! Оказывается, что въ шестидесятые годы явились еще какіе-то «новые идеалы», «новыя идеи», носителями которыхъ были совѣмъ «новые люди», юные «шестидесятники». Ихъ-то и не признали Тургеневъ, Достоевскій, Герценъ. Напротивъ, рѣшительно заклеили ихъ безпощаднымъ сарказмомъ. Употребляя выраженіе Штруввельпетера, они самымъ безцеремоннымъ образомъ заявили: «Я не ѣмъ этой похлебки. Нѣтъ! Я не ѣмъ этой похлебки»... И, какъ благодушно свидѣтельствуеетъ г. Скабичевскій, «всѣ они были вслѣдствіе этого обвинены въ измѣнѣ, ренегатствѣ»...

«Люди, говорящіе свысока и съ пренебреженіемъ о Шекспирѣ и Пушкинѣ».

Такъ опредѣляетъ Герценъ «новыхъ людей» нижняго, темнаго теченія шестидесятыхъ годовъ, истоки котораго шли не отъ прошлаго русской культуры, не имѣли корней ни въ Бѣлинскомъ, ни въ Станкевичѣ, ни въ Веневитиновѣ, ни въ Радищевѣ, ни въ Новиковѣ, а въ тѣхъ родныхъ, безкультурныхъ «черноземахъ» утверждались, для которыхъ Герценъ требовалъ много, много «дренажа»...

«Отреченіе отъ Пушкина»—вотъ «краткая формула» этого грубаго и безкультурнаго движенія. Въ «отреченіи отъ Пушкина» скрыты всѣ другія «отреченія» отъ красоты въ жизни, въ отношеніяхъ между людьми, въ искусствѣ, отъ спекулятивной «безполезной» мысли, отъ рыцарскаго отношенія къ женщинѣ, отъ самообузданія и альтруизма, отъ мистическихъ настроеній и національнаго чувства. Въ этомъ отреченіи—стремленіе весь міръ остричь «подъ гребенку», обнажить во всемъ плоское дно, все привести къ игрушечному матеріализму, хлыщеватому нигилизму и грязноватому утилитаризму.

II.

Цензурный терроръ періода съ 1862 г. по 1868 г. нарушилъ равновѣсіе русскаго общества и литературы. Онъ далъ перевѣсъ всѣмъ крайнимъ элементамъ литературы и общества и подорвалъ авторитетъ благоразумныхъ и уравновѣшенныхъ писателей, не хотѣвшихъ антагонизма съ правительствомъ. Въ частности, этотъ терроръ подорвалъ значеніе эстетической критики и чистаго искусства, въ протестѣ противъ которыхъ стали видѣть нѣчто политическое. Искусство было отождествлено съ «застоемъ», художники съ отсталыми ретроgrадами.

«Отчего у насъ лирики плодятся, какъ дождевые грибы?—спрашивалъ Писаревъ.—Да просто оттого, что журналисты привыкли наполнять стихами тѣ бѣлыя страницы или, выражаясь типографскимъ языкомъ, бѣлыя полосы, которыя случайно остаются между отдѣльными статьями. И до сихъ поръ не могутъ сообразить почтенные журналисты, что бѣлая полоса гораздо лучше лирическаго стихотворенія, во-первыхъ, потому, что читатель не тратитъ на бѣлую полосу ни одной минуты времени, во-вторыхъ, потому, что редація за бѣлую полосу не платитъ ни копейки денегъ, въ-третьихъ, потому, что существованіе бѣлыхъ полосъ не поощряетъ ни одной отрасли предосудительнаго тунеядства. Къ крайнему моему огорченію, даже «Русское Слово» не возвысилось еще до пониманія этихъ высокихъ и мудрыхъ истинъ»¹⁾.

Писаревъ выставляетъ три предмета своей ненависти: «во-первыхъ—наше общее невѣжество, во-вторыхъ—поззія и эстетика, въ-третьихъ—ученое фразерство нашихъ добродѣтельныхъ и недобродѣтельныхъ Маколеевъ».

Очевидно, дѣло тутъ не въ однихъ журнальныхъ «стишкахъ». Подъ «эстетикой» Писаревъ подразумѣваетъ нѣчто совсѣмъ особенное. «Читатель подумаетъ, вѣроятно, что эстетика—мой кошмаръ, и читатель въ этомъ случаѣ не ошибется. Эстетика и реализмъ дѣйствительно находятся въ непримиримой враждѣ между собою, и реализмъ долженъ радикально истребить эстетику, которая въ настоящее время отравляетъ и обезсмываетъ всѣ отрасли нашей дѣятельности, начиная отъ высшихъ сферъ научнаго труда и кончая самыми обыкновенными отношеніями между мужчиной и женщиной... Эстетика есть самый прочный элементъ умственнаго застоя и самый надежный врагъ разумаго прогресса». «Эстетика, безотчетность, рутинна, привычка—это все совершенно равносильныя понятія. Реализмъ, сознательность, анализъ, критика, и умственный прогрессъ — это также равносильныя понятія, диаметрально противоположныя первымъ».

¹⁾ Соч. Писарева, т. IV-й, Спб., 1894 г., стр. 108.

Спрашивается, какъ, однако, отождествить Гете, Бетховена, Рафаэля, Канову съ «рутиной»? «Вкусы человѣческіе, объясняютъ Писаревъ, безконечно разнообразны: одному желательно выпить передъ обѣдомъ рюмку очищенной водки, другому — выкурить послѣ обѣда трубку махорки; третьему — побаловаться вечеромъ на скрипкѣ или на флейтѣ; четвертому — прійти въ восторгъ и ужасъ отъ взвизгиванія Ольриджа въ роли Отелло. Ну, и безподобно. Пускай утѣшаются... «Общество любителей псовой охоты», «общество театраловъ», «общество любителей слоеныхъ пирожковъ», «общество любителей музыки»... великій Бетховенъ, великій Рафаэль, великій Канова, великій шахматный игрокъ Морфи, великій поваръ Дюссо, великій маркеръ Тюря. Мы можемъ только радоваться этому обилію человѣческой гениальности и осторожно проходить мимо всѣхъ этихъ «обществъ любителей», тщательно скрывая улыбку... Впрочемъ, отрицать совершенно практическую пользу живописи мы, конечно, не рѣшимся. Черченіе плановъ необходимо для архитектуры; почти во всѣхъ сочиненіяхъ по естественнымъ наукамъ требуются рисунки. Даровитый и образованный художникъ можетъ своимъ карандашемъ помогать натуралисту въ распространеніи полезныхъ знаній. Но, вѣдь, ни Рембрантъ, ни Тиціанъ, — съ обезоруживающимъ простодушіемъ продолжаетъ свои «съ ногъ сшибательныя» разсужденія благосвѣтловскій критикъ, — не стали бы рисовать картинки для популярнаго сочиненія по зоологии или по ботаникѣ. А ужъ какимъ образомъ Моцартъ, и Фанни Эльслеръ, Тальма и Рубини ухитрились бы пристроить свои великія дарованія къ какому нибудь разумному дѣлу, этого я даже и представить себѣ не умѣю».

Не въ томъ вопросъ: какъ могъ Писаревъ писать подобный мальчишескій вздоръ?

Вопросъ въ томъ, какъ этотъ вздоръ могъ распространиться въ русскомъ обществѣ? Какъ могло выйти, что цѣлый рядъ поколѣній русской молодежи воспитался на этихъ дикихъ взглядахъ?

Только въ цензурныхъ условіяхъ лежитъ объясненіе этого факта.

Клеймя русскихъ лириковъ «отъявленными тунеядцами», Писаревъ рисуетъ идеалъ поэта:

«Понимая вполне глубокій смыслъ каждой пульсаціи общественной жизни, поэтъ, какъ человѣкъ страстный и впечатлительный, непремѣнно долженъ всѣми силами существа любить то, что кажется ему достойнымъ, истиннымъ и прекраснымъ, и ненавидѣть святой и великой ненавистью ту огромную массу мелкихъ и дрянныхъ глупостей, которая мѣшаетъ идеямъ истины, добра и красоты (sic!) облечься въ плоть и кровь и превратиться въ живую дѣйствительность».

«Когда поэтъ охватилъ своимъ сильнымъ умомъ весь великій смыслъ человѣческой жизни, человѣческой борьбы и человѣческаго

горя, когда онъ вдумался въ причины, когда онъ уловилъ крѣпкую связь между отдѣльными явленіями, когда онъ понялъ, что надо и что можно сдѣлать, въ какомъ направленіи и какими пружинами слѣдуетъ дѣйствовать на умы читающихъ людей, тогда бессознательное и безцѣльное творчество для него безусловно невозможно. Общая цѣль его жизни и дѣятельности не даетъ ему ни минуты покоя; эта цѣль манитъ и тянетъ его къ себѣ; онъ счастливъ, когда видитъ ее передъ собой яснѣе и какъ будто ближе; онъ приходитъ въ восхищеніе, когда видитъ, что другіе люди понимаютъ его пожирающую страсть и сами съ трепетомъ томительной надежды смотрятъ въ даль, на ту же великую цѣль; онъ страдаетъ и злится, когда цѣль исчезаетъ въ туманѣ человѣческихъ глупостей, и когда окружающіе его люди бродятъ ощупью, сбивая другъ друга съ прямого пути».

«И вы, господа эстетики, хотите, чтобы такой человѣкъ, принимаясь за перо, превращался въ болтливаго младенца, который самъ не вѣдаетъ, что и зачѣмъ лепечуть его розовыя губы! Вы хотите, чтобы онъ безцѣльно тѣшилъ нестрыми картинками своей фантазіи именно въ тѣ великія и священныя минуты, когда его могучій умъ, развертываясь въ процессъ творчества, льетъ въ умы простыхъ и темныхъ людей цѣлые потоки свѣта и теплоты! Ни когда этого не бываетъ и быть не можетъ».

«Кто понялъ и почувствовалъ до самой глубины взволнованной души различіе между истиной и заблужденіемъ, тотъ, волей и неволей, въ каждое изъ своихъ созданій будетъ вкладывать идеи, чувства и стремленія вѣчной борьбы за правду».

«Поэтъ—или великій боецъ мысли, безстрашный и безукоризненный рыцарь духа (sic!), или ничтожный паразитъ, потѣшающій другихъ ничтожныхъ паразитовъ мелкими фокусами бесплоднаго фиглярства. Середины нѣтъ. Поэтъ—или титанъ, потрясающій горы вѣкового зла, или же козявка, копающаяся въ цвѣточной пыли».

Вотъ одна изъ благороднѣйшихъ и прекраснѣйшихъ страницъ въ русской критикѣ, которая показываетъ, какой силы мы лишились въ юношѣ—Писаревъ! Но эта страница находится въ полномъ противорѣчьи съ тѣмъ мертвеннымъ «реализмомъ», который проповѣдуетъ тотъ же Писаревъ.

III.

Достаточно вспомнить «Пророковъ» Пушкина и Лермонтова, чтобы убѣдиться, что они именно такъ и понимали призваніе поэта. Кто же въ русской литературѣ довольствовался ролью «козявки, копающейся въ цвѣточной пыли»? Кто почиталъ «бессознательность творчества» правомъ на невѣжество? Жажда знанія была

присуща всѣмъ великимъ русскимъ писателямъ. Развѣ Гоголь не такъ же понималъ призваніе писателя и не пытался «потрясти горы вѣковѣчнаго зла»? Что говоримъ! Онъ и потрясъ ихъ, хотя бы своимъ «Ревизоромъ».

Но дѣйствительно были и такія условія въ русской литературѣ, которыя пытались обезплодить, оскопить ее, превратить русскихъ писателей дѣйствительно въ «козявокъ, копающихся въ цвѣточной пыли». Это—легкомысліе и пустота читателей и цензурный терроръ.

Въ 1865 году, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ въ Петербургѣ была издана «секретная» книга подъ заглавіемъ: «Собраніе матеріаловъ о направленіи различныхъ отраслей русской словесности за послѣднее десятилѣтіе и отечественной журналистики за 1863 и 1864 гг.». Изъ этой книги видно, что въ цѣляхъ цензуры 1862—1868 гг. было насажденіе той самой «эстетики», которую разрушалъ Писаревъ, и превращеніе писателей въ «козявокъ, копающихся въ цвѣточной пыли». Поборникъ «чистаго искусства» изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, «секретно» разсмотрѣвъ «всю совокупность важнѣйшихъ явленій въ области русской литературы съ 1854 по 1864 годъ», убѣдился, что «общій уровень внутренняго достоинства и независимаго положенія нашей литературы значительно понизился».

«Оставляя путь свободнаго развитія, литература наша значительно уклонилась въ несвойственную ей среду односторонняго служенія временнымъ политическимъ, гражданскимъ и общественнымъ вопросамъ». Послѣдствія—«плохо скрытая тенденціозность», «скудость творческой дѣятельности», «повсемѣстное почти отсутствіе художественности».

«Въ минувшее время, — утверждаетъ «секретный» эстетикъ, — наша литература развивалась самостоятельно и согласно высшимъ законамъ эстетики». «Тѣсный кругъ дѣятельности, доступный въ прежнее время у насъ общественной инициативѣ, и болѣе сложный объемъ цензурныхъ требованій не препятствовали (sic!), однако, нашей литературѣ блистать такими именами, какъ Гоголь, Лермонтовъ и Кольцовъ, и при томъ достовѣрно (sic!) извѣстно, что свобода творчества этихъ художниковъ не встрѣчала для себя стѣсненія (sic!), потому что ими почти ничего не было даже и написано такого, чтобы запрещено было печатать (а «Демонъ»?). Такъ истинная среда изящнаго можетъ развиваться совершенно свободно помимо преходящихъ явленій жизни».

Хотя и опровергаемая фактами, но чрезвычайно удобная теорія! «Истинную среду изящнаго» не могутъ затронуть «преходящія явленія жизни». Цензурный терроръ принадлежитъ къ области «преходящихъ явленій жизни». Ergo, цензурный терроръ не можетъ коснуться «истинной среды изящнаго». А если чего коснется,

то значить и не «изящное». Великъ ли, однако, діаметръ этой «среды»? Почти равенъ нулю. Это истинно среда букашекъ, копающихся въ цвѣточной пыли. Это мы увидимъ дальше!

«Уклоненіе» литературы «имѣло самое вредное вліяніе на вкусъ читающей публики и даже на общественную нравственность».

«Небольшой кружокъ литературныхъ дѣятелей пріобрѣлъ въ глазахъ близорукой массы авторитетъ», «увлекъ многихъ не опытныхъ, но талантливыхъ писателей на ложный путь, развилъ въ публикѣ стремленіе искать въ изящныхъ произведеніяхъ слова заднюю мысль оппозиціи, обличенія и намека, и низвелъ большую часть новѣйшихъ явленій нашей литературы на степень фельетона, куплета, эпиграммы, карикатуры и даже пасквиля. Съ другой стороны тѣ же самыя стремленія выразились значительнымъ количествомъ произведеній въ духѣ матеріализма, социализма и разныхъ утопій, разлагающихъ семейный союзъ и нравственность».

Итакъ, привычка во всемъ искать «заднюю мысль», развитая въ читателяхъ, именно благодаря цензурному террору, приписана какому-то «кружку».

Установивъ общій взглядъ, секретный эстетикъ подвергаетъ затѣмъ «разсмотрѣнію» лирическую поэзію.

Онъ указываетъ, что «ободряемая такимъ авторитетомъ по части критики, каковъ былъ, на примѣръ, Добролюбовъ, поощряемая воззрѣніями «Русскаго Слова», лирика наша въ сильной степени обратилась къ рефлексіи, къ куплету, къ эпиграммѣ и наконецъ къ пасквилю».

«Теперь прежнее свободное творчество поэта, по мнѣнію многихъ, есть уже анахронизмъ, и потому для современной нашей критики и для многихъ поэтовъ-гражданъ не имѣетъ смысла совѣтъ Пушкина:

Поэтъ не дорожи любовію народной!

«Не имѣетъ значенія для нихъ и голосъ великаго поэта — художника нашего, поданный имъ въ пользу независимости искусства:

«Не для житейскаго волненья,
Не для тревоги (sic), не для битвъ, —
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ не молитвъ (sic)».

«Не болѣе цѣны для нихъ имѣетъ и авторитетъ Гете, который сказалъ:

«Ich singe wie der Vogel singt...».

Секретный эстетикъ жестоко въ двухъ мѣстахъ перевралъ четверостишіе Пушкина и совсѣмъ забылъ, что Пушкинъ любилъ и писалъ эпиграммы.

Затѣмъ дается въ высокой степени курьезная классификація русскихъ поэтовъ:

I. Поэты, слѣдовавшіе теоріи свободнаго искусства: Тютчевъ, Фетъ, Майковъ, Щербина, Полонскій, Мей, графъ А. Толстой, кн. Вяземскій, Бергъ, Алмазовъ, гр. Растопчина, Ю. Жадовская, К. Павлова.

II. Поэты, развивавшіе сперва туманные приемы (?) нѣмецкаго романтизма, а потомъ усвоившіе себѣ теоріи французскаго социализма: Огаревъ, Григорьевъ (?), Плещеевъ.

III. Поэты, предметомъ пѣснопѣній которыхъ суть по преимуществу народъ и разные общественные вопросы:

1) Славянофилы: Хомяковъ, И. Аксаковъ, К. Аксаковъ; украиннофилъ — Шевченко.

2) Отрицатели и обличители, возникшіе съ преобразовательной дѣятельностью нынѣшняго царствованія: Розенгеймъ, Бенедиктовъ.

3) Перелагатели (?) социализма и пауперизма (?) на русскіе нравы (?): Некрасовъ, Никитинъ, Курочкинъ, Вс. Крестовскій, В. Костомаровъ, М. Михайловъ.

4) Нигилисты, эпиграмматисты и пасквилисты: Новый поэтъ (псевдонимъ г. Панаева), Добролюбовъ, Темный человекъ (псевдонимъ г. Минаева), Обличительный поэтъ (псевдонимъ тоже Минаева), Скорбный поэтъ (псевдонимъ Жулева) и прочіе, печатавшіе въ «Искрѣ» и въ «Запозѣ».

Итакъ, Минаевъ попалъ въ нигилисты? Разсматривая затѣмъ каждую категорію отдѣльно, «Собраніе матеріаловъ о направленіи» указываетъ «знаменательный фактъ», что къ первой категоріи принадлежатъ лирики, произведенія которыхъ отличаются «наибольшими, истинно поэтическими достоинствами». И находитъ, что «въ сущности этотъ фактъ весьма естественъ», «слѣдуя теоріи свободнаго искусства, поэтъ не насилуетъ своего творчества какимъ либо предвзятымъ направленіемъ».

Въ заключеніе «Матеріалы» находятъ, что Тютчевъ, Фетъ, Майковъ, Щербина и Полонскій такіе поэты, талантъ которыхъ «не имѣетъ въ себѣ ничего собственно русскаго». Внѣшній колоритъ и внутреннее содержаніе большей части произведеній ихъ до такой степени принадлежатъ къ области непосредственнаго художества, что, будучи переведены на иностранный языкъ, эти произведенія ничего бы не утратили.

Вторая группа лириковъ (Огаревъ, Григорьевъ и Плещеевъ)— съ направленіемъ, которое можетъ быть названо «переходомъ къ порабощенію искусства».

«Подъ двойнымъ вліяніемъ нѣмецкой идеальной философіи и социальныхъ утопій образовалось съ легкой руки г. Огарева въ нашей лирикѣ эфемерное направленіе, въ которомъ нѣмецкій романтизмъ и французскій социализмъ подали другъ другу руки во

имя протеста противъ существовавшего тогда въ Россіи нравственнаго, общественнаго и политическаго строя».

Далѣе «Матеріалы» говорятъ о славянофилахъ: «Славянофильство было въ сущности единственной формой протеста, которую возможно было уложить въ призракъ системы и безъ большихъ препятствій заявлять (??!) въ литературѣ въ прежнее время¹⁾. Выставленный на знамени славянофиловъ девизъ: православіе, самодержавіе, народность—суть понятія, до такой степени способныя измѣнять цвѣтъ и смыслъ (?), примѣняясь къ самымъ различнымъ (?) воззрѣніямъ, что, варьируя на эту тему, можно весьма удобно дѣлать набѣги на настоящее и укрываться въ глубь прошедшаго, смотря по надобности».

«Неудовлетвореніе современнымъ нашимъ строемъ могло быть весьма рѣзко и остроумно выражаемо то исканіемъ идеала въ допетровской эпохѣ, то громкимъ порицаніемъ результатовъ западной цивилизаціи (которая была нами усвоена), то приданіемъ всякихъ похвальныхъ свойствъ быту простого народа въ противоположность «отщепенству» высшихъ слоевъ общества, и все это, въ сущности отрицательное направленіе принимало въ глазахъ правительства маску положительности, прикрываясь девизомъ «православіе, самодержавіе, народность»,—слова, которыя славянофилы понимали по-своему, а офиціальная среда — по-своему (?). Такимъ образомъ, если такъ называемые «западники» усвоили себѣ искусство писать между строкъ, то славянофилы пріобрѣли еще болѣе умѣніе выражаться иносказательно». Однимъ словомъ, славянофильство со всѣми «оттѣнками панславизма» является «самой удобной формой протеста», и, «сверхъ того, оно есть самая тонкая форма агитаціи и пропаганды», «по наружности же славянофильство всегда относилось къ преобладающей власти покорно», но «можно утвердительно сказать, что конечная цѣль видовъ правительства и славянофильства не имѣетъ ничего между собою сходнаго».

«Такова неискренность славянофильства». «Многіе, поясняютъ «Матеріалы», смотрятъ на славянофильство ошибочно, но, не видя въ немъ протеста и неискренности, относятся къ нему съ терпимостью».

«Всѣ черты и цѣли славянофильства выражаются и въ лирическихъ произведеніяхъ славянофиловъ-поэтовъ (Аксаковы и Хомяковъ)»...

Какія же это «черты» въ стихахъ Хомякова? Протестъ и неискренность. Какія цѣли? Не имѣющія ничего сходнаго съ конечной цѣлью видовъ правительства.

¹⁾ Известно, что до кончины Николая I-го славянофилы не имѣли права ничего писать и состояли подъ явнымъ полицейскимъ надзоромъ.

Далѣе «Собраніе матеріаловъ о направленіи» указываетъ, что русская лирика «стала также чаще и чаще проникаться тяжелой атмосферой крестьянскаго быта и воспѣвать лохмотья и язвы нищеты». Это и значить, молъ, «перелагать пауперизмъ и социализмъ на русскіе нравы»... «Ясно, что такое направленіе, подхваченное довольно горячо нашей наукой, литературой и искусствомъ, было не что иное, какъ протестъ».

Таковъ Некрасовъ — онъ «перелагатель пауперизма».

Кстати замѣтить, что очевидно составитель записки плохо понималъ, что такое «пауперизмъ» и думалъ, что это особое вредное ученіе, которое можно «преложить»... На произведеніяхъ Некрасова было «всегда видно, какъ вредно отражается въ лирикѣ подчиненіе ея мѣсту, времени и средѣ, въ которыхъ поэтъ родился».

Наконецъ, изъ «пасквилистовъ» «пока одинъ только Добролюбовъ можетъ быть названъ представителемъ нигилизма въ нашей критикѣ». Въ доказательство приведено стихотвореніе:

Пускай умру — печали мало...

Мы видимъ, что курсъ эстетики 1865 года, составленный «секретнымъ» критикомъ, весьма своеобразенъ; «независимое положеніе литературы», «путь свободнаго развитія», «истинная среда изящнаго», «свободное творчество», «независимость искусства», «теорія свободнаго искусства», — всѣ эти понятія принимаютъ здѣсь совсѣмъ особый смыслъ.

Это «чистое искусство» должно быть свободно отъ подчиненія «мѣсту, времени и средѣ», затѣмъ не должно имѣть въ себѣ «ничего собственно русскаго», не касаться никакихъ «преходящихъ явленій» жизни и до того принадлежать «къ области непосредственнаго художества», чтобы произведенія его при переводѣ ничего не утрачивали.

«Секретная» эстетика совершенно правильно заключаетъ, что такого искусства не затронетъ никакая цензура.

IV.

Цензора Никитенко и Фуксъ свидѣтельствуютъ, что всякое, даже конфиденціальнѣйшее распоряженіе по цензурѣ мгновенно становилось извѣстно во всѣхъ редакціяхъ.

Спрашивается, какое впечатлѣніе произвело въ 1865 году «Собраніе матеріаловъ о направленіи литературы» въ редакціяхъ хотя бы «Русскаго Вѣстника» и «Русскаго Слова»?

Сторонники искусства и художественности, представители эстетической критики, поэты и беллетристы школы сороковыхъ годовъ, конечно, не могли быть солидарны съ теоріей «Матеріаловъ». Ихъ

«эстетика», ихъ идея «чистаго искусства» не имѣла ничего общаго съ кастрированіемъ Пегаса, которое произвелъ коноваль изъ вѣдомства внутреннихъ дѣлъ. Искусство внѣ времени и пространства имѣло ли что общее съ поэзіей Майкова? Юноша, воспитанный на поэзіи Майкова, конечно, не остался бы чуждымъ какихъ либо освободительныхъ и гуманныхъ стремленій вѣка.

Что касается «Русскаго Слова», то здѣсь «Матеріалы» подтверждали мнѣніе Писарева, что «эстетика» и «застой» — тождественны. Они компрометировали теорію чистаго искусства и художниковъ, способствуя путаницѣ понятій. «Видите,—сказалъ, конечно, Благосвѣтловъ,—Фетъ, Майковъ, Полонскій взяты цензурой подъ ея покровительство, за полную ихъ безвредность!»

Что произошло относительно лирики и теоріи искусства, случилось и со всѣми другими областями творчества и мысли. «Чистое искусство» было скомпрометировано въ глазахъ молодежи и всего общества цензурнымъ покровительствомъ, «тенденціозное искусство» приобрѣло заманчивость запретнаго плода и авторитетъ гонимости, благодаря цензурному надзору. вмѣстѣ съ тѣмъ, все крайнее, «шаршавые ультра», какъ выражался Герценъ, разнузданная нигилистичность и въ сущности люди мало культурные, невѣжественные, съ варварскими аппетитами и вкусами и безъ ума въ головѣ, приобрѣли авторитетъ у молодежи и общества. Все же просвѣщенно-культурное и потому уравновѣшенное, умѣренное, прогрессивное не въ смыслѣ разрушенія, а въ смыслѣ созиданія, люди громаднаго таланта и широко развитаго ума, вмѣстѣ съ художествомъ, отвлеченной мыслью, религіозно-патріотическими настроеніями, потеряли всякій кредитъ у молодежи и молодой части общества. Равновѣсіе было нарушено цензурными требованіями, и во главѣ общества и молодежи стали вожди слѣпые, прямо поведшіе его въ грязный ровъ нигилистическаго варварства и даже подпольныхъ преступленій. Общество въ первый періодъ эпохи реформъ (1855 — 1862) шло объ руку съ правительствомъ, во второй періодъ (1862 — 1868) выросло средостѣніе, которое окончательно утвердилось въ третій, послѣдній періодъ реформъ (1868 — 1875).

Разъ нарушилось равновѣсіе въ обществѣ, нарушилось и равновѣсіе въ правящихъ сферахъ. И здѣсь возобладали и стали во главѣ «крайніе». Это были люди непонимавшіе мудрое правило Ришелье: «pas trop de zèle!» — и, наоборотъ, стоявшіе за прин-

*

ципъ Красовскаго: «усердіе все преодолагаетъ, даже здравый смыслъ!»¹⁾).

Безпристрастный анализъ фактовъ приводитъ къ выводу, что цензура министра Валуева (1863 — 1868 гг.), нарушила равновѣсіе въ обществѣ и правящихъ сферахъ, и дала преобладаніе и тамъ, и тутъ, элементамъ крайнимъ, поставивъ въ сомнительное, неловкое, двусмысленное положеніе всѣ умѣренные элементы правительства и общества, утратившихъ передовое положеніе и руководительство, которое они занимали въ первый періодъ эпохи великихъ реформъ (1855—1862). Этому способствовало, во-первыхъ, польское повстаніе, а затѣмъ, выходъ изъ темныхъ щелей и подполій такихъ «бѣсовъ» крѣпостной Россіи, какъ Нечаевъ и Бакунинъ, и потоки ядовитаго гноя разложившейся мысли, накопленнаго цензурой восьмилѣтія съ 1848 г. по 1855 г., въ періодъ дѣятельности «негласнаго» комитета.

V.

Въ 1869 году, спустя почти пять лѣтъ со дня реформы печати въ 1865 году, «Вѣстникъ Европы» подвелъ итогъ результатамъ новой цензурной системы—«послѣдовательной». Законъ 6-го апрѣля 1865 года, измѣнившій положеніе нашей печати, имѣлъ съ самаго начала значеніе временной, переходной мѣры.

До введенія въ дѣйствіе закона 6-го апрѣля, наша литература была подчинена, вполне и безусловно, предварительной цензурѣ, усложненной во многихъ случаяхъ спеціальною цензурою отдѣльныхъ вѣдомствъ.

Необходимость реформы была признана законодательною властью. Но переходъ отъ одной системы къ другой, прямо противоположной, показался слишкомъ крутымъ, слишкомъ рѣзкимъ. Проступки печати не были подведены подъ дѣйствіе общаго закона, не были предоставлены исключительному вѣдѣнію судебной власти. Вся періодическая печать была подчинена администраціи, отъ которой зави-

¹⁾ Въ библиографическихъ матеріалахъ В. И. Межова по исторіи словесности (1872 г.) подъ № 3578 въ отдѣлѣ «Литературныхъ курьезовъ» значится: «Транспарентъ» (sic) № 5, для исправленія почерка въ русскомъ и французскомъ письмѣ. (Печатать позволяется, цензоръ Е. Елагинъ. Спб. 1855. Въ литографіи Роб. Медина). Образецъ идиотизма и нравственнаго уродства, до котораго доходила покойная цензура сороковыхъ и начала пятидесятихъ годовъ, а во главѣ ея незабвенный А. Н. Красовскій, девизомъ котораго было «усердіе все преодолагаетъ, даже и здравый смыслъ». Знаменитые анекдоты о «вольномъ духѣ» и собакахъ съ еличкою «черкесь», такъ ярко характеризующіе прежнюю цензуру, блѣднѣютъ передъ «Транспарентомъ».

ситъ разрѣшить или не разрѣшить, по своему усмотрѣнію, изданіе новыхъ журналовъ, не только освобождать или не освобождать ихъ отъ предварительной цензуры (за исключеніемъ изданій, вышедшихъ въ свѣтъ въ моментъ обнародованія закона 6-го апрѣля: освобожденіе ихъ отъ цензуры зависѣло вполне отъ усмотрѣнія издателей), но и давать имъ, если они издаются безъ цензуры, предостереженія, влекуція за собою временное или совершенное прекращеніе изданія. Духовная цензура была удержана на прежнемъ основаніи; театральная цензура также оставлена въ силѣ. Дѣйствіе закона 6-го апрѣля было ограничено С.-Петербургомъ и Москвою. Постановленія о наказаніяхъ за проступки печати, какъ первый опытъ законодательства по этой части, были набросаны въ общихъ чертахъ. Постановленія о судопроизводствѣ по дѣламъ печати, заключающіяся въ законѣ 6 апрѣля, потеряли свою силу со введеніемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. ¹⁾.

По мнѣнію «Вѣстника Европы», исторія нашей печати съ 1865 года представляется точнымъ снимкомъ съ исторіи французской печати 1852—1866 года. Это объясняется тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что законъ 6 апрѣля былъ сколкомъ съ французскаго законодательства. Система административныхъ взысканій по дѣламъ печати, созданная во Франціи послѣ государственнаго переворота 2-го декабря 1851 года, заимствованная оттуда на короткое время нѣсколькими европейскими государствами (Пруссіей, Австріей, Турціей), но въ 1869 году существовавшая только въ одной Россіи,—представляется явнымъ отступленіемъ отъ тѣхъ началъ, на которыхъ въ большей или меньшей степени основанъ государственный бытъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Въ теоріи всѣ согласны съ тѣмъ, что карательная власть должна принадлежать суду, а не администраціи; что никакое наказаніе не должно быть налагаемо безъ выслушанія оправданій обвиняемаго; что наказаніе должно падать только на виновнаго; должно имѣть по возможности личный характеръ; что извѣстное дѣйствіе наказуемо лишь тогда, когда оно запрещено уголовнымъ закономъ; что никто не можетъ быть одновременно обвинителемъ и судьей, еще менѣе—судьей въ собственномъ своемъ дѣлѣ. Система административныхъ взысканій идетъ наперекоръ всѣмъ этимъ началамъ. Вотъ почему система эта никогда и нигдѣ не была выставляема послѣднимъ словомъ законодательства по дѣламъ печати, нормальнымъ, прочнымъ регуляторомъ отношеній между правительствомъ и литературой.

«У насъ,—говоритъ «Вѣстникъ Европы»,—нѣтъ старыхъ партій, противъ которыхъ была преимущественно направлена система

---

¹⁾ «Вѣстникъ Европы», кн. IV, апрѣль 1869 г. стр., 795. «Русскіе законы о печати», К. К. Арсеньева.

административныхъ взысканій во Франціи; у насъ нѣтъ той розни между правительствомъ и народомъ, которая вызывала въ Пруссіи королевскій указъ 1-го іюня 1863 года (этотъ указъ, изданный собственно съ цѣлю обуздать оппозицію на время выборовъ, дѣйствовалъ не болѣе полугода); въ прошедшемъ нашего правительства нѣтъ того ряда неудачъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, подъ бременемъ которыхъ находилось австрійское правительство, когда прибѣгло на короткое время къ системѣ предостереженій. Систематическая вражда къ правительству, противъ которой Наполеонъ III считаетъ (1869 г.) нужнымъ имѣть наготовѣ цѣлый арсеналъ самыхъ разнообразныхъ орудій—явленіе, совершенно чуждое нашей литературѣ».

«Въ концѣ пятидесятихъ, даже въ началѣ шестидесятихъ годовъ, у насъ не было консервативныхъ журналовъ; всѣ періодическія изданія принадлежали къ оппозиціи, если разумѣть подъ этимъ желаніе реформъ, критическое отношеніе къ существующему порядку вещей. Различіе между журналами заключалось только въ большей или меньшей смѣлости, большей или меньшей радикальности преобразовательныхъ стремленій. Теперь у насъ есть журналы консервативные, даже ультра-консервативные и ретроградные. вмѣсто пассивной поддержки цензоровъ, правительство располагаетъ теперь активной поддержкой журналистики».

«Если *Constitutionnel*, *Patrie* и другіе французскіе правительственные журналы, вмѣстѣ взятые, обладали вліяніемъ, равносильнымъ вліянію «Московскихъ Вѣдомостей», то Наполеонъ III, безъ сомнѣнія, согласился бы гораздо раньше на отмѣну декрета 17-го февраля 1852 г. Если бы г.г. Герлахъ и Вагенеръ, редакторы прусской «Крестовой газеты», пользовались въ Пруссіи такою же популярностью, какъ пользуются у насъ г.г. Катковъ и Леонтьевъ, то г. Бисмарку не зачѣмъ было бы прибѣгать къ указу 1-го іюня 1863 г.»¹⁾

Однако, «Вѣстникъ Европы» признаетъ и благія стороны закона 6-го апрѣля 1865 г. Система административныхъ взысканій, какъ она ни тяжела для печати, имѣетъ несомнѣнное преимущество передъ предварительной цензурой. Несправедливо было бы утверждать, что положеніе нашей періодической печати не измѣнилось къ лучшему, благодаря закону 6-го апрѣля 1865 г. Было время, когда наша литература, несмотря на господство цензуры, пользовалась въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣею свободой, чѣмъ въ 1865—1868 г.г.; но это была, во-первыхъ, свобода въ высшей степени не прочная и эфемерная, во-вторыхъ — ограниченная сфе-

¹⁾ Ibid., стр. 797 и 798. Комиссія 1862 г. пользовалась французскими юристами, какъ-то: Schossone—*Traité des delits et contraventions de la parole de l'écriture et de la presse.*

рой общихъ, отвлеченныхъ вопросовъ. Уничтоженіе предварительной цензуры уменьшило зависимость печати отъ случайныхъ обстоятельствъ, отъ личнаго произвола, сдѣлало возможнымъ обсужденіе такихъ предметовъ, которые прежде были недоступны для литературы. Такъ, на примѣръ, русская исторія еще недавно оставалась, для критики, на Екатеринѣ II или даже Петрѣ Великомъ; безпристрастное, научное изслѣдованіе позднѣйшихъ событій началось только послѣ изданія закона 6-го апрѣля. Разборъ правительственныхъ распоряженій — и теперь задача не легкая и небезопасная, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ печать не могла о немъ и думать. Опека надъ печатью существуетъ, конечно, и теперь, но она теряетъ свой мелочный, придирчивый характеръ; продолжая тяготѣть надъ мыслью, она не отражается, какъ прежде, на каждомъ отдѣльномъ словѣ ¹⁾).

«Вѣстникъ Европы» затѣмъ разсматриваетъ судопроизводство по дѣламъ печати и законъ 12-го декабря 1866 года.

Въ Западной Европѣ свобода печати считалась установленною на прочныхъ основаніяхъ только тогда, когда всѣ проступки печати отнесены къ вѣдомству суда присяжныхъ. «Судъ присяжныхъ для дѣлъ печати» — таковъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ программы всѣхъ оппозиціонныхъ кандидатовъ. Мысль о подчиненіи проступковъ печати суду присяжныхъ была заявлена у насъ еще до изданія закона 6-го апрѣля 1865 года, — но кѣмъ? Комиссіей, приготовившей этотъ законъ, — тою самой комиссіей, которая внесла въ него систему административныхъ взысканій. Мнѣніе комисіи не было принято.

Судебные уставы 20-го ноября 1864 г. не устанавливали никакого спеціального порядка судопроизводства для дѣлъ печати. Эти дѣла были подчинены, на общемъ основаніи, вѣдомству окружнаго суда, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда проступокъ печати имѣетъ характеръ государственнаго преступленія. Но не прошло и полгода со времени введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, какъ уже было признано нужнымъ измѣнить постановленія ихъ именно въ отношеніи къ проступкамъ печати. Окружный судъ (с.-петербургскій) успѣлъ рѣшить по существу только два процесса о проступкахъ печати: процессъ Суворина и процессъ Жуковскаго и Пыпина. По первому былъ постановленъ обвинительный приговоръ, впослѣдствіи смягченный, по второму — приговоръ оправдательный, впослѣдствіи отмѣненный судебною палатою.

Законъ 12-го декабря 1866 г. создалъ для обвинительной власти, по дѣламъ печати, положеніе совсѣмъ особаго рода, несходное съ тѣмъ, которое она занимаетъ вообще въ уголовномъ процессѣ.

Она лишена принадлежащаго ей права инициативы, права воз-

¹⁾ Ibid., стр. 810.

буждать преслѣдованіе по непосредственно усмотрѣннымъ ею преступленіямъ или признакамъ преступныхъ дѣяній (уст. угол. судопр. ст. 297 пун. 4, 311); она поставлена въ необходимость поддерживать обвиненіе даже и тогда, когда признаетъ его неосновательнымъ; между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ лица прокурорскаго надзора должны дѣйствовать единственно на основаніи своего убѣжденія и существующихъ законовъ (учр. суд. установл. ст. 130).

Другими словами, въ дѣлахъ печати настоящею обвинительной властью является не прокурорскій надзоръ, а спеціальныя административныя учрежденія, наблюдающія за печатью; за прокурорскимъ надзоромъ осталась только судебная защита взглядовъ и мнѣній, выработанныхъ этими учрежденіями.

Монополія преслѣдованія проступковъ печати, за исключеніемъ дѣлъ о диффамаци и оскорбленіи, сосредоточена въ рукахъ главнаго управленія по дѣламъ печати и цензурныхъ комитетовъ; мимо нихъ не можетъ быть начато преслѣдованіе, хотя бы прокурорскій надзоръ или другое вѣдомство и находили въ какой либо статьѣ признаки преступленія или проступка.

«Нѣтъ, можетъ быть, ни одной категоріи дѣлъ, говоритъ журналъ, по которой медленность производства была бы такъ замѣтна, какъ по дѣламъ печати... Вторая часть сочиненій Писарева была подвергнута аресту 6-го іюня 1866 г., цензурный комитетъ сообщилъ прокурорскому надзору о возбужденіи преслѣдованія противъ издателя книги, Павленкова, 4-го іюля того же года, а рѣшеніе судебной палаты состоялось лишь 5-го іюня 1868 года! Противъ двухъ передовыхъ статей, напечатанныхъ въ «Виржевыхъ Вѣдомостяхъ» въ іюлѣ 1867 г., возбуждено судебное преслѣдованіе въ августѣ того же года, а рѣшеніе судебной палаты не состоялось до начала мая 1869 года. Если между возбужденіемъ процесса противъ г.г. Сомова и Стравинскаго (за напечатаніе въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» корреспонденціи, оскорбительной для эстляндскаго губернскаго начальства) и рѣшеніемъ судебной палаты (2 апрѣля 1869 г.) прошло только мѣсяцевъ семь или восемь, то это можно назвать, сравнительно, исходомъ дѣла необыкновенно скорымъ. Съ другой стороны, бывають случаи прекращенія дѣла безъ судебного рѣшенія черезъ годъ или больше послѣ возбужденія преслѣдованія и наложенія на книгу предварительнаго ареста (дѣло о книгѣ Сѣченова «Рефлексы головного мозга», дѣло о сочиненіяхъ Герберта Спенсера)»¹⁾.

Конечно, продолжительный арестъ книги былъ разорителенъ для издателей.

¹⁾ «Вѣстникъ Европы», т. III, кн. 6-я, іюнь, 1869 г. К. К. Арсеньевъ: Русскіе законы о печати, стр. 786.

VI.

«Временный» законъ 6-го апрѣля 1865 г. власть издала, «желая дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства». Мы видѣли, что профессоръ Фойницкій и К. К. Арсеньевъ признали, что извѣстная доля блага въ этомъ законѣ была, что все же, несмотря на терроръ министра Валуева, этотъ законъ былъ шагомъ впередъ. Этотъ «временный» законъ, изданный сначала въ видѣ «переходной мѣры», просуществовалъ очень долго. Перемены же, послѣдовавшія въ этомъ законѣ, имѣли характеръ стѣснительный.

17-го октября 1866 г. послѣдовалъ законъ, воспретившій рассылать подписчикамъ, въ періодъ пріостановки, какое либо изданіе отъ имени редакціи.

12-го декабря 1866 г. изданъ законъ, передавшій дѣла печати изъ окружныхъ судовъ въ судебныя палаты, въ качествѣ первой инстанціи.

Закономъ 13-го іюня 1867 г. печатаніе отчетовъ о засѣданіяхъ сословныхъ и общественныхъ собраній поставлено въ зависимость отъ разрѣшенія губернскаго начальства.

Закономъ 7-го іюня 1872 г. установлены болѣе строгія правила для заарестованія и преслѣдованія книгъ.

Закономъ 12-го іюля 1873 г. предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ воспрещать временно, безъ опредѣленія, однако, срока оглашеніе и обсужденіе въ печати какого либо вопроса государственной важности и за нарушеніе этого распоряженія пріостанавливать изданіе на три мѣсяца.

Тѣмъ не менѣе, къ 1870 году въ русской литературѣ установился нѣкоторый *modus vivendi*. Почти истребленная и стертая къ 1868 году печать опять приподняла голову. Возникъ въ 1866 г. «Вѣстникъ Европы» Стасюлевича, сначала специально историческій журналъ. Съ 1870 г. этотъ органъ сталъ во главѣ либеральныхъ идей и традицій великихъ реформъ, земской, судебной, городского самоуправления. Роль его въ 70-хъ годахъ подобна роли «Русскаго Вѣстника» въ 50-хъ. Крайній, консервативный и націоналистическій органъ представляли «Русскій Вѣстникъ» и «Московскія Вѣдомости» Каткова. Органъ петербургской бюрократіи, флюгеръ настроеній и теченій бюрократическихъ вершинъ, органъ центра — «Голосъ». Народническо-оппозиціонный органъ представляли «Отечественныя Записки» Щедрина и Некрасова. Здѣсь нашли пріютъ и школу писатели-шестидесятники, тогда какъ поэты и беллетристы школы сороковыхъ годовъ печатались въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и въ европейски-просвѣщенномъ и корректномъ органѣ Стасюлевича.

Наконецъ, радикальный нигилизмъ представляется «Дѣломъ» Благосвѣтлова. Установилось нѣкоторое равновѣсіе, которое про-

держалось все десятилѣтіе, несмотря на реакцію 1872 г. и рядъ подпольныхъ дѣяній, компрометировавшихъ литературу и навлекавшихъ на нее цензурныя репрессіи.

Въ сентябрѣ 1870 г. смѣненъ начальникъ по дѣламъ печати М. Н. Похвистневъ. Мѣсто его заступилъ г. Шидловскій, военный генералъ, человѣкъ «горячій» и который привыкъ дѣйствовать «энергически». Мысль о «подтянутіи» печати возникла первоначально въ головѣ министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстого. Состоя не въ ладахъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Тимашевымъ, онъ представилъ записку о крайней распущенности нашей печати, что приписывалъ слабому смотрѣнію за нею начальства, которому она подлежитъ¹⁾.

9-го февраля 1872 г. Никитенко отмѣтилъ въ своемъ «дневникѣ»: «Реакція принимаетъ, повидимому, систематическій характеръ. Самыя крупныя проявленія ея: реформа среднихъ учебныхъ заведеній... и, наконецъ, стѣснительныя мѣры противъ печати». Въ этомъ году выступилъ съ первой статьей своей на публицистическое поприще кн. Мещерскій; значительную роль ему, однако, сыграть пришлось позднѣе, въ 80-хъ годахъ, послѣ смерти Каткова и И. С. Аксакова. Въ своей первой статьѣ Мещерскій совѣтовалъ поставить реформамъ «точку». Дѣйствительно, въ 1875 г. реформы закончились сами собой открытіемъ въ послѣднихъ очередныхъ губерніяхъ земскихъ собраній. А затѣмъ скоро наступило и возстаніе сербовъ, и русско-турецкая война.

Изображеніе реакціи 1872 г. и положенія печати во время этой четвертой и послѣдней реакціи эпохи великихъ реформъ находимъ въ «Дневникѣ провинціала въ Петербургѣ» Салтыкова-Щедрина. Тамъ находится «Уставъ вольнаго союза пѣнокоснимателей», разъясняющій ту своеобразную «конституцію», на основаніи которой въ 70-хъ годахъ установился *modus vivendi* въ «литературной республикѣ».

«Уставъ» гласитъ слѣдующее: § 1. Цѣль учрежденія союза и его организація. Ст. 1 За отсутствіемъ постоянного дѣла и въ видахъ безобиднаго препровожденія времени, учреждается учено-литературное общество подъ названіемъ «Вольнаго союза пѣнокоснимателей».

Объясненіе. Въ журналѣ «Вѣстникъ пѣнокосниманія», въ статьѣ «Вольный союзъ пѣнокоснимателей передъ судомъ общественной совѣсти» сказано: «Въ сихъ печальныхъ обстоятельствахъ какой исходъ предстоялъ для русской литературы?»

«По нашему сильному убѣжденію, такихъ исходовъ было два: по-первыхъ, принять добровольную смерть и, во-вторыхъ, развиться въ вольный союзъ пѣнокоснимателей. Она предпочла послѣднее рѣшеніе».

¹⁾ Никитенко. III. 244.

«Союзъ сей — вольный по преимуществу. Каждому предоставляется снимать пѣнки съ чего угодно и какъ угодно; эта уступка дѣлается тѣмъ охотнѣе, что въ подобномъ занятіи никакихъ твердыхъ правилъ установить невозможно».

«Въ члены союза пѣнкоснимателей имѣеть право вступать всякій, кто можетъ безобиднымъ образомъ излагать смутность испытываемыхъ имъ ощущеній. Ни познаній, ни тѣмъ менѣе такъ называемыхъ идей не требуется. Но ежели бы кто видя, какъ извозчикъ истязуетъ лошадь, почелъ бы за нужное рядомъ фактовъ, взятыхъ изъ древности или изъ исторіи развитія современныхъ государствъ, доказать вредъ такого обычая, то сіе не токмо не возбраняется, но именно и составляетъ... высшій видъ пѣнкоснимательства».

«Отмѣтки и газетные репортеры, то-есть, всѣ тѣ, кои наблюдаютъ, дабы полуда на посудѣ въ трактирныхъ заведеніяхъ всегда находилась въ исправности, могутъ вступать въ союзъ даже въ томъ случаѣ, если не имѣють вполне твердыхъ познаній въ грамматикѣ».

§ 4 Щедринаго «устава» гласитъ «объ обязанностяхъ членовъ союза». «Обязанности сіи суть: Первое. Не пропускать ни одного современнаго вопроса, обо всемъ разсуждать съ такимъ расчетомъ, чтобы никогда ничего изъ сего не выходило... Третіе. По вопросу о неношеніи городскими на виду бляхъ надлежитъ дѣйствовать съ такою настоятельностью, какъ бы имѣлось въ виду получить за сіе третье предостереженіе... Седьмое. Проводить русскую мысль, русскую науку и высказывать надежду, что «новое слово» когда нибудь будетъ сказано... Восьмое. Всемѣрно опасаться, какъ бы все сіе внезапно не уничтожилось... Девятое. Опасаться вообще».

Этому «уставу» по Щедрину слѣдовали всякіе органы 70-хъ годовъ: и «Старѣйшая Всероссійская Пѣнкоснимательница», и «Истинный Россійскій Пѣнкосниматель», и журналъ «Пѣнкоснимательная подоплека», и газета «Зеркало Пѣнкоснимателя», и «Пѣнкосниматель на-распашку», и «Обыватель Пѣнкоснимающій», и «Истинный Россійскій пѣнкосниматель»... *Modus vivendi* русской литературы и печати «въ сихъ печальныхъ обстоятельствахъ» былъ найденъ.

VII.

На переходное положеніе судебной части и необходимость дальнѣйшихъ указаній опыта было указано официально при самомъ обнародованіи закона 6-го апрѣля 1865 г.

Всего естественнѣе было ожидать, что съ устраненіемъ причинъ устранятся и послѣдствія; что печать будетъ освобождена отъ адми-

нистративнаго распоряженія, какъ только утвердится новый судъ, и обнаружится на практикѣ достаточность судебныхъ мѣръ къ предупрежденію злоупотребленій печатнымъ словомъ.

Къ числу административныхъ взысканій, установленныхъ закономъ 6-го апрѣля, присоединилось въ 1868 г. воспрещеніе розничной продажи, потомъ—воспрещеніе печатать объявленія. Воспрещеніе журналамъ и газетамъ касаться тѣхъ или другихъ вопросовъ, практиковавшееся издавна выходящими, по мѣрѣ надобности, циркулярами, формально узаконено въ 1873 г. Отдѣлы литературы, которымъ въ 1865 г. предоставлена была полная независимость (книги оригинальныя болѣе 10 листовъ и переводныя болѣе 20), въ 1872 г. были сдѣланы вполнѣ зависимыми отъ администраціи.

Этотъ громадный, постоянно пополняемый, арсеналь карательныхъ и предупредительныхъ мѣръ казался иногда все еще недостаточнымъ.

Подводя въ 1880 г. итогъ пятнадцатилѣтней практикѣ закона 6-го апрѣля 1865 г., положившаго основаніе русской безцензурной печати, «Вѣстникъ Европы» говорилъ:

«Провинціальная печать попрежнему безправна, спеціальная цензуры — духовная, театральная и иностранная — попрежнему полновластны; дѣйствіе предостереженій попрежнему не погашается никакой давностью. Роль суда по дѣламъ печати доведена до минимума; въ его вѣдѣніи оставлены, de facto, только процессы о диффамаци и клеветѣ противъ частныхъ и второстепенныхъ должностныхъ лицъ. Какъ широка, наоборотъ, область административныхъ мѣръ взысканія, — объ этомъ даютъ понятіе слѣдующія цифры»¹⁾.

«Въ четырнадцать съ небольшимъ лѣтъ, истекшихъ со времени введенія въ дѣйствіе закона 6-го апрѣля 1865 г., по 1-е января 1880 г., предостереженій было дано 167; пріостановлено было 52 изданія, въ общей сложности на 13 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ. (лучаевъ запрещенія розничной продажи съ 1872 по 1879 годъ было 60. Спеціально въ 1879 г. предостереженій было дано 14, пріостановлено было семь изданій (одно изъ нихъ—два раза); розничная продажа была запрещена на время шести газетамъ (при чемъ для одной изъ нихъ—для «Голоса»—запрещеніе продолжалось болѣе года), печатаніе объявленій—одной газетѣ»²⁾.

Всѣ эти явленія прежде всего объясняются самой системой, самымъ принципомъ административной опеки надъ печатью. Она не можетъ укладываться ни въ какія рамки, легко переступаетъ

¹⁾ Эти цифры «Вѣстникъ Европы» заимствовали изъ «Отголосковъ» и «Молвы».

²⁾ «Вѣстникъ Европы», кн. 6-я, июнь, 1880 г. «Внутреннее обозрѣніе», стр. 814.

пограничныя линіи, ея самую проведенныя, неизбѣжно стремится къ возможно большему простору, къ возможно большей безконтрольности.

Когда во Франціи, въ 1852 г., въ первый разъ вводилась въ дѣйствіе система административныхъ предостереженій, авторъ ея, Персиньи, спѣшилъ заявить, что она угрожаетъ только изданіямъ, безусловно враждебнымъ правительству, но это не мѣшаетъ ему и его преемникамъ сыпать предостереженіями налѣво и даже направо, подвергать имъ всякую, сколько нибудь независимую газету, всякую статью, сколько нибудь непріятную администраціи.

Въ 1860 г., вслѣдъ за изданіемъ ноябрьскихъ декретовъ, Персиньи обѣщаетъ новую эру для печати, объявляя, что отнынѣ единственнымъ законнымъ поводомъ къ предостереженіямъ будутъ служить явныя нападенія на династію или на основы существующаго порядка вещей, а не порицаніе администраціи, какъ бы рѣзка ни была ея форма; но обѣщаніе это остается мертвой буквой, и предостереженія, вплоть до самой ихъ отмѣны въ 1868 г., продолжаютъ падать и на такія газеты, какъ офиціозная «France», и на такія статьи, какъ строго объективный, дѣловой обзоръ французскихъ финансовъ. То же видимъ и въ Россіи.

Въ журналѣ комиссіи, работами которой былъ подготовленъ законъ 6-го апрѣля 1865 года, высказано слѣдующее общее положеніе: «Административныя взысканія находятъ для себя единственное извиненіе и почти единственный случай примѣненія, когда въ періодическомъ изданіи является такъ называемое вредное направленіе».

Между тѣмъ, административнымъ взысканіямъ подвергались изданія, о вредномъ направленіи которыхъ не можетъ быть и рѣчи.

За пятнадцатилѣтіе съ 1865 по 1880 г., въ продолженіе всего этого времени, славянофиламъ приходилось бороться — и большею частью безуспѣшно — за право существованія въ русской журналистикѣ. Ихъ изданія — «День», «Москва» пали на полѣ битвы, за ними послѣдовалъ «Москвичъ», «Бесѣда» тоже увяла. Ю. О. Самаринъ долженъ былъ пользоваться заграничнымъ типографскимъ станкомъ; въ Россіи не могли появиться брошюры Кошелева. Таковы факты.

Какія же причины, помимо свойствъ самой наполеоновской цензурной печати, принятой Россіей, питающія эти факты? Почему эта система могла укрѣпиться?

Отвѣтъ «Вѣстника Европы» носитъ характеръ отвлеченно резонерскій.

«Вся наша литература, говоритъ журналъ, стоитъ только одной ногой въ настоящемъ, а другой — въ прошедшемъ; положеніе ея исполнено противорѣчій. У насъ есть безцензурныя изданія, въ

сущности подлежащія цензурѣ; у насъ есть политическая печать, но вмѣстѣ съ тѣмъ строгая опека надъ мыслью; у насъ есть право критиковать дѣйствія правительства, и нѣтъ права обсуждать общіе вопросы, почти столь же древніе, какъ человѣчество. Мы едва ли ошибаемся, если скажемъ, что въ основаніи всѣхъ этихъ противорѣчій лежитъ воспитанное нашей исторіей презрительное или, по крайней мѣрѣ, высоко мѣрное отношеніе къ мысли, къ знанію (разсматриваемому не въ смыслѣ практическаго или техническаго умѣнья), къ научному, отвлеченному изслѣдованію, а слѣдовательно и къ печатному слову».

Въ дореформенной Пруссіи или Германіи политической печати не было, можно сказать, почти вовсе, но издавна была свободная наука. Такія явленія, какъ изгнаніе изъ Галле философа Вольфа (въ 1723 г., при Фридрихѣ-Вильгельмѣ I-мъ), всегда были тамъ чѣмъ-то исключительнымъ. Въ то самое время, когда въ Берлинѣ издавался знаменитый «Religionsedikt» (1788 г.), т.-е. торжествовала реакція противъ «просвѣщенія», въ Кенигсбергѣ безпрепятственно училъ Кантъ, и сочиненія его безпрепятственно расходились по всей Германіи; пятьдесятъ лѣтъ спустя, новой, еще болѣе сильной реакціи не удалось добиться уничтоженія книги Штрауса; слова Неандера, сказанныя по этому поводу: «противъ научныхъ доводовъ можетъ быть употребляемо только научное же оружіе»,—никогда не были забываемы вполне, даже въ самыя тяжелыя эпохи новѣйшей исторіи Германіи. Великое начало: «die Wissenschaft und ihre Lehre ist frei», — примѣнялось на дѣлѣ гораздо раньше, чѣмъ было внесено въ прусскую конституцію.

«Въ нашемъ прошедшемъ нѣтъ подобныхъ преданій, и это одна изъ причинъ, по которымъ свобода печати такъ медленно и туго прививается на нашей почвѣ. Подавленіе мысли слишкомъ долго казалось у насъ естественнымъ, необходимымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удободостижимымъ; неощущимость, невознаградивость потерь, причиняемыхъ вынужденнымъ молчаніемъ, ускользала отъ глазъ, привыкшихъ видѣть опасность только въ нарушеніи молчанія» ¹⁾).

Собственно, журналъ не столько объясняетъ фактъ русской нетерпимости, сколько его распространяетъ.

Семидесятипятилѣтній (1804 — 1865 и 1865 — 1875) цензурный опытъ даетъ достаточно фактовъ для общихъ выводовъ и выясненія той законопричинности, которой подчинялись у насъ мысль и слово въ XIX-мъ столѣтіи ²⁾).

¹⁾ Ibid., стр. 825—826.

²⁾ См. наши статьи: «Очерки николаевской цензуры», «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXV, стр. 850; т. LXXXVI, стр. 156, 582 и 970, 1901 года. «Философія русскаго самосознанія». Статья первая — четвертая. Книжки «Недѣли» 1897 г., №№ 1—4. См. еще въ нашей «Исторіи русскаго литературнаго XIX-го вѣка». Томъ первый (1800—1850 г.г.). Спб. 1902 г.

VIII.

Разсматривая цензурныя учрежденія у всѣхъ народовъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что не можетъ быть учрежденія болѣе благодѣтельнаго, но и болѣе опаснаго. Не можетъ быть учрежденія болѣе могущественно воздѣйствующаго на общество, но не существуетъ и болѣе подверженнаго колебаніямъ и случайностямъ учрежденія.

Цензура необходима. Это скажетъ всякій, кто объективно изучитъ явленія анархіи печати и темныя теченія больной мысли, грязныя болота общественной эротоманіи, клоаки пасквилянтства.

Свобода слова не есть свобода сквернословія. Охранить личность отъ посягновенія клеветниковъ и народное цѣломудріе отъ загрязненія порнографіей! Не допустить кощунству святотатственно оскорблять святыню народныхъ вѣрованій!

Но въ этихъ предѣлахъ цензура сливается совершенно естественно съ общими судебными установленіями государства.

Можетъ ли, однако, цензура стать одной изъ функцій общаго прокурорскаго надзора?

При невѣжествѣ массъ, едва ли.

Цензура имѣетъ дѣло съ мозгомъ страны. Отсюда ея опасность. Неразумными мѣрами цензура, вмѣсто успокоенія, можетъ внести въ мозгъ страны смятеніе, породить глубокое разстройство мысли, привести къ разложенію мысли, къ самоотравленію мозга страны ядами интеллекта. Послѣдствія для всего народнаго организма ужасны.

Цензура, какъ выраженіе мыслебоязни, подавляющая общественную сознательность на всѣхъ путяхъ ея, можетъ сама укрѣпить и развитъ именно то самое, противъ чего борется.

Внѣшнія репрессіи не уничтожаютъ мысли, но изъ явной превращаютъ въ скрытую, вгоняютъ мысль въ глубь общественнаго сознанія, и работа ея, вдали отъ свѣта критики и общественнаго обсужденія, продолжается во мракѣ субъективности, въ кружкахъ и углахъ, подъ спудомъ.

Можетъ ли почитаться такое явленіе полезнымъ для государства и общества? Нормальное ли это и здоровое дѣло — вгонять мысль внутрь общества и не давать ей высказываться публично?

Мысль есть непрерывное выдѣленіе общественнаго организма, результатъ его духовной работы, постоянныхъ нравственныхъ его потрясеній.

Какъ такая, она должна находить себѣ правильный исходъ. Для того и существуетъ печать. Задерживать же мысль внутри организма чрезвычайно опасно. Такая вогнанная внутрь мысль можетъ дѣйствительно превратиться въ ядъ, произвести воспаленіе и развитъ гнилостные процессы, какъ и всякое задержанное органи-

ческое выдѣленіе. Тщательная закупорка поръ безусловно опасна для общества. Высказанная вслухъ совершенно свободно мысль гораздо безопаснѣе мысли затаенной. Всѣ секты имѣли «тайныя ученія», кромѣ явныхъ, заманчивыя этой именно таинственностью и особенно сильно дѣйствовавшія.

Всякій честный работникъ слова, всякая уважающая себя и вѣрная завѣтамъ общественнаго блага литература понимаютъ весь объемъ нравственной отвѣтственности, которую они на себя берутъ, пуская въ обращеніе тѣ или инныя мысли, идеи, доктрины. И русскій писатель, и русская литература всегда отличались высокой степенью развитія этого чувства нравственной отвѣтственности. Прямой плодъ его—критика, которая при нормальномъ положеніи печати является строгимъ, нелицеприятнымъ и высокотактичнымъ судилищемъ, постоянно отвѣвающимъ въ плодахъ умственнаго творчества страны доброе зерно отъ мякины и сора, полезное отъ вреднаго, здоровое отъ болѣзненнаго и болѣзнетворнаго. Но при обиліи репрессій и внѣшнихъ изъятій критика становится въ положеніе настолько тягостное и фальшивое, что принуждена бездѣйствовать или зарываться въ мелочахъ, вырождается въ буквѣдство и библиографію. Она не въ силахъ отправлять свои общественно-политическія и нравственно-философскія задачи. Будучи чисто духовнымъ, свободнымъ самоучрежденіемъ, какъ бы самоуправленіемъ литературы и печати, критика не можетъ и полемизировать съ такими представителями хотя бы явно бессмысленныхъ ученій, которые связаны изъятіями и репрессіями, а потому и не могутъ отвѣчать. Не можетъ уже по бесполезности ея усилій, такъ какъ слово критики, обращенное къ невольню умолкшему противнику, будетъ звучать совершенно неубѣдительно, обратится противъ самой критики и уронить ее, не принеся желаемыхъ плодовъ.

Упадокъ критики сопровождалъ эпохи особо сильнаго цензурнаго террора, въ 1848—1855 г.г. и въ 1862—1868 г.г. Въ первую эпоху критика выродилась въ библиографическое крохоборство, во вторую—въ непристойную перебранку журналовъ (Писаревъ и Антоновичъ). Невольное бездѣйствіе или упадокъ критики можетъ отразиться чрезвычайно печально на общественномъ самосознаніи. Не встрѣчая отпора и не выходя на свѣтъ перекрестнаго обсужденія печати, всякая нелѣпая мысль, всякое одностороннее ученіе, приправленное сладостью запретности и возвеличенное ореоломъ гонимости, станетъ широко вѣтвиться въ умахъ, сбивая съ толку особенно болѣе юную и неустановившуюся часть общества.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, неосмысленный цензурный терроръ, какъ это мы видѣли изъ анализа фактовъ исторіи русской цензуры, нарушаетъ равновѣсіе въ обществѣ и правящихъ сферахъ. Крайніе элементы берутъ верхъ и тамъ, и тамъ. Крайніе радикальные элементы и крайніе ретроградные элементы вступаютъ въ борьбу. Спокойствіе общества возмущено. Умѣренные, уравновѣщенные,

наиболѣе культурные и просвѣщенные теряютъ авторитетъ и скрываются въ тѣнь.

Только односторонность мысли вредна. А мысль, скрытая отъ публичнаго обсуждения и перекрестной критической полемики, всегда одностороння, а потому фанатична, безразсудна, беспочвенна и легко вырождается въ парадоксъ, хотя ложный по существу, но на своихъ сторонниковъ дѣйствующій всѣмъ обаяніемъ не только свѣтлой, но еще и гонимой истины.

Какъ бы то ни было, цензура есть фактъ. Она въ тѣхъ формахъ, въ какихъ создалась въ данное время у даннаго общества, подчинена строгой законопричинности.

Цензура въ своихъ формахъ обусловлена двумя явленіями общественности.

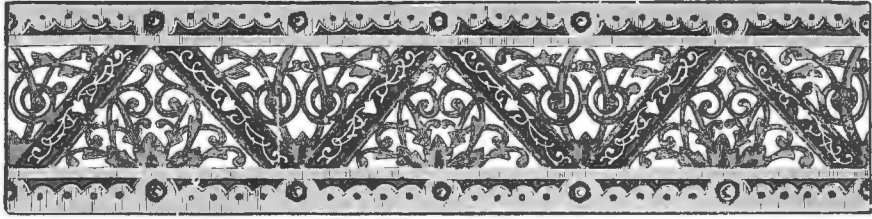
Эти два явленія—«сквернословіе» и «нетерпимость».

Подъ «сквернословіемъ» мы понимаемъ не только всѣ виды пасквилянтской грязи, зарождающіеся въ клоакахъ человѣческаго слова, не только словесное сладострастіе и развратъ мысли, всѣ виды порнографіи и блудословія, не только кощунство мысли, но и яды интеллекта, результатъ ея разложенія, мысль патологическую, безумную и заражающую безуміемъ. Свобода «слова» не есть свобода «сквернословія». Охрана общественнаго сознанія отъ заразы «сквернословія» составляетъ функцію съ одной стороны простаго суда, для грубыхъ его проявленій, а съ другой—критики, какъ самоуправленія литературы. Цензурѣ остается роль посредствующая и наблюдательная. Что касается «нетерпимости», то она является разлитой въ обществѣ. Нетерпимы всѣ—и чиновникъ, и офицеръ, и купецъ, и «интеллигентъ», и даже литераторъ. «Нетерпимость» и сверху, и снизу, давить на цензуру со всѣхъ сторонъ и прямо, и въ обходъ.

Цензура, какъ учрежденіе просвѣщенное, въ лицѣ ея руководителей, не должна быть рабомъ общественной нетерпимости. Напротивъ, она должна обладать самостоятельностью и противиться этой нетерпимости, отводя ее отъ такихъ явленій мысли, которыя служатъ правдѣ и совѣсти, очищаютъ умы и общественную атмосферу отъ лжи, обличаютъ явленія, обличенія достойныя.

Поэтому цензура въ странѣ сама должна быть центромъ просвѣщенія и цензоръ—просвѣщеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Государство можетъ повѣрить такое нужное и опасное учрежденіе какъ цензура, лишь въ руки глубоко гуманныхъ, развитыхъ, культурно-образованныхъ, благоразумно-умѣренныхъ, просвѣщенныхъ людей и обезпечить успѣхъ ихъ борьбы съ гидрой сквернословія и противодѣйствія ихъ общественной нетерпимости предоставленіемъ учрежденію достаточной доли независимости и довѣрія.

Николай Энгельгардтъ.

ПАЛОМНИЧЕСТВО ВЪ ПАЛЕСТИНУ ¹⁾.

XXXIX.

Африка. — Въ Александрійской гавани. — Обзорніе города. — Въ православномъ соборѣ. — Садъ Антоніади. — Нилъ. — Катакомбы. — Музей древностей. — Назойливость арабовъ. — Александрійская полиція. — Казни египетскія.

ВЪ АЗІЕЙ разстались.

По ярко синему Средиземному морю, чуть покачиваясь, пароходъ теперь шель на западъ, вдоль материка Африки. Всѣ съ любопытствомъ устремили свои глаза на югъ, ища низменнаго берега Египта. Часто попадаются суда. Вахтенный помощникъ командира съ лѣвой стороны мостика тщательно обзрѣваетъ въ бинокль горизонтъ. Вотъ онъ спѣшно подошелъ къ компасу, поглядѣлъ еще разъ въ бинокль и быстро скрылся въ рубкѣ. Не прошло пяти минутъ, какъ онъ вышелъ вмѣстѣ съ командиромъ и приказалъ рулевому поворачивать. Вскорѣ и мы, пассажиры, увидѣли знаменитый маякъ на островѣ Фаросѣ. Вотъ онъ, прародитель всѣхъ морскихъ маяковъ, когда-то считавшійся однимъ изъ семи чудесъ свѣта, сейчасъ высится надъ горизонтомъ какъ-то странно одиноко. Мелькнула узенькая желтая полоска песку. Берегъ Африки!

Но что подѣлываютъ паломники въ трюмѣ?

Ихъ теперь не тревожитъ сознаніе, что они ѣдутъ къ невѣдомымъ для нихъ странамъ, къ новой части свѣта. Миссія большинства паломниковъ кончается въ Палестинѣ. Немногіе изъ нихъ послѣ Пасхи поѣдутъ на Аѳонъ или въ Баръ-градъ, къ святителю

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХС, стр. 647.

Николаю. Теперь всё помыслы ихъ направлены домой, въ Россію. Скорѣй бы вернуться къ прежней жизни! Пора пообчиститься, отдохнуть отъ непрерывной суетоки и войти въ колею обычныхъ занятій...

Но религиозное настроеніе у нихъ еще довольно сильно: мы любуемся морскою далью, разсматриваемъ открывшійся городъ, а они съ неослабѣвающей энергіей продолжаютъ пѣть длинные акаѳисты.

Обогнувъ молъ, пароходъ гордо вошелъ въ обширную гавань Александріи и чуть не столкнулся съ выходящимъ судномъ. Волей-неволей нашъ пароходъ долженъ былъ остановить машину и даже дать задній ходъ. Тревожные и въ то же время угрожающіе свистки съ обоихъ пароходовъ огласили всю гавань.

Въ Александріи намъ предстояло пробить три дня. Пароходъ подошелъ къ пристани и ошвартовился. Спустили нѣсколько сходней. Пассажиры сейчасъ же посѣщили на берегъ.

За двое сутокъ можно бы было съѣздить въ Каиръ и посѣть къ отходу парохода, но изъ паломниковъ никто, кажется, не рискнулъ полюбоваться городомъ восточныхъ чудесъ. Я тоже рѣшилъ ограничиться осмотромъ только Александріи.

Въ первый день вечеромъ въ небольшой компании мы проходили главныя улицы и побывали у конной статуи страшнаго реформатора Мегмета-Али, въ своемъ родѣ Петра Великаго Египта. Въ моихъ воспоминаніяхъ вѣроломное избіеніе арабскихъ шейховъ заслоняетъ всё благія дѣянія этого суроваго паши.

Прошлись еще по большимъ улицамъ Ибрагима и Шерифа пашей. Всюду смѣшанная публика. И кто преобладаетъ здѣсь, трудно сказать. На окраинахъ города чаще попадаются туземцы: египто-арабы, копты и феллахи. Иногда встрѣчались англійскіе солдаты въ своихъ характерныхъ маленькихъ шапочкахъ, со спущенными ремешками къ губамъ. Но на площади памятника Мегмета-Али толпы европейскихъ костюмовъ. Поражаетъ среди нихъ обиліе разодѣтыхъ барынь. Подобно всёму большимъ приморскимъ городамъ, вечеромъ Александрія живетъ праздно, весело, богато... Подъ открытымъ небомъ густо разставленные столы ресторана наперебой брались публикою. Поздно было, а потому сегодня мы ограничились только внѣшнимъ осмотромъ города.

На другой день утромъ мы заѣхали сперва въ православный соборъ. Шла обѣдня. Замѣтивъ среди нашей группы русскаго священника, греки предложили всёму намъ стать въ алтарѣ. Александрійская церковь въ это время сиротѣла безъ патріарха. Они избрали своимъ владыкой назаретскаго митрополита Фотія, но султанъ медлил его утвердить. Во время пѣнія «Христосъ Воскресе» служащій священникъ-грекъ просилъ насъ пѣть съ нимъ вмѣстѣ по-гречески: «Христосъ анести екъ некронъ»—хорошо зна-

комый тропарь для многихъ паломниковъ, побывавшихъ въ Іерусалимѣ. Извѣстны и намъ были эти пасхальныя слова, но пропѣть ихъ греческимъ напѣвомъ не такъ-то было легко. Слишкомъ много находится въ ихъ мотивѣ растянутыхъ и трудно уловимыхъ переходовъ.

Для обозрѣнія окрестностей Александріи, которыя намъ рекомендовали посѣтить, мы наняли по франку за часъ извозчика-араба и отправились сперва вдоль канала Махмудіа къ роскошному саду греческаго богача Антоніади. Въ немъ было собрано, кажется, все, что растетъ въ Египтѣ. Особенно пріятно было сѣверянину видѣть разнообразіе видовъ тропической флоры. Каждый поворотъ аллеи давалъ новыя картины съ новыми невиданными растеніями. Красивы и маленькіе искусственные водоемы, гдѣ собраны различные водяные цвѣты. Лотосъ и папирусъ разрослись здѣсь во всей силѣ. Въ тѣнистыхъ аллеяхъ безпрестанно натыкаешься на красивые гроты и изящные переходы-мостики. Есть сырые и прохладные уголки, такъ цѣнимые въ Египтѣ. Пріятно было укрыться въ нихъ отъ полуденнаго жгучаго солнца. Но этотъ искусственный земной рай не богатъ былъ людьми: кромѣ насъ и садовниковъ, въ немъ никого не было.

Идя къ выходу, мы еще издали замѣтили, что сторожъ закрываетъ высокія желѣзныя ворота и запираетъ ихъ на замокъ. Затѣмъ онъ садится на скамейку и спокойно ждетъ нашего приближенія. Конечно, мы поспѣшили одарить его деньгами, чтобы только скорѣе онъ выпустилъ насъ, хотя извѣстно было намъ, что входъ сюда для публики бесплатный. Такой своеобразный способъ требованія бакшиша показалъ намъ, что мы и въ Африкѣ все еще находимся среди азіатскихъ порядковъ, связанныхъ съ произволомъ и насиліемъ.

Добравшись до своего извозчика, мы попросили его показать намъ священный Нилъ. Онъ опять повезъ насъ вдоль канала Махмудіа. Положимъ, вода въ рѣкѣ и въ каналѣ одна и та же, но намъ хотѣлось увидѣть естественные берега Нила, поросшіе тростникомъ и кустарникомъ. Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ мы увидѣли широкую заводь, богато поросшую зеленью, и остановились, чтобы испить мутной водицы Нила. Нельзя не попробовать священной влаги Египта, текущей изъ-подъ самаго экватора!

Третій день въ Александріи посвященъ былъ обозрѣнію здѣшнихъ катакомбъ. Со свѣчами въ рукахъ мы спускались въ самую глубину ихъ темныхъ коридоровъ. Проводникъ показалъ намъ на камняхъ всѣ слѣды древнихъ начертаній, оставшихся отъ временъ язычества и первыхъ вѣковъ христіанства. Недалеко отъ катакомбъ высится Помпеева колонна. Для полноты впечатлѣній мы заѣхали еще въ здѣшній прекрасный музей египетскихъ и римскихъ древностей.

Городъ Александра Македонскаго стоитъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, и за это время онъ много разъ былъ разрушаемъ. Но какъ бы начертано свыше еще долго жить ему и играть значительную роль въ жизни народовъ. Теперь онъ очутился при морскомъ пути въ Индію и считается важнымъ торговымъ пунктомъ. Его обширныя гавани круглый годъ полны кораблей, а всѣ пристани всегда усеяны всевозможными товарами въ ящикахъ, въ бочкахъ, въ пачкахъ, въ корзинахъ.

Въ исторіи послѣдняго времени мнѣ вспоминается тягостный годъ для Александріи, когда этотъ городъ подвергся бомбардировкѣ со стороны англичанъ... Никогда не забуду того тяжелаго впечатлѣнія, которое причинило мнѣ извѣстіе о разрушенныхъ зданіяхъ и неповинно убитыхъ обывателяхъ почти беззащитнаго города. Тогда впервые поколебалось мое поклоненіе англичанамъ...

Паломники мало пользовались возможностью погулять по городу. Необходимыя покупки можно было сдѣлать недалеко отъ пристани. У многихъ за обѣдомъ появились египетскіе финики и аршинные куски сахарнаго тростника.

Нѣкоторые не ходили въ городъ, жалуясь на грубость арабовъ, и не безъ основанія. Мнѣ лично извѣстна такая сцена. Шли двѣ русскія дамы къ пароходной пристани. Къ нимъ привязался нахальный арабъ и настойчиво приставалъ со своимъ бакшишемъ. Беззащитныя дамы не знали, куда дѣваться отъ него. Къ счастью, проходившій тутъ же одинъ изъ пассажировъ съ русскаго парохода сталъ между дамами и арабомъ, чтобы защитить собою своихъ соотечественницъ. Назойливый арабъ вдругъ ударилъ его кулакомъ въ грудь и быстро отбѣжалъ въ сторону. Добровольный защитникъ обратился къ одному изъ полицейскихъ, чтобы онъ задержалъ дерзкаго араба. Тотъ нашелъ предлогъ отказаться,—оскорбленіе произошло не въ его районѣ,—и отослалъ его къ другому представителю полицейской власти, другой—къ третьему, и т. д. Наконецъ, нашелся на самой пристани Русскаго общества пароходства и торговли толстый арабъ, который призналъ-таки за собою право вмѣшательства за обиженнаго пассажира.

— Хорошо, хорошо!—говоритъ онъ ему по-русски,—давай мнѣ его сюда: я его сейчасъ поколочу.

— Что-жъ, прикажете мнѣ бѣжать за нимъ и притащить его за шиворотъ?

— Ну, а мнѣ нельзя отсюда отлучаться,—и толстякъ самодовольно отвернулся въ сторону.

Огорченный пассажиръ хотѣлъ жаловаться русскому консулу, но его уговорили другіе этого не дѣлать. Къ тому же русскаго консула въ то время не было въ Александріи: онъ уѣхалъ въ Каиръ. Тутъ кстати рассказали ему множество примѣровъ, какъ русскіе туристы очень часто были оставляемы безъ защиты, и какъ,

обратно, англичане гордятся, что ради одного обиженного человѣка ихъ правительство готово бомбардировать городъ. Про паломниковъ-простецовъ и говорить нечего. Тѣ со своимъ русскимъ языкомъ не всякому русскому консулу могутъ и объяснить про свое дѣло.

Сколько я могъ замѣтить, Александрія не понравилась нашимъ паломникамъ. Тутъ все для нихъ чуждо. Нѣкоторые даже вспомнили здѣсь и духовное значеніе Египта, какъ страны насилія и рабства для народа Божія.

Одинъ изъ грамотеевъ, повернувшись лицомъ къ городу, съ достоинствомъ знатока пространно рассказывалъ крестьянкамъ, какія казни посылалъ Господь на Египетъ при Моисеѣ. Бабы слушали и громко вздыхали. Но вотъ подходитъ къ нимъ худощавый блѣдный странникъ съ большими темно-кариими глазами и, опершись о бортъ, сталъ тоже прислушиваться къ разсказу.

— Все это такъ-съ, правильно вы рассказываете, — замѣтилъ странникъ лектору. — Но позвольте васъ спросить, къ чему это были казни египетскія?

— Да вѣдь я только-что сказала, что Господь наказывалъ ими египтянъ за то, что они не пускали евреевъ поклониться своему Богу...

— Такъ-съ, правильно, — согласился странникъ. — А извѣстно ли вамъ, что эти казни и посейчасъ продолжаются и будутъ продолжаться до скончанія вѣковъ?

— Какъ это такъ? — съ недоумѣніемъ спросилъ грамотей.

— А вотъ-съ, видите ли, теперь подъ Египтомъ надо разумѣть всю землю, весь земной шаръ. Да-съ! А египтяне—всѣ люди, которые преслѣдуютъ истинное благочестіе и правду Божию. Господь за это ихъ наказываетъ, посылаетъ разныя бѣды и напасти, а они этого не понимаютъ. Вотъ вы говорили, что десять было египетскихъ казней. Такъ-съ! А позвольте спросить, которая теперь по числу идетъ казнь на землю?

Грамотей ничего не отвѣчалъ и самъ вопросительно смотрѣлъ на странника.

Меня заинтересовалъ толкователь судебъ Божіихъ, и я подошелъ къ нему и сталъ спрашивать, на основаніи чего онъ такъ говоритъ. Странникъ какъ будто только этого и ждалъ и разразился цѣлымъ потокомъ текстовъ изъ священнаго писанія. Онъ перебралъ чуть ли не всѣхъ пророковъ и очень часто поминалъ Апокалипсисъ. Потомъ вдругъ сразу оборвалъ свою рѣчь и быстро отошелъ на другой конецъ парохода.

XI.

На пароходѣ.—Обиженная паломница.—Помедоры—«яблоко раздора».—Тѣснота на палубахъ.—Запасы паломниковъ.—Перевозка «святого огня». — «Аеонская жатва». — Пассажиры первыхъ двухъ классовъ.—Добровольцы англо-бурской войны.—«Корабль полонъ богослуженія».

Съ выходомъ изъ Александріи на пароходѣ еще тѣснѣе стало: прибавилось нѣсколько классовыхъ пассажировъ, а всю верхнюю площадку для прогулки завалили рѣшетчатыми ящиками съ помедорами. Палубные пассажиры поворчали про себя, но должны были уступить свои мѣста (съ выходомъ изъ Яффы имъ разрѣшено было занять часть верхней площадки) ящикамъ съ овощами. Только одна пассажирка позволила себѣ неосторожно сказать во всеуслышаніе, что съ огородной зеленью обращаются болѣе нѣжно и внимательно, чѣмъ съ палубными пассажирами. Какъ разъ въ это время проходилъ мимо одинъ изъ помощниковъ командира и услышалъ ея замѣчаніе. Конечно, онъ поспѣшилъ доложить своему начальнику о выраженномъ неудовольствіи пассажирки. Строгий командиръ, хорошо извѣстный въ южныхъ моряхъ по своимъ рѣзкимъ выходкамъ, приказалъ высадить ее въ Пирей.

Всѣ пассажиры, услышавъ о такомъ распоряженіи, были страшно возмущены, тѣмъ болѣе, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ тоже нашлись свои причины обижаться на оскорбительный тонъ командира.

Одинъ офицеръ, зная, что пассажирка приходится родною сестрою командующаго военнымъ судномъ¹⁾, бросился уговаривать помощника командира не оскорблять почтенную даму изъ-за какихънибудь помедоръ.

— Согласитесь съ тѣмъ, что нельзя же поставить помедоры въ трюмъ: они тамъ могутъ сопрѣть и испортиться,—приводить свои резоны помощникъ.

— Я отлично понимаю, что зеленымъ овощамъ надо дозрѣть на солнцѣ. Но вѣдь вы хотите сдѣлать неслышанный скандалъ — высадить въ иностранномъ городѣ русскую даму-паломницу!

— А зачѣмъ она возбуждаетъ къ бунту пассажировъ?

— Вскользь брошенное замѣчаніе вы называете бунтомъ! Посмотрите на нашихъ паломниковъ: вѣдь это смиренныя послушныя овцы! Развѣ такіе бунтовщики бываютъ?

Этотъ ли разговоръ, или общій гулъ сочувствія пассажировъ къ огорченной дамѣ дошелъ до командира, только онъ свое поспѣшное приказаніе отмѣнилъ, и дама была оставлена въ покоѣ.

Сравнительно съ другими, режимъ на этомъ пароходѣ былъ чрезвычайно строгій. Народъ былъ сдвоенъ и дисциплиною и

¹⁾ Одинъ изъ героевъ послѣдней войны съ китайцами.

пространствомъ до возможныхъ предѣловъ. Къ нашему счастью погода была благоприятная, и невзгоды паломниковъ не осложнились ни качкою, ни дождемъ.

Я обошелъ всѣ палубы. Скученность всюду одинакова. Нѣсколько просторнѣе въ самомъ нижнемъ трюмѣ, но зато здѣсь царилъ такой полумракъ, что я, спустившись сверху, сразу ничего не разобралъ.

Всѣ паломники везли изъ Палестины запасы образовъ, крестовъ и другихъ предметовъ поклоненія. У многихъ крестьянъ священными предметами были наполнены цѣлые сундуки. Тутъ были и большихъ размѣровъ образа на кипарисовыхъ доскахъ, и мелкіе крестики, связанные пачками (копейки по три десятковъ), и пучки травы, и стеклянки съ водою, и освященное масло, и камешки отъ святыхъ мѣстъ, и погребальныя покрывала, и священная земля въ тряпицахъ... И чего-чего тутъ только не было! Конечно, многое изъ этого ими продается въ Россіи. Торговля шла и тутъ на пароходѣ. Я самъ прикупилъ нѣсколько вещей для подарковъ знакомымъ. Все это, какъ подлинное іерусалимское, страшно цѣнится въ нашихъ деревняхъ.

Въ трюмѣ я замѣтилъ у нѣкоторыхъ фонари съ лампадами. Это везутъ въ Россію «святой огонь», или «благодать» Великой субботы. Они тщательно скрываютъ его отъ служащихъ на пароходѣ, потому что изъ опасенія пожара на нѣкоторыхъ судахъ запрещено паломникамъ держать огонь. Воображаю себѣ, какъ тяжело должно подѣйствовать на нашихъ русскихъ богомольцевъ насильственное тушеніе священнаго огня, который больше недѣли заботливо сберегался. А вѣдь, казалось, какъ легко избѣгнуть такого грубаго оскорбленія вѣры простолюдиновъ! Стоитъ лишь завести небольшую обитую желѣзомъ каютку специально для огня и поручить слѣдить за нею тѣмъ же паломникамъ. И пароходное общество отъ этого ничего не потеряло бы: можно взимать особую плату за мѣсто въ каютѣ для огня. Но все это умѣстно, конечно, на специальномъ пароходѣ для паломниковъ, объ устройствѣ котораго я говорилъ раньше.

Какъ-то заходитъ ко мнѣ въ каюту одинъ изъ наблюдательныхъ пассажировъ и говоритъ:

— Не желаете ли посмотреть на «аѳонскую жатву»?

— Аѳонскую жатву!.. Это что такое?— въ недоумѣніи спрашиваю его.

— Пойдемте на верхъ!— потянулъ онъ меня за собою.— Примѣчайте, пожалуйста, за монахами среди паломниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, на палубѣ вокругъ склонившейся надъ бумагою черной фигуры собралась группа женщинъ. Онѣ диктуютъ монаху имена своихъ родныхъ для поминовенія на Аѳонѣ. Время отъ времени такія же группы собирались и около другихъ чернецовъ.

Большинство аѳонскихъ монаховъ, посѣщающихъ Палестину весною, посылаются своими монастырями съ специальною цѣлью собрать среди паломниковъ побольше денегъ, что и удается имъ, особенно среди женщинъ. Можетъ быть, недоступность для женщинъ Святой горы, какъ иносказательно величается Аѳонъ, еще болѣе возбуждаетъ въ нихъ благоговѣйную любовь и страстное влеченіе къ нему. Изъ распространенныхъ на Руси благочестивыхъ пѣсенъ («духовныя псалмы») ни одна такъ часто ими не распѣвается, какъ пѣснь объ Аѳонѣ:

Гора Аѳонъ, гора Святая!
 Не знаю я твоихъ красотъ,
 И твоего земного рая,
 И подъ тобой шумящихъ водъ...
 . . . . .
 Я знаю, кто тобой владѣть,
 Кому въ удѣлъ досталась ты.
 Тебя хранить, тебя лелѣть
 Царица горней высоты...
 и т. д.

Въ одномъ мѣстѣ двѣ женщины приготавливали окрошку для аѳонца. Онѣ крошили лукъ и огурцы. Я остановился около нихъ и спросилъ:

— А гдѣ же вы квасу возьмете?

— Воду смѣшаемъ съ апельсинами, — вотъ и квасъ! И какъ хорошо-то выходитъ! Не желаете ли попробовать?

Впрочемъ, среди паломниковъ встрѣтился монахъ совершенно иного типа. На бакѣ сидѣлъ сѣдой старецъ съ пріятными лучистыми глазами. Около него ухаживалъ молодой человекъ, довольно прилично одѣтый. Меня заинтересовала эта парочка, и я воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ познакомиться съ ними. Оказалось, почтенный старецъ, бывшій офицеръ и помѣщикъ, по глубокому убѣжденію оставилъ мѣръ, постригся въ монахи и поселился въ одномъ изъ сибирскихъ монастырей. Между прочимъ, онъ искренно вѣритъ въ легенду объ извѣстномъ старцѣ Теодорѣ Кузьмичѣ и посвятилъ меня въ новыя подробности¹⁾, собранныя имъ самимъ на мѣстѣ жительства знаменитаго старца.

Можно цѣлый день ходить среди паломниковъ и получать все новый и новый интересъ. Только одно препятствуетъ долго оставаться среди нихъ: непомерное множество насѣкомыхъ. Довольно пройти по палубѣ между тѣсными рядами паломниковъ, чтобы имѣть непрошенныхъ гостей на ногахъ. Вѣдныя паломницы припуждены, на виду у всей публики, поочередно искать другъ у друга въ волосахъ...

¹⁾ Онѣ были напечатаны въ одномъ изъ русскихъ журналовъ.

Главная часть верхней площадки занята прогуливающимися пассажирами первого и второго класса. Здѣсь замѣчается особенное оживленіе только-что познакомившихся людей. А общество было чрезвычайно разнообразно: священники, офицеры, чиновники, коммерсанты, помѣщики, учителя и врачи. Здѣсь что ни встрѣча, то занимательный рассказъ или даже цѣлая эпопея.

Напримѣръ, встрѣчается доброволецъ, возвращавшійся съ англо-бурской войны. Конечно, сейчасъ же его засыпали разспросами. И, къ сожалѣнію, пришлось намъ немного разочароваться въ самихъ буреахъ. По рассказамъ добровольца, собравшіеся авантюристы изъ разныхъ государствъ были очень подозрительны по своей нравственности. Наши русскіе были лучше, но буры ужъ никому изъ иностранцевъ не довѣряли. Это и побудило многихъ добровольцевъ вернуться въ Европу, не дождавшись окончанія войны.

Также интересны были нескончаемые рассказы возвращавшихся изъ Абиссиніи охотниковъ о бегемотахъ, леопардахъ, жирафахъ, страусахъ, обезьянахъ, змѣяхъ, крокодилахъ и другихъ представителяхъ тропической фауны.

Наслушался я еще, какъ вести прибыльное хозяйство въ Тамбовской губерніи. Однимъ словомъ, тутъ каждый человѣкъ вносить что нибудь своеобразное въ эти долгіе часы надъ просторомъ синихъ водъ.

Между тѣмъ внизу, среди паломниковъ, благодаря усердію аѳонскихъ монаховъ, чередуются въ разныхъ углахъ палубы утрени, часы, вечерни, акаѳисты... Такъ что мой собесѣдникъ восторженно воскликнулъ:

— Корабль полонъ богослуженія!

Даже въ пассажирскихъ каютахъ мнѣ пришлось услышать гармоничное пѣніе духовныхъ стиховъ. Пѣли престарѣлый священникъ и два молодыхъ офицера, знакомые съ нотами. Умилительная картина! Бурскому добровольцу она напоминала недавно имъ покинутую Южную Африку, гдѣ геройскіе борцы за свою свободу и независимость также одушевленно распѣвали свои духовные гимны на поляхъ битвы.

XII.

Островъ Критъ. — Синій цвѣтъ въ мірѣ. — Языческіе идолы Аѳинъ. — Пирей. — Средства отъ морской болѣзни. — Опять въ Смирнѣ. — Мимо Санъ-Стефано. — Константинополь — очагъ политики. — Русская больница. — Школа и значеніе ея на Востокѣ.

Отъ Александріи до Пирея, гавани Аѳинъ, куда мы держали свой путь, двое сутокъ. Заходили на минуту на островъ «блаженныхъ», какъ называли въ древности Критъ; но такъ какъ это было ночью, то мы ничего не видѣли и не могли полюбоваться

снѣжною вершиною знаменитой горы Иды. Нѣкоторые пассажиры и не знали, что мы останавливались у острова.

Ко мнѣ подошелъ съ путеводителемъ въ рукахъ священникъ и, указывая на карту, сказалъ:

— Посмотрите, Критъ есть южная граница древняго греческаго міра, преграда, или стѣна Архипелага. За нею начинается язычество въ самой обольстительной формѣ. Но на сѣверѣ, въ головахъ Архипелага стоитъ святой Аѳонъ! Куда да сподобить Господь благовременно и благоуспѣшно донестись и намъ, грѣшнымъ.

— Батюшка, — замѣчаю ему, — я сейчасъ не могу заѣхать на Аѳонъ: мнѣ надо спѣшить въ Россію.

— Ну, Господь съ вами! А только: будетъ случай, — не преминьте заглянуть къ инокамъ. Высокопоучительно житіе ихъ тамъ!

Утромъ мимо насъ потянулись одинъ за другимъ синѣющіеся острова.

— Отчего въ мірѣ такъ много разлито голубого цвѣта? — спрашиваетъ молоденькая барышня у окружающихъ ее кавалеровъ. — И море, и небо, и даже острова вдали — все подернуто голубымъ или синимъ цвѣтомъ.

— Оттого, — успѣшилъ откликнуться болѣе молодой ея собесѣдникъ, — что мы на все смотримъ черезъ воздухъ, который имѣетъ свойство отражать голубые лучи...

— Совсѣмъ не то! — перебиваетъ его другой собесѣдникъ барышни. — Въ голубомъ цвѣтѣ надо усматривать символическое значеніе. Этотъ цвѣтъ, говорятъ, означаетъ вѣру. А потому вѣрою должна проникнуться вся наша міровая жизнь. Только на голубомъ полѣ, на фонѣ вѣры, красивы будутъ пестрые цвѣты любви и надежды.

Барышня ему поклонилась.

— Благодарю васъ! Вы мнѣ даете хорошую тему для вышиванія.

Среди дня, при тихой и ясной погодѣ, мы входили въ Сароникскій заливъ. Всѣ бинокли были устремлены впередъ. Побывавшіе раньше въ Аѳинахъ указывали остатки прежняго величія древне-греческаго міра. Всѣхъ занималъ главнымъ образомъ Акрополь, высоко царившій надъ городомъ. Въ сторонѣ виднѣются Эгина, Саламинъ. Вспомнили морскую побѣдуThemistocle и его знаменитое «бей, но выслушай!»...

Ко мнѣ опять подошелъ священникъ съ путеводителемъ и кратко замѣтилъ:

— Къ чему намъ, христіанамъ-паломникамъ, поминать честолюбиваго Themistocle? Мнѣ приходитъ здѣсь на память болѣе величавый образъ смиренномудраго апостола Павла, котораго греки тоже не хотѣли выслушать и обругали спермологосомъ.

— Помню, помню, батюшка! Тогда онъ проповѣдывалъ въ Аѳинахъ противъ греческихъ боговъ. Вѣдь въ тѣ времена, говоритъ

Петроній, въ Аѳинахъ легче было встрѣтить бога, чѣмъ человека.

— Не бога, а идола! — поправилъ меня священникъ. — Неподвижныхъ, бездушныхъ, беззвучныхъ боговъ не бываетъ. Обратите вниманіе, древнія статуи обыкновенно безъ глазъ, безъ этихъ необходимыхъ зеркалъ души, тогда какъ на христіанскихъ иконахъ главнымъ образомъ вырисовываются глаза. Подумайте, какая это глубокознаменательная притча во языцѣхъ!..

Въ другое время я съ удовольствіемъ послушалъ бы словоохотливаго священника, но сейчасъ мнѣ хотѣлось такъ жадно, жадно впиться глазами въ подробности раскрывавшейся картины. Общій гулъ восторга и громкихъ замѣчаній стоялъ среди пассажировъ на верхней площадкѣ: мы входили въ Пирейскую гавань. Вскорѣ загромычала якорная цѣпь, и пароходъ остановился. Пассажиры первыхъ двухъ классовъ тотчасъ же съѣхали на берегъ. Нѣкоторые отправились по желѣзной дорогѣ въ Аѳины.

Сегодня въ Пирей праздникъ иконы Божіей Матери Хризосфитиссы. Меня и двухъ священниковъ греки звали въ большой храмъ, разукрашенный живыми цвѣтами. Собственно въ Пирей нечего осматривать. Тутъ все такъ обыкновенно для южнаго приморскаго города. Да и пароходъ стоялъ недолго. Паломники третьяго класса вовсе не съѣзжали на берегъ.

Вечеромъ мы опять поплыли по водамъ Эгейскаго моря и немало заколыхались. Одна барынька пожаловалась, что въ греческомъ морѣ ее всегда укачиваетъ, или физически грубо до морской болѣзни, когда оно бурливо, или въ сладкихъ поэтическихъ грѣзахъ, когда оно тихо и блещетъ восхитительнѣйшими красками въ мірѣ. Услужливые кавалеры наперерывъ предлагали ей различныя средства. Одни совѣтовали положить горячій компрессъ на голову, другіе — принять каломель. Кто-то предложилъ носить во время качки красныя очки, какъ предупреждающее средство отъ морской болѣзни. Но укачавшаяся барынька предпочла лечь въ постель и спокойно заснуть.

Разсматривая красивые острова Архипелага, мы услышали отъ помощника командира интересныя сообщенія о грекахъ-островитянахъ. Между прочимъ, онъ рассказалъ намъ, что на островѣ Патмосѣ существуетъ православный монастырь, но въ его монашествующую братію могутъ попасть только коренные жители этого острова. Постороннихъ не принимаютъ. Почти каждый патмосскій старецъ дѣлается монахомъ, не отказываясь совсѣмъ и отъ житейскихъ дѣлъ. Ихъ голосъ, какъ старѣйшинъ народа, имѣетъ рѣшающее значеніе въ общественныхъ дѣлахъ острова. Турки не вмѣшиваются въ самоуправленіе грековъ. Они довольствуются податью, лишь бы имъ исправно ее выплачивали. Конечно, главный доходъ у жителей Патмоса, какъ и на другихъ маленькихъ островахъ, отъ моря.

На другой день по выходѣ изъ Пирея пароходъ пришелъ въ Смирну. Нельзя быть близъ столицы Малой Азіи и не зайти въ нее! Съ проведеніемъ Багдадской дороги будущность этого города громадна, но и теперь онъ поражаетъ своими торговыми оборотами. Въ немъ всегда шумно, и днемъ и ночью. Нагрузка и выгрузка товаровъ. Движеніе каравановъ верблюдовъ. Извозчики, носильщики, торговцы. Всѣ кричатъ, жестикулируютъ, горячатся. Здѣсь Европа и Азія, какъ два потока, сталкиваются между собою, пѣняются, крутятся и разсыпаются тысячами брызгъ. Греки, турки, евреи, сирійцы, итальянцы, французы, англичане, нѣмцы... Кого тутъ только нѣтъ! Впрочемъ, не въ одной Смирнѣ сталкивается Востокъ съ Западомъ. Апокалипсисъ упоминаетъ цѣлую плеяду городовъ (Ефесъ, Смирна, Пергамъ, Фіатира, Сардисъ, Филадельфія и Лаодикія), гдѣ эта борьба выражена въ мистическихъ предсказаніяхъ на всѣ времена міра.

На этотъ разъ мы недолго стояли въ Смирнѣ, и только пассажиры первыхъ двухъ классовъ позволили себѣ удовольствіе походить по многочисленнымъ магазинамъ города. Наши дамы прицѣплялись, кажется, ко всему, что видѣли ихъ глаза, но ничего не купили.

Ночью мы огибали островъ Митилену, а рано утромъ вошли въ Дарданеллы.

На пароходѣ былъ одинъ изъ участниковъ перевозки русскихъ войскъ въ 1878 году изъ Санъ-Стефано въ Одессу. Онъ знаетъ послѣднюю русско-турецкую войну не по книгамъ и газетамъ, а по многочисленнымъ рассказамъ ея героевъ И теперь, проходя Мраморнымъ моремъ, онъ занималъ насъ интересными эпизодами, особенно изъ времени послѣдней стоянки русскихъ войскъ въ виду Константинополя. При этомъ негодованію его на всѣхъ тѣхъ, кто помѣшалъ тогда нашимъ войскамъ взять столицу турокъ, казалось, не было предѣла.

Я замѣтилъ, у всѣхъ часто плавающихъ въ турецкихъ водахъ развивается наклонность къ политикѣ. Впрочемъ, это и понятно: въ «восточномъ вопросѣ» заинтересованы всѣ европейскія державы, а потому представители ихъ, въ лицѣ посланниковъ, консуловъ, драгомановъ, каждый день здѣсь «дѣлаютъ политику». Въ Константинополѣ всегда можно услышать сенсаціонныя новости и чрезвычайно тонкія хитросплетенныя соображенія относительно будущаго положенія дѣлъ. А съ посольствами и консулами волей-неволей приходится сталкиваться каждому иностранцу въ Турціи, а слѣдовательно—и войти черезъ нихъ въ интересы политики.

Вечеромъ при тихой ясной погодѣ пришли въ Константинополь и стали на якорь въ Золотомъ портѣ.

На этотъ разъ я послѣдовалъ нашимъ паломникамъ и остался ночевать на пароходѣ.

На обратномъ пути въ Россію немногіе изъ паломниковъ осматриваютъ Константинополь. Изъ пассажировъ третьяго класса съѣзжаютъ на берегъ только тѣ, которымъ надо пересѣсть на другой пароходъ, чтобы отправиться на Аеонъ. Меня и самого не тянуло повторить осмотръ древностей Византіи. Не могъ, однако, удержаться, чтобы еще разъ не взглянуть на бывший храмъ св. Софіи. Мнѣ кажется, сюда можно приходитъ любоваться постройкою Юстиніана хоть каждый день—и не надоѣсть смотреть.

Въ Константинополѣ есть русская церковь, больница и школа. И все это близко одно возлѣ другого. На осмотръ ихъ я посвятилъ цѣлое утро. Очень понравилась мнѣ здѣшняя больница. Она щеголяетъ чистотою и порядкомъ. При ней, кромѣ двухъ врачей, имѣются сестры милосердія изъ Покровской общины. Любезный докторъ показалъ мнѣ всѣ палаты, аптеку и сдѣлалъ небольшую характеристику о дѣятельности больницы за послѣднее время. Мнѣ еще раньше приходилось слышать похвалы ей отъ паломниковъ, серьезно заболѣвшихъ во время путешествія на пароходѣ изъ Одессы въ Константинополь.

Здѣшняя русская школа произвела не такое пріятное впечатлѣніе, какъ больница. Мы пришли въ нее въ компаніи четырехъ членовъ. Завѣдующій школою обошелъ съ нами нѣсколько классовъ и предложилъ намъ поэкзаменовать учениковъ. Большинство изъ нихъ, кажется, болгары. По-русски говорятъ неважно. Отвѣчаютъ съ трудомъ. Вызвали одного великовозрастнаго мальчика. Очевидно, онъ считается у нихъ лучшимъ ученикомъ. Но и этотъ лучший съ трудомъ намъ разсказалъ, при постоянныхъ подсказываніяхъ учителя, кто былъ Ілія. Только и могъ онъ изъ всѣхъ библейскихъ разсказовъ объ этомъ пророкѣ кое-что передать, какъ онъ былъ взятъ на небо, и какъ онъ оставилъ свою «шубу» пророку Елисею.

Въ одномъ классѣ мальчики прошѣли подѣ фисгармонію извѣстное трио Макарова: «Ангель вопіяше благодатней»...

По послѣднимъ свѣдѣніямъ школа имѣетъ теперь другое помѣщеніе, средства ея значительно увеличены, программа болѣе приспособлена къ мѣстнымъ требованіямъ. Все это, конечно, хорошо, и надо только радоваться этому и искренно желать успѣха, особенно теперь, съ развитіемъ латинской пропаганды на Востокѣ. Ни въ чемъ такъ не успѣваютъ католики среди православнаго населенія, какъ своими школами съ блестящимъ образованіемъ, съ хорошимъ преподаваніемъ иностранныхъ языковъ. Съ ними конкурировать трудно. Вообще западъ обольщаетъ здѣсь константинопольскую публику своею культурою и образованностью, и стремленіе быть европейцемъ вызываетъ нежелательныя явленія даже среди русскихъ интеллигентныхъ людей, служащихъ въ древней Византіи. Мнѣ пришлось столкнуться съ однимъ господиномъ,

который по своему положенію обязанъ любить простой русскій народъ, но на самомъ дѣлѣ онъ научился только презирать его. Онъ не стыдился передавать мнѣ, что старается избѣгать какой бы то ни было встрѣчи съ паломниками. И если онъ говоритъ о нихъ, то всегда съ нескрываемымъ омерзѣніемъ. Конечно, при такихъ радѣтеляхъ русскаго дѣла на Востокѣ намъ не выдержать борьбы съ инославною пропагандою.

XLII.

Аеонъ. — Защита православія. — Погоня за богатствомъ. — Слабость иноческаго житія въ городахъ. — Греческіе келіоты. — Духовное значеніе Аеона. — Поборы грековъ и турокъ. — Избранники Божіи. — Разсказъ странника. — Благоговѣніе народа къ Аеону.

Хотя наши аеонскіе монастыри въ свое время оказали щедрыя пожертвованія на русскую школу въ Константинополѣ, но, мнѣ кажется, этого недостаточно. Аеонъ долженъ теперь выступить на болѣе активную защиту православія, какъ это онъ дѣлалъ въ болѣе древнія времена. Аеонъ великъ и славенъ своими подвижниками, и уже тѣмъ онъ служитъ великую службу, что они являются среди него. Но въ наше время монастыри должны выпустить своихъ борцовъ по всему Востоку для поддержанія православія путемъ учебно-воспитательной дѣятельности среди грековъ, арабовъ и славянъ Турціи. Вѣдь теперь монашествующіе аеонцы не ведутъ исключительно замкнутую жизнь на своей Святой горѣ. Помимо помянутыхъ мною раньше иноковъ съ Аеона въ Палестинѣ, мы ихъ видимъ во множествѣ чуть ли не по всѣмъ большимъ городамъ Россіи.

На возвратномъ пути изъ Іерусалима случайно я встрѣтился съ однимъ очень уважаемымъ аеонскимъ старцемъ. Онъ былъ свидѣтель старинной строгой жизни Аеона, такъ трогательно описанной извѣстнымъ «Святогорцемъ», хорошо знаетъ и современное состояніе аеонскаго монашества, и вотъ что онъ мнѣ съ грустью повѣдалъ объ иноческомъ житіи:

— Съ каждымъ годомъ аскетическая жизнь аеонскихъ монаховъ все слабѣетъ и слабѣетъ... Сребролюбіе насъ заѣло. Прежде мы вполне довольствовались тѣмъ, что намъ пришлютъ изъ Россіи, теперь же мы высылаемъ цѣлую армію для сбора пожертвованій. Въ любомъ большомъ городѣ стоитъ лишь устроить подворье съ церковью, какъ тотчасъ же потекутъ рѣкою деньги. Доходы большіе, но какою цѣною мы ихъ приобретаемъ! Чтобы содержать подворье, надо имѣть изрядный штатъ служащихъ, надо имѣть сильныхъ, молодыхъ послушниковъ, а главное — хоръ пѣвчихъ. Вотъ тутъ-то и кроется зло. Молодой народъ, живя въ большихъ горо-

дахъ, не можетъ оберечь себя отъ соблазновъ. На него не дѣйствуютъ ни выговоры, ни наказанія, ни даже угрозы прогнать его. Онъ легко находитъ мѣсто въ другомъ монастырѣ или попробуетъ свои силы на другомъ поприщѣ. Если отошлешь его на Аѳонъ, онъ и тамъ находитъ возможнымъ вести слишкомъ соблазнительную жизнь для монаха, а то еще хуже — развратить и другихъ, болѣе скромныхъ. И что удивительно! Присылали на подворье исправныхъ, испытанныхъ на Аѳонѣ монаховъ, но и они въ городахъ скоро портились. Тяжелое, безвыходное положеніе!.

Старецъ вздохнулъ и поникъ головою. Я ему вполне вѣрилъ, потому что онъ зналъ аѳонскія дѣла, какъ непосредственно принимавшій въ нихъ самое дѣятельное участіе. Онъ разсказалъ мнѣ про огромныя пожертвованія извѣстнаго благотворителя - миллионера Сибирякова ¹⁾ и о его жизни на Аѳонѣ. Коснулись грековъ.

— Представьте себѣ,—сказалъ мнѣ въ отвѣтъ старецъ на мои разсказы о святогробскихъ монахахъ,—я о греческихъ келіотахъ болѣе высокаго мнѣнія. Они, по-моему, больше монахи, чѣмъ даже мы, русскіе на Аѳонѣ. Насъ, я говорю, обуяла золотая лихорадка. Они же довольствуются растущею около ихъ келлій маслиною и маленькими случайными пожертвованіями. Большихъ подаваній имъ неоткуда ждать. Они ближе подходятъ къ образу настоящаго отшельника, чѣмъ мы, повторяю, занятые добычею денегъ.

Я былъ страшно пораженъ тогда этимъ сообщеніемъ. Аѳонъ всегда представлялся въ моемъ воображеніи, какъ что-то особенное, исключительное среди монастырей всего міра. Туда идутъ люди, окончательно порвавшіе всѣ связи съ мірскою жизнью. Это мѣсто непрестанной молитвы. Аѳонъ — это мостъ, соединяющій землю съ небомъ, примиряющій людей съ Богомъ. Моимъ духовнымъ очамъ всегда рисовалась картина осѣненія Святой горы покровомъ Божіей Матери ²⁾. Тутъ, какъ бы двери рая, входъ въ Небесное царство. И вдругъ... мнѣ говорятъ, аѳонцевъ потянуло въ міръ, къ маммонѣ!

Случилось мнѣ бесѣдовать по этому вопросу еще съ другимъ аѳонскимъ старцемъ. Тотъ не только не отрицалъ сообщеній перваго, но еще прибавилъ кое-что отъ себя. Впрочемъ, этотъ оправдывалъ русскихъ монаховъ тѣмъ, что они поневолѣ должны позаботиться о деньгахъ не для себя, а для грековъ, правящихъ всѣмъ Аѳонскимъ полуостровомъ. Въ свою очередь греки жалуются на непомерныя поборы турокъ. Какъ бы то ни было, но тѣ и другіе посредствомъ русскихъ монастырей и келлій на Аѳонѣ высасываютъ огромныя суммы изъ Россіи. Это обстоятельство, конечно,

¹⁾ Схимонахъ Иннокентій, въ мірѣ Иннокентій Михайловичъ Сибиряковъ, 9-го ноября 1901 г., скончался на Аѳонѣ, въ Андреевскомъ монастырѣ.

²⁾ Аѳонъ издревле считается «удѣломъ Божіей Матери».

можетъ оправдывать русскихъ аеонцевъ, но объ утратѣ прежняго строгаго иноческаго житія надо пожалѣть, потому что на первомъ планѣ стоитъ все-таки высокое подвижничество монаховъ. На Аеонѣ живутъ не все простолюдины. Въ настоящее время среди монашествующей братіи есть много образованныхъ людей. Меня очень радуешь, что аеонскіе монастыри давно занимаются изда-ніемъ духовно-нравственныхъ книгъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Я лично познакомился съ однимъ интеллигентнымъ аеонцемъ, и вотъ что онъ мнѣ сказалъ въ оправданіе современныхъ монастырей:

— Какъ въ землѣ, среди множества разнообразныхъ металловъ, сравнительно немного находимъ золота, такъ и среди многочисленной иночествующей братіи очень мало встрѣчается выдающихся подвижниковъ. Взгляните на небо, и тамъ вы мало замѣчаете особенно яркихъ звѣздъ. Таково положеніе вещей во всемъ мірѣ. Слава Богу, если въ каждомъ монастырѣ будетъ хоть по одному выдающемуся свѣтильнику Божію. Вы того не забудьте, что въ монастырѣ три степени иночества: послушники, монахи и схимники. Немногіе достигаютъ послѣдней степени совершенства, большинство бьются на границахъ мірскаго житія, хотя и носятъ черное платье. И если бы весь монастырь работалъ исключительно ради этихъ немногихъ избранныхъ, «земныхъ ангеловъ», то, право, онъ не заслуживаетъ упрека. Вы помните, что сказано про нихъ въ Писаніи: ихже не бѣ достоинъ весь міръ! Апостолъ называетъ ихъ «царскимъ священствомъ». Въ такомъ случаѣ пусть монастырь будетъ дворцомъ для нихъ, а мы все—ихъ слугами. Право, не грѣхъ поработать для Божіихъ избранниковъ, непредосудительно и дань собрать для монастыря со всѣхъ вѣрующихъ въ угодниковъ Божіихъ.

Этотъ же почтенный инокъ рассказалъ мнѣ и про аеонскіе порядки. Онъ не обвинялъ турокъ, которые не вмѣшиваются въ дѣла монаховъ, довольствуясь опредѣленною данью; но не могъ удержаться, чтобы не упрекнуть грековъ, составляющихъ Протать—мѣстное управленіе аеонцевъ.

Обыкновенно русскіе паломники остаются въ восторгѣ отъ пребыванія на Аеонѣ и говорятъ о его долгихъ всенощнахъ, объ общей трапезѣ съ иноками, о суровомъ ихъ постѣ съ какимъ-то сладкимъ умиленіемъ. Но случилось мнѣ встрѣтиться съ московскимъ странникомъ, который, посѣтивъ Аеонъ зимою 1895 года, остался имъ, къ моему удивленію, очень недоволенъ. Это проглядывало у него въ каждой фразѣ.

— Перваго декабря,—говорилъ онъ,—мы высадились на Аеонъ. Гостинникъ монастыря принялъ меня недружелюбно. Должно быть, ему не приглянулась моя худая одежда. Когда мы вдвоемъ обходили монастыри, къ намъ въ пустынномъ мѣстѣ подошли три

грека-сиромаха ¹⁾). И такіе ребята ухватливые—молодецъ къ молодцу! Они стали приставать къ намъ и просили денегъ. Но мой товарищъ далъ имъ хорошій отпоръ, и они отстали. Когда я вернулся въ русскій монастырь, гостиникъ опять принялъ меня не по-братски, съ большимъ нерадѣніемъ. Вскорѣ онъ сталъ мнѣ замѣчать, что я долго живу въ ихъ монастырѣ, и пора бы мнѣ пріискать себѣ мѣсто на Аѳонѣ...

И весь рассказъ странника былъ въ такомъ тонѣ. Но это, повторяю, исключительный примѣръ. Большинство отзываются объ Аѳонѣ съ благоговѣніемъ. А ужъ про женщинъ и говорить нечего! Аѳонъ для нихъ «Святое святыхъ», куда онѣ и ступить не смѣютъ.

XLIII.

Впечатлѣніе народа отъ путешествія.—Рассказъ поэта-крестьянина.—Стремленіе къ паломничеству. — Ношеніе веригъ. — Бѣгство изъ дому. — Труды странничества.—Проживаніе въ Палестинѣ.—Бѣгство отъ турокъ.—Палубные разговоры.—Значеніе паломничества для простого народа.

Съ отъѣздомъ на Аѳонъ небольшой части паломниковъ, какъ будто стало попросторнѣе на палубѣ. Можетъ быть, сама публика умялась и оставила узкіе коридорчики для проходящихъ. Я воспользовался возможностью походить между паломниками и обошелъ всѣ трюмы. Мнѣ хотѣлось узнать, какое въ общемъ впечатлѣніе оставило путешествіе въ Іерусалимъ на нашъ простой народъ.

Въ одномъ уголку, склонившись надъ ящичкомъ, что-то записываетъ въ книжку молодой крестьянинъ съ шустрыми глазами на рябоватомъ лицѣ. Я полюбопытствовалъ, не дневникъ ли онъ пишетъ такъ усердно.

— Стишонки кропаю, — бойко отвѣтилъ мнѣ крестьянинъ и протянулъ свою книжку, наполовину написанную полууставомъ, съ красивыми заставцами и красными начальными буквами. Стихи, правду сказать, далеко не соответствовали тому старанію, съ которымъ они были написаны. Они хромали и размѣромъ и риемою. Поэтъ былъ крестьянинъ приволжской губерніи. Благочестивое желаніе посѣтить святыя мѣста заставило его покинуть свою семью и съ небольшими средствами отправиться въ Палестину.

— Много я причинилъ скорби и озлобленія моей семьѣ своимъ отъѣздомъ,—такъ началъ онъ, по моей просьбѣ, рассказывать мнѣ о паломничествѣ въ Палестину.—Давно, съ малыхъ лѣтъ, я собирался посѣтить святыя мѣста. Отъ чтенія житій святыхъ и отъ рассказовъ странниковъ духъ мой волновался и стремился къ какой-то тайной непостижимости. Разъ даже вышла большая смѣхота,

¹⁾ Бѣдные странствующіе монахи на Аѳонѣ.

о которой совѣстно и рассказывать. Захотѣлось мнѣ попробовать, какъ трудились святые, и сдѣлать я себѣ желѣзы¹⁾ и заперъ ихъ на себѣ накрѣпко. Но въ мірскихъ обязанностяхъ они оказались для меня весьма несносными: мѣшали работать. Тогда я рѣшилъ, что въ мірѣ нельзя спастись, и меня еще болѣе потянуло въ монастырь. Родители обо мнѣ много плакали и убѣдительно отговаривали меня отъ посѣщенія святыхъ мѣстъ: они боялись, что я навсегда останусь въ монастырѣ. Наконецъ, я дошелъ до крайняго изнеможенія и рѣшилъ убѣжать тайно. Припасъ я съ вечера все, что нужно въ пути, тайно ночью вынесъ шубу въ сарай и сталъ ждать утрени. Когда ударили въ колоколъ, я тихонько шмыгнулъ изъ дому и отправился въ путь... Но не тутъ-то было! Отецъ догналъ меня и воротилъ. Женили меня. Прошелъ годъ, другой, и я опять запросился ко святымъ мѣстамъ. Не пускаютъ. Жена и слышать не хочетъ! Что тутъ дѣлать? Рѣшилъ опять тайкомъ бѣжать изъ дому. Но вѣрно судьбы еще не было итти. Хотя я и прошелъ сотни полторы верстъ, но всю дорогу мучился, какъ я бросилъ своихъ родныхъ и жену съ малыми дѣтьми... Вернулся опять домой. Вскорѣ померъ отецъ. На моихъ плечахъ остались мать, сестра и жена съ двумя малютками. По времени я опять запросился у родныхъ итти ко святымъ мѣстамъ. Мать моя мало-малу стала умягчаться сердцемъ, и жена стала соглашаться, но тутъ возстали односельчане. Много я пролилъ слезъ отъ нихъ, отъ ихъ укоровъ и брани. Ругали меня въ глаза, какъ только можетъ вмѣстить языкъ, злобою исполненный. «Куда ты идешь?— говорили они. — Молись дома! Грѣхъ тебѣ оставлять мать и жену съ дѣтьми!» Но съ Божьей помощью я все перетерпѣлъ и, посоветовавшись съ друзьями, сталъ собираться въ дорогу. Отслужилъ молебень всѣмъ святымъ, принялъ напутственное благословеніе отъ священника, выправилъ билетъ въ волости, взялъ кожаную сумку, сухарей, падогъ (посохъ), все, какъ слѣдуетъ, и простился съ родными... А ужъ прощаніе-то какое было, я и рассказать не могу! Лучше я вамъ найду стихотвореніе, гдѣ все это написано.

И онъ открылъ мнѣ страницы, гдѣ было записано двадцать четверостишій.

— Куда же вы пошли?—спрашиваю его.

— Сперва въ Кіевъ, потомъ на Аеонъ, а оттуда къ Гробу Господню.

— Трудно было странствовать?

— Ой, какъ трудно-то! Сначала то снѣгъ лѣпилъ хлопьями, то бушевала сильная вьюга, то снѣжные заносы утомляли въ конецъ мои ноги. Потомъ пошла распутица, грязница по дорогамъ... Сколько я намучился! А дорогою идешь да все думаешь: какъ-то

¹⁾ Вѣрнги.

примуть, дадутъ ли переночевать, накормятъ ли? Попервоначалу тяжело было протягивать руку Христа ради... Всего натерпѣлся: и холоду, и голоду! Много разъ доводилось ночевать въ холодныхъ избахъ въ мокрой одеждѣ. Много и укоризнъ получалъ дорогою отъ людей. Всего бывало! У хохловъ очень одолѣвали собаки. Большія, злющія,—не знаешь, какъ и обороняться. Вотъ не хотите ли прочитать стихотвореніе о странничествѣ?

И онъ опять мнѣ преподнесъ книгу съ сорока четверостишіями.

— Какъ же вы доѣхали до Іерусалима?

— Богъ помогъ! Нашлись добрые люди, которые не оставили меня въ моемъ странствіи. Сорокъ рублей истратилъ я на дорогу до Іерусалима. Деньги всѣ вышли. Сталъ переколачиваться кое-какъ на письмахъ. Что выпишу на письмахъ, на то и куплю хлѣба. Такъ вотъ и переколачивался всѣ дни въ Іерусалимѣ. Чужая сторона слезъ не понимаетъ, я и написалъ домой, что дѣло заѣхано, а средствъ нѣтъ. Прислали немного. Теперь хватить мнѣ на первое время.

— Ну, а какъ вы путешествовали по Святой землѣ? Какъ ладили съ арабами да съ греками?

— Всюду побывалъ! Ходилъ и въ караванахъ, и отдѣльно. Среди поста отправились мы въ Назаретъ и на Өаворъ. Не очень пріятный былъ путь. Много было у насъ смятеній отъ турецкихъ угрозъ. Страдали насъ и бедуины-мусульмане. Но Богъ миловалъ: остались живы и цѣлы. Разъ пошли мы самостоятельно, двадцать два человѣка, къ колодцу Самарянки. Насъ окружили турки и стали требовать въ родѣ подати за проходъ черезъ ихъ городъ Наблусъ. Съ женатыхъ брали меньше. Тогда, чтобы поменьше платить имъ, мы всѣ себя выдали женатыми. Всѣ паломницы, и старыя и молодыя, разошлись по паломникамъ, какъ бы жены ихъ. И смѣхъ, и горе! Тогда-то, впрочемъ, не до смѣху было. Мы такъ были напуганы турками, что рѣшились убѣжать ночью. Перелѣзли черезъ каменную ограду и страха ради мусульманскаго бросились сколько было силъ по незнакомой дорогѣ. Темно. Постоянно сбивались съ пути. А сами дрожимъ отъ страха: вотъ, вотъ нагонять! Большую тугу испытали мы въ ту ночь! Только на утро, когда мы могли рассмотреть окружающую мѣстность, немного успокоились. Шутка ли: бѣжали, мнѣ кажется, верстъ пятьдесятъ!

Теперь крестьянинъ-поэтъ хочетъ изложить всѣ свои впечатлѣнія въ стихахъ. Я попробовалъ исправить нѣсколько четверостишій и отказался: слишкомъ много ошибокъ противъ правилъ стихосложенія.

Когда я съ нимъ прощался, онъ кланялся и приговаривалъ:

— Покорно благодаримъ за ваше неоставленіе!

Во второй палубѣ я наткнулся на кучку мужчинъ, среди которыхъ ораторствовалъ счетоводъ изъ С.-Петербурга о своихъ, какъ онъ выражался, мытарствахъ по канцеляріямъ, чтобы получить заграничный паспортъ.

Послушалъ и крестьянокъ-хохлушекъ о ихъ хозяйствахъ. Близость Россіи съ каждымъ днемъ чувствовалась и въ разговорахъ паломниковъ. Спросилъ я и паломницъ:

— Хорошо ли съѣздили въ Іерусалимъ?

— Слава Богу! Ужъ такъ хорошо, такъ хорошо, что и сказать нельзя! И все-то, все-то мы видѣли! Одно только упустили: сейчасъ сказывали, что есть такая гора, Кармилъ называется, гдѣ Ілья пророкъ у Бога дождя просилъ. И будто сдѣлана тамъ статуя Ільи. Вотъ ужъ этого не видѣли, такъ не видѣли. Не бывали тамъ. Искали еще, гдѣ Николай угодникъ жилъ, но это, говорятъ, далеко отъ Іерусалима и совсѣмъ въ другой сторонѣ. И всего-то мы накупили: одного регальнаго масла¹⁾ веземъ двѣ бутылки...

Вообще въ простомъ народѣ царить хорошее настроеніе отъ путешествія въ Іерусалимъ. И мнѣ кажется, надо всѣми средствами поощрять такія прогулки за границу, имѣющія, помимо религіознаго, общеобразовательное значеніе. Никакая школа такъ хорошо и скоро не научитъ человѣка, какъ путешествіе среди другихъ народовъ. Хорошо сказано древнимъ мудрецомъ: «Кто не имѣлъ опытовъ, тотъ мало знаетъ; а кто странствовалъ, тотъ умножилъ знаніе» (Ис. Сирах. 34. 10). Очень важно для развитія своей культуры сравнить ее съ другою. Посмотрите, какъ поучительны для русскаго человѣка примѣры изъ турецкой или арабской жизни.

Одинъ паломникъ всю дорогу всѣмъ рассказывалъ, какъ поразилъ его проѣзжающій на ослѣ феллахъ близъ какого-то самарійскаго селенія. Былъ вечеръ. Наступило время молитвы для магометанъ. Проѣзжающій феллахъ останавливаетъ осла, достаетъ что-то въ родѣ ковра и разстилаетъ его у забора. Затѣмъ, отвернувшись отъ людей, онъ сталъ на колѣняхъ молиться. Кончилъ молиться, — опять сѣлъ на осла и поѣхалъ дальше.

— Вотъ это я понимаю!—съ паѳосомъ восклицалъ случайный свидѣтель мусульманскаго правила. — Гдѣ бы ни былъ: пришло время, — становись на молитву и кланяйся, не обращая вниманія на народъ.

Но и отрипательныя стороны, подмѣченныя въ другихъ народахъ, имѣютъ свое значеніе: онѣ подбадриваютъ русскаго человѣка, что у него не только не хуже, но кое-что и лучше, чѣмъ у другихъ.

¹⁾ Пахучее масло, употребляемое нашими крестьянами, какъ лѣкарственное средство.

XLIV.

Отъѣздъ изъ Константинополя. — Красота Босфора. — Куда ѣхать отдыхать? — Выгода путешествія на Востокъ. — Ожиданіе Россіи. — Приходъ въ Одессу. — Таможенный осмотръ. — Возвращеніе въ С.-Петербургъ. — Заключение.

На второй день утромъ мы оставили Царьградъ и тихо вышли изъ Золотого Рога. На этотъ разъ берега Босфора не были закрыты туманомъ, и мы могли полюбоваться красивыми дворцами султана и дачами константинопольскихъ богачей. Около меня стояли дамы, много путешествовавшія за границей. Онѣ громко восхищались стилемъ построекъ, находили удивительную гармонию въ деталяхъ дворца, но я больше восторгался общей картиной пролива, оглядывая уходившіе въ даль оба его берега. Очень красивы по европейской сторонѣ скученныя деревушки среди темной зелени.

— Я удивляюсь, — обращается ко мнѣ отставной морской офицеръ, — зачѣмъ петербургскіе жители ѣздятъ въ Берлинъ, въ Вѣну, въ Парижъ. Вотъ куда надо путешествовать — на Востокъ! Тутъ все ново для европейца: народъ, ихъ обычаи, языки. Совершенно иная культура. А климатъ? а природа? Вы только взгляните: гдѣ вы увидите такую прелесть?

— Положимъ, — отвѣчаю ему, — у петербургскаго жителя есть свои основанія ѣхать къ французамъ или къ нѣмцамъ, разъ онъ къ нимъ ѣдетъ: кто отдыхать, кто изучать на практикѣ иностранные языки, кто знакомиться съ жизнью передовыхъ народовъ. Я уже не говорю о тѣхъ, кто отправляется за границу по какимъ либо дѣламъ.

— Я о нихъ самъ не говорю. Моя рѣчь о путешествующемъ баринѣ, который хочетъ отдохнуть отъ городской сутолоки. И что же онъ дѣлаетъ? Попадаетъ въ еще болѣе несносную сутолоку Парижа или Лондона. И что за интересъ? Та же европейская толпа на улицахъ, что у насъ на Невскомъ проспектѣ, тѣ же городскія впечатлѣнія, такое же кольцо дымныхъ фабрикъ и заводовъ вокругъ города, а слѣдовательно такое же зараженіе воздуха, какъ въ Петербургѣ, да еще, пожалуй, и хуже, потому что у насъ хоть съ западной стороны громадный притокъ чистаго морского воздуха. По-моему, если ужъ отдыхать, то лучше всего на лоно природы, подальше отъ всякаго намека на городъ; а если путешествовать, то опять-таки подальше отъ Европы, отъ однообразнаго платья, отъ однообразной сѣренькой природы.

— Значитъ, въ Азію надо ѣхать?

— Да, въ Азію. Не даромъ англичане такъ облюбовали Востокъ для своихъ путешествій.

— Но вѣдь для такой поѣздки надо время и деньги. Не всякій чиновникъ располагаетъ даже двухмѣсячнымъ отпускомъ.

— Чего же вамъ лучше, какъ ваше собственное путешествіе въ Сирію, Египеть, Грецію! Вы въ Петербургѣ будете черезъ недѣлю, значитъ, на объѣздъ всѣхъ этихъ странъ вамъ надо было всего четыре недѣли, да столько же вы провели въ Палестинѣ. Итого меньше двухъ мѣсяцевъ! И сообразите, вы за двѣсти рублей во второмъ классѣ, при чемъ на пароходѣ съ продовольствіемъ, дѣлаете около десяти тысячъ верстъ! Вѣдь это такое разстояніе, которое переноситъ васъ или на край Стараго Свѣта, во Владивостокъ, или на берегъ Новаго — въ Америку!

Морякъ долго еще мнѣ рассказывалъ о выгодахъ путешествія на Востокъ и немного мѣшалъ отдать должное вниманіе красотамъ Константинопольскаго пролива.

Съ выходомъ изъ Босфора, какъ будто, мы разстались съ тепломъ юга: чувствовался сѣверный холодокъ на палубѣ. Среди дня пошелъ мелкій дождь, и берега затянулись сѣрой пеленой. Одно утѣшало паломниковъ: качки не было. Сегодня у всѣхъ пассажировъ отобрали заграничные паспорта, чтобы завтра ихъ передать жандармамъ.

И слѣдующій день подарилъ насъ полною тишиною на морѣ. Съ утра всѣ усердно занимаются укладкою и увязкою вещей. Всѣ въ нетерпѣливомъ ожиданіи скорѣй увидѣть російскіе берега.

Въ два часа пополудни мы входили въ гавань Одессы.

Собственно, паломничество давно кончилось, потому что духовнаго пѣнія ни на верхней палубѣ, ни въ трюмѣ не слышно. Всѣ паломники озабочены теперь, какъ бы не растерять своихъ вещей, благополучно пройти таможеню и доѣхать до одного изъ аеонскихъ подворій.

Какъ только пароходъ причалилъ, тотчасъ же появились жандармы. Пересмотрѣвъ паспорта, они намъ вернули ихъ и разрѣшили выходить на пристань. Осмотръ багажа въ таможенѣ былъ черезчуръ усердный и потому крайне непріятный. У офицера, ѣхавшаго изъ Трансвааля, отобрали двѣ-три англійскихъ книги и тѣмъ причинили ему немало хлопотъ, чтобы выручить ихъ изъ цензуры.

Большинство паломниковъ отправилось опять къ аеонскимъ монахамъ. Весь дворъ подворья загромоздили сундуками и мѣшками. Тутъ же, подъ открытымъ небомъ, дѣлалась и перекладка вещей, при чемъ продавались желающимъ іерусалимскіе образки и крестики.

Черезъ четыре дня, 26-го апрѣля, я вѣзжалъ въ Петербургъ. Шелъ хлопьями мокрый снѣгъ, а я былъ въ соломенной шляпѣ.

— Видно, что изъ Палестины ѣдете? — замѣчаютъ мнѣ встрѣчающіеся знакомые.

— Я уже пережилъ весну, — отвѣчаю имъ, — испыталъ и жаркое лѣто, а у васъ все еще снѣга и холодъ!

Этотъ контрастъ двухъ климатовъ особенную цѣну придаетъ поѣздкѣ на югъ въ мартѣ мѣсяцѣ. Но, помимо всѣхъ внѣшнихъ условій путешествія, для вѣрующаго паломника чрезвычайно дорого сознаніе, что и онъ былъ въ Иерусалимѣ, про который сказано было еще древнимъ: обращайтесь къ мѣсту, какое избереть Господь, Богъ вашъ, и туда приходите. Вѣдь Господь обѣщался, что тамъ, гдѣ Онъ положитъ память имени Своего, Онъ «придетъ къ намъ и благословитъ насъ». Вотъ это-то благословеніе Сіона и чаесть получить каждый христіанскій паломникъ.

Прежде путешествіе въ Палестину связано было съ массою непріятностей и даже съ рискомъ для жизни. А теперь это — не больше, не меньше, какъ удобная и пріятная прогулка, доступная для всѣхъ возрастовъ. Я видѣлъ съ паломниками и маленькихъ дѣтей и почтенныхъ стариковъ болѣе семидесяти лѣтъ.

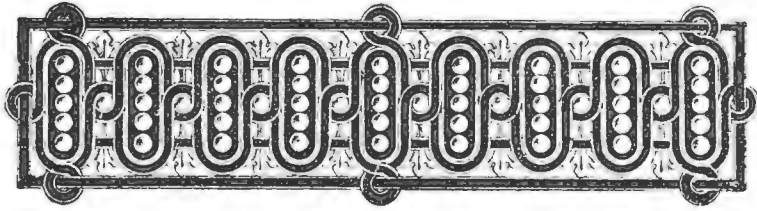
За два мѣсяца путешествія воспринимается масса впечатлѣній, неизгладимыхъ на всю жизнь. Рѣдкій изъ грамотныхъ паломниковъ не запишетъ для памяти своего обозрѣнія святынь. Говорятъ, вѣрующему человѣку никогда не скучно слушать или читать про тѣ мѣста, гдѣ жилъ и страдалъ Спаситель міра. Вотъ почему и появляется въ печати такъ много воспоминаній о Палестинѣ, о Иерусалимѣ, о храмѣ Грѣба Господня. Въ самомъ дѣлѣ, есть ли на землѣ болѣе центральная точка для исторіи всѣхъ вѣковъ, чѣмъ то святое мѣсто, гдѣ воплотившійся Богъ умеръ и воскресъ? Вѣдь здѣсь сосредоточена вся тайна бытія нашего и здѣсь же предѣлъ всякой человѣческой мысли. За Иерусалимомъ находятся непостижимые для насъ верхъ и низъ, рай и адъ, т.-е. то, что внѣ нашихъ чувствъ и понятій. Иерусалимъ — это есть граница земного и небеснаго. Здѣсь сильнѣе чувствуется близость Божія. На Сіонѣ избранное мѣсто для имени Бога до конца вѣковъ.

«Обращайтесь къ нему и идите туда!» — повторю и я съ глубокимъ убѣжденіемъ этотъ призывъ Божій.

Благословенъ Господь отъ Сіона, живый во Иерусалимѣ!

И. П. Ювачевъ.

ПОѢЗДКА ВЪ МОГИЛЕВСКУЮ ГУБЕРНІЮ.

ВЪ ПРОШЛОМЪ году мнѣ нужно было съѣздить по дѣламъ въ Могилевскую губернію. Я выѣхалъ изъ Москвы 24-го марта въ почтовомъ поѣздѣ. Прежде всего я долженъ былъ остановиться въ городѣ Оршѣ. Закусивъ въ вокзалѣ, я нанялъ извозчика еврея, ибо въ Оршѣ, какъ и во всей Могилевской губерніи, всюду и во всемъ нельзя обойтись безъ еврея. До города, т.-е. до центра, отъ вокзала версты три, и дорога весной невозможная, несмотря на то, что имѣется въ городѣ шоссе. Ѣхать все время пришлось рядомъ съ шоссе по глубокимъ лужамъ и колевинамъ грязи и снѣга, рискуя ежеминутно вывалиться изъ пролетки, крайне ветхой и ненадежной. По шоссе же Ѣхать не было возможности, потому что на немъ было очень много снѣга и большія выбоины, такъ что даже шагомъ Ѣхать было опасно. Въ городѣ была страшная грязь, и чѣмъ дальше мы подвигались на его конецъ, къ базару, грязи было все больше и больше, а самая базарная площадь, можно сказать, утопала въ грязи. Я велѣлъ извозчику остановиться тамъ, гдѣ отходятъ дилижансы, ибо на отплытіе пароходовъ въ Могилевъ я не рассчитывалъ, такъ какъ шелъ еще ледъ по Днѣпру. Извозчикъ подвезъ меня къ одноэтажному, очень грязному внутри и снаружи домишку и сказалъ, что это станція дилижансовъ, гдѣ есть и номера для проѣзжающихъ. Войдя въ общую большую комнату, я попросилъ дать мнѣ номеръ, и меня впустили въ довольно темную, холодную и грязную конурку съ сломанной кроватью, на которой лежали невозможно грязныя одѣяло и подушки, съ нѣсколькими ломаными стульями и столомъ, покрытымъ запятнанной цвѣтной ска-

тертью, и объявили цѣну за номеръ пятьдесятъ копеекъ въ сутки. Однако, всюду царившая грязь внушала мнѣ такое отвращеніе, что я, позвавъ одного изъ толпившихся и галдѣвшихъ у входа жидовъ, оказавшагося факторомъ, просилъ его указать мнѣ болѣе удобную гостиницу. Онъ объяснилъ, что здѣсь недалеко есть хорошая гостиница, и свелъ меня туда. Дѣйствительно, тамъ за 75 копеекъ я нанялъ хотя и маленькій, но довольно сносный номеръ.

Въ Оршѣ я пробылъ два дня, предполагая, что пойдетъ въ Могилевъ первый пароходъ; но мнѣ сказали, что еще съ недѣлю придется ждать, и поэтому я рѣшился, скрѣпя сердце, тащиться въ дилижансѣ, что и дорого, и скверно, и нескоро. Этими двумя днями я воспользовался, чтобы осмотрѣть городъ, одинъ изъ древнѣйшихъ въ Бѣлоруссіи.

Основаніе Орши, по лѣтописямъ, относится къ XI столѣтію, и въ немъ много памятниковъ владычества Польши. Самый городъ довольно большой и двѣ-три улицы довольно красивыя, обсажены деревьями, вымощенныя и имѣютъ много красивыхъ каменныхъ домовъ. Въ особенности хороша главная Петербургская улица. Городъ расположенъ на правомъ возвышенномъ берегу Днѣпра, хотя близъ Орши и лѣвый берегъ гористый. Кромѣ того, городъ пересѣкаетъ небольшая рѣка Оршица и здѣсь же впадаетъ въ Днѣпръ. Въ центрѣ города находится соборъ, и въ оградѣ его городское училище. Соборъ, бывшій прежде костелъ тринитаровъ, основанъ въ 1714 году и въ 1831 году, по закрытіи костела, перестроенъ въ православный храмъ, хотя небольшой, но довольно высокій и свѣтлый. Противъ собора разбитъ небольшой и еще молодой, но довольно густой, городской садъ. Недалеко отъ собора, на возвышенномъ берегу Оршицы, величественно красуется Покровскій мужской монастырь и при немъ каменное двухъэтажное зданіе духовнаго училища. Этотъ монастырь тоже реставрированъ изъ бывшего Базилианскаго костела, по закрытіи его въ 1831 году. Основаніе его относится къ началу XVIII столѣтія. Въ Покровскомъ монастырѣ есть образъ Спасителя писанный на полотнѣ, въ старой багетовой рамѣ. Ликъ Спасителя, замѣчательно красивъ, живопись довольно старая и въ общемъ производитъ сильное впечатлѣніе. По преданію, этотъ образъ итальянской живописи писанъ художникомъ съ оригинала Нерукотвореннаго образа и пожертвованъ въ костелъ какимъ-то польскимъ магнатомъ. Въ храмѣ все напоминаетъ старину, и, несмотря на настоящее значеніе его, какъ православнаго храма, чувствуется, что здѣсь былъ когда-то католическій и при томъ древній костелъ. Высокіе своды церкви, громадныя желѣзныя двери, длинные низкіе каменные коридоры, высокіе хоры и громкое эхо раздающихся голосовъ и шаговъ особенно дѣйствуютъ на нервы, и невольно переносишься мыслью въ далекое прошлое. На базарной площади находится древняя еврейская синагога. Сна-

Городъ Орша.

ружи она не привлекаетъ къ себѣ вниманія, хотя въ настоящее время и обновлена, но внутри очень красива. Мѣсто, гдѣ находятся заповѣди, замѣчательно красиво задрапировано, стѣны и скамьи блестятъ свѣжестью и новизною, при чемъ куполь синагоги изображаетъ голубой небесный сводъ съ мелкими облаками. Евреи съ особеннымъ удовольствіемъ водили меня вездѣ, показывая синагогу и видимо гордясь красотой отдѣлки. Къ сожалѣнію, никто изъ провожавшихъ меня не могъ назвать года постройки синагоги, хотя всѣ знаютъ, что она очень древняя.

На противоположномъ берегу Днѣпра, всего въ верстѣ отъ города, расположены два монастыря—мужской, Богоявленскій, и женскій, Успенскій. Когда подъѣзжаешь по Днѣпру на пароходѣ къ Оршѣ, оба монастыря красуются на возвышеніи, окутанные кругомъ зеленью. Оба монастыря основаны извѣстнымъ ревнителемъ православія Стеткевичемъ, его матерью Анною, урожденною княжною Огинскою, и его женою, урожденною княжною Соломорецкой. Они освящены кievскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою, при чемъ Богоявленскій основанъ въ 1623 году, а Успенскій въ 1631 году. Въ Успенскомъ женскомъ монастырѣ сохранилась маленькая ветхая, деревянная церковка, въ настоящее время соединенная съ пристроенной къ ней трапезной. Эта церковь первая съ основанія монастыря, и въ ней находится монастырская ризница, богатая старинными облаченіями. Остальныя церкви въ обоихъ монастыряхъ уже каменные, недавно построенныя. Успенскій женскій монастырь отличается благоустройствомъ и видимо обладаетъ хорошими средствами, а Богоявленскій мужской монастырь выглядит бѣднѣе и какъ бы пустыннымъ, но при всемъ этомъ, въ общемъ, производитъ отрадное впечатлѣніе. Гуляя тамъ вокругъ единственной маленькой каменной церкви въ саду, не хочется уходить. При воспоминаніи о минувшихъ подвигахъ монашествующихъ въ борьбѣ за православіе, во времена польскаго владычества, монастырь кажется роднымъ и дорогимъ. Да, много пришлось православнымъ монастырямъ когда-то бороться, страдать и терпѣть въ Бѣлоруссіи! Братіи въ Богоявленскомъ монастырѣ немного, но зато всѣ замѣчательно симпатичны и гостепріимны, въ особенности отецъ настоятель и отецъ казначей.

Орша—городъ довольно большой и, благодаря евреямъ, очень оживленный и торговый. Всѣ пассажиры и товары въ Могилевскую губернію и обратно проходятъ черезъ Оршу, и поэтому здѣсь всѣ зарабатываютъ хорошо—и извозчики, и купцы, и гостиницы, и постоялыя дома. Но съ открытіемъ Витебско-Жлобинской дороги торговля и процвѣтаніе города падутъ, такъ какъ Орша станетъ передаточной станціей для губерніи, и все пойдетъ мимо нея. Пароходное же сообщеніе, благодаря мелководью Днѣпра, хорошо только весной, а лѣтомъ на низъ пароходы еле ходятъ до Могилева, а

Городъ Могилевъ

ниже до Жлобина и вовсе перестаютъ дѣлать рейсы, въ особенности если лѣто безъ дождей и жаркое.

Наконецъ, я собрался ѣхать въ Могилевъ и взялъ билетъ въ дилижансѣ. Выѣхали мы вечеромъ, часовъ въ восемь, и, переѣхавъ Днѣпръ по мосту, направились по шоссе. Дорога была плохая, гдѣ снѣгъ, а гдѣ нѣтъ его, и при томъ сильно приморозило ночью. Ѣхать было тепло, но очень тѣсно, и всю ночь пришлось не спать и просидѣть въ самомъ неудобномъ положеніи. Лошади плохія, да и возница бѣлоруссъ съ кондукторомъ евреемъ всю дорогу дремали. До Могилева 76 верстъ, и мы пріѣхали въ него, когда уже стало свѣтло, часовъ въ шесть или въ семь утра. Около станціи, на улицѣ, названной громкимъ именемъ Днѣпровскаго проспекта, оказалась гостиница «Лондонъ», конечно, еврейская, но довольно чистая и недорогая, гдѣ я и остановился, впредь до пріисканія себѣ квартиры, которую я скоро нашелъ на этой же улицѣ, только въ самомъ концѣ, близъ заставы, гдѣ строится вокзалъ Витебско-Жлобинской желѣзной дороги. Въ Могилевѣ квартиры, топливо и всѣ вообще продукты очень дешевы, хотя съ пріѣздомъ строителей дороги все сразу вздорожало, какъ это и вездѣ случается, но все же сравнительно съ Москвой большая разница.

На другой день, въ великую пятницу, я присутствовалъ на выносѣ плащаницы въ кафедральномъ соборѣ, который находится на Днѣпровскомъ проспектѣ. По улицѣ, близъ собора, размѣстились войска для парада и мѣстное вольное пожарное общество съ двумя хорами музыки. Когда начался выносъ плащаницы изъ маленькаго собора въ большой кафедральный, то при звонѣ колоколовъ войска взяли на караулъ и музыка заиграла «Коль славенъ». Плащаницу несли преосвященный и начальствующія лица губерніи. Погода была прекрасная, чисто весенняя, и народу было множество. Жаль только, что вмѣстѣ съ православными собралось много евреевъ, которые, конечно, уже не затѣмъ пришли, чтобы молиться, а лишь для того, чтобы поглазѣть. Кромѣ того, нѣкоторые, въ особенности стоявшіе сзади, позволяли себѣ не снимать шапокъ, за что, впрочемъ, иные пошлатились, ибо шапки безъ церемоніи сбивались, чѣмъ попало, близъ стоящими. Евреи вообще присутствуютъ въ Могилевѣ на всѣхъ торжествахъ и парадахъ близъ храмовъ, ибо они народъ любопытный и надоѣдливый, да и количествомъ своимъ въ Могилевѣ превышаютъ православныхъ и католиковъ втрое. Лѣтомъ изъ-за евреевъ по субботамъ нельзя пройти по троттуарамъ; они просто кишатъ, какъ муравьи, въ особенности оборванные и грязные ихъ ребятишки.

Лавки въ Могилевѣ почти тоже всѣ еврейскія, и если вы не запасетесь въ пятницу до заката солнца тѣмъ, что вамъ нужно, то просидите голодными. Въ русскихъ же лавкахъ не все можно достать, да и дороже заплатите, и лавокъ-то двѣ или три всего.

Богоявленскій Братскій монастырь въ Могилевѣ.

Впрочемъ, въ послѣднее время и евреи не такъ строго придерживаются стараго закона; многіе изъ мелкихъ торговцевъ потихоньку отъ своихъ, въ субботу, вернувшись изъ синагоги, торгуютъ черезъ заднее крыльцо и не стѣсняются брать деньги. Торгуютъ евреи съ ранняго утра и до глубокой ночи, въ особенности лѣтомъ; начинаютъ запирать лавки въ одиннадцать-двѣнадцать часовъ, нѣкоторые даже въ часть ночи. Вообще они народъ крайне подвижной, мало спятъ, замѣчательно мало ѣдятъ и постоянно находятся въ движеніи. Размножаются они поразительно. Какъ ни спросишь у которойнибудь еврейки, сколько у нея дѣтей, отвѣчаетъ шесть, восемь, девять: «нехай будутъ здоровы». Это прибавленіе непремѣнно каждая еврейка скажетъ. Торговля все мелкая, хорошихъ магазиновъ, какъ въ другихъ губернскихъ городахъ, вы не встрѣтите. Въ Могилевѣ много еврейской бѣдности, такой, что когда помотришь, гдѣ и какъ живутъ, то съ непривычки приходишь въ ужасъ. Гдѣнибудь въ труппѣ лачуга, и въ ней помѣщается по двѣ, по три семьи; грязь возлѣ и внутри лачуги, масса ребятшекъ вмѣстѣ съ козами копошатся у воротъ, а мать сидитъ тутъ же и торгуетъ грошовымъ товаромъ, смѣчками, леденцами и т. п. Но при всемъ этомъ въ субботу и въ дни еврейскихъ праздниковъ у всѣхъ есть во что нарядиться. Мужчины, женщины и дѣти разодѣнутся и высыпаютъ на улицу и разгуливаютъ цѣлыми толпами. Вся торговля, всѣ фольварки, т.-е. имѣнія, мельницы, заводы и т. д.,—все это въ рукахъ евреевъ во всей губерніи. Благодаря этому, крестьяне бѣлоруссы до сихъ поръ не могутъ оправиться и всѣ почти бѣдны. Замѣчательно, что православный или католикъ у крестьянъ не можетъ ничего купить такъ сродно, какъ у еврея. Станешь торговать, напримѣръ, десятокъ яицъ; просить баба пятнадцать копеекъ. «Да вѣдь я же у евреевъ куплю за десять копеекъ, почему же тебѣ не уступить мнѣ лучше за десять копеекъ, вѣдь если еврейка мнѣ продаетъ за десять копеекъ, то у тебя покупаетъ за восемь и девять копеекъ». Замашетъ руками, и ни за что не уговоришь. Бѣлоруссы относятся къ евреямъ недружелюбно, постоянно ругаютъ, но все же безъ еврея нигдѣ не обойдется и даже въ прислуги къ нимъ нанимаются охотнѣе, чѣмъ къ русскимъ или къ католикамъ, исключая, конечно, богатыхъ домовъ. Происходитъ это отъ того, что евреи, празднуя сами субботу и свои праздники, даютъ полную свободу и прислугѣ въ праздничные наши дни и, кромѣ того, обращаются съ прислугой снисходительно, за панибрата. Но зато все, кромѣ прислуги, евреи сильно эксплуатируютъ и высасываютъ изъ всего себѣ барыши и гешефты. Бѣдные рабочіе евреи крайне трудолюбивы. Сапожники, портные и другіе мастера берутъ за работу замѣчательно дешево, хотя работаютъ неважно. Скорняжный и кожевенный промыслы также почти въ рукахъ евреевъ, хотя это

Катедральный собор в Могилеве.

производство въ Могилевской губерніи очень древнее и прежде всецѣло было въ рукахъ русскихъ. Съ открытіемъ весны и навигаціи по Днѣпру жизнь въ Могилевѣ и торговля очень оживляются. Дешевизна сообщенія, въ особенности на еврейскихъ пароходахъ, дѣлаетъ то, что даже, кому и не нужно, ѣздить до Орши и внизъ до Жлобина, просто для прогулки, послѣ зимней замкнутости. Отъ Могилева до Кіева билетъ третьяго класса стоитъ всего два рубля. До Орши же бываетъ время, что ради конкуренціи на нѣкоторыхъ пароходахъ возятъ по десять копеекъ съ человѣка, хотя обыкновенная цѣна третьяго класса—сорокъ копеекъ.

Въ 1901 году, весна въ Могилевѣ была дружная, и съ 2-го апрѣля установилась сразу прекрасная, теплая, даже жаркая погода. Разливъ Днѣпра былъ замѣчательно великъ, и самое излюбленное мѣсто могилевцевъ, при разливѣ, для гулянья былъ садъ пожарнаго общества, насаженный не очень давно на громадномъ такъ называемомъ валу, возвышающемся надъ Днѣпромъ, съ котораго видъ вообще прекрасный, при разливѣ восхитительный. На Пасху къ заутрени я отправился было въ соборъ, но, вслѣдствіе страшной тѣсноты и по шедшему дождю, измѣнилъ свое намѣреніе и отправился въ гимназическую церковь. Гимназія имѣетъ небольшую, но очень хорошую церковь, гдѣ поютъ гимназисты. Обѣ стороны церкви тоже были заняты гимназистами, а также и гимназистками, у которыхъ своей церкви пока еще нѣтъ. Здѣсь же собралась вся интеллигенція Могилева, такъ какъ въ гимназіи было тепло, свѣтло, сухо и, благодаря широкимъ коридорамъ, всѣ могли свободно двигаться съ крестнымъ ходомъ. Изъ гимназіи я зашелъ въ соборъ, гдѣ еще засталъ половину обѣдни. Народу уже много поубавилось, и я могъ пройти почти свободно въ храмъ. Весь освѣщенный соборъ очень былъ красивъ, служба торжественная, служилъ самъ владыка, при двухъ хорахъ пѣвчихъ — архіерейскихъ и хоръ городского училища, въ обыкновенное время поющихъ въ братствѣ.

Съ апрѣля установилась прекрасная, теплая погода, деревья стали быстро одѣваться зеленью, пароходы начали свои рейсы внизъ до Кіева и вверхъ до Орши, и Могилевъ ожилъ, принарядился, и жизнь пошла кипучая. На желѣзной дорогѣ возобновились работы по постройкѣ, пріѣхало много народа, но зато провизія вздорожала. Весь апрѣль я никуда не ѣздилъ изъ Могилева и въ свободные часы гулялъ и осматривалъ городъ.

Такъ какъ Могилевъ расположенъ на очень гористомъ (правомъ) берегу, то издали красивъ, тѣмъ болѣе, что на переднемъ планѣ виднѣются лучшія постройки города. Изъ-за Днѣпра видны дома губернскаго правленія и губернатора, внизу городскій водопроводъ съ высокой трубой. Правѣе высится городская башня, колокольня Братскаго монастыря и Спасская церковь; далѣе дру-

Внутренность кафедрального собора въ Могилевѣ.

гіе каменные дома. Какъ-то я взобрался на городской валъ, возвышающійся высоко надъ Днѣпромъ, и любовался разливомъ Днѣпра, такъ какъ отсюда была видна вся залитая мѣстность задрѣпровья. Само заднѣпровье, т.-е. предмѣстье города, очень красиво съ вала; оно называется Лупалово, отъ слова лупить, что значитъ выдѣлывать кожи — старинный промыселъ жителей предмѣстья, занимающихся имъ и доселѣ. На валу, какъ я уже упоминалъ, разбитъ садъ, принадлежащій мѣстному пожарному обществу. На площади, близъ сада, расположены дома губернатора, губернскаго правленія, окружнаго суда, казенной палаты съ казначействомъ, музеемъ и библиотекой городской ратуши и другіе. Городская ратуша съ восьмиугольной на фронтѣ башней, увѣнчанной гербомъ, построена въ 1679 году. Внизу башни парадная дверь для входа въ ратушу, или, такъ сказать, думу. Австрійскій императоръ Іосифъ II во время своего пребыванія въ Могилевѣ въ 1780 г. съ этой башни любовался общимъ видомъ на городъ, который лѣтомъ утопаетъ въ зелени, а весной въ маѣ прямо благоухаетъ отъ цвѣтовъ, такъ какъ въ Могилевѣ масса фруктовыхъ садовъ, въ особенности на окраинахъ. Отъ площади идутъ двѣ почти прямыя и самыя лучшія улицы черезъ весь городъ. Главная, Большая Садовая, на которой иные дома существуютъ еще съ XVIII столѣтія, вторая, Днѣпровскій проспектъ, въ концѣ котораго строится вокзалъ новой Витебско-Жлобинской желѣзной дороги. На Днѣпровскомъ проспектѣ находятся Братскій монастырь, театръ, домъ дворянства, Воскресенская церковь, кафедральный соборъ, женская гимназія, городское училище, клубъ, управление строящейся дороги и другія казенныя учрежденія, а въ серединѣ и концѣ помѣщаются казармы и полковая церковь. На Большой Садовой расположены архіерейскій домъ съ домовою церковью и консисторіей, духовная семинарія, театральнй скверъ, который соединяетъ Садовую съ Днѣпровскимъ проспектомъ и называется Муравьевскимъ садомъ. Здѣсь, по праздникамъ, играетъ музыка; входъ бесплатный, и потому садъ всегда набитъ евреями. Садъ молодой, съ фонтаномъ, и очень нарядный, но только гулять въ немъ можно днемъ, когда евреи заняты. Затѣмъ, противъ сквера на пересѣкающей Садовую Дворянскою улицѣ находится реальное училище. Далѣе на Садовой находятся главная еврейская синагога, мужская гимназія, управление акцизными сборами, лютеранская кирка, красный крестъ, банкъ и другіе частныя лучшіе дома и лучшіе магазины города, при чемъ домъ еврея Бобовика не испортилъ бы собою и лучшую улицу Москвы.

Братскій мужской монастырь основанъ въ 1620 году Могилевскимъ православнымъ крестоноснымъ братствомъ, и главный Богоявленскій храмъ его — самый большой въ Могилевѣ, очень красивый внутри, а колокольня по вышинѣ не уступитъ Ивану Вели-

Домикъ Петра Великаго въ г. Кошлыи

кому въ Москвѣ, но въ основаніи своемъ четырехугольная и много шире.

Театръ построенъ въ 1886—1888 годахъ, небольшой, но очень нарядный. На углу площади домъ дворянства, гдѣ императоръ Александръ Николаевичъ, будучи еще наслѣдникомъ престола, въ 1839 году, проѣзжая Могилевъ, заболѣлъ и пребывалъ въ этомъ домѣ шесть недѣль. Домъ въ настоящее время довольно ветхій, низъ подъ лавками каменный, а верхъ деревянный. Во дворѣ дома дворянства находится костелъ во имя Успенія Пресвятой Богородицы, бывшій до 1873 года каедральнымъ, а нынѣ приходскій. Костелъ этотъ построенъ въ 1692 году православными гражданами города Могилева изъ кирпича отъ разобранныхъ самими ими собственныхъ домовъ, по повелѣнію короля польскаго Яна III Собѣскаго, къ наказанію за убіеніе помѣщика Зеньковича. Въ костелѣ на хорахъ есть современная картина, изображающая это событіе.

Каедральный соборъ въ Могилевѣ, во имя св. Іосифа Обручника, заложенъ собственноручно императрицею Екатериной II и австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II, въ память свиданія ихъ въ Могилевѣ въ 1780 году, 30-го мая. Соборъ очень оригинальной архитектуры, но не великъ. Внутренность отдѣлана подъ мраморъ, въ иконостасѣ четыре иконы прекрасной работы, за которыя художнику уплачено по 10.000 рублей за каждую.

Противъ театра, отъ Днѣпровскаго проспекта направо, идетъ Дворянская улица, очень коротенькая, кончающаяся спускомъ къ Днѣпру, гдѣ расположены слободы города, а налѣво идетъ Виленская улица, уже чисто еврейская. Она спускается внизъ къ рѣчкѣ, называемой Дубровенкой, которая въ городѣ же, близъ вала, впадаетъ въ Днѣпръ; далѣе, за рѣчкой, улица опять поднимается въ гору и кончается слободой и русскимъ и католическимъ кладбищами, гдѣ масса зелени. По рѣкѣ Дубровенкѣ, по обѣимъ ея сторонамъ, ютятся почти сплошь жалкія и грязныя еврейскія лачужки; и даже масса зелени не можетъ прикрыть ихъ грязи, вони и убожества, да и самая рѣченка загрязнена до безобразія. На углу Виленской улицы и такъ называемой набережной рѣчки Дубровенки построена и въ нынѣшнемъ году открыта большая вторая каменная и довольно красивая еврейская синагога, въ память древнѣйшей черты осѣдлости въ этомъ мѣстѣ евреевъ въ Могилевѣ. Кромѣ того, отъ Днѣпровскаго моста, влѣво въ гору идетъ еще Быховская улица, не большая, но довольно красивая. Здѣсь на горѣ находится женское епархіальное училище, помѣщающееся въ громадномъ прекрасномъ зданіи, самомъ лучшемъ изъ всѣхъ учебныхъ заведеній Могилева.

Въ началѣ мая я отправился въ лежащій по Днѣпру, въ пяти верстахъ отъ Могилева, монастырь Буйничи. Такой недалекій путь я совершилъ на городскомъ извозчикѣ, конечно, еврей, заплативъ

Древняя ратуша въ Шкловѣ.

туда и обратно всего два рубля. Въ монастырѣ находится женское училище и епархіальный свѣчной заводъ. Буйничскій женскій монастырь, бывший до 1835 года мужскимъ, основанъ въ половинѣ XVII вѣка Богданомъ Стеткевичемъ, могилевскимъ подкоморіемъ. Въ настоящее время онъ процвѣтаетъ.

Вскорѣ затѣмъ мнѣ оказалось нужнымъ съѣздить въ г. Старый Быховъ. Поѣздку эту я совершилъ на пароходѣ. Городъ расположенъ тоже на возвышенности, но много удаленной отъ Днѣпра, такъ какъ самые берега около Быхова низменные и болотистые. Общій видъ Быхова довольно красивъ. Онъ очень небольшой, чисто еврейскій и бѣдный. Каменныхъ построекъ почти нѣтъ. Торговля плохая и вся, конечно, въ рукахъ евреевъ, такъ что Быховъ если интересенъ, то только въ историческомъ отношеніи. Онъ сталъ извѣстенъ по лѣтописямъ, какъ городъ, принадлежавшій къ Кіевскому княжеству, съ XIV столѣтія. На площади находится Спасо-Преображенскій соборъ, оконченный постройкой, кажется, въ 1873 году. Соборъ окруженъ садикомъ. За нимъ на откосѣ горы, надъ лугомъ, прилегающемъ къ Днѣпру, стоитъ дворецъ Сапѣги, называемый замкомъ, нынѣ казармы гарнизона. Напротивъ замка находится костелъ во имя Непорочнаго Зачатія, построенный тоже Сапѣгою въ XVII вѣкѣ. Кромѣ того, въ Быховѣ находится очень древняя, высокая и большая еврейская синагога, тоже построенная для евреевъ Сапѣгою.

Изъ Быхова я проѣхалъ въ Рогачевъ. Этотъ городъ, весь окутанный зеленью, среди которой господствуютъ пирамидальные тополи, выглядывалъ довольно весело, особенно при закатѣ солнца. Главная и въ сущности почти единственная улица его, идущая почти параллельно Днѣпру, очень красива, постройки въ ней довольно порядочныя, много каменныхъ домовъ; въ особенности интересенъ домъ помѣщика Юлшина, выстроенный на подобіе маленькаго дворца, съ террасами и башенкой наверху, окруженный каменной стѣной и обсаженный деревьями. Этотъ домъ могъ бы служить украшеніемъ въ любомъ большомъ городѣ. По срединѣ улицы, на площади, находится красивый соборъ, наружнымъ видомъ очень похожій на Быховскій. Костелъ здѣсь деревянный и маленькій. Рогачевъ очень древній городъ и въ лѣтописяхъ упоминается уже съ 1142 года. Въ началѣ главной улицы, близъ Днѣпра, на высокой площадкѣ, находится замокъ королевы Боны, построенный во времена польскаго владычества. Въ настоящее время въ немъ помѣщается военный цейхгаузъ.

Изъ Рогачева я направился обратно, вверхъ по Днѣпру, мимо Могилева, до заштатнаго города Копыся. Это древнѣйшій городъ губерніи, основанъ въ XI столѣтіи, нынѣ же числится заштатнымъ и представляетъ собою плохое и бѣдное еврейское мѣстечко. На берегу возвышается валъ, бывшее укрѣпленіе, построенное импе-

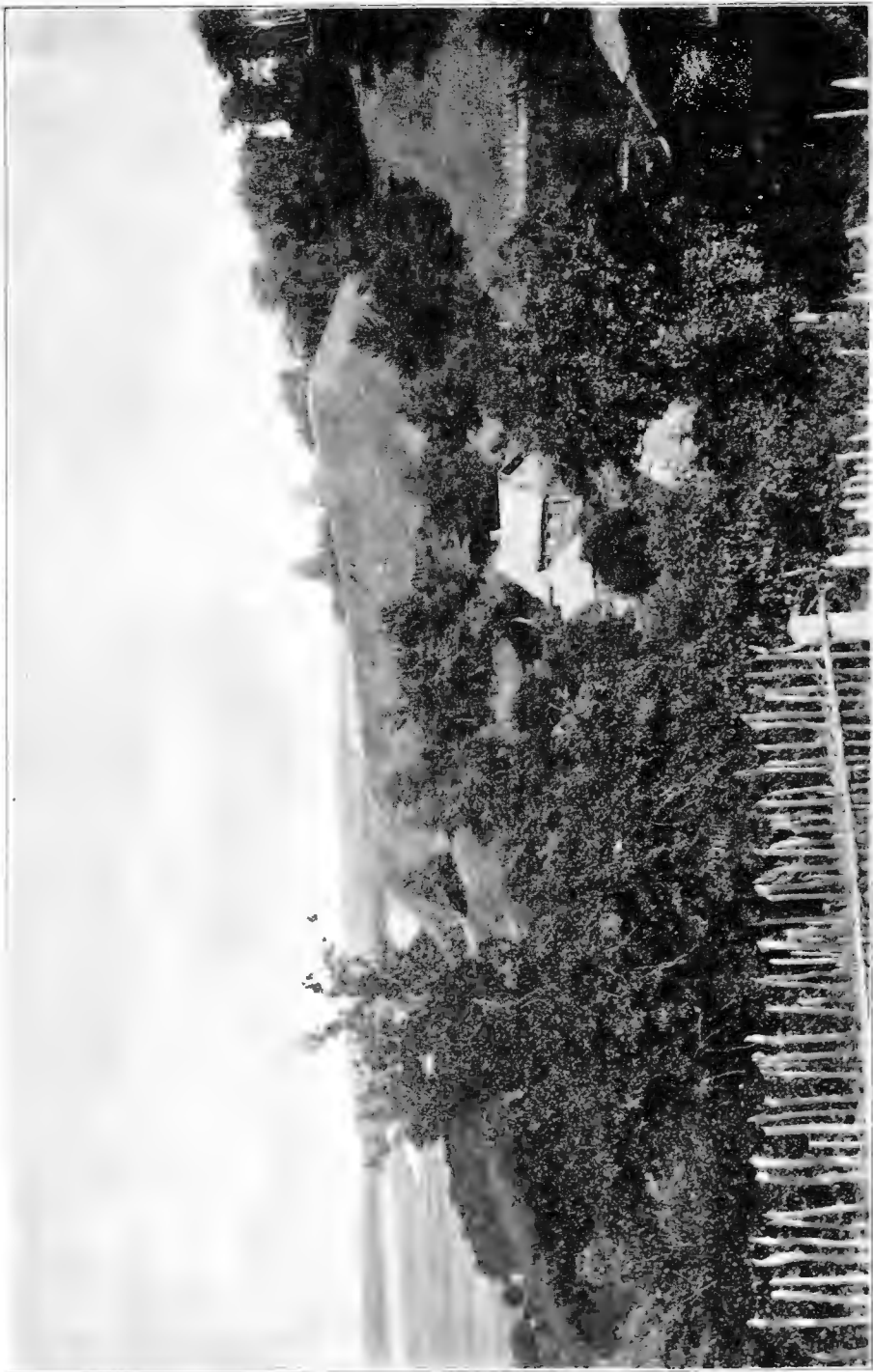

Зеленая гора в Мстиславль.

раторомъ Петромъ I, а недалеко отъ него находится домикъ Петра, въ которомъ, по преданію, онъ жилъ во время постройки укрѣпленій въ войну со шведами. Въ настоящее время надъ этимъ домикомъ сдѣланъ навѣсъ для предохраненія отъ непогоды и кругомъ разведенъ молодой фруктовый садикъ. На валу планируется и насаживается городской скверъ, откуда прекрасный видъ на Днѣпръ. Въ Копыси въ настоящее время настроено много кафельныхъ заводовъ; если только ихъ производство разовьется, въ особенности по открытіи Витебско-Жлобинской дороги, то мѣстечко скоро поправится.

Изъ Копыся я возвратился обратно внизъ по Днѣпру и остановился въ Шкловѣ. Этотъ городъ упоминается въ исторіи съ 1535 года и въ прежнее время былъ торговый, многолюдный и богатый. Обороты его достигали до 10 милліоновъ рублей въ годъ; въ настоящее же время это также обыкновенное еврейское мѣстечко, немного больше и лучше Копыся. Шкловъ принадлежит теперь помѣщику Кривошеину, бывшему министру путей сообщенія. Владѣлецъ построилъ прекрасную картонную фабрику, винный заводъ, кафельный заводъ и для себя новый, очень красивый домъ, который обсаживается садомъ.

По возвращеніи изъ Шклова въ Могилевъ, я долженъ былъ чрезъ нѣсколько дней совершить поѣздку въ самый древній въ Бѣлоруссіи городъ — Мстиславль, а по дорогѣ посѣтить и другія мѣста Бѣлоруссіи. Выѣхалъ я изъ Могилева въ такъ называемой кареткѣ, запряженной двумя жидовскими клячами; это шестимѣстный ящикъ, довольно тѣсный и низкій и для ѣзды не очень-то удобный. По мѣрѣ приближенія къ г. Чаусамъ, я наблюдалъ необычайное изобиліе козъ; хотя ихъ и въ Могилевѣ довольно, но здѣсь, и въ деревняхъ, и въ самомъ г. Чаусахъ, цѣлыя стада. Въ мѣстности, гдѣ расположенъ г. Чаусы, въ древнія времена кочевали цыганы, и отъ цыганскаго слова, чеусъ или чевскъ, что означаетъ шатерь, произошло и названіе города. Посреди его, на площади, находится Воскресенскій соборъ, бывший костелъ, основанный въ 1747 году и обращенный въ православную церковь въ 1863 году. Недалеко отъ собора, на горѣ, при спускѣ къ рѣкѣ Басѣ, находится очень красивая небольшая каменная Георгіевская церковь, недавно построенная, вмѣсто сгорѣвшей деревянной. Въ этой церкви хранятся старинные документы города — грамоты королей Стефана Баторія, Владислава I и друг. За мостомъ, чрезъ рѣку Басю, расположена живописная слободка, вся въ зелени, называемая Зарѣчье. Въ центрѣ слободы, на горѣ, находится церковь во имя угодника Николая Чудотворца, построенная на томъ мѣстѣ, гдѣ была ставка императора Петра I во время боя со шведами. Вообще эта мѣстность интересна въ историческомъ отношеніи. Около Чаусъ видны до сихъ поръ валы и укрѣпленія, построенные для защиты города. Затѣмъ

Дѣвичья гора въ Мстиславльѣ,

въ Лѣсномъ, въ двѣнадцать верстахъ отъ Чаусъ, тоже существуютъ валы и церковь, основанная императоромъ, и во многихъ другихъ мѣстахъ до сихъ поръ сохранились слѣды борьбы со шведами. Въ настоящее время г. Чаусы небольшой еврейскій городишко, довольно бѣдный и скучный, какъ всѣ почти города Могилевской губерніи. Изъ Чаусъ чрезъ два дня я поѣхалъ въ такой же кареткѣ въ г. Чериковъ, до котораго считаютъ тоже сорокъ верстъ. Разстояніе это, благодаря жаркой погодѣ и плохимъ еврейскимъ лошадямъ, пришлось ѣхать цѣлый день. Основаніе Черикова по лѣтописямъ неизвѣстно, но въ 1604 году, по повелѣнію короля Сигизмунда III, онъ получилъ наименованіе города. Въ Чериковѣ собственно одна только церковь—соборъ, стоящій на площади. Есть еще маленькая деревянная, но тамъ очень рѣдко служатъ. Также есть каменный, старинный, противъ городского сада, костель. Что интересно въ Чериковѣ, такъ это протекающая здѣсь рѣка Сожъ. Городъ расположенъ на гористомъ берегу рѣки, такъ что если вы выйдете на берегъ, то вездѣ можете любоваться роскошными видами на заливные луга на той сторонѣ рѣки Сожа и разбросанными далеко на возвышенностяхъ хуторами и перелѣсками. Хотя Сожъ здѣсь не судоходный (пароходы ходятъ ниже отъ мѣстечка Пропойска), благодаря мелководью, но довольно широкой и красивой. Чериковъ болѣе оживленный и обширный, чѣмъ Чаусы, хотя постройки въ городѣ всѣ деревянные, за исключеніемъ клуба и присутственныхъ мѣстъ. Лавки всѣ еврейскія. Недалеко отъ Черикова, въ 4—5 верстахъ, находится имѣніе князя Оболенскаго, Горки, и тамъ на высокомъ берегу рѣки Сожа, въ очень живописной мѣстности, построены княземъ домъ большой, каменный, красивой архитектуры, передъ которымъ со стороны подъѣзда разбивается большой цвѣтникъ; передній же фасадъ обращенъ на Сожъ. Около дома расположены прекрасныя конюшни, за которыми тянется, вдоль Сожа, старый еловый лѣсъ. Близъ Черикова вообще много усадебъ богатыхъ землевладѣльцевъ.

Изъ Черикова я поѣхалъ въ Мстиславль, черезъ мѣстечко Кричевъ. Относительно Кричева мѣстное переданіе утверждаетъ, что основаніе его принадлежитъ кривичамъ, древнѣйшимъ обитателямъ здѣшнихъ мѣстъ, и что въ немъ было языческое капище. Историческія свѣдѣнія о Кричевѣ появляются съ половины XIV столѣтія. Кричевъ также расположенъ на высокомъ берегу рѣки Сожа, и хотя мѣстечко почти еврейское, но довольно торговое и большое; въ постройкахъ замѣтно нѣкоторое если не богатство, то достатокъ жителей. Жаль только, что это мѣстечко часто горитъ и, благодаря высокой мѣстности, пожары всегда принимаютъ большіе размѣры.

Изъ Кричева въ Мстиславль я выѣхалъ вечеромъ, часовъ въ десять, по закатѣ солнца. Была лунная и теплая ночь. Дорога шла большою частью лѣсомъ по глубокому песку, и при этомъ мѣстность

Тупичевскіі жанскіі манастыр ў Мстиславлі.

отъ Кричева до Мстиславля необычайно холмистая. Овраги и горы чередовались постоянно, и приходилось то подниматься на гору, то спускаться въ оврагъ.

Мстиславль стоитъ на рѣкѣ Вехрѣ и раскинулся на холмахъ, въ чудной живописной мѣстности, которую рѣдко можно встрѣтить; виды съ возвышенностей прекрасныя, и ихъ можно сравнить только съ кievскими. Затѣмъ, въ городѣ масса зелени, еще болѣе придающей ему издали красы. Мстиславль одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ не только губерніи, но и всей Россіи, основанъ въ первой половинѣ XII столѣтія. Въ 1180 году, Мстиславль былъ уже столицею удѣльнаго княжества. Въ костелѣ, бывшемъ монастырѣ іезуитовъ, хранится до сихъ поръ карта, на которой видно, что въ составъ Мстиславльскаго воеводства входили города Могилевъ, Шкловъ, Бѣлоничи, Орша, Шіевъ, Лемница, Сѣнно, Обольцы, Одручко, Орева, Копысь, Горки, Дубровка, Выховъ, Баркалабово, Пропойскъ, Чаусы, Радомль и Кричевъ. Многіе изъ этихъ городовъ теперь плохенькія еврейскія мѣстечки, а другіе и вовсе обыкновенныя бѣдныя бѣлорусскія села. Недалеко отъ костела расположенъ соборъ, на который для украшенія и обновленія императрица Екатерина II отпустила порядочную сумму денегъ. При въѣздѣ въ городъ, съ Троицкой горы, соборъ и костелъ, расположенныя на высокому холмѣ и окруженныя домами и зеленью, производятъ прекрасное впечатлѣніе, а внизу, въ громадномъ рву, ютятся маленькія хижины, съ разными спусками и лѣстницами съ горы, окруженныя тоже зеленью, такъ что вся мѣстность напоминаетъ собой кievскія прекрасныя виды. Троицкая гора около самаго города получила названіе отъ бывшей здѣсь деревянной церкви во имя св. Троицы, нынѣ сгорѣвшей. Эта церковь была построена на могилахъ воиновъ, павшихъ при защитѣ Мстиславля отъ шведовъ. Въ настоящее время тамъ осталось только нѣсколько могилъ, съ деревянными крестами, уцѣлѣвшихъ отъ бывшаго кладбища. Послѣ пересѣченія этой горы громаднымъ и глубокимъ ущельемъ, возвышается другая гора, называемая Замковая, которая другой стороной опускается къ площади, гдѣ стоитъ соборъ. На Замковой горѣ находился ранѣ замокъ польскихъ королей, совершенно разрушенный шведами. Съ этой горы одинъ изъ прекрасныхъ видовъ на Зарѣчье (слобода за рѣкой Вехрой) города Мстиславля. Смотри съ громадной высоты, вы видите передъ собой панораму на нѣсколько верствъ въ окружности, направо же, недалеко отъ Замковой горы, надъ небольшими холмами, возвышается круглая гора овальной формы, называемая Дѣвичьей горой. По преданію, это бывшая крѣпость, построенная дѣвицами города, для защиты отъ шведовъ. Середина горы нѣсколько углублена. Съ Дѣвичьей горы тоже прекрасныя виды на окрестности. Въ Мстиславлѣ находится Тупичевскій женскій монастырь, очень красивой архитектуры, основанный

въ концѣ XVI или началѣ XVII столѣтія вельможею Мстиславльскаго воеводства Москевичемъ и его сыновьями. Названіе получилъ монастырь отъ урочища Тупичевщины. Въ монастырѣ хранится много цѣнныхъ подарковъ отъ коронованныхъ особъ. Мстиславль одинъ изъ большихъ городовъ губерніи и довольно торговый. Послѣ большого пожара уже почти вновь обстроился. Каменныхъ домовъ много, а масса садовъ очень украшаетъ городъ. Улицы широкія, только мало мощеныхъ.

Изъ Мстиславля обратно въ Чериковъ я поѣхалъ другой дорогой, не на Кричевъ, а на мѣстечко Малятичи и, выѣхавъ изъ Мстиславля, по случаю жары, вечеромъ, часовъ въ десять, пріѣхалъ въ Малятичи утромъ, часовъ въ пять. Ночь была лунная, и поэтому проѣхать сорокъ верстъ на обыкновенномъ парномъ городскомъ извозчикѣ было очень пріятно. Мѣстечко Малятичи основано въ XVIII столѣтіи и въ настоящее время обыкновенное бѣлорусское село; центръ его заполненъ евреями, у которыхъ лавки и постоянные дворы. Церковь въ Малятичахъ обращаетъ на себя вниманіе особенностью архитектуры, построена она бывшимъ владѣльцемъ мѣстечка Сестрженцевичемъ, по плану римскаго собора Петра и Павла, уменьшенному въ тридцать два раза. Обращена въ православную церковь въ 1836 году. Около Малятичей, на горѣ, въ сосновомъ лѣсу, расположена усадьба нынѣшней владѣлицы мѣстечка, г-жи Полонской.

Изъ Малятичей я опять выѣхалъ вечеромъ и утромъ былъ уже въ Чериковѣ, откуда взялъ мѣсто въ кареткѣ и отправился прямо въ Могилевъ.

Въ заключеніе скажу, что въ Бѣлоруссіи на каждомъ шагу наталкиваешься на историческія мѣста, такъ какъ она играетъ видную роль въ исторіи. Такъ, напримѣръ, я забылъ упомянуть, что въ мѣстечкѣ Чечерскѣ сохранились древняя городская ратуша и церковь, тамъ же недалеко такъ называемое Татаринское городище. Недалеко отъ мѣстечка Жлобина есть церковь, существующая семьсотъ лѣтъ. Недалеко отъ Орши, верстахъ въ пятнадцати, лежитъ громадный камень Рогвольда и много другихъ памятниковъ старины. Въ Гомелѣ есть дворецъ графа Паскевича, замѣчательный по красотѣ и богатству, и чудный ботаническій садъ. Проѣзжая Гомель, я лишь издали любовался какъ садомъ, такъ и дворцомъ, который возвышается надъ рѣкой Сожемъ. Вообще, чтобы осмотрѣть подробно всѣ памятники старины Бѣлоруссіи, мало одного лѣта.

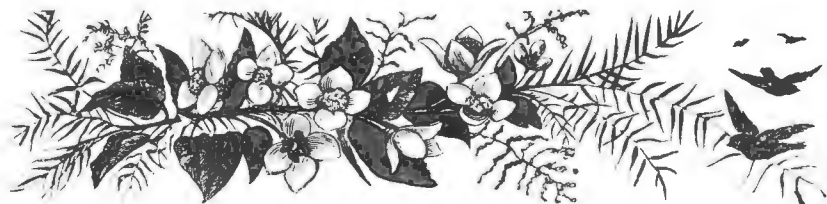
Громадное большинство помѣщиковъ въ губерніи католики, у которыхъ всѣмъ заправляютъ евреи. Не говоря уже объ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ, во всякомъ селѣ и деревнѣ и на проѣзжихъ дорогахъ торгуютъ, арендуютъ фольварки, мельницы, луга, молочный скотъ, исключительно евреи. Безъ еврея, какъ я уже ска-

залъ, нельзя обойтись. Но особенно ихъ много въ Могилевѣ и, вѣроятно, чрезъ 40—50 лѣтъ, благодаря быстро размножающимся евреямъ, русскихъ и католиковъ тамъ уже не будетъ замѣтно. Земли въ губерніи съ каждымъ годомъ дорожаютъ, благодаря покупкамъ ихъ цѣлыми крестьянскими обществами не только мѣстными, но и прїѣзжающими изъ другихъ мѣстъ. Покупаютъ землю даже прїѣзжіе латыши.

Н. Н. Останковичъ.

ПАМЯТИ Н. А. НЕКРАСОВА.

(По случаю двадцатипятилѣтія со дня смерти).

НИКОЛАЙ Алексѣевичъ Некрасовъ имѣлъ восторженныхъ поклонниковъ и злобныхъ недруговъ. Послѣдніе хотѣли отнять у поэта все: они подвергали сомнѣнію искренность его поэзіи, а въ немъ самомъ видѣли чловѣка, торгующаго своими убѣжденіями. Владимиру Сергѣевичу Соловьеву, философу и поэту, принадлежитъ самая рѣзкая оцѣнка жизни и творчества Некрасова. Эта оцѣнка находится въ письмѣ къ Фету отъ 22-го января 1885 года, которое не такъ давно напечатано въ московскомъ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» на 1901 годъ «На-дняхъ», пишетъ В. С. Соловьевъ, пересматривая книжку Некрасова, я отступилъ отъ правила *de mortuis aut bene aut nihil* и намельхиседечилъ слѣдующее:

«Поэту-отступнику.

«(По прочтеніи «Послѣднихъ пѣсень» Некрасова).

«Восторгъ души—расчетливымъ обманомъ,
И рѣчью рабскою—живой языкъ боговъ,
Святую мирную—крикливымъ балаганомъ
Онъ замѣнилъ и обманулъ глупцовъ.

«Когда же самъ разбитъ, разочарованъ,
Онъ вспомнить захотѣлъ былую красоту, —
Языкъ кощунственный, къ земной пыли прикованъ,
Напрасно привывалъ нетлѣнную мечту.

«Тоскующей любви плѣнительные звуки
Животной злобы крикъ позорно заглушалъ,
Не поднимались косивющія руки,
И блѣдный призракъ тихо ускользалъ».

Въ этихъ стихахъ покойнаго философа—приговоръ всей жизни и поэзіи Некрасова, столь жестокой и рѣзкой, что, помѣстивъ это стихотвореніе въ книжкѣ стиховъ, Соловьевъ смягчилъ послѣднюю строфу и не далъ произведенію никакого заглавія. «Расчетливый обманъ»—вотъ тайна творчества Некрасова; «рабская рѣчь»—вотъ поэтическая форма; «крикливый балаганъ»—вотъ общее впечатлѣніе поэзіи «мести и печали»!

В. С. Соловьевъ вынесъ этотъ рѣзкій приговоръ послѣ прочтенія «Послѣднихъ пѣсень», стихотвореній, написанныхъ въ послѣдніе годы жизни, когда мучительный недугъ среди стоновъ физической боли и страданій медленно и вѣрно велъ Некрасова къ могилѣ. Близость смерти сказалась въ тяжелой работѣ совѣсти, вырвала тяжелыя признанія и покаянія. «Умирающій Некрасовъ,—пишетъ очевидецъ,—и со мной и со многими другими заводилъ свои затрудненныя, оправдательно-покаянныя рѣчи, перемежаемыя еще вдобавокъ стопами и криками. Очевидно, было страстное желаніе выложить всю душу, уже еле державшуюся въ больномъ, изможденномъ тѣлѣ, страстное, послѣднее въ жизни желаніе раскрыть тайну этой жизни, можетъ быть, даже не намъ, слушателямъ этой единственной въ своемъ родѣ исповѣди, а самому себѣ... Некрасовъ чувствовалъ и понималъ, что въ его прошломъ есть большая заслуга, отъ которой отрекаться не приходится. Но она трагически фатально забрызгалась грязью, и передъ зіяющей пропастью смерти Некрасовъ не могъ ни другимъ рассказать, ни себѣ уяснить эту смѣсь добра и зла. Онъ старался, но не могъ и мучился...». Мученія совѣсти, о которыхъ говоритъ очевидецъ, отразились и въ стихахъ, написанныхъ въ годы болѣзни. Горькое и печальное чувство охватываетъ при ихъ чтеніи. Вся жизнь проносится передъ умирающимъ, и онъ и ищетъ отвѣта, и колеблется въ отвѣтѣ на вопросы, зачѣмъ онъ жилъ. Ему иногда кажется, что вся жизнь, вся работа исчезаетъ, какъ легкій паръ весеннихъ облаковъ; иногда, невѣрнымъ, дрожащимъ перомъ онъ прискиваетъ оправданія своей жизни.

«Я умру—моя померкнетъ слава,
Не дивись, и не тужи о ней!»

Въ стихотвореніи съ помѣтой въ ночь съ 7-го на 8-е января поэтъ говоритъ о «приговорѣ»:

«Вы въ своей землѣ благословенной
Парин—не знаетъ васъ народъ...»

. . . . .

«Камень въ сердце русское бросаю,
Такъ о васъ весь Западъ говоритъ.
Заступись, страна моя родная!
Дай отпоръ!... Но родина молчитъ».

По временамъ, надежда закрадывается въ сердце поэта, и общее сочувствіе, знаки котораго онъ получалъ въ теченіе своей болѣзни, вызываетъ гордыя строки:

«Не бойся горькаго забвенья:
Ужъ я держу въ рукѣ моей
Вѣнецъ любви, вѣнецъ прощенья,
Даръ кроткой родины твоей...
Уступить свѣту мразь упрямый,
Услышишь пѣсенку свою
Надъ Волгой, надъ Окой, надъ Камой»...

Тяжело видѣть передъ своими глазами смерть и не быть увѣреннымъ въ правотѣ своей жизни! Въ предсмертныхъ стихахъ поэтъ много говоритъ о своихъ грѣхахъ; ему кажется даже, что висящіе на стѣнахъ портреты друзей смотрятъ на него укоризненно. Последнее стихотвореніе собранія:

«О Муза! я у двери гроба!
Пусть я много виноватъ,
Пусть увеличить во сто кратъ
Мои вины людская злоба.
Не плачь!»

И эта тяжкая работа совѣсти вызвала у Соловьева такіе рѣзкіе стихи. Кое-что онъ понялъ въ ней; то, что понялъ, находится въ третьей строфѣ, но онъ глубоко не правъ, отрицая за поэзіей Некрасова искренность и утверждая, что его идеализмъ былъ только маской. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы намѣрены, во-первыхъ, выяснить элементы раздвоенія и трагизмъ односторонности поэзіи и жизни Некрасова; во-вторыхъ, показать искренность основныхъ мотивовъ поэзіи Некрасова; и, въ-третьихъ, доказать, что Некрасовъ въ глубинѣ своего существа былъ гораздо ближе къ источникамъ идеализма, чѣмъ это принято думать.

I.

Въ біографіяхъ поэта можно найти подробности объ его дѣтствѣ. Такое дѣтство выпадаетъ немногимъ; оно исключительно по необыкновенной смѣси жестокости, тиранства, нищеты, разврата и порока. Быть можетъ, ни у кого изъ нашихъ писателей растлѣнные, карамазовскіе элементы не входили въ такомъ изобиліи въ обстановку дѣтской жизни. На фонѣ крѣпостного права—«глухой и вѣч-

ный гулъ подавленныхъ страданій». Жизнь тяжела для всѣхъ: и для домочадцевъ, и для дворовыхъ, и для крестьянъ; только одинъ срывалъ цвѣты наслажденія, одинъ свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ. Поэтъ не скупится на эпитеты для этого одного: деспотъ, палачъ, угрюмый невѣжда, развратникъ. Этотъ одинъ былъ его отцомъ. Да, тяжелымъ было дѣтство, которое не оставило ни одного свѣтлаго воспоминанія. Вражда и злость, злоба и хандра наполняютъ грудь поэта, лишь только дѣтство придетъ ему на память. Съ горькой ироніей онъ говоритъ о томъ, что воспоминанія дней юности извѣстны подъ громкимъ именемъ роскошныхъ и чудесныхъ. Въ такой обстановкѣ только два чувства могли развиваться свободно и пышно: терпѣнье и ненависть; зародилось и окрѣпло одно стремленіе—вырваться изъ этой атмосферы, самому добиться того, что могло освободить изъ нея,—власти, богатства, силы. Нужно было вести борьбу противъ мрачной и деспотической силы. Тѣ результаты, которые должна была принести борьба, окрашивались въ оттѣнки властныхъ цвѣтовъ. Бороться съ тиранствомъ, нищетой, чтобы пріобрѣсти и власть, и деньги... Трудно оградить себя отъ вліянія отравленной атмосферы.

«Вокругъ меня кипѣлъ развратъ волною грязной,
Боролись страсти нищеты,
И на душу мою той жизни безобразной
Ложились грубыя черты.
И прежде, чѣмъ понять разсудкомъ неразвитымъ,
Ребенокъ, могъ я что нибудь,
Проникъ уже порокъ дыханьемъ ядовитымъ
Въ мою младенческую грудь».

Дѣтство—вотъ тотъ источникъ, мутныя струи котораго окрасили всю жизнь Некрасова.

«Все, что, жизнь мою опутавъ съ первыхъ лѣтъ,
Проклятьемъ на меня легко неотразимымъ,—
Всему начало здѣсь, въ краю моемъ родимомъ!»...

Здѣсь лежитъ начало раздвоенія, проникавшаго всю жизнь Некрасова.

«Рано надо мной отяготѣли узы
Другой, неласковой и нелюбимой музы,
Печальный спутницы печальныхъ бѣдняковъ,
Рожденныхъ для труда, страданья и оковъ,—
Той музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, униженно просящей,
Которой золото—единственный кумиръ».

Юность и молодость Некрасова прошли въ столицѣ, въ борьбѣ за существованіе. Извѣстны рассказы о той ужасающей бѣдности, которая иногда постигала его. «Ровно три года,—говорилъ Некра-

совѣ,—я чувствовалъ себя постоянно каждый день голоднымъ. Приходилось ѣсть не только плохо, не только впроголодь, но и не каждый день. Не разъ доходило до того, что я отправлялся въ одинъ ресторанъ въ Морской, гдѣ дозволяли читать газеты, хотя бы ничего не спросилъ себѣ. Возьмешь, бывало, для виду газету, а самъ пододвинешь себѣ тарелку съ хлѣбомъ и ѣшь». Голодный и нищій человѣкъ, мечтающій о томъ, какъ завоевать всѣ блага жизни, переживаетъ особыя ощущенія: злоба и ненависть—преобладающіе аккорды въ этой гаммѣ ощущеній.

«Расчеты мелочной и грязной суеты,
И юношескихъ лѣтъ прекрасныя мечты,
Погибшая любовь, подавленныя силы,
Проклятыя, жалобы, безсильныя угрозы».

И это былъ—«праздникъ жизни, молодости годы». Намъ почти совсѣмъ неизвѣстна исторія жизни Некрасова, и самый темный въ ней періодъ—молодость. Какъ жилъ этотъ человѣкъ съ сильными страстями, со злобой и ненавистью въ груди, что онъ дѣлалъ, мы не знаемъ, но по отрывочнымъ намекамъ, разсѣяннымъ въ его произведеніяхъ, можно судить о тѣхъ жизненныхъ безднахъ, въ которыя онъ падалъ.

«Застигнутый врасплохъ, стремительно и шумно
И въ мутный ринулся потокъ,
И молодость мою постыдно и безумно
Въ развратѣ безобразномъ сжегъ»...

Г. З. Елисеѣвъ писалъ, что Некрасовъ «былъ человѣкъ средняго нравственнаго уровня, какъ всѣ тѣ, съ которыми онъ жилъ и вращался въ литературной средѣ, и если онъ былъ не лучше другихъ, то ни въ какомъ случаѣ не хуже». Обычная моральная оцѣнка здѣсь неумѣстна, но Некрасовъ далеко не былъ человѣкомъ среднимъ, съ средними пороками. Сравнивая себя съ своими друзьями, Некрасовъ говорилъ:

«Что друзья? Наши силы не равныя:
Я ни въ чемъ середины не зналъ,
Что обходятъ они, хладнокровныя,
И на все безразсудно дерзалъ;
Я не думалъ, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдетъ,—
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни—впередъ и впередъ!»

Въ страстной борьбѣ за существованіе ярко расцвѣтали цвѣты ненависти, негодованія и злобы, и все существо охватывалъ духъ борьбы и протеста. Кто былъ врагомъ?—тѣ; кто мѣшалъ жить, кто будилъ чувства зависти и озлобленія, богатые и сильные міра.

II.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ Некрасовъ познакомился съ Бѣлинскимъ и сошелся и съ нимъ и съ его друзьями. Это знакомство имѣло рѣшающее значеніе для всей жизни Некрасова. Въ кружкѣ Бѣлинскаго Некрасовъ, по выраженію Г. З. Елисѣева, нашелъ «полное озареніе». Отсюда Некрасовъ получилъ проясненіе своимъ хаотическимъ мыслямъ. Соціальная точка зрѣнія помогла привести въ какой нибудь порядокъ тѣ обобщенія, которыя до сихъ поръ диктовали ему чувства мести и ненависти. Некрасовъ проникся на всю жизнь идеалами Бѣлинскаго и его кружка. Отзывъ Некрасова о Бѣлинскомъ, такъ часто повторяемый—

«Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
Едва ль не первый вспомнилъ о народѣ,
Едва ль не первый ты заговорилъ
О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ»...

Отъ Бѣлинскаго — тѣ завѣты, которые даетъ Некрасовъ въ хорошо извѣстной пѣснѣ Еремушкѣ:

«Жизни вольнымъ впечатлѣніямъ
Душу, вольную отдай,
Человѣческимъ стремленіямъ
Въ ней проснуться не мѣшай.
— Съ ними ты рожденъ природою—
Возлелѣй ихъ, сохрани!
Братствомъ, истиной, свободою
Называются они.
— Возлюби ихъ! на служеніе
Имъ отдайся до конца!
Нѣтъ прекраснѣй назначенія,
Лучезарнѣй нѣтъ вѣнца».

Консервативная критика ставила въ упрекъ Некрасову зависимость его поэзіи отъ настроеній текущей журналистики. Мнѣніе о зависимости вполне справедливо, но вѣдь та журналистика, съ которой былъ связанъ Некрасовъ, имѣла своими представителями Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго. Служеніе народу, воплощеніе въ жизни идеаловъ свободы, равенства и братства были девизами этой журналистики. Служенію этимъ идеаламъ отдавалась вся жизнь, до конца; мучениковъ было много. Не фразы говорилъ Некрасовъ, когда писалъ:

«Иди въ огонь за честь отчизны,
За убѣжденье, за любовь...
Иди и гини безупречно:
Умрешь не даромъ... Дѣло прочно,
Когда надъ нимъ струится кровь».

Да, въ концѣ служенія этимъ идеаламъ стояла смерть: для людей, цѣльныхъ и сильныхъ, она была такъ естественна. При оцѣнкѣ поэзіи Некрасова нельзя забывать различныхъ стадій служенія народу. Вспомните изъ дорожныхъ впечатлѣній.

«Скоро попались намъ пѣшіе ссыльные,
Съ гикомъ ямщикъ налетѣлъ,
Въ тряской телѣгѣ два путника пыльные
Скачуть... едва разглядѣлъ...
Подлѣ лица — молодого, прекраснаго,
Съ саблей усачь...
Братъ, удаляемый съ поста опаснаго,
Есть ли тамъ смѣна? Прощай!» (1863 г.).

А въ 1876 году поэтъ набрасывалъ стихи о цѣльномъ чело-вѣкѣ-пророкѣ, который видитъ невозможность служить добру, не жертвуя собой.

Послѣ сближенія съ Бѣлинскимъ, борьба за существованіе, которую велъ Некрасовъ, приобрѣла высшій, болѣе глубокій смыслъ. Происходитъ сознательное сближеніе поэта, остро переживающаго всѣ неудачи жизни, съ тѣми, реальное горе которыхъ превосходитъ его невзгоды, обездоленными, несчастными—народомъ. Въ страданіяхъ Некрасова несомнѣнно была капля крови, общая съ народомъ. Чувства злобы и ненависти, кипѣвшія въ душѣ поэта, изливаются въ страстныхъ и сильныхъ стихахъ, то рѣзко обличительныхъ, гдѣ это было можно, то преувеличенно ярко рисующихъ горе и несчастье задавленныхъ массъ въ поученіе искреннимъ, жаждущимъ подвига, и въ отмщеніе виновнымъ. Гражданскіе мотивы поэзіи указаны Бѣлинскимъ въ послѣдніе годы его жизни, намѣчено соціальное значеніе искусства.

«Толпѣ напоминать, что бѣдствуетъ народъ
Въ то время, какъ она ликуетъ и поетъ,
Къ народу возбуждать вниманье сильныхъ міра, —
Чему достойнѣе служить могла бы лира?»

Въ извѣстномъ діалогѣ между поэтомъ и гражданиномъ отъ перваго прежде всего требуются достоинства гражданина. Некрасовъ считалъ себя призваннымъ воспѣть страданья народа. Что было мотивомъ признанія: любовь или ненависть? Вѣдь можно проповѣдывать о страданіяхъ униженныхъ или изъ любви къ нимъ, или изъ ненависти къ унижающимъ. Любилъ ли Некрасовъ народъ? О, да, конечно, любилъ, какъ всѣ мы любимъ, любовью, которая теплится, но главнымъ, могущественнымъ мотивомъ его поэзіи была злоба и ненависть. Чувство мести и озлобленія за свою испорченную жизнь сливалось съ чувствомъ ненависти къ отвлеченному врагу, къ унижающимъ. Съ этой точки зрѣнія нужно рѣшать вопросъ объ искренности въ поэзіи и жизни Некрасова. Любопытно, что у

Некрасова совершенно не замѣтно столь характерное для его современниковъ чувство вины передъ народомъ. Какая отчаянная фальшь скрывается въ холодномъ строѣ этихъ стиховъ:

«Ахъ, странно такъ я созданъ небесами,
Таковъ мой рокъ,
Что хлѣбъ полей, воздѣланныхъ рабами,
Нейдетъ мнѣ въ прокъ!»

У Некрасова очень рѣдко вырываются подобныя строфы. Когда основной поэзии Некрасова считаютъ любовь къ народу, когда съ недоумѣніемъ и удивленіемъ рассказываютъ эпизоды изъ его жизни и спрашиваютъ, какъ же все это могло совмѣщаться съ народолюбіемъ,—тогда подчеркиваютъ ложность и неестественность описаній народныхъ типовъ, народной жизни. Поэтъ, въ искусствѣ котораго двигательнымъ центромъ является любовь, не можетъ описывать тѣхъ, кого онъ любитъ, такъ, какъ описывалъ Некрасовъ; этотъ поэтъ таинственно сживается съ существомъ тѣхъ, кого онъ пишетъ, усваиваетъ ихъ міросозерцаніе, и пріемлется ими. Говорятъ, Некрасовъ—народный поэтъ. Это—ошибка: Некрасовъ—поэтъ о народѣ, но не народный. Народъ самъ никогда не смотрѣлъ на себя съ той точки зрѣнія, съ которой описывалъ его Некрасовъ. Муза мести и печали должна была показывать народъ при бенгальскомъ освѣщеніи: описанія, преувеличенно яркія, достигали своей цѣли, неся возмездіе унижающимъ и возбужденіе тѣмъ, кто шелъ на помощь униженнымъ. Но развѣ Некрасовъ былъ неискрененъ? Мы знаемъ, изъ какихъ источниковъ выростали чувства злобы, мести и ненависти, а въ своей поэзии Некрасовъ давалъ исходъ этимъ чувствамъ. О своемъ стихѣ онъ писалъ:

«Нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства...
Но кипитъ въ тебѣ живая кровь,
Торжествуетъ мстительное чувство»...

Некрасовъ поистинѣ писалъ кровью своего сердца:

«Если долго сдержанныя муки
Накипѣвъ подъ сердце подойдутъ,
Я пишу: риомованные звуки
Нарушаютъ мой обычный трудъ».

Въ жизни Некрасова было такъ мало любви, но вѣдь тяжело жить одной ненавистью; онъ все думалъ, что ненависть питаетъ любовь, что сердце, уставшее ненавидѣть, не научится любить. Некрасовъ тосковалъ о любви.

«Ненастьемъ и грозюю
Мой темный путь не даромъ омрача,
Не просвѣтлѣетъ небо надо мною,
Не броситъ въ душу теплаго луча.

Волшебный лучъ любви и возрожденья!
Я звалъ тебя во снѣ и наяву,
Въ трудѣ, въ борьбѣ, на рубежѣ паденья.
Я звалъ тебя,—теперь ужъ не зову».

(1856 г.).

Волшебный лучъ любви такъ и не освѣтилъ жизни поэта. И умирая, тщетно искалъ онъ плѣнительныхъ звуковъ тоскующей любви:

«Не поднимались коснѣющія руки,
И блѣдный призракъ тихо ускользалъ».

Эта строфа приведеннаго въ началѣ статьи стихотворенія Владимира Соловьева можетъ быть принята, но только она одна. О расчетливомъ обманѣ, которымъ будто бы была поэзія Некрасова, не можетъ быть и рѣчи. Искренность мотивовъ поэтического творчества стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Мстятая ненависть вызывала стихи Некрасова. Любовь не играетъ роли въ его поэзіи; тамъ, гдѣ она появляется, чувствуется фальшивость, но не является ли глубочайшей основой искусства, искусства любовь? Мы подходимъ къ интереснѣйшему вопросу: былъ ли у Некрасова поэтическій даръ? Вопросъ казался бы празднымъ, если бы у насъ не было на него вполне отрицательныхъ отвѣтовъ, исходящихъ отъ крупнѣйшихъ художниковъ слова: Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева. Они говорили, что Некрасовъ лишенъ всякаго поэтического дара. Не оттого ли они такъ думали, что по своему существу они понимали только то искусство, основой котораго является любовь?

Народъ привлекъ вниманіе Некрасова не только потому, что онъ видѣлъ много общаго между своей судьбой и судьбой народа: ту же обдѣленность, ту же неудачно складывавшуюся жизнь и т. д. Субъективные интересы Некрасова были обращены въ сторону унижающихъ: въ борьбѣ съ послѣдними хотѣлъ найти помощь въ народѣ. Онъ вѣрилъ въ народъ, въ то, что онъ будетъ рѣшителемъ тяжбы съ унижающими и оскорбляющими, но онъ не сохранилъ этой вѣры до конца. Быть можетъ, ни у кого изъ современниковъ не было такой неустойчивой вѣры въ народъ. Некрасовъ имѣлъ силы сознаться, что онъ умираетъ настолько же чуждымъ народу, какъ жить начиналъ. Но любовь къ народу стояла въ прямой зависимости отъ силы вѣры въ будущее народа. Некрасовъ же еще въ 1856 году спрашивалъ народъ:

«Что же значить твой стонъ безконечный?
Ты проснешься ль, исполненный силъ,
Иль, судебъ повинуваясь закону,
Все, что могъ, ты уже совершилъ,—
Создалъ пѣсню, подобную стону,
И духовно навѣки почилъ?»

Въ 1874 году Некрасовъ писалъ:

«Природа внемлетъ мнѣ,
Но тотъ, о комъ пою въ вечерней тишинѣ,
Кому посвящены мечтанія поэта,—
Увы! не внемлетъ онъ—и не даетъ отвѣта»...

Итакъ, тотъ народъ, на который возлагалось такъ много надеждъ, страданія котораго воспѣвались такъ страстно, оказывался сфинксомъ. Своеобразныя отношенія Некрасова къ народу внесли немалую долю драматизма въ предсмертныя муки поэта.

III.

Мы отмѣтили источникъ раздвоенія, берущій свое начало въ раннемъ дѣтствѣ; указали на трагизмъ жизни Некрасова, окрашенной только въ цвѣтъ ненависти, и на драматизмъ его отношеній къ народу. Всѣ эти элементы играли немалую роль въ возбужденіи мукъ совѣсти, но мы еще не коснулись настроеній, которымъ принадлежитъ первая роль. Говорятъ, Некрасовъ переживалъ тяжкую работу совѣсти, потому что идеалы свободы, равенства и братства, занесенные изъ сороковыхъ годовъ, были ему чужды; говорятъ, Некрасовъ не вѣрилъ имъ, носилъ маску и мучился противоположною вѣншей и внутренней жизни. Приблизительно такъ ставятъ вопросы и В. С. Соловьевъ. Мы уже видѣли, какъ широко были восприняты Некрасовымъ эти идеалы. Человѣкъ долженъ былъ отдаться весь служенію имъ, утратиться, уничтожиться на службѣ имъ. Человѣку, всецѣло отдающемуся имъ, открываются свѣтлыя дали идеализма. Некрасовъ не останавливался на срединѣ и ощущалъ потребность въ томъ, чтобы отдать себя всецѣло имъ. Вспомните о различныхъ стадіяхъ служенія народу, и оцѣните этотъ вопль:

«Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!
Тотъ, чья жизнь бесполезно разбилася,
Можетъ смертью еще доказать,
Что въ немъ сердце не робкое билося». (1860 г.).

Такой конецъ былъ бы въ соотвѣтствіи со всей его жизнью, съ его бурными страстями, съ безумствомъ юности! И вотъ оказалось, что онъ не отдалъ своей жизни.

«Жизнь любя, къ ея минутнымъ благамъ
Прикованный привычкой и средой,
Я къ цѣли шелъ колеблющимся шагомъ,
И для нея не жертвовалъ собой.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что минутныя блага приковали къ себѣ поэта: это бываетъ вездѣ и всегда, а Некрасовъ съ ранняго дѣтства мечталъ о власти, силѣ, богатствѣ, думая, что, обладая ими, онъ отомститъ всему, что унижало и оскорбляло его. Значить, стремленіе къ матеріальнымъ благамъ было сильно въ немъ, если онъ глубоко презиралъ себя, — за что же? За то,

«Что, доживши кой-какъ до тридцатой весны,
Не скопилъ я себѣ хоть богатой казны,
Чтобъ глупцы у моихъ пресмыгались ногъ,
Да и умникъ подчасъ позавидовать могъ».

Удивительно то, что Некрасовъ такъ остро переживалъ несоотвѣтствіе своей жизни и дѣятельности идеальнымъ цѣлямъ. Острота этого переживанія, какъ ароматъ высохшаго цвѣтка, осталась въ его стихотвореніяхъ, и это свойство стиховъ сообщало имъ агитационный характеръ. Муки совѣсти преслѣдовали Некрасова не только въ послѣдніе годы его жизни: онъ всю жизнь носилъ въ своей груди мучительную казнь, горше которой не могли бы придумать и враги. Идеалистическія намѣренія вовсе не были ему чѣмъ-то постороннимъ; въ немногихъ изъ тѣхъ, кто отрицалъ ихъ за Некрасовымъ, они вкоренились такъ глубоко, такъ близко срослись со всѣмъ существомъ, какъ у Некрасова. Сколько покаянныхъ воплей вырвало у его музы несоотвѣтствіе чловѣка гражданину! Некрасовъ очень хорошо зналъ и чувствовалъ, что онъ плохой гражданинъ, и это было источникомъ постоянныхъ, непрерывныхъ мученій. До тѣхъ поръ, пока живъ былъ Бѣлинскій, пока были вѣрные друзья, Некрасовъ находилъ поддержку, но потомъ начались паденія. О паденіяхъ Некрасовъ говоритъ довольно часто. Въ чемъ же заключались паденія, мы не знаемъ, да и не представляется особаго интереса знать ихъ. Можно думать, что на общемъ фонѣ измѣны аскетизму теоріи происходили весьма недвусмысленные компромиссы, измѣны убѣжденіямъ и т. д. Нельзя думать, что въ «Рыцарѣ на часъ» только фразы, не имѣющія конкретнаго содержанія:

«Увлекался безславною битвою,
Сколько разъ я надъ бездною стоялъ,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падалъ — и вовсе упалъ.
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я въ тину нечистую
Мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей». (1860 г.).

Н. К. Михайловскій въ своихъ воспоминаніяхъ очерчиваетъ одинъ родъ «паденій» Некрасова, его измѣны убѣжденіямъ и духу теоріи. «Даже въ минуту крайняго раздраженія и вполне безцеремоннаго отношенія къ Некрасову г. Антоновичъ долженъ былъ

признать, что Некрасовъ приносилъ «моральныя и не моральныя жертвы» для спасенія не только себя, а и своего журнала». Иногда самые стихи были паденіями. По поводу такого паденія, въ 1866 году, у поэта вырвалось стихотвореніе:

«Ликуетъ врагъ, молчитъ въ недоумѣнѣхъ
Вчерашній другъ, качая головой,
И вы, и вы отпрянули въ смущеніѣхъ,
Стоявшія безсмѣнно предо мной,
Великія страдальческія тѣни,
О чьей судьбѣ такъ горько я рыдалъ,
На чьихъ гробахъ я преклонялъ колѣни
И клятвы мести грозно повторялъ,
За то кричатъ безличныя: ликуетъ!
Спѣша въ объятія къ новому рабу
И пригвождая жирнымъ поцѣлуемъ
Несчастнаго къ позорному столбу».

Нельзя ярче и яснѣе выразить, какого характера были измѣны Некрасова, и какъ онъ относился къ завѣтамъ своихъ друзей, чьи страдальческія тѣни стояли укоромъ передъ нимъ! Некрасовъ съ горечью признавалъ:

«Не торговалъ я лирой, но, бывало,
Когда грозилъ неумолимый рокъ,
У лиры звукъ невѣрный исторгала
Моя рука».

(1867 г.).

Кстати замѣтимъ, что современный читатель будетъ напрасно искать въ собраніяхъ сочиненій Некрасова этихъ невѣрныхъ звуковъ: они не помѣщены въ нихъ, да и не имѣютъ теперь значенія ихъ помѣщеніе. Въ свое время литературныя паденія Некрасова вызывали бурю негодованія среди почитателей его таланта. Приведенныя выше строфы взяты изъ посланія къ неизвѣстному другу, приславшему Некрасову стихотвореніе «Не можетъ быть». Послѣднее было вызвано образомъ дѣйствій Некрасова въ 1866 году. Оно начиналось:

«Мнѣ говорятъ: твой чудный голосъ—ложь;
Прельщаешь ты притворною слезою,
И словомъ лишь толпу къ добру влечешь,
А самъ, какъ змѣй, смѣешься надъ толпою».

Цѣнно безкорыстное и непорочное служеніе великимъ цѣлямъ, и малѣйшее пятнышко, появляющееся въ этомъ служеніи, вызываетъ и изумленіе и негодованіе. Но огромную объективную цѣнность имѣютъ и тѣ муки, которыя сопровождаютъ чувство невозможности всецѣло отдаться на служеніе этимъ цѣлямъ. Эти муки только утверждаютъ истину этихъ цѣлей.

Некрасовъ носилъ мучительную казнь въ своемъ сердцѣ вовсе не потому, что его идеалы были только одеждой его жизни и были

чужды его сущности; онъ мучился тѣмъ, что онъ не могъ отдать себя такому служенію этимъ цѣлямъ, противъ котораго не могли бы сказать и самые пуристы теоріи. Передъ смертію онъ съ тоской думалъ о томъ, переживетъ ли его самого его поэзія и его имя. Для него было ясно, что

«Кто, служа великимъ цѣлямъ вѣка,
Жизнь свою всецѣло отдаетъ
На борьбу за брата-человѣка,
Только тотъ себя переживетъ».

Идеалы Некрасова имѣли для него живительную силу, но онъ зналъ, что онъ не отдаетъ своей жизни всецѣло на борьбу за брата человѣка. Отсюда его мука. Гармоничной жизни, которая могла бы захватить «всецѣло», всего человѣка, всю душу и волю и умъ, искалъ и Успенскій. Стремленіе къ цѣльности — черта, роднящая Некрасова съ Успенскимъ.

Подведемъ итоги сказанному. Переживанія дѣтства и молодости направили чувства Некрасова и развили ихъ только въ одну сторону. Озлобленіе и ненависть — вотъ движущія силы его жизни; онъ роднил его съ униженными и оскорбленными, съ народомъ. Духъ негодованія, борьбы и озлобленія противъ унижающихъ заставилъ его быть пѣвцомъ народа. Одной стороной его творчество обращено къ униженнымъ, другой — къ унижающимъ, но возбуждающей мотивъ поэзій — ненависть къ послѣднимъ, а не любовь къ первымъ. Эту особенность нужно принимать во вниманіе при эстетической оцѣнкѣ поэзій Некрасова; тогда станутъ понятными ея эстетическіе недостатки. Некрасовъ очень остро чувствовалъ несоотвѣтствіе своей жизни съ идеалистическими завѣтами сороковыхъ годовъ: эти завѣты были восприняты имъ въ очень глубокомъ и широкомъ толкованіи. Основной мотивъ его страданій — невозможность отдать свою жизнь цѣликомъ, «всецѣло» на служеніе народу.

«Кто, служа великимъ цѣлямъ вѣка,
Жизнь свою всецѣло отдаетъ
На борьбу за брата-человѣка,
Только тотъ себя переживетъ».

Такъ казалось самому Некрасову, но иногда онъ застѣнчиво отклонялъ отъ себя произнесеніе приговора надъ всей своею жизнью и поэзіею и съ надеждой обращалъ свои взоры къ читателю:

«Мой судья — читатель-гражданинъ;
Лишь въ судъ его храню слѣпую вѣру,
Суди же ты, кѣмъ взысканъ я не въ мѣру».

Для читателя — гражданина, конечно, и имя, и поэзія Некрасова навсегда останутся дорогимъ воспоминаніемъ.

П. Е. Щеголевъ.

КЪ БІОГРАФІИ П. А. ФЕДОТОВА.

В СВОЕЙ статьѣ о П. А. Федотовѣ, помѣщенной въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за прошлый годъ, г. В. Жерве высказываетъ пожеланіе, чтобы ко дню пятидесятилѣтія кончины Федотова современники его сообщили въ печати свои воспоминанія о покойномъ художникѣ, и чтобы наша академія художествъ взяла на себя починъ составленія подробной біографіи его и изданія его произведеній, какъ художественныхъ, такъ и литературныхъ и даже музыкальныхъ. Присоединяясь къ пожеланію г. Жерве, приношу и отъ себя посильное кое-что для будущей біографіи П. А. Федотова.

Среди моихъ бумагъ находится рукопись 1888 г. «Воспоминанія о П. А. Федотовѣ», записанныя со словъ моей (нынѣ покойной) бабушки С. Ив. Шустовой, бывшей начальницею 2-й Василеостровской школы женскаго патріотическаго общества. Моя бабушка познакомилась съ П. А. Федотовымъ въ домѣ Николая Ефремовича Львова, казначея с.-петербургской таможни. Братъ Н. Е., Петръ Ефремовичъ, учился съ Федотовымъ въ одномъ (Московскомъ) кадетскомъ корпусѣ, вмѣстѣ же служилъ въ Финляндскомъ полку и былъ съ нимъ очень друженъ; въ семьѣ Львовыхъ Федотовъ былъ своимъ человѣкомъ, посѣщая ихъ чуть не ежедневно, и тѣмъ болѣе странно, что эта почтенная семья не упоминается ни въ одной изъ извѣстныхъ біографій Федотова. Веду дальнѣйшіи разсказы словами «Воспоминаній».

«Федотовъ часто бывалъ у Львовыхъ, обѣдалъ у нихъ, и тамъ-то я встрѣчала его. Онъ часто приносилъ и показывалъ свой альбомъ съ портретами товарищей-офицеровъ и съ другими рисунками; въ

числѣ ихъ была и картина «Приѣздъ государя Николая I-го въ лагерь» ¹⁾. Разъ я была приглашена Львовыми къ обѣду. Федотовъ—уже въ отставкѣ—приѣхалъ также. Онъ былъ всегда очень внимателенъ ко мнѣ, а въ этотъ разъ, передъ обѣдомъ, попросилъ позволить ему срисовать съ меня карандашомъ портретъ. Я согласилась, и онъ тотчасъ же сѣлъ и началъ рисовать. Сеансъ продолжался долго, такъ что даже приходили нѣсколько разъ звать насъ обѣдать. Все время мы оживленно бесѣдовали, но вотъ упомянулъ онъ какъ-то о моемъ покойномъ отцѣ, и я заплакала. Думается

С. Ив. Шустова.

мнѣ, не объ этихъ ли слезахъ упоминаетъ онъ въ своихъ стихахъ. Портретъ былъ оконченъ только послѣ второго сеанса.

«Въ послѣдній разъ я видѣла Федотова 9-го мая (года не помню, но не позже 1849 г.) опять у Львовыхъ. Послѣ обѣда онъ много пѣлъ и игралъ на фортепіано. Въ продолженіе вечера онъ нѣсколько разъ просилъ у меня разрѣшенія проводить меня домой, но я все почему-то колебалась. Садясь за карты, П. А. опять сказалъ мнѣ: «я васъ убѣдительно прошу не уходить, я провожу васъ». Въ 11 часовъ я рѣшила итти домой безъ него и говорю хозяйкѣ, Марьѣ Матвѣевнѣ Львовой: «теперь май, вечера свѣтлые, мнѣ пора домой, пойду одна; онъ навѣрное долго просидитъ за

¹⁾ Безъ сомнѣнія, знаменитая «Встрѣча въ лагерѣ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка великаго князя Михаила Павловича».

А. М.

«истор. вѣстн.», декабрь, 1902 г., т. хс.

18

картами, не буду его ждать». Я ушла, и, какъ мнѣ рассказывали потомъ, Федотовъ очень обидѣлся на меня. Это была наша послѣдняя встрѣча. Уже много времени спустя, мнѣ передали стихи, посвященные имъ мнѣ. Вотъ они:

Съ чистою и свѣтлою душою
Изъ храма дѣвственныхъ мечтаній и утѣхъ
Вы перешли торжественной стезею
Въ храмъ дружбы и любви, доступный не для всѣхъ.

Вы милы, прекрасны, добродушны,
Богобоязливы, чувствительны, скромны,
Призванію къ благимъ дѣламъ послушны
И здравомысліемъ вполне одарены.

Взгляните вы спокойно, безпристрастно
На все, что близко къ вамъ, что окружаетъ васъ, —
Какъ это все торжественно, прекрасно,
Отрадно для души, для сердца и для глазъ.

Ахъ, вѣрьте мнѣ! жизнь наша въ этомъ мірѣ
Не можетъ насъ вполне блаженствомъ утѣшать,
Несчастливъ тотъ и въ царственной порфирѣ,
Кто въ сердцѣ тишины не въ силахъ сохранятьъ.

Умѣренность въ мечтахъ и наслажденьяхъ,
Довольство тѣмъ, что Богъ послалъ на долю намъ,
Жъ враждѣ, врагамъ холодное презрѣнье,
Довѣренность къ испытаннымъ друзьямъ,

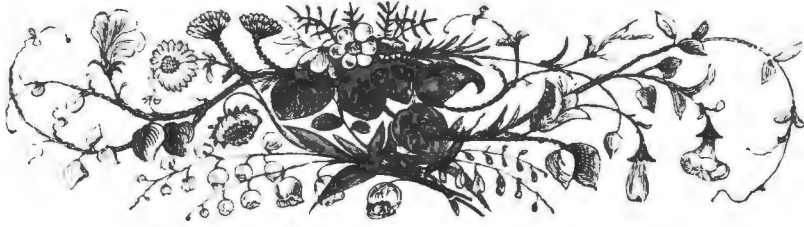
А главное: покорность Провидѣнью,
Покорность дѣтская — съ любовью и мольбой —
Вотъ вѣрный путь къ прямому наслажденью,
Вотъ средство въ мирѣ жить и съ сердцемъ, и съ судьбой.

О, дай же Богъ, чтобъ вы уразумѣли
Совѣтъ отъ друга сей, не льстивый и благой!
О, дай же Богъ, чтобъ больше не блестяли
Рѣсницы вашихъ глазъ уныніа росой.

«Еще одна подробность. Федотовъ былъ влюбленъ въ Елену Егоровну Бейдеманъ, сестру извѣстнаго художника, и серьезно думалъ о женитьбѣ. Но Е. Е. обманула его ожиданія и вышла замужъ за грека Артено. Впрочемъ, П. А. впоследствии самъ не скрывалъ разницы между собой и кокетливой Е. Е. «Такая была хитрая штучка, хорошенькая, — сказалъ онъ однажды мнѣ: — не думалъ я, что въ этой головкѣ помѣщается такая змѣиная уловка».

На этомъ заканчивается рукопись. Карандашный портретъ моей бабушки нынѣ находится у меня въ Митавѣ. Снимокъ съ портрета (уменьшенный въ 2¹/₂ раза) прилагается.

А. Мальмгренъ.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ЛИСОВСКІЙ.

(Къ 30-лѣтію его дѣятельности).

Въ 1903 году исполнится 200-лѣтіе русской періодической печати, и по этому поводу мы считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о человѣкѣ, имя котораго, поставленное нами въ заголовкѣ настоящаго очерка, благодаря его трудамъ, касающимся періодической печати и пока единственнымъ, тѣсно связано съ предстоящимъ юбилеемъ. Это является тѣмъ болѣе кстати теперь еще и потому, что 29-го минувшаго ноября исполнилось 30-ть лѣтъ вообще всей его литературной дѣятельности. Побуждаемые желаніемъ дать возможно полныя свѣдѣнія объ этомъ во всякомъ случаѣ достойномъ вниманія работникѣ въ области русской библіографіи, мы постарались не только собрать разбросанныя о немъ въ литературѣ свѣдѣнія, но и дополнить ихъ еще данными, находившимися ранѣе въ нашемъ распоряженіи.

Николай Михайловичъ Лисовскій, дворянинъ по происхожденію, родился 1-го января 1854 года въ Москвѣ. Дѣтскіе свои годы провелъ онъ частію въ этомъ городѣ, частію въ Тулѣ, и 9-ти лѣтъ былъ привезенъ въ Петербургъ, куда отецъ его со всею семьею переселился по обязанностямъ службы. Начальное образованіе получилъ дома, подъ руководствомъ студента-агронома Д. А. Кунгурова, человѣка развитого, разносторонне-образованнаго и крайне энергичнаго, имѣвшаго на юнаго своего ученика огромное вліяніе: онъ пріохотилъ его къ чтенію, руководилъ выборомъ книгъ, поселилъ интересъ къ деревнѣ, заставилъ проникнуться ея нуждами, полю-

бить простого сельскаго человѣка и желать поработать для его развитія.

Послѣ гимназіи и во время прохожденія курса въ с.-петербургскомъ земледѣльческомъ институтѣ (что въ Лѣсномъ), Н. М. принимаетъ въ лѣтнія каникулы путешествія къ своимъ знакомымъ, въ Воронежскую и Тамбовскую губерніи. Во время этихъ путешествій онъ личными наблюденіями провѣряетъ многое, усвоенное имъ изъ книгъ. Ознакомленіе съ сельскимъ бытомъ и его нуждами даетъ Н. М. матеріалъ для корреспонденцій въ газеты и для помѣщенія ряда статей на сельско-хозяйственныя и экономическія темы въ «Новомъ Времени», «Новостяхъ», «Недѣлѣ» и «Земледѣльческой Газетѣ» (1872—1876 гг.). Литературная дѣятельность Н. М. въ газетахъ началась въ 1872 г., когда ему не было еще 19-ти лѣтъ. Первая, извѣстная намъ, замѣтка его была помѣщена въ № 127 «Новаго Времени» 1872 г., вышедшемъ 29-го ноября. Жизнь въ Лѣсномъ была для Н. М. наиболѣе труднымъ временемъ въ матеріальномъ отношеніи, вслѣдствіе измѣнившихся средствъ семьи. Работая почти безъ отдыха, посѣщая оттуда чуть не ежедневно Публичную бібліотеку, Н. М. все-таки не имѣлъ достаточнаго заработка, пока, наконецъ, не представился случай получить хорошія постоянныя занятія у одного промышленнаго дѣятели, которому Н. М. помогать вести корреспонденцію и организовать лѣсо-хозяйственное предпріятіе. Новыя занятія благопріятствовали ему еще и въ томъ отношеніи, что оставляли его въ центрѣ умственной жизни, въ Петербургѣ, и давали возможность поработать для дальнѣйшаго своего развитія. Живо интересуясь самыми разнообразными отраслями знанія и дѣятельности и благодаря своему общительному характеру, Н. М. пріобрѣтаетъ въ это время много знакомыхъ среди литераторовъ и артистовъ, въ чемъ помогло ему участіе въ устройствѣ музыкально-художественныхъ вечеровъ и концертовъ въ пользу товарищей его, студентовъ земледѣльческаго института. Знакомства въ артистическомъ мірѣ открыли ему путь къ изученію музыки въ с.-петербургской консерваторіи, которую онъ посѣщаетъ, пользуясь досугомъ отъ своихъ обязательныхъ занятій, и получаетъ возможность приняться за изученіе музыкальной литературы. Въ это время, продолжая посѣщать Публичную бібліотеку и работать въ ея отдѣлѣ русскихъ книгъ, Н. М. наталкивается на мысль заняться собираніемъ бібліографическихъ матеріаловъ, касающихся журналистики, а также театра и музыки.

Въ 1879 году, матеріальныя условія жизни Н. М. вновь приняли для него неблагопріятный оборотъ и заставили искать болѣе устойчиваго положенія—поступить на государственную службу. Переходъ этотъ не могъ однакожъ заставить его отказаться отъ излюбленнаго занятія литературой, и онъ посвящаетъ ей не только дневной досугъ, но часто и цѣлыя ночи, работая почти одновре-

менно: въ «Голосѣ», «Музыкальномъ Мирѣ», «Театрѣ», «Зрителѣ», «Нувелистѣ», «Всемирной Иллюстраціи», «Огонькѣ» и друг., въ 1881—1882 г. онъ редактируетъ журналъ «Россійская Библиографія», въ 1882—1885 г. «Всеобщій Календарь» Герм. Гоппе. Приобрѣтенное, благодаря энергіи и труду, прочное положеніе на службѣ и,

Николай Михайловичъ Лисовскій.

вслѣдствіе этого, улучшеніе матеріальныхъ средствъ, дало Н. М. возможность перейти отъ газетной работы къ болѣе серьезному историко-литературному и библиографическому труду, къ подготовленію матеріаловъ для разныхъ научныхъ изслѣдованій, что, какъ извѣстно, почти не даетъ заработковъ, хотя и требуетъ большого и

усидчиваго труда, являющагося, такимъ образомъ, безкорыстною жертвою на пользу родной науки. Впрочемъ и раньше, когда была бѣлая нужда въ средствахъ къ жизни, нерѣдко случалось, что Н. М. отдавалъ свои работы совершенно безвозмездно на пользу дѣла и даже на пользу отдѣльныхъ лицъ, мало ему знакомыхъ, когда тѣ обращались къ нему за содѣйствіемъ. Кромѣ перечисленныхъ выше изданій, онъ разновременно участвовалъ еще въ слѣдующихъ: «Русской Старинѣ», «Запискахъ Императорскаго Русскаго Археологическаго общества», «Ежегодникѣ Императорскихъ Театровъ», «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза и Ефрона, «Словарѣ Русскаго Историческаго общества», «Большой Энциклопедіи» Мейера и въ настоящее время продолжаетъ работать въ нѣкоторыхъ изъ этихъ изданій, а въ «Энциклопедическій Словарь» Брокгауза уже много лѣтъ даетъ свѣдѣнія о русской періодической печати.

Литературную дѣятельность Н. М. съ 1881 года можно раздѣлить на двѣ части; она посвящена: 1) библиографіи и вообще печатному дѣлу, 2) театру и музыкѣ. Такъ какъ послѣдняя держится на почвѣ тоже по преимуществу библиографической, то мы будемъ говорить о Н. М. исключительно, какъ о библиографѣ въ широкомъ пониманіи этого слова.

Еще въ 1881 году Н. М. получилъ приглашеніе отъ издателя «Россійской Библиографіи» г. Гартге принять на себя редактированіе этого журнала и по возможности развить его программу. Взявшись за это уже не новое для него дѣло и потрудившись немало для «Россійской Библиографіи», Н. М. составилъ проектъ преобразованія журнала въ научное изданіе, посвященное исторіи литературы, библиографіи и вопросамъ печатнаго дѣла; но осуществить эту программу, требовавшую затраты нѣкоторыхъ средствъ, не представлялось уже возможнымъ, такъ какъ дѣла Гартге пришли въ полное разстройство. Неудача съ «Россійской Библиографіей» побудила Н. М., по совѣту бывшаго настоятеля Казанскаго собора, протоіерея А. А. Лебедева, чловѣка очень просвѣщеннаго, бывшаго долгое время за границею, предпринять собственное библиографическое изданіе, но съ программой болѣе широкой и разнообразной. Пока планъ и программа журнала выработывались и обсуждались, обстоятельства заставили поторопиться ходатайствомъ о разрѣшеніи журнала, и вотъ наскоро составленная программа была представлена въ главное управленіе по дѣламъ печати, и разрѣшеніе на изданіе журнала «Библиографъ» послѣдовало 10-го октября 1883 года. Въ октябрѣ 1884 года появился пробный номеръ журнала, а съ 1885 года началось правильное изданіе его ежемѣсячными выпусками, въ 8 долю большого формата. Существованіе журнала обуславливалось самымъ расчетливымъ веденіемъ дѣла, такъ какъ только при этихъ условіяхъ можно было надѣяться

упрочить его. Да и какъ же иначе, когда первый годъ журналъ имѣлъ всего только 120 подписчиковъ? Главною рабочею силою «Библиографа» по всѣмъ отдѣламъ редакціонной и хозяйственной части былъ самъ Н. М., въ лицѣ котораго журналъ имѣлъ редактора, сотрудника, корректора и проч. Однако, несмотря на такую сложную, подавляющую работу, журналъ сталъ развиваться, обратилъ на себя вниманіе и вызвалъ сочувствіе ученыхъ кружковъ. Программа изданія хотя и подвергалась иногда частнымъ измѣненіямъ, но въ общемъ подраздѣлялась на два почти самостоятельные отдѣла: историко-литературный и справочно-библиографическій. Вскорѣ около журнала сгруппировался многочисленный составъ сотрудниковъ, принимавшихъ въ немъ дѣятельное участіе, тутъ были библиографы: Н. В. Губерти, Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, Д. Д. Языковъ, В. И. Межовъ, А. Е. Молчановъ; молодые ученые участвовали въ журналѣ съ 1887 года товарищескимъ кружкомъ: В. Г. Дружининъ, А. С. Лапо-Данилевскій, М. А. Дьяконовъ, С. Ѳ. Платоновъ, С. М. Середонинъ, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шляпкинъ, Е. Ф. Шмурло. Составъ этотъ постепенно пополнялся; съ 1890 года вступаютъ: В. Ѳ. Боцяновскій, А. І. Маленинъ, А. Г. Лященко. Разновременно давали свои статьи и профессора университета: А. И. Соболевскій, Н. И. Карѣевъ, академикъ Л. Н. Майковъ, а также Н. П. Лихачевъ, Н. Н. Оглоблицъ, В. И. Саитовъ и друг. Самъ Н. М. тоже не покладалъ рукъ, давая много матеріала, пополняя недостающее для обязательныхъ отдѣловъ изданія и подготавливая различные труды по всевозможнымъ случаямъ текущей жизни. Съ 1892 года въ «Библиографѣ» появляются портреты, снимки съ книгъ, гравюръ, рукописей и т. п. Это оживило журналъ, но настолько увеличило расходы, что существованіе его сдѣлалось уже менѣе обеспеченнымъ, и въ результатъ на 10-мъ году изданія явилось намѣреніе преобразовать журналъ въ періодическій сборникъ. Тѣмъ не менѣе уже самый фактъ десятилѣтняго изданія и редактированія частнаго библиографическаго журнала, не субсидируемаго правительствомъ, ни какимъ либо учрежденіемъ и не связаннаго съ книжно-торговымъ предпріятіемъ, представляетъ явленіе исключительное въ нашемъ литературномъ мірѣ. Достоинства «Библиографа» не остались незамѣченными; такъ покойный М. И. Семевскій рекомендовалъ его читателямъ «Русской Старины», какъ «замѣчательно хорошо редактируемое изданіе»¹⁾; г. Яновскій въ своей статьѣ «Библиографія»²⁾ отмѣчаетъ также, что журналъ этотъ держится, лишь благодаря выдающейся энергій и любви къ дѣлу его редактора-издателя и лицъ, ему сочувствующихъ; наконецъ мы высказались³⁾,

1) «Обзоръ первой Всероссийской выставки нечатнаго дѣла», № 33.

2) «Энциклопедическій словарь» Брокгаузъ, т. III, стр. 742.

3) «Русскій Календарь» Суворина на 1894 годъ, стр. 267.

по поводу наступавшаго десятилѣтія журнала, что это «единственный случай такого долголѣтія для частнаго русскаго библиографическаго изданія, и что журналъ этотъ обращаетъ на себя вниманіе содержательностью и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу его издателя-редактора». Во всякомъ случаѣ 10 годовыхъ комплектовъ «Библиографа» представляютъ очень цѣнное собраніе статей и матеріаловъ, имѣющихъ серьезное научное значеніе.

Кромѣ редактированія «Библиографа», Н. М. занимался и другою библиографической и статистической работой, результаты которой выразились въ его трудѣ: «Русская періодическая печать», содержащемъ въ себѣ библиографію русскихъ періодическихъ изданій (отд. I), съ приложеніемъ графическихъ таблицъ (отд. II). До настоящаго времени вышло два выпуска (1895 и 1901 гг.), содержащіе въ себѣ описаніе 1.450 изданій, возникшихъ до 1880 года включительно, и къ нимъ 24 листа таблицъ; выпускъ 3-й (последній) печатается. Работа эта задумана съ цѣлью дать описаніе русскихъ періодическихъ изданій съ 1703 года до послѣдняго времени и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ таблицахъ представить матеріалъ для нагляднаго обозрѣнія изданій, въ отношеніи времени ихъ существованія. Этою работою, какъ заявляетъ г. Лисовскій въ предисловіи къ первому выпуску своего труда, имѣлось въ виду хотя отчасти восполнить пробѣлъ въ нашей библиографической литературѣ, не имѣющей не только полнаго описанія всѣхъ русскихъ періодическихъ изданій, но даже простаго ихъ перечня и тѣмъ, по возможности, облегчить справки объ изданіяхъ минувшихъ лѣтъ; кромѣ того, имѣлось въ виду подготовить канву для болѣе подробнаго описанія изданій, если и не всѣхъ вообще, то, по крайней мѣрѣ, по отдѣльнымъ специальнымъ отраслямъ. Вся эта работа распределена на два отдѣла по слѣдующему плану: Отдѣлъ I. Библиографія русской періодической печати: 1) хронологическій списокъ, съ указаніемъ подробнаго наименованія изданія, времени изданія, мѣста изданія, сроковъ выхода, формата, издателей и редакторовъ за все время существованія изданія, преемственной связи изданій, переходившихъ изъ одного въ другое, случайныхъ замѣтокъ, 2) алфавитный списокъ, 3) систематическій списокъ (съ подраздѣленіемъ изданій на 22 группы), 4) алфавитъ издателей и редакторовъ. (Списки изданій: алфавитный и систематическій, а также алфавитъ издателей и редакторовъ выйдутъ при 3-мъ выпускѣ). Отдѣлъ II. Графическія таблицы русской періодической печати. По поводу этого отдѣла г. Лисовскій говоритъ, что составленіе и изданіе таблицъ вызвано естественнымъ желаніемъ дать свѣдѣнія въ формѣ болѣе наглядной, допускающей возможность ориентироваться въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ для каждаго отдѣльнаго періода или даже для каждаго года ихъ существованія, чему, разумѣется, не могъ бы отвѣчать никакой списокъ, издан-

ный обыкновенною книгою. Даже при хронологическомъ расположеніи изданій пришлось бы для справки объ изданіяхъ, существовавшихъ въ какомъ либо году, читать весь списокъ до этого года, и чѣмъ позднѣе время, для котораго потребовалась бы подобная справка, тѣмъ большее число страницъ списка было бы необходимо прочесть, чтобы отмѣтить всѣ тѣ изданія, которыя относятся къ данному году; при помощи же таблицъ это неудобство и сопряженная съ нимъ потеря времени совершенно устраняются. Кромѣ того, при помощи таблицъ, получается возможность наглядно ознакомиться съ изданіями въ ихъ временномъ соотношеніи между собою по времени выхода въ свѣтъ; отмѣтивъ любое 10-ти-лѣтіе или другой періодъ времени, сейчасъ же станетъ возможнымъ опредѣлить, какія изданія въ немъ печатались, какія прекратились, какія пережили весь данный періодъ, какія отличаются долговѣчностью или очень недолгимъ существованіемъ, и, наконецъ, какъ велико число изданій каждой изъ этихъ группъ. Таблицы эти пріобрѣтаютъ значеніе еще и въ томъ отношеніи, что онѣ содержатъ необходимый матеріалъ для разнаго рода статистическихъ исчисленій въ области періодической печати, такъ какъ только при помощи ихъ дѣлается возможнымъ подсчетъ изданій по годамъ, по срокамъ выхода, по времени ихъ возникновенія или прекращенія, по ихъ долговѣчности, числу годоизданій ¹⁾ для каждой отдѣльной группы и т. п. Съ выходомъ 2-го выпуска Н. М. нѣсколько расширилъ объемъ своего труда и рѣшилъ довести описаніе періодическихъ изданій до 1900 г. включительно, приложивъ дополнительныя свѣдѣнія къ 3-му послѣднему выпуску ²⁾.

Въ настоящее время Н. М., на основаніи этого труда, занятъ детальной разработкой діаграммъ, показывающихъ различными уклоненіями кривыхъ линій постепенный ходъ развитія періодической печати въ продолженіе двухъ столѣтій, какъ по различнымъ отдѣламъ ея (по содержанію), такъ и въ различныхъ мѣстностяхъ. Число уже разработанныхъ діаграммъ доходитъ до 200; отчасти онѣ извѣстны публикѣ. Первый опытъ этихъ діаграммъ былъ имъ представленъ на выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 г., тогда діаграммы обратили на себя общее вниманіе и служили, по заявленію выставочной администраціи, украшеніемъ выставки. Въ небольшомъ

¹⁾ Н. М. Лисовскій въ своей статистикѣ періодическихъ изданій принимаетъ за единицу измѣренія годоизданіе, т. е. существованіе какого либо изданія въ теченіе одного года; терминъ, кажется, впервые имъ примѣненный. Исчисленіе по годоизданіямъ даетъ возможность довольно точнаго статистическаго сравненія отдѣльныхъ группъ періодическихъ изданій между собою.

²⁾ Это изданіе печатается въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ; при немногихъ изъ нихъ таблицы исполнены красками и даютъ возможность наглядно ознакомиться съ распредѣленіемъ изданій на 5 группъ по ихъ содержанію.

видѣ общая діаграмма всей журналистики помѣщена Н. М. въ «Словарѣ» Брокгауза и Ефрона при статьѣ его «Печатное дѣло въ Россіи»¹⁾. Затѣмъ 45 діаграммъ, разработанныхъ съ большими

¹⁾ 54-ый полутомъ, стр. 416. Приведемъ нѣкоторыя цифры, основанныя Н. М. на его таблицахъ и діаграммахъ. Всѣхъ изданій въ XVIII столѣтіи было 119; средняя ихъ долговѣчность—3,60 года. Изъ общаго ихъ числа собственно политическихъ, общественныхъ и литературныхъ было 76 (средняя долговѣчность 3,70), а специальныхъ по разнымъ наукамъ и предметамъ—43 (средняя долговѣчность 3,42). Сначала годовое число колебалось отъ 1 до 3, много до 5; въ 1769 г. число ихъ вдругъ возвысилось до 11, вслѣдствіе появленія значительнаго числа сатирическихъ изданій екатерининской эпохи; послѣ этого, нѣсколько сократившись, число изданій вскорѣ начинаетъ опять увеличиваться и въ промежутокъ времени съ 1786 до 1795 г. колеблется отъ 13 до 16; въ концѣ столѣтія оно снова замѣтно падаетъ. Въ XIX столѣтіе, кромѣ трехъ крупныхъ изданій (С.-Пб. Вѣдомости, Московск. Вѣдом., Труды Вольно-Экономическаго Общества), перешли еще четыре, но эти послѣднія вскорѣ прекратились, за исключеніемъ «Политическаго Журнала», существовавшаго съ 1790 по 1830 г. Съ начала XIX столѣтія, получившаго въ наслѣдіе только семь изданій, горизонтъ русской журналистики нѣсколько расширился и число изданій, прибавляясь изъ года въ годъ, въ скоромъ времени (къ 1806 г.) дошло уже до 30; затѣмъ, послѣ нѣкоторыхъ уклоненій, число изданій доходило въ 1817 г. до 36, въ 1825 г.—до 42. Послѣ 1825 г. число изданій въ первое 10-ти-лѣтіе увеличивается, въ общемъ, незначительно, при чемъ въ частности число политическихъ, общественныхъ и литературныхъ изданій даже нѣсколько сокращается. Съ конца 80-хъ годовъ общее число изданій возрастаетъ, болѣе чѣмъ вдвое: въ 1840 г. ихъ было 110, но увеличеніе приходится почти исключительно на долю изданій официальныхъ, въ числѣ которыхъ самое главное мѣсто занимаютъ губернскія вѣдомости, во множествѣ появившіяся съ 1838 г. Съ 1840 по 1855 г. нѣкоторое развитіе получили изданія по наукамъ естественнымъ и физико-математическимъ, съ ихъ прикладными знаніями; въ численномъ же развитіи изданій политическихъ, общественныхъ и литературныхъ почти никакихъ перемѣнъ не произошло. Съ половины 1850-хъ г.г. періодическая пресса быстро пошла впередъ, развиваясь во всѣхъ своихъ отдѣлахъ, при чемъ въ 1858—1860 г.г. увеличилось преимущественно число политическихъ, общественныхъ и литературныхъ изданій. Послѣ 1860 г. развитіе изданій этого отдѣла шло медленно, и только съ 1880 г. число ихъ увеличивается быстро, благодаря, въ особенности, оживленію журнально-издательской дѣятельности въ провинціи. Значительно увеличился съ конца 60-хъ г.г. и отдѣлъ изданій ученыхъ и специальныхъ (съ 91 въ 1866 г. до 388 въ 1894 г.), вслѣдствіе учрежденія многихъ ученыхъ обществъ, приступившихъ къ изданію своихъ трудовъ. Средняя долговѣчность изданій: для политическихъ—5,86 лѣтъ, для официальныхъ и т. п.—19,02, для ученыхъ и специальныхъ—7,56, для всѣхъ вообще изданій—8,78 лѣтъ. Изъ этихъ данныхъ видно, что хотя русская періодическая печать и прогрессировала изъ года въ годъ съ большею или меньшею быстротою, при незначительныхъ уклоненіяхъ въ обратную сторону, и средняя долговѣчность изданій поднялась съ 3,60 лѣтъ (XVIII столѣт.) до 8,78 (за весь періодъ XVIII и XIX столѣт.), но этотъ прогрессъ совершался главнымъ образомъ въ сферѣ изданій официальныхъ и справочныхъ, отчасти въ сферѣ ученыхъ и специальныхъ изданій. Что же касается до изданій политическихъ, общественныхъ и литературныхъ, то въ XVIII столѣт. средняя ихъ долговѣчность (3,70 г.) была нѣсколько болѣе средней долговѣчности всѣхъ вообще изданій этого же столѣтія (3,60 г.), въ теченіе же періода до 1894 г. включительно средняя долговѣчность такихъ изданій хотя и поднялась, дойдя до 5,86 лѣтъ, но по сравненію съ изданіями прочихъ отдѣловъ значительно отстала и оказалась ниже средней панормы (8,78 лѣтъ).

подробностями, были доступны для обозрѣнія въ союзѣ писателей въ ноябрѣ 1900 г., и тогда же указано было на приближающійся юбилей печати.

Діаграммы, разработанныя по мѣстностямъ, содержатъ въ себѣ наглядное показаніе журналистики въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ провинціи вообще и въ частности въ университетскихъ городахъ, въ различныхъ наиболѣе культурныхъ центрахъ, на окраинахъ и т. д. Въ каждой такой діаграммѣ имѣются еще подраздѣленія по специальностямъ. Такимъ образомъ вся серія діаграммъ наглядно даетъ самую полную и отчетливую картину развитія нашей журналистики, со всѣми изгибами и извилинами въ ростѣ ея, изъ года въ годъ происходившими. Достаточно простого взгляда на нихъ, чтобы неспеціальнѣйшій обозрѣватель усвоилъ себѣ общую картину развитія журналистики, а историкъ замѣтилъ періодъ времени, около котораго слѣдуетъ сосредоточить вниманіе и заняться изученіемъ причинъ, вызывающихъ тѣ или другія отклоненія.

Нельзя не прийти къ заключенію, что трудъ Н. М. «Русская періодическая печать», содержащій описаніе періодическихъ изданій за два столѣтія, съ таблицами, заслуживаетъ самаго полнаго вниманія и несомнѣнно можетъ оказать серьезную услугу, не только при справкахъ объ отдѣльныхъ изданіяхъ, но и при статистическомъ изслѣдованіи періодической печати. На основаніи же діаграммъ, составленіе которыхъ безъ этого предварительнаго и огромнаго труда было бы невысказуемо, можно дѣлать всякаго рода выводы, какъ статистическаго, такъ и историко-бытового характера. Еще скажемъ, что здѣсь важенъ уже самый способъ изображенія развитія русской журналистики. Способъ этотъ хотя и не новъ, но въ литературныхъ изслѣдованіяхъ онъ никогда не примѣнялся ранѣе. Н. М. первый примѣнилъ его къ періодической печати и къ движенію книгоиздательства. Насколько примѣненіе этого способа здѣсь оказалось цѣлесообразнымъ, видно уже изъ того, что въ короткое время сдѣлано нѣсколько попытокъ примѣнить его къ изслѣдованію количественнаго роста литературы; вслѣдъ за работой Н. М. и другіе труды въ области изученія массоваго движенія литературы и печатнаго дѣла стали снабжаться подобными же діаграммами. Такъ И. П. Карамышевъ представилъ діаграммоу число петербургскихъ типографій по годамъ за время съ 1865 по 1894 г.; В. П. Сиповскій въ статьѣ «Изъ исторіи русской литературы XVIII в.»¹⁾ повторилъ діаграмму Н. М., касающуюся періодической печати того вѣка (съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями) и далъ діаграмму къ литературѣ XVIII вѣка вообще; Э. Вольтеръ въ статьѣ «Къ статистикѣ литовскихъ печатныхъ произведеній съ 1599 —

¹⁾ «Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ», 1901 г., т. VI, кн. 1.

1899 г.»¹⁾ тоже далъ діаграмму развитія литовской литературы по числу томовъ.

Ко всему этому намъ остается добавить, что и отзывы печати единогласно признають за трудомъ Н. М. серьезное научное значеніе. «Русскія Вѣдомости», рассматривая трудъ Н. М., заявили, что авторъ въ правѣ рассчитывать на полную признательность со стороны тѣхъ, кому придется прибѣгать къ его полезному изданію, составленному по очень простому и цѣлесообразному плану. Что же касается двухъ таблицъ, бывшихъ на выставкѣ печатнаго дѣла, то въ тѣхъ же «Русскихъ Вѣдомостяхъ» было выражено, что «про каждую таблицу можно было бы написать цѣлый томъ, и, наоборотъ, каждая изъ этихъ таблицъ замѣняетъ, при посредствѣ глазъ, для мысли и воображенія, цѣлый томъ, даже многіе томы». Другіе журналы и газеты также встрѣтили сочувственно этотъ трудъ, а таблицы, помимо приведенныхъ отзывовъ и вниманія къ нимъ со стороны посѣтителей выставки печатнаго дѣла, наилучшую оцѣнку получили отъ самой выставки: экспертная комиссія по секціямъ, основываясь, между прочимъ на отзывѣ А. Н. Пыпина, присудила Н. М. высшую награду—большую золотую медаль, но общее собраніе экспертной комиссіи пошло дальше—оно признало его достойнымъ особой высшей награды, въ видѣ почетнаго диплома; такихъ наградъ было выдано только двѣ: императорскому обществу древней письменности и Н. М. Лисовскому. Будемъ же надѣяться, что выходъ въ свѣтъ 3-го выпуска книги «Русская періодическая печать» не заставитъ себя долго ждать. Трудъ этотъ явится драгоценнымъ вкладомъ въ библиографическую литературу къ предстоящему 200-лѣтію періодической печати. Что же касается діаграммъ, то Н. М. съ обычною любезностью охотно открываетъ доступъ къ своему труду всѣмъ интересующимся имъ; тѣмъ не менѣе изданіе полной серіи всѣхъ діаграммъ, во всемъ ихъ объемѣ, на нашъ взглядъ, представляется также дѣломъ существенной важности.

Другіе труды Н. М. Лисовскаго касаются преимущественно частныхъ вопросовъ, но всѣ они исполнены съ знаніемъ дѣла и обнаруживаютъ самое ревностное къ нимъ отношеніе. Для примѣра возьмемъ: «Лѣтопись событій въ жизни и дѣятельности А. Г. Рубинштейна» (Спб., 1889 г.), содержащую всѣ факты изъ музыкальной дѣятельности знаменитаго артиста и довольно подробную библиографію. Самому А. Г. Рубинштейну эта лѣтопись служила матеріаломъ, чтобы написать свою автобіографію. Назовемъ еще отзывъ Н. М., составленный по порученію Императорскаго Русскаго Археологическаго общества, о сочиненіи А. С. Фаминцына «Гусли — русскій народный инструментъ», представленномъ на соисканіе награды. На основаніи этого отзыва А. С. Фаминцыну была прису-

¹⁾ «Печатное Искусство», 1902 г., іюнь.

ждена большая серебряная медаль. Нѣкоторые труды Н. М. вызваны были дѣятельностью его въ различныхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ онъ состоитъ членомъ или даже членомъ-учредителемъ.

Выпуская пробный номеръ «Библиографа», Н. М. выступилъ съ замѣткой о необходимости учрежденія библиографическаго общества въ Петербургѣ, и эту мысль поддерживалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Онъ выработалъ даже уставъ, но тогда общество не состоялось за отсутствіемъ достаточнаго числа членовъ учредителей. Вторично имъ былъ поднятъ этотъ вопросъ въ статьѣ: «Организація библиографическаго труда». Наконецъ, мысль объ этомъ перешла къ молодому составу сотрудниковъ «Библиографа», когда въ немъ работали А. М. Ловягинъ, В. О. Боцяновскій, А. І. Лященко и друг., и въ 1899 г. учредилось «Русское Библиологическое общество», гдѣ Н. М. принимаетъ дѣятельное участіе и состоитъ членомъ совѣта. Всѣмъ хорошо извѣстна его дѣятельность въ обществѣ по организаціи предварительныхъ совѣщаній для устройства юбилея печати. Осуществить юбилей имѣлось въ виду стараніями нѣсколькихъ учреждений и самой прессы, при чемъ предполагалось воспользоваться случаемъ для сбора средствъ въ пользу пенсіоннаго фонда литераторовъ. Къ сожалѣнію, дѣло это, такъ много обѣщавшее въ началѣ, встрѣтило противодѣйствіе со стороны нѣкоторыхъ кружковъ и не получило дальнѣйшаго развитія. Но Русское Библиологическое общество не теряетъ надежды на устройство юбилейныхъ собраній и на изданіе различныхъ трудовъ, посвященныхъ исторіи періодической печати.

Весьма почтенна дѣятельность Н. М. и на выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 г. По приглашенію выставочнаго комитета, онъ вошелъ въ составъ его членовъ и отдался весь заинтересовавшему его дѣлу. Н. М. былъ избранъ членомъ распорядительнаго комитета по двумъ группамъ: первой—исторической и второй—издательской; принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ первой группы, подъ общимъ руководствомъ академика Л. Н. Майкова, былъ секретаремъ второй группы, делегатомъ отъ первой группы во вторую. Особенное же вниманіе на себя онъ обратилъ, какъ организаторъ отдѣла русской періодической печати и какъ составитель таблицъ и диаграммъ (онъ подробно описаны въ «Обзорѣ выставки» 1895 г., № 4). Кромѣ выставки, дѣятельность Н. М. выразилась и на происходившемъ одновременно съ ней съѣздѣ дѣятелей печатнаго дѣла, гдѣ онъ выступилъ съ двумя докладами: 1) собраніе и разработка статистическихъ свѣдѣній о книгоиздательствѣ и періодической печати въ Россіи и 2) производство бумаги примѣнительно къ потребностямъ издательскаго дѣла и библиотечнаго порядка. (Оба эти доклада напечатаны въ трудахъ съѣзда). Ближайшимъ слѣдствіемъ перваго доклада было возникновеніе при обществѣ дѣятелей печатнаго дѣла особой статистико-библиографической комиссіи, въ которой Н. М. также проявляетъ самое живое участіе

(см. брошюру: «Организація статистическихъ и библиографическихъ работъ при Русскомъ обществѣ дѣателей печатнаго дѣла», Спб., 1900 г.). По второму докладу единогласно принято рѣшеніе—представить формулированныя положенія докладчика въ Императорское Русское техническое общество для возбужденія соотвѣтственнаго ходатайства передъ правительствомъ. Въ настоящее время союзъ бумажныхъ фабрикантовъ, заинтересованный этимъ вопросомъ, принимаетъ мѣры къ установленію нормальныхъ форматовъ изготовляемой ими бумаги. Отмѣтимъ еще, что Н. М. уже третій годъ состоитъ членомъ правленія и секретаремъ кассы литераторовъ.

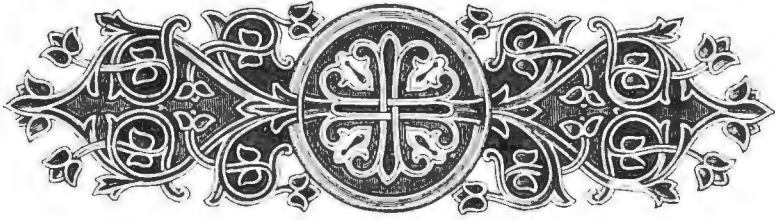
Вотъ въ главныхъ чертахъ дѣятельность Н. М. въ разныхъ учрежденіяхъ, всегда энергичная и преслѣдующая разумныя, практическія цѣли.

Заканчивая нашъ краткій очеркъ, не можемъ не высказать, что дѣятельность Н. М. представляетъ весьма крупное и отрадное явленіе въ русской библиографіи. Всегда готовый на безкорыстное общественное служеніе, онъ предпринимаетъ особенно полезныя изданія, являющіяся примѣромъ для другихъ, стремится къ организаціи общественныхъ силъ для излюбленнаго дѣла и лично принимаетъ въ этомъ дѣлѣ и въ дѣятельности посвященныхъ дѣлу учрежденій самое горячее участіе.

Пожелаемъ же Н. М. послѣ его 30-ти-лѣтняго усерднаго и самоотверженнаго труда на пользу общества и печати сохранить весь запасъ своей энергіи и продолжать свою дѣятельность съ тѣмъ же воодушевленіемъ, какимъ онъ всегда отличался.

Источниками служили: «Новый русскій библиографическій журналъ» К. О.—ой.—Журналъ М-ва Народ. Провс. 1885 г., июнь, стр. 346—351;—«Библиографъ» и его предшественники. 1-25 — 1888 г.» В. Т.—къ, «Русская Старина», 1889 г., № 2, стр. 401—414; «Библиографъ» (Обзоръ журнал.) — Русская Мысль 1889 г., ноябрь, стр. 508 — 510; Сѣверный Вѣстникъ 1890 г., № 5 (въ статьѣ Э. Т. Тарасова «Наша библиографія»), а такъ же 1893 г., № 10, стр. 84 «Н. М. Лисовскій» (біографическая замѣтка). Обзоръ Выставки Печатнаго Дѣла, 1895 г., № 33 (съ портретомъ въ текстѣ).—«Таблицы Н. М. Лисовскаго по статистикѣ періодической печати». А. Бахтіаровъ. Обзоръ Выставки Печатнаго Дѣла, 1895 г., № 4.—«Каталогъ Выставки Печатнаго Дѣла», изд. 2-е. Спб. 1895 г.—«Альбомъ дѣателей Выставки Печатнаго Дѣла 1895 г.». Спб., 1896 г., № 34, съ портретомъ.—«Копія съ опредѣленій, постановленій и друг. бумагъ экспертной комиссіи, съ ея секціями, Выставки Печатнаго Дѣла 1895 г.». Спб. 1896 г. (въ видѣ рукописей).—«Труды перваго съѣзда русскихъ дѣателей по печатному дѣлу въ С.-Петербурѣ». Спб. 1896 г., стр. 66, 69, 104, 111, 112, 121, 123, 124 и 130.—«Организація статистическихъ и библиографическихъ работъ при Русскомъ Обществѣ Дѣателей Печатнаго Дѣла». Спб. 1900 г. (въ обзорѣ предварительныхъ занятій, стр. III — VII).—«Отчеты Русскаго Библиологическаго Общества и Русскаго Общества Дѣателей Печатнаго Дѣла.—«Участіе Русскаго Библиологическаго Общества въ подготовительныхъ работахъ по устройству 200-лѣтняго юбилея періодической печати». Литературный Вѣстникъ 1901 г., № 6 (былъ отдѣльный оттискъ).—«Энциклопедическій Словарь» Брокгауза и Ефрона. Полутемы 6 (стр. 742, 785) и 34 (стр. 739).—«Краткій словарь русскихъ музыкальныхъ критиковъ и лицъ, писавшихъ о музыкѣ». Въ Музыкальномъ Календарѣ-Альманахѣ на 1895 г., стр. 68.—Труды и изданія Н. М. Лисовскаго и журнальные отзывы о нихъ.

Л. Н. Павленковъ.

РУССКІЕ ОБЪ ИНОСТРАНЦАХЪ.

Князь Бѣлосельскій въ Туринѣ во время французской революціи.

ВЗЫВЫ иностранцевъ о Россіи встрѣчаются въ литературѣ довольно часто, но противоположное явленіе, то-есть мнѣнія русскихъ объ иностранцахъ, — очень рѣдко. Поэтому собраніе депешъ русскаго посланника въ Туринѣ, князя Александра Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, къ вице-канцлеру графу Остерману, напечатанныхъ внучкой перваго, княгиней Трубецкой, представляетъ значительный интересъ. Авторъ этихъ официальныхъ документовъ, обнимающихъ эпоху 1792—1793 годовъ, родился въ 1725 году. Большую часть своей жизни онъ провелъ за границей, посланникомъ въ Дрезденѣ и Берлинѣ, а умеръ въ Петербургѣ, занимая придворную должность оберъ-шенка. Бѣлосельскій былъ человѣкъ очень образованный и даже занимался литературой. На русскомъ языкѣ онъ написалъ только либретто одной оперы: «Алена или первая любовь». Остальныя свои сочиненія онъ издалъ за границей и уже на французскомъ языкѣ, именно: «De la musique en Italie», «Sircée, cantate», «Poésie française d'un prince étranger» и «Dianologie, ou Tableau philosophique de l'entendement». Князь Бѣлосельскій былъ два раза женатъ—на Варварѣ Татищевой и Аннѣ Козицкой. Между его многочисленными дѣтьми была замѣчательная дочь, княжна Зинаида, вышедшая замужъ за князя Волконскаго, наслѣдовавшая отъ отца его литературныя и художественныя способности. Собраніе ея сочиненій въ двухъ томахъ на французскомъ и русскомъ языкахъ напечатано въ Карльсруэ. Знаменитый польскій поэтъ, Адамъ Мицкевичъ, былъ очень друженъ съ княгиней

Зинаидой и написалъ въ честь ея извѣстное стихотвореніе: «Греческое зало въ домѣ княгини Зинаиды Волконской». Она умерла въ 1862 году въ Римѣ, гдѣ поселилась послѣ того, какъ перешла въ католическую вѣру.

Что касается депешъ князя Бѣлосельскаго, то онѣ написаны отчасти по-французски, а отчасти по-русски, изданы же всѣ на французскомъ языкѣ. Не отличаясь особымъ интересомъ, онѣ все-таки обращаютъ на себя вниманіе, благодаря оригинальнымъ и характеристичнымъ взглядамъ на французскую революцію русскаго вельможи, яраго ея ненавистника. Естественно, что въ этомъ отношеніи описанія событій того времени представляются односторонними, и къ нимъ надо отнестись съ строгой критикой. Во всякомъ случаѣ, любопытно познакомиться съ тѣмъ, какъ глядѣли на французскую революцію русскіе дипломаты того времени, и потому приведемъ выдержки изъ самыхъ интересныхъ депешъ князя Бѣлосельскаго и бросимъ краткій взглядъ на его дипломатическую карьеру во время великаго переворота, измѣнившаго судьбы Европы. Прибавимъ еще, что король сардинскій, съ которымъ имѣлъ дѣло князь, былъ Викторъ-Амедей III. Съ самаго начала революціонныхъ событій онъ рѣшился энергично дѣйствовать противъ Франціи и уничтожить безумцевъ, по его словамъ, губившихъ ее. Онъ крѣпко надѣялся на свою восьмидесятитысячную армію и народъ, который онъ считалъ преданнымъ себѣ. Но на дѣлѣ вышло совсѣмъ другое. Законодательное собраніе Франціи предложило ему союзъ и обѣщало взаимѣнъ этого присоединеніе Ломбардіи. Но полный монархическихъ предразсудковъ, король отказался отъ этого выгоднаго предложенія, арестовалъ присланнаго для переговоровъ отъ Франціи Семонвилля и заключилъ союзъ не съ Франціей, а съ Австріей. Вслѣдъ затѣмъ Викторъ-Амедей послалъ войска въ Савойю, на границу Франціи и дѣло кончилось тѣмъ, что французы овладѣли Савойей и Ниццой, которыя были присоединены къ Французской республикѣ. Новые французы въ восторгомъ говорили: «Мы не завоеванный народъ, но народъ освобожденный». «Это были,— говоритъ Мишлэ въ своей «Исторіи Франціи», — два брата, давно разлученные и съ восторгомъ нашедшіе теперь другъ друга».

Вотъ историческія обстоятельства, при которыхъ присутствовалъ князь Бѣлосельскій, не понимая ихъ внутренняго значенія. Послѣ его отъѣзда изъ Турина политическія событія въ Пьемонтѣ пошли медленно, но вѣрными шагами къ опредѣленной цѣли. Въ 1798 г. Туринъ былъ взятъ французами, и король отказался отъ престола. Сардинское королевство присоединилось въ февралѣ 1799 года къ Французской республикѣ.

По прибытіи въ Туринъ, 7-го апрѣля 1792 года, князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій писалъ въ Петербургъ вице-канцлеру:

«Я пріѣхалъ сюда 4-го (15-го) этого мѣсяца. На слѣдующее утро я послалъ Карпова къ церемоніймейстеру, графу Бернову, чтобы предупредить о моемъ пріѣздѣ въ Туринъ и спросить, въ которомъ часу я могу видѣться съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Отвиллемъ».

По представленіи министру своихъ кредитивныхъ грамотъ, князь былъ принятъ Викторомъ-Амедеемъ на другой же день, въ десять часовъ утра. Приемъ, оказанный ему королемъ, былъ самый лестный. Послѣ обычной официальной аудіенціи король задержалъ посланника еще болѣе часа, какъ частнаго посѣтителя. При этомъ онъ былъ чрезвычайно добръ къ Бѣлосельскому и выказалъ большую дозу ума и веселый характеръ, ведя разговоръ на различныя темы. Когда вопросъ коснулся Франціи, и князь спросилъ короля объ его намѣреніяхъ, то послѣдній откровенно высказалъ ему, въ какомъ онъ находится затруднительномъ положеніи относительно ея.

«Вы не можете сомнѣваться,—сказалъ онъ,—какую глубокую ненависть должны внушать всѣмъ мыслящимъ существамъ преступныя происки французскихъ злодѣевъ. Но вы видите сами, что я нахожусь въ волчьей пасти. Я принужденъ скрывать свое мнѣніе до тѣхъ поръ, пока нашъ дворъ заодно съ вѣнскимъ и прусскимъ дворами не заставитъ ихъ трястись отъ страха даже у себя дома. Ахъ, если бы ваша императрица царствовала ближе къ намъ, подобной бѣды никогда не случилось бы. Повѣрите ли, что я занятъ въ продолженіе двухъ лѣтъ только тѣмъ, что отстраняю ядовитыя стрѣлы политики этихъ несчастныхъ. Вѣрьте мнѣ, злополучіе этой націи ничего нестоитъ. Эмигранты, стоящіе за правое дѣло, большею частью, существа почти также опасныя, благодаря ихъ безразсудству, хвастовскимъ угрозамъ и безпутству. Нѣкоторые изъ нихъ бѣжали сюда къ поставщикамъ на армію и въ арсеналы, чтобы достать сабли, способныя разомъ снести голову. Что до меня, то я опасуюсь ихъ и настолько избѣгаю, насколько позволяетъ честь. Что касается до клубскихъ безумцевъ, то надо ихъ уничтожить общими усиліями. Я стараюсь запретить имъ доступъ въ мое государство, но они все-таки проникаютъ подъ различными предлогами, въ особенности подъ видомъ коммерсантовъ. Одинъ изъ такихъ негодяевъ, французскій посланникъ въ Генуѣ, который, имѣя въ своемъ домѣ типографію, не перестаетъ распространять здѣсь воспламеняющія умъ сочиненія, чтобы возбудить народъ противъ судей и священниковъ, послѣднихъ противъ епископовъ, а солдатъ противъ офицеровъ».

Затѣмъ король коснулся воспитанія своихъ внуковъ, дѣтей графа Артуа. Русскій посланникъ замѣтилъ, что несчастія ихъ семьи принесли имъ счастье. На это король отвѣтилъ, что вполне раздѣляетъ его мнѣніе. «Какое бы воспитаніе получили они при

французскомъ дворѣ,— замѣтилъ онъ, — вотъ Артуа, я заставилъ его согласиться со мною, что лица, имѣющія надежду на извѣстныя королевскія права, больше ничему не учатся, даютъ свободный полетъ своимъ страстямъ, считаютъ себя свободными отъ уваженія, которое должны всѣ питать къ религіи, къ добрымъ нравамъ и законамъ государства. Лъстецы, не переставая, нашептываютъ имъ въ уши, что государство принадлежитъ королю и его семьѣ. Это неправда — король принадлежитъ государству».

10-го апрѣля, посланникъ доносилъ, что ярость Франціи удвоилась, и положеніе Сардиніи становится все болѣе критическимъ.

«Имѣю честь сообщить вамъ, графъ, важную новость, какъ для этой страны, такъ и для всей Ломбардіи. Семонвилль, французскій посланникъ въ Генуѣ, извѣстный за самаго злого и опаснаго изъ всѣхъ безумцевъ въ Парижѣ, не такъ давно получилъ кредитивную грамоту, которая даетъ ему полныя права въ качествѣ уполномоченнаго посланника при Туринскомъ, Пармскомъ и Моденскомъ дворахъ, съ позволеніемъ жить, гдѣ ему угодно. Сардинскій дворъ боится не принять его, опасаясь посадить себѣ на шею всѣхъ этихъ каналовъ марсельцевъ, подъ управленіемъ теперешняго французскаго правительства, угрожающаго съ нѣкотораго времени городу и порту Ниццы. Другое извѣстіе, полученное чрезъ французскихъ эмигрантовъ, снующихъ по берегамъ Рейна, которые передали его Серану, воспитателю дѣтей графини Артуа, менѣе вѣроятное. Ему писали, что раскрыли адское намѣреніе, придуманное въ парижскихъ клубахъ — отравить всѣхъ принцевъ Бурбонскаго дома. Серанъ имѣлъ мысль сообщить это письмо королю Сардиніи, который, съ своей стороны, разослалъ копии съ него герцогу Пармскому и Неаполитанскому королю».

Въ письмѣ отъ 14-го апрѣля 1792 г. посланникъ, между прочимъ, ходатайствуетъ за своихъ подчиненныхъ и проситъ себѣ прибавки жалованья, ссылаясь на дороговизну жизни. Онъ продолжалъ получать то же содержаніе, что получалъ раньше, какъ второстепенное лицо при посольствѣ въ Вѣнѣ, гдѣ жизнь была дешевле, чѣмъ въ Туринѣ, а расходы въ три раза менѣе и дворъ менѣе блестящій. Не считая официальныхъ обѣдовъ и парадныхъ ужиновъ, обязательныхъ для посланниковъ, различныхъ покупокъ, парадныхъ ливрей, экипажей и ложъ въ театрѣ, которыя назначалъ самъ король, — князь опредѣляетъ свои расходы въ 19.272 франка въ мѣсяць.

Нѣсколько дней спустя, Вѣлосельскій сообщалъ, что Сардинія находится въ самомъ несчастномъ положеніи, и савойцы, родственные характеромъ и общностью языка съ французами, тайно занимаются роковыми вопросами, навѣянными имъ республиканцами. «Повидимому, савойскіе крестьяне, живущіе на границѣ Франціи,—

замѣчалъ посланникъ,— питаютъ тѣ же мысли. Сардинскій дворъ отказался принять Семонвилля, но не по причинѣ того, что новый посланникъ, вмѣсто того, чтобы поддерживать согласіе между двумя дворами, сдѣлаеть все возможное для нарушенія его, а по многимъ другимъ».

26-го апрѣля 1792 г., онъ увѣдомляетъ вице-канцлера, что отношенія между Франціей и Сардиніей осложнились вслѣдствіе ареста Семонвилля, и Франція прислала сардинскому королю слѣдующее заявленіе: «Туринскій дворъ нарушилъ международныя права и уваженіе къ уполномоченному великой націи, остановивъ его въ Александріи и помѣшавъ ему исполнить мирную и дружелюбную миссію. Чтобы возстановить гармонію между сардинскимъ и французскимъ королями, необходимо освободить Семонвилля и принять его при Туринскомъ дворѣ, иначе французскій король прикажетъ Лаланду, находящемуся въ Туринѣ въ качествѣ уполномоченнаго Франціи, уѣхать отсюда въ 24 часа и, присоединившись къ Семонвиллю, удалиться въ Геную».

На это заявленіе король Сардиніи отвѣтилъ, что не можетъ допустить къ своему двору Семонвилля. Гармонія между обоими дворами была нарушена.

«Положеніе Генуэзской республики, — доносилъ Бѣлосельскій 1-го мая 1792 г., — привлекаетъ вниманіе туринскаго и вѣнскаго дворовъ. Генуя хотѣла бы сохранить полный нейтралитетъ, но такъ какъ она не вооружена, то французы, приготавлиющіе флотъ въ Тулонѣ, могутъ ее привлечь внезапно на свою сторону. Семонвилль, находящійся въ Генуѣ, составляетъ партію, благопріятную для Франціи».

По поводу охватившаго всѣхъ революціоннаго волненія во Франціи посланникъ писалъ 12/23 іюня 1792 года:

«Раздоръ во Франціи растетъ съ каждымъ днемъ; здѣсь знаютъ, что составился адскій заговоръ противъ Людовика XVI и его несчастной жены. Холодность принцевъ Бурбонскаго дома, небрежность и несогласіе роялистовъ и устраненіе иностранной помощи могутъ содѣйствовать этому злодѣянію. Несмотря на это, король далъ доказательство извѣстной устойчивости: онъ отказался утвердить новый декретъ, предписывающій наборъ двадцати тысячъ солдатъ національной гвардіи, которыхъ расположили бы лагеремъ около Парижа; для него это было немалой смѣлостью».

Нѣсколько дней спустя, Бѣлосельскій извѣщалъ:

«Къ удивленію всего міра французскій король снова перемѣнилъ все министерство. Говорятъ, что настоящее министерство совершенно монархическое, т.-е. полная противоположность республиканской и роялистской партіямъ. Туринскій арсеналь въ полномъ порядкѣ: онъ такъ хорошо снабженъ, что 50.000 человекъ могли бы вооружиться, и всѣ пушки туринскихъ крѣпостей замѣстятся другимъ.

На-дняхъ изъ Вѣны пріѣхалъ курьеръ, доставившій важную новость, что богемскій король предоставляетъ въ распоряженіе короля Сардиніи армію въ 10.000 человекъ, которою онъ можетъ располагать въ случаѣ оборонительной войны. Повидимому, это произвело сильное впечатлѣніе на умъ короля, который склоняется теперь къ нападенію на французовъ, какъ только союзныя арміи войдутъ во Францію. Можно угадать это тайное намѣреніе короля по тону, съ которымъ онъ говоритъ о народѣ, находящемся въ безуміи, по сорокачасовымъ молебнамъ, наложеннымъ на монастыри, которымъ онъ послалъ по 200 ливровъ каждому на восковыя свѣчи. Вотъ какой циркуляръ разослалъ имъ король: «Пойте молебны по сорока часовъ сряду за короля, чтобы Всевышній благословилъ всѣ предпріятія его величества». Я сообщаю вамъ, графъ, объ этомъ, чтобы вы могли судить о нравственномъ духѣ этого двора и объ его вліяніи на положеніе дѣлъ. Сардинскій дворъ ведетъ съ Женевой переговоры о новомъ займѣ въ 4.000.000 пьемонтскихъ ливровъ,—ту же сумму, какую онъ требовалъ у Генуи. Ее доставятъ только въ октябрѣ. Съ своей стороны Швейцарія рѣшилась послать на помощь Сардиніи 13.000 солдатъ».

Въ тотъ же день онъ писалъ о началѣ революціи:

«Извѣстія, прибывшія изъ Парижа, поразительны, и такія именно, какъ я имѣлъ честь вамъ предсказать. Якобинцы, замѣщенные королемъ умѣренными, разъярились и пускаются на всѣ хитрости, чтобы отнять эту минутную побѣду у монархистовъ. Я говорю минутную, такъ какъ якобинцы пустили глубокіе корни на протяженіи всей Франціи. 21-го этого мѣсяца самыя подлые каналы изъ народа, соединясь въ національную гвардію, въ количествѣ 13—14.000 человекъ, приблизились къ Тюильрійскому дворцу, вооруженные топорами, пиками, вилами и, взломавъ три двери, проникли силою въ покои короля. Окруживъ Людовика XVI, они схватили его и угрожали въ него стрѣлять изъ двухъ пушекъ, привезенныхъ въ его комнату, если онъ тотчасъ же не отмѣнитъ декрета по поводу священниковъ, будетъ отказываться относительно расположенія лагеря вокругъ Парижа въ 20.000 человекъ и не вернетъ трехъ министровъ, которыхъ національное собраніе считаетъ достойными расположенія народа. Король стоялъ на стулѣ въ амбразурѣ окна, устремивъ свои взгляды на чудовищныя лица; въ сосѣдней комнатѣ стоялъ на столѣ принцъ, окруженный всѣми придворными дамами, и держалъ въ рукѣ національную кокарду. Смертельный ужасъ отпечатывался на всѣхъ лицахъ. Король сказалъ разъяренному народу, что онъ пошлетъ отвѣтъ на его петицію въ національное собраніе; онъ прибавилъ, дрожа отъ страха, что нисколько не боится находиться среди добраго французскаго народа, и, взявъ руку одного изъ *sans-culottes*, окружавшихъ его, онъ прижалъ ее къ своей груди и сказалъ: «Послушай, бьется ли

мое сердце? Тотъ, у кого чиста совѣсть, какъ моя, не долженъ ничего бояться». Тогда на него надѣли красный колпакъ, называемый шапкою «Свободы», и его величество воскликнулъ: «да здравствуетъ свобода!» Наслѣдный принцъ повторилъ это восклицаніе въ сосѣдней комнатѣ, а придворныя дамы вторили ему. Часть народа прошла въ комнату королевы, которая уже была украшена краснымъ колпакомъ и раздавала національныя кокарды, припиленные народомъ къ ея платью. Въ такомъ смѣшномъ и ужасномъ положеніи застали королевскую семью депутаты собранія. Лицебѣрный парижскій губернаторъ Петъонъ пріѣхалъ предъ окончаніемъ и именемъ закона приказалъ народу разойтись. Толпа повиновалась и, по желанію короля, дефилировала предъ нимъ подвое, чтобы онъ могъ ихъ всѣхъ видѣть. Эта ужасная сцена длилась съ пяти часовъ вечера до одиннадцати. Когда одинъ изъ безумцевъ, по имени Сантеръ, направился къ королевѣ, то два гренадера съ пистолетами въ рукахъ тотчасъ же бросились между нею и негодяемъ. Королева, тронутая этимъ усердіемъ, взяла ихъ за руки и сказала съ чувствомъ: «Я очень тронута!» Они бросились предъ нею на колѣни и, заливаясь слезами, покрыли жаркими поцѣлуями ея платье. Англійскій посланникъ, переодѣтый, чтобы его не узнали, присутствовалъ все время изъ любопытства при всѣхъ этихъ ужасахъ и ушелъ лишь ночью по окончаніи».

21-го іюля 1792 г. посланникъ доносилъ канцлеру:

«Во всѣхъ городахъ и деревушкахъ этого несчастнаго государства вывѣшены объявленія о тираническихъ приказаніяхъ, требующихъ, чтобы каждый французъ или иностранецъ, путешествующій по Франціи, носилъ трехцвѣтную кокарду, исключеніе сдѣлано только для посланниковъ. Въ случаѣ отказа, всякая личность, къ какой націи ни принадлежала бы, должна быть остановлена муниципалитетомъ страны, судима и затѣмъ казнена. 22-го іюля предъ Тюильри собралась громадная толпа вслѣдствіе поступка Лафайета въ Национальномъ Собраніи. Королевская семья еще разъ была жертвой этого мятежа, но губернаторъ Петъонъ затушилъ его въ началѣ, разсчитавъ, что это злодѣяніе ничего теперь ему не принесетъ. Можно утвердительно сказать, что французскую армію побѣдить и разбѣять удастся легко, но трудно будетъ побѣдить и сломить подлый народъ: его голова наполнена такимъ вздоромъ, какого никогда не было въ исторіи человѣческихъ революцій».

Русскій посланникъ угадывалъ вѣрно ходъ событій во Франціи и доносилъ въ Петербургъ 28-го іюля 1792 г.

«Что я предсказывалъ по поводу Марсея, то и случилось; муниципалитетъ этого города рѣшилъ отдѣлиться отъ французскаго правительства и основать независимую республику».

Сообщая о событіяхъ революціи, Бѣлосельскій между прочимъ говоритъ: «Тѣмъ, которые особенно интересуется королемъ, по всей

вѣроятности, нечего опасаться. Онъ очень любитъ жизнь, и собраніемъ якобинцевъ было постановлено сохранить жизнь ему, королевѣ и дофину, въ качествѣ заложниковъ, но ножъ всегда будетъ висѣть надъ ихъ августѣйшими головами».

Нѣсколько дней спустя, онъ писалъ: «Въ Парижѣ установилось наружное спокойствіе, но это спокойствіе кладбища, гдѣ трупы лежать другъ возлѣ друга, и гдѣ живые прогуливаются, съ горечью раздумывая, что ихъ ожидаетъ та же участь. Твердость королевы изнемогаетъ отъ столькихъ оскорбленій; она страдаетъ жестокою болѣзнью нервовъ. Счастливая апатія короля поддерживаетъ ее; ее болѣе всего огорчаетъ, что около нея нѣтъ ея обычнаго духовника, но она забываетъ всѣ огорченія во время своихъ завтраковъ. Что касается до дофина и его сестры, то они походятъ на двухъ запуганныхъ голубковъ, попавшихъ въ руки человѣка, не подозрѣвая всего его вѣроломства. Одинъ поэтъ, по имени Дюрозуа, когда-то бывший воспитателемъ дѣтей въ Россіи, былъ приговоренъ къ смертной казни за то, что интриговалъ въ пользу принцевъ. Но онъ прибѣгнулъ къ довольно странному средству, чтобы, по крайней мѣрѣ, отсрочить день своей казни; онъ написалъ въ собраніе, что оно должно уничтожить смертную казнь относительно старцевъ, какъ онъ, ради испытанія на нихъ гениальнаго изобрѣтенія перелитія крови изъ молодого кролика въ вены стариковъ, и что онъ первый себя предлагаетъ для этихъ опытовъ съ цѣлью быть полезнымъ человечеству всевозможнымъ образомъ. Затѣмъ онъ назвалъ собраніе «источникомъ юности», послѣ чего прибавилъ: «Такъ какъ національные хирурги должны быть искуснѣе, чѣмъ всѣ королевскіе, то онъ обязанъ августѣйшимъ представителямъ не только жизнью, но также возвращеніемъ всей юношеской граціи». Изъ предложенныхъ якобинцами условій видно, что это общество состоитъ изъ самыхъ ловкихъ злодѣевъ, какіе когда либо существовали. Послѣ звѣрскихъ насилій, окровавившихъ Парижъ 2-го сентября, между Петьономъ, начальникомъ якобинцевъ, и Робеспьеромъ, который хотѣлъ его замѣстить, вспыхнула ссора. Это несогласіе, развлекшее якобинцевъ, можетъ служить въ пользу политическихъ видовъ противъ Франціи. Король Сардиніи не въ силахъ защитить всѣхъ своихъ границъ, и если 51.000 sans-culottes вторгнутся въ Савойю,—она пропала. Его величество рѣшилъ занять еще 8 милліоновъ ливровъ. Изъ Турина послали въ Савойю и Ниццу новые военные снаряды».

Опасенія посланника сбылись, и 20-го сентября 25.000 «французскихъ каннибаловъ» съ пушками вошли въ Савойю. Они посадили въ Шамбери массу деревьевъ «Свободы» съ красными колпачками на вершинахъ и заставляли кричать гражданъ и крестьянъ: «Да здравствуетъ равенство!» послѣ чего они танцевали вокругъ деревьевъ, припѣвая: «Ça ira! Ça ira!». «Говорятъ, что до сихъ поръ

они ничего не разрушили и не украли,—прибавлялъ посланникъ.— Всего удивительнѣе, что объ этомъ ужасномъ событіи ничего не зналъ дворъ».

Черезъ два дня онъ сообщалъ:

«Наконецъ есть нѣкоторыя извѣстія изъ арміи съ той стороны горъ. Въ резюме—ужасъ, беспорядокъ, смущеніе; въ результатѣ—безпримѣрный стыдъ въ исторіи. Говорятъ, что въ Миланѣ народъ уже возбужденъ. Наканунѣ вторженія французовъ въ Савойю были расклеены слѣдующія афиши: «Просимъ Бога, чтобы онъ освободилъ насъ отъ гнета мерзкихъ патеровъ, проклятой аристократіи и отъ нашего правительства, которое ничего не стоитъ». Надо сказать, что пьемонтцы самые злые изъ итальянцевъ. Мы имѣемъ доказательство этого: почти ежедневно случаются смертоубійства, удары кинжаломъ и всякаго рода измѣны. Король соединяетъ въ себѣ прекрасную душу и свѣтлый умъ, но у него есть одно качество, которое дѣйствительно хорошо, однако опасно, даже злополучно для короля: онъ не умѣетъ наказывать виновныхъ. До послѣдняго времени онъ обманывался относительно героизма своихъ офицеровъ, учености и достоинствъ генераловъ. Граванцана, его военный министръ, человѣкъ неспособный и нерѣшительный, что доводитъ его часто до подлости и лжи. Губернаторъ Турина, старый графъ Сальмуръ, можетъ быть, въ свое время слылъ за хорошаго генерала, теперъ же онъ завирается и сдѣлался развалиной. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Гранри, обѣщаетъ больше, чѣмъ дѣлаетъ, въ его мысляхъ болѣе неожиданностей, чѣмъ послѣдовательности, и если онъ не совѣмъ лишенъ ума, то его умъ походитъ на свѣтъ потайнаго фонаря, который служитъ лишь своему владѣльцу. Къ довершенію, графъ Отвилль, министръ иностранныхъ дѣлъ, образованный человѣкъ, необыкновенно трудолюбивый, но слишкомъ мало отважный, мелочной и нерѣшительный въ важныхъ дѣлахъ. Этотъ врожденный недостатокъ, обнаружившійся въ настоящихъ обстоятельствахъ, почти соприкасается съ порокомъ и происходитъ по большей части отъ непривычки къ большому свѣту, отъ бѣдности и, въ особенности, отъ боязни лишиться своего назначенія. Вотъ личности, которыя составляютъ обычный совѣтъ короля Сардиніи. Кардиналъ, туринскій епископъ, человѣкъ довольно обыкновенный, иногда участвуетъ въ немъ, но не съ цѣлью давать совѣты или оспаривать, но чтобы наговорить безсмыслицъ каждому. Братъ и дѣти короля присутствуютъ отъ времени до времени на совѣтѣ. Только принцъ Пьемонтскій, человѣкъ полный ума, могъ бы заявить полезныя и возвышенныя мнѣнія, но въ присутствіи короля онъ рѣдко ихъ высказываетъ. Солдаты пьемонтской арміи, на взглядъ, прекрасно дрессированы, но офицеры, по большей части, или слишкомъ молоды, или небрежны, или невѣжды, и генералы почти всѣ, или, лучше сказать, всѣ—дурны».

Послѣ событій въ Савойѣ совѣтъ короля находился въ нерѣшительности по поводу плана кампаніи относительно Ниццы. Наконецъ онъ былъ рѣшенъ и посланъ 1-го октября. Но генераль Куртенъ, предупредивъ распоряженіе короля, уже находился въ Сопелѣ. Этотъ поступокъ посланникъ называлъ «постыднымъ».

«Перехожу къ другому историческому факту,—писалъ онъ,—самому подлому изъ всѣхъ относившихся къ Савойской кампаніи. Шесть батальоновъ, перейдя Изеру, разрушили мостъ, чтобы пресѣчь преслѣдованіе французовъ, прибывшихъ въ тотъ же день въ Сентъ-Жанъ-де-Морьеннъ, но, не считая себя еще подъ защитой, они отступили далѣе въ Лансъ-ле-Буръ къ подножію горы Сени, умирая съ голоду и холоду. Теперь они получили приказъ перейти гору, такъ какъ французы хотятъ овладѣть всей Морьенной. Наконецъ войска соединились въ Тарантезѣ послѣ смертельной семнадцатичасовой ходьбы въ ужасную погоду и по каменистымъ дорогамъ, представляя собою страшное зрѣлище. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ сардинская армія глумилась надъ французами, насмѣхаясь надъ ихъ невѣжествомъ и экзальтаціей; поддразнивала ихъ, сердила своими маршами и контръ-маршами, хвастаясь и объявляя, что одинъ пьемонтецъ задушитъ шесть французовъ. Дѣйствительно, есть за что поблагодарить этихъ гигантовъ: благодаря имъ, король Сардиніи потерялъ въ двѣ недѣли двѣ трети своихъ владѣній, и что ожидаетъ его въ будущемъ, никто не можетъ предвидѣть».

17-го сентября сардинскія войска должны были уйти изъ Ниццы, предавшись постыдной паникѣ. Несчастные французскіе эмигранты, убѣжденные пьемонтцами, что они храбро будутъ защищать городъ, не были подготовлены къ отъѣзду. Принужденные къ неожиданному бѣгству, они потеряли остатки своего имущества. Та же участь постигла большую часть гражданъ и духовныхъ лицъ. Подобный ужасный погромъ только можетъ сравниться со сценою Страшнаго суда Микеля Анжело. Войска, расположенныя на Варэ, узнавъ, что должны ретироваться безъ битвы, начали роптать, но затѣмъ мигомъ удалились удвоеннымъ шагомъ, покидая провіантъ и палатки. Крестьяне увидѣли себя покинутыми и, полные гнѣва, разсыпались во всѣ стороны. Городскія ворота Ниццы и Вилльфранша положительно ломились отъ безчисленнаго множества французскихъ эмигрантовъ, патеровъ, дворянъ, судей, всѣхъ сословій женщинъ, изъ которыхъ многія имѣли грудныхъ дѣтей. Двадцатитысячная толпа, обезумѣвъ, бѣжала на пьемонтскую дорогу. Эмигранты съ своими полуобнаженными женами простирали руки къ небу и походили на жертвъ.

«Вотъ плоды нерѣшительности въ важныхъ обстоятельствахъ,—писалъ Бѣлосельскій: —слабость правительства, недалковидность короля, не умѣвшаго различать людей и обращавагося со всѣми одинаковымъ образомъ, виновнаго, легкомысленнаго министерства,

солдатъ, съ полвѣка не видавшихъ огня, офицеровъ, постоянно хваставшихся, и генераловъ, впавшихъ въ дѣтство и не имѣвшихъ понятія ни объ искусствѣ командованія, ни о фортификаціяхъ, ни о защитѣ, ни объ атакахъ».

«29-го сентября, въ 8 часовъ утра, въ Туринъ вошла первая австрійская колонна; двѣ другія запоздали по случаю дурной погоды. Нѣмцевъ приняли тамъ, какъ спасителей. Женевцы рѣшились требовать у Швейцаріи гарнизона; 1.600 бернцовъ прибыли туда. Если бы французамъ пришла мысль атаковать Женеву, гельветическій отрядъ долженъ былъ бы открыто объявить себя противъ Франціи. Не поторопись вѣнскій дворъ прислать въ Италію войско, можно было опасаться, что «французскіе варвары» поступили бы такъ же, какъ готы и визиготы. Генераль Лазари, видя себя одного обвиненнымъ въ этой ужасной дезорганизаціи пьемонтскаго войска, самъ потребовалъ у короля военнаго суда. Но Лазари не одинъ командовалъ савойскими войсками; кавалеръ Пейронъ, губернаторъ Шамбери, одинаково былъ виноватъ, но король его простилъ такъ же, какъ генерала, маркиза Кордона, который первый запрещалъ стрѣлять въ французовъ. Многія лица, а также принцъ пьемонтскій, подозрѣвали измѣну, но навѣрно этого не было. Начальники, будучи савойцами, сами теряли свои доходы, къ тому же они ни въ чемъ не соглашались, развѣ только въ бѣгствѣ. Сардинскій король потерпѣлъ громадныя потери, доходящія до 11-ти милліоновъ пьемонтскихъ ливровъ.

«Французы глазамъ своимъ не вѣрили,—извѣщалъ посланникъ:— настолько они были удивлены быстрымъ отступленіемъ пьемонтцевъ и, повидимому, опасались военной уловки. Они провели всю ночь, не смѣя войти въ пьемонтскій лагерь, такъ что городскія власти Ниццы сами должны были пойти къ нимъ и пригласить ихъ, какъ можно скорѣе, войти въ городъ и сдѣлаться властителями, во избѣжаніе разбойничьихъ ограбленій ницкихъ носильщиковъ. Генераль Ансельмъ, начальникъ французскихъ войскъ, не заставилъ себя упрашивать и вошелъ во главѣ 7.000 войска, состоявшаго по большей части изъ четырнадцати или пятнадцатилѣтнихъ подростковъ».

Черезъ четыре дня посланникъ сообщалъ о событіяхъ въ Савойнѣ, говоря, что савойскіе крестьяне начинаютъ стонать подъ тяжестью ихъ ужасныхъ гостей и сожалѣть о пьемонтскомъ правительствѣ. Причиной этого онъ выставилъ, во-первыхъ, перемѣну ихъ денегъ на французскія; во-вторыхъ, опасеніе, что хлѣбъ повысится въ цѣнѣ; въ-третьихъ, приказъ приготовить къ 1-му января 7.000 рекрутовъ. Но якобинцы Шамбери прибѣгали ко всѣмъ хитростямъ, чтобы возстановить народъ противъ правительства, и на всѣхъ улицахъ вывѣшивались объявленія, въ которыхъ были напечатаны слова: «Война деспотамъ, свобода народу». Кромѣ того, хотѣли издать новый приказъ, по которому всѣ владѣльцы прину-

ждались возвратиться на родину, въ противномъ случаѣ ихъ имущество обѣщали конфисковать. Этотъ приказъ произвелъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе, въ особенности на тѣхъ, которые находились при королѣ.

«Я замѣчаю, что публика и самъ король,—писалъ посланникъ,—имѣють большое довѣріе къ пьемонтскимъ крестьянамъ болѣе, чѣмъ къ арміи, и это справедливо, такъ такъ эти воины даже не видывали порохового дыма, и можно опасаться, что страхъ парализируетъ ихъ сердца. У нѣкоторыхъ изъ нихъ морозъ по кожѣ пробѣгаетъ отъ одного имени *sans-culotte*, точно у пруссаковъ, когда, три года тому назадъ, я упоминалъ о приближеніи нашихъ башкирцевъ. Граждане Турина получили разрѣшеніе носить синюю кокарду, похожую на военную, въ знакъ преданности королю. Эта мелкая хитрость, которая различаетъ, такъ сказать, хорошихъ отъ дурныхъ, не можетъ быть одобрена серіозными людьми. Теперь ее носятъ только ремесленники и приказчики, а крестьяне, купцы, артисты и дворяне не думаютъ о ней, или насмѣхаются надъ нею. Сардинскій дворъ сообщилъ папѣ о вторженіи французовъ. Папа отвѣтилъ, оплакивая несчастіе короля и обѣщая горячія молитвы и деньги, но не обозначая ни суммы, ни числа, когда онъ ихъ дастъ. Во время настоящаго карнавала не будетъ ни охоты, ни оперы. Оба эти развлечения справлялись съ большой помпой; главный егермейстеръ получилъ приказъ убить двѣ трети охотничьихъ собакъ, приготовить лошадей для продажи и отослать большую часть егерей. Мятежный духъ въ Савойѣ увеличивается съ часу на часъ и пускаетъ корни, благопріятные для французовъ».

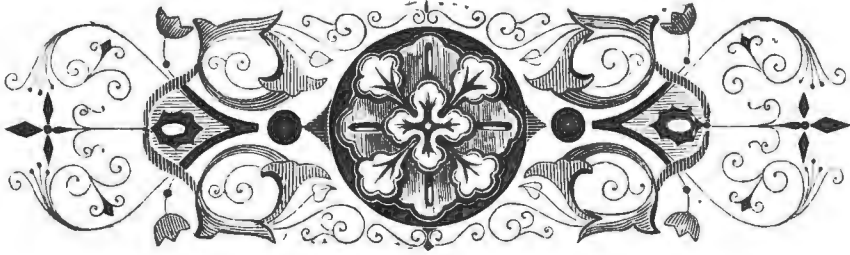
Однако, несмотря на антипатію къ французской революціи, посланникъ видѣлъ неизбѣжность имѣть дѣло съ новымъ французскимъ правительствомъ и по этому поводу писалъ 20—31 октября 1792 г.:

«Лисаневичъ лучше всѣхъ можетъ васъ извѣстить о дѣлахъ нашего консульства въ Ниццѣ. Въ отвѣтъ на его запросъ я давно ему написалъ, что, если французы не причиняютъ ему неприятностей, какъ консулу, ему нѣтъ надобности удалиться, но при малѣйшемъ затрудненіи онъ долженъ слѣдовать примѣру австрійскаго консула».

Дѣла Сардиніи все ухудшались; въ провинціяхъ революціонное движеніе все увеличивалось; народъ не желалъ посылать хлѣба въ другіе пьемонтскіе города. Недостатокъ финансовъ становился чрезчуръ чувствительнымъ. Королевскимъ эдиктомъ было объявлено, что государственныя земли и движимость назначаются въ продажу, но покупателей не находилось, изъ опасенія, что французы съ оружіемъ въ рукахъ отнимутъ ихъ пріобрѣтенія. Посланникъ долженъ былъ покинуть Сардинію.

Этимъ кончается послѣдняя восемьдесятъ - четвертая депеша князя Бѣлосельскаго изъ Турина.

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Томъ второй, части I и II. (Царствованіе императора Николая Перваго). Составилъ С. М. Середонинъ. Спб. 1902.

ВТОРОЙ ТОМЪ труда г. Середонина представляетъ собою тотъ же характеръ, какъ и первый. Авторъ рисуетъ изучаемое имъ учрежденіе, такъ сказать, съ официальной стороны. Онъ избѣгаетъ обобщеній и широкихъ выводовъ, стремясь придерживаться описательныхъ приемовъ. Но, тѣмъ не менѣе, книга отъ того не теряетъ своихъ достоинствъ. Умѣлое расположеніе матеріала само наталкиваетъ на выводы и обобщенія, вслѣдствіе чего книга является очень цѣнной для историковъ Россіи, какъ юристовъ, такъ и бытописателей.

Второй томъ труда г. Середонина распадается на двѣ части и охватываетъ собой организацію и значеніе комитета министровъ по восшествіи на престолъ императора Николая Павловича, а также дѣятельность комитета въ различныхъ ея отрасляхъ: въ области народнаго продовольствія, государственнаго хозяйства, народнаго просвѣщенія, центрального и мѣстнаго управленія, дѣла сословнаго, продовольственнаго. Дѣятельность комитета министровъ въ указанныхъ направленіяхъ находилась подъ непосредственнымъ контролемъ императора, и потому, ознакомляясь съ его резолюціями на положенія комитета, можно составить извѣстное представленіе о правительственныхъ взглядахъ Николая Павловича. Такое представленіе по даннымъ разсматриваемой эпохи можно составить тѣмъ полнѣе, что послѣ кончины Александра Павловича значеніе комитета министровъ приобрѣло особый, съ одной стороны, болѣе узкій, а съ другой—болѣе глубокой характеръ. Съ самаго начала новаго царствованія

у комитета были отняты дѣла законодательныя, но тѣмъ полнѣе и многостороннѣе сказалась его руководяще-административная дѣятельность. Изъ обзора этой дѣятельности мы позволимъ себѣ остановиться на стремленіяхъ императора и комитета упорядочить русское чиновничество, страдавшее въ ту эпоху многими очень крупными и печальными недостатками.

Какъ говорить г. Середонинъ, императоръ Николай Павловичъ, вступая на престолъ, желалъ прежде всего законности въ управленіи. Однако этому благородному желанію пришлось столкнуться съ другимъ могущественнымъ соперникомъ, стремленіемъ къ охранѣ престижа правительственныхъ мѣстъ и лицъ, и первому во многихъ отношеніяхъ оказалось необходимымъ уступить. Несмотря на всѣ старанія императора улучшить тогдашній составъ высшей и низшей администраціи, русское чиновничество въ массѣ являлось стоящимъ далеко не на высотѣ. Желая установить неослабный контроль за должностными лицами, Николай Павловичъ учредилъ знаменитое Третье Отдѣленіе собственной канцеляріи, но мѣра эта мало помогала дѣлу. Не говоря уже о томъ, что самъ шефъ Третьяго Отдѣленія, любимецъ государя гр. Бенкендорфъ, гдѣ ему было выгодно, нарушалъ основы законности безъ всякихъ стѣсненій (см. В. П. Севекаго—Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ): Бенкендорфъ былъ пайщикомъ золотопромышленныхъ товариществъ и своимъ вліяніемъ умышленно преграждалъ возможность чинамъ мѣстной администраціи исполнять долгъ чести и службы, отстаивать интересы рабочихъ, безчеловѣчно эксплуатируемыхъ и угнетаемыхъ представителями золотопромышленниковъ хозяевъ.

Если такія злоупотребленія позволяли себѣ люди, пользовавшіеся высшимъ довѣріемъ монарха, то чего же можно было требовать отъ тѣхъ, кто стоялъ отъ него на болѣе далекомъ разстояніи? Поэтому злоупотребленія крупнаго и мелкаго чиновничества доходили до апогея. При случаѣ мелкота достаточно платилась за свои противозаконныя попятновенія, но чиновники повыше, въ родѣ начальниковъ губерній, по большей части оставались совершенно безнаказанными. Дѣла о преступныхъ губернаторахъ шли черезъ сенатъ и комитетъ министровъ, а послѣдній во имя охраны престижа власти систематически мирволил виновнымъ. Такъ, напримѣръ, сенатъ по жалобамъ на владимирскаго губернатора, гр. Апраксина, назначилъ этому лицу нѣсколько выговоровъ и замѣчаній со внесеніемъ въ формуляръ, но комитетъ его оправдалъ. Въ сенатѣ возникло сомнѣніе, слѣдуетъ ли бывшаго новгородскаго губернатора Жеребцова судить за безпорядки по должности, совершенные до манифеста 1826 г., или простить. Комитетъ призналъ необходимымъ послѣднее безъ всякихъ сомнѣній. Рязскій военный губернаторъ маркизъ Паулуччи своею властью остановилъ исполненіе сенатскаго указа, комитетъ нашелъ нужнымъ отправить для изслѣдованія дѣла въ Ригу особаго ревизора сенатора, но тутъ самъ государь отклонилъ предложенную мѣру.

Точно также, когда при сооруженіи храма Христа Спасителя въ Москвѣ сенатъ призналъ необходимымъ разсмотрѣть дѣйствія членовъ строительной комиссіи въ уголовной палатѣ, комитетъ не согласился съ сенатомъ въ виду того, что въ числѣ членовъ комиссіи находились такія лица, какъ московскій военный генералъ-губернаторъ, московскій митрополитъ, сенаторъ Кушинковъ.

Въ управленіи архангельскаго генераль-губернатора Миницкаго сенаторы Корниловъ и Мертенсъ нашли много злоупотребленій и безпорядковъ, которые произошли частью отъ слабаго управленія Миницкаго, частью отъ нераднїи и самовластія гражданскаго губернатора Филимонова; замѣчанія свои сенаторы сообщили новому генераль-губернатору, адмиралу Галлу: «но, писали по этому поводу ревизоры, едва ли можно ожидать со стороны его надлежащаго исправленія безпорядковъ и престѣненія зла, ибо онъ совершенно руководствуется губернаторомъ и всемѣрно будетъ стараться прикрыть вины его и губернаторскаго правленія». Комитетъ въ этомъ случаѣ обратилъ вниманіе на неисполненіе Миницкимъ одного объявленнаго ему высочайшаго повелѣнія, но и эта вина была прощена виновному государемъ. Кн. Суворовъ всеми силами защищалъ нѣмецкое населеніе отъ всякаго руссифицирующаго вліянія и, кромѣ того, даже отстаивалъ установившійся въ Римѣ обычай дѣлать подарки губернскимъ чиновникамъ. Хотя сенатъ и настаивалъ на томъ, что такія подношенія положительно запрещены закономъ, тѣмъ не менѣе Суворовъ остался при прежнемъ убѣжденіи.

Если особой защитой пользовались губернаторы и генераль-губернаторы, то въ большій степени на снисхожденіе могли рассчитывать высшіе сановники. И дѣйствительно, напримѣръ, противъ Канкринна сенатомъ было возбуждено дѣло объ отвѣтственности по дѣйствіямъ, совершеннымъ министромъ финансовъ въ должности генераль-интенданта арміи. Комитетъ министровъ отклонилъ предложенное по этому поводу наложеніе запрещенія на имѣніе Канкринна и требованіе отъ министра объясненій. Когда В. Н. Каразинъ попытался было открыть государю глаза на любимца его Бенкендорфа, его правдивыя рѣчи отчианюльбца получили для него неожиданный оборотъ. Каразинъ писалъ монарху: «Помилуйте, государь, за что вы любите этого человѣка, котораго мы знавали пустымъ? Оставьте его, буде угодно, у особы вашей, какъ и Петръ иныхъ, платя дань человѣчеству,—но приблизьте къ себѣ умнѣйшихъ людей вашего царства, ими уже изобилующаго. Тенерь сіе весьма важно». Это прошеніе было передано комитету вмѣстѣ съ письмомъ Каразина къ сыну; въ этомъ письмѣ были такія строки: «У насъ все неправды совершаются такъ, что публика о нихъ не вѣдаетъ—тамъ, гдѣ все зависитъ отъ послѣдняго тайнаго доклада, и гдѣ министръ юстиціи боится Бенкендорфа, не можетъ быть правды. О благомыслящій государь! народы не противъ самодержанія возмущаются, но противъ самовластія его органовъ». Комитетъ призвалъ Каразина нисавшимъ не въ здоровомъ умѣ и высказалъ опасеніе, что на судѣ онъ можетъ дать еще болѣе несообразные отвѣты, а потому рѣшено было оставить его прошеніе безъ вниманія и запретить въ другой разъ что либо писать государю. Все эти условія и сообщали комитету дореформенный тонъ и своеобразную фізіономію.

В. Гр—окій.

«Византійскій Временникъ», издаваемый при императорской академіи наукъ подъ редакціей В. Э. Регеля. Томъ VIII. Выпуски 3-й и 4-й. Спб. 1902.

Настоящій томъ «Византійскаго Временника» состоитъ, по обыкновенію, изъ трехъ отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ, содержащемъ ученныя изслѣдованія и матеріалы, на первомъ мѣстѣ помѣщена статья профессора Московскаго университета г. Н. Суворова, подъ заглавіемъ: «Вѣроятный составъ древнѣйшаго исповѣднаго и покайнаго устава въ Восточной церкви» (стр. 357—434). Авторъ имѣетъ въ виду древнѣйшій (X вѣка) списокъ номоканона константинопольскаго патріарха Іоанна Постника (VI вѣка), находящійся въ рукописномъ сборникѣ королевской бібліотеки въ Мюнхенѣ (№ 498), и пытается разъяснить на основаніи его нѣкоторыя проблемы изъ области покаянной практики на греческомъ востокѣ. Статья имѣетъ научную цѣнность въ силу новизны матеріала и новаго его освѣщенія.

Далѣе, А. А. Васильевъ, въ статьѣ «Время жизни Романа Сладкопѣвца» (стр. 435—478), вновь пересматриваетъ, еще не рѣшенный наукою, вопросъ о томъ, въ какомъ вѣкѣ жилъ знаменитый византійскій поэтъ и пѣснотворецъ, Романъ Сладкопѣвецъ. Въ недавнее время въ наукѣ по этому вопросу господствовалъ взглядъ извѣстнаго византиниста, мюнхенскаго профессора Карла Крумбахера, который относилъ время жизни Романа къ концу V и первой половинѣ VI вѣковъ. Но въ 1899 году Крумбахеръ, подъ влияніемъ іенскаго профессора Гельцера, измѣнилъ свой взглядъ и сталъ держаться мнѣнія, будто Романъ былъ авторомъ VIII вѣка. Это и дало поводъ нашему молодому, талантливому ученому, г. Васильеву, пересмотрѣть аргументацію вопроса, представленную Гельцеромъ, а за нимъ и Крумбахеромъ, что онъ и дѣлаетъ въ отмѣченной статьѣ. Въ результатѣ, авторъ приходитъ къ наиболѣе вѣроятному выводу, что Романъ Сладкопѣвецъ жилъ въ концѣ V и началѣ VI вѣка, при византійскомъ императорѣ Анастасіи I, при чемъ добавляетъ, что полное разрѣшеніе этого труднаго вопроса принадлежитъ будущему, когда будутъ изданы по возможности всѣ поэтическія произведенія Романа, какъ это и было уже давно обѣщано профессоромъ Крумбахеромъ. Статья г. Васильева написана съ большимъ знаніемъ матеріаловъ вопроса и съ прекрасной его критикой.

Въ статьѣ профессора М. Крашенинникова—«О рукописномъ преданіи Константиновскихъ извлеченій о послахъ» (стр. 479—515), обозрѣваются и описываются сохранившіяся до нашего времени, въ бібліотекахъ востока и запада, греческія рукописи, въ коихъ содержится сочиненіе византійскаго императора Константина VII Порфирогенета (912—952 г.) о послахъ. Статья свидѣтельствуетъ о солидныхъ специальныхъ познаніяхъ автора.

Слѣдующая статья, подъ заглавіемъ «Мозаики древней крещальни въ Альбенгѣ» (стр. 516—525), принадлежитъ профессору Д. Айвалову и содержитъ описаніе мозаикъ, сохранившихся въ крещальнѣ города Альбенги, въ западной части итальянской Ривьеры, недалеко отъ Ниццы. Эти мозаики относятся къ VI вѣку.

Наконецъ, профессоръ А. И. Попадопуло-Керамевсъ предлагаетъ на греческомъ языкѣ этюдъ о Мануилѣ Хрисафисѣ (стр. 526—545), состоявшемъ лампадаріемъ въ императорскомъ клирѣ при византійскихъ царяхъ Іоаннѣ V и Константинѣ X (XV вѣка).

Во второмъ отдѣлѣ тома, посвященномъ критикѣ и библиографіи, помѣщены прежде всего семь критическихъ статей о книгахъ византологическаго содержанія (стр. 546—592), а затѣмъ представленъ библиографическій обзоръ византологической литературы, опубликованной въ послѣднее время въ Россіи, Германіи, Франціи, Италіи, Англии, Голландіи и Испаніи (стр. 592—676). Этотъ отдѣлъ производитъ прекрасное впечатлѣніе полнотою и обстоятельностью и весьма полезенъ для занимающихся византійскою исторіей.

Очень интересно составленъ и третій отдѣлъ (стр. 677—738), содержащій мелкія замѣтки и извѣстія. Здѣсь содержатся: обзоръ дѣятельности русскаго археологическаго института въ Константинополѣ за 1900 годъ, сообщеніе о результатахъ македонской ученой экспедиціи 1900 года, во главѣ съ академикомъ Н. П. Кондаковымъ, свѣдѣнія о результатахъ археологической экскурсіи архитектора-художника П. П. Покрышкина въ Месемврію, сообщенія о засѣданіяхъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ и учреждений, объ археологическихъ открытіяхъ и находкахъ, обзоръ ученой дѣятельности греческаго византолога г. Мануила Ив. Гедеона, сообщенія о дѣятельности церковно-пѣвческаго общества въ Константинополѣ и некрологи профессора И. Е. Троицкаго, епископа Бориса и Сахарова.

Такимъ образомъ, разсматриваемый томъ «Византійскаго Временника» представляетъ немалый интересъ для занимающихся византологіей.   Σ.

Отчетъ Императорской Публичной бібліотеки за 1898 годъ. Спб. 1902.

Въ этомъ, по обыкновенію, запоздаломъ отчетѣ Императорской Публичной бібліотеки находится немало свѣдѣній, заслуживающихъ вниманія. Такъ въ отчетномъ 1898 году бібліотекой куплено было собраніе автографовъ, принадлежавшихъ П. И. Савваитову и служащихъ дополненіемъ къ собранію его рукописей, пріобрѣтенному императорскимъ книгохранилищемъ въ 1896 г., а также собраніе писемъ разныхъ лицъ къ извѣстному романисту М. Н. Загоскину (всего 211 автографовъ). Принесено въ даръ бібліотекѣ П. Д. Эллидовымъ собраніе бумагъ, относящихся почти исключительно къ дѣятельности упраздненныхъ сибирскаго и главнымъ образомъ кавказскаго комитетовъ. Принесены въ даръ бібліотекѣ душеприказчикомъ поэта Н. Ѳ. Щербини († 1869), генераль-майоромъ И. П. Ростовцевымъ, рукописи сочиненій этого писателя. «Полное собраніе сочиненій Николая Ѳедоровича Щербини», изданное въ Петербургѣ въ 1873 году, содержитъ въ себѣ далеко не все его произведенія, появившіяся въ печати; нѣкоторыя же сочиненія сохранились только въ его рукописяхъ. Почетный членъ бібліотеки Г. К. Рѣбинскій продолжалъ и въ отчетномъ году передачу изъ севастскаго архива коллекцій автографовъ, пред-

назначенныхъ къ уничтоженію. Въ 1898 году поступило въ бібліотеку 605 писемъ разныхъ лицъ къ министрамъ юстиціи и генераль-прокурорамъ за первое десятилѣтіе XIX в. Среди этихъ писемъ находится немало принадлежащихъ извѣстнымъ государственнымъ дѣятелямъ. Большая часть переданныхъ писемъ имѣетъ значеніе лишь какъ автографы; нѣкоторыя же письма представляютъ интересъ и по своему содержанию.

Изъ произведеній печати полученъ въ даръ отъ магистранта А. И. Яцимирскаго Указъ Петра II отъ 20-го февраля 1728 г., напечатанный въ Москвѣ 15-го марта 1728 г. и начинающійся слѣдующими словами: «Понеже извѣстно намъ учинилось, что во многихъ уѣздахъ крестьяномъ и другимъ подлымъ людямъ воровски разглашено, будто такой нашъ указъ состоялся, чтобъ всякихъ чиновъ люди, которые похотятъ, тѣ бѣ селились около Царицынской линии и близъ казацкихъ городковъ»...

По отдѣленію книгъ на славянскихъ нарѣчіяхъ получено въ даръ отъ сербскаго короля Александра фототипическое воспроизведеніе рукописи извѣстнаго «Мирослава Евангелія» XII в., исполненное иждивеніемъ сербскаго короля съ учеными объясненіями проф. Любомира Стояновича. Въ бібліотекѣ хранится въ собраніи епископа Порфирія Успенскаго лишь одинъ листъ изъ этой драгоцѣнной для славянской филологіи рукописи, который и былъ, съ высочайшаго соизволенія, пересланъ въ Сербію для настоящаго роскошно исполненнаго изданія. Какъ матеріаль по исторіи книжной клептоманіи и ученаго коллекціонерства, присовокупимъ, что этотъ единственный листъ изъ Мирослава Евангелія, составляющій теперь собственность Императорской Публичной бібліотеки, былъ задолго до поступленія въ бібліотеку въ 1859 году украденъ (вырванъ) изъ всей рукописи, находящейся до сихъ поръ на св. горѣ Аѳонской, въ сербской Хиландарской лаврѣ, архимандритомъ Порфиріемъ Успенскимъ, впоследствии знаменитымъ русскимъ эллинистомъ и археологомъ, епископомъ Чигиринскимъ, во время достопамятнаго и столь плодотворнаго для науки пребыванія его на Востокѣ.

И-мъ отдѣленіемъ полиграфіи и исторіи литературы приобрѣтено между прочимъ роскошное юбилейное изданіе (на польскомъ языкѣ) «Album Henryka Sienkiewicza», Warszawa, 1898, 4°. Это изданіе содержитъ двѣсти великолѣпно исполненныхъ геліографуръ, съ превосходнымъ портретомъ знаменитаго писателя.

Изъ рукописей, принесенныхъ въ даръ частными лицами, заслуживаютъ упоминанія «Лекціи», читанныя Н. Х. Бунге покойному цесаревичу Николаю Александровичу и нынѣ царствующему государю императору, именно: а) лекціи по финансовому праву, въ 1863—1864 гг.; б) лекціи по политической экономіи, читанныя въ 1886—1887 гг.; в) экономическая политика, въ 1887—1888 гг.; г) чтенія о финансахъ, лекціи, въ 1888—1889 гг. Заслуживаетъ быть отмѣченною приобрѣтенная бібліотекой челобитная (времени царя Θεодора Алексѣевича) Креницына на крестьянъ Аѳанасія и Ивана Григорьевича, любопытная по предмету жалобы: «Царю государю і великому князю Θεодору Алексѣевичю, всеа Великия і Малыя і Бѣлыя Росні самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой Комайко Наумовъ сынъ Креницынъ.

Жалоба, государь, мнѣ холопу твоему, на лучанина на Евсевьевыхъ крестьянъ Тимоеева сына Пущина, на Оеонку да на Івашка Григорьевыхъ детей деревни Подвишенки да деревни Долгинихи. В прошломъ, государь, во 173 году, какъ они жили вмѣстѣ не в розделе на деревни Жолудеве, і у нихъ, Аеонаска і Івашка, медведь іспортилъ ихъ лошадь і ани таяо свою лошадь у медведя отняли живу. І какъ та ихъ лошадь отъ тое отъ медвежьи порчи пропала, і онъ, Івашко, той своей лошади отсек голову, і кости таяе лошади, собравъ, перѣпестъ с своей земли на мою, холопа твоего, землю і таяе голову, і таяе кости, складчи в груду на моей земли, зжегъ; а для какова умысла онъ, Івашко, таяе голову и кости перенеци и зжегъ на моей земли, того я, холопъ твой, не ведаю. Милосердый государь і великий князь Теодоръ Алексѣевичъ всеа Великия і Малыя і Бѣлыя Росіи самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мнѣ, холопу своему, противъ сего моего челобитья на нихъ Аеонку да на Івашка, дагъ (sic) свой царской судъ и праву. Царь государь, смилуйся, пожалуй».

Отъ директора Императорской Публичной библиотеки, нынѣ покойнаго А. Ѳ. Бычкова, принесенъ былъ въ даръ Отрывокъ изъ Евгенія Онѣгина, восемь листковъ въ 4-ю долю, писанныхъ собственноручно А. С. Пушкинымъ. Листки эти содержать въ себѣ отрывки изъ путешествія Онѣгина, частью въ отдѣланной, частью въ черновой редакціи. Эта рукопись была употреблена А. Ѳ. Бычковымъ при изданіи имъ «Путешествія Онѣгина» въ «Русской Старинѣ» 1888 г., т. 57 (стр. 236—237). Шесть изъ этихъ восьми листковъ перенумерованы, какъ и всѣ бумаги, оставшіяся послѣ Пушкина, красными чернилами. Листокъ, помѣченный цифрою 57, имѣетъ сбоку, на полѣ страницы, приписку также руки Пушкина: «Отрывокъ изъ Евг. Онѣг. Глава XIII. Пришлите мнѣ назадъ листикъ этотъ». Въ собраніи автографовъ, вновь приобретенныхъ библиотекою, благодаря В. В. Стасову, особенно выдѣляется сочиненіе графа Л. Н. Толстого «Что такое искусство?» въ нѣсколькихъ редакціяхъ: черновые наброски, заключающіе въ себѣ, какъ краткую редакцію статьи, такъ и болѣе полную, писанную большею частью гр. Толстымъ собственноручно; переписанныя тетради съ собственноручными поправками автора, содержащія статью въ болѣе обработанномъ видѣ; тѣ же тетради, переписанныя на машинкѣ, въ нѣсколькихъ экземплярахъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ пересмотрѣны и исправлены авторомъ; оригиналъ статьи, съ котораго производился ея наборъ въ типографіи: корректурные листы статьи, въ которыхъ также имѣются многочисленныя собственноручныя исправленія автора. То же самое надобно сказать и о приобретенномъ библиотекою рукописномъ Предисловіи гр. Л. Н. Толстого къ статьѣ Карпендера «Современная наука» въ 4-ю долю листа, 8 листовъ. Текстъ переписанъ писцомъ, но содержитъ значительныя измѣненія и исправленія, сдѣланныя рукою гр. Толстого. Далѣе идутъ принесенные въ даръ библиотекѣ слѣдующіе автографы: двадцать шесть писемъ къ В. В. Стасову отъ И. К. Айвазовскаго, Ѳ. И. Буслаяева, А. Н. Сѣрова, Д. В. Григоровича и М. Н. Каткова. (Послѣднее, помѣченное 16-мъ марта 1863 года, любознательно по поводу отказа Каткова напечатать статью В. В. Стасова о всемірной выставкѣ 1862 года безъ всякихъ измѣненій и исключеній).

Пять собственноручныхъ писемъ генерала М. Д. Скобелева къ генераль-адъютанту Н. Н. Обручеву отъ 24-го ноября 1879 г., 18-го августа 1881 г., 3-го января 1882 г., 9-го апрѣля 1882 г. и 7-го мая 1882 г. и одно письмо къ нему же генерала М. Г. Черняева, отъ 26-го марта 1882 г. (Собрание автографовъ отъ генераль-адъютанта Н. Н. Обручева).

Собственноручное письмо графа М. Т. Лорисъ-Меликова къ члену государственнаго совѣта М. Е. Ковалевскому изъ Висбадена, отъ 28-го юня 1881 г. (отъ сенатора Г. К. Рѣпинскаго).

Письмо извѣтнаго артиста И. Ѳ. Горбунова къ Н. М. Туникову; отъ 11-го сентября 1892 г., содержащее въ себѣ замѣчанія Горбунова на присланныя Туниковымъ въ редакцію «Русскаго Вѣстника» дополненія къ статьѣ Горбунова объ актрисѣ Троипольской (отъ Н. М. Туникова, нынѣ покойнаго, изъ Ялты).

Изъ 653 поврежденныхъ изданій на русскомъ языкѣ, истребованныхъ въ отчетномъ году въ читальную залу библиотеки, больше всего требованій приходится на «Русскую Мысль» (выдано было 1890 разъ, отказано—743 раза), затѣмъ идутъ въ нисходящей степени «Вѣстникъ Европы» (выдано—1795 разъ, отказано—375 разъ), «Миръ Божій» (выдано—1575 разъ, отказано—154 раза), «Русское Богатство» (выдано—1247 разъ, отказано—319 разъ), «Историческій Вѣстникъ» (выдано—702 раза, отказано—108 разъ), «Научное Обзорѣніе» (выдано—693 раза, отказано—75 разъ), «Новое Время» (выдано—662 раза, отказано—92 раза) и т. д.

Изъ 190 поврежденныхъ изданій на иностранныхъ и инородческихъ языкахъ были требованы больше всего: «Мшакъ» (армянская газета), именно: (595 разъ, 42 раза—отказано), «Revue des Deux Mondes» (365 разъ, 16 разъ—отказано), «Kraj» (польское ежедневное изданіе) (253 раза, 15 разъ—отказано), «Ateneum» (польскій журналъ) (236 разъ, 23 раза—отказано), «Słowo» (225 разъ, 5 разъ—отказано), «Норъ-Даръ» (армянская газета) (195 разъ, 6 разъ—отказано), «Prawda» (183 раза, 7 разъ—отказано), «Biblioteka Warszawska» (158 разъ, 10 разъ—отказано), «Иверія» (грузинская газета) (157 разъ, 4 раза—отказано) и т. д.

Въ видѣ прибавленія къ настоящему отчету напечатанъ второй выпускъ «Каталога собранія рукописей П. П. Саввантова», нынѣ принадлежащихъ библиотекѣ и составленнаго И. А. Вычковымъ. Это вполне научное «описаніе», скромно названное «каталогомъ»...

Въ заключеніе не можемъ не высказать желанія видѣть въ концѣ каждаго изъ послѣдующихъ отчетовъ Императорской Публичной библиотеки Указатели лицъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ нихъ, подобно всѣмъ существующимъ историческимъ и литературнымъ журналамъ. Кромѣ того, давно пора управленію библиотеки позаботиться о составленіи указателя ко всѣмъ существующимъ отчетамъ ея, отсутствіе котораго давно составляетъ предметъ справедливыхъ жалобъ читателей. Если не ошибаемся, составленіе этого нехитраго труда возложено было еще 10 лѣтъ тому назадъ на двухъ должностныхъ лицъ, изъ которыхъ одно служитъ въ Кіевѣ, другое же въ С.-Петербургѣ, именно въ библиотекѣ, но, повидимому, эти лица «медленно спѣшатъ», а вѣдь столѣтній юбилей существованія Императорской Публичной библиотеки (для публики) не за горами.

С. Пчельниковъ.

Библиотека великих писателей под редакціей С. А. Венгера. Шекспиръ. Томъ I. Изданіе Брокгаузъ-Ефрона. Спб. 1902.

Передъ нами роскошно изданный томъ второй серіи «Библиотеки великих писателей», издающейся съ прошлаго года фирмой Брокгаузъ-Ефронъ,—томъ, открывающій собою «Полное собраніе сочиненій Шекспира». Но прежде чѣмъ вести рѣчь о немъ, дадимъ библиографическую справку о русскихъ изданіяхъ великаго англійскаго драматурга.

На русскомъ языкѣ Шекспиръ появился впервые въ 1748 году, когда вышелъ въ свѣтъ тяжеловѣсный и безвкусный перифразъ «Гамлета», сдѣланный Сумароковымъ по французской передѣлкѣ Дюсиса. Затѣмъ въ концѣ XVIII в. и въ началѣ XIX в. отрывки, переводы и переложенія Шекспировскихъ пьесъ начинаютъ обильно печататься и въ журналахъ, и въ отдѣльных изданіяхъ; но особенно они распространяются въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, подъ влияніемъ гениальной игры Мочалова. Въ это время появляются: «Гамлетъ», въ обработкѣ С. Висковатова (Спб., 1829), «Макбетъ», въ переводѣ А. Ротчева (Спб., 1830), «Венеціанскій купецъ», въ переводѣ В. Якимова (Спб., 1833), «Король Лиръ», въ его же переводѣ (Спб., 1833), «Отелло», въ переводѣ Пв. П—ва (Спб., 1836), «Макбетъ», въ переводѣ М. В. (Спб., 1837), «Гамлетъ», въ переводѣ Н. Полевого (М., 1837), «Виндзорскія кумушки», безъ указанія переводчика (М., 1838), «Буря», въ переводѣ Н. Сатина (М., 1840), «Гамлетъ», въ переводѣ А. Кронеберга (Хар., 1844) и «Отелло», въ переводѣ В. Лазаревскаго (Спб., 1845).

А въ послѣдующіе годы (1850—1860) выходятъ переводы: Данилевскаго («Жизнь и смерть короля Ричарда III»), Лихонина («Макбетъ»), И. Росковщико («Ромео и Джульетта»), М. Загуляева («Гамлетъ»), Ап. Григорьева («Сонъ въ лѣтнюю ночь», «Шейлокъ» и «Ромео и Джульетта»), А. В. Дружинина («Король Лиръ», «Король Ричардъ III»), Ф. Н. Устрялова («Макбетъ»), А. Кронеберга («Макбетъ»), П. Грекова («Ромео и Джульетта»), В. М. Лазаревскаго («Король Лиръ») и П. И. Вейнберга («Отелло» и «Тимонъ Авинскій»).

Это все—отдѣльныя произведенія Шекспира. Начало же полнымъ собраніямъ сочиненій его было положено Н. Х. Кетчеромъ. Въ тридцатыхъ годахъ онъ затѣялъ прозаическій переводъ всѣхъ Шекспировскихъ драмъ и въ пятидесятихъ годахъ выпустилъ ихъ (въ 6-ти частяхъ) подъ заглавіемъ: «Драматическія сочиненія Шекспира» (2-е изд., М., 1858—1866 гг.).

Затѣмъ послѣдовательно появились:

«Полное собраніе драматическихъ произведеній Шекспира въ стихотворномъ переводѣ русскихъ писателей», 4 тома (Спб., 1865—1868), изданіе Н. В. Гербеля, включающее въ себѣ, кромѣ драмъ, также сонеты и поэмы; выдержало пять изданій.

«Полное собраніе сочиненій В. Шекспира» (Спб., 1865), изданіе В. Костомарова; переводъ въ стихахъ; вышло лишь 2 тома: I—«Король Іоаннъ» и II «Король Ричардъ II».

Прозаическій переводъ исключительно драмъ и сонетовъ Шекспира, сдѣланный Г. А. Каншинымъ и изданный въ 12 томахъ (въ 1893 г.) при «Живописномъ Обозрѣніи», въ качествѣ преміи.

«Полное собраніе сочиненій Шекспира», въ переводѣ и объясненіи А. Л. Соколовскаго (Сиб., 1890 гг.), 8 томовъ.

Критика отнеслась, въ свое время, ко всѣмъ перечисленнымъ изданіямъ очень отзывчиво и сочувственно, но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя изъ нихъ страдаютъ весьма сильными недочетами.

Такъ, собраніе Кетчера, включая въ себѣ лишь драматическія произведенія, далеко не полно; къ тому же редакторъ его слишкомъ увлекся такъ называемымъ Пайнъ-Кольеровскимъ или Перкинсовымъ текстомъ, недостовѣрность котораго въ настоящее время ни въ всякаго сомнѣнія.

Гербелевское изданіе, получившее по заслугамъ широкое распространеніе, все же не полно и не достаточно серіозно.

Костомаровское—жидковато и не окончено.

Редактировавшееся Каншинымъ издано при журналѣ болѣе для приманки новыхъ подписчиковъ, по внѣшности лубочно и веряшливо, по изложенію—тяжеловѣсно.

Самымъ же добросовѣстнымъ изданіемъ основательно считается изданіе въ переводѣ Соколовскаго, удостоенное полной Пушкинской преміи нашей академіей наукъ; оно снабжено обширною вступительною статьею, біографическимъ очеркомъ, обстоятельными историко-критическими этюдами къ каждому произведенію и многочисленными примѣчаніями. Но, будучи серіознымъ по программѣ и исполненію, изданіе это не представляется по внѣшности роскошнымъ.

Предпринятое «Библиотекой великихъ писателей» собраніе, преслѣдуя въ общемъ тѣ же цѣли, какъ и всѣ предыдущія изданія, имѣетъ свои очень значительныя особенности. Оно, прежде всего, задалось цѣлью быть безусловно полнымъ собраніемъ всего того, что связано съ именемъ Шекспира, т. е. не только того, что ему безспорно принадлежитъ, но и того, что ему съ нѣкоторою долею вѣроятности только приписывается.

Всѣ пьесы Шекспира можно раздѣлить на три разряда: 1) пьесы, безусловно ему принадлежащія: «Два Веронца», «Комедія оппбокъ», «Ромео и Джульетта», «Усмиреніе строптивой», историческія хроники, «Лиръ», «Макбетъ», «Гамлетъ», и другіе. Принадлежность ихъ Шекспиру или «Шекспиру-Вакону» установлена рядомъ доказательствъ, съ которыми редакторъ изданія подробно познакомитъ въ предисловіяхъ и примѣчаніяхъ къ каждой пьесѣ; 2) пьесы, къ которымъ Шекспиръ, повидимому, только приложилъ руку, т. е. къ имѣвшемуся уже тексту другого автора сдѣлалъ разнаго рода добавленія и измѣненія («Генрихъ VI» и другіе); 3) пьесы, хотя и приписываемыя Шекспиру, но едва ли ему принадлежащія, либо потому, что онѣ очень слабы («Титъ Андроникъ»), либо по другимъ соображеніямъ.

Огромнѣйшее большинство изданій Шекспира, какъ англійскихъ, такъ и переводныхъ, ограничивалось пьесами неречисленныхъ трехъ родовъ; въ изданіе же Брокгауза-Ефрона предположено включить еще двѣ пьесы: «Два благо-

родныхъ родственника» (The Two Noble Kinsmen) и «Эдуардъ III», пьесы, лишь приписываемыя Шекспиру.

Переходя теперь къ болѣе детальному разсмотрѣнію новаго изданія, укажемъ самую программу его.

Несомнѣнно, самое важное значеніе въ подобномъ изданіи играютъ переводы, и съ этой стороны редакция «Шекспира» оставила себя безукоризненно добросовѣстно; во-первыхъ, она вошла въ соглашеніе съ представителями правъ на прежніе талантливые переводы Шекспировскихъ пьесъ и дастъ ихъ полностью въ своемъ изданіи; во-вторыхъ, озаботилась рядомъ новыхъ переводовъ. Такимъ образомъ пьесы явятся въ переводѣ: П. И. Вейнберга, А. В. Ганзена, П. П. Гвѣдича, Ап. Григорьева, А. В. Дружинина, П. П. Козлова, А. И. Кронеберга, Вс. Миллера, Фед. Миллера, Н. М. Минскаго, А. Л. Соколовскаго, Н. А. Холодковскаго и О. Н. Чюминой. Сонеты и поэмы будутъ даны почти сплошь въ новомъ переводѣ лучшихъ современныхъ поэтовъ.

Второй части изданія—историко-критическимъ предисловіямъ и историко-литературнымъ примѣчаніямъ, сопровождающимъ каждое произведеніе, придается огромнѣйшее значеніе въ изданіи, и здѣсь встрѣчаются также имена главнѣйшихъ русскихъ шекспиристовъ.

Въ порядкѣ печатанія пьесъ редакция держится вполне научнаго метода—хронологическаго. На художественную сторону изданія редакціей обращено особое вниманіе.

Благодаря спеціальной поѣздкѣ редактора въ Лондонскій Британскій музей, обладающій самымъ полнымъ въ мірѣ собраніемъ шекспировскихъ изданій и иллюстрацій на шекспировскія поэмы, и въ Стратфордскій музей (Shakespeare Memorial) (на Авоувъ — родинѣ Шекспира), была собрана обширнѣйшая коллекція шекспировскихъ изданій и рѣдкихъ гравюръ и копій съ картинъ виднѣйшихъ представителей европейскаго искусства. Изъ этой богатой коллекціи все сколько нибудь замѣчательное и пригодное для художественнаго коментирования великаго драматурга вошло въ изданіе. Такимъ образомъ, оно представляетъ собою первую попытку не только въ Россіи, но и въ Европѣ, дать Шекспира въ иллюстраціяхъ лучшихъ художниковъ. Иллюстраціи воспроизводятся на отдѣльныхъ листахъ фото и гелиографурой и автотипіей (на мѣловой бумагѣ), а въ текстѣ цинкографіей.

Кромѣ иллюстрацій, въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ изданіи помѣщается масса орнаментовъ, видовъ современныхъ зданій, снимковъ съ костюмовъ, оружія, утвари и т. д., рисунки, замѣняющіе собою шаблонныя заставки и концовки и, при стремленіи современнаго театра къ реальной постановкѣ, могущіе быть полезными для режиссеровъ и декораторовъ.

Въ настоящее время вышелъ лишь первый томъ собранія. Онъ охватываетъ собою слѣдующія пьесы: 1) «Два Веронца», въ переводѣ и съ предисловіемъ профессора В. Миллера; 2) «Комедія ошибокъ», въ переводѣ П. И. Вейнберга и съ предисловіемъ профессора Ф. Ф. Зѣлинскаго; 3) «Безплодныя усилія любви», въ переводѣ П. И. Вейнберга и съ предисловіемъ П. О. Морозова; 4) «Наипревосходнѣйшая и пречалостная трагедія Ромео и Джульетта», въ переводѣ Ап. Григорьева и съ предисловіемъ профессора Н. Б. Дашкевича; 5) «Усми-

реніе строитивой», въ переводѣ П. П. Гнѣдича и съ предисловіемъ Зин. Венгеровой; 6) «Король Ричардъ III», въ переводѣ А. В. Дружинина и съ предисловіемъ П. О. Морозова; 7) «Венеціанскій купецъ», въ переводѣ П. П. Вейнберга и съ предисловіемъ профессора Л. Ю. Шепелевича; 8) «Сонъ въ Иванову ночь», въ переводѣ Н. М. Сатина и съ предисловіемъ Ѳ. Д. Батюшкова.

Всѣ эти переводы не новые, уже выходившіе ранѣе и пріобрѣтшіе достаточную извѣстность. Предисловія же, представляющія цѣнный историко-критическій матеріалъ, большею частью составлены вновь.

Въ концѣ тома приложены примѣчанія, составленныя З. А. Венгеровой, С. А. Венгеровымъ и П. О. Морозовымъ.

Текстъ иллюстрированъ 193 рисунками, 16 автотипіями на отдѣльныхъ листахъ и 9 фото и геліографурами.

Общій обликъ «Шекспира» безупречно богатъ: веленевая бумага, красивый, чистый шрифтъ, прекрасно исполненная орнаментика различныхъ эпохъ, текстовые изящные рисунки и чудныя фото-геліографуры ставятъ его въ первые ряды дорогихъ роскошныхъ изданій.

Бор. Городецкій.

М. М. Ивановъ. Очерки современной итальянской литературы. Спб. 1902.

Въ настоящее время мы присутствуемъ при духовномъ возрожденіи Италіи. До начала шестидесятыхъ годовъ въ мечтахъ о своемъ политическомъ единствѣ подъ чужеземнымъ игомъ итальянцы заботились только о поддержаніи въ соотечественникахъ чувства патриотизма, что отразилось на ихъ художественномъ и даже научномъ творчествѣ. Объединеніе и освобожденіе Италіи дало возможность итальянскому обществу расширить свои умственные горизонты. Между прочимъ оживилась юриспруденція, и затѣмъ понемногу и беллетристика въ ея различныхъ видахъ.

Послѣдняя сторона, однако, долгое время русскому обществу была неизвѣстна. Въ то время, какъ съ увлеченіемъ мы повторяли имена Ламброзо или Горофала, представителей новой антропологической школы въ правовѣдѣніи, къ новой изящной словесности итальянцевъ мы продолжали относиться съ предубѣжденіемъ. И въ этомъ отношеніи, въ смыслѣ ознакомленія русской читающей публики съ новѣйшими представителями итальянской прозы и поэзіи, очень много сдѣлалъ г. Ивановъ. Какъ человѣкъ, едва ли не съ дѣтства близко знающій языкъ и жизнь отечества Данте и Петрарки, г. Ивановъ, такъ сказать, нарисовалъ намъ цѣлый рядъ литературныхъ портретовъ съ художественными къ нимъ характеристиками. Почтенный авторъ опредѣлилъ современныя теченія въ итальянской литературѣ, отмѣтилъ вліяніе на нее другихъ европейскихъ народовъ, въ томъ числѣ и писателей русскихъ, подчеркнул черты самостоятельнаго національнаго творчества. Не претендуя на всестороннее изображеніе предмета, г. Ивановъ даетъ литературные портреты романиста Антонио Фогаттаро, романиста и драматурга Аннунціо, драматурга Пьетро Косса,

новеллистовъ Амичиса, Матиль де-Серао, Чамполи; поэтессы Ады Негри, Анни Виванти.

Нѣкоторые изъ этихъ писателей были впервые указаны русской публикѣ г. Ивановымъ. Таковы, напримѣръ, Ада Негри и Чамполи. Г. Ивановъ открылъ талантъ Ады Негри для русскихъ, и съ той поры ея имя стало пользоваться у насъ большою извѣстностью, а произведенія переводиться на русскій языкъ въ несчетномъ числѣ.

Къ книгѣ г. Иванова приложенъ краткій критическій очеркъ, дающій общую характеристику современной итальянской поэзіи. Очеркъ принадлежитъ перу итальянскаго писателя Зено Романо. Итальянскій критикъ относится къ представителямъ отечественной поэзіи болѣе сурово, нежели г. Ивановъ, но эта сдержанность объясняется простымъ желаніемъ быть безпристрастнымъ и не впадать въ національное самохвальство. Нѣкоторыя изъ произведеній характеризуемыхъ въ книгѣ авторовъ представлены въ прозаическихъ и стихотворныхъ переводахъ. Лучшіе переводы стиховъ принадлежатъ безспорно г. Юрьину-Вентцелю.

Свой трудъ г. Ивановъ посвятилъ королевѣ Италіи, державное покровительство которой можетъ оказать благотворное вліяніе на начинающую крѣпнуть современную изящную итальянскую литературу. В. Г.—свій.

Воронежская старина. Выпускъ первый. Изданіе Воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Воронежъ. 1902.

Въ прошломъ году къ сѣти историко-археологическихъ учреждений, открываемыхъ при епархіяхъ съ цѣлью изученія мѣстной церковно-исторической жизни, примкнула Воронежская епархія, учредивъ Воронежскій церковный историко-археологическій комитетъ. Этотъ комитетъ ставитъ своей задачей изученіе церковно-религіозной жизни Воронежскаго края въ ея прошломъ и настоящемъ, охраненіе и обслѣдованіе церковныхъ древностей въ епархіи. Особенность церковно-археологическихъ комитетовъ по сравненію съ другими учеными обществами—та, что комитету предоставлено не только право заниматься теоретическими изученіями, но и право предпринимать извѣстныя практическія дѣйствія для охраненія церковныхъ древностей и требовать помощи отъ мѣстныхъ церковныхъ властей. Въ этихъ видахъ комитетъ описываетъ церковные архивы, изучаетъ религіозные обряды, повѣрія, заботится о сохраненіи памятниковъ старины, помогаетъ духовенству въ составленіи церковно-приходскихъ лѣтописей и т. д.

По примѣру другихъ комитетовъ, и Воронежскій является въ свѣтъ съ книгой, содержащей результаты теоретическихъ занятій его членовъ и носящей заглавіе «Воронежской старины». Въ этой книгѣ мы найдемъ и сырые матеріалы и статьи. Изъ первыхъ отмѣтимъ «Матеріалы для исторіи Спасопреображенскаго Толшевскаго монастыря» г. Никольскаго, «Акты Дивногорскаго Успенскаго монастыря», сообщенные г. Правдинымъ, и «Окладныя книги Ря-

занской митрополи 1676 года». Официальные документы почтенной древности сообщают свѣдѣнія о хозяйственной жизни монастырей, а изъ окладныхъ книгъ Рязанской митрополи напечатаны книги по Воронежской епархіи, входившей нѣкогда въ составъ этой митрополи. Во 2-мъ отдѣлѣ «Воронежской старины» напечатаны статьи, разработанныя на основаніи сырыхъ матеріаловъ. Самое содержательное изслѣдованіе этого отдѣла принадлежитъ протоіерею Д. Я. Склобовскому и посвящено историческому описанію церковей г. Острогожска. Очень интересная статья написана г. Правдинымъ: на основаніи старыхъ консисторскихъ дѣлъ онъ говоритъ объ отношеніяхъ донскихъ казаковъ къ власти воронежскихъ епископовъ въ періодъ церковной зависимости ихъ отъ воронежской епископской кафедрѣ. Кромѣ этихъ статей, въ этомъ отдѣлѣ помѣщены «Бывшая Даньшина пустынь въ XVII вѣкѣ» г. Никольскаго и «Самосожженіе раскольниковъ хутора Кастенки въ 1812 году» г. Рождественскаго. Последняя статья оставляетъ желать многого. По нашему мнѣнію, задача подобныхъ изданій, какъ «Воронежская старина», давать или сырые матеріалы или статьи, разработанныя только въ предѣлахъ сырыхъ матеріаловъ. Общимъ статьямъ и популяризирующимъ извѣстные вопросы очеркамъ мѣсто не въ этомъ специальномъ органѣ, а въ общихъ или специальныхъ журналахъ. Г. Рождественскій, приводя описаніе случая самосожженія раскольниковъ въ Воронежской губерніи, приводитъ общія разсужденія о смыслѣ и причинахъ самосожженія: то, что онъ сообщаетъ по этому поводу, общеизвѣстно и старо и не обнаруживаетъ его знакомства съ новѣйшей литературой предмета.

Въ настоящій моментъ Воронежскій комитетъ имѣетъ специальную задачу въ виду приближающагося 200-лѣтія кончины св. Митрофана заняться подборомъ всѣхъ неиспользованныхъ матеріаловъ для исторіи епархіи при этомъ епископѣ. Въ первой книгѣ напечатанъ первый трудъ по этому предмету, статья г. Поликарпова о «книгахъ переписныхъ Воронежской епархіи церковнослужителямъ 1705 года» (къ вопросу о состояніи Воронежской епархіи при св. Митрофанѣ).

Первая книга «Воронежской старины» представляетъ цѣнный вкладъ въ исторію церковно-исторической жизни Воронежской епархіи. Нужно желать, чтобы и слѣдующія книги не уступали первой по значительности содержанія. Въ заключеніе—два слова объ одной специальной работѣ, которую могъ бы взять на себя Воронежскій комитетъ. Пользуясь правами, ему предоставленными, комитетъ могъ бы собрать самыя точныя свѣдѣнія объ иконописныхъ работахъ, сдѣланныхъ Боровиковскимъ въ церквахъ Воронежской губерніи. За эту работу можно было бы выразить комитету самую живую признательность.

Щ.

Труды Ярославскаго областного съѣзда (изслѣдователей исторіи и древностей Ростово-Суздальской области). Иждивеніемъ И. А. Вахрамѣева. М. 1902.

Содержаніе выше названныхъ «Трудовъ» подраздѣляется на два отдѣла: въ первомъ изъ нихъ помѣщены «Подготовительныя работы по созыву съѣзда», «Дневникъ съѣзда» и «Протоколы засѣданій съѣзда». Обо всемъ этомъ въ об-

щихъ чертахъ періодическая печать уже оповѣщала публику въ свое время, а потому мы перейдемъ прямо ко второму отдѣлу «Трудовъ», гдѣ впервые напечатаны полностью всѣ читанные на сѣздѣ рефераты. Первымъ изъ нихъ помѣщенъ докладъ Н. Д. Чечулина, подъ заглавіемъ: «Къ вопросу о распространеніи въ Московскомъ государствѣ иноземныхъ вліяній», въ которомъ собраны болѣе или менѣе всѣ данныя о трактуемомъ вопросѣ изъ многихъ печатныхъ источниковъ. Небезынтересны нѣкоторыя дополненія, которыя сдѣлали къ этому докладу гг. Шляпкинъ, Иловайскій и Гурляндъ (см. «Протоколы», стр. XLVII).

Далѣе встрѣчаемъ доклады 1) В. И. Снѣжневскаго — «Губернскія ученныя архивныя комиссіи и архивное дѣло въ нихъ». (Мы ожидали здѣсь болѣе полного и обстоятельнаго очерка архивныхъ комиссій, особенно въ виду интереса къ нимъ за послѣднее время, и тѣмъ болѣе, что авторъ не ограничивается обзоромъ ихъ дѣятельности за какіе либо опредѣленные годы, а говоритъ о нихъ вообще, съ указаніемъ подробностей даже ихъ организациі); 2) А. Я. Садовскаго — «Къ матеріаламъ по изслѣдованію Нижегородскаго уѣзда въ смутное время и вскорѣ послѣ него (1613—1629 гт.)». Докладчикъ воспользовался хранящимися въ библиотекѣ Нижегородской архивной комиссіи списками: съ «книги Нижегородскаго уѣзда боярскихъ, дворянскихъ и дѣтей боярскихъ дозору Силы Микяича Грекова да подьячаго Козодавлева лѣта 121 году» (1613 г.) и съ платежныхъ книгъ «Нижняго Новгорода всякимъ денежнымъ пошлинамъ и оброчнымъ сборамъ и доимкамъ» (съ 1619 по 1648 г.); представилъ подробную характеристику ихъ содержанія и въ концѣ привелъ въ приложеніи списки помѣщиковъ и вотчинниковъ Березопольскаго, Закудемскаго и Стрѣлицкаго станомъ; «списокъ селеній, существовавшихъ въ 1613 году», и «списокъ селеній, значащихся въ писповой книгѣ 1613 года, а въ настоящее время не существующихъ»; 3) графа А. А. Бобринскаго — «О нѣкоторыхъ символическихъ знакахъ, общихъ первобытной орнаментикѣ»; 4) протоіерея І. Я. Сырцова — «Усыпальницы бояръ Годуновыхъ въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ»; 5) С. Ѡ. Платонова — «О топографіи Угличскаго кремля въ XVI — XVII вѣкахъ» (авторъ пришелъ къ неутѣшительному выводу, признавъ, что «топографію Угличскаго кремля надо считать потерянною»); 6) И. В. Важенова — «Воскресенская, что на Дебрѣ, церковь въ г. Костромѣ» (замѣчательная «по своей оригинальной древней архитектурѣ и внутреннимъ своеобразнымъ украшеніямъ, а равно и по богатству памятниковъ старинной иконописи и священной утвари»); 7) А. И. Соболевскаго — «Откуда шла русская колонизація въ Ростово-Суздальскую область?» Докладчикъ основывался преимущественно на данныхъ діалектологіи и потому въ своихъ нѣкоторыхъ выводахъ, по замѣчаніямъ оппонентовъ, не согласовался съ историческими данными. 8) В. А. Андроникова — «О матеріалахъ по этнографіи Костромскаго края, собранныхъ мѣстной ученой архивной комиссіей»; 9) Н. М. Бекаревича — «О нѣкоторыхъ городищахъ въ Костромской губерніи»; 9) М. А. Липинскаго — «Къ вопросу о несвободномъ земледѣльческомъ населеніи въ Московскомъ государствѣ» (по даннымъ угличской писцовой книги, составленной Северьяномъ Андреевичемъ Давыдовымъ

и подъячимъ Осипомъ Трофимовымъ въ 1629—1630 гг. и нанечатанной во Временникъ Демидовскаго юридическаго лицея); 10) С. П. Писарева—«Кого изъ смоленскихъ князей, съ именемъ Андрея, слѣдуетъ разумѣть подъ названіемъ: «святой Андрей, переяславскій и смоленскій чудотворецъ»?». Докладчикъ признаетъ болѣе вѣроятнымъ считать «св. Андрею, переяславскимъ и смоленскимъ чудотворцемъ»,—князя Андрея Михайловича, сына Михаила Ростиславича, княжившаго въ Смоленскѣ съ 1278 по 1280 г., и племянника Федора Ростиславича, великаго князя смоленскаго (1280—1297), 11) В. И. Колозова—«Время основанія города Твери» (по мнѣнію докладчика, временемъ основанія слѣдуетъ признать конецъ XII вѣка, «такъ какъ уже съ 1208 г. лѣтописи съ несомнѣнностью говорятъ о суздальскомъ городѣ Твери, городѣ, значительно уже укрѣпленномъ»); 12) Н. М. Бекаревича—«О каменномъ вѣкѣ въ Костромской губерніи»; 13) П. А. Виноградова—«О надписи на Стерженскомъ крестѣ», и наконецъ 14) Е. В. Барсова—«Изъ исторіи колонизаціи и культуры Ростовскаго края».

Въ самомъ концѣ «Трудовъ» помѣщены, въ видѣ приложений, «акты Череповецкаго Воскресенскаго монастыря», числомъ одиннадцать, изъ которыхъ десять присланы изъ патриаршаго дворцоваго приказа, а одиннадцатый изъ патриаршаго судебнаго приказа. Относятся они къ 1643—1645 годамъ и сообщены А. И. Маркевичемъ.

В. Р.—въ.

Тысяча и одна ночь. Арабскіе рассказы Шахразады. Первый полный русскій переводъ. Изданіе «Новаго Журнала Иностранной Литературы». Томы I и II. Спб. 1902.

Имя «Арабскихъ сказокъ» хорошо извѣстно всему образованному міру, но, тѣмъ не менѣе, рѣдко кто читалъ это замѣчательное произведеніе восточной фантазіи въ полныхъ переводахъ подлиннаго текста. Въ большинствѣ случаевъ всѣ пользовались и пользуются на русскомъ языкѣ различными выдержками и обрывочными пересказами знаменитаго произведенія въ видѣ, приуроченномъ для дѣтскаго пониманія. У насъ на «Арабскія сказки» зачастую такъ и смотрятъ, какъ на дѣтское чтеніе, между тѣмъ какъ «Тысяча и одна ночь» Шахразады представляетъ собою своеобразный эпосъ Востока. Въ подлинникѣ сказочное сверхъестественное является только однимъ изъ элементовъ повѣствованія, и притомъ элементомъ сравнительно ничтожнымъ. Главнымъ образомъ сказки Шахразады даютъ намъ картины арабско-мусульманскаго быта, рисуютъ типы населенія, раскрываютъ домашнюю жизнь повелителей, купцовъ, цирюльниковъ, шейховъ, нищихъ Багдада, Дамаска, Басры и другихъ городовъ этихъ благословенныхъ странъ.

Многія изъ исторій, рассказываемыхъ Шахразадой, съ нашей точки зрѣнія носятъ нѣсколько рискованный характеръ, но въ этой рискованности не должно видѣть какой либо безнравственности. Наоборотъ часто попадающаяся въ повѣствованіи откровенность положеній и образовъ есть то, что въ новѣйшей литературѣ принято называть реализмомъ, который въ свою очередь у

простодушныхъ составителей сказокъ происекалъ изъ непосредственности взгляда на окружающія вещи. При этомъ нельзя не принять въ соображеніе, что рассказы «Тысячи и одной ночи» имѣли своихъ слушателей въ массѣ почитателей базаровъ и харчевенъ многолюдныхъ восточныхъ городовъ. Въ виду указанного обстоятельства рассказчику, чтобы попасть въ тонъ аудиторіи, приходилось иногда прибѣгать къ шаржу и утрировкѣ. Въ русскомъ переводѣ всѣ эти крайности, какъ позднѣйшія наслоенія, сглажены или устранены безъ ущерба самому повѣствованію.

Какъ видно изъ редакціоннаго введенія къ сказкамъ, зерно ихъ представляетъ собою собраніе персидскихъ рассказовъ подъ названіемъ «Тысяча сказокъ», но въ послѣдствіи первоначальный текстъ подвергся всевозможнымъ измѣненіямъ въ зависимости отъ мѣстности и эпохи, въ которыхъ вращались первоначальныя персидскія новеллы. Первый переводъ, ознакомившій европейскую публику съ этимъ замѣчательнымъ литературнымъ произведеніемъ, былъ переводъ Галлана, появившійся въ Парижѣ въ 1704—1717 г., но это былъ только пересказъ кое-какихъ отрывковъ, слышанныхъ отъ одного аленскаго христіанина. Только въ девятнадцатомъ столѣтіи появились, съ одной стороны, критическіе разборы подлиннаго арабскаго текста, а, съ другой стороны, точные переводы на французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Изъ этихъ переводовъ самымъ вѣрнымъ и полнымъ является съ 1901 г. издаваемый въ Парижѣ французскій переводъ д-ра Мардруса въ шестнадцати томахъ. Съ этого-то изданія сдѣланъ и первый полный и точный русскій переводъ мардрусовскихъ «Тысячи и одной ночи».

Самый переводъ, какъ всѣ переводы «Новаго Журнала Иностранной Литературы», исполненъ не только умѣло, но и художественно. Текстъ перевода снабженъ пояснительными примѣчаніями и, кромѣ того, прекрасно исполненными репродукціями картинъ Альберта Лечфорда. Все это вмѣстѣ взятое заставляеть признать за «Новымъ Журналомъ» въ его изданіи «Тысячи и одной ночи» крупную заслугу передъ русской переводной литературой.

В. Гр—скій.

М. Zdziechowski. Odrodzenie Chorwacyi w wieku XIX. W Krakowie. 1902.

Авторъ этой книги — лицо не чуждое русской литературѣ. Профессоръ Ягеллонскаго университета, Маріанъ Здѣховскій — уроженецъ Минской губерніи и воспитанникъ русской школы. Его первый трудъ, изданный подъ заглавіемъ «Очерки изъ психологіи славянскаго племени», написанъ имъ на русскомъ языкѣ. Въ главнѣйшей изъ его работъ «Вугон і jego wiek» отведено значительное мѣсто русской литературѣ. Онъ знакомитъ съ современными ея направленіями польское общество въ цѣломъ рядѣ рефератовъ, а основанный по его почину Славянскій краковскій клубъ, котораго предсѣдателемъ онъ состоитъ, устроилъ весной особыя засѣданія въ память Гоголя. Наконецъ, еще недавно газеты сообщали о демонстративныхъ выходкахъ противъ него львовской университетской молодежи за написанный имъ по-русски

отвѣтъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» на русское привѣтствіе славянскому краковскому клубу. Все это вмѣстѣ достаточно, чтобы обратить вниманіе русскихъ читателей на его новую книгу тѣмъ болѣе, что помимо всего вышесказаннаго ея авторъ несомнѣнно принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ славянскихъ ученыхъ общественныхъ дѣятелей, къ голосу котораго прислушиваются и въ Прагѣ, и въ Загребѣ, и въ Люблинѣ. Новая книга Мариана Здѣховскаго посвящена одному изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ исторіи славянства XIX вѣка, такъ называемому иллирскому движенію, когда хорватскій народъ, рѣшивъ отказаться отъ своего родного языка въ пользу сербскаго штокавскаго нарѣчія, не только напелъ въ этомъ отказѣ отъ своей національной исключительности новыя силы къ яркому народному возрожденію, но выставилъ знамя для общаго объединенія всѣхъ юго-славянъ подъ именемъ иллировъ. Это, можетъ быть, одна изъ наилучшихъ страницъ въ исторіи славянства. Книга Здѣховскаго касается главнымъ образомъ литературной стороны движенія и распадается на четыре отдѣла: объ иллиризмѣ вообще, о Станкѣ Вразѣ, о Мажураничѣ и о Петрѣ Прерадовичѣ, какъ о наиболѣе яркихъ выразителяхъ иллирства. Первая глава не представляетъ для русскаго читателя особаго интереса: въ русской литературѣ есть по данному вопросу обстоятельная, хотя, къ сожалѣнію, мало извѣстная большой публикѣ, монографія бывшаго профессора Варшавскаго университета П. А. Кулаковскаго «Иллиризмъ», которой пользовался и авторъ разбираемой книги. Немного новаго даетъ и очеркъ о Вразѣ, повторяющій выводы о немъ, сдѣланные хорватскимъ ученымъ, профессоромъ Марковичемъ. Но статьи о Мажураничѣ и особенно о Прерадовичѣ представляютъ собою мѣткія, вполне самостоятельныя и, хотя сравнительно небольшія по объему, но очень содержательныя и даровитыя характеристики обоихъ писателей. Не вдаваясь въ мелкія подробности, авторъ при помощи искуснаго подбора фактовъ умѣетъ словами самихъ поэтовъ охарактеризовать основы ихъ міровоззрѣнія и проникнуть въ самую глубину ихъ души, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ глубину хорватскаго народнаго духа, въ тѣ скрытые внутренніе источники, изъ которыхъ вышло иллирское движеніе. При этомъ онъ не упускаетъ случая указывать на духовное родство хорватской поэзіи съ поэзіей польской и даже старается доказать, что окончательное міровоззрѣніе Прерадовича выработалось подъ прямымъ и непосредственнымъ вліяніемъ поэзіи Красинскаго, хотя, по нашему мнѣнію, въ сходствѣ идеаловъ обоихъ поэтовъ правильнѣе видѣть не столько доказательство вліянія одного на другого, сколько параллельныя явленія, вытекающія изъ общности славянскаго духа у разныхъ, славянскихъ племенъ. Какъ бы то ни было, личность Прерадовича, какъ поэта, съ его близостью къ непосредственному народному творчеству, съ его мягкостью душевной и чистыми, идеалистическими мечтами о всечеловѣческомъ счастьѣ обрисована ярко и вѣрно. Хорошо раскрыта и идейная сторона иллирскаго движенія. Но книга Здѣховскаго имѣетъ и иное, болѣе важное значеніе. Произведеніе писателя крупнаго, съ выработавшимся міросозерцаніемъ, она не менѣе, чѣмъ по фактическому содержанію, интересна и по своей идеѣ, которая, обнимая всѣ четыре очерка, дѣлаетъ изъ нихъ одно стройное цѣлое. Идея эта—польско-хорватское единеніе на основаніи такъ называемаго поль-

скаго неомессіанизма, который въ этой своей разновидности можетъ быть названъ и католическимъ славянофильствомъ. Исходя изъ той мысли, что великіе польскіе поэты-мессіанисты, Мицкевичъ, Словацкій и въ особенности Красинскій, въ своей поэзіи воплотили величайшіе общечеловѣческіе идеалы съ силою, почти равною библейскимъ нѣснонѣніямъ, авторъ думаетъ на основаніи этихъ идеаловъ соединить все человѣчество и содѣйствовать водворенію на землѣ Царства Божія. Этотъ благородный и всеобъемлющій взглядъ придаетъ книгѣ его особый тонъ, настраиваетъ читателя на высокій ладъ. Но, съ другой стороны, въ обоснованіи этого взгляда авторомъ коренятся и слабыя стороны его книги. Авторъ отождествляетъ идеалы польской поэзіи съ ученіемъ католической церкви. Этимъ онъ самъ, по нашему мнѣнію, распатываетъ основы своего міровоззрѣнія и дѣлаетъ невозможнымъ его приложеніе въ жизни. Дѣло въ томъ, что практически узко-вѣроисповѣдное начало уже показало свое безсиліе въ дѣлѣ объединенія славянъ: племенный синтезъ, очевидно, долженъ предшествовать синтезу религиозному. Теоретически же нельзя не видѣть противорѣчія между двумя основными элементами, изъ которыхъ слагается неомессіанизмъ Здзѣховскаго: польскіе поэты-мессіанисты во многихъ пѣсняхъ своихъ главнѣйшихъ произведеній настолько не сходятся съ господствующимъ католическимъ ученіемъ, что сочиненія Мицкевича, напримѣръ, и донынѣ находятся на индексѣ. И дѣйствительно, какъ ни высоко къ идеаламъ Вѣчной Правды подымалась временами польская поэзія, къ ея чистымъ вдохновеніямъ несомнѣнно примѣшалась муть напряженной страстности, объясняемая, кромѣ особенностей темперамента, и условіями, въ которыхъ текла жизнь польскаго народа. Мицкевичъ самъ назвалъ нѣкоторыя части своихъ «Дзядовъ» «кубкомъ яду, высосаннаго изъ слезъ и крови родины» (*kielich trucizny, wysranej z łez i krwi mej ojczyzny*), и эта муть есть даже у самаго чистаго и высокаго изъ всѣхъ трехъ поэтовъ, Красинскаго, который общечеловѣческое сводилъ къ народному польскому (предисловіе къ «Разсвѣту»), тогда какъ слѣдовало бы какъ разъ наоборотъ народное возводить до общечеловѣческаго. Очевидно, что при всемъ высокомъ достоинствѣ польской поэзіи возводить ее въ безусловный идеалъ, безъ всякихъ оговорокъ, невозможно безъ риска, хотя въ слабой степени, повторить ея ошибки. Этой опасности не избѣгъ и Здзѣховскій. Мы имѣемъ въ виду его отношеніе къ нѣкоторымъ явленіямъ русской литературной жизни и въ особенности къ православному славянству. Несправедливо, по нашему мнѣнію, отчислять всѣхъ позднѣйшихъ славянофиловъ (послѣ Хомякова) въ разрядъ «темныхъ силъ Россіи»; несправедливо думать, что въ Россіи за немногими исключеніями «до сихъ поръ еще не умѣютъ понять, что Богъ и его законы выше мірской силы и славы» (стр. 189), но особенно удивительны тѣ страницы (104—105), гдѣ авторъ, дѣлая отступленіе отъ своего разсказа, заявляетъ, что польское общество, выносящее на своихъ плечахъ между прочимъ такія явленія, какъ германизація и т. п., равнодушно читаетъ о теперешнихъ турецкихъ звѣрствахъ въ Македоніи, не вѣря плачевному положенію турецкихъ славянъ, потому что турки никогда не преслѣдовали ни языка, ни вѣры, и не существуетъ слова «турцификація», а слѣдовательно и понятія, имъ выражаемаго! Трудъ автора и проводимые имъ въ немъ

идеалы значительно бы выиграли, если бы не было въ его книгѣ этихъ жесткихъ словъ. Искреннее уваженіе къ дѣятельности автора заставляетъ насъ сказать это тѣмъ болѣе, что указанные нами недостатки, хотя и глухо, но были отмѣчены и хорватской критикой. Книга г. Здѣховскаго заканчивается призывомъ хорватовъ и поляковъ къ литературному сближенію, которое могло бы уничтожить теперешнее вліяніе на славянъ нѣмецкой литературы. Взаимное ознакомленіе славянъ другъ съ другомъ дѣло, конечно, очень желательное, хотя хорошее свое и не должно заставлять насъ отказываться отъ пользованія тѣмъ хорошимъ, что есть у чужихъ, а между прочимъ и у нѣмцевъ.

А. Сиротининъ.

Профессоръ Н. Суворовъ. Византійскій папа. Изъ исторіи церковно-государственныхъ отношеній въ Византіи. М. 1902.

Въ интересномъ изслѣдованіи профессора Московскаго университета г. Суворова рѣчь идетъ о константинопольскомъ патріархѣ XI-го вѣка Михаилѣ Керуларіи. Авторъ называетъ его «византійскимъ папой» на томъ основаніи, что Керуларій стремился подчинить власти церковной императорскую власть и поставить константинопольскаго патріарха приблизительно въ такое положеніе, какое занималъ на Западѣ римскій папа. По мнѣнію профессора Суворова, и церковный разрывъ между Востокомъ и Западомъ, окончательно совершившійся при Керуларіи, былъ лишь одной стороною въ дѣятельности этого патріарха, всецѣло направленной къ папизму. Но только изученіе всей вообще дѣятельности Михаила Керуларія можетъ привести къ выясненію исторически вѣрнаго образа этого, единственнаго въ своемъ родѣ, патріарха, который одновременно боролся и съ Римомъ, и съ императорскою византійскою властью, въ интересахъ своей идеи. Однако цѣльнаго обзора церковно-политической дѣятельности Михаила Керуларія въ византологической литературѣ, какъ русской, такъ и иностранной, не встрѣчается. Изслѣдованіе профессора Суворова и идетъ навстрѣчу указанной научной задачѣ.

Оно раздѣляется на три главы, изъ коихъ въ первой (стр. 7 — 29) излагаются обстоятельства, предшествовавшія раздѣленію церковью при патріархѣ Михаилѣ Керуларіи, во второй (стр. 29—79) описывается церковный разрывъ Востока и Запада въ 1054 году, а въ третьей главѣ (стр. 79—159) говорится объ отношеніи патріарха Михаила къ императорской власти послѣ разрыва съ Римомъ. Окончательный результатъ изслѣдованія формулируется авторомъ слѣдующимъ образомъ: патріархъ Михаилъ Керуларій не только вторгнулся въ неподлежащую ему область, не только присвоивалъ себѣ отдѣльныя права императорской власти, но и стремился поставить императорскую власть въ зависящее отъ патріарха положеніе (стр. 125). А въ заключеніи изслѣдованія профессоръ Суворовъ старается показать, что факты, совершившіеся за время патріаршества Керуларія, объясняются не только личнымъ характеромъ этого патріарха и конкретною обстановкой, но и принципиальными особенностями византійскаго церковно-государственнаго порядка.

Итакъ, профессоръ Суворовъ приписываетъ идею папства и византійской церковной власти. То, что доселѣ признавалось характерной особенностью Рима, нужно, по мнѣнію профессора Суворова, перенести и на Константинополь, гдѣ также были свои папы, и въ принципѣ, и конкретно проводившіе идею подчиненія церкви императорской власти и стремившіеся и къ свѣтской власти. Но такъ ли это? Дѣйствительно ли византизмъ заключаетъ въ себѣ и элементы папства?

Изслѣдованіе профессора Суворова относится къ исторіи церковно-государственныхъ отношеній въ Византіи, иначе сказать, есть этюдъ въ области исторіи церковнаго права. Оно касается принципиальнаго вопроса объ отношеніи церкви къ государству въ Византіи, о взаимныхъ отношеніяхъ патріаршей и императорской власти въ этой имперіи. Вопросъ этотъ въ наукѣ не новый и имѣетъ уже опредѣленные отвѣты. Напомнимъ, прежде всего, о теоріи цезаропапизма, по которой византійскіе императоры признаются, въ ихъ отношеніяхъ къ церкви, одновременно царями и первосвященниками. Эта теорія идетъ совершенно въ разрѣзъ съ воззрѣніями г. Суворова, но мы не признаемъ и ее состоятельной, такъ какъ цезаропапизмъ не былъ въ Византіи какой либо нормой или системой, имѣвшей въ своей основѣ юридическія начала. Можно указать много историческихъ примѣровъ того, какъ византійскіе императоры жертвовали въ пользу церкви своими и государственными матеріальными средствами, заботились о внѣшнемъ ея благополучіи и внутренней славѣ, строили церкви и монастыри. А съ другой стороны и церковь, главнымъ образомъ въ лицѣ патріарховъ, имѣла громадное вліяніе на государство. Она ревностно охраняла свои права и боролась съ ихъ нарушителями, твердо стояла за истину и справедливость въ обществѣ, обличала правителей, когда они преступали церковныя заповѣди, ободряла и укрѣпляла ихъ, когда они стояли на правомъ пути, указывала истинныя границы христіанской гуманности, руководила воспитаніемъ народа, просвѣщала его, помогала государству въ дѣлѣ благотворительности, заботилась объ устраниніи государственныхъ нуждъ, содѣйствовала цѣлости и крѣпости государственнаго организма и вообще была на службѣ государству. Отсюда, характеристической особенностью церковно-государственныхъ отношеній въ Византіи должно признать тѣснѣйшій союзъ церкви и государства. Развитіе церковныхъ учрежденій и управленій происходило параллельно и въ соотвѣтствіи съ развитіемъ политическихъ учрежденій и государственнаго управленія, государственная власть принимала дѣятельное участіе въ вопросахъ и дѣлахъ церковныхъ, а лица духовныя, главнымъ образомъ патріархи, въ свою очередь, принимали большое участіе въ дѣлахъ гражданскихъ.

Если на изслѣдованіе профессора Суворова посмотрѣть съ точки зрѣнія представленной теоріи о тѣснѣйшемъ союзѣ между церковью и государствомъ въ Византіи, — теоріи, имѣющей весьма прочныя историческія и юридическія основанія, то центральный тезисъ нашего автора, провозгласившаго константинопольскаго патріарха Михаила Керуларія «византійскимъ папой», теряетъ свой правовой фундаментъ. А что историческую дѣятельность Михаила Керуларія и конкретную ея обстановку можно объяснить инымъ путемъ, — это уже

доказано прекраснымъ изслѣдованіемъ профессора Н. А. Скабалановича «Византійское государство и церкви въ XI вѣкѣ» (Спб., 1884) и его статей «Раздѣленіе церквей при патриархѣ Михаилѣ Керуларіи» («Христіанское Чтеніе», 1884 г., часть II, и 1885 г., часть I), въ коихъ дѣятельность этого патриарха изображена безъ малѣйшихъ намековъ и указаній на возможность допускать папскія тенденціи въ области византійскаго патриаршаго управленія.

Σ.

Извѣстія русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. VII. Выпуски 2—3. Софія. Државна печатница. 1902.

Въ настоящій выпускъ «Извѣстій» вошли двѣ работы: Θ. И. Успенскаго «Археологическіе памятники Сиріи» и отчетъ русскаго археологическаго института въ Константинополѣ за 1900 годъ. Въ концѣ напечатанъ личный составъ русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. Хотя культурное значеніе Сиріи, говоритъ г. Успенскій, уже въ достаточной степени оцѣнено, въ особенности послѣ появленія прекрасной книги de Vogüé, *Syrie centrale* (Paris, 1865—1877), но нельзя сказать, чтобы изученіе памятниковъ Сиріи было исчерпано, такъ какъ недостаточно изучены находящіеся на поверхности земли памятники, и почти не затронуты подземные города мертвыхъ и засыпанныя постройки. Интересъ къ Сиріи сталъ оживляться и литературными памятниками, издающимися нынѣ. Съ цѣлью надлежащаго обезпеченія успѣха экспедиціи Успенскаго по Сиріи Палестинское общество пожертвовало сумму на его поѣздку. Страна эта представляетъ интересъ еще въ томъ отношеніи, что въ ней до сихъ поръ наблюдаются слѣды религіозныхъ преслѣдованій, результатомъ которыхъ былъ легкій ея переходъ подъ власть арабовъ. Помѣщаемая карта указываетъ направленіе экспедиціи, облегчая пользованіе обзоромъ археологическихъ памятниковъ, описанныхъ въ порядкѣ географическомъ отъ Бальбека черезъ Дамаскъ, Маалула, Каріатеинъ, Пальмиру, Алеппо до Антиохіи. Между прочимъ читатель найдетъ описаніе монастыря Симеона Столпника. Христіанство въ Сиріи, говоритъ Диль, приняло довольно оригинальное направленіе подъ вліяніемъ семитическихъ расовыхъ чертъ сирійцевъ и склонности ихъ къ партикуляризму. Во всей Сиріи аскетизмъ сталъ популярнымъ явленіемъ. Никто не находилъ страннымъ, что благочестивый пустынный удаляется на уединенную гору и поселяется, какъ дикій звѣрь, въ пещерѣ, въ тѣсномъ пространствѣ между высокими стѣнами, на столпѣ, какъ дѣлаетъ знаменитый подвижникъ V вѣка Симеонъ Столпникъ. У воротъ Антиохіи на Дивной горѣ Симеонъ Младшій провелъ на колѣняхъ 68 лѣтъ.

А. Хахановъ.

Буддійскій катихизисъ. Переводъ съ монгольскаго. Спб. 1902.

Предлагаемое изданіе представляетъ собою переводъ изъ буддійскихъ книгъ, изданныхъ на монгольскомъ языкѣ. Трудъ перевода заслуживаетъ большого уваженія за добросовѣстное выполненіе его, такъ какъ путаница понятій и

переводимыхъ словъ крайне осложняетъ дѣло, сильно искажая смыслъ оригинала. Анонимный переводчикъ умѣло справился съ особенностью этого труда, представивъ въ сжатой формѣ весьма интересный матеріалъ, который стоило бы разработать болѣе подробно. Нельзя, впрочемъ, не поставить въ упрекъ издателю неправильнаго заглавія «Буддійскій катяхизисъ», тогда какъ даже само предисловіе говоритъ, что это «не чистый буддизмъ, а ламаизмъ», а это далеко не одно и то же; это особенно замѣтно, если мы прослѣдимъ исторію возникновения буддизма и ламаизма.

Время появленія буддизма еще не опредѣлено въ точности, такъ какъ лѣтописи народовъ, исповѣдующихъ его, противорѣчатъ другъ другу. Въ каждой странѣ, въ зависимости отъ степени благоговѣнія передъ памятью Сакіа-Муни, великаго основателя буддизма, возрастаютъ цифры годовъ его рожденія до Р. Х.: въ Китаѣ, Монголіи и Японіи ихъ насчитываютъ около 1000; въ Кашмирѣ 1332; въ Тибетѣ 2959; на Цейлонѣ, въ Сіамѣ и Бирманѣ около 5^{1/2} вѣковъ; къ послѣднему, на основаніи нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ, присоединяются и еврейскіе ученые, считая годомъ рожденія Будды 560 г. до Р. Х.

Исходной точкой распространенія буддизма слѣдуетъ считать Капилавасту (близъ Уде) къ сѣверу отъ Ганга, невдалекѣ отъ нынѣшнягосвященнаго города Бенареса.

Отказавшись отъ престола и отъ семьи, Сиддарта, такъ звали основателя буддизма, сына вождя сакіевъ—Суддходана, неожиданно покинулъ родной домъ и семью и посвятилъ себя религіозной жизни. Преданіе говоритъ; что на этотъ шагъ его толкнуло печальное размышленіе при видѣ безсильнаго старца, а по другой вариаци, — видѣ разлагающагося трупа. Сначала Сиддарта, или Готама, присоединился къ браминскимъ аскетамъ, у которыхъ изучалъ философію, но затѣмъ самъ сталъ создателемъ реформы, противной дѣленію на касты, осуждающей гордость браминизма, которому онъ бросилъ перчатку, основавъ общество нищихъ монаховъ, а также проповѣдующей атеизмъ, какъ реакцію противъ культа безчисленнаго множества боговъ.

Основной принципъ буддизма отрицаетъ Верховное Существо, какъ Творца, а признаетъ лишь его, какъ верховную силу, какъ образовательный принципъ, существующій самъ собой, а его философія отвергаетъ изслѣдованіе о первыхъ причинахъ, рѣшая, что умъ нашъ можетъ разсматривать лишь явленія. Отрицая существованіе случая, вмѣшательство Провидѣнія, буддизмъ считаетъ вселенную извѣстнымъ механизмомъ, подчиняющимся дѣйствіямъ неизбѣжной причины. Создавая жизнь человѣка лишь только въ духовныхъ сферахъ его, онъ отрицаетъ все вещественное, называя міръ иллюзіей, а жизнь тяжелымъ бременемъ, и считаетъ истиннымъ лишь состояніе абсолютнаго покоя духа—нирвану, — состояніе, гдѣ теряется индивидуальность, отношеніе ко времени и пространству, страданіе и желаніе существовать.

Нирваны можно достигнуть лишь извѣстными упражненіями при жизни, главнымъ изъ коихъ является освобожденіе отъ потребностей матеріальнаго міра (сансары). Нирвана—это состояніе свободное отъ рожденія и смерти, но ее не слѣдуетъ смѣшивать съ небытіемъ.

Лучшимъ указателемъ послѣдователямъ буддизма ихъ обязанностей является жизнь его основателя Готамы, представляющая собою путь ко спасенію, которое онъ находитъ въ уничтоженіи страданія, какъ главнаго зла жизни. Характеръ страданія и средства для избавленія его ясно указаны въ вступительной проповѣди Готамы (или уже—Будды, что значить просвѣщенный), съ которой онъ выступаетъ въ Бенаресѣ, при чемъ главной причиной страданія считается жажда существованія, вызывающая новое рожденіе—теорія, понятная только съ принятіемъ закона перерожденія: человекъ страдаетъ, потому что рождается вновь, испытываетъ перерожденіе, а причина возрожденія—жажда существованія въ предшествующей жизни.

Возникнувъ въ центрѣ Индіи, буддизмъ широко распространился, какъ во всей странѣ, такъ и въ сосѣднихъ, раздѣлившись, впрочемъ, на 2 вѣтви: южную и сѣверную.

Южная вѣтвь пошла на почву браминизма и отчасти слилась съ нимъ. Религія ея обладаетъ обширной литературой на языкѣ пали и представляетъ собою матеріалъ обширнѣе нашей Библии, охватывая: жизнь Будды, книги размышленія, книги упражненія и рассказы о буддійскихъ святыхъ.

Литература же религіи сѣверной вѣтви отчасти издана была китайскимъ правительствомъ на 4 языкахъ: тибетскомъ, монгольскомъ, манчжурскомъ и китайскомъ, и представляетъ собою сочиненія Будды подъ названіемъ: «Словесныя правила» (Гань-чжуръ), а, кромѣ того, 225 томовъ сочиненія «Дань-чжуръ», переведенныхъ на монгольскій языкъ въ XVIII вѣкѣ.

Въ Китай буддизмъ попалъ во 2-мъ вѣкѣ до Р. Х., занесенный сперва войсками, бывшими въ походѣ противъ Яркенда, а затѣмъ введенъ официально при императорѣ Минди, въ 60-хъ годахъ нашей эры. Санскритскія книги, привезенныя индійскими жрецами Матанча и Гобхарана, послужили первоначально основой буддійской религіи въ Китаѣ. Изъ Китая буддизмъ перешелъ въ Тибетъ въ VII-мъ вѣкѣ нашей эры, а въ Монголію лишь въ XVI-мъ при Абагайсайнъ-ханѣ и явился уже подъ названіемъ ламаизма, ставъ прямымъ преемникомъ шаманства, отъ котораго и позаимствовалъ всю догматическую сторону ученія. Волшебство и черная магія смѣнили чистое ученіе Будды, которое обратилось лишь въ наружный обрядовый культъ.

Во главѣ духовной іерархіи въ Тибетѣ, съ правами свѣтской власти, сталъ Далай-Лама, изъ которыхъ одинъ въ борьбѣ съ соперникомъ призналъ въ XVI-мъ вѣкѣ протекторатъ Китая, имѣющаго и доннынъ доминирующее значеніе въ дѣлахъ страны, а также и при выборѣ новаго Далай-Ламы—этого воплощенія бога на землѣ, или квартиры духа умершаго предшественника.

Въ Монголіи же во главѣ духовенства состоитъ ставленникъ изъ Тибета—Гыгэнъ. Будучи тибетцемъ по происхожденію, не зная ни языка, ни характера своей новой родины, Гыгэнъ политическаго значенія и свѣтской власти не имѣетъ и занимается преимущественно улучшеніемъ быта духовенства, господствующаго класса въ Монголіи, постройкой кумиренъ и устройствомъ правильнаго богослуженія. Гыгэнъ находится въ полной зависимости отъ китайскаго правительства.

Монгольское духовенство вообще представляет собою крайне непроизводительное сословіе, вполне невѣжественное и живущее, при томъ, на счетъ народа; понятно, немало должно было войти параграфовъ въ ламайское вѣроученіе, которыми бы можно было легче поставить въ строгую зависимость паству отъ своихъ духовныхъ отцовъ, именующихъ себя учителями буддизма, а свое ученіе буддизмомъ.

Указавъ вкратцѣ разницу, исторически возникшую между ученіемъ чистаго буддизма и ламаизмомъ, я желалъ лишь отмѣтить неправильность заглавія предлагаемаго изданія, не лишая его нисколько интереса, какъ сектантскаго ученія.

Въ отношеніи корректуры книжка издана небрежно, что вредитъ впечатлѣнію при чтеніи ея.

П. фонъ-Лангъ.

Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Томъ V. Юрьевъ. 1902.

Сборникъ содержитъ 9 статей, изъ которыхъ одна («О памяти» — г. Продана) является продолженіемъ напечатаннаго въ III и IV томахъ того же Сборника. Къ исторіи ближайшее отношеніе имѣетъ прежде всего статья проф. А. Н. Ясинскаго: Основные черты развитія права въ Чехіи XIII—XIV вв. Главнымъ органомъ разработки чешскаго права за это время былъ высшій земскій судъ, образовавшійся при Оттокарѣ II (1253—1278) изъ сеймоваго суда (*consilium magni*). Въ судѣ этомъ засѣдали представители высшей чешской знати, которые всячески противились попыткамъ государей подъ видомъ кодификаціи ввести нормы римскаго или нѣмецкаго права. Судъ вершился по мѣстнымъ народнымъ обычаямъ. Постановленія и судебныя рѣшенія земскаго суда записывались въ особыя книги и явились «главнымъ источникомъ и зеркаломъ чешскаго земскаго права»; въ виду своей широкой компетенціи, земскій судъ оказалъ очень сильное вліяніе на разработку гражданскаго и уголовнаго права и процесса. Эта тѣсная связь чешскаго законодательства съ судебною дѣятельностію, и черезъ то съ самою жизнью, сообщила чешскому праву, подобно праву Англій, самобытный характеръ. Но уже въ XIV в. область дѣйствія земскаго права была ограничена однимъ только высшимъ классомъ населенія, естественнымъ слѣдствіемъ чего явилось полное вырожденіе этого самобытнаго права: при Габсбургахъ въ Чехіи начинается господствовать «слѣпое преклоненіе передъ римскимъ правомъ».

Статья М. В. Бречкевича «Святополкъ, князь поморскій» касается темной исторіи Помераніи. Критикуя, на основаніи грамотъ, польскихъ лѣтописцевъ, авторъ приходитъ къ выводу, что поморскіе владѣтели конца XII и начала XIII вв. были «фактически независимыми (отъ Польши) князьями», и склоняется къ мнѣнію о туземномъ происхожденіи Гданской династіи. Расцвѣтъ и вмѣстѣ послѣдній періодъ этой самостоятельности Поморья падаетъ на время князя Святополка († 1266 г.), которому, впрочемъ, все время приходилось бороться съ Тевтонскимъ орденомъ и отчасти съ своими братьями.

шеніи опредѣленности и ясности плана статья г. Бречкевича оставляетъ желать лучшаго.

Современный, даже злободневный, интересъ имѣетъ въ Сборникѣ статья проф. А. С. Будиловича: О московскомъ проектѣ упрощенія русскаго правописанія. Въ виду имѣется извѣстный «докладъ по вопросу объ упрощенія русской орфографіи», выработанный особою комиссіею (подъ предѣтельствомъ проф. Р. Брандта) въ педагогическомъ обществѣ при императорскомъ Московскомъ университетѣ. Доказывая ненаучность проекта и его педагогическую несостоятельность, г. Будиловичъ склоненъ видѣть причину безграмотности нашихъ учениковъ не въ мнимомъ школьномъ «культѣ буквы», а въ плохихъ грамматикахъ и несоотвѣтственныхъ методахъ преподаванія. По своему обыкновенію, почтенный авторъ часто пускается, при своихъ доказательствахъ, въ политику. Такъ, онъ приводитъ въ примѣръ червоноруссовъ, у которыхъ слѣдствіемъ введенія упрощеннаго фонетическаго правописанія явились будто бы «расколъ въ школахъ, отторженіе фонетистовъ отъ всѣхъ русско-національныхъ связей въ области литературной, научной и даже церковной, отреченіе «упрощенной» молодежи отъ самаго имени «русскій», съ замѣною его на самозванно-ирридентистское(?) наименованіе «украинскій», а наконецъ— попытка учредить въ Галичинѣ «украинскій университетъ» и даже «украинскую» церковь, съ мѣстнымъ фонетическимъ жаргономъ въ богослуженіи!» (стр. 191). А въ концѣ своей статьи г. Будиловичъ останавливается на современномъ «критическомъ» моментѣ въ исторической жизни славянскаго міра: «съ одной стороны, мы видимъ здѣсь картину серіозныхъ внутреннихъ неурядицъ, въ отношеніяхъ, на примѣръ, экономическомъ, общественномъ, нравственномъ. Однимъ изъ проявленій того являются и наши недавнія школьныя смуты, идейною основою которыхъ и служатъ антиисторическія стремленія западначескаго характера. Съ другой же стороны, никто не станетъ отрицать, что и политическій горизонтъ славянства заволанивается тучами, притомъ какъ съ Запада, отъ напора тевтонскихъ народовъ Стараго и Новаго свѣта, такъ и съ Востока, отъ науськиваемыхъ ими исповѣдниковъ ислама, хищниковъ Японіи и несмѣтныхъ ордъ пробуждающагося Китая. Ужели въ столь опасную, можно сказать роковую, историческую годину, мы станемъ еще возбуждать или поддерживать внутренніе раздоры и споры между писателями и читателями, педагогами и учениками изъ-за той или другой кирилловской буквы? Думается, что, наоборотъ, намъ слѣдовало бы теперь не разбрасывать свои силы, а собрать подъ однимъ стягомъ...» (стр. 196).

Подобный же злободневный интересъ имѣетъ статья проф. Н. Н. Бѣлявскаго: Школьныя сберегательныя кассы. Авторъ, специалистъ по полицейскому праву, является защитникомъ такого рода кассъ, кратко рассказываетъ ихъ исторію на Западѣ, приводитъ нѣкоторыя возраженія противъ школьныхъ кассъ и критикуетъ ихъ.

По случаю недавняго юбилея проф. А. В. Никитскій напечаталъ Архивную справку о В. И. Далѣ. Знаменитый русскій лексикографъ былъ студентомъ-медикомъ Дерптскаго университета, и въ архивѣ этого послѣдняго сохранились нѣкоторые документы, касающіеся біографіи Даля. Въ 1829 году,

18-го марта, послѣ сравнительно очень непродолжительнаго пребыванія въ университетѣ (еще 16-го сентября 1827 г. Даль подписывается не студентомъ, а отставнымъ лейтенантомъ флота), В. П. Даль защитилъ свою докторскую диссертацию: это было время, когда докторовъ въ Дерптѣ «пекли, какъ блины». Черезъ 40 лѣтъ послѣ того онъ присылаетъ въ Дерптскій университетъ экземпляръ своего «Толковаго словаря» и письмо. Университетъ присудилъ за словарь (въ 1870 г., по отзыву проф. Котляревскаго) премію Геймбюргера.

Юридическій и отчасти этнографическій интересъ имѣетъ статья проф. А. С. Невзорова: Изъ быта села Птичьего, Челябинскаго уѣзда, Оренбургской губерніи. Вотъ отдѣльные параграфы этой статьи: 1) поскотина; 2) обработка земли; 3) передѣлъ; 4) статьи; 5) займки; 6) жители; 7) раздѣлъ наслѣдства и семьи; 8) свадебные обряды и пѣсни (приводится 48 №№ пѣсенъ безъ соблюденія мѣстнаго говора).

Спеціальныи математическій интересъ имѣетъ статья проф. В. Г. Алексѣева: Къ вопросу о необходимости для естествоиспытателей изученія математики, и спеціально-медицинскій—статья проф. В. П. Курчинскаго: Проф. М. В. Ненцкій. Очеркъ жизни и научной дѣятельности его. Въ приложеніи помѣщено продолженіе статьи г. П. С. Продана: О памяти. Критическій разборъ экспериментальныхъ изслѣдованій. Главы VII—XI.

Въ официальномъ отдѣлѣ Сборника помѣщенъ отчетъ о дѣятельности общества за 1900—1901 годъ.

Д. З—инь.

Очерки закавказской жизни. И. Н. Канадѣва. Томъ первый. Спб. 1902.

Авторъ этой книги прожилъ на Кавказѣ, по его словамъ, около двадцати лѣтъ и сумѣлъ, какъ видно, ко многому присмотрѣться. Результатомъ его наблюдений и является настоящая книга, въ которой г. Канадѣвъ описываетъ различныя національности, изъ коихъ состоитъ населеніе Кавказа,— армянъ, турокъ, грузинъ, персіянъ и русскихъ. При этомъ авторъ посвящаетъ еще особую главу разбойничеству на Кавказѣ, сообщая довольно интересныя и цѣнныя свѣдѣнія, какъ о самихъ разбояхъ, такъ равно и о тѣхъ элементахъ, изъ коихъ слагаются многоразличные типы разбойниковъ, состоящихъ исключительно изъ людей отважныхъ, храбрыхъ, такъ называемыхъ «джигитовъ», вынужденныхъ различными обстоятельствами превратиться въ разбойниковъ. Можно вполне довѣрять автору, утверждающему, что «болѣе всего виновата въ этомъ администрація, благодаря своему незнакомству съ условіями мѣстной жизни». Свои слова г. Канадѣвъ подтверждаетъ многочисленными примѣрами и фактами. Между прочимъ, онъ приводитъ, на примѣръ, интересную исторію «разбойника» Дали-Усупа, человека зажиточнаго и честнаго, но вынужденнаго сдѣлаться разбойникомъ. «Все дѣло, по разсказу автора, вышло изъ-за того, что Дали-Усупъ, будучи страстнымъ любителемъ оружія, приобрѣлъ, безъ разрѣшенія начальства, русскую трехлинейную вин-

товку; узнали объ этомъ власти, — и вотъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1897 года, когда Дали-Усупъ ѣхалъ въ Карсъ, имѣя при себѣ эту несчастную винтовку, начальникъ участка, гдѣ онъ жилъ, телеграфировалъ начальнику Карскаго округа, прося отобрать это ружье. Начальникъ округа, узнавъ, что Дали-Усупъ уже выбылъ изъ города, послалъ за нимъ погоню милиціонеровъ, которые нагнали его около селенія Чахмака, въ 10 верстахъ отъ Карса, и потребовали, чтобы онъ, отдавши винтовку, вернулся съ ними въ городъ. Дали-Усупъ согласился вернуться въ городъ, но съ условіемъ, чтобы оружіе оставили у него. Милиціонеры, исполняя приказаніе начальства, настаивали на своемъ и хотѣли арестовать его; но Дали-Усупъ сказалъ, что онъ не позволитъ имъ этого сдѣлать, хотя бы ему пришлось драться съ ними. Предупредивъ еще разъ, что онъ будетъ стрѣлять въ милиціонеровъ, если только они будутъ продолжать преслѣдовать его, Дали-Усупъ поѣхалъ. Несмотря на угрозу, милиціонеры отпировались за нимъ, а одинъ изъ нихъ хотѣлъ выстрѣлить въ него. Дали-Усупъ, однако, предупредилъ его и, произведя выстрѣлъ, убилъ милиціонера на мѣстѣ. Послѣ этого Дали-Усупъ взялъ изъ-подъ убитаго лошадь и ускакалъ на ней, превратившись съ того времени въ разбойника, доставившаго много хлопотъ полиціи. Если бы начальникъ округа зналъ горскій обычай, вслѣдствіе коего считается величайшимъ оскорбленіемъ и безчестіемъ отдать въ полѣ оружіе, то онъ не приказалъ бы отобрать у Дали-Усупа винтовку: это могъ бы сдѣлать послѣ участковый начальникъ, когда джигитъ возвратился бы домой, или же самъ начальникъ округа въ Карсъ, куда Дали-Усупъ соглашался вернуться, но только съ оружіемъ».

Разбои за послѣднее время приняты на Кавказѣ такіе широкіе размѣры, что многія изъ мыслей и мнѣній автора заслуживаютъ вниманія. Оказывается, что и въ данномъ случаѣ виноваты мы сами, т. е. тѣ непрактичныя мѣры и тѣ палліативы, которые принимаетъ администрація въ борьбѣ съ этимъ зломъ. «Я глубоко убѣжденъ, говоритъ г. Канадѣвъ, что мѣстныя власти ничего не достигнутъ. Стража, сформированная въ 1899 году взаменъ упраздненной милиціи, не приноситъ (какъ это и видно изъ усилившихся разбоевъ) никакой пользы. Гораздо рациональнѣе система экзекуцій, практиковавшаяся генераломъ Томичемъ, бывшимъ карскимъ губернаторомъ: жители, боясь экзекуцій, т. е. поставки на жительство въ селенія русскихъ войскъ, наотрѣзъ отказывали въ пріютѣ разбойникамъ; а въ этомъ и заключается вся суть дѣла, такъ какъ разбойники, не встрѣчая гостепримства и укрыательства въ селеніяхъ, или тотчасъ же попадають въ руки властей, или уходятъ въ сосѣднюю Персію и Турцію. Между тѣмъ, въ настоящее время, когда мѣстные жители ауловъ видятъ, что укрываніе разбойниковъ не влечетъ за собою никакихъ особенныхъ репрессалій, отнюдь не выдаютъ разбойниковъ и не указываютъ мѣстъ, гдѣ они скрываются, опасаясь мести или самихъ разбойниковъ, или ихъ родственниковъ и товарищей. Наконецъ, нѣкоторые изъ жителей, можетъ быть, и указали бы, гдѣ они скрываются, но боятся это дѣлать, зная, что наше начальство имѣетъ обыкновеніе выставлять такихъ лицъ въ качествѣ свидѣтелей въ судебныхъ процессахъ; а это равносильно объявленію смертнаго приговора для доносителей, потому что они рано или поздно, но

погибнуть отъ руки преданнаго ими разбойника или отъ его родственниковъ и друзей.

Существуетъ еще и много другихъ причинъ и обстоятельствъ, покровительствующихъ разбоямъ. Прежде всего, жители имѣютъ отъ разбойниковъ очень хорошіе заработки: они платятъ щедро, прямо по-царски, какъ за разнаго рода услуги и свѣдѣнія, такъ и за доставку усовершенствованнаго оружія. Затѣмъ, селенія, оказывающія гостеприимство и убѣжище разбойникамъ, вполне гарантированы отъ ихъ грабежей и нападеній. Немалымъ тормазомъ къ искорененію зла является и самый контингентъ начальниковъ уѣздовъ, участковъ и округовъ: это «начальство» держится особнякомъ отъ мѣстнаго населенія, и почти никто изъ нихъ, по незнанію туземныхъ языковъ, не можетъ объясняться съ простолюдиномъ безъ переводчика; слѣдовательно, разговоръ ихъ не можетъ оставаться тайной, и это обстоятельство препятствуетъ, конечно, сельчанамъ доносить на разбойниковъ.

Какъ на одну изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ противъ разбоевъ на Кавказѣ, авторъ совѣтуетъ назначать хорошую плату (а не теперешніе жалкіе гроши) тѣмъ, кто доставитъ точныя и вѣрныя свѣдѣнія о разбойникахъ, т.-е. предлагаетъ бороться противъ нихъ тѣмъ же оружіемъ, какое они употребляютъ, чтобы не попасть въ руки правосудія. «Мало того, слѣдовало бы назначить плату не только за доставку извѣстій о разбойникѣ, но за голову его, потому что каждый туземецъ, не сочувствующій разбоямъ, скорѣе предпочтетъ убить разбойника, чѣмъ арестовать его; къ тому же, ему тогда нечего бояться и мести, если начальство сумѣетъ скрыть, кто былъ виновникомъ убійства. Подкупъ въ дѣлѣ искорененія разбоевъ окажется неоцѣнимую услугу». Нужно немного знать туземное населеніе, чтобы понять это. «Не менѣе плодотворной, по словамъ автора, будетъ мѣра, направленная на то, чтобы персидскія и турецкія власти не оказывали пріюта разбойникамъ, заинтересованныя въ ихъ укрывательствѣ потому, что они, по возвращеніи изъ нашихъ предѣловъ, платятъ персидскимъ ханамъ и турецкимъ каймаканамъ опредѣленную сумму денегъ. Наконецъ, само наше судопроизводство заключаетъ въ себѣ очень благопріятныя условія для развитія разбойничьей дѣятельности на Кавказѣ. Когда, напримѣръ, въ Турціи бываетъ пойманъ разбойникъ, каймаканъ производитъ дознаніе, на основаніи коего самъ же и постановляетъ рѣшеніе, при чемъ ему предоставлено валагать на виновнаго всякое наказаніе, не исключая смертной казни; въ послѣднемъ случаѣ требуется лишь утвержденіе приговора мѣстнымъ вали (губернаторомъ). Такимъ образомъ вся процедура судопроизводства занимаетъ тамъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ времени. Не то происходитъ у насъ: рѣдкое разбойничье дѣло, если только оно не подлежитъ разбирательству военно-окружнаго суда, тянется менѣе года, а то и нѣсколько лѣтъ, хотя бы виновность была очевидна и несомнѣнна. Въ результатъ получается вотъ что: разбойникъ можетъ бѣжать, свидѣтели на судѣ успѣютъ забыть все существенное или же, подкупленные родственниками подсудимаго, даютъ показанія въ его пользу, что на Кавказѣ практикуется сплошь и рядомъ. Въ виду всего этого разбойники гораздо охотнѣе избираютъ сферой своей дѣятельности Россію, а не Турцію...

Въ той же своей книгѣ, въ интересной статьѣ «Грузины, г. Канадѣвъ» дѣлаетъ весьма серьезныя и вѣскія указанія на все зло, причиняемое Кавказу армянами, являющимися истинными вампирами этого богатаго края. Все, что, напримѣръ, евреи сумѣли высосать изъ населенія сѣверо- и югозападнаго края, — армяне высасываютъ изъ разноплеменнаго населенія Кавказа и преимущественно изъ грузинъ. Въ Тифлисѣ дѣланы улицы, изъ числа главныхъ и красивѣйшихъ, какъ, напримѣръ, Дворцовая и Головинскій проспектъ, перешли за послѣднія десять лѣтъ отъ грузинъ къ армянамъ, въ карманахъ коихъ появились неожиданно миллионы. Нѣтъ преступленій, которыя не практиковались бы этимъ юркимъ и паразитнымъ племенемъ. Вся торговля и промышленность переходятъ мало-по-малу въ армянскія же руки; ими захвачены даже курорты на Кавказѣ: въ Кисловодскѣ, напримѣръ, ²/₃ дачъ и лавокъ принадлежитъ армянамъ. «Богатство армянъ, говоритъ авторъ, достигло въ настоящее время колоссальныхъ размѣровъ—послѣ захвата ими бакинскихъ нефтяныхъ промысловъ, а также и земель, отошедшихъ къ Россіи отъ Турціи, послѣ войны 1877 года,—захвата, учиненнаго, какъ извѣстно изъ судебныхъ дѣлъ, при помощи подложныхъ документовъ и услугъ чиновъ администраціи, состоящихъ, въ большинствѣ, изъ армянъ же. Бывшіе вчера духанщики и приказчики стали крезами... Грузія въ недалекомъ будущемъ превратится въ Арменію. Въ своихъ литературныхъ органахъ армяне уже и теперь потребовали, чтобы всѣ грузины-католики примкнули къ нимъ и отправляли бы богослуженіе на армянскомъ языкѣ»... Въ заключеніе авторъ спрашиваетъ: «Интересно ли русскому правительству, чтобы все Закавказье перешло во власть тѣхъ, которые задались мыслью воскресить царство, простиравшееся отъ моря до моря и отъ Ростова до Трапезунда? Соответствуетъ ли интересамъ Россіи, чтобы всѣ кавказцы, нѣкогда воинственные, превратились въ экономическихъ рабовъ политиканствующихъ армянъ?»....

Не намъ, конечно, отвѣчать на эти вполне умѣстные, но нѣсколько щекотливые вопросы....

И. Н. З.

Профессоръ А. И. Незеленовъ. Собраніе сочиненій въ шести томахъ. Т. I. А. С. Пушкинъ въ его поэзіи (1799—1826). Т. III. А. Н. Островскій въ его произведеніяхъ. Изд. книгопродавца Н. Г. Мартынова. Спб. 1903.

А. И. Незеленовъ, профессоръ исторіи русской литературы въ Петербургскомъ университетѣ (ум. въ 1896 г.), извѣстенъ, какъ специалистъ по исторіи литературы Екатерининской эпохи и XIX вѣка. Покойный профессоръ не былъ выдающимся ученымъ; его работы страдают невыдержанностью научнаго метода, отсутствіемъ критическаго анализа. Въ своихъ теоретическихъ взглядахъ на задачи и развитіе литературы онъ слѣдовалъ Ап. Григорьеву и Н. Н. Страхову, и въ своихъ изслѣдованіяхъ о новѣйшихъ русскихъ писателяхъ (впрочемъ, для его очерковъ названіе изслѣдованій слишкомъ громко!) онъ иногда просто переписывалъ цѣлыми страницами произведенія этихъ критиковъ. Но

Незеленовъ любилъ литературу, тщательно изучалъ нужные матеріалы, вводя по временамъ въ свои труды свѣжія данныя; и, кромѣ того, обладалъ даромъ литературнаго изложенія, легкаго и занимательнаго. Въ виду крайняго недостатка въ доступныхъ монографіяхъ по исторіи рувской литературы XIX вѣка далеко не лишнимъ и не бесполезнымъ является собраніе всѣхъ сочиненій Незеленова, предпринятое книгопродавцемъ Мартыновымъ. Но это изданіе достигаетъ не только цѣлей популяризаціи историко-литературныхъ знаній въ нашей публикѣ; несмотря на указанные крупныя недостатки работъ Незеленова, нѣкоторыя изъ нихъ сохраняютъ свое научное значеніе до сихъ поръ и для изслѣдователей являются все еще необходимыми пособиями. Таково, на примѣръ, изслѣдованіе профессора Незеленова о Новиковѣ: общіе выводы распатаны, но книга сообщаетъ много новыхъ данныхъ, новыхъ матеріаловъ, до сихъ поръ не дождавшихся разработки. И эта книга о Новиковѣ, и нѣкоторыя другія работы Незеленова давно уже вышли изъ обращенія и въ каталогахъ библікистовъ отмѣчаются, какъ библиографическія рѣдкости. Новое изданіе устраняетъ необходимость покупать по повышеннымъ цѣнамъ эти книги.

Пока вышло два тома новаго изданія: первый и третій. Въ первомъ напечатана работа о Пушкинѣ, охватывающая исторію его жизни и творчества до 1826 года. Эта работа вышла въ свѣтъ въ 1881 году; съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ и два юбилея, и литература о Пушкинѣ страшно возросла. Появилось много новыхъ данныхъ, измѣняющихъ старыя мнѣнія, ярче рисующихъ жизнь поэта, но трудъ Незеленова извѣстное значеніе сохраняетъ и теперь, какъ одинъ изъ немногихъ цѣльныхъ очерковъ, правда, не всей жизни, а лишь одного періода. Одна особенность книги Незеленова позволяетъ ей сохранять значеніе до сихъ поръ: Незеленовъ рассказываетъ исторію внутренней жизни Пушкина, опираясь главнымъ образомъ на его произведенія, и самая книга называется «Пушкинъ въ его поэзіи». Правда, Незеленовъ — не всегда проникательный критикъ, а обиліе этического цѣломудрія мѣшаетъ ему правильно отнестись къ извѣстнымъ опытамъ музы Пушкина: отсюда стремленіе, совершенно лишнее и бесполезное, оправдывать его поступки съ нравственной точки зрѣнія. Устарѣли, конечно, взгляды Незеленова на значеніе байронизма въ творествѣ Пушкина; о многомъ изъ того, о чемъ нельзя было говорить прежде, теперь можно говорить, и поэтому особенно устарѣлыми является тѣ страницы въ трудѣ Незеленова, на которыхъ идетъ рѣчь о развитіи общественныхъ и политическихъ взглядовъ Пушкина. Но за всѣмъ тѣмъ книга написана очень литературно, цѣльно и, повторяемъ, является нелишнимъ даже и въ современной пушкинской литературѣ цѣльнымъ очеркомъ перваго періода жизни А. С. Пушкина. Зато въ третьемъ томѣ напечатана слабѣйшая работа Незеленова: «Островскій въ его произведеніяхъ. Первый періодъ дѣятельности до историческихъ хроникъ». Здѣсь авторская роль Незеленова ограничилась пересказомъ хорошо извѣстныхъ комедій Островскаго, пересыпаннымъ восклицаніями восторга и выписками изъ сочиненій Ап. Григорьева и Добролюбова. Научное значеніе этой работы совершенно ничтожно, но юнымъ читателямъ Островскаго она принесетъ извѣстную пользу. Прибавимъ, что сочиненія Незеленова допущены въ библіотеки среднихъ учеб-

ныхъ заведеній и бесплатныя народныя читальни. Съ внѣшней стороны изданіе производитъ хорошее впечатлѣніе: хорошая бумага, четкій шрифтъ, хорошо исполненные портреты писателей.

П. Ц.

Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества. Ежемѣсячный журналъ (№ 1 и № 2). Октябрь и ноябрь 1902 года. Спб.

Съ октября мѣсяца С.-Петербургское Славянское благотворительное общество возобновило періодическое изданіе своихъ «Извѣстій», поручивъ ихъ редакцію молодому слависту, магистранту С.-Петербургскаго университета В. Н. Кораблеву, и предполагаетъ руководствоваться въ журналѣ «тѣми принципами, которые легли въ основаніе общества и оставались неизмѣнными въ теченіе тридцатипятилѣтней его дѣятельности».

Научно-популярныя очерки по исторіи, словесности и быту славянъ составляютъ въ «Извѣстіяхъ» самостоятельный отдѣлъ. Среди нихъ останавливаетъ вниманіе написанная съ рѣдкой эрудиціей монографія проф. П. А. Лаврова, посвященная вопросу литературнаго вліянія Симеона Милутиновича на владыку черногорскаго Петра II Нѣгоша, и этнографическій этюдъ Н. С. Державина, который приводитъ, между прочимъ, мало извѣстныя болгарскія народныя пѣсни.

Слѣдующая категорія статей отведена обзору явленій политической и культурной жизни славянства. Начинается она превосходной работой А. С. Будиловича, въ которой почтенный ученый, опираясь на историческія, филологическія и статистическія данныя, приходитъ къ тому заключенію, что современный мадяризмъ не имѣетъ будущности, являясь своего рода «пѣною», взбитою на поверхности народной жизни «случайными вихрями». Рефератъ г. А. Л. о секціи славянскихъ древностей на XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ и небольшая замѣтка г. П. Л.—ва приходятъ къ общему выводу о необходимости организовать въ Петербургѣ въ ближайшемъ будущемъ съѣздъ славянскихъ филологовъ, потребность въ которомъ давно назрѣла не только у насъ, но и за границею.

Между извѣстіями изъ славянскихъ земель слѣдуетъ отмѣтить интересныя корреспонденціи г. Усовича о церковно-школьномъ вопросѣ въ Босніи и Герцеговинѣ и г. Аза о галицкихъ событіяхъ, вызвавшихъ студенческія волненія и съѣздъ русской молодежи во Львовѣ. Но особенно подкупаетъ своею искренностью письмо изъ Загреба вождя младохорватской партіи С. А. Радича, который съ исключительнымъ безпристрастіемъ разбираетъ причины и значеніе сербо-хорватскаго спора.

Несмотря на заявленіе редакціи о томъ, что отдѣлы хроники и библиографіи являются пока въ неполномъ видѣ,—славянское обозрѣніе отличается большою разносторонностью и богатствомъ сообщаемыхъ свѣдѣній, а многочисленныя рецензіи даютъ дѣльную оцѣнку характеризуемыхъ книгъ.

Вообще говоря, судя по первымъ двумъ выпускамъ, «Извѣстія Славянскаго благотворительнаго общества» оказались въ умѣлыхъ и опытныхъ ру-

кахъ. Зорко слѣдя за движеніями мысли въ зарубежномъ славянствѣ, спокойно и здраво обсуждая ихъ при помощи своихъ талантливыхъ сотрудниковъ, новый журналъ, составленный живо, интересно и безъ обычной рутинны, справедливо заслуживаетъ поддержки и отзывчиваго сочувствія со стороны нашей читающей публики.

Сергѣй фонъ-Штейнъ.

Русская одежда. Капитана Павла Шипова. Спб. 1902.

Эта интересная книжка, посвященная памяти писателя Н. Я. Данилевскаго и заключающая въ себѣ, кромѣ текста, множество изящно исполненныхъ рисунковъ, заслуживаетъ сочувствія. Цѣль автора—обратить вниманіе на русское платье, русскую одежду, «распространеніе которой среди культурныхъ классовъ русскаго народа несомнѣнно будетъ имѣть, по его мнѣнію, огромное значеніе не только въ смыслѣ эстетическомъ, но особенно въ государственномъ, патріотическомъ. Пока русское платье носятъ одни крестьяне, къ нему будутъ относиться съ пренебреженіемъ; но коль скоро оно будетъ принято высшими сословіями, тогда возвратится ему и подобающее достоинство».

Очень возможно, что пожеланія автора и исполнились бы, и русской національной одеждѣ возвратится «подобающее достоинство»; но только все дѣло въ томъ, что наши «вышія сословія» едва ли когда нибудь рѣшатся облачиться въ чуйку и поддевку, а дамы въ сарафаны: еще три четверти нѣка назадъ Грибоѣдовъ, въ своемъ безсмертномъ произведеніи «Горе отъ ума», осмѣялъ уродливый фракъ, «съ выемкою спереди и хвостомъ сзади», въ который облачились наши свѣтскіе люди «наперекоръ стихіямъ», но дѣло отъ этого не измѣнилось, и фракъ попрежнему удержалъ за собою право на существованіе, а на «русское платье» въ нашемъ обществѣ смотрятъ попрежнему, какъ на нѣчто эксцентричное и даже просто неприличное: «это, должно быть, толстовецъ», говорятъ обыкновенно о человѣкѣ, появившемся въ обществѣ въ русскомъ платьѣ... А недавно въ Москвѣ, въ одномъ изъ театровъ, совсѣмъ-таки не впустили въ партеръ посѣтителя, одѣтаго въ русскій національный костюмъ. А извольте-ка урезонить, на примѣръ, нашихъ дамъ и, главное, барышень, чтобы онѣ отказались отъ корсетовъ и соединенныхъ съ ними европейскихъ платьевъ!.. Долго, очень долго придется, повидимому, ожидать намъ «возвращенія къ старинѣ» по части одежды, когда перестанутъ носить уродливый и безобразно некрасивый фракъ, когда подгородные и фабричные крестьяне разстанутся съ неприличнымъ «спинжакомъ», когда дамы забросятъ негигіеничный, а иногда прямо-таки убійственный для нихъ корсетъ, а городскія и подгородныя бабы, оставивъ «кофты», «дипломаты» и «полупальты», вернутся къ стариннымъ сарафанамъ, безрукавкамъ и шубейкамъ.

И. Н. З.

А. С. Лебедевъ. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ архивахъ духовнаго вѣдомства въ губерніяхъ Курской и Харьковской. Харьковъ. 1902.

По порученію Московскаго археологическаго общества профессоръ Лебедевъ въ 1900—1901 годахъ посѣтилъ и ознакомился съ нѣкоторыми архивами духовнаго вѣдомства, находящимися въ губерніяхъ Курской и Харьковской. Результаты своего ознакомленія съ этими архивами онъ и представляетъ въ названной въ заглавіи книгѣ. Въ ней мы находимъ свѣдѣнія объ архивахъ: Коренной Рождественской пустыни, Курскаго Троицкаго женскаго монастыря, Курскаго Знаменскаго монастыря, Курской духовной консисторіи, Путивльскаго монастыря, Глинской пустыни, Софроньевой пустыни, Рыльскаго монастыря. Кроме этого, находимъ въ ней нѣкоторыя свѣдѣнія и объ архивахъ родовъ Сумъ и Ахтырки.

Архивы монастырей, служившихъ въ прошлые вѣка центрами религиозно-нравственнаго просвѣщенія, въ большинствѣ случаевъ даютъ очень много цѣнныхъ матеріаловъ для истории извѣстнаго края. То же можно сказать и о тѣхъ архивахъ, которые посѣтилъ профессоръ Лебедевъ. И тѣмъ болѣе жаль, что архивы эти находятся доселѣ въ неустроенномъ видѣ. Они по большей части не приведены въ порядокъ, не имѣютъ описей, не имѣютъ для себя отдѣльныхъ помѣщеній. Архивъ, напримѣръ, Курской духовной консисторіи, несмотря на всю свою важность, не имѣетъ описи. «Только дѣламъ времени преосвященнаго Іоасафа Горленка,—замѣчаетъ авторъ,—составлена опись трудами діакона Титова». Но опись эта мало можетъ помочь при занятіяхъ, такъ какъ послѣ описи дѣла эти перемѣшались съ неописанными и съ трудомъ могутъ быть отысканы (стр. 56). Архивъ Курскаго Троицкаго женскаго монастыря помѣщается въ коридорѣ монастырской церкви. Заниматься тамъ, понятно, довольно затруднительно.

Профессоръ Лебедевъ при своихъ занятіяхъ имѣлъ въ виду почти исключительно XVIII вѣкъ и, несмотря на такое состояніе архивовъ, напелъ немало интересныхъ документовъ. Таковы копии съ жалованныхъ грамотъ государей (въ Путивльскомъ монастырѣ, напримѣръ, есть копии съ грамотъ Михаила Теодоровича, Алексѣя Михайловича, Іоанна и Петра Алексѣевичей и Петра Алексѣевича), резолюціи преосвященныхъ по различнымъ вопросамъ, дѣла объ епитиміяхъ, находившихся въ различное время въ монастыряхъ на исправленіи, дѣла касательно имущественнаго положенія монастырей, дѣла, относящіяся къ нравственному состоянію ихъ, дѣла о суетвѣріяхъ и расколахъ и т. п.

Не останавливаясь подробно на содержаніи этихъ документовъ, мы отмѣтимъ только немногіе факты, характеризующіе нравственное состояніе монастырей и духовенства.

Судя по архивнымъ даннымъ, обычнымъ отступленіемъ отъ монастырской дисциплины было пьянство и блудъ. Наказанія за это полагались самыя разнообразныя, включительно до плетей. Иеромонаха Курскаго Знаменскаго монастыря Паисія «за то, что онъ пьяный волочился и ночевалъ въ монастырскомъ дворѣ мимо монастыря, при братіи наказанъ плетями, дабы другимъ мо-

нахамъ пьянствовать и въ мірскіе дома, гдѣ не подлежитъ, ходить не повадно было», таково постановленіе монастырскаго совѣта. Иногда это наказаніе немного варьировалось — «наказать при всей братіи плетью нещадно» (стр. 13).

Еще болѣе обычнымъ пьянство было среди бѣлаго духовенства. Закоренѣлые пьяницы при этомъ чаще всего посылались на исправленіе въ Глинскую пустынь, «по отдаленности ея отъ селенія для удержанія отъ пьянственнаго пристрастія весьма удобно» (стр. 79). Впрочемъ, нужно замѣтить, что и тамъ они плохо исправлялись, какъ видно это изъ игуменскихъ донесеній (стр. 80).

Замѣчались среди духовенства и другія случайныя и, такъ сказать, хроническія отступленія отъ идеала жизни. Мѣры исправленія были довольно разнообразны. Въ правленіе Іоасафа Горленка священники подвергались даже тѣлеснымъ наказаніямъ. Такъ, «попу Агаѳону за его продерзость повелѣно было учинить въ консисторіи жестокое плетью наказаніе, дабы, смотря на то, и прочіе имѣли страхъ и опасеніе и впредь таковыхъ продерзостей чинить не дерзали» (стр. 66). Были и другіе случаи наказанія священниковъ плетью.

Это, впрочемъ, было, нужно думать, въ духѣ того времени, когда даже монахини не всегда могли избѣжать такого наказанія. Извѣстно, что монахини Курскаго Троицкаго женскаго монастыря за избраніе игуменьей бѣлицы, по указу преосвященнаго Іоасафа, также были наказаны плетью (стр. 68).

Проливаютъ архивныя данныя нѣкоторый свѣтъ и на нравственное состояніе окружающаго населенія, такъ какъ въ монастыряхъ оканчивались дѣла о наиболѣе рѣдкихъ нарушеніяхъ нравственности.

Словомъ, значеніе архивовъ духовнаго вѣдомства въ губерніяхъ Курской и Харьковской довольно важно. И книга профессора Лебедева, могущая помочь ориентироваться въ массѣ архивнаго матеріала, тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что архивы эти находятся въ большинствѣ случаевъ въ незавидномъ состояніи.

В. Лонгиновъ.

Еврейскій умъ, соч. Мориса Мюра. Переводъ съ французскаго Е. Отоцкой. Спб. 1902.

Въ этой книжкѣ собраны взгляды и сужденія избранныхъ еврейскихъ умовъ на различныя темы, почему либо не нравящіяся іудаизму: авторъ приводитъ многочисленныя и довольно интересныя цитаты изъ сочиненій Спиннозы, Георга Брандеса, Нордау, лорда Виконсфильда и др., характеризующія не только философскія и социальныя воззрѣнія этихъ «великихъ евреевъ», но и ихъ отношенія къ цѣлому строю жизни христіанскихъ народовъ, къ христіанской религіи и «христіанскому уму». Въ результатѣ получается фанатическій кодексъ человѣконенавистничества, полный презрѣнія ко всему, что не еврейское... Но въ этомъ кодексѣ сквозятъ порою и самыя сокровенныя вожелѣнія «еврейскаго ума»: ненависть къ силѣ, глубочайшее презрѣніе къ народности, давней пріютъ еврею, всегда остающемуся «чужимъ въ землѣ чужой», и общееврейское тайное знамя съ вѣщью надписью на немъ: «царство наше—отъ міра сего»...

Все это не мѣшает имѣть въ виду намъ, русскимъ людямъ, въ особенности въ настоящее время, когда на этотъ «избранный народъ» сыплется, какъ изъ рога изобилія, великія и богатая милости, нисколько имъ не заслуженныя...

И. Н. З.

Очередные вопросы въ царствѣ Польскомъ. Этюды и изслѣдованія подь редакціей В. Спасовича и Э. Пильца. Второе изданіе. Томъ I. Спб. 1902.

Книжка гг. Спасовича и Пильца представляет собою сборникъ статей, въ различныхъ отношеніяхъ касающихся нуждъ и интересовъ царства Польскаго. Тутъ говорится о городскомъ хозяйствѣ, о гминномъ управленіи, о судебномъ дѣлѣ, мнимой винѣ окраинъ въ оскудѣніи центра, сельской пропинаціи и проч. Такая пестрота и разрозненность матеріала тѣмъ не менѣе не отзывается на достоинствахъ книги, въ конечномъ результатѣ стремящейся къ тому, чтобы указать на необходимость обновленія и оживленія края.

Какъ извѣстно, послѣ прискорбныхъ событій 1863 г. русское правительство отказало высшимъ классамъ польскаго общества во всякомъ довѣрїи. По этой причинѣ только крестьянское сословіе получило права самоуправленія. Другія сословія и классы всецѣло попали подь административную опеку, откуда не могутъ высвободиться до сихъ поръ. Отсюда получился застой во многихъ областяхъ общественнаго благоустройства. Кромѣ того, тамъ, гдѣ общественная самостоятельность пытается проявиться, она натывается на непреодолимая препятствія въ видѣ бюрократическаго формализма и безразличія. Какъ справедливо указываетъ рядъ статей разсматриваемой книги, наша политика въ отношеніи Польши въ настоящее время является значительно отсталой. Время безразсудныхъ увлеченій величіемъ прошлаго миновало. Высшіе классы наравнѣ съ низшими пришли къ тому справедливому убѣжденію, что сила и значеніе польской національности кроется въ культурной работѣ, во всестороннемъ развитіи духовныхъ и матеріальныхъ силъ страны; а такая работа лучше всего можетъ быть произведена подь сѣнью могущественнаго русскаго орла. Это показали недавніе вренскіе и познанскіе дни. Русскіе—братья полякамъ по крови, а старую вражду этихъ двухъ родственныхъ народовъ, какъ въсковое недоразумѣніе, предстоить сгладить, быть можетъ, уже близкому будущему. Между тѣмъ на пути къ достиженію духовнаго сліянія обѣихъ народностей конрежнему стоятъ устарѣвшія формы управления краемъ, задерживающія развитіе края и оскорбляющія національное самолюбіе.

Въ какомъ печальномъ положеніи между прочимъ находится въ царствѣ Польскомъ городское хозяйство, можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Въ Варшавѣ, несмотря на близость высшаго начальства края, вопросъ о правильномъ устройствѣ городскихъ боенъ не можетъ получить разрѣшеніе въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ. То же самое испытываютъ простыя постройки центрального рынка, устройство бульвара на берегу Вислы. Объ этомъ бульварѣ хлопочуть уже 50 лѣтъ, и все напрасно. Для рынка куплена земля, пустующая до сихъ поръ. Изъ этихъ примѣровъ можно судить о томъ, въ какомъ положе-

ни находится городское благоустройство въ менѣе значительныхъ поселеніяхъ. Причины же такихъ несообразностей кроются въ томъ, что магистратское управленіе царства лишено дѣйствительнаго элемента представительства и зависитъ отъ дѣлаго ряда чисто бюрократическихъ инстанцій. Отсюда видно, насколько настоятельно необходима реформа городского управленія края; о ней много говорили, но, къ сожалѣнію, дѣло отъ того не подвинулось ни на шагъ впередъ.

Авторъ статьи о городскомъ хозяйствѣ въ царствѣ Польскомъ ратуетъ за дарованіе краю хотя бы того городского самоуправленія, которое, дѣйствуя въ имперіи, признано неудовлетворительнымъ. Странное любопытное явленіе! Каково же по существу своему городское управленіе въ краѣ, если даже неудовлетворительное «городовое положеніе» является желаннымъ благомъ для «опекаемыхъ» городовъ Привислиня.

Въ томъ же положеніи находится и пресловутое гминное управленіе. У насъ гмины принято считать какимъ-то перломъ мѣстнаго самоуправления. Между тѣмъ, въ дѣйствительности гмины представляютъ собою муміи, административно-полицейскія единицы. Въ силу очень низкаго избирательнаго ценза и полной зависимости отъ уѣзднаго начальника, войты и солтысы превращены въ простыхъ низшихъ полицейскихъ чиновъ. Къ этому нужно прибавить, что та же полиція хозяйничаетъ на гминныхъ сходахъ, назначаетъ гминныхъ писарей и такимъ образомъ все самоуправленіе сводитъ къ полнѣйшему нулю. Отсюда само гминное населеніе пріучается смотрѣть на свое самоуправленіе, какъ на «божіе поущеніе», дорого стѣящее въ смыслѣ безконтрольнаго расходванія общественныхъ суммъ фактически безответственныхъ войтовъ и писарей.

Книга гг. Спасовича и Шильца встрѣтила упреки въ односторонности, но въѣдъ она и стремилась къ тому, чтобы освѣтить одну сторону дѣла, именно ту, которая въ настоящее время должна привлекать къ себѣ особое вниманіе.

В. Грибовскій.

Szymon Askenazy. Wczasy historyczne. Warszawa. 1902.

Въ этомъ сборникѣ преимущественно критическихъ статей польскаго историка, вызванныхъ появленіемъ той или иной книги, обратившей на себя его вниманіе, три очерка посвящены сочиненіямъ русскихъ авторовъ. Излагая основанія «Политики» Чичерина, Ашкенази пользуется случаемъ, чтобы познакомить польскихъ читателей съ прежними трудами почтеннаго профессора, заявляя при этомъ, что «люди того уровня, какъ профессоръ Чичеринъ, приносятъ честь народу, къ которому принадлежать, у всякаго же другого просвѣщеннаго народа возбуждаютъ къ себѣ глубокую симпатію и уваженіе». Съ должнымъ уваженіемъ относится также г. Ашкенази къ личности князя Ухтомскаго въ статьѣ по поводу его книги «Объ отношеніяхъ Запада и Россіи къ Востоку». Взгляды князя Ухтомскаго на будущее Востока излагаетъ онъ безъ всякихъ критическихъ комментаріевъ, заявляя, что не считаетъ себя здѣсь въ достаточной мѣрѣ свѣдущимъ. Но это джентельменское распаркиванье не разсѣиваетъ подозрѣнья, не относится ли г. Ашкенази къ широкимъ планамъ

князя, какъ къ курьезу, который любопытно передать, но опровергать излишне и неудобно. Наконецъ автора «Русской дипломатіи въ польскомъ вопросѣ», Татищева, г. Ашкенази считаетъ такимъ же неудачникомъ въ исторіи и публицистикѣ, какъ и раньше на поприщѣ дипломатической карьеры.

Самая большая статья посвящена разбору сочиненій Спасовича.

Этотъ разборъ далеко не въ пользу маститаго автора.

Въ общемъ г. Ашкенази обладаетъ замѣчательно изящнымъ, образнымъ и сжатымъ слогомъ, подобнаго которому мы, пожалуй, не встрѣтимъ ни у одного изъ современныхъ польскихъ историковъ. Благодаря этому, всѣ его очерки читаются легко и съ интересомъ.

Г. К.

В. Зелинскій. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изданія произведеній И. С. Тургенева. Выпускъ I-й. Изд. 4-е. М. 1902.

Г. Зелинскій издалъ цѣлый рядъ собраній критическихъ статей о различныхъ писателяхъ. По его книгамъ можно изучать сочиненія Достоевскаго, Некрасова, Пушкина, Толстого, Гоголя, Островскаго и др. Передъ нами четвертое изданіе перваго выпуска собранія критическихъ матеріаловъ для изученія И. С. Тургенева. Достоинства и недостатки изданій г. Зелинскаго давно разобраны и оцѣнены. По мысли г. Зелинскаго, они должны имѣть образовательное значеніе. Читатель, желающій уяснить себѣ духъ и смыслъ литературной дѣятельности какого либо автора, можетъ для этого обратиться къ книгамъ г. Зелинскаго и вмѣстѣ съ параллельнымъ чтеніемъ автора читать эти книги, въ которыхъ собраны отрывки и статьи различныхъ критиковъ разнообразнѣйшихъ направленій. Ужасно жаль того неопытнаго читателя, который продѣлаетъ эту опасную операцію! Онъ потеряется въ поискахъ истиннаго смысла произведеній классика, читая разнорѣчивѣйшія оцѣнки. Многихъ критическихъ статей онъ не будетъ въ состояніи воспринять, потому что г. Зелинскій разрѣзаетъ на части цѣлыя книги и крупныя статьи и размѣщаетъ ихъ въ разныхъ частяхъ книги. Что подѣлать, наиримѣръ, съ отрывками изъ книги профессора Овсяннико-Куликовскаго, проникнутой одной идеей, которой не уловить въ отрывкахъ, разбросанныхъ въ книгѣ г. Зелинскаго? Такія же вырѣзки взяты изъ книгъ г.г. Иванова, Венгерова, Буренина и др. и распределены по рубрикамъ отдѣльныхъ произведеній Тургенева. Что вынесетъ неопытный читатель изъ общей оцѣнки литературной дѣятельности Тургенева, оцѣнки, которую въ книгѣ г. Зелинскаго совмѣстно дѣлаютъ г-да: Е. Соловьевъ, Д. Овсяннико-Куликовскій, И. И. Ивановъ, О. Миллеръ, А. Незеленовъ, Н. Страховъ, г.г. Буренинъ, Н. Михайловскій и др.? Но мы напрасно будемъ тратить время и мѣсто на указаніе «несуразностей» въ изданіяхъ г. Зелинскаго. Вѣдь онъ безпрестанно прибавляетъ къ длинному ряду изданныхъ имъ книжекъ новыя и выпускаетъ въ новыхъ и новыхъ изданіяхъ старыя. Лежащая передъ нами книга выходитъ четвертымъ изданіемъ. Значитъ, въ этомъ несовершенномъ видѣ собранія статей нашихъ критиковъ и нашихъ авторовъ находятъ сбытъ и приносятъ все-таки пользу. Надо думать, что читатели не продѣлываютъ головоломной работы и прочтываютъ не всю книгу, а только избранныя статьи.

П. Щ.

Гр. А. А. Бобринскій. Секта Исмаиля въ русскихъ и бухарскихъ предѣлахъ Средней Азіи. Москва. 1902.

Лѣтомъ прошлаго года авторъ, будучи въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ, посѣтилъ таджикскія общества, расположенныя между отрогами сѣвернаго склона Гиндукуша и юго-западными склонами Памировъ. При этомъ посѣщеніи графъ Бобринскій убѣдился, что все населеніе края, вполне согласно съ англійскими свѣдѣніями, принадлежитъ не къ шіитскому толку, какъ у насъ предполагали до сихъ поръ, а къ сектѣ исмаиля. Сектанты, во главѣ которыхъ стоятъ пиры (старцы), произвели на автора весьма благопріятное впечатлѣніе. Характеръ горца, — пишетъ гр. Бобринскій, — покойный, мягкій; онъ съ любовью относится къ своей сектѣ и къ своимъ пирамъ, привязанъ къ своему гнѣзду, не любитъ передвиженія, отхожимъ промысломъ занимается рѣдко и неохотно. На переселеніе горецъ рѣшается только подъ гнетомъ крайне тяжкихъ обстоятельствъ. Желаніе, которое намъ не разъ высказывали горцы, — выучиться русскому языку, просьба добыть имъ учебникъ русскаго языка, наконецъ поступокъ одного волостного, отдавашаго своего сына на обученіе къ солдатамъ въ казармы, все это такія явленія, которыя ярко свидѣтельствуютъ о стремленіи горцевъ сблизиться съ русскими. Отсутствіе фанатизма въ общеніи съ христіанами, вражда и даже нѣкоторое презрѣніе къ шіитамъ и суннитамъ указываютъ намъ, какую благодатную почву представляютъ сектанты для насажденія среди нихъ русской культуры, какъ легко выработать изъ нихъ преданныхъ намъ друзей и тѣмъ самымъ создать на далекой окраинѣ, на рубежѣ трехъ государствъ, вѣрный и надежный оплотъ противъ враговъ русскаго владычества въ Азіи. Благоположеніе горцевъ къ русскимъ не должно насъ удивлять: они рассчитываютъ найти въ русскихъ покровителей своей секты и опору въ своей глухой, но упорной и постоянной борьбѣ съ суннизмомъ. Сектанты прекрасно знаютъ, что глава ихъ секты въ Бомбей официально признается таковымъ англійскимъ правительствомъ. Это обстоятельство пиры не разъ подчеркивали въ разговорахъ съ нами. Почему бы намъ не подать сектантамъ руку помощи и не высвободить секту изъ-подъ спуда, подъ которымъ она теперь обрѣтается? Почему не признать официально ея существованія и въ такомъ случаѣ, конечно, оградить ее отъ гнета официальнаго суннизма бухарцевъ? Въ заключеніе авторъ высказываетъ слѣдующее мнѣніе по поводу нашихъ отношеній къ мусульманству въ Средней Азіи. «Въ настоящее время мы покровительствуемъ только однимъ суннитамъ, игнорируя не только мелкія секты (исмаиля, бабидовъ), но даже шіизмъ, какъ будто наша дѣль—объединеніе мусульманства и поглощеніе всѣхъ его развѣтвленій суннизмомъ, что, какъ мнѣ кажется, не вполне совпадаетъ съ нашими интересами. Я же думаю, что нашъ прямой политическій расчетъ признавать за всѣми расщепленіями мусульманства право на официальную и самостоятельную жизнь и, какъ послѣдствіе этого признанія, считать обязательнымъ для насъ охрану этого права, даннаго для всѣхъ, отъ посягательствъ на него со стороны болѣе сильнаго и боевого исповѣданія».

А. Хахановъ.

Zygmunt Gloger. Encyklopedia Staropolska ilustrowana. Tom I. A—Denar. Warszawa. 1900. Tom II. Departamenta—Kapelani. Warszawa. 1901. (Сигизмундъ Глѣгеръ. Иллюстрированная старопольская энциклопедія. Томъ I. Варшава. 1900. Томъ II. Варшава. 1901).

Предъ нами изданіе, полезное и интересное не только для лицъ, занимающихся и интересующихся исторіею братскаго намъ народа, но и такое вмѣстѣ съ тѣмъ изданіе, появленіе которому подобнаго желательно было бы видѣть въ нашей литературѣ.

Изданіе это—«Старопольская энциклопедія».

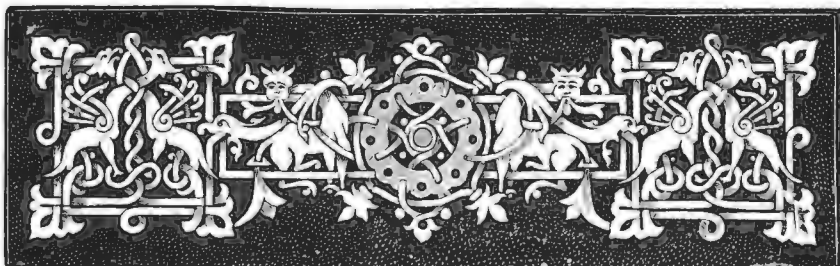
Авторъ ея—г. С. Глѣгеръ, бывшій помѣщикъ изъ-подъ Тыкоцина, Ломжинской губ., совѣтникъ варшавской дирекціи земскаго кредитнаго общества, давно уже занимающійся исторіею, особенно мѣстною. Нѣкоторые изъ его трудовъ, какъ, на примѣръ, «Słownik rzeczy starożytnych», «Pieśni ludu», «Geografja historyczna dawnej Polski» пользуются заслуженною извѣстностью.

Новый трудъ г. Глѣгера, заглавіе котораго мы привели выше, представляетъ собою словарь, содержащій въ себѣ нѣсколько тысячъ статей, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ, заключающихъ болѣе или менѣе обстоятельное описаніе: польскихъ нравовъ, обычаевъ, жизни въ старину, земледѣлія, судопроизводства, ремеслъ, торговли, наукъ, искусствъ, архитектуры, геральдики, старинныхъ правительственныхъ учрежденій, цеховъ, охоты, произведеній старинной кухни, объясненіе пословицъ, поговорокъ и т. д. Многія статьи иллюстрированы. Размѣры ихъ неодинаковы, однѣ длиннѣе, другія короче, что, разумѣется, зависѣло какъ отъ степени важности и значенія предметовъ, о которыхъ онѣ трактуютъ, такъ и отъ количества матеріала, которымъ располагалъ составитель. Большинство статей написано лично составителемъ; только подъ нѣсколькими изъ нихъ находятся подписи В. G., В. Gemb. Но такихъ очень немного. Для одного человѣка такой трудъ своего рода Сизифова работа... Отсюда—нѣтъ ничего удивительнаго, что въ немъ встрѣчаются пропуски и неточности... Впрочемъ, послѣднихъ сравнительно мало. Изложеніе энциклопедіи г. Глѣгера настолько популярно, что ею можно пользоваться не только для справокъ въ ученой работѣ¹⁾, но и читать ее, какъ каждую интересную книгу.

По программѣ, начертанной г. Глѣгеромъ, предпринятый имъ трудъ будетъ состоять изъ четырехъ томовъ. До сихъ поръ вышли два. Остальные выйдутъ въ текущемъ году,—по крайней мѣрѣ, такъ обѣщаетъ составитель, онъ же и издатель энциклопедіи. Каждый томъ стодитъ въ продажѣ 3 рубля (въ красивомъ и прочномъ переплетѣ). Желая облегчить приобрѣтеніе ихъ, г. Глѣгеръ раздѣлилъ каждый томъ на выпуски. Выпуски продаются по 50 коп. Почему бы у насъ не взяться за подобное изданіе? Одному, разумѣется, трудно: надо имѣть и массу познаній (русская исторія и жизнь безусловно дадутъ болѣе обильный матеріалъ) и порядочно денегъ. Но для извѣстнаго кружка ученыхъ предпріятіе это вполне осуществимо. Потребность же въ такой работѣ встрѣчается настоятельная.

Г. А. Воробьевъ.

¹⁾ Впрочемъ, полагаются исключительно на показанія Encykl. Staropol. въ подобныхъ случаяхъ не рекомендую.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ТУРИНСКАЯ пелена. Немалого шума надѣлала недавно появившаяся въ Парижѣ книга ¹⁾ доктора естественныхъ наукъ, Виньона. Вопросъ, котораго авторъ касается въ ней, весьма сенсаціонный: онъ стремится объяснить научно происхожденіе существующаго изображенія тѣла Христа на пеленѣ, хранящейся уже нѣсколько вѣковъ въ кафедральномъ соборѣ Турина. Какъ извѣстно, Іосифъ Аримаѣйскій, полагая въ Геосиманскомъ саду тѣло Христа въ гробъ, обернулъ его по еврейскому обряду въ пелену, и туринская пелена возбуждаетъ споры относительно ея тождественности. По исчисленію нѣмецкаго ученаго Франца Крауса, 39 пеленъ выдаются за подлинныя, и трудно сказать, которая изъ нихъ настоящая. О происхожденіи туринской пелены ничего неизвѣстно. Она появилась въ 1352 году въ Шампаньѣ, но этотъ годъ не навѣрное опредѣленъ. Одно извѣстно положительно, что въ Константинополѣ существовала въ XII вѣкѣ пелена съ изображеніемъ лика Христа и находилась въ Влахернскомъ монастырѣ въ 1205 году, во время осады города крестоносцами. Монастырь остался нетронутымъ, но пелена исчезла, а личность, распредѣлявшая священныя реликвіи между побѣдителями, былъ епископъ Труа, умершій въ томъ же году. Эта ли пелена хранится въ Туринѣ, — неизвѣстно. Последняя въ 1353 году была принесена въ даръ владѣльцемъ Савуази и Лирэ, Готфридомъ I, графомъ Шарни, аббатству Лирэ, которое онъ основалъ въ окрестностяхъ Труа. Здѣсь она была принята за подлинную пелену и привлекала

¹⁾ Le Linceuil du Christ. Etude scientifique, par Paul Vignon. Paris. 1902.

массу богомольцевъ, пока въ 1353 году Генрихъ Пуатье, епископъ Труа, ссылаясь на отсутствіе доказательствъ ея подлинности, запретилъ поклоняться ей. Въ 1389 году, послѣ періода забвенія, во время котораго пелена сохранялась потомками графа Шарни, опять начались торжественныя поклоненія, пока не послѣдовало новое запрещеніе епископа. Это вызвало судебный процессъ, кончившійся тѣмъ, что папа Климентъ VII издалъ буллу, по которой эта пелена считалась «кошіей». Въ 1418 году, духовенство Лирэ вручило ее на нѣкоторое время мужу одной изъ внучекъ Шарни, Гумберту, графу Ларошгъ, владѣльцу Виллерсексель и Лирэ. Послѣ смерти послѣдняго его вдова отказалась возвратить пелену и только въ 1452 году передала ее герцогамъ Савойскимъ. Мало-по-малу, снова воскресло прежнее поклоненіе священной пеленѣ. 11-го іюня 1502 года, она была помѣщена въ часовнѣ при замкѣ Шамбери, а въ 1532 году всыхнулъ пожаръ, уничтожившій часть часовни, оставившій слѣды и на пеленѣ, но въ 1534 году ее исправили монахини. Въ Туринѣ же она попала въ 1578 году, чтобы избавить отъ путешествія престарѣлаго миланскаго архіепископа св. Карла Баромейскаго. Съ этого момента она осталась въ Италіи, хранясь въ металлическомъ ковчегѣ подъ тремя ключами. Одинъ изъ нихъ хранился у папы, другой—у туринскаго епископа, а третій—у графа Савойскаго, теперь—у короля Италіи. Отъ времени до времени, въ очень рѣдкихъ случаяхъ, ее вынимали изъ ковчега, вслѣдствіе чего мало кто знаетъ объ ея существованіи. Прошло тридцать лѣтъ съ ея послѣдняго появленія предъ народомъ, какъ въ 1898 году устроилась туринская выставка предметовъ, касавшихся религіи, и нѣкій кавалеръ Піа получилъ разрѣшеніе фотографировать ее, при чемъ этой операціей руководилъ самъ президентъ выставки, баронъ Манно. Но не мѣшаетъ сказать два слова о самой пеленѣ. Она представляетъ кусокъ пожелтѣвшаго полотна длиною въ 4,10 метра и шириною 1,4 метра. На ней остались слѣды пожара 1532 года и какія-то коричневыя пятна, на которыя ранѣе никто не обращалъ вниманія. Когда сдѣлали фотографическіе снимки, то получился неожиданный результатъ, вызвавшій безконечную полемику. Коричневыя пятна оказались довольно яснымъ изображеніемъ человеческого тѣла, какъ передней его части, такъ и противоположной. Однако изображенныя части представляются какъ бы негативами, т. е. свѣтлыя части тѣла вышли темными, а темныя—свѣтлыми. Съ этого негатива не представлялось труднымъ получать позитивъ. Открытіе Піа цѣлыхъ два года оставалось безъ всякихъ изслѣдованій. Только по истеченіи этого срока фотографическій снимокъ Піа попалъ въ руки трехъ французскихъ ученыхъ: П. Виньона, П. Деляжа и Кольсона, объявившихъ, что изображеніе на пеленѣ произошло, благодаря химическимъ реакціямъ. Виньонъ утверждаетъ, что никакой художникъ не можетъ нарисовать въ такомъ совершенствѣ, прямо съ негатива, особенно до открытія искусства фотографированія, тѣмъ болѣе, что на фотографии ясно отпечатываются всѣ анатомическія детали, о которыхъ не имѣли понятія художники среднихъ вѣковъ. Остается два выхода: или это работа художника, нарисовавшаго изображеніе Христа позитивно, затѣмъ онъ перевернулъ его; или оно результатъ испарины тѣла, химически подѣйствовавшаго на чувствительную матерію. Первое заключеніе онъ отрицаетъ, ссылаясь на

то обстоятельство, что мягкая матерія пелены сдѣлалась бы жесткой отъ красокъ и не могла бы складываться, не испортивъ ихъ. Второе предположеніе о химической реакціи онъ вполне допускаетъ. Ему удалось сдѣлать опыты вмѣстѣ съ извѣстнымъ физикомъ Кольсономъ, авторитетомъ въ фотографіи. Результатомъ этого былъ слѣдующій выводъ, что нѣкоторые металлическіе пары могутъ произвести дѣйствіе на разстояніи на фотографическую пластинку; такъ, напримѣръ, цинкъ въ охлаждающемся видѣ даетъ пары, которые реагируютъ на соли серебра. Изъ этого видно, что удачно выбранные пары могутъ на разстояніи реагировать на чувствительныя вещества. Естественно, что пелена не была пропитана солями серебра, и на нее не реагировалъ цинкъ, а потому они задались вопросомъ, не могли ли произойти въ этомъ случаѣ активныя пары, и не была ли пропитана пелена чувствительными веществами. Какъ человекъ, любящій науку, Виньонъ не отрицалъ самонадѣянно никакихъ предположеній,—какъ это дѣлаетъ большинство невѣждъ,—прежде чѣмъ сдѣлалъ опытъ. Онъ ухватился за евангеліе и сталъ разбирать его тексты, которые подтвердили традиціи, рассказывающія, что тѣло Христа было положено въ простыню, пропитанную ароматнымъ составомъ изъ алоэ и мирры. Дальнѣйшіе опыты доказали обоимъ сотрудникамъ, что алоэ для нѣкоторыхъ органическихъ испареній представляетъ чувствительное вещество. Оно заключаетъ въ себѣ два химическія вещества: алоинъ и алоэтинъ. Алоэтинъ легко окисляется, образуя коричневое вещество, въ особенности въ присутствіи щелочныхъ солей. Физикъ Кольсонъ задалъ себѣ вопросъ: можетъ ли человеческое тѣло,—по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—выдѣлять щелочныя испаренія, которыя, распространяясь по всему тѣлу, были бы способны на разстояніи реагировать на составъ изъ алоэ? Немедленно были сдѣланы опыты, давшіе блестящіе результаты. Оставалось рѣшить, могло ли человеческое тѣло выдѣлять подобныя испаренія. Достаточно, чтобы оно выдѣляло значительную часть патологическаго пота. Въ болѣзненномъ человеческомъ потѣ пропорція испаряющейся мочевины, выдѣляющейся чрезъ кожу, очень значительна, и Готье, членъ академіи наукъ, писалъ, что «мочевина можетъ выдѣляться въ такомъ громадномъ количествѣ въ извѣстныхъ потахъ, что образуетъ на поверхности кожи кристаллы. Можно утвердительно сказать, что во многихъ болѣзняхъ потъ дѣлается ненормально щелочной отъ присутствія углекислаго амониака. При агоніи больного сильной лихорадкой, выдѣляемый потъ богатъ мочевиной». Такимъ образомъ тѣло, завернутое въ пропитанную алоэ пелену, выдѣляя смертельный потъ, могло отпечататься на пеленѣ. Оба ученые пришли къ заключенію, что туринская пелена принадлежала больному, завернутому въ простыню, пропитанную алоэ. Что это былъ Христосъ, ихъ убѣждаютъ въ томъ раны на тѣлѣ, настолько спеціальнаго характера, что не можетъ быть сомнѣній, слѣды терноваго вѣнца вокругъ головы, на лицѣ отпечатались слѣды ударовъ кнута, особой формы, съ металлическими наконечниками, какіе употребляли въ тѣ времена римляне для бичеванія, и прочія подробности. Нечего говорить, какой шумъ надѣлала книга Виньона. Тотчасъ же принялись разбивать его доводы со всѣхъ сторонъ. Такъ Парвилъ въ своей статьѣ, отдавая должную справедливость молодымъ ученымъ, замѣчаетъ,

*

что въ тѣ времена многіе умирали, выдѣляя въ большомъ количествѣ потъ, и ихъ также заворачивали, согласно обычаю, въ пропитанныя алоэ пелены, однако подобныхъ изображеній ихъ тѣла не оставалось на пеленахъ. Но Виньонъ и самъ имѣлъ это сомнѣніе, однако убѣдился, что отпечатокъ остается лишь, когда пелена обвиваетъ тѣло извѣстный промежутокъ времени: чрезъ три дня онъ исчезаетъ, если не остановить феноменъ выдѣленія. Второе сомнѣніе: дѣйствительно ли полотно пелены принадлежитъ къ издѣлію той эпохи? Исслѣдованія не было, и, по словамъ Виньона, оно ни къ чему не привело бы, такъ какъ современное полотно, нѣсколько грубаго сорта, мало отличается отъ полотна пеленъ, попадающихся при раскопкахъ египетскихъ могилъ. Нѣкоторые оппоненты Виньона и Кольсона объясняютъ иначе изображение на туринской пеленѣ. Такъ Артуръ Лотъ говоритъ, что согласно сказанію апостола Матѳея, когда Христосъ испустилъ духъ, то: «И вотъ завѣса въ храмѣ раздралась надвое, сверху донизу, и земля потряслась, и камни разсѣлись»; а такъ какъ на предметахъ, пораженныхъ молніей, отпечатываются ближайшіе къ нимъ тѣла, то на пеленѣ получило изображение тѣла Христа. Это предположеніе довольно вѣроятно, такъ какъ по св. Писанію пелена сіяла особеннымъ свѣтомъ. Съ своей стороны ученый Дардье написалъ въ «Revue scientifique», что на пеленѣ неясно обрисовываются мягкія части тѣла, тогда какъ скелетъ выдѣляется гораздо яснѣе. Это обстоятельство служитъ доказательствомъ, что изображение на туринской пеленѣ не фотографія, а рентгенографія, т. е. сдѣланная подъ вліяніемъ Рентгеновскихъ лучей. Такъ какъ всѣ тѣла способны испускать въ неопредѣленной степени беккерелевскіе лучи, то предположеніе Дардье тоже очень вѣроятно. Въ доказательство этого онъ сдѣлалъ опытъ и получилъ довольно ясный радіографическій снимокъ съ трупа, въ темнотѣ безъ постороннихъ дѣятелей. Другіе противники Виньона, стоящіе за поддѣлку пелены, говорятъ, что ссылка Виньона на невозможность сдѣлать красками изображение, не испортивъ ихъ при складываніи пелены и сохранивъ эластичность матеріи, не достаточно вѣская. Японцы производятъ рисунки на матеріи не жирной краской, составъ которой—ихъ секретъ. Кромѣ того, если бы даже краска сошла отъ складыванія пелены, то все-таки остались бы контуры слабого цвѣта. Доказательствомъ ея поддѣльности служитъ еще, по ихъ мнѣнію, непропорціальность размѣра тѣла и неправильное разстояніе между передней частью и противоположной въ бокахъ пелены. Несмотря на всѣ приведенные аргументы и тѣ, которыхъ мы не упомянули, Виньонъ и Кольманъ утвердительно заявили: «или туринское изображение Христа произведеніе простаго художника, что мы доказали невозможнымъ, или святая плащаница—единственный историческій документъ, т. е. пелена Иисуса Христа». Отбросивъ въ сторону личные интересы всѣхъ спорящихъ лицъ, Виньонъ и Кольсонъ все-таки проявили «новый еще не бывалый физико-химическій опытъ: возможность проявленія трупа самимъ собою на покрывающемъ его полотнѣ»,—справедливо замѣчаетъ французскій ученый Парвилль. Впрочемъ окончательно сказать нельзя, есть ли отпечатокъ на туринской пеленѣ тѣла Христова или какого другого мученика, добровольно подвергнувшася всѣмъ страстямъ, перенесеннымъ Христомъ.

— Нострадамусъ и его предсказанія. Леонъ Шарпантье разсказываетъ въ «*Revue hebdomadaire*»¹⁾ объ извѣстномъ французскомъ прорицательѣ будущаго — Мишелѣ Нострадамусѣ, или Нотрѣ-Дамѣ, предсказавшемъ многія историческія событія. Эта любопытная личность родилась 14-го декабря 1503 г. въ Сень-Реми де-Провансъ. Изучивъ медицину въ Монпелье, М. Нострадамусъ послѣдовательно жилъ въ Нарбонѣ, Тулузѣ и Бордо. Проживъ въ послѣднемъ четыре года, онъ возвратился въ Монпелье и сдалъ экзаменъ на доктора. Въ то время ему было двадцать два года. Затѣмъ онъ возвратился въ Тулузу, а потомъ въ Аженъ, гдѣ ученый Скалье удержалъ его. Здѣсь онъ женился, но, похоронивъ жену и двоихъ дѣтей, онъ возвратился въ Провансъ. Въ это время въ Марселѣ и Э появилась чума; Нострадамусъ былъ приглашенъ муниципалитетомъ въ качествѣ доктора въ послѣдній городъ и оставался тамъ три года. Удалившись въ Салонъ-де-Кро, между Авиньономъ и Марселемъ, онъ снова женился и имѣлъ трехъ сыновей и трехъ дочерей. Тамъ онъ написалъ свои предсказанія, а напечаталъ ихъ въ Лионѣ. Генрихъ II слышалъ о произведеніяхъ Нострадамуса и призвалъ его въ Парижъ въ 1556 г. Черезъ восемь лѣтъ къ нему пріѣхала посовѣтоваться о будущемъ Екатерина Медичи, съ сыномъ своимъ Карломъ IX. Вотъ какъ описываетъ одинъ современникъ знаменитаго прорицателя: «онъ былъ маленькаго роста, но крѣпкій и бодрый. Лобъ у него былъ большой, носъ прямой, глаза сѣрые, взглядъ мягкій, щеки румяныя и длинная, густая борода». Карлъ IX сдѣлалъ его своимъ лейбъ-медикомъ, такъ какъ онъ зналъ разные способы лѣченія чудесами. Изъ произведеній Нострадамуса извѣстны: «Центурія», «Шестистипшя» и «Предзнаменованія». Шестистипшіе каждое было составлено изъ шести стиховъ, раздѣленныхъ на три риемы; всѣхъ ихъ шестьдесятъ восемь. «Предзнаменованій» — сто сорокъ одно, каждое состоитъ изъ четверостишія съ двумя риемами. Но капитальнымъ трудомъ Нострадамуса были «Центуріи». Изъ нихъ уцѣлѣло шесть цѣльныхъ и двѣ неполныя; каждая центурія заключала сто четверостишій въ двѣ риемы. Многіе спорили относительно вдохновенія Нострадамуса, но онъ самъ рѣшаетъ этотъ вопросъ въ «Центуріяхъ», говоря, что, «сидя ночью на мѣдномъ треножникѣ, какъ дѣлали древніе маги, онъ изучалъ тайныя науки, и въ этомъ уединеніи брызнувшее ключемъ пламя помогало успѣху вызыванія духовъ, на которое не напрасно надѣялся». Въ своемъ «Дидактическомъ посланіи» къ Генриху II онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ свой даръ прорицанія: «Я посвящаю свои ночныя пророческія вычисленія, состоявшія скорѣе изъ пророческаго инстинкта, сопровождаемаго поэтическимъ пыломъ, которыя по правиламъ поэзіи, большею частью, составлены и согласованы по астрономическимъ исчисленіямъ». Во второмъ четверостишіи первой «Центуріи» онъ упоминаетъ о «мѣдномъ жезлѣ» и прибавляетъ: «что дружественный ему духъ опускаетъ край своей одежды въ воду; конвульсивная дрожь появляется въ рукахъ вызывателя; затѣмъ разливается прорицательный свѣтъ, и духъ садится предъ вопрошающимъ, и будущее от-

1) Nostradamus et ses prophéties, par Leon Charpentier. «*Revue hebdomadaire*», 4 octobre 1902.

крывается». Впрочем, по словам Шарпантье, Нострадамусъ заимствовалъ эту систему вызыванія духовъ у Жамблика, который описалъ ее въ своемъ сочиненіи «Трактаты объ египетскихъ тайнахъ», и изъ книги Пселуса: «Демоны». Первое историческое предсказаніе Нострадамуса было относительно Шато-Камбрейскаго мира, за которымъ послѣдовали вскорѣ религиозныя войны. Затѣмъ онъ предсказалъ регентство Катерины Медичи, убійство Гизовъ и уничтоженіе всѣхъ Валуа. Относительно Франциска II и Маріи Стюартъ, бракъ которыхъ продолжался два года (24-го апрѣля 1558 — 15-го декабря 1560 г.), онъ предсказалъ несчастное сожителство безъ потомства, результатомъ чего будутъ распри между двумя островами Англіей и Шотландіей. Однако, Англія и Шотландія не представляютъ двухъ острововъ, а только вмѣстѣ взятыя составляютъ островъ. Вареломеевскую ночь онъ предсказалъ въ стихахъ, при чемъ Карла IX назвалъ «Noir fagouche», а кальвинистовъ «les plus gans». Адмиралъ Колиньи, какъ предсказалъ Нострадамусъ, былъ притащенъ на веревкѣ къ вислицѣ и повѣшенъ за ногу. Кромѣ предвѣщаній воцаренія и смерти королей и политическихъ катастрофъ, онъ предсказалъ изобрѣтеніе ружья, которое было предумано въ 1630 г. и введено въ армію въ 1671 г.; Нострадамусъ же предвидѣлъ это въ 1555 в. Но слѣдующее предсказаніе любопытнѣе всѣхъ, такъ какъ точно опредѣляло годъ событія: «Quand le fourche sera soutenu de deux paux avec six demy cors et six sizeaux ouverts, le très puissant Seigneur heritier de crapeaux, al'urs subjuguera sous soy tout l'univers». Fourche— это вилы стариннаго образца о двухъ остріяхъ, похожія на V, pal, т. е. колъ похожъ на I; слѣдовательно вилы между двумя колами будутъ M, т. е. римская цифра тысяча, «six demy cors» — будутъ шесть половинокъ охотничьихъ роговъ, которые похожи на букву C, означающую сто, а «le sizeau ouvert» — раскрытыя ножницы изображаютъ римское X, т. е. десять, въ общемъ все вмѣстѣ взятое будетъ MCCCCCXXXXXX, что означаетъ римскими цифрами 1661 г. Людовикъ XIV, «très puissant seigneur», начнетъ въ этомъ году свое царствованіе, великолѣпіе и вліяніе котораго распространится по всему цивилизованному міру. Онъ былъ наслѣдникомъ «crapeaux», т. е. жаба, такъ какъ эти гады считались эмблемою французскихъ королей до Хлодвига, который первый замѣнилъ ихъ лиліей. Въ могилѣ одного изъ королей меровинговъ нашли около шестидесяти маленькихъ жабъ, сдѣланныхъ изъ золота. Кромѣ того, Нострадамусъ, повидимому, ясно предвидѣлъ конецъ монархіи: «Au grand monarque ce qui succèdera, donnera vie illicide, lubrique, par nonchalance à tous concèdera. Qu'à la parfin faura (faillira) la loi salique», т. е. тотъ, кто наслѣдуетъ великому королю, поведетъ неопозволительную развратную жизнь и по лѣности поддастся на все. И въ концѣ уничтожится салическій законъ. Дѣйствительно безпорядокъ, дряхлость, мотовство Людовика XV были главными причинами народнаго недовольства противъ монархіи, олицетворенной салическимъ закономъ. Прорицатель предсказалъ революцію, называя ее: «commun advènement», т. е. коммунарное правительство, при чемъ упомянулъ обо всѣхъ мелкихъ подробностяхъ, какъ, напримѣръ: о перемѣнѣ денегъ, новой топографіи Франціи (раздѣленіе ея на провинціи), объ астрономическихъ открытіяхъ, бѣгствѣ Людовика XV въ Варенъ и т. д. Въ слѣдующихъ стихахъ онъ предсказалъ взятіе Тулона

англичанами и беспорядки, причиненные Людовикомъ XVI, Людовикомъ XVIII и Карломъ X: «Les biens aisés subit seront desmis; par les trois frères le monde mis en trouble, cité marine saisiront ennemis, faim, feu, sang, peste et de toux le double». Взятіе Тулона Бонапартомъ тоже было предсказано Нострадамусомъ. Относительно царствованія Наполеона онъ говорилъ: «De plus profond de l'occident d'Europe, de pauvre gens un enfant naistra, qui par sa langue séduira grand trope (troupe, son bruiet, bruit) au regne d'Orient plus croistra». Далѣе онъ говорилъ: «A soldat simple parviendra en empire et par quatorze ans tiendra la tyrannie». Описывалъ его наружность онъ слѣдующимъ образомъ: «la teste raze le Corseaux cheveux plats». Кроме того, онъ предсказалъ всѣ подробности: реставрацію, вторую республику и вторую имперію. Затѣмъ онъ коснулся дальнѣйшаго будущаго. О Франціи онъ говорилъ, что тамъ будетъ царство Сатурна, и чрезъ много лѣтъ, по его словамъ, во Франціи будетъ еще король, великій кельтъ, который, потерявъ Савойю, возьметъ Римъ. Парижъ будетъ разоренъ англичанами, и королю останется лишь Авиньонъ, но затѣмъ онъ вернетъ потерянные страны, восстановитъ миръ во всемъ свѣтѣ и, наконецъ, побѣдитъ турокъ. Въ это время будетъ пала итальянскаго происхожденія, но съ германскимъ сердцемъ. Наконецъ наступитъ окончаніе міра; по опредѣленію слишкомъ торопливыхъ лицъ, оно наступитъ въ 1963 г. По словамъ Нострадамуса, паденіе Англіи близко; вотъ что говоритъ прорицатель: «Le grand empire sera par l'Angleterre, le rempotam desans plus de trois cents». Великая морская имперія Англіи началась въ царствованіе Елизаветы (1533 — 1603 г.) и должна продолжаться, по его словамъ; болѣе трехъ вѣковъ, но не четыре, и «Albion, royne de la mer, alors qu'ira montagne en l'air, cloche en canon, navire en cloche, dis que ta dernière heure approche!» «Montagne en l'air» — воздушные шары; «la cloche en canon» — очевидно гранаты; «navire en cloche» — можетъ быть, подводныя лодки. Такимъ образомъ, по словамъ Нострадамуса, конецъ Англіи совсѣмъ близокъ. Уже въ 1797 — 1798 г. Фультонъ дѣлалъ опыты надъ подводной лодкой, которую назвалъ «Nautilus». Несмотря на безучастіе морскихъ министровъ Флевиля, Брюи и Форфэ, все-таки «Nautilus» былъ спущенъ въ Руанѣ 30-го іюня 1800 г.; опыты удались, какъ нельзя лучше. Затѣмъ Монжъ и Лапласъ съ трудомъ заручились кредитомъ въ десять тысячъ франковъ для опытовъ Фультона, которому удалось взорвать лодку. Первый консулъ не хотѣлъ обратить вниманіе на это изобрѣтеніе. Слѣдовательно, если вѣрить словамъ Нострадамуса, Англія должна давно погибнуть. Нострадамусъ умеръ отъ водянки въ 1566 г. Его старшій сынъ, Цезарь, былъ хорошимъ писателемъ; изъ его сочиненій извѣстны во Франціи «Жемчужины или слезы св. Магдалины», «Димасъ или добрый воровъ», «Сонъ Сципіона» и «Исторія и хроника Прованса». Второй же его сынъ, Мишель, написалъ «Трактатъ по астрологіи» и тоже задумалъ прорицать, не имѣя дара отца. Предсказавъ, что Кузенъ, маленькій городокъ Виварэ, осажденный королевскими войсками, погибнетъ отъ огня, онъ поджегъ нѣсколько домовъ въ подтвержденіе своихъ словъ, но былъ схваченъ на мѣстѣ и убитъ. Въ концѣ своей любопытной статьи Л. Шарпантье говоритъ: «Если читатель не столько вѣритъ въ предсказанія Нострадамуса, какъ въ ловкость его толкователей, то это его дѣло».

— Витторіа Аккорамбони. Графиня Мартиненго Чезареско помѣстила въ октябрьской книжкѣ «English illustrated magazine» любопытный біографическій очеркъ одной изъ итальянскихъ красавицъ XVI вѣка, которая, по словамъ ея современниковъ, была самой обворожительной женщиной въ Италіи во всѣ времена ¹⁾). Ея отецъ, Клаудіо Аккорамбони, принадлежалъ къ мелкому дворянству города Губбіо, и хотя его семья гордилась древностью своего происхожденія, но не имѣла никакихъ знатныхъ предковъ. Клаудіо Аккорамбони находился на военной службѣ и обладалъ кое-какими познаніями; сначала онъ пользовался небольшими средствами, но, благодаря одиннадцати дѣтямъ и расточительной женѣ, все прожилъ. Когда его десятому ребенку, Витторіи, было десять лѣтъ, онъ перебрался въ Римъ, въ надеждѣ устроить свою судьбу. За это дѣло взялись его жена, Тарквинія, и сынъ, Марцелло, основавъ всѣ свои виды на необыкновенной красотѣ Витторіи. Наконецъ шестнадцати лѣтъ они помолвили ее за очень хорошаго, но не блестящаго молодого человѣка Франческо Перетти, внука простаго поселянина. Но интриганы знали, что дѣлали, такъ какъ его дядя былъ кардиналъ Монтальто, быстро возвышавшійся между римскими прелатами. Ихъ свадьба была отпразднована въ въ 1573 году, но брачная жизнь молодой четы не была очень счастлива, такъ какъ Витторіа славилась во всемъ Римѣ своей красотой и вела жизнь очень расточительную, вслѣдствіе чего дѣлала много долговъ. Согласно слухамъ за нею много ухаживали, и даже она имѣла любовную связь — сначала съ кардиналомъ Фарнезэ, а потомъ съ герцогомъ Браччіано. Однако нѣтъ никакихъ доказательствъ этихъ фактовъ, и только не подлежитъ сомнѣнію, что герцогъ Браччіано изъ знаменитаго рода Орсини, герой битвы при Лепанто, былъ дѣйствительно въ нее влюбленъ. Герцогъ былъ вдовцемъ, и рассказывали, что онъ убилъ изъ ревности первую свою жену Изабеллу Медичи. Братъ красавицы рѣшилъ воспользоваться этимъ счастливымъ случаемъ для возвышенія сестры и всего своего семейства; съ этою цѣлью онъ подкупилъ убійцъ, которые, вызвавъ ночью изъ дома Витторіи Франческо Перетти, убили его. Витторіа недолго оплакивала своего мужа, такъ какъ она не любила его и не имѣла отъ него дѣтей. Вскорѣ герцогъ Браччіано предложилъ ей руку и сердце. Конечно, она согласилась принять ихъ, но также не по любви, а по честолюбію. Неизвѣстно, по какой причинѣ герцогъ женился на ней тайнымъ образомъ и повторилъ свой бракъ три или четыре раза, прежде чѣмъ открыто повезъ ее въ Браччано, какъ герцогиню. Однако эта честь ей досталась не легко: изъ зависти къ такому возвышенію ее заподозрѣли въ убійствѣ ея мужа и даже до послѣдней свадьбы ее ввергли въ тюрьму Св. Ангела. Скандалъ этотъ надѣлалъ много шума, но въ дѣло вмѣшался Карлъ Барамейскій. Онъ сказалъ ея преслѣдователямъ: «если она виновата, то накажите ее, если же невинна—освободите». Въ концѣ концовъ она была выпущена на свободу. Сдѣлавшись официальной герцогиней Браччіано, она не могла спокойно жить, потому что дядя ея перваго мужа, кардиналъ Монтальто, взоселъ на папскій престолъ подъ именемъ Сикста VI. Пер-

¹⁾ Vittoria Accoramboni, by the countess Martinengo Cesaresco. The English illustrated magazine. October 1902.

вою его мыслью было отомстить обоимъ, герцогу и герцогинѣ, за смерть племянника. Предупрежденные во время, они бѣжали въ Венецію и въ 1585 г. поселились въ великолѣпномъ палаццо Салло на одномъ изъ сѣверныхъ итальянскихъ озеръ. Тамъ они жили пригѣваючи, но не долго, и 13 ноября того же года герцогъ умеръ. Всѣ подозрѣвали, что его отравили по распоряженію папы, но этотъ фактъ ничѣмъ не подтвержденъ. Витторія перебралась въ Падую и жила въ совершенномъ уединеніи. Благодаря наслѣдству герцога, возникла ссора между его родственниками и Витторіей, результатомъ чего была ея неожиданная смерть. Одинъ изъ родственниковъ ея мужа, Людовико Орсини, подослалъ къ ней наемныхъ убійцъ въ количествѣ 25 человекъ. Сцена ея убійства была патетическая: она въ этотъ моментъ молилась предъ распятіемъ, и когда на нее набросились убійцы, при чемъ одинъ изъ нихъ сталъ рвать платокъ, надѣтый у нея на шею, она воскликнула: «я прощаю васъ, но желаю умереть одѣтой». Убійцы нанесли ей смертельный ударъ въ грудь, и она только успѣла еще разъ воскликнуть: «я прощаю вамъ». Тогда убійцы промолвили: «что мы сдѣлали: мы убили святую!» На ея похоровахъ вся Падуя удивлялась, какъ могла быть на свѣтѣ такая красавица. Венеція отомстила за ея смерть, предавъ казни Людовико Орсини и двадцать одного участника въ убійствѣ. Патетическая исторія и въ особенности смерть Витторіи Аккорамбони побудили Людвига Тика написать о ней романъ, а Вебстера—трагедію. Первый краснорѣчиво доказывалъ ея невиновность въ убійствѣ перваго мужа, а второй, основываясь на народныхъ балладахъ, напротивъ изображаетъ ее убійцей.

— Герцогъ Шуазель и его жена. Въ Парижѣ вышла новая книга Г. Могра о министрѣ Людовика XV—герцогѣ Шуазель и о его женѣ¹⁾. Этотъ трудъ нельзя назвать строго историческимъ, такъ какъ въ немъ отсутствуютъ историческая и политическая стороны жизни Шуазеля. Но зато онъ можетъ вполне служить картиной нравовъ высшаго общества той эпохи, придворныхъ интригъ, пикантныхъ анекдотовъ и проч., но и только. Главную роль въ возвышеніи Шуазеля играла маркиза Помпадуръ, которая въ благодарность за то, что Шуазель, въ то время еще извѣстный подъ именемъ графъ Стенвиль, отвлекъ вниманіе короля отъ своей двоюродной сестры, г-жи Романе, съ трудомъ уговорила Людовика XV сдѣлать графа посланникомъ въ Римѣ. Шуазелю стоило немалыхъ усилій заставить г-жу Романе примириться съ мужемъ и уѣхать въ свое имѣніе, отказавшись отъ официальнаго положенія фаворитки короля, вмѣсто Помпадуръ. Зато послѣдняя, узнавъ о поступкѣ своего неожиданнаго сторонника, сдѣлалась съ тѣхъ поръ его преданнымъ другомъ. Король не могъ простить вмѣшательство герцога въ его любовную интригу и долго сопротивлялся желанію Помпадуръ. Только послѣ бурной сцены, устроенной фавориткой, король, «неспособный къ ненависти, одинаково, какъ къ любви», сдался на ея просьбы. Нѣкоторые историки объясняли покровительство Помпадуръ любовью между нею и Шуазелемъ, но Могра отрицаетъ эту связь. Герцогъ былъ сыномъ посланника великаго герцога

¹⁾ Le duc et la duchesse de Choiseul, leur vie intime, leurs amis et Leur temps, par Gaston Maugras. Paris. 1902.

Тосканскаго при версальскомъ дворѣ. Вступивъ очень молодымъ на французскую военную службу, онъ совершилъ нѣсколько кампаній. Графъ Стенвиль былъ веселый, въ высшей степени вѣжливый и добродушный свѣтскій человекъ. Какъ мужъ, онъ былъ самый легкомысленный, циничный и грубый по своей безнравственности. Женился онъ при исключительныхъ обстоятельствахъ на двѣцѣ Кроза, пятнадцатилѣтней богатой наслѣдницѣ. Во время своей военной карьеры бѣднымъ офицеромъ, онъ сдѣлался любовникомъ безумно любившей его г-жи Гонто-Биронъ, внучки Кроза, страшнаго богача, бывшаго церковнаго казначея. Рожденіе ребенка, будущаго герцога Лозенъ, унесло молодую женщину на тотъ свѣтъ. Предъ смертью она взяла обѣщаніе съ графа Стенвиля, что онъ женится на ея младшей сестрѣ. Черезъ два года бракъ совершился. Графиня Стенвиль была серьезной, образованной женщиной, съ открытымъ умомъ, очаровательнымъ характеромъ, полнымъ нѣжности и привлекательности. Поведеніе ея мужа вызывало часто горькія слезы молодой женщины, которыя нисколько не помогали исправить легкомысленный характеръ графа Стенвиля. Ея тяжелое семейное положеніе осложнилось еще вѣшателствомъ сестры мужа, г-жи Грамонъ, полной властительницы надъ братомъ, женщины черстою и властной. Авторъ отрицаетъ также слухи относительно связи между братомъ и сестрою. Въ Римѣ герцогъ Шуазель и его жена очаровали всѣхъ и настолько привязали къ себѣ нѣкоторые сердца, что впоследствии, во время ихъ опалы, онъ остались имъ вѣрны. Ихъ вліянія въ пользу Франціи не избѣжали и папа Бонифацій XIV. Послѣ своей миссіи въ Римѣ герцогъ Шуазель былъ назначенъ посланникомъ въ Вѣну, гдѣ очаровалъ Марію-Терезію. Въ это время Берни пришла безумная мысль вызвать герцога къ себѣ помощникомъ въ министерство. Однако новый помощникъ оказался опаснымъ соперникомъ, что замѣтилъ самъ король, и, наградивъ Берни кардинальской шляпой, онъ предоставилъ министерство бывшему посланнику. Двѣнадцать лѣтъ послѣдній былъ полнымъ хозяиномъ Франціи, и, несмотря на свой легкомысленный, игривый характеръ, онъ поднялъ финансы страны, преобразовалъ флотъ и армію. Несмотря на горькую супружескую жизнь, герцогиня отдалась вполне свѣтской жизни при Версальскомъ дворѣ. Она избрала близкими друзьями г-жу Деффанъ, Гатти и аббата Вертелеми и предпочитала проводить время въ Тантелу, гдѣ могла жить простой здоровой жизнью среди природы. Но счастье Шуазелей померкло въ 1764 г., со смертью Помпадуръ, которую оба супруга искренно любили. На герцога начали нападать враги, наговаривая королю; онъ защищался, но Дю-Бари и ея партія нанесли ему окончательный ударъ. Авторъ книги объясняетъ паденіе Шуазеля самымъ благопріятнымъ образомъ для послѣдняго, называя его враговъ «негодяями и неспособными людьми». Этимъ оканчивается трудъ Д. Могра. Герцогиня Шуазель умерла въ нищетѣ, заплативъ долги своего мужа-мота.

— Двѣ маркграфини Баденскія. Карлъ Обзеръ посвятилъ себя въ послѣдніе годы составленію исторіи Баденскаго дома въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій. Онъ напечаталъ обширную корреспонденцію Карла-Фридриха Баденскаго и только недавно окончилъ ея пятый томъ. Теперь же онъ занялся его первой женою Каролиной-Луизой и ея племянницей, маркграфиней

Амалией. Первая была одной из замѣчательнѣйшихъ принцессъ Гессенскаго дома въ XVIII столѣтїи. Она знала латинскій языкъ, очень любила литературу и искусства, получала каждыя двѣ недѣли изъ Парижа «Gazette écrite», въ которой г-жа Моранъ увѣдомляла ее по примѣру Гримма о литературныхъ новостяхъ, поэтому маркграфиню прозвали Гессенской Палладой. Она была знакома съ Вольтеромъ, принимала его при своемъ дворѣ, переписывалась съ нимъ и называла себя его ученицей. Въ только что вышедшей книгѣ ¹⁾ Карлъ Обзеръ рассказываетъ объ интересныхъ отношенїяхъ маркграфини съ Вольтеромъ и пребыванїи его въ Карльсруэ, что составляло «замѣчательную эпоху въ исторїи Баденскаго дома». Къ этому очерку онъ прибавляетъ подлинныя письма Вольтера къ маркграфинѣ, изъ которыхъ нѣкоторыя напечатаны въ первый разъ. Что же касается до маркграфини Амалии, то Обзеръ впервые печатаетъ съ подробными примѣчанїями мемуары Каролины Фрейштедтъ подъ заглавїемъ: «Воспоминанїя о придворной жизни». Эти воспоминанїя написаны съ замѣчательной живостью и правдивостью. Такъ, несмотря на ея уваженїе и сочувствїе къ маркграфинѣ Амалии, она не скрываетъ ея слабости. Въ своихъ мемуарахъ Каролина Фрейштедтъ не занимается политикой, но описываетъ придворную жизнь и извѣстныхъ ей лицъ. На первомъ мѣстѣ, конечно, стоитъ сама маркграфиня Амалия, которую графъ Чарторижскій и Варнгагенъ хвалили, какъ «большую умницу и сильную характеромъ». Она выдала своихъ дочерей замужъ: въ Петербургъ, Стокгольмъ, Брауншвейгъ и Дармштадтъ. Поэтому въ мемуарахъ г-жи Фрейштедтъ играютъ большую роль императоръ Александръ I, король шведскій, Густавъ, король баварскій, Максимилианъ-Иосифъ, король прусскій, Фридрихъ-Вильгельмъ, Наполеонъ I, г-жа Крюденеръ, Каподистрия и т. д. Маркграфиня была враждебна политикѣ Наполеона, но несмѣла ему сопротивляться, а все-таки противодѣйствовала браку Стефанїи Богарне съ наслѣднымъ принцемъ Баденскимъ. «Если бы она была, говорила маркграфиня Наполеону, вашей крови, вашей семьи»... На это Наполеонъ отвѣчалъ: «Такъ что же, я усыновлю ее» ²⁾.

— **Мормоны.** Мормонская секта составляетъ до сихъ поръ предметъ многочисленныхъ споровъ и ярой полемики. Но хотя вышло большое число книгъ и брошюръ объ этой сектѣ, чудовищной по своему шарлатанству, но большая часть изъ нихъ или представляетъ ея панегирикъ или самую рѣзкую критику. На-дняхъ въ Нью-Йоркѣ вышла книга ³⁾, замѣчательно безпристрастная и знакомящая читателя съ полной, обстоятельной исторїей мормонизма, въ продолженїе шестидесяти лѣтъ его существованїя. Авторъ ея В. Линъ добросовѣстно изучилъ всю литературу мормонизма, превышающую двѣсти книгъ и брошюръ, а также всѣ журнальныя и газетныя статьи, относящїяся до этого предмета. Такимъ образомъ, на основанїи подлинныхъ документовъ и обширнаго

¹⁾ Voltaire's Beziehungen zu der Markgräfin Karoline Louise von Baden-Durlach, von Karl Obser. Heidelberg, 1902.

²⁾ Erinnerung aus dem Hofleben von Karoline von Freystedt, hersg. von K. Obser. Heidelberg, 1902.

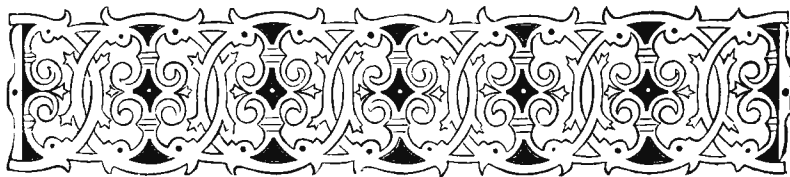
³⁾ The Story of the Mormons from the Date of their Origin to the Year 1901, by William Alexander Linn. 1902.

всесторонняго матеріала, Линъ впервые составилъ полную и безпристрастную исторію этой секты. Хотя Джозефъ Смитъ считается основателемъ мормонизма, но истиннымъ его основателемъ былъ Сидней Рингдонъ. Въ сущности онъ не пользовался никогда сильнымъ влияніемъ въ сектѣ и въ концѣ концовъ, удалившись изъ общины святыхъ, онъ умеръ 14 іюля 1876 году, на 84 году жизни. Поэтому, упомянувъ вскользь о настоящемъ основателѣ мормонизма, мы перейдемъ къ Жозефу Смигу и Брагаму Юнгу, которымъ принадлежитъ вся слава распространения новой религіи. Она возникла въ 1830 г., когда въ Соединенныхъ Штатахъ было очень сильно религіозное движеніе, породившее до сорока трехъ сектъ. Мормонизмъ произошелъ отъ древней легенды, очень распространенной въ началѣ XIX столѣтія въ Сѣверной Америкѣ. На основаніи ея, старинныя племена индѣйцевъ происходили отъ переселившагося въ Америку еврейскаго племени. Въ одинъ прекрасный день Джозефъ Смитъ, отличавшійся чрезвычайно нервной натурой, эллиптическими припадками и скуднымъ образованіемъ, объявилъ, что онъ видѣлъ ангела близъ Пальмиры въ штатѣ Нью-Йоркъ, и этотъ ангелъ принесъ ему новую Библию, начертанную на золотыхъ скрижаляхъ. Эта Библия Мормона, названная по имени какой-то баснословной личности, была похоронена ея творцомъ глубоко въ землѣ. Въ сущности это была грубая копія съ св. Писанія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ грубый обманъ былъ пущенъ въ свѣтъ Смитомъ и его помощникомъ или скорѣе вдохновителемъ Рингдономъ. Вскорѣ вокругъ его собралась толпа вѣрующихъ фанатиковъ, и 6 апрѣля 1830 г. была основана мормонская церковь. Основатели новой религіи разослали повсюду въ Америкѣ и Англіи проповѣдниковъ, которые набрали большое количество адептовъ въ рабочихъ центрахъ, такъ какъ они обѣщали неофитамъ собственный домъ и участокъ земли. Это обѣщаніе не было, однако, исполнено пророками мормонизма, и они послали новообращенныхъ самихъ обрабатывать землю на незанятыхъ нѣкѣмъ территорияхъ. Горе тѣмъ которые не слушались, ибо основанная Джозефомъ Смитомъ община была чисто теократическая, по примѣру еврейской, и малѣйшее ослушаніе строго наказывалось. Джозефъ Смитъ постоянно имѣлъ сношенія, какъ онъ увѣрялъ, съ самимъ Богомъ, и эти сношенія всегда имѣли дѣлю обогащеніе пророка. Въ короткое время онъ нажилъ себѣ огромное состояніе, хотя его нельзя было сравнить съ тѣми богатствами, какія приобрѣлъ его преемникъ Брагамъ Юнгъ, имѣвшій до сорока милліоновъ. «Святые послѣднихъ дней», какъ назывались мормоны, находились въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ со своими сосѣдями, и потому ихъ постоянно изгоняли изъ штатовъ Нью-Йорка, Миссури и Иллинойса. Они мало-по-малу переселялись все болѣе на востокъ. Въ это время мормоны отличались самыми ужасными преступленіями; въ этомъ отношеніи всего болѣе прославился авантюристъ фанатикъ, по имени Ли. Узнавъ, что методисты-эмигранты проходили мимо мормонскаго поселенія въ значительномъ количествѣ, Ли напалъ на нихъ, съ помощью индѣйцевъ перебилъ ихъ съ женами и дѣтьми, ограбивъ всѣ ихъ повозки. Конечно, это преступленіе и всѣ имъ подобныя мормоны совершали именемъ Господа. Именемъ же Бога Джозефъ Смитъ ввелъ новый догматъ въ свою вѣру—полигамію. Это было въ 1843 г. До тѣхъ поръ Джозефъ Смитъ, законно женатый, въ продолженіе мно-

гихъ лѣтъ жилъ тайно съ другой женщиной. Объ этомъ знала его жена Эмма и постоянно угрожала мужу сдѣлать скандалъ. Чтобы избѣгнуть его, Смитъ задумалъ ввести въ свою секту полигамію и тѣмъ не только увеличить свое личное спокойствіе, но и умножить народонаселеніе основанной имъ общины. 12 іюня 1843 г. Смитъ получилъ чрезъ ангела небесное повелѣніе, чтобы онъ учредилъ въ своемъ народѣ многоженство. Онъ сослался на примѣръ Исаака, Іакова, Моисея, Давида и Соломона въ доказательство святости и законности многоженства. Его собственная жена, Эмма, кротко подчинилась его новому догмату. На основаніи новаго закона мормоны стали быстро разрастаться, и послѣ убійства Смита новый пророкъ Брагамъ Юнгъ повелъ «святыхъ послѣднихъ дней» на Соленое озеро, гдѣ выстроилъ городъ и окончательно поселился въ территоріи Утахи. Городъ мормоновъ былъ названъ Новымъ Іерусалимомъ, а новый штатъ, который онъ проектировалъ, — Желаннымъ. Мормоны принялись за обработку земли, устройство города и основаніе будущаго штата съ такой энергіей, что въ нѣсколько лѣтъ жители Новаго Іерусалима распространились до 10.000 человекъ, пользовавшихся замѣчательнымъ благосостояніемъ. Сѣверо-американцы изъ зависти, подъ предлогомъ религіозныхъ причинъ, начали ихъ преслѣдовать, и конгрессъ въ 1862 г. постановилъ законъ, который караетъ самымъ строгимъ образомъ полигамію среди американскихъ гражданъ. Фанатизмъ мормоновъ былъ такъ великъ, что всего болѣе ожесточились противъ американцевъ мормонскія жены и духовенство. У Брагама Юнга было двадцать пять женъ и сорокъ два ребенка; его примѣру слѣдовали и остальные мормоны до тѣхъ поръ, пока американскій законъ воспротивился многоженству. Дѣлать было нечего: пришлось повиноваться. Теперь въ Утахѣ насчитывается болѣе 277.000 душъ, несмотря на законъ, окончательно уничтожившій съ 1890 г. многоженство. Само мормонское духовенство признало этотъ законъ, хотя оно считаетъ полигамію не совершенно уничтоженной, а только временно приостановленной. Тайнымъ образомъ она еще существуетъ, святые послѣднихъ дней управляются и теперь теократическимъ образомъ. Книга Веллина подробно и основательно рассказываетъ не только исторію мормоновъ со времени основанія секты, но и теперешнее ихъ положеніе въ 1901 г. Конечно, онъ рисуетъ живыми красками характеристику Джозефа Смита, но въ нынѣшнемъ же году вышла въ Нью-Йоркѣ еще болѣе обстоятельная его біографія Вудбриджа Рилея подъ заглавіемъ: «Основатель мормонизма»¹⁾.

¹⁾ The Founder of Mormonism, by J. Woodbridge Riley. New-York. 1902.

С М Ъ С Ъ.

ОДИЧНОЕ засѣданіе общества любителей естествознанія. 15-го октября въ большой залѣ Политехническаго музея происходило годовое засѣданіе императорскаго Московскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи подъ предсѣдательствомъ президента Д. Н. Анучина. По открытіи засѣданія секретарь общества В. С. Елнатъевскій прочиталъ годичный отчетъ о дѣятельности общества и его отдѣловъ, отдѣленій и комиссій. Общество въ отчетномъ году, 39-мъ съ основанія, понесло утраты въ лицѣ скончавшихся почетныхъ членовъ: Рудольфа Вирхова, академика А. О. Ковалевскаго, проф. А. Я. Кожевникова, проф. И. В. Мушкетова, директора этнологическаго бюро въ Вашингтонѣ Джона Науля, члена совѣта министра народнаго просвѣщенія А. П. Расцвѣтова, и неиремѣнныхъ членовъ: Ф. К. Арнольда, академика Г. П. Вильда, Ф. Д. Нефедова и проф. М. А. Тихомирова, и дѣйствительныхъ членовъ: Л. Г. Банковскаго, Н. Г. Добрынкина, П. Г. Игнатовъ и М. В. Пѣвцова. Въ истекшемъ году общество имѣло 10 засѣданій, 3 закрытыхъ и 7 публичныхъ, на которыхъ доложено 13 сообщеній. 29-го декабря 1901 г. Государь Императоръ высочайше соизволилъ утвердить мнѣніе государственнаго совѣта объ отпускѣ, начиная съ 1902 года, 1.500 р. въ пособіе обществу въ дополненіе къ получаемой уже обществомъ субсидіи въ 3¹/₂ тысячи рублей. Зоологическимъ отдѣленіемъ общества выработаны одобренныя совѣтомъ общества правила преміи имени А. П. Богданова по зоологій, которая явится седьмою преміей изъ существующихъ при обществѣ. Капиталь имени почетнаго члена Д. Н. Анучина возросъ до 2.500 р., такъ что съ будущаго года явится возможность начать пользованіе частью процентовъ съ означеннаго капитала для содѣйствія молодымъ изслѣдователямъ. Въ минувшемъ году изданъ XXIV выпускъ серіи «Путешествій въ Туркестанъ» А. П. Федченко. Изданіе это состоялось при матеріальной поддержкѣ Московскаго университета, ассигновавшаго

300 рублей. Въ обмѣнъ на свои «Извѣстія» общество получило свыше 210-ти наданій, не считая тѣхъ, которыя поступали въ бібліотеки отдѣловъ и отдѣленій. Антропологическій отдѣлъ общества имѣлъ въ отчетномъ году 10 засѣданій съ 25-ю сообщеніями. Отдѣлъ печатаетъ 21-й томъ своихъ «Трудовъ», содержащій монографію А. Д. Элькинда по антропологии польскихъ евреевъ. Въ теченіе года отдѣломъ выпущены четыре книжки «Русскаго Антропологическаго Журнала». Этнографическій отдѣлъ издавалъ журналъ «Этнографическое Обзоріе» и имѣлъ 10 засѣданій съ 19-ю сообщеніями. Состоящая при отдѣлѣ музыкально-этнографическая комиссія издала программы для собиранія народныхъ пѣсенъ и другихъ музыкально-этнографическихъ матеріаловъ и устроила три публичныхъ этнографическихъ концерта. Отдѣленіе физическихъ наукъ имѣло пять засѣданій съ 14-ю сообщеніями, издало первый выпускъ XI тома своихъ «Трудовъ» и получило въ даръ бібліотеку покойнаго А. И. Гольденберга, состоящую болѣе чѣмъ изъ 3.000 томовъ по математикѣ, исторіи математики, философіи и педагогикѣ. Зоологическое отдѣленіе имѣло семь засѣданій съ 21-мъ сообщеніемъ и издало одинъ выпускъ III-го тома своего «Дневника». Комиссія при отдѣленіи для изслѣдованія фауны Московской губерніи имѣла пять засѣданій съ 14-ю сообщеніями и устроила нѣсколько зоологическихъ экскурсій. Отдѣленіе химіи имѣло семь засѣданій съ 29-ю сообщеніями. Географическое отдѣленіе имѣло пять засѣданій съ 11-ю сообщеніями и издало пять книжекъ «Землеводствія» за 1901 и 1902 гг. Отдѣленіе физиологіи имѣло шесть засѣданій съ 24-мя сообщеніями, а отдѣленіе бактеріологіи—семь засѣданій съ 24-мя рефератами. Основанный обществомъ музей прикладныхъ знаній былъ посѣщенъ съ 1-го октября 1901 года по 1-е октября настоящаго года 4.278 лицами за плату и 142.002 бесплатно, а всего 146.280 лицами. Постоянная комиссія при отдѣлѣ прикладной физики получила пожертвованіе отъ г-жи Дедюхиной — большую индукціонную спираль Румкорфа. Комиссія имѣла 8 засѣданій съ 9-ю сообщеніями. Многіе изъ членовъ общества совершили въ истекшемъ году поѣздки съ научною цѣлью. М. В. Богоявленскій ѣздитъ на берега Персидскаго залива и въ Индію; Д. П. Аракчиевъ— въ Закавказье для записи съ помощью фонографа туземныхъ пѣсенъ; Л. С. Бергъ закончилъ свои изслѣдованія Аральскаго моря; Б. М. Житковъ, С. В. Покровский и г. Граве посѣтили Канинъ полуостровъ; Б. В. Миллеръ изучалъ языкъ и бытъ талышцевъ въ Ленкоранскомъ уѣздѣ; А. С. Хахановъ занимался въ монастыряхъ Стараго Аюна изученіемъ грузинскихъ и греческихъ рукописей; Я. П. Щелкановцевъ посѣтилъ и изслѣдовалъ нѣкоторыя озера Южнаго Урала; В. Н. Леоновъ изучалъ озера Верхней Рачи, въ Закавказьѣ. Подъ предѣдательствомъ проф. В. Θ. Миллера состоялось соединенное засѣданіе этнографическаго отдѣла и музыкально-этнографической комиссіи общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. Первымъ было доложено сообщеніе Н. А. Насѣкина «Корейцы Уссурійскаго края». Докладчикъ провелъ на службѣ въ Уссурійскомъ краѣ 8 лѣтъ и за это время обстоятельно ознакомился съ матеріальной и духовной жизнью корейцевъ, живущихъ въ русскихъ предѣлахъ. Съ особенной подробностью остановился онъ въ своемъ докладѣ на характерѣ корейцевъ, на ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и обря-

дахъ, на організації семьи и положеніи женщинъ. Въ заключеніе г. Насѣкинъ сказаль нѣсколько словъ объ административномъ положеніи корейцевъ и о желательномъ отношеніи къ нимъ со стороны русскаго правительства. Затѣмъ Д. И. Аракчіевъ сообщилъ краткій отчетъ о своей поѣздкѣ въ Тифлисскую и Кутаисскую губ. и Терскую обл. съ музыкально-этнографическими цѣлями. Нѣкоторыя музыкальныя записи г. Аракчіева были демонстрированы тутъ же на фонографѣ и въ исполненіи Г. А. Трейтеръ и Я. А. Лосева подъ аккомпанементъ лиры.

С.-Петербургское археологическое общество. Въ засѣданіи отдѣленія русской и славянской археологіи, 19-го октября, предсѣдательствовалъ профессоръ С. Ѡ. Платоновъ. Секретаремъ отдѣленія, за отказомъ проф. С. М. Середонина, избранъ С. В. Рождественскій. С. Л. Пташицкій прочель рефератъ: «Гдѣ хранились и нынѣ хранятся акты уніи Литвы съ Польшею». Унія, начавшаяся въ 1385 г. обязательствомъ Ягайлы и завершившаяся договоромъ въ 1569 году, скрѣплялась разными актами и королевскими грамотами. Всѣ эти документы хранились въ земскомъ скарбѣ (казначействѣ), но въ 1542 г. литовскій сеймъ ходатайствовалъ о передачѣ ихъ въ другое специальное и вѣрное мѣсто. Особою грамотою 1551 года король передалъ всѣ эти акты литовскому канцлеру Николаю Радзивиллу и его наслѣдникамъ, князьямъ Несвижскимъ. Въ 1768 г. сеймовымъ опредѣленіемъ эта передача была еще разъ подтверждена. И въ настоящее время грамоты хранятся въ Несвижѣ въ прекрасномъ порядкѣ. Владѣлецъ предполагаетъ издать ихъ фототипически въ непродолжительномъ времени. А. А. Спицынъ сдѣлалъ докладъ: «Мѣдный вѣкъ въ Среднемъ Поволжьѣ». Описавъ сдѣланныя тамъ находки мѣднаго вѣка, онъ провелъ аналогію между ними и находками проф. Н. И. Веселовскаго въ Кубанской области, указавъ на огромное ихъ сходство. Культура мѣднаго вѣка шла, по мнѣнію референта, черезъ Оку. Въсѣтъ съ употребленіемъ мѣдныхъ въ обращеніи были въ то время и каменные орудія прекрасной выдѣлки. Проф. Н. И. Веселовскій высказаль мнѣніе, что мѣдная культура Поволжья не имѣетъ самостоятельнаго характера, а занесена съ юга. Проф. С. Ѡ. Платоновъ демонстрировалъ присланный въ общество рисунокъ антиминосъ съ надписью: «По повелѣнію великаго государя и императора Константина Павловича». Князь Н. А. Путятинъ сообщилъ о смерти извѣстнаго американскаго археолога Томаса Вильсона, память котораго была почтена вставаніемъ.

Московское археологическое общество. 5-го октября, въ засѣданіи археологическаго общества предсѣдательствовавшій профессоръ Д. Н. Анучинъ сдѣлалъ краткій очеркъ дѣятельности скончавшагося въ мартѣ нынѣшняго года Ф. Д. Нефедова, при чемъ указаль на многочисленныя археологическія раскопки, произведенныя покойнымъ по порученію общества въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, и на цѣнные результаты этихъ раскопокъ, особенно въ Прикамьѣ и въ Костромской губерніи. Общество почтило память покойнаго вставаніемъ. Затѣмъ Д. Н. Анучинъ представилъ обществу предметы, добытыя г. Лазаревымъ изъ раскопокъ двухъ могилъ въ Закавказьи, въ Борчалинскомъ уѣздѣ, и состоящія изъ бронзовыхъ и желѣзныхъ вещей, преимущественно оружія. А. И. Кириичниковъ сообщилъ результаты изслѣдованія Тикканена (финляндскаго

ученаго) о миниатюрахъ Утрехтской псалтири. Лицевыя, т. е. украшенныя миниатюрами, псалтири представляютъ нѣсколько типовъ, различающихся отчасти по роскоши отдѣлки, отчасти по происхожденію (византійскія и западныя). Утрехтская псалтирь относится къ IX вѣку и представляетъ собою во многихъ отношеніяхъ любопытный памятникъ. Миниатюры ея, воспроизводя тишы, установившіяся въ Византіи въ VI вѣкѣ, передаютъ ихъ въ самостоятельной обработкѣ съ большей реальностью и вмѣстѣ съ тѣмъ окружая ихъ аксессуарами, въ которыхъ еще ясно видно вліяніе античнаго искусства. Д. Харламовъ сообщил о произведенныхъ имъ лѣтомъ 1900 и 1901 годовъ раскопкахъ въ юртахъ станицъ Нижне и Верхне-Кундрюческой и Усть-Быстриянской, расположенныхъ на правомъ берегу р. Донца, а также въ станицѣ Екатерининской. Раскопанныя могилы расположены въ юго-восточномъ углѣ равнины, принадлежащей Нижне-Кундрюческой станицѣ, въ урочищахъ Кругломъ и Саурь-Могильскомъ. Большая часть могилъ обнаружены были при внимательномъ осмотрѣ поверхности, такъ какъ на песокъ попадались черепки глиняной посуды и замѣтны были остатки перержавѣвшихъ желѣзныхъ вещей изъ могилъ. Всего въ этой мѣстности найдено было 5 могилъ, но только двѣ изъ нихъ сохранились въ цѣломъ видѣ. Первая могила по внѣшнему виду представляла небольшой холмъ, въ 1 арш. высоты, $1\frac{1}{2}$ саж. въ поперечникѣ и $4\frac{1}{2}$ саж. въ окружности. Вершина холма была заложена камнями изъ породы песчаника, набросанными въ беспорядкѣ въ глубину на $\frac{3}{4}$ аршина, и засыпана пескомъ. Когда земля была вынута на глубину 125 метровъ, въ сѣверо-восточномъ углу могилы обнаружено присутствіе небольшого изъ необожженной глины горшечка съ землей, на 20 метровъ ниже котораго найденъ былъ скелетъ человѣка. Скелетъ лежалъ на спинѣ, руки были вытянуты вдоль туловища, при чемъ въ локтевомъ сочлененіи были нѣсколько согнуты; голова скелета была обращена на юго-западъ. Кости сильно истлѣли, разваливались при прикосновеніи и обращались при растираніи въ порошокъ, съ лѣвой стороны головы, немного выше общаго уровня положенія скелета, стоялъ другой, тоже изъ необожженной глины, горшечекъ. Кромѣ того, при скелетѣ найдены серебряныя ушныя, гладкія кольца, лежавшія по обѣимъ сторонамъ черепа, около ушныхъ раковинъ. Въ лѣвой кисти руки скелета найденъ былъ кремь съ острыми краями и такъ называемое «кресало», въ видѣ четырехугольной желѣзной пластинки; около праваго бока скелета найдена сильно перержавѣвшая желѣзная пряжка, а въ лѣвомъ боку грудной клѣтки, съ внутренней стороны реберъ—неизвѣстнаго назначенія, въ первый разъ встрѣчающійся при погребеніяхъ, небольшой камешекъ мѣловой породы. Другая могила была найдена саженьяхъ въ 50 отъ первой въ сѣверо-восточномъ направленіи. Когда земля была вынута на глубину около 1 аршина, то обнаружился скелетъ лошади; когда очистили съ него землю, то сейчасъ же, непосредственно подъ нимъ, оказался и скелетъ человѣка. Черепъ лошади находился нѣсколько ниже груди человѣческаго скелета—на животѣ; черезъ животъ же были протянуты и переднія ноги лошади, заднія же ея ноги почти доходили до переднихъ, такъ что, повидимому, трупомъ лошади старались прикрыть трупъ человѣка. Въ зубахъ конскаго черепа найдены были желѣзныя удила, довольно хорошо сохранившіяся, около переднихъ

ногъ—сильно перержавѣвшія пряжки и обломки стремянъ. Скелетъ человѣка, обращенный головой на сѣверо-востокъ, сохранился очень плохо; съ лѣвой стороны черепа стоялъ изъ черной необожженной глины горшечекъ; въ лѣвой рукѣ скелета найдена 2 кремня, очевидно, для высѣканія огня и кресало; съ правой стороны скелета между рукой и нижними костями грудной клѣтка найдены обломки ножа въ 22 сантиметра. Интересны данныя, полученныя изъ раскопокъ лѣтомъ 1901 года въ станицѣ Екатерининской. Здѣсь расположены группой пять небольшихъ кургановъ, на разстояніи 10 — 25 сажень другъ отъ друга. Въ этихъ курганахъ были открыты могилы совершенно случайно. Казаки-табунщики, становище которыхъ находилось среди кургановъ, начали выбирать камень въ одномъ изъ кургановъ и натолкнулись на могилу. Ожидая встрѣтить здѣсь кладъ, они выбросили кости скелета и разбили находившіяся при нихъ горшечки, но, не найдя ничего, забросали яму землей. Получивъ объ этомъ извѣстіе, докладчикъ поспѣшилъ на это мѣсто и раскопалъ 2 кургана съ тремя могилами, совершенно новаго типа. Гроба представляли четырехугольные ящики изъ каменныхъ плитъ, въ которыхъ лежали скелеты въ такъ называемомъ утробномъ положеніи, на лѣвомъ боку; голова обращена на востокъ, руки прижаты къ лицу, ноги согнуты въ колѣняхъ, доходящихъ до локтей. Къ сожалѣнію, въ этихъ каменныхъ гробахъ, кромѣ разнообразныхъ горшечковъ изъ черной глины, сильно обожженныхъ камней и древеснаго угля, никакихъ предметовъ не оказалось.

Общество археологій, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. 31 октября состоялось общее собраніе членовъ общества. Въ программу засѣданія было внесено три научныхъ сообщенія, изъ которыхъ первымъ былъ прочитанъ докладъ дѣйствительнаго члена общества, Д. В. Васильева, озаглавленный: «Церковно-археологическіе вопросы на XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ». Референтъ, бывший делегатъ общества на послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ, охарактеризовалъ болѣе или менѣе подробно доклады по церковной археологіи, выслушанные членами Харьковскаго съѣзда, и закончилъ свое сообщеніе повтореніемъ пожеланія, высказаннаго г. Покровскимъ (профессоромъ Казанской духовной академіи), чтобы для обсужденія вопросовъ по церковной археологіи устраивались спеціальныя съѣзды, независимо отъ общеархеологическихъ. Далѣе былъ выслушанъ докладъ г. председателя общества, профессора Н. Θ. Катанова, характеризовавшій «Путешествіе Николая Спаарія въ Китай». Это сообщеніе примыкаетъ къ цѣлому ряду рефератовъ того же автора, прочтенныхъ въ предшествовавшихъ засѣданіяхъ общества и касавшихся старинныхъ путешественниковъ по Азіи; какъ и въ прежнихъ докладахъ, референтъ сообщилъ біографическія данныя о путешественникѣ и въ краткихъ чертахъ разсказалъ о результатахъ его странствія въ Китай, о его наблюденіяхъ надъ тамошней жизнью, о степени ихъ оригинальности и т. п. и закончилъ перечнемъ сочиненій Спаарія. Последнее сообщеніе было сдѣлано священникомъ К. П. Прокопьевымъ и носить заглавіе «Новыя изысканія о бытѣ чувашъ». Въ виду обширности доклада, референтъ предложилъ вниманію присутствующихъ только ту часть его, которая касается свадебнаго ритуала чувашъ въ случаѣ заключенія брака съ со-

гласія родителей невѣсты, а также охарактеризовалъ современные семейныя отношенія у этого народа. По обстоятельствамъ своей жизни авторъ доклада имѣлъ возможность близко ознакомиться съ бытомъ чувашъ; поэтому его замѣчанія, основанныя какъ на чужихъ показаніяхъ, такъ и на собственныхъ наблюденіяхъ, дали чрезвычайно яркую картину современной свадьбы чувашъ. Референтъ объявлялъ въ слѣдующемъ засѣданіи продолжить свой докладъ, который, какъ можно надѣяться, будетъ съ нѣкоторыми дополненіями напечатанъ въ издаваемыхъ обществомъ «Извѣстіяхъ» и доставить соціологамъ весьма интересный матеріалъ.

Археологическая коммиссія. 30-го октября, подъ предсѣдательствомъ графа А. А. Вобринскаго состоялось засѣданіе императорской археологической коммиссіи, посвященное разсмотрѣнію вопросовъ по реставраціи древнихъ церквей. На собраніи присутствовали: товарищъ предсѣдателя академикъ В. В. Латышевъ, старшій членъ коммиссіи профессоръ Н. И. Веселовскій, постоянные члены—А. А. Спицынъ и Б. В. Формановскій, сверхштатные члены: М. П. Боткинъ и Н. В. Покровскій; представители отъ императорской академіи художествъ: академики М. Т. Преображенскій и Г. И. Котовъ, и приглашенные на засѣданіе: академикъ Е. А. Сабанъевъ и архитекторъ П. П. Покрошкинъ. Коммиссіи предстояло разсмотрѣть рядъ ходатайствъ по реставраціи древнѣйшихъ русскихъ храмовъ. Архангельской консисторіи разрѣшенъ ремонтъ Михаило-Архангельскаго деревяннаго храма, Шенкурскаго собора, относящагося къ 1681 году; переустройство иконостаса въ храмѣ Рождества Пресвятыя Богородицы въ городѣ Мезени, относящагося къ 1717 году. По Вологодской губерніи разрѣшена передѣлка и переносъ деревяннаго храма при Соденгской Спасо-Преображенской церкви, при условіи сохраненія храма въ прежнемъ видѣ. Что касается слова Монзенскаго храма въ Грязовецкомъ уѣздѣ тоже Вологодской губерніи, то коммиссія рѣшила запросить, нельзя ли сохранить эту художественную древность. Ломать ограду вологодскаго архіерейскаго дома признано также неудобнымъ, и коммиссія нашла нужнымъ предложить только отремонтировать эту ограду, представляющую большой интересъ по оригинальности архитектуры. Затѣмъ разсмотрѣны были ходатайства: по расширенію Введенской церкви въ Шкнятинѣ, Псковской губерніи; о ремонтѣ Успенскаго храма Алексѣевскаго монастыря въ городѣ Угличѣ; о ремонтѣ Преображенскаго храма въ Любимскомъ Спасо-Господнемъ монастырѣ Ярославской губерніи и ремонтъ церкви Пятницко-Всольской тоже Ярославской губерніи. Разсматривалось еще ходатайство о ремонтѣ старинной церкви, находящейся близъ устья рѣки Шелони и относящейся яко бы къ XIII или XIV вѣку; коммиссія признала желательнымъ сохраненіе этого храма. Въ заключеніе возбужденъ былъ вопросъ о городскихъ смоленскихъ стѣнахъ; коммиссіей уже раньше разсматривался вопросъ объ ихъ ремонтѣ, при чемъ разрѣшено было сдѣлать только одинъ проломъ для прохода. Желая узнать о состояніи стѣнъ, коммиссія полагала необходимымъ снестись съ мѣстной коммиссіею и запросить авторитетныхъ лицъ или даже отправить специально архитектора для ихъ осмотра.

Библиологическое общество. I. 29-го сентября, происходило общее собраніе Русскаго библиологическаго общества подъ предсѣдательствомъ А. М.

Ловягина, который доложилъ, что въ настоящее время исполнилось давнишнее завѣтное желаніе: общество располагаетъ собственнымъ помѣщеніемъ. Благодаря содѣйствію А. І. Ляценка, общество при незначительныхъ затратахъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи уютную и помѣстительную квартиру (на Подольской улицѣ, въ домѣ № 11), въ которой помѣщается библиотека и справочное бюро общества, редакция «Литературнаго Вѣстника», а также будутъ устраиваться общія и обыкновенныя собранія. Собраніе постановило выразить признательность А. І. Ляценку за его дѣятельность на пользу общества и щедрія пожертванія. А. М. Филишовъ прочелъ «библіографическую справку объ А. Н. Радицевѣ (къ 100-лѣтію со дня его смерти)», гдѣ изложилъ судьбу извѣстнаго «Путешествія», а также статьи Пушкина объ этой книгѣ, и указалъ причины долгаго цензурнаго запрета, тяготѣвшаго надъ «Путешествіемъ». Въ дополненіе къ реферату В. Θ. Воцяновскій сообщилъ, что предпринятые по поводу столѣтія со дня смерти Радицева поиски его могилы доселѣ не увѣнчались успѣхомъ. Обществомъ выражено было пожеланіе, чтобы «Путешествіе» поскорѣе вышло общедоступнымъ изданіемъ. А. І. Липовскій доложилъ рефератъ о «XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ», на которомъ онъ былъ делегатомъ отъ библиологическаго общества и въ трудахъ котораго принималъ дѣятельное участіе въ качествѣ секретаря секціи славянскихъ древностей. Референтъ изложилъ организацию съѣзда, коснулся «Трудовъ» предварительнаго комитета, описалъ болѣе интересныя предметы выставки на съѣздѣ и привелъ существенныя положенія главнѣйшихъ докладовъ, прочитанныхъ на съѣздѣ. Къ недостаткамъ съѣзда, по мнѣнію докладчика, относится несистематичность работъ (случайность рефератовъ, кружлезная спеціализація вопросовъ) и отсутствіе связи между секціями. Съѣздъ все же далъ богатые результаты, послужилъ толчкомъ къ оживленію научной дѣятельности Харьковскаго университета, а оставленная послѣднему въ видѣ дара выставка является цѣннѣйшимъ приобрѣтеніемъ. Докладъ г. Липовскаго будетъ напечатанъ. Настоящее собраніе—первое въ текущемъ сезонѣ—прошло съ особеннымъ оживленіемъ, чему способствовали какъ интересъ рефератовъ, такъ и то обстоятельство, что общество, принужденное раньше кочевать, теперь, обзаведясь собственнымъ помѣщеніемъ, чувствуетъ болѣе твердую почву и болѣе сильную сплоченность. Въ члены общества избраны: В. В. Гиппіусъ и Е. В. Балобанова. II. 25-го октября въ помѣщеніи совѣта русскаго библиологическаго общества состоялось общее собраніе членовъ общества. Х. М. Лонаревъ сообщилъ о своей поѣздкѣ въ Италію, при чемъ прочелъ результаты своихъ занятій въ различныхъ архивахъ и библиотекахъ Генуи, Флоренціи и Рима. Занятія его касались преимущественно изслѣдованій въ области житій греческихъ святыхъ и произведеній византійскихъ писателей позднѣйшей эпохи. С. В. фонъ-Штейнъ прочиталъ рефератъ, посвященный «Казначейшѣ» Лермонтова, напечатаніе которой въ «Современникѣ» вызвало, по мнѣнію референта, разрывъ поэта съ редакціею этого журнала и съ Плетневымъ. Референтъ указалъ на незамѣченное еще обстоятельство, именно: на рядъ заимствованій въ «Казначейшѣ» Лермонтова изъ одной повѣсти конца тридцатыхъ годовъ. Въ заключеніе собранія происходило обсужденіе вопроса о переименованіи общества въ

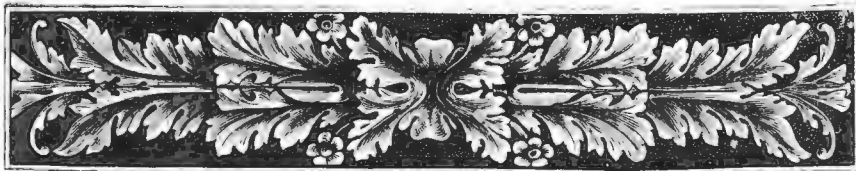
«историко-литературное». Большинствомъ голосовъ постановлено оставить обществу его настоящее наименованіе, но постараться развить дѣятельность по секціямъ библиографической, историко-литературной и исторіографической. Въ этомъ же засѣданіи избраны въ дѣйствительные члены общества: гг. Вл. М. Пуришкевичъ, П. Н. Булатовъ, П. К. Яворовскій, П. Г. Мижуевъ и Г. Ѳ. Линецерь.

Географическое общество. 1. 11-го октября въ засѣданіи отдѣленія этнографіи Н. В. Волковъ сдѣлалъ сообщеніе — «Наблюденія надъ говорами Москвы и прилегающихъ къ ней уѣздовъ». Въ настоящее время, — говоритъ докладчикъ, — вопросъ о московскомъ говорѣ считаютъ почти рѣшеннымъ. Московскій говоръ слыветъ за основное великорусское нарѣчіе, въ которомъ гласныя есть элементъ южно-великорусскій, согласныя — сѣверно-великорусскій-московскій языкъ является, такъ сказать, доминирующимъ и въ литературномъ отношеніи основаніемъ при изученіи другихъ мѣстныхъ нарѣчій. Но наблюденія, сдѣланныя докладчикомъ въ этомъ отношеніи, привели его къ инымъ выводамъ. Занявшись сначала изученіемъ говора самой Москвы, докладчикъ прежде всего пораженъ былъ, что, въ сущности говоря, онъ немогъ найти истыхъ москвичей: въ рѣчи послѣднихъ онъ не встрѣчалъ единства, у однихъ слышалось большее аканье, у другихъ меньшее, третьи отличались оканьемъ и т. д., при чемъ различные концы города отличались различнымъ произношеніемъ. Сопоставляя свои наблюденія со статистическими данными по переписи гор. Москвы 1882 г., изъ которой видно, что на 700 почти тысячъ жителей около 100 тысячъ приходится уроженцевъ самой Москвы и всего 7 тысячъ москвичей старше 25-лѣтняго возраста, принимая при этомъ въ соображеніе быстрый ростъ населенія Москвы (въ 1784 году было всего 200 тысячъ жителей), надо прийти къ заключенію, что говоръ Москвы не можетъ быть вполнѣ сложившимся, что Москва есть сборище говоровъ, что въ ней можно изучать говоры всей Россіи. Для дальнѣйшаго изученія докладчикъ совершилъ поѣздки въ уѣзды Москвы во всѣхъ ея направленіяхъ, при чемъ оказалось, что южное направленіе, какъ, напримѣръ, Кашира, Коломна, отличаются наиболѣе чистымъ аканьемъ, каковое и является главной чертой московскаго говора. Въ уѣздахъ Бронницкомъ, Богородскомъ, Егорьевскомъ, преобладаетъ оканье, точно также оно преобладаетъ на сѣверѣ, особенно въ Переяславлѣ. Переходя затѣмъ къ свидѣтельству письменныхъ памятниковъ, докладчикъ дѣлаетъ замѣчаніе, что въ московской грамматикѣ четырнадцатаго столѣтія нигдѣ нѣтъ яснаго аканья; указываютъ на встрѣчающееся аканье въ спискахъ (XIV в.) Евангелія, но нѣтъ основанія, по мнѣнію докладчика, признавать эти списки чисто московскими: также не говорятъ объ аканьи и рукописи XIV в.; слѣды аканья мы встрѣчаемъ уже въ болѣе позднихъ памятникахъ, какъ, напримѣръ, въ синодикахъ XVII в., которые шли съ Юга, также находимъ черты яснаго аканья въ коломенской Палеѣ (XV в.). Присоединяя ко всему этому данныя историческія, которыя указываютъ на пришлость населенія въ Москву главнымъ образомъ изъ южныхъ, юго-западныхъ и юго-восточныхъ княжествъ, докладчикъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы: московскій настоящій говоръ не есть главный типическій говоръ великорусскій, въ московскомъ говорѣ нѣтъ чистоты, аканье есть эле-

ментъ наносный, первоначальный говоръ былъ сѣверно-великорусскій, т.-е. окующій и даже уокующій, аканье пришло съ юга. Москва по говору въ теоретическомъ отношеніи не представляетъ одного пѣлаго со своими уѣздами.

II. 16-го октября въ общемъ собраніи В. Л. Комаровъ сдѣлалъ сообщеніе о своей поѣздкѣ лѣтомъ 1902 г. въ восточную часть Саянскаго нагорья. Поѣздка, организованная при помощи географическаго общества и петербургскаго ботаническаго сада, дала много новыхъ интересныхъ свѣдѣній изъ областей: ботаники, геологіи и этнографіи. Наиболѣе интереснымъ пунктомъ изслѣдованія явилось озеро Косоголъ и его бассейнъ. По наблюденію докладчика озеро, это не убываетъ, какъ предполагалось, а наоборотъ увеличивается; восточный берегъ Косогола представляетъ огромныя дюны; населяютъ его русскіе и буряты. Въ долинѣ рѣки Булуная находятся сѣрные минеральные источники, на которыхъ монголы устроили лѣчебный курортъ, при чемъ, хотя онъ оборудованъ и очень примитивно, но, тѣмъ не менѣе, въ смыслѣ гигиены внушаетъ болѣе довѣрія, чѣмъ находящійся неподалеку нашъ Ниловскій курортъ. Въ сѣверо-западной части Косогола встрѣчаются монгольскіе монастыри; въ одномъ изъ нихъ болѣе 1,000 монаховъ, много храмовъ довольно рѣдкаго китайскаго стиля и огромная рукописная библіотека. Въ сѣверной части Косогола пришлось переваливать большіе хребты. Одинъ изъ переваловъ Мунку-Сардыкъ достигаетъ 11 тыс. футовъ; въ этой же части встрѣчаются и ледники. Направляясь далѣе къ сѣверу, докладчикъ посетилъ интересный приискъ Алибера, который началъ здѣсь разрабатывать графитъ; въ настоящее время, послѣ внезапнаго исчезновенія Алибера, приискъ въ бездѣйствіи и запустѣніи, но, говорятъ, въ скоромъ времени онъ переходитъ для эксплуатаціи въ руки иностранцевъ. Около прииска водятся сѣверные олени, которыхъ разводить встрѣчающееся здѣсь очень рѣдкое населеніе сойотовъ, представляющее собою не болѣе ста семействъ и оставшееся только въ Россіи. Путь, пройденный докладчикомъ, равнялся 200 верстамъ. Итоги экспедиціи слѣдующіе: прослѣжены типичныя образованія этой части Монголіи, сдѣланы восхожденія на альпійскія высоты, опредѣлены границы альпійскаго кустарника, открыты интересные виды отдѣльныхъ растений, какъ, на примѣръ, особый видъ рододендрона, опредѣлены геологическія особенности почвы, распространеніе лишая, сдѣланы метеорологическія наблюденія; опредѣлена ледниковая дѣятельность (самыя значительныя изъ ледниковъ находятся на сѣверномъ склонѣ и достигаютъ 1¹/₂ вер.). Бассейнъ Косогола является важнымъ экономическимъ пунктомъ благодаря огромнымъ, роскошнымъ пастбищамъ, на которыхъ откармливается множество скота, идущаго теперь въ Иркутскъ; но эти луга представляютъ собою все-таки богатство будущаго, такъ какъ въ настоящее время, благодаря малочисленности населенія, большая часть луговыхъ пространствъ не используется. Русское населеніе, находящееся тамъ, болѣе склонно къ торговымъ, чѣмъ промышленнымъ операціямъ.

НЕКРОЛОГИ.

АЛЬПЕРСОНЪ, А. М. 27-го октября, скончалась газетная труженица, Анна Михайловна Гальперсонъ, выдающіяся качества которой равнялись ея необычайной скромности. Покойная родилась въ г. Херсонѣ въ 1856 г. Девятнадцати лѣтъ А. М. поступила корректоршей въ «Современныя Извѣстія», которыя редактировалъ и издавалъ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ. Въ 1883 г. А. М. заняла мѣсто переводчицы въ основанномъ тогда «Сѣверномъ Телеграфномъ Агентствѣ», замѣнявшемъ прежнее «Международное Телеграфное Агентство». вмѣстѣ съ тѣмъ, А. М., рѣдкія способности которой были оцѣнены по достоинству такимъ крупнымъ публицистомъ, какимъ былъ покойный Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, получила въ завѣдываніе иностранный и политическій отдѣлы «Современныхъ Извѣстій», а съ 1886 г. начала вести и театральнй отдѣлъ этой газеты. Вскорѣ затѣмъ Гиляровъ-Платоновъ, все болѣе и болѣе убѣждаясь въ исключительной добросовѣстности и блестящихъ способностяхъ А. М., довѣрилъ ей всю такъ называемую черную редакционную работу по газетѣ: чтеніе и исправленіе рукописей и проч. Одновременно съ этими постоянными занятіями А. М. сотрудничала въ нѣсколькихъ другихъ изданіяхъ: «Радугѣ», «Русскомъ Дѣлѣ», «Русскомъ Трудѣ», «Новостяхъ Дня» и «Семьѣ». Переселившись въ 1896 г. изъ Москвы въ Петербургъ, А. М., продолжая служить въ телеграфномъ агентствѣ, превращенномъ изъ «Сѣвернаго» въ «Россійское», работала одновременно въ «Міровыхъ Отголоскахъ», а затѣмъ, послѣ прекращенія ихъ изданія, въ редакціи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», гдѣ сотрудничала по иностранному отдѣлу до той минуты, пока ея не сразила тяжкая болѣзнь, сведшая въ могилу послѣ четырнадцати мѣсяцевъ мукъ и страданій. Этотъ скромный журнально-газетный формуляръ и въ слабой степени не обрисовываетъ всего, что успѣла дать за свое земное суще-

ствование эта талантливая, богато одаренная натура, исполненная непреклонной, живой энергии, бодрого, созидающего духа, съ чисто мужскимъ складомъ ума и безпредѣльной добротой... Незирая на свои многочисленныя литературныя занятія, не говоря о массѣ добра, оказаннаго роднымъ и окружающимъ, эта неустанная труженица успѣла дѣятельно, душевно и широко предаваться дѣламъ общественной благотворительности. Такъ, работая ежедневно въ нѣсколькихъ изданіяхъ, имѣя на рукахъ большую семью и нуждаясь зачастую сама въ средствахъ къ жизни, она въ Москвѣ принимала такое живое, энергичное и благотворное участіе въ Срѣтенскомъ городскомъ попечительствѣ о бѣдныхъ, что являлась прочимъ членамъ попечительства благороднымъ примѣромъ и заслужила всеобщую ихъ любовь и уваженіе... (Некрологъ ея: «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1902 г., № 298).

Гарбель, А. Въ Берлинѣ внезапно умеръ отъ апоплектического удара лекторъ берлинскаго (шарлоттенбургскаго) политехникума по кафедрѣ русскаго языка А. Гарбель. Будучи порожденію курляндцемъ, Гарбель окончилъ гимназію въ Ригѣ и прошелъ университетскій курсъ въ Москвѣ, гдѣ изучалъ юридическія науки. Уже будучи студентомъ, покойный отдался журналистикѣ и редактировалъ, издававшуюся одно время въ Москвѣ, «Московскую Иллюстрированную Газету». Затѣмъ Гарбель былъ основателемъ «Настольнаго энциклопедическаго словаря», право изданія котораго позже перешло къ Гранату, бывшему раньше соиздателемъ словаря. Переселившись лѣтъ девять назадъ въ Берлинъ, занялся переводомъ русскіхъ литературныхъ произведеній на нѣмецкій языкъ, и имъ переведено огромное количество романовъ, повѣстей и рассказовъ болѣе молодыхъ представителей русской литературы. Вышедшіе въ свѣтъ отдѣльными изданіями и разбросанные по многочисленнымъ газетамъ и журналамъ переводы Гарбеля составляютъ цѣлую библиотечку. Изъ русскіхъ шесть, переведенныхъ имъ, поставленъ былъ въ Берлинѣ и Ваденѣ «Заяцъ» Мясницкаго. Позже покойный отдался всецѣло преподаванію русскаго языка и распространенію знанія его среди нѣмцевъ. Онъ добился того, что русскій языкъ введенъ былъ раньше всего въ программу берлинскихъ коммерческихъ курсовъ, на которыхъ покойный и читалъ лекціи русскаго языка и русской грамматики. Затѣмъ онъ весьма энергично настоялъ, чтобы русскій языкъ включенъ былъ, въ видѣ опыта, въ программу одного изъ берлинскихъ реальныхъ училищъ и одной изъ городскихъ профессиональныхъ школъ. Круннѣйшая же его заслуга — въ томъ, что, по его инициативѣ, прусское министерство народнаго просвѣщенія учредило кафедру русскаго языка въ берлинскомъ политехникумѣ, куда покойный и былъ приглашенъ въ качествѣ лектора. Онъ имѣлъ значительное количество слушателей, а въ спеціальному курсу русскаго языка, читанномъ имъ, принимало участіе нѣсколько десятковъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ политехникума. Еще только недавно Гарбель добился, чтобы въ случаяхъ, когда отъ студентовъ требуется на экзаменѣ знаніе иностранныхъ языковъ, русскій языкъ объявленъ былъ равнозначимымъ французскому и англійскому языкамъ. Перу покойнаго принадлежатъ нѣсколько грамматикъ и небольшихъ словарей русскаго языка. Въ послѣдніе годы Г. работалъ надъ собираніемъ матеріала для большаго русско-нѣмецкаго словаря, и почти довелъ

до конца монументальный трудъ: «Самоучитель русскаго языка», по всемірно-извѣстной системѣ Туссенъ Лангеншейдта, при участіи и сотрудничествѣ профессора П. Первова въ Москвѣ и профессора В. Кернера, читающаго лекціи по русскому языку въ берлинской военной академіи. «Самоучитель» выходитъ уже отдѣльными выпусками въ изданіи извѣстной фирмы Лангеншейдта. Гарбель умеръ за работой, всего 38 лѣтъ отъ роду, наканунѣ полученія имъ профессорскаго званія и, вообще, несомнѣнно ученой карьеры. (Некрологъ его: «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1902 г., № 295).

† **Кмитто, А. С.** 18-го октября, Гатчина хоронила своего популярнаго врача Антона Семеновича Кмитто, скончавшагося отъ паралича сердца въ ночь на 16-е октября. Здѣсь давно уже не помнятъ такихъ дружныхъ и торжественныхъ похоронъ, какія выпали на долю покойнаго. Офицерство, интеллигенція, народъ—все съ чувствомъ неподдѣльной грусти провожали прахъ доктора. Покойный обладалъ лучшими качествами истиннаго дѣлителя челоуѣчества: безкорыстіемъ, знаніемъ своей профессіи, необыкновеннымъ прилежаніемъ и замѣчательной скромностью. Больной такъ вѣрилъ въ его помощь, что при видѣ его уже чувствовалъ себя легче. Диагнозъ его отличался всегда правильностью. Посѣщаль А. С. больных, не взирая ни на какую погоду, во всякое время дня и ночи; бросаль обѣдъ, если обѣдалъ; вставаль, если спалъ; бросаль карты, если игралъ; уѣзжалъ изъ гостей, если требовали. Можетъ быть, этой энергіей, этимъ чистымъ желаніемъ добра ближнему онъ и подорвалъ свою жизнь еще далеко не въ старомъ возрастѣ. А. С. родился 5-го января 1851 года; окончилъ курсъ въ медицинской хирургической академіи въ 1877 году. Вскорѣ по окончаніи курса онъ отправился съ лазаретомъ въ дѣйствующую Дунайскую армію и находился на театрѣ военныхъ дѣйствій до окончанія войны. Состоя большею частью въ отрядѣ генераль-адъютанта І. В. Гурко, А. С. принималъ участіе во многихъ дѣлахъ съ непріятелемъ: подъ Горнымъ Дубнякомъ, при переходѣ черезъ Балканы, подъ Ташкисеномъ, подъ Филиппополемъ и въ другихъ мѣстахъ. За отличія во время войны награжденъ орденами: св. Станислава и Анны 3 степени, оба съ мечами. На его долю выпало между прочимъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ тифозной эпидеміей въ войскахъ дѣйствующей арміи. Послѣ войны А. С. былъ врачомъ 12-го резервнаго пѣхотнаго батальона, 146-го пѣхотнаго Царицынскаго полка, Петергофскаго военнаго госпиталя и госпиталя лейбъ-гвардіи Коннаго полка, лейбъ-гвардіи Московскаго полка и съ 1892 года старшимъ врачомъ 23-й артиллерійской бригады. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9565).

† **Лачиновъ, Д. А.** 15-го октября, скончался заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго лѣснаго института по кафедрѣ физики дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитрій Александровичъ Лачиновъ. Покойный приобрѣлъ извѣстность своими изслѣдованіями въ области электричества и электротехники. Между прочимъ, имъ указанъ цѣнный способъ промышленнаго добыванія водорода, посредствомъ электролиза воды, и усовершенствованы аккумуляторы изъ губчатой платины. Д. А. родился въ 1843 году; среднее образованіе получилъ въ первой С.-Петербургской гимназійи и по окончаніи курса поступилъ въ Императорскій С.-Петербургскій университетъ. Вслѣдствіе временнаго закрытія

въ 1862 году университета, онъ отправился въ Гейдельбергъ, гдѣ въ теченіе 2¹/₂ лѣтъ занимался подъ руководствомъ профессоровъ Гельмгольца, Бунзена и Кирхгофа. По возвращеніи въ Петербургъ, покойный сдалъ экзаменъ на степень кандидата физико-математическихъ наукъ и въ 1866 году поступилъ на службу въ лѣсной институтъ, гдѣ впоследствии занялъ профессорскую кафедру физики и метеорологіи. Д. А. напечаталъ много статей и замѣтокъ въ журналѣ «Русскаго физико-химическаго общества», въ журналѣ «Электричество» и въ другихъ изданіяхъ. Отдѣльно имъ издавы: «Курсъ метеорологіи и климатологіи» и «Основы метеорологіи и климатологіи». (Некрологъ его: «Правительственный Вѣстникъ», 1902 г., № 228).

† **Майковъ, А. А.** 17-го октября, въ Москвѣ, скончался гофмейстеръ высочайшаго двора Аполлонъ Александровичъ Майковъ. Покойный извѣстенъ своими многочисленными трудами преимущественно по славянскому вопросу. Въ 1880-хъ годахъ былъ управляющимъ императорскими московскими театрами. А. А. родился 28-го іюля 1826 года, воспитывался въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ, затѣмъ кончилъ курсъ Московскаго университета со степенью кандидата историко-филологическихъ наукъ. Въ университетѣ онъ считался однимъ изъ лучшихъ учениковъ извѣстнаго слависта О. М. Бодянскаго. Вскорѣ по выходѣ изъ университета покойный перевелъ съ польскаго «Начало уніи» Зубрицкаго и въ 1857 году защитилъ диссертацию: «Исторія сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кириллицею, въ связи съ исторіей народа», на степень магистра славянской словесности. Эта работа была удостоена Демидовской преміи. Тогда же А. А. былъ допущенъ къ чтенію лекцій въ университетѣ по русской литературѣ и языку. Въ 1859 году оставилъ профессору и посвятилъ свою дѣятельность мѣстному дворянству. Занимая разнообразныя должности по дворянскимъ выборамъ, продолжалъ заниматься учено-литературными трудами. Въ это время имъ опубликованы работы: «О земельной собственности въ древней Сербіи», «Присяжный судъ у южныхъ славянъ», «Что такое иронія въ древней Сербіи», «О славяновѣдѣніи въ Россіи», «Раздѣлъ Турціи», «Двѣ эпохи конгрессовъ», «Замѣтки по внѣшнимъ дѣламъ», «Православіе на востокъ» и др. Кромѣ того, имъ переведено нѣсколько пьесъ самостоятельно и вмѣстѣ съ В. И. Родиславскимъ. Изъ нихъ успѣхомъ пользовалась пьеса «Байронъ, или поэтъ и общество». Имъ же напечатаны нѣсколько статей общаго характера: разборъ пьесы «Горькая судьбина» Писемскаго въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1860 года и друг. За свои учено-литературныя заслуги А. А. избранъ императорскою академіей наукъ въ члены-корреспонденты. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ основаніи славянскаго взаимовспомогательнаго общества въ Москвѣ, при его возникновеніи былъ избранъ предсѣдателемъ и руководилъ дѣятельностью этого общества до 1895 года. Затѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ былъ казначеемъ общества драматическихъ писателей. Какъ человекъ, А. А. отличался привѣтливостью и трудоспособностью и пользовался симпатіями всѣхъ, знавшихъ его. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9564).

Траутшольдъ, Г. А. 10 (23) октября, скончался въ Карльсруэ Германъ Адольфовичъ Траутшольдъ, стяжавшій себѣ громкое имя въ ученомъ мірѣ,

какъ выдающійся геологъ и палеонтологъ и особенно много поработавшій въ Россіи и для Россіи, гдѣ онъ провелъ большую часть своей жизни. Родился въ 1817 году въ Берлинѣ и получилъ образованіе въ тамошнемъ университетѣ, гдѣ по окончаніи курса на философскомъ факультетѣ занялъ первоначально мѣсто ассистента при извѣстномъ въ то время ботаникѣ Линкѣ, а затѣмъ въ Гиссенѣ — у знаменитаго химика Либиха. Еще молодымъ, въ 1846 году, пріѣхалъ онъ въ Россію и поступилъ воспитателемъ въ семейство Лугининыхъ, изъ которыхъ одинъ, В. Ѳ. Лугининъ, нынѣ профессоръ Московскаго университета, находился постоянно въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ своему воспитателю. Бурный на Западѣ 1848-й годъ заставилъ Траутшольда вернуться въ Германію, но уже въ слѣдующемъ году, когда стихли политическія волненія, онъ снова возвратился въ Россію и послѣ Лугининыхъ поступилъ воспитателемъ въ домъ Ахлестышевыхъ. Позднѣе Г. А. вступилъ лекторомъ нѣмецкаго языка въ Московскій университетъ и оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока не освободилась каѳедра минералогіи и геологіи въ Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи. Эту каѳедру занималъ Г. А. до 1888 года и оставилъ ее, выслуживъ пенсію. Въ этомъ же году онъ выѣхалъ за границу, продавъ въ Россіи свою богатѣйшую бібліотеку и палеонтологическія коллекціи. За границей Г. А. жилъ сначала — въ Бреславлѣ, потомъ — въ Фрейбургѣ и, наконецъ, — въ Карльсруэ, гдѣ и кончилъ дни свои. Г. А. оставилъ послѣ себя память своими многочисленными учеными трудами въ области геологіи и палеонтологіи, преимущественно Россіи, которая обязана ему многимъ въ этомъ отношеніи и которая была для него вторымъ отечествомъ. Эти труды, изъ коихъ многіе отличаются большою оригинальностью, смѣлостью мысли, тонкою наблюдательностью, помѣщены большею частью въ изданіяхъ московскаго общества испытателей природы; небольшая часть ихъ напечатана въ петербургскихъ, немногіе — въ заграничныхъ спеціальныхъ журналахъ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1902 г., № 305).

† **Шишкинъ, Н. П.** 11-го ноября скончался въ Гатчинѣ одинъ изъ нашихъ дипломатовъ, членъ государственнаго совѣта, статсъ-секретарь, д. т. с. Николай Павловичъ Шишкинъ, болѣе полувѣка послужившій родинѣ. Большой знатокъ труднаго дѣла — дипломатіи, Н. П. съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности показалъ, что онъ умѣетъ вникать глубоко въ исполненіе своихъ обязанностей и изслѣдуетъ дѣло со всѣхъ сторонъ. Быстрое проникновеніе въ суть его и большой тактъ являлись отличительными чертами его плодотворной работы. Осуществляя съ успѣхомъ предначертанія высшей власти, онъ умѣлъ быть, однако, самостоятельнымъ, сохраняя полную самобытность. И что особенно дорого было въ Н. П. Шишкинѣ, это — его твердость, непоколебимость убѣжденій, глубокая честность, прямота и беззавѣтная вѣра въ свое родное русское. Да, это былъ истинный русскій человекъ, русскій до мозга слова. При всѣхъ своихъ высокихъ нравственныхъ качествахъ и достоинствахъ государственнаго дѣятеля, имѣя право гордиться своими заслугами, покойный отличался скромностью необычайной. Онъ приобрѣлъ симпатіи всѣхъ тѣхъ, кто желалъ добра своей родинѣ. Н. П. происходилъ изъ дворянъ Ярославской губерніи и родился въ 1830 году. Окончивъ 17-ти лѣтъ курсъ

въ Александровскомъ лицѣѣ, онъ началъ службу въ канцеляріи начальника Ярославской губерніи, а въ апрѣлѣ 1852 году былъ переведенъ въ азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ занималъ разныя должности. Первые шаги его на поприщѣ дипломатіи относятся къ концу 50-хъ годовъ, когда 27-ми лѣтъ, въ 1857 году, его назначили состоять при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ. Пробывъ здѣсь до августа того же года, Н. П. 1-го января 1859 году получилъ мѣсто секретаря генеральнаго консула въ Бухарестѣ, въ мартѣ 1861 года послѣдовало его назначеніе консуломъ въ Адрианополь, а въ августѣ 1863 года онъ былъ переведенъ на должность генеральнаго консула въ Бѣлградъ. Здѣсь онъ пробылъ около 12 лѣтъ, исполняя обязанности дипломатическаго агента и генеральнаго консула въ Сербскомъ княжествѣ (1868—1875). Его способности были уже на виду, и Н. П. получилъ значительное повышеніе. Его назначили на важный и отвѣтственный постъ — чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ онъ оставался съ небольшимъ 5 лѣтъ. 14-го іюня 1880 года онъ занялъ столь же видный постъ при дворѣ короля эллиновъ и пробылъ въ Греціи до времени своего назначенія чрезвычайнымъ посломъ при дворѣ короля шведскаго и норвежскаго (8-го февраля 1884 года). Немало очень важныхъ порученій исполнялъ Н. П. въ этотъ періодъ времени, заключившійся 1891 годомъ. Предшествовавшія заслуги его были оценены, и именнымъ высочайшимъ указомъ отъ 12-го марта 1891 года Н. П. былъ назначенъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ. Спустя полгода, онъ временно исполнялъ обязанности управляющаго министерствомъ, а затѣмъ пожалованъ былъ 14-го мая 1896 года въ статусъ-секретари съ производствомъ въ тайные совѣтники. 12-го августа того же года онъ былъ призванъ къ управленію министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и оставался на этомъ посту до начала 1897 года, когда былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта. (Некрологъ его: «Виржевыя Вѣдомости», 1902 г., № 310).

Шуваловъ, графъ Н. П. 13-го октября, скончался въ своемъ имѣніи Тальное, Киевской губерніи, генераль-майоръ графъ Павелъ Петровичъ Шуваловъ. Покойный родился въ 1847 году, воспитывался въ С.-Петербургскомъ императорскомъ и Гейдельбергскомъ университетахъ; въ послѣднемъ кончилъ курсъ со степенью доктора гражданскихъ и духовныхъ правъ.

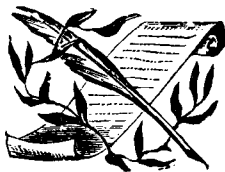
Въ службу вступилъ на правахъ вольноопредѣляющагося унтеръ-офицеромъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій его величества полкъ въ 1868 году. Въ 1872 году въ чинѣ поручика назначенъ былъ адъютантомъ къ его императорскому высочеству великому князю Владимиру Александровичу. Въ 1882 году назначенъ былъ флигель-адъютантомъ къ государю императору Александру III. Спустя семь лѣтъ, графъ Н. П. получаетъ назначеніе командиромъ 134-го пѣхотнаго еодосійскаго полка. Въ послѣднее время онъ былъ командиромъ лейбъ-гвардіи егерскаго полка.

Въ 1873 году графъ Н. П. былъ въ хивинской экспедиціи, командовалъ 29-го мая колонною охотниковъ, участвовалъ въ пробитіи бреши и овладѣніи сѣверными воротами города Хивы и занятіи столицы ханства, и былъ контуженъ. Во время кампаніи 1877—1878 года участвовалъ въ артиллерійскомъ

боѣ Турнскихъ батарей съ кр. Никополеми, въ стычкахъ у дер. Кадыкой, Іовань-Чифликъ, при отраженіи турецкихъ атакъ на дер. Кадыкой и на дер. Красную 23-го августа; за отличіе въ этомъ дѣлѣ награжденъ орденомъ св. Владимира 4-й степени съ мечами и бантомъ; въ октябрѣ находился въ рущукскомъ отрядѣ и подъ личнымъ начальствомъ государя наслѣдника принималъ участіе въ усиленныхъ рекогносцировкахъ непріятельскаго расположенія и въ дѣлѣ у дер. Іовань-Чифликъ и Кадыкой 9-го и 12-го октября. Мѣстечко Тальное многимъ обязано П. П., который постоянно заботился о его благоустройствѣ и о насажденіи среди мѣстнаго населенія культурныхъ началъ. Съ этой цѣлью П. П., между прочимъ, былъ устроенъ въ Тальномъ народный домъ, являющийся прекраснымъ памятникомъ культурно-общественной дѣятельности покойнаго. (Некрологи его: «Кіевская Газета», 1902 г., № 288; «Биржевыя Вѣдомости», 1902 г., № 284).

† **Эллисъ, Н. В.** 28-го октября, скончался одинъ изъ боевыхъ генераловъ нашей арміи, генераль отъ инфантеріи въ отставкѣ Николай Веніаминовичъ Эллисъ. Родился онъ въ 1829 году и происходилъ изъ англійскихъ дворянъ (присягалъ на подданство Россіи въ 1854 году). Образование получилъ въ школахъ гвардейскихъ прапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (нынѣ Николаевское кавалерійское училище), откуда въ 1849 году былъ выпущенъ прапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ и тотчасъ же, по случаю венгерской кампаніи, отправился въ походъ къ западнымъ предѣламъ имперіи. Въ 1854 году Н. В. находился въ составѣ войскъ, охранявшихъ побережье С.-Петербургской губерніи. Произведенный въ 1863 году въ капитаны, онъ въ томъ же году принялъ участіе въ усмиреніи польскаго мятежа 1863—1864 гг., при чемъ находился въ дѣлѣ при сел. Пионтковѣ (Гродненской губ.), за что былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 4-й степени съ мечами и бантомъ. Въ 1875 году произведенъ въ генераль-майоры, а въ 1876 году назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка. Во время послѣдней нашей войны съ турками 1877—1878 гг., Н. В. во главѣ измайловцевъ вступилъ въ предѣлы Румыніи, перенравился черезъ Дунай у Зимницы и принялъ видное участіе въ бою подъ Горнымъ-Дубнякомъ; затѣмъ съ полкомъ, въ составѣ войскъ западнаго отряда, подъ общимъ начальствомъ генераль-адъютанта Гурко, Н. В. перешелъ Балканы и участвовалъ въ дѣлахъ при дер. Ташкісенѣ и взятіи Софіи. За Горный-Дубнякъ и переходъ черезъ Балканы онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 3-й степени съ мечами и золотой саблей, съ надписью: «за храбрость». Въ концѣ 1877 года покойный П. В. былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Во главѣ бригады генераль-майоръ Эллисъ участвовалъ въ движеніи отъ города Адрианополя къ берегамъ Мраморнаго моря и затѣмъ къ Константинополю. Въ 1883 году былъ назначенъ командующимъ 1-й гренадерской дивизіи, съ 1886 года состоялъ въ запасѣ по 1889 годъ. Въ этомъ году Н. В. вновь определенъ на службу и послѣдовательно занималъ должность начальника 40-й и 41-й пѣхотной дивизіи и въ 1898 году произведенъ въ генералы отъ инфантеріи съ увольненіемъ отъ службы. (Некрологъ его: «Русскій Инвалидъ», 1902 г., № 236).

† **Якимовъ, К. В.** 16-го октября, скончался членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ Константинъ Васильевичъ Якимовъ. К. В. родился въ 1839 году; высшее образованіе получилъ въ императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, на юридическомъ факультетѣ; по окончаніи курса со степенью кандидата правъ поступилъ въ 1862 году на службу въ канцелярію общаго собранія первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи правительствующаго сената; въ 1868 году назначенъ оберъ-секретаремъ въ 4-й департаментъ сената. Въ 1875 году К. В. согласно его прошенію былъ уволенъ отъ службы, а въ 1876 году по распоряженію августѣйшаго намѣстника Кавказскаго края былъ вызванъ на службу въ Закавказскій край и опредѣленъ правителемъ канцеляріи начальника главнаго управленія намѣстника кавказскаго и съ того времени служилъ на Кавказѣ по февраль 1899 года. Въ 1883 году К. В. назначенъ предсѣдателемъ кавказскаго цензурнаго комитета, въ 1890 году назначенъ членомъ закавказскаго статистическаго комитета и въ 1891 году— членомъ совѣта главнаго начальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. За время пребыванія на Кавказѣ К. В. принималъ участіе во многихъ комиссіяхъ или въ качествѣ члена или въ качествѣ предсѣдателя. Въ 1882 году онъ принималъ участіе въ комиссіи для подробнаго пересмотра узаконеній, касавшихся Кавказскаго края, затѣмъ въ комиссіи, бывшей продолженіемъ первой, для составленія проекта законоположеній о поземельномъ устройствѣ быта государственныхъ крестьянъ пяти губерній Закавказскаго края. Въ 1892 году по случаю холеры въ Тифлиской губерніи К. В. былъ назначенъ предсѣдателемъ санитарной комиссіи. Въ 1895 году исполнялъ обязанности предсѣдателя закавказскаго статистическаго комитета, а затѣмъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи по пересмотру крестьянскихъ законоположеній. Въ февраль 1899 г. К. В. уволенъ въ отставку по прошенію, а въ апрѣль того же года назначенъ членомъ совѣта внутреннихъ дѣлъ. (Некрологи его: «Кавказъ», 1902 г., № 276; «Правительственный Вѣстникъ», 1902 г., № 228).

Наконецъ, прощаясь съ своимъ семействомъ, оставшимся на берегахъ Лемана и у подножья вѣчныхъ Альпъ, генераль Рованъ произнесъ:

— Вы вскорѣ, мои друзья, будете со мною и уже навсегда. Если я когда нибудь вернусь въ Америку, то съ тремя звѣздочками генераль-лейтенанта на эполетахъ. Я получу эту награду, или моимъ удѣломъ будетъ могила на Нилѣ.

— *Honor est a Nilo!*—съ улыбкой произнесла Ирена.

Черезъ двѣ недѣли Рованъ присоединился въ блестящемъ Каирѣ—этой жемчужинѣ Нила,—къ медленно собиравшимся членамъ американской миссиі.

Въ роскошно вышитомъ мундирѣ и въ эполетахъ съ полумѣсяцемъ явился Рованъ первый разъ къ Измаилу-пашѣ. Воспитанный во Франціи и отличавшійся двойственной натурой, хедивъ шестнадцать лѣтъ управлялъ Египтомъ, какъ современный Гарунъ-Аль-Рашидъ. Умный, ловкій и храбрый Измаиль былъ въ сущности игрушкой въ рукахъ Франціи и Англіи въ продолженіе ихъ двадцатилѣтняго поединка изъ-за Суэзскаго канала. Только черезъ пять лѣтъ послѣ появленія въ Египтѣ Рована судьба этой страны была рѣшена лордомъ Биконсфильдомъ, и Англія завладѣла окончательно Суэзскимъ каналомъ, слѣдовательно и Египтомъ.

Очень любезно принятый хедивомъ, генераль Рованъ ревностно принялся за свои многочисленныя занятія. Отличаясь великолѣпными лингвистическими способностями, удивительнымъ терпѣніемъ и необыкновенной энергіей, онъ плѣнилъ всѣхъ своимъ любезнымъ обращеніемъ. Слушая всѣхъ и не довѣряя никому, онъ началъ свою карьеру въ Египтѣ, осыпанный международными почестями.

Къ большому его удивленію, Рованъ нашелъ въ американской миссиі многихъ блестящихъ ветерановъ южной арміи: генераловъ Лоринга, Рэта, Сиблэй, Рейнольдса и другихъ, а также около дюжины штабъ-офицеровъ, усиливавшихъ замѣчательный сѣверный контингентъ. Между прочимъ, въ числѣ южанъ былъ и полковникъ Джениферъ. Забывъ всѣ несогласія, двадцать четыре американскихъ офицера, впоследствии умножившихся до сорока, принялись за систематическій трудъ организациі египетской арміи, изслѣдованіе страны и усиленіе фортификаціонныхъ работъ.

Съ самаго начала Рованъ былъ *persona grata* у пашей, мѣстныхъ генераловъ и великолѣпныхъ царедворцевъ Измаила.

Каждая отрасль службы вскорѣ стала энергично развиваться, и Рованъ, не участвуя въ придворныхъ празднествахъ, усердно надзиралъ надъ всѣмъ, что дѣлалось въ Каирѣ, изъ тѣхъ самыхъ комнатахъ въ пятаделѣ, гдѣ нѣкогда обиталъ Бонапартъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ вскорѣ Рованъ устроилъ удобное жилище для своего семейства и перевезъ на берега Нила Ирену съ его двумя итенцами. На первыхъ же дняхъ прибытія жены онъ повѣдалъ ей тайну существованія и будущности Египта.

— Весь блескъ окружающей страны, — говорилъ онъ, — основанъ на занятыхъ деньгахъ, и въ одинъ прекрасный день, когда англичане не станутъ болѣе давать денегъ, то хедивъ погибнетъ. Но, Ирена, пройдетъ еще много лѣтъ до конечной катастрофы. Франція подъ гнетомъ Германіи будетъ безпомощна, чтобы спасти Египетъ, и Англія, мирнымъ путемъ или силой, овладѣетъ имъ. Тогда естественно, наши американцы покинутъ страну. До этого времени я увѣнчаю себя лаврами и вернусь въ Америку съ безспорной славой.

Занимая блестящее положеніе, Ирена повела соблазнительную, таинственную жизнь востока съ своей любимой Аделью, а мѣстные паши принимали ихъ за двухъ женъ генерала Рована: златокудрую и черноокою. Тогда обворожительная, странная жизнь Египта не знала «Куковъ» и «англійскихъ ресторановъ»; главныя черты этой жизни были прогулки въ садахъ Булака и посѣщенія гаремовъ пашей, жены которыхъ очень полюбили американку.

Почти тотчасъ же по требованіямъ службы американцы разсѣялись по всей странѣ. Они принялись за энергичныя изслѣдованія Дарфура, Сенаара, Кардофана и Седана, а чрезъ четыре года эти труды подъ руководствомъ Рована дали обильные плоды. Онъ же самъ всѣмъ управлялъ, работая пятнадцать часовъ въ день въ великолѣпной военной библиотекѣ каирской цитадели.

Мирно, спокойно, счастливо протекали дни Ирены, пока она со страхомъ не узнала, что въ штабѣ генерала Лоринга, командовавшаго береговымъ корпусомъ и тайно возводившаго укрѣпленія Александріи, служилъ полковникъ Джениферъ.

— Этотъ человѣкъ для насъ роковой! — промолвила она про себя: — у него должно быть письмо полковника Макъ-Крери. Но у него ли оно или гдѣ?

Скрывая отъ мужа эту единственную тайну, Ирена вступила въ переписку съ майоромъ Ситономъ, который теперь служилъ въ главномъ штабѣ въ Вашингтонѣ.

Между тѣмъ Рованъ изъ опасенія турецкихъ шпионовъ, рѣдко показывался въ веселомъ американскомъ обществѣ Каира. Онъ даже избѣгалъ часто видаться и съ хедивомъ, который, несмотря на свои деспотическія привычки, былъ парижскимъ франтомъ и кутилой по старой памяти Жокей-клуба, въ которомъ онъ когда-то былъ веселымъ членомъ. Но подъ модной личиной Измаилъ скрывалъ энергичную цѣль — сбросить турецкое иго. Съ этой цѣлью онъ строилъ въ Европѣ громадныя броненосцы, а съ помощью генерала Лоринга и его американскихъ офицеровъ дѣлалъ Александрію неприступной твердыней. Все это производилось подъ предлогомъ необходимыхъ поправокъ и улучшеній.

Генералъ Лорингъ былъ гордымъ, рѣшительнымъ генералъ-лейтенантомъ бывшей южной арміи. Адъютантомъ у него служилъ полковникъ Джениферъ и пользовался настолько его любовью,

что Лорингъ не отпускалъ его отъ себя ни на шагъ изъ Александрии. Съ своей стороны генералъ Рованъ былъ такъ занятъ своими обязанностями при хедивѣ, что онъ не могъ ни на одинъ день отлучиться изъ Каира. Такимъ образомъ Ирена благодарила Бога, что ея мужъ ни разу не встрѣтился съ полковникомъ Джениферомъ.

Въ первую зиму, проведенную Рованомъ въ Египтѣ, онъ былъ произведенъ Измаиломъ въ личные генералъ-адъютанты, дѣйствительные генералъ-майоры и главнокомандующіе арміей. Благодаря этимъ производствомъ, жены южныхъ американскихъ генераловъ и офицеровъ, изъ которыхъ очень немногія жили въ Каирѣ, замѣтно воздерживались отъ дружбы съ Иреной Рованъ. Одинаково съ дамами американскаго общества воздерживались и мужчины отъ близкаго знакомства съ Рованомъ, такъ какъ всѣ они были южане, а онъ — сѣверянинъ.

Однако, случайно, какая-то прелестная словоохотливая южанка встрѣтилась съ Иреной и сообщила ей причину, по которой Джениферъ, подобно остальнымъ южанамъ, не знакомился съ Рованомъ.

— Полковникъ Джениферъ, — сказала она, — храбрый ветеранъ бывшей южной арміи, и онъ боится, что генералу Ровану будетъ непріятно съ нимъ встрѣтиться, особенно потому, что онъ служилъ подъ начальствомъ генерала Эванса и былъ противникомъ Бэкера при Больсъ-Блуффѣ. Но Джениферъ уважаетъ и почитаетъ вашего достойнаго мужа.

Узнавъ объ этомъ, Ирена немедленно написала длинное письмо майору Ситону. Она боялась, что бѣда грозила Ровану, если письмо Макъ-Крери будетъ какимъ нибудь образомъ отыскано. Она видѣла большую опасность въ открытіи могилы прошедшаго.

— Дай Богъ, чтобы этого никогда не случилось, — думала она.

Однажды, вечеромъ Рованъ вернулся послѣ обычнаго посѣщенія хедива, и на груди его видѣлись звѣзды Османіе и Меджидіе.

— Его высочество самъ надѣлъ мнѣ эти ордена, — сказалъ Рованъ: — и вотъ его слова: «Генералъ Рованъ, у васъ злые враги въ Америкѣ. Я никогда не открываю сообщенныхъ мнѣ тайнъ, но, по моему мнѣнію, это не тайна, и я вамъ скажу, что получилъ не только отъ генерала Гранта неофициальное одобреніе вашего назначенія, но отъ генерала Шермана вашъ послужной списокъ». Сказавъ это, хедивъ показалъ мнѣ мой послужной списокъ на пергаментѣ и приписку на немъ генерала Шермана. «Я знаю, — прибавилъ хедивъ, — что вы могучій человекъ, ибо только сильные люди имѣютъ враговъ». Возьмите эти ордена — воспоминанія нашего сегоднешняго разговора. Дайте мнѣ Ніянзу, Дарфуръ, Кардофанъ и Сенааръ — за это вы получите новый чинъ. Ваши офицеры всѣ люди способные, надежные и преданные мнѣ».

— Кто же ему передалъ эти сплетни? — спросила Ирена.

— Не знаю,—отвѣтилъ Рованъ:—но во всякомъ случаѣ злымъ языкамъ не удалось мнѣ повредить.

— Теперь, видитъ Богъ, я желала бы, чтобы нашлось письмо Макъ-Крери,—подумала Ирена.

— Я ни въ грошъ не считаю богатство, Ирена,—сказалъ Рованъ, сверкая глазами:—но, во что бы то ни стало, восторжествую надъ своими врагами. Я останусь въ Египтѣ послѣднимъ изъ американцевъ и все это время буду мудръ, какъ змѣя, и невиненъ, какъ горлица.

— Прости меня,—промолвила Ирена,—что я изъ осторожности скрыла отъ тебя копию твоего послужного списка, присланнаго Шерманомъ.

— Да благословить его Господь,—воскликнулъ Рованъ:—сохрани этотъ документъ, какъ лучшее наслѣдіе нашихъ дѣтей. Шерманъ пишетъ мнѣ, что на будущій годъ онъ пріѣдетъ къ намъ въ Египетъ съ официальнымъ визитомъ. Это будетъ очень кстати, такъ какъ Гордонъ-паша всячески старается насъ вытѣснить отсюда.

Черезъ мѣсяцъ всѣ американскіе офицеры въ Нижнемъ Египтѣ пріѣхали къ Ровану съ визитомъ, въ томъ числѣ и генералъ Лорингъ съ его подчиненными. Они явились къ нему, какъ къ своему начальнику.

Воспользовавшись баломъ, который дали въ ихъ честь каирскія власти, полковникъ Джениферъ подошелъ къ мистриссъ Рованъ и сказалъ ей, отводя ее въ сторону:

— Главная цѣль нашего пріѣзда сюда заключается въ томъ, чтобы публично уничтожить неосновательныя клеветы, распространенныя въ европейскихъ и египетскихъ кружкахъ Каира и Александріи насчетъ поведенія генерала Рована въ сраженіи при Больсъ-Блуффъ. Я могу вамъ сказать то, что по необходимости долженъ скрыть отъ него. Я былъ помощникомъ начальника южанъ въ этомъ страшномъ побоищѣ, первой бесполезной рѣзнь. Я буду свидѣтельствовать до послѣдняго своего дыханія, что поражение отряда генерала Рована произошло только по безразсудной неосторожности полковника Бэкера. Это мнѣ повѣдали его же подчиненные, взятые нами въ плѣнъ. Что же касается до официальныхъ распоряженій генерала Рована, то они были во всѣхъ отношеніяхъ великолѣпны. Наши шпионы изъ Вашингтона увѣдомили насъ, что все произошло отъ самолюбія Бэкера. Несмотря на наши усилія въ продолженіе семи часовъ, мы не могли опрокинуть полковника Дэванса, и наконецъ Бэкеръ, какъ сумасшедшій, врѣзался въ нашу засаду. Мы теперь бездомные изгнанники и потому не можемъ явиться свидѣтелями въ пользу Рована. Наше дѣло навѣки погибло, но я буду все-таки свидѣтельствовать до самой своей смерти противъ преступной несправедливости обвиненій, посыпавшихся на вашего мужа. Ему я не скажу ни слова, но каждый южный офицеръ готовъ за него заступиться.

— Знали ли вы предъ сраженіемъ о планахъ и распоряженіяхъ моего мужа?—спросила, едва переводя дыханіе, Ирена.

— Бѣдный Пейтонъ,—отвѣчалъ Джениферъ:—завѣдывалъ у генерала Эванса развѣдочной частью, но я его не видалъ послѣ сраженія, и онъ вскорѣ потомъ былъ убитъ. Впрочемъ, мнѣ кажется, что онъ какимъ-то страннымъ образомъ зналъ всѣ планы сѣверянъ. Начальника же моего, генерала Эванса, я потерялъ изъ виду, и такимъ образомъ эта тайна никогда не будетъ разгадана.

— Полковникъ Джениферъ,—произнесла Ирена съ необыкновеннымъ пыломъ:—дайте мнѣ слово, что если когда нибудь вы узнаете подробности объ этомъ страшномъ днѣ, то вы меня увѣдомите?

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ Джениферъ и, почтительно поцѣловавъ руку Ирены, пошелъ танцовать съ Аделью.

Такимъ образомъ злая сплетня, распространившаяся на Нилѣ, была съ самаго начала заглушена благородными южанами и добродушнымъ хедивомъ.

Однако Ирена написала объ этомъ происшествіи генералу Шерману, который теперь остался единственнымъ защитникомъ ея мужа, такъ какъ сенаторъ Макъ-Дугаль за годъ до этого умеръ на своей далекой родинѣ, Калифорніи.

Шерманъ немедленно отвѣчалъ ей и выразился очень характеристично:

«Когда я приѣду въ будущемъ году въ Египетъ и буду вашимъ домашнимъ гостемъ, то объясню Измаилу, почему президентъ не можетъ уничтожить этихъ ни на чемъ не основанныхъ клеветъ. Но никто не смѣетъ публично поддерживать ихъ, такъ какъ онѣ только сочинены для объясненія его ареста въ Бастилии. Вѣрьте мнѣ, время все откроетъ. Подобное преступленіе не можетъ быть навѣки скрыто».

Дѣйствительно, приѣздъ Шермана въ Египетъ окончательно заглушилъ позорныя клеветы противъ Рована.

Прошелъ еще годъ, и имя генерала Рована распространилось по всему Египту отъ Ніяны до моря и отъ оазиса Юпитера Амонскаго до Идена, какъ человѣка безупречной славы.

— Бѣдный Измаиль,—говорилъ онъ въ это время съ глубокимъ вздохомъ:—онъ заботится только о новой оперѣ, о новомъ сахарномъ заводѣ, о новыхъ дворцахъ, а не заботится, что все это достанется въ концѣ концовъ англичанамъ. Англія заберетъ въ свои руки всю Африку отъ мыса Доброй Надежды до Каира. Гордонъ ревностно стремится къ своей цѣли, а моя задача будетъ окончена черезъ пять лѣтъ. Къ тому времени я приведу къ концу всѣ работы по устройству военныхъ школъ, регламентаціи по-европейски египетскихъ войскъ, пороховыхъ заводовъ и т. д. Но не я, а другой будетъ собирать плоды моихъ трудовъ: лордъ Биконсфильдъ распорядится здѣсь всѣмъ по-своему. Результатомъ моихъ реформъ въ концѣ концовъ будутъ три звѣздочки на моихъ эполетахъ.

— Слава Богу, онъ ничего не слышалъ о распространившихся было сплетняхъ,—подумала Ирена.

Въ началѣ зимы она получила письмо отъ майора Ситона и съ испугомъ прочла его:

«Даніэльсъ, бывший чиновникъ прежняго военнаго министерства, нашель архивъ генерала-казначей. Давно пропадавшее письмо полковника Макъ-Крери будетъ переслано къ рыцарски благородному Джениферу. Вы должны тайно повидаться съ нимъ и предохранить Рована отъ смертельнаго удара. Я имѣю подозрѣніе, что измѣнникомъ былъ тотъ, кто наканунѣ сраженія писалъ свою исповѣдь».

ХП.

Несмотря на увѣдомленіе майора Ситона, письмо Макъ-Крери все не появлялось, и мало-по-малу Ирена Рованъ почти забыла висѣвшій надъ ея семьею Дамокловъ мечъ.

Каирская жизнь въ то время была полна разнообразія и сенсационныхъ эпизодовъ. Путешествія по Нилу въ великолѣпныхъ яхтахъ Измаила, блестящія придворныя экскурсіи въ Портъ-Саидъ, Рамлэ, Измаилію и Суэзь, шумные праздники во дворцѣ Абдіентъ и открытіе роскошной оперы первымъ представленіемъ «Аиды», подъ дирижерствомъ самого Верди,—все это не могло не развлекать Ирены, словно страницы изъ «Тысячи и одной ночи».

Хедивъ всѣхъ сводилъ съ ума безумнымъ веселіемъ, подъ личиною котораго онъ вывозилъ въ Европу свои богатства и фонды.

Нѣкоторые изъ южныхъ офицеровъ были смѣнены сѣверными, и они съ достоинствомъ окружили Рована, котораго признавали несправедливо обвиненнымъ въ измѣнѣ.

Въ одинъ изъ своихъ официальныхъ визитовъ полковникъ Джениферъ засталъ дома одну Ирену и въ мрачномъ настроеніи сказалъ:

— Мы пишемъ, что въ бумагахъ южной конфедераціи все еще не найдено письмо Макъ-Крери. Вѣроятно, оно сожжено на папиросы солдатами въ послѣдніе дни войны.

Другія тяжелыя заботы занимали всецѣло Рована. На третью годовщину его пріѣзда въ Египетъ, въ вознагражденіе за двѣ присоединенныя провинціи, онъ получилъ званіе феррикъ-паши, т.-е. генераль-лейтенанта, и три звѣздочки заблестѣли на его эполетахъ. Кромѣ того, хедивъ пожаловалъ ему вторую степень орденовъ Османіе и Меджидіе. Благодарный Измаиль не могъ ничѣмъ больше его вознаградить.

Однако конецъ займовъ наступилъ, и генераль Лорингъ подготовилъ береговую страну къ защитѣ отъ турокъ, за что такъ же получилъ чинъ генераль-лейтенанта. Въ свою очередь Рованъ сформировалъ восемь корпусовъ въ двадцать тысячъ человекъ. Борьба между мятежнымъ вице-королемъ и султаномъ готова была вспых-

нуть каждую минуту, подъ ближайшимъ наблюденіемъ Англіи. Наконецъ турецкіе броненосцы неожиданно захватили новыя, еще невооруженныя суда Измаила.

Каждую ночь происходили совѣщанія между хедивомъ и генераломъ Рованомъ, теперь стоявшимъ во главѣ 200.000 арміи.

— Вы можете побѣдоносно справиться съ турками, ваше высочество,—говорилъ Рованъ съ тяжелымъ вздохомъ:—но, не имѣя ни угля, ни системы желѣзныхъ дорогъ, ни фланговыхъ фортификацій, вы не въ состояніи сопротивляться Англіи, вашему могущественному кредитору. Она, когда захочетъ, можетъ войти въ Египетъ чрезъ Красное море. Генераль Лорингъ вполне согласенъ со мною. Вы безопасны относительно турокъ, но Суэзскій каналъ, этотъ подарокъ цивилизации, погубилъ васъ. Онъ достанется богатѣйшимъ заимодавцамъ въ свѣтѣ. Англія возьметъ верхъ надъ Франціей и овладѣетъ имъ «въ интересахъ порядка». Когда перестанутъ давать вамъ денегъ взаймы, то долго ли можете вы разсчитывать на вѣрность арміи?

Феррикъ-паша уже видѣлъ призракъ мятежнаго Араби-паша въ мракѣ будущаго.

— Значитъ, мое паденіе неминуемо,—сказалъ Измаиль съ глубокимъ вздохомъ:—увы! Саидъ-паша отдалъ Египетъ чужестранцамъ, подписавъ роковую конвенцію съ ловкимъ Лессепсомъ.

Фатализмъ, сладострастіе и оптимизмъ побуждали Измаила-пашу предаваться всевозможнымъ удовольствіямъ, сорить занятыми деньгами и даже обманывать Рована и Лоринга, переправляя въ Италію свои капиталы звонкой монетой.

Шерифъ-паша и Нубаръ-паша расхитили всю казну и начали теперь медленно, но вѣрно растрачивать послѣднія средства страны. Хотя Шалье-Лонгъ, Пурди, Пругъ и другіе дали Египту богатые провинціи, но Измаиль ничего не сохранилъ въ своихъ рукахъ, а сэръ Самюэль Бэкеръ и Гордонъ-паша подготовляли Суданъ къ «нокровительству» Англіи. Гордонъ, хотя и былъ рьянымъ фанатикомъ-христіаниномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличался дѣятельностью англійскаго агента.

— Мое официальное предпріятіе близко къ концу,—говорилъ Рованъ со вздохомъ своей женѣ:—тронъ Измаила шатается; банкротство и смѣщеніе хедива очень близки. Онъ честно говоритъ: «американцы единственные люди, на которыхъ я могу положиться; всѣ тайно играютъ въ руку Англіи, Франціи или Италіи». Конечно, я буду преданъ ему до конца, но дни американской миссіи сочтены.

Господствуя неограниченно надъ египетскою арміей, генераль Рованъ видѣлъ окончательную погибель страны въ покускѣ лордомъ Биконсфильдомъ паевъ Суэзскаго канала.

— Конецъ пришелъ,—говорилъ онъ,—когда Турція обязала Египетъ сократить свою дѣйствующую армію до 25.000. Въ то же время она потребовала себѣ въ помощь, по случаю войны съ Рос-

сией, 10.000 отборныхъ людей подъ начальствомъ принца Гассана. Это будетъ стоить миллионовъ, а абиссинская война намъ грозитъ въ ближайшемъ будущемъ. Мы должны бороться съ врагами или отказаться отъ Судана.

Ирена Рованъ теперь уже знала коротко все каирскія интриги. Красавица Адель, сдѣлавшаяся юной восточной принцессой, вмѣстѣ съ матерью посѣщала все музеи въ великолѣпныхъ булакскихъ садахъ. Онѣ были желанными гостями въ тридцати великолѣпныхъ дворцахъ, украшавшихъ Каиръ, блестяли на празднествахъ хедива и знали послѣднія тайны сераля.

— Вездѣ все одинаково,—говорила Ирена:—богатые паши, фаворитки и царедворцы прячутъ наворованныя деньги, отсылая ихъ изъ Египта. Каждый боится наступающей катастрофы.

— И никто не знаетъ, чѣмъ она окончится—трагедіей или фарсомъ,—отвѣчалъ Рованъ, играя съ своимъ юнымъ двухлѣтнимъ сыномъ.

Весною 1876 года Феррикъ-паша послѣдовалъ примѣру другихъ американскихъ офицеровъ, которые спокойно отправили свои семейства въ Европу или обратно въ Америку. Тѣ, которые были предназначены къ участию въ абиссинской экспедиціи, боялись неспособности пашей, которые должны были предводительствовать феллахами противъ воиновъ абиссинскаго царя.

— Наступилъ финансовый кризисъ,—сказалъ Рованъ, возвратившись однажды вечеромъ отъ хедива. — Собирайся на лѣто въ Монтрё. Я поселюсь въ англійскомъ клубѣ—это разсѣетъ все сомнѣнія. Иностранныя державы назначили контрольную комиссію надъ египетскими финансами, и это значить, что нашей миссіи грозитъ опасность. Гордонъ, Станлей, сэръ Самюэль Бэкеръ и многіе другіе служатъ передовыми застрѣльщиками просвѣщенія. Въ тотъ день, когда враждебный англійскій флотъ броситъ якорь въ Александріи, полумѣсяцъ уступитъ мѣсто англійскому флагу. Хедивъ приказалъ мнѣ не покидать его ни минуту изъ боязни убійства со стороны его же тѣлохранителей. Полковникъ Араби находится во главѣ опаснаго заговора, и я, по чести, обязанъ охранять жизнь Измаила и его наслѣдника, Тевфика-паши. Принцъ Гассанъ будетъ въ безопасности у султана, а впоследствии онъ сдѣлается игрушкой англичанъ. Поэтому faites vous malles, madame. Тевфикъ-паша будетъ только номинальнымъ хедивомъ, такъ какъ англичане нуждаются въ немъ для прикрытія своего права. Но ждите меня всякую минуту на берегахъ Лемана, потому что революція можетъ вспыхнуть внезапно.

Ирена собиралась въ дорогу около мѣсяца, и въ это время постоянно была въ Каирѣ тревога, то готовился заговоръ, то контръ-заговоръ, такъ что генералъ Рованъ боялся за свое семейство и нетерпѣливо ждалъ, когда оно выберется изъ Египта. Ирена любила Каиръ съ его великолѣпными мечетями, величественно про-

текавшей рѣкой, съ сѣрыми Мокатамскими горами вдали и мистическими пирамидами. Западная часть Каира походила на блестящій мишурный Парижъ своими широкими улицами, бѣлыми домами, шумными аллеями и постоянно бившими фонтанами. Ирена была счастлива въ этомъ мистическомъ, восточномъ городѣ.

Въ продолженіе шестилѣтнихъ трудовъ Рована, Франція, Англія, Германія и Италія признали его заслуги. Ученыя общества осыпали почестями человѣка, который былъ главою египетскаго института, комиссаромъ земледѣлія, инспекторомъ всѣхъ школъ и начальникомъ статистическаго бюро.

— Мы здѣсь безопасны въ силу международнаго права, — думала Ирена:— и были совершенно спокойны всѣ шесть лѣтъ. У меня здѣсь родился горячо любимый сынъ, и моего мужа всѣ уважаютъ, какъ изслѣдователя страны, географа, ученаго, главнокомандующаго и усерднаго проповѣдника цивилизаціи.

Въ этотъ промежутокъ времени, онъ также ѣздилъ представителемъ его высочества на вѣнскую выставку 1873 года, а теперь ему опять предстояла поѣздка въ томъ же качествѣ на Филадельфійскую юбилейную выставку.

— Поѣзжай съ миромъ, голубушка Ирена, — говорилъ Рованъ:— возьми съ собою все свое хозяйство; я пошлю проводить тебя до Монтрё двухъ своихъ офицеровъ. Измаиль настаиваетъ на великолѣпіи своего заката. Вскорѣ я поѣду съ тобою и Аделью на парижскій географическій конгрессъ, а потомъ, когда успокоится фиаансовый кризисъ, я впервые, окруженный публичными почестями, отправлюсь въ Америку на Филадельфійскую выставку.

— А какъ ты думаешь, когда Измаиль совсѣмъ погибнетъ? — спросила Ирена.

— Это зависитъ отъ борьбы итальянскихъ, французскихъ и англійскихъ банкировъ, — отвѣчалъ Рованъ: — но я полагаю, что онъ еще протянетъ лѣтъ пять—шесть. Абиссинская война и экспедиція на помощь Турціи въ конецъ разорятъ Египетъ. Щедрый, великодушный и добрый Измаиль-паша чрезвычайно легкомысленъ и, когда грянетъ гроза, онъ спокойно удалится съ 50-ти милліонами долларовъ въ Парижъ, гдѣ будетъ первымъ изъ «les gois en exil—bon prince, bon boulevardier». Онъ уже переправилъ въ Италію всѣ свои капиталы.

Пока Рованъ говорилъ, къ дому подѣхалъ придворный экипажъ съ отрядомъ уланъ. Феррика-пашу требовалъ Измаиль въ свой дворецъ, и въ доказательство неотложности этого визита онъ присылалъ свой перстень.

— Не бойся, — сказалъ Рованъ съ улыбкой: — у меня враги только въ Америкѣ. Я лично безопасенъ и хотя хедивъ не повернулъ бы головы, если бы я былъ убитъ, но онъ знаетъ мою преданность и будетъ пользоваться мною до послѣдней минуты. Онъ даже заставилъ меня поклясться защищать Тевфика, котораго

Араби-паша хочетъ убить. Поэтому я поставилъ батальонъ нубійцевъ караулить его дворецъ. Къ тому же англичане меня охраняютъ, такъ какъ они знаютъ, что Тевфикъ находится подъ моимъ контролемъ. Я не скоро вернусь, но не беспокойся.

Не успѣлъ онъ удалиться, какъ Иренѣ доложили о приходѣ каймакана Дженифера.

— Генераль дома?—спросилъ онъ, поспѣшно цѣлуя ея руку.

— Его долго задержитъ хедивъ,—отвѣчала она.

— Слава Богу!—воскликнулъ Джениферъ.—Я здѣсь по важному и тайному дѣлу. На моемъ сердцѣ лежитъ роковое письмо Макъ-Крери. Мы всѣ знаемъ, что вы спасли вашего мужа отъ мозгового удара. Ваше спокойствіе и осторожность удержали его отъ безумнаго покушенія на самоубійство. Генераль-лейтенантъ Лорингъ утверждаетъ, что вскорѣ англичане завладѣютъ Египтомъ и разгонятъ насъ, такъ какъ египетская армія измѣнчива. Вы когданибудь можете рассказать генералу Ровану, что его бывшимъ врагамъ хорошо извѣстно о подкупѣ англичанами всѣхъ египетскихъ офицеровъ. Черезъ нихъ они знаютъ всѣ тайны береговой защиты. Генераль Рованъ образовалъ ихъ, но не могъ научить вѣрности и преданности. Такимъ образомъ пятьдесятъ американцевъ, основавшихъ новый Египетъ, разбѣются на всѣ четыре стороны. По всей вѣроятности, я поѣду въ Мексику или южную Америку, но генераль Рованъ будетъ послѣднимъ храбрымъ американцемъ въ Египтѣ, для пользы котораго онъ столько сдѣлалъ, но совершенно тщетно. Теперь я передаю вамъ письмо Макъ-Крери и прошу васъ благо разумно подумать, какъ ознакомить мужа съ его содержаніемъ; оно еще запечатано двумя официальными печатями южной конфедерации и Соединенныхъ Штатовъ.

Джениферъ вынулъ изъ кармана роковой документъ и передалъ его Иренѣ, глаза которой были полны слезъ.

— Я теперь прочту вамъ письмо ко мнѣ бѣднаго Макъ-Крери,—сказалъ Джениферъ:—потомъ я передамъ вамъ и это письмо, прося васъ устроить такъ, чтобы генераль Рованъ никогда не упоминалъ объ этомъ предметѣ въ разговорѣ со мною. Я не знаю, что повѣдалъ наканунѣ смерти Макъ-Крери вашему мужу. Никто на свѣтѣ не можетъ оспаривать послѣднихъ словъ Макъ-Крери, потому что начальникъ его, генераль Эвансъ, умеръ. Больсъ-Блуффъ было первымъ сраженіемъ, въ которомъ я участвовалъ. Клянусь вамъ своею честью солдата, что если бы сѣверные генералы Макъ-Коллъ и Горманъ исполнили приказаніе Макъ-Клеллана по просьбѣ Рована, то вашъ мужъ поймалъ бы въ западню всю нашу бригаду и одержалъ бы замѣчательную побѣду. До той минуты, когда Бекеръ совершилъ свой неосторожный, безумный поступокъ, мы полагали, что сраженіе ограничится аванпостной перестрѣлкой. Извѣстны ли были планы вашего мужа нашимъ начальникамъ, клянусь, я не знаю, а Эвансъ, Пейтонъ и Макъ-Крери умерли. Генералу Ровану

измѣнили въ Вашингтонѣ и заставили его отправить на другой берегъ весь свой отрядъ, а самого его обязали остаться въ бездѣйствіи. Все это были интриги бѣднаго, храбраго Бэкера, который хотѣлъ одинъ сдѣлаться побѣдителемъ. Введенный въ заблужденіе, Макъ-Клелланъ свалилъ все на Рована. Теперь я прочту вамъ письмо несчастнаго Макъ-Крери, который за свою ошибку заплатилъ кровью. Я болѣе никогда не упомяну объ этой исторіи, но, что я вамъ сказалъ правду, клянусь въ томъ Богомъ.

Взволнованнымъ голосомъ онъ прочиталъ письмо Макъ-Крери, каждое слово котораго жгло Ирену, словно раскаленнымъ желѣзомъ.

«Спотесвудъ-Гаузъ, Ричмондъ,
Виргинія.

«20 мая 1864 г.

«Любезный Джениферъ!

«Роковыя сраженія послѣдняго времени произвели безпорядокъ въ общественныхъ дѣлахъ. Меня неожиданно назначили въ Атланту подъ начальство генерала Гуда. По счастью я отлично знаю эту мѣстность, однако я предчувствую свою смерть. Теперь нельзя не предвидѣть гибель юга. Мы не можемъ болѣе поставить противъ враговъ ни одного солдата. Я посылаю вамъ это письмо чрезъ моего пріятели, главнаго казначея, который обязывается доставить вамъ его въ полной сохранности. Бѣдный Генри Пейтонъ умеръ, и я не могу отыскать генерала Эванса, который раненъ и гдѣ-то въ лѣсахъ прячется отъ проклятыхъ янки. Поэтому я посылаю вамъ запечатанное письмо на имя генераль-майора федеральной арміи, Карроля Рована.

«Клянусь Богомъ, что въ этомъ письмѣ говорится только о личныхъ дѣлахъ, и я увѣренъ, что вы передадите его свято. Вскорѣ я заплачу за всѣ мои ошибки жизнью. Я буду служить югу до послѣдней капли моей крови. Только по окончаніи войны, когда нашей арміи не можетъ принести вреда открытіе тайнъ ея развѣдочной службы въ Вашингтонѣ, вы передадите это письмо Ровану, начальнику федеративныхъ войскъ подъ Больсъ-Блуффомъ. Помѣстите это письмо гдѣ нибудь въ сохранности на случай вашей смерти.

«Рованъ уже перенесъ тысячу смертей отъ позора и несправедливаго обвиненія. Его, какъ собаку, ввергли въ тюрьму Лафайетъ, отняли чинъ, обезчестили имя, и его будущность погублена. Только послѣ моей смерти онъ узнаетъ, что я рисковалъ висѣлицей ради юга, что я принесъ нашу дружбу въ жертву отечеству. Я пишу къ нему письмо, чтобы когда нибудь невинные люди не пострадали изъ-за меня.

«Я желаю, чтобы послѣ моей смерти онъ былъ бы поставленъ въ положеніе доказать, что не получилъ извѣстной платы за свою

честь и что не измѣнилъ своему правительству, своей родинѣ, выдавъ карты и планы предъ сраженіемъ при Бульсъ-Рунѣ. Что же касается до предательства въ сраженіи при Больсъ-Блуффѣ, то одинъ я въ немъ виноватъ. Я солгалъ и нарушилъ долгъ гостепріимства, чтобы спасти югъ отъ нашествія легионовъ Макъ-Клееллана, прежде чѣмъ мы были готовы ихъ встрѣтить. Да, простить мнѣ Господь мою измѣну священнымъ узамъ дружбы, но я никого не виню, кромѣ себя.

«Пусть Рованъ, если онъ хочетъ, напечатаетъ эти свѣдѣнія. Онъ благородный воинъ и честный врагъ, вѣрный знамена, которое нѣкогда развѣвалось надъ нами обоими. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что генераль Эвансъ, Пейтонъ и вы исполнѣ невинны. Я одинъ во всемъ виноватъ, повторяю еще разъ, и даже Синклеры пострадали ради меня. Да сохранить васъ Господь во время войны. Да здравствуютъ южныя права.

«Джонъ Макъ-Крери, полковникъ.

«Главный штабъ генерала Гуда».

— Наконецъ блеснулъ свѣтъ,—произнесла Ирена, обливаясь радостными слезами,—послѣ столькихъ лѣтъ свѣтъ заблестѣлъ. Да простить насъ всѣхъ Господь Богъ. Какъ могу я передать это письмо мужу?

— Я болѣе никогда не увижу васъ,—сказалъ добрый, благородный южанинъ, цѣлуя руку Ирены:—я оставлю вамъ письмо Макъ-Крери. Я исполнилъ свою обязанность. Прощайте. Да благословить васъ Господь. Мрачное время наступаетъ для Египта.

Черезъ недѣлю Джениферъ подалъ въ отставку по причинамъ, одобреннымъ генераломъ Лорингомъ, и уѣхалъ въ Англію.

На слѣдующее утро Ирена поздно проснулась, и первыми ея словами были:

— Гдѣ наша?

— Онъ уже отправился къ хедиву,—отвѣчала мѣстная служанка.

Спрятавъ письмо Макъ-Крери къ Джениферу, она стала съ нетерпѣніемъ ожидать мужа. Возвратившись только къ обѣду, онъ сказалъ женѣ.

— Я выпросилъ себѣ свободный день завтра, чтобы отправить тебя со всей семьей въ Монре. Гвардія Измаила состоитъ изъ дикихъ нубійцевъ, преданныхъ Араби-пашѣ. Мои военныя бумаги я отправлю съ тобою, и ты положишь ихъ на сохраненіе въ тотъ жевевскій банкъ, куда ты внесла свои деньги.

Удаливъ на слѣдующій день Адель, подъ предлогомъ необходимыхъ *visites de cérémonie*, Ирена съ смущеніемъ дала мужу посланіе мертвеца.

— Во имя нашей любви заклиная тебя ничего не предпринимать въ этомъ дѣлѣ, не сказавъ мнѣ,—проговорила она.—Дай мнѣ слово, что ты хорошенько обдумаешь свою рѣшимость. Ради Бога будь, Карроль, спокоенъ и помни, что ты обязанъ преданностью своему семейству.

— Ты ничего не знаешь о содержаніи этого письма?—спросилъ Рованъ, смертельно поблѣднѣвъ.

— Клянусь честью жены, — воскликнула Ирена, — мнѣ неизвѣстно, что заключается въ этомъ письмѣ мертвеца, нѣкогда любимаго тобою.

Пока Рованъ молча читалъ письмо, Ирена была погружена въ тяжелую думу. Съ чисто женскимъ инстинктомъ она отгадала, что во всемъ была виновна страстная, порывистая Полина Дюваль. Она обманула всѣхъ: своего добродушнаго мужа и свою невинную племянницу. Она соблазнила обѣщаніемъ женить Макъ-Крери на этой красавицѣ и воспользовалась его патриотизмомъ, чтобы побудить на измѣну. Теперь Иренѣ это было ясно. Неожиданно Рованъ уронилъ письмо и крѣпко прижалъ къ сердцу свою жену.

— Только теперь,—сказалъ онъ:—я чувствую, сколькимъ я обязанъ тебѣ. Ты воскресила меня отъ мрака отчаянія, ты пересоздала мое сердце и замѣнила его своимъ собственнымъ. Я все перенесу теперь молча.

Нѣсколько минутъ они въ пламенномъ поцѣлуѣ любви забыли все на свѣтѣ.

— Но мнѣ надо много, много подумать,—сказалъ наконецъ Рованъ:—я спешу съ него копію, а самое письмо ты также свезешь въ женеvскій банкъ. Это завѣтъ чести моему сыну. Слава Богу, Ирена, нашъ мрачный призракъ разсѣялся. Я теперь знаю, кто передалъ ричмондскимъ властямъ всѣ карты и планы генерала Скотта, а также мои распоряженія въ Больсъ-Блуффской битвѣ. Я, по крайней мѣрѣ, доволенъ, что этотъ бѣшеный защитникъ юга признаетъ всю неизбѣжность моей побѣды въ случаѣ, если бы не произошла эта преступная измѣна. Наконецъ въ этой мрачной катастрофѣ есть одинъ свѣтлый лучъ: Полина Дюваль была вѣрна моей дружбѣ, любви къ моей женѣ и привязанности къ Адели. Ни она, ни мужъ не имѣли подозрѣнія объ измѣнѣ Макъ-Крери. Прочитать тебѣ это странное письмо?

— Нѣтъ, Карроль, — произнесла Ирена:—мнѣ нечего знать это письмо, но ты можешь воспользоваться имъ, какъ орудіемъ противъ всего свѣта и наши дѣти также. Дай мнѣ письмо, я спрячу его, чтобы оно не слишкомъ дѣйствовало на тебя. Впослѣдствіи мы рѣшимъ, какъ поступить. Ты теперь ничего не сдѣлаешь?

— Нѣтъ, — поспѣшно отвѣчалъ Рованъ, — *qui s'excuse s'accuse*. Ты знаешь, что генералъ Шерманъ своимъ двухнедѣльнымъ пребываніемъ у насъ въ 1872 г. окончательно зажалъ ротъ всѣмъ клеветникамъ. Его послѣднія слова въ Александріи были: «Пусть

спять бѣшенныя собаки. Справедливой исторіи войны не напишутъ ранѣ пятидесяти лѣтъ, а тогда мы всѣ будемъ казаться столь незначительными людьми, что даже будетъ напрасно добиваться о насъ правды. Даже о Ватерлоо и Наполеонѣ до сихъ поръ, несмотря на такое множество сочиненій, не добились истины.

— Развѣ преданность отечеству и воинская способность не имѣютъ никакой цѣны?—спросила Ирена.— Развѣ будущему поколѣнію Банкасъ будетъ казаться великимъ главнокомандующимъ?

— Мы объ этомъ поговоримъ впоследствии, когда вернемся въ Америку,—сказалъ старый ветеранъ.

— А какъ ты поступишь съ публикой?—спросила Ирена.

— Я буду молчать,—отвѣчалъ взволнованный Рованъ.— Я съ годами научился быть терпѣливѣе. Никто не можетъ сказать, чѣмъ руководствовался Линкольнъ въ своихъ поступкахъ, во всякомъ случаѣ высокопатріотическихъ. Военный министръ Камеронъ былъ только посредникомъ между президентомъ и Макъ-Клелланомъ. Самъ Макъ-Клелланъ дѣйствовалъ въ силу *force majeure*. Бѣдный старикъ Скоттъ ничего не знаетъ. Что же касается до сенатора Сумнера, то онъ уже умеръ и всегда дѣйствовалъ изъ высокаго патріотизма: онъ былъ увѣренъ, что я измѣнникъ, и что я ухаживалъ за Полиной Дюваль. Насколько эта женщина была благородна и питала ко мнѣ возвышенную дружбу, доказываетъ письмо Макъ-Крери.

— Онъ ничего не подозреваетъ,—подумала Ирена, опустивъ голову.— Макъ-Крери скрылъ отъ него, что эта женщина всѣхъ ихъ водила за носъ. Даже теперь она сумѣла обмануть моего вообще прозорливаго мужа.

— Какъ бы то ни было,—сказалъ Рованъ,—я не могу простить Сумнеру, я просто вычеркну его изъ своей жизни. Къ тому же я не долженъ забыть его вѣрности Америкѣ и честности въ личныхъ отношеніяхъ. Банкаса онъ по ошибкѣ признавалъ за талантливаго человѣка. Убѣжденный въ моей виновности, онъ естественно изъ патріотизма заточилъ меня въ фортъ Лафейетъ. Пусть Богъ будетъ судьей между нами. Вѣдь всякій судъ присудилъ бы меня къ повѣшенію на основаніи тѣхъ фактовъ, которые были извѣстны.

— Боже избави!—воскликнула Ирена.

— Да!—отвѣчалъ Рованъ,—по если бы я былъ Линкольнъ и виновнымъ мой родной братъ, то я утвердилъ бы приговоръ.

— И, однако, ты, Карроль, былъ невиновентъ?—замѣтила Ирена.

— Факты безжалостны,—сказалъ феррикъ-паша,—они могутъ быть лживы, а невинность напротивъ бываетъ чисто отрицательной величиной.

— Такъ какъ же ты избѣгъ смерти?—воскликнула Ирена.

— Надо предположить,—отвѣчалъ онъ:—Линкольнъ такъ привыкъ къ обманамъ и измѣнамъ, что не видѣлъ достаточной причины, по которой я измѣнилъ бы отечеству. Подвергнувъ Макъ-Клеллана опалѣ, онъ смилостивился надо мною. Я теперь готовъ

простить всѣхъ, которые отворачивались отъ меня въ Вашингтонѣ и въ Иллинойсѣ.

— А Банкаса?—спросила Ирена.

— Онъ совершилъ величайшія ошибки въ этой войнѣ; никогда въ жизни не говори мнѣ о немъ, — отвѣтилъ Рованъ.

Черезъ недѣлю Ирена простилась со своимъ горячо любимымъ мужемъ въ Александрійскомъ портѣ.

— Я рѣшилъ, — сказалъ онъ, обнимая въ послѣдній разъ Ирену: — если Грантъ или военное министерство не начнетъ дѣло, я, уважаемый теперь всѣми, никогда не возобновлю его. Лучше, чтобы исповѣдь несчастнаго Макъ-Крери не была узнаваема всѣмъ свѣтомъ.

Весною слѣдующаго года Рованъ съ своимъ семействомъ вернулся въ Каиръ, послѣ блестящаго посѣщенія Филадельфіи. Рассказывая при свиданіи съ мужемъ о всѣхъ подробностяхъ его жизни въ Монре, Ирена не могла не упомянуть о встрѣчѣ съ великолѣпной баронессой Радинецъ.

— Вы, должно быть, меня помните, Адель, какъ невѣсту молодого южнаго офицера, — сказала она, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ. — Я не забыла и генерала Рована, который былъ всегда очень добръ до меня. Я съ удовольствіемъ слѣжу за его успѣхами въ Египтѣ.

Послѣ великолѣпнаго обѣда, даннаго барономъ и баронессой въ честь американокъ, Эстелла отвела въ сторону Ирену.

— Я никогда не вернусь на родину, — сказала она, — для меня это — страна разрушенныхъ храмовъ и повергнутыхъ кумировъ. Я желаю, чтобы генералъ Рованъ зналъ о моемъ сожалѣніи относительно несправедливаго обращенія съ нимъ. Я могу передать вамъ рассказъ умершаго мужа, вполне доказывающій невинность генерала.

— Нѣтъ, нѣтъ, любезная баронесса, — воскликнула Ирена: — избавьте себя отъ этой непріятности. Полковникъ Макъ-Крери передъ смертію написалъ моему мужу письмо, открывшее всю тайну прошедшаго. Это письмо достигло насъ только прошлый годъ черезъ Дженифера.

— Вотъ почему я вышла замужъ за границу и никогда не вернусь въ отечество, — произнесла всхлипывая красавица Эстелла.

— Макъ-Крери вполне искупилъ свою вину чистосердечной исповѣдью, — возразила Ирена.

— Знаетъ Адель объ униженіи своего отца? — спросила баронесса.

— Нѣтъ, слава Богу, — отвѣчала Ирена.

— Какъ я рада! — воскликнула Эстелла. — Мой мужъ также ничего объ этомъ не знаетъ, и мы можемъ съ вами навѣки хранить эту тайну. Послѣ многихъ лѣтъ яркій свѣтъ просіялъ въ глубокомъ мракѣ. Ни вы, ни я не захотимъ затронуть заново старыя раны вашего славнаго мужа. Вы его добрый ангелъ и передайте ему, какъ я люблю и уважаю его. Я никогда болѣе съ нимъ не

увиджусь, но заклинаю васъ честию женщины передать ему, что вы простили меня за мое участіе въ этомъ дѣлѣ. Я теперь все понимаю; я тогда была молодой дѣвушкой и не постигала ни поведенія тетки, ни поступковъ моего мужа. Я сожгла свое прошедшее. Успокойте меня увѣреніемъ, что вы прощаете мою юность.

И Эстелла бросилась предъ Иреной на колѣни, заливаясь слезами.

— Мы были сестрами по горю,—сказала Ирена, подымая ее,—мы знаемъ, что страстныя женщины часто увлекаются.

— Обѣщайте мнѣ, что вы время отъ времени будете писать мнѣ и увѣдомлять о счастливой судьбѣ Адели,—сказала Эстелла, успокоиваясь мало-по-малу.

— Хорошо,—отвѣчала Ирена:—и я непременно скажу Карролю о благородныхъ чувствахъ, которые вы питаете къ нему.

— Скажите ему также, что мой Гуго благороднѣйшій изъ людей,—произнесла Эстелла.—Пощадите его, и, щадя его вмѣстѣ со мной, вы пощадите себя.

На другое утро Ирена узнала, что Эстелла уѣхала, оставивъ ей запечатанный пакетъ, въ которомъ находились великолѣпное жемчужное ожерелье и брилліантовый браслетъ. При первомъ подаркѣ имѣлась записка съ надписью: «Пусть Аделъ носить эти жемчуга, которые предохранять ее отъ слезъ». На браслетѣ же, предназначенномъ Иренѣ, виднѣлась надпись изъ брилліантовъ: «Не забудьте меня».

Конечно, Ирена передала мужу только часть своего разговора съ Эстеллой.

Послѣ своего посѣщенія Америки генералъ Рованъ окончательно рѣшился похоронить прошедшее. Онъ объяснилъ женѣ мотивы, руководившіе имъ:

— Всѣ военныя власти перемѣнились и теперь не отыщешь моихъ враговъ. Стинтонъ умеръ, угнетаемый несчастіями; Макъ-Клелланъ, хотя живъ, но очень несчастливъ, а Банксъ живой мертвецъ.

Между тѣмъ государственный корабль Египта бурно носился по страшнымъ волнамъ житейскаго моря, что не мѣшало Измаилу съ необыкновеннымъ легкомысліемъ предаваться веселой жизни, такъ какъ онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что въ минуту гибели его ждетъ роскошная жизнь въ Парижѣ и въ великолѣпныхъ виллахъ Италіи. Окончательныя мѣры принялъ генералъ Рованъ во время парижской выставки 1868 г., на которой онъ былъ въ послѣдній разъ блестящимъ представителемъ хедива.

Наконецъ въ 1879 году престолъ Измаила-паши рушился со страшнымъ трескомъ по рѣшенію европейскихъ державъ. По просьбѣ Англіи Турція лишила власти строителя Суэзскаго канала и челоуѣка, который въ теченіе шестнадцати лѣтъ прожилъ 800 милліоновъ. Онъ спокойно поникъ головой и сказалъ своему сыну Тевфику, новому номинальному хедиву, только игрушкѣ въ рукахъ Англіи:

— Держи всегда при себѣ феррикъ-пану; онъ—единственный вѣрный человѣкъ, служившій мнѣ при дворѣ.

Такимъ образомъ Рованъ остался преданнымъ хранителемъ Тевфика, а генераль Лорингъ съ дюжиной американскихъ офицеровъ рыцарски боролся въ день Гурской рѣзни.

Спустя два года, вспыхнуло возстаніе Араби-паши, произведя въ Каирѣ кровавую катастрофу. Этотъ ловкій туземецъ быстро прошелъ изъ полковниковъ до военнаго министра и тайно подкопался подъ власть хедива.

Нѣсколько бурныхъ совѣщаній съ Тевфикомъ побудили Рована объявить ему:

— У меня только одинъ батальонъ, на который я могу положиться. Все погибло, кромѣ чести. Теперь я посвящу себя только вашей личности.

Когда улицы Каира были въ рукахъ мятежниковъ и всюду пылалъ огонь, всюду лилась кровь, Рованъ позвалъ смѣлаго американскаго полковника Варда, бывшаго южанина, и поручилъ ему проводить свою жену и дѣтей въ Суэзъ.

— Будь достойной женой воина, Ирена,—сказалъ онъ женѣ,—давно ожидаемая минута гибели Египта наступила. Я спасу Тевфика или умру. Изъ Суэза отправляйся чрезъ Бриндизи въ Монтре и ожидай тамъ меня. Господь насъ сохранитъ. Моя любовь, мое сердце и мои мысли вѣчно съ тобою.

Нѣжно прижавъ ее къ своей груди, онъ посадилъ въ экстренный поѣздъ и поспѣшилъ въ Абдинскій дворецъ, гдѣ уже вокругъ Тевфика собрались первый гвардейскій батальонъ пѣхоты и эскадронъ гусаръ.

Что касается до собственнаго дома Рована, то онъ былъ охраняемъ отрядомъ войскъ подъ начальствомъ итальянскаго консула Вѣрный, старый дворецкій, Абдалахъ, служившій преданно ему всѣ двѣнадцать лѣтъ въ Египтѣ, уложилъ необходимыя вещи и поспѣшно свезъ ихъ на зафрахтованное нильское судно.

— Слава Богу, что мои бумаги всѣ безопасно сохраняются въ Женевѣ,—сказалъ про себя Рованъ, оставшійся теперь въ Каирѣ единственнымъ американскимъ воиномъ.

Была уже ночь, и онъ, разбудивъ молодого хедива, объявилъ ему:

— У меня готовъ поѣздъ, чтобы отвезти ваше высочество въ Александрію, гдѣ британскій флотъ васъ предохранитъ отъ неожиданной рѣзни.

Чрезъ полчаса, нагрузивъ поѣздъ своими послѣдними капиталами и драгоценностями, а также красавицами гарема, встревоженный Тевфикъ покинулъ свою столицу, предавъ ее рѣзни и грабежу Араби-паши.

Только въ Тантахи поѣздъ впервые остановился.

— Можетъ быть, мятежники насъ встрѣтятъ у Нильскаго моста,—промолвилъ хедивъ.

— Я ночью обрѣзалъ телеграфныя проволоки, ваше высочество,—сказалъ генералъ.

Тевфикъ, какъ ребенокъ, захопалъ въ ладоши и обратился, какъ къ лучшему утѣшенію, къ своему чубуку, шербету и къ красавицамъ гарема.

Въ три часа поѣздъ снова остановился предъ громаднѣмъ Нильскимъ мостомъ, и генералъ Рованъ поспѣшилъ занять его, — той солдатъ. Потомъ онъ послалъ впередъ развѣдочный локомотивъ, чтобы узнать о происходившемъ въ Александріи.

— Застрѣлите машиниста и его помощника, если они вздумаютъ, съ кѣмъ нибудь говорить,—сказалъ Рованъ вѣрному майору, которому онъ поручилъ вмѣстѣ съ дюжиной солдатъ развѣдочную часть:— только ради чести я берегу первого игрушечнаго хедива Англии.

Ровану пришлось окончательно остановиться въ трехъ миляхъ отъ Александріи, такъ какъ въ улицахъ этого города свирѣпствовали толпы приверженцевъ Араби-паши, безжалостно избивая европейцевъ. Впереди города на рейдѣ виднѣлась масса англійскихъ кораблей.

На другой день утромъ Рованъ разбудилъ Тевфика и сказалъ:

— Пора вставать, ваше высочество; мы переѣдемъ на лодкахъ черезъ озеро и скроемся во дворцѣ Саида-паши въ шести миляхъ отъ Александріи. Туда въ полдень явятся англійскіе матросы для вашей безопасности. Городъ же будетъ бомбардированъ англичанами.

Прежде чѣмъ разбудить Тевфика, генералъ Рованъ имѣлъ тайное свиданіе съ англійскимъ капитаномъ Скорсби, котораго прислалъ англійскій адмиралъ съ приказаніемъ сказать ему:

«Генералъ Рованъ можетъ потребовать себѣ какое хочетъ вознагражденіе, если онъ согласится прибыть съ вами на мой флагманскій корабль и взять на себя руководство бомбардировкой. Онъ знаетъ всѣ тайны береговой защиты и рейда. Онъ можетъ быть увѣренъ, что получитъ какой угодно чинъ и какую угодно концессию. Его состояніе будетъ навѣки обезпечено.

— Я послалъ свое семейство въ Суэзъ безъ малѣйшей охраны,—сказалъ Рованъ:—и здѣсь у меня только одинъ вѣрный батальонъ, поэтому я передамъ Тевфика подъ охрану англичанъ. Но я очень хорошо знаю, что турецкія интриги навели англійскія пушки на Александрію, поэтому я ѣду изъ Египта, сохранивъ только свою шпагу. Я рѣшительно не могу направить вашихъ пушекъ противъ хедива. У воина есть честь, которая для него дороже самой жизни. Когда Тевфикъ очутится въ безопасныхъ рукахъ, то я навѣки вложу въ ножны свой мечъ.

— Я глубоко уважаю васъ, генералъ Рованъ,—сказалъ капитанъ Скорсби:—вы вѣрный и преданный воинъ, но вы спасли бы Александрію отъ кровопролитія, если бы помогли намъ.

— Конечно,—отвѣчалъ Рованъ:—но вы забываете, что моя воинская честь была бы нарушена. Англія хочетъ Египта, и она

должна сама его взять. Вы озаботьтесь усмирениемъ возстанія, а я передамъ вамъ хедива, ради его безопасности.

Когда англичане окончательно взяли Тевфика подъ свое покровительство и отвезли Рована на американскую кононерку, послѣдній актъ египетской трагедіи насталъ. Англійская экспедиція высадилась, битва при Тель-эль-Кэберъ обратила въ бѣгство Араби-пашу, который былъ взятъ въ плѣнъ, и англійское знамя взвилось надъ цитаделью Каира.

— Куда мы теперь направимъ свои шаги?—спросила Ирена, съ которой въ Портъ-Саидѣ соединился Рованъ.

— Прежде всего въ Монтре,—сказалъ Рованъ, прижимая къ сердцу свою семью;—теперь уже не существуетъ Египта: моя двѣнадцатилѣтняя служба хедиву составляетъ послѣдній актъ моей жизненной драмы. Англія замѣнила хедива, и страна фараоновъ навѣки вычеркнута изъ всесвѣтной карты.

Съ этими словами, онъ снялъ съ себя богатый мундиръ Феррика-паши съ тремя блестящими звѣздочками и надѣлъ свой прежній статскій костюмъ, на которомъ виднѣлась ленточка только что полученнаго имъ итальянскаго ордена «Короны», въ вознагражденіе за его услуги итальянскимъ изслѣдователямъ Африки.

Отдохнувъ нѣсколько мѣсяцевъ въ живописномъ Монтре, Рованъ съ своимъ семействомъ возвратился навсегда въ Америку.

«Слава Богу! я кончилъ свой долгъ,—писалъ онъ генералу Шерману, прибывъ въ Нью-Йоркъ,—кажется, наступаетъ заключительная эпоха моей жизни».

«Привѣтствую васъ съ возвращениемъ на родину,—отвѣчалъ ветеранъ,—пора вамъ отдохнуть. Вы приобрѣли то, чего никогда не приобрѣтала американецъ,—именно высшій чинъ генералъ-лейтенанта въ иностранной арміи. Вы бы могли заслужить еще высшія почести въ Англіи, но для этого надо было продать свою шпагу. Ваше прошедшее въ Америкѣ теперь чисто: лучъ свѣта наконецъ засверкалъ. Если вамъ на что нибудь пригодится мы оба—генералъ Грантъ и я, то рассчитывайте на насъ. Вы оказали честь вашему отечеству своею службой за границей, и теперь Америка смотритъ на васъ съ гордостью, забывъ все прошедшее. Я жду васъ съ нетерпѣніемъ, какъ стараго товарища».

Прошло три года съ возвращенія генерала Рована изъ Египта, и онъ спокойно, счастливо прожилъ эти дни въ своемъ прежнемъ американскомъ жилищѣ. Оскорбительныя клеветы прекратились, и если когда нибудь слышался какой нибудь говоръ о прошедшемъ, то лишь говорили о странной исторіи, что однажды всеми уважаемый военачальникъ былъ посаженъ въ Бастилію, какъ преступникъ. Благородный Блэнъ въ своей книгѣ «Двадцать лѣтъ дѣятельности конгресса» съ негодованіемъ говоритъ объ этомъ событіи, «какъ о недостойномъ оскорбленіи».

Окруженный счастливой и блаженствующей семьей, генераль Рованъ снова принялся за прежнѣе труды главнаго инженера при одной компаніи флоридскаго кораблестроительства и транзита.

Въ 1886 г. онъ взялся за свое послѣднее замѣчательное предпріятіе.

Грантъ уже умеръ, и новый президентъ съ блестящей свитой французской и американской открылъ знаменитую статую Свободы, которую поднесли французы американскому народу. За ея постройку взялся инженеръ Рованъ, и въ четыре мѣсяца она была торжественно воздвигнута.

— Наконецъ просіялъ свѣтъ,—сказалъ Рованъ въ тотъ вечеръ, когда впервые заблестѣли лучи колоссальнаго свѣточа надъ водами Нью-Йорккаго порта:—моя жизнь кончена!

Шедшій съ нимъ по улицамъ Нью-Йорка, Шерманъ крѣпко и безмолвно пожалъ ему руку.

— Странно сказать,—продолжалъ Рованъ:—что моя карьера кончилась съ сооруженіемъ статуи Свободы противъ той самой мѣстности, гдѣ нѣкогда въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ я томился въ тюрьмѣ, какъ преступникъ.

— Будемъ надѣяться, что подобное преступленіе омрачило въ послѣдній разъ страницы американской исторіи,—отвѣчалъ Шерманъ.—Вы дожили до того, генераль-лейтенантъ Рованъ, что изъ памяти всѣхъ изгладился несправедливый поступокъ правительства относительно васъ, и вы теперь одинъ изъ наиболѣе чтимыхъ гражданъ Америки.

— Вотъ тамъ блеситъ моя угасающая звѣзда,—произнесъ Рованъ, указывая на звѣзду, виднѣвшуюся надъ фортомъ Лафайетомъ.

Прежде чѣмъ наступилъ слѣдующая весна, герой ветеранъ покончилъ свои дни.

Прильнувъ послѣдній разъ своими блѣдными устами къ неподвижному лицу мертвеца, Ирена Рованъ оросила своими горькими слезами старый полинявшій мундиръ бригаднаго генерала американской арміи.

— Наконецъ,—промолвила Ирена, окруженная дѣтьми:—онъ поконится мирно, спокойно и безъ малѣйшаго упрека на своемъ благородномъ челѣ.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1902 г. 1).

А.

А. В. *Библ. замѣтки его:* 1) Gedechte von K. M. Fofanoff. Gedechte von A. N. Maikow. Vebersetzung von Friedrich Fiedler. Leipzig, 1901, т. LXXXVIII, 329.—2) Архивъ кн. Ѡ. А. Куракина. Кн. X. М. 1902, т. XC, 310—311.—3) А. I. Лященко. «Ревизоръ» Гоголя и комедія Квитки «Пріѣзжіи изъ столицы». Спб., 1902, т. XC, 317—318.

А. Вв. *Статьи его:* 1) Новыя мѣропріятія въ библиологіи, т. LXXXVII, 1086—1089.—2) Забытый критикъ, т. LXXXIX, 239—242. *Библ. замѣтки его:* 1) Евгений Пѣтуховъ. Проповѣди Гавриила Бужинскаго (1717—1727). Историко-литературные матеріалы изъ эпохи преобразованій. Юрьевъ, 1901, т. LXXXVII, 351—353.—2) Библиотека по отечествовѣднію, подъ ред. М. Н. Мазаева. Русскіе кустари. Научно-популярный очеркъ И. М. Иванова. Изд. типографіи И. Гольдберга. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 727—729.—3) Архивъ кн. Ѡ. А. Куракина. Кн. девятая. Астрахань. 1902, т. LXXXVIII, 735—736.

Абрамовичъ, Д. И., доцентъ спб. дух. акад., т. LXXXVIII, 253; т. XC, 375.

Абрамовъ, Ив. *Библ. замѣтка Б. Г—скаго о книгѣ его:* Въ культурномъ скиту. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 1091.

Аваловъ, З. *Библ. замѣтки о книгахъ его:* Присоединеніе Грузіи къ Россіи. Спб. 1901, (В. Логина): т. LXXXVII, 344—347; (К. Михайлова): т. LXXXVII, 709—710.

Авакумъ, протопопъ, расколоучитель, т. LXXXIX, 810, 811; т. XC, 161—164, 167, 168, 173, 174.

Августусъ, Евгений, участникъ въ войнѣ буровъ, LXXXVIII, 353.

Августъ II, польск. король, т. LXXXIX, 198; т. XC, 686.

Августъ III, польск. король, т. XC, 888.

Авдѣевъ, архитекторъ, т. LXXXIX, 152, 153, 154.

Авейда, революціонеръ, т. LXXXVIII, 194, 202.

Аверкіевъ, Дм. Вас., писатель, т. XC, 488, 492, 494, 503, 509, 512.

Авсѣенко, Вас. Григ., писатель. *Разсказъ его:* Предъ разсвѣтомъ, т. XC, 835—883.

А—въ. *Библ. замѣтка его:* А. Оларъ. Политическая исторія французской революціи. М. 1902, т. LXXXVII, 1129—1131.

Агафоновъ, Н. Я., *Статья его:* Казанская героиня «въ дѣсахъ» Андрея Печерскаго, т. LXXXVII, 210—228.

1) Въ «Указатель» не включены личныя имена, упоминаемыя въ историческихъ романахъ, беллетристическихъ статьяхъ и приложеніяхъ.

Агнесса, визант. императрица, *Замѣтка о ней*: Француженка на византійскомъ престолѣ, т. XC, 775—784.

Адлербергъ:

— гр. А-дръ Влад., министр имп. двора, т. LXXXVIII, 56; т. LXXXIX, 402, 717; т. XC, 149.

— гр. Вл. Фед., министр имп. двора, т. LXXXIX, 45, 52.

Адріанъ, московскій патріархъ, т. XC, 628, 629, 638.

Айналовъ, Дм. Влас., д-ръ исторіи искусствъ, т. XC, 375.

Айръ-Ольриджъ, трагикъ, т. XC, 511.

А. Е. Библ. замѣтки его: 1) Историческій очеркъ Ярославскаго Леонтьевскаго прихода, съ 18 рисунк. и 4 планами. Священ. Селиверста Соколова. Ярославль. 1901, т. LXXXVIII, 313—314.—2) А. А. Титовъ. Синодики XVII в. Переславскаго Горницкаго монастыря. М. 1902, т. LXXXVIII, 1077—1078.—3) Ярославская іерархія въ описаніи протоіерея Иоан. Троицкаго, съ пред. и примѣч. А. Титова. Вып. II. Ярославль. 1902, т. LXXXVIII, 1080—1081.

Акакій (А. И. Заклинскій), енисейскій епископъ *Некрологъ его*: т. XC, 386—387.

Акимова, ген.-лейт., т. LXXXIX, 104.

Аккорамбони, Витторіа, итальянск. красавица. *Замѣтка о ней*: т. XC, 1188—1189.

Аксаковы:

— Григ. Серг., самарск. губернаторъ, т. LXXXIX, 565.

— Ив. Серг., писатель, т. LXXXVIII, 152, 153, 577; т. LXXXIX, 833—836; т. XC, 153, 157, 596.

— Серг. Тим., писатель, т. LXXXIX, 142, 143.

Алабинъ, софійскій губернаторъ, т. LXXXIX, 98, 99.

Александра (Шлезвигъ-Гольштейнъ-Сондербургъ-Глюксбургская), супруга англійск. короля Эдуарда VII, *О ней въ статьѣ В. Т.*: Англійскій король Эдуардъ VIII, т. LXXXIX, 569—602, 960—991.

Александра Александровна, вел. княгиня, т. LXXXVIII, 53, 446, 856.

Александра Иосифовна, вел. княгиня, т. LXXXIX, 62.

Александра Максимилиановна, т. LXXXVIII, 44.

Александра Николаевна, вел. княгиня, т. LXXXVII, 46; т. LXXXVIII, 43, 46, 50, 53, 437, 438, 442; т. LXXXIX, 151; т. XC, 905.

Александра Петровна, вел. княгиня, т. LXXXIX, 45, 57.

Александра Теодоровна, императрица, супр. Николая I, т. LXXXVIII, 39, 44, 45, 46, 47, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 436—437, 439, 440, 443, 445, 449, 450, 452, 852, 853, 854, 855, 857—859, 861, 862, 864, 866, 869, 874, 876; т. LXXXIX, 41, 45, 51, 52, 57, 58, 59, 61, 63, 64, 65, 66, 152, 231, 242, 243, 244, 735; т. XC, 905.

Александровскій, т. LXXXVII, 393.

Александровъ, В., драмат. писатель, т. XC, 517.

Александръ I Павловичъ, императоръ. *О немъ въ статьяхъ*: 1) *В. А. Тимирязева*: Записки декабриста, т. LXXXVII, 229—254.—2) Императоръ Александръ I въ Новгородѣ въ 1814 году, т. LXXXVIII, 593—595.—3) *В. Т.*: Иностранцы о Россіи, т. XC, 262—301. *Замѣтка о немъ*: Встрѣча имп. Александра I въ Варшавѣ въ 1815 году, т. LXXXVIII, 777—779. *Упомянутъ*: т. LXXXVII, 36—37, 1023; т. LXXXVIII, 150, 151, 160, 362, 363, 662, 663; т. LXXXIX, 75, 198, 405, 411, 415, 454—457, 465, 719, 761, 767, 832, 860, 864—867; т. XC, 97, 113, 259, 262, 572, 899, 900, 902—904.

Александръ II Николаевичъ, императоръ. *Статьи о немъ*: 1) *Н. И. Воронова*: Императоръ Александръ II въ Бѣлостокѣ въ 1867 году, т. LXXXVIII, 912—929.—2) *Г. К. Градовскаго*: Встрѣча съ царемъ - освободителемъ (Отрывокъ изъ воспоминаній), т. XC, 933—940. *Замѣтки о немъ*: 1) Воспоминанія французской актрисы Реа о смерти императора Александра II, т. LXXXVIII, 773—775.—2) Александръ II въ Парижѣ въ 1867 году, т. LXXXVIII, 1125—1127.—3) Памятникъ императору Александру II, т. LXXXIX, 1032. *Упомянутъ*: т. LXXXVII, 31, 32, 254, 455, 465, 840, 843, 844, 850; т. LXXXVIII, 39—47, 51, 53, 56, 144, 147—159, 166—168, 439, 442, 446, 448, 451, 851, 852, 856, 862—864, 868, 873, 876—879; т. LXXXIX, 38, 39, 43, 44, 47, 49, 54, 56, 57, 59, 61—66, 155, 236—239, 244—255, 383—386, 396—399, 703, 708—712, 717, 718, 721—723, 732, 758, 833, 848; т. XC, 92, 133, 138—143, 151, 495, 496, 508, 598, 599.

Александръ III Александровичъ, импер., т. LXXXVII, 1054; т. LXXXVIII, 366, 367, 447, 856, 867; т. LXXXIX, 58, 396, 735, 954.

Александръ (Ваттенбергскій), князь болгарскій, т. LXXXIX, 104—105.

Александръ VI, римскій папа, т. XC, 692.

Алексіано, капитанъ, т. LXXXVII, 1067, 1068, 1072.

- Алексѣенко**, М. М., попечитель харьк. учебн. округа, т. XC, 368.
- Алексѣй Алексѣвичъ**, царевичъ, т. LXXXIX, 812.
- Алексѣй Михайловичъ**, царь. *О немъ въ статьѣ П. А. Матвѣва*: Опала и ссылка боярина А. С. Матвѣва, т. LXXXIX, 780—818. *Упомин.*: т. LXXXVII, 1020; т. XC, 104, 160, 162, 163, 164, 166, 169, 171, 627, 640.
- Алексѣй Петровичъ**, царевичъ, т. LXXXIX, 939, 940, 942; т. XC, 108—111, 686.
- Аленевъ**, Евг. Фед., композиторъ. *Некрологъ его*: т. LXXXVIII, 800.
- Алмазовъ**, стольникъ, т. LXXXIX, 816, 817.
- Алмазовъ**, В. А., скульпторъ, т. LXXXVIII, 359.
- Ал-скій**, И. *Замѣтка его*: Къ статьѣ «Остатки былого величія», т. LXXXVII, 797—798. *Упомин.*: т. LXXXVII, 1214.
- Алсуфьевъ**, Матей, т. LXXXVII, 77.
- ф.-Алфендаль**, лифл. дворянинъ, т. LXXXVII, 60, 61.
- Алферовъ**, А. Д., педагогъ, т. LXXXVIII, 263, 264.
- Альбедилль**, секретарь швед. посол. при русск. дв., т. LXXXVII, 61.
- Альбертъ**, герцогъ саксон., мужъ корол. Виктори. *О немъ въ статьѣ В. Т.: Англійскій король Эдуардъ VII*, т. LXXXIX, 569—602, 960—991.
- Альбертъ**, принцъ, т. LXXXVIII, 440; т. XC, 905, 906.
- Альбрехтъ**, саксон. король. *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 318, 319.
- Альтенбургскій**, принцъ, т. LXXXVIII, 868, 869.
- Альфонсъ XII**, испанскій король, *Некрологъ его*: т. LXXXVIII, 775.
- Альфонсъ XIII**, испан. король. *Замѣтка о немъ*: Совершеннѣе испанскаго короля Альфонса XIII, т. LXXXVIII, 1134—1136.
- Алякритскій**, Н. И., археологъ, т. LXXXVII, 1188.
- А. М. Библ. замѣтка его**: Э. Гриммъ. Исслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти. Т. 2. Спб. 1901, т. LXXXVII, 699—702.
- Амалия**, баденск. маркграфиня, *О ней въ замѣткѣ*: Двѣ маркграфини Баденскія, т. XC, 1190—1191.
- Аманъ**, преподаватель нѣжин. гимн., т. LXXXVII, 512, 515.
- Амболовскій**, Ив. Мих., подпоруч., т. LXXXIX, 418.
- Амфитеатровъ** (Old Gentleman), А. В., *Библ. замѣтка о книгѣ его*: Недавніе люди. Спб. 1901, т. LXXXVII, 713—714.
- Андреевскіе**:
— профессоръ, членъ комиссіи (1862) для пересмотра ценз. устава, т. XC, 579.
— редакторъ «Зари», т. LXXXIX, 565.
- Андреевы**:
— А. В., членъ библиол. общества, т. LXXXVIII, 791, 792.
— А. П. *Статья его*: Туркменскій аламанъ; т. LXXXIX, 109—141.
— Н. А., художникъ, т. LXXXVIII, 781.
- Андріевскій**, А.—ѣй Алек., журналистъ. *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 655—656.
- Анна Иоанновна**, императрица, т. LXXXVII, 85, 89; т. LXXXIX, 555.
- Анна Павловна**, королева нидерланд., т. LXXXVIII, 855.
- Анна Петровна**, дочь Петра I, т. LXXXVII, 75; т. XC, 110.
- Анна**, польская королева, дочь швед. короля Иоанна III т. XC, 702, 703.
- Анна (Амалия)**, герцогиня Саксенъ-Веймаръ-Эйзенахъ, т. XC, 795.
- Анна (Марія-Луиза Орлеанская)**, герцогиня Монпансье. *Замѣтка о ней*: Племянница Людовика XIII, т. LXXXVIII, 752—757.
- Анненковы**:
— Вѣра Ив., *Статья о ней Н. И. Мердергъ*: Воспоминанія о В. И. Анненковой, т. XC, 87—103.
— Ив. Вас., петерб. оберъ-полицеймейстеръ, т. LXXXIX, 380, 381.
— Ник. Ник., членъ госуд. сов. *О немъ въ статьѣ Н. И. Мердергъ*: Воспоминанія о В. И. Анненковой, т. XC, 87—103.
— Пав. Вас., писатель, т. LXXXVIII, 165, т. LXXXIX, 858.
— попечитель мед.-хир. акад., т. LXXXVII, 926, 927, 929, 934, 938, 939, 947, 949, 950.
- Антокольскій**, Маркъ Матв., скульпторъ. *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 656.
- Антонинъ (І. Державинъ)**, псков. и порхов. епископъ, *Некрологъ его*: т. LXXXVIII, 383.
- Антоній**, новгор. и петерб. митрополитъ, т. LXXXIX, 459.
- Антоновичъ**, Макс. Алекс., сотрудникъ «Современника», т. XC, 593, 595, 596, 1111.
- Анри**, Викторъ, педагогъ, т. LXXXVII, 745.
- Антроповъ**, Лука Ник., писатель, т. XC, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 512, 513.
- Анучинъ**, Дм. Ник., академикъ, т. LXXXVIII, 1158, 1159; т. XC, 1196.

- Апостоль:**
— Дан. Павл., малоросс. гетманъ, т. LXXXVII, 667, 670, 672.
— Петръ Дан., лубен. полковникъ, т. LXXXVII, 669.
- Апраксинъ:**
— гр. Екат. Вл., рожд. кн. Голицына, фрейлина в. кн. Елены Павловны, т. LXXXIX, 230—231.
— гр. И. А., т. LXXXVII, 459, 460.
— Степ. Фед., ген.-фельдмаршалъ, т. LXXXVIII, 865.
- Апухтинъ, В. Р.,** археологъ, т. LXXXVII, 756, 1182; т. LXXXIX, 1035; т. XC, 383.
- Аракинъ, д-ръ,** т. LXXXVIII, 442.
- Аракчеевъ, гр. А-ый Андр.,** ген.-отъ-инф., т. LXXXVII, 236, 237; т. LXXXVIII, 594, 595; т. LXXXIX, 455.
- Аракчиевъ, Д. И.,** археол., т. LXXXVII, 780; т. XC, 1196.
- Араповъ, сотрудникъ «Драмат. Альбома» (1853 г.),** т. LXXXIX, 556, 557, 558.
- Аркадій, монахъ,** т. LXXXIX, 416.
- Аркадій, олонецкій епископъ,** т. LXXXIX, 462.
- фонъ-Аргъ, Карл. Карл.,** профессоръ спб. консерв. *Некрологъ его:* т. LXXXIX, 1036.
- Армфельдъ, гр.,** т. LXXXVII, 232.
- Арисъ-Гофенъ, т. LXXXVII, 854.**
- Арсеньевъ, Конст. Конст.,** академикъ, т. LXXXVII, 251.
- Артемовъ, Евстаѣй, самозванецъ,** т. LXXXIX, 939—943.
- Артено, Ел. Егор.,** рожд. Бейдеманъ, т. XC, 1116.
- Аргыновъ, т. LXXXVII, 530.**
- Архангельскій, А. С.,** профессоръ, т. LXXXVIII, 124.
- А. С.:**
— *Библ. замѣтка его:* Памятная книжка Вятской губ. и календарь на 1902 г. Вятка, 1901 г. т. LXXXIX, 284—285.—*Замѣтка его:* Большое и малое Р., т. XC, 831.
- А-скій. Библ. замѣтка его:** А. Горюцевъ. Трудовая помощь, какъ средство призрѣнія бѣдныхъ. Спб. 1901, т. LXXXVII, 321—323.
- Асмусъ, Н. Н. т. LXXXVII, 69.**
- Афанасьевъ. Библ. зам. А. Н-го о книгѣ его:** Мирабо. Публичная лекція. Одесса. 1902, т. XC, 761—762.
- Ахматовъ, цензоръ, т. LXXXIX. 848;** т. XC, 138.
- Ахметъ-паша, турецкій султанъ, т. XC, 107.**
- А-чь:**
— К. П. *Библ. замѣтка его:* Платформа, ея возникновеніе и развитіе. Соч. Г. Джер-
- сона, 2-й т. Спб. 1901, т. LXXXVII, 337—338.
— П. *Библ. замѣтки его:* 1) Германъ Вейнгортенъ. Народная реформація въ Англіи XVII в. Москва. 1901, т. LXXXVIII, 732—734. 2) Э. Лангъ. Миеология. Москва. Изд. В. Линдъ. 1909, т. LXXXVIII, 732—739.
- Ашевскій, С., т. LXXXVIII, 279.**
- Ашмаринъ, Н. И.,** археологъ, т. LXXXVIII, 373, 374.
- Ашъ, бар. Каз. Ив.,** смоленскій губернаторъ, т. LXXXIX, 414, 416, 417.
- Аванасій, холмогор. архіепископъ, т. XC, 642.**

Б.

Багалъй, Д. И., профессоръ харьк. унив., т. LXXXVII, 396, 398, 761, 763, 765, 966. 1182; т. LXXXVIII, 782, 786, 1148; т. LXXXIX, 325, 326, 653; т. XC, 367, 378, 380, 381.

Вагратионы:

— кн. Н. Н. *Его предисловіе къ статьѣ:* Императоръ Александръ I въ Новгородѣ въ 1814 году, т. LXXXVIII, 593.

— кн. Петр. Ив., ген.-отъ-инф., т. LXXXVII, 234, т. LXXXIX, 404.

Важановы:

— Вас. Бор., протопресвитеръ, т. LXXXIX, 65, 390, 461.

— Е. И., Чернигов. губ. прокуроръ, т. LXXXVII, 510, 511, 513, 519.

Важинъ, писатель, т. LXXXVII, 137—138.

Вазилевскій, В. М., т. LXXXVII, 672, 676.

Вазилъ, А-дръ Конст., дипломатъ, *Некрологъ его:* т. LXXXIX, 1036—1037.

Вакодоровъ, педагогъ, т. LXXXVII, 392.

Вакунинъ, Мих. Петр., эмигрантъ-соціалистъ, т. LXXXVIII, 195.

Валандинъ, Григ., поручикъ выборг. горн., т. LXXXIX, 944, 945.

Валашевъ, т. LXXXVII, 233.

Валинскій, Ив. Мих., психіатръ. *Некрологъ его:* т. LXXXVIII, 384—385.

Валкъ, Дерманъ, магистръ тевтон. ордена, т. XC, 699.

Валкъ-Полевой, т. LXXXVII, 85, 89.

Вальзакъ, Оноре, франц. писатель. О немъ въ замѣткѣ: Политическія идеи Бальзака, т. LXXXVII, 1167—1170.

Вальзеръ, М. К., т. LXXXVII, 51.

Ваньковскій, А-дръ Кон., писатель. *Некрологъ его:* т. LXXXVIII, 801—808.

Варановы:

— А. *Библ. замѣтка Вас. Якимова о книгѣ его:* Въ защиту несчастныхъ

- женщинъ. Москва. 1902, т. LXXXVII, 719—721.
- Ник. Мих., нижегород. губернаторъ. *О немъ въ статьѣ П. Л. Юдина*: Еврейскій погромъ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1884 г. (Эпизодъ изъ первыхъ лѣтъ губернаторства Н. М. Баранова), т. LXXXVIII, 486—501.
- П., т. LXXXVII, 540, 541.
- гр. Юлія Фед., наставница дѣтей импер. Николая I, т. LXXXVII, 46; т. LXXXVIII, 863; т. LXXXIX, 241—242.
- де-**Варантъ**, бар. *Замѣтка о немъ*: Конецъ переписки Варанта, т. LXXXVII, 378—380.
- Варклай-де-Толли**, кн. Мих. Богд., фельдмаршалъ, т. LXXXVII, 234, 235, 241, 244; т. XC, 259.
- Варкли**, Гардъ, представитель партіи швейцар. социалистовъ. *Некрологъ его*: т. LXXXVII, 387—388.
- Варсуковъ**, Никл. Плат., писатель, *Библ. замѣтка А. М. Бълова о книгѣ его*: Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 1073—1075.
- Вартельсъ**, Адольфъ, нѣмец. писатель, т. LXXXIX, 312—316.
- Вартеневы**:
— Апол. Петр., рожд. Бурцова, супр. Ив. Ос. В., т. LXXXVII, 311.
— Ив. Осип., подполковникъ, т. LXXXVII, 311.
— Петръ Ив., историкъ. *Статья о немъ В. Е. Рудакова*: Пятидесятилѣтіе учено-литературной дѣятельности П. И. Вартенева, т. LXXXVII, 311—320. *Упомин.*: т. LXXXVIII, 162.
- Вартенева**, Н. А., фрейлина, т. LXXXVIII, 869; т. LXXXIX, 712, 723.
- Вартольдъ**, В. В., археологъ, т. XC, 814—815.
- Варятинскіе**:
— А., т. LXXXVII, 648.
— кн. Марія Ив., т. LXXXVII, 649.
- Васанъ**, Лора, наѣздница, т. LXXXIX, 953.
- Васаргинъ**, Ник. Вас., декабристъ, т. LXXXVII, 249.
- Васнины**:
— П. П., *Статья его*: Изъ прошлаго Сибири, т. XC, 532—574.
— Петръ Тимоо., коммерціи совѣтникъ, авторъ записокъ. *О немъ въ статьѣ П. П. Васнина*: Изъ прошлаго Сибири, т. XC, 532—574.
- Вассевичъ**, авторъ «Записокъ», т. LXXXVII, 75.
- Ваторій**, Стефанъ, польскій король, т. LXXXIX, 197; т. XC, 685.
- Ватюшковъ**, О. Д. *Библ. замѣтка о книгѣ его*: Критическіе очерки и замѣтки о современникахъ. Спб. 1902, т. LXXXIX, 264—266.
- Вауержейндъ**, Феликсъ, революціонеръ, т. LXXXVII, 190.
- Ваужгартены**:
— д. ст. сов., т. LXXXIX, 100.
— Ю. А., рожд. гр. Ниродъ, т. LXXXVIII, 926.
- Вахтинъ**, членъ госуд. сов., т. XC, 587.
- Вашиловъ**, директоръ экон. курск. намѣстнич., т. LXXXIX, 931, 934.
- Вв. Библ. замѣтка его**: Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ любителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III, кн. 5-я. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 330—332.
- В-въ**, А. *Библ. замѣтка его*: Труды Ярославскаго областного съѣзда. М. 1902, т. XC, 333—335.
- Везакъ**, Ал-дра Павл., кiev., подол. и волынск. ген.-губернаторъ, т. XC, 937—940.
- Везродный**, А. В., *Статья его*: В. К. Кюхельбекеръ и А. С. Грибоѣдовъ, т. LXXXVIII, 596—600.
- Вейсгъ**, гр., австрійскій министръ, авторъ воспоминаній, т. LXXXIX, 234, 241, 247.
- Векетовы**:
— Андрей Ник., профессоръ спб. унив. *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 656—658.
— Ел. Григ., писательница, переводчица. *Некрологъ ея*: т. XC, 821.
- Velza**, Wlad. *Библ. замѣтка К. Х. о книгѣ его*: Szkice, wspomnienia, obrazki. Warszawa. 1901, т. LXXXVII, 353—355.
- Веллинггаузены**:
— А. Д., супруга адмирала, т. LXXXIX, 469.
— Ф. Ф., адмиралъ, т. LXXXVII, 469.
- Вельджюдджозо**, итальянск. принцесса. *О ней въ замѣткѣ*: Парижскій салонъ принцессы Вельджюдджозо, т. LXXXIX, 640—643.
- Вельмонтъ**, Лео. *Библ. замѣтка Г. Кучинскаго о переводѣ его*: «Евгенія Онѣгина» А. Пушкина. Краковъ, 1902, т. LXXXVIII, 1082—1083.
- Венедиктовъ**, писатель, т. LXXXVII, 650.
- Веннигсенъ**, т. LXXXVII, 230, 231, 235.
- Венкендорфы**:
— графъ, А. Х. т. LXXXVII, 235, 239, 936; т. LXXXVIII, 597; т. LXXXIX, 147, 148, 155, 721, 844; т. XC, 904.
— гр. Софія А-др., т. LXXXVII, 649.
- Венуа**, А. *Библ. замѣтка С. III. обз. изд. подъ его ред.* книгъ «Художествен-

- ныи сокровища Россіи». Ежемѣсячный, иллюстрированный сборникъ. Спб. 1902, т. LXXXVI, 1125—1127.
- Верарь**, М., французскій писатель, т. LXXXIX, 1012—1013.
- Вергманъ**, т. LXXXVIII, 50—52.
- Вергъ**, гр. Фед. Фед., ген.-фельдмаршалъ, намѣстникъ Царства Польскаго, т. LXXXIX, 386, 399.
- Верезинъ-Ширяевъ**, Як. Федул., библиографъ, т. LXXXVIII, 986, 989, 991.
- Верендсъ**, О. Н. *Библ. замѣтка Б. Гр—скаго о книгѣ его*: Объ источникахъ финляндскаго права. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 1099—1100.
- Вероловъ**, Дав., лѣкарь, т. LXXXIX, 796, 806, 807, 809.
- Вернадотъ**, король Швеціи и Норвегіи, т. LXXXVII, 241.
- Верхгольцъ**, авторъ «Дневника», т. LXXXVII, 76.
- Вессонъ**, Э. *Библ. замѣтка С. Н. о книгѣ его*: Бюджетный контроль во Франціи и за границей. Спб. 1901, т. LXXXVII, 1143—1144.
- Вестужевъ (Марлинскій)**, А.-дръ А.-др., писатель, т. LXXXVII, 579.
- Вестужевы-Рюмины**:
— Мих., декабристъ, т. LXXXVII, 246, 250.
— гр. Петр. Мих., ген.-комиссаръ при курлянд. дворѣ, т. LXXXVII, 65, 66, 73, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83.
- Вецкій**, Ив. Ив., президентъ акад. худ., т. XC, 813.
- Вибиковъ**, Дм. Гавр., кiev. ген.-губернаторъ, т. LXXXIX, 323.
- Визюкина**, А. Ю. *Статья ея*: Н. И. Бухаровъ и его дворецкій Данилычъ, т. LXXXVII, 956—960.
- Вишневъ**, Н. Н., астраханскій губернаторъ, т. LXXXIX, 564.
- Висмаркъ**, германскій канцлеръ, *Замѣтки о немъ*: 1) Новая переписка Бисмарка, т. LXXXVII, 382—386.—2) Бисмаркъ, какъ музыкантъ, т. LXXXVII, 1172—1174. *Упомян.*: т. LXXXIX, 249, 255.
- фонъ-Висмаркъ**, комендантъ Риги, т. XC, 885.
- Витовтъ**, Ю. *Библ. замѣтка А. Фаресова о книгѣ его*: «Руководство къ библиографическому описанію книгъ». М. 1902, т. XC, 307—310.
- В—кій**, А. *Библ. замѣтка его*: Н. Н. Лендеръ. Разказы путника. (Изд. А. С. Суворина). Спб. 1902, т. LXXXIX, 256—257.
- Влаговѣщенскій**, Ник. Мих., профессоръ спб. унив., т. LXXXVIII, 1003, 1006.
- Влагосвѣтловъ**, Григ. Евламп., писатель, т. LXXXVII, 133—134, 137—139; т. XC, 594, 595.
- Влудовы**:
— гр. Ант. Дм., дочь Д. Н. В., писательница, т. XC, 939, 940.
— гр. Дм. Ник., предѣлатель госуд. сов. и комит. мин., т. LXXXVII, 312; т. LXXXVIII, 149, 150, 153—166; т. LXXXIX, 845.
- Влундъ**, Эдуардъ, авторъ мемуаровъ. *Замѣтка о мемуарахъ его*: т. XC, 807—809.
- дю-Влэдъ**, франц. писатель, т. LXXXVIII, 1108, 1113.
- В-нъ**. *Библ. замѣтка его*: Кавказъ и его герои. Въ двухъ книгахъ. Составилъ И. Н. Захарыня (Якунинъ). Спб. 1901., т. LXXXVII, 329—330.
- Воборыкинъ**, Петръ Дм., писатель, т. LXXXVII, 746—749.
- Вобринскій**, гр. А. А., археологъ. *Библ. замѣтки о книгѣ его*. Секта Исмаилья въ русскихъ и бухарскихъ предѣлахъ средней Азіи. М. 1902., (*Л. М.*), т. LXXXIX, 291;—(*А. Хаганова*), т. XC, 1179. *Упомян.*: т. LXXXVII, 766, 767, 1188; т. LXXXIX, 325.
- Вобрицевъ-Пушкинъ**, А. М. *Библ. замѣтка Х. У. З. о книгѣ его*: Судъ и раскольники—септанты. Спб. 1902., т. LXXXVIII, 290—294.
- Вобровскій**, П. О., ген.-отъ-инф., т. XC, 814.
- Вобровъ**, Е. А., профессоръ казан. унив., *Статья его*: Путешествіе изъ Казани въ Москву сто лѣтъ назадъ, т. LXXXVIII, 1045—1050. *Библ. замѣтки о книгахъ его*: 1) *Н. Н. о книгѣ*: Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в. Казань 1901—1902 г.г., т. LXXXVIII, 719—723. 2) *П. Ш. о той же книгѣ*, т. LXXXIX, 269—272. 3) *П. Ш. о книгѣ*: Исторія изученія Святославова сборника 10762, Казань. 1902., т. LXXXIX, 294—295. *Упомян.*: т. LXXXVIII, 374.
- Вогдановичъ**, Анг. Ив., писатель, т. LXXXVIII, 1023, 1024.
- Вогдановскій**, Анд. Мих., профессоръ новоросійск. унив. *Некрологъ его*: т. LXXXVII, 790—791.
- Воголюбова**, Ф. А., учительница пріюта въ Царск. Селѣ, т. LXXXIX, 703.
- Вогомоловъ**, Н. М., т. XC, 512.
- Вогоявленскій**, Н. В., т. LXXXVII, 785, 786.
- Вогуславскій**, Леон. Ант., военный писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXVII, 1200.
- Вогучарскій**, В. И., т. LXXXVIII, 279.

- Воденъ**, Альфонсъ, франц. патриотъ. *О немъ въ замѣткѣ*: Два памятника, т. LXXXVII, 741—743.
- Водуанъ**, Марсель, франц. писатель, т. LXXXVIII, 1091.
- Вожеяновы:**
— А. М., ген., т. LXXXIX, 776.
— Ив. Ник., *Библ. замѣтки С. Ш.* *о книгѣ его*: Невскій проспектъ. 1703—1903., т. LXXXVII, 330—331; т. LXXXVIII, 1089—1090.
— Георгій Тимов., гофмаршалъ при дворѣ в. кн. Влад. Алекс., т. LXXXVII, 49; т. LXXXIX, 394.
- Вокъ**: И. И., д. членъ геогр. общ., т. LXXXVII, 390.
- Вологнниковъ**, А.—ѣй Ульян., сенаторъ, т. LXXXIX, 415.
- Волотовъ**, Андрей Тим., писатель, т. XC, 896.
- Ворджіа**, Лукреція. *Замѣтка о ней*: Лукреція Ворджіа, какъ монахиня, т. LXXXIX, 627—628.
- Ворисовъ**, А. А., путешественникъ, т. LXXXVIII, 380—381.
- Ворисовъ - Корженевскій**, К. А. *Статья его*: Непочатая сила, т. LXXXVII, 855—881.
- Ворисъ Теодоровичъ Годуновъ**, царь, т. LXXXVII, 1005, 1014, 1017.
- Вородинъ**, А.—дръ Порф., композиторъ, т. LXXXVII, 490, 499, 500.
- Вородинъ**, М. *Библ. замѣтка II. Ш.* *о книгѣ его*: Славянофильство Тютчева и Герцена, Спб. 1902., т. LXXXVIII, 725—727.
- Ворозины:**
— А-дръ Корн., профессоръ слб. унив., *Статьи его*: 1) Поэзія В. А. Жуковскаго, т. LXXXVIII, 123—145. 2) Подувѣковая научная работа., т. LXXXVIII, 700—712. — *Упомян.*: т. LXXXVIII, 251, 253; т. XC, 376.
— А-др. Ник., т. XC, 904.
— Андрей Мих., сенаторъ, т. XC, 898.
— Богд. Петр., ландратъ, т. XC, 884, 885.
— Вас. Корн., ген.-майоръ, т. XC, 886, 887, 888, 889, 890.
— Григ. Корн., крихъ-палмейстеръ, авторъ дневника, т. XC, 891, 892, 893, 898.
— Елис. А-др., рожд. Жеребцова, супр. Н. М. Б., т. XC, 900, 903, 904.
— Конст. Матв., сенаторъ, писатель, т. XC, 894, 895.
— Корн. А., *Статья его*: Отрывокъ изъ фамильныхъ воспоминаній, т. XC, 884—907.
— Корн. Богд., ген.-аншефъ, т. XC, 885, 886, 887, 889, 890, 891, 894, 897.
- Корн. Вас., т. XC, 890.
— Мих. Мих., ген., д-ръ мед. гейдельберг. унив., т. XC, 898.
— Мих. Сав., ген.-поручикъ, т. XC, 891, 895, 896, 897, 898.
— Ник. Мих., ген.-адъютантъ, т. XC, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905.
— Ник. Сав., стат. сов., т. XC, 891, 895, 896, 897.
— Петръ Сав., стат. сов., т. XC, 895, 896, 897.
— Сав. Ульян., т. XC, 895, 896.
— Фед. Сав., т. XC, 895.
- Воссюэ**, франц. писатель. *О немъ въ замѣткѣ*: Былъ ли женатъ Воссюэ?, т. LXXXVII, 731—732.
- Вотвель**, третій мужъ Маріи Стюартъ, т. LXXXVII, 727—730.
- Воцановскій**, Вл. Теоф., писатель, LXXXVIII, 378, 791, 1157; т. LXXXIX, 330; т. XC, 1121, 1127, 1200.
- Вошнякъ**, херсон. помѣщикъ, т. LXXXVII, 248, 249.
- Вранденбургъ**, Н. Е., археологъ, т. LXXXIX, 329, 330, 652, 663.
- Враницкіе**, т. LXXXIX, 198, 199, 200, 202, 205.
- Враунъ**, Георгъ, *Замѣтка о немъ*: Георгъ Браунъ, т. XC, 804—806.
- Вредихинъ**, О. А., академикъ, т. LXXXVII, 745.
- Врейскій**, Я., редакторъ газ. «Gazeta Torunska», т. XC, 707.
- Времзень**, А. Г., членъ русск. общ. дѣят. печатн. дѣла, т. LXXXVII, 400.
- Вренвильеръ**, маркиза. *Замѣтка о ней*: Обѣненіе маркизы Вренвильеръ, т. LXXXVII, 730—731.
- Вренсодъ**, И. *Замѣтка его*: По поводу рецензіи г. Мальмгрена, т. XC, 398—399.
- Вретъ-Гартъ**, Францисъ, англ. писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXVIII, 1137.
- фонъ-Вринъ**, тобол. губернаторъ, т. XC, 552, 553.
- Вровцынъ**, А. А., командиръ фрег. «Діана», т. LXXXVII, 442.
- Врокъ**, т. XC, 140, 142.
- Врудзевскій**, Войцѣхъ, профессоръ краков. акад., т. XC, 691, 692.
- Врунъ**, членъ смолен. муниципалитета, т. LXXXIX, 407.
- Вройнинъ**, бар., т. LXXXVII, 60, 85.
- Врюховецкій**, Ив. Март., гетманъ, т. XXXIX, 783.
- В—скій**, *Библ. замѣтка его*: Адольфъ Меркель. Юридическая энциклопедія. Перевадъ Ф. К. Зейдель, подъ редакц., привоть-доцента В. М. Грибовскаго. Со второго посмертнаго изданія. Спб. 1902, т. XC, 339.

- Будаевъ**, Ник. Серг., профессоръ спб. унив. *Некрологъ его*: т. XC, 821—822.
- Будбергъ**, баронъ, ген.-лейтенантъ, т. LXXXVIII, 596.
- Будиловичъ**, Ант. Сем., профессоръ юрѣв. унив. т. LXXXVIII, 792, 793.
- Бузескулъ**, В. П., профессоръ харьк. унив., т. LXXXVII, 765; т. LXXXVIII, 376; т. XC, 372.
- Бузинскій**, Гавр., переводчикъ съ латин. яз., т. LXXXIX, 830.
- Вуксгевденъ**:
— А. И., т. LXXXVIII, 857.
— Ан. Карл., рожд. бар. Апсгофенъ, т. LXXXVIII, 47, 54.
— т. LXXXVII, 230, 231, 232.
- Вулгаковы**:
— Е., *Библ. замѣтка В. I. о книгѣ его*: «Изъ жизни средневѣковаго ремесленника». М. 1902, т. LXXXIX, 615—616.
— Конст., т. LXXXVIII, 460, 451.
- Булгаринъ**, Фаддей Вен., писатель, *О немъ въ статьѣ Ю. Г. Малиса*: Пироговъ и Булгаринъ. (Страница изъ биографіи Н. И. Пирогова), т. LXXXVII, 923—950. *Упомян.*: т. LXXXVII, 562, 567, 577, 579, 1088; т. LXXXVIII, 169; т. XC, 146.
- Буличъ**, Н. Н., *Библ. зам.* М. II—аго о книгѣ его: Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XII в. Спб. 1902, т. LXXXVII, 710—712.
- Булчовъ**, Н. И. *Библ. зам.* Л. М. о книгѣ его: Древности юго-восточной Россіи. М. 1902., т. LXXXVIII, 1102.
- Буренинъ**, Викт. Петр., писатель, т. XC, 517.
- Бурцевъ**, декабристъ, т. LXXXVII, 246.
- Вусласвъ**, Фед. Ив., академикъ, т. XC, 495.
- Бусси**, Рабутинъ, т. LXXXVII, 60.
- Бутеневы**:
— Анполин. Петр., т. LXXXVII, 37—38.
— Леонт. Петр., т. LXXXVII, 53.
- Бутурлины**:
— Ольга Павл., рожд. гр. Сухтеленъ, т. LXXXVIII, 43, 44.
— графъ, т. LXXXIX, 242, 844—846.
- Вутягинъ**, русск. посланникъ въ Парижъ, т. LXXXVII, 243.
- Вухананъ**, президентъ соед. штатовъ, т. XC, 712.
- Вухаринъ**, сенаторъ, т. XC, 97, 98, 99.
- Вухаровъ**, Ник. Ив., ген. *Статья о немъ А. Ю. Визюкиной*: Н. П. Вухаровъ и его дворецкій Данилычъ, т. LXXXVII, 956—960.
- Вухгольцъ**, А., т. LXXXVII, 85.
- Вущинскій**, I., издатель газ. «Gazeta Torunska», т. XC, 707.
- Бычковъ**, Аѳ. Фед., академикъ, т. LXXXVIII, 162, 163, 660, 986, 988; т. XC, 586.
- Бьюль**, Авг., англ. писатель, т. LXXXVII, 1062, 1063.
- Вѣгичевъ**, В. П., т. XC, 510.
- Вѣлаенецъ**, П., лейтенантъ, т. LXXXIX, 332.
- Вѣлгородскій**, А. *Библ. замѣтка С. о книгѣ его*: Киевскій митрополитъ Іерофей Малицкій. (1796—1799 г.). Киевъ 1901, т. LXXXVII, 347—348.
- Вѣлевичъ**, К. П., биографъ Мермонта, т. LXXXVII, 258, 259.
- Вѣлецкій**, А. В., т. LXXXIX, 758, 759, 771, 772.
- Вѣлискій**, Вис. Григ., писатель, т. LXXXVII, 135, 567, 568, 579, 598, 599, 935—987, 940; т. LXXXVIII, 132, 141, 242, 279, 708, 1006, 1007; т. XC, 1096, 1097, 1111.
- Вѣловольскій**, Іоаннъ, священникъ, т. LXXXVII, 676.
- Вѣловъ**, А. М. *Библ. замѣтка его*. Н. Варевковъ. Живъ и труды М. П. Погодина. Книга шестнадцатая. Спб: 1902, т. LXXXVIII, 1073—1075.
- Вѣлосерская**, Н. А. *Статья ея*: Происхождение Екатерины Первой, т. LXXXVII, 56—90. *Упомян.*: т. LXXXVII, 566.
- Вѣлосельскій**, кн. Алекс., т. LXXXVII, 1027.
- Вѣлосельскій - Вѣлосерскій**, князь Ал-ръ, русск. посланникъ въ Туринъ, *О немъ въ статьѣ В. Т.*: Русскіе объ иностранцахъ. (Князь Вѣлосельскій въ Туринъ во время французской революціи), т. XC, 1129—1140.
- Вѣлявскій**, Фед. Фед., правитель канцеляріи иркутск. губернатора. *О немъ въ статьѣ П. П. Баскина*: Изъ прошлаго Сибири, т. XC, 532—574.
- Вѣляевъ**, И. С., *поправка его по поводу Замѣтки прот. А. Свирьмина*; т. LXXXIX, 1046—1048; *Отвѣтъ на эту поправку А. Свирьмина*, т. XC, 399—400.
- Вѣръ**, академикъ, т. LXXXVII, 945, 946, 947.
- Вьюлау**, нѣм. историкъ, т. LXXXVII, 64.
- Вюшинъ**, А. Ф., нѣм. историкъ, т. LXXXVII, 61.

В.

В. Библиографическія замѣтки его: 1) Вант-Мюнденъ, Исторія швейцарскаго народа. Томъ III. Изд. А. М. Пантелѣева, Спб. 1902, т. LXXXVII, 1133—1134; 2) Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, въ 12 т. подъ редакц. и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томъ V, Спб. 1901, т. LXXXVII, 1242.

Вагнъ, писатель, т. XC, 534, 535, 545, 555, 565.

Вагнеръ, Ник. Петр., профессоръ, писатель, т. LXXXVII, 139, 493—496, 501, 888.

Ваккаръ, членъ комит. иностр. цензуры, т. XC, 148.

Валенъ-де-Монтъ, профессоръ архитектуры, т. LXXXIX, 150.

Валишевскій, К., польскій историкъ, т. LXXXVII, 64, 65.

Валленродъ, Конрадъ, гротмейстеръ тевтон. ордена, т. XC, 690.

Валоріо, Сильвестро, венеціан. дожъ, т. XC, 106.

Валуева, (Мунтъ), Анна Петр., писательница. *Некрологъ ея:* т. LXXXVII, 1200—1201.

Валуевъ, Петр. А-др., министръ внутр. дѣлъ. *О немъ въ статьѣ Н. П.—аго:* Чешскій писатель и русскій министръ, т. LXXXVIII, 172—178. *Упомин.:* т. LXXXIX, 336, 849, 851, 852; т. XC, 152, 153, 575, 586—589, 592, 594, 596, 598—600.

Вальтеръ, Ант. Ант., д-ръ медицины, *Некрологъ его:* т. LXXXIX, 658.

Варнекъ, А. И., т. LXXXVII, 1190, 1191.

Василевскій, Густавъ, революціонеръ, т. LXXXVII, 190.

Василенко, В. И., археологъ, т. LXXXVIII, 786, 787; т. XC, 375.

Василій Васильевичъ, вел. князь, т. XC, 104.

Василій Іоанновичъ, велик. князь, т. LXXXVII, 1003.

Васильевы:
— Алексѣй, протоіерей, т. LXXXIX, 409, 417, 418, 421.

— Д. В., археологъ, т. XC, 1198.

— Яковъ, монстръ, т. LXXXIX, 159—160.

Васильчиковъ, т. LXXXVII, 45, 47; т. LXXXIX, 152, 153, 470, 844.

Васюковъ, С. И., *Статьи его:* 1) Воспоминанія о Ф. Д. Нефедовѣ, т. LXXXVIII, 584—592; 2) Изъ воспоминаній о Г. И. Успенскомъ, т. LXXXVIII, 937—942; 3) Первый разсказъ, т. LXXXIX, 67—73; 4) Геленджикъ, т. LXXXIX, 486—503; 5) Въ народъ, т. LXXXIX, 665—699;

т. XC, 6—41; 6) Вниманію археологическаго общества, т. LXXXIX, 924—929.

Вахшлягеръ, Любертъ, настоятель костела св. Яна въ Торнѣ, т. XC, 699.

Вашингтонъ. *О немъ въ замѣткѣ,* Вашингтонъ и Нѣмцевичъ, т. LXXXVII, 1155—1159.

В. В., *Библиографическія замѣтки его:* Антикваръ. Библиографическій листокъ. Апрель 1902 г., № 1. Спб., т. LXXXVIII, 1090—1091.

Введенскіе:

— Арс. Ив., писатель, т. LXXXVIII, 560.

— С. Н. *Статья его:* Тамбовскій епископъ Игнацій, т. XC, 625—646.

Веберъ, ганнов. резидентъ, т. LXXXVII, 58, 61, 65, 67, 73, 77.

Вейнбергъ, Петръ Исаев., писатель, т. LXXXVIII, 257, 263, 264.

Вейнгартенъ, Гер. *Библиографическія замѣтки П. А.—а о книгѣ его:* Народная реформація въ Англіи XVII в. М. 1901, т. LXXXVIII, 732—734.

Вейденбаумъ, С. Г. *Библиографическія замѣтки В. Логинова о книгѣ его:* «Кавказскіе этюды». Тифлисъ 1901, т. XC, 335—336.

Велепольскій, президентъ Варшавы, *О немъ въ статьѣ Г. Кучинскаго:* Исторія шести мѣсяцевъ (Іюль—Декабрь 1862), т. LXXXVII, 1035—1061; т. LXXXVIII, 179—205.

Великановъ, Ник. Григ., членъ смолен. муниципалитета. *Статья о немъ Л. Я. Л.—скаго:* Подневольный муниципаль, т. LXXXIX, 404—421.

Величко, Вас. Льв., поэтъ, т. LXXXVIII, 366.

Велліо, комендантъ Царск. Села, т. LXXXIX, 701.

Вельяминовъ, Н. Н. т. LXXXIX, 375, 397.

Венгеровъ, Сем. Аван., писатель, *Библиографическія замѣтки:* 1) *В.—объ изд. подъ его редакц.:* «Полномъ собраніи сочиненій В. Г. Бѣлинскаго». Спб. 1901, т. LXXXVII, 1142. 2) *Б. М. Городецкаго—объ изд. подъ его ред.:* «Библиотекъ великихъ писателей. Шекспиръ». Томъ I, Спб. 1902, т. XC, 1149—1152.—*Упомин.:* т. LXXXVII, 498; т. LXXXVIII, 279.

Венглевскій, Францъ, т. LXXXVII, 1043; т. LXXXVIII, 182, 185.

Венингъ, Джонъ и Вальтеръ, филантропы. *Замѣтка о нихъ:* Два англо-русскіе филантропа XIX столѣтія, т. LXXXVIII, 1123—1125.

Веніаминъ, іеромонахъ. *Библиографическія замѣтки С. о книгѣ его:* Архіепископъ Аркадій Олонекскій, какъ дѣятель противъ раскола. Петрозаводскъ. 1901, т. LXXXIX, 999—1001.

- Венсанъ**, (Арведъ Баринъ), франц. писательница, т. LXXXVIII, 752.
- Верди**, итальян. композиторъ. *Замѣтка о письмахъ его*: т. LXXXIX, 316—317.
- Верещагинъ**, Петръ Вас., агрономъ. *Некрологъ его*: т. LXXXVIII, 383—384.
- Вернеръ**, Конст. Ант., профессоръ моск. сельск. инст. *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 1037—1038.
- Вернэ**, франц. актеръ, т. LXXXIX, 231, 232.
- Верховскій**, В. М. *Библ. замѣтка В. П.—на объ изд. подъ его ред. книгъ. Историческій очеркъ развитія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи съ ихъ основанія до 1897 года влчательно. Спб. 1901, т. LXXXVII, 1112—1116.*
- Веселитская**, Л. Н., т. LXXXVIII, 570.
- Веселитскій**, полковн., т. LXXXVIII, 923, 926.
- Веселовскіе**:
— Ал—дръ Ник., академикъ, т. LXXXVII, 747; т. LXXXVIII, 249; т. LXXXIX, 321—322; т. XC, 578.
— А—ѣй Ник., профессоръ московск. унив., *Библ. замѣтка В. Ивановича о книгѣ его*: Байронъ, біографическ. очеркъ. М. 1902, т. LXXXIX, 285—286.— *Упомят.*: т. LXXXVII, 770; т. LXXXVIII, 260—264, 1139.
— Ник. Ив., профессоръ спб. унив., т. LXXXVII, 784, 785, 1181; т. LXXXIX, 325; т. XC, 378, 815, 1196.
— Христ., маршалъ княж. литовскаго, т. LXXXIX, 205, 206.
- Вестбергъ**, Ф. Ѳ., составитель «Комментарія на записку Гютскаго Топарха», т. XC, 814.
- Вестфаленъ**, датскій посланникъ, т. LXXXVII, 75.
- Вегуховъ**, А. В., секретарь педагог. отд. харьк. ист.-филол. общ., т. LXXXVII, 1188; т. LXXXVIII, 783, 1148; т. LXXXIX, 326.
- В. И.** *Библ. замѣтки его*: 1) Г. Тардь. Соціальныя этюды. Переводъ І. Гольденберга. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 740—741. 2) Н. Г. Вороновъ. Элементы исторіи. М. 1901, т. LXXXVIII, 743.
- Вигель**, Фил. Фил., авторъ воспоминаній, т. LXXXVII, 1022—1023.
- Вигет**. *Библ. замѣтка его*: Отчетъ Императорской Публичной бібліотеки за 1897 г. Спб. 1900, т. LXXXVII, 349—351.
- Викторія**, англійская королева. *О ней въ статьѣ В. Т.*: Англійскій король Эдуардъ VII, т. LXXXIX, 569—602, 960—991.— *Упомят.*: т. LXXXIX, 841, 850.
- Викторовъ**, А., библиографъ, т. LXXXVIII, 986.
- Викторъ**, черниговскій епископъ, т. LXXXIX, 861.
- Викторъ-Эммануиль III**, итал. король, т. LXXXVIII, 368.
- Вилліе**, Мих. Як. академикъ живописи, т. LXXXVII, 400.
- Вилльдебланшъ**, Арманъ, правитель смолен. губерніи, т. LXXXIX, 406, 407, 413.
- Вильбуа**, ген.-фельдцейхмейстеръ, т. XC, 886, 887, 888.
- Вильгельмъ**, прусскій король, т. LXXXIX, 246, 247, 248, 249, 250, 252.
- Вильде**, Н. Е., артистъ моск. малаго театра, т. XC, 480, 481, 503, 512.
— М. Е., музык. рецензентъ, т. XC, 512.
- Фонъ-Вильденбрухъ**, германскій писатель, т. LXXXVII, 1106.
- Вильдъ**, Генр. Ив., директоръ главн. физической обсерваторіи. *Некрологъ его*: т. XC, 388—389.
- Вилькинсъ**, В., англійскій историкъ, т. LXXXIX, 300, 301.
- Вильсонъ**, Робертъ, т. LXXXVII, 242, 243.
- Виноградовъ**, И. А. *Библ. замѣтка А. М.—на о книгѣ его*: Отчетъ о дѣятельности Тверской ученой архивной комиссіи за 1900 годъ. Тверь, 1901, т. LXXXVII, 718—719.
- Винтерфельдъ**, прусс. полководецъ, т. LXXXVII, 652.
- Винценгероде**, бар., т. LXXXVII, 235—244.
- де-Виньи**, Альфредъ, франц. поэтъ. *Замѣтка о немъ*: Альфредъ де-Виньи, т. LXXXVIII, 351—353.
- Виньонъ**, Р., франц. писатель, т. XC, 1181—1184.
- Вирховъ**, Рудольфъ, ученый. *Некрологъ его*: т. XC, 362—364.
- Витбергъ**, Ѳед. А-др., педагогъ-писатель, т. LXXXVII, 394.
- Витвордъ**, англ. посланникъ, т. XC, 901.
- Витгенштейнъ**, гр., т. LXXXVII, 239, 241, 245, 249; т. LXXXVIII, 202.
- Вителаро**, музыкантъ, т. LXXXIX, 959.
- Виттъ**, гр., т. LXXXVII, 248, 249.
- В. I.** *Библ. замѣтки его*: 1) Гарризонъ. Оливьеръ Кромвель. М. 1902, т. LXXXVIII, 320.—2) Европа. Иллюстрированный географическій сборникъ. М. 1902, т. LXXXVII, 1123—1124.—3) Е. Булгакова. Изъ жизни средневѣковаго ремесленника. М. 1902, т. LXXXIX, 615—616.—4) Карлъ Каутскій. Противорѣчія классовыхъ интересовъ въ 1789 г. Переводъ Львовича. Спб. 1902, т. XC, 764—765.

- Виельгорскій**, гр., т. LXXXVIII, 149, 150; т. LXXXIX, 947, 948.
- Владимирскій-Вудановъ**, М. Ф. *Библ. замѣтка В. Л.—на о книгѣ его*: Судебникъ 1589 г. Его значеніе и источники. Кіевъ. 1902, т. LXXXVIII, 1064—1067.
- Владимиръ Александровичъ**, вел. князь, т. LXXXVIII, 447; т. LXXXIX, 705, 708, 709.
- Владимиръ**, казан. и свѣяжск. архиепископъ, т. LXXXIX, 458.
- Владиславлевъ**, В., издатель «Утр. Зари», т. LXXXVII, 647, 648.
- Владиславъ IV**, польскій король, т. LXXXIX, 197, 199.
- Власовъ**, Г. П., варшав. оберъ-пеліцеймейстеръ, т. LXXXIX, 705.
- В—нъ**, А. *Замѣтка его*: По поводу библиографической замѣтки о Памятной книгѣ Вятской губ. на 1902 годъ, т. XC, 393—397.
- В—овъ**, В. *Библ. замѣтка его*: Учебный географическій атласъ, 3-е изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 323—324.
- Де-Вогтъ**, Мельхiorъ, франц. критикъ, т. LXXXVIII, 250, 251, 283.
- Воейкова**, Вѣра Ник., рожд. Львова, т. XC, 100, 101, 102.
- Вознесенскій**, В. В. *Статья его*: Юные администраторы въ Болгаріи, т. LXXXIX, 97—105.
- Войде**, Карл. Мавр., ген.-лейт., т. LXXXVII, 31; т. LXXXIX, 395, 396, 397, 398, 704, 712, 723.
- Войде**, Казимиръ, президентъ Варшавы, т. LXXXVII, 1046, 1047.
- Волжскій**, *Библ. замѣтка М. С. о книгѣ его*: Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ. Спб. 1902, т. LXXXIX, 272—273.
- Волковы**:
— Е. Н., черноморск. губернаторъ, т. LXXXIX, 929.
— Н. В., этнографъ, т. XC, 1201.
- Волконскіе**:
— кн. Ал-дра Ник., рожд. кн. Репнина, супр. Григ. Сем. В., т. LXXXVII, 230.
— кн. Григ. Сем., т. LXXXVII, 230.
— Марія Ник., рожд. Раевская, супр. Серг. Гр., т. LXXXVII, 247—254.
— кн. Мих. Серг., т. LXXXVII, 229.
— кн. Н. С., т. LXXXVII, 250.
— кн. Петръ Мих., ген.-фельд., министр имп. двора, т. LXXXVII, 242—244, 249; т. LXXXIX, 143—145, 948—953, 957—959.
— Сергій Григ. *О немъ въ статьѣ В. А. Тимирязева*: Записки декабриста, т. LXXXVII, 229—254.
- Волнухинъ**, С. М., преподаватель моск. учил. живописн., т. LXXXVIII, 780, 781, 1142, 1143.
- Волынскій**, Вас. Сем., окольныйчій, т. LXXXIX, 786, 798, 801.
- Вольтеръ**, Э. А., библиотекаръ акад. наукъ, т. LXXXVII, 772.
- Вольтеръ**, фр. мыслитель, т. LXXXVII, 62, 84.
- Вольфъ**, д-ръ, декабристъ, т. LXXXVII, 246, 252.
- Вормсъ**, Ник. Ал-др., поэтъ, т. LXXXVII, 106, 108—115, 120—121, 495, 496.
- Воробьевъ**, Гр. Ал-др., писатель. *Статьи его*: 1) Памятникъ гетману Стефану Чарнецкому въ Тыкопичѣ, т. LXXXIX, 196—206; 2) На родинѣ Коперника, т. XC, 683—710. *Библ. замѣтки его*: 1) Королевское общество друзей наукъ. 1800—1832. Историческая монографія, обоснованная на архивныхъ источникахъ. Александра Краусгара. Кн. 2-я. Времена княжества Варшавскаго. 1807—1815. Т. I—II, съ иллюстр., Краковъ и Варшава. 1902, т. LXXXVIII, 321—322; 2) Польша и Москва въ первой половинѣ XVII в. Собраніе матеріаловъ для исторіи польско-русскихъ отношеній при Сигизмундѣ III. Издавъ Ал-дръ Гиршбергъ. Львовъ. Издвѣніемъ національнаго учрежденія имени Оссолинскихъ. 1901, т. LXXXVIII, 741—742; 3) Leonard de Verdmon Jacques. Krótka monografia wszystkich miast, miasteczek i osad w Krolestwie Polkiem. Nakładem Felicjana Borislawskiego. Warszawa. 1902, т. LXXXIX, 287—288; 4) Сигизмундъ Глѣберъ. Иллюстрированная старопольская энциклопедія. Т. I. Варшава. 1900. Т. II. Варшава. 1901, т. XC, 1180.
- Воронекій**, Ал-дръ Мих., педагогъ. *Некрологъ его*: т. LXXXVIII, 802.
- Вороновы**:
— А. Г., т. LXXXVII, 769.
— Н. Г. *Библ. замѣтка В. И. о книгѣ его*: Элементы исторіи. М. 1901, т. LXXXVIII, 743.
— Н. И. *Статья его*: Императоръ Александръ II въ Бѣлостоѣ въ 1867 г., т. LXXXVIII, 912—929.
- Воронцовы**:
— гр. Ал-дръ Ром., госуд. канцлеръ, т. LXXXVIII, 287.
— гр. Ан. Карл., рожд. Скавронская, т. LXXXVII, 86, 90.
— гр. М. Л., т. LXXXVII, 86.
— гр. Ром. Илар., владим. ген.-губернаторъ, т. LXXXIX, 933, 934.
— гр. Сем. Ром., д. тайн. сов., дипломатъ, т. LXXXVIII, 285, 286.

Ворскій, придворн. протодьяконъ, т. LXXXIX, 457.

Воскобойниковъ, Н. Н., сотрудникъ «Моск. Вѣд.», т. XC, 494.

Воцельродъ, торун. гражданинъ, т. XC, 691.

В. П. Библ. замѣтки его: 1) Постройка и эксплуатация Николаевской желѣзной дороги (1842—1851—1901 г.г.). Краткій историческій очеркъ. Состав. управл. дорогъ. Спб. 1902, т. LXXXVII, 1124—1125; 2) Походъ Суворова терезъ Швейцарію. Фонъ-Редингъ-Биберегъ, подполк. Швейцарскаго генер. штаба. Перев. полков. Е. П. Мартынова. Спб. 1902, т. LXXXIX, 294.

Вржесневскій, Альфъ, т. LXXXVII, 1043; т. LXXXVIII, 186.

Вуржъ, учитель богословія, томъ LXXXVII, 73.

Вучино, Ив. Юрьев., общественный дѣятель. *Некрологъ его:* т. XC, 822.

Вѣра Константиновна, вел. княжна, т. LXXXIX, 56, 62.

Вяземскіе:

— кн. Параск. Петр., рожд. Толстая, т. XC, 113—131.

— кн. Петръ Андр., писатель, т. LXXXVII, 566, 643, 650; т. LXXXVIII, 147, 149, 150, 152—155, 157—161, 165—168; т. XC, 139, 140.

Вячеславъ Константиновичъ, вел. князь, т. LXXXVII, 1054.

Г.

Гавріилъ, екатерин. епископъ, т. LXXXIX, 869.

Гагарины:

— кн. Анна Петр., рожд. Лопухина, ст.-дама, т. XC, 898, 899.

— кн. Григ. Ив., тайн. совѣтн., т. LXXXVII, 234.

— кн. Серг. Серг., директоръ имп. театровъ, т. LXXXIX, 950.

фонъ-Гаденъ, Стефанъ, придворный врачъ, т. LXXXIX, 802.

Гайдебуровъ, Пав. Ал-др., писатель, т. LXXXVII, 504, 882; т. LXXXVIII, 557; т. LXXXIX, 852; т. XC, 512.

Гайдуковъ, В. М. *Статья его:* Изъ пережитаго, т. XC, 607—624.

Галанинъ, т. XC, 579.

Галаховъ, Ал-ѣй Дм., историкъ русск. литературы, т. LXXXVII, 574.

Галинковскій, издатель «Корифея», т. LXXXIX, 556, 558.

Галкинъ, *Библ. замѣтка В. П.—на о книгъ его:* Измилъ и его военно-историческіе памятники. Одесса. 1902, т. LXXXVIII, 1101—1102.

Гальберштамъ, Мих. Мат., д-ръ медиц. *Некрологъ его:* т. LXXXVIII, 1161.

Гальперсонъ, Ан. Мих., писательница. *Некрологъ ея:* т. XC, 1203—1204.

Гамильтоны, выходцы изъ Шотландіи, т. LXXXIX, 792.

Ганецкій, ген., т. LXXXIX, 101, 382, 711, 717.

фонъ-Ганштейнъ, нѣмецк. писатель, т. LXXXVII, 1091.

Ганъ, т. LXXXVII, 77, 78, 79, 82, 84, 85.

Гарбель, А., лекторъ берлинскаго политехникума. *Некрологъ его:* т. XC, 1204—1205.

Гарденбергъ, (псевд. Новалис), нѣмецк. поэтъ. *Замѣтка о немъ:* Столѣтіе Новалиса, т. LXXXVII, 1162—1164.

Гардинеръ, Самюэль, англ. историкъ, *Некрологъ его:* т. LXXXVIII, 356—357.

ф.-Гартель, австр. министръ нар. проsv., т. LXXXVIII, 282.

Гартманъ, т. LXXXVII, 452, 1096, 1106.

Гартъе, издатель «Рос. Библиографинъ», т. XC, 1120.

Гаршинъ, Вс. Мих., писатель, т. LXXXVII, 893, 895, 898.

Гасанъ-паша, турецкій султанъ, т. XC, 107.

Гаштолды, т. LXXXIX, 197, 205.

Гваренги, архитекторъ, т. LXXXVIII, 285, 286.

Г—въ, А. М. *Статья его:* Трудовая помощь голодающимъ въ 1899 году, т. LXXXVII, 261—293.

Гедеоновы:

— директоръ имп. театровъ, т. LXXXIX, 231, 951, 952, 955, 958, 959.

— Ив. Мих., сенаторъ, т. LXXXIX, 740.

Гедеонъ, полтав. и переяслав. архіепископъ, т. LXXXIX, 459.

Гей, Монсъ, датскій резидентъ, т. LXXXIX, 803, 804.

Гейденъ, гр., адмиралъ, т. LXXXVII, 34, 52.

Гейне:

— Генрихъ, нѣмец. поэтъ. *О немъ въ замѣткѣ:* Два памятника, т. LXXXVII, 741—743.

— Макс., докторъ, т. LXXXVII, 938.

Гейротъ, А-дръ Алек., редакторъ—издатель журн. «Чтеніе для солдатъ». *Некрологъ его:* т. LXXXIX, 1038—1039.

Гекенъ, священникъ, т. LXXXVIII, 281.

Гельбигъ, т. LXXXVII, 59.

Гельмольтъ, Гансъ. *Библ. замѣтка А. Петрова объ изд. подъ его ред. книгъ:* «Исторія челоѣчества». Всемир-

- ная исторія. Спб. 1902, т. LXXXVII, 333—335.
- Гельстадіусъ**, Стеф., пасторъ въ Бельстадѣ, т. LXXXVII, 70, 71.
- Геннади**, Гр. Ник., библиографъ, т. LXXXVIII, 989.
- Георгій Александровичъ**, вел. князь, т. LXXXIX, 727.
- Георгъ III**, англ. король, т. XC, 901.
- фонъ-Герихъ**, П. *Библ. замѣтка В. Татеева о книгѣ его: «Афганистанъ и его политическое значеніе»*. Спб. 1902, т. XC, 312—315.
- Герке**, Авг. Ант., сенаторъ. *Некрологъ его*: т. LXXXVIII, 385—386.
- Германъ**:
— А. М., профессоръ юрьев. унив., т. LXXXVIII, 275.
— Ник. Павл., писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 658—659.
- Геронгій**, митрополитъ, т. LXXXIX, 215.
- Герценъ**, А-дръ Ив., писатель, т. LXXXVIII, 191, 192, 195; т. XC, 154, 155, 158, 598, 599, 900.
- Герье**, В. И., профессоръ моск. унив., т. LXXXVII, 751, 752; т. LXXXVIII, 1140.
- Гесленъ-Ленотръ**, франц. историкъ, т. LXXXVII, 1159.
- Гессенъ - Дармштадтскій**, принцъ Александръ, т. LXXXVII, 42.
- Гесенъ - Кассельскій**, принцъ, т. LXXXVIII, 437, 438.
- Гете**, нѣмец. поэтъ, т. XC, 896—904.
- Гизе**, археологъ, т. LXXXVII, 1189.
- Гилдъеръ**, Агатонъ, революціонеръ, т. LXXXVIII, 188, 189, 191, 192, 193, 200, 202, 204, 205.
- Гиляровскій**, В. А. *Библ. замѣтка П. Щ. о книгѣ его*: На родинѣ Гоголя. М. 1902, т. LXXXVIII, 1081—1082. *Упомян.*: т. LXXXVII, 676, 677, 770.
- Гиляровъ-Платоновъ**, Никита Петр., писатель, т. LXXXVIII, 589; т. XC, 586.
- Гиппель**, нѣмец. писатель, т. LXXXVII, 1100, 1101.
- Гиршбергъ**, А-дръ. *Библ. замѣтка Г. А. Воробьева объ изд. подъ его ред. книгъ: Польша и Москва въ первой половинѣ XVII в. Собраніе матеріаловъ для исторіи польско-русскихъ отношеній при Сигизмундѣ III. Львовъ. 1901, т. LXXXVIII, 741—742.*
- Глазовъ**, В. Н., археологъ, т. LXXXVII, 754, 755; т. LXXXVIII, 1151; т. LXXXIX, 324.
- Глѣгеръ**, Сигиз. *Библ. замѣтка Г. А. Воробьева о книгѣ его: Иллюстрированная старопольская энциклопедія. Т. I и II. Варшава (1900—1901), т. XC, 1180.*
- Глинка**, т. LXXXVII, 246, т. LXXXVIII, 154.
- Глинскій**, Бор. Бор., писатель. *Статьи его*: 1) Глѣбъ Ивановичъ Успенскій, т. LXXXVIII, 665—699. 2) Викторъ Петровичъ Острогорскій, т. LXXXIX, 996—1029. *Упомян.*: т. LXXXVII, 403.
- Глушановскій**, Ан. Андр., профессоръ нѣжин. лицей. *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 659.
- Глѣбовъ**, С. И., т. LXXXVII, 548.
- Глюкъ**, т. LXXXVII, 60—67, 72, 73, 76, 80, 1185.
- Гнѣдичъ**, Петръ Петров. *Статья его: Изъ моей портретной галлерей*, т. LXXXVII, 140—157, 470—486.
- Говоруха-Отрокъ**, Ю. Н., писатель, т. XC, 526, 527.
- Gogitschayschwill**, Philipp. *Библ. замѣтка А. Хах-ова о книгѣ его: Das Gewerbe in Georgien unter besonderer Berücksichtigung der primitiven Betriebsformen von Dr. Tübingen. 1901, т. LXXXVIII, 322—323.*
- Гоголь**:
— Ав. Демьян., дѣдъ писателя. *О немъ въ статьѣ П. Е. Щеголева: Отецъ Гоголя*, т. LXXXVII, 655—666.
— Вас. Ав., отецъ писателя. *О немъ въ статьяхъ*: 1) *П. Е. Щеголева: Изъ школьныхъ лѣтъ Н. В. Гоголя*, томъ LXXXVII, 509—547. 2) *Его же: Отецъ Гоголя*, т. LXXXVII, 655—666.
— Маріа Ив., мать писателя. *О ней въ статьяхъ*: 1) *П. Е. Щеголева: Изъ школьныхъ лѣтъ Н. В. Гоголя*, т. LXXXVII, 509—547. 2) *Его же: Отецъ Гоголя*, т. LXXXVII, 655—666. *Упомян.*: т. LXXXVII, 605; т. LXXXVIII, 246—247.
— Ник. Вас., писатель. *Статьи о немъ*: 1) *П. Е. Щеголева: Изъ школьныхъ лѣтъ Н. В. Гоголя. (1821—1825)*, т. LXXXVIII, 509—547. 2) *В. И. Любичъ-Романовича: Гоголь въ Нѣжинскомъ лицейѣ*, т. LXXXVII, 548—560. 3) *Н. А. Энгельгардта: Гоголь и романы двадцатыхъ годовъ*, т. LXXXVII, 561—580. 4) *Н. Н. Стралева: Описание Дняпра у Гоголя*, т. LXXXVII, 581—582. 5) *П. Н. Полевого: Гоголь. Опытъ характеристики*, т. LXXXVII, 583—595. 6) *К. Н. Михайлова: Вновь найденныя рукописи Гоголя*, т. LXXXVII, 596—654. 7) *П. Е. Щеголева: Отецъ Гоголя*, т. LXXXVII, 655—666. 8) *Д. И. Эварницкаго: Преображенная церковь въ м. Большихъ-Сорочинцахъ, Полтавской губ., гдѣ крестили Н. В. Гоголя*, т. LXXXVII, 667—678. 9) *В. В. Каллаша: Забѣтки о Гоголѣ*, т. LXXXVII, 679—685. 10) *П. К-аго: Чествованіе памяти Н. В. Го-*

- годи, т. LXXXVIII, 248—284. 11) Проекты памятника Гоголю, т. LXXXVIII, 358—359. 12) *В. Шенрока*: По поводу двух писем Гоголя, т. LXXXVIII, 397—398. *Упомят.*: т. LXXXVII, 392, 393, 766, 767, 770; т. LXXXVIII, 130, 131, 132, 168, 378; т. XC, 585.
- Тат. Семен., рожд. Лизогубъ, бабка писателя. *О ней въ статьѣ П. Е. Щеголева*: Отецъ Гоголя, т. LXXXVII, 655—666.
- Годлевскій**, Францъ, революціонеръ, т. LXXXVIII, 201—202.
- Голенищевъ-Кутузовъ**, гр. А. А., поэтъ, т. LXXXIX, 321—322.
- Голицыно**, Карлъ Фед., директоръ деп. госуд. казначейства, т. XC, 942, 943, 945.
- Голицыны**:
— кн. А-дръ Ник., министръ дух. д. и нар. просв., т. LXXXIX, 454, 455, 456, 462.
— кн. А-дръ Мих., строитель больницы въ Москвѣ, т. LXXXIX, 1032—1033.
— кн. Вас. Вас., ближній бояринъ, новгор. намѣстникъ, т. LXXXIX, 815.
— кн. Дм. Мих., основатель больницы въ Москвѣ, т. LXXXIX, 1032—1033.
— княг. Евд., рожд. Измайлова, т. XC, 88.
— княг. Люб. Петр., рожд. Апраксина, т. LXXXIII, 445.
— кн. Ник. Бор., полковникъ, авторъ записокъ, т. LXXXIX, 404, 405.
— кн. Пав. Алексѣев., директоръ моск. архива мин. иностр. дѣлъ. *Некрологъ его*: т. LXXXVIII, 1161.
— кн. Сергій Павл., чернигов. губернаторъ, т. LXXXVIII, 286.
- Головачевы**:
— А. М., археологъ, т. LXXXVII, 781.
— П., *Библ. замѣтка А. О—ва о книгѣ его*: «Сибирь, люди и жизнь». М. 1902, т. LXXXIX, 1005—1009.
- Головинъ**, Фед. Алекс., бояринъ, т. XC, 106, 639.
- Головкинъ**, гр. Гавр. Ив., государ. канцлеръ, т. XC, 107—108.
- Головинны**:
— В. А., т. XC, 586—587.
— Д. Н., т. LXXXVIII, 798.
- Голохвастова**, авторъ др. «Чья правда», т. XC, 490, 491, 510.
- Голубовскій**, П. В., проф. *Статьи его*: 1) Что можно сказать въ настоящее время о личности Лжедмитрія I, т. LXXXVIII, 502—528. 2) Матеріалы русской исторіи и отношеніе къ нимъ въ разное время, т. XC, 1003—1014.
- Голубовъ**, А. П., профессоръ харьк. унив., т. XC, 373.
- Голубъ**, Эмиль, чешскій ученый, *Некрологъ его*: т. LXXXVII, 1177.
- Гольцевъ**, Викт. А-др., писатель, т. LXXXVII, 495, 752, 900.
- Гольденбергъ**, А-дръ Ив., педагогъ. *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 659—660.
- Гольдштейнъ**, Эд. Юл., т. LXXXVII, 893—895.
- Гонсьвскій**, Викентій, гетманъ, т. LXXXIX, 197.
- Гончаровъ**, Ив. А-др., писатель, т. LXXXVII, 567, 568, 578, 579.
- Гопкинсъ**, Тигъ, англ. историкъ, т. LXXXVIII, 347.
- Горбиновъ**, Ив., походный есаулъ, т. LXXXIX, 876.
- Горбовскій**, полтав. прокуроръ, т. LXXXVII, 662.
- Горбуновъ**, Ив. Фед., артистъ, т. LXXXVII, 500; т. LXXXVIII, 577.
- Гординскій**, Стеф., учитель полт. семина, т. LXXXVII, 658.
- Горленко**, В. П., т. LXXXVII, 676.
- Горленскій**, И. П., архитекторъ, т. LXXXVIII, 359.
- Горовцевъ**, А., *Библ. зам.* А—скаю о книгѣ его: Трудовая помощь, какъ средство призрѣнія бѣдныхъ. Спб. 1901, т. LXXXVII, 321—323.
- Городецкій**, Бор. Митр., секретарь Русск. Библ. *Общ. Статья его*: Забытая писательница, т. LXXXVII, 1022—1029. *Библ. замѣтки его*: 1) Православная богословская энциклопедія. Изд. подъ ред. проф. А. П. Лопухина. Т. I. (А—Археологія); т. II, (археологія—Бюхнеръ). (Петроградъ 1900—1902), т. LXXXVIII, 747—749. 2) Л. М. Савеловъ. Донскіе дворянскіе роды. Вып. I. М. 1902. Т. XC, 318—322. 3) Памятная книжка Гродненской губ. на 1902 г. Изд. гродненскаго статистическаго комитета. Гродно. 1902. Т. XC, 327—329. 4) Сочиненія В. Н. Майкова въ двухъ томахъ. Т. I. 1) Критическія статьи. Т. II. 2) Научныя статьи. 3) Библиографія. Изд. 1 и 2. Кіевъ. 1901—1902. Т. XC, 331—333. 5) Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе бібліотеки императорской академіи наукъ въ 1900 и 1901 гг. В. И. Срезневскаго. Спб. 1902. Т. XC, 751—752. 6) Московская городская художественная галлерія П. и С. Третьяковыхъ. Ред. и пояснительный текстъ И. С. Остроухова. Изд. I. Кнебель. М., б. о. г. (1902). Вып. 1—7. Т. XC, 757—759. 7) Библіотека великихъ писателей подъ ред. С. А. Венгерова. Шекспиръ. Изд. Брокгаузъ-Ефрона. Спб. 1902. Т. XC, 1149—1152. *Упомят.*: т. LXXXVIII, 378.

- Городцовъ, В. А.**, археологъ, т. LXXXVIII, 1143—1148; т. XC, 367, 369; 377, 379.
- Гороховъ, Ив.**, дьякъ, т. LXXXIX, 795, 806, 807.
- Гортензія**, королева, т. LXXXVII, 243.
- Горчаковы:**
— кн. А-др. Дм., госуд. канцлеръ, т. LXXXVII, 1058.
— кн. Мих. Дм., ген.-фельдм., намѣстникъ царства польск., членъ госуд. сов., т. XC, 134, 147, 587.
— Мих. Ив., протоіерей, профессоръ спб. унив., т. LXXXVII, 753; т. XC, 814.
- Готье, Ю. В.**, прив.-доцентъ московскаго унив., т. LXXXVII, 751, 756, 1182.
- Гофъ**, франц. сержантъ. *Некрологъ его:* т. LXXXIX, 319—320.
- Градовскій, Григ. Конст.**, писатель. *Статьи его:* 1) Эпизодъ изъ войны 1877—1878 годовъ, т. LXXXVIII, 930—936. 2) Генераль Шульцъ и Лермонтовъ, т. XC, 475—478.—3) Встрѣчи съ царемъ-освободителемъ, т. XC, 933—940. *О немъ въ статьяхъ:* Самопомощь среди русскихъ писателей, т. LXXXVII, 302—310. *Упомят.*: т. LXXXVII, 403, 404, 503, 504, 895.
- Грамонъ, герцогъ**, т. LXXXIX, 251—253.
- Де-ло Грассери. Библ. замѣтка Т. о книгѣ его:** Психологія религіи. Спб. 1901; т. LXXXVIII, 332.
- Гребенка, Евг. Павл.**, писатель, т. LXXXVII, 549.
- Грейгъ:**
— В. А., управляющій спб. казен. палатой, т. XC, 943, 944, 947, 948, 949, 953.
— И. А., т. LXXXIX, 709.
— контръ-адмиралъ, т. LXXXVII, 1066.
- Гречъ, Ник. Ив.**, писатель, т. LXXXVII, 564; т. LXXXVIII, 597; т. LXXXIX, 560.
- Грибовскій, Вяч. Мих.**, профессоръ спб. унив. *Статья его:* Церковное управление въ царствованіе императора Николая Павловича, т. LXXXIX, 453—468. *Библ. замѣтки его:* 1) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ, т. I, сост. С. М. Середонинъ. Изд. канцеляріи комитета министровъ. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 294—296. 2) И. Я. Гурляндъ, профессоръ Демидовскаго юридическаго лицея. Привязь великаго государя тайныхъ дѣлъ. Ярославль, 1902, т. LXXXVIII, 1067—1069. 3) А. Погодинъ. Виленскій учебный округъ 1803—1831 годовъ. Введеніе къ IV т. «Сборника матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архива министерства народнаго просвѣщенія». Спб. 1901, т. LXXXIX, 289—290. 4) Н. Д. Сергѣевскій, заслужен. проф. спб. унив. Къ вопросу о финляндской автономіи и основныхъ законахъ. Спб. 1902, т. LXXXIX, 993—995. 5) В. Сергѣевичъ. Русскія юридич. древности. Т. I, изд. 2-е, съ перемѣнами и дополненіями. Спб. 1902, т. XC, 302—304. 6) А. И. Загоровскій, ординар. проф. Новороссійскаго ун. Курскъ семейнаго права. Одесса, 1902, т. XC, 311—313. 7) Августѣйшіе кадеты и ихъ участіе въ лагерныхъ сборахъ военно-учебныхъ заведеній. Изд. П. Ф. Лузанова. Спб., т. XC, 316—317. 8) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Т. II. Сост. С. М. Середонинъ. Спб. 1902, т. XC, 1141—1143. 9) М. М. Ивановъ. Очерки современной итальянской литературы. Спб. 1902, т. XC, 1152—1153. 10) Тысяча и одна ночь. Арабскіе рассказы Шахразадъ. Первый полный русскій переводъ. Изд. «Новаго Журнала Иностранной Литературы». Т. 1 и 2. Спб., 1902, т. XC, 1156—1157. 11) Очеркные вопросы въ Царствѣ Польскомъ. Этюды и изслѣдованія подъ ред. В. Спавовича и Э. Пильца. Изд. II, т. 1. Спб. 1902, т. XC, 1176—1177. *Замѣтка по поводу диспута его:* т. LXXXVII, 753. *Библ. замѣтки Н. Юрьина о книгѣ его:* Въ годы юности. Повѣсти и рассказы. Спб. 1902, т. LXXXVII, 707—708.
- Грибоѣдовъ, А-др. Серг.**, писатель. *О немъ:* 1) *въ статьяхъ* А. В. Безроднаго: В. К. Кюхельбекеръ и А. С. Грибоѣдовъ, т. LXXXVIII, 596—600.—2) *въ замѣткахъ:* Архивные матеріалы о Грибоѣдовѣ, т. LXXXVIII, 794.
- Григоровичъ, Дм. Вас.**, писатель, т. XC, 515.
- Григоровскій, И. А.**, рассказчикъ, т. XC, 483.
- Григорьевъ, А. Д.**, собиратель былинъ, т. LXXXVII, 685, 1180.
- Гриниъ, Э. Библ. замѣтка А. М. о книгѣ его:** Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти. Спб. 1901, т. LXXXVII, 699—702.
- Громека, Степ. Степ.**, писатель, т. XC, 154.
- Гротъ:**
— Конст. Яков., профессоръ варш. унив. *Статья его:* Къ матеріаламъ о Жуковскомъ, т. LXXXVIII, 146—168.
— Як. Карл., академикъ, *Библ. замѣтка М. П. —* *аго о книгѣ его:* Изъ русской исторіи. Изслѣдованія, очерки, критическія замѣтки матеріалы, (1849—1890). Спб. 1901; т. LXXXVII, 1161—

- 1119.— Упомят.: т. LXXXVII, 32, 66, 69, 453, 455, 456; т. LXXXVIII, 149, 153, 158, 166, 167.
- Грузинкинъ, А.**, казакъ, т. LXXXIX, 795.
- Грузинскій, А. Е.**, т. LXXXVIII, 1139.
- Грушецкая, Агаея Семен.**, 1-я супруга царя Феодора Алекс., т. LXXXIX, 799, 812, 813, 814; т. XC, 397.
- Грюнведель, А.**, корреспондентъ спб. археол. общ., т. LXXXVII, 396, 1181.
- Г. С. Библиографическія замѣтки его:** 1) Н. Е. Ончуковъ. По Чердымскому уѣзду. Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Живая Старина», вып. I. 1901 г., т. LXXXVII, 1147—1148.—2) Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія. Соч. В. Кеннингеяма. М. 1902, т. LXXXVIII, 316—320. 3) Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкаскаго. Составила кн. О. Трубенцкая. Т. I. М. 1901, т. LXXXIX, 267—269.
- Г—скій, В.** Библиографическія замѣтки его: 1) Иванъ Абрамовичъ. Въ культурномъ скиту (среди неплюевцевъ). Спб. 1902, т. LXXXVIII, 1091.—2) Э. Н. Верендсъ. Объ источникахъ финляндскаго права. Первая лекція по финляндскому праву, читанная въ С.-Петербур. унив. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 1099—1100.
- Губонинъ, П. I.**, тайн. сов., т. XC, 482.
- Гульдманъ, В. К.** Библиографическая замѣтка В. Р.—ва о книгѣ его: Памятники старины въ Подоліи. Каменець-Подольскъ. 1901, т. LXXXVIII, 749—750.
- Гумбертъ, итальянскій король**, т. LXXXVII, 386—387.
- Гумбольдтъ, А.**, т. LXXXVIII, 374.
- Гуваропуло, С. А.** Статя его: Встрѣча съ абреками, т. LXXXIX, 445—452.
- Гупель, А. В.** (Hupel), нѣм. историкъ, т. LXXXVII, 62.
- Гурко, Юс. Влад.**, варшав. ген.-губернаторъ, Замѣтка о церкви въ память его: т. LXXXIX, 331—332.
- Гурскій, Кон.** Библиографическая замѣтка I. Е. о книгѣ его: «Исторія польской артиллеріи». Варшава. 1902, т. LXXXVII, 1141.
- Гурскій, Людовикъ**, т. LXXXVII, 1041, 1042; т. LXXXVIII, 198.
- Гурляндъ, И. Я.** Библиографическая замѣтка В. Гривовскаго о книгѣ его: Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ. Ярославль. 1902, т. LXXXVIII, 1067—1069.
- Гурчинъ, А. В.**, членъ военнаго сов., Некрологъ его: т. XC, 822—823.
- Густавъ III**, швед. король, т. LXXXVII, 1080.
- Г., Т. С.** Библиографическая замѣтка его: Евгений Соловьевъ (Андреевичъ). Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка. Спб. 1902.—Николай Энгельгардтъ. Исторія русской литературы XIX столѣтія. Томъ I. 1800—1850. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 301—306.
- Губнеръ:**
— Гог., составитель «geneal Tabellen». т. LXXXVII, 61.
— педагогъ, т. LXXXVII, 43.
- Гюго:**
— Викторъ, франц. писатель, Замѣтка о немъ: Викторъ Гюго и Тальма, т. LXXXIX, 308.
— гр. Иосифъ-Леопольдъ-Сигисбертъ, франц. генералъ, отецъ писателя, Замѣтка о немъ: Отецъ Виктора Гюго, т. LXXXVII, 1164—1167.

Д.

Давыдовы:

- А-дра Арк., издательница «Мира Бож.» Некрологъ ея: т. LXXXVIII, 336. Упомят.: т. LXXXVIII, 1022—1023.
— Вас. Льв., декабристъ, т. LXXXVII, 245, 246, 248, 250.
— Елис. Егор., фрейлина, т. XC, 905—907.

Дайо, Арманъ, французск. писатель, т. LXXXVII, 380—381.

Дандевиль, М. Библиографическая замѣтка о книгѣ его: «Въ степяхъ каспійскихъ». М. 1902, т. XC, 340—342.

Данилевичъ, В. Е., археологъ, т. LXXXVII, 759, 762.

Данилевскіе:

- А-дрѣ Сем., т. LXXXVII, 512, 514, 515, 530, 531, 534, 537, 538, 541, 605, 643, 644.
— Гр. Петр., писатель, т. LXXXVIII, 567; т. XC, 488.

Даніловы:

- Вас. Павл., генер.-отъ-инфант. Некрологъ его: т. XC, 389.
— Марія, мученица раскола, т. XC, 167, 169—173.

Даниловскій, Владиславъ, революціонеръ, т. LXXXVIII, 188.

Дарилей, мужъ Маріи Стюартъ, т. LXXXVII, 727—730.

Дарю, гр., фран. министръ иностран. дѣлъ, т. LXXXIX, 249.

Дашкевичъ, Н. П., предѣдатель общ. Нестора-лѣтописца въ Киевѣ, т. LXXXVII, 392.

Даушъ, прусскій фельдмаршалъ, т. LXXXVII, 651.

Дашковы:

- Дмит. Дмит., писатель. Некрологъ его: т. LXXXVII, 406—407.
— Пав. Як., собиратель гравюръ, т. LXXXVII, 600—604, 643, 645; т. LXXXVIII, 398; т. LXXXIX, 844.

- Дв. Библ. замѣтка его:** А. Кругловъ. «Въичевой городъ». (Путевые наброски). Изд. 2-е. М. 1902, т. XC, 760.
- Дворянинъ,** Ник. Ник., д-ръ мед., филантропъ. *Некрологъ его:* т. LXXXVIII, 1162.
- Дебольскій,** В. Н. *Библ. зам. М. II—ан обь его изслѣдованн:* Спб. 1902, т. LXXXIX, 621.
- Дегтярева,** Марія Петр., дочь казан. купца. *О ней въ статьѣ Н. Я. Алафинова:* Казанская героиня «Въ лѣсахъ» Андрея Печерскаго, т. LXXXVII, 210—228.
- Дельвицъ,** бар. Ант. Ант., поэтъ, т. LXXXVII, 566, 583.
- Делькасса,** Теофиль, франц. государ. дѣятель. *Замѣтка о немъ:* Теофиль Делькасса, т. LXXXVIII, 1133—1134.
- Деляновъ,** гр. Ив. Дав., министръ народнаго просвѣщенія, т. LXXXVIII, 166.
- Дембинскій,** Брониславъ, польскій историкъ, т. LXXXVII, 732.
- Демидовы:**
— Авр. Карп., т. LXXXVII, 453.
— Прок. Акине, д. с. с., благотворитель, т. XC, 901.
- Демкинъ,** К., драмат. писатель, т. XC, 517.
- Демчинскій,** метеорологъ, т. LXXXVII, 391—392.
- Денисовы:**
— Андр. Карп., атаманъ донск. войска, т. LXXXIX, 877.
— Карпъ, казакъ, т. LXXXIX, 877.
- Державинъ,** Гавр. Ром., министръ юст., поэтъ, т. LXXXVIII, 130 133, 1048; т. XC, 100.
- Дефферинъ,** лордъ, англ. дипломатъ. *Некрологъ его:* т. LXXXVII, 1176.
- Джаншиевъ,** Григ. Авет., писатель, т. LXXXIX, 849.
- Джерсонъ,** Г. *Библ. зам. К. II. А—ча о книжъ его:* Платформа, ея возникновеніе и развитіе. Спб. 1901, т. LXXXVII, 337—338.
- Джюйа,** Флавіо, итальянецъ, изобрѣтатель компаса. *О немъ въ замѣткѣ:* 600-лѣтіе изобрѣтенія компаса, т. LXXXIX, 625—627.
- Джонсъ,** Поль, герой американской революціи. *О немъ въ статьѣ В. Т.:* Иностранцы о Россіи, т. LXXXVII, 1062—1085.
- Дзяловскій,** Сигизмундъ, основатель Горнскаго научнаго общ., т. XC, 708, 709.
- Дибичъ,** т. LXXXVII, 240; т. XC, 816—817.
- Диль,** Шарль, французск. историкъ, т. LXXXVII, 364, 365, 1150.
- Дитрихъ,** М. Н., археол., т. LXXXVIII, 785.
- Дмитріевъ,** Ив. Ив., поэтъ, т. LXXXVIII, 286.
- Добролюбовъ,** Ник. А-др., писатель, т. XC, 146, 146, 147, 154, 158, 594, 595.
- Добрынинъ,** Ник. Гавр., писатель, *Некрологъ его:* т. XC, 823—824.
- Догановичъ,** А. Н. *Библ. замѣтка ея.* Б. Е. Писаревскій. «Горошки». (Изъ жизни мелкаго муравейника). Одесса. 1902, т. XC, 765—766.
- Догель,** И. М., профессоръ казанск. унив., т. LXXXVIII, 373.
- Доде,** Эрнестъ, французск. писатель, т. LXXXVII, 734—736.
- До-ичъ,** А. *Библ. замѣтка его:* Я. Полферовъ. По Сибирской дорогѣ. (Путевые очерки). Отъ Уфы до Стрѣтенска. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 740.
- Долговъ,** С. О., археол., т. LXXXVIII, 786.
- Долгорукой,** кн. Вас. Андр., шефъ жандармовъ, т. LXXXVIII, 921—925, 929; т. LXXXIX, 46, 47.
- Долгоруковы:**
— кн. В. А., моск. ген.-губернаторъ, т. XC, 486, 487, 495, 496, 499.
— кн. Вас. Мих., т. XC, 939, 940.
— кн. Марія Мих., т. XC, 939.
— Юрій Алекс., бояринъ т. LXXXIX, 804, 808, 812.
— Яковъ, т. LXXXIX, 780, 796.
- Дольфюсъ,** Камилль, т. LXXXIX, 230.
- Домбровский,** Ярославъ, революціонеръ, т. LXXXVIII, 188, 189, 190.
- Доможировъ,** А-дръ Мих., коитръ-адмиралъ. *Некрологъ его:* т. LXXXVIII, 386—387.
- Домонтовичъ,** Мих. Алексѣев., членъ воен. совѣта. *Некрологъ его:* т. XC, 824.
- Дондуковъ - Корсаковъ,** кн. А. М., кiev., подол. и волын. ген.-губернаторъ, т. LXXXIX, 99; т. XC, 937, 939.
- Дондукъ-Омбо,** калмыцкій ханъ, т. LXXXIX, 871.
- Дорошенко,** Петръ, гетманъ, т. LXXXIX, 787, 790.
- Достоевскіе:**
— Мих. Мих., писатель, т. XC, 595.
— Ѳед. Мих., писатель, т. LXXXVII, 123—124, 137, 500—503, 703—705, 883; т. XC, 137, 576, 594.
- Дрентельны,** т. LXXXIX, 382.
- Дризень,** Н. В. *Статьи его:* 1) Къ біографіи М. Н. Загоскина, т. LXXXIX, 142—145.—2) Мелочи театральнаго старинны, т. LXXXIX, 946—959.
- Дриновъ,** М. С., профессоръ харьков. унив., т. LXXXVIII, 786.

Дружининъ, А-дръ Вас., писатель, т. LXXXVII, 561—562, 567.

—**дтъ**. *Библ. замѣтки его*: 1) В. В. Розановъ. Легенда о великомъ инквизиторѣ Ф. М. Достоевскомъ. Опытъ критическаго комментарія, съ присоединеніемъ двухъ этюдовъ о Гоголѣ. Изд. 2-е. Спб. 1902, т. LXXXVII, 703—705. 2) А. В. Амфитеатровъ (Old Gentleman). Недавніе люди. Спб. 1901, т. LXXXVII, 713—714.

Дубельтъ, Леонт. Вас., ген.-лейт., управляющій III Отд., т. LXXXVII, 936; т. LXXXVIII, 161; т. LXXXIX, 233.

Дудышкѣннъ, Степ. Степ., редакторъ «Отеч. Зап.», т. XC, 145.

Dunin-Karwicki, Sózef. *Библ. замѣтка К. Х. о книгѣ его: Zmoich wspomnień*. Варшава. 1901, т. LXXXVII, 1146—1147.

Dupcau, W., священникъ, завѣдующій индѣйск. миссіон. учр., XC, 723.

Дуровъ, Н. П., профессоръ инст. инж. пут. сообщ., т. LXXXVIII, 990.

Дьяконова, Ел. Алекс., писательница. *Некрологъ ея*: т. XC, 390.

Дьяченко, драмат. писатель, т. XC, 501.

Дэвидсъ, Рисъ, англійскій ученый, т. LXXXVIII, 951, 952.

Дэнь, В. Э., археологъ, т. LXXXIX, 328.

Дюбарри, графиня. *О ней въ замѣткѣ*: Двѣ соперницы при дворѣ Людовика XV, т. LXXXIX, 631—637.

Дюкро, Л., французскій писатель, т. LXXXVII, 369, 370.

Дюранъ (псевд. Анри Гревиль), франц. писательница. *Некрологъ ея*: т. LXXXIX, 320.

Дюрюв, франц. историкъ. *О немъ въ зам.*: Мемуары Дюрюв, т. LXXXVII, 1170—1172.

Е.

Евгеній (Е. А. Волховитиновъ), кievскій и галицкій митрополитъ, т. LXXXIX, 456, 457.

Евгеній (Важенновъ), астрахан. и ено-таев. архіепископъ, т. LXXXIX, 459, 460.

Евгеній, австр. принцъ, т. LXXXVII, 653.

Евгенія, англ. императрица. *Замѣтка о ней*: Мемуары императрицы Евгеніи, т. LXXXVII, 1174—1176.

Евдокія Θεодоровна, рожд. Лопухина, царица. 1-я супр. Петра I, т. XC, 108, 110.

Егоровъ, Як. Егор., журналистъ. *Некрологъ изъ его*: т. LXXXVIII, 387.

Екатерина I Алексѣевна, императрица. *О ней въ статьѣ Н. А. Гло-*

зерской: Происхождение Екатерины первой, т. LXXXVII, 56—90. *Упомян.*: т. LXXXIX, 943—945; т. XC, 110, 111.

Екатерина II Алексѣевна, императрица. *О ней въ замѣткѣ*: Памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II въ Вильнѣ т. LXXXVII, 404—405. *Упомян.*: т. LXXXVII, 36—37, 86, 733, 753, 1012, 1062—1068, 1072—1084, 1185, 1186; т. LXXXVIII, 285, 286, 1128; т. LXXXIX, 155, 454, 455, 558, 560, 649, 650, 719, 761, 805, 831, 832, 859, 864, 865, 870, 876, 877, 930, 934; т. XC, 383, 384, 886—890, 900, 901.

Екатерина Михайловна, вел. княгиня, т. LXXXVIII, 46.

Елагина, А. П., т. LXXXVIII, 159, 163.

Елагинъ, цензоръ, т. LXXXIX, 847, 848; т. XC, 138.

Елена Павловна, вел. княгиня, т. LXXXVII, 928, 929, 1058; т. LXXXVIII, 46; т. LXXXIX, 230, 402, 729.

Еленевъ, Фед. Павл. писатель, *Некрологъ его*: т. LXXXVII, 1201—1202.

Елисавета, англ. королева. *Замѣтка о ней*: Была ли королева Елисавета прототипомъ леди Макбетъ? т. XC, 784—785.

Елисавета Михайловна, вел. княгиня, т. LXXXVIII, 437.

Елисавета Петровна, императрица, т. LXXXVII, 84, 85, 88—90; т. LXXXVIII, 361; т. LXXXIX, 831, 870, 872; т. XC, 111, 641, 885.

Елисеѣвъ, Григ. Зах., писатель, т. LXXXVIII, 695, 696; т. XC, 1095, 1096.

Елпатыевскій, К. *Библ. зам.* Н. П. *о книгѣ его*: «Разсказы и стихотворенія изъ русской жизни». Спб. 1902, т. XC, 768—770.

Елчаниновъ, кiev. оберъ-комендантъ, т. LXXXIX, 937.

Енохинъ, И. В., врачъ, т. LXXXVIII, 47.

Ерицовъ, А-дръ Дав., писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXVIII, 802—803.

фонъ-Ерлихстаузенъ, Людвигъ, торнскій гроемейстеръ, т. XC, 685, 706.

Ермолаевъ, педагогъ, т. LXXXVII, 41—43.

Ермоловы:

— А-ѣй Петр., ген.-отъ-артил., т. LXXXVII, 241, 247.

— А-ѣй Серг., министръ земл. и госуд. имущ., т. LXXXIX, 929.

— А. С. *Библ. зам.* И. Н. *о книгѣ его*: Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. Спб. 1902, т. LXXXVII, 691—693.

— Марія Ник., артистка, т. LXXXVIII, 588, 937.

Ефимовичъ, А. Я., т. LXXXVIII, 274.

Ефремовы:

— Дан. Ефр., войск. атаманъ донск. войска, *О немъ въ статьѣ А. А. Карасева*: Атаманъ Степанъ Даниловичъ Ефремовъ, (1753—1772 гг.), т. LXXXIX, 870—883.

— Меланія Карп., супруга атамана Степ. Дан. Е., т. LXXXIX, 872, 873, 874, 875.

— Степ. Дан., атаманъ донск. войска. *О немъ въ статьѣ А. А. Карасева*: Атаманъ Степанъ Даниловичъ Ефремовъ, (1753—1772 г.), т. LXXXIX, 870—983.

— Петръ А-др., писатель, т. LXXXVIII, 123, 124, 135, 991.

— ген.-секретарь смолен. муниципалитета, т. LXXXIX, 406, 407, 413, 417.

Ешевскій, т. LXXXVII, 773, 774; т. XC, 139.

Ж.

Ждановъ, Ив. Ник., профессоръ спб. унив., т. LXXXVII, 389.

Жебелевъ, С. А., археологъ, т. LXXXVIII, 783.

Желтовскіе:

— И. В., архитекторъ, т. LXXXVIII, 781.

— членъ смолен. муниципалитета, т. LXXXIX, 412, 413.

Жеребцовы:

— А-дръ А-др., камергеръ, т. XC, 900, 901.

— Ольга Ал-др., рожд. гр. Зубова, т. XC, 900, 901, 902, 903.

Живокіни, Дм. Вас., актеръ, т. XC, 508.

Жилинская, Е. *Библ. замѣтка Бор. Татеева о книгѣ ся*: «Путешествіе по горамъ Средней Азій». Варш. 1902, т. LXXXIX, 1010.

Жиркевичъ, А. В. *Статья его*: «Свѣжѣе преданіе, а вѣрнѣе съ трудомъ!», т. LXXXIX, 737—779.

Жодель, Этьенъ, франц. писатель. *О немъ въ замѣткѣ*: Первый французскій комическій авторъ, т. LXXXVII, 368—369.

Жозефина, франц. императрица, т. LXXXVII, 373—378.

Жомни, бар., т. LXXXIX, 250, 253. **Жоржъ,** франц. актриса, т. LXXXIX, 955.

Жукова, сотрудница альб. «Утр. Заря», т. LXXXVII, 650.

Жуковскіе:

— Вас. Андр., поэтъ. *Статьи о немъ*: 1) *А. К. Бороздина*: Поэзія В. А. Жу-

ковскаго, т. LXXXVIII, 123—145.

2) *К. Я. Грота*: Къ матеріаламъ о Жуковскомъ, т. LXXXVIII, 146—168. 3) Автографъ В. А. Жуковскаго, т. LXXXVIII, 169—171. *Замѣтки о чествованіи его памяти*: 1) Чествованіе памяти Жуковскаго, т. LXXXVIII, 1138—1139.

2) Торжественное собраніе академіи наукъ, т. LXXXIX, 321—322. *Упомян.*: т. LXXXVII, 312—313, 563, 583, 598—605, 770; т. LXXXVIII, 256, 263, 265, 274, 277, 1156.

— Елис. Алекс., супруга поэта, т. LXXXVIII, 156, 157, 158, 159, 161, 162, 163, 164, 165, 166.

— Юл., сотрудникъ «Современника», т. LXXXIX, 852.

З.

Забѣднякъ, Ив. Егор., историкъ. *Библ. замѣтка М. П—аго о книгѣ его*: «Исторія Москвы». М. 1902, т. LXXXIX, 603—605. *Упомян.*: т. LXXXIX, 816; т. XC, 171.

Забѣлло, П. П., академикъ скульптуры, т. LXXXVIII, 359.

Завадовскіе:

— гр. Вас. Петр., сенат., т. LXXXVIII, 286.

— графиня Ел. Мих., т. LXXXVII, 648, 649.

— гр. Петръ Вас., госуд. дѣятель, т. LXXXVIII, 285—289.

Завитневичъ, В. З. *Библ. замѣтка А. Сиротинина о книгѣ его*: «Алексѣй Степановичъ Хомяковъ». Спб. 1902, т. XC, 304—307. *Упомян.*: т. XC, 374.

Завьяловъ, І. А., авторъ соч. «Вопросъ о церк. имѣніяхъ при имп. Екатеринѣ II» (1900), т. XC, 813—814.

Загоровскій, А. И., *Библ. замѣтка В. Гр—скаго о книгѣ его*: «Курсы семейнаго права». Одесса. 1902, т. XC, 311—313.

Загоскинъ, Мих. Ник., писатель, *Статья о немъ Н. В. Дризена*: Къ біографіи М. Н. Загоскина (1835—1840), т. LXXXIX, 142—145.

Задлеръ, докторъ, т. LXXXVII, 942.

Зайцевъ, писатель, т. XC, 593, 594, 595.

Закревскій, гр., т. LXXXVIII, 444.

Залусскій, Андрей Хризостомъ, епископъ, т. LXXXIX, 797.

Замойскіе:

— гр. Андрей, т. LXXXVII, 1040—1042, 1054; т. LXXXVIII, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 198.

— гр. Владиславъ, т. LXXXVIII, 181.

— гр. Станиславъ, т. LXXXVIII, 184, 186.

- Замотинъ, П. И.,** *Библ. замѣтка П. Ш. о книгѣ его:* Преданіе о Вадимѣ Новгородскомъ въ русской литературѣ. Воронежъ. 1902, т. LXXXVIII, 1092—1094.
- Замыцкий, майоръ** выборг. гарниз., т. LXXXIX, 944.
- Замятинъ,** членъ госуд. сов., т. XC, 587.
- Занковскій, Фед.,** полков., т. LXXXVII, 657.
- Заринъ,** сотрудникъ «Отеч. Зап.», т. XC, 596.
- Зарудный,** т. LXXXVII, 779; т. XC, 587.
- Захаржевскій, Ян. Вас.,** управляющій дворцами Царск. Села, т. LXXXVIII, 861, 873; т. LXXXIX, 700, 701.
- Захарьянъ (Явунинъ),** Ив. Ник., писатель: *Статьи его:* 1) Остатки былого величія, т. LXXXVII, 294—301.—2) Артистическая жизнь Москвы въ семидесятихъ годахъ, т. XC, 479—524. *Замѣтка его:* Еще объ имѣніи графа Завадовскаго, т. LXXXVII, 1213—1214. *Библ. замѣтка Б—на о книгѣ его:* Кавказъ и его герои. Спб. 1901, т. LXXXVII, 329—330. *Упомян.*: т. LXXXVII, 797, 798; т. LXXXVIII, 169, 1166.
- Зброжекъ, Фед. Григ.,** членъ сов. мин. пут. сообщенія, писатель. *Некрологъ его:* т. LXXXVIII, 387—388.
- Звѣревъ,** Поликарпъ, протоіерей, т. LXXXIX, 409.
- Zdziechowski, M.,** *Библ. замѣтка А. Сиротинина о книгѣ его:* Odrodzenie Chorwacji w wieku XIX. W. Krakowie. 1902, т. XC, 1157—1160.
- Зейдлицъ,** профессоръ мед.-хир. акад., т. LXXXVII, 934; т. LXXXVIII, 124, 136.
- Зейеръ, Юлій,** чешскій писатель, *О чемъ въ статьѣ Н. П.—аго:* Чешскій писатель и русскій министръ, т. LXXXVIII, 172—178.
- Зеландъ, Ник. Льв.,** врачъ-писатель, *Некрологъ его:* т. XC, 854—825.
- Зеленый, А. А.,** министръ государ., имущ., т. XC, 937.
- Зелинскій, В.,** *Библ. замѣтки П. Ш. о книгѣ его:* 1) Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Голя. М. 1902, т. LXXXVIII, 324—325.—2) Собраніе критическихъ матеріаловъ для изд. произведеній И. С. Тургенева. Вып. 1, изд. 4. М. 1902, т. XC, 1178.
- Зельднеръ, Ег. Ив.,** препод. нѣжин. гимн., т. LXXXVII, 512—515, 518—525.
- Зиновьевъ, Ник. Вас.,** генераль, т. LXXXVIII, 448.
- Златовратскій, Ник. Ник.,** писатель. т. LXXXVIII, 86, 87, 588, 589, 677, 694, 695.
- Змиградскій, I. I.,** *Библ. замѣтка Д. З—лина о книгѣ его:* Памяти В. А. Жуковского. Юрьевъ. 1902, т. LXXXVIII, 743—745.
- Знаменскій,** авторъ «Руков. по рус. церк. исторіи», т. LXXXIX, 453.
- З—нинъ, Д. К.,** *Статьи его:* «Чортово городище» около г. Елабуги, т. LXXXVIII, 206—209. *Библ. замѣтки его:* 1) I. I. Змиградскій. Памяти В. А. Жуковского. (По поводу пятидесятилѣтія со дня кончины В. А. Жуковского. 1852 г. 12 апрѣля—1902 г.). Юрьевъ. 1902, т. LXXXVIII, 743—745.—2) A. von Gernet. Die im Jahre 1802 eröffnete Universität Dorpat und die Wandlungen in ihrer Uefferung. Ein Gebenkleatt zum 21 april 1902. Reval. 1902, т. LXXXVIII, 1100—1101.—3) П. Красовскій. Очерки юрьевского студента. Рига. 1902, т. LXXXIX, 605—606.—4) Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Т. V. Юрьевъ 1902, т. XC, 1165—1167.
- Золя, Эмиль,** франц. писатель. *Некрологъ его:* т. XC, 809—811. *Упомян.*: т. LXXXVIII, 282, 555.
- Зубовъ, гр. Плат. А.—др.,** ген.-отъ-инф., членъ госуд. сов., т. XC, 900, 901.
- Зубровъ, П. И.,** артистъ, т. XC, 513.

И.

- Ивановичъ, В.** *Библ. замѣтки его:* 1) А. Кирхейгеймъ. Вѣчная утопія. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 327—328; 2) Алексѣй Веселовскій. Байронъ, біографическій очеркъ съ двумя фототипіями Фишера. М. 1902; т. LXXXIX, 285—286.
- Ивановы:**
- Артемонъ, пономарь, т. XC, 640, 641.
  - В. А., т. LXXXVII, 53.
  - В. В., статистикъ, т. LXXXVII, 396.
  - Вѣра Леонт., т. LXXXVII, 445.
  - Д. В., членъ географ. общества, т. LXXXVIII, 795, 796.
  - Е. М., археологъ, т. LXXXVII, 759.
  - И. Е. *Статья его:* Въ Мукденѣ, т. XC, 975—990.
  - И. И., профессоръ моск. унив., т. LXXXVIII, 263.
  - И. М. *Библ. замѣтка А. Зя. о книгѣ его:* Научно-популярный очеркъ. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 727—729.
  - М. М. *Библ. замѣтка В. Г.—скаго о книгѣ его:* Очерки современной итальян

ской литературы. Спб. 1902, т. XC, 1152—1153.

— Илларионъ, думный дьякъ, т. XC, 166.

— К. А. *Библ. замѣтка Ч—на о книгѣ его*: Трубадуры, труверы и миннезенгеры. Спб. 1901, т. LXXXVII, 335—336.

— художникъ, т. XC, 894.

Игнатій, (Ив. Андр. Шалгинъ), тамбовскій епископъ. *Статья о немъ С. Н. Введенскаго*: Тамбовскій епископъ Игнатій. (Очеркъ изъ исторіи русской церкви въ періодъ Петровской реформы), т. XC, 625—646

Игнатовичи:

— Вит. Стан., педагогъ. *Некрологъ его*: т. LXXXVII, 1202.

— И. И. *Библ. замѣтка В. Строева о книгѣ его*: Помѣщичьи крестьяне накануне освобожденія. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 1094—1096.

Игнатовы:

— И. Г., т. LXXXVII, 788.

— П. Г., членъ геогр. общ., т. LXXXVII, 390.

Игнатьевы:

— гр. П. Н., петерб. ген.-губернаторъ, т. LXXXVIII, 980; т. LXXXIX, 376—377.

— Фома, монстръ, т. LXXXIX, 159—161.

Игуменовъ, А-дръ Вас., переводчикъ при китайск. миссіи, т. XC, 554, 561.

Измайловы:

— ген.-майоръ, арханг. губернаторъ, т. XC, 111.

— писатель, т. LXXXVII, 564.

Илларионы:

— суздальск. митрополитъ, т. XC, 640.

— переяслав. и бориспол. архіепископъ, т. LXXXVII, 668.

— рязанск. архіепископъ, т. XC, 167.

Иловайскій, Дм. Ив., историкъ, т. LXXXVII, 238, 239; т. LXXXVIII, 786.

И. М. М. *Статья его*: М. Е. Салтыковъ въ Тулѣ, т. LXXXVII, 158—180.

И. Н. *Библ. замѣтка его*: Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. Часть первая. Всенародный мѣсяцесловъ. А. С. Ермолова. Спб. 1902, т. LXXXVII, 691—693.

И. Н. З. *Библ. замѣтки его*: 1) Очерки закавказской жизни. И. Н. Канадьева, т. I. Спб. 1902, т. XC, 1167—1170; 2) Русская одежда. Капитана Павла Шипова. Спб. 1902, т. XC, 1173; 3) Еврейскій умъ, соч. Мориса Мюра. Переводъ съ французскаго Е. Отоцкой. Спб. 1902, т. XC, 1175—1176.

Иннокентій, хорсон. и таврич. архіепископъ, т. LXXXIX, 461.

Иноземцевъ, П. Г. *Статьи его*: 1) Живые монстры, т. LXXXIX, 158—164; 2) Народный театръ XVIII в., т. LXXXIX, 554—562.

Инскій, В. *Библ. замѣтка его*: В. Смоленскій. Исторія польскаго народа. Пер. Г. Θ. Львовича. Спб. 1901, т. LXXXIX, 291—292.

Ириней:

— смоленск. епископъ, т. LXXXIX, 409, 411, 413, 414; т. XC, 259.

— иркутск. архіепископъ, т. LXXXIX, 466, 467, 468.

Ирисовъ, Вл., драмат. писатель, т. XC, 518.

Исаковъ, Н. В., попечитель спб. учебн. окр., т. XC, 151.

Иславинъ, *Статья его*: Имѣніе «Ляличи», т. LXXXVIII, 285—289.

И. Ю. *Библ. замѣтки его*: 1) Антоновъ Чеховъ. Островъ Сахалинъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1902, т. LXXXIX, 1004—1005; 2) Л. Орда. Крестовоздвиженская братская церковь въ г. Луцкѣ. Опытъ историческаго очерка. Луцкъ. 1902, т. LXXXIX, 1011.

И.

И. Библ. замѣтки его: 1) Г. Г. Нибургъ, Рабство, какъ система хозяйства, этнологическое изслѣдованіе. Переводъ съ англійск. А. Н. Максимова. М. 1902, т. LXXXVII, 1137—1138; 2) Джонъ Рескинъ. Современные художники. Общіе принципы и правда въ искусствѣ. Перев. со 2-го англійскаго изданія П. С. Когана. М. 1901, т. LXXXVII, 1145.

Иаковъ, нижегородск. епископъ, томъ LXXXIX, 461, 462.

Иаковъ II, англ. король, т. LXXXIX, 839.

Иенсенъ, Дав. Ив., профессоръ скульптуры. *Некрологъ его*: т. LXXXVII, 791.

И. Е. *Библ. замѣтки его*: 1) «Исторія польской артиллеріи». Константина Гурскаго. Варшава 1902, т. LXXXVII, 1141; 2) Szymon Askenazy. Wezasy historyczne Wągraua 1902, т. XC, 1177—1178.

И—нскій, Викт. *Библ. замѣтка его*: Архивъ гр. Мордвиновыхъ. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 1069—1071.

Иоакимъ, патриархъ, т. LXXXIX, 818.

Иоакимъ, чудов. архимандритъ, томъ XC, 166, 167.

Иоанникій, архіепископъ, т. LXXXIX, 387, 389, 395.

Иоанникій (Полянскій), подол. и брацлав. архіепископъ, т. LXXXIX, 861.

Иоанницій, Габріель, профессоръ краков. акад., т. XC, 703.

Иоаннъ, донской епископъ, т. LXXXIX, 462.

Иоаннъ III Васильевичъ, царь. *О немъ въ статьѣ Е. Л. Маркова*: Марко Россъ, онъ же Марка Толмачъ, (Историческая замѣтка), т. LXXXIX, 207—218.

Иоаннъ IV Васильевичъ (Грозный), царь. *О немъ въ замѣткѣ*: Курганъ Иоанна Грознаго, т. LXXXVIII, 1151—1153.

Иорданъ, профессоръ архитектуры, т. LXXXIX, 155.

Иосафъ (Срътенскій), смолен. епископъ, вполслѣд. моголев. архіепископъ, томъ LXXXIX, 419, 420.

Иосифъ, астрахан. митрополитъ, т. LXXXIX, 795.

Иосифъ, архимандритъ, т. XC, 631.

Иосифъ, (Н. А. Соколовъ), михайлов. епископъ. *Некрологъ его*: т. LXXXVIII, 803.

Иустина, мученица раскола, т. XC, 172.

К.

Кабать, Ив. Ив., сенаторъ. *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 338—339.

Кавелинъ, Дм. Алекс., т. XC, 139, 142, 143.

Каверинъ, Пав. Никит., калуж. губернаторъ, сенаторъ, т. LXXXIX, 414, 415, 416.

Кавось, т. LXXXIX, 950.

Казаковы:

— Елис. Ник., рожд. Бороздина, супр. Н. О. К., т. XC, 904.

— Ник. Фед., поручикъ конно-егерск. полка, т. XC, 904.

Казанскій, Ник. Пет., обществ. дѣятель. *Некрологъ его*: т. LXXXVIII, 803.

Казиміръ IV, польск. король, т. XC, 685.

Каклюгинъ, А. М., археологъ, т. LXXXIX, 877.

Каллашъ, В. В. *Статья его*: Замѣтки о Гоголѣ, т. LXXXVII, 679—685. *Библ. замѣтка П. Щ.* о книгѣ его: Н. В. Гоголь въ русской поэзіи. М. 1902, т. LXXXVIII, 310—311.

Калиновскій, Конст., революціонеръ, т. LXXXVIII, 194.

Калинскій, профессоръ мед.-хирург. акад., т. LXXXVII, 924.

Каленъ, I., франц. писатель, т. LXXXIX, 628.

Калдеронъ, Томасъ, т. LXXXIX, 804.

Камаевъ, т. XC, 534—537, 539, 542, 543, 573.

Каманинъ, И. М., т. LXXXVII, 392.

Каменскіе:

— Гавр. Павл., т. XC, 905.

— гр. Мих. Федот., фельдмаршалъ, т. LXXXVII, 230, 231, 232.

— Нат. Ник., рожд. Бороздина, супр. Г. П. К., т. 904, 905, 906, 907.

Кампредонъ, франц. посланникъ, т. LXXXVII, 57.

Канадѣвъ, П. Н. *Библ. замѣтка И. Н. З. о книгѣ его*: Очерки закавказской жизни, т. I, Спб. 1902, т. XC, 1167—1170.

Канкринъ, гр., т. LXXXVIII, 866.

Канонниковъ, Инок. Ив., профессоръ, казан. унив. *Некрологъ его*: т. LXXXVIII, 388—389.

Канторовичъ, Я. А., книгоиздатель, т. LXXXVIII, 794.

Каншинъ, П. А., писатель, т. XC, 512.

Капнистъ, Вас. Вас., писатель, т. LXXXVII, 539.

Каптеревъ, Н. О., профессоръ моск. дух. акад., т. XC, 813.

Капустинъ, т. XC, 139.

Каракозовъ, т. XC, 576, 593, 598, 599.

Карамзинъ, Ник. Мих., историкъ, т. LXXXVIII, 128, 130, 141, 144, 504, 1046; т. LXXXIX, 212, 213.

Карасевъ, А. А. *Статьи его*: 1) Лѣвый глазъ императора Николая I, т. LXXXIX, 106—108. 2) Атаманъ Степанъ Давиловичъ Ефремовъ, т. LXXXIX, 870—883.

Карлъ I, англ. король, LXXXIX, 839.

Карлъ II, англ. король. *О немъ въ замѣткѣ*: Остроуміе при дворѣ Карла II, т. XC, 347—348.

Карлъ VI, австр. императоръ, т. LXXXVII, 654.

Карлъ XI, швед. король, т. LXXXIX, 720.

Карлъ XII, швед. король, т. LXXXIX, 198, 720; т. XC, 108, 686.

Карлъ - Густавъ, шведскій король, т. XC, 686.

Карлъ-Фридрихъ, герцогъ голштинскій, т. LXXXVII, 75.

Каролина, рожд. принцесса Анспахская, англійск. королева. *Замѣтка о ней*: Каролина знаменитая, т. LXXXIX, 300—301.

Каролина-Луиза, баденск. маркграфиня. *О ней въ замѣткѣ*: Двѣ маркграфини Баденскія, т. XC, 1190—1191.

Карповы:

— Ген. Фед. *Замѣтка о преміи его имени*, т. LXXXVIII, 1139—1140.

— Е. П. драматургъ, т. LXXXVIII, 588.

- Барышевъ**, протоіерей, т. LXXXIX, 458.
- Баръевъ**, Ник. Ив. *Библ. замѣтка П. К. о книгѣ его*: Исторія Западной Европы въ новое время. Спб. 1901, т. LXXXVII, 702—703.
- Бастельбажакъ**, франц. чрезвычайч. посланникъ т. LXXXIX, 230, 232, 233, 239, 240, 241, 243, 244.
- Батановъ**, Н. О., профессоръ казан. унив., т. LXXXVIII, 1147; т. XC, 818, 1198.
- Батаринскій**, Вас. Влад., писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 399.
- Батковъ**, Мих. Никиф., писатель, т. XC, 136, 154, 155, 157, 158, 489, 491, 494, 504, 527, 258.
- Баульбарсъ**, бар., полковникъ, т. LXXXIX, 702, 711, 734.
- Баутскій**, Карлъ. *Библ. замѣтка В. I. о книгѣ его*: Противорѣчія классовыхъ интересовъ въ 1789 г. Спб. 1902, т. XC, 764—765.
- фонъ-Бауфманъ**, Мих. Петр., членъ госуд. совѣта. *Некрологъ его*: т. LXXXVII, 791—793.
- Баховскій**, Арист. Бор., майоръ, членъ смолен. муниципалитета, т. LXXXIX, 407, 418.
- Бачковскій**, Станиславъ, революціонеръ, т. LXXXVIII, 190.
- Башпиревъ**, В. Н., композиторъ, т. XC, 482, 483, 484, 498.
- Бедель**, Робертъ, герман. посланникъ въ Римъ, т. LXXXVII, 1172—1173.
- Бейтъ**, прусскій фельдмаршалъ, т. LXXXVII, 652.
- Беммерлингъ**, Мих. Андр., педагогъ. *Некрологъ его*: т. LXXXVIII, 389.
- Бенигъ**, польскій журналистъ, т. LXXXVI, 1059.
- Беннингеймъ**, В. *Библ. зам. Г. С. о книгѣ его*: Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія. М. 1902, т. LXXXVIII, 316—320.
- Б—ій**, П. *Статья его*: Чествованіе памяти Н. В. Гоголя, т. LXXXVIII, 248—284. *Библ. замѣтки его*: 1) Гоголевскій сборникъ. Изданіе Русскаго бібліотеческаго общества. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 308—310. 2) Н. Любичъ. Статистическій методъ въ приложеніи къ исторіи. Варшава 1901, т. XC, 770—771.
- Биннерзлей**, Томасъ, т. LXXXIX, 78.
- Бирячниковъ**, Ал-дръ Ив., профессоръ моск. унив., т. LXXXVIII, 263, 1139, 1156; т. XC, 1196.
- Биръевскіе**:
— Ив. Вас., писатель, т. LXXXIX, 567.
— Сергѣй Ив., сынъ предыдущаго, т. LXXXIX, 567.
- Биселевъ**, т. LXXXVII, 247.
- Бистеръ**, бар., т. XC, 510.
- Битгары**, М. Я., профессоръ-технологъ, т. XC, 504, 505.
- Бирхенгеймъ**, А., *Библ. замѣтка В. Ивановича о книгѣ его*: Вѣчная утопія. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 327—328.
- Бичевы**:
— Н., музык. рецензентъ, т. XC, 512.
— Пет. Ив., писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXVII, 1202—1203.
- Бларти**, Жюль, т. LXXXVIII, 284.
- Блевецкій**, Ал-дръ Зах., ген.-отъ-арт. *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 1039.
- Блевцинскій**, Ант. Ант., профессоръ архитектуры. *Некрологъ его*: т. LXXXVII, 1203.
- Блейнмихель**, Петръ Андр., попечитель мед.-хир. акад., т. LXXXVII, 925.
- фонъ-Бленкъ**, голланд. резидентъ, т. LXXXIX, 791.
- Блиментъ X**, римскій папа, т. LXXXIX, 788, 789.
- Блинге**, Ив. Густ., ботаникъ. *Некрологъ его*: т. LXXXVIII, 389—390.
- Блинковштремъ**, барон., т. LXXXVII, 451, 452.
- Блнчановскій**, М. Е., управляющій тульск. казен. палаты, т. LXXXVII, 158.
- Блодтъ**, Мих. Констант., профессоръ живописи. *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 399—340.
- Блючевскій**, Вас. Осип., историкъ. *Замѣтка о чествованіи юбилея его*: Чествованіе В. О. Ключевскаго, т. LXXXVII, 749—752. *Упомян.*: т. XC, 812.
- Бмитто**, Ан. Сем., врачъ, филантропъ. *Некрологъ его*: т. XC, 1205.
- Бняжевичъ**, А. М., министръ финансовъ, т. XC, 142.
- Б—ова**, А., *Статья ея*: На могилѣ богдыхана, т. LXXXVIII, 601—615.
- Бовалевскій**, Евгр. Петр., министръ нар. просв., т. XC, 141, 144.
- Бовальскій**, Ал-дръ Маріан., астрономъ. *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 660.
- Бованъ**, Самуэль, англ. историкъ, т. LXXXVII, 727—730.
- Боваржннъ**, учитель полтав. реал. учил., т. LXXXVIII, 269.
- Божевниковъ**, А—ій Яков., профессоръ моск. унив. *Некрологъ его*: т. LXXXVII, 793—794.
- Божинъ**, т. LXXXVII, 393.
- Бозловскій**, вн., моск. воевода, т. LXXXIX, 788, 790.
- Бозловъ**, П. К., путешественникъ, т. LXXXVII, 782—784, т. LXXXVIII, 378—379, 381, 382.
- Бозляниновъ**, Н. Ф., ген., т. XC, 939.
- Бозьминъ**, Н. К. *Библ. замѣтка II. III. о книгѣ его*: «Изъ исторіи русской

литературы тридцатых годовъ (Н. А. Полевой и А. И. Герценъ). Спб. 1902, т. LXXXIX, 609—610.

Кокоскины:

— оберъ-полицеймейстеръ Гельсингфорса, т. LXXXVIII, 48.

— О. О., директоръ моск. театровъ, т. LXXXIX, 950.

Кокучкинъ, Вл. Алек., ген.-майоръ. *Некрологъ его:* т. XC, 390—391.

Колесовъ, А-ѣй Мих., художникъ. *Некрологъ его:* т. LXXXVII, 1203—1204.

Коллинсъ, англичанинъ, врачъ, т. LXXXIX, 782.

Колоколовъ, А-ѣй Петр., протоіерей. *Некрологъ его:* т. LXXXVII, 1204.

Колубовскій, Як. Ник., писатель. *Статья его:* Самопомощь среди русскихъ писателей, т. LXXXVII, 302—310. — *Упомян.*: т. LXXXVII, 403, 404.

Колумбъ, Христ. *О немъ въ замѣткѣ:* Тосканелли и Христофоръ Колумбъ, т. LXXXVII, 726—727.

Кольбертъ, французскій министръ, т. LXXXVII, 653.

Кольцовъ, А-ѣй Вас., поэтъ, т. LXXXVII, 650.

Колупановъ, Нилъ Петр., редакторъ «Спб. Вѣд.», т. LXXXVII, 487—489; т. LXXXVIII, 589.

Комаровы:

— декабристъ, т. LXXXVII, 246.

— Вис. Вис., издатель «Свѣта», т. LXXXIX, 742.

— В. Л., членъ геогр. общ., т. XC, 1202.

Кондаковъ, Н. П., академикъ, т. LXXXVII, 393, 394; т. LXXXVIII, 1141.

Кони, О. А., т. т. LXXXIX, 555.

Коноватчиковъ, Пав. Ив., капитанъ, т. LXXXIX, 418.

Консиагентовъ, Н. А., т. LXXXVIII, 586.

Константиновъ, Н. Н., скульпторъ, т. LXXXVIII, 359.

Константинь Николаевичъ, вел. князь. *О немъ въ статьѣ Г. Кучинскаго:* Исторія шести мѣсяцевъ (июль-декабрь 1862), т. LXXXVII, 1035—1061; т. LXXXVIII, 179—205. — *Упомян.*: т. LXXXVIII, 45; т. XC, 505, 713.

Константинь Павловичъ, вел. князь, т. LXXXVII, 249.

Ковтарини, Амвросій, посолъ венеціан. республики. *О немъ въ статьѣ Е. Л. Маркова:* Марко Россъ, онъ же Марка Толмачъ, (Историческая замѣтка), т. LXXXIX, 207—218.

Контъ, Огюстъ, франц. философъ. *Замѣтка о памятникѣ ему,* т. LXXXVIII, 1113—1123.

Коперникъ, Ник. *О немъ въ статьѣ Г. А. Воробьева:* На родинѣ Коперника, т. XC, 683—710.

Кордтъ, бібліотекаръ кiev. унив., т. LXXXVIII, 364—365.

Коржинскій, С. И., академикъ, т. LXXXVII, 745.

Корилла (Марія-Магдалино Морелли Фернандеръ), итальян. поэтесса. *Замѣтка о ней:* Выпчаніе лаврами итальянской поэтессы, т. LXXXIX, 1017—1020.

Корниловы:

— И. *Библ. замѣтка С. о книгѣ его:* Русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Спб. 1901, т. LXXXVIII, 729—732.

— Ив. Петр., попечитель вилен. учебн. окр., т. LXXXIX, 335, 336, 743, 775.

Корнѣевъ, попечитель харьк. учебн. окр., т. LXXXVII, 524.

Коробка, Н. И., т. LXXXVIII, 279.

Коробинъ, Сем. Никиф., стольникъ, т. LXXXIX, 1047.

Короленко, Вл. Галакт., писатель, т. LXXXVIII, 268, 269.

Коропчевскій, Павелъ, т. LXXXVII, 659.

Коротневъ, яренск. комиссаръ, т. LXXXIX, 944, 945.

Корсаковы:

— капитанъ, т. LXXXVII, 1063, 1071, 1074.

— В. В. *Библ. замѣтка В. Талтеева о книгѣ его:* «Пять лѣтъ въ Пекинѣ». Спб. 1902, т. XC, 329—331.

— П. А., управляющій спб. казен. палатою, т. XC, 953, 956, 957, 958, 971.

Корфъ:

— гр. Мод. Андр., директоръ имп. публ. библ., т. LXXXVIII, 161, 979; т. LXXXIX, 846, 848, 849.

— бар. М. Н., главноуправляющій II отд. собств. Е. И. В. канц., т. XC, 586, 587, 588.

— бар. Пав., т. LXXXVIII, 199.

— бар., историкъ Сибири, т. XC, 534, 535, 555, 565.

Коршъ, В. О., т. LXXXIX, 850.

Косковский, Владиславъ, революціонеръ, т. LXXXVIII, 188, 189.

Косинскій, врачъ, т. LXXXIX, 386, 387.

Костериусъ, д-ръ, т. LXXXIX, 802.

Костомаровъ, Ник. Ив., историкъ, т. LXXXVII, 66; т. LXXXVIII, 558.

Костюшко, Фед., польскій полководецъ, т. LXXXVII, 732—734, 1082.

Котенъ, бар., флиг.-адъютантъ имп. Александра II, т. LXXXIX, 722—723.

Котковскій, т. LXXXVIII, 193.

Котларевскіе:

— Н. А., историкъ русск. литературы, т. LXXXVIII, 254, 279.

- С. А., магистръ всеобщей исторіи. *Замѣтка о диспутѣ его*, т. LXXXVIII, 1140—1141.
- Коттенъ**, Поль, франц. писатель, т. LXXXVIII, 757.
- Коховскій**, декабристъ, т. LXXXVII, 250.
- Коцебу**, А., т. LXXXIX, 860.
- Кочубинскій**, проф., т. LXXXVIII, 279.
- Кошелевъ**, А-дръ Ив., издатель «Бесѣды», т. XC, 485, 486, 487, 488, 490, 492, 501, 502.
- Краевскій**, Андр. А-др., писатель, т. LXXXVIII, 566; т. XC, 137, 155.
- Красновъ**, А. Н., профессоръ харьк. унив., т. LXXXVII, 759; т. XC, 370.
- Красовскій**, П. *Библ. зам. Д. З-на о книгѣ его*: «Очерки юрьевского студента». Рига. 1902, т. LXXXIX, 605—606.
- Крестелевъ**, Савва, рославльскій дьячокъ, партизанъ. *Статья о немъ П. И. Орловскаго*: Дьячокъ-партизанъ 1812-го года, XC, 259—261.
- Краусгаръ**, А-дръ. *Библ. зам. Г. А. Воробьева о книгѣ его*: Королевское общество друзей наукъ. 1800—1832. Историческая монографія, обоснованная на архивныхъ источникахъ. Краковъ и Варшава. 1902, т. LXXXVIII, 321—322.
- Крафштремпъ**, попечитель мед.-хир. акад., т. LXXXVII, 927.
- Крашевскій**, І, польскій писатель, т. LXXXVII, 1046, 1059; т. LXXXVIII, 203, 204; т. LXXXIX, 776.
- Кремлевъ**, А. Н., т. LXXXVIII, 276.
- Крестовскій**, Вс. Владим., писатель, *Статья о немъ В. Л. Якимова*: В. В. Крестовскій въ Нахичевани, т. LXXXVII, 951—955. *Упомин.*: т. LXXXVIII, 569.
- Крживицкій**, т. LXXXVIII, 179, 180.
- Кржиштопорскій**, т. LXXXVIII, 204.
- Криницкій**, Пав. Вас., т. LXXXIX, 457.
- Кристъ**, Е., археологъ, т. LXXXVII, 1188.
- Криштофовичъ**, Сем. Емельян., ученый винокуръ. *Некрологъ его*: т. LXXXVIII, 1162—1163.
- Кромвель**, Олив., протекторъ респ. Англіи, Шотландіи и Ирландіи, т. LXXXVIII, 320; т. LXXXIX, 839.
- Кромеръ**, Мартинъ, польск. историкъ, т. XC, 695.
- Кроненбергъ**, Леоп., т. LXXXVII, 1036, 1046; т. LXXXVIII, 181, 204.
- Кроненбергъ**, артистка, т. XC, 480.
- Кронъе**, главнокомандующій бозровъ. *Замѣтка о немъ*: Измѣнилъ ли Кронъе? т. LXXXVIII, 353—356.
- Бротковъ**, А., *Библ. зам. С. III. о книгѣ его*: Морской кадетскій корпусъ (Историческій очеркъ). Спб. 1902, т. LXXXVIII, 739.
- Бротовъ**, П. И., профессоръ казан. унив., т. XC, 817—818.
- Б-скій**, В., *Библ. зам. его*: Мой отвѣтъ. (Изъ литературной полемики). А. И. Фаресовъ. Спб. 1902., т. LXXXVIII, 1075—1077.
- Бругловъ**, А. В., *Повесть его*: Веселія похороны, т. LXXXVIII, 5—38, 399—435, 815—850; т. LXXXIX, 5—37, 345—374. *Библ. зам. Дв. о книгѣ его*: «Вѣчевой городъ». М. 1902., т. XC, 760.
- Брузенштернъ**, сенаторъ, т. LXXXVIII, 915—916.
- Брыловы**:
— В. А., писатель, т. XC, 480, 505, 516.
— Ив. Андр., баснописецъ, томъ LXXXVIII, 148, 149; т. XC, 146.
- Б. X. Библ. замѣтки его**: 1) Szkice, wspomnienia, obrazki. Skreslil Wladyslaw Belza. Warszawa. 1901, т. LXXXVII, 353—355. 2) Sozet Dunin-Karwiski. Zmoich wspomnien. T. I—II. Warszawa. 1901, т. LXXXVII, 1146—1147.
- Брюднеръ**:
— баронъ, русс. посланникъ въ Конненгагенъ, т. LXXXVII, 1065, 1075, 1083.
— баронесса, т. XC, 113.
- Брюковскій**, А., драмат. писатель, т. XC, 517.
- Бсеензенко**, А. И., т. LXXXVII, 672.
- фонъ-Кубе**, О. В., *Статья ея*: Женщины въ пересѣльной тюрьмѣ, томъ LXXXVIII, 529—550.
- Бугушевъ**, князь, писатель, т. XC, 480.
- Будринъ**, Н. Е. *Библ. замѣтка П. Ж. о книгѣ его*: Очерки современной Франци. Спб. 1902, т. LXXXIX, 614.
- Кузьминъ**, А. *Библ. зам. А. Фаресова о книгѣ его*: Запорожская събъ. Москва. 1902, т. LXXXVII, 353.
- Букольниковъ**:
— Вас. Григ., директоръ нѣжинск. гимн., т. LXXXVII, 511, 512, 513.
— Нест. Вас., писатель, т. LXXXVII, 516, 549, 650, 680; т. LXXXIX, 776.
- Булжнискій**, педагогъ, т. LXXXVII, 535.
- Булишъ**, Пант. А-др., писатель. *Статья о немъ П. Е. Щеголева*: Къ біографіи П. А. Кулиша, т. LXXXVIII, 243—247.—*Упомин.*: т. LXXXVII, 530, 531, 604, 662.
- Бугуровъ**, Д. А., студентъ-агрономъ т. XC, 1117.

Куникъ, Ар. Ар., академикъ, томъ LXXXVII, 601—602.

Куницевиъ, Г. З., т. LXXXVIII, 790.

Кулатовъ, А. В., скульпторъ, т. LXXXVIII, 359.

Кулеваскій, Н. О., ректоръ харьк. ун-в., т. XC, 368, 377.

Куряновъ, морякъ, т. LXXXVII, 42, 43.

Кулферъ, д-ръ, т. LXXXVIII, 442.

Куракины:

— кн. Бор. Ив., авторъ дневника, т. XC, 638, 640.

— кн. Оед. Оед., дядька царя Алексѣя Мих., т. LXXXIX, 802—803.

Курдовъ, К. *Библ. замѣтка А. Хаванова о книгѣ его: «Къ антропологи леагинъ»*. М. 1902, т. LXXXIX, 613—614.

Куржина, Янъ, революціонеръ, т. LXXXVIII, 189.

Курзаковъ, поручикъ днѣпровск. егерск. бат., т. LXXXIX, 937.

Курочкины:

— Вас. Степ., поэтъ, т. LXXXVII, 121, 501.

— Ник. Степ., поэтъ, т. LXXXVII, 501.

Курцъ, А-дръ, т. LXXXVIII, 185.

Кусковъ, Плат. А-др., поэтъ, т. XC, 454, 455.

Кусовъ, Пант. Куз., поручикъ украинск. пѣх. полка. *Статья о немъ Н. Н. Фирсова: Поручикъ П. К. Кусовъ*. (Севастопольскія воспоминанія въ Неаполѣ), т. LXXXIX, 469—475.

Кутайсовъ, графъ, ст.-секретарь, т. LXXXIX, 863.

Куткинъ, начальникъ тобол. провіант. депо, т. XC, 552, 553, 554, 573,

Кутузовъ, т. LXXXVII, 235, 239, 240.

Кущинскій, Трофимъ Егор., протоіерей. *Статья о немъ П. Н. Симанскаго: Измаильскій герой*, т. LXXXIX, 859—869.

Кучинскій, І. *Статья его: Исторія шести мѣсяцевъ*, т. LXXXVII, 1034—1061; т. LXXXVIII, 179—205. *Библ. замѣтка его: А. Пушкинъ, Евгений Онегинъ*. Перев. Лео Вельмонтъ. Краковъ. 1902, т. LXXXVIII, 1082—1083.

Кюхельбекеръ, Вил. Карл., поэтъ. *О немъ въ статьѣ А. В. Безроднаго: В. К. Кюхельбекеръ и А. С. Грибоедовъ*, т. LXXXVIII, 596—600.

Кэрстъ, Юліусъ, нѣмец. историкъ, т. LXXXVII, 363, 364.

Л.

Л. *Библ. замѣтка его: Суворовъ*, какъ представитель славянства. Составилъ ординарный профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба, ген.-майоръ Н. А. Орловъ. Спб. 1901, т. LXXXVII, 1127—1128.

Лавинскій, ген.-губернаторъ Вост. Сибири, т. LXXXIX, 466—467.

Лаврентій, астрахан. епископъ, т. LXXXIX, 940.

Лавровъ, П. А. археологъ, т. LXXXVIII, 375.

Лазаревичъ, Ив. Павл., членъ сов. мин. нар. просвѣщ. *Некрологъ его: т. LXXXVIII, 390.*

Лазаревскій, А-дръ Матв., писатель. *Некрологъ его: т. LXXXVIII, 803—815. Библ. замѣтка М. о книгѣ его: Описание старой Малороссіи. Кіевъ. 1902, т. LXXXVIII, 314—315. Упомян.: т. LXXXVII, 392, 393.*

Лазаревъ, адмиралъ, т. LXXXVII, 841.

Лазарь (Барановичъ), чернил. архіепископъ, т. LXXXIX, 784.

Лазордеръ, Жанъ-Батистъ-Анри, монахъ доминик. ордена. *Замѣтка о столѣтнемъ юбилей его: т. LXXXIX, 1026—1030.*

Ламажскій, Евг. Ив., финансистъ. *Некрологъ его: т. LXXXVII, 1204—1206.*

Ламбертъ, гр., т. LXXXIX, 60.

Ламздорфъ, гр., т. LXXXIX, 234 250.

Лангевичъ, Марьянъ, революціонеръ, т. LXXXVIII, 202.

Лангъ:

— Андрю, англ. историкъ, т. LXXXVII, 727—730.

— П. *Библ. замѣтка его: Буддійскій катехизисъ. Переводъ съ монгольскаго*. Спб. 1902, т. XC, 1162—1165.

— Э. *Библ. замѣтка П. А-ча о книгѣ его: Миеология*. Москва. 1902, т. LXXXVIII, 736—739.

Ландау, Адол. Ефим., журналистъ. *Некрологъ его: т. LXXXIX, 1039.*

Ланинъ, Н. П., издатель «Русскаго Курьера», т. LXXXVIII, 584, 585, 586.

Лапко, Ив. Ив., прив.-доцентъ спб. ун-в. *Замѣтка о диспутѣ его: т. LXXXVIII, 359—360. Упомян.: т. LXXXVIII, 1140.*

Лапко-Данилевскій, А. С., академикъ, т. XC, 813.

Латышевъ, В. *Библ. замѣтка А. М-на о книгѣ его: Древнія греческія и латинскія надписи сѣвернаго побережья*

Чернаго моря. Спб. 1901, т. LXXXVII, 1135—1137.

Лаутенбахъ, Я. П., профессоръ юрьев. унив., т. LXXXVIII, 275.

Лафайетъ, т. LXXXVII, 1063, 1067.

Лактинъ, М. Ю. *Библ. замѣтка* Вас. Якимова *о книгѣ его*: Краткій биографическій словарь знаменитыхъ врачей всѣхъ временъ. Спб. 1902., т. LXXXVIII, 329—330.

Лачиновъ, Дм. Алек., профессоръ спб. лѣсного инст. *Некрологъ его*: т. XC, 1205—1206.

Л-вскій, Л. Я. *Статья его*: Подневольный муниципаль, т. LXXXIX, 404—421.

Лебедевы:

— А. А., протоіерей, т. XC, 1120.

— А. С. *Библ. замѣтки: о книгахъ его*: 1) (Щ.) Вѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности. Харьковъ. 1902., т. XC, 752—754. 2) *В. Логинова*. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ архивахъ духовнаго вѣдомства въ губ. Курской и Харьковской. Харьковъ. 1902, т. XC, 1174—1175.

— А. П. *Библ. замѣтка Z о книгѣ его*: Историческіе очерки состоянія византийска-восточной церкви отъ конца XI до половины XV в. М. 1902, т. LXXXIX, 257—261.

Левандовскій, революціонеръ, т. LXXXVIII, 202.

Левашевъ, Вас. Вас., ген.-адъют. имп. Николая I, т. LXXXVII, 249.

Леви, Артуръ, франц. писатель, т. LXXXIX, 1021—1022.

Левитовъ, А-др. Ив., писатель, т. LXXXVIII, 586.

Левитскій, А., т. LXXXVIII, 279.

Левицкій, иркут. вице-губернаторъ, XC, 570, 571, 572, 573.

Л-евъ, Ф. *Статья его*: Изъ архивныхъ дѣлъ XVIII столѣтія, т. LXXXIX, 939—945.

Лелива, гр., авторъ соч. «Русско-польскія отношенія», т. LXXXIX, 770.

Лемакъ, А. И. *Статги его*: 1) Безвиный узникъ, т. LXXXVIII, 57—76. 2) Ложки илошкарі, т. LXXXIX, 895—911.

Лендеръ, Н. Н. *Библ. замѣтка* А. Б-каго *о книгѣ его*: Разказы путника. Спб. 1902, т. LXXXIX, 256—257.

Леонтій, тамбов. епископъ, т. XC, 625, 629.

Леонтовичъ, командиръ корв. «Львица», т. LXXXVII, 50.

Леонтьевы:

— Е. А., т. LXXXIX, 55.

— К. Н. писатель, т. XC, 487, 488.

— Пав. Мих., соиздатель «Моск. Вѣд.», т. XC, 596.

Лепорскій, П. *Библ. замѣтка Z о книгѣ его*: Исторія Фессалоникскаго экархата до времени присоединенія его къ Константинопольскому патриархату. Спб. 1901, т. LXXXVII, 355—357.

Лепарскій, ген.-майоръ, т. LXXXVII, 251, 252.

Лермонтовъ, Мих. Юр., поэтъ. *О немъ въ статьяхъ*: 1) *В. Л. Якимова* Многочность «Лермонтовскихъ мѣствъ» въ Пятигорскѣ, т. LXXXVII, 255—260. 2) *Г. К. Градовскаго*: Генераль Шульцъ и Лермонтовъ, т. XC, 475—478. *Упомин.*: т. LXXXVII, 650, 1212—1213.

Леруа-Волье, Анатолий, т. LXXXVIII, 283.

Лесевичъ, Лид. Парм. переводчица. *Некрологъ ея*: т. LXXXVII, 407.

Лесли:

— Георгій, ген.-майоръ, т. LXXXVII, 670, 675.

— Серг. Ив., смолен. предводитель двор., т. LXXXIX, 420.

Лециано, иркутскій губернаторъ, т. XC, 570.

Лещинскіе:

— Андрей, епископъ, т. XC, 709.

— Станиславъ, польскій король, т. LXXXIX, 198.

Лжедмитрій I. *О немъ въ статьяхъ*: 1) *П. М. Раздольскаго*: Забытая старина изъ эпохи самозванщины, т. LXXXVII, 1003—1021. — 2) *П. В. Голубовскаго*: Что можно сказать въ настоящее время о личности Лжедмитрія I?, т. LXXXVIII, 502—528.

Ливень:

— кн., русск. посланникъ въ Лондонѣ, т. LXXXVII, 243.

— супруга русс. посланника въ Лондонѣ, т. LXXXVII, 1106—1107.

Линда, М. Д., т. LXXXVII, 765.

Линева, Е. Э., членъ геогр. общ., т. LXXXVII, 389—390.

Личъ, В., англ. писатель, т. XC, 1191—1192.

Липинскій, ген.-лейт., адрианольск. воен. губернаторъ, т. LXXXIX, 99, 100.

Липовскій, А-дръ Лавр., педагогъ, т. LXXXVIII, 252, 378; т. XC, 376, 1200.

Лисовскій, Ник. Мих., библиографъ. *Статья о немъ Л. Н. Павленкова*: Н. М. Лисовскій. (Къ 30-лѣтію его дѣятельности), т. XC, 1117—1128. — *Упомин.*: т. LXXXVII, 394; т. LXXXVIII, 1158; т. LXXXIX, 331.

Литке, членъ госуд. сов., т. XC, 587.

Лихардовъ, С. М., ген.-майоръ, т. LXXXVIII, 979.

Лихаревъ, декабристъ, т. LXXXVII, 248.

Лихачевы:

— А-ѣй Тим., постельничій, т. LXXXIX, 812, 813.

Е. I., авторъ, соч., «Материалы для ист. женск. образ. въ Россіи», т. XC, 813.

Личуковъ, капитанъ стрелян. полка, т. LXXXIX, 811, 815.

Л. М., *Библ. замѣтки его*: 1) Н. И. Булычевъ. Древности изъ восточной Россіи. М. 1902, т. LXXXVIII, 1102. 2) Древности. Труды императорскаго моск. археолог. общества, изд. ред. В. К. Трутневскаго. Т. XIX (вып. 1—3). М. 1901—1902, т. LXXXIX, 280—282. 3) Гр. А. А. Бобринскій. Секта Измаилъ въ русскихъ и бухарскихъ предѣлахъ Средней Азіи. Географ. распространеніе и организація. М. 1902, т. LXXXIX, 291.

Л-нъ, В. *Библ. замѣтка его*: М. Ф. Владимірскаго — Будановъ. Судебникъ 1589 г. Его значеніе и источники. Кіевъ, 1902, т. LXXXVIII, 1064—1067.

Лобода, прив.-доцентъ кiev. унив., т. LXXXVII, 392.

Ловягинъ, А-дръ Мих., педагогъ, писатель, т. LXXXVII, 395; т. LXXXVIII, 378, 1156, 1157, т. XC, 1127, 1199, 1200.

Логвиновъ, В. *Библ. замѣтки его*: 1) З. Авадовъ. Присоединеніе Грузіи къ Россіи. Спб. 1901, т. LXXXVII, 344—347. 2) Обзоръ дѣятельности вѣдомства православнаго исповѣданія за время царствованія императора Александра III. Спб. 1901, т. LXXXVIII, 1084—1076. 3) Кавказскіе вѣтуды. Исслѣдованія и замѣтки С. Г. Вейденбаума. Изд. центральной книжной торговли въ Тифлисѣ. Тифлисъ. 1901, т. XC, 335—336. 4) А. С. Лебедевъ. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ архивахъ духовнаго вѣдства въ губер. Курской и Харьковской. Харьковъ. 1902, т. XC, 1174—1175.

Ломиковскій, Вас. Як., т. LXXXVII, 529.

Лонгиновъ, М. Н., библиографъ, т. LXXXVIII, 164; т. LXXXIX, 558.

Лопаревъ, Хр. Мее., археологъ, т. LXXXVII, 393; т. XC, 1200.

Лопатинъ, Л. М., профессоръ моск. унив., т. LXXXVII, 751.

Лопухинъ, А. П. *Библ. замѣтка Б. Городежко объ изд. подъ его ред. кн. ть*: Православная богословская энциклопедія. Петроградъ. 1900—1902, т. LXXXVIII, 747—749.

Лорисъ-Меликовъ, гр. Мих. Таріел., министръ внутр. дѣлъ, т. LXXXVIII, 932—935.

Лоскутовъ. *О немъ въ статьѣ П. П. Баснина*: Изъ прошлаго Сибири, т. XC, 532—574.

Лосскій, К. *Библ. замѣтка его*: Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время. Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Луцкаго. А. К. Дживелеговъ. Средневѣковые города въ Западной Европѣ. Изд. акц. общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1902, т. XC, 762—763.

Луба, Эмиль, президентъ франц. республики. *Замѣтка о немъ*: Эмиль Луба, т. LXXXVIII, 1131—1133.

Лужинъ, Алексѣй, полуголова моск. стрѣльцовъ, т. LXXXIX, 805, 806.

Луи-Филиппъ, франц. король, т. LXXXIX, 841, 842.

Лукинъ, Вл. Игн., драм. писатель, т. LXXXIX, 555—558.

Лукомскій, Вл. Вик., д-ръ мед., писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXVIII, 391.

Лунинъ, М. С., декабристъ, т. LXXXVII, 246.

Лутохинъ, Юрій Петр., думный дворянинъ, т. LXXXIX, 817.

Лутгеръ, педагогъ, т. LXXXVII, 43.

Лысцевъ, Н. В., литераторъ, т. XC, 487, 488.

Льсковъ, Ник. Сем., писатель. *О немъ статья А. И. Фаресова*: Воспоминанія о Н. С. Льсковъ, т. LXXXVIII, 551—583. *Упомян.*: т. LXXXVII, 902—904, 906; т. XC, 512.

Львовы:

— А. Н., сотрудникъ «Вѣстн. воен. духов.», т. LXXXIX, 860.

— А-дръ Ник., т. XC, 100.

— А-ѣй Оед., композиторъ, т. XC, 100.

— Елис. Ник., супр. О. П. Л., т. XC, 100.

— Леон, Ник., т. XC, 100.

— Ник. Ефр., т. XC, 1114.

— Петръ Ефр., т. XC, 1114.

— кн. Петръ Ив., вологод. воевода, т. LXXXIX, 816.

— Оед. Петр., т. XC, 100.

— драм. писатель, т. XC, 139.

Любавскій, М. К., профессоръ моск. унив., т. LXXXVIII, 1140.

Любичъ-Романовичъ, Вас. Игн., писатель. *Изъ воспоминаній его*: Гоголь въ нѣжинскомъ лицейѣ, т. LXXXVII, 548—560. *Упомян.*: т. LXXXVII, 531.

Любовичъ, Н. *Библ. замѣтка П. К-аго о кн. ть его*: Статистическій методъ въ приложеніи къ исторіи. Варшава. 1901, т. XC, 770—771.

Любомірскаго, Юрій, гетманъ, т. XC, 686.

Людовикъ IV, франц., король т. LXXXVII, 653, 654.

Людовикъ XIV, франц. король, т. LXXXVII, 653; т. LXXXIX, 1015—1017.

Людовикъ XV, франц. король: *О немъ въ замѣткѣ*: Двѣ соперницы при дворѣ Людовика XV, т. LXXXIX, 631—637. *Упомят.*: т. LXXXVII, 1065.

Людовикъ XVI, франц. король, т. LXXXVII, 36.

Людовикъ XVIII, франц. король, т. LXXXVII, 242, 243.

Люксь, Адамъ, франц. революціонеръ. *Замѣтка о немъ*: Адамъ Люксь, т. LXXXVIII, 370—373.

Львье По, директоръ театра «Оепуге», т. LXXXVIII, 282.

Лютерь, т. XC, 686.

Лядоховскій, гр. Мячеславъ, кардиналъ. *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 1030—1031.

Лядина, М. *Библ. замѣтка А. Фаресова объ обработанной ею книгѣ*: Путешествіе братьевъ Грумъ Гржимайло по Западному краю. Спб. 1902, т. LXXXVII, 315—316.

Ляцкій, Е. А., педагогъ, т. LXXXVIII, 252, 280, 378.

Ляценко, Арк., Іоак., педагогъ, писатель, *Библ. замѣтка А. Б. о книгѣ его*: «Ревизоръ» Гоголя и комедія Квитки «Пріѣзжій изъ столицы». Спб. 1902, т. XC, 317—318; *Упомят.*: т. LXXXVIII, 378; т. XC, 1121, 1127, 1200.

М.

М., *Библ. замѣтки его*: 1) Описаніе старою Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Ал. Лазаревскаго. Томъ III. Полкъ Прилуцкій. Кіевъ. 1902., т. LXXXVIII, 314—315. 2) Графъ Павелъ Шереметевъ. Зимняя повѣдка въ Бѣлозерскій край. М. 1902., т. LXXXIX, 263—264.

Маврина, рожд. кн. Лобанова, т. LXXXVII, 58.

Магометъ IV, турецкій султанъ, т. LXXXIX, 781, 787.

Мадзини, *Замѣтка о немъ*: Мадзини и Тюръ, т. XC, 806—807.

Маевскій, Карль, т. LXXXVII, 1036.

Мазаевъ, М. Н., *Библ. зам. А. Б. объ изд. подъ его ред. книгѣ*: Библиотека по отечествовѣдѣнію. Русскіе кустари. Спб. 1902., т. LXXXVIII, 727—729.

Мазингъ, Л. К., профессоръ юрьев. унив., т. LXXXVIII, 274.

Майборода, т. LXXXVII, 248.

Майковы:

— Апп. Алекс., писатель. *Некрологъ его*: т. XC, 1206. *Упомят.*: т. XC, 486, 487, 491.

— Апп. Ник., поэтъ, т. LXXXVIII, 165, 329; т. XC, 513.

— Вал. Ник., писатель. *Статья о немъ А. Б.*: Забытый критикъ, т. LXXXVIII, 239—242. *Библ. зам. В. Городискаго о его сочиненіяхъ*: Кіевъ. 1901—1902, т. XC, 331—333.

— Леон. Ник., вице-президентъ акад. наукъ, т. XC, 1127.

— П. М., авторъ соч. «Ив. Ив. Бецкій», т. XC, 813.

Макарій, сирійскій патріархъ, т. LXXXVII, 1006.

Макаровъ, каб.-секретарь, т. LXXXVII, 57, 59, 84, 86, 87.

Максимовичъ, Мих. Алекс., профессоръ, т. LXXXVII, 1024.

Максимовы:

— А. Н. *Библ. замѣтка I о переводѣ его книги*: Г. Г. Ниберъ. Рабство, какъ система хозяйства, М. 1902, т. LXXXVII, 1137—1138.

— Серг. Вас., писатель, т. LXXXVII, 389; т. LXXXVIII, 577.

— С. П., т. LXXXVII, 775.

Макутово, князь, офицеръ, т. XC, 712.

Макшеевъ, В. А., т. XC, 480.

Малининъ, Н. П., проф. кiev. унив., т. LXXXVII, 302.

Малиновскіе:

— А-дръ Мих., поручикъ л.-гв. 2-го стрѣлк. бат., т. LXXXIX, 734.

— Евг. А-др. рожд. Паткуль, супр. А-дра Мих. М. *Оней въ Воспоминаніяхъ М. А. Паткуль*: т. LXXXVII, 31—55, 441—469, 886—854; т. LXXXVIII, 39—56, 436—453, 851—879; т. LXXXIX, 38—66, 375—403, 700—736.

Мались, Ю. Г. *Статья его*: Пировъ и Булгаринъ, т. LXXXVII, 923—950.

Мальмгренъ, А-дръ Эд. *Статья его*: Къ біографіи П. А. Фодотова, т. XC, 1114—1116. *Библ. замѣтки его*: 1) Русскія народныя картинки. Изд. перваго дамскаго художественнаго кружка. Спб. 1902, т. LXXXIX, 606—609. 2) Die Aerzte Kurlande von 1825—1900. Ein biographisches Lexicon, bearbeitet von Dr. med. I. Brennsohn in Mitau. Heraus gegeben von der Kurländischen Gesellschaft Literatur und Kunst. Mitau. Gedr. bei J. F. Steffenhagen u. Sohn. 1902., т. LXXXIX, 619—620. *Упомят.*: т. LXXXVII, 394; т. XC, 398—399.

Ле-Мальтъ, франц. актеръ, т. LXXXIX, 954—954,

Мальцевъ, протоіерей, т. LXXXVIII, 281.

Мамаевы:

— Ольга А-др., рожд. Паткуль, супруга С. А. М. *О ней въ Воспоминаньях М. А. Паткуль*: т. LXXXVII, 31—55, 441—469, 836—854; т. LXXXVIII, 39—56, 436—453, 851—879; т. LXXXIX, 38—66, 375—403, 700—736.

— Сергѣй А-др., поручикъ л.-гв. кирасир. полка, т. LXXXIX, 721, 722, 735, 736.

Манасениъ, министръ юстиціи, т. LXXXVIII, 564.

Мандельштамъ, I. Библ. зам. П. Ш. *о книгѣ его*: О характерѣ гоголевскаго стиля. Гельсингфорсъ. 1902, т. LXXXVIII, 306—308.

Манинъ, И. А., драмат. писатель, т. XC, 513.

Пи-и-Маргаллъ, Франциско, испан. депутатъ. *Некрологъ его*: т. LXXXVII, 387.

Маргарита Савойская, супруга итал. короля Гумберга. *Замѣтка о ней*: Первая королева Италии, т. LXXXVII, 386—387.

Мардерфельдъ, швед. комендантъ, т. XC, 686.

Марія Александровна, императрица, супруга имп. Александра II, т. LXXXVIII, 441, 448, 449, 450, 855, 856, 867, 876—879; т. LXXXIX, 38, 39, 45, 49, 50, 51, 62, 63, 236—238, 254, 385, 388, 394, 396, 469, 472, 474, 708, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718.

Марія Николаевна, вел. княгиня, т. LXXXVII, 45, 46, 445, 841; т. LXXXVIII, 43, 44, 46, 47, 855, 870; т. LXXXIX, 150, 151, 152, 154, 245, 246, 378; т. XC, 138, 905.

Марія Павловна, вел. княгиня, т. LXXXIX, 709, 710.

Марія Теодоровна, императрица, супруга имп. Александра III, т. LXXXIX, 155, 396, 403, 703, 710, 714, 727, 728, 736.

Марья Ильинична (Милославская), 1-я супруга царя Алексѣя Михаил., т. LXXXIX, 782, 792, 794.

Марія I, англійск. королева. *Замѣтка о ней*: Кровавая Марія, т. LXXXVII, 1154—1155.

Марія-Антуанетта, франц. королева. *О ней въ замѣткѣ*: Двѣ соперницы при дворѣ Людовика XV, т. LXXXIX, 631—637.

Марія-Генриетта, бельгійск. королева. *Некрологъ ея*: т. XC, 364.

Марія-Луиза, франц. императрица. *Замѣтки о ней*: 1) Марія-Луиза, т. LXXXVII, 373—378. 2) Умерла ли отъ травы Марія-Луиза? т. LXXXVIII, 762—765.

Марія Саксонская, принцесса. *Замѣтка о ней*: Мать послѣднихъ трехъ королевъ династіи Бурбоновъ, т. LXXXVIII, 344—346.

Мары Стюартъ, шотланд. королева. *О ней въ замѣткѣ*: Тайна Марин Стюартъ, т. LXXXVII, 727—730.

Марія-Терезія, королева венгерск. и и богемск., т. LXXXVII, 651—652, 654.

Маркевичъ, Бол. Мих., писатель, т. XC, 514, 517, 518.

Марко Россъ (Марка Толмачъ), посольств. Иоанна III. *Статья о немъ Е. Л. Маркова*: Марко Россъ, онъ же Марка Толмачъ. (Историческая замѣтка), т. LXXXII, 207—218.

Марковы:

— дворянскій родъ. *О немъ въ статьѣ Е. Л. Маркова*: Марко Россъ, онъ же Марка Толмачъ. (Историческая замѣтка), т. LXXXIX, 207—218.

— А., собиратель былинъ, т. LXXXVII, 1180.

— Евг. Льв., писатель. *Статья его*: Марко Россъ, онъ же Марка Толмачъ, (Историческая замѣтка), т. LXXXIX, 207—218.

Мартосъ, Ив. Ром., т. LXXXVII, 529.

Мартыновы:

— А-дръ Вас., профессоръ московск. сельско-хоз. инст., протоіерей. *Некрологъ его*: т. LXXXVII, 408.

— Ив. Ив., т. LXXXVIII, 982, 993, 994.

Мартьяновъ, Ник. Мих., основатель минусин. музея. *О немъ въ замѣткѣ*: Минусинскій музей и Н. М. Мартьяновъ, т. LXXXVII, 1196—1199.

Марчевскій, Витольдъ, революціонеръ, т. LXXXVIII, 188.

Марченко, томскій губернаторъ, т. XC, 542.

Марѳа Матвѣевна, рожд. Апраксина, 2-я супруга царя Теодора Алекс., т. LXXXIX, 811, 814.

Масальскій, В. И., т. LXXXVII, 1191, 1192.

Масловъ, А. Л., секретарь муз.-этн. ком. при общ. любит. естествознанія, т. LXXXVII, 780.

Масперо, Г., франц. историкъ, т. LXXXVII, 722—725.

Массонъ, Фридрихъ, франц. историкъ, т. LXXXVII, 373—378.

Матвѣевы:

— Арт. Серг., бояринъ. *О немъ въ статьѣ П. А. Матвѣева*: Опала и ссылка боярина А. С. Матвѣева, т. LXXXIX, 780—818. *Упоми.*: т. XC, 397.

— П. А. *Статья его*: Опала и ссылка боярина А. С. Матвѣева. т. LXXXIX, 780—818.

Матейко, польск. художникъ, т. XC, 690.

Матросовъ, Е. Н. *Статья его*: Судьбы бывшихъ русско-американскихъ владѣній подъ владычествомъ республики соединенныхъ штатовъ, т. XC, 711—739.

Матюшкинъ, ген.-лейт., т. LXXXIX, 939, 940, 942, 943.

Махотинъ, Спир. Гавр., врачъ, т. XC, 539, 540.

Маціевичъ, Арсеній, т. LXXXIX, 454.

Межениновъ, Ник. Павл., инженеръ пут. сообщ. *Некрологъ его*: т. LXXXVII, 108.

Межовъ, Вл. Изм., библиографъ, т. XC, 461, 464.

Мезіеръ, А. В. *Библ. замѣтка П. Ш. о книгѣ ея*: «Русская словесность съ XI по XIX столѣтіе включительно. Спб. 1902, т. LXXXIX, 1001—1004.

Мейербергъ, авторъ «Описанія путешествія въ Москов. государство», т. LXXXIX, 782, 794.

Мейеръ:

— Ив. Карл., чиновникъ особ. пор. при намѣстникѣ царства Польск. т. LXXXIX, 399, 400, 705—707.

— Марія А-др., рожд. Паткуль. *О ней въ Воспоминаніяхъ М. А. Паткуль*: т. LXXXVII, 31—55, 441—469, 836—854; т. LXXXVIII, 39—56, 436—453, 851—879; т. LXXXIX, 38—66, 375—403, 700—736.

Мейнъ, А. Д., музык. рецензентъ, т. XC, 512.

Мелещенко, Тим. Сем., поручикъ, т. LXXXIX, 418.

Меліоранскій, Плат. Мих., прив.-доцентъ спб. унив., т. LXXXVII, 756; т. LXXXVIII, 1141.

Мельниковы:

— А-дра Ник., писательница. *Некрологъ ея*: т. LXXXVIII, 1206.

— Пав. Ив. (Андрей Печерскій), писатель. *О немъ въ статьѣ Н. Я. Лабонова*: Казанскія героиня «Въ лѣсахъ» Андрея Печерскаго, т. LXXXVII, 210—228. *Упомят.*: т. LXXXIX, 793, 794.

Менгденъ, бар. Екат. Ник., рожд. Муравьева, т. LXXXVII, 649; т. LXXXIX, 389, 392, 393, 394.

Менезій, Пав., т. LXXXIX, 788, 789.

Ментенонъ, маркиза. *Замѣтка о ней*: Маркиза Ментенонъ и г-жа Омаль, т. XC, 786—795.

Меньшиковъ, Мих. Осип. *Библ. замѣтка Ш. о книгѣ его*: Критическіе очерки. Спб. 1902, т. LXXXIX, 264—266. *Упомят.*: т. LXXXVIII, 554, 555.

Меньшиковъ, кн., т. LXXXVII, 35, 72; т. LXXXIX, 241, 720, 844; т. XC, 108, 110, 111.

Мердеръ:

— Над. Ив., *Сматки ея*: 1) Трагизмъ безволія, т. LXXXVII, 7—30, 417—440, 799—835; 2) Воспоминанія о Вѣрѣ Ивановнѣ Анненковой, т. XC, 87—103.

— Карлъ Карл., т. LXXXVII, 840.

— Сарра Ник., супруга К. К. М., т. LXXXVIII, 46; т. LXXXIX, 51, 52.

Мережковский, Д. *Библ. замѣтка В. Розанова о книгѣ его*: Любовь сильнѣе смерти. Итальянская новелла XV в. М. 1902, т. LXXXVII, 1138—1140.

Меркель, Адол. *Библиогр. замѣтка Б-скаго о книгѣ его*: Юридическая энциклопедія. Спб. XC, 339.

Меропіевъ, М. А. *Библ. замѣтка Ц. о книгѣ его*: О положеніи русскихъ инородцевъ. Спб. 1901, т. LXXXVIII, 325—327.

де-Местръ, т. LXXXVIII, 553.

Меттернихъ, князь, австрійскій канцлеръ, т. LXXXIX, 721, 839, 840.

Мещерскіе:

— кн. Вл. Петр., издатель «Гражданина», т. LXXXVII, 900.

— кн. І. А., переводчикъ, т. XC, 500.

— кн. П. С., оберъ-прокуроръ св. синода, т. LXXXIX, 462.

Миклашевскій, Ив. Ник., профессоръ харьков. унив. *Некрологъ его*: т. LXXXVII, 408—409.—*Упомят.*: т. LXXXVII, 764—765.

Милковскій, Сигизмундъ, писатель, т. LXXXVIII, 195, 202.

Миллеръ:

— Д. П., археологъ, т. LXXXVII, 759.

— Ор. Ѳед., профессоръ спб. унив., т. LXXXVII, 123—125.

— Ѳед. Богд., поэтъ, т. XC, 481, 489, 490.

— преподаватель гѣжинск. гимназіи, т. LXXXVII, 513, 525.

Милорадовичи:

— гр. Г. А. *Библ. замѣтка В. Рудакова о книгѣ его*: Родословная книга черниговскаго дворянства. Спб. 1901, т. LXXXVIII, 298—301.

— гр. Мих. Андр., петерб. ген.-губернаторъ, т. LXXXVII, 246; т. XC, 562.

Милославскіе:

— т. LXXXIX, 782, 793, 800, 803, 808.

— Ив. Богд., воевода, т. LXXXIX, 795, 804, 806, 807, 812, 813.

— Ив. Мих., бояринъ, т. LXXXIX, 794, 795, 800, 801, 813.

— Илья Данил., отецъ жены царя Алексѣя Мих., т. LXXXIX, 782, 794, 797.

- Мильтонъ**, Дж., англійск. поэтъ, т. LXXXIX, 836—838.
- Милоковы:**
— А-дръ Петр., писатель, т. LXXXVIII, 562, 567; т. XC, 513.
— П. *Библ. замѣтка М. Помяловскаго о книгѣ его:* Очерки по исторіи русской культуры. Спб. 1901, т. LXXXVII, 688—691.
- Милотинъ**, гр. Дм. Алекс., воен. министръ, т. XC, 937.
- Минаевъ**, Дм. Дм., поэтъ, т. LXXXVII, 894.
- Миндингъ**, Юлиусъ, нѣмец. писатель, т. XC, 489, 490.
- Минихъ**, т. LXXXIX, 871; т. XC, 887.
- Мирабо**. *О немъ въ замѣткѣ:* Мирабо и Софія Моннье, т. LXXXVIII, 757—761.
- Миролюбовъ**, И. П. (Ювачевъ). *Статья его:* Въ заточеніи, т. LXXXVII, 181—209.
- Миропольскій**, пом. редактора «Бесѣды», т. XC, 486, 487, 488, 491, 492.
- Митропольскій**, Ф. Н., сотрудникъ «Русск. Вѣд.», т. LXXXVIII, 586, 591.
- Митрофановъ**, Вас. Алекс., новочеркасск. комендантъ, т. LXXXIX, 106—108.
- Митьковъ**, декабристъ, т. LXXXVII, 246.
- Михаилъ Николаевичъ**, вел. князь, т. LXXXVIII, 45, 860, 862, 864, 871; т. LXXXIX, 56, 154, 954.
- Михаилъ Павловичъ**, вел. князь, т. LXXXVII, 455, 457, 459, 460, 462; т. LXXXVIII, 43, 51, 437, 446, 450, 451; т. LXXXIX, 148; т. XC, 93, 98, 1115.
- Михаилъ Теодоровичъ**, царь, т. LXXXIX, 199, 797.
- Михаилъ (Вурдуковъ)**, иркут. архіепископъ, т. XC, 571.
- Михайловскіе:**
— В. Г., статистикъ, т. LXXXVII, 1194.
— В. М., прив.-доцентъ моск. унив., т. LXXXVIII, 1140.
— Ник. Конст., писатель, т. LXXXVIII, 564, 665, 668, 676, 683, 685, 687, 688, 689, 690, 692, 693, 695, 696, 1022; т. XC, 1111.
- Михайловскій-Данилевскій**, Ал. Ив., историкъ, т. LXXXVII, 235, 242.
- Михайловъ**, К. Н. *Статья его:* Вновь найденныя рукописи Гоголя, т. LXXXVII, 596—654. *Библ. замѣтки его:* 1) Н. Н. Буличъ. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка. Томъ I. Спб. 1902, т. LXXXVII, 710—712. 2) Мих. В. Хелтуплишвили. Вступленіе Грузинъ въ составъ Россійской имперіи. Изд. Ал. Арабидзе. Кутаись. 1901, т. LXXXVII, 717—718.
- Михеевъ**, И. С., археологъ т. LXXXVIII, 1147.
- Михневичъ**, Влад. Ос., писатель, т. LXXXVII, 895; т. LXXXVIII, 565.
- М—тъ**, М. *Библ. замѣтка Б. Татсва о книгѣ его:* «Дуэль, ея происхожденіи и современный характеръ». Спб. 1902, т. XC, 337—338.
- Мнишекъ**, Марина, жена Іжедимитри I, т. LXXXVII, 1005.
- Многogrъшннй**, Демьянъ, наказный гетманъ, т. LXXXIX, 784, 787, 788, 796.
- М—тъ**, А. *Библ. замѣтки его:* 1) Commentationes Nikitinianae. Сборникъ статей по классической филологіи въ честь Петра Васильевича Никитина по поводу тридцатилѣтія служенія его русскому просвѣщенію, 1871—1901. Спб. 1901, т. LXXXVII, 712—713. 2) Отчетъ о дѣятельности Тверской ученой архивной комиссіи за 1900 г., сост. правитель дѣлъ И. А. Виноградовъ. Тверь 1901, т. LXXXVII, 718—719. 3) Древнія греческія и латинскія надписи Сѣвернаго побережья Чернаго моря. По порученію и на средства императорскаго русскаго археологическаго общества изд. Василій Латышевъ. Томъ 4-й. Спб. 1901, м. LXXXVII, 1135—1137.
- Могра**, Г., франц. писатель, т. XC, 1189, 1190.
- Модерахъ**, Карлъ Оед., сенаторъ, т. LXXXIX, 415.
- Модестъ**. (Д. К. Стрѣльбицкій), волын. и житомир. архіепископъ. *Некрологъ его:* т. LXXXVIII, 805—806.
- Моджугинскій**, протоіерей, оберъ-священникъ арміи и флота, т. LXXXIX, 458.
- Молоховъ**, Пав. Ив., т. LXXXIX, 418.
- Моннье**, Софія. *О ней въ зам.:* Мирабо и Софія Моннье, т. LXXXVIII, 757—761.
- де-Монтенанъ**, гр. Ксавье, франц. писатель. *Некрологъ его:* т. LXXXVIII, 1136—1137.
- Монтеранъ**, архитекторъ, томъ LXXXIX, 147.
- Моравскій**, С. П., т. LXXXVII, 750.
- Мордвиновъ**, гр. Ник. Сем., госуд. дѣятель. т. LXXXVII, 705—706, 1067, 1072, 1075, 1076.
- Мордовцевъ**, Дан. Лук., писатель, т. LXXXVII, 137; т. XC, 174.
- Морицъ**, т. LXXXVII, 82, 85.
- Морни**, фран. политич. дѣятель, т. LXXXIX, 244, 245.
- Морозовы:**
— Анна Ильин., т. LXXXIX, 782.
— Бор. Ив., бояринъ, т. LXXXIX, 781, 782.
— Глѣбъ Ив., бояринъ, т. XC, 160, 161.

— Оеодосія Прокон., боярыня. *Статья о ней В. Н. Стрцова:* Боярыня Морозова, т. XC, 159—174.

Мортге, франц. маршалъ, т. LXXXVII, 238.

Москальскій, Петръ Петр., членъ совѣта минист. земледѣлія. *Некрологъ его:* т. XC, 391.

Москотильниковъ, Сав. Андр., поэтъ. *О немъ въ статью Е. А. Бобрва:* Путешествіе изъ Казани въ Москву сто лѣтъ назадъ, т. LXXXVIII, 1045—1050.

Мосоловы:

— Ольга Ник., рожд. Бороздина, супр. Ѳ. И. М., т. XC, 904, 905.

— Фед. Ив., ген.-майоръ, т. XC, 905.

Мочульскій, В. Н., археологъ, т. XC, 375.

М. С. *Библ. зам. его:* Волжскій. Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ. I. Г. И. Успенскій.—II. Кто виноватъ? (Ученіе Ѳ. М. Достоевскаго объ отвѣтственности), Спб. 1902, т. LXXXIX, 272—273.

Муравьевы:

— А-дръ Вал., писатель. *Некрологъ его:* т. LXXXVIII, 806.

— А-дръ Ник., декабристъ, арханг. и нижегор. губернаторъ, т. LXXXVII, 246, 250.

— Мих. Никит., министр народнаго проsv., писатель, т. LXXXIX, 865, 866, 868.

— гр. Мих. Ник., вилен. ген.-губернаторъ. *О немъ въ статью А. В. Жиркевича:* Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ, т. LXXXIX, 737—779. *Упомян.:* т. LXXXVIII, 913; т. LXXXIX, 336, 377, 382, 389; т. XC, 599.

— Никита А-др., декабристъ, т. LXXXVII, 246, 250.

Муравьевъ-Амурскій, гр., Ник. Ник., Иркут. ген.-губернаторъ, т. LXXXVII, 253—254.

Муравьевъ-Апостоль, Сергѣй Ив., декабристъ, т. LXXXVII, 250.

Музовскій, оберъ-священникъ главы штаба, т. LXXXIX, 458, 461.

Музыченко, А. О., археологъ, т. XC, 377.

Мурзакевичъ:

— Н. Н., основатель одесс. истор. общ., т. LXXXIX, 421.

— Никифоръ, священ., т. LXXXIX, 409, 410, 412, 413.

Муссуаръ, Жоржъ, франц. писатель, т. LXXXIX, 307.

Мухановъ, тайн. сов., т. XC, 149.

Мушкетовъ, Ив. Вас., профессоръ горн. инст. *Некрологъ его:* т. LXXXVII, 794—796.—*Упомян.:* т. LXXXVII, 775, 1191; т. LXXXVIII, 379, 380.

М. Ч. *Статья его:* Изъ записной книжки бывшаго судебного дѣятеля, т. XC, 251—258.

Мѣрославскій, т. LXXXVIII, 189, 190, 198, 201.

Мюйденъ (Ванъ). *Библ. замѣтка В. о книгѣ его:* Исторія швейцарскаго народа. Спб. 1902, т. LXXXVII, 1133—1134.

Мюрз, Мор. *Библ. замѣтка И. Н. З. о книгѣ его:* Еврейскій улъ. Спб. 1902, т. XC, 1175—1176.

Мятлевъ, Иванъ Петр., поэтъ, т. LXXXVII, 460, 461, 462, 463, 464, 467, 468, 838, 842, 843, т. LXXXVIII, 49.

Мякотинъ, В. А. *Библ. зам. Г. Т. С-хаева о книгѣ его:* Изъ исторіи русскаго общества. Спб. 1902, т. XC 759—760.

Н.

Наварра, Доминикъ, болонскій профессоръ, т. XC, 692.

Навроцкій, Фелик., профессоръ варш. ун. *Некрологъ его:* т. LXXXIX, 340—341.

Надеждинъ, Ник. Иван., писатель, т. LXXXVII, 650.

Надсонъ, Сем. Як., поэтъ, т. LXXXVII, 495—498.

Назарьевъ, Вал. Никол., писатель. *Статья его:* Въ своемъ краю, т. XC, 403—424, 908—932. *Некрологъ его:* т. LXXXVIII, 391—392. *Упомян.:* т. LXXXVIII, 814.

Назимовы:

— А-дръ Евг., профессоръ новорос. унив. *Некрологъ его:* т. XC, 825—826.

— Влад. Ив., вилен. ген.-губернаторъ, т. LXXXVIII, 47, 48; т. LXXXIX, 757.

— М. Н. *Статья ея:* Изъ семейной хроники Толстыхъ, т. XC, 104—132.

Накашидзе, кн. М. А. *Библ. замѣтка Б. Талъева о книгѣ его:* Автомобиль, его экономическое и стратегическое значеніе для Россіи. Спб. 1902, т. LXXXVII, 1121—1122.

Наполеонъ I, франц. императоръ. *Замѣтки о немъ:* 1) Наполеонъ съ точки зрѣнія прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III и современнаго американца, т. LXXXVIII, 350—351.—2) Наполеонъ-миротворецъ, томъ LXXXIX, 1021—1022.—3) Наполеонъ на островѣ Эльбѣ, т. LXXXIX, 1022—1024. *Упомян.:* т. LXXXVII, 231, 233—235, 238, 239, 243, 373—378, 1085; т. LXXXIX, 200, 233, 243—247, 304—306, 405—406, 409.

Наполеонъ III, франц. императоръ. *О немъ въ статью В. Т.:* Иностранцы о Россіи, т. LXXXIX, 229—255. *Упомян.:* т. LXXXVII, 1170—1171, 1174—1176;

т. LXXXIX, 229, 240, 241, 834; т. XC, 578, 583, 584.

Нарышкины:

— Ив. Кирил., бояринъ, т. LXXXIX, 807, 808.

— Марія Ант., т. LXXXVII, 236.

— т. LXXXVII, 235, 236, 237, 238.

Нарѣжнѣй, Вас. Тр., писатель. *О немъ въ статьѣ Н. А. Этелмгардта:* Гоголь и романы двадцатыхъ годовъ, т. LXXXVII, 561—580.

Нассау-Зигенъ, принцъ, т. LXXXVII, 1067, 1069, 1075, 1079, 1080.

Насѣкинъ, Н. А., этнографъ, т. XC, 1195, 1196.

Наталья Кирилловна (Нарышкина), вторая супруга царя Алексѣя Михайл., т. LXXXIX, 784, 792, 793, 798—800, 802, 807, 813, 814, 815, 817.

Наумовъ, Ник. Ив., писатель. *Некрологъ его:* т. LXXXVII, 409—410.

Нахимовъ, П. С., адмиралъ. *Замѣтки о немъ:* 1) Биографія П. С. Нахимова, т. LXXXIX, 332.—2) Столѣтіе рожденія П. С. Нахимова, т. LXXXIX, 644—647. *Упомянутъ:* т. LXXXIX, 243.

Нащокинъ, П. В., т. LXXXVII, 312.

Наванайлъ, псковскій епископъ, т. LXXXIX, 462.

Невѣжинъ, Петр. Мих., писатель, т. XC, 517.

Невѣровскій, генералъ, т. LXXXIX, 404.

Негрескулъ, В., т. LXXXVII, 680.

Незеленовъ, Ал. Из., профессоръ спб. унив. *Библ. зам. П. Щ. о книгѣ его:* А. И. Незеленовъ. Собраніе сочиненій въ шести томахъ. Томъ I. А. С. Пушкинъ и его поэзія (1799—1826). Томъ III. А. Н. Островскій въ его произведеніяхъ. Спб. 1903, т. XC, 1170—1172.

Ней, франц. маршалъ. *Замѣтка о немъ:* Былъ ли маршалъ Ней въ Америкѣ? т. LXXXVIII, 765—767. *Упомянутъ:* т. LXXXVII, 244.

Некрасовы:

— Ник. Алекс., поэтъ. *Статья о немъ П. Е. Щеголева:* Памяти Н. А. Некрасова. (По случаю 25-лѣтія со дня смерти), т. XC, 1091—1113. *Упомянутъ:* т. LXXXVII, 120—121; т. LXXXIX, 850, 855—857; т. XC, 594, 596, 599.

— Ник. Петр., профессоръ моск. ун., т. LXXXVIII, 784.

Неплюевъ, тайн. сов., т. LXXXIX, 862.

Нессельроде, т. LXXXIX, 241—243, 844.

Неустроевъ, А-дръ Ник., библиографъ. *Статья о немъ А. И. Фаресова:* Памяти А. Н. Неустроева, т. LXXXVII, 978—

995. *Некрологъ его:* т. LXXXVIII, 392—393. *Упомянутъ:* т. LXXXVIII, 791.

Нефедовъ, Фил. Дюм., писатель. *Статья о немъ С. И. Васюкова:* Воспоминанія о Ф. Д. Нефедовѣ, т. LXXXVIII, 584—592. *Некрологъ его:* т. LXXXVIII, 393—394. *Упомянутъ:* т. LXXXVIII, 1166; т. XC, 491, 492, 1196.

Нечаевы:

— профессоръ мед.-хирургич. акад., т. LXXXVII, 924.

— С. Д., оберъ-прокуроръ св. синода, т. LXXXIX, 462, 463.

Нибуръ, Г. Г. *Библ. замѣтки о книгѣ его:* Рабство, какъ система хозяйства. Этнологическое изслѣдованіе, М. 1902: 1) (I.), т. LXXXVII, 1137—1138; 2) (А. Хах—ова), т. LXXXIX, 992—993.

Никаноръ, новгор. и петерб. митрополитъ, т. LXXXIX, 460, 462.

Никитенко, А-дръ Вас., профессоръ спб. унив., т. LXXXVIII, 161, 164, 165, 1003—1005; т. LXXXIX, 840, 845—849, 853; т. XC, 137—141, 144, 151, 152, 155, 579, 585—588, 592, 599, 600.

Никитинъ, Петръ Вас., вице-президентъ акад. наукъ, т. LXXXVII, 712.

Никодимъ, орлов. и сѣвскій епископъ, т. LXXXIX, 458.

Николаевы:

— В. Н., тов. министра фннанс. т. XC, 942, 943.

— П. О., *Библ. замѣтка П. Щ. о книгѣ его:* Вопросы жизни въ современной литературѣ. М. 1902, т. XC, 324—326.

Николай I Павловичъ, императоръ. *О немъ въ статьяхъ:* 1) *А. Н. Карсеева:* Лѣвый глазъ императора Николая I, т. LXXXIX, 106—108.—2) *В. Т.:* Иностранцы о Россіи, т. LXXXIX, 229—255.—3) *В. М. Грибовскаго:* Церковное управленіе въ царствованіе имп. Николая Павловича, т. LXXXIX, 453—468. *Упомянутъ:* т. LXXXVII, 31, 34, 35, 36, 45, 47, 249, 250, 251, 252, 840, 848, 933; т. LXXXVIII, 44, 45, 46, 48, 51, 52, 55, 159, 161, 169, 183, 187, 363, 437, 440, 441, 445, 446, 450, 451, 452, 597, 598, 600, 663, 851, 852, 853, 855, 856, 859, 860, 862, 863, 864, 865, 866, 868, 871, 872, 873, 874, 875, 925; т. LXXXIX, 148, 151, 156, 206, 470, 700, 844, 845, 848, 951, 952; т. XC, 88, 89, 92, 93, 96, 97, 103, 104, 133, 134, 585, 900, 904, 905, 906, 907, 1115.

Николай II Александровичъ, имп., т. LXXXVII, 745; т. LXXXVIII, 381, 382; т. LXXXIX, 727; т. XC, 96.

Николай Александровичъ, вел. кн., наследникъ цесаревичъ, т. LXXXVIII,

436, 447, 856, 867; т. LXXXIX, 47, 57, 58, 63, 383, 388, 398.

Николай Константинович, вел. кн., т. LXXXVIII, 45.

Николай Николаевич, вел. князь, т. LXXXVIII, 45, 452, 862, 864, 868, 871, 872; т. LXXXIX, 45, 56, 57, 152.

Никольскіе:

— А., *Библ. замѣтка его*: Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его въ Польшѣ. 2-й т. Прилож. къ историческому наслѣдованію, книга вторая, Дм. Цвѣтава. Варшава. 1902, т. LXXXVII, 693—696.

— Н. К., археологъ, т. LXXXVIII, 789, 1155.

Никоновъ, Мих. Ник., обществ. дѣят., *Некрологъ его*: т. XC, 826.

Никонъ, патриархъ, *О немъ въ статьѣ В. Н. Строева*: Боярыня Морозова, т. XC, 159—174.

Никонъ, новг. митропол., т. LXXXIX, 782, 783, 793.

Никитинъ, Ив. Ак., правитель канц. вилен. ген.-губернатора, т. LXXXIX, 756, 757.

Ниродъ, гр. А. Ѳ., рожд. Трепова, т. LXXXIX, 731.

Н—ій, А., *Библ. замѣтки его*: 1) Чичеринъ. Исторія политическихъ ученій. Часть 5. М. 1902, т. XC, 743—745.— 2) Аванасьевъ. Мирабо. Публичныя лекціи. Одесса. 1902, т. XC, 761—762.

Н. Н. *Библ. замѣтки его*: 1) Профессоръ Евгеній Бобровъ. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Т. III. Казань. 1902, т. LXXXVIII, 719—723.— 2) А. И. Успенскій. Придворный дневникъ за январь—августъ 1657 года. Спб. 1901, т. XC, 338—339.

Новацкій, Ив. Ник., профессоръ моск. унив. *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 660—661.

Новиковы:

— Ник. Ив., издатель журналовъ т. LXXXIX, 560, 798, 800, 805, 811, 816.

— Пав. Михеев., педагогъ-математики, *Некрологъ его*: т. XC, 827.

Новино, А., *Библ. замѣтка его*: «Литературное дѣло». Сборникъ. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 1086—1088.

Новосильскій, завѣдующій хозяйств. упр. св. синода, т. LXXXIX, 464.

Новосильцевъ, полковн., т. LXXXIX, 953.

Норбековъ, врачъ, т. LXXXIX, 714.

Нордбергъ, шведскій историкъ, т. LXXXVII, 62, 63, 74.

Нордъ, Егоръ Егор., офицеръ, т. XC, 901, 902, 903.

Норовъ, Авр. Серг., министръ нар. просв., т. XC, 139, 140, 144, 587.

Носовъ, авторъ «Хроники русск. театра», т. LXXXIX, 560.

Нострадамусъ, Мишель, франц. предсказатель будущаго. *Замѣтка о немъ*: Нострадамусъ и его предсказанія, т. XC, 1185—1187.

Нотвичъ, Осип. Конст., писатель, т. XC, 518.

Нофаль, Ирин. Георг., драгоманъ и переводчикъ мн. ин. д. *Некрологъ его*: т. XC, 827.

Н. П. *Библ. замѣтки его*: 1) Ш. Сень-обосъ. Историческій методъ въ примѣненіи къ социальнымъ наукамъ. Перев. съ французскаго. М. 1902, т. XC, 763—764.— 2) Рассказы и стихотворенія изъ русской исторіи. Историческая хрестоматія для младшихъ класс. средн. учебн. заведеній. Сост. К. Елпатьевскій. Спб. 1902 г. и 3) Геннадій Френевъ. «Пчела». Сборникъ образцовыхъ произведеній русской словесности. (Для старш. клас. средне-учебн. завед.), Вып. I. Спб. 1901, т. XC, 768—770.

Н. С. *Библ. замѣтка его*: Тардъ. Соціальная логика. Переведъ съ франц. М. Пейтлинъ. Спб. 1901, т. LXXXVII, 338—339.

Нѣмцевичъ, Юл., польск. писатель, *О немъ въ замѣткѣ*: Вашингтонъ и Нѣмцевичъ, т. LXXXVII, 1155—1159.

Оболенскіе:

— Дм., артистъ, т. LXXXVIII, 154.

— кн. Дм. А-др., ст.-секретарь, т. XC, 578, 579, 586, 587.

— Леон. Егор., писатель. *Статьи его*: Литературныя воспоминанія и характеристики, т. LXXXVII, 106—139, 487—508, 882—907; т. LXXXVIII, 77—97.

— Родіонъ, артистъ, т. LXXXVIII, 154.

— кн. Сергѣй Серг., шт.-ротмистръ Елисаѵ. гусар. полка. *О немъ въ статьѣ А. В. Безроднаго*: В. К. Кюхельбекеръ и А. С. Грибоѵдовъ, т. LXXXVIII, 596—600.

— декабристъ, т. LXXXVII, 250, 251.

Овсянко-Куликовскій, Д. Н., профессоръ харьк. унив., т. LXXXVIII, 268, 270, 279.

О-въ, А. *Библ. замѣтка его*: П. Головачевъ. Сибирь. Природа, люди, жизнь. Изд. Ю. П. Базановой. Москва. 1902, т. LXXXIX, 1005—1009.

Оглоблинъ, Н. Н. *Статья его*: На рѣкѣ Ветлугѣ, т. XC, 175—208.

Огрызко, Иосафатъ, революціонеръ, т. LXXXVIII, 196.

Одоевскіе:

— кн. Вл. Фед., писатель, т. LXXXVII, 453; т. LXXXIX, 955.

— ен. Ник. Ив., бояринъ, т. LXXXIX, 791, 801.

— кн. Ян. Никит., т. LXXXIX, 795.

Оларъ, А. Библ. замѣтка А-ва о книгѣ его: Политическая исторія французской революціи. Москва. 1902, т. LXXXVII, 1129—1131.

Олендзскій, профессоръ мед.-хир. акад., т. LXXXVII, 926.

Ольга Константиновна, вел. княжна, т. LXXXIX, 56, 62.

Ольга Николаевна, королева виртембергская, т. LXXXVII, 46, 841; т. LXXXVIII, 43, 46, 50, 52, 439, 440, 876; т. LXXXIX, 57, 151; т. XC, 905.

Ольденбургскіе:

— принцъ Петръ Георгіевичъ, т. LXXXVIII, 42; т. LXXXIX, 56, 63, 712.

— принцесса Тереза, т. LXXXVIII, 46.

Омаль, секретарь г. Ментенонъ, Замѣтка о ней: Маркизь Ментенонъ и г-жа Омаль, т. XC, 786—795.

Оичуковъ, Н. Е., членъ геогр. общ. Библ. замѣтка Г. С. о книгѣ его: По Чердышскому уѣзду. 1901. т. LXXXVII, 1147—1148. Упомян.: т. LXXXVII, 776—778.

Омъ, Ф. А., авторъ записокъ, т. LXXXIX, 58.

Опоцкій, Дм. Алекс., протоіерей. Некрологъ его: т. LXXXVII, 796.

Опочининъ, Е. Н. Библ. замѣтка М. П-аго о книгѣ его: Очерки старо-рускаго быта. Москва. 1902. т. LXXXVII, 1148.

Орачевскій, Феликсъ, посолъ Рѣчи Посполитой, т. LXXXVII, 732, 733.

Орда, Л. Библ. замѣтка И. Ю. о книгѣ его: Крестовоздвиженская братская церковь въ г. Луцкѣ. Луцкѣ. 1902, т. LXXXIX, 1011.

Ордынь-Нащокинъ, Аван. Лавр., дипломатъ, т. LXXXIX, 783, 784, 785, 786, 787, 791, 793.

Оржельскій, Свентославъ, раздѣв. староста, т. XC, 686.

Орлай, Ив. Сем., директоръ нѣжин. гимн., т. LXXXVII, 515, 516, 517, 524, 525, 535, 662.

Орлицкій, С. С. Статья его: Уголокъ возстанія 1863 года, т. XC, 42—74, 425—458.

Орловскій, Ив. Статья его: Дьячокъ партизанъ, т. XC, 259. *Замѣтка его:* О царидѣ Агафѣ Грушецкой, т. XC, 397—398.

Орловы:

— Ив. Яков., писатель. *Некрологъ его:* т. LXXXIX, 1039—1040.

— Мих. Фед., декабристъ, т. LXXXVII, 245, 246, 247.

— Н. А. *Библ. замѣтка Л. о книгѣ его:* Суворовъ, какъ представитель славянства. Спб. 1901, т. LXXXVII, 1127—1128.

— гр., т. LXXXIX, 236, 237, 844; т. XC, 887—890.

Орловъ-Давыдовъ, гр., т. LXXXVII, 235.

Орлова-Денисова, гр., т. LXXXVIII, 445.

Орловы-Чесменскіе:

— гр. А-ій Григ., т. XC, 832.

— гр. Евд. Ник., рож. Лопухина, т. XC, 832.

Останковичъ, Н. Н. Статья его: Поѣздка въ Могилевскую губ., т. XC, 1067—1090.

Остерманъ-Толстой, т. LXXXVII, 230.

Островскіе:

— А-дръ Ник., писатель, т. XC, 481, 483, 484, 486, 499, 500, 501, 507, 509.

— Мих. Ник., министръ госуд. имущ., т. XC, 481.

Острогорскій, Викт. Петр., писатель. Статья о немъ Б. Б. Глинскаго: В. П. Острогорскій, т. LXXXVIII, 996—1029.

Некрологъ его: т. LXXXVIII, 806—808.

Остроумовъ, М. М., археологъ, т. XC, 373.

II.

П. А. Библ. замѣтки его: 1) «Подъ знаменемъ науки». Юбилейный сборникъ въ честь Ник. Ил. Стороженко, изданный его учениками и почитателями. Москва, 1902, т. LXXXVII, 696—699.—Феликсъ Роканъ. Движеніе общественной мысли во Франціи въ XVIII вѣкѣ. Спб. 1902, т. LXXXVII, 1131—1133.

Павгинскій, Эр., сотрудникъ «Дон. Рѣчи», т. LXXXVII, 257, 259.

Павель Александровичъ, великій князь, т. LXXXIX, 708, 709, 712.

Павель Петровичъ, императоръ, т. LXXXVII, 1012; т. LXXXVIII, 663; т. LXXXIX, 75, 125, 832, 860, 861, 862; т. XC, 112, 565, 890, 898, 899, 900, 901.

Павель, архидіаконъ, т. LXXXVII, 1005—1006.

Павель, крутицкій митрополитъ, т. XC, 169.

Павель (Саботовскій), харьк. епископъ, т. LXXXIX, 416, 417.

- Павленковы:**
— Л. Н. *Статья его:* Николай Михайлович Лисовский (Къ 30-лѣтню его дѣятельности), т. ХС, 1117—1128.
— Флор. Оед., книгоиздатель, т. LXXXIX, 852.
- Павловичъ, О. А.,** протоіерей, т. LXXXIX, 703, 722.
- Павловы:**
— А. С. *Библ. замѣтка Е. о книгѣ его:* Курсь церковнаго права. Спб. 1902, т. ХС, 740—743.
— В. И., т. LXXXIX, 776.
— К. С., преподаватель нѣжинской гимн., т. LXXXVII, 536.
- Павскій, Герас. Петр.,** протоіерей, богословъ, т. LXXXIX, 456, 457.
- Павъ, Як. Павл.,** т. LXXXIX, 418.
- Падалка, К. Л.,** археологъ, т. ХС, 371, 374.
- Падлевскій, Сигизмундъ,** революціонеръ, т. LXXXVIII, 190—194, 196, 202, 203.
- Пайсъ, Гекторъ,** профессоръ неаполитан. унив., т. LXXXVII, 754.
- Палопеженцовъ, Ник. Ив.,** журналистъ. *Некрологъ его:* т. ХС, 827—828.
- Пальмъ, А. И.,** писатель, т. LXXXVII, 893, 894.
- Панаевъ, И. И.,** писатель, т. ХС, 140.
- Панингъ, гр., Викт. Никит.,** министр юстиціи, т. ХС, 140, 142, 144, 145, 588.
- Пановскій, сотрудникъ «Моск. Вѣд.»,** т. ХС, 481.
- Пановъ, А—дръ Ив.,** т. LXXXIX, 418.
- Папковъ, А. Библ. замѣтка С. о книгѣ его:** Церковно-общественные вопросы въ эпоху Царя-Освободителя (1859—1870 гг.). Спб. 1902, т. LXXXVIII, 713—719.
- Парняковъ, протоіерей, т. LXXXIX, 466, 467.**
- Партево, франц. ген., т. LXXXVII, 240.**
- Парсоней, епископъ, т. LXXXVIII, 258, 259.**
- Паскевичъ, Ив. Оед., кн. Варшавскій, гр. Эриванскій, ген.-фельдмаршалъ, т. LXXXVIII, 597 599; т. LXXXIX, 243.**
- Пастернацкій, Оед. Игн.,** профессоръ военно-медич. акад. *Некрологъ его:* т. LXXXIX, 1040.
- Пастуховъ, Вас., офицеръ, т. LXXXIX, 797, 810.**
- Паткуль:**
— А—дръ Вл., членъ воен. совѣта. *О немъ въ «Воспоминаніяхъ» М. А. Паткуль,* т. LXXXVII, 31—55, 441—469, 836—854; т. LXXXVIII, 39—56, 436—453, 851—879; т. LXXXIX, 38—66, 375—403, 700—736.
- Вл. А—др. *О немъ въ «Воспоминаніяхъ» М. А. Паткуль:* т. LXXXVII, 31—55, 441—469, 836—854; т. LXXXVIII, 39—56, 436—453, 851—879; т. LXXXIX, 38—66, 375—403, 700—736.
- Марія А—др., рожд. маркиза Траверсе. *Воспоминанія ея:* т. LXXXVII, 31—55, 441—469, 836—854; т. LXXXVIII, 39—56, 436—453, 851—879; т. LXXXIX, 38—66, 375—403, 700—736.
- Марія Григ., рожд. Беклепова, супр. Серг. А—др. II, т. LXXXIX, 722.
- Рейнгольдъ, т. LXXXIX, 719, 720.
- Сергѣй А—др. *«О немъ въ Воспоминаніяхъ» М. А. Паткуль:* т. LXXXVII, 31—55, 441—469, 836—854; т. LXXXVIII, 39—56, 436—453, 851—879; т. LXXXIX, 38—66, 375—403, 700—736.
- Юлія Ник., рожд. Варакина, супр. Вл. А—др. П., т. LXXXIX, 717, 718.
- Пашкевичъ, Зах. Ив., т. XXXIX, 418.**
- Пашкова, М. Т., т. LXXXIX, 66.**
- Пащенко, Конст. Ив.,** псков. губернаторъ. *Некрологъ его:* т. LXXXIX, 1041.
- Передовщиковъ, откупщикъ. О немъ въ статьѣ П. П. Басмина:** Изъ прошлаго Сибири, т. ХС, 532—574.
- Перетцъ, Вас. Ник.,** прив.-доцентъ спб. унив. *Библ. замѣтка П. Ш. о книгѣ его:* Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Спб. 1902, т. LXXXIX, 261—262.—*Упомин.:* т. LXXXVII, 1185; т. LXXXVIII, 252, 792.
- Перовскій, гр., Вас. Алек., ген., т. LXXXIX, 952.**
- Песковскій, т. LXXXVIII, 574.**
- Пестель:**
— Ив. Бор., сибир. ген.-губернаторъ. *О немъ въ статьѣ П. П. Басмина:* Изъ прошлаго Сибири, т. ХС, 532—574.
— Пав. Ив., декабристъ, т. LXXXVII, 245, 248, 249, 250.
- Петровы:**
— А. В., составитель кн. «Городъ Нарва» (1901), т. ХС, 814.
— К. *Библ. замѣтка его:* Исторія челоуѣчества. Всемирная исторія. I-й т. подъ общей редак. Ганса Гельмольта. Спб. 1902, т. LXXXVII, 333—335.
— Ник. Ив., профессоръ кiev. дух. акад., т. LXXXVII, 393; т. ХС, 376.
- Петрунигъ, Григ. Никит.,** колл. секр., т. LXXXIX, 418.
- Петръ I Алексѣевичъ, императоръ, О немъ въ статьяхъ:** 1) *Н. А. Бьлззерской:* Происхождение Екатерины Первой, т. LXXXVII, 56—90; 2) *И. Г. Иноземцева:* Живые министры, т. LXXXIX, 158—164. *Замѣтки о немъ:* 1) Домъ Петра В. въ Ригѣ, т. LXXXVIII, 789. 2) Памятникъ пребыванія Петра В. въ Лондонѣ, т. LXXXIX, 647—648.3) Домикъ

- Петра В. въ Галсалѣ, т. LXXXIX, 648—649.— *Упомян.* т. LXXXVII, 1181, 1182; т. LXXXIX, 198, 453, 555, 629, 631, 720, 780, 796, 799, 814, 816, 817, 831, 832; т. XC, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 252, 635, 637, 638, 639.
- Петръ III Теодоровичъ**, императоръ, т. LXXXIX, 742; т. XC, 886, 887, 896.
- Петръ**, (П. Л. Лосевъ), перм. и соликамск. епископъ. *Некрологъ его*: т. LXXXVIII, 808.
- Печенкинъ**, Н. М., археологъ, т. LXXXVIII, 371.
- Пещуровъ**, А., капитанъ, т. XC, 717.
- П. Ж. Библ. замѣтка его**: Н. Е. (Н. Е. Кудринъ). Очерки современной Франціи. Спб. 1902, т. LXXXIX, 614.
- Пире**, гр., франц. генераль, т. XC, 903, 904.
- Пироговы**:
— А-дра Ант., благотворительница. *Некрологъ ея*: с. LXXXIX, 661.
— Ник. Ив., ученый. *О немъ въ статьѣ Ю. Г. Малиса*: Пироговъ и Будгаринъ. (Страница изъ біографіи Н. И. Пирогова), т. LXXXVII, 923—950.— *Упомян.*: т. LXXXVIII, 448, 449; т. LXXXIX, 470, 471.
- Пирлингъ**, П. *Библ. замѣтка М. П.—аго о книгѣ его*: Изъ смутнаго времени. Статьи и замѣтки. Спб. 1902, т. LXXXVII, 360—361.
- Писаревскій**, Б. Е. *Библ. замѣтка А. Догановичъ о книгѣ его*: «Горошки». Одесса. 1902, т. XC, 765—766.
- Писаревы**:
— В. И. *Библ. замѣтка Т. о переводѣ ея книгъ: Де-ла Грассери*. Психологія религіи, т. LXXXVIII, 332.
— Дм. Ив., писатель, т. LXXXIX, 852; т. XC, 593—596.
— Мод. Ив., драмат. актеръ, т. LXXXIX, 565.
- Писемскій**, А-ѣй Теоф., писатель, т. XC, 137, 145, 488, 501.
- Питиримъ**, патриархъ, т. XC, 169, 170.
- Питиримъ**, тамбов. епископъ, т. XC, 629, 630.
- Пишегрю**. *Замѣтка о немъ*: Пишегрю и заговоры роялистовъ, т. LXXXVII, 734—736.
- П.—й**, М. *Библ. замѣтка его*: 1) П. Пирлингъ. Изъ смутнаго времени. Статьи и замѣтки. Спб. 1902, т. LXXXVII, 360—361. 2) Е. Н. Опочининъ. Очерки старорусскаго быта. Вып. I. Боярскій домъ въ XVII столѣтіи. Опальный воевода. М. 1902, т. LXXXVII, 1148. 3) Труды Я. К. Грота. IV. Изъ русской исторіи. Исслѣдованія, очерки, критическія замѣтки и матеріалы. (1849—1890). Изданы подъ редак. профессора Н. Я. Грота. Спб. 1901, т. LXXXVII, 1116—1119. 4) Крестьянинъ-писатель начала XVIII в. П. Т. Посошковъ. Его жизнь и дѣятельность. Истор. очеркъ И. С. Вѣляева. Изд. общества ревнителей русскаго историч. просвѣщенія въ память имп. Александра III. М. 1902, т. LXXXIX, 266—267. 5) Разказы изъ русской исторіи, составленные комиссіей преподающихъ исторію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Тифлиса. Тифлисъ. 1902, т. LXXXIX, 286—287. 6) Исторія г. Москвы. Сочиненіе Ив. Забѣлина, написанное по порученію Москв. город. думы. Ч. I. Москва. 1902, т. LXXXIX, 603—605. 7) Матеріалы военно-ученаго архива. Картографическіе матеріалы. Вып. I. Карта Россіи 1614 г.: 1) Гесселя Герарда и 2) П. Дейриарда. Исслѣдованіе А. Данилевскаго. Спб. 1901, т. LXXXIX, 615. 8) Духовныя и договорныя грамоты московскихъ князей, какъ историко-географическій источникъ. II. Исслѣдованія В. Н. Доболевскаго. Спб. 1902, т. LXXXIX, 621.
- П.—ій**, Н. *Статья его*: Чешскій писатель и русскій министръ, т. LXXXVIII, 172—178.
- П. К. Библ. замѣтка его**: Н. Карѣвъ. Исторія Западной Европы въ новое время. Томъ IV. Изд. 2-е. Спб. 1901, т. LXXXVII, 702—703.
- П. Л. Библ. замѣтка его**: Б. Л. Тагѣвъ (Рустамъ Бекъ). «На Востокѣ». Очерки и разказы ихъ жизни на дальнихъ окраинахъ Азіи. Варшава. 1902, т. XC, 322—323.
- Платовы**:
— Иванъ, казакъ, т. LXXXIX, 877.
— Матѣй Ив., донской атаманъ, т. LXXXIX, 883.
- Платоновъ**, Сергѣй Оед., профессоръ спб. унив., т. XC, 377.
- Плетневъ**, Петръ А-др., писатель, т. LXXXVII, 32, 453, 455, 456, 583, 584, 629; т. LXXXVIII, 48, 146—168; т. LXXXIX, 858; т. XC, 138.
- Плещевы**:
— А-ѣй Ник., поэтъ, т. LXXXVIII, 121—125, 135, 497, 892—894; т. XC, 512.
— Леонтій, судья земск. приказа, т. LXXXIX, 782.
- Площанскій**, Вен. Мих., редакторъ газ. «Слово». *Некрологъ его*: т. LXXXVII, 1206.
- П.—нъ**, В. *Библ. замѣтки его*: 1) Историческій очеркъ развитія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи съ ихъ основанія до 1897 года включительно, подъ ред. инж. тайнаго совѣтника В. М. Верховскаго. Спб. 1901, т. LXXXVII, 1112—1116. 2) Измаилъ и его военно-историческіе

- памятники. Составил генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Галкинъ. Одесса. 1902, т. LXXXVIII, 1101—1102.
- 3) Къ столѣтню комитета министровъ (1802—1902). Наша желѣзнодорожная политика. По документамъ архива комитета министровъ. Историч. очеркъ, состав. начальн. отдѣленія канцеляріи комит. министр. Н. А. Кислинскимъ, подъ главной ред. статсъ-секретаря Куломзина. Тома I—II. Спб. 1902, т. LXXXIX, 273—274.
- Поборскій**, Ив. Лавр., бѣлорусск. шляхтичъ, т. LXXXIX, 798, 800, 805.
- Побѣдоносцевъ**, Конст. Пстр., оберъ-прокуроръ св. Синода, т. LXXXVIII, 577; т. XC, 939.
- Погодины:**
— А. *Библ. замѣтка В. Гр—скаго о книгѣ его*: Виленскій учебный округъ 1803—1831 г. Спб. 1901, т. LXXXIX, 289—290.
— А-дръ Льв., прив.-доцентъ спб. унив., т. LXXXVII, 395; т. LXXXVIII, 370.
— Мих. Петр., историкъ, т. LXXXVII, 312, 313, 590, 601—603, 643, 645—648, 746; т. LXXXVIII, 154, 397—398; т. XC, 133, 141.
- Погорѣльскій**, членъ ком. (1863) по пересмотру цѣнъ устава, т. XC, 536.
- Поджіо**, декабристъ, т. LXXXVII, 246.
- Поздняковъ**, Н. И., писатель, т. LXXXVIII, 1018.
- Поздѣевъ**, Мих., донской старшина, т. LXXXIX, 876.
- Познанскій**, Б. С., археологъ, т. LXXXVII, 759.
- Покровскіе:**
— А. М., археологъ, т. LXXXVII, 760, 761, 763, 1182.
— Ник. Вас., директоръ спб. археолог. инст., т. LXXXVII, 1187; т. XC, 371.
- Покрышкинъ**, П. П., археологъ, т. LXXXVII, 395.
- Полевые:**
— Ник. Алекс., писатель, т. LXXXVII, 565.
— Петръ Ник., писатель. *Статья его*: Гоголь, т. LXXXVII, 583—595.— *Некрологъ его*, т. LXXXVII, 1030—1034.
- Поливановъ**, В. Н., археологъ, т. XC, 369, 370, 371.
- Поливановъ**, устюжск. воевода, т. LXXXIX, 943.
- Половцовы:**
— А. А., предсѣдатель русск. истор. общ., т. LXXXVIII, 360—365. *Библ. замѣтка С. III. обь изд. подъ его ред. книгъ: «Русско-биографическій словарь»*. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 296—298.
— А. В., т. LXXXVIII, 1157; т. LXXXIX, 330.
- Полоинскій**, Як. Петр., поэтъ, т. LXXXIX, 157.
- Полферовъ**, Я. *Библ. зам. А. До—ичъ о книгѣ его*: По Сибирской дорогѣ. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 740.
- Помяловскіе:**
— М. *Библ. замѣтка его*: П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Часть III. Націонализмъ и общественное мнѣніе. Вып. I. Спб. 1901, т. LXXXVII, 688—691.
— Ник. Герас., писатель, т. XC, 595.
- Пономаревъ**, А. И., профессоръ спб. дух. акад., т. LXXXVIII, 253.
- Понятовскій**, Юсифъ, польск. король, т. LXXXVII, 234, 235.
- Поповы:**
— А. Н., историкъ, т. LXXXIX, 796.
— М. А., профессоръ, т. LXXXVII, 762.
— Петръ Петр., шт.-капитанъ, т. LXXXIX, 418.
— Х. В., археологъ, т. XC, 370, 371.
- Португаловъ**, Вен. Ос., писатель, т. LXXXVII, 890, 891; т. LXXXIX, 563—566.
- Посадовскій**, гр., т. LXXXVII, 1102.
- Потапенко**, Игн. Ник., писатель. *Статья его*: Въ чемъ сила, т. LXXXVII, 91—104.
- Потаповы:**
— А. Н., ген., т. LXXXVIII, 599.
— А-дръ Льв., донской атаманъ, т. LXXXIX, 878.
— оберъ-комендантъ Черкаска, т. LXXXIX, 878.
- Потебня**, А-дръ Ае., этнографъ, т. LXXXVII, 765, 766; т. LXXXVIII, 781, 783.
- Потемкинъ**, т. LXXXVII, 1067—1069, 1071—1077; т. LXXXIX, 859.
- Потоцкіе**, т. LXXXIX, 199.
- Потѣхинъ**, Ал-ѣй Ант., писатель, т. LXXXVII, 746—749.
- Починскій**, Ник. Сем., военный инженеръ. *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 1041—1042.
- Пржездзецкій**, гр., Ал-дръ, т. LXXXVII, 1043.
- Пржиборовскій**, В., редакторъ газ. «Chwila», т. LXXXVII, 1035.
- Приклонскій**, писатель, т. LXXXVII, 899.
- Прозоркевичъ**, Маркъ Герас., т. LXXXIX, 418.
- Прозоровскій**, кн. А. А., курскій генералъ-губернаторъ, т. LXXXIX, 938.
- Прокопѣвъ**, К. П., священникъ, археологъ, т. XC, 1198, 1199.
- Прокоповичъ**, П. Я., т. LXXXVII, 510, 538, 642, 643, 645.

- Протасовъ**, гр. Н. А., оберъ-прокуроръ св. синода, т. LXXXIX, 459, 462, 463, 464, 465.
- Пругавицъ**, А-дръ Степ., писатель, т. LXXXVIII, 561, 589.
- П—скій. Библ. замѣтка его:** Историческое описаніе одежды и вооруженія російскихъ войскъ, составленное по высочайшему повелѣнію А. Висковатовымъ въ 1862 году, перенздаваемое въ настоящее время техническимъ комитетомъ главнаго интендантскаго управленія. Спб. 1901, т. LXXXVII, 323—328.
- Пташицкій**, С. А., профессоръ спб. уннв., т. LXXXVIII, 784; т. XC, 1196.
- Пугачевъ**, Емельянъ, т. LXXXIX, 725, 726, 879, 882.
- Пузыревскіе:**
— Н. И., членъ географ. общ., т. LXXXVII, 391.
— Н. П., т. LXXXVII, 784.
- Пуликовскій**, А-дръ Осип., педагогъ, писатель. *Некрологъ его:* т. LXXXVII, 410.
- Пунышева**, А. Ѳ., т. LXXXVII, 750.
- Путятинъ**, кн. П. А., археологъ, т. LXXXVII, 395, 1182; т. LXXXVIII, 370, 783; т. LXXXIX, 325; т. XC, 1196.
- Путятю**, Фил. Конст., т. LXXXIX, 418.
- Пуцковичъ**, В. Ѳ. *Статья его:* Изъ историческаго прошлаго въ женскомъ вопросѣ, т. LXXXVII, 1090—1107.
- Пушкины:**
— А-дръ Серг., поэтъ. *О немъ: въ статьѣ А. В. Сандро:* Античный предокъ Евгени (Онѣгина, т. XC, 991—1002; *въ замѣткѣ:* Псковскій пушкинскій комитетъ, т. LXXXIX, 331. *Упомят.:* т. LXXXVII, 312—314, 548, 551, 553, 579, 584, 586—589, 605, 629, 682, 683, 893, 894, 936; т. LXXXVIII, 130, 142, 250, 276; т. LXXXIX, 759; т. XC, 585.
— Левъ Серг., братъ поэта, т. LXXXVII, 682, 684.
— гр., рожд. Шернваль, т. LXXXVII, 452, 453, 464, 467.
- Пчельниковъ**, С., *Библ. замѣтка его:* Отчетъ Императорской публичной библіотеки за 1898 г. Спб. 1902, т. XC, 1145—1148.
- П. Ш. Библ. замѣтки его:** 1) В. В. Сиповскій. Пушкинская юбилейная литература (1899—1900 гг.). Критико-библиографическій обзоръ. Спб. 1901, т. LXXXVII, 714—717. 2) Манделштамъ. О характерѣ гоголевскаго стиля. Глава изъ исторіи русскаго литературнаго языка. Гельсингфорсъ. 1902, т. LXXXVIII, 306—308. 3) Н. В. Гоголь въ русской поэзіи. Сборникъ стихотвореній. Сост. В. В. Каллашъ. Изд. товарищества И. Д. Сытина. М. 1902, т. LXXXVIII, 310—311. 4) Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя. Хронологическій сборникъ критико-библиографическихъ статей. Часть 3-я. Собралъ В. Зелинскій. Изд. 2-е. М. 1902, т. LXXXVIII, 324—325. 5) М. Бородинъ. (Славянофильство Тютчева и Герцена. (Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Спб. славянскаго благотворительнаго общества 11-го мая 1901 г.). Спб. 1902, т. LXXXVIII, 725—727. 6) Гоголевскій сборникъ, изд. состоящей при историко-филологическомъ институтѣ кн. Безбородка Гоголевской комиссіей подъ ред. проф. М. Н. Сперанскаго. Кіевъ, 1902, т. LXXXVIII, 1071—1073. 7) В. А. Гиляровскій. На родинѣ Гоголя. (Изъ повѣдки по Украинѣ). М. 1902, — А. Тарасенковъ. Последніе дни жизни Гоголя. Записки его современника. Изд. 2-е, дополн. по рукописи. М. 1902, т. LXXXVIII, 1081—1082. 8) Замотинъ, И. И. Преданіе о Вадимѣ Новгородскомъ въ русской литературѣ. Отискъ изъ «Филологическихъ Записокъ». Воронежъ, 1902, т. LXXXVIII, 1092—1094. 9) В. Н. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. III. Спб. 1902, т. LXXXIX, 261—262. 10) Профессоръ Евгений Бобровъ. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в. Матеріалы, изслѣдованія, замѣткн. Т. I—III. Казань. 1901—1902. т. LXXXIX, 269—272. 11) Аркадія Чороковъ, личный секретарь Ѳ. В. Чижова. Федоръ Васильевичъ Чижовъ и его связи съ Н. В. Гоголемъ. Біографическій очеркъ по поводу 25-й годовщины его смерти, съ портр. М. 1902, т. LXXXIX, 279—280. 12) А. Рождественъ. Жизнь и поэзія Никитина. Казань. 1902, т. LXXXIX, 288—289. 13) Владиміръ Бобровъ. Исторія изученія Святославова сборника 1076 года. Библиогр. обзоръ. Казань. 1902, т. LXXXIX, 294—295. 14) Н. К. Козьминъ. Изъ исторіи русской литературы тридцатыхъ годовъ (Н. А. Полевой и А. И. Герценъ). Спб. 1902, т. LXXXIX, 609—610. 15) Мезіеръ, А. В. Русская словесность съ XI по XIX ст. включительно. Библиогр. указ. произведеній русской словесности. Въ связи съ исторіей литературы и критикой. Съ предисловіемъ Н. Н. Рубакина Спб. 1902, т. LXXXIX, 1001—1004. 16) П. Ѳ. Николаевъ. Вопросы жизни въ современной литературѣ. М. 1902, т. XC, 324—326. 17) Н. Н. Страховъ. Критическія статьи (1861—1894). Т. 2-й. Изд. И. П. Матченко. Кіевъ, 1902, т. XC,

750—751. 18) Профессоръ А. П. Незеленовъ. Собраніе сочиненій въ шести томахъ. Т. I. А. С. Пушкинъ въ его поэзіи (1799—1826). Т. III. А. Н. Островскій въ его произведеніяхъ. Изд. книгопродавца Н. Г. Мартынова. (Спб. 1903, т. XC, 1170—1172. 19) В. Зелинскій. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изданія произведеній И. С. Тургенева. Вып. I. Изд. 4. М. 1902, т. XC, 1178.

Пышнявъ, А-дръ Ник., академикъ. *Статья о немъ А. К. Бороздина:* Полубковская научная работа, т. LXXVIII, 700—712. *Библ. заметка Щ. объ изд. подъ его ред. книгъ:* Сочиненія имп. Екатерины II, на основаніи подлинныхъ рукописей. (Спб. 1901 г., т. LXXXVIII, 724—725. *Упом.!* т. LXXXVII, 599; т. LXXXVIII, 244, 249, 250, 263, 280, 1003, 1005; т. LXXXIX, 852.

Пѣвцовъ, Мих. Вас., ген.-маіоръ. *Некрологъ его:* т. LXXXVIII, 394—395.

Пѣтуховы:

— Е. В., профессоръ юрьев. унив. *Библ. заметка А. Б. о книгѣ его:* Проповѣди Гавр. Бужинскаго (1717—1727), т. LXXXVII, 351—353. *Упом.* т. LXXXVIII, 274.

— Лог. Вас., Иркут. уѣздный стряпчій, т. XC, 545, 546, 547, 548, 573.

Р.

Рабе:

— Екатерина, жена Рейнгольда Р., т. LXXXVII, 70.

— Елис. (Морицъ), жена Юг. Р., т. LXXXVII, 63, 67, 68, 70, 71, 72, 82, 85.

— Юг., шведскій квартирмейстеръ, альфоб. полка, т. LXXXVII, 63, 64, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 74, 76, 85.

— Кастень, швед. учитель, т. LXXXVII, 68, 69, 74.

— Свенъ-Рейнгольдъ, т. LXXXVII, 63, 64, 68, 70.

Равенстенъ, Филиппъ, ген.-капитанъ франц. флота, т. LXXXVII, 366—368.

Рагулинъ, Оед. Прок., членъ сов. смолен. муниципалитета, т. LXXXIX, 496, 407, 418.

Радакова, Е. П., археологъ, т. XC, 370.

Радень, бар. Эдита, т. LXXXVII, 928.

Радищевъ, А-дръ Ник., писатель, т. LXXXVIII, 1046, 1047, 1050; т. LXXXIX, 832; т. XC, 1200.

Раевскій, Ник. Ник., т. LXXXVII, 247.

Разгильдеевъ, горный инженеръ, т. XC, 563.

Раздольскій, П. М. Статья его: Забытая старина изъ эпохи самозванщины, т. LXXXVII, 1003—1021.

Разсказовъ, А. А., драмат. артистъ, т. LXXXIX, 565.

Разцвѣтовъ, А-дръ Пав., членъ сов. мин. нар. проsv. *Некрологъ его:* т. LXXXVIII, 808—809.

Рамазановъ, Н., т. LXXXVII, 679.

Раслопчины:

— графъ, т. LXXXIX, 405, 864.

— графиня, т. LXXXVIII, 446.

Растрелли, Вар., гр., архитекторъ, т. LXXXVIII, 285.

Ратаци, Марія, франц. писательница. *Некрологъ ея:* т. LXXXVII, 1178.

Раунеръ, С. Ю., членъ геогр. общ., т. LXXXVIII, 797.

Рафаиль (Заборовскій), кiev. митрополитъ, т. LXXXVII, 668—672.

Рачинскій, Серг. А-др., педагогъ. *Некрологъ его:* т. LXXXVIII, 1163—1164.

Рашевскій, Ив. Оед., педагогъ, т. LXXXVII, 107, 118—120.

Рашель, франц. актриса, т. XC, 91, 92.

Рашеть, художникъ, т. LXXXVIII, 286.

Реа, Гортензія, франц. актриса. *Заметка о ней:* Воспоминанія французской актрисы Реа о смерти императора Александра II, т. LXXXVIII, 773—775.

Регень, В. Э. Библ. зам. Z объ изд. подъ его ред. журн.: «Византійскій Временникъ». Спб. 1901—1902, т. LXXXVII, 331—333; т. XC, 1144—1145.

Редингъ-Вибереггъ, Библ. заметка В. П. о книгѣ его: Походъ Суворова черезъ Швейцарію. Спб. 1902, т. LXXXIX, 294.

Резз, гр., секретарь франц. посольства въ Спб. *О немъ въ статьѣ В. Т.: Иностранцы о Россіи,* т. LXXXIX, 229—255.

Реймерсъ, т. LXXXIX, 559—560.

Рейнгардтъ, Н. В. Библ. заметка Щ. о книгѣ его: Н. К. Михайловскій и его труды. Казань. 1902, т. XC, 756—757.

Фонъ-Рейнгольдтъ, А-дръ А-др., писатель. *Некрологъ его:* т. LXXXIX, 341—342.

Рейнке, членъ смолен. муниципалитета, т. LXXXIX, 407.

Рейсъ, кн., нѣмец. посланникъ въ Петербургъ, т. LXXXIX, 247.

Рейтернъ, Мих. Христ., министръ финансовъ, т. XC, 937.

Реммертъ, Ад. Алекс., военно-медич. инспекторъ. *Некрологъ его:* т. LXXXIX, 1042.

Ремезовъ, Митр. Нил., писатель. *Некрологъ его:* т. LXXXVII, 410—411.

Ренанъ, Эрн., франц. мыслитель. *Заметка о письмахъ его:* т. XC, 348—353.

- Решнины:**
— кн. А. И., рижскій ген.-губерна-
торъ, т. LXXXVII, 57, 59, 84, 86, 87.
— кн., ген.-фельдмаршалъ, т. LXXXVII,
79.
- Рерихъ, Н. К.**, археологъ, т. LXXXVIII,
375.
- Рескинъ, Дж.** *Библ. замѣтка I. о
книжъ его:* Современные художники.
Общіе принципы и правда въ искус-
ствѣ. М. 1901, т. LXXXVII, 145.
- Реснеръ**, торнскій бургомистръ, т.
XC, 686, 690.
- Ржевскіе:**
— кап.-поручикъ, т. LXXXIX, 878.
— членъ ком. (1863 г.) по пересмотру
ценз. устава, т. XC, 536.
- Ржонцъ.** *О немъ въ статьѣ I. Ку-
чинскаго:* Исторія шести мѣсяцевъ (юль—
декабрь 1862 г.), т. LXXXVII, 1035—
1061.
- Римская-Борсакова**, т. LXXXIX, 52.
- Рихтеръ, А. А.**, директоръ деп. окл.
сборовъ, т. XC, 943.
- Рицони**, профессоръ живописи. *Нек-
рологъ его:* т. LXXXVIII, 809.
- Ровнискій, П.** *Библ. замѣтка А. Фа-
ресова о книжъ его:* Черногорія въ ея
прошломъ и настоящемъ. Спб. 1902,
т. LXXXIX, 276—278.
- Рогачевъ, Илья**, раскольникъ, т. XC,
548, 549, 550, 551, 573.
- Родиславскій, Вл. Ив.**, драмат. писа-
тель, т. XC, 498—501, 505, 512, 513.
- Родовичъ**, т. LXXXVII, 1037—1039,
1049, 1055.
- Родсъ, Сесиль.** *Некрологъ его:* т.
LXXXVIII, 775—777.
- Родъ, Албертъ.** *Библ. замѣтка III. о
книжъ его:* Гауптманъ и Нитцше. М.
1902, т. LXXXIX, 293.
- Рожанко, Флоръ Герас.**, тит. сов.,
т. LXXXIX, 418.
- Рождествинъ, А.** *Библ. замѣтка
II. III. о книжъ его:* Жизнь и поэзія
Никитина. Казань. 1902, т. LXXXIX,
288—289.
- Рожковъ, Н. А.**, авторъ соч. «Сель-
ское хозяйство моск. Руси въ XVI в.»,
т. XC, 812, 813.
- Розановы:**
— В. В., *Библ. замѣтка его:* Д. Ме-
режковскій. Любовь сильнѣе смерти.
Итальянская новелла XV вѣка. Книго-
над. «Скорпионъ», М. 1902, т. LXXXVII,
1138—1140. *Библ. замѣтка — дта о
книжъ его:* Легенда о великомъ инкви-
зиторѣ Ф. М. Достоевскаго. Спб. 1902,
т. LXXXVII, 703—705.
— В. Н., антропологъ, т. LXXXVIII,
1159—1160.
- Розень, Фрид. Фрид.**, профессоръ каз.
унив. *Некрологъ его:* т. LXXXVIII, 809—
810.
- Розень, швед.** подполковникъ, т.
т. LXXXVII, 61.
- Розенгеймъ, Мих. Павл.**, поэтъ, т.
XC, 145, 146, 147.
- Розенштейнъ, Наумъ Изр.**, писа-
тель. *Некрологъ его:* т. LXXXIX, 1042—
1043.
- Роканъ, Фел.** *Библ. замѣтка II. А. о
книжъ его:* Движеніе общественной мы-
сли во Франціи въ XVIII в. Спб. 1902,
т. LXXXVII, 1131—1133.
- Ролень-Жакманъ**, бельг. юристъ.
Некрологъ его: т. LXXXVIII, 1136.
- Ролндсонъ**, англ. историкъ. *Некро-
логъ его:* т. XC, 809.
- Романелли**, дръ, т. LXXXIX, 474—
475.
- Романовъ, Мих. Никит.**, бояринъ.
Замѣтка о немъ: Мѣсто заточенія бо-
ярина М. Н. Романова, т. LXXXIX,
328—329.
- Романченко, Ф. А.**, тайн. сов., т.
LXXXVIII, 922, 925.
- Ромодановскіе:**
— кн. Григ. Григ., т. LXXXIX, 784,
789, 790.
— кн. Фед. Юрьев, начальник Пре-
ображ. приказа, т. XC, 639.
- де-ла-Ронсьеръ, Шарль**, сотрудникъ
«Correspondant», т. LXXXVII, 365—
366.
- Ростворовскій, Адамъ**, т. LXXXIX,
199.
- Ростовцевъ, М. И.**, прив.-доцентъ
спб. унив., т. LXXXVIII, 783.
- Росцишевскій, Сигизмундъ**, револю-
ціонеръ, т. LXXXVIII, 190.
- Рожковъ, Ник. Венед.**, профессоръ
мед. акад. *Некрологъ его:* т. LXXXVII,
1206.
- Рошамбо, гр., франц.** маршалъ. *За-
мѣтка о памятникъ ему:* т. LXXXIX,
301—304.
- Ртищевъ, Мих. Алекс.**, постельничій
царя Алексѣя Мих., т. XC, 162, 163,
167.
- Руайе, Клемансъ**, франц. писатель-
ница. *Некрологъ ея:* т. LXXXVII, 1177—
1178.
- Рубинштейнъ, Ант. Григ.**, компози-
торъ, т. LXXXVII, 504—505.
- Рудаковъ, Вас. Егор.** *Статья его:* Пяти-
десятилѣтіе учено-литер. дѣятельности
П. И. Бартенева, т. LXXXVII, 311—320.
Библ. замѣтки его: 1) Лѣтопись за-
нятія археографической комиссіи за
1890—1899 годы. Вып. XII. Тоже за
1900 г. Вып. XIII. Спб. 1901, т. LXXXVII,
339—343. 2) Графъ Г. А. Милорадовичъ.

Родословная книга черниговскаго дворянства. Том. ІІІ. Спб. 1901, т. LXXXVIII, 298—301. 3) Н. П. Оглоблинъ. Обзорніе столбцовъ и книгъ сибирскаго приказа (1592—1768). Часть IV. М. 1901, т. LXXXVIII, 717—719. 4) В. К. Гульдманъ. Памятники старины въ Подоліи. Каменецъ-Подольскъ. 1901, т. LXXXVIII, 749—750. 5) Труды владимірскаго ученой архивной комисси. Кн. IV. Губерн. городъ Владиміръ. 1902, т. LXXXIX, 610—613. 6) Сочиненія Вас. Вас. Селиванова. Томъ I и II. Владиміръ на Клязьмѣ. 1902, т. LXXXIX, 616—618. 7) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа. Изд. управл. кавказск. учебн. округа. Вып. XXIX. Тифлисъ. 1901, т. LXXXIX, 997—999. 8) Д. К. Треневъ. Иконы царскаго изографа Симона Ушакова въ Москов. Новодѣв. монастырѣ. М. 1901, т. XC, 323—324. 9) Извѣстія императорской археологической комисси. Вып. I и II, съ приб. Спб. 1901—1902, т. XC, 754—756. 10) Труды ярославскаго областного съѣзда. Издвиненіемъ И. А. Вахрамѣева. М. 1902, т. XC, 1154—1156.

Руке, Клодь-Жозефъ, создатель марсельскы. *Замѣтка о памятникѣ ему:* т. LXXXIX, 637—639.

Румель, Вит. Влад., генеологъ. *Некрологъ его:* т. LXXXIX, 661—662.

Румянцевъ-Задунайскій, гр. Петръ А-др., генералъ-фельдмаршалъ. *Статья о немъ А. А. Тажкова:* Къ біографіи графа П. А. Румянцева - Задунайскаго, т. LXXXIX, 930—938. *Упоми.:* томъ LXXXVIII, 285, 286.

Рунебергъ, швед. поэтъ, т. LXXXVII, 456.

Рункевичъ, Степ. Григ., д-ръ церк. исторіи, т. LXXXIX, 860—864, 866—868.

Рупрехтъ, Карлъ, т. LXXXVIII, 185.

Руссо, Вальдекъ, франц. министр. *Замѣтка о немъ:* Вальдекъ Руссо, т. LXXXIX, 317—318.

Рутковскій, членъ смолен. муниципалитета, т. LXXXIX, 407.

Рыбаковъ, Ник. Хрис., трагикъ, т. XC, 482, 483, 506.

Рыкъ, Богданъ. *Статья его:* Красное озеро, т. LXXXIX, 437—444.

Рыль. *О немъ въ статьѣ I. Кучинскаго:* Исторія шести мѣсяцевъ (юль—декабрь 1862 г.), т. LXXXVII, 1035—1061.

Рылѣвъ, Кондр. Фед., поэтъ, декабристъ, т. LXXXVII, 250; т. LXXXVIII, 142; т. XC, 145.

Рябинниъ, П. Т., сказатель, т. LXXXVIII, 796, 797.

Рѣднѣ, Е. К., профессоръ харьков. унив., т. LXXXVII, 398, 758, 761, 763, 1188; т. LXXXVIII, 274, 367, 377, 781, 782, 1148; т. LXXXIX, 326, 327, 654; т. XC, 366, 376.

Рѣдкинъ, Петръ Григ., профессоръ спб. унив., т. LXXXVII, 549.

Рѣшимовъ, Мих. Арк., артистъ моск. Малаго театра, т. XC, 480, 491, 503, 509.

С.

С. Библ. замѣтки его: 1) А. Бѣгородскій. Кіевскій митрополитъ Героевъ Малицкій (1796—1799 г.). Кіевъ, 1901, т. LXXXVII, 347—348. 2) А. Папковъ. Церковно-общественные вопросы въ эпохуцаря освободителя (1855—1870 гг.). Спб. 1902, т. LXXXVIII, 713—717. 3) Русское дѣло въ сѣверо-западномъ краѣ. Матеріалы для исторіи виленскаго учебн. округа преимущественно въ муравьевскую эпоху. И. Корникова. Спб. 1901, т. LXXXVIII, 729—732. 4) Пресвященный Аркадій, архіепископъ олонецкій, какъ дѣятель противъ раскола. Сочиненіе іеромонаха Веніамина. Петрозаводскъ, 1901, т. LXXXIX, 999—1001.

— **С. Библ. замѣтки его:** 1) Византійскій Временникъ, издаваемый императорской академіей наукъ, подъ ред. В. Э. Роголя, т. VIII. Вып. I—II. Спб. 1901, т. LXXXVII, 331—333. 2) П. Лепорскій. Исторія ессадонискаго акархата до времени присоединенія его къ константинопольскому патриарху. Спб. 1901, т. LXXXVII, 355—357. 3) Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки епископа Порфирія Успенскаго, т. VII. Изд. Имп. акад. наукъ, подъ ред. П. А. Сырку. Спб. 1901 г., т. LXXXVII, 1008—1111. 4) Лѣтопись историко-филологическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ унив. IX. Византійско-славянское отдѣленіе (бывшее византійское). VI. Одесса, 1901, т. LXXXVIII, 745—747. 5) Профессоръ А. П. Лебеденъ. Историческіе очерки состоянія византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV в. Изд. И. М. 1902, т. LXXXIX, 257—261. 6) А. С. Павловъ. Курсъ церковнаго права. Посмертное изд. подъ ред. И. М. Громогласова. Спб. 1902, т. XC, 740—743. 7) Извѣстія русскаго археологическаго института въ Константинополѣ, т. VII. Вып. I—3. Софія, 1902, т. XC, 748—750. 8) «Византійскій Временникъ», изд. при Имп. акад. наукъ, подъ ред. В. Э. Роголя, т. VIII, вып. 3 и 4. Спб. 1902, т. XC, 1044—1145. 9) Профессоръ

Н. Суворовъ. Византійскій папа. Изъ истории церковно-государственныхъ отношеній въ Византін. М, 1902, т. XC, 1160—1162.

Сабанинъ, В. В., тов. председателя общ. дѣят. печ. дѣла, т. LXXXVII, 400, 772.

Сабуровъ, директоръ моск. театровъ, т. LXXXIX, 56; т. XC, 482, 783.

Савва, В. И., археологъ, т. XC, 373.

Савеловъ, Леон. Мих., генсологъ. *Библ. замѣтка В. Городецкаго о книгѣ его*: Донскіе дворянскіе роды. М. 1902, т. XC, 319—322.

Савиновъ, М. П., т. LXXXVII, 765, 766.

Савишъ, Иванъ, иконописецъ XVII в., т. XC, 633, 636, 640, 641, 644.

Савицкій, прапорщикъ астрах. гарн., т. LXXXIX, 939.

Садиловъ, Иванъ, стрѣлцкій голова, т. LXXXIX, 808—809.

Садовскіе:

— Провъ Мих., артистъ, т. XC, 480, 481, 484, 500, 506, 507, 508.

— Мих. Пров., артистъ, т. XC, 482, 506.

Сазоновъ, Н. Ѳ., артистъ, т. XC, 509.

Сакенъ, фельдмаршалъ, т. LXXXVII, 242.

Салтыковы:

— (Щедринъ), Мих. Евгр., писатель. *О немъ съ статью Н. М. М.*: М. Е. Салтыковъ въ Тулѣ. (Изъ воспоминавій сослуживца), т. LXXXVII, 158—180. *Упомин.*: т. LXXXVII, 135—137, 501, 889; т. LXXXVIII, 686, т. XC, 481, 593, 595.

— кн., Ник. Ив., фельдмаршалъ, т. LXXXIX, 415.

— княгиня, т. LXXXIX, 51.

Сальвини, Томазо, итал. трагикъ, т. LXXXVIII, 282; т. XC, 511.

Самаринны:

— Дм. Ѳед., писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXVII, 411.

— Юрій Ѳед., писатель, т. LXXXVIII, 153, 154; т. XC, 490.

Самарскій-Выходецъ, Вл. Вас., юристъ. *Некрологъ его*: LXXXVIII, 395.

Сампсоній, астрахан. митрополитъ, т. XC, 631, 632.

Самойловичи:

— Ник. Ив., публицистъ. *Некрологъ его*: т. XC, 828.

— гетманъ, т. LXXXIX, 787—790.

Самоковасовъ, Дм. Яков., профессоръ моск. унив., т. LXXXVIII, 1142; т. XC, 867, 377, 379.

Самилъ, (Степ. Выморковъ), монахъ, т. XC, 644.

де-Санглецъ, т. LXXXVII, 233, 234.

Сандро, А. В., *Статья его*: Античный предокъ Евгенія Овѣгина, т. XC, 991—1002.

Сандрыгаило, И. Я., писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXVIII, 810.

Санхо-Лешевичъ, Егоръ Мих., членъ смолен. муниципалитета, т. LXXXIX, 407, 418.

Сапѣга:

— Павелъ, гетманъ, т. LXXXIX, 197.

— П. И., т. LXXXVII, 59.

Сарду, Викторьенъ, франц. драматургъ, т. LXXXVIII, 284.

Сатунинь, К. А., зоологъ, т. LXXXVIII, 799, 800.

Сахаровы:

— Вл. Ник., прив.-доцентъ с.-пет. унив. *Некрологъ его*: т. LXXXVIII, 1207.

— Н. Н., діаконъ, т. LXXXVIII, 281.

Свирѣлинъ, А., протоіерей. *Замѣтка его*: О названіяхъ Переславскаго озера, т. LXXXIX, 343—344. — *Поправка къ этой замѣткѣ И. С. Бяляева*, т. LXXXIX, 1046—1048. — *Отъ тѣхъ на эту поправку*, XC, 399—400.

Свистуновъ, П. С., бѣлгород. губернаторъ, т. LXXXIX, 931, 932, 933, 935.

Сегюръ, гр. франц. посланникъ въ Россіи, т. LXXXVII, 1065, 1073, 1074, 1079, 1080, 1082.

Сеймуръ, Гамльтонъ, англ. посланникъ, т. LXXXIX, 230, 232.

Сейстъ, д-ръ, т. XC, 119, 120, 121, 128, 129, 131.

де-Сентъ-Обенъ, Луи. *Библ. зам. С. Ш. о книгѣ*: Тридцать девять портретовъ 1808—1815 г. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 723—724.

Селивановъ, Вас. Вас. *Библ. замѣтка В. Рудакова*: объ его «Сочиненіяхъ» (Владимиръ на Клязьмѣ. 1902), т. LXXXIX, 616—618.

Семяка, А. В. *Библ. зам. Ш. о книгѣ его*: «Русскіе розенкрейцеры и сочиненія императрицы Екатерины II противъ масонства. Спб. 1902, т. LXXXIX, 618—619.

Селянинновъ, Ел. Герас., т. LXXXIX, 418.

Семевскіе:

— Вас. Ив., историкъ. *Библ. зам. В. Строева о книгѣ его*: Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Спб. 1901, т. LXXXVII, 1119—1121.

— Мих. Ив., историкъ, т. LXXXVII, 567; т. LXXXIX, 55; т. XC, 1121.

Семеновичъ, В. Н. *Статья его*: Памяти А. А. Фета-Шевшина, т. XC, 525—531.

- Семеновы:**
 — А. А. *Статья его*: По границамъ Бухары и Афганистана, т. LXXXVII, 961—992; т. LXXXVIII, 98—122.
 — В. Ив., шт.-капитанъ, путешественникъ, т. LXXXIX, 334, 335.
 — Василий, думный дьякъ, т. LXXXIX, 806.
 — П. П., вице-президентъ геогр. общ., т. LXXXVII, 778, 779, 782; т. LXXXVIII, 380.
Семипрадскій, Ген. Ип., профессоръ живописи. *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 1043—1044.
Сенковский, Ос. Ив., писатель, т. LXXXVII, 562.
Сенъ - Вальмонъ, франц. женщина-воинъ. *Замѣтка о ней*: Французская амазонка въ XVII вѣкѣ, т. CX, 343—347.
де-Сенъ-Пьеръ, Бернардъ, участникъ революціи 1789 г. XC, 887, 888, 889.
Сеньобосъ, Ш. *Библ. замѣтка Н. П. о книгѣ его*: Историческій методъ въ примѣненіи къ социальнымъ наукамъ. М. 1902, т. XC, 763—764.
Серао, Матильда, т. LXXXVIII, 284.
Серафимъ, новгор. и петерб. митрополитъ, т. LXXXIX, 454, 455, 456, 457, 459, 462, 463.
Сербиновичъ, директоръ канц. об.-прокурора св. синода, т. LXXXIX, 464.
Сергіевъ, Іоаннъ Ильичъ, протоіерей, т. LXXXIX, 728.
Сергій, (А. Серафимовъ), астрах. и енотаев. епископъ. *Некрологъ его*: т. LXXXVIII, 810—811.
Сергѣевичъ, Вас. Ив., профессоръ спб. унив. *Библ. замѣтка В. Грибовскаго о книгѣ его*: Русскія юридическія древности. Спб. 1902, т. XC, 302—304.
Сергѣевскій, Н. Д. *Библ. замѣтка В. Грибовскаго о книгѣ его*: Къ вопросу о финляндской автономіи и основныхъ законахъ. Спб. 1902, т. LXXXIX, 992—995.
Сергѣевъ, Я. П. скульпторъ, т. LXXXVIII, 359.
Сергій Александровичъ, вел. князь, т. LXXXIX, 150, 155, 708, 709.
Середонинъ, С. М., профессоръ спб. унив. *Библ. замѣтки В. Гр—скаго о книгѣ его*: Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 294—296; т. XC, 1141—1143.—*Упомян.*: т. LXXXVII, 755.
Сержаутовскій, т. LXXXVIII, 185—187.
фонъ-Сестъ, (von Soest), Янъ, торун. бургомистръ, т. XC, 699.
фонъ-Сеть, швед. воен. комиссаръ, т. LXXXVII, 63.
Сешъ, Леонъ, французск. писатель, т. LXXXVIII, 351—353.
Сиверсъ, графиня, т. LXXXIX, 378, 379.
Сигизмундъ I, польскій король, т. XC, 694.
Сигизмундъ II, Августъ, польскій король, т. LXXXIX, 197, 205.
Сигизмундъ III, польскій король, т. LXXXIX, 197; т. XC, 702, 703.
Сиди-Али, тунисскій бей. *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 318—319.
Сизовъ, В. И., археологъ, т. XC, 374.
Сильвестръ (Косовъ), митрополитъ, т. LXXXIX, 781.
Сильчевскій, библиографъ, томъ LXXXVIII, 685, 687.
Симанскій, П. Н. *Статья его*: Измаильскій герой, т. LXXXIX, 859—869.
Сямборскій, Ник. Вас., поэтъ, т. LXXXVIII, 930—933.
Симолинъ, русск. посланникъ въ Парижъ, т. LXXXVII, 1064—1065, 1075.
Симони, П. К., т. LXXXVIII, 790, 1154.
Синельниковъ, Ник. Петр., москов. губернаторъ, т. LXXXIX, 43, 44, 46, 48.
Сиповскій, В. В. *Библ. замѣтка II. III. о книгѣ его*: Пушкинская юбилейная литература (1899—1900 г.г.). Спб. 1901, т. LXXXVII, 714—717.
Сиротининъ, А. *Библ. замѣтки его*: 1) В. А. Францевъ. Очерки по исторіи чешскаго возрожденія. Русско-чешскія ученныя связи конца XVIII и первой половины XIX столѣтій. Варшава. 1902, т. LXXXIX, 995—997. 2) В. З. Завитневичъ. Алексій Степановичъ Хомяковъ. Т. I. Кн. 1-я и 2-я. Спб. 1902, т. XC, 304—307. 3) Фр. Ад. Шубертъ. Z uplynulých dob. D. S. Moje vzpomínky. D. II. Moje divadelní toulky. V. Praze. 1902, т. XC, 339—340. 4) M. Zdziechow-ski. Odrodzenie Chorwacyi w wieku XIX. W. Krakowie. 1902, т. XC, 1157—1160.
Скабичевскій, А-дръ Мих., писатель, т. LXXXVIII, 668, 676—678, 683, 684, 686, 694, 941.
Скавронскіе:
 — гр. Марія Ник., рожд. Строганова, т. LXXXVII, 90.
 — гр. Март. Карл., т. LXXXVII, 89, 90.
Скалонъ, Эвт. Ник., эстлянд. губернаторъ. *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 662.
Скальковскій, Конст. Апп., писатель, т. XC, 512.
Скворцовы:
 — Ив. Ник., гроднен. губернаторъ. *В немъ въ статьѣ Н. И. Воронова*: Им-

- ператоръ Александръ II въ Бѣлостокѣ въ 1867 году, т. LXXXIII, 912—929.
— Ник. Ефр., филологъ. *Некрологъ его*: т. LXXXVIII, 811.
- Сквороцкіе** (впосл. гр. Скавронскіе):
— Анна Самуил., т. LXXXVII, 59, 78.
— Дирихъ Самуил., т. LXXXII, 79.
— Карлъ Самуил., т. LXXXVII, 57, 59, 62, 78, 81, 84, 88, 89.
— Самуиль, лифл. обыватель, т. LXXXVII, 65, 66, 76, 78, 79, 81, 82, 83.
— Софія Карл., фрейлина Екатерины I, т. LXXXVII, 58.
— Оед. (Фридр.) Самуил., т. LXXXVII, 59, 78, 81, 84, 87.
— Христина Самуил., по мужу Гендрикова, т. LXXXVII, 57, 59, 76, 79, 81, 82, 83, 84, 86, 89.
- Слезскій, А. Г. Статя его**: Перекомо, т. LXXXVIII, 1030—1044.
- Смарагдъ, орлов. епископъ**, т. LXXXIX, 462.
- Сменцовскій, М. Н.**, авторъ соч. «Братья Лихуды», т. XC, 813.
- Смирновы**:
— Ап. Ив., профессоръ каз. ун. *Некрологъ его*: т. LXXXVIII, 1164.
— А. И., педагогъ, т. XC, 483.
— Кап. Ив., педагогъ. *Некрологъ его*: т. LXXXVII, 796—797.
— Мих., т. LXXXIX, 939.
— Соф. Ив., писательница, т. XC, 517.
— Я. И., археологъ, т. XC, 366.
- Смундовскій, Каз. Ив.**, т. LXXXIX, 418.
- Смоленскій, В. Библ. замѣтка В. Искато о книгѣ его**: Исторія польскаго народа. Спб. 1901, т. LXXXIX, 291—292.
- Сныткннъ, Левъ Козм.**, т. LXXXIX, 418.
- С. Н. Библ. замѣтка его**: Э. Бессонъ. Бюджетный контроль во Франціи и за границей. Историческое и критическое изслѣдованіе финансового контроля первостепенныхъ государствъ Европы. Первь съ франц. С. А. Халютина. Спб. 1901, т. LXXXVII, 1143—1144.
- Соболевскіе**:
— А-ѣй Ив., академикъ, т. LXXXVII, 769; т. LXXXVIII, 790, 791.
— С. А., библиографъ, т. LXXXVII, 312; т. LXXXVIII, 990—991.
- Собѣскій, Янъ, польскій король**, т. XC, 686, 699.
- Совѣтовъ, А-дръ Вас.**, профессоръ спб. унив. *Некрологъ его*: т. LXXXVII, 411—413.
- Соймоновъ, поэтъ**, т. LXXXVII, 498, 499.
- Соковинны**:
— А-ѣй Прок., окольникій, т. XC, 173.
— Прок. Оед., окольникій, т. XC, 160, 173.
— Оед. Прок., бояринъ, т. LXXXIX, 806; т. XC, 173.
- Соколовская, Т. О.**, археологъ, т. LXXXVIII, 785.
- Соколовы**:
— Д. Ф. *Статя его*: 1) Поѣздка въ городъ Джедду, т. LXXXVIII, 616—649. 2) Очагъ бѣглыхъ поповъ, т. LXXXVIII, 943—962.
— Ив. Ив., филологъ. *Некрологъ его*: т. LXXXVIII, 395—396.
— М. И., профессоръ моск. унив., т. LXXXVIII, 786.
— Ник., сотрудникъ «Русс. Слова», т. XC, 595.
— Селив. *Библ. замѣтка А. К. о книгѣ его*: Историческій очеркъ Ярославскаго Леонтьевскаго прихода. Ярославль. 1901, т. LXXXVIII, 313—314.
— Яковъ, священникъ, т. LXXXIX, 409.
- Солдатенковъ, Конс. Терент.**, книгоиздатель, т. LXXXVIII, 590; т. XC, 481.
- Соловьевы**:
— Вл. Серг., философъ, т. LXXXVIII, 136; т. XC, 526, 527, 1091—1093, 1099, 1100.
— Евг. Андр., писатель, (псевд. Андреевичъ). *Библ. замѣтка Г. Т. С. о книгѣ его*: Очерки по исторіи русской литературы XIX в. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 301—306.—*Упомят.*: т. LXXXVIII, 551, 565, 575.
— Н. И., писатель, т. XC, 488.
— Сергѣй Мих., историкъ, т. LXXXVII, 66; т. LXXXIX, 213, 782, 792, 797, 803, 807, 811, 812.
- Сологубъ, гр.**, т. LXXXVII, 650.
- Сосновскій, М. И.**, т. LXXXVIII, 268, 269.
- Софія Алексѣевна, царевна**—правительница, т. LXXXIX, 793, 808, 815; т. XC, 105, 627.
- Софія-Шарлотта, принцесса Брауншвейгъ-Вольфенбюттельская**, т. XC, 109.
- Сочинскій, Ив.**, студентъ мед.-хир. акад., т. LXXXVII, 924—925.
- Сошальская, Ан. Карл.**, писательница. *Некрологъ ея*: т. LXXXVIII, 1164—1165.
- Спафаревы**:
— Ан. Вас., рожд. бар. Розенбергъ, жена Леонт. Вас. *О ней* въ «Воспоминаніяхъ» М. А. Паткуль, т. LXXXVII, 33—55, 441—469.
— Аполлн. Леонт., т. LXXXVII, 52.
— Леонтій Вас., морякъ. *О немъ* въ «Воспоминаніяхъ» М. А. Паткуль, т. LXXXVII, 31—55, 441—469, 836—854.

- Сперанскіе:**
 — гр. Мих. Мих., госуд. дѣятель, т. LXXXVII, 232—234; т. XC, 533, 562, 572, 574.
 — М. Н., профессоръ нѣжин. инст. *Библ. замѣтка П. Щ. объ изданной подъ его редакціей книгъ:* Гоголевскій сборникъ, издан. состоящей при историко-филологическомъ институтѣ кня. Безбородко Гоголевской комиссіей. Киевъ, 1902, т. LXXXVIII, 1071—1073.— *Упомин.*: LXXXVIII, 271, 273.
 — Н. И., полковникъ, т. LXXXVII, 749.
- Спицынъ, А. А.,** археологъ, т. LXXXVII, 754—756; т. LXXXIX, 652; т. XC, 1196.
- Спрогисъ, Ив. Як.,** археологъ, т. LXXXIX, 760, 762.
- Спѣвняцевъ, Вас.** священникъ, археологъ, т. LXXXVII, 760, 762.
- Срезневскіе:**
 — В. И. *Библ. замѣтка Б. Гордеикаго о книгѣ его:* Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе бібліотеки имп. акад. наукъ въ 1900 и 1901 годахъ. Спб. 1902, т. XC, 751—752.
 — Изм. Ив., академикъ, т. LXXXVIII, 1003.
- Ставискій, Эдм.,** т. LXXXVIII, 185, 204.
- Станиславъ,** польскій король, т. LXXXVII, 1081.
- Станюковичъ, Конст. Мих.,** писатель, т. LXXXVII, 137.
- Старостянъ, Вас. Гр.,** писатель. *Некрологъ его:* т. LXXXVIII, 396.
- Старчевскій, Альб. Викент.,** писатель, т. XC, 145.
- Старынкевичъ, Сокр. Ив.,** президентъ Варшавы. *Некрологъ его:* т. LXXXIX, 1044—1045.
- Стасюлевичъ, Мих. Матв.,** проф. писатель, т. XC, 488, 492.
- Сташицъ, Стан.,** предсѣдатель общ. друзей наукъ въ Варшавѣ, т. XC, 696.
- Степаненко, Н. Н.** *Статья его:* Тихій уголокъ, т. LXXXIX, 819—829.
- Степановы:**
 — П. А., комендантъ Царск. Села, т. LXXXIX, 701, 714, 716.
 — Н. П., т. LXXXIX, 710.
- Степовичъ, А. Г.,** археологъ, т. XC, 377.
- Стефанъ (Яворскій),** т. XC, 638, 643, 644.
- Столыпина, М. В.,** т. XC, 496.
- Стороженко, А. М.,** т. LXXXVII, 542.
- Стоюнинъ, Вл. Як.,** педагогъ, т. LXXXVIII, 1001—1002.
- Страховъ, Ник. Ник.,** философъ, *Статья его:* Описание Днѣпра у Гоголя. т. LXXXVII, 581—582. *Библ. замѣтка П. Щ. о книгѣ его:* Критическія статьи (1861—1894). К. 1902, т. XC, 750—751.
 — *Упомин.* т. XC, 526, 595.
- Стриѣнскій, Г.,** франц. историкъ, т. LXXXVIII, 344, 346.
- Строгановы:**
 — гр. А. С., т. LXXXVII, 86.
 — гр. С. Г., т. LXXXIX, 849; т. XC, 151.
- Строевы:**
 — В. Н. *Статья его:* Боярыня Морозова, т. XC, 159—174. *Библ. замѣтки его:* 1) Семевскій, В. И. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Томъ 2. Спб. 1901, т. LXXXVII, 1119—1121. 2) И. И. Игнатовичъ. Помѣщики крестьяне наканунѣ освобожденія. Спб. 1902, т. LXXXIII, 1094—1096. 3) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ сто девятый, десятый и одиннадцатый. Спб. Юрьевъ. 1901, т. XC, 746—748.
 — Пав. Мих., археографъ, т. LXXXIX, 814; т. XC, 173.
 — (т. Гавр., т. LXXXIX, 418.
- Струйская, Е. П.,** артистка, т. XC, 500.
- Стрѣшневые:**
 — Род. Матв., бояринъ, т. LXXXIX, 803.
 — Сем. Лукьян., т. LXXXIX, 797.
 — Тих. Никит., т. LXXXIX, 793; т. XC, 635, 638, 639.
- Стуартъ, Дм. Оед.,** директоръ арх. мин. иностр. дѣлъ. *Некрологъ его:* т. LXXXVIII, 811—812.
- Суворина, А-ѣй Серг.,** писатель, т. LXXXVII, 1090; т. LXXXVIII, 551, 558, 559, 560; т. LXXXIX, 852; т. XC, 511—513.
- Суворовъ, Н.,** *Библ. замѣтка З. о книгѣ его:* Византійскій папа. Изъ исторіи церковно-государственныхъ отношеній Византіи. М. 1902, т. XC, 1160—1161.
- Суворовы-Рышнинскіе:**
 — св. кн. А-дръ Арк., кн. Италійскій, ген.-адъютантъ, т. LXXXIX, 469—472.
 — гр. А-дръ Вас., кн. Италійскій, генералиссимусъ. *О немъ въ статьѣ В. Т':* Иностранцы о Россіи, т. LXXXVII, 1062—1085; т. LXXXIX, 859, 869; т. XC, 890, 898.
- Судейкинъ, Вас. Тим.,** правитель канцелярн вилен. ген.-губернаторъ, т. LXXXIX, 758—773.
- Суляинъ, Сем.,** походный есаулъ, т. LXXXIX, 876.

Сумбатовъ, кн. А. И., писатель, т. LXXXVIII, 263.

Сумцовъ, Н. О., профессор харьк. унив., т. LXXXVII, 764—766, 1188; т. LXXXVIII, 274, 781, 1148; т. LXXXIX, 326.

Суриковъ, Вас. Ив., художникъ, т. XC, 173—174.

Сутковскій, Ив. Степ., т. LXXXIX, 418.

Сухаревъ, А. А., археологъ, т. LXXXVII, 400.

Сухово-Кобылинъ, оберъ-крюгс-комиссаръ, т. LXXXIX, 943.

Сухотинъ, иркут. комендантъ, т. XC, 570.

С—хаевъ, Г. Т., *Библ. замѣтка его*: Мякотинъ, В. А. Изъ исторіи русскаго общества. Этюды и очерки. Спб. 1902., т. XC, 759—760.

Сысоева, Екат. Алекс., писательница, т. XC, 87.

Сѣраковскій, Сигизмундъ, революціонеръ, т. LXXXVIII, 201, 202, 204.

Сѣрко, Ивавъ, кошевой атаманъ запорожцевъ, т. LXXXIX, 787.

Сѣченцовъ, Ив. Мих., физиологъ, т. LXXXIX, 852.

Сюзоръ, гр., т. XC, 112—113.

Т.

Т., *Библ. замѣтка его*: Де-ла-Грассери. Психологія религій. Переводъ съ французскаго В. И. Писаревой. Спб. 1901., т. LXXXVII, 332.

Табаньковъ, Ив. Петр., поручикъ, т. LXXXIX, 418.

Таганцевъ, Ник. Ст., сенаторъ, т. LXXXVII, 504.

Тарѣвъ, Б. Л., *Библ. замѣтки его*: 1) Автобіографія Абдурахманъ-хана, эмира Афганистана. Издана султаномъ Магометь-ханомъ. Перев. съ англійскаго генеральнаго штаба полк. М. Грудевъ. Изданіе В. Березовскаго. Спб. 1901., т. LXXXVII, 358 — 360. 2) Князь М. А. Накашидзе. Автомобиль, его экономическое и стратегическое значеніе для Россіи: съ 9-ю рисун. Спб. 1902, т. LXXXVII, 1121 — 1122. 3) Е. Жалинская. Путешествіе по горамъ Средней Азіи. Варшава. 1902, т. LXXXIX, 1010. 4) Авганистанъ и его политическое значеніе (сообщеніе съ планомъ). Сост. П. фонъ-Герихъ подъ ред. В. Паруцкаго. Изд. «Невскаго книжнаго магазина». Спб., т. XC, 313 — 315. 5) Д-ръ мед. В. В. Корсаковъ. Пять лѣтъ въ Пекинѣ. Изъ наблюденій надъ бытомъ и жизнью китайцевъ. Положеніе медицины въ

Китаѣ. Болѣзни среди китайскаго населенія. Проституція въ Китаѣ. Дѣтство въ Китаѣ. Путь черезъ Монголію. Европейская колонія въ Пекинѣ. Спб. 1902, т. XC, 329 — 331. 6) М. М-мъ. Дуэль, ея происхожденіе и современный характеръ. Спб. 1902., т. XC, 337—338. 7) М. Дандевиль. Въ степяхъ Закаспійскихъ. Повѣсти и рассказы изъ жизни туркменъ. М. 1902, т. XC, 340 — 342. *Библ. замѣтки*: 1) *И. Л. о книгѣ его*: На Востоку. Варш. 1902, т. XC, 322—323. 2) *А. Фаресова о книгѣ его*: Памирскіе походы 1892 — 1895 гг. Варш. 1902, т. XC, 767—768.

Талейранъ, франц. дипломатъ, т. LXXXIX, 406.

Талицкій, Григ. Вас., книгописецъ XVII в. *О немъ въ статьѣ С. Н. Венденскаго*: Тамбовскій епископъ Игнатій, т. XC, 625—646.

Талько-Гринцевичъ, Ю. Д., археологъ, т. LXXXVIII, 1145.

Тальма, франц. трагикъ. *Замѣтка о немъ*: Викторъ Гюго и Тальма, т. LXXXIX, 308.

Танковъ, А. А. *Статти его*: 1) Убіеніе помѣщика Оловяникова, т. LXXXVII, 908—922. 2) Къ біографіи графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, т. LXXXIX, 930—938.

Танскій, Ив. Ос., поручикъ, т. LXXXVII, 633.

Танѣвы:

— А. С., гофмейстеръ, т. LXXXVII, 745.

— С. В., т. XC, 507.

Тарасенковъ, А. *Библ. замѣтка П. Ш. о книгѣ его*: Последніе дни жизни Гоголя. М. 1902, т. LXXXVIII, 1081—1082.

Тарасовъ, Федоръ, монстръ, т. LXXXIX, 161.

Тардъ, франц. социологъ. *Библ. замѣтки*: 2) *Н. С. о книгѣ его*: Соціальная логика. Спб. 1901, т. LXXXVII, 338—339. 2) *В. И. о книгѣ его*: Соціальные этюды. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 740—741.

Тарновскій, I. В., т. LXXXVII, 788.

Татищевъ, В. Н., историкъ, т. LXXXIX, 812.

Твенъ, Маркъ, псевд. америк. писателя С. Клеменса. *Библ. замѣтка А. Фаресова о книгѣ его*: Жанна д'Аркъ. Спб. 1902, т. LXXXVII, 708—709.

Тевяшевъ, В., археологъ, т. LXXXVII, 1184; т. LXXXVIII, 788.

Телеснинъ, Степ. Григ., капитанъ, т. LXXXIX, 418.

Тенгоборскій, Юліанъ, т. LXXXVII, 1043.

- Терещенко:**
 — А., т. LXXXIX, 800, 805.
 — Н. А., археологъ, т. LXXXVII, 768.
- Терпигоровъ,** (Атава), Серг. Ник., писатель, т. LXXXVII, 893, 894, 893—902, 904; т. LXXXVIII, 552—553.
- Тибленъ,** издатель «Совр. Обзор.», т. LXXXIX, 836.
- Тизенгаузенъ:**
 — бар. Б. В., археологъ, т. LXXXIX, 324.
 — бар. Вл. Густ., ориенталистъ. *Некрологъ его:* т. LXXXVII, 1207—1209.
 — Карлъ Карл., начальникъ отд. деп. окл. сборовъ, т. XC, 948, 949, 953—956.
- Тикъ,** профессоръ скульптуры, т. XC, 696.
- Тиллэ,** Корнелисъ, голланд. профессоръ. *Некрологъ его:* т. LXXXVII, 1176—1177.
- Тильманъ,** д-ръ, т. LXXXIX, 65.
- Тямашевъ,** А. Е., министръ внутр. дѣлъ, т. LXXXIX, 852, 853; т. XC, 149, 599, 600, 937.
- Тямашевъ-Верингъ,** В. А. *Библ. замѣтка А. Ф.—ова о книгѣ его:* Четыре разсказа. М. 1902, т. LXXXVIII, 1088—1089.
- Тимирязевъ,** В. А. *Статьи его:* 1) Записки декабриста, т. LXXXVII, 229—254. 2) Иностранцы о Россіи, т. LXXXVII, 1062—1085; т. LXXXIX, 229—255; т. XC, 262—301, 1116—1140. 3) Моя прабабушка, т. LXXXIX, 74—96. 4) Англійскій король Эдуардъ VII, т. LXXXIX, 569—602, 960—991.
- Тимофеевы:**
 — Григ. *Библ. замѣтка его:* М. Чайковскій. Жизнь Петра Ильича Чайковского. Т. II. (1877—1884). М. 1902, т. LXXXIX, 282—287.
 — Т. И. (М. Н.), т. LXXXVII, 1190, 1191.
- Тисса,** Коломанъ, венгер. министръ. *Некрологъ его:* т. LXXXVIII, 356.
- Титовъ,** А. А. *Замѣтка его:* Къ статьѣ «Ижецаревичъ Алексѣй Петровичъ, т. XC, 829—831. *Библ. замѣтки А. К. о книгахъ его:* 1) Синодики XVII в. Переславскаго Горницкаго монастыря. М. 1902, т. LXXXVIII, 1077—1078. 2) Ярославская іерархія въ описаніи прот. І. Троицкаго, Яр. 1902, т. LXXXVIII, 1080—1081. *Упом.:* т. XXXXVII, 770.
- Тихій,** Семень, казакъ, т. LXXXIX, 790.
- Тихомировы:**
 — А. А., профессоръ моск. унив., т. LXXXVIII, 260, 1138, 1139.
 — Мих. Андр., профес. кіевск. унив. *Некрологъ его:* т. LXXXVIII, 1165.
- Тихонравовъ,** Ник. Сав., профессоръ моск. унив., т. LXXXVII, 600—602, 604, 629, 647; т. LXXXVIII, 123, 124, 136, 137, 259, 280.
- Тихонъ Задонскій,** воронеж. святи-тель, т. LXXXIX, 874.
- Толстыя:**
 — графиня А. А., т. LXXXVIII, 169.
 — А-дра Вас., рожд. Устинова, супр. А-дра Петр. Т., т. XC, 113.
 — А-дръ Петр., т. XC, 113, 114.
 — А-ѣй Конст., поэтъ, т. XC, 491.
 — Андрей Вас., чернигов. воевода, т. XC, 104.
 — Андрей Степ., т. XC, 112.
 — Вас. Ив., дѣдъ перваго графа Толстого, т. XC, 104.
 — Вас. Петр., офицеръ, т. XC, 113, 114.
 — гр. Дм. Андр. министръ внутр. дѣлъ, т. LXXXIX, 802; т. XC, 598.
 — Елис. Вас., рожд. Ильина, супруга Петра Степ. Т., т. XC, 113, 119, 122, 124, 125, 126, 127, 128.
 — гр. Ив., президентъ юстицъ-коллегіи, т. XC, 111.
 — Ив. Андр., родоначальникъ дворянъ Толстыхъ, т. XC, 105.
 — И. М., т. LXXXVIII, 56.
 — гр. Левъ Ник. *О немъ въ статьяхъ* 1) *Л. Е. Оболенскаго:* Литературныя воспоминанія и характеристики, т. LXXXVIII, 77—09. 2) *Д. Д. Языковъ:* «Первинеа» графа Л. Н. Толстого (1852—6 сентября—1902 гг.), т. LXXXIX, 854—858. *Упомин.:* т. LXXXVII, 494, 888, 905—907; т. LXXXVIII, 241, 555, 557, 562, 569, 574, 575, 582, 583, 589; т. XC, 487, 526.
 — Мих. Андр., т. XC, 106.
 — гр. Ник. Ник., т. LXXXIX, 856.
 — Ник. Петр., т. XC, 113.
 — Пав. Петр., т. XC, 113.
 — гр. Петръ Андр., родоначальникъ графовъ Толстыхъ, т. XC, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111.
 — гр. Петръ Петр., т. XC, 108.
 — Петръ Степ., т. XC, 112, 113, 114, 115, 116, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127.
 — Степ. Степ., т. XC, 112.
 — Степ. Оед., т. XC, 112.
 — гр. Оед., т. XC, 111, 112.
- Толь,** полковникъ, т. LXXXVIII, 234, 237.
- Тосканелли,** флорент. астрономъ. *О немъ въ замѣткѣ:* Тосканелли и Христофоръ Колумбъ, т. LXXXVII, 726—727.
- Траверсе:**
 — А-дра Леонт., рожд. Спафарьева, жена послѣдующаго. *О ней въ* «Воспо- т. хс.

«истор. вѣстн.», декабрь, 1902 г.,

‡

- минаніяхъ» М. А. Паткуль, т. LXXXVII, 31—55, 441—469, 836—854.
 — А-др. Ив., маркизъ, капитанъ 1 ранга. *О немъ* въ «Воспоминаніяхъ» М. А. Паткуль, т. LXXXVII, 31—55, 441—469, 836—854.
 — Ив. Ив., маркизъ, т. LXXXVII, 36—37.
Трантъ, Вилльямъ, англ. писатель, т. LXXXVII, 380—382.
Трапезникова, Е. К., т. XC, 484.
Траутшольдъ, Гер. Ад., геологъ. *Некрологъ* его: т. XC, 1206—1207.
Трахопотовъ, Петръ, окольникій, т. LXXXIX, 782.
Тредьяковскій, Вас. Кирил., писатель, т. LXXXIX, 830, 831.
Треневъ, Д. К. *Библ. замѣтка В. Р-ва о книгѣ* его: Иконы царскаго изографа Симона Ушакова въ моск. Новод. монастырѣ. Москва. 1901, т. XC, 323—324.
Треповъ, Фед. Фед., ген., т. LXXXIX, 338, 731.
Трескины:
 — капитанъ 1 ранга, т. LXXXVII, 48, 49.
 — иркут. губернаторъ. *О немъ въ статьѣ П. П. Баскина*: Изъ прошлаго Сибири, т. XC, 532—574.
Трефильевъ, Е. П., археологъ, т. LXXXVII, 760, 761, 1182; т. XC, 377.
Троицкіе:
 — Іоаннъ, протоіерей, т. LXXXVIII, 1080.
 — Н. П., археологъ, т. XC, 371.
Тройницкій, цензоръ мин. вн. дѣлъ, т. XC, 143, 157.
Трофимова, М., *Замѣтка ея*: Къ статьѣ «Мнѣніе Лермонтовскихъ мѣстъ», т. LXXXVII, 1212—1213.
Трохимовскій, Мих., полковникъ, т. LXXXVII, 676.
Троцкій, Вит. Ник., вилен. ген.-губернаторъ, т. LXXXIX, 741, 743, 744, 745, 749, 756—771, 776.
Троцинскіе:
 — Андр. Андр., ген.-майоръ, т. LXXXVII, 517, 527—529, 661, 662.
 — Дм. Прок., министръ юстиціи, т. LXXXVII, 517, 528, 659, 660, 662, 663; т. LXXXIX, 861, 862, 864, 866, 868.
Трубачевъ, С. С., писатель, т. LXXXVIII, 579.
Трубецкіе:
 — О., *Библ. замѣтка Г. С. о книгѣ* ея: Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкаскаго. Москва. 1901, т. LXXXIX, 267—269.
 — кн. Сергѣй Петр., декабристъ, т. LXXXVII, 246, 250, 251.
 — кн. С. Н., тов. предсѣдателя моск. психолог. общ., т. LXXXVII, 751.
 — кн. Юрій Петр., бояринъ, т. LXXXIX, 788, 790.
Трубинковы:
 — Вас. Мих., поручикъ, т. LXXXIX, 418, 419.
 — Вас. Плат., т. LXXXVIII, 593.
 — Діод. Вас., т. LXXXVIII, 593.
Трутовскіе:
 — В. К. *Библ. замѣтка Л. М. объ изд. подъ его ред. о книгѣ*: Древности. Труды императорскаго моск. археологическаго общества. Москва. 1901—1902, т. LXXXIX, 280—282.
 — Конст. А-др., академикъ живописи, т. XC, 502.
Туманскій, Фед. Осип., писатель, т. LXXXIX, 562.
Тураевъ, Б. А., прив.-доцентъ спб. унив., т. XC, 815.
Тургеневы:
 — Ив. Серг., писатель, т. LXXXVII, 504—507; т. LXXXIX, 60; т. XC, 480, 481, 526, 595.
 — Ник. Ив., обществ. дѣятель, т. LXXXVII, 248.
Тухачевскій, всевода, т. LXXXIX, 808, 810.
Тѣнь, Ипподитъ, франц. писатель. *Замѣтка о немъ*: Молодость Тѣна, т. LXXXIX, 308—312.
Тюрень, франц. полководецъ, т. LXXXVII, 653.
Тюръ, франц. генераль. *Замѣтка о немъ*: Мадзини и Тюръ, т. XC, 806—807.
Тютчевы:
 — Фед. Ив., поэтъ, т. LXXXVIII, 157, 158, 161; т. XC, 147, 148.
 — Ф. Ф. *Статья* его: Въ тѣмъ ночной, т. LXXXVIII, 880—894.

У.

- Уваровы**:
 — гр. А-ѣй Серг., археологъ, т. LXXXIX, 847, 849.
 — графиня П. С., археологъ, т. LXXXVII, 396, 757, 758; т. LXXXVIII, 786; т. XC, 368, 378, 380.
 — гр. Серг. Сем., мин. нар. проsv., т. LXXXVIII, 147, 149—152.
Узелковъ, Мих. Каз. членъ смолен. муниципалитета, т. LXXXIX, 407, 418.
Узунъ-Гассавъ, персид. шахъ, т. LXXXIX, 207.
Уконинъ, владѣлецъ обойной фабрики, т. LXXXIX, 703.
Уманецъ, Серг. Игн. *Статья* его: На новомъ Авогѣ, т. LXXXVIII, 210—238.

Уньковский, яросл. воевода, т. LXXXIX, 816.

Урсенъ, принцесса (Анна-Марія де-ла-Тремуйль - Нуармутъ), *Замѣтка о писемъ ея*: т. LXXXIX, 1015—1017.

Урусовы:

— кн. А.—др. Ив., адвокатъ, т. XC, 492, 493, 494, 495, 496, 512, 513.

— Евдокія Прокоп., жена кн. Петра У., т. XC, 163, 164, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173.

— Наст. Ник., рожд. Бороздина, сунр. Н. А. У., т. XC, 904, 905.

— кн. Ник. А.—др., т. XC, 905.

— кн. Ник. Сем., холмогор. воевода, т. LXXXIX, 815.

— кн. Петръ Сем., кравчій царя Алексея Мих., т. XC, 163, 164, 173.

— кн. С. Н., т. XC, 588.

— кн. Ф. М., т. XC, 507.

Усовъ, Мих. Мих., профессоръ казан. ун. *Некрологъ его*: т. XC, 829.

Успенскіе:

— А. И. *Библ. замѣтка N. N. о книгѣ его*: «Придворный дневникъ за январь—августъ 1657 года». Спб. 1901, т. XC, 338—339.

— Гл. Ив., писатель. *Статьи о немъ*: 1) *Б. Б. Глинскаго*: Г. И. Успенскій. (Опытъ характеристикъ), т. LXXXVIII, 665—699. — 2) *С. И. Васюкова*: Изъ воспоминаній о Г. И. Успенскомъ, т. LXXXVIII, 937—942. *Упомят.*: т. LXXXVII, 888—891; т. XC, 593.

— Порф., *Библ. замѣтка Ш. о книгѣ его*: Книга бытій моего. Дневники и автобіографическія записки его. Спб. 1901, т. LXXXVII, 1108—1111.

— Ф. И., директоръ археол. инст. въ Константинополь, т. LXXXVII, 743; т. XC, 814.

Устряловъ, Ник. Герас., историкъ, т. LXXXVII, 65, 66; т. LXXXIX, 797, 799, 800.

Усь, Василій, атаманъ, т. LXXXIX, 795.

Ушаковы:

— Андр. Ив., т. LXXXVII, 90.

— В. П., фрейлина, т. LXXXVIII, 169.

— Пав. Петр., г.-ад., т. LXXXVIII, 169.

Ухтомскій, кн. Эсп. Эсп., издатель «Спб. Вѣд.», т. LXXXVII, 1181.

Уэльсъ, англ. писатель. *О немъ въ статьѣ С. В. фонъ-Штейна*: Грядущія судьбы человѣчества, т. LXXXVIII, 1051—1063.

Фалькнеръ, В., т. LXXXVIII, 281.

Фаресовъ, Анаст. Ив., писат. *Статьи его*: 1) Воспоминанія о Н. С. Лѣсковѣ, т. LXXXVIII, 551—583. — 2) Памяти А. Н. Неустрева, т. LXXXVIII, 978—

995. *Библ. замѣтки его*: 1) Запорожская същ. А. Кузьминъ. Москва. 1902, т. LXXXVII, 353. — 2) Жанна Д'аркъ, романъ Марка Твена. Переводъ съ англійск. подъ редакц. проф. А. Трачевскаго. Спб. 1902, т. LXXXVII, 708—709. — 3) Путешествіе братьевъ Грумъ-Гржимайло по Западному Китаю. Обработ. М. Лялиной. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 315—316. — 4) П. Ровинскій. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Т. II. (Спб. 1902, т. LXXXIX, 276—278. — 5) Руководство къ бібліографическому описанію книгъ. Ю. Битовтъ. М. 1902, т. XC, 307—310. — 6) Памирскіе походы 1892—1895 г. В. Тагъевъ. Варшава. 1902, т. XC, 767—768. *Библ. замѣтка В. К.—скаго о книгѣ его*: Мой отвѣтъ. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 1075—1077.

Федченко:

— Б. А., т. LXXXVII, 775, 786, 1192.

— А. П., т. XC, 1194.

Фейхнеръ, Соф. Морис., рожд. Коцебу, т. LXXXIX, 394.

Фелинскій, архіепископъ, т. LXXXVII, 1038—1041; т. LXXXVIII, 186.

Фельдманъ, Фед. Алек., членъ воен. учен. ком. *Некрологъ его*: т. LXXXVII, 1209—1210.

Фелькнеръ, т. LXXXVIII, 193.

Ферморъ, т. LXXXVII, 652.

Фетгерлейнъ, Карлъ Фед., бібліограф., *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 662.

Фетъ (Шеншинъ), Ав. Ав., поэтъ. *Статья о немъ Н. Семёновича*: Памяти А. А. Фета-Шеншина, т. XC, 525—531. *Упомят.*: т. LXXXVII, 487, 489, 491, 492; т. LXXXVIII, 582.

Фидлеръ, Ф. Ф., переводч., т. LXXXVIII, 564.

Филаретъ, моск. и коломен. митрополитъ, т. LXXXIX, 456, 457, 463.

Филатовъ, Ниль Фед., профессоръ моск. унив. *Некрологъ его*: т. LXXXVII, 1210—1211.

Филипповы:

— А-дръ Никит., профессоръ, т. т. LXXXVIII, 364.

— Тертій Ив., госуд. контролеръ, т. LXXXVIII, 164; т. LXXXIX, 743, 757.

Филиппъ (А. Векаревичъ), новгор.-сѣверскій епископъ. *Некрологъ его*: т. т. LXXXVIII, 397.

Филиппъ, Красивый, франц. король, т. LXXXVIII, 1105—1108.

Фирсовы:

— А. И. *Статья его*: Поѣздка въ Боровскій Панфутіевъ монастырь, т. т. LXXXIX, 476—485.

— (Л. Русенинъ), Н. Н. *Статья его*: Поручикъ П. К. Кусовъ, т. LXXXIX, 469—475.

- Флери:**
— герпогиня. *Замѣтка о мемуарахъ ея:* т. LXXXIX, 1020—1021.
— гр., франц. историкъ, т. LXXXVII, 736; т. LXXXIX, 245—255.
- Ф—овъ, А. Библ. зам.** его: Четыре разсказа. В. Тимашевъ-Берингъ. М. 1092, т. LXXXVIII, 1088—1089.
- Фойницкій, Ив. Яковл.,** профессоръ спб. унив., т. XC, 588.
- Фонвизинъ:**
— Ден. Ив., писатель, т. XC, 892.
— декабристъ, т. LXXXVII, 245.
- Фофановъ, Конст. Михайл.,** поэтъ, т. LXXXVIII, 582.
- Франсъ, Анатолъ,** франц. писатель, т. LXXXVIII, 288.
- Францевъ, В. А. Библ. замѣтка А. Сиротинича о книгѣ его:** Очерки по исторіи чешскаго возрожденія. Варшава. 1902, т. LXXXIX, 995—997.
- Францъ-Иосифъ,** австр. императоръ, т. LXXXIX, 240, 247.
- Фредериксъ, бар. М. П.,** фрейлина, т. LXXXIX, 388.
- Фрейгангъ, Андрей Ив.,** цензоръ, т. LXXXIX, 847.
- Френевъ, Ген. Библ. замѣтка Н. И. о книгѣ его:** «Пчела». Сборникъ образцовыхъ произведеній русской словесности. Спб. 1901, т. XC, 768—770.
- Фридбергъ,** цензоръ, т. XC, 500.
- Фридрихъ II Великій,** прусск. король, т. LXXXVII, 651, 652, 654; т. XC, 885, 886, 892.
- Фридрихъ-Вильгельмъ III,** прусскій король. *О немъ въ замѣткѣ:* Наполеонъ съ точки зрѣнія прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III и современнаго американца, т. LXXXVIII, 350—351.
- Фридрихъ-Вильгельмъ IV,** прусскій король, т. LXXXIX, 240; т. XC, 696.
- Фришмутъ, Мар. Библ. замѣтка С. фонъ-Штейна о книгѣ ея:** Критическіе очерки и статьи.—Типъ Фауста въ мировой литературѣ.—Леконтъ де-Лиль.—О женскомъ образованіи.—Еще о Гамлетѣ.—Сказка. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 1096—1099.
- Фуксъ,** кол. асс., составитель записки о цензурѣ, т. XC, 576, 577, 586.
- Фундуклей,** т. LXXXIX, 390, 392.

X.

- Халанскій, М. Г.,** профессоръ харьк. ун., т. LXXXVII, 396—398; т. LXXXVIII, 274, 376, 1147—1149; т. XC, 366, 378.
- Ханенко, Б. И. и В. Н.,** археологи, т. LXXXIX, 1034—1035.
- Харитоновъ, Матвѣй,** священникъ, т. LXXXIX, 940—943.

Харламовъ, Д., археологъ, т. XC, 1197.

Харузинъ, А. Н., этнографъ, т. LXXXIX, 333.

Харціевъ, педагогъ, т. LXXXVIII, 274.

Хахановъ, А. С. Библ. замѣтки его: 1) Восковая свѣча въ греко-грузинской церкви. Юбилейное изд. Е. К. Тифлисъ. 1901, т. LXXXVII, 362.—2) Краткій очеркъ исторіи грузинской церкви и экзархата за XIX ст. Е. К. Тифлисъ. 1901, т. LXXXVII, 1134—1135.—3) Das Jewerle in Georgien unter besonderer Berücksichtigung der primitiven Betriebsformen von Dr. Philipp-Gogitschysch-wili. Tübingen. 1901, т. LXXXVIII, 332—333.—4) Г. И. Нибуръ. Рабство, какъ система хозяйства. Этнологическое изслѣдованіе. Перев. съ англійскаго А. Н. Максимова. М. 1902, т. LXXXIX, 293—293.—5) Къ антропологическому изслѣдованію. Перев. съ англійскаго К. Курдовъ. М. 1902, т. LXXXIX, 613—614.—6) Turkestan, von Frenz von Sshwarz (Nach fünfzen njährigen Aufenthalt in Turkestan). Ereiburg in Breisgau. 1900, т. LXXXIX, 1010—1011.—7) Извѣстія русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. VII. Вып. 2—3. Софія. Државна печатница. 1902, т. XC, 1162.—8) Гр. А. А. Бобринскій. Секта Исмаилья въ русскіхъ и бухарскіхъ предѣлахъ Средней Азии. М. 1902, т. XC, 1179. *Упомян.*: т. XC, 371.

Хвойко, В. В., археологъ. т. XXXVII, 768; т. LXXXIX, 653; т. XC, 818.

Хвостовы:

— А-дра Петр., рожд. Хераскова, писательница. *Статья о ней Б. М. Горюдецкаго:* Забытая писательница (Памяти А. В. Хвостовой, рожд. Херасковой), т. LXXXVII, 1022—1029.

— В. М., профессоръ моск. унив., т. LXXXVII, 754.

— гр. Дм. Ив., оберъ-прокуроръ св. синода, т. LXXXIX, 863.

— Дм. Сем., мужъ А. П. X., т. LXXXVII, 1022—1023.

Хелтушлишвили, Мих. В. Библ. замѣтка Кол. М. М.—за о книгѣ его: Вступленіе Грузии въ составъ Россійской имперіи. Кутаисъ. 1901, т. LXXXVII, 717—718.

Херасковы:

— Елис. Петр., рожд. Деверіе, супруга П. М. X., т. LXXXVII, 1022.

— Мих. Матв., поэтъ, т. LXXXVII, 1022.

— Петръ Матв., ст. сов., т. LXXXVII, 1022.

Хисъ, Карлъ Осип., педагогъ. *Статья о немъ Н. В. Чарыкова:* К. О. Хисъ.

Биографическій очеркъ, т. LXXXIX, 422—436.

Хитрая, (Хитрова), Анна Петр., царская нянька, т. LXXXIX, 798, 799, 800, 801.

Хитровы (Хитрово):

— А-дръ Севаст., бояринъ, т. LXXXIX, 800, 801.

— Бор. М., бояринъ, т. LXXXIX, 800, 801, 803.

— Иванъ, дядька царя Алексѣя Мих., т. LXXXIX, 802, 803.

Хмѣльницкій, гетманъ, т. LXXXIX, 785, 790.

Хмыровъ, Мих. Дм., писатель, т. LXXXVIII, 991, 992.

Хованскій, кн. Семень, стольникъ, т. LXXXIX, 788.

Холоднякъ, И. И., т. LXXXVII, 755.

Хомяковъ, А-ѣй Степ., писатель, т. LXXXIX, 835; т. XC, 819.

Храповицкій, т. LXXXVII, 1082.

Христиановичъ, Ник. Фил., композиторъ, судебный дѣятель, т. LXXXVII, 489—492.

Хребтовъ, А. К., путешественникъ, т. LXXXIX, 328—329.

Хрептовичъ, гр., т. LXXXVII, 1043; т. LXXXVIII, 182, 186.

Хрущовы:

— И. П., т. LXXXVII, 769.

— Степ. Ив., нѣжин. воевода, т. LXXXIX, 788.

Х. У. З. *Библ. замѣтка его:* И. М. Бобринцевъ-Пушкинъ. Судъ и раскольники-сектанты. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 290—294.

Ц.

Ц. *Библ. замѣтка его:* О положеніи русскихъ инородцевъ. М. А. Меропіева. Спб. 1901, т. LXXXVIII, 325—327.

Цвѣтаевъ, Дм. Вл., профессоръ варш. унив. *Библ. замѣтка А. Никольскаго о книгѣ его:* Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его въ Польшѣ. Варшава. 1902, т. LXXXVII, 693—696.

Цвѣтковъ, К. Н., музык. рецензентъ, т. XC, 498, 505, 512.

Цеймернъ, Макс. Карл., сенаторъ. *О немъ въ «Воспоминаніяхъ» А. В. Эвальда:* т. XC, 454—474.

Целль, нѣмецк. ученый, т. LXXXVIII, 1103—1105.

Цез, таѣн. сов., т. XC, 578.

Цухановъ, М. И., педагогъ, т. XC, 483.

Ч.

Чавчавадзе, кн. Арчилъ Гулбат., командующій кавк. кавк. дивизіей, *Некрологъ его:* т. LXXXIX, 662.

Чагинъ, Н. М., т. LXXXIX, 776.

Чаговецъ, т. LXXXVII, 393.

Чайковскіе:

— Мод. Ил., писатель. *Библ. замѣтка Гр. Тимофеева о книгѣ его:* Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Москва—Лейпцигъ. 1902, т. LXXXIX, 282—284.— *Упомят.* т. LXXXVIII, 281.

— Петръ Ил., композиторъ, т. LXXXIX, 282—284.

Чапа, Сим. Ив., т. LXXXIX, 418.

Чарковскій, декабристъ, т. LXXXVII, 248.

Чарнецкій, Стефанъ, гетманъ. *О немъ въ статьѣ Г. А. Воробьева:* Памятникъ Гетману Стефану Чарнецкому въ Тыковинѣ, т. LXXXIX, 196—206.

Чарторыйскій, кн. Владиславъ, т. LXXXVIII, 199, 200.

Чарыковъ, Ник. Вал. *Статья его:* Карлъ Осиповичъ Хисъ, т. LXXXIX, 422—436. *Упомят.* т. LXXXIX, 788.

Частой, Назаръ, думный дьякъ, т. LXXXIX, 782.

Чевкинъ, К. В., ген.-адъют., т. XC, 140, 142, 144, 937.

Чекіевъ, преподаватель нѣжин. гимн., т. LXXXVII, 513.

Чемерзинъ, А-ѣй Яков., членъ воен. совѣта. *Некрологъ его:* т. XC, 391—392.

Червинскій, писатель, т. LXXXVII, 507.

Черевковъ, В. Д. *Статья его:* Изъ жизни дальнаго Востока, т. LXXXVII, 93—1002; т. LXXXVIII, 650—658; т. LXXXIX, 210—228.

Череповъ, ген.-майоръ, т. LXXXIX, 877, 878, 880, 881.

Черкасскій, Мих. Алегук., бояринъ, т. XC, 635.

Черневскій, С. А., режиссеръ моск. малаго театра, т. XC, 484.

Черногубовъ, Н. Н., т. XC, 528, 530, 531.

Черниковъ, Вас., священникъ, т. LXXXIX, 805.

Чернышевскій, Ник. Гавр., писатель, т. XC, 158, 593, 594, 595.

Чернышевы:

— кн. А-дръ Ив., воен. министръ, т. LXXXVII, 230, 232, 933, 934, 949, 950; т. LXXXVIII, 437, 663; т. LXXXIX, 233, 951, 952.

— гр. Зах. Григ., ген.-фельдмаршалъ, т. LXXXIX, 150.

— О. Н., академикъ, т. LXXXVII, 746.

— д. таѣн. сов., т. LXXXIX, 947.

Чероковъ, Арк. *Библ. замѣтка П. Ц.* *о книгѣ его:* Оѣдоръ Васильевичъ Чижовъ и его связи съ Н. В. Гоголемъ.

Биографическій очеркъ по поводу 25-й

годовщины его смерти. М. 1902, т. LXXXIX, 279—280.

Чертковъ, А. Д., владѣлецъ библиотекы, т. LXXXVII, 315.

Четыркинъ, Андрей Петр., поручикъ, т. LXXXIX, 418.

Чеховъ, Ант. Павл., писатель. *Библ. замѣтка И. Ю. о книгѣ его: «Островъ Сахалинъ»*. Спб. 1902, т. LXXXIX, 1004—1005.—*Упомян.*: т. LXXXVII, 495.

Чечулинъ, Н. Д., профессоръ, томъ LXXXVII, 1185, 1186.

Чешихинъ, В. Е., писатель, томъ LXXXVIII, 275.

Чижовъ, Фед. Вас., т. LXXXIX, 279—280.

Чижъ, В. Ф., профессоръ юрьев. унив., т. LXXXVIII, 275.

Чинъ, *Библ. замѣтка его*: К. А. Ивановъ. Трубадуры, труверы и миннезенгеры. Спб. 1901, т. LXXXVII, 335—336.

Чичаговъ, т. LXXXVII, 239, 240.

Чичеринъ, *Библ. замѣтка А. Н-аго о книгѣ его*: История политическихъ ученій. М. 1902, т. XC, 743—745.

Чмыревъ, Н. А., писатель, т. XC, 482, 483.

Чолчекъ, начальникъ племени Чилькото, т. XC, 718, 719, 720.

Чудиновъ, А. Н., редакторъ «Орлов. Вѣстн.», т. LXXXVII, 139.

Чукмадинъ, Н. М. *Библ. зам.* III. *о книгѣ его*: Записки о моей жизни. М. 1902, т. LXXXIX, 274—276.

Чумиковъ, А-дръ Алек., писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXVIII, 812—813.

III.

Шабельскіе, т. LXXXIX, 396—398.

Шаликовъ, Петръ Ив., писатель, томъ LXXXVIII, 138.

Шамбинаго, С. К., археологъ, томъ LXXXVIII, 372.

Шапочкинъ, А. Н., скульпторъ, томъ LXXXVIII, 359.

Шараневичъ, Исид. Ив., писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXVII, 413.

Шаровольскій, педагогъ, т. LXXXVII, 392.

Шварце, Брониславъ, революціонеръ, т. LXXXVIII, 188, 203.

Швебъ, ген., т. LXXXVIII, 924.

Шевелевъ, А. А.; библиографъ, томъ LXXXVII, 771.

Шевичъ, Марія Христ., рожд. Бенкендорфъ, т. LXXXVII, 445, 456—458, 460—464, 467, 838, 842.

Шеччукъ, скрипачъ, томъ LXXXIX, 400—402.

Шевыревъ, Степ. Петр., писатель, т. LXXXVII, 312.

Шелгуновы:

— Людм. Петр., переводчица. *Некрологъ ея*: т. LXXXVII, 413—414.

— Ник. Вас., писатель, т. LXXXVII, 507—508; т. XC, 134—136.

Шеллеръ (Михайловъ), А-дръ Конст., писатель, т. LXXXVII, 133—135; томъ LXXXVIII, 552.

Шелудякъ, Фед., атаманъ, т. LXXXIX, 795.

Шенрокъ, В. И. *Замѣтка его*: По поводу двухъ писемъ Гоголя, т. LXXXVIII, 397—398. *Библ. замѣтка П. Щеголева объ изд. подъ его ред. книгъ*: Письма Н. В. Гоголя, Спб. 1902, т. LXXXVII, 686—688; *Упомян.*: т. LXXXVII, 515, 579, 598, 599, 645, 650, 680, 682; томъ LXXXVIII, 244, 245, 247, 262, 266, 279.

Шервудъ, В. В., скульпторъ, томъ LXXXVIII, 359.

Шереметевы:

— Бор. Петр., ген.-фельдмаршалъ, т. LXXXVII, 73, 76, 80.

— Ник. Петр., дѣйств. таин. совѣтн., т. LXXXIX, 562.

— гр. Пав. Сер., археологъ. *Библ. замѣтка М. о книгѣ его*: Зимняя поѣздка въ Вѣлозерскій край. М. 1902, т. LXXXIX, 263—264. *Упомян.*: томъ LXXXVIII, 1146.

— гр. С. Д., археологъ, т. LXXXIX, 342, 343, 1046, 1047.

— ген.-майоръ, т. LXXXIX, 942, 943.

Шеряваль, т. LXXXVII, 458, 464, 466, 467, 468.

Шестаковъ, I. *Статья его*: Пермьяки-инородцы, т. LXXXIX, 544—553.—*Упомян.*, т. LXXXVII, 399, 400.

Шефферъ, нѣмецк. писатель, т. XC, 773, 774.

Ши-Гоангъ-Ти, китайскій императоръ. *Замѣтка о немъ*: Основатель китайской великой стѣны, т. LXXXIX, 296—300.

Шидловскій, М. Р., тульскій губернаторъ. *О немъ въ статьѣ И. М. М.*: М. Е. Салтыковъ въ Тулѣ, т. LXXXVII, 158—180.

Шильдеръ:

— Карл. Андр., ген.-инженеръ, т. LXXXVIII, 659, 660.

— Ник. Карл., историкъ. *Некрологъ его*: т. LXXXVIII, 659—664.—*Упомян.*: т. LXXXVII, 230; т. LXXXVIII, 1156—1157; т. LXXXIX, 330; т. XC, 88, 89.

Шиманскій, Веніаминъ, епископъ, т. LXXXVIII, 195.

Шингулинскій, Пав. Дм., профессоръ мед.-хир. акад., т. LXXXVII, 929—936, 948.

Ширинскій-Шихматовъ, т. LXXXIX, 833, 845; т. XC, 138.

- Шираевъ**, Леонт., священникъ, т. LXXXIX, 418.
- Шмидтъ**, Варлаамъ, могилев. архіепископъ, т. LXXXIX, 405, 409.
- Шипкинъ**, Ник. Павл., членъ госуд. сов. *Некрологъ его*: т. XC, 1207—1208.
- Шинковъ**, т. LXXXIX, 833.
- Шлегель**, Ив. Богд., президентъ мед.-хир. акад., т. LXXXVII, 926—927, 947.
- Шляпкинъ**, Ил. А-др., профессоръ слб. унив. *Замѣтка его къ статьѣ П. К—аю*, т. LXXXVIII, 814.—*Упомин.*: т. LXXXVII, 769; т. LXXXVIII, 253.
- Шмидтъ**, П. Ю., зоологъ, т. LXXXVII, 775; т. LXXXVIII, 800.
- Шмурло**, Е. Ф., т. LXXXVII, 1181, 1182.
- Шокальскій**, Ю. М., т. LXXXVIII, 798.
- Щенбергъ**, Николай, капуан. кардиналъ, т. XC, 695.
- Штакеншнейдеръ**, Андрей Ив., архитекторъ-художникъ. *Статья о немъ А. П. Эйсмера*: А. П. Штакеншнейдеръ, т. LXXXIX, 146—157.
- Штейнфельдъ**, Пав. Кап., горн. инженеръ. *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 1045—1046.
- Фонъ-Штейнъ**, С. В. *Статья его*: Грядущія судьбы челоѣчества, т. LXXXVIII, 1051—1063.—*Библ. замѣтки его*: 1) Марія Фришмутъ. Критическія очерки и статьи.—Типъ Фауста въ мировой литературѣ.—Леонть де-Лиль.—О женскомъ образованіи.—Еще о Гамлетѣ.—Сказка.—Перев. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 1096—1099. 2) Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества. Ежемѣсячный журналъ (№ 1 и 2). Октябрь и Ноябрь 1902 г. Спб., т. XC, 1172—1173. *Упомин.*: т. XC, 1200.
- Штекель**, бар. Эд., русс. посланникъ въ Вашингтонѣ, т. XC, 713, 714.
- Штедлингъ**, Як., академикъ, т. LXXXIX, 555—557, 792.
- Штукенбергъ**, А. А., профессоръ казан. унив., т. LXXXVIII, 1146—1147.
- Штюрмеръ**, ген.-майоръ, т. XC, 578.
- Шуазель**, герцогъ, министръ Людовика XV, *Замѣтка о немъ*: Герцогъ Шуазель и его жена, т. XC, 1189—1190.
- Шубертъ**, Фр. Ад. *Библ. замѣтка А. Сиротинича о книгѣ его*: «Z uplnuluch dob S. I. Moje divadelni toulky-V Praze. 1902, т. XC, 339—340.
- Шубинскій**, Сергій Ник., редакторъ «Ист. Вѣстн.» *Библ. замѣтки его*: (подп.: С. III.): 1) И. Божеряновъ. Невскій просп. 1703 — 1903. Культурно-историческій очеркъ жизни Петербурга за два вѣка. Юбилейное изданіе А. И. Вильборга, т. I. Выпускъ I. Спб. 1902, т. LXXXVII, 330—331. 2) Сборникъ императорскаго историческаго общества. Т. III. Бумаги кабинета министровъ императрицы Анны Ивановны. Спб. 1901, т. LXXXVII, 343—344. 3) Описание документовъ и дѣлъ хранящихся въ архивѣ свѣтѣйшаго правительствующаго синода. Т. X. (1730 г.). Спб. 1901, т. LXXXVII, 362. 4) Архивъ графовъ Мордвиновыхъ, 2 тома. Спб. 1902, т. LXXXVII, 705—707. 5) Художественныя сокровища Россіи. Ежемѣсячный, иллюстрированный сборникъ, издаваемый имп. обществомъ поощренія художествъ, подъ ред. А. Бенуа. Вып. I. Спб. 1902, т. LXXXVII, 1125—1127. 6) Русскій біографическій словарь Павелъ — Петръ. Изд. подъ наблюден. председателя имп. русскаго истор. общества А. А. Половцева. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 296—298. 7) Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина. Десятая часть. М. 1902, т. LXXXVIII, 311—312. 8) Луи-де-Сентъ-Обень. Тридцать девять портретовъ 1808 — 1815 г. Изд. великаго князя Николая Михайловича. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 723 — 724. 9) Художественныя сокровища Россіи. Ежемѣсячный сборникъ, издаваемый императорскимъ обществомъ поощренія художествъ. Вып. II. 1902, т. LXXXVIII, 735. 10) Морской кадетскій корпусъ. Краткій историческій очеркъ съ иллюстраціями. Сост. ген.-майоръ А. Кротковъ. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 739. 11) Отчетъ Моск. Публичн. и Румянцевск. музеевъ—за 1901 г. М. 1902, т. LXXXVIII, 1078—1079. 12) Е. С. Шумигорскій. Екатерина Ивановна Нелидова. Очеркъ изъ исторіи императора Павла. Изд. II исправленное и дополн. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 1084. 13) И. Божеряновъ. Невскій просп. 1703 — 1903. Культурно-историческій очеркъ жизни Петербурга за два вѣка—XVIII и XIX. Юбилейное изд. А. И. Вильборга. Т. I. Вып. II. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 1089 — 1090.—*Упомин.*: т. LXXXVII, 1088; т. LXXXVIII, 552, 557, 558, 560—562, 564, 566, 567—579, 992.
- Шуваловы**
— гр. А-дръ Ив., ген.-фельдцейхмейстеръ, т. XC, 885.
— гр. Пав. Петр., ген.-майоръ. *Некрологъ его*: т. XC, 1208—1209.
— гр. Петръ Андр., шефъ жандармовъ, т. LXXXVIII, 921—923, 925, 929; т. XC, 937.
- Шульгинъ**, Ник. Ив., писатель, т. XC, 513.
- Шульць**, ген. *О немъ въ статьѣ Г. К. Грядовскаго*; Генераль Шульць и Лермонтовъ, т. XC, 475—478.

Шумегорскій, Евг. Сав., историкъ. *Статья его*: Культурныя кладбища. т. XC, 601—606.—*Библи. замѣтка С. Ш. о книгѣ его*: Екатерина Ивановна Нелидова. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 1084.—*Упомян.*: т. LXXXVIII, 785.

Шумскій, Сергѣй Вас., артистъ, т. XC, 507, 508, 509.

Шустова, С. Ив., начальница школы патриот. общ. *О ней въ статьѣ А. Э. Малмырена*: Къ біографіи П. А. Оедотова, т. XC, 1114—1116.

Щ.

Щ. *Библи. замѣтки его*: 1) Сочиненія императрицы Екатерины II на основаніи подлинныхъ рукописей съ объяснительными примѣчаніями академика А. Н. Пынина. Изд. императорской академіи наукъ. Тома VII—X. Спб. 1901, томъ LXXXVIII, 724—725; 2) О. Д. Батюшковъ. Критическіе очерки и замѣтки о современникахъ. Ч. II. Спб., 1902-й М. О. Меньшиковъ. Критическіе очерки. Т. II. Спб. 1902, т. LXXXIX, 264—266. 3) П. М. Чукмалдинъ. Записка о моеи жизни. Изд. Сергѣя Шарапова. М. 1902, томъ LXXXIX, 274—276; 4) Альбертъ Родъ Гауптманъ и Нитцше. Къ объясненію «Потонувшего волокола». Пер. съ нѣм. Вс. Мейерхольда и А. Ремизова. М. 1902, т. LXXXIX, 293; 5) А. В. Семека. Русскіе розенкрейцеры и сочиненія императрицы Екатерины II противъ масонства. Спб. 1902, т. LXXXIX, 618—619; 6) Мих. Ник. Капустинъ и его письма къ А. А. Борзенко. Спб. 1902, т. LXXXIX, 620—621; 7) Заря. Русско-славянскій сборникъ. Вып. I. Книгоизд. «Русско-славянское дѣло». М. 1902, г. LXXXIX, 621—622; 8) А. С. Лебедевъ. Бѣлогородскіе архіереи и среда изъ архипастырской дѣятельности (по архивнымъ документамъ). Харьковъ. 1902, т. XC, 752—754; 9) Рейнгардъ Н. Я., Н. И. Михайловскій и его труды, (по поводу 40-лѣтія его литер. дѣятельности). Казань. 1902, т. XC. 756—757; 10) Отчетъ о состояніи учебныхъ заведеній кавказскаго учебнаго округа за 1901 г. Тифлисъ. 1902, т. XC, 767; 11) Труды—«Общества изслѣдователей Волыни». Т. I-й съ 11 литогр. Житомиръ. 1902, т. XC, 771—772; 12) Воронежская старина. Вып. I. Изд. Воронеж. церковн. историко-археологическаго комитета. Воронежъ. 1902, т. XC, 1153—1154.

Щебальскій, Петръ Карл., историкъ, т. LXXXVII, 66; т. LXXXIX, 816.

Щегловъ, Дм. Оед., педагогъ. *Некрологъ его*: т. LXXXVII, 1211.

Щеголевъ, П. Е. *Статги его*: 1) Изъ школьныхъ дѣлъ Н. В. Гоголя. томъ LXXXVII, 509—547; 2) Отецъ Гоголя, т. LXXXVII, 655—666; 3) Къ біографіи П. А. Кулиша. т. LXXXIX, 243—247; 4) Памяти Н. А. Некрасова, т. XC, 1091—1113. *Библи. замѣтка его*: Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока, въ четырехъ томахъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1902, т. LXXXVII, 686—688. *Другія библи. замѣтки его* см. на П. Щ. и Щ.

Щедрина, Варв. Ив., сестра милосердія крестовоздвиж. общины, т. LXXXIX, 702, 703, 710, 714, 728, 729.

Щепкинъ, Мих. Сем., артистъ, томъ LXXXVII, 588, 589; т. XC, 508.

Щербатовы:

— кн. М. М., т. LXXXVII, 769, 770.

— кн., председатель спб. цензурн. комит., т. XC, 143.

Щербина, И. Н. *Статья его*: Четыре «Мученика», т. LXXXVIII, 454—485.

Щеченковъ, Сер. Тим., т. LXXXIX, 418.

Щаровскій, Василій, священникъ, т. LXXXIX, 410, 413.

Э.

Эберманъ, А-дръ Леон., д-ръ медіц. *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 342.

Эвальдъ, А. В. *Статья его*: Воспоминанія, т. XC, 454—474, 941—974.

Эварницкій, Д. И. *Статья его*: Преображенская церковь въ м. Большихъ Сорочинцахъ, Полтавской губерніи, гдѣ крестилъ Н. В. Гоголя, т. LXXXVII, 657—678.

Эдвардъ, лейтенантъ, т. LXXXVII, 1066, 1067, 1074.

Эдуардъ VII, англійскій король. *Статья о немъ В. Т.*: Англійскій король Эдуардъ VII, Біографическій очеркъ, т. LXXXIX, 569—602, 960—991.

Эйснеръ, А. П. *Статья его*: Андрей Ивановичъ Штакеншнейдеръ. т. LXXXIX, 146—157.

Эллисъ, Ник. Вен., ген.-отъ-инф. *Некрологъ его*: т. XC, 1209.

Элькинды, А. Д., антропологъ, т. XC, 1195.

Энгельгардты:

— Вас. Вас., ген.-поручикъ, томъ LXXXVIII, 286.

— Н. А. *Статги его*: Гоголь и романы двадцатыхъ годовъ, т. LXXXVII, 561—580. 2) Цензура въ эпоху великихъ реформъ, т. LXXXIX, 830—853; т. XC, 133—158, 575—600, 1015—1043. *Библи. замѣтка Г. Т. С. о книгѣ его*: Исторія русской литературы XIX т.

1800 — 1850. Спб. 1902, т. LXXXVIII, 301—306.

Эрастовъ, Вас., протоіерей, томъ LXXXVII, 257, 260.

Эрманъ, нѣмецк. писатель, т. LXXXIX, 623—625.

Эриштедтъ, Вик. Кар., профессоръ спб. унив. *Некрологъ его*: т. XC, 392.

Эртель, Л. Н., т. LXXXVIII, 868.

Эсмонтъ, Сем. Дав., т. LXXXIX, 418.
Эхъ Махди, глава мусульманской секты сенусситовъ. *Некрологъ его*: т. XC, 361, 362.

Ю.

Ювачевъ, И. П. *Статья его*: Паломничество въ Палестину, т. LXXXVIII, 962—977; LXXXIX, 165—195, 504—543, 884—923; т. XC, 209 — 250, 647—682, 1044—1066.

Юдины:

— П. Л. *Статьи его*: 1) Еврейскій погромъ въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1884 г., т. LXXXVIII, 486—501. 2) На могилѣ П. И. Якушкина, т. LXXXIX, 563—568.

— Сид. Кирс., атаманъ донск. войска, LXXXIX, 876, 879, 880.

Юзовъ, I., псевд. писателя Ос. Ив. Каблица, т. LXXXVII, 507—508, 882—888, 890.

Юйнингенъ, т. XC, 685.

Юлій II, римскій папа. *Замѣтка о немъ*: Папа Юлій II, т. LXXXVIII, 340—344.

Юркевичъ, П. И., т. XC, 513.

Юрьевъ, Сергѣй Андр., писатель, т. XC, 485, 486, 487, 490, 491, 492, 501, 502.

Юрьинъ, Н. *Библ. замѣтка его*: В. М. Грибовскій. Въ годы юности. Повѣсти и рассказы. Спб. 1902, т. LXXXVII, 707—708.

Юстиніанъ, визант. императоръ. *О немъ въ замѣткѣ*: Юстиніанъ и византійская цивилизація въ VI вѣкѣ, т. LXXXVII, 364, 365. *Упомянутъ*: т. LXXXVII, 1151—1154.

Юшневскій, А-ѣй Петр., декабристъ, т. LXXXVII, 245, 249.

Я.

Яблоновскій, кн., декабристъ, томъ LXXXVII, 248.

Ягужинскій, ген.-прокуроръ, томъ LXXXVII, 84.

Языковы:

— Дм. Дм., библиографъ. *Статья его*: «Первинка» графа Л. Н., Толстого, т. LXXXIX, 854—858. *Упомянутъ*: томъ LXXXVIII, 280.

— Ив. Макс., бояринъ, т. LXXXIX, 812, 813, 814, 815.

Якимовы:

— В. Л. *Статьи его*: Многочность «Мермонтовскихъ мѣстъ» въ Пятигорскѣ, т. LXXXVII, 255—260. 2) В. В. Крестовскій въ Нахичевани, т. LXXXVII, 951—954. 3) Мірская печальница, т. XC, 75—86. *Библ. замѣтки его*: 1) А Барановъ. Въ защиту несчастныхъ женщинъ. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушниковъ. М. 1902, т. LXXXVII, 19—721. 2) М. Ю. Лахтинъ, приватъ-доц. Краткій біографическій словарь знаменитыхъ врачей всѣхъ временъ. Изд. «Медицинскаго Журнала». Спб. 1902, т. LXXXVIII, 329—330. *Упомянутъ*: т. LXXXVII, 1212—1213.

— Конст. Вас., членъ сов. мин. внутр. дѣлъ. *Некрологъ его*: т. XC, 1210.

Якобій, Вал. Ив., профессоръ живописи. *Некрологъ его*: т. LXXXVIII, 1155—1166.

Якоби, Ник. Бор., юристъ. *Некрологъ его*: т. LXXXVIII, 813.

Яковлевъ, И. В., археологъ, т. LXXXVII, 1196.

Якубовичъ, А—дръ Ив., декабристъ, т. LXXXVII, 247, 250.

Якушкины:

— Ив. Дм., декабристъ, т. LXXXVII, 246, 249.

— Пав. Ив., писатель. *О немъ въ статьѣ П. Л. Юдина*: На могилѣ П. И. Якушкина, т. LXXXIX, 563—568. — *Упомянутъ*: т. XC, 156, 593.

Яненко, Павелъ, казакъ, т. LXXXIX, 790.

Янковскій, верхнеудин. исправникъ. *О немъ въ статьѣ П. П. Баскина*: Изъ прошлаго Сибири, т. XC, 532—574.

Яновскій, Кар. Петр., попечитель казан. учебн. округа. *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 662—664.

Яновъ, Ив., войск. дьякъ, т. LXXXIX, 876.

Янушъ, князь мазовецкій, т. LXXXIX, 196.

Янъ Казиміръ, польскій король, т. LXXXIX, 198, 203, 204; т. XC, 686.

Янъ Ольбрахтъ, король, т. XC, 685, 700.

Янышевъ, I. А., протопресвитеръ, т. XC, 129, 130.

Ярославцевъ, Вас. Матв, тит. сов., т. LXXXIX, 406, 417, 418.

Яропинскій, Людовикъ. *О немъ въ статьѣ I. Кучинскаго*: Исторія шести мѣсяцевъ (іюль—декабрь 1862 г.), т. LXXXVII, 1035—1061.

Ясновскій, Ѳед. Ив., профессоръ живописи. *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 664.

Яцмирскій, А. Я., археологъ, т. LXXXVII, 1184, 1185.

Яцковскій, Ностицъ, т. LXXXVIII, 198.

Θ.

Θедоровы:

— Иванъ, первопечатникъ. *Замѣтки:* о памятникѣ ему, LXXXVII, 773; о присужденіи премій за проектъ памятника, т. LXXXVIII, 780—781. *Упомян.*: т. LXXXVIII, 1142, 1143.

— (Соловцовъ), Ник. Ник., актеръ. *Некрологъ его:* т. LXXXVII, 797.

— Пав. Степ., т. XC, 509, 510.

Θедотовы:

— А—дръ Фил., артистъ моск. малаго театра, т. XC, 491, 505.

— Глик. Ник., артистка, т. XC, 488, 497, 502.

— Пав. Андр., художникъ. *Статьи о немъ А. Э. Мальмгрена:* Къ биографіи П. А. Θедотова, т. XC, 1114—1116.

Θеодора, визант. императрица. *Замѣтка о ней:* Θеодора, т. LXXXVII, 1150—1154.

Θеодоръ Алексѣевичъ, царь, т. LXXXIX, 794, 798, 799, 800, 801, 807, 808, 810—814, 816, 817; т. XC, 627.

Θеодотій (Озеровъ), симбир. архіепископъ, т. LXXXIX, 462.

Θеоктистовъ, начальникъ гл. упр. по дѣл. печати, т. XC, 586.

Θеофилактъ (Русановъ), рязан. архіепископъ, т. LXXXIX, 408, 409, 413 414; т. XC, 260.

УКАЗАТЕЛЬ

ГРАВИЮРЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1902 г.

Портреты:

Анненкова, Вѣра Ивановна, т. XC, октябрь. (На отдѣльномъ листѣ).

Вартецевъ, Петръ Ивановичъ, т. LXXXVII, январь, стр. 313.

Воде, баронесса, т. LXXXIX, ноябрь. (На отдѣльномъ листѣ).

Гоголь, Николай Васильевичъ:

- Портретъ рисованный съ натуры актеромъ П. А. Каратыгинымъ, въ 1835 году. т. LXXXVII, февраль. (На отдѣльномъ листѣ).
- Съ гравюры Иордана, сдѣланной съ портрета, писаннаго Моллеромъ въ 1841 году, т. LXXXVII, февраль. (На отдѣльномъ листѣ).
- Въ бытность его въ гимназiи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ. По наброску одного изъ нѣжинскихъ товарищей. Изъ № 15 «Иллюстраціи», издававшейся въ 1846 году Н. В. Лукольниковомъ, т. LXXXVII, февраль. (На отдѣльномъ листѣ).
- Портретъ, приложенный къ московскому сборнику, изданному С. Т. Аксаковымъ въ 1852 году, т. LXXXVII, февраль. (На отдѣльномъ листѣ).
- Портретъ, рисованный карандашомъ съ натуры, извѣстнымъ художникомъ А. А. Ивановымъ, въ Римѣ, т. LXXXVII, февраль. (На отдѣльномъ листѣ).

Екатерина I, императрица..

- Съ неизданнаго рисунка художника Рибо (1717 г.), принадлежащаго П. Я. Дашкову. т. LXXXVII, январь. (На отдѣльномъ листѣ).
- Съ портрета масляными красками, находящагося въ музеѣ П. И. Щукина. т. LXXXVII, январь. (На отдѣльномъ листѣ).

Ефремова, Меланья Карповна, т. LXXXIX, 875.

Ефремовъ, Степанъ Даниловичъ, атаманъ, т. LXXXIX, 873.

- Жуковский, Василий Андреевич.** Съ литографіи Мейера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Крюгеромъ. т. LXXXVIII, апрѣль. (На отдѣльномъ листѣ).
- Лисовскій, Николай Михайлович,** т. XC, 1119.
- Лѣсковъ, Николай Семеновичъ,** т. LXXXVIII, май. (На отдѣльномъ листѣ).
- Матвѣевъ, Артамонъ Сергѣевичъ,** бояринъ. (Съ гравированнаго портрета, приложеннаго къ его жизнеописанію, изд. въ 1776 году), т. LXXXIX, 786.
- Морозова, боярыня.** (Съ картины Сурикова), т. XC, 165.
- Некрасовъ, Николай Алексѣевичъ,** т. XC, декабрь. (На отдѣльномъ листѣ).
- Неустровъ, Александръ Николаевичъ,** т. LXXXVIII, 985.
- Орловъ-Чесменскій, графъ,** у постели больной дочери. (Съ портрета, находящагося въ музеѣ П. И. Щукина, въ Москвѣ, т. XC, ноябрь. (На отдѣльномъ листѣ).
- Острогорскій, Викторъ Петровичъ,** т. LXXXVIII, июнь. (На отдѣльномъ листѣ).
- Паткуль, Александръ Владиміровичъ,** т. LXXXIX, августъ. (На отдѣльномъ листѣ).
- Паткуль, Марія Александровна,** т. LXXXIX, сентябрь. (На отдѣльномъ листѣ).
- Успенскій, Глѣбъ Нвановичъ,** т. LXXXVIII, 689.
- Хвостова, Александра Петровна.** Съ рѣдкаго гравированнаго портрета начала прошлаго столѣтія, т. LXXXVII, мартъ. (На отдѣльномъ листѣ).
- Хисъ, Карлъ Осиповичъ,** т. LXXXIX, 425.
- Черкасова М. А.** со своею школою въ Бейрутѣ, т. LXXXIX, 177.
- Шильдеръ, Николай Карловичъ,** т. LXXXVIII, 661.
- Штакенштейндеръ, Андрей Ивановичъ,** т. LXXXIX, 149.
- Шустова, С. Ив.,** т. XC, 1115.

Виды городовъ, мѣстностей, зданій и памятниковъ.

- Айнъ-Каримъ.** Русское мѣсто въ Горней, т. XC, 677.
- Вахуръ-Лугъ.** Мертвое море, т. XC, 659.
- Вейрутъ:**
— Видъ Бейрута съ юго-западной стороны, т. LXXXIX, 175.
- Васильевка, село:**
— Старый деревенскій домъ въ селѣ Васильевкѣ, Полтавской губ., въ послѣдствіи сломанный, въ которомъ Гоголь провелъ дѣтскіе годы, т. LXXXVII, февраль. (На отдѣльномъ листѣ).
- Виванія:**
— Входъ въ гробницу Лазаря, близъ Виваніи, т. XC, 219.
- Вилеємъ:**
— Видъ города (Ветъ-Лакмъ), т. XC, 665.
- Геленджикъ:**
— Общій видъ Геленджика, т. LXXXIX, 489.
— «Плахъ» и дача въ Геленджикѣ, т. LXXXIX, 491.
— Цементный заводъ въ Геленджикѣ, т. LXXXIX, 493.
— Церковь въ Архипоосиповкѣ, т. LXXXIX, 497.
— Цементная гора, т. LXXXIX, 499.
- Геосиманія:**
— Входъ въ погребальную пещеру Божіей Матери въ Геосиманіи, т. XC, 213.
— Масляничное дерево въ Геосиманскомъ саду, т. XC, 233.
- Джебелъ-Каранталъ:**
— Монастырь на сорокодневной горѣ, т. XC, 653.
- Джедда:**
— Городъ Джедда, т. LXXXVIII, 621.
— Русское и французское консульство въ Джеддѣ, т. LXXXVIII, 623.
— Улица въ Джеддѣ, т. LXXXVIII, 625.
— Паломническіе дома въ Джеддѣ, т. LXXXVIII, 633.
— Гражданская больница въ Джеддѣ, т. LXXXVIII, 635.

Елабуга:

— Чортово городище близъ г. Елабуги, т. LXXXVIII, 208.

Елеонская гора:

— Русская церковь на Елеонской горѣ, построенная архимандритомъ Анто-
ниномъ, т. XC, 217.

Ель-Мина:

— Женская школа въ Ель-Минѣ, т. LXXXIX, 169.

Иерусалимъ:

— Видъ Иерусалима съ сѣверной стороны, т. LXXXIX, 913.
— Куполы храма Господня съ юго-восточной стороны, т. LXXXIX, 509.
— Входъ въ храмъ Гроба Господня, т. LXXXIX, 511.
— Придѣлъ ангела въ кувуклій Гроба Господня, т. LXXXIX, 513.
— Гробъ Господень, т. LXXXIX, 517.
— Мѣсто водруженія Креста Господня на Голгофѣ, т. LXXXIX, 521.
— Мечеть Омара (Куббетъ-есъ-Сахра), т. LXXXIX, 525.
— Священная скала внутри мечети Омара, т. LXXXIX, 529.
— Елеонская гора и Иосафатова долина, т. LXXXIX, 555.
— Общій видъ русскихъ подворій и Троицкаго собора въ Иерусалимѣ,
т. XC, 225.
— Столовая на русскихъ постройкахъ въ Иерусалимѣ, т. XC, 227.
— Русскіе паломники въ общей палатѣ въ Иерусалимѣ, т. XC, 229.
— Стѣна плача іудеевъ въ Иерусалимѣ, т. XC, 235.

Иорданъ, рѣка, т. XC, 657.

Казанскій уѣздъ:

— Видъ водоема, устроеннаго въ с. Ключахъ, т. LXXXVII, 273.
— Расчистка ключа съ устройствомъ водоема въ д. Кудурлѣ, т. LXXXVII, 277.

Копысь:

— Домикъ Петра Великаго въ Копыси, т. XC, 1079.

Ляличи, село:

— Главный домъ и часть флигелей въ имѣніи Ляличи, т. LXXXVII,
январь, стр. 297.

Мукденъ:

— Входная бѣлая мраморная арка, т. LXXXVIII, 602.
— Священная площадь и павильонъ Долголѣтія, т. LXXXVIII, 605.
— Входъ во внутреннюю ограду, т. LXXXVIII, 607.
— Усыпальница души богдыхана, т. LXXXVIII, 609.
— Курганъ надъ императорской могилой, т. LXXXVIII, 611.

Могялевъ:

— Видъ города, т. XC, 1071.
— Богоявленскій Братскій монастырь въ Могилевѣ, т. XC, 1073.
— Кафедральный соборъ въ Могилевѣ, т. XC, 1075.
— Внутренность кафедральнаго собора въ Могилевѣ, т. XC, 1077.

Мстиславъ:

— Зеленая гора въ Мстиславѣ, т. XC, 1083.
— Дѣвичья гора въ Мстиславѣ, т. XC, 1085.
— Тупилевскій женскій монастырь въ Мстиславѣ, т. XC, 1087.

Назаретъ:

— Православная церковь Благовѣщенія въ Назаретѣ, т. LXXXIX, 893.

Новый Афонъ:

— Видъ монастыря съ моря, т. LXXXVIII, 213.
— Церковь св. Симона Канонита, т. LXXXVIII, 215.
— Верхній соборъ, т. LXXXVIII, 222.
— Водопадъ близъ пещеры св. Симона, т. LXXXVIII, 217.
— Озеро за водопадомъ и церковь св. апостола Симона, т. LXXXVIII, 219.
— Кипарисовая аллея къ водопаду, т. LXXXVIII, 221.

Орша:

— Видъ города, XC, 1069.

Перекомо (близъ Новгорода):

- Перекомскій монастырь, т. LXXXVIII, 1032.
- Богоявленскій соборъ въ Перекомскомъ монастырѣ, т. LXXXVIII, 1034.
- Часовня въ Перекомскомъ монастырѣ, т. LXXXVIII, 1035.
- Настоятельскія кельи въ Перекомскомъ монастырѣ, т. LXXXVIII, 1037.

Путивльскій Молченскій монастырь:

т. LXXXVII, 1007.

Сенгилевскій уѣздъ (Симб. губ.):

- Освященіе моста черезъ р. Чечеру, въ с. Порѣчкомъ, т. LXXXVII, 271.
- Видъ дамбы, устроенной для предупрежденія разлива р. Усы, т. LXXXVII, 269.
- Внутренній видъ яслей въ с. Мордовѣ, т. LXXXVII, 281.
- Видъ часовни, сооруженной крестьянами с. Малан Борда, т. LXXXVII, 285.

Сихемъ:

- Колодезь Іакова (или самарянки) близъ Сихема, т. LXXXIX, 897.

Сорочинцы, мѣст.:

- Церковь Преображенія, гдѣ крестили Гоголи, т. LXXXVII, 671.
- Престоль Преображенской церкви, т. LXXXVII, 673.

Спасскій уѣздъ (Казан. губ.):

- Работы на оврагѣ Раткунѣ. (Перспектива спрямленнаго русла), т. LXXXVII, 265.
- Укрѣпленіе песковъ близъ с. Кокриши, т. LXXXVII, 267.

Тиверіада:

- Видъ города Тиверіады (Табарія), т. LXXXIX, 887.

Торнь:

- Ратуша, т. XC, 687.
- Памятникъ Копернику, т. XC, 689.
- Костель св. Яна, т. XC, 693.
- Костель Пресвятой Дѣвы, т. XC, 697.
- Костель св. Іакова, т. XC, 699.

Тыкоцинь:

- Памятникъ гетману Стефану Чарнецкому въ Тыкоцинѣ, т. LXXXIX, 201.

Ханъ-аль-ахмаръ:

- Гостинница «Доброго самарянина», т. XC, 651.

Шкловъ:

- Древняя ратуша въ Шкловѣ, т. XC, 1081.

Шумовка, село Симб. губ. и уѣзда:

- Ясли въ с. Шумовѣ. Площадка для игръ, т. LXXXVII, 283.

Яффа:

- Яффскій рейдъ и гряда камней, т. LXXXIX, 181.
- Русское мѣсто близъ Яффы, т. LXXXIX, 185.

Разные рисунки:

Дарохранительница временъ Лжедмитрія, т. LXXXVII, 1013.

Образъ Жировицкой Божіей Матери, полученный Лжедмитріемъ I отъ своего тестя, сандомирскаго воеводы Мнишка, хранящійся въ Молченскомъ монастырѣ, т. LXXXVII, 1015.

Кресло Лжедмитрія I, на которомъ онъ, по преданію, давалъ аудіенціи, т. LXXXVII, 1011.

Рѣзная изъ дерева статуэтка Христа, передъ которой молился Лжедмитрій I, т. LXXXVII, 1009.

- Гербъ Давіила Апостола, т. LXXXVII, 677.
 Образъ пророка Давіила, т. LXXXVII, 675.
 Воднось (въ г. Джеддѣ), т. LXXXVIII, 530.
 Дольмены на Кавказѣ, т. LXXXIX, 925—927.
 Карантинъ на островѣ Абу-Саадъ, т. LXXXVIII, 637.
 Кедръ ливанскіе, т. LXXXIX, 171.
 Купецъ—арабъ (въ г. Джеддѣ), т. LXXXVIII, 627.
 Продавецъ сѣна (въ г. Джеддѣ), т. LXXXVIII, 631.
 Паломники на пароходѣ (въ г. Джеддѣ), т. LXXXVIII, 619.
 Разборъ багажа паломниками въ Іерусалимѣ, т. LXXXIX, 189.
 Рыбаки на Таверіадскомъ озерѣ, т. LXXXIX, 889.
 Возвращеніе каравана паломниковъ въ Іерусалимъ, т. LXXXIX, 891.
 Караванъ паломниковъ передъ отправленіемъ изъ Іерусалима, т. LXXXIX, 905.
 Привалъ каравана паломниковъ, т. LXXXIX, 901.
 Праздничный обѣдъ паломниковъ въ подворьѣ Палестинскаго общества, т. XC,
 673.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, МОСКВА, ХАРЬКОВЪ, ОДЕССА и САРАТОВЪ)

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО.

Четвертое изданіе, дополненное и исправленное,

съ 80 портретами и иллюстраціями.

Настоящее четвертое изданіе историческихъ очерковъ и рассказовъ С. Н. Шубинскаго существенно отличается отъ первыхъ трехъ (первое изданіе напечатано въ 1869 году, второе въ 1871 году и третье въ 1893 году). Въ него включены **двѣнадцать новыхъ статей**, а прежнія тщательно пересмотрѣны. Кромѣ того, число портретовъ и рисунковъ увеличено до 80 (вмѣсто 56 третьяго изданія); всѣ они воспроизведены, большею частью, съ рѣдкихъ оригиналовъ.

Книга заключаетъ въ себѣ 570 страницъ убористаго шрифта; кромѣ того, къ ней приложенъ «Указатель личныхъ именъ».

ЦѢНА 3 рубля 50 коп.

СОДЕРЖАНИЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году.—Петръ Великій въ Делфтѣ.—Двухсотлѣтіе Заандамскаго домика.—Вѣнценосный хирургъ.—Императорскій титулъ.—Первые балы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтніе Петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.—Свадьба карликовъ.—Московскій макаррадъ 1722 года.—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Первый петербургскій генераль-полицеймейстеръ.—Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны.—Березовскіе ссыльные.—Дочь Бирона.—Убіиство Синклера.—Холмогорская старина.—Императрица Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Исторія мѣднаго всадника.—Тульскій хлѣбъ и калужское тѣсто.—Столѣтіе кочины князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Русскіе помѣщикъ XVIII столѣтія.—Русскій чудакъ XVIII столѣтія.—Вельможа Екатериинскаго времени.—Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ.—Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.—Жена Суворова.—Пѣвица Габріелли.—Аристократка Александровскаго времени.—Молодость графа Аракчеева.—Сынъ Аракчеева.—Подпоручикъ Федосѣвъ.—Семейное преданіе.—Забытый филантропъ.—Послѣдній графъ Головкинъ.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Дуэль Новосильцова съ Черновымъ.—Кирьяново, дача княгини Дашковой.—Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году.—Миниодъ завѣщаніе Петра Великаго.—Кладбищенская литература.

Дозвол. цена. 26 ноября 1902 г. С.-Петербургъ. Тип. А. С. Суворина, Эртелевъ, 13.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовья и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки. пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪТРЕЛѢВЪ ПЕР., 13

